НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
1882
ИЗДАВАЕМЫЙ
А.Ф МАРКСОМЪ
Годъ тринадцатый.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 3 Іюля 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ІЮЛЬ 1882 г. съ 25 рис. и отдѣльн. листъ съ 22 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 23 рис. русскаго вышиванія.

Гр. В. А. Соллогубъ.

Сего 5-го іюня въ Гомбургѣ на минеральныхъ водахъ скончался одинъ изъ весьма талантливыхъ и пользовавшихся въ свое время большою и заслуженною извѣстностью, маститый писатель графъ Владиміръ Александровичъ Соллогубъ. Главное произведеніе его, неразрывно связанное съ его именемъ и отличающееся большими достоинствами и роскошно въ свое время изданное съ прекрасными рисунками, это „Тарантасъ“. Знаніе Россіи, тонкій юморъ, большая наблюдательность и живость, множество типичныхъ сценъ отличали эту книгу. Въ послѣднее время, не смотря на тяжкіе недуги, графъ В. А. занимался новымъ обширнымъ произведеніемъ, романомъ, изъ котораго пишущему эти строки привелось читать большія выдержки и всѣ эти мѣста отличались такими замѣтными достоинствами, что очень жаль, если послѣдній романъ талантливаго писателя не увидитъ свѣта, что при его недодѣланности и невыдержанности дѣло весьма возможное.

Графъ В. А. Соллогубъ. † 6 Іюня. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Графъ В. А. Соллогубъ родился въ Петербургѣ въ 1814 году и какъ многіе изъ тогдашнихъ сыновей русскихъ аристократическихъ семей, воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ. По окончаніи тамъ курса наукъ въ 1834 году, онъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, состоялъ нѣкоторое время при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, но затѣмъ, сойдя съ дипломатическаго поприща, поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ посланъ на югъ Россіи и на Кавказъ, гдѣ занимался статистическими работами. На литературномъ поприщѣ онъ впервые дебютировалъ повѣстью „Два студента“ въ 1837 г. Въ 1839 г. появилась въ свѣтъ его „Исторія двухъ калошъ“, за которой слѣдовали „Большой свѣтъ“ и „Три жениха“. Въ 1841 году появились его повѣсти „Левъ“, „Сережа“. Въ 1842 г. появился сборникъ его повѣстей подъ заглавіемъ „На сонъ грядущій“, имѣвшій боль-

шой успѣхъ Въ томъ же году явились въ свѣтъ „Аптекарша“, „Медвѣдь“ и друг. Вмѣстѣ съ Жуковскимъ и графиней Ростопчиной въ 1841 г. онъ выпустилъ литературный сборникъ „Вчера и сегодня“. Въ 1844 г. появилась повѣсть его „Княгиня“ и водевиль „Букетъ или петербургское цвѣтобѣсіе“. Наконецъ въ 1845 г. написанъ графомъ Соллогубомъ знаменитый „Тарантасъ“. Къ 1847 г. относятся его повѣсти „Двѣ минуты“ и „Графиня“, къ 1848 г. „Метель“ и „Э. И. Губеръ“. Въ 1849 г. появилась его драма „Мѣстничество“ и извѣстный водевиль „Бѣда отъ нѣжнаго сердца“, Въ 1855 году было издано книгопродавцемъ Смирдинымъ первое и кажется единственное собраніе сочиненій графа Соллогуба. Съ тѣхъ поръ онъ почти перестал писать и только въ 1856 г. появилась его комедія „Чиновникъ“, имѣвшая на сценѣ большой успѣхъ. Кромѣ того для сцены же имъ написаны одноактныя пьесы „Меценатъ“ и „Мастерская русскаго художника“.

Въ 1877 г., во время войны съ Турціей, графъ В. А. находился при главной квартирѣ Государя Императора и въ началѣ 1878 года издалъ „Дневникъ военныхъ событій“, роскошно отпечатанный въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и не появившійся въ продажѣ. Нѣкоторыя повѣсти графа В. А. были переведены на французскій языкъ („Аптекарша“, „Исторія двухъ калошъ“, „Старушка“ и др.) На театрѣ „Gymnase“ была представлена не безъ успѣха, въ 1859 г., комедія, написанная графомъ Соллогубомъ по французски, подъ заглавіемъ „Preuve d'amitié“ („Доказательство дружбы“). Владѣя прекрасно французскимъ языкомъ, графъ Соллогубъ писалъ статьи во французскихъ газетахъ, полемизировалъ съ французскими музыкантами по поводу извѣстной системы музыкальнаго обученія Шеве, являясь ея горячимъ защитникомъ.

Въ 70-хъ годахъ, когда возбужденъ былъ вопросъ о тюремной реформѣ, онъ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ и былъ посылаемъ заграницу для осмотра тюремъ. Въ „Русскомъ Мірѣ“ временъ М. Г. Черняева, покойный печаталъ свои интересныя воспоминанія, но прервалъ ихъ не окончивъ.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

X.

Что значилъ сонъ.

Сани, въ которыхъ цесаревичъ пріѣхалъ съ мельницы, стояли еще тутъ-же, у подъѣзда. Сергѣй поспѣшно занялъ въ нихъ мѣсто и приказалъ не отставая ѣхать за каретой. Въ первую минуту онъ даже не обратилъ вниманія на то, что не одинъ въ саняхъ—рядомъ съ нимъ сидѣлъ Николай Зубовъ.

Карета цесаревича мчалась что есть духу, сани не отставали.

Мало по малу наступили ранніе сумерки. Погода была все такъ-же хороша: маленькій морозецъ, ни малѣйшаго дуновенія вѣтра, безоблачное небо. И вотъ изъ-за лѣса выплыла луна и озарила бѣлый путь...

Горбатовъ и Зубовъ молчали обмѣнявшись двумя, тремя фразами. Они совсѣмъ не знали другъ друга, къ тому-же Сергѣй долгое время былъ поглощенъ своими думами и чувствами.

„Такъ вотъ оно, его вчерашнее несознанное предчувствіе въ Эрмитажѣ! Вотъ оно, странное сновидѣніе цесаревича и великой княгини. Значитъ дѣйствительно есть въ природѣ нѣчто такое, о чемъ онъ до сихъ поръ мало думалъ, а если и думалъ то единственно какъ о сказкѣ, выдуманной легковѣрнымъ, празднымъ воображеніемъ темнаго люда. Значитъ правъ Павелъ придавая этой сказкѣ значеніе дѣйствительности“!..

„Она умираетъ, быть можетъ умерла,—великая Екатерина!.. это въ порядкѣ вещей, этого даже слѣдовало ужъ ожидать. Но между тѣмъ было нѣчто совсѣмъ не совмѣстимое въ мысли объ Екатеринѣ и о смерти. Казалось дикимъ, невозможнымъ, что ея нѣтъ... Съ нею погибалъ цѣлый огромный міръ созданный ея силою... Содрогнется Россія, содрогнется вся Европа услышавъ страшную новость и долго не повѣрятъ что не стало Екатерины“...

Однако Сергѣй не думалъ теперь ни о Россіи, ни объ Европѣ,—онъ былъ просто пораженъ смертью женщины, которую зналъ хорошо, которую видѣлъ еще наканунѣ.

Онъ вспоминалъ всякую мельчайшую подробность своего вчерашняго свиданія съ нею. Онъ будто слышалъ каждое ея слово; въ его ушахъ такъ и звучалъ ея голосъ, повторялся ея шутливый разговоръ съ Нарышкинымъ:

„Нѣтъ, я еще не умру“! говорила она.

И вотъ она умираетъ... и вотъ ея вѣрно уже нѣтъ на свѣтѣ!..

„Я хочу чтобы вы представили мнѣ жену вашу, я искренно желаю вамъ счастья“...

И при этомъ ея добрая, ласковая улыбка...

Это были прощальныя слова ея, прощальныя передъ вѣчной разлукой.

Въ этомъ заключалось такъ много для Сергѣя нежданнаго, грустнаго и трогательнаго. Все, въ чемъ онъ могъ упрекнуть ее относительно себя—теперь забылось... въ немъ говорило почти съ прежнею силой его юное поклоненіе великой женщинѣ. Она представлялась ему теперь не въ слабостяхъ послѣднихъ лѣтъ, а въ прежнемъ блескѣ и славѣ...

„И ея нѣтъ!.. что-же это теперь будетъ“?!.

Конечно для него лично не могло быть ничего дурнаго; но онъ думалъ совсѣмъ не объ этомъ. Невольныя слезы навернулись на глазахъ его.

— Графъ! обратился онъ къ своему спутнику, — позвольте обезпокоить васъ моей просьбою — разскажите мнѣ всѣ подробности...

Николай Зубовъ сообразилъ, что имѣетъ дѣло съ однимъ изъ любимцевъ восходящаго свѣтила, а потому очень предупредительно поспѣшилъ исполнить его просьбу и началъ разсказывать.

Онъ былъ пораженъ не меньше Сергѣя и при этомъ, что можно было легко сразу замѣтить, сильно упалъ духомъ. Онъ не зналъ чего ожидать ему. Онъ былъ увѣренъ, что печальная судьба ждетъ его свѣтлѣйшаго брата, по всѣмъ вѣроятіямъ и ему придется раздѣлить судьбу эту...

Передавъ Сергѣю всѣ подробности ужаснаго происшествія онъ сталъ повѣрять ему отчасти и свои грустныя мысли; сталъ оправдываться, доказывать свою невинность, свои искреннія чувства къ цесаревичу.

Онъ старался всячески задобрить Сергѣя. Тому сдѣлалось противно это и мало по малу разговоръ прекратился.

Сани нѣсколько отстали отъ кареты.

— Что-же ты отстаешь! крикнулъ Зубовъ кучеру,—пошелъ скорѣе!..

— Да я вовсе не отстаю, обернувшись отвѣчалъ кучеръ,—нагнать-то ничего не стоитъ, лошади добрыя и мигомъ-бы мы карету далече за собою оставили... докатили-бы до Софіи...

— Такъ чего-же лучше, сказалъ Сергѣй, — перегони карету...

— Давно-бы намъ слѣдовало догадаться, обратился онъ къ Зубову,—обгонимъ, а въ Софіи прикажемъ приготовить для его высочества лошадей, чтобы не было никакой остановки.

— Конечно, конечно! изумляясь своей недогадливости подтвердилъ Зубовъ.

„Вѣдь теперь одно спасенье, подумалъ онъ,—угадывать, услужить во̀ время, попадаться на глаза и заставить обратить вниманіе на свою распорядительность... Зачѣмъ только этотъ любимчикъ привязался“!..

Кучеръ поправился на своемъ сидѣньѣ, передернулъ возжами, гикнулъ — и быстрая тройка сильныхъ лошадей какъ стрѣла помчалась по снѣжной дорогѣ...

Вотъ промелькнула карета и затѣмъ опять тишина... Все мелькаетъ, рябитъ передъ глазами... все будто крутится въ вихрѣ и уносится куда-то... встаютъ на мгновеніе новые предметы, и исчезаютъ какъ призраки.

Промчалось нѣсколько курьеровъ, спѣшившихъ на встрѣчу къ цесаревичу съ вѣстями изъ зимняго дворца.

— Ѣдетъ!.. за нами!.. въ каретѣ!.. кричалъ имъ Зубовъ...

— Теперь до Софіи рукой подать, самодовольно осклабляясь докладывалъ кучеръ.

Еще нѣсколько минутъ — и тройка подлетѣла къ станціи.

— Ну, теперь нужно какъ можно скорѣе распорядиться относительно лошадей!.. Вы извольте остаться въ саняхъ, а я мигомъ заставлю этихъ негодяевъ расшевелиться... Мнѣ это дѣло привычное!

Такъ говорилъ Зубовъ внезапно оживляясь, и выскакивая изъ саней. Можетъ быть онъ и Сергѣю желалъ показать свое усердіе.

Онъ побѣжалъ къ крыльцу станціоннаго дома и столкнулся съ выходившимъ изъ дверей какимъ-то человѣкомъ въ шубѣ.

Это былъ засѣдатель, ѣхавшій изъ Петербурга и не имѣвшій ни о чемъ никакого понятія. Засѣдатель этотъ очевидно съ утра находился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, а за обѣдомъ сильно выпилъ и теперь началъ спускаться со ступенекъ очень не твердымъ шагомъ, покачиваясь во всѣ стороны.

Зубовъ принялъ его за смотрителя и по привычкѣ обращаться грубо со всѣми, кого считалъ ниже себя, онъ безцеремонно остановилъ его рукою.

— Эй, ты! узнаешь меня что-ли?!.

Засѣдатель вглядѣлся и дѣйствительно узналъ его. Неизвѣстно былъ-ли онъ храбрымъ человѣкомъ въ трезвомъ видѣ, но теперь, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, своего хорошаго настроенія и ясной морозной ночи, онъ былъ очень храбръ и не чувствовалъ никакого смущенія при окрикѣ такого важнаго человѣка, какимъ почитался братъ „его свѣтлости“.

— Узнаю, ваше сіятельство, любезно, но съ трудомъ ворочая языкъ отвѣчалъ онъ, — только за что-же, ваше сіятельство, изволите трясти меня?.. Пропустите!..

— Что!! закричалъ Зубовъ. — Что за околесную несешь ты? Лошадей! слышь ты, лошадей, чтобы въ мигъ были готовы!..

— Кому лошадей? какихъ лошадей?.. лепеталъ засѣдатель.

— Императоръ ѣдетъ! Лошади должны быть готовы... Ну, поворачивайся, не то я тебя самаго запрягу подъ императора!..

Засѣдатель отстранился отъ Зубова, покачнулся, а потомъ вдругъ сталъ фертомъ и, очень комично раскланиваясь, проговорилъ:

— Ваше сіятельство, оно точно—запрячь меня не диковинка, да какая изъ того польза выйдетъ? вѣдь я не повезу, хоть до смерти извольте убить—не повезу! И что такое императоръ? Если есть императоръ въ Россіи, то дай Богъ ему здравствовать... Буде Матери нашей не стало, то ему виватъ?.. А я не повезу... хоть на мѣстѣ убейте—не повезу!..

— Да что ты, пьянъ совсѣмъ?!. Что ты, о двухъ головахъ что ли?! окончательно взбѣшенный и все еще не понимавшій своей ошибки заоралъ Зубовъ.

Сергѣй, слышавшій весь этотъ комичный и безобразный разговоръ, хотѣлъ уже выйти изъ саней, чтобы поспѣшить на помощь бѣдному засѣдателю, какъ вдругъ къ крыльцу подъѣхали сани. Быстро выскочившій изъ нихъ человѣкъ подбѣжалъ къ нему.

— Ахъ, дорогой мой Сергѣй Борисычъ, это вы! Ѣдетъ цесаревичъ? Гдѣ онъ?

Сергѣй узналъ Ростопчина.

— Сейчасъ долженъ быть здѣсь. Что, жива еще?

— Когда я выѣхалъ была жива... теперь не знаю...

— Да что же—неужели никакой надежды?!.

— Какая надежда! все кончено, Сергѣй Борисычъ!.. Но что это за крикъ? Что такое тутъ происходитъ?

Онъ вслушался и на его взволнованномъ, некрасивомъ лицѣ съ блестящими глазами мелькнула улыбка.

— Ахъ, это графъ Николай Зубовъ напослѣдяхъ свою власть показываетъ! проговорилъ онъ.

— Да, отвѣчалъ Сергѣй,—но дѣло въ томъ, что цесаревичъ сейчасъ будетъ, а о лошадяхъ еще никакого распоряженія не сдѣлано... Пойдемте скорѣе!..

Они поспѣшили отыскать не мнимаго, а дѣйствительнаго смотрителя.

Когда они вернулись на крыльцо, отдавъ нужныя приказанія, карета цесаревича уже подъѣзжала. Ростопчинъ закричалъ кучеру, чтобы онъ скорѣе отпрягалъ, что лошадей сейчасъ выведутъ.

Въ окнѣ кареты показалась голова Павла.

— Ah, c'est vous, mon cher Rostopschin! проговорилъ онъ и вышелъ изъ кареты.—Quelle nouvelle m'apportez vous?

Ростопчинъ могъ только дополнить очень не многимъ то, что уже было извѣстно цесаревичу изъ словъ Зубова и изъ донесеній высланныхъ курьеровъ:

„Государыня жива, но безъ движенія и безъ сознанія...“

Павелъ выслушавъ опустилъ голову и нѣсколько мгновеній стоялъ неподвижно.

Между тѣмъ лошади, благодаря сбѣжавшимся ямщикамъ, были уже впряжены. Кто-то крикнулъ, что все готово.

Павелъ пошелъ къ каретѣ, но вдругъ обернулся, подозвалъ жестомъ Ростопчина и Сергѣя и сказалъ имъ:

— Faites moi le plaisir de me suivre; вы оба должны быть со мною, можете мнѣ понадобиться.

Карета тронулась. Ростопчинъ и Горбатовъ сѣли въ сани и помчались за нею.

— Стой! вдругъ крикнулъ Ростопчинъ,—поворачивай назадъ на станцію!..

— Зачѣмъ? Что такое?! изумленно спросилъ Сергѣй.

— А вотъ сейчасъ увидите. Мы мигомъ догонимъ карету.

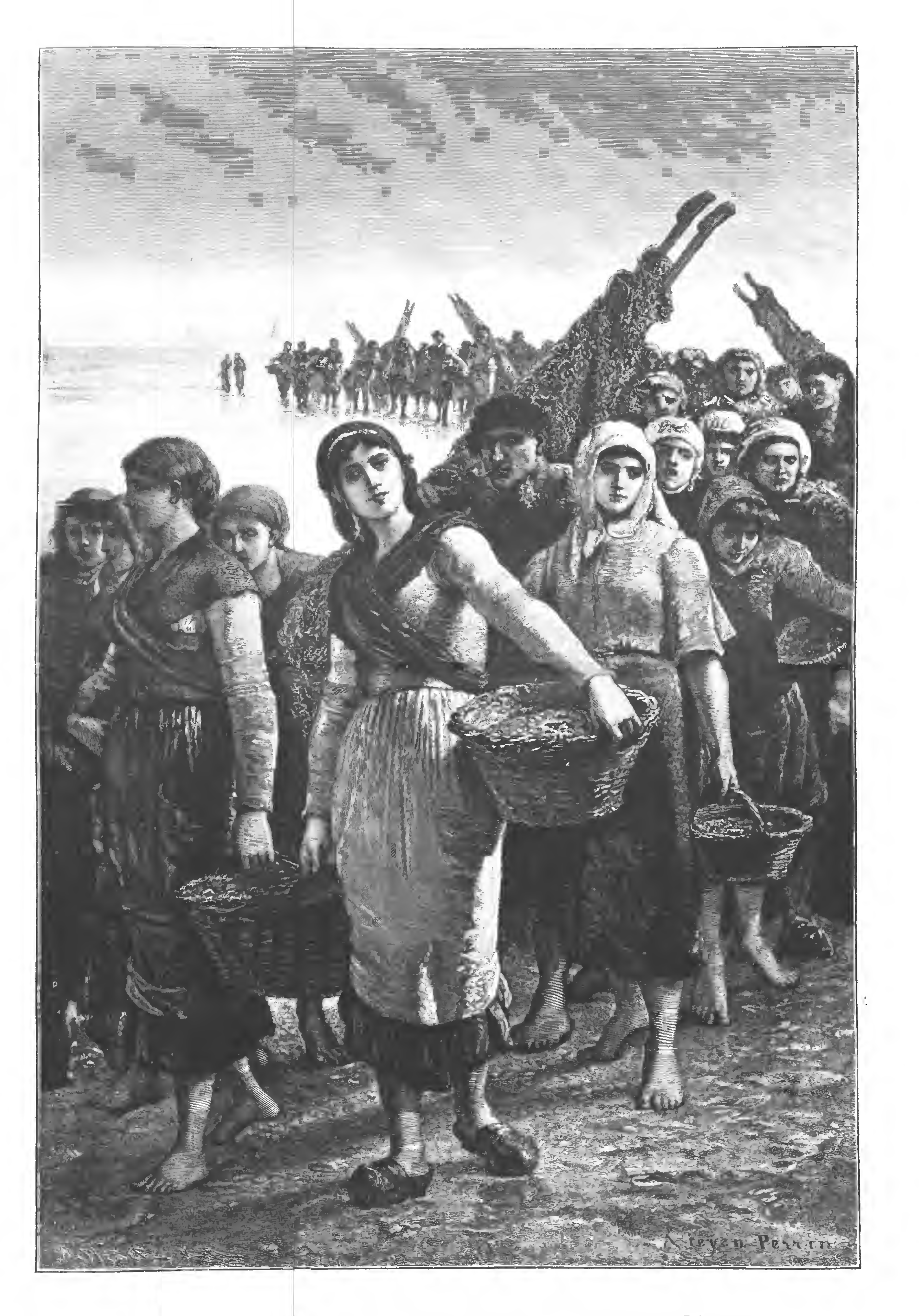
Когда они снова подъѣхали къ станціи, Ростопчинъ какъ стрѣла вылетѣлъ изъ саней и черезъ минуту вернулся, держа что то въ рукѣ.

— Ну, теперь догоняй, мчись что есть духу!.. Видите, это фонарь, запыхавшись говорилъ онъ обращаясь къ Сергѣю,—теперь на каждомъ шагу будутъ курьеры и если окажутся письма, то съ помощью этого фонаря онъ будетъ имѣть возможность прочесть ихъ въ каретѣ.

Предположеніе Ростопчина скоро оправдалось: первый же курьеръ былъ съ письмомъ отъ великаго князя Александра. Ростопчинъ подбѣжалъ къ каретѣ и подалъ зажженый фонарь цесаревичу.

— Merçi, mon ami! сказалъ Павелъ,—а я именно думалъ о томъ, какъ хорошо бы читать письма такъ, чтобы не было остановокъ. Весьма благодаренъ! повторилъ онъ, ласково кивнувъ головою.

Снова помчалась карета, за нею трое саней. Но этотъ кортежъ съ каждой верстой все прибавлялся, потому что на встрѣчу одинъ за другимъ попадались курьеры. Цесаревичъ приказалъ неостанавливаясь ихъ опрашивать и, если съ ними не было писемъ, ворочать обратно.



Нормандія. Рыбачки, возвращающіяся съ ловли. Съ карт. Фейнъ-Перрена, грав, Веберъ.

Прочтя письмо сына онъ увидѣлъ что нельзя терять ни минуты и то и дѣло стучалъ въ переднее окно кареты, давая этимъ знать кучеру, чтобы онъ гналъ лошадей.

Однако все же пришлось остановиться. Попался курьеръ съ новымъ письмомъ и въ то же время одна изъ лошадей какъ то зацѣпила за постромки. Письмо не заключало въ себѣ опять ничего новаго: „Она еще жива.“

Пока прислуга возилась около лошадей, Павелъ Петровичъ вышелъ изъ кареты и подошелъ къ санямъ, въ которыхъ находились Ростопчинъ съ Сергѣемъ.

— Ваше высочество! сказалъ Ростопчинъ,—обратите вниманіе на красоту ночи... Какъ свѣтло и тихо, какая игра облаковъ вокругъ луны! Стихіи будто пребываютъ въ ожиданіи важной перемѣны и торжественно молчатъ...

Цесаревичъ поднялъ голову, взглянулъ на луну. Сергѣй ясно различилъ какъ крупныя слезы блеснули на глазахъ его и тихо скатились по щекамъ.

Вдругъ Ростопчинъ, дѣйствительно растроганный, но въ то же время вѣрный себѣ, то есть неупускавшій безъ разсчета ни одной минуты, довольно рѣзкимъ движеніемъ схватилъ цесаревича за руку и какимъ то вдохновеннымъ голосомъ проговорилъ:

— Ah, quel moment, monseigneur, pour vous!

Павелъ отвѣтилъ ему крѣпкимъ пожатіемъ и тихо, неотрывая взгляда отъ неба, сказалъ:

— Attendez, mon cher, attendez. J'ai vecu quarante deux ans. Dieu m'a soutenu; peut-être, me donnera-t'il la force et la raison pour supporter l'etat, auquel il me destine. Espérons tout de sa bonté...

Затѣмъ онъ помѣстился въ карету, изъ которой на мгновеніе выглянуло заплаканное лицо великой княгини.

Остановокъ больше не было и въ половинѣ девятаго весь поѣздъ уже мчался по Петербургскимъ улицамъ ко дворцу.

Дворецъ былъ наполненъ народомъ. На всѣхъ лицахъ изображался ужасъ и волненіе. Не смотря на эту толпу, мелькавшую по всѣмъ комнатамъ, не было слышно почти никакого шума; шепотомъ передавались вопросы и отвѣты, касавшіеся только одного предмета— „что съ нею?!“

Цесаревичъ взялъ подъ руку жену и, обернувшись къ пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ ними, сказалъ:

— Идите туда, мы сейчасъ будемъ...

Всѣ поспѣшили на половину императрицы. У дверей спальни была цѣлая толпа; но не многіе рѣшались войти. Однако никто не остановилъ Ростопчина и Сергѣя, когда они входили.

Императрица по прежнему лежала на матрацѣ, на полу, возлѣ кровати. Роджерсонъ и нѣсколько другихъ докторовъ стояли на колѣняхъ вокругъ нея, слѣдя за ея дыханіемъ и за ея пульсомъ. Марья Савишна Перекусихина съ распухшимъ отъ слезъ лицомъ то и дѣло прикладывала къ губамъ Екатерины и отнимала потомъ платки.

Сергѣй подошелъ ближе и невольно содрогнулся. Лицо Екатерины было темно-багроваго цвѣта, глаза закрыты, а изо рта текла черноватая матерія. Явственно слышна была хрипота, которая одна только и являлась для окружающихъ признакомъ жизни, непокинувшей еще это неподвижное тѣло.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ матраца, на креслѣ придвинутомъ къ кровати, сидѣлъ Зубовъ. Онъ безсильно уронилъ платокъ весь смоченный слезами, въ лицѣ его не было кровинки, красные распухшіе глаза его были устремлены на одну точку, на лицо Екатерины. Время отъ времени судорога пробѣгала по чертамъ его. Весь его видъ выражалъ отчаяніе и ужасъ.

Вотъ вошелъ цесаревичъ въ сопровожденіи великой княгини.

Марія Федоровна склонилась надъ Екатериной, упала на колѣни и прижалась губами къ ея рукѣ. Послышались ея сдерживаемыя рыданія.

Цесаревичъ блѣдный, но повидимому владѣющій собою, ласково поклонился на всѣ стороны, потомъ обратился къ Роджерсону и спросилъ его.

— Неужели нѣтъ рѣшительно никакой надежды?

— Все во власти Божьей! грустно отвѣтилъ Роджерсонъ. Мы только что отняли шпанскія мухи... Государыня открыла глаза, попросила пить, но вотъ снова началось забытье. Медицина не имѣетъ средствъ бороться съ такимъ недугомъ...

Павелъ опустилъ голову, взглянулъ на императрицу. Губы его задрожали, онъ хотѣлъ спросить еще что-то, но голосъ его оборвался, глаза наполнились слезами и онъ вышелъ изъ спальни.

Какъ ни былъ взволнованъ Сергѣй, онъ замѣчалъ однако, что въ этой комнатѣ, на ряду съ дѣйствительнымъ отчаяніемъ, уже начинается и игра въ отчаяніе, прикрывающая собою совсѣмъ иныя чувства.

Марья Савишна Перекусихина, князь Зубовъ, Протасова, пожалуй Роджерсонъ—эти не притворялись. Съ Екатериной они теряли все. Но и изъ нихъ у одной Марьи Савишны печаль не имѣла ничего эгоистичнаго, одна только она думала не о себѣ, а о той, которая лежала теперь передъ нею почти безъ признаковъ жизни, которой она посвятила многіе, многіе годы, за кѣмъ ухаживала какъ за малымъ ребенкомъ, о комъ она думала ежеминутно, кого она знала лучше и вѣрнѣе чѣмъ кто либо на свѣтѣ.

Всѣ же остальные только изображали болѣе или менѣе искусно на своихъ лицахъ печаль, въ которую повергало ихъ состояніе императрицы. Но ихъ печаль была иного сорта—они уже разсчитывали всѣ шансы своей близкой погибели или своего успѣха.

Подмѣтилъ Сергѣй, какъ и его пріятель Ростопчинъ зорко оглядывается, наблюдаетъ и обдумываетъ каждое свое движеніе.

Вотъ Ростопчинъ подошелъ къ нему и шепнулъ:

— Сергѣй Борисычъ, выйдемте отсюда, посмотримте что тамъ дѣлается...

Сергѣй за нимъ послѣдовалъ. Толпа, наполнявшая сосѣднія комнаты, разступалась, чтобы давать имъ дорогу. Всѣ глядѣли на нихъ съ видимымъ интересомъ. Всѣ уже знали, что эти два человѣка, до сихъ поръ не имѣвшіе никакого вліянія, вѣроятно не далѣе какъ завтра окажутся большой силою.

Это гатчинцы! Это любимцы Павла Петровича!

Несмотря на всеобщее вниманіе, несмотря на благоговѣйную тишину, которая теперь соблюдалась, объ этихъ людяхъ почти всѣ уже успѣли перешепнуться, объ нихъ уже знали такія подробности, которыя вдругъ невѣдомо откуда явились. Многіе уже подумывали, какъ бы обратить на себя ихъ вниманіе, заговорить съ ними, понравиться, заручиться чѣмъ нибудь для близкаго будущаго.

На лицѣ Ростопчина нѣсколько разъ мелькала презрительная, насмѣшливая улыбка. Онъ отлично понималъ, что значитъ эта всеобщая предупредительность, эти внимательные и ласковые взгляды. Понималъ и Сергѣй и ему вдругъ такъ стало все противно, такъ захотѣлось ему скорѣй отсюда, изъ этой удушливой атмосферы.

— Федоръ Васильевичъ, я уѣду, сказалъ онъ обращаясь къ Ростопчину.

— Зачѣмъ? изумленно спросилъ тотъ.

— Я не вижу никакой причины оставаться. Что же тутъ я буду дѣлать?!

— Боже васъ избави уѣзжать!.. Ради Бога останьтесь, вѣдь вы же видите, это можетъ кончиться съ минуты на минуту. Во всякомъ случаѣ вамъ незачѣмъ подвергать себя его неудовольствію. Онъ навѣрно бу-

детъ васъ спрашивать и что же мнѣ придется отвѣчать за васъ? Нѣтъ, я васъ не выпущу—какъ хотите. Да и наконецъ вѣдь онъ прямо приказалъ вамъ быть здѣсь и ожидать его распоряженій—быть можетъ онъ желаетъ дать вамъ какое нибудь порученіе...

— Но въ такомъ случаѣ поищемъ такой уголокъ, гдѣ бы можно было отдохнуть. Я давно не чувствовалъ такой усталости.

— Вотъ это дѣло другое, отдохнуть и мнѣ не мѣшаетъ. Намъ непремѣнно надо поберечь наши силы.

Онъ хорошо зналъ расположеніе этихъ комнатъ и провелъ Сергѣя въ небольшую пріемную, гдѣ почти никого не было и гдѣ они помѣстились на большомъ удобномъ диванѣ.

— Если можете уснуть, сказалъ Ростопчинъ,—засните. Я разбужу васъ когда будетъ нужно.

— Да вы и сами пожалуй заснете?!

— Я то?! нѣтъ, я не засну, я отдохну и не засыпая. Между немногими качествами, которыя я признаю за собою у меня есть одно, а именно, я умѣю отдыхать и даже дремать не забываясь окончательно, продолжая все слышать и соображая когда надо очнуться и встать на ноги.

Сергѣй дѣйствительно былъ такъ утомленъ, что прислонился головой къ подушкѣ дивана и черезъ минуту уже спалъ.

Его сонъ продолжался нѣсколько часовъ. Ростопчинъ разбудилъ его.

— Однако, какой вы счастливый человѣкъ, въ такую ночь и спать можете! Я тоже отдохнулъ, но три раза былъ тамъ и сейчасъ оттуда. Ея положеніе не улучшается нисколько. Пойдемте туда.

Сонъ значительно освѣжилъ Сергѣя. Онъ уже могъ теперь ясно отдать себѣ отчетъ во всемъ.

— Пойдемъ, пойдемъ! живо проговорилъ онъ вскакивая съ дивана и чувствуя какъ охватываетъ и его интересъ этихъ торжественныхъ и печальныхъ минутъ.

Они снова направились къ спальнѣ императрицы.

Тамъ ничего не измѣнилось, будто прошло не нѣсколько часовъ, а нѣсколько минутъ съ тѣхъ поръ какъ Сергѣй вышелъ. Всѣ были на своемъ мѣстѣ. Екатерина лежала все также неподвижно, окруженная все тѣми-же самыми лицами. Зубовъ сидѣлъ на своемъ креслѣ съ искаженнымъ лицомъ, съ блуждающими глазами.

Ежеминутно въ комнату входили новыя лица, беззвучно, затаивъ дыханіе оставались нѣсколько мгновеній, прислушивались и также неслышно уходили.

Въ сосѣдней комнатѣ была та же толпа народу и каждый старался стоять на виду, попасться на глаза кому нужно.

Минуты проходили за минутами, утро приближалось.

Вотъ въ толпѣ произошло нѣкоторое движеніе.

„Идетъ!“ разслышалъ Сергѣй нѣсколько голосовъ.

Онъ оглянулся—входилъ цесаревичъ.

Павелъ шелъ своей прямой, военной походкой ни на кого не глядя. Онъ прошелъ въ спальню, подозвалъ къ себѣ Роджерсона и другихъ докторовъ и спросилъ:

— Въ какомъ она теперь положеніи?

— Все въ томъ-же, ваше высочество! отвѣтили ему.

— И рѣшительно никакой надежды?

— Никакой!..

Цесаревичъ вышелъ изъ спальни, замѣтилъ Сергѣя и обратился къ нему:

— Пожалуйста, призови преосвященнаго Гавріила съ духовенствомъ, скажи, что нужно прочесть глухую исповѣдь и причастить государыню Святыхъ Таинъ.

Сергѣй поспѣшилъ исполнить это приказаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ въ спальню входило духовенство.

Екатерина не приходила въ себя. Ее причастили. Цесаревичъ и великая княгиня горячо молились. Зубовъ не удержался и громко зарыдалъ. По лицу Марьи Савишны катились тихія слезы.

Павелъ нѣсколько минутъ еще простоялъ возлѣ государыни, а затѣмъ вышелъ. Возлѣ него оказался Ростопчинъ.

— Тебя мнѣ и надо, сказалъ Павелъ. Позови Горбатова и идите за мною въ кабинетъ.

Ростопчинъ сдѣлалъ знакъ Сергѣю.

Завистливые и подобострастные взгляды провожали ихъ.

Придя въ кабинетъ и заперевъ за собою двери, Павелъ обратился къ Ростопчину и Сергѣю:

— Господа, сказалъ онъ, — я знаю васъ такими каковы вы есть, и на вашъ счетъ не обманываюсь... Я на васъ разсчитываю. Скажи мнѣ, Ростопчинъ, скажи откровенно—чѣмъ ты при мнѣ быть желаешь?

— Ваше высочество! спокойно и въ то же время нѣсколько торжественно проговорилъ Ростопчинъ.—истребленіе неправосудія — вотъ то, къ чему я всегда стремился... вотъ та цѣль, къ достиженію которой послужить мнѣ-бы хотѣлось!.. А посему, отвѣчая на милостивый вопросъ вашъ, я не задумываясь могу просить: сдѣлайте меня секретаремъ для принятія просьбъ!

Павелъ промолчалъ нѣсколько мгновеній, прошелся по комнатѣ и сказалъ:

— Тутъ я не найду своего счета; знай, что я назначаю тебя генералъ-адъютантомъ, но не такимъ, чтобы прогуливаться по дворцу съ тростью, а для того, чтобы ты правилъ военною частію. Ты смыслишь въ этомъ дѣлѣ, ты отъ юности имъ занимаешься и питаешь къ нему страсть — ты хорошо доказалъ мнѣ это. А самое важное—пріурочить человѣка къ тому занятію, которое составляетъ его призваніе.

Ростопчинъ немного поморщился и молчалъ. Сергѣй удерживалъ невольную улыбку, которая такъ и просилась на его губы несмотря на торжественность минуты: „Вотъ она, удивительная коллекція оружія! попался самъ въ свои сѣти!“ невольно подумалъ онъ.

Но Павелъ, задумчиво ходившій по комнатѣ, не замѣтилъ неудовольствія своего любимца.

— И такъ, я назначаю тебя своимъ генералъ-адъютантомъ! проговорилъ онъ останавливаясь передъ Ростопчинымъ.

Тотъ отвѣсилъ глубокій поклонъ.

— А ты чего-же попросишь? обратился цесаревичъ къ Сергѣю. — Да, впрочемъ, я знаю — ты ничего просить не станешь. На первое время жалую тебя въ гофмаршалы!

И не дослушавъ благодарности Сергѣя онъ прибавилъ:

— Теперь, господа, позовите ко мнѣ камеръ-пажа Нелидова, мнѣ нужно спросить его о Катеринѣ Ивановнѣ, можетъ быть онъ видѣлъ ее сегодня...

XI.

Свершилось.

Теперь Сергѣй уже не помышлялъ о томъ, чтобы ѣхать къ себѣ домой.

Онъ мало по малу, незамѣтно для самого себя, входилъ въ эту общую, тревожную жизнь.

Между тѣмъ, несмотря на томительное ожиданіе, время шло какъ-то незамѣтно. О времени даже совсѣмъ забывалось.

Наступило утро не принеся никакого измѣненія въ положеніи императрицы, — ея могучая натура все еще боролась съ неизбѣжной смертью. По прежнему всѣ члены царскаго семейства, за исключеніемъ цесаревича, который оставался у себя, почти неотлучно находились въ спальнѣ вмѣстѣ съ докторами, княземъ Зубовымъ и другими приближенными Екатерины.

Всѣ забыли о снѣ, не сознавая усталости и голода.

Генеральша Ливенъ почти силою увела великихъ княженъ, заставила ихъ напиться чаю и уложила спать, давъ имъ слово, что разбудитъ ихъ когда будетъ нужно.

— Вамъ необходимо поберечь свои силы, рѣшительнымъ, недопускающимъ возраженіи тономъ сказала она имъ.—Своимъ присутствіемъ въ спальнѣ бабушки, своими слезами вы ничему не поможете. Помолитесь Богу и положитесь на Его милосердіе. Каждому человѣку суждено умереть и мы должны смиряться передъ Божьей волей. Будьте-же благоразумны!..

Великія княжны горько плакали. Онѣ искренно любили бабушку и знали ее только какъ бабушку, подчасъ строгую и взыскательную, но гораздо чаще ласковую и добрую. Имъ конечно нечего было возражать на разсужденіе воспитательницы и онѣ подчинились ея требованію—раздѣлись, легли и долго горько плакали, спрятавъ свои милыя, дѣтскія лица въ подушки. Но природа взяла свое—онѣ заснули.

Между тѣмъ во дворецъ все прибывало и прибывало народу. Почти весь Петербургъ уже зналъ о несчастіи, которое вотъ, вотъ должно было совершиться и, всякій, кто имѣлъ только возможность проникнуть во дворецъ, спѣшилъ туда.

Цесаревичъ нѣсколько разъ призывалъ къ себѣ то одного изъ сыновей, то Ростопчина, то Сергѣя. Всѣ они заставали его сосредоточеннымъ, задумчивымъ. Онъ спрашивалъ нѣтъ-ли какой перемѣны и, узнавая, что все попрежнему, движеніемъ руки отпускалъ ихъ и погружался снова въ свои думы.

Такимъ образомъ, для того чтобы получить возможность имѣть самыя точныя свѣдѣнія на случаи новаго зова цесаревича, Ростопчинъ и Сергѣи должны были часто заглядывать въ спальню и, выходя изъ нея, имъ приходилось отвѣчать на вопросы, со всѣхъ сторонъ къ нимъ обращаемые.

Къ Сергѣю то и дѣло подходили новыя лица, изъ которыхъ очень многихъ онъ совсѣмъ даже и не зналъ. Ему отрекомендовывались, изыскивали всѣ способы указать на общихъ родныхъ, общихъ знакомыхъ. Но въ этой толпѣ часто приходилось ему сталкиваться и съ болѣе или менѣе близкими ему людьми, на которыхъ онъ, такъ сказать, отдыхалъ отъ окружавшей его фальши и лицемѣрія. Такъ онъ долженъ былъ употребить большое усиліе, чтобы хоть нѣсколько успокоить Льва Александровича Нарышкина, который, подобно многимъ, со вчерашняго дня не покидалъ дворца и выказывалъ признаки истиннаго горя.

Этотъ вѣчно веселый и шутливый человѣкъ теперь былъ совсѣмъ неузнаваемъ. Онъ то и дѣло вытиралъ глаза, наполнявшіеся слезами.

— Господи! кто-бы могъ это думать! говорилъ онъ прерывающимся голосомъ Сергѣю, — вчера-то, вчера... то есть третьяго дня вечеромъ... не даромъ мнѣ щемило сердце!.. Надо мною она шутила... меня стращала смертью... а смерть уже подкарауливала ее... была уже у нея за плечами... Я чувствовалъ, что плохо ея здоровье, что долго не протянетъ она... Но что это несчастіе случится такъ скоро—не ожидалъ... никакъ не ожидалъ!..

Онъ зарыдалъ какъ ребенокъ. Чѣмъ было его утѣшать?! Сергѣй хорошо понималъ, что всякія слова безсильны.

Онъ ласково взялъ дядю подъ руку, увелъ его подальше отъ толпы, усадилъ на диванъ и далъ ему возможность выплакаться. Это было единственное средство его успокоить. Передъ посторонними онъ долженъ былъ невольно сдерживаться и это было, черезчуръ тяжело ему. Дѣйствительно Нарышкинъ облегчилъ себя слезами.

— Глупо плакать старику! проговорилъ онъ, — чуть-ли не въ первый разъ въ жизни плачу... Да, что-же, не ее одну оплакиваю — и себя оплакиваю вмѣстѣ съ нею... Скоро и мой чередъ... вѣдь мы сверстники... почти всю жизнь прожили другъ противъ друга... Ахъ, мой милый, я все шутилъ, все смѣялся... да не всегда-же!.. Я помню многое... подъ шуткой подъ смѣхомъ бывало и другое... Вотъ я бранился, я часто сердился на нее въ послѣдніе годы, негодовалъ даже... Я передъ тобою жаловался... Но теперь я этого ничего не помню, знать не хочу... все это пустое—она иная передо мною!.. Развѣ вы знали ее!.. развѣ понимали... А вѣдь я помню ее юной, оскорбляемой... унижаемой... Какое величіе!.. какая глубина характера! Нѣтъ, никогда не было такой женщины на свѣтѣ и не будетъ!.. Тамъ развѣ одна она умираетъ... съ нею умираетъ слишкомъ много... съ нею вмѣстѣ умираетъ и жизнь моя!..

Онъ поднялся съ дивана, глаза его горѣли и снова вдругъ хлынули слезы.

— Не могу, не могу!.. пойду еще взглянуть на нее!..

И онъ быстрыми шагами удалился по направленію къ спальнѣ.

Сергѣй хотѣлъ за нимъ слѣдовать, но въ это время въ уединенную комнату, гдѣ они находились, вошелъ графъ Безбородко.

У этого уже все лицо опухло отъ слезъ, онъ тоже не выходилъ изъ дворца. Но кромѣ горя въ немъ была замѣтна и иная тревога. Вотъ и теперь, увидавъ Сергѣя, онъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку и заставилъ сѣсть рядомъ съ собою.

— Сейчасъ говорилъ съ Роджерсономъ, онъ изумляется этой непостижимо долгой агоніи; но она уже не придетъ въ себя... она никого изъ насъ не узнаетъ, мы не услышимъ ея голоса. Сергѣй Борисычъ, вы когда видѣли цесаревича?

— Съ полчаса тому назадъ я былъ у него...

— Каковъ онъ?

Безбородко такъ и насторожился.

— Онъ очевидно искренно огорченъ и въ то же время поглощенъ важностью этого страшнаго событія... Онъ очень задумчивъ...

— Да, ему есть о чемъ подумать — часъ, другой — и онъ императоръ... Боже мой, что-то будетъ? чего ожидать намъ? Тяжело, проработавъ всю жизнь, подъ старость чувствовать себя наканунѣ того дня, когда будешь выброшенъ за бортъ какъ ненужный баластъ...

— Мнѣ кажется, перебилъ Сергѣй,— что это сравненіе никакъ уже не можетъ относиться къ вамъ, графъ, и вамъ такой участи нечего бояться.

— А между тѣмъ я именно и боюсь, голубчикъ, я откровенно говорю съ вами. Онъ меня не любитъ — а за что—не знаю.

— Я никогда не слыхалъ отъ цесаревича ничего, что-бы указывало на его къ вамъ нерасположеніе.

— Не слыхали, такъ услышите, я это навѣрное знаю. Но, видитъ Богъ, вины за собою передъ нимъ не чувствую!.. Вотъ васъ онъ любитъ и я разсчитываю на васъ... замолвите за меня доброе слово!..

Сергѣю стало тяжело.

И графъ Безбородко наравнѣ съ другими заискиваетъ передъ нимъ, какъ передъ будущимъ любимцемъ!

— Да, я прошу васъ, между тѣмъ продолжалъ Безбородко, — сослужить мнѣ большую службу... Помогите, я прошу немногаго... я старъ, здоровье мое очень плохо, я усталъ, мнѣ ничего не надо, у меня больше четверти милліона годоваго дохода — только одну милость можетъ оказать мнѣ новый императоръ—пусть отставитъ меня отъ службы безъ посрамленія.

— Вы меня изумляете, графъ! смущенно проговорилъ Сергѣй.—я рѣшительно не понимаю откуда у васъ такое опасеніе? Конечно, если я буду имѣть какую нибудь возможность, вы можете на меня расчитывать. Но не заблуждайтесь, не предполагайте, чтобы я имѣлъ большое вліяніе. И если дѣйствительно у васъ есть основаніе безпокоиться, то я вамъ могу указать на человѣка, который можетъ быть вамъ гораздо полезнѣе, чѣмъ я.

— Кто это?!

— Ростопчинъ.

— Да, да! оживленно повторилъ Безбородко, — ваша

Моск. Пром.-худож. выставка. „Послѣ войны". Съ карт. П. Г. Богданова грав. Гельштейнъ.

правда. Ростопчинъ прекрасный, умный человѣкъ, я всегда былъ искренно расположенъ къ нему...

И боясь упустить минуту, этотъ меценатъ, этотъ государственный человѣкъ, имѣвшій за собою неоспоримыя заслуги, несмотря на свое волненіе, на свои годы, болѣзнь и тучность, почти побѣжалъ отыскивать молодаго человѣка, котораго до сихъ поръ, по примѣру Екатерины, не иначе называлъ какъ „сумасшедшимъ Федькой“.

Часа черезъ два Сергѣй столкнулся съ Ростопчинымъ и спросилъ его—видѣлъ-ли онъ Безбородко.

— А, такъ это вы его ко мнѣ направили! улыбнувшись своей насмѣшливой улыбкой отвѣчалъ Ростопчинъ. Впрочемъ, я такъ и думалъ. Я замѣтилъ какъ онъ сначала искалъ васъ и видѣлъ, что вы съ нимъ бесѣдовали...

Когда онъ все успѣвалъ замѣчать и видѣть? Онъ весь день, несмотря на безсонную ночь, былъ на ногахъ, появлялся то здѣсь, то тамъ, исполнялъ порученія цесаревича; выслушивалъ всѣхъ кто къ нему обращался, а къ нему обращались очень многіе,—и съ каждымъ часомъ казался все оживленнѣе, все бодрѣе.

— Какъ-же вы отнеслись къ его просьбѣ ходатайствовать передъ цесаревичемъ? спросилъ Сергѣй.

— Какъ отнесся?! конечно съ полнымъ желаніемъ ему услужить... и уже успѣлъ въ этомъ. Безбородко человѣкъ хитрый, и высокихъ нравственныхъ качествъ я что-то вовсе не наблюдалъ въ немъ. Онъ вздумалъ теперь увѣрять меня въ своей дружбѣ; но эта дружба только что началась, потому что до сихъ поръ раза два, три онъ даже дѣлалъ мнѣ большія непріятности. И уже во всякомъ случаѣ относился ко мнѣ съ высока, какъ къ ничтожному мальчишкѣ. Но дѣло въ томъ, что я равнодушенъ къ этому и мнѣ нѣтъ дѣла до его нравственныхъ качествъ. Я знаю одно — это самый способный человѣкъ изъ всѣхъ кого намъ здѣсь оставляетъ императрица: безъ него мы не обойдемся, онъ крайне нуженъ Россіи...

— Но чего-же онъ боится? Развѣ это правда, что онъ въ такой немилости былъ у цесаревича?

— Правда, былъ, но мнѣ уже удалось измѣнить это...

— Какимъ образомъ?

— Выслушавъ его я отправился къ цесаревичу и такъ повелъ разговоръ, что оказалось удобнымъ описать отчаяніе Безбородки. Я выставилъ все значеніе этого человѣка, всѣ его достоинства какъ государственнаго дѣятеля; его опытность, познанія, невѣроятную память. Цесаревичъ внимательно меня выслушалъ, очевидно согласился со мною и велѣлъ мнѣ увѣрить Безбородку, что онъ не питаетъ къ нему особеннаго неудовольствія; проситъ его забыть все прошедшее, полагается на его усердіе и ждетъ его помощи. Если-бы вы знали какъ просіялъ нашъ графъ, — даже позабылъ о своемъ горѣ, а вѣдь горе его искреннее... О! какъ много золота и грязи можетъ вмѣститься въ одномъ и томъ-же человѣкѣ!.. Впрочемъ теперь, мой другъ, не до философіи... вонъ уже опять меня кажется ищутъ... вѣрно опять къ нему... Ну денекъ!..

Онъ отошелъ отъ Сергѣя...

Скоро цесаревичъ потребовалъ къ себѣ Безбородку и приказалъ ему изготовить указъ о восшествіи на престолъ. Послѣ этого начались распоряженія.

Графу Остерману было велѣно ѣхать къ Моркову, взять у него всѣ бумаги, запечатать ихъ и привезти во дворецъ.

Это приказаніе сдѣлалось всѣмъ извѣстнымъ такъ какъ растерявшійся Остерманъ не могъ сообразить какъ-бы ему какъ можно обстоятельнѣе исполнить возложенное на него порученіе и рѣшился собственноручно принести всѣ бумаги цесаревичу. Онъ увязалъ ихъ въ двѣ скатерти и тащилъ эти огромные тюки черезъ всѣ дворцовыя комнаты, едва двигаясь подъ своей ношей.

Затѣмъ Ростопчинъ получилъ повелѣніе запечатать кабинетъ государыни.

Было уже три часа. Между медиками, окружавшими тѣло Екатерины, произошло движеніе. Пульсъ умирающей началъ слабѣть. Она лежала попрежнему недвижно съ закрытыми глазами. Хрипота въ горлѣ усиливалась съ каждой минутой, такъ что даже въ сосѣдней комнатѣ можно было ее разслышать. Вся кровь ударяла въ голову и лицо багровѣло.

Зубовъ съ громкимъ рыданіемъ выбѣжалъ изъ спальни. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и нѣсколько разъ хватался за горло, ему нечѣмъ было дышать, у него пересохло во рту.

— Воды, ради Бога, простоналъ онъ.

Вокругъ его была толпа народу и если бы дня два тому назадъ онъ потребовалъ воды, то каждый конечно тотчасъ же бросился бы исполнять это желаніе, каждый считалъ бы себя счастливымъ, если бы ему удалось первымъ преподнести стаканъ его свѣтлости. Теперь же никто даже не обратилъ вниманія на него, никто не шевельнулся чтобы его напоить; напротивъ, всѣ отъ него отстранялись какъ отъ зачумленнаго. Онъ нѣсколько разъ повторялъ:

— Воды, ради Бога воды!

Наконецъ нашелся одинъ человѣкъ, который надъ нимъ сжалился—человѣкъ этотъ былъ Ростопчинъ. Онъ приказалъ лакею принести воды, самъ налилъ въ стаканъ и напоилъ Зубова.

Время шло. Давно уже наступилъ вечеръ. Часы показывали девять. Царское семейство собралось въ сосѣднемъ со спальней кабинетѣ. Вдругъ у дверей этого кабинета изъ спальни появился Роджерсонъ и глухимъ голосомъ проговорилъ:

— Государыня кончается!

Всѣ бросились въ спальню, окружили Екатерину.

Торжественная тишина царствовала въ комнатѣ и нарушалась только уже слабой теперь хрипотой умирающей. Все будто застыло устремивъ взгляды на ту, которая давно уже никого не видѣла и ничего не сознавала.

Цѣлый часъ прошелъ въ этомъ томительномъ ожиданіи. Но вотъ послѣдній вздохъ, слабое содроганіе всего тѣла—ни звука... ни движенія...

Глухой стонъ вырвался изъ груди Марьи Савишны. Великая княгиня и княжны громко зарыдали. Крупныя слезы одна за другою текли по щекамъ цесаревича.

Черезъ минуту изъ спальни къ притихшей въ ожиданіи толпѣ царедворцевъ вышелъ графъ Самойловъ и съ легкимъ поклономъ торжественно провозгласилъ:

— Милостивые государи! Императрица Екатерина скончалась, а государь Павелъ Петровичъ изволили взойти на Всероссійскій престолъ!

Этой напыщенной фразой возвѣщено было о событіи, значеніе котораго никто изъ присутствовавшихъ, не смотря на долгое его ожиданіе, не могъ уяснить себѣ въ ту минуту.

Въ придворной церкви дѣлались приготовленія къ присягѣ.

(До слѣд. №).

Иголка *).

Разсказъ **А. Стороженко.**

Въ старыя времена были на Украинѣ буйные люди—паны польскіе.

И чудно у нихъ все перемѣшалось и уживалось: проповѣдывали все паны о вольности и равенствѣ, а свою-же шляхту драли они батогами, палили слободы, убивали даже народъ и плакали надъ ихъ несчастіями: строили костелы, а души свои топили въ тяжкихъ грѣхахъ. На потѣху себѣ стрѣляли, палили

*) Этотъ разсказъ, а такъ-же другіе два, помѣщенные въ „Нивѣ“ въ прошломъ году („Усы“ и „Не въ добрый часъ“) изданы Стороженко подъ общимъ заглавіемъ „Изъ народныхъ устъ“).

людей, безъ вины карали, безъ заслуги награждали. Хоть-бы весь свѣтъ перевернулся—лишь бы панамъ было хорошо; только-бы все дѣлалось по ихъ волѣ, какъ имъ схотѣлось... А знаете, добрые люди, какъ звали тѣхъ людей?

Польскими магнатами.

Разскажу вамъ объ одномъ изъ этихъ магнатовъ, о Потоцкомъ, что когда-то жилъ въ Тульчинѣ. Можетъ вы слыхали что онъ выдѣлывалъ на своемъ вѣку? Немилосердный онъ былъ ко всѣмъ а ужъ къ жидамъ—бѣда! Для своей потѣхи чего онъ съ ними не выдѣлывалъ! Бывало нарисуетъ на стѣнѣ чорнаго кота да и заставляетъ жида попадать калёными камнями въ того кота. Только жидъ притронется къ камню, кричитъ—вай—вай!—ожегъ сердечный пальцы, а тотъ его батогомъ: „попадай, говоритъ, Иродовъ сынъ, а не то до смерти запорю!“ Нечего дѣлать—хватаетъ бѣдняга камень.—Не попадетъ—бьютъ жида за то что промахнулся; а попадетъ—снова. „За что, говоритъ, бьешь чарнёго кóта?“ Да такъ и тѣшится съ жидомъ, какъ котъ съ мышью, чуть не до полусмерти.

Разъ такъ застрѣлилъ онъ жида—не своего а какого-то другого пана, такого-жъ магната, какъ и Потоцкій. Да еще какъ застрѣлилъ! Далъ жиду дукатъ, да и говоритъ: „а ну, лишень, лѣзь на вербу да кукуй.“ Жидъ взлѣзъ, только прокуковалъ разъ-другой, а Потоцкій приложился—бацъ—такъ онъ, жидъ, и грохнулся о-зёмь.

А Потоцкому все шутки: „вотъ-то оказія, говоритъ, кукаетъ на вербѣ—я думалъ, то кукушка да и застрѣлилъ. Экая бѣда!“

Узналъ объ этомъ панъ того жида и разсердился на Потоцкаго: „какъ, говоритъ, ты осмѣлился моего жида застрѣлить; развѣ мало у тебя своихъ“? Видите—заступился за человѣка!... Такъ Потоцкій велѣлъ наложить полную фуру жидовъ, да и отослалъ до того пана, и отписалъ ему: не сердись пане, вотъ тебѣ за одного цѣлыхъ посылаю полсотни.“

Бывало и такъ, что иногда, ворочаясь съ охоты, въ осеннюю темную ночь, запалитъ слободу, чтобъ видно было ему дорогу до своего палаца.

„Разъ приглянулась ему какая-то красотка—молодица; да не любила его. Чего онъ ей не давалъ ужъ, какъ около нея не захаживалъ!.. Сумраченъ сталъ панъ... Разъ призвалъ онъ до себя какого-то искуснаго маляра—волоха и повелѣлъ ему написать съ той казачки портретъ. Окончилъ волохъ портретъ и принесъ до Потоцкаго; привели и молодицу. Глянулъ магнатъ на нее, глянулъ на портретъ—стоятъ передъ нимъ какъ двѣ сестры: обѣ прекрасныя, какъ Божій свѣтъ, обѣ задумчивыя и обѣ тѣмъ же гордымъ поглядомъ на него смотрятъ. Долго смотрѣлъ Потоцкій на портретъ, а тамъ понуро глянулъ на казачку да и говоритъ: „Видишь какъ я поважаю твою красоту! и внуки увидятъ какая ты была красавица, а за то что твое сердце не сдалось на мое коханье—повинна ты смерти: не мнѣ, такъ не доставайся-жъ никому.“ Выхватилъ изъ за пояса пистолетъ, да и тутъ-же застрѣлилъ несчастную!.

Такъ вотъ-такой-то былъ этотъ Потоцкій! Теперь ужъ какъ послушаете то что я вамъ разскажу про *иголку*, такъ не покажется за неправду. Вотъ слушайте!

II.

Недалеко отъ Тульчина, около одного имѣнья Потоцкаго, жилъ съ женою и дѣтьми небогатый шляхтичъ панъ Кондратовичъ. Имѣлъ онъ пять-шесть морговъ земельки, фельварочекъ, усердно трудился и благодаря Господу, ни у кого не просилъ хлѣба. Разсердился на него за что-то экономъ того имѣнья—панъ Тридурскій (а каждый здѣсь экономъ строилъ изъ себя Потоцкаго) да и выгналъ бѣднаго шляхтича съ жинкою и дѣтьми изъ собственной хаты. Что тутъ дѣлать бѣднягѣ—шляхтичу? Не тягаться же ему съ магнатомъ! Вотъ онъ осѣдлалъ коня да и поѣхалъ въ Тульчинъ къ самому Потоцкому, чтобы сдаться на милость и ласку его ясновельможности.

Не доѣзжая съ версту до Тульчина, Кондратовичъ издалека еще увидѣлъ поѣздъ Потоцкаго. Самъ ѣхалъ впереди, а за нимъ цѣлый эскадронъ жолнеровъ, козаковъ, доѣзжачихъ, стремянныхъ, и псарей съ гончими. Радостно забилось сердце у Кондратовича, когда онъ увидѣлъ Потоцкаго; „это,“ подумалъ „самъ Господь посылаетъ его мнѣ, можетъ быть онъ ласково выслушаетъ меня и велитъ вертуть мнѣ заграбленную худобу. Остановилъ коня, снялъ шапку, и стоитъ себѣ: не осмѣлился самъ и подъѣхать къ Гетману. Какъ в тъ самъ Потоцкій, пришпорилъ коня и подлетѣлъ къ Кондратовичу.

— *Кто iестесь?* спросилъ Потоцкій.

— Шляхтичь, ясновельможный пане, отвѣтилъ Кондратовичъ, поклонившись въ поясъ.

— *А голку машъ?* снова спросилъ Потоцкій.

Кондратовичъ выпучилъ глаза, смотритъ ему въ очи, не знаетъ что и сказать.

— *Машъ голке, чуисватъ, лайдакъ?* закричалъ Потоцкій и брови нахмурилъ и почервонѣлъ: уже видите разсердился!

— *Нiма*, ясновельможный пане, отвѣтилъ Кондратовичъ.

— *Нiма!* крикнулъ Потоцкій. ажъ зубами заскреготалъ. *Паштай*, говоритъ показывая застромленную въ рукавѣ иголку, обмотанную ниткою, какъ бываетъ у портныхъ, *паштай* я грабя Потоцкій, коронный гетманъ, надъ панами панъ, имѣю сто городовъ—и у меня есть иголка, чтобъ часомъ—разорвется—починить, а ты лайдакъ, бездѣльникъ, голодранецъ и у тебя нѣтъ?.. А нуте хлопцы залейте-ка ему сала за шкуру!

Не дали ему проклятые котолупы и опомниться, стащили раба Божія съ коня и начали его чухрать канчуками, а Потоцкій смотритъ да приговариваетъ:

— Вотъ такъ дурней учатъ, до на разумъ наводятъ! Вотъ-такъ и ты учи и бей другихъ моею властною рукою!

Можетъ быть и его заколотили-бы до полусмерти—такъ на счастье шляхтича выхватился недалеко заяцъ; Потоцкій кинулъ Кондратовича и помчался за косымъ. Не опомнился бѣдняга Кондратовичъ откуда и лихо пришло; думалъ найти защиту и правый судъ, а нашолъ ни за что ни про что обиду и поруганіе.

— Вотъ тебѣ, думаетъ, и Потоцкаго правда! Зови теперь магната хоть на Божій судъ. Заплакалъ сердечный да и поѣхалъ въ Тульчинъ къ своему родичу, что служилъ у Потоцкаго конюшимъ. Пріѣхавши, разсказалъ ему все какъ было, какъ его Тридурскій ограбилъ и какъ Потоцкій надъ нимъ надругался.

— Что-жъ теперь думаешь? спросилъ родичъ.

— Да что, говоритъ Кондратовичъ, теперь мнѣ не до земельки; ну ее къ чертямъ; жинку съ дѣтьми отдаю на волю Божію а самъ.... пропаду а ужъ отплачу ему, дьякольскому сыну!

Нечего сказать, завзятый таки былъ и Кондратовичъ, не съ того десятка что лечатъ свою спину чужими дукатами да еще и силачъ былъ: одною рукою уложилъ-бы и трехъ молодцовъ.

— Не журись, говоритъ родичъ, когда тебѣ ужъ такъ мiсти захотѣлось: я тебя и научу что дѣлать. Знаешь ты каплычку *). что въ концѣ парка?

— Какъ не знать отвѣтилъ Кондратовичъ, а самъ ажъ затрясся съ радости.

— Вотъ въ эту каплычку, говоритъ родичъ, Потоцкій, перерядившись старцемъ, каждую субботу ходитъ къ Почаевской богоматери отмаливать грѣхи, что за недѣлю наберутся! Завтра суббота, вставешь раненько да такъ и застукаешь его какъ воробья на мякинѣ, и ужъ сдѣлаешь съ нимъ что твоей душѣ захочется.

Какъ услышалъ это Кондратовичъ—словно на свѣтъ заново народился. Сейчасъ и придумалъ какъ все сдѣлать. Великая радость для человѣка—помочь тому врагу, котораго покарала злая судьбина, и большая—отомстить врагу.

III.

Еще только едва забрезжилось, какъ Кондратовичъ взявши добрый малахай **) потянулъ въ паркъ къ каплычкѣ. Не доходя до нее съ версту, спрятался онъ въ кусты и началъ сторожить Потоцкаго какъ котъ мышь сторожитъ. Только что начало свѣтать — слышитъ Кондратовичъ что-то зашумѣло; смотритъ идетъ Потоцкій—оборванный, ошарпанный, да еще и съ торбою (сумкою) черезъ плечо. Кондратовичъ такъ и замеръ на мѣстѣ—не дышитъ; глядитъ: вошелъ Потоцкій въ каплычку и началъ молиться: то распластается по землѣ, то кулаками себя въ грудь бьетъ, то руки въ гору подымаетъ—ну словомъ живой на небо лѣзетъ. Подождалъ Кондратовичъ, далъ Потоцкому немного помолиться, а тамъ вошелъ въ каплычку, ударилъ нѣсколько поклоновъ, и сталъ громко молиться:

— Пайсвѣнтша Матка! говоритъ, а самъ свое думаетъ, „пошли всякаго счастья, здоровья и долголѣтья нашему дидичу, ясновельможному пану Потоцкому, за то что онъ насъ дураковъ учитъ и до разуму доводитъ. Пусть онъ и его дѣти панують надъ нами до конца вѣку!

Потоцкій притаился въ уголку и слушаетъ, а у самого по душѣ какъ медомъ мажутъ, сейчасъ узналъ что это тотъ шляхтичъ, котораго онъ вчера батогами отодралъ.

Окончивши молитву, Кондратовичъ обернулся до Потоцкаго и спрашиваетъ: А что ты тутъ дѣлаешь дѣдко?

— Молился, вельможный пане, отвѣтилъ Потоцкій, низко поклонившись и заслоняясь торбою, чтобы часомъ не узналъ его шляхтичъ.

— *А машъ голку?*

— Ишь ты какой разумный, подумалъ Потоцкій вѣрно теперь у него есть иголка.

— *Чи машъ голку, чуисватъ, лайдакъ*, закричалъ Кондратовичъ, вызвѣрившись на Потоцкаго.

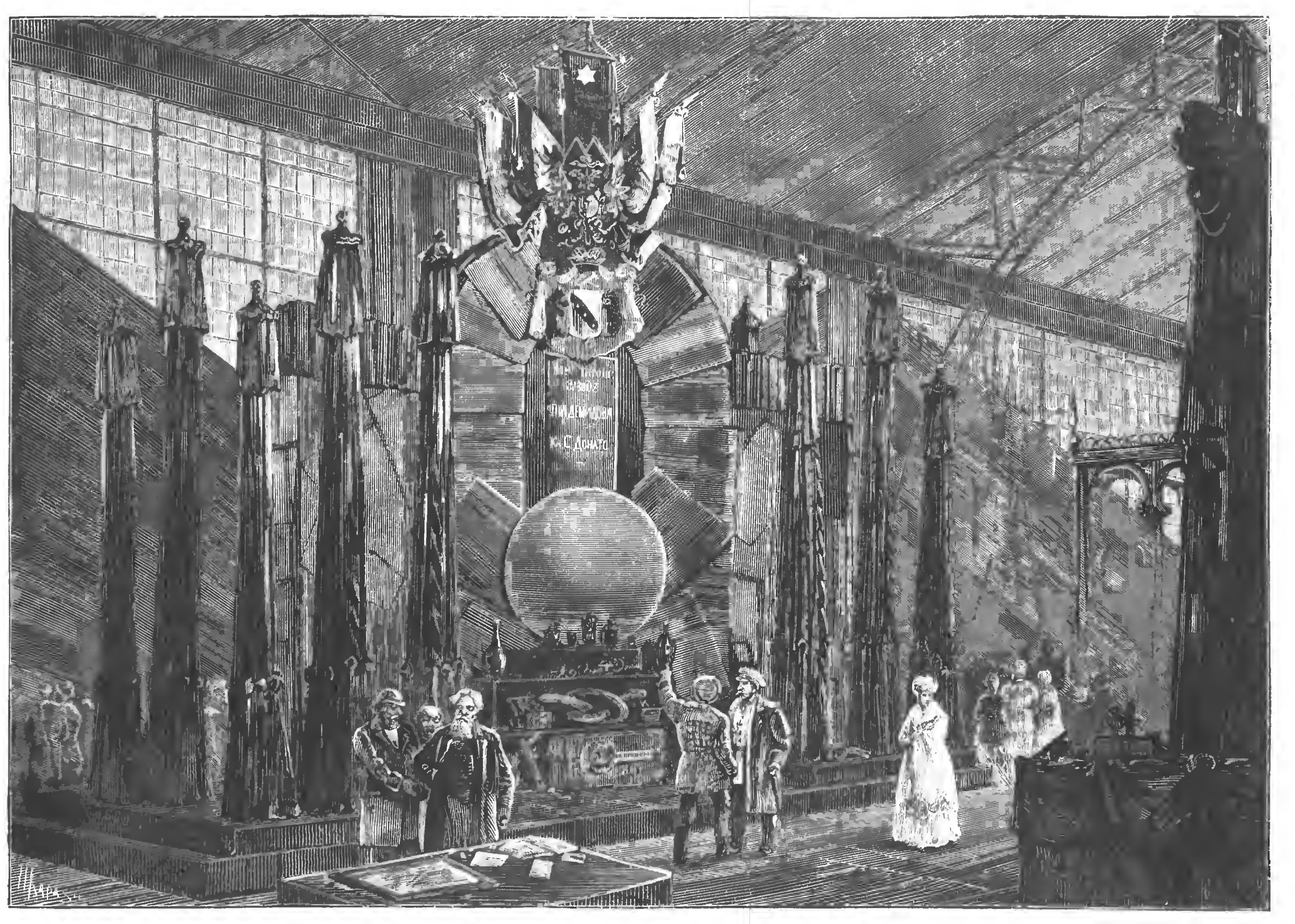
— *Нiма, вельможный пане*, отвѣтилъ Потоцкій, а самъ скорѣй къ дверямъ, вотъ думаетъ научилъ человѣка себѣ-же на лихо.

— *Нiма!* крикнулъ Кондратовичъ, паштай-же, говоритъ, я гоноровый шляхтичъ — мамъ десять морговъ земли, два коня, корову, четыре свиньи и у меня есть иголка, чтобъ не ходить оборванцемъ, а ты гольтепака, безштанько — у тебя нѣтъ?! Да это говоря, хвать его за чубъ, трепалъ, трепалъ а потомъ голову межъ колѣнъ да давай еще малахаемъ стегать; стегаетъ а самъ приговариваетъ: вотъ такъ батько нашъ Потоцкій, велѣлъ дураковъ учить да на разумъ наводить: не я тебя бью, а бьетъ его властная рука. Натѣшившись вдоволь, Кондратовичъ плюнулъ на Потоцкаго и вытолкалъ его. а самъ пошелъ къ родичу.

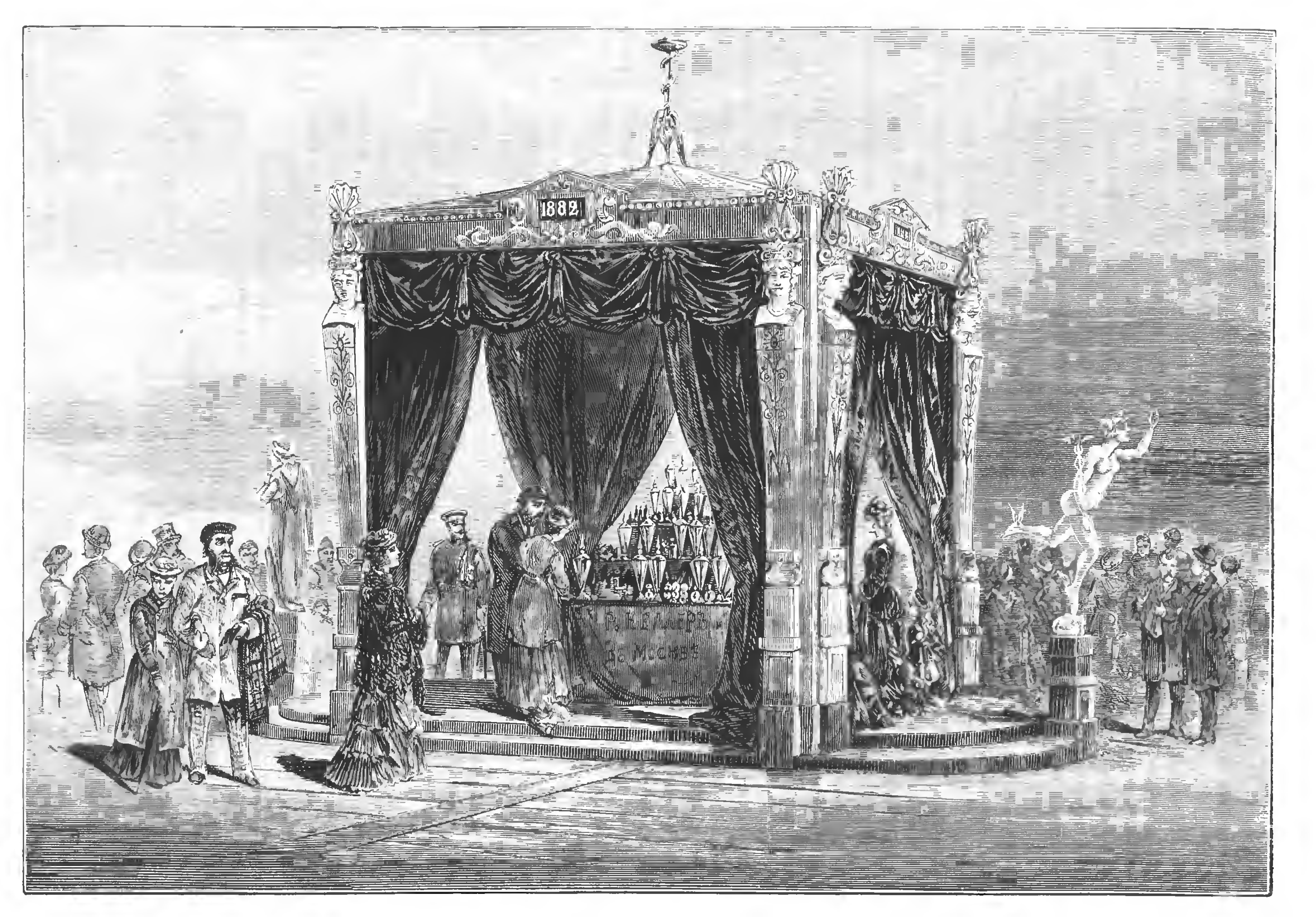
— А что? спросилъ родичъ увидѣвъ Кондратовича.

*) Часовню.

**) Малахай—родъ плети.



Моск. промышл.-худож. выстав. Витрина желѣзодѣлательныхъ заводовъ П. П. Демидова кн. Санъ-Донато.
Оригин. рис. нашего спеціальнаго корреспондента Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.



Московская промышленно-художественная выставка. Павильонъ Р. Келлера и К°. Аптекарскiе товары.

Ориг. рис. нашего специальнаго корреспондента Н. Каразина, грав. М. Рашевскiй.

— Задалъ я ему перегону, говоритъ Кондратовичъ усмѣхаясь; будетъ вспоминать по субботамъ ту свою иголку.

— Ну уходи-жь скорѣй, а то онъ тебя на шибеницѣ (висѣлицѣ) провѣтритъ.

— За что?.. развѣ-жь не самъ онъ велѣлъ мнѣ дураковъ учить; вѣдь я билъ не его а нищаго, да еще его собственною рукою. Да куда-жь и уйти отъ Потоцкаго; развѣ на тотъ свѣтъ а на этомъ отъ него не спрячешься.

— Да оно такъ-то такъ, говоритъ родичъ, только смотри, ты вѣдь самъ знаешь, что у польскихъ пановъ правда—какъ палка въ рукѣ—какимъ концомъ захочетъ тѣмъ и ударитъ.

Такъ-то поговорили, а Кондратовичъ рѣшилъ пока остаться и прислушиваться какая будетъ вѣсть отъ Потоцкаго. Немного спустя зашелъ къ родичу одинъ изъ челяди Потоцкаго и сказалъ, что гетманъ вчера простудился и заболѣлъ.

На другой день, только вернулись они съ костела, какъ прибѣгаетъ казакъ.

— А что тутъ, спрашиваетъ, гостюетъ панъ Кондратовичъ?

— Тутъ, говоритъ родичъ, а вамъ зачѣмъ?

— Гетманъ зоветъ до себя—пусть скорѣй идетъ.

Смѣло пошелъ Кондратовичъ до Потоцкаго—думаетъ что будетъ—то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ!

Только завидѣлъ его Потоцкій сейчасъ и крикнулъ:

— А что *машъ* теперь *голку?* только ужь спросилъ не такъ какъ тогда а ласково, самъ усмѣхается.

— „*Машъ*“ ясновельможный пане, отвѣтилъ Кондратовичъ показавши иголку. Глянулъ на нее Потоцкій—будто не видѣлъ; а ее ужь не только очи, а и спина видѣла.

— А не случалось тебѣ часомъ научить какого нибудь дурня? спрашиваетъ гетманъ а самъ смотритъ пристально на Кондратовича.

— Какъ не случалось—случалось уже не разъ ясновельможный панъ, не моргнувши глазомъ отвѣтилъ Кондратовичъ—вчера въ камлицѣ напалъ на какого-то старца и добре его за ту голку отхлесталъ—долго будетъ вспоминать.

Тутъ Потоцкій сталъ разспрашивать Кондратовича откуда онъ и зачѣмъ пріѣхалъ. Вотъ онъ и разсказалъ ему все что нужно. Гетманъ ласково его выслушалъ, взялъ листъ бумаги, что-то написалъ и говоритъ:

Возьми этотъ „*рóзказъ*“ и отдай его главному эконому; все сдѣлается такъ, какъ тебѣ и не снилось.

Кондратовичъ поблагодарилъ гетмана, поцѣловалъ полу его кунтуша и пошелъ въ контору. Прочиталъ тотъ листъ главный экономъ—только руками развелъ: „сколько лѣтъ служу его ясновельможности, а онъ мнѣ десяти грошей не подарилъ, а тутъ чортъ знаетъ кому и за что дастъ и грóши и землю“!

— Да вѣдь земля-то моя—батьковская. Не свою дастъ, а ту, что панъ Тридурскій заграбилъ!

— Говори тамъ не свою!.. Панъ-гетманъ велѣлъ въ придачу до твоей земли дать еще втрое, да еще двѣсти дукатовъ, вонъ оно что!

— Такъ тебѣ жалко чужихъ денегъ, а чужой спины не жалко? Позавчера панъ-гетманъ всыпалъ мнѣ двѣсти канчуковъ, а сегодня отсыпалъ двѣсти дукатовъ; такъ что попробуй сначала канчуковъ, а тогда ужь и завидуй ласкѣ его ясновельможности

Забравши деньги и *рóзказъ* до пана Тридурскаго, Кондратовичъ поблагодарилъ родича за совѣтъ и поѣхалъ себѣ домой веселый и счастливый. Хоть спина еще и не зажила, за то ужь на сердцѣ не щемило.

Не прошло и недѣли послѣ того, какъ поѣхалъ Кондратовичъ, прискакалъ панъ Тридурскій до Потоцкаго и бухъ ему въ ноги.

— Смилуйся пане-господарю, заголосилъ; пся-кревъ, гунсвать Кондратовичъ, вѣку мнѣ сбавилъ. до полусмерти зашмагалъ канчуками, чуть головы не оторвалъ съ чубомъ.

— За что? спросилъ Потоцкій.

— А чортъ его батька знаетъ за что! Встрѣтилъ меня одного въ лѣсу, да и спрашиваетъ: а „*Машъ голке*“? Нѣту—отвѣчаю. А онъ какъ крикнетъ: Ахъ ты голодранецъ! я милостію пана Потоцкаго вольный обыватель, и у меня есть иголка, а ты наемникъ, прихвостень и у тебя нѣтъ? За чубъ меня, стянулъ съ коня и давай трощить; да еще приговариваетъ: „оттакъ батько вашъ Потоцкій велѣлъ дурней учить да на рóзумъ наводить! не я тебя бью а бьетъ его властная рука“!

Панъ Тридурскій думалъ, что Потоцкій разгнѣвается и велитъ повѣсить Кондратовича, а Потоцкій хохочетъ ажъ за животъ хватается, Тридурскій, чтобъ его разжалобить, разсказываетъ, какая тяжелая рука у Кондратовича, а Потоцкій еще пуще: еще-бы ему не знать какая рука у Кондратовича! Потомъ, какъ натѣшился въ волю, и спрашиваетъ пана Тридурскаго:

— А въ какой ты школѣ учился?

— Въ Мiнжирицкой, ясновельможный пане, отвѣчаетъ Тридурскій.

— А какъ ты хорошо учился и слушалъ своихъ „*научицьливъ*“,—была тебѣ за это награда?

— А какъ-же, говоритъ, патеры вѣшали мнѣ на шею мѣдную бляшку, а мати кормила марципанами съ миндалемъ.

Ну, такъ какъ воротишься въ маюнтекъ, то сейчасъ отошли Кондратовичу сто дукатовъ, за то что онъ хорошій ученикъ.

Панъ Тридурскій было ужь и назадъ, такъ куда! Потоцкаго не переспоришь. Его воля всѣмъ законъ; что онъ сказалъ, то такъ и будетъ.

Повертѣлся туда-сюда панъ Тридурскій да нечего дѣлать. Пришлось вернуться домой ни съ чѣмъ, да еще сто дукатовъ Кондратовичу отослать.

И не на одномъ Тридурскомъ огорошилась эта иголка. Долго не было проходу отъ нея. Застукаетъ шляхтичъ своего врага гдѣ нибудь въ безлюдномъ мѣстѣ и горе тому если не окажется у него иголки: изобьетъ его, надругается надъ нимъ какъ ему угодно; а къ Потоцкому лучше и не ходи — расхохочется да еще велитъ заплатить обидчику за науку. Всякій боялся не то что въ поле или въ лѣсъ а даже за ворота выйти безъ иголки.

Давно ужь нѣтъ на свѣтѣ ни Потоцкаго, ни Тридурскаго, ни Кондратовича, а еще и теперь вспоминаютъ въ тѣхъ краяхъ ту „паньску голку“.

Письма о здоровьи.

Очеркъ Н.

IV.

Оспопрививаніе.

Вопросъ объ оспопрививаніи имѣетъ, несомнѣнно, огромную важность и разборъ его далеко не представляется лишнимъ какъ въ виду народившихся не такъ давно противниковъ оспопрививанія, такъ и вообще въ виду распространяющагося все шире и шире прививанія разныхъ болѣзней. Знаменитый французскій химикъ Пастёръ, дошелъ даже до прививанія сибирской язвы домашнимъ животнымъ. Такіе опыты начинаютъ уже производиться и въ Россіи. Въ дополненіе къ нашей статьѣ „Оспа“ („Нива“, № 21), мы займемся этимъ важнымъ вопросомъ.

Дѣйствіе оспопрививанія и всякаго другаго прививанія основывается на томъ, что прививаемая матерія производитъ слабую соотвѣтствующую болѣзнь, предохраняющую отъ смертельной болѣзни, благодаря неповторяемости заразныхъ заболѣваній въ организмѣ.

Еще прежде открытія коровьей оспы, съ незапамятныхъ временъ, практиковалось на востокѣ и на западѣ прививаніе человѣческой оспы, предохранявшее отъ смертельнаго заболѣванія этого рода.

Далѣе, еще до открытія сдѣланнаго Дженнеромъ въ Глочестерскомъ графствѣ въ Англіи, было замѣчено что мальчики и служанки, ухаживавшіе за больнымъ скотомъ, имѣя на рукахъ ранки и царапины, заражались иногда около коровъ такъ называемой коровьей оспой и затѣмъ оказывались почти неуязвимыми для человѣческой оспы. Дженнеръ. узнавъ объ этомъ фактѣ, возъимѣлъ счастливую мысль прививать оспу человѣку. Такимъ-же путемъ, прививаніе человѣческой оспы смѣнилось прививаніемъ оспы коровьей, смѣнилось къ большой выгодѣ для человѣчества, ибо послѣднее прививаніе, въ противуположность первому, вовсе не представляетъ хотя-бы и рѣдкихъ случаевъ смертельныхъ зараженій и возможности эпидемическаго распространенія болѣзни.

Для открытія предохранительной оспы, эта болѣзнь была самой страшной, самой опустошительной болѣзнью въ Европѣ. Она губила тогда почти десятую часть населенія, и четвертая часть слѣпыхъ была обязана этимъ оспѣ.

Перенесенная испанцами въ Америку, въ Перу, оспа и тамъ скоро произвела ужасныя опустошенія. Въ одной провинціи Квито, въ одинъ годъ, умерло отъ нея 100,000 индійцевъ; въ Мексикѣ же отъ нея погибло до 4.000.000 жителей. Но съ начала нынѣшняго столѣтія, по мѣрѣ распространенія прививанія, оспа теряетъ подъ собой почву. Оспенныя эпидеміи становятся все рѣже и рѣже, все слабѣе и слабѣе. Вотъ что краснорѣчиво говорятъ въ этомъ смыслѣ цифры.

Въ Швеціи, гдѣ особенно энергично принялись за новооткрытый способъ предохраненія противъ оспеннаго зараженія, эпидеміи не было и въ поминѣ, впродолженіи тридцати лѣтъ. Въ Пруссіи, до введенія оспопрививанія, ежегодно умирало до 40,000 человѣкъ оспенныхъ больныхъ. Въ 1817 году, послѣ введенія оспопрививанія, умерло уже отъ этой болѣзни только 3,000. Одинъ изъ баварскихъ округовъ (Аншпахъ), терявшій въ 1797—98—99 годахъ ежегодно по 500 оспенныхъ больныхъ, далъ только одинъ случай смерти съ 1809 по 1818 годъ. Вообще, при сравненіи періодовъ времени съ 1777 по 1806 и съ 1806 по 1850 между собою, прекрасно выясняется благодѣтельное дѣйствіе оспопрививанія въ смыслѣ пониженія смертности. Пониженіе это выражается въ слѣдующихъ нѣсколькихъ цифрахъ: въ Богеміи, съ 2,174 смертность опустилась до 215 случаевъ; въ Моравіи, съ 5,402 до 255; въ Силезіи, съ 5.812 до 198; въ Берлинѣ, съ 3,422 до 176, въ Копенгагенѣ, съ 3.128 до 286.

Въ настоящее время, оспенныя эпидеміи съ страшной силой

свирѣпствуютъ среди кочующихъ племенъ, незнакомыхъ еще съ оспопрививаніемъ. Оспа является для нихъ однимъ изъ условій вырожденія, которому подвергаются эти племена со времени соприкосновенія съ цивилизованными собратьями, внесшими въ ихъ среду „свѣтъ просвѣщенія“, въ видѣ заразительныхъ болѣзней, водки и огнестрѣльнаго оружія. Такимъ образомъ оспа положительно, напримѣръ, грозитъ обезлюдить Сандвичевы острова.

Примѣръ нѣкоторыхъ странъ, гдѣ одни стоятъ за оспопрививаніе, другіе противъ него, гдѣ первые предохраняютъ себя отъ заболѣванія, а вторые не принимаютъ никакихъ мѣръ въ этомъ смыслѣ, именно только доказываетъ благодѣтельность оспопрививанія: первые остаются здравыми и невредимыми, вторые дѣлаются жертвами страшной болѣзни. Такимъ образомъ въ Монреалѣ (Канада), оспенная смертность составляетъ одну тысячную общей смертности для протестантовъ, прививающихъ себѣ оспу, и одну сотую для католиковъ, непризнающихъ этого средства предохранительнымъ. Замѣчено, далѣе, что въ оспенныхъ больницахъ, лица, которымъ оспа не была привита, умираютъ несравненно чаще, нежели тѣ, которымъ была привита предохранительная оспа. По словамъ доктора Вильяма Гэйтона, пользовавшаго въ одной изъ лондонскихъ оспенныхъ больницъ, съ 1871 по 1876 годъ, смертность составляла 8,7 процентовъ для послѣднихъ, и 38,8 для первыхъ, которымъ предохранительная оспа не была привита. Другой докторъ, Марсонъ, лечившій также въ одной изъ оспенныхъ больницъ Лондона, нашелъ почти такія же цифры—именно, 6,91 процентовъ для первыхъ и 35,5 для вторыхъ, безъ предохранительной оспы. Очевидно страны, гдѣ оспопрививаніе обязательно, платятъ менѣе обильную дань, нежели тѣ, въ которыхъ оно не столь распространено. Съ 1868 по 1873 годъ, оспенная смертность на одинъ милліонъ жителей составляла 1,349 чел. для Швеціи; 1,534 для Шотландіи; 2,219—для Баваріи; 2,376 для Англіи.

Какъ и всякое полезное открытіе, оспопрививаніе, прежде нежели распространиться по всему свѣту, выдержало нѣкоторую борьбу съ встрѣченными противодѣйствіями, одержавъ надъ ними побѣду, въ концѣ концовъ. Сначала, противодѣйствіе это явилось въ формѣ отрицанія дѣйствительности оспопрививанія, затѣмъ, стали утверждать, что, уменьшая оспенто-смертность, оно увеличиваетъ смертность отъ тифозной горячки и т. д. Однако, статистика не показываетъ ничего подобнаго. Далѣе, угрожали, якобы, вырожденіемъ человѣческаго рода, подъ вліяніемъ оспопрививанія. Бертильонъ опровергъ и это возраженіе противъ оспопрививанія, доказавъ, что съ прошлаго столѣтія общая смертность уменьшилась въ Европѣ, причемъ, одновременно, увеличилась средняя продолжительность человѣческой жизни. Словомъ, говоритъ онъ, какъ ни истолковывать статистическіе документы, прежніе и нынѣшніе, французскіе и иностранные, общіе или спеціальные, касающіеся города Парижа, арміи, департаментовъ,—все равно придется дѣлать заключенія въ пользу оспопрививанія.

Возраженіе, которое еще можно было-бы сдѣлать противъ оспопрививанія—это возможность одновременно привить какую либу приличивую болѣзнь, вродѣ сифилиса. Но, вопервыхъ, подобные случаи—чрезвычайно рѣдки; во вторыхъ, ихъ весьма легко можно избѣжать. По крайней мѣрѣ, въ продолженіи двадцати лѣтъ обязательнаго оспопрививанія во Франціи, не было ни одного случая сифилитическаго зараженія такимъ путемъ.

Давно замѣчено, что предохранительная сила оспопрививанія имѣетъ ограниченную продолжительность, уменьшаясь по мѣрѣ удаленія отъ момента прививанія. Такимъ образомъ, если прежде чаще другихъ умирали дѣти, то теперь, наоборотъ, въ наибольшемъ количествѣ умираютъ взрослые, отъ 20 до 40 лѣтъ. Съ этимъ согласны всѣ статистики. Обязательное оспопрививаніе, такъ сказать, перемѣщаетъ смертные оспенные случаи.

Отсюда, является необходимость предохраняя дѣтей оспопрививаніемъ отъ страшной болѣзни, оказать подобную же охрану и взрослымъ, путемъ вторичнаго оспопрививанія. Такимъ образомъ, благодаря тому, что съ 1834 года въ прусской арміи существуетъ обязательное повторительное оспопрививаніе, смертность отъ оспы уменьшилась въ ней противъ прежняго почти въ пять разъ: именно, съ 1825 по 1834 г., она составляла 35 человѣкъ ежегодно, а съ 1835 по 1874 годъ, потери стала равняться только 11. Далѣе, въ 1870—71 году, во время франко-прусской войны, французскихъ солдатъ умирало отъ оспы въ 334 раза больше, чѣмъ прусскихъ. Но подобныя опустошенія тотчасъ прекратились со введеніемъ обязательнаго вторичнаго оспопрививанія и во французской арміи. Такъ что, судя по изслѣдованіямъ г. Бертильона, въ то время какъ въ первую половину 1880 года военное сословіе Парижа дало только 3 случая смерти отъ оспы, все остальное населеніе—1,519. Въ Венеціи, во время осады 1848—49 года, среди городскаго гарнизона, съ страшной силой, начала свирѣпствовать оспа. Докторъ Анжело Минихъ подвергъ тогда солдатъ вторичному оспопрививанію, и эпидемія прекратилась. Въ 1871 году, пожаръ уничтожилъ большую часть города, Чикаго, оставивъ безъ всякаго крова около 100.000 жителей. До пожара, въ октябрѣ мѣсяцѣ, во всемъ городѣ было только восемь оспенныхъ больныхъ: въ ноябрѣ, число ихъ увеличилось уже до 68, въ декабрѣ до 223. Съ октября 1871 года до конца 1873 года на 335,000 жителей приходилось уже 5,440 больныхъ. Въ это время была привита всѣмъ вторичная оспа; тогда, въ 1874 году было насчитано уже только 313 случаевъ, а въ 1875—одиннадцать, изъ которыхъ только одинъ смертельный. Эти факты прекрасно доказываютъ, кажется, необходимость вторичнаго оспопрививанія для полной безопасности отъ страшной болѣзни. И повторительное оспопрививаніе начинаетъ все болѣе и болѣе распространяться, сдѣлавшись въ нѣкоторыхъ странахъ обязательнымъ всегда или въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, во время эпидеміи для обитателей зараженнаго дома. Это ведетъ, конечно, къ наибольшей безопасности для людей отъ подобнаго бича, вырывавшаго прежде такое множество жертвъ и теперь обузданнаго искусствомъ и знаніемъ человѣческимъ. Но нельзя, однако, полагаться на одно оспопрививаніе. „Береженаго и Богъ бережетъ,“ говоритъ русская пословица и необходимо соблюдать всѣ прочія мѣры предосторожности, изложенныя въ нашей первой статьѣ.

Стихотвореніе.

Наивной дѣвочки портретъ
Держу я часто предъ собою;
Въ немъ сходства съ женщиною нѣтъ
Умершей, такъ любимой мною!

* * *

И все-же, въ дѣвочкѣ живой,
Веселой, рѣзвой и счастливой,
Я вижу образъ дорогой
Моей подруги молчаливой!

* * *

Всмотрѣвшись въ дѣтскія черты,
Я уловляю это сходство—
Задатки свѣтлой красоты
И взглядовъ ясныхъ благородство.

Душой чиста, отъ жизни бурь
Перенеслась ты въ край надзвѣздный—
Небесъ привѣтная лазурь
Легла межъ нами грозной бездной!

* * *

Лишь иногда, любви полна,
Когда страстями я волнуемъ,
Ко мнѣ является она
Съ безстрастнымъ братскимъ поцѣлуемъ.

* * *

На сердце бѣдное мое
Елей отрадный проливаетъ—
И про иное бытіе
Разсказы дивные вѣщаетъ!

В. М.

Къ рисункамъ.

Возвращеніе рыбачекъ съ лова въ Нормандіи.

(Рис. на стр. 628 и 629).

„Неудивительно, что ты такъ прекрасна; ты родилась вѣдь на берегу моря“! поется въ одной южно-итальянской пѣснѣ и въ самомъ дѣлѣ приморскія типы вообще отличаются энергіей и красотой. Возьмемъ для примѣра хоть типъ женщины-рыбачки въ Нормандіи; это большею частью высокая, стройная красавица, граціозная даже въ своемъ невзрачномъ рабочемъ костюмѣ и въ своихъ неуклюжихъ, деревянныхъ башмакахъ. Загорѣлое, смуглое ея лицо дышетъ и энергіей здоровьемъ—равно необходимыми въ ея тяжелой, трудовой жизни. Кормитъ ее одно море, такъ какъ берега Нормандіи—сплошная масса кремня и камня, покрытая лишь мѣстами морскою травою, да бурою плѣсенью. Съ ранняго утра цѣлая толпа дѣвушекъ, отправляется на рыбную ловлю, собирая все то, что даютъ имъ волны: и рыбу, и раковъ, и всякаго рода моллюсковъ, которые всѣ идутъ на ихъ незатѣйливую пищу. Болѣе крупная рыбная ловля конечно не по силамъ женщинамъ: она производится ихъ отцами, мужьями и братьями. Эти крѣпкіе, мускулистые, безстрашные рыбаки, смѣло пускаются въ открытое море для лова сельдей и трески и только поздно осенью, обогащенные обильнымъ уловомъ, возвращаются къ родному очагу. Въ ихъ отсутствіе оставшіяся дома женщины и дѣвушки занима-

ются, какъ мы уже сказали, скромной, прибрежной ловлей, и во время лѣтняго дня приморскія нормандскія поселенія кажутся какъ бы вымершими: дома остаются одни старики да дѣти: все молодое, сильное и здоровое толпится на берегу и занято самой кипучей, дѣятельной работой. Но вотъ солнце уже на закатѣ; съ далекой, чуть видной въ туманѣ отмели тянется длинный рядъ рыбачекъ, кончившихъ свой дневной тяжелый трудъ и возвращающихся домой съ запасомъ рыбы и моллюсковъ. Тамъ и сямъ видны онѣ, несущія тяжелыя сѣти и лодочныя принадлежности. Толпа идетъ молчаливая и сосредоточенная: замѣтно что всѣ за день достаточно устали и измучились и думаютъ объ одномъ—какъ бы скорѣе дойти до дому и донести туда свою тяжелую ношу. Это возвращеніе нормандскихъ рыбачекъ съ лова и составляетъ сюжетъ эффектной картины Файенъ-Перрена.

Моск. худож.-промышл. выставка. „Послѣ войны“, Богданова.

(Рис. на стр. 633).

Война окончена. Герои встрѣчены вѣнками и народными кликами, плѣнные идутъ въ дальнюю чужую сторону, навшіе благороднѣйшею въ мірѣ смертью лежатъ въ сырой землѣ, вдали отъ родины, на политыхъ кровью боевыхъ поляхъ... А здѣсь въ глухой, отдаленной степной деревнѣ разыгрывается тихая, невидная и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокая, скорбная, душу надрывающая драма. Онъ исполнялъ свой долгъ какъ слѣдуетъ честному русскому офицеру—шелъ впереди отважно и смѣло и голосъ его звучалъ твердо, когда вдругъ шальная пуля прожужжавъ подкосила его какъ траву въ полѣ и онъ упалъ... Вынули пулю изъ раны, но ему, бѣдному, уже не встать: доктора покачиваютъ головами, совѣтуютъ выйти въ отставку, пожить въ деревнѣ. И вотъ, еще молодой, бѣдный калѣка, худой, слабый, сидитъ въ чудный, лѣтній день въ креслахъ и смотритъ грустно въ даль и едва слышитъ что читаетъ ему его молодая сестра. Грустныя думы его далеко... Мать старушка грустно сквозь очки смотритъ на угасающаго своего любимца и боится заплакать чтобы не разстроить его еще больше. Вся эта простая, потрясающая драма прекрасно выполнена на картинѣ молодаго, талантливаго художника.

Московская промышленно-художественная выставка. Лѣсные матеріалы Бѣловѣжской Пущи.
Ориг. рис. нашего спеціальнаго корреспондента Н. Каразина, грав. М. Гельштейнъ.

Карта новыхъ пріобрѣтеній въ Средней Азіи.

(На стр. 641).

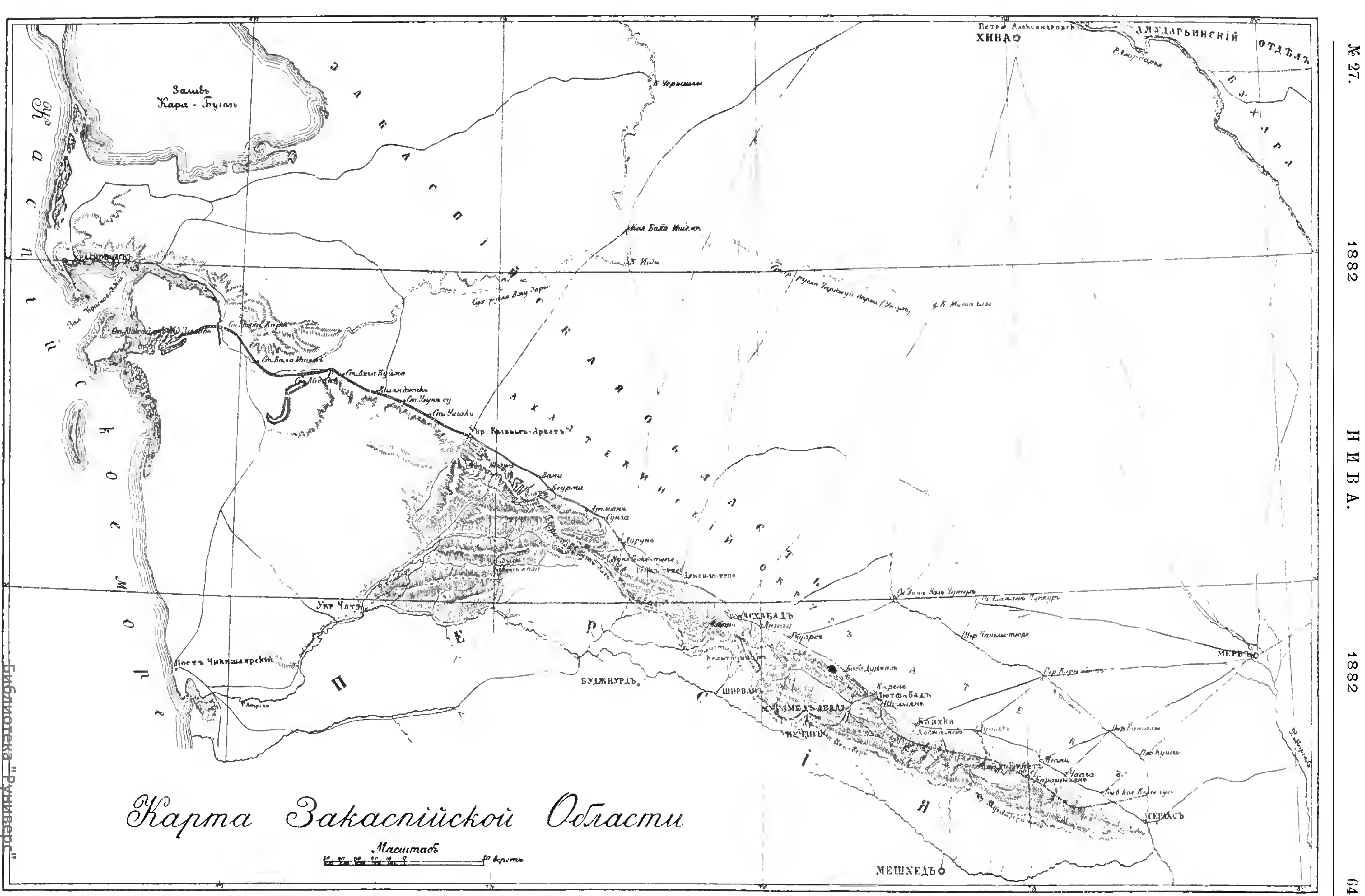
Только недавно въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ была обнародована конвенція, заключенная еще 9-го декабря прошлаго года между Императорскимъ россійскимъ правительствомъ и Персіей о разграниченіи къ востоку отъ Каспійскаго моря.

До послѣдней экспедиціи генерала Скобелева наша граница неопредѣленно прерывалась близъ укрѣпленія Чатъ на Атрекѣ. Наша новая граница съ Персіей начинается у впаденія р. Атрека въ Каспійское море близъ Чикишляра, затѣмъ идетъ вверхъ по Атреку до укрѣпленія Чатъ, отсюда идетъ на востокъ по небольшому хребту Сангу-дагъ, раздѣляющему рѣки Сумбаръ и Чандырь отъ Атрека, достигши дороги, выходящей изъ кр. Чаканъ-кала, граница поворачиваетъ прямо на сѣверъ до названной крѣпости, отъ Чаканъ-кала идетъ на сѣверо-востокъ по ручью впадающему въ р. Чандырь, пересѣкаетъ небольшой отрогъ хребта Конетъ-дагъ и спускается на верховья р. Сумбаръ, по Сумбару идетъ вверхъ до его истоковъ и поднимается на хребетъ Конетъ-дагъ противъ истока ручья текущаго въ сел. Дурунъ, тутъ граница поворачиваетъ на юго-востокъ и идетъ по хребту Конетъ-дагъ до вершины ручья текущаго въ сел. Фируза, съ этого мѣста поворачиваетъ на сѣверо-востокъ огибаетъ сел. Фируза, оставляя это селеніе въ персидскихъ владѣніяхъ, затѣмъ, противъ Асхабада, переходитъ на Гюлистанскій хребетъ, спустившись съ котораго пересѣкаетъ рѣчки текущія въ Асхабадъ и Аннау и по предгорьямъ доходитъ до Лютфабада. Лютфабадъ и Шильгянъ отходятъ къ Персіи, а селеніе Кюренъ отстоящее въ трехъ верстахъ отъ Лютфабада отходитъ къ намъ.

До Лютфабада граница утверждена договоромъ нашего правительства съ Персіею, о границѣ отъ Лютфабада на востокъ по области Атекъ въ договорѣ ничего не говорится, но мы ее показали такъ, какъ она показывается на послѣдней картѣ Афганистана, изданной главнымъ штабомъ, т. е. по сѣвернымъ предгорьямъ хребтовъ Ала-Акъ-беръ и Мазандеранскаго до р. Теджепъ, нѣсколько ныше Серахса.

Въ настоящее время административнымъ центромъ нашихъ закаспійскихъ владѣній сдѣланъ гор. Асхабадъ, въ которомъ находится командующій войсками области, онъ-же и военный губернаторъ, областной штабъ и проч. управленія.

Собственно ахалъ-текинскимъ оазисомъ называется полоса плодородной земли въ 30 или 40 верстъ ширины и до 300 верстъ длины расположенная у сѣвернаго склона горъ носящихъ названія Конетъ-дагъ, Гюлистанскихъ, Ала-Акъ-беръ и Мазандеранскихъ. Населеніе состоитъ изъ туркменскаго племени ахалъ-теке. До покоренія русскими главное занятіе названнаго племени были разбои и грабежъ отчего сильно страдали сосѣдніе



Карта нашихъ новыхъ пріобрѣтеній въ Средней Азіи. Составлена по неизданнымъ картамъ и планамъ А. Скасси.

персидскія провинціи, были совершенно невозможны торговыя сношенія между Персіей, Бухарой и Хивой, да и насъ безпрерывныя нападенія текинскихъ шаекъ вынуждали на частыя и дорого стоющія экспедиціи. Впрочемъ, нужно сказать, что часть текинцевъ (бѣднѣйшихъ) занималась земледѣліемъ и избытокъ хлѣба и шерсти сбывала въ Персію. Въ послѣднее время, какъ говорятъ, найдены богатѣйшія нефтяныя залежи. Во всякомъ случаѣ для насъ важнѣе всего, что съ пріобрѣтеніемъ ахалъ-текинскаго оазиса надолго прекратятся дорого стоющія военныя экспедиціи, установятся правильныя торговыя сношенія между густо населенными и богатыми персидскими провинціями съ Хивой и Бухарой, слѣдовательно и нашимъ Туркестанскимъ округомъ, наконецъ для нашихъ товаровъ изъ внутреннихъ губерній открытъ новый и весьма удобный торговый путь въ Персію, Мервъ, Афганистанъ, Бухару и Хиву. Не малое удобство этого пути составитъ желѣзная дорога проведенная отъ укрѣпленія Михайловскаго до Кизылъ-Арвата, на 200 слишкомъ верстъ. Очевидцы говорятъ, что уже въ настоящее время русскіе ситцы и металлическія вещи имѣютъ тамъ значительный сбытъ.

Всероссійская промышленно-художественная выставка.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

Рис. на стр. 636, 637 и 640.

IV.

Горнозаводское дѣло.

Главнѣйшія витрины богагаго горнозаводскаго отдѣла, расположены тремя продольными аллеями, что не мѣшаетъ ихъ обозрѣвать совершенно удобно во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ. Здѣсь громадная витрина заводовъ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго на Уралѣ, заводовъ Гороблагодатскихъ, древнѣйшихъ по своему существованію, камско-воткинскихъ горныхъ заводовъ, выставившихъ между прочимъ, отдѣльныя части локомотивовъ и желѣзные пушечные станки; Сысертскихъ заводовъ Соломірскаго и Турчаниновыхъ, заводовъ графини Штейнбокъ-Ферморъ, урожденной Яковлевой, давно уже извѣстно, такъ-называемые Яковлевскіе заводы, затѣмъ казенныхъ заводовъ, Златоустовскихъ и другихъ и заводовъ Демидова, князя С.-Донато, витрина которыхъ изображена на нашемъ рисункѣ. Эта витрина занимаетъ собою центръ всего отдѣла и давитъ все остальное роскошью своихъ образцовъ и размѣрами сооруженія. Оно представляетъ собою стѣну на обѣ стороны съ полукруглымъ фронтономъ наверху, стѣну эту окружаютъ двѣнадцать колоссальныхъ колоннъ по шести съ каждой стороны, составленныхъ изъ рельсоваго и полосоваго желѣза, колонны эти красиво драпированы наверху синимъ сукномъ. На вершинѣ фронтона осѣненный флагами громадный золотой орелъ а подъ нимъ гербъ дома Демидовыхъ. На стѣнахъ расположены листы плитнаго и кровельнаго желѣза и мѣди, а у подножія стѣны платформы, поднятыя на высоту трехъ ступеней и на нихъ расположены различные предметы желѣзодѣлательнаго производства. Здѣсь между прочимъ стоитъ нѣсколько образцовъ высшаго котельнаго дѣла, это выкованные и выбитые сосуды изъ желѣза въ видѣ графиновъ, вазъ, бокаловъ и прочаго—выбитые цѣликомъ изъ одного цѣлаго кружка желѣза безъ всякихъ припаекъ и приставокъ, чтобы выбить узенькія извилистыя пустоты этихъ сосудовъ потребна въ высшей степени совершенная ковкость, тягучесть и равномѣрность металла, что и достигнуто здѣсь вполнѣ и оставляетъ только преклоняться передъ успѣхомъ нашего горнозаводскаго дѣла, за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Кромѣ того вы всюду видите положительныя чудеса на яву; передъ вами напримѣръ равномѣрная и крутая спираль, это оказывается обыкновенный рельсъ, свернутый въ холодномъ видѣ, безъ предварительнаго размягченія металла путемъ нагрѣванія: здѣсь, также въ холодномъ видѣ связанная бантомъ полоса цилиндрическаго полированнаго желѣза, здѣсь цѣлыя цѣпи, сбитыя тоже въ холодномъ видѣ, здѣсь наконецъ рельсъ-гигантъ въ тридцать шесть аршинъ длиною, вытянутый изъ одного куска, и за недостаткомъ мѣста просто, очень даже наивно, сложенный втрое, ну точно онъ сдѣланъ изъ воска, а не изъ такого упорнаго и неподатливаго металла. Заводы Демидова, расположенные въ Пермской губерніи, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, близъ извѣстной горы *Высокой*, рядомъ съ этою горою разработки мѣдной руды и малахита, превосходные образцы котораго разложены на платформѣ, пріятно лаская глазъ своимъ чуднымъ зеленымъ цвѣтомъ, рѣзко выдѣляющимся въ массахъ темнаго желѣза и рудъ. Въ сорока пяти верстахъ отсюда находится Нижне-салгинскій рельсовый заводъ, именно тотъ самый, который надѣлалъ для выставки этихъ причудливыхъ спиралей и бантовъ изъ своихъ рельсовъ; на всѣхъ этихъ заводахъ работою занято около 20 тысячъ человѣкъ и результаты ихъ работъ по истинѣ изумительны.

Въ теченіе года добывается и перерабатывается на заводахъ Демидова семьдесятъ пудовъ платины, до десяти пудовъ золота, тридцать шесть тысячъ пудовъ мѣди и три съ половиною милліона пудовъ желѣза.

Эти цифры сами собою говорятъ о дѣлѣ и не требуютъ никакихъ комментаріевъ. Существованіе этой почтенной фирмы считается съ 1725 года, когда первый изъ Демидовыхъ, простой тульскій рабочій оружейникъ, обратилъ на себя вниманіе Великаго Петра и получилъ отъ него первые государственные заказы, а съ ними и разныя льготы и царскія милости, конечно вполнѣ заслуженныя, ибо Великій Преобразователь Россіи—зря своихъ щедротъ не разсыпалъ.

Рядомъ съ этою витриною стоитъ чрезвычайно интересная пирамида изъ золоченныхъ плитъ, положенныхъ одна на другую. Такихъ плитъ всѣхъ 21 и каждая изъ нихъ изображаетъ собою количество золота добытаго въ Россіи за каждый годъ, начиная съ 1857 года. На плитахъ стоятъ цифры, обозначающія годъ и количество золота въ пудахъ; эти цифры настолько интересны, что читатель не посѣтуетъ если мы приведемъ ихъ цѣликомъ.

Въ	1857 г.	1,733	пуд.	золота.
„	1858 „	1,719	„	„
„	1859 „	1,538	„	„
„	1860 „	1,491	„	„
„	1861 „	1,456	„	„
„	1862 „	1,400	„	„
„	1863 „	1,459	„	„
„	1864 „	1,397	„	„
„	1865 „	1,576	„	„
„	1866 „	1,859	„	„
„	1867 „	1,649	„	„
„	1868 „	1,711	„	„
„	1869 „	2,028	„	„
„	1870 „	2,162	„	„
„	1871 „	2,400	„	„
„	1872 „	2,308	„	„
„	1873 „	2,024	„	„
„	1874 „	2,028	„	„
„	1875 „	1,965	„	„
„	1876 „	2,054	„	„
„	1877 „	2,602	„	„
„	1878 „	2,572	„	„
„	1879 „	2,631	„	„
„	1880 „	2,641	„	„
„	1881 „	цифра неопредѣлена еще.		

Всего добыто и выработано въ теченіе даннаго времени 47,852 пуда чистаго золота, занимающаго собою 1,450 кубическихъ футовъ.

У самаго входа въ этотъ отдѣлъ, если входить со стороны внутренняго, круглаго сада, красуется громадный гербовый орелъ, весь сдѣланный изъ ножей, вилокъ, клинковъ, кокардъ, металлическихъ военныхъ уборовъ и прочаго, а сейчасъ же за этимъ оригинальнымъ орломъ высится колоссальная, сверкающая сталью и мѣдью ваза вся сложенная изъ всевозможныхъ клинковъ военнаго, форменнаго оружія—это выставка предметовъ производства извѣстныхъ Златоустовскихъ заводовъ, давно уже составившихъ себѣ крупную всемірную репутацію, затмивъ огульнымъ качествомъ своего товара и Толедо и Солингенъ и даже азіатскія булатныя издѣлія,—этимъ мы пока закончимъ обзоръ четвертой группы, потому что если входить во всѣ подробности только того, что здѣсь выставлено, то уже надо писать цѣлые томы, цѣлые фоліанты и конечно выйти изъ предѣловъ и программы нашего журнала.

V.

Фабричное производство.

Чѣмъ болѣе государство производитъ, чѣмъ болѣе его производительность можетъ удовлетворять рыночный спросъ, тѣмъ менѣе ему надобно обращаться заграницу, ради удовлетворенія этого спроса, тѣмъ менѣе ему надо покупать у чужихъ, *платя этимъ чужимъ свое родное золото*.

Идеалъ улучшенія государственной финансовой жизни—есть, конечно, наименьшій ввозъ и наибольшій вывозъ,—и цѣль такихъ выставокъ, какъ напр. нынѣшняя, наглядно показывать насколько мы успѣваемъ въ достиженіи этого идеала, насколько мы можемъ работать у себя, для удовлетворенія своихъ нуждъ, насколько можемъ продать своихъ излишковъ, и можемъ ли мы выдерживать конкурренцію съ иностранною производительностью.

Седьмой отдѣлъ на выставкѣ, отдѣлъ произведеній заводской обработки, даетъ много отрадныхъ указаній, на успѣхъ нашего дѣла, успѣхъ на столько видимый, что его результаты выражаются уже въ осязательной, реальной формѣ.

Разнообразіе этого отдѣла поистинѣ изумительно: стекло, фарфоръ и фаянсъ, химическіе и аптекарскіе товары и предметы, вина и водки, стеаринъ и его издѣлія, косметики, табакъ и всякія сласти... здѣсь все соединилось, чтобы блеснуть другъ передъ другомъ, показать наглядно, что все это есть и у насъ и

не только худшаго качества, чѣмъ это самое заграничное, но даже въ большинствѣ случаевъ, какъ напримѣръ табакъ и химическіе продукты, значительно превосходящее своихъ иностранныхъ конкуррентовъ. Мы уже предложили читателямъ два рисунка изъ этой интересной группы, даемъ еще два, пріятно ласкающіе наше законное самолюбіе. Витрина Р. Келлера и Комп., объ внѣшнемъ изяществѣ которой нечего говорить, довольно только видѣть на рисункѣ этотъ маленькій храмъ въ греческомъ стилѣ,—останавливаетъ и группируетъ около себя большинство преимущественно спеціалистовъ и знатоковъ дѣла. Кому не приходилось въ своей жизни покупать въ антекахъ страшно дорого стоющіе, а по истинѣ до нельзя дешевые пустяки, необходимые во многихъ случаяхъ жизни. Страшно дорогія цѣны, которыя мы платимъ въ аптекахъ за капсюли, хину, касторовое масло, разныя пастильки и проч., вовсе не отвѣчаютъ дѣйствительнымъ цѣнамъ этихъ предметовъ—потребитель просто платитъ за заграничную пломбу, красивую заграничную обложку, оплачиваетъ совершенно произвольныя прихоти торговцевъ, аптекарей и косметическихъ магазиновъ, которымъ за отсутствіемъ конкуренціи ничто не возбраняетъ цѣнить свои мелочи на вѣсъ золота.

Цѣль завода и фабрики Р. Келлера именно та, о которой я говорилъ выше, т. е. вырабатывать все это у себя, выбить изъ привычной колеи иностранные предметы этого рода. Начало дѣятельности этой фирмы идетъ съ 1872 года, и вотъ ровно въ 10 лѣтъ уже провѣрка обнаружила превосходные результаты, умно задуманнаго и добросовѣстно веденнаго патріотическаго дѣла. Фабрика имѣетъ милліонный оборотъ, она вырабатываетъ медикаменты и предметы гигіены въ громадномъ количествѣ, качественность произведеній этой фабрики давно опередила качества заграничныхъ продуктовъ и что всего важнѣе, это то, что сбытъ этихъ продуктовъ главнѣйшимъ образомъ направляется во внутрь государства, удовлетворяя спросы и потребности многочисленныхъ земствъ, а значитъ и нужды бѣднѣйшихъ классовъ народа. Въ витринѣ между прочимъ находится и роскошно переплетенный большой альбомъ, содержащій въ себѣ интересную коллекцію различныхъ лестныхъ отзывовъ отъ земскихъ управъ и массы казенныхъ учрежденій—это почетная формулярная книга фирмы. Фирма эта еще въ прошедшую Московскую политехническую выставку обратила на себя общее вниманіе своимъ образцовымъ павильономъ, типомъ сельской лечебницы, далеко опередившимъ другіе образцы этого рода и получившимъ большую золотую медаль и адресъ отъ комитета выставки. Десять лѣтъ не пропали даромъ и фирма вновь появляется на судъ публики съ новымъ дѣломъ, которому остается только пожелать новыхъ и новыхъ успѣховъ.

VI.

Лѣсное богатство Бѣловѣжской Пущи.

Бѣловѣжская Пуща—этотъ искони заповѣдный лѣсъ, находится въ Гродненской губерніи. Онъ служитъ блестящимъ доказательствомъ насколько правильно организованное лѣсное хозяйство, разъ заведенное и поддерживаемое безъ упущеній, ведетъ къ самымъ благимъ и блестящимъ результатамъ. Растительное богатство Бѣловѣжской Пущи поистинѣ грандіозно—и это богатство не мертво-лежащій капиталъ, а принося ежегодно, въ видѣ систематическихъ вырубокъ, большой дивидендъ, в е болѣе увеличивающійся и, въ настоящее время, являющійся уже значительно превышающимъ то свое состояніе, въ которомъ впервые застали его охранныя правительственныя мѣры.

Мѣры эти главнымъ образомъ вызваны были иными соображеніями, а именно, желаніемъ спасти отъ окончательнаго истребленія, и безъ того мало по малу вымирающую породу зубровъ, этихъ единственныхъ представителей древнихъ гривистыхъ быковъ, въ обиліи населявшихъ всю среднюю и восточную Европу, но въ данномъ случаѣ, говоря о Пущѣ по поводу нашей выставки, мы пока оставимъ зубровъ въ покоѣ, а займемся этими превосходными образцами строеваго и подѣльнаго лѣса, сложенными въ видѣ массивной пирамиды, изображенной на нашемъ рисункѣ. Здѣсь вы видите отпилы досокъ во всю ихъ ширину и отпилы цѣлыхъ стволовъ, достигающихъ до полутора аршинъ въ діаметрѣ, на каждомъ кускѣ наклеенъ ярлыкъ съ надписью и изображеніемъ зубра (печать лѣсной администраціи). Породы деревьевъ Бѣловѣжья весьма разнообразны строевой матеріалъ даютъ: дубъ, ясень, грабъ, кленъ, сосна и даже береза, которая достигаетъ здѣсь, судя по выставленнымъ образцамъ, такихъ солидныхъ размѣровъ, что уже можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, служитъ также строительнымъ матеріаломъ, помимо своего обычнаго назначенія — согрѣвать насъ какъ топливо.

Правильно устроенныя въ Бѣловѣжьѣ просѣки, корневыя расчистки и дренажныя канавы, распредѣляютъ почвенную влагу равномѣрно и не допускаютъ этой влагѣ образовывать мѣстами вѣчныя болотины, что конечно сейчасъ же отражается на равномѣрномъ образованіи ежегодныхъ наслоиваній, дающихъ стволу одинаковую плотность, т. е., главное достоинство строительнаго матеріала.

Пирамида Бѣловѣжской Пущи, не смотря на всю свою внѣшнюю простоту вида, не оставляется безъ солиднаго вниманія со стороны публики, солиднаго тѣмъ болѣе, что и интересуются этимъ дѣломъ исключительно спеціалисты, а такихъ людей на выставку наѣхало уже не мало.

Политическое обозрѣніе.

Австрія и усташи.—Болгарія.—Турція.—Египетъ.—Англія.—Казнь Гито.—Японія.

Австрійцамъ далеко еще не удалось справиться съ усташами; снова почти ежедневно приходятъ извѣстія о стычкахъ и вообще объ усиленіи возстанія; на помощь къ усташамъ пришелъ отрядъ болгаръ; не одни бы болгары пришли, впрочемъ—все еще въ будущемъ..

Въ Болгаріи формируется новый кабинетъ, въ которомъ первымъ министромъ, по слухамъ, будетъ Бурмовъ (онъ же и министръ народнаго просвѣщенія) иностранныхъ дѣлъ—Балабановъ, финансовъ—Начевичъ, юстиціи Грековъ, внутреннихъ дѣлъ—генералъ-маіоръ Соболевъ, военнымъ—баронъ Каульбарсъ, общественныхъ работъ—Вулковичъ. Сношенія между балканскими государствами учащаются. Князь Александръ, въ теченіи лѣта приметъ короля Милана въ Рущукѣ, а затѣмъ самъ навѣститъ короля Карла въ Синаѣ; осенью князь долго пробудетъ въ Шумлѣ, гдѣ собрано будетъ для маневровъ значительное число войскъ.

Турція серьезно принимается за реорганизацію своихъ войскъ. Вотъ, между прочимъ, въ главныхъ чертахъ, планъ реорганизаціи. Германскіе офицеры имѣютъ въ виду учредить образцовые эскадроны, роты и баттареи, которыхъ командиры будутъ подчинены германской военной миссіи, совѣтамъ которой будутъ обязаны слѣдовать; въ составъ этихъ частей будутъ зачислены германскіе унтеръ-офицеры, которые своимъ примѣромъ окажутъ содѣйствіе къ образованію корпуса турецкихъ унтеръ-офицеровъ; офицеры всѣхъ частей обязаны поочередно пробыть нѣкоторое время въ образцовыхъ частяхъ для надлежащаго образованія; когда образцовые эскадроны, роты и баттареи достигнутъ требуемой степени обученія, изъ нихъ будутъ сформированы образцовые батальоны и, далѣе, полки. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что германскіе офицеры съумѣютъ выполнить принятую ими на себя задачу, и намъ, конечно, остается съ живѣйшимъ интересомъ слѣдить за успѣшнымъ ходомъ этаго дѣла. Порта твердо стоитъ на своемъ и продолжаетъ высказываться противъ конференціи по египетскому вопросу, безплодно занимающейся въ Константинополѣ, а также и противъ окупаціи Египта, считая окупацію чрезвычайнымъ нарушеніемъ верховнаго права султана. А по всему видно, что военное вмѣшательство неизбѣжно. Мы не говоримъ, что оно кажется намъ такимъ, вслѣдствіе тревожнаго положенія въ Египтѣ, неизбѣжность эта скорѣе лежитъ въ намѣреніяхъ двухъ державъ—Англіи и Франціи. Однако до сихъ поръ этому намѣренію не особенно сочувствовали другія державы.

Итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ Манчини недавно сообщилъ въ палатѣ депутатовъ нѣкоторыя подробности о ходѣ египетскаго вопроса и переговоровъ въ конференціи.

Прежде всего англо-французское отдѣльное вмѣшательство не могло состояться вслѣдствіе опозиціи всѣхъ остальныхъ державъ; державы, участвующія въ конференціи, обязавшись вообще воздерживаться отъ отдѣльнаго вмѣшательства, выговорили себѣ, каждая, право на такое вмѣшательство въ случаѣ, если явится необходимость защищать жизнь и имущество своихъ подданныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ конференція рѣшила не дозволять низведенія Египта на степень простой турецкой провинціи, а также и отстоять осуществленныя въ этой странѣ реформы. Англія противится нейтрализаціи Суэзскаго канала, такъ какъ онъ необходимъ ей для провоза войскъ и она дорожитъ этимъ кратчайшимъ путемъ въ Индію. А между тѣмъ Англія готовится къ вооруженному вмѣшательству, причемъ говорятъ о 20 тысячномъ корпусѣ, что-же касается Араби-Паши, то онъ, повидимому, рѣшился защищать свою страну во что бы то ни стало (очевидно поддерживаемый Портой, о чемъ, впрочемъ, онъ самъ говоритъ); недавно онъ предложилъ секвестровать имущества европейцевъ, выѣхавшихъ изъ Египта. Хедивъ, уѣхавшій изъ Каира, находится въ Александріи въ весьма неловкомъ положеніи, говорятъ — едва-ли не въ положеніи плѣнника. Араби готовитъ войска, которыхъ, вмѣстѣ съ бедуинами и другими иррегулярными, у него, какъ говорятъ, наберется до 70 тысячъ; если это и преувеличено, но во всякомъ случаѣ въ его распоряженіи будетъ армія, болѣе многочисленная, чѣмъ у англичанъ. Но—англичане, однако, будутъ не одни: Франція посылаетъ и свои войска и уже нѣсколько судовъ отплыли къ берегамъ Африки. Насколько, при этомъ, Англія и Франція останутся въ дружбѣ — вопросъ другой.

Въ Ирландіи — все по прежнему: недавно найденъ складъ оружія и открытъ цѣлый заговоръ вооруженнаго возстанія; редакція газеты „Times“ получила извѣщенія, что будетъ взорвана и поэтому оберегается полицейскими, аграрныя убійства

продолжаются и еще не видно, чтобы была надежда на успокоеніе страны.

Гито повѣшенъ и, при вскрытіи, его мозгъ оказался совершенно въ нормальномъ состояніи.

Японія прислала въ Берлинъ нѣсколькихъ изъ своихъ сановниковъ для изученія государственнаго устройства Германіи, которое намѣреваются ввести въ Японіи.

Смѣсь.

Заживо погребенные.

(Разсказъ очевидца).

Въ одной изъ нашихъ восточныхъ губерній, на берегу небольшой рѣчки расположенъ чугунно-литейный заводъ. Основаніе этому заводу положено было Петромъ Великимъ, съ цѣлью ссылки сюда преступниковъ на поселеніе. Въ началѣ положеніе завода было довольно выгодно. Огромные дремучіе лѣса, а также близость и изобиліе хорошаго достоинства желѣзной руды обезпечивали на долгое время заводъ со стороны матеріала. Въ позднѣйшее время заводъ этотъ отъ казны перешелъ въ частныя руки; каторга уничтожилась и потомки прежнихъ ссыльно-поселенцевъ превратились въ мирныхъ заводскихъ мастеровыхъ. Послѣ перевода завода отъ казны въ частныя руки значеніе его начинаетъ упадать. Вслѣдствіе истощенія руды и лѣсовъ, а также неудобства путей сообщенія онъ сталъ приносить одни только убытки и поэтому отъ одного владѣльца постоянно переходилъ къ другому. Въ настоящее время заводъ хотя и принадлежитъ акціонерному обществу, но все таки кромѣ убытковъ ничего не приноситъ. Положеніе заводскихъ мастеровыхъ теперь незавидное. Заработная плата ничтожная, да и ту не получаютъ по 4 мѣсяца, а забираютъ изъ заводской лавки гнилымъ товаромъ, да и платятъ за него въ тридорога.

Въ 1879 г. мнѣ проѣздомъ пришлось побывать и на заводѣ. Остановился я у своего давнишняго знакомаго, священника завода, отца Лаврентія. Батюшка, по обыкновенію, принялъ меня самымъ радушнымъ образомъ. Чрезъ полчаса кипѣлъ на столѣ пузатый самоваръ, ярко вычищенный. Радушіе и гостепріимство хозяина, задушевный, чисто пріятельскій разговоръ, вкусный душистый чай, приправленный густыми деревенскими сливками и домашними сдобными лепешками, сразу повліяли благотворно на мои разбитые дорогой нервы. За чаемъ и разговорами незамѣтно прошло время до самыхъ сумерекъ, а затѣмъ, плотно поужинавши каждый изъ насъ отправился спать. Рано, утромъ, я и батюшка были разбужены стукомъ въ ворота и пронзительнымъ лаемъ собаки.

— Что такое, кто тамъ? окликнулъ батюшка, поднявши окно.

— Батюшка, кормилецъ! Помоги родимый, сквозь слезы проговорила старуха.

— Дудка обвалилась; троихъ засыпало; одного моего Мишутку, полумертваго успѣли вытащить. Исповѣдывать и причастить надо. Поспѣшай кормилецъ, того гляди помретъ; и старуха зарыдала.

— Сейчасъ Спиридоновна, сейчасъ! О, Господи. вотъ несчастіе-то! И это каждый годъ, проговорилъ батюшка.

Дудками заводскіе мастеровые называютъ шахту, изъ которой добывалась желѣзная руда. Объемомъ шахта бываетъ въ полтора квадратныхъ аршина, и идетъ въ глубину аршинъ на тридцать, со дна шахты идутъ узкіе боковые ходы, въ которыхъ и копается руда. Ходы эти поддерживались и укрѣплялись балками и досками самими рабочими, по такимъ первобытнымъ способомъ, что обвалы, а вмѣстѣ съ ними и смертные случаи происходили ежегодно. Несмотря на это, администрація завода повидимому не думала о болѣе раціональномъ и безопасномъ устройствѣ шахтъ.

Батюшка живо одѣлся, взялъ Святые Дары и мы въ сопровожденіи старухи отправились на мѣсто происшествія. Шахта была расположена въ полуверстѣ отъ завода на открытомъ, ровномъ пространствѣ, которое было изрыто вдоль и поперегъ. Тамъ и сямъ валялся желтовато-бурый желѣзнякъ. Намъ то и дѣло приходилось перескакивать чрезъ засыпанныя дудки. Кое гдѣ торчали тощія березки; вдали виднѣлся лѣсокъ и вспаханное поле. Чрезъ полчаса мы были на мѣстѣ происшествія и, Боже мой, что представилось нашимъ глазамъ: на травѣ лежалъ молодой парень лѣтъ 22-хъ, въ синей рубахѣ: поверхъ рубахи былъ надѣтъ кожаный фартукъ: несчастный былъ весь облитъ кровью и тяжело дышалъ съ какимъ-то свистомъ и хрипомъ; грудь молодого рудокопа была вдавлена; лицо и волоса были запачканы глиною и кровью; изо рта, носа и ушей торчали запекшіеся куски черной крови; глаза были на выкатѣ и тускло и безсознательно впирились въ одну точку. Кругомъ стояли сотскій съ бляхой, десятскій, понятые и нѣсколько любопытныхъ—ребятъ и бабъ. При нашемъ приходѣ, крестьяне почтительно сняли шапки, поклонились и подошли къ батюшкѣ подъ благословеніе. Бабы охали и вздыхали: босые ребятишки съ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣли на меня и что-то шептались между собою и совсѣмъ не обращали вниманія на раздавленнаго „Мишутку", котораго они такъ хорошо знали при жизни, а теперь и на умирающаго уже успѣли настолько насмотрѣться, что онъ переставъ уже интересовать ихъ. Очевидно, въ настоящую минуту, я служилъ предметомъ ихъ наблюденія и возбуждалъ главнымъ образомъ ихъ вниманіе. Мы подошли и осмотрѣли несчастнаго Михайлу. Исповѣдать и причастить его оказалось невозможнымъ; онъ былъ въ безсознательномъ состояніи. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пересталъ и хрипѣть, затѣмъ всего его передернуло, онъ вытянулся и жизнь угасла въ молодомъ тѣлѣ...

Между тѣмъ къ нашему ужасу мы слышали, какъ время отъ времени изъ подъ земли раздавались потрясающіе глухіе стоны и крики трехъ несчастныхъ, засыпанныхъ въ шахтѣ. Помочь имъ не было никакой возможности—обвалившаяся шахта засыпала всѣ ходы. По истинѣ было невообразимо ужасно слышать стоны этихъ несчастныхъ еще живыхъ людей и не быть въ состояніи помочь имъ. При каждомъ стонѣ, доносившемся изъ подъ земли, всѣ присутствующіе невольно вздрагивали, крестились и шептали: „Господи помилуй, Боже милостивый, спаси и помилуй"! Бабы плакали, крестились и шептали молитвы, ребятишки испуганно прислушивались къ подземнымъ стонамъ и шептали другъ другу: слышишь, кричитъ! Ой какъ страшно!

— Что же вы не копаете, спросилъ батюшка.

— Да что, батюшка, копать-то; все равно ничего не сдѣлаешь; надо копать новую дудку; а копать можно только одному; пока выкопаешь ужъ будетъ поздно; да и нападешь-ли на нихъ?

Однако одинъ изъ мужиковъ спустился на баранѣ въ засыпанную дудку и началъ копать землю въ томъ направленіи, откуда доносились стоны. Каждыя 15 минутъ онъ дергалъ за веревку и кадка, наполненная землею, поднималась на баранѣ, выгружалась и снова опускалась на дно дудки.

Между тѣмъ стоны становились все слабѣе и слабѣе, рѣже и рѣже и наконецъ совсѣмъ прекратились. Было ясно, что несчастные, заваленные землею, въ страшныхъ мукахъ задохлись отъ недостатка воздуха. Когда прекратились стоны, то копать стало еще труднѣе, потому что неизвѣстно было—въ какомъ направленіи нужно копать.

— Въ какое время произошелъ обвалъ и какимъ образомъ удалось вытащить покойнаго Михайлу, спросилъ батюшка.

На этотъ вопросъ изъ среды крестьянъ выдвинулся рыжій, коренастый мужикъ и заявилъ, что онъ можетъ кое что объяснить, такъ какъ стоялъ у барана во время обвала шахты и вытаскивалъ изъ дудки руду. Точно опредѣлить время обвала я не могу, началъ рудокопъ. Помню только, что передъ восходомъ солнца я услыхалъ изъ дудки крикъ: „помогите" и сейчасъ догадался, что дѣло не ладно. Одинъ я помочь никакъ не могъ, некому же было спустить меня въ дудку. На счастье невдалекѣ ѣхали на поле двое пахарей; я имъ крикнулъ и объяснилъ все дѣло. Они меня сейчасъ же опустили въ дудку. Когда я спустился на дно дудки, то стоны были слышны почти около меня Я сталъ копать и минутъ черезъ пятнадцать наткнулся на человѣческую голову, а затѣмъ откопалъ и всего человѣка, который вотъ и былъ Михайло. Михайло лежалъ ничкомъ: я его сейчасъ же схватилъ, положилъ въ кадку и далъ знать, чтобы тащили. Когда Михайлу вытащили, кадка опять опустилась; я сѣлъ въ кадку и далъ знать—меня тоже вытащили.

— Почему же ты дальше не копалъ, чтобы освободить товарищей и слышалъ ли ты ихъ стоны, спросилъ о. Лаврентій.

— Отчего не сталъ копать дальше, я и самъ не знаю, да и не помню—слышалъ ли стоны другихъ-то трехъ. Помню только, что когда вытащили Михайлу, не далеко отъ меня раздался страшный шумъ и громъ и потомъ опять все тихо стало. Это надо полагать обвалился какой нибудь изъ подземныхъ ходовъ. Помню, мнѣ сдѣлалось такъ страшно, холодный потъ выступилъ на тѣлѣ; да и свѣчка, что стояла недалеко отъ меня, потухла; не знаю какъ я и попалъ въ кадку и какъ меня вытащили. Помню только, что когда меня вытащили изъ дудки, я долго все не могъ ничего сказать и дрожалъ какъ въ лихорадкѣ: а когда опомнился, то побѣжалъ на заводъ и заявилъ обо всемъ по начальству. О, Господи, Господи! Вотъ несчастіе-то!

Такими словами, вздохнувши и перекрестившись, закончилъ рѣчь свою рудокопъ.

Чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ управляющій заводомъ, рудный мастеръ и другіе администраторы завода. Послали за судебнымъ слѣдователемъ и дали знать полиціи. Мы съ батюшкой отправились домой. Къ вечеру пріѣхалъ въ сопровожденіи становаго и врача, судебный слѣдователь, было произведено обычное вскрытіе трупа Михайлы. На другой день тѣло Михайлы, положенное въ черный гробъ, было перенесено въ церковь. Бѣдная старуха, мать покойнаго, еле стояла на ногахъ, убитая горемъ; ея худое, костлявое тѣло поминутно подергивалось нервною дрожью. Когда же запѣли: *„пріидите послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему,"* старуха какъ подошла къ сыну, такъ и упала на него. Безумныя рыданія огласили своды церкви; и, Боже мой, какая скорбь, отчаяніе слышались въ нихъ. Старуху насилу оттащили отъ гроба, посадили на телѣгу, подняли на рукахъ гробъ и печальная процессія двинулась на кладбище.

Остальныхъ, засыпанныхъ въ шахтѣ, такъ и не могли откопать, не могли напасть на то мѣсто, гдѣ они были заживо погребены. Судебныя власти, въ виду безполезности дальнѣйшихъ раскопокъ, дѣло „предали волѣ Божіей" - все что оставалось сдѣлать. Такой ужасной драмы привелось мнѣ быть свидѣтелемъ.

А. Ермонскій.

Разныя извѣстія.

Курьезная выставка дѣтей въ Нью-Орлеанѣ. Выставка эта существенно отличается отъ такой выставки, устроенной раньше въ Англіи. Въ Англіи главнымъ образомъ имѣлось въ виду достиженіе физическаго воспитанія наилучшей расы путемъ назначенія премій за особенно хорошо *вскормленные* экземпляры; въ Америкѣ-же нашли непристойною такую цѣль, нѣкоторымъ образомъ низводившую хорошо вскормленнаго груднаго ребенка на степень откормленнаго домашняго животнаго, и потому преміи назначались не только за хорошо вскормленныхъ, но и за хорошо обученныхъ и хорошо воспитанныхъ дѣтей (!) до восьмилѣтняго возраста. Внѣшній видъ этой выставки совершенно былъ отличенъ отъ англійскихъ выставокъ. Вдоль продольныхъ стѣнъ главной залы тянутся изящно сдѣланныя рѣшетки, за которыми находятся ложи, свѣтъ въ которыя падаетъ сверху. Все таки это совершенно напоминаетъ выставку животныхъ. До чего дойдутъ съ этими выставками! Задняя стѣна этихъ ложъ закрыта портьерами, ведущими въ помѣщеніе, назначенное для пребыванія родственниковъ-экспонентовъ. Передъ рѣшетками разставлены столы, съ курьезными листами, заключающими краткія біографическія свѣдѣнія о выставленныхъ дѣтяхъ и ихъ родителяхъ. Напримѣръ: Джонатанъ Своллоу, родился въ Кентукки 9 апрѣля 1879 года, сынъ Роберта Своллоу, 34 лѣтъ и Мэри Своллоу (урожденной Потэ), 27 лѣтъ, сочетавшихся бракомъ 20 декабря 1878 года. Джонатанъ былъ выкормленъ самою матерью (что видно изъ аттестата, находящагося въ конторѣ выставки). Онъ вѣситъ 90 фунтовъ, имѣетъ два съ половиною фута роста и безъ труда сбиваетъ съ ногъ каждаго шестилѣтняго мальчика. Или: Джемина Пигавэ, родилась въ Нью-Орлеанѣ 17 сентября 1878 года отъ Бесси Пигавэ, 20 лѣтъ (отецъ неизвѣстенъ). Выкормлена самою матерью. Вѣситъ 91 фунтъ, ростъ 2 фута, волосы на головѣ длиною 11 дюймовъ, рѣсницы длиною 1 дюймъ. Умѣетъ приготовлять пуддингъ (по аттестату) и т. д., и т. д. Выставка раздѣлена на три отдѣла. Въ первомъ находятся дѣти въ возрастѣ до двухъ лѣтъ, во второмъ — дѣти до четырехъ лѣтъ и въ послѣднемъ — феноменальныя дѣти. Въ первомъ отдѣлѣ обратила на себя вниманіе ложа, въ которой можно было видѣть славнаго карапуза, семи мѣсяцевъ. У малютки вышли уже всѣ зубы и онъ держитъ себя какъ-то самостоятельно. Мать ребенка жаловалась, что рѣшительно не въ силахъ найдти мамки для малютки, такъ какъ онъ кусается (!) Въ этомъ отдѣлѣ помѣщается на эстрадѣ оркестръ музыки, который исполняетъ шумныя пьесы. Эта мѣра имѣетъ въ виду похвальную цѣль избавить уши посѣтителей отъ нерѣдко раздирающаго душу рева малютокъ. Въ одной ложѣ были два прелестныхъ мальчика, изъ которыхъ одному было четыре, а другому три года. Старшій началъ наносить младшему полновѣсные удары. Его спросили зачѣмъ онъ дѣлаетъ это. „Я старше!" гордо отвѣчалъ онъ. „Эй ты!" — продолжалъ онъ обращаясь къ посѣтителю — „вѣдь, я всегда буду старше Джонни?" — „Разумѣется!" отвѣчали ему. „Это хорошо!" — „Почему-же?" — „Потому что тогда я могу всегда бить Джонни!" отвѣчалъ онъ. Быть можетъ за воспитаніе такого ребенка экспоненты получили премію... Отдѣлъ для такъ-называемыхъ феноменальныхъ дѣтей производитъ непріятное впечатлѣніе. Сборище дѣтей, странно развитыхъ выше своего возраста и обладающихъ знаніями, которыя не всякій нормальный человѣкъ даже въ взросломъ возрастѣ, всегда имѣетъ, дѣйствуетъ мало привлекательно. Отъ шестилѣтняго счетчика въ умѣ вы въ одинъ мигъ узнаете результатъ умноженія числа въ семь цифръ, которое вы и письменно едва сдѣлаете въ пять минутъ; восьмилѣтняя дѣвочка, играющая съ своими куклами, пересказываетъ наизусть буквально съ изумительною точностью полное собраніе сочиненій Лонгфелло (!!), четырехлѣтній ребенокъ-акробатъ продѣлываетъ кунштюки, надъ которыми до сихъ поръ работали канатные плясуны. Феноменальный музыкантъ-ребенокъ можетъ выдувать чарующіе гармоническіе звуки на трехъ разомъ взятыхъ въ ротъ флейтахъ. Восьмилѣтняя дѣвочка обладаетъ даромъ поэтической импровизаціи. Тутъ приковываетъ насъ рисовальщикъ каррикатуръ съ изумительной быстротою воспроизводящій на большой аспидной доскѣ для посѣтителей ихъ черты лица. Эта непріятная, странная и полагаемъ вредно дѣйствующая на выставляемыхъ дѣтей выставка порицается самими американцами. Чего добраго, найдутся у насъ остроумные люди, которые признаютъ своевременнымъ у насъ устроить нѣчто подобное...

Ландышъ и свойства его ядовитости. Кто можетъ себѣ представить, что этотъ благоухающій, нѣжный, любимый народный цвѣтокъ (lilium convallarium), распускающійся обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ бѣленькими колокольчиками, заключаетъ въ себѣ столь много ядовитыхъ и врачебныхъ свойствъ и качествъ?! Между тѣмъ по произведенному недавно докторомъ *С. Н. Исаевымъ* изслѣдованію, одинъ изъ препаратовъ, подъ наименованіемъ *конваллямаринъ*, изъ свѣжесорванныхъ цвѣтковъ ландыша, признанъ наукою за сильнѣйшій ядъ, дѣйствующій на сердце, подѣйствительнѣе даже одно родного съ нимъ яда дигиталина. Достаточно самой ничтожной доли конваллямарина, чтобы остановить дѣятельность сердца крупнаго млекопитающаго животнаго. Но главная заслуга доктора *Исаева* заключается въ томъ, что онъ внесъ въ науку фактъ несомнѣнной пользы леченія конваллямариномъ противъ болѣзней сердца, которыя до настоящаго времени считались почти неизлѣчимыми. Кромѣ того, какъ сильное мочегонное средство, онъ съ успѣхомъ примѣнялся противъ водянокъ. Изъ десяти случаевъ болѣзней сердца, констатированныхъ докторомъ въ его диссертаціи, только трое умерли (и то отъ постороннихъ, такъ сказать независящихъ отъ этой болѣзни причинъ), тогда какъ остальные семь его паціентовъ совершенно поправились. Возстанавливая нарушенную компенсацію сердца, конваллямаринъ, впрыскиваемый подъ кожу, дѣлаетъ сокращеніе сердца правильнѣе, энергичнѣе и рѣже, уменьшая при этомъ кашель, боль и отеки. Даже простой водный настой ландышевыхъ цвѣтовъ, употреблявшійся до этого времени противъ пороковъ сердца докторомъ Троицкимъ (въ 1881 г.), представлялъ почти тождественные результаты и ядовитыя свойства, какъ конваллямаринъ. Другой ядовитый препаратъ, добываемый также изъ цвѣтковъ ландыша (осадокъ)—*конваллярипъ*, по изслѣдованію ученаго Марме, въ малыхъ дозахъ при впрыскиваніи подъ кожу, дѣйствуетъ какъ сильное слабительное средство. Это единственное слабительное, дѣйствующее безъ вреда на здоровье (посредствомъ впрыскиванія), по мнѣнію спеціалистовъ, должно имѣть за собою блестательную будущность даже при излеченіи отравленій. Заканчивая о ядовитыхъ и въ то же время цѣлительныхъ свойствахъ цвѣтка, можемъ присовокупить, что вѣковая извѣстность ландыша (за исключеніемъ Африки, растущаго повсемѣстно), какъ надежнаго народнаго средства и необъяснимые случаи отравленія при леченіи имъ, давно обратили вниманіе многихъ ученыхъ. Такъ въ началѣ настоящаго столѣтія ландышевый ядъ вочитался за сильнодѣйствующее средство и одинъ ученый описывая свойства этаго растенія, между прочимъ говоритъ: „свѣжіе цвѣты ландыша издаютъ пріятный, въ закрытомъ пространствѣ однако сильно одуряющій запахъ... Небольшое же количество порошка цвѣтковъ или корня, попадая на слизистую оболочку носа, производитъ сильное чиханіе; болѣе же значительное количество, принятое внутрь, вызываетъ признаки отравленія, выражающіеся: поносомъ, рвотою, сильными обмороками и даже судорогами... Не смотря на то, что позднѣйшіе фармакологи, фармацевты и врачи подтвердили какъ ядовитость ландыша, такъ и необыкновенныя его цѣлебныя свойства, но на леченіе ландышемъ до настоящаго времени не было обращено надлежащаго вниманія, а если и практиковалось оно, то исключительно народными „знахарями и знахарками", которые, благодаря цѣлительнымъ свойствамъ этаго растенія, къ немалому удивленію образованнаго міра, излечивали иногда почитавшіяся въ наукѣ неизлечимыми болѣзни..." Есть даже рецепты настоя цвѣтовъ ландыша, употребляемаго народомъ отъ надучей болѣзни, головной боли и проч. Всего интереснѣе, что о цѣлебныхъ его свойствахъ, открытыхъ современною наукою, извѣстно уже было чуть ли не до Р. Х... Такъ, Плиній, умершій въ 72 г. по Р. Х., въ своемъ произведеніи „Historia naturalis" указывалъ своимъ современникамъ, Римлянамъ, „на ландышъ, какъ на средство вѣрно помогавшее при многихъ, въ особенности же сердечныхъ заболѣваніяхъ".

Стеклянныя платья. Къ числу многихъ проектовъ, считавшихся доселѣ неисполнимыми, слѣдуетъ отнести проектъ дѣлать стеклянное платье. Нельзя однако отринать, что рано или поздно платья эти могутъ войти въ употребленіе. Казалось бы, что стекло самый послѣдній матеріалъ, на которомъ можетъ остановится вниманіе портнаго, но въ Германіи изготовленіе платья изъ стекла теперь уже совершившійся фактъ. Вотъ нѣкоторыя подробности этаго оригинальнаго производства. Въ Гнаденфреѣ художникъ и стекольщикъ А Пренгель изъ Вѣны открылъ стеклянный складъ, гдѣ онъ продаетъ ковры, манжеты, воротнички, вуали и множество другихъ предметовъ - изъ стекла. Онъ занимается прядепіемъ и тканьемъ изъ стеклянныхъ нитей въ присутствіи публики. Ломкое стекло превращается въ мягкія нити, изъ которыхъ онъ и дѣлаетъ теплыя платья. Недавно онъ сдѣлалъ бѣлую, пушистую муфту одной дамѣ. Въ складѣ его есть также шляпы съ перьями изъ стекла. Особенность этого матеріяла состоитъ въ томъ, что онъ легче нежели птичьи перья. Шерсть, приготовленная изъ стекла, какъ дурной проводникъ тепла (изобрѣтеніе Пренгеля), важное открытіе, могущее служить какъ для приготовленія одежды, такъ и для другихъ цѣлей и вызвать серьезныя послѣдствія въ области промышленности

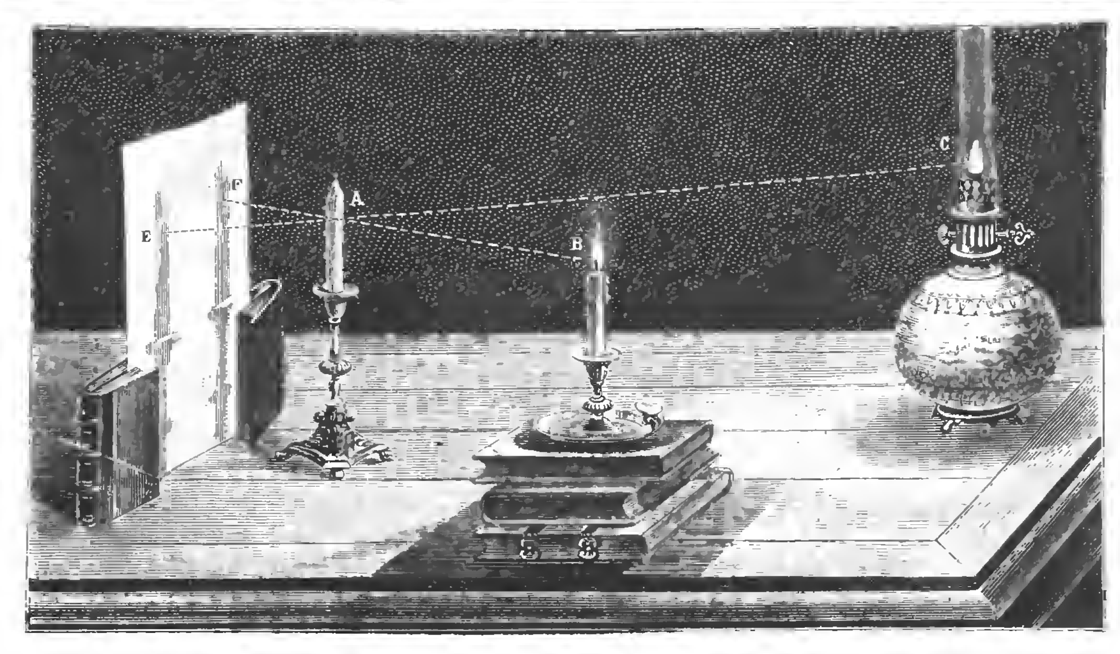
Энтомологъ Люббокъ производилъ опыты для опредѣленія различаютъ-ли пчелы цвѣта. Онъ клалъ куски разноцвѣтной бумаги, намазанной медомъ на траву и послѣ долгихъ и тщательныхъ наблюденій увидѣлъ, что пчелы предпочтительно садятся на голубую бумагу, что тѣмъ болѣе удивительно, такъ какъ въ природѣ голубыхъ цвѣтовъ очень немного. Люббокъ въ особенности занимается изученіемъ быта муравьевъ: въ его лабораторіи уже съ 1874 года находятся муравьи. Чрезвычайно любопытенъ способъ какимъ Люббокъ производитъ опыты надъ этими животными. Какъ извѣстно, если разрыть муравейникъ, или освѣтить внутри его, то муравьи со своими личинками убѣгаютъ въ темное мѣсто. Когда Люббокъ освѣщалъ часть муравейника, то всѣ муравьи убѣгали въ часть неосвѣщенную. Различные лучи спектра дѣйствуютъ на муравьевъ совершенно иначе чѣмъ на человѣка; къ фіолетовымъ лучамъ муравьи особенно чувствительны.

Очень остроумны изслѣдованія Люббока по отношенію цвѣтовъ спектра. Онъ старался опредѣлить въ одинаковой-ли степени цвѣта спектра видимы человѣкомъ и муравьемъ. Извѣстно, что мы видимъ цвѣта только отъ фіолетоваго до краснаго. Ярко-красные лучи будутъ уже лучи теплоты, а ярко-фіолетовые лучи, дѣйствующіе химически, для нашего глаза невидимы.

Муравьиное гнѣздо было искуственно составлено. Муравьи были помѣщены между двумя стеклянными пластинками, которыя покрывались свѣтложелтымъ и темнофіолетовымъ стеклами. Муравьи постоянно переносили дѣтенышей подъ желтое стекло, которое повидимому имъ должно казаться темнѣе, тогда какъ людямъ онъ кажется свѣтлѣе фіолетоваго.

Когда надъ искуственнымъ муравейникомъ Люббокъ держалъ сѣрный углеродъ или сѣрнокислый хининъ, которые пропускаютъ всѣ видимые лучи и поэтому кажутся намъ безцвѣтными, но при этомъ удерживаютъ яркофіолетовые лучи, и рядомъ держалъ темнофіолетовое стекло, то муравьи убѣгали подъ прозрачное вещество. Поэтому можно заключить что муравьи видятъ яркофіолетовые лучи, невидимые для насъ, и они кажутся имъ гораздо темнѣе нашихъ темнофіолетовыхъ лучей. Когда весь спектръ былъ искуственно направленъ на гнѣздо, то муравьи переносили своихъ дѣтенышей подъ яркофіолетовые или-же подъ красные лучи.

Всѣ эти опыты доказываютъ, что муравьи различаютъ цвѣта, совершенно иначе нежели люди.



Физическіе опыты. Простѣйшій фотометрическій приборъ.

Простѣйшій способъ измѣренія силы освѣщенія.

Иногда бываетъ затруднительно опредѣлить съ точностью сравнительную силу двухъ родовъ освѣщенія, но въ сущности это дѣлается весьма просто. При сравненіи различныхъ освѣщеній необходимо имѣть въ виду количество сгоранія въ часъ времени, силу источника свѣта, самый цвѣтъ этого послѣдняго и его напряженность. Сила фонарнаго рожка измѣряется обыкновенно числомъ свѣчей, причемъ типомъ приняты тѣ свѣчи, которыхъ приходится 10 на килограммъ. Существуютъ аппараты, измѣряющіе свѣтъ со всею строгостью точнаго опредѣленія въ случаяхъ, когда эта точность необходима, но въ обыденной жизни можно прибѣгать конечно и къ болѣе простымъ, не столь сложнымъ способамъ. Предположимъ, напримѣръ, что необходимо опредѣлить сравнительную силу свѣта двухъ лампъ, опредѣлить числомъ свѣчей силу извѣстнаго источника свѣта, т. е. сравнить свѣтъ лампы съ свѣтомъ свѣчи. Для этаго поставимъ на столъ (на равной высотѣ) лампу и свѣчу B и C (см. нашъ рисунокъ), впереди ихъ тѣло непроницаемое A; за нимъ же протянемъ (въ вертикальномъ положеніи) большой листъ бумаги, который такимъ образомъ будетъ служить какъ бы экраномъ. Какъ скоро B и C зажжены, на бумагѣ образуются двѣ тѣни E и F, которымъ легко придавать совершенно одинаковую степень густоты, одинаковый оттѣнокъ, приближая или отодвигая тотъ или другой источникъ свѣта. Подобнымъ способомъ найдено, что сила и напряженность свѣта обратно пропорціональны квадратамъ разстояній AB и AC и этимъ же путемъ установлена таблица относительной силы свѣта различныхъ, наиболѣе употребительныхъ источниковъ свѣта.

Рѣшеніе магическихъ квадратовъ № 40 и 41.

д	о	с	к	а
о	с	т	о	в
с	т	у	ж	а
к	о	ж	а	н
а	в	а	н	с

о	з	н	о	б
з	в	е	н	о
н	е	д	у	г
о	н	у	ч	а
б	о	г	а	ч

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы отъ гг.: **Спб.**—Нею; **Москва** Өедорова, Руднева; **Варшава** Лихтенкеръ; **Шелковка** Кочерова.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 43.

1) a	$h + i = 2p$	a = 5 = **Д**
2) b	$m - x = u$	b = 1 = **А**
3) c	$c = 2d$	c = 12 = **Л**
4) d	$l + w = 2r$	d = 6 = **Е**
5) e	$f = 2k - v$	e = 11 = **К**
6) f	$3a = o$	f = 15 = **О**
7) g	$t + z = 5o$	g = 11 = **К**
8) h	$d = 2v$	h = 20 = **У**
9) i	$b + n = r$	i = 12 = **Л**
10) k	$3z + b = 100$	k = 9 = **И**
11) l	$a + c = d + e$	l = 11 = **К**
12) m	$d + s = 2u$	m = 20 = **У**
13) n	$p - f = b$	n = 5 = **Д**
14) o	$e + v = y$	o = 15 = **О**
15) p	$k + l = m$	p = 16 = **П**
16) r	$v = 3b$	r = 6 = **Е**
17) s	$o + p = z - 2w$	s = 19 = **Т**
18) t	$c + 2 = y$	t = 17 = **Р**
19) u	$3n = o$	u = 15 = **О**
20) v	$h + k = z - (v + w)$	v = 3 = **В**
21) w	$e + 1 = 2d$	w = 1 = **А**
22) x	$2z = 3h + r$	x = 5 = **Д**
23) y	$a + b + c = 2k$	y = 14 = **Н**
24) z	$x + y + z = 52$	z = 33 = **Я**

14) $e + v = y$; 18) $c + 2 = y$; $e + v = c + 2$ изъ 3) $c = 2d$; 21) $e = 2d - 1$

Далеко кулику до Петрова дня.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Труханова, Боронина, Данчичъ, Нею, Деммени, Армантье; **Москва** Матвѣева, Барсукова, Попова; **Астрахань** Сугурина, Черкасова, **Бакчисарай** Дремджи, **Больш. Коровино**—Терскаго, **Борксоглѣбс. слоб.**—Вальцова, **Бѣжецкъ**—Дѣевскаго, **Васильева**—Д. М. В., **Владикавказъ**—Рогалевича, **Динабургъ**—Леи; **Калуга**—Волокова, Кадмина, **Кишиневъ**—Штернъ, **Креславка** Рѣзунова, **Кронштадтъ**—Пшѣевскаго, Надпорожскаго, **Курскъ**—Пашкова, **Липица** Медвѣдникова, **Ловичъ** Фі—скаго, Леонтьева, **Лодейное поле**—Лаверовскаго, **Малая Вишера** Душкина, **Мальце Бродово**—П. Н. Т., **Могилевъ**—Котонъ, **Н. Новгородъ**—Ульева, **Николаевъ**—Голубова, **Носовичи**—Медвѣдева, **Островъ**—Базунова-Додаева, **Ростовъ**—Герцова, Хравилова, **Рыбинскъ**—Трусова, **Рязачь** Ростиславова, **Самара** Краснова, **Севастополь**—Жеребцова, **Симферополь**—Джекарджи, Халдаримяица, **Соскица** № 52317, **Софійская**—Храмушенова, **Ставрополь**—Шумова, **Сумы**—Примпенко, **Сѣдлецъ**—Данилевскаго, **Тейково**—Токова, **Тифлисъ** Затѣскаго, **Тула**—Полева, **Харьковъ**—Софроновой, **Царево**—Award Вележева, **Ярославль**—Трескина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 39.

	Бѣлые:	Черные:
1)	f 6 — e 7	d6 — f 8
2)	h 6 — g 7	f 8 — h 6
3)	f 4 — g 5	h 6 — f 4
4)	d 4 — e 5	f 4 — d 6
5)	h 8 — e 5	d 6 — f 4
6)	f 2 — g 3	f 4 — h 2
7)	b 6 — g 1	a 3 — b 2
8)	g 1 — a 7	b 2 — d 4
9)	a 7 — g 1	Шашка черн. заперта.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Воронихина, **Москва**—Догодина, **Дмитровъ**—Суходаева, **Елецъ**—Бирюкова, **Калуга**—Волокова, **Муромъ**—Голубева, **Судогда**—Трелина, **Тула**—Сироты.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.**

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ
РАЙ.
ПОЭМА ДЖОНА МИЛЬТОНА.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами **Густава Дорэ.** Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р. съ перес. въ ящикѣ 30 р. въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкою въ ящикѣ 35 р. **Подписчикамъ „Нивы“ на 1882 г. дѣлается уступка 5 руб.**

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Марлитта.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к., для подписч. „Нивы“ 1882 г. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть *Вс. С. Соловьева.* Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника *И. С. Панова.* Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подписч. „Нивы 1881 г. 1 р. 80 к., съ перес. 1 р.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С-Петербургѣ.

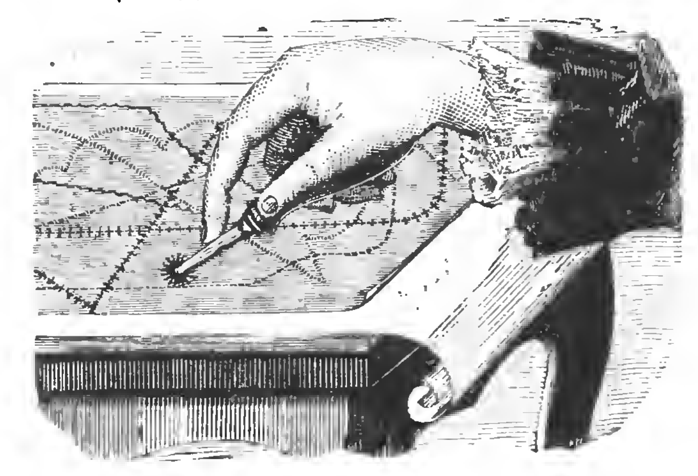
ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ двухъ част. *Н. Каразина съ 20 рисунками автора,* печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ Туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы“ 1882 г. 1 р. 80 к. съ перес. 2 р.

Вышелъ съ росписаніемъ лѣтняго движенія

Полный карманный путеводитель

для желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и почтовыхъ прямыхъ сообщеній въ Россіи и заграницею. Подробныя росписанія, **1,200 маршрутовъ** прямаго сообщенія и карта. Цѣна 40 коп., продается у книгопродавцевъ во всѣхъ городахъ Россіи. № 2116

РѢЗЦЫ ДЛЯ СНЯТІЯ ВЫКРОЕКЪ



Рѣзцы подобнаго образца необходимы при снятіи выкроекъ; цѣна безъ футляра 75 к., съ перес. 1 р. 25 к.; съ футляромъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., можно получить въ Конторѣ Редакціи „НИВЫ“ въ СПБургѣ, Б. Морская. № 9.

МОСКОВСКІЙ МАГАЗИНЪ
ЧАСОВОЙ ФАБРИКИ
ПАВЛА БУРЕ,

переведенъ съ 1-го іюля на Рождественку, на углу Кузнецкаго моста, д. № 6, Торлецкаго. № 2162

ДЛЯ Гг. ИНОГОРОДНЫХЪ

торгующихъ косметическими средствами, дѣлается уступка **30%**, съ каждаго рубля, съ предметовъ изготовленныхъ въ „Депо химическихъ лабораторій А. Краузе“. С.-Петербургъ, Троицкій переулокъ, близъ Невскаго проспекта, домъ № 3. Прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 2161

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ
ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Безподобное и всѣмъ доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.

Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающіе 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписыв. 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовымъ покупателямъ обычная уступка. № 2043 25—14

!!! НѢТЪ БОЛЬШЕ ПОЖАРОВЪ !!!
Вездѣ примѣняемая полная пожарная Команда за 75 рублей.

Состоитъ **изъ 4 ручныхъ пожарныхъ насосовъ** выбрасывающихъ воду на 40 футовъ, помощью даже одного мальчика. Насосы никогда не портятся.

1. Механическ. носилки для спас. вещей.
1. Снаряда для спасанія людей.
1. Устройства предохраняющаго отъ сильной жары во время тушенія дозволяющаго подойти къ самому огню.
1. Резервоара для воды.
1. Патентованнаго шорнарнаго ведра.
1. Пояса кожанаго.
1. Сигнальнаго пожарнаго рожка.
1. Металлическаго англійскаго шлема.
2. Большихъ пожарныхъ крюковъ.
1. Стальнаго пожарнаго топора.

Укупорка 5 рублей. Требованія и деньги адресовать: **Генриху Барыцкому** Владѣльцу Торговаго Дома „Commerce Russe“ **въ Варшавѣ**. № 2080 10—8

ПОКУПАЕТЪ ДЛЯ КОЛЛЕКЦІИ
Ю. ЯКОБСОНЪ

разные предметы изъ стариннаго серебра, золотыя, эмалевыя вещи и табакерки, старыя вещи изъ горнаго хрусталя и другихъ камней въ золотой и серебряной оправѣ; вазы, группы, фигуры и посуду старинкаго фарфора; вещи изъ порфира, мрамора, темной и золоченой бронзы, кости и дерева; мебель съ бронзой, фарфоромъ, инкрустаціями, наборнаго и рѣзнаго дерева; бронзовые часы, канделябры, стѣнники, старинныя кружева, вѣера и матеріи; картины, миніатюры и всякія художественныя вещи.

Малая Морская, д. № 12, магазинъ рѣдкостей. А. № 2137 2—2

Вниман. Гг. Иногор. торговцевъ обращ. на укс. 3-ей выгодн. по крѣпости для транспорта.—На 100 р. дѣлаю 10% уступки, покрыв. провозъ трехъ уксуса по жел. дор. до 600 верс.—**Въ розливѣ имѣю всѣ. сорта.**

ПРЕВОСХОДНЫЙ КЛЮКВЕННЫЙ ЭКСТРАКТЪ
Ю. МЕРТЕНСА,

для приготовленія лимонада, морса, соусовъ и проч. и сгущенное **Итальянское молоко. по своему отличному качеству допущено къ продажѣ Медицинскимъ совѣтомъ.** Получить можно у **Штоль и Шмидта, въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами, въ вольныхъ аптекахъ и фруктовыхъ магазинахъ.** Оптовый складъ въ С.-Петербургѣ, уголъ Гальѣрной и Коломенской, № 49 35 № 2163 10 1

ПРОСЬБА.

Покорнѣйше прошу почтеннѣйшую публику, покупающую мой Шведскій бальзамъ „ЭЛЕОПАТЪ“ для укрѣпленія волосъ и противъ перхоти кожи головы, требовать непремѣнно **„ЭЛЕОПАТЪ“ Провизора Кинунена,** такъ какъ въ продажѣ явились подражанія „ЭЛЕОПАТУ,“ дающія поддѣльному бальзаму большое сходство съ моимъ препаратомъ: Адресъ мой: Главное Депо: „ЭЛЕОПАТА,“ Пассажъ магаз. № 52, въ С.-Петербургѣ. № 2154.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ
„ЭЛЕОПАТЪ“ только провизора Кинунена

NB. **Не смѣшивать съ** „ОЛЕОПАТОМЪ“.

„Элеопатъ“ употребляется противъ перхоти головы, и есть незамѣнимое, вѣрное средство для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ: пользуется всеобщимъ довѣріемъ тѣхъ лицъ, которыя употребляли это новое цѣлебное средство Продается во всѣхъ аптекахъ и лучшихъ косметическихъ магазинахъ и лабораторіяхъ.

Для **иногороднихъ** заказчиковъ и покуп. высылается не менѣе 2 флак. за 4 р., содержащ. 240 грам. При высылкѣ денег. на заказъ, необходимо указать вотъ этотъ адресъ для гг. иногороднихъ: пишите: **Въ ГЛАВНОЕ ДЕПО „ЭЛЕОПАТА“, ПАССАЖЪ. МАГ. № 52, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, такъ какъ всякое изобрѣтеніе, пользующееся хорошею репутаціею подвергается поддѣлкѣ, то покорнѣйше пр шу почтен. публику требовать только „ЭЛЕОПАТЪ“ провизора КИНУНЕНА и точность и надпись КИНУНЕНА и остерегаться подражаній, настоящій мой препаратъ назыв ется „ЭЛЕОПАТЪ“.** № 2149

Только что вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „НИВА“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in- 8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

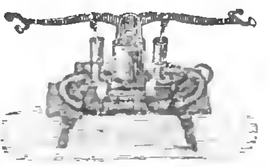
НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.: въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.



Русская пожарная труба
ТОВАРИЩЕСТВА
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,

САМАЯ ДЕШЕВАЯ, ПРОЧНАЯ, ПРОСТАЯ И ЛЕГКАЯ.

Цилиндры и скородоступные клапаны изъ мѣди, штоки и коромысла изъ желѣза. При двухъ человѣкахъ прислуги она выбрасываетъ въ часъ 480 ведеръ воды на разстояніе 14 саж., сильнымъ напоромъ. Цѣна трубы **со всѣми рукавами,** брандспойтомъ и ключами 115 р.—съ наливнымъ ящикомъ 135 р.

Кромѣ того товарищество обращаетъ вниманіе на свой

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ,

лучшій аппаратъ для тушенія пожаровъ въ зачаткахъ, и для поливки цвѣтовъ, растеній и деревьевъ. Уменьш. цѣна 16 р. Съ заказами просимъ обращаться въ наши конторы: **С.-Петербургъ:** Вас. Остр., 1 линія, № 10 и **Москва:** Мясницкая, д. Сытова. **На Всероссійской промышленно-художественной выставкѣ въ Москвѣ,** издѣлія товарищества **БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,** состоящія изъ насосовъ и пожарныхъ трубъ, —выставлены въ гидравлическомъ отдѣлѣ, въ IX группѣ и въ отдѣльномъ павильонѣ товарищества, близь водокачки, можно видѣть ежедневно въ дѣйствіи „Пульзометры системы К. Г. Голля и паровой насосъ Челевъ системы товарищества Буркгардтъ и Урлаубъ. № 2146 4—3

Иллюстрир. каталогъ по востребованію.

5% ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ, съ задаткомъ въ 15 р. съ разсрочкой платежа изъ 8% годовыхъ, продаетъ контора **П. ВЫДРИНЪ И СЫНЪ,** Москва, Тверская, № 31.

Условія высылаетъ безплатно.

Страхованіе билетовъ по 50 к. съ пересылкой квитанціи. П. № 2144 5—2

ВСЯКАГО РОДА ГРАВЮРЪ НА ДЕРЕВѢ (КЛИШЕ) К. РИХТЕРЪ, ЗАГОРОД: ПР: № 18 ВЪ С.ПБѢ:

А. СІУ и Ко.
ПАРФЮМЕРНЫЙ и КОСМЕТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

Тверская, д. Варгина. **МОСКВА.** ПОДРОБНЫЙ **ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ** ВЫСЫЛАЕТСЯ **ПО ТРЕБОВАНІЮ.**

Учрежденное С.-Петербургскимъ Собраніемъ Сельскихъ Хозяевъ Сельскохозяйственное Коммиссіонерство

„РАБОТНИКЪ“.

Въ С.-Петербургѣ: Фонтанка, Соляной городокъ, въ зданіи Императорскаго Сельскохозяйственнаго музея.

Въ Москвѣ: Воздвиженка, № 11.

Въ Кіевѣ: Уголъ Безаковской и Жилянской улицъ.

Имѣетъ на своихъ складахъ постоянно большой выборъ **земледѣльческихъ машинъ и орудій** новѣйшихъ системъ и лучшихъ заводовъ, а также **молочную посуду,** приборы по садоводству и для домашняго хозяйства.

Заказы на **локомобили, паровыя молотилки, мельницы** и нѣкоторыя другія машины, направляемыя съ заводовъ прямо къ гг. заказчикамъ, выполняются коммиссіонерствомъ **по заводскимъ цѣнамъ** безъ надбавки коммиссіи. Коммиссіонерство состоитъ агентомъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутльворта, Рансома, Іеда и Джефереа, Говарда, Джонстона и Ко, Пеннея, Эккерта, Беннера** и др. Заказы исполняются немедленно. Каталоги выдаются и высылаются безплатно. № 2069 10—10

Усовершенствованные 2-хъ и 3-хъ-колесные (Bicycles) **ВЕЛОСИПЕДЫ** (Tricycles) послѣдняго типа и только извѣстнѣйшихъ заводовъ. Примѣненные для далекихъ путешествій. Въ Складѣ Американскихъ издѣлій Ж. Блока. Представитель для всей Россіи.

СПБургъ—Невскій, 16. **Москва**—уг. Кузнецк. моста. Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

ПРИ ПЕТРѢ, историч. повѣсть *В. Н. Кельсіева* съ рисунками *Панова* и *Коверзнева.* Это интересное сочиненіе изображаетъ, въ формѣ повѣсти, Петровское время и его характеръ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. для подписч. „НИВЫ“ 75 к. съ перес. за 1 р.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е изданіе Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к., для подписч. „НИВЫ“ 1882 г., 75 к. съ перес. 1 р.

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!.. Романъ *Э. Вернера.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 съ перес. 1р. 25 к., для подп „НИВЫ“ 1882 г. 75 к. съ пер. 1 р.

Складъ заграничныхъ товаровъ **ТРОССИНЪ и СТЕФФЕНЪ** Екатерининскій каналъ, Камен. мостъ, № 49.

ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ И БАГЕТЪ. Продажа оптомъ. Постоянно новости. 3

Дозволено цензурою. СПБ. 1 іюля 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ — № 28

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 10 Іюля 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Московская промышл.-художеств. выставка. Одноколка для раненыхъ отрядной мастерской въ Бами, бывшая въ Ахалъ-Текинскомъ отрядѣ. Ориг. рисун. нашего спеціальнаго корреспондента Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XII.

Смерть и жизнь.

Ночь. Тишина въ царицыной спальнѣ, только однозвучно раздаются слова напутственныхъ молитвъ. Неподвижно лежитъ Екатерина—вся въ бѣломъ—и огромныя восковыя свѣчи обливаютъ ее печальнымъ свѣтомъ. Спокойно и величественно лицо ея, отхлынула отъ него кровь въ послѣднюю минуту, и оно теперь блѣдно. Смерть не исказила его, а напротивъ, придала ему новую прелесть.

Всѣ муки послѣднихъ дней, всѣ земныя скорби, страсти и волненія отлетѣли и унесли вмѣстѣ съ собою ту печать, которую онѣ клали на лицо это. Блаженная улыбка, улыбка освобожденія, застыла на устахъ, сгладилась даже рѣзкая черта между бровями и только одинъ высокій, прекрасный лобъ сохранилъ отблескъ глубокихъ мыслей, которыя рождались, созрѣвали и приносили богатые плоды въ этой тѣлесной оболочкѣ, уже предающейся тлѣнію.

Все совершилось по вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ природы. Съ одной стороны произошелъ обычный физіологическій процессъ, который легко было подвергнуть точному анализу—одна форма матеріи переходила въ другую. Но рядомъ съ этимъ видимымъ процессомъ произошелъ другой, невидимый, таинственный, отвергаемый слабымъ разсудкомъ, находящимъ жалкое удовлетвореніе въ сознаніи человѣческаго ничтожества, признаваемый разсудкомъ, умѣющимъ всесторонне наблюдать связь и развитіе жизненныхъ явленій: но во всякомъ случаѣ неспособный стать предметомъ анализа, предметомъ человѣческаго знанія... Екатерины не стало... Но развѣ могло это могучее, феноменальное существо исчезнуть, уничтожиться, превратиться въ прахъ?! Уничтожилось тѣло; но это тѣло было совсѣмъ не то, что означало собою понятіе: Екатерина...

Екатерина... маленькая нѣмецкая принцесса изъ бѣднаго дома, воспитанная дурною матерью, которая не могла дать ей и хорошаго примѣра, которая не позаботилась о развитіи ея ума и сердца. Съ первыхъ же лѣтъ своей жизни она сама должна была о себѣ заботиться, сама должна была такъ или иначе воспитать себя.

Какое же воспитаніе, какое же развитіе дастъ она себѣ? Очевидно въ основѣ ихъ должно лечь то, что представляетъ ей окружающая жизнь, тѣ впечатлѣнія, которыя она встрѣчаетъ, та среда, въ которой она живетъ. Ее окружаютъ мелкія интриги, мелкая хитрость, ложь и обманъ.

Изъ своего бѣднаго, родного дома обстоятельства переносятъ ее въ чужую страну почти ребенкомъ. И здѣсь снова, только еще въ большей степени, интриги, обманъ и фальшь. Хитрить и притворяться съ утра и до вечера, вѣчно расчитывать, вести ловкую игру—вотъ что ей предстояло съ первыхъ же дней.

Затѣмъ союзъ съ человѣкомъ, который очень мало говорилъ ея сердцу, который не любилъ ее и началъ семейную жизнь съ оскорбленій ей, грубыхъ и безсмысленныхъ оскорбленій, ею незаслуженныхъ. Она была одинока, въ самомъ жалкомъ положеніи. До нея не было никому дѣла, ею пренебрегали. Она могла дойти до отчаянія, зачахнуть и безвременно умереть, какъ уже было и будетъ со многими въ подобныхъ обстоятельствахъ. Но она не сдѣлала этого.

Наблюдая, въ огромномъ большинствѣ окружавшихъ ее людей, самыя низкія свойства и видя къ себѣ почти всеобщую несправедливость, она могла бы начать относиться къ людямъ съ презрѣніемъ и ненавистью, а между тѣмъ она сохранила въ себѣ любовь къ человѣчеству, вѣру въ то, что есть настоящіе люди—и впослѣдствіи она умѣла отыскивать такихъ людей.

Плохо воспитанная и еще плоше образованная, среди всеобщаго невѣжества, прикрывавшагося только внѣшнимъ лоскомъ, она могла забыть и то что знала и всецѣло уйти въ животную жизнь. А между тѣмъ каждый новый день приносилъ ей новое умственное пріобрѣтеніе. Покинутая и оскорбляемая, она не падала духомъ, она училась, думала и наблюдала.

Всѣ были противъ нея, всѣ сулили ей печальную будущность: но она сказала себѣ, что ея будущность не такова, какъ всѣмъ казалось и что она должна себя подготовить къ ней...

И все перенося, ничѣмъ себя не проявляя, умаляясь насколько это возможно, она вдругъ въ одинъ день, съ помощью нѣсколькихъ неопытныхъ молодыхъ людей, которые повиновались ея приказаніямъ, изъ загнанной, отверженной женщины превратилась въ самодержавную русскую императрицу. Твердо и неоглядываясь переступала она черезъ всѣ преграды и вдругъ появилась во всей своей силѣ, во всемъ своемъ величіи.

Маленькая нѣмецкая принцесса стала русской женщиной. И эта женщина твердо и сознательно, мощной рукою приняла бразды правленія, съ тѣмъ чтобы не выпускать ихъ до послѣдней минуты жизни, съ сознаніемъ что только ея крѣпкая рука можетъ съ честью ихъ выдержать.

Окруженная блескомъ и всѣми соблазнами самодержавной власти, она не забывалась ни на минуту. Передъ нею былъ примѣръ великаго труженика, наслѣдье котораго она сдѣлала своею собственностью на перекоръ природѣ. Она чувствовала свое близкое духовное родство съ русскимъ великаномъ и только его могучую тѣнь признавала судьею своихъ дѣяній. Она принялась за работу и работала не покладая рукъ, изумляя міръ силою своего разума, своихъ неслыханныхъ способностей. Не было сферы, которую бы она признавала себѣ чуждой. И все, за что ни бралась она, поддавалось ей.

Въ ней было два существа, повидимому противоположныхъ другъ другу—разносторонне геніальный человѣкъ и страстная женщина. Но она умѣла примирять непримиримое. Предаваясь страстямъ своимъ, она никогда не забывалась и каждую минуту готова была воспрянуть духомъ, чтобы спѣшить на встрѣчу своему высшему призванію.

И она имѣла великое счастіе видѣть плоды трудовъ своихъ.

Ее сравнивали съ знаменитой царицей древняго міра и она, ненавистница лести, спокойно принимала это сравненіе. Ей самой казалось, что въ ней воплотился духъ Семирамиды.

Древніе авторы приписываютъ владычицѣ Ассиріи такую эпитафію:

„Природа дала мнѣ тѣло женщины, мои дѣянія сдѣлали меня подобной самымъ крѣпкимъ мужамъ. Я вла-

дычествовала надъ государствомъ, распространеннымъ во всѣ концы свѣта; до меня ни одинъ ассиріянинъ не видалъ моря—я видѣла четыре моря, до которыхъ недостигалъ еще никто—и я подчинила эти моря моимъ законамъ. Я принудила рѣки измѣнить по моей волѣ теченіе, для блага подвластныхъ мнѣ народовъ. Я сдѣлала плодоносною пустыню, оросивъ ее моими рѣками. Я воздвигла грозныя твердыни. Я проложила дороги черезъ недостижимые утесы. Я вымостила моимъ серебромъ пути, на которыхъ до меня виднѣлись только слѣды дикихъ звѣрей. И совершая все это, я находила время для своихъ наслажденій и для наслажденій друзей моихъ!“

Подобную же эпитафію могла начертать себѣ Екатерина, съ тою только разницею, что новой Семирамидѣ было доступно многое, о чемъ и не помышляла древняя.

Въ виду такой дѣятельности, въ виду такой славы долгихъ лѣтъ знаменательнаго царствованія невольно забывались слабости женщины. Еще вчера Екатерину можно было судить какъ дряхлѣющую старуху; но теперь, когда ея тѣло лежало неподвижно, озаренное печальнымъ свѣтомъ погребальныхъ свѣчей,—старухи уже не было больше, оставалась только великая женщина со своимъ законнымъ, неотъемлемымъ правомъ на безсмертье...

Торжественная тишина стояла по дворцовымъ комнатамъ; только время отъ времени, едва слышно раздавались боязливые шаги: какъ тѣни мелькали люди, дѣлавшіе какія то приготовленія къ завтрашнему утру.

Всѣ утомились въ теченіи двухъ дней ужасной агоніи императрицы и всѣ теперь спали, забывъ свои тревожныя ощущенія, забывъ свое горе и страхъ за близкое будущее.

Не спалъ только одинъ человѣкъ,—человѣкъ этотъ былъ Павелъ. Онъ ходилъ быстрыми шагами по своему рабочему кабинету, озарявшемуся слабымъ отблескомъ двухъ догаравшихъ свѣчей. При первомъ взглядѣ на него можно было замѣтить, что онъ находится въ томъ особенномъ состояніи когда человѣкъ совершенно не замѣчаетъ окружающей обстановки, когда онъ движется и дѣйствуетъ безсознательно. Глаза Павла, широко открытые, были устремлены въ пространство, его губы то и дѣло шептали что то.

Иногда онъ схватывался рукою за сердце, иногда сжималъ себѣ руками голову; иногда по щекамъ его катились слезы.

Безконечныя вереницы мыслей однѣ за другими проносились въ головѣ его, вставали цѣлыя картины, судорожный трепетъ пробѣгалъ по его членамъ, холодный потъ выступалъ на лбу его. Вспоминалась вся жизнь.

Вотъ наступилъ наконецъ этотъ день, котораго ждалъ онъ долгіе годы, день, къ которому онъ себя постоянно готовился! И съ ужасомъ чувствовалъ онъ, что все же остался неприготовленнымъ, что этотъ день засталъ его нежданно и поразилъ своимъ появленіемъ...

Онъ—Русскій императоръ! Онъ надѣваетъ на себя корону, которая со дня его совершеннолѣтія принадлежитъ ему по законнѣйшему праву!

И онъ содрогается подъ тяжестью этой незримой короны, его охватываетъ благоговѣйный трепетъ, соединенный съ невольнымъ ужасомъ.

— Достоинъ ли я, шепчетъ онъ.—того, что выпало мнѣ на долю. Снесу ли я эту тяжесть?! Достойно ли выполню великое и тяжкое призваніе?!. Боже, помоги мнѣ, на Тебя одно мое упованіе!!.

Онъ падаетъ на колѣни, простирая передъ собою руки. Онъ рыдаетъ и горячо молится.

И вотъ, послѣ этой облегчающей молитвы, снова наплываютъ думы.

„Забыть... забыть себя! шепчетъ онъ.—Забыть все это прошлое, къ чему оно теперь... его нѣтъ. И можетъ быть даже лучше, что оно было!“

Но помимо его воли, многія минуты пережитой тяжелой жизни встаютъ передъ нимъ и невольная горечь обливаетъ его сердце. Вспоминаются обиды, несправедливости, которыя онъ долженъ былъ выносить часто отъ людей ничтожныхъ. Вспоминается безсиліе передъ торжествующимъ зломъ, передъ неправдой, которую онъ ясно видѣлъ и съ которой не могъ бороться.

„Забыть... забыть!“

Повторяетъ онъ и дѣлаетъ надъ собой послѣднія усилія. И наконецъ достигаетъ забвенія. Его прошлое отходитъ и мало-по-малу возстаетъ образъ настоящаго, а за нимъ и будущаго.

„Много неправды внѣдрилось повсемѣстно, все распущено, разнуздано, истина скрылась гдѣ то и не смѣетъ показаться наружу. Нужно заставить ее выйти на свѣтъ Божій, нужно заставить ее явиться побѣдительницей неправды. Но достанетъ ли для этого силъ одного человѣка. Нужны помощники, нужны вѣрные слуги, истинные русскіе люди съ неподкупнымъ и любящимъ сердцемъ...“

Онъ сталъ искать людей этихъ, вызывалъ ихъ мысленно передъ собою. Но не многіе явились на зовъ его.

„Съ этими начну, а затѣмъ, Богъ дастъ, придутъ и другіе! Они попрятались теперь, имъ не было хода. Они поймутъ, что я зову ихъ, что я ихъ жду и явятся мнѣ на помощь. Я обращусь ко всему, что есть честнаго и лучшаго въ моемъ отечествѣ. Я каждымъ моимъ шагомъ буду доказывать, что ищу только правды, что не боюсь правды, что ненавижу ложь и безчестность...“

„Меня поддержутъ, меня поймутъ, Я дамъ возможность каждому сказать мнѣ все, что сказать онъ можетъ. Первое, что я сдѣлаю завтра же—выставлю передъ дворцомъ ящикъ, въ который каждый свободно будетъ опускать свои письма. Ключъ отъ ящика буду хранить я, и ежедневно самъ буду отпирать его и прочитывать все, что тамъ найдется, такимъ образомъ я стану узнавать многое, что иначе осталось бы навсегда мнѣ неизвѣстнымъ...“

„А эти развратные, разнузданные люди—пусть они меня ненавидятъ! Мнѣ не нужно ихъ любви,—она была бы для меня позоромъ. Я заставлю ихъ дрожать передъ собою отъ страху, этихъ развратителей народа, этихъ служителей лжи и обмана!.. Ихъ ненависть будетъ лучшимъ моимъ украшеніемъ. Я очищу этотъ новый Вавилонъ, я превращу его въ христіанскій городъ.. И никто не осмѣлится сказать мнѣ, что я плохой учитель, потому что каждому я буду подавать примѣръ собой, своей добропорядочной жизнью...“

Мало по-малу трепетъ и страхъ за будущее, неувѣренность въ своихъ силахъ отходили, являлось спокойствіе. Широкое чувство наполняло Павла, въ немъ заговорили всѣ завѣтныя стороны души его, въ немъ выступалъ въ полномъ блескѣ послѣдній истинный рыцарь, честный и безстрашный, который бьется за правду.

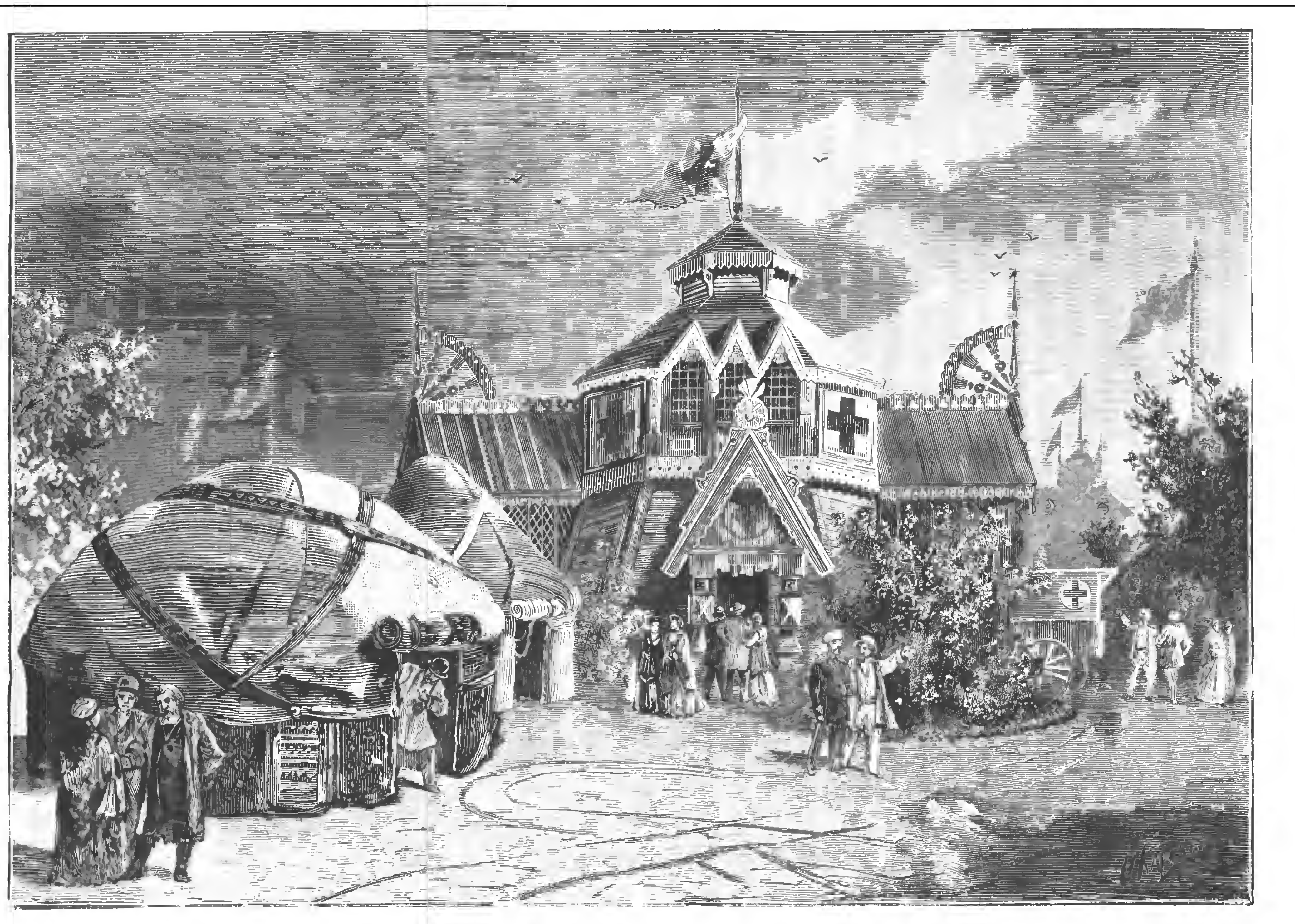
Мало по малу всѣ грёзы, которыми онъ наполнялъ однообразные дни Гатчинскаго досуга, возвращались и улыбались ему. Приходили на умъ всѣ планы государственнаго устройства и внутренней политики, которые онъ разрабатывалъ вдали отъ дѣйствительной жизни, въ тишинѣ своего Гатчинскаго кабинета.

„Нѣтъ, не даромъ прожиты эти годы! рѣшилъ онъ,—все же многое подготовлено.“

Онъ вспомнилъ свое войско, дисциплированное, выносливое, прошедшее тяжелую школу. Онъ призоветъ своихъ Гатчинцевъ, размѣститъ ихъ по всѣмъ полкамъ.

„Пусть они научатъ этихъ солдатъ, этихъ офицеровъ, которые только срамятъ имя русскаго солдата и русскаго офицера!“

Да, его Гатчинцы въ короткое время съумѣютъ создать настоящее войско, съ которымъ не стыдно будетъ



Московская промышленно-художественная выставка. Павильонъ и кибитки Краснаго Креста. Общій видъ.

Ориг. рисунокъ нашего спеціальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина. грав. М. Рашевскій.

Московская пром.-худож. выставка. Павильонъ каменноугольнаго производства В. Любвина.
Ориг. рисунокъ нашего спеціальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

глядѣть въ глаза Европѣ. Съ хорошимъ войскомъ можно будетъ поддерживать свое вліяніе, свое значеніе. Но онъ вовсе не ищетъ военной славы. Онъ безъ крайней необходимости не станетъ водить русскихъ людей на убой. Онъ начнетъ съ того, что покончитъ ненужныя военныя дѣйствія. Россія не нуждается въ пріобрѣтеніяхъ; прежде нужно подумать о внутреннемъ благосостояніи: нужно устроить внутреннюю свою жизнь на честныхъ и законныхъ основаніяхъ..."

„Но съ чего же начать?! О, онъ долженъ начать съ утвержденія справедливости, онъ долженъ удовлетворить всѣхъ обиженныхъ въ послѣднее время и щедро наградить ихъ за претерпѣнныя невзгоды. Съ другой стороны онъ долженъ наказать тѣхъ, кто злоупотреблялъ своимъ временнымъ значеніемъ..."

„Наказать!.."

Онъ вздрогнулъ.

„Начинать съ кары, съ наказаній! Нѣтъ я не хочу этого. Достаточно будетъ если я лишу злыхъ людей возможности творить зло, если я отберу отъ нихъ оружіе. Да и какое наказаніе могу я придумать больше того, какому они должны будутъ сами себя подвергнуть увидя свое безсиліе?!."

„А своихъ личныхъ враговъ?!."

Въ немъ закипѣло сердце, но онъ быстро успокоился.

„Я долженъ простить врагамъ своимъ!" прошептали его губы.

Утомленный, обезсиленный онъ упалъ въ кресло и долго сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову.

На него напало тихое раздумье. Мысль переставала работать; но за то въ сердцѣ просыпалось новое ощущеніе. Тоска какая то начинала давить его. Это была знакомая ему тоска, уже не разъ имъ испытанная, приходившая невѣдомо откуда и, повидимому, безъ всякой причины. Это была тоска, которую онъ называлъ предчувствіемъ...

Онъ вздрогнулъ.

„Бѣда грозитъ, новая бѣда!"

Но вѣдь онъ зналъ что не на счастіе дана ему жизнь; онъ зналъ, что эта жизнь—тяжкое бремя, которое онъ долженъ нести со смиреніемъ до послѣдней минуты.

„Прочь предчувствіе!" Почти громко крикнулъ онъ и всталъ, будто отгоняя отъ себя мрачные призраки.

„Да будетъ воля Божья надо мною, а я долженъ нести крестъ свой и понесу его не заглядывая, что ожидаетъ меня на пути моемъ!"

Снова загорѣлись глаза его, снова по всѣмъ членамъ пробѣжалъ вдохновенный трепетъ. Онъ чувствовалъ, какъ и двое сутокъ передъ тѣмъ, во время своего страшнаго сновидѣнія, будто какая то невѣдомая сила поднимаетъ его, наполняетъ его новымъ избыткомъ жизни.

Торжественное спокойствіе теперь нисходило въ его душу.

„Господи, благослови трудъ мой! Благослови путь мой!" прошепталъ онъ, широко осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Всѣ тревоги, всѣ сомнѣнія отлетѣли. Въ немъ не было уже мѣста тяжелымъ или злымъ воспоминаніямъ, въ немъ было только одно могучее, честное чувство—любовь къ правдѣ, любовь къ роднѣ, одно сознаніе своей высокой цѣли.

XIII.

Первые дни.

Зимній, ясный день свѣтилъ въ окна. Сергѣй Горбатовъ, склонившись надъ письменнымъ столомъ, въ своей обширной рабочей комнатѣ, быстро писалъ инструкцію одному изъ своихъ управителей. Онъ пользовался свободной минутой и спѣшилъ окончить письмо чтобы кто-нибудь или что-нибудь ему не помѣшало. У него совсѣмъ не было свободнаго времени; дни проходили такъ быстро и разнообразно, что даже трудно было отмѣчать ихъ.

Уже около трехъ недѣль прошло съ кончины императрицы. Сколько знаменательнаго совершилось въ это время. Екатерина еще не была похоронена, ея набальзамированные останки находились еще въ Зимнемъ дворцѣ. И рядомъ съ ея пышнымъ гробомъ стоялъ другой гробъ, такой же пышный,—и на немъ лежала императорская корона.

Что же это означало? Кто за это время еще скончался изъ членовъ царской семьи? Никто. Всѣ были живы. Въ этомъ новомъ гробу, поставленномъ рядомъ съ гробомъ императрицы, для поклоненія народа, лежали кости человѣка, давно окончившаго свою жизнь. Корона на гробу являлась символомъ того, что человѣкъ этотъ не успѣлъ короноваться при жизни.

Сынъ вспомнилъ отца и изъ Невской лавры, гдѣ были похоронены останки императора Петра III, приказалъ принести ихъ со всевозможными почестями въ Зимній дворецъ, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣломъ императрицы похоронить въ Петропавловскомъ соборѣ, въ фамильномъ склепѣ Русскаго императорскаго дома.

Такое нежданное распоряженіе императора Павла изумило всѣхъ. Объ этомъ много было толковъ и разговоровъ. Самъ императоръ не распространялся относительно этого предмета, и только однажды мрачно проговорилъ:

— Нужно же чтобъ хоть по смерти человѣку была оказана справедливость!

Изъ числа немногихъ, кто понималъ и одобрялъ этотъ поступокъ императора, былъ Сергѣй. Онъ участвовалъ въ церемоніи перенесенія костей Петра III, онъ прослѣдилъ по лицу Павла Петровича всѣ волновавшія его ощущенія и все понялъ. Онъ самъ бы поступилъ такъ на его мѣстѣ.

Вообще слѣдить какъ можно пристальнѣе за императоромъ теперь сдѣлалось невольною потребностью Сергѣя. Онъ болѣе чѣмъ когда либо чувствовалъ себя ему преданнымъ, изумлялся его неустанной лихорадочной дѣятельности. Иногда въ него закрадывалась тревога:

„Развѣ такъ можетъ продолжаться? онъ долженъ утомиться. Теперь еще онъ возбужденъ, но возбужденіе мало по малу станетъ остывать и тогда онъ увидитъ многое, чего пока не замѣчаетъ. Онъ увидитъ, что большая часть его усилій пропадаетъ даромъ, что часто приходится ему встрѣчать вмѣсто пониманія его благихъ намѣреній одно упорное недоброжелательство, подавленный страхъ и злобу.

Вѣрный своимъ взглядамъ и выработанному плану, императоръ, не откладывая ни минуты, приступилъ, и приступилъ, по своему обычаю, рѣзко и рѣшительно къ измѣненію многаго въ существовавшемъ строѣ.

Гатчинскія войска уже были въ Петербургѣ. Гатчинцы явились учителями въ гвардейскихъ полкахъ и въ городѣ уже шелъ говоръ, шелъ ропотъ. Укоренившейся распущенности полагался конецъ. Привольная жизнь петербургскихъ гвардейцевъ быстро измѣнилась. Теперь уже нельзя было только считаться на службѣ, получать всѣ права и отличія и не нести никакихъ обязанностей. Нужно было или служить, или выходить въ отставку. И при Екатеринѣ многіе дворяне находили службу тяжелою, хотя она и не заключала въ себѣ никакой тяжести. Теперь же служба становилась дѣйствительно тяжелою. Теперь въ привиллегированныхъ полкахъ водворилась суровая, черезъ чуръ суровая дисциплина, ревностнымъ блюстителемъ которой былъ Аракчеевъ.

Изящный, блестящій костюмъ, дорогія шубы и муфты офицеровъ превратились въ пріятное воспоминаніе. Стояла морозная зима, но ни шубъ, ни муфтъ уже не существовало; нужно было по морозу въ одныхъ мундирахъ являться на ученье. Изнѣженные, не привыкшіе къ суровой школѣ, люди отмораживали себѣ уши и руки.

Петербургъ издавна привыкъ обращать ночь въ день,

теперь и этого уже нельзя было дѣлать. День начинался рано, еще до свѣта, когда государь, уже давно вставшій и принявшійся за работу, принималъ своихъ докладчиковъ. День кончался рано, когда государь, утомленный разнообразной дневной дѣятельностью, прощался со своими домашними и приближенными и удалялся въ опочивальню. Въ десять часовъ вечера на улицахъ Петербурга должно было прекращаться движеніе. Огни въ домахъ должны были гаснуть.

„Ночью нужно спать—днемъ нужно дѣло дѣлать.“ такъ говорилъ императоръ и на себѣ показывалъ примѣръ этой аккуратной, размѣренной жизни.

Онъ надѣялся, что его доброму примѣру будутъ слѣдовать добровольно. Онъ требовалъ отъ людей, имѣвшихъ съ нимъ соприкосновеніе по своимъ обязанностямъ, чтобы они согласовались съ его привычками и правилами. Онъ нѣсколько разъ повторялъ, что мало по малу, видя строй придворной жизни, и все петербургское общество измѣнитъ свои обычаи.

Но нашлись люди, которые, не получая отъ него никакихъ приказаній, сами уже начинали распоряжаться, врывались въ частную жизнь. Ежедневно оказывались новыя полицейскія распоряженія, о которыхъ въ большинствѣ случаевъ, государь не имѣлъ никакого понятія. Эти распоряженія строго приводились въ исполненіе, поселяли въ обществѣ, не привыкшемъ ни къ какому стѣсненію, неудовольствіе и ропотъ, но объ этомъ ропотѣ никто изъ распорядителей не думалъ. Лишь бы государь былъ доволенъ, лишь бы ничто его не раздражало.

Однимъ изъ такихъ усердныхъ людей, усердіе которыхъ хуже измѣны, былъ Петербургскій губернаторъ Архаровъ...

Вообще Сергѣй видѣлъ, что случилось что-то крайне безобразное и неожиданное. Еще такъ недавно цесаревичъ Павелъ будто не существовалъ и никто не обращалъ на него никакого вниманія. Объ его взглядахъ, желаніяхъ никто не заботился. Перечить ему во всемъ считалось чуть ли не обязанностью. Теперь императоръ Павелъ, не смотря на свою раздражительность, которая впрочемъ очень скоро проходила, ко всѣмъ относился съ большой снисходительностью, щедрый, черезчуръ щедрый, направо и налѣво сыпалъ свои милости, требовалъ только должнаго:—и между тѣмъ во всѣхъ вселялъ къ себѣ чувство страха.

Да, всѣ боялись императора, а онъ хотѣлъ именно одного, чтобы его не боялись порядочные люди, чтобы его боялись только негодяи и измѣнники. Императоръ уже самъ начиналъ замѣчать это производимое имъ впечатлѣніе, и ничто такъ не мучило его, ничто такъ не раздражало какъ этотъ безсмысленный страхъ. Онъ даже жаловался на это близкимъ людямъ, онъ удесятерялъ свои милости каждому, кто по его мнѣнію хоть чѣмъ нибудь могъ оправдать эти милости, но ничто не помогало, государь все же являлся одинокимъ. Его окружала только небольшая кучка людей, давно ему преданныхъ, а новыхъ людей, способныхъ понять и оцѣнить его, почти не прибывало.

Это было очень грустно Сергѣю и онъ не разъ объ этомъ бесѣдовалъ съ Таней, которая переѣхала изъ Гатчины въ Зимній дворецъ и съ которой онъ видался ежедневно. Свадьба ихъ теперь поневолѣ была отложена до похоронъ императрицы.

— Знаешь, разъ какъ-то сказала Таня жениху, когда они толковали о государѣ, я вѣдь имѣла достаточно времени изучить его характеръ, я знаю всѣ достоинства его и недостатки и знаю, какъ прожилъ онъ всю свою жизнь. Онъ тамъ, въ Гатчинѣ, часто откровенно бесѣдовалъ со мною о разныхъ предметахъ, многое мнѣ высказывалъ. У меня даже, въ моихъ тетрадяхъ, записаны иные наши разговоры. Какъ нибудь на досугѣ я дамъ ихъ тебѣ прочесть, найдешь въ нихъ много интереснаго. Такъ, знаешь-ли, этотъ человѣкъ самый несчастный, какого только можно встрѣтить въ жизни. Есть люди, которымъ все дозволено, и которымъ все удается, они могутъ дѣлать какія угодно имъ ошибки и каждая изъ такихъ ошибокъ обращается въ ихъ пользу. У нихъ можетъ быть пропасть недостатковъ, но эти недостатки имъ извиняются; они могутъ быть, въ сущности, почти ничтожными, а ихъ величаютъ. Есть другіе люди, которымъ ничто не удается, которыхъ преслѣдуетъ будто какое-то проклятіе, ими не заслуженное; все обращается имъ во вредъ и въ осужденіе, и каждое обстоятельство складывается для нихъ бѣдою. Малѣйшій недостатокъ ихъ представляется для всѣхъ удесятереннымъ, раздувается и превращается чуть ли не въ преступленіе. Каждое ихъ хорошее свойство не понимается и объясняется въ худую сторону. Что бы они ни сдѣлали, и если даже сдѣлаютъ что-нибудь великое, все это оказывается ошибкой. Они питаютъ въ себѣ великіе замыслы, они относятся къ ближнимъ своимъ какъ истые христіане, а между тѣмъ ихъ считаютъ чуть ли не извергами, ихъ сердце обливается кровью, а ихъ обвиняютъ въ холодности, въ себялюбіи. Такой вотъ, такой человѣкъ и государь нашъ. Я давно это уже вижу и давно это меня мучаетъ. Онъ мнѣ еще въ прежнее время говорилъ, что считаетъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ, я не находила словъ его утѣшить и разувѣрить, потому что была съ нимъ совершенно согласна. Теперь же, что-же это такое? Съ утра и до вечера приходится мнѣ слышать: „Ахъ онъ увидитъ, ахъ онъ разсердится, ахъ какъ-бы отъ него все скрыть.“ Всякій ждетъ себѣ отъ него погибели, а онъ хочетъ всѣмъ блага.

— Твоя правда, грустно сказалъ Сергѣй, и что всего ужаснѣе, что этому ничѣмъ помочь невозможно.

— Нѣтъ, есть вещи еще ужаснѣе этаго, быстро перебила Таня, я начинаю замѣчать въ немъ большую перемѣну. Это непониманіе, которое онъ встрѣчаетъ почти ото всѣхъ, его доводитъ до изнеможенія и до бѣшенства. Я не могу себѣ представить чѣмъ все это можетъ окончиться.

— А между тѣмъ какъ онъ сдержанъ иногда можетъ быть, замѣтилъ Сергѣй. Онъ меня поражаетъ иной разъ своимъ умѣньемъ владѣть собою. Въ немъ, какъ и въ каждомъ необыкновенномъ человѣкѣ, соединеніе самыхъ разнородныхъ свойствъ. Болѣзненная раздражительность уживается въ немъ на ряду съ необычайнымъ, нечеловѣческимъ терпѣніемъ.

— А откуда берется это терпѣніе, горячо сказала Таня и глаза ея блеснули.

Она пристально взглянула въ лицо Сергѣя и не сводя съ него своего взгляда, продолжала:

— Откуда берется у него, какъ ты говоришь, нечеловѣческое терпѣніе. Онъ почерпаетъ его въ Евангеліи.

Сергѣй понялъ этотъ горячій, пристальный взглядъ Тани, отъ котораго ему стало неловко. Онъ хорошо помнилъ ихъ давнишніе разговоры и споры о религіозныхъ вопросахъ, вспомнилъ ужасъ Тани передъ тѣмъ, что она называла его невѣріемъ. Теперь со времени ихъ новой встрѣчи, она уже не поднимала никакихъ религіозныхъ вопросовъ. Она все ждала, что можетъ быть Сергѣй самъ какъ нибудь выскажется и рѣшитъ ея сомнѣнія. Онъ подумалъ, что можетъ ее успокоить.

— Конечно, сказалъ онъ, въ такой великой книгѣ, какъ Евангеліе, каждый человѣкъ можетъ почерпать очень многое для своей жизни. Въ этой книгѣ сосредоточена нравственная философія всѣхъ вѣковъ.

Таня почти безнадежно махнула рукой.

— Нравственная философія всѣхъ вѣковъ, повторила она, ахъ совсѣмъ не въ этомъ дѣло, и лучше теперь не будемъ говорить объ этомъ.

— Я не понимаю, сказалъ Сергѣй, отчего тебя смущаетъ это опредѣленіе, когда нибудь поговоримъ на

досугѣ и я думаю мы сойдемся. Сначала мы будемъ расходиться въ словахъ, но слова, Таня, послѣднее дѣло. Я совершенно согласенъ съ тобою, что государь проникнутъ евангельскимъ духомъ. Разительный примѣръ этого мы могли видѣть въ его поведеніи относительно князя Зубова: признаюсь, я никакъ не ожидалъ, что онъ такъ поступитъ. Да и никто не ожидалъ этого, а тѣмъ менѣе князь Зубовъ.

— Да, и послѣ такого поступка, я горжусь моимъ государемъ, сказала Таня. Но скажи мнѣ прямо и откровенно, Сергѣй, ты, ты-то доволенъ, что онъ такъ поступилъ?

Сергѣй добродушно улыбнулся.

— А ты меня считаешь язычникомъ, и думаешь, что я пылаю мщеньемъ. Нѣтъ, княжна, видно мои дѣла передъ вами все же очень плохи. Я все еще на самомъ дурномъ счету у васъ.

Она зажала ему ротъ рукой.

— Милый, я говорила это тебѣ не въ осужденіе и сама сейчасъ признаюсь, что въ первую минуту поддалась очень грѣховному чувству. Я порадовалась, что негодный человѣкъ получитъ должное наказаніе.

— Мы имѣемъ самое законное право радоваться тому, что онъ во всякомъ случаѣ уже лишенъ возможности дѣлать то зло, которое безпрепятственно дѣлалъ столь долгое время. Онъ врагъ мнѣ и мстить ему я считаю для себя унизительнымъ. За все ему будетъ заплачено и безъ нашихъ стараній, и я такъ полагаю, что онъ несетъ уже очень тяжелую кару. Онъ уже пережилъ страшное бремя и будь я даже гораздо злѣе, чѣмъ я есть въ дѣйствительности, я могу считать себя удовлетвореннымъ. Вѣдь я былъ тамъ, я видѣлъ. Ахъ, еслибы ты знала въ какомъ онъ былъ положеніи, отъ него всѣ отшатнулись какъ отъ зараженнаго. Онъ былъ право достоинъ жалости. Онъ ждалъ себѣ неминуемой гибели. Я присутствовалъ при первой его встрѣчѣ съ императоромъ. Полагаю, его горесть была искренна, на него было страшно смотрѣть. Онъ съ громкимъ рыданіемъ упалъ къ ногамъ государя, но тотъ его милостиво поднялъ и сказалъ ему:

„Вы вѣрно служили моей матери, вы искренно ее оплакиваете. Продолжайте исполнять ваши служебныя обязанности при ея тѣлѣ. Надѣюсь что и мнѣ будете также вѣрно служить какъ и ей служили“.

— Никто не вѣрилъ ушамъ своимъ, услышавъ эти милостивыя слова. Я ждалъ, что вотъ теперь снова всѣ вернутся къ Зубову и по прежнему станутъ угождать ему. А между тѣмъ отъ него продолжали отвертываться. Я разъ слышалъ шопотъ:

„Это онъ въ первую минуту такъ обошелся съ нимъ, онъ не хочетъ начинать съ немилости. Но ужь навѣрно на этихъ дняхъ его судьба будетъ рѣшена. Его будутъ судить и сошлютъ въ Сибирь, иначе и быть не можетъ“.

А вотъ прошло столько времени и его не судятъ. Ему пожалованъ орденъ Анны первой степени, а это, знаешь, какая важная награда въ глазахъ государя.

— Однако же великодушіе имѣетъ свои предѣлы, замѣтила Таня, государь такъ поступилъ съ Зубовымъ какъ съ личнымъ своимъ врагомъ, но я считаю Зубова врагомъ Россіи и государь не имѣетъ права прощать ему всѣ беззаконія.

— Въ этомъ отношеніи не безпокойся, не смотря на награды и милости государя, Зубовъ уже не то, что прежде. Онъ самъ долженъ былъ отказаться отъ разныхъ своихъ почетныхъ должностей. Вся его канцелярія была опечатана и пересмотрѣна. Великій князь Александръ Павловичъ руководилъ этимъ пересмотромъ. Къ счастью для Зубова, въ его бумагахъ не найдено было ничего что бы могло его сильно скомпрометтировать. Но во всякомъ случаѣ я предвижу, что дѣла его довольно плохи. Конечно, мало по малу будутъ всплывать наружу очень грязныя его продѣлки. Ожидали его быстраго паденія—этаго не дождались, но паденіе во всякомъ случаѣ уже совершилось и будетъ продолжаться медленно и постепенно. А это, пожалуй, для него еще большее наказаніе.

— А твой дневникъ? вдругъ вспомнила Таня.

— Мой дневникъ у него, но я ручаюсь, что онъ возвратитъ мнѣ его. И ты права была, Таня, когда заподозрѣла меня въ жестокости и мстительности. Я намѣренъ отомстить ему. Я заставлю его отдать мнѣ дневникъ мой изъ рукъ въ руки, а пока до свиданія, моя дорогая, я ужь больше недѣли какъ получилъ письмо отъ моего управителя, онъ дожидается очень нужныхъ распоряженій, да и кромѣ того, вѣроятно, дома ждетъ меня много дѣла. До свиданія, увидимся сегодня вечеромъ.

И вотъ, возвратясь отъ нея, онъ спѣшитъ докончить нужныя письма, будучи увѣренъ, что непремѣнно кто нибудь ему помѣшаетъ.

Теперь вдругъ оказалось столькимъ людямъ до него дѣло, теперь ежеминутно подкатываютъ къ его подъѣзду экипажи. Почти весь Петербургъ выражаетъ ему знаки особаго почтенія и преданности.

Такъ и есть—раздается стукъ у двери.

Сергѣй съ неудовольствіемъ поднялся съ своего мѣста, отворилъ дверь.

— Я занятъ, сказалъ онъ. Никого не принимать.

Но камердинеръ доложилъ ему, что пріѣхалъ Ростопчинъ.

— Господина Ростопчина проси, а всѣмъ остальнымъ говори, что меня нѣтъ дома.

Черезъ минуту въ кабинетъ входилъ Федоръ Васильевичъ, оживленный болѣе чѣмъ когда либо и издали дружески протягивалъ Сергѣю руку.

Новыя вѣсти.

XIV.

— Счастливецъ, съ видимымъ удовольствіемъ говорилъ Ростопчинъ, развалясь въ креслѣ, — сидитъ въ своихъ чертогахъ, сибаритствуетъ, ему и горя мало, что на дворѣ морозъ и что по такому морозу мы всѣ на разводѣ чуть не замерзли въ мундирахъ.

— Ну, вы то не замерзнете, улыбаясь сказалъ Сергѣй, я вашъ секретъ знаю и давно уже собираюсь донести на васъ государю, пусть-ка онъ прикажетъ вамъ снять мундиръ, тогда и увидитъ тепленькую шкурку, которую вы носите.

— А сдѣлайте милость, пусть велитъ раздѣться, я и изъ шкурки благополучно выберусь, все на жену свалю. Пусть онъ съ нею вѣдается. Она меня безъ этой шкурки ни за что изъ дому не пускаетъ.

— Да, но не у всѣхъ такія настойчивыя и предусмотрительныя жены.

— Право эта наша борьба съ климатомъ плохо кончится. На разводѣ нынче только и раздавалось, что чиханье. У всѣхъ насморкъ, всѣ распростужены. Старики стали на ревматизмы жаловаться, а между тѣмъ каждый другъ передъ дружкой стараются выказать свое молодечество. Хоть умереть, лишь бы только государь замѣтилъ. Вонъ, сегодня, капитанъ Левашевъ со своими офицерами даже безъ перчатокъ явился. Руки у всѣхъ совсѣмъ синія, головой поручусь, что отморозили, а своего добились. Государь обратилъ на нихъ вниманіе.

„Что это, говоритъ онъ Левашову, ты въ такую стужу безъ перчатокъ, къ чему такъ, это ужь лишнее“.

А тотъ отвѣчаетъ: „Государь, перчатки у насъ у всѣхъ въ карманѣ, а мы сдѣлали сіе единственно, чтобы вамъ угодно было. Мы все, говоритъ, государь, вамъ въ угодность сдѣлаемъ, только не торопите вы насъ“.

Засмѣялся государь. Молодцы, говоритъ.

Ну не кукольная ли это комедія, Сергѣй Борисовичъ, вѣдь они сами себѣ все портятъ. Сами на свою голову глупости дѣлаютъ и такъ все.

Гречанка расписывающая вазы. Съ карт. Г. Амореса грав. Вела.

— А кромѣ этого геройскаго поступка, на нынѣшнемъ разводѣ ничего интереснаго не было? спросилъ Сергѣй.

— Какъ не быть. Каждый день прекурьезныя обстоятельства случаются. Не будь всѣхъ этихъ комедій, то и въ заправду можно было бы замерзнуть, а тутъ веселость поддерживаетъ. Сегодня презабавная исторія случилась, и какъ бы вы думали съ кѣмъ? Въ жизнь не отгадаете. Съ самимъ нашимъ генералъ-губернаторомъ, съ господиномъ Архаровымъ.

— А что такое?

— Я, нужно вамъ сказать, не изъ поклонниковъ Архарова, и почти ежедневно, вовсе того не желая, узнаю о немъ преплохія вещи. Вотъ и сегодня одна плохая вещь узналась. Я, признаться, думалъ, что его проучатъ хорошенько. Нѣтъ, однако-жъ, сухъ изъ воды вышелъ. Дѣло, видите, въ томъ, что господинъ Архаровъ въ долгу какъ въ шелку, и долговъ своихъ платить не имѣетъ обычая. Долженъ онъ тутъ купцу одному Сидорову двѣнадцать тысячъ. Денегъ не платитъ. Купецъ къ нему ходитъ, а онъ ему только все „завтра да завтра“. Потомъ надоѣло это—выгонять сталъ. А въ послѣдній разъ просто на просто взялъ да исколотилъ купца. Тотъ просто не знаетъ что и дѣлать. Да добрые люди его надоумили, говорятъ ему: государь всѣ просьбы принимаетъ и самолично разсматриваетъ и каждому къ нему доступъ съ просьбою. Настрочилъ купецъ просьбу, да нынче на разводѣ подаетъ эту просьбу государю. Архаровъ, замѣтьте, тутъ же. Обмеръ, только виду не показываетъ. Держится какъ бы до него не касается. Государь пробѣжалъ просьбу, вспыхнулъ весь: потомъ, гляжу, вдругъ усмѣхнулся.

„Пойди-ка сюда, говоритъ, Николай Петровичъ.

„Вотъ просьбу, говоритъ, подали, да у меня что-то нынче глаза слипаются, будто запорошены, прочесть никакъ не могу. Сдѣлай милость возьми на себя трудъ и прочти мнѣ сію просьбу“. Архаровъ позеленѣлъ весь. Принялъ бумагу, начинаетъ читать, и съ первыхъ-же словъ видитъ, что не пожалѣли его, отрекомендовываютъ его какъ слѣдуетъ, безъ всякаго стѣсненія. Глядимъ мы всѣ, видимъ нашъ Николай Петровичъ совсѣмъ на себя не похожъ. Бормочетъ себѣ что-то подъ носъ, ничего разслышать не можно. Ну, думаю я, вотъ и Архарову конецъ наступаетъ. Между тѣмъ государь продолжаетъ улыбаться и тихо такъ, спокойно продолжаетъ, „Читай, сударь, громче, я что-то оглохъ сегодня и ничего не слышу“.

Архаровъ жмется къ государю, возвышаетъ голосъ, но все же старается такъ, чтобы никто не могъ разслышать. Вижу, вспыхнулъ наконецъ государь, крикнулъ:

„Читай громче, такъ чтобы всѣ слышали.

Архаровъ ни живъ, ни мертвъ, а дѣлать нечего, исполнилъ повелѣніе, всю прозьбу отъ перваго до послѣдняго слова прочелъ во всеуслышаніе, то есть, такъ я вамъ скажу Сергѣй Борисычъ много смѣшныхъ сценъ на вѣку пришлось мнѣ видѣть, а такой еще не видѣлъ. Смѣхъ такъ вотъ и разбираетъ, едва удержаться могъ. Вы представьте себѣ только Архарова....

И Ростопчинъ, вскочивъ съ кресла принялъ позу Архарова, состроилъ гримасу и вдругъ сдѣлался на него необыкновенно похожимъ.

Сергѣй разсмѣялся.

— Ну и что-же, чѣмъ все это кончилось? Неужели Архаровъ уволенъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Его наказаніе ограничилось только тѣмъ, что онъ былъ отданъ на всеобщее посмѣшище. Государь находитъ его полезнымъ. Но во всякомъ случаѣ урокъ ему хорошій. Когда чтеніе кончилось, государь огляделся, насладился картиной и спокойно спрашиваетъ:

„Николай Петровичъ что это такое, вѣдь это на тебя?!

— Такъ точно, ваше величество.

Ростопчинъ опять превратился въ Архарова и началъ въ лицахъ разыгрывать дальнѣйшую сцену, такъ что Сергѣй смѣялся до слезъ.

— Да, на тебя, да неужто это правда?

— Виноватъ, государь.

— Но неужели и то все правда, что за его-же добро, ты, вмѣсто благодарности, не только что его въ шеи выталкивалъ, но даже и билъ?

— Что дѣлать, долженъ и въ этомъ признаться, государь, что виноватъ, обстоятельства мои къ тому меня принудили. Однако я въ угодность вашему величеству сегодня-же и деньги ему уплачу.

А у самого на лицѣ смиреніе, сознаніе своей вины, раскаяніе. Хитрецъ этотъ Архаровъ. Вижу, понялъ, что только такимъ способомъ можетъ выпутаться. Государю это чистосердечное раскаяніе, очевидно, понравилось.

„Ну хорошо, говоритъ онъ, на этотъ разъ Богъ тебя проститъ и надѣюсь что впредь такого себѣ не позволишь“.

Потомъ подозвалъ купца и говоритъ ему: „Другъ мой, деньги тебѣ сегодня-же заплатятъ, ступай себѣ съ Богомъ, однако когда все получишь по разсчету, приходи ко мнѣ и скажи. Я долженъ знать что сіе исполнено“.

А самъ въ это время на Архарова поглядываетъ.

Вотъ, Сергѣй Борисычъ, какое было у насъ представленіе.

— Да что-же, вы меня порадовали, побольше-бы такихъ представленій.

— Только ни къ чему они не поведутъ, замѣтилъ Ростопчинъ. Онъ о людяхъ слишкомъ хорошо думаетъ. Легкими уроками ихъ нельзя выучить и потомъ въ каждой хорошей мѣрѣ есть дурная сторона. Вотъ хоть-бы теперь это, что всякій можетъ обращаться къ государю съ своей просьбой. Ну на этотъ разъ, просьба оказалась дѣльною, а вѣдь ужъ этой милостью какъ злоупотреблять стали. Третьяго дня что у насъ на разводѣ было, слышали?

— Нѣтъ, ничего особеннаго не слыхалъ.

— А какъ-же, господскіе лакеи, тунеядцы негодные смастерили челобитную и цѣлой ватагой преподнесли ее государю. Кабы только знали, что въ той челобитной прописано. Ругаются холопы ругательски, издѣваются надъ своими господами, взводятъ на нихъ всякія небылицы и кончаютъ такъ: освободи, молъ, насъ, милосердый отецъ, отъ тиранства нашихъ помѣщиковъ; не хотимъ быть у нихъ въ услуженіи, а хотимъ только служить тебѣ одному. Видите куда мѣтятъ. И уже навѣрно эту челобитную не своимъ умомъ они сочинили, а нашелся человѣкъ знающій. Конечно легко можетъ случиться, что нѣкоторые изъ помѣщиковъ и виноваты, но признаться, мы всѣ съ трепетомъ ждали чѣмъ рѣшитъ государь. Если-бы мы начали потакать холопамъ, могли-бы произойти опасныя бѣдственныя послѣдствія, но онъ прекрасно это понялъ и дерзкіе слуги были наказаны чтобы впредь не повадно было никому на своихъ господъ жаловаться. Да неужто вы объ этомъ дѣлѣ не слыхали? Во всемъ городѣ говорятъ, и это чуть-ли не первый поступокъ, который всѣми одобряется и прославляется.

Сергѣй задумался.

— Это чуть-ли не первый поступокъ государя, проговорилъ онъ, который я не могу прославлять. Мнѣ кажется, что прежде чѣмъ наказывать слугъ, слѣдовало разобрать насколько основательны ихъ обвиненія.

— И это говорите вы, вы русскій дворянинъ, изумленно воскликнулъ Ростопчинъ.

— Да, это говорю я, и иначе говорить не могу. Я нисколько не желаю умалить значеніе дворянства, нисколько не хочу унижать сословія, къ которому принадлежу. Напротивъ я желалъ-бы чтобы это сословіе такъ себя держало, чтобы невозможны были никакія унижающія и позорящія обвиненія, а между тѣмъ, я знаю, что

позволяютъ себѣ наши господа со своими слугами. Государь оказалъ-бы великое благодѣяніе во имя справедливости, если-бы такъ или иначе положилъ предѣлъ всѣмъ этимъ безнаказаннымъ жестокостямъ.

— Какъ, ставить на одну доску слугъ и господъ? все болѣе и болѣе изумляясь говорилъ Ростопчинъ. Послушайте, Сергѣй Борисычъ, вѣдь къ этому нельзя такъ легко относиться, вѣдь тутъ принципъ и мы знаемъ, если принципъ этотъ поколебленъ, какіе наступаютъ результаты. У насъ передъ глазами Европа.

Но въ Сергѣѣ уже проснулось старое, совсѣмъ было позабытое имъ раздраженіе, на него вдругъ пахнуло прежнимъ воздухомъ, пахнуло его юностью, — pereat mundus — fiat justitia! безсознательно прошепталъ онъ.

Ростопчинъ укоризненно качалъ головой.

— Однако, Сергѣй Борисычъ, сказалъ онъ, вѣдь западъ отравилъ васъ, вы дѣйствительно, какъ я вижу, „вольтерьянецъ“.

— Пускай, называйте меня какъ хотите, но есть вещи, которыя меня невольно волнуютъ и я не могу съ собой справиться. Есть вещи, существованіе которыхъ возмутительно, и которыя, такъ или иначе, по существу своему обречены гибели. Я такъ полагаю, что усилія всѣхъ честныхъ людей должны быть направлены къ тому чтобы хоть мало по малу установить предварительный порядокъ вещей. Установить его во время, именно ради того, чтобы избѣгнуть тѣхъ ужасовъ, которые мы видимъ на западѣ. Человѣка, при какихъ-бы онъ обстоятельствахъ не родился, нельзя лишить человѣческихъ правъ и поставить его въ зависимость, сдѣлать его вещью другаго человѣка, только въ виду того, что этотъ другой человѣкъ родился при другихъ обстоятельствахъ чѣмъ онъ.

— Иными словами вы хотите сказать, перебилъ его Ростопчинъ, что нужно освободить нашихъ крѣпостныхъ и дать имъ всѣ права, которыми мы сами пользуемся.

— Да, я хочу сказать это, и удивляюсь какъ вы, при вашемъ образованіи, при вашемъ умѣ и развитіи, хотите со мною въ этомъ спорить.

Ростопчинъ задумался.

— Я спорить съ вами не буду, наконецъ произнесъ онъ, если мы станемъ говорить отвлеченно, но все дѣло въ томъ, что намъ трудно понять другъ друга. Я уже говорилъ вамъ, что мы разные люди. Вы мечтаете — я живу. Я вижу только требованія живой дѣйствительной жизни и знаю, что прекрасныя мечтанія о всеобщемъ счастіи никакимъ образомъ не могутъ осуществиться въ дѣйствительности. Вы—теорія, я—практика.

(До слѣд. №.)

У камина.

Разсказъ.

Да, конечно, это странно! очень странно! услышалъ я въ ту минуту, когда отворялъ дверь въ комнату, гдѣ по обыкновенію собралось все наше немногочисленное общество. Но я могъ бы поразсказать вамъ кое-что поудивительнѣе, продолжалъ говорившій. Бываютъ на свѣтѣ такія удивительныя вещи, но часто тотъ съ кѣмъ они произошли не можетъ хорошенько этаго разсказать... Это говорилъ нашъ Джонъ Адамсъ. Я собственно хорошенько и не зналъ его имени, а только твердо помню начальныя буквы Д. А., которыя и до сихъ поръ сохранились, вырѣзанныя имъ на память на правой половинкѣ дверей нашей сборной комнаты.

Самъ же онъ какъ вдругъ появился среди насъ, такъ быстро и исчезъ какъ метеоръ въ ночной тьмѣ, именно послѣ того пресловутаго разсказа, который я хочу здѣсь передать.

Въ эту ночь онъ повидимому былъ въ ударѣ. Поэтому, войдя, я какъ можно тише затворилъ за собой дверь, чтобы не прерывать его, молча закурилъ трубку и опустился въ кресло.

Вытащивъ изъ кармана длинную трубку, онъ оглянулъ наше собраніе. Но видя только выжидающіе взгляды среди всеобщаго молчанія, самодовольно улыбнулся. Мы впрочемъ всѣ знали, что его нельзя было прерывать, иначе онъ тотчасъ уходилъ въ свою скорлупу, и тогда никакими силами нельзя было заставить его снова разговориться.

И такъ, закуривъ трубку, онъ продолжалъ сквозь облака дыма.

Теперь скажите мнѣ, господа, кто напр. изъ васъ былъ въ Алабамѣ? А? Или напр. изъ вашихъ ученыхъ даже, многіе-ли были тамъ. Думаю, что очень немногіе. Я былъ тамъ, и даже жилъ нѣсколько лѣтъ кряду, и какъ только подумаешь теперь, что пришлось видѣть тамъ, такъ, кажется, самому себѣ не вѣришь! Вотъ такъ страна, доложу вамъ! Я былъ тогда въ экипажѣ „морскихъ разбойниковъ“, какъ называли нашу партію, и когда нашего капитана убили, мы и выбрали себѣ мѣстопребываніемъ Алабаму. Составилась цѣлая американская и англійская колонія, съ нашими женами и дѣтьми, все какъ слѣдуетъ и поселились осѣдло.

Но я думаю, что еще и теперь найдутся тамъ старожилы, которые могутъ подтвердить и помнятъ то, что я хочу разсказать вамъ. Да конечно, я готовъ голову прозакладывать, что они не могли забыть того, если живы!

Но я еще хотѣлъ разсказать сначала вамъ собственно о странѣ! Жаль, какъ подумаешь, что такіе богатые дары природы достались какой-то шайкѣ бродягъ! Господи! Что за трава, напримѣръ—всадника съ лошадью не видно, а если залечь въ нее, такъ и небо заститъ тебѣ! А орхидеи! Это словно стоятъ на огромномъ пространствѣ все гигантскіе дождевые зонты... А еще можетъ быть вы слышали и о такомъ растеніи, которое питается живыми насѣкомыми: оно называется „мухоловкой“.

— Dionaea Muscipula... прошепталъ одинъ изъ насъ, наиболѣе свѣдущій въ области ботаники.

— Ну вотъ, вотъ, такъ по вашему, по ученому, подтвердилъ разсказчикъ, ну такъ вотъ эти Dionea то, я вамъ скажу, какъ откроютъ свои листья и попадетъ туда какая нибудь жертва, такъ отъ нея черезъ нѣсколько времени останутся только изсохшіе кусочки все съѣдено! Но главное, что вѣдь эти „мухоловки“ тамъ огромныя, я самъ видѣлъ въ Аризонѣ,—одни листья до 8—10 футовъ длины, а зубья, шипы такіе (у нихъ есть шипы) такъ около фута, и сила у нихъ ужасная, такъ что иногда, кажется, они могли бы... но впрочемъ, чтожъ я забѣгаю впередъ... Я видите ли, хотѣлъ вамъ собственно разсказать про смерть Джо Гаукинса, вотъ про что! Это преудивительная штука и я увѣренъ вы ничего подобнаго никогда не слыхали! У насъ въ Монтано былъ одинъ парень, котораго знали во всей Алабамѣ, и прозывался онъ Джо Гаукинсъ, или еще иначе „Алабамскій Джо.“

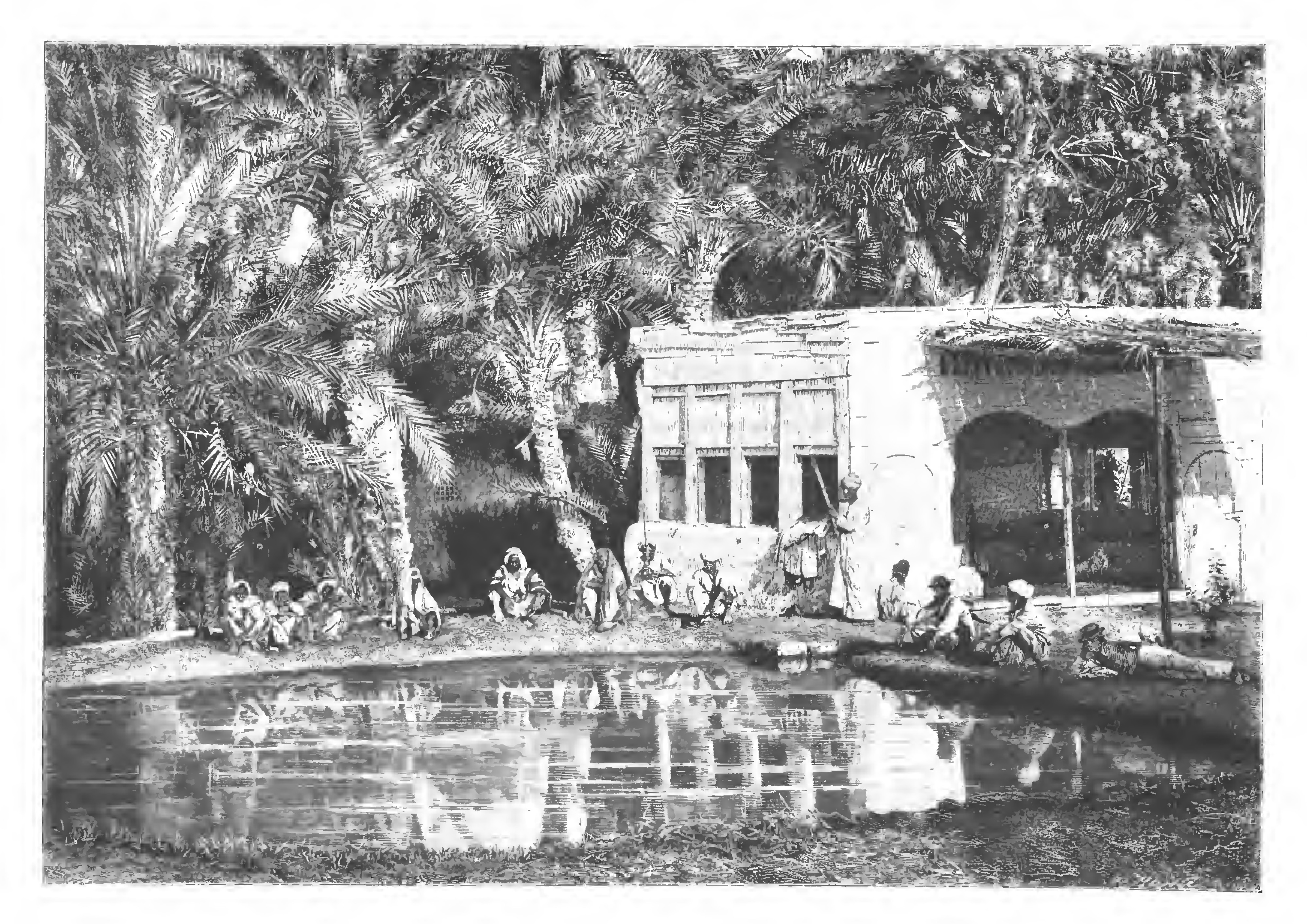
Собственно говоря онъ былъ ужасная дрянь. Какъ только его могли тамъ выносить! Но за него стояли Американцы, и вообще если ему не переходить поперекъ дороги онъ ничего; но какъ только кому случалось несчастіе въ чемъ нибудь досадить ему, тогда онъ дѣлался хуже дикой кошки! Онъ постоянно бродилъ вокругъ да около со своей шестистволкой, наводя на всѣхъ страхъ. И ничего не могли съ нимъ подѣлать, да по правдѣ и не предпринимали ничего. Разъ, напримѣръ, озлившись, онъ было навелъ дуло на Томи Гошера за то только, что тотъ нечаянно пролилъ водку на его куртку, а въ другой разъ выстрѣлилъ прямо въ толпу, которая толкала его, идя въ праздникъ къ кабаку.

Въ то же время былъ у насъ нѣкто Скании, Томъ Скании, англичанинъ, поселившійся здѣсь не задолго. Это, напротивъ, былъ смирный малый, благородный, какъ истый британецъ, что впрочемъ нынче рѣдкость (прошу у васъ извиненія, господа). Но почему то этого Скании не взлюбили у насъ даже свои, англичане. Никого онъ не трогалъ, былъ со всѣми вѣжливъ, даже и тогда, когда его положительно преслѣдовали насмѣшками: наконецъ, сплели какую то исторію, будто онъ бѣжалъ съ родины вслѣдствіе какого то важнаго преступленія и стали называть его подлецомъ и трусомъ; но онъ переносилъ всѣ и смѣшки и намеки; тогда стали уже открыто говорить, что онъ даже не можетъ вступиться за свою честь. Наконецъ, это привело къ тому, что именно я и хочу разсказать. Онъ вдругъ показалъ всѣмъ, что онъ не только не трусъ но и совсѣмъ не то, что о немъ позволяли себѣ болтать.

Тогда вслѣдствіе разныхъ столкновеній изъ за него, американцы и англичане до того озлобились другъ противъ друга, что можно было ожидать серьозной стычки. Джо, бывшій конечно во главѣ американцевъ, долго искалъ съ кѣмъ бы затѣять серьезную ссору и наконецъ однажды вечеромъ обѣ партіи сошлись въ кабачкѣ Симисона; тутъ навѣрное можно было ожидать новой стычки и онъ могъ найти себѣ достойнаго противника. Когда онъ вошелъ въ кабачекъ—многіе сидѣли уже за столомъ, а около очага стоялъ, молча покуривая трубку—Скании. Джо посмотрѣлъ на него съ торжествующей, злой улыбкой, сѣлъ около стола и положилъ на столъ свою заряженную шестистволку какъ разъ противъ Скании.

— Вотъ каковъ будетъ мой сказъ! обратился онъ почему то ко мнѣ, и посмотрю я какой тамъ бѣлобрысый британецъ посмѣетъ со мной спорить!

Я, конечно, попытался было уговорить его, но это было не легко, онъ только еще больше пріосанился и вызывающе смотрѣлъ на англичанъ.



Источники Моисея. (Уйунъ-Мура) близъ Суэца. Оригин. рисун. Р. Бона, грав. Гильдебрандъ.

Въ Румынской степи. Пастухи. Ориг. рис. для „Нивы“ профессора Зверины, грав. М. Рашевскій.

Затѣмъ онъ вдругъ посыпалъ градомъ такихъ ругательствъ на ихъ счетъ, и въ особенности на счетъ Скании, что дѣйствительно невозможно было ихъ спокойно слушать ни одному порядочном. человѣку; многіе инстинктивно уже стали браться за оружіе,—еще минута и началась бы общая свалка! Но вдругъ среди всеобщей напряженной тишины раздался ровный, точно металлическій голосъ: будетъ тебѣ! Теперь молись за свою грѣшную душу, Джо, и приготовься къ смерти!

Джо обернулся и свирѣпо посмотрѣлъ на свое оружіе, но оно было прикрыто широкою рукою Скании, державшаго кромѣ того еще передъ собою свой большой револьверъ, и спокойно улыбавшагося своими блѣдными губами. Только глаза его сверкали какимъ-то особеннымъ блескомъ; онъ былъ неузнаваемъ:— всѣ невольно очистили мѣсто около нихъ.

— Довольно! Молчать! повторилъ Скании. И это не за то, что ты поносилъ меня здѣсь, называя, бѣглымъ и убійцей, нѣтъ, это все неправда и вздоръ, а за то, чтобы никто больше не осмѣливался произносить при мнѣ такихъ мерзкихъ ругательствъ, которыхъ не долженъ произносить человѣческій языкъ! Готовься къ смерти!

Я видѣлъ, какъ онъ поднялъ револьверъ и все придерживая рукой шестистволку совершенно растерявшагося Джо, навелъ на него; но вдругъ снова тотчасъ же опустилъ револьверъ и со смѣхомъ бросилъ его на столъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ, не могу я стрѣлять въ пьянаго! Довольно того, что ты видѣлъ близость смерти, и дѣйствительно ты былъ къ ней ближе чѣмъ когда либо будешь на самомъ дѣлѣ! Дарю же тебѣ снова твою грязную жизнь, Джо, и совѣтую только сдѣлать изъ нея лучшее употребленіе. А теперь лучше уходи отсюда! Не смотри на меня такъ свирѣпо; вѣдь я не боюсь ни твоихъ взглядовъ, ни твоей шестистволки; повѣрь, что смерть всегда ближе къ негодяю!...

И еще разъ посмотрѣвъ вокругъ, онъ наклонился, чтобы закурить въ очагѣ свою погасшую трубку.

Джо кинулся къ двери; всѣ молча разступились, чтобы дать ему дорогу; проходя, онъ бросилъ взглядъ въ мою сторону; лицо его было ужасно; на немъ была написана рѣшимость преступника, даже просто самое преступленіе, и я содрогнулся при видѣ этого лица!

Я остался въ кабачкѣ и сталъ наблюдать за Томомъ; ему пожимали руку. Но мнѣ стало вдругъ ужасно грустно, видя его улыбающимся и веселымъ.

Всѣмъ была извѣстна кровожадная мстительность Джо и всякій долженъ былъ предвидѣть, что британцу не видать завтрашняго утра! Онъ жилъ, видите-ли, на самомъ краю поселенія и долженъ былъ проходить по огромному оврагу, заросшему мухоловками, а это мѣсто и днемъ не пользовалось любовію поселенцевъ: всѣмъ, во-первыхъ, жутко какъ-то становилось проходить мимо этихъ страшныхъ хищниковъ, листья которыхъ захлопывались при малѣйшемъ прикосновеніи, а во-вторыхъ, тутъ-же было большое, глубокое болото, зайдя въ которое, въ особенности ночью, нечего было и думать выбраться и человѣка втянуло-бы туда, какъ трапку. И мнѣ именно въ ту минуту, когда я смотрѣлъ на Скании ясно представился вдругъ „алабамскій Джо", гдѣ нибудь подъ мухоловкой, такъ-же какъ и онѣ, выжидающій свою жертву.

Но какъ-бы то ни было, около полуночи Симпсонъ всегда запиралъ свой кабачекъ, и волей неволей приходилось расходиться.

Скании вышелъ первымъ, такъ какъ ему предстояло сдѣлать цѣлыя 3 версты. Я незамѣтно вышелъ вслѣдъ за нимъ; у меня сердце лежало всегда къ этому доброму малому.

— Смотрите, держите вашъ револьверъ на готовѣ, онъ можетъ вамъ пригодиться въ эту ночь, шепнулъ я ему, догоняя его.

Онъ только посмотрѣлъ на меня своимъ спокойнымъ взглядомъ и... скрылся въ темнотѣ.

— Какъ-бы сегодня еще не произошло чего у „мухоловокъ!" услышалъ я за собой голосъ. Это вѣдь даромъ не кончится: какъ-бы завтра не понадобился намъ шерифъ.

На завтра дѣйствительно всѣ были встревожены.

— Что произошло такое въ оврагѣ, не знаете? спрашивали всѣ другъ друга.

Оказалось дѣйствительно, что на зарѣ пришедшій въ селеніе съ Фергозскаго берега туземецъ. принесъ странную вѣсть, что проходя ночью неподалеку отъ оврага, онъ ясно слышалъ какіе-то стоны, хотя выстрѣловъ не было, а только одни эти странные стоны, одинъ за другимъ раздававшіеся въ ночной тиши, какъ будто тамъ душили человѣка...

Мы тотчасъ собрались, я, Бродди и многіе изъ англичанъ рѣшили отправиться въ оврагъ къ жилищу Скании. У многихъ, какъ оказалось, болѣло за него сердце.

Но подъѣзжая къ его хижинѣ, мы по дорогѣ не увидѣли ничего особеннаго, ни слѣдовъ крови, ни измятой травы.

На порогѣ-же насъ встрѣтилъ самъ Скании, по обыкновенію спокойный, и даже, какъ всегда слегка улыбавшійся.

— А, Скании! воскликнули мы обрадованные. Ну, слава Богу! Надо теперь выпить за твое здоровье! Но ты кажется ничего и не слыхалъ, что было ночью въ оврагѣ?

— Въ оврагѣ? ничего, все было тихо! А что?

— Нѣтъ, вздоръ вѣрно; поѣдемъ лучше къ Симпсону.

Я не прочь, пожалуй, отвѣчалъ онъ весело и мы отправились съ нимъ; только нѣкоторые изъ насъ отстали.

Подъѣзжая къ селенію, мы вдругъ увидѣли у кабачка цѣлую кучку американцевъ и между ними сильное движеніе.

Я тотчасъ-же понялъ, что это опять не даромъ. Когда-же мы подъѣхали и хотѣли сойти съ коней, многіе бросали уже явно недружелюбные взгляды на Скании; онъ и самъ тотчасъ смекнулъ, что дѣло не ладно и держалъ на готовѣ руку и револьверъ за поясомъ. Кругомъ какъ нарочно не было видно ни одного англичанина. Куда они всѣ дѣвались?

— Эй, вы, крикнули намъ изъ толпы, не подходить близко! Что-же мы послѣ этого за свободные американцы, если наша жизнь даже зависѣть будетъ отъ произвола каждаго британскаго негодяя!

— Да что толковать! Бери его!

И вслѣдъ за этой угрозой произошла всеобщая свалка. Я видѣлъ, что Скании упалъ: оказалось, что его повалили и обезоружили сразу двѣнадцать рукъ.

Сопротивляться было-бы безполезно, но онъ по обыкновенію не измѣнялъ себѣ, съ полнымъ спокойствіемъ ожидалъ, что будетъ дальше.

— Джо пропалъ безъ вѣсти со вчерашняго вечера, заговорилъ одинъ изъ толпы, а всякій изъ насъ знаетъ, что онъ долженъ былъ идти мимо мухоловокъ, куда также пошелъ и Скании; затѣмъ сегодня туземецъ, пришедшій съ Фергозскаго берега разсказывалъ, что слышалъ ясно стоны въ оврагѣ; все это говорить за то, что Джо былъ убитъ или задушенъ вотъ этимъ негодяемъ и брошенъ имъ вѣроятно въ трясину! Нельзя-же этого оставлять безнаказанно!

— Всѣ согласны съ нами надѣюсь? И потому предлагаемъ казнить убійцу по закону Линча!

— Правда, правда, примѣнить къ нему законъ Линча, загудѣли кругомъ.

— Вотъ веревка, вздернуть его тутъ-же на дверяхъ Симпсона!

— Нѣтъ, слушайте, что я предлагаю, господа! воскликнулъ кто-то. Повеземте его лучше къ мухоловкамъ и вздернемъ тамъ на одной изъ нихъ, пусть будетъ отомщенъ Джо на мѣстѣ преступленія!

Это предложеніе было принято съ восторгомъ.

Скании усадили связаннаго на лошадь и подъ конвоемъ цѣлой стражи со взведенными курками револьверовъ повезли къ оврагу.

Я послѣдовалъ за ними; у меня сердце обливалось кровью за этого добраго малаго, ни въ чемъ неповиннаго. Я былъ убѣжденъ въ этомъ.

И гдѣ только теперь, думалось мнѣ, всѣ эти англичане, вчера только пожимавшіе ему руки; все-же они хоть изъ ненависти къ закону Линча быть можетъ освободили-бы его. Но ни одного нигдѣ не было видно!

Мы между тѣмъ приближались къ зловѣщему мѣсту. Вамъ господа, быть можетъ, покажется страннымъ и невѣроятнымъ, что человѣка, какъ я сказалъ, можно было повѣсить на мухоловкѣ; но вѣдь я говорилъ вамъ раньше, что у насъ въ Алабамѣ,—это были цѣлыя деревья съ толстымъ стволомъ и гигантскими листьями; и когда мы подъѣхали, нѣкоторые изъ нихъ были закрыты, другіе раскрыты, ожидая жертвъ.

Мы остановились на площадкѣ около самой большой изъ нихъ.

Вдругъ я и всѣ прочіе увидѣли неподалеку цѣлый отрядъ вооруженныхъ англичанъ, повидимому поджидавшихъ насъ.

Одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ съ поднятымъ револьверомъ, направленнымъ въ американцевъ и закричалъ:

— Стой, вы черти, ни съ мѣста! этаго молодца прозывали кажется Камеронъ.

— Берегитесь, чтобы вы ни одного волоса не смѣли тронуть на головѣ этого человѣка! А то мы помѣряемся вотъ этимъ! Онъ погрозилъ револьверомъ. Вы еще не доказали, что Джо убитъ, а если и доказали, то не доказали что его убилъ именно Скании! Берегитесь-же своей расправы!

Но тутъ и американцы въ свою очередь подняли револьверы; у нѣкоторыхъ сверкнули ножи. И только возвышаясь надъ всѣми ими на своемъ конѣ, связанный Скании оставался невозмутимымъ.

Вдругъ раздался его возгласъ:

— Смотрите туда, скорѣй, Джо въ мухоловкѣ!

Всѣ невольно обернулись по направленію, которое указывалъ онъ головой. Боже Великій! Я думаю, никто изъ насъ во всю жизнь не забудетъ картины, представившейся тогда нашимъ глазамъ.

Не вдалекѣ, на склонѣ оврага, между самыми большими мухоловками, на раскрытомъ листѣ одной изъ нихъ, почти стелющимся по землѣ, въ гигантской колыбели лежалъ Джо!

Мы всѣ бросились туда. Огромные шипы прошли ему прямо въ сердце: вѣроятно онъ, не зная свойства растенія этаго, прилегъ на листья, чтобы не лежать на мокрой травѣ, поджидая Скании, и гигантское чудовище приняло его въ свои объятія, какъ обыкновенно забирало всякую жертву: и вотъ онъ лежалъ теперь, истерзанный и бездыханный! Вѣроятно онъ жестоко боролся, чтобы освободиться изъ ужасныхъ объятій, такъ какъ листъ былъ разщепленъ въ одномъ мѣстѣ и край его судорожно сжатъ въ его рукѣ!

Такъ вотъ господа, не правда-ли, это совсѣмъ необыкновен-

ная исторія! И вы подобное что-либо врядъ-ли читали въ своихъ книжкахъ и врядъ-ли видѣли.

Никто не возражалъ ему.

— Ну, а что-же Скании? спросилъ только кто-то изъ насъ, послѣ небольшой паузы.

— Скании? Мы его на своихъ плечахъ отнесли обратно къ Самисону и долго пили за его здоровье. Потомъ всѣ жали другъ другу руки и былъ сказанъ громкій спичъ, въ которомъ все упоминалось объ американскомъ орлѣ и англійскомъ львѣ, въ вѣчной дружбѣ идущихъ рука въ руку въ настоящемъ и будущемъ! Однако, ужь очень поздно, господа, трубка моя давно окончена, разсказъ мой и такъ вышелъ слишкомъ длиннымъ, а я хотѣлъ бы пораньше возвратиться сегодня! Покойной ночи!

И быстро пожавъ намъ руки, онъ исчезъ, и какъ я говорилъ раньше, безслѣдно.

— Да, замысловатая исторія, чортъ возьми! сказалъ докторъ, потирая руки. И какъ онъ это правдоподобно разсказываетъ, чортъ возьми! Молодецъ!

— Однако удивительныя въ самомъ дѣлѣ эти растенія, замѣтилъ юный Синклеръ, какая сила!

— Да, удивительный разсказъ, если только нашъ пріятель вполнѣ правдивый человѣкъ.

Стихотвореніе.

Ты помнишь ли утро—мы ѣхали рядомъ,
Невесело лошади шли,
Молчали мы оба и пристальнымъ взглядомъ
Чего-то искали вдали.

* * *

Копыта по пашнѣ стучали лѣниво,
Глубоко задумалась ты,
Мѣстами курилось зажженное жниво,
Мѣстами тлѣли кусты.

* * *

Печально глядѣло осеннее небо,
Далеко чернѣли лѣса,
И въ полѣ, порою, несжатаго хлѣба
Виднѣлась еще полоса.

Унынье стряхнуть я пытался напрасно —
Какъ камень оно налегло
И чуяло сердце въ тревогѣ неясной,
Что лучшее время прошло.

* * *

И зимы, и весны въ движеньи природы
Съ тѣхъ поръ ужъ смѣнялись не разъ,
Цвѣты расцвѣтали какъ въ прежніе годы,
Но только цвѣли не для насъ.

* * *

Надъ нами все сѣрое небо висѣло,
Насъ тѣ же тревожили сны,
Когда все кругомъ расцвѣтало и пѣло,
Лишь мы не видали весны.

Князь Д. Цертелевъ.

Микроцефалы.

Очеркъ.

Какъ извѣстно, нерѣдко встрѣчаются люди, отличающіеся или вообще чрезвычайной слабостью умственныхъ способностей, или какимъ либо частнымъ недостаткомъ въ этомъ отношеніи или, наконецъ, полнымъ отсутствіемъ соображенія. Разныя осложненія и болѣзни мозга ведутъ къ подобнымъ послѣдствіямъ. Иногда это гипертрофія мозговыхъ тканей (увеличеніе ихъ объема) въ такой мѣрѣ, что она выражается давленіемъ на внутреннюю сторону черепа; иногда же, наоборотъ, атрофія (частичное разложеніе) мозговой ткани и замѣщеніе ея другой не столь нѣжной матеріей. Однако, чаще всего идіотизмъ происходитъ просто вслѣдствіе пріостановки развитія мозга. Въ такихъ случаяхъ мозгъ оказывается иногда чрезвычайно малаго объема, такъ сказать превращается въ человѣческій мозгъ въ миніатюрѣ, уменьшившись во всѣхъ своихъ частяхъ въ одинаковой мѣрѣ и симметрично: иногда вовсе не оказывается, напримѣръ, какой либо части мозга и даже цѣлаго полушарія и т. п.

Малоголовіе (микроцефализмъ) является, такимъ образомъ, однимъ изъ признаковъ идіотизма. Степени его различны. Черепа взрослыхъ европейцевъ, вмѣстимость которыхъ меньше 1.150 кубическихъ сантиметровъ, а горизонтальная окружность не превосходитъ 480 миллиметровъ для мужчины и 475 миллим. для женщины,—принадлежатъ, такъ сказать, къ полумалоголовымъ. Черепъ собственно микроцефаловъ (малоголовыхъ) имѣетъ вмѣстимость отъ 300 до 600 куб. сантим. и окружность отъ 320 до 370 миллиметровъ.

Женщины наиболѣе низшихъ рассъ обладаютъ черепами вмѣстимостью въ 1,050—1,590 куб. сантим.; парижанки—отъ 1,100 до 1,600; мужчины самыхъ низшихъ рассъ—отъ 1,150 до 1,500; новѣйшіе парижане—отъ 1,300 до 1,900.

Цифры эти весьма интересны. Они показываютъ, какое положеніе занимаютъ малоголовые и полумалоголовые между нормальными людьми, по отношенію къ величинѣ черепа.

Средній вѣсъ мозга идіотовъ, вычисленный Клафомъ, составляетъ 1.188 граммовъ для мужчины, и 1.057 для женщины въ среднемъ возрастѣ двадцати-одного года, нормальный же вѣсъ человѣческаго мозга есть 1.410 граммовъ для мужчины и 1.262 для женщины бѣлаго племени. Другіе изслѣдователи нашли нѣсколько меньшія среднія величины: 640 грамм. для возраста приблизительно въ 35 лѣтъ, отъ 400 до 500 грамм. для возмужалыхъ лѣтъ.

Остановка въ развитіи, поражающая мозгъ малоголовыхъ, имѣетъ мѣсто еще въ началѣ зародышевой жизни, въ большинствѣ случаевъ. Внѣшнихъ какихъ либо повреждeній, видимыхъ для глаза, болѣзнь не влечетъ за собой. Поэтому Карлъ Фохтъ исключилъ изъ собственно малоголовія случаи, сопровождающіеся болѣзненными повреждeніями. Самое же малоголовіе онъ разсматриваетъ какъ возвратную форму мозговаго развитія.

Однако было замѣчено, что подобная форма никогда не могла существовать въ своемъ, такъ сказать, чистомъ, нормальномъ видѣ, но сопровождалась рядомъ патологическихъ измѣненій.

Въ самомъ дѣлѣ, микроцефалы, достигшіе полной физической возмужалости, не оставляютъ по себѣ потомства. Два микроцефала, Максимо и Бартоло, которыхъ показывали нѣкогда въ Парижѣ, вступивъ въ бракъ въ Лондонѣ, вовсе не имѣли дѣтей.

Нужно сказать, что малый ростъ, которымъ отличаются иногда микроцефалы, не составляетъ для нихъ характернаго признака.

По за то они обнаруживаютъ цѣлый рядъ такихъ внѣшнихъ признаковъ, которые прекрасно характеризуютъ ихъ уже независимо отъ малой вмѣстимости черепа. Въ большинствѣ случаевъ, за немногими, сравнительно, исключеніями, микроцефалы худы, съ длинными и тонкими нижними оконечностями, длинной шеей.

Далѣе, только весьма немногіе микроцефалы одарены понятнымъ, членораздѣльнымъ и отвлеченнымъ языкомъ или рѣчью.

Разговоръ Максимо и Бартоло ограничивался какими-нибудь пятнадцатью словами, выпускаемыми залпомъ.

Брока наблюдалъ взрослаго микроцефала, весьма сильнаго и высокаго, который не могъ произнести ни одного слова. Одинъ боливійскій микроцефалъ могъ объясняться только знаками. Наконецъ указываютъ на Леопольдину Зонцъ, сорока одного года, которая испускала только нечленораздѣльные звуки, да еще *у* и *му*.

На Туринскомъ гигіеническомъ конгрессѣ былъ представленъ микроцефалъ, взрослый и чрезвычайно курьезный. Обладая подвижностью обезьяны, онъ былъ ужасно золъ и вовсе не говорилъ. Испуская крики и такимъ образомъ выражая свои желанія, онъ кусался и царапался, если требованія его не исполнялись тотчасъ же.

Живость и подвижность тоже не составляютъ, однако, непремѣннаго свойства микроцефала. Извѣстно было много такихъ, которые едва двигались.

Докторъ Парро имѣлъ случай наблюдать тоже четырнадцатилѣтнюю дѣвушку-микроцефалку, которой на видъ было не болѣе семи-восьми лѣтъ. Она отличалась чрезвычайной подвижностью и раздражительностію. Что касается до рѣчи, то она произносила тоже одни раздѣльные звуки. Впрочемъ, ея физіономія имѣла настолько хорошее выраженіе, что судя по ней, нельзя было бы предполагать въ ней идіотизма. Но маленькій черепъ ея былъ обезображенъ двумя бороздами, придававшими ему еще и крайне неправильное образованіе.

На Лиссабонскомъ антропологическомъ конгрессѣ фигурировала микроцефалка тридцати двухъ лѣтъ. Лицо ея было развито вполнѣ нормально, такъ же какъ и все тѣло, за исключеніемъ черепа и нижней челюсти, отличавшихся малыми размѣрами. Она была безусловно лишена умственныхъ способностей. Совершенно не умѣя говорить, могла только произносить два-три слова, особенно часто раздававшіяся вокругъ нея, да пронзительно кричала. Довольно часто и легко приходя во гнѣвъ, она охотно повиновалась, однако, больничной прислугѣ. Всѣ чувства ея, за исключеніемъ зрѣнія, отличались притупленностью. Тѣмъ не менѣе—странная особенность—она не отличала лѣстницы отъ ровной почвы, и подвергалась, вслѣдствіе этого, весьма частымъ паденіямъ.

Вообще микроцефалы (малоголовые), эти жалкіе несчастные представители человѣческаго рода, отличаются большимъ разнообразіемъ въ своихъ особенностяхъ и свойствахъ. Впечатлѣніе, производимое ими, чрезвычайно тяжело.

Памяти Скобелева.

Въ ночь съ 24-го на 25 іюня надъ Русскою землею разразился ударъ тяжелый и принесъ этотъ ударъ дѣтямъ земли русской горе великое. Нашъ свѣтлый витязь Михаилъ Скобелевъ скончался.

Да будетъ Святая Воля Господня.

Въ годину кровавой борьбы Россіи за Святой Крестъ—Господь въ лицѣ усопшаго далъ намъ своего меченоснаго воина. Господь и взялъ его обратно.

И свято вѣря въ Милость Божію, свято вѣря въ Его незыблемое благоволеніе къ Россіи и всему русскому, мы вѣримъ, что и снова, въ годину новой борьбы за кровное дѣло,—земля наша, не устававшая родить богатырей, родитъ новыхъ на смѣну павшихъ.

Эта вѣра, это глубокое убѣжденіе даетъ намъ силы перенести роковой ударъ, безропотно покориться Волѣ Провидѣнія и провозгласить усопшему непобѣдимому герою „Вѣчную память.“

И какъ сохранились въ вѣчной народной памяти свѣтлыя имена богатырей старины отъ Владиміра Солнца, Добрыни Никитича—до Суворова—такъ да сохранится имя Михаила Скобелева, свѣтлымъ ореоломъ осѣнившее наши боевыя знамена.

Умерло тѣло, вѣчно живымъ остался духъ, его оживлявшій.

Некрологъ.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ родился 17-го сентября 1843 года въ Петербургѣ. Его дѣдъ И. Н. Скобелевъ и отецъ Дмитрій Ивановичъ—давно пріобрѣли себѣ славу отважныхъ бойцовъ, выказавъ далеко не дюжинныя военныя способности... Родъ Скобелевыхъ изстари—родъ людей ратнаго дѣла, но въ лицѣ внука, въ лицѣ послѣдняго своего представителя, воплотилось все, чтобы исторія могла безпристрастно отмѣтить этотъ родъ однимъ словомъ *„герои“*.

Впредь до выхода въ свѣтъ обширной, подробной біографіи Михаила Дмитріевича—мы ограничимся пока только краткимъ перечнемъ его государственной и военной карьеры, свершенной съ такою быстротою, съ какою можно только сравнить взлетъ орла съ земли до высотъ, гдѣ царитъ только одно вѣчное солнце.

Первое образованіе, общее, М. Д. получилъ въ Парижѣ, подъ руководствомъ г. Жирардэ, лица къ счастью съумѣвшаго не затормозить развитія тѣхъ нравственныхъ качествъ, того благороднаго стремленія ко всему возвышенному, что составляло отличительную черту ввѣреннаго ему ребенка.

М. Д. Скобелевъ. † 24 Іюня.
Съ фотогр. Бергомаско, грав. Вейерманъ.

Затѣмъ М. Д. вернулся въ Россію и поступилъ въ Петербургскій университетъ. Обстоятельства не отъ него зависящія помѣшали ему кончить университетское образованіе и онъ поступилъ въ Кавалергардскій полкъ юнкеромъ, въ офицеры же произведенъ въ 1863 году. Война очевидно была уже призваніемъ Михаила Дмитріевича и чуть только вспыхнуло польское возстаніе, чуть только запахло порохомъ—корнетъ Скобелевъ уже очутился въ самомъ кипучемъ пунктѣ боя, подъ Мѣховомъ, въ мундирѣ Гродненскаго гусарскаго полка. Кончилось боевое время, раздавлено было безразсудное возстаніе польскихъ пановъ—Скобелевъ не теряетъ времени. Онъ сидитъ уже на скамьяхъ военной академіи, предпочитая книгу и живое слово профессора обычной жизни военнаго въ мирное время. Кончивъ академію, Скобелевъ взялъ заграничный отпускъ, чтобы лично присутствовать при всѣхъ военныхъ операціяхъ Австро-Пруссаковъ противъ Датчанъ, а въ 1868 году молодой капитанъ генеральнаго штаба началъ свою службу въ Туркестанѣ, сдѣлавшемся главною боевою школою героя.

Мы видимъ что съ 1868 по 1876—все это десятилѣтіе—главною боевою ареною Скобелева былъ Туркестанъ, который только два раза покидался имъ и то на очень короткое время: разъ онъ имѣлъ командировку на Кавказъ и разъ заграничный отпускъ, потому только, что его интересовали чрезвычайно эволюціи партизанской войны Дона Карлоса и Скобелеву лично хотѣлось изучить пріемы этого энергичнаго вождя народныхъ ополченій.

За десятилѣтіе своей туркестанской службы Скобелевымъ положено было главное основаніе своей военной карьеры. Въ эти десять лѣтъ на его богатырскихъ плечахъ смѣнились всѣ степени эполетъ, отъ капитанскихъ до генеральскихъ,—его грудь покрыли всѣ степени орденовъ отъ Св. Станислава до Георгія на шеѣ включительно и его боевая рука опиралась уже на эфесъ брилліантовой шпаги.

Кто не помнитъ его энергичной дѣятельности въ походѣ на Хиву—кто не знаетъ его борьбы въ Ферганѣ, упрочившей намъ владѣніе всѣмъ бывшимъ коканскимъ ханствомъ.

Затѣмъ на горизонтѣ сталъ скопляться новыя грозовыя тучи—эти тучи особенно сгустились надъ Дунаемъ и Балканами и Скобелевъ является здѣсь, уже опытнымъ борцемъ браннаго поля, чарующимъ вождемъ, вопреки всѣмъ мелкимъ препятствіямъ овладѣвшимъ и довѣріемъ Монарха и любовью солдатъ и любовью доходящею до обоготворенія—всего народа русскаго.

„Бѣлый генералъ,“ цѣлымъ рядомъ блестящихъ побѣдъ, которыя мы и не пересчитываемъ въ этомъ короткомъ очеркѣ, такъ какъ они всѣмъ извѣстны, пріобрѣтаетъ себѣ уже міровую извѣстность. Враги земли русской, честные враги, ему изумляются, его изучаютъ какъ могучую силу, съ которою когда либо придется считаться—враги мелкіе, трусливые ненавидятъ его и глумятся изъ-за угла, но Скобелевъ выше всего этого и мы видимъ его уже при новомъ дѣлѣ—на новомъ высокомъ боевомъ посту, ввѣренномъ ему покойнымъ Императоромъ. Скобелевъ стоитъ лицомъ къ лицу съ храбрыми, воинственными племенами туркменъ,—этой грозы востока. Его осада и штурмъ Геокъ-Тепе слишкомъ свѣжо врѣзались въ нашу память, чтобы еще описывать всѣ фазисы этой эпопеи. И менѣе чѣмъ въ годъ, когда-то непобѣдимые, туркмены были сломлены и со всею своею землею сами отдались и преклонились передъ волею Бѣлаго Царя, пославшаго на нихъ бѣлаго-же генерала.

Затѣмъ небольшой промежутокъ времени мирной дѣятельности Михаила Дмитріевича и въ довершеніе всего роковая катастрофа въ ночь съ 24 на 25 іюня.

Миръ праху твоему, нашъ герой!

Н. Каразинъ.

Носорогъ-птица. Ориг. рисун. И. Бунгарца, грав. Н. Рау.

Всероссійская промышленно-художественная выставка.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

(Рис. на стр. 649. 652 и 653).

VII.

Отдѣлъ „Краснаго Креста.“

Безспорна истина, что война—есть одно изъ величайшихъ несчастій; безспорно также и то, что война есть несчастіе неизбѣжное, пока люди будутъ людьми въ полномъ смыслѣ этого слова и не превратятся въ ангеловъ, чего никакъ нельзя ожидать, покрайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ.

Дѣло человѣколюбія, дѣло христіанства заключается въ томъ чтобы по возможности ослабить зло, облегчить, довести до минимума—страданія его сопровождающія и это дѣло уже много лѣтъ блистательно ведется обществомъ Краснаго Креста, обществомъ хотя юридически частнымъ, но давно уже ставшимъ полуправительственнымъ, состоящимъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государя Императора и Государыни Императрицы—первыми Начинателями и тружениками этаго святаго христіанскаго подвижничества. Не было войны, не было никакого другого народнаго бѣдствія чтобы общество Краснаго Креста, съ тѣхъ поръ какъ оно учреждено, не являлось первымъ на помощь страдающимъ, разливая эту помощь широкою властною рукою, не дѣлающею различія между страдальцами кто-бы они ни были—свои-ли или побѣжденные враги.

Здѣсь на мирномъ состязаніи труда, науки и знанія, общество Краснаго Креста блистательно представительствуетъ своимъ отдѣломъ. гдѣ собрано все лучшее, что только изобрѣтено человѣчествомъ по части санитарнаго дѣла.

Отдѣлъ Краснаго Креста состоитъ изъ громаднаго деревяннаго павильона съ двумя залами, въ одной собрана колекція походная лазаретныхъ кроватей, носилокъ, кресель, перевязочныхъ средствъ и приборовъ, въ другой образцы медикаментовъ, ассенизаціонныхъ матерьяловъ, посуды и утвари. Вокругъ зданія расположены образцы фуръ и каретъ для перевозки больныхъ и раненыхъ—между которыми выдѣляются по своимъ безспорнымъ удобствамъ и простотѣ—простыя парныя повозки на дрогахъ, приспособленныя для данной цѣли также просто и практично.

Главныя требованія отъ лазаретной фуры—это чтобы экипажъ легко катился не только по узкимъ проселочнымъ дорогамъ, но и вовсе безъ дорогъ, чтобы починка его въ случаѣ ломки была бы скора, легка и не требовала бы кузницъ и мастерскихъ и чтобы больные пассажиры поменьше страдали отъ тряски и вліяній дождя и солнца. Изъ этого перечня условій типъ повозки опредѣляется самъ собою и стоитъ только удивляться, зачѣмъ нѣкоторые не въ мѣру ретивые. кабинетные изобрѣтатели поставили здѣсь нѣсколько колымагъ съ необычайно широкимъ ходомъ, могущимъ только катиться по шоссе, да и то по исправному и сдѣланныхъ настолько сложно, что никакая быстрая чинка не мыслима безъ помощи большихъ кузнечныхъ мастерскихъ и искусныхъ спеціалистовъ-рабочихъ.

Публика съ большимъ интересомъ останавливается передъ этими родами экипажей, но особенно толпится передъ оригинальною одноколкою, запряженною верблюдомъ, одноколкою, сдѣланною въ „Бами“ на бивуакѣ, солдатскими руками, стоившею всего 65 рублей серебромъ и честно, безъ починокъ, прослужившею весь Геокъ-Тепинскій походъ, перевезшій за все время до 150 раненыхъ и до 600 пудовъ груза.

Одноколка эта покоится на трехъ дрогахъ, очень эластичныхъ, въ ней помѣщены двѣ выдвижныя койки. такой длины, что человѣкъ большаго роста вытягивается свободно. Когда раненые отвезены на мѣсто, то обратно эта повозка возвращается съ военною кладью, а для того чтобы 30 пудовъ клади не дѣйствовали вредно на эластичность дрогъ, подъ ними сдѣлано приспособленіе въ видѣ подпорокъ, уничтожающихъ на время эту эластичность.

Внѣшній видъ этой одноколки хорошо видѣнъ на нашемъ рисункѣ, исполненномъ съ натуры.

Передъ главнымъ входомъ въ большой павильонъ расположены войлочныя кибитки, употребляющіяся во всемъ Туркестанскомъ и Закаспійскомъ краяхъ, но равно удобныя и для употребленія во всѣхъ другихъ климатахъ и мѣстностяхъ.

Кибитки эти ни болѣе ни менѣе какъ обыкновенныя, всѣмъ извѣстныя. переносныя жилища номадовъ, только внутри убранныя и приспособленныя для данной цѣли—служитъ лазаретами для больныхъ и раненыхъ и само собою разумѣется имѣютъ громадное преимущество передъ палаточными, парусинными бараками.

VIII.

Каменно-угольный павильонъ Московскаго Товарищества М. М. Любвина и Комп.

Розыскъ и разработка каменноугольныхъ напластываній, въ предѣлахъ нашего отечества, изо дня въ день становится для насъ вопросомъ большей важности. На немъ, только на немъ одномъ мы можемъ основывать всѣ свои помыслы и надежды на быстрый ходъ и развитіе нашей промышленной жизни. Обиліе лѣсовъ на Руси, когда дрова не имѣли никакой почти цѣнности, казалось прежде, да и не очень задолго до настоящаго времени, неистощимымъ, но все, что не важно кажется для недальновидныхъ—развивается быстро, и роковая дѣйствительность рѣзко выступаетъ наружу, призывая этихъ недальновидныхъ къ роковому разсчету. За двѣсти лѣтъ тому назадъ къ Петру Великому впервые принесли на показъ образцы каменнаго угля; тогда и не снились еще человѣчеству эти милліоны паровыхъ фабрикъ и заводовъ, сотни тысячъ верстъ рельсовыхъ путей, все то, что ненасытно поглощаетъ топливо. но геній Петра предвидѣлъ далеко впередъ и не отвернулся отъ того, что ему подносили... Онъ изрекъ: „Минералъ сей, если не намъ. то потомкамъ нашимъ весьма полезенъ будетъ“... и приказалъ впервые обратить вниманіе на разработку этого дара природы. Но умеръ геніальный преобразователь и объ каменномъ углѣ забыли вовсе, забыли настолько, что когда по всѣмъ направленіямъ нашего отечества покатились локомотивы, когда вокругъ городовъ и даже селъ выросли громадныя фабрики и заводы, когда потребность въ топливѣ развилась до грандіозныхъ предѣловъ—эта потребность удовлетворялась единственно только лѣснымъ богатствомъ страны, и это богатство, расточаемое часто безъ системы и смысла, таяло все быстрѣе и быстрѣе, мѣстами приходя уже къ настоящему банкротству.

Истребленіе деревьвъ по всей средней, т. е. самой промышленной полосѣ Россіи, движется быстрѣе чѣмъ могутъ подростать молодыя деревья... Цѣнность дровъ увеличивается прогрессивно и это увеличеніе гибельно отражается на общемъ вздорожаніи жизни. Уничтоженіе большихъ лѣсныхъ пространствъ, превращая эти пространства въ печальные пустыри съ торчащими пнями и грудами валежника, вредно вліяетъ на самый климатъ страны, на обмелѣніе рѣкъ, на самое здоровье человѣка. И много надо было пережить усилій и горькаго опыта, чтобы поколебать привычку безжалостно сжигать лѣса, когда подъ ногами лежатъ неистощимыя залежи иного топлива, словно самою природою назначеннаго для данной цѣли. Спохватились но не много поздно, но лучше поздно чѣмъ никогда, и мы видимъ уже, особенно за послѣднія десять лѣтъ, какъ быстро начала развиваться у насъ промышленность минеральнымъ топливомъ, медленно еще, но все таки мало по малу вытѣсняя обычай истреблять лѣса безъ мѣры и безъ толку, обычай безсмысленный и варварскій.

Главнѣйшимъ дѣятелемъ по введенію и распространенію каменнаго угля въ Москвѣ. въ главномъ промышленномъ центрѣ средней полосы Россіи, является безспорно „Высочайше утвержденное товарищество М. М. Любвинъ и Комп.“ Не безъинтересно ознакомить читателей, какъ это минеральное топливо завоевало себѣ право гражданства, право своего существованія и развитія. Каменный уголь появился въ Москвѣ только съ 1871 года, привезено было Любвинымъ всего тысячу двѣсти пудовъ угля донецкаго мѣсторожденія. Это жалкое количество едва можно было роздать для пробы въ теченіи цѣлаго года. Проба оказалась должно быть удовлетворительна и первою отказалась отъ древеснаго топлива, замѣнивъ его антрацитомъ, фирма братьевъ Максимовыхъ, имѣющихъ въ Москвѣ большія кондитерскія заведенія; за Максимовыми послѣдовалъ Межевой институтъ, затѣмъ уже, съ 1874—1875 годахъ стали пользоваться углемъ минеральнымъ механическія заведенія и кузницы. Съ этихъ поръ дѣло распространенія антрацита стало на прочную дорогу и приводимая нами таблица ясно указываетъ на ходъ развитія за послѣднее десятилѣтіе:

Въ 1871	году привезено въ Москву и израсходовано	1,200
„ 1872	„ уже „ „ „ „ „	24,000
„ 1873	„ „ „ „ „ „	111,155
„ 1874	„ „ „ „ „ „	288,710
„ 1875	„ „ „ „ „ „	859,600
„ 1876	„ „ „ „ „ „	1,190,875
„ 1877	„ „ „ „ „ „	1,553,328
„ 1878	„ „ „ „ „ „	1,601,752
„ 1879	„ „ „ „ „ „	1,800,000
„ 1880	„ „ „ „ „ „	2,017,000
„ 1881	„ „ „ „ „ „	3,235,000

т. е. въ теченіе десяти лѣтъ употребленіе каменнаго угля въ Москвѣ увеличилось почти въ 3,000 разъ. Прогрессъ колоссальный, особенно если принять во вниманіе, что это прогрессъ только одной каменноугольно-промышленной фирмы М. М. Любвинъ и Комп., а въ послѣднее время уже на томъ же поприщѣ работали и другіе конкуренты!

Настоящая выставка дала возможность подвести итоги нашего промышленнаго роста за послѣднія десять лѣтъ и фирма „М. М. Любвинъ и Комп.“ выстроила здѣсь оригинальный большой павильонъ. рисунокъ котораго мы и предлагаемъ нашимъ читателямъ.

Павильонъ весь сложенъ изъ каменнаго угля, его внутренность показываетъ устройство шахтъ по тому образцу, какъ ихъ въ нашихъ рудникахъ принято устраивать. Въ боковыхъ шахтахъ по рельсамъ двигаются вывозныя вагонетки, телѣжки и насквозь всего павильона идетъ главная галлерея, всегда открытая для удобства дефилированія публики. Здѣсь же выставлена богатая коллекція видовъ рудниковъ „Золотос" и „Щербиновскаго", ихъ пластовыя карты и планы выработки. Первый рудникъ находится въ Славяносербскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, а второй въ Бахмутскомъ уѣздѣ той же губерніи. Кромѣ того выставлены образцы угля и антрацита и рядомъ съ нимъ, для вящаго сравненія, образцы угля англійскаго высшихъ сортовъ, сравненія, вполнѣ побѣдоносно выдерживаемаго нашимъ роднымъ, минеральнымъ топливомъ.

Къ рисункамъ.

Древняя гречанка, расписывающая вазу.

(Рис. на стр. 657).

Въ античной Греціи живопись тѣсно соединялась съ ваяніемъ и зодчествомъ и какъ-бы дополняло одно и другое и потому художникъ того времени проявлялъ свое искусство не только въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ произведеніяхъ но также расписывалъ стѣны зданій и даже обыденную утварь покрывалъ своими рисунками. Самыми первобытными памятниками послѣдняго рода живописи являются для насъ вазы и другіе сосуды, сдѣланные изъ глины, которая въ изобиліи находилась вблизи Аѳинъ. Изъ этой-то красноватой а иногда и желтоватой глины лѣпились сосуды, которые и покрывались изображеніями, производимыми самымъ незатѣйливымъ способомъ. Такъ первоначальный контуръ обыкновенно дѣлался на нихъ грифилемъ, который и покрывали краснымъ или темнокоричневымъ лакомъ, оставляя фонъ рисунка краснымъ или желтымъ или наоборотъ натирали фонъ черной краской, оставивъ очертанія красными. Послѣ-же вторичнаго обжиганія, греки раскрашивали рисунками и на черномъ другими цвѣтами—бѣлымъ, темнокраснымъ и фіолетовымъ. Живопись на этихъ вазахъ конечно неправильная и грубая, причемъ сюжеты обыкновенно взяты изъ царства животныхъ или растеній, но за то сосуды позднѣйшаго времени отличаются уже довольно искусной отдѣлкой; здѣсь видна уже болѣе живая художественная фантазія; фигуры людей, героевъ и сцены изъ обыденной жизни а также миѳологическіе символы и различные сюжеты заимствованные изъ троянскихъ или ѳиванскихъ сказаній. Еще позднѣе являются на вазахъ уже изящные, колоритные рисунки съ удачной композиціей фигуръ и съ содержаніемъ взятымъ большею частью изъ греческой миѳологіи, уже богатой образами и содержаніемъ, благодаря широкому развитію какъ лирики такъ и драмы. На нашемъ рисункѣ изображена древняя гречанка-художница, прилежно и искусно расписывающая вазу.

Источники Моисея.

(Рис. на стр. 660).

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь геній французскаго инженера возстановилъ древнее сообщеніе Чермнаго моря съ великимъ Ниломъ, гдѣ теперь массы торговыхъ судовъ хлопотливо бѣгутъ, провозя произведенія Европы въ далекія страны, гдѣ современность воцарилась со своимъ паромъ и телеграфами, тамъ было мѣсто, гдѣ гонимые изъ Египта евреи перешли, предшествуемые огненнымъ столпомъ черезъ великое море, которое грозно шумя, закрылось надъ войсками и колесницами Фараона. Великолѣпный разсказъ этотъ одинъ изъ самыхъ поэтическихъ разсказовъ въ Библіи (2 книга Моисея гл. 15).

Наискосокъ города Суэца на Синайскомъ полуостровѣ, посреди песковъ пустыни лежитъ зеленый оазисъ, на которомъ между пальмами и акаціями бѣгутъ звонкіе ручьи. Это прелестное, зеленое, обильно орошенное мѣсто, называется Уйунъ-Мура или „Источники Моисея", и съ давнихъ поръ считается мѣстомъ, гдѣ отдыхали евреи, переправившись черезъ Чермное море и избѣжавъ гнѣва Фараона. Здѣсь дѣти Израиля пѣли свои хвалебные гимны, которые спустя много столѣтій послѣ ихъ избавленія, повторялись устами народа.

Пастухъ румынъ.

(Рисунокъ на стр. 660).

Художникъ-этнографъ проф. Зверина, съ талантомъ котораго уже знакомы наши читатели, въ прилагаемомъ нами рисункѣ представляетъ одинъ изъ интересныхъ типовъ сосѣдки нашей Румыніи а именно типъ пастуха-румына. Въ странѣ этой, гдѣ скотоводство развито въ громадныхъ размѣрахъ, пастухъ имѣетъ выдающуюся роль въ народной жизни: суровый съ виду, но на самомъ дѣлѣ добродушный румынъ страстно любитъ привольное существованіе среди широкихъ, раздольныхъ степей, невысокихъ горъ, гдѣ онъ можетъ свободно предаваться мечтательной лѣни или мурлыкать народную пѣсенку.

Занятіе пастушествомъ считается здѣсь самымъ подходящимъ для каждаго простолюдина, который по какимъ нибудь обстоятельствамъ не могъ сдѣлаться земледѣльцемъ; да оно и понятно если вспомнить, что въ Румыніи подъ луга и выгоны занято земли не менѣе какъ 2.544.000 десятинъ; кромѣ того на самыхъ вершинахъ грандіозныхъ Карпатовъ часто встрѣчаются роскошныя и сочныя пастбища, гдѣ скотъ можетъ кормиться до глубокой осени. Не менѣе богата Румынія широко раскинувшимися степными пространствами, имѣющими громадное сходство съ нашими южными луговыми степями. Та же безграничная ширь, та же безконечная равнина, на которой колышется высокая, роскошная трава; обхватываетъ здѣсь со всѣхъ сторонъ путника: и только недостатокъ въ водѣ ставитъ иногда она въ затруднительное положеніе. Впрочемъ теперь въ большей части румынскихъ степей и особенно въ обширной Барачанской степи, особенно близь каменистыхъ овраговъ, повсюду встрѣчаются колодцы, дающіе въ изобиліи чистую и хорошую воду. Въ Барачанской степи пасутся громадныя стада, особенно быковъ и овецъ до самой зимы т. е. до того времени когда здѣсь начинаютъ свирѣпствовать страшныя мятели, которыя легко могутъ занести стада снѣгомъ или загнать ихъ въ обширныя, сосѣднія озера, омывающія собою съ одной стороны все степное пространство. Проѣзжая по Барачанской степи можно часто видѣть такого пастуха какого представилъ проф. Зверина. Смуглый и загорѣлый, онъ одѣтъ въ обычный народный нарядъ, сшитый изъ грубаго холста, на который въ холодное время надѣваетъ короткую овчинную шубку: потребности и жизненныя нужды доведены этими дѣтьми природы до полной простоты и умѣренности; пища ихъ состоитъ почти исключительно изъ овощей и мамалыги (родъ каши) а маисовыя лепешки считаются лакомствомъ. Мясо румынскій пастухъ ѣстъ чрезвычайно рѣдко, строго соблюдая всѣ постные дни, которыхъ приходится въ году болѣе 180-ти и обрекая себя такимъ образомъ почти исключительно на растительную пищу. Но несмотря на суровый образъ жизни, румынъ крѣпокъ и бодръ, добродушенъ, веселъ и общителенъ, особенно когда среди бесѣды раздадутся звуки любимой пѣсни или зазвучитъ мѣрный речитативъ стариннаго сказанія о какомъ-нибудь народномъ героѣ, доблестномъ защитникѣ христіанъ отъ ига невѣрныхъ.

Птица-Носорогъ.

(Рис. на стр. 665).

При одномъ названіи „Птица-носорогъ" тотчасъ же является представлен е о какой нибудь громадной, неуклюжей птицѣ: на самомъ же дѣлѣ это птица не особенно большая и чрезвычайно подвижная, но даетъ ей нѣкоторое сходство съ названнымъ животнымъ ея клювъ длинный, очень толстый, согнутый и снабженный страннаго вида наростомъ. Эта то уродливость въ строеніи клюва и служитъ отличительнымъ признакомъ цѣлаго семейства птицъ, водящихся въ южной Азіи, въ южной Африкѣ и на Малайскихъ островахъ. Густые, высокоствольные лѣса Азіи особенно изобилуютъ этими птицами, которыя подобно туканамъ, постоянно живутъ на деревьяхъ, очень рѣдко спускаясь на землю и двигаясь по ней неуклюже и неловко. Подымаясь же на воздухъ птица-носорогъ производитъ при полетѣ рѣзкій шумъ, такъ что издалека, какъ иные говорятъ, будто бы за цѣлую англійскую милю, можно уже угадать ея приближеніе. Привычки птицъ-носороговъ, ихъ образъ жизни а также умственныя способности довольно мало изслѣдованы: извѣстно только, что онѣ живутъ парами, не чуждаются общества и другихъ птицъ, осторожны, внимат льны. Питаются онѣ насѣкомыми и различными плодами и зернами. Способъ размноженія ихъ отличается большою оригинальностью, какъ напримѣръ у индѣйскихъ видовъ этого семейства болѣе изслѣдованныхъ. Послѣднія выводятъ дѣтенышей въ большихъ древесныхъ дуплахъ, причемъ самецъ охраняетъ самку самымъ строжайшимъ образомъ; онъ ее почти совсѣмъ замуравываетъ въ дуплѣ оставляя ей лишь отверстіе, достаточное чтобы просунуть клювъ и принять отъ него заботливо принесенную ей пищу. Въ этомъ то строгомъ заключеніи самка должна оставаться до тѣхъ поръ птенцы не выйдутъ на свѣтъ божій, и даже, какъ нѣкоторые натуралисты думаютъ, пока не научатся летать. Во все это время самецъ хлопочетъ изъ всѣхъ силъ такъ какъ на немъ лежитъ обязанность добывать пищу и заботиться о благосостояніи своего гнѣзда; неудивительно, что усталый и измученный, онъ еле волочитъ ноги въ послѣдніе дни выхода его юнаго потомства. Пойманная, птица-носорогъ скоро дѣлается совершенно ручною; она сочувственно относится къ уходу за ней хозяина и если даже представляется ей удобный случай улетѣть то она рѣдко имъ пользуется, быстро привыкая какъ къ неволѣ такъ и къ виновнику ея—человѣку.

Политическое обозѣніе.

Египетъ.—Болгарія.—Сербія.—Австро-Венгрія.

Египетскій вопросъ дошелъ въ своемъ „развитіи" до той минуты, когда дипломатическіе переговоры заглушаются громомъ пушечной пальбы и въ тотъ моментъ, когда мы принимаемся за нашу обычную бесѣду, пушечная пальба уже загудѣла, англійскій адмиралъ Сеймуръ уже началъ бомбардировать Александрію. Разскажемъ по порядку какъ дошло до того. Читателямъ извѣстно, что Араби-Паша, съ нѣкотораго времени, началъ укрѣплять Александрію, обнося ее земляными верками и вооружая эти верки тяжелыми дальнобойными пушками, жерла которыхъ конечно были весьма недвусмысленно наведены туда, откуда египтянамъ надо было ожидать непріятеля. Работы эти производились дѣятельно и быстро; съ одного изъ военныхъ пароходовъ союзной эскадры можно было видѣть, какъ египетскіе солдаты копаютъ рвы и перетаскиваютъ снаряды отъ одной пушки къ другой; вмѣстѣ съ тѣмъ гарнизонъ Александріи усиленъ 2 тысячами человѣкъ. Насмотрѣвшись на все это издали, адмиралъ Сеймуръ, командиръ англійской эскадры, произвелъ морскую рекогносцировку, которая вполнѣ подтвердила то, что прежде онъ видѣлъ въ бинокль: форты вооружены пушками большаго калибра, угрожающими входу въ Александрійскую гавань; адмиралъ 28-го іюня извѣстилъ египетскаго губернатора, что требуетъ сдачи всѣхъ фортовъ въ теченіе 12 часовъ, а въ случаѣ отказа откроетъ бомбардированіе: тотчасъ же англійское канонерское судно „Condor" было выслано для прикрытія входа въ гавань, самъ же адмиралъ на пароходѣ „Invincible" вошелъ въ наружную гавань. Англійскій консулъ (всѣ консулы выѣхали изъ Александріи и находятся на судахъ) написалъ первому министру хедива, Рахебу-Пашѣ, что онъ прерываетъ сношенія съ египетскимъ правительствомъ и отправилъ другое письмо Дервишу-Пашѣ, возлагая на него всю отвѣтственность за безопасность хедива. Не всѣ державы, однако, выказываютъ такую настойчивость: надо замѣтить, что державы, приступая къ рѣшительному шагу въ отношеніи Египта, подписали сообща „acte de désinteressement" (протоколъ о безкорыстіи) и, насколько вѣрно, большинство до сихъ поръ поступаетъ весьма сдержанно, Англія же и Франція едва ли долго еще будутъ дѣлать видъ, что подчиняются принятому всѣми условію, въ особенности Англія. Что касается Франціи, то она пока гораздо менѣе энергична, нежели ея союзница; начать уже съ того, что ея эскадра не принимаетъ участія въ бомбардированіи, а идетъ къ Портъ-Саиду, кажется съ цѣлью воспрепятствовать египтянамъ испортить Суэзскій каналъ. Изъ Лондона даже сообщаютъ, что тамъ очень недовольны адмираломъ Конради, командующимъ французскою эскадрою, т. е. недовольны французскимъ правительствомъ, которое какъ бы предоставляетъ Англіи отвѣчать за дальнѣйшія событія, такъ какъ—мы только что говорили—не столь рьяно помогаетъ англичанамъ; Фрейсинэ въ палатѣ депутатовъ заявилъ, что въ морскомъ вѣдомствѣ произведены нѣкоторыя приготовленія, не выходящія изъ круга надлежащихъ мѣръ предосторожности, на случай необходимости вооруженнаго вмѣшательства Франціи; насколько же это необходимо, пока нельзя ни утверждать, ни предвидѣть; слѣдуя политикѣ благоразумія, Франція обязана обезпечить себѣ могущество, достаточное для того, чтобы встрѣтить какія бы то ни было случайности. Съ другой стороны есть свѣдѣнія, будто Франція намѣрена употребить въ ходъ оружіе не иначе, какъ тогда только, когда на то будетъ уполномочена соглашеніемъ державъ. Изъ всего этого не видно, чтобы французское правительство уже пришло къ окончательному рѣшенію поступать съ тою же безповоротною энергіею, какъ Англія, хотя и прислала свою эскадру и готовитъ новые броненосцы. Здѣсь кстати сказать, что Англія снаряжаетъ 23 судна, при 245 пушкахъ и экипажѣ въ 14.500 чел., а Франція—20 судовъ, съ 147 пушками и 8,289 чел. экипажа.

А что же конференція? Конференція составила коллективную ноту къ Портѣ: въ этой нотѣ правительство султана приглашается къ вооруженному вмѣшательству въ египетскія дѣла на слѣдующихъ условіяхъ: возстановленіе въ Египтѣ „status quo ante", выполненіе лежащихъ на Египтѣ международныхъ обязательствъ и ограниченіе турецкой окупаціи опредѣленнымъ временемъ: при этомъ отъ Порты требуется наискорѣйшій отвѣтъ. Порта, конечно, отвѣтъ дастъ, но едва ли тотъ, какой требуется по смыслу ноты, за то смѣло можно сказать, отвѣтъ, который ожидается главными дѣятелями въ египетскомъ вопросѣ, который ими желается, такъ какъ онъ развяжетъ имъ руки. Тѣмъ болѣе имъ извѣстенъ заранѣе этотъ отвѣтъ, что еще недавно правительство султана объявило, что турецкую окупацію подъ наблюденіемъ державъ оно считаетъ не согласною съ достоинствомъ Оттоманской имперіи. Дипломатическія комедіи необходимы, вѣроятно, для обстановки...

Комедію (но болѣе понятно), повидимому, играютъ и султанъ, Араби-Паша и египетское правительство. Извѣстно болѣе или менѣе, что вождь нынѣшняго національнаго движенія въ Египтѣ давно уже находится въ совершеннѣйшемъ согласіи съ падишахомъ, наградившимъ его даже недавно звѣздою Меджидіи, а между тѣмъ президентъ совѣта министровъ, Рахебъ-Паша получилъ отъ султана депешу, въ которой отвѣтственность за работы по укрѣпленію Александріи возлагаетъ на хедива и его министровъ. Въ то же время Араби-Паша и Дервишъ-Паша показываютъ, будто разошлись во мнѣніяхъ и находятся какъ бы въ натянутыхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ взглядъ султана и его стремленія—не тайна. Движеніе мусульманъ въ Африкѣ продолжаетъ разгораться; мусульмане убѣждены, что къ концу XIII столѣтія ихъ лѣтосчисленія, т. е. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, они прогонятъ всѣхъ гяуровъ и Абд-Уль-Гамидъ, конечно, желаетъ воспользоваться этимъ движеніемъ, чтобы возстановить блескъ калифата.

Княземъ Болгарскимъ недавно подписанъ замѣчательный указъ о замѣнѣ остававшейся съ турецкаго времени десятинной подати поземельнымъ налогомъ; при этомъ разсчитано, что доходъ съ новаго налога не только будетъ равняться доходу отъ десятины (среднимъ числомъ 10 милліоновъ франковъ), но даже приведетъ къ значительнымъ сбереженіямъ въ бюджетѣ, такъ какъ сборъ съ десятины сопровождался значительными расходами.

Сессія бѣлградской скупщины закрыта 22-го іюня тронною рѣчью короля, въ которой указано на дружественныя отношенія Сербіи со всѣми иностранными державами.

Отсюда естественно перейти къ Австріи.

Австрійское правительство приступило, наконецъ, къ своей военной реформѣ; оно вводитъ у себя территоріальную (прусскую) систему, которая чрезвычайно ускоряетъ мобилизацію; отнынѣ части будутъ расположены въ мѣстахъ своего комплектованія, а не такъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ—какъ можно далѣе отъ нихъ, что было понятно изъ политическихъ соображеній, въ виду разнороднаго состава Австро-Венгерской монархіи: новая система дастъ Австріи возможность мобилизовать свою армію въ 9 дней, т. е. гораздо скорѣе, чѣмъ сдѣлать это можемъ мы. Подраздѣленіе арміи на дѣйствующую и резервную отмѣняется; будетъ сформировано 102 дѣйствующихъ полка и въ военное время армія усиливается на 100 тысячъ человѣкъ.

Весьма интересное свѣдѣніе...

Смѣсь.

Общество „Милосерднаго самаритянина" въ Килѣ. Каждый человѣкъ съ сердцемъ чувствуетъ влеченіе къ оказанію первой врачебной помощи во внезапныхъ несчастныхъ случаяхъ, потому что всякій знаетъ, что довольно часто сохраненіе жизни зависитъ отъ быстрой и цѣлесообразной помощи. Это именно влеченіе и побуждало въ теченіе всѣхъ новѣйшихъ войнъ столь многихъ людей всѣхъ классовъ общества предлагать свои услуги какъ на поляхъ битвъ, такъ и въ лазаретахъ. Но много-ли есть людей, за исключеніемъ врачей, умѣющихъ подать надлежащую помощь, напримѣръ: умѣющихъ остановить кровотеченіе, наложить повязку при переломѣ кости, возвратить къ жизни утонувшаго или задохнувшагося! Поэтому-то очень и очень многіе остаются простыми зрителями, являясь случайно свидѣтелями внезапныхъ несчастныхъ случаевъ, потому что они принуждены сознаться, что не знаютъ, какъ и чѣмъ помочь. И какъ часто дѣлается какъ разъ противное тому, что слѣдовало-бы сдѣлать, какъ часто наносится вредъ лицами, старающимися оказать помощь, такъ что иной разъ было-бы даже лучше, если-бы пострадавшій былъ предоставленъ собственной участи. Врачамъ, разумѣется, всего чаще приходится жалѣть, что среди публики господствуетъ столь всеобщее невѣжество въ этомъ отношеніи; имъ нерѣдко приходится имѣть дѣло съ ранеными полу-или даже и совершенно истекшими кровью, тогда какъ надлежаще произведеннымъ давленіемъ или сжатіемъ можно было-бы сберечь наибольшую долю истекшей крови; или иногда привозятъ въ больницу паціентовъ, у которыхъ вслѣдствіе неосторожной, нераціональной перевязки, простой переломъ превращается въ далеко болѣе опасное поврежденіе—въ сложный переломъ.

Очевидно здѣсь слабый пунктъ заключается въ воспитаніи юношества, для этого и сами учителя не обладаютъ нужными свѣдѣніями. Но откуда они будутъ брать ихъ? Изъ популярныхъ сочиненій, трактующихъ объ этомъ предметѣ? Но написать такое популярное сочиненіе задача далеко не легкая и потому ихъ имѣется очень мало.

Требовать, чтобы и школа принялась за дѣло обученія подачи первоначальной помощи въ несчастныхъ случаяхъ, можно будетъ лишь тогда, когда результаты изслѣдованій сдѣлаются общимъ достояніемъ всей публики. А пока этого нѣтъ, ученымъ самимъ приходится играть роль народныхъ учителей въ этомъ отношеніи.

Практическіе англичане подаютъ намъ добрый примѣръ. Вотъ уже пять лѣтъ существуетъ въ Англіи амбулаторное общество (Am-

bulance Association), основанное при содѣйствіи наиболѣе выдающихся врачей членами англійскаго ордена Іоаннитовъ. Это общество, учреждая школы въ разныхъ мѣстахъ Англіи, старается распространять повсюду знанія относительно подачи первой помощи во внезапныхъ несчастныхъ случаяхъ.

Какой чрезвычайный успѣхъ имѣли эти стремленія, доказываетъ тотъ фактъ, что теперь уже во всѣхъ городахъ Англіи существуютъ подобныя школы въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, что въ этихъ школахъ уже получили обученіе болѣе 40,000 человѣкъ обоего пола и всѣхъ классовъ общества, и что англійскія газеты постоянно передаютъ о несчастныхъ случаяхъ, въ которыхъ ученики и ученицы этихъ амбулаитныхъ классовъ спасли жизнь и здоровье своихъ согражданъ.

По образцу этихъ школъ, теперь основываются такія-же и въ Германіи. Первую такую школу открылъ прошлою зимою въ Килѣ извѣстный профессоръ-хирургъ Эсмархъ. Онъ назвалъ эту школу „Школою милосердыхъ самаритянъ" („Samariterschule").

Сначала почтенный профессоръ имѣлъ намѣреніе открыть лишь небольшую школу на 25 — 30 человѣкъ, какъ это дѣлаютъ англичане, но имѣлъ неосторожность пригласить черезъ газеты лицъ, желающихъ участвовать въ этомъ добромъ дѣлѣ, извѣщать его объ этомъ письменно. И что-же? Чрезъ нѣсколько дней онъ получилъ болѣе 800 увѣдомленій отъ мужчинъ и женщинъ всѣхъ классовъ общества, такъ что профессоръ долженъ былъ просить пріостановиться съ присылкою ему дальнѣйшихъ предложеній.

Въ виду многочисленности желающихъ, профессоръ Эсмархъ началъ чтеніе своихъ лекцій въ университетѣ, причемъ, такъ какъ аудиторіи не вмѣщаютъ болѣе 400 человѣкъ, онъ раздѣлилъ своихъ слушателей на двѣ половины и въ продолженіи пяти недѣль читалъ лекціи по два раза въ недѣлю, придерживаясь въ чтеніи лекцій порядка, принятаго въ англійскихъ амбулаторныхъ школахъ: *первую лекцію* онъ посвятилъ краткому обзору *строенія и жизнедѣятельности* человѣческаго тѣла; *вторую*—описанію *поврежденій, ушибовъ и ранъ, кровотеченій* и способовъ ихъ остановки; *отравленныхъ ранъ* и уходу за ними; *третью* лекцію — *переломамъ, растяженіямъ и вывихамъ*; *четвертую*—помощи *замерзшимъ, утонувшимъ и повѣсившимся*: произведенію искуственнаго дыханія, которымъ иной разъ можно спасти жизнь человѣческую; помощи людямъ, находящимся *въ безсознательномъ состояніи*; описанію различныхъ видовъ отравленія и помощи въ нихъ до прибытія врача. На пятой лекціи Эсмархъ показалъ, какъ слѣдуетъ всего осторожнѣе и цѣлесообразнѣе переносить несчастныхъ; какъ класть ихъ на носилки; какъ устранять подобныя принадлежности изъ различныхъ предметовъ въ случаѣ неимѣнія ихъ на лицо. Слушатели и особенно слушательницы слѣдили съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за лекціями и съ величайшимъ усердіемъ участвовали въ практическихъ упражненіяхъ, которыми профессоръ сопровождалъ свои лекціи. Съ наступленіемъ будущаго семестра желающимъ будутъ произведены экзамены и выданы свидѣтельства.

Усилія профессора Эсмарха встрѣтили себѣ сочувствіе и одобреніе высочайшихъ особъ. Императоръ Вильгельмъ пожаловалъ 1,000 марокъ для цѣлей общества, а императрица германская приняла его подъ свое высокое покровительство. Въ настоящее время въ Берлинѣ и многихъ другихъ городахъ образовались уже филіальныя отдѣленія, которыя будутъ открывать школы въ большомъ числѣ, какъ только будутъ готовы стѣнныя таблицы и предметы для перевязки, заготовку которыхъ приняло на себя кильское общество.

Значеніе воды для животнаго организма. Вода также необходима для человѣческаго организма какъ бѣлокъ, жиръ и проч. и процессы окисленія могутъ совершаться правильно, только если извнѣ вводится достаточное количество воды. Всѣ ткани тѣла нуждаются въ ней. Вмѣстѣ съ воздухомъ и соотвѣтствующей пищей, вода способствуетъ обновленію и оздоровленію крови человѣка. При обмѣнѣ тканей въ животномъ организмѣ вода составляетъ необходимое средство для ихъ отдѣленія; съ одной стороны она облегчаетъ процессъ окисленія, а съ другой—способствуетъ выдѣленію веществъ сдѣлавшихся не нужными, а также регулируетъ температурное отношеніе тѣла. И такъ какъ вода признана необходимой для поддержанія здоровья въ человѣческомъ тѣлѣ, то всякій другой напитокъ, употребляемый въ излишествѣ, приноситъ лишь вредъ здоровью. Вліяніе и значеніе воды при обмѣнѣ тканей состоитъ въ томъ, что она измѣняетъ составныя части крови и усиливаетъ дѣятельность почекъ, легкихъ и кожи.

Знаменитые врачи древности считали воду лучшимъ средствомъ для обмѣна веществъ въ организмѣ. Новѣйшія изслѣдованія доказали, что твердыя составныя части крови увеличиваются послѣ принятія достаточнаго количества воды и что обмѣнъ веществъ уменьшается только въ такомъ случаѣ если воды употребляется въ излишествѣ.

Съ этимъ связано увеличеніе аппетита и образованіе новаго матеріала взамѣнъ израсходованнаго. Сравнивая дѣйствіе водъ минеральныхъ и воды обыкновенной, оно оказывается совершенно одинаковымъ. Результаты, достигаемые обыкновенной водой, именно: увеличеніе обмѣна веществъ, улучшеніе питанія, нормальная дѣятельность нервъ достигаются также водами минеральными. И хотя степень вліянія этихъ послѣднихъ на отдѣльные органы иная, такъ напр. однѣ увеличиваютъ выдѣленія почекъ печени и кожи, другія обусловливаютъ лучшій составъ крови, третьи уменьшаютъ воспаленія отдѣльныхъ органовъ, тѣмъ не менѣе въ общемъ онѣ увеличиваютъ обмѣнъ веществъ, т. е. дѣйствующихъ какъ обыкновенная вода.

Причина этого дѣйствія водъ на обмѣнъ веществъ заключается главнымъ образомъ въ температурѣ и физическихъ свойствахъ воды по отношенію крови, но не въ химическихъ составныхъ частяхъ воды. И если соли минеральныхъ водъ не остаются безъ дѣйствія на обмѣнъ веществъ, то дѣйствіе это въ такой степени незначительно, что имъ нельзя приписать цѣлебныхъ свойствъ, тѣмъ болѣе что часть солей выдѣляется организмомъ безъ перемѣны.

Большая часть людей настоящаго времени, вслѣдствіе сильныхъ утомленій въ обществахъ и при занятіяхъ страдаетъ раздраженіемъ нервной системы, упадкомъ силъ, приливами крови, дряблостью кожи и пр. Ежедневное употребленіе освѣжающей воды устранитъ большую часть этихъ страданій. Люди много сидящіе, лишенные движенія и воздуха неизбѣжно страдаютъ дурнымъ пищевареніемъ и недостаточнымъ обращеніемъ соковъ; все это какъ и многія другія страданія, если и несовсѣмъ устраняются при постоянномъ употребленіи воды, то во многомъ облегчаются.

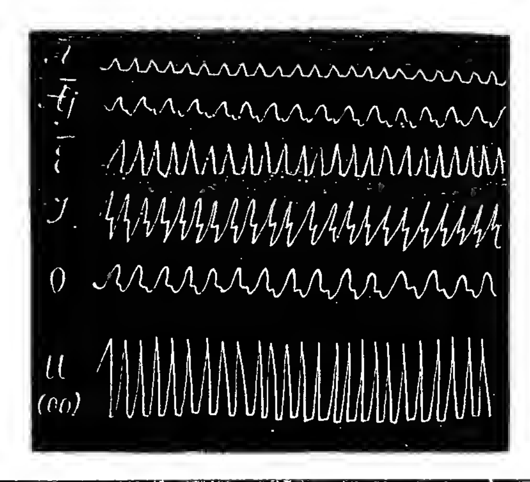
Движеніе народонаселенія во Франціи. Хотя результаты послѣдняго народонаселенія во Франціи обнародованы лишь отчасти, но уже и теперь можно видѣть, что Франція изъ году въ годъ теряетъ свою относительную густоту населенія. Общее число жителей равняется 37 милліонамъ, что со времени счисленія 1876 года показываетъ прирость всего въ 400,000 душъ, слѣдовательно едва 1¼ процентъ. Сравнивая эти 37 милліоновъ съ численностью населенія Германской имперіи (44 милліона), получаемъ перевѣсъ въ 20 процентовъ въ пользу Германіи для численнаго состава дѣйствующей арміи. Италія, при своей на двѣ пятыхъ меньшей территоріи, почти уже достигла численности населенія, равной Франціи; статистическія данныя 1879 года дали 29 милліоновъ жителей и показали относительный прирость въ 1½ милліона въ теченіе 7 лѣтъ. Въ 1880 году опредѣляли срокъ, необходимый для удвоенія населенія Франціи, въ 145 лѣтъ. Нынѣ-же, поданнымъ минувшаго года, періодъ, въ который населеніе удвоится, равняется 493 годамъ, если только никакія несчастія, никакая война на практикѣ не измѣнятъ этого теоретическаго вывода. Уменьшеніе численности населенія во Франціи обусловливается не смертностью. Число смертныхъ случаевъ не представляетъ собою ничего необыкновеннаго: оно не превышаетъ числа смертности, большинства остальныхъ европейскихъ государствъ, только Данія, Скандинавскій полуостровъ и Бельгія находятся въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятномъ положеніи. Причина угрожающаго уменьшенія населенія въ уменьшеніи числа браковъ и рожденій. Въ періодъ 1861 — 1866 гг. число рожденій достигло 2,67 на сто жителей, нынѣ это число равняется еще 2,41 на сто и едва достигаетъ минимума 1871 года, въ которомъ большинство мужскаго пола было отнято отъ домашняго очага. Браковъ изъ года въ годъ все меньше. Съ 1856 по 1860 годъ вступали въ бракъ 82 изъ 10,000, въ 1870 году только 60, а при совершенно нормальныхъ отношеніяхъ истекшаго года считается только 74 законныхъ брака на 10,000 жителей. Уменьшеніе браковъ слѣдуетъ-ли приписать недостатку молодыхъ людей, обусловленному войною семидесятаго года? Большинство выставленныхъ противъ Германіи войскъ состояло изъ людей отъ двадцати пяти до тридцати пяти лѣтъ, которые въ 1870 году не могли вступить въ бракъ. Масса рабочаго населенія въ большихъ французскихъ городахъ, имѣющая рѣшающее значеніе для окончательныхъ выводовъ обнаруживаетъ все болѣе, оказываетъ нерасположеніе къ законному браку. Число внѣбрачныхъ рожденій уменьшилось, но нельзя объяснять этотъ фактъ подъемомъ нравственности. Меньшее число внѣбрачныхъ рожденій служитъ скорѣе доказательствомъ учащающихся случаевъ безплодія и тайныхъ преступленій. Въ то время какъ мы ревностно хлопочемъ создать новый законъ для обороны страны, застой и убыль нашего населенія дѣлаетъ все большіе успѣхи и подрываетъ основы нашего могущества. А власть имущіе во Франціи повидимому не заботятся о поднятіи воспитанія и нравственности въ странѣ, хотя эти заботы имѣютъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ вся болтовня современныхъ политикановъ.

Разводъ у Китайцевъ очень легокъ, и допускается по многимъ поводамъ; такъ напримѣръ если жена оскорбитъ родителей мужа, или если она ревнива. Ревность Китайцами считается предосудительною. Разводъ только тогда невозможенъ, если жена существовала до замужества на свои средства или же если мужъ былъ бѣденъ и разбогатѣлъ посредствомъ женитьбы. Конфуцій говоритъ: „Мужъ—уподобляется солнцу, а жена—лунѣ; блескъ, которымъ обладаетъ жена, она получаетъ отъ мужа." Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, разводъ допускается даже безъ вѣдома супруговъ, именно когда ссоры ихъ надоѣдаютъ сосѣдямъ.

Древнѣйшая библіотека для чтенія. Хотя древній міръ имѣлъ общественныя библіотеки, которыми пользовались ученые и покровители наукъ, но ни у Римлянъ, ни у Грековъ не было библіотекъ для отдачи книгъ на домъ, а между тѣмъ у Китайцевъ учрежденіе это существовало уже въ 1500 году. Китайскія библіотеки для чтенія очень схожи съ нашими именно въ томъ, что хотя научныя сочиненія собраны тамъ въ большомъ числѣ, публика однако большею частью интересуется романами и новеллами. Но сыны Небесной Имперіи еще оборотливѣе, чѣмъ библіотекари Европы: у Китайцевъ существуютъ странствующія библіотеки, что способствуетъ развитію народа даже въ отдаленнѣйшихъ деревняхъ. Разнощики ходятъ по опредѣленной мѣстности, даютъ новыя книги и забираютъ старыя и такимъ образомъ ведутъ дѣло въ продолженіи многихъ лѣтъ.

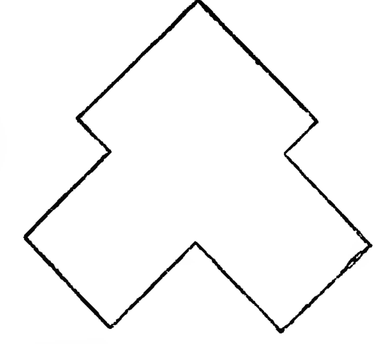
Графическія изображенія при посредствѣ телефона.

При передачѣ звуковыхъ комбинацій съ помощью телефона, Бемке пришла счастливая мысль каждый такой звукъ изобразить графически и такимъ образомъ создать особую телефонную азбуку. Эту то азбуку смѣтливый американецъ задумалъ приложить къ обученію глухонѣмыхъ. Извѣстно, говорить онъ, что глухонѣмые нѣмы только потому, что они глухи, но что въ ихъ голосовой системѣ нѣтъ никакихъ аномалій, которыя мѣшали бы имъ говорить. Слѣдовательно, если сдѣлать для нихъ видимыми произносимыя слова, изъяснить имъ процессъ голосовыхъ движеній при произношеніи каждаго наглядно изображеннаго членораздѣльнаго звука, то ихъ можно легко научить пользоваться своимъ голосомъ. Дѣйствительно опыты такаго обученія производимые Бемке въ бостонской школѣ глухонѣмыхъ, дали удовлетворительные результаты. При этомъ графическія изображенія каждаго звука получились съ помощью особаго рѣзца, состоявшаго изъ деревянной, заостренной на концѣ, спицы, прикрѣпленной къ сотрясающейся перепонкѣ фонавтографа и оставлявшей на закопченной поверхности стеклянной пластинки ясные и отчетливые слѣды ея колебаній. Каждое сочетаніе звука изображалось здѣсь особой волнообразной линіей, отличающейся какъ формой штриха такъ и его изгибами. Нѣкоторыя такія сочетанія звуковъ, полученныя графически на пластинкѣ и представлены на прилагаемомъ нами рисункѣ, дающемъ достаточное понятіе объ этой любопытной и оригинальной азбукѣ.



Геометрическая задача № 51.

Данную фигуру разрѣзать нѣсколькими линіями такъ, чтобы можно было бы составить квадратъ.

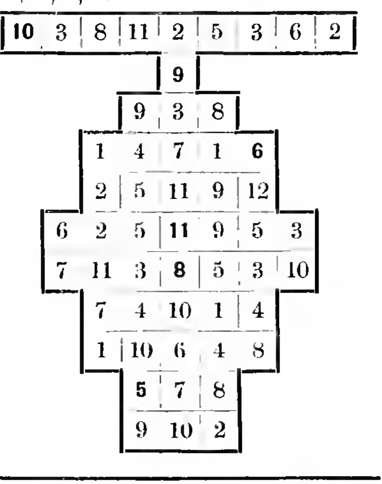


Задача буквъ № 52.

Изъ данныхъ 53 буквъ составить 12 словъ и затѣмъ буквы этихъ словъ, соотвѣтственно цифрамъ, размѣстить въ клѣткахъ прилагаемой фигуры такимъ образомъ, чтобы составилась фамилія извѣстнаго композитора и названія его пяти извѣстныхъ оперъ, при чемъ цифры, напечатанныя болѣе крупнымъ шрифтомъ, соотвѣтствуютъ начальнымъ буквамъ фамиліи и названія каждой оперы.

а, а, а, а. б. б. в, г, г, д, д, е, е, е, е, е, и, и, й, к. к, к, л. м, п, п, н, о. о, о, о, о, о, п, р, р, р, р, р, р, р, р, т, т, у, ф. ъ, ъ, ъ, ъ, ы, ь, я.

1) Плодъ.
2) Бальная одежда.
3) Граница воднаго пространства.
4) Строительный матеріалъ.
5) Принадлежность мужчинъ.
6) Убѣжище животныхъ.
7) Одна изъ партій въ Англіи.
8) Рѣка.
9) Извѣстный русскій генералъ.
10) Городъ въ средней Азіи.
11) Военная фуражка.
12) Союзъ.



1-й заемъ 1864 года. 35-й тиражъ 1-го Іюля 1882 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
22	43	500	3096	1	500	5344	43	500	7703	46	500	10220	5	500	13079	20	500	15574	10	500	17739	43	500
81	34	500	3270	2	5900	5509	14	500	7771	50	500	10292	23	10000	13243	6	500	15601	5	500	17777	4	5000
87	17	500	3300	17	500	5570	21	200000	7880	1	500	10473	46	500	13342	31	500	15646	10	500	17846	32	1000
130	26	500	3342	45	500	5592	40	500	7911	11	500	10690	1	1000	13366	23	500	15665	2	500	17920	16	500
258	32	500	3359	48	500	5608	8	1000	7917	5	500	10759	34	500	13455	11	500	15712	48	500	18072	3	500
295	37	500	3367	44	500	5680	49	500	7951	38	500	10782	19	500	13489	41	8000	15826	39	500	18082	24	500
544	9	500	3372	21	500	5686	27	500	7962	5	500	10800	50	500.	13558	45	500	15876	36	500	18135	9	500
563	17	500	3568	46	500	5716	38	500	7969	23	1000	10827	23	1000	13584	[illegible]	500	15972	12	1000	18138	35	500
652	41	1000	3711	11	500	5774	14	8000	8008	38	500	10983	1	500	13648	21	10000	15990	34	500	18184	36	500
769	48	500	3796	31	500	5806	50	500	8127	19	500	11014	48	500	13824	32	500	15999	14	500	18261	36	500
786	9	8000	3886	36	500	5858	10	500	8170	50	500	11400	7	500	13846	22	500	16009	16	10000	18409	10	500
857	46	1000	3961	9	500	5873	34	500	8382	22	500	11407	47	500	13879	22	500	16063	39	5000	18594	23	500
1070	25	500	3961	30	500	5985	29	500	8464	32	500	11523	42	500	13990	16	500	16194	8	500	18616	35	500
1105	1	1000	4025	38	5000	6025	11	500	8499	40	500	11583	1	500	13995	16	500	16223	10	500	18652	13	500
1217	7	500	4059	8	500	6132	6	500	8558	27	8000	11605	50	500	14028	47	500	16225	24	500	18728	47	500
1246	39	500	4125	31	1000	6174	1	1000	8584	21	500	11744	24	5000	14035	23	500	16236	33	500	18731	46	500
1357	27	500	4156	26	500	6175	24	500	8658	38	500	11746	19	500	14056	40	500	16295	34	500	18752	7	500
1359	43	5000	4254	13	500	6270	45	500	8662	34	500	11781	23	1000	14064	31	500	16547	33	500	18802	36	500
1404	13	500	4279	48	500	6373	42	500	8684	42	500	11814	37	500	14101	16	500	16644	45	500	18867	38	500
1515	23	500	4309	50	500	6381	27	500	8736	19	500	11893	25	500	14160	28	500	16662	12	500	18876	35	500
1541	30	500	4318	23	500	6418	37	500	8783	3	500	11921	16	500	14219	38	500	16740	44	500	18786	30	500
1617	37	500	4361	18	500	6446	18	500	8821	4	500	11956	8	500	14269	48	500	16841	18	5000	18923	39	500
1654	39	500	4423	11	500	6465	8	500	8864	32	500	11961	17	500	14492	18	500	16945	5	500	19190	22	500
1658	23	500	4421	48	500	6506	17	500	9040	1	500	12048	7	500	14507	24	500	17028	39	500	19231	14	500
1766	46	500	4446	2	500	6667	39	500	9150	6	500	12161	10	1000	14578	3	500	17036	8	500	19242	12	500
1913	10	500	4694	33	1000	6806	44	500	9218	17	500	12198	33	500	14615	18	500	17130	15	500	19338	13	500
2226	1	500	4659	4	500	6815	49	500	9294	25	25000	12209	27	500	14725	40	500	17143	21	500	19382	3	500
2305	39	500	4684	37	500	6857	24	500	9295	36	500	12304	43	500	14950	11	500	17144	5	500	19456	50	500
2407	29	500	4880	10	500	7032	22	500	9425	25	8000	12327	49	75000	15005	22	500	17193	45	1000	19584	36	500
2489	27	500	5014	39	1000	7088	4	1000	9588	49	40000	12373	38	500	15190	38	500	17266	37	500	19598	46	500
2552	83	500	5029	37	500	7171	20	500	9645	9	500	12461	8	500	15227	36	500	17295	24	1000	19631	6	500
2569	49	5000	5103	15	1000	7186	8	500	9678	34	500	12471	5	500	15229	32	500	17410	35	500	19645	29	500
2641	6	500	5184	43	500	7353	34	500	9689	29	500	12585	17	500	15827	2	500	17449	16	500	19701	29	500
2930	41	500	5229	20	500	7394	16	500	9974	23	500	12613	37	500	15858	37	500	17539	31	1000	19708	43	500
2952	17	500	5234	37	500	7429	38	500	10095	33	500	12788	45	500	15514	24	500	17568	38	500	19741	32	500
2955	29	500	5294	13	500	7608	21	500	10131	10	500	13020	22	500	15527	21	503	17702	24	500	19807	37	500
2956	5	500	5465	6	500	7694	49	500	10167	41	500	13053	23	500	15549	36	500	17709	27	500	19999	45	500
2977	24	500	5313	29	500	7697	18	500	10198	25	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ.

1254, 2266, 2289. 2574, 3010. 3263. 3651, 3684. 3855, 4452, 4540. 4902, 4994, 5086, 5434, 5603, 5899, 5923, 6346, 7028, 7167, 7408, 7585, 8580, 8649. 9038, 9415, 9619, 9683, 9804, 9935, 10017. 10130, 10231. 10395, 10940, 10955. 12559, 12896, 13144, 13514, 13558, 14002, 14087, 14414, 14663, 14944, 15533, 15891. 16146, 16199, 16508, 16540, 16676. 17253, 17312, 17509, 17529, 17622, 18148, 18199, 18287, 18309, 18350, 18994, 19046, 19085, 19104, 19282, 19790.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ПРИНИМАЮТЪ НА СЕБЯ ПОКРЫТІЕ И КРАСКУ ТОЛЕВЫХЪ КРЫШЪ.
ОСНОВАНЪ ВЪ 1869 Г.
СКЛАДЪ ФАБРИКИ
АВГУСТА НАУМАНА и Ко.
ШВЕДСКІЙ КАРДОНЪ.
КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ.
АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ ЛАКЪ.
№ 20. ГОРОХОВАЯ
ШВЕДСКІЙ КАРТОНЪ
АВГУСТЪ НАУМАНЪ и Ко.
АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ.
А. НАУМАНУ
1870
1872 ГОДА
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ И ВСѢ СВѢДѢНІЯ ВЫДАЮТСЯ И ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПУНШЕВАЯ
КАРАМЕЛЬ
ЖОРЖЪ БОРМАНЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
НЕВСКІЙ ПР. 21.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 17 Іюля 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Профессоръ В. Г. Перовъ.

Всѣмъ любителямъ искусства конечно памятно то сильное впечатлѣніе, которое было произведено на выставкѣ 1870 года картиною „Птицеловъ" и затѣмъ въ 1871 году „Рыболовъ" и „Охотники на привалѣ". Картины эти принадлежали одному изъ крупнѣйшихъ русскихъ художниковъ-реалистовъ В. Г. Перову. Съ глубокою правдою и жизненностью былъ имъ изображенъ этотъ зеленый укромный уголокъ лѣса, гдѣ въ затишьи кустовъ, раннимъ утромъ пріютился птицеловъ со своимъ сынкомъ и оба тревожно, съ затаеннымъ дыханіемъ, высматриваютъ, подзывая дудочкою перепеловъ. Въ самой ихъ позѣ, напряженномъ выраженіи лицъ видно ясно первое вниманіе и оживленіе ловцовъ. Не менѣе удачна и картина „Охотники на привалѣ". Она просто „говоритъ". Этотъ разсказывающій невозможные случаи страстный охотникъ, возбуждающій недовѣрчивую улыбку окружающихъ—такой яркій, типичный и талантливо исполненный типъ, что не можетъ быть забытъ тѣмъ кто хоть разъ видѣлъ его. Русское искусство лишилось автора этихъ картинъ—потеря большая. В. Г. Перовъ скончался отъ чахотки 29 мая на дачѣ у П. М. Третьякова, извѣстнаго собственника „Русской галлереи".

Профессоръ В. Г. Перовъ. † 29 Мая с. г.
Съ фотогр. грав Ю. Барановскій.

Василій Григорьевичъ Перовъ родился въ Тобольскѣ въ 1834 году и, переѣхавъ въ Москву, первоначальное художественное воспитаніе получилъ въ тамошнемъ „Училищѣ живописи и ваянія". Въ 1856 г. ему была присуждена вторая серебряная медаль за этюдъ „Головка мальчика" а затѣмъ появилась и его картина „Пріѣздъ становаго на слѣдствіе", за которую дана ему 1-я серебряная медаль; тутъ же опредѣлился и характеръ его таланта, наклонный, какъ къ сожалѣнію и у многихъ даровитыхъ у насъ жанристовъ вообще, болѣе къ изображенію темныхъ и дурныхъ сторонъ нашей жизни, что особенно выразилось въ его картинахъ „Сельскій крестный ходъ" и „Проповѣдь на селѣ", изъ которыхъ первая, помнится, не могла даже быть допущена на выставку.

За прекрасную картину „Сынъ дьячка, произведенный въ первый чинъ“, писанную въ 1860 году и отличающуюся довольно добродушнымъ юморомъ, В. Г. получилъ отъ Академіи первую золотую медаль и право ѣхать на казенный счетъ заграницу. Тамъ, совсѣмъ миновавъ Италію и осмотрѣвъ лишь мимоѣздомъ галлереи Дрездена, Берлина и Дюссельдорфа, В. Г. на все время своего пенсіонерства поселился въ Парижѣ, какъ центрѣ новаго „не классическаго“ искусства. Въ 1864 г. художникъ, ранѣе положеннаго ему срока, возвратился изъ за границы и поселившись навсегда въ Москвѣ предался съ увлеченіемъ работѣ. Онъ ѣздилъ по деревнямъ, былъ въ Нижнемъ, изучая типы и сцены. Онъ было началъ изъ жизни духовенства и монашества большую картину а также сдѣлалъ много рисунковъ и картинъ, но такъ какъ онѣ вѣроятно были все въ томъ же отрицательномъ духѣ то, естественно, быть можетъ поэтому мы не могли съ ними знакомиться на выставкахъ. Первую премію отъ Петербургскаго Общ. Поощр. Худ. получилъ В. Г. за мрачную картину „Проводы покойника,“ сюжетъ которой взятъ изъ немнѣе мрачной поэмы Некрасова „Морозъ-красный носъ.“ За картины же „Ученики-мастеровые“ и „Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ“ дано было В. Г. званіе академика.

Съ 1867 г. на академическихъ выставкахъ постоянно мы видимъ произведенія В. Г.—это время наибольшей, самой оживленной его дѣятельности. Сюда относятся: „Учитель рисованія,“ „Утопленница,“ „Послѣдній кабакъ“ и друг. и нѣсколько портретовъ. Въ 1870 году выставленъ былъ его „Птицеловъ,“ о которомъ мы выше говорили, а въ 1871 г. на первой выставкѣ „Товарищества передвижныхъ выставокъ“ „Рыболовъ“ и „Охотники на привалѣ,“ картины дѣйствительно превосходныя, полныя правды и выразительности. Затѣмъ мы назовемъ еще прекрасные портреты А. Н. Майкова, Даля, Тургенева, Достоевскаго и друг. картины „Ботаникъ“ и „Голубятникъ“ и неудавшуюся картину „Пластуны въ засадѣ.“ Съ 1875 г. перестали появляться его картины. Онъ началъ изучать историческіе сюжеты и въ эти же годы у него стала быстро развиваться чахотка. Но онъ задумалъ и выполнилъ, хотя не окончилъ, большую историческую картину изъ временъ стрѣлецкаго бунта („Никита Пустосвятъ“) которую можно видѣть теперь въ первомъ художественномъ отдѣлѣ Московской Всероссійской выставки. Картину эту признаютъ неудачною даже самые горячіе поклонники таланта покойнаго. Она писана сухо, фигура правительницы Софьи совершенно восковая, не говоря про неудачный выборъ сюжета, съ которымъ художникъ не справился—это былъ не его родъ—и талантъ его, конечно и подъ вліяніемъ болѣзни, упадалъ замѣтно.

Почитатели дарованія покойнаго предполагаютъ въ Москвѣ, тотчасъ послѣ промышленно-художественной выставки, сдѣлать выставку „Перовскую“, собравъ сюда изъ частныхъ и публичныхъ галлерей, всѣ его произведенія. Кромѣ того въ скоромъ времени, говорятъ, появится подробная біографія и переписка покойнаго профессора, рисующая своеобразную и характерную его личность.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

— Положимъ такъ, сказалъ Сергѣй, я согласенъ съ вами, что я человѣкъ не практическій, но не злоупотребляйте этимъ моимъ признаніемъ. Теорія имѣетъ соприкосновеніе съ практикой, и разумная теорія, рано или поздно, принимается на практикѣ. И повѣрьте мнѣ, Федоръ Васильевичъ—голосъ Сергѣя поднялся и дрогнулъ—повѣрьте мнѣ, что придетъ время, и у насъ на Руси когда нибудь все то, о чемъ я теперь мечтаю, то, что вы называете моей западной отравой, моимъ вольтерьянствомъ, перейдетъ въ дѣйствительность. Наши крестьяне, крѣпостные наши будутъ освобождены и совершится это безъ всякихъ ужасовъ. Вытечетъ это изъ общаго сознанія, которое окажется заодно съ самодержавною волею русскаго монарха.

— Что-же это, вы пророчествуете?

— Да, я пророчествую, потому что твердо вѣрю въ свое пророчество!

— Когда-же это должно совершиться по вашему мнѣнію? въ скоромъ времени?

— Не знаю, это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, которыя уяснить себѣ заранѣе невозможно. Это могло-бы совершиться очень скоро, могло-бы совершиться даже теперь и я былъ-бы самымъ счастливѣйшимъ человѣкомъ, если-бы такой актъ высочайшей справедливости былъ совершенъ императоромъ Павломъ.

— Это немыслимо, и хотя онъ самъ мечтатель не хуже васъ, но до такихъ мечтаній никогда не можетъ дойти, потому что онъ отлично понимаетъ, что для него первая попытка осуществить такое мечтаніе будетъ гибельна. Кто его поддержитъ, вы?

Они оба замолчали. Ростопчинъ думалъ:

— Вѣкъ живи, вѣкъ учись. Я полагалъ что понялъ его и опредѣлялъ вѣрно, и вдругъ такое открытіе. Да вѣдь это помѣшательство, онъ бредитъ. Однако нужно предупредить его, какъ-бы онъ этимъ бредомъ не сломилъ себѣ голову.

— Сергѣй Борисычъ, сказалъ онъ, вы никогда не говорили съ государемъ объ этомъ предметѣ?

— Не высказывалъ своихъ мыслей до сихъ поръ, не приходилось.

— Такъ я изъ искренняго расположенія къ вамъ долженъ просить васъ: ради Создателя, и впредь ничего подобнаго ему не говорите.

— Отчего? я всегда бываю съ нимъ откровененъ.

— Все до извѣстной степени. Если бы онъ присутствовалъ при теперешнемъ нашемъ разговорѣ, вы были бы погибшимъ человѣкомъ. Ахъ какъ это досадно, какъ это обидно, продолжалъ онъ раздраженно шагая по комнатѣ. Тутъ столько дѣла насущнаго, живаго дѣла, все, къ чему ни прикоснешься, требуетъ работы, нужны такъ честные хорошіе люди, а эти честные хорошіе люди мечтаютъ, фантазируютъ, носятся въ эмпиреяхъ, знать не хотятъ дѣйствительности!..

— Неужели вы когда нибудь расчитывали и полагали мнѣ найти работу? улыбаясь перебилъ его Сергѣй. Я самъ давно записалъ себя неспособнымъ, сдѣлайте это и вы, если еще не сдѣлали. Я хорошо знаю, что работы много, я знаю что вы работаете и будете работать, но представьте себѣ мое безуміе, или глупость, назовите какъ хотите,—я плохо что-то вѣрю въ результаты вашей работы, какъ бы добросовѣстна она ни была. Все это то, что въ медицинѣ называютъ „паліативы.“ Вы ходите по поверхности, вы заботитесь о листьяхъ, а до корней вамъ нѣтъ дѣла. Да и съ листьями что вы дѣлаете?! Скажите мнѣ откровенно, чѣмъ вы теперь заняты, Өедоръ Васильевичъ?

— Ахъ, Боже мой, чѣмъ я теперь занятъ! горячо и внезапно забывъ весь предшествовавшій разговоръ, воскликнулъ Ростопчинъ.—чѣмъ я занятъ!? Представьте себѣ, государь упорно продолжаетъ вѣрить въ мое знаніе военнаго дѣла, мнѣ поручено составить новый уставъ для русской арміи, конечно на основаніи прусскаго устава.

— И вы взяли на себя эту работу?

— Что же иное могъ я сдѣлать?

— Но вѣдь вы сами говорили мнѣ что не чувствуете склонности къ военному дѣлу и не имѣете хорошей подготовки.

— Поэтому я не намѣренъ на себя полагаться. Я, такъ сказать, буду только редактировать уставъ. Глав-

ную работу сдѣлаютъ болѣе чѣмъ я опытные люди въ этомъ дѣлѣ. Я вообще надѣюсь заняться въ скоромъ времени тѣмъ, что меня интересуетъ больше и въ чемъ я больше понимаю. А сразу отказываться отъ назначенной мнѣ государемъ работы не имѣю возможности.

Сергѣй укоризненно покачалъ головой.

— Вотъ къ чему приводитъ ваша практичность и лучше не будемъ больше говорить объ этомъ, не то еще пожалуй поссоримся.

— Я съ вами никогда не поссорюсь, Сергѣй Борисычъ, сказалъ Ростопчинъ.

Онъ почувствовалъ неловкость своего положенія, почувствовалъ что проговорился и что во всякомъ случаѣ не онъ остался побѣдителемъ въ ихъ спорѣ, а этотъ непрактичный мечтатель, котораго онъ только что мысленно называлъ помѣшаннымъ. Онъ радъ былъ перевести разговоръ на иную тему.

— А вѣдь я собственно къ вамъ за дѣломъ, по порученію государя, но прежде чѣмъ скажу вамъ объ этомъ порученіи, нужно приступить къ нѣкоторымъ разъясненіямъ. Все дѣло въ одномъ изъ вашихъ большихъ пріятелей, даже такъ сказать въ самомъ лучшемъ вашемъ другѣ.

— О комъ вы говорите?

— О свѣтлѣйшемъ князѣ Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ.

— А, извините, я и такъ долженъ былъ догадаться.

— Ну такъ вотъ видите, Платонъ Александровичъ пользуется большими милостями государя.

— Я это знаю, и не изумляюсь нисколько. Я еще сегодня утромъ говорилъ объ этомъ съ моей невѣстой и мы восхищались образомъ дѣйствій государя.

— Восхищаться можно, улыбаясь протянулъ Ростопчинъ, но все же тутъ есть кое что совсѣмъ для меня непонятное. Съ этимъ господиномъ черезчуръ уже церемонятся.

— Изъ нѣкоторыхъ словъ я могу заключить, что тутъ дѣйствуютъ дѣйствительно христіанскія чувства.

— Но оказывается, что отъ нѣкоторыхъ христіанскихъ чувствъ тѣмъ, на которыхъ онѣ обращены, бываетъ не совсѣмъ пріятно.

— Еслибъ я не зналъ хорошо государя, я подумалъ бы, что онъ играетъ съ Зубовымъ какъ кошка съ мышью. Покрайней мѣрѣ, свѣтлѣйшій князь долженъ пройти черезъ всѣ ощущенія мыши.

— И проходитъ. Скажите пожалуйста, слышали вы, что государь купилъ на Морской домъ?

— Да, я знаю это и знаю этотъ домъ, онъ великолѣпенъ.

— Посмотрѣли бы вы какъ въ нѣсколько дней его отдѣлали! совершенно какъ дворецъ, роскошь удивительная. Кромѣ того домъ снабженъ великолѣпной посудой, золотымъ столовымъ приборомъ, серебромъ въ огромномъ количествѣ. Лошади, экипажи. Нанятъ цѣлый штатъ прислуги. Для многихъ, и въ особенности для придворныхъ дамъ, это обстоятельство являлось большой загадкой. Любопытство ихъ не давало имъ ни минуты спокойствія. Кому предназначенъ этотъ домъ? Кто будетъ жить въ немъ? И представьте себѣ, вчера загадка разъяснилась. Платонъ Александровичъ все это время находится въ домѣ у сестры своей и вотъ вчера государь посылаетъ къ нему Котлубицкаго, сказать, что даритъ ему домъ на Морской, проситъ его немедленно же въ него переѣхать и что сегодня вечеромъ, съ нѣкоторыми изъ близкихъ къ нему людей, будетъ у него пить чай на новосельѣ.

— Неужели?! изумленно проговорилъ Сергѣй.

— Да, и согласитесь что это ужъ черезчуръ. Но какъ бы то ни было, въ числѣ приглашенныхъ сопровождать государя и государыню на вечерній чай къ свѣтлѣйшему князю, находитесь и вы. Государь приказалъ мнѣ извѣстить васъ объ этомъ. Вы должны явиться въ Зимній дворецъ къ шести часамъ.

Подобное приглашеніе было очень непріятно для Сергѣя, но отказываться не было возможности.

— Не замедлю исполнить приказаніе государя, сказалъ онъ.

— А за симъ, проговорилъ Ростопчинъ, вставая и взглянувъ на часы, до пріятнаго свиданія. Охъ какъ я у васъ засидѣлся!..

Оставшись одинъ Сергѣй задумался. Въ мысляхъ и сердцѣ у него было какъ то смутно. Ему вдругъ захотѣлось подальше отъ всего и ото всѣхъ. Захотѣлось вмѣстѣ съ Таней въ тишину и уединеніе такъ давно позабытаго имъ Горбатовскаго.

XV.

Сюрпризъ.

Въ шесть часовъ Сергѣй былъ во дворцѣ. Его провели къ государю, который встрѣтилъ его съ довольнымъ видомъ.

— Акуратенъ, за это спасибо. Но на этотъ разъ я долженъ задержать немного. Меня почти съ полудня дожидается депутація купцовъ и я до сей минуты не могъ принять ее. Пойдемъ, любопытно, что будутъ говорить эти господа. Мнѣ, признаться, очень хотѣлось бы какъ нибудь ихъ усовѣстить. Вѣдь это ужасъ, что такое они себѣ позволяютъ. Впрочемъ ты, я полагаю, ничего не знаешь, ты не считаешь своихъ денегъ. Знаешь ли ты, что бѣднымъ людямъ скоро жить нельзя будетъ въ Петербургѣ, что цѣны на съѣстные припасы поднимаются самымъ безобразнымъ образомъ?!

— Можетъ быть я и не считаю своихъ денегъ, ваше величество, но обстоятельство поднятія цѣнъ мнѣ очень хорошо извѣстно. Объ этомъ говорятъ всѣ и я полагаю, что необходимо найти какой нибудь выходъ.

— Полагаю и я, сказалъ государь. До сихъ поръ на это не было обращаемо никакого вниманія. Богатымъ все равно, а жалобы бѣдныхъ людей замираютъ въ воздухѣ. Пойдемъ.

Но прежде чѣмъ выйти изъ комнаты, онъ выпилъ стаканъ воды и повидимому дѣлалъ надъ собою усиліе чтобы успокоиться.

— Нужно попробовать подѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ, прошепталъ онъ.

Въ одной изъ залъ дворца дожидалась депутація съ хлѣбомъ и солью на огромномъ золотомъ блюдѣ. Нѣсколько человѣкъ купцовъ, всѣ какъ на подборъ, съ важнымъ и степеннымъ видомъ, благообразные собою, почти земно поклонились государю, поздравляя его съ восшествіемъ на прародительскій престолъ и прося его принять хлѣбъ-соль.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Павелъ Петровичъ, ласково къ нимъ обращаясь.

И затѣмъ, подходя отъ одного къ другому спрашивалъ каждаго объ его имени и фамиліи и объ его торговлѣ.

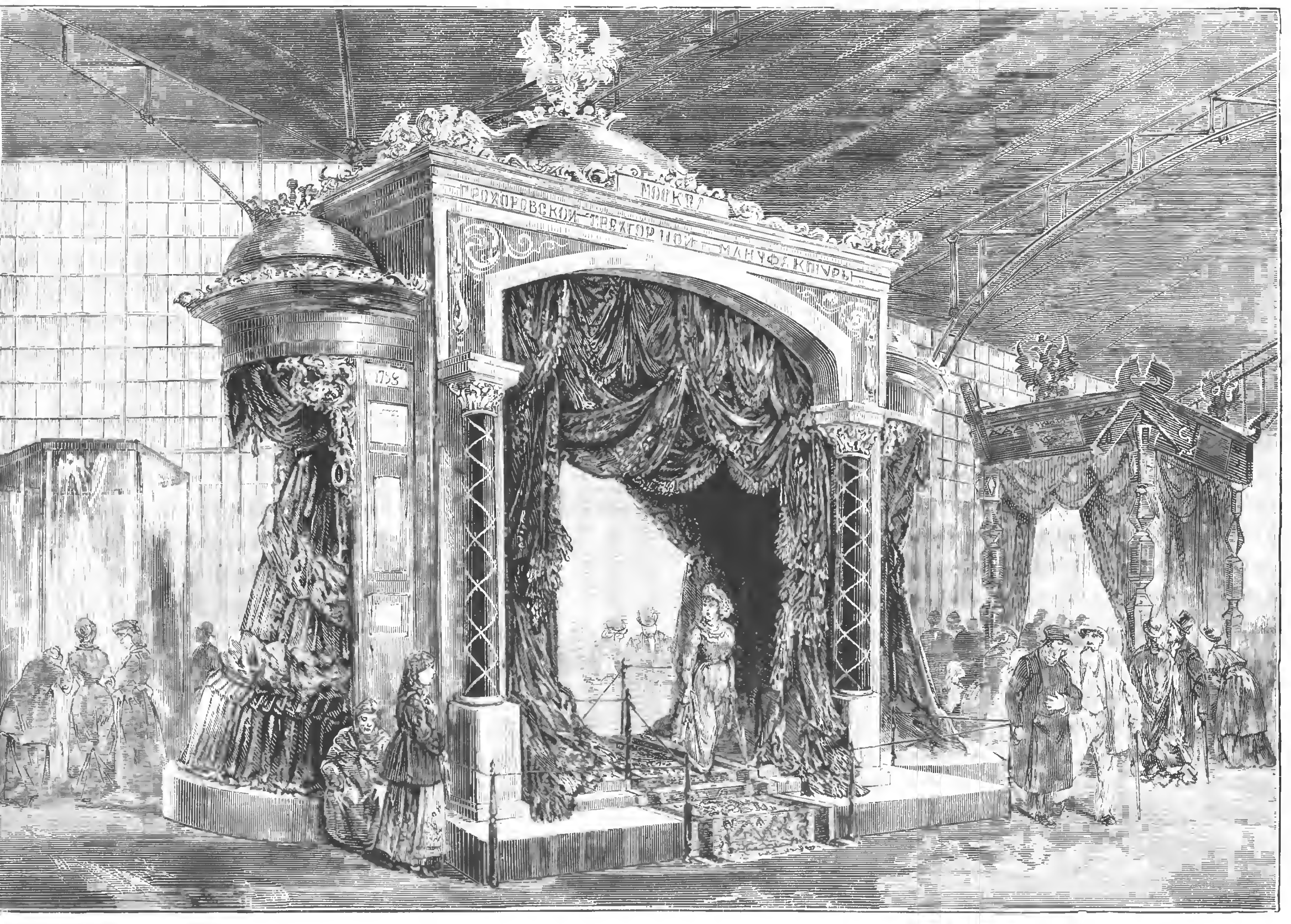
Разспросивъ всѣхъ, и нѣсколько отойдя, онъ проговорилъ еще разъ.

— Благодарю васъ, мнѣ очень пріятно васъ видѣть. Одно только непріятно, это то, что вы меня не любите.

Купцы совершенно растерялись, вздрогнули. Съ изумленіемъ и почти съ ужасомъ глядѣли на государя.

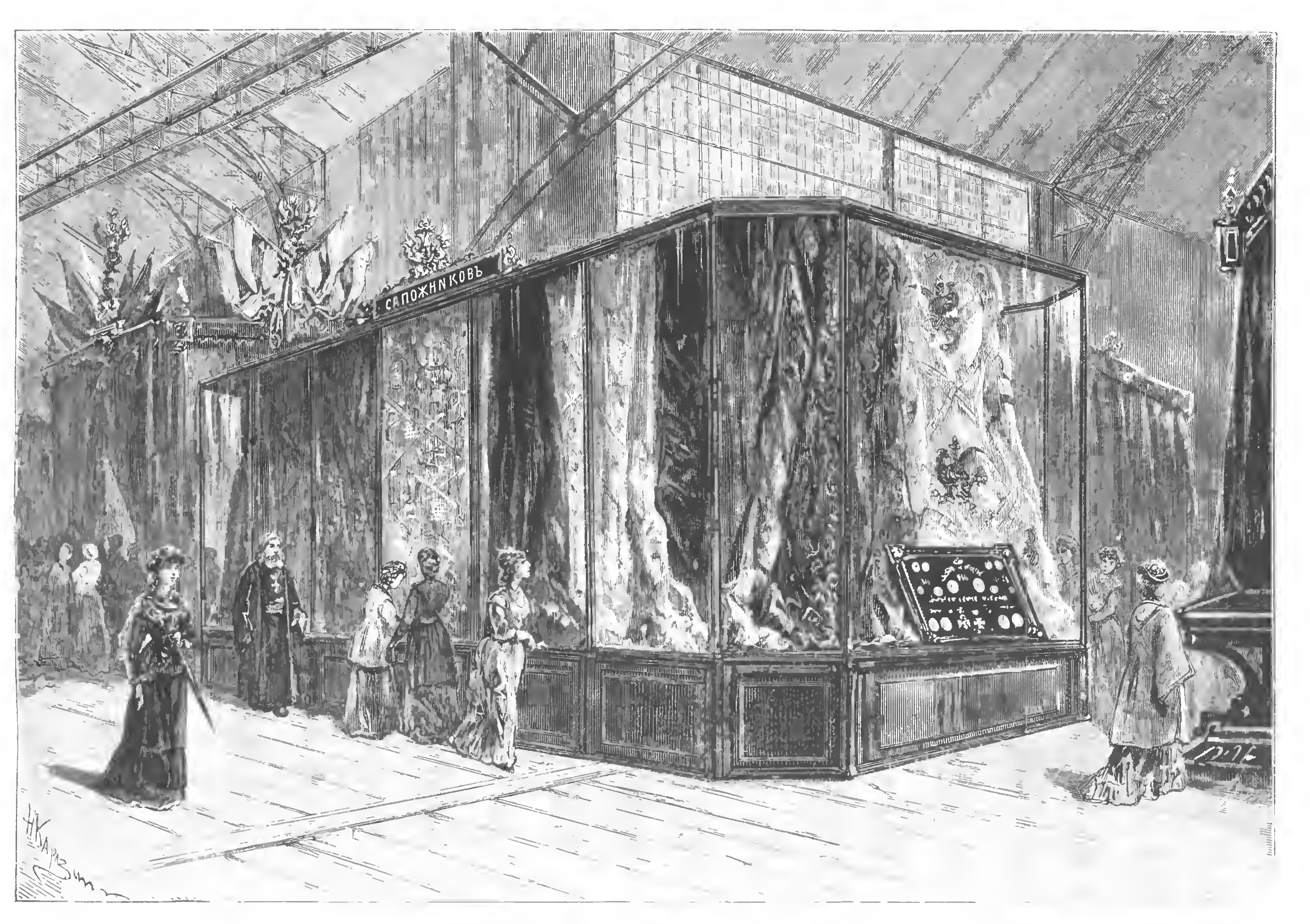
Нѣсколько мгновеній продолжалось молчаніе. Наконецъ одинъ изъ нихъ вышелъ впередъ и прерывающимся голосомъ проговорилъ:

— Ваше императорское величество, слова ваши поразили насъ и не можемъ мы придти въ себя отъ горести, и не можемъ понять чѣмъ мы провинились. Какъ передъ истиннымъ Богомъ можемъ засвидѣтельствовать, что привержены мы къ вашему императорскому величеству самою искреннею и вѣрноподданическою любовью. Да и какъ можетъ быть иначе. Мы вѣдь крещеные русскіе люди. Кого-же намъ и любить какъ не царя нашего-батюшку.



Московск. Промышл. худож. Выставка. Мануфактурный отдѣлъ. Павильонъ Прохоровской Мануфактуры.

Оригин. рисун. нашего спеціальнаго корреспондента Н. Каразина. грав. М. Рашевскій.



Московская Промышл.-худож. Выставка. Мануфактурный отдѣлъ. Витрина Сапожникова.
Ориг. рисун. нашего специальнаго корреспондента Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Государь выслушалъ, покачалъ головой.

— Нѣтъ, не правду вы говорите. Я очень хорошо знаю, что вы меня не любите.

Опять нѣсколько мгновеній продолжалось молчаніе.

Купцы, совсѣмъ перепуганные и смущенные, переглядывались и тихонько подталкивали того, который говорилъ съ государемъ. Но тотъ молчалъ, не находя словъ.

Наконецъ выискался одинъ изъ членовъ депутаціи и проговорилъ:

— Почему бы мы были такъ несчастны, что ваше императорское величество заключаете объ насъ столь невыгодно?

— А вотъ я вамъ сейчасъ же и изъясню сіе, сказалъ государь. Я заключаю о любви каждаго ко мнѣ по любви его къ моимъ подданнымъ, и думаю такъ, что когда кто не любитъ моихъ подданныхъ, тотъ не любитъ въ лицѣ ихъ и меня. А вы-то и не любите ихъ, не имѣете къ нимъ ни малѣйшаго человѣколюбія. Вы стараетесь во всемъ и всячески ихъ обманывать. Вы продаете имъ всѣ ваши товары беря съ нихъ неумѣренно высокую цѣну. Отягощаете ихъ всячески, нерѣдко безсовѣстнѣйшимъ образомъ и нерѣдко вынуждаете ихъ платить за товаръ двойную и тройную цѣну. Доказываетъ-ли все сіе вашу любовь къ нимъ? Нѣтъ, вы ихъ не любите, а не любите ихъ—не любите и меня, потому что я пекусь о нихъ какъ о дѣтяхъ своихъ.

Купцы молчали какъ убитые. Сергѣй радостно глядѣлъ на государя.

— Такъ-то, друзья мои, вдругъ сказалъ Павелъ Петровичъ. Ежели вы хотите, чтобы я былъ увѣренъ въ вашей любви ко мнѣ, то любите моихъ подданныхъ и будьте къ нимъ человѣколюбивѣе, совѣстнѣе, честнѣе и снисходительнѣе, и лишнее все оставьте и удовольствуйтесь во всемъ умѣренными себѣ прибытками. Однимъ этимъ докажете мнѣ любовь свою и заслужите отъ меня благоволеніе. Такъ-то, друзья мои, и не забывайте этихъ словъ моихъ!

Онъ ласково поклонился купцамъ и, кивнувъ Сергѣю чтобы тотъ за нимъ слѣдовалъ, вышелъ изъ залы.

— Ну, слава Богу, сказалъ онъ, обошлось благополучно. А ужъ я боялся за себя. Очень они ужъ меня разсердили.

— Ваше величество, горячо сказалъ Сергѣй, я счастливъ, что имѣлъ случай присутствовать на этомъ пріемѣ. Я увѣренъ что слова вашего величества не пропадутъ даромъ и въ скоромъ же времени окажутся благія ихъ послѣдствія.

— Ты думаешь? дай Богъ? Только этого я и желаю. Если же они будутъ продолжать свои беззаконія, то придется дѣйствовать строгостью. Я не могу потерпѣть этаго всеобщаго разоренія. Ну а теперь вернемся къ нашему дѣлу. Вѣдь Ростопчинъ передалъ тебѣ, что ты ѣдешь со мной и съ государыней къ князю Зубову?

— Я явился для исполненія вашего приказанія, отвѣчалъ Сергѣй, но осмѣливаюсь выразить, что мнѣ очень тяжело ѣхать къ князю.

— Пустое, другъ, пустое! Одного бы я тебя не посылалъ, а со мною—это другое дѣло. Развѣ ты забылъ о томъ, что у него твой дневникъ, ты долженъ же получить его. Да и потомъ, зачѣмъ помнить старое. Надѣюсь, князь нѣсколько измѣнился, онъ ужъ не тотъ, что былъ недавно. Поѣдемъ.

Черезъ полчаса государь съ государыней и въ сопровожденіи Сергѣя и двухъ адъютантовъ подымался по широкой, роскошной лѣстницѣ заново отдѣланнаго великолѣпнаго дома. На встрѣчу гостямъ вышелъ новый хозяинъ.

Сергѣй не видалъ Зубова въ послѣднее время и невольно изумился перемѣнѣ, происшедшей съ нимъ. Онъ похудѣлъ, постарѣлъ, осунулся, но не въ этомъ заключалась главная перемѣна. Онъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Въ немъ не было и тѣни прежняго сознанія своего величія, прежнихъ манеръ. Онъ казался совсѣмъ запуганнымъ, загнаннымъ, казался приговореннымъ къ казни.

Стремительно выйдя на лѣстницу, онъ вдругъ опустился на колѣни передъ государемъ.

— Встаньте, князь, мягко проговорилъ Павелъ Петровичъ.

Затѣмъ самъ его подиялъ, взялъ подъ руку.

— Кто старое помянетъ—тому глазъ вонъ. Довольны ли вы моимъ подаркомъ, нравится ли вамъ этотъ домъ?

— Ваше величество, шепталъ заикаясь Зубовъ, я не нахожу словъ благодарить васъ, я чувствую себя недостойнымъ такой милости.

— Очень радъ, если домъ вамъ по вкусу.

Они вошли въ гостиную и тутъ только Зубовъ замѣтилъ, что государь и государыня были не одни. Тутъ только онъ встрѣтился со взглядомъ Сергѣя. Онъ робко направился къ нему и протянулъ ему руку.

Сергѣю сдѣлалось тяжело и неловко. Онъ уже не чувствовалъ никакой ненависти къ этому человѣку. Въ немъ заговорила какая-то жалость. Но въ этой жалости было что-то гадливое.

Зубовъ, трусливый, робкій, какъ-то весь прижимавшійся, былъ просто противенъ.

Въ это время подали шампанское.

Государь взялъ бокалъ, поднялъ его и обращаясь къ Зубову сказалъ:

— Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всякаго добра.

И затѣмъ обернувшись къ императрицѣ прибавилъ:

— Выпей все до капли.

Онъ выпилъ свой бокалъ и бросилъ его на полъ. Зубовъ снова бросился къ ногамъ его и лепеталъ:

— Ваше величество, благодѣтель, простите!..

— Вѣдь я же сказалъ тебѣ: кто старое помянетъ—тому глазъ вонъ, повторилъ Павелъ Петровичъ, поднимая его и усаживая рядомъ съ собою. А вотъ прикажика скорѣе подать самоваръ. Хозяйки у тебя нѣтъ, такъ вотъ она будетъ хозяйкой,—онъ указалъ на императрицу—она разольетъ намъ чай.

Очевидно всѣ распоряженія были сдѣланы заблаговременно, такъ какъ въ ту же минуту слуги внесли серебряный самоваръ и чайный приборъ.

Марія Ѳеодоровна съ привычной, граціозной и простой манерой присѣла къ чайному столику и начала хозяйничать.

Сергѣй еще ни разу въ жизни не чувствовалъ себя такъ неловко, какъ теперь. Павелъ Петровичъ очевидно понялъ его положеніе и его смущеніе.

— Послушай, князь, сказалъ онъ, обращаясь къ Зубову, со всѣмъ прежнимъ, какъ я говорю, нужно на всегда покончить. Было много ошибокъ, прискорбныхъ ошибокъ. Теперь уже ихъ не должно быть больше. Я, какъ видишь, отъ всего сердца помирился съ тобой и ты долженъ чистосердечно примириться со всѣми. Вотъ я позвалъ къ тебѣ съ собою Сергѣя Борисыча Горбатова. Вы не ладили. Ты былъ очень виноватъ передъ нимъ. Я долженъ помирить васъ. Онъ, я увѣренъ въ этомъ, не будетъ тебѣ поминать стараго, забудь и ты. Помиритесь, господа, и отъ всего сердца.

Зубовъ взглянулъ было на Сергѣя, но тотчасъ же опустилъ глаза. Смертельная блѣдность разлилась по лицу его. Онъ хотѣлъ говорить что-то, но не въ силахъ былъ вымолвить ни звука. Онъ думалъ:

„Лучше бы сразу сослалъ меня въ Сибирь, лучше бы казнилъ. Эти милости хуже всякой казни. Этотъ Горбатовъ здѣсь! свидѣтель моего униженія, за которое я долженъ благодарить, которое имѣетъ только видъ милости. Горбатовъ побѣдителемъ у меня въ домѣ! О, они знали, какую придумать мнѣ пытку. Я готовъ растерзать его, я не могу выносить его присутствія!..“

Онъ просто начиналъ задыхаться. Бѣшенство, доходящее до остервѣненія, душило его. Ему хотѣлось кинуться на Сергѣя, вцѣпиться въ него ногтями. Хотѣлось задушить его, исцарапать, истоптать, но онъ оставался неподвиженъ. Блѣднѣя все больше и больше, онъ чувствовалъ какъ оставляютъ его силы, какъ онъ того и гляди лишится сознанія. А государь спрашивалъ:

— Что же ты молчишь, князь? неужели не желаешь искренняго примиренія? Сергѣй Борисычъ, такъ сдѣлай ты первый шагъ, скажи ему, что прощаешь оскорбленія, тебѣ имъ нанесенныя.

Едва слышный стонъ вырвался изъ груди Зубова. Это былъ первый и послѣдній звукъ, которымъ выразилось его истинное чувство. Въ немъ уже заговорили другіе инстинкты. Заговорила его природная трусость и низость его натуры. Онъ нашелъ въ себѣ силы подняться съ кресла, на которое усадилъ его государь рядомъ съ собою. Онъ подошелъ къ Горбатову. Жалкая улыбка изобразилась на потускнѣвшемъ лицѣ его. Онъ протянулъ руку. Сергѣй долженъ былъ принять эту холодную, дрожащую руку.

— Ваше величество, проговорилъ онъ, обращаясь къ государю, у меня не было съ княземъ и не можетъ быть никакихъ счетовъ.

Недовольная мина мелькнула на лицѣ Павла Петровича.

— Нѣтъ, у васъ есть счеты и ихъ нужно немедленно окончить. Скажите, любезный князь, вѣдь вы уже успѣли вѣроятно всѣ свои вещи перевезти въ это новое ваше жилище?

— Точно такъ, ваше величество, все перевезено, прошепталъ Зубовъ.

— Въ такомъ случаѣ, значитъ перевезенъ и дневникъ господина Горбатова, которымъ вы, вѣроятно, очень заинтересовались. Не угодно ли вамъ немедленно возвратить его по принадлежности.

Это было послѣднимъ ударомъ. Зубовъ едва устоялъ на мѣстѣ.

— Дневникъ! какой дневникъ?! прошепталъ онъ, проводя рукой по лбу, съ котораго струились капли холоднаго пота.

Сергѣй вспыхнулъ въ свою очередь.

— Да, я желалъ бы получить мой дневникъ, который былъ отобранъ у меня вмѣстѣ съ прочими моими бумагами въ тотъ день, когда я былъ арестованъ, не зная, не имѣя за собой никакой вины.

— Ты говорилъ, князь, перебилъ государь, ты говорилъ покойной матушкѣ, что этотъ дневникъ тебѣ не былъ доставленъ, но ты ошибался. Онъ у тебя. Будь же столь добръ, пойди розыщи его и принеси намъ.

Зубовъ поднялъ глаза на Павла Петровича. Онъ замѣтилъ сверкавшій взглядъ его, замѣтилъ яркій румянецъ гнѣва, разливавшійся по лицу его, замѣтилъ какъ пальцы государя судорожно мяли чайную салфетку. Онъ понялъ, что еще мигъ, одно слово съ его стороны—и гроза разразится. Не произнося ни звука, какъ пришибленный, едва волоча ноги, онъ вышелъ изъ комнаты.

Императрица закрыла лицо рукой.

— Какъ это тяжело, невольно прошептала она.

Сергѣй чувствовалъ нервную дрожь. Ему хотѣлось убѣжать. Павелъ Петровичъ заговорилъ громко и раздражительно.

— Тяжело! конечно не легко. Но каждый человѣкъ долженъ пожинать то, что посѣялъ. Если въ немъ осталась хоть искра совѣсти, если онъ способенъ на раскаяніе, если можетъ еще очнуться и понять все свое нравственное паденіе, то этотъ урокъ принесетъ ему большую пользу. Онъ униженъ, но онъ гораздо больше унижалъ многихъ людей, ни въ чемъ неповинныхъ. Да, я увѣренъ, что если можетъ еще очнуться, то теперь очнется, если же нѣтъ, то пусть получитъ должную кару. Она во всякомъ случаѣ слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ его грѣхами.

— Не намъ судить его, прошептала императрица.

Павелъ вздрогнулъ.

— Не намъ, конечно, мы и не судимъ, но только требуемъ, чтобы онъ возвратилъ человѣку его собственность, которую отнялъ у него самымъ низкимъ образомъ. Скажи, Сергѣй Борисычъ, или и ты противъ этого? Ты не доволенъ тѣмъ, что я за тебя вступился?

— Ваше величество, вы знаете мои отношенія къ этому человѣку и все то зло, которое онъ мнѣ сдѣлалъ. Но теперь мнѣ невыносимо видѣть это зрѣлище его униженія. Зачѣмъ...

Онъ не договорилъ, долженъ былъ замолкнуть, такъ какъ Зубовъ показался у двери.

Злополучный дневникъ нечего было искать. Зубовъ хорошо зналъ, гдѣ онъ хранится. Онъ еще въ это же утро его перелистывалъ и не могъ рѣшить вопроса, что съ нимъ дѣлать: уничтожить или оставить до востребованія. Онъ предчувствовалъ, что исторія съ дневникомъ теперь всплыветъ наружу, что Павелъ Петровичъ не забудетъ этого обстоятельства. И вотъ, когда онъ увидалъ, что гроза можетъ разразиться надъ нимъ изъ-за этого дневника, онъ счелъ необходимымъ какъ можно скорѣе вернуться съ дневникомъ въ гостиную и не заставлять государя дожидаться.

Между тѣмъ Павелъ Петровичъ былъ очевидно недоволенъ словами Сергѣя, онъ уже хотѣлъ рѣзко возразить ему, но въ свою очередь замѣтилъ входившаго Зубова.

Зубовъ подошелъ къ Сергѣю и упавшимъ голосомъ проговорилъ:

— Извините меня пожалуйста, вашъ дневникъ дѣйствительно оказался у меня, благодаря оплошности моего секретаря. Я его тогда не видѣлъ. Извините пожалуйста и будьте во всякомъ случаѣ увѣрены, что я не читалъ его.

Ничего умнѣе, ничего правдоподобнѣе онъ не могъ найти въ головѣ своей, да и не задумывался надъ тѣмъ, что говоритъ. Онъ помышлялъ только о томъ, чтобы какъ нибудь избѣжать грозы, чтобы покончить со своимъ невыносимымъ положеніемъ.

„Долго ли же они будутъ меня мучить?!“ повторялось въ его мысляхъ.

— О, мы вполнѣ увѣрены, что ты не читалъ этого дневника, не имѣя на то разрѣшенія автора, съ улыбкою сказалъ Павелъ Петровичъ, да и времени я думаю не было. Сергѣй Борисычъ, если ты не отступаешься отъ своихъ словъ и находишь возможнымъ дать мнѣ для прочтенія эти тетради, я буду тебѣ очень благодаренъ. Въ свободную минуту я прочитаю.

И онъ взялъ изъ рукъ Сергѣя тетради и положилъ ихъ къ себѣ на колѣни.

— Что же, Маша, обратился онъ къ государынѣ, чай готовъ?

— Готовъ.

Пытка Зубова продолжалась еще полчаса, послѣ чего ему предстояло проводить гостей до низу лѣстницы и остаться наединѣ со своими мыслями и чувствами.

Онъ, какъ сумасшедшій, пробѣжалъ рядъ комнатъ, заперся въ своей новой спальнѣ и тутъ припадокъ бѣшенства овладѣлъ имъ. Онъ метался изъ угла въ уголъ, рвалъ и ломалъ все, что ему попадалось подъ руки, а потомъ въ изнеможеніи кинулся на постель.

Этотъ день былъ самымъ ужаснымъ днемъ его жизни.

XVI.

Общіе интересы.

Павелъ Петровичъ, самъ постоянно находившійся въ движеніи и работѣ, не любилъ оставлять людей безъ занятія. А ужъ въ особенности своимъ гатчинцамъ далъ много дѣла. Не остался безъ дѣла и Сергѣй Горбатовъ. Онъ снова оказался занятымъ въ иностранной коллегіи, гдѣ пересматривались и приводились въ ясность дѣла, запу-

танныя Зубовымъ. Сергѣю снова пришлось работать подъ руководствомъ своего перваго учителя, графа Безбородко. Безбородко не потерялъ времени и съумѣлъ не только примирить съ собою государя, но и оказать ему существенную услугу, своевременной передачей нѣкоторыхъ важныхъ и тайныхъ бумагъ.

Теперь Безбородко убѣдился, что звѣзда его ничуть не померкла, но разгорается съ новою силою. Теперь у него уже не было соперника. Онъ снова хозяйничалъ на знакомомъ ему поприщѣ и снова работа кипѣла и спорилась въ его искусныхъ рукахъ. Сергѣй ежедневно въ теченіи нѣсколькихъ часовъ съ нимъ работалъ. Онъ какъ и всегда удивлялся необыкновеннымъ способностямъ Безбородко; но часто чувствовалъ себя на него сердитымъ.

Безбородко то и дѣло прерывалъ работу и начиналъ разговоръ на свою любимую тему о женщинахъ.

Теперь онъ былъ уже совсѣмъ старикъ, разслабленный разгульною жизнью и въ его устахъ подобные разговоры были очень противны Сергѣю. Съ каждымъ днемъ между ними росъ глухой разладъ.

Безбородко очевидно былъ тоже несовсѣмъ доволенъ своимъ сотрудникомъ: что касается до Сергѣя, то онъ собственно мало обращалъ на это вниманія и исполнивъ свои обязанности спѣшилъ скорѣе отъ этого сластолюбца въ тихія комнаты отдаленной части Зимняго дворца гдѣ его ждала Таня. Здѣсь онъ отдыхалъ отъ своихъ разнородныхъ и часто тревожныхъ мыслей и работы, въ которой онъ не находилъ себѣ удовлетворенія.

Судьба продолжала подсмѣиваться надъ нимъ, все отдаляя день его свадьбы. Но во всякомъ-же случаѣ день этотъ наступитъ-же наконецъ. Время идетъ такъ быстро, промелькнутъ первыя недѣли глубокаго траура и тогда... но что будетъ тогда? Совсѣмъ не о такой жизни мечталъ онъ съ Таней. Ему и въ первое-то время не удастся прожить съ ней какъ слѣдуетъ. Не удастся отдавать ей столько часовъ, сколько бы ему хотѣлось. Служебныя обязанности, положеніе придворнаго, находящагося въ большомъ приближеніи у государя, отнимутъ его и будутъ постоянно отнимать его у Тани. Вотъ Ростопчинъ, несмотря на всю любовь свою къ женѣ, удовлетворяется такою жизнью. Но Ростопчинъ ему не указка.

Онъ не разъ уже начиналъ поговаривать Танѣ о томъ, какъ хорошо было-бы, тотчасъ-же послѣ свадьбы, уѣхать въ деревню.

— Неужели тебя не томитъ эта здѣшняя жизнь, спрашивалъ онъ ее. Скажи мнѣ откровенно, думала-ли ты о томъ какъ намъ придется жить постоянно на показъ, хотя и близко другъ отъ друга, но въ вѣчной разлукѣ другъ съ другомъ, не имѣя возможности заняться тѣмъ чѣмъ-бы хотѣлось, вѣчно въ зависимости отъ требованій свѣта, съ обязанностью дѣлать пріемы, любезно и ласково всѣмъ улыбаться, говорить на извѣстныя заученныя темы?

— Я объ этомъ много думала, отвѣчала ему Таня, и меня начинаетъ сильно тянуть въ деревню, но я не знала на этотъ счетъ твоихъ мыслей. Я вѣдь, собственно говоря, несмотря на свои года, очень многаго еще не понимаю. Ты знаешь какую уединенную исключительную жизнь вела я въ Гатчинѣ. Другой жизни я и не знала и поневолѣ должна была находить себѣ удовлетвореніе въ томъ, что меня окружало. Я не могла желать другаго, и потомъ, ахъ Боже мой, вѣдь это были годы забытья какого-то, я не хочу даже вспоминать ихъ. Теперь въ это послѣднее тревожное время я будто проснулась и сразу отлично поняла въ чемъ заключается здѣшняя столичная придворная жизнь. Я очень счастлива, что вижу въ тебѣ такіе-же взгляды. Теперь я имѣю право сказать тебѣ, что совсѣмъ не создана для такой жизни. Но возможно-ли намъ избѣжать ее? Вѣдь у тебя есть обязанности, есть служба, я никакимъ образомъ не желаю мѣшать тебѣ въ чемъ либо. У мужчинъ свое назначеніе, свое призваніе. Тебѣ, быть можетъ, предстоитъ большая дѣятельность.

— Ничего не предстоитъ мнѣ, перебилъ ее Сергѣй, и я ничего не хочу, у меня нѣтъ такого самолюбія, какъ у другихъ, и разъ на всегда говорю тебѣ, что я съ удовольствіемъ откажусь отъ всего, чтобы имѣть возможность пожить съ тобой въ уединеніи. Ты, уединеніе и книги, вотъ все что мнѣ надо.

— Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ пріятно это слышать, но вѣдь насъ не отпустятъ, ни тебя, ни меня.

— Таня, теперь конечно не время поднимать этихъ вопросовъ, подождемъ, потерпимъ, но знай, что долго терпѣть я не стану, я вырвусь отсюда, насильно держать не будутъ.

— И ты потомъ никогда не раскаешься, твоему самолюбію не будетъ тяжело, когда ты будешь видѣть, какъ тебя далеко опередили въ значеніи и почестяхъ люди, которые стояли гораздо ниже тебя и которые менѣе тебя достойны?

Сергѣй улыбнулся.

— Я твердо надѣюсь что скоро подобные вопросы будутъ уже невозможны съ твоей стороны, потому что ты наконецъ-же узнаешь меня. Помни-же, помни, такого самолюбія, такого честолюбія во мнѣ нѣтъ! Съ меня совсѣмъ достаточно быть тѣмъ, что я есть, а добиваться чего нибудь инаго—это утомительно и скучно!

— Въ такомъ случаѣ, весело перебила его Таня, будемъ мало но малу приготовлять себѣ средства къ побѣгу.

— Отлично, давай руку. И такъ—мы заговорщики.

— Да, заговорщики, и убѣжимъ непремѣнно.

— Гдѣ-же мы поселимся, въ Горбатовскомъ?

— Не знаешь-ли, сказала Таня, я еще не очень давно получила письмо изъ Знаменскаго, въ которомъ мой управитель Потаповъ—помнишь Потапова, онъ нашъ сосѣдъ, человѣкъ хорошій и даже какъ-то приходится намъ съ родни. Ему еще матушка поручила главное наблюденіе надъ Знаменскимъ. Такъ вотъ онъ писалъ мнѣ что былъ въ Горбатовскомъ и нашелъ что домъ приходитъ въ большую ветхость.

— Да, домъ старый, нужно будетъ произвести большія починки, передѣлки и постройки. Что-же, мы можемъ на первое время и въ Знаменскомъ поселиться. Составимъ планъ новаго дома, будемъ сами слѣдить за работами. Совсѣмъ по своему, по своимъ вкусамъ и фантазіямъ устроимъ себѣ гнѣздо. Таня, что-же можетъ быть лучше этого? Такъ будемъ-же рѣшительнѣе работать надъ скорѣйшимъ достиженіемъ нашей цѣли!

— Да, будемъ, будемъ; но Боже мой какъ станетъ сердиться государь! Я знаю его, онъ никогда не проститъ намъ нашего поступка. Онъ говорилъ мнѣ, что на тебя разсчитываетъ.

— Онъ скоро убѣдится, что разсчеты его невѣрны.

— Да вѣдь ты самъ желалъ служить ему, ты самъ добивался этого и еще такъ недавно.

— Были иныя обстоятельства, Таня, тогда онъ былъ одинокъ, въ тяжеломъ положеніи. Ему каждый преданный человѣкъ былъ нуженъ. Теперь, слава Богу, все измѣнилось.

— Измѣнилось очень мало, и точно также какъ и прежде ему нужны преданные люди, сказала Таня. Я вообще замѣчаю, Сережа, въ тебѣ что-то странное. Ты сталъ непослѣдователенъ. Въ тебѣ разладъ. Ты ужь не по прежнему относишься къ государю. Что это значитъ? объясни мнѣ.

Сергѣй задумался.

— Да, меня легко обвинить въ неблагодарности. Мнѣ самому тяжело когда я подмѣчаю то, что во мнѣ творится.... я люблю государя по прежнему, я хорошо понимаю все то добро, которое онъ мнѣ сдѣлалъ, я говорю это искренно, готовъ умереть за него, но вмѣстѣ съ тѣмъ я уже вижу невозможность принимать участіе въ этой жизни. Я не хочу совсѣмъ удалиться. Будемъ

„Классическая поэзія". Статуя Э. Гофмана, грав. Гильдебрандъ.

возвращаться. Я полагаю, что эти свиданія съ людьми, которымъ мы такъ многимъ обязаны, будутъ нашимъ благополучіемъ. Но жить здѣсь, служить—нѣтъ Таня, это свыше силъ моихъ. Я чувствую себя чужимъ всему съ чѣмъ встрѣчаюсь. Испорченъ я что-ли, болѣзнь во мнѣ что-ли какая, но когда я не съ тобою, на меня находитъ тоска. Я какъ-то не вѣрю въ то, что все дѣлается по настоящему, какъ вотъ нужно. Мнѣ кажется будто передо мною какая-то комедія и всѣ играютъ роли.

— Я понимаю тебя; мнѣ самой это иногда кажется, но вѣдь мы не правы. Во всякомъ случаѣ дѣлается большое дѣло; посмотри на государя какъ онъ борется, что нибудь да должно-же наконецъ выйти изъ этой борьбы, у которой такая возвышенная цѣль. Каждый день, каждый часъ приноситъ новыя доказательства того, что борецъ не ослабѣваетъ, иногда невозможно имъ не восхищаться. И знаешь, чему больше всего я удивляюсь, это перемѣнѣ, которая произошла съ нимъ. Какъ онъ владѣетъ собой, мы всѣ знаемъ его раздражительность, а между тѣмъ съ тѣхъ поръ какъ онъ царствуетъ, еще ни разу не проявилъ ее. Вотъ ты мнѣ разсказывалъ этотъ прекрасный пріемъ депутаціи. Знаешь-ли ты—вѣдь это произвело таки должное впечатлѣніе. Купцы значительно понизили цѣны на многіе товары.

— Да, я слышалъ объ этомъ.

— Но что особенно нравится, улыбнувшись сказала Таня. это его способъ учить важныхъ господъ. Сегодня у императрицы разсказывали очень милую исторію, которая случилась этимъ утромъ съ графомъ Самойловымъ.

— Что такое? я еще не слыхалъ, разскажи пожалуйста.

— Не слыхалъ еще, ну такъ слушай. Тебѣ конечно извѣстно, что пріемы для докладовъ назначены въ шесть часовъ утра. Въ Гатчинѣ мы всѣ пріучены рано ложиться. рано вставать и для насъ ни почемъ не только въ шесть, но и въ пять часовъ быть на ногахъ. Для здѣшнихъ-же людей, это оказывается большимъ наказаніемъ.

— И я даже полагаю, перебилъ Сергѣй, что государю слѣдуетъ нѣсколько смягчить свои требованія, не возбуждать излишняго неудовольствія. Во всякомъ случаѣ въ подобномъ дѣлѣ не слѣдовало-бы ужъ такъ спѣшить, но это мое соображеніе, извини, что я перебилъ тебя, я слушаю.

— Какъ-бы то ни было, продолжала Таня, въ шесть часовъ всѣ докладчики должны быть уже во дворцѣ. Сегодня первый докладъ былъ графа Самойлова. Онъ, говорятъ, любитъ поспать и опоздалъ. Государь выходитъ, по обычаю, ровно въ шесть часовъ и замѣчаетъ, что Самойлова нѣтъ. Не сказалъ ни слова, переходитъ отъ одного къ другому, выслушиваетъ, а самъ все на часы поглядываетъ. Вотъ и полчаса прошло. Уже половина седьмаго, а Самойлова все нѣтъ. Государь призываетъ адъютанта, приказываетъ встать у крыльца и какъ только что подъѣдетъ Самойловъ, тотчасъ-же вернуться и сообщить ему объ этомъ. Наконецъ Самойловъ пріѣзжаетъ. Адъютантъ бѣжитъ. докладываетъ. Государь скорымъ шагомъ направляется черезъ цѣлый рядъ комнатъ на встрѣчу къ Самойлову. Тотъ, говорятъ, бѣгомъ бѣжитъ. красный, перепугался; а государь его встрѣтилъ милостиво. спросилъ о здоровьѣ, выразилъ удовольствіе узнавъ, что онъ чувствуетъ себя хорошо. Тотъ ждетъ строгаго выговора, быть можетъ немилости. Между тѣмъ государь ласково и повидимому очень спокойно вынулъ часы, показалъ ему. „теперь уже. графъ. больше половины седьмаго, говоритъ, и все то, зачѣмъ вы мнѣ были нужны, я самъ за васъ сдѣлалъ, и теперь не стану васъ задерживать. Извольте ѣхать обратно и быть здѣсь къ вечеру въ назначенное время“. Повернулся и ушелъ отъ него. Самойловъ долго стоялъ какъ пораженный громомъ. а когда пришелъ въ себя, то, говорятъ, поклялся. что уже никогда больше не опоздаетъ. Не знаю какъ тебѣ, но мнѣ, право, это очень нравится.

— Это и мнѣ нравится, Таня, но вѣдь каждый изъ насъ можетъ очутиться въ такомъ же положеніи. И если государь сдержалъ себя сегодня, то кто поручится. что онъ и впредь будетъ себя сдерживать. Мы знаемъ. какъ онъ иногда бываетъ раздражителенъ. А шесть часовъ—время раннее, особенно для человѣка пожилаго и особенно, если до дворца предстоитъ дальняя дорога. Нѣтъ, у меня въ этомъ же родѣ есть разсказъ только лучше. Это случилось нѣсколько дней тому назадъ на разводѣ. Такъ какъ всѣ знаютъ, что на разводѣ ежедневно присутствуетъ государь, то для того чтобы взглянуть на него собирается всегда много народу. Въ толпѣ оказался какой-то чиновникъ въ мундирѣ Петербургскаго намѣстничества, шелъ онъ въ должность и остановился посмотрѣть на государя. Государь по мундиру его примѣтилъ и вдругъ къ нему подходитъ. „Конечно вы гдѣ нибудь въ гражданской службѣ здѣсь служите? спрашиваетъ такъ ласково. Чиновникъ смутился, однако же. ободренный ласковымъ голосомъ государя, отвѣчаетъ: „Точно такъ, ваше величество, служу въ такой-то палатѣ.“ Тогда государь вынулъ часы, показалъ ему и проговорилъ: „вотъ видите, давно уже одиннадцатый часъ, прощайте, сударь, мнѣ не досужно. Пора къ своему дѣлу.“ И съ минуту простоялъ чиновникъ будто его пригвоздили къ мѣсту, потомъ повернулся и стрѣлой помчался въ свою палату. Какъ видишь, это почти то же самое что случилось сегодня съ Самойловымъ, только разница въ часѣ. Шесть часовъ и полдень—двѣ вещи разныя. Но ужъ разъ мы начали о проказахъ нашего дорогаго государя. такъ скажи мнѣ, не слыхала ли еще чего нибудь новаго?

— Ахъ, Боже мой, смѣясь воскликнула Таня, новаго сколько угодно, но вѣроятно всѣ новости ты не хуже моего знаешь. А вотъ сегодня государыня не весела. Великія княгини все ей жалуются, говорятъ что своихъ молодыхъ мужей совсѣмъ не видятъ. Если всѣмъ вамъ государь много дѣла надавалъ, такъ сыновьямъ больше вашего. Заставляетъ ихъ такъ работать, что они изъ силъ выбиваются.

— Въ особенности съ непривычки, замѣтилъ Сергѣй. При государынѣ покойной не то было. Ну и что же, ты вотъ смѣешься, Таня, а мнѣ совсѣмъ не до смѣха. вѣдь всего должно быть въ мѣру; а мѣры то мы не видимъ. Онъ правъ, и конечно съ нимъ нельзя спорить, конечно все распущено и все слѣдуетъ подтянуть. Конечно работы много, но крутые повороты всегда приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы. Я боюсь, о какъ боюсь, что явится всеобщее неудовольствіе и что же это будетъ, если въ числѣ недовольныхъ и во главѣ ихъ окажутся сами великіе князья?!...

— Сергѣй Борисычъ, я въ первый разъ вижу и убѣждаюсь, что ты лѣнивъ больно, погрозивъ пальцемъ и обдавая Сергѣя горячимъ, любящимъ взглядомъ, проговорила Таня.

И въ мигъ одинъ вылетѣли изъ головы его всѣ тревожныя мысли. Онъ видѣлъ только эти горящіе глаза, притягивавшіе его къ себѣ неудержимою силою. Онъ поймалъ руку Тани, онъ привлекъ ее къ себѣ и покрылъ лицо ея несчетными поцѣлуями. Его чуть было не застали въ этомъ занятіи. когда пришли доложить ей, что ее приказала звать императрица.

(До слѣд. №).

Укротитель львовъ.

Разсказъ.

„... Печальна исторія моей жизни, которую я хочу передать вамъ; пусть ее запишетъ моя дочь, моя дорогая Женни, подъ мою диктовку, здѣсь у моего изголовья, въ этой больничной палатѣ, гдѣ я лежу уже девять недѣль—девять недѣль, которыя мнѣ показались цѣлымъ вѣкомъ — такъ много я перенесъ за это время мученій нравственныхъ и физическихъ. Теперь-же когда я чувствую, что надо мною уже тяготѣетъ рука смерти, мнѣ кажется, что исторія моей жизни будетъ имѣть какой-нибудь общественный интересъ, какъ исторія человѣка, павшаго жертвою пустой и жестокой забавы.

Мои страшныя раны не даютъ мнѣ ни минуты покоя и если бы мнѣ не давали время отъ времени усыпительныя средства, то давно-бы пришлось меня перевести въ домъ умалишенныхъ.

Мои добрыя сидѣлки стараются всѣми силами утѣшить меня предсказывая скорое выздоровленіе. Эти почтенныя женщины не могутъ понять всего ужаса моего положенія — быть пригвожденнымъ къ кровати, чувствовать нестерпимую боль въ каждомъ членѣ и встрѣчать каждый день съ тяжелымъ сознаніемъ что все твое тѣло страшно истерзано.

Печально дни идутъ за днями; стоны моихъ сотоварищей по больницѣ еще болѣе увеличиваютъ тоску моего жалкаго существованія; ничто не можетъ разсѣять моей грусти. Но ночи!.. О какъ ужасны ночи!..

Вечеромъ я слѣжу какъ на небосклонѣ одна звѣзда появляется за другой; но вскорѣ я пробуждаюсь въ испугѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ! Я опять вижу этихъ ужасныхъ львовъ какъ они бросаются на меня, тщетно взывающаго о помощи. Я опять слышу шумные крики испуганныхъ зрителей... Ахъ, когда-же кончатся эти страданія. Долго-ли, о смерть, мнѣ придется еще ожидать твоего прихода?

Я родился въ Дублинѣ въ 1845 году. Мои родители пользовались почетнымъ, общественнымъ положеніемъ и я получилъ хорошее воспитаніе; не достигнувъ юношескаго возраста я началъ вести разгульную, безразсудную жизнь, что и заставило отца предоставить меня моимъ собственнымъ средствамъ и даже совсѣмъ не пускать меня на порогъ своего дома. Я хорошо помню ужасную ночь когда отецъ мой оттолкнулъ меня какъ бродягу.

Было около полуночи когда я постучался у двери. Дождь шелъ ливмя и я видѣлъ передъ собою лишь пустынную и залитую водою улицу. Скоро я услышалъ въ сѣняхъ шаги моего отца, который, не отворяя двери, спросилъ, кто звонитъ. Когда же я назвалъ себя то онъ объявилъ, что послѣ столькихъ безполезныхъ увѣщаній, онъ рѣшился не принимать меня болѣе и приказалъ мнѣ удалиться и заработывать себѣ хлѣбъ какъ мнѣ угодно.

Пиво, выпитое мною въ тавернѣ, бродило еще въ моей головѣ; я ушелъ съ проклятіями и руганью; съ этого дня я болѣе не возвращался подъ родную кровлю.

Я бродилъ по улицамъ, задавая себѣ вопросъ, что я буду дѣлать. Было такъ холодно и сыро, что прежде всего являлась необходимость найти себѣ пристанище и такъ какъ я не имѣлъ при себѣ ни гроша денегъ, то по неволѣ отправился къ одному пріятелю, который къ счастію принялъ меня очень радушно, когда я разсказалъ ему свое положеніе.

Въ это самое время знаменитый звѣринецъ Саундерса перекочевалъ въ Дублинъ, и такъ какъ я былъ знакомъ съ однимъ изъ его служителей, то придя къ нему, мнѣ пришла мысль попытать не найдется-ли и для меня мѣста въ многочисленномъ штатѣ звѣринца. Это дѣйствительно мнѣ удалось; мой знакомый переговорилъ со своимъ хозяиномъ и я былъ принятъ въ качествѣ надсмотрщика а на слѣдующій день я покинулъ вмѣстѣ со всей труппой Дублинъ, чтобы въ него болѣе не возвращаться.

Сценическая, бродячая жизнь была мнѣ еще совершенно незнакома и хотя мои обычныя занятія — уборка клѣтокъ и другія домашнія работы подобнаго-же рода не были особенно пріятными, но за то мнѣ нравилась эта постоянная перемѣна лицъ и мѣстностей.

Я путешествовалъ нѣсколько лѣтъ по Англіи и Шотландіи и въ это время улучшилось и мое служебное положеніе; я получалъ уже большее содержаніе и, встрѣтивъ молодую красивую дѣвушку я успѣлъ ей понравиться и потомъ соединиться съ нею брачными узами.

Я достигъ уже тогда должности высшаго надсмотрщика и даже иногда имѣлъ смѣлость входить въ клѣтку львовъ, хотя главный надзоръ за ними принадлежалъ не мнѣ а Манто, высокому и мускулистому африканскому негру, столь-же свирѣпому и дикому какъ и тѣ звѣри, съ которыми онъ ежедневно вступалъ въ единоборство.

Но несмотря на все свое мужество и силу Манто имѣлъ большой недостатокъ: онъ былъ пьяница и часто случалось, что онъ входилъ полупьянымъ даже въ клѣтку львовъ и жестоко билъ звѣрей, не обращая вниманія на дѣлаемыя ему постоянно предостереженія.

Это было зимой; мы только что пріѣхали въ Сундерландъ какъ Манто захворалъ и очень опасно; сильная грудная простуда угрожала его жизни.

Между тѣмъ необходимо было, чтобы не уронить себя въ глазахъ публики, тотчасъ-же дать представленіе. Тогда Саундерсъ предложилъ мнѣ замѣнить Манто, прибавивъ, что такъ какъ я хорошо знакомъ звѣрямъ, то легко могу дать обычный спектакль, лишь нѣсколько измѣнивъ программу. Но я колебался; тогда онъ началъ разговоръ о размѣрѣ вознагражденія и предложилъ мнѣ тридцать фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю. Тридцать фунтовъ въ недѣлю! какая разница съ тѣми двумя фунтами, которыя я обыкновенно зарабатывалъ. Я согласился. Увлеченный самоувѣренностью я принялъ предложеніе и съ тѣхъ поръ—Манто умеръ черезъ нѣсколько дней—уже не былъ болѣе надсмотрщикъ Джонъ Гартеръ а сталъ Тонанти „африканскій укротитель“ какъ гласили афиши.

Возвратясь домой, я разсказалъ о принятомъ мною предложеніи моей женѣ, бывшей въ то время уже матерью прелестной, маленькой дѣвочки; жена всѣми силами старалась отклонить меня отъ принятаго рѣшенія. „Ты, во-первыхъ не африканецъ, говорила она, а во-вторыхъ не имѣешь достаточной силы, чтобы бороться съ хищными звѣрями. Что если вдругъ они бросятся на тебя и растерзаютъ тебя въ куски? Эта мысль бросила меня въ дрожь; я и теперь трепещу еще отъ нея на моемъ страдальческомъ ложѣ и мнѣ кажется, что я еще слышу пророческій голосъ моей бѣдной жены. Но мое условіе уже было заключено. Имя Тонанти красовалось на всѣхъ стѣнахъ города; отказаться было уже поздно. Собравъ все свое мужество, я съ лихорадочною поспѣшностью началъ чернить себѣ тѣло и волосы, которыя кромѣ того я еще завилъ по наставленію моего хозяина. Но вотъ наступилъ вечеръ и я видимо спокойный направилъ шаги свои на ярморочную площадь. Я просилъ жену придти на представленіе съ нашимъ ребенкомъ, чтобы въ случаѣ несчастія ихъ присутствіе дало-бы мнѣ болѣе смѣлости въ отчаянной встрѣчѣ со львами.

Было семь часовъ, когда я пришелъ на мѣсто представленія, гдѣ уже волновалась шумная толпа любопытныхъ зрителей. Эта шумная бѣснующаяся толпа производила на меня впечатлѣніе далеко неуспокоительное и мнѣ пришло на мысль, что еще болѣе-бы собралось жадной до зрѣлища публики если-бы было извѣстно заранѣе, что меня разорвутъ дикіе звѣри и что смерть моя была-бы встрѣчена очень хладнокровно этой веселой и безпечной толпой...

Впрочемъ, тотчасъ-же отогнавъ эти мрачныя мысли, я развязно вскочилъ на эстраду и казался столь-же беззаботнымъ подъ моимъ новымъ цвѣтомъ кожи и въ моей новой роли какъ будто то и другое было мнѣ вполнѣ свойственно. Хозяинъ привѣтливо протянулъ мнѣ руку и повелъ въ свою комнату. Онъ спросилъ меня, какъ я себя чувствую, убѣждалъ не бояться, говоритъ, что все пойдетъ отлично и что я удивительно похожъ на природнаго африканца. Смѣясь и шутя онъ сунулъ мнѣ за поясъ пистолетъ, привѣсилъ къ боку шпагу и далъ въ руку бичъ.

Мы еще бесѣдовали нѣсколько времени пока не насталъ часъ, назначенный для представленія. Тогда я не могъ глубоко не вздохнуть и уже намѣревался идти какъ хозяинъ сказалъ мнѣ: „Ступай, ступай! будь смѣлѣе! но прежде для храбрости выпей этотъ грогъ“.

И онъ мнѣ подалъ стаканъ крѣпкаго напитка, который я осушилъ однимъ глоткомъ. Я почувствовалъ въ себѣ тотчасъ болѣе силы и смѣлости, и храбро шелъ впередъ и поднявъ ногу на первую ступеньку лѣстницы ведущей въ клѣтку львовъ, я поклонился надсмотрщику и быстро подошелъ къ двери... Но здѣсь мною овладѣло что-то въ родѣ нерѣшительности, такъ какъ повернувъ голову, чтобы поклониться публикѣ, я увидѣлъ мою жену дѣлавшую мнѣ знаки далеко не ободрительнаго свойства; но было уже слишкомъ поздно; публика нетерпѣливо ждала спектакля. Я вскочилъ въ клѣтку; въ ту же минуту я услышалъ пронзительный крикъ, который, какъ я хорошо зналъ, испустилъ никто другой, какъ моя бѣдная, испуганная жена. Я очутился въ клѣткѣ львовъ. Сотни людей рукоплескали моему появленію и несмотря на угрожавшую мнѣ опасность я всетаки подмѣтилъ удовольствіе, блиставшее во всѣхъ взорахъ и драгоцѣнные уборы дамъ, сверкавшіе при свѣтѣ огня.

Львы съ быстротою и покорностью повиновались всѣмъ моимъ приказаніямъ; только одна львица рычала и казалась болѣе свирѣпой нежели тогда когда ее укрощалъ Манто. Я заставлялъ звѣрей скакать черезъ обручи, ползать у моихъ ногъ и хлесталъ ихъ своимъ бичемъ; потомъ я выстрѣлилъ между ними изъ пистолета, заряженнаго однимъ порохомъ и удалился цѣлъ и невредимъ, провожаемый шумными восклицаніями зрителей.

Съ какимъ радостнымъ чувствомъ я сошелъ на послѣднюю ступеньку! И несмотря на то что удостоился отъ Саундерса самаго горячаго привѣтствія, я благодарилъ Бога за свое спасеніе и клялся никогда не входить болѣе въ клѣтку львовъ. Я былъ убѣжденъ, что львица замѣтила перемѣну укротителя и такъ какъ она не была особенно покорна даже Манто, кото-

За кулисами Цирка. Съ картины. Л. Турнера, грав. Гиммеръ.

рый ее еще выдрессировалъ въ малолѣтствѣ, то конечно могъ ли я ожидать, что со мной она будетъ церемониться? Эта мысль приводила меня въ трепетъ. Но Саундерсъ не хотѣлъ и слышать объ моемъ отказѣ. По его мнѣнію это было безуміемъ, удалиться послѣ подобнаго успѣха. Конечно ему было все равно, буду ли я убитъ или нѣтъ, только бы собрать деньги съ зрителей. Я дѣлалъ всевозможныя возраженія: онъ противорѣчилъ мнѣ, убѣждалъ и кончилъ тѣмъ, что добился у меня согласія идти еще во второй разъ. Моя жена заклинала меня отказаться; но я остался непреклоннымъ. И на этотъ разъ къ моей безконечной радости я возвратился домой цѣлехонекъ и тоже было и въ третье, и въ четвертое, и въ пятое, и въ шестое представленіе, такъ что наконецъ я уже смѣялся надъ опасностью.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ я продолжалъ укрощать и дрессировать дикихъ звѣрей и даже началъ вѣрить, что это мое истинное призваніе. Но несмотря на мои успѣхи и на значительность получаемаго мною вознагражденія, ни то, ни другое не служили мнѣ особенно въ пользу; напротивъ того избытокъ денегъ еще болѣе способствовалъ моей погибели; я началъ посѣщать дурное общество и пристрастился къ крѣпкимъ напиткамъ.

Въ Ливерпулѣ со мною случился одинъ изъ наиболѣе печальныхъ эпизодовъ моей артистической карьеры. По обыкновенію я пришелъ въ звѣринецъ, украшенный перстнями и золотою цѣпью и на этотъ разъ значительно выпивши. Одинъ изъ служителей мнѣ это замѣтилъ и даже спросилъ при этомъ, неужели я самъ позабылъ тѣ совѣты, которые такъ часто давалъ Манто, моему предшественнику. Вмѣсто отвѣта я презрительно посмотрѣлъ на него и оттолкнулъ его рукою. Въ залѣ было много публики и въ числѣ ея моя жена и дочь. Войдя въ клѣтку львовъ, я подумалъ о дорогихъ мнѣ существахъ, взоры которыхъ слѣдили за всѣми моими движеніями и глубоко раскаивался въ своей невоздержности, хотя въ то же время сознавалъ, что я вполнѣ способенъ выполнить свою обязанность.

Такъ какъ народу было много, то я рѣшился заставить звѣрей исполнить какія нибудь новыя эволюціи. Львица рычала и казалась дика и упряма. Взбѣшенный ея непокорностью, я вынулъ свою шпагу и ударилъ ея по спинѣ. Нѣкоторые зрители со страху начали взывать о помощи, но видя что я остаюсь невредимымъ, они успокоились думая, что этотъ ударъ не былъ вызванъ особою необходимостью и спокойно ожидали продолженія программы. Когда же, нанеся ударъ, я выпрямился и со шпагою въ рукѣ всталъ въ неподвижную позу, то отовсюду раздались бѣшеныя рукоплесканія, а лица выражали еще болѣе удовольствія нежели обыкновенно. Чтобы не обмануть ожиданій публики, я заставлялъ животныхъ снова прыгать черезъ обручи, но упрямая львица меня не слушалась. Я ей нанесъ второй ударъ, но исключая страшнаго рычанья, она ничѣмъ другимъ не выразила своей злости и казалось не обратила на него особеннаго вниманія. Она оставалась неподвижной и смотрѣла на меня угрюмымъ, пристальнымъ взглядомъ. Я понялъ что она готова на меня броситься и хотѣлъ уже схватить пистолетъ, но его не оказалось у меня за поясомъ; я его позабылъ въ тавернѣ! Тогда я почелъ за самое благоразумное немедленно удалиться и началъ понемногу пятиться, не спуская глазъ съ львицы. Я достигъ уже двери клѣтки и отворилъ ее лѣвой рукой, когда вдругъ услышалъ крики раздавшіеся со всѣхъ сторонъ залы и въ то же мгновеніе моя рука очутилась въ челюстяхъ львицы. Затѣмъ послѣдовало общее смятеніе, каждый спасался какъ могъ, и я тщетно требовалъ раскаленнаго желѣза. Наконецъ прислуга принесла его и приложила къ насти львицы. Въ то же время я услышалъ нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ а затѣмъ упалъ въ обморокъ отъ потери крови; львица выпустила добычу и меня вытащили изъ клѣтки.

Шесть мѣсяцевъ спустя въ городѣ появилось слѣдующее извѣщеніе:

„Однорукій Топанти, царь львовъ, сегодня вечеромъ дастъ блистательное представленіе“.

Да, я дѣйствительно потерялъ руку; она была до такой степени истерзана львицей, что хирурги почли необходимымъ отнять ее около локтя. Но что была потеря руки послѣ того какъ я лишился существа мнѣ самаго близкаго и дорогаго? Жена моя, которая, какъ я уже сказалъ, присутствовала при этомъ несчастномъ представленіи, будучи въ послѣднемъ періодѣ беременности не могла перенести удара и умерла, произведя на свѣтъ ребенка, вскорѣ впрочемъ послѣдовавшаго за нею въ могилу. А я... я возвратился снова къ своимъ львамъ хотя и съ одною рукою. Впрочемъ послѣднее было для публики особенно заманчиво. Дамы, также какъ и мужчины, смотрѣли на меня восхищенными взорами. Мой заработокъ увеличивался день ото дня и я вскорѣ надѣялся удалиться въ деревню и жить тамъ спокойно съ маленькой Женни. О судьба, зачѣмъ вмѣсто этого счастья ты назначила мнѣ—неподвижно лежать на этомъ одрѣ и ждать близкой смерти? Девять мѣсяцевъ тому назадъ, въ этомъ-же самомъ городѣ, афиши извѣстили повсюду, что я собираюсь дать нѣсколько представленій. Въ первый и второй вечеръ все шло отлично но увы! въ третій! Какъ я могъ только пережить этотъ третій вечеръ?

Послѣдняя часть программы была обѣщана въ десять часовъ вечера. Улыбаясь моей дочери, которая сидѣла неподалеку, я заставилъ львовъ выполнить цѣлый рядъ упражненій, какъ вдругъ нечаянно поскользнулся и упалъ на полъ. Я хотѣлъ подняться но о ужасъ! львица, мой старинный врагъ, уже бросилась на меня. Я ударилъ ее шпагой, такъ какъ владѣя лишь одной рукой, я не могъ дѣйствовать пистолетомъ. Но въ одну минуту я увидѣлъ себя окруженнымъ четырьмя свирѣпыми звѣрями, которые начали меня рвать во всѣ стороны. Женщины падали въ обморокъ; мужчины бѣжали за оружіемъ. Львовъ начали укрощать вилами, но это еще болѣе увеличивало ихъ бѣшенство; но никогда еще не раздавался такой за душу хватающій крикъ, какой испустила моя дорогая Женни: „О! спасите моего бѣднаго отца! Спасите его!“ Мнѣ какъ будто послышались за этимъ выстрѣлы; шпага выпала изъ моей руки и я лишился чувствъ, шепча молитву за Женни. Я впрочемъ недолго лежалъ въ обморокѣ; мои раны причиняли мнѣ слишкомъ сильныя страданія. Послѣ того какъ я былъ освобожденъ — не знаю даже какъ я пришелъ въ себя уже въ этой больничной палатѣ—когда каждый членъ мой держался лишь на лигатурѣ. О, моя бѣдная, миленькая Женни, какъ эти двѣ недѣли были ужасны!.. Ни крошки покоя, ни крошки отдыха! Но ты поцѣлуешь меня, моя дорогая, не такъ ли? Ты не оставишь меня. Положи же мнѣ на грудь свою голову; мое сердце еще бьется, не правда-ли? Прощай мое дорогое дитя, прощай! Мы еще увидимся, моя Женни! Да, мы еще увидимся“....

Печальныя предчувствія несчастнаго укротителя львовъ дѣйствительно оправдались; нѣсколько дней спустя послѣ приведенной нами исповѣди, написанной его дочерью подъ его диктовку, на мѣстномъ кладбищѣ появилась новая могила, на скромномъ памятникѣ которой красовалась слѣдующая надпись: „Здѣсь лежитъ Джонъ Гартеръ, безстрашный укротитель львовъ, умерщвленный ими въ этомъ городѣ 30-ти лѣтъ отъ роду“.

Чудеса подземнаго міра.

Очеркъ.

Какъ людямъ до сихъ поръ удавалось подниматься съ земли только на извѣстную вышину, также въ глубь земли проникли они не особенно глубоко сравнительно съ толщиною обитаемой нами планеты. Только кора земная достаточно изслѣдована человѣкомъ, но уже то, что онъ нашелъ въ ней, нерѣдко граничитъ съ чудеснымъ. Въ землѣ находятся многія пещеры, поражающія то необыкновенной красотой и объемомъ, то наводящія ужасъ своей дикостью; большая часть изъ нихъ образованы силой огня или разрушающей силой воды.

Такія подземныя пещеры, образовавшіяся при помощи воды, особенно многочисленны въ области известковыхъ каменныхъ формацій; и это объясняется тѣмъ, что всякая падающая капля захватываетъ изъ воздуха углекислоту, которая и разлагаетъ известь. Такимъ образомъ въ процессѣ образованія этихъ чудесъ подземнаго міра двууглекислая известь играетъ самую важную роль.

Одна изъ такихъ чудесныхъ пещеръ находится въ Венгріи въ Гемерскомъ Комитатѣ, около города Добшау. Пещера эта открыта только десять лѣтъ тому назадъ инженеромъ Руфини. Уже при входѣ въ пещеру, куда ведетъ узкая разщелина, входящаго обдаетъ холоднымъ воздухомъ, который по мѣрѣ спусканія по выбитымъ ступенямъ, становится все холоднѣе. Внизу пещера вдругъ разширяется въ видѣ свода и стоящему на плоской поверхности ледянаго холма открывается восхитительный видъ. Нагроможденныя массы льда, въ которыхъ преломляются лучи внесенныхъ факеловъ, невольно приковываютъ глаза зрителя. Точно поддерживая своды возвышаются три ледяныя колонны почти до самаго верха. Всевозможныхъ формъ ледяныя образованія покрываютъ стѣны этой своеобразной залы; тутъ есть цвѣты, деревья, мохъ и перовидные кристаллы, ленты, нити, веревки. Нѣтъ возможности описать все разнообразіе этихъ формацій. Повсюду встрѣчается только чистый ледъ, прозрачный, стекловидный, и нѣкоторыя части наполненныя воздушными пузырьками кажутся массами алебастра. Въ колоннахъ нѣтъ вовсе извести, напротивъ внутри онѣ кажутся полыми. Въ особенности роскошно орнаментирована вторая колонна, простирающаяся до необыкновенно большаго треугольнаго ледянаго стола и которая названа „Палаткой бедуина“. Тутъ-же возвышается прекрасный ледяной холмъ, который повидимому образовался отъ вторженія воды снаружи. Это только небольшая часть пещеры, пониже, куда для входа, Руфини долженъ былъ пробить отверстіе, простирается продолженіе этой пещеры. Часть эта состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, праваго и лѣваго; въ первомъ, тотчасъ при входѣ, находится великолѣпный замерзшій водопадъ, струящійся со скалы. На скалѣ ясно видна фигура женщины съ ребенкомъ на рукахъ, пройдя которую, въ глубину пещеры ведутъ 150 ступеней частью выбитыхъ во льду, частью придѣланныхъ изъ дерева. Всюду куда обращается глазъ,

лучи свѣта магически отражаются въ кристаллахъ, на потолкѣ и стѣнахъ, но удивленіе зрителя достигаетъ высшихъ предѣловъ въ концѣ пещеры, которую заканчиваетъ гигантская ледяная стѣна, на которой въ видѣ великолѣпной драпировки раскинулась тончайшая сѣтка, сплетенная изъ прозрачныхъ обледенѣлыхъ нитей, образуя въ стѣнѣ точно нишу. Въ лѣвомъ отдѣлѣ пещеры помѣщается бесѣдка точно также сплетенная изъ тонкихъ ледяныхъ нитей.

Небезъинтересна причина образованія этихъ ледяныхъ пещеръ. Многія изъ нихъ, какъ уже сказано, находятся въ известковыхъ каменныхъ скалахъ, и входъ къ нимъ обыкновенно бываетъ закрытъ вслѣдствіе обрушенія скалы. Вслѣдъ за такимъ обрушеніемъ. вода попавшая прежде въ пещеру и образовавшая ее начинаетъ замерзать такъ какъ температура внутри пещеры ниже нуля и потому, что холодный воздухъ зимою входитъ въ пещеру, но уже не можетъ выйти изъ нея, середина и конецъ пещеры находятся гораздо ниже, нежели входъ въ нее. Такимъ образомъ постепенно скала охлаждается и современемъ въ ней образуются такія пещеры съ ледяными формаціями какъ пещера около Добшау.

Въ Сѣверной Америкѣ въ штатѣ Кентуки, находится подобная-же извѣстная „пещера Мамонта.“ Случайно открыта она охотникомъ въ 1801 г., съ нея ближе ознакомились лишь въ 1810 г. Посѣщеніе ея очень удобно для туристовъ. Къ ней проведена желѣзная дорога, а владѣльцемъ ея выстроена по близости прекрасная гостинница. Владѣлецъ пещеры разрѣшаетъ осмотръ малой пещеры за два, большой за три, и обѣихъ вмѣстѣ за четыре доллара. Но разъ посѣтивши пещеру, не жалѣешь произведеннаго расхода. По величинѣ своей пещера мамонта поразительна. Собственно это не пещера, а соединеніе пещеръ и ходовъ на протяженіи болѣе ста англійскихъ миль. Главная пещера представляется гигантскимъ соборомъ въ которомъ ни одинъ звукъ не нарушаетъ тишины. Въ болѣе отдаленныхъ частяхъ этой системы пещеръ рѣка Стиксъ катитъ свои черныя воды, освѣщаемыя слабо факелами проводниковъ, почему формы этого подземнаго чуда кажутся еще громаднѣе. Желающіе на лодкахъ переплываютъ эту подземную рѣку, но въ иныхъ мѣстахъ своды пещеры такъ низко наклонены надъ рѣкою, что люди должны ложиться въ лодку и такимъ образомъ переплывать эти мѣста. Въ этой пещерѣ почти нѣтъ сталактитовъ. которые въ большомъ количествѣ встрѣчаются въ пещерѣ Антипаросъ.

Антипаросъ—маленькій островокъ на Эгейскомъ морѣ съ 500 чел. жителей, имѣющій 16 миль въ окружности. Островъ этотъ не отличается ни плодородіемъ, ни красотою, историческое значеніе его также не велико, но онъ замѣчателенъ своей пещерой, которой по красотѣ нѣтъ равной въ мірѣ. Нигдѣ въ древнихъ рукописяхъ не встрѣчается описанія этой пещеры, но судя по разнымъ древнимъ греческимъ именамъ, выдолбленнымъ въ пещерѣ, можно предположить, что она извѣстна была еще древнимъ грекамъ. Въ позднѣйшія времена въ пещеру было трудно проникнуть; всегда ходили разныя страшныя сказанія о привидѣніяхъ въ ней, пока наконецъ въ 1663 году французскій посланникъ при турецкомъ дворѣ Поантель, не рѣшился изслѣдовать пещеру. Ему удалось уговорить нѣсколькихъ туземцевъ спуститься съ нимъ вмѣстѣ въ пещеру, что и было исполнено вполнѣ успѣшно. Невредимо всѣ достигли дна и были поражены представившимися имъ красотами. Посланникъ рѣшилъ отпраздновать въ пещерѣ праздникъ Рождества, что въ дѣйствительности и было исполнено.

Посѣщеніе пещеры сопряжено и нынѣ съ большими трудностями; въ нее нужно спускаться по крутымъ лѣстницамъ, а мѣстами даже по веревкѣ. Еслибы въ отвѣсномъ отверстіи не выдавалась колонна, на которой укрѣплены лѣстницы. то доступъ въ пещеру былъ-бы совсѣмъ невозможенъ. Окончивъ половину пути по лѣстницамъ, приходится прибѣгать къ веревкамъ, такъ какъ ступени лѣстницы отъ скатывающихся капель дѣлаются скользкими и не могли-бы представлять надежной опоры для ноги. Кромѣ того конецъ входа такъ узокъ. что туда попадаютъ только съ большимъ трудомъ. Но превозмогши всѣ эти трудности посѣтитель вполнѣ награжденъ представляющимся видомъ. Что за сводъ простирается надъ нимъ! Восемьдесятъ футовъ въ вышину, триста въ ширину и столько-же въ длину. Красота этихъ подземныхъ сталактитовъ, то подымающихся кверху, то спускающихся съ потолка, необычайна. Все это размѣщено и сгруппировано очень живописно. Прежде всего бросается въ глаза въ 24 фута высокая, великолѣпная пирамида, которую Поантель избралъ для алтаря во время празднованія Рождества и которая сохранила это имя и теперь. Вблизи входа возвышается группа колоннъ, на верхушкахъ которыхъ находятся кристаллы изъ известковаго шпата, въ которыхъ лучи факеловъ преломляются и отражаются великолѣпными цвѣтами. Нѣкоторыя мѣста стѣнъ кажутся точно покрытыми толстымъ слоемъ льда, на другихъ снова замѣчаются образованія растеній и травъ, а еще далѣе видѣнъ замерзшій водопадъ. Но посѣтителямъ болѣе всего нравится потолокъ; съ него кажется глядятъ звѣзды и солнце—такъ превосходно сіяетъ онъ. На всякомъ шагу встрѣчаются колонны образующія галлереи, въ которыхъ съ потолка свѣшиваются также колонны изъ сталактитовъ; одна изъ нихъ имѣетъ 6 футовъ въ поперечникѣ и длина ея около 20 футовъ. Какой нуженъ былъ переворотъ земли и сколько потребовалось столѣтій для образованія этихъ пещеръ и сталактитовъ.

Прекрасенъ и своеобразенъ былъ праздникъ, устроенный здѣсь Поантелемъ. Болѣе ста восковыхъ факеловъ и четырехсотъ лампъ освѣтили пещеру и обратили въ ясный день царствующую здѣсь ночь. Большая пирамида служила алтаремъ, у котораго служилъ священникъ. Богослуженіе сопровождалось пѣніемъ и игрою на инструментахъ. Собравшаяся толпа молилась колѣнопреклоненно. По окончаніи службы всѣ усѣлись за столъ. Въ пещерѣ проведено было двое сутокъ, углубленія въ скалахъ служили постелями. Въ воспоминаніе этого дня, по приказанію Поантеля. на большой колоннѣ, по латыни, было выставлено число и нѣкоторыя подробности его пребыванія въ пещерѣ.

Питательныя свойства мяса.

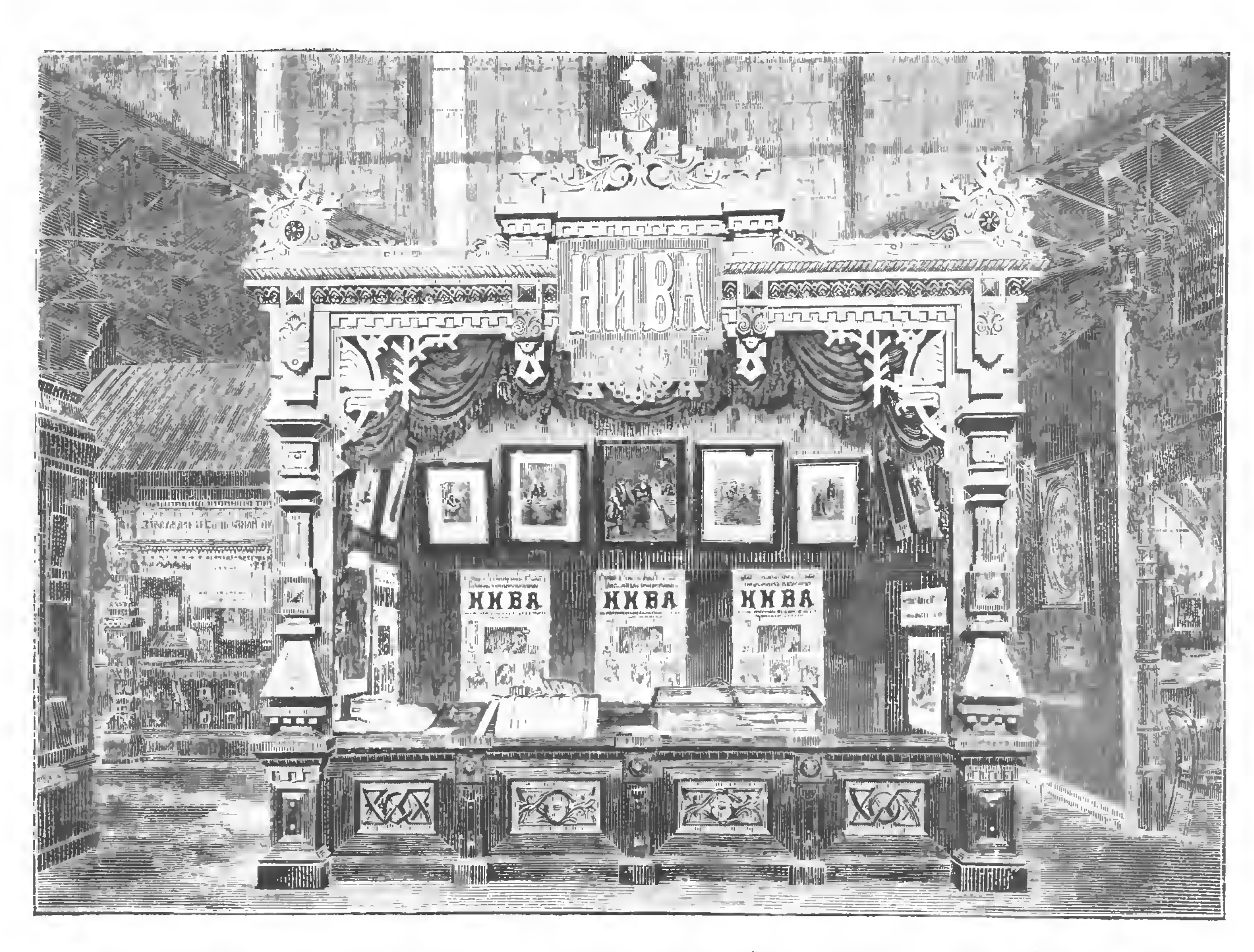
Очеркъ.

Мясо—важнѣйшее питательное средство для человѣка, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія и только вегетарьянцы, (о которыхъ мы говорили подробно въ № 25 „Нивы“) ложно понимая законы человѣческаго питанія, имѣютъ на этотъ предметъ другія воззрѣнія. Древнѣйшіе народы всегда отдавали преимущество мясной пищѣ передъ растительной а въ новѣйшее время и наука подтвердила высокое питательное свойство мяса для человѣческаго организма. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ сторонниковъ этаго мнѣнія, профессоръ Ранке, въ прекрасномъ сочиненіи („Питаніе человѣка“), изложилъ правила разумнаго питанія человѣческаго тѣла ясно и неопровержимо. Мясо домашнихъ млекопитающихся животныхъ, птицъ и рыбъ, которыя идутъ въ пищу, вещество крайне сложное. При микроскопическомъ изслѣдованіи, если его разсматривать безъ костей, оно состоитъ изъ мускульныхъ волоконъ, составляющихъ главную часть мяса, изъ толстыхъ и тонкихъ соединительныхъ тканей, сухожилій съ эластическими тканями, часто богатыми жиромъ, изъ кровеносныхъ и лимфатическихъ сосудовъ и нервовъ. Химическій составъ его также очень сложенъ: три четверти массы составляетъ чистая вода, неорганическія соли составляютъ 1,3%. Микроскопическія мускульныя волокна состоятъ изъ эластическихъ тканей, схожихъ между собою по составу и содержащихъ одинаковое количество бѣлковины, между которыми находится міазинъ; мускульная бѣлковина имѣетъ важное значеніе въ физіологіи мускуловъ. Главную составную часть соединительныхъ тканей составляетъ такъ наз. клейковина. которая при легкомъ нагрѣваніи отъ дѣйствія кислоты превращается въ клей. Въ связкахъ находится жиръ, который представляетъ химическое соединеніе различныхъ твердыхъ и жидкихъ жирныхъ веществъ. Кромѣ того въ мясѣ находится множество постоянныхъ химическихъ веществъ, входящихъ въ составъ кровеносныхъ сосудовъ, крови, нервныхъ стволовъ и нервовъ. Изслѣдованія Либиха дали еще одну группу матеріи, находящуюся въ мясѣ, которая обратила на себя общее вниманіе—это такъ наз. экстрактныя волокна мяса; при варкѣ мяса онѣ въ большомъ количествѣ переходятъ въ наваръ. По точнѣйшимъ наблюденіямъ его частей говядины, какою мы ее получаемъ отъ мясниковъ для нашихъ кухонь, состоитъ изъ 72 частей чистаго мяса (мускульныхъ волоконъ съ ихъ связочными тканями), 8 частей жира и 20 частей костей (съ хрящами и сухожильями).

Теперь разсмотримъ жиръ въ мясѣ откормленнаго животнаго а также клей содержащія ткани, которымъ принадлежитъ такая важная роль въ общемъ питаніи. Они состоятъ изъ гидратовъ углерода (крахмала, рода сахара и смѣси воды и угля) молочной кислоты. Мясная молочная кислота образуется въ мясѣ при лежаніи въ умѣренной температурѣ, при этомъ появляется свертокъ мускульной ткани; міазинъ отдѣляется изъ мускульной матеріи въ видѣ сгустка. Сырое эластичное мясо становится черезъ это твердымъ. а при дальнѣйшемъ процессѣ разлагается вслѣдствіе гніенія. Выдѣленіе кислоты имѣетъ вліяніе на вкусъ приготовляемаго къ пищу мяса. Мясо богатое кислотою при вареніи и жареньи будетъ рыхлѣе, а дающія клей ткани подъ вліяніемъ кислоты быстрѣе и совершеннѣе превращаются въ клей. Такое мясо не представляетъ уже никакого сопротивленія для размельченія его зубами. Отъ умѣренно выдѣлившейся кислоты мясо становится вкуснѣе. При приготовленіи мясныхъ кушаній изъ другаго рода мяса. напримѣръ, телятины и рыбы, содержащихъ менѣе молочной кислоты, замѣняютъ эту послѣднюю лимонной солью, чтобы придать мясу болѣе пріятный вкусъ. Свѣже-битое мясо твердо и невкусно и его подвѣшиваютъ на 6 дней или въ кухнѣ. отчего мясо скорѣе получаетъ нужное количество кислоты. То же самое дѣйствіе на мясо оказываетъ мелкое рубленіе или битье чѣмъ-нибудь тупымъ. но только еще въ большей степени и быстрѣе. Также держатъ свѣжее мясо нѣкоторое время въ температурѣ 40—45°

Ц., причемъ также происходитъ образованіе кислоты, которая въ мясѣ только что убитаго животнаго находится въ нейтральномъ состояніи, во внутреннихъ его частяхъ. Особенно важно обиліе молочной кислоты въ мясѣ при употребленіи его войсками въ походѣ. Баранина, которую германская армія употребляла въ пищу во Франціи, составляла предметъ общей жалобы, вслѣдствіе жесткости и безвкусности, что происходило оттого, что она шла въ пищу свѣже-битой. Это однако можно было бы устранить однимъ изъ вышеприведенныхъ способовъ. Обыкновеніе класть мясо дичи передъ употребленіемъ въ уксусъ имѣетъ тѣ же причины. Татары имѣютъ обыкновеніе класть сырую говядину подъ сѣдло, что производитъ одинаковое дѣйствіе съ ея выколачиваніемъ. Такъ же черезъ сильное утомленіе мускуловъ мясо пріобрѣтаетъ кислоту. Галлеръ и Либихъ разсказываютъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ Южной Америки куръ, передъ тѣмъ какъ убивать, гоняютъ продолжительное время, чтобы сдѣлать мясо ихъ для немедленнаго употребленія особенно нѣжнымъ и вкуснымъ.

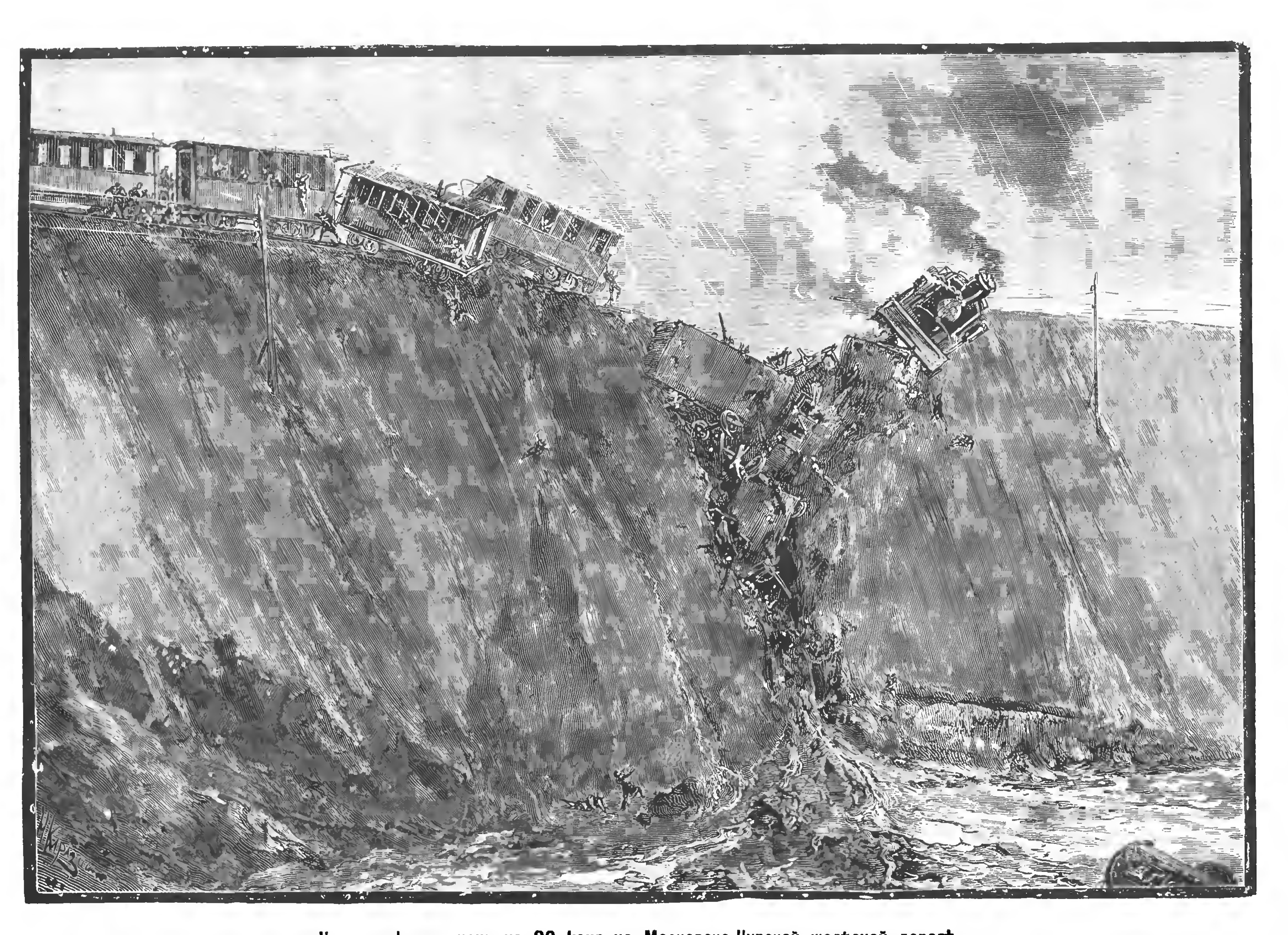
Скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу приготовленія и сохраненія мяса. Польза употребленія сырого мяса въ цивилизованныхъ странахъ не признается. Обычай употребленія такъ называемыхъ „сырыхъ“ бифштексовъ или мелко рубленой свинины почти искоренился. Въ послѣднее десятилѣтіе основательная боязнь трихинъ, личинокъ глистовъ и т. п. заставила окончательно оставить употребленіе сырого мяса, особенно свинины. Тонко нарѣзанные куски сырого мяса удобоваримѣе большихъ, въ нихъ легче можетъ проникнуть желудочный сокъ, въ этомъ отношеніи сырому мясу можно отдать предпочтеніе передъ приготовленнымъ на кухнѣ. Слабымъ дѣтямъ, если они не могли переваривать молока, а также выздоравливающимъ больнымъ давали съ успѣхомъ наструганную сырую говядину. Не надо упускать изъ виду, что самое лучшее и полное питаніе можетъ быть достигнуто употребленіемъ мяса неимѣющаго въ себѣ гидратовъ угля и жира, почему устрицы считаются самой легкой и удобоваримой замѣной мяса. Вареное, жареное и пареное мясо имѣетъ то преимущество, что вслѣдствіе теплоты всѣ бѣлковинныя вещества мяса свертываются и связочныя ткани становятся вслѣдствіе этого болѣе удобоваримыми. При вареніи, значительная часть солей и экстрактная матерія идетъ въ наваръ, для приготовленія котораго согрѣваютъ медленно въ водѣ, тонко порѣзанное мясо, такъ что въ концѣ концовъ всѣ соки выдѣляются



Московс. промышл.-худ. Выставка. Павильонъ журнала „Нива“. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

и остается свернувшееся бѣлковинное вещество съ нерастворимыми солями, связки и эластичныя ткани въ видѣ песка (въ сухомъ видѣ роговидны) безъ всякаго вкуса. Такимъ образомъ приготовленный наваръ самый питательный и крѣпкій; остающаяся масса отъ приготовленія бульона въ новѣйшее время употребляется съ большимъ успѣхомъ, какъ вспомогательный кормъ свиньямъ. При варкѣ мяса, какъ она употребляется въ домашнемъ обиходѣ, процессъ выщелачиванія никогда не достигаетъ высшей степени и выдѣляется только нѣкоторая часть растворимыхъ солей и экстрактной матеріи. При жареніи, мясо удерживаетъ бóльшую часть своихъ составныхъ частей, почему оно болѣе вкусно. Съ наружной стороны мясо покрывается при жареніи вкуснымъ и хорошо пахнущимъ продуктомъ, который какъ приправа помогаетъ пищеваренію. Приготовленіе мяса въ пару стоитъ между способомъ жаренья и варки. Черезъ приготовленіе находящіеся въ мясѣ паразиты, трихины и др. умерщвляются во время продолжительнаго кипѣнія. Паразиты эти, попадая въ трещины кожи и раны служатъ часто причиной зараженія отъ мяса.

Чтобы способность мяса противостоять гніенію значительно увеличилась употребляется обыкновенное сушеніе на открытомъ воздухѣ, это особенно часто дѣлается въ Америкѣ. Для этого берутся самые лучшіе куски мяса млекопитающихся. Въ Норвегіи сушатъ рыбу, напр. треску, при чемъ поверхностный процессъ гніенія никогда не можетъ проникнуть и сдѣлать рыбу вредною для питанія, если при употребленіи его тщательно очистить отъ наружнаго слоя. При копченіи и соленіи мясо теряетъ значительную часть воды, именно отъ 40—75%, треска теряетъ 47%, сельди 41%. Также при варкѣ и жареньи. При соленіи, какъ и при варкѣ, главная масса выдѣленій, фосфорнокислыя соли, экстрактивная матерія идутъ въ разсолъ; этимъ уменьшается питательное достоинство мяса. Вообще черезъ эту утрату полезныхъ качествъ приготовленныя изъ такого мяса блюда мало питательны и при продолжительномъ употребленіи напр. въ морскихъ плаваніяхъ вызываютъ скорбутъ, который можно излѣчить только употребленіемъ свѣжаго мяса и овощей. Въ новѣйшее время открыли, что герметически закупоренное въ жестянкахъ и подверженное нагрѣванію до температуры кипѣнія мясо держится продолжительное время, что имѣетъ громадное значенія въ гигіеническомъ отношеніи, при снабженіи кораблей и крѣпостей.



Катастрофа въ ночь на 30 Іюня на Московско-Курской желѣзной дорогѣ.
По наброску спасшагося пассажира г. Алексѣева, рис. Н. Н. Каразинъ, грав. Ф. Гельштейнъ.

Жиръ мяса, которому какъ питательной матеріи придается высокое значеніе, гораздо легче сохраняется, чѣмъ бѣлковинныя вещества. Онъ хорошо противостоитъ гніенію, будучи вытопленъ и отдѣленъ отъ бѣлковинной матеріи и связочныхъ тканей. То же самое можно сказать и о свиномъ салѣ. Жиръ человѣческаго тѣла, который близко подходитъ къ жиру животныхъ, состоитъ изъ смѣси жира стеариновой, пальметиновой и олеиновой кислотъ. Говяжье и баранье сало одинаковаго состава, гусиное сало ближе всего подходитъ по химическому составу къ человѣческому.

Мясо рыбъ не разнится отъ мяса млекопитающихся и птицъ, хотя старая медицина доказывала противное, говоря что рыба, какъ питательное вещество даетъ менѣе красной крови и вообще менѣе полезно чѣмъ мясо. Между тѣмъ многочисленное населеніе береговъ и озеръ питается только одной рыбой и пользуется хорошимъ здоровьемъ. Рыба даетъ тѣлу столько же бѣлковинн для питанія, какъ и мясо млекопитающихся и птицъ.

Народное мнѣніе придаетъ большую питательность яйцу, чѣмъ мясу млекопитающихся. Брюне справедливо замѣчаетъ, что въ яичномъ желткѣ содержится значительное количество лицитина и другой матеріи, сложнаго состава, содержащей фосфорнокислыя соли, которыя мы находимъ въ нервахъ, и еслибъ при другихъ условіяхъ то яйца заняли бы важное мѣсто въ питаніи тѣла. При питаніи больныхъ какъ извѣстно играютъ немаловажную роль мозги, богатые лицитиномъ. Кромѣ нервной системы, лицитинъ идетъ преимущественно на образованіе кровяныхъ шариковъ и въ небольшомъ количествѣ находится во всѣхъ животныхъ органахъ.

Кровь содержитъ въ себѣ все нужное для образованія органовъ; мы упомянули уже, что Либихъ называетъ кровь „жидкимъ мясомъ“.

Содержаніе воды въ крови только на нѣсколько % больше чѣмъ въ мясѣ того же животнаго. Она состоитъ изъ 79% воды, 19,4% бѣлковины и только 0,2% жиру.

Всероссійская промышленно-художественная выставка.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

(Рис. на стр. 676, 677 и 689).

IX.

Мануфактурный отдѣлъ.

Переходя къ этому богатому и въ высшей степени разнообразному отдѣлу, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о ходѣ мануфактурнаго дѣла въ Россіи вообще.

Первыми волокнистыми веществами, служащими для производства тканей, явились у насъ въ самой глубокой древности овечья шерсть, ленъ и пенька, изъ нихъ послѣднія два привились особенно удачно, и русскія льняныя и пеньковыя ткани еще при первыхъ кіевскихъ князьяхъ считались образцовыми по своимъ достоинствамъ и хорошо цѣнились на сосѣднихъ иностранныхъ рынкахъ, выгодно размѣнивались на шелкъ, бархатъ и парчу Византіи и Венеціи. Ярославль и его окрестности тогда уже были главнѣйшими производителями холста и полотенъ, а много позднѣе Великій Новгородъ уже въ большихъ размѣрахъ велъ торговлю льномъ съ ганзейскимъ торговымъ союзомъ.

Шелкъ и его производства были для насъ недосягаемы до тѣхъ поръ, пока предѣлы Россіи не придвинулись къ тѣмъ мѣстностямъ юга, гдѣ уже возможно было ознакомиться съ шелковымъ червемъ и его пряжею, такъ что до конца прошлаго столѣтія мы еще не выработывали сами шелковыхъ издѣлій, а получали ихъ исключительно изъ заграницы, преимущественно изъ Персіи и въ небольшомъ очень количествѣ изъ Италіи и Франціи.

Въ первой половинѣ текущаго столѣтія, развитіе нашихъ шелковыхъ мануфактуръ подвигалось очень туго и не могло даже думать о конкуренціи съ Ліономъ и Миланомъ, но уже во второй половинѣ, именно съ начала шестидесятыхъ годовъ, особенно съ пріобрѣтеніемъ обильнаго шелковичнымъ червемъ Туркестанскаго края и полнаго спокойствія на границахъ Кавказа и Персіи—шелковыя мануфактуры наши стали рости не по днямъ, а по часамъ, мало по малу преодолѣвая недальновидный предразсудокъ нашихъ богачей, готовыхъ платить вдвое, но непремѣнно за товаръ съ заграничною пломбою.

Бумажныя ткани, т. е. исключительно бѣлый миткаль, долго служилъ и продолжаетъ служить еще, хотя въ меньшей степени, предметомъ ввоза, но не вывоза; у насъ только миткаль окрашивается (набивается) цвѣтнымъ узоромъ и идетъ въ употребленіе въ видѣ ситца. Теперь и миткаль производится у насъ въ громадномъ количествѣ, и наши ситцы хотя мало проникаютъ за западную границу, но за то широкою волною разливаются по всей центральной Азіи, оттѣсняя тамъ съ каждымъ годомъ границы распространенія англійскаго товара того же рода, несмотря на то, что имѣя въ своемъ распоряженіи морской путь, англичане пускаютъ свой шертингъ гораздо дешевле нашего и вслѣдствіе такого положенія вещей, русскій товаръ беретъ верхъ единственно преимуществомъ своего качества передъ англійскимъ.

Что же касается до издѣлій изъ шерсти, т. е. суконъ, то эта отрасль промышленности у насъ долго существовала только въ кустарномъ своемъ видѣ, удовлетворяя скромныя потребности самихъ кустарей, т. е. нашихъ крестьянъ, да и то еще не самыхъ зажиточныхъ. Между тѣмъ какъ милліоны пудовъ нашей превосходной шерсти шли за границу, превращались тамъ въ сукно и обратно приходили къ намъ, дѣлая при этомъ выгодный денежный оборотъ для иностранцевъ, но крайне убыточный для насъ самихъ. Такому ненормальному положенію вещей первую преграду поставили русскія казенныя фабрики сукна для обмундированія войскъ, начало которыхъ въ массѣ можно отнести развѣ къ царствованію Императора Александра I, но никакъ не раньше, ибо прежнія попытки въ этомъ родѣ были совершенно незначительны.

Изъ этого короткаго предисловія можно видѣть, что кромѣ льняныхъ издѣлій, бумажныя, шелковыя и шерстяныя ткани, сукно тоже, составляютъ дѣло на Руси совсѣмъ новое, особенно въ сравненіи со временемъ существованія этихъ производствъ въ другихъ странахъ Европы.

И вотъ это-то новое дѣло зародилось, развилось, выросло и окрѣпло у насъ именно какъ сказочный богатырь, „не по днямъ, а по часамъ“, и стало на такую ногу, что избавило насъ вовсе отъ необходимости все это выписывать изъ заграницы.

Наши ткани появились на всѣхъ состязательныхъ аренахъ Европы и Америки, я говорю о выставкахъ,—онѣ вездѣ вышли съ блестящимъ аттестатомъ и на нынѣшней выставкѣ побѣда русскаго мануфактурнаго дѣла выразилась въ такой уже яркой, осязательной формѣ, что надо быть уже совершенно слѣпымъ поклонникомъ всего западнаго, чтобы упрямо придерживаться долго царившаго, невыгоднаго, непатріотическаго предразсудка.

Пятый отдѣлъ, это отдѣлъ чудесъ мануфактурнаго міра... Каждая витрина этого отдѣла носитъ на себѣ отпечатокъ побѣды и торжества, каждый уголокъ такъ и говоритъ: „Да убѣдитесь же вы, слабовѣрные и малодушные, поклонитесь своему кровному земляку, русскому; свои капиталы не шлите безразсудно въ бездонные карманы чужихъ людей, на ростъ и успѣхъ чужаго дѣла“.

Увеличеніе числа фабрикъ, особенно по всей средней полосѣ Россіи за послѣднія два десятилѣтія, и ростъ этихъ фабрикъ, ростъ ихъ годовыхъ оборотовъ по истинѣ удивительны. Москва и ея ближайшія окрестности являются главнѣйшимъ центромъ этого рода дѣятельности, сгруппировывая у себя милліоны русскихъ рабочихъ рукъ.

Самая крупная фирма изъ числа экспонирующихъ на настоящей выставкѣ безспорно фирма Никольской Мануфактуры „Саввы Морозова, сынъ и комп.“—эта фирма производитъ бумажныя ткани, прядетъ хлопокъ, ткетъ и окрашиваетъ; въ ея распоряженіи одныхъ паровыхъ машинъ до 2000 лошадиныхъ силъ, рабочихъ—пристроенныхъ къ дѣлу—до двадцати шести тысячъ человѣкъ, которымъ одного жалованья въ годъ выплачивается два милліона шестьсотъ восемдесять тысячъ... Въ одинъ послѣдній годъ Никольская мануфактура выработала на своихъ станкахъ хлопка двѣсти пятьдесятъ тысячъ пудовъ, превративъ этотъ хлопокъ въ разнообразныя матеріи. Витрины этой фирмы расположены по линіи внутренняго фасада павильона и положительно давятъ васъ разнообразіемъ и количествомъ выставленныхъ товаровъ,—это уже не выставка, а колоссальный магазинъ, тѣмъ болѣе, что почтенная фирма не позаботилась о внѣшней красотѣ витринъ, чего нельзя сказать о витринѣ другой не менѣе почтенной фирмы Прохоровской трехгорной мануфактуры, которая, доминируя надъ всѣмъ отдѣломъ, такъ и просится на картину, что мы, конечно, сейчасъ же и сдѣлали, предлагая нашимъ читателямъ рисунокъ этого изящнаго и грандіознаго павильона (стр. 676). На возвышеніи въ три ступени, выстроенъ цѣлый храмъ, съ полукруглымъ куполомъ, поддерживаемый четырьмя колоннами, продольные фасы этого павильона сквозные для удобства дефилированія публики, что облегчаетъ подробный осмотръ всего содержимаго. Вершина купола увѣнчана громаднымъ золотымъ орломъ, фронтоны на портикахъ фасовъ тоже декорированы лѣпною работою и золотомъ и весь павильонъ богато задрапированъ бумажнымъ бархатомъ, мебельными бумажными тканями и шалями. Въ боковыхъ фасахъ изящно сгруппированы образцы всѣхъ произведеній фирмы, внутри же павильонъ представляетъ богато убраную гостинную, мебель которой обита произведеніями этой же фабрики.

За этимъ павильономъ сейчасъ-же поднимается фронтонъ изъ темнаго дерева съ коньками по угламъ, флагами и золотыми орлами, витрины Барановыхъ, изъ Владимірской губерніи, выставившихъ свои, всему міру извѣстные—пунцовые, гладкіе и набивные ситцы, кумачи и плисы. Вся правая сторона выставочнаго павильона, если идти отъ внутренняго фасада ко внѣшнему, занята витринами производителей всевозможныхъ сор-

товъ суконъ и шерстяныхъ тканей, между которыми выдѣляются витрины нарвской и кренгольмской мануфактуръ, Торнтона... Это цѣлый суконный городъ съ улицами и переулками и надо употребить не менѣе трехъ часовъ, чтобы основательно ознакомиться, пересмотрѣть все что тутъ выставлено. На противуположной сторонѣ раскинулся такой-же городъ, но здѣсь издѣлія изъ шерсти смѣняются исключительно красными ситцами, набивными тканями, платками и проч., здѣсь особенно красиво выдѣляется павильонъ Рабанскъ, задрапировавшій свои витрины изъ чернаго дерева, краснымъ кумачемъ по преимуществу... По самымъ блестящимъ пунктомъ пятой группы, конечно является тотъ, гдѣ сосредоточились всѣ издѣлія изъ шелка, бархата и разнообразнѣйшія золотыя и серебряныя парчи. Здѣсь все блещетъ поражающею роскошью, вкусомъ и высокимъ уровнемъ произведеній, давно уже догнавшихъ и во многомъ опередившихъ иностранныхъ конкурентовъ, несмотря на короткій срокъ развитія у насъ этого дѣла.

Главное и самое видное мѣсто здѣсь занимаютъ витрины Сапожниковыхъ, въ Москвѣ, — фабрика эта основана всего съ 1837 года и менѣе чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ своего существованія достигла положительно высшихъ ступеней совершенства. Эта фирма періодически экспонировала на всѣхъ міровыхъ выставкахъ и вездѣ получила лучшія награды, на настоящей выставкѣ она выставила свои произведенія, не заботясь вовсе о ихъ декорировкѣ... Витрина Сапожниковыхъ болѣе чѣмъ проста, (стр. 677) она состоитъ изъ колоссальныхъ стеклянныхъ шкафовъ открытыхъ со всѣхъ сторонъ, но въ этихъ шкафахъ развѣшаны и разложены такія чудеса ткацкаго дѣла, что дѣлаетъ совершенно понятнымъ — любопытство этихъ массъ публики, смѣнною живою волною толпящихся передъ саженными стеклами сапожниковскихъ витринъ. На лицевой сторонѣ, прямо противъ оконъ внутренняго сада, повѣшена чудная золотая ткань въ четыре аршина шириною, по которой вытканы цвѣтными шелками группы яркихъ фазановъ и гирлянды цвѣтовъ... Эта ткань довольно ясно видна на нашемъ рисункѣ и составляетъ chef d'oeuvre ткацкаго дѣла, до чего пока могло дойти это ремесло, здѣсь на этомъ порогѣ переходящее уже въ высокое искуство. Кромѣ того здѣсь выставлены разнообразныя парчи, гладкія и узорныя, строго выдержанныя въ русскомъ и византійскомъ стилѣ, предназначенные для церковныхъ облаченій исключительно. Золото и серебро парчей перебивается полотенцами роскошнаго тисненаго бархата, блестящаго какъ полированный металлъ атласа... всего того, что изстари вездѣ и всюду заставляетъ кружиться женскія головки, доводя ихъ до всего добраго и недобраго, опустошая карманы ихъ отцовъ и мужей и, все-таки не насыщая ихъ неудовлетворимыя потребности и прихоти.

Издѣлія изъ волокнистыхъ веществъ, кромѣ предназначеннаго для нихъ павильона, далеко захватываютъ боковыя соединительныя галлереи, незамѣтно переходя въ предметы восьмой группы т. е. къ издѣліямъ ремесленнымъ: одежды, обуви, головнымъ уборамъ, мѣхамъ, бѣлью и прочему, имѣющему прямую и тѣсную связь съ содержаніемъ, описаннаго мною пятаго отдѣла.

X.

Павильонъ „Нивы."

Въ этомъ же № мы помѣщаемъ видъ павильона „Нивы." Онъ расположенъ во 2 группѣ. Тутъ выставлены въ роскошныхъ переплетахъ всѣ изданія, извѣстныя нашимъ читателямъ по объявленіямъ и многочисленнымъ отзывамъ въ журналахъ и газетахъ, какъ романы Всеволода С. Соловьева, повѣсти Каразина, Вс. Крестовскаго и друг. великолѣпное изданіе „Потеряннаго Рая" Мильтона съ рисунками знаменитаго Дорè и преміи „Нивы" въ богатыхъ рамахъ. Но особенное вниманіе публики вообще привлекала небольшая очень интересная витрина, стоящая справа впереди на столѣ. Здѣсь расположены въ систематическомъ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ подробности рѣзьбы гравюръ на деревѣ; изъ всего этого легко видѣть какой путь проходитъ гравюра пока появится на страницахъ журнала. Сперва вы видите чистую доску, состоящую изъ множества плотно склеенныхъ между собою кусочковъ пальмоваго дерева. На этой доскѣ прелестный рисунокъ Н. Н. Каразина къ превосходному стихотворенію А. Н. Майкова „Разсвѣтъ;" на такую же доску снята фотографія съ этого рисунка; затѣмъ въ третьихъ вы видите этотъ рисунокъ по другой фотографіи, уже выгравированный на такой доскѣ и въ заключеніе видно какъ дѣлается съ гравюры гальванопластическое клишè, посредствомъ снятой съ нея восковой матрицы, покрытой графитомъ, затѣмъ уже готовое клише гравюры и уже оттиснутая гравюра на китайской бумагѣ. „Нива" давно уже не печатаетъ прямо съ деревянной доски но всегда съ гальванопластическихъ клише и вотъ уже два года съ тѣхъ поръ, какъ число подписчиковъ нашего журнала болѣе чѣмъ удвоилось и самый текстъ печатается не съ набора, а посредствомъ снятыхъ съ него стереотиповъ, т. е. свинцовыхъ снимковъ съ наборныхъ страницъ. И эта процедура въ нашей витринѣ представлена наглядно: сперва страница „Нивы" въ наборѣ, заключенная въ раму, затѣмъ снятая съ нея бумажная матрица, затѣмъ отлитая съ матрицы свинцовая пластинка и затѣмъ окончательный вторичный отливокъ страницы изъ свинца, который гальванопластическимъ способомъ покрывается слоемъ мѣди. Послѣдній способъ практикуется постоянно въ типографіи „Нивы", ибо этотъ легкій и тонкій налетъ мѣди даетъ возможность съ одной формы печатать теперь на 30,000 экземпляровъ болѣе чѣмъ съ простаго свинцоваго отливка. Всѣ эти гальванопластическія и стереотипныя работы исполняются въ собственной типографіи „Нивы", гдѣ день и ночь работаетъ посмѣнно рабочихъ до 120 человѣкъ, ибо иначе типографія не могла бы выпустить такое количество экземпляровъ въ недѣлю.

Павильонъ „Нивы" устроенъ по рисункамъ г. Далматова въ русскомъ стилѣ и съ большимъ вкусомъ задуманъ художникомъ, такъ что весь его рѣзной фасадъ вполнѣ гармонируетъ съ его внутренней отдѣлкой и установкой. Весь павильонъ работанъ по рисункамъ столярнаго мастера Аникина (Малая Охта), который рѣзную работу свою всю привезъ изъ Петербурга. Всѣ книги и альбомы, выставленные въ павильонѣ продаются; также производится продажа отдѣльныхъ №№ „Нивы" и принимается подписка.

Катастрофа на Московско-Курской ж. д.

Разсказы очевидцевъ.

(Рис. на стр. 689).

Мы получили слѣдующее интересное письмо (при рисункѣ) одного изъ пострадавшихъ въ день ужасной катастрофы пассажировъ, г. Алексѣева. „29 іюня сего 1882 года я выѣхалъ изъ Москвы съ почтовымъ поѣздомъ № 3 въ три съ половиною часа пополудни. Погода была пасмурная и по собравшимся чернымъ тучамъ на горизонтѣ, можно было ожидать бури. И дѣйствительно, не отъѣхали мы отъ Москвы и десяти верстъ поднялся сильный вѣтеръ съ проливнымъ дождемъ, непрерывными раскатами грома и блескомъ молніи. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ мы благополучно достигли станціи Черни, отстоящей отъ Москвы въ $287^1/_2$ верстахъ, 30 іюня въ 2 часа 40 минутъ утра; здѣсь нашему поѣзду пришлось остановиться на довольно долгое время, такъ какъ шедшій въ Москву изъ Курска почтовый поѣздъ № 4 запоздалъ. Черезъ полчаса по прибытіи нашего поѣзда на станцію Чернь, подошелъ на ту же станцію и встрѣчный поѣздъ № 4, который, говорятъ, предупредилъ о неисправности пути на 290 верстѣ. Послѣ ухода поѣзда № 4 изъ Черни въ Москву, мы, пассажиры, были удивлены, что хотя поѣздъ № 4 и ушелъ, нашъ продолжалъ еще стоять около получаса, между тѣмъ какъ по росписанію онъ долженъ стоять только 6 минутъ. Но вотъ наконецъ въ началѣ 4 часа утра при самыхъ неблагопріятныхъ стихійныхъ обстоятельствахъ т. е. проливномъ дождѣ и необыкновенно сильной грозѣ, мы тронулись далѣе довольно быстрымъ ходомъ. Не доѣзжая 290 версты, машинистъ убавилъ пару, склоняясь на предупрежденіе поѣзда № 4; при благополучномъ проходѣ этого мѣста нашъ поѣздъ пошелъ быстрѣе, думая что опасность миновала, но, къ несчастью она была на 296 верстѣ,—гдѣ и произошла ужасная катастрофа, о которой читатель можетъ себѣ составить точное понятіе по, помѣщенному въ этомъ номерѣ, рисунку.

Первый моментъ я,—самъ пострадавшій при этомъ—описать рѣшительно не берусь. Передамъ читателю только то, что видѣлъ и чему былъ свидѣтелемъ когда пришелъ въ сознаніе.

Въ первую минуту сознанія я былъ пораженъ, что вмѣсто вагона, очутился лежащимъ въ ручьѣ, который и образовался отъ проливнаго дождя, лившаго во все продолженіе этой ужасной ночи и, приблизительно въ разстояніи 30 саженъ по насыпи. Повернулся я назадъ и моимъ глазамъ представилась поражающая картина: провалъ (правой стороны насыпи) приблизительно около 14 саженъ глубиною, низъ и верхъ котораго были загромождены массою обломковъ, въ которые превратились провалившіеся девять вагоновъ (8 пассажирскихъ и 1 багажный). Всюду слышались раздирающіе душу крики и стоны несчастныхъ пассажировъ. Первымъ нашимъ дѣломъ (т. е. случайно уцѣлѣвшихъ пассажировъ) было идти на помощь къ этимъ несчастнымъ, а также и дать знать о всемъ случившемся на ближайшія станціи съ требованіемъ немедленной помощи, но помощь скоро придти не могла, такъ какъ телеграфное сообщеніе было прервано по случаю грозы, а нарочно посланные люди дойти до ближайшихъ станцій скоро не могли. Не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ своихъ собственныхъ рукъ и обрывка веревки, которая уцѣлѣла на спасшихся отъ крушенія вагонахъ, мы были въ состояніи спасти только 35 несчастныхъ жертвъ катастрофы; изъ этихъ несчастныхъ нѣкоторые д же не имѣли и вида человѣческаго—до невозможности были искалѣчены: кто безъ рукъ, кто безъ ногъ, кто лишился зрѣнія, кто языка. Замѣчательный и даже необъяснимый случай былъ—это спасеніе солдатъ въ количествѣ 18 человѣкъ, сидѣвшихъ въ первомъ вагонѣ послѣ багажнаго: по разсказамъ одного изъ нихъ произошло это слѣдующимъ образомъ. Вагонъ ихъ, вѣроятно отъ сильнаго двухсторонняго натиска, былъ подброшенъ на воздухъ, гдѣ разлетѣвшись въ дребезги, выбросилъ ихъ не въ провалъ, а на лѣвую сторону насыпи (которая размыта не

была) и разбросалъ ихъ по ней въ совершенно безсознательномъ состояніи, но безъ серьезныхъ поврежденій.

Всѣхъ жертвъ этой катастрофы, погребенныхъ въ обломкахъ, по нашему счету (пассажирскому) болѣе 200 человѣкъ, между которыми и три человѣка поѣздной прислуги, а остальная спаслась; машинистъ съ большими поврежденіями, а его помощники совершенно невредимы. Конечно, имѣя болѣе спасительныхъ инструментовъ, т. е. веревокъ, багровъ, лѣстницъ, а также и рабочихъ, которыхъ мы ожидали съ ближайшихъ станцій, могли бы спасти еще нѣсколько несчастныхъ, но къ сожалѣнію помощь эта прибыла только черезъ 5 часовъ послѣ крушенія, когда было уже поздно: новыми обвалами несчастныхъ погребло заживо.

Въ 9 часовъ утра подошелъ поѣздъ, который забравъ всѣхъ раненыхъ, а также и насъ уцѣлѣвшихъ,—доставилъ на станцію Мценскъ, гдѣ и была оказана первая медицинская помощь раненымъ.

Это ужасное крушеніе почтоваго поѣзда № 3, шедшаго изъ Москвы въ Курскъ, объясняется слѣдующими причинами: на мѣстѣ провала (296-й верстѣ) была проложена подъ насыпью чугунная труба, которая служила для стока воды накопляющейся во время дождя на днѣ оврага. При громадномъ скопленіи воды отъ дождя, который лилъ всю ночь съ 29 на 30-е число іюня, эта труба напоромъ воды съ лѣвой стороны была вышвырнута изъ-подъ насыпи, вслѣдствіе чего, конечно, отъ сильнаго теченія той же воды и отъ неимѣнія опоры. насыпь осѣла и съ правой стороны была совершенно вырвана, и что, конечно, въ такую грозную ночь сторожамъ досмотрѣть было невозможно, чтобы выставить предупредительные сигналы."

Другой очевидецъ сообщаетъ слѣдующія подробности:

„Повсемѣстное бѣдствіе лѣтняго времени — пожарные убытки—вызвали меня въ Бессарабскую губернію; невыносимая жара (до 38° Р. въ тѣни) заставила меня торопиться обратнымъ выѣздомъ и въ Раздѣльной я пересѣлъ въ курьерскій поѣздъ, идущій изъ Одессы въ Москву.

Послѣ полудня 29 числа небо покрылось тучами и темныя грозовыя тучи заволокли горизонтъ; къ вечеру начался ураганъ и первыя крупныя дождевыя капли упали на раскаленную землю; все небо казалось огненнымъ моремъ. Почью на 30 іюня между Курскомъ и Орломъ я проснулся отъ проливнаго дождя; поѣздъ двигался медленно и осторожно—мы запоздали прибытіемъ въ Орелъ; тамъ уже носились слухи о несчастіи на желѣзной дорогѣ.

Дождь до такой степени размылъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ желѣзнодорожное полотно, что мы могли подвигаться только съ большой осторожностью, можно-бы сказать, что мы двигались „шагомъ"; поэтому поѣздъ нашъ прибылъ въ Мценскъ въ 10 ч. утра 30 іюня и то что мы тутъ увидѣли повергло насъ въ ужасъ.

Здѣсь мы застали спасенныхъ и раненыхъ несчастнаго почтоваго поѣзда, шедшаго изъ Москвы въ Курскъ. Раненые лежали частью въ трехъ товарныхъ вагонахъ, и частью въ вокзалѣ; нѣтъ возможности описать эту ужасную картину; я бывалъ на полѣ битвы, но не видѣлъ ничего болѣе ужаснаго; 35 человѣкъ тяжело раненыхъ, старцы, женщины, дѣти, офицеры, солдаты. Тутъ лежала женщина, правая рука которой была точно отпилена у лопатки, голова и грудь страшно разбиты, при этомъ несчастная была еще жива и не теряла сознанія; она ѣхала съ пятью дѣтьми изъ которыхъ одинъ ребенокъ грудной. Этотъ послѣдній и восьмилѣтняя дѣвочка, тоже израненная, были спасены, остальные трое не найдены. Тамъ былъ старикъ, умершій во время переноски отъ мѣста несчастія въ Мценскъ; его дочь, молодая женщина, была также страшно искалѣчена; тамъ лежалъ офицеръ тяжело раненый въ голову, съ закрытыми глазами и Богъ знаетъ откроетъ-ли онъ ихъ еще когда нибудь. Другой офицеръ съ пораненной грудью сидѣлъ возлѣ своей изувѣченной сестры, громко стонавшей на своей постели. Кромѣ этихъ, 35 тяжело раненныхъ въ вокзалѣ было отъ 80 — 100 спасенныхъ лицъ, между ними нѣкоторыя съ незначительными поврежденіями, такъ напр. машинистъ легко раненъ въ лобъ и ногу. Одинъ изъ кондукторовъ былъ тяжело раненъ, одинъ легко, а трое умерли.

Въ готовности оказать помощь недостатка не было, мѣстный врачъ, нѣсколько фельдшеровъ и всѣ мы помогали по силѣ возможности и умѣнія. Около 12 часовъ для раненыхъ и спасенныхъ былъ поданъ поѣздъ, доставившій ихъ въ Орелъ; одновременно отправился также поѣздъ на мѣсто катастрофы, куда поѣхалъ и я. То что здѣсь я увидѣлъ нельзя описать и передать вполнѣ никакими словами.

Пострадавшій поѣздъ состоялъ изъ локомотива съ тендеромъ, багажныхъ вагоновъ. 5 вагоновъ III кл., 1 вагона II кл., 1 вагона смѣшаннаго I и II кл., 1 вагона I кл., 3 вагоновъ III кл. и почтоваго вагона.

На мѣстѣ происшествія желѣзнодорожное полотно вышиною около 18—20 саженъ. При проходѣ этого мѣста около 3½ часовъ ночи, локомотивъ сошелъ съ рельсъ и отошелъ вправо на 1½ аршина. Крушеніе было мгновенное и должно было быть ужаснымъ, какъ то свидѣтельствуютъ осколки вагоновъ на лѣвой сторонѣ полотна. Но этимъ несчастіе не кончилось, столкнувшіеся вагоны произвели такое давленіе на полотно дороги, что оно расплылось какъ масло, покрывая собою все; что могло бы еще удержаться было теперь раздавлено локомотивомъ и тендеромъ, увлеченными назадъ; багажные вагоны, 5 ваг. III кл. одинъ ваг. II кл. исчезли безслѣдно, вагонъ смѣшанный навалился на предъидущіе и полуразрушенный уперся въ нихъ, вагонъ 1 класса былъ разрушенъ только въ передней части, остальные уцѣлѣли.

Поѣздъ былъ полонъ народу. Съ достовѣрностью можно сказать, что въ каждомъ третьеклассномъ вагонѣ было по 30 человѣкъ, такимъ образомъ число погибшихъ въ 5 ваг. III кл. равняется 150 челов., изъ отдѣленія II кл. смѣшаннаго вагона погибло около 20 человѣкъ. Часть раненыхъ были вытащены изъ своей страшной могилы при помощи веревокъ *).

Минута катастрофы должна была быть ужасающей—это подтверждаютъ и очевидцы, и спасенные. Такъ напримѣръ одинъ генералъ, выброшенный изъ смѣшаннаго вагона и зацѣпившійся шпорами кричалъ: спасите! спасите! но тутъ на него паплыла и навалилась новая масса грязи и глины и погребла его подъ собою. Одна женщина до половины завязла въ осколкахъ и глинѣ, она молила о помощи, но налетѣвшая на нее полоса желѣза убила ее на повалъ. Если подумаешь, что въ семи исчезнувшихъ вагонахъ многіе были погребены заживо, то невольно содрогаешься отъ ужаса.

Помощь была немыслима. Высокая насыпь превратилась въ жидкую массу. Изъ этого хаоса вытекала грязная желтоватая насыщенная глиною вода, а иногда видны были куски одежды, дѣтскія одѣяльца и пр. Тутъ висѣлъ зацѣпившись за дверь мертвецъ, тамъ лежалъ оберъ-кондукторъ со спиной разбитой стѣнкой вагона; трупъ смазчика былъ вытащенъ веревкой изъ подъ груды обломковъ, тамъ же найдена чья-то рука, дамская шляпа, ручной багажъ и прочее.

Я не въ состояніи изобразить дѣйствительной картины даже приблизительно; а что найдется подъ землею, если только окажется возможнымъ найти погребенныхъ? На поверхности найдено только 7 труповъ.

Еще нѣсколько словъ о самой катастрофѣ. Какъ сказано выше, желѣзнодорожная насыпь въ этомъ мѣстѣ въ 18—20 саженъ вышины и отъ 15—18 саж. ширины у основанія. Въ полотнѣ проложена была желѣзная труба въ 1 аршинъ въ діаметрѣ для пропуска воды изъ ручья, выходящаго изъ небольшой рѣки, протекающей въ 30 саженяхъ отъ дороги. Вслѣдствіе сильнаго дождя 29-го іюня, труба напоромъ воды была вытолкнута изъ насыпи. Въ разстояніи 1—1½ верстъ далѣе въ рѣкѣ, были найдены отдѣльныя трубы длиною около сажени и въ аршинъ въ діаметрѣ; я насчиталъ 16 такихъ трубъ, частью цѣлыхъ, частью поломанныхъ.

Уже вечеромъ 29-го іюня было заявлено, что трубы выплыли изъ насыпи, тѣмъ не менѣе былъ пущенъ еще товарный поѣздъ, который тоже заявилъ, что полотно опасно треснуло и осѣло, но и это не помѣшало выпустить почтовый поѣздъ, который шелъ къ опасному мѣсту съ обычной скоростью и естественно долженъ былъ сойти съ рельсовъ и потерпѣть крушеніе.

Послѣ десятичасоваго промедленія, насъ пассажировъ курьерскаго поѣзда отправили въ уцѣлѣвшихъ вагонахъ далѣе по другую сторону мѣста ужаснаго происшествія"...

Къ рисункамъ.

„Классическая поэзія". Статуя.

(Рисун. на стр. 681).

На международной художественной выставкѣ въ Вѣнѣ лучшимъ украшеніемъ австрійскаго отдѣла была прекрасная статуя Эдмунда Гофмана „Классическая поэзія". Тщательно исполненная фигура благородствомъ линій свидѣтельствуетъ о выдающемся талантѣ художника. Э. Гофманъ родился въ Пештѣ 2 ноября 1847 г., это молодой художникъ, имѣющій не долгое но прекрасное прошлое. Его произведенія создали ему уже замѣтное имя. Статуя „Классическая поэзія" предназначается для новаго городскаго театра въ Вѣнѣ, въ противуположной нишѣ будетъ поставлена „Романтическая поэзія, тоже произведеніе Гофмана. Рядомъ съ Кундмановскими фигурами Мельпомены, Таліи и Аполлона, это будутъ самыя большія фигуры въ новомъ театрѣ. Вышина ихъ будетъ равна 11 футамъ. Гофманъ учился въ вѣнской академіи подъ руководствомъ профессора Цумбуша и затѣмъ совершенствовался въ Римѣ. Онъ исполнилъ также великолѣпныя пластическія работы для вѣнской новой ратуши и университета.

За кулисами цирка.

(Рис. на стр. 684 и 685).

Большая разница какъ держатъ себя артисты на сценѣ и за кулисами въ театрѣ, передъ полотномъ и за полотномъ въ циркѣ,—это такая же разница какъ между лицевой стороной и изнанкой декорацій.

*) Теперь уже выяснилось что погибшихъ всего болѣе 50 челов.

Бывающіе за кулисами и думающіе, что поэтому они знають артистовъ и фокусниковъ—ошибаются. И за кулисами артистъ остается тѣмъ же, чѣмъ бываетъ на сценѣ, т. е. онъ отождествляетъ собою свой костюмъ. Трудно повѣрить, какая чарующая сила заключается для комедіанта въ его костюмѣ и мишурѣ пока они на немъ!

На картинѣ талантливый художникъ переноситъ насъ за занавѣсъ цирка. Пестрое собраніе держитъ себя менѣе принужденно чѣмъ на сценѣ, оно даже занято чтеніемъ, питьемъ чая, но совершенно естественны артисты не бываютъ и здѣсь. Ноги постоянно соблюдаютъ третью позицію, ротъ не произноситъ проклятій, а поблекшія лица накрашены и выглядятъ свѣжими и молодыми. Можетъ посмотрѣть на нихъ кто нибудь изъ меценатовъ, публика такъ близко, и на актерахъ все еще сіяютъ блестки и шуршитъ шелкъ. Хорошенькая дѣвочка съ золотистыми локонами продолжаетъ быть геніемъ: весело болтая, она радуется поднесеннымъ ей апельсинамъ. Отчаянный наѣздникъ Парисъ разыгрываетъ роль пресыщеннаго и напрасно хорошенькая дочь директора нѣжно кладетъ ему руку на плечо и говоритъ что то—его это не трогаетъ. Тутъ же и миссъ Адель, любимица публики, пьетъ чай, который ей предупредительно приготовляетъ ея мужъ мистеръ Тототъ, представляющій настоящаго краснокожаго. Стонетъ все продолжаетъ дрессировать собакъ. Директоръ здѣсь за кулисами, таковъ-же какъ и въ публикѣ: тотъ-же строгій, ворчащій тиранъ, вѣчно брюзжащій, вѣчно недовольный. Тутъ же и жена его, воздушная, все умиротворяющая фея, заботящаяся о всѣхъ и въ сундукѣ которой находится для каждаго необходимый туалетъ. Весельчакъ клоунъ потѣшаетъ товарищей и его закулисныя остроты пожалуй получше чѣмъ оффиціальныя.

Чтобы узнать артиста какой онъ въ дѣйствительности, недостаточно бывать за кулисами. Только придя къ себѣ домой, снявъ слой бѣлилъ и освободивъ уставшее тѣло отъ мишуры, домой, куда не проникаетъ никто изъ постороннихъ, тутъ только онъ становится самимъ собою.

Золотокудрое дитя—ангелъ, не думаетъ болѣе объ апельсинахъ. Опытная не по годамъ дѣвочка рѣзко споритъ съ клоуномъ—своимъ отцомъ, который подчиняется ей и боится ее; это его единственный ребенокъ. Смѣлый наѣздникъ, баловень женщинъ, сильно хлопочетъ около больнаго мальчика брата, сломавшаго ногу упавъ съ лошади. Любезничать ему теперь?.. Этого онъ не можетъ, его мѣсто здѣсь у постели бѣднаго больнаго мальчугана.

А краснокожій у себя на дому пожалуй и побьетъ свою жену—любимицу публики. При постороннихъ ему нужно быть съ нею нѣжнымъ, а то найдутся лица, которыя захотятъ пожалуй избавить ее отъ такого мужа. Строгій директоръ совсѣмъ стушевывается передъ женой, затратившей свой капиталъ на его предпріятіе. Дома роли ихъ мѣняются—и онъ трепещетъ передъ недовольнымъ взглядомъ супруги...

Политическое обозрѣніе.

Египетъ. — Турція. — Франція. — Испанія.

Англичане выполнили свое обѣщаніе, или, лучше сказать, свою угрозу 11 іюля утромъ адмиралъ Сеймуръ началъ бомбардированіе Александріи. Наканунѣ, расположивъ пять броненосцевъ въ боевомъ порядкѣ противъ фортовъ, адмиралъ сдѣлалъ хедиву предложеніе перейдти на время на одно изъ военныхъ англійскихъ судовъ, но Тевфикъ-Паша (или знающій хорошо, какъ ему можно было поступить, или-же выказавшій мужество, вполнѣ достойное его высокаго положенія) отклонилъ его, говоря, что не желаетъ доставить своимъ врагамъ радость тѣмъ, что отправится искать убѣжища у внѣшнихъ враговъ (ему, впрочемъ, какъ увидимъ, пришлось таки воспользоваться приглашеніемъ адмирала); въ европейскомъ кварталѣ осталось 5 тысячъ итальянцевъ, грековъ и левантійцевъ, которые устроили баррикаду, рѣшившись защищаться съ оружіемъ въ рукахъ. Когда у англійской эскадры все было уже готово къ бомбардированію, суда другихъ державъ, при звукахъ военной музыки, снялись съ якоря и, салютуя брейдъ-вымпелъ англійскаго адмирала, вышли въ открытое море; вскорѣ, къ адмиральскому судну причалилъ катеръ съ египетскимъ министромъ-президентомъ Рахэбъ-Пашей, которому еще не былъ извѣстенъ ультиматумъ Сэймура относительно бомбардированія (говорятъ, будто Араби-Паша скрылъ его); здѣсь ему его объявили и онъ тотчасъ-же удалился. По возвращеніи его на берегъ, тамъ сдѣлалась замѣтна необычайная дѣятельность между фортами и въ самихъ фортахъ, изъ чего англичане сдѣлали заключеніе, что совѣтъ министровъ рѣшилъ обороняться. На слѣдующее утро, въ 7 часовъ раздался первый выстрѣлъ съ адмиральскаго корабля, за которымъ начали стрѣлять и другіе англійскіе броненосцы (ихъ уже было не 5 а 7); форты немедленно-же отвѣчали, два броненосца стрѣляли въ фортъ Меркеъ, одинъ — въ Фаросъ, четыре—въ Ада и Разъ-Эль-Тинъ. Англичане, конечно, имѣли неизмѣримое превосходство предъ египтянами, по дальнобойности, и калибру своихъ пушекъ, а также и потому что, имѣя возможность перемѣнять мѣсто, затрудняли дѣйствіе египетскихъ пушекъ, понятно, что весьма скоро форты были разрушены, отчаянно храбрые египтяне продолжали отстрѣливаться изъ за груды развалинъ. Снаряды англичанъ, далеко перелетая форты, попадали въ городъ; въ два часа взлетѣлъ на воздухъ пороховой магазинъ форта Ада, а къ 5 часамъ совсѣмъ умолкъ огонь форта Расъ-Эль-Тинъ; затѣмъ, былъ бомбардированъ фортъ Наполеонъ, господствующій надъ городомъ. Александрія запылала частью, вѣроятно, ее зажгли выстрѣлы, но, главнымъ образомъ,—сами египтяне: съ тѣхъ-же броненосцевъ было видно какъ по улицамъ бѣгали туземцы и поджигали дома, разграбляя и опустошая все; христіанъ тоже погибло опять много. Произведенная вслѣдъ за бомбардированіемъ высадка удостовѣрила, что хедивъ и Дервишъ-Паша невредимы, хотя и есть свѣдѣніе, что во дворецъ Рамлэ, гдѣ онъ пребываетъ, ворвались солдаты, угрожавшіе ему смертью, однако часть ихъ удалось уговорить и они составили стражу своего повелителя; Тевфикъ-Паша съѣхалъ на одинъ изъ броненосцевъ, но вскорѣ вернулся подъ охраною отряда въ 700 англичанъ, а также и отряда гвардіи, присланной для его охраны Араби-Пашей. Дальнѣйшая высадка продолжалась безпрепятственно, такъ какъ Араби, велѣвшій поднять парламентерскій флагъ, вышелъ съ войсками изъ города и, отступивъ въ Кефръ-Эль-Деваръ, 1 часъ разстоянія отъ Александріи, окопался тамъ съ 9 тысячами (по слухамъ) отрядомъ; говорятъ, будто онъ ночью пытался выйдти снова въ городъ, но былъ отбитъ англійскимъ десантомъ, численность котораго дошла уже до 4 тыс. ч., а затѣмъ—взорвалъ впереди себя полотно желѣзной дороги. Англичане увѣряютъ, что его войска деморализованы, но изъ другихъ свѣдѣній этого вовсе не видно, напротивъ общій фанатизмъ растетъ, а вмѣстѣ рѣшимость бороться съ врагомъ. Адмиралъ Сеймуръ издалъ 17-го іюня манифестъ, въ которомъ извѣщаетъ, что съ согласія (!) египетскаго правительства, онъ принялъ на себя возстановленіе порядка въ городѣ. Поджигатели будутъ разстрѣляны, мародеры—подвергнуты тюремному заключенію; на основаніи того же распоряженія запрещается выходить изъ города послѣ заката солнца и жители приглашаются возвратиться. Англійскіе отряды занимаютъ нѣсколько пунктовъ, а часть броненосцевъ стала у Портъ-Саида. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мало по малу раскроется въ большей или меньшей части, закулисная, болѣе интимная сторона Египетской исторіи. Теперь уже кое-что начинаетъ проглядывать. Недавно Лессепсъ, отлично знакомый съ Египтомъ, высказалъ весьма благопріятное Араби мнѣніе; по его словамъ, это человѣкъ почтенный и способный доставить своей странѣ все благо, котораго можно ожидать отъ искренняго патріота, обладающаго выдающимися дарованіями; къ этому Лессепсъ присовокупилъ, что дѣйствія національной партіи не чужды французскихъ вліяній. Дальнѣйшія свѣдѣнія подтверждаютъ мнѣнія Лессепса.

Такъ, мы узнаемъ, что французы даже способствовали образованію національной партіи: и именно нѣкто Воклэнъ, журналистъ, завѣдывавшій въ министерствѣ Араби печатью, давно находящійся въ Египтѣ, воспользовался недовольствомъ египтянъ и, при помощи нѣсколькихъ соотечественниковъ, много помогъ при сформированіи партіи, программой которой сдѣлались внутренняя независимость Египта, дружба съ Франціей и изгнаніе англичанъ; помогалъ этому также и генеральный консулъ Рингъ; Тевфикъ-Паша вполнѣ сочувствовалъ этому плану, но планъ былъ слишкомъ смѣлъ. Англичане провѣдали и сумѣли разстроить, началось съ удаленія Ринга, котораго Бартелеми С.-Илеръ рѣшился удержать, хедивъ испугался, остальное извѣстно. Теперь уже едва ли не выяснилось намѣреніе англичанъ грубо захватить въ свои руки Суэзскій каналъ. Останутся ли Франція и Англія въ дружбѣ—еще неизвѣстно, но французскіе министры, въ недавнемъ совѣщаніи, рѣшили также участвовать въ „охраненія Суэзскаго канала“, не нарушая дружественныхъ отношеній съ англичанами, какъ сказано въ депешѣ, по этому поводу, изъ Парижа.

Конференція передала Портѣ ноту, приглашающую ее отправить въ Египетъ войска для возстановленія порядка, съ тѣмъ, чтобы войска оставались тамъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ; расходъ на экспедицію державы берутъ нова на себя, а затѣмъ онъ будетъ обращенъ на тотъ же Египетъ. Въ случаѣ же Порта не согласилась бы на это предложеніе, Европа употребила бы иныя мѣры.

Великій визирь Абдурахманъ-Паша вышелъ и замѣненъ первымъ министромъ Саидомъ-Пашей.

Въ Англіи принятъ принудительный билль для Ирландіи; бывшій зулусскій король Сетивайо получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Англію.

Гамбетта готовится, говорятъ, предпринять парламентскій походъ противъ министерства Фрейсинэ; радикалы охотно помогли бы, но не желаютъ содѣйствовать какому либо успѣху бывшаго диктатора.

Испанія намѣрена принять дѣятельное участіе въ общеевропейскихъ политическихъ вопросахъ; испанцы высказываютъ что путь чрезъ Суэзскій каналъ имѣетъ для ихъ владѣній (Филиппинскіе острова) такое же значеніе, какъ и для англичанъ.

Смѣсь.

Институтъ заикъ въ Парижѣ. Коммисія парижскаго муниципальнаго совѣта по народному образованію присутствовала на дняхъ на крайне любопытномъ испытаніи. Докторъ Шервенъ, директоръ института заикъ, представилъ коммисіи цѣлую серію молодыхъ людей обоего пола, отъ 9 до 30 лѣтъ, принятыхъ въ институтъ три недѣли назадъ. Коммисія, въ которой присоединились префектъ Сены, Флоке, и директоръ учебной части, Карріо, подвергла этихъ молодыхъ людей внимательному испытанію передъ началомъ ихъ курса. Теперь они снова предстали передъ коммисіей, и послѣдняя, вмѣсто жестокаго заиканія на каждомъ слогѣ, услыхала ясное, спокойное и совершенно свободное произношеніе. Въ виду такого результата, коммисіи оставалось только единодушно выразить благодарность и поздравленія доктору Шервену, блистательно доказавшему цѣлесообразность своей системы. Для исправленія недостаточныхъ заикъ при институтѣ существуетъ нѣсколько стипендій муниципальнаго совѣта.

Памятникъ Христофору Колумбу. Недавно происходило открытіе этого памятника въ павійскомъ университетѣ. На торжество были приглашены представители университетовъ и академій. Спеціальный делегатъ морскаго министерства явился представителемъ гидрографическаго института въ Генуѣ.

Переписка Чарльза Дарвина. Въ „Аугсбургской Всеобщей Газетѣ" напечатано слѣдующее письмо сына недавно скончавшагося знаменитаго ученаго: „Мнѣ было бы весьма желательно сохранить письма, писанныя моимъ отцомъ, покойнымъ Чарльзомъ Дарвиномъ, къ его различнымъ корреспондентамъ, и я былъ бы крайне обязанъ всякому, кто дозволилъ бы мнѣ просмотрѣть находящіяся въ его распоряженіи письма моего отца. Я обязуюсь возвратить письма по снятіи съ нихъ копіи и обѣщаюсь не печатать ни одной строки изъ нихъ, безъ полнаго согласія тѣхъ лицъ, которыя соблаговолятъ ввѣрить мнѣ письма. Покорнѣйше прошу лицъ, желающихъ оказать мнѣ содѣйствіе, адресовать всѣ письма непосредственно на мое имя. Никто не уполномоченъ мною на собраніе писемъ моего отца. Френсисъ Дарвинъ. Down Beckenham, Kent. London, S. E. England."

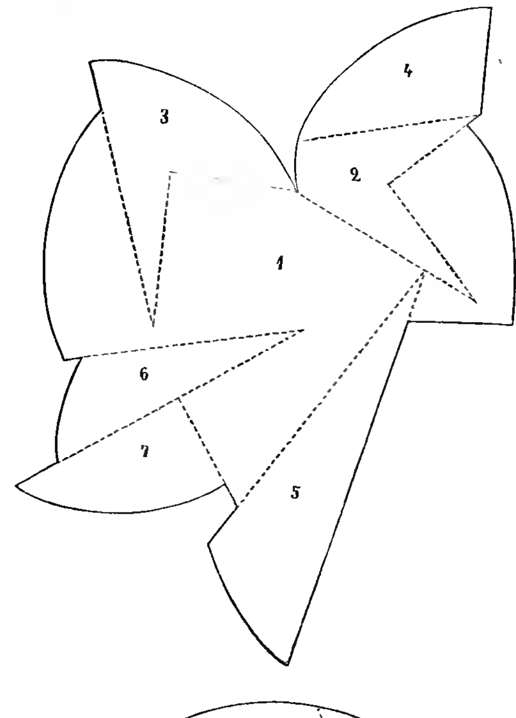
Быстроходные корабли. Впродолженіи многихъ лѣтъ заботились о томъ чтобы военные корабли покрывать такой броней, которую бы не въ состояніи была пробить ни одна пуля; затѣмъ сооружали такія громадныя орудія, которымъ не могли-бы противустоять никакія брони; теперь всѣхъ занимаетъ постройка самыхъ быстроходныхъ кораблей. Новый американскій мониторъ „Дестройедъ" изобрѣтенный Эриксономъ—нѣчто среднее между торпедной лодкой и панцырнымъ кораблемъ; скорость его будетъ равняться 17 узламъ въ часъ. На немъ помѣщается громадная подводная пушка, сдѣланъ онъ въ видѣ черепахи; вмѣстимость 250 тоннъ.

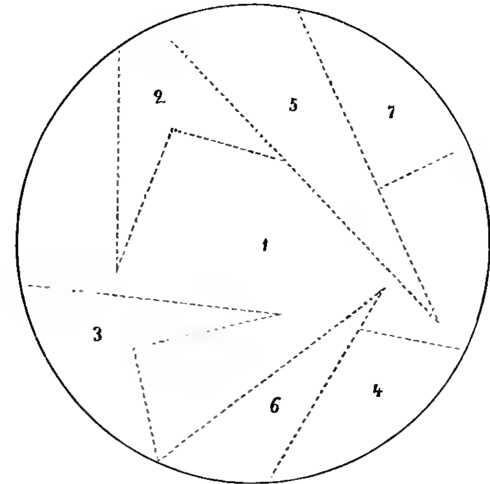
Еще скорѣе будетъ ходить „Метеоръ," строющійся въ Америкѣ; длина его будетъ 151½ фута, ширина 22 фута и балласта будетъ помѣщаться 512 тоннъ. На кораблѣ устраиваются три винта, и скорость его будетъ равняться 30 узламъ въ часъ. На Клайдѣ недавно спущенъ англичанами пароходъ, скорость котораго теперь уже испробована; онъ проходитъ почти 18½ узловъ въ часъ.

Сожиганіе труповъ въ Японіи принадлежитъ къ очень древнимъ обычаямъ; оно продолжалось около 1200 лѣтъ и наконецъ въ 1654 году было запрещено. Только въ послѣдніе годы былъ возстановленъ въ Японіи этотъ древній обычай; а съ 1874 года сожиганіе труповъ снова было офиціально разрѣшено. Причина почему различныя буддистскія секты высказались за сожиганіе лежитъ въ доходахъ получаемыхъ при этомъ бонзами, которые при сожиганіи труповъ получаютъ въ свою собственность саванъ умершаго, изъ тонкой, бѣлой шерстяной матеріи, который при обыкновенномъ погребеніи кладется въ гробъ.

Для сожиганія труповъ, въ Японіи не устраиваютъ дорогихъ печей въ родѣ печей Сименса, но прибѣгаютъ къ болѣе простому способу. Помѣщеніе для сжиганія — большой сарай, обмазанный глиной съ трубою на крышѣ. Въ немъ нѣсколько корытообразныхъ очаговъ, на которыхъ складывается костеръ изъ дровъ и кладутся трупы, закутанные въ рисовую солому. Сжиганіе продолжается отъ семи до восьми часовъ, причемъ остаются только кости. Трупы полныхъ людей горятъ скорѣе и лучше нежели худощавыхъ. Есть два рода сожиганія: перваго и втораго класса. Первый классъ для лицъ знатныхъ и стоитъ около 6 руб. на наши деньги, а второй— для всѣхъ остальныхъ и стоитъ около 3 р.; въ число этой платы входитъ также цѣна очень плохой глиняной урны для сохраненія костей. Сожиганіе совершается обыкновенно ночью и начинается въ восемь часовъ вечера; утромъ на другой день приходятъ родственники усопшаго и уносятъ его кости въ урнѣ, которая благословляется въ храмѣ и затѣмъ закапывается въ землю.

Рѣшеніе геометрической задачи № 42.





Рѣшеніе шашечной задачи № 45.

	Бѣлые:	Черные:
1)	f 6 — e 5	g 3 — d 6
2)	g 5 — f 4	d 6 — g 3
3)	h 6 — g 7	h 8 — f 6
4)	e 3 — d 4	c 5 — e 3
5)	g 1 — f 2	a 7 — g 1
6)	c 3 — b 4	a 3 — c 5
7)	a 1 — d 4	c 5 — e 3
8)	e 1 — f 2	e 3 — d 2
9)	c 1 — e 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: **Москва** — Саргина, Попова, **Калуга** — Волокова.

Рѣшеніе магическаго квадрата № 46.

э	к	р	а	н
к	н	и	г	а
р	и	т	о	р
а	г	о	н	ы
н	а	р	ы	в

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ ВЪ ПРОДАЖУ.

5-е единственное доступное изданіе въ Россіи по громадности труда и тщательности рисунковъ.

САМОУЧИТЕЛЬ

СТРОИТЕЛЬНАГО ИСКУССТВА.

СПЕЦІАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

для архитекторовъ, техниковъ, столяровъ. плотниковъ. печниковъ. каменьщиковъ, мельниковъ, агрономовъ, домовладѣльцевъ, подрядчиковъ по разнымъ отраслямъ строительно-хозяйственной практики.

Въ 4-хъ книгахъ, съ дополн. нужнѣйшихъ Статей изъ **Высочайше утвержденнаго Урочнвго положенія.** Уставовъ строительнаго и пожарнаго, съ **315** рисунк. въ текстѣ и прилож. **втласа** на **32** лист. архитект, рисунковъ. Составл. техник. **Снрябучинснимъ,** подъ ред. архитект. при Императорскомъ Ораніенбаумскомъ дворцѣ *П. Кашенцова;* 5-е дополн. изд., М. 1881 г., цѣна 3 р., въ переплетѣ 4 р.

Важная новость для сельскихъ жителей, людей небогатыхъ и вообще всѣхъ тѣхъ, кто не имѣетъ возможности постоянно прибѣгать къ врачу и аптекѣ.

2-ОЕ ИЗДАНІЕ. **ШКОЛА ЗДОРОВЬЯ.** 2-ОЕ ИЗДАНІЕ.

(ДОМАШНІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ).

Практическое руководство къ самосохраненію здоровья и продленію жизни до глубокой старости, предупрежденіе и распознаваніе всѣхъ болѣзней наружныхъ и внутреннихъ, скоротечныхъ и длительныхъ, простыхъ и заразительныхъ и ихъ леченіе испытанными простыми, домашними и врачебными средствами, безъ помощи врача и аптеки. по правиламъ аллопатіи, гемеопатіи и всѣхъ прочихъ способовъ врачеванія; самопомощь въ несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. Болѣе **3.000 рецептовъ** лекарствъ наружныхъ и внутреннихъ (на Русск. и лат. языкахъ), **полный популярный нурсъ медицины.** 2-о исправл. и дополн. изд. Въ 2 част., съ 134 рисунками, общедоступно изложенное Д-мъ Андреевскимъ. 1128 стр. убористаго шрифта. М. 1881 г., цѣна 3 р., въ переплетѣ 4 р.

Предлагаемая книга удостоилась многихъ лестныхъ отзывовъ: „Всемірная иллюстр." № 558, „Русск. Вѣдом." № 268, Современ. Извѣст." № 303, „Народн. Листокъ" № 17 и др. за 1879 г. и „Московск. Вѣдом." Русскій вѣстникъ, ноябрь и др. за 1881 г.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Изложилъ по способу Грубе **Фармановскій.** Одобр, Уч. К. М. Нар. Пр. 5 изд. М. 1880 г. Цѣна 75 к., въ перепл. 1 р.

Картины средневѣковой жизни **Фрейтагв.** Цѣна 2 руб.

Физическая географія, соч. **Соммервиль,** ок. 400 стр.; цѣна 3 р. 50 к.

Этюды. Популярныя чтенія **Шлейдена** съ картинами и таблиц., ц. 2 р. 50 к.

Руководство нъ зоологіи. Соч. профессора **Брона,** 3 кн., съ 40 табл., ц. 6 р.

Руководство нъ химическому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ **продуктовъ.** проф. **Вольфа.** М. ц. 1 р.

Огородничество. Руководство къ разведенію овощей въ огородѣ и полѣ. **Эд. Люкаса,** цѣна 2 руб.

Исторія земли. Геологія нв новыхъ основаніяхъ. Соч. **Мора,** 700 стр., ц. 3 р. 50 к.

Повѣсти религіознаго содержанія,

извлеченныв изъ рукописей Н. Костомаровымъ. Содержащія въ себѣ: Сказаніе объ Адамѣ. О Рождествѣ І. Христа. Сказаніе о красномъ древѣ. Слово о І. Христѣ. О страданіяхъ и крестной смерти Спасителя. Хожденіе Богородицы по мукамъ. **Сонъ Богородицы** Павлова Видѣніе. Сказаніе о Раѣ. Цѣна 3 р., въ перепл. 4 р. съ перес.

Сцены изъ народн. быта. Соч. **Горбунова** для расск. на театральной сценѣ и семейныхъ вечер. Изд. 5 испр. и доп., въ 3 част. Спб. 1880, ц. 1 р. въ кол. пер. 1 р. 50 к.

Приключенія капитана Легова. Путешествіе на китѣ среди бури. волнъ океана. Соч. **Жюля Саидо,** проф. и акад. Съ картинами художн. Кондена, цѣна 1 р. 50 к.

ДУХОВНЫЕ ЗАКОНЫ

для православныхъ: священно- и церковно-служителей, монашествующихъ, настоятелей, монастырей, благочинныхъ, членовъ консисторій, архіереевъ и другихъ начальствующихъ лицъ. Съ приложеніемъ подробныхъ узаконеній для **церновныхъ старостъ,** и попечительствъ. Москва, цѣна 2 руб. въ переплетѣ 3 руб.

Европв. Сочинен. **Риттерв.** Лекціи, читанныя въ университетѣ, ц. 2 р.

Альпійскіе ледники. Сочинен. **Тиндаля.** Перевод. проф. Рачинскаго, съ рисунками; цѣна 2 руб. 50 коп.

Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ. Соч. **Гершеля** пер. Рачинскаго, съ рисунками, ц. 2 р. 50 к.

Переселяющіяся животныя. Соч. **Корнеліуса.** Настольная книга для охотниковъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Очерни животной жизни. Льюиса, авторъ „Физіол. обыденной жизни", ц. 1 р.

ПРАКТИЧЕСКІЙ

ВИНОКУРЪ и ДИСТИЛЯТОРЪ.

Очистка вина и спирта

отъ сивушнаго масла, мути и запаха. Полученіе выгод. сред. напитковъ по новымъ системамъ затиранія и дистиляціи ихъ, водочно-ликерное производство. Сост. по опытамъ 20 лѣтн. практики винок. Поповскимъ, съ 24 черт. М. 1878 г., ц. 2 р., въ пер. 3 р.

НОВЫЙ САМОУЧИТЕЛЬ

РИСОВАНІЯ,

ЧЕРЧЕНІЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Легкій способъ въ **30** уроковъ, безъ помощи учителя, научиться правильно рисовать, чертить, тушевать и покрывать акварельными красками рисунки. Сост. подъ редакціею Микель Санціо. 3-е изданіе на 28 большихъ лист. и съ прилож. текста. 1878 г. Ц. 2 р., въ перепл. 3 р.

Петербургскіе вертепы и притоны. Изъ жизни погибшихъ въ волнахъ житейскаго моря. Соч. **Н. Ненрасова.** Спб. 1874 г. цѣна 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 р.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ИЗЯЩНО ИЗДАННЫЙ

АЛЬБОМЪ

ФАСАДОВЪ И ПЛАНОВЪ

ГОРОДСКИХЪ И СЕЛЬСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ.

Съ подробн. детальными чертежами на 50 листахъ, на Александрійской бумагѣ, хромолит. въ краскахъ, съ подробнымъ текстомъ строительнаго искусства и смѣтнаго исчисленія на колич. матер. и рабочихъ, потребныхъ на каждое строеніе.

Альбомъ содержитъ три отдѣла: 1) городскія постройки, общественныя и частныя.—2) Сельскія и хозяйственныя строенія.—3) Церковныя строенія.

Сост. инженеръ-архитекторъ **В. Г. Залѣсскій,** при участіи инженеровъ-архитекторовъ **А. Попова, Гр. де-Рошфоръ, М. Геппенеръ. К. Быковскаго** и др. М. 1881 т., ц. въ папкѣ 10 р., въ коленк. перепл. 12 р., въ роскошн. перепл. 15 р.

Московское Архитектурное Общество въ засѣданіи 5 марта 1881 г. по разсмотрѣніи настоящей книги признало, что „Альбомъ" очень полезенъ какъ для архитекторовъ, такъ и вообще для строителей.

ПОЛНЫЙ

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

всѣхъ общеупотреб. иностран словъ,

вошедшихъ въ русскій языкъ, съ указаніемъ корней. Справочная книга при чтеніи книгъ, журналовъ и газетъ. Сост. Н. Дубровскій. 6-е изд., 530 стр., 1881 г.; цѣна 1 руб., въ перепл. 1 р. 50 к.

Общій другъ веселья,

для любителей и любительницъ пѣнія: оперетокъ, водевилей, шансонетокъ, комич. куплетовъ, юморист. стихотвореній, романсовъ и разныхъ сценъ и разсказовъ изъ народнаго и еврейск. быта, въ 4 част., съ 21 фот. портр. каскадныхъ пѣвицъ, съ 6 хромолитогр. рис., исполн. въ Парижѣ. М. ц. 4 р.

НА НОЖАХЪ.

Оригинальн. ром. **Н. Лѣсковв,** Автора: Некуда, Мелочи Архіерейской жизни, Чающіе движенія воды, Островитяне и др. Въ 6 частяхъ, около 800 стр. большаго формата Ц. 3 р., въ коленкор. перепл. 4 р.

САМОУЧИТЕЛЬ

БАЛЬНЫХЪ ТАНЦЕВЪ,

ДЛЯ ОБОЕГО ПОЛА.

Легкій способъ выучиться въ **7 уроковъ,** безъ помощи учителя, всѣмъ бальнымъ танцамъ. **5** испр. изд. съ дополнен. всѣхъ русскихъ плясокъ и полнаго курса свѣтскихъ приличій, какъ держать себя въ обществѣ. Соч. де-Коленьяра; съ 28 рис. М. 1877 г., цѣна 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.

Общее землевѣдѣніе, профессора *Гиттера,* цѣна 1 руб.

РАСКОЛЬНИКИ И ОСТРОЖНИКИ.

Очерки и разсказы изъ жизни и быта русскихъ сектантовъ преступниковъ. Соч. Ливанова. 4 огромн. тома, 2500 стр., съ портретами основ. различн. сектъ, ц. 12 р. въ отличн. перепл. 15 р.

Сцены изъ еврейскаго и нѣмецкаго быта, съ приложен. юмористическихъ куплетовъ, съ портр. авторовъ, въ 4 част., цѣна 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.

ПРАКТИЧЕСКАЯ

АРХИТЕКТУРА

городскихъ, загородныхъ и сельскихъ зданій.

Приспособлен. къ простому изученію всевозможныхъ сооруженій въ современн. вкусѣ **фасадовъ и плановъ.** Составл. подъ редакц. Н. Желтухина, на 44 лист. александр. бумаги, 2-е изд. М. 1878 г., цѣна въ папкѣ 8 р., въ перепл. 10 р.

Картины растительности земнаго шара, **Рудольфа.** Цѣна 2 руб. 50 коп.

ОБРАЗЦОВЫЙ

ПИСЬМОВНИКЪ.

Полное собраніе писемъ на всевозможные случаи обыденной жизни, какъ-то: поздрав., рекоменд., утѣш., благодар. и друг. Коммерческая переписка, образцы и формы дѣловыхъ актовъ и бумагъ, уставы: вексельн., фабричн. коммерческій и о гербовомъ сборѣ. Состав. **Протопоповъ.** 900 страницъ. Москва, 1879 года, цѣна 3 рубля, въ переплетѣ 4 рубля.

ЖИДОКЪ.

Юмористическій сборникъ

еврейскихъ пѣсенъ, куплетовъ, сценъ, арій и романсовъ. Соч. Пушкина, артиста Моск. и Спб. театровъ. 4-о изд., съ фотограф. портрет. автора, въ 4 част. М. 1880 г., ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.

Естественная исторія насѣкомыхъ. Сочин. проф. **Нерби и Спенсъ,** описаніе вредныхъ и полезныхъ насѣкомыхъ, ихъ превращеній, пищи, жилищъ, и проч., цѣна 2 р. 50 к.

Поступило въ продажу 2-е исправленное и дополненное изданіе

ВОЛОСТНОЙ СУДЪ.

ЗАКОНЫ, РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЦИРКУЛЯРЫ

ДЛЯ КРЕСТЬЯНЪ ВСЕЙ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

(ихъ судъ, права и обязанности). Руководство для крестьянъ всѣхъ наименованій. Волостныхъ правленій, сельскихъ и волостныхъ сходовъ, должностныхъ лицъ, какъ то: старостъ, сборщиковъ податей, старшинъ, волостныхъ судей, членовъ уѣздныхъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. По положенію о сельскомъ состояніи, изд. 1876 г., со всѣми позднѣйшими узаконеніями и разъясненіями по др. томамъ св. зак. и положеніямъ **Главнаго Комитета** по устройству сельскаго состоянія, сост. А. Гарнакъ. 2-е дополн. изданіе, 850 стр. въ 3 частяхъ. М. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р. **Второе иванде** настоящей книги было рекомендовано многими непремѣнными членами уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій какъ полезное руководство въ волостныхъ правленіяхъ.

НОВОСТЬ ДЛЯ СЕЛЬСК. ХОЗЯЕВЪ И ВООБЩЕ ДЛЯ ВСѢХЪ СКОТОВЛАДѢЛЬЦ.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ

ВЕТЕРИНАРНАЯ ШКОЛА.

(ПОЛНЫЙ СКОТОЛЕЧЕБНИКЪ).

Всѣ болѣзни домашнихъ животныхъ, наружныя и внутреннія, повальныя и заразительныв, ихъ происхожденіе, распознаваніе, предупрежденіе и леченіе простыми, домашними и врачебными средствами. Самопомощь при родахъ, несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ домашнихъ животныхъ и производство различныхъ операцій. Домашняя аптека, дѣйствіе и употребленіе различныхъ лекарствъ и приготовленіе ихъ домашнимъ способомъ, съ указаніемъ кромѣ того гомеопатическихъ средствъ. Болѣе **1.000** рецептовъ испытанныхъ лекарствъ (на русскомъ языкѣ) съ 112 рисунками, изображающими строенія тѣла домашнихъ животныхъ и ихъ внѣшній видъ при различныхъ ихъ болѣзняхъ, и каталогъ всѣхъ употребительныхъ инструментовъ, съ 387 рисунками, въ 2 частяхъ. Общепонятно изложено ветеринаромъ-практикомъ *Н. Павловскимъ.* Предлаг. книга удостоена лестныхъ отзывовъ: „Всеобщ. Газета" 1880 г. № 29, „Соврем. Извѣстія" 1880 г. № 336 и др. „Всемірная Иллюстр." (1881 г. № 24). М. 1880 г. Ц. 3 р., въ коленк. перепл. 4 р

Гг. Иногородные адресуются за книгами въ контору **издателя-книгопр. Алексѣя Дм. Ступина,** Москва, Никольская, д. Заиконоспасскаго монастыря. Контора пересылку принимаетъ на свой счетъ въ С.-Петербургѣ, складъ **у книгопродавца Тузова.** № 2167

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ

Серебряные мужскіе часы

заводящіеся безъ ключа.

Анкерные на 15 камняхъ, закрытые, 35, 40 и 45 р.

Такіе же 1-го сорта 50 и 55 р.

Тоже высшаго сорта, съ брегетовскимъ волоскомъ и уравнительнымъ маятникомъ, 65. 75 и 85 р.

Тоже, вывѣренные въ разныя температуры, отъ 100 до 200 р.

Ручательство на два года.

Въ магазинахъ фабриканта часовъ

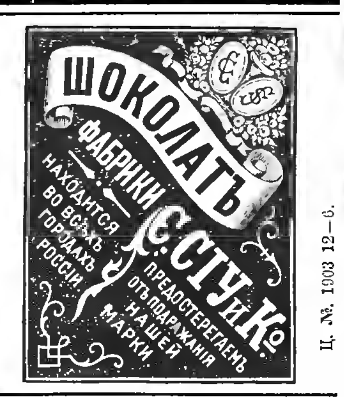
ПАВЛА БУРЕ,

поставщика Высочайшаго Двора. Въ **С.-Петербургѣ:** на Невскомъ проспектѣ, д. № 23.

Въ Москвѣ: переведенъ съ 1-го іюля на Рождественку, на углу Кузнецкаго моста, д. № 6, Торлецкаго.

Пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно. 10—3



Ц. №. 1903 12—6.

УКСУСЪ ЭСТРАГОНЪ. | СКЛАДЪ Оптовый и Розничный. | УКСУСЪ ВИНОГРАДН.

Г. Ф. ШТУРМЪ
УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ.
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
В. О., 14-я линія, № 73.

9% УКС. 3-ОЙ КРѢП. | **Невскій просп., № 94—2.** | УКСУСЪ ПИВНОЙ.

Вниман. Гг. Иногор. торговцевъ обращ. на укс. 3-ей, выгодн. по крѣпости для транспорта.—На **100 р.** дѣлаю **10%** уступки, покрыв. провозъ тройн. уксуса по жел. дор. до **600** верс.—**Въ розливѣ имѣю всѣ. сорта**

Складъ заграничныхъ товаровъ
ТРОССИНЪ и СТЕФФЕНЪ
Екатерининскій каналъ, Камен. мостъ, № 49.

ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ И БАГЕТЪ.

Продажа оптомъ. Постоянно новости. 5

Складъ бумажныхъ картузовъ (мѣшковъ)
ФАБРИКИ

АВГУСТА НАУМАНА и Ко.

Черньшевъ переулокъ, Маріинская линія. № 11, нынѣ пріобрѣтенъ мною и дополненъ разными сортами картузовъ, пичками и обверточными бумагами.

Господъ покупателей покорнѣйше прошу адресовать свои требованія на мое имя по вышеозначенному адресу. № 2176 3—1

Купецъ **Е. К. Кудрявцевъ.**

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

продается. Условія узнать на Васильевскомъ Остр., по 2 линіи, д. № 17, въ будни съ 10 до 12 час. утра или письменно. № 2174

ГАЛЬМАНИНЪ.

После многочисленныхъ опытовъ я изобрѣлъ удачный составъ (Гальманинъ), совершенно предотвращающій прѣніе частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. ***Состоя изъ веществъ совершенно безвредныхъ, оно не задерживаетъ пота, но поглощаетъ его и превращаетъ въ мелкіе микроскопическіе кристаллы.*** *Эти-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами, до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.*

Гальманинъ, осушая части тѣла, дѣлаетъ невозможнымъ ихъ прѣніе; по этому лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно разъ въ нѣсколько дней при помощи ваты, полотна или кисточки натереть Гальманиномъ прѣющія части чтобы избѣгнуть непріятныхъ послѣдствій, какимъ подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе жаркіе дни.

☞ ***Вполнѣ ручаясь за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина,*** *что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей,* ***прошу публику остерегаться поддѣлокъ и покупать Гальманинъ только въ коробочкахъ, снабженныхъ моею фирмою.*** ☜

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 коп., малая 30 коп. В. Карпинскій.

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Электоральная, № 35.

ПРОСЬБА.

Покорнѣйше прошу почтеннѣйшую публику, покупающую мой Шведскій бальзамъ „ЭЛЕОПАТЪ“ для укрѣпленія волосъ и противъ перхоти кожи головы, требовать непремѣнно **„ЭЛЕОПАТЪ“ Провизора Кинунена**, такъ какъ въ продажѣ явились подражанія „ЭЛЕОПАТУ,“ дающія поддѣльному бальзаму большое сходство съ моимъ препаратомъ: Адресъ мой: Главное Депо: „ЭЛЕОПАТА.“ Пассажъ магаз. **№ 52**, въ С.-Петербургѣ. № 2154.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ

„ЭЛЕОПАТЪ“ только провизора Кинунена.

NB. **Не смѣшивать съ** „ОЛЕОПАТОМЪ“.

„Элеопатъ“ употребляется противо перхоти головы, и есть незамѣнимое. вѣрное средство для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ; пользуется всеобщимъ довѣріемъ тѣхъ лицъ, которыя употребляли это новое цѣлебное средство Продается во всѣхъ аптекахъ и лучшихъ косметическихъ магазинахъ и лабораторіяхъ.

Для **иногородныхъ** заказчиковъ и покуп. высылается не менѣе **2** флак. за **4** р., содержащ. 240 грам. При высылкѣ денегъ на заказъ, необходимо указать вотъ этотъ адресъ для гг. иногородныхъ: пишите: **Въ ГЛАВНОЕ ДЕПО „ЭЛЕОПАТА“, ПАССАЖЪ, МАГ. № 52. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, такъ какъ всякое изобрѣтеніе, пользующееся хорошею репутаціею подвергается поддѣлкѣ, то покорнѣйше пр шу почтен. публику требовать только „ЗЛЕОПАТЪ“ провизора КИНУНЕНА и точность и надпись КИНУНЕНА и остерегаться подражаній,—настоящій мой препаратъ назыв_ется „ЭЛЕОПАТЪ“.**

№ 2149

!!! НѢТЪ ПОЖАРОВЪ !!!

Слишкомъ 3,000 мѣстностей запаслись въ текущемъ году моими **новоизобрѣтенными ручными пожарными насосами** пріобрѣвшіе уже себѣ громкую извѣстность во всей Европѣ.

ЦѢНЫ НЕИМОВѢРНО ПОНИЖЕННЫЯ.

Насосъ за 5 руб., выбрасываетъ въ часъ 120 ведеръ воды на высоту 3 этажей.

Насосъ за 10 руб. (американской конструкціи) съ непрерывной струей, выбрасываетъ въ 1 часъ 200 ведеръ воды на высоту 4 этажей.

За упаковку и пересылку въ данную мѣстность взимается по 2 руб. сер. со штуки 5 рублевыхъ насосовъ, и по 3 руб. сер. съ 10 рублевыхъ.

Выписывающимъ сразу 25 насосовъ, упаковка и провозъ до мѣста назначенія не считаются.

Насосъ на колесахъ съ резервуаромъ и рукавомъ за 30 рублей, выбрасываетъ въ 1 часъ 300 ведеръ воды на высоту 5 этажей.

Выписывающимъ сразу 10 штукъ скидки 15%.

Всѣ три огнегасительные насосы дѣйствуютъ даже помощью 10 лѣтняго мальчика и замѣчательно примѣняются для сбрызгиванія садовъ, улицъ, полей, баттановъ и чистки растеній отъ насѣкомыхъ.

Послѣ полученія денегъ немедленно слѣдуетъ отправка насосовъ.

Исключительная продажа у Генриха Барыцкаго владѣльца торговаго дома „Commerce Russe“ въ Варшавѣ.

Деньги, письма, посылки, телеграммы адресовать: **Генрихъ Барыцкій, Варшава.**

Гг. требующихъ объясненія и заявляющихъ желаніе быть агентами, просимъ препровождать на отвѣтъ 14 к. марками. № 2177

НОВАЯ КНИГА:

КЛЮЧЪ

къ русскимъ упражненіямъ „практическаго курса нѣмецк. языка“.

Э. КЕРКОВІУСА.

Ц. 50 к. Складъ у И. Фену и Ко. СПБ.

!!! НѢТЪ БОЛЬШЕ ПОЖАРОВЪ !!!
Вездѣ примѣняемая полная пожарная Команда за 75 рублей.

Состоитъ **изъ 4 ручныхъ пожарныхъ насосовъ** выбрасывающихъ воду на 40 футовъ, помощью даже одного мальчика. Насосы никогда не портятся.

1. Механическ. носилки для спас. вещей.
1. Снаряда для спасанія людей.
1. Устройства предохраняющаго отъ сильной жары во время тушенія **дозволяющаго подойти къ самому огню.**
1. Резервоара для воды.
1. Патентованнаго пожарнаго ведра.
1. Пояса ножнаго.
1. Сигнальнаго пожарнаго рожка.
1. Металлическаго англійскаго шлема.
2. Большихъ пожарныхъ крюковъ.
1. Стальнаго пожарнаго топора.

Укупорка 5 рублей. Требованія и деньги адресовать: **Генриху Барыцкому** Владѣльцу Торговаго Дома „Commerce Russe“ въ Варшавѣ. № 2180 10—10

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ
ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Безподобное и всѣмъ доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.

Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающіе 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписыв. 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовымъ покупателямъ обычная уступка.

№ 2013 25—16

5% ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ,

съ задаткомъ въ 15 р. съ разсрочкой платежа изъ 8% годовыхъ продаетъ контора

П. ВЫДРИНЪ И СЫНЪ,
Москва, Тверская, № 31.

Условія высылаетъ безплатно.

Страхованіе билетовъ по 50 к. съ пересылкой квитанціи. П. № 2144 5—3

Вышелъ изъ печати и продается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка въ 2-хъ частяхъ Всеволода Соловьева.

Большой томъ in 8—всего 672 стр., печатн. на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньет.

Романъ этотъ служитъ началомъ печатаемаго нынѣ въ „НИВѢ“ романа „Вольтерьянецъ“, цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ оригинальномъ коленкоровомъ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. для гг. новыхъ подписчиковъ „НИВЫ“ на 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

БРЕЗЕНТЫ

ИЗЪ НЕПРОМОКАЕМОЙ ПАРУСИНЫ

Н. Л. МИЛЛЕРА.

Заказы принимаются въ его Конторѣ, по Галерной ул., д. № 30-й, въ С.-Петербургѣ. № 2148 3—2

Первый призъ **„Золотая медаль“** Порто Алегре 1881.

ПЕРЛЫ ВСѢХЪ ДУХОВЪ

для носовыхъ платковъ, платья, кружевовъ и т. п.

Maiglöckchen, Г. Лозе. | **Héliotrope blanc Г. Лозе.**
Edelweiss Г. Лозе. | **Königin der Nacht Г. Лозв.**

Bouquet Garmen Г. Лозе

въ подлин. бутылкахъ съ патентир. замыканіемъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 46, JÄGERSTRASSE, ВЪ БЕРЛИНѢ.

Поставщикъ Двора Е. В. Императрицы Германіи.

ф брика превосходныхъ духовъ и туалетныхъ мылъ.

Мои спеціальности признаны наилучшаго качества и пріобрѣли всеобщее одобрвніе, прошу поэтому при закупкахъ обратить вниммніе на мою полную фирму, во избѣжанія недоразумѣній. 2—2

Дозволено цензурою. СПБ. 15 іюля 1882 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр. № 10.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 24 Іюля 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Лунная ночь на берегу острова Капри. Ориг. рисун. К. Неймана, грав. Рау

Островъ Капри.

Ни одинъ путешественникъ, посѣтившій Неаполь не упуститъ случая проѣхаться по великолѣпному Таррентскому заливу и осмотрѣть одну изъ главныхъ его достопримѣчательностей—столь знаменитый въ исторіи древняго Рима островъ Капри.

Островъ Капри—груда скалъ, поднимающихся изъ водъ отвѣсными стѣнами и только въ двухъ пунктахъ доступныхъ для причаливанія судовъ. Въ этихъ-то двухъ пунктахъ и устроены маленькія пристани, называемыя обыкновенно въ Италіи—la marina. Высоко надъ моремъ бѣлѣетъ городокъ Капри; здѣсь скучились низенькіе, по большей части одноэтажные, домики, напоминающіе собою античныя, помпейскія постройки; на каждой крышѣ здѣсь устроена терраса съ плоскимъ цементовымъ куполомъ, что придаетъ всему городу какой-то особенный, восточный колоритъ. Городокъ пересѣкаютъ во всѣхъ направленіяхъ кривыя, тѣсныя улицы, обжигаемые лѣтомъ чисто африканскимъ солнцемъ а къ морю идетъ излучистый спускъ не болѣе какъ въ три шага шириною, доступный лишь для проѣзда мула. Внизу у пристани раскинулись нѣсколько каменныхъ лачугъ да виднѣется десятка два лодокъ, составляющихъ всю флотилію острова. Но при скудности человѣческой обстановки еще болѣе является поразительной роскошь и красота природы этого уединеннаго островка. Всякая самая безобразная лачуга здѣсь тонетъ въ зелени виноградниковъ, гранатовыхъ и померанцовыхъ деревьевъ; повсюду видны сады, куда васъ такъ и манятъ персики, абрикосы и апельсины а одинокая пальма привѣтливо киваетъ вамъ своими широкими листьями. И среди этой то вѣчно свѣжей и ароматной растительности поднимаются къ безоблачному небу суровые, громадные утесы и среди ихъ мрачно смотритъ на васъ полуразрушенный остовъ замка Барбароссы, памятникъ средневѣковой эпохи. Но не эти унылыя, суровыя развалины влекутъ къ себѣ пріѣзжаго туриста и археолога; ихъ влекутъ къ себѣ другія достопримѣчательности Капри—развалины дворца Тиверія.

Остатки дворца еще видны издали на вершинѣ приморскаго утеса, къ которому ведетъ излучистая и узкая горная тропинка но увы, эти остатки самые жалкіе и печальные. Мраморъ, колонны, статуи — все исчезло безъ всякаго слѣда. Одинъ только мозаичный полъ устоялъ противъ всѣхъ превратностей времени и до сихъ поръ, но прошествіи восемнадцати вѣковъ, можно еще восхищаться его затѣйливымъ, художественнымъ выполненіемъ. Но настоящее понятіе о прежней роскоши палатъ Тиверія даютъ лишь краснорѣчивыя разсказы Светонія и Тацита. По ихъ словамъ, по приказанію скучающаго Цезаря, здѣсь было воздвигнуто на холмахъ двѣнадцать виллъ, въ которыхъ агатовые карнизы опирались на бронзовыя капители мраморныхъ колоннадъ. Каждый изъ этихъ дворцовъ былъ посвященъ одному изъ главныхъ божествъ Олимпа, въ честь котораго приносились безпрерывныя жертвы и устраивались безконечныя празднества.

Но археологъ, ожидающій найти на мѣстѣ Тиверіева дворца что либо достойное его вниманія и ученой любознательности, долженъ горько разочароваться; одна только великолѣпная панорама Средиземнаго моря да упоительный и освѣжающій горноморской воздухъ, остались здѣсь тѣже, неизмѣнныя съ того времени, какъ на этомъ берегу кипѣла еще роскошная античная жизнь и когда еще здѣсь обиталъ суровый римскій Цезарь.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XVII.

Старый другъ.

Въ то время какъ Сергѣй бесѣдовалъ съ Таней, государь вернулся во дворецъ со своей обычной прогулки. Быстро прошелъ онъ рядъ комнатъ направляясь на половину императрицы.

Онъ шелъ все дальше и дальше всматриваясь передъ собою, очевидно желая и надѣясь кого то встрѣтить.

Наконецъ онъ очутился на порогѣ маленькой гостиной. Ему на встрѣчу поднялась женская фигура. Съ радостнымъ восклицаніемъ онъ кинулся къ ней и припалъ губами къ протянутой ему тонкой, почти дѣтской рукѣ.

— Какъ я вамъ благодаренъ, что вы исполнили мою просьбу, сказалъ онъ.—Давно вы здѣсь? Я не заставилъ васъ ждать?

— Я только что пріѣхала, государь, и еще не видѣла императрицу.

— Но вѣдь ее конечно извѣстили о вашемъ пріѣздѣ. Она навѣрно скоро выйдетъ. Сядемъ, поговоримъ, вѣдь я давно не видалъ васъ. Столько дѣла, день проходитъ за днемъ. Я хотѣлъ къ вамъ ѣхать, но потомъ сообразилъ, что удобнѣе будетъ попросить васъ. Здоровы ли вы? Вы кажетесь мнѣ блѣдной?! Скажите откровенно какъ вы себя чувствуете, Катерина Ивановна?

— Я всегда здорова, и моя блѣдность ничего не значитъ, съ тихой улыбкой отвѣтила Нелидова.

Это была она, старый неизмѣнный другъ Павла Петровича, и кто видѣлъ ее въ прежніе годы въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ тотъ нашелъ бы въ ней мало перемѣны. Время щадило ее, хотя и на ней мало по малу отпечатлѣвались неизбѣжные слѣды его. Екатерина Ивановна была все также нѣжна и граціозна. Ея некрасивое, но въ то же время изящное и прелестное лицо также останавливало на себѣ всѣ взоры своимъ необыкновеннымъ выраженіемъ. Но все же ея тонкая прозрачная кожа успѣла нѣсколько поблекнуть; вокругъ глазъ образовались мелкія морщинки, мелкія морщинки легли и кругомъ рта, придавая лицу выраженіе усталости.

— Катерина Ивановна, заговорилъ Павелъ,—я по своей старой привычкѣ быть съ вами откровеннымъ и сегодня начну прямо. У меня къ вамъ просьба.

— Вы скажете ее, государь, и если только я въ состояніи исполнить—я исполню; но заранѣе не обѣщаю. Я должна знать какова ваша просьба.

— Видите въ чемъ дѣло, вы назначены теперь камеръ-фрейлиной моей жены, вы кавалерственная дама святой Екатерины.

— Я уже благодарила ея величество за эти милости.

— Дѣло не въ милостяхъ и странно мнѣ, что вы говорите такимъ тономъ, я знаю какъ мало вы придаете значенія этимъ отличіямъ. Я упомянулъ объ этомъ только къ тому, что ваше настоящее положеніе камеръ-фрейлины даетъ мнѣ возможность просить васъ убѣдительно переѣхать во дворецъ.

Нелидова вздрогнула.

— Я предчувствовала, что не могу заранѣе обѣщать вамъ исполнить ваше желаніе, сказала она, и я ждала, что рано или поздно вы обратитесь ко мнѣ съ этимъ предложеніемъ.

— Оно вамъ непріятно?—Павелъ покраснѣлъ,—вы не желаете быть съ нами, вы предпочитаете возвращенію нашей прежней хорошей жизни ваше скучное уединеніе въ Смольномъ?!

— Нисколько, нисколько, государь, и ваши упреки такъ несправедливы, что мнѣ тяжело ихъ слышать. Мало ли чего бы я хотѣла; но вовсе не слѣдуетъ въ жизни исполнять только свои желанія. Оставьте меня въ Смольномъ, я уже тамъ такъ привыкла и уходя туда я говорила и вамъ, я дала знать и покойной государынѣ, что поселюсь тамъ навсегда, до конца дней моихъ. Я сама наконецъ дала себѣ это обѣщаніе и не могу его не исполнить—это обѣтъ.

— Но вѣдь вы же не монахиня, чтобы жить въ кельѣ, у васъ есть другое призванiе. Вы здѣсь нужны и именно теперь. Еслибы вы знали какъ нужны мнѣ, какъ мнѣ часто недостаетъ васъ. Тогда я долженъ былъ согласиться на ваше настоятельное требованiе, я понималъ что иначе невозможно. Теперь обстоятельства совершенно измѣнились. Повторяю—вы не монахиня, вамъ незачѣмъ запереться!..

— Не монахиня только потому, что на мнѣ нѣтъ монашескаго платья, отвѣтила она все съ той же тихой, кроткой улыбкой,—но я веду жизнь монахини. Я нашла въ этой жизни себѣ успокоенiе и твердо рѣшилась дожить такъ до конца. Когда я вамъ нужна, я всегда готова служить вамъ. Вамъ стоитъ извѣстить меня и я прiѣду. Наконецъ, если вамъ понадобится мой совѣтъ, если вамъ любопытно будетъ знать мое мнѣнiе въ какомъ нибудь дѣлѣ—напишите мнѣ и я тотчасъ же отвѣчу.

— Ахъ, все это не то, горячо проговорилъ государь поднимаясь съ кресла и начиная ходить по комнатѣ,—все это не то и зачѣмъ эта комедiя между нами! Зачѣмъ вы притворяетесь что меня незнаете, что не понимаете какая разница если вы здѣсь или я только имѣю возможность такъ или иначе рѣдко списаться съ вами?!..

Нелидова сидѣла грустная, опустивъ голову. Но на тонкомъ лицѣ ея изображалась твердая рѣшимость.

А онъ продолжалъ все горячѣе и горячѣе:

— Мнѣ нужно болѣе чѣмъ когда либо ваше присутствiе. Еслибы вы знали только какъ мнѣ теперь трудно, какъ тяжело бываетъ въ иную минуту. Какую борьбу я долженъ вести постоянно съ самимъ собою. Другъ мой, старый вѣрный другъ мой, зачѣмъ же вы мнѣ измѣняете именно тогда, когда вы мнѣ такъ нужны, когда на васъ, только на васъ моя главная надежда?! Вспомните, бывало я раздраженъ, я не владѣю собой, я сдѣлаю какую нибудь несправедливость—но вы уже слѣдите, вы уже тутъ. Вы однимъ взглядомъ, однимъ словомъ вашимъ меня успокаиваете, доведете меня до сознанiя содѣянной мною несправедливости—и я спѣшу ее исправить. Но вѣдь тогда у меня былъ такой маленькiй кругъ дѣйствiй, теперь же онъ сталъ такъ обширенъ, теперь каждый день у меня является возможность какой нибудь ошибки и между тѣмъ именно теперь ошибокъ не должно быть. Я постоянно долженъ сдерживаться и всегда долженъ быть спокойнымъ—а спокойствiя нѣтъ. Безъ вашей помощи я его не достигну. Въ чемъ заключается тайна вашего на меня влiянiя, этой душевной тишины, которая снисходитъ на меня въ вашемъ присутствiи, я самъ не знаю. Вспомните какъ много было клеветы на насъ, всѣ были увѣрены, да и теперь вѣроятно думаютъ тоже, что у меня къ вамъ было страстное чувство. Вы знаете, что этого чувства не было, что для меня вы никогда не были женщиной, вы были и остались моимъ ангеломъ хранителемъ. Вы не разъ спрашивали меня почему я такъ къ вамъ привязался, почему вы такъ близки душѣ моей.—Я не могъ вамъ отвѣтить, я и теперь не могу вамъ отвѣтить, да и не съумѣю разсказать это словами. Это моя тайна, моя фантазiя, мое сумасшествiе—назовите какъ угодно, дѣло не въ названiи, не въ происхожденiи моего чувства. Дѣло въ томъ что оно существуетъ и что вы мнѣ нужны, а вы отъ меня отказываетесь!..

— Боже мой, дорогой государь, вы не хотите понять меня! заломивъ руки и съ истиннымъ отчаянiемъ въ лицѣ проговорила Нелидова,— я отъ васъ отказываюсь! Да развѣ я способна на это. Я говорю, что близкiя дружескiя отношенiя между нами легко могутъ поддерживаться, если я останусь въ Смольномъ. Сюда я не могу переѣхать для васъ же... для васъ и для императрицы. Наше далекое прошлое было хорошимъ урокомъ и въ наши съ вами годы пора понимать уже такiе уроки. Взгляните на меня, развѣ я прежняя неопытная дѣвушка! Вѣдь уже скоро начнутъ сѣдѣть мои волосы, я сама замѣчаю, какъ быстро старѣю. Пора же наконецъ понимать все ясно. Я вамъ говорю, я давно ждала вашего предложенiя переѣхать во дворецъ и давно его обдумала. Я взвѣсила все и только послѣ долгихъ, долгихъ обсужденiй этого вопроса рѣшаюсь отказать вамъ. Или вы хотите чтобы я переѣхала, а черезъ нѣкоторое время должна была снова возвратиться въ Смольный?! Или вы хотите, чтобы снова всплыли всѣ клеветы, всѣ оскорбленiя! Теперь я могу придти къ вамъ съ духомъ спокойнымъ, зная что радостно встрѣтите вы, что точно также радостно встрѣтитъ меня и государыня. А если бы я согласилась на ваше предложенiе—о, сколько людей постарались бы стать между нами. Я опять явилась бы невольной помѣхой вашему семейному счастiю и опять невольно заставила бы страдать государыню, которую люблю и уважаю.

Павелъ продолжалъ въ волненiи ходить по комнатѣ.

— Вы боитесь призрака, сказалъ онъ, вы забываете, что обстоятельства измѣнились. Тогда, прежде, каждому легко было мѣшать намъ, враждовать съ нами, копать намъ яму. Теперь уже становится труднымъ—кто осмѣлится?!

Нелидова покачала головой.

— Вы видите черезчуръ большую перемѣну тамъ, гдѣ я почти не вижу никакой перемѣны, сказала она. Люди все тѣ же и мы всѣ люди. Если вы дѣйствительно по прежнему ко мнѣ привязаны, если вы уважаете меня, то не ставьте же меня въ положенiе тяжелое и фальшивое, которое я совсѣмъ не заслужила. Въ семейной жизни не можетъ быть третьяго человѣка. Повторяю вамъ, долгими, тяжелыми годами я пришла къ этому убѣжденiю и ничто не заставитъ меня снова подвергать и себя и самыхъ близкихъ мнѣ людей пережитой уже тягости.

— Вы доводите меня до отчаянiя, проговорилъ Павелъ, останавливаясь передъ нею и грустно всматриваясь въ лицо ея. Я вижу, я понимаю, что рѣшенiе ваше неизмѣнно. Я понимаю наконецъ, что всѣ ваши разсужденiя справедливы, хотя все же не вполнѣ онѣ справедливы, хотя все же и вы смотрите нѣсколько односторонне. Но какъ бы то ни было, для меня ясно одно, что вы отъ меня отказываетесь. Это черезчуръ жестоко и относительно не меня одного. Вы отказываетесь отъ помощи многимъ, многимъ людямъ.

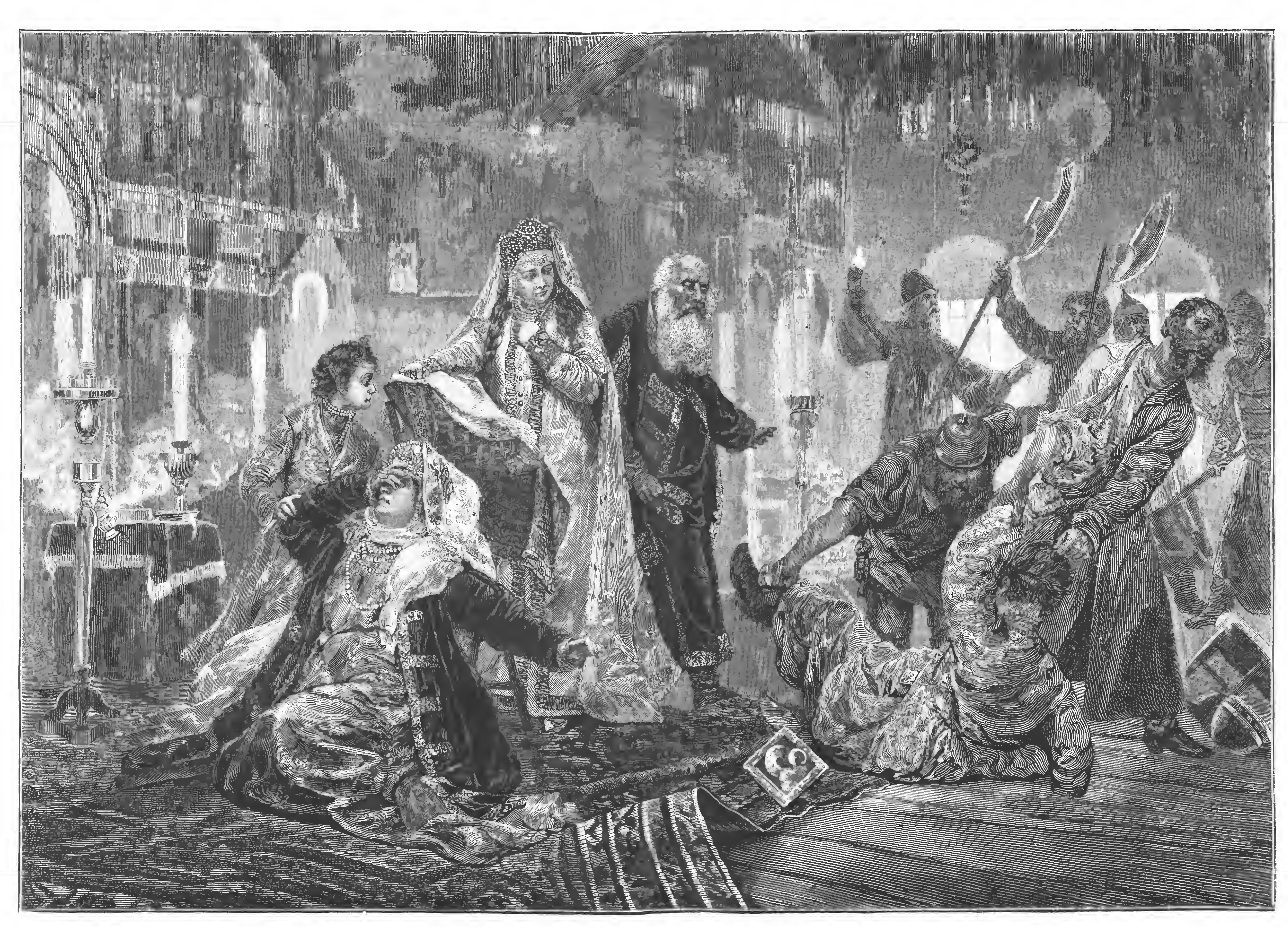
— Нѣтъ, я ни отъ чего не отказываюсь, твердо проговорила она.—Я увѣряю васъ, что мое пребыванiе постоянно съ вами—излишне. Вы точно также можете пользоваться мною и издали.

— Какимъ это образомъ? Вы утѣшаете меня какъ ребенка.

— Нисколько, горячо возразила она,—нисколько, дорогой государь, и я сейчасъ докажу вамъ это. Когда то вы говорили мнѣ, что часто обо мнѣ думаете.

— Я и теперь часто о васъ думаю, еще чаще чѣмъ прежде.

— Ну, такъ знайте, что и я постоянно о васъ думаю, что я постоянно молюсь за васъ. И такимъ образомъ вы должны всегда чувствовать мое присутствiе съ вами. Поймите, что цѣль моей жизни—ваша добрая слава. Поймите, что всѣ мои мечтанiя сосредоточиваются на одномъ предметѣ, на томъ, чтобы ваше царствованiе было велико и прекрасно, чтобы всѣ лучшiя сокровища души вашей, существованiе которыхъ мнѣ извѣстно, разцвѣли самымъ пышнымъ цвѣтомъ, чтобы наша такъ горячо мною и вами любимая родина процвѣтала подъ вашей державой, чтобы отъ васъ исходила только одна справедливость, одна правда. Я молюсь горячо, по цѣлымъ часамъ молюсь и плачу, прося Бога, чтобы онъ помогъ вамъ сдерживать дурные инстинкты вашей натуры, которые иногда затемняютъ вашъ свѣтлый разумъ. И я твердо вѣрю, что моя молитва, мои слезы, мои посто-



Московская промышленно-художественная выставка. „Смерть Ивана Нарышкина“ Картина А. И. Корзухина (изъ романа Вс. С. Соловьева „Царь-дѣвица“) грав. М. Рашевскій.

янныя думы имѣютъ силу. Для нихъ не можетъ существовать этого ничтожнаго пространства, я всегда съ вами. Я тамъ въ моемъ уединеніи, которое только и дастъ мнѣ возможность такъ думать, молиться и плакать—я ближе къ вамъ оттуда, чѣмъ если бы жила здѣсь, всегда имѣя возможность видѣть васъ и бесѣдовать съ вами, но въ то же время отдаленная отъ васъ шумомъ и мелкими волненіями придворной жизни. Вотъ что я хотѣла сказать вамъ и рѣшайте теперь сами, утѣшаю ли я васъ какъ ребенка, или въ словахъ моихъ заключается что нибудь болѣе серьезное.

Крупныя слезы одна за другою катились по щекамъ Павла.

— Другъ мой, дорогой, святой другъ мой, какими словами выражу я вамъ все, что наполняетъ мое сердце! шепталъ онъ. Да благословитъ васъ Богъ, вы успокоили мою душу, вы отогнали отъ меня тревогу и опасенія. Да, вы побѣдили меня. Оставайтесь въ вашемъ Смольномъ, только молитесь тамъ обо мнѣ, думайте обо мнѣ. И одно мнѣ обѣщайте, что если придетъ вамъ какая нибудь мысль, которая можетъ принести мнѣ пользу, обѣщайте, что вы тотчасъ же сообщите мнѣ ее, такъ буду дѣлать и я.

— Конечно обѣщаю, какъ же тому и быть иначе. Но и вы въ свою очередь обѣщайте мнѣ, государь: почаще вспоминайте обо мнѣ въ тѣ минуты, когда чувствуете раздраженіе. Обѣщайте мнѣ, что въ тотъ мигъ, когда гнѣвъ закипитъ въ вашемъ сердцѣ, вы вспомните, что я стою на колѣняхъ передъ Богомъ и горько плачу и молю утишить вашу душу и направить стопы ваши на путь правды.

Она поднялась и стала передъ нимъ. И вся ея маленькая воздушная фигурка вдругъ будто выросла. Она преобразилась, свѣтлые глаза ея горѣли вдохновеніемъ, на увядающихъ щекахъ заигралъ румянецъ.

Она подняла руку благословляя его.

А онъ съ рыданіемъ упалъ передъ нею на колѣни.

Онъ забылъ все. Онъ чувствовалъ только какъ святая тишина нисходитъ въ его горячее, наболѣвшее сердце, какъ чувство безконечной любви ко всему чистому и прекрасному наполняетъ его. Онъ былъ счастливъ въ эту минуту.

Она положила свою дрожащую, горячую руку на его голову и вывела его изъ этого сладкаго забытья. Онъ очнулся, всталъ и взглянулъ на нее.

Безконечную благодарность прочла она въ его взглядѣ. Онъ былъ правъ, она была его ангеломъ хранителемъ, она была добрымъ геніемъ его сумрачной, тяжелой жизни.

А между тѣмъ никто не могъ понять, какая таинственная связь существовала между этими двумя людьми, когда то случайно встрѣтившимися и съ первой же минуты понявшими другъ друга—да и что же имъ было до этого!!?..

XVIII.

Двѣ женщины.

Въ это время на порогѣ гостиной показалась императрица. Она остановилась на мгновеніе, зорко взглянула на Павла Петровича и Нелидову и слабо улыбнулась.

— Вотъ и ты, Маша! какимъ-то растеряннымъ, мечтательнымъ тономъ проговорилъ императоръ. Я васъ оставлю, мнѣ пора, нынче столько дѣла.

Онъ крѣпко пожалъ руку Нелидовой, ласково кивнулъ головой женѣ и вышелъ изъ комнаты.

— Я нарочно промедлила, заговорила Марія Феодоровна,—я знала, что онъ былъ здѣсь и была увѣрена, что ему есть о чемъ переговорить съ вами. Вѣдь я угадала, неправда ли, мой другъ?

— Да, вы угадали.

— Теперь постараюсь угадывать дальше, продолжала она подвигая себѣ кресло и глядя въ лицо пріятельницѣ своими ясными, свѣтлыми глазами, въ которыхъ однако иногда трудно было прочесть ея мысли и чувства. Я полагаю, онъ просилъ васъ переѣхать сюда?

— Да, это правда, тихимъ и спокойнымъ голосомъ отвѣтила Екатерина Ивановна.

Императрица задумалась на мгновеніе.

„Что же дальше? Согласилась она или нѣтъ. Онъ вышелъ такимъ довольнымъ, лицо его такое свѣтлое, радостное, восторженное—значитъ, она согласилась.“

— Я надѣюсь, вы исполнили желаніе государя, вполнѣ согласное и съ моимъ желаніемъ? договорила она.

— Дорогая государыня, я не знаю на этотъ счетъ вашихъ мыслей и прошу васъ откровенно ихъ высказать.

Императрица пожала плечами.

— Развѣ вы можете сомнѣваться, chère amie, въ томъ, что мнѣ пріятно постоянно васъ видѣть. Если, стараніями враждебныхъ намъ людей, между нами и были недоразумѣнія, то все это давно прошло, давно забыто. Да и наконецъ, эти недоразумѣнія были невелики. Вы должны знать какъ я искренно люблю васъ, какъ я цѣню вашу дружбу къ моему мужу и ко мнѣ. Я хорошо вижу, что онъ нуждается въ вашихъ совѣтахъ, въ вашемъ успокоительномъ на него дѣйствіи. Мы объ этомъ уже съ нимъ говорили и я конечно разсчитывала на ваше согласіе переѣхать къ намъ, тѣмъ болѣе что это даже необходимо въ томъ оффиціальномъ положеніи, которое вы у меня теперь занимаете.

— Я очень счастлива, что слышу эти добрыя слова, сказала Нелидова. Впрочемъ, ничего иного я отъ васъ и не ожидала услышать, но...

— Что такое значитъ это „но?“ Что такое васъ смущаетъ, другъ мой? Вы какъ будто въ чемъ-то сомнѣваетесь? живо перебила ее императрица.

— Я ни въ чемъ не сомнѣваюсь, мое „но“ означаетъ только то, что я, не смотря на всю доброту вашу и государя, рѣшительно и навсегда отказалась переѣхать во дворецъ. Я намѣрена остаться въ Смольномъ, какъ уже не разъ вамъ говорила.

— Что такое?! Что!? Вы отказались?! Возможно ли это?!

Императрица даже поднялась съ кресла.

— Возможно-ли? Зачѣмъ вы оскорбили его вашимъ отказомъ?!

Но въ то же время зоркій взглядъ Нелидовой прочелъ въ лицѣ ея, что извѣстіе, только что сообщенное, въ сущности было для нея пріятно.

— Нѣтъ, какъ же это, продолжала Марія Феодоровна,—надѣюсь однако, онъ уговорилъ васъ, онъ никакъ не ожидалъ вашего отказа, онъ былъ совершенно увѣренъ въ вашемъ согласіи.

„Что же въ такомъ случаѣ значитъ его довольный и радостный видъ?“ подумала она.

— Несмотря на всѣ доводы государя, отвѣчала Нелидова,—а вы знаете, что онъ умѣетъ убѣждать, я все же выказала большое упорство и въ концѣ концовъ заставила его согласиться со мною.

— Такъ вы остаетесь въ Смольномъ,—это рѣшено?

— Да, это рѣшено и безповоротно.

Императрица глубоко вздохнула. Съ нея спала большая тяжесть.

— Какимъ же образомъ вы съумѣли уговорить его? Вы дѣлаете съ нимъ просто чудеса, моя дорогая,... и откуда у васъ взялось такое упорство?

— Зачѣмъ же вы меня спрашиваете, государыня?! нѣсколько упавшимъ, утомленнымъ голосомъ проговорила Нелидова,—неужели вы не согласны со мною, что я хорошо поступила. Вѣдь вы сами не хуже меня знаете, что мнѣ не слѣдуетъ покидать ту жизнь, которую я себѣ устроила. Мнѣ хорошо, надѣюсь. что и вамъ будетъ

теперь хорошо при новыхъ обстоятельствахъ. А служить вамъ обоимъ, любить васъ, я могу и оттуда, изъ своей кельи. Это же самое я сказала и государю и доказала ему, что такъ будетъ лучше.

— Что-же онъ?

— Онъ во всемъ согласился со мною.

Императрица крѣпко сжала руки Нелидовой, притянула ее къ себѣ и горячо поцѣловала.

— Я всегда знала, что вы самое умное и самое доброе существо какое мнѣ только привелось встрѣтить въ жизни. Я всегда знала, что вы истинный и лучшій другъ нашъ, растроганнымъ голосомъ говорила она.—Спасибо вамъ за все, за прошлое, за настоящее и за будущее!

Слезы показались на глазахъ ея. Слезы блеснули и на глазахъ Нелидовой.

Обѣ онѣ нѣжно и любовно глядѣли другъ на друга. Прошло нѣсколько минутъ молчанія, но минуты эти прошли не даромъ. Императрица и Нелидова молча глядя въ глаза другъ другу и держась за руки рѣшили всѣ свои вопросы.

Императрица заговорила первая.

— Но я надѣюсь однако, моя милая, моя добрая Екатерина Ивановна, сказала она, что мы будемъ теперь гораздо чаще видаться чѣмъ въ эти послѣдніе, тяжелые для всѣхъ насъ годы?!

— Я надѣюсь на это, проговорила Нелидова.

— Да, непремѣнно. Еслибы вы знали какъ часто мнѣ васъ недоставало, какъ часто мнѣ хотѣлось васъ видѣть. Вы вѣдь не откажетесь бывать здѣсь. Вы позволите мнѣ навѣщать васъ въ вашей кельѣ?

Нелидова отвѣтила благодарнымъ взглядомъ.

— А лѣтомъ, продолжала императрица,—я заранѣе должна условиться съ вами, лѣтомъ вы будете гостить у насъ въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Дайте мнѣ слово, только подъ этимъ условіемъ я соглашаюсь васъ оставить въ Смольномъ. Я знаю, что зимой тамъ хорошо и что эта тихая жизнь, къ которой вы привыкли, согласуется съ вашимъ характеромъ и съ вашими занятіями. Но лѣтомъ оставаться въ городѣ для васъ невозможно. Нужно позаботиться и о здоровьѣ. Говорите-же — согласны?

— Неужели я стану съ вами спорить?! Вы мнѣ рисуете прелестную перспективу лѣтняго отдыха въ милой Гатчинѣ, въ миломъ Павловскѣ. Я такъ люблю лѣто и природу. Вы думаете я не вспоминаю наши прекрасныя прогулки. Ахъ, я въ лѣтніе мѣсяцы всегда чувствовала себя особенно грустной. Для меня было большимъ лишеніемъ оставаться въ городѣ. Помните наши прогулки, помните наши заботы о томъ, какъ-бы расчистить паркъ? Помните какъ мы съ вами придумывали различныя бесѣдки, лѣсныя избушки. Воображаю какъ теперь тамъ все хорошо!..

— Да, тамъ хорошо, радостно сказала Марія Феодоровна,—я успѣла въ послѣднее время исполнить все о чемъ мы съ вами мечтали. И гатчинскій паркъ и павловскій совсѣмъ почти окончены. Много мѣстъ тамъ вы совсѣмъ не узнаете. Подождите только, вотъ придетъ весна и наше старое время вернется. Ахъ, какъ я счастлива, что буду тамъ опять вмѣстѣ съ вами!..

Но вдругъ улыбка, освѣтившая все лицо ея, погасла, она грустно опустила голову.

— Государыня, милая, что съ вами? заглядывая ей въ глаза почти испуганно воскликнула Нелидова, — отчего такая внезапная перемѣна? О чемъ вы вспомнили, что васъ тревожитъ?

— Многое тревожитъ, мой другъ. вотъ я совсѣмъ было забылась, поддалась старымъ, милымъ воспоминаніямъ, поддалась радости свиданія съ вами. А между тѣмъ, какое-же право я имѣю радоваться. Счастья мало, и нечего надѣяться на безоблачные дни. Вспоминая прошлое мы нерѣдко называемъ его тяжелымъ, а между тѣмъ это прошлое гораздо лучше настоящаго потому что...

— Я несовсѣмъ понимаю васъ.

— Подождите немного, сейчасъ поймете. Мы томились нашей однообразной, унылой жизнью, я тяготилась моей постоянной тревогой, моими вѣчными разъѣздами. А между тѣмъ вѣрите-ли, теперь я сожалѣю о томъ, что прошло то время. Какъ ни тяжела была прежняя жизнь, все-же это была жизнь частныхъ людей. Теперь, и онъ и я мы уже не принадлежимъ себѣ. Такая страшная отвѣтственность, такая мучительная неволя! Но я говорю не о себѣ, я всегда знала, что не могу жить такъ, какъ мнѣ-бы хотѣлось, я ужъ ко всему привыкла — я говорю о немъ. Вы думаете онъ будетъ теперь счастливъ?! Охъ, какъ я боюсь за него!

— И я боюсь тоже, сказала Нелидова. — но онъ показался мнѣ такимъ бодрымъ. Онъ проникнутъ сознаніемъ своего высокаго призванія, своего долга. Я старательно разузнавала въ это время о каждомъ его поступкѣ, пока могу только аплодировать, могу только одобрять каждый его шагъ.

— Да, вы правы, но вѣдь вы знаете его также хорошо какъ и я. вы знаете его характеръ — надолго-ли хватитъ этого терпѣнья, этой сдержанности. Знаете-ли вы что уже кругомъ во всѣхъ я замѣчаю неудовольствіе. Требованія его всегда справедливы; но онъ ставитъ ихъ такъ круто, рѣзко и потомъ—рядомъ со всякими порывами, передъ которыми можно преклоняться. въ немъ замѣтна мелочность, подозрительность какая-то. Она и прежде была, но я съ ужасомъ замѣчаю какъ развиваются въ немъ эти свойства.

Нелидова сидѣла глубоко задумавшись.

— Да, это очень серьезно, все, что вы говорите и я совершенно съ вами согласна, произнесла она. Прошлое не остается безслѣдно, обстоятельства его жизни развили въ немъ эти свойства. Ахъ, я всегда думала, еслибы у него была другая молодость, если-бы онъ воспитался и созрѣлъ при иныхъ обстоятельствахъ—какой-бы изумительный примѣръ совершеннѣйшаго государя представилъ онъ міру!

— Я тоже всегда такъ думала. Я хорошо понимаю, что онъ нисколько не виноватъ, во многихъ своихъ недостаткахъ. Поэтому я всегда извиняю ему эти недостатки, но другіе не знаютъ и не понимаютъ того, что можемъ знать и понимать мы съ вами. Другіе не находятъ необходимостью прощать ему. Напротивъ, я съ ужасомъ вижу, какъ его недостатки преувеличиваютъ, а добрыя, лучшія его качества умаляютъ, не хотятъ даже замѣчать ихъ. Онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу недобросовѣстность и онъ скоро такъ привыкнетъ къ этому зрѣлищу, что начнетъ пожалуй искать недобросовѣстность и тамъ гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ. Наконецъ и этого мало, другъ мой, предвидится опасность не только отъ недостатковъ его, но даже и отъ хорошихъ качествъ. Вы знаете какъ онъ щедръ и знаете тоже, что до послѣдняго времени его щедрость никогда не могла проявляться въ большихъ размѣрахъ,—онъ былъ всегда стѣсненъ. Мы часто нуждались въ самомъ необходимомъ. Онъ поневолѣ долженъ былъ себя сдерживать и часто сильно страдалъ отъ этого. Теперь никакихъ сдержекъ быть не можетъ. Наша жизнь домашняя не измѣнилась нисколько и конечно не измѣнится. Ему всего такъ мало для себя нужно, привычки у него спартанскія. Онъ любитъ простоту. Онъ всегда возмущался той безумной роскошью, которая существовала при дворѣ матушки. Онъ началъ съ того, что значительно, даже быть можетъ чрезмѣрно, сократилъ расходы двора: но въ то же время онъ неудержимо стремится расточать свои милости какъ достойнымъ ихъ, такъ и недостойнымъ. Знаете-ли вы, что въ это короткое время раздарено имъ направо и налѣво десятки тысячъ крестьянъ, богатѣйшія земли, лучшія имѣнія. Если онъ начнетъ кого нибудь награждать, то ему трудно уже остановиться. Онъ теряетъ всему мѣру.

Чѣмъ-же все это кончится, что намъ дѣлать? посовѣтуйте, другъ мой!

— Что дѣлать?! грустно проговорила Нелидова, наши силы очень слабы въ этомъ отношеніи; но все-же, я полагаю, дѣйствуя осмотрительно можно его сдерживать.

— Какимъ образомъ? Вы знаете, какъ рѣдко, будучи въ возбужденномъ состояніи, онъ способенъ бываетъ выслушать совѣтъ, противурѣчащій его желаніямъ. Конечно, вы всегда умѣли во́ время останавливать его, но это легко было тамъ, въ Гатчинѣ, при нашей совмѣстной жизни. Тамъ всѣ дѣла, каждый шагъ его былъ намъ извѣстенъ. Легко было слѣдить за всѣмъ. Теперь совсѣмъ другое.

— Однако вы и теперь можете слѣдить и во́ время узнавать многое. Дѣлайте это и если вамъ когда-нибудь не удастся остановить его, извѣстите меня и я письменно или лично постараюсь дѣйствовать на него. Если мы заключимъ тѣсный союзъ съ вами, то быть можетъ многое намъ будетъ удаваться.

Императрица задумалась.

— Да, вы правы и во всякомъ случаѣ только такой способъ дѣйствій намъ и остается. И такъ рѣшено, въ каждомъ важномъ случаѣ я буду къ вамъ обращаться и вы обѣщайте мнѣ употреблять всѣ ваши усилія, воспользоваться всѣмъ вашимъ добрымъ вліяніемъ на него, чтобы отвращать его отъ такихъ поступковъ, которые такъ или иначе могутъ ему повредить.

— Конечно, вѣдь это единственная цѣль моя.

— Въ такомъ случаѣ начните не откладывая. Не далѣе какъ сегодня я узнала объ одномъ принятомъ имъ рѣшеніи, которое, кажется, завтра-же уже должно быть приведено въ исполненіе, и которое вооружитъ противъ него многихъ и во всякомъ случаѣ будетъ истолковано ему во вредъ.

— Что такое, государыня?

— Представьте себѣ, онъ желаетъ уничтожить орденъ Святаго Георгія Побѣдоносца. Онъ самъ сказалъ мнѣ объ этомъ; но вѣдь этого нельзя допустить!

— Вы правы, это произведетъ цѣлую бурю.

— Какъ-же поступить намъ?

— Я попробую написать ему, сказала Нелидова.

— Пожалуйста, я увѣрена, что письмо ваше на него подѣйствуетъ. Онъ всегда такъ радуется получая ваши письма, перечитываетъ ихъ нѣсколько разъ. Они всегда производятъ на него сильное впечатлѣніе. Вы умѣете такъ убѣдительно, такъ горячо писать. Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ, составьте письмо, мы прочтемъ его вмѣстѣ, а потомъ вы его пришлете.

— Хорошо, я напишу сейчасъ. Я всегда лучше пишу подъ первымъ впечатлѣніемъ.

Онѣ заперлись въ кабинетѣ императрицы и черезъ полчаса письмо было готово.

— Вотъ, сказала Екатерина Ивановна,—не знаю одобрите-ли вы, государыня, я писала отъ всего сердца.

— Прочтите, я вся—вниманіе.

Екатерина Ивановна принялась за чтеніе своего письма.

Она прекрасно писала на изысканномъ французскомъ языкѣ и умѣла придавать своимъ выраженіямъ именно тотъ оттѣнокъ рѣшительности и правдивости, который такъ любилъ Павелъ.

Она писала теперь между прочимъ: „Подумайте, государь, о томъ, что въ теченіи долгаго времени этотъ знакъ отличія былъ наградою за кровь пролитую, за члены истерзанные на службѣ отечеству. Сжальтесь надъ столькими несчастными, которые утратили-бы все, увидѣвъ, что ихъ государь оказываетъ презрѣніе тому, что составляетъ ихъ славу, свидѣтельствуя о ихъ мужествѣ. Если вы имѣете намѣреніе упразднить этотъ орденъ, вы, переставая возлагать его на вашихъ подданныхъ, тѣмъ самымъ упраздните его; но пока, удостойте почтить носящихъ его, становясь при случаѣ во главѣ ихъ. Ваше величество можете найти разные предлоги, чтобы самому имъ не украшаться, какъ напримѣръ тотъ, что вы не успѣли его заслужить, такъ какъ обстоятельства не дали вамъ къ тому случая, причемъ, вы, умѣя цѣнить заслуги тѣхъ, которые его носятъ, всетаки можете поставить въ удовольствіе доказать имъ ваше уваженіе вашимъ присутствіемъ. Простите меня, государь, если мое усердіе нескромно; но пока я буду принимать къ сердцу вашу славу, и пока любовь къ вамъ вашихъ вѣрноподданныхъ будетъ предметомъ моихъ желаній для васъ, я буду считать моимъ долгомъ раскрывать вамъ мое сердце на счетъ всего, что можетъ касаться лично вашего императорскаго величества. Въ такихъ чувствахъ относительно моего государя считаю я долгомъ жить и умереть“.

— Отлично, отлично! сказала императрица дослушавъ до конца. Только какъ мы сдѣлаемъ, чтобы доставить письмо это? Пришлите его завтра утромъ пораньше. Потомъ... постойте... вы не говорите ему, что я сообщила вамъ объ этомъ рѣшеніи, а то онъ сразу догадается, а я бы этого не хотѣла. Я знаю, что онъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ съ Плещеевымъ. Сегодня вечеромъ я навѣрно увижу Плещеева и пошлю его къ вамъ. Вы такъ прямо и напишите, что отъ него все узнали.

— Хорошо, сказала Нелидова; дай Богъ чтобы первая наша проба увѣнчалась успѣхомъ. А теперь пора мнѣ и въ мою келью. Я буду ждать Плещеева до десяти часовъ. До свиданья же, дорогая государыня, да хранитъ васъ Богъ!

Онѣ обнялись, крѣпко поцѣловались. И Нелидова своей неслышной, воздушной походкой направилась къ двери.

Будто легкая тѣнь скользила она по обширнымъ дворцовымъ комнатамъ. Встрѣчные почтительно давали ей дорогу, низко кланяясь. Она отвѣчала имъ граціознымъ наклоненіемъ головы. И вовсе не думала она о томъ, что оставляла за собою недружелюбный, злонамѣренный шепотъ, въ которомъ ея имя повторялось рядомъ съ именемъ государя.

XIX.

Тѣни прошлаго.

На слѣдующее утро въ Смольномъ монастырѣ шла торжественная и въ то же время печальная обѣдня.

Это было двадцать четвертое ноября—Екатеринипъ день, день имянинъ покойной императрицы, которая всегда съ такой любовью относилась къ монастырю, которая устроила въ стѣнахъ его „общество благородныхъ дѣвицъ.“

Это „Общество,“ этотъ Институтъ былъ однимъ изъ дорогихъ дѣтищъ Екатерины. Здѣсь по ея плану и даже подъ ея верховнымъ руководительствомъ воспитывались будущія русскія жены и матери.

Императрица часто пріѣзжала отдыхать среди веселой толпы дѣтей и подраставшихъ дѣвочекъ, которыя шумно выбѣгали ей на встрѣчу какъ къ любимой матери, которыя никогда не стѣснялись ея присутствіемъ, откровенно бесѣдовали съ нею, веселили ее своей наивностью, своей живостью.

Она зоркимъ, привычнымъ взглядомъ подмѣчала среди нихъ самыхъ талантливыхъ и слѣдя за ихъ успѣхами, находила время, неустанно предаваясь своимъ разнообразнымъ занятіямъ, даже переписываться со своими любимицами.

Посѣщенія императрицы составляли самые свѣтлые праздники для маленькихъ затворницъ и эти праздники часто выпадали на ихъ долю. Еще не очень давно, какихъ нибудь мѣсяца два тому назадъ, была здѣсь Екатерина, также мило, ласково и шутливо бесѣдовала она съ дѣвочками, каждую изъ нихъ подарила своей улыбкой. Но даже дѣтскіе, неопытные взгляды подмѣтили перемѣну, происшедшую въ дорогой гостьѣ за лѣтніе мѣсяцы, во время которыхъ ее не видали.

Еще одинъ послѣдній взглядъ! Ориг. рисун. И. Веле, грав. Г. Пааръ.

И вотъ теперь институтки, стоя рядами на своемъ обычномъ мѣстѣ въ церкви, молятся за упокой души той, которую такъ любили, которая на всю жизнь оставила въ нихъ самое свѣтлое воспоминаніе. И горячи молитвы этихъ дѣвочекъ, которыя, за немногими исключеніями, еще такъ чисты душой, еще находятся въ полномъ невѣденіи порока и зла, ожидающихъ ихъ въ жизни, за предѣлами ихъ тихаго пріюта.

Едва раздадутся подъ сводами церковными унылые, за душу хватающіе звуки поминальнаго напѣва, мгновенно склоняются эти длинные ряды дѣтскихъ и женскихъ головокъ, какъ одинъ человѣкъ падаютъ институтки на колѣни. Почти всѣ плачутъ, даже рыданія громкія, неудержимыя то тамъ, то здѣсь раздаются по церкви.

Всѣмъ вспоминается этотъ торжественный день въ прежніе годы, этотъ день—чуть ли не самый веселый въ году—а теперь что! Ея нѣтъ, она никогда не вернется. Ихъ недавно возили всѣхъ проститься съ нею. Онѣ увидали ее неподвижною, въ блескѣ парчи. Онѣ приложились къ ея ледяной рукѣ, взглянули и не узнали ту, которая была передъ ними. Многія отшатнулись съ крикомъ ужаса.

Развѣ это она?! Гдѣ ея улыбка? Гдѣ ясный взглядъ ея свѣтлыхъ глазъ? Не она, не она это! Ея больше нѣту!

Для многихъ изъ дѣтей это было первое горе, которое пришлось имъ извѣдать въ жизни, которое поразило ихъ и измѣнило внутри ихъ многое. Для нихъ это нежданное первое горе было прощаніемъ съ дѣтской безмятежностью, было вступленіемъ въ новую жизнь, въ которой на каждомъ шагу борьба и страданія, которая казалась такой невозможной, о которой ничто не говорило. Дѣтскій разумъ, дѣтское сердце остановились пораженные и начали задавать себѣ серьезные и трудно разрѣшимые вопросы.

Что же теперь остается?! Нужно молиться за нее, горяче молиться!

И молятся дѣти, вслушиваясь въ заунывные звуки молитвы, содрогаясь передъ таинственной, великой загадкой смерти...

Но горячѣе ихъ всѣхъ, обливаясь вдохновенными и страстными слезами молится въ тихомъ уголкѣ церкви, закрытая отъ всѣхъ взоровъ колонной, Екатерина Ивановна Нелидова.

Она ничего не видитъ передъ собою. Подъ звуки церковнаго хора въ ея душѣ звучитъ другой отвѣтный хоръ и все существо ея уносится въ блаженный высшій міръ, который открывается передъ нею.

Ей чудится, что изъ далека, изъ лучезарной, сверкающей неземнымъ свѣтомъ вышины, къ ней доносятся дивные звуки. И она дѣлаетъ надъ собою послѣднія усилія, чтобы понять значеніе этой небесной рѣчи, чтобы уяснить себѣ ея смыслъ. Ей иногда кажется, что она достигаетъ этого и блаженная тишина наполняетъ ее.

Но вдругъ замираютъ дивные звуки, она будто просыпается и видитъ себя въ тихомъ уголкѣ церкви, видитъ передъ собою знакомые лики иконостаса, теряющіеся въ облакахъ ладана. Внутренній лучезарный міръ отлетаетъ, приходятъ иныя грезы.

Она шепчетъ имя той, о которой всѣ вокругъ нея молятся и невольно, въ быстро являющейся и исчезающей картинѣ, мелькаютъ передъ нею далекіе годы, которые она проводила въ этихъ же стѣнахъ. Вспоминается ей какъ маленькой дѣвочкой была привезена она изъ бѣдной далекой деревеньки своей матери въ Петербургъ, какъ одинъ изъ дальнихъ родственниковъ, имѣвшій при дворѣ связи, устроилъ ея помѣщеніе въ Смольный. Передъ нею, будто сейчасъ это было, ея первая встрѣча съ императрицей. Екатерина ласковымъ движеніемъ подзываетъ къ себѣ маленькую дѣвочку, беретъ ее за руку, внимательно въ нее вглядывается.

— Ты не скучаешь, дитя мое? скажи мнѣ правду.

Дѣвочка изумленно смотритъ. Что же иное и можетъ она сказать какъ не правду? Она еще никогда не лгала и хотя уже знаетъ, что другія иногда лгутъ, но никакъ понять не можетъ, зачѣмъ онѣ это дѣлаютъ.

— Скучаю иногда, но теперь гораздо рѣже, отвѣчаетъ она, робко поднимая свои прекрасные глаза на государыню.

— А учиться любишь? Учись, милая, учись хорошенько, увидишь—чѣмъ дальше тѣмъ интереснѣе будетъ тебѣ учиться. Любишь ли ты своихъ начальницъ, своихъ учителей, своихъ подругъ?

— Люблю, всѣ со мною такія добрыя, меня всѣ любятъ, такъ какъ же я могу не любить?!

— А меня любить будешь?

Дѣвочка довѣрчиво улыбнулась и невольнымъ дѣтскимъ движеніемъ протянула было руки чтобы обнять ту, которая ее спрашивала, но тутъ же и испугалась своего движенія и опустила руки.

Екатерина улыбаясь прижала къ своей груди дѣвочку и крѣпко ее поцѣловала.

— Ну, ступай теперь къ своимъ подругамъ. Я буду узнавать какъ ты учишься и если узнаю, что учишься хорошо—это доставитъ мнѣ большое удовольствіе. Помни, что я тебѣ сказала...

И когда дѣвочка отошла, Екатерина обратилась къ воспитательницѣ:

— Славный ребенокъ, очень она мнѣ понравилась!

— Точно такъ, ваше величество, поспѣшно проговорила воспитательница.—Умная и добрая дѣвочка, всѣ ее сразу полюбили. При этомъ удивительная понятливость и прилежаніе. Я такъ полагаю, что скоро она окажется первой ученицей въ классѣ.

— Значитъ я угадала, первое впечатлѣніе меня не обмануло.

— Когда же вы ошибаетесь, ваше величество?! прошептала воспитательница.

Екатерина сдержала свое обѣщаніе. Съ этого дня она слѣдила за дѣвочкой, каждый разъ освѣдомлялась объ ея успѣхахъ, каждый почти разъ ласково бесѣдовала съ нею.

Прошли года и маленькая робкая дѣвочка превратилась въ разумную дѣвушку. Окончила свое образованіе въ числѣ самыхъ первыхъ учениць. Поражала всѣхъ своей скромностью, своимъ яснымъ серьезнымъ умомъ и, въ то же время, ровнымъ, веселымъ характеромъ. И вмѣстѣ съ этимъ, какъ и въ дѣтскіе годы, она продолжала не понимать какимъ образомъ существуетъ ложь на свѣтѣ и зачѣмъ лгутъ иные люди.

Нелидова не возвратилась въ далекую деревеньку своей матери. Бѣдная, незнатная дѣвушка осталась при дворѣ и назначена была фрейлиной къ великой княгинѣ.

Вспоминается ей тотъ вечеръ когда она очутилась, послѣ своего монастырскаго уединенія, среди блеска и шума придворнаго бала. Она не произвела большаго впечатлѣнія. Маленькая, далеко не красавица, просто и скромно одѣтая, она совершенно исчезала въ толпѣ великолѣпныхъ, залитыхъ бриллiантами женщинъ и дѣвушекъ. Она любопытно и внимательно вглядывалась во все и во всѣхъ, старалась отдать себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ.

И вдругъ среди этого занятія замѣтила она пристально устремленный на себя взглядъ. Будто прикованная къ мѣсту она остановилась и не могла шевельнуть ни однимъ членомъ. Этотъ взглядъ заколдовалъ ее, произвелъ на нее странное магическое впечатлѣніе. Сердце ея шибко забилось и вдругъ она почувствовала въ этомъ сердцѣ одновременно и тоску и радость.

Что это было? предчувствіе?

А тотъ кто глядѣлъ на нее уже былъ подлѣ и говорилъ ей что-то.

Она очнулась, она подняла на него свои безмятежные, ясные глаза, вслушалась въ слова его и сама съ

нимъ заговорила. Заговорила такъ, какъ будто встрѣтила стараго дорогого друга, будто знала она этого человѣка долгіе годы. Но вѣдь она въ первый разъ его видѣла.

Она довѣрчиво и свободно оперлась на его руку, когда онъ повелъ ее въ танцовальную залу.

А между тѣмъ она слышала уже о немъ много такого, что повидимому не могло расположить ее въ его пользу. Но теперь она забыла все, что о немъ слышала, она увидала его, она его узнала съ первой-же минуты. Она не могла въ немъ ошибиться. Долгіе, долгіе годы доказали ей потомъ, что она дѣйствительно не ошибалась.

Что это было? первая дѣвическая любовь?—быть можетъ, но она никогда не задумывалась надъ свойствомъ своего чувства, никогда, ни разу въ жизни не мелькнуло ей въ мысляхъ, что этотъ человѣкъ могъ-бы быть для нея чѣмъ нибудь инымъ какъ просто другомъ. И самъ онъ ни разу не навелъ ее на эти мысли.

Она просто и безповоротно, съ первой минуты встрѣчи, отдала ему всю свою жизнь, всѣ свои помыслы. Она забыла себя для того, чтобы думать о немъ, то есть, о той пользѣ, которую она могла принести ему.

Она была счастлива когда видѣла, что нужна ему, что исполняетъ свое назначеніе.

Незамѣтно промелькнула юность, незамѣтно прошла молодость. Много горя пришлось испытать честному, самоотверженному сердцу; но это сердце не измѣнилось и какъ въ первый день, такъ и теперь оно всецѣло принадлежало ему, этому непонятому рыцарю, этому страдающему искателю правды, этому неустанному борцу съ самимъ собою.

И какъ въ первый день, такъ и теперь было дѣвственно чисто это сердце, и не было въ немъ и тѣни упрека. Она могла оглядываться назадъ, могла вспоминать каждый день, каждый часъ своей жизни и не встрѣчала ни одной минуты, за которую могла-бы покраснѣть, которую хотѣлось-бы вычеркнуть изъ жизни. Нѣтъ, если-бы пришлось ей снова начинать жить, она не взяла-бы себѣ иного удѣла. Она безтрепетно приняла изъ рукъ судьбы крестъ свой и не утомилась подъ его ношей. Она знала, хорошо знала, что есть другая жизнь и другія радости. Быть можетъ и въ ней шевельнулась когда нибудь невольная тоска по этимъ радостямъ, но она всегда умѣла легко заглушать въ себѣ тоску эту.

Она говорила себѣ, что нельзя имѣть всего, что нельзя всѣмъ пользоваться разомъ и находила достаточно для себя того, что дала ей жизнь.

И теперь, въ этотъ торжественный день, который ежегодно былъ для нея радостнымъ днемъ, который когда-то проводила она въ иной обстановкѣ, въ тѣсномъ гатчинскомъ кругу, гдѣ жилось ей, бывало, такъ привольно,—и теперь она чувствовала себя какъ всегда спокойной и удовлетворенной. А горячія вдохновенныя молитвы, которымъ она такъ умѣла предаваться, дали ей еще новыя силы.

Обѣдня и панихида кончены. Въ церкви началось движеніе.

Екатерина Ивановна вышла изъ-за колонны. Она видитъ, что взоры всѣхъ мало по малу начинаютъ обращаться на нее, къ ней подходятъ почти всѣ, находящіеся въ церкви и поздравляютъ со днемъ ея ангела. Ей желаютъ всякихъ благополучій.

Она привѣтливо, своимъ тихимъ нѣжнымъ голосомъ благодаритъ за поздравленія и, незамѣтно затерявшись въ толпѣ молодыхъ, всегда милыхъ ей лицъ, выходитъ изъ церкви, направляясь по длиннымъ корридорамъ въ занимаемую ею маленькую квартирку.

(До слѣд. №).

Три дня подъ Геокъ-Тепе.

(Изъ Ахалъ-Текинской экспедиціи 1880—1881 годовъ).

I.

Въ лагерѣ и въ редутѣ.

Это было 10 января 1881 года. А между тѣмъ ничто не напоминало нашъ русскій январь съ его трескучими морозами, злыми вьюгами, глубокими сугробами. Солнце въ полной красѣ сіяло на голубомъ, безоблачномъ небѣ и щедро обливало землю своими свѣтлыми теплыми лучами. Но, несмотря на такой роскошный день, печальный видъ представляетъ разстилающаяся передъ глазами равнина. На далекое пространство тянется голая, обнаженная степь, на которой не видно даже слѣдовъ растительности, за исключеніемъ кое-гдѣ разбросанныхъ низкорослыхъ кустиковъ колючки грязно-сѣраго цвѣта. Ни одного бугорка, ни малѣйшей неровности, ни одного деревца на протяженіи цѣлыхъ десятковъ верстъ. Непривычный глазъ утомляется видомъ этой печальной, забытой Богомъ равнины и ищетъ на чемъ бы остановиться и отдохнуть. Только на дальнемъ югѣ виднѣется гряда персидскихъ горъ; хотя не особенно веселый видъ представляютъ и эти обнаженныя горы, но все жъ таки онѣ, вслѣдствіе разнообразія очертаній, не такъ утомляютъ глазъ, какъ печальная, однообразная степь. Невозмутимая тишина царитъ въ этой пустынной мѣстности; не видно ни одного живаго существа, не слышно ни одного живаго звука. Но проложенная торная дорога и разбросанные близъ нея остовы и даже цѣлые еще трупы верблюдовъ и лошадей показываютъ, что и эту печальную равнину не забылъ человѣкъ. Вотъ и теперь—въ голубой дали показалось сначала густое облако пыли, а потомъ и темная движущаяся масса, въ которой, по мѣрѣ ея приближенія, можно различить всадниковъ, пѣхотинцевъ, верблюдовъ, орудія и повозки. Это двигался отрядъ, сопровождавшій изъ укр. Самурскаго подъ Геокъ-Тепе транспортъ съ провіантомъ и боевыми припасами. Хотя отъ Самурскаго до Геокъ-Тепе только 12 верстъ и дорога идетъ по открытой мѣстности, все таки отрядъ двигался со всевозможными мѣрами предосторожности изъ опасенія нечаяннаго нападенія, такъ какъ текинцы чрезвычайно смѣлые наѣздники. На своихъ быстрыхъ, какъ вѣтеръ, скакунахъ они внезапно налетаютъ на транспорты и—горе отряду, если онъ заранѣе не принялъ мѣръ предосторожности. Въ одинъ мигъ съ крикомъ и визгомъ налетаютъ лихіе наѣздники, рубятъ, кто и что попадется подъ руку, топчатъ конями и не успѣютъ люди въ отрядѣ опомниться отъ неожиданности удара, какъ уже и слѣдъ простылъ текинцевъ, которые умчались, подобно урагану, оставивъ послѣ себя слѣды всеобщаго разрушенія.

И такъ, повторяю я, отрядъ слѣдовалъ съ извѣстными мѣрами предосторожности, принимаемыми вблизи энергичнаго непріятеля: впереди и по сторонамъ слѣдовали казачьи разъѣзды, за ними шелъ авангардъ; потомъ двигались главныя силы, обозъ, верблюды, артиллерія, аррьергардъ и наконецъ задніе разъѣзды.

Между авангардомъ и главными силами собралась кучка конныхъ офицеровъ, которые жадно всматривались въ синѣющую даль, горя нетерпѣніемъ увидѣть поскорѣе пресловутую крѣпость Геокъ-Тепе, подъ которой не мало легло русскихъ въ 1879 году, да и въ нынѣшнемъ пожалуй, подъ которой самъ Скобелевъ стоитъ съ своимъ отрядомъ вотъ уже семнадцать дней и все таки не рѣшается штурмовать её. Особенное нетерпѣніе выказывалъ молодой офицеръ—Волгинъ, въ первый разъ попавшій на поле военныхъ дѣйствій. Онъ давно рвался въ передовой отрядъ, для чего и перевелся въ N—скій полкъ.

— Скорѣе бы дойти, обратился Волгинъ къ своему товарищу Покровскому, который только что наканунѣ прибылъ изъ-подъ Геокъ-Тепе въ Самурское и теперь снова возвращался туда.

— Что тебѣ такъ не терпится? возразилъ тотъ.

— Да ужъ надоѣло въ Бами пасти верблюдовъ, сопровождать транспорты, да ходить за дровами и фуражомъ.

— Насидишься и въ траншеяхъ; скоро надоѣстъ...

Въ это время послышался глухой орудійный выстрѣлъ; за нимъ послѣдовалъ другой, третій...

— Что это такое? вскрикнулъ Волгинъ. Стрѣляютъ. Ужъ не штурмуютъ ли крѣпость? А можетъ быть текинцы вылазку сдѣлали?

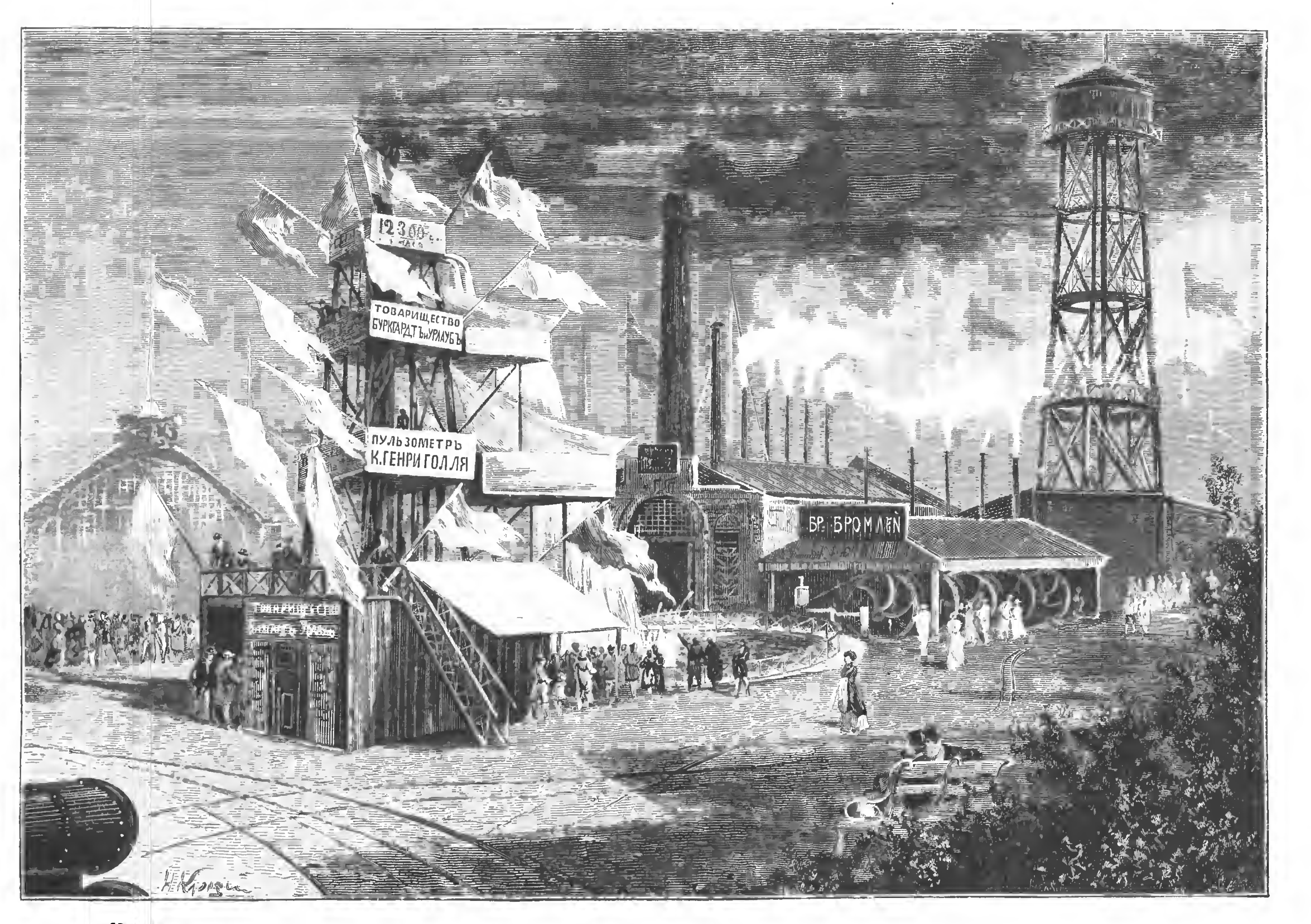
— Ни то, ни другое, возразилъ Покровскій. Штурмъ предполагается завтра, а что касается вылазки, текинцы не осмѣлятся на нее днемъ. Нападаютъ они большей частью часа черезъ два послѣ заката солнца. Притомъ же въ послѣдній разъ Ставропольцы такъ проучили ихъ, что врядъ ли они скоро рѣшатся на новую вылазку. А выстрѣлы—это такъ себѣ; вѣдь у насъ съ самаго начала осады ежедневно выпускаютъ извѣстное количество снарядовъ въ крѣпость и очередь между батареями нарочно для этого заведена. Стрѣляютъ и днемъ, и ночью, чтобы не давать покою текинцамъ и не позволять имъ исправлять поврежденія въ стѣнѣ, причиненныя нашими выстрѣлами...

— А что, далеко еще до лагеря? прервалъ Волгинъ.

— Вотъ смотри влѣво; видишь вдали холмъ? Это и есть Геокъ-Тепе, или скорѣе Денгиль-Тепе, потому что Геокъ-Тепе текинцы называютъ всю мѣстность, а холмъ собственно носитъ названіе Денгиль-Тепе.

Московская промышленно-художественная выставка. Сельско-хозяйственный отдѣлъ. Витрина Крымскихъ винъ князя Голицына.
Ориг. рисун. нашего спеціальнаго корреспондента Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Московская промышл.-художеств. выставка. Витрина имѣнія Е. И. В. Вел. Кн. Екатерины Михаиловны, „Карловка“ (Полт. губ.).
Ориг. рисунокъ нашего спеціальнаго корреспондента Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.



Московская пром.-худож. выставка. Пульзометръ завода Буркгардтъ и Урлаубъ и водоподъемная машина г. Бромлей.

Ориг. рисунокъ нашего спеціальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

— Какъ? Этотъ холмъ? недоумѣвалъ Волгинъ. Да вѣдь Геокъ-Тепе, говорили, крѣпость?

— Ну да крѣпость, подтвердилъ Покровскій, и крѣпость очень сильная; но стѣны отсюда еще не видны. Вотъ, когда выѣдемъ на тотъ бугоръ, что впереди, такъ увидишь и стѣны.

— Зданія тамъ есть какія нибудь?

— Не знаю. Видны только стѣны да холмъ. Впрочемъ говорятъ, что строеній никакихъ не имѣется въ крѣпости, а только однѣ кибитки.

— Правда ли, что въ лагерь залетаютъ текинскія пули и бьютъ много людей и лошадей? послѣ нѣкоторой паузы спросилъ Волгинъ.

— Бываетъ. Рѣдкій день пройдетъ, чтобы не было раненыхъ, а иногда и убитыхъ.

— Зачѣмъ же такъ близко къ крѣпости разбили лагерь?

— Зачѣмъ? Какъ тебѣ сказать? Есть на это и другія причины, конечно, но главная то, кажется, поддержать духъ въ отрядѣ.

— Что же это значитъ?

— А вотъ видишь ли: когда въ первой вылазкѣ текинцы вырѣзали апшеронскій баталіонъ, такъ начала было распространяться паника въ отрядѣ. Скобелевъ, замѣтивъ это, приказалъ въ тотъ же день передвинуть лагерь на версту ближе къ крѣпости, да однимъ этимъ распоряженіемъ двухъ зайцевъ и убилъ; во первыхъ, солдатики пріободрились: „значитъ, молъ, Скобелевъ надѣется на себя и на насъ, что не только не боится, а еще ближе подходитъ къ непріятелю.“ Во вторыхъ, пододвинувъ лагерь къ траншеямъ, Скобелевъ стянулъ войска и, такимъ образомъ, занимать караулъ въ траншеяхъ стало гораздо безопаснѣе, ибо выручка на всякій случай подъ рукой. Отрядъ нашъ маленькій въ сравненіи съ силами непріятеля, а потому слѣдуетъ его держать какъ можно скученнѣе, дабы хоть на извѣстномъ пространствѣ можно было противупоставить текинцамъ силы, способныя внушить къ себѣ должное уваженіе. Наконецъ, передвиженіемъ лагеря Скобелевъ показалъ текинцамъ, что хоть они и вырѣзали часть траншейнаго караула, но что мы все таки нисколько не боимся ихъ и не отступимъ отъ своего намѣренія взять крѣпость, во что бы то ни стало. Послѣ второй вылазки, во время которой текинцы вырѣзали роту закаспійскаго баталіона, опять тоже: Скобелевъ приказалъ подвинуть лагерь еще впередъ—и вотъ теперь мы стоимъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ крѣпости. Да и лучше какъ ближе опасность: солдаты выучились бодрствовать, а то, вѣдь, прежде бывало бѣда съ ними—только отвернешься, онъ ужъ и заснулъ. Солдаты наши народъ хорошій; съ ними можно многое сдѣлать, да только одинъ недостатокъ въ нихъ: черезъ-чуръ безпечны они, для нихъ вездѣ Саратовская губернія.

Между тѣмъ отрядъ вышелъ на возвышенность, съ которой открывался видъ на крѣпость и лагерь, расположенный подъ нею.

— Ну вотъ тебѣ и крѣпость, которую ты такъ жаждалъ увидѣть, проговорилъ Покровскій. Можешь любоваться ею, сколько душѣ угодно.

— Только стѣну, да холмъ и видно, замѣтилъ какъ будто чѣмъ-то недовольный Волгинъ.

— А ты что же думалъ увидѣть? Минареты? башни съ зубцами? амбразуры съ грозно глядящими въ нихъ жерлами орудій? Ничего подобнаго нѣтъ въ Геокъ-Тепе. Но ты не смотри на то, что крѣпость такъ непредставительна съ виду. Это такая твердыня, объ которую мы, русскіе, ужъ разъ лобъ-то разшибли (я говорю про 79 годъ) да и теперь еще бабушка на двое сказала, чья возьметъ: мы ли будемъ въ крѣпости, насъ ли всѣхъ до одного вырѣжутъ. Вотъ когда прійдемъ въ лагерь, побывай въ Великокняжеской калѣ, да посмотри на дѣйствіе нашихъ снарядовъ, такъ и увидишь, что очень мало вреда причиняютъ они стѣнамъ. А почему? Потому что стѣны чрезвычайно толстыя и притомъ состоятъ изъ земли, которая отъ времени слеглась и превратилась въ одну плотную массу, которая только снаружи обложена сырымъ кирпичемъ. Пробьетъ снарядъ глиняную оболочку, да въ землѣ и застрянетъ, очень часто даже не разорвавшись.

— Не ужели такъ таки задаромъ и пропадаютъ наши снаряды?

— Ну, не совсѣмъ: въ 17 дней брешь пробили, да что толку то въ ней? Сбили только верхъ стѣны и даже не образовали удобовосходимаго обвала. Прійдется штурмовать съ лѣстницами и другими приспособленіями, а ужъ это плохое дѣло! Развѣ вотъ мина поможетъ.

— Какая мина?

— Видишь ли: собственно говоря, Скобелевъ задумалъ произвести два взрыва: одинъ посредствомъ динамита, а другой—посредствомъ пороха. На динамитъ то у насъ мало надѣятся, потому что заложеніе его сопряжено съ большими затрудненіями, такъ что не извѣстно, удастся ли этотъ взрывъ. Что же касается пороховаго—онъ надѣлаетъ дѣловъ. Вѣдь сто тридцать пудовъ не шутка!.. Только на мину эту мы всѣ и возлагаемъ наше упованіе...

— „Да на храбрость нашего солдата“ прибавь еще, докончилъ Волгинъ.

Въ это время отрядъ подошелъ къ лагерю. Послѣдній, т. е. лагерь, состоялъ изъ яломеекъ *), кибитокъ, наметовъ и палатокъ. По возможности весь лагерь былъ прикрытъ со стороны крѣпости земляными валами; нѣкоторыя же изъ кибитокъ были совсѣмъ врыты въ землю и только верхушки ихъ торчали наружу. Для помѣщенія лошадей тутъ и тамъ были повырыты ямы съ насыпью къ сторонѣ непріятеля, такъ какъ открыто оставлять ихъ не приходилось, ибо въ лагерь то и дѣло залетали пули. Какъ только отрядъ пришелъ, сейчасъ же всѣхъ размѣстили по кибиткамъ, которыхъ стояло много пустыхъ, потому что большая часть войскъ находилась въ траншеяхъ.

Волгинъ и Покровскій, закусивъ наскоро чѣмъ Богъ послалъ у одного изъ знакомыхъ офицеровъ, отправились осматривать траншеи. Вотъ вступили они въ первую параллель, расположенную непосредственно передъ лагеремъ; ничего—идти безопасно. Траншея была вырыта въ ростъ человѣка, такъ что насыпь ея скрывала отъ взоровъ непріятеля головы самыхъ высокихъ людей, идущихъ по траншеѣ. Нѣтъ-нѣтъ, да и послышится звукъ, похожій на жужжанье пчелы—это пролетѣла пуля, пущенная изъ крѣпости наудачу: „авось, молъ, кого нибудь задѣнетъ съ навѣсу.“

— А что, если выглянуть изъ траншеи? спросилъ Волгинъ, въ первый разъ бывшій подъ пулями.

— Да замѣтятъ такъ пустятъ нѣсколько пуль, отвѣтилъ Покровскій. Текинцы постоянно слѣдятъ, не покажется ли какой неосторожный изъ за насыпи; а глазъ у нихъ зоркій, да и стрѣляютъ, канальи, мѣтко; нужно отдать имъ полную справедливость въ этомъ.

Не смотря на это предостереженіе, Волгинъ все таки не вытерпѣлъ, всталъ на банкетъ **) и поднялся надъ насыпью. Въ ту же минуту мимо его ушей прожужжало нѣсколько пуль и онъ инстинктивно нырнулъ въ траншею.

— Что? не нравится, вѣроятно? замѣтилъ Покровскій. Вотъ подожди, дойдемъ до редута—такъ черезъ амбразуры и бойницы вольготнѣе смотрѣть будетъ.

Пройдя съ полверсты, наши знакомцы очутились на площадкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ насыпью—бруствромъ; въ бруствѣрѣ продѣлано нѣсколько амбразуръ, въ которыя грозно выглядывали орудія. Въ простѣнкахъ подѣланы банкеты на случай, еслибы пришлось открыть ружейный огонь. Около задняго фаса выкопаны ямы, прикрытыя верхушками отъ яломеекъ—это помѣщенія для офицеровъ; нижніе же чины размѣщались просто подъ открытымъ небомъ. Это такъ называемый Ставропольскій редутъ. Въ редутѣ находился баталіонъ того же полка, въ которомъ служилъ Волгинъ, такъ что онъ нашелъ тамъ много знакомыхъ офицеровъ, съ которыми разстался въ Бами еще 20 декабря. Послѣ обычныхъ при встрѣчѣ разспросовъ и разсказовъ, офицерство собралось около бруствера и подъ этимъ прикрытіемъ усѣлось въ кружокъ. Откуда то появилась водка и вино, скоро развязавшія языки.

— Скажите, пожалуйста, обратился Волгинъ къ одному изъ офицеровъ, въ этомъ редутѣ вырѣзали Закаспійцевъ?

— Да, отвѣтилъ тотъ. Но только редутъ этотъ былъ меньше и не такъ хорошо принаровленъ къ защитѣ. Сунулись бы онѣ теперь, такъ, пожалуй, немногіе бы вернулись въ крѣпость.

— Разскажите, пожалуйста, какъ было дѣло, просилъ Волгинъ.

— Право не знаю, что и разсказать вамъ. Дѣло очень темное. Одни говорятъ, что Закаспійцы спали и текинцы перерѣзали ихъ сонныхъ. Другіе говорятъ, что это не правда и что не выдержали атаку Закаспійцы потому... ну хоть потому что солдаты по большей части еще рекрута почти, попали въ передѣлку въ первый разъ. Нѣкоторые же говорятъ, что и это не правда, что Закаспійцы дрались молодецки, но что они подавлены были многочисленностью непріятеля. Словомъ, трудно разобрать, что и какъ происходило. Несомнѣнно только, что нападеніе было сдѣлано неожиданно: подъ прикрытіемъ темноты текинцы незамѣтно подобрались къ самому брустверу и потомъ съ гикомъ налетѣли на редутъ. Закаспійцы, уступая противнику въ числѣ, притомъ же захваченные врасплохъ, не выдержали бѣшенаго натиска, а пока къ нимъ подоспѣли на помощь, текинцы сдѣлали свое, т. е. изрубили много народу и захватили два горныхъ орудія, изъ которыхъ одно у нихъ отбили обратно, а другое они успѣли таки увезти въ крѣпость.

— Вотъ я думаю, переполохъ то поднялся въ лагерѣ?

— Ужъ именно, что переполохъ: всѣ кричатъ, бѣгаютъ, толкаются, стрѣляютъ и никто хорошо не знаетъ, что такое происходитъ, съ какой стороны грозитъ опасность. Поэтому то и опоздали помочь во время Закаспійцамъ. Не хотите ли позабавиться стрѣльбой? вдругъ круто перемѣнилъ разговоръ разсказчикъ.

— Пожалуй я не прочь выпустить нѣсколько пуль.

— Только не особенно высовывайтесь изъ-за бруствера, а то какъ разъ подстрѣлятъ: текинцы, шельмы, чрезвычайно искусные стрѣлки.

Волгинъ взялъ у солдата ружье, долго всматривался въ крѣпость, не покажется ли кто изъ-за стѣны. Вотъ какъ будто

*) Яломейка—небольшая кибитка.

**) Банкетъ—приступокъ для стрѣльбы.

кто-то приподнялся надъ стѣной; Волгинъ приложился и выстрѣлилъ. Вслѣдъ за его выстрѣломъ нѣсколько пуль просвистало надъ редутомъ. Съ нашей стороны въ отвѣтъ послышалось нѣсколько выстрѣловъ. Мало по малу завязалась перестрѣлка, но такъ какъ это дѣло обыденное въ редутѣ, то обитатели его мало обращали вниманія на свистъ пуль, изъ которыхъ большинство перелетало черезъ редутъ и только нѣкоторыя падали во внутрь укрѣпленія. Развѣ ужь очень близко ударится пуля, ну тогда ближайшіе люди обернутся посмотрѣть куда она попала. Часто слышались шутки и прибаутки на счетъ летѣвшихъ черезъ верхъ пуль. Въ это время проходилъ увалень-солдатикъ, какъ видно изъ молодыхъ, неся въ котелкѣ воду изъ ручья, находившагося близъ редута. Вдругъ просвистала очень низко пуля и ударилась во что то мягкое. Всѣ оглянулись, а солдатъ съ котелкомъ началъ осматриваться кругомъ, такъ какъ пуля шлепнулась гдѣ то очень близко.

— И гдѣ она, треклятая ударилась, проговорилъ онъ. Больно ужь что-то близко пронишѣла и, кажись, въ мягкое во что-то попала.

— Нука повернись, сказалъ унтеръ-офицеръ, подходя къ нему. Гдѣ то, гдѣ-то... да она въ тебя и попала, ишь кровь... Эй ребята! идите-ка, помогите раздѣть его: нужно посмотрѣть.

При этихъ словахъ раненый вдругъ поблѣднѣлъ, тотчасъ же его положили и раздѣли. Оказалось, что пуля прострѣлила мякоть бедра.

— Что дяденька не опасно? спросилъ раненый.

— Давайте носилки, да несите его въ госпиталь! Ничего, голубчикъ, обратился онъ къ раненому. Рана пустяшная: черезъ недѣлю опять въ строй станешь.

Явился фельдшеръ, принесли носилки. Раненаго наскоро перевязали и унесли; оставшіеся опять занялись каждый своимъ дѣломъ, какъ будто ничего не случилось.

— Часто здѣсь ранятъ? обратился Волгинъ къ одному изъ офицеровъ.

— Человѣка три—четыре въ день; иногда меньше, иногда больше; бываютъ и убитые.

— Однако солдаты, какъ видно, легко къ этому относятся; вонъ они ужъ и забыли о раненомъ.

— Такъ что же прикажете имъ дѣлать? проговорилъ съ какимъ то неудовольствіемъ на такой вопросъ офицеръ. Охать да ахать что ли? На всѣхъ то, вѣдь, не наохаешься. Притомъ война ужь такое дѣло; каждый только думаетъ объ общемъ дѣлѣ и не заботится о потеряхъ... Вѣдь и всѣ мы въ равной опасности. Вотъ подождите—побываете въ передѣлкахъ, такъ и вы присмотритесь къ раненымъ и убитымъ, перестанете обращать на нихъ вниманіе.

— Гг. офицеры къ баталіонному командиру, послышалось въ редутѣ.

— Это еще зачѣмъ? спросилъ Волгинъ.

— Вѣроятно будутъ размѣщать на ночь и дадутъ надлежащія инструкціи на случай ночнаго нападенія.

— А.... значитъ нужно убираться во свояси, проговорилъ Волгинъ и, распростившись съ офицерами, отправился въ лагерь. Покровскій же остался въ редутѣ, такъ какъ принадлежалъ къ тому самому баталіону, который занималъ редутъ.

Прійдя въ лагерь, Волгинъ пошелъ было отыскивать своихъ знакомыхъ офицеровъ, но никого не могъ найдти, такъ какъ всѣ разошлись по траншеямъ, редутамъ и батареямъ. Вернувшись въ кибитку, Волгинъ залегъ спать, хотя только еще смерклось: онъ слышалъ отъ бывалыхъ офицеровъ, что въ походѣ и на войнѣ нужно ложиться спать не тогда, когда хочется, а тогда, когда есть свободное время. Однако, при всемъ своемъ желаніи, долго не могъ заснуть онъ: много роилось въ его головѣ думъ, навѣянныхъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ въ тотъ день „ну вотъ я и подъ Геокъ-Тепе, думалось ем ; вотъ и осуществилось мое давнишнее желаніе попасть въ передовой отрядъ. Однако это не то, что я ожидалъ. Гдѣ же тутъ храбрость, геройство? Какъ же тутъ отличиться, выдвинуться изъ ряда другихъ? Сидятъ всѣ за земляными стѣнами, да изрѣдка перестрѣливаются... Такъ это-то война... Нѣтъ, не того я ожидалъ... Ничего нѣтъ тутъ ни величественнаго, ни красиваго... И вѣдь нисколько не совѣстятся прятаться за стѣны... А впрочемъ и то нужно сказать: зачѣмъ же безъ толку рисковать жизнью, зачѣмъ ставить её въ зависимость отъ какой нибудь шальной пули? Вотъ будетъ штурмъ—тогда явятся и герои. Тѣ же самые люди, которые теперь прячутся за стѣны, бодро и смѣло ринутся на врага. Тогда представится возможность отличиться, выдвинуться, показать себя!...

А что, какъ убьютъ?.. Ну чтожъ: убьютъ—не бѣда, кратковременное страданіе—и только...

Вотъ плохо, какъ лишишься ноги или руки, сдѣлаешься на вѣки калѣкой .. брр... скверно...

Интересно однако, какъ сойдетъ штурмъ? Удастся ли онъ? Слишкомъ ужь мало насъ въ сравненіи съ текинцами. Правда, на нашей сторонѣ искусство и превосходство оружія, но за то они за высокими и прочными стѣнами...

Впрочемъ, съ нами Скобелевъ, а гдѣ онъ — тамъ побѣда и слава!..

II.

Наканунѣ штурма.

На другой день Волгинъ былъ разбуженъ звуками музыки: это играли зорю. Музыка изрѣдка заглушалась звуками орудійныхъ выстрѣловъ и ружейными залпами. Наскоро одѣвшись, Волгинъ вышелъ изъ кибитки. Еще только свѣтало а ужъ дѣятельно закипѣла перестрѣлка. Обыкновенно, какъ только заиграетъ музыка, текинцы открываютъ сильный огонь по лагерю, вѣроятно предполагая вблизи музыки скученность народа. Наши тоже, конечно, не остаются въ долгу. Вотъ вырвалось облако дыму изъ жерла орудія, за нимъ блеснулъ огонь, раздался грохотъ и граната съ шумомъ и свистомъ волетѣла въ гости въ крѣпость. Вотъ взвилась ракета и полетѣла вслѣдъ за гранатой, оставляя огненный слѣдъ на своемъ пути. За однимъ выстрѣломъ послѣдовалъ другой, за одной ракетой другая; замелькали дымки въ траншеяхъ, раздалось какъ бы хлопанье кнута; это открыли ружейный огонь и перестрѣлка началась. Пули то и дѣло пролетаютъ надъ головой, свистя на всевозможные лады: вотъ одна прожужжала тихо и нѣжно, какъ молодая пчелка; еще не стихло ея пріятно щекочущее ухо жужжанье, какъ послышался звукъ, похожій на гудѣніе шмеля—это фальконетная пуля. Все чаще и чаще слышался свистъ все ближе и ближе пролетали онѣ надъ головой Волгина, стоявшаго на валу около кибитки. Вотъ одна пуля ударилась въ валъ около самыхъ его ногъ; за ней другая такъ близко и такъ громко просвистѣла около его уха, что Волгинъ почти безсознательно спрыгнулъ за валъ и въ тотъ же мигъ надъ его головой пролетѣла пуля, зацѣпивъ верхушку вала какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ только что стоялъ Волгинъ. „Да такъ, чортъ возьми, подстрѣлятъ какъ разъ, — проговорилъ онъ, — лучше убраться по добру по здорову“. Съ этими словами Волгинъ отправился въ свою кибитку, гдѣ его ожидали: вопервыхъ чай, а во вторыхъ фельдфебель съ приказаніемъ.

— Что скажешь? обратился къ нему Волгинъ.

— Черезъ часъ, ваше благородіе, наша рота пойдетъ на работу.

— На какую работу?

— Будемъ переносить туры, фашины и лѣстницы.

— Ладно; пришлешь за мной когда рота будетъ готова.

Только что успѣлъ Волгинъ напиться чаю, какъ явился посланный изъ роты съ увѣдомленіемъ, что рота уже выстроилась. Выйдя къ ротѣ, Волгинъ получилъ отъ ротнаго командира приказаніе вести роту въ лагерь въ распоряженіе сапернаго офицера. По приходѣ въ инженерный складъ Волгинъ узналъ, что нужно перетаскать къ Великокняжеской калѣ *) матеріалъ, заготовленный для штурма. Распредѣливъ рабочихъ, онъ приказалъ имъ разобрать лѣстницы и нести за нимъ гуськомъ, а самъ пошелъ впереди. Пока двигались подъ прикрытіемъ лагеря, дѣло шло стройно; но вотъ пришлось перейти открытое пространство до первой параллели шаговъ въ полтораста. Лишь только вступили передніе ряды въ это пространство, какъ засвистали пули одна за другой—рота заколебалась.

— Идти въ порядкѣ и не тѣсниться, послышалась команда Волгина. Прибавь шагу!..

Подойдя къ траншеѣ, Волгинъ остановился, чтобы пропустить мимо себя рабочихъ и осмотрѣть всѣ ли цѣлы. Уже почти всѣ спустились въ траншею благополучно, какъ вдругъ раздался стонъ: „ой, батюшки!.. Идти не въ моготу!“ стоналъ молодой солдатикъ, присѣвъ на землю и схватившись за ногу; его молодое, еще безъусое лицо было блѣдно какъ полотно и выражало крайнюю степень испуга. При взглядѣ на него какъ то невольно сжалось сердце у Волгина. По его приказанію задніе рабочіе, сложивъ грузъ, снесли раненаго въ траншею и раздѣли его, а бывшій тутъ же фельдшеръ осмотрѣлъ рану. Сдѣлавъ на скоро перевязку, онъ приподнялся и покачалъ головой.

— Ну что? тихо спросилъ Волгинъ.

— Раненъ въ ногу, ваше благородіе, съ раздробленіемъ кости, также тихо отвѣтилъ фельдшеръ.

— Отнести въ госпиталь.

Тотчасъ же явились носилки: раненаго осторожно уложили на нихъ и подняли, чтобы нести въ госпиталь. Раздался страшный стонъ, такъ что морозъ пробѣжалъ по кожѣ у Волгина.

— Фу, какая мерзкая вещь однако война, невольно думалось Волгину, медленно шагавшему по траншеѣ вслѣдъ за рабочими. Ну за что про что раненъ хоть этотъ солдатъ?... Еще, пожалуй, ампутацію прійдется сдѣлать: ну и весь вѣкъ, значитъ, не человѣкъ... брр... Вотъ удружатъ, какъ мнѣ такъ прострѣлятъ ногу...

Между тѣмъ рабочіе по извилинамъ траншеи добрались до Великокняжеской калы, гдѣ и сложили свою ношу. Такой путь пришлось совершить Волгину съ ротой разъ четыре, пока не былъ перенесенъ весь заготовленный матеріалъ.

Только что вернулся Волгинъ въ лагерь, какъ получено было приказаніе собраться за лагеремъ для присутствованія при молебнѣ. Тамъ Волгинъ нашелъ войска уже въ сборѣ; они были выстроены покоемъ, открытой стороной къ крѣпости. По срединѣ былъ поставленъ столъ, на которомъ лежали крестъ,

*) Кала—дворикъ, обруженный высокимъ глинянымъ заборомъ.

евангеліе, стояла чаша съ водой и др. принадлежности. Передъ столомъ медленно прохаживался священникъ, поглаживая свою длинную бороду; онъ вздрагивалъ и быстро поворачивался лицомъ къ крѣпости, какъ только слышался свистъ пули, изрѣдка пролетавшей по близости; какъ видно батюшка еще не могъ хладнокровно слышать пѣніе этихъ мелкихъ пташекъ. Офицеры собрались въ кучки, среди которыхъ шла оживленная бесѣда, предметомъ которой былъ, конечно, предстоящій на завтра штурмъ. Пришли начальникъ штаба и комендантъ лагеря, но молебенъ все еще не начинался — поджидали командующаго войсками. Прошло съ полчаса, Скобелевъ не показывался.

— Вѣроятно его превосходительство не будетъ, проговорилъ комендантъ, обращаясь къ начальнику штаба. Не прикажете ли начать молебенъ?

— Не знаю право, отвѣтилъ тотъ. Онъ хотѣлъ быть; вѣроятно задержало что нибудь. Да вы дали знать ему, что все готово къ молебну?

— Какъ же, посылалъ.

— Ну и что же?

— Сказалъ только: „хорошо!“

— Попросите батюшку начинать; можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ не прійдетъ.

Начался молебенъ. Солдаты подходили къ столику и клали на него деньги, жертвуя, быть можетъ, послѣдній свой грошъ въ виду предстоящаго штурма... „Убьютъ, такъ все равно ничего не нужно будетъ, а живъ останусь — еще наживу“, такъ разсуждалъ каждый изъ нихъ. Всѣ усердно молились. Волгина охватило религіозное чувство; онъ съ умиленіемъ слушалъ пѣніе импровизированнаго хора изъ солдатъ; никогда еще богослуженіе не производило на него такого глубокаго впечатлѣнія, какъ этотъ молебенъ среди дикихъ степей, въ виду грознаго непріятеля, пули котораго изрѣдка проносились надъ головами молящихся, а иногда и падали среди нихъ. Молебенъ близился къ концу. Вдругъ глаза всѣхъ какъ бы невольно обратились въ одну сторону: показался Скобелевъ. На немъ была фуражка съ чернымъ околышемъ, простой армейскій сюртукъ и высокіе сапоги. Быстрыми и большими шагами подошелъ онъ къ группѣ офицеровъ, привѣтливо отвѣтилъ на общій поклонъ и, снявъ фуражку широко перекрестился. По окончаніи молебна священникъ, въ сопровожденіи Скобелева, обошелъ ряды солдатъ и окропилъ святой водой какъ ихъ, такъ и знамена. Послѣ этого войска были распущены по кибиткамъ, офицеры же собрались вокругъ Скобелева, который на цѣлую голову превышалъ окружающихъ.

— Господа! раздался въ тишинѣ его громкій, пріятный голосъ (онъ нѣсколько картавилъ). Вотъ уже двадцать дней, какъ мы стоимъ подъ Геокъ-Тепе. Время это было употреблено нами на то, чтобы какъ можно ближе подойти къ противнику и чтобы подготовить окончательный ударъ, который на военномъ совѣтѣ рѣшено нанести врагу завтра. Завтра будетъ штурмъ. Я считаю нужнымъ, необходимымъ, такъ сказать, чтобы подчиненные знали въ достаточной степени цѣль и планъ извѣстнаго дѣйствія. Тогда только всѣ дѣйствія ихъ будутъ разумны, толковы, когда они будутъ знать, для чего дѣлается то-то и то-то и къ чему поведетъ извѣстное дѣйствіе. Это мой взглядъ на дѣло. Поэтому-то я и хочу познакомить васъ, господа, вкратцѣ съ тѣмъ, что предположено сдѣлать завтра. Цѣль нашей атаки, или лучше сказать штурма, занять юго-восточный уголъ крѣпости и утвердиться по возможности на стѣнахъ ея. Для этого сдѣланы слѣдующія подготовленія: пробита артиллеріей брешь, которую вы всѣ, вѣроятно, видѣли: заложена пороховая мина, которая уже почти готова, кромѣ того, сегодня ночью будетъ заложенъ динамитъ. Войска для штурма будутъ раздѣлены на три колонны и общій резервъ. 1-я лѣвофланговая колонна подчиняется полковнику Гайдарову, 2-я правофланговая полковнику Куропаткину и 3-я средняя — полковнику Козелкову. Дѣйствія ихъ: съ разсвѣтомъ колонна полковника Гайдарова направится къ юго-западному углу крѣпости, займетъ мельничную калу и привлечетъ на себя главныя силы противника. Она будетъ демонстрировать, такъ сказать, но конечно, если представится возможность, ей ничто не мѣшаетъ атаковать противника и ворваться въ крѣпость... Пока вниманіе противника будетъ отвлечено обходнымъ движеніемъ колонны Гайдарова, артиллерія устремитъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы расчистить артиллерійскую брешь и сдѣлать обвалъ удобовосходимымъ для войскъ. Наконецъ въ девять часовъ утра стрѣльба будетъ пріостановлена, произойдетъ взрывъ пороховой мины и въ тотъ же моментъ одновременно пойдутъ на штурмъ колонны: полковника Куропаткина — на обвалъ, произведенный взрывомъ и полковника Козелкова — на артиллерійскую брешь. Общій резервъ будетъ находиться на Ставропольскомъ редутѣ; онъ будетъ въ свою очередь раздѣленъ на пять колоннъ, изъ которыхъ первая двинется тотчасъ же вслѣдъ за колонной Козелкова, а остальныя послѣдуютъ одна за другой черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, по мѣрѣ надобности: будетъ изрублена первая, пойдетъ вторая; погибнетъ эта — пойдетъ третья... Или мы будемъ на стѣнахъ крѣпости, или же всѣ ляжемъ подъ стѣнами ея. Отступленія не будетъ ни въ какомъ случаѣ. Я буду до взрыва мины на Ставропольскомъ редутѣ, а во время самаго штурма тамъ, гдѣ будетъ наиболѣе необходимо мое присутствіе. Напоминать вамъ, господа, о долгѣ и присягѣ я считаю излишнимъ, такъ какъ хорошо знаю васъ и вполнѣ надѣюсь на васъ. Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать, что завтра быть можетъ еще не окончится бой. Напротивъ, онъ быть можетъ, только еще начнется. Какъ я уже сказалъ, мы займемъ юговосточный уголъ крѣпости, гдѣ и станемъ твердою ногой, а противникъ, вѣроятно, укрѣпится внутри крѣпости, такъ что очень можетъ быть, что бой продлится еще нѣсколько дней. Подробная диспозиція будетъ разослана въ войска сегодня же, а теперь пока, господа, желаю вамъ и себѣ на завтра всего лучшаго!..

(Окончаніе въ слѣд. №).

Московская промышл.-худож. выставка. СПБ. Химическая Лабораторія.

Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Память.

Очеркъ.

Память не представляетъ собою способности или отправленія, обладающаго опредѣленнымъ органомъ. Она, если можно такъ выразиться, есть общее свойство всѣхъ нервныхъ тканей, занятыхъ сознательными отправленіями. Мало того, впрочемъ, свой-

ство это, можно сказать, присуще не одной нервной системѣ и не находится въ исключительной зависимости отъ сознанія. Англійскій физіологъ, Маудсли, говоритъ: „простое наблюденіе показываетъ, что и другіе органическіе элементы, кромѣ нервныхъ, сохраняютъ впечатлѣнія, пріобрѣтенныя путемъ разъ влiявшихъ дѣйствій, такъ что, въ нѣкоторомъ смыслѣ, какъ-бы помнятъ о нихъ; такъ напримѣръ, оспенный ядъ производитъ на всѣ элементы тѣла такое впечатлѣніе, которое они сохраняютъ навсегда, хотя, по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, оно и ослабѣваетъ. Ядъ такъ вліяетъ невѣдомымъ для насъ образомъ на строеніе этихъ элементовъ, что ихъ воспріимчивость навсегда измѣняется.“

Но это еще не все. Можно сказать, что эта способность сохранять полученныя впечатлѣнія и воспроизводить претерпѣнныя вліянія въ ихъ первоначальной напряженности, не ограничивается даже органическимъ міромъ.

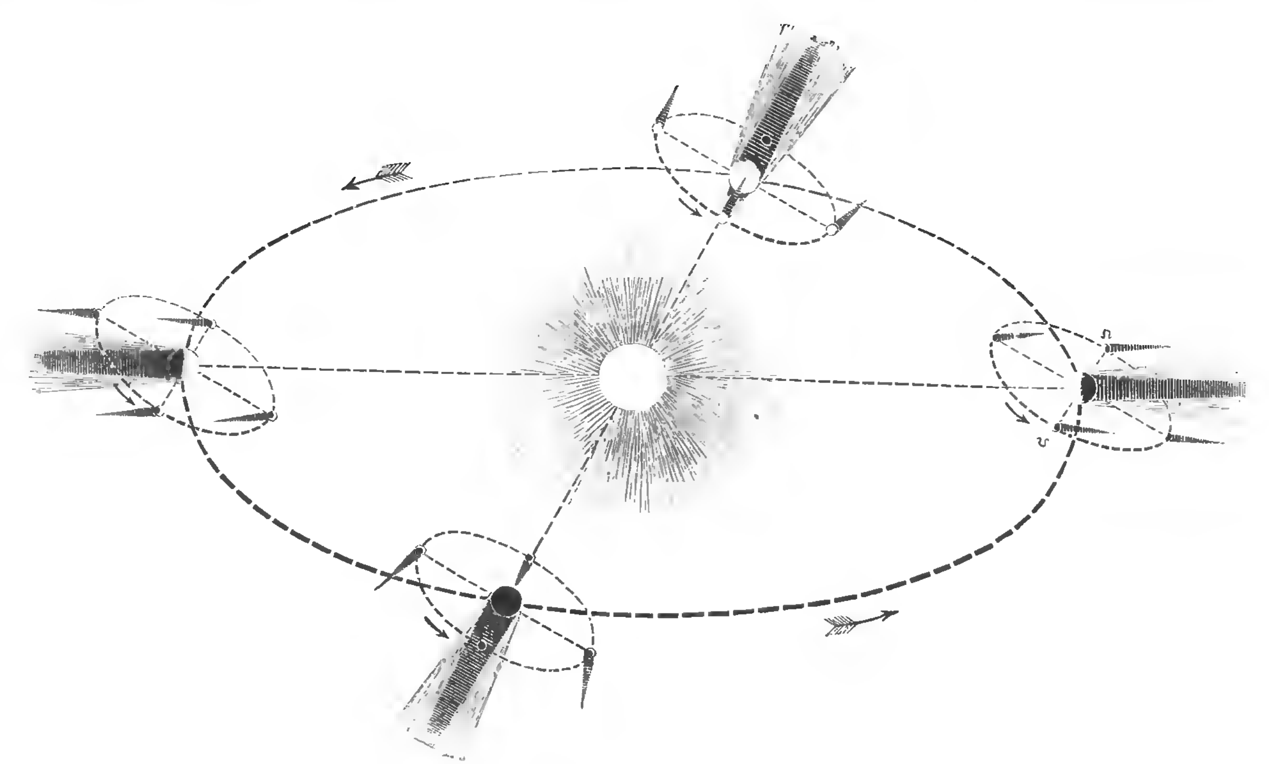
Глазъ всегда остается на нѣкоторое время какъ бы ослѣпленнымъ отъ созерцанія яркаго свѣта. Послѣ продолжительной работы надъ микроскопомъ, фигуры, видѣнныя черезъ него, какъ бы остаются еще въ глазу, и стоитъ только, послѣ нѣсколькихъ часовъ занятій, закрыть глаза, чтобы снова и весьма ясно увидѣть ихъ.

Точно также, свѣтовыя колебанія могутъ, нѣкоторымъ образомъ, собираться на листѣ бумаги и оставаться въ скрытомъ состояніи, болѣе или менѣе продолжительное время, готовыя вновь обнаружиться. Хорошо извѣстенъ одинъ подобный опытъ. Сохраняя въ темнотѣ рисунки, выставлявшіеся предварительно подъ дѣйствіе солнечныхъ лучей, можно было, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ помощію особенныхъ реактивовъ, обнаруживать слѣды фотографическаго дѣйствія солнца на ихъ поверхности.

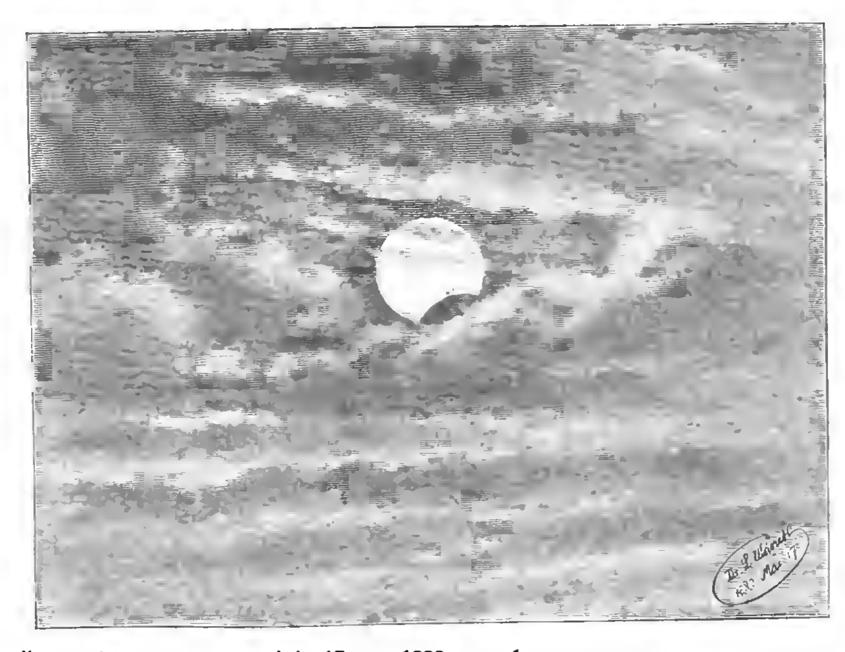
Понятно, что при такомъ взглядѣ на свойство памяти, роль ея въ механизмѣ умственныхъ способностей должна быть весьма значительна, значительнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Въ этомъ вполнѣ согласны между собою и психологи и физіологи.

Каждый образъ есть уже фактъ для памяти; это—воспоминаніе объ одномъ или нѣсколькихъ ощущеніяхъ. Все что дѣйствуетъ на насъ, что входитъ, нѣкоторымъ образомъ, въ нашъ умъ, все это во всякую данную минуту является фактомъ для памяти. Это не касается, конечно, впечатлѣній, воспринятыхъ безсознательно. Но коль скоро какое-нибудь дѣйствіе повторяется, мы уже получаемъ ощущеніе его воспринятія.

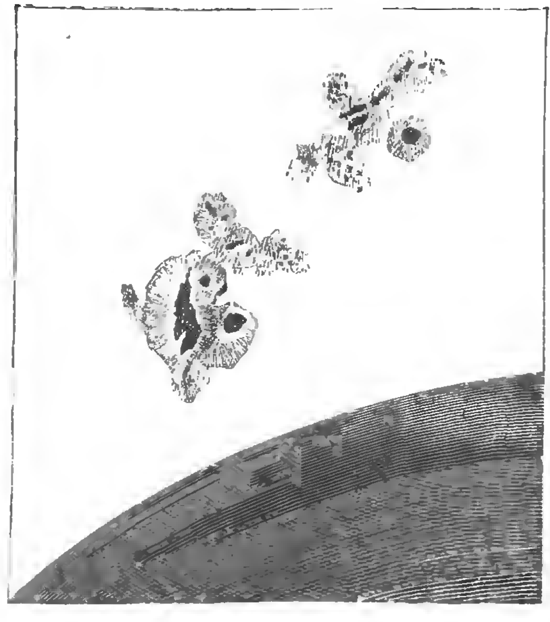
Для лучшаго пониманія, употребимъ одно весьма подходящее сравненіе.



Общій видъ солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, съ изображеніемъ путей земли и луны.



Частичное солнечное затмѣніе 17 мая 1882 г., наблюдавшееся и рисованное на Лейпцигской обсерваторіи, въ 8 ч. 5 м. утра.



Тотъ же моментъ затмѣнія въ сильно увеличивающій телескопъ

Недавніе опыты доказали возможность полученія одного общаго типа лица съ нѣсколькихъ лицъ, послѣдовательно находившихся передъ объективомъ фотографическаго аппарата. (Мы говорили объ этомъ въ „Нивѣ“ № 8). Такимъ путемъ можно получить, фотографируя всѣхъ членовъ какой-либо семьи, то, что называется фамильнымъ типомъ, что ясно представляется взору, но чрезвычайно трудно воспроизводится.

То же самое происходитъ и со всѣми воспринимаемыми нами ощущеніями. Наиболѣе сильныя впечатлѣнія или наиболѣе продолжительныя запечатлѣваются гораздо прочнѣе, и болѣе сильнымъ образомъ вліяютъ на наши нервные центры. Наиболѣе же слабыя оставляютъ въ нихъ только извѣстный незначительный слѣдъ. Такимъ образомъ, въ нервномъ центрѣ получаются, нѣкоторымъ образомъ, сложныя типичныя ощущенія.

Таковъ процессъ воспринимаія. При повтореніи ощущеній, сопровождающихся приливомъ крови къ мозгамъ, все болѣе и болѣе уменьшается повысившаяся сначала температура нервнаго центра: мозгъ, такъ сказать, привыкаетъ, освоивается съ этими ощущеніями. Нервной силы начинаетъ тратиться меньше, кровь приливаетъ въ меньшемъ количествѣ, температура понижается и одновременно ослабляется сознаніе. По временамъ, оно исчезаетъ даже совсѣмъ. Съ этого момента память уступаетъ свое мѣсто автоматизму, привычкѣ, подобно тому, какъ послѣдняя замѣщается потомъ наслѣдственностью. Чрезвычайно удачно выразилъ это Гербертъ Спенсеръ: „Память обнимаетъ собою весь рядъ психическихъ явленій на пути къ превращенію ихъ въ органическія. Она дѣйствуетъ до тѣхъ только поръ, пока явленія эти организуются, и исчезаетъ съ окончаніемъ организаціи.“

Существуютъ доказательства того, что нѣтъ, такъ сказать, общей памяти, но есть рядъ мѣстныхъ способностей этого рода, взаимно соединенныхъ между собою. Бываютъ случаи отсутствія всего этого ряда или присутствія только одной мѣстной памяти. Это можно съ наибольшимъ удобствомъ наблюдать на идіотахъ, обнаруживающихъ столько неравенствъ въ мозговомъ развитіи. Такъ, одинъ изъ нихъ прекрасно помнилъ всѣ погребенія, происходившія въ теченіи тридцати пяти лѣтъ въ его общинѣ, возрастъ, болѣзнь погребенныхъ. Но затѣмъ, онъ оказывался неспособнымъ дать отвѣтъ на всѣ другіе вопросы.

Извѣстны, далѣе, игроки въ шахматы, могущіе играть на память нѣсколько партій. Не менѣе извѣстны и маленькіе удивительные счетчики, дѣлающіе настоящія чудеса часто съ сложными цифрами. Не такъ давно показывали въ Парижѣ одного одиннадцатилѣтняго пьемонтца, неполучившаго никакого образованія. Этотъ еще ребенокъ, съ выпуклымъ лбомъ и огромной головой, заставлявшей предполагать въ немъ водянку, обладалъ непостижимой памятью по отношенію къ цифрамъ, и производилъ въ умѣ чрезвычайно сложныя вычисленія: умноженіе чиселъ, состоящихъ изъ 6—8 цифръ, извлеченіе квадратныхъ и кубичныхъ корней и т. д. Между тѣмъ, онъ не зналъ вовсе ариѳметическихъ теорій.

Англійскій писатель Аберкромби зналъ одного замѣчательнаго актера, который, будучи призываемъ иногда для замѣщенія кого-либо изъ заболѣвшихъ собратій, въ короткое время выучивалъ наизусть роль ему доселѣ незнакомую. Отлично сыгравъ ее, онъ, однако, тотчасъ-же забывалъ роль, и заучивалъ—вновь каждый разъ, когда приходилось потомъ опять браться за нее. Спрошенный относительно самаго процесса такого чуднаго запоминанія, онъ отвѣчалъ, что, играя, забываетъ совсѣмъ о публикѣ и видитъ передъ собой только страницы книги, по которой училъ роль; что случись перерывъ—и онъ моментально остановится.

Нѣкоторые художники могутъ писать на память портретъ, богатый различными подробностями. Моцартъ переложилъ на ноты Miserere Сикстинской капеллы, прослушавъ пьесу всего два раза.

Въ этомъ отношеніи, память, какъ видно, имѣетъ большое подобіе съ различными способностями и чувствами, неравномѣрно развивающимися у разныхъ людей.

Что касается до слабости памяти и прочихъ ея недостатковъ, то давно извѣстно, что она ослабляется подъ вліяніемъ сильной и продолжительной усталости, дурного питанія. Одинъ ученый, г. Голландъ, разсказываетъ о себѣ слѣдующій случай. Однажды, впродолженіи дня, онъ спускался въ двѣ глубокія мины Гарца. Добравшись до второй мины, онъ почувствовалъ такую усталость, что оказался совершенно неспособнымъ разговаривать со своимъ проводникомъ-инспекторомъ, нѣмцемъ по происхожденію. Всѣ слова и фразы нѣмецкаго языка исчезли изъ головы и пришли на память только послѣ нѣкотораго отдыха и подкрѣпленія пищей и виномъ.

Одинъ путешественникъ, довольно долго подвергавшійся сильному холоду, окончательно разучился считать и удерживать въ памяти вычисленія.

Извѣстный французскій ученый и политическій дѣятель, Поль Беръ, находясь однажды въ области чрезвычайно низкаго барометрическаго давленія никакъ не могъ умножить двадцать семь на четыре.

Извѣстны, далѣе, многочисленные случаи полученія удара въ голову или горячки, сопровождавшіеся полнымъ забвеніемъ извѣстнаго прежде языка. Одинъ ребенокъ, подвергшійся сильному удару въ голову, пробылъ три дня въ безсознательномъ состояніи и, придя въ себя, забылъ все, что зналъ по музыкѣ. Одинъ хирургъ, сброшенный съ лошади и сильно раненый въ голову, придя въ себя, далъ самыя точныя наставленія относительно леченія раны, по силѣ привычки, и въ то же время забылъ о существованіи у себя жены и дѣтей. Это продолжалось три дня. Послѣ сильнаго апоплексическаго удара, одинъ больной забылъ имена своихъ ближайшихъ друзей, но узнавалъ ихъ по возрасту.

При общемъ ослабленіи памяти, забываются прежде всего ея недавнія пріобрѣтенія.

Карпентеръ зналъ одного замѣчательнаго ученаго, еще довольно бодраго, который потерялъ мало по малу память, по прошествіи шестидесяти лѣтъ своей жизни. Сначала онъ сталъ забывать ближайшіе по времени факты и малоупотребительныя слова. Часто посѣщая британскій музей, королевское и геологическое общество, онъ позабылъ, однако, ихъ названія и обозначалъ уже словами „то публичное мѣсто“. Навѣдываясь къ св имъ друзьямъ, онъ узнавалъ ихъ только у себя, да въ мѣстахъ наиболѣе частыхъ встрѣчъ съ ними, и нигдѣ больше. Постепенно память его слабѣла, слабѣла и, наконецъ, онъ умеръ отъ апоплексическаго удара.

Забвеніе происходитъ, вообще въ обратномъ порядкѣ развитія ума и языка. Больной какъ-бы переходитъ въ дѣтскій возрастъ.

Всероссійская промышленно-художественная выставка.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

(Рис. на стр. 708, 709 и 712).

XI.

Сельско-хозяйственный отдѣлъ.

По количественному отношенію земли къ населенію, Россія въ Европѣ занимаетъ первое мѣсто и это отношеніе главнымъ образомъ опредѣляетъ земледѣльческій характеръ нашего отечества. Уже одного этого совершенно достаточно чтобы вызвать интересъ публики именно къ этому отдѣлу выставки, гдѣ сосредоточено по возможности все то что можетъ дать понятіе объ сельско-хозяйственной промышленности страны, захватывающей своими предѣлами самыя разнообразныя почвы, самые разнообразные климаты. Сибирь и Крымъ, западныя губерніи и нашъ крайній востокъ — выставили здѣсь свои продукты, выслали своихъ представителей на мирное состязаніе.

Едва вы минуете отдѣлъ заводовъ и мануфактуръ, то васъ сразу уже поражаетъ опредѣленный характеръ даннаго отдѣла. Здѣсь крестообразное желѣзо сводовъ и стѣнъ обильно декорировано снопами хлѣба и арматурами ручныхъ орудій обработки; запахъ свѣжей соломы, сѣна и зерна—смѣняетъ острый запахъ выдѣланныхъ кожъ и разныхъ химическихъ продуктовъ сосѣдняго отдѣла. Здѣсь и лица экспонентовъ выглядываютъ какъ-то здоровѣе и свѣжѣе, здѣсь уже преобладаютъ элементы нашей нивы и поля, лѣса и поемныхъ луговъ... Здѣсь царитъ классическая Церера со всѣми своими добрыми духами и геніями... Но перейдемъ теперь къ частностямъ и укажемъ нашимъ читателямъ главнѣйшіе пункты этого отдѣла.

Центральную часть всего громаднаго павильона третьей группы занимаютъ витрины, или правильнѣе, цѣлыя сооруженія— Черпышевской вотчины графа А. С. Уварова, Пензенской губерніи. Это громаднѣйшее въ Россіи хозяйство выстроило центральный кіоскъ крестообразной формы, съ ходами насквозь. Въ кіоскѣ расположены кромѣ различныхъ образцовъ — книги, планы, статистическія таблицы вообще все, что можетъ вполнѣ ознакомить посѣтителя съ дѣятельностью и оборотами этой вотчины. Отъ центральнаго кіоска, крестообразно-же, поставлено четыре крыла, предназначенные для выставки образцовъ хозяйства по ихъ спеціальностямъ. Первое лѣвое крыло занято скотоводствомъ — здѣсь выставлены образцы шерсти и домашнихъ суконъ, портреты производителей барановъ и быковъ, типы улучшенной мѣстной породы рогатаго скота, чертежи и модели строеній и разныхъ орудій этого дѣла. Слѣдующее мѣсто отведено лѣсоводству и садоводству — здѣсь также собрано все относящееся къ данному отдѣлу — роспилы разныхъ сортовъ деревьевъ, большею частью искуственныхъ посадокъ, планы эксплуатаціи лѣснаго хозяйства и пр. Два остальныхъ крыла посвящены земледѣлію и заводской дѣятельности вотчины. При входѣ въ этотъ павильонъ вамъ обязательно предлагаютъ точныя и подробныя брошюры, въ которыхъ изложено въ общедоступной формѣ все что касается дѣла.

Вдоль всего павильона, справа и слѣва, двойными улицами тянутся совершенно одинаковыя двухстороннія витрины, распредѣленныя по губерніямъ, группами: Рязанской, Тульской, Орловской, Самарской, Пензенской, Кіевской, Полтавской, Кур-

ской, Харьковской. Херсонской и проч. Каждая губернія представила по нѣскольку экспонентовъ, имена которыхъ обозначены на витринахъ. Здѣсь выставлены образцы пшеницы. ячменя, ржи, овса, проса, льна, пеньки, кормовыхъ травъ и пр. Всѣхъ губернскихъ витринъ до двадцати, но онѣ далеко не заполняютъ собою даже половины отведеннаго имъ помѣщенія.

Противъ короткаго фасада зданія. у внѣшней галлереи. какъ разъ посрединѣ красуется не менѣе красивая чѣмъ уваровская, витрина А. П. Масловской, паровой вальцевой мельницы въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ Курской губерніи. Массивная, богато украшенная рѣзьбою бесѣдка, орнаментирована кромѣ того полотенцами съ крупными надписями, гдѣ приведены разныя пословицы и поговорки, подходящія къ дѣлу; нѣкоторыя настолько поучительны, что мы ихъ приводимъ къ свѣдѣнію, напр.: „кто рубитъ лѣса—тотъ сушитъ поля“. или „дешево крестьянскую нужду поймешь—не всегда барышъ найдешь“ и много другаго въ томъ-же духѣ и остается только пожелать чтобы эти пословицы не оставались однимъ мертвымъ звукомъ а примѣнялись-бы и къ дѣлу. Тутъ-же показываются и образцы ржаной и пшеничной муки и кстати уже упомянуть при этомъ о нашей знаменитой елецкой мукѣ — чудные образчики которой выставлены между прочимъ А. А. Петровымъ въ чрезвычайно красивомъ ларѣ, выполненномъ съ необыкновенною тщательностью и изяществомъ. Хороша мука, нечего сказать, но право не хуже и самъ ларь—это положительное чудо сундучнаго дѣла.

Витрины, скорѣе цѣлая группа витринъ Петровской земледѣльческой академіи въ Москвѣ, существующей уже восемнадцать лѣтъ, наполнена главнымъ образомъ образцами сортовъ картофеля, которыхъ насчитано, трудно повѣрить даже—ровно сто! Всѣ эти сорта разложены по коробкамъ и снабжены названіями, конечно съ преобладающимъ нѣмецкимъ характеромъ. Кромѣ того Петровская академія выставила свои зерновыя хлѣба, рисунки скота —шернгорновской, альгауеской и ангальтской породъ. позабывъ при этомъ, что ей нечего хвастать выхоленными чужими породами, а въ восемнадцать лѣтъ существованія не мѣшало-бы какъ русскому учебному и воспитательному учрежденію позаботиться исключительно объ усовершенствованіи и улучшеніи нашей обыкновенной русской коровѣ, вѣковой кормилицѣ нашего русскаго земледѣльца крестьянина.

Далѣе слѣдуютъ витрины Русскаго Императорскаго Вольно-экономическаго общества, репутація котораго какъ кабинетнаго дѣятеля давно уже упрочена также какъ и его практическая полезность. Здѣсь нельзя не остановиться только на дѣйствительно почтенныхъ трудахъ В. В. Докучаева, представившаго свои таблицы почвенныхъ анализовъ, стоившія понятно громаднаго труда и требующія серьезнаго знанія.

Затѣмъ мы перейдемъ къ чрезвычайно интересному пункту отдѣла—это къ витринамъ земли Войска Донскаго. Наши казаки экспонируютъ по истинѣ блистательно. Они выставили, кромѣ своихъ хлѣбовъ, табаку и винъ, образцы овечьей шерсти и образцы рыболовнаго промысла. Чудная, плодоносная равнина Дона давно считалась неисчерпаемымъ источникомъ благосостоянія. Къ низовьямъ рѣки вызрѣваютъ на солнцѣ разнообразныя сорта винограда и прочихъ фруктовъ, на среднихъ полосахъ сплошь залегаетъ плодотворный черноземъ, кромѣ того обиліе минеральнаго топлива вполнѣ замѣняетъ недостатокъ лѣса, чудная рѣка съ ея притоками и неиспорченное заразою крѣпостничества свободолюбивое населеніе, все это дастъ право землѣ Войска Донскаго назваться лучшимъ угломъ Европейской Россіи. Однихъ тонкорунныхъ овецъ поля Дона выпасаютъ триста пятьдесятъ четыре тысячи, а простыхъ—дотрехъ милліоновъ головъ. Разведеніемъ винограда, а значитъ и винодѣліемъ здѣсь преимущественно занимаются въ двухъ округахъ (первомъ и второмъ). Начало виноградарства въ этой мѣстности положено еще Петромъ Великимъ — тогда еще опредѣлившимъ значеніе этого края, назвавши его Благодатнымъ. Что-же касается до рыболовства то оно на Дону падаетъ съ каждымъ годомъ и падаетъ настолько, что въ скоромъ времени пожалуй прекратится окончательно, уступивъ поневолѣ свои сбытовые рынки Уралу и Волгѣ. Еще въ 1868 году уловы красной рыбы считались милліонами пудовъ, въ 1879 г. т. е. спустя одиннадцать всего лѣтъ, красной рыбы было наловлено всего около девяти тысячъ пудовъ, и въ 1881 г. — только тысячу триста пудовъ... Рыбою, значитъ. Донъ бѣднѣетъ безповоротно. За то винодѣліе земли Войска Донскаго идетъ впередъ крупнымъ шагомъ завоевывая себѣ все большее и большее распространеніе сбыта. Присланные на выставку образцы цимлянскихъ и другихъ винъ по истинѣ превосходны, особенно выморозки, высоко цѣнимые знатоками.

Винодѣліемъ съ Дономъ конкурируетъ Крымъ, главными представителями котораго на выставкѣ являются сады князя Воронцова и сады Новый Свѣтъ, Судакской долины князя Голицына; витрина послѣдняго изображена на нашемъ рисункѣ и потому не требуетъ описанія. Скромная маленькая витрина воронцовскихъ винъ говоритъ сама за себя и кромѣ того на ея полкахъ достойны вниманія бутылки съ образцами чуднаго оливковаго масла, такъ называемаго провансскаго, вовсе не уступающаго французскому конкурренту.

Кромѣ витрины кн. Голицына мы представляемъ на нашемъ рисункѣ еще одну витрину сельско-хозяйственнаго отдѣла— витрину имѣнія „Карловка“ Полтавской губерніи. Константиноградскаго уѣзда. Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны. Это самая изящная по красотѣ витрина во всемъ отдѣлѣ. По бокамъ средняго щита красуются двѣ громадныя жардиньерки украшенныя легкою рѣзьбою по дереву съ образцами хлѣба въ колосьяхъ и снопахъ. Дѣятельность этого извѣстнаго имѣнія по истинѣ изумительна. Всей земли при хозяйствѣ считается шестьдесятъ тысячъ восемьсотъ десятинъ, занято подъ посѣвы до десяти тысячъ десятинъ, подъ лѣсомъ — двѣ тысячи тридцать три десятины. Вырабатывается крупичатой муки шестьдесятъ тысячъ пудовъ. крахмала пятнадцать тысячъ пудовъ. При имѣніи устроена больница, пріютъ и школы для первоначальнаго общаго образованія и затѣмъ отдѣленія для спеціальнаго изученія различныхъ хозяйственныхъ отраслей.

Сибирь экспонируетъ на московской выставкѣ образцами лѣсныхъ богатствъ — рожью и льномъ по преимуществу, Кавказъ и Туркестанъ — рисомъ, просомъ, фруктами, виномъ, табакомъ и шелководствомъ; для образцовъ послѣдняго пристроенъ во внутреннемъ дворикѣ, съ ходомъ изъ средняго павильона, особый баракъ, гдѣ вы можете наблюдать какъ крохотныя яички шелкопряда превращаются въ маленькихъ бѣлыхъ червячковъ, какъ эти червячки кормятся тутовыми листьями. какъ они закорачиваются въ куколки — коконы, какъ эти коконы морятся въ высокой температурѣ и затѣмъ сматываютъ съ нихъ драгоцѣнную пряжу шелкъ сырецъ выработанные образцы котораго въ окраскѣ и въ натуральномъ своемъ видѣ составляютъ богатѣйшія коллекціи — источникъ будущаго крупнаго благосостоянія нашего южно-азіатскаго края.

Не хватило-бы сотенъ листовъ бумаги если-бы подробно описывать все, что нашло себѣ мѣсто въ этомъ отдѣлѣ московской выставки и мы заканчиваемъ настоящій короткій очеркъ указаніемъ на винодѣліе въ нашей Бессарабіи. которому предстоитъ скоро сдѣлаться главнѣйшимъ поставщикомъ на наши внутренніе рынки, особенно вслѣдствіе хроническихъ заболѣваній винограда во Франціи. гдѣ свирѣпствуетъ сокрушительно филоксера, лишая возможности таможнихъ винодѣловъ удовлетворить контрактные спросы заказчиковъ. Въ Крыму, гдѣ скуплены на много лѣтъ даже будущіе виноградные урожаи и наше крымское вино мы будемъ получать скоро черезъ западныя границы, снабженныя ярлыками бордоскихъ фирмъ. что, конечно мало подѣйствуетъ на улучшеніе ихъ вкуса, за то много на увеличеніе цѣны, охотно платимой недальновидными потребителями. ради только одного французскаго названія.

XII.

Пульзометръ Буркгардтъ и Урлаубъ и водоподъемное сооруженіе „Бромлей“.

Фирма Буркгардъ и Урлаубъ выставила свои чрезвычайно интересныя водонакачивающія приборы, такъ называемые пульзометры. Приборъ этотъ изобрѣтенъ извѣстнымъ инженеромъ американцемъ Големъ, которому далъ идею не болѣе не менѣе какъ аппаратъ человѣческаго сердца—его клапаны всасывающіе и выталкивающіе кровь. Сходство прибора до такой степени близко къ живому организму, что можно прямо называть этотъ чугунный. грушеобразный приборъ, выставленный Бурхгардтомъ и Урлаубомъ— металическимъ сердцемъ. Кровь въ данномъ случаѣ замѣняетъ вода и это чугунное сердце усердно работаетъ на выставкѣ, всасывая и выбрасывая въ резервуаръ 12.300 ведеръ въ часъ и это еще самый малый номеръ, большой же способенъ отработать до 90,000 ведеръ въ тоже время, всасывая и выталкивая воду въ общей работѣ на высоту до ста аршинъ. Фирма Буркгардъ и Урлаубъ выстроила двухъярусную башню, надъ которой поднимаются еще три яруса деревянныхъ ящиковъ: поднятая вода поверхъ каскадируетъ по этимъ ящикамъ, по особо устроеннымъ широкимъ желобамъ внизъ. сливаясь въ громадный круглый бассейнъ, отдѣляющій сооруженія Буркгарда и Урлауба отъ другаго еще болѣе колоссальнаго сооруженія другой фирмы— „Бромлей“, взявшей на себя снабженіе всего выставочнаго помѣщенія и сада водою.

Когда вы подходите къ лѣвому углу выставочнаго пространства, т. е. къ машинному отдѣлу, ваше вниманіе неизбѣжно поражается высокою ажурною башней, доминирующей надъ крышами всѣхъ павильоновъ выставки. на самомъ верху этой башни. или правильнѣе деревянныхъ. крестообразныхъ лѣсовъ. помѣщенъ громадный цилиндрическій чанъ-резервуаръ. вмѣщающій въ себѣ не болѣе не менѣе какъ 14.000 ведеръ. Вода, поднятая на эту страшную высоту, распредѣляется по трубамъ во всѣ отдѣленія выставки, снабжая между прочимъ семдесятъ восемь пожарныхъ помпъ. Всѣ шесть фонтановъ выставки тоже снабжаются водою Бромлея. Пять паровыхъ помпъ. выстроенные въ рядъ около башни, подъ особымъ навѣсомъ. накачиваютъ этотъ чанъ. работая непрерывно. Рядомъ съ этою водокачкою дымится громадная труба. поднимающаяся надъ отдѣльнымъ каменнымъ зданіемъ. гдѣ стоитъ паровая машина во сто горизонтальныхъ парицательныхъ силъ системы „Сонрочей“. приводящая въ движеніе посредствомъ передаточныхъ шкивовъ всѣ машины девятой группы. Тутъ же даются и сигнальные паровые свистки, предупреждающія публику о близ-

кой минутѣ вы ода вонъ изъ этаго царства человѣческаго знанія и предпріимчивости.

XIII.

Витрина СПБ. Химической Лабораторіи.

С.-петербургская химическая лабораторія, витрина которой на Московской выставкѣ изображена на нашемъ рисункѣ, основанная въ 1860 г. въ скромныхъ размѣрахъ развилась значительно. Добросовѣстность ея производства, которое равняется съ продуктами французскаго происхожденія, извѣстны. Главное стремленіе с.-петербургской химической лабораторіи заключается, предлагать русскія произведенія доброкачественныя и по общедоступной цѣнѣ. Дѣло это увѣнчалось такимъ успѣхомъ, что с.-петербургская химическая лабораторія нынѣ занимаетъ главное мѣсто въ отечественной промышленности этого рода.

Сбываются произведенія ея не только во всей Россіи, но и вывозятся заграницу. Нынѣ годовой оборотъ доходитъ до 1.000,000 руб. въ Россіи.

Въ годъ основанія своего, с.-петербургская химическая лабораторія была удостоена отъ Россійскаго Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества бронзовою медалью, на всероссійской мануфактурной выставкѣ 1861 г. въ С.-Петербургѣ, похвальнымъ отзывомъ. На всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1878 г. самую высшую награду для парфюмернаго производства серебряную медаль и вслѣдъ затѣмъ на Международной выставкѣ 1879 г. въ Парижѣ, почетный отзывъ. Какъ всегда однимъ изъ лучшихъ доказательствъ успѣха дѣла это многочисленныя и безцеремонныя поддѣлки подъ издѣлія Лабораторіи, появлявшіяся теперь.

Къ рисункамъ.

„Смерть Ивана Нарышкина" картина А. Корзухина.

(Рис. на стр. 700 и 701).

На московской выставкѣ въ художественномъ отдѣлѣ обращали на себя вниманіе публики двѣ картины талантливаго художника А. И. Корзухина „Въ монастырской гостинницѣ", которой копію мы уже помѣстили недавно въ № 21 „Нивы" и другая, историческая „Смерть Ивана Нарышкина" которой сюжетъ взятъ изъ XV главы прекраснаго романа Вс. С. Соловьева „Царь-Дѣвица", появившагося въ „Нивѣ" въ 1878 г. и затѣмъ изданнаго отдѣльно. Мы указывали тогда на мастерство г. Корзухина какъ художника-реалиста, на мѣткость его типовъ, чрезвычайную добросовѣстность работы, теплое отношеніе къ предмету и тонкій добродушный юморъ его бытовыхъ картинъ. Теперь, настоящей картиной, А. И. Корзухинъ перешелъ въ область исторической живописи и нельзя не сказать, что едва-ли это его родъ. Для этого рода живописи нужно болѣе, можетъ быть, глубокое изученіе, другой подъемъ мысли и воображенія, болѣе свободный и широкій или лучше сказать просто особый родъ таланта. При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ картины, многихъ, тщательно и мастерски выполненныхъ подробностяхъ, замѣтномъ движеніи, она все-же не производитъ полнаго впечатлѣнія, и тѣмъ не менѣе должна быть отнесена къ выдающимся произведеніямъ.

Въ XV главѣ романа Вс. С. Соловьева (стр. 239—246) этотъ потрясающій эпизодъ, когда отъ сестры требовали выдачи любимаго ею брата разъяреннымъ толпамъ стрѣльцовъ, эпизодъ этотъ разсказанъ съ большимъ оживленіемъ и талантомъ. Разсказъ могъ дѣйствительно остановить на себѣ вниманіе историческаго живописца. Картина изображаетъ конечный моментъ сцены, въ церкви Спаса за золотою рѣшеткою, гдѣ исповѣдывался передъ тѣмъ несчастный Нарышкинъ, готовясь къ смерти, и куда ворвались стрѣльцы. Ивана уже повалили и одинъ изъ стрѣльцовъ уже волочетъ его къ двери. Наталья Кириловна въ ужасѣ, закрывъ лицо, упала на колѣни. Царевна Софья, оглядывается, какъ-бы и сама пугаясь поднятой ея приверженцами бури. Петръ Алексѣевичъ (кстати въ картинѣ имѣющій видъ какого-то замурзаннаго уличнаго мальчугана—онъ, поражавшій своей красотой въ юности) въ испугѣ бросается къ матери... Изображеніе конечнаго момента грозной сцены всегда ошибка со стороны художника: за нимъ нечего ждать и онъ никогда не производитъ въ картинѣ того потрясающаго впечатлѣнія какъ переходные или подготовительные моменты, выборъ которыхъ конечно въ зависимости уже отъ таланта художника...

Мы напомнимъ ходъ этого ужаснаго событія. Московскія смуты 1682 года къ половинѣ мая достигли своего апогея. Несчастные, истерзанные и убитые бунтующими стрѣльцами бояре разбудили жажду крови въ распущенной черни. Шли обвиненія то на того то на другаго изъ бояръ въ замыслахъ „противъ государей" что во дворцѣ измѣнники и главный между ними Иванъ Кирилычъ Нарышкинъ, выдачи котораго требовали отъ Натальи Кириловны. Перепуганные бояре ставили ее въ невыносимое положеніе, умоляя не прятать и выдать любимаго ею неповиннаго брата, про котораго выдумали нелѣпую сказку, что онъ надѣвалъ корону. Жертва эта была словно необходима и послѣ ужасной смерти Ивана Кириловича мятежъ вдругъ уналъ и бунтовщики сами устыдились и испугались содѣяннаго... С. М. Соловьевъ въ своей исторіи (т. XIII) отвергаетъ предположеніе участія Софьи и Милославскаго въ этомъ дѣлѣ, говоря что имъ не было надобности прибѣгать къ этому, ибо половина дѣла была уже сдѣлана и смерть эта не могла ничего прибавить... Какъ-бы то ни было стрѣльцы стихли и Софья выдвинулась сама собою на первый планъ, къ ней волею неволею начали обращаться и она стала править.....

Желающихъ ознакомиться съ большими подробностями и съ прекраснымъ разсказомъ молодаго романиста Вс. С. Соловьева, мы отсылаемъ къ его талантливому роману, нынѣ вышедшему вторымъ изданіемъ изъ типографіи „Нивы".

Еще одинъ послѣдній взглядъ!

(Рис. на стр 705).

Она совсѣмъ собралась на гулянье. Тамъ будетъ такое большое общество, и она непремѣнно хочетъ нравиться, и поэтому не можетъ оторваться отъ зеркала. „Тутъ кажется еще надо приподнять шляпу, еще одну шпильку... Ну, теперь, еще одинъ послѣдній взглядъ въ зеркало и—пора идти!" Безобразная, высоко поднятая модная прическа кажется ей очаровательной—это удивительное свойство модъ: когда *всѣ* носятъ, привыкаетъ глазъ и нравится, но стоитъ взглянуть на портретъ напр. черезъ нѣсколько лѣтъ, когда мода прошла и представить себѣ нельзя, какъ могли быть такія невѣроятныя, уродливыя моды! Но, теперь, смотря въ зеркало, она объ этомъ не думаетъ, она разодѣта прелестно и непремѣнно, непремѣнно произведетъ впечатлѣніе!..

О солнечныхъ затмѣніяхъ.

(Рис. на стр. 713).

На фиг. I представленъ путь земли вокругъ солнца и путь луны вокругъ земли и изображено положеніе земли въ четырехъ крайнихъ точкахъ (налѣво — лѣто, впереди — осень, направо—зима, внизу—весна). Изъ чертежа ясно видно, что солнечное затмѣніе можетъ случиться только тогда, если луна обращена къ намъ своей темной стороной, т. е. во время новолунія, но и при этомъ нужно извѣстное совпаденіе, чтобы тѣнь луны не прошла подъ или надъ землею. Это благопріятное положеніе представлено на I фиг. въ положеніи земли весной и осенью, гдѣ представлена возможность нахожденія солнца, луны и земли на одной прямой линіи и тѣнь луны касается земли. Но это можетъ случиться и во всякое время года—вслѣдствіе того, плоскость земной орбиты и пути луны не находятся въ постоянномъ опредѣленномъ положеніи, по отношенію другъ къ другу, а напротивъ это отношеніе постоянно мѣняется, такъ что въ 18 лѣтъ и 11 дней они совершаютъ полный оборотъ и возвращаются въ первоначальное положеніе. Послѣ этого періода о которомъ уже въ 6 вѣкѣ до Р. Х. знали халдеи, наступаетъ естественно затмѣніе, повторяющееся въ той-же послѣдовательности какъ относительно времени, такъ и относительно мѣста, но однако не съ полной тождественностью.

По фиг. I легко себѣ также объяснить происхожденіе и причину затмѣнія луны.

Послѣднее полное солнечное затмѣніе было 17-го мая этого года въ Аравіи, которое отчасти было видимо и въ Европѣ. Въ Лейпцигѣ по причинѣ облачнаго неба нельзя было наблюдать начала и конца частичнаго солнечнаго затмѣнія. Напротивъ того небо нѣсколько разъ прояснялось въ моментъ самаго сильнаго затмѣнія, именно когда кругъ луны показалъ самыя красивыя пятна. Берлину предстоитъ наслаждаться прекраснымъ зрѣлищемъ полнаго солнечнаго затмѣнія 19 августа 1887 года.

Возьмемъ для наглядности такой примѣръ. Пусть будетъ полночь съ яснымъ безоблачнымъ небомъ и мы находимся на какой нибудь точкѣ земной поверхности, которая лежитъ какъ разъ противъ солнца. Отсюда мы предпримемъ путешествіе въ міровое пространство, и хоть бы подобно путешествію Жюля-Верна на луну. Взоръ, обращенный къ только что покинутой землѣ, замѣчаетъ скоро вблизи нея рѣзко выдѣляющуюся новую звѣзду. Огромное темное пятно, которое покрываетъ большую часть южной стороны неба, становится все меньше и меньше, пока наконецъ сдѣлается не больше луны во время полнолунія. Поднявшись еще немного дальше, мы увидимъ землю, окруженную ослѣпительнымъ кольцомъ солнечнаго свѣта. Это будетъ тотъ пунктъ путешествія, гдѣ полное затмѣніе оканчивается, т. е. вершина конуса тѣни, которую будетъ производить солнце позади непроницаемаго земнаго шара. Она лежитъ на разстояніи 20, 028, 900 географическихъ миль отъ солнца и въ 185, 089 миляхъ отъ поверхности земли, что равняется приблизительно поперечнику солнца; разстояніе это могло бы быть пройдено быстрымъ парусннымъ судномъ въ пять лѣтъ. Немного въ сторону отъ этого конуса затмѣніе будетъ уже не полное. Если продолжить вверхъ наше путешествіе, то вообще только больше будетъ видна кольцеобразная солнечная тѣнь, внутренняя часть которой постепенно съуживается пока наконецъ совершенно не исчезнетъ изъ глазъ.

Подобно землѣ, луна, также освѣщенная солнцемъ, бросаетъ

конусообразную тѣнь позади себя. Но такъ какъ луна имѣетъ поперечникъ въ четыре раза меньше, чѣмъ земля, то и тѣнь ея въ четверо короче тѣни земли. Тѣнь эту исчисляютъ довольно точно и считаютъ равной 50, 289 милямъ; между тѣмъ разстояніе центра луны отъ земной поверхности равняется 50, 945 милямъ. Изъ этого видно, что конусообразная тѣнь луны не можетъ достигнуть поверхности земли и такъ, слѣдовательно, только одно кольцеобразное затмѣніе солнца имѣетъ тѣнь на землѣ. Однако случается иногда, что луна находится въ такомъ близкомъ разстояніи отъ земли, а солнце въ то же время удалено больше чѣмъ на среднее разстояніе и тогда можетъ случиться что конусъ лунной тѣни достигнетъ поверхности земли, такъ что до 30 миль ея протяженія будетъ отрѣзано. Всѣ стороны, которыя лежатъ въ этомъ пространствѣ будутъ видѣть полное затмѣніе; въ мѣстахъ внѣ этого пространства затмѣніе будетъ не полное или его совсѣмъ не будетъ видно.

Политическое обозрѣніе.

Араби-Паша и „вторая Плевна". — Англія и Франція въ египетскомъ вопросѣ.— Отсутствіе сочувствія къ дѣйствіямъ Англіи. — Черногорія.—Болгарія.

Араби-Паша, такъ сказать, окончательно „перешелъ Рубиконъ" и бросилъ перчатку англичанамъ, покрайней мѣрѣ въ Лондонѣ получена депеша, содержащая въ себѣ часть прокламаціи народнаго вождя египтянъ, въ которой онъ объявляетъ, что выступилъ противъ непримиримаго врага Египта — Англіи и будетъ вести войну „до крайности". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наложилъ контрибуцію для образованія фонда, необходимаго на военныя приготовленія. По слухамъ, въ снарядахъ и вообще средствахъ онъ недостатка не терпитъ, численность его войскъ доходитъ до 12 тыс. чел.. а что касается позиціи, на которой онъ окопался по отступленіи изъ Александріи, то она выбрана удачно: фланги ея опираются на озера Маріюмійское и Абукирское, а къ фронту ведетъ только одна дорога, пролегающая по весьма узкой дамбѣ. Пунктъ этотъ расположенъ въ 15 километрахъ къ юго-востоку отъ Каира, близъ (какъ мы уже говорили) городка Кафръ-Эдъ-Дауръ, гдѣ находится много фабрикъ и заводовъ, принадлежащихъ европейцамъ. Выгоды позиціи таковы, что аттака съ фронта является очень затруднительною, обходъ же возможенъ только со стороны Розетты, что потребуетъ значительныхъ силъ, какими, пока, Англія въ Египтѣ не располагаетъ. Араби утверждаетъ, что приготовитъ „вторую Плевну". Недавно англичане произвели небольшую рекогносцировку позиціи Араби, дойдя до пункта, отстоящаго отъ него на 5 верстъ; на встрѣчу выскочилъ небольшой кавалерійскій разъѣздъ египтянъ и, обмѣнявшись съ непріятелемъ нѣсколькими выстрѣлами, ускакалъ обратно. Въ Александріи вскорѣ будетъ чувствоваться недостатокъ въ прѣсной водѣ, такъ какъ египетскія войска отвели воду канала, снабжавшаго городъ. Согласно англійскимъ свѣдѣніямъ, тамъ будто, мало по малу, порядокъ возстанавливается, формируется туземная стража, даже открываются вновь магазины, и для кого? что-то не совсѣмъ вѣрится. Что касается Каира, то тамъ повторяются сцены грабежа, насилій и убійствъ, въ родѣ бывшихъ въ Александріи. а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщается, что тамъ-же стала выходить на французскомъ языкѣ газета „l'Astre d'Orient" („Звѣзда Востока"), считающаяся органомъ Араби-Паши и что явная цѣль газеты-сѣять раздоръ между Франціей и Англіей. Какъ-то не совсѣмъ вяжется все это, и однако слухи о первомъ, т. е. о насиліяхъ сильно распространены, причемъ прибавляютъ, что подобное-же происходитъ во многихъ другихъ пунктахъ. Ясно, что событія въ Египтѣ не могли не отозваться въ мусульманскомъ мірѣ и, въ самомъ дѣлѣ, изъ Константинополя пишутъ, что въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ оттоманской имперіи были вспышки фанатизма. Говорятъ, будто Порта не совсѣмъ непричастна этому и даже будто-бы агитируютъ ея собственные агенты... На этотъ разъ совершенно понятны и эти агенты Порты, и ея медлительность и ея отстраненіе отъ конференціи, отъ усерднаго содѣйствія державамъ; не надо забывать, что султанъ—калифъ всего мусульманства и все мусульманство зорко слѣдитъ за тѣмъ— какъ поступитъ калифъ? Въ этомъ отношеніи положеніе султана слишкомъ серьезно — онъ не можетъ не оберегать своего авторитета. Между тѣмъ, съ другой стороны, требованія державъ настойчивы — къ нимъ также нельзя относиться легко. Порта уже дала свой отвѣтъ на ноты уполномоченныхъ: она соглашается принять участіе въ конференціи, соглашается взять на себя возстановленіе порядка въ Египтѣ, но съ условіемъ, чтобы англійскій флотъ очистилъ египетскія воды. Англія не считаетъ этого отвѣта, конечно, удовлетворительнымъ и, вмѣсто того, чтобы отозвать свои броненосцы, усиливаетъ вооруженія. Несомнѣнно—она доведетъ свое дѣло до желаемаго ею конца. Желанія ея теперь обнаруживаются еще яснѣе, еще опредѣленнѣе: это преобладаніе въ Египтѣ и преобладаніе въ Суэзскомъ каналѣ; очень можетъ быть, что она пріобрѣтетъ себѣ какой нибудь пунктъ, который съумѣетъ укрѣпить по своему, т. е. сдѣлаетъ неприступнымъ. Едва-ли такой планъ пользуется сочувствіемъ державъ; Австрія уже высказала свое сожалѣніе по поводу бомбардированія, Германія не одобрила его; мы — придерживаемся выжидательной политики; излишне говорить, что и для насъ Суэзскій каналъ имѣетъ большую важность по отношенію къ нашему положенію въ Восточномъ океанѣ, гдѣ Англія—намъ могучая соперница... Франція, хорошо предвидя все, что могло-бы выйдти и для нея изъ англійской гегемоніи въ Египтѣ, и изъ захвата англичанами канала, поспѣшно вооружается и готовится прислать десантъ въ 15 тысячъ чел.

Недавно, во французской палатѣ депутатовъ Гамбетта сильно настаивалъ на активной политикѣ Франціи въ египетскомъ вопросѣ, высказываясь энергически противъ допущенія туда турецкихъ войскъ, которыя, по его словамъ, могли бы примкнуть къ египтянамъ, онъ сталъ на сторону министерства и не только поддерживалъ его требованіе о кредитѣ на военные расходы, но нашелъ, что этотъ кредитъ недостаточенъ. Палата отнеслась съ полнымъ сочувствіемъ къ его словамъ. Въ средѣ англійскаго министерства, напротивъ, произошелъ расколъ. Брайтъ вышелъ изъ его состава, выразивъ свое совершенное несочувствіе политикѣ Гладстона въ отношеніи Египта, и сочувствіе національному движенію, которое тамъ происходитъ. Членъ палаты общинъ Лаусонъ обратился съ рѣзкими укорами къ кабинету Гладстона по тому же предмету, причемъ, между прочимъ, пригрозилъ, что рабочее населеніе, оказавшее сильную поддержку нынѣшнему министерству во время выборовъ, откажетъ ему въ этой поддержкѣ, если оно будетъ продолжать ту же политику насилія.

Но что будетъ—когда въ Египтѣ сойдутся войска различныхъ державъ, „сплывется" еще большее количество броненосцевъ? Какъ размѣстятся тамъ всѣ „интересы?.." Есть ли англичанамъ дѣло до того—лишь бы „интересамъ" добыть подобающее мѣсто!..

Князь Николай Черногорскій обратился къ Портѣ съ настоятельнымъ требованіемъ объ обѣщанномъ исправленіи юго-восточной границы княжества. Какъ слышно, Порта намѣрена, какъ можно скорѣе, исполнить желаніе князя.

Князь Болгарскій произвелъ въ Рущукѣ смотръ войскамъ, которыя найдены въ очень удовлетворительномъ состояніи, благодаря нашимъ инструкторамъ, въ особенности хороша артиллерія.

Библіографія.

Разсказы Вс. Гаршина. Спб. 1882. Въ европейской литературѣ узаконился цѣлый отдѣлъ беллетристики весьма распространенной и имѣющей мѣсто въ многочисленныхъ изданіяхъ литературныхъ и особенно иллюстрированныхъ. Это часто очень талантливыя произведенія, не имѣющія въ виду ничего кромѣ занимательнаго сюжета и мастерства собственно техники разсказа. Авторъ знаетъ размѣръ своего таланта, знаетъ что онъ только недурной разсказчикъ и за большее не берется. У насъ не то, у насъ каждый начиная писать очеркъ въ нѣсколько строкъ, пыжится въ вола, старается поставить какой нибудь общественный „проклятый" вопросъ, разрѣшить глубокую задачу. Впечатлѣніе самое жалкое. Онъ ничего не ставитъ и не разрѣшаетъ, не справляется съ задачей а только наводитъ уныніе скучнымъ, вѣчно протестующимъ противъ чего-то, тономъ. Этого недостатка не избѣгъ и г. Гаршинъ, котораго разсказы помѣщаются часто въ разныхъ журналахъ и у котораго никакъ нельзя отнять таланта занимательнаго разсказчика.

Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ, доктора Галанина. Въ журналѣ „Семья и Школа" въ теченіи 1880 и 1881 года печатались замѣтки д-ра Галанина объ уходѣ за дѣтьми. Въ настоящее время авторъ собралъ ихъ вмѣстѣ и выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ. Опытный спеціалистъ—врачъ дѣтскихъ болѣзней, г. Галанинъ, несомнѣнно принесетъ многимъ семьямъ существенную пользу своей книгой. Изложенная популярно, прекраснымъ языкомъ, она заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, не имѣющихся въ подобныхъ сочиненіяхъ ранѣе вышедшихъ, и пріобрѣтшихъ популярность среди матерей. Задача разрѣшаемая авторомъ:—дать краткій печатный совѣтъ, при помощи котораго и безъ врача, (до его прибытія) можно пользовать ребенка, и тѣмъ предотвращать массу случаевъ преждевременной смерти вслѣдствіе запаздыванія помощи.—Первая часть книги заключаетъ въ себѣ совѣты въ веденіи физическаго воспитанія ребенка,—вторая—пользованія его въ случаѣ заболѣванія.—Повторяемъ, подобная книга можетъ принести огромную пользу въ каждой семьѣ, и при недорогой цѣнѣ можетъ быть доступна семействамъ съ самыми ограниченными средствами.

Смѣсь.

Купанья „Батаглія". Купанья эти во владѣніяхъ графа Виктора Вимпфена славятся какъ минеральными источниками, сгруппированными на небольшомъ пространствѣ, ихъ цѣлебными свойствами и сильнымъ дѣйствіемъ, такъ и красивымъ мѣстоположеніемъ, живописными окрестностями, здоровымъ климатомъ, комфортабельностью и удобствами устройства. Воды Батагліи причисляются къ однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ.

Вершина холма св. Елены увѣнчана замкомъ графа Вимпфена, который высится надъ зданіемъ Кургауза обращеннымъ къ судоходному каналу Батаглія, соединяющему Бренту съ Эчемъ, и обнесенною колоннадой, выходящей въ прекрасный паркъ, расположенный между мѣстечкомъ и замкомъ, паркъ наполненный южными, цвѣтущими растеніями. Эта колоннада манитъ къ себѣ благоухающей атмосферой, прохладной и освѣжающей тѣнью и служитъ пріѣзжимъ гостямъ мѣстомъ завтрака, чтенія, бесѣды, куренія. Кромѣ большого кургауза, въ мѣстечкѣ на холмѣ св. Елены есть еще меньшій, съ котораго видъ также хорошъ, какъ и изъ замка. Богатая цвѣтущая мѣстность, которая разстилается передъ взоромъ, замыкается цѣпью горъ вулканическаго происхожденія. Подземный огонь въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій кипятитъ воду, которая, шипя и дымясь, тамъ и сямъ пробивается наружу. Но самые цѣлебные источники находятся на холмѣ и въ паркѣ св. Елены. Кромѣ того, здѣсь очень интересны артезіанскіе колодцы въ 107 аршинъ глубины, выбрасывающіе въ видѣ фонтана въ день около 40000 ведеръ горячей воды въ 72° С.; колодцы эти расположены между малымъ кургаузомъ и главными строеніями. Температура горячихъ ключей Батагліи, между 70 и 72° С. Воды здѣсь хороши для ваннъ, помогаютъ во многихъ болѣзняхъ и особенно противъ ломоты, застарѣлаго ревматизма, паралича, болѣзней спиннаго мозга и накожныхъ болѣзней.

Кромѣ минеральныхъ водъ, въ Батагліи есть еще теплыя грязи, множество теплыхъ ключей прогреваютъ черезъ гротъ и выдѣляютъ пары. Гроты устроены по образцу Римскихъ купаній въ Вѣнѣ, только въ меньшихъ размѣрахъ, съ мраморными диванами, душами и т. п. Температура паровъ достигаетъ до 47° С. Натуральныя паровыя ванны на холмѣ св. Елены уже славятся своими блестящими результатами при лѣченіи ими.

Нельзя не упомянуть объ интересныхъ окрестностяхъ Батагліи. Главную достопримѣчательность здѣсь представляетъ, озаренная неугасаемымъ блескомъ поэтической славы—*арка* Петрарки. Здѣсь могила и памятникъ Петрарки среди южной роскошной растительности—оливъ, виноградныхъ лозъ, магнолій, лавровъ, гранатъ и извѣстныхъ во всей Италіи „фигъ отъ арки." Невдалекѣ церковь, съ прекрасною живописью. Вблизи Батагліи расположенъ замокъ Катайя, съ чудеснымъ паркомъ, музеемъ древностей, съ драгоцѣннѣйшимъ оружіемъ, доспѣхами, надписями, античными саркофагами, рельефами, вазами, статуями и т. д.

Кругъ Риза. Замѣчательные опыты Крукса относительно того особеннаго свойства тѣлъ, которое этотъ ученый назвалъ лучистой матеріей, доказали намъ, что мы не знали перваго слова молекулярной физики. Телефонъ, фонографъ, микрофонъ, фотофонъ, открыли намъ такія свойства вещества, къ которымъ мы питали до сихъ поръ пренебреженіе и которыя обѣщаютъ много удивительныхъ открытій впослѣдствіи. Вотъ новое открытіе, сдѣланное англійскимъ физикомъ Ризомъ, которое должно произвести не малый шумъ въ промышленномъ мірѣ. Аппаратъ американца Риза примѣняется уже въ нѣсколькихъ машинныхъ мастерскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Извѣстно, что если вертѣть съ большой скоростью кругъ мягкаго желѣза, то онъ можетъ перерѣзать стальную полосу, приведенную въ соприкосновеніе съ нимъ. Ризъ сдѣлалъ лучше: *онъ перерѣзываетъ стальную полосу безъ всякаго прикосновенія къ кругу.*

Приборъ Риза состоитъ изъ круга мягкой стали толщиною въ 4,75 миллиметра (почти 1/2000 вершка) и въ діаметрѣ (шириною) въ 1,06 метра (почти полтора аршина). Онъ вертится съ быстротою 732 метровъ въ минуту. Толстая полоса стали, которую нужно перерѣзать, должна быть кругла. Она ставится противъ кружка и приводится также только въ обратное вращеніе со скоростію 200 метровъ въ минуту. Черезъ двѣ-три секунды—полоса оказывается уже перерѣзанною съ признаками плавленія, при толщинѣ въ 41 миллиметръ. Пространство между полосой и кругомъ остается, однако, въ 3,17 миллиметровъ, такъ что соприкосновенія дѣйствительно не происходитъ. Расплавленный металлъ падаетъ, необнаруживая при этомъ особенно высокой температуры. Концы полосы притомъ нагрѣваются, а кругъ остается при той же температурѣ.

Ризъ пытался дать объясненіе этому факту, кажущемуся невѣроятнымъ. По его мнѣнію, сильное выдѣленіе теплоты происходитъ подъ вліяніемъ столкновенія частицъ воздуха, увлекаемыхъ кругомъ и попадающихъ на полосу.

Странная болѣзнь. Въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Америки распространяется нервная эпидемія, характеризующаяся различными безпорядочными движеніями, производимыми больнымъ, какъ вслѣдствіе извѣстныхъ раздраженій, такъ и подъ вліяніемъ пассивнаго подчиненія приказаніямъ окружающихъ и, наконецъ, вслѣдствіе непреодолимой подражательности. Малѣйшее прикосновеніе къ больному заставляетъ его уже быстро вскакивать въ сильномъ волненіи; а при болѣе сильныхъ раздраженіяхъ онъ дѣлаетъ ужасные прыжки. Всякое приказаніе онъ повторяетъ и буквально исполняетъ. Стоитъ велѣть ему броситься въ воду, и больной бросится тотчасъ же. При этомъ онъ иногда испускаетъ страшный крикъ, напоминающій крикъ истерическихъ больныхъ. Докторъ Бордъ произнесъ передъ однимъ неграмотнымъ больнымъ нѣсколько стиховъ изъ Виргилія и Гомера и тотъ повторилъ ихъ слогъ за слогомъ, со всею правильностію. Всѣ звуки, какъ самые громкіе, такъ и слабые, отражаются на больныхъ характерными прыжками.

Болѣзнь эта—хроническая; она походитъ на психическія разстройства, эпидемически господствовавшія въ средніе вѣка. Отличіе ея отъ истерики заключается въ томъ, что ей не подвергаются исключительно, какъ послѣдней, люди нервные и впечатлительные. Наоборотъ, одержимые этой болѣзнью представляютъ собою вообще людей сильныхъ, привыкшихъ къ тяжелому труду, среднихъ умственныхъ способностей. Кажется, что она передается наслѣдственно. Женщины весьма рѣдко подвергаются ей, а дѣти моложе 4-хъ лѣтъ—никогда. Это конечно слѣдствіе чрезмѣрно развившейся нервной дѣятельности, лихорадочной спѣшности дѣлъ и разныхъ возбужденій современныхъ.

По хозяйству. Очистка рыбы значительно облегчается, если рыбу предварительно опустить на минуту въ кипятокъ. Соленую рыбу можно чистить и до и послѣ соленія, но въ первомъ случаѣ ее не надо ошпаривать. Соленая рыба скорѣй и лучше всего размягчается въ кисломъ молокѣ. Свернувшееся молоко можетъ быть опять годнымъ для употребленія, по прибавленіи къ нему небольшаго количества соды.—Пятна отъ чаю и фруктоваго сока выводятся кипяткомъ. Воду слѣдуетъ наливать черезъ пятно, чтобы не замочить чистаго отъ пятна пространства. — Вареный крахмалъ улучшается отъ прибавленія къ нему немного разведенной аравійской камеди.—Утюги отъ желтаго воска и соли дѣлаются гладкими какъ ледъ. Для этого завязываютъ кусокъ воску въ тряпку и когда накалится утюгъ, то его смазываютъ этой тряпкой, а затѣмъ вытираютъ о бумагу или сукно посыпанное солью.—Керосиномъ смазывается промоченная обувь и становится мягкой, какъ новая.—Керосиномъ же можно чистить и жестяные чайники, вытирая ихъ фланелевой тряпкой, смоченной въ керосинѣ.

Доставка нефти посредствомъ трубъ. Высокіе желѣзнодорожные тарифы Соединенныхъ Штатовъ привели „Нефтяную компанію" къ необходимости устроить доставку нефти, съ помощію подземнаго хода въ 500 слишкомъ верстъ, соединяющаго нефтяные источники съ моремъ.

Подземныя трубы имѣютъ 15 сантиметровъ (около 3½ вершковъ) въ діаметрѣ и могутъ выдерживать давленіе въ 50 атмосферъ. Потокъ нефти пересѣкаетъ долины сифономъ, на глубинѣ одного только метра (22½ вер.), отъ поверхности земли. Все заведеніе, устроенное съ этою цѣлью и оконченное въ прошломъ 1881 году, стоило болѣе 10 милліоновъ франковъ. Если прибавить, затѣмъ, къ этому стоимость постройки резервуаровъ и насосовъ, то получится почтенная сумма въ 16 милліоновъ франковъ.

Затрата паровой силы въ мірѣ. Вычислено, что Англія, изъ своихъ каменноугольныхъ богатствъ, извлекаетъ паровую силу въ 9 милліоновъ паровыхъ лошадей; Соединенные Штаты—въ 7,500,000, Германія—4 милліона, Франція—3, Австрія—1,500,000.

Въ этихъ цифрахъ не выражена механическая паровая сила локомотивовъ. Число же ихъ, въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ, превосходитъ 105,000; общая сила локомотивовъ равняется приблизительно 30 милліонамъ паровыхъ лошадей.

Вообще силу всѣхъ машинъ и двигателей, приводимыхъ въ дѣйствіе паромъ, считаютъ равною 80 милліонамъ паровыхъ лошадей, для Стараго и Новаго свѣта вмѣстѣ. Одна паровая лошадь равняется, по своей силѣ, по крайней мѣрѣ, десяти человѣкамъ; отсюда, работа исполняемая паромъ на землѣ представляетъ собою трудъ 800 милліоновъ людей.

Сообщеніе между Бухарестомъ и Константинополемъ. Съ 3-го іюня нынѣшняго года установлено болѣе скорое сообщеніе, что должно благопріятно отразиться на пассажирскомъ и почтовомъ движеніи. Вслѣдствіе настояній австрійскаго и германскаго почтовыхъ управленій, румынское правительство рѣшилось отправлять съ означеннаго числа экстренный поѣздъ изъ Бухареста въ Журжево, который будетъ всегда выходить изъ Бухареста въ 5 часовъ утра по средамъ и субботамъ. Изъ Рущука поѣздъ теперь отходитъ въ 9 часовъ утра и приходитъ въ Варну въ 4½ часа утра, между тѣмъ какъ до сихъ поръ онъ приходилъ въ 6 ч. 37 м. вечера. Вслѣдствіе этого ранѣе будутъ отправляться изъ Варны и пароходы Ллойда, которые будутъ приходить въ Константинополь въ 8 ч. утра, по четвергамъ и воскресеньямъ.

Увеселительная поѣздка на Шпицбергенъ, была предпринята въ теченіи нынѣшняго Іюля, изъ Бергена (въ Норвегіи). Въ ней приняли участіе 40 лицъ. Поѣздка будетъ продолжаться 4 или 5 недѣль и совершится на пароходѣ подъ руководствомъ опытнаго плавателя по Сѣверному морю, капитана Карльсена, принимавшаго участіе въ поѣздкѣ къ сѣверному полюсу подъ начальствомъ Тегеттофа. Участвующіе въ поѣздкѣ платятъ по 550 марокъ, не считая расходовъ на столъ. Пароходъ снабженъ всѣми снарядами, необходимыми для ловли китовъ и охоты на бѣлыхъ медвѣдей, моржей и другихъ арктическихъ звѣрей; взяты также, для экскурсій внутрь страны, сани и собаки.

Новое оптическое явленіе. Взявъ мѣдный кружокъ, сдѣлаемъ въ немъ, подъ прямымъ угломъ, два продолговатыя отверстія. Посмотримъ теперь, положимъ, на пламя лампы и черезъ вертикальное и черезъ горизонтальное отверстіе. Мы замѣтимъ тогда, что пламя кажется гораздо болѣе яркимъ черезъ горизонтальное отверстіе, нежели черезъ вертикальное. Подобныя же явленія обнаруживаются при разсматриваніи вертикальныхъ предметовъ, тогда какъ съ горизонтальными предметами происходитъ наоборотъ. Если, вообще, разсматривать черезъ этотъ кружокъ домъ, пейзажъ, то наибольшій блескъ горизонта будетъ соотвѣтствовать всегда горизонтальному отверстію. То же самое съ солнцемъ и луною. Фотографія подтвердила уже эти факты. Производились опыты съ солнечнымъ свѣтомъ, электрическимъ и разсѣяннымъ, лучи которыхъ пропускались черезъ тѣ или другія отверстія кружка. Приэтомъ постоянно получалось, что горизонтальное отверстіе давало наиболѣе яркое изображеніе. Явленія эти наблюдаются чрезвычайно просто. Поставимъ кружокъ между бѣлымъ экраномъ и солнцемъ. Крестообразное изображеніе прямоугольныхъ продолговатыхъ отверстій появится тогда на экранѣ съ горизонтальной чертой болѣе ярко освѣщенной. То же самое съ электрическимъ и всякимъ другимъ свѣтомъ. Понятно, что это новое явленіе требуетъ научнаго изслѣдованія.

Дикарь въ парламентѣ. Интересное и необычайное явленіе возбудило въ послѣднемъ засѣданіи вниманіе членовъ нижней палаты въ Лондонѣ. Вакъ-бунъ а-Кн, второй начальникъ индійскаго племени Монссевъ (Волчье племя), находящійся въ настоящее время въ Англіи, явился между „почетными слушателями" въ галлереѣ иностранцевъ Нижняго парламента, вѣроятно первый разъ въ своей жизни. На немъ было военно-охотничье одѣяніе его племени, головной уборъ изъ орлиныхъ перьевъ, туника и моссалины (башмаки) изъ шкуръ дикихъ звѣрей. На нижней части ногъ висѣли панцзанныя копыта сѣверныхъ оленей, а на поясѣ томагаукъ его предковъ. Въ теченіи дня онъ имѣлъ съ помощникомъ государственнаго секретаря Ашлеемъ въ колоніальномъ министерствѣ свиданіе, цѣлью котораго было возвращеніе земель его племени.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ

Задачи магич. квадрат.

№ 54.

а	а	а	и	и
и	и	и	ж	ж
к	к	к	к	м
м	н	н	о	о
р	р	с	с	ъ

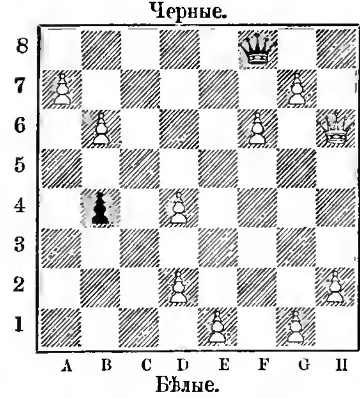
№ 55.

а	а	а	а	а
а	а	а	а	а
г	к	к	к	н
и	н	н	о	о
п	п	т	т	т

Шашечная задача № 55.

К. Цѣхановича.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ шашку черныхъ въ 10 ходовъ.

Алгебраическая задача № 56.

Названіе одпаго города состоитъ изъ 8 буквъ; если эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получимъ слѣдующія соотношенія между ними:

1) Сумма перваго, предпослѣдняго и послѣдняго чиселъ равна числу недѣль въ году.
2) Разность между первымъ и вторымъ числами равна числу дней въ трехъ недѣляхъ.
3) Сумма пятаго и седьмаго чиселъ равна числу дней въ двухъ недѣляхъ.
4) Разность между четвертымъ и первымъ числами равна числу дней въ одной недѣлѣ.
5) Разность между пятымъ и вторымъ числами равна разности между послѣднимъ и третьимъ числами.
6) Разность между третьимъ и шестымъ числами вдое болѣе втораго числа.
7) Второе число втрое менѣе предпослѣдняго числа.
8) Шестое число вдвое менѣе суммы двухъ послѣднихъ чиселъ.

Узнать названіе этого города.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ ЧАСЫ

(изъ никеллированнаго никеля).

Анкерные, заводящіеся безъ ключа (въ ручку).
Открытые большаго или средняго размѣра 14 руб.
Тоже малаго размѣра 15 р.
Закрытые большаго или средняго размѣра 16 руб.
Тоже, малаго размѣра 17 р.

Ручательство на одинъ годъ.

Въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ,

поставщика Высочайшаго Двора. **Въ С.-Петербургѣ**: на Невскомъ проспектѣ, д. № 23, (противъ Большой Конюшенной).
Въ Москвѣ: на Рождественкѣ, на углу Кузнецкаго моста, д. № 6, Торлецкаго.
Пересылка на счетъ магазиновъ.
Подробные иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно. 10—4

Складъ заграничныхъ товаровъ
ТРОССИНЪ и СТЕФФЕНЪ
Екатерининскій каналъ, Камен. мостъ, № 49.

ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ И БАГЕТЪ.

Продажа оптомъ. Постоянно новости. 6

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ,

ИЗДАННЫЯ КНИЖНЫМЪ И МУЗЫКАЛЬНЫМЪ МАГАЗИНОМЪ

Болеслава Корейво въ Кіевѣ.

Для фортепіано въ двѣ руки

ВАЛЬСЪ

„А изъ рощи, рощи темной“, и другихъ пѣсенъ, пѣтыхъ въ концертахъ **Славянскимъ**, составилъ Григорій Константиновъ, цѣна 75 к., съ перес. 1 р.
Ходоровскій Г. Украинская рапсодія 1 р. 50 к.
Маркевичъ 19 Малороссійскихъ пѣсенъ 75 к.
Лисенко Н. ор. 8. 1-я Украинская рапсодія . . . . 1 р. 50 к.
15. Баркаролла . . . . . 75 к.
17. Valse melancolique . . 75 к.
18. Шумка-Думка 2-я рапсодія 90 к.
19. Ноктюрнъ **Cis moll**. . . 90 к.
Завадскій Мих. Ор. 232. Русск. мелодіи 75 к.
339. Украинскія танцы (Чабарашки) 5 тетрадей, каждая по 1 р. 20 к.
362. Баркаролла . . . . 30 к.
364. Танецъ Духовъ . 1 р. 20 к.
380. Думка . . . . . . 30 к.

Для фортепіано въ 4 руки.

Лисенко Ор. 4. Украинскій Козакъ-Шумка. . . . . . . 1 р. 65 к.

Для пѣнія съ акомпаниментомъ фортепіано.

Альтаии Н. К. Гдѣ ты мазурка? . . 75 к.
Я долго стоялъ неподвижно 45 к.
Дуда К. Я желалъ бы съ тобой . . 60 к.
Казбирюкъ А. О. Любовь мертвеца . 60 к.
Еще томлюсь тоской . . 30 к.
Звѣзда . . . . 45 к.
Малашкинъ Л. Д. Вѣдь ты какъ роза. 45 к.

Тамъ же продается
3-й СБІРНИКЪ
УКРАИНСКИХЪ ПІСЕНЬ
М. ЛИСЕНКО.

Цѣна 3 руб. 50 коп., съ пересылкою 4 руб.
1-й и 2-й сбірникъ; каждый по 2 р. 50 к., съ перес. по 3 руб.
Вышеозначенныя ноты продаются у издателя въ Кіевѣ и во всѣхъ лучшихъ музыкальныхъ магазинахъ въ Россіи и за границей.

ПРИНИМАЮТЪ НА СЕБЯ ПОКРЫТІЕ И КРАСКУ ТОЛЕВЫХЪ КРЫШЪ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ И ВСѢ СВѢДѢНІЯ ВЫДАЮТСЯ И ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО

ГИТАРЫ

ЦИТРЫ и МАНДОЛИНЫ

очень хорошей работы и прелестнымъ тономъ, рекомендуетъ въ большомъ выборѣ по очень дешевымъ цѣнамъ

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ

ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА,

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 42. А. № 2052

Складъ бумажныхъ картузовъ (мѣшковъ)
ФАБРИКИ

АВГУСТА НАУМАНА и Ко.

Чернышевъ переулокъ, Маріинская линія, № 11, нынѣ пріобрѣтенъ мною и дополненъ разными сортами картузовъ, писчими и оберточными бумагами.
Господъ покупателей покорнѣйше прошу адресовать свои требованія на мое имя по вышеозначенному адресу. № 2176 3—2
Купецъ **Е. К. Кудрявцевъ.**

Усовершенствованные 2-хъ и 3-хъ-колесные (Bicycles) **ВЕЛОСИПЕДЫ** (Tricycles) послѣдняго типа и только извѣстнѣйшихъ заводовъ.
Примѣненные для далекихъ путешествій.
Въ Складѣ Американскихъ издѣлій Ж. Блокъ. Представитель для всей Россіи.
СПБургъ—Невскій, 16. **Москва**—уг. Кузнецк. моста. Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

СТРАХОВАНІЕ БИЛЕТОВЪ
по **50** коп. въ конторѣ

П. ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.

Москва, Тверская, 31.
Условія продажи билетовъ съ задаткомъ въ 15 р. высылаются безплатно. П. № 2072. 8—7.

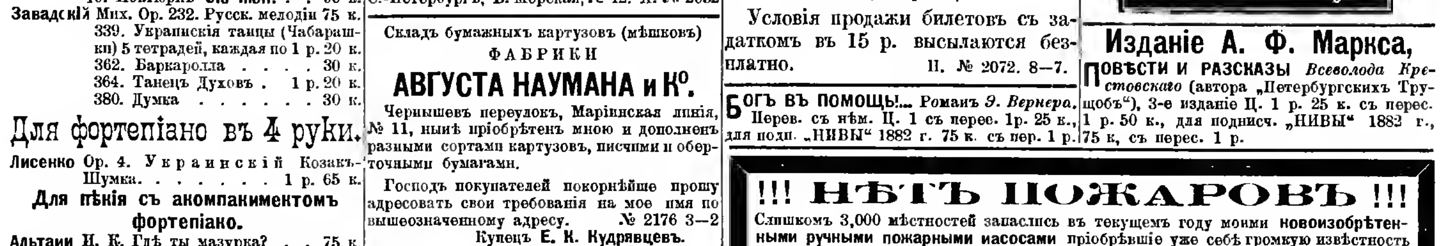
Богъ въ помощь!.. *Романъ Э. Вернера.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 съ перес. 1р. 25 к., для подп. „НИВЫ“ 1882 г. 75 к. съ пер. 1 р.

ШОКОЛАДЪ ФАБРИКИ С. СІУ и Ко НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ. ПРЕДОСТЕРЕГАЕМЪ ОТЪ ПОДРАЖАНІЯ НАШЕЙ МАРКИ

Ц. № 1993 12—7

Изданіе А. Ф. Маркса,

Повѣсти и разсказы *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е изданіе Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к., для подписч. „НИВЫ“ 1882 г., 75 к. съ перес. 1 р.

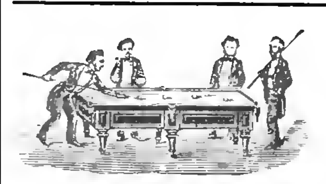


!!! НѢТЪ ПОЖАРОВЪ !!!

Слишкомъ 3,000 мѣстностей запаслись въ текущемъ году моими **новоизобрѣтенными ручными пожарными насосами** пріобрѣвшіе уже себѣ громкую извѣстность во всей Европѣ.

ЦѢНЫ НЕИМОВѢРНО ПОНИЖЕННЫЯ.

Насосъ за 5 руб., выбрасываетъ въ часъ 120 ведеръ воды на высоту 3 этажей.
Насосъ за 10 руб. (американской конструкціи) съ непрерывной струей, выбрасываетъ въ 1 часъ 200 ведеръ воды на высоту 4 этажей.
За упаковку и пересылку въ данную мѣстность взимается по 2 руб. сер. со штуки 5 рублевыхъ насосовъ, и по 3 руб. сер. съ 10 рублевыхъ.
Выписывающимъ сразу 25 насосовъ, упаковка и провозъ до мѣста назначенія не считаются.
Насосъ на колесахъ съ резервуаромъ и рукавомъ за 30 рублей, выбрасываетъ въ 1 часъ 300 ведеръ воды на высоту 5 этажей.
Выписывающимъ сразу 10 штукъ скидки 15%.
Всѣ три огнегасительные насосы дѣйствуютъ даже помощью 10 лѣтняго мальчика и замѣчательно примѣняются для сбрызгиванія садовъ, улицъ, полей, баттановъ и чистки растеній отъ насѣкомыхъ.
Послѣ полученія денегъ немедленно слѣдуетъ отправка насосовъ.
Исключительная продажа у Генриха Барыцкаго владѣльца торговаго дома „Commerce Russe“ въ Варшавѣ.
Деньги, письма, посылки, телеграммы адресовать: **Генрихъ Барыцкій, Варшава.**
Гг. требующихъ объясненія и заявляющихъ желаніе быть агентами, просимъ препровождать на отвѣтъ 14 к. марками. № 2177



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ
Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26—16

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстный своими свойствами предотвращающими прѣлые частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, ***Гальманинъ*** *продается въ аптекахъ, а также у дрогистовъ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи.* ***Главное депо*** *находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, магистра фармаціи* ***В. Карпинскаго,*** *улица Электоральная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к.* ***Нужно остерегаться поддѣлокъ*** *и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г.* **В. Карпинскій** *магистръ фармаціи.*

Болѣе 200 медалей **перваго класса.**

Еженедѣльное производство **болѣе 10,000 машинъ.**

НОВѢЙШІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

КОМПАНІИ ЗИНГЕРЪ

(ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ).

Ввозъ въ Россію и продажа производятся исключительно черезъ Главнаго Уполномоченнаго

Г. НЕЙДЛИНГЕРЪ.

Въ С.-Петербургѣ: Казанская улица, № 42.
Въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
Р. № 2170 2—2

XIII годъ — № 31 — годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 31 Іюля 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Іоанникій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Москва проводила своего усопшаго архипастыря къ мѣсту послѣдняго успокоенія и ждетъ преосвященнаго Іоанникія, получившаго высокое назначеніе занять московскую каѳедру. Новый митрополитъ выступаетъ на поприще епархіальной дѣятельности въ наилучшихъ условіяхъ. Онъ находится въ цвѣтѣ возраста, въ полномъ развитіи физическихъ и духовныхъ силъ, предшествуемый славою высоко-благотворной дѣятельности по управленію Саратовской эпархіей и какъ Экзархъ Грузіи. Вездѣ гдѣ онъ ни появлялся, дѣятельность его направлялась къ устроенію мира, любви и согласія въ духовенствѣ. Распоряженія его всегда отличались твердостью и цѣлесообразностью. Въ своихъ архипастырскихъ заботахъ о религіозно-нравственныхъ интересахъ своей паствы, высокопреосвященный принималъ недавно дѣятельное участіе въ открытыхъ въ Тифлисѣ воскресныхъ собесѣдованіяхъ.

27-го іюня, высокопреосвященный Іоанникій, архіепископъ карталинскій и кахетинскій и экзархъ Грузіи, назначенъ митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ, священно-архимандритомъ Троице-Сергіевой лавры и членомъ святѣйшаго синода.

Митрополитъ Московскій. Высокопреосвященный Іоанникій.
Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Магистръ кіевской духовной академіи (выпуска 1851 г.), высокопреосвященный Іоанникій занималъ послѣдовательно должности инспектора кіевской духовной академіи и ректора: сперва — кіевской духовной семинаріи, а затѣмъ тамошней-же академіи и здѣшней петербургской духовной академіи. Въ архіерейскомъ санѣ высокопреосвященный Іоанникій состоитъ съ 1861 года, когда тоже въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ хиротонисанъ былъ на каѳедру викарія петербургской митрополіи, — во епископа выборгскаго. Въ началѣ 1864 г. онъ былъ назначенъ на самостоятельную архіерейскую каѳедру въ Саратовѣ, затѣмъ въ 1873 г. перемѣщенъ на нижегородскую епархіальную каѳедру и съ 1877 г. управлялъ грузинскимъ экзархатомъ.

Во время управленія

саратовскою епархіею, въ Саратовѣ, при непосредственномъ участіи и подъ личнымъ руководствомъ высокопреосвященнаго Іоанникія основано и направлено къ многоразличной миссіонерской дѣятельности извѣстное „Братство Св. Креста", разросшееся теперь въ знаменитый „Саратовскій духовно-просвѣтительный союзъ". Тамъ-же въ Саратовѣ учрежденъ и открытъ архипастыремъ „Учебно-заработный домъ" для круглыхъ сиротъ обоего пола всѣхъ сословій, въ которомъ дѣти бѣдныхъ родителей обучаются грамотѣ и ремесламъ; тамъ-же учрежденъ „Пріютъ для малолѣтнихъ сиротъ духовнаго званія обоего пола"; тамъ-же благоустроена „Кииовія", — для просвѣщенія старообрядцевъ; тамъ-же возникъ „саратовскій епархіальный свѣчной заводъ" и соединенныя съ нимъ учрежденія и общества взаимной помощи духовенства, которыя до сихъ поръ приносятъ мѣстному духовенству и обществу такія выгоды и пользы, какихъ нѣтъ ни въ одной изъ другихъ россійскихъ епархій. Перенесши архіерейскій жезлъ въ Нижній-Новгородъ, высокопреосвященный Іоанникій и здѣсь въ короткое время успѣлъ устроить не меньше, чѣмъ въ Саратовѣ. И здѣсь, также, какъ и тамъ, появилось съ миссіонерскими цѣлями „Братство Св. Креста", устроилось „Ремесленное училище" для тѣхъ изъ дѣтей духовенства, которые по слабоспособности и по малоуспѣшности „не могли вникать въ ученіе"; учредился „пріютъ для мальчиковъ и дѣвочекъ—сиротъ", оставшихся безъ крова и призрѣнія, и навсегда обезпеченъ солиднымъ капиталомъ. „Епархіальный свѣчной заводъ" расширенъ и дѣятельности его указаны новые пути и болѣе серьезныя задачи. Наконецъ открыто и образцово-устроенное „общежитіе" для бѣдныхъ и неимущихъ воспитанниковъ духовной семинаріи,—вѣнецъ трудовъ и заботъ высокопреосвященнаго Іоанникія объ облегченіи участи бѣднаго воспитывающагося юношества изъ среды духовенства, такъ какъ въ этомъ „общежитіи" дѣти духовенства безмездно должны пользоваться готовымъ содержаніемъ, лишь бы не были „къ ученью глухи".

Новый митрополитъ московскій владѣетъ прекраснымъ даромъ слова въ церковномъ служеніи и проповѣди. Отъ роду ему 54 года.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XX.

Въ „кельѣ".

Катерина Ивановна занимала маленькое помѣщеніе, состоявшее всего изъ трехъ комнатъ. Никакой роскоши нельзя было найти въ этихъ комнатахъ, но между тѣмъ всякій, кто входилъ сюда, не могъ не обратить вниманія на окружавшую его обстановку, всякому она казалась чѣмъ то особеннымъ, никогда не виданнымъ и поражала несравненно больше царской роскоши.

Причина такого впечатлѣнія заключалась въ изяществѣ, въ сочетаніи простоты и художественнаго вкуса. Между человѣкомъ и той обстановкой, въ которой живетъ онъ, всегда есть много общаго. И въ особенности женщины умѣютъ внести въ окружающее ихъ частицу души своей.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, которыя, переѣхавъ изъ Гатчины, Катерина Ивановна провела въ Смольномъ, она мало по малу свила здѣсь себѣ теплое гнѣздышко, которое всецѣло отражало ея образъ. Она любила все красивое, все изящное. Но вѣдь красивое и изящное можно найти и въ самыхъ дорогихъ и въ самыхъ дешевыхъ предметахъ. У нея не было никакой возможности окружить себя предметами дорогими да и къ тому-же она находила это излишнимъ: все, что принадлежало ей, было очень дешево и въ то же время прелестно.

Въ ея свѣтленькихъ комнатахъ оказывался однако и излишекъ: въ нихъ постоянно было слишкомъ много цвѣтовъ. Былъ такой-же излишекъ въ другомъ, — а именно въ книгахъ.

Цвѣты и книги составляли слабость Катерины Ивановны и на нихъ она иногда рѣшалась тратить частицу своихъ маленькихъ средствъ, которыя главнымъ образомъ раздавались ею бѣднымъ людямъ. Къ тому-же, всѣ, кто зналъ и любилъ Катерину Ивановну, зналъ также ея слабость къ цвѣтамъ и книгамъ и нерѣдко находила она, возвращаясь изъ церкви или изъ своихъ рѣдкихъ поѣздокъ въ городъ, какое нибудь новое красивое растеніе, присланное ей отъ друзей ея или пакетъ съ только что вышедшими какъ заграницей такъ и въ Россіи книгами.

Часто она не могла даже узнать откуда ей такой подарокъ, но она догадывалась конечно, что почти всегда онъ идетъ отъ Павла Петровича, или отъ Маріи Ѳедоровны. Такъ оно и было въ дѣйствительности.

Съ первыхъ еще лѣтъ юности, съ перваго времени своего житья въ Гатчинѣ Катерина Ивановна пристрастилась къ чтенію. Хотя она и блистательнымъ образомъ окончила институтскій курсъ, но безъ труда поняла, что ея знанія недостаточны: она была только подготовлена къ тому, чтобы продолжать теперь свое образованіе безъ помощи учителей, продолжать своими собственными средствами. И она принялась за это дѣло.

Она перечла и изучила все, что только было ей доступно, она хранила въ своей отличной памяти самые разнообразные предметы. И въ рѣдкихъ случаяхъ, когда ей приходилось бесѣдовать съ людьми дѣйствительно образованными, она поражала этихъ людей своими знаніями, своей начитанностью, своимъ яснымъ взглядомъ на вещи.

Она любила также искусство и хотя въ ней не было особеннаго таланта, но было его достаточно, чтобы доставлять себѣ самой удовольствіе. Она очень мило рисовала, она съ большимъ чувствомъ играла на клавесинѣ и часто, среди тишины Смольнаго, изъ ея оконъ доносились хватающіе за душу звуки.

По цѣлымъ часамъ забывалась она и не замѣчала какъ ноты, которые она разбирала, оказывались на полу и какъ ея маленькіе тонкіе пальцы, бѣгая по клавишамъ, фантазировали и вѣрно передавали ея душевныя ощущенія, ея мысли и грезы.

У нея не было слушателей и некому было рѣшать насколько музыкальны, насколько ярки ея фантазіи. Онѣ ее удовлетворяли, съ ихъ помощью она проводила тихіе, волшебные часы, совсѣмъ отдѣляясь отъ земли, а когда возвращалась на землю послѣ такого сладкаго забытья, то чувствовала себя освѣженной, ободренной, готовой съ благодарностью къ судьбѣ продолжать свое мало кому вѣдомое, исполненное никѣмъ непонятыхъ радостей и страданій существованіе.

Теперь, возвращаясь къ себѣ изъ церкви, Катерина Ивановна была занята одною мыслью: удалось или нѣтъ ея дѣло, которое она вчера задумала съ императрицей. Какъ и было между ними условлено, вечеромъ къ ней пріѣзжалъ Плещеевъ. Онъ подтвердилъ ей слова императрицы, передалъ подробности разговора съ нимъ государя относительно уничтоженія ордена Св. Георгія. Онъ разрѣшилъ ей въ письмѣ къ государю упомянуть, что именно отъ него она слышала объ этомъ дѣлѣ.

Она переписала свое письмо и рано утромъ оно было доставлено Павлу Петровичу. Теперь уже могъ быть отвѣтъ отъ него и вѣроятно этотъ отвѣтъ ее дожидается. Да и во всякомъ случаѣ онъ навѣрно сегодня пришлетъ вѣсточку. Онъ никогда не забывалъ этого дня. И какъ хорошо, что все это случилось именно въ этотъ день!

Она торопливо вошла къ себѣ, спросила есть-ли письма на ея имя. Прислуживавшая ей дѣвушка отвѣчала что недавно принесли изъ дворца письмо и посылку.

— Пожалуйста сойди внизъ, своимъ неизмѣнно ласковымъ тономъ проговорила Катерина Ивановна, и скажи швейцару, что если кто нибудь будетъ меня спрашивать, то чтобы онъ всѣмъ говорилъ, что я сегодня нездорова и потому никого не принимаю.

— Уже многіе пріѣзжали съ поздравленіемъ, отвѣчала дѣвушка.

— Ну такъ пожалуйста распорядись поскорѣй.

Это приказаніе было отдано во время, потому что къ Смольному то и дѣло стали подъѣзжать кареты. Многіе изъ членовъ петербургской знати послѣ обѣдни во дворцѣ сочли нужнымъ заѣхать поздравить имянинницу, новую кавалерственную даму и камерфрейлину.

Между тѣмъ Катерина Ивановна, разсѣянно взглянувъ на большой ящикъ, стоявшій на столѣ въ ея маленькой гостиной, порывисто и въ волненіи распечатала письмо, лежавшее на этомъ ящикѣ. Она жадно пробѣгала строчки, написанныя давно и хорошо знакомымъ ей почеркомъ.

„Дорогой другъ мой, читала она,—прежде всего отъ всей души и отъ всего сердца поздравляю васъ съ ангеломъ, глубоко сожалѣю, что не придется сегодня васъ увидѣть, такой тяжелый день! Не предвижу ни минуты свободной, потому даже и не зову васъ, а пріѣхать къ вамъ на минутку, сами знаете—возможно-ли нынче это! Но я-бы сдѣлалъ и невозможное, да боюсь что вы разсердитесь, а сердить васъ сегодня я не желаю ни подъ какимъ видомъ“.

„Посылаю вамъ маленькую память о сегодняшнемъ днѣ и пуще всего желаю, чтобы вы одобрили мой выборъ и страшусь, ибо вы не разъ говорили, что у меня дурной вкусъ“.

„А затѣмъ перехожу къ тому, что васъ вѣроятно всего больше интересуетъ: я получилъ милое письмо ваше и нѣсколько разъ перечелъ его и обдумалъ то что вы мнѣ пишете. Зачѣмъ Плещеевъ разболталъ вамъ? я его на сіе не уполномочивалъ, но ради сегодняшняго дня сердиться на него не стану. Что-же мнѣ отвѣтить? Еслибы я даже полагалъ что вы неправы, я не могъ-бы сегодня отказать въ вашей просьбѣ — вы очень хитры и, по обычаю, и на сей разъ вѣрно разсчитали. Но успокойтесь, мой другъ, я согласенъ съ вами, вы меня убѣдили, я отказываюсь отъ своего намѣренія,—орденъ не будетъ уничтоженъ. Довольны-ли вы? Скажите, что довольны. — я только этого и желаю. Вашъ преданный Павелъ“.

— Слава Богу! слава Богу! радостно прошептала Нелидова и даже перекрестилась. Но что-же это за память? Что въ этомъ ящикѣ? Зачѣмъ это!..

Она покраснѣла. Ей вдругъ стало неловко, почти даже обидно. Она развязала шнурокъ, открыла ящикъ. Передъ нею былъ маленькій саксонскій сервизъ, такъ называемый „déjeuné“.

Она очень любила саксонскій фарфоръ и этотъ „déjeuné“ былъ прелестенъ, совсѣмъ въ ея вкусѣ, такой свѣтленькій, простенькій и въ то же время необыкновенно изящный.

Она невольно осматривала каждую вещицу, восхищалась, разставила все на столѣ и любовалась нѣсколько мгновеній.

Но вдругъ она замѣтила, что не все еще выбрала изъ ящика, что тамъ лежитъ еще что-то завернутое въ тонкую розовую бумагу.

Она раскрыла—кожаный футляръ!

„Что же это?!“

Внезапная краска залила все лицо ея, такъ что даже совсѣмъ покраснѣли ея маленькія уши.

Полоса солнечнаго свѣта, пробивавшаяся изъ окошка и падавшая прямо на столъ, передъ которымъ она стояла, озарила футляръ и загорѣлись, заиграли разноцвѣтными огнями крупные, великолѣпные брилліанты дорогой парюры.

Катерина Ивановна захлопнула футляръ и оттолкнула его отъ себя.

— Это невозможно! говорилаэ на сама съ собою, быстрыми шагами ходя по комнатѣ.—Когда же онъ наконецъ пойметъ меня!? Развѣ онъ не знаетъ что оскорбляетъ меня подобными подарками!... да и къ чему мнѣ это! Развѣ когда нибудь я надѣну на себя эти каменья!?. И въ молодости то не носила, такъ ужь конечно подъ старость носить не буду... И какихъ денегъ это стоитъ! Откуда только берутся эти деньги, какъ будто имъ и конца нѣтъ, какъ будто ихъ неизсякаемый источникъ! Самъ же вѣдь говоритъ что денегъ мало, а нуждъ много. Зачѣмъ онъ меня сердитъ, а самъ пишетъ что сердить сегодня не можетъ? Какъ смѣетъ онъ присылать мнѣ такія вещи! Какъ будто мало этого прелестнаго „déjeuné!..“

Она уже сердилась, что такъ рѣдко бывало съ нею, она чувствовала себя оскорбленной, чувствовала какъ поднимается въ ней негодованіе.

Но долго негодовать и сердиться она не была въ силахъ. Ей вспомнилось доброе и ласковое лицо его: такое лицо у него всегда бывало въ минуты ихъ дружескихъ бесѣдъ. Она поняла, что напрасно его обвиняетъ, поняла какъ должно быть было ему пріятно выбрать для нея и послать ей подарокъ,—первый „драгоцѣнный“ подарокъ. Онъ такъ часто говорилъ въ прежнее время, что его мучаетъ невозможность дарить какъ слѣдуетъ близкихъ ему людей.

— Странныя понятія однако! шепнула Нелидова,—вѣдь долженъ же онъ знать кому что нужно... Онъ не хочетъ сегодня сердить меня, а уже разсердилъ, ну такъ и я разсержу его, хоть онъ и исполнилъ мою просьбу... Вѣдь не могу же я принять отъ него эти брилліанты, а главное нужно сразу положить этому конецъ, чтобы не было повтореній...

Она припомнила свой вчерашній разговоръ съ императрицей и снова покраснѣла.

— Сейчасъ же, сейчасъ напишу ему и возвращу ему его брилліанты!

Она подошла къ письменному столу и своимъ тонкимъ, красивымъ почеркомъ написала:

„Ваше императорское величество соизволите допустить, чтобы не измѣняя своего образа мыслей я поступила такъ же, какъ и всегда поступала въ подобныхъ случаяхъ. Вы знаете, что, цѣня по достоинству дружбу, которую вы съ давнихъ поръ мнѣ оказываете, я умѣю цѣнить единственно это чувство и что дары ваши всегда мнѣ были болѣе тягостны, чѣмъ пріятны. Позвольте мнѣ умолять васъ не принуждать меня къ принятію того подарка, который я осмѣливаюсь возвратить вашему величеству. Вы должны быть спокойны насчетъ чувства, заставляющаго меня такъ поступать, потому что я въ то же время съ благодарностью принимаю фарфоровый „déjeuné.“

Она запечатала свою записку, завернула футляръ и позвала горничную.

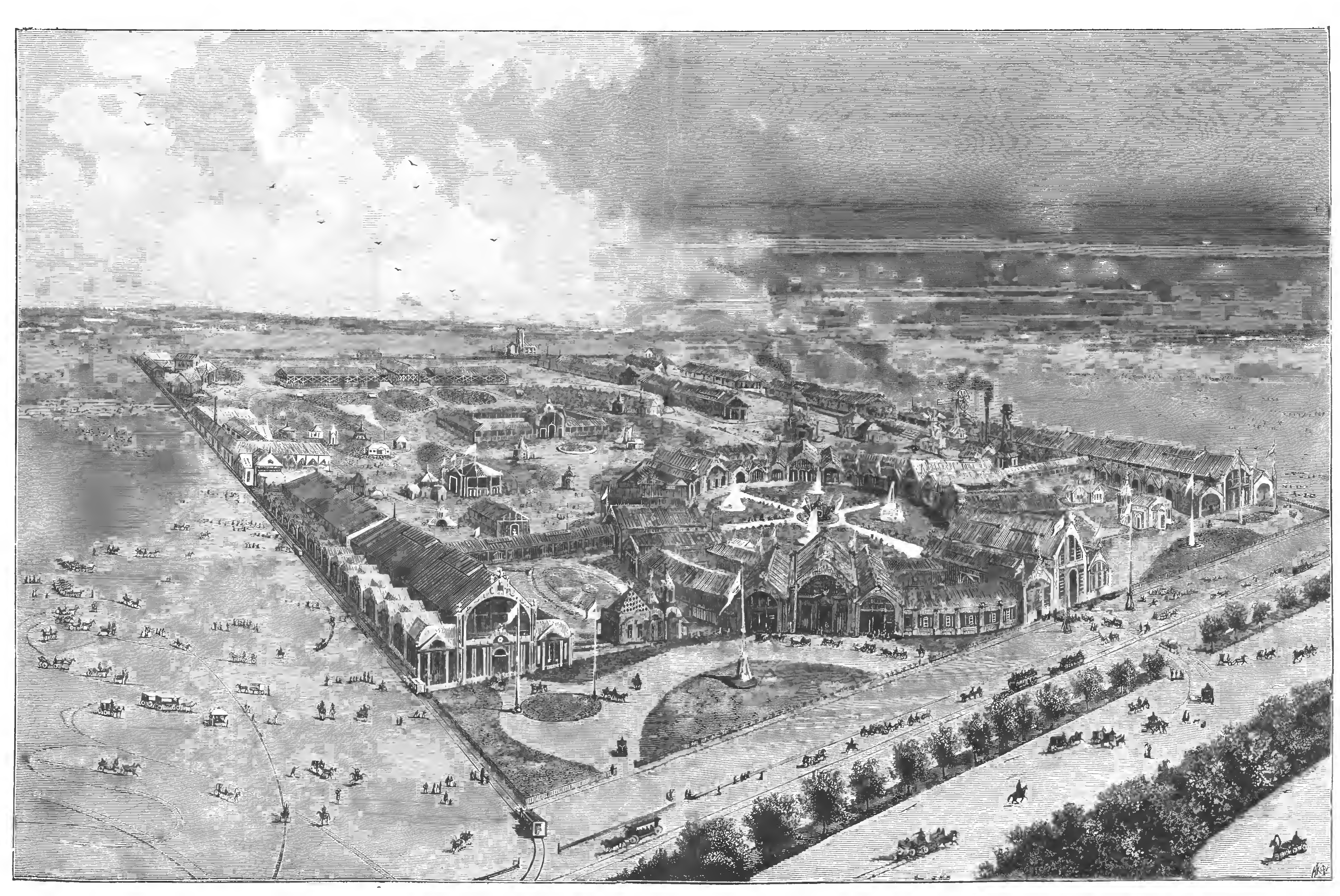
— Отдай Семену вотъ это и скажи, чтобы онъ, какъ можно скорѣй, свезъ во дворецъ для передачи государю... Да пусть поторопится и чтобы было передано въ собственныя руки. Отвѣта не надо.

— И Семена нечего посылать сударыня.—онъ можетъ еще вамъ понадобиться—изъ дворца есть посланный; принесъ вотъ эту записку, онъ еще здѣсь, я поручу ему, если прикажете...

— Записку?!. Подожди—быть можетъ нужно будетъ отвѣтить.

Она узнала почеркъ императрицы.

Марія Ѳеодоровна въ свою очередь поздравляла ее, сожалѣла что не будетъ имѣть сегодня возможности ее



Общій видъ Всероссійской промышленно-художественной выставки въ Москвѣ съ птичьяго полета. Ориг. рисунокъ нашего спеціальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

навѣстить, но что завтра утромъ постарается быть у нея.

„Государь уже писалъ вамъ, заканчивала она,—но „не знаю сообщилъ ли онъ о предметѣ насъ интересующемъ... Я могу васъ успокоить и обрадовать. Письмо „ваше, полученное рано утромъ, возымѣло желаемое „дѣйствіе: онъ самъ сказалъ мнѣ, что отказывается отъ „своего намѣренія. Мнѣ остается только благодарить „васъ, потому что единственно съ вашей помощью и „можно было отклонить его отъ этого необдуманнаго „поступка, который могъ бы имѣть столь печальныя „послѣдствія."

„И такъ до завтра, моя добрая Катерина Ивановна, „спѣшу, сегодня ужасный день во всѣхъ отношеніяхъ— „и по печальнымъ воспоминаніямъ, и по тѣмъ хлопотамъ, которыя начались уже съ ранняго утра. О, „еслибъ вы знали какъ я завидую вашему уединенію и „спокойствію!"

„Крѣпко обнимаю васъ, добрый другъ мой, такъ же „крѣпко, какъ нѣжно люблю васъ."

— Вотъ и нужно отвѣтить! сказала Нелидова, обращаясь къ горничной,—подожди, я сейчасъ кончу.

Она въ горячихъ выраженіяхъ благодарила императрицу и не преминула извѣстить ее о подаркѣ, который такъ ее растревожилъ и который она возвращала.

„Если доведутъ объ этомъ до вашего свѣдѣнія, писала она, заступитесь за меня и объясните то, что побуждаетъ меня такъ дѣйствовать. Я увѣрена, что вы „поймете мои ощущенія и увѣрена, что и вы точно „также бы поступили на моемъ мѣстѣ."

Отправивъ письмо и футляръ, Катерина Ивановна снова подошла къ столу, на которомъ былъ разставленъ „déjeuné," снова стала любоваться изящными вещицами.

Она почувствовала аппетитъ и, когда горничная вернулась доложить ей что приказаніе ея исполнено, она велѣла подать себѣ завтракъ съ тѣмъ, чтобы обновить подарокъ своего стараго, дорогаго друга, съ которымъ ей такъ трудно было ладить.

XXI.

Что это съ нею?!

Каждому дню своя злоба,—но проходитъ день и вмѣстѣ съ нимъ проходитъ и злоба его. То, что казалось важнымъ, что представлялось полнымъ значенія и интереса, то внезапно забывается и исчезаетъ, замѣняясь чѣмъ нибудь новымъ, что кажется несравненно важнѣе и значительнѣе и что въ свою очередь исчезаетъ съ послѣдними лучами своего дня, чтобы уступить мѣсто опять иной злобѣ, иному, возставшему въ своемъ временномъ блескѣ, событію.

Таковъ законъ природы. Таково свойство натуры человѣческой, склонной нестись постоянно впередъ и легкомысленно забывать прошлое. Но есть и другіе законы, по которымъ это прошлое укладывается мало по малу, по мѣрѣ своего совершенія, оставляетъ слѣды свои въ обрывкахъ человѣческой памяти, въ предметахъ вещественныхъ, въ записанныхъ документахъ,—и слѣды эти сохраняются иногда случайно, иногда сберегаемые чьей нибудь благоразумной рукою.

Время идетъ и творитъ свою вѣчную, неустанную работу. Проходитъ много времени. Иногда человѣкъ, неспособный удовлетворяться злобою дня, утомленный этою злобой, любитъ отойти отъ себя и заглянуть въ далекое прошлое, въ чужое прошлое, которое тѣмъ не менѣе получаетъ для него значеніе. Вѣдь это прошлое— общечеловѣческое и не можетъ не заинтересовать всякаго живаго человѣка.

И вотъ далекая, чужая злоба дня, записанная, или сохранившаяся въ чьей либо памяти какъ старое сказаніе, является совсѣмъ въ иномъ видѣ, въ иномъ освѣщеніи. Она теряетъ то значеніе, въ какомъ представлялась современникамъ, занимаетъ подабающее ей мѣсто и человѣкъ, всматривающійся въ даль прошедшаго, легко понимаетъ ея истинный смыслъ, ея дѣйствительную важность.

Часто приходится ему изумляться, когда онъ встрѣчается съ доказательствами того непониманія, съ которымъ современники относились къ тому или другому, занимавшему ихъ явленію. Онъ видитъ, что иногда явленіе само по себѣ незначительное производило впечатлѣніе несравненно сильнѣйшее и продолжительнѣйшее, чѣмъ явленіе дѣйствительно крупное, имѣвшее большія послѣдствія.

Иногда изумляется онъ людской забывчивости: прошумѣло какое нибудь событіе, у цѣлаго общества было на устахъ чье нибудь имя, всѣ были заняты чьей нибудь судьбою и вдругъ—обрываются нити и человѣкъ, разбирающійся въ прошломъ, не можетъ докопаться конца исторіи. Все забылось, нахлынули новыя волны иныхъ событій, затерялась судьба человѣка, имя котораго смущало столько сердецъ, вызывало такія горячія порицанія, или такіе восторги. Никому вдругъ не стало дѣла до этого человѣка!..

А между тѣмъ вѣдь всякое событіе, всякая судьба души человѣческой должны быть изслѣдованы до конца, для того чтобы ихъ можно было ясно и вѣрно понять, для того чтобы они получили свое настоящее мѣсто въ исторіи человѣчества.

И особенно тяжело становится, когда среди тумана прошедшаго вдругъ выступитъ свѣтлый чистый образъ, который, по какимъ либо обстоятельствамъ, вызвалъ мгновенно все общее сочувствіе и вдругъ, блеснувъ прекраснымъ свѣтомъ, померкъ и забылся. Такихъ чистыхъ, свѣтлыхъ образовъ выростаетъ немного и въ интересахъ человѣчества, въ интересахъ развитія души человѣческой слѣдуетъ сохранять о нихъ воспоминаніе и бережно передавать ихъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Пусть эти чистые образы, озаренные случайной злобой дня, не имѣли никакого вліянія на судьбу государствъ и народовъ, пусть они не двигали впередъ исторіи человѣчества, но они во всякомъ случаѣ представятъ собою примѣръ и урокъ, нужный для послѣдующихъ поколѣній...

Нежданная кончина Екатерины, ожиданія, тревоги и волненія, соединенныя съ началомъ новаго царствованія, естественно заставили забыть всѣ тѣ интересы, которыми еще за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ жило петербургское общество. И тутъ совершилось нѣчто въ высшей степени несправедливое и жестокое, что обыкновенно совершается въ подобныхъ случаяхъ: петербургскіе люди, въ новой злобѣ дня, совершенно позабыли объ одномъ существѣ, имя котораго еще такъ недавно повторялось всѣми, трогательная судьба котораго заставляла интересоваться собою даже самыхъ холодныхъ и мало чувствительныхъ людей.

Недавнее прошлое было забыто, какъ будто его никогда и не было. Память о немъ сохранилась только въ тѣсномъ кружкѣ семьи царской; но и здѣсь новые интересы поглощали вниманіе всѣхъ, и здѣсь была невольная несправедливость.

Великая княжна Александра Павловна почувствовала себя совершенно одинокой съ своимъ тяжелымъ горемъ. Не смотря на всю любовь къ ней родныхъ, на нее теперь обращали слишкомъ мало вниманія и она какъ цвѣтокъ, едва распустившійся и уже подкошенный недавно налетѣвшей весенней бурей, блѣднѣла и увядала среди роскоши Зимняго дворца, гдѣ еще такъ недавно познала она сказочное, погубившее ее счастье.

Что такое была она—эта дѣвушка-ребенокъ? Она не являла въ себѣ зачатковъ геніальности своей бабки, она не совершила никакого подвига, она просто погибала, на смерть раненная безсмысленно направленной рукою, погибала жертвою чужихъ ошибокъ, чужихъ пороковъ,

чужой настойчивости и честолюбія, которымъ даже трудно найти объясненіе. Но душа ея была прозрачна, какъ хрусталь, и рожденная въ средѣ, въ которой кипѣли всѣ человѣческіе пороки, она была чужда этихъ пороковъ. Ея помыслы были чисты, ея чувства были святы. Она была непричастна злу, которое ее окружало. Казалось ее всѣ любили, казалось иначе не могло и быть, такое свѣтлое, такое чарующее впечатлѣніе производила она своей красотой и своей дѣтской невинностью, своей кротостью и добротою. А между тѣмъ будто нарочно былъ составленъ противъ нея заговоръ для того, чтобы истерзать ее, провести черезъ всѣ пытки, какимъ только можно подвергнуть ребенка и женщину. О ней стоитъ подумать и не слѣдуетъ забывать судьбу ея.

Если бы тотъ, кто не видѣлъ великую княжну въ теченіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, теперь встрѣтился съ нею, то врядъ ли бы узналъ ее, такъ она измѣнилась. Недавно она была свѣжимъ, веселымъ ребенкомъ, теперь казалась уже совершенно взрослой дѣвушкой. Она стала несравненно лучше чѣмъ прежде; ея прелестное, оригинальное лицо получило новое очарованіе.

Слѣды тяжелаго страданія на молодомъ лицѣ представляютъ собою высшую прелесть, высшую красоту, но эта красота такого рода, что тяжело и невыносимо ею любоваться.

Мало кто видѣлъ теперь великую княжну: она появлялась передъ посторонними только въ крайнемъ случаѣ. Она почти всѣ дни проводила въ своихъ комнатахъ, встрѣчалась съ отцомъ и матерью только во время завтрака и обѣда, и нужно было видѣть какъ мужественно несла она свое горе, которое удвоилось теперь новой, страшной для нея, утратой—утратой любимой бабушки.

Великая княжна очевидно поставила своей задачей, своимъ священнымъ долгомъ скрывать отъ всѣхъ, и главнымъ образомъ отъ отца съ матерью, ту невыносимую тоску, которая ее не покидала, которая отравляла каждую минуту ея жизни. Она, эта четырнадцатилѣтняя дѣвочка, дѣлала надъ собою необычайныя усилія, на которыя врядъ ли была бы способна и зрѣлая, давно привыкшая владѣть собой женщина.

И она достигала своей цѣли. Появляясь къ столу, она имѣла спокойный и бодрый видъ и если бы не блѣдность, замѣнившая прежній ея румянецъ, она могла бы обмануть самый внимательный, заботливый взглядъ.

Она, мужественно борясь съ собою и насильно отрываясь отъ своего внутренняго существованія, повидимому принимала участіе во всѣхъ интересахъ, которыми жили ея близкіе. Она спокойно бесѣдовала, даже улыбалась. Она подмѣчала иногда устремленный на нее взглядъ отца, или матери, подмѣчала, что за нею наблюдаютъ. Но вѣдь имъ такъ горько было бы видѣть ея страданія! При этой мысли ея силы удвоивались.

Она обманывала и отца и мать, она мало по малу доводила ихъ до увѣренности, что успокоилась, что благополучно пережила недавнія волненія. Одно можно было только въ ней замѣтить,—ея упорное желаніе каждый разъ, какъ только оказывалось это возможнымъ, спѣшить къ себѣ, скрываться въ своихъ комнатахъ. Она чувствовала, что есть предѣлъ ея силамъ. Часъ, другой тяжелой борьбы съ собою черезъ чуръ утомляли ее, ей нужно было отдохнуть, чтобы подготовиться къ новому испытанію.

И только что оказывалась она въ своей тихой комнатѣ, только что, благодаря употребляемымъ ею маленькимъ хитростямъ, ей удавалось остаться одной, вдали отъ постороннихъ наблюдающихъ глазъ, она мгновенно преображалась: о бодрости и спокойствіи уже не было и помину. Лицо ея, которымъ она за нѣсколько минутъ до того такъ хорошо владѣла, вдругъ выдавало всѣ ея внутреннія ощущенія. Оно внезапно тускнѣло какъ-то, блѣднѣло еще больше, на него ложилась мертвенная тѣнь и никто бы, взглянувъ на нее въ эти минуты, не сказалъ, что это еще совсѣмъ ребенокъ. Она дѣлалась утомленной жизнью женщиной.

Но отчего же она такъ страдала?! Вѣдь вся жизнь еще была у нея впереди!..

Ея воспитательница, госпожа Ливенъ, не разъ утѣшала ее подобными сужденіями.

— Дорогая моя, говорила она ей,—зачѣмъ вы себя такъ мучаете? Вѣдь вы умны, разсудите же хорошенько; я знаю, вы привязались къ вашему жениху, вы были увѣрены, что скоро должна состояться ваша свадьба... случилось неожиданно непріятное обстоятельство... вашъ женихъ очень молодъ, неопытенъ, онъ поступилъ неосмотрительно... странно... ваша свадьба отложена: но вѣдь и только. Будьте спокойны и знайте, что если вы продолжаете любить его, то разлука ваша можетъ быть окончится довольно скоро. Увѣряю васъ—дѣло это вовсе не разстроено и обстоятельства таковы, что непремѣнно все завершится вашей свадьбой. Зачѣмъ эта печаль? Зачѣмъ эти слезы, которыя я постоянно вижу на глазахъ вашихъ, хотя вы и стараетесь ихъ скрыть отъ меня?!

— Развѣ у меня мало причинъ плакать?! тихо отвѣчала великая княжна.

Госпожа Ливенъ отходила видя, что ей нисколько не удалось ее успокоить.

— Быть можетъ она грустить о бабушкѣ, она такъ ее любила, думала она.

Великая княжна грустила и о бабушкѣ, и о бабушкѣ иной разъ плакала она, но это семейное горе все же уступало мѣсто ея личному горю. Слова госпожи Ливенъ, ея увѣренія что все завершится счастливымъ бракомъ, нисколько на нее не дѣйствовали—она очень хорошо и давно знала, что никакого счастливаго брака не будетъ, что она никогда уже, ни разу въ жизни, не встрѣтится съ Густавомъ.

О! Если бы у нея оставалась хоть какая нибудь надежда! Развѣ бы она стала такъ мучиться даже и тогда, еслибы она знала, что пройдутъ годы, много лѣтъ въ разлукѣ, но затѣмъ наступитъ все же встрѣча и Густавъ вернется прежнимъ Густавомъ, котораго она увидѣла въ тотъ незабвенный день, когда бабушка вывела ее къ нему. Она бы не стала терзать себя. Она ждала бы спокойно, сколько бы ни пришлось ждать...

Но она знала, что прошлое не вернется. Онъ не оставляетъ мысли на ней жениться, госпожа Ливенъ увѣряетъ, и конечно она говоритъ правду, что онъ прислалъ государю письмо, въ которомъ извиняется за сдѣланную имъ неловкость и обѣщаетъ, что въ скоромъ времени всѣ затрудненія будутъ устранены имъ. Теперь онъ достигъ своего совершеннолѣтія, у него много дѣлъ, но онъ спѣшитъ съ окончаніемъ всѣхъ этихъ дѣлъ и при первой возможности совершитъ то, что составляетъ предметъ его страстнаго желанія. Онъ проситъ смотрѣть на него какъ на будущаго родственника...

Все это такъ, и можетъ быть онъ даже пишетъ искренно, и можетъ быть онъ самъ думаетъ, что непремѣнно все завершится ихъ бракомъ, а между тѣмъ она отлично знаетъ, что никогда этого не будетъ.

Кто же сказалъ ей это? Почему она знаетъ?

Потому что онъ умеръ, прежній Густавъ, а тотъ кто называется теперь его именемъ, тотъ, кого признаютъ теперь королемъ Швеціи,—неизвѣстно кто, чужой ей совсѣмъ человѣкъ...

Да, прежній Густавъ умеръ. Тотъ Густавъ, который стоялъ передъ нею въ розовой бабушкиной гостиной, который обратился къ ней съ робкимъ первымъ привѣтствіемъ,—онъ былъ лучше всѣхъ въ мірѣ, всѣхъ добрѣе, всѣхъ благороднѣе. Онъ такъ горячо, такъ искренне любилъ ее. Онъ далъ ей такое счастье, о которомъ прежде она никогда и не грезила, которое повергло ее въ необычайное изумленіе и восторгъ...

И вдругъ... его не стало, добраго, любящаго Густава... вдругъ онъ умеръ, на его мѣсто явился этотъ новый, этотъ ужасный... Онъ принялъ его образъ. Она встрѣтила этого новаго человѣка тогда, 12-го сентября вечеромъ, когда ее насильно заставили показаться на балѣ. Она взглянула на него и тотчасъ же увидѣла, что это не ея Густавъ, что это безсовѣстный самозванецъ. Страшный ужасъ наполнилъ ей сердце, она едва вышла изъ залы и потеряла сознаніе.

И съ тѣхъ поръ—чтобы ей ни говорили, какъ бы ни увѣряли ее—она знаетъ, что ея Густавъ умеръ. Пусть этотъ самозванецъ пріѣзжаетъ за ней, пусть онъ возьметъ ее и увезетъ въ Швецію, все равно, она умретъ тамъ, потому что его, ея дорогаго друга, ея милаго принца мелькнувшей передъ ней и исчезнувшей сказки не будетъ съ ней—онъ умеръ...

Что же! Вотъ и она умирать начинаетъ, и она умретъ скоро, иначе быть не можетъ. Это она знала хорошо, знала, что недолго уже ей жить на свѣтѣ,—а ей всего четырнадцать лѣтъ! А ей говорятъ, что впереди у ней цѣлая жизнь...

Что впереди? Впереди ничего кромѣ медленно приближающейся смерти: жизнь назади осталась. Вѣдь когда была „такая“ жизнь, когда было и ушло такое счастье, то иная жизнь несетъ съ собою смерть. Воскресить ее можетъ только возвращеніе прошлаго блаженства, но оно никогда не вернется, потому что того, кто принесъ съ собой это блаженство, нѣтъ...

День наступалъ, день проходилъ, проходили недѣли, и она все больше и больше убѣждалась въ томъ, что умираетъ. Какая это мучительная, какая странная смерть—ничего не болитъ, она движется какъ и всѣ люди, такъ же какъ всѣ, спитъ и ѣстъ. Она дѣлаетъ надъ собою усиліе,—видитъ и понимаетъ, что кругомъ нея творится. Она разговариваетъ со всѣми, разсуждаетъ обо всемъ, читаетъ и понимаетъ прочитанное,—а между тѣмъ она умираетъ! Она улыбается, чтобы доставить удовольствіе отцу, который такъ пристально, такъ пытливо на нее смотритъ, который очевидно такъ хочетъ видѣть ее счастливой и довольной. Она въ угоду ему шутитъ и достигаетъ того, что шутки ея выходятъ остроумны. А все же она умираетъ!

Зачѣмъ же ей сулятъ что-то? Зачѣмъ хотятъ обмануть ее и отчего это никто не видитъ и не понимаетъ, что смерть ея близка? Да и хорошо умереть...

Она дошла до этой мысли и съ радостью на ней остановилась и съ тѣхъ поръ эта мысль ее не покидаетъ и съ тѣхъ поръ, съ каждымъ днемъ, она, даже оставаясь сама съ собою, становится спокойнѣе.

Хорошо умереть когда нѣтъ жизни и когда навѣрное знаешь, что ея никогда не будетъ. Когда только придетъ эта смерть? Когда окончится это томительное, долгое умиранье?...

А между тѣмъ госпожа Ливенъ тревожно слѣдитъ за ней.

— Нѣтъ, въ такомъ положеніи оставлять ее опасно, рѣшаетъ наконецъ она, нужно поговорить съ государемъ —если кто можетъ ее успокоить, то только одинъ онъ.

И она, выбравъ удобную минуту, сообщила Павлу Петровичу о положеніи его дочери.

— Опасно!.. Вы меня пугаете, встревоженно сказалъ онъ. Боже мой! Столько дѣлъ, столько, что я даже ничего не замѣтилъ, мнѣ казалось, напротивъ, что она совсѣмъ успокоилась, я рѣшилъ, что въ ея годы горе забывается скоро.

— Да, это очень часто такъ бываетъ, ваше величество, но великая княжна развивается совсѣмъ иначе, чѣмъ другіе. Если я рѣшилась говорить съ вами, то единственно потому, что считаю дѣло очень серьезнымъ.

— Что же вы замѣчаете?

— Она необыкновенно сосредоточена, я осторожно слѣжу за нею, я часто гляжу на нее тогда, когда она воображаетъ, что ее никто не видитъ и, уже не говоря о томъ, что она часто тихонько плачетъ, у нея временами бываетъ такое странное лицо, она такъ невыносимо глядитъ, будто ничего не видя передъ собою, она сама съ собою шепчетъ, у нея по временамъ является необыкновенная болѣзненная слабость, которую она не въ силахъ даже скрывать, и между тѣмъ я знаю какъ она хорошо владѣетъ собою.

Павелъ поблѣднѣлъ. Госпожа Ливенъ замѣтила эту блѣдность, на ея глазахъ выступили слезы.

— Простите меня, ваше величество, я доставила вамъ большое огорченіе, но я считала своимъ долгомъ сказать все, что думаю. Мнѣ кажется, что только вы помочь можете. Вы никогда не говорили съ нею объ этомъ предметѣ, попробуйте, ваше величество.

— Благодарю васъ, задумчиво проговорилъ Павелъ, протягивая ей руку. Прошу, позовите ко мнѣ дочь мою.

По уходѣ воспитательницы, онъ тревожно сталъ ходить, сжимая рукой себѣ голову, какъ всегда дѣлалъ въ минуты крайняго душевнаго возбужденія.

„Она врядъ ли ошибается, думалъ онъ,—она умна и наблюдательна и она хорошо знаетъ бѣдную дѣвочку. Если такъ, дѣлать нечего, придется отдать ее этому дрянному мальчишкѣ!.. быть можетъ онъ когда нибудь одумается, быть можетъ она съумѣетъ подчинить и его своему доброму вліянію“...

Великая княжна не заставила себя ждать. Она робко вошла въ кабинетъ отца, изумленная зачѣмъ это онъ позвалъ ее.

— Что вамъ угодно, папа? спросила она, поднимая на него свои кроткіе глаза.

Онъ пристально, пристально всматривался въ нее. Сердце его защемило. Онъ увидалъ, что госпожа Ливенъ сказала ему правду, что его „малюткѣ“ дѣйствительно плохо.

Онъ крѣпко ее обнялъ съ такою нѣжностью и такой тоскою какъ никогда въ жизни. Она спрятала на его груди свою головку и вдругъ зарыдала.

— О чемъ ты плачешь, дитя мое, моя добрая Саша? Что съ тобой?

Онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни, не выпуская изъ своихъ объятій. Она сдержала рыданія, подняла голову, взглянула на него.

Но онъ ужь и самъ плакалъ.

— Успокойся же, мой ангелъ, говорилъ онъ такъ тихо, такъ нѣжно, такимъ голосомъ какого она никогда отъ него не слыхала. Успокойся, я позвалъ тебя потому, что у меня есть кое что сообщить тебѣ, мнѣ нужно кое о чемъ спросить тебя, посовѣтоваться съ тобою.

— Я слушаю, папа. И вотъ видите, я спокойна.

Она улыбнулась ему поблѣднѣвшими губами.

— Послушай, Саша, ты должна догадаться о чемъ я буду говорить съ тобою. Ты хорошо знаешь все, что случилось въ сентябрѣ мѣсяцѣ и я повторять этого не стану. Ты знаешь, что все произошло отъ того, что оказалось нѣсколько недоразумѣній. Нѣкоторые люди взялись за дѣло не такъ какъ бы слѣдовало... Король Густавъ продолжаетъ настаивать на своемъ желаніи получить твою руку. Генералъ Клингспорръ пріѣхалъ отъ него и находится въ настоящее время въ Петербургѣ. Теперь есть возможность вести переговоры совсѣмъ иначе. Тогда вела ихъ твоя покойная бабушка, теперь буду вести я. Мы обойдемъ прежнія недоразумѣнія. Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ ради твоего счастья, но если мнѣ придется рѣшиться на какія нибудь уступки, я долженъ покрайней мѣрѣ знать, что дѣлаю это для тебя. Какъ-же ты прикажешь мнѣ, моя дорогая? Во что бы то ни стало сдѣлать тебя шведской королевой, да? Вѣдь такъ? Вѣдь это нужно?

Она покачала головою.

— Нѣтъ, папа, мнѣ ничего не нужно и ты пожалуйста меня ни о чемъ не спрашивай. Я знаю—вѣдь глав-

Вѣеръ и револьверъ барышни.
Передъ выѣздомъ на балъ.
По дорогѣ на балъ.

Въ Ирландіи въ 1882 году. Какъ ѣздятъ на балъ. По рисунку Gr., грав. Гельштейнъ.

ный вопросъ о моемъ переходѣ въ лютеранство, но я православная и всегда останусь православной.

— Хорошо, я радъ это слышать. Впрочемъ я и былъ увѣренъ, что таково твое рѣшеніе. Они уступятъ... они должны будутъ уступить. Въ этомъ главный вопросъ, а затѣмъ уже съ нашей стороны могутъ начаться уступки. Такъ успокойся-же и знай, я тебѣ говорю это не какъ пустое обѣщаніе, а говорю серьезно и рѣшительно и ты должна мнѣ вѣрить. Знай, что ты будешь шведской королевой.

— Папа, папа, совсѣмъ не то! опять прижимаясь къ отцу и крѣпко его обнимая, проговорила великая княжна. Не дѣлайте никакихъ уступокъ — этого не нужно. Я говорю вамъ правду, какъ передъ Богомъ, что мнѣ ничего не нужно, что я вовсе не хочу быть шведской королевой. Повѣрьте мнѣ, если дѣло и будетъ устроено, это вовсе меня не обрадуетъ. Мнѣ ничего, ничего не нужно...

Онъ съ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Она говорила такъ горячо, такъ искренно, къ тому-же онъ зналъ, что она всегда была правдива, что она не способна кривить душою.

Онъ не понималъ въ чемъ дѣло.

— Отчего-же ты такъ печальна? Отчего ты такъ поблѣднѣла. Я думалъ, что всему виною Густавъ, его отъѣздъ. Скажи мнѣ правду, отчего ты такая стала? Что съ тобою?

— Я сама не знаю, прошептала она.

— Ты больна?! Что у тебя болитъ? Скажи мнѣ.

— Ничего не болитъ и все болитъ, папа. Да, можетъ быть это правда, что я больна... мнѣ тяжело... иногда дурно мнѣ... и я чувствую большую слабость.

Онъ печально задумался, еще разъ ее обнялъ.

— Ну такъ ступай, малютка, и успокойся, ты больна, тебѣ полечиться нужно... Тебя скоро вылечатъ...

Она хотѣла было сказать ему что-то, но остановилась и тихо, печально ему улыбнувшись, вышла изъ кабинета.

Она хотѣла ему сказать, что ей незачѣмъ лечиться, что она все равно умираетъ, но ей было жалко испугать его—и она ничего не сказала...

(До слѣд. №).

Три дня подъ Геокъ-Тепе.

(Изъ Ахалъ-Текинской экспедиціи 1880—1881 годовъ).

(Окончаніе).

На ночь рота, въ которой служилъ Волгинъ, была назначена для занятія одною изъ редутовъ, куда она и направилась въ сумерки. Роты, для занятія траншей и редутовъ, на ночь всегда выступали изъ лагеря съ наступленіемъ темноты для того, чтобы текинцы не могли видѣть ихъ движенія и такимъ образомъ узнать ночное расположеніе нашихъ войскъ. Въ редутѣ уже находилась рота Закаспійскаго батальона, которая также была назначена въ этотъ редутъ, какъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ по своему положенію и по слабости укрѣпленій. Вслѣдъ за Волгинымъ явился батальонный командиръ съ адъютантомъ: такимъ образомъ въ редутѣ собралось офицеровъ нѣсколько человѣкъ. Размѣстивъ людей и разставивъ часовыхъ, офицеры собрались въ ровикѣ, выкопанномъ посрединѣ редута, скоро на сцену явились фонарь, чайники и закуска.

— Вотъ въ этомъ самомъ редутѣ и въ сосѣднихъ парапетахъ были вырѣзаны апшеронцы, замѣтилъ офицеръ-закаспіецъ.

— Скажите пожалуйста, спросилъ Волгинъ, почему апшеронцы не задержали текинцевъ залпами и не приняли ихъ въ штыки, какъ сдѣлали впослѣдствіи Ставропольцы. Струсили, что-ли они? Вѣдь какъ хотите, а двѣ роты—сила; для того чтобы справиться съ ними, нужно по крайней мѣрѣ тысячи двѣ-три такихъ оборванцевъ, какъ текинцы съ ихъ допотопнымъ оружіемъ.

— Вполнѣ съ вами согласенъ, если дѣло будетъ происходить днемъ и притомъ, когда нападеніе ожидается заранѣе. Но въ томъ то и вся штука, что дѣло происходило въ темную ночь, когда нѣтъ возможности различить, какъ велика опасность на самомъ дѣлѣ и откуда грозитъ она. Притомъ же никто и не расчитывалъ, что текинцы сдѣлаютъ высадку въ эту ночь. Наконецъ примите во вниманіе и составъ батальона: по большей части онъ состоялъ изъ молодыхъ солдатъ, рекрутовъ почти и такихъ же молодыхъ офицеровъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ можетъ быть. Всѣ они не бывали еще въ дѣлахъ и попали въ передѣлку въ первый разъ. Темнота ночи, неожиданность нападенія, гиканье и визгъ текинцевъ, ихъ дружный натискъ—все это развило панику въ батальонѣ. Притомъ же баталіонный и ротный командиры пали одними изъ первыхъ; потерявъ начальниковъ, молодые солдаты не выдержали, дрогнули, какъ ни совѣстно сознаться въ этомъ, показали тылъ этимъ оборвышамъ.

— Вы, кажется, хорошо знакомы съ обстоятельствами этого дѣла; разскажите, пожалуйста, поподробнѣе, какъ и что происходило, просилъ Волгинъ.

— Извольте. Дѣло было такъ. Двѣ апшеронскія роты занимали вотъ этотъ самый редутъ и смежную съ нимъ траншею; при нихъ между прочимъ находился батальонный командиръ, его штабъ и знамя. Ночь была такая же темная, какъ грозитъ и сегодня быть. Въ эту же самую ночь вышли впередъ саперы для трасировки *) новой линіи траншей. Успокоенные тѣмъ, что впереди есть наши, апшеронцы и не думали о нападеніи. Вдругъ они слышатъ шумъ и страшный крикъ—всѣ мгновенно вскочили. Раздается команда: „пальба ротой!" Въ это время апшеронцы слышатъ голосъ: „не стрѣляйте! свои!" и вслѣдъ за нимъ другой: „стрѣляйте! своихъ не много!" Кричали это саперы, на которыхъ во время работы неожиданно напали текинцы. Едва успѣли саперы вскочить въ траншею, какъ тутъ же явилась масса текинцевъ, которые съ страшнымъ шумомъ, подобно громадной волнѣ, хлынули въ редутъ и въ траншеи. Послѣдовалъ безпорядочный залпъ, но было уже поздно: текинцы были уже въ укрѣпленіи и началась рѣзня. Солдаты, непривычные къ бою и не успѣвшіе еще оправиться отъ неожиданности удара, дрогнули. Видя это, командиръ батальона князь Магаловъ закричалъ: „Дѣти! Что вы? Куда? Стой!" Но его уже никто не слушалъ. Все бросилось въ разсыпную. Самъ Магаловъ, офицеръ и нѣкоторые изъ солдатъ, пытавшіеся было обороняться, были мгновенно изрублены; остальные бѣжали, преслѣдуемые текинцами. Въ это время весь отрядъ былъ уже на ногахъ. Явилась помощь. Текинцы были выбиты изъ занятаго ими укрѣпленія и оттѣснены къ крѣпости, но все таки успѣли захватить одно орудіе и знамя, которыхъ въ первое время никто не хватился. Вотъ вамъ и все дѣло, какъ оно происходило въ дѣйствительности. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали очевидцы, оставшіеся въ живыхъ...

— Однако ночь становится все темнѣе, прервалъ разсказчика батальонный командиръ. Волгинъ, обойдите-ка укрѣпленіе и посмотрите, всѣ ли часовые на своихъ мѣстахъ. Да, кстати, предупредите людей, чтобы они были внимательнѣе, не разговаривали громко и не курили.

Волгинъ отправился выполнять порученіе и началъ обходъ часовыхъ. Всѣ были на своихъ мѣстахъ и бодрствовали.

— Ну что? Видно что нибудь? спросилъ онъ у одного изъ часовыхъ.

— Больно ужъ ночь темная, ваше благородіе, шаговъ на двадцать, дальше не увидишь.

Волгинъ попробовалъ всмотрѣться вдаль и ничего не могъ различить не только въ двадцати, а даже и въ десяти шагахъ.

— Смотрите пристальнѣе, да внимательнѣе прислушивайтесь, предупредилъ онъ часовыхъ и отправился съ докладомъ къ батальонному командиру.

— Г. маіоръ! обратился Волгинъ къ командиру. Часовые всѣ на своихъ мѣстахъ, только врядъ ли они въ состояніи будутъ замѣтить что либо—въ десяти шагахъ нѣтъ возможности различить предметъ.

— Это скверно! Что же намъ предпринять?

— Не выслать ли секреты *)? предложилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Вотъ отличная мысль! Я и самъ объ этомъ думалъ, воскликнулъ батальонный командиръ. Распорядитесь, Волгинъ, чтобы выслали два секрета шаговъ на пятьдесятъ впередъ, да выберите для этого людей порасторопнѣе и посмышленѣе.

Волгинъ выполнилъ приказаніе, т. е. выслалъ секреты, самъ же, облокотившись на брустверъ, всматривался въ темную даль, напрасно стараясь различить что либо. А ночь становилась все темнѣе и темнѣе; небо обложилось кругомъ мрачными, свинцовыми тучами, которыя грозили разразиться дождемъ. Кругомъ тишина невозмутимая, не слышно ни малѣйшаго шороха, какъ будто на сотни верстъ кругомъ не было ни одного живаго существа. Лишь изрѣдка эту глубокую тишину нарушали очередные выстрѣлы изъ орудій: вотъ мелькнулъ огонь изъ жерла одного орудія, на одно мгновеніе освѣтилъ онъ часть редута и темные силуэты артиллеристовъ и снова все погрузилось въ непроницаемый мракъ. Вотъ послышалось какое-то шипѣніе и огненная дуга освѣтила пространство, за ней другая, третья: вотъ сразу появилось нѣсколько такихъ дугъ, разсѣкавшихъ

*) Трасировать—обозначать, чертить.

*) Секретъ—нѣсколько человѣкъ, высланные впередъ скрытно для наблюденія за дѣйствіями непріятеля.

мракъ въ различныхъ направленіяхъ. Дуги эти огненно-краснаго цвѣта сходились, перекрещивались и снова расходились—картина выходила очень эффектная. Это пускали ракеты, чтобы освѣтить пространство между лагеремъ и крѣпостью. Волгинъ, налюбовавшись вдоволь картиною, задумался.

— Ваше благородіе! раздался тихій голосъ надъ самымъ его ухомъ. Волгинъ вздрогнулъ и мгновенно обернулся. Возлѣ него стоялъ фельдфебель.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Волгинъ.

— Изъ секрета пришелъ солдатикъ; говоритъ что тамъ что-то замѣтили.

— Что такое?

— Не могу знать. Предметъ какой-то показался къ сторонѣ крѣпости.

— Пошли разузнать хорошенько, что тамъ такое и сейчасъ-же дай знать мнѣ... впрочемъ, постой! Я самъ пойду въ секретъ.

И съ этими словами Волгинъ перебрался черезъ бруствeръ и ровъ вмѣстѣ съ солдатомъ, пришедшимъ изъ секрета, и по его указанію направился къ секрету.

— Что тутъ у васъ случилось? спросилъ онъ шепотомъ у ефрейтора.

— Да вотъ тамъ, отвѣчалъ тотъ тоже шепотомъ, указывая вдаль, что-то такое показалось и опять скрылось; потомъ опять показалось какъ будто ближе и опять скрылось; и такъ нѣсколько разъ...

— Нужно узнать, что тамъ такое? Ну-ка ребята, кто похрабрѣе—ползи впередъ и разузнай хорошенько, что за предметъ тамъ такой.

Всѣ пожимались и никто не откликался на вызовъ.

— Что же? спросилъ Волгинъ. Никто не хочетъ идти? Нечего дѣлать, приходится самому идти, коли вы трусите. Волгинъ приподнялся было...

— Нѣтъ, ваше благородіе, остановилъ его ефрейторъ. Вамъ не годится идти: лучше я пойду, а то не дай Богъ что случится... Меня убьютъ—убытокъ не великъ, а вы... и, недокончивъ рѣчи, онъ приподнялся и поползъ по тому направленію, гдѣ показывался подозрительный предметъ. Всѣ слѣдили за нимъ глазами.

— Ребята! проговорилъ Волгинъ,—будьте готовы по первому крику на помощь. Да смотри, дружнѣй выручать товарища!

Между тѣмъ ефрейторъ скрылся изъ глазъ; шорохъ отъ его шаговъ стихъ и — снова кругомъ тишина и непроницаемый мракъ. Жутко стало Волгину. „Ну что какъ онъ наткнулся на текинцевъ, думалось ему,—пропадетъ ни за грошъ. Жалко человѣка... Эхъ, напрасно я послалъ его—чортъ съ нимъ и съ предметомъ-то: подошелъ бы ближе, и такъ узнали бы, что тамъ такое... А то пойти бы самому!.. Трусость проклятая обуяла. Какъ подумалъ, что прійдется въ этой темнотѣ ползти одному... брр...

Прошло нѣсколько тяжелыхъ минутъ, а ефрейторъ не возвращался... „Однако что-жъ онъ такъ долго не возвращается? думалъ Волгинъ,—ужь не случилось ли съ нимъ что нибудь?...

Вдругъ послышался шорохъ; всѣ насторожили уши и приготовили ружья. У Волгина екнуло сердце и рука невольно схватилась за револьверъ. Послышался ясно топотъ какъ будто нѣсколькихъ ногъ; всѣ вдругъ безъ всякой команды вскочили, защелкали замки.

— Не стрѣляй! Свои! раздался въ тишинѣ знакомый голосъ ефрейтора и въ то же время обрисовалась на темномъ фонѣ какая-то громадная масса.

— Что за чортъ. Что тамъ такое? проговорилъ Волгинъ, напрасно стараясь разсмотрѣть движущуюся массу.

— Да это онъ верблюда ведетъ, замѣтилъ кто-то изъ солдатъ.

— Непріятеля въ полонъ взялъ, послышался веселый голосъ ефрейтора.

Раздался тихій но дружный смѣхъ.

— Тише вы! строго обратился Волгинъ къ солдатамъ. Забыли, что въ секретѣ. Ложись всѣ! Гдѣ ты взялъ верблюда? спросилъ онъ ефрейтора.

— А вотъ, ваше благородіе, какъ поползъ я на развѣдки, попался мнѣ ерничекъ небольшой. Ладно, залѣзъ я въ него, да и поползъ впередъ. Проползу шаговъ пять—остановлюсь, прислушаюсь: ничего не слышно; я опять впередъ. Такимъ манеромъ и проползъ шаговъ пятьдесятъ, а може и больше. Только остановился, слушаю... вдругъ это послышался шорохъ. Я приложилъ ухо къ землѣ и ни гу-гу... Слышу шорохъ какъ будто близко; кто-то ровно шагаетъ, да такъ тихо. Прислушался еще, будто кто идетъ прямо на меня. Перекрестился я, вложилъ патронъ... ну, думаю, двухъ смертей не бывать, а одной не миновать; изготовился и жду. Только слышу; сопитъ кто-то словно, да такъ близко; выглянулъ я изъ ерика, да назадъ: потому увидалъ что-то больше около самаго ерика, да не доглядѣлъ сразу-то, что это было. Подумалъ: должно верховой текинецъ. Полежалъ, перевелъ духъ, выглянулъ еще, присмотрѣлся—анъ вотъ этотъ самый „штанастый" то и рветъ колючку и веревка виситъ... ну, думаю, напугалъ ты меня, такъ возьму хоть тебя въ полонъ. Подобрался это къ нему тихонько, схватилъ его за веревку—да вотъ и привелъ: годится для роты.

Выслушавъ разсказъ, Волгинъ отправился въ редутъ, куда приказалъ вести за собой верблюда. При его приближеніи въ редутѣ закопошились.

— Кто идетъ? послышался тихій окликъ.

— Свои, отвѣтилъ Волгинъ, перелѣзъ черезъ брустверъ и отправился къ батальонному командиру съ докладомъ о всемъ случившемся. Тамъ онъ засталъ всѣхъ офицеровъ въ кучкѣ. При его разсказѣ посмѣялись; посыпались разсказы тоже въ родѣ этого.

Между тѣмъ небо немного прояснилось, сдѣлалось свѣтлѣе и поэтому можно было быть покойнѣе. Понемногу всѣ затихли. Волгинъ завернулся въ бурку, прилегъ на землю и задумался.

Мысли его бродили. То представлялся ему отцовскій домъ, старушка мать, которая любила его до безумія. Вспоминались дѣтскіе годы, проведенные подъ роднымъ кровомъ, которые, кажется, еще такъ недавно миновали. Отъ дома мысль вдругъ переносилась къ завтрашнему дню. Видитъ онъ, какъ рота ихъ идетъ на штурмъ; онъ бодро шагаетъ впереди. Вотъ подходитъ они къ стѣнамъ, взбираются на стѣны подъ градомъ пуль, бревенъ, камней, горящей смолы; вотъ добрались они уже почти до верха — вдругъ непріятель хлынулъ массой; солдаты подаются назадъ... Онъ выхватываетъ у знамещика знамя и бросается впередъ съ крикомъ: „за мной ребята! не выдавай меня! ура!" Солдаты, какъ разъяренные львы, бросаются впередъ, опрокидываютъ все на пути... Вотъ онъ съ ротой на стѣнахъ крѣпости; непріятель смятъ, обращенъ въ бѣгство. Вотъ подошелъ къ нему Скобелевъ, обнимаетъ его, благодаритъ, поздравляетъ съ Георгіемъ... Всѣ его окружили, поздравляютъ, говорятъ, что ему обязаны успѣхомъ дня. Имя его прогремѣло по всей Россіи... А убьютъ, изуродуютъ... вдругъ проносится въ его головѣ, и вся иллюзія мигомъ миновала. Другія картины рисуетъ ему воображеніе. Видитъ онъ себя раненымъ, съ перешибленной ногой. Госпиталь. Кругомъ страшные стоны. Вотъ подходитъ къ нему докторъ съ кривымъ ножемъ въ рукѣ, беретъ его за ногу и...

Воображеніе такъ живо нарисовало ему всю обстановку, что все казалось дѣйствительнымъ; и этотъ докторъ съ кривымъ ножемъ въ рукѣ, и его помощники въ фартукахъ, забрызганныхъ кровью и мозгомъ, и сестры милосердія въ черныхъ платьяхъ съ печальными лицами — все это онъ видѣлъ какъ будто на яву, даже, какъ будто чувствовалъ онъ страшную боль въ ногѣ... Онъ невольно схватился за ногу и очнулся. Оказалось, что одинъ изъ офицеровъ во снѣ налегъ ему на ногу и сильно придавилъ ее шашкой... „Слава Богу! это только воображеніе разыгралось", проговорилъ Волгинъ и, улегшись хорошенько, погрузился въ полудремоту. На этотъ разъ грезилось ему, что онъ легко раненъ и вотъ съ рукой на перевязи ѣдетъ въ свой родной городъ, гдѣ живетъ она... Пріѣхалъ, идетъ къ ней, входитъ. Она все такая-же добрая, хорошая, сидитъ у окна, облокотившись на руку и о чемъ-то думаетъ, не замѣчая ничего, что дѣлается кругомъ. „Маша!", тихо вымолвилъ Волгинъ. Она вздрогнула, выпрямилась, обернула къ нему лице и — осталась въ такомъ положеніи... „Маша", повторилъ Волгинъ громче прежняго.

— Что съ вами, Волгинъ? послышался надъ нимъ голосъ батальоннаго командира. Какую Машу зовете вы? здѣсь на тысячу верстъ кругомъ не найдете вы ни одной Маши.

Тутъ только понялъ Волгинъ, что онъ замечтался, дошелъ до галлюцинацій. А жалко было разстаться съ этимъ видѣніемъ: такъ живо видѣлъ, онъ ее; такое различіе между дѣйствительностью и картиной, нарисованной услужливымъ воображеніемъ.

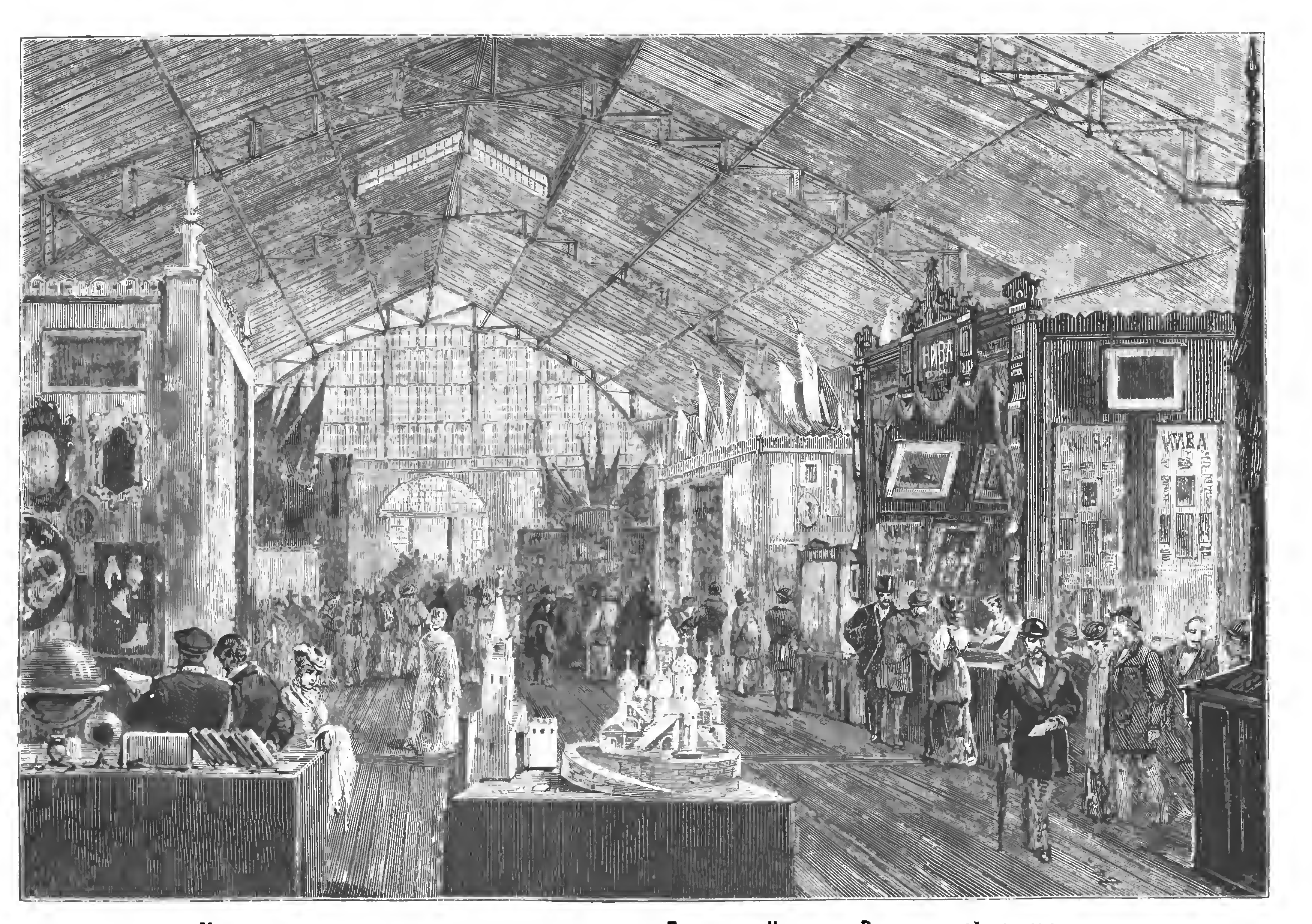
— Вставайте-ка, продолжалъ командиръ. Пора на позицію идти: скоро свѣтать начнетъ.

Волгинъ, поднявшись, увидѣлъ, что рота уже выстроилась и только ожидала команды, чтобы двинуться въ путь, на мѣсто, назначенное для нея по общей диспозиціи.

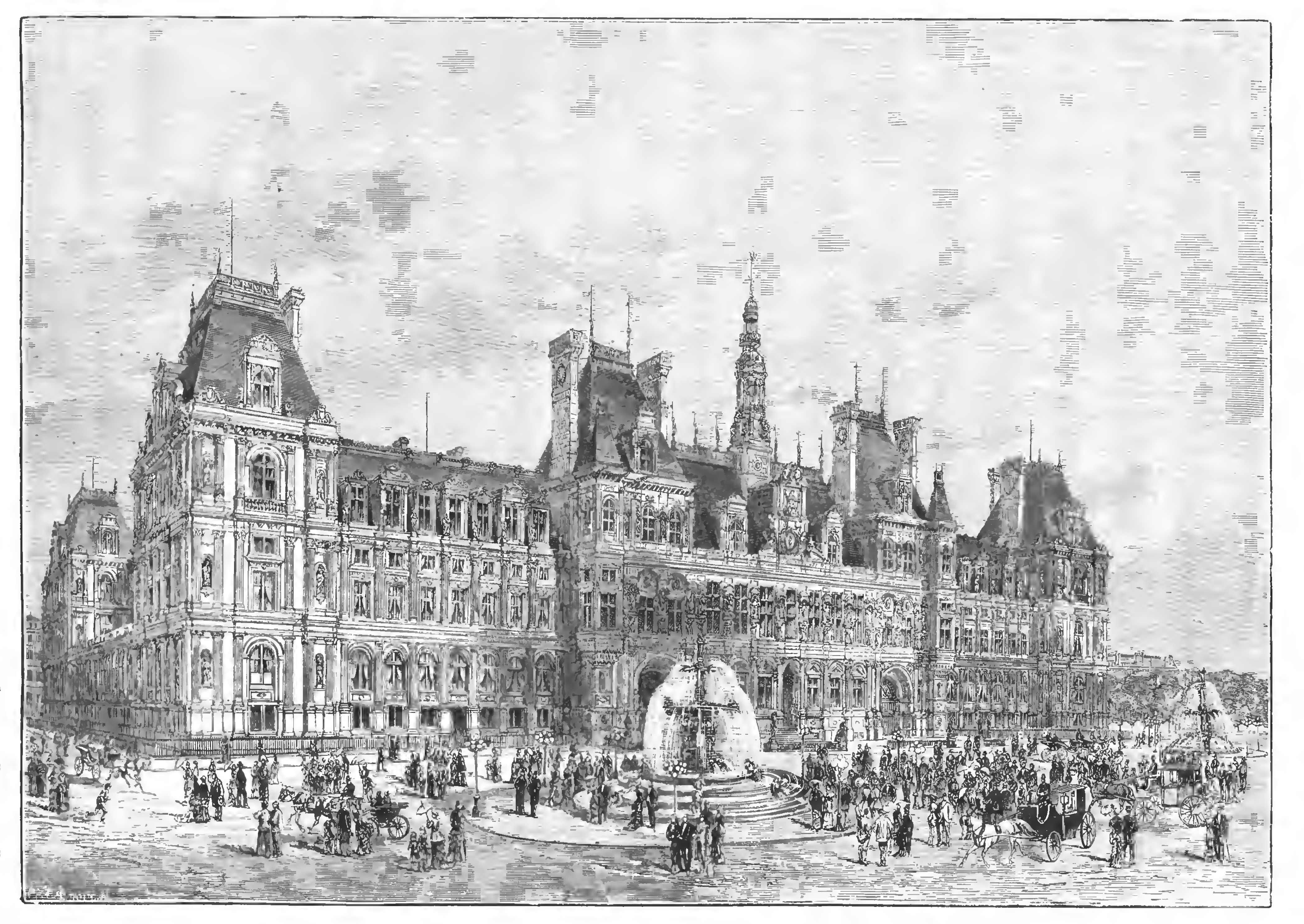
III.

Штурмъ.

Еще до разсвѣта 2-я рота заняла ровъ передъ Ставропольскимъ редутомъ, гдѣ ей приказано было расположиться и находиться впредь до особаго распоряженія. Такъ какъ до разсвѣта оставалось недолго и поэтому можно было уже не опасаться нападенія текинцевъ, ибо послѣдніе дѣлаютъ вылазки обыкновенно съ вечеру, то поэтому всѣ поулеглись отдохнуть. Волгинъ тоже заснулъ, какъ убитый. Вдругъ надъ самымъ его ухомъ раздался страшный ударъ... Волгинъ вскочилъ и съ просонокъ никакъ не могъ опредѣлить, что такое случилось. Наконецъ, протерѣвъ глаза, онъ увидѣлъ, что весь ровъ былъ застланъ густымъ, ѣдкимъ дымомъ,—это былъ обычный выстрѣлъ изъ очередного орудія, которое выглядывало изъ амбразуры какъ разъ надъ головой Волгина и еще дымилось. Не желая болѣе испытывать удовольствіе подобнаго рода, Волгинъ выбрался изо рва въ редутъ и, облокотившись на бруствeръ, вперилъ взоры въ пространство. Начинало свѣтать; кругомъ все тихо, какъ бываетъ обыкновенно передъ грозой. Легкій туманъ спустился съ горъ и мало по малу застлалъ всю окрестность, какъ будто прозрачной дымкой окуталъ онъ и горы, и крѣпость, и лагерь, и редуты... Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Вотъ выплыло медленно и величаво изъ-за горъ дневное свѣтило... Оно какимъ-то особеннымъ показалось Волгину. Дѣйствительно слабо видимое сквозь туманъ, оно казалось огненнымъ дискомъ...



Московская промышленно-художественная выставка. Павильонъ II группы. Видъ средней галлереи.
Ориг. рисун. нашего специальнаго корреспондента Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.



Новая парижская ратуша. (Hotel de Ville). Съ фотогр. грав. Флюгель.

— Ишь ты! и солнце-то покраснѣло, — должно тоже кровь чувствуетъ, услышалъ Волгинъ. Это бесѣдовали солдаты.

— А и много, должно думать, поляжетъ нынѣшній день, проговорилъ другой.

Громъ выстрѣла, раздавшійся на батареѣ заглушалъ голоса разговаривавшихъ. Это сигнальный выстрѣлъ. Черезъ нѣсколько времени послышался другой выстрѣлъ, за нимъ третій, и еще, и еще... началась канонада. То раздаются отдѣльные выстрѣлы, то сливаются они въ общій гулъ. Дымъ застлалъ всю равнину и окончательно скрылъ отъ глазъ и солнце, начинавшее было торжествовать побѣду надъ туманомъ, и крѣпость, и даже сосѣдніе редуты. Канонада разросталась все сильнѣе и сильнѣе. Цѣлыя облака дыма разомъ вырывались изъ орудій и выстрѣлы слились въ одинъ несмолкаемый, страшный, потрясающій гулъ. Грохотъ орудій, трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, шипѣніе ракетъ, свистъ пуль, гудѣніе и жужжанье гранатъ — все слилось. Бо̀льшая часть орудій была направлена на артиллерійскую брешь, пробитую еще ранѣе и наскоро исправленную текинцами.

Вотъ пахнулъ свѣжій вѣтерокъ, отнесъ въ сторону густыя облака дыма — и крѣпость ясно обрисовалась на горизонтѣ. Слѣдя за паденіемъ снарядовъ, Волгинъ замѣтилъ, что они удачно ложились какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ была брешь.

Текинцы отвѣчали на нашъ огонь изъ ружей и фальконетовъ, но очень слабо, потому-ли что вниманіе ихъ было отвлечено колонной Гайдарова, въ которой въ это время шла сильная перестрѣлка, или-же потому, что они приберегали и силы, и патроны для встрѣчи нашихъ войскъ, когда они пойдутъ на штурмъ. Притомъ-же они, вѣроятно, хорошо понимали всю безполезность борьбы съ нашей артиллеріей, которой они могли противупоставить лишь одно орудіе и затѣмъ фальконеты и ружья.

Раздался встрѣчный маршъ и въ редутѣ показался Скобелевъ въ сопровожденіи своего штаба. Его спокойный, увѣренный видъ заранѣе давалъ ожидать, что побѣда останется за нами. Взявъ отъ одного изъ ординарцевъ бинокль, онъ направилъ его въ ту сторону, гдѣ виднѣлась колонна Гайдарова; стрѣльба въ ней все усиливалась; вотъ послышались залпы, которые быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Видно было даже невооруженнымъ глазомъ, какъ толпы текинцевъ спѣшили на свой правый флангъ и перебѣгали отъ крѣпости въ передовое укрѣпленіе для встрѣчи храбрецовъ Гайдарова, которые все ближе и ближе подвигались къ крѣпости. Вдругъ Скобелевъ быстро отнялъ бинокль отъ глазъ, повернулся въ полъоборота къ начальнику штаба и что то быстро проговорилъ, указывая на близълежащій валъ, оставшійся, кажется, отъ какого-то заброшеннаго укрѣпленія. Тотчасъ-же отдѣлился одинъ изъ ординарцевъ и направился въ ровъ, гдѣ стояли роты N—скаго полка. Вслѣдъ за этимъ одна изъ ротъ, выбравшись изо рва, бѣгомъ пробѣжала пространство до вала, указаннаго Скобелевымъ, и изъ-за него открыла пальбу залпами во флангъ текинцамъ, выходящимъ изъ крѣпости на встрѣчу Гайдарову. Эти залпы, безпокоя также засѣвшихъ въ передовомъ укрѣпленіи и въ крѣпости, неминуемо привлекли вниманіе текинцевъ и—вотъ начали чаще и чаще свистать надъ редутомъ пули.

Волгинъ, отчасти утомившись наблюденіемъ за происходящимъ, отчасти-же изъ предосторожности, спустился въ ровъ, гдѣ между прочимъ нашелъ приготовленный его вѣрнымъ „Личардой"—денщикомъ чай и завтракъ.

Въ это время послышалась музыка и — вотъ подъ звуки русскаго марша стройно выступали изъ редута апшеронцы, а за ними вслѣдъ ставропольцы, и двинулись къ крѣпости съ распущенными знаменами, какъ будто они на парадѣ проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо начальника.

Было около одиннадцати часовъ дня. Вдругъ раздался страшный подземный гулъ, почва подъ ногами задрожала и заколебалась, какъ бываетъ это во время землетрясенія; надъ крѣпостью взвилась цѣлая туча дыма и пыли, которая на нѣсколько минутъ все скрыла отъ глазъ наблюдателей — взорвали мину. Въ ту же минуту раздалось „ура" сначала гдѣ-то тамъ, далеко, впереди, около самой крѣпости; потомъ ближе въ траншеяхъ, въ редутѣ, на батареяхъ, наконецъ въ лагерѣ и скоро все слилось въ одинъ несмолкаемый громкій крикъ „а, а, а", который гремѣлъ, перекатывался и заглушалъ даже гулъ орудій. Кричали всѣ и вездѣ: не только войска. шедшія на штурмъ, но и нестроевые, оставленные въ лагерѣ, и торговцы и духанщики. — словомъ кричали всѣ, кто только былъ на полѣ дѣйствія или въ лагерѣ.

Волгинъ почувствовалъ приливъ какого-то безотчетнаго чувства, которое охватило все его существо; онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; нервы его были въ крайне напряженномъ состояніи; его такъ и подмывало броситься впередъ и бѣжать къ крѣпости. Такъ наэлектризовало его это единодушное, оглушительное „ура".

Вдругъ послышалось: „вторая рота впередъ! къ крѣпости!"— и вотъ рота живо выбралась изъ редута, построилась во взводную колонну и съ распущеннымъ знаменемъ, подъ звуки полковаго марша, стройно двинулась къ крѣпости. Пули то и дѣло свистѣли и жужжали на всѣ лады надъ ротой; иногда слышался стонъ или крикъ раненаго, но Волгинъ ничего не слышалъ. Его мысли были тамъ, на стѣнахъ крѣпости, гдѣ шла теперь страшная, ожесточенная схватка. Онъ боялся опоздать, не застать кровавой потѣхи, расправы за всѣ перенесенныя невзгоды, за всѣ ночныя нападенія.

По мѣрѣ приближенія къ крѣпости начали все болѣе и болѣе попадаться убитыхъ. Вотъ убитый апшеронецъ; онъ лежитъ такъ спокойно раскинувъ руки, какъ будто легъ отдохнуть послѣ тяжелой и утомительной работы и погрузился въ сладкій сонъ... Но не проснуться ему болѣе, не увидать ему роднаго края, гдѣ остались дорогіе сердцу!.. Изъ виска его струилась еще теплая кровь, но лицо было спокойно и уже покрылось мертвенной блѣдностью.

— Эхъ, бѣдный, послышалось въ рядахъ, — положилъ головушку за свое знамя. Это былъ сдѣланъ намекъ на то, что Скобелевъ послалъ апшеронцевъ впередъ, дабы дать имъ возможность загладить неудачу, которую они потерпѣли при ночномъ нападеніи текинцевъ на редутъ, и приказалъ имъ во что бы то ни стало вернуть знамя, или-же всѣмъ до одного лечь подъ стѣнами...

Подойдя къ стѣнамъ, Волгинъ увидѣлъ, что наши уже ворвались въ крѣпость. Текинцы обратились въ бѣгство. Не спасли ихъ ни крѣпкія стѣны, ни многочисленность, ни отчаянная храбрость—все преодолѣло непоколебимое мужество нашихъ войскъ, хотя ихъ была только горсть въ сравненіи съ силами текинцевъ. Скобелевъ, окруженный офицерами, стоялъ на стѣнѣ и наблюдалъ за ходомъ дѣла въ самой крѣпости. На лицахъ окружающихъ его отражалось внутреннее состояніе—упоеніе торжествомъ. побѣдой... И дѣйствительно, было чему радоваться, отчего придти въ восторгъ! Съ такими незначительными относительно силами взяли такую твердыню, какъ Геокъ-Тепе, этотъ оплотъ храбрыхъ дикарей—текинцевъ, прикрываясь которымъ они были страшны не только мелкимъ разрозненнымъ племенамъ сосѣдей, но и такой большой и сильной державѣ, какъ Персія. Теперь съ паденіемъ этого оплота текинцы должны были смириться.

Текинцы, покинувъ стѣну, заняли холмъ, лежащій въ сѣверозападномъ углу крѣпости и, какъ видно, хотѣли на немъ укрѣпиться. Но, надѣясь на крѣпкія стѣны, на свое численное превосходство, на свою храбрость, они никакъ не предполагали, что русскимъ удастся ворваться въ крѣпость и поэтому не позаботились заранѣе объ укрѣпленіи холма. Теперь уже было поздно объ этомъ думать. Замѣтивъ намѣреніе текинцевъ защищаться на холмѣ, Скобелевъ приказалъ двинуться туда ширванцамъ и ставропольцамъ и атаковать холмъ: въ то же время онъ приказалъ, во что бы то ни стало, втащить хоть нѣсколько орудій на стѣну, дабы артиллерійскимъ огнемъ поддержать атаку на холмѣ.

Волгинъ получилъ приказаніе сдѣлать брешь удобовосходимую для артиллеріи. Мигомъ явились лопаты и солдаты дружно принялись за работу; но земля, плотно слегшаяся и отъ времени превратившаяся въ одну плотную массу, плохо поддавалась усиліямъ работающихъ. А орудія уже дожидались внизу; слышались: „скорѣе орудія, на стѣну!". Предстояла крайняя необходимость втащить на стѣну хоть одно или два орудія. „Веревки!" крикнулъ кто-то. Въ одинъ мигъ орудіе было опутано веревками. Солдаты какъ муравьи облѣпили его со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько дружныхъ усилій и — орудіе наверху обвала. Пока втаскивали другія орудія, первое уже было установлено и заряжено; раздалась команда: „первое пли" — и первая русская граната со стѣнъ Геокъ-Тепе съ визгомъ полетѣла на холмъ, за ней другая, третья... Текинцы не выдержали и очистили холмъ. Все обратилось въ безпорядочное бѣгство. Вскорѣ прискакали драгуны, перебрались кое-какъ черезъ стѣну и по большой улицѣ, пролегавшей посрединѣ крѣпости, маршъ-маршемъ понеслись преслѣдовать бѣгущихъ текинцевъ.

Въ это время пѣхота распространилась уже по всей крѣпости. То и дѣло слышались отдѣльные выстрѣлы: это текинцы, не желавшіе сдаваться а, можетъ быть, не надѣясь на пощаду, засѣли въ кибиткахъ, землянкахъ, ямахъ и оттуда встрѣчали выстрѣлами нашихъ солдатъ. Эти въ свою очередь, обозленные продолжительностью осады, невзгодами, лишеніями, ночными нападеніями, а также упорнымъ сопротивленіемъ текинцевъ, не оставались въ долгу.

Такъ продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ штурма, пока не были истреблены текинцы, засѣвшіе въ ямахъ, такъ какъ они упорно отказывались положить оружіе, не хотѣли вылазить изъ своихъ убѣжищъ и не пропускали случая пустить изъ ямы пули въ зазѣвавшагося солдата.

Волгинъ, покончивъ съ работой по расчисткѣ бреши, спустился въ крѣпость. Невеселая картина представилась его взорамъ. Тамъ и сямъ курились кибитки, зажженныя гранатами; слышались стоны умирающихъ, вопли женщинъ, крики дѣтей... Все это покрывалось по временамъ звуками выстрѣловъ. Пройдя далѣе въ глубь, Волгинъ началъ натыкаться на картины, неизбѣжныя при взятіи населенной крѣпости. Вотъ передъ нимъ на мѣстѣ свалившейся кибитки цѣлое семейство, погибшее отъ одной гранаты. Какъ можно судить по обстановкѣ, смерть застигла несчастныхъ за чаепитіемъ. Разбитыя чашки, вода въ котелкѣ, кусочки сахару — все это доказывало, что семья эта погибла еще такъ недавно. На первомъ планѣ старикъ съ длинной сѣдой бородой, которому осколкомъ разорвавшейся гранаты снесло половину черепа; рядомъ съ нимъ еще молодая женщина

съ выраженіемъ мучительнаго страданія на лицѣ, съ судорожно сведенными руками, которыя впились въ коверъ, да такъ и замерли. Какъ видно, осколокъ гранаты, вырвавшій ей часть праваго бока, не сразу лишилъ ее жизни. Нѣсколько поодаль двое мальчиковъ, страшно изуродованныхъ... У Волгина сжалось сердце, глядя на эту картину; онъ быстро зашагалъ далѣе. Но на каждомъ шагу попадались все новыя и новыя жертвы кроваваго боя. Вездѣ: въ кибиткахъ, въ которыя заглядывалъ Волгинъ, между кибитокъ, въ ямахъ—вездѣ валялись обезображенные трупы текинцевъ. Какъ видно, большая часть убитыхъ пала отъ артиллерійскаго огня...

Всѣ эти картины произвели тяжелое впечатлѣніе на Волгина, еще не успѣвшаго привыкнуть ко всѣмъ ужасамъ войны. Онъ быстро повернулъ назадъ и выбрался къ стѣнамъ крѣпости. Здѣсь ожидала его новая картина. Во внутреннемъ рву собралась масса женщинъ и дѣтей. Лохмотья, еле прикрывавшія ихъ наготу, растрепанные волосы, изможденныя лица, пугливые взгляды, которые онѣ бросали на подходящихъ къ нимъ офицеровъ и солдатъ, вопли женщинъ, лишившихся мужей и братьевъ, плачъ и крики дѣтей, лишенныхъ отцовъ, матерей, крова и пищи—все это производило потрясающее впечатлѣніе. Не будучи въ состояніи выносить этой картины, Волгинъ быстро направился вонъ изъ крѣпости.

— Что вы, батенька, такой хмурый? встрѣтилъ его командиръ, когда онъ подошелъ къ ротѣ.

— Не отчего веселымъ-то быть.

Что вы? Помилуйте, такую крѣпость взяли, вѣдь со взятіемъ Геокъ-Тепе, нужно полагать, и экспедиціи конецъ. Да и потери наши сравнительно невелики, кажется. А онъ говорить: „не отчего веселымъ-то быть“. Развѣ вы не рады. что штурмъ такъ удачно сошелъ? Или быть можетъ вы недовольны, что вамъ не удалось отличиться, показать себя, да „Егорушку“ захватить? Такъ что-же дѣлать? Знать не судьба...

— Нѣтъ, не то... вы не были внутри крѣпости? ничего не видѣли?

— А что?

Посмотрите на слѣды осады, бомбардировки и штурма и тогда вы согласитесь, что нечему особенно радоваться. Ни одной кибитки нѣтъ цѣлой; все пострадало отъ гранатъ и пуль. А сколько убитыхъ, изуродованныхъ, раненыхъ? На каждомъ шагу вы наткнетесь на страшно изуродованный трупъ

— Эхъ, нашли о чемъ говорить. Что-же, по вашему не должно быть ни убитыхъ, ни раненыхъ? Какой-же вы воинъ, если содрагаетесь при видѣ трупа? Должны-же были и ранѣе знать, — все это необходимыя слѣдствія боя.

— Все это такъ, а все таки бой хорошъ только въ описаніяхъ; на самомъ-же дѣлѣ война-то очень скверная вещь. Ну, допустимъ, пожалуй, что текинцы сами дрались, сами убивали другихъ. такъ должны были ожидать того-же и для себя. Но за что поплатились бѣдныя женщины и дѣти?

Пуля не разбираетъ ни возраста, ни пола. Правда, все это очень прискорбно, но что-же дѣлать? Не могли-же мы отказаться отъ Геокъ-Тепе. Притомъ-же, не мы виноваты въ томъ, что такъ много погибло. Когда текинцы отказались впустить насъ въ крѣпость, Скобелевъ предлагалъ имъ вывести, по крайней мѣрѣ, изъ крѣпости ихъ семьи; но они, какъ вамъ небезъизвѣстно, не приняли этого предложенія, а отвѣтили: „гдѣ мы, тамъ и жены, и дѣти наши должны быть“.

— Вторая рота въ ружье! послышался голосъ баталіоннаго командира.

— Это куда? спросилъ Волгинъ.

— Въ лагерь, на отдыхъ. Штурмъ оконченъ, крѣпость взята теперь можно и отдохнуть.

Рота выстроилась и съ пѣснями двинулась въ лагерь. По приходѣ туда, Волгинъ въ первый разъ за цѣлую недѣлю позволилъ себѣ раздѣться и улегся на покой. Но долго не могъ онъ заснуть; долго мысли его бродили и вертѣлись около происшествій дня. Наконецъ, сонъ смежилъ его глаза. Но это не былъ тихій, спокойный, оживляющій сонъ, это былъ скорѣе бредъ какой-то, кошмаръ... То слышался ему громъ канонады, то громкое, несмолкаемое „ура“... то видѣлъ онъ Скобелева на бѣломъ конѣ и слышалъ его команду... то мерещился ему старый текинецъ съ половиной головы — онъ шелъ прямо на него, мигая единственнымъ оставшимся глазомъ и махая шашкой... Наконецъ, все смѣшалось, превратилось въ какой-то хаосъ и мало по малу сонъ его сдѣлался покойнѣе...

Л. Аргентовъ.

Банкъ.

(Историческій очеркъ).

Еще въ древнія времена, когда деньги, окончательно сдѣлались единственнымъ мѣновымъ знакомъ, возникла потребность образовавшіеся денежные запасы, денежные капиталы оставлять въ неприкосновенности, для того, чтобы извлекать изъ нихъ извѣстный процентный доходъ. Процентъ, въ началѣ, какъ и нынѣ, состоялъ въ уплатѣ заемщикомъ заимодавцу нѣкоторой доли за пользованіе его капиталомъ. Дѣла такого рода. сперва, конечно, ограничивались тѣсной сферой личныхъ отношеній и только впослѣдствіи уже, съ развитіемъ торговли и промышленности, съ развитіемъ финансовыхъ оборотовъ, явились мѣнялы, ростовщики, заимодавцы уже общественнаго характера. Истиннымъ отечествомъ банковъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ нынѣ, была средневѣковая Италія, съ своими цвѣтущими городами и быстро развившимся торгово-промышленнымъ движеніемъ. Векселя обязаны своимъ происхожденіемъ ярмаркамъ, учрежденнымъ сначала нѣкоторыми городами для производства торговли съ провинціей и затѣмъ размножившимся во всей странѣ: покупатели пріобрѣтали товаръ въ кредитъ отъ ярмарки до ярмарки, обезпечивая продавцевъ обязательствами. Въ XII столѣтіи главнѣйшими такими торговыми центрами Италіи были—Венеція. Флоренція и Генуя, и такъ какъ денежные обороты достигли значительныхъ размѣровъ, то муниципальныя правленія этихъ городовъ, обладавшія едва-ли не деспотическою властью и вообще державшія въ своихъ рукахъ всѣ интересы гражданъ,—пришли къ мысли, сознали необходимость учрежденія общественныхъ банковъ для облегченія оборотовъ въ ихъ городахъ. Венеція первая открыла у себя кассу подобнаго рода; всякій обладавшій осѣдлостью въ городѣ купецъ, сдѣлавшій въ кассу вкладъ той или другой суммы, въ монетахъ опредѣленной стоимости, пріобрѣталъ право производить, чрезъ этотъ банкъ. свои платежи до размѣра вложеннаго имъ капитала; такое право дало членамъ банка возможность избавиться отъ необходимости развозить деньги съ собою, въ потребныхъ случаяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ способъ оборота денегъ гарантировалъ ихъ отъ обмановъ въ добротности монетъ. которыя имъ приходилось получать: настоящія. хорошаго чекана деньги оставались неприкосновенными въ подвалахъ банка. Когда кто вносилъ туда свой капиталъ въ монетахъ хорошаго металла и чекана, то въ книгу банка вписывалась на его имя сумма, составлявшая точно опредѣленную стоимость доставленнаго имъ количества денегъ. Въ тѣхъ случаяхъ. когда одинъ вкладчикъ производилъ уплату другому, то ему надо было только дать заявленіе въ установленной формѣ и уплачивавшаяся имъ сумма списывалась съ его счета и вписывалась въ счетъ получателя. За все это съ членовъ банка взималась извѣстная плата, но столько-то со ста. въ видѣ вознагражденія за завѣдываніе ихъ капиталами, въ пользу самаго предпріятія. Такіе банки назывались banco del giro, т. е. переписной банкъ.

Флоренція, особенно богатая частными банкирами и заимодавцами. вскорѣ тоже устроила у себя такой городской банкъ. для котораго начала чеканить собственную монету чистаго золота; деньги эти. въ особыхъ кожаныхъ мѣшкахъ, за печатью общины, выдавались банкомъ только въ случаѣ большихъ платежей. Въ Генуѣ, съ 1407 г., денежные обороты сосредоточились въ большомъ банкѣ Св. Георгія.

Вскорѣ банки, понявъ всю пользу, которую могли получить отъ денежныхъ оборотовъ, дѣятельно принялись и сами спекулировать ввѣренными имъ капиталами. Надо здѣсь, кстати, замѣтить, что въ средніе вѣка церковь сильно возставала противъ процентовъ и, во имя своего авторитета, прямо, даже. воспретила ихъ. Но экономическіе интересы взяли свое. Для того. чтобы умножить вклады. банки пріурочили имъ извѣстную долю въ своихъ выгодахъ, откуда и произошелъ дивидендъ, съ тѣхъ поръ вошедшій въ употребленіе. Генуэзскіе банки призвали къ себѣ на помощь даже тщеславіе, такъ, въ банкѣ Св. Георгія имена вкладчиковъ до 25 тысячъ лиръ, красовались на мраморной доскѣ въ большой залѣ, если кто вкладывалъ отъ 25 до 50 тысячъ, то въ залѣ вывѣшивался его поясной портретъ, за вкладъ до 100 тысячъ—портретъ во весь ростъ, а болѣе 100 тысячъ — его мраморная статуя въ сидячемъ положеніи. Насколько значительны были барыши банка видно изъ того, между прочимъ, что однажды онъ снарядилъ по требованію города 100 галеръ. Своимъ членамъ онъ выплачивалъ 7 процентовъ дивиденда.

Но главнымъ дѣломъ для всѣхъ этихъ банковъ были ссуды денегъ государямъ, отъ которыхъ они, въ обезпеченіе себя, пріобрѣтали ренты и налоги, щедро вознаграждавшіе ихъ за ссуженные капиталы, даже въ случаяхъ, весьма частыхъ, невозвращенія занятой у банка суммы. Чѣмъ болѣе города или владѣтельные князья нуждались въ деньгахъ и ссудахъ, тѣмъ болѣе банки обогащались, пріобрѣтая не только налоги и подати. но и цѣлыя области, какъ напримѣръ банкъ Св. Георгія. который получилъ отъ Генуи Кафу въ Крыму и о. Корсику, а также забралъ въ свои руки желѣзную торговлю, вслѣдствіе того, что ему былъ предоставленъ налогъ съ лигурійскихъ желѣзныхъ рудъ. Банки, наконецъ, сдѣлались „государствами въ государствѣ“ и добились чрезвычайныхъ привиллегій, въ родѣ собственнаго суда по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Флорентинскіе банки (ихъ во всѣ времена было очень много) съумѣли облегчить владѣтельнымъ князьямъ возможность займовъ, что, въ свою очередь, доставило имъ значительныя выгоды и преимущества въ ихъ областяхъ. Банкирское общество Перуцци имѣло 16 банковъ и 150 факторій. Французскій ко-

роль предоставилъ имъ за свои долги подати съ Каркассона. Фраскобальди, еще въ 1289 г., получилъ отъ своихъ заемщиковъ, королей Эдуарда I и Эдуарда II, всѣ таможенныя пошлины Англіи; а затѣмъ, когда, по случаю возстанія, Фраскобальди бѣжалъ оттуда, то Барди и Перуцци сдѣлались придворными банкирами короля Эдуарда III-го. Но эта честь имъ обошлась не дешево, такъ какъ въ 1339 г. король издалъ декретъ, въ которомъ объявилъ себя свободнымъ отъ всѣхъ долговъ флорентинцамъ, которыхъ, этимъ самовольнымъ актомъ, разорилъ 1.365,000 золотыхъ гульденовъ и довелъ до банкротства. Въ 1461 г. возникъ во Флоренціи банкъ Медичи, сдѣлавшихся тоже придворными банкирами различныхъ государей; они, однако, вели свои дѣла съ большею осторожностью. Значеніе и кредитъ ихъ были настолько велики, что когда французскій король Людовикъ XI обязался выплачивать англійскому королю Эдуарду IV-му ежегодную сумму въ 50 тысячъ кронъ, то своими поручителями выставилъ Медичи. Хорошо извѣстна дальнѣйшая блистательная карьера Медичи, ставшихъ владѣтельными герцогами тосканскими и породнившихся съ французскимъ королевскимъ домомъ.

Такое развитіе могущества банковъ не обходилось, конечно, безъ соперничества между ними. Флорентинцы, напримѣръ, преобладавшіе на значительныхъ, по своимъ оборотамъ, ліонскихъ ярмаркахъ, выжили оттуда генуэзцевъ, которые, за то, основавъ конторы въ другомъ важномъ пунктѣ—Безансонѣ, присвоили себѣ тамъ главную роль. Продолжительное существованіе нѣкоторыхъ банковъ объясняется, преимущественно, предоставленнымъ имъ различными государствами правомъ взимать заложенные имъ налоги и подати. Но когда у банка св. Георгія, въ 1740 г., австрійцами, а у Венеціанскаго банка, въ 1797 г., французами было это право отнято, то они, послѣ того, кое какъ продержались только до Наполеона.

Другой родъ банковъ составляли возникшія въ XV столѣтіи въ Италіи „montes pietatis“ (т. е. нынѣшніе ломбарды), учрежденія благотворительнаго характера, основывавшіяся и управлявшіяся духовенствомъ, почему между прочимъ ломбарды свѣтскіе, въ отличіе отъ первыхъ, назывались „montes profani“. Эти новые банки были учреждены для того, чтобы доставить бѣднымъ дешевый кредитъ, избавить ихъ отъ ростовщиковъ, а также содѣйствовать устройству для нихъ и госпиталей. Папы изъявили имъ свое одобреніе и получили офиціальную санкцію на 5-мъ Латеранскомъ соборѣ, не смотря на сильную опозицію многихъ прелатовъ. Едва ли, однако, можно считать этотъ кредитъ „дешевымъ“, такъ какъ ссуда подъ ручной залогъ выдавалась не менѣе какъ за 7, 8 и даже 10 процентовъ; нѣкоторые свѣтскіе банки, какъ напримѣръ Генуэзскій, учредили такія „montes pietatis“ въ пользу бѣдныхъ на пожертвованія, сдѣланныя богатыми; иные же устраивали подобныя кассы только для виду, прикрывая ими, какъ вывѣскою, свои спекуляціи, вообще съ теченіемъ времени это, вначалѣ благотворительное учрежденіе, подало поводъ къ многимъ злоупотребленіямъ.

И въ Неаполѣ также издавна процвѣтало банкирское дѣло. Но вслѣдствіе предубѣжденія какъ господствовавшихъ тамъ испанцевъ, а также и духовенства—эта спеціальность была предоставлена евреямъ, такъ что послѣ ихъ изгнанія оттуда Петромъ Толедскимъ (въ 1540 г.) Неаполь остался совершенно безъ подобныхъ учрежденій. Только въ 1573 году сами горожане основали банкъ, но опять таки благотворительный, для выдачи ссудъ подъ залоги; вслѣдъ затѣмъ было учреждено много другихъ, подобныхъ же, удѣлявшихъ часть своихъ денегъ для выкупа должниковъ отъ долговой кабалы, для выдачи приданаго дѣвушкамъ хорошаго поведенія, освобожденія христіанъ изъ турецкой неволи, или же поддержанія госпиталей, съ которыми иные такіе банки находились даже въ весьма тѣсной связи. Однако, къ концу XVI столѣтія въ Неаполѣ вновь значительно размножились частные банки и имъ то обязанъ своимъ происхожденіемъ нынѣшній вексель, переходящій отъ одного лица къ другому, до истеченія своего срока. Національный Венеціанскій банкъ, опасаясь этого нововведенія, положительно отъ него отказался. Но въ началѣ XVII столѣтія вексель былъ уже въ общемъ употребленіи у купцовъ. Въ 1593 г. городъ Миланъ, находившійся во владѣніи испанцевъ, подалъ просьбу губернатору о дозволеніи учредить банкъ, который удовлетворялъ бы потребности не однихъ торговыхъ и промышленныхъ людей, но служилъ бы интересамъ и другихъ классовъ.

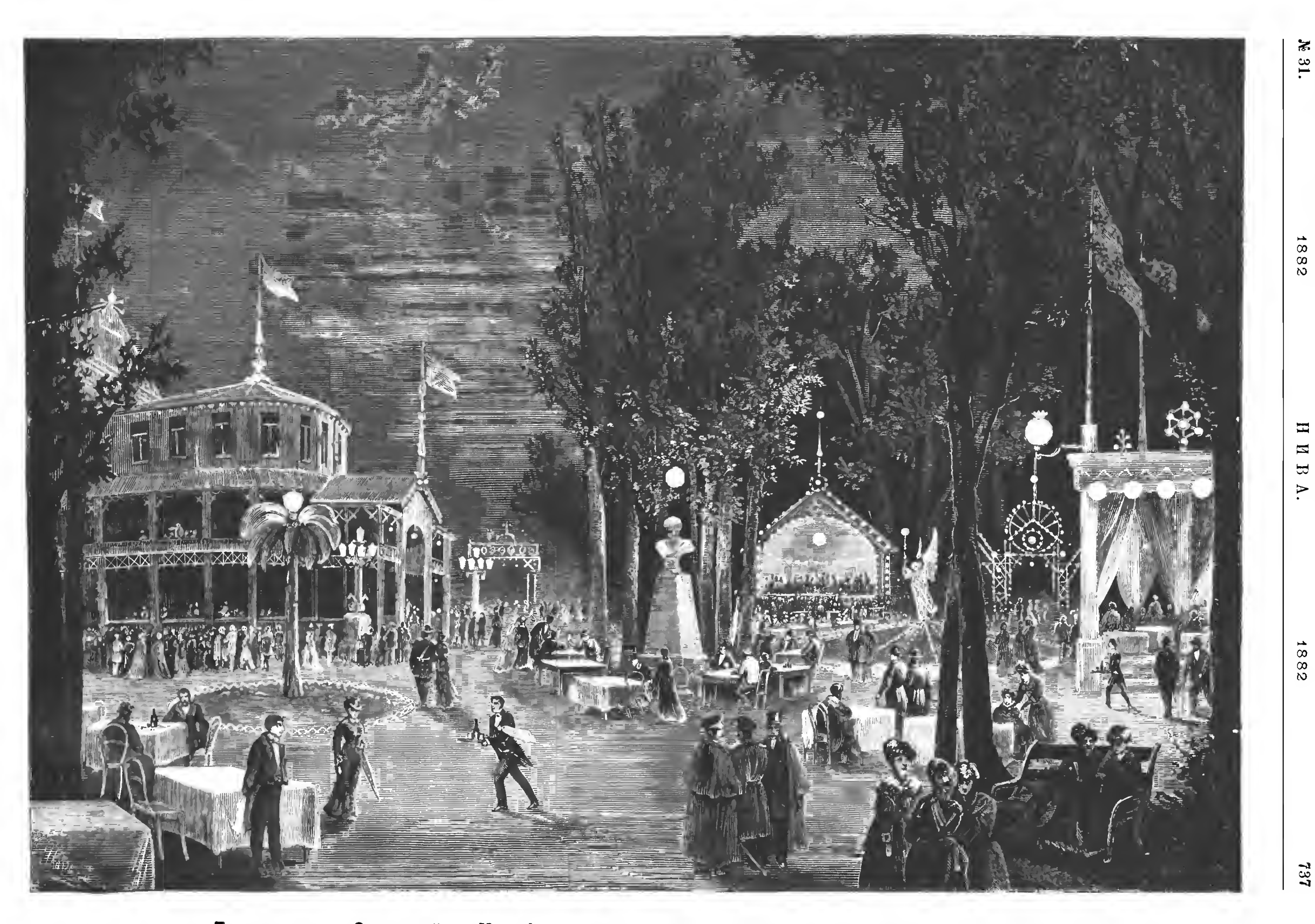
Банкъ (получившій названіе банка св. Амвросія), настоящимъ основателемъ котораго, собственно, считается миланскій гражданинъ Іоаннъ-Антонъ Цембри, былъ учрежденъ на весьма солидныхъ началахъ и предназначенъ для вексельныхъ оборотовъ, причемъ купцы, по словамъ Цембри, нашли вексель чрезвычайно удобнымъ (удобство это вскорѣ было понято и частными лицами); при банкѣ было устроено особое помѣщеніе для совѣщанія торговыхъ людей „о важныхъ дѣлахъ“; то было нѣчто въ родѣ нынѣшней биржи. И это учрежденіе быстро достигло значительнаго успѣха. Подобно другимъ, онъ тоже пріобрѣлъ участіе въ завѣдываніи заложенными ему податями и пошлинами съ водокъ, муки, угля и т. д. Своимъ сочленамъ онъ выплачивалъ $4\frac{1}{2}$ процента дивиденда. Но когда, впослѣдствіи, и у этого банка было отобрано право взимать подати, онъ пришелъ въ упадокъ.

Первымъ государственнымъ банкомъ, собственно, былъ основанный въ 1622 г., въ Сіэнѣ. Получая пособіе (въ 10 тысячъ скуди) отъ Тосканскаго великогерцогскаго правительства, этотъ банкъ велъ свои обороты очень осторожно, выдавая 5 процентовъ дивиденда и удѣляя изъ выгодъ въ пользу монастырей и бѣдныхъ.

Къ числу древнѣйшихъ банковъ внѣ Италіи относится Барселонскій, основанный въ 1349 г., Брюггенскій и Антверпенскій, открытые въ срединѣ XV столѣтія. Въ Германіи же, въ тѣ времена, денежныя дѣла, банкирскіе обороты производились торговыми домами—Фуггеровъ и Вельзеровъ въ Аугсбургѣ, Руландовъ въ Ульмѣ, Имгофовъ и Волькамеровъ въ Нюрнбергѣ и другими, устраивавшими для германскихъ князей и императоровъ займы на тѣхъ же условіяхъ и основаніяхъ, какъ и Перуцци и иные банкиры во Флоренціи. И они, точно также, заработали милліоны на различныхъ податяхъ, налогахъ и проч. Ихъ примѣру слѣдовали часто незначительные купцы и даже ремесленныя общества, желавшіе нажиться банкирскими оборотами; простой народъ довѣрялъ имъ свои деньги, но часто для того, чтобы не получать ихъ обратно. Въ 1609 г. учрежденъ былъ въ Амстердамѣ банкъ по образцу Венеціанскаго и Генуэзскаго, но съ тѣмъ различіемъ, что не спекулировалъ на ввѣренныя ему деньги. Позднѣе же, въ XVIII столѣтіи, когда онъ отказался отъ этого правила, его кредитъ совершенно упалъ, такъ что банкъ, ограничиваясь самою узкою сферою дѣятельности, еле дотянулъ до 1820 года, въ которомъ и былъ закрытъ. Десять лѣтъ спустя послѣ основанія Амстердамскаго банка, былъ учрежденъ первый банкъ въ Германіи, именно въ Гамбургѣ, затѣмъ были открыты: въ 1621 г. въ Нюрнбергѣ, въ 1635 году въ Роттердамѣ и въ 1657 г. въ Стокгольмѣ.

Въ 1694 г. открытъ шотландцемъ Уильямомъ Паттерсономъ Лондонскій банкъ, пріобрѣвшій большое значеніе не только въ Англіи, но и во всемірномъ денежномъ рынкѣ. Въ Вѣнѣ первый банкъ былъ открытъ въ 1703 г., въ Парижѣ—въ 1716 г. извѣстнымъ Лоу, въ Копенгагенѣ—въ 1736 г. и Берлинѣ—въ 1765 г. Этотъ послѣдній—„Прусскій банкъ“, основанный Фридрихомъ II, какъ государственное учрежденіе, ликвидированъ въ 1846 г. и реорганизованъ, а нынѣ превращенъ въ Германскій Имперскій Банкъ.

М. В. Лентовскій. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.



Театръ и садъ „Эрмитажъ“ въ Москвѣ. Ориг. рис. нашего спеціальн. корреспонд. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Всероссійская промышленно-художественная выставка.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

(Рис. на стр. 724, 725 и 732).

Видъ выставки съ высоты птичьяго полета.

Изъ семидесяти пяти тысячъ нашихъ подписчиковъ, разбросанныхъ по всему пространству Россіи, навѣрно большей части не прійдется лично побывать въ Москвѣ въ настоящее время и лично полюбоваться и ознакомиться съ полною живаго интереса Промышленно-художественной выставкою. Мы поэтому задались цѣлью невозможности ознакомить съ выставкою эту большую часть нашихъ подписчиковъ и составили опредѣленную программу обзора даннаго событія, сущность которой вѣроятно уже замѣчена и оцѣнена нашими почтенными читателями и читательницами.

Прежде всего „Нива“ предложила подробный планъ помѣщенія выставки. Этотъ планъ, хотя и выраженный мертвыми линіями, даетъ возможность читателю оріентироваться съ самаго начала обзора—осмотрѣться, что называется и безъ труда отмѣчать на планѣ тѣ детали, которыя непрерывно стали изображаться и описываться нами въ послѣдующихъ номерахъ журнала. При выборѣ деталей мы руководствовались тѣми соображеніями, чтобы во всякомъ отдѣлѣ отмѣтить именно самое выдающееся, какъ въ художественномъ исполненіи своихъ витринъ, такъ, главное, и въ томъ крупномъ значеніи, которое это избранное имѣетъ въ торгово-промышленной жизни нашего отечества. Мало по малу, идя изъ номера въ номеръ журнала, мы уже дали читателямъ цѣлый рядъ вѣрныхъ рисунковъ, сопровождаемыхъ безпристрастными описаніями, дадимъ и еще больше, но все таки планъ и детали не могутъ вполнѣ передать всего впечатлѣнія грандіозности и шири всероссійскаго предпріятія—этой выставки, которая является крупнѣйшимъ явленіемъ не только у насъ въ Россіи, но и между всѣми колоссальными выставками Европы и Америки, носившими громкое названіе всемірныхъ. Для того чтобы хотя сколько нибудь подѣлиться съ читателями именно общимъ впечатлѣніемъ, которое производитъ Московская выставка, мы даемъ видъ ея, снятый съ высоты птичьяго полета, большой рисунокъ, на которомъ читатель можетъ отыскать всѣ мельчайшія точки выставки, окинуть глазомъ всѣ ея пункты, ихъ взаимное расположеніе и связь—и даже ихъ внѣшнія формы.

Отъ самаго центра нашей первопрестольной столицы, отъ Кремля, именно отъ Иверскихъ воротъ тянется самая большая и прямая какъ стрѣла Тверская улица. Тверскою она называется потому, что продолженіемъ ея по тому же направленію идетъ большая шоссированная дорога въ городъ Тверь—большое Питерское шоссе, нѣкогда полное жизни и движенія, теперь же упраздненное, благодаря болѣе современному способу сообщенія—желѣзной дорогѣ. На перекресткѣ Тверской улицы—тамъ гдѣ ее пересѣкаетъ бульварный поясъ въ проѣздѣ между Тверскимъ бульваромъ и Страстнымъ, какъ разъ противъ памятника А. С. Пушкина, находится главная станція конно-желѣзныхъ дорогъ и здѣсь съ утра до ночи кипятъ оживленныя толпы публики, съ боя занимая непрерывно отходящія отсюда конножелѣзные вагоны. Вагоны эти обыкновенно наполняются въ нѣсколько секундъ—сверхъ комплекта и медленно движутся по Тверской безконечной перспективѣ, вереницами, почти безъ промежутковъ—это все ѣдетъ на выставку. Двадцать минутъ ѣзды и передъ вами красивая тройная арка тріумфальныхъ воротъ, влѣво красивый вокзалъ Смоленской дороги—вправо и впередъ безконечная зелень Петровскаго парка и другихъ окрестностей. Отсюда Тверское шоссе идетъ тремя путями параллельными и обсаженными кудрявыми липами. Часть этого шоссе-бульвара показана на нашемъ рисункѣ на первомъ планѣ, занимая наискось весь правый, нижній уголъ картины. Помѣщеніе выставки примыкаетъ къ шоссе своимъ лицевымъ фасомъ, отступая отъ него саженъ на полтораста. Поровнявшись съ правымъ угломъ восточнаго четвероугольника, рельсы желѣзно-конной дороги поворачиваютъ круто на лѣво и подвозятъ публику вплотную къ боковому входу художественнаго отдѣла, близъ соединенія его съ отдѣломъ второй группы. Если читатели припомнятъ нашъ первый обзоръ и указанія на порядокъ и способъ прогулокъ на выставкѣ, то намъ незачѣмъ теперь еще разъ повторять, предлагая читателямъ только не увлекаться пестротою картинъ, составить себѣ напередъ планъ обзора и строго держаться этого, разъ намѣченнаго, плана.

Громадное квадратное пространство, занятое выставкою и окруженное съ трехъ сторонъ—ровною поверхностью Ходынскаго поля, застроенное разнохарактерными оригинальными сооруженіями, представляетъ собою по истинѣ картину грандіозную. Но особенно интересенъ — лѣвый уголъ лицеваго фасада, гдѣ сосредоточены колоссальныя сооруженія паровыхъ водоподъемныхъ машинъ, гдѣ тянется, занимая большую часть лѣваго фасада—это павильонъ-гигантъ, подъ сводами котораго спокойно и просторно размѣстились—артиллерійскій отдѣлъ съ своими чудовищными батареями, морской съ цѣлыми лодками и всякими приборами—машинный не съ моделями заводовъ, а съ цѣлыми заводами, во всю свою величину и наконецъ желѣзно-дорожный отдѣлъ, съ цѣлыми полными образцами поѣздовъ съ локомотивами, тендерами и вагонами всѣхъ родовъ и классовъ—это подземное царство вулкана, это цѣлый волшебный міръ, царство человѣческаго разума и знанія.

Оглушенный свистомъ пара, пыхтѣньемъ паровыхъ поршней, грохотомъ колесъ и лязгомъ желѣза, посѣтитель, уже усталый конечно, такъ какъ въ машинный отдѣлъ трудно попасть сразу, ищетъ сравнительнаго покоя и отдыха и возвращается опять черезъ павильонъ девятой группы въ центральный садъ. Размѣры выставки такъ велики, что до сада уже не доносятся заводскіе звуки. Въ прохладѣ и тѣни, здѣсь звучитъ музыка—плещутъ серебристыя струи фонтановъ и привѣтливо маня жаждущихъ, ютятся по четыремъ угламъ красивыя, уютныя палаточки съ прохладительными напитками.

Предложенный нами рисунокъ, съ высоты птичьяго полета, мы совѣтуемъ читателямъ разсматривать вмѣстѣ съ планомъ (№ 21 „Нивы“) тогда можно легко отыскать по немъ какой угодно пунктъ выставки, сообразить всѣ входы и выходы, всѣ способы перемѣщенія изъ одного отдѣла въ другой, однимъ словомъ основательно ознакомиться съ выставкою даже не имѣя возможности посѣтить ее лично, что и составляетъ цѣль нашего журнала, посвятившаго данному событію столько страницъ рисунковъ и литературнаго текста.

Слѣдующій нашъ рисунокъ изображаетъ интересную перспективу средняго прохода второй группы, гдѣ представительствуетъ — типографское, издательское дѣло, учебная педагогическая дѣятельность, музыкальная, инструментальная, фотографическая и пр. Этотъ отдѣлъ наиболѣе интересенъ для детальнаго изученія и говорить о немъ подробно мы будемъ при каждомъ отдѣльномъ случаѣ; теперь же ограничиваемся лишь указаніемъ на павильонъ журнала „Нива“, расположенный на первомъ планѣ рисунка, подробный видъ котораго уже помѣщенъ нами въ предъидущемъ номерѣ.

Къ рисункамъ.

Какъ теперь живется въ Ирландіи.

(Рис. на стр. 729).

Читатели достаточно знакомы, и изъ политическаго обозрѣнія нашего журнала, и изъ спеціальныхъ статей, съ нынѣшнимъ печальнымъ положеніемъ въ Ирландіи. Въ сегодняшнемъ номерѣ мы даемъ наглядную, такъ сказать, картину того, до чего тамъ уже дошло. Дублинскимъ дамамъ и кавалерамъ надоѣло невыносимо-тягостное осадное положеніе, надоѣлъ этотъ гнетущій страхъ ежеминутной опасности. Хочется развлечься, хочется устроить блестящее собраніе, устроить одинъ изъ тѣхъ веселыхъ и элегантныхъ баловъ, какихъ бывало не мало и въ Дублинѣ въ прежнее время и на которомъ такъ хорошо было-бы забыть но нѣсколько часовъ это несносное настоящее. И вотъ балъ назначенъ въ такой-то день, приглашенія разосланы. Балъ, значитъ, будетъ, но — дастъ-ли онъ то забвеніе, которое желалось-бы? Едва-ли и, даже, не едва-ли, а положительно нѣтъ. Взгляните на нашъ рисунокъ. Сначала вы видите молодую особу уже одѣтую для бала, но — что такое ей подаетъ ея горничная? Она ей подаетъ ея вѣеръ и „ея револьверъ“! Далѣе, внизу, одной изъ миссъ кавалеръ набрасываетъ sortie de bal, держа, по новой, недавно усвоенной „привычкѣ“ въ зубахъ опять-таки „ея револьверъ“; другой молодой дамѣ подаютъ на блюдѣ револьверы на выборъ изъ „домашняго запаса“, а рядомъ—кавалеръ уже болѣе или менѣе спокоенъ, что какъ нибудь доѣдетъ до бала — въ рукахъ его „двустволка“, дама около него тоже приготовилась выходить на подъѣздъ, къ экипажу, револьверъ уже въ ея узенькой, аристократической рукѣ. Наконецъ—въ третьемъ отдѣленіи рисунка изображенъ поѣздъ отправляющихся веселиться подъ охраною отряда вооруженныхъ полицейскихъ. И все это — не выдумка, не шутка карикатуриста, а совершенная истина. Такъ, на пригласительныхъ бальныхъ билетахъ, разсылаемыхъ вице-королемъ въ Дублинѣ стоятъ буквы „P. P. G.“ что означаетъ „Police Protection guaranteed“, т. е. приглашеннымъ обезпечено покровительство полиціи. Дѣло въ томъ, что въ Ирландіи нападенія, аграрныя убійства возобновились съ новою силою. Едва-ли тамъ проходитъ одинъ день безъ извѣстія о новомъ преступленіи. Недавно, напримѣръ, были убиты управляющій лорда Кланрикорда, м-ръ Блэкъ и его слуга, Кэдъ, причемъ убійцы успѣли скрыться, несмотря на то, что ужасное дѣло совершено ими среди бѣлаго дня и въ полумилѣ отъ городка Лодфри. Жена Блэка, находив-

шаяся въ экипажѣ вмѣстѣ съ мужемъ и раненая выстрѣломъ, слишкомъ испугалась для того, чтобы остановить лошадей, которыя прискакали въ городъ. Полиція немедленно-же явилась съ нею на мѣсто происшествія; произведено 23 ареста, но— увѣренности, что схвачены именно виновные, до сихъ поръ нѣтъ. Въ то же самое время совершены въ различныхъ мѣстностяхъ другія подобныя-же преступленія, а въ Дублинѣ вновь арестовано съ полдюжины лицъ, подозрѣваемыхъ въ убійствѣ землевладѣльца Кенни, который, какъ предполагаютъ, самъ принадлежалъ къ тайному обществу.

Новая Ратуша (Hôtel de Ville) въ Парижѣ.

(Рис. на стр. 733).

15 іюля Парижъ праздновалъ отрытіе своей Ратуши, отстроенной вновь послѣ пожара 28 мая 1871 г. Въ этотъ день 15 іюля, исполнилось 350 лѣтъ со времени заложенія перваго камня въ фундаментѣ знаменитаго памятника, свидѣтеля длинной эпопеи всевозможныхъ переворотовъ яростной борьбы, радостныхъ и кровавыхъ событій. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ въ немъ засѣдали власти города и старшины купеческаго сословія, теперь же въ республиканскомъ Парижѣ пресловутые „избранники народа,“ члены городскаго совѣта, торжественно открываютъ новый домъ городскаго управленія. Зданіе совершенно перестроено и во многомъ напоминаетъ древній „Hôtel de Ville;“ кажется, что этотъ безсмертный памятникъ исчезалъ только временно и убравшись и заново украсившись, вновь выросъ изъ земли. Исторія Ратуши тѣсно связана съ исторической жизнью самаго великаго города, называемаго французами „столицей міра,“ и повѣствованіе объ основаніи и преобразованіяхъ этого зданія должно быть необходимо въ связи съ исторіей Парижа. Цезарь, овладѣвъ небольшимъ городомъ Лютеціей, столицей „Паризіанъ,“ лишилъ этотъ городъ, за оказанное ему упорное сопротивленіе, нѣкоторыхъ правъ и обложилъ тяжелой данью. Римляне, какъ народъ практическій, скоро замѣтили выгодное положеніе Лютеціи для торговыхъ сношеній съ провинціями, орашаемыми Сеной и притоками ея Марной и Уазой и учредили въ этомъ городѣ Паризіанъ (который по имени его обитателей сталъ называться Парижемъ) торговую компанію, которой, для ея поощренія, даны были большія права и привилегіи. Парижане, отягченные непосильными налогами въ пользу завоевателей, рѣшили сами учредить торговое товарищество, чтобы получить, дарованныя этимъ обществамъ привилегіи и освобожденіе отъ налоговъ. Тѣсно сплотившись и дружно принявшись за дѣло, они скоро достигли того, что торговыя дѣла ихъ были въ блестящемъ положеніи. Для защиты своихъ интересовъ и внутренняго управленія они начали выбирать изъ своей среды старшинъ. Изъ среды ихъ впослѣдствіи и Римляне начали набирать офицеровъ въ свои войска и лицъ, которыя занимали разныя общественныя должности и управляли городомъ подъ наблюденіемъ завоевателей. Франки, завоевавъ эту провинцію, сохранили въ ней римскіе порядки и ничего не измѣняли въ обычаяхъ народа. Учрежденіе товарищества, за оказанныя новымъ завоевателямъ услуги, поддерживалось и поощрялось, а главы этой корпораціи, воспользовавшись выгоднымъ положеніемъ, захватили въ свои руки администрацію и управленіе дѣлами и сдѣлались властителями города. Авторитетъ общества поддерживался также основательнымъ знаніемъ ими римскихъ законовъ и обычаевъ страны. Наконецъ могущество этой компаніи возрасло до того, что позднѣе, во времена Франкской монархіи, вопреки желаніямъ королей, это торговое товарищество стало корпораціей сословной, во главѣ городскаго управленія. Мѣсто, гдѣ собирались для совѣщаній представители города, было названо „le parloir aux bourgeois.“ Въ средніе вѣка во время борьбы вассаловъ съ королями и набѣговъ Норманновъ, когда страна подвергалась опустошеніямъ и раззоренію, Парижскіе буржуа заботились объ охраненіи города и ревностно оберегали древніе обычаи, права и привилегіи столицы королевства. Въ теченіи двухъ послѣднихъ вѣковъ буржуа съ настойчивостью и энергіею продолжали отстаивать права и привиллегіи Парижа. Вотъ краткое резюме происхожденія муниципальнаго управленія Парижа.

Со времени основанія Парижа торговля была всегда однимъ изъ самыхъ главныхъ предметовъ, о которомъ заботилась и которое охраняло муниципальное управленіе. Отсюда понятно и происхожденіе герба города—лодка—т. е. первоначальный видъ купеческаго судна. Сословіе купцовъ для различныхъ совѣщаній (какъ уже было сказано выше) собиралось въ „Parloir aux bourgeois“ гдѣ сходились прежде только муниципальныя власти; потомъ мѣсто ихъ собраній стало называться „Maison de la marchandise“. Когда сословія купцовъ и буржуа слились вмѣстѣ, то собраніе старшинъ города и представителей купеческаго сословія въ 1357 году было перенесено въ общественный домъ, названный „Hôtel de Ville“ и находившійся около порта св. Іакова. въ кварталѣ, гдѣ жили самые богатые купцы, знатныя фамиліи буржуа, изъ которыхъ избирались по большей части городскіе головы. Наконецъ Этіенъ Марсель, старшина, подарилъ городу домъ на площади Grève на мѣстѣ этого дома и была выстроена ратуша (Hôtel de Ville). 15-го іюля 1533 года въ присутствіи главъ муниципальнаго совѣта, представителей города и громаднаго стеченія народа былъ заложенъ первый камень новаго зданія. Религіозныя войны остановили эту работу, которая была возобновлена только при Генрихѣ IV и окончена въ 1608 году. Во время первой революціи Hôtel de Ville сильно пострадалъ и Наполеонъ I хотѣлъ выстроить новое зданіе, но событія отвлекли его вниманіе отъ этого. Въ 1835 году муниципальный совѣтъ различными пристройками увеличилъ размѣры Hôtel de Ville и въ этомъ видѣ онъ оставался до пожара 1871 года.

Зданіе новой ратуши обошлось въ 40 милліоновъ франковъ и по истинѣ можетъ служить украшеніемъ богатаго, знаменитаго города. Главный фасадъ производитъ прекрасное впечатлѣніе и имѣетъ самый величественный видъ. Ратуша закончена вполнѣ только снаружи, многія залы еще совсѣмъ не отдѣланы и во время празднества были только временно декорированы; оно выстроено архитекторомъ Баллю, который во время торжества былъ награжденъ командорскимъ крестомъ.

На празднество 15 іюля собрались всѣ представители города, члены муниципальнаго совѣта, члены дипломатическаго корпуса, представители иностранныхъ державъ и мн. др. Улицы около Hôtel de Ville были прекрасно убраны и украшены флагами а вечеромъ была зажжена великолѣпная иллюминація. Празднество открылось парадомъ, въ которомъ участвовала муниципальная гвардія, два пѣхотныхъ и кавалерійскій полки, которые прослѣдовавъ съ музыкой по улицамъ, направились во дворъ Ратуши. Въ прекрасной залѣ Ратуши, убранной флагами, знаменами и гербами, прекрасными гобеленами и роскошной стѣнной живописью, собрались всѣ приглашенныя частныя и офиціальныя лица. Ровно въ 6 часовъ звуки музыки возвѣстили о прибытіи президента республики Греви, который явился въ сопровожденіи блестящей свиты. Вскорѣ всѣ двери столовой были открыты и гости, подъ звуки музыки, прослѣдовали къ столу. Залъ имѣлъ роскошный видъ и блестѣлъ огнями 14 люстръ, электрическими солнцами и 64 канделябрами а столы украшены роскошными цвѣтами. Банкетъ прошелъ очень оживленно и было сказано много обычныхъ въ такихъ случаяхъ рѣчей. Парижъ по справедливости можетъ гордиться своей новой Ратушей.

Садъ „Эрмитажъ“ въ Москвѣ.

(Рис. и портр. на стр. 736 и 737).

Общественные увеселительные сады въ жизни каждаго города играютъ роль далеко немаловажную. Они служатъ мѣстомъ развлеченія и отдыха послѣ трудовъ дня, центромъ сближенія общества — и, кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ, являются ареною музыкальнаго и сценическаго искусства. Первое мѣсто между такими садами принадлежитъ безспорно саду Эрмитажъ въ Москвѣ, завѣдуетъ которымъ бывшій артистъ-пѣвецъ, а теперь извѣстнѣйшій и популярнѣйшій антрепренеръ М. В. Лентовскій. Причины небывалаго успѣха и популярности Лентовскаго надо искать не въ какихъ-либо счастливыхъ случайностяхъ, играющихъ обыкновенно важную роль въ такихъ дѣлахъ, не отсутствію конкуренціи, благодаря купленнымъ монополіямъ, что тоже бываетъ очень часто, но единственно ради того талантливаго и живаго отношенія къ дѣлу, ради той любви къ искусству, чѣмъ всегда отличался любимый Москвою антрепренеръ съумѣвшій и здѣсь въ Петербургѣ скоро завоевать себѣ добрую славу и общее сочувствіе. Будь Лентовскій только антрепренеръ въ торговомъ, эксплуатаціонномъ значеніи этого слова, заработывай онъ какія угодно фантастическія барыши, это не сдѣлало-бы его имя настолько почтеннымъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Дѣло въ томъ, что будучи самъ бѣднымъ актеромъ, пѣвцомъ, онъ съ энергіею взялся за дѣло антрепренера. не ради барышей а единственно ради самаго дѣла, ради успѣха и развитія театральнаго дѣла у насъ на Руси, между русскими артистами.

Комическая опера стала появляться у насъ не особенно давно, впервые познакомили насъ съ нею сцены императорскихъ театровъ, какъ французская—михайловская труппа такъ и другія. Извѣстныя всѣмъ комическія оперы долго не сходили съ репертуара императорскихъ театровъ, затѣмъ впервые открылся въ Петербургѣ спеціальный театръ Буффъ—бывшій казенный циркъ, пополнявшій свои труппы исключительно иностранными артистами и артистками. Русской опереточной труппы не существовало ни одной и ни одному антрепренеру не приходило въ голову создать такую труппу, — всѣ были увѣрены въ томъ, что молъ такое дѣло не по плечу русскимъ артистамъ, что имъ нельзя будетъ конкурировать съ французами, что отъ нихъ немного наживешь барышей и пр. и пр.

И вотъ М. В. Лентовскій берется смѣло за такое дѣло; онъ не боится ни французской конкуренціи, ни убыточныхъ операцій — онъ не гонится за барышами, и съ любовью приступаетъ къ созданію русской труппы для комическихъ оперъ и оперетъ, работаетъ ревностно... Глубоко понимаетъ самъ дѣло и умѣетъ передать это понимаемое другимъ и, наконецъ, появляется въ свѣтъ, сразу завоевывая себѣ вниманіе публики и искреннее сочувствіе всѣхъ. ставитъ дѣло уже не на исключительно комерческую ногу. но на болѣе соотвѣтствующую значенію театра, даетъ ему надлежащее положеніе.

Съ тѣхъ поръ какъ попадаетъ въ руки Лентовскаго садъ

Эрмитажъ — онъ дѣлается любимымъ мѣстомъ Москвы, на его сценѣ появляются одна за другою десятки новыхъ комическихъ оперъ и разыгрываются съ дружнымъ ансамблемъ въ блестящей, истинно-художественной постановкѣ. У талантливаго антрепренера нѣтъ мелочей ни въ чемъ, доброе правило для всѣхъ антрепренеровъ вообще, но часто неисполняемое, какъ декораціи и костюмы, такъ и всякая, даже маленькая хоровая роль, обдуманы и строго выдержаны. Всегда товарищеское, человѣчное отношеніе антрепренера ко всѣмъ артистамъ безъ разбора, внѣ сцены, даетъ антрепренеру возможность, не затрогивая ничьего самолюбія, ввести самую строгую дисциплину — залогъ порядка и успѣха...

При такихъ условіяхъ, подъ такимъ руководствомъ, труппа комической оперы сада Эрмитажъ развивается быстро и обогащается отдѣльными, первыми исполнителями настолько, что является возможность изъ одной московской труппы выдѣлить еще двѣ съ полными персоналами и сильными хорами.

Одна изъ этихъ выдѣленныхъ труппъ играетъ въ Петербургѣ, другая въ Нижнемъ-Новгородѣ. М. В. Лентовскій, съ неослабной энергіей носится и туда и сюда, вездѣ успѣваетъ гдѣ надо — не унываетъ ни отъ какихъ неудачъ, и въ послѣднее время, когда менѣе чѣмъ въ часъ вспыхнулъ и сгорѣлъ въ Петербургѣ до тла его театръ — „Аркадія" со всѣми строеніями, онъ даетъ новый примѣръ распорядительности и энергіи... Не проходитъ и двадцати дней послѣ катастрофы, какъ на погорѣломъ мѣстѣ, словно чудомъ, изъ подъ земли выростаетъ новое прекрасное зданіе.

Принявъ все это во вниманіе мы предлагаемъ на страницахъ „Нивы" портретъ М. В. Лентовскаго и видъ его московскаго сада Эрмитажъ, во время полной вечерней иллюминаціи.

Политическое обозрѣніе.

Франція и Италія въ египетскомъ вопросѣ.—Перемѣна министерства во Франціи.—События въ Египтѣ.—Австро-Венгрія.—Присоединеніе Люксембурга къ Германіи.

Въ настоящую минуту мы видимъ въ египетской траги-комедіи „перемѣну декораціи" — на время ли только, или нѣтъ, трудно сказать и предвидѣть; но перемѣна произошла весьма важная: Франція и Италія отказались отъ вмѣшательства въ дѣла Египта. Однако — передадимъ все по порядку: Французское правительство сначала, какъ читатели уже знаютъ, не рѣшавшееся выступить столь же энергично, какъ Англія, затѣмъ приняло это рѣшеніе, хотя и въ извѣстныхъ предѣлахъ; министерство Фрейсинэ опредѣлило отправить десантный окупаціонный отрядъ въ 4.000 человѣкъ, для чего потребовался кредитъ въ 9,500,000 франковъ; вслѣдствіе того министерство и обратилось къ палатамъ о разрѣшеніи кредита; мы уже приводили, отчасти, пренія по этому вопросу въ палатѣ депутатовъ, а также между прочимъ и мнѣніе Гамбетты, поддерживавшаго, въ этотъ разъ, министерство. Необходимо сказать здѣсь, что египетскій вопросъ уже теперь раздвоился: 1) собственно на вопросъ о возстановленіи власти хедива и вообще status quo ante, и 2) на вопросъ объ обезпеченіи безопасности Суэзскаго канала. Фрейсинэ, говорившій въ заключительный день преній, заявилъ, что Франція, которую никто не можетъ заставить вмѣшаться въ дѣла Египта, ограничится только обороной канала, сообща съ другими державами; но — не смотря на всѣ его доводы въ пользу необходимости поддержанія не одннхъ интересовъ, но и значенія Франціи въ глазахъ мусульманскаго міра, не смотря на то, что онъ поставилъ свое требованіе въ связь съ существованіемъ кабинета — палата депутатовъ огромнымъ большинствомъ 450 голосовъ противъ 75, отказало въ кредитѣ и министерство подало въ отставку. Такое рѣшеніе палаты имѣло прямымъ своимъ послѣдствіемъ перемѣну французской политики въ отношеніи египетскихъ дѣлъ, т. е. политика активная оставлена и уступила мѣсто невмѣшательству; есть уже извѣстіе, что Греви поручаетъ составленіе новаго кабинета тому же Фрейсинэ, но только изъ сторонниковъ именно невмѣшательства; вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ вооруженія въ арміи и флотѣ пріостановлены, а адмиралу Конраду послано предписаніе. въ случаѣ столкновеній, держаться строгаго нейтралитета. Что касается Италіи, то на предложеніе участвовать въ высадкѣ и окупаціи Египта, предложенія. сдѣланнаго ей и Англіей, и Франціей, Манчини далъ сначала уклончивый отвѣтъ, теперь же онъ отвѣчалъ совершенно категорично, что въ виду того, что Порта безусловно согласилась на предложенія, сдѣланныя ей въ тожественныхъ нотахъ державъ, итальянское правительство не находитъ возможнымъ входить по египетскому вопросу въ какія нибудь соглашенія помимо конференціи.

Порта, съ своей стороны, возвѣстила о согласіи послать войска въ Египетъ, но, при этомъ, однако, выразивъ надежду, что немедленно по вступленіи ихъ туда — войска иностранныя выйдутъ оттуда.

А между тѣмъ Англія продолжаетъ усиленно вооружаться и уже отправляетъ отряды, вытребовавъ и изъ Индіи 5.000 чел. Рѣшилась ли она идти одна и добиться своихъ цѣлей? Теперь пока державы выказываютъ сдержанность, выражаютъ, какъ бы, пассивное несочувствіе ея дѣятельности въ Египтѣ; но ограничатся ли онѣ „сдержанностью" въ томъ случаѣ, если она не „сдержитъ", наконецъ, своихъ алчныхъ порывовъ во славу и процвѣтаніе британскихъ интересовъ...

Впрочемъ, Англія — не совсѣмъ одна: Испанія вновь заявила о томъ, что и она весьма заинтересована въ вопросѣ обезпеченія свободы плаванія въ Суэзскомъ каналѣ; къ этому прибавляютъ, что Испанія спѣшитъ улучшеніемъ своего флота.

Извѣстія объ Араби-Пашѣ чрезвычайно сбивчивы. То онъ раскаляетъ фанатизмъ арабовъ, и объявивъ священную войну, готовится къ отчаянной битвѣ, то — наоборотъ, обращается къ хедиву съ мирными предложеніями, проситъ разрѣшенія удалиться въ монастырь (съ сохраненіемъ ему полковничьяго чина). Едва-ли можно повѣрить этому слуху (замѣтимъ, что большинство извѣстій идутъ изъ англійскихъ источниковъ, надлежащимъ образомъ цензируемыхъ, но, впрочемъ, проскальзываютъ и изъ другихъ), едва-ли можно ему повѣрить, судя по тому какъ Араби-Паша велъ дѣло до сихъ поръ или судя по письму къ Гладстону, написанному до бомбардированія, но появившемуся только теперь (если это письмо — не вымышленное); въ немъ, онъ, между прочимъ пишетъ: „...Англія можетъ быть увѣрена въ томъ, что первый выстрѣлъ, направленный противъ Египта, освободитъ египтянъ отъ всѣхъ заключенныхъ ими договоровъ, условій и конвенцій, что контролю и уплатѣ долга наступитъ конецъ, что имѣніе европейцевъ будетъ конфисковано, каналы разрушены, сообщенія прерваны и что воспользуются религіознымъ пыломъ мусульманъ для проповѣдыванія священной войны въ Сиріи и Аравіи. Съ другой стороны, онъ предлагаетъ Англіи и мирное соглашеніе, въ силу котораго Египетъ станетъ оберегать ея интересы, ея путь въ Индію, сдѣлается ея союзникомъ.

Англія не захотѣла этого соглашенія, такъ какъ желаетъ, вѣроятно прибрать Египетъ поближе къ рукамъ, не захотѣла и требуетъ отъ султана, чтобы онъ объявилъ Араби-Пашу мятежникомъ. Султанъ еще не выполнилъ этого желанія Англіи, за то его выполнилъ хедивъ. Онъ объявилъ Араби-Пашу мятежникомъ, но Араби, въ свою очередь, собралъ засѣданіе улемовъ, старшинъ и другихъ значительныхъ лицъ, которые объявили хедива внѣ закона и поручили Араби-Пашѣ вести войну до крайности. Египетскій вождь намѣренъ воспользоваться наступающимъ разливомъ Нила, чтобы затопить возможно большее пространство страны и затруднить тѣмъ движеніе непріятеля. Говорятъ еще, что силы его возрасли до 50 тысячъ чел., что къ нему примкнули бедуины, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ и что войска свои онъ стягиваетъ къ каналу.

Врядъ-ли Англія скоро справится съ такими „инсургентами".

Австрія все не можетъ сладить совершенно съ своими. Въ Герцеговинѣ — въ ущельяхъ, по горамъ, все еще есть уставшіе. И что ихъ много это можно видѣть изъ того, что австрійскія войска не перестаютъ нести развѣдочную службу до сихъ поръ, причемъ, въ области, отъ Зубцовъ, близь Кривошіи и до границы Новобазарскаго санджака нерѣдко у нихъ происходили схватки съ славянами. Мы уже не разъ напоминали о тлѣющемъ огнѣ... И — да не потухнетъ онъ... Во Львовѣ, кончился процессъ русскихъ, судившихся и осужденныхъ за то, что они хотятъ (и будутъ!) говорить на своемъ языкѣ, хотятъ отстоять свою русскую національность, хотятъ остаться вѣрными своей вѣрѣ. Впрочемъ, несмотря на всѣ старанія австрійскаго прокурора запугать панславизмомъ, большинство оправдано, а Наумовичъ, Плющанскій, Шиндеръ и Залусскій признаны виновными въ нарушеніи общественнаго спокойствія (очевидно — не въ чемъ было обвинить, такъ изобрѣли это „нарушеніе") и приговорены къ тюремному заключенію на время отъ 8 до 3 мѣсяцевъ. Надо ихъ спрашивать о томъ — въ выигрышѣ-ли тѣ, кому этого желалось? И намъ сдается, что русины, понимающіе хорошо интересы своего народа, своей великой семьи, не могутъ быть недовольны, какъ, конечно, ни жаль почтенныхъ лицъ, къ которымъ „придрались" австрійскія власти...

Князь Бисмаркъ продолжаетъ расширять предѣлы Германіи: вскорѣ, повидимому, состоится присоединеніе къ имперіи великаго герцогства Люксембургскаго. Говорятъ, будто его, въ этомъ, поддерживаетъ Англія, которой онъ, съ своей стороны, оказалъ „дружескую" услугу въ египетскомъ вопросѣ.

Библіографія

Переломъ, романъ Б. М. Маркевича. 1882. Спб. 2 т. Романъ этотъ имѣлъ, какъ извѣстно, значительный успѣхъ, и теперь вышелъ отдѣльно. Онъ служитъ продолженіемъ другаго прекраснаго романа того же автора „Четверть вѣка назадъ" и представляетъ огромный интересъ для читателя. Чрезвычайное разнообразіе, живость и сила изображенія прида-

ютъ ему особенное значенiе. Авторъ вводитъ читателя въ кругъ нашей аристократiи въ самую интересную эпоху прошлаго царствованiя—эпоху предшествовавшую реформѣ 19 февраля. Близко знакомый съ дѣятелями этого перiода, широкой кистью рисуетъ передъ нами авторъ портреты дѣйствовавшихъ въ то время лицъ, членовъ знаменитой коммисiи, и для тѣхъ кто зналъ всѣхъ выведенныхъ лицъ особенно цѣнна и замѣтна мѣткость типовъ и характеристикъ. Герои *Перелома* обрисованы жизненно и правдиво. Типы княжны Киры, Троекурова, Ольги Елпидифоровны, Ашанина — стоятъ предъ вами какъ живые. Болѣе дѣланнымъ отзывается типъ соцiалиста Овцына, хотя и въ немъ подмѣчено много вѣрныхъ чертъ. Вся интрига ведется съ обычнымъ автору мастерствомъ и умѣньемъ, заинтересовывая читателя отъ первой строки до послѣдней. Наконецъ, что самое главное, весь романъ представляетъ олицетворенiе тѣхъ традицiй, которыхъ держалась литература въ свои лучшiя времена пушкинскаго и гоголевскаго перiодовъ. Въ немъ нѣтъ и слѣда тѣхъ, часто возмутительныхъ и антихудожественныхъ, прiемовъ творчества, которыми полны тенденцiозныя беллетристическiя произведенiя „новѣйшихъ" авторовъ. Художественная мѣра чувствуется во всемъ; слогъ отдѣланъ такъ тщательно что можетъ служить образцомъ для молодыхъ писателей. Нѣкоторыя длинноты хотя нѣсколько и мѣшаютъ общему впечатлѣнiю, но все-же *Переломъ* слѣдуетъ причислить къ наилучшимъ литературнымъ произведенiямъ последняго трехлѣтiя. Читатели наши впрочемъ знакомы со свойствами замѣчательнаго таланта г. Маркевича по напечатанной въ „Нивѣ" въ позапрошломъ году по повѣсти „Лѣсникъ", принадлежащей къ самымъ выдержаннымъ его произведенiямъ.

Вышеградъ*).

Надъ тихою Волтавой
Развалинъ Вышеграда,
Величественно въ Прагѣ
Возносится громада.

* * *

Тамъ пѣсни раздавались
Безсмертнаго Люмира,
Играли звонко гусли—
Пѣвцовъ славянскихъ лира!

* * *

Когда-то обитаемъ
Князьями, королями
Былъ замокъ Вышеграда
Съ высокими стѣнами!

* * *

И трубы, и литавры
Гремѣли тамъ порою
А рыцари боролись
Иль тѣшились игрою...

Развалины сѣдыя
Однѣ лишь о твердынѣ,
О замкѣ неприступномъ
Свидѣтельствуютъ нынѣ!

* * *

Нѣтъ рыцарей отважныхъ,
Нѣтъ Чехiи свободной,
Хотя къ борьбѣ нещадной
Стремится духъ народный!

* * *

Но въ дивныхъ пересказахъ
Царя пѣвцовъ Люмира,
Дѣла ихъ сохранились
Для лѣтописей мiра!

* * *

При звукахъ древней пѣсни,
Величiе былаго
И слава Вышеграда
Встаютъ предъ нами снова.

В. М—ръ.

Смѣсь.

Въ спб. зоологическомъ саду антрепренеръ г. Ростъ, въ теченiи нѣсколькихъ лѣтъ уже посвящаетъ усилiя доставить петербуржцамъ развлеченiя, въ которыхъ они находятъ прiятное, соединенное съ полезнымъ. Онъ поставилъ прекрасно цѣлую феерiю въ 10 картинахъ. Уже съ 4-хъ часовъ публика обыкновенно наполняетъ садъ, а къ 9-ти часамъ вечера число посѣтителей достигаетъ большой цифры—въ первый день было до 15 тысячъ человѣкъ, частью, по обыкновенiю, разсыпающихся по аллеямъ, частью толпящихся предъ прусскимъ оркестромъ, предъ ловкими акробатами, предъ клѣтками дикихъ звѣрей. Главную приманку вечера составляетъ роскошно поставленная, пьеса „Путешествiе вокругъ свѣта въ 80 дней".

Не мало трудовъ потратилъ антрепренеръ, чтобы показать петербургскимъ жителямъ это произведенiе Ж. Верна (извѣстное всѣмъ столичнымъ сценамъ Европы) въ достойной обстановкѣ. Съ этою цѣлью имъ были приглашены и особый балетмейстеръ (г. Клясъ), съумѣвшiй оживить пьесу прелестными танцами, и костюмерша берлинскаго театра Викторiи (г-жа Кеземахеръ), костюмы которой отличались замѣчательнымъ вкусомъ и свѣжестью. и декоратора (г. Гартвига), переносящаго зрителя своими декорацiями во всѣ тѣ страны, которыя въ теченiе 10 картинъ актовъ проходятъ предъ его глазами разнообразной панорамой, и, наконецъ, машиниста того-же театра Викторiи (г. Гейслера), вполнѣ содѣйствовавшаго успѣху пьесы. Приготовленiя потребовали трудовъ цѣлаго мѣсяца и трудовъ, за то, заслужившихъ полнѣйшаго одобренiя публики, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдящей за столь хорошо обставленнымъ и переданнымъ сюжетомъ „фантазiи" французскаго писателя. Сюжетъ, между прочимъ, состоитъ въ томъ, что одинъ изъ членовъ лондонскаго клуба „эксцентриковъ" м-ръ Филлеасъ Фоггъ держалъ съ четырьмя своими товарищами пари о томъ, что въ 80 дней совершитъ кругосвѣтное путешествiе и, потому 21-го декабря, въ 9 часовъ вечера, возвратится назадъ. На сценѣ изображенъ пароходъ „Мангolія", на которомъ Фоггъ отправляется, въ числѣ другихъ пассажировъ, въ Каиръ. Оттуда Фоггъ плыветъ въ Индiю, на о. Борнео и далѣе и, послѣ испытанныхъ имъ въ дальнѣйшемъ путешествiи всевозможныхъ приключенiй и несчастiй, возвращается и, въ указанный день и часъ, входитъ въ клубъ. Предѣлы нашей статьи не даютъ намъ, конечно, возможности передать въ подробности содержанiе всѣхъ 10 картинъ, изображающихъ перипетiи путешествiя; скажемъ только, что картины замѣчательно хороши, а послѣдняя—нѣчто феерически прекрасное. Я. Г. Ростъ, удостоивается каждый разъ многочисленныхъ вызововъ, но оваціи достигли своего апогея въ ту минуту, когда г. Гюнцбургъ поднесъ ему на сценѣ, отъ имени всѣхъ артистовъ, серебряный вѣнокъ, на листьяхъ котораго отчеканены имена всѣхъ участниковъ. Кромѣ того, г. Росту были поднесены и другiе подарки, какъ напримѣръ лавровый вѣнокъ, съ вензелевымъ изображенiемъ Е. Р., изящный серебряный несессеръ, серебряный подносъ съ графиномъ, шестью стаканами и т. д. Всего въ саду въ этотъ вечеръ было 15 тысячъ человѣкъ публики.

Увеличенiе вывоза ржи изъ Америки. Америка постоянно идетъ впередъ въ своей производительности. Такъ мы замѣчаемъ чрезвычайно быстрые успѣхи въ постройкѣ длинныхъ желѣзно-дорожныхъ линiй и каналовъ; занятiе на западѣ земледѣльческихъ участковъ принимаетъ все бо́льшiе размѣры. Въ послѣднее время стали особенно заботиться увеличенiемъ вывоза ржи и съ этой цѣлью предпринимаютъ регулированiе судоходныхъ рѣкъ. Учрежденная правительствомъ коммиссiя сдѣлала уже въ земледѣльческихъ округахъ предложенiе объ этомъ регулированiи. Она назначаетъ сумму въ 33 миллiона долларовъ на регулированiе рѣкъ между Аллеганами и Скалистыми горами, на пространствѣ, занимаемомъ четырнадцатью штатами. Билль этотъ долженъ въ скоромъ времени пройти въ законодательномъ собранiи. Между тѣмъ, въ силу уже принятаго билля, въ которомъ пока разрѣшена выдача пяти миллiоновъ долларовъ на регулированiе Миссисипи и Миссури, будетъ приступлено къ исполненiю этого грандiознаго плана уже въ iюлѣ текущаго года. Черезъ это судоходство на Миссисипи будетъ облегчено и въ особенности вывозъ ржи изъ внутреннихъ штатовъ черезъ Нью-Орлеанъ чрезвычайно увеличится. Эти четырнадцать штатовъ составляютъ пространство, производящее главнымъ образомъ рожь, и уже значительная часть ея вывозится теперь въ Европу. Когда этотъ водный путь будетъ регулированъ, то нагруженiе ржи на суда приметъ громадные размѣры, такъ какъ въ настоящее время бо́льшая часть ржи изъ внутреннихъ штатовъ привозится по желѣзной дорогѣ въ Нью-Iоркъ, Филадельфiю и Бостонъ, а тогда по болѣе дешевому водному пути будетъ вывозиться за границу.

Воздухоплаванiе. Любителей воздухоплаванiя или вѣрнѣе теоретиковъ и практиковъ аэронавтовъ не пугаютъ несчастiя, постоянно ихъ преслѣдующiя, и не удерживаютъ ихъ отъ новыхъ попытокъ. Извѣстно, что въ настоящее время двумя способами стараются добиться изобрѣтенiя управляемаго воздушнаго судна и существуютъ двѣ партiи, стремящiяся къ одной цѣли по двумъ различнымъ путямъ. Одна изъ нихъ—та, которая довольствуется уже извѣстными средствами, стараясь только ихъ усовершенствовать, считаетъ содѣйствiе наполненнаго газомъ шара необходимымъ для воздухоплаванiя. Партiя эта желаетъ достигнуть лишь возможности управлять воздушнымъ шаромъ, что безъ сомнѣнiя, будетъ достигнуто. Къ неутомимымъ изобрѣтателямъ и экспериментаторамъ этой партiи принадлежитъ въ Германiи оберъ-форстмейстеръ Баумгартенъ, опыты котораго въ Берлинѣ потерпѣли много неудачъ. Однако, 31-го iюля

*) Это стихотворенiе написано къ симфонiи чешскаго композитора Сметаны, исполненной въ Павловскѣ.

1879 года въ Грюнѣ, близъ Хемница, вполнѣ удался опытъ съ довольно большой моделью управляемаго воздушнаго судна съ крыльями, и возможность управленія такого судна была вполнѣ доказана, но къ сожалѣнію только на модели. Другая партія совершенно отвергаетъ необходимость шара и хочетъ плавать по воздуху посредствомъ механическаго аппарата. Стараются все еще подражать птичьему полету и птичьимъ крыльямъ, несмотря на общее мнѣніе всѣхъ физиковъ, что этимъ путемъ достигнуть цѣли невозможно. И къ этому стремятся не фантазирующіе диллетанты, а большею частью спеціалисты наукъ, инженеры съ основательнымъ знаніемъ физики и математики, которые неоспоримыми цифрами доказываютъ на бумагѣ, что летучій аппаратъ изобрѣсти такъ-же легко, какъ рѣшить нетрудную математическую задачу. Всѣмъ этимъ мечтателямъ представится въ скоромъ времени случай привести свои идеи въ исполненіе. *Великобританское общество воздухоплаванія* дѣлаетъ въ 1883 году большую выставку и приглашаетъ всѣхъ изобрѣтателей летучихъ машинъ прислать свои модели и планы.

Отважное предпріятіе намѣревается совершить одинъ молодой, атлетическаго сложенія норвежецъ Ф. Норманъ. Онъ хочетъ въ лодкѣ, на веслахъ, совершить путешествіе черезъ Атлантическій океанъ. Норманъ предполагаетъ заказать лодку въ 12 фут. длины, 4 фут. ширины и 2½ фут. глубины съ крутой кормой и носомъ. Такъ называемый плавающій якорь будетъ служить для того, чтобы удерживать лодку противъ вѣтра, если отважный пловецъ захочетъ заснуть, но и это будетъ сдѣлано только въ томъ случаѣ, если будетъ дуть противный вѣтеръ. Норманъ надѣется что Гольфстромъ окажетъ ему большую помощь въ его путешествіи. Приготовлять себѣ горячую пищу во время плаванія онъ не будетъ; провизія должна состоять изъ сухарей, мясныхъ и овощныхъ консервовъ, сгущеннаго кофе и 50 галлоновъ воды. Непогоды онъ не боится и говоритъ, что на своей сѣверной родинѣ онъ еще въ молодости бывалъ въ морѣ во время самыхъ сильнѣйшихъ бурь. Кромѣ собственнаго желанія и доказательства—что можетъ вынести сильный опытный морякъ, къ путешествію этому его побуждаетъ огромное пари объ успѣхѣ предпріятія, которое онъ выиграетъ въ случаѣ удачи.

Средство противъ дифтерита. Въ виду безчисленнаго множества жертвъ, которыя названная болѣзнь, особенно въ послѣдніе годы, похищаетъ у человѣчества, отъ души желательно, чтобы носящійся слухъ объ открытіи въ Вюрцбургѣ въ Юліанскомъ госпиталѣ, въ этомъ извѣстномъ убѣжищѣ медицинской науки, новаго средства противъ дифтерита, подтвердился-бы на дѣлѣ. Одинъ изъ ассистентовъ профессора Герарда сдѣлалъ множество опытовъ леченія этимъ новымъ средствомъ—цинолиномъ. Цинолинъ есть составная часть каменноугольнаго дегтя и образуетъ съ виннокаменной кислотой прочное соединеніе. Результаты леченія ужасной болѣзни помощью виннокислаго цинолина блестящіе.

Врачебный рецептъ для вызова веселаго настроенія духа, есть новая достопримѣчательность въ области фармакологіи, случайно открытая профессоромъ, докторомъ Лютонъ въ Реймсѣ. Онъ прописалъ одному своему паціенту, страдавшему ревматическими болями въ сочлененіяхъ, лекарство, состоявшее изъ смѣси tinctura ergotini 5,0 граммовъ и natron phosphoricum 1,5 грам. Въ слѣдующее посѣщеніе паціентъ сообщилъ доктору, что онъ послѣ принятія прописаннаго лекарства забылъ о существованіи упорной болѣзни и чувствуетъ себя въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Вскорѣ послѣ того профессоръ Люттонъ имѣлъ случаи прописывать то же лекарство другимъ больнымъ и результаты всегда получались блестящіе, особенно у больныхъ женщинъ. Наблюденія эти натолкнули его на мысль, что медикаментъ этотъ, имѣя свойство возвышать духъ и развеселять, можетъ служить дѣйствительнымъ средствомъ при душевныхъ волненіяхъ, при упадкѣ духа, въ меланхоліи, ипохондріи и т. п. Онъ сообщилъ это доктору душевныхъ болѣзней Адаму, который и испыталъ это средство на шести больныхъ, страдавшихъ меланхоліей. Результатомъ было то, что всѣ шесть паціентовъ, послѣ принятія микстуры, почувствовали общее благосостояніе, легкость, веселое возбужденіе, и легкія, пріятныя галюцинаціи — короче упадокъ духа, который единственно составлялъ болѣзнь этихъ людей, исчезъ; и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока лекарство еще дѣйствовало на организмъ. Докторъ Адамъ дѣлалъ дальнѣйшіе опыты на самомъ себѣ и на другихъ, измѣняя пріемы микстуры; онъ самъ принималъ tinctura ergotini 9,0 грам. и natron phosphoricum 2,7 и три часа спустя послѣ пріема испытывалъ ощущенія совершенно схожія съ тѣми, которыя получаются при употребленіи хорошаго вина, выпитаго въ небольшомъ количествѣ. Подобное состояніе длилось два часа. То же испытывали и два другихъ лица, принявшихъ точно такую-же дозу, какъ докторъ Адамъ; у одного изъ нихъ было даже нѣчто въ родѣ охмѣленія, сопровождавшагося тѣми-же послѣдствіями, какія бываютъ послѣ употребленія вина, т. е. головной болью и потерей аппетита.

Змѣи обладаютъ удивительной живучестью, онѣ могутъ, напримѣръ, довольно долго прожить безъ дыханія; змѣя, удерживаемая подъ водой, живетъ еще почти цѣлый часъ. Феликсъ Бойль такъ описываетъ свой опытъ. „Мы положили, говоритъ онъ, гадюку подъ колоколъ воздушнаго насоса и выкачали изъ него воздухъ, насколько было возможно. Змѣя сначала подымалась и вытягивала голову, какъ бы ища воздуха; вскорѣ послѣ этого у нея выступила изо рта пѣна, тѣло ея начало пухнуть все больше и больше и наконецъ сильно вздулось, а на спинѣ образовался родъ волдыря. Спустя ½ часа гадюка все еще выказывала признаки жизни; затѣмъ тѣло ея сдѣлалось неподвижнымъ, пасть была широко раскрыта, языкъ неподвиженъ и высунутъ наружу, внутренность рта черна, слуховыя отверстія открыты. Спустя 23 часа я впустилъ воздухъ и увидѣлъ, какъ гадюка моментально закрыла ротъ, затѣмъ опять раскрыла и оставила его въ такомъ положеніи; если ее при этомъ жечь или сдавливать сильно хвостъ, то нѣкоторое время во всемъ тѣлѣ еще замѣчаются признаки жизни. Впослѣдствіи я дѣлалъ множество опытовъ, кладя ядовитыхъ змѣй подъ колоколъ воздушнаго насоса; выкачавъ воздухъ, я оставилъ ихъ въ спокойномъ мѣстѣ. Одна изъ нихъ съ 10 или 11 часовъ вечера оставалась подъ колоколомъ до 9 часовъ утра слѣдующаго дня и только казалась мертвой, когда же я поднесъ ее къ окну, она выказала признаки жизни, высунувъ языкъ; я ее оставилъ въ этомъ положеніи и на другой день послѣ обѣда нашелъ ее уже мертвой; наканунѣ закрытая пасть была теперь широко раскрыта, какъ-бы съ силою разорвана.“

Ужи также очень живучи, ихъ можно держать болѣе получаса безъ пищи. Одинъ ужъ жилъ десять мѣсяцевъ въ неволѣ, принимая, и то только изрѣдка, нѣсколько муравьиныхъ личинокъ. Если ужа разрѣзать на куски, то голова и туловище долго еще не теряютъ признаковъ жизни.

Ленцъ отрѣзывалъ ножницами голову кулику такъ, чтобы часть шеи въ ⅓ дюйма длины оставалась при головѣ. Три четверти часа и даже болѣе голова эта еще трепещится и только спустя часъ съ четвертью она не показываетъ признаковъ жизни. Тѣло безъ головы трепещется семь часовъ и, брошенное въ воду, плаваетъ съ медленными, неловкими и безцѣльными движеніями. Кромѣ того Ленцъ распарывалъ его, причемъ туловище сильно изгибалось, вынималъ внутренности и сшивалъ опять кожу, такъ что оставался только одинъ остовъ съ прикрѣпленными къ нему мускулами; даже и въ этомъ случаѣ тѣло изворачивается и трепещетъ еще нѣкоторое время.

Ленцъ въ своей книгѣ о змѣяхъ приводитъ еще два примѣра живучести ужа. Такъ онъ послалъ нѣсколько живыхъ ужей главному аптекарю въ Вейзенбергѣ г. Герману, одинъ изъ которыхъ уже четверть года находился въ неволѣ. Германъ положилъ его въ Liqu. ammon. caust. и онъ продолжалъ шевелиться въ этой жидкости около четверти часа, прежде чѣмъ умереть. Другой ужъ, котораго Кляйнъ послалъ доктору Гофману, былъ положенъ въ банку со спиртомъ и оставался тамъ цѣлыхъ ¼ часа живымъ, даже когда туда влили унцію сѣрной кислоты и герметически закупорили банку, змѣя жила еще восемь минутъ.

Изобрѣтеніе для поданія первоначальной помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Основатель самаритянскаго общества въ Килѣ профессоръ, докторъ Эсмархъ, видя на практикѣ, что большинство людей получающихъ пораненія на фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ и въ тысячѣ другихъ несчастныхъ случаяхъ страдаютъ, даже умираютъ больше отъ потери крови, чѣмъ отъ самыхъ ранъ, изобрѣлъ бинтъ, помощью котораго можно, не обладая никакими медицинскими или хирургическими познаніями, подать помощь раненому и даже спасти его отъ смерти, могущей послѣдовать вслѣдствіе истеченія крови въ значительномъ количествѣ. Такъ какъ артеріи идутъ отъ сердца къ конечностямъ тѣла, то для того чтобы помѣшать истеченію изъ нихъ крови черезъ рану нужно туго перевязать членъ выше раны, т. е. ближе къ сердцу. Крестообразнымъ-же забинтовываніемъ члена при помощи эластичнаго бинта можно настолько сблизить между собою пораненные кровеносные сосуды, что ни одна капля крови не выйдетъ изъ забинтованнаго мѣста. Но, гдѣ-же, спрашивается, въ моментъ несчастія взять подобный бинтъ? Доктору Эсмарху пришла благая мысль приспособить этотъ бинтъ такъ, чтобы онъ въ обыкновенное время могъ служить помочами (подтяжками) и носился-бы всегда, а въ случаѣ несчастія служилъ-бы эластичнымъ бинтомъ. При употребленіи этихъ помочей для остановки крови ихъ сворачиваютъ въ тугой валикъ и забинтовываютъ пораненный членъ, причемъ кровь моментально останавливается и раненнаго уже безъ всякой опасности за его жизнь можно везти къ врачу.

Тушеніе нефтяныхъ пожаровъ. Извѣстно, какъ часто происходятъ страшныя несчастія вслѣдствіе воспламененія бочекъ и вообще хранилищъ нефти. Обыкновенной причиной ихъ служитъ неосторожное приближеніе огня къ кранамъ, вслѣдствіе чего сначала раздается взрывъ паровъ а затѣмъ воспламеняется самая жидкость. Огонь распространяется приэтомъ съ быстротой поистинѣ ужасающей и неудержимой. Ради противодѣйствія возникающей отсюда страшной опасности предлагаютъ помѣщать около каждой бочки большую закупоренную бутыль, наполненную сгущеннымъ аммiакомъ (нашатырнымъ спиртомъ), такъ чтобы при малѣйшемъ взрывѣ или соприкосновеніи съ огнемъ, стекло разбивалось. Выдѣленіе въ большомъ количествѣ аммiачнаго пара тотчасъ прекращаетъ начавшееся горѣніе. Средство это было уже не разъ испытано изобрѣтателемъ. Его можно было бы примѣнить для тушенія пожаровъ въ копяхъ, вслѣдствіе воспламененія взрывчатыхъ газовыхъ смѣсей. Не спасшись отъ огня, рабочіе могли бы погибать тогда отъ задушенія въ атмосферѣ, переполненной аммiачными парами.

Новый маякъ. Недавно отстроили во Франціи, близъ Марселя, новый маякъ, который считается самымъ высокимъ изъ всѣхъ, имѣющихся въ этой странѣ. Вышина его 67 метровъ (метръ=22½ верш.) Освѣщается онъ электрическимъ свѣтомъ, распространяющимъ свои лучи изъ огромнаго фонаря на громадное разстояніе.

Физическій опытъ: Кампилометръ.

Кампилометръ.

Кампилометръ, устроенный лейтенантомъ Гоме, представляетъ небольшой карманный инструментъ, имѣющій своимъ назначеніемъ опредѣлять очень просто и наглядно: во-первыхъ метрическую длину какой угодно линіи, прямой или кривой, изображенной на картѣ или планѣ и во-вторыхъ—естественную длину соотвѣтствующую размѣру графическихъ картъ, имѣющихъ $\frac{1}{80,000}$ и $\frac{1}{100,000}$ своимъ масштабомъ.

Устройство кампилометра основано на свойствѣ микрометрическаго винта, который тотъ-же Гоме очень остроумно примѣнилъ при изобрѣтеніи имъ карманнаго телеметра.

Кампилометръ состоитъ изъ зубчатаго круга, котораго окружность должна въ точности равняться пяти центиметрамъ. Обѣ стороны этого круга имѣютъ различную систему дѣленія: одна раздѣлена на сорокъ, другая-же на пятьдесятъ частей, причемъ самая окружность круга (5 центиметровъ) соотвѣтствуетъ 4-мъ километрамъ при масштабѣ $\frac{1}{80,000}$ и 5-ти километрамъ при масштабѣ $\frac{1}{100,000}$. Зубчатый дискъ движется на микрометрическомъ винтѣ въ уровень съ линейкой, на которой намѣчены градусы разстоянія, сообразно съ объемомъ винта а также различныя долготы.

Чтобы пользоваться кампилометромъ стоитъ лишь поставить нуль круга противъ нуля линейки, потомъ дать инструменту перпендикулярное положеніе, руководясь при этомъ остроконечнымъ указателемъ придѣланнымъ къ его оправѣ, и потомъ провести зубчатый кругъ по той прямой или кривой линіи, которую желательно измѣрить. Окончивъ эту операцію, остается лишь замѣтить послѣдній градусъ линейки, при которомъ остановился кругъ и прибавить къ величинѣ этого градуса ту дополнительную долготу, которая получается отъ дѣленія круга, приходящагося противъ линейки. Не вдаваясь въ слишкомъ спеціальныя подробности примѣненія кампилометра къ различнымъ, очень сложнымъ, выкладнымъ прямыхъ и кривыхъ линій картъ и плановъ самаго разнообразнаго масштаба, мы только можемъ сказать одно, что это инструментъ чрезвычайно простой по устройству а вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ удобствомъ замѣняющій тѣ долгіе и неточные пріемы, которые до сихъ поръ употреблялись при разборѣ плановъ и картъ. Съ кампилометромъ можно легко обойтись безъ компаса и двойнаго дециметра а также, безъ обозначенія графическаго масштаба, часто недостающаго въ той части карты, которой приходится пользоваться. Кромѣ того онъ можетъ прилагаться къ вычисленію всякаго рода кривыхъ линій, не заставляя прибѣгать при этомъ къ очень сложному иногда вычисленію. Кромѣ того кампилометръ можетъ принести большую пользу офицерамъ генеральнаго штаба при необходимыхъ измѣреніяхъ разстояній, при военныхъ движеніяхъ, тѣмъ болѣе что этотъ карманный инструментъ можно легко употреблять во время похода, помѣщая его на ладони руки или даже на сѣдлѣ и такимъ образомъ не слѣзая съ лошади производить необходимыя математическія выкладки.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.**

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ ЧАСЫ

(изъ никкелированнаго никеля).

Анкерные, заводящіеся безъ ключа (въ ручку).

Открытые большаго или средняго размѣра 14 руб.

Тоже малаго размѣра 15 р.

Закрытые большого или средняго размѣра 16 руб.

Тоже, малаго размѣра 17 р.

Ручательство на одинъ годъ.

Въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ,

поставщика Высочайшаго Двора. Въ **С.-Петербургѣ:** на Невскомъ проспектѣ, д. № 23. (противъ Большой Конюшенной).

Въ Москвѣ: на Рождественкѣ, на углу Кузнецкаго моста, д. № 6, Торлецкаго.

Пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно. 10—5

Только что вышелъ изъ печати Систематическій сборникъ ариеметическихъ задачъ на цѣлыя числа". Составилъ **А. Владимірскій.** Цѣна 50 коп. Складъ изданія въ магазинѣ Салаева, въ Москвѣ.

Выписывающіе отъ автора, за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Адресъ: Нижній-Новгородъ, Александровскій институтъ. Ц. № 2182

Ж. ШАНСОНЪ.

Большой выборъ буквъ для мѣтки бѣлья, съ несмываемою краскою, безъ всякой подготовки. Цѣна штемпеля 50 к., буквы по 10 к., корона 20 к., пункты по 3 к. **Краска для мѣтки бѣлья:** № 1-й 50 к. № 2-й 80 к.

Ц. 8 р., съ перес. 9 руб. Наборъ 6 азбукъ.

передвижные штемпеля, чрезвычайно удобные для печатанія бланокъ, визитн карточекъ, мѣсяца, чиселъ, года и пр. и пр. Краска разныхъ цвѣтовъ и подушки для печатанія на бумагѣ. Приборы ящиковъ съ буквами разныхъ величинъ по 3, 5, 8, 12, 15, 20, 25 р. и дороже.

Принимаю также заказы на всякаго рода гравированія на металлахъ и каучуковые штемпеля.

Москва, на Петровкѣ, д Яковлева.

Петербургъ, Пассажъ, 1-я гал., № 54.

За перес. прилагаютъ 15% сверхъ цѣны. Прейсъ-курантъ высыл. по востребованію.

На время нижегородской ярмарки—подъ главнымъ домомъ, № 15. А. № 2123

СТРАХОВАНІЕ БИЛЕТОВЪ

по **50 коп.** въ конторѣ

П. ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.

Москва, Тверская, 31.

Условія продажи билетовъ съ задаткомъ въ 15 р. высылаются безплатно. П. № 2072. 8—7.

Усовершенствованные 2-хъ и 3-хъ-колесные (Bicycles) **ВЕЛОСИПЕДЫ** (Tricycles) послѣдняго типа и только извѣстнѣйшихъ заводовъ.

Примѣненные для далекихъ путешествій.

Въ Складѣ Американскихъ издѣлій Ж. Блокъ. Представитель для всей Россіи.

СПБургъ—Невскій, 16. **Москва** | уг. Кузнецк. моста. Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

ПРОСЬБА.

Покорнѣйше прошу почтеннѣйшую публику, покупающую мой Шведскій бальзамъ „ЭЛЕОПАТЪ" для укрѣпленія волосъ и противъ перхоти кожи головы, требовать непремѣнно **„ЭЛЕОПАТЪ" Провизора Кинунена**, такъ какъ въ продажѣ явились подражанія „ЭЛЕОПАТУ," дающія поддѣльному бальзаму большое сходство съ моимъ препаратомъ: Адресъ мой: Главное Депо: „ЭЛЕОПАТА." Пассажъ магаз. № 52, въ С.-Петербургѣ. № 2154.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ

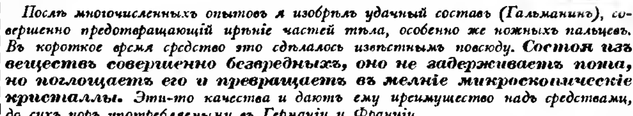
„ЭЛЕОПАТЪ" только провизора Кинунена.

NB. Не смѣшивать съ „ОЛЕОПАТОМЪ".

„Элеопатъ" употребляется противъ перхоти головы, и есть незамѣнимое, вѣрное средство для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ; пользуется всеобщимъ довѣріемъ тѣхъ лицъ, которыя употребляли это новое цѣлебное средство Продается во всѣхъ аптекахъ и лучшихъ косметическихъ магазинахъ и лабораторіяхъ.

Для **иногородныхъ** заказчиковъ и покуп. высылается не менѣе 2 флак. за 4 р., содержащ. 240 грам. При высылкѣ денег. на заказъ, необходимо указать вотъ этотъ адресъ для гг. иногородныхъ: пишите: **ВЪ ГЛАВНОЕ ДЕПО „ЭЛЕОПАТА", ПАССАЖЪ, МАГ. № 52, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, такъ какъ всякое изобрѣтеніе, пользующееся хорошею репутаціею подвергается поддѣлкѣ, то покорнѣйше прошу почтен. публику требовать только „ЭЛЕОПАТЪ" провизора КИНУНЕНА и точность и надпись КИНУНЕНА и остерегаться подражаній,—настоящій мой препаратъ назыв.ется „ЭЛЕОПАТЪ".** № 2149

ГАЛЬМАНИНЪ.



Послѣ многочисленныхъ опытовъ я изобрѣлъ удачный составъ (Гальманинъ), совершенно предотвращающій ирѣніе частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. ***Составъ изъ веществъ совершенно безвредныхъ, оно не задерживаетъ пота, но поглощаетъ его и превращаетъ въ мелкіе микроскопическіе кристаллы.*** *Эти-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами, до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.*

Гальманинъ, осушая части тѣла, дѣлаетъ невозможнымъ ихъ прѣніе; по этому лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно разъ въ нѣсколько дней при помощи ваты, полотна или кисточки натереть Гальманиномъ прѣющія части чтобы избѣгнуть непріятныхъ послѣдствій, какимъ подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе жаркіе дни.

☞ ***Вполнѣ ручаясь за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина,*** *что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей,* ***прошу публику остерегаться поддѣлокъ и покупать Гальманинъ только въ коробочкахъ, снабженныхъ моею фирмою.*** ☜

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 коп., малая 30 коп. **В. Карпинскій.**

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Электоральная, № 35.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

К. БАУХЪ.

Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болей, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя. № 1908

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть *Вс. С. Соловьева.* Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника *И. С. Панова.* Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подписч. „Нивы 1881 г. 1 р. 80 к., съ перес. 1 р.

!!! НѢТЪ ПОЖАРОВЪ !!!

Слишкомъ 3,000 мѣстностей запаслись въ текущемъ году моими **новоизобрѣтенными ручными пожарными насосами** пріобрѣвшіе уже себѣ громкую извѣстность во всей Европѣ.

ЦѢНЫ НЕИМОВѢРНО ПОНИЖЕННЫЯ.

Насосъ за 5 руб., выбрасываетъ въ часъ 120 ведеръ воды на высоту 3 этажей.

Насосъ за 10 руб. (американской конструкціи) съ непрерывной струей, выбрасываетъ въ 1 часъ 200 ведеръ воды на высоту 4 этажей

За упаковку и пересылку въ данную мѣстность взимается по 2 руб. сер. со штуки 5 рублевыхъ насосовъ, и по 3 руб. сер. съ 10 рублевыхъ.

Выписывающимъ сразу 25 насосовъ, упаковка и провозъ до мѣста назначенія не считаются.

Несосъ на колесахъ съ резервуаромъ и рукавомъ за 30 рублей, выбрасываетъ въ 1 часъ 300 ведеръ воды на высоту 5 этажей.

Выписывающимъ сразу 10 штукъ скидки 15%.

Всѣ три огнегасительные насосы дѣйствуютъ даже помощью 10 лѣтняго мальчика и замѣчательно примѣняются для сбрызгиванія садовъ, улицъ, полей, баттановъ и чистки растеній отъ насѣкомыхъ.

Послѣ полученія денегъ немедленно слѣдуетъ отправка насосовъ.

Исключительная продажа у Генриха Барыцкаго владѣльца торговаго дома „Commerce Russe" въ Варшавѣ.

Деньги, письма, посылки, телеграммы адресовать: **Генрихъ Барыцкій, Варшава.**

Гг. требующихъ объясненій и заявляющихъ желаніе быть агентами, просимъ препровождать на отвѣтъ 14 к. марками. № 2177

Складъ бумажныхъ картузовъ (мѣшковъ)

ФАБРИКИ

АВГУСТА НАУМАНА и К°.

Чернышевъ переулокъ, Маріинская линія, № 11. нынѣ пріобрѣтенъ мною и дополненъ разными сортами картузовъ, писчими и оберточными бумагами.

Господъ покупателей покорнѣйше прошу адресовать свои требованія на мое имя по вышеозначенному адресу. № 2176 3—3

Купецъ **Е. К. Кудрявцевъ.**

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ

ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Безподобное и всѣмъ доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.

Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.: выписывающіе 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписыв. 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовымъ покупателямъ обычная уступка. № 2013 25—18

КОРСЕТЫ

ФРАНЦУЗСКІЕ

въ 1 р. 50 к., 2 р., 3 р. и до 15 р. получены въ большомъ выборѣ.

Русскій Торговый Домъ.

117. Гостиный дворъ. **117.** Большая Суровская линія.

Въ депо машинъ, насосовъ и пожарныхъ трубъ

ТОВАРИЩЕСТВА БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,

С.-Петербургъ: Вас. Остр., 1 линія, № 10 и **Москва:** Мясницкая, д. Сытова,

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ

ВЪ БОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ

РАЗНАГО РОДА ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ.

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ:

штифтовыя молотилки ручныя отъ 75 р., конныя съ приводомъ отъ 165 р., вѣялки отъ 35 р, жнеи Джонстона Тріумфъ по 300 р., сѣнокосилки Пальмкранца съ житвеннымъ аппаратомъ по 200 р., конныя грабли Тигеръ по 75 р. и пр. и пр.

Иллюстрированные каталоги безплатно.

Вникмен. Гг. Иногор. торговцевъ обращ. на укс. 3-ой, выгодн. по крѣпости для транспорта.—На 100 р. дѣлаю 10% уступки, покрыв. провозъ тройн. уксуса по жел. дор. до 600 верс.—Въ розлив. нмѣю всѣ. сорта

Дозволено цензурою. СПБ. 29 іюля 1882 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр. № 10.

XIII годъ — годъ XIII

№ 32 — 1882

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 7 Августа 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской. Петровская Торгов. линія . . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . . 6 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р. съ пересылкою иногородимъ 3 р.

За границу: съ перес. въ Австрію. Германію. Францію. Италію и друг. госуд. [illegible] руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ. ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ. Мелкія рукописи и стихи неудобныя въ печати авторамъ не возвращаются.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за АВГУСТЪ 1882 г съ 25 рисунками и отдѣльнымъ листомъ съ 23 выкройками въ натуральную величину и 22 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Событія въ Египтѣ. Видъ гавани и гор. Александріи. Съ фотографіи грав. Гельштейнъ.

События въ Египтѣ. Александрія.

(Рис. и карта на стр. 745, 748 и 749).

Въ послѣднее время съ священныхъ береговъ Нила, доходили до насъ все вѣсти о мирной дѣятельности европейцевъ, вносящихъ цивилизацію въ страны „варварскія". То труды европейскихъ ученыхъ открывали передъ нами таинственную исторію важнѣйшихъ культурныхъ эпохъ Египта, то съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ слѣдили за грандіознымъ сооруженіемъ мирнаго времени, сооруженіемъ торговаго пути, соединяющаго моря и всѣ радовались успѣхамъ цивилизаціи въ странѣ такъ богато одаренной отъ природы.

Даже знатоки Востока и тѣ приходили къ убѣжденію, что европейцы сдѣлаютъ Египетъ въ скоромъ времени центромъ культуры, среди приходящаго въ упадокъ магометанскаго міра, центромъ, изъ котораго повѣетъ иною жизнью на одичалые народы Сѣверной Африки и Малой Азіи.

Но теперь цивилизація показываетъ себя этимъ народамъ нѣсколько съ иной стороны. Цивилизаторы запустили лапы въ страну, стали ею распоряжаться самовольно и высокомѣрно, какъ и слѣдуетъ цивилизаторамъ и такъ насѣли съ своими интересами и акціями на страну, что возбудили въ народѣ глубокую ненависть. И произошли тѣ событія, которыхъ мы теперь свидѣтели. На улицахъ Александріи нѣсколько европейцевъ были умерщвлены, „піонеры міровой торговли и промышленности" были изгнаны. Туземцы истребляли ихъ сотнями, уничтожали милліонныя имущества и превращали въ груды развалинъ европейскіе кварталы богатые и цвѣтущіе. Тѣ же явленія были и въ Китаѣ и вездѣ, гдѣ цивилизаторы Европы ставили знамя своихъ алчныхъ „интересовъ". Лучшимъ подтвержденіемъ нашихъ словъ могутъ служить послѣднія извѣстія, изъ которыхъ видно, что русскихъ, напримѣръ, арабы не трогали и ненависть ихъ обращалась исключительно на англичанъ, которыхъ войска держали себя къ тому же варварски въ Египтѣ.

Событія, происходящія теперь на берегахъ Нила, такъ многознаменательны, что небезъинтересно ознакомиться немного съ прошлымъ Александріи, прекрасный видъ которой мы помѣщаемъ въ этомъ №.

Въ эпоху основанія города, въ 332 году до Р. Х., Александромъ Великимъ оба александрійскіе залива составляли морскую бухту, защищенную, съ востока на сѣверо-западъ выдающейся косою Лохіа и рядомъ острововъ и скалъ. Александръ Великій понялъ всѣ выгоды этой прекрасно защищенной гавани и велѣлъ своему зодчему Динократу составить планъ города и гавани. По этому плану съ материка шла большая дамба къ острову Фаросъ, лежавшему посрединѣ бухты, напротивъ материка. Въ дамбѣ, раздѣлявшей такимъ образомъ бухту на двѣ гавани, были продѣланы два пролета, соединяющіе гавани. Восточная гавань, названная Новой Гаванью, представляетъ круглый замкнутый со всѣхъ сторонъ бассейнъ, имѣющій одинъ только входъ у острова Фаросъ, и старая гавань, называвшаяся прежде Евностосъ была открыта къ западу. Планъ общаго расположенія гаваней былъ приведенъ въ исполненіе только при первыхъ Птоломеяхъ.

Вскорѣ Александрія сдѣлалась средоточіемъ торговли, промышленности и наукъ; въ исторіи это единственный примѣръ такого быстраго возростанія и процвѣтанія и даже въ нашемъ вѣкѣ поразительное развитіе городовъ Америки не выдерживаетъ сравненія съ развитіемъ Александріи. Здѣсь находился знаменитый музей съ многочисленными залами, дворами и галлереями, съ многими помѣщеніями для переписчиковъ и съ переплетными мастерскими, съ великолѣпнѣйшей во времена Цезаря библіотекой, вмѣщавшей 900.000 свертковъ и ученые которой („александрійская школа") оказали незабвенныя услуги наукамъ и искуствамъ. Тутъ процвѣтали естественныя науки, вырабатывалась птоломеевская система міра, которая признавалась всѣмъ свѣтомъ до временъ Коперника, здѣсь положено начало перваго всеобщаго календаря, введеннаго Цезаремъ, здѣсь наконецъ ученіе христіанства возведено было въ религію міра.

Послѣ нѣсколькихъ блестящихъ столѣтій настало время тяжелыхъ испытаній и населеніе Александріи много вытерпѣло подъ гнетомъ римскихъ Цезарей, позднѣе во времена соперничества Византіи и при наслѣдникахъ Магомета. Въ средніе вѣка и до начала нынѣшняго столѣтія городъ постепенно падалъ, такъ что въ началѣ нашего лѣтосчисленія Александрія, имѣвшая 300,000 жителей, не считая рабовъ, и бывшая вторымъ по величинѣ городомъ римскаго государства, во время высадки Наполеона въ Египтѣ имѣла только отъ 6.000 до 8.000 жителей. Мы уже говорили въ Политическихъ Обозрѣніяхъ о причинахъ и ходѣ событій въ Египтѣ. Нынѣ, прилагая карту Сѣвернаго Египта, скажемъ подробнѣе объ укрѣпленіяхъ Александріи.

Теперешняя Александрія, планъ которой помѣщенъ съ боку нашей карты Сѣвернаго Египта—созданіе основателя династіи вице-королей Мегемета-Али, который понялъ важность положенія Александріи и умѣлъ воспользоваться имъ. Но своимъ процвѣтаніемъ и красотою городъ обязанъ тому, что по выгодному мѣстоположенію сталъ главнымъ мѣстомъ для вывоза произведеній Египта и для ввоза сѣверныхъ предметовъ торговли.

Искуственная дамба, раздѣлявшая гавани, но временем превратилась въ широкую косу, которая съ островами имѣла приблизительно форму Т. На этой косѣ между двумя гаванями находится магометанская часть города. Новая Александрія имѣетъ видъ южно-европейскаго города, построена около гавани на материкѣ, на западной сторонѣ и постепенно разросталась въ ширину и въ глубь материка на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился древній городъ.

Такъ какъ восточная или новая гавань была занесена пескомъ, то въ виду увеличивающагося судоходства было рѣшено приспособить западную гавань и съ этою цѣлью въ 1871—1873 г. были предприняты громадныя гидравлическія постройки, которыя сдѣлали Александрію лучшимъ портомъ Средиземнаго моря.

Укрѣпленія Александріи со стороны материка незначительны. Важнѣйшія портовыя укрѣпленія начинаются на юго-западномъ берегу. Фортъ Мексъ одинъ изъ значительнѣйшихъ. Рисунокъ нашъ изображаетъ высадку англійскаго десанта съ корабля „Invincible" къ этому форту. Отрядъ еще не знаетъ, что значитъ молчаніе форта и ползетъ осторожно по взрытому снарядами валу форта... Далѣе къ юго-востоку гавань защищена фортомъ Габари и фортомъ Кафарелли. На внѣшней косѣ и островахъ находятся форты Марбутъ, Ада, Стараго маяка и небольшой фортъ Сильселэ. Кромѣ фортовъ между ними находятся еще небольшія укрѣпленія въ видѣ береговыхъ баттарей. Все это устроено по устарѣвшему способу и при настоящихъ орудіяхъ представляло незначительное сопротивленіе, снабженное кромѣ того старыми пушками, хватавшими не болѣе какъ на 3,000 метровъ.

При началѣ непріятельскихъ дѣйствій, нѣкоторые иностранные корабли вышли изъ гавани и британскій флотъ для бомбардированія города занялъ мѣсто снаружи гавани.

Изъ четырнадцати англійскихъ кораблей, открывшихъ огонь по городу 11-го іюля, семь кораблей было броненосныхъ, снабженныхъ прекраснымъ орудіемъ, стрѣлявшимъ на 5,000 метровъ.

Египетскіе стрѣлки съ ихъ плохими орудіями и худо защищенные, отвѣчали болѣе часу на англійскіе выстрѣлы, это служитъ доказательствомъ, насколько Араби-Паша умѣлъ воодушевить своихъ солдатъ. Англійскія газеты сообщаютъ, что въ началѣ перестрѣлки египетскіе офицеры влѣзали на валы укрѣпленій, чтобы наблюдать за дѣйствіемъ египетскихъ выстрѣловъ. Сравнительно только небольшое число египетскихъ выстрѣловъ достигло англійскихъ кораблей и потери понесенныя послѣдними незначительны. Но за то дѣйствіе орудій англичанъ было ужасно и вскорѣ египетскія войска были объяты паникой.

Многіе англійскіе выстрѣлы попадали въ городъ, начавшій горѣть во время бомбардированія фортовъ. Въ ночь съ 11-го на 12-е іюля, ночь грозную для европейцевъ, оставшихся въ городѣ, толпы раздраженныхъ мусульманъ рыскали по улицамъ. Александрія была мѣстомъ, куда всегда стекались самые зажиточные люди Египта и прочихъ странъ Средиземнаго моря. Обширная торговля, особенно хлопчатобумажная, удивительно подняла городъ за послѣдніе пятнадцать лѣтъ; въ немъ въ послѣднее время насчитывалось до 300,000 жителей и половина ихъ были европейцы. Цѣлыя части города были заняты дворцами, широкими улицами и удобными тротуарами. Ежегодно въ гавань среднимъ числомъ приходило 2,000 парусныхъ кораблей и 1,000 пароходовъ. Городъ представлялъ смѣсь темныхъ арабскихъ улицъ, высокихъ стѣнъ, узкихъ переулковъ, мечетей и минаретовъ съ изящными европейскими домами, великолѣпными магазинами, большими площадями, церквами и часовнями.

Но эта восточно-европейская смѣсь, такъ скоро пошедшая въ гору, рядомъ съ величайшимъ благосостояніемъ, образовала въ народѣ массу международнаго пролетаріата. Съ первыми бомбами англичанъ исчезли остатки порядка и сорвавшаяся толпа грабителей европейскихъ же вмѣстѣ съ раздраженными мусульманами и войсками начала грабить и поджигать городъ. Теперь нѣтъ еще возможности опредѣлить размѣры потерь, которыя громадны. Городъ горѣлъ нѣсколько дней. Много европейцевъ погибло подъ рукою грабителей и разъяренныхъ мусульманъ. Достовѣрно одно, что все, созданное въ продолженіи десятилѣтій, все это погибло въ нѣсколько часовъ. Ударъ, нанесенный Александріи, коснулся главнымъ образомъ европейцевъ, тамъ поселившихся.

Подъ защитою парламентерскаго флага, во время переговоровъ съ англичанами, Араби-Паша еще 12-го іюля вывелъ часть войскъ изъ горящаго города и ушелъ внутрь страны. При этомъ жизни хедива, не желавшаго слѣдовать за диктаторомъ, угрожала говорятъ серьезная опасность. Турція играетъ во всемъ этомъ весьма двусмысленную роль. Она медлитъ посылать войска, не объявляетъ бунтовщикомъ Араби-Пашу, чего требуютъ англичане,—безъ всякаго стѣсненія и не спрашивая согласія державъ, начавшіе военныя дѣйствія, какъ они поступаютъ вездѣ, гдѣ замѣшаны ихъ знаменитые „интересы".

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XXII.

Конецъ сказки.

Наконецъ наступилъ день, такъ давно ожидавшійся Сергѣемъ и Таней.

Длинная сказка съ злыми и добрыми волшебниками, со всевозможными препятствіями и превращеніями, наконецъ должна была завершиться счастливой развязкой. По волѣ судьбы совершалось, давно и неизмѣнно предназначенное, по убѣжденію карлика Моськи, соединеніе двухъ людей, которые когда-то, почти еще въ дѣтскіе свои годы, почувствовали страстное влеченіе другъ къ другу и остались вѣрными этому влеченію, несмотря на всѣ преграды, которыя жизнь ставила между ними.

Карликъ Моська, этотъ мудрый, хотя и не признанный философъ, конечно былъ правъ утверждая, что они созданы другъ для друга. Но дѣло въ томъ, что онъ очень легко могъ ошибиться, основывая на этомъ обстоятельствѣ неизбѣжность ихъ соединенія. Несмотря на всю свою мудрость онъ забывалъ, что въ жизни очень часто соединяются именно тѣ люди, которые вовсе не созданы другъ для друга, а родственныя натуры разметываются въ разныя стороны неизбѣжной, но слишкомъ часто совсѣмъ непонятной и, повидимому, злой судьбою.

Злая судьба смѣется надъ человѣкомъ, шутитъ съ нимъ злыя шутки, заставляетъ сердце человѣческое исходить кровью, тогда какъ то, что могло-бы дать ему успокоеніе, дать ему всевозможное на землѣ счастье было отъ него такъ близко, такъ достижимо. Но замѣшалась судьба, сшутила свою шутку и то, что было близко и достижимо — отдалилось за тридевять земель въ тридесятое царство, куда нѣтъ доступа, куда не проведетъ никакой добрый волшебникъ...

Но кто знаетъ, быть можетъ людямъ только кажется, что судьба зла и насмѣшлива, быть можетъ люди клевещутъ на судьбу, не понимая высшихъ законовъ, высшей справедливости, высшихъ цѣлей, по которымъ можетъ быть и нужно, чтобы сердце человѣческое исходило кровью, нужно для этого-же самого сердца...

Какъ-бы то ни было, судьба давала Сергѣю и Танѣ рѣдкую возможность благодарить ее. Судьба исполняла ихъ желанія, согласовала эти желанія со своей невѣдомой цѣлью.

Пройдетъ еще день — и послѣ многихъ лѣтъ невольной разлуки Сергѣй и Таня соединятся съ тѣмъ, чтобы уже не разлучаться до скончанія дней своихъ...

Прахъ великой Екатерины и прахъ Петра III перенесены изъ Зимняго дворца и покоятся въ Петропавловскомъ соборѣ.

Государь объявилъ Сергѣю, что онъ находитъ теперь возможнымъ обвѣнчать его съ Таней. Онъ назначилъ вѣнчаніе въ дворцовой церкви. Приглашенныхъ было очень немного. Конечно не предполагалось никакого торжества.

Вѣнчанье должно было совершиться въ шесть часовъ вечера.

Сергѣй весь день проводилъ у себя. Онъ по обычаю не могъ быть до самого вѣнца съ невѣстой. А видѣть кого нибудь изъ постороннихъ ему не хотѣлось. Онъ сдѣлалъ исключеніе для дяди Нарышкина, который былъ въ числѣ приглашенныхъ на свадьбу и теперь заѣхалъ провѣдать племянника.

Левъ Александровичъ очень измѣнился со дня кончины императрицы. На немъ можно было видѣть, что значила Екатерина для людей давно и близко ее знавшихъ. Онъ, этотъ шутникъ и весельчакъ, онъ, счастливый сибаритъ, всю жизнь отстранявшій отъ себя мрачныя мысли, искавшій только во всемъ забавную и смѣшную сторону, умѣвшій съ философскимъ хладнокровіемъ выходить изъ самыхъ затруднительныхъ и печальныхъ обстоятельствъ, — онъ забылъ теперь всю свою житейскую философію, онъ потерялъ свою природную веселость и нѣкоторое легкомысліе, которое не пропадало въ немъ даже въ самые зрѣлые годы.

Еще недавно, еще нѣсколько недѣль тому назадъ, несмотря на слѣды времени, которое хотя и обращалось съ нимъ очень бережно, но все-же не забывало его, онъ оставался еще „Левушкой", неизмѣннымъ „Левушкой" первыхъ лѣтъ славнаго Екатерининскаго царствованія. Онъ ни за что не хотѣлъ признавать правъ и обязанностей своей старости, онъ молодился, бодрился насколько силъ хватало.

А теперь никто уже не назвалъ-бы его „Левушкой". Это былъ старикъ, проживпіій очень широко, очень весело, безо всякихъ стѣсненій, безо всякихъ думъ о грядущихъ дняхъ, ради которыхъ слѣдовало-бы давно уже наложить узду на свои желанія и порывы: но теперь онъ казался человѣкомъ даже черезъ чуръ рано состарившимся и одряхлѣвшимъ.

А между тѣмъ еще недавно глядя на него можно было подумать, что этому человѣку и конца не будетъ.

Что-же вдругъ такъ надломило, такъ разрушило весельчака и забавника?! — умерла Екатерина!

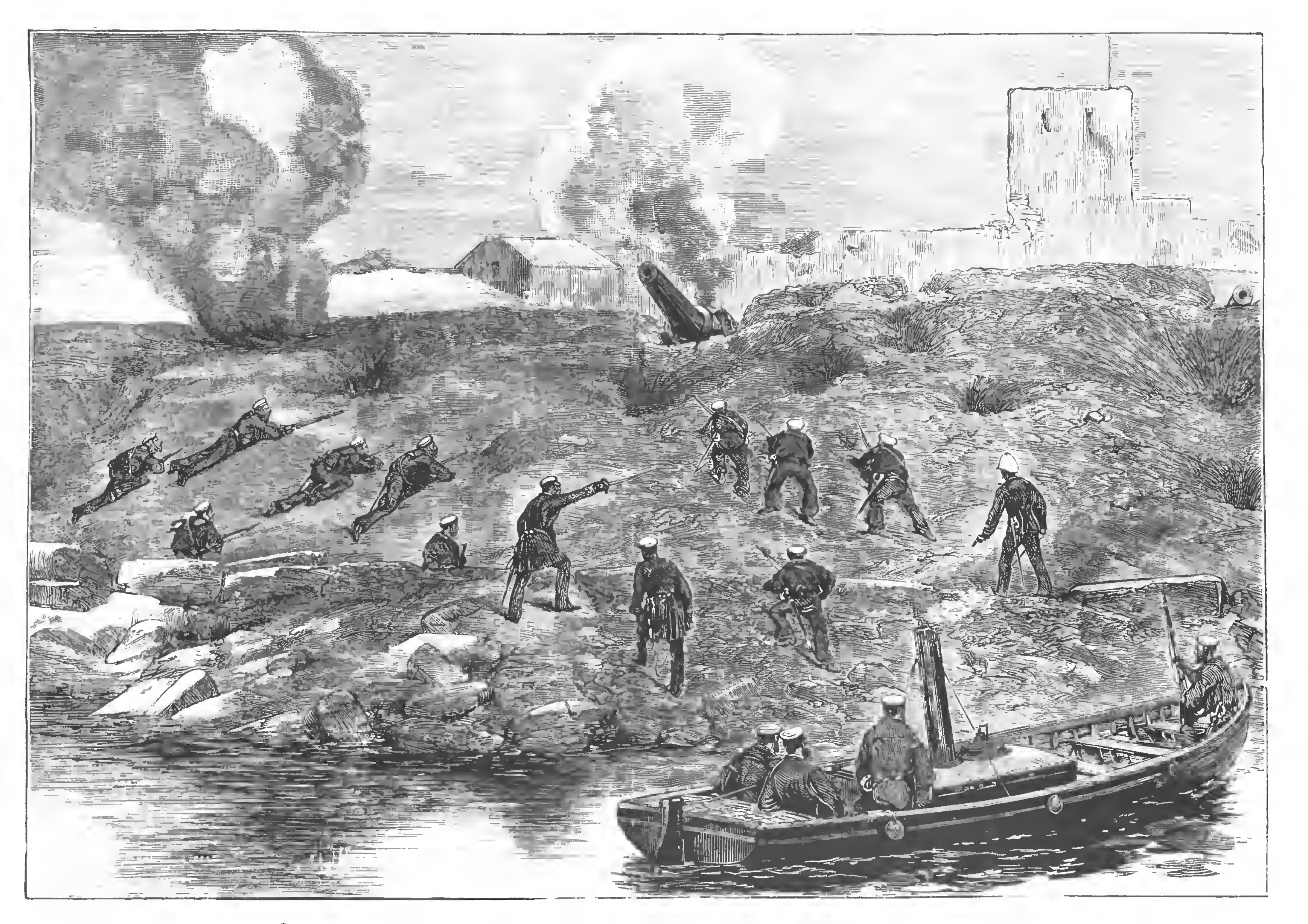
Но вѣдь по мѣрѣ того какъ человѣкъ живетъ, по мѣрѣ того, какъ онъ все быстрѣе и быстрѣе приближается къ старости, онъ начинаетъ мириться съ мыслью о смерти. Потеря близкихъ, друзей и сверстниковъ поражаетъ все меньше и меньше. Человѣкъ ко всему привыкаетъ, привыкаетъ онъ и терять то, что было близко и дорого. Къ тому-же смерть эта ни въ чемъ не измѣнила положенія безсмѣннаго оберъ-шталмейстера. Ему нечего было бояться за дальнѣйшую судьбу свою. Онъ не могъ думать о томъ, что его старость будетъ потревожена какими нибудь непріятными заботами, что его самолюбіе будетъ страдать.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, постоянно приближенныхъ къ Екатеринѣ людей, которые сохраняли добрыя отношенія къ цесаревичу.

Новый государь всегда выказывалъ расположеніе другу своей матери и теперь, въ первые дни своего царствованія, обошелся съ нимъ очень милостиво. Сказалъ ему нѣсколько горячихъ искреннихъ словъ, обнялъ его и поцѣловалъ его говоря, что попрежнему его любитъ.

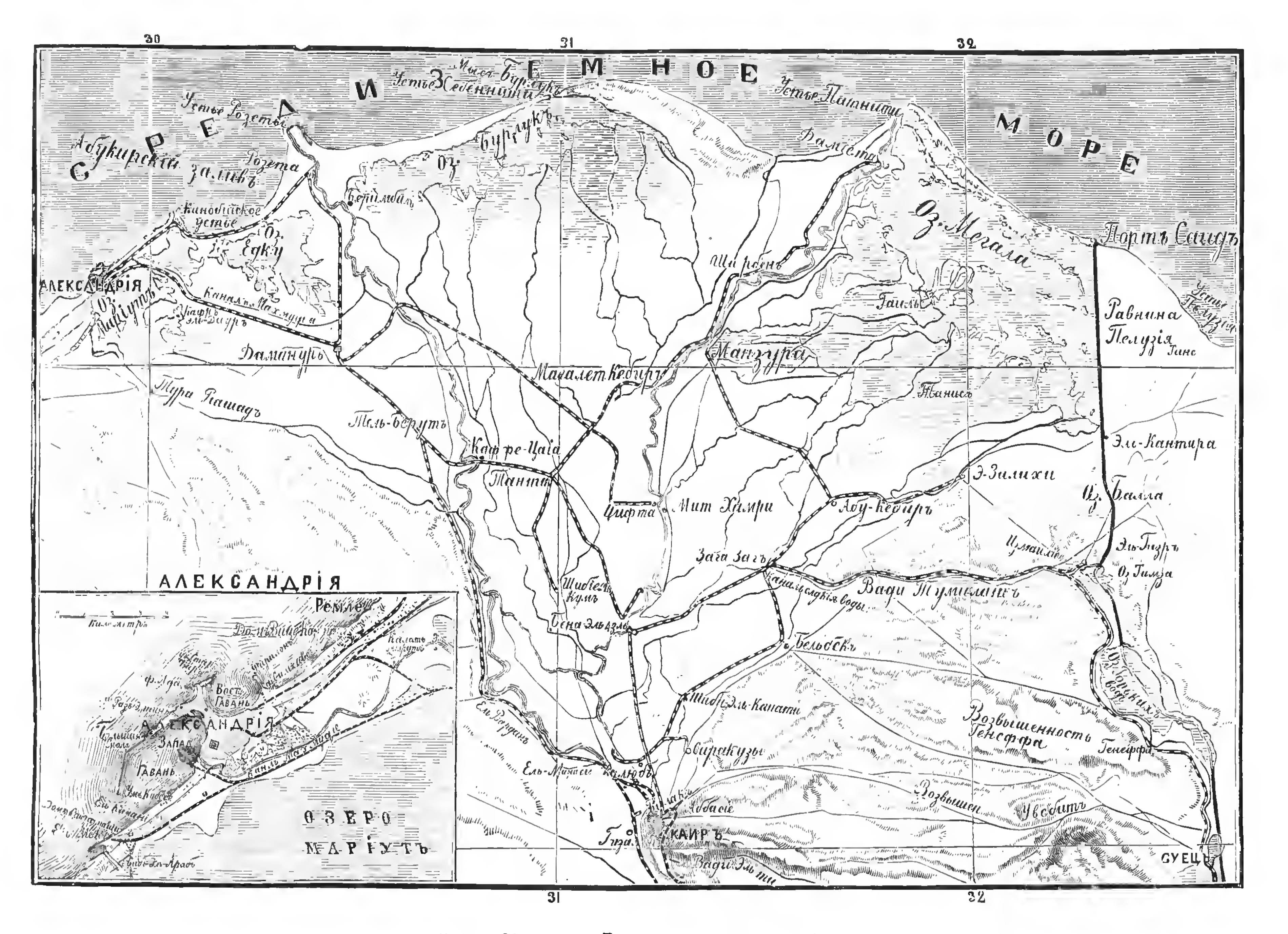
И все-же Нарышкинъ былъ совсѣмъ надломленъ горемъ; и несмотря на то, что время проходило, все еще не могъ придти въ себя, не могъ помириться съ мыслью о томъ, что нѣтъ Екатерины. Онъ похоронилъ съ нею всю жизнь свою, онъ понималъ одно, что для него нѣтъ настоящаго, нѣтъ будущаго, что у него осталось одно прошедшее — и онъ постоянно возвращался къ этому прошедшему, къ этой свѣжей могилѣ и стоналъ, и плакалъ, и изнывалъ надъ нею.

И теперь, въ бесѣдѣ съ Сергѣемъ, несмотря на все желаніе не омрачать своимъ горемъ этотъ радостный



Событія въ Египтѣ. Высадка англійскаго десанта къ форту Мэксъ въ Александріи.

Рис. Наса, грав. Гельштейнъ.



Карта Сѣвернаго Египта. Грав. М. Рашевскій.

день въ жизни племянника. онъ нѣтъ, нѣтъ да и прорывался. Онъ не могъ сказать нѣсколькихъ словъ. чтобы не упомянуть „о ней".

— Вотъ, говорилъ онъ, не дожила!.. а съ какимъ интересомъ разспрашивала она про твою невѣсту. Знаешь-ли, мой милый, несмотря на все, вѣдь она всегда была искренно расположена къ тебѣ.

— Мнѣ очень пріятно это сознаніе, отвѣчалъ Сергѣй.

— Нѣтъ, скажи мнѣ откровенно, перебилъ его Нарышкинъ—у тебя не осталось никакого горькаго чувства?

— Можете быть увѣрены въ этомъ, дядюшка.

— Ахъ, да ты мало зналъ ее! Всѣ ее мало знали. всѣ ее мало цѣнили. Даже я. сколько разъ ворчалъ. негодовалъ, сердился на нее, находилъ и то и другое, и только теперь вижу, что былъ неправъ. что все-же не умѣлъ цѣнить ее какъ слѣдуетъ. Теперь вотъ оцѣнилъ — и поздно!.. Другъ мой, что-же это будетъ, какъ будемъ жить мы безъ нея?!.

И вдругъ въ немъ закипѣла почти даже злоба.

— Э. да что я говорю тебѣ объ этомъ, развѣ вы. молодые люди, поймете? У васъ все впереди, вы заняты новостями, вы думаете какъ-бы уничтожить все старое, какъ-бы насадить новое. Вамъ блестящая карьера, почести, а мы... ахъ, кабы только умереть скорѣе!

— Дядюшка, вы ли это? зачѣмъ вы говорите о смерти?! Въ жизни хорошихъ людей нужно всегда. Вы очень пригодитесь государю, подумайте объ этомъ...

— Я пригожусь? Никому я не пригожусь, никому я не нуженъ, и мнѣ никто не нуженъ. Я годился для нея, я нуженъ былъ ей. Въ этомъ моя гордость. Послѣ нея развѣ я кому нибудь могу служить, развѣ я смѣю? Да и хорошъ-бы я былъ, если-бы желалъ этого! Нѣтъ, служите теперь вы, бейтесь, волнуйтесь, кричите, добивайтесь чего хотите, а намъ дайте только умереть, чтобы не видѣть всей этой вашей путаницы...

Онъ совсѣмъ забылся. онъ волновался больше и больше. Сергѣй начиналъ понимать его и глядѣлъ на него съ сочувствіемъ.

Но вотъ онъ пришелъ въ себя, сморгнулъ набѣжавшія на глаза слезы.

— Прости меня, другъ мой, упавшимъ голосомъ проговорилъ онъ.—Я наболталъ невѣсть что, не къ мѣсту и не ко времени, оглупѣлъ я совсѣмъ, голубчикъ!.. Тоска все такая скверная овладѣваетъ. совсѣмъ ни на что не годенъ. Пріѣхалъ побесѣдовать съ тобою, потолковать о невѣстѣ — и только скуку нагналъ на тебя... Прости ты меня. До свиданія, мой милый...

— Куда-же вы, дядюшка. посидите. Я весь день одинъ.

— Нѣтъ, что-же, поѣду лучше туда, въ соборъ, къ ней на могилку. Тамъ какъ-то легче дышется.

Онъ махнулъ рукою и совсѣмъ разстроенный вышелъ отъ Сергѣя.

„Плохо жить на свѣтѣ! ужъ если дядюшка Нарышкинъ могъ такимъ сдѣлаться—совсѣмъ плохо! подумалъ счастливый женихъ, несмотря на все свое счастье.

Онъ никакъ не могъ заглушить въ себѣ чувства какого-то тоскливаго неудовольствія, которое съ каждымъ днемъ росло въ немъ больше и больше.

На смѣну Нарышкину, въ кабинетѣ Сергѣя очутился Моська и явился онъ какъ-бы живымъ протестомъ противъ вывода Сергѣя о томъ, что плохо жить на свѣтѣ. Мудрецу карлику очевидно очень хорошо жилось съ нѣкотораго времени. Онъ зналъ теперь, что все мрачное отошло и впереди ничего худого не предвидится. Нежданный арестъ, и всѣ соединеныя съ нимъ треволненія были послѣднимъ горемъ. Правда, скончалась императрица, но Моська этого давно ожидалъ, онъ разсуждалъ такъ, что всему свой часъ и свое время, пожилъ человѣкъ, пожилъ на свѣтѣ да и умеръ. Какъ тому и быть иначе?!

„Матушка государыня была въ лѣтахъ, пожила на славу, въ свое удовольствіе. Мудрая была государыня, что и говорить, весь свѣтъ тому свидѣтель. Упокой Господи ея душу!"...

Карликъ помолился, помолился отъ всего сердца, записалъ „царицу Екатерину" въ свое поминаньице, отслужилъ по ней панихиду, поминалъ ее на молитвѣ каждое утро и каждый вечеръ. Однимъ словомъ исполнилъ все то, что повелѣвалъ ему долгъ добраго христіанина. И затѣмъ. съ чистымъ сердцемъ и спокойною совѣстью, принялся за исполненіе другаго своего долга: принялся радоваться тому, что воцарился на Руси прирожденный истинный государь. Павелъ Петровичъ.

„Дай ему Господи много лѣтъ здравствовать и царствовать на славу. Такого государя и не было никогда, и не будетъ. Истинный отецъ и милостивецъ"!

„А ужь мы-то! восторженно оканчивалъ онъ свои мысли,—чѣмъ отблагодаримъ его за всѣ его милости. Ну что бы мы безъ него стали дѣлать? Пропали-бы, совсѣмъ пропали. И вѣдь подн-жь ты какой человѣкъ, сама истина говоритъ его устами. Святой человѣкъ совсѣмъ!.. А находятся дураки—и то, вишь, въ немъ не ладно и другое"...

Онъ ужь начиналъ слышать отзвуки того глухого ропота, который поднимался въ петербургскомъ обществѣ. Онъ жадно ловилъ каждое слово о государѣ и твердо рѣшился вцѣпиться въ лицо тому, кто вздумаетъ при немъ сказать что нибудь неладное.

До сихъ поръ, впрочемъ, ему не пришлось привести въ дѣйствіе этого рѣшенія, такъ какъ въ низшихъ классахъ, среди которыхъ онъ главнымъ образомъ вращался, и въ большомъ домѣ Горбатова и во время своихъ ежедневныхъ прогулокъ по городу, онъ слышалъ пока только одобреніе поступковъ новаго императора. О немъ передавались многіе анекдоты, иногда основанные на дѣйствительномъ случаѣ, иногда выдуманные неизвѣстно кѣмъ. прошедшіе цѣлый рядъ всевозможныхъ варіантовъ. Изъ этихъ анекдотовъ и разсказовъ выросталъ своеобразный образъ гонителя всякой неправды, всякаго зла, любителя прямоты и правды, образъ милый русскому народу.

И не подозрѣвалъ еще Моська, что уже выискиваются охотники и плодятся съ каждымъ часомъ и изощряются всячески какъ-бы исказить, какъ-бы затемнить этотъ милый народу образъ...

Но и мысли свои „о благодѣтелѣ государѣ" позабылъ Моська съ тѣхъ поръ, какъ Сергѣй объявилъ ему, что день свадьбы назначенъ и уже окончательно, и что къ этому дню слѣдуетъ сдѣлать послѣднія приготовленія. Моська блаженствовалъ. Онъ по нѣскольку разъ въ день осматривалъ каждую вещицу въ домѣ, заглядывалъ по всякіе углы, тормошилъ прислугу, заставляя ее безпрестанно сметать пыль.

— Олухи. пищалъ онъ во весь свой слабый голосъ.— да бросьте хоть теперь-то вашу лѣность, подумайте, время какое! Привыкли, небось, ничего не дѣлать, благо хозяинъ не взыскиваетъ. Такъ о томъ помыслите, что хозяюшка молодая къ намъ пожалуетъ. Она къ чистотѣ да ко всякому порядку привыкла. Сквозь пальцы на такую пыль глядѣть не станетъ.

— И чего это ты. Моисей Степанычъ, хозяйкой пугаешь. улыбаясь отвѣчали ему — не страшна намъ хозяйка. Видѣли мы ее, разглядѣли какъ намедни съ государемъ пожаловала. И ничего-то въ ней страшнаго нѣту. Красавица, да и сейчасъ по лицу видно, что добрая...

— То-то, добрая... У! избаловались вы всѣ! Надо-бы вамъ вонъ такую боярыню какъ была Салтычиха, что слугъ своихъ съ утра и до вечера каленымъ желѣзомъ подчивала... Народятся-же такіе олухи. — ни стыда въ васъ, ни совѣсти, и какъ это вамъ. братцы, глядѣть на свѣтъ Божій не зазорно... Смотри, смотри—видишь, что это такое! вѣдь говорилъ: сотри, нѣтъ таки, оставилъ!

Ишь пылища-то, ну — мигомъ, мнѣ вѣдь за васъ отвѣчать придется, съ меня хозяйка взыскивать станетъ, зачѣмъ не доглядѣлъ...

И онъ ворча, и въ то же время задыхаясь отъ восторга при мысли о хозяйкѣ, стремился быстрыми мелкими шагами дальше заглядывать въ новые уголки и осматривать каждую вещицу.

Но вотъ наступилъ торжественный день. Еще нѣсколько часовъ — и новобрачная хозяйка появится въ роскошномъ горбатовскомъ домѣ...

Моська, войдя въ кабинетъ Сергѣя, такъ и сіялъ. Онъ весь превратился въ олицетвореніе радости.

— Фу ты какъ разрядился! ласково ему улыбаясь проговорилъ Сергѣй, оглядывая его.

— Еще-бы не разрядиться, батюшка, нынче-то. Когда же мнѣ и вырядиться...

Онъ былъ въ новомъ, богатомъ кафтанчикѣ малиноваго бархата. Весь кафтанчикъ былъ зашитъ золотыми блестками, на рукавахъ и по фалдамъ шло разноцвѣтнаго шелка шитье, камзольчикъ былъ бѣлый атласный и изъ подъ него пышно выглядывало широкое кружево. Паричекъ на кругленькой головѣ Моськи былъ особенно щедро напудренъ — пудра такъ и сыпалась.

— И откуда такая роскошь?! поворачивая передъ собою своего крошечнаго стараго друга, шутливо продолжалъ Сергѣй. Никогда я тебя Степанычъ, въ такомъ нарядѣ не видывалъ.

— Откуда, откуда! повторялъ Моська. — Къ нынѣшнему дню все справилъ въ лучшемъ видѣ. Нарядъ — точно краше и не найти, не то что нынѣшнія басурманскія выдумки, вотъ что ты, батюшка, навезъ изъ Лондона. Здѣсь-то у насъ все еще люди по настоящему одѣты... Ну, да ужь признаться развѣ откуда такой нарядъ у меня. Ты вотъ не позаботился небось къ своей свадьбѣ меня украсить. Да нашлась таки добрая душа. Татьяна Владиміровна это мнѣ нынче прислала. Вотъ посмотри-ка какъ порадовала... и цидулочка ея руки при посылкѣ...

Онъ осторожно вынулъ изъ кармашка маленькую записочку и передалъ ее Сергѣю. Сергѣй, продолжая улыбаться, прочелъ:

„Милый Степанычъ, посылаю тебѣ нарядъ, въ которомъ ты долженъ нынче быть на моей свадьбѣ. Сама два дня на кафтанъ блестки пашивала, авось тебѣ понравится и ворчать не будешь на меня“.

— Ишь ты какая хитрая, сказалъ Сергѣй, снова осматривая Моську, это она задобрить тебя хочетъ, чтобы ты былъ къ ней милостивъ. Боится она тебя, страшенъ ты больно, Степанычъ.

— Ну, ну, шути, шути, а кабы зналъ ты какъ она меня, голубушка, своей лаской да заботой за сердце тронула. Одѣваюсь это я нынче, а самъ плачу, давно такихъ слезъ радостныхъ не было.

— Извѣстно, у тебя глаза на мокромъ мѣстѣ, ревешь по всякомъ пустякѣ будто малый ребенокъ. И когда это ты выростешь?!.

— Полно, полно, сударь, нечего балясы-то точить! вдругъ принимая на себя серьезный и даже строгій видъ, проговорилъ Моська. — А ты вотъ что скажи Сергѣй Борисычъ, какъ мы теперь жить будемъ?

— Я и самъ все объ этомъ думаю. Знаешь ты что, — такъ мнѣ сдается, что не надолго мы съ тобой этотъ домъ устраиваемъ. Въ Горбатовское тянетъ.

— Въ Горбатовское?

Моська такъ весь и встрепенулся.

— Да, мы ужь съ Татьяной Владиміровной такъ рѣшили. Отпрошусь я у государя.

— Какъ же это такъ?

Моська совсѣмъ растерялся. — Не ладно что-то, батюшка, тебѣ уѣзжать-то отсюда, послѣ нѣкотораго раздумья проговорилъ онъ. Какъ это уѣзжать отъ государя.

— Да тебѣ самому развѣ въ Горбатовское не хочется?

— Охъ, не искушай ты меня, Сергѣй Борисычъ. — такъ хочется что и сказать невозможно. Тамъ и могилки родныя, и все родное тамъ, батюшка. Въ деревнѣ-то жизнь не въ примѣръ лучше здѣшней, городской. Грѣха меньше, для души спасительнѣе, и люди деревенскіе, простые, куда лучше здѣшнихъ. Эхъ, кабы только можно было. Да нѣтъ, гдѣ ужь. Я о такомъ счастьѣ и мыслить не смѣю...

— Такъ слушай ты мое слово, Степанычъ! Обѣщаю тебѣ, къ веснѣ будемъ мы въ Горбатовскомъ. Да и не на короткое время, а на долго.

— Твоими бы устами да медъ пить.

Онъ вдругъ замолчалъ, сморщилъ брови, вся фигурка его выразила сначала смущеніе, а потомъ внезапную рѣшимость.

— Вотъ что, золотой мой. Есть у меня до тебя просьба.

— Какая?

Моська запустилъ руку въ кармашекъ, вынулъ оттуда что-то и держалъ въ кулаченкѣ.

— Вотъ, проговорилъ онъ, крестикъ. Это отъ мощей святаго Сергія Преподобнаго. Мнѣ твоя маменька покойница дала этотъ крестикъ. Голубчикъ ты мой, золотой мой, не обидь ты меня старика: осчастливь ты мою душу, дозволь нынче надѣть на тебя этотъ крестикъ... Молился я усердно, молился за твое благополучіе... Дозволь, дитятко...

Онъ глядѣлъ на Сергѣя такимъ умильнымъ взглядомъ, въ его голосѣ слышалась такая страстная ласка. Крохотная рученка его, въ которой блестѣлъ маленькій золотой крестикъ, такъ и дрожала отъ волненія.

— Спасибо, Степанычъ, дай я надѣну.

— Да ты безъ грѣха, безъ насмѣшки?!

Сергѣй укоризненно взглянулъ на него и наклонилъ голову. Моська благословилъ его, Сергѣй приложился къ крестику и спряталъ его на груди своей.

И вдругъ онъ почувствовалъ въ себѣ что-то странное. На него откуда то пахнуло какимъ то тепломъ, какой то тихой радостью, и въ то же время грустью. Ему вспомнилась мать, ему будто даже почудился ея голосъ, ея прикосновеніе. Ему вспомнилось дѣтство и не только вспомнилось оно, но на мгновенье даже и вернулось въ его сердце со всѣмъ обаяніемъ своихъ неуловимыхъ, тончайшихъ, блаженныхъ ощущеній.

Онъ обнялъ карлика, этого единственнаго друга, оставшагося ему отъ далекаго прошлаго, и нѣсколько минутъ не могъ отъ него оторваться, и покрывалъ его сморщенное старое лицо поцѣлуями.

XXIII.

Подъ вѣнцомъ.

Къ назначенному часу всѣ приглашенные собрались въ дворцовой церкви. Женихъ уже пріѣхалъ и стоялъ невдалекѣ отъ праваго клироса, окруженный родственниками и друзьями. Въ числѣ послѣднихъ было нѣсколько гатчинцевъ: Плещеевъ, Кушелевъ, Кутайсовъ и Ростопчинъ. Всѣ очевидно чувствовали себя очень хорошо, на всѣхъ лицахъ выражалась торжественность и серьезность, приличная случаю; только одинъ Ростопчинъ никакъ не могъ долго стоять на мѣстѣ, и изображать собою важнаго государственнаго человѣка, какимъ сдѣлался въ послѣдніе дни. Его живой характеръ, его нервность заставляли его то и дѣло двигаться, онъ то подходилъ къ жениху, шепталъ ему нѣсколько словъ, вызывалъ на его лицѣ улыбку, потомъ пробирался въ алтарь, оттуда стремился къ церковнымъ дверямъ взглянуть не ведутъ ли невѣсту.

Глядя на него Иванъ Павловичъ Кутайсовъ укоризненно качалъ головой.

— Ишь вѣдь непосѣда! добродушно думалъ онъ. — Право будто черти въ немъ завелись, такъ его и дергаетъ!

Самъ Иванъ Павловичъ былъ теперь образцомъ важности и величія. Онъ будто переродился съ тѣхъ поръ, какъ попалъ изъ Гатчины въ Петербургъ, съ тѣхъ поръ какъ „пришли наши времена.“

Его прошлое для него не существовало больше, да и не только самъ онъ, но и всѣ, кто съ нимъ теперь встрѣчался, должны были забыть объ этомъ прошломъ.

Плѣнный турченокъ, камердинеръ и цирюльникъ превратился въ сановника и самымъ лучшимъ образомъ игралъ роль свою.

Человѣкъ, не знавшій его исторіи, глядя на него долженъ былъ непремѣнно подумать что онъ всю жизнь прожилъ въ высшемъ обществѣ, что онъ съ молодости былъ предназначенъ къ дѣятельности государственной. Красивая его фигура, его благообразное, умное лицо, его важныя, полныя достоинства манеры могли обмануть каждаго. Только тѣмъ, кто давно зналъ его въ Гатчинѣ, кто видалъ его запросто, забавной казалась эта важность, которую онъ счелъ долгомъ напустить на себя.

Но конечно никто, даже между собою, теперь не желалъ надъ нимъ подсмѣиваться: всѣ отлично понимали что если Иванъ Павловичъ до сихъ поръ былъ нужнымъ и сильнымъ человѣкомъ, то теперь его значеніе еще увеличилось.

Государь, поставившій одной изъ первыхъ задачъ своихъ, какъ можно шире и щедрѣе награждать тѣхъ людей, которые въ иные, сумрачные дни, выказывали ему нелицемѣрную преданность, началъ съ того, что засыпалъ милостями своего вѣрнаго Кутайсова.

Теперь Ивану Павлычу уже нечего было задумываться о нуждахъ семьи своей и обращаться къ помощи друзей, онъ „съ превеликой своей благодарностью“ возвратилъ свой долгъ Сергѣю Горбатову и счелъ даже нужнымъ объявить ему что и „процентики на этотъ должокъ такъ или иначе, а выплатитъ ему въ скоромъ времени.“

Сергѣй вспыхнулъ.

— О какихъ процентикахъ вы говорите, Иванъ Павлычъ? Что это вы, ссориться со мной вздумали?

— Батюшка, за кого же вы меня принимаете! добродушно улыбаясь перебилъ его Кутайсовъ. Я не о денежныхъ процентикахъ говорю, а совсѣмъ о другихъ. Я знаете, въ долгу не люблю оставаться и доброму человѣку всегда радъ услужить, а коли этотъ добрый человѣкъ меня въ трудную минуту еще и выручилъ, такъ тѣмъ паче. Очень я вамъ благодаренъ, Сергѣй Борисычъ, и благодарность свою докажу на дѣлѣ. Прежде вотъ мало чѣмъ могъ такому важному барину какъ вы пригодиться, ну а нынѣ времена измѣнились, расчитывайте на меня: нужда въ чемъ окажется—прямо ко мнѣ, такъ молъ и такъ, Иванъ Павлычъ,—и уже будьте благонадежны—все по вашему слову будетъ сдѣлано...

Сергѣй замолчалъ. Онъ хорошо понималъ какое удовольствіе доставляетъ Кутайсову возможность говорить такимъ образомъ а потому снисходительно отнесся къ словамъ его и напыщенному, но все же добродушному тону.

Иванъ Павлычъ былъ правъ, сознавая свою силу: хотя онъ еще и не имѣлъ какой нибудь опредѣленной должности, но по прежнему оставался однимъ изъ самыхъ близкихъ совѣтниковъ государя. Онъ по прежнему имѣлъ право входа къ государю безъ доклада и во всякое время. Наконецъ, онъ приготовилъ себѣ послѣднее торжество.

Благодаря въ послѣдній разъ государя за его милости, онъ вдругъ состроилъ самую печальную и трогательную физіономію, даже вдругъ будто невольно всхлипнулъ.

Павелъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Что съ тобой, Иванъ Павлычъ?

— Простите, ваше величество, не сдержался, это такъ, ничего, не обращайте вниманія.

— Нѣтъ, ты стой! Ты знаешь, я терпѣть не могу такихъ отвѣтовъ, изволь сейчасъ же говорить что съ тобой?

Иванъ Павлычъ замялся, развелъ руками, глубоко вздохнулъ и, будто рѣшившись на нѣчто для себя крайне тяжелое, заговорилъ съ большимъ волненіемъ:

— Грустно мнѣ...

— Что-же у тебя, горе что-ли какое? Я думалъ что ты всѣмъ доволенъ.

— Нѣтъ у меня горя! Награжденъ я отъ вашего величества чрезмѣрно, а все-же иной разъ тяжко бываетъ, обидъ много себѣ вижу...

— Отъ кого это? Кто смѣетъ обижать тебя?

— Невольно всякъ обижаетъ, такова судьба моя, такова моя доля и съ этимъ ничего не подѣлаешь...

— Не понимаю. Ты говоришь загадками, а я не люблю загадокъ, да и времени нѣтъ, объяснись прямо.

— Вотъ я взысканъ вашею милостью, тружусь сколько силъ хватаетъ, не хуже другихъ тружусь, съ важными господами нахожусь въ компаніи, объ одних и тѣхъже важныхъ дѣлахъ толкуемъ и мое слово иной разъ не пропадаетъ даромъ... ваше величество не находите противнымъ мое присутствіе, а все-же, что̀ я такое? холопъ!—и всякій если не словомъ, такъ взглядомъ даетъ мнѣ понять: ты говорить-то молъ говори и дѣло дѣлай, а мѣсто свое знай и понимай что ты намъ не ровня.

— Вздоръ! покраснѣвъ сказалъ Павелъ, коли я тебя нахожу, Иванъ, разумнымъ и хорошимъ человѣкомъ, коли я доволенъ тобою и считаю тебя ничуть не хуже князей да графовъ, такъ значитъ твое мѣсто наравнѣ съ ними и къ твоей чести относится, что ты самъ, своимъ достоинствомъ возвысилъ себя. Ну, ужъ если на то пошло, я заставлю всѣхъ признать твое достоинство, я покажу, что истинное достоинство человѣка не въ его происхожденіи, а въ его заслугахъ. При первомъ случаѣ, какой только представится, я пожалую тебя въ графы, слышишь? Такъ и знай, ты заслужилъ это и я словъ на вѣтеръ не кидаю. Довольно-ли тебѣ? Только смотри, Иванъ, не показывай ты мнѣ такую кислую мину, не къ лицу она тебѣ!

Кутайсовъ весь такъ и разцвѣлъ, вся важность съ него совсѣмъ соскочила, онъ бросился въ ноги государю, цѣловалъ его руки, заливаясь благодарными слезами.

— Ваше величество!.. Отецъ и благодѣтель!.. шепталъ онъ и ничего не могъ больше прибавить.

Павелъ поднялъ его, поцѣловалъ и махнулъ рукою:

— Ну и ступай теперь къ своему дѣлу, да смотри не залѣнись только—не время лѣниться!..

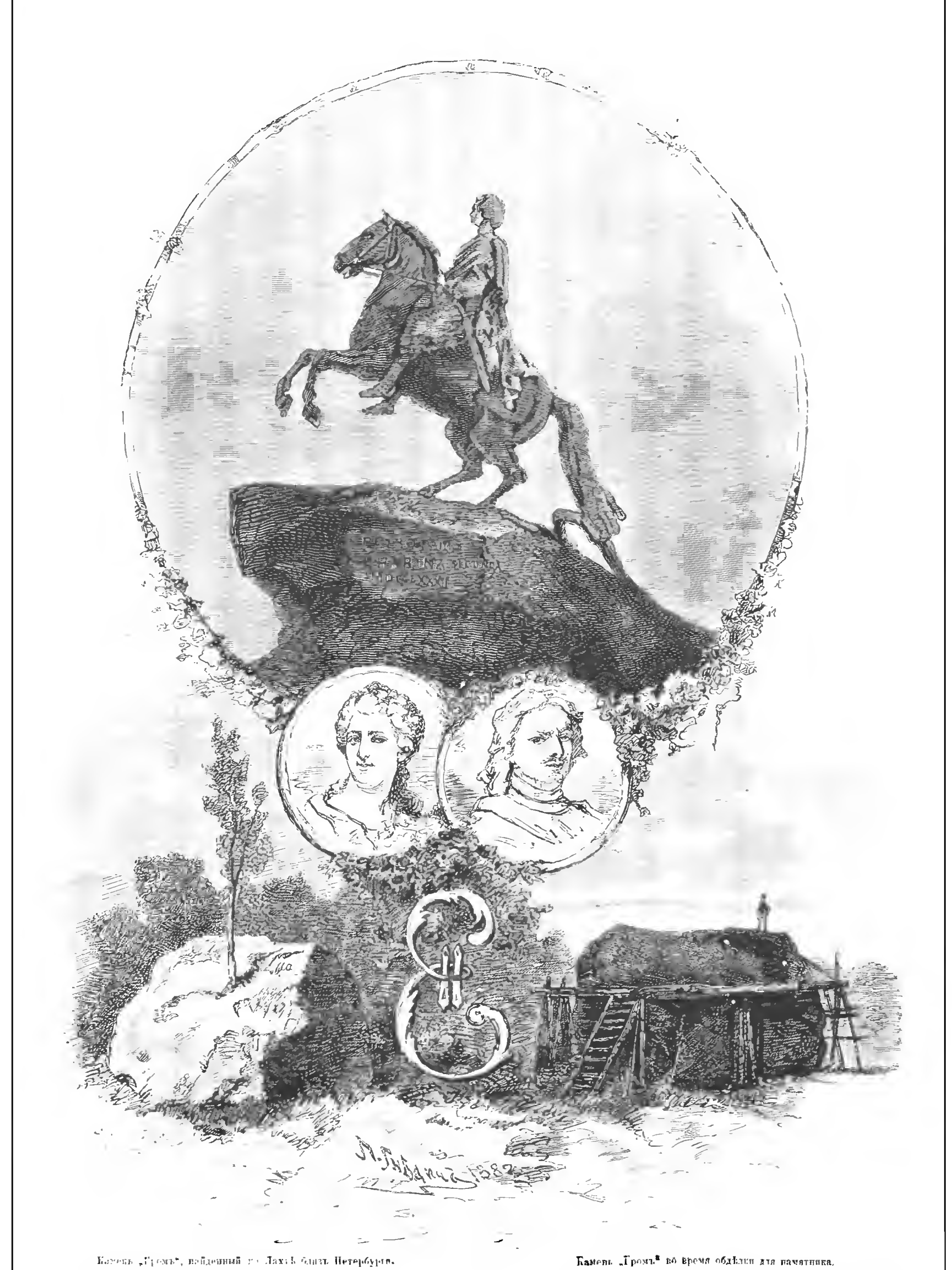
До сихъ поръ еще никто не зналъ что Иванъ Павлычъ въ скоромъ времени долженъ превратиться въ графа, но самъ онъ уже чувствовалъ себя графомъ и это придавало ему необыкновенную бодрость и самое счастливое сознаніе собственнаго достоинства.

Разговоръ этотъ съ государемъ происходилъ наканунѣ и Иванъ Павлычъ еще не успѣлъ придти въ себя отъ счастья.

Но какъ ни былъ онъ счастливъ, въ толпѣ, окружавшей жениха, находился человѣкъ несравненно еще болѣе счастливый, человѣкъ этотъ конечно былъ Моська.

Въ своемъ нарядномъ, подаренномъ Таней, кафтанчикѣ стоялъ онъ неподвижно какъ маленькая кукла и только глаза его находились въ движеніи и то устремлялись на Сергѣя Борисыча, то отрываясь отъ него, нетерпѣливо впивались въ дверь, изъ которой должна была показаться Таня.

Лицо Сергѣя было спокойно и внутри его съ каждой минутой водворялось спокойствіе. Онъ еще волновался весь этотъ день до самой той минуты когда вошелъ въ церковь. Онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко при мысли о томъ, что столько постороннихъ глазъ будутъ



Камень „Громъ“, найденный на Лахтѣ близъ Петербурга. — Камень „Громъ“ во время обдѣлки для памятника.

Столѣтіе открытія памятника Петру I. (7 августа 1782 г.). Ориг. рисунокъ П. П. Гнѣдича. грав. Ю. Барановскій.

глядѣть на него и на Таню, столько постороннихъ людей будутъ присутствовать при событіи, которое по настоящему должно-бы было совершиться безъ этихъ лишнихъ свидѣтелей. Ему казалось что его чувство, бывшее столько времени его святынею, его сокровищемъ, профанируется теперь, выставляясь на показъ чужимъ людямъ.

Но вотъ онъ въ церкви, сейчасъ должна явиться Таня, сейчасъ начнется вѣнчанье—и все волненіе, вся неловкость вдругъ прошли безслѣдно, совсѣмъ забылись, ощущается только торжественное спокойствіе, которое невольно находитъ на человѣка, сознающаго, что онъ приступаетъ къ самому важному шагу въ своей жизни.

Сергѣй стоитъ и мало по малу начинаетъ забываться въ какихъ-то неопредѣленныхъ грезахъ или, вѣрнѣе, это не грезы—это просто переживаніе давно накопившихся ощущеній, подведеніе имъ итога.

Но что это? Сергѣй вздрогнулъ. Грянулъ хоръ пѣвчихъ. Какіе звуки!

Онъ никогда не слыхалъ еще такихъ звуковъ, такая въ нихъ торжественность, такая спокойная радость, такъ гармонируютъ они съ его ощущеніями.

Эти звуки привѣтствовали входившую невѣсту. Двери широко распахнулись; въ церкви показался государь; онъ ведетъ подъ руку Таню, за ними государыня, великіе князья, великія княгини и княжны и нѣсколько придворныхъ дамъ.

Боже, какъ хороша Таня въ своемъ роскошномъ подвѣнечномъ платьѣ, въ своемъ длинномъ, стелющемся за нею, вуалѣ, осыпанная вся померанцевыми цвѣтами, сверкающая бриллiантами!

Всѣ такъ и впились въ нее глазами.

— Какая красавица!

Нѣкоторые изъ присутствующихъ видѣли ее въ первый разъ, другіе хоть и видали, но никогда не видали такою.

— Красавица! Красавица! раздается по церкви восторженный шопотъ и достигаетъ до слуха Сергѣя.

Глядитъ и онъ, глядитъ на нее не отрываясь, но онъ видитъ въ ней иную красоту.

Взглядъ ея полуопущенъ, сверкающіе глаза встрѣтились съ его взглядомъ и онъ прочелъ въ этомъ взглядѣ такое счастье, такое блаженство, такую любовь, что едва удержался, чтобы не кинуться къ ней и не принять ее въ свои объятія. Но это было лишь на мгновеніе. Снова торжественное спокойствіе вернулось къ нему.

„Моя! моя!“ радостно повторилось въ его сердцѣ.

Онъ отогналъ эту мысль, онъ зналъ, что теперь уже нечего торопить свое счастье, что оно пришло, оно не уйдетъ... не уйдетъ!

Мѣрными шагами направился онъ къ серединѣ церкви, гдѣ уже собралось духовенство.

Вѣнчанье началось. Присутствовавшіе могли видѣть, что и женихъ и невѣста очень серьезны и не выказываютъ никакихъ признаковъ волненія. Они очевидно оба вслушивались въ каждое слово и повторяли про себя всѣ слова молитвъ; они ни разу не взглянули другъ на друга: каждый былъ углубленъ въ себя.

Въ дальнихъ рядахъ шелъ тихій шепотъ; передавались другъ другу замѣчанія:

— Прекрасная пара!

— Вотъ вѣдь мало кто и слыхалъ о ней, объ этой княжнѣ, а вѣдь первая красавица!

— Да тамъ въ Гатчинѣ если покопать хорошенько, навѣрно не мало такихъ бриллiантовъ найдется—государь красоту любитъ!

— Тссъ, тише! останавливалъ испуганный голосъ.—неравно кто услышитъ да передастъ!

— Никто не услышитъ!

А между тѣмъ слово было уже сказано, повидимому самое невинное слово, но въ тонѣ его звучало что-то нехорошее, какая-то насмѣшка, какое-то злорадство, зависть; это было началомъ клеветы и только нужно было пустить въ ходъ этотъ ничтожный намекъ, чтобы за него ухватились.

Казалось никто не слышалъ, а между тѣмъ черезъ нѣсколько минутъ на красавицу невѣсту многіе смотрѣли какъ-то иначе и съ нея непремѣнно переводили взглядъ на государя.

А онъ ничего не замѣчалъ, онъ стоялъ задумчиво, почти совсѣмъ закрывъ глаза и время отъ времени набожно крестился.

Шопотъ въ заднихъ рядахъ прерывался и начинался снова.

— Въ большой силѣ будутъ... того и жди получитъ онъ важное назначеніе... навѣрно засыпятъ милостями.

— Да очень ему нужно — денегъ куры не клюютъ, говорятъ, и скупъ какъ! расчитываетъ каждую копѣйку.

— Какое скупъ, ужь это-то неправда, человѣкъ онъ хорошій, добрый, тароватый, а что не мотъ, это вѣрно, даромъ денегъ не бросаетъ, говорятъ и половины доходовъ не проживаетъ, съ каждымъ годомъ капиталъ увеличиваетъ.

— Хорошаго женишка эта княжна подцѣпила...

„Милый! Милый!“ вдругъ отрываясь отъ своей молитвы и, случайно взглянувъ на Сергѣя, нежданно для себя, подумала Таня.

Ея спокойствіе мгновенно исчезло, сердце шибко забилось.

„Милый! Милый! мысленно повторила она. О! какъ я люблю тебя! Какъ любить буду“!

И въ его сердцѣ повторилось то же...

Они были уже обвѣнчаны и стояли другъ передъ другомъ растерянно, счастливо глядя, они оба вдругъ перестали понимать что это такое случилось съ ними.

„Неужели совершилось? Неужели все ужь кончено, все это безконечное ожиданіе, эта тоска, эти муки долгихъ дней?!“

Со всѣхъ сторонъ на нихъ глядѣли съ любопытствомъ, силились прочесть на ихъ лицахъ то, чего въ нихъ не было, смотрѣли также пристально и на государя, который подходилъ къ новобрачнымъ.

— Поздравляю, поздравляю! радостно говорилъ онъ, протягивая имъ руки.

Таня благодарно взглянула на добраго волшебника: счастливыя слезы блеснули на глазахъ ея; въ невольномъ порывѣ склонилась она и поднесла къ своимъ губамъ его руку. Онъ приподнялъ ея голову, крѣпко поцѣловалъ ее въ лобъ, а затѣмъ обнялъ Сергѣя.

Нѣкоторые выразительно переглянулись.

Начались поздравленія, новобрачныхъ окружили. Государь съ государыней поспѣшили изъ церкви съ тѣмъ, чтобы въ качествѣ посаженыхъ отца и матери встрѣтить новобрачныхъ въ ихъ домѣ и благословить ихъ.

Таня, улыбающаяся и вспыхивающая милымъ румянцемъ, крѣпко опиралась на руку Сергѣя, благодаря поздравлявшихъ ее, изъ числа которыхъ многихъ видѣла въ первый разъ.

Но вотъ пора и имъ выйти изъ церкви. Они двинулись, сопровождаемые нарядной толпой.

— Матушка, золотая!.. ненаглядная моя!.. вдругъ невдалекѣ отъ себя разслышала Таня.

Она оглянулась. Къ ней протискивался карликъ, онъ имѣлъ видъ сумасшедшаго, онъ какъ-то захлебывался, дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Онъ протиснулся къ ней и прильнулъ къ рукѣ ея, повторяя:

— Матушка, золотая... ненаглядная...

Отъ нея онъ повернулся къ Сергѣю.

Они оба остановились, нагнулись, поцѣловали его.

— Ты поѣдешь съ нами, сказалъ Сергѣй.

И странное дѣло: почти никто изъ гостей не обратилъ вниманія на эту остановку, не обратилъ вниманія на карлика. Но впрочемъ кто-же и зналъ кромѣ Льва Александровича Нарышкина, что это былъ за карликъ и кѣмъ онъ былъ для новобрачныхъ...

(До слѣд. №).

Віолетта.

Разсказъ **Линнъ-Линтонъ.**

Онъ всегда говорилъ, что ему было совершенно безразлично, на комъ-бы его ни женили, лишь-бы у него всегда подъ руками были его любимыя сигары, и томъ стихотвореній Шелли, да пожалуй еще чтобы жена не охотилась и не выражалась вульгарно: остальное ему, видите-ли, совершенно все равно. Это-же повторилъ онъ теперь еще, чуть-ли не въ сотый разъ своей матери, страшно зѣвая и потягиваясь послѣ сытнаго завтрака, — и отправился въ садъ подъ свое любимое дерево съ неразлучнымъ Шелли въ рукахъ, чтобы по обыкновенію въ мечтательной полудремотѣ провести свой послѣобѣденный часъ. Его никогда и никто не тревожилъ въ это время, да и некому было: они жили съ матерью очень уединенно, и это былъ такой балованный маменькинъ сынокъ, что, какъ нѣжная барышня, не выносилъ даже громкаго разговора и смѣха. Но въ послѣднее время даже маменьку (собственно и сдѣлавшую его такимъ) стала тревожить эта апатія; она было попробовала соблазнить сына перспективою блестящихъ почестей, еслибы онъ рѣшился напр. поступить на службу, но онъ только лѣниво махнулъ рукой; тогда она не на шутку встревожилась, и, какъ многія женщины, рѣшилась, по ея мнѣнію, на послѣднее средство, это—женить его. Руководствуясь его незатѣйливымъ вкусомъ, сдѣлать это было конечно не трудно, но все-же они жили въ провинціи, а м-съ Чемней считала себя аристократкой и не хотѣла родниться съ кѣмъ попало но такъ какъ, въ этомъ случаѣ, въ Англіи часто останавливаютъ выборъ на близкихъ родственницахъ, напр. кузинахъ, то м-съ Чемней какъ разъ вспомнила, что у ней въ Лондонѣ есть цѣлыхъ двѣ племянницы— Віолетта Тюдоръ и Элла Лемигъ. Про первую у нея сейчасъ мелькнула мысль, что она слышала о ней что-то весьма нелестное: что это какой-то сорванецъ, полумальчишка, ѣздитъ на дикихъ лошадяхъ, всѣхъ готова осмѣять и одного офицера, возвратившагося изъ Индіи, назвала „тюфякомъ“, за то, что онъ сознался что ни разу не участвовалъ въ охотѣ на тигровъ.

Про другую она ничего не слыхала, — значитъ скромна. И почтенная м-съ Чемней остановила именно на ней свой выборъ. Немедленно было послано любезное пригласительное письмо—погостить у тетки и познакомиться съ кузеномъ.

Дѣйствительно м-съ Чемней не ошиблась въ выборѣ. Элла была какъ разъ въ ея вкусѣ, также слѣдовательно и ея сына: кроткая, нѣжная блондинка, очень тихая и мечтательная, создающая себѣ ужасы изъ всякаго вздора и вѣчно какъ-бы считающая себя въ чемъ-то виноватой.

Получивъ приглашеніе тетки, она однако очень оживилась: всетаки это было развлеченіе, и наконецъ-то она познакомится съ своимъ милымъ-кузеномъ! Но тутъ-же она спохватилась, и стала увѣрять свою сестру Віолетту, чтобы та не думала, что она такая взбалмошная дѣвчонка, что хотя ее дѣйствительно очень интересуетъ кузенъ, но что она ни за что не забудетъ тамъ своего Генри, молодаго офицера, имѣвшаго на нее виды, и уѣхавшаго въ Индію. Затѣмъ наговоривъ еще много чего-то сестрѣ, она наконецъ уѣхала, обѣщая писать часто, часто. Первыя письма ея были очень обыкновенны, но видно было, что ей весело; но чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ дѣлались все болѣе и болѣе странными: въ нихъ были какіе-то намеки на что-то ужасное, что должно совершиться, самобичеваніе и раскаяніе, такъ что Віолетта даже струсила было, но вспомнивъ, что и дома, у сестры бывало такое настроеніе, совершенно успокоилась, увѣренная, что все разъяснится скоро и самымъ обыкновеннымъ образомъ. И дѣйствительно черезъ нѣсколько дней она получила такое письмо:

„Милая Віолетта!

Ты я знаю, ангелъ, и я должна открыть тебѣ ужасную вещь: я знаю, ты подумаешь обо мнѣ очень, очень дурно, и это убиваетъ меня, но что-же мнѣ было дѣлать? Я очень несчастлива, т. е. теперь я счастлива но если подумать, что я нарушила клятву, какъ Имогенъ въ этой ужасной балладѣ, — помнишь? И бѣдный Генри! Но если-бы ты знала — какъ тетя умоляла меня и какъ кузенъ мило сказалъ: „Элла, я право думаю, что вы будете мнѣ хорошей женой“ — ты бы увидѣла, что я не могла устоять. И потомъ, Віолетта, кузенъ—это такой красавецъ; конечно Генри очень добрый... но „*онъ*“ — стройный, высокій съ вьющимися волосами, какъ у Рафаэля, а главное глаза. Ахъ! Віолетта! эта сама поэзія! Задумчивые и глубокіе! Онъ все читаетъ Шелли—ты знаешь, это мой любимый поэтъ, а не Шекспиръ, съ которымъ носился Генри съ этимъ ужаснымъ надоѣдливымъ Гамлетомъ!

Теперь, Віолетта, просьба къ тебѣ: пріѣзжай сюда, и какъ можно скорѣй, иначе я буду думать, что ты возненавидѣла меня, а я и такъ мучаюсь! Сегодня во снѣ видѣла я Генри— такого блѣднаго и съ глазами его любимаго Гамлета!

Но до свиданія. Жду тебя. Зоветъ тетя. Пріѣзжай-же скорѣй“.

Письмо это очень понравилось Віолеттѣ. Она была однихъ лѣтъ съ кузиной, но гораздо практичнѣе ея и теперь очень радовалась такой развязкѣ за Эллу: ей никогда собственно не нравился восторженный и скучный Генри, и она поздравляла кузину съ побѣдой; ей тѣмъ болѣе хотѣлось посмотрѣть какъ это все у нихъ „тамъ“ и она быстро стала сбираться; только почему-то втайнѣ побаивалась немножко тетки.

Но въ Ашенѣ ее встрѣтили очень равнодушно: Элла была такъ „неестественно“ оживлена, что Віолетта убѣдилась дѣйствительно, въ ея неравнодушіи къ кузену; тетка любезно разспрашивала ее про Лондонъ; кузенъ отвѣсилъ глубокій и молчаливый поклонъ, хотя наружность Віолетты не могла не производить впечатлѣнія: это была маленькая, живая брюнетка, съ пышными, вьющимися волосами и блестящими глазами,— настоящая дикарка. тѣмъ болѣе она могла показаться такою въ этомъ чопорномъ аристократическомъ домѣ.

Но она употребила всѣ усилія сдержать себя на первыхъ порахъ и явилась совершенно благовоспитанной барышней. Она нѣсколько дней съ невѣроятнымъ усиліемъ вышивала полосу по канвѣ, ни разу не освѣдомилась о лошадяхъ и только разъ сладко уснула подъ монотонное чтеніе кузена, не зная потомъ, сконфуженная, какъ и оправдаться передъ нимъ. Но она видѣла, что такъ не могло долго продолжаться: она должна была или остаться сама собой, или чувствовала, что умретъ отъ скуки.

И вотъ кузенъ уже сталъ жаловаться матери, что не можетъ выносить этой „трескотни“, что голосъ Віолетты звенитъ у него цѣлый день въ ушахъ, какъ птичій свистъ, что онъ наконецъ перейдетъ въ самую дальнюю комнату, и „скоро-ли она уѣдетъ“?

— А что, у васъ есть верховыя лошади, кузенъ? спросила она его неожиданно разъ за завтракомъ; онъ былъ пораженъ и удивленно поднялъ на нее глаза. А она, вся оживленная, тоже смотрѣла на него, ожидая отвѣта.

— Да, миссъ Тюдоръ, отвѣчалъ онъ очень холодно, есть, но только не для дамъ.

— Отчего вы называете меня миссъ Тюдоръ?—перебила она живо. Я ваша кузина, и это просто странно.

— А я счелъ-бы дерзостью называть васъ иначе, отвѣтилъ онъ церемонно.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула она насмѣшливо. Тетя, отчего кузенъ такой странный?

— Не вижу въ немъ ничего страннаго, дитя мое, наставительно отвѣчала м-съ Чемней, задѣтая за живое, и если кто страненъ такъ это скорѣе ты Віолетта.

Эта фраза и особенно тонъ заставили бѣдняжку на минуту опустить глаза и наступила неловкая пауза. Но тотчасъ-же раздался нѣжный и мягкій голосокъ Эллы, просившей передать ей что-то; мать и сынъ благодарно взглянули другъ на друга. Одинъ вѣроятно подумалъ въ ту минуту, какъ счастливъ будетъ съ такой милой женой, а другая,—какъ она вѣрно угадала и не ошиблась въ своемъ выборѣ.

Послѣ обѣда всѣ разбрелись кто куда: Ланселло на свое любимое мѣсто въ саду, м-съ Чемней по хозяйству и Віолетта тоже было хотѣла идти, но остановилась, поджидая Эллу.

— Пойдемъ въ садъ, Элла, я хочу успокоить кузена! сказала она, здѣсь просто тоска у васъ, я не вынесу этого долго. Мнѣ хочется знать, что это за человѣкъ, вѣдь я не невѣста ему,— значитъ поссориться не страшно! Идемъ! и прежде чѣмъ Элла успѣла спуститься со ступенекъ балкона, она въ два прыжка уже очутилась около кузена.

— Какой вы лѣнтяй, Лонсъ!.. крикнула она надъ самымъ его ухомъ. Хоть-бы выдумали что нибудь, чтобы занять насъ! Вы даже на Эллу не обращаете никакого вниманія, а со мной просто невѣжливы. Это ужасъ! Какой-же вы будете когда женитесь! Вѣдь съ вами можно съ тоски умереть въ два года, если вы останетесь такимъ. А между тѣмъ я почти увѣрена, что вы не измѣнитесь и будете препесносный!

Лонсъ только слушалъ молча.

Ему ни отъ кого, тѣмъ менѣе отъ дѣвушки, не приходилось до сихъ поръ слышать, что либо подобное! Элла-же просто струсила. Она подошла и дернула Віолетту за рукавъ.

— Что ты! полно, оставь его! шепнула она ей.

— А чтожъ-бы я долженъ былъ дѣлать, вдругъ заговорилъ Лонсъ, чтобы имѣть счастіе быть угоднымъ миссъ Тюдоръ?

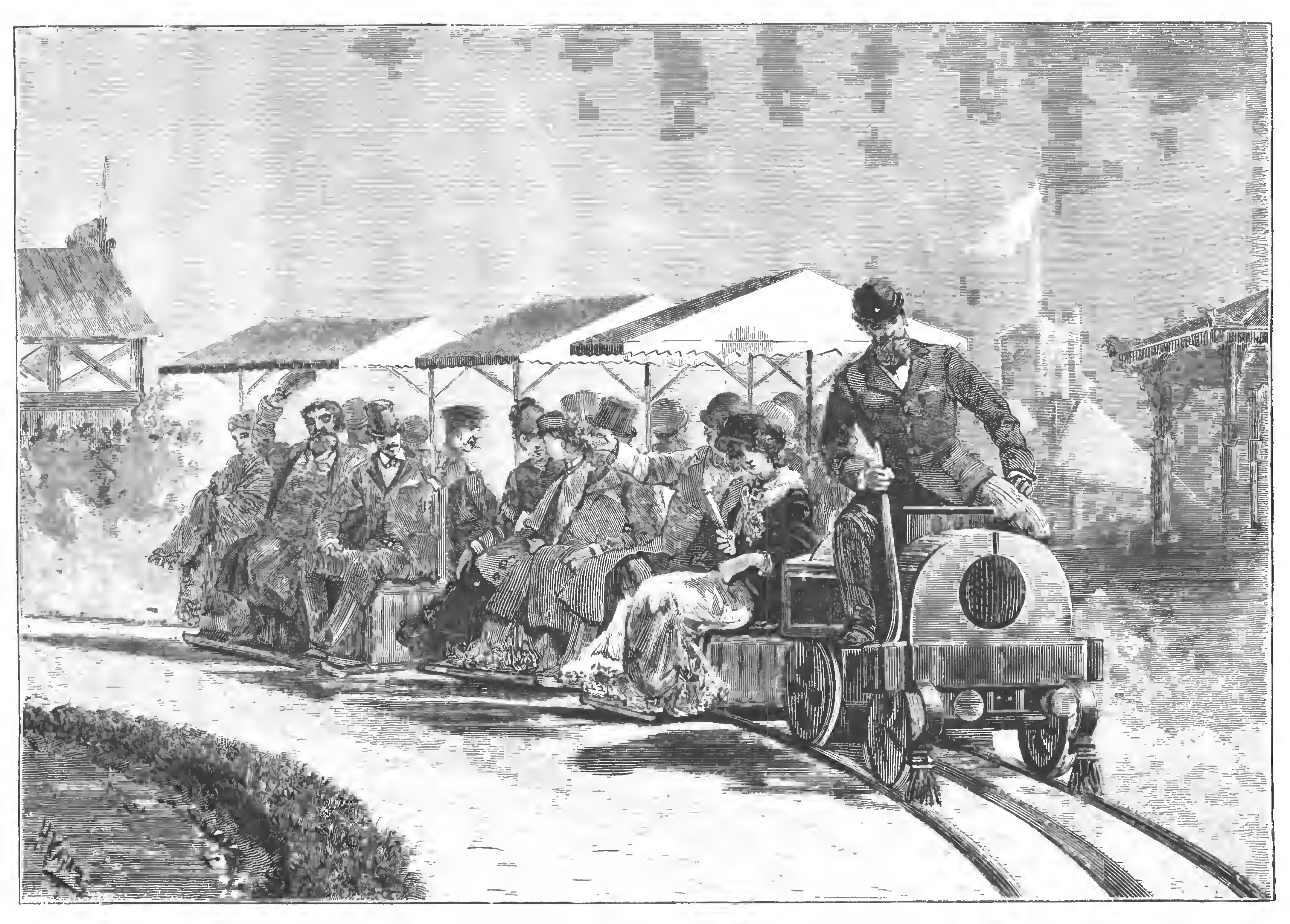
— Да даже не только для угожденія мнѣ, возразила Віолетта смѣясь, а для себя самого, — быть мужчиной: что это за занятіе: валяться цѣлый день на травѣ, и читать стихи, въ которыхъ вы право, я увѣрена, половины хорошенько не понимаете; и вотъ: двигаться, ѣздить верхомъ, стрѣлять въ цѣль, охотиться, наконецъ вообще не быть занятымъ исключительно собой, а стараться жить съ обществомъ. Теперь вы, напр. даже какъ будто гордитесь собой, но если-бы вы только знали, какой вы смѣшной!

И она разразилась серебристымъ смѣхомъ.

— Вы слишкомъ смѣлы, миссъ Тюдоръ!.. сказалъ онъ, краснѣя отъ досады и совершенно забывая, что съ нимъ говоритъ дѣвушка.

— Да?! Оттого, что говорю вамъ правду, а вамъ ее никто никогда не говорилъ въ лицо?!. но вы не должны сердиться на меня кузенъ! и если-бы вы только хоть немножко измѣнились, вы увидѣли-бы, я никогда не сказала-бы вамъ ничего непріят-

С.-Петербургъ. Пожаръ на Крестовскомъ островѣ 19 Іюля 1882 г. Ориг. рисун. Н. Н. Каразина, грав. Гельштейнъ.



Московская промышленно-художественная выставка. Электрическая ж. д. Сименса и Гальске.
Ориг. рис. нашего специальн. корреспондента Н. Каразина, грав. М. Рашевский.

наго: я искренно желаю вамъ добра. Ну, а теперь, покажите мнѣ конюшни; вѣдь вы говорили, что у васъ есть лошади?

— Да, но я сказалъ, что онѣ не для дамъ!

— О, это все равно! это еще лучше! Я попробую сѣсть именно на такую, на которой вы вѣроятно боитесь ѣздить, валяясь вотъ такъ цѣлый день на травѣ.

Лонселло опять вспыхнулъ и хотѣлъ что-то сказать, но воздержался. А Элла опять бросила на кузину умоляющій взглядъ. Но это еще больше раздражило его; какъ всѣ подобные люди, онъ былъ страшно самолюбивъ, и мысль о томъ, что его жалѣютъ и просятъ о снисхожденіи къ нему, взбѣсила его. Онъ гордо посмотрѣлъ на Віолетту и сказалъ:

— Если угодно, мы можемъ, хоть сегодня ѣхать верхомъ!

— Браво! браво! кузенъ, воскликнула Віолетта, и бросилась въ припрыжку къ конюшнѣ, оставивъ ихъ вдвоемъ „нѣжничать", какъ она подумала про себя: но молодые люди были слишкомъ идеальны и благовоспитанны, чтобы пользоваться минутой: они спокойно дошли до балкона и пригласивъ стоявшую на немъ м-съ Чемпей, отправились вмѣстѣ съ ней къ конюшнѣ.

Тамъ они нашли Віолетту, уже въ полномъ разгарѣ восторга: она, своей маленькой ручкой трепала по шеѣ то одну, то другую лошадь. Нисколько не остерегаясь, и не обращая вниманія на то, что всѣ онѣ ржали и протягивали къ ней изъ-за стойлъ свои головы, она мелькала около самыхъ ихъ ногъ, безпрестанно восклицая:

— Ну ты, хорошій, стой, стой! смирно! — или: вотъ дуракъ конюхъ! развѣ можно такъ подвязывать за шею. И она смѣло передѣвала ремень, гладя горячую, вороную лошадь. Словомъ, она была въ своей сферѣ.

Лонселло только недоумѣвалъ, и то и дѣло съ удовольствіемъ взглядывалъ на Эллу, робко прижавшуюся къ двери и видимо трусившую подойти ближе.

Наконецъ Віолетта выбрала себѣ дѣйствительно самую горячую и, какъ оказалось, умную лошадь, Элла — сѣрую высокую смирную какъ верблюдъ, и онѣ отправились одѣваться.

Когда обѣ амазонки вышли на балконъ, Лонселло невольно залюбовался Віолеттой: болѣе стройную и изящную наѣздницу трудно было себѣ представить! Но тутъ-же взглянувъ на Эллу, онъ снова успокоился, помогъ имъ сѣсть на лошадей и наконецъ самъ вскочилъ въ сѣдло, и пригласилъ ихъ тронуться. Элла немножко неловко держалась въ сѣдлѣ и видимо трусила. Выѣхавъ на дорогу, они впрочемъ всѣ трое ѣхали нѣсколько времени ровно и шагомъ. Но лишь только немного выѣхали на просторъ, какъ Віолетта, тронувъ по шеѣ своего скакуна, разомъ помчалась какъ вихрь, пока не сдѣлалась чуть видной точкой.

Лонселло опять весь вспыхнулъ: что-то будто сдавило ему грудь и натянуло всѣ нервы: ему было и стыдно, и досадно и ненавидѣлъ-то онъ ее въ эту минуту и любовался!

Потомъ онъ вдругъ обернулся къ Эллѣ и сказалъ:

— Не поѣхать-ли и намъ поскорѣе?

— Пожалуй! отвѣтила она, но только вы знаете Лонсъ, вѣдь я не могу ѣздить „*очень*" скоро!

— О да, я помню, сказалъ онъ, и закусилъ губу, да оно, собственно и прекрасно; мнѣ вовсе не нравится такая бѣшеная скачка для дамы: и я долженъ признаться, прибавилъ онъ затѣмъ наставительнымъ и язвительнымъ тономъ, что миссъ Тюдоръ вообще очень несдержанна.

А въ это время Віолетта мчалась назадъ имъ на встрѣчу и разомъ осадила передъ ними свою лошадь. Та была вся въ мылѣ, съ пышащими ноздрями и часто дышала; Віолетта — вся розовая, съ блестящими глазами—это была сама жизнь!

Лонселло поѣхалъ шагомъ, бокомъ сидя на сѣдлѣ и опустивъ поводья; а лошадь Эллы едва переступала, опустивъ голову и глаза облѣпленные мухами.

— Милая Віолетта, сказала она, я просто боялась, что ты сломишь себѣ шею; какъ это можно было сразу, съ мѣста пуститься такъ въ карьеръ.

— Такъ неужели-же лучше по вашему еле двигаться, какъ за похоронной процессіей, или будто среди тысячной толпы, боясь задавить кого нибудь,—возразила она.

— Въ особенности вы, кузенъ! это просто стыдно! здоровый, сильный человѣкъ и такъ ѣздитъ! Поскачемъ, ваша лошадь не тронетъ моего вороного, да онъ и усталъ, а она свѣжа!

И она принялась стегать хлыстикомъ его лошадь, стараясь заставить ее идти въ галопъ; они поскакали рядомъ, но она еще долго продолжала подстегивать его, приговаривая: ну, скорѣй! Нѣтъ, вамъ еще долго, не перегнать меня, кузенъ!

Онъ возненавидѣлъ ее въ эту минуту всѣми силами своей души, и возвратившись, рѣшился отомстить ей; дѣйствительно, онъ все свое вниманіе отдалъ Эллѣ, бережно снялъ ее съ сѣдла и помогъ взойти на ступеньки террасы, а Віолеттѣ предоставилъ самой справляться, какъ знаетъ. Но та, оказалось, и не замѣтила ничего этого.

На другой день онъ продолжалъ также очень холодно относиться къ ней; но она опять какъ будто ничего не замѣчала.

— Нѣтъ-ли у васъ въ домѣ, лука или револьвера кузенъ? спросила она на другой-же день какъ ни въ чемъ не бывало, мило кладя ему на плечо свою ручку.

Лонселло слегка отодвинулся и не сразу могъ сообразить, что бы отвѣтить: конечно, у него есть разное оружіе, и пистолеты и ружья, но для чего-бы это могло ей понадобиться.

— А то, что мы тогда постръляемъ вмѣстѣ, отвѣтила она улыбаясь спокойно.

Онъ совершенно онѣмѣлъ отъ изумленія.

Вотъ два контраста!

Элла, чуть не падающая въ обморокъ при видѣ револьвера и Віолетта, предлагающая состязаться въ стрѣльбѣ и еще, въ 20 шагахъ, а потомъ въ 40! Конечно, онъ не могъ отказать ей уже изъ одного самолюбія, хотя былъ увѣренъ, что врядъ-ли эта ручка, на которую не сразу могла найтись подходящая перчатка, — могла хорошо держать револьверъ и попадать въ цѣль.

По первый-же выстрѣлъ — пуля ея пронизала самый центръ кружка! А онъ, — о позоръ! промахнулся! Онъ впрочемъ сейчасъ-же объявилъ, что очень давно не стрѣлялъ, и не любитъ этого удовольствія, и наконецъ, о нелѣпость! онъ вѣроятно слишкомъ много выпилъ кофе послѣ обѣда, и рука у него дрожитъ...

— А главное, кузенъ, сознайтесь, что вы никогда и не умѣли стрѣлять хорошо; да посмотрите-же, какъ вы заряжаете? постойте, дайте, я вамъ заряжу! И она, взявъ у него револьверъ, зарядила и подала ему его, какъ ребенку.

— Вотъ! Ну теперь цѣльтесь смѣлѣе, это азбука — безъ азбуки нельзя научиться читать, такъ,—немного терпѣнія.

Онъ повиновался.

Но и тутъ его пуля не попала; ея-же опять пронизала кружокъ. Лонселло бросилъ револьверъ на траву.

— Глупое удовольствіе! недовольно воскликнулъ онъ. И я очень жалѣю, что допустилъ васъ до него. Довольно! Пойдемте Элла!

Но Віолетта осталась и долго съ тонкой улыбкой слѣдила за ними. Потомъ взглянула и отвернулась: жаль что у него такой дурной характеръ! Бѣдный Лонсъ!

Между тѣмъ Лонсъ далъ себѣ слово не поддаваться больше „этой дѣвчонкѣ". Онъ усилилъ свою предупредительность къ Эллѣ, но не могъ въ то же время понять, отчего Віолетта не выходитъ у него изъ головы, и раздражался все больше и больше.

Наконецъ онъ до того сталъ небреженъ къ ней, что она не могла не замѣтить этого. За что? думалось ей. Что она говорила ему правду? Но она совсѣмъ не думала обидѣть его, напротивъ, желала ему только добра, и со свойственной ей прямотой и наивностью, высказывала это. Она стала вдругъ грустить; въ особенности ей думалось, какъ тяжко будетъ потомъ ея положеніе какъ родственницы, когда онъ будетъ мужемъ Эллы и будетъ такъ ненавидѣть ее. И она, не давая себѣ отчета, всю ночь проплакала. Въ особенности-же сильно было ея отчаяніе послѣ того, какъ она побѣдила кузена въ шахматы. Этого онъ ей не могъ простить! Онъ считался лучшимъ игрокомъ въ околоткѣ и вдругъ эта дѣвчонка отобрала у него три партіи. Съ того дня онъ совсѣмъ перестал обращать на нее вниманіе; вотъ эту-то ночь напролетъ и проплакала Віолетта, но когда на другой день, увидя ее блѣдною и грустною, онъ спросилъ:

— Что вы нездоровы? она чувствовала, что вся ожила, и едва могла отвѣтить:

— Нѣтъ, здорова, ничего, благодарю васъ, кузенъ!

Затѣмъ снова на цѣлый день — молчаніе. Онъ неотходно сидѣлъ около Эллы, стараясь увѣрить себя, какъ онъ счастливъ; но въ то же время онъ чувствовалъ, что странно начиналъ раздражаться ея тихимъ, ровнымъ голосомъ и даже манерами, которыя до сихъ поръ онъ всегда признавалъ безукоризненными.

И еще,—если-бы хоть она перестала вышивать эти безконечныя туфли! О насколько-бы тогда онъ сдѣлался счастливѣе! Но нѣтъ! она была неизмѣнно все та-же.

— Вотъ онѣ обѣ! воскликнулъ онъ разъ, чуть не вслухъ, увидѣвъ вечеромъ обѣихъ сестеръ въ окно. Но что за ножка у этой Віолетты! А волосы! А глаза! Да что я? Мнѣ-то что до всего этого? вдругъ оборвалъ онъ себя и сердито захлопнулъ окно, но черезъ минуту снова смотрѣлъ имъ вслѣдъ, хотя долженъ былъ сознаться, что видитъ одну Віолетту. Затѣмъ онъ не вытерпѣлъ и вышелъ къ нимъ.

— Вотъ странная ненависть! думалось ему; за послѣднее время онъ уже совсѣмъ не могъ совладать съ собой; онъ чувствовалъ, что сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Его теперь, то и дѣло тянуло ѣхать верхомъ, онъ все мечталъ объ охотѣ, ждалъ когда наступитъ осень, а стрѣлялъ онъ теперь—о позоръ! потихоньку, чтобы напрактиковаться хорошенько и когда нибудь состязаться съ „ней"!

Они теперь постоянно устраивали кавалькады и еще чаще онъ и Віолетта—цѣлыя скачки съ препятствіями. Наконецъ онъ очень полюбилъ гулять и разговаривать, пугаясь иногда самъ своего громкаго смѣха, болѣе даже громкаго чѣмъ смѣхъ Віолетты! Но это случалось еще очень рѣдко, и они по прежнему почти постоянно ссорились; только теперь всегда онъ начиналъ первый, Віолетта же напротивъ дѣлалась все уступчивѣе и уступчивѣе. А Элла обыкновенно слѣдила за ними своимъ спокойнымъ взглядомъ, недоумѣвая, какъ это они всегда находили предлогъ повздорить, точно дѣти?

Разъ какъ-то они всѣ трое пріютились подъ тѣнью громаднаго бука, который былъ весь въ цвѣту. Элла сорвала себѣ вѣтку и вложила въ волосы. Но Лонсъ тутъ же сказалъ, что это ей нейдетъ, такъ какъ она блондинка.

— Вотъ вамъ, такъ это идетъ! воскликнулъ онъ вдругъ и смѣлымъ движеніемъ накинулъ на ея кудри роскошную кисть пунсовыхъ цвѣтовъ съ темными листьями. Она выглядѣла изъ-за нихъ съ своими блестящими черными глазами какою-то вакханкой.

Онъ нечаянно коснулся ея щеки: дѣвушка вспыхнула, а онъ вдругъ отдернулъ руку, какъ будто ожегся о каленое желѣзо. Віолетта еще больше вспыхнула и вскочила, негодующая и обиженная! Не помня себя, она пустилась бѣжать.

— За зонтикомъ! отвѣтила она на удивленный вопросъ сестры, хотя зонтикъ былъ у нея въ рукѣ. Когда она возвратилась, ихъ уже не было подъ деревомъ. Она была очень рада. Она не могла простить кузену его дерзость.

Но вдругъ она услышала шаги. Это былъ Лонсъ—одинъ...

— Элла ушла; она не поняла, что вы сейчасъ вернетесь, сказалъ онъ. А она чувствовала, что начинаетъ дрожать отъ страха передъ нимъ.

— Да, я сейчасъ же хотѣла придти, сказала она, въ смущеніи вертя свой зонтикъ.

— Мнѣ очень жаль, что мое присутствіе вамъ такъ непріятно, сказалъ Лонсъ, давая ей дорогу. Она посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Мнѣ? Ваше присутствіе? Лонсъ! возразила она съ упрекомъ. Напротивъ, вы кажется возненавидѣли меня!

— Вы увѣрены въ противномъ! отвѣтилъ онъ. Вы избѣгаете меня и не считаете даже нужнымъ скрывать это! Я знаю, у меня есть много недостатковъ, продолжалъ онъ, но все же я не такой дурной, какъ вы думаете! Я старался дѣлать все, чтобы угодить вамъ, съ тѣхъ поръ какъ вы здѣсь, я измѣнилъ свои привычки, я слѣдовалъ вашимъ совѣтамъ, и если бы я зналъ только, чѣмъ теперь заставить васъ уважать меня, я былъ бы готовъ перенести что хотите, но не это ваше унизительное презрѣніе...

Лонсъ чувствовалъ, что перестаетъ владѣть собой. Онъ едва держался на ногахъ. Онъ чувствовалъ, что слезы начинаютъ подступать ему къ горлу и наконецъ дѣйствительно заплакалъ! Но тутъ Віолетта бросилась къ нему и нѣжно обнявъ его шею своими маленькими ручками, притянула къ себѣ его голову и принялась утѣшать самыми нѣжными, ласковыми словами *сестры*... Такъ она думала... Но тоже почувствовала, что съ ней самой происходитъ что-то особенное; она хотѣла отнять свои руки, но Лонсъ уже завладѣлъ ими. Она спрятала свое лицо у него на плечѣ, но онъ заставилъ ее взглянуть на него. И только сдѣлавъ надъ собою неимовѣрное усиліе, она вдругъ съ легкимъ крикомъ вырвалась отъ него и побѣжала къ дому.

Послѣ этого наплыва чувствъ обоими овладѣлъ наплывъ думъ: каждому казалось, что онъ сдѣлалъ, или еще собирается сдѣлать что-то дурное и Віолетта первая начала казнить себя. Она, всегда такая правдивая, собиралась обмануть и уже обманула—кого же? Эллу!

— Стыдно! И она не могла взглянуть ей въ глаза.

Лонсъ тоже ходилъ самъ не свой: ему было и отрадно и мучительно: съ одной стороны онъ чувствовалъ торжество побѣды, съ другой его мучила совѣсть относительно Эллы... Элла при всей своей простотѣ также замѣтила, что между ними опять что-то не ладно, но думая, что это ихъ обычная ссора, сдѣлала даже по обыкновенію попытку примирить ихъ, но Віолетта, когда она подвела къ ней Лонселло, какъ молнія отскочила въ сторону и убѣжала въ свою комнату. Бѣдная Элла, только вздохнула и подумала: какая она несчастная, что не можетъ примирить между собою этихъ двухъ дорогихъ ей существъ! „Какое это несчастіе, что они будутъ вѣчно враждовать между собою“. На другой день Віолетта неожиданно получила письмо отъ матери, гдѣ та писала, что съ ней сдѣлался хотя и обычный ея припадокъ, но въ такой степени, что она боится не увидѣть больше своей Віолетты. Віолетта очень хорошо знала, что значили эти „жалкія“ слова, и что вовсе не трудно было утѣшить мать просто письмомъ: но теперь такая счастливая случайность была какъ нельзя болѣе кстати. Віолетта тотчасъ же сообщила все теткѣ и объявивъ что она непремѣнно ѣдетъ, просила дать ей грума проводить на станцію, и немедленно стала собираться. Возраженій Эллы она и слушать не хотѣла, отвѣтивъ наконецъ очень рѣзко, что она не привыкла, чтобы за ея матерью ухаживали служанки.

Элла только пожала плечами. Лонселло не зналъ ничего объ отъѣздѣ до тѣхъ поръ, пока, спустясь къ завтраку, не засталъ ее уже въ дорожномъ костюмѣ за укладкой послѣднихъ вещей.

— Что это значитъ? тревожно спросилъ онъ, забывъ всѣ предосторожности и схвативъ ее за обѣ руки. Онъ былъ очень блѣденъ.

— Я уѣзжаю, отвѣчала Віолетта, насколько возможно спокойно.

— Уѣзжаете? переспросилъ онъ. Зачѣмъ же?

— Мама нездорова, коротко сказала она. Больше она не могла прибавить ни слова.

— Мнѣ очень жаль, что вы оставляете насъ, сказалъ онъ глухо, какъ будто слова выходили у него откуда-то изъ самой глубины.

Мать съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Элла посмотрѣла на Віолетту. И обѣ почувствовали, что тутъ что-то неладно. Элла наконецъ рѣшилась подойти къ Віолеттѣ и обнявъ ее одной рукой, тихо спросила?

— Віолетта, милая, что все это значитъ?

— Ничего! отвѣчала Віолетта черезъ силу,—я не знаю, право,—рѣшительно ничего!

Крупныя капли пота выступили на лбу Лонселло.

— Не могли ли бы вы написать сначала вашей матушкѣ? сказалъ онъ.

— Нѣтъ! встрепенулась Віолеттта и покраснѣла. Нѣтъ! повторила она твердо, я должна ѣхать!

Въ эту минуту вошедшій грумъ объявилъ, что все готово и что они должны спѣшить, чтобы не опоздать на поѣздъ. Второпяхъ стали прощаться. Віолетта уронила нѣсколько слезинокъ, но съумѣла удержаться, чтобы не расплакаться: любовь и гордость поддержали ее. Прощайте, тетя, сказала она. Прощай, Элла.

— Прощайте, кузенъ Лонсъ! и она, не глядя на него, протянула ему руку.

Дальше говорить она не могла. Онъ тоже хотѣлъ что-то сказать, но языкъ не повиновался и Віолетта нечаянно взглянувъ на него, увидѣла только на его лицѣ такое страданіе, что едва въ состояніи была отнять отъ него свою руку.

Но часы пробили половину втораго. Въ два—поѣздъ. Нѣтъ! она никогда не измѣняла себѣ. Лонсъ остался тамъ, гдѣ стоялъ, она пустилась бѣжать бѣгомъ по лугу къ дорогѣ. Она почти уже скрылась изъ вида, когда до нея долетѣлъ отчаянный раздирающій душу крикъ:

— Віолетта! Віолетта!!

Она невольно пріостановилась—колебалась секунду и вдругъ вернулась! черезъ нѣсколько минутъ она уже стояла на колѣняхъ подлѣ лежащаго безъ чувствъ Лонселло.

— Я здѣсь, воскликнула она, Лонселло, я не оставлю тебя!

Это былъ крикъ самой души. Всѣмъ вдругъ все стало ясно. Только роли перемѣнились: страданія перешли къ другой. И то—Элла только въ первый моментъ была сильно поражена, какъ будто пришиблена. Но время все измѣняетъ и наконецъ, это была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя все хоронятъ въ глубинѣ души, и даже успѣваютъ увѣрить себя, что такъ и должно было быть: и такъ, когда черезъ нѣсколько лѣтъ, Лонселло и Віолетта были уже давно мужемъ и женой, Элла еще глубоко хранила въ себѣ свою любовь; но мало по малу она убѣдила себя, что лучше сдѣлать счастливымъ того, кто давно уже жаждалъ ея привязанности,—она вспомнила о бѣдномъ Генри, который сильно пострадалъ во время возстанія въ Индіи и былъ почти калѣкой и рѣшилась посвятить ему свою остальную жизнь, вздохнувъ о прошломъ и подумавъ, что все, быть можетъ, дѣлается къ лучшему!

Стихотворенія.

I.

Лучится солнца знойный шаръ,
Въ палящемъ воздухѣ истома...
На избахъ ветхая солома
Готова тлѣть... Несносный жаръ!

* * *

Вотъ барскій домъ... ты мнѣ знакомо,
Гнѣздо когда-то славныхъ баръ
И я спѣшу, и въ пыль и въ жаръ,
Почуявъ сердцемъ близость дома!

* * *

Рѣка мелькнула сквозь камышъ,
Алмазной лентою сверкая...
О, Боже! глушь-то здѣсь какая,
Какая сладостная тишь!..

В. М—ръ.

II.

Въ чистилищѣ страстей въ броженьи юныхъ силъ,
Утѣхъ разнузданныхъ, забавъ пустыхъ иль шумныхъ,
Мнѣ Геній Юности Виргиліемъ служилъ
И, бодрствуя, стерегъ отъ замысловъ безумныхъ.

* * *

На райскомъ рубежѣ задумчиво стою
Войду туда, иль тьмы останусь я добычей?
Я слабъ... Безгрѣшная, о смилуйся! молю:
Введи меня въ тотъ рай какъ Данта Беатриче!

Н.

Къ рисункамъ.

Столѣтіе памятника Петру I въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 753).

Въ субботу, 7 августа 1882 года, исполнилось сто лѣтъ со дня открытія Екатериной второй памятника императору Петру I по проекту скульптора Фальконета.

Мысль о сооруженіи такого памятника приходила въ голову самому Петру, при чемъ, конечно, онъ смотрѣлъ на подобный монументъ только какъ на украшеніе столицы, какъ на память объ основателѣ города. Графъ Бартоломей Растрелли — профессоръ всѣхъ искусствъ, въ томъ числѣ и скульптуры,—принялся за выполненіе конной статуи императора. При помощи литейщика Мартелли, статуя была окончена уже много спустя послѣ смерти императора. Медленность работъ была такова, что и самъ Растрелли успѣлъ умереть, передавъ свое дѣло сыну, превосходному архитектору, знаменитому строителю Зимняго дворца. Царствованія Елисаветы и Петра III, отлитая фигура простояла гдѣ-то въ сараѣ возлѣ академіи наукъ,—и только со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II дѣло сразу подвинулось впередъ.

Замѣчая все, своимъ всеобъемлющимъ умомъ, императрица вспомнила и о монументѣ. Осмотрѣвъ его, она была поражена неуклюжестью рисунка, и слабостью творческой мысли: грузная, прямолинейная, деревянная фигура всадника, и столь-же слабо выполненный конь, не могли удовлетворить художественнаго чувства императрицы. Назначенъ былъ конкурсъ и пальма первенства на немъ была отдана французскому скульптору Этьену Морису Фальконетъ, представившему превосходный проектъ.

Императоръ былъ изображенъ на великолѣпномъ скакунѣ, взлетѣвшимъ на каменную глыбу, и растоптавшимъ копытами змѣю. Голова Петра могуче поднята кверху, рука простерта впередъ. Идея силы, мощи, порывистости, подавленія зла—все это такъ понравилось Екатеринѣ, что Фальконетъ былъ немедленно выписанъ изъ Парижа вмѣстѣ съ своими учениками.

Приходилось отыскивать подножье колоссальному монументу, для чего и были разосланы отъ канцеляріи строеній развѣдчики. Одинъ изъ нихъ, Семенъ Вишняковъ, вскорѣ сообщилъ, что близъ Лахты существуетъ громадная глыба гранита, отколотая отъ горы ударомъ молніи, поэтому носящая названіе *Громъ*, и имѣющая размѣры—22, 27 и 44 фута. При ближайшемъ осмотрѣ камень оказался пригоднымъ и состоящимъ изъ кварца и полеваго шпата, въ которыхъ были вкраплены аметисты, гранаты и топазы. Тяжесть *Грома* равнялась приблизительно 100000 пудамъ.

Окопавъ со всѣхъ сторонъ камень, и устроивъ дорогу до залива въ 4173 сажени, камень медленно подняли и поволокли шестернями на мѣдныхъ рычагахъ; процедура этого движенія длилась ровно полтора года—съ 12 марта 1769, по 28 августа 1770 года, причемъ императрица не разъ навѣщала работы. Наконецъ, глыба была поставлена на судно, и привезена на исаакіевскую площадь, пройдя небольшое сравнительно разстояніе вверхъ по Невѣ въ теченіе мѣсяца. 11 октября, въ присутствіи императрицы и прусскаго принца Генриха, глыба была положена на мѣсто будущаго монумента, и въ честь ея была выбита медаль съ надписью: „дерзновенію подобно.“

Фальконетъ не дождался открытія памятника и въ 1776 году уѣхалъ въ Парижъ. Памятникъ былъ уже открытъ безъ него, 7 августа 1782 года, съ необычайною торжественностью. Мѣсяцъ этотъ былъ выбранъ именно въ виду того обстоятельства, что въ августѣ Петръ спасся отъ преслѣдованія Софьи, заключилъ Ништадскій миръ, взялъ Нарву, перевезъ мощи Александра Невскаго, командовалъ 4-мя флотами и пр.

День былъ пасмурный, но съ утра площадь кипѣла народомъ. 15000 войска, подъ начальствомъ кн. Голицына, выстроилось передъ монументомъ, скрытымъ подъ полотномъ, которое было расписано видами Финляндіи. Въ 4 часа Императрица прибыла на шлюпкѣ, прошла въ Сенатъ, и вышла на балконъ. Одновременно съ ея появленіемъ, полотно было сдернуто, раздалось громовое „ура!“ войска забили походъ, склоняя знамена передъ изображеніемъ великаго преобразователя, суда разцвѣтились флагами, изъ Петропавловской крѣпости грянули пушки...

Неудачное произведеніе Растрелли было впослѣдствіи поставлено въ инженерномъ саду, противъ дворца Павла I.—оно даже не можетъ быть сравнено съ блестящей композиціей Фальконета.

Собственно голова Петра на Фальконетовомъ памятникѣ—дѣло рукъ молоденькой дѣвушки—Калло; самому Фальконету голова неудавалась. Нельзя сказать, чтобы выполненіе памятника было реально, оно отзывается во многомъ ложно-класси-

Дѣйствующій волканъ въ разрѣзѣ. Рис. Тилли, грав. Гельштейнъ.

Нью-Іоркскій „пароходъ прессы“. Ориг. рисун. Мена, грав. О. Ротъ.

ческими традиціями, начиная съ римскаго костюма царя, и кончая стереотипной лошадью, голова которой впрочемъ настолько хороша, что поспорить съ антиками. Но идея памятника и трактовка его такъ хороши, что трудно найти на Западѣ другое, могущее конкурировать съ нимъ, произведеніе искусства въ этомъ родѣ. Не менѣе проста и могуча и надпись на подножіи памятника:

Петру Первому
Екатерина вторая
1782 года.

На другой сторонѣ та же надпись повторена на латинскомъ языкѣ.

За послѣднее время на сенатской площади разведенъ чудесный садъ, и памятникъ очутился поэтому въ саду, что еще болѣе украсило это превосходное изваяніе.

Моск. выставка. Электрич. ж. д. Сименса и Гальске.

(Рис. на стр. 757).

На Московской выставкѣ обращаетъ на себя большое вниманіе небольшой павильонъ, не отличающійся ни изяществомъ, ни размѣрами и близь него нѣчто въ родѣ садовыхъ скамеекъ съ ящикомъ—это одно изъ удивительнѣйшихъ изобрѣтеній нашего вѣка: электрическая желѣзная дорога, устроенная Сименсомъ и Гальске. Ежедневно дѣлаетъ маленькій открытый поѣздъ, изображенный на прекрасномъ рисункѣ нашего корреспондента, небольшой кругъ на выставкѣ, принимая гостепріимно на свои скамьи желающихъ кататься посѣтителей безплатно. Кругомъ всегда собирается толпа любопытныхъ, глядя какъ быстро, безъ шума, свиста и дыма, несется этотъ оригинальный поѣздъ.

Мы уже столько разъ подробно говорили объ этомъ замѣчательномъ изобрѣтеніи („Нива" 1879 г. № 36 и 1880 г. № 22 1881 г. № 24 и 1882 г. № 18) что теперь повторять сказаннаго не представляется необходимости. Электричество, ставшее орудіемъ передвиженія — это такая сила, которая можетъ впослѣдствіи сдѣлать переворотъ въ средствахъ сообщенія. При всей кажущейся простотѣ устройства, примѣненіе этой силы къ передвиженію весьма затруднительно, и требовало огромныхъ знаній и трудовъ со стороны изобрѣтателей и устроителей ея.

Напомнимъ, что у насъ было очень интересное описаніе въ № 18 такой желѣзной дороги Сименса и Гальске, уже открытой для движенія близь Берлина, между Шпандау и Шарлоттенбургомъ. Машина, помѣщенная въ переднемъ ящикѣ, невидима для глазъ, поѣздъ трогается въ путь и останавливается посредствомъ рукоятки, которою управляетъ кондукторъ.

Волканъ въ разрѣзѣ.

(Рис. на стр. 760).

Нѣкоторые изъ великихъ умовъ древности оставили довольно близкія къ истинѣ объясненія волканическихъ изверженій.

Платонъ, въ своемъ „Өедонѣ" говоритъ, между прочимъ: „внутри земли, а также по всей ея окружности, проходятъ подземные каналы всевозможныхъ размѣровъ, въ которыхъ обильно течетъ вода, но кромѣ того, тутъ же текутъ огонь и потоки, состоящіе изъ грязнаго ила, подобнаго тому, который, въ Сициліи предшествуетъ изверженію огня и лавы и который, вмѣстѣ съ ними, затопляетъ всѣ мѣстности, гдѣ они протекаютъ".

„Таковъ Пириолегетонъ, нѣкоторыя незначительныя части котораго подымаются вверхъ, образуя потоки огня, появляющіеся на поверхности земли", прибавляетъ философъ.

Согласно новѣйшимъ, наиболѣе принятымъ теоріямъ, волканическія изверженія происходятъ вслѣдствіе того, что вода внутри земли приходитъ въ соприкосновеніе съ веществами, находящимися тамъ въ раскаленномъ состояніи.

Очевидно, что проникая въ подземныя лабораторіи, гдѣ температура достигаетъ, по крайней мѣрѣ, 2-хъ тысячъ градусовъ, вода превращается въ пары, развивающія громадную механическую силу. Сравнительно тонкая скалистая оболочка, лежащая сверху, конечно уступаетъ давленію, которое и разламываетъ ее. Водяные пары, вырываясь наружу, увлекаютъ съ собою лаву и пепелъ, какъ это видно на нашемъ рисункѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, фактъ расположенія большей части волкановъ на островахъ и на прибрежьи материковъ, самъ по себѣ указываетъ, что естественнымъ резервуаромъ, снабжающимъ ихъ водою, служитъ море, а химическій анализъ изверженій (въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ), содержащихъ въ себѣ, кромѣ воды, хлористыя и землистыя части и щелочныя соли, подтверждаетъ такое предположеніе.

Но въ этомъ объясненіи встрѣчается одна неясность: какимъ образомъ, не взирая на столь энергическое давленіе изнутри, вода можетъ проникнуть туда съ земной поверхности? Та непреодолимая сила, которая съ такою мощью выбрасываетъ изверженія, какъ бы не допускаетъ теоріи, о которой мы говоримъ.

Въ отвѣтъ на это скажемъ, что надо имѣть въ виду различіе между процессами, которые могутъ происходить въ большихъ полостяхъ, напримѣръ въ широкихъ разсѣлинахъ и тѣми, которые могутъ имѣть мѣсто въ тончайшихъ щеляхъ, если можно такъ выразиться, отдѣляющихъ мельчайшія составныя части скалъ, вещество которыхъ болѣе или менѣе пористо.

Эта теорія проникновенія воды внутрь земли только что указаннымъ путемъ, хотя еще и не составляетъ незыблемой аксіомы, но многое уже указываетъ на ея большую вѣроятность.

Флотъ американской прессы.

(Рис. на стр. 761).

Америка въ отношеніи литературы художественной и ученой не имѣющая ничего, что могло-бы поставить ее на ряду съ Европой, въ низшихъ родахъ печати, въ газетной прессѣ, такъ сказать въ „репортерствѣ", оказываетъ успѣхи, быстроту и проворство не имѣющія себѣ ничего подобнаго въ прессѣ всего міра. Есть въ Нью-Іоркѣ газета „Нью-Іоркъ Геральдъ" которая ежедневно печатается въ количествѣ 150,000 экземляровъ. Газета эта основана въ 1835 г. Джемсомъ Гордономъ Беннетомъ, въ настоящее время ведется его сыномъ и даетъ въ годъ чистаго доходу до 800,000 долларовъ (т. е. 1 мил. 80 тыс. руб.). Газета имѣетъ у себя на службѣ больше людей чѣмъ иное государство. Отъ этого изданія былъ посланъ Стэнли во внутреннюю Африку, для розысканія знаменитаго англійскаго ученаго Ливингстона, причемъ все-же „репортерская", хотя и довольно грандіозная, роль выпала на долю Америки. Беннетомъ-же была послана къ сѣверному полюсу экспедиція въ 1879 г. Извѣстна несчастная участь „Жанетты". Эта экспедиція обошлась Беннету болѣе полумилліона долларовъ, но предпріимчивый американецъ не отказался отъ мысли объ новой экспедиціи. Газета платитъ только за депеши, передаваемыя изъ Европы по кабелю, болѣе 10,000 долларовъ въ годъ. Иванъ де-Вестинъ, корреспондентъ газеты въ Петербургѣ тратитъ по дѣламъ газеты большія суммы. И такъ какъ Беннетъ желаетъ имѣть корреспондентовъ вездѣ и превзойти всѣ газеты міра въ быстротѣ, вѣрности и обиліи извѣстій, то онъ и на морѣ имѣетъ для того грандіозныя приспособленія. Онъ имѣетъ собственные репортерскіе пароходы. На нашемъ рисункѣ можно видѣть какъ пароходъ газеты подъѣзжаетъ къ большому океанскому кораблю и принимаетъ съ него почту, письма и извѣстія. Надо было-бы ждать нѣсколько часовъ пока почта будетъ сдана съ корабля въ Нью-Іоркѣ а потому посылаются небольшіе „пароходы прессы" которые берутъ почту прямо съ корабля, гдѣ ихъ уже хорошо знаютъ. Кромѣ того всегда на кораблѣ во время океанскаго путешествія, кто нибудь ведетъ для газеты путевой дневникъ всего, до мелочей, что происходило во время плаванія и этотъ матеріалъ тутъ-же на пароходѣ прессы, пока онъ идетъ до города, репортеры перерабатываютъ въ замѣтки, фельетоны, статьи, придавая сообщеніямъ журнальную форму. Являются въ редакціи они уже съ готовыми статьями. Такимъ образомъ сотни читателей газеты, ждущіе родственниковъ съ приходящими кораблями, получаютъ объ нихъ тотчасъ-же извѣстія а остальные съ интересомъ читаютъ живо составленныя хроники. И маленькій пароходъ не безъ нѣкотораго риску пускается въ свой путь и держится около большаго океанскаго колосса. На рисункѣ видно какъ его бросаютъ волны, но репортеръ храбро протягиваетъ свою сѣтку, ловя въ нее свѣжія новости. Затѣмъ, если только извѣстія представляютъ особенный, исключительный интересъ, то предварительно расклеиваются по всѣмъ улицамъ города гигантскія, разноцвѣтныя афиши, которыми объявляется, что желающіе узнать подробности о такомъ-то событіи могутъ прочесть въ „Нью-Іоркъ Геральдѣ" обстоятельныя статьи, извѣстія—и номера въ этихъ случаяхъ продаются въ огромныхъ количествахъ.

Извѣстно, что когда нѣкоторые пострадавшіе изъ экипажа яхты „Жанетты" при помощи нашей администраціи, были найдены, то къ нимъ на встрѣчу Беннетъ тотчасъ послалъ цѣлую компанію репортеровъ, которые купили возокъ-вагонъ (объ участи „Жанетты" были въ „Нивѣ" статьи и рисунки въ №№ 8 и 10). Всѣ расходы принялъ на себя Беннетъ, причемъ за первыя же телеграммы пришлось уплатить 500 руб. Здѣсь въ Петербургѣ корреспондентъ „Нью-Іоркъ Геральда" Иванъ де-Веетинъ въ честь спасшагося лейтенанта Данпенгауэра устроилъ у себя великолѣпный банкетъ и когда поѣхалъ съ лейтенантомъ въ Гатчину представляться Государю Императору, то, опоздавъ на поѣздъ очередной, тотчасъ взялъ экстренный, дабы поспѣть во время къ пріему. Вообще въ деньгахъ у Беннета повидимому никогда нѣтъ недостатка и задержки, какъ-бы велики ни были предстоящіе расходы для дѣла.

Пожаръ на Крестовскомъ островѣ.

(Рис. на стр. 756).

19 сего Іюля жители острововъ подъ Петербургомъ были испуганы ужаснымъ дымомъ и пламенемъ послѣ полудня. День былъ ясный и жаркій. Оказалось что страшный пожаръ свирѣпствуетъ на Крестовскомъ островѣ.

Пожаръ начался въ первомъ часу дня въ Никольскомъ переулкѣ, на дачѣ Петрова. Нижній этажъ дачи занималъ какой-то чиновникъ. Въ день пожара его не было дома; прислуга же, затопивъ печку, отлучилась за чѣмъ то и, возвратившись обратно, застала уже кухню охваченною пламенемъ. Пламя быстро распространилось по всему зданію и, раздуваемое сильнымъ вѣтромъ, перешло на сосѣднія строенія по переулку и по набережной Малой Невки до втораго Елагинскаго моста, перебросилось черезъ Бѣлосельскій проспектъ, охватило портерную лавку, стоявшую у самаго моста, распространилось далѣе по Бѣлосельскому проспекту и набережной, по направленію къ яхтъ-клубу. Еще до того времени, какъ загорѣлась прилегавшая къ мосту портерная, раскаленный воздухъ и тучи искръ неслись на мостъ; едва портерная вспыхнула, какъ мостъ почти моментально былъ объятъ пламенемъ.

Пожаръ неизбѣжно угрожалъ яхтъ-клубу и надѣлалъ тамъ сильную суматоху, но, къ счастію, огонь былъ остановленъ на одной дачѣ и сосѣднія строенія отдѣлались только поломкою. Съ другой стороны, не малая опасность угрожала всѣмъ строеніямъ Крестовскаго сада, но послѣдній остался цѣлъ и невредимъ благодаря тому, что находился не на вѣтряной сторонѣ отъ горящихъ зданій: по направленію къ нему пожаръ былъ остановленъ. По Бѣлосельскому проспекту пожаръ распространился до самаго лѣса, гдѣ уже нечему было горѣть; впрочемъ, тамъ, какимъ то чудомъ, уцѣлѣли двѣ дачки. Жители дачъ по Бѣлосельскому проспекту находились въ лучшихъ условіяхъ, нежели дачъ по набережной: удушливый дымъ и жара не были здѣсь такъ сильны, какъ по набережной, а поэтому многимъ удалось спасти, по крайней мѣрѣ большую часть своего имущества. Къ 6-ти часамъ вечера пожарище представляло громадную площадь съ почернѣвшими трубами и исполинскими грудами пылающихъ головней. Весь берегъ Невки усѣянъ сгорѣвшимъ или изломаннымъ скарбомъ дачниковъ и цѣлыя тучи пуха отъ истлѣвшихъ перинъ и подушекъ носились по набережной. Трудно описать тотъ хаосъ, который господствовалъ на пожарѣ. Большая часть мужскаго населенія дачъ была въ городѣ; не мало было и хозяекъ, отлучившихся въ городъ и оставившихъ на дачахъ своихъ дѣтей. Надо было видѣть ихъ неописанный ужасъ, когда на мѣстѣ дачъ они увидѣли пылающія развалины. Поминутно слышался плачъ и раздирающіе душу стоны матерей, розыскивающихъ въ этомъ хаосѣ своихъ дѣтей и родныхъ: никто въ этой суматохѣ не могъ дать имъ никакихъ свѣдѣній. Мы не будемъ распространяться о тѣхъ трагикомическихъ сценахъ, которыя можно видѣть почти на каждомъ пожарѣ: сплошь и рядомъ растерявшимися дачниками спасались кувшины, щетки, горшки, между тѣмъ, какъ цѣнное имущество горѣло у нихъ на глазахъ. Теперь мѣсто пожара представляетъ ровную, чистую площадь, безъ всякаго признака когда-либо стоявшихъ на ней строеній: даже головни сгорѣли до тла; только перекосившіяся печныя трубы, возвышающіяся на громадной площадкѣ, свидѣтельствуютъ о массѣ истребленныхъ огнемъ строеній. Убытки причиненные пожаромъ громадны; не говоря объ истребленномъ имуществѣ дачниковъ, страховыя общества насчитываютъ ихъ 200,000 р. Сгорѣвшій мостъ оцѣниваютъ въ 60,000 р. Пожаромъ уничтожена аптека и множество торговыхъ заведеній, изъ которыхъ, какъ разсказываютъ, ничего не успѣли спасти. Всѣхъ погорѣвшихъ крестьянъ-собственниковъ насчитываютъ до 50-ти; число же сгорѣвшихъ зданій превышаетъ эту цифру.

Погорѣвшіе большею частію пріютились на время въ „Русскомъ семейномъ саду". Другіе, собравъ кой-какіе узелки и пожитки, уѣхали въ городъ.

Огонь перекинуло на Крестовскій мостъ. Загорѣлось сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пожарная команда въѣхала на мостъ, началась поливка. Но это не дѣйствовало. Огонь шелъ стѣною и, подъ порывами вѣтра, несущаго огонь все далѣе и далѣе, пожарные пошли назадъ. Нѣсколько мгновеній и мостъ сталъ трещать. Образовались громадныя черныя дыры, въ которыхъ ревѣлъ и клубился огонь. Мостъ начало коробить. Онъ сталъ осѣдать, опускаться... пожарные отступили къ Елагину острову, — и вдругъ все рухнуло. Масса огня утонула въ водѣ. Этотъ моментъ и изображенъ на эффектномъ рисункѣ Н. Н. Каразина.

При тушеніи пожара, вышло какое-то недоразумѣніе въ то время, какъ по первому требованію поскакали всѣ части, — получилось другое приказаніе: — не нужно всѣхъ командъ и часть пожарныхъ вернулась уже до Троицкаго моста, а на встрѣчу возвращавшимся въ это время уже неслись затребованные опять резервы. Караула во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не было, благодаря чему разныя темныя личности были почти столько же опасны дачникамъ, какъ и самый пожаръ. Вечеромъ пожарище представляло весьма безотрадную картину: повсюду слышался плачъ и рыданія. 150 пострадавшихъ отъ пожара семействъ, большею частью, размѣстились или въ паркѣ подъ открытымъ небомъ, или на сыромъ берегу Невки. Какова была сила огня, каковъ былъ жаръ, можно судить по тому, что на пожарищѣ не осталось даже углей: все выгорѣло, что могло горѣть, все превратилось въ золу, травы нѣтъ и признаковъ, самая почва—черная, распространяетъ смрадъ. На пожарищѣ массы народа; высшее полицейское и военное начальство осматривало мѣсто пожара нѣсколько разъ. Для несчастныхъ погорѣльцевъ, а ихъ не одна сотня, князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій предложилъ свою дачу, оберъ-полиціймейстеръ также распорядился отвести для нихъ всѣ свободныя помѣщенія въ „Русскомъ трактирѣ".

Во обще пострадавшихъ очень много, у большинства имущество застраховано не было; но такихъ несчастныхъ, которые лишились и крова, и одежды, и всякихъ средствъ даже къ первоначальному существованію послѣ пожара — бѣдствующихъ немного. Несчастныхъ случаевъ съ людьми, по полицейскимъ свѣдѣніямъ, не было; было нѣсколько легкихъ ушибовъ, потребовавшихъ врачебной помощи. Оберъ-полиціймейстеръ объявилъ, чтобы тѣ лица, которыя лишились всякихъ средствъ и нуждаются въ немедленномъ пособіи, обращались прямо къ нему.

Растительности погибло очень много, сотни прекрасныхъ деревъ сдѣлались жертвою пламени. Погибло также много лошадей и домашней скотины.

Разсказываютъ, что мостъ сразу сильно загорѣлся по случаю того, что изъ портерной лавки и изъ ренсковаго погреба, которые находились въ помѣщеніи рынка, выкатили подъ мостъ бочки со спиртомъ, надѣясь, что мостъ будутъ отстаивать.

Дневникъ капитана де-Лонга съ „Жаннеты".

Очеркъ.

Инженеромъ Мельвилемъ, отправленнымъ за поисками пропавшаго безъ вѣсти корабля, прислана въ Вашингтонъ Морскому Министру копія съ дневника капитана де-Лонга—это послѣднія печальныя извѣстія объ американской полярной экспедиціи. Дневникъ начатъ сто одиннадцать дней спустя послѣ того, какъ покинутъ былъ корабль и обнимаетъ время съ 1-го по 30-е октября. Сначала онъ велся довольно подробно самимъ де-Лонгомъ съ описаніемъ всѣхъ трудностей, страданій, лишеній, о всѣхъ случайностяхъ, словомъ обо всемъ пережитомъ, но по возможности лаконично; въ концѣ же онъ заключаетъ въ себѣ только одни отрывочныя свѣдѣнія. 1-го октября дано еще каждому по ½ фунта мяса сѣвернаго оленя и чай. Докторъ нашелъ у бѣднаго Эриксона признаки замороженія. Четыре дня они провели въ оставленной хижинѣ, ожидая пока замерзнетъ рукавъ рѣки, чтобы переправиться на восточный берегъ и оттуда направиться дальше, такъ какъ въ этомъ направленіи предполагалось достигнуть поселенія. Де-Лонгъ думалъ, что главный рукавъ Лены скоро будетъ достигнутъ, но на самомъ же дѣлѣ онъ былъ отъ него далеко. Карта устья Лены, которую онъ имѣлъ, оказалась совершенно безполезной. Ночь съ 1-го на 2-е октября, такъ какъ не встрѣтилось никакого убѣжища, была проведена подъ одной изъ скалъ. Погода была ясная, но ужасно холодная. Вечеромъ было роздано каждому еще по ½ ф. мяса и чай. Зажгли огонь, который и поддерживали все время. 3-го октября при ужаснѣйшемъ холодѣ розданъ былъ до 5 часовъ пополудни только одинъ чай; потомъ былъ раздѣленъ послѣдній остатокъ оленины. Теперь оставалось только по ¼ ф. пеммикона на каждаго; послѣднее спасеніе—собака оставлена еще до сихъ поръ живой." Ниспошли Господь на насъ свою помощь! „Эриксонъ становился все слабѣе и слабѣе. Послѣ того какъ пообѣдали послѣднимъ пеммиканомъ, выслали людей для развѣдыванія. Алексѣй увидѣлъ въ двухъ мѣстахъ хижины; онѣ были далеко. Послѣ большихъ усилій и трудовъ достигли мѣста, гдѣ виднѣлись мнимыя хижины, именно 3-го октября; начались сожалѣнія, что обманулись. Это было только углубленіе въ землѣ и никакихъ слѣдовъ человѣческаго пребыванія. Только подъ защитой выдающейся скалы нашли мы себѣ убѣжище. Собака была убита и вскорѣ изъ внутренностей ея было приготовлено рагу. Къ этому яству докторъ и де-Лонгъ не прикоснулись. Изъ собаки вышло 27 фунт. мяса. Огонь былъ зажженъ. Вечеромъ было роздано понемногу водки; ночь была печальная. Эриксонъ, котораго несли на носилкахъ, бредилъ: холодъ былъ страшнѣйшій. Лонгъ серьозно опасался за жизнь слабѣйшихъ. 4-го октября, какъ только занялась заря и послѣ того какъ каждый выпилъ понемногу чая, лагерь былъ оставленъ. Въ 8 часовъ утра набрели на большую хижину; тотчасъ же былъ разведенъ большой огонь, около котораго можно было вполнѣ отогрѣться, что случилось въ теченіи многихъ дней только въ 1-й разъ. Послѣдніе часы бѣднаго Эриксона, какъ говорилъ докторъ, были сочтены; онъ страшно страдалъ въ ужасный холодъ прошлой ночи и послѣднія силы, быстро покидали его: всѣ собрались вокругъ него, де-Лонгъ читалъ молитву. На другой день утромъ Алексѣй вышелъ на охоту; онъ вернулся въ полдень безъ добычи, весь измокнувъ, такъ какъ провалился на льду. Вечеромъ всѣ были одѣлены порціей жаренаго собачьяго мяса и чашкой чая. На дворѣ бушевалъ страшный Юго-Западный вѣтеръ и всѣ благодарили Бога, что Онъ привелъ ихъ провести эту ночь подъ защитой хижины. 5 ок-

тября. Поваръ приготовляетъ чай изъ вчераспитыхъ листьевъ, къ вечеру всѣмъ дадутъ по $\frac{1}{2}$ ф. собачьяго мяса. Алексѣй выходилъ на охоту и возвратился въ полдень опять безъ добычи, онъ не могъ вынести юго-западнаго вѣтра. Недалеко отъ нашей хижины есть много ловушекъ для лисицъ и мы надѣемся, что кто нибудь придетъ вскорѣ ихъ провѣдать. Въ 6 часовъ вечера мы легли спать. 6-го октября въ $7\frac{1}{2}$ часовъ утра всѣ были уже на ногахъ; выпили въ третій разъ настаивающійся чай со спиртомъ; всѣ чувствовали себя очень слабыми. Буря немного утихла. Алексѣй отправился на охоту. Въ полдень я думаю выслать впередъ Нареса и Ниндермана. такъ какъ по моимъ соображеніямъ мы не далеко отъ Кумакзирка. Въ три четверти девятаго утра умеръ Эриксонъ. Я сказалъ нѣсколько словъ утѣшенія и ободренія остальнымъ людямъ. Алексѣй возвратился безъ добычи. Слишкомъ много наноснаго снѣга. Господи, что-то будетъ съ нами! У насъ только 14 ф. собачьяго мяса, а еще 25 миль покрайней мѣрѣ до ближайшаго поселенія. Эриксонъ еще не преданъ землѣ; она сильно мерзлая; а у насъ нѣтъ ничего, чѣмъ бы можно было ее рыть и мы принуждены похоронить его въ рѣкѣ; мы завернули трупъ въ холстъ и покрыли его флагомъ. Было около часа, когда мы сдѣлали прорубь во льду рѣки и опустили туда трупъ. Вблизи отъ мѣста, гдѣ опущенъ былъ трупъ, мы поставили флагъ съ надписью, для памяти объ нашемъ умершемъ товарищѣ. Платье Эриксона было раздѣлено между его лучшими друзьями. Иверзонъ получилъ библію и прядь его волосъ. Въ 5 часовъ послѣ обѣда былъ розданъ чай и по $\frac{1}{2}$ ф. собачьяго мяса. 7-го октября мы подѣлили на завтракъ по $\frac{1}{2}$ ф. мяса, это было послѣднее, и немного чая. И такъ мы должны пройти 25 миль, которыя отдѣляютъ насъ отъ ближайшаго жилья, имѣя только двѣ кварты алкоголя и немного спитыхъ уже чайныхъ листьевъ. Но я все же надѣюсь на Бога, который насъ не покинулъ до сихъ поръ и не допустилъ умереть съ голоду. Въ десять минутъ седьмаго мы отправились въ путь. Въ десять минутъ одиннадцатаго мы прошли три мили. Мы были сильно истощены и чувствовали себя страшно утомленными. Куча дровъ, которая, какъ казалось, была сбита теченіемъ: дала намъ возможность добыть горячей воды. Мы остановились и выпили по чашкѣ чаю съ унцемъ алкоголя: потомъ мы пустились далѣе въ путь и, какъ думаю, достигли главнаго русла рѣки. Четыре человѣка провалились сквозь ледъ; мы принуждены были сдѣлать привалъ, чтобы развести огонь и высушить платье: послѣ чего я отправилъ Алексѣя на охоту въ сѣверную гористую сторону. Въ первый разъ онъ принесъ бѣлую куропатку, изъ которой мы приготовили супъ, къ тому же каждый получилъ по $\frac{1}{2}$ унца алкоголя. Послѣ чего мы улеглись спать. Луна ярко свѣтила и было очень холодно. Алексѣй во время своей охоты за милю отсюда видѣлъ рѣку свободную отъ льда. Въ $5\frac{1}{2}$ часовъ утра былъ розданъ унцъ алкоголя съ горячей водой вмѣсто завтрака. Докторъ увѣрялъ. что небольшія дозы алкоголя очень полезны для поддержанія силъ. Мы двинулись дальше; до половины одиннадцатаго мы прошли 5 миль и достигли большой рѣки. Потомъ мы дошли до небольшой рѣки и принуждены были повернуть назадъ; такъ что въ теченіи $4\frac{1}{2}$ часовъ мы прошли впередъ только одну милю. Плохо! Снѣгъ, юго-западный вѣтеръ, холодъ. Остановились. Мало дровъ. По $\frac{1}{2}$ унца алкоголя. Въ воскресенье 9-го октября въ $4\frac{1}{2}$ часа утра всѣ были уже на ногахъ. $\frac{1}{2}$ унца алкоголя. Я надѣюсь на Бога и посылаю Нареса и Ниндермана впередъ, чтобы они привели помощь. Они взяли съ собой свои одѣяла. одно ружье, 40 патроновъ и два унца алкоголя. Они должны идти по западному берегу, пока не достигнутъ какого нибудь поселенія. Въ 7 часовъ утра они пустились въ путь. Въ 8 часовъ мы пустились въ путь; дошли до небольшой подернутой льдомъ рѣки, перешли ее, измочившись по колѣно; принуждены были остановиться, развести огонь и высушить платье. Въ $10\frac{1}{2}$ часовъ двинулись дальше. Въ часъ отдыхъ. Алексѣй убилъ трехъ бѣлыхъ куропатокъ, изъ которыхъ мы приготовили супъ и выпили унцъ алкоголя. Въ половинѣ четвертаго пустились мы дальше. Ледъ на рѣкѣ несется быстро на сѣверъ. Въ 4 часа 40 минутъ, дойдя до кучи пловучаго лѣса. мы остановились. 10 октября въ $5\frac{1}{2}$ часовъ утра каждый изъ насъ выпилъ послѣдніе $\frac{1}{2}$ унца алкоголя. Въ $6\frac{1}{2}$ часовъ я выслалъ Алексѣя на охоту за бѣлыми куропатками. Мы съѣли по куску оленьей шкуры. На другое утро по немногу кожи оленьей. Легкій юго-западный вѣтеръ; воздухъ не слишкомъ холодный. Въ 8 часовъ продолжаемъ путь. Въ то время какъ мы переходили воду, трое изъ насъ промокли; мы развели огонь чтобы они могли обсушиться. Въ 11 часовъ опять продолжаемъ путь. Мы истощены. Опять развели огонь, приготовили питье изъ листьевъ чая, которые лежали во фляжкѣ отъ алкоголя. Въ 12 часовъ продолжаемъ путь. Дуетъ холодный юго-западный вѣтеръ. Съ трудомъ подвигались. Лее проситъ чтобы его оставили. Мы напали на слѣдъ множества бѣлыхъ куропатокъ. Мы идемъ искать Ниндермана.

Въ три часа, совершенно изнуренные, мы дѣлаемъ остановку; мы вползли въ какое то логовище на берегу. Собрали дровъ. развели тамъ огонь. Алексѣй отправился на охоту. На ужинъ у насъ не было ничего кромѣ ложки глицерина. Всѣ слабы, устали, но не унылы. Господи, заступись за насъ! 13 октября юго-западный вѣтеръ со снѣгомъ. Я не могу двинуться дальше; никакой дичи, чайная ложка глицерина, къ обѣду настойка изъ ивовыхъ листьевъ. Всѣ становятся слабѣе и слабѣе. У меня есть еще столько силы, что могу принести дровъ. Юго-западный вѣтеръ со снѣгомъ. 13 октября—ивовый чай. Никакихъ извѣстій отъ Ниндермана. Мы въ рукахъ Бога. если онъ насъ не поддержитъ, мы погибли! Мы не можемъ идти противъ вѣтра и останемся здѣсь кажется до смерти. Послѣ обѣда мы немного прошли, такъ около мили—дальше и перешли рукавъ рѣки или изгибъ самой рѣки. Тутъ мы оставили Лее. Мы улеглись въ логовище на берегу. Послали людей назадъ къ Лее: онъ прилегъ чтобы умереть. Всѣ молились. Вечеромъ разразилась страшная буря. Ужасная ночь. 14-го октября утромъ ивовый чай. Къ обѣду мы опять его пили съ ложкой масла. Алексѣй застрѣлилъ бѣлую куропатку, благодаря чему у насъ будетъ супъ. Юго-западный вѣтеръ становится сильнѣй. 15-го октября на завтракъ у насъ былъ ивовый чай и два старыхъ сапога. Съ восходомъ солнца мы тронулись дальше. У Алексѣя полное истощеніе силъ, какъ это было у Лее. Дошли до пустой хижины и расположились въ ней. На разсвѣтѣ показался на юго-западной сторонѣ дымъ. 16-го октября Алексѣй слегъ. Милосердный Богъ! 17 октября. Алексѣй при смерти. Докторъ благословилъ его. Я читаю молитву для больныхъ. Сегодня 40 лѣтъ Коллину. Къ вечеру умеръ Алексѣй отъ истощенія силъ. Я покрылъ его флагомъ. 18-го октября, тихая погода, идетъ снѣгъ, послѣ обѣда мы положили тѣло Алексѣя на ледъ рѣки и прикрыли кусками льда. 19-го октября, мы изрѣзали палатку, чтобы изъ нея сдѣлать обувь. Докторъ вышелъ, чтобы искать новое убѣжище. Въ сумеркахъ мы туда переселились. 20 октября. Ясный солнечный день, но очень холодно. Лее и Кнакъ при смерти. 21 октября. Въ полночь мы нашли Кнака между мной и докторомъ мертвымъ. Лее умеръ къ полудню. Молимся за больныхъ. 22 октября. Мы слишкомъ озябли, чтобы донести оба трупа на ледъ. 23 октября. Всѣ страшно истощены. Мы сегодня отдыхаемъ: передъ наступленіемъ сумерокъ собрали достаточно дровъ. Стали на молитву. Ноги страшно ноютъ; никакой обуви. 24 октября—тяжелая ночь. 27 октября у Иверзена полное истощеніе силъ. 28 октября. Иверзенъ утромъ умеръ. 29 октября, ночью, скончался Дреслеръ. 30 октября. Байдъ и Горцтъ умерли ночью. Колинсъ лежитъ при смерти... Здѣсь оканчивается этотъ мрачный дневникъ.

Политическое обозрѣніе.

Россія и египетскій вопросъ.—Англія, Араби-Паша, Лессепсъ. Англійскій ультиматумъ Турціи.—Событіе въ Тріестѣ.—Новый глава французскаго министерства.—Открытіе убійцъ Кэвендиша и Борка.—Отъѣздъ короля Милана.

Россія повидимому, дала ясно понять Англіи, что не сочувствуетъ ея политикѣ въ египетскомъ вопросѣ, если только можно назвать „политикою" грубое нарушеніе принциповъ международнаго права вообще и державнаго права Турціи надъ Египтомъ въ особенности. Согласно свѣдѣніямъ, сообщаемымъ иностранною печатью, наше правительство недавно разослало циркулярную ноту, въ которой высказывалось. что Россія, не имѣя непосредственныхъ интересовъ въ Египтѣ, тѣмъ не менѣе согласилась участвовать въ международной конференціи по египетскому вопросу, единственно въ видахъ огражденія европейскаго мира. Но—съ того времени, какъ Англія стала дѣйствовать отдѣльно отъ конференціи, Россія имѣетъ основаніе отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ оной. Членъ конференціи съ нашей стороны. г. Ону. сообщая о принятомъ Россіею рѣшеніи, заявилъ о ея дружественномъ расположеніи къ Турціи. Говорятъ, однако, что переполошившаяся Англія убѣдила насъ не отказываться отъ участія въ конференціи, причемъ мы, будто, хотя и рѣшились продолжать свое участіе въ конференціи, но касаясь только вопроса объ огражденіи нейтралитета Суэзскаго канала. Но спрашивается къ чему Англіи эта конференція, этотъ безполезный декорумъ? Вѣдь она собрана между прочимъ и для того, чтобы устранить возможность отдѣльнаго дѣйствія какого либо изъ государствъ; вѣдь именно она могла только уполномочить которую либо изъ державъ для возстановленія въ Египтѣ порядка, обезпеченія нейтралитета канала, а между тѣмъ, англійское правительство не дождалось никакихъ полномочій и адмиралъ Сэймуръ, бомбардировалъ Александрію, войска уже высажены на берегъ. и уже плывутъ новые отряды и экспедиціонная армія сформирована. Конференція развѣ нужна Англіи для того, чтобы сейчасъ же объяснять Европѣ de vive voix всякій свой шагъ, всѣ тѣ шаги, которые она намѣрена дѣлать; Европа слушаетъ, не высказываетъ неодобренія, значитъ согласна. Такъ гораздо скорѣе и легче а то пиши ноты. склоняй по одиночкѣ. Здѣсь же „сдѣлано" и сейчасъ же „сказано." Молчатъ—и прекрасно... Турція согласилась, какъ мы уже говорили. послать свои войска въ Египетъ, но лордъ Дёфферинъ объявилъ. что войска султана не будутъ допущены (въ провинцію. принадлежащую. собственно, ему, т. е. иначе сказать—не будутъ допущены, въ его же пре-

дѣлы его собственнаго государства!) къ высадкѣ, если Порта не издастъ прокламаціи, объявляющей Араби-Пашу мятежникомъ. Порта отвѣтила, что это удобнѣе сдѣлать послѣ высадки, когда болѣе опредѣлится какого положенія „тогда“ будетъ держаться Араби, что теперь это могло бы только навредить дѣлу, возбуждая еще болѣе фанатизмъ мусульманъ. Но „непреклонный Альбіонъ“ ничего не хочетъ знать и стоитъ на своемъ требованіи, къ которому, присоединилъ еще одно—именно, чтобы турецкія войска были отданы подъ начальство англійскаго генерала. Тѣмъ временемъ, англичане уже заняли Рамлэ, Измаилію, Портъ-Саидъ, Суэзъ, выставили аванносты впереди Александріи, готовятся бомбардировать Абукиръ, готовятся запрудить страну своими солдатами и вѣроятнѣе всего овладѣть какимъ-либо неприступнымъ пунктомъ уже не на время, а навсегда для того, чтобы пріобрѣсти новую точку опоры на Средиземномъ морѣ и еще болѣе утвердиться въ Суэзскомъ каналѣ на основаніи единственнаго незыблемаго въ международномъ правѣ принцина beati possidentes. Молчатъ — и прекрасно... Всего болѣе приходится пока молчать французскому уполномоченному маркизу Ноайлю — его положеніе, въ самомъ дѣлѣ весьма затруднительно: пока еще само его правительство не знаетъ что Франціи надо будетъ дѣлать съ Египтомъ—оказать ли Англіи пассивную помощь въ дѣлѣ ея усиленія въ Средиземномъ морѣ или помѣшать этому. Италія едва ли сочувствуетъ такому обороту дѣла въ ея родномъ морѣ, а потому, въ отвѣтъ на приглашеніе участвовать въ разрѣшеніи вопроса, предложила свой проектъ обезпеченія свободы плаванія въ Суэзскомъ каналѣ; вотъ главныя основанія: десантъ и другія военныя мѣры не будутъ предприниматься, въ охранѣ канала примутъ участіе всѣ великія державы, въ томъ числѣ и Турція, охрана канала ограничится однимъ только морскимъ полицейскимъ надзоромъ, по правиламъ, которыя будутъ установлены на этотъ предметъ, причемъ кабинеты предоставляютъ себѣ право замѣнять ихъ другими въ случаѣ если они окажутся недостаточно обезпечивающими свободу судоходства на каналѣ. Говорятъ, будто предложеніе это одобрено всѣми державами. Значитъ—и Англіей тоже? Но какъ же одобрять запрещеніе десанта и въ то же время дѣлать высадку? Больше всѣхъ противъ высадки и занятія Египта и канала воюетъ Лессепсъ. Какъ председатель правленія компаніи Суэзскаго канала и какъ собственникъ значительной полосы земли у канала, онъ считаетъ себя въ правѣ не допускать десанта и поднялъ цѣлую бурю. Теперь Лессепсъ занялъ какое-то особое положеніе: онъ ѣздитъ къ Араби-Пашѣ, съ которымъ какъ бы въ тѣсномъ союзѣ; египетскій вождь объявилъ, что дозволяетъ свободный проѣздъ въ страну всякому, кому дастъ Лессепсъ удостовѣреніе отъ себя. Увѣряютъ даже, будто Лессепсъ хотѣлъ сформировать отрядъ бедуиновъ для отраженія англичанъ. Здѣсь кстати сказать, что будто бы Менотти Гарибальди собираетъ волонтеровъ въ помощь къ Араби. Все это, конечно, не болѣе какъ стая утокъ. Но, какъ бы то ни было, а отношенія между Турціею и Англіею уже сдѣлались чрезвычайно натянуты, уже дошло до того, что Портѣ объявленъ ультиматумъ: или она приметъ предложенія правительства королевы Викторіи, или лордъ Дофферинъ выѣдетъ изъ Константинополя. Остальные все-таки молчатъ...

Въ Тріестѣ 21-го іюля произошелъ слѣдующій случай: вечеромъ, въ то время, когда устроенная обществомъ ветерановъ въ честь эрцгерцога Карла-Людвига процессія, съ факелами, проходила, въ сопровожденіи громадной толпы на Корсо,—изъ дома, выходящаго сюда была брошена петарда, разорвавшаяся въ переднихъ шеренгахъ и слегка задѣвшая президента общества, но за то тяжело ранившая нѣсколькихъ другихъ; разъяренная толпа уничтожила вывѣску „Independante“, а также выбила окна въ типографіи этой газеты и въ кофейнѣ, посѣщаемой итальянцами. Эту отвратительную выходку приписываютъ членамъ партіи „Italia irridente“.

Закончимъ нашу сегодняшнюю бесѣду нѣсколькими краткими извѣстіями: Греви поручилъ составленіе новаго кабинета Дюклерку, вождю одной изъ парламентскихъ группъ; далѣе, какъ слышно, убійцы Кэвендиша и Борка открыты и одинъ (самъ явившійся) уже взятъ; король Миланъ сербскій выѣзжаетъ, на нѣкоторое время, за границу.

Смѣсь.

Чувствительность птицъ къ холоду. Суровая зима, стоявшая во Франціи въ 1879 и 1880 годахъ дала возможность знаменитому естествоиспытателю Эдвардсу сдѣлать очень интересныя наблюденія надъ чувствительностью различныхъ птицъ къ холоду. Извѣстно, что птицы самыя привязанныя къ одному мѣсту —это домашній воробей, сѣрая куропатка и ночная сова; за ними слѣдуютъ ворона и сорока, которыя хотя и летаютъ на болѣе обширномъ пространствѣ, но никогда не переселяются. Воробьи находя по близости домовъ необходимую пищу и болѣе или менѣе вѣрную защиту, довольно хорошо переносятъ холодъ; но несмотря на это Мильнъ-Эдварсъ находилъ многихъ изъ нихъ на улицахъ и въ садахъ окоченѣвшими отъ холода, такъ что въ концѣ зимы они встрѣчались довольно рѣдко; въ то же время ихъ природный характеръ совершенно измѣнился и ихъ обычной веселости какъ не бывало. Сѣрыя куропатки, не находя болѣе пищи въ продолженіи шестидесяти дней, такъ какъ земля была покрыта снѣгомъ, гибли въ большомъ числѣ отъ холода и голода; оставшіяся же въ живыхъ, слабыя и истощенныя, дѣлались легкою добычею хищныхъ птицъ. Совы же, живущія на чердакахъ, въ овинахъ и на колокольняхъ не могли, большею частью, вынести постояннаго и сильнаго зимняго холода; онѣ падали мертвыми съ ихъ возвышенныхъ убѣжищъ или такъ ослабѣвали, что ихъ можно было забирать руками. Даже вороны и сороки, не смотря на ихъ видимо сильную организацію, дѣлались часто жертвами холода, замерзая и падая съ деревъ, служившихъ имъ убѣжищемъ во время ночи. Замѣчательно, что въ тѣ же зимы, въ звѣринцѣ парижскаго музея, многія заморскія птицы выказали замѣчательную выносливость къ холоду. Такъ золотистые и серебристые фазаны очень мало страдали отъ холода, хотя и не имѣли особаго, теплаго убѣжища и проводили ночи на деревьяхъ или на желѣзныхъ перекладинахъ рѣшетки. Напротивъ того курицы, запертыя въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, поколѣли въ большомъ количествѣ. Еще болѣе интересный фактъ—это выносливость къ холоду австралійскихъ попугаевъ, принадлежащихъ къ группѣ какаду. Эти птицы оставались съ октября до марта на открытомъ воздухѣ, въ большой клѣткѣ и, несмотря на эти неблагопріятныя условія, всѣ эти попугаи остались въ добромъ здоровьѣ. Также не пострадали отъ холода и черные лебеди Австраліи и съ весны какъ ни въ чемъ ни бывало, принялись за постройку своихъ гнѣздъ, хотя часто зимой, по утрамъ, сторожа принуждены были съ усиліемъ снимать ихъ съ земли, къ которой онѣ примерзали крыльями. Наконецъ казуары Новой Гвинеи также оставались безнаказанно на чистомъ воздухѣ, хотя во время ночи часто покрывались снѣгомъ. Такимъ образомъ, какъ заключаетъ Мильнъ-Эдвардсъ, холодъ оказался болѣе гибельнымъ многимъ изъ туземныхъ птицъ, чѣмъ тѣмъ породамъ, которыя хотя рождены и въ тепломъ климатѣ, но за то обладаютъ и болѣе сильной организаціей.

Культура новаго лекарственнаго растенія. Недавно мы сообщали о хорошихъ результатахъ культуры ревеня въ Петербургѣ; въ настоящее время намъ сообщаютъ о воздѣлываніи въ столицѣ новаго лекарственнаго растенія, привезеннаго г. Кинуненомъ изъ своего путешествія по Норвегіи и Швеціи, сѣмена котораго на мѣстѣ служатъ для народной медицины, въ видѣ элеопата (изъ Elcopath. montan. Finlandic. aff.). Это растеніе часто встрѣчается на вершинахъ шведскихъ горъ, въ особенности около Ганге и Або; докторъ ботаники Н. Е. Озеровъ посѣялъ его на открытомъ воздухѣ, въ Петербургѣ и получилъ превосходные результаты. По изслѣдованіи выращеннаго растенія оказалось, что оно содержитъ таннинъ, смолы, но главною дѣйствующею частію признается „элеопатинъ“, какъ это показали недавнія изслѣдованія, произведенныя въ гельсингфорскомъ университетѣ. Шведскій элеопатъ г. Кинунена, поступившій въ продажу и вызвавшій уже подделки, представляетъ цѣнный препаратъ и потому нельзя не посовѣтовать нашимъ садовникамъ заняться разведеніемъ этой сильно смолистой травы, которая принимается безъ особеннаго ухода. Можно думать, что въ Московской и смежныхъ съ нею губерніяхъ это растеніе такъ же способно культивироваться. Имѣя въ виду громадное количество, продаваемое дрогистами, какъ Штоль и Шмидтъ, Феррейнъ (Москва) и др., разведеніемъ этого растенія у себя мы прекратили бы иностранный ввозъ, и тѣмъ самымъ создали бы новый видъ промышленности. Шведскій элеопатъ, какъ извѣстно, употребляется при нѣкоторыхъ болѣзняхъ на кожѣ головы, преимущественно противъ перхоти; поэтому желательно, чтобы были произведены точныя наблюденія, и чтобы это народное лекарственное средство не пропало для науки.

Въ Мальтѣ, во время бомбардированія Александріи англійской эскадрой, производился интересный опытъ съ телефономъ. Отсюда былъ проведенъ подводный телефонный кабель, конецъ котораго былъ поднятъ на пароходъ „Хильтернъ“, находившійся въ виду Александріи. Вслѣдствіе громаднаго разстоянія между этими пунктами (1000 англійскихъ миль) устныя сообщенія не доходили по назначенію, но выстрѣлы изъ орудій во время бомбардированія слышны были совершенно ясно въ Мальтѣ.

Оригинальныя моды англичанъ. Во время царствованія королевы Елизаветы, между англійскими дамами господствовала странная мода, требовавшая отъ нихъ какъ можно болѣе скрывать свои прелести. Шея дамы была стянута широкими брыжжами, которыя закрывали и грудь. Рукава были длинные и плотно обхватывавшія кисть руки; только ножки оставались немного видимы изъ подъ широкаго платья. Очевидно послѣ этого, что благодаря этой модѣ, можно было любоваться лишь однимъ личикомъ тогдашней англичанки.

Шестьдесятъ восемь лѣтъ въ кельѣ Въ одномъ изъ греческихъ монастырей на Афонѣ умеръ недавно монахъ Афонасій девяноста четырехъ лѣтъ, изъ которыхъ онъ шестьдесятъ восемь лѣтъ провелъ въ совершенно уединенной кельѣ. Въ 1812 году онъ постригся въ монахи въ одномъ изъ афонскихъ монастырей, но нашелъ что жизнь тамъ недостаточно аскетическая и съ благословенія игумена, переселился въ уединенную келью, въ ущельи близь монастыря, которую уже болѣе не покидалъ. Только утромъ и вечеромъ шелъ онъ въ монастырскую церковь, присутствовалъ при богослу-

женіи и, запасшись хлѣбомъ и водой, возвращался въ свою келью. Его занятія въ теченіе дня составляли писаніе иконъ Богородицы, которыя потомъ продавали. Тѣло этого отшельника, по его просьбѣ, погребено у входа въ его келью. Старѣйшіе изъ братій монастыря не помнятъ случая, чтобы кто-нибудь посѣщалъ монаха Афонасія или чтобы онъ получалъ изъ міра какія либо извѣстія.

Противъ обжога и обвариванія. Докторъ Гиршъ въ Прагѣ, старый и опытный врачъ, сообщаетъ, что имъ найдено средство простое и дѣйствительное отъ обжоговъ. Это—мазь, изъ масла и яичнаго желтка, взятыхъ въ равныхъ количествахъ и хорошо смѣшанныхъ (ложку масла на одинъ желтокъ). Ею намазываютъ обожженное мѣсто и когда она высохнетъ замѣняютъ свѣжею; боль вскорѣ утихаетъ и самые большіе и глубокіе обжоги излѣчиваются въ сравнительно короткое время, не оставляя никакого знака. Докторъ Гиршъ разсказываетъ случай, какъ одна женщина, получившая на всемъ тѣлѣ глубокіе и большіе обжоги, отъ загорѣвшагося на ней платья, была по его указанію покрыта смѣсью масла и желтковъ; боли скоро утихли и больная уснула; въ теченіи восьми дней она окончательно поправилась. Въ другомъ случаѣ, молодая дѣвушка обварила себѣ кипяткомъ лицо и вѣки, благодаря этому же средству, обжоги были въ короткое время излѣчены и не оставили ни малѣйшихъ слѣдовъ.

Марія Линкольнъ. Вдова бывшаго президента Сѣв. Амер. Штатовъ Линкольна, недавно умерла въ Иллинойсѣ послѣ тяжкой болѣзни. Положеніе Маріи Линкольнъ, начиная съ того достопамятнаго дня, 14-го Апрѣля 1865 года, когда мужъ ея, оказавъ огромныя услуги отечеству, умеръ насильственной смертью и до того дня когда ее положили въ гробъ, будетъ служить упрекомъ американцамъ. Около года тому назадъ жертвою насилія погибъ другой президентъ Джемсъ Гарфильдъ. Между тѣмъ, далеко неодинаково справедливо отнеслись къ вдовамъ ихъ непостоянные соотечественники. Марія Гарфильдъ, какъ не стало ея мужа, получила вспомоществованіе около ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ: между тѣмъ Марія Линкольнъ оставлена была безъ всякихъ средствъ къ существованію и умерла въ крайней бѣдности. Не такъ давно Марія Линкольнъ прибыла въ Нью-Іоркъ на одномъ и томъ же пароходѣ съ знаменитой французской актрисой Саррой Бернаръ. Тотчасъ же во всѣхъ газетахъ и журналахъ появилась біографія актрисы, даже со всѣми подробностями писалось о числѣ и величинѣ ея сундуковъ и ни слова не упоминалось о спутницѣ ея, пожилой дамѣ, которая болѣе чѣмъ въ скромномъ костюмѣ и никѣмъ не встрѣченная вернулась на родину. Говорятъ, что во время войны Марія Линкольнъ, какъ уроженка Кентуки, сочувствовала мятежникамъ и даже носился слухъ, что она сестрѣ своей, женѣ одного конфедератскаго генерала, тайно передавала различныя извѣстія. Когда кончилась война молва эта утихла и популярность Линкольна сохранялась до его смерти.

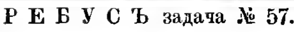
Необычайный градъ. Вообще въ это лѣто во многихъ странахъ необыкновенно частый и крупный градъ причиняетъ большія опустошенія и это очень невыгодно отражается на сельскомъ хозяйствѣ, но градъ выпавшій недавно въ одной деревнѣ въ Сициліи, причинилъ болѣе серьезныя несчастія. Онъ отличался такою величиною градинъ, что имъ убито одиннадцать крестьянъ и большое количество телятъ и барановъ.

Одно изъ чудесъ Новаго Свѣта—это громадное такъ называемое Зеленое озеро (Green Lake) въ Колорадо. Оно имѣетъ самое высокое положеніе среди всѣхъ озеръ земнаго шара, такъ какъ возвышается на 10,252 фута надъ морскою поверхностью. Вода его чиста какъ кристалъ и большія массы скалъ и остатки окаменѣлаго лѣса ясно видны на его днѣ. Вѣтви деревъ, среди которыхъ гуляетъ семга, ослѣпительно бѣлаго цвѣта, какъ бы выточенныя изъ мрамора. Глубина озера—200 футовъ.

Муравьиный городъ. Въ Аллеганскихъ горахъ въ Америкѣ существуетъ цѣлый муравьиный городъ, который состоитъ почти изъ 1700 конусообразныхъ гнѣздъ, имѣющихъ отъ 2-хъ до 5-ти фут. высоты. Почва здѣсь изрыта во всѣхъ направленіяхъ, покрыта гнѣздами и пересѣкается длинными улицами, на которыхъ копошатся жители города. Между послѣдними поддерживается мирныя отношенія, и спокойствіе нарушается лишь вторженіями чужихъ муравьевъ, встрѣчаемыхъ единодушнымъ сопротивленіемъ.

По вопросу питанія и продолжительности жизни дѣтей новѣйшая наукъ вывела такое заключеніе, что изъ ста грудныхъ младенцевъ, питающихся грудью матери, умираетъ въ первые годы жизни почти 18 дѣтей; вскормленныхъ мамками болѣе 29; молокомъ и различными суррогатами 60 и принятыхъ въ воспитательныя заведенія 80. Поразительна также разница въ этомъ отношеніи между бѣдными и достаточными классами; у послѣднихъ черезъ пять лѣтъ изъ тысячи дѣтей остается въ живыхъ 943, а у первыхъ лишь 655. По прошествіи же семидесяти лѣтъ изъ упомянутаго числа у бѣдныхъ родителей остается лишь 65 дѣтей, а у зажиточныхъ 235.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ

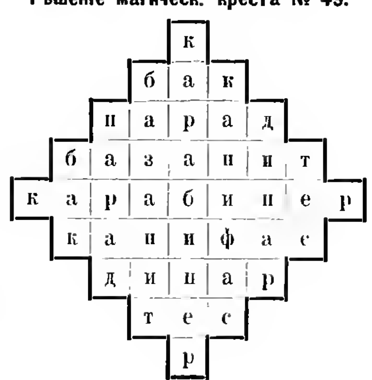

РЕБУСЪ задача № 57.

Рѣшеніе шашечн. задачи № 48.

Бѣлые:	Черные:
1) a5 — b6	c7 — d5
2) e3 — h6	b8 — c1
3) c3 — b4	a5 — a1
4) h6 — g7	h8 — f6
5) h2 — e5	f6 — d4
6) e1 — c3	d4 — b2
7) f8 — h6	c1 — d2
8) h6 — c1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Воронихина, **Москва**—Ларіонова, Саргина, Попова, **Дмитровъ**—Суходаева, **Елецъ**—Балуйкина, **Калуга**—Волокова, **Муромъ**—Голубева, **Н. Баварія**—Верикса, **Родинии**—Цвѣткова, **Тула**—Зыбина.

Рѣшеніе магическ. креста № 49.



				к				
			б	а	к			
		п	а	р	а	д		
	б	а	з	а	н	и	т	
к	а	р	а	б	и	н	е	р
	к	а	п	и	ф	а	с	
		д	и	н	а	р		
			т	е	с			
				р				

Рѣшенія магическихъ квадратовъ № 49.

						е	г	е	р						
						г	и	р	я						
						е	р	е	с						
			т	и	г	р	я	е	а	т	о	м			
			и	г	р	а			т	о	г	а			
			г	р	и	б			о	г	о	н			
			р	а	б	а	д	а	м	а	н	я			
			г	р	а	д	у	л	о	р	е	л			
с	б	о	р	ѣ	к	а	л	ю	р	у	н	о	т	о	с
б	а	б	а	к	и	м	о	р	е	н	о	т	у	л	а
о	б	ѣ	д	а	м	а	х	и	л	о	т	о	е	е	н
р	а	д	а	ч	а	х	и	в	а	к	о	с	а	н	и
		а	в	е	л	и	в	а	н	о	р	ѣ	х		
		ч	е	л	о	л	а	н	ь	с	ѣ	н	и		
		а	л	о	э					а	х	и	л		

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ г. **Дремджи въ Бахчисараѣ.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.**

СОДЕРЖАНІЕ: **Событія въ Египтѣ. Александрія** (съ 3 рис.)—**„Вольтерьянецъ“.** Историческій романъ конца XVIII вѣка. Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“. **Всеволода Соловьева.** Часть вторая. (Продолженіе).—**Віолетта.** Разсказъ **Литль-Литтона.**—Стихотворенія **В. М—ра и Н.—Столѣтіе памятника Петру I въ С.-Петербургѣ** (съ рис.)—**Московская выставка. Электрическая ж. д. Сименса и Гальске** (съ рис.)—**Волканъ въ разрѣзѣ** (съ рис.)—**Флотъ американской прессы** (съ рис.)—**Пожаръ на Крестовскомъ островѣ** (съ рис.)—**Дневникъ капитана де-Лонга съ „Жаннеты“.** Очеркъ. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь.—Игры и задачи (съ рис.)—Объявленія.—**При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1882 г. съ 25 рисунками и отдѣльнымъ листомъ съ 23 выкройками въ натуральную величину и 22 рисунками рукодѣльныхъ работъ.**

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Болѣе 200 медалей первагo класса. Еженедѣльное производство болѣе 10,000 машинъ.

НОВѢЙШІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
КОМПАНІИ ЗИНГЕРЪ

(ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ).

Ввозъ въ Россію и продажа производятся исключительно черезъ Главнаго Уполномоченнаго

Г. НЕЙДЛИНГЕРЪ.

Въ С.-Петербургѣ: Казанская улица, № 42.
Въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
Р. № 2192 2—1

Первый призъ **„Золотая медаль“** Порто Алегре 1881.

ПЕРЛЫ ВСѢХЪ ДУХОВЪ

для носовыхъ платковъ, платья, кружевовъ и т. п.

Maiglöckchen, Г. Лозе. | **Héliotrope blanc Г. Лозе.**
Edelweiss Г. Лозе. | **Königin der Nacht Г. Лозе.**
Bouquet Garmen Г. Лозе

въ подлин. бутылкахъ съ патентир. замыканіемъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 46, JÄGERSTRASSE, ВЪ БЕРЛИНѢ.

Поставщикъ Двора Е. В. Императрицы Германіи.

фабрика превосходныхъ духовъ и туалетныхъ мылъ.

Мои спеціальности признаны наилучшаго качества и пріобрѣли всеобщее одобреніе, прошу поэтому при закупкахъ обратить вниманіе на мою полную фирму, во избѣжаніе недоразумѣній. 2—2

Контора Н. А. НЕМИЛОВА и К°.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

д. № 30, Большая Морская, у Гороховой ул. д. № 30.

Продаетъ съ разсрочкою платежей 5% билеты внутренн. съ выигрышами займовъ, при чемъ выигрышъ, могущій пасть на билетъ, курсовая разница и купоны, со дня перваго взноса принадлежатъ покупателю.

Страхованія отъ тиражей погашенія билетовъ обоихъ выигрышныхъ займовъ по 50 коп., а для гг. иногородныхъ по 60 коп. за билетъ.

Порученія изъ провинціи по всѣмъ банкирскимъ операціямъ исполняются безъ замедленія. № 2190 3—1

Извѣстный своими свойствами предотвращающими прѣніе частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, ***Гальманинъ*** *продается въ аптекахъ, а также у дрогистовъ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи.* ***Главное депо*** *находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, магистра фармаціи* ***В. Карпинскаго,*** *улица Электоральная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к.* ***Нужно остерегаться поддѣлокъ*** *и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г.* **В. Карпинскій** *магистръ фармаціи.*

Только что вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „НИВА“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in—8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

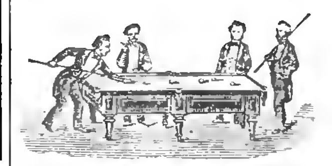
ПОЭМА Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами **Густава Дорэ.** Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р. съ перес. въ ящикѣ 30 р. въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкою въ ящикѣ 35 р. **Подписчикамъ „Нивы“ на 1882 г. дѣлается уступка 5 руб.**

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, ром. въ двухъ част. *Н. Каразина съ 20 рисунками автора*, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ Туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы“ 1882 г. 1 р. 80 к. съ пересылкой 2 р.

ПРЕВОСХОДНЫЙ КЛЮКВЕННЫЙ ЭКСТРАКТЪ
Ю. МЕРТЕНСА,

для приготовленія лимонада, морса, соусовъ и проч. и сгущенное **Итальянское молоко, по своему отличному качеству допущено къ продажѣ Медицинскимъ Совѣтомъ.** Получить можно у **Штоль и Шмидта, въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами, въ вольныхъ аптекахъ и фруктовыхъ магазинахъ.** Оптовый складъ въ С.-Петербургѣ, уголъ Разъѣзжей и Коломенской, № 49—35. № 2163 10—5



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ

Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26—17

ОТЪ РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА
УЧРЕЖДЕННАГО
М. Хайновскимъ.

Москва, Тверская, Брюсовскій переулокъ, д. Рымина.

Пріемъ прошеній вновь поступающихъ во всѣ классы по вторникамъ и пятницамъ, вступительные экзамены съ 9-го по 14-е августа; начало уроковъ 16-го августа. При училищѣ есть пансіонъ и приготовительный классъ съ двумя отдѣленіями. Училище пользуется всѣми правами и преимуществами правительственныхъ реальныхъ училищъ, какъ въ отношеніи учащихся, такъ и служащихъ въ немъ. Н. № 2184. 1—1.

ПРИ ПЕТРѢ, историч. повѣсть **В. И. Кельсіева,** съ рисунками **Панова и Коврзнева.** **Эта интересная повѣсть изображаетъ Петровское время на Руси. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., для подписч. „Нивы“ 75 к. съ перес. 1 р.**

Въ редакціи „Собранія Романовъ“

въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ, продаются съ большой уступкой прошлые года этого журнала. Въ каждомъ году отъ **десяти** до **двѣнадцати** романовъ и отъ **тридцати** до **сорока** повѣстей. Каталогъ съ названіями статей и обозначеніемъ цѣнъ высылается безплатно. № 1966 10—5

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ.

Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болей, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя. № 1908

!!! НѢТЪ ПОЖАРОВЪ !!!

Слишкомъ 3,000 мѣстностей запаслись въ текущемъ году моими **новоизобрѣтенными ручными пожарными насосами** пріобрѣвшіе уже себѣ громкую извѣстность во всей Европѣ.

ЦѢНЫ НЕИМОВѢРНО ПОНИЖЕННЫЯ.

Насосъ за 5 руб., выбрасываетъ въ часъ 120 ведеръ воды на высоту 3 этажей.

Насосъ за 10 руб. (американской конструкціи) съ непрерывной струей, выбрасываетъ въ 1 часъ 200 ведеръ воды на высоту 4 этажей.

За упаковку и пересылку въ данную мѣстность взимается по 2 руб. сер. со штуки 5 рублевыхъ насосовъ, и по 3 руб. сер. съ 10 рублевыхъ.

Выписывающимъ сразу 25 насосовъ, упаковка и провозъ до мѣста назначенія не считаются.

Насосъ на колескахъ съ резервуаромъ и рукавомъ за 30 рублей, выбрасываетъ въ 1 часъ 300 ведеръ воды на высоту 5 этажей.

Выписывающимъ сразу 10 штукъ скидки 15%.

Всѣ три огнегасительные насосы дѣйствуютъ даже помощью 10 лѣтняго мальчика и замѣчательно примѣняются для сбрызгиванія садовъ, улицъ, полей, баттановъ и чистки растеній отъ насѣкомыхъ.

Послѣ полученія денегъ немедленно слѣдуетъ отправка насосовъ.

Исключительная продажа у Генриха Барыцкаго владѣльца торговаго дома „Commerce Russe“ въ Варшавѣ.

Деньги, письма, посылки, телеграммы адресовать: **Генрихъ Барыцкій, Варшава.**

Гг. требующихъ объясненія и заявляющихъ желаніе быть агентами, просимъ препровождать на отвѣтъ 14 к. марками. № 2177

Дозволено цензурою. СПБ. 4 августа 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр. № 10.

XIII годъ | годъ XIII

№ 33 | 1882

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 14 Августа 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

25-ти-лѣтній юбилей со дня бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Вел. Кн. Михаила Николаевича и Вел. Кн. Ольги Ѳеодоровны.
Съ фотографіи Левицкаго, грав. Ю. Барановскій.

Е. И. В. В. К. Михаилъ Николаевичъ и супруга Его В. К. Ольга Θеодоровна.

Шестнадцатаго августа сего года исполнится 25 лѣтъ со дня бракосочетанія Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича и супруги Его Великой Княгини Ольги Θеодоровны и въ виду этого радостнаго событія въ средѣ нашей Императорской Фамиліи, мы считаемъ нужнымъ сообщить краткія біографическія свѣдѣнія объ обоихъ Августѣйшихъ виновникахъ предстоящаго торжества.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, четвертый сынъ Императора Николая, родился 13 октября 1832 г. и еще въ эпоху юности успѣлъ уже проявить себя на боевомъ поприщѣ. Такъ вмѣстѣ съ августѣйшимъ своимъ братомъ Николаемъ Николаевичемъ онъ прибылъ въ Севастополь въ самый разгаръ осады и неустрашимо являясь на бастіонахъ, заслужилъ по праву званіе георгіевскаго кавалера. Вскорѣ по заключеніи мира въ 1856 году, Великій Князь отправился въ заграничное путешествіе и между прочимъ посѣтилъ Баденъ для свиданія съ своей невѣстой юной и прелестной дочерью великаго герцога баденскаго Леопольда Цециліею-Августою. Въ декабрѣ того-же года былъ подписанъ брачный договоръ а въ іюлѣ слѣдующаго Императрица-Родительница уже возвратилась въ Россію въ сопровожденіи высоконареченной невѣсты, которая 3 августа приняла православіе и была наименована Великой Княжной Ольгой Θеодоровной. Въ Петербургъ изъ Петергофа высоконареченная невѣста, въ сопровожденіи своего августѣйшаго жениха, совершила путешествіе по желѣзной дорогѣ. Этотъ торжественный поѣздъ нарочно былъ назначенъ для открытія новаго пути и въ немъ участвовали всѣ Особы Императорской Фамиліи и лица Высочайшаго Двора. Поѣздъ былъ составленъ изъ роскошныхъ и изящныхъ вагоновъ, украшенныхъ цвѣтами и гирляндами и совершенъ весь путь въ 26 минутъ. Торжественный въѣздъ Великой Княжны въ столицу послѣдовалъ по Высочайше утвержденному церемоніалу. При великолѣпной погодѣ, войска стояли шпалерами по всему пути; массы народа толпились и рвались впередъ къ каретѣ августѣйшей невѣсты. Всѣ были восхищены ея красотою и кротостью ея взгляда и многіе тутъ-же вспоминали, что изъ этого-же баденскаго дома происходила незабвенная супруга Императора Александра Перваго—Елисавета Алексѣевна. Бракосочетаніе совершилось 16 августа и сопровождалось какъ пышными торжествами такъ и Царскими милостями.

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1858 года мы видимъ Великаго Князя уже вдали отъ своей юной Супруги, путешествующимъ по Кавказу тогда еще далеко не мирному, дикому и суровому. Но эта дикость и суровость края имѣла свою прелесть, и не могла не произвести сильнаго и глубокаго впечатлѣнія на юную душу Великаго Князя. Дѣйствительно онъ тогда-же полюбилъ Кавказъ, какъ-бы предчувствуя свое назначеніе быть его вождемъ на пути развитія и гражданственности. Лѣтъ черезъ пять послѣ своего путешествія, а именно 6 декабря 1862 г., Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, исполнявшій до того времени, обязанности главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній возложенныя на него съ 1861 г. послѣ смерти Я. И. Ростовцева, былъ назначенъ Намѣстникомъ Кавказа и почти цѣлыя двадцать лѣтъ не оставлялъ этого высокаго поста, трудясь всѣми силами для блага ввѣреннаго ему края. Что сдѣлано Его Высочествомъ въ этотъ періодъ времени для Кавказа то конечно можетъ послужить содержаніемъ цѣлой книги; но довольно сказать что во первыхъ послѣдовало полное покореніе Кавказа и горскіе народы признали власть Россіи; въ эти 20 лѣтъ край былъ выведенъ изъ дикаго, первобытнаго состоянія; онъ былъ совершенно преобразованъ и могъ принять свою долю участія во всѣхъ великихъ преобразованіяхъ прошлаго царствованія. Такъ, благодаря попеченіямъ Августѣйшаго Намѣстника на Кавказѣ, появились повсюду шоссейныя дороги и телеграфы; положено начало желѣзнымъ дорогамъ; введено городовое положеніе и судебная реформа; устроено на свободныхъ началахъ мѣстное сельское населеніе; открыты школы, гимназіи и ученыя общества; поощрены искуства и художества и вообще употреблены всѣ усилія для окончательнаго умиротворенія и гражданскаго устройства края. Что-же касается до открытія благотворительныхъ и учебныхъ учрежденій то въ этомъ дѣлѣ постоянно принимала самое горячее участіе Августѣйшая супруга намѣстника В. К. Ольга Θеодоровна и благодаря ея усиліямъ на Кавказѣ появились для женщинъ училище, гимназіи, высшіе курсы, музыкальныя школы, однимъ словомъ всѣ средства—снять съ себя ту апатію и замкнутость, которыя такъ долго составляли удѣлъ кавказской женщины, благодаря вліянію и владычеству востока.

Вспыхнувшая въ началѣ 1877 года турецкая война, прервала на время мирную, чисто гражданскую дѣятельность Великаго Князя Михаила Николаевича и неожиданно вызвала Его на военное поприще.

Назначенный Главнокомандующимъ арміей, предназначенной дѣйствовать въ Азіятской Турціи, Великій князь вслѣдъ за Высочайшимъ Манифестомъ, объявившимъ войну, издалъ приказъ по ввѣренной ему арміи. Вотъ содержаніе этого краткаго но краснорѣчиваго приказа:

„Войска Кавказской арміи!"

„Державная воля Государя Императора призываетъ васъ нынѣ къ защитѣ оружіемъ чести и достоинства нашего отечества."

„За вами славное прошлое кавказскихъ войскъ; передъ вами поля и твердыни, обагренныя кровью вашихъ отцевъ и братій!"

„Впередъ! съ Богомъ, за родину и Великаго Государя!"

И дѣйствительно вѣра Августѣйшаго вождя въ доблесть своихъ войскъ не была обманута; побѣдоносное шествіе кавказской арміи по территоріи непріятеля ознаменовалось непрерывнымъ рядомъ громкихъ успѣховъ и блистательныхъ подвиговъ, между которыми взятіе Ардагана, и Баязета, паденіе Карса и занятіе Эрзерума, заслужили ей вѣчную славу и признательность отечества.

Эти слава и признательность конечно не могли не быть удѣломъ Августѣйшаго вождя кавказской арміи, и Великій князь Михаилъ Николаевичъ былъ награжденъ по достоинству послѣ Аладжинскаго сраженія Георгіевскимъ крестомъ 1-й степени, а по заключеніи мира чиномъ генералъ-фельдмаршала, съ оставленіемъ при прежнихъ обязанностяхъ и съ сохраненіемъ званія генералъ-фельдцехмейстера.

По заключеніи мира Великій князь Михаилъ Николаевичъ оставался на Кавказѣ очень не долго, такъ какъ его ожидало другое назначеніе. Совершились извѣстныя важныя событія и наступило новое царствованіе. 23 іюля 1881 г. Великій Князь былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Прощаніе его съ Кавказомъ было очень грустное и тяжелое, такъ какъ во всѣхъ сословіяхъ этого края какъ онъ такъ и Его Августѣйшая Супруга оставили самыя теплыя и отрадныя воспоминанія.

У Великаго князя Михаила Николаевича шесть сыновей и одна дочь. Старшій сынъ В. К. Николай Михайловичъ родился 14 апрѣля 1859 года, а младшій В. К. Алексѣй Михайловичъ 16 декабря 1875 года. Единственная же дочь ихъ Высочествъ В. К. Анастасія Михайловна родилась 16 іюля 1860 года и состоитъ въ супружествѣ съ 12 января 1879 года съ наслѣднымъ Великимъ Герцогомъ Фридрихомъ Францемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XXIV.
Клевета.

У ярко освѣщеннаго и на этотъ разъ потерявшаго всю свою постоянную мрачность, подъѣзда дома Горбатова то и дѣло останавливались кареты.

Хоть и невозможно было, по случаю всеобщаго траура, какъ слѣдовало отпраздновать свадьбу, завершить ее роскошнымъ баломъ, по все-же всѣ приглашенные присутствовать на вѣнчаньи были званы и на новоселье къ новобрачнымъ, чтобы поздравить ихъ и выпить за ихъ здоровье.

Государь съ государыней пріѣхали первые и уже дожидались въ парадной залѣ...

Но что-же такое произошло? Всѣ видѣли въ церкви, что государь находится въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, что онъ веселъ и доволенъ, а теперь даже самый ненаблюдательный человѣкъ могъ ясно замѣтить рѣзкую въ немъ перемѣну. Лицо его, очень часто выдававшее его душевное состояніе, было теперь такимъ, что на него смотрѣть становилось страшно. Въ минуты гнѣва все, что было привлекательнаго въ некрасивой

наружности Павла пропадало. Теперь онъ былъ просто страшенъ; онъ то блѣднѣлъ, то багровѣлъ, глаза наливались кровью, ноздри широко раздувались, губы тряслись, онъ очевидно дѣлалъ послѣднія усилія, чтобы овладѣть собой. Но всѣмъ хорошо было извѣстно, что когда онъ такимъ становился, то уже долженъ былъ отказаться отъ всякой борьбы, онъ слабѣлъ, гнѣвъ одолѣвалъ его и онъ себя не помнилъ.

Гости входили въ залъ веселые и довольные, но взглянувъ на государя, оставались будто прикованными къ мѣсту.

Что такое случилось? Что будетъ?

Страхъ разбиралъ каждаго, каждый много-бы далъ, чтобы имѣть какую нибудь возможность исчезнуть, скрыться, лишь-бы не попасться на глаза государю; но для этого не представлялось никакой возможности—онъ зорко глядитъ на всѣхъ, онъ всѣхъ видитъ, онъ всѣхъ замѣтилъ.

Вотъ на порогѣ залы появились новобрачные. Ихъ лица сіяютъ счастьемъ, они поспѣшно подходятъ къ государю и государынѣ, которые должны благословить ихъ.

— Боже мой! едва слышно шепнула Таня Сергѣю.

Онъ разслышалъ, онъ взглянулъ—передъ нимъ было искаженное отъ гнѣва лицо государя.

Между тѣмъ Павелъ Петровичъ продолжалъ бороться съ собою. Онъ благословилъ Сергѣя и Таню, дрожащимъ голосомъ, будто задыхаясь, пожелалъ имъ всякаго счастья, выпилъ за ихъ здоровье стаканъ шампанскаго, затѣмъ подошелъ къ Ивану Павловичу Кутайсову и сказалъ ему:

— Зови Нарышкина и Ростопчина и идите за мною!

Послѣ того круто повернулся и вышелъ изъ залы направляясь въ дальнія комнаты.

Всѣ видѣли какъ Кутайсовъ, несмотря на всю свою важность, бѣгомъ подбѣжалъ къ Нарышкину, потомъ къ Ростопчину, шепнулъ имъ что-то и они втроемъ исчезли вслѣдъ за государемъ.

Они спѣшили длинной анфиладой комнатъ огромнаго дома, слѣдуя за удалявшейся фигуркой Павла Петровича.

— Что случилось? Куда мы? шопотомъ спрашивали Нарышкинъ и Ростопчинъ.

— Что случилось! Не знаю... не понимаю... вы видѣли—на немъ лица нѣтъ... ума приложить не могу!..

Павелъ остановился.

— Иванъ, запри дверь на ключъ, проговорилъ онъ и почти упалъ въ кресло.

Кутайсовъ исполнилъ приказаніе и всѣ они втроемъ стояли выжидая. У всѣхъ даже захватило дыханіе. Одинъ только Нарышкинъ былъ спокойнѣе. Въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находился, ничто уже, казалось, не могло вывести его изъ апатіи. Что можетъ случиться? Ничего теперь случиться не можетъ и ни до чего ему не было никакого дѣла.

Нѣсколько мгновеній продолжалось тяжелое молчаніе, но вотъ государь заговорилъ, обрываясь на каждомъ словѣ. Его голосъ былъ страшенъ.

— Измѣнники! Негодяи! Клеветники безсовѣстные! Звѣри! нѣсколько разъ повторилъ онъ. Гдѣ они? Дайте мнѣ ихъ, чтобы я могъ всѣмъ указать на нихъ пальцемъ, чтобы всѣ могли осудить ихъ по заслугамъ... Дня прожить не дадутъ спокойно...

Никто ничего не понималъ, но никто не рѣшался прервать его вопросомъ.

Онъ продолжалъ:

— Вы вѣдь знаете, что я выставилъ у дворца ящикъ, въ который каждый можетъ опускать свою просьбу. Вы знаете, что эти просьбы, эти письма, которыхъ каждый день такое множество, я распечатываю самъ и читаю. Вы знаете что по многимъ просьбамъ уже были исполненія, но не знаете вы, что́ мнѣ иногда читать приходится. Я полагалъ что совершаю полезное и справедливое дѣло, давая всѣмъ моимъ подданнымъ возможность обращаться прямо ко мнѣ, я полагалъ, что этимъ способомъ я узнаю о многихъ злоупотребленіяхъ, которыя иначе никогда-бы не были мнѣ вѣдомы — и что-же? Быть можетъ четверть всего того, что я нахожу каждый день въ ящикѣ имѣетъ какой нибудь смыслъ. Съ перваго-же дня мнѣ пришлось читать вороха самаго безобразнаго вздора, но этого мало, я принужденъ читать пасквили, насмѣшки, обращенныя невѣдомо кѣмъ прямо ко мнѣ!.. Сегодня по обычаю я отперъ ящикъ около пяти часовъ и, до того времени какъ нужно было вести невѣсту въ церковь, читалъ. Я былъ доволенъ, на этотъ разъ вздору оказалось мало. Я отложилъ для справокъ три интересныхъ письма... Но пора было въ церковь... Два письма я не успѣлъ прочесть, взялъ ихъ въ карманъ, вспомнилъ о нихъ какъ сюда пріѣхалъ, прочелъ одно...

Онъ выхватилъ письмо изъ кармана и бросилъ его на полъ.

— Вотъ оно—читайте! Ростопчинъ, читай громко!

Ростопчинъ поднялъ письмо и едва владѣя собою прочелъ его.

Невѣдомо кто писалъ слѣдующее:

„Государь желаетъ показать себя сочетаніемъ всѣхъ совершенствъ человѣческихъ: онъ и справедливъ, онъ и добръ, онъ ненавидитъ неправду, онъ желаетъ награждать истинныя достоинства и наказывать пороки, онъ желаетъ водворить въ государствѣ жизнь добропорядочную, охранять семейную честь и цѣломудріе, онъ желаетъ подать собою примѣръ всѣмъ. Онъ воспрещаетъ пріѣздъ ко двору нѣкоторымъ важнымъ дамамъ, имѣющимъ заслуженныхъ и родовитыхъ мужей, носящихъ знаменитое имя. Онъ не боится подвергать ихъ такому униженію и позору въ виду того, что непристойное и развратное поведеніе ихъ извѣстно всѣмъ и каждому. Сіе достойно похвалы великой, что творится въ нынѣшній день? Нѣкая дѣвица, забывшая всякій стыдъ и замѣнившая собою, что многимъ вѣдомо, состарѣвшуюся и уже лишенную прежнихъ своихъ прелестей госпожу Нелидову выходитъ замужъ. И кто-же выдаетъ ее?— Самъ государь“...

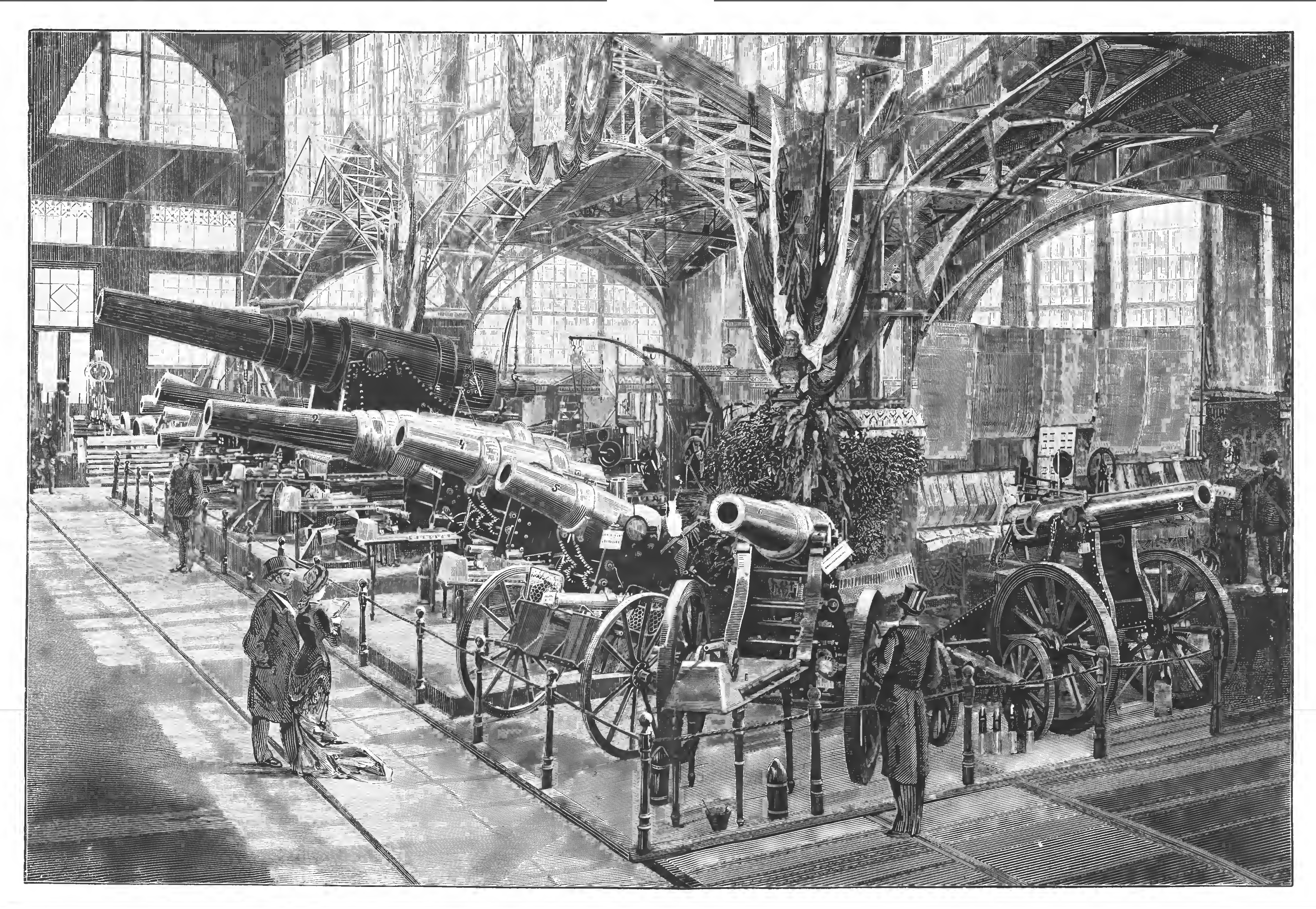
— Ваше величество, увольте, прошепталъ Ростопчинъ.—Если только есть малѣйшая возможность мы выслѣдимъ и узнаемъ того негодяя, который осмѣлился...

— Да, вы должны узнать его! крикнулъ Павелъ.— Не читай дальше — тамъ все тоже, тѣ же клеветы, та же скверность!.. Подай мнѣ письмо.

Ростопчинъ подалъ. Павелъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ тяжело переводя духъ и заговорилъ снова, но уже болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Что-же со мной дѣлаютъ? До чего хотятъ довести меня? Вы подумаете, можетъ быть, что я не долженъ былъ показывать вамъ письмо это. Я и самъ такъ хотѣлъ сначала, но затѣмъ раздумалъ. Двѣ причины заставили меня сообщить вамъ о нагломъ пасквилѣ и клеветѣ низкой. Первое — что только на васъ двухъ (онъ кивнулъ Кутайсову и Ростопчину) я могу положиться чтобы разузнать кто осмѣлился опустить въ ящикъ письмо это, кто писалъ его. Второе—что клевета уже придумана и пущена и навѣрное этимъ письмомъ клеветникъ не ограничится, навѣрное онъ будетъ распространять, онъ будетъ пятнать трехъ ни въ чемъ неповинныхъ людей... Услышатъ... повѣрятъ... Почемъ знать кто повѣритъ!.. Левъ Александровичъ! обратился онъ къ Нарышкину,—ты ему родственникъ, ты честный человѣкъ, ты его знаешь—способенъ-ли онъ быть въ этой гнусной роли, а вы... вы меня хорошо знаете и знаете ее... въ особенности ты Иванъ, тебѣ вся исторія какъ самому мнѣ извѣстна. При тебѣ она пріѣхала и поселилась въ Гатчинѣ... Вотъ—думалъ дѣлаю доброе дѣло, устраиваю счастье двухъ людей, коихъ считаю достойными счастья... и вдругъ такая низость!

— Государь, приходя въ себя и уже начиная вполнѣ владѣть собою, проговорилъ Ростопчинъ, гнусный пасквиль



Всероссійская промышленно-художественная выставка въ Москвѣ. Военный отдѣлъ. Артиллерійскія орудія. По заказу для „Нивы“ фотогр. Шереръ и Набгольцъ, грав. М. Рашевскій.

виль ничего не измѣнятъ. Нашъ достойный благопріятель и его прекрасная невѣста соединены и счастливы, ибо они стоили этого, давно любятъ другъ друга и вы, государь,—устроитель ихъ счастья. Ради Бога не мучайте себя понапрасну. Есть поговорка „собака лаетъ—вѣтеръ носитъ.“

— Ну чего ты меня успокоиваешь! раздражительно воскликнулъ Павелъ Петровичъ и снова сталъ ходить по комнатѣ.—Чѣмъ ты меня успокоишь! Почемъ я знаю... первые счастливые ихъ дни отравятъ этою клеветою. Ужъ навѣрное ихъ то не оставятъ въ покоѣ. Но что объ этомъ говорить... Мы вотъ заперлись тутъ... неловко... нужно будетъ выйти... Но я не могъ выдержать. Подумайте и скажите мнѣ—какъ вы полагаете: отъ кого можетъ быть подобный пасквиль?

Нарышкинъ стоялъ молча, понуривъ голову. Какъ ни былъ онъ равнодушенъ ко всему, но это нежданное отвратительное обстоятельство задѣло и его за живое и въ то же время онъ ничего не могъ придумать. Его голова, всегда находчивая, теперь совсѣмъ отказывалась работать.

— Должно такъ полагать, что человѣкъ близкій, проговорилъ Кутайсовъ.

— Я согласенъ съ мнѣніемъ Ивана Павловича, сказалъ Ростопчинъ.—Да, близкій—въ томъ смыслѣ, что ему должны быть извѣстны нѣкоторыя обстоятельства и человѣкъ этотъ должно быть имѣетъ особыя причины питать злобу если не къ Татьянѣ Владиміровнѣ, то ужь во всякомъ случаѣ къ вашему величеству и къ господину Горбатову.

Государь остановился. Вдругъ внезапная мысль пришла ему въ голову. Онъ вздрогнулъ.

— Такъ знаете—я назову вамъ этого человѣка! Если не самъ онъ, то кто нибудь изъ его близкихъ по его наущенію... Конечно онъ!.. онъ только одинъ и можетъ такъ ненавидѣть и меня и Горбатова. И это средство въ его вкусѣ. Онъ уже доказалъ, что любитъ дѣйствовать именно такимъ способомъ—да къ тому же теперь иначе и не можетъ. О, разыщите, разузнайте! Я не успокоюсь, пока вы не разузнаете.

— Но наши дѣйствія во всякомъ случаѣ пойдутъ успѣшнѣе и скорѣе если мы будемъ знать откуда прежде всего слѣдуетъ начать поиски.

— Такъ неужели вы не догадываетесь? Подумайте сами хорошенько.

— Это Зубовъ! разомъ прошептали всѣ трое.

— Ну вотъ видите, и я того-же мнѣнія. Онъ неисправимъ и нечего мнѣ было стараться надъ его исправленіемъ. Мои милости только пуще раздразнили этого звѣря. Это онъ мститъ и мститъ по своему. А теперь пойдемте...

Онъ чувствовалъ себя нѣсколько успокоеннымъ, онъ высказался.

— Ахъ, еслибъ отъ нихъ то бѣдныхъ это скрыть какъ нибудь! Пусть бы меня одного укусила эта жаба!

— Это можно будетъ устроить, ваше величество, сказалъ Кутайсовъ.

— Да какъ-же ты устроишь?

— А черезъ карлика.

— Бѣдный карликъ—и ему горе, но ты правъ—онъ одинъ только и можетъ уберечь ихъ. Онъ уменъ, ловокъ... Идемъ.

Кутайсовъ отперъ дверь. Государь быстро пошелъ впередъ. Видъ его былъ значительно спокойнѣе, только нервная судорога то и дѣло передергивала его губы.

Во время его отсутствія императрица употребляла всѣ усилія, чтобы не выдать своей тревоги, чтобы развлечь новобрачныхъ и не дать имъ ничего замѣтить.

Государь вошелъ, она тревожно взглянула на него и съ радостью поняла, что теперь ужь нечего за него бояться. Она не знала еще въ чемъ дѣло, онъ не показалъ ей письма.

Между тѣмъ Павелъ Петровичъ снова подозвалъ къ себѣ Кутайсова и шепнулъ ему:

— Дай футляръ, который у тебя въ карманѣ и немедленно разыщи карлика.

— Будьте покойны, ваше величество, бодрымъ, увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ Кутайсовъ.

Этотъ тонъ всегда успокоивалъ государя, подѣйствовалъ онъ и теперь.

Павелъ Петровичъ подошелъ къ Сергѣю и положилъ ему руку на плечо.

— Думаю ты ждешь недождешься когда мы всѣ оставимъ тебя съ молодой женой въ покоѣ. Я подамъ сейчасъ всѣмъ примѣръ и уѣду, но не хочу сегодня оставить тебя безъ подарка, который давно тебѣ предназначенъ... Вотъ... наклони голову!

Государь открылъ футляръ, вынулъ широкую анненскую ленту и самъ надѣлъ ее черезъ плечо Сергѣя.

Въ это время подошла къ нимъ императрица.

— А вы приколите ему звѣзду! обратился онъ къ ней передавая ей футляръ.

— Эта милость черезъ чуръ велика для меня, смущенно проговорилъ Сергѣй. Я знаю какое значеніе ваше величество придаете этому ордену и по истинѣ чувствую, пока, себя его недостойнымъ.

— Вздоръ говоришь, я самъ знаю что дѣлаю! раздражительно, но сдерживая голосъ перебилъ его Павелъ Петровичъ.

— Вы оказались достойнымъ лучшей жены, какую только можно пожелать и мы смѣло надѣемся, что не окажетесь недостойнымъ носить эту звѣзду, съ тихой и ласковой улыбкой проговорила императрица.

— Да, пусть она послужитъ тебѣ путеводной звѣздой твоего счастья, я этого отъ души тебѣ желаю. Прощай, до свиданья!

Павелъ крѣпко сжалъ его руку, простился съ Таней, откланялся съ гостями, взялъ императрицу подъ руку и спѣшнымъ шагомъ направился изъ залы.

Вслѣдъ за ними начали разъѣзжаться и гости...

А въ это время въ нижнемъ этажѣ дома въ комнаткѣ карлика сидѣлъ Кутайсовъ. Моська стоялъ передъ нимъ весь дрожа, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

Кутайсовъ уже разсказалъ ему въ чемъ дѣло и въ конецъ поразилъ его.

Бѣдный Моська въ первую минуту подумалъ, что онъ съ ума сходитъ, но затѣмъ въ немъ поднялась такая злоба, такое бѣшенство... Онъ сразу рѣшилъ, что это дѣло рукъ Зубова.

— Кто же другой какъ не онъ?.. Ахъ, извергъ! Давно бы его слѣдовало на каторгу. Ахъ, душегубецъ! Да вѣдь его повѣсить надо! Колесовать! На клочки растерзать его!

Карликъ не зналъ какую ужь и казнь придумать Зубову.

— Да ты не вылѣзай изъ кожи! остановилъ его Кутайсовъ.—Бранью не поможешь, къ тому же вѣдь не знаемъ мы еще точно ли онъ это...

— Онъ! Онъ! Сердце говоритъ что онъ. Никому другому и въ голову придти такая пакость не можетъ. Онъ, вѣчный врагъ! Погибели Сергѣя Борисыча добивается, не мытьемъ такъ катаньемъ. Разъ не удалось погубить... И самъ чортъ его наущаетъ. Чтожь теперича намъ дѣлать?

— А какъ ты полагаешь, зачѣмъ это я къ тебѣ сюда затесался и все это сказалъ?

Карликъ очнулся и сообразилъ.

— Ужь коли государю письмо подослано такъ, Сергѣю Борисычу и подавно такую же пакостную цидулу пришлютъ, проговорилъ онъ.

— Догадался! Ну слава Богу! Такъ ты эту цидулу и не допусти до своего господина. Вотъ въ чемъ дѣло.

— Спасибо вамъ, Иванъ Павловичъ, спасибо сударь. А вѣдь цидула то у меня въ карманѣ. Вѣдь не скажи

вы мнѣ все это, прочелъ бы ее Сергѣй Борисычъ!.. Не вѣдомо какой человѣкъ принесъ, пока были мы въ церкви. Всѣ письма да посылки черезъ мои руки проходятъ, вотъ я и взялъ конвертъ, собираюсь, какъ разъѣдутся гости, такъ и подать Сергѣю Борисычу... И что бы это такое было!.. Спасибо вамъ, надоумили.

Онъ отвѣсилъ низкій поклонъ Кутайсову.

— Гдѣ-же этотъ конвертъ, покажи мнѣ.

— Вотъ, вотъ тутъ онъ, со мной, въ карманѣ съ собой и носилъ.

Онъ вынулъ конвертъ—Кутайсовъ взглянулъ.

— Я видѣлъ тотъ почеркъ и врядъ ли ошибусь, кажись одной рукой писано. Ну, ужь распечатаемъ, а коли ошибка, такъ ты какъ нибудь выпутывайся передъ своимъ господиномъ.

— Вѣстимо, сударь, распечатывайте, чего тутъ!

Кутайсовъ вскрылъ конвертъ, заглянулъ въ письмо и убѣдился, что ошибки съ ихъ стороны не было. Анонимное письмо принадлежало очевидно тому же автору, который опустилъ пасквиль въ дворцовый ящикъ. Письмо это, въ которомъ заключалась самая безстыдная, самая грязная клевета, никакимъ образомъ не должно было отравить первыя свѣтлыя минуты новобрачныхъ.

— Слава тебѣ, Господи! крестился Моська. Не безъ милости Богъ. Возьмите Иванъ Павловичъ эту поганую бумагу, дѣлайте съ ней, что хотите.

Кутайсовъ спряталъ письмо и возвратился въ залъ именно въ ту минуту когда послѣдніе гости прощались съ хозяевами.

Вотъ и всѣ разъѣхались.

Сергѣй и Таня остались вдвоемъ. Взявшись за руки они вышли изъ зала и направились въ кабинетъ.

Многочисленная прислуга, неслышно сновавшая по комнатамъ, робко и въ то же время радостно взглядывала на новую госпожу и каждому ясно было, что не на бѣды, не на страхъ людямъ явилась въ этотъ домъ хозяйка.

Сергѣй оглянулся, за ними шелъ Моська; но онъ былъ какой то странный, совсѣмъ не такой, какимъ онъ ожидалъ его видѣть.

— Что съ тобой? спросилъ онъ.

— Ничего, золотой мой, не изволишь ли дать какія приказанія?

— Спрашивай хозяйку.

Таня только улыбнулась.

Моська взглянулъ на нее съ обожаніемъ.

— „И этакую-то голубку чистую, этакую душу хрустальную не пощадилъ извергъ. Господи, велико твое долготерпѣніе!“

Онъ сморгнулъ набѣгавшія слезы и чувствуя, что не можетъ больше владѣть собой, что непремѣнно расплачется и встревожитъ господъ, поспѣшно скрылся.

Они были уже въ маленькой, хорошенькой гостиной рядомъ съ кабинетомъ, въ той самой гостиной, въ которой произошло ихъ послѣднее объясненіе.

Все было тихо. Они остановились, взглянули другъ на друга. Голова Тани упала на грудь Сергѣя.

— Пришелъ таки нашъ день! прошепталъ онъ.

— И знаешь, отвѣтила она, я благословляю все наше ужасное прошлое—не будь его, не будь этихъ испытаній, быть можетъ мы никогда бы не были такъ счастливы какъ сегодня...

XXV.

Новый работникъ.

Дни проходили и каждый день приносилъ новыя доказательства лихорадочной, неутомимой, многосторонней дѣятельности императора Павла. Онъ не зналъ себѣ покоя, его одинаково интересовали безъ исключенія всѣ стороны государственнаго правленія и всюду онъ встрѣчалъ и прежде уже извѣстныя ему упущенія. Ему страстно хотѣлось какъ можно скорѣе все исправить, всюду водворить справедливость, уничтожить злоупотребленія, поднять благосостояніе своихъ подданныхъ.

Онъ слишкомъ долго ждалъ, слишкомъ долго бездѣйствовалъ и томился этимъ бездѣйствіемъ. Теперь нужно было наверстать потерянное время и онъ началъ борьбу съ временемъ. Но такъ какъ время не замедляло для него своего хода, то ему оставалось только одно, каждую проходящую минуту такъ наполнять работой, чтобы этой работы на цѣлый бы день хватило при другихъ обстоятельствахъ.

Дѣло кипѣло въ рукахъ его и онъ не замѣчалъ, что поставилъ себѣ невыполнимую задачу, что силы человѣческія ограничены и требуютъ для плодотворности работы, для ея полной успѣшности и крѣпости систематизаціи въ работѣ, требуютъ спокойствія и необходимаго отдыха, во время котораго пополнялась бы затрата этихъ силъ. Онъ не думалъ объ этомъ. Онъ чувствовалъ, что честно исполняетъ свое призваніе. Въ его головѣ роились великія мысли, обширные планы. Въ его сердцѣ кипѣло страстное, горячее чувство стремленія ко всеобщему благу.

Ему казалось что въ немъ достаточно силъ и не замѣчалъ онъ утомленія. Нервное свое возбужденіе онъ принималъ за признакъ силы, онъ не видѣлъ какъ каждый новый день этой лихорадочной дѣятельности оставляетъ на немъ печать свою. Его волосы вылѣзали, морщины одна за другой появлялись на лицѣ его, станъ сгорбливался. Иногда, не смотря на странную привычку не поддаваться слабости, не замѣчать болѣзненныхъ ощущеній своего организма, онъ вдругъ, послѣ какого нибудь чрезмѣрнаго умственнаго напряженія, испытывалъ полный упадокъ силъ.

„Что это, что это со мною?! съ ужасомъ думалъ онъ. Вздоръ, пустяки, не слѣдуетъ только поддаваться!“...

И онъ, въ то же время какъ его неудержимо тянуло къ отдыху и покою, снова принимался за работу, дѣлалъ надъ собою могучія усилія—и нервы снова напрягались и снова казалось ему что онъ силенъ и бодръ.

А между тѣмъ эта постоянная смѣна впечатлѣній, постоянная смѣна мыслей, переходя отъ одного предмета къ другому, оказывали свои послѣдствія, не принося того результата, на который онъ разсчитывалъ.

Всюду было произведено сильное сотрясеніе, но затѣмъ, вмѣсто равномѣрнаго и правильнаго движенія наступалъ перерывъ, потому что уже другая сфера требовала вниманія. И въ этой новой сферѣ производилось сотрясеніе и опять происходила остановка. Вниманіе и сила обращались въ третью сторону.

Что намѣренія и планы государя, его основныя мысли, принятыя имъ рѣшенія были въ большинствѣ случаевъ мудры—исторія приводитъ тому достаточныя доказательства. Онъ отчетливо и ясно видѣлъ зло, мѣры его были рѣшительны и, если бы примѣнялись спокойно и послѣдовательно, то приносили бы огромную пользу. Но о послѣдовательности и спокойствіи не могло быть и рѣчи.

Затѣмъ, на ряду съ предметами серьезными, онъ обращалъ вниманіе и на мелочи. Онъ ничего не хотѣлъ оставить въ томъ видѣ, который казался ему безобразнымъ и при этомъ хотѣлъ сдѣлать все самъ, собственными руками, хотѣлъ возвести гигантскую постройку, которая была бы равно прекрасна какъ въ общемъ, такъ и во всѣхъ мельчайшихъ частностяхъ.

Эта невѣроятная, лихорадочная работа производила тревожное, неопредѣленное, странное впечатлѣніе. Свойство этой работы, ея неправильные порывы, ея скачки, отражались и на самомъ обществѣ, которое было свидѣтелемъ этой работы, которое такъ или иначе должно было принять въ ней участіе, котораго интересы она затрогивала тѣмъ или инымъ способомъ.

Что это—зло или благо? Иные благословляли, иные

ропталп. И всѣ понимали только одно, что такъ не могло постоянно продолжаться. Всѣ чувствовали утомленіе, чувствовали его тѣмъ болѣе, что были слишкомъ пріучены къ покою, слишкомъ избалованы.

Такъ работали дѣды и прадѣды тогдашнихъ людей въ дни величайшаго изъ русскихъ работниковъ, который самъ, рукъ не покладая, шелъ впередъ и заставлялъ догонять себя русскихъ людей. И эти русскіе люди догоняли, кто вольной волею, въ сознаніи своихъ пробудившихся силъ, въ благородномъ соревнованіи съ великимъ вожакомъ,—а кто и невольно, подгоняемый страхомъ пресловутой царской дубинки, подъ которою подразумѣвалось многое, весьма непріятное, но способное прогнать русскую лѣнь.

Но къ чему пріучились, съ чѣмъ справились дѣды и прадѣды, то оказывалось не по силамъ внукамъ и правнукамъ. Времена измѣнились, измѣнились и нравы. Дѣло руки великаго мастера переходило въ нерадивыя чуждыя руки и искажалось мало по малу, такъ искажалось, что даже совсѣмъ потеряло свой прежній образъ и не узнать его стало, не разгадать въ немъ стало того, что было задумано, того, что было уже исполнено мастеромъ. И на мастера готовы были подняться обвиненія. „Не то молъ сдѣлалъ что нужно и не такъ сдѣлалъ!“...

И не могъ мастеръ встать изъ могилы во всемъ величіи своей гигантской, неслыханной силы. Не могъ онъ крикнуть зычнымъ голосомъ: „Лжете вы, русскіе люди! Я-то дѣлалъ то̀, что нужно было, и дѣлалъ такъ какъ иначе нельзя мнѣ было дѣлать. Я то исполнилъ какъ честный работникъ ту работу, что судьба взвалила на мои мощныя плечи, а коли вы по неумѣлости да по слабосилію исказили и не въ ту сторону повернули мою работу, то ваша въ томъ вина. Плохіе вы людишки, а на меня нечего лаяться!“...

Выискалась новая работница, взвалила себѣ на плечи пудовыя рабочія орудія гиганта и подняла ихъ, вынесла, міръ изумила своею силою. Исправила она многое, что было попорчено, додѣлала многое, что было недодѣлано гигантомъ, сгладила всякія шероховатости своей женской, нѣжной рукою—да притомилась и отдыхать стала, глядя на дѣло рукъ своихъ, любуясь своей работой.

Было воздвигнуто могучимъ работникомъ громадное зданіе изъ крѣпкаго камня. Мысль геніальная, вдохновенная руководила первымъ планомъ: поразило то зданіе своими небывалыми размѣрами, своею вѣковою крѣпостью, которая всѣми чувствовалась. Но некогда было творцу-работнику да и нечѣмъ было закончить это зданіе и отдѣлать. Осталось оно въ грубомъ, неотесаномъ видѣ и поражая своимъ величіемъ, поражало и своей грубостью, своей шероховатостью, отсутствіемъ стиля во внѣшней архитектурѣ. Плохіе работники приходившіе на смѣну почившему мастеру, пробовали очищать то здѣсь, то тамъ, пробовали придавать красоту великой постройкѣ. Почистятъ немного, отшлифуютъ—и какъ будто блеститъ частица зданія, надъ которой потрудились. Но отъ этого еще шероховатѣе, еще грубѣе кажется все остальное.

А то вдругъ почудится какому нибудь работнику, что тотъ или другой камень не на мѣстѣ и ненадеженъ. И выворотитъ онъ камень, поставитъ на его мѣсто другой,—глядь—тотчасъ же оказывается трещина.

Приходили и честные работники и съ достаточнымъ пониманіемъ, видѣли хорошо что нужно бы и то и другое сдѣлать, та̀къ вотъ и та̀къ докончить работу и принимались, да плохо спорилось дѣло, не хватало силъ и умѣнья.

Могучая работница нашла въ себѣ и умѣнье, и силы. Довершила она гигантское зданіе, придала ему блестящую внѣшнюю архитектуру и ослабѣвъ и отдыхая любовалась имъ.

Теперь уже никто не найдетъ зданія шероховатымъ и грубымъ, теперь все закончено. Какія художественныя подробности, какъ все изящно!

И весь міръ твердилъ ей: „да, изящно и прочно, и вѣка преклонятся передъ дивнымъ зданіемъ, и вѣка протрубятъ славу художника-зодчаго!

Міръ былъ правъ. И она заснула, озаренная лучами своей великой славы. И вотъ явился новый работникъ, давно уже изнывавшій по работѣ. Съ горячей молитвой на устахъ, съ трепетомъ вдохновеннымъ въ сердцѣ, остановился онъ передъ зданіемъ, увидѣлъ весь блескъ его, всю красоту, но не удовольствовался этимъ зрѣлищемъ, онъ бросился во внутрь зданія. Онъ началъ ощупывать каждый камень и видѣлъ: здѣсь пыль налегла густыми слоями, тамъ завелась плѣсень, здѣсь вода сочится и точитъ камень. Не очистить во̀ время, не уничтожить всѣ тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ налетѣла пыль, завелась сырость и плѣсень, просочилась вода—и зданіе станетъ разрушаться изнутри.

— Скорѣй, скорѣй за работу, скорѣй, жизнь коротка! Соберитесь же вѣрные други-работники!

Но на кличъ этотъ пришло не много и онъ принялся за работу почти одинъ. И онъ метался отъ одного опаснаго камня къ другому и выбивался изъ силъ, и глядѣли на него съ изумленіемъ и тревогой, не понимая изъ-за чего онъ такъ бьется, не понимая что нужно дружными усиліями, забывъ свою лѣнь, свои мелочные разсчеты, проникнуться той великой, истинной мыслью, которой онъ явился представителемъ и—помочь ему...

Не смотря на свои труды и заботы, Павелъ Петровичъ, по своей способности ничего не забывать, какъ крупнаго такъ и мелочнаго, не забывалъ обстоятельство, которое такъ омрачило его и огорчило въ день свадьбы Горбатова.

Каждое утро спрашивалъ онъ Кутайсова и Ростопчина, не успѣли-ли они что нибудь разузнать, найти какую нибудь нить, съ помощью которой можно было бы уличить въ самомъ грязномъ и возмутительно дерзкомъ проступкѣ человѣка, которому столько простилось, но котораго щадить теперь государь уже не былъ намѣренъ.

И Кутайсовъ и Ростопчинъ должны были признаваться, что не смотря на все ихъ желаніе и попытки они ничего не узнали, да врядъ ли и могутъ узнать. Въ первую минуту, видя гнѣвъ государя и ища какого нибудь исхода, какой нибудь возможности утишить грозу, они ухватились за первое, что имъ представилось и приняли на себя неисполнимую задачу. Но въ тотъ же день, обсудивъ и поразмысливъ хорошенько, оба они поняли, что врядъ ли что нибудь сдѣлаютъ. Внутренно они были почти увѣрены, что скверный, анонимный пасквиль — дѣло Зубова. Но вѣдь конечно писалъ не онъ самъ, а тотъ кто писалъ, вѣроятно съумѣлъ себя обезопасить, постарался совсѣмъ измѣнить свой почеркъ. Только случай, простой случай, на который нельзя было разсчитывать, могъ выдать писавшаго.

Между тѣмъ государь настаивалъ, чтобы это дѣло непремѣнно было выяснено. Дольше тянуть не приходилось, нужно было рѣшиться сложить оружіе и прямо сознаться въ своей неудачѣ.

Кутайсовъ и Ростопчинъ такъ и сдѣлали. По счастью для нихъ государь былъ довольно спокоенъ, не выказалъ особеннаго раздраженія.

— Плохи же вы однако, господа, не безъ нѣкоторой горечи замѣтилъ онъ имъ—если и съ такимъ дѣломъ не справились!

— Ваше величество, сказалъ Кутайсовъ, да вѣдь иной разъ и малое повидимому дѣло труднѣе самаго что ни на есть большаго... Посудите сами, что тутъ дѣлать?!

Медовый мѣсяцъ. Съ картины А. Шредера, грав. Крелль.

Одна и та же рука писала письмо и господину Горбатову и то, которое было опущено въ ящикъ. Почеркъ измѣненъ. Въ канцеляріи князя Зубова не оказалось ни одной бумаги, которая была бы написана подходящимъ почеркомъ. Часовые, стоявшіе близь того мѣста, гдѣ находится ящикъ—опрошены. Но что же они объяснить могутъ?! Всякаго кто идетъ мимо—не примѣтишь, особливо если нѣтъ наказа примѣчать. Идетъ себѣ мущина либо женщина, идетъ благопристойнымъ образомъ, вдругъ останавливается около ящика, опускаетъ бумагу и идетъ дальше. Что же тутъ такого!..

— Впредь чтобы часовой стоялъ у самаго ящика, сказалъ государь, и чтобы примѣчалъ всѣхъ, кто будетъ опускать письма.

— Слушаю-съ, ваше величество, будетъ исполнено.

— Да, и чтобы примѣты каждаго были извѣстны.

Ростопчинъ стоялъ насупившись и думалъ:

„А изъ этого что же выйдетъ? Только путаница, только непріятности. Просто придется уничтожить этотъ ящикъ. Не прививаются у насъ такія вещи. Что было возможно въ тѣ времена, когда царь въ порфирѣ и коронѣ чинилъ судъ и расправу надъ народомъ—тѣ времена прошли, о нихъ разсказывается только въ сказкахъ, а нашъ вѣкъ сказкамъ не вѣритъ“!..

— А кто же принесъ письмо въ домъ Горбатова? спросилъ государь.—Неужели и этого человѣка не могли примѣтить?

— Человѣкъ этотъ былъ простой мужикъ, котораго, какъ я полагаю, взяли на улицѣ, дали ему на водку и велѣли снести письмо.

— Обидно, обидно! нѣсколько разъ повторилъ государь. Если бы накрыть его на этомъ дѣлѣ, онъ получилъ бы должное возмездіе.

— Ну, да дѣлать нечего, проговорилъ Ростопчинъ. Мы все же вѣдь не можемъ сказать навѣрное, вина ли это князя Зубова.

— А ты ужь начинаешь сомнѣваться?

— Внутренно я имѣю мало сомнѣнія, но я хочу сказать только то, что князь Зубовъ и безъ подобнаго ... заслуживаетъ строгаго взысканія.

— Да, ты правъ. Я сегодня еще имѣлъ по этому поводу съ графомъ Безбородко объясненіе. Дѣла сего господина въ настоящее время окончательно разобраны и во всѣхъ экспедиціяхъ обнаружены величайшія злоупотребленія.

— Этого мало, сказалъ Ростопчинъ, что оказывается по иностранной коллегіи—того я не знаю; но хорошо знаю, что натворилъ онъ въ военной коллегіи.

— Я всегда былъ увѣренъ, перебилъ его Павелъ Петровичъ—что онъ единственно ради собственныхъ выгодъ затѣялъ войну съ Персіей и поручилъ ея веденіе своему брату. Ради собственныхъ выгодъ дѣлать огромную ошибку, которая должна отразиться на всемъ государствѣ! Терять огромныя суммы денегъ, губить людей—да за одно это можно приговорить его къ высшему наказанію! И, Боже мой, это чванство, это кривлянье!..

— У государыни былъ обѣдъ въ присутствіи шведскаго короля, помолчавъ немного продолжалъ онъ.—Передъ обѣдомъ только что пріѣхалъ съ письмомъ курьеръ отъ Валеріана Зубова. Говорилось о новостяхъ, привезенныхъ этимъ курьеромъ. Штедингъ спрашиваетъ Зубова: „какія новости привезъ курьеръ?“ Онъ не разслышалъ или не понялъ, такъ какъ многое говорилось по русски. И что-жь бы вы думали?! что отвѣтилъ Зубовъ! Я сидѣлъ по близости, я своими ушами слышалъ.. Онъ сдѣлалъ презрительную гримасу и говоритъ:

„Это пустяки, мой братъ пишетъ намъ, что выигралъ сраженіе и завоевалъ область. Собственно новаго, интереснаго ничего нѣтъ“.

Какъ вамъ это нравится и каково мнѣ было выслушать это...

— Но я перебилъ тебя, прибавилъ государь обращаясь къ Ростопчину,—продолжай пожалуйста, что вы новаго узнали объ этомъ злокозненномъ человѣкѣ?..

— Все то же, государь. Зубовъ не сообщалъ въ военную коллегію ни одного рапорта. Теперь, когда мы приступили къ новому распредѣленію войскъ, мы вѣдь не можемъ знать, гдѣ находится бо́льшая часть полковъ, мы не можемъ знать въ какомъ состояніи они обрѣтаются. Все послѣднее время являлись офицеры, которые должны присоединяться къ своимъ корпусамъ, но они не знаютъ въ какую сторону имъ ѣхать, гдѣ ихъ встрѣтить. Они просто осаждаютъ департаменты, наводятъ справки и ничего не могутъ добиться. Что имъ отвѣтить, никто ничего не знаетъ!..

Павелъ поднялся со своего кресла, стукнулъ кулакомъ по столу, глаза его загорѣлись гнѣвомъ.

— Довольно! крикнулъ онъ.—Этого господина слѣдовало-бы по меньшей мѣрѣ сослать въ Сибирь на каторгу, но я связанъ. Я не хочу чтобы заслуженное имъ наказаніе было отнесено къ моимъ личнымъ отношеніямъ, къ моимъ личнымъ чувствамъ. Поэтому я долженъ былъ щадить его, долженъ щадить его и теперь. Но мѣра терпѣнія истощилась, онъ не можетъ оставаться здѣсь болѣе. Кутайсовъ, сдѣлай распоряженіе чтобы ему немедленно былъ объявленъ приказъ выѣхать изъ Россіи, да чтобы поторопился, пусть меня не искушаетъ!..

„Не долго-же онъ пировалъ въ своемъ новомъ, прекрасномъ домѣ, подумалъ Ростопчинъ.—Ахъ, значитъ у насъ на сегодня прекрасная новость! то-то будетъ толковъ, то-то будетъ радости многимъ“!..

Кутайсовъ отправился исполнять приказаніе государя, а Ростопчинъ, даже позабывъ о своихъ дѣлахъ, которыхъ по обыкновенію, было у него великое множество, поспѣшилъ на половину государыни, чтобы тамъ кое-кому сообщить интереснѣйшую новость дня...

(До слѣд. №.)

Счастливая минута.

Разсказъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, m-r Ренэ, и не говорите больше, и слышать не хочу ничего! Я не могу любить васъ, не буду, не буду васъ любить: это невозможно!

— Но скажите же, ради Бога, m-lle Валери, что вы такое имѣете противъ меня, что такое? съ волненіемъ спросилъ Ренэ.

— Гм! проговорила та, оглядывая своими блестящими черными глазами стройную, красивую фигуру и умное, свѣжее лицо Ренэ. ..гм! противъ вашей особы я ничего не имѣю, m-r Ренэ, и, напротивъ, она, даже, мнѣ очень нравится...

— Ну такъ, что же! произнесъ онъ голосомъ, въ которомъ зазвучала надежда.

— Ваши вьющіеся волосы, продолжала Валери, не обращая вниманія на восклицаніе молодаго человѣка,— ваши кудри прекраснаго бѣлокураго оттѣнка! А я люблю контрасты и ваши бѣлокурые кудри составили бы прелестный контрастъ съ моими черными локонами, если бы мы прошлись съ вами подъ руку. Вы головой выше меня, и это тоже очень хорошо— мы бы оба были прекрасной парочкой. Но— здѣсь Валери вздохнула,—но, m-r Ренэ, къ чему служитъ все это! Вы— не болѣе, какъ младшій помощникъ повара, поваренокъ и—вы это хорошо сами понимаете, я думаю—Валери Нуару, камеристка маркизы Кастелленго не можетъ вамъ отдать своего сердца!

— Я—младшій помощникъ повара, я поваренокъ? разсердился Ренэ. Кто это вамъ сказалъ, m-lle Валери, кто это выдумалъ вамъ? Я не поваренокъ, а „первый ученикъ кулинарнаго искусства въ придворной кухнѣ его величества императора“ и, чрезъ четыре недѣли, когда окончится мое обученіе, m-lle Валери, да-съ, я буду поваромъ, поваромъ императора, m-lle Валери!

— Фи! произнесла Валери со всею гордостью хорошенькой субретки, наморщивъ вздернутый носикъ и щелкнувъ пальчиками.—фи, m-r Ренэ! поваръ!

— Фи! Поваръ, говорите вы? Но, Валери, я могу стать вторымъ Вателемъ, который былъ такимъ знаменитымъ поваромъ,

что его имя внесено во всемірную исторію. О, я говорю вамъ, что изъ поваренка, если ужь вамъ такъ угодно было назвать меня, можетъ все выдти! Все, говорю вамъ, все! Директоръ большой оперы, извѣстный музыкантъ—да развѣ Молли, знаменитый композиторъ „Армиды", не былъ прежде поваренкомъ? Однимъ словомъ, Валери, можно дойти до всего!

— Изъ поваренка выйдетъ музыкантъ? Вотъ это остроумно, Ренэ! захохотала Валери. Что вы тамъ о вашихъ Вателѣ и Молли разсказываете, я не понимаю, потому что не знаю ни того, ни другаго. Но чтобы поваренокъ превратился въ музыканта—это просто умора! Можетъ быть, Ренэ, вы и музыку умѣете „готовить?"

— Я музыку знаю.

— Да—кострюльную!

— Да нѣтъ же, полноте смѣяться надо мной, m-lle Валери, я знаю не кострюльную, а настоящую музыку, и если хотите, сойдите какъ нибудь въ кухню, я вамъ покажу, какъ я музыку „готовлю".

— Умора, просто умора! Ну хорошо, хорошо, m-r Ренэ, я приду! приду черезъ часъ послушать вашу музыку, а теперь мнѣ надо къ барынѣ.

И Валери порхнула вверхъ по лѣстницѣ, на которой происходилъ этотъ разговоръ, а Ренэ спустился по той же самой лѣстницѣ и сбѣжалъ еще многія другія, чтобы вернуться въ подвальный этажъ Тюльерійскаго дворца, гдѣ помѣщались кухни.

— Ренэ, обратился къ нему m-r Ботель, первый поваръ императора,—приготовьте сейчасъ же зелень для супа жюльенъ его величества, да не забывайте при этомъ, что вы—первый ученикъ и что только изъ расположенія къ вамъ я даю вамъ это важное порученіе.

— М-r Ботель, возразилъ серьезнымъ, убѣжденнымъ тономъ Ренэ, кладя правую руку на сердце, m-r Ботель, прошу васъ вѣрить, что я вполнѣ понимаю все важное для меня значеніе и вашего расположенія и порученія, которымъ вы удостоили меня.

Однако, не смотря на эти увѣренія, Ренэ, въ эту минуту и занимаясь очисткой зелени, больше думалъ о Валери и ея обѣщаніи придти, чѣмъ о супѣ, хотя супъ этотъ готовился ни для кого иного, какъ для Императора Наполеона I.

Въ это время императоръ стоялъ на зенитѣ своего могущества, своего величія, своей славы.

Тотчасъ же послѣ своего коронованія, Наполеонъ снова, отчасти, ввелъ при дворѣ древній этикетъ французскихъ королей, а затѣмъ, когда женился на дочери австрійскаго императора Маріи-Луизѣ, то примѣнилъ этотъ этикетъ во всемъ его объемѣ; однако, строго подчиняясь ему по внѣшности, въ парадныхъ, необходимыхъ случаяхъ, императоръ, въ своей интимной жизни, съ нимъ не церемонился и нисколько не стѣснялъ своихъ привычекъ, которыя не всегда могли служить образцомъ лучшаго вкуса; въ особенности это проявлялось на menu его стола, такъ, между прочимъ, онъ любилъ самые простые, буржуазные супы и какъ ни старался его мундшенкъ, маркизъ Кастелленго (вельможа и придворный старой школы, за что именно и былъ приближенъ императоромъ) угодить плебейскимъ, въ этомъ отношеніи, наклонностямъ своего государя—почти всякій разъ его труды пропадали даромъ.

— Маркизъ—супъ пересолили! Гдѣ вы покупаете масло, маркизъ? Оно, навѣрное, еще отъ прошлой недѣли! Если бы вы, маркизъ, побольше заботились о зелени, которую кладутъ въ мой супъ, то онъ не былъ бы такъ противенъ! Едва ли не ежедневно приходилось Кастелленго выслушивать подобныя замѣчанія.

Маркизъ, обыкновенно, срывалъ досаду на поварахъ, тѣ, въ свою очередь, на своихъ ученикахъ, а эти—на Ренэ, который, по ихъ словамъ, отвлекалъ ихъ отъ кострюль своей музыкой. Музыкальные таланты поваренка Ренэ! Гг. поваровъ это ужасно разсмѣшило. Ну, а ужь разъ они смѣялись, то и гнѣвъ ихъ стихалъ и если не проходилъ совершенно то все таки не былъ очень суровъ и ссылка на Ренэ, во всякомъ случаѣ, служила всегда хорошимъ громоотводомъ.

Маркизъ Кастелленго жилъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ и камеристка его супруги, m-lle Валери, пользовалась, конечно, большимъ почетомъ въ кухнѣ, когда, случалось, благоволила туда спускаться. Да и не будь m-lle Валери такою хорошенькою, какою она была, то и тогда бы весь мужской персоналъ императорскихъ кухонь, считалъ бы своею обязанностью ухаживать за нею; а она, къ тому же была хороша собою!

Поэтому, совершенно понятно, что когда она, въ этотъ день, согласно своему обѣщанію Ренэ, явилась въ кухнѣ, то самъ первый поваръ суповъ его величества, m-r Ботель встрѣтилъ ее съ большою предупредительностью и поспѣшилъ подать стулъ.

— А, m-r Ботель, произнесла Валери съ граціознымъ книксеномъ и ласковою улыбкою,—благодарю васъ за вниманіе, вы всегда такъ вѣжливы. Угадайте, зачѣмъ я сегодня пришла въ кухню?

М-r Ботель, сдвинувъ слегка назадъ бѣлый колпакъ, глубокомысленно наморщилъ свой лобъ.

— Нѣтъ, m-lle Валери,—не могу угадать.

— Ну, такъ я вамъ сама скажу и вы будете смѣяться, будете очень смѣяться, потому что ужь очень смѣшно! Подумайте только, m-r Ренэ, котораго я случайно сегодня встрѣтила на лѣстницѣ—здѣсь Валери немного покраснѣла—увѣрилъ меня, будто онъ знаетъ музыку! Развѣ это не смѣшно, m-r Ботель?

— Конечно смѣшно, m-lle Валери, и смѣшно именно какъ онъ музыку свою выдѣлываетъ; вотъ посмотрите—и m-r Ботель кликнулъ Ренэ.

Тотъ, хотя готовилъ въ другой, сосѣдней комнатѣ, но уже хорошо разслышалъ, что m-lle Валери пришла; однако, явившись на зовъ своего учителя и начальника, сдѣлалъ видъ, что узналъ объ этомъ только теперь и отвѣсилъ гостьѣ церемонный поклонъ и поклонъ этотъ, и плутовская улыбка, мелькнувшая на его лицѣ, заставили m-lle Валери снова покраснѣть.

— Ренэ, произнесъ m-r Ботель съ важностью министра, отдающаго приказаніе своему подчиненному,- m-lle Валери подарила сегодня кухню своимъ присутствіемъ единственно съ цѣлью ознакомиться съ вашимъ музыкальнымъ талантомъ. Надѣюсь—вы сумѣете оправдать вниманіе, которое вамъ оказываютъ.

— Сумѣю, m-r Ботель, конечно, сумѣю! воскликнулъ Ренэ, бросивъ на Валери такой влюбленный взглядъ, что она покраснѣла въ третій разъ,- чрезъ двѣ минуты вы услышите мою музыку!

Онъ исчезъ за однимъ изъ большихъ кухонныхъ шкафовъ и менѣе чѣмъ чрезъ двѣ минуты появился оттуда снова: у него на головѣ оказались прицѣпленными къ его локонамъ обтесанные кусочки березоваго дерева, подобранные по тонамъ: когда онъ трясъ кудрями, то эти импровизированные клавиши стукались, издавая нѣчто гармоничное.

Это была музыка Ренэ.

И съ какимъ усердіемъ трясъ онъ сегодня своими локонами въ честь своей возлюбленной!

Валери хохотала до слезъ, хохоталъ и весь кухонный персоналъ, сбѣжавшійся сюда тотчасъ же, какъ только раздались знакомые звуки.

Но именно въ ту минуту, когда хохотъ достигъ уже гомерическихъ размѣровъ,—среди кухни выросла фигура главнаго начальника, г. мундшенка, маркиза Кастелленго.

Бомба не произвела бы большаго эффекта; вся ватага бросилась въ разсыпную въ разныя стороны, кто куда, другъ черезъ друга, каждый стараясь, прежде всего, скрыться отъ начальническаго взгляда. M-lle Валери успѣла спрятаться за какой-то шкафъ, откуда ей удалось выбраться незамѣтно для маркиза, все вниманіе котораго сосредоточилось на несчастномъ музыкантѣ.

На него и обрушился гнѣвъ маркиза, который и медленно же велѣлъ ему убираться вонъ.

Бѣдный музыкантъ, услыхавъ свой приговоръ, не выдержалъ и сильно тряхнулъ головой, издавшей, вслѣдствіе того, аккордъ furioso, съ отчаяніемъ схватился онъ за деревяшки и началъ ихъ срывать вмѣстѣ съ волосами, разлетавшимися по всей кухнѣ.

Въ этотъ трагическій моментъ, сверху, въ говорную трубу, было дано знать, что императоръ, чрезъ пять минутъ, сядетъ за завтракъ, а это означало, что чрезъ пять минутъ супъ долженъ уже былъ быть сервированъ.

Къ счастью, супъ былъ готовъ и, какъ m-r Ботель почтительно доложилъ маркизу, то былъ жюльенъ, мастерски приготовленный, что нѣсколько утишило гнѣвъ г. мундшенка.

На этотъ разъ императоръ завтракалъ вмѣстѣ съ императрицей, какъ обыкновенно случалось тогда, когда онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа. Императрица помѣщалась напротивъ своего царственнаго супруга.

Марія-Луиза не любила супы и не касалась кушаній, пока императоръ не кончилъ своего супа.

Наполеонъ налилъ себѣ собственноручно тарелку до краевъ.

— Превосходный жюльенъ, ваше величество, сказалъ онъ, не хотите ли попробовать?

Императрица поморщилась.

Наполеонъ, который терпѣть не могъ около себя недовольныхъ минъ, наморщенныхъ лицъ, насупился и молча принялся за жюльенъ, когда внезапно Марія-Луиза, взглянувъ въ его ложку, бывшую уже на полдорогѣ между тарелкою и ртомъ, воскликнула съ выраженіемъ ужаса: О, какое отвращеніе! государь—не кушайте этого! взгляните что въ ложкѣ!

Императоръ опустилъ ложку и—тамъ плавалъ въ приволыи бѣлокурый, тонкій и довольно длинный волосъ, выуженный его величествомъ изъ „превосходнаго жюльена" вмѣстѣ съ свѣжею аппетитною зеленью!

— Позвать сюда мундшенка! повелѣлъ великій полководецъ тѣмъ спокойнымъ тономъ, который у него предвѣщалъ бурю; въ то же время онъ вилкой вынулъ волосъ и положилъ его на особую тарелку.

Маркизъ вошелъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, такъ какъ онъ предчувствовалъ недоброе.

Испугъ, безграничный ужасъ охватилъ его, когда императоръ, протянувъ къ нему тарелку съ красновато-бѣлокурымъ волосомъ, крикнулъ громовымъ голосомъ: это что такое? вѣроятно та отборная зелень, изъ которой вы приказываете готовить мнѣ жюльенъ?

Окаменѣвъ отъ страха, молча смотрѣлъ бѣдный маркизъ на волосъ, голова закружилась отъ мысли объ увольненіи, ссылкѣ, тюрьмѣ; языкъ отказался служить.

Кавказскіе типы. Уличный торговецъ. Ориг. рисун. перомъ, для „Нивы“, Маріи Этлингеръ, грав. Флюгель.

Способъ путешествія по Абхазіи. Ориг. рисун. Пранишникова, грав. Гильдебрандъ.

— Ну-съ, повторилъ императоръ, съ возрастающимъ гнѣвомъ, ну-съ, господинъ мундшенкъ, скоро ли вамъ будетъ угодно избавить меня отъ этого гадкаго волоса и сказать мнѣ, съ какой головы онъ явился мнѣ сюда въ супъ? Да идите же сюда, ближе, ближе!

Скорѣе мертвый, чѣмъ живой и совершенно механически придвинулся маркизъ и императоръ поднесъ тарелку къ его глазамъ. Мундшенкъ тотчасъ же увидѣлъ, что волосъ принадлежалъ ничьей иной головѣ, какъ красновато-бѣлокурой головѣ Ренэ, этого негодяя поваренка, этого прогнаннаго имъ музыканта. Но какая же польза была бы сказать это, какая польза была бы назвать голову, на которой выросъ этотъ волосъ — развѣ не онъ, не маркизъ, мундшенкъ, отвѣчалъ за все, что подавалось изъ кухни на императорскій столъ?

— Я... не... зналъ... проговорилъ онъ черезъ силу.

— Т. е. чего вы не знали, г. главный начальникъ императорской кухни? спросилъ императоръ, брови котораго были грозно сдвинуты.

— Ну, пробилъ мой послѣдній часъ! мелькнуло въ головѣ бѣднаго маркиза и его безпомощный взглядъ невольно обратился къ императрицѣ.

И вдругъ счастливая, геніальная мысль озарила его.

Онъ осторожно взялъ волосъ со все еще протянутой къ нему тарелкѣ и, придерживая его между большимъ и указательнымъ пальцами, опустился на колѣни, затѣмъ, почтительно прижавшись къ нему нѣсколько разъ губами,—произнесъ твердымъ голосомъ:

— Ваше величество! молю о дарованіи мнѣ высочайшей милости, молю позволить мнѣ хранить у себя этотъ волосъ, какъ неоцѣненную святыню, этотъ чудный, золотой волосъ, который еще нѣсколько мгновеній тому назадъ украшалъ августѣйшую главу...

Наполеонъ взглянулъ на императрицу, но маркизъ продолжалъ, не давая времени перебить себя:

— О, Государь, я осмѣливаюсь всенижайше просить ваше величество даровать навсегда моему дому этотъ священный волосъ, какъ выраженіе благорасположенія ко мнѣ моего повелителя, этотъ чудный волосъ, упавшій съ головы дочери цезарей, это дивное украшеніе царственной главы...

Императоръ улыбнулся, лицо императрицы покрылось густой краской.

Маркизъ намѣревался продолжать, но Наполеонъ перебилъ его:

— Ну, хорошо, хорошо маркизъ, мы снисходимъ къ вашей просьбѣ, встаньте!

Спасенный мундшенкъ поднялся, сіяя отъ радости, вынулъ бумажникъ и вложилъ туда волосъ.

— Да, кстати маркизъ.

— Государь?

— Дайте-ка сюда волосъ, я хочу хорошенько разсмотрѣть его...

— О, Государь—нѣтъ! умоляю ваше величество не брать его у меня, онъ принадлежитъ мнѣ и уже покоится на моей груди, я никогда съ нимъ не разстанусь!

И маркизъ торопливо спряталъ бумажникъ.

— Но, вѣдь, императрица не трогала супа, маркизъ, и невозможно, чтобы...

— Ахъ, государь, волосы такъ легки, они повинуются малѣйшему дуновенію зефира! съ паѳосомъ воскликнулъ маркизъ.

— Да и цвѣтъ-то, мнѣ кажется, не совсѣмъ...

— О, Государь, да это отъ теплоты горячаго супа! Ваше величество—я его узналъ бы изъ тысячи!

Императоръ и императрица милостиво разсмѣялись и Наполеонъ сдѣлалъ мундшенку знакъ рукой, что онъ можетъ удалиться.

Маркизъ, еще разъ приложивъ руку къ тому мѣсту мундирнаго фрака, гдѣ у него находился бумажникъ съ волосомъ, поспѣшилъ выйдти, счастливый тѣмъ, что ему, благодаря своей находчивости, удалось выбраться изъ затруднительнаго положенія. Изъ Тюильри онъ прямо поѣхалъ къ футлярному мастеру, которому велѣлъ вставить волосъ въ рамку, подъ стекло, такъ онъ рѣшился окончательно выдавать волосъ Ренэ за волосъ императрицы, тѣмъ болѣе, что ему хорошо была извѣстна необычайная память императора, любившаго иногда, неожиданно, сдѣлать вопросъ именно въ ту минуту, когда вопрошаемый могъ попасться въ расплохъ.

Съ этимъ волосомъ, вставленнымъ уже подъ стекло и въ рамку, маркизъ отправился къ женѣ и разсказалъ ей о происшествіи и о томъ, какой удачный мысли онъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ гнѣва императора.

Когда Валери узнала, во что обошлось Ренэ такъ весело начавшееся музыкальное утро, ей стало чрезвычайно грустно и тяжело.

— О, Боже мой! произнесла она съ глубокимъ вздохомъ и глаза ея наполнились слезами.—О, Боже мой! Ренэ, бѣдный малый! И это, вѣдь, я виновата, изъ-за меня все это! Теперь я чувствую, что я его люблю, люблю истинно! О, еслибъ я могла ему помочь!

Въ эти минуту пріѣхалъ домой маркизъ, врямо вошедшій къ маркизѣ.

Валери, какъ всѣ горничныя вообще, умѣла подслушивать и на этотъ разъ принялась тотчасъ же слушать разговоръ господъ, догадываясь, что, вѣроятно, маркизъ разскажетъ своей женѣ о музыкальномъ приключеніи въ кухнѣ.

Веселой птичкой неслась она, полчаса спустя, внизъ по одной изъ лѣстницъ, къ кухнямъ, гдѣ найдя одного товарища Ренэ, поручила ему передать записочку, въ которой назначала молодому человѣку свиданіе.

— Эта исторія съ волосомъ поможетъ ему, думала она. Это „счастливая минута“, которою онъ сумѣетъ воспользоваться! Онъ умный, ловкій малый!

Ренэ, конечно, не опоздалъ ни одною минутою на свиданіе и не могъ придти въ себя отъ удивленія тому пути, который избралъ его волосъ, вырванный утромъ вмѣстѣ съ музыкальными деревянниками.

— Этотъ путь и меня приведетъ къ счастію, m-lle Валери, сказалъ онъ,—вы въ этомъ правы. Я переговорю съ г. маркизомъ и вы мнѣ поможете попасть къ нему, а то, еслибы я прямо пришелъ къ нему, такъ онъ просто на просто велѣлъ бы меня вышвырнуть.

— Это-то вѣрно. Но не можете ли вы его какъ нибудь встрѣтить на лѣстницѣ?

— Да, такъ было бы лучше всего, но какъ мнѣ встрѣтить его? Позвольте мнѣ завтра рано утромъ войдти къ вамъ, въ вашу комнату на минутку, Валери, а когда онъ пойдетъ къ себѣ въ департаментъ, я и стану на его дорогѣ.

— Въ мою комнату? воскликнула Валери съ прекрасно разыграннымъ гнѣвомъ оскорбленной невинности. Вы, кажется, забываетесь, m-r Ренэ?

— Но, послушайте, Валери, теперь, когда я уже не поваренокъ, а стою на пути къ блестящей будущности, я думаю, вы меня любите.

И Ренэ попытался охватить стройную талію Валери.

— О, m-r Ренэ—до этого еще намъ съ вами далеко! отвѣтила Валери, отстраняя руки молодаго человѣка, но—сердце не камень и онъ ушелъ, успѣвъ сорвать робкій поцѣлуй и совершенно убѣжденный въ томъ, что Валери его любитъ, а маркизъ ему поможетъ выдти на дорогу.

На слѣдующее утро Ренэ дождался маркиза на лѣстницѣ.

— Г. маркизъ, произнесъ онъ скромнымъ тономъ, будьте добры примите меня опять назадъ.

— Негодяй! воскликнулъ маркизъ съ гнѣвомъ, — негодяй, вонъ съ моихъ глазъ!

— Такъ вы не желаете надо мною смилостивиться, г. маркизъ? спросилъ Ренэ твердымъ голосомъ и не смущаясь гнѣвомъ мундшенка.

— Никогда, негодяй!

— Хорошо, г. маркизъ, такъ въ такомъ случаѣ отдайте мнѣ мой волосъ.

Маркизъ поблѣднѣлъ.

— Какой волосъ? спросилъ онъ, дрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

— Волосъ, который его величество нашелъ вчера въ своемъ жюльенѣ.

— Бестія знаетъ все, подумалъ маркизъ въ страшномъ испугѣ, и онъ достаточно нахаленъ для того, чтобы воспользоваться этимъ, но тогда я пропалъ бы въ глазахъ императора.

— Пойдемте въ мой кабинетъ, m-r Ренэ,—не здѣсь же на лѣстницѣ намъ объясняться съ вами, вполголоса проговорилъ маркизъ, вдругъ сдѣлавшійся чрезвычайно вѣжливымъ.

Съ побѣдоносной улыбкой послѣдовалъ Ренэ за спѣшившимъ впередъ мундшенкомъ.

— Позвольте мнѣ нѣсколько минутъ подумать—что я могу для васъ сдѣлать, ласково произнесъ маркизъ, когда они прошли въ кабинетъ.

— Съ удовольствіемъ, г. маркизъ! отвѣтилъ Ренэ съ поклономъ.

— Его надо подальше изъ Парижа, вонъ, вонъ отсюда! Только это и можетъ его сдѣлать безвреднымъ! Но, надо устроить ему хорошее положеніе, чтобы онъ мнѣ былъ благодаренъ! Тѣ, кто благодарны, болтать не станутъ! обдумывалъ маркизъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по кабинету.

Его озабоченное лицо вдругъ просвѣтлѣло.

— Мой зять въ Кальвадосѣ! вспомнилъ онъ,—m-r Ренэ, обратился онъ къ молодому человѣку, я думаю, что съ вашими талантами, съ вашими высшими стремленіями едва ли можно забиваться въ кухню?

— Я одного съ вами мнѣнія на этотъ счетъ, маркизъ.

— Еслибъ я вамъ предложилъ должность чиновника въ канцеляріи префекта какой-нибудь провинціи—были бы вы довольны?

— Я былъ бы очень счастливъ, г. маркизъ.

— Вы сумѣете ли справиться съ этимъ назначеніемъ?

— Я думаю, что сумѣю, а чего не знаю—выучусь.

— Надѣюсь,—такъ какъ вы талантливый, умный молодой человѣкъ.

Ренэ низко поклонился, скрывая свою плутоватую улыбку.

— Ну, m-r Ренэ, съ удовольствіемъ могу сообщить вамъ, что имѣю возможность вамъ предоставить такую должность, но—нѣсколько далеко отъ Парижа, въ главномъ городѣ департамента Кальвадоса.

— Очень радъ ѣхать туда, г. маркизъ.

— Но вамъ надо завтра же и ѣхать, иначе эта должность

могла бы быть занята другимъ. Префектъ Кальвадоса—братъ моей жены. Онъ будетъ заботиться о вашей карьерѣ.

— Тысячу благодарностей, г. маркизъ!

Маркизъ тотчасъ же сѣлъ за свой письменный столъ и написалъ зятю письмо, въ которомъ просилъ немедленно дать m-r Ренэ Бодуаръ должность чиновника въ бюро префектуры и, вообще, оказывать ему покровительство по возможности.

— Ну-съ, m-r Ренэ, такъ поѣзжайте, съ Богомъ, завтра утромъ, надѣюсь, что васъ здѣсь ничто не удерживаетъ?

— Моя невѣста, г. маркизъ.

— Ваша невѣста? Это какъ? Такъ она можетъ ѣхать съ вами вмѣстѣ!

— Я бы желалъ увезти ее теперь же уже женою, г. маркизъ. Будьте же добры до конца—устройте и это для меня, тѣмъ болѣе, что оно будетъ не трудно для васъ, такъ какъ супруга ваша, маркиза, знаетъ мою невѣсту.

— Какъ? маркиза знаетъ вашу невѣсту? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Точно такъ, г. маркизъ, вѣдь это—Валери, камеристка г-жи маркизы.

— Камеристка маркизы? Ну, m-r Ренэ, въ такомъ случаѣ вашу свадьбу нельзя скоро устроить! Дамы не легко разстаются съ хорошими, ловкими камеристками, а сколько я слышалъ —Валери очень ловкая и умная.

— Для моей невѣсты весьма лестно такое мнѣніе о ней г. маркиза; но—есть одно незначительное обстоятельство, которое, я думаю, сдѣлаетъ для васъ скорый отъѣздъ Валери настолько же желательнымъ, насколько и мой отъѣздъ.

— Въ чемъ же заключается это незначительное обстоятельство?

—Г. маркизъ, прошепталъ Ренэ—Валери, какъ моей невѣстѣ, также извѣстна исторія волоса...

— Хорошо! Я все беру на себя! воскликнулъ маркизъ, перебивая Ренэ,—все! Я добуду вамъ освобожденіе отъ оглашенія о бракѣ, дамъ пособіе въ приданое невѣстѣ—однимъ словомъ все! все! Сегодня же вечеромъ вы уже будете молодою парочкою, а завтра же вмѣстѣ съ Валери садитесь въ дилижансъ.

— Тысяча благодарностей, г. маркизъ! И вы увидите, что Ренэ Бодуаръ, вашъ бывшій поваренокъ, не только сумѣетъ быть благодарнымъ, но и покажетъ себя человѣкомъ достойнымъ всего, что вы дѣлаете для него.

— Этого я отъ васъ жду во всякомъ случаѣ, m-r Ренэ! произнесъ маркизъ серьезнымъ тономъ.

— Даю мое слово, г. маркизъ!

Валери была чрезвычайно удивлена извѣстію, что въ тотъ же вечеръ сдѣлается m-me Бодуаръ, а на другой день утромъ уже, съ своимъ мужемъ, уѣдетъ изъ Парижа, но, найдя при этомъ, что все устроилось очень хорошо, выразила свое совершенное согласіе.

Маркизъ сдержалъ всѣ свои обѣщанія. Онъ далъ Валери круглую сумму въ приданое, досталъ разрѣшеніе обвѣнчать ихъ безъ брачнаго оглашенія и былъ настолько внимателенъ, что самъ проводилъ молодыхъ до дилижанса.

Ренэ поступилъ на службу. Префектъ, г. д'Альдеринъ, далъ ему, согласно желанію своего зятя, очень хорошее назначеніе и такъ какъ нашелъ въ немъ усерднаго и очень способнаго чиновника, то ему не трудно было выполнить и другую просьбу маркиза, т. е. вскорѣ доставить ему и повышеніе, оказывать ему свою протекцію.

Маркизъ, вслѣдъ за прибытіемъ Ренэ въ Кальвадосъ, объяснилъ „все" своему зятю.

Чиновникъ Ренэ Бодуаръ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе повышался по службѣ и даже достигъ должности супрефекта, въ которой сумѣлъ удержаться, не смотря на всѣ перемѣны царствованій, до конца своей жизни.

M-me Валери, очень гордившаяся своимъ мужемъ, выказала большой тактъ въ обращеніи съ дамами своего новаго круга и умѣніе съ достоинствомъ поддержать свое положеніе. Когда же Ренэ, шутя ее спросилъ, раскаивается ли она въ томъ, что вышла за поваренка, она поцѣлуемъ заставила его замолчать и отвѣтила ему голосомъ, полнымъ нѣжности: „Ты былъ тогда совершенно правъ! Изъ поваренка, въ самомъ дѣлѣ, можетъ все выйти, даже и цѣлый префектъ! Но—прибавила она съ плутовскимъ смѣхомъ—все таки, карьеру тебѣ помогъ сдѣлать одинъ тонкій волосъ!

— А развѣ не часто счастье виситъ на волоскѣ? весело возразилъ Ренэ, надо только схватить счастье именно за этотъ волосъ и если я и сумѣлъ схватить его, то и ты мнѣ въ этомъ не мало помогла.

Къ рисункамъ.

Военный отдѣлъ на Всероссійской промышленно-художественной Выставкѣ въ Москвѣ 1882 г.

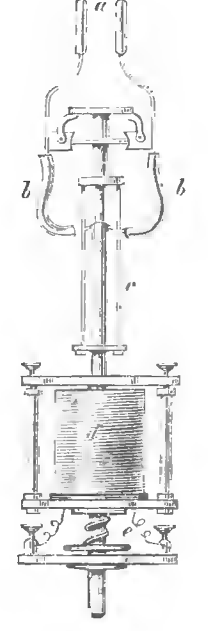
(Рис. на стр. 772 и 773).

Въ концѣ машиннаго зданія Выставки, близь входа въ него со стороны Петровскаго парка, сосредоточены предметы, доставленные на выставку нашимъ военнымъ министерствомъ.

Центральное, и по площади, наибольшее мѣсто въ военномъ отдѣлѣ отведено подъ предметы артиллерійскаго вѣдомства, затѣмъ расположены интересныя коллекціи, манекены, предметы снаряженія и обмундированія, доставленныя интендантскимъ вѣдомствомъ; по другую же сторону артиллерійскихъ предметовъ, сосредоточены модели, издѣлія, образцы и карты, присланныя вѣдомствомъ инженернымъ, медицинскимъ и Военно-Топографическимъ отдѣломъ Главнаго Штаба. Предсѣдателемъ коммиссіи по устройству военнаго отдѣла состоитъ генералъ-лейтенантъ Баронъ Штейнгель, а частями отдѣла завѣдуютъ члены коммисіи, каждый по своей спеціальности.

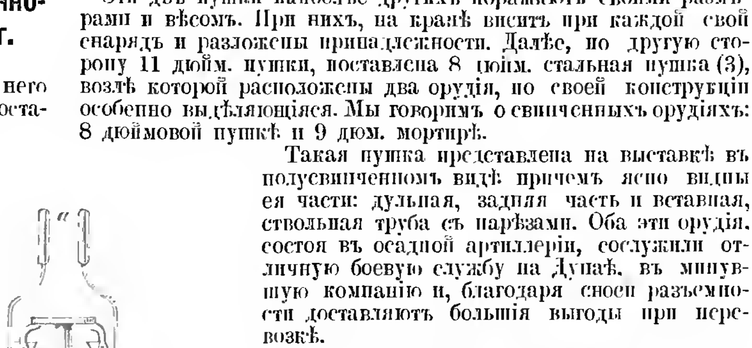
Наибольшее впечатлѣніе на посѣтителей выставки производитъ грозная батарея артиллерійскихъ орудій, возведенная подъ арками зданія и обращенная въ сторону главнаго прохода. На нашемъ рисункѣ, снятомъ съ фотографіи Шерера и Набгольца въ Москвѣ дѣланной по нашему заказу, представлена эта батарея пушекъ отъ маленькой, горной пушки начиная и кончая громаднымъ 11 дюйм. береговымъ, дальнобойнымъ орудіемъ, поражающимъ своею величиною и вѣсомъ.

Эта громадная пушка, (1) вѣсящая съ замкомъ 1752 пуда, имѣетъ длину въ 240 дюймовъ. По каналу ея тянутся 64 нарѣза прогрессивной крутизны. Зарядъ вѣситъ 116,5 фунт. призматическаго пороха съ 7 отверстіями и плотностью въ 1, 75, снарядъ вѣситъ 620 фунт. ($15^1/_2$ пудовъ). Начальная скорость полета снаряда 1520 футъ въ секунду. Вѣсъ лафета, на которомъ лежитъ эта пушка, вмѣстѣ съ рамою, достигаетъ 1235 пудовъ. Возлѣ этой пушки, стоитъ другая, также стальная, береговая дальнобойная пушка калибромъ въ 9 дюймовъ. (2) Вѣсъ ея съ замкомъ около 920 пудовъ; стрѣляетъ она зарядомъ въ 71 фунта призматическаго пороха и снарядомъ, вѣсящимъ около $7^1/_2$ пудовъ; лафетъ съ рамою вѣситъ 385 пудовъ.



Горѣлка пирофона.

Эти двѣ пушки наиболѣе другихъ поражаютъ своими размѣрами и вѣсомъ. При нихъ, на кранѣ виситъ при каждой свой снарядъ и разложены принадлежности. Далѣе, по другую сторону 11 дюйм. пушки, поставлена 8 дюйм. стальная пушка (3), возлѣ которой расположены два орудія, по своей конструкціи особенно выдѣляющіяся. Мы говоримъ о свинченныхъ орудіяхъ: 8 дюймовой пушкѣ и 9 дюм. мортирѣ.



Такая пушка представлена на выставкѣ въ полусвинченномъ видѣ причемъ ясно видны ея части: дульная, задняя часть и вставная, ствольная труба съ нарѣзами. Оба эти орудія, состоя въ осадной артиллеріи, сослужили отличную боевую службу на Дунаѣ, въ минувшую компанію и, благодаря своей разъемности доставляютъ большія выгоды при перевозкѣ.

Намъ остается сказать еще о стальныхъ мортирахъ 9-ти (4) и 8-ми дюймоваго (5) калибра также о 6-ти дюймовой стальной дальнобойной пушкѣ образца 1877 г. на высокомъ осадномъ и крѣпостномъ лафетѣ, отличающейся замѣчательно хорошимъ боемъ и другими баллистическими качествами.

Возлѣ этой пушки (6), обращенной дуломъ въ сторону къ зрителю, поставлена маленькая, стальная горная, 2, 5 дюйм. пушка Барановскаго (7) вѣсящая съ замкомъ около $5^3/_4$ пудовъ. Лафетъ подъ этой горной пушкой, замѣчателенъ тѣмъ, что онъ шарнирный, разборчатый на двѣ части: лобовую и хоботовую, причемъ каждая часть можетъ быть перевозима отдѣльно, на вьюкѣ, а на батареѣ лафетъ изъ частей легко собирается. Лафетъ этотъ конструировалъ г. Крель. Послѣднимъ орудіемъ сбоку стоитъ бронзовая 24 фунт., короткая осадная пушка на высокомъ лафетѣ (8)

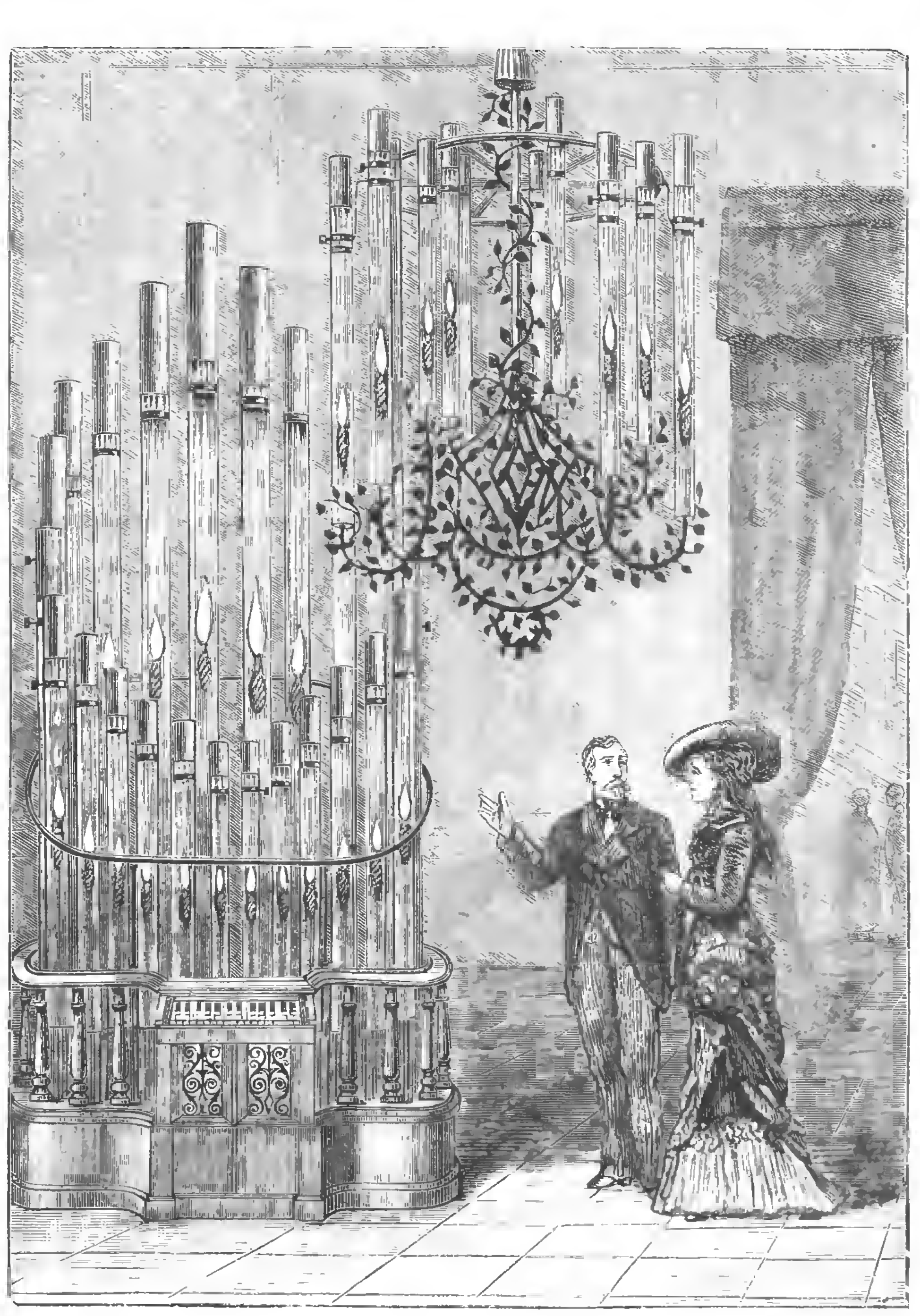
Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ стальныя пушки большихъ калибровъ и пушки полевой артиллеріи изготовлены въ Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ.

Надъ всей этой батареей артиллерійскихъ пушекъ развѣшаны гербы, флаги и поставлены бюсты: Государя Императора Александра III и въ Бозѣ почившаго Государя Александра II. Подножія бюстовъ украшены роскошною зеленью тропическихъ растеній.

Слѣдуетъ еще упомянуть о прекрасно исполненныхъ моделяхъ пушекъ и лафетовъ, поставленныхъ передъ пушками ба-

тарей. Модели эти изготовлены въ Технической школѣ артиллерійскаго вѣдомства.

Позади батареи орудій (къ сожалѣнію невидимыя на рисункѣ) поставлены пушки полевыя, дальнобойныя, образца 1877 г. на желѣзныхъ лафетахъ системы генер. Энгельгардта. Затѣмъ стоятъ два огромныхъ снаряда къ 14 дюйм. пушкѣ. Вѣсъ снаряда 30 пуд. Вѣсъ самой 14 дюйм. пушки=3570 пуд. Тутъ же сосредоточены издѣлія нашихъ ружейныхъ заводовъ: Императорскаго Тульскаго, Ижевскаго и Сестрорѣцкаго. Въ ряду ружей, обращаетъ на себя вниманіе огромное крѣпостное ружье сист. Гана вѣсящее до 1 пуда 11 фунт. и стрѣляющее стальною пулею 8 лин. калибра. Прекрасныя коллекціи издѣлій, присланныя Петербургскимъ патроннымъ заводомъ, въ особенности точные мѣрительные инструменты и станки для взвѣшиванія и измѣренія патроновъ постоянно привлекаютъ къ себѣ большія группы посѣтителей выставки. Въ инженерномъ отдѣлѣ особенно замѣчателенъ рельефный планъ Плевны, модели скрывающихся орудій по сист. полк. Борисова и модель печи Иванова. Масса прелестно исполненныхъ картъ и плановъ работы Топографическаго отдѣла Главнаго Штаба и образцы новаго обмундированія солдатъ нашей арміи служатъ предметами особаго вниманія публики. Постоянныя объясненія, даваемыя кѣмъ нибудь изъ членовъ коммисіи военнаго отдѣла, значительно облегчаютъ публикѣ возможность составлять себѣ должное понятіе о замѣчательныхъ предметахъ, выставленныхъ нашимъ военнымъ вѣдомствомъ.



Новое изобрѣтеніе. Пирофонъ Фр. Кестнера и его „поющая люстра".

Уличный торговецъ въ Тифлисѣ.

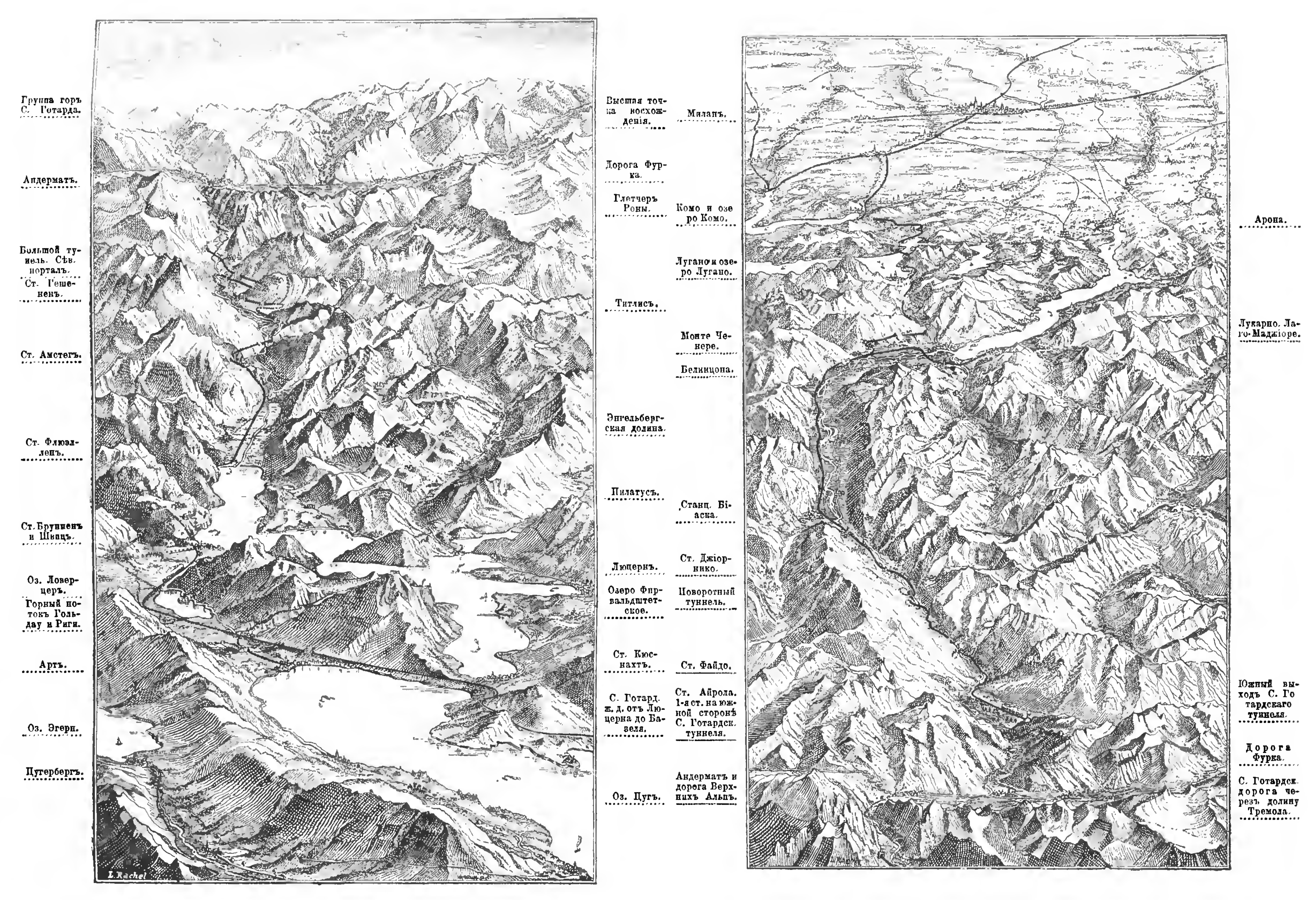
(Рис. на стр. 780).

Уличная жизнь Тифлиса въ высшей степени своеобразна, такъ какъ въ этомъ полуевропейскомъ, полувосточномъ городѣ, всетаки еще сохранились многія традиціи востока. Улицы города тогда были узки, кривы, немощены; обставлены домами похожими на жалкія лачуги и скученныя до такой степени, что по ихъ плоскимъ крышамъ можно было разгуливать съ одного конца улицы до другаго. Особенно энергичнымъ относительно Тифлиса былъ князь Циціановъ, который безпрерывно вводилъ разныя мѣры гигіеническія и санитарныя; вывелъ за городъ заражающія воздухъ бойни и кожевенные заводы и вообще старался преобразовать столицу Грузіи во всѣхъ отношеніяхъ. Но конечно одному человѣку это было не по силамъ и Тифлисъ долго еще оставался грязнымъ, неправильнымъ, невзрачнымъ. Только впослѣдствіи и особенно въ управленіе краемъ Августѣйшаго Намѣстника В. К. Михаила Николаевича, Тифлисъ украсился въ лучшихъ частяхъ своихъ, роскошными зданіями и принялъ наконецъ весь внѣшній обликъ европейскаго города. Въ жизни народа осталось еще много чертъ стараго, давно минувшаго времени, но только жизнь эта спряталась въ дальніе, укромные уголки; сосредоточилась въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣли и кривыя, вонючія улицы и мозаики и плоскія крыши: гдѣ на открытомъ воздухѣ работаютъ ремесленники и тутъ-же чадятъ переносныя народныя кухни, на которыхъ жарится шашлыкъ или кипитъ ключемъ пловъ. Но если хотите вполнѣ ознакомиться съ народною жизнью Тифлиса, то не брезгайте этими кривыми и грязными улицами; пройдитесь по нимъ, и кромѣ того удостойте своимъ посѣщеніемъ другія достопримѣчательности стараго города: восточныя бани, караванъ-сарай, татарскій майданъ и армянскій базаръ. Особенно послѣдній поразитъ васъ своимъ многолюдствомъ и движеніемъ; здѣсь между цѣлыми рядами лавокъ раскинулись разнаго рода мастерскія, булочныя, кофейныя, цирульни и харчевни; въ верхней-же части базара ведется широкая торговля фруктами и постоянно снуетъ самая разнообразная толпа привлекаемая какъ крайней дешевизной сладкаго товара, такъ и безпрерывными воззваніями торговцевъ, кричащими во все горло: ай яблукъ! ай виноградъ! ай персикъ!" Въ этомъ-то водоворотѣ армянскаго базара вы навѣрное встрѣтите и типъ мелкаго, уличнаго торговца, представленный на нашемъ рисункѣ.

Способъ путешествія по Сванетіи и Абхазіи.

(Рис. на стр. 781).

Сванетія и Абхазія составляютъ часть Кавказа вообще рѣдко посѣщаемую путешественниками, при всемъ интересѣ этой живописной мѣстности, и при всемъ богатствѣ скрывающагося здѣсь какъ этнографическаго такъ и археологическаго матерьяла. Но не подумайте, чтобы путешественники обѣгали эту мѣстность, опасаясь грабежа и разбоя. Населеніе здѣсь въ высшей степени мирное и покойное и кромѣ того гостепріимное, въ самомъ патріархальномъ значеніи этого слова. Каждый пріѣзжій принимается здѣсь съ радушіемъ старшиной селенія и водворяется или въ его домѣ или въ другомъ лучшемъ помѣщеніи. Затѣмъ слѣдуетъ обильное угощеніе и кромѣ того танцы и вообще цѣлый праздникъ въ честь неожиданнаго гостя. Но зато добраться до гостепріимнаго очага не всегда бываетъ легко; повсюду встрѣчается здѣсь между горъ бѣшеные, бурливые потоки,



Сенъ-Готардская ж. д. Сѣверная сторона.

Сенъ-Готардская ж. д. Южная сторона.

переходить которые въ бродъ не всегда бываетъ безопасно, особенно на горячемъ горскомъ конѣ, управлять хорошо которымъ умѣетъ лишь рука туземца. И дѣйствительно туземцы незамѣнимы въ этомъ случаѣ; ловкій, расторопный *Чапаръ* т. е. проводникъ прижа сь къ путешественнику переноситъ его черезъ пучину. Также необходимыми спутниками являются горцы и на горныхъ дорогахъ Абхазіи и Сванетіи — дорогахъ часто похожихъ по узкости на козьи тропинки, гдѣ случается иногда пролѣзать ползкомъ и пробираться сквозь такія чащи густаго колючаго кустарника, что только съ помощью кинжала можно себѣ прочистить путь далѣе. Но зато преодолѣвая эти трудности горнаго подъема, сколько увидишь красотъ природы дѣйствительно изумительной, такъ какъ здѣсь въ лѣсахъ Сванетіи и Абхазіи растутъ и абрикосы и персики и виноградъ и эта роскошная, разнообразная растительность составляетъ рѣзкій контрастъ съ суровыми скалами и шумливыми водопадами, бушующими тутъ же подъ ногами путника. Вообще всѣ посѣщавшіе Сванетію и Абхазію съ восторгомъ отзываются объ красотѣ и изобиліи ихъ природы и то же подтверждаетъ новѣйшая путешественница въ этой части Кавказа, Карла Серена посѣтившая Сванетію и Абхазію въ 1881 году. Она представлена на нашемъ рисункѣ въ тотъ моментъ когда осторожно пробирается на конѣ съ цѣлой свитой горцевъ по одной изъ горныхъ тропинокъ, въ разстеніи шага отъ зіяющей, страшной пропасти.

Медовый мѣсяцъ.

(Рис. на стр. 777).

Лучшее, самое счастливое, самое радостное время для человѣка: люди, любящіе другъ друга глубоко и искренно, вступаютъ только что на первыя ступени совмѣстной дружной и полной жизни. Все что они дѣлаютъ дѣлается охотнѣе, все что видятъ интересуетъ ихъ вдвое. Одобреніе милой подруги, ея полный любви и ласки взглядъ, удесятеряютъ силы человѣка. Они оба полны мечтаній о будущемъ, они работаютъ для будущаго и всякая подробность этой работы дышетъ самымъ свѣтлымъ, самымъ живымъ интересомъ. Это чувство счастья, полнаго удовлетворенія сердечнаго отражается на лицѣ людей и это прекрасно выразилъ художникъ въ своемъ рисункѣ, помѣщенномъ въ этомъ номерѣ. Молодой мужъ слушаетъ, слѣдя влюбленными глазами за юной подругой, ея прелестное пѣніе и душа его погружается въ воспоминанія о тѣхъ дняхъ, когда онъ въ первый разъ встрѣтилъ это милое созданіе, ему—первому и единственному для нея въ мірѣ человѣку—прошептавшее слово любви.

Новыя изобрѣтенія. Пирофонъ.

(Рис. на стр. 784).

Во время электро-технической выставки въ Парижѣ г. Кастнеръ представилъ членамъ техническаго съѣзда, изобрѣтенный имъ новый музыкальный аппаратъ. Въ залѣ была прикрѣплена къ потолку газовая люстра со стеклянными цилиндрами на верху. Вскорѣ послышались пріятные, стройные звуки; могучій аккордъ и гармонія звуковъ были изумительны. Невольно взоры всѣхъ обратились на пламя люстры въ высокихъ стеклянныхъ цилиндрахъ; послѣ каждаго звука пламя содрогалось и превращалось въ маленькій свѣтовой кружокъ; электрическій токъ проходившій черезъ невидимыя тонкія проволоки регулировалъ пламя. Перейдя въ сосѣдній залъ, увидѣли, что здѣсь сидитъ какой то господинъ и беретъ тѣ же аккорды, которые мы слышали раньше изъ люстры. Изъ подъ клавишъ видно было множество мѣдныхъ проволокъ идущихъ въ верхъ по потолку въ другой залъ къ люстрѣ и задрапированныхъ на ней зелеными листьями. Въ одной изъ сосѣднихъ компатъ стояли элементы, которые сообщали электрическій токъ проволокамъ. Каждое яркогорящее пламя люстры, уменьшенное электрическимъ токомъ при посредствѣ клавитуры, издавало ясный и полный звукъ.

Изобрѣтатель этого музыкальнаго инструмента назвалъ его Lustre chantant (поющая люстра). На рисункѣ съ лѣвой стороны люстры, прикрѣпленной къ потолку, изображенъ подобный же аппаратъ—это пирофонъ, въ принципѣ сходный по устройству съ люстрой, съ той только лишь разницей, что клавитура здѣсь находится непосредственно въ самомъ инструментѣ. Большой пирофонъ по силѣ звуковъ напоминаетъ хорошій церковный органъ, но тонъ гораздо лучше и пріятнѣе чѣмъ трубы органа.

Г. Кастнеръ, представилъ еще въ 1873 году свое изобрѣтеніе парижской академіи наукъ, а первый его дебютъ былъ на выставкѣ въ Вѣнѣ два года тому назадъ. Въ Баденъ-Баденѣ его люстру слушала германская императрица и много другихъ высоко-поставленныхъ лицъ. Основной принципъ образованія звуковъ въ стеклянной трубкѣ посредствомъ пламени открылъ Хиггинсъ въ 1777 году и съ тѣхъ поръ во всѣхъ большихъ физическихъ кабинетахъ показывался этотъ интересный опытъ; впослѣдствіи въ этомъ изобрѣтеніи сдѣлали усовершенствованія графъ Шафготшъ, Тиндаль, де Люнъ, Геренштедтъ, (1793 г.), и друг. Фарадей еще въ 1818 году объяснилъ причину этого удивительнаго явленія звуковъ, быстро слѣдующими одна за другой маленькими вспышками содержащихся въ трубѣ газовъ. Физикъ Шереръ говорилъ также, что при сгораніи газовъ, воздухъ, устремляясь съ силой въ образовавшуюся пустоту, производитъ звукъ. Г. Кастнеръ на основаніи этихъ данныхъ и различныхъ гипотезъ устроилъ наконецъ свой замѣчательный инструментъ Подобно тому какъ Кладни своими остроумными „звуковыми фигурами“ сдѣлалъ звукъ видимымъ для глаза, т и Кастнеръ сдѣлалъ свѣтъ для насъ „слышимымъ,“ прои я звукъ поперемѣннымъ сближеніемъ и удаленіемъ двухъ источниковъ свѣта въ стеклянномъ цилиндрѣ. Особенно замѣчательна въ этомъ инструментѣ конструкція горѣлки, регулирующей пламя. Эта часть пирофона помѣщена на особомъ рисункѣ внизу. Буквой *a* обозначены горѣлки газа, число ихъ въ каждомъ цилиндрѣ доходитъ до девяти и расположены онѣ по окружности круга; на чертежѣ для большей ясности помѣщены только двѣ горѣлки; съ главными газопроводными трубами (*c*) горѣлки соединены эластичными резиновыми трубочками *в в*: въ низу горѣлки помѣщенъ электро-магнитъ *д*, который посредствомъ спирали *e* регулируетъ горѣлки т. е. дѣлаетъ большимъ или меньшимъ разстояніе ихъ другъ отъ друга.

Изобрѣтатель этого инструмента докторъ Генрихъ Кастнеръ, членъ Парижской академіи наукъ и академіи искуствъ въ Берлинѣ. Родился онъ въ Страсбургѣ въ 1852 году. На изобрѣтеніе свое получилъ привиллегію въ Германіи, Франціи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Сенъ-Готардская желѣзная дорога съ пти го полета.

(Рис. на стр. 785).

Даже и нашъ вѣкъ, столь освоившійся съ колоссальными проектами и сооруженіями, столь привычный къ различнаго рода грандіознымъ предпріятіямъ, не можетъ не отнестись съ должнымъ удивленіемъ къ труду истинно гигантскому, къ новому подвигу современнаго инженернаго искусства—а именно къ оконченной уже устройствомъ С.-Готардской желѣзной дорогѣ. Довольно вспомнить всѣ тѣ трудности, съ которыми соединялось путешествіе по этому пути въ прежнее время, не говоря конечно уже объ той далекой эпохѣ, когда въ 569 году впервые здѣсь прошли Лонгобарды и даже построили мостъ, существовавшій еще при Карлѣ Великомъ. Но даже гораздо позднѣе, а именно въ прошломъ столѣтіи, нашъ знаменитый Суворовъ съ своими героями долженъ былъ переходить здѣсь разные головоломные мосты и лѣпиться по скалистымъ карнизамъ, висящимъ надъ пропастями. Только въ настоящее столѣтіе, именно въ 1820—24 г. проложена здѣсь новая дорога, имѣющая 5½ метровъ ширины и представляющая зимою довольно хорошій путь для саней, а лѣтомъ для колесныхъ экипажей. Но въ наше время время желѣзныхъ путей двигаться по горной дорогѣ черепашьимъ шагомъ кажется уже какимъ-то анахронизмомъ, а потому давно зародилась мысль объ устройствѣ Сенъ-Готардской желѣзной дороги, которая бы посредствомъ туннеля соединила Гешененъ съ Айроло, т. е. два противуположные пункта, лежащіе у подножія колосса. Въ 1871 г. уже образовалось Общество Сенъ-Готардской желѣзной дороги съ капиталомъ въ 187 милліоновъ франковъ, а въ 1872 году было приступлено къ разрѣшенію самой трудной задачи предпріятія—къ просверленію туннеля между Гешененомъ и Айроло, описанію котораго мы посвящали не разъ уже статьи въ нашемъ журналѣ. Теперь же, когда открытъ уже весь путь, мы считаемъ умѣстнымъ помѣстить его рельефное изображеніе съ птичьяго полета и указать притомъ на тѣ его пункты, которые достойны особеннаго вниманія.

Если мы обратимъ теперь вниманіе на рисунокъ, то передъ нами предстанетъ цѣлая, обширная область Альповъ, рельефно возвышающихся до 10,000 футовъ и мы можемъ легко прослѣдить весь путь поѣзда, начиная отъ береговъ озеръ Цугскаго и Четырехъ Кантоновъ. Мы видимъ какъ онъ поднимается отъ Гешенена, потомъ исчезаетъ на 22 минуты во внутренности туннеля, чтобы снова выпорхнуть на свѣтъ Божій при Айроло, на Итальянской территоріи и затѣмъ снова спускается къ Комскому озеру и слѣдуя по Ломбардской равнинѣ достигаетъ Милана какъ ближайшаго здѣсь конечнаго пункта. Лѣвый изъ нашихъ рисунковъ представляетъ сѣверный входъ большаго туннеля съ пункта, лежащаго выше Цугскаго озера, а другой знакомитъ насъ съ видомъ, открывающимся съ Сенъ-Готардскаго пути, если смотрѣть внизъ на Тессинскую долину. Здѣсь мы видимъ, какъ путь развѣтляется, пройдя Беллинцону; главная линія поднимается на Монте-Ченере, прорѣзываетъ большой туннель и потомъ переноситъ насъ уже въ чисто итальянскую мѣстность—Лугано, тогда какъ другая вѣтвь направляется къ берегамъ Лаго-Маджіоре.

Въ Флюэленѣ только начинается собственно Альпійская желѣзная дорога, которая болѣе или менѣе держится направленія давно уже существующаго С.-Готардскаго пути.

Отъ Флюэлена поѣздъ идетъ по довольно ровному полотну до Амстега, деревушки лежащей у подножія Бристена. Отсюда начинается уже трудный подъемъ, то спиральной линіей, то частью въ горныхъ галлереяхъ вплоть до Вайлера и Вазена и наконецъ къ Гешенену, гдѣ уже начинается туннель. Пространство

отъ Флюэлена до Гешенена равняется 38 километрамъ (1 километръ = 0,9374 в.). Дорога идетъ сначала черезъ прелестную долину, застроенную домиками и поросшую въ изобиліи кустами орѣшника, но когда она входитъ въ область гранитныхъ горъ, то мѣстность становится еще живописнѣе, принимая дико-романтическій характеръ. Въ Вазенѣ исчезаютъ послѣдніе слѣды садоводства и видны тамъ и симъ лишь кусты одичавшей вишни.

Айроло лежитъ при входѣ въ Валь-Бедретто и возвышается на 3,629 футовъ надъ поверхностью моря и на 2,880 футовъ лежитъ ниже верхняго прохода. Отсюда поѣздъ идетъ постоянно спускаясь и употребляетъ тринадцать часовъ на проѣздъ до Валь-Левентины, главной долины Тессинскаго кантона. Далѣе къ Файдо поѣздъ идетъ уже скорѣе. Здѣсь начинается уже южная жизнь и богатая, разнообразная растительность украшаетъ встрѣчныя мѣстности. Здѣсь же появляется виноградъ и итальянскіе нравы смѣшиваются съ обычаями нѣмецкаго альпійскаго быта. Еще далѣе—у Жіорнако—встрѣчается первое фиговое дерево, а виноградныя лозы красуются здѣсь уже во всей своей южной роскоши. Вся долина богата водопадами и вообще живописные виды попадаются здѣсь на каждомъ шагу. Такъ проѣзжаемъ мы тихимъ ходомъ до Біаски. Затѣмъ минуемъ Ривіеру, употребляя для этого почти 3½ часа и оставляемъ за собою небольшую но интересную часть долины Ливиненъ, деревушки, развалины, водопады и такъ вплоть до Беллинцоны, одного изъ главныхъ пунктовъ Сенъ-Готардской дороги. Теперь мы очутились около озера Лугано. Здѣсь путь теряетъ совершенно характеръ горной дороги и потому слѣдить за нимъ далѣе для насъ не представляется уже никакого интереса.

Таинственная страна.

Очеркъ Кореи.

На восточномъ берегу Азіи есть таинственная страна изъ тѣхъ культурныхъ странъ, о которыхъ наименѣе имѣется свѣдѣній. Между тѣмъ она богата и въ высшей степени интересна. Для торговли европейцамъ она открыта только на этихъ недѣляхъ. Коммодоръ Шуффельдъ, прибывшій на американскомъ корветѣ „Swanure“, добился переговоровъ съ корейцами и 5-го мая, въ бухтѣ Ренъ-шанъ заключилъ, наконецъ, отъ имени заатлантической республики, торговый договоръ съ Кореей. По этому договору, для американцевъ будутъ открыты пока три порта: Ренъ-шанъ, Фу-занъ и Гензанъ-шанъ. По полученіи извѣстій объ этомъ, тотчасъ-же отправились на своихъ судахъ въ Корею, для заключенія подобныхъ-же договоровъ: англійскій адмиралъ Уоллэсъ, французскій адмиралъ Менаръ и германскій командоръ.

Одна экспедиція за другою идутъ къ сѣверному полюсу, неустрашимые путешественники проникли въ невѣдомыя страны Центральной Африки и изслѣдуютъ ихъ теперь въ видахъ пользъ торговли и науки, Корея-же упорно и постоянно противилась допуску иностранцевъ. Такимъ образомъ она извѣстна только по весьма немногимъ сообщеніямъ японскихъ и китайскихъ писателей. Французскимъ миссіонерамъ также удавалось проникать внутрь страны. Книга Опперта, побывавшаго три раза на Корейскомъ полуостровѣ, даетъ намъ самое пока подробное описаніе Кореи.

Къ книгѣ приложенъ корейскій словарь и азбука, а рисунки прекрасно поясняютъ текстъ.

Корея отличается прекраснымъ положеніемъ, роскошнымъ климатомъ, богатствомъ металловъ и производительностью, и заслуживаетъ не меньшаго изученія чѣмъ другія азіатскія страны.

Уже ранѣе было сдѣлано нѣсколько попытокъ открыть Корею для торговли. Въ 1880 г. американскій корветъ „Ticonderoga“ пришелъ 2 мая въ Фузанъ и черезъ японскаго консула послалъ письмо въ столицу Кореи. Письмо, однако, было возвращено нечитаннымъ и корветъ, простоявъ три дня, ушелъ. Корейцы припомнили, что американцы нападали на ихъ селенія у р. Кока. Въ это-же время русскій уполномоченный велъ въ Онжіо-жу переговоры о заключеніи торговаго трактата, но повидимому безуспѣшно. По этому поводу разсказывали тогда, что корейское правительство думало перенести столицу въ одинъ изъ имѣющихся открыться портовъ. Но слухъ оказался преждевременнымъ.

Корея не оставалась, впрочемъ, вовсе закрытою для внѣшней торговли. Послѣ экспедиціи 1876 — 77 года японцы вынудили у корейцевъ открытіе для себя нѣкоторыхъ портовъ, гдѣ устроили факторіи. Торговля съ Кореей оказалась весьма выгодной, но изъ привозимыхъ японцами товаровъ въ Корею, только одна десятая часть состояла изъ произведеній самой Японіи, а девять десятыхъ были европейскія мануфактурныя произведенія. Такимъ образомъ японцы, являясь лишними посредниками и извлекая выгоды и для себя, возвышали цѣну товаровъ и тѣмъ уменьшали ихъ сбытъ, тогда какъ при прямыхъ сношеніяхъ Кореи съ европейскими державами, европейскіе торговые дома могли-бы продавать свои товары дешевле, что несомнѣнно способствовало-бы и большему употребленію ихъ въ Кореѣ.

Плодородность почвы въ Кореѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по словамъ Опперта, весьма значительна, минеральныя богатства также достаточно велики, чтобы возбудить интересъ въ людяхъ, ищущихъ наживы. Что касается мѣстныхъ мануфактуръ, то вотъ нѣкоторыя болѣе положительныя указанія для тѣхъ, которые пожелали-бы торговать съ Кореей. Производство издѣлій изъ хлопка и пеньки составляетъ главную отрасль мѣстной промышленности, эти издѣлія качествомъ ниже обыкновеннаго англійскаго ширтинга; ткани, употребляемыя для дѣтей и солдатъ, выкрашены въ темно-синій цвѣтъ. Шелковыя издѣлія не дѣлаются въ Кореѣ и единственный предметъ этого рода, видѣнный Оппертомъ, это шелковые плетеные кушаки, которые носятъ высшіе классы. Всѣ шелковыя ткани, которыя носитъ аристократія и служащіе, — китайскаго происхожденія. Матерія, употребляемая для чулокъ немного тоньше.

Есть два предмета, въ которыхъ корейская промышленность замѣчательна—это приготовленіе бумаги и затѣмъ плетеніе соломы для шляпъ и т. я. Корейская бумага превосходна и стоитъ гораздо выше китайской, она даже выше лучшихъ сортовъ японской бумаги и такъ плотна, что нужно много силы, чтобы разорвать ее. Она приготовляется по большей части изъ пеньки и вымазанная масломъ (лакированная) служитъ для зонтиковъ, ватерпруфовъ, шапокъ и т. д. Небольшія количества этой бумаги, попадающія черезъ границу Китая, тамъ высоко цѣнятся. Что касается стекла, то оно и его приготовленіе въ Кореѣ совершенно неизвѣстны. Намасленная бумага замѣняетъ стекло въ окнахъ и дверяхъ домовъ. Шерсти совсѣмъ не выдѣлывается, потому что овцы чрезвычайно рѣдки и даже во многихъ мѣстахъ Кореи неизвѣстны такъ какъ тамъ мало нуждаются въ очень теплой одеждѣ, между тѣмъ мѣха замѣняютъ шерстяныя издѣлія, и нѣтъ сомнѣнія, что послѣднія могли-бы играть большую роль въ торговлѣ.

Металлическія и деревянныя издѣлія а равно предметы роскоши изъ слоновой кости и лакированнаго дерева, которые дошли до такого совершенства въ Китаѣ и Японіи, въ Кореѣ совсѣмъ плохи. Трудно даже найти что нибудь достойное вниманія. Мѣдная посуда самой обыкновенной работы безъ всякой претензіи на искусство. Золотыя и серебряныя издѣлія стоятъ немного выше; украшенія изъ этихъ металловъ чище по работѣ и обличаютъ нѣкоторый вкусъ. Фарфоровыя издѣлія корейцамъ неизвѣстны и мѣстная глиняная посуда самого простого сорта.

По занятіямъ своихъ жителей Корея страна по преимуществу земледѣльческая и теперь она торгуетъ съ нашею Приморскою областью рогатымъ скотомъ и овсомъ, а съ Японіей — рисомъ, получая взамѣнъ мануфактурные товары. Торговля эта могла-бы значительно развиться, почему Россія должна поспѣшить послѣдовать примѣру предпріимчивыхъ американцевъ и заключить отдѣльный торговый трактатъ съ Кореей. Надобно удивляться даже, какъ это мы, ближайшіе сосѣди Кореи, не успѣли сдѣлать этого ранѣе американцевъ.

Надобно замѣтить кстати, что торговля съ Кореей для насъ не новость. Корейцы торговали съ Россіей еще въ XVII столѣтіи, именно приходя въ Нерчинскъ и Наунъ, а также на Аргунь, потому что въ Пекинѣ китайскіе императоры торгъ корейцамъ запретили изъ опасенія конкуренціи. Въ Наунъ и Нерчинскъ корейцы привозили шелковую бумагу обойную, посуду, золотую и серебряную бумагу, бумажныя матеріи, цыновки, вѣера, табакъ, золото, шелкъ сырецъ, китайскія шелковыя матеріи; брали-же отъ русскихъ мѣха.

Отъ китайской имперіи Корея отдѣлена моремъ и цѣпью горъ Тшангъ-Петшангъ, или Бѣлыхъ горъ. Самая большая изъ этихъ горъ считается высочайшею въ свѣтѣ. Кромѣ материка, Кореѣ принадлежатъ безчисленные различной величины острова, расположенные на западѣ, югѣ и востокѣ, находящіеся подъ ея владычествомъ. За небольшими исключеніями, острова эти заселены красивымъ, здоровымъ населеніемъ, занимающимся рыболовствомъ и земледѣліемъ. Острова западнаго берега очень плодородны и покрыты прекрасными лѣсами. Островитяне, несмотря на свою отдаленность отъ материка держатся, въ строгомъ подчиненіи центральному правительству его чиновниками. Изъ этихъ острововъ нѣкоторые значительны по протяженію и населенности. Острова сѣвернаго берега менѣе плодородны; жители занимаются исключительно рыболовствомъ и отличаются нетерпимостью по отношенію къ иностранцамъ. Изъ всѣхъ острововъ болѣе замѣчательны—Квангъ-ва на Западѣ, Квельпартъ на югѣ и Олопъ-то на востокѣ. Квельпартъ особенно плодородный и прекрасный островъ. Съ моря онъ очень красивъ съ своими высокими, лѣсистыми горами, которыя пересѣкаются превосходно воздѣланными долинами. Цѣпь горъ, перерѣзающая островъ, задерживаетъ теченіе холодныхъ вѣтровъ съ материка, и потому лѣтомъ здѣсь бываетъ очень жарко. Высочайшая вершина этихъ горъ, Аукландъ, поднимается на 6600 футовъ и вся состоитъ изъ громадныхъ мѣловыхъ скалъ, которыя издали кажутся покрытыми снѣгомъ. Въ вѣковыхъ сосновыхъ

и лиственичныхъ лѣсахъ держатся табуны маленькихъ крѣпкихъ полудикихъ лошадокъ, которыхъ ловятъ, вытзжаютъ и снабжаютъ ими Корею. Населеніе острова довольно рѣдкое. Городовъ на островѣ два. Главный кустарный промыселъ жителей острова приготовленіе прекрасныхъ плетеныхъ шляпъ, которыя всѣ носятъ въ Кореѣ. Островитяне народъ довольно дикій и суровый и не пользуется хорошей славой. До сихъ поръ островъ все еще служитъ мѣстомъ ссылки преступниковъ.

Полуостровъ Корея раздѣляется на восемь провинцій, провинціи на 80 округовъ, въ которыхъ около 360 городовъ, и изъ нихъ развѣ 60 могутъ быть названы собственно городами. Остальное-же собственно различной величины деревни, отличающіяся отъ послѣднихъ только кирпичными домиками, обнесенными невысокими каменными оградами—это помѣщеніе лицъ административныхъ.

Нѣкоторые города обнесены стѣнами, которыя однако далеко не такъ высоки и массивны какъ стѣны даже третьестепенныхъ городовъ Китая. Корейскія стѣны не выше шести футовъ, сложены изъ неправильныхъ камней и разсыпаются отъ перваго снаряда средней величины.

Населенія Кореи отъ 7¹/₂—8 мильоновъ. Цифра эта однако едвали вѣрна. Такъ какъ каждый округъ платитъ дань сообразно числу жителей, то въ интересахъ каждой мѣстности уменьшать дѣйствительное число жителей. Принимая во вниманіе затруднительность контроля на отдаленныхъ отъ материка островахъ, не удивительно, что оффиціальныя данныя совершенно невѣрны. Дѣйствительное населеніе Кореи, со всѣми островами, вѣроятно доходитъ до 15—16 милліоновъ.

На всемъ своемъ протяженіи Корея изрѣзана горами, долинъ мало. Нѣкоторыя вершины достигаютъ 6—8000 футовъ. Бѣлыя горы до сихъ поръ не изслѣдованы—никто изъ европейцевъ тамъ не былъ. Гористость Кореи представляетъ препятствіе развитію рѣкъ, изъ которыхъ нѣтъ ни одной судоходной. Это обстоятельство и еще отсутствіе хорошихъ дорогъ замедляетъ и затрудняетъ сообщенія внутри страны.

Нынѣшняя столица государства извѣстна подъ именемъ Гангъ-Тшингъ или Кин-ки-тао; Корейцы же зовутъ ее Сауль, т. е. „мѣсто жительства властителя.“ Въ Саулѣ сосредоточивается все центральное управленіе страны; онъ составляетъ самый значительный городъ, съ 100—150,000 населеніемъ. Кромѣ двора и высшихъ сановниковъ, сюда, на извѣстное время года, съѣзжаются многія семьи изъ привилегированнаго класса, что значительно оживляетъ городъ. Отъ прочихъ Корейскихъ городовъ Сауль отличается правильно разбитыми улицами, сравнительно красивыми и довольно большими зданіями, но улицы здѣсь не мощеныя и общественныя зданія и дворецъ уступаютъ много даже жилищамъ просто зажиточныхъ классовъ большихъ городовъ Китая. Сауль, какъ и всѣ города Кореи, окруженъ стѣной въ 9—10 футовъ вышины. Онъ сталъ главнымъ городомъ только въ концѣ XIII вѣка, и послѣ разрушенія древней столицы страны. До того времени мѣстомъ пребыванія королей былъ Сунто—городъ считающійся и теперь однимъ изъ самыхъ значительныхъ, а жители его богатѣйшими.

Трудно опредѣлить первоначальное происхожденіе Корейцевъ. Сами они тоже, какъ полагаютъ, ничего не знаютъ о своихъ предкахъ, хотя незнакомые съ жизнью и письменностью страны европейцы не могутъ и судить есть ли ученые у Корейцевъ, сохраняющіе преданія и исторію прошлаго. Они происходятъ однако не изъ того племени, какъ Китайцы и Японцы, такъ какъ отъ нихъ очертаніями лица, хотя также съ монгольскимъ отпечаткомъ, совершенно отличаются. Кореецъ рослѣе Японца, но рѣдко бываетъ выше 5¹/₂ футовъ. Онъ силенъ. сложенъ очень пропорціонально, оживленъ и ловокъ.

Послѣ соединенія здѣсь различныхъ племенъ и послѣ образованія отдѣльныхъ государствъ, всѣ они стали неограниченно управляться самостоятельною властью. Предположеніе, что Корейцы, находились въ зависимости отъ Китайцевъ совершенно невѣрно. Если нѣкогда и существовало нѣкоторое подчиненіе Китаю, то это было очень давно. Высшій совѣтъ страны состоитъ изъ трехъ членовъ первой степени, членовъ тайнаго совѣта и шести членовъ второй степени; всѣ они вмѣстѣ составляютъ родъ министерства, которое въ свою очередь подчинено тайному совѣту, высшему государственному учрежденію. Восемь округовъ управляются начальниками въ родѣ губернаторовъ, которые и живутъ въ главныхъ городахъ каждаго округа. Каждый округъ еще дѣлится на части, управляемыя, смотря по ихъ величинѣ и значенію, служащими высшихъ или низшихъ степеней. Округи подраздѣляются на участки для сбора податей, наблюденія за порядкомъ и торговлей. Затѣмъ идутъ разные чиновники, досмотрщики и другіе—представители власти въ мѣстечкахъ и деревняхъ. Всѣ эти власти, начиная съ высшей и кончая послѣднимъ должностнымъ лицомъ, назначаются только на два года. Затѣмъ ихъ перемѣщаютъ на другія мѣста. Хотя этимъ систематическимъ перемѣщеніемъ чиновниковъ подрывается порядокъ управленія, но правительство хочетъ такимъ образомъ препятствовать чиновникамъ обживаться на мѣстахъ и сближаться слишкомъ съ мѣстнымъ населеніемъ.

Въ Кореѣ самая строгая кастовая система, имѣющая много общаго съ индійскою, хотя у Корейцевъ она обусловливается не религіозными а политическими причинами. Первую касту непосредственно послѣ главы страны и членовъ его семьи, составляетъ Высшая каста—потомки древнихъ фамилій. Каста эта распадается на два класса лицъ военныхъ и не военныхъ. За этими двумя кастами, слѣдуетъ, малая по численности каста такъ сказать полудворянъ, составляющихъ какъ бы переходъ отъ высшаго къ среднему сословію. Эта каста пользуется правомъ занимать нѣкоторыя должности. Затѣмъ идутъ въ нисходящей степени другія касты. Есть еще странное установленіе—такъ называемыя „презрѣнныя“ касты, также съ разными подраздѣленіями.

Господствующая религія въ Кореѣ — буддизмъ, занесенный сюда въ 372 г. послѣ Р. Х. изъ Китая.

Одѣваются корейцы очень просто. Мужчины носятъ короткую куртку и широкія полотняныя панталоны, иногда ихъ собираютъ около лодыжекъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ люди болѣе зажиточные поверхъ куртки надѣваютъ широкій кафтанъ и подпоясываются бумажнымъ или шолковымъ шнуромъ. Цвѣтъ полотна обыкновенно бѣлый, по кафтаны бываютъ также и свѣтлоголубые. Шерстяныя ткани вовсе неизвѣстны въ Кореѣ. Люди сановные и простой народъ носятъ одинаковыя прекрасныя, плетеныя изъ бамбука шляпы, главное производство которыхъ на островѣ Квельпартѣ. Шляпы покрыты чернымъ лакомъ, надѣваются сильно назадъ. Полы очень широки. На шляпѣ важныхъ чиновниковъ есть маленькіе серебряные значки. Шляпы отличаются необыкновенною прочностью, прекрасно защищаютъ отъ солнца и не смотря на то, что очень легки, тонки и крѣпки какъ желѣзныя.

Въ Кореѣ существуетъ многоженство и положеніе женщинъ мало чѣмъ рознится отъ положенія китаянокъ. Число женъ зависитъ прямо отъ степени зажиточности. и такъ какъ среднее и низшее сословіе мало пользуется довольствомъ, то у нихъ всегда одна жена. При заключеніи брака нѣтъ никакихъ особенныхъ формальностей. Женихъ входитъ въ переговоры съ родными намѣченной имъ дѣвушки о вознагражденіи, и затѣмъ беретъ ее къ себѣ въ домъ, гдѣ она находится у него въ полномъ подчиненіи и живетъ въ домѣ на особой половинѣ. Женщины высшихъ классовъ никогда посторонимъ не показываются. Въ деревняхъ, гдѣ женщины принимаютъ участіе въ полевыхъ работахъ, онѣ болѣе свободны, но все же не такъ какъ китайскія женщины. Въ городахъ появленіе женщины на улицѣ днемъ считается неприличнымъ. Чтобы хотя отчасти вознаградить женщинъ за ихъ дневное затворничество, по словамъ Оппертa, лѣтомъ, обыкновенно около 9 часовъ вечера, а зимою нѣсколько раньше, по данному знаку, затворяются ворота города, послѣ чего мужчины скрываются по домамъ и предоставляютъ женщинамъ возможность нѣсколько часовъ свободно гулять по городу. Если же случается, что запоздавшій мужчина проходитъ въ это время по улицѣ, то онъ долженъ не оглядываясь, какъ можно скорѣе пройти мимо. Но мы думаемъ что это принадлежитъ къ тѣмъ нелѣпымъ разсказамъ, какими быть можетъ иногда и морочатъ туземцы европейцевъ, которые таки не мало небывалыхъ вещей наговорили о Китаѣ, Японіи да и о Россіи... Всякій оскорбившій женщину дорого платится за это. Вѣжливость требуетъ даже, чтобы мужчина, при встрѣчѣ съ женщиной закрылъ лицо вѣеромъ и перешелъ на противоположную сторону улицы.

Дома въ городахъ и деревняхъ большею частью одноэтажные, сложенные изъ соломеннаго кирпича и крытые соломой или глиной. Въ большихъ городахъ дома строятъ также изъ дерева и настоящаго кирпича и кроютъ черепицей. Стекло мало извѣстно въ Кореѣ, окна же у большинства залѣплены масляной, прозрачной, крѣпкой бумагой. Въ домахъ, кромѣ необходимой посуды для пищи и питья, нѣтъ почти никакой мебели. Въ богатыхъ домахъ полъ устланъ толстыми, прекрасными соломенными матами. Корейцы сидятъ поджавъ ноги, у нихъ нѣтъ надобности въ стульяхъ. Вмѣсто столовъ употребляются низкія рѣзныя скамесчки. О кроватяхъ корейцы не имѣютъ никакого понятія; обыкновенно они спятъ на матрацахъ или просто на полу, на толстыхъ матахъ.

Образъ жизни населенія очень простъ и первобытенъ. Ѣдятъ очень умѣренно, большею частью рисъ, овощи, рыбу, изрѣдка свинину. Чай пьютъ рѣдко и мало.

Политическое обозрѣніе.

Ирадэ султана противъ Араби-Паши.—Прокламація Араби-Паши.—Англійскія войска.—Стычка.—Гладстонъ.—Помощь Турціи со стороны Россіи.—Австрія и славяне.—Новый французскій кабинетъ. — Дюклеркъ. — Стачка ирландскихъ полисменовъ.—Ситивайо.

Турція, какъ и надо было ожидать, уступила настойчивымъ требованіямъ Англіи—султанъ издалъ ирадэ. которымъ объявляетъ Араби-Пашу мятежникомъ: въ этомъ ирадэ, между прочимъ признается стремленіе египетскаго вождя стать выше хедива, говорится, что онъ нарушилъ законъ, строго карающій тѣхъ, кто возстаетъ противъ власти, вмѣстѣ съ тѣмъ приводится, что Араби, уже прежде ослушавшійся хедива и испросив-

шій себѣ помилованіе, былъ не только прощенъ, но осыпанъ милостями султана, и не смотря на то, вновь совершилъ многія преступленія, принялъ самовольныя враждебныя мѣры противъ Англіи, дружественной (къ чему, иногда, обязываетъ условный языкъ дипломата!) давнишней союзницѣ султана, вслѣдствіе всего этаго Араби и объявленъ теперь мятежникомъ.

Этотъ шагъ султана, этотъ ирадэ показываетъ положеніе дѣлъ въ истинномъ его свѣтѣ. И Абд-уль-Гамидъ, и англичане хорошо знаютъ пассивность мусульманскаго міра, они хорошо знаютъ, что фразы о мусульманскомъ фанатизмѣ, о поднятіи мусульманскаго духа не болѣе какъ—фразы! Индія останется спокойна, кое-гдѣ въ Турціи произойдутъ, даже, можетъ быть, вспышки, но Араби-Паша останется одинъ и не защититъ ему своей родины отъ европейскихъ тенетъ. Скоро опять примутся ее сосать цивилизаторы-ростовщики.. Нельзя навѣрное говорить, что такъ всегда будетъ продолжаться, но не скоро.

Англійскія войска уже прибываютъ къ египетскому берегу и высаживаются; прибылъ герцогъ Коннаутскій съ своимъ отрядомъ, прибыла шотландская гвардія и гренадеры, занявшіе позицію у Рамлэха. Гвардейская дивизія, подъ начальствомъ герцога, составляетъ лѣвое крыло, а дивизія генерала Грэгэма—правое этой позиціи. Главнокомандующій, генералъ Уэльслей теперь, вѣроятно, уже на своемъ мѣстѣ: отряды подплываютъ каждый день: надо ожидать рѣшающихъ событій, такъ какъ противники стоятъ лицомъ къ лицу; между ними уже происходили стычки. болѣе аванпостныя, причемъ египтяне выказали стойкость, мужество и — неумѣніе стрѣлять мѣтко. Турецкія войска будутъ находиться въ очень стѣсненномъ положеніи: они какъ будто бы и не совсѣмъ подчинены, а между тѣмъ, и не могутъ, на основаніи военной конвенціи съ англичанами, сдѣлать ни одного движенія безъ разрѣшенія Уэльслэя или его генераловъ. Еще, впрочемъ, не извѣстно хорошо—какое „движеніе“ они сдѣлаютъ въ Египтѣ (если ихъ допустятъ къ высадкѣ) противъ египтянъ, противъ Араби-Паши, весьма популярнаго между ними... Главнокомандующимъ отряда, посылаемаго султаномъ, назначенъ Мухтаръ-Паша, а комисаромъ Порты—тотъ же Дервишъ-Паша.

Едва ли можно думать. чтобы Араби-Паша надѣялся на побѣду—съ его стороны это не болѣе, какъ, такъ сказать „активный протестъ“ противъ грубой, нахальной эксплоатаціи его отечества. Тѣмъ не менѣе онъ выказываетъ твердую рѣшимость бороться и поддерживаетъ духъ въ рядахъ своихъ сторонниковъ. Увѣряютъ даже. что созванное имъ національное собраніе объявило его хедивомъ; это извѣстіе подтверждается и прокламаціею, съ которою онъ обратился къ египтянамъ и въ которой онъ подписался „повелителемъ Египта, замѣстителемъ султана“; въ прокламаціи онъ говоритъ, что „измѣнникъ“, бывшій хедивомъ, отворилъ ворота Александріи врагамъ, низложенъ е. и. в. султаномъ что его величество посылаетъ своимъ египтянамъ на помощь войска, что скоро онъ, Араби-Паша, поведетъ войска въ Александрію, гдѣ сотретъ всѣхъ невѣрныхъ и всѣхъ измѣнниковъ съ лица земли, что не надо вѣрить словамъ измѣнника Тевфика, — повелитель правовѣрныхъ не можетъ предоставить собственнымъ силамъ тѣхъ, кто его считаетъ своимъ калифомъ, но, еслибы онъ былъ на это способенъ, то его солдаты—братья египтянъ. Очевидно. что Араби-Паша говоритъ все это (и самую ложь) съ цѣлью, на которую мы только что указывали — т. е. съ цѣлью придать бодрости своимъ войскамъ и вообще тѣмъ, кого онъ зоветъ сразиться за независимость Египта. Говорятъ, онъ снялъ свой мундиръ египетскаго генерала, замѣнивъ его національной одеждой и зеленой чалмой. которую носятъ потомки пророка.

Англичане, по слухамъ, хлопочутъ о томъ, чтобы устроить диверсію со стороны Абиссиніи, совѣтуютъ абиссинскому императору воспользоваться обстоятельствами, чтобы поживиться на счетъ владѣній ихъ друга — хедива... Если это правда, то, вѣроятно они, какъ всегда, и тутъ вѣрны себѣ, своему правилу чужими руками жаръ загребать и облегчить дѣло своимъ солдатамъ, объ удобствахъ которыхъ, во время похода, заботятся до того, что заготовили нѣсколько тысячъ паръ синихъ очковъ для предохраненія ихъ зрѣнія. Но — что же намѣрена Англія сдѣлать съ покореннымъ Египтомъ, когда она его покоритъ? Ихъ правители кое-что высказываютъ. Такъ, Гладстонъ, недавно, на банкетѣ у лорда-мэра, сообщилъ, что англійскія войска будутъ защищать въ Египтѣ чрезвычайно важные интересы Англіи, являющіеся болѣе значительными. чѣмъ интересы всѣхъ другихъ державъ, что Египетъ—необходимая для англійской торговли соединительная дверь между полушаріями и дверь эта будетъ отворена. Тутъ премьеръ указалъ наконецъ откровенно настоящую цѣль „гуманной“ экспедиціи войскъ королевы Викторіи. Конечно онъ прибавилъ и нѣсколько искреннихъ словъ о томъ, что Англія не думаетъ препятствовать свободному (!) развитію Египта, а желаетъ только „освободить египтянъ отъ притѣснителей... т. е. значитъ Араби, стремящійся избавить своихъ соотечественниковъ, отъ бремени европейской эксплоатаціи—притѣснитель, а англичане. эксплоатирующіе ихъ—освободители! Но, въ какой формѣ эти освободители будутъ благодѣтельствовать Египту, и „не препятствовать его свободному развитію“—не извѣстно,—премьеръ, въ палатѣ общинъ сказалъ, между прочимъ, въ парламентѣ что „возстановленіе statu quo ante уже не можетъ считаться вполнѣ достаточною цѣлью...“

Здѣсь нельзя не упомянуть о томъ, что Турція имѣетъ возможность отправить войска въ Египетъ только, пожалуй, благодаря Россіи. Дѣло въ томъ, что, при ея финансахъ, ей это было болѣе, чѣмъ трудно, она обратилась къ нашему правительству съ просьбою избавить ее отъ уплаты въ этомъ году взноса военной контрибуціи; наше правительство согласилось и—Порта располагаетъ 250 тысячъ турецкихъ ливровъ, которые и идутъ на военныя приготовленія.

Австрійцамъ, не смотря на ихъ побѣды, никакъ не удается наборъ въ славянскихъ земляхъ: въ Босніи рекруты дезертируютъ едва не цѣлыми массами, въ округахъ Травниковскомъ и Сѣницкомъ населеніе отказывается отъ службы въ австрійской арміи и только присутствіе значительнаго количества австрійскихъ войскъ предупреждаетъ открытое возстаніе.

Во Франціи министерство окончательно сформировано, какъ мы уже сообщали, Дюклеркомъ, взявшимъ на себя и руководство иностранною политикою Франціи, портфель министерства внутреннихъ дѣлъ получилъ Фальеръ, юстиціи—Девесъ, народнаго просвѣщенія—Дюво, финансовъ—Тираръ, военнаго—Бильо, морскаго—Жорегибери, почтъ—Кошери, земледѣлія—Маги, торговли и, временно, публичныхъ работъ—Легранъ.

Дюклеркъ—урожденецъ одного изъ небольшихъ городовъ юга Франціи, но образованіе свое завершилъ въ Парижѣ, гдѣ затѣмъ занимался журналистикою, въ 1848 г. былъ назначенъ помощникомъ парижскаго мэра, т. е. своего друга, Гарнье-Паже и въ ту эпоху выказалъ во время волненій, замѣчательное мужество (такъ, однажды, онъ не допустилъ народъ въ національное собраніе), когда Гарнье-Паже сдѣлался министромъ финансовъ—онъ занялъ должность товарища. а потомъ получилъ и портфель этого министерства; по распущеніи національнаго собранія онъ удалился въ частную жизнь и снова выступилъ на политическую арену въ 1870 г.; въ парламентѣ онъ принадлежалъ къ лѣвой, что ему не помѣшало, однако, вотировать, за распущеніе національной гвардіи. Ему выпала трудная задача выдвинуть Францію изъ той пассивной роли, какую она играетъ теперь въ „европейскомъ концертѣ.“

Въ Ирландіи, въ ту минуту когда тамъ введено осадное положеніе, полисмэны, почти повсюду, сдѣлали стачку, требуя увеличенія содержанія, въ виду усиленныхъ трудовъ,—исходъ еще не извѣстенъ. Король Ситивайо находится въ Лондонѣ, гдѣ ему оказывается большой почетъ, но, зулусскій вождь желаетъ только одного—возвратиться въ свою страну и—снова быть королемъ—пока не видно, чтобы у него были какія либо данныя на успѣхъ.

Смѣсь.

Воздушный корабль капитана Костовича. Недавно мы сообщили подробности и помѣстили рисунокъ замѣчательнаго изобрѣтенія г. Костовича: теперь мы можемъ сообщить, что его огромный „воздушный корабль“ начнутъ строить на охтенской верфи съ 8 августа съ разрѣшенія Его И. В. Генералъ-Адмирала.

Новый локомотивъ Рауба. Раубъ въ Нью-Іоркѣ построилъ по совершенно новой системѣ локомотивъ, у котораго центръ тяжести, а также помѣщеніе для машиниста находятся какъ разъ по срединѣ. Цѣль изобрѣтателя была полученіе локомотива, обѣ половины котораго уравновѣшивали-бы одна другую, и въ которомъ двигающая сила заключалась-бы въ центрѣ машины, а машинистъ при помощи круговой галлереи и лѣстницъ могъ-бы безъ потери времени направляться въ любую часть локомотива. Локомотивъ не требуетъ тендера, такъ какъ вода и уголь находятся на немъ-же. Изобрѣтатель предполагаетъ, что подобнымъ устройствомъ достигается большая скорость.

Громадный глетчеръ Фэнъ на островѣ Сеньенѣ въ Норвегіи. самый сѣверный изъ глетчеровъ Европы, вскорѣ будетъ предметомъ замѣчательнаго торговаго предпріятія. Компанія Бергенскихъ купцовъ получила право вырубать изъ глетчера ледъ для вывоза его, и такъ какъ ледъ превосходнаго качества, то есть надежда на значительный сбытъ его. Глетчеръ занимаетъ до 30 квадратныхъ миль, отъ подошвы глетчера разстояніе къ озеру очень не велико, такъ что цѣна добывки льда будетъ невысока. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ уже пытались утилизировать такимъ способомъ глетчеръ Фольгезонденъ, но опытъ не удался такъ какъ глыбы льда при скатываніи внизъ часто разбивали устроенныя для принятія льда корыта и падали въ море. Этотъ недостатокъ будетъ устраненъ новымъ практическимъ приспособленіемъ.

Пересылка льда изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Европу послѣ семилѣтняго перерыва снова возобновилась. Уже болѣе двадцати лѣтъ „Никербокская компанія“ въ Нью-Іоркѣ высылаетъ ледъ въ Кадиксъ, Гавръ, Гамбургъ и Бременъ. Теперь транспорты льда идутъ изъ Бостона и Бельфаста, а также изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль и Лондонъ; въ Германіи также поднялось требованіе на американскій ледъ.

Участіе дамъ въ придворныхъ торжествахъ началось въ Европѣ лишь съ царствованія французскаго короля Франциска I. Этотъ вѣтреный король первый призвалъ къ своему двору представительницъ прекраснаго пола, которыя до того времени жили замкнуто въ своихъ замкахъ и помѣстьяхъ. Ему же принадлежитъ извѣстная галантная фраза, что дворъ безъ дамъ это годъ безъ весны или весна безъ розъ.

Носовой платокъ на сценѣ и въ жизни. Было время когда на той самой французской сценѣ, гдѣ потомъ началъ царствовать такой необузданный реализмъ, щепетильность простиралась до того, что считалось непозволительнымъ не только употребить носовой платокъ на сценѣ, но даже и упоминать о немъ. Только въ 1829 г., г-жа Дюшенуа осмѣлилась въ одной піесѣ, гдѣ рѣчь шла о носовомъ платкѣ, держать его въ рукахъ, не имѣя впрочемъ смѣлости назвать его настоящимъ именемъ; она робко называла его лишь „тонкою тканью“. Наконецъ лишь въ 1828 г. это запретное слово было въ первый разъ публично произнесено на сценѣ, къ ужасу старыхъ театраловъ и къ торжеству новой школы. Это случилось при первомъ представленіи на сценѣ театра „Tragédie française“ въ переводѣ Альфреда де-Виньи Шекспировскаго „Отелло“, гдѣ, какъ извѣстно, носовой платокъ играетъ главную, выдающуюся роль.

Конечно сцена служила въ этомъ отношеніи отраженіемъ жизни, гдѣ также носовой платокъ лишь съ очень недавняго времени получилъ полное право гражданства; прежде его старательно прятали въ самую глубь кармана и выставлять его на показъ своимъ ближнимъ считалось явнымъ оскорбленіемъ хорошаго тона. Случайно, въ началѣ настоящаго столѣтія, носовой платокъ, благодаря Императрицѣ Жозефинѣ, вдругъ сдѣлался популярнымъ даже въ средѣ блестящихъ придворныхъ. Императрица, какъ извѣстно, имѣла дурные зубы и чтобы скрыть этотъ недостатокъ во время разговора, кокетливо и граціозно прикрывала свой ротикъ маленькимъ, вышитымъ носовымъ платкомъ. Нечего и говорить, что этому примѣру тотчасъ же послѣдовали всѣ окружающія ея придворныя дамы и такимъ образомъ маленькій, элегантный носовой платокъ сдѣлался съ тѣхъ поръ необходимою принадлежностью дамскаго туалета.

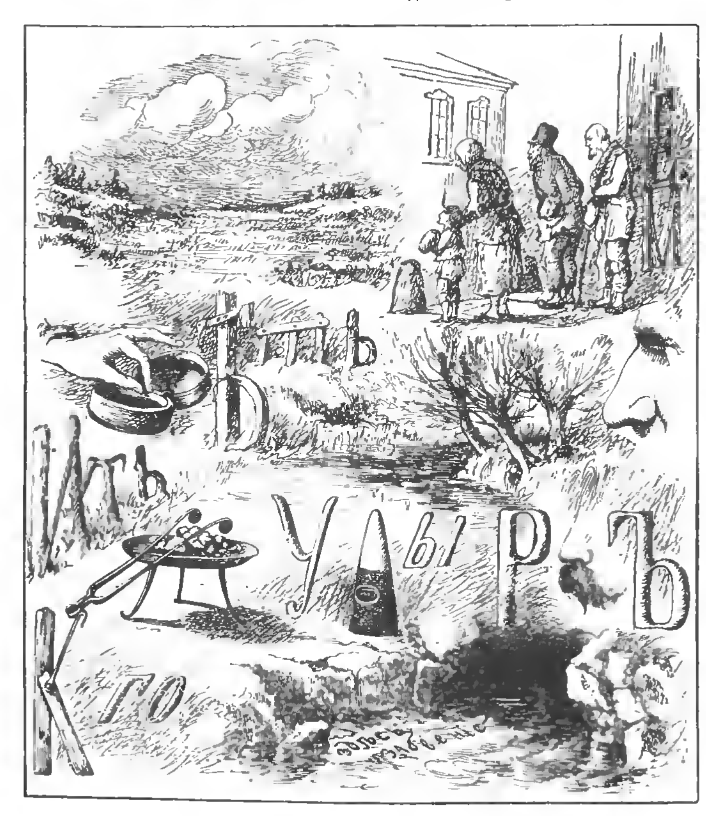
Еще новый туннель. Въ Англіи Лессепсъ пропагандируетъ теперь устройство подводнаго тоннеля между Шотландіей и Ирландіей, именно отъ порта Патрикъ въ Донахаде (въ Ирландіи); протяженіе его будетъ равняться одиннадцати англійскимъ милямъ.

Лондонскія медицинскія газеты уже два мѣсяца наполнены самыми лестными отзывами объ изобрѣтеніи доктора Рихарда Неале, которымъ онъ сдѣлалъ значительное усовершенствованіе въ дѣлѣ вентиляціи. Изобрѣтеніе это было сдѣлано годъ тому назадъ, но Неале только теперь, послѣ длиннаго ряда опытовъ съ аппаратомъ и сдѣланныхъ на основаніи этихъ опытовъ улучшеній, выступилъ публично со своимъ открытіемъ. Аппаратъ этотъ, сдѣланный въ большихъ размѣрахъ, вполнѣ удовлетворительно разрѣшаетъ вопросъ вентилированія воздуха въ желѣзнодорожныхъ тоннеляхъ, что представляло до сихъ поръ большія затрудненія, особенно при постройкѣ тоннеля между Дувромъ и Калэ. Изобрѣтеніе это вѣроятно будетъ примѣнено на Лондонскихъ подземныхъ дорогахъ и въ тоннеляхъ С. Готарда и Монъ-Сениса. Аппаратъ состоитъ изъ резервуара—вагона, наполненнаго особымъ химическимъ составомъ и прицѣпленнаго къ поѣзду. Газы, выходящіе изъ локомотива и портящіе воздухъ въ тоннеляхъ, передаютъ свои вредные элементы щелочнымъ выдѣленіямъ изъ резервуара-вагона и, соединяясь съ ними химически, образуютъ безвредный воздухъ. Аппаратъ въ меньшихъ размѣрахъ, съ приспособленіемъ для усиленія щелочныхъ выдѣленій, назначается для вентилированія жилыхъ помѣщеній. Произведенные опыты доказали, что горячій и испорченный воздухъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ становится прохладнымъ, чистымъ и что аппаратъ этотъ даетъ результаты болѣе совершенные и быстрые, чѣмъ провѣтриваніе комнатъ посредствомъ открыванія дверей, оконъ, форточекъ, газоотводныхъ трубъ и т. п. Сѣрные и угольные газы, табачный дымъ, чадъ отъ горящаго масла и т. п. быстро поглощаются щелочными отдѣленіями аппарата. Аппаратъ этотъ превосходно дѣйствуетъ въ театрахъ, концертныхъ залахъ, собраніяхъ, госпиталяхъ, комнатахъ больныхъ и т. д., гдѣ вентилированіе воздуха посредствомъ открытія дверей или оконъ невозможно или недостаточно.

Цѣна аппарата отъ 20—30 рублей съ доставкой — весьма не высокая. Самая вентиляція, т. е. расходы на реагенты, тоже незначительны: такъ напримѣръ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ тоннеляхъ, расходъ равняется 15—20 к. въ годъ для каждаго поѣзда; для комнатъ естественно цифра эта значительно меньше.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ

РЕБУСЪ задача № 58.



Задача буквъ № 59.
Н. Даржана.

Изъ предлагаемыхъ буквъ:

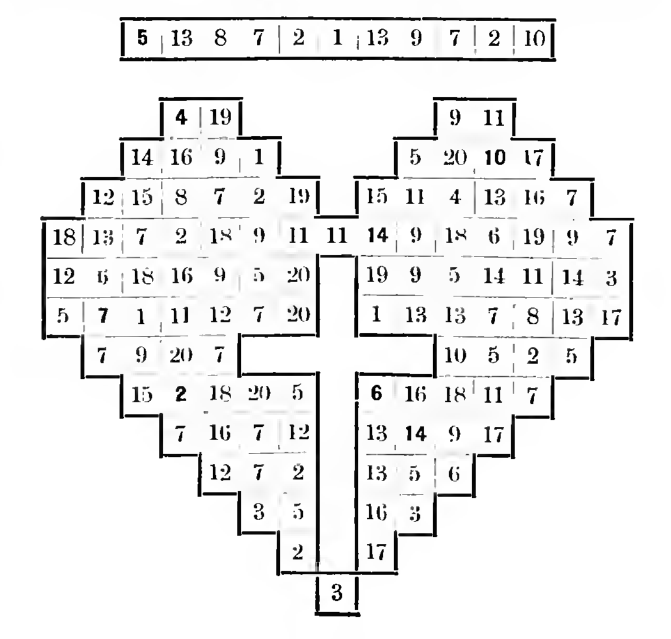
а, а, а, а, а, а, а, а, а, а, б, б, б, б, в, в, в, г, д, д, д, д, д, е, е, е, е, е, е, е, е, е, е, е, ж, з, з, з, з, и, и, и, и, и, и, и, і, і, і, к, к, к, к, к, к, л, л, л, м, м, м, н, н, н, н, н, н, н, н, н, о, о, о, о, о, о, о, о, о, о, п, п, п, п, р, р, р, р, р, р, с, с, с, с, с, с, с, т, т, т, т, т, у, у, ъ, ъ, ы, ы, ы, ы, ы, ь, ѣ, ѣ, ю, я, й,

составить 20 словъ:

1. Кушанье,
2. Одно изъ чувствъ.
3. Загородный домъ.
4. Рѣка въ Азіи.
5. Лѣсныя нимфы.
6. Получаемое на состязаніяхъ.
7. Городъ въ Европѣ.
8. Мѣстоименіе.
9. Женское имя.
10. Птица.
11. Морскія нимфы.
12. Слесарный инструментъ.
13. Извѣстный русскій генералъ.
14. Что слѣдуетъ за войскомъ.
15. Союзъ.
16. Небесное явленіе.
17. Распространенный журналъ.
18. Рѣка въ Европѣ.
19. Созвѣздіе.
20. Часть недѣли.

и затѣмъ буквы найденныхъ словъ разставить въ нижеслѣдующей фигурѣ на мѣстахъ цифръ, соотвѣтствующихъ словамъ въ вышеуказанномъ порядкѣ, но такъ, чтобы получилась фамилія извѣстнаго русскаго писателя и названіе семи изъ его произведеній. Цифры, напечатанныя болѣе крупнымъ шрифтомъ, означаютъ начало фамиліи и названія каждаго произведенія.

5	13	8	7	2	1	13	9	7	2	10



О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Е. И. В. В. К. Михаилъ Николаевичъ и супруга Его В. К. Ольга Ѳеодоровна** (съ портр.) — **„Вольтерьянецъ“.** Историческій романъ конца XVIII вѣка. Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“. **Всеволода Соловьева.** Часть вторая. (Продолженіе). — **Счастливая минута.** Разсказъ. — **Военный отдѣлъ на Всероссійской промышленно-художественной Выставкѣ въ Москвѣ 1882 г.** (съ рис.) — **Уличный торговецъ въ Тифлисѣ** (съ рис.) — **Способъ путешествія по Сванетіи и Абхазіи** (съ рис.) — **Медовый мѣсяцъ** (съ рис.) — **Новыя изобрѣтенія. Пирофонъ** (съ 2 рис.) — **Сенъ-Готардская желѣзная дорога съ птичьяго полета** (съ рис.) — **Таинственная страна.** Очеркъ Кореи. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Игры и задачи (съ рис.) — Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Дозволено цензурою. СПБ. 11 августа 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса. Англ. пр., № 10.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 21 Августа 1882 г.

Цѣна этаго № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

М. И. Богдановичъ.

Русская наука понесла недавно чувствительную потерю. 25-го іюля скончался въ Ораніенбаумѣ, извѣстный военный историкъ, членъ военнаго совѣта, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Модестъ Ивановичъ Богдановичъ.

Модестъ Ивановичъ большую часть своей жизни посвятилъ профессорской и ученой дѣятельности; имя его не только извѣстно его многочисленнымъ ученикамъ и слушателямъ, но и знакомо всякому образованному человѣку, интересующемуся отечественною исторіею и исторіею русскаго оружія. Трудно было бы перечислить все, что было написано покойнымъ. Сочиненій его много, изъ нихъ упомянемъ: „Исторію военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ отъ начала войнъ до настоящаго времени. Часть I. Отъ начала войнъ до паденія западной римской имперіи, изд. 1849 г.; часть II. „Военная исторія среднихъ вѣковъ, изд. 1854 года." „Исторія Отечественной войны 1812 г.," по достовѣрнымъ источникамъ, 3 тома, 1859 г.; „Матеріалы для исторіи войны 1812 г. „Военный Журналъ" 1859 г. ч. IV, к. I: „Исторія войны 1813 г. за независимость Германіи, два тома изд. 1862 г.; „Исторія войны 1814 года во Франціи и низложеніе Наполеона I, по достовѣрнымъ источникамъ, 2 тома 1865 г. „Восточная война 1853-1855 года, 4 тома изданіе 1876 г.; „Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи въ первое 25 тилѣтіе царствованія Императора Александра Николаевича 1855—1880 гг.) 4 тома и мн. др.

М. И. Богдановичъ. † 25 іюля. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Происходя изъ дворянъ Харьковской губерніи, М. И. Богдановичъ родился 26-го августа 1805 года и окончилъ курсъ наукъ въ дворянскомъ полку (нынѣ константиновское военное училище). 4-го іюня 1823 года Модестъ Ивановичъ былъ произведенъ въ прапорщики артиллеріи. Въ январѣ 1831 года, въ чинѣ подпоручика, онъ выступилъ въ Царство Польское, для дѣйствія противъ мятежниковъ. Участвуя въ сраженіи при м. Ваврѣ, въ дѣлахъ подъ Прагою и подъ Граховымъ, подно-

ручикъ Богдановичъ за оказанное мужество былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость.“ Въ сраженія при дер. Рагозницѣ, 17-го августа, онъ получилъ столь сильную контузію ядромъ въ правую ногу, что остался на полѣ сраженія, былъ взятъ мятежниками и находился въ плѣну до 27-го августа. Въ этотъ день онъ явился въ главную квартиру дѣйствующей арміи въ г. Варшаву, откуда и былъ отправленъ въ свою бригаду въ г. Брестъ-Литовскъ.

Произведенный за отличіе въ сраженіяхъ въ поручики (5-го декабря 1832 г.), М. И. Богдановичъ въ ноябрѣ 1833 года поступилъ въ императорскую военную академію (нынѣ николаевская академія генеральнаго штаба), былъ произведенъ за отличіе въ штабсъ-капитаны.

Въ званіи профессора Модестъ Ивановичъ былъ утвержденъ въ февралѣ 1843 г., а въ февралѣ 1847 г. назначенъ членомъ военно-ученаго комитета по отдѣленію генеральнаго штаба. Въ сентябрѣ 1855 г. М. И. Богдановичъ произведенъ въ генералъ-маіоры; въ 1863 году назначенъ состоять въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ членомъ конференціи академіи генеральнаго штаба. Въ апрѣлѣ 1863 года Модестъ Ивановичъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и вслѣдъ затѣмъ зачисленъ членомъ совѣщательнаго комитета главнаго штаба. Назначенный въ 1881 г. членомъ военнаго совѣта, Модестъ Ивановичъ оставался въ этомъ званіи до дня своей кончины, послѣдовавшей на 77 году отъ роду.

Сочиненія М. И. переведены на нѣмецкій языкъ и высоко цѣнятся въ Германіи по достоинству.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XXVI.

Пѣвецъ Фелицы.

Въ тотъ-же вечеръ Ростопчинъ отправился къ Горбатовымъ.

„Какъ-то у нихъ принята новость о судьбѣ, постигшей Зубова“!

„А вѣдь хотя онъ и невозможный человѣкъ, думалъ онъ про Сергѣя, подъѣзжая къ знакомому дому.—а все же пожалуй въ настоящее время онъ чуть-ли не самый счастливый человѣкъ во всемъ Петербургѣ... Очевидно, теперь у него нѣтъ больше никакихъ желаній, получилъ все, ничего не хочетъ... Неужели я никогда не испытаю хоть на нѣсколько дней такое душевное состояніе?! Да нѣтъ, гдѣ намъ. Были вѣдь ужъ хорошія минуты, только проходили черезчуръ скоро... Вѣчно бороться, вѣчно достигать чего нибудь, что нибудь устраивать—такова судьба моя“!..

И онъ никакъ не предполагалъ, что Сергѣй, несмотря на все свое счастье, тоже находилъ въ глубинѣ души своей неудовольствіе. Только его тревоги были иного сорта, его желанія и цѣли не согласовались съ желаніями и цѣлями Ростопчина. А судьба была одинакова, общая судьба всего человѣчества — стремиться, достигать и снова стремиться, быть въ вѣчной погонѣ за неуловимымъ призракомъ, называемымъ душевнымъ удовлетвореніемъ.

Впрочемъ Сергѣй все-же былъ теперь конечно счастливѣе Ростопчина, потому что тотъ помнилъ только минуты счастья, а онъ проводилъ уже цѣлую безмятежную недѣлю. Онъ на время спряталъ и позабылъ всѣ свои душевные запросы, на которые еще не было отвѣта. Онъ отвѣчалъ пока на одинъ изъ этихъ запросовъ, онъ былъ дѣйствительно счастливъ, глядя на Таню и видя что и она счастлива.

Она теперь была совсѣмъ другая. Она въ нѣсколько дней сбросила съ себя все, что ее затуманивало, что мрачило ея свѣтлый образъ. Она будто вернулась назадъ, будто воротила свою первую юность. Въ нѣсколько дней она расцвѣла и еще похорошѣла, хотя казалось трудно похорошѣть такой красавицѣ. Но вѣдь въ ея прежней красотѣ была тоска и тревога, была борьба. Теперь-же въ ней хоть и не замѣчалось безумной радости, но въ каждой ея минѣ, въ каждомъ ея движеніи свѣтилось торжественное, блаженное спокойствіе.

Въ одной изъ самыхъ уютныхъ гостиныхъ Ростопчинъ засталъ молодыхъ хозяевъ и съ ними одного нежданаго для него собесѣдника. Собесѣдникъ этотъ былъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

Ростопчина встрѣтили съ обычнымъ радушіемъ.

— А я къ вамъ съ новостью, тотчасъ началъ онъ.— Вы сегодня не были во дворцѣ, Сергѣй Борисычъ, и навѣрное еще не знаете, что Зубову объявлено, чтобы онъ немедленно выѣзжалъ не только изъ Петербурга, но и изъ Россіи.

— Неужели?! воскликнули въ одинъ голосъ Сергѣй и Таня.

— И я тоже ничего не слыхалъ объ этомъ, прибавилъ Державинъ. Какая-же тому причина?

Ростопчинъ передалъ всѣ подробности.

— Я совершенно согласенъ что послѣ этого ему нельзя болѣе здѣсь оставаться, спокойно проговорилъ Сергѣй, и вполнѣ одобряю сдержанность государя. Онъ очень хорошо сдѣлалъ, что ограничился его высылкой.

— Бываютъ-же такіе счастливые люди, что самые ихъ проступки и недостойный образъ дѣйствій помогаютъ имъ избѣжать полной отвѣтственности и заставляютъ другихъ снисходительно къ нимъ относиться! улыбаясь прибавила Таня.

— Да, Зубовъ одинъ изъ рѣдкихъ счастливцевъ, даже въ своемъ несчастіи, сказалъ Ростопчинъ. Но что-же молчитъ Гавріилъ Романовичъ?

Онъ обернулся къ Державину и пристально и нѣсколько насмѣшливо взглянулъ на него.

— Вѣдь вы, Гавріилъ Романычъ, насколько я знаю, чувствевали къ князю Зубову большое влеченіе. Вы даже воспѣли его въ прекрасныхъ стихахъ вашихъ.

Державинъ не смутился и выдержалъ спокойно насмѣшливый взглядъ Ростопчина.

— Человѣку свойственно ошибаться, пожавъ плечами проговорилъ онъ, и при этомъ человѣкъ существо умѣющее совмѣщать въ себѣ самыя разнородныя свойства. Вы почитаете князя Зубова извергомъ и злодѣемъ, я таковымъ его не почитаю и замѣтьте одно, вы безпристрастно къ нему относиться не можете, быть можетъ потомство найдетъ въ этомъ человѣкѣ что нибудь и хорошее.

— Князь Зубовъ долженъ быть очень счастливъ, что имѣетъ такихъ защитниковъ, сказалъ Ростопчинъ. И такъ, Гавріилъ Романычъ, мы можемъ ожидать въ скоромъ времени появленія новой прекрасной оды, въ которой будетъ воспѣта печальная судьба любимца счастья, низринутаго въ бездну горя?!

— Нѣтъ, оды не будетъ, опять-таки спокойно отвѣтилъ Державинъ.

Но на этотъ разъ спокойствіе поэта было только кажущимся. Ростопчинъ задѣлъ его за живое.

„Когда нибудь и я тебя поймаю, подумалъ онъ.— Зубоскалить легко, а вотъ посмотрѣли-бы мы кому и какія оды сталъ-бы ты писать, кабы только умѣлъ“...

— Впрочемъ, вдругъ оживляясь и сверкнувъ глазами, сказалъ Державинъ,—если вы станете меня подзадоривать, то пожалуй я и напишу оду себѣ на погибель.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вовсе не желаю этого, поспѣшно и съ улыбкой воскликнулъ Ростопчинъ. Я знаю — вы на это способны! Простите-же меня, Гавріилъ Романычъ, я сегодня въ глупомъ настроеніи. Нѣтъ, я серьезно совѣтую вамъ, если только дозволите мнѣ подать совѣтъ... Я совѣтую вамъ не сердить государя — вы и такъ его черезчуръ разсердили.

— Что-же дѣлать, не въ терпежъ стало!

— Но разскажите однако какъ было дѣло. Я полагаю не мнѣ одному, но и нашимъ милымъ хозяевамъ будетъ интересно отъ васъ самихъ узнать эту исторію. А то всегда такъ перепутаютъ у насъ, что совсѣмъ не то выходитъ...

— Я своихъ поступковъ не скрываю, отвѣчалъ Державинъ.—Дѣло происходило самымъ простымъ образомъ. Вамъ хорошо извѣстно, государи мои, что я при первыхъ перемѣнахъ, происшедшихъ при воцареніи государя, оставался по прежнему сенаторомъ и коммерцъ-коллегіи президентомъ. Затѣмъ вдругъ вышелъ указъ о возстановленіи въ прежнихъ правахъ, какъ учреждены были Петромъ Великимъ, всѣхъ государственныхъ коллегій, въ томъ числѣ и коммерцъ-коллегіи. Ожидали, что изъ этого будетъ. И вотъ придворный ѣздовой рано утромъ привозитъ мнѣ отъ государя повелѣніе, чтобы я тотчасъ-же ѣхалъ во дворецъ и велѣлъ ему доложить о себѣ черезъ камердинера. Не медля ни минуты исполняю сіе приказаніе. Пріѣзжаю во дворецъ, часъ ранній, темно еще совсѣмъ. Подождавъ немного, проведенъ былъ въ кабинетъ, государь далъ мнѣ поцѣловать руку, принялъ меня очень милостиво, расхвалилъ превыше заслугъ моихъ и объявилъ, что желаетъ сдѣлать меня правителемъ своего верховнаго совѣта. При этомъ онъ дозволилъ мнѣ къ себѣ входъ во всякое время. Поблагодаривъ государя какъ слѣдуетъ я ждалъ, что онъ меня отпуститъ. А онъ мнѣ и говоритъ:

„Если, что теперь имѣешь сообщить мнѣ то скажи не опасаясь“.

Я отвѣчаю, что радъ служить ему со всею откровенностью, если его величество изволитъ любить правду, какъ любилъ ее Петръ Великій.

— Такъ и сказали?

— Такъ и сказалъ. Да и что-же другое было сказать мнѣ, только вижу — взглянулъ на меня государь такъ, что пронзилъ меня своимъ взоромъ. Однакоже раскланялся милостиво. Я вышелъ. Прошелъ день и вдругъ выходитъ указъ о назначеніи меня не въ правители совѣта, а въ правители канцеляріи совѣта. Я изумился. Вѣдь это двѣ вещи совсѣмъ разныя. Если я правитель совѣта, то могу пропускать и не пропускать рѣшенія, а если правитель канцеляріи, то могу только управлять ею. Недоумѣвая жду, какъ все выяснится. Между тѣмъ сдѣлалъ визиты членамъ совѣта и не скрылъ отъ нихъ что рѣшился попросить у государя инструкцію. Приходитъ день засѣданія совѣта. Я ѣду, но совсѣмъ не знаю какъ мнѣ вести себя: сѣсть-ли за столъ вмѣстѣ съ членами совѣта или садиться мнѣ за столъ правителя канцеляріи. Такъ и промыкался во все время засѣданія—стоя или ходя вокругъ присутствовавшихъ. Затѣмъ, по окончаніи засѣданія, князь Александръ Борисычъ Куракинъ объявляетъ, что когда составится протоколъ о дѣлахъ, о которыхъ разсуждали, то чтобы я оный привезъ къ нему для поднесенія государю. Посудите сами, мое положеніе еще болѣе запутывается. Не мнѣ-ли государь самъ прямо сказалъ, что я имѣю къ нему доступъ со всѣми дѣлами. Вижу окончательную необходимость просить инструкціи. Вотъ и поѣхалъ рано утромъ, до свѣта, во дворецъ, попросилъ Кутайсова доложить. Между тѣмъ за множествомъ дѣлъ меня не приняли; такъ и уѣхалъ я ни съ чѣмъ и вернулся на слѣдующее утро. Принятъ былъ ласково, спрашиваетъ государь:

„Что вы, Гавріилъ Романычъ“?

Я отвѣчаю:

„По волѣ вашей былъ въ совѣтѣ, но не знаю, что мнѣ дѣлать“.

„Какъ не знаете, дѣлайте то, что Самойловъ дѣлалъ“!

— Это было достаточно ясно, замѣтилъ Ростопчинъ.

— Несовсѣмъ ясно, государи мои, ибо вовсе не согласовалось съ тѣмъ, что прежде объявлено было самимъ государемъ. Самойловъ былъ правителемъ канцеляріи и имѣлъ званіе камергера. Я-же, какъ вамъ извѣстно, въ иномъ нѣсколько положеніи и невольно изумился и замѣтилъ государю такъ:

„Не знаю я, дѣлалъ-ли что Самойловъ въ совѣтѣ, никакихъ его бумагъ нѣтъ, а сказывали, что онъ только носилъ государынѣ протоколы. По сему осмѣливаюсь испрашивать для себя инструкціи“.

Между тѣмъ вижу — государь начинаетъ сердиться.

„Хорошо, говоритъ, предоставьте мнѣ“!..

Державинъ остановился. Ростопчинъ и Сергѣй съ нѣкоторымъ изумленіемъ на него взглянули.

— Но это вовсе не то, что мы слышали! въ одинъ голосъ сказали они.

— Я еще не кончилъ. Обсуждая сіе дѣло хладнокровно самъ вижу, государи мои, слѣдовало мнѣ на сей разъ удовольствоваться но я не могъ совладѣть съ собою, чувствуя себя обиженнымъ и прибавилъ:

„Не знаю я, ваше величество, сидѣть ли мнѣ въ Совѣтѣ или стоять?“

Только что я проговорилъ слова эти, государь вздрогнулъ, глаза его блеснули, онъ подбѣжалъ къ двери, отворилъ ее и крикнулъ Архарову, Трощинскому и другимъ, которые были рядомъ въ комнатѣ:

„Слушайте, онъ почитаетъ себя въ Совѣтѣ лишнимъ!“

Затѣмъ обратился ко мнѣ:

„Пойди назадъ въ Сенатъ и сиди тамъ смирно, а то я тебя проучу!“

И вотъ я пошелъ обратно въ Сенатъ и сижу тамъ теперь смирно...“

Таня разсмѣялась, улыбался и Сергѣй, а Ростопчинъ только развелъ руками.

— Вотъ вы смѣетесь, сударыня, жалобно и въ то же время крайне комично, проговорилъ Державинъ, а мнѣ то каково! Повѣрите ли, я съ того самого дня не могу найти себѣ покоя! уже не говоря о томъ, что чувствую обиду, да домашніе мои совсѣмъ меня со свѣту сживаютъ, такъ и пристаютъ: вороти милость себѣ государя! А какъ я ее ворочу? теперь мнѣ во дворецъ и доступа нѣтъ, а коли какимъ нибудь чудомъ меня и пропустятъ, я опять проболтаюсь...

— Вы на себя узду наложите, такъ вѣдь нельзя! сказалъ Ростопчинъ.

— Самъ себѣ, государи мои, то же повторяю, да ничего съ собой подѣлать не могу. Набалованъ покойницей государыней, набалованъ! бывало при ней какъ пробалтывался... Однажды она даже испугалась, кликнула господина Попова и говоритъ ему:

„Сидите здѣсь до конца доклада а то этотъ господинъ совсѣмъ меня съѣстъ. Я то не съѣлъ ее, да и меня она не съѣла... Ну, а теперь времена трудныя для человѣка съ такимъ непослушнымъ языкомъ! Посовѣтуйте, добрые люди, что мнѣ дѣлать? какъ полагаете, Сергѣй Борисычъ?

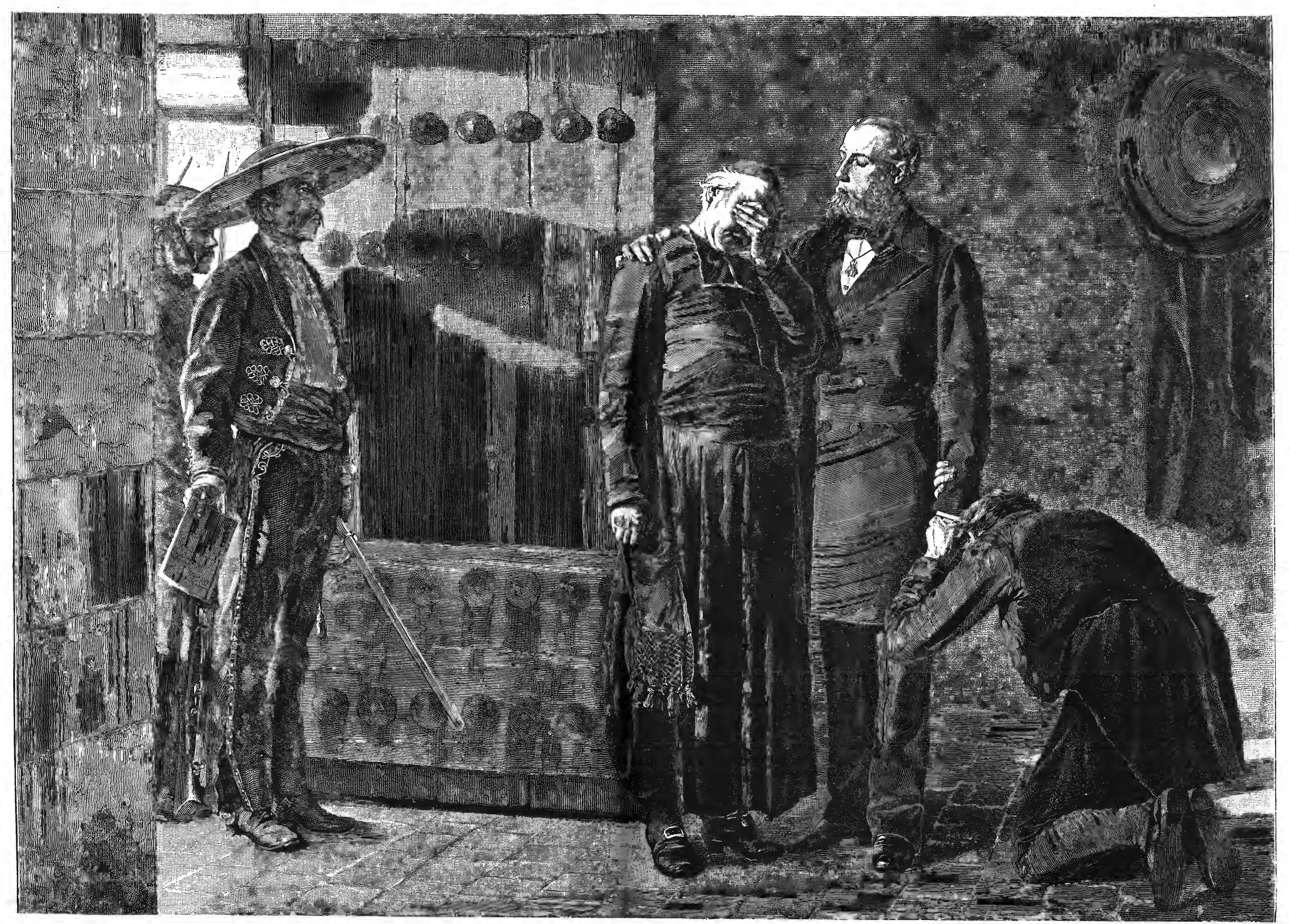
— Мы васъ не выручимъ, смѣясь сказалъ Сергѣй, васъ можетъ выручить только одна ваша Муза.

— Это вѣрно, на нее только вся моя и надежда... Я ужь, по правдѣ сказать, и оду приготовилъ...

— Отлично сдѣлали и, если угодно вамъ, Гавріилъ Романычъ, я выберу удобную минуту да сообщу государю, что готовится новая ода, продолжалъ Ростопчинъ.

— Премного обяжете!

— И я съ своей стороны съ большимъ удовольствіемъ скажу и государю и государынѣ про вашу оду, весело объявила Таня, но съ однимъ уговоромъ, я даромъ



Послѣднія минуты Императора Мексиканскаго Максимиліана. Съ картины Г. Лауренса, грав. Бодъ.

этого не сдѣлаю, да и Федоръ Васильевичъ получитъ отъ меня запрещеніе, если вы не исполните мою просьбу. Прочтите намъ вашу оду первымъ, тогда мы будемъ знать о чемъ говорить.

— Съ самомъ дѣлѣ, Гавріилъ Романычъ, сдѣлайте намъ это великое удовольствіе!

Сергѣй присоединился къ просьбѣ Тани. Ростопчинъ поддержалъ ихъ.

Онъ любилъ хорошіе стихи, да и къ тому же ему было крайне любопытно узнать какъ это Муза станетъ выводить изъ затрудненія своего поэта.

— Моя ода еще не совсѣмъ готова. Я намѣреваюсь выпустить ее въ свѣтъ на новый годъ. Придется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передѣлать и мнѣ не хотѣлось бы показать ее вамъ въ ея утреннемъ туалетѣ. Но если вы непремѣнно требуете... впрочемъ, оно и хорошо, можетъ быть, вы удостоите меня нѣкоторыми замѣчаніями, которыя я пріиму къ свѣдѣнію.

Глаза его блеснули, онъ откинулъ голову, нѣсколько мгновеній сидѣлъ неподвижно, глядя куда то далеко передъ собою и очевидно забывая окружающее.

И вдругъ звучнымъ голосомъ онъ началъ:

Занесъ послѣдній шагъ—и, въ вѣчность
Ступя, сокрылся прошлый годъ;
Пожрала мрачна неизвѣстность
Его стремленье, быстрый ходъ.
Гдѣ ризы свѣтлы, златозарны,
Гдѣ взоры голубыхъ очесъ?
Гдѣ вѣкъ Екатерины славный?
Ужь нѣтъ ихъ!—въ высотѣ небесъ
Явился Новый Годъ намъ въ мірѣ
И Павелъ въ блещущей порфирѣ...

Онъ остановился на мгновеніе.

— Начало прекрасно! прошептали слушатели.

Между тѣмъ поэтъ уже продолжалъ своими звучными, образными стихами. Онъ перечислялъ благія дѣянія и начинанія Павла: онъ выбиралъ и указывалъ именно на то, что было всего ближе сердцу государя. Онъ очевидно понималъ то, къ чему стремился Павелъ.

Голосъ поэта звенѣлъ, онъ воодушевлялся больше и больше. Онъ рисовалъ широкую, блаженную картину, которая такъ долго, такъ заманчиво грезилась Павлу, которая манила его, на осуществленіе которой онъ надѣялся и въ этой надеждѣ напрягалъ всѣ свои силы...

Затѣмъ поэтъ переходилъ въ глубину души государя и ясно видѣлъ въ ней тѣ свойства, которыя, несмотря на ихъ дѣйствительное существованіе, были малю кому вѣдомы:

По долгу строгъ и правосуденъ,
Но нѣженъ, милостивъ душей,
На казнь жестоку медленъ, труденъ,
Ждетъ исправленія людей!
Виновныхъ милуетъ, прощаетъ,
Несчастныхъ слезы отираетъ,
Покоемъ жертвуетъ драгимъ,
Участвовать въ трудахъ супругѣ
И сыновьямъ велитъ своимъ;
Чистосердечья ищетъ въ другѣ,
Блаженствомъ общимъ дорожитъ,
Народной спеснѣшая льготѣ.
По доблести и по щедротѣ
Аврелій зрится въ немъ и Титъ...

Стихъ лился и вотъ завершился послѣднимъ, сильнымъ аккордомъ:

А ты, о вождь полковъ нетлѣнныхъ
Летѣлъ что средь небесныхъ силъ
Ко дню твоихъ торжествъ священныхъ
Какъ Павелъ на престолъ входилъ! *)
Храня его твоей рукою,
Временъ впредь цѣпью золотою
Крылаты годы сопряги;
Веди ихъ всѣхъ цвѣтовъ стезями
И счастье Россовъ береги,
Да съ вѣрными себѣ сынами
Отецъ нашъ ввѣкъ не узритъ зла;
Но брань ли взникнетъ, иль коварство,
Вкругъ облесни мечемъ ты царство,—
И ихъ слѣды покроетъ мгла!

Державинъ остановился.

— Великолѣпно! Какая сила! воскликнули Сергѣй и Таня.

А Ростопчинъ прибавилъ:

— Да, еслибы государь былъ здѣсь и выслушалъ эту оду, навѣрно всѣ ваши тревоги окончились бы и непріятное требованіе инструкціи было бы забыто. Вы можете успокоиться, Гавріилъ Романычъ, Муза васъ выручитъ, я вамъ отвѣчаю за это.

— Но теперь я жду вашихъ замѣчаній, сказалъ Державинъ,—не откажите мнѣ въ нихъ, мнѣ хотѣлось бы чтобы эта ода была какъ можно удачнѣе.

— Во всякомъ случаѣ не мы станемъ исправлять ее, отвѣтилъ Сергѣй. Что касается до меня, я нахожу ее превосходной, къ тому же вы такъ прекрасно прочли. Я слышалъ музыку, она произвела на меня сильное впечатлѣніе. Я слышалъ очень вѣрное опредѣленіе характера государя, его стремленій и во всякомъ случаѣ у меня осталось представленіе о прекрасномъ цѣломъ. Когда я самъ прочту, быть можетъ мнѣ и покажется, что какой нибудь стихъ измѣнить надо. Но вѣдь съ вами нѣтъ рукописи?..

— Рукописи нѣтъ. А вы, сударыня, не имѣете ли мнѣ сдѣлать какое нибудь замѣчаніе? обратился Державинъ къ Танѣ.

— Имѣю. Я много порадовалась, что вы понимаете государя именно такъ, какъ я его понимаю; но для полноты и вѣрности у васъ не достаетъ одной черты.

— Пожалуйста скажите, это любопытно.

— Вы не указали на присутствіе чего то высшаго и таинственнаго въ жизни государя. А между тѣмъ безъ этого онъ не можетъ быть вполнѣ объясненъ.

— Вы правы, сударыня, но я считаю неумѣстнымъ касаться этой черты въ стихахъ моихъ.

— Жаль, образъ не полный, настаивала Таня. Мнѣ еще недалѣе какъ сегодня,—я утромъ была у государыни,—разсказали новую необъяснимую исторію... Федоръ Васильевичъ, вы конечно знаете о чемъ я говорю?

— Вѣроятно о Михайловскомъ дворцѣ?

— Да, конечно. Мнѣ разсказала это сама императрица.

— Объясните пожалуйста, что это такое? спросилъ Державинъ.—Я что то слышалъ...

— Лѣтній дворецъ на Фонтанкѣ, построенный еще Петромъ Великимъ, вдругъ обратилъ на себя вниманіе государя и онъ повелѣлъ наименовать его Михайловскимъ. Говорятъ что солдатъ, стоявшій на часахъ у этого дворца, приходилъ къ государю, что-то сообщилъ ему и государь былъ очень взволнованъ. Что же означаетъ эта загадка?

— Загадка и остается загадкой, сказала Таня. Караульный солдатъ дѣйствительно пришелъ къ государю и разсказалъ, что недавно, въ глухую полночь, когда онъ стоялъ на часахъ, къ нему подошелъ почтеннаго и важнаго вида старецъ и повелѣлъ ему идти къ государю.

„Скажи ему, говорилъ старецъ, чтобы онъ велѣлъ немедленно на этомъ мѣстѣ воздвигнуть храмъ во имя Николая Чудотворца съ придѣломъ Михаила Архангела.“

Часовой, пораженный видомъ старца, смутился, не зналъ, что дѣлать. Наконецъ нѣсколько придя въ себя отвѣтилъ:

„Какъ же могу я исполнить такое повелѣніе, какъ отважусь подступить къ государю съ такими словами?—вѣдь я буду за это жестоко наказанъ!“

„Не опасайся ничего, сказалъ старецъ,—никакого зла тебѣ за это не будетъ и ты только напомни объ этомъ государю—онъ уже самъ все знаетъ. Прибавь, что я по-

*) Здѣсь Державинъ подразумѣвалъ Архангела Михаила.

ручилъ передать ему, что увижу его черезъ тридцать лѣтъ снова.“

И вдругъ, сказавъ это, старецъ исчезъ. Солдатъ увѣряетъ, что еслибы это былъ обыкновенный человѣкъ, то онъ не могъ бы такъ исчезнуть. И что же бы вы думали! солдатъ, несмотря на весь страхъ свой, влекомый будто невѣдомой силой, явился во дворецъ, заставилъ доложить о себѣ государю и разсказалъ ему слово въ слово свою бесѣду со старцемъ. Государь выслушалъ внимательно, задумчиво, и проговорилъ:

„Спасибо что исполнилъ данное тебѣ приказаніе. Да, я все это уже знаю!“

И вотъ древній дворецъ велѣно ломать, а на его мѣстѣ заложена церковь во имя Николая чудотворца съ придѣломъ Архангела Михаила. Теперь государь приказалъ представить ему проектъ новаго дворца. Государыня слышала отъ него, что къ постройкѣ дворца будетъ приступлено одновременно съ постройкою церкви, которая будетъ въ связи съ дворцомъ. Вотъ все что я знаю...

— Да, странное происшествіе! промолвилъ Державинъ,—загадка остается загадкой, рѣшить се можетъ только государь.

— Но онъ молчитъ и отказывается сообщить что либо даже Государынѣ.

Они перешли къ разсказамъ о другихъ таинственныхъ случаяхъ въ жизни Павла. Этихъ случаевъ было очень много.

— Конечно это знаменательная черта, но все же мнѣ нечего ея касаться, говорилъ Державинъ;—какъ знать, быть можетъ и онъ самъ былъ бы недоволенъ еслибы я коснулся...

— Однимъ словомъ—ваша Муза владѣетъ своимъ языкомъ лучше чѣмъ вы! не утерпѣлъ Ростопчинъ.

XXVII.

Мелочи.

Муза не измѣнила своему поэту и еще разъ выручила Гаврiила Романовича. Его ода на новый 1797 годъ, о которой государь уже заранѣе слышалъ отъ Тани и Ростопчина, произвела самое лучшее впечатлѣніе. Державину былъ снова разрѣшенъ пріѣздъ ко двору и „входъ за кавалергардовъ.“

Государь обратился къ нему ласково, поблагодарилъ за оду.

— Твоими бы устами да медъ пить, Гаврила Романовичъ, сказалъ онъ ему. Но все же я долженъ сказать тебѣ, что ты большой льстецъ, прибавилъ онъ съ улыбкой. Ты придалъ мнѣ много такихъ качествъ, которыхъ, быть можетъ во мнѣ и нѣтъ вовсе, ты изобразилъ уже исполненнымъ многое такое, объ исполненіи чего я пока только еще мечтаю, ты ни словомъ не заикнулся о моихъ недостаткахъ, а вѣдь я грѣшный человѣкъ, и „отъ юности моея мнози борятъ мя страсти...“

Державинъ вспыхнулъ и смѣло взглянулъ въ глаза государю.

— Льстецомъ я никогда не былъ, ваше величество, твердымъ голосомъ проговорилъ онъ.—и тому не мало могу привести доказательствъ. Люблю правду и готовъ умереть за нее; писалъ мою оду, подъятый вдохновеніемъ и то, что писалъ—видѣлъ передъ собою и вѣрю, что коли ваше величество приложите стараніе, то и неисполненное еще, о чемъ говорить изволите, будетъ въ скорости исполнено... А о недостаткахъ вашихъ мнѣ говорить не приходилось—вы сами ихъ знаете и нечего указывать на нихъ всѣмъ и каждому. Къ тому же, государь, главнѣйшее мое оправданіе въ томъ, что у піитическаго искуства есть свои законы и противно симъ законамъ хвалебную торжественную оду смѣшивать съ сатирою.

— Твоя правда, продолжая улыбаться отвѣтилъ Павелъ Петровичъ,—но въ такомъ случаѣ я буду ждать теперь твоей сатиры.

— Не чувствую на сіе вдохновенія, ваше величество, и уповаю, что прежде чѣмъ таковое вдохновеніе во мнѣ явится, вы сами, силою своей воли, которую такъ блистательно проявляете, избавитесь отъ вашихъ недостатковъ.

— Тебя не переспоришь! Ну, еще разъ спасибо!

Государь пожалъ ему руку и отошелъ отъ него.

— День на день не приходится, подумалъ Державинъ,—вѣдь вотъ такъ и ждалъ, что еще неуспѣвъ поправить свое дѣло снова его испорчу, анъ нѣтъ! Съ нимъ говорить можно, въ немъ воистину есть высокія свойства. Отчего это такой страхъ онъ на всѣхъ нагоняетъ? Отчего это всѣмъ почти нынѣ тяжело дышется? Онъ добръ и благороденъ, у него великія и благія начинанія, а всѣмъ тягостно—какая тому причина?..“

По современнику, даже и такому какимъ былъ Державинъ, трудно было уяснить себѣ эту причину...

Дни, недѣли проходили. Петербургъ все больше и больше измѣнялся, толковали о всевозможныхъ стѣсненіяхъ. Многіе уѣзжали изъ столицы по своимъ помѣстьямъ, или въ иные города, шопотомъ объясняя свой отъѣздъ страхомъ.

„Жить нельзя нынче! такія пошли строгости и что ни день то хуже... и чѣмъ только все это кончится?! Нѣтъ, лучше отъ грѣха подальше, пока еще время,—не то ни за что ни про что пропадешь!..“

Но это были только слова—покуда еще не пропалъ никто, за исключеніемъ нѣкоторыхъ проворовавшихся и уличенныхъ въ самыхъ возмутительныхъ злоупотребленіяхъ чиновниковъ и сановниковъ, которые были отрѣшены отъ должностей своихъ и высланы.

Стѣсненій дѣйствительно оказывалось много, но всѣ эти стѣсненія относились къ лавочникамъ-купцамъ, магазинщикамъ, буквально грабившимъ покупателей, да къ разнузданной молодежи, которой опасно было теперь превращать ночь въ день и безчинствовать.

Обращая вниманіе на все, государь обратилъ вниманіе и на пьянство, отъ котораго совсѣмъ пропадали многіе молодые люди и по преимуществу служившіе въ гвардейскихъ полкахъ.

Въ одну изъ своихъ послѣобѣденныхъ поѣздокъ по городу государь вдругъ нежданно приказалъ кучеру везти его въ очень хорошо извѣстный всему Петербургу трактиръ „Очаковъ,“ бывшій притономъ разгульной молодежи.

Онъ вошелъ въ этотъ трактиръ и засталъ въ немъ много гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ и иныхъ молодыхъ людей. Кутежъ стоялъ въ полномъ разгарѣ; иные были совсѣмъ ужъ пьяны. Изъ дальнихъ комнатъ доносились звуки музыкальныхъ инструментовъ; тамъ находились арфистки—главнѣйшая приманка всей этой молодежи.

Но государь даже не заглянулъ въ эти дальнія комнаты. Онъ всю жизнь чувствовалъ отвращеніе къ подобному распутству. Онъ сдержалъ гнѣвъ свой и обратился спокойнымъ тономъ къ молодежи, которая затихла и окаменѣла при его появленіи. Даже у тѣхъ, кто былъ совсѣмъ пьянъ—хмѣль соскочилъ. Всѣ съ ужасомъ глядѣли на государя, считая себя погибшими.

— Не стыдно ли вамъ, господа, сказалъ государь.—такъ недостойно препровождать свое время! вѣдь у каждаго изъ васъ есть обязанности и во всякомъ случаѣ вы легко можете наполнить вашъ день чѣмъ нибудь лучшимъ и полезнѣйшимъ. Одумайтесь, ради васъ же самихъ и вашей же собственной пользы откажитесь отъ пьянства и распутства пока есть еще время—не то пропадёте. Неужели не видите вы той бездны, въ которую стремитесь?! Вы уничтожаете ваши молодыя силы, портите себѣ здоровье, приготовляете себѣ раннюю и болѣзненную старость, приближаете себя къ могилѣ. При этомъ вы проматываете всѣ свои средства, раззоряете себя и вашихъ родителей. И сами не замѣтите

какъ потеряете разумъ и станете буянами и негодниками. Одумайтесь, господа, изъ желанія вамъ пользы и добра совѣтую вамъ это!..

Онъ повернулся и приказалъ позвать къ себѣ содержателя трактира. Тотъ такъ перетрусилъ, что забился гдѣ то въ уголъ и хотѣлъ скрыться, но это оказалось невозможнымъ. Онъ поневолѣ долженъ былъ выйти, ожидая что тотчасъ же его схватятъ и казнятъ.

Но и къ нему обратился государь не возвышая голоса.

— Подай мнѣ подробную роспись всего, что у тебя продается всѣхъ спиртныхъ напитковъ и винъ и скажи,— только смотри, безъ утайки!—тѣ цѣны, которыя ты за нихъ берешь!

Пришлось подать роспись съ обозначенными цѣнами. Государь проглядѣлъ ее и ужаснулся необыкновенно высокимъ цѣнамъ.

— Ты грабитель, сказалъ онъ трактирщику и не прибавивъ ни слова, вышелъ.

Но тутъ онъ подозвалъ оказавшагося уже у трактира квартальнаго.

— Слушай, сказалъ онъ ему,—сегодня же обери здѣсь всѣ напитки какіе только окажутся въ наличности, представь ихъ списокъ по начальству, я прикажу выплатить трактирщику все, что они стоятъ, а затѣмъ чтобы всѣ бутылки были перебиты и чтобы завтра не существовало этого трактира!

Онъ сѣлъ въ сани и продолжалъ свою прогулку. Онъ думалъ:

„Опять начнутся вопли, опять станутъ прославлять меня мучителемъ, но вѣдь поймутъ же наконецъ что я не хочу никого мучить... Очнутся многіе изъ тѣхъ, кто не совсѣмъ еще погибъ и когда нибудь поблагодарятъ меня, а я долженъ дѣлать свое дѣло!..“

Онъ ѣхалъ грустный и задумчивый, но все же не забывалъ отвѣчать на право и на лѣво на обращенные къ нему поклоны. Прохожіе завидя его останавливались, снимали шапки и низко кланялись. Проѣзжавшіе въ экипажахъ останавливали своихъ кучеровъ вылѣзали изъ экипажей для того чтобы поклониться, даже дамы растворяли дверцы кареты и ступали на подножку. Такъ приказано было петербургскимъ жителямъ черезъ господина Архарова.

Вотъ какой то франтъ, закутанный въ длинную шубу, съ трудомъ выбрался изъ подъ полости своихъ саней. Шуба распахнулась,—франтъ оказался въ шелковыхъ тонкихъ чулкахъ и красивыхъ лакированныхъ башмакахъ.

Государь приказалъ ѣхать тише, обернулся и смотрѣлъ какъ франтъ отряхиваетъ снѣгъ со своихъ башмачковъ, усаживается въ сани и закутываетъ себѣ ноги.

— Вотъ должно быть бранится про себя! Ничего! Какъ разъ десятокъ встрѣтится со мною да попортитъ свои башмачки и чулочки, ознобитъ свои ноги, авось броситъ носить эти шелковые заграничные чулочки, за которые платятся и уплываютъ въ чужія руки русскіе червонцы, авось пойметъ, что во сто кратъ лучше обзавестись удобными теплыми ботфортами. Какъ надѣнутъ болѣе простое удобное платье изъ русскаго матеріала, тогда я отмѣню приказаніе выходить при встрѣчѣ со мной изъ экипажа.

Но онъ не замѣчалъ, что слишкомъ долго думаетъ объ этихъ вещахъ, которыя во всякомъ случаѣ оказывались мелочью въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ ему предстояло думать и къ достиженію чего были направлены его главныя стремленія. Онъ не замѣчалъ, что съ каждымъ днемъ крупное и мелочное начинаетъ смѣшиваться въ его мысли и чувствѣ, не замѣчалъ, что его вѣчно возбужденные, напряженные нервы мѣшаютъ ему отличать существенное отъ второстепеннаго.

Онъ спѣшилъ теперь во дворецъ, гдѣ ждали его важныя государственныя дѣла, но мелочность начинала его преслѣдовать.

Подъѣхавъ ко дворцу и остановившись на крыльцѣ, онъ обратилъ вниманіе на такую странность: ѣдетъ вдали карета, вдругъ нѣсколько полицейскихъ солдатъ кидаются къ ней, кричатъ что-то кучеру, заставляютъ его остановиться, хватаютъ лошадей подъ уздцы. Кучеръ, перепуганный, очевидно ничего не понимающій, останавливается, солдаты карабкаются на козлы, снимаютъ съ него шапку, грозятъ ему. Наконецъ экипажъ трогается; кучеръ безъ шапки.

Государь подозвалъ караульнаго офицера.

— Что это значитъ? спросилъ онъ. Ты видѣлъ?

— Точно такъ, ваше величество. Кучеръ при въѣздѣ на дворцовую площадь не снялъ шапки и полицейскіе должны были заставить его это сдѣлать въ силу приказа вашего императорскаго величества,

— Что за вздоръ! Когда я отдавалъ такой приказъ? крикнулъ Павелъ Петровичъ, весь багровѣя. Когда я отдавалъ такой приказъ! повторилъ онъ, подступая къ оторопѣвшему офицеру.

— Не могу знать ваше императорское величество! едва ворочая языкомъ пролепеталъ тотъ, мнѣ извѣстно только что вышелъ такой наказъ отъ господина Архарова и я полагалъ, что такова воля вашего величества.

— Напрасно полагалъ. Я не люблю невѣжливости, мнѣ не нравится когда при встрѣчѣ со мною не кланяются и не снимаютъ шапокъ. Не для себя я требую почтенія — мнѣ его не нужно; почтеніе должно оказываться не мнѣ, а моему сану. А это что за вздоръ. Кучеръ не можетъ кланяться когда правитъ лошадьми и чему же онъ будетъ кланяться.! Стѣнамъ дворца.! Да развѣ мой дворецъ — храмъ Божій?... Слышишь, бѣги и объяви этимъ полицейскимъ мой приказъ, чтобы кучера не снимали шапокъ, проѣзжая по дворцовой площади.

— Слушаю, ваше императорское величество!

Офицеръ сломя голову побѣжалъ черезъ площадь, а государь вошелъ во дворецъ раздосадованный.

Но на слѣдующій день ему пришлось досадовать еще больше. Онъ случайно подошелъ къ окну, выходившему на площадь, и увидѣлъ такую сцену: ѣдетъ карета, кучеръ еще издали, забирая возжи въ одну руку, съ трудомъ снимаетъ съ себя зимнюю нахлобученную шапку; вдругъ полицейскіе останавливаютъ карету, накидываются на кучера. Тотъ очевидно объясняетъ имъ что-то, но вотъ одинъ изъ полицейскихъ ударилъ его, другой схватилъ шапку и силою надѣлъ на него. Оказалось, что приказъ не въ мѣру усерднаго Архарова былъ извѣстенъ уже всѣмъ въ городѣ: кучерамъ строго на строго было наказано снимать шапки, едва они издали увидятъ Зимній дворецъ—теперь нужно было заставлять ихъ надѣвать шапки и подобныя сцены продолжались втеченіи нѣсколькихъ дней.

— Да что-жь это, въ насмѣшку надо мною все дѣлается? волновался государь. Всѣ согласились искажать смыслъ моихъ желаній! Чтобы я не видѣлъ подобныхъ сценъ! Чтобы не было передо мной этого безобразія!

Кругомъ всѣ молчали, дрожали, терялись. Его гнѣвъ дѣйствовалъ на всѣхъ какимъ-то особеннымъ образомъ. Самые разсудительные теряли разсудокъ при рѣзкихъ звукахъ его раздраженнаго голоса, при горящемъ взглядѣ глазъ его. Это было что-то фатальное. Но онъ не зналъ такого печальнаго свойства своей наружности, онъ зналъ только одно, что ему мѣшаютъ работать когда столько работы. Въ иныя минуты онъ начиналъ доходить до отчаянія.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Въ галлереѣ предковъ. Съ картины Г. Эверса, грав. Бренд'Амуръ.

Джильда.

Разсказъ **Луизы Саредо.**

I.

Мы въ первый разъ совершили объѣздъ вокругъ Лаго-Маджіоре; намъ уже были знакомы главныя мѣста остановокъ на этихъ очаровательныхъ берегахъ и у моей Лины явилось желаніе посѣтить болѣе глухія мѣстечки, которыя обыкновенно остаются незамѣченными. Ея желанія для меня законъ, а потому, возвращаясь изъ Лукарно, мы остановились и сошли въ Канеро, куда Лину привлекали развалины двухъ замковъ и воспоминанія о двухъ братьяхъ разбойникахъ Матцарда, которые, думала она, еще живы въ этой сторонѣ.

Но оказалось, что никто уже не помнилъ объ этихъ минувшихъ ужасахъ; два островка, вблизи Канеро, населены мирными рыбаками, которые совсѣмъ даже не знаютъ, что это за развалины въ ихъ сосѣдствѣ. Въ заключеніе наше пристанище оказалось далеко не презентабельно. Предвидя всѣ эти разочарованія, я былъ непрочь изъ подтишка посмѣяться: но было не до шутокъ, приходилось искать сносный ночлегъ, такъ какъ пароходъ совершилъ послѣдній рейсъ и могъ вернуться только на другой день утромъ.

Всего мѣсяцъ какъ я женился и опасался малѣйшаго неудобства для моей нѣжной подруги, а жалкій видъ гостинницы, въ которой мы остановились, предсказывалъ намъ непріятную ночь. Мнѣ пришла мысль (иногда у меня бываютъ такія несчастныя мысли), переправиться на лодкѣ до мѣстечка Луино, лежащаго какъ разъ напротивъ Канеро, на противуположномъ берегу озера; въ Луино, какъ извѣстно, живутъ очень удобно и я всегда вспоминалъ чудные часы, проведенные нами тамъ за нѣсколько дней передъ этимъ.

Мысль моя понравилась Линѣ. Сказано, сдѣлано; мы тотчасъ обратились къ хозяину гостинницы съ просьбой достать намъ лодку для переправы въ Луино; хозяинъ нѣсколько холодно отвѣтилъ, что хотя это возможно, но довольно затруднительно; однако видя наше сильное желаніе и надѣясь на хорошее вознагражденіе, просилъ насъ обождать пока сходитъ узнать, кто можетъ дать достаточно крѣпкую и приличную лодку, чтобы господамъ совершить переправу.

Хозяинъ пропадалъ довольно таки долго и мы почти уже рѣшились ночевать въ Канеро, какъ вдругъ онъ вернулся и попросилъ насъ слѣдовать за нимъ—онъ нашелъ то, что намъ нужно. Прошедши почти все мѣстечко, мы достигли небольшой хижины, стоящей почти одиноко на берегу озера. Женщины приняли насъ вѣжливо и старшая, очевидно мать семейства, сказала намъ, что позоветъ своего мужа и что лодка сейчасъ будетъ готова. Пока она намъ предложила сѣсть на скамеечку и полюбоваться видомъ озера; больше ей нечего было намъ предложить. Сверхъ своихъ многочисленныхъ талантовъ моя Лина еще обладала артистической натурой. Прекрасный видъ, красивое лицо легко приводили ее въ восторгъ; она очень мило рисовала; я внимательно слушалъ ея замѣчанія о нѣкоторыхъ особенностяхъ ландшафта, разстилавшагося передъ нами, которыя иначе ускользнули бы отъ моего взгляда; налюбовавшись вдоволь видомъ, она вдругъ перенесла взоръ на нашу хозяйку, скромно стоявшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ и наклонилась ко мнѣ шепча:

— Смотри, какъ она хороша!

Я, признаться, даже не взглянулъ на нее; я сталъ равнодушенъ ко всѣмъ женщинамъ съ тѣхъ поръ, какъ обладалъ Линой: изъ любезности я обернулся и увидѣлъ, что стоявшая тутъ неподвижно дѣвушка была дѣйствительно хороша той классической красотою, которой мы восторгаемся въ статуяхъ; ея члены крѣпкіе, но стройные и соразмѣрные, казались выточенными изъ мрамора, а черты лица имѣли что-то схожее со старинным камеемъ. Хотя подобный родъ красоты мало производилъ на меня впечатлѣнія, однако я понялъ внезапный восторгъ моей милой артистки и, чтобъ удовлетворить ее, сказалъ что она вполнѣ права.

— Сейчасъ же нарисую ее, сказала она тотчасъ съ живостью.

И вынувъ маленькій альбомъ, который всегда носила съ собою, она съ рвеніемъ принялась за работу. Не умѣя нарисовать даже носа, я залюбовался не столько красотою модели, сколько легкостью, съ которою черты крестьянки воспроизводились на бумагѣ; дѣвушка тоже замѣтила, что на нее смотрятъ пристально; сначала она покраснѣла а потомъ робко подошла, стараясь увидать что дѣлается.

Кончивъ, Лина показала ей рисунокъ; тогда сложивъ руки, съ удивленіемъ она воскликнула:

— Да это я!

Опредѣленіе было совершенно вѣрно; случайный рисунокъ, далеко не законченный, замѣчательно вѣрно воспроизводилъ лице и бюстъ крестьянки: художница была довольна и отвѣтила съ полу-улыбкой:

— Кажется.

Однако она взяла назадъ рисунокъ, что видимо не понравилось модели, лицо которой изобразило полное разочарованіе.

— Ты желаешь имѣть рисунокъ? сказала Лина шутливо, позволь ужь мнѣ оставить его у себя; а то ты, безъ сомнѣнія, подаришь его своему милому.

Вмѣсто всякаго отвѣта дѣвушка грустно опустила глаза и отошла на нѣсколько шаговъ видимо оскорбленная. Доброе сердце Лины было тотчасъ тронуто.

— Вотъ что, сказала она, дай мнѣ только сдѣлать копію, а потомъ я его отдамъ тебѣ; надѣюсь, что твой вздыхатель не будетъ очень требователенъ; я буду рисовать теперь же въ лодкѣ и отдамъ твоему отцу, который и привезетъ его тебѣ.

— Нѣтъ, не надо, синьора, не извольте безпокоиться, отвѣчала дѣвушка.

— А, ты хочешь сказать, что твой отецъ не знаетъ о твоемъ миломъ и что тебѣ не интересно имѣть портретъ если не можешь подарить его кое-кому, не такъ ли, сказала Лина со своей обычной живостью, полной граціи.

— О, довольно синьора, умоляю васъ. Вотъ идетъ отецъ мой! сказала бѣдная дѣвушка, въ испугѣ выглянувъ въ дверь.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжала ея мать, говоря:

— Скорѣе, Джильда, приготовь закуску; Сандро тоже идетъ сюда.

Джильда повиновалась, а мать тотчасъ съ живостью стала намъ говорить, что мы останемся довольны ея Джіанни, что онъ отличный лодочникъ и т. д., мы слушали ее разсѣянно; Лина занялась убираніемъ въ ящичекъ своихъ рисовальныхъ принадлежностей, а я смотрѣлъ на двухъ приближавшихся къ хижинѣ мущинъ.

Джіанни былъ высокій и статный рыбакъ, черный какъ бедуинъ, и съ глазами, которыхъ блескъ замѣтенъ былъ издали; другой сильный юноша въ мундирѣ таможеннаго досмотрщика; послѣдній говорилъ съ большимъ оживленіемъ и казалось старался убѣдить своего товарища въ чемъ-то важномъ; вошедши они еще остановились передъ дверью, не замѣчая бывшихъ въ домѣ. Наконецъ вмѣсто того чтобы войти вмѣстѣ, они разстались на самомъ порогѣ, послѣ словъ рыбака:

— И такъ, это рѣшено, Сандро.

Пока они разговаривали, женщина объяснила мнѣ, что Сандро ея старшій сынъ, бывшій солдатъ,—нынѣ же служащій въ таможенномъ отрядѣ.

— Онъ гроза контрабандистовъ, прибавила она полугордо, полунедовольно (ибо контрабанда въ этихъ пограничныхъ мѣстечкахъ заразительна; всякій болѣе или менѣе старается надуть правительство).—Но Сандро знаетъ только свой долгъ и вѣроятно ему предстоитъ что нибудь важное, ибо у него такой озабоченный видъ.

Мнѣ молодой досмотрщикъ показался угрюмымъ, а когда вошелъ Джіанни и жена его спросила, отчего ихъ сынъ не пришелъ ужинать, онъ только съ неудовольствіемъ пожалъ плечами и усѣлся за простой столъ, на которомъ Джильда уже приготовила незатѣйливую закуску. Нѣсколько раздосадованный проволочками я снова повторилъ просьбу перевезти насъ на лодкѣ до Луино и такъ какъ предложилъ хорошее вознагражденіе, то Джіанни поспѣшилъ отвѣтить, что лодка сейчасъ будетъ.

Пока же ея все не было видно; въ ожиданіи мы съ Линой облокотились на окно и стали разговаривать, какъ вдругъ громкій споръ заставилъ насъ повернуть головы и обратить вниманіе на происходившее внутри комнаты. Джіанни поднялся съ угрожающимъ видомъ и передъ нимъ дочь его стуча объ полъ ногами, восклицала:

— Это неправда! Это Сандро все видитъ такъ потому, что его подбиваетъ его товарищъ, который за мной ухаживаетъ: но я не хочу за Маттео; никогда не выйду замужъ за досмотрщика.

— Ты также не выйдешь и за контрабандиста, клянусь! закричалъ въ бѣшенствѣ отецъ.

— Это вздоръ что Джуліо занимается контрабандой, отвѣчала дѣвушка; онъ никогда не уходитъ изъ мѣстечка; онъ торговецъ и больше ничего.

— А это въ здѣшнемъ мѣстечкѣ онъ находитъ такія бездѣлушки для подарка своей милой: сказалъ отецъ неожиданно, протянувъ руку къ шеѣ молодой дѣвушки и вытаскивая серебряное ожерелье, которое она носила спрятаннымъ подъ шелковымъ платочкомъ яркаго цвѣта; мнѣ говорили что онъ тебѣ дѣлаетъ богатые подарки но я не хотѣлъ этому вѣрить; а мать у тебя глупѣе курицы.

Джильда защищала свое серебряное ожерелье, мать же приблизилась, уперевъ руки въ бокъ и восклицая:

— Я ничего не знаю: что мнѣ за дѣло! Дѣвушка уже не маленькая—можетъ сама избрать себѣ кого хочетъ, не такъ ли поступали и мы? Да впрочемъ Джуліо и хорошая партія, не вижу въ немъ ничего дурнаго.

— А я знаю кое-что о немъ, сказалъ отецъ, сильно ударивъ кулакомъ объ столъ. Не сегодня—завтра его арестуютъ, тогда посмотримъ—будетъ ли это хорошая партія.

— Арестуютъ! За что? вскричала дѣвушка, скажи мнѣ все; съ тѣхъ поръ какъ Сандро сдѣлался досмотрщикомъ, нѣтъ ни минуты покоя; всѣ въ деревнѣ дурно смотрятъ на насъ.

Глупая ссора порядочно мнѣ надоѣла, тѣмъ болѣе, что я замѣтилъ что Лина стала волноваться и страдать какъ это часто бывало съ ней, при видѣ чего нибудь, что было не въ нашей власти уладить; и я не стѣсняясь высказалъ свое неудовольствіе, говоря что теперь намъ не нужно болѣе лодки, что ужь поздно и все равно остаться ночевать въ Канеро. Корыстолюбіе пробудилось въ строгомъ Джіанни и онъ, оттолкнувъ стоявшихъ возлѣ него женщинъ, подобострастно подошелъ къ намъ.

— Надо было время достать лодку, сказалъ онъ; я не могу всегда держать ее передъ носомъ. Лодка не совсѣмъ моя, принадлежитъ такъ же и его куму, но лучше ея не найти во всемъ мѣстечкѣ; впрочемъ, лодка идетъ; уже слышны удары веселъ.

Еслибъ я въ эту минуту не увидалъ плывущую къ намъ лодку, то, вѣроятно, нашелъ бы возможность отказаться, но видъ ея успокоилъ меня и я подалъ руку Линѣ.

Когда Джіанни опередилъ насъ, она еще разъ оставила меня, подошла къ Джильдѣ и дала ей нѣсколько монетъ со словами:

— Не бойся, его не арестуютъ; я опять тутъ проѣду и привезу тебѣ портретъ.

Крестьянка поцѣловала руку моей жены и пошла проводить насъ на берегъ.

Въ лодкѣ находился только мальчикъ съ кроткими глазами; но Джильда закричала отцу:

— Какъ, Андреа ѣдетъ съ вами? Это не лодка Мазо. Будь вамъ извѣстно я предупрежу Джуліо.

Джіанни помогая Линѣ войти въ лодку только пожалъ плечами и на мой вопросъ что значатъ слова его дочери, отвѣчалъ что она сумасшедшая и на все нечего обращать вниманія. Я вошелъ такъ-же въ лодку но съ нѣкоторой недовѣрчивостью, которую скрывалъ отъ Лины но которая меня безпокоила и не покидала пока Джіанни наконецъ отчалилъ и сказалъ двумъ женщинамъ вмѣсто прощальнаго привѣтствія:

— Запритесь хорошенько дома; бѣда Джильдѣ если она еще уйдетъ со двора сегодня вечеромъ.

II.

Между тѣмъ ночь наступила совсѣмъ. Я скоро замѣтилъ что, вмѣсто того чтобы слѣдовать по прямому пути, мы двигались словно намѣреваясь вернуться назадъ въ Швейцарію. Я спросилъ Джіанни отчего мы не просто переѣзжаемъ черезъ озеро и онъ отвѣтилъ что это было-бы не безопасно, что лодка не пароходъ и для того чтобъ пріѣхать скорѣе, намъ надо сдѣлать объѣздъ въ сторону Маканьо гдѣ озеро съуживается а потомъ плыть вдоль берега до Луино.

Этотъ планъ проѣзда мнѣ не очень понравился но я не сталъ возражать не зная достаточно озера. Спустя немного времени я опять замѣтилъ что мы какъ будто стали приближаться къ берегу, на которомъ два человѣка казалось поджидали насъ. Что-же это такое? Я ни за что не хотѣлъ другихъ пассажировъ; я заплатилъ столько чтобъ быть одному съ женою и рѣзко приказалъ Джіанни идти впередъ. Тогда онъ нагло отвѣтилъ мнѣ что эти двое не пассажиры; одинъ изъ нихъ братъ мальчика, который помогалъ ему грести и настоящій хозяинъ лодки, который не позволилъ-бы воспользоваться ею еслибъ его не взять съ собою, другой-же былъ его сынъ—досмотрщикъ.

Это сильно раздражило меня и я еще разъ попытался заставить лодочника повиноваться мнѣ но онъ стоялъ на своемъ твердо, а такъ какъ я не желалъ заводить ссору въ присутствіи Лины то и уступилъ соображая, что если это точно Сандро досмотрщикъ значитъ мы имѣли дѣло съ не какими нибудь негодяями. Мы снова пристали къ берегу и двое сильныхъ молодыхъ людей вскочили въ лодку.

Сандро не былъ болѣе въ таможенномъ мундирѣ; и онъ, и его товарищъ были одѣты какъ зажиточные крестьяне но всетаки сейчасъ можно было замѣтить что это досмотрщики и Лина даже скоро угадала что одинъ изъ нихъ должно быть тотъ самый Маттео, отъ руки котораго отказывалась Джильда.

Я былъ встревоженъ; пока мы подвигались,—и мнѣ казалось, все тише — я замѣтилъ множество лодокъ неожиданно появившихся въ разныхъ мѣстахъ озера и скользившихъ мимо насъ какъ тѣни въ ночной темнотѣ. Весла безмолвно разсѣкали волны какъ будто каждый хотѣлъ пробраться впередъ незамѣченный другими. Я спросилъ куда могли-бы слѣдовать всѣ эти лодки въ такую позднюю вечернюю пору и товарищъ Сандро отвѣтилъ мнѣ съ живостью не давшей ему, безъ сомнѣнія. обдумать свои слова:

— Э, кто ихъ знаетъ куда они ѣдутъ. Это все контрабандисты; и не будь я Маттео если мы не поймаемъ хотя одного изъ нихъ. Эти слова взбѣсили меня окончательно; я вовсе не желалъ быть замѣшаннымъ въ стычкѣ между досмотрщиками и контрабандистами. Со мною была дама и потому я тотчасъ потребовалъ чтобы меня немедленно перевезли въ Луино: знай я что эта лодка принадлежала кому нибудь изъ таможни я ни за что не сѣлъ-бы въ нее. Джіанни желая успокоить меня, сказалъ что мнѣ дѣла нѣтъ что они будутъ дѣлать на возвратномъ пути; первое дѣло конечно доставить меня въ условленное мѣсто; и чтобъ показать свое искреннее намѣреніе удовлетворить меня онъ далъ лодкѣ толчекъ вынесшій ее внезапно на средину озера.

Лина трепещущая, прижималась ко мнѣ, прося меня быть терпѣливымъ. Она опасалась какого нибудь несчастія для бѣднаго Джуліо; въ сущности, сама того не замѣчая, она держала сторону контрабандистовъ; я собирался даже за это пожурить ее но не успѣлъ.

Въ ту минуту когда Джіанни пустилъ свою лодку, другая стала приближаться съ нижней части озера, держась середины озера и двигаясь осторожно и безмолвно. Маттео пристально разсматривалъ ее пока Джіанни плылъ ей какъ разъ на встрѣчу и вдругъ досмотрщикъ вскочилъ на ноги и забормоталъ тихо и отрывисто:

— Это та самая лодка; я узналъ его по шляпѣ.

— Ну такъ что-же; пусть его ѣдетъ; отвѣчалъ тѣмъ-же тономъ Джіанни; мы опять встрѣтимъ его на возвратномъ пути.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ уйдетъ тогда отъ насъ; возразилъ Маттео съ бѣшенствомъ; онъ раньше успѣетъ обдѣлать все и вернуться; знаю я его.

— Хорошо, но къ чему арестовать его теперь. А потомъ будутъ на лицо вещественныя доказательства, сказалъ Сандро.

Взять его теперь-же, само по себѣ, стоитъ всякой добычи; отвѣчалъ Маттео, съ нимъ немного товарищей; я это вижу. Знаю я ихъ всѣхъ; они храбры въ темнотѣ и трусы когда дѣло въ открытую. Я не хочу задерживать долѣе этихъ господъ въ ихъ поѣздкѣ, только хочу съ Сандро пересѣсть на ту лодку; остальное наше дѣло. Мы вооружены и съумѣемъ заставить этихъ мерзавцевъ показать намъ мѣсто ихъ сборища.

— Будетъ стычка! Я не хочу! протестовала Лина трепещущимъ голосомъ.

— Говорите тише, синьорина, прервалъ Маттео. Вы ничего не увидите и не услышите. Именно изъ уваженія къ вамъ я избираю этотъ способъ дѣйствія: долгъ прежде всего. Впрочемъ будьте покойны; тутъ не будетъ ни мертвыхъ, ни раненыхъ. Лина плакала, прислонившись къ моему плечу; я старался ее успокоить, завѣряя что все обойдется миролюбиво; самъ-же, сознаюсь, былъ даже радъ что дѣло кончалось такимъ образомъ, освобождая насъ отъ присутствія досмотрщиковъ.

Они между тѣмъ начали переговоры. Маттео просилъ позволенія пересѣсть со своимъ другомъ на лодку, къ которой мы подъѣхали такъ какъ на той гдѣ онъ находился были иностранцы желающіе поскорѣе попасть въ Луино, а имъ надо было ѣхать дальше. Онъ просилъ прямо допустить его во имя закона, говоря, что обращается къ честнымъ гражданамъ, обязаннымъ помочь ему, въ исполненіи порученія открыть нѣкоторыя продѣлки контрабандистовъ въ эту самую ночь.

Одинъ изъ контрабандистовъ, повѣрилъ или нѣтъ этой довольно грубой лжи, отвѣтилъ что ихъ на лодкѣ много и безъ того. что опасно взять еще кого нибудь тѣмъ болѣе что они на слѣдующее утро вернутся съ грузомъ песку и это помѣшаетъ имъ отвезти ихъ обратно. Пока одинъ говорилъ такимъ образомъ, другіе, въ глубинѣ лодки. казалось, горячо разсуждали что дѣлать: ихъ было трое и Джіанни, озабоченный, уже началъ стараться удержать досмотрщиковъ отъ намѣренія броситься такимъ образомъ въ волчью пасть. Сандро и Маттео, возбужденные и мужественные люди не хотѣли ничего слышать. Послѣ горячаго спора одинъ изъ людей, управлявшихъ лодкой, сказалъ какъ-бы безпечнымъ тономъ:

— Идите! мы постараемся сдѣлать что можемъ. Маттео первый перескочилъ въ непріятельскую лодку а Сандро поспѣшно послѣдовалъ за нимъ.

Но только что они вступили въ лодку, какъ раздался пистолетный выстрѣлъ. Джіанни испустилъ проклятіе пока Сандро и Маттео въ одинъ голосъ съ твердостью восклицали:

— А. вы хотите драться—давайте.

Мы не дешево отдадимъ нашу жизнь.

III.

Въ виду всего происходившаго я уже и не зналъ которой стороны держаться. Лина почти безъ чувствъ упала ко мнѣ на грудь; я прижалъ ее къ себѣ, прикрывая ее собою въ случаѣ несчастія, но признаюсь не смѣлъ требовать чтобъ нашъ лодочникъ удалился. въ виду несомнѣнной опасности, грозившей его сыну. Впрочемъ на одно мгновеніе казалось что дѣло будетъ не такъ серьезно какъ можно было ожидать по началу. На сосѣдней лодкѣ очевидно было двѣ партіи; одна стоявшая за примирительное соглашеніе и желавшая прикрыться комедіей съ грузомъ песку и другая хотѣвшая прямой и открытой борьбы. Пистолетный выстрѣлъ не ранилъ никого и мы только слышали рѣзкія рѣчи не имѣя возможности различить. что говорятъ.

Но вдругъ за споромъ опять послѣдовала борьба. Вновь раздались еще два или три пистолетныхъ выстрѣла и на этотъ разъ болѣзненный стонъ огласилъ воздухъ. Лина совсѣмъ лишилась чувствъ, я самъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса: Джіанни отчаянно закричалъ: Сандро! Сандро! А маленькій Андреа залился слезами, восклицая что вѣрно убили его брата.

Все это произошло въ нѣсколько секундъ. Глубокая тишина наступила вслѣдъ за этимъ. Джіанни придвинулъ свою лодку близко къ контрабандистамъ; и тогда, при неясномъ свѣтѣ небольшаго свѣтильника зажженнаго на сосѣдней лодкѣ, мы увидали мрачное зрѣлище.

Дѣти несущія обѣдъ въ поле. Съ картины В. Коверзнева, грав. Шюблеръ.

Выставка въ Императорской Академіи Художествъ. „Ночь въ Бахчисараѣ“.
Картина И. Кондратенко, грав. М. Рашевскій

На днѣ лодки лежало безжизненное тѣло, къ которому склонились всѣ окружающіе. Досмотрщики и контрабандисты казалось забыли свой долгъ и свое столкновеніе. Сандро рвалъ на себѣ волосы и судорожно ломалъ руки отъ горя. Маттео, между тѣмъ, старался помочь раненному, который по деликатному сложенію, казался совсѣмъ мальчикомъ.

— Что вы сдѣлали? Кто раненъ? задыхаясь спросилъ Джіанни.

— Возьмите съ собой этого бѣдняжку, можетъ быть еще спасете его; въ Луино вы найдете помощь; отвѣтилъ Маттео смущеннымъ голосомъ.

— Но кто это, кто это, лихорадочно повторилъ Джіанни.

— Батюшка, прокляни меня и прости её! пронзительно воскликнулъ Сандро.

— Джильда! закричалъ отецъ, это ты, ты?..

Онъ не могъ больше ничего сказать; никто не отвѣчалъ и старый Джіанни присѣлъ на дно лодки схватившись руками за сѣдые волосы.

То дѣйствительно была Джильда. Тотчасъ по отъѣздѣ отца несчастная дѣвушка побѣжала къ своему милому отклонить его отъ поѣздки на озеро въ эту ночь. У нея было предчувствіе несчастія, которое и оправдалось. Но Джуліо былъ настойчивъ. Въ этотъ вечеръ онъ долженъ былъ съ нѣсколькими товарищами отправиться за товарами привезенными изъ Швейцаріи; онъ не принялъ совѣта Джильды, которая такъ же по своему заупрямилась изъявивъ желаніе его сопровождать во что бы то ни стало. Храбрая дѣвушка, такимъ образомъ, уже не первый разъ, переодѣтая мальчикомъ и безъ вѣдома отца и брата слѣдовала за нимъ, готовая раздѣлить его тревожную судьбу. Никакого несчастія до сихъ поръ съ ними не было и Джуліо не воспротивился ея желанію. Когда же Сандро и Маттео захотѣли влѣзть въ лодку—испугавшись послѣдствій такой встрѣчи, онъ попробовалъ воспротивиться товарищамъ и затѣмъ выстрѣлилъ изъ пистолета думая запугать досмотрщиковъ и заставить ихъ отступить. Вмѣсто того онъ этимъ только обратилъ на себя вниманіе и заставилъ Сандро именно къ нему отнестись съ бранными словами, не замѣчая Джильды, одѣтой мальчикомъ, и стоявшей въ сторонѣ со шляпой надвинутой на глаза. Но въ одинъ мигъ, видя грозящую опасность, она бросилась между сражающимися и въ нее почти въ упоръ попалъ выстрѣлъ предназначенный Джуліо.

Эти крѣпкіе сильные люди словно ослабѣли, растерялись при видѣ столь быстро совершившемся несчастіи и мы всю ночь остались бы на озерѣ еслибъ я самъ не взялся за весла чтобъ довести лодку въ Луино.

Лина очнулась отъ обморока, мужество ея вернулось когда явилась надобность быть полезной ближнему и она поддержала меня мило и живо, рѣшительно приказавъ людямъ другой лодки слѣдовать за нами и помочь сдѣлать все возможное для несчастной дѣвушки, которая по счастію еще дышала. Никто не противился этому приказанію; контрабандисты и досмотрщики послушно и молчаливо слѣдовали за нами.

Мы скоро причалили къ Луино. Было уже поздно, но на берегу живетъ много иностранцевъ и помощь должна была найтись. Съ общаго согласія, мы разсказали что Джильда ранена нечаянно и Лина велѣла снести се въ лучшую меблированную квартиру куда на нашъ призывъ тотчасъ явился прекрасный медикъ всегда живущій тутъ въ лѣтній сезонъ.

Рана была опасна, такъ опасна что нѣсколько дней отчаявались спасти бѣдную Джильду. Лина помѣстилась у ея постели и я ничѣмъ не могъ отвлечь ея отъ этого дѣла милосердія, даже когда пріѣхала изъ Канеро мать больной. Она такъ хорошо съумѣла убѣдить меня что въ Луино жить отлично, что я нанялъ квартиру; сознаюсь, я порядочно скучалъ, но не могъ и не хотѣлъ противиться милому деспоту. По прошествіи двухъ недѣль я однако объявилъ что хочу ѣхать, тѣмъ болѣе что Джильда почти совсѣмъ поправилась.

Но нравственное потрясеніе было слишкомъ сильно; отецъ и братъ внушали ей ужасъ; при одномъ звукѣ ихъ голоса, съ ней дѣлалось нѣчто въ родѣ нервнаго припадка; видя это Лина предложила ей поступить къ намъ на время вмѣсто горничной.

По счастію Джуліо не забылъ что былъ обязанъ Джильдѣ жизнью; онъ былъ вообще хорошій малый; этотъ урокъ окончательно излечилъ его отъ страсти къ контрабандѣ. Онъ оставилъ Канеро и поселился въ сосѣдствѣ деревни гдѣ мы тогда жили. Пришлось помочь ему въ устройствѣ его хозяйства.

Свадьба молодыхъ людей состоялась съ согласія родныхъ.

Кромѣ сознанія сдѣланнаго добра, Лина еще, я думаю, очень рада была отдѣлаться отъ своей неудобной горничной, которая никакъ не могла выучиться причесать ей волосы или стереть пыль съ мебели. За то въ видѣ вознагражденія этюды жены моей обогатились, за это время, по крайней мѣрѣ дюжиною Джильдъ во всѣхъ возможныхъ позахъ и костюмахъ. Одна изъ этихъ головокъ, прекрасная акварель, составляетъ лучшее украшеніе комнаты молодыхъ.

Изъ исторіи налоговъ и податей.

Культурно-историческій очеркъ.

Никакой живой организмъ не можетъ существовать безъ пищи и никакое государство не можетъ существовать безъ налоговъ, почему послѣдніе и получили развитіе уже въ самый ранній періодъ исторіи человѣчества. Начало ихъ совпадаетъ съ началомъ государственнаго устройства и получивъ тогда же практическое примѣненіе, они не утратили своего значенія до нашего времени. При этомъ какъ сами налоги, такъ и способы ихъ взиманія такъ разнообразны въ разныя эпохи и у различныхъ народовъ, что можно безошибочно признать ту историческую истину, что извѣстная податная система является при извѣстной степени культуры и цивилизаціи данной эпохи и данной мѣстности.

Но въ то же время какъ формы налоговъ постоянно измѣняются, сущность ихъ остается одна и та же, заключаясь въ томъ, какъ это мы находимъ еще у народовъ древности, что единицы государства должны способствовать благосостоянію своего цѣлаго. Нечего и говорить, что знакомство со всѣми измѣненіями податной системы въ ея тысячелѣтнемъ развитіи въ высшей степени интересно, такъ какъ этотъ вопросъ до сихъ поръ остается однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ нашего времени и такъ какъ ни въ одномъ государствѣ законодательство о налогахъ не можетъ назваться совершенно законченнымъ, составляя по прежнему обширную область попытокъ и предположеній. Начиная наше обозрѣніе съ ветхозавѣтныхъ израильтянъ, мы видимъ, что первоначально они платили лишь десятину и первенцовъ домашнихъ животныхъ, которые шли на покрытіе жертвенныхъ издержекъ, а также на содержаніе священнослужителей. Кромѣ того каждый израильтянинъ, имѣвшій болѣе двадцати лѣтъ и способный носить оружіе вносилъ половину зекеля на постройку семейной хижины. Эта подать была вѣроятно собираема съ наибольшею строгостью и исключительно древней, священной монетой, которою снабжали за извѣстный процентъ особые мѣнялы, постоянно присутствовавшіе въ храмѣ. Впрочемъ эти налоги въ началѣ не были особенно обременительными и лишь при позднѣйшихъ царяхъ народъ началъ отягощаться разными податями и особенно страдалъ отъ произвола ихъ взиманія. Эти подати часто оплачивались обязательной работой, частью естественными произведеніями и благородными металлами. Такъ было при царѣ Саулѣ и при Соломонѣ. Во время же войнъ взималась особая военная подать.

Бремя этихъ налоговъ и безъ того уже достаточно удручавшее народъ, еще болѣе увеличилось, когда послѣдній подпалъ подъ власть восточныхъ властителей и подъ гнетъ ихъ чужеземныхъ намѣстниковъ, часто дозволявшихъ себѣ явное насиліе при собираніи повинности; но это положеніе стало еще хуже, когда египетскій царь Птоломей Эвергетъ (отъ 246 до 241 г. до Р. Х.) началъ отдавать налоги на откупъ при чемъ, конечно, откупщики старались прежде всего обогатиться. Во время сирійскаго владычества, налоги приняли такіе широкіе размѣры, что кромѣ обычной подати, пошлинъ съ соли и дани сбираемой въ пользу царя, взимали еще высокую натуральную подать, состоявшую изъ трети урожая и половины съ сбора плодовъ. Наконецъ во время римскаго владычества Іудея должна была, какъ и другія римскія провинціи, кромѣ торговыхъ пошлинъ, уплачивать еще особый поземельный и поголовный налогъ, которымъ подлежали мущины съ 14 лѣтъ, а женщины съ 12 и до 65 лѣтняго возраста. Подать же съ торговли на улицахъ и въ морскихъ гаваняхъ была отдаваема на откупъ и нечего и говорить, что и откупщики и сборщики податей не упускали случая набить и себѣ карманы. Они преимущественно выбирались изъ сословія всадниковъ и римское правительство давало имъ на откупъ лѣтъ на пять налоги цѣлой провинціи. При извѣстной жестокости и произволѣ при взиманіи податей, конечно нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти откупщики и сборщики составляли самый нелюбимый классъ общества. Евреи же, которые болѣе другихъ народовъ тяготились римскимъ игомъ, вдвое ненавидѣли ихъ и потому въ Библіи понятіе о мытарѣ такъ тѣсно связано съ понятіемъ о грѣшникѣ.

Но какъ же собирались подати у самихъ повелителей Іудеи, Римлянъ? И тамъ подати, еще во время царей, являются подъ двумя видами vectigalia и tributa. То были чисто имущественныя подати.

Для ихъ точнаго распредѣленія, каждыя пять лѣтъ производился такъ называемый цензъ, т. е. оцѣнка имущества всѣхъ взрослыхъ, способныхъ платить подати гражданъ. При этой переписи каждый долженъ былъ показать число лицъ, принадлежащихъ къ его семейству, какъ свободныхъ, такъ и рабовъ, количество и величину его угодій, число его стадъ и вообще наличное состояніе всего его имущества. Всѣ эти подробности были записываемы самымъ точнымъ образомъ. По этой же имущественной способности, т. е. большему или меньшему имуществу, римскіе граждане раздѣлялись на пять классовъ и для каждаго изъ этихъ классовъ полагался извѣстный размѣръ подати. Кто же при общей переписи давалъ ложныя показанія, тотъ привлекался къ отвѣтственности, при чемъ не только отбиралось его имущество и поступало въ казну, но и самого его

наказывали тѣлесно и продавали въ рабство. Первоначально всѣ безъ исключенія облагались податью, позднѣе же бѣднѣйшіе классы были отъ нея избавлены. Впрочемъ имущественная подать платилась не каждый годъ и не въ опредѣленные сроки, но лишь тогда, когда вызывалась военными потребностями.

Съ развитіемъ завоевательныхъ предпріятій, которыя хотя и приносили не мало добычи, но за то и поглощали много денегъ, увеличивалась и тягость податей все болѣе и болѣе, а искуство выдумывать новые способы налога уже свидѣтельствуетъ объ изобрѣтательности государственныхъ финансистовъ того времени. Такъ вошла въ употребленіе соляная монополія а за ней послѣдовали другіе вновь придуманные налоги прямые и косвенные, какъ напримѣръ, береговая подать, собираемая въ гавани, пошлины мостовыя, дорожныя, плата за откупъ, десятина, сборъ съ наслѣдства и ремеслъ. Въ то же время были назначены особые чиновники, на обязанности которыхъ лежала забота объ улучшеніи государственныхъ финансовъ. Впослѣдствіи же даже носильщики и поденщики должны были уплачивать восьмую часть своего ежедневнаго заработка. Римское государство неудержимо стремилось къ своему паденію и одною изъ причинъ этого паденія весьма основательно полагаютъ, несоразмѣрность налоговъ того времени. Поля и огороды оставались безплодными и какъ горожане такъ и сельскіе жители, заботясь лишь о насущномъ хлѣбѣ, утратили всякое мужество.

Греческія государства, къ которымъ мы естественно должны теперь перейти при обозрѣніи исторіи податей и налоговъ, покрывали бо́льшую часть текущихъ расходовъ доходами отъ земель и рудниковъ, трудомъ рабовъ и данью покоренныхъ народовъ, тѣмъ болѣе что расходы при этомъ были незначительныя, такъ какъ государственные чиновники не получали жалованья. Поголовная и промысловая подать платилась лишь людьми несвободными, не пользующимися правами гражданства. Граждане напротивъ того были совершенно отъ нихъ свободны и платили лишь за своихъ рабовъ ежегодную поголовную подать въ три обола. Но случалось, что въ разныхъ мѣстностяхъ собирались еще чрезвычайныя подати и иногда очень оригинальнаго рода. Такъ, напримѣръ, въ Александріи правительство взимало такъ называемую подать дураковъ или „блазкономіонъ“ съ астрологовъ. Также фигляры, ворожеи и вообще уличные шарлатаны должны были вносить въ казну третью часть своего дохода за право промысла. Но помимо этихъ сборовъ, собственно для гражданъ греческихъ государствъ не существовало никакого правильнаго налога. Непосредственная подать съ земли, съ занятія ремеслами или просто подушная подать (за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ) вообще считались въ Элладѣ за тиранію и каждое поползновеніе къ обложенію налогомъ личности, имущества или занятій гражданъ принималось за нарушеніе ихъ права. Напротивъ того торговыя пошлины составляли въ древней Греціи важный источникъ государственныхъ доходовъ. Привозная и вывозная пошлина равнялась 1/50 ихъ цѣнности. Это было причиной, что уже тогда процвѣтала контрабанда, и въ Аттикѣ существовала даже особая гавань, называвшаяся прямо „воровскою“ въ народномъ говорѣ, гдѣ запрещенные товары обыкновенно продавались открыто. Эти попытки ввезти неоплаченные товары даже давали поводъ иногда къ горячимъ схваткамъ, такъ какъ по закону товары не только отбирались, но съ виновнаго еще взимался высокій штрафъ.

Относительно возникновенія налоговъ у христіанскихъ государствъ составилось вообще то мнѣніе, что французскій король Филиппъ Красивый былъ первый, который въ началѣ XIV столѣтія обложилъ тяжелыми налогами какъ своихъ вассаловъ, такъ и горожанъ и кромѣ того, несмотря на общее неудовольствіе, взималъ со всѣхъ доходовъ по 20 процентовъ. Но еще задолго до того времени, а именно въ 1167 году, король Людовикъ младшій уже собиралъ, какъ налогъ, съ каждаго дохода пять процентовъ, а при Карлѣ Великомъ уже платились королевскія пошлины, составлявшія существенную статью государственнаго дохода и обременявшія торговлю съ самаго ея начала. И нужно сказать правду, что Карлъ умѣлъ мастерски пользоваться своею властью для умноженія своихъ доходовъ. Такъ напримѣръ, когда онъ куда нибудь отправлялся, то всѣ общины, лежавшія на его пути, должны были заботиться объ содержаніи его свиты, что современемъ образовало цѣлую массу строго опредѣленныхъ податей и обязанностей. Кромѣ государя этимъ же правомъ разнаго рода услугъ и продовольствія пользовались во время своихъ поѣздокъ чиновники, а впослѣдствіи и все царское войско при каждомъ изъ своихъ частыхъ походовъ. Вообще Карлъ первый ввелъ въ Германіи правильныя подати и совершенно измѣнилъ существовавшій до того времени порядокъ добровольныхъ приношеній, состоявшихъ изъ домашнихъ животныхъ и полевыхъ продуктовъ и которыя германскія племена подносили еще въ самое первобытное время своимъ начальникамъ, какъ ежегодную, строго опредѣленную дань.

Кромѣ того, важное значеніе имѣла въ началѣ среднихъ вѣковъ такъ называемая *десятина*, которая собиралась преимущественно духовнымъ сословіемъ. Она состояла обыкновенно изъ десятой части естественныхъ произведеній извѣстнаго участка земли или уплачивалась опредѣленнымъ количествомъ труда. Уже въ 585 году церковное законодательство основываясь на законахъ Моисея, присвоило себѣ это право, которое и утверждено было Карломъ Великимъ въ 779 году. Съ V же столѣтія церковь стала сбирать другую подать—извѣстную пошлину за всѣ церковныя требы духовенства, какъ-то: крещеніе, бракосочетаніе, погребеніе и т. д. Кромѣ поземельной подати (десятины и многочисленныхъ поборовъ со скота, полевыхъ и садовыхъ продуктовъ) существовала еще подушная подать, подать съ наслѣдства, имущества, съ предметовъ первой необходимости, и даже наконецъ съ каждаго дома и съ каждой дымовой трубы. Средневѣковая финансовая наука ставила налоги главною своею задачею и дѣйствительно умѣла ихъ размножить и разнообразить до безконечности. Такъ у франковъ очень рано появились и вошли въ употребленіе подати подъ самыми различными названіями. Здѣсь взимались пошлины рѣчныя (за дозволеніе плавать по рѣкѣ), мостовыя, путевыя, съ вьючныхъ животныхъ, съ каждаго колеса, съ дышла, за право торговать на рынкѣ, за право причала, за право въѣзда, съ каждой барки, съ каждаго проѣзжаго, съ несущаго какую либо тяжесть.

Торговымъ пошлинамъ по закону должны были подлежать лишь купеческіе товары и чужеземные торговые люди, но отнюдь не отечественные продукты и не предметы домашняго производства. Но на практикѣ такой законъ невыполнялся и съ каждаго брали все то, что только можно было взять.

Сначала торговыя пошлины, вплоть до XIII столѣтія взимались не столько деньгами, сколько продуктами, какъ то: виномъ, шкурами, сыромъ, рыбой, воскомъ и пряностями.

Изъ послѣднихъ особенно много собирали перцу, такъ что таможенныя станціи назывались просто перцовыми станціями. Кромѣ пошлины взималась еще особенная подать—за охраненіе товара во время пути. Первая платилась за право мѣны и торговли; вторая же за безопасность личности торговца.

Сознаніе, что право налога часто употребляется во зло и что необходимо положить этому предѣлъ, проявилось довольно рано. Такъ еще въ золотой буллѣ запрещаются всѣ несправедливыя и необычайныя подати и король Венцеславъ въ 1379 г. торжественно обѣщалъ безъ особаго согласія курфирстовъ не вводить никакой новой подати. При Карлѣ же V это условіе уже постоянно упоминается въ избирательныхъ грамотахъ.

Такъ разсматривая всѣ тѣ подати и оброки, которые лежали на горожанинѣ того времени, нельзя не удивляться, какъ только въ такую неблагопріятную и безпокойную эпоху, онъ могъ сберегать еще лишнее. Однихъ куръ собиралось съ него довольно, то какъ подать въ день рожденія у него сына, то по случаю масляницы, Духова дня, начала лѣта и осени, то въ пользу мѣстнаго фохта, то за дозволеніе пользоваться лѣсомъ, травой и соломой. А сколько еще другихъ поборовъ слѣдовали за этими! Такъ по Швабскому зерцалу должно было приносить на Пасху ягнятъ и яйца, въ Духовъ день сыры, въ Михайловъ день масло, въ день Св. Галла вино, въ день Св. Мартина хлѣбъ, въ Рождество свиней, въ Іоанновъ день подать за право бить скотъ и т. д. Собственно же такъ называемыя кухонныя подати состояли изъ гусей, куръ, каплуновъ, телятъ, барашковъ и яицъ. Кто же не выплачивалъ аккуратно эти подати своему ленному владѣльцу, тотъ подвергался жестокому наказанію, причемъ описывалось все его имущество и самъ онъ изгонялся изъ своего дома и изъ участка своей земли. Къ средствамъ сборовъ, въ которыхъ такъ были изобрѣтательны средневѣковые феодальные владѣльцы относительно своихъ и несвободныхъ людей, принадлежитъ также брачная подать. Эта подать опиралась на такъ называемое господское право т. е. на право владѣльца дозволять или нѣтъ бракъ своему подневольному человѣку. Это дозволеніе и оплачивалось особой податью.

Лишь въ XVIII-мъ столѣтіи эта реформа была приведена въ исполненіе и въ Германіи особенно много сдѣлали для облегченія крестьянъ Іосифъ II и Фридрихъ Великій.

Податной же вопросъ только въ наше столѣтіе впервые былъ обработанъ научно и многіе ученые ломали голову чтобы создать такую систему налоговъ и податей, въ которой требованіе справедливости соединялось бы съ требованіями государственнаго интереса. Однако всѣ эти кабинетныя соображенія мало соотвѣтствовали условіямъ жизни и практики. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ труды знаменитаго англійскаго политика-экономиста Адама Смита, который для каждой податной системы предписываетъ слѣдующія основныя положенія: 1) чтобы граждане облагались податями сообразно съ ихъ доходами, которыми они пользуются подъ охраною государства. 2) Чтобы всѣ подати собираемыя съ гражданъ были строго опредѣлены и чтобы въ нихъ не допускалось произвола 3) чтобы подати взимались въ такое время и такимъ порядкомъ, какіе удобнѣе и легче для платящаго и 4) чтобы издержки сбора податей были незначительны.

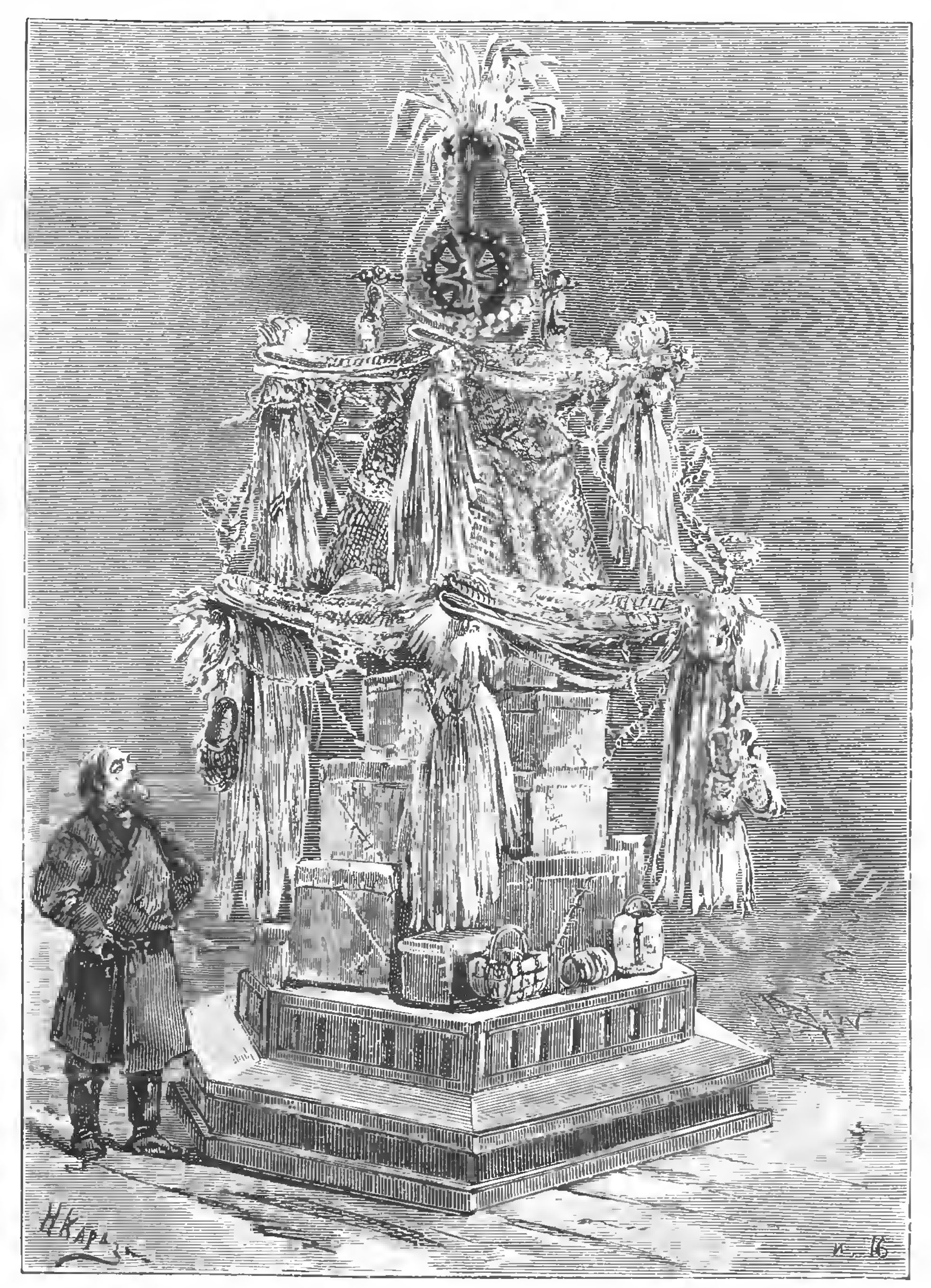
Нѣтъ сомнѣнія что налогъ удовлетворяющій вполнѣ всѣмъ этимъ научнымъ требованіямъ можетъ быть названъ совершенно безупречнымъ. Но вообще еще замѣчается большое разнообразіе податныхъ системъ въ различныхъ государствахъ нашего времени.

Послѣднія минуты императора Максимиліана.

(Картина Лауренса, стр. 796 и 797).

Пресловутая Мексиканская экспедиція была одною изъ самыхъ крупныхъ, непростительныхъ ошибокъ политики Наполеона III—политики, считавшейся такъ долго высокоталантливой и почти геніальною. Экспедиція погубила милліоны денегъ и тысячи людей, не сдѣлавъ никакой пользы Франціи, принесла въ жертву человѣка высокихъ достоинствъ и высокаго происхожденія—мексиканскаго императора Максимиліана.

Максимиліанъ какъ эрцгерцогъ австрійскій, братъ императора Франца-Іосифа I и вице-король Ломбардо-Венеціанскаго королевства, пользовался всѣми благами тихой и счастливой жизни. Женившись на прелестной принцессѣ — дочери бельгійскаго короля Шарлоттѣ, онъ жилъ большею частью въ роскошномъ замкѣ Мирамарѣ, близъ Тріеста, на берегу Адріатики; остальное же время проводилъ въ путешествіяхъ, какъ истый туристъ, все видѣнное занося въ свои мемуары. Кромѣ того эрцгерцогъ былъ поэтъ и мечтатель, постоянно витающій въ области фантазіи и у котораго страстные порывы чувства часто затмѣвали холодныя представленія разсудка. И этотъ-то добрый, симпатичный, но слабый и постоянно увлекающійся мечтатель былъ намѣченъ французской политикой какъ будущій императоръ Мексики—страны гдѣ кипѣла тогда вражда партій и гдѣ междоусобная, отчаянная борьба была едва, едва подавлена французскими силами. Но Максимиліанъ былъ обманутъ и обманутъ самымъ жестокимъ образомъ: онъ въ благородствѣ своемъ думалъ, что его выбираетъ воля народная, что его призываетъ большинство мексиканцевъ, тогда какъ подсылаемыя къ нему депутаціи состояли исключительно изъ горсти политикановъ. Впрочемъ истинное положеніе дѣла не было доступно Максимиліану, его увлекали льстивыя рѣчи депутатовъ и обѣщанія французскаго императора, давшаго ему торжественное ручательство въ своей неизмѣнной помощи и покровительствѣ. 14-го апрѣля 1864 года съ ранняго утра, весь берегъ ведущій къ замку Мирамара былъ покрытъ народомъ. Въ этотъ день Максимиліанъ уже прощался съ своими итальянскими подданными и уѣзжалъ въ Америку, чтобы занять высокое мѣсто мексиканскаго императора. Осыпаемый благословеніями, пожеланіями и дождемъ цвѣтовъ, онъ сѣлъ на фрегатъ „Наварру“ и вмѣстѣ съ супругой направился къ неизвѣстнымъ берегамъ Новаго Свѣта. Заѣхавъ въ Римъ принять папское благословеніе, высокіе путешественники 28-го мая уже входили въ пристань Вера-Круцъ и Максимиліанъ наконецъ очутился лицомъ къ лицу съ своимъ государствомъ и народомъ. Но никто какъ будто и не ожидалъ Императора; никто не трогался съ мѣста ни въ гавани, ни на берегу, а всѣ подданные куда-то запрятались. На слѣдующій день состоялась высадка и встрѣча въ высшей степени холодная. Дальнѣйшее путешествіе тоже не представляло ничего утѣшительнаго, такъ какъ ясно было, что употреблялись всѣ старанія, чтобы обезпечить императорскій кортежъ отъ внезапнаго нападенія гверильясовъ. Наконецъ 12-го іюня императорская чета въ сопровожденіи генерала Базена, французскаго главнокомандующаго, вступила въ столицу. Ихъ встрѣтили обычныя въ этомъ случаѣ гирлянды цвѣтовъ и тріумфальныя арки, но внимательный наблюдатель могъ легко замѣтить, что привѣтствующее населеніе состояло почти исключительно изъ Индійцевъ, такъ какъ коренное населеніе все почти состояло на службѣ у Хуареса. Одна лишь партія тѣснилась около новаго императора, стараясь сдѣлать его орудіемъ своихъ замысловъ и личныхъ интересовъ. Не видя ни откуда дѣйствительной помощи, Максимиліанъ волей неволей долженъ былъ держаться французовъ и пользоваться ихъ милостями, иногда впрочемъ очень обидными и горькими. Только французами сохранялись спокойствіе и порядокъ въ его владѣніяхъ, только они могли кое-какъ организовать національную армію и устроить гражданское управленіе хотя и не на особенно прочныхъ началахъ. Благодаря имъ же военныя дѣла шли успѣшно и благополучно; колонны французовъ наводняли собою всю широкую область. Французы даже проникли въ мѣстечко Чигуагуа, гдѣ нашелъ себѣ убѣжище президентъ Хуаресъ и его странствующее правительство и заставили его удалиться въ пограничное селеніе Мексики Пазо дель-Норте. Кромѣ того у самого Императора въ эту эпоху, т. е. въ 1865 году насчитывалось войска до 43,000 человѣкъ и нѣкоторые его генералы, какъ напримѣръ Мехія, дѣйствовали даже довольно успѣшно. Но грозныя тучи уже надвигались со стороны ближайшаго сосѣда Мексики. Соединенные Штаты давно уже враждебно смотрѣли на возстановленіе Мексиканской имперіи и наконецъ начали даже открыто ему про-



Московская промышл.-худож. выставка. Лыковое производство. (Тюменск. уѣзд. Тобольской губ.).
Ориг. рис. нашего спеціальнаго корресп. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Московская выставка. Мѣдныя и бронзовыя кустарныя издѣлія.
Ориг. рисунокъ нашего спеціальнаго корреспондента Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Московская выставка. Наружный видъ кустарнаго отдѣла. Съ фотогр. Шерера и Набгольца, грав. М. Рашевскій.

тиводѣйствовать. Этой неприязни Соединенныхъ Штатовъ къ Максимиліану и его правительству особенно способствовалъ тотъ ужасный декретъ отъ 3-го октября 1863 года. Каждый членъ республиканской банды, если онъ былъ схваченъ. разстрѣливался въ 24 часа. Нечего и говорить, что съ этого времени борьба приняла характеръ жестокій и безпощадный, вызвавшій президента Штатовъ Джонсона настоятельно требовать удаленія изъ Мексики французской арміи, отчего конечно, по его мнѣнію, зависѣло и удаленіе мексиканскаго императора. Энергическія ноты Джонсона не остались безъ успѣха и неожиданно 9-го января 1866 года Друэнъ де-Луисъ объявилъ американскому посланнику, что „французское правительство готово въ возможной поспѣшности отозвать свои войска изъ Мексики“. Это рѣшеніе французскаго правительства конечно наносило ужасный, смертельный ударъ Максимиліану, такъ какъ со своими собственными силами, безъ французскихъ войскъ держаться въ Мексикѣ онъ не имѣлъ никакой возможности. Республиканцы повсюду брали верхъ, а войска имперіи разбѣгались или передавались непріятелю. Положеніе Максимиліана было отчаянное, ужасное; онъ понялъ, что былъ жестоко обманутъ и хотѣлъ немедленно отказаться отъ престола, но супруга уговорила его испробовать послѣднее средство спасенія -- попросить Наполеона еще разъ о помощи войсками и деньгами. Она сама отправилась съ этимъ порученіемъ въ Европу, но ея посѣщеніе Парижа и Рима имѣло самые плачевные результаты. Императоръ Наполеонъ на отрѣзъ отказалъ ей во всякой помощи а Папа утѣшалъ лишь одними обѣщаніями. Ея нервная натура не выдержала этой неудачи; она сошла съ ума и погубивъ себя, не спасла Максимиліана, клонившагося съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе къ своей окончательной погибели. Измученный борьбой и несчастіями, онъ поддался наконецъ вліяніямъ и составилъ министерство, вооруживъ противъ себя какъ партію республиканцевъ, такъ и французовъ и особенно Базена, не имѣвшаго ни малѣйшаго желанія раздѣлить свою власть съ кѣмъ бы то ни было. Впрочемъ это преобладаніе партіи было непродолжительно, такъ какъ она быстро поставила императора въ самое безвыходное положеніе. Оставалось лишь снова обратиться къ снисхожденію французовъ и для своего спасенія бѣжать въ Европу подъ ихъ прикрытіемъ. И Максимиліанъ дѣйствительно подчинился въ этотъ разъ голосу благоразумія и доѣхалъ вмѣстѣ съ Базеномъ до Оризабы, пробираясь къ лагерю, но вдругъ измѣнилъ намѣреніе и рѣшился отстаивать свои права на мексиканскую корону. Это имѣло самыя печальныя и гибельныя послѣдствія; наемныя войска отправились въ Европу вслѣдъ за французами, республиканцы же одерживали побѣду за побѣдой. Наконецъ лишь столица, Кверетаро и Веракруцъ остались еще во власти императора, но вскорѣ и эти три мѣстности были отрѣзаны другъ отъ друга, когда Діасъ взялъ Пуэблу, а Эскобадо осадилъ Кверетаро. Послѣдній пунктъ, который защищалъ лично Максимиліанъ, не могъ держаться долго и 15-го мая 1867 года онъ палъ, отдавъ мексиканскаго императора въ руки его злѣйшихъ враговъ-республиканцевъ. И подлое, безпримѣрное злодѣйство совершилось. Разными республиканскими негодяями назначенный, особый военный судъ приговорилъ Максимиліана къ смертной казни, которая и была приведена въ исполненіе 19-го іюня. Эта казнь какъ и послѣдніе часы жизни показали высокій характеръ императора; здѣсь онъ явился стойкимъ и мужественнымъ и съ истинно христіанскимъ смиреніемъ подчинился своей ужасной участи. Вотъ какъ разсказываетъ принцъ Сальмъ-Сальмъ объ его глубоко-трогательномъ прощаніи съ окружающими, т. е. о томъ моментѣ, который изображенъ на прилагаемой нами картинѣ Лауренса:

„Императоръ всталъ въ половинѣ четвертаго часа. Онъ былъ одѣтъ въ темный короткій сюртукъ, а на головѣ имѣлъ маленькую пуховую шляпу.

Въ четыре часа пришелъ патеръ Сорія; императоръ пріобщился еще раньше этого дня. Въ пять часовъ была отслужена месса на небольшомъ алтарѣ, сооруженномъ въ нишѣ комнаты. Затѣмъ Императоръ обратился къ доктору Башу съ разными порученіями къ лицамъ ему близкимъ и въ три четверти шестаго началъ завтракать.

„Ровно въ шесть часовъ явился отрядъ негодяевъ для сопровожденія императора къ смертной казни. „Я готовъ“, сказалъ Максимиліанъ и немедленно вышелъ изъ комнаты, гдѣ его окружили домашніе, проливая слезы и цѣлуя ему руки.

— Успокойтесь, увѣщалъ ихъ Максимиліанъ, — Богу такъ угодно, что я долженъ умереть“.

Затѣмъ императоръ направился къ кельямъ генераловъ Мирамона и Мехія, приговоренныхъ къ казни съ нимъ вмѣстѣ. „Готовы ли вы? Я уже готовъ. сказалъ онъ громко, и когда они вышли, онъ горячо ихъ обнялъ и пошелъ твердыми шагами къ ожидавшей его каретѣ.

О самой сценѣ казни также сохранились очень интересныя и трогательныя подробности. Такъ когда осужденные были приведены на ихъ мѣста на открытой сторонѣ четыреугольника образованнаго войсками, то имъ еще разъ прочли приговоръ и позволили говорить. Мехія молчалъ все время; Мирамонъ сказалъ только нѣсколько словъ. Максимиліанъ же произнесъ звучнымъ голосомъ: „Я умираю за правое дѣло, безвинно! Пусть мои кровь исцѣлитъ навсегда несчастія моего новаго отечества! Да здравствуетъ Мексика!“

Картина Лауренса, представляющая прощаніе императора Максимиліана передъ казнью, появилась на выставкѣ этого года въ Парижѣ и произвела сильное впечатлѣніе своимъ драматизмомъ и эффектнымъ освѣщеніемъ.

Лекарства.

Древняя медицина любила сильныя средства. Кровопусканіе, слабительныя, рвотныя—были ея преимущественными пріемами и снадобьями. Наравнѣ съ этимъ, шли безчисленные отвары, объемистыя лекарства, сложныя какъ по составу, такъ и по приготовленію. Животное царство. растительное, минеральное—одинаково находились въ ея распоряженіи. Мускусъ, бобровая струя, оленій рогъ, жерновки, голова ехидны—служили представителями перваго царства. Растенія всѣхъ родовъ и всѣхъ странъ представляли собою второе царство. Что же касается до минералловъ, то всякое вещество, осѣвшее въ ретортѣ химика, непремѣнно примѣнялось медикомъ къ какой-либо безъимянной болѣзни.

И какое было разнообразіе формъ! Здѣсь настойка, тамъ—отваръ; дальше. вина, сиропы, уксусы. тинктуры; спиртныя вытяжки, эфирныя, водныя; мягчительныя средства, питья, прохладительныя напитки, кашки, порошки, различныя пасты. И въ каждомъ изъ этихъ средствъ непремѣнно содержалось рѣдко одно, два вещества, а то три, четыре, десять, часто еще больше, перемѣшанныхъ иногда безъ всякой причины.

Куда-же вело такое разнообразіе, съ какою цѣлью оно было установлено. Страсбургскій профессоръ Форже не безъ остроумія объясняетъ эту цѣль. „Соединяя вмѣстѣ множество веществъ, древній медикъ надѣется, что хоть одно изъ нихъ окажется дѣйствительнымъ. Я уподобляю подобный пріемъ выстрѣлу картечью, случайно поражающей непріятеля, т, е. болѣзнь“. Понятно, что подобное снадобье легко могло повести за собою и смерть больнаго вмѣсто выздоровленія.

Употребленіе этихъ лекарствъ представляло собою множество неудобствъ. Вопервыхъ, трудно было ладить съ больнымъ, которому они внушали отвращеніе своимъ видомъ, запахомъ. Впрочемъ, въ то время неособенно заботились о чувствительности больного, или ужь тогдашніе больные были, сравнительно съ нынѣшними, гораздо послушнѣе и менѣе чувствительны. По крайней мѣрѣ, больше раздавалось жалобъ на чудовищную дороговизну лекарствъ, чѣмъ на ихъ непріятныя свойства.

Далѣе, эти лекарства были весьма ненадежны и неправильны въ своемъ дѣйствіи. Смотря по мѣсту употребленія какого-либо лекарственнаго средства, въ силѣ его свойствъ заключаются большія неравенства. Такъ напримѣръ, Cannabis indica почти недѣйствительно во Франціи и чрезвычайно сильно дѣйствуетъ въ Индіи, въ мѣстѣ своего происхожденія. Вообще, медицинскія растенія представляютъ собою множество особенностей. зависящихъ отъ условій временъ года, климата, культуры, возраста, состоянія воздуха, сухости его или сырости и т. д. Между тѣмъ, измѣняющіяся особенности эти не принимались въ прежнее время во вниманіе. Далѣе. способъ приготовленія точно также можетъ въ значительной степени измѣнять свойства лекарственныхъ снадобій. Такъ высушиваніе, производящее испареніе воды, благопріятствуетъ окисляющему дѣйствію воздуха, который и разлагаетъ растеніе на его составныя части. Вытяжки и тинктуры, полученныя изъ такого лекарственнаго снадобья, не заслуживаютъ, поэтому, довѣрія. Настойки, отвары и пр. видоизмѣняются въ своемъ дѣйствіи, смотря по времени, которое они находились подъ вліяніемъ тепла. Наконецъ есть водныя вытяжки, спиртовыя, сухія или мокрыя, различной силы, довольно часто смѣшивающіяся врачами.

Химія и физіологія новѣйшаго времени показали, что нѣкоторыя растенія содержатъ вещества, взаимно уничтожающія дѣйствіе одно другаго. Самый поразительный примѣръ въ этомъ родѣ представляетъ собою опій, тщательное изслѣдованіе котораго показало въ немъ присутствіе шести вполнѣ опредѣленныхъ алколоидовъ, имѣющихъ различныя и противоположныя свойства.

Ничего этого не знала древняя медицина. Она ходила ощупью, безъ яснаго пониманія какъ болѣзни, такъ состава и свойствъ употребляемыхъ ею же лекарствъ. Это даетъ уже достаточное понятіе о степени дѣйствительности ея предписаній. Свѣтъ проливался въ нее мало по малу, медленно, и если не такъ давно было еще въ медицинѣ довольно темно, то нельзя сказать, чтобы нѣкотораго мрака не существовало и въ настоящее время. Научное изслѣдованіе продолжаетъ двигаться впередъ, но еще очень далеко отъ цѣли. Сознательность употребленія лекарствъ, почти отсутствовавшая прежде, не составляетъ еще полнаго достоянія и современнаго медика, располагающаго также гром-

нымъ выборомъ ихъ. Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, все сказанное о древней медицинѣ и ея средствахъ можетъ быть отчасти отнесено и къ нынѣшней.

Въ недавнее время, въ противоположность грубой фармакопеѣ, заставлявшей больныхъ глотать невкусныя пилюли, капли, порошки и т. п. возникла фармакопея гомеопатическая. Здѣсь—удивительная простота, чистота и нѣжность! Микроскопическіе флакончики, безконечно-малыя капли, зернышки—производятъ безконечно большіе результаты... въ карманахъ медицинскаго сословія. Дозы лекарствъ употребляются милліонныя, милліардныя. Впрочемъ, оставимъ гомеопатію—она дѣло вѣры, заповѣдной области каждаго.

На западѣ гомеопатію и ея послѣдователей смѣшиваютъ съ возникшей тамъ недавно одной новой терапевтической школой. Подобное смѣшеніе для приверженцевъ послѣдней является, однако, и неособенно лестнымъ и совершенно незаслуженнымъ. Дозиметрія—такъ называется новая медицина, основанная бельгійскимъ профессоромъ, г. Бургрефомъ, пользующимся довольно широкой ученой извѣстностью—серьезное явленіе, ея послѣдователи—люди почтенные, добросовѣстные и разсудительные; и дѣйствія ея ощутительны. Смѣшеніе происходитъ, собственно говоря, благодаря миніатюрности пріемовъ лекарствъ новой медицинской школы. Онъ не больше пріема гомеопата. Но зато, въ то время какъ вы можете безбоязненно съѣсть все содержимое лавочки гомеопатическаго аптекаря, нельзя посовѣтовать вамъ проглотить содержимое хотя-бы одной трубочки дозиметра. Его лекарства имѣютъ пріятный видъ зернышекъ, розовыхъ, бѣлыхъ, голубыхъ, величиною съ просо, заключенныхъ въ маленькія стеклянныя трубочки. Каждое изъ этихъ зернышекъ содержитъ въ себѣ точно опредѣленное количество чрезвычайно сильно дѣйствующаго вещества. Это — стрихнинъ, атропинъ, никотинъ, мышьяковая кислота, кофеинъ, морфинъ и т. д., въ весьма малыхъ дозахъ, тщательнѣйшимъ образомъ измѣренные, взвѣшенные и приготовленные. Понятно, что слабость дозъ подобныхъ сильныхъ лекарствъ свидѣтельствуетъ, однако, о силѣ ихъ, неимѣющей ничего общаго съ гомеопатіей.

Эта новая медицина основывается на употребленіи алколоидовъ въ извѣстныхъ разумныхъ дозахъ. Подобное направленіе не представляется, однако, совершенно новымъ. Со времени открытія морфія и хинина врачи пользовались чуть-ли не всегда и не при всякомъ случаѣ этими сильными алколоидами. Но дозиметрія вполнѣ завладѣла ими и употребляетъ исключительно зернышки алколоидовъ съ прибавленіемъ седлицкой соли, фосфорнокислой извести, растительнаго угля. Послѣдователи ея придаютъ огромное значеніе показаніямъ термометра. Всѣ острыя болѣзни, говорятъ они, почти всегда влекутъ за собою возвышеніе температуры тѣла больного, лихорадку. Лихорадка—это первый признакъ болѣзни, наступающій тогда, когда нервная система только еще разстраивается, и разстраивается въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя завѣдуютъ кровообращеніемъ и, слѣдовательно, выдѣленіемъ теплоты. Это, продолжаютъ они, самый благопріятный моментъ для начала леченія, для захвата болѣзни путемъ возстановленія нормальнаго состоянія нервной системы, съ помощію алколоидовъ, способныхъ воздѣйствовать на нее, какъ показываетъ физіологія. Обыкновенные врачи дѣйствуютъ, между тѣмъ, въ этотъ періодъ какъ разъ наоборотъ, выжидая болѣе сильныхъ и ясныхъ проявленій.

Трудно предсказать, конечно, какой успѣхъ будетъ имѣть дозиметрія. Но, не смотря на то, что она не примѣняется ни въ одномъ госпиталѣ, число послѣдователей ея на Западѣ постепенно увеличивается. Въ Парижѣ образовался Institut libre de medecine dosimetrique, считающій сотнями своихъ членовъ. Здѣсь, а также въ Мадритѣ, Туринѣ, Лондонѣ, Опорто и въ Бреда издаются спеціальные журналы, такъ что гласности довольно у новаго метода. Наконецъ, въ маѣ нынѣшняго года собирался конгрессъ послѣдователей дозиметріи, принятый испанскимъ правительствомъ подъ свое покровительство.

Къ рисункамъ.

Въ галлереѣ предковъ.

(Рис. на стр. 801).

Помѣщенная здѣсь копія прекрасной картины извѣстнаго дюссельдорфскаго живописца Эверса,—историческій жанръ изъ жизни среднихъ вѣковъ. Принадлежащая къ высшему обществу дама, въ богатомъ придворномъ, того времени, костюмѣ приводитъ своего сына въ галлерею предковъ изъ роскошнаго родоваго замка. Она разсказываетъ своему, внимательно слушающему, мальчику о дѣлахъ и подвигахъ его знаменитыхъ предковъ, изображенія которыхъ, горделивыхъ и спокойныхъ, украшаютъ величественныя стѣны галлереи. Въ позѣ юнаго наслѣдника знатнаго рода, въ его гордо-закинутой головкѣ, въ смѣломъ взглядѣ его свѣтлыхъ глазъ такъ и чувствуется полное достоинства сознаніе принадлежности къ славному роду. Онъ слушаетъ свою мать съ напряженнымъ, одушевленнымъ вниманіемъ, ея разсказы навсегда запечатлѣются въ его душѣ. Слушаетъ онъ эти чудные разсказы о храбрыхъ, благородныхъ и галантныхъ рыцаряхъ, о мудрыхъ государственныхъ людяхъ или о добродѣтеляхъ и нѣжной прелести знаменитыхъ красавицъ его рода. И его задумчивый взоръ углубляется въ темное прошлое, и за этимъ полотномъ, за его изображеніями видитъ онъ эту жизнь крови и отваги, любви и поэзіи, старыхъ замковъ, блестящихъ желѣзныхъ рыцарей, благородныхъ дамъ и поэтическихъ менестрелей и тѣни давно минувшаго носятся въ его воображеніи.

Дѣти, несущія обѣдъ въ поле.

(Рисунокъ на стр. 804).

Въ жаркій лѣтній день всѣ взрослые въ полѣ. Тамъ идетъ неустанный спѣшный трудъ—въ волнахъ золотой, колосистой ржи ныряютъ съ серпами жницы, паритъ и гнететъ духота іюльскаго рабочаго дня. По деревнямъ остаются только маленькія дѣти и старухи; приготовивъ обѣдъ, посылаютъ онѣ своихъ маленькихъ внучковъ въ поле съ этимъ обѣдомъ къ трудящимся тамъ, ихъ тятькамъ и мамкамъ и веселой, говорливой гурьбой дѣтки торопятся, какъ прекрасно изобразилъ ихъ г. Коверзневъ, путаясь ножонками въ густой, цѣпкой травѣ по межамъ, гуськомъ тянутся по путанымъ тропинкамъ рощицъ и попадутъ таки во время и глотокъ свѣжаго квасу утолитъ жажду и промочитъ пересохшее горло жнеца а краюха свѣжаго хлѣба и ложка щей подкрѣпятъ усталыхъ, проголодавшихся тружениковъ и дастъ имъ новыя силы докончить ихъ мирную, дневную работу.

Лунная ночь въ Бахчисараѣ.

(Рис. на стр. 805).

Картина г. Кондратенко, удостоенная на прошломъ конкурсѣ золотой медали, обличаетъ въ художникѣ положительное дарованіе, въ самомъ полномъ значеніи этого слова. Получивъ право на конкурсъ, онъ не остановился на жалкихъ мотивахъ финскаго побережья, а увлеченный могучею кистью Куинджи на югъ, написалъ вещь безусловно сильную: „Лунная ночь въ Бахчисараѣ“, копія которой прилагается въ настоящемъ номерѣ „Нивы.“

Бахчисарай, собственно говоря, городишко очень грязный, „насыпанный въ яму“ по удачному выраженію одного туриста. Улицы тамъ и узки и непроходимо грязны. Вонь стоитъ тамъ невѣроятная,—и художникъ взявшій на себя трудъ писать улицу въ Бахчисараѣ, рискуетъ очень и очень своимъ обоняніемъ. Но когда взойдетъ луна, и зальетъ своимъ зеленоватымъ свѣтомъ бѣлыя зданія, минареты какъ сказочные великаны недвижно зачернѣютъ между черепичныхъ крышъ и дневныя міазмы не такъ благоухаютъ при ночномъ холодѣ,—тогда вы чувствуете себя окруженнымъ словно великолѣпіемъ фантастической обстановки. Вы забываете и неудобства пути, и нахальство мѣстныхъ проводниковъ-чичероне, и толчею несчастныхъ лавчонокъ... И полная тишь царитъ вокругъ: изрѣдка мелькнетъ чадра проходящей татарки, пробѣжитъ тощая, злая, искусанная собака—и опять недвижна декорація, залитая луннымъ свѣтомъ. Это-то впечатлѣніе полной тишины и спокойствія очень удачно передано на картинѣ молодаго, многообѣщающаго художника.

Съ Московской Всероссійской выставки.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

(Рис. на стр. 808 и 809).

XIV.

Кустарный отдѣлъ.

Ни въ одной странѣ не сохранились въ такомъ обширномъ числѣ и разнообразіи кустарные промыслы, какъ въ Россіи. Большое количество фабрикъ и заводовъ поглощаютъ производства этого рода въ силу оборотнаго капитала не допускающаго конкуренціи отдѣльныхъ, раздробленныхъ единицъ и кустари мало по малу бросаютъ излюбленный, изъ рода въ родъ переходящій промыселъ, превращаясь сами изъ самостоятельныхъ производителей въ обыкновенныхъ заводскихъ рабочихъ. Между прочимъ кустарная промышленность гораздо прямѣе и ближе сходится съ общимъ благосостояніемъ производителей, а значитъ народа; оно болѣе равномѣрно и правильно, вѣрнѣе, справедливѣе распредѣляетъ заработные, законные барыши, что же касается до общихъ принциповъ развитія дѣла—то это еще

вопросъ весьма спорный и врядъ ли за фабриками — останется побѣда, если только она не будетъ подготовлена искуственными или насильственными мѣрами. Разнообразіе кустарной дѣятельности у насъ поистинѣ изумительно. Кустарная промышленность обнимаетъ у насъ всѣ отрасли производства—ткани, обувь, сбруя, металлическія издѣлія, живописныя работы, предметы утвари и даже роскоши, конечно относительно, и наконецъ—работы исключительно ювелирныя съ производствомъ искуственныхъ драгоцѣнныхъ камней включительно.

Общій видъ кустарнаго отдѣла изображенъ на нашемъ рисункѣ.

На выставкѣ въ Москвѣ имѣется между прочими представителями кустарной русской промышленности, цѣлыя колекціи ювелирныхъ издѣлій, преимущественно Костромской губерніи, которыя настолько замѣчательны по вкусу композиціи и даже, въ техническомъ отношеніи, что мы надѣемся заинтересовать читателей, предлагая въ этомъ номерѣ таблицу рисунковъ—брошекъ, серегъ, цѣпей, крестовъ и пр. предназначенныхъ украшать сельскихъ красавицъ и вполнѣ соотвѣтствующихъ по цѣнѣ и ихъ, болѣе чѣмъ скромнымъ, средствамъ. Костромской губерніи, Костромской-же уѣздъ издревле славился искуствомъ своихъ ювелировъ—тамъ выработались положительно артисты этого рода, сочиняющіе рисунки разныхъ украшеній, рисунки, которыми не мѣшало-бы воспользоваться и болѣе крупнымъ городскимъ мастерамъ этого дѣла. Работы ювелировъ-кустарей распадаются на два главные отдѣла: приготовленіе искуственныхъ камней изъ цвѣтнаго стекла и, наборную; наборная работа, въ свою очередь распадается на четыре группы: штамповую, чеканную, позолотную и филигранную. На одной вещи болѣе сложной, часто соединяются всѣ эти роды работъ вмѣстѣ напр.: серьги (№ 1, см. рисунокъ) онѣ состоятъ изъ главнаго штампованнаго щитка раковинной формы и къ нему подвѣшено длинное граненое стекло, украшенное кистью изъ конскихъ волосковъ, на которыхъ нанизаны мелкія жемчужныя бусинки (№ 2) большія оригинальныя серьги кольцеобразныя, гнутыя изъ бронзовой золоченой проволоки съ пятью подвѣсками (№ 3) запонки штампованные съ филиграномъ и камнями, (№ 4) принадлежность туалета вышедшая изъ употребленія въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ — это копаушка, штампованная изъ жести или отлитая изъ олова. № 6 игольникъ изъ жести, съ узоромъ, вывсдениымъ чернью, № 7 пуговицы къ кафтану или къ рубашечному вороту, дутыс съ чернью, № 8 крестъ штампованный съ проволочною, шнуркообразною обтяжкою, № 9 серьги, роскошные, штучные, съ штампованнымъ бронзовымъ бантомъ, украшенныя филигранною работою и каменьями. № 10, серьги якореобразные, штампованые, № 11 серьги кренделемъ гнутые, № 12 серьги листомъ и бантомъ съ подвѣскою, № 13 обыкновенный перстень съ цвѣтнымъ, оправленнымъ въ олово стекломъ, № 14 крестъ штампованный или отлитой византійскаго образца „тѣльникъ“ и наконецъ образчикъ шейной цѣпи изъ отлитыхъ оловянныхъ звѣньевъ и бронзовыхъ штучныхъ проложекъ съ замкомъ-засовомъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ въ работу идетъ серебро и почти никогда золото — всѣ эти вещи исполнены большею частью изъ бронзы и олова и стоимость ихъ рыковая изумительно ничтожна, напр. серьги № 5 продаются кустарями ювелирамъ. оптовымъ покупателямъ, по полтиннику за сто паръ, серьги штучные № 9 по пяти копѣекъ за штуку, цѣпь—по три копѣйки со ста звеньевъ безъ сборки и по 5 копѣекъ за аршинъ со сборкою, и несмотря на эту дешевизну, потребность въ издѣліяхъ костромичей настолько велика, что масса производства даетъ въ концѣ концовъ изрядныя средства къ жизни производителямъ, кормитъ такъ сказать цѣлый край и уплачиваетъ государственные подати и налоги.

Къ тому же отдѣлу относится и оригинальное производство, витрина котораго изображена на нашемъ рисункѣ стр. 808. Это производство жителей громадныхъ сибирскихъ лѣсовъ—лыковое.

Лубъ и лыко въ народномъ хозяйствѣ Россіи составляютъ предметы крайней важности. Всѣ мѣстности нашего отечества обилующіе лѣсами, изстари занимаются драньемъ и разработкою древесной коры, примѣненіе которой къ дѣлу доходитъ до необыкновеннаго разнообразія. Изъ лыка плетутъ лапти,—эту популярнѣйшую обувь—шляпы, кульки, сосуды всевозможныхъ формъ и величинъ, веревки и веревочную упряжь, кульки и рогожи. Лубомъ обиваютъ телеги и сани, зимніе возки, ящики и короба для укупорки товаровъ, и, несмотря на относительную крайнюю дешевизну всего этого,—торговля предметами луба и лыка, помимо употребляемаго производителями для своего собственнаго хозяйства, достигаетъ до милліонныхъ цифръ, составляя въ нѣкоторыхъ областяхъ исключительный предметъ торговыхъ оборотовъ.

Границы этой дѣятельности, за послѣднее время значительнаго оскудѣнія лѣсомъ—съузились до нельзя по всей средней полосѣ Россіи—но зато расширились въ другихъ, исключительно богатыхъ лѣсомъ полосахъ, особенно на сѣверѣ и въ западной Сибири.

Города и села вездѣ увеличили спросъ на укупорочные, лыковые товары и западная Сибирь должна отвѣчать этому увеличивающемуся спросу, заступая убылое мѣсто тѣхъ производителей, которые за недостаткомъ лѣса должны были покинуть свое прежнее излюбленное дѣло. Тобольская губернія, особенно ея Тюменскій уѣздъ, является въ настоящее время главнѣйшею дѣятельницею по лыковому производству и на выставкѣ въ Москвѣ блестяще экспонируетъ—красивою и въ высшей степени оригинальною витриною, помѣщенною въ одной изъ соединительныхъ галлерей кустарнаго отдѣла. Лыковые предметы доведены искусниками-тюменцами даже до нѣкотораго изящества. Пучки лыка, доставленные какъ образцы, поражаютъ своею бѣлизною, мягкостью и чистотою выдѣлки—изъ этихъ душистыхъ, тонкихъ, хитро сплетенныхъ рогожъ—просто хоть шей костюмы... кромѣ того, на рогатыхъ шипахъ главной вѣшалки, красивыми гирляндами развѣшаны веревки,—отъ канатовъ въ руку толщиною до тоненькихъ шнурочковъ, шлеи, уздечки (обротки)—кульки, лапотки, берестяные табакерочки и пр. и пр. даже музыкальные инструменты въ видѣ погремушекъ и пастушьихъ рожковъ, издающихъ звукъ рѣзкій, но не лишенный своего рода прелести, особенно съ помощью резонанса—безконечнаго зеленаго лѣса и поемныхъ луговъ. Основаніемъ всего этого мочальнаго сооруженія служатъ лубяные ящики, сундуки и укладки—расположенные на нѣкоторомъ возвышеніи, для удобства обзора. На всѣхъ предметахъ наклеены ярлычки съ обозначеніемъ имени самого производителя и мѣста его жительства.

Политическое обозрѣніе.

Англичане въ Египтѣ.—Закрытіе Суэзскаго канала. — Араби-Паша.—Переговоры Порты съ англичанами.—Черты изъ дѣятельности въ Египтѣ европейскаго контроля.—Ситиваѣо.—Англичане и Ла-Маншская желѣзная дорога.—Франція—обученіе дѣтей военному дѣлу.—Германія—обученіе и тамъ дѣтей тому же.—Австро-Венгрія.—Румынія.—Корея.

Весь, или почти весь экспедиціонный корпусъ, посланный собственно изъ Англіи, уже прибылъ въ Египетъ и теперь ожидается отрядъ, отправляемый изъ Индіи, ожидается въ самомъ скоромъ времени, такъ какъ его командиръ, генералъ Макферсонъ, съ штабомъ, уже въ Суэзѣ. Насколько видно изъ диспозиціи англійскихъ войскъ, наступленіе, имѣющее цѣлью Каиръ, будетъ направлено не на линію Рамлэ—Кафръ-Дуаръ, а изъ Измаиліи, чрезъ Теллекебиръ и Загазигъ. Измаилія уже занята, Портъ-Саидъ—тоже; Араби-Паша, можетъ быть, не намѣревался отстаивать эти пункты съ особеннымъ упорствомъ, такъ какъ англичане овладѣли ими чрезвычайно легко и быстро, причемъ Портъ-Саидъ, напримѣръ, былъ взятъ всего 600 матросовъ. Теперь каналъ, фактически, въ рукахъ англичанъ, конторы компаніи (управленіе которой отказалось дать лоцмановъ для провода англійскихъ военныхъ кораблей) заняты военнымъ карауломъ, сооруженія канала оберегаются на протяженіи 24-хъ километровъ и самый каналъ закрытъ для торговаго движенія. Лессепсъ протестовалъ, но конечно на его голосъ не обращено ни малѣйшаго вниманія; однако, англичанамъ все таки, вѣроятно, надоѣлъ шумъ, производимый непреклоннымъ „патрономъ“ Суэзскаго канала и они на него уже жаловались французскому правительству. Надо замѣтить, что съ нѣкоторыхъ поръ о Лессепсѣ гораздо больше слышно, чѣмъ объ Араби-Пашѣ: который въ настоящую минуту какъ-то загадоченъ; пока въ его дѣйствіяхъ не видно ни плана, ни вообще прежней рѣшительности; движенія его приводили только къ болѣе или менѣе незначительнымъ схваткамъ; такъ, недавно, онъ сдѣлалъ небольшое нападеніе на англичанъ у канала Махмудіэ, кончившееся ничѣмъ. Теперь же сообщаютъ, будто онъ уходитъ изъ Кафръ-Дуара: впрочемъ, можетъ быть, отступленіе это объясняется необходимостью перемѣны фронта, въ виду того, что непріятель, вѣроятно, пойдетъ, какъ выше сказано, на Каиръ не изъ Рамлэ, а отъ Измаиліи.

Телеграфъ нѣсколько поторопился извѣстить, будто султанъ уже согласился, по требованію лорда Дёфферена, объявить Араби-Пашу мятежникомъ и отдать свои войска въ полное распоряженіе генерала Уэльслея. Новѣйшія свѣдѣнія опровергаютъ это извѣстіе. Что касается перваго требованія, то говорятъ, Абд-Уль-Гамиду трудно согласиться на него не только потому, что онъ калифъ, но еще и потому, что въ рукахъ Араби-Паши находятся документы, указывающіе на сношенія его величества съ нимъ и еще въ недавнее время, именно, во время миссіи Дервиша-Паши: въ отношеніи же требованія втораго, т. е. заключенія военной конвенціи, въ силу которой турецкія войска подчиняются главнокомандующему англійскихъ войскъ, Порта прибѣгнула къ своей обычной уловкѣ, всегда ей удающейся—„она вступила въ переговоры“, которые начала контръ-проектомъ; англичане, очевидно знакомые съ пріемомъ, поспѣшили уже отвергнуть этотъ контръ-проектъ, но такъ какъ лорду Дёфферину поручено сдѣлать нѣкоторыя уступки, то турецкіе министры имѣютъ возможность примѣнить свой обычный маневръ. Теперь уже, впрочемъ, они объявили, въ принципѣ, что турецкія войска не будутъ повиноваться никому иному, какъ турецкому генералу. Но что все это за комедія—къ чему англича-

намъ турецкія войска?.. Хедивъ перемѣнилъ министерство— теперь у него новое — подъ предсѣдательствомъ Шерифа-Паши. Къ чему оно ему?.. Оно ему необходимо, впрочемъ, для того, чтобы издавать указы, разрѣшающіе англичанамъ все, что имъ необходимо: такъ, онъ „уполномочилъ" ихъ воспретить подвозъ угля къ берегу между Александріей и Портъ-Саидомъ, затѣмъ „дозволилъ" имъ занять всѣ пункты канала, если понадобится—онъ дозволитъ имъ низвести его съ престола и замѣнить принцемъ Халимомъ-Пашей—бѣдные англичане не смѣютъ и шага сдѣлать безъ дозволенія Тевфика-Паши. Этотъ неуклюжій фарсъ, впрочемъ, выражаетъ признаніе (платоническое) авторитета Тевфика-Паши, котораго, говорятъ, они намѣрены непремѣнно поддержать въ званіи хедива.—Конференція пріостановила свои засѣданія. И давно пора.

Недавно, объ эксплоатированіемъ Египетъ европейскомъ контролѣ приведены нѣкоторыя интересныя подробности, указывающія насколько, въ самомъ дѣлѣ, благодѣтельно для египтянъ европейское завѣдываніе ихъ дѣлами: за время контроля, съ 1878 г. по 1881 г. налоги увеличены съ 7.432,982 фунт. стерл. до 10.524,270 ф. ст.; кромѣ того контроль не постыдился конфисковать въ пользу европейскихъ капиталистовъ 15 милліоновъ ф. ст., уплаченныхъ феллахами, этими несчастными и бѣднѣйшими тружениками для выкупа ихъ земельныхъ участковъ! И всетаки, долгъ „Египта" возросъ съ 75.597,600 ф. стерл., въ 1877 г., до 80.364,000 — въ 1881 г., при этомъ замѣтимъ еще, что хедивъ Измаилъ-Паша родоначальникъ этого долга — никогда и не думалъ получать отъ благодѣтельныхъ европейскихъ акулъ 75.597,600 ф. ст.—цифра ссуженныхъ ему суммъ составляетъ только немного больше половины этихъ милліоновъ, для собиранія которыхъ Европа опредѣлила на египетскую службу 1,300 — 1,400 своихъ авантюристовъ съ окладомъ болѣе, чѣмъ въ три съ половиною милліона р. с. на египетскій-же счетъ! И нынѣ „цивилизованнѣйшее" государство въ мірѣ пошло на египтянъ войной для возстановленія этого возмутительнаго обкрадыванія! И Гладстонъ является инициаторомъ войны, имѣющей столь честную цѣль! Все условно въ этомъ мірѣ, понятіе о честности тоже, вѣроятно, условно.

Въ Англіи, король Сетивайо добился своего: онъ получаетъ свое королевство обратно, но съ нѣкоторыми условіями: не возобновлять своей военной системы, не пріобрѣтать короны и т. д.

Англичане окончательно воспротивились проекту подводной желѣзной дороги въ Ла-Маншѣ — боятся, чтобы французы не воспользовались ею, въ случаѣ войны, для переправы своихъ войскъ въ Англію.

Объ этомъ, очевидно, французы еще не думаютъ, за то, помня l'année terrible, 1870-й годъ, они постоянно заботятся объ увеличеніи своихъ военныхъ силъ; еще въ прошломъ году одинъ французскій публицистъ, Рауль Фрери, въ изданной имъ брошюрѣ, указалъ на необходимость обучать военному дѣлу подростающее поколѣніе; эта мысль уже приведена въ выполненіе и въ нынѣшнемъ году, 14 іюля, военный министръ Бильо произвелъ смотръ батальону, сформированному изъ воспитанниковъ школъ одного квартала, дѣтей отъ 11 до 16 лѣтняго возраста, причемъ экипировка, выправка, знаніе пріемовъ и, вообще, службы, оказались образцовыми; теперь такіе батальоны формируются по всей Франціи подъ руководствомъ инструкторовъ изъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, согласно предписанію военнаго министра. Въ Monceaux-les-mines шайка какихъ-то негодяевъ произвела безчинства, взорвавъ динамитомъ врата въ церкви, причемъ священнику были сдѣланы угрозы, что его убьютъ. Оказывается, что это какая-то „черная шайка", что глава ея, нѣкій Дамей и его товарищъ, бѣжали и что порядокъ возстановленъ. Въ настоящее время Франція заботится также о пріобрѣтеніи новыхъ колоній на востокѣ, и именно въ Анамѣ, — по новопринятому способу у „цивилизованныхъ" государствъ, французы напали безъ всякой причины, на анамитянъ и заняли одинъ изъ пунктовъ.

Мы только что говорили о французскихъ дѣтскихъ батальонахъ — такіе же батальоны, въ скоромъ времени, будутъ введены и въ Германіи—примѣръ взятъ съ Франціи.

Австрійцы продолжаютъ свое дѣло на Балканскомъ полуостровѣ — Черногорія все болѣе и болѣе окружается австрійскими фортами, въ Босніи и Герцеговинѣ сосредоточенъ корпусъ въ 70 тысячъ человѣкъ для борьбы, вѣроятно, съ нѣсколькими десятками усташей? или для Салоникъ? Когда разрѣшится эта загадка?.. Въ Румыніи тѣмъ-же австрійцамъ удалось смѣстить Братіано, министра, энергически стоявшаго за экономическую и политическую независимость своего отечества, за дружбу съ Россіей. Его и смѣнили... Румынія, эта конституціонная страна, отличается нѣкоторыми особенностями, которыя, казалось-бы, скорѣе свойственны какой нибудь Бухарѣ и т. п. — тамъ, т. е. въ конституціонной Румыніи, а не въ Бухарѣ,—если крестьянинъ не уплатилъ недоимки, не только лишается всей хозяйственной обстановки,—орудій, скота, хлѣба и т. д., но и своей свободы, т. е. его выводятъ на рынокъ и—продаютъ на нѣкоторое время въ заработки. Это—фактъ, повторяющійся постоянно, и повторившійся недавно. Хороши конституціонные порядки!..

Недавно, американцы принудили правительство Кореи открыть имъ нѣсколько портовъ, англичане тотчасъ-же потребовали и для себя право входа въ эти порты, французы — тоже; но—не надолго послѣдовало это соглашеніе—партія народная, говорятъ, возмутилась и убила короля и королеву и многихъ правительственныхъ лицъ, за допущеніе европейцевъ въ предѣлы ихъ отечества. Подробности неизвѣстны. Корейцы понимаютъ видно хорошо что значитъ появленіе въ мирной странѣ жадныхъ европейскихъ торгашей „цивилизаторовъ"!..

Смѣсь.

Дешевая фотографія. Въ настоящее время, нѣкоторые парижскіе фотографы пользуются американскимъ способомъ дешеваго фотографированія. Вы входите въ фотографію, позируете впродолженіи трехъ или четырехъ секундъ передъ особымъ аппаратомъ, а затѣмъ, черезъ пять минутъ, по окончаніи сеанса, получаете дюжину своихъ фотографическихъ карточекъ, величиною въ почтовую марку. Все удовольствіе стоитъ одинъ франкъ. Изображенія, получаемыя новымъ способомъ, имѣютъ большое сходство съ тѣми, которыя нѣкогда воспроизводились на стеклѣ; вся разница заключается, кажется, только въ томъ, что теперь вы получаете сразу дюжину и на чрезвычайно тонкой желѣзной пластинкѣ, вмѣсто стекла. Вотъ какимъ образомъ все это дѣлается. Пластинка листоваго желѣза, замѣняющая стекло, предварительно подвергается обычнымъ фотографическимъ операціямъ въ темной комнатѣ, прежде нежели попасть въ камеръ-обскуру. Послѣдняя представляетъ собою на этотъ разъ ту особенность, что снабжена двѣнадцатью маленькими объективами, одного и того-же фокуса, которые и воспроизводятъ предметъ двѣнадцать разъ на одной и той-же пластинкѣ. Затѣмъ, возвратившись въ лабораторію, фотографъ фиксируетъ изображеніе и нагрѣваетъ пластинку, покрывающуюся при этомъ съ поверхности предохранительнымъ слоемъ. Послѣ этого, ему остается только разрѣзать полученныя карточки. Кажется, что употребляемыя пластинки суть тѣ самыя, которыя служатъ колеблющимися частями въ телефонахъ.

Нербуддскій мостъ въ англійской Индіи. Въ прошломъ году былъ оконченъ сооруженіемъ и открытъ одинъ изъ величайшихъ желѣзнодорожныхъ мостовъ англійской Индіи и, быть можетъ, даже всего свѣта; это мостъ черезъ Нербудду, построенный по планамъ Гакшау, для бомбейско-бародской центральной желѣзно-дорожной линіи. Въ этомъ мѣстѣ рѣка имѣетъ ширину въ 1,600 метровъ (75 саженъ). Двадцать лѣтъ тому назадъ, компанія, эксплуатирующая эту дорогу, построила здѣсь мостъ, который, однако, періодически разрушался въ дождливое время года. Тогда-то рѣшено было выстроить новый болѣе прочный, впродолженіи трехъ съ половиною лѣтъ. Новый мостъ, длиною въ 1,430 метровъ, стоилъ 8.300,000 франковъ. Нербудда считается первой изъ всѣхъ священныхъ рѣкъ Индіи, и если въ этой странѣ говорятъ, что, для религіознаго очищенія необходимо семь разъ искупаться въ Джумнѣ, три раза въ Сарасвати и разъ въ Гангѣ, то одинъ видъ Нербудды достаточенъ для очищенія. Въ глазахъ буддистовъ самый мостъ, построенный на этой священной рѣкѣ, сдѣлался священнымъ.

Каналъ между океаномъ и Средиземнымъ моремъ. Въ „Journal off." помѣщено извѣстіе о разсмотрѣніи коммиссіей замѣчательнаго проекта канала между океаномъ и Средиземнымъ моремъ. Каналъ этотъ будетъ имѣть 407 километровъ протяженія, между Бордо и Нарбонной и отъ 56 до 80 метровъ ширины, такъ что по немъ могутъ свободно проходить и поворачиваться въ немъ безъ всякаго затрудненія самыя большія суда флота. Такимъ образомъ сообщеніе между этими морями, происходящее до сихъ поръ черезъ Гибралтаръ, будетъ значительно сокращено. Общая стоимость постройки канала оцѣнена въ 1 милліардъ 500 милліоновъ франковъ.

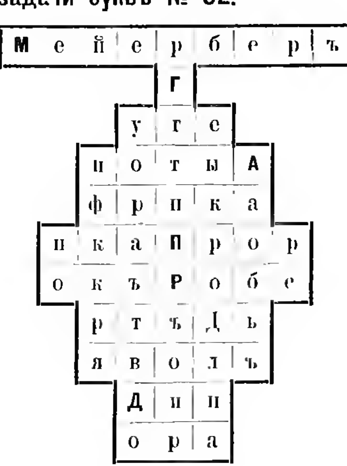
Электрическая лампа. Нѣсколько дней тому назадъ въ Лондонѣ производился опытъ съ новой электрической лампой, свѣтъ которой происходитъ отъ соединенія электрической свѣтовой дуги и раскаленнаго мрамора. Подъ мраморнымъ цилиндромъ, выдолбленнымъ внутри, установлены двѣ угольныя пластинки подъ угломъ въ 40° другъ къ другу, между концами которыхъ получается свѣтовая дуга, скрытая въ пустомъ пространствѣ цилиндра. Электрическая дуга накаливаетъ мраморъ до бѣла и вслѣдствіе этого получается непрерывное освѣщеніе подобное солнечному. Мраморъ накалившись испускаетъ столько лучей, что уничтожаетъ мерцаніе свѣта, этотъ главный недостатокъ всѣхъ электрическихъ лампъ. Угли въ этомъ аппаратѣ опускаются сами, вслѣдствіе собственной тяжести и потому не требуется никакого механизма для ихъ передвиженія при сгораніи.

Залы лондонской биржи, гдѣ производился опытъ, извѣстныя своей темнотой, прекрасно, не уступая солнечному свѣту, освѣщались, пока горѣли эти лампы. Даже послѣ того, какъ электрическій токъ былъ прекращенъ, раскаленный мраморъ испускалъ свѣтъ еще нѣсколько минутъ. Конструкція этой новой лампы очень проста. Это есть самый лучшій свѣтъ для освѣщенія галлерей съ произведеніями искуствъ.

Въ Спб. Зоологическомъ саду продолжаетъ имѣть большой успѣхъ феерія, поставленная г. Ростомъ „Въ 80 дней вокругъ свѣта“. Каждодневно является любоваться великолѣпнымъ представленіемъ по нѣскольку тысячъ человѣкъ. Въ закрытомъ театрѣ также прекрасные пѣвцы, концертанты и разсказчики постоянно привлекаютъ массу публики, которая, между прочимъ, особенно полюбила сцены и разсказы весьма талантливаго комика г. Гинсбурга. Бенефисъ этого замѣчательнаго артиста-разсказчика, бенефисъ, къ которому дѣлаются большія приготовленія, состоится въ среду 25 августа; мы обращаемъ на это вниманіе нашихъ читателей, которые конечно пожелаютъ посѣтить интересный бенефисъ своего любимаго артиста.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ:

Рѣшеніе задачи буквъ № 52.



1) дыня.
2) фракъ.
3) берегъ.
4) толь.
5) борода.
6) нора.
7) торп.
8) рейнъ.
9) Гурко.
10) Мервъ.
11) кепи.
12) а.

Мейерберъ. Гугеноты, Африканка, Пророкъ, Робертъ Дьяволъ, Динора.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Котельникова, О., Жукова, Тимофѣева; **Астрахань**—В. Сутыринъ; **Бахчисарай**—А. Дремджи; **Бобруйскъ**—М. Кр—ъ; **Владикавказъ**—А. Какалонъ; **Воронежъ**—Н. Орлова, А. и К. Смирновыхъ; **Гатчино**—И. Рейх—нъ; **Ст. Ивановка**—Раичкина; **Ковно**—Ю. Блюменталь; **Козьмодемьянскъ**—В. Ковалева; **Кострома**—Н. А. Хитрова, С. Коппева, С. Солодовникова. **Ст. Молоди**—В. Звѣвалина; **Нижній-Новгородъ**—Н. Ульева; **Одесса**—М. Китовера; **Петерговъ**—К. Каурова; **Ст. Серебрянна**—Женни; **Харьковъ**. А. Свитальскаго.

Задачи магическихъ квадратовъ.

№ 61.

а	а	а	а	а
а	а	а	а	а
а	а	г	г	з
з	и	и	н	н
р	р	т	т	ъ

№ 62.

а	а	а	а	а	а
а	а	а	а	а	а
а	а	и	и	к	к
к	к	л	л	л	л
м	м	н	н	о	р
р	т	т	т	т	ъ

№ 63.

а	а	а	а	а
а	а	а	а	а
а	а	б	б	б
б	з	к	к	к
к	к	р	р	т

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ

„ЭЛЕОПАТЪ“ только провизора Кинунена.

NB. Не смѣшивать съ „ОЛЕОПАТОМЪ“.

„Элеопатъ“ употребляется противо перхоти головы, и есть незамѣнимое. вѣрное средство для остапавливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ; пользуется всеобщимъ довѣріемъ тѣхъ лицъ, которыя употребляли это новое цѣлебное средство Продается во всѣхъ аптекахъ и лучшихъ косметическихъ магазинахъ и лабораторіяхъ.

Для **иногородныхъ** заказчиковъ и покуп. высылается не менѣе **2** флак. за **4** р., **содержащ.** 240 грам. При высылкѣ денегъ на заказъ, необходимо указать вотъ этотъ адресъ для гг. иногородныхъ: пишите: **Въ ГЛАВНОЕ ДЕПО „ЭЛЕОПАТА“, ПАССАЖЪ. МАГ. № 52. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, такъ какъ всякое изобрѣтеніе, пользующееся хорошею репутаціею подвергается поддѣлкѣ, то покорнѣйше пр шу почтен. публику требовать только „ЭЛЕОПАТЪ“ провизора КИНУНЕНА и точность и надпись КИНУНЕНА и остерегаться подражаній,—настоящій мой препаратъ называется „ЭЛЕОПАТЪ“.**

6—6 № 2149

ПОДТЯЖКИ-СПАСИТЕЛИ.

Новѣйшее изобрѣтеніе **Д-ра ЭСМАРХЪ**; не только служатъ **обыкновенными подтяжками**, но даже **эластичнымъ бинтомъ, для подднія первоначальной помощи, при несчастныхъ случаяхъ.** Эти подтяжки даже лучше всѣхъ другихъ, они плотно прилегають къ тѣлу и не безпокоятъ; притомъ стройно держатъ корпусъ человѣка. **СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ страдаютъ, даже умираютъ** отъ пораненій на фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ и въ тысячи другихъ несчастныхъ случаяхъ, **БОЛЬШЕ отъ потери крови, чѣмъ отъ самихъ ранъ.** Вышеозначенными подтяжками можно подать, **безъ всякихъ медицинскихъ познаній**, помощь раненому, даже спасти его отъ смерти.

Болѣе подробное описаніе этого изобрѣтенія: „Нива“ № 31 1882 г. стр. 742.

ГЛАВНЫЙ АГЕНТЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, **Г. ПЕТО.** КАРАВАННАЯ УЛ., 14/16.

№ 2204 Цѣна этимъ подтяжкамъ **2 рубля.** За перес. 4 почт. марки по 7 коп. 2—1

ПРЕВОСХОДНЫЙ КЛЮКВЕННЫЙ ЭКСТРАКТЪ

Ю. МЕРТЕНСА,

для приготовленія лимонада, морса, соусовъ и проч. и сгущенное **Итальянское молоко, по своему отличному качеству допущено къ продажѣ Медицинскимъ Совѣтомъ.** Получить можно у **Штоль и Шмидта, въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами, въ вольныхъ аптекахъ и фруктовыхъ магазинахъ.** Оптовый складъ въ С.-ПБургѣ, уголъ Разъѣзжей и Коломенской, № 49—35. № 2163 10—8

!!! НѢТЪ ПОЖАРОВЪ !!!

Слишкомъ 3,000 мѣстностей запаслись въ текущемъ году моими **новоизобрѣтенными ручными пожарными насосами** пріобрѣвшіе уже себѣ громкую извѣстность во всей Европѣ.

ЦѢНЫ НЕИМОВѢРНО ПОНИЖЕННЫЯ.

Насосъ за 5 руб., выбрасываетъ въ часъ 120 ведеръ воды на высоту 3 этажей.

Насосъ за 10 руб. (американской конструкціи) съ непрерывной струей, выбрасываетъ въ 1 часъ 200 ведеръ воды на высоту 4 этажей.

За упаковку и пересылку въ данную мѣстность взимается по 2 руб. сер. со штуки 5 рублевыхъ насосовъ, и по 3 руб. сер. съ 10 рублевыхъ.

Выписывающимъ сразу 25 насосовъ, упаковка и провозъ до мѣста назначенія не считаются.

Насосъ на колесахъ съ резервуаромъ и рукавомъ за 30 рублей, выбрасываетъ въ 1 часъ 300 ведеръ воды на высоту 5 этажей.

Выписывающимъ сразу 10 штукъ скидки 15%.

Всѣ три огнегасительные насосы дѣйствуютъ даже помощью 10 лѣтняго мальчика и замѣчательно примѣняются для сбрызгиванія садовъ, улицъ, полей, баттановъ и чистки растеній отъ насѣкомыхъ.

Послѣ полученія денегъ немедленно слѣдуетъ отправка насосовъ.

Исключительная продажа у Генриха Барыцкаго владѣльца торговаго дома „Commerce Russe“ въ Варшавѣ.

Деньги, письма, посылки, телеграммы адресовать: **Генрихъ Барыцкій, Варшава.**

Гг. требующихъ объясненія и заявляющихъ желаніе быть агентами, просимъ препровождать на отвѣтъ 14 к. марками. № 2177 6—6

за 500 р. уступки.

3 лѣтній договоръ на Главное **Представительство Первѣйшаго въ Царствѣ Польскомъ Коммерческаго Дома.** Постъ даетъ пользы 2000—3000 руб. годично. Требуется залогъ въ 3000 р наличными; обращаться лишь по 15 Августа с. г., адресуясь С. Русскій Варшава Краковское Предмѣстье № 20.

№ 2187 3—2

Въ депо машинъ, насосовъ и пожарныхъ трубъ

ТОВАРИЩЕСТВА

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,

С.-Петербургъ: Вас. Остр., 1 линія, № 10 и **Москва:** Мясницкая, д. Сытова,

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ

ВЪ БОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ

РАЗНАГО РОДА ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ.

Бук. № 2181 6—4

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ:

штифтовыя молотилки ручныя отъ 75 р., конныя съ приводомъ отъ 165 р., вѣялки отъ 35 р., жнеи Джонстона Тріумфъ по 300 р., сѣнокосилки Пальмкранца съ жатвеннымъ аппаратомъ по 200 р., конныя грабли Тигеръ по 75 р. и пр. и пр.

Иллюстрированные каталоги безплатно.

ЭКОНОМІЯ 90 КОП. СЪ РУБЛЯ

ОТЪ ДОМАШНЯГО ПРИГОТОВЛЕНІЯ ШИПУЧИХЪ ВОДЪ

СЕЛЬТЕРСКОЙ, ФРУКТОВЫХЪ и ЛИМОНАДОВЪ,

посредствомъ аппаратовъ и порошковъ продающихся съ подробнымъ для употребленія наставленіемъ у

Р. КЭЛЕРЪ и Ко въ МОСКВѢ, на Никольской.

Аппараты эти особенно удобны тѣмъ, что изъ нихъ можно отливать любое, и самое малое количество воды, безъ вреда для остатка.

Ц. № 2185 5—3

Цѣны аппаратамъ въ 3, 6, 9 и въ 15 стакановъ: 5, 6, 7 и 10 руб.; а съ укладкою для пересылки по почтѣ 5½, 6 р. 60 к., 7¾ и 11 р.; вѣсъ же ихъ съ укладкою: 13, 17, 18, 20 фунтовъ. **Цѣны коробокъ съ 10-ю зарядами,** каждый на 3, 6, 9 и 15 стакановъ: 55, 80, 115 и 160 коп.; съ укладкою 70, 100, 120 и 180 коп.; вѣсъ съ упаковкою ¾, фун., 1, 2 и 3 фунта.

А. Дейбнеръ,

магазинъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, Невскій пр., д. 10, напротивъ Мал. Морской, въ С.-Петербургѣ. Каталоги книгъ и журналовъ безплатно. П. № 2208 2—1

Изданіе ЮРГЕНСОНА.

33-я ТЫСЯЧА.

ПОЛНАЯ ШКОЛА ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

Ф. ГЮНТЕНА.

33-е изданіе съ новымъ русскимъ переводомъ, пересмотрѣнное, исправленное и дополненное **А. И. ДЮБЮКОМЪ** (профессоромъ консерваторіи и инспекторомъ музыки въ Александро-Маріинскомъ институтѣ) съ прибавленіемъ жизненныхъ правилъ для молодыхъ музыкантовъ Р. Шумана (на 3-хъ языкахъ; на русскомъ въ переводѣ Чайковскаго) и 20 новыхъ піесъ: Боже Царя храни! Львова. Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ! Бортнянскаго. Ужъ какъ слава Тебѣ Боже. Не уѣзжай, голубчикъ мой. Не брани меня родная. Гаданіе. Утушка, изъ оперы „Воевода“, Чайковскаго. Я помню все, Тарновской. Лучина лучинушка. Во полѣ березынька. Кубокъ Янтарный. Не бѣлы снѣги. Конькобѣжецъ вальсъ Годфрей. Хоръ изъ оперы „Гугеноты“, Мейербеера. Молитва и Польскіи изъ оперы „Галька“ Монюшко. Молитва изъ Моисея. „Любушка голубушка“, Дюбюка. Пестерь вальсъ Ланнера. A propos-polka, К. Фауста. Арія Зибеля: „Разскажите вы ей, цвѣты мои“, изъ оперы „Фаустъ“, соч. Гуно. Всѣ означенныя піесы аранжированы **А. И. ДЮБЮКОМЪ**. Въ школѣ находится изображеніе клавіатуры по методѣ **Брассёра и Іотти.**

ШКОЛА ГЮНТЕНА разошлась по Россіи сотнями тысячъ экземпляровъ, въ десяткахъ различныхъ изданій, но лишь съ 1872 г. изданіе впервые пересмотрѣнное и дополненное во всѣхъ отношеніяхъ профессоромъ **А. ДЮБЮКОМЪ.** затемнивъ всѣ бывшія до него изданія, заняло первенствующее мѣсто. Нынѣ, 33 изданіе школы вышло вновь и продается во всѣхъ музыкальныхъ торговляхъ Россіи по **2 руб. 50 коп. съ пересылкою.**

Кромѣ музыкальныхъ дополненій, указанныхъ выше, со стороны печатнаго дѣла: набора, печати и бумаги, сдѣланы всевозможныя улучшенія, внутреннія и внѣшнія; нельзя не упомянуть также о сшивкѣ (брошюровкѣ) каждаго листа этой школы не нитками, а стальною проволокой, посредствомъ вновь изобрѣтенной машины, что даетъ брошюровкѣ необыкновенную прочность, такъ что переплетъ книги становится лишнимъ. При переплетѣ же проволочная брошюровка не только не мѣшаетъ, но придаетъ еще большую прочность.

Всѣ музыкальные учебники изданія Юргенсона сшиваются теперь стальною проволокой, чѣмъ существенно отличаются отъ другихъ изданій.

Каталогъ дешевыхъ изданій Юргенсона высылается безплатно.

П. Юргенсонъ.

Коммиссіонеръ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества и Консерваторіи.

10. Неглинный Проѣздъ. 10. Москва. П. № 2179 3—2

MENTION HONORABLE PARIS 1878

№ 2014 а 10—10

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстный своими свойствами предотвращающими прѣніе частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, ***Гальманинъ*** *продается въ аптекахъ, а также у дрогистовъ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи.* ***Главное депо*** *находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, магистра фармаціи* ***В. Карпинскаго,*** *улица Электоральная № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к.* ***Нужно остерегаться поддѣлокъ*** *и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г.* В. Карпинскій *магистръ фармаціи.*

ЧАИ торговаго дома „ВАСИЛІЙ КЛИМУШИНЪ“.

Оптовая и розничная торговля развѣшенными чаями за пломбою и цѣльными ящиками, помѣщается на **Нижегородской ярмаркѣ**, противъ главнаго ярморочнаго дома, въ **Малой Овощной линіи**, въ лавкахъ за №№ 2 и 3 и на Шоссе, №№ 49 и 50, а также въ Урюпинской, Симбирской, Ростовской, Ярославской губ. и на всѣхъ украинскихъ ярмаркахъ.

ВООБЩЕ ЧАИ ТОРГОВАГО ДОМА МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ПОСТОЯННО

въ С.-Петербургѣ *), Варшавѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Орлѣ, Костромѣ, Саратовѣ, с. Боковѣ, Бузулукѣ, с. Борскомъ, Нижне-Уральскѣ, Оренбургѣ, Ташкентѣ, Царицинѣ, Сарептѣ, ст. Нижне-Чирской, Усть-Медвѣдицкой, Черномъ-Ярѣ, Енотаевскѣ, Астрахани, Дербентѣ, Шемахѣ, Кубѣ, Владикавказѣ, Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Баку, Керчи, Симферополѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ на Дону, Валуйкахъ, Ефремовѣ, Курскѣ, Конотопѣ, Кролевцѣ, Золотоношѣ, Ромнахъ, Нѣжинѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Глуховѣ, Ямполѣ, Переяславлѣ, Кременчугѣ, Елисаветградѣ, К.-Подольскѣ, Винницѣ, Проскуровѣ, Летичевѣ, Измаилѣ, Хотинѣ, Бѣльцахъ, Бессарабской обл., Житомирѣ, Сквирѣ, Бердичевѣ, Бѣлой церкви, Смѣлѣ, Городищѣ, Новгородѣ, Боровичахъ, Псковѣ, Люблинѣ, Ломжѣ, Радзинѣ, Сувалкахъ, Ковнѣ, Россіенахъ, Шавляхъ, Поневѣжѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ, Бѣльскѣ, Брестъ-Литовскѣ, Могилевѣ, Минскѣ, Несвижѣ, Новогрудскѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ.

*) ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Михайловская улица, въ домѣ **Европейской гостиницы.** **Во всѣ мѣста ЧАИ ОТПУСКАЮТСЯ исключительно изъ ГЛАВНАГО СКЛАДА въ Москвѣ, у Боровицкихъ воротъ.**

№ 2197 2—2

Дозволено цензурою. СПБ. 18 августа 1882 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ — № 35 — годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 28 Августа 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

В. И. Главачъ.

Музыкальными вечерами въ Павловскомъ вокзалѣ дирижируетъ, въ настоящее время, давно весьма извѣстный петербургской публикѣ, изобрѣтатель новаго оркестроваго гармоніума, Войтѣхъ Ивановичъ Главачъ. Это одинъ изъ лучшихъ композиторовъ и талантливѣйшій дирижеръ, долго управлявшій оркестромъ на музыкальныхъ вечерахъ въ Собраніи Художниковъ, въ Озеркахъ и нынѣ въ Павловскѣ. Подобно всѣмъ выдающимся дѣятелямъ музыкальнаго міра, Войтѣхъ Ивановичъ очень рано обнаружилъ свой выдающійся талантъ. Онъ—чехъ по происхожденію и родился, въ 1849 году, въ Ледечѣ. Въ 1853 году, имѣя 4 года отъ роду, мальчикъ, обладая поразительно вѣрнымъ слухомъ, уже игралъ публично. Еще 4 года спустя, онъ отправленъ былъ отцемъ своимъ въ Прагу, гдѣ вступилъ ученикомъ въ Пражскую консерваторію, главнымъ занятіемъ въ которой считается изученіе контрапункта. Большихъ усилій стоило отцу композитора добиться для сына права—быть переэкзаменованнымъ въ консерваторіи, куда принимаются ученики не моложе 17—18-ти лѣтъ. Однако, когда, по настоятельнымъ просьбамъ отца, талантливый восьмилѣтній мальчикъ допущенъ былъ къ экзамену, то такъ удивилъ наставниковъ, что немедленно принятъ былъ въ товарищи молодыхъ людей, вмѣстѣ съ нимъ подвергавшихся испытанію на вступленіе въ консерваторію. Здѣсь онъ старательно изучалъ контрапунктъ, игру на фортепіано, органѣ и гармоніумѣ. Средства къ жизни мальчикъ заработывалъ уроками, потому что отецъ его разорился.

В. И. Главачъ. Дирижеръ оркестра въ Павловскѣ. Съ фотографіи Бергамаско, грав. Ю. Барановскій.

Имѣя 16 лѣтъ отъ роду, даровитый юноша, блистательно окончившій курсъ консерваторіи, принялъ обязанности дирижера музыкальнаго общества въ Оравицѣ, откуда переѣхалъ во Вршацъ, въ въ качествѣ завѣдующаго сербскимъ пѣвческимъ обществомъ. Преданный идеѣ славянства, Войтѣхъ Ивановичъ явился ея горячимъ сторонникомъ въ венгерской Сербіи. Освященіе, при участіи депутацій отъ славянскихъ земель, перваго знамени пѣвческаго общества въ Вршацѣ устроено было подъ его руководствомъ. Всѣ-

рѣ юный чехъ былъ схваченъ мадьярами и сданъ въ солдаты. Отбывая въ Вѣнѣ воинскую повинность, онъ пользовался многими льготами, такъ что скоро, несмотря на свой солдатскій мундиръ, сталъ извѣстенъ публикѣ какъ дирижеръ, концертантъ и композиторъ. Нѣмецкая печать лестно отзывалась о немъ, а славянское пѣвческое общество избрало его своимъ дирижеромъ. Пять лѣтъ спустя, по выходѣ изъ консерваторіи, въ 1870 году, Войтѣхъ Ивановичъ переселился въ Россію. Здѣсь онъ поступилъ въ оркестръ Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ и 5 лѣтъ служилъ въ итальянской оперѣ. Затѣмъ долгое время былъ дирижеромъ въ Собраніи Художниковъ и, въ лѣтніе мѣсяцы, въ Озеркахъ.

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ удалось, наконецъ, даровитому изобрѣтателю *усовершенствованнаго гармоніума* выполнить свою идею. Дѣло въ томъ, что вновь изобрѣтенный музыкальный инструментъ настолько сложенъ, что ни одна изъ лучшихъ фабрикъ не бралась за его сооруженіе, считая идею изобрѣтателя положительно невыполнимой. Гармоніумъ В. И. Главача, по обилію звуковыхъ красокъ и эффектовъ—прекраснѣйшій оркестръ въ миніатюрѣ. Нѣкоторыя сочетанія регистровъ, напримѣръ арфы, скрипки, флейты, віолончели, церковнаго органа и т. д., производятъ полнѣйшую иллюзію. Гармоніумъ этотъ заключаетъ въ себѣ крайнее разнообразіе тембровъ, имѣетъ двѣ клавіатуры, независимыя одна отъ другой, и 31 регистръ. Кромѣ ножныхъ педалей, есть еще 4 педали для колѣнъ. Такой инструментъ даетъ возможность исполнять тему на звучащемъ уже аккордѣ. Изобрѣтатель исполняетъ на новомъ гармоніумѣ блестящимъ образомъ: увертюру „Вильгельма Телля", вступленіе къ оперѣ „Лоэнгринъ", сонаты для фортепіано Бетховена и Шопена, а также другія музыкальныя произведенія.

Въ послѣдніе два года, Войтѣхъ Ивановичъ совершилъ двѣ заграничныя поѣздки, въ Германію и Англію, чтобы ознакомить Европу со своимъ гармоніумомъ, имѣющимъ значеніе цѣлаго оркестра, при постановкѣ оперъ въ небольшой залѣ или на домашнемъ спектаклѣ.

Въ текущемъ году, приглашенный на лѣтній сезонъ въ Павловскій вокзалъ, Войтѣхъ Ивановичъ производитъ громадный фуроръ своимъ замѣчательно-хорошо составленнымъ оркестромъ.

Изъ музыкальныхъ произведеній В. И. Главача особенно выдаются его сонаты къ этюдамъ Шопена, состоящія изъ нѣсколькихъ пьесъ, при чемъ всѣ эти пьесы могутъ быть играны одна за другою, безъ перерыва, хотя каждая изъ нихъ представляетъ собою отдѣльное сочиненіе. Кромѣ того, за время пребыванія своего въ Сербіи, онъ написалъ много удачныхъ пьесъ по части народнаго хороваго пѣнія, а своими фантазіями на сербскія пѣсни для фортепіано достигъ извѣстности у всѣхъ сербовъ; онъ обработалъ также въ Сербіи православную литургію для мужскихъ голосовъ. Въ Вѣнѣ Войтѣхъ Ивановичъ издалъ много чешскихъ романсовъ и хоровыхъ пѣсенъ, а въ Петербургѣ—написалъ болѣе пятидесяти русскихъ романсовъ, оперу „Облава" и множество другихъ фортепіанныхъ и оркестровыхъ сочиненій.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе).

XXVIII.

Цѣль достигнута.

Между тѣмъ время приближалось къ веснѣ, въ городѣ начинали поговаривать о близости коронаціи и о тѣхъ необыкновенно щедрыхъ милостяхъ, которыя готовятся со стороны государя ко дню этого торжественнаго событія. Но и теперь онъ почти ежедневно расточалъ всякія милости; постепенно разсказывалось о томъ, что такой-то получилъ такую-то нежданную и чрезмѣрную награду, другой получилъ еще больше. Раздавались тысячи душъ крестьянъ, раздавались высшіе знаки отличія. Чтобы получить какой нибудь важный чинъ не требовалось ни времени, ни очереди: государь былъ доволенъ, ему сдѣлано было пріятное, а такъ какъ пріятное ему дѣлалось рѣдко, то онъ спѣшилъ отблагодарить и не зналъ мѣры своей благодарности.

Однако государыня и Катерина Ивановна Нелидова, вѣрныя принятому образу дѣйствій, иногда достигали того, что сокращали размѣры государевыхъ милостей и останавливали его чрезмѣрную щедрость.

Катеринѣ Ивановнѣ, настоявшей на своемъ и не принявшей дорогихъ брилліантовъ, присланныхъ ей государемъ, вскорѣ представился случай опять разсердить его. Онъ приказалъ заготовить указъ о пожалованіи ея матери двухъ тысячъ душъ. Онъ думалъ такъ:

„О денежномъ подаркѣ Катеринѣ Ивановнѣ я не смѣю и заикнуться; брилліантовъ, которые можно обратить въ деньги, она тоже не принимаетъ, а между тѣмъ вѣдь у нея нѣтъ никакихъ средствъ, должно-же ей подумать о будущемъ, да и наконецъ на добрыя дѣла нужны ей деньги. Чтожъ дѣлать?! подарю двѣ тысячи душъ ея матери, не ей подарокъ и она не рѣшится лишить свою старуху мать состоянія, а состояніе матери перейдетъ къ ней по закону и цѣль будетъ достигнута".

Но разсчетъ его оказался невѣренъ.

Катерина Ивановна, едва узнала о заготовленномъ указѣ, тотчасъ-же прислала государю письмо. Она писала ему:

„Ради Бога, государь, позвольте мнѣ просить у васъ какъ милости, чтобы вы уменьшили этотъ даръ, слишкомъ щедрый, на половину. Моя мать всегда сочла-бы за великое и неожиданное богатство тысячу душъ, отъ которыхъ не смѣю отказаться за нее, потому что она мнѣ мать; вы понимаете, государь, что мнѣ связываетъ языкъ въ этихъ обстоятельствахъ. Но я осмѣливаюсь завѣрить васъ всѣмъ, что есть для меня священнаго, что я сочла-бы истиннымъ благодѣяніемъ, если-бы по щедрости вашей, вы дали ей пятьсотъ душъ и моя мать конечно почитала-бы себя навсегда благодарной и щедро награжденной. Но двѣ тысячи душъ тяготятъ мнѣ сердце: моя мать и никто другой изъ моихъ близкихъ еще не служили вамъ. Время не ушло уменьшить вашъ даръ на половину и я, повергаясь къ стопамъ вашимъ, умоляю васъ объ этомъ. Можно объявить что двѣ тысячи душъ было выставлено по ошибкѣ. Сдѣлайте это, государь, ради Бога, пока на то есть время, снимите съ моего сердца тяжесть. Не сочтите моего поступка скромностью, я требую отъ васъ лишь справедливости, вы найдете между вашими подданными много людей, которые по истинѣ заслуживаютъ или заслужатъ современемъ этихъ подарковъ, которые останутся про запасъ. Подумайте о томъ, что источникъ вашихъ щедротъ можетъ изсякнуть, послушайтесь совѣта, который осмѣливается вамъ дать вашъ старый другъ".

— Что съ ней дѣлать? совершенно огорченный, сказалъ Павелъ Петровичъ императрицѣ, показывая ей письмо Нелидовой,—прошу васъ, уговорите ее не сердить меня и не дѣлать такихъ глупостей.

— Мои уговоры не приведутъ ни къ чему, отвѣчала императрица, вы такъ-же хорошо, какъ и я, должны знать это, мой другъ.

— Но подумайте что съ нею будетъ! я долженъ позаботиться о ея будущемъ, она можетъ пережить насъ съ вами, а когда насъ не будетъ, какъ отнесутся къ ней?! быть можетъ ей придется испытывать всякія лишенія...

— Это невѣроятно. Всѣ наши дѣти цѣнятъ и уважаютъ Катерину Ивановну и я постоянно внушаю имъ эти чувства...

Пришлось опять сдаться. Павелъ Петровичъ не могъ выносить сердитаго и огорченнаго вида Нелидовой, ему

нужна была ея свѣтлая улыбка, сознаніе, что она имъ довольна...

Въ числѣ лицъ, къ которымъ государь, несмотря на всю измѣнчивость своего настроенія духа, продолжалъ относиться постоянно любовно, были молодые Горбатовы.

Государь нѣсколько разъ былъ у нихъ въ домѣ и любовался ихъ счастьемъ. Они постоянно получали приглашеніе во дворецъ и были принимаемы въ самомъ интимномъ кружкѣ царскаго семейства.

Государь полагалъ, что съ удаленіемъ Зубова, грязная клевета, единственнымъ создателемъ которой онъ его почиталъ, теперь навсегда исчезла. Между тѣмъ было не такъ. Одна и та-же клевета часто выростаетъ въ различныхъ мѣстахъ и мы видѣли какъ зерно ея, невѣдомо какимъ способомъ, зародилось въ дворцовой церкви во время вѣнчанія Сергѣя и Тани. Клевета выростала и уже начала похаживать по городу, будто разносимая вѣтромъ.

У Сергѣя Горбатова не было враговъ, но были завистники, какъ у очень богатаго человѣка, какъ у одного изъ государевыхъ любимцевъ. И вотъ, несмотря на то, что карликъ Моська изо всѣхъ силъ оберегалъ своего Сергѣя Борисыча и Татьяну Владиміровну, не доглядѣлъ онъ какъ-то, отлучился изъ дому, а во время его отлучки принесли письмо.

Швейцаръ не обратилъ вниманія на принесшаго, положилъ письмо на обычное мѣсто, полагая, что это одинъ изъ просителей, которыхъ всегда много являлось со своими жалобными письмами въ богатый домъ, хозяева котораго щедро раздавали деньги всякому, кто заявлялъ о нуждѣ своей.

Сергѣй, вернувшись съ Таней изъ дворца, гдѣ они были вмѣстѣ, взялъ всѣ дожидавшіяся его письма и прошелъ съ нимъ въ кабинетъ. Таня отъ него не отставала.

— Большая сегодня корреспонденція! сказала она. Ну, мой милый, садись теперь вотъ въ это кресло, а я тебѣ буду читать эти письма, вѣдь не можетъ въ нихъ быть для меня тайнъ...

— Да и мало интереснаго, я думаю.

— Нѣтъ, напротивъ, быть можетъ и много интереснаго. Ахъ! сколько здѣсь нищеты и какъ мы должны благодарить Бога, что имѣемъ возможность хоть чѣмъ нибудь помогать несчастнымъ людямъ...

Таня распечатала первое попавшееся ей въ руки письмо; начала было читать его, но вдругъ остановилась, пробѣжала письмо глазами, слабо вскрикнула и схватила себя за голову.

— Господи! да за что-же? Прошептала она, блѣднѣя. Письмо выпало изъ рукъ ея.

Сергѣй испуганно взглянулъ на нее, схватилъ письмо, прочелъ, поблѣднѣлъ въ свою очередь и нѣсколько мгновеній они сидѣли неподвижно, не въ силахъ будучи вымолвить ни слова.

Въ письмѣ невѣдомый человѣкъ, осмѣлившійся подписаться „другомъ", сообщалъ Сергѣю о томъ, какого рода клевета ходитъ по городу относительно его и его молодой жены.

Таня очнулась первая.

— Милый, прошептала она, какое зло мы сдѣлали людямъ, за что чернятъ насъ, за что позорятъ твое честное имя? За что и на него такъ клевещутъ? Мы столькимъ ему обязаны, мы знаемъ его чистое сердце!.. Боже, какъ ужасны, какъ злы люди!

— Ахъ, что въ моемъ имени!.. глухо прошепталъ Сергѣй.

И въ первый разъ въ жизни прошепталъ онъ эту фразу, и никогда онъ не считалъ себя на нее способнымъ.

— Что въ моемъ имени! Тебя, моя голубка бѣлая, очернить хотятъ... я не могу этого вынести!

Стонъ вырвался изъ груди его; все въ немъ кипѣло; но что ему было дѣлать: онъ чувствовалъ себя безсильнымъ предъ такимъ оружіемъ...

— Недаромъ я не люблю этого Петербурга, между тѣмъ говорила Таня,—это ужасный городъ, здѣсь люди какъ-то невольно становятся злыми.

— Ахъ, Таня, люди вездѣ одинаковы!..

— Уѣдемъ отсюда, продолжала она, уѣдемъ скорѣй, пришло время исполнить наше желаніе; я уже думала, что намъ долго не удастся отсюда вырваться, да и не удалось-бы, тебя не выпустили-бы, но теперь другое дѣло, теперь мы можемъ уѣхать. Скорѣй, скорѣй, подальше отсюда. Тамъ, у себя, въ родныхъ мѣстахъ мы успокоимся и забудемъ всю эту здѣшнюю жизнь, все это зло.

— Да, ты права, сказалъ, нѣсколько начиная владѣть собою, Сергѣй, уѣдемъ, Таня...

— Завтра-же отправляйся къ государю, перебила она, просись въ отпускъ, да возьми это письмо на всякій случай съ собою, не смущайся... онъ потребуетъ узнать правду и ты скажи ему всю правду...

Они такъ и порѣшили, затѣмъ стали успокоивать другъ друга и кончилось тѣмъ что каждый изъ нихъ былъ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ. Но они только хорошо обманули другъ друга: каждый изъ нихъ негодовалъ и мучился.

На слѣдующій день Сергѣй рано утромъ поѣхалъ во дворецъ и былъ принятъ государемъ.

— Ты по дѣлу? спросилъ Павелъ Петровичъ, взглянувъ на него. Какая нибудь непріятность? Ты встревоженъ, говори скорѣй, что такое?

— Государь, простите меня, что я васъ безпокою, я долженъ просить отпуска въ деревню.

Государь покраснѣлъ, неудовольствіе изобразилось на лицѣ его.

— Отпускъ?!. въ деревню?.. протянулъ онъ.—Нашелъ время! Самое теперь время уѣзжать отсюда въ отпускъ. Сергѣй Борисычъ!..

— Мнѣ необходимо, ваше величество.

— Не ожидалъ я этого отъ тебя! Чтожь, работы много? Замучилъ я тебя, что-ли?

Сергѣй видѣлъ, что онъ раздражается съ каждой секундой все больше и больше.

— Ваше величество, вы гнѣваетесь, а мнѣ пуще всего невыносимо заслужить гнѣвъ вашъ!.. Ради Бога, не сердитесь на меня, у меня есть важныя причины желать въ настоящее время удалиться отсюда...

— Такъ скажи мнѣ эти причины, увидимъ каковы онѣ!

Сергѣй вынулъ полученное наканунѣ письмо и передалъ его государю.

Онъ быстро прочелъ его, побагровѣлъ и невольно вскричалъ:

— Таки добрались!.. Уберечь не съумѣли.

— Ваше величество, изумленно и чувствуя себя совсѣмъ несчастнымъ, проговорилъ Сергѣй,—значитъ вамъ уже извѣстно?

— Мнѣ ничего неизвѣстно! раздраженно перебилъ его Павелъ, потомъ замолчалъ и нѣсколько минутъ ходилъ по кабинету.

Сергѣй ждалъ, чувствуя какъ болѣзненно замираетъ его сердце, какъ безсильное бѣшенство подступаетъ къ груди его. Эти нѣсколько минутъ казались ему невыносимыми и безконечными.

Павелъ подошелъ къ нему и положилъ ему на плечо руку.

— Уѣзжай! сказалъ онъ тихимъ голосомъ,—тебѣ видно не судьба служить мнѣ... но неужели она это знаетъ, неужели ты не скрылъ отъ нея?

— Къ несчастію она знаетъ.

Сергѣй разсказалъ какъ было дѣло.

— Что же это? ужь безъ всякихъ признаковъ раздраженія, съ видимымъ душевнымъ страданіемъ и скорбію проговорилъ Павелъ Петровичъ. Что же это, не-

Всероссійская промышленно-художественная выставка въ Москвѣ. Военно-Морской Отдѣлъ. Съ фотографіи Шерера и Набгольца, снятой по заказу „Нивы“, грав. М. Рашевскій.

ужели мнѣ суждено приносить только несчастье друзьямъ моимъ, счастье которыхъ мнѣ хотѣлось бы устроить?!.

— Дорогой государь! со слезами на глазахъ обратился къ нему Сергѣй,—умоляю васъ, успокоитесь, и я и жена моя до скончанія дней нашихъ будемъ смотрѣть на васъ какъ на истиннаго нашего отца и благодѣтеля, и если я рѣшился просить разрѣшенія уѣхать теперь отсюда, то главнымъ образомъ не для себя, а для нея. Ей нужно успокоиться, ей нужно забыть это незаслуженное нами оскорбленіе, ей нужно быть теперь спокойной, низкая клевета нашла себѣ пищу именно въ такое время, когда жену мою нужно беречь отъ всякаго волненія не только для нея самой...

— Что ты хочешь сказать?

— На этихъ дняхъ я получилъ надежду сдѣлаться отцомъ.

— Другъ мой, поздравляю тебя, это большое счастье и ради такого счастья ты долженъ быть спокоенъ, забудь эту скверную клевету, ты хорошо знаешь. что никто отъ нея не избавленъ и что съ этимъ ядомъ нельзя бороться—противъ его не найдено и никогда не будетъ найдено средства. Благодарю тебя, что не скрылъ отъ меня истину. Да, теперь я вижу, что просьба твоя законна; уѣзжай, конечно уѣзжай, хоть мнѣ и грустно разставаться съ вами, но надѣюсь все же—разлука наша не будетъ продолжительна, я увижу тебя счастливымъ отцомъ семейства. Когда ты думаешь ѣхать?

— Когда ваше величество разрѣшите.

— Это зависитъ отъ тебя.

Государь обнялъ и крѣпко поцѣловалъ Сергѣя...

Черезъ недѣлю въ Петербургѣ узнали объ отъѣздѣ Горбатовыхъ.

Эта новость была такъ неожиданна, никакой особенной, уважительной причины для подобнаго отъѣзда найти не могли, начали судить и рядить!

„Немилость это?“

Нѣтъ, знающіе люди увѣряли, что нѣтъ никакой немилости, что напротивъ и государь и государыня выразили отъѣзжающимъ самое теплое участіе.

Какъ же объяснить, что люди убѣжали отъ своего счастья? Останавливались на самыхъ невѣроятныхъ предположеніяхъ.

Эпилогъ.

Прошло четыре года. Стояли первые теплые дни. Весна началась рано. Снѣгъ уже весь растаялъ и изъза сухихъ прошлогоднихъ листьевъ показывалась первая травка въ Горбатовскомъ паркѣ.

Въ послѣдніе годы не узнать стало Горбатовскаго. Домъ былъ перестроенъ заново. измѣнена была и внѣшняя его архитектура. Сергѣй Борисычъ не пожалѣлъ денегъ, чтобы на славу отдѣлать свое родовое гнѣздо. Огромный деревенскій домъ этотъ, прежде отличавшійся невзыскательной простотою, наполненный неуклюжей, иногда самодѣльной мебелью, теперь поражалъ роскошью обстановки. Мебель была выписана не только изъ Петербурга, но и прямо изъ-за границы.

Отъ прежняго дома, собственно говоря, осталась только зала съ хорами, увѣшанная старыми фамильными портретами. Къ дому теперь примыкалъ, завершая длинную анфиладу комнатъ, обширный зимній садъ, наполненный самыми роскошными тропическими растеніями, которыя подъ руководствомъ опытнаго нѣмца-садовника выращивались въ многочисленныхъ теплицахъ и оранжереяхъ.

Въ домѣ, незадолго еще передъ тѣмъ тихомъ и уныломъ, теперь было постоянное оживленіе, показывавшее, что хозяева живутъ въ немъ.

Дѣйствительно Сергѣй и Таня, какъ пріѣхали изъ Петербурга весною 1797 года. такъ и остались здѣсь безвыѣздно. Ужъ очень хорошо было имъ въ первое время на родинѣ. Къ концу года Таня благополучно родила сына, названнаго въ честь покойнаго дѣда Борисомъ.

Сначала еще поговаривали Горбатовы о поѣздкѣ въ Петербургъ; но несмотря на все желаніе увидаться съ нѣкоторыми близкими людьми и главнѣйшимъ образомъ съ государемъ и государыней, они все же глядѣли на эту поѣздку какъ на тяжкій для себя долгъ, исполненіе котораго старались отложить всѣми мѣрами.

Между Сергѣемъ и его петербургскими благопріятелями шла довольно дѣятельная переписка. Ему сообщались изъ Петербурга всѣ новости, но мало радости приносили эти письма. Читая ихъ печально задумывались и Сергѣй и Таня. Изъ этихъ писемъ и въ особенности изъ писемъ Кутайсова, уже подписывавшагося теперь своимъ новымъ графскимъ титуломъ, Горбатовъ узнавалъ, что государь, не смотря на продолженіе своей всесторонней изумительной дѣятельности, быстро измѣняется. Онъ на ногахъ, онъ въ постоянномъ движеніи, но между тѣмъ въ здоровьи его очевидно происходитъ быстрая перемѣна. Онъ не сознаетъ этого, не сознаютъ этого и почти всѣ окружающіе, сознаетъ одинъ только Иванъ Павловичъ, который лучше чѣмъ кто либо понимаетъ своего благодѣтеля.

И видитъ Горбатовъ какъ тяжело теперь иной разъ должно быть государю и какъ въ то же время тяжело должно быть и окружающимъ. Онъ становится все раздражительнѣе и раздражительнѣе, въ немъ развивается все больше и больше мелочность и подозрительность.

Скоро пришлось окончательно убѣдиться въ перемѣнѣ, происшедшей съ государемъ. Сергѣя перестали звать въ Петербургъ. И вотъ онъ узналъ наконецъ отъ одного изъ своихъ корреспондентовъ, отъ одного изъ тѣхъ друзей, которые всегда такъ рады бываютъ сообщить другу непріятное извѣстіе, что государь при многихъ свидѣтеляхъ выразился слѣдующимъ образомъ:

„Горбатовъ обманулъ меня, сказалъ что вернется—до сихъ поръ его нѣту—ну такъ мнѣ его и не надо!.. пусть и сидитъ въ своей деревнѣ!“

Никому конечно не пришло въ голову, что въ этихъ словахъ государя звучало прежде всего желаніе, чтобы Горбатовъ вернулся. Поняли такъ, что кто нибудь подставилъ ногу недавнему любимцу и что теперь пѣсня его спѣта. Потолковали объ этомъ, иные выразили равнодушное сожалѣніе, другіе порадовались неудачѣ ближняго.

Но вскорѣ затѣмъ Сергѣй получилъ письмо отъ Кутайсова. Иванъ Павлычъ писалъ ему:

„Не въ моемъ обычаѣ, милостивый государь мой, забывать старыхъ друзей и старыя услуги. Считаю до сего дня себя въ долгу у васъ, а посему поспѣшаю преподать добрый совѣтъ: если желаете сохранить къ себѣ милость государя—выѣзжайте немедля въ Петербургъ, но безъ огласки. Извѣстите меня когда прибудете и я исполню все, что въ моихъ силахъ, чтобы уговорить государя отмѣнить рѣшеніе имъ относительно васъ принятое и встрѣтить васъ по прежнему. Много, сударь, повредило ваше отсутствіе! Не знаю, удастся ли мнѣ все исправить, однако же пребываю въ упованіи на доброе окончаніе сего дѣла“...

— Что же, Таня, какъ ты полагаешь? спросилъ Сергѣй когда они окончили чтеніе этого письма. Ѣхать?

— Да. дѣлать нечего, отвѣтила она, надо разстаться намъ съ мирной здѣшней жизнью.

И въ то же время лицо ея выразило всю тоску, вызванную одной мыслью о Петербургѣ.

Тѣмъ не менѣе стали приготовляться къ отъѣзду.

Но судьба вмѣшалась и удержала ихъ снова. Маленькій Борисъ внезапно заболѣлъ. Врачъ нашелъ его положеніе серьезнымъ, объ отъѣздѣ нечего было и думать. Цѣлый мѣсяцъ былъ боленъ ребенокъ, а ко времени его выздоровленія получились новыя, не совсѣмъ

успокоительныя письма. Отъѣздъ затянулся и скоро перестали говорить о немъ.

Самъ Иванъ Павловичъ писалъ, что дѣло испорчено, называлъ поступокъ Сергѣя „губительнымъ“.

Сергѣй примирился съ мыслью о немилости государя и вдругъ почувствовалъ себя несравненно спокойнѣе. Не было больше колебаній, не стояла постоянно въ мысляхъ необходимость поѣздки, можно было успокоиться, сложивъ всю вину на обстоятельства.

Сергѣй такъ и сдѣлалъ, сдѣлала такъ и Таня. Окончательно основались они въ Горбатовскомъ. И забывали мало по малу свою придворную жизнь, для которой не были созданы, ушли всецѣло въ жизнь деревенскую. Вернулись привычки дѣтства, вернулись старыя воспоминанія.

Жилось имъ хорошо. Имъ дано было огромное и рѣдкое счастіе любить другъ друга не охлаждаясь съ годами и не отравлять своей согласной семейной жизни заботами о насущномъ хлѣбѣ, печальными думами о грядущемъ будущемъ. Все, что могло дать богатство, было у нихъ подъ руками. Роскошный домъ, неуступавшій своимъ великолѣпіемъ царскимъ чертогамъ, огромная толпа прислуги,—цѣлое государство въ миніатюрномъ размѣрѣ.

Горбатовъ былъ самымъ богатымъ и важнымъ человѣкомъ въ губерніи. Его богатство, ласковое обращеніе какъ его, такъ и Тани привлекали въ ихъ домъ постоянныхъ гостей. Незамѣтно сложился самъ собою строй привольной барской жизни того времени.

Время шло довольно скоро. Черезъ годъ у Тани родился второй сынъ, названный въ честь ея отца, князя Пересвѣтова, Владиміромъ.

Таня слыла первой красавицей. И дѣйствительно—она еще похорошѣла, расцвѣла. Она была довольна своей судьбой. Любимый мужъ, любимыя дѣти, большая хозяйственная дѣятельность, огромныя средства, дававшія возможность дѣлать много добра.

Иногда ей казалось, что становится меньше свободы. Иногда утомляли эти наѣзды, по большей части неинтересныхъ, гостей, эти большіе обѣды, празднества неизбѣжныя. Но во первыхъ, въ такія минуты она рѣшала, что иначе и быть не можетъ, а во вторыхъ, условія этой широкой барской жизни дозволяли ей, несмотря даже на присутствіе гостей, удаляться къ себѣ, въ свои комнаты, возвращаться къ любимымъ книгамъ или проводить часъ-другой одной съ дѣтьми, съ мужемъ.

Не совсѣмъ такою представлялась ей ея будущая жизнь въ тѣ дни, когда она убѣдилась, что Сергѣй возвращенъ ей. Но она рѣшила, что то были грезы, а теперь настала дѣйствительность.

Сергѣй, несмотря на все свое благополучіе, чувствовалъ себя значительно хуже. Ему повременамъ снова становилось скучно, снова одолѣвало его томленіе неудовлетворенности. Таня поглощена своими разнородными занятіями и онъ часто одинъ. И всего болѣе онъ одинъ тогда, когда окруженъ народомъ. Почти ничего общаго нѣтъ между нимъ и этими сосѣдями, по большей части людьми совсѣмъ необразованными, на которыхъ онъ поневолѣ долженъ смотрѣть сверху внизъ.

Но и у него задаются свѣтлыя минуты. Привезутъ изъ Петербурга посылку съ новыми книгами и газетами—онъ встрепенется и на нѣсколько дней хватитъ ему любимаго занятія.

Онъ любитъ природу, любитъ охоту. Окружающая родная природа навѣваетъ тишину ему на душу. Волненія охоты заставляютъ горячо биться его сердце...

Дни проходятъ за днями. Можетъ быть и хотѣлось бы чего нибудь иного, но онъ знаетъ, что иного нѣтъ на свѣтѣ. Онъ знаетъ, что это настоящее во всякомъ случаѣ счастливѣе и лучше его прошедшаго—и успокоивается на этомъ также какъ и Таня.

Всѣ эти сосѣди, всѣ эти гости, наполняющіе домъ его, вся губернія его почитаютъ, всѣ передъ нимъ преклоняются и въ то же время толкуютъ объ его странностяхъ.

„Отецъ былъ чудакъ, да и сынъ вышелъ такой же“! И нѣтъ, нѣтъ да и произнесется то тѣмъ, то другимъ и въ деревню занесенное слово. Называютъ Сергѣя „вольтерьянцемъ“.

„Вольтерьянецъ, это точно, этого ужъ не скроешь! говорятъ про него.—Все книги, Богъ его вѣдаетъ какія, читаетъ, въ церковь рѣдко заглядываетъ. Испортили его тамъ за границею. Не будь онъ „вольтерьянцемъ“ не сидѣлъ бы въ деревнѣ. Вѣдь ужъ какъ ни скрывай, а вѣдь всѣмъ извѣстно—въ Петербургъ бы и радъ показаться, да не смѣетъ. Ну, а при всемъ томъ человѣкъ добрый, обходительный—одно слово вельможа!“...

Таково было мнѣніе губерніи а Сергѣѣ. Онъ бы добродушно посмѣялся еслибы узналъ, что прозвище „вольтерьянецъ“ его такъ преслѣдуетъ, но конечно онъ не зналъ этого, да и вообще не интересовался тѣмъ, что о немъ говорятъ и думаютъ.

Такъ и прошли однообразно, не скучно и не весело, эти четыре года...

Сергѣй и Таня послѣ ранняго деревенскаго обѣда сошли со стеклянной терассы въ садъ. Никого почти изъ гостей на этотъ разъ не было у нихъ въ домѣ.

Нѣкоторыя дорожки сада уже были разчищены и просохли. Теплый весенній вѣтерокъ едва колыхалъ сухія еще вѣтки деревьевъ. Обширные цвѣтники, распланированные передъ домомъ, были разрыты. Садовники приготавливались начинать надъ ними работу. Пахло разрыхленой землею, въ воздухѣ неслось щебетаніе птицъ. По ясному небу плыли легкія весеннія облака.

Таня оперлась на руку Сергѣя и они молча пошли по усыпанной ярко желтымъ пескомъ дорожкѣ и долго молчали. Они медленно двигались нога въ ногу, любовно прижавшись другъ къ другу.

Приближеніе весны навѣвало на нихъ тихую дрёму, тихое пріятное раздумье. О чемъ? Обо всемъ. И о прошломъ, и о настоящемъ, и о будущемъ. Время отъ времени они глубоко вдыхали въ себя свѣжій чистый воздухъ.

— Вотъ когда хорошо въ деревнѣ, славное наступаетъ время! проговорилъ Сергѣй.

— Да, шепнула Таня,—не позавидуешь теперь городской жизни.

— А ты развѣ когда нибудь ей завидуешь?

— Ты знаешь, что нѣтъ.

— Однако, сказалъ онъ,—что это Степанычъ до сихъ поръ не возвращается изъ города, я ждалъ его все утро. Вѣдь мы давно таки не получали изъ Петербурга никакихъ извѣстій!..

Они снова замолчали и продолжали прогулку. И не успѣли подойти они къ дому какъ на встрѣчу имъ, озаренная яснымъ солнцемъ, показалась фигурка Моськи. Вотъ онъ ближе и ближе. Они уже могутъ различить лицо его.

— Что это съ нимъ такое? Что случилось? въ одинъ голосъ воскликнули и Сергѣй и Таня.

Моська шелъ, или вѣрнѣе плелся волоча за собою ноги. Лицо у него было заплаканное. Они поспѣшили къ нему.

Онъ остановился, взглянулъ на нихъ и вдругъ, закрывая лицо рученками, громко зарыдалъ.

— Что такое?! О чемъ ты?

— Не стало нашего благодѣтеля... скончался! сквозь рыданія проговорилъ Моська.

Сергѣй и Таня невольно вскрикнули и поблѣднѣли.

Между тѣмъ Моська вынулъ изъ висѣвшей у него черезъ плечо сумки письмо и подалъ его Сергѣю.

Сергѣй распечаталъ, прочелъ и передалъ Танѣ. Письмо это было отъ губернатора, который извѣщалъ Горбатова о кончинѣ государя.

Таня упала на грудь Сергѣя и залилась слезами. Сергѣй стоялъ какъ громомъ пораженный, ни слезъ не было, ни мыслей. И вдругъ онъ понялъ кого лишился. Вдругъ въ немъ нежданно встали и мучительно заговорили новыя чувства. Онъ схватился за голову.

— Ахъ, я несчастный! простоналъ онъ. Зачѣмъ-же я жилъ здѣсь, зачѣмъ меня тамъ не было. Онъ умеръ... умеръ такъ нежданно, такъ рано!..

И ясно, какъ живой, представился ему этотъ человѣкъ, на служеніе которому онъ когда то мечталъ отдать всѣ свои силы. И казалось ему, что этотъ человѣкъ глядитъ на него съ упрекомъ, будто говоря:

„Мало было у меня друзей и слугъ—да и тѣ покидали!!...“

Событія шли своей чередой. Началось новое царствованіе при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ. На молодого, вступавшаго на престолъ, монарха обращались всѣ взоры съ любовью и надеждой. Муза Державина воспѣвала хвалебный ему гимнъ. Всѣ оживились, всѣ воспрянули духомъ, всѣ свободно вздохнули...

Страстное, благородное сердце непонятаго труженика-страдальца успокоилось на вѣки. Мало кто оплакивалъ знаменательную, мрачную судьбу его. Все добро, которое въ немъ вмѣщалось, на глазахъ людей превратилось во зло. И этимъ зломъ долго была омрачена его память, пока наконецъ съ теченіемъ времени далекія событія не стали озаряться яснымъ, спокойнымъ свѣтомъ, пока злоба дня не стала превращаться въ исторію.

Время проходило и одинъ за другимъ исчезали съ жизненной сцены лица, появлявшіяся на страницахъ этого разсказа.

Почти одновременно съ кончиной государя, царское семейство понесло новую утрату. Вдали отъ родины, въ Вѣнѣ, скончалась Александра Павловна. Предчувствіе ея исполнилось, она не возродилась къ жизни, она медленно умирала четыре года.

Густавъ не вернулся къ ней и своими безумными поступками, своимъ легкомысліемъ, взбалмошнымъ характеромъ, приготовилъ себѣ печальную будущность. Великая княжна о немъ не освѣдомлялась, она знала, что волшебный сонъ ея прошелъ навсегда. Она окончательно примирилась съ мыслью о томъ, что жизнь ея кончилась, о томъ, что она умираетъ—и только изумлялась тому, какъ невыносимо долго происходитъ это умираніе.

Теперь она уже больше не волновалась и не плакала, тоска ея была тиха. Она на видъ казалась даже совсѣмъ спокойной и только временами блуждающій, разсѣянный взглядъ ея кроткихъ глазъ могъ указать на то, что она живетъ совсѣмъ въ особомъ мірѣ, живетъ своей внутренней, никому непонятной жизнью.

И дожила она этой жизнью до конца 1799, когда покорно исполнила волю своихъ родителей, пошла подъ вѣнецъ съ Іосифомъ Палатиномъ Венгерскимъ, эрцгерцогомъ Австрійскимъ. На этотъ разъ все устроено было безъ особыхъ затрудненій. Вопросъ о вѣроисповѣданіи великой княжны не явился препятствіемъ. Православные австрійскіе подданные праздновали радостную вѣсть о бракосочетаніи эрцъ-герцога съ единовѣрною имъ русскою великою княжною.

Покидая Россію великая княжна вышла изъ своего спокойствія, изъ своей апатіи. Она горько плакала и терзалась, прощаясь съ родными. Вѣдь она прощалась съ ними навсегда, злая смерть, такъ долго ее томившая, не захотѣла дать ей возможность умереть на родинѣ. Она ѣхала умирать въ далекую чуждую землю, умирать, не чувствуя передъ смертью ласкъ матери, не видя вокругъ себя ни одного близкаго и любимаго лица.

Въ императорскомъ австрійскомъ семействѣ, къ которому она теперь принадлежала, она встрѣтила вражду. Императрица Терезія возненавидѣла ее съ перваго же дня и стала подвергать ее самымъ невыносимымъ оскорбленіямъ.

Александра Павловна все выносила, никто никогда не услышалъ отъ нея ни единаго слова жалобы или упрека. Она продолжала умирать. Чѣмъ больше терзаній, чѣмъ больше обидъ и оскорбленій, тѣмъ лучше. Авось наконецъ смерть сжалится надъ нею и скоро возьметъ ее.

И смерть сжалилась—четвертаго марта 1801 года она скончалась, хотя наканунѣ еще доктора увѣряли, что она внѣ всякой опасности. Причина ея смерти осталась тайной, о которой много говорили и судили въ свое время и которую такъ и не разгадали...

Человѣкъ, легкомысліе котораго было одною изъ первыхъ причинъ несчастія Александры Павловны—князь Зубовъ избѣжалъ таки должнаго наказанія за всѣ свои грѣхи, за все то зло, которое онъ сдѣлалъ въ жизни. Впрочемъ, избѣжалъ ли? вѣрно рѣшить вопросъ этотъ было бы можно только заглянувъ въ его душу, а въ душу его никто не заглядывалъ. Мы можемъ только указать на внѣшнія обстоятельства дальнѣйшей судьбы его.

По приказу Павла Петровича выѣхавъ изъ Петербурга за границу, онъ путешествовалъ по Германіи. И всюду желалъ производить самое лучшее впечатлѣніе, изумлялъ всѣхъ своей обходительностью, любезностью, словомъ—тѣми качествами, которыхъ именно и не было въ немъ во дни его величія.

Оказалось у него теперь и нѣжное сердце. Онъ началъ съ того, что возилъ за собою какую то очень хорошенькую особу, переодѣтую камердинеромъ. Но затѣмъ эта хорошенькая особа исчезла. Онъ въ Теплицѣ влюбился въ красавицу эмигрантку Рошъ-Эмонъ; но вскорѣ распростился съ нею и принялся ухаживать за молодыми курляндскими принцессами, очень красивыми и очень богатыми. На одной изъ нихъ онъ намѣревался жениться, но герцогъ Курляндскій, помнившій прежнее надмѣнное отношеніе къ нему Зубова, не поддался и отказалъ ему въ рукѣ своей дочери. Тогда Зубовъ вознамѣрился насильно похитить принцессу. Герцогъ, какъ увѣряли, послалъ жалобу государю и Зубовъ получилъ въ скоромъ времени приказаніе вернуться въ Россію и поселиться въ одномъ изъ своихъ помѣстій въ Литвѣ.

Однако и здѣсь ему пришлось прожить не долго, счастіе продолжало ему улыбаться. Благодаря Суворову, дочь котораго была замужемъ за его братомъ Николаемъ, ему разрѣшено было вернуться въ Петербургъ и еще разъ Павелъ Петровичъ простилъ его. Чтобы добиться своихъ цѣлей, свѣтлѣйшій князь Платонъ Александровичъ предложилъ руку и сердце дочери новаго графа Ивана Павловича Кутайсова и тотъ, польщенный этимъ, сталъ за него ходатайствовать передъ государемъ. Зубовъ былъ назначенъ шефомъ перваго кадетскаго корпуса.

Но не смотря на новыя милости государя, въ немъ по прежнему кипѣла злоба и онъ оказался до конца въ числѣ непримиримыхъ тайныхъ враговъ его...

Въ началѣ царствованія императора Александра Зубовъ уѣхалъ навсегда изъ Петербурга и поселился въ одномъ изъ своихъ имѣній, Янишкахъ, гдѣ прожилъ до самой своей смерти, которая долго его щадила. Здѣсь въ деревнѣ этотъ „дней гражданинъ золотыхъ, истый любимецъ Астреи,“ по свидѣтельствамъ людей близко знавшихъ его въ то время, явился въ новомъ видѣ. Обладая громаднымъ состояніемъ (у него было до тридцати тысячъ душъ крестьянъ, не говоря уже о весьма значительныхъ денежныхъ капиталахъ и всевозможныхъ драгоцѣнностяхъ) онъ сталъ отличаться болѣзненной скупостью. Онъ самъ, не довѣряя никому, входилъ во всѣ мельчайшія подробности своего хозяйства, торговался съ жидами, умѣлъ обманывать даже ихъ. Сколачивая деньги,—а онъ не признавалъ иныхъ денегъ кромѣ звонкой монеты—онъ свозилъ свои капиталы въ

Гробница Мишле на кладбищѣ Перъ-Лашеза въ Парижѣ, освященная 13 іюля 1882 года.
Рельефъ скульптора А. Мерсье, рис. Ж. Лаве. грав. Шапонъ.

подвалы своего замка. Боченки съ золотомъ и серебромъ хранились въ этихъ подвалахъ. Платонъ Александровичъ въ праздничные дни сходилъ въ подвалы и по цѣлымъ часамъ любовался блескомъ этого золота и серебра...

Было чѣмъ любоваться—послѣ его смерти однихъ серебряныхъ рублей оказалось на двадцать милліоновъ.

И чѣмъ старѣе онъ становился, тѣмъ скряжничество его развивалось больше. Онъ даже началъ плохо одѣваться. Никто не видалъ его веселымъ, онъ на всѣхъ глядѣлъ мрачно и подозрительно, произнося кстати и не кстати фразу, сдѣлавшуюся его любимой поговоркой: „Такъ ему и надо, такъ ему и надо!“

Онъ сталъ бояться смерти. При немъ никто не смѣлъ говорить о покойникахъ. А между тѣмъ онъ быстро разрушался. Ему было не многимъ болѣе пятидесяти лѣтъ, но онъ имѣлъ видъ дряхлаго старика...

За полтора года до своей смерти Зубовъ отправился на конную ярмарку въ Вильно и встрѣтился тамъ съ молоденькой, хорошенькой полькой, Валентиновичъ. Она была дочь бѣдной вдовы, которая пріѣхала въ Вильно хлопотать о какомъ то дѣлѣ.

Панна Ѳекла Валентиновичъ заронила къ сердце стараго скряги искру чего то похожаго на страстное чувство и онъ, не долго думая, пожелалъ купить дочь у матери за деньги. Его предложеніе было отвергнуто, но паннѣ Ѳеклѣ улыбнулась мысль сдѣлаться свѣтлѣйшей княгиней и владѣтельницей огромнаго богатства. „Скверный старикашка умретъ скоро—и тогда можно будетъ пожить на славу!“

Она начала кокетничать съ Платономъ Александровичемъ и повела дѣло такъ ловко, что князь сдѣлалъ ей предложеніе и женился. Всего годъ прожилъ онъ съ женою и вѣроятно этотъ годъ не былъ изъ счастливыхъ въ его жизни...

Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ, вмѣстѣ съ Кутайсовымъ получившій графское достоинство, неутомимо работалъ почти во все кратковременное царствованіе императора Павла. Но незадолго до кончины государя, не смотря на все свое искусство и умѣніе пользоваться минутами, онъ вдругъ впалъ въ немилость и долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга.

Затѣмъ мы его видимъ въ качествѣ одного изъ крупныхъ дѣятелей 1812 года. Конецъ его жизни былъ тихій и скромный. Онъ доживалъ въ Москвѣ, удаленный отъ дѣлъ, уважаемый нѣкоторыми современниками, порицаемый многими. У ближайшихъ потомковъ о немъ составилось самое противорѣчивое мнѣніе. Но въ настоящее время опубликована, между прочимъ, его многолѣтняя переписка съ графомъ Воронцовымъ. Переписка эта полна интереса, ярко освѣщаетъ многія изъ событій нашего историческаго прошлаго. Ярко освѣщаетъ она и образъ самаго автора, образъ талантливаго, горячаго и желчнаго человѣка, сдѣлавшаго много полезнаго и хорошаго, сдѣлавшаго много ошибокъ, и какъ бы то ни было не безслѣдно поработавшаго въ жизни...

Остается сказать нѣсколько послѣднихъ словъ о людяхъ, не записавшихъ своего имени въ исторію, но пережившихъ вмѣстѣ съ историческими дѣятелями многія важныя событія.

Сергѣй Горбатовъ и Таня, не смотря на милостивое письмо къ нимъ императрицы Маріи Федоровны, не смотря на грустное письмо Екатерины Ивановны Нелидовой, которая послѣ смерти своего несчастнаго друга осталась въ своей „кельѣ“ молиться о душѣ его,—не поѣхали въ Петербургъ. Если они и прежде ненавидѣли этотъ городъ, то теперь онъ былъ для нихъ просто страшенъ. И какъ то такъ само собой сложилось, что надъ Сергѣемъ повторилась судьба отца его.

Годъ проходилъ за годомъ, понемногу начали старѣться и Сергѣй Борисычъ и Татьяна Владиміровна. Прошлое имъ казалось далекимъ сномъ. И съ каждымъ годомъ все больше и больше теряли они связь съ этимъ прошлымъ.

Прежняя Таня, теперь уже странно было называть такъ эту красивую, величественную женщину,—посвящала всѣ свои силы, всѣ свои знанія, пріобрѣтенныя во время Гатчинской жизни, своимъ двумъ подроставшимъ сыновьямъ. Въ ихъ воспитаніи и образованіи для нея открылись широкія цѣли, цѣлый новый міръ радостей и горя. И во всякомъ случаѣ жизнь ея была полна теперь и она не желала себѣ иного удѣла.

Карликъ Моська, хотя Горбатовская дворня и считала его по прежнему безсмертнымъ, дряхлѣлъ съ каждымъ годомъ, но все еще сохранялъ ясность мыслей и свѣжесть чувствъ.

Онъ обожалъ „крошекъ,“ какъ называлъ Бориса и Владиміра Горбатовыхъ, которые давно уже были болѣе чѣмъ вдвое выше его ростомъ. Онъ молился на свою золотую Татьяну Владиміровну. Онъ по прежнему „ходилъ около Сергѣя Борисыча“ и по прежнему журилъ его и распекалъ, даже гораздо чаще прежняго.

А забираясь въ свою тихую комнатку, гдѣ вѣчно пахло мятнымъ квасомъ, гдѣ на стѣнахъ красовались старыя, засиженныя мухами лубочныя картины, изображавшія адскія мученія, онъ вспоминалъ пережитыя бѣдствія. Вспоминалъ и благодѣтеля государя. Его совсѣмъ сморщенное, испещренное глубокими морщинами личико сморщивалось и съеживалось еще больше, на потухавшіе глаза навертывались слезы.

„Упокой, Господи, душу раба твоего царя Павла!“ шепталъ онъ, падая передъ кивотомъ съ иконами.

И навѣрное никто такъ горячо не молился, за исключеніемъ далекой Екатерины Ивановны, объ этой многострадальной душѣ, какъ старый карликъ.

Менѣе всѣхъ счастливъ въ роскошномъ Горбатовскомъ домѣ былъ самъ хозяинъ, „вольтерьянецъ“ какъ упорно всѣ продолжали называть его.

Хотя и спокойный духомъ, онъ чувствовалъ иногда тягость жизни, въ которой не было ясной, опредѣленной цѣли. Онъ понималъ, что цѣль могла бы явиться, — вѣдь подъ его власть около сорока тысячъ душъ крестьянъ, вѣдь это все живые люди, о которыхъ онъ когда то пророчествовалъ Ростопчину, что придетъ время когда эти люди будутъ свободны.

Но тогда наивный юноша вѣрилъ въ осуществленіе этихъ прекрасныхъ мечтаній,—теперь человѣкъ, уже перешедшій за вторую половину жизни, переставалъ вѣрить грёзамъ...

Мы еще встрѣтимся съ нашимъ „вольтерьянцемъ“ во дни его старости, во дни когда будутъ дѣйствовать новые люди, когда его дѣти будутъ пріобрѣтать житейскій опытъ, который такъ мало пользы принесъ отцу ихъ...

КОНЕЦЪ.

Чугунные фрукты.

Разсказъ **К. К. Случевскаго.**

(Посвящается павловскимъ дачникамъ).

Если вы, пріѣхавъ въ Павловскъ, направляетесь сквозь чугунныя ворота по шоссе, ко дворцу и далѣе, то не можете не замѣтить при одномъ изъ входовъ въ паркъ, двѣ чугунныя, плоскія вазы, наполненныя чугунными фруктами.

Знаете-ли странную легенду этихъ фруктовъ, одну изъ поэтическихъ страницъ павловскихъ лѣтнихъ исторій.

Эта исторійка въ высшей степени типична, особенно своею развязкою, и ее слѣдуетъ разсказать именно теперь, лѣтомъ, когда Павловскъ полонъ народу.

Исторійка построена на одномъ изъ проявленій весенней любви. Придетъ осень и можно будетъ говорить объ осенней...

Это было въ то время, когда Павловскій паркъ еще продолжалъ украшаться; храмики и фермочки его были новы и въ немъ не было того убійственнаго statu quo, который отличаетъ въ настоящее время наши лѣтнія резиденціи, имѣющія, въ этомъ отношеніи, большое сходство съ установившимися, неподвижными очертаніями, дремлющими въ быломъ, Версали, С.-Клу и т. п.

Чьи-то фантазіи участвовали только въ украшеніи, работали, производили!? Всякія фантазіи натруживались въ изысканіи средствъ украшенія, включительно до фантазій садовниковъ. Римскіе императоры и греческіе боги занимали отведенныя имъ мѣста.

Какъ разъ противъ тѣхъ чугунныхъ фруктовъ, о которыхъ упомянуто, стояла во дни оны небольшая дача. На дачѣ жилъ, лѣтомъ ея собственникъ—съ нимъ жила его жена. Зимою и лѣтомъ жилъ въ ней сторожъ и его жена.

Мущины въ то время носили еще цвѣтные фраки, свѣтлые жилеты; женщины широкія, на накрахмаленныхъ юбкахъ, платья, съ вздутыми въ пузыри рукавами.

Мужъ служилъ бы непремѣнно въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, если бы таковое въ тѣ дни существовало. Онъ былъ помологъ и энтомологъ, но министерства этого не было еще, хотя государственныя имущества на лицо, конечно, имѣлись.

Жена его была бы непремѣнно „dame bienfaitrice“, если бы въ тѣ дни существовалъ этотъ типъ служенія обществу. Покакъ не было министерства государственныхъ имуществъ, хотя были имущества, такъ не было и „салонной“ благотворительности, хотя были бѣдные, сирые и голодные и была вообще благотворительность.

Въ указанномъ нами отрицательномъ сходствѣ судьбы обоихъ. мужа и жены, Анны Павловны и Ефима Иваныча—это ихъ имена—была единственная общая черта ихъ, если не вспомнить еще молодости обоихъ и того что они вѣчно ссорились и считали себя свободными.

Анна Павловна была съ характеромъ чрезвычайно капризнымъ, фантастическимъ.

За ней сталъ ухаживать въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, молодой человѣкъ, маркизъ, одинъ изъ потомковъ французскихъ гугенотовъ, пріютившихся въ Россіи еще задолго до отечественной войны. Маркизъ былъ находчивъ, пылокъ; необходимо замѣтить, что, по прабабушкѣ своей онъ очутился православнымъ.

Православный маркизъ давно уже устремлялся къ Аннѣ Павловнѣ.

— Вы скучаете! говорила ему она,—вѣдь это все тоже!

— Какъ—тоже? совсѣмъ нѣтъ! Я безъ васъ не могу, я...

— Всѣ вы не можете, до поры до времени. Но всѣ вы такъ убійственно однообразны: первый взглядъ, второй взглядъ, первое слово, второе слово, первое свиданіе и, затѣмъ тамъ наступитъ второе—уже скучно, уже тоже самое...

— Но, Боже мой. говорилъ маркизъ, вѣдь и соловей поетъ все тоже самое и, можетъ быть, даже, тотъ же самый соловей, на той же вѣткѣ?

— Нѣтъ! Скучно, скучно.

— Я слышалъ объ одной женщинѣ, продолжалъ маркизъ, которая. ища разнообразія, была. наконецъ, принуждена выслушать признаніе въ любви въ лодкѣ воздушнаго шара. Полетимте! Хотите?

— Нѣтъ, это опасно и, къ тому же, тутъ тоже новаго не будетъ, тутъ, какъ вы сами сказали, будетъ повтореніе. И зачѣмъ летѣть въ небо? Можно и землей ограничиться.

Разговоръ этотъ происходилъ послѣ обѣда, на балконѣ. На столѣ передъ обоими собесѣдниками, стояла хрустальная вазочка, наполненная фруктами. Оба они, отъ поры до времени, кушали эти фрукты.

— Вы меня такъ настраиваете, проговорилъ маркизъ, что если бы я могъ сразу преобразить эти фрукты въ чугунные или каменные, я бы сдѣлалъ это непремѣнно. Ваши зубки....

— Но еще лучше долженъ бы быть мой желудокъ, отвѣтила она ему. Но чугунные фрукты—мысль не дурная! Дайте мнѣ чугунныхъ фруктовъ и тогда...

— И тогда!..

Цѣлый планъ дѣйствія сразу, мгновенно возникъ въ головѣ маркиза и онъ тотчасъ же приступилъ къ его исполненію.

На слѣдующее же утро отправился онъ въ дворцовую контору и распросилъ подъ рукою кто и какъ занимается украшеніемъ парка, и что думаютъ дѣлать прежде всего и скоро-ли это будетъ? Ему отвѣтили. что въ настоящую минуту обращено вниманіе на входы въ паркъ, предположено ихъ украсить. Есть предположеніе каменныхъ и чугунныхъ украшеній...

— Кто же. спросилъ маркизъ, завѣдуетъ этимъ? кому поручено?

— Что именно?

— Да хоть чугунныя украшенія у входовъ?

— Литейщику.

— Гдѣ живетъ?

— Тамъ-то.

Отправился маркизъ къ литейщику.

— Поручены вамъ такія-то работы?

— Поручены.

— Что вы думаете поставить у такого-то входа?

— Пока не знаю. Придумать трудно.

— Хотите: мысль дамъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Маркизъ сообщилъ свою идею о вазахъ съ чугунными фруктами; она была найдена литейщикомъ подходящею. Литейщикъ обѣщалъ воспользоваться ею и къ будущему году приготовить что нужно.

— У меня до васъ просьба, прибавилъ маркизъ?

— Какая?

— Сдѣлайте это сейчасъ!

— Какъ сейчасъ: надо рисунокъ, модель, надо разрѣшеніе отъ кого слѣдуетъ!

— Я заплачу вамъ особенно сверхъ того, что вы получите тамъ... У меня есть существенныя причины видѣть вазы съ чугунными фруктами готовыми еще въ нынѣшнемъ сезонѣ.

— Это невозможно.

— Однако!

Подумалъ литейщикъ и сообразивъ, что особенной трудности въ изготовленіи не будетъ. что совсѣмъ не излишне получить, сверхъ ожиданной, добавочную сумму, изъявилъ свое согласіе. О цѣнѣ условились.

Прошло не болѣе мѣсяца.

Въ одно прекрасное, дѣйствительно прекрасное утро. Анна Павловна, въ пунцовомъ пеньюарѣ, вышла на балконъ своей дачи и къ великому удивленію, бросивъ взглядъ на паркъ, увидѣла передъ собою двѣ новыя, до того не стоявшія, вазы. Работы по установкѣ чего-то шли уже дня три: рыли яму, клали фундаментъ. Въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ по всѣмъ угламъ парка шли работы, а объ разговорѣ своемъ съ маркизомъ Анна Павловна давно позабыла...

Эти вазы, озаренныя утреннимъ солнцемъ произвели на Анну Павловну какое-то странное впечатлѣніе. Какое-то новое чувство, знакомое должникамъ, проснулось въ ней. Это чувство не было, однако. лишено пріятности и пикантной новизны; удовлетворенное самолюбіе тотчасъ же шепнуло ей, что эти фрукты—вѣчны, что они нѣкоторымъ образомъ. при общественномъ сооруженіи, память минуты ея жизни и что она виновница возникновенія идеи.

Раньше обыкновеннаго смѣнила она пеньюаръ на платье и вышла гулять. Подойдя къ вазамъ она остановилась: чугунные фрукты, обрызганные росою, мерцали въ лучахъ утренняго солнца такъ свѣжо, такъ вкусно! Анна Павловна улыбалась самымъ откровеннымъ образомъ и чувствовала, что она переходила этими фруктами въ исторію Павловска.

Конечно въ тотъ же день маркизъ обѣдалъ у Ефима Ивановича и Анны Павловны; обѣдъ прошелъ очень весело и дня чрезъ три Анна Павловна съ утра отправилась по какимъ-то дѣламъ въ Петербургъ и вернулась поздно очень утомленная.

Характернѣе всего—вы этого пожалуй читатель не ожидаете—это что маркизъ, такъ-таки, говоритъ преданіе, и не заплатилъ литейщику обѣщанной ему дополнительной суммы. Мастеръ приходилъ много разъ напрасно—и наконецъ бросилъ мысль о добавочномъ вознагражденіи.

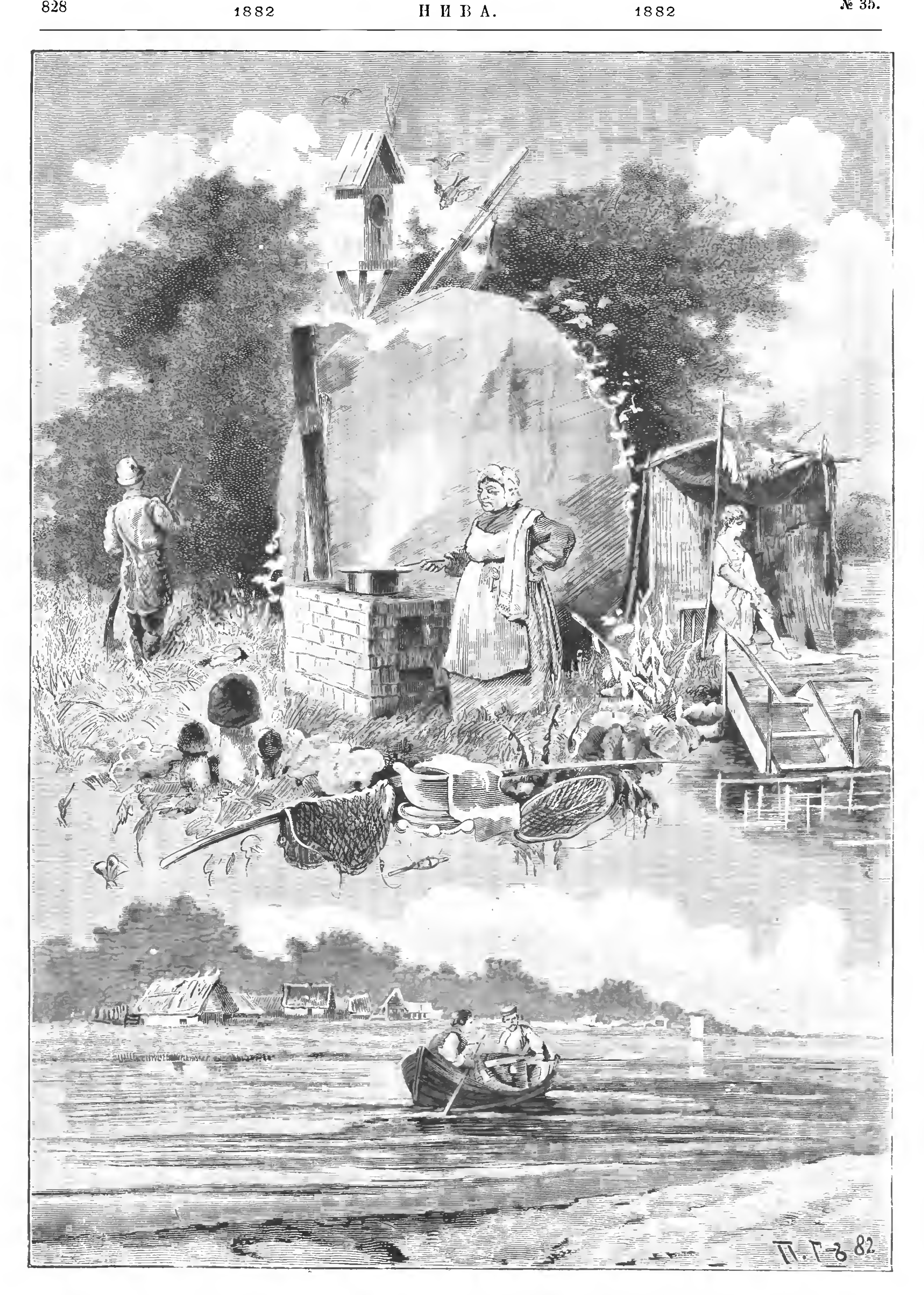
А чугунные фрукты красуются по прежнему на шоссе, при входѣ въ паркъ; Анны Павловны, Ефима Иваныча и маркиза—всѣхъ ихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ, но живетъ о нихъ легенда, которую я и передалъ здѣсь...

Морская пучина.

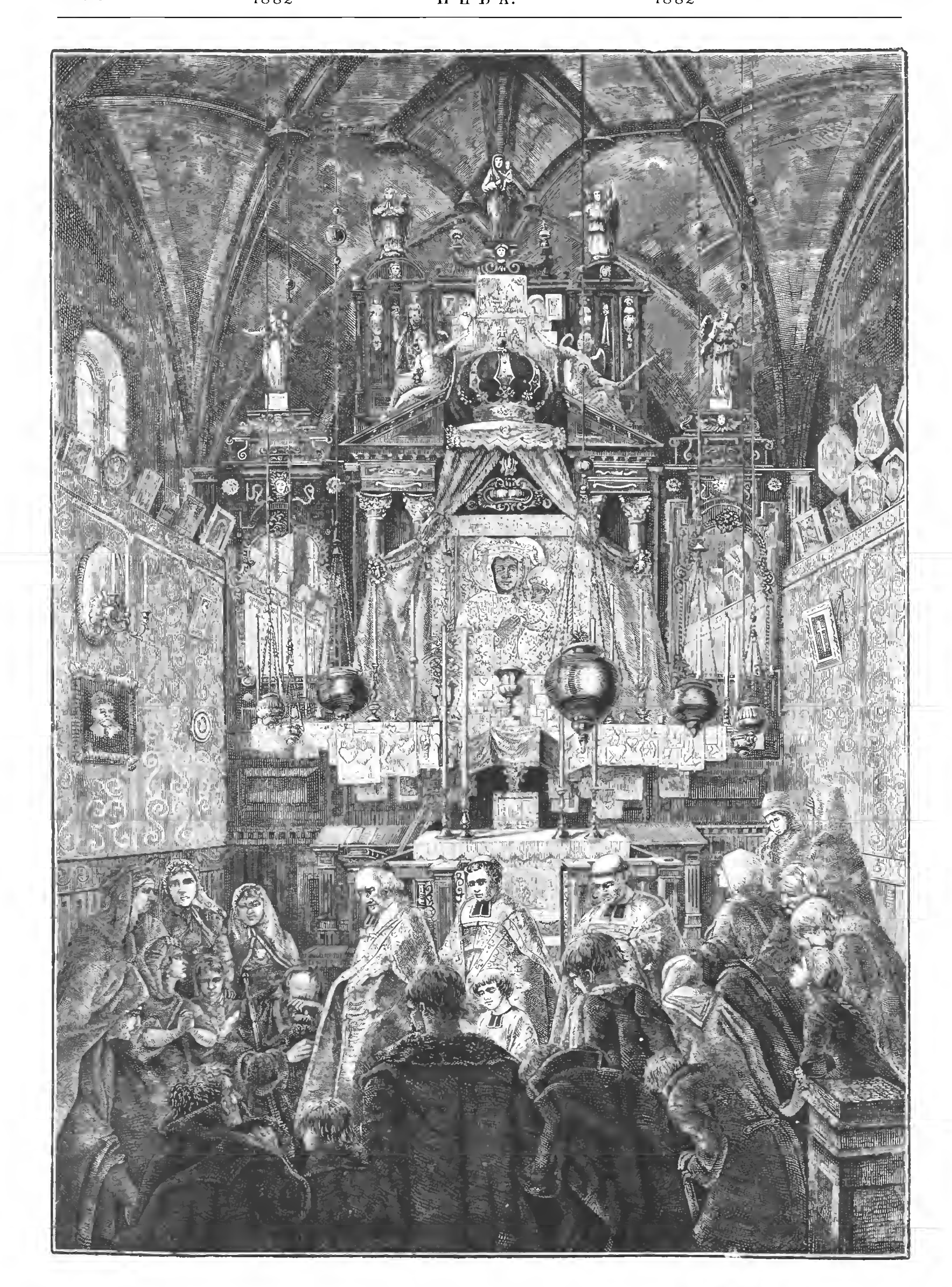
Очеркъ.

Точно также какъ газеты пользуются услугами лицъ. сообщающихъ имъ дневныя происшествія, такъ и наука прибѣгаетъ ко всевозможнымъ вспомогательнымъ средствамъ для разоблаченія тайнъ природы. Рядомъ съ различными телескопами и микроскопами изслѣдователь употребляетъ оптическіе аппараты для спектральнаго анализа, придумываетъ новые способы исчисленій и пользуется фотографіей для полученія вѣрныхъ изображеній при солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ. Для изученія движенія верхнихъ слоевъ воздуха онъ поднимается на воздушномъ шарѣ, наполняетъ вверху бутылки воздухомъ и потомъ подвергаетъ его химическимъ изслѣдованіямъ въ своей лабораторіи. Свойства земли онъ изучаетъ въ шахтахъ, въ горячихъ источникахъ, изслѣдуетъ лаву и окаменѣлости, а по остаткамъ растеній и животныхъ опредѣляетъ состояніе земной поверхности за нѣсколько столѣтій до нашего времени.

Для изученія глубины морской и морскаго дна придуманы



Лѣтомъ. Ориг. рис. П. П. Гнѣдича, грав. Рашевскій.



500-лѣтіе Ченстоховскаго монастыря. Алтарь въ капеллѣ Богоматери во время богослуженія.

По рис. Р. Штейна, Ü. L. M. грав. Флюгель.

также особыя приспособленія. Было замѣчено, что рѣки не составляютъ нераздѣльнаго цѣлаго, но идутъ отдѣльными водными теченіями, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою скорость и что по срединѣ рѣкъ вода всегда бѣжитъ быстрѣе нежели у береговъ. На морѣ также идутъ различныя теченія, то задерживающія корабли, то ускоряющія ходъ ихъ. Такія теченія идутъ отъ одной части свѣта къ другой, онѣ то и привели Колумба въ Америку и задержали португальцевъ во время плаванія ихъ вокругъ Африки. Когда Сѣвероамериканцы хотѣли освободиться отъ владычества англичанъ, они утаили отъ нихъ существованіе извѣстнаго имъ Гольфстрёма, простирающагося отъ Сѣверной Африки къ Америкѣ и который заставлялъ корабли, идущіе изъ Англіи, дѣлать обходъ въ теченіи 1 до 2 мѣсяцевъ, что увеличиваетъ расходы войны.

Позднѣе было замѣчено, что не только на поверхности воды теченіе ея имѣетъ различную температуру и скорость, но что и на глубинѣ ея есть также различныя теченія. Для изслѣдованія направленія, температуры и скорости этихъ подводныхъ теченій и былъ придуманъ аппаратъ французомъ Эмэ.

Эмэ устроилъ мѣдный цилиндръ, на днѣ котораго прикрѣпленъ штифтъ и на него положена магнитная игла. Въ цилиндръ онъ погрузилъ полоску съ крышкой на верху; на нижнемъ концѣ этой полоски, достававшемъ до компаса, было укрѣплено зубчатое кольцо такимъ образомъ, что при нажатіи кольца магнитная игла приходится между зубьями и задерживается ими; при поднятомъ же кольцѣ, она движется свободно. Подъ цилиндромъ привязана стрѣлообразная полоска съ однимъ крыломъ, которая показываетъ направленіе теченія. Для погруженія аппарата на глубину привѣшена гиря.

Если хотятъ воспользоваться этимъ указателемъ теченія, то привѣшиваютъ къ нему термометръ, заключенный въ плотный металлическій цилиндръ для предохраненія его отъ разбитія. Подвижной винтъ въ термометрѣ показываетъ температуру той глубины, на которую онъ погруженъ. Послѣ прикрѣпленія термометра, цилиндръ указателя теченія наполняютъ водою, поднимаютъ зубчатое кольцо до крышки и опускаютъ аппаратъ въ море. Затѣмъ послѣ нѣкотораго времени опускаютъ на веревкѣ легкую гирьку такъ, чтобы она упала на крышку полоски, которая этимъ освобождаетъ кольцо, захватившее при опусканіи магнитную иглу. Уголъ между компасомъ и стрѣлкой при вытаскиваніи аппарата и показываетъ направленіе теченія, а термометръ температуру его.

При помощи этого аппарата узнали, что внизу теплаго Гольфстрёма, идущаго отъ Мексиканскаго залива къ сѣверу Шотландіи и Норвегіи, течетъ холодная струя Дависова пролива. Оба теченія борются иногда одно съ другимъ, тѣснятся то къ сѣверу, то къ югу, что всегда влечетъ необычную перемѣну температуры воздуха. Тамъ гдѣ эти два теченія скрещиваются, посреди холодной воды попадаются теплыя струи, тутъ появляются всегда особенные виды морскихъ птицъ, находящія здѣсь пищу и указывающія путь кораблю. Куда попадетъ холодное теченіе съ массою льда, тамъ всегда холодно, вотъ почему восточный берегъ Гренландіи впродолженіи круглаго года всегда обложенъ льдомъ на далекое разстояніе, а потому недоступенъ и необитаемъ; напротивъ, гдѣ проходитъ теплый Гольфстрёмъ, тамъ даже зимою море не замерзаетъ.

Для изученія путей морскихъ теченій изслѣдовали приплывающій лѣсъ, который въ большомъ количествѣ скопляется на западѣ Шотландіи, у Орканейскихъ и Феррерскихъ острововъ, у Гренландіи, Исландіи, Шпицбергена и Янъ-Майена—этого полярнаго, покрытаго льдами острова. Изслѣдованія волоконъ, цвѣта и коры этихъ деревьевъ доказали, что онѣ приплываютъ изъ лѣсовъ Сибири, Сѣверной и Южной Америки, и даже съ западнаго берега Южной Африки. У береговъ Антильскаго острова Доминго найденъ лѣсъ, приплывшій отъ Южной Америки, который Гольфстрёмомъ можетъ заноситься въ Исландію; на западномъ берегу Шотландіи была найдена мачта военнаго корабля, сгорѣвшаго близь Доминго. Стволы сибирской лиственницы, приплывающей изъ устьевъ Лены къ Шпицбергену и Исландіи, на сѣверной сторонѣ всегда черны, а на южной красноваты, что служитъ признакомъ для опредѣленія этого дерева. У Феррерскихъ острововъ въ 1844 году появился стволъ сосны въ 5½ футовъ въ объемѣ; скопленіе лѣса здѣсь и въ Исландіи такъ велико, что имъ даже ведутъ торговлю. Миссисипи во время разлива вырываетъ цѣлые лѣса, которые и плывутъ по Гольфстрёму и такъ какъ за послѣднее время, около этой рѣки, по случаю распространенія хлѣбопашества вырубаются лѣса, то шотландцы и ирландцы стали жаловаться на уменьшеніе количества приплывающаго лѣса.

Для измѣренія морской глубины и изслѣдованія морскаго дна американскій лейтенантъ Брокъ изобрѣлъ очень остроумный аппаратъ, приспособленный такъ, что послѣ опущенія его на морское дно въ немъ отпечатлѣвались, или же приставали къ нему различные предметы, какъ-то: раковины, камни, глина, илъ, части растеній и пр. находящіеся на днѣ. При помощи измѣреній удалось получить точное измѣреніе морскаго дна и опредѣлить глубину моря. Теперь уже извѣстно, что на днѣ морскомъ есть горы, долины, пропасти, громадные еловые лѣса, но также несчаныя и каменистыя пустыни. Если вообще море не глубже 6—10,000 футовъ, то въ немъ бываютъ широкія и глубокія въ нѣсколько сотъ миль длины углубленія и разщелины. Въ Средиземномъ морѣ находятся два глубокихъ бассейна, каждый въ 6,000 футовъ. Адріатическое море у береговъ не глубже рѣки, но къ серединѣ постепенно понижается. Еслибы вода изъ него ушла моментально, то матрикъ, человѣку стоящему напримѣръ на днѣ моря, казался бы высокой горой въ 6—10000 футовъ.

Для ловли маленькихъ морскихъ животныхъ изобрѣтенъ неводъ, въ видѣ мѣшка, съ широкимъ отверстіемъ, погружаемый на дно моря при помощи тяжестей. Зубчатый желѣзный край мѣшка вырываетъ раковины со дна, которыя и попадаютъ въ неводъ. Такимъ способомъ открыто много новыхъ животныхъ. До сихъ поръ существовало мнѣніе, что глубже чѣмъ на 600—800 футовъ не въ состояніи жить въ морѣ ни одна рыба, ни одна раковина, вслѣдствіе громадной массы давленія воды. Между тѣмъ на глубинѣ въ 6—8,000 футовъ находили яркихъ цвѣтовъ живыя раковины. Тогда возникъ вопросъ, какъ появляются такіе прекрасные цвѣта на такой глубинѣ, гдѣ царствуетъ вѣчный мракъ и какъ выдерживаютъ эти животныя давленіе воднаго столба въ 6—8000 футовъ? Слѣдуетъ предположить, что воздухъ, находящійся въ водѣ, уменьшаетъ ея давленіе и что вмѣстѣ съ воздухомъ въ воду проникаютъ тѣ колебанія эфира, которыя производятъ цвѣта. На днѣ морскомъ находили такія породы раковинъ, которыя считались вымершими и которыя извѣстны были только по окаменѣлостямъ; находили также микроскопическія существа, о которыхъ не сложилось еще опредѣленнаго мнѣнія—животныя ли это или растенія?

О телеграфныхъ сообщеніяхъ.

Очеркъ.

„Если когда нибудь земля покроется сѣтью желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ линій, то они будутъ оказывать услугу сходную съ той, какую оказываетъ нервная система въ человѣческомъ организмѣ относительно передачи ощущеній и мыслей“, такъ писалъ Эрнестъ Генрихъ Веберъ, предвидя громадное значеніе новаго изобрѣтенія, когда онъ въ 1835 г. дѣлалъ предложеніе дирекціи Лейпциго-Дрезденской желѣзной дороги объ устройствѣ первой электро-магнитной телеграфной линіи между Дрезденомъ и Лейпцигомъ. Много трудовъ и усилій потребовалось изобрѣтательному уму, прежде чѣмъ напасть на истинный слѣдъ и сколько было и будетъ еще нужно трудовъ, чтобы окончательно усовершенствовать это изобрѣтеніе.

Еще въ глубокой древности часто дѣлались примѣненія различныхъ способовъ для возможно быстрой передачи условныхъ сигналовъ. Говорятъ, что уже во времена паденія Трои (1184 г. до Р. Х.), о событіи этомъ было сообщено въ Аргосъ, удаленный отъ нея на 70 миль, посредствомъ сигнальныхъ огней. Персидскій царь Ксерксъ (485—465 г. до Р. Х.) приказалъ выставить почтовое сообщеніе между Персіей и Греціей для передачи различныхъ извѣстій. Клеоксенъ и Демокритъ устроили въ 450 г. до Р. Х. оптическій телеграфъ посредствомъ условныхъ знаковъ, подобно телеграфу съ сигнальными огнями. Римляне во времена нашествія галловъ имѣли на слѣдующимъ образомъ устроенный факельный телеграфъ для быстрой передачи извѣстій цезарю, подобно тому, какъ это дѣлалось въ Персіи чрезъ разстановленную почту. Въ 1589 г. по Р. Х. Порто устроилъ въ Неаполѣ телеграфъ при помощи металлическихъ звуковыхъ трубъ, и труба распространяла звуки довольно далеко. Кецлеръ въ 1617 г. устроилъ оптическій телеграфъ, который состоялъ изъ бочки съ открывающимся клапаномъ; въ нее ставили свѣчку и открывали клапанъ столько разъ, сколько означала каждая буква алфавита. Маркизъ Варчестеръ въ 1633 году сдѣлалъ въ Англіи опытъ устройства оптическаго знаковаго телеграфа, но самый лучшій знаковый телеграфъ былъ устроенъ въ 1-й разъ въ Англіи въ 1684 году математикомъ Робертомъ Гокке. Когда-же были изобрѣтены зрительныя трубы, и онѣ были примѣнены для распознаванія условныхъ знаковъ, то телеграфъ этотъ сдѣлался значительно совершеннѣе; въ первый разъ телеграфъ съ такимъ улучшеніемъ былъ устроенъ Клавдіемъ Шарпе въ 1793 г. между Парижемъ и Лиллемъ. Первый проектъ устройства телеграфа, въ которомъ было примѣнено электричество, былъ сдѣланъ Карломъ Марсаль въ 1753 г. Здѣсь нужно было только посредствомъ электро-магнита производить токъ, который передавался по проволокѣ; она касалась электрическаго шарика и на клочкѣ бумаги чертила значки, означавшіе буквы. Подобный телеграфъ пробовали устроить—Лесаже въ 1774 г., Бомонъ въ 1794 г. и Зомерингъ въ 1808 г. Основаніе нашимъ настоящимъ совершеннымъ телеграфамъ положилъ профессоръ въ Болоньи Алоизій Гальвани (1737—1798 г.) изобрѣтеніемъ, которое по его имени было названо гальваническимъ электричествомъ.

Но настоящая слава этого открытія принадлежитъ профессору Александру Вольта, потому что онъ указалъ и исправилъ неправильный взглядъ Гальвани на этотъ предметъ. Дальнѣйшій шагъ къ усовершенствованію нашей телеграфной системы сдѣлалъ профессоръ въ Копенгагенѣ Ганцъ Христіанъ Орстедъ (1777—1851 г.) открытіемъ, что магнитная стрѣлка отклоняется въ сторону электрическимъ токомъ; а парижскій профессоръ Амперъ уже въ 1820 году устроилъ, основанный на этомъ, телеграфъ. Но во всякомъ случаѣ большая доля участія въ устройствѣ и введеніи настоящихъ телеграфовъ принадлежитъ тремъ современникамъ: математику Гаусу (1777—1855 году) профессору въ Геттингенѣ и двумъ братьямъ Эдуарду Веберу и Генриху Веберу. Послѣдній въ 1833 году много трудился надъ изслѣдованіемъ электро-магнитнаго телеграфа. Онъ провелъ двойной проводникъ (тогда еще не знали, что земля можетъ замѣнять одинъ проводникъ) отъ физическаго кабинета въ Геттингенѣ черезъ дома города до обсерваторіи, а впослѣдствіи еще дальше, до магнитной обсерваторіи. Его система была сходна съ телеграфомъ, устроеннымъ Амперомъ въ 1820 году. Послѣ долгихъ опытовъ, увѣнчавшихся полнымъ успѣхомъ, министръ Линденау приказалъ въ 1835 году Веберу сообщить о добытыхъ имъ результатахъ дирекціи Дрездено-Лейпцигской желѣзной дороги и изъ доклада его приведены нѣсколько словъ въ началѣ нашей статьи. Въ 1832 году Самуилъ Морзе (1791 — 1872 гг.) изъ Нью-Іорка, возвращаясь изъ Европы на родину, случайно узналъ на кораблѣ отъ одного пассажира, что въ Парижѣ разсказываютъ объ опытахъ Вебера съ телеграфомъ. Мысль эта такъ сильно запала ему въ голову, что онъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ работалъ надъ ней, не щадя своихъ силъ и денежныхъ расходовъ, пока наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, устроилъ въ 1835 г. электромагнитный телеграфъ и модель его представилъ въ Нью-Іоркскій университетъ, а въ 1837 году получилъ на свое изобрѣтеніе патентъ. Это была система, которая и въ настоящее время употребляется въ большинствѣ случаевъ—пишущій телеграфъ Морзе. Между тѣмъ было сдѣлано одно очень важное открытіе, имѣвшее вліяніе на дальнѣйшее усовершенствованіе телеграфа. Знаменитый физикъ, астрономъ и техникъ Карлъ Августъ Штейнгель, извѣстный профессоръ въ Мюнхенѣ, поощряемый Гаусомъ и Веберомъ, провелъ телеграфъ между обсерваторіей и своимъ домомъ въ Мюнхенѣ, причемъ онъ употреблялъ еще одну проволоку для прохожденія тока впередъ и другую для обратнаго движенія. Но въ 1838 году онъ нашелъ, что проволока для обратнаго прохожденія тока вовсе не нужна и что ее можетъ замѣнить земля. Это было еще въ то время, когда телеграфы устраивались различными способами. Такъ, Роландсъ хотѣлъ посредствомъ электрическаго тока устанавливать одинаково на двухъ станціяхъ часовые механизмы, снабженные кружками съ буквами, которые должны были поворачиваться такъ, чтобы каждый разъ желаемая буква была видна черезъ сдѣланное отверстіе, какъ на одной, такъ и на другой станціи. Также Зоакс, англійскій профессоръ, устроилъ въ 1836 году указательный телеграфъ и въ товариществѣ съ Ватстономъ взялъ въ Англіи патентъ на такъ названный имъ „пятистрѣлочный телеграфъ", по числу употреблявшихся въ немъ магнитныхъ стрѣлокъ. Съ 1841 года употреблялось магнитныхъ стрѣлокъ только двѣ, а съ 1845 только одна. Первый телеграфъ введенъ былъ въ 1840 году въ Англіи на Блеквельской дорогѣ; въ 1843 году на Рейнской желѣзной дорогѣ; въ 1844 году въ Америкѣ между Вашингтономъ и Балтиморой; въ 1845 году во Франціи: въ 1847 году въ Голландіи; въ 1849 году въ Бельгіи и Баваріи и т. д. Совершенно новая система телеграфа была изобрѣтена въ 1841 году англичаниномъ Блеквелемъ, это такъ называемый копировальный телеграфъ, гдѣ посредствомъ электро-химическаго способа можно передавать рисунки, рубописи и т. п. Въ 1847 году въ Пруссіи была назначена комисія для введенія телеграфовъ, въ которую былъ приглашенъ Вернеръ Сименсъ, нажившій себѣ громадное состояніе на устройствѣ телеграфовъ. Онъ въ 1849 году вмѣстѣ съ Гальске учредилъ въ Берлинѣ извѣстное всему свѣту „телеграфно-строительное общество". Его братъ Вильгельмъ Сименсъ еще раньше учредилъ подобное же общество въ Англіи. Берлинское общество первое устроило такъ называемый телеграфъ съ рельефнымъ письмомъ. Новый телеграфъ въ Австріи былъ устроенъ призваннымъ сюда изъ Мюнхена профессоромъ Штейнгелемъ, который въ 1851 году получилъ подобное же приглашеніе изъ Швейцаріи. Въ томъ же году находимъ мы введеніе телеграфовъ въ Россіи. Еще въ 1842 году сдѣланное Морзе предложеніе объ устройствѣ подводнаго телеграфа между Дувромъ и Кале было осуществлено въ первый разъ въ 1850 г. Въ 1855 году телеграфъ введенъ въ Норвегіи, а въ 1857 году въ Португаліи. Въ томъ же году подъ руководствомъ Вернера Сименса былъ проложенъ кабель между Кальяри и Боной. Въ 1858 былъ уложенъ атлантическій кабель. Тогда же Томсонъ устроилъ для подводнаго телеграфа очень полезный аппаратъ—зеркальный гальванометръ- это магнитно телеграфный аппаратъ, у котораго магнитная стрѣлка укрѣплена посрединѣ зеркальца; черезъ отверстіе въ стѣнкѣ падаетъ на зеркальце свѣтъ лампы и когда электрическій токъ отклонитъ стрѣлку, то это будетъ видно на ширмѣ, отражающей свѣтъ; онъ будетъ колебаться и служить такимъ образомъ сигналомъ. Приборъ этотъ такъ чувствителенъ, что одного элемента, состоящаго изъ серебрянаго маленькаго стаканчика, наполненнаго разбавленной сѣрной кислотой и погруженной въ него пластинки цинка совершенно достаточно, чтобы отправить подробную депешу изъ одной части свѣта въ другую. Тамъ, въ Америкѣ связываютъ вмѣстѣ концы кабеля, чрезъ которые проходитъ электрическій токъ изъ Европы въ Америку и обратно и пройдя 9 тысячъ географическихъ миль, онъ еще всегда даетъ совершенно отчетливую телеграмму. Теперь учреждаются телеграфы за телеграфомъ на сушѣ и подъ водою; особенно въ 1862 году увеличилось протяженіе телеграфныхъ линій, когда въ Россіи было предпринято устройство длиннѣйшей линіи, именно Сибирской, которая соединила Казань съ Кяхтой; въ этомъ же году былъ также положенъ кабель черезъ Атлантическій океанъ; второй кабель тамъ же былъ положенъ въ 1865 году. А въ слѣдующемъ 1866 году было устроено сообщеніе телеграфное посредствомъ кабеля изъ Ирландіи въ Сѣверную Америку.

Только ради исторической точности можно упомянуть здѣсь еще объ одномъ телеграфѣ, это именно гидравлическомъ, устроенномъ въ 1867 году Табуреномъ изъ Ліона. Водопроводная труба здѣсь замѣняла проводникъ и оканчивалась эластичнымъ клапаномъ съ чувствительнымъ рычагомъ, который отъ давленія воды двигался по шкалѣ. Можно было впередъ предсказать, что при тогдашнемъ быстромъ распространеніи электро-магнитныхъ телеграфовъ изобрѣтеніе Табурена не найдетъ себѣ практическаго приложенія. Съ этимъ же временемъ совпадаетъ появленіе такъ наз. пневматическаго телеграфа (какъ въ гидравлическомъ телеграфѣ посредствомъ давленія воды, такъ здѣсь посредствомъ воздушнаго давленія передавать сигналы), предложеннаго Спаре изъ Берлина. Подобный телеграфъ былъ предложенъ еще въ 1838 году Ролесмъ, но не былъ принятъ. Какъ извѣстно, эта система употребляется въ видѣ домашняго телеграфа, подобно телеграфу Сименса и Гальске, такъ какъ тутъ не имѣется надобности въ батареѣ. Отличный указательный телеграфъ устроилъ также Брегетъ въ Парижѣ. Устройствомъ копировальныхъ телеграфовъ пріобрѣли себѣ извѣстность Мейеръ, Бенъ и др. Нельзя не вспомнить еще разъ знаменитаго Морзе изъ Нью-Іорка. 10 іюня 1871 года этому человѣку, еще при жизни его, былъ воздвигнутъ монументъ на центральной площади Нью-Іорка. До 1872 года по одному и тому же проводнику посылали одновременно только одну депешу. Б. Майеръ изъ Парижа въ этомъ году нашелъ способъ по одному и тому же проводнику посылать нѣсколько телеграммъ сразу. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что передаются, попеременно одна за другой, буквы различныхъ депешъ. Но и на этомъ усовершенствованіи не остановились и дошли до того, что начали отправлять сразу двѣ депеши съ двухъ противоположныхъ концовъ. Американцы же посылаютъ одновременно, по одному проводнику четыре телеграммы въ противоположныхъ направленіяхъ. Въ такомъ положеніи находится нашъ настоящій телеграфъ, послѣ многочисленныхъ трудовъ великихъ изобрѣтателей, удовлетворяя всѣмъ практическимъ требованіямъ. Его громадное протяженіе, устроенное въ соразмѣрно короткое время, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ... Въ 1876 году длина телеграфныхъ линій на всемъ земномъ шарѣ равнялась 671, 723 километрамъ, изъ которыхъ на Европу приходится 336, 925 кил. мет., на Америку 168, 347, кил. метр., на Азію 39, 965 кил. метр., на Африку 12,639 кил. метр. и на подводные проводники 85.000 кил. метр. Самое большое число депешъ въ томъ же году было отправлено въ Соединенныхъ-Штатахъ Сѣв. Америки, именно 18.730,000, Австрія отправила 6.846.000 депешъ. Если копировальный телеграфъ возбуждаетъ удивленіе, то еще больше можно дивиться по случаю открытія въ новѣйшее время телефона, который даетъ возможность прямо передавать посредствомъ проволочнаго проводника на далекія разстоянія нашу рѣчь, нѣніе со всѣми оттѣнками тона. Еще въ 1860 году учитель естественныхъ наукъ въ Фридрихсдорфѣ, близъ Гамбурга, Филиппъ Рейсъ сдѣлалъ это открытіе. Черезъ каждыя пять лѣтъ открытіе это было принимаемо съ новыми усовершенствованіями. Особенно большую услугу оказали этому дѣлу профессоръ: Э. Грай въ Чикаго (въ Америкѣ), П. Ла-Коуръ въ Копенгагенѣ, Томасъ Эдисонъ въ Неваркѣ и профессоръ Александръ Грахамъ Бель въ Бостонѣ. Телефонъ послѣдняго времени самый совершенный. Достаточно сказать въ него не слишкомъ громко слово, и на отдаленномъ разстояніи можно даже узнать голосъ говорящаго. Съ этимъ телефономъ былъ устроенъ опытъ между Дрезденомъ и Лейпцигомъ и на разстояніи 100 километровъ, раздѣляющихъ эти города, совершенно ясно былъ слышенъ разговоръ. Къ этому аппарату былъ придалъ особый снарядъ, который каждое сказанное или пропѣтое въ телефонъ слово записывалъ на особый валикъ со всѣми переливами голоса, даже удары пульса, шаги мухи дѣлаются ясно слышимыми посредствомъ телефона.

Съ Московской Всероссійской выставки.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

(Рис. на стр. 820, 821 и 833).

XVI.

Военно-морской отдѣлъ.

Въ № 33 нашего журнала были помѣщены рисунокъ и описаніе пушекъ и другихъ предметовъ, выставленныхъ въ военно-сухопутномъ отдѣлѣ выставки.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о той замѣчательно полной коллекціи предметовъ и издѣлій, которая сосредоточена въ отдѣлѣ нашего морскаго вѣдомства.

Коллекція эта занимаетъ площадь около 200 квадратныхъ саженъ и расположена въ зданіи машинъ какъ разъ противъ грозной артиллерійской батареи военнаго вѣдомства.

Какъ въ декоративномъ отношеніи такъ и въ смыслѣ новизны, разнообразія предметовъ, коллекція морскаго отдѣла не оставляетъ и желать лучшаго.

Такая-же щеголеватость, примѣрная исправность и чистота, въ которой предметы этого отдѣла явились на выставку, существуютъ и въ дѣйствительности на всѣхъ судахъ нашего флота, но та художественная сторона обстановки коллекціи этой на выставкѣ, то умѣнье красиво драпировать, элегантно и со вкусомъ размѣстить флаги и другія украшенія по фасаду, обращенному въ сторону главнаго прохода, должны быть по всей справедливости отнесены какъ къ заслугамъ лицъ устраивавшихъ этотъ интересный, морской отдѣлъ такъ и къ капитану 2-го ранга Чайковскому, завѣдующему этимъ отдѣломъ.

Вдоль главнаго фасада морскаго отдѣла поставлено огромное, стальное 12 дюймовое береговое орудіе, изготовленное Обуховскимъ сталелитейнымъ заводомъ. Вѣсъ этой исполинской пушки доходитъ до 3,130 пудовъ, и стрѣляетъ эта пушка снарядомъ въ 810 фунтовъ (20¼ пудовъ) употребляя для заряда пороху въ количествѣ 313 фунтовъ.

Впереди только что упомянутой пушки стоятъ на морскихъ станкахъ, окруженныя всѣми предметами принадлежности, пушки: девятидюймовая, шести-дюймовая и девяти-фунтовая. И эти пушки изготовлены въ Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ.

Станки подъ эти пушки проектированы одни — генералъ-лейтенантомъ Пестичемъ, другіе — подполковникомъ Поповымъ и заключаютъ въ себѣ всѣ усовершенствованія, обусловливаемыя требованіями морскаго дѣла.

Рисунокъ, помѣщаемый въ этомъ номерѣ „Нивы“, снятъ съ высоты стальнаго, пароваго катера, изготовленнаго на Колпинскомъ Ижорскомъ заводѣ. Катеръ этотъ снабженъ машиною Compound, которая развиваетъ до 50 индикаторныхъ силъ и даетъ катеру 11 или 12 узловъ ходу, при давленіи пара въ 120 атмосферъ.

На ближайшемъ планѣ рисунка изображены слѣдующіе предметы, изготовленные на томъ-же Колпинскомъ заводѣ: 1) водолазный аппаратъ, шлемъ котораго выбитъ изъ цѣльнаго куска красной мѣди безъ спаевъ; кромѣ всего костюма водолаза тутъже стоитъ и воздухокачательная машина. Правѣе этого аппарата возвышается пирамида изъ трубъ зеленой и красной мѣди, искусно протянутыхъ, безъ спаевъ.

Позади аппарата читатель можетъ замѣтить прекрасно исполненные токарный, сверлильный станки а также верстакъ съ пилою. Такіе станки употребляются на судахъ нашего флота.

На второмъ планѣ рисунка видны ящики (2) съ образцами болтовъ, колецъ, заклепокъ, винтовъ, гвоздей и т. п. изготовляемыми Колпинскимъ заводомъ.

На другомъ столѣ поставлены сигнальные (3) фонари системы капит.-лейт. Табулевича, основанные на пульверизаціи скипидара вдуваемаго помощью мѣховъ и замѣчательно ярко сгорающаго въ остроумно устроенной горѣлкѣ фонаря. На противуположномъ концѣ стола помѣщена великолѣпная модель центральной паровой машины Кронштадтскаго пароходнаго завода (4), машина эта системы Уайта. Тотъ-же пароходный заводъ выставилъ судовую кухню или камбусъ (5) изящной отдѣлки на 200 порцій пищи, а также опрѣснительный аппаратъ съ приборомъ, для измѣренія количества опрѣсненной воды.

Переходя далѣе въ глубь морскаго отдѣла, невольно останавливаешься передъ красивыми моделями и вѣрными копіями натуральныхъ доковъ: плавучаго — въ г. Николаевѣ и сухаго дока въ Кронштадтѣ.

Нельзя также пройти безъ восторга мимо прелестныхъ моделей волжскаго парохода, клиперовъ и фрегата „Launch Launch“ исполненныхъ въ мельчайшихъ деталяхъ. Модели эти изготовлены въ модельной мастерской морскаго музея.

Тутъ-же поставлены компасы и уравномѣръ, изобрѣтенный кап.-лейт. Селезневымъ. Приборъ этотъ показываетъ высоту уровня воды въ морѣ въ различныя времена дня и ночи.

Особое вниманіе публики обращаютъ на себя предметы присланные минною кронштадтскою мастерскою. Два экземпляра самодвижущихся минъ Уайтхэда, одна въ собранномъ а другая въ разобранномъ видѣ (6), постоянно привлекаютъ къ себѣ толпы посѣтителей, заинтересованныхъ такой диковинкой морскаго дѣла. Цѣна такой мины въ кронштадтской мастерской не превышаетъ 2,100 руб., когда прежде приходилось платить за экземпляръ по 3,000 рублей, покупая мины въ Фіумѣ, близь Тріеста.

Кромѣ этихъ, сигаровидныхъ, самодвижущихся минъ, выставлены еще мины шестовыя, столь часто практиковавшіяся нашими отважными моряками, въ минувшую кампанію.

Подъ лѣвою аркою зданія помѣщены нѣсколько маячныхъ лампъ, модели миноносокъ, и приборъ: ревунъ, громкіе звуки котораго частенько раздаются по всему зданію выставки и публика толпами бросается на эти незнакомые, рѣжущіе ухо звуки. Въ морѣ-же этотъ ревунъ оказываетъ большія услуги, предотвращая столкновеніе судовъ во время тумановъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ издѣліяхъ гальванопластической мастерской Кронштадта, приславшей образцы гальванически осажденнаго желѣза, томпака, латуни, бронзы, серебра, золота и т. д. а также клише и многіе предметы украшеній произведенныхъ помощью гальваническаго осажденія металловъ.

Весь главный фасадъ морскаго отдѣла декорированъ весьма

Графъ Ѳ. П. Литке. † 10 Августа 1882 г. Рис. и грав. Нейманъ.

Печатаніе „Солнечнаго журнала“ („Soleil Journal“) посредствомъ солнечнаго двигателя г. Пифра. Съ рис. Лепера въ М. J. грав. Гельштейнъ.

Московская промышленно-художественнная выставка. Колокола издѣлія Оловянишникова. Съ [illegible]

роскошно и изящно, но стѣнамъ опорныхъ столбовъ развѣшано до 50 картинъ масляными красками, съ изображеніями судовъ, построенныхъ для нашего флота, за послѣдніе 25 лѣтъ. Множество картъ, таблицъ украшаютъ стѣны и характеризуютъ труды нашихъ моряковъ.

Канаты, тросы, веревки и т. д. перевитые между собою и сложенные въ пирамиды, также послужили въ смыслѣ декоративныхъ украшеній.

Лежащій возлѣ морскихъ пушекъ, огромный, стальной валъ для машины фрегата „Дмитрій Донской“ служитъ лучшимъ образцомъ работы Обуховскаго сталелитейнаго завода.

Пришлось упомянуть лишь о главныхъ, выдающихся предметахъ морскаго отдѣла, привлекающаго къ себѣ много посѣтителей, находящихъ во всякое время на мѣстѣ опытныхъ и талантливыхъ объяснителей выставленныхъ диковинъ, въ лицѣ завѣдующихъ отдѣломъ: капитана 2-го ранга Чайковскаго и лейтенанта Бубнова. Въ минуты ихъ отсутствія, объясненія даютъ матросы.

На рисункѣ видна красивая перспектива всего морскаго отдѣла, наполненнаго машинами, станками, паровозами, и проч. и проч.

Къ рисункамъ.

Гробница Мишле.

(Рис. на стр. 825).

Іюля 13 сего года происходило въ Парижѣ на кладбищѣ Перъ-Лашеза торжественное открытіе надгробнаго памятника знаменитаго французскаго историка, Жюля Мишле, въ присутствіи муниципальнаго совѣта города Парижа. Мишле умеръ въ Гіерѣ въ 1874 году. Родившійся въ 1798 г. и воспитывавшійся въ коллегіумѣ Карла Великаго, Мишле съ 1830 года былъ начальникомъ историческаго отдѣленія государственнаго архива и затѣмъ профессоромъ исторіи въ Collège de France. Когда началась борьба французскаго коллегіума съ іезуитами, Мишле принялъ въ ней дѣятельное участіе вмѣстѣ съ Эдгаромъ Кине. Молодежь увлекалась пылкимъ и блестящимъ краснорѣчіемъ своего профессора, но курсы его, имѣвшіе мѣсто при Луи-Филиппѣ, были закрыты именно во время республики (1851 г.) въ виду того что „его исторія превращалась въ политику и слишкомъ возбуждала общество“. Онъ тогда оставилъ и архивъ, отказавшись отъ своихъ занятій тамъ и жилъ въ Бретани.

Мишле написалъ очень много сочиненій, сдѣлавшихъ ему большое имя въ ученомъ мірѣ. Изъ сочиненій его особенно замѣчательны: „Исторія Франціи“ 16 томовъ; „Введеніе во всемірную исторію“, „Исторія французской революціи“ и друг. Въ свое время особенный шумъ произвели его сочиненія: „Іезуиты“ (1843), „Народъ“ (1846), „Женщина“ и „Колдунья“ (1862) задержанная во Франціи. Кромѣ того Мишле издалъ крайне рѣзкую и слабую книгу, „Польша—мученица“. На русскій языкъ переведены его „Исторія Франціи“, „Реформа“, „Море“, „Женщина“ и друг.

Превосходная рельефная работа памятника принадлежитъ талантливому скульптору Антонену Мерсье. Знаменитый историкъ изображенъ лежащимъ въ своемъ послѣднемъ смертномъ снѣ. Выраженіе глубокаго, торжественнаго спокойствія разлито въ чертахъ лица, полныхъ благородства и важности: правая рука держитъ еще перо, то перо, которое такъ много начертало о славѣ, страданьяхъ, торжествахъ и несчастьяхъ Франціи; надъ бездыханнымъ трупомъ возвышается граціозная фигура геніявдохновителя покойнаго. Это фигура женщины, окутанной волнами тонкой, прозрачной ткани, генія какъ-бы уносящагося въ звѣздное пространство. На камнѣ смертнаго одра, на коемъ покоится знаменитый писатель, вырѣзано изрѣченіе, взятое изъ его духовнаго завѣщанія:

„Господи, пріими духъ мой!“

Произведеніе Мерсье просто и величественно и совершенно соотвѣтствуетъ важности и цѣли своего назначенія.

Лѣто.

(Рис. на стр. 828).

Лѣто—то время года, съ понятіемъ котораго тѣсно связано представленіе объ охотѣ, ягодахъ, купаньѣ и рыбной ловлѣ. На нашемъ суровомъ сѣверѣ съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуютъ такое лѣто, какъ лѣто нынѣшняго года.—горячее, грозовое, грибное, ягодное: — днемъ жарко, дышать нечѣмъ, ночью—прохлада. Конечно, несчастныхъ петербуржцевъ, обреченныхъ слоняться по несчастнымъ окрестнымъ дачамъ, мы можемъ назвать только „печальными пасынками природы“,— но за то какое полное удовольствіе испытываетъ истиннодеревенскій житель, который въ семь часовъ утра съ ружьемъ идетъ на охоту, купается въ полдень въ рѣчкѣ, которому старая ключница варитъ въ саду на печуркѣ клубнику, сливы, вишни. Видите вы—все это есть на нашемъ рисункѣ. Цѣлый лѣтній день—это рядъ наслажденій. Даже въ самый жгучій полдень всегда можно найти прохладный уголокъ въ какой нибудь старой аллеѣ, гдѣ

За мглой вѣтвей синѣютъ неба своды
Какъ дымкою подернуты слегка.
И какъ мечты почіющей природы
Волнистыя проходятъ облака...

Даже если дождикъ набѣжитъ и внезапно спрыснетъ горячее поле, и то можно любоваться, какъ

отъ неба до земли
Качаясь движется завѣса,
И будто въ золотой пыли
Стоитъ за ней опушка лѣса;—
Двѣ капли брызнуло въ стекло.
Отъ липъ душистымъ медомъ тянетъ,
И что-то къ саду подошло,
По свѣжимъ листьямъ барабанитъ...

Наступаетъ вечеръ. За рѣкой рыбаки зажигаютъ огни. въ чистомъ воздухѣ дрожатъ звуки пѣсни.—

Далеко, въ полумракѣ, луками,
Убѣгаетъ на западъ рѣка,—
Погорѣвъ золотыми краями
Разлетѣлись, какъ дымъ, облака.
На пригоркѣ то сыро, то жарко.
Вздохи дня есть въ дыханьѣ ночномъ...
Но зарница ужъ теплится ярко
Голубымъ и зеленымъ огнемъ...

Ченстоховскій монастырь.

(Рис. на стр. 829).

Ченстоховскій монастырь святаго Павла, находящійся въ Калишской губерніи, праздновалъ въ этомъ году свой пятисотлѣтній юбилей. Это одна изъ самыхъ почитаемыхъ обителей въ Польшѣ, куда ежегодно массами стекаются богомольцы на поклоненіе. Монастырь выстроенъ на холмѣ Ясна-гура, возвышающемся надъ всей окружающей мѣстностью. Между святынями монастырскаго храма есть и знаменитый, древній образъ Божіей Матери, который составляетъ предметъ почитанія всѣхъ поляковъ. Икона эта, византійскаго происхожденія; преданіе говоритъ, будто она написана св. евангелистомъ Лукой и была собственностью св. Елены; затѣмъ перешла къ славянскому князю Льву и была отправлена въ г. Бѣльце въ Галицію: наконецъ въ 1382 году герцогъ Владиславъ, спасая ее отъ Монголовъ, перевезъ въ Ченстохово, гдѣ и основалъ монастырь. Икона особенно прославлена съ тѣхъ поръ, какъ была похищена Гуситами и чудеснымъ образомъ возвращена въ монастырь. Сдѣланное повреждёніе на правой щекѣ иконы также приписывается Гуситамъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ преданіе: Гусситы, при разграбленіи монастыря, въ числѣ прочей добычи положили на телѣгу образъ Божьей Матери, который долженъ былъ быть отправленъ въ Силезію. Отъѣхавъ отъ монастыря приблизительно съ тысячу шаговъ, телѣга съ образомъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, остановилась и не смотря на то, что Гусситы впрягли въ нее всѣхъ бывшихъ у нихъ лошадей, сдвинуть телѣги съ мѣста не могли; икона какъ бы срослась съ телѣгой, такъ что Гусситы въ концѣ концовъ должны были оставить святыню въ покоѣ. Когда, вскорѣ послѣ этого, возвратились разбѣжавшіеся монахи, то иконы уже не нашли, она исчезла вмѣстѣ съ телѣгой. Наконецъ св. Варвара указала въ сонномъ видѣніи пріору, гдѣ можно было икону найти, что и было сдѣлано. Икону безъ всякаго труда внесъ обратно въ монастырь только одинъ монахъ въ сопровожденіи духовной процессіи, на мѣстѣ же, гдѣ она была найдена, забилъ изъ подъ земли ключъ, которому вѣрующіе и теперь еще приписываютъ чудотворную цѣлебную силу.

Вода въ ключѣ очень вкусна и даже при сильной жарѣ и засухѣ холодная: но совершенно пропадаетъ охота пить ее, когда видишь, какъ стекающіеся сюда большими массами богомольцы съ различными болѣзнями, напр. съ гноящимися ранами, сыпью, больными глазами и т. п. омываются въ этомъ ручьѣ. Близъ этого мѣста выстроена часовня, украшенная куполомъ, на стѣнахъ которой изображена вся исторія чудеснаго обрѣтенія образа; живопись вполнѣ сохранилась до настоящаго времени. Тутъ же, въ тѣни старыхъ липъ и дубовъ, развалины церкви св. Варвары. Въ разстояніи 1/4 часа пути отъ этой церкви, по большой дорогѣ, находится Ченстохово. Въѣхавъ черезъ ворота городскихъ укрѣпленій, пришедшихъ теперь въ полнѣйшее разрушеніе и потому неимѣющихъ никакого значенія, достигаютъ монастырской ограды. Посреди двора монастырская церковь, дѣлящаяся на три части: собственно монастырская церковь (пресвитеріумъ), капелла Ченстоховской Божіей Матери и капелла св. Маріи Гваделупской. Самая интересная изъ 3-хъ этихъ отдѣленій-капелла Ченстоховской Божіей Матери, представляющая собой древнѣйшую святыню монастыря. Въ 1382 г. Владиславъ Опольскій, перевезшій икону въ Ченстохово, выстроилъ сначала деревянную капеллу въ готическомъ стилѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится монастырская церковь, построенная въ 1641 году Матеушемъ Лубенскимъ, бывшимъ позднѣе примасомъ и архіепископомъ Гнезенскимъ. Зданіе это не вполнѣ готическаго стиля, имѣетъ много лѣпныхъ

украшеній а на внутреннихъ стѣнахъ двѣ фрески. Во внутрь капеллы проникаетъ достаточно свѣта, что позволяетъ хорошо разсмотрѣть предметы.

Лѣтомъ особенно много стекается богомольцевъ на поклоненіе; наплывъ ихъ такъ великъ, что нѣтъ возможности даже приблизительно опредѣлить числа ихъ. Но нигдѣ нѣтъ такой толкотни и давки, какъ около капеллы Ченстоховской Божіей Матери. Иногда проходитъ цѣлый часъ пока нѣкоторымъ удается спуститься на пять-шесть ступенекъ, ведущихъ изъ монастырской церкви въ капеллу. Достигнувъ наконецъ, послѣ многихъ трудностей, капеллы необходимо быть крайне осторожнымъ, такъ какъ многіе изъ богомольцевъ творятъ здѣсь молитву, приникнувъ челомъ къ землѣ и на каждомъ шагу приходится спотыкаться и наступать то на руку, то на ногу. Часто случается, что среди этой жары и духоты, слабыя женщины а иногда и мужчины, падаютъ въ обморокъ. За бронзовыми рѣшотчатыми вратами т. е. въ главной части капеллы давка еще сильнѣе; но кто желаетъ видѣть и поклониться знаменитому и чтимому образу, тотъ преодолѣваетъ всѣ эти трудности. Икона бываетъ открыта только во время богослуженія, обыкновенно же она задернута парчевой занавѣсью.

Образъ Ченстоховской Божіей Матери нарисованъ на кипарисовой доскѣ, темный колоритъ котораго, благодаря протекшимъ столѣтіямъ, сдѣлался почти чернымъ. Къ образу имѣются три золотыя ризы, въ которыхъ по обычаю вырѣзаны лишь отверстія для лица и рукъ; онѣ всѣ въ теченіи года попеременно надѣваются на образъ. Первая усыпана брилліантами и изумрудомъ, вторая жемчугомъ и рубинами а третья только одними брилліантами, изъ которыхъ нѣкоторые замѣчательной величины. Надъ главами Божіей Матери и Христа Спасителя, золотыя, осыпанныя брилліантами короны, присланныя изъ Рима въ 1717 году. Образъ окаймленъ массивной, прекрасной работы, серебряной рамой, пожертвованной братьями Дзялинскими въ 1675 году. Алтарь, сдѣланный въ 1648 году канцлеромъ Оссолинскимъ изъ рѣзнаго чернаго дерева, украшенъ восемью большими серебряными статуями и множествомъ другихъ изображеній изъ чистаго серебра. Около образа помѣщено большое количество золотыхъ и серебряныхъ изображеній частей тѣла, пожертвованныхъ въ память чудотворнаго исцѣленія отъ недуговъ; между ними особенно много изображеній сердецъ. По обѣимъ сторонамъ алтаря, гдѣ прежде помѣщались двѣ массивныя статуи св. Апостола Павла и св. Антонія, конфискованныя въ 1812 году Наполеономъ для покрытія военныхъ издержекъ (оцѣнены въ милліонъ талеровъ), теперь вдѣланы два зеркала. Стѣны капеллы обиты пунцовымъ шелкомъ, украшены образами, гербами и другими приношеніями жертвователей. Эта часть капеллы, передъ алтаремъ, освѣщается двумя высокопомѣщенными круглыми окнами, живопись на стеклахъ которыхъ дѣлана по заказу въ Парижѣ. На стѣнѣ, противоположной этимъ окнамъ, находятся двѣ древнія фрески, изображающія: Рождество Христа Спасителя и Срѣтеніе Господне. Висящія паникадила пожертвованы въ 1669 году.

Вообще капелла весьма роскошно убрана, особенно когда въ нее входишь изъ довольно обыкновенной монастырской церкви. Богатствомъ отличаются и другія церкви монастыря, сокровищница котораго наполнена золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями.

Графъ Θедоръ Петровичъ Литке.

(Портретъ на стр 832).

12-го августа длинная погребальная процессія сопровождала останки графа Θедора Петровича Литке къ мѣсту его послѣдняго успокоенія—на Волковское кладбище. Въ этомъ печальномъ кортежѣ участвовали и нѣкоторые члены Императорской фамиліи, и высшіе государственные сановники, и офицеры флота, и многочисленные депутаціи различныхъ ученыхъ учрежденій. Кромѣ того масса самой разнохарактерной публики толпилась по всему пути процессіи, спѣша отдать послѣдній долгъ знаменитому моряку, первокласному ученому и замѣчательному дѣятелю цѣлыхъ трехъ царствованій.

Графъ Θедоръ Петровичъ Литке родился въ С.-Петербургѣ 17-го сентября 1797 года въ семьѣ эстляндскихъ дворянъ и уже съ ранняго возраста былъ предназначенъ къ морскому дѣлу. Дѣйствительно 23-го апрѣля 1813 года, 16-ти лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ волонтеромъ въ гребную флотилію графа Гейдена, принимавшую участіе въ осадѣ Данцига. Здѣсь за военныя заслуги Литке былъ произведенъ сначала въ гардемарины, потомъ въ мичмана и награжденъ орденомъ Св. Анны. Но вскорѣ, а именно въ 1817 году, графъ Литке уже ознаменовалъ себя на новомъ поприщѣ—морехода и ученаго изслѣдователя, совершивъ кругосвѣтное путешествіе на шлюпѣ „Камчатка“ подъ командою капитана 2-го ранга Головнина. Два же года спустя, онъ уже пускается въ море на собственномъ суднѣ „Новая Земля“ и посѣщаетъ четыре раза берега Лапландіи и Новой Земли. Объ послѣднемъ островѣ до Литке имѣлись лишь самыя скудныя свѣдѣнія и именно онъ первый не только подробно описалъ ея берега но даже покушался обогнуть весь островъ, но къ сожалѣнію не могъ этого достигнуть по слабой конструкціи своего небольшаго паруснаго судна. Обнародовавъ богатые результаты своихъ изслѣдованій въ арктическихъ моряхъ, Литке не долго предавался отдохновенію, и въ 1826 году снова отправился въ трудное и долгое кругосвѣтное плаваніе на военномъ шлюпѣ „Сенявинъ“. Экспедиція эта длилась цѣлые четыре года и добытый ею цѣнный научный матерьялъ былъ впослѣдствіи изданъ въ свѣтъ въ семи томахъ съ изящными рисунками. Ученая дѣятельность Литке въ это путешествіе проявилась главнымъ образомъ въ магнитныхъ изслѣдованіяхъ и въ наблюденіяхъ надъ постояннымъ маятникомъ и вскорѣ доставили ему самую громкую извѣстность—извѣстность вполнѣ заслуженную, такъ какъ его астрономическія измѣренія, а также самыя точныя карты Охотскаго и Берингова морей не утратили своего значенія даже въ наше время.

За всѣ эти заслуги Литке былъ произведенъ 22-го сентября 1829 года, въ капитаны 1-го ранга и награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени. Въ 1830 году, начальствуя отрядомъ состоявшимъ изъ нѣсколькихъ судовъ, онъ совершилъ плаваніе въ Исландію, а оттуда во французскій портъ Брестъ. Въ 1832 году былъ удостоенъ званія флигель-адъютанта и назначенъ сначала воспитателемъ, а впослѣдствіи попечителемъ Его Императ. Высоч. Великаго Князя Константина Николаевича. Эти высокія обязанности онъ выполнялъ до 1852 года, оставаясь въ то же время членомъ Ученаго Комитета, а также помощникомъ предсѣдателя Географическаго Общества, въ учрежденіи котораго въ 1845 году онъ принималъ самое горячее и дѣятельное участіе. Кромѣ того съ 1851 по 1853 годъ Литке состоялъ командиромъ Ревельскаго порта и ревельскимъ военнымъ губернаторомъ, а съ 1853 по 1855 годъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта.

Назначенный въ 1855 году членомъ Государственнаго Совѣта, Литке 23-го февраля 1854 года былъ возведенъ въ новое высокое званіе—президента Императорской Академіи Наукъ. Эту почетную обязанность онъ выполнялъ почти до дня своей смерти, не щадя трудовъ для пользы ввѣреннаго ему учрежденія, только недуги старости и совершенный упадокъ силъ заставили маститаго старца отказаться отъ управленія столь горячо любимой имъ Академіи и передать ее своему достойному преемнику—графу Д. А. Толстому.

Неусыпные труды Литке какъ президента Академіи были по достоинству оцѣнены покойнымъ государемъ, который 28-го октября 1866 года, въ день бракосочетанія Е. И. В. Великаго Князя Цесаревича возвелъ его въ графское достоинство. Кромѣ того графъ Литке пользовался общеевропейскою извѣстностью и почти всѣ ученыя общества и учрежденія Европы считали его своимъ почетнымъ членомъ и корреспондентомъ, а иностранные государи наперерывъ жаловали ему всевозможные ордена и знаки отличія, признавая въ немъ заслуги какъ знаменитаго ученаго, такъ и государственнаго дѣятеля, болѣе полустолѣтія трудившагося на пользу науки и просвѣщенія.

Солнечная типографія.

(Рис. на стр. 833).

Когда въ древнемъ Римѣ угасалъ священный огонь на алтарѣ Весты, тогда жрецы ея молили солнце дабы оно ниспослало свое пламя. Они направляли на солнечные лучи внутреннюю сторону полированнаго мѣднаго конуса, и температура образовывавшаяся въ очагѣ этого коническаго зеркала была такъ высока, что сухое дерево костра мгновенно загоралось.

Спустя триста лѣтъ, англійскій ученый Джонъ Тиндаль при изслѣдованіи свойствъ теплорода лучей луны, вздумалъ лучи эти собрать въ коническомъ той же формы большихъ размѣровъ зеркалѣ, и чтобы сосредоточить въ этомъ зеркалѣ болѣе теплоты, онъ окружилъ стекляннымъ экраномъ пріемникъ, поставленный въ зеркалѣ. Такимъ образомъ полученная теплота сохранялась и не улетучивалась.

Впослѣдствіи въ 1869 году французскій профессоръ Муше примѣнилъ способъ Тиндаля къ солнечной теплотѣ и получалъ не только очагъ теплоты, но и пары. Онъ изобрѣлъ маленькую паровую машину, единственной печью которой было солнце. Существенная часть состояла изъ наполненнаго водой мѣднаго котла, который нагрѣвался большимъ зажигательнымъ стекломъ особаго устройства. Котелъ былъ снаружи вычерненъ и окруженъ, нѣсколько отступя, стеклянной стѣнкой. Въ этой то стеклянной стѣнкѣ и заключается геніальная мысль конструкціи. Такъ какъ вычерненный котелъ нагрѣвается на солнечныхъ лучахъ сильнѣе, чѣмъ свѣтлый блестящій металлъ, то онъ очень легко и не пускаетъ изъ себя это тепло въ окружающее пространство. Стекло же имѣетъ свойство пропускать только свѣтлые, а не темные свѣтовые лучи. Слѣдовательно эта стѣнка и удерживаетъ собранное тепло. Муше вычислилъ въ свое время, что посредствомъ такаго аппарата легко было бы производить работы въ нѣсколько лошадиныхъ силъ. Съ теченіемъ времени изобрѣтеніе это было усовершенствовано инженеромъ Пифромъ, у котораго теперь имѣются полные солнечные аппараты и который частыми публичными опытами старается ознакомить публику съ этимъ замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ. Въ воскресенье 6-го сего августа во время праздника, устроеннаго въ Тюльери для французскаго юношества, дѣйствовалъ „солнечный печатный станокъ“.

„Солнечная типографія“ составляетъ своеобразное, удивительнѣйшее примѣненіе теплоты солнца къ промышленности. Печатный станокъ самъ по себѣ не представляетъ ничего необыкновеннаго: это маленькій обыкновенный станокъ, но механизмъ приводящій его въ движеніе—механизмъ *инсолятора*, такъ названы солнечные двигатели.

Большой металлическій конусъ принимаетъ солнечные лучи, концентрируетъ ихъ на вычерненной поверхности котла, помѣщеннаго посрединѣ зеркала и окруженнаго стеклянымъ чахломъ, препятствующимъ охлажденію. Вода въ котлѣ получаетъ температуру, соотвѣтствующую температурѣ пара въ 4 и 5 атмосферъ; паръ этотъ проведенъ въ насосъ маленькаго двигателя и дѣйствуетъ на поршень. Соединяя блокъ двигателя съ блокомъ станка получается печатный оттискъ *при помощи теплоты солнца.*

Рядомъ съ солнечнымъ печатнымъ станкомъ, одѣлявшимъ публику журналомъ „Солнце“ на „праздникѣ юношества“ въ Тюльери были еще и другіе меньшіе инсоляторы, при помощи которыхъ солнечная теплота можетъ быть примѣняема и для домашнихъ потребностей, напримѣръ въ военныхъ кухняхъ въ Алжиріи и въ Египтѣ. Масса народа толпилась также возлѣ интересныхъ небольшихъ аппаратовъ, приспособленныхъ для зажиганія сигаръ.

Московская выставка. Колокола Оловянишникова.

(Рис. на стр. 833).

На Московской выставкѣ обращаютъ на себя вниманіе москвичей колокольные павильоны Оловянишникова, Финляндскаго и друг., виды которыхъ уже были помѣщены, въ исполненіи нашего спеціальнаго корреспондента Н. Н. Каразина, въ № 25 „Нивы.“ Особенно отличаются великолѣпныя издѣлія извѣстной фирмы въ Ярославлѣ, П. И. Оловянишникова, который извѣстенъ своимъ богатымъ пожертвованіемъ колоколовъ въ даръ для церквей Болгаріи. Такъ какъ въ общемъ видѣ павильоновъ колокола нельзя было изобразить ясно, то здѣсь мы помѣщаемъ ихъ отдѣльно. Находящіеся теперь въ павильонѣ въ Москвѣ колокола выставлены безъ расчеканки и окраски, такъ какъ выпущены изъ завода. Размѣры ихъ очень почтенны: одинъ колоколъ вѣситъ 255 п. 30 ф. діаметръ 2 арш. 12 вершковъ; другой—125 пуд. 60 ф. діаметромъ въ 2 арш. 4 вершка. Колокола отличаются весьма хорошею отливкою, чистотою и отчетливостью работы. При испытаніи звонъ ихъ чистый и пріятный отличается мелодичностью, мягкостью и торжественною продолжительностью гула.

Фирма колокольнаго завода Оловянишникова извѣстна еще съ 1766 г. по Яковлевскому Ростовскому монастырю, въ которомъ имѣется колоколъ этого завода въ 163 пуда. Заказы заводомъ исполняются преимущественно внутрь Россіи; въ 1834 г. заводъ доставилъ въ Петербургъ отлитый имъ звонъ въ 1000 пудовъ для Троицкаго собора въ Измайловскомъ полку; въ 1838 году имъ же дѣланы колокола придворныхъ церквей въ Петергофѣ и Царскомъ Селѣ. Въ 1875 г. сдѣланъ колоколъ для Филиппополя (въ Турцію) по заказу русскаго вицеконсула и друг. Заводъ основанъ прадѣдомъ и поддержана слава его отцомъ нынѣшняго владѣльца И. П. Оловянишниковымъ. Высочайшія особы въ бытность въ Ярославлѣ всегда удостоивали посѣщеніемъ этотъ пользующійся извѣстностью заводъ. Такъ въ 1823 г. посѣтилъ его Имп. Александръ Павловичъ; въ 1834—41 гг. Императоръ Николай Павловичъ; въ 1837 г. тогда Цесаревичъ, нынѣ въ Бозѣ Почившій Государь Александръ Николаевичъ и въ 1858 г. нынѣ царствующій Государь Императоръ. Колокольный заводъ этотъ при настоящемъ его владѣльцѣ доведенъ до значительной степени—онъ уже можетъ принимать заказовъ до 20000 пудовъ ежегодно.

Стихотвореніе.*)

Легла повсюду влажная прохлада,
Цвѣты въ туманъ свой запахъ льютъ душистый,
Стоитъ и дремлетъ мѣсяцъ золотистый
Надъ серебристой гривой водопада.

Луга и пашни полутьмой объяты,
Въ лѣсу всѣ птички смолкли до единой...
И только громкой пѣсни соловьиной
Несутся вдаль звенящіе раскаты...

„Парсиваль“, новая опера Вагнера.

Новая драма Вагнера „Парсиваль“ поставленная въ Байрейтѣ, одержала такую побѣду, колиѣе которой не могли ни представить себѣ ни ожидать даже приверженцы Вагнера. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что враги Вагнера, которыхъ у него таки не мало, пустили все въ ходъ, чтобы помѣшать успѣху „Парсиваля“. Прежде всего былъ пущенъ слухъ, что въ Байрейтѣ господствуетъ оспа. Когда слухъ этотъ былъ опровергнутъ властями, начали вспоминать случаи 1876 года, во время представленія оперы „Кольцо Нибелунговъ“, напоминать о бывшей тогда въ Байрейтѣ дороговизнѣ и недостаткѣ помѣщеній. Но все это не повредило; отовсюду наѣхало множество народу и въ Байрейтѣ можно было слышать разговоры на всевозможныхъ языкахъ. Байрейтскій театръ — это замѣчательное произведеніе Готфрида Семпера—во время представленій „Парсиваля“ бываетъ всегда полонъ, и энтузіазмъ слушателей постоянно возрастаетъ.

Расположенный на холмѣ, откуда открывается прелестный видъ на городъ, театръ снаружи кажется очень обыкновенной постройкой изъ кирпича; внутри-же онъ отдѣланъ въ греческомъ стилѣ; но украшеній на подобіе тѣхъ, какія бываютъ обыкновенно въ театрахъ, въ немъ нѣтъ; нигдѣ не видно золота и яркихъ красокъ, нигдѣ не замѣчается роскоши. Ряды сидѣній возвышаются амфитеатромъ и заканчиваются рядомъ ложъ. Большія коринфскія колоны по правую и лѣвую сторону зала придаютъ театру строгій видъ храма. Ничто не отвлекаетъ вниманіе зрителей, оркестра не видно, нѣтъ также некрасивой будки суфлера, прекрасная занавѣсь отдѣляетъ громадную сцену отъ амфитеатра. Раздается трубный звукъ, въ залѣ распространяется полутьма и невидимый оркестръ начинаетъ прелюдію. Занавѣсъ раскрывается и на сценѣ видѣнъ чудный тѣнистый лѣсъ, съ яснымъ озеромъ на заднемъ планѣ; но срединѣ стоитъ могучій старый ясень съ вѣтвями въ видѣ купола церкви, подъ которымъ спитъ нѣсколько мальчиковъ. Мѣсто это священное—это „страна Граала“.

Граалъ—чаша (потиръ), изъ которой Христосъ во время таинства Святой Вечери принималъ хлѣбъ и вино со своими учениками, и въ которую Іосифъ Аримафейскій собралъ кровь Распятаго, излившуюся изъ праваго бока, пробитаго копьемъ Лонгина. Святыня эта, обладающая дивною божественною силою, была, вмѣстѣ съ копьемъ Лонгина, отдана учениками Спасителя благочестивому воину Титурелю. Титурель построилъ въ сѣверной Испаніи, на горѣ Монсальватъ, храмъ, въ которомъ хранятся обѣ святыни. Одинъ взглядъ на Граалъ возстановляетъ здоровье и молодость, кто на него смотритъ не умираетъ и не побѣждается въ борьбѣ за вѣру истинную. Но лишь чистые духомъ и помыслами находятъ дорогу въ замокъ, окруженный неприступными скалами, и только отказавшіеся отъ мірскихъ радостей избираются въ служители Граала. Это поэтическое сказаніе послужило темою великому средневѣковому нѣмецкому поэту Вольфраму Эшенбаху для его знаменитой эпической поэмы „Парсиваль“, изъ которой Вагнеръ и создалъ свою трехактную драму.

И такъ дѣйствіе начинается въ странѣ священнаго Граала. Гурнеманцъ, одинъ изъ старѣйшихъ рыцарей Граала, будитъ спящихъ мальчиковъ. Послѣ совершенія утренней молитвы одинъ изъ нихъ говоритъ, что страданія короля ихъ Амфортаса усиливаются. Амфортасъ уже давно боленъ; безуспѣшно прибѣгали ко всякимъ цѣлительнымъ травамъ и напиткамъ. Ему— говоритъ Гурнеманцъ — поможетъ только одинъ. Въ это время приближается нѣкая Кундри, своеобразнѣйшее лицо музыкальной драмы. Она, какъ и Кундри Эшенбаха, безобразна. Это мистическое двойственное существо, надъ которымъ тяготѣетъ проклятіе, она служительница Граала и вмѣстѣ съ тѣмъ невольное орудіе злаго колдуна Клингсора, это осужденная за прежнюю свою вину; она уподобляется Иродіадѣ, смѣявшейся при видѣ головы Крестителя, еврейкѣ смѣявшейся и поносившей Христа, шедшаго съ Крестомъ на Голгофу, и которая въ наказаніе осуждена на вѣчное странствованіе. Кундри приноситъ изъ Аравіи бальзамъ для исцѣленія смертельныхъ ранъ Амфортаса и въ изнеможеніи падаетъ на полъ, чтобы заснуть, т. е. лишиться удручающаго сознанія своей вины. Въ это время на носилкахъ вносятъ Амфортаса, который хочетъ купаться въ озерѣ Брумбанѣ, воды котораго умѣряютъ страданія, хотя король знаетъ что совершеннаго исцѣленія онъ получить не можетъ, такъ какъ ему предсказано, что его исцѣлить можетъ только „простой, ничего незнающій человѣкъ, котораго просвѣтитъ состраданіе“.

Слѣдующая сцена объясняетъ происхожденіе болѣзни Амфортаса, владыку страны Граала. Гурнеманцъ садится подъ ясенемъ и разсказываетъ, какъ Амфортасъ получилъ рану и навлекъ несчастіе на замокъ Граала. Вблизи города въ неприступномъ прочномъ замкѣ живетъ Клингсоръ, который за великую вину былъ проклятъ Титурелемъ, первымъ рыцаремъ Граала, и желая отомстить, построилъ заколдованный замокъ съ прекраснымъ садомъ, населеннымъ демонами-женщинами; задача ихъ—соблазнять цѣломудренныхъ служителей Граала, которые разъ павъ, уже не могутъ продолжать свое высокое служеніе. Амфортасъ, имѣвшій цѣлью истребить колдуна, самъ между тѣмъ сдѣлался жертвою красивой женщины-демона, вышедшей ему на встрѣчу, и около нея уронилъ чудодѣйственное копье, кото-

*) На это стихотвореніе написана прелестная музыка г. Главачекъ, портретъ и біографія котораго помѣщены въ этомъ №.

рымъ завладѣлъ Клингсоръ и ранилъ имъ Амфортаса. Рана эта никогда не можетъ зажить. Опечаленный, лишенный копья и силъ, Амфортасъ палъ передъ чашей Граала въ горячей молитвѣ, прося себѣ исцѣленія. Тогда надъ чашей засіялъ свѣтъ и запылали огненныя слова.

Разсказъ этотъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ драмы и дивные звуки молитвы искупленія, производятъ необыкновенное, потрясающее дѣйствіе. Затѣмъ слышатся уже дикіе, жалобные звуки. Съ озера поднимается лебедь и падаетъ на сцену смертельно раненый. Его убилъ молодой Парсиваль, — это поражающій своею наивностью юноша. Гурнеманцъ начинаетъ его упрекать и спрашиваетъ его объ его отцѣ, имени и родинѣ, но на всѣ вопросы получаетъ отвѣтъ: „не знаю". Тогда мудрая Кундри разсказываетъ что мать Персиваля зовутъ Герцелейде, а отецъ его Гамуретъ убитъ въ сраженіи. Чтобы спасти сына отъ подобной же участи, Герцелейде воспитала сына въ пустынѣ далеко отъ людей, войнъ и оружія. Однажды, продолжаетъ уже самъ Парсиваль, пришли блестящіе люди, которые сидѣли на прекрасныхъ гордыхъ животныхъ. Онъ хотѣлъ походить на нихъ и сказалъ имъ это. Но они, смѣясь, поскакали дальше; онъ хотѣлъ ихъ догнать и побѣжалъ за ними. Ему приходилось идти пустынными и дикими мѣстами и часто стрѣлять изъ лука въ дикихъ звѣрей. Далѣе Кундри сообщаетъ Парсивалю что мать его умерла.

Слѣдующая за этимъ сцена принадлежитъ къ наиболѣе поразительному до чего дошло сценическое искусство. Лѣсъ начинаетъ исчезать, какъ бы таять, а Гурнеманцъ и Парсиваль кажутся идущими, между тѣмъ какъ стоя на одномъ мѣстѣ они поднимаютъ только ноги; сцена постепенно мѣняется: зрители видятъ, дикую, скалистую мѣстность. Мало по малу скалы уменьшаются и начинаютъ появляться галлереи, наконецъ передъ глазами зрителей показывается величественный замокъ Граала, куда оба путника и вступаютъ. Сопровождающая это превращеніе музыка превосходна. Раздается торжественный звонъ колоколовъ и Гурнеманцъ съ Парсивалемъ входятъ въ залъ, отдѣланный въ мавританскомъ вкусѣ, куполъ котораго покоющійся на колоннахъ, пропускаетъ лучи свѣта. При всемъ совершающемся здѣсь Парсиваль присутствуетъ въ безмолвномъ удивленіи. Съ глубины сцены, при пѣніи хора, медленнымъ шагомъ выступаютъ рыцари Граала, одѣтые въ голубые и красные плащи и занимаютъ свои мѣста вокругъ стола. Сверху раздается чудное пѣніе. Всѣ приступаютъ къ принятію хлѣба и вина. На носилкахъ приносятъ Амфортаса, передъ которымъ несутъ, завернутый въ пышныя ткани, кіотъ, въ которомъ и находится святая чаша Граала. Амфортасъ садится на возвышеніи посреди залы. Передъ нимъ находится простой алтарь и тутъ то ставится священный кіотъ. Изъ ниши, словно изъ гроба, раздается повелительный глухой голосъ невидимаго Титуреля, приказывающаго сыну своему Амфортасу открыть святыню, и да дастъ ему она новую жизнь. Но всякій разъ какъ больной взглядываетъ на Граалъ, боль въ ранахъ его усиливается. Онъ начинаетъ упрекать себя въ грѣховности и молитъ Господа о помилованіи. Въ изнеможеніи падаетъ онъ на подушки и въ это время снова раздаются звуки молитвы Искупленія. Снова Титурель приказываетъ открыть Граалъ. Граалъ вынимаютъ изъ кіота, въ храмѣ темнѣетъ и всѣ падаютъ ницъ. Затѣмъ благословляютъ хлѣбъ и вино и причащаются при общемъ пѣніи молитвъ. Вся эта сцена имѣетъ дивно-торжественный, религіозный характеръ; послѣ принятія хлѣба и вина, всѣ медленно и тихо уходятъ изъ зала. Парсиваль продолжаетъ стоять въ молчаніи и когда Гурнеманцъ спрашиваетъ его: понимаетъ ли онъ значеніе происходившаго, отрицательно киваетъ головою. Тогда Гурнеманцъ съ неудовольствіемъ указываетъ ему на дверь.

Второй актъ переноситъ зрителя въ заколдованную башню Клингсора, который при демоническихъ звукахъ акомпанимента оркестра, вызываетъ невольно послушную ему Кундри и приказываетъ обольстить приближающагося къ замку Парсиваля. Башня проваливается и на мѣстѣ ея появляется роскошный садъ. Отовсюду собираются прелестныя дѣвушки. Онѣ употребляютъ всѣ усилія понравиться новому пришельцу Парсивалю. Но тотъ сердито отъ нихъ отстраняется. Тогда Кундри зоветъ „Парсиваль!" имя это, о которомъ онъ не знаетъ, напоминаетъ ему о матери и онъ впадаетъ въ задумчивость. Дѣвушки убѣгаютъ со смѣхомъ и появляется Кундри, но уже не безобразная а поразительно прекрасная. Валь-Парси и Парсиваль зоветъ она его. Изъ французскаго имени Персиваль, Вагнеръ передѣлалъ въ Парсиваль—имя арабскаго происхожденія.

Кундри, чтобы увлечь Парсиваля, разсказываетъ ему о его матери и наконецъ запечатлѣваетъ на устахъ его горячій поцѣлуй. Уже Парсиваль близокъ къ паденію, но вдругъ воспоминаніе о матери вмѣстѣ со всѣмъ видѣннымъ имъ торжествомъ въ храмѣ Граала, начинаетъ его волновать и объятый непонятною жалостью, съ невыразимою тоскою произноситъ онъ слова: „Амфортасъ! Раны! Раны!" Музыка сопровождающая всѣ переходы этой сцены величественна и могуча не только въ отношеніи музыкальномъ, но также съ точки зрѣнія драматическо-технической. Непонятное сожалѣніе дѣйствуетъ на Парсиваля преображающе и онъ становится всевѣдущъ. Сострадаціе это помогаетъ ему противустоять искушеніямъ Кундри и имъ овладѣваетъ мысль сдѣлаться цѣлителемъ Амфортаса. Онъ проситъ Кундри указать къ нему дорогу, но та, разсерженая отношеніемъ къ ней Парсиваля, проклинаетъ его на вѣчное заблужденіе. На ея страстные крики прибѣгаетъ демонъ цвѣтовъ Клингсаръ и замахивается на Парсиваля священнымъ копьемъ. Но не попадаетъ въ того, который уже просвѣтился любовью, и отказался отъ всѣхъ утѣхъ жизни: копье остается въ воздухѣ. Парсиваль схватываетъ его и дѣлаетъ имъ знакъ креста: точно отъ землетрясенія замокъ проваливается, цвѣты вянутъ, садъ пустѣетъ а Кундри падаетъ безъ чувствъ.

Третій актъ составляетъ чудную противоположность со вторымъ. Весна. Всюду миръ и тишина. Гурнеманцъ, ставшій уже древнимъ старикомъ, выходитъ изъ своей хижины и подъ однимъ изъ кустовъ находитъ оцѣпенѣвшую Кундри, которую возрождаетъ къ новой жизни. Кундри, все еще безобразная старуха перваго акта, но гораздо мягче и женственнѣе, въ ней нѣтъ уже ничего рѣзкаго, жестокаго. Съ поникшей головой, приходитъ Парсиваль, уже возмужавшій и окрѣпшій. Онъ долго блуждалъ и не нашелъ дороги къ спасенію. Гурнеманцъ узнаетъ его и привѣтствуетъ какъ рыцаря Граала, и говоритъ ему, что Амфортасъ страдаетъ еще больше, и что онъ, чтобы не усиливать своихъ страданій, уже давно не открывалъ святыни. Рыцари не принимая святаго хлѣба и вина, постарѣли и лишились силъ, Титурель умеръ, такъ какъ видъ Граала его болѣе не подкрѣплялъ. Опечаленный Парсиваль близокъ къ потерѣ сознанія. Его утѣшаютъ Гурнеманцъ и Кундри. Они несутъ его къ святому ручью, развязываютъ набедренникъ и нарукавники и Кундри—эта кающаяся Магдалина въ темномъ волосяномъ плащѣ, моетъ ему ноги и вытираетъ своими длинными волосами, а Гурнеманцъ окропляетъ его голову, привѣтствуя его какъ короля. Затѣмъ Парсиваль благословляетъ Кундри, освобожденную отъ проклятія. Всѣ трое идутъ потомъ въ замокъ Граала. Декорація та же что и въ первомъ актѣ.

Въ храмъ приносится больной Амфортасъ, передъ которымъ несутъ кіотъ Граала, и также приносятъ трупъ Титуреля. Амфортасъ въ отчаяніи молитъ себѣ смерти, рыцари требуютъ открытія Граала. Амфортасъ разрываетъ одежды и показываетъ раны, прося рыцарей убить его, въ это время приближается Парсиваль, съ взятымъ имъ обратно копьемъ и кладетъ его на рану. Кіотъ открываютъ, Парсиваль беретъ оттуда Граалъ, небесный свѣтъ нисходитъ съ купола храма, начинаютъ молиться; прилетаетъ бѣлый голубь, который неподвижно паритъ надъ головой Парсиваля, Кундри падаетъ мертвою, Амфортасъ и Гурнеманцъ становятся передъ Парсивалемъ на колѣни, и все оканчивается молитвой съ великолѣпнымъ акомпаниментомъ полнаго оркестра. Такимъ образомъ пророчество исполнилось. Избавителемъ явился Парсиваль, просвѣтившійся черезъ любовь и сожалѣніе.

Парсиваль—это истинно христіанское произведеніе. Это легенда о Христѣ, которая подъ видомъ романтическо-фантастическаго сказанія, съ помощію великолѣпной музыки, прообразуетъ: какъ Христосъ своею любовью искупилъ міръ, такъ и Парсиваль любовью, составляющею противоположность эгоизму Амфортаса, спасъ его и рыцарей Граала и основалъ церковь. Это величайшая мораль, которую оповѣщаетъ новое художественное, несомнѣнно сильное и могучее произведеніе знаменитаго композитора.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Турція и Англія.—Франція и Россія въ египетскомъ вопросѣ.—Австрія.—Князь Николай Черногорскій.—Парнель.—Наши пограничныя отношенія съ китайцами.

Генералъ Уэльслей двигаетъ впередъ отдѣльные отряды, занимающіе одинъ пунктъ за другимъ; такъ, недавно англичане взяли Нефишъ, Серапеумъ, произвели нападеніе, повидимому, впрочемъ, не совсѣмъ удачное, на египетскія позиціи у Тель-Эль Кебира. Что касается Араби-Паши, то о его дѣйствіяхъ извѣстно, что онъ озабоченъ обороной Каира, для чего воздвигъ сильныя укрѣпленія въ Маттаріэ, Кубекѣ, Геліополисѣ, укрѣплена и Танта; въ Тель-Эль-Кебирѣ собрана армія въ 30.000 человѣкъ и здѣсь, какъ говорятъ, Араби намѣренъ сразиться съ англійскимъ главнокомандующимъ. Нѣтъ никакого, конечно, сомнѣнія, что европейское искуство возьметъ верхъ надъ египтянами, вооруженными только однимъ патріотическимъ увлеченіемъ и не обладающими ни достаточнымъ, по нынѣшнему времени, знаніемъ военнаго дѣла, ни оружіемъ, равнымъ оружію непріятеля, къ тому же, если вѣрить англичанамъ, въ войскахъ его замѣтны признаки деморализаціи, доказательствомъ чему приводится то обстоятельство, что помощникъ начальника главнаго штаба его арміи, Махмудъ-Факли, съ 5-ю офицерами и 20 рядовыми, явился къ англійскимъ форпостамъ и сдался безъ всякихъ условій; далѣе, изъ тѣхъ же источниковъ увѣряютъ, будто и значительная часть населенія не сочувствуетъ ему за его военные налоги: затѣмъ онъ лишился одного изъ своихъ главныхъ и важнѣйшихъ сподвижниковъ, Тульбы-Паши, умершаго отъ ранъ, полученныхъ имъ въ недавно происходившей

схваткѣ. Не смотря, однако, на все это—нельзя сомнѣваться, что Араби, хотя, вѣроятно и хорошо зная исходъ борьбы, дастъ или приметъ рѣшительное сраженіе съ Уэльслеемъ. Читатели, конечно, помнятъ высказанное нами мнѣніе, что вся дѣятельность Араби-Паши не можетъ быть разсматриваема иначе, какъ „активный протестъ“ противъ разграбленія, противъ обезличенія его отечества; теперь мы находимъ, въ извѣстіяхъ изъ Константинополя, подтвержденіе этого взгляда: „Для приличія, Араби-Паша окажетъ нѣкоторое сопротивленіе, а потомъ положитъ оружіе“, пишутъ оттуда.

Въ турецкой столицѣ въ этомъ убѣждены, но тѣмъ не менѣе мысль о военной конвенціи не бросили; въ послѣднее время Порта требовала дозволенія войскамъ султана высадиться въ Александріи, Портъ-Саидѣ и Суэзѣ, а также настаивала на томъ, чтобы войска эти могли остаться нѣкоторое время въ Египтѣ и послѣ выхода (?) англичанъ; но лордъ Дёфферинъ, не уступая, во-первыхъ, въ требованіи объ объявленіи Араби-Паши мятежникомъ, предлагаетъ, затѣмъ, турецкому отряду высадиться въ Абукирѣ, Розеттѣ и Даміеттѣ и очистить страну въ одно время съ англійскими войсками. Телеграфъ извѣстилъ, что турецкое правительство приняло эти условія.

Суэзскій каналъ открытъ снова для торговаго движенія, которое, однако, „затруднено военными транспортными судами.

Какъ выйдутъ англичане изъ Египта? Какой слѣдъ оставитъ ихъ пребываніе тамъ, или, сказать яснѣе,- что они оставятъ тамъ за собою для обезпеченія своего преобладанія и въ Египтѣ, и на каналѣ. Кто могъ бы усумниться, что отнынѣ это преобладаніе уже можно считать совершившимся фактомъ?.. Кстати скажемъ, что они купили у лахеджскаго султана мѣстечко Шейхъ-Отманъ (за 500 тысячъ рублей на наши деньги) и прилегающую береговую полосу близъ Адена и Бабъ-Эль-Мандебскаго пролива. Посмотримъ, что они пріобрѣтутъ себѣ не за деньги. Вѣдь отвоевывать у нихъ никто не пойдетъ; это они знаютъ, это знаютъ всѣ. Франція въ настоящую минуту, по крайней мѣрѣ, высказываетъ полнѣйшее одобреніе англійской „политикѣ“ въ Египтѣ, что заставляетъ предполагать существованіе соглашенія между обѣими державами, соглашенія, основанія котораго еще неизвѣстны. Въ „Journal de St. Pétersbourg“ есть указаніе на взглядъ, котораго неуклонно держится въ египетскомъ вопросѣ наше правительство: согла по этому взгляду—вопросъ можетъ быть рѣшенъ только Европою, а не отдѣльнымъ какимъ-либо государствомъ.

Австрія „крейсируетъ“ у береговъ Египта, поджидая, когда оттуда дѣло перейдетъ на Балканскій полуостровъ. Недавно, у Абукира, нѣсколько офицеровъ ея военнаго судна высадились и были взяты въ плѣнъ египтянами, но, затѣмъ, вскорѣ были отпущены. Въ Вѣнѣ „чрезвычайно дружелюбно„ былъ принятъ бывшій тамъ проѣздомъ (въ Петербургъ, для привѣтствованія, по обычаю, Государя Императора) князь Николай черногорскій; какъ только князь прибылъ въ Австрійскую столицу—всѣ газеты заговорили о той искренной (!) дружбы, которая соединяетъ имперію и княжество.

Едва-ли необходима была иниціатива тѣхъ, на кого указываетъ австрійская подозрительность, для того, чтобы поднять провинцію: австрійцы могли возбудить возстаніе въ Босніи и безъ этой помощи; совершенно достаточно для того ихъ безчеловѣчнаго отношенія къ населенію, напримѣръ, хоть, при нынѣшнемъ наборѣ, когда людей сгоняютъ прикладами, истязуютъ, и даже убиваютъ при малѣйшей попыткѣ бѣжать... Женщины, кажется, не подлежатъ набору, но онѣ массами бѣгутъ въ Черногорію отъ вербовщиковъ... Немудрено, что возстаніе не прекращается, хотя по временамъ и напоминаетъ только тлѣющій огонь. Ковачевичъ, говорятъ, снова появился на сценѣ.

Въ Англійской Босніи, т. е. въ Ирландіи не прекращаются ни волненіе, ни общее натянутое положеніе, ни отвратительныя аграрныя убійства. Парнелль, всегда желавшій найдти какой-нибудь мирный исходъ, пытается, вмѣстѣ съ нѣкоторыми выдающимися членами ирландской лиги, попробовать новое средство, а именно—улучшеніе положенія рабочаго класса при помощи всѣхъ другихъ сословій; съ этою цѣлью образовывается „ирландскій рабочій и промышленный союзъ“. Въ Дублинѣ уже происходило собраніе лицъ, сочувствующихъ цѣли. Составлено воззваніе ко всѣмъ ирландскимъ рабочимъ и ремесленникамъ, которыхъ, между прочимъ, убѣждаютъ не нарушать законовъ. Нельзя, конечно, не пожелать успѣха Парнеллю, но—вѣрится съ трудомъ.

Англичане продолжаютъ не оставлять насъ своими „благодѣяніями“, гдѣ могутъ, а ужъ въ особенности на востокѣ, въ настоящее время они хлопочутъ, чтобы устроить намъ нелучшія пограничныя отношенія съ китайцами. Вотъ что мы узнаемъ. По свѣдѣніямъ изъ Кашгара, англичане снабжаютъ китайцевъ ружьями, заряжающимися съ казенной части, и ихъ уже доставлено, будто-бы, 100 тысячъ штукъ; несомнѣнно, что къ ружьямъ прилагаются и надлежащіе совѣты какъ обращаться и съ ружьями, и съ русскими; совѣты эти не пропадаютъ даромъ. Такъ, въ Кашгаръ пріѣхали англичане, которые уже около двухъ лѣтъ торгуютъ въ Яркендѣ; китайское правительство всѣ ихъ просьбы выполняетъ и никакихъ пошлинъ не беретъ, но—вотъ сунулся русскій, онъ прибылъ изъ Кокана, привезъ съ собой товаровъ на 25 тысячъ рублей,— и немедленно же была взята пошлина въ 1 тысячу рублей, и къ нему приставленъ для наблюденія за нимъ, соглядатый: всюду, въ пограничныхъ мѣстностяхъ усилены китайскія войска, не упускающія продѣлывать всевозможныя безобразія на нашей границѣ, въ родѣ порчи телеграфовъ, а также—и насилія надъ нашими подданными. Давно уже они испытываютъ русское терпѣніе.

Смѣсь.

Въ пять дней изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ. Шведскій инженеръ Люнбергъ заключилъ съ однимъ нью-іоркскимъ товариществомъ условіе, по которому обязался выстроить по новому образцу флотилію пароходовъ, на которыхъ можно было-бы совершать рейсы изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ въ теченіи пяти сутокъ. Каждый изъ этихъ кораблей будетъ приводиться въ движеніе четырьмя паровыми машинами въ 4,500 лошадиныхъ силъ каждая и имѣть два винта и два руля. Размѣры этого морскаго чудовища должны быть таковы, чтобы оно вмѣщало въ себѣ 600 человѣкъ перваго и 1,000 пассажировъ 2-го класса; кромѣ того въ немъ должно быть мѣсто для 600 тоннъ товара и 2,700 тоннъ угля-баласта.

Висячій мостъ отъ Нью-Іорка до Бруклина. Нѣсколько лѣтъ уже продолжаются работы по соединенію Нью-Іорка съ Бруклиномъ посредствомъ висячаго моста, который, будучи оконченъ, несомнѣнно сдѣлается однимъ изъ величайшихъ достопримѣчательностей нашего вѣка. Къ сожалѣнію, сооруженіе это подвигается впередъ медленно и неизвѣстно еще, когда будетъ оно вполнѣ закончено. Медленность эту приписываютъ мошенничествамъ строителей. Въ настоящее время занимаются металлической частью сооруженія устоевъ моста. Предположенныя издержки простираются до 25 милліоновъ долларовъ и при мостѣ говорятъ наживаются многіе. Ширина моста будетъ доходить до 25, 40 метровъ (почти 13 саженъ), причемъ на этомъ пространствѣ будутъ устроены три прохода для пѣшеходовъ, два для проѣзда экипажей и два для желѣзнодорожныхъ линій. Первый пролетъ будетъ представлять собою полукруглое пространство въ 185,40 метровъ, второй въ 210 метровъ и, наконецъ, третій со стороны Нью-Іорка—въ 220,20 метровъ (метръ—почти 22½ вершка). Этотъ мостъ составитъ, такимъ образомъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ сооруженій подобнаго рода, на подобіе Цюрихскаго висячаго моста или знаменитаго Ніагарскаго.

Новый театръ. Декоративный живописецъ Кантскій, машинистъ Гвинеръ и архитекторъ Францъ Ротъ, въ Вѣнѣ, выработали проектъ новаго театра, долженствующаго не только вполнѣ обезпечивать посѣтителей отъ огня, но который вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ сцены, чѣмъ существующіе до настоящаго времени театры. Планъ уже совершенно готовъ и тріумвиратъ изобрѣтателей называетъ театръ „Полная безопасность“, и насколько можно судить по модели театръ соотвѣтствуетъ этому названію. Модель представляетъ зданіе изъ каменныхъ стѣнъ и желѣза. Все что нынче совершается при помощи толпы рабочихъ, постановка и спусканіе декорацій, опусканіе трапов, направленіе воздушныхъ колесницъ, все это въ новомъ театрѣ дѣлаетъ одинъ человѣкъ, нажимая на легко двигающійся рычагъ. И все устроено въ такомъ совершенствѣ, что всѣ движенія ускоряются и замедляются по мѣрѣ надобности, и всѣ самыя сложныя видоизмѣненія сцены производятся очень скоро безъ шума машинъ; каждое проявленіе силы достигается гидростатическимъ путемъ. Театръ предположено освѣщать электричествомъ, не исключая однако и газа; сцена будетъ очень большихъ размѣровъ. Для предупрежденія несчастныхъ случаевъ отъ разрыва канатовъ, будутъ канаты проволочные. И такъ какъ на сценѣ во всю длину ея есть люки, то декораціи будутъ устанавливаться подъ сценой и въ готовомъ уже видѣ въ случаѣ надобности, напр. въ балетахъ съ различными скорыми превращеніями могутъ быть подняты на сцену въ нѣсколько мгновеній. Тамъ гдѣ теперь требуется отъ 50 до 60 рабочихъ въ новомъ театрѣ достаточно будетъ шести, семи человѣкъ чтобы въ точности исполнить самую сложную сценическую перемѣну. Рамповое освѣщеніе сцены устранено новой системой освѣщенія въ кулисахъ на авансценѣ; на сценѣ не будетъ также соффитовъ (свѣсовъ) оказавшихся не нужными. Такъ какъ несмотря на всю безопасность, по всей вѣроятности власти не захотятъ разрѣшить устраненіе желѣзной занавѣси, то она, благодаря гидростатикѣ, можетъ также опускаться безъ шума, какъ и полотняная и тоже тихо или скоро, смотря по надобности. Въ зрительномъ залѣ есть также любопытныя нововведенія. Потолокъ положенъ не на колоннахъ галлереи но на окружающей стѣнѣ, что даетъ возможность посѣтителямъ галлереи хорошо видѣть сцену. Кромѣ того онъ не плоскій, но сдѣланъ въ видѣ раковины, что и красиво и кромѣ того цѣлесообразно въ акустическомъ отношеніи, при этомъ потолокъ двойной желѣзный, нижній рядъ его пробитъ въ видѣ сита, что способствуетъ вентиляціи театра. Каждый ярусъ имѣетъ свое фойе, идущее въ длину яруса; уже изъ фойе лѣстницы ведутъ прямо на улицу; въ фойе сдѣланы громадныя окна открывающіяся всѣ вдругъ отъ нажатія пуговки механизма. Ложи имѣютъ отдѣльныя въ 2 аршина ширины лѣстницы и отдѣльные выходы на улицу. Первый театръ, выстроенный по новой системѣ, будетъ національный чешскій театръ въ Прагѣ.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ:

Рѣшеніе шашечной задачи № 55.

Бѣлыя.	Черныя.
1) d 4 — c 5	b 4 — d 6
2) h 6 — e 3	f 8 — h 6
3) c 3 — d 4	h 6 — c 1
4) d 4 — e 5	d 6 — f 4
5) c 1 — d 2	c 1 — e 3
6) h 2 — g 3	f 4 — h 2
7) a 7 — b 8	c 3 — a 7
8) g 1 — f 2	a 7 — g 1
9) b 8 — a 7	g 1 — f 2
10) a 7 — g 1	и шашка черныхъ заперта.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислано отъ гг.: **Спб.**—Воронихина, **Дмитровъ**—Суходаева, **Кишиневъ**—Мауермейстера, **Тула**—Баташева, Зыбина, **Харьковъ**—Волокова.

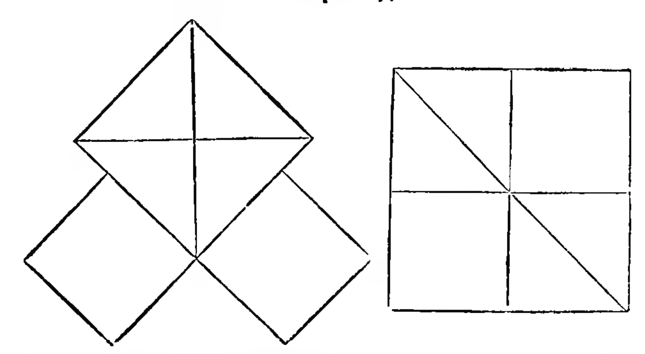
Рѣшеніе алгебраической задачи № 56.

1 число $= x$	I. $x + s + r = 52$	$x = 22 =$ Х
2 „ $= y$	II. $x - y = 21$	$y = 1 =$ А
3 „ $= z$	III. $v + s = 14$	$z = 17 =$ Р
4 „ $= u$	IV. $u - x = 7$	$u = 29 =$ Ь
5 „ $= v$	V. $v - y = r - z$	$v = 11 =$ К
6 „ $= t$	VI. $z - t = 2y$	$t = 15 =$ О
7 „ $= s$	VII. $3y = s$	$s = 3 =$ В
8 „ $= r$	VIII. $2t = s + r$	$r = 27 =$ Ъ.

ХАРЬКОВЪ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ г.г. **Спб.** — Доброхотовъ, Симоновъ. Тромпетеръ. Лягусъ, Хухринъ. Евстигнѣевъ 2, Шеперсонъ, Деммени, Боронинъ. **Москвы.** -Никифоровъ, Ереминъ, Тропьонъ, Терентьевъ, Ларіоновъ. **Астрахани.**—Сутыринъ. **Бѣжаницы.**—Макарова. **Бѣлева.**—Восковъ. **Бѣлаго.** — Бѣлосельскій.—**Большое Коровино.**—Терскій. **Бахчисарая.**—Дремджи. **Владиміра.**—Долговъ, **Вильно.** — Фонъ-Грейфенфельсъ. **Волчка.** — Ширинкинъ. **Варшавы.** — Блюмбергъ, **Великихъ Лукъ.**—Ерыкалкинъ. **Воронежа.**—Смирновъ, Пелинъ. **Гадяча.**—Меркульевъ. **Грушевки.**—Рудицынъ. **Динабурга.**—Потудинъ. **Ейска.**—Гурари. **Екатеринослава.**—Павловскій. **Егорьевска.**—Гусевъ. **Житоміра.**—Розенбергъ. **Зарайска.**— Лопухинъ, Терскій. **Иваново-Вознесенска.** — Якобсонъ. **Каменецъ-Подольска.** — Хаританскій. **Кіева.**—Бѣлевичъ, Гаврикъ, Болсуновская. **Краснаго-Села.**—Борласъ. **Константинограда.** — Виноградскій. **Коломны.** — Дутиковъ. **Ковеля.** — Тишбейнъ, Буглинская. **Курска.**—Пашковъ. **Креславки.**—Рѣзуновъ. **Ливны.**—Брандтъ. **Любашевки.**—Станишевскій. **Медвѣдя.**—Лейцингеръ. **Малой Вишеры.**—Амканинъ. **Минска.**—Ивановъ, **Мокшана.**—Сережа. **Мурома.** — Голубевъ. Смольяниновъ. **Николаева.**—Безродный, Петровъ, Денисьева, Гулубевъ. **Нѣжина.**—Живаго. **Одессы.** — Китоверъ. **Петрова-городища.**—Рагозинъ. **Пошехонья.**—Нейманъ. **Ростова на Дону.**—Васинъ, Герцовъ. Сагиміанъ. **Рыбинска.**—Трусовъ, Казанская, Завалевскій. **Рыльска.**—Аристархова. **Рудки.**—Яснинскій. **Рязани.**—Сныткинъ, Гачинскій. **Ряжска.**—Кавказовъ. **Раненбурга.**—Профернансовъ. **Ставрополя.** — Павлодольскій, Юноша, Котылевскій. **Сасово.**—Глазуновъ. **Слонима.** — Вейсенбергъ. **Скопина.**—Волковъ. **Севастополя.**—Стуковъ. **Сѣдлецъ.**—Даниловскій. **Серебрянки.**—Червинскій. **Твери.**—Поваровъ. **Тулы** Глаголевъ, Полевъ. **Тетнина.**—Квятковскій. **Тома-шева.** — Бринкенъ. **Торжка.**—Клюшинъ. **Харькова.** — Свитальскій, Левандовскій. **Царева.**—Базарова. **Череповца.**—Свѣтловъ, Элькинъ, Мостофинъ. **Чистополя.** — Вихаревъ. и проч.

Рѣшеніе геометр. задачи № 51.



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **Спб.:** Труханова, Никифорова. Листопадова; **Москва**—Мануилова, Тюменева-Крашенинникова, Богословскаго. Окель. Плѣшанова, **Бахчисарай**—Дренбжи, **Брянскъ**—Вѣтрова, **Варшава**—Романенко, **Гадячь**—Меркульева, **Корбулакъ**—Орлова, **Калуга**—Норовилова, **Муромъ**—Голубева. **Ниж.-Новгородъ**—Саларева, **Парголово**—Палажаенко, **Раменское**—Шарова-Бушуева, **Ревель**—Отоцкаго, **Скопинъ**—Кочунова. **Тейково**—Токова, **Томашевъ**—Бринкена.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ

Серебряные мужскіе часы

заводящіеся безъ ключа.

Анкерные на 15 камняхъ, закрытые, 35. 40 и 45 р.

Такіе же 1-го сорта 50 и 55 р.

Тоже высшаго сорта, съ брегетовскимъ волоскомъ и уравнительнымъ маятникомъ, 65, 75 и 85 р.

Тоже, вывѣренные въ разныя температуры, отъ 100 до 200 р.

Ручательство на два года.

Въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ,

поставщика Высочайшаго Двора. Въ **С.-Петербургѣ:** на Невскомъ проспектѣ, д. № 23. (противъ Большой Конюшенной).

Въ Москвѣ: на Рождественкѣ, на углу Кузнецкаго моста, д. № 6, Торлецкаго.

Пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно. № 2162 10—9

ЭКОНОМІЯ 90 КОП. СЪ РУБЛЯ

ОТЪ ДОМАШНЯГО ПРИГОТОВЛЕНІЯ ШИПУЧИХЪ ВОДЪ

СЕЛЬТЕРСКОЙ, ФРУКТОВЫХЪ и ЛИМОНАДОВЪ,

посредствомъ аппаратовъ и порошковъ продающихся съ подробнымъ для употребленія наставленіемъ у

Р. КЭЛЕРЪ и К° въ МОСКВѢ, на Никольской.

Аппараты эти особенно удобны тѣмъ, что изъ нихъ можно отливать любое, и самое малое количество воды, безъ вреда для остатка.

Цѣны аппаратамъ въ 3, 6, 9 и въ 15 стакановъ: 5, 6, 7 и 10 руб.; а съ укладкою для пересылки по почтѣ 5½, 6 р. 60 к., 7¾ и 11 р.; вѣсъ же ихъ съ укладкою: 13, 17, 18, 20 фунтовъ. Цѣны коробокъ съ 10-ю зарядами, каждый на 3, 6, 9 и 15 стакановъ: 55, 80, 115 и 160 коп.; съ укладкою 70, 100, 120 и 180 коп.; вѣсъ съ упаковкою ¾ фун., 1, 2 и 3 фунта.

Ц. № 2185 5—4

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!.. Романъ *Э. Вернера*, Перев. съ нѣм. Ц. 1 съ перес. 1р. 25 к. для подп. „НИВЫ“ 1882 г. 75 к. съ пер. 1 р.

Страховое Общество „РОССІЯ“.

ОБЩЕСТВО ЗАКЛЮЧАЕТЪ:

1. СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ по новымъ и выгоднымъ условіямъ.

2. СТРАХОВАНІЯ ОТЪ ОГНЯ всякаго рода имуществъ.

Брошюры, бланки и всякаго рода свѣдѣнія—безплатно въ Правленіи Общества **въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13**, Телефонъ № 280) **и въ Агентствахъ** въ городахъ Имперіи. № 2213 9—1

Вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „НИВА“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in—8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

ПОДТЯЖКИ-СПАСИТЕЛИ.

Новѣйшее изобрѣтеніе **Д-ра ЭСМАРХЪ**; не только служатъ **обыкновенными подтяжками**, но даже **эластичнымъ бинтомъ, для поданія первоначальной помощи, при несчастныхъ случаяхъ.** Эти подтяжки даже лучше всѣхъ другихъ, они плотно прилегаютъ къ тѣлу и не безпокоятъ; притомъ стройно держатъ корпусъ человѣка. **СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ страдаютъ, даже умираютъ** отъ пораненій на фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ и въ тысячи другихъ несчастныхъ случаяхъ, **БОЛЬШЕ отъ потери крови, чѣмъ отъ самихъ ранъ.** Вышеозначенными подтяжками можно подать, **безъ всякихъ медицинскихъ познаній**, помощь раненому, даже спасти его отъ смерти.

Болѣе подробное описаніе этого изобрѣтенія: „Нива“ № 31 1882 г. стр. 742.

ГЛАВНЫЙ АГЕНТЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, **Г. ПЕТО.** КАРАВАННАЯ УЛ., 14/16.

№ 2204 Цѣна этимъ подтяжкамъ **2 рубля.** За перес. 4 почт. марки по 7 коп. 2—2

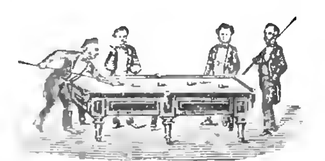
СКЛАДЪ СТЕКЛЯННЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

И. РИТИНГЪ и К°

Переведенъ въ собственный домъ № 20, по Вознесенскому проспекту, близъ Казанской улицы. № 2207 8—2

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, ром. въ двухъ част. *Н. Каразина съ 20 рисунками автора*, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ Туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы“ 1882 г. 1 р. 80 к. съ пересылкой 2 р.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 60 для подписч. „НИВЫ“ 1882 г. 75 к., съ перес. 1 р.



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ

Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ. собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26—20

ГЛАВНОЕ ДЕПО В. № 2203 5—2

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА,

С.-Петербургъ, по Большой Морской ул., № 42,

рекомендуетъ всевозможные музыкальные инструменты, струны и принадлежности.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Новый иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.

Депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.

ПРЕВОСХОДНЫЙ КЛЮКВЕННЫЙ ЭКСТРАКТЪ

Ю. МЕРТЕНСА,

для приготовленія лимонада, морса, соусовъ и проч. и сгущенное **Итальянское молоко, по своему отличному качеству допущено къ продажѣ Медицинскимъ Совѣтомъ.** Получить можно у **Штоль и Шмидта, въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами, въ вольныхъ аптекахъ и фруктовыхъ магазинахъ.** Оптовый складъ въ С.-Пбургѣ, уголъ Разъѣзжей и Коломенской. № 49—35. № 2163 10—9

При этомъ № прилагается для всѣхъ иногороднихъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 25 августа 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

НИВА

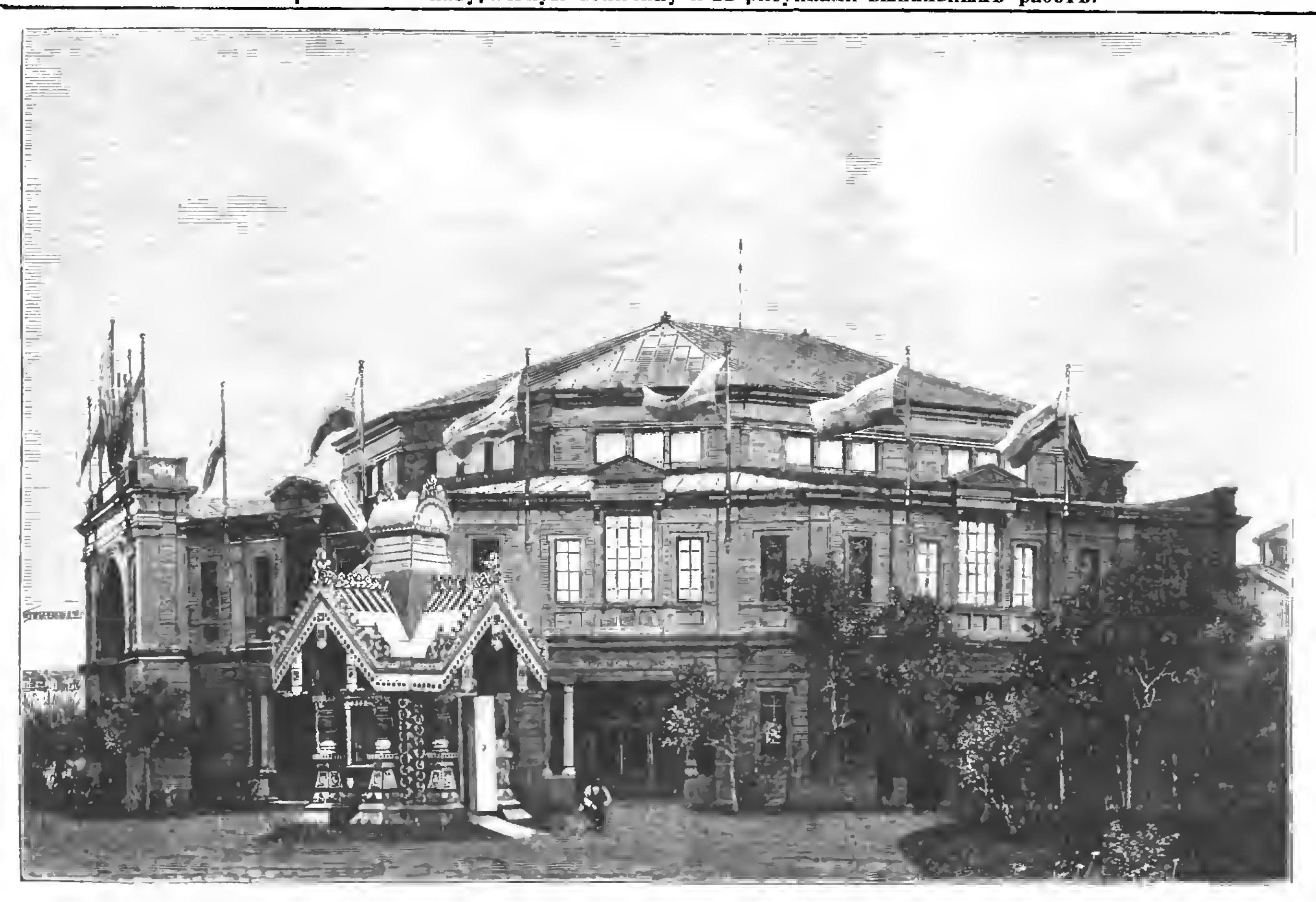
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ — № 36 — годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 4 Сентября 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за СЕНТЯБРЬ 1882 г. съ 32 рисунками и отдѣльнымъ листомъ съ 29 выкройками въ натуральную величину и 24 рисунками вышивныхъ работъ.



Московская промышленно-художественная выставка. Концертная зала. Съ фотогр. Шерера и Набгольца, грав. М. Рашевскій.

Всероссійская промышленно-художественная выставка.

(Рис. на стр. 841 и 844).

XVII.

Концертный залъ и Императорскій павильонъ.

Въ ряду изящныхъ построекъ Московской выставки, особенно выдѣляются своими архитектурными достоинствами два павильона—Императорскій и концертный.

Первый нашъ рисунокъ представляетъ концертный залъ, одну изъ наиболѣе грандіозныхъ построекъ Московской выставки. Внутри эта двухъ-свѣтная зала, красиво убранная флагами, отличается какъ удобствами для публики такъ и своими акустическими приспособленіями. Съ одной стороны ея помѣщается эстрада для артистовъ, драпированная краснымъ сукномъ; по бокамъ помѣщаются двѣ ложи а все остальное громадное пространство занято нумерованными мѣстами, число которыхъ простирается до двухъ съ половиною тысячъ. Распоряженіе концертами на выставкѣ лежитъ на московскомъ отдѣленіи Императорскаго музыкальнаго Общества, и благодаря этому публика съ самаго дня открытія концертнаго зала получила возможность ознакомиться съ избранными музыкальными произведеніями въ исполненіи безукоризненномъ и высоко-художественномъ. Первое такое музыкальное торжество происходило въ концертномъ залѣ выставки 20 мая, когда подъ управленіемъ нашей первоклассной знаменитости, А. Г. Рубинштейна, исполнена была его же замѣчательная фантазія „Россія" вызвавшая цѣлую бурю рукоплесканій. Но помимо нашего несравненнаго Рубинштейна въ московскихъ концертахъ участвовало не мало другихъ первоклассныхъ артистовъ, доставившихъ любителямъ музыки истинно-высокое наслажденіе. Кромѣ того на этихъ же концертахъ появляются передъ судомъ публики различные хоры дѣйствительно замѣчательные: такъ здѣсь долго пѣлъ извѣстный хоръ Славянскаго, знакомя публику съ нашими старинными, народными пѣснями и поражая красотою и пышностью древне-русскаго наряда: кромѣ того пѣли цыгане, хоръ финновъ, хоръ латышей, и каждый изъ этихъ интересныхъ концертовъ привлекалъ массу народа, жаждущаго послушать пѣсни чисто народнаго склада и характера. Вообще музыкальная программа выставки удалась вполнѣ и ея концерты помимо своей общедоступности дали еще возможность многимъ молодымъ талантамъ выступить и показать себя передъ публикой. Строгое же отношеніе къ искуству выставочной публики и ея музыкальные интересы доказали во очію, что и у насъ музыка получаетъ право гражданства и занимаетъ уже видное, неотъемлемое мѣсто между нашими духовными потребностями.

Императорскій павильонъ (рис. на стр. 844) съ внѣшняго фасада представляется небольшимъ красивымъ домикомъ, съ стройной изящной башенкой: онъ состоитъ изъ восьми комнатъ и крытой терассы и окруженъ небольшимъ скверомъ, разбитымъ между художественнымъ отдѣленіемъ, соединительной боковой галлереей и главнымъ выставочнымъ зданіемъ. Благодаря тщательному уходу, клумбы садика пестрѣютъ множествомъ цвѣтовъ; кругомъ видна яркая, свѣжая зелень, а посрединѣ бьетъ небольшой фонтанъ. По верхъ изящества и художественнаго вкуса представляетъ внутренняя отдѣлка павильона, дѣлающая большую честь таланту архитектора Каминскаго.

Поднявшись со сквера на нѣсколько ступеней, посѣтитель входитъ въ крытую террасу, изъ которой широкія, стеклянныя двери ведутъ въ залъ, занимающій средину павильона. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе искусно сдѣланный паркетный полъ съ бордюромъ, выложеннымъ изъ кусочковъ разнаго цвѣта дерева. Стѣны и потолокъ сѣраго цвѣта по краямъ покрыты лѣпною работою; два громадныхъ зеркала, поставленные другъ противъ друга, придаютъ всей комнатѣ характеръ свѣтлый и веселый. Въ залѣ четыре двери: налѣво въ вестибюль и кабинетъ Государя Императора, направо въ гостиную и въ кабинетъ Государыни Императрицы. Вестибюль убранъ чрезвычайно просто но вмѣстѣ съ тѣмъ изящно; стѣны его по цвѣту и рисунку имѣютъ видъ желтаго еловаго теса; нѣсколько высокихъ деревянныхъ стульевъ и высокое зеркало въ рѣзной некрашеной рамѣ составляютъ всю его меблировку. Освѣщается вестибюль сверху чрезъ большое окно, пробитое въ потолкѣ. Изъ вестибюля вы вступаете въ кабинетъ Государя Императора—комнату, стѣны которой шеколаднаго цвѣта съ трафаретнымъ мелкимъ орнаментомъ. Особенно украшаетъ эту комнату громадный каминъ, имѣющій видъ русской избы и покрытый изящной лѣпной работой. Мебель здѣсь состоитъ изъ большаго письменнаго стола, двухъ изящныхъ, рѣзныхъ шкафовъ, сдѣланныхъ по рисункамъ Каминскаго и нѣсколькихъ креселъ обитыхъ полубархатомъ. Около окна на особомъ столикѣ стоитъ пестро-разрисованная, большая шкатулка съ папиросами, выставленная одной крупной табачной фирмой. Съ потолка спускается большая и изящная люстра.

Гостинная—самая роскошная комната Императорскаго павильона. Стѣны ея свѣтлосиреневаго цвѣта, украшенныя замѣчательно тонкими и отчетливыми трафаретными узорами. Здѣсь помѣщаются два дивана, обитые темно-лиловымъ атласомъ, піанино, кушетка, нѣсколько стульевъ и креселъ и столъ съ высокой, стоячей лампой. Изъ гостинной одна дверь ведетъ въ скверъ а другая въ кабинетъ Государыни Императрицы. Послѣдній—это маленькая, уютная комнатка съ стѣнами и потолкомъ, покрытыми лѣпными украшеніями, съ небольшимъ мраморнымъ каминомъ. Въ простѣнкѣ красуется въ высшей степени изящный туалетъ, убранный русскими вышивками, надъ зеркаломъ котораго высится небольшой куполъ, съ котораго падаетъ на туалетный столикъ роскошно вышитая драпировка. Тутъ-же неподалеку стоитъ затѣйливый съ разными шкафиками, письменный столъ, покрытый темносинимъ бархатомъ на которомъ красиво блеститъ канделябра и разныя мелкія бронзовыя вещицы. Изъ кабинета боковая дверь ведетъ въ будуаръ а за будуаромъ помѣщается буфетная комната. Вообще нужно отдать справедливость какъ архитектору Каминскому такъ и экспонентамъ выставки, что они въ выборѣ какъ мебели, такъ и украшеній руководились истинно изящнымъ вкусомъ и что они выполнили свою трудную задачу — сдѣлать императорскій павильонъ достойнымъ своего высокаго назначенія.

Въ южной глуши.

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

П. П. Гнѣдича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Черноглазая, красивая дивчина, босоногая, загорѣлая, съ маленькой астрой въ густыхъ волосахъ, выглянула на стукъ подковъ изъ калитки.

— Дома? крикнулъ ей молодой, съ закрученными въ стрѣлку усами, офицеръ въ голубомъ гусарскомъ ментикѣ, натягивая поводья и весело глядя на нее.—Отобѣдали?

— Ужè!

— Въ домѣ?

— Ни. Панъ въ клунѣ, а пани у черешенъ варенье варитъ.

Онъ привычнымъ движеніемъ перекинулъ черезъ сѣдло правую ногу, легко ступилъ на землю, перебросилъ черезъ голову мокрой лошади поводъ, провелъ рукой по растрепаной чолкѣ, отдалъ ремни подоспѣвшему конюху и вынувъ сильно надушенный съ красной коемкой платокъ, пошелъ въ садъ, слегка расправляя отекшія отъ долгой ѣзды ноги. Дивчина кинулась впередъ, мелькая среди цвѣтовъ пестрымъ, какъ эти клумбы, нарядомъ, бренча монистами, сверкая бѣлыми широкими рукавами.

— Ау! по русски окликнулъ гость, потерявъ ее изъ виду и въ недоумѣніи останавливаясь передъ двумя разбѣгающимися дорожками.

— Ау! откликнулись ему слѣва, и среди кустовъ засвѣтилось какое-то розовое пятно платья. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ. На лужкѣ, подъ черешнями, стояла небольшая печурка, аккуратно сложенная изъ кирпичей, съ громадной желѣзной покосившейся трубой, откуда теперь бѣжалъ прозрачный синеватый дымокъ, еле замѣтный въ горячемъ, пронизанномъ лучами украинскаго солнца, воздухѣ.

— Pardon, я не въ урочное время,—извинился гость, звеня шпорами и натыкаясь на разбросанныя полѣнья.—Отвлекаю васъ отъ священнодѣйствія: отъ служенія на алтарѣ пенатовъ.

Хозяйка, полненькая, невысокаго роста блондинка,

покраснѣвшая и отъ огня и отъ внезапнаго посѣщенія гостя (она была въ капотѣ хотя и свѣженькомъ, но не предназначенномъ для приема гостей), улыбнулась, и наскоро вытеревъ свою маленькую горячую руку, протянула ее гостю.

— Напротивъ,—очень рада. Я ужь кончаю варить: послѣдній тазикъ. Садитесь, monsieur Таганцевъ: — Приска, сними тарелки.

Приска быстро подхватила со скамейки пустыя блюда, переставила ихъ на столъ, врытый тутъ-же въ землю, и въ то же время успѣла пощупать: не выпала-ли отъ бѣготни изъ волосъ астра.

— Merci, отозвался Таганцевъ, садясь на скамейку и оглядываясь. Славно какъ здѣсь. — И точно было славно: вокругъ царилъ сладкій запахъ пѣнокъ, дыма, кружились какія-то мухи, стукали о тазикъ ложки,— все дышало южнымъ, горячимъ лѣтомъ, тепломъ, затишьемъ, миромъ.

— А вашъ супругъ въ клубѣ? спросилъ онъ.

— Да, вѣдь онъ цѣлые дни на работахъ.

— Его въ городѣ совсѣмъ не видно, —васъ тоже... Мы часто васъ вспоминаемъ.

— Monsieur Таганцевъ, варенья хотите?

— Не откажусь. Онъ оглянулся—куда положить фуражку, и не найдя мѣста, надѣлъ ее себѣ на голову.— Прошлый разъ я у васъ à la lettre объѣлся вареньемъ. Даромъ, что вы петербургская жительница—не уступите нашимъ...

Она выложила изъ простывающей миски нѣсколько ложекъ густыхъ сочныхъ ягодъ, и подала блюдечко гостю.

— Васъ часто-часто мы вспоминаемъ,—продолжалъ онъ. Еще вчера отецъ протопопъ говорилъ о васъ: онъ буквально въ васъ влюбился... Отчего вы рѣдко заглядываете въ нашъ городокъ?...

— Да не приходится какъ-то...

— Вы не повѣрите, что за тоска... День за день идетъ—одинъ какъ другой, другой какъ третій. Все одно и то же. Утромъ въ манежѣ, днемъ шляешься по товарищамъ, вечеромъ—карты... Семейныхъ офицеровъ, какъ на грѣхъ, ни одного нѣтъ.—даже докторъ овдовѣлъ: ходишь, какъ муха сонная. Читать надоѣдаетъ,— да и у насъ это какъ-то не принято...

Онъ поставилъ блюдечко на столъ, обтеръ усы, звякнулъ по привычкѣ одной шпорой и прищурившись взглянулъ на хозяйку, на ея полненькія бѣлыя руки, свободно выходившія изъ подъ короткихъ, широкихъ рукавовъ блузы.

— А вы, Анна Павловна, не скучаете? спросилъ онъ.

— Немножко... Впрочемъ къ намъ ѣздятъ сосѣди. Я хозяйство люблю, очень люблю... Здѣсь прелесть какъ хорошо...

Въ голосѣ ея чувствовалась маленькая нервность, раздражительность, но гость, не замѣчая этаго, продолжалъ смотрѣть на маленькія кисти рукъ, крѣпко державшія тазикъ и ложку.

— Я вѣдь къ вамъ, Анна Павловна, чрезвычайнымъ посломъ, внезапно сказалъ онъ.

Она съ удивленіемъ взглянула на него.—Отъ кого это?

— Отъ всего города, отъ всей нашей интеллигенціи, и наконецъ лично отъ себя.

— Это интересно.

— Вы знаете, въ городѣ у насъ есть благотворительное общество. Оно нуждается въ суммахъ, и рѣшилось устроить спектакль... Я знаю, вы игрывали на домашнихъ сценахъ. Если бы вы соблаговолили принять участіе?

Анна Павловна осторожно стряхнула съ ложки пѣнку. Я не могу вамъ дать прямаго отвѣта, сказала она.— Это зависитъ...

— Анна Павловна, согласитесь! умоляющимъ тономъ заговорилъ Таганцевъ.—Вы согласитесь—все устроится— безъ васъ ничего не будетъ... Согласитесь пожалуйста— вы оживите насъ всѣхъ. Вѣдь здѣсь всѣ заплѣсневѣли. Вы знаете, спектакли какъ сближаютъ, ну повеселимся, вздохнемъ посвободнѣе...

Въ его голосѣ было столько мольбы, просьбы, точно отъ согласія молодой женщины зависѣло все его счастье...

— Хорошо, улыбаясь сказала она,—я приму участіе, только...

— Анна Павловна,—не надо „только,“—мы повеселимся, встряхнемся...

Она засмѣялась.—Я очень рада.

— Ну, а супругъ вашъ?

— Что?

— Я хочу сказать—онъ приметъ участіе?

Она слегка сдвинула брови, продолжая улыбаться губами.—Сохрани Богъ, —ему некогда, онъ съ утра до ночи занятъ. Еще сегодня привезли изъ Кіева новую молотилку, онъ возится съ ея установкой... Вообще онъ не любитъ разъѣзжать, вы на него не разсчитывайте. Гусаръ покорно наклонилъ голову.

— Вы кого думаете приглашать? какъ-то небрежно, мимоходомъ, прибавила она.

— Многихъ. Во первыхъ—Вѣру Всеволодовну Богучарову,—она... А propos—какъ она вамъ нравится?

Вопросъ этотъ тоже былъ сдѣланъ мимоходомъ, но по бѣгавшимъ глазамъ Таганцева, и внимательно-напряженному лицу, нельзя было заключить, что отвѣтъ его не интересуетъ.

— Я ее очень мало знаю,—кажется милая барышня,— уклончиво отвѣчала хозяйка.

Лицо Таганцева просвѣтлѣло, онъ слегка пошевелилъ усами—и съ довольнымъ видомъ погладилъ себѣ по ногѣ. Богучарова была дочь мѣстнаго помѣщика, единственная наслѣдница его громадныхъ имѣній, очень бойкая барышня, къ которой Таганцевъ чувствовалъ себя неравнодушнымъ.

— Ну-съ, потомъ,—продолжалъ онъ веселымъ тономъ,—нельзя обойти Мармышева,—хотя онъ не всегда выносимъ въ обществѣ. Вы слышали, что онъ на дняхъ сдѣлалъ на именинахъ у своей тетки? та любительница кошекъ,—у нея въ домѣ ихъ чуть не полдюжина.—онъ всѣмъ имъ хвосты и пообрѣзалъ. На утро встаютъ: всѣ кошки куцы,—а племянника и слѣдъ простылъ... Это въ сорокъ лѣтъ мальчикъ занимается шалостями!... А какъ вы его не пригласите?—первое лицо въ уѣздѣ— первый хозяинъ, заводчикъ... Ну, конечно, нельзя обойти Ярцева...

Она низко наклонилась, заглядывая въ печь,—лицо ея зарумянилось, оттого что она наклонилась. Она велѣла Прискѣ подбросить дровъ, и мелькомъ взглянула на гостя...

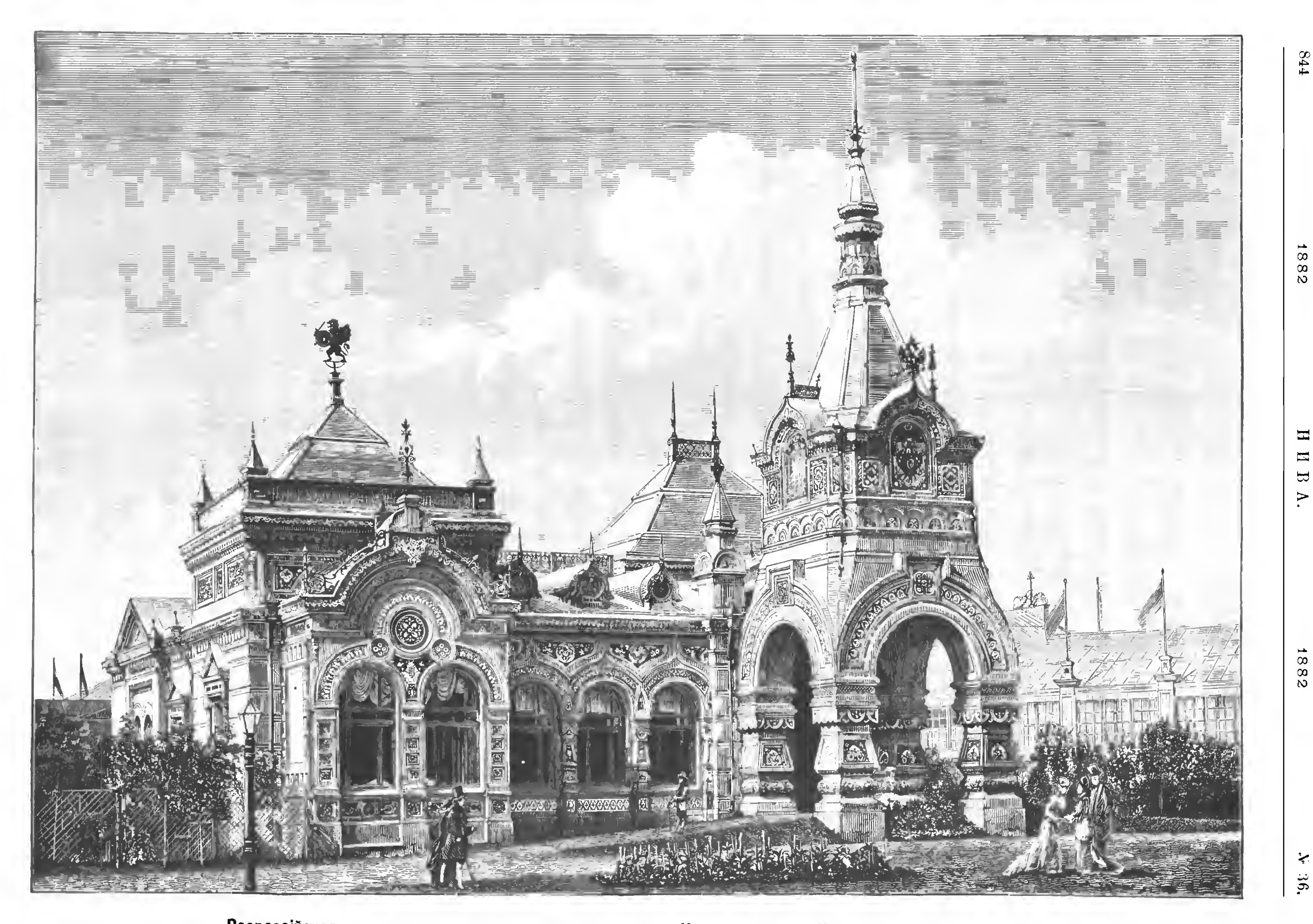
— Весело будетъ,—равнодушно сказала она.—Кому это пришла счастливая мысль о спектаклѣ?

— Мнѣ-съ, не безъ гордости отвѣтилъ Таганцевъ,— я на своемъ вѣку бездну спектаклей ставилъ, знаю театральное дѣло какъ свои пять пальцевъ,—два раза собирался на сцену поступить... Это кажется вашъ супругъ, прибавилъ онъ, смотря въ аллею. И съ нимъ еще кто-то...

— Ярцевъ. Онъ обѣдалъ у насъ: они вмѣстѣ молотилку пробовали...

II.

Къ нимъ подходило двое.—Одинъ—худощавый, бѣлокурый господинъ съ зеленовато-голубыми на выкатѣ глазами, съ длиннымъ, сжатымъ, заостреннымъ книзу лицомъ, и курчавой густой бородкой, имѣлъ на видъ лѣтъ тридцать пять. Другой былъ лѣтъ на пять его моложе, значительно выше, съ сѣрыми добрыми глазами, и густыми волнами заброшенныхъ за уши волосъ. Первый былъ мужъ Анны Павловны, кандидатъ на какую-то кафедру—Сергѣй Ивановичъ Чмутовъ,—



Всероссійская промышленно-художественная выставка. Наружный видъ Императорскаго павильона.
Съ фотографіи Шерера и Набгольца, грав. М. Рашевскій.

С.-Петербургъ. Видъ Новаго Адмиралтейства съ Невы. Ориг. рис. П. П. Гнѣдича, грав. Рашевскій.

второй,—ихъ сосѣдъ по имѣнью Борисъ Ѳедоровичъ Ярцевъ.—Чмутовъ шелъ скорой, вздрагивающей походкой, заложивъ руки въ карманы своего коломянковаго, отдувающагося по вѣтру пиджака, надвинувъ на самые глаза широкополую, соломенную шляпу. Ярцевъ шелъ шага на два отставши, разсѣянно поглядывая по сторонамъ, вертя въ рукахъ сорванный гдѣ-то прутикъ. Увидя гостя, Чмутовъ прямо пошелъ къ нему.

— Поклонъ вамъ ото всего города.—заявилъ Таганцевъ.

Чмутовъ приподнялъ шляпу, стиснулъ ему руку, но не сказалъ ни слова, не поблагодарилъ, и уставился на варенье.

— По двору вашу лошадь водятъ,—сказалъ Ярцевъ. отвѣчая на пожатіе гусара. Вы ее замучили совсѣмъ.

— Жарко сегодня. Я издалека: обѣдалъ у Богучаровыхъ.

— Охота по такой жарѣ ѣздить! пожавъ плечами отозвался хозяинъ, ни къ кому лично не обращаясь, продолжая смотрѣть на вскипавшія ягоды, и стоя съ тѣмъ видомъ, съ какимъ стоятъ люди, остановившіеся мимоходомъ для приличія, и которымъ сейчасъ-же снова надо идти по дѣлу.—Это портить лошадь—мучать ее по такому пеклу.

— У меня конь привычный,—не смущаясь возразилъ Таганцевъ. Да и сегодня я пріѣхалъ сюда къ Аннѣ Павловнѣ по порученію, прибавилъ онъ, какъ бы оправдываясь изъ за чего онъ замучилъ его.

Чмутовъ слегка нахмурился.—По какому?

— У насъ затѣвается благотворительный спектакль, такъ просятъ Анну Павловну принять участіе.

— А! Онъ повернулся къ женѣ.—Что же, Аня—ты согласна?

— Согласна,—отвѣтила она, не поворачиваясь отъ тазика. но тономъ такаго безусловнаго рѣшенія, что о возраженіи не могло быть и рѣчи.

— А вы, Сергѣй Ивановичъ,—продолжалъ Таганцевъ:—вы не будете участвовать.

Онъ скорчилъ не то улыбку, не то гримасу.—Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, снимая шляпу и отираясь.—Я вамъ очень благодаренъ за честь (онъ не то насмѣшливо, не то вѣжливо поклонился),—но я попрошу меня уволить... У меня у самаго дома спектакли съ благотворительной цѣлью...

Таганцевъ удивленно вскинулъ на него глазами.

— Да-съ, продолжалъ онъ,—спектакли—и въ клунѣ, и на полѣ, и въ саду. Вчера былъ водевиль: хлопцы водянку, что въ травѣ передъ домомъ въ бутыли на солнцѣ грѣлась, выпили,—а сегодня трагедія: дивчина съ журавля *) оборвалась — бокъ отшибла — лежитъ, охаетъ...

— Какая это? безпокойно спросила его жена.

— Домаха.

— Надо ей дать что нибудь...

— Валерьяновыхъ капель на сахарѣ.фыркнулъ мужъ.—и на полгода въ Египетъ на излеченіе...

— У тебя все глупости. раздраженнымъ но сдержаннымъ голосомъ возразила она.

— Ну, Аня. у кого глупости — такъ это у тебя.—Лечитъ хлопцевъ да дивчатъ.—обратился онъ на этотъ разъ уже прямо къ гостямъ:—даетъ имъ какія-то мятныя да имбирныя пастилки, которыя они могутъ жевать пудами—и воображаетъ. что приноситъ этимъ великую медицинскую помощь, выполняетъ какую-то миссію.

Лицо ея вспыхнуло, она сердитымъ движеніемъ перебросила черезъ плечо шитое полотенце.—Я не понимаю. сказала она. твоей страсти смѣяться надо мною и особенно надъ моимъ леченьемъ: еслибъ не было отъ него пользы, вѣдь не ходили-бы ко мнѣ больные десятками каждый день. Посмотри, сколько болѣло лихорадкой, когда мы пріѣхали сюда весной, — теперь хина всѣхъ вылечила... Я не знаю, что ты имѣешь противъ этого...

— Ничего особеннаго... Доказательствомъ служитъ то, что я даю на лекарства деньги...

Онъ круто замолчалъ. поводя во всѣ стороны глазами и нервно барабаня кривыми, бѣлыми пальцами по столу. Анна Павловна стала сливать послѣдній тазикъ въ миску, шумно плеская и шлепая тяжелыми ягодами. обрызгивая свой передникъ горячимъ сокомъ.

— Вы молотилку устанавливали?—спросилъ Таганцевъ.

— Да. отвѣтилъ за хозяина Ярцевъ. — Кажется, хорошо будетъ дѣйствовать... Въ восемь лошадей...

— Скажите пожалуйста, — я совершенный профанъ въ сельскомъ хозяйствѣ (и Таганцевъ снисходительно-виновно улыбнулся самъ своему незнанію), — имѣютъ новѣйшія усовершенствованія въ сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ примѣненіе на практикѣ?

Ярцевъ невольно тоже улыбнулся.—Конечно имѣютъ, иначе что-же бы это были за усовершенствованія.

— Да, но вотъ нерѣдко приходится читать въ газетахъ (хотя по наивному сознанію Таганцева читать у нихъ въ полку было „не принято". но газеты все таки читались), иногда приходится читать въ газетахъ, что заграничныя полевыя машины не имѣютъ у насъ примѣненія...

— У меня онѣ работаютъ отлично, возразилъ Ярцевъ. — у Сергѣя Ивановича тоже, у Мармышева тоже. Все дѣло въ томъ какъ обращаться... У насъ есть и машинисты-спеціалисты и передвижныя полевыя кузницы. такъ что машинныя поврежденія исправляются на мѣстѣ... Большихъ паровыхъ машинъ—плуговъ, у нась нѣтъ, потому что затрата въ 15 — 20 тысячъ при значительной дешевизнѣ рабочихъ рукъ непроизводительна. Впрочемъ. еслибы цѣлый округъ обработывалъ-бы однимъ плугомъ поля и бралъ-бы его по очереди на аренду—можетъ быть и было-бы выгодно...

Ярцевъ говорилъ все это очень просто, не торопясь, высказывая давно созрѣвшія въ его головѣ мысли. Тонъ рѣчи его былъ слегка лѣнивый, словно это говорилъ балованный ребенокъ. Онъ этимъ тономъ говорилъ со всѣми, — и съ своимъ прикащикомъ, и съ губернаторомъ, и съ хлопцами, этимъ тономъ онъ отвѣчалъ на экзаменахъ въ университетѣ,—и только въ разговорѣ съ женщинами онъ оживлялся, глаза его блестѣли. Хозяйствомъ онъ занимался съ любовью, но отзывался о немъ какъ о какомъ-то долгѣ, о службѣ, которой нельзя избѣжать, отъ которой нельзя отказаться.

— Кофе скоро? лаконически спросилъ у жены Чмутовъ.

Анна Павловна молча вынула изъ кармана связку маленькихъ блестящихъ ключей, и подала ее Прискѣ. Та схватила ее и, по обыкновенію, бѣгомъ кинулась къ дому.

— Да,—я совсѣмъ забылъ у васъ спросить, обратился къ Ярцеву Чмутовъ, — вы не встрѣчали за послѣдніе дни на поляхъ маленькаго господина, толстенькаго, шляпа грибомъ, съ дубиной?.. Такая рыжая бородка сосульками...

— Встрѣчалъ, кажется встрѣчалъ.—медленно припоминая. проговорилъ Ярцевъ.—а что?..

— Надо будетъ присмотрѣть за нимъ,—что онъ тутъ путается... Это поповичъ какой-то... Чуть-ли не изъ новыхъ апостоловъ. Что-то такое рабочимъ болталъ о заработкахъ и раздѣлахъ...

— Позвольте, позвольте. внезапно спохватился Таганцевъ.—вчера нашъ протопопъ что-то говорилъ о своемъ дальнемъ родственникѣ: „путаникъ говоритъ рыжеголовый", — пріѣхалъ изъ Рязани и сѣлъ мнѣ на шею: теперь говоритъ вокругъ города шатается гдѣ день, гдѣ ночь... Не этотъ-ли?

— Должно быть онъ.—рѣшилъ Чмутовъ. Во всякомъ случаѣ я кой-какія мѣры принялъ, если онъ за свою проповѣдь возьмется на моей землѣ... И вамъ совѣтую...

*) *Журавлемъ* на югѣ называютъ огромный деревянный рычагъ, съ помощью котораго можно подниматься на скирды, крыши и пр.

— Да что-же я могу предпринять? сказалъ Ярцевъ.

— Ну да ужъ тамъ что хотите, — я васъ съ своей стороны предупредилъ...

Разговоръ оборвался. Таганцевъ сталъ разсказывать что-то очень неинтересное о полковыхъ производствахъ, всѣ слушали, ожидая, когда онъ кончитъ. Вдругъ Чмутовъ предложилъ ему осмотрѣть больнаго жеребенка.

— Я въ ветеринарномъ искусствѣ плохъ, пояснилъ онъ—и предложилъ ему идти въ конюшню.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ Таганцевъ, неохотно поднимаясь съ мѣста, ему очевидно гораздо было пріятнѣе находиться въ обществѣ красивой барыни, чѣмъ осматривать больнаго жеребенка, но отказываться было неловко.

III.

Когда шумъ удалявшихся шаговъ затихъ между деревьями, глаза Анны Павловны встрѣтились съ глазами Ярцева.

— И вотъ *это* постоянно.—отвѣтила она на его нѣмой вопросъ. Это вѣчное брюзжанье:—чтобы я ни сдѣлала — все дурно; все что онъ дѣлаетъ—безподобно... Цѣлые дни—уроки и поученія...

— Но вѣдь это мелочи, пустяки,—спокойнымъ голосомъ отозвался ея собесѣдникъ.

Она нервно повела плечами.—Пустяки, все пустяки, но вѣдь это каждый день, каждый Божій день... У него какой-то особенный взглядъ на людей. онъ считаетъ себя на голову выше всѣхъ—смотритъ на всѣхъ съ какимъ-то пренебреженіемъ... Ну да, онъ уменъ, онъ довольно образованъ—и гордится этимъ до того, что никому не прощаетъ ни малѣйшаго выхода изъ рамки, что онъ самъ себѣ выдумалъ, и къ другимъ примѣняетъ...

— Да что-же вы волнуетесь,—полно...

Ея ноздри раздулись, на щекахъ вспыхнулъ румянецъ, изъ подъ темныхъ бровей словно посыпались искры.— Вы замѣтили сейчасъ эту фразу, сказала она,—насчетъ больныхъ: „я ничего особеннаго не имѣю противъ нихъ,— я даже деньги даю на лекарства“... Это *я даю деньги* лучше всего,—тонкій намекъ: „ты не забудь, вѣдь и тутъ *я* плачу, *тебя*-то я безъ приданаго взялъ“...

— Полноте, онъ не имѣлъ этого и въ виду.

— Ахъ,—вы его не знаете! какимъ-то груднымъ, гнетущимъ голосомъ сказала она.—Вы говорите, что это мелочи,—да вѣдь вся жизнь наша,—все это мелочи, мелочи и небольше. Можетъ быть вы правы—я мелочна.— но чтожь дѣлать: такою видно ужъ Богъ меня создалъ...

Она опустилась головой на руки, закрывъ ладонями лицо. Онъ наклонился къ ней и тихонько взялъ ее за руку.

— Полноте, дорогая, о чемъ-же...

Она не отнимала отъ него руки, но не поднимала лица.

— Онъ не считаетъ это оскорбленіями.—начала она снова,—онъ не подозрѣваетъ, что въ этихъ намекахъ есть что нибудь оскорбительное. Онъ считаетъ себя выше этихъ намековъ, выше! Это богъ, который съ высоты своего величія, раздаетъ дары... А, да зачѣмъ я вамъ все это говорю, съ какой стати...

— Говорите, говорите,—тихо возразилъ онъ, глядя на ея милую поникшую головку, на бѣленькую обрамленную кружевомъ пеньюара шейку, на крутившіеся колечками на затылкѣ и за ушами золотистые волосы, на разгорѣвшіяся отъ волненія, горячія щеки:—говорите, я вамъ старый... старый знакомый,—вѣдь вамъ легче когда вы выскажетесь, легче,—да?..

— Какое право онъ имѣетъ,—воскликнула она, подавленная новымъ наплывомъ мыслей,—какое онъ имѣетъ право оскорбляя меня на каждомъ шагу, ревновать въ то же время ко всѣмъ, ко всѣмъ, кто къ намъ ни ѣздилъ въ Петербургѣ... Онъ увѣряетъ, что дастъ мнѣ полную свободу, а самъ связалъ меня по рукамъ и по ногамъ, я не могу двинуться, пошевелиться,—я задыхаюсь...

— Вѣдь это происходитъ оттого, что онъ любитъ васъ,—попробовалъ утѣшить Ярцевъ.

— Не надо мнѣ его любви, не надо...

Она судорожно опустилась руками на столъ и зарыдала давно накипѣвшими слезами, зарыдала такъ, какъ рыдаютъ только женщины, въ порывѣ безсильнаго сознанія несчастія и горя...

IV.

— Что за пошлая форма благотворительности, что за вздоръ! говорилъ Чмутовъ, когда Таганцевъ красивой развалкой выплылъ со двора на своемъ иноходцѣ.—Я не понимаю, мой другъ, и тебѣ охота соглашаться...

И онъ, для того, чтобы яснѣе выразить, что онъ этого не понимаетъ, пожалъ плечами и заходилъ большими шагами по балкону, исподлобья поглядывая то на жену, то на Ярцева.

— Зачѣмъ-же отказываться? отозвалась она,—что-же мнѣ здѣсь сидѣть, никуда шага не ступая дальше сада? Вѣдь три мѣсяца я сижу,—вѣдь у насъ кромѣ Бориса Ѳедоровича, который изрѣдка заглядываетъ,—никто не бываетъ.

— Неужели тебѣ такъ интересны здѣшніе сосѣди и знакомства? иронически возразилъ онъ.—Вотъ спроси у Бориса Ѳедоровича (онъ кивнулъ головой по направленію Ярцева),—спроси: кто здѣсь, изъ здѣшнихъ барынь тебѣ подъ пару,—съ кѣмъ ты можешь сойтись? Все дура на дурѣ... Я не понимаю, что тебѣ этотъ благотворительный спектакль? Только разовьетъ ненужное амикошонство... Пойдутъ пошлые разговоры: кромѣ пошлыхъ разговоровъ онѣ ни на какіе не способны... Мелкіе интересы, дрязги...

Ярцевъ нетерпѣливо повернулся на креслѣ: онъ чувствовалъ въ себѣ то сознаніе неумѣстности, которое всегда ощущаютъ люди, оказавшіеся невольными свидѣтелями семейной сцены. Онъ смотрѣлъ въ садъ, на ярко залитую вечернимъ свѣтомъ листву, на перистыя облака, что перламутромъ разсыпались по небу, на далекіе нагорные берега Днѣпра, синѣвшіе на горизонтѣ, и въ то же время невольно смотрѣлъ на Чмутова, слышалъ, что говорилось вокругъ...

— Но что-же мы за неземныя существа съ тобой? спрашивала Анна Павловна. Почему мы не должны снизойти до уровня простыхъ смертныхъ?

— Не должны! категорически отвѣтилъ Чмутовъ.— Держись особнякомъ, въ сторонѣ, отъ этой грязи... Въ четыре года что мы женаты—я всѣми силами стараюсь удержать чистоту семейныхъ элементовъ... Теперь у насъ семья распадается, семьи нѣтъ: разумная, замкнутая жизнь—единственный исходъ укрѣпить какія-бы то ни было отношенія...

— Но почему же замкнутая жизнь самая разумная: объясни мнѣ пожалуйста—я этого не понимаю...

— Потому что... потому что ты молода—ты не знаешь людей.

— Да я хочу ихъ узнать,—вѣдь я живое существо,— молодымъ, порывистымъ голосомъ возразила она... Вѣдь я всю жизнь взаперти росла...

— Слава Богу, что не знаешь, что росла взаперти.— быстро отвѣтилъ онъ. Съ этой стороны я уважаю твою мать. Твое воспитаніе было раціонально,—ты неиспорченная, свѣжая натура—не тѣ верченыя юлы, что прыгаютъ въ Петербургѣ по паркетамъ...

— Напротивъ, напротивъ! убѣдительно-оживленно заговорила она:—главная ошибка моей матери была та, что я мало выѣзжала, мало видѣла свѣта... Знай я побольше людей—я... я быть можетъ не ошибалась бы въ нихъ и... и была бы счастливѣе...

Чмутовъ остановился прямо противъ жены.

— То есть ты хочешь сказать,—началъ онъ, глубоко заложивъ руки въ карманы,—что ты ошиблась, выйдя за меня замужъ.—Но на это я тебѣ при постороннихъ ничего не отвѣчу... ибо считаю это неумѣстнымъ.

Ярцевъ быстро поднялся съ мѣста.

— Вообще вы мнѣ позвольте уѣхать, хмурясь сказалъ онъ.

— Нѣтъ. нѣтъ,—равнодушнымъ, почти небрежнымъ тономъ возразилъ Чмутовъ,—вы пожалуйста, пожалуйста сидите. Вы у насъ почти свой (онъ какъ-то странно подчеркнулъ это „почти свой"). Вы мою жену знаете больше чѣмъ я; знаете, что она прекрасная женщина, но что у ней есть своего рода недостатки. Во-первыхъ, у нея нѣтъ характера, какъ и вообще у женщинъ! У нихъ характеръ замѣняется самолюбіемъ или капризомъ... Не скажу, чтобъ она была капризна, но она самолюбива, самолюбива до глупости, какъ женщина...

— Я тебя попрошу прекратить этотъ разговоръ, попробовала его остановить Анна Павловна.

— Отчего же? Онъ косо усмѣхнулся и еще глубже опустилъ руки въ карманы. Зачѣмъ-же прекращать—вѣдь это въ тебѣ опять говоритъ самолюбіе. Ты самолюбива, изъ самолюбія не хочешь, чтобы я при Борисѣ Ѳедоровичѣ говорилъ это.

— Ты хочешь по обыкновенію оскорблять, унижать меня, тяжело дыша сказала она, чувствуя какъ щеки ея горятъ, въ виски стучитъ кровь, сердце порывисто колотится.—Что-же, пользуйся своимъ правомъ...

— Что за фразы: „оскорблять, унижать", морщась заговорилъ Чмутовъ.—Начиная съ того, что я не могу тебя оскорбить и унизить, потому что тебя люблю и потому что ты для меня дороже всего на свѣтѣ...

— Еще разъ, ради Бога, оставимъ этотъ разговоръ...

— Пять минутъ еще. Я говорю тебѣ правду, правду и не больше,—говорю, потому что не нахожу нужнымъ ее скрывать. Ты милая, хорошая женщина, но ты пуста—пуста совершенно, не смотря ни на воспитаніе, ни на образованіе... На что ты способна, къ чему подготовлена?.. Это счастье, что у тебя нѣтъ дѣтей—ты бы ихъ ненавидѣла...

— До свиданія, настойчиво проговорилъ Ярцевъ, подходя къ Аннѣ Павловнѣ.

Та подняла на него свои глаза и крѣпко пожала руру. Глаза ясно говорили: „вы видите, вотъ *это* каждый день, каждый Божій день"... Онъ стиснулъ зубы и стараясь ни на кого не глядѣть, пошелъ съ балкона.

Проводивъ его, Чмутовъ вернулся къ женѣ.

— Я тебѣ даю полную свободу,—сказалъ онъ, дѣлая плавный жестъ по воздуху. Ты можешь дѣлать что хочешь: хочешь играть на этомъ пошломъ спектаклѣ: играй,—но по моему это глупо, это ненужно. Мой девизъ —полная свобода, и этой свободой ты пользуешься вполнѣ...

— Сергѣй, но что же это за свобода—выговоры, нотаціи...

— А это своего рода узда... Ты свободна: ты можешь идти, ѣхать куда и съ кѣмъ хочешь,—я никогда не потребую отъ тебя отчета, потому что увѣренъ въ тебѣ. Но надъ женщиной всегда долженъ висѣть дамокловъ мечъ—сила ея мужа...

Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней и наклонился. Лицо его было серьезно, нижняя челюсть вздрагивала, глаза покраснѣли...

— Что у тебя за мелодраматическій видъ,—попробовала улыбнуться она.

— Я знаю, ты ошиблась,—продолжалъ онъ, ты не любишь, ты ненавидишь меня, ты проклинаешь день нашей свадьбы,—я это знаю,—но это мнѣ все равно...

— Какъ все равно? съ изумленіемъ проговорила она.

— Все равно! *Я* тебя люблю—и этого мнѣ довольно. Онъ схватилъ внезапно ея руку и стиснулъ.—Ты мнѣ принадлежишь, ты моя законная собственность—и могу я владѣть тобой безраздѣльно... Если ты полюбишь другаго—я тебя не отпущу отъ себя,—если уйдешь—я верну тебя силой... Да ты не уйдешь—у тебя и характера не хватитъ... да и денегъ нѣтъ... Ты боишься меня—этимъ я силенъ... Куда бы ты не ушла, я вырву тебя отовсюду—и въ концѣ концовъ ты моя будешь, моя...

Онъ наклонился къ ней, охватилъ одной рукой ее за плечо и горячо прижалъ свои губы къ ея щекѣ.— Люблю я тебя, ты богъ мнѣ, жизнь—и никому, никому я тебя не отдамъ—и ревновать я тебя ни къ кому не буду, потому что любить ты никого не посмѣешь...

Она гадливо отстранялась отъ него; онъ, какъ будто не обращая на это вниманія, повернулъ къ себѣ обѣими руками ея голову и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ ее въ сжатыя, холодныя губы и закрытые глаза. Потомъ быстро взявъ со стола шляпу, онъ надѣлъ ее, остановился на минуту въ раздумьи, собираясь что-то сказать ей, но видя, что она по прежнему сидитъ блѣдная, съ закрытыми глазами, слегка махнулъ рукой и сталъ торопливо спускаться по ступенькамъ балкона.

(До слѣд. №.)

Дорогой медвѣдь.

Разсказъ **М. Рудакова.**

— Вы такой были страстный охотникъ?

— Да, велика, батюшка, эта страсть—охота! Поддайся только ей—и потянетъ она тебя въ лѣса да въ поле, къ рѣкѣ, къ болоту, изъ теплаго угла—на холодъ... Вотъ я про себя скажу: я и вижу плохо, слышать начинаю плохо, ноги не ходятъ, руки дрожатъ. Вѣдь 70 лѣтъ скоро стукнетъ, а не могу утерпѣть: только лѣтомъ или осенью выдастся денекъ мало-мальски получше—ружье на плечо и пошелъ... Вѣдь, знаю: ничего не убью, да хоть погляжу на птицу, хоть послушаю ее!.. Плохо приходится нашему брату, старику-охотнику, зимой! Охъ, какъ плохо! День-то еще какъ нибудь займешься, а придетъ вечеръ— ходишь, ходишь изъ угла въ уголъ, тоска возьметъ—одѣнешься, выйдешь за ворота... А ночь морозная, лунная, какъ день свѣтлая. За волками бы только теперь ѣхать... Чу!.. Вотъ и они: изъ бору вой доносится. Да какъ вспомнишь-то про прежніе свои подвиги въ такія же зимнія ночи, раздумаешься— горько станетъ и мысли невеселыя зароятся...

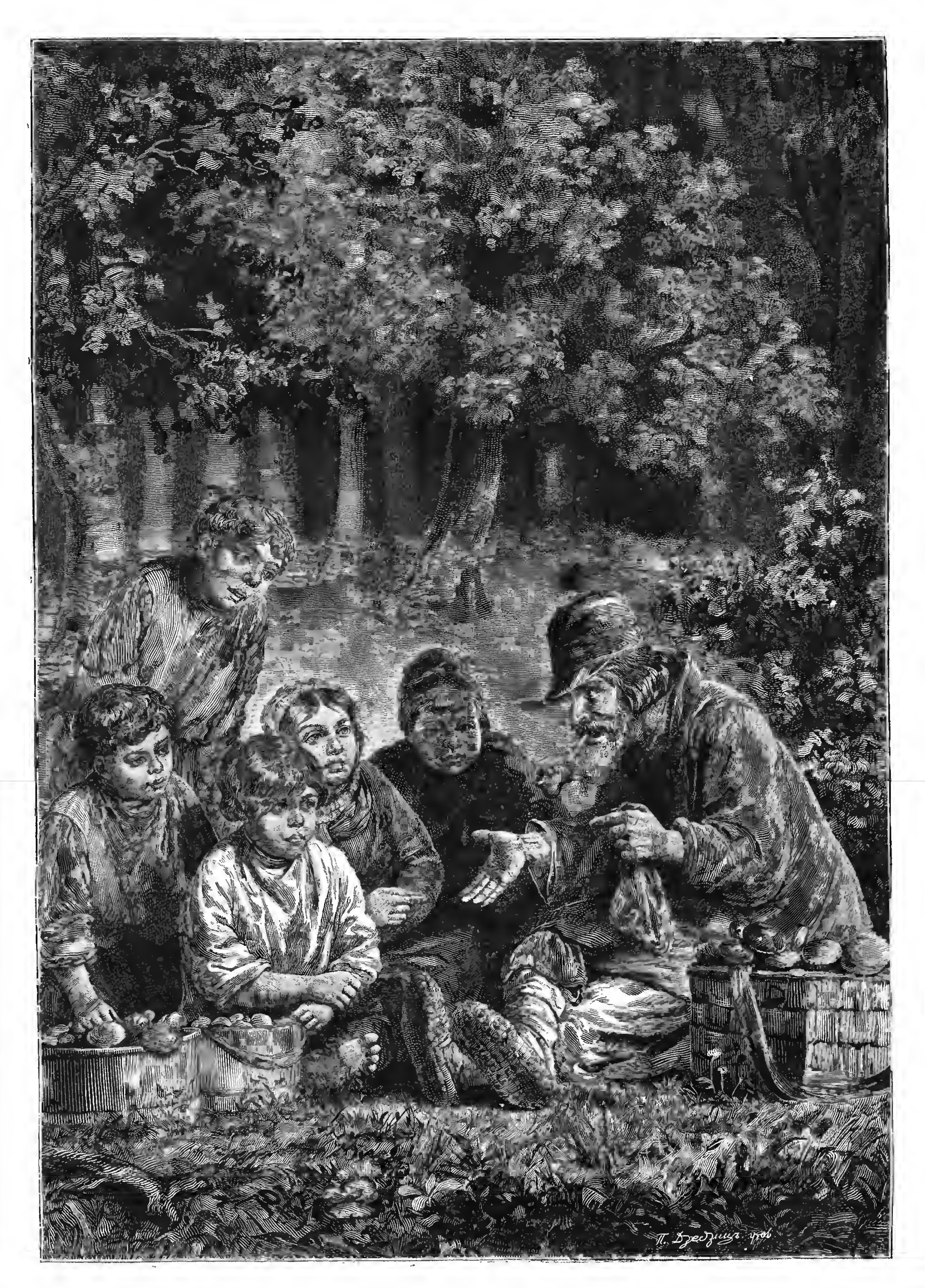
Смѣшно вамъ? Вотъ, думаете, старикъ разчувствовался — объ молодости плачется! Но не къ тому я рѣчь повелъ. Я только хотѣлъ сказать, что вотъ я—старый человѣкъ и все таки не могу забыть охоту. Что же долженъ чувствовать тотъ страстный охотникъ—человѣкъ молодой, котораго житейскія обстоятельства вдругъ заставили забыть охоту? Какую муку долженъ терпѣть онъ!

Вотъ про такого-то несчастливца я и хочу разсказать вамъ— есть на душѣ у меня тяжкій грѣхъ... Привычка, я вамъ скажу, у меня была такая дурацкая, все равно, что у горькаго пьяницы: пьянъ, кажется, человѣкъ, такъ нѣтъ самъ еще пьетъ да и другаго насильно подчуетъ! пріятно, видите, смотрѣть ему, что и другой пьетъ! Такъ вотъ и я. Знаю, что такой-то мой знакомый—охотникъ, ну и пристану бывало къ нему: пойдемъ, да пойдемъ на охоту! Вотъ за это я и взялъ грѣхъ на душу"...

Такъ началъ одинъ изъ своихъ охотничьихъ разсказовъ отставной маіоръ Егоръ Демьяновичъ или просто—дѣдушка Егоръ, какъ всѣ мы его величали, непремѣнный членъ нашихъ охотничьихъ сборищъ и самый завзятый охотникъ, для котораго охота не могла быть замѣнена никакимъ удовольствіемъ.

— Лѣтъ 15 тому назадъ,—продолжалъ разсказщикъ, а пожалуй и больше, пришлось мнѣ прожить года два въ одномъ изъ большихъ фабричныхъ селъ нашего уѣзда. Пріѣхалъ я въ это село въ началѣ іюня и, конечно, постарался разузнать, есть-ли тамъ охотники. Познакомился съ однимъ, сошелся и на Петровъ день отправился вмѣстѣ съ нимъ за тетеревами. Конечно, на охоту я его позвалъ, а повелъ онъ меня, такъ какъ тамъ мѣста мнѣ были совершенно незнакомы. Поѣхали мы верстъ за 20 къ деревнѣ Афонасьевкѣ. Пріятель увѣрялъ, что тетеревей тамъ гибель. Доѣхали мы до лѣсу, извощика отпустили назадъ, а сами пошли въ лѣсъ. Часъ идемъ лѣсомъ, другой, третій—мѣста для тетеревей великолѣпныя! лѣсъ большею частью мѣшанный—березнякъ да соснякъ, мелкій, рѣдкій, земляники— пропасть, „Иванъ да Марья" повсюду виднѣется, но тетеревиныхъ выводковъ нѣтъ. Подняли, правда, одинъ выводокъ— бить не стали—тетеревята маленькіе. Измучились мы порядкомъ: день былъ жаркій, а въ ягдташахъ у насъ было положено не мало.

До 6-ти часовъ вечера проходили мы попусту въ лѣсу. „Что, братъ, не пора-ли намъ поворотить и къ деревнѣ,—говорю я пріятелю,—а то въ лѣсу ночевать не очень пріятно, да и со-



По грибы. Съ картины Коверзнева, грав. П. Дзедзицъ.

бакъ покормить надо?“ Пошли къ деревнѣ. Дорогъ въ лѣсу много, а которая изъ нихъ ведетъ въ Афонасьевку пріятель мой и самъ хорошо не зналъ. Пришлось идти на-угадъ. Довольно поколесили мы по лѣсу. Наконецъ услыхали вдали крики, пошли на нихъ и черезъ четыре часа ходу дошли до деревушки дворовъ въ 16-ть. Это была Афонасьевка.

Первые увидали насъ ребятишки и подняли гамъ: „охотники, собаки-то какія!“ У одной избы стояли человѣкъ пять мужиковъ. Мы направились къ нимъ.

— Не пустить ли кто изъ васъ, братцы, насъ ночевать? обратился я къ нимъ, поглядывая то на того, то на другаго.

— За ночлегъ заплатимъ,—поддержалъ меня мой пріятель,—а если будетъ закусить—заплатимъ за все и на чай дадимъ...

— Я бы пустилъ,—отозвался одинъ мужикъ—да больно ребятишекъ у меня много—неспокойно будетъ... Вотъ ты, Митюха, пусти—у тебя изба-то попросторнѣй.

— Пожалуй, идите,—сказалъ Митюха,—а то вонъ, Василій идетъ... „Ей, Василій! крикнулъ Дмитрій и махнулъ рукой выходившему изъ воротъ сосѣдней избы небольшаго роста рябоватому мужику въ рваномъ зипунѣ и въ старомъ полинялом суконномъ картузѣ, верхушка котораго была разорвана на самой срединѣ, такъ что выбившіеся бѣлокурые волосы торчали сверху въ видѣ султана.—„Ей, Василій! пусти ночевать охотниковъ. У него и сѣнница есть,—обратился уже къ намъ Митюха.

— Господамъ охотникамъ! Что, аль ночевать? Милости просимъ,—проговорилъ Василій, подходя къ намъ и снимая картузъ.—У насъ мѣста найдется; хошь—въ избѣ, хошь—въ сѣнницѣ. Пойдемте пока въ избу, чай, закусить хотите?

Мы послѣдовали за нимъ съ удовольствіемъ. На дворѣ я съ пріятелемъ стали было привязывать своихъ церберовъ...

— Нешто кусаются? спросилъ Василій.

— Нѣтъ, да въ избу взойдутъ, нехорошо,—отвѣтилъ я.

— Не замай, пусть взойдутъ. У меня вонъ Лапка все бывало въ избѣ терлась.

Освободивъ псовъ, мы вошли въ избу.

Черезъ пять минутъ на столѣ передъ нами стояла закуска.

Ѣмъ я а самъ поглядываю на псовъ да думаю: хлѣба много, но имъ однимъ собакъ не накормишь, нельзя ли чего достать?.. У меня обыкновеніе такое: самъ буду голоденъ, а собаку накормлю. Потому что самъ въ полѣ или въ лѣсу хоть щавелю или ягодъ поѣшь, а собака ничего себѣ не достанетъ, а отощаетъ—искать броситъ.

— Что, Василій, нѣтъ-ли хоть сыворотки какой-нибудь похлебать собакамъ, говорю я, а то съ одного хлѣба перепадутъ сильно? сказалъ я съ опасеніемъ, ибо крестьяне считаютъ грѣхомъ молоко на собакъ тратить.

— Кормите, отвѣтилъ тотъ охотно, къ моему удивленію, я вотъ корыто принесу...

Принесено было корыто и началось кормленіе собакъ. Изъ стола, съ полокъ и другихъ укромныхъ мѣстъ появились куски чернаго хлѣба, огрызки кутенекъ и лепешекъ и собаки наши были накормлены. Кормежкой распоряжался самъ Василій и по лицу его видно было, что эта работа приходилась ему по сердцу.

Кормежка собакъ доставляла удовольствіе не одному Василью. Въ избѣ, кромѣ насъ, Василья, его жены и взрослаго сына его и дочери, было человѣкъ семь ребятишекъ отъ 8 до 14-лѣтняго возраста. Эти послѣдніе жались другъ къ другу и съ любопытствомъ глядѣли на собакъ. „Ишь, какія собачищи-то, слышалось между ними, словно волкъ“. Послѣднее замѣчаніе относилось къ моему Гетману—громадному лягашу русской породы, съ самой представительной наружностью, который наѣвшись и повинуясь моему приказанію, сѣлъ передъ Васильемъ, тявкнулъ и протянулъ ему лапу...

Такое выраженіе собачьей благодарности произвело сильное впечатлѣніе на зрителей, а растроганный Василій, отломивъ полкутенки и подавая ее Гетману, сказалъ: „точь въ точь моя Лапка... она тоже изъ лопоухихъ была, куда смышленая была собаченка!“

Поговоривъ кое о чемъ съ полчаса, мы отправились спать въ сѣнницу.

Ложась на ворохъ соломы, принесенный Васильемъ (трава еще не была кошена), мы уговорились съ пріятелемъ встать утромъ пораньше; но усталость, мягкая постель и свѣжій воздухъ сдѣлали свое и разбудилъ насъ лай нашихъ псовъ и голосъ Василья: „эй, охотники, вставать пора!“ Мы поднялись, глядимъ: солнышко поднялось высоко. Поглядѣли на часы—7 часовъ? „Что ты насъ раньше не разбудилъ, накинулся пріятель мой на Василья,—скоро-ли дойдешь еще до мѣста, а тамъ опять жара!

— Ничего, дойдете, успокоительно проговорилъ Василій,—у меня есть тутъ два выводка на примѣтѣ, я, пожалуй, васъ провожу?

Такая непрошенная услуга со стороны Василья, успокоивъ моего пріятеля, пришлась мнѣ очень не по сердцу. Я на себѣ испыталъ нѣсколько разъ подобнаго рода услуги мужиковъ и совѣтую всѣмъ охотникамъ по возможности отстранять такихъ проводниковъ, потому что мужикъ-охотникъ никогда не приведетъ васъ на хорошее мѣсто для охоты, хотя онъ и увѣритъ, что за каждую убитую вами птицу онъ получитъ съ васъ на чай, а будетъ васъ водить тамъ, гдѣ она или вовсе не водится, или водится но въ маломъ количествѣ. Такого проводника заставляетъ поступать такъ жадность и зависть къ успѣху собрата своего по оружію. Мужикъ же не охотникъ—тотъ просто ради своего удовольствія и любопытства, какъ станутъ палить городскіе охотники, будетъ васъ водить зря по лѣсу или болоту и, не зная совсѣмъ какая дичь какія мѣста любитъ, все таки станетъ увѣрять, что тутъ, т. е. гдѣ онъ васъ водитъ, самая *коренная пристань* для дичи. Въ итогѣ выйдетъ, что вы ничего не убьете и измучаетесь, а проводники получатъ съ васъ на чай и на водку и потомъ вдоволь посмѣются на вашъ счетъ: „какъ, дескать, я городнаго охотника надулъ“.

И такъ я послѣдовалъ за пріятелемъ и Васильемъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, хотя Василій показалъ себя съ одной стороны очень чивымъ. Именно, онъ съ насъ взялъ только за одинъ каравай хлѣба. За молоко-же, за куски, за ночлегъ онъ не взялъ ни копѣйки и на всѣ наши доводы, что молоко и корки хлѣба чего нибудь да стоютъ, отвѣчалъ: „ничего не стоютъ, была бы коровка здорова, а молока будетъ, а мѣсто въ сараѣ, чай, вы у меня не пролежали!“

Черезъ часъ ходьбы Василій привелъ насъ на то мѣсто, гдѣ, по его словамъ, были выводки. Мѣсто мнѣ показалось знакомо; сталъ я припоминать—дѣйствительно мы вчера здѣсь были—около сухой сосны валялись двѣ истрепанныя папиросы, которыя вчера были мною тутъ брошены...

— Василій, говорю я,—мы вчера здѣсь были и никакихъ выводковъ не видали?

— Куда-жъ имъ дѣваться было, отвѣчалъ онъ, нѣшто отъ жары-то въ чащу забрались!

Такой отвѣтъ показался мнѣ правдивымъ и я въ душѣ сталъ на себя пенять, что я—охотникъ и вдругъ позабылъ про это.

Дѣйствительно, только что мы вошли въ частый лѣсъ, Гетманъ всталъ, поднялся выводокъ, пошла пальба...

Такъ началось мое знакомство съ Васильемъ.

Увидѣвъ изобиліе дичи вокругъ Афонасьевки и услыхавъ отъ Василья, что осенью у нихъ и въ красной дичи недостатка нѣтъ, я возпамѣрился избрать Афонасьевку своей главной квартирой и изъ нея отправляться въ свои охотничьи экспедиціи. На другое воскресенье я опять пріѣхалъ въ Афонасьевку, а потомъ и зачастилъ, и Василій всегда оказывалъ мнѣ безкорыстное и радушное гостепріимство. Я подружился съ нимъ. Онъ заинтересовалъ меня. Во первыхъ, замѣтьте: мужикъ-охотникъ и—водки не пилъ. Охотники, рыбаки—люди „уважающіе“ водку. И вдругъ такой субъектъ: вылѣзаетъ изъ болота весь мокрый, я къ нему съ флягой—выпей, согрѣйся. „Благодарю покорно, не пью-съ!“... Согласитесь, такого рѣдко можно встрѣтить. Потомъ, во вторыхъ: вижу — охотникъ въ душѣ; ходитъ всюду за мной безъ ружья; дай, думаю, сдѣлаю удовольствіе ему,—у меня, надо сказать, нѣтъ охотничьяго предразсудка не давать никому стрѣлять изъ своего ружья.—„Василій, говорю, возьми-ка ружье да покажи свое искуство: вонъ сидитъ тетеревенокъ“.—„Стрѣляйте сами, Егоръ Демьянычъ, ужь куда мнѣ!“ И такъ сколько разъ случалось. Это меня еще болѣе заинтересовало. Я сталъ допытываться почему онъ не хочетъ стрѣлять? Всѣ мои спросы оставались безъ отвѣта: Василій ловко уклонялся отъ прямаго отвѣта и всегда сводилъ разговоръ на что нибудь другое. Я, наконецъ, далъ себѣ слово во что бы то ни стало допытаться отъ него, почему онъ не хочетъ стрѣлять? Случай помогъ мнѣ.

Разъ, охотясь за тетеревами, мы сдѣлали привалъ. Только что я расположился было выпить да закусить хорошенько, вдругъ откуда не возьмись заяцъ—выскочилъ да и сѣлъ шагахъ въ 30-ти отъ насъ!.. Сидитъ—ушками поводитъ. Я за ружье—а ружье за Васильемъ стоитъ къ пеньку прислонено. И Василій зайца увидалъ. „Василій, говорю я шепотомъ, заяцъ—стрѣляй!“... Взялъ Василій ружье какъ-то нерѣшительно, кажется хотѣлъ мнѣ передать, да видитъ,—что каждая минута дорога—приложился—бацъ и заяцъ—кубаремъ, кубаремъ... „Молодецъ!“ похвалилъ я Василья: да какъ взглянулъ на него мелькомъ—вижу, на человѣкѣ лица нѣтъ—заплакать готовъ!.. „Что съ тобой, Василій?“—„Согрѣшилъ, Егоръ Демьянычъ!“... Надо было слышать, какимъ голосомъ была сказана эта фраза! Надо было видѣть печальное лицо Василія, когда онъ воротился ко мнѣ съ убитымъ зайцемъ! Понятно, что тутъ я къ нему присталъ, какъ говорится, съ ножемъ къ горлу: разскажи въ чемъ ты тутъ грѣхъ находишь? И вотъ вамъ его безхитростный разсказъ. Я твердо запомнилъ его и какъ теперь слышу разсказщика и какъ теперь гляжу на убитое горемъ лицо его...

„Я съ измалу былъ охотникъ, началъ Василій.—Бывало, чуть время свободное есть, отцовское ружье въ руки и—пошелъ за утками... Доставалось мнѣ за это отъ покойнаго батюшки порядкомъ, да я все не унимался. И женился, дѣтишки пошли, отецъ умеръ, работы прибавилось, а я охоты не бросаю. Такъ лѣтъ восемь прожилъ. И вдругъ—случись такой грѣхъ! Шелъ я разъ съ охоты; не доходя до деревни съ версту, нагнала меня наша сосѣдка Акулина; я съ ней вмѣстѣ и въ деревню пришелъ. И увидѣла меня съ ней моя баба! И втемяшься въ

голову ей глупой, что-то, и пошла у насъ съ того раза ругань. Я бывало на охоту—а моя баба въ слезы—къ Акулькѣ ты идешь!.. Ругаться начнетъ бывало, на всю деревню срамитъ... Ну, обидно мнѣ стало, напраслина—ничуть я не былъ повиненъ... Разъ побилъ ее, другой побилъ, и все подъ хмѣлькомъ бывши—я тогда пилъ,—неймется глупой бабѣ... Разъ въ праздникъ срамить меня стала на улицѣ при всемъ народѣ, а я выпивши былъ, съ охоты только что пришелъ: въ селѣ дичь продалъ, да тамъ въ кабакѣ и наклюкался,—я ее ударилъ—баба пуще... А она въ то время на сносяхъ была. Отняли ее у меня сосѣди, а я—домой, взялъ ружье да въ лѣсъ—тамъ и ночевалъ съ Лапкой...

Прихожу утромъ домой—жена при смерти: мертвенькаго младенца родила!.. И какъ глянулъ я на младенца-то—паренекъ родился,—да подумалъ какой я грѣхъ-то сдѣлалъ—зарокъ далъ себѣ: водку не пить и ружья въ руки не брать...

Продалъ я ружье, а собаку жаль продавать было. Да больно смущать проклятая начала: такъ бывало и глядитъ въ глаза, словно на охоту зоветъ... продалъ и ее... Ну, думаю, теперь со всѣмъ!.. А тутъ Господь на мое счастье непогоду послалъ,—дѣло осенью было,—дожди пошли, вѣтры, снѣгъ повалилъ и зима скоро встала, да такая студеная, что въ пору на печкѣ сидѣть было, а не то на охоту ходить...

Весна пришла такая дружная, тихая. И тутъ то мнѣ лихо пришлось, ихъ, какъ лихо! Кажись, готовъ руки наложить на себя!.. тетерева-то бормочатъ, утки-то кричатъ; ночью-то въ верху стонъ. Всякая птица летитъ, кричитъ. А въ поймѣ-то, на полояхъ какой только птицы нѣтъ! Гудётъ пойма отъ птицы!.., И какъ только я утерпѣлъ, не согрѣшить—не идти на охоту!.. Ну, потомъ мало по малу дурость эта прошла. А вотъ ты навелъ на грѣхъ меня, баринъ: вѣдь, десять лѣтъ терпѣлъ!“...

И что, вы думаете, я сдѣлалъ, выслушавъ его разсказъ?.. Я началъ его отговаривать отъ зарока. Какъ вспомню—за себя стыдно станетъ! Говорю, что отъ охоты бѣды для человѣка никакой нѣтъ, а если случилось съ нимъ такое несчастье, такъ это отъ водки,—въ этомъ я былъ, пожалуй, и правъ; а вотъ какъ на счетъ того я сталъ говорить, чтобы зарокъ-то онъ свой нарушилъ и что это не большая бѣда,—такъ слѣдовало-бы меня за это подсѣчь: легкомысленно отнесся я—посмѣялся надъ хорошимъ чувствомъ его!.. Мало того: сдѣлавъ глупость на словахъ, я продолжалъ ее и на дѣлѣ. Въ другой пріѣздъ я подарилъ ему свою старую одностволку, патронташъ, сумку съ сѣткой, собаку — годовалую лягавую сучку досталъ для него, однимъ словомъ—снарядилъ его прямо на охоту.

Василій вяло отвѣкивался отъ моихъ подарковъ и благодарилъ меня, какъ мнѣ казалось, не отъ всей души.

Но за то стоило поглядѣть на Василья, какъ онъ во всемъ вооруженіи, въ первый разъ пошелъ со мной на охоту, чтобъ понять, какъ дороги для него эти мои подарки!

Его приземистая фигурка словно выросла. Онъ и шелъ какъ-то особенно, переваливаясь съ боку на бокъ; неизмѣнный картузъ его ухорски былъ сдвинутъ на затылокъ и рябоватое, добродушное лицо сіяло такою неподдѣльною радостью и довольствомъ, что я вчужѣ радовался за него...

Этими подарками я пріобрѣлъ себѣ въ Васильѣ такого друга—товарища по охотѣ, подобнаго которому въ 50-ти лѣтнюю свою охоту я еще не имѣлъ, и имѣть не буду!

И сколько мы перебили всякой дичи! Онъ стрѣлялъ похуже меня, но за то превосходилъ меня неутомимостью и отвагой—качествами, присущими только настоящему охотнику. Для него, кажется, не существовало ни одного болота, по которому онъ побоялся бы пройти и кое-какъ выбравшись изъ одной трясины онъ все таки шелъ впередъ и попадалъ въ другую. Положимъ, объ костюмѣ своемъ онъ не безпокоился, такъ какъ ходилъ на охоту всегда босикомъ, въ зипунѣ съ безчисленнымъ множествомъ заплатъ, но въ октябрѣ окунуться въ воду, хоть и въ такомъ костюмѣ, наврядъ-ли кому покажется пріятно, а съ Васильемъ случалось это сплошь и рядомъ.

Въ итогѣ этой его удали выходило, что трофеи наши по числу были одинаковы ежедневно...

Весело прошла для меня та осень. Весело прошла и зима: съ Васильемъ я охотился и за зайцами по порошѣ и за волками съ поросенкомъ, разъ съ пятокъ на притравахъ сидѣлъ и нѣсколько штукъ волковъ покончили отъ моего ружья свое существованіе.

Наконецъ пришла весна; наступилъ апрѣль, приближалась Пасха—праздникъ, котораго я, какъ христіанинъ и какъ охотникъ, дожидаюсь всегда съ нетерпѣніемъ. Однако въ этомъ году я встрѣтилъ Пасху невесело: на четвертой недѣлѣ великаго поста схватилъ лихорадку и она оставила меня въ покоѣ только къ концу Страстной недѣли и хоть въ продолженіи Пасхи я и чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, но былъ такъ слабъ, что объ охотѣ нечего было и думать; а къ моему горю Пасха была поздняя и погода стояла великолѣпная.

Въ четвергъ на Ѳоминой пріѣхалъ навѣстить меня соскучившійся обо мнѣ Василій и привезъ въ подарокъ пятокъ кряковныхъ селезней. Я, конечно, ему очень обрадовался, пошла у насъ бесѣда объ охотѣ, объ дичи, словомъ—разговоръ, занятный только для охотниковъ.

— А у насъ, Егоръ Демьянычъ, показалась дичинка какая: медвѣдь! проговорилъ какъ-то таинственно Василій, удовлетворивъ мое любопытство на счетъ дичи.

— Это откуда онъ къ вамъ попалъ, въ вашъ кустарникъ? Такъ я въ шутку называлъ лѣсъ вокругъ Афонасьевки.

— Отъ татаръ-поводильщиковъ изъ подъ самаго города убѣгъ; тѣ по слѣдамъ за нимъ идутъ... Да, слышь! на немъ ожерёлокъ, а въ ожерёлкѣ-то, говорятъ, 800 рублей денегъ зашито!...

— Вотъ ужь это, братъ, враки! Что медвѣдь убѣжалъ отъ поводильщика—это я не спорю—это можетъ случиться, потому татары-поводильщики народъ далеко не трезвой жизни; но чтобъ татаринъ сталъ зашивать такую сумму въ ошейникъ медвѣдя—это вздоръ! Татары народъ торговый и имѣй татаринъ столько денегъ—онъ сейчасъ-бы въ торговлю пустился и промѣнялъ-бы такую опасную и малодобычливую работу ва другое.

— Это можетъ и правду вы говорите, возразилъ Василій, а только на медвѣдѣ ожерёлокъ широкій есть и въ губѣ цѣпь болтается... Это многіе мужики видѣли, да ужь у насъ и охотились за нимъ!

— Кто? когда?

Василій разсказалъ мнѣ про забавную охоту. Верстахъ въ семи отъ Афонасьевки есть село Жарка или Жарково—не помню хорошо. Въ это село мужикъ съ бабой вели корову, которую они гдѣ-то купили. Вдругъ откуда ни возьмись этотъ бѣглый медвѣдь и—прямо на нихъ... Они конечно—тягу, прибѣжали въ село, сбили народъ и пошли отбивать свою корову, за которой погнался медвѣдь. Корову они нашли до половины заѣденной, а медвѣдя и слѣдъ простылъ. Мишка, покуда мужики собирались учинить на него облаву, догналъ коровку, съ голодухи въ аппетитъ покушалъ, быть можетъ до сего раза никогда непробованнаго имъ, мяса и преспокойно удалился... Мужики воротились въ село ни съ чѣмъ.

Четверо изъ нихъ, бывъ увѣрены, что медвѣдь ночью придетъ доѣдать корову, сговорились подстеречь его, убить и такимъ образомъ обогатиться на татарскія денежки. За ними увязался сельскій дьячекъ, съ роду, кажется, не бравшій ружья въ руки и отважившійся на такую опасную охоту тоже корысти ради.

Пришли они вечеромъ на то мѣсто, гдѣ лежала задранная корова, разсѣлись не вдалекѣ другъ отъ друга и стали поджидать медвѣдя. Просидѣли они всю ночь, а медвѣдь не являлся. Одинъ изъ мужиковъ былъ весельчакъ и сидѣлъ ближе всѣхъ къ дьячку. Видитъ онъ, что дьячекъ отъ страху-ли отъ холоду-ли, сидя за кустомъ, трясется какъ осиновый листъ и ружье въ рукахъ у него такъ и ходитъ. Сообразивъ, что если медвѣдь ночью не пришелъ, такъ днемъ его и подавно не дождешься, тѣмъ болѣе, что удалые охотники сидѣли далеко не тихо, вздумалъ попугать дьячка. Скинулъ онъ съ себя полушубокъ, выворотилъ его мѣхомъ вверхъ, надѣлъ опять его и, ставъ на четверинки, зашумѣлъ кустомъ и заревѣлъ не какъ медвѣдь, конечно,—а какъ годовалый теленокъ... Дьячекъ и ружье бросилъ, да такъ пошелъ улепетывать къ селу, что только пятки сверкали, а домой прибѣжавъ, чуть-чуть не умеръ съ испугу, все лепечетъ: „медвѣдь, медвѣдь!“ Тѣмъ эта охота и кончилась. А медвѣдь къ вечеру на другой день съѣлъ и другую половину коровы...

Василій разсказывалъ про эту охоту очень забавно и я отъ души посмѣялся, слушая его.

— А что, Егоръ Демьянычъ, не поохотиться ли и намъ за медвѣдемъ-то? сказалъ Василій, кончивъ свой разсказъ. Я какъ сюда ѣхалъ видѣлъ слѣды-то его по дорогѣ не далеко отъ нашей деревни, а позавчера фокинской мужикъ насилу убѣгъ отъ него!...

Не вѣрить словамъ Василія, что медвѣдь дѣйствительно бродитъ, было нельзя: Василій былъ чуждъ охотничьей слабости—привирать и прикрашивать и я тотчасъ-же и согласился на его предложеніе.

— Что-же можно, говорю. Положимъ, хоть мы въ ошейникѣ у него 800 р. не найдемъ, а шкура его останется у насъ непремѣнно, конечно, если только онъ намъ попадется. Такъ вотъ ты что сдѣлай: поѣзжай домой и въ субботу походи по лѣсу да поищи свѣжихъ слѣдовъ. Ружье заряди пулей, на случай возьми топоръ и собаку отъ себя далеко не отпускай. Ходи по дорогамъ, рѣдкимъ лѣсомъ, а въ чащу не суйся. Если найдешь слѣдъ, въ частый лѣсъ—сдѣлай большой кругъ—и, если выхода изъ чащи нѣтъ, иди домой. На поиски иди въ самую жару и часа въ три дня будь ужь дома. А я къ вечеру въ субботу къ тебѣ пріѣду и тамъ мы уговоримся какъ намъ на него поохотиться. Еще—придется тебѣ стрѣлять въ него—бей подъ лопатку, а въ лобъ не бей: подъ лопатку промаха не будетъ и рана смертельная, а въ лобъ будешь цѣлить какъ разъ промахнешься,—тогда бѣда тебѣ и топоръ тебѣ не поможетъ. Главное помни: ты первый увидишь медвѣдя—медвѣдь твой, а если онъ первый увидитъ тебя—или ты на него нечаянно наткнешься—берегись—какъ разъ попадешься ему въ лапы. Да, на всякій случай возьми-ка мою двухстволку.

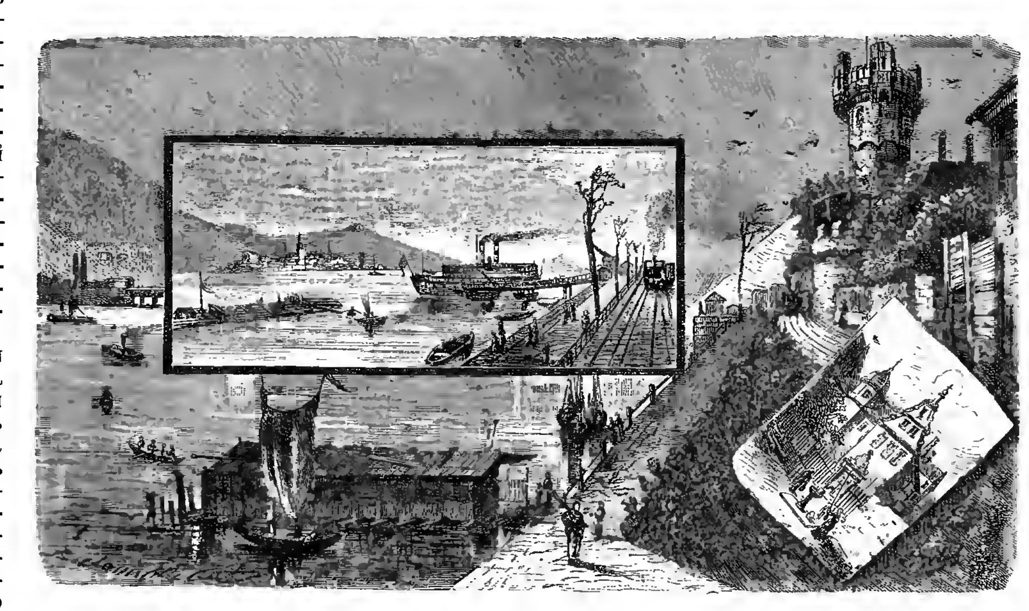
Василій отъ двухстволки отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что въ попыхахъ позабудетъ за какую собачку слѣдуетъ тянуть. Остальное обѣщался исполнить въ точности.

(До слѣд. №).

По Рейну.

Прелестныя мѣста, о которыхъ такъ много говорятъ и которыя всѣмъ извѣстны—это берега Рейна. Никто не проѣдетъ ихъ мимо, каждый путешественникъ или на пароходѣ, или по желѣзной дорогѣ непремѣнно объѣздитъ эти чудныя историческія мѣста. Старые города, красивые замки, скалы и величавый Рейнъ — навсегда займутъ его воображеніе. Когда первое весеннее солнце освѣтитъ горы и холмы, когда снуютъ по Рейну пароходы взадъ и впередъ и когда освобождается рѣка отъ оковъ льда... Никогда ее не забудетъ тотъ, кому приходилось любоваться этой прелестной картиной, идя на пароходѣ вверхъ по Майнцу въ хорошее весеннее утро; кругомъ великолѣпные виды. Взоръ скользитъ по кучамъ острововъ, по ютящимся въ зелени замкамъ; деревни мелькаютъ за деревнями, съ безчисленнымъ множествомъ виноградниковъ и пароходъ достигаетъ Рейнскаго округа. Герцогство Нассау, славящееся своими видами, великолѣпнымъ виноградомъ и виномъ—путешественники выносятъ отсюда самыя свѣтлыя впечатлѣнія довольства, труда, мирной жизни. Каждому путешественнику извѣстны названія: Ширштейнъ, Валлуфъ, Эльтфиль, Эрбахъ, Гаттенгеймъ, Штейнбергъ, Эстрихъ и Винкель. Взоръ невольно останавливается на знаменитой горѣ Іоганисбергъ,—замокъ которой построенъ аббатомъ Фульда на мѣстѣ монастыря. Здѣсь знакомое каждому знатоку настоящее Гейзенгеймское, которое въ продажѣ почти всегда встрѣчается поддѣльнымъ. Вершины Нидервальда становятся все ближе и ближе, замыкая Рейнскую бухту, расположенную у подножія горъ; здѣсь по берегу у подножія тянется поэтическій Рюдесгеймъ. Взоръ не можетъ обнять всей прелестной панорамы. Правѣе—Рюдесгеймъ съ его таинственными винными подвалами и катакомбами; за нимъ каменистыя террасы виноградниковъ; передъ нами высится знаменитая „Гора“; лѣсистыя возвышенности Нидервальда, съ которыхъ открывается широкій видъ въ сторону Германіи; по ту сторону, налѣво, въ горахъ „Мейзетурмъ“ (крысья башня) видѣнъ городъ Бингенъ, укрѣпленное мѣсто Клоппъ. Выше въ сторону капелла Рохуса; отсюда далеко виденъ виноградникъ, раскинутый по отлогому берегу въ видѣ террасы; широко раскинувшись у рѣки лежитъ Рюдесгеймъ, Бозенбургъ, принадлежавшій прежде графу Боосъ, Бремзергофъ въ XV столѣтіи и въ XVI католическому монастырю, теперь красивый городъ съ старинными памятниками, Штейнъ-колоссъ съ выбитыми вездѣ окнами, съ треснувшими стѣнами и съ желѣзными балконами, весь густо заросшій кустарникомъ и травой. Наружный видъ этихъ руинъ дикъ и живописенъ, но внутри графская Ингельгеймская фамилія съумѣла устроить уютное и вполнѣ современное гнѣздышко. Для чего служили эти развалины прежде—не извѣстно; говорятъ, что это былъ римскій замокъ, разрушенный аллеманами, впослѣдствіи возстановленный Карломъ Великимъ и т. п. Но никакихъ письменныхъ документовъ на это однако нѣтъ. Укрѣпленіе перешло впослѣдствіи во владѣніе фамиліи Рюдесхеймовъ и отъ нихъ къ Бремзерамъ; оба рода вымерли. Въ Рюдесхеймѣ сохранились старинныя вещи, останавливающія на себѣ вниманіе туристовъ. Восхитительнѣе всего берега близъ Рюдесхейма, откуда идетъ вверхъ дорога черезъ виноградники, начало возникновенія которыхъ возводятъ до Карла Великаго,—и съ другой стороны внизъ къ Асмансгаузу. Тамъ на горѣ идутъ работы надъ статуей, „Германіи“ въ воспоминаніе войны 1870 года; это въ Нидервальдѣ любимая цѣль нѣмцевъ-путешественниковъ по Рейну. Въ скоромъ времени колоссальная статуя будетъ видна уже съ рейнской луки и мѣсто это сдѣлается Меккой германскихъ патріотовъ. По правому склону горъ изъ бесѣдки прелестный видъ на старый замокъ Эренфельсъ, привлекающій сюда много туристовъ. Интересны также на другомъ берегу утесы Рейна, которые выступаютъ къ рѣкѣ. Внизу у подошвы Рохусберга живется также мирно и весело какъ въ долинѣ Майнца.

Объ этомъ возвышающимся на Фохтсбергѣ замкѣ уже говоритъ хроника 1279 года. Рейнскій Союзъ разрушилъ его какъ разбойничье гнѣздо; но затѣмъ онъ былъ вновь возстановленъ и такъ какъ рыцари еще болѣе дерзко грабили и нападали на мирныхъ жителей, то Рудольфъ Габсбургскій издалъ повелѣніе схватить владѣльцевъ замка. „Такъ какъ вы разбойники а не рыцари“ заявилъ онъ



Рюдесгеймъ и замокъ Іоганисбергъ со стороны Бингена.—Дворъ Рюдесгеймскаго монастыря. Орлиная башня въ Рюдесгеймѣ.

Эренфельсъ.—Бингенъ.—Мейзетурмъ. (Крысья-башня).

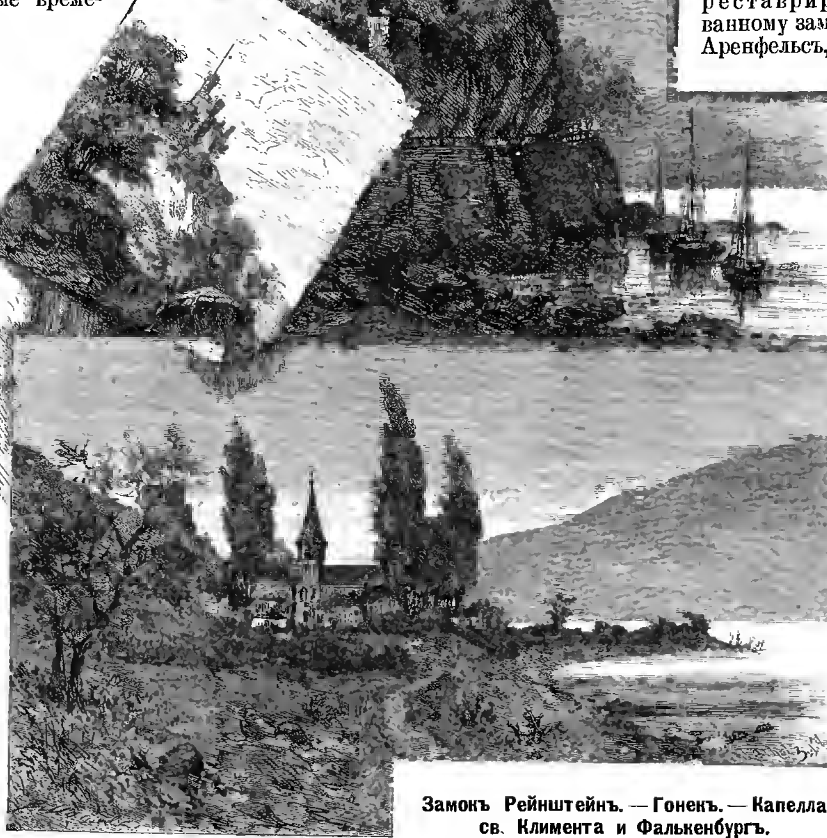
имъ. Истинные рыцари—рыцари чести и вѣрности; кто-же честь ставитъ ни во что, долженъ быть смертью казненъ", и велѣлъ ихъ повѣсить близь капеллы Венцеля.

Отъ Рюдесгейма доходятъ до „Рейнгалле" которая расположена близь Бингена „владычествующая надъ всѣмъ Рейномъ страна" какъ говоритъ о ней Кобель. Кто знаетъ средній Рейнъ тотъ знаетъ Бингенскіе карандаши, которые каждый Бингенецъ носитъ въ карманѣ. Городъ собственно представляетъ мало интереса. Но вотъ древній замокъ Клоппъ, въ которомъ Генрихъ IV былъ заключенъ своимъ сыномъ, какъ плѣнникъ. Вотъ „паломники" подымающіеся въ гору праздновать „Рохусовъ день", о которомъ писалъ еще Гёте. Вотъ высится Мейзетурмъ (крысья башня), о которой есть извѣстная баллада Соути, такъ превосходно переведенная нашимъ Жуковскимъ. Читатель конечно еще помнитъ эффектный рисунокъ талантливаго Н. Н. Каразина въ № 5 „Нивы" нынѣшняго года, изображающій несчастнаго епископа Гаттона въ безумномъ ужасѣ, съ поднявшимися дыбомъ волосами, отбивающагося отъ крысъ въ своей башнѣ...

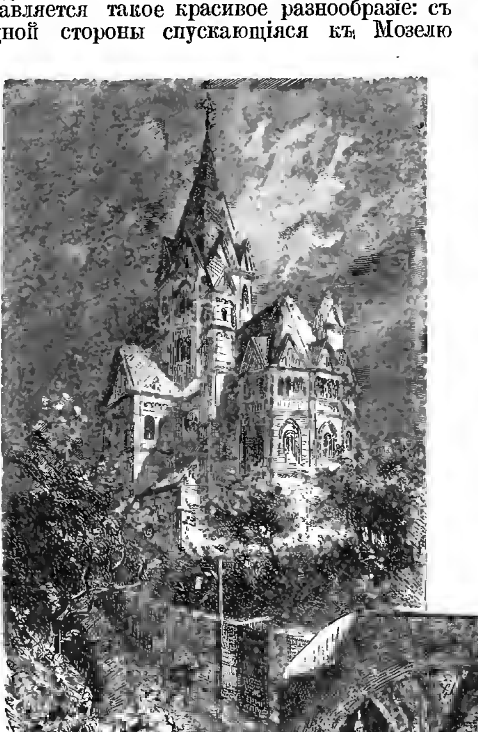
За „Крысьей башней" шумятъ потоки Бингенскаго ущелья и горныя ворота окружаютъ насъ своими высоко вздымающимися скалами, на уступахъ которыхъ зеленѣетъ виноградъ а на утесахъ висятъ угрюмые старые замки, какъ гнѣзда вороновъ, болѣе или менѣе поврежденные временемъ и человѣкомъ. И подъ ними смѣло пробитъ черный туннель, гдѣ бѣгутъ, гремя, современные желѣзно-дорожные поѣзда.

Лорхъ, Бахерахъ, Каубъ, Обервезель С. Гоаръ, Боппартъ и Браубахъ, окруженные развалинами, тянутся по правому берегу. Замокъ Ланекъ и Штольценфельсъ гордо высится передъ нами и вотъ уже позади насъ остался. По Рейну—вновь заворачиваемъ мы въ изгибъ луки его, перерѣзанной мостомъ между Кобленцомъ и высоко вздымающимся, угрюмымъ Эренбрейтштейномъ. Здѣсь представляется такое красивое разнообразіе: съ одной стороны спускающіяся къ Мозелю стада по зеленымъ выгонамъ и городъ съ дымомъ фабрикъ съ его бойкими, живыми дѣтьми, бѣлокурыми дѣвушками, съ ихъ золотыми и серебряными стрѣлками въ волосахъ а съ другой стороны плодоносныя желтѣющія поля и деревеньки. И по обѣимъ сторонамъ рѣки видна картина благосостоянія, дѣятельности и довольства. Внизу плодоносныя, цвѣтущія поля и деревни и вверху надъ ними правильный узоръ виноградниковъ на каменистомъ желтоватомъ грунтѣ. А дальше Вестервальдъ, котораго простые, честные обитатели, не тронутые еще развратомъ цивилизаціи, живутъ спокойно и своеобразно...

Отъ далекихъ равнинъ Энгерса, Нейвидса и друг. направляются новымъ путемъ, который идетъ изъ Андернаха къ Нидербрейзигу, Геннингену, вновь реставрированному замку Аренфельсъ, къ Варттурму и базальтовой скалѣ въ Зинцигѣ, гдѣ Рейнъ принимаетъ въ себя рѣку Ааръ, которая изъ мрачныхъ горныхъ ущелій выходитъ на просторъ великой рѣки.



Замокъ Рейнштейнъ. — Гонекъ. — Капелла св. Климента и Фалькенбургъ.



Наружный видъ церкви въ Зинцигѣ.

Внутренній видъ церкви въ Зинцигѣ.

Какъ другія мѣстности на Рейнѣ и Зинцигъ сохраняетъ въ себѣ многіе признаки и памятники пребыванія Римлянъ и пережилъ тяжелыя времена. Онъ долженъ былъ постоянно уплачивать всѣ издержки, когда Филиппъ Гогенштауфенъ являлся во владѣнія своихъ враговъ, въ епископство Кельнское. Въ 762 году здѣсь было мѣстопребываніе короля. Легенда разсказываетъ, что здѣсь поселилась таинственная старая колдунья. Маленькій готическій замокъ теперь принадлежитъ частному лицу.

Другая легенка о Зинцигѣ разсказываетъ, что это именно то мѣсто, съ котораго увидѣлъ Константинъ въ небесахъ сіяющій крестъ, когда онъ въ 311 г. изъ Кельна шелъ противъ Максентія, тотъ самый крестъ, который онъ съ девизомъ „in hoc vinces" помѣстилъ въ свой гербъ. О прежнемъ значеніи Зинцига свидѣтельствуютъ грамоты Пипина, Генриха III и др., которыя датированы всегда „Зинцигъ". Монастырь посвященъ имени благочестивой царицы Елены. По другую сторону рѣки, у подножія Кейзерсберга и его лѣсной капеллы, лежитъ древній городъ Линцъ съ его двумя средневѣковыми башнями—въ верхней части города и въ нижней на берегу Рейна—такъ называемыя Рейнскія ворота. Въ исторіи упоминается о немъ уже въ 874 году; его величавыя зданія, храмы, башни и крѣпостныя стѣны сохраняютъ въ немъ характеръ средневѣковаго германскаго города; принадлежавшій къ Рейнскому союзу, онъ былъ раз-

рушенъ во время войнъ двухъ враговъ-королей Филиппа и Оттона. Въ 1250 г. Линцъ отошелъ изъ владѣнія графини Мехтильдъ фонъ-Зайнъ къ епископству Кельнскому. Самый замѣчательный памятникъ Линца это храмъ св. Мартина, XIII в., готическаго стиля, съ замѣчательною живописью на стеклѣ и въ высшей степени оригинальнымъ изображенiемъ Богоматери на золотомъ фонѣ.

Отсюда дорога идетъ на Кейзерсбергъ съ его капеллой, откуда открывается чудесный видъ на базальтовый изломъ рейнской луки, на Аарталь съ его скалами и развалинами замковъ и на лежащiй на противоположномъ берегу Ремагенъ съ горою Викторiя, на храмъ св. Аполлинарiя и на Эрпельскую луку, съ ея угрюмыми, обращенными къ Рейну, базальтовыми скалами. Ремагенъ съ давняго времени служитъ мѣстомъ остановки для путешественниковъ, которые отсюда среди грандiозныхъ скалистыхъ береговъ, почти пугающихъ массъ и глыбъ, ѣдутъ по Аару или возвращаются къ потоку Аполлинарiя. Ремагенъ въ древности Ригомагусъ. Въ самый раннiй перiодъ распространенiя христiанства поднялся надъ скалою, господствуя надъ окрестностiю, храмъ св. Аполлинарiя; храмъ построенъ былъ здѣсь св. Мартиномъ и глядѣлъ съ этой высоты еще съ 1110 г. Чтобы сдѣлать это мѣсто болѣе посѣщаемымъ, такъ какъ изъ Ремагена берутъ довольно дорого, сталъ ходить сюда пароходъ, который въ Iюлѣ привозитъ множество посѣтителей на храмовой праздникъ. Окончательно исправилъ и возстановилъ этотъ замѣчательный храмъ графъ Фюрстенбергъ-Штамгеймъ. Удивительно красивый и широкiй видъ открывается—когда выйдя изъ храма Аполлинарiя на площадку—видъ на Зибенгебирге (Семигорье) и бѣгущiй изгибами Рейнъ. Видна вдали и гора Викторiи (названная такъ въ честь наслѣдной принцессы Германской) и Кенигсвинтеръ и Андернахъ и Драхенфельсъ и Роландсекъ съ прелестнымъ Нонненвертомъ, и повсюду разбросаны поселенiя и городки.

Но вотъ передъ нами уже Мозель. Кельтскiе галлы были первыми обитателями этой страны. Эту всю страну, заканчивающуюся долиною Мозеля, поэтъ Авзонiй называлъ „вторымъ Римомъ. Триръ однако утверждаетъ что онъ на тысячу лѣтъ старѣе „вѣчнаго города.“ Пять разъ разрушенный Гуннами и Вандалами онъ потерялъ свои зданiя, сады, блескъ, которыми такъ славилась прелестная долина. Только Porta nigra (Черные ворота) да нѣсколько другихъ развалинъ временъ Римлянъ говорятъ нынѣ о его прошломъ.

Изъ прелестной Мозельской долины везетъ насъ пароходъ между сомкнутыми у Швейха утесами и отсюда-то течетъ Мозель къ сѣверо-востоку отъ Рейна, чаруя взоры своими причудливыми излучинами и приводя въ удивленiе при каждомъ поворотѣ разнообразiемъ мѣстности, то состоящей изъ ряда выдающихся утесовъ, покрытыхъ кустами и вьющимися растенiями, то изъ прiятныхъ для зрѣнiя зеленыхъ лужаекъ и долинъ, надъ которыми въ скалахъ виднѣются домики или раскинуты сады и виноградники, на такихъ высотахъ, которыя кажутся доступными лишь однимъ горнымъ козамъ.

И увлекаемый этимъ вѣчно измѣняющимся разнообразiемъ вѣчныхъ видовъ, путешественникъ какъ бы подавленъ страшнымъ романтизмомъ всей этой дикой мѣстности: вершинъ Ейфеля, Гохвальда, Идарвальда и Гунсрикса, на поверхности которыхъ дуетъ ледяной вѣтеръ, въ то время какъ внизу, въ ущельяхъ скалъ еще до сихъ поръ клокочутъ вулканическiе источники и повсюду обуглившiеся шлаки застилаютъ почву.

Но любоваться долго каждымъ изъ чарующихъ видовъ Мозеля нѣтъ времени; насъ несетъ пароходъ все дальше и дальше и вскорѣ и справа и слѣва раскидываются передъ нами другiе примѣчательные пункты, которые также не должны быть пропущены безъ вниманiя.

Вотъ передъ нами лежитъ Рiоль, римскiй Rigodulum, съ едва узнаваемыми остатками укрѣпленiй Клюссератъ; Триттенгеймъ, родина знаменитаго ученаго Аббата фонъ Спонгейма; Неумагенъ, который оспариваетъ вмѣстѣ съ Зинцигомъ честь быть тою мѣстностью, гдѣ впервые Константинъ увидѣлъ крестъ на небѣ какъ пророчество его побѣды надъ врагами. Здѣсь замѣчательна въ архитектурномъ отношенiи церковь во имя Мучениковъ.

Извилисты и причудливы становятся теперь изгибы рѣки. Пiеспортъ лежитъ на большомъ ея изгибѣ. Его виноградники, зеленѣющiеся на крутизнѣ скалъ, даютъ вино очень прiятное вкусомъ; на каждомъ уступѣ скалы виднѣется здѣсь нѣсколько дюжинъ лозъ. Но нужно знать, сколько трудовъ и терпѣнiя употребитъ здѣшнiй виноградарь въ уходѣ за своими лозами, предохраняя ихъ отъ холода ночей и другихъ вредныхъ случайностей и уподобляясь муравью по своей непрерывной работѣ.

Довольно сказать, что семьдесятъ миллiоновъ лозъ растутъ по берегамъ Мозеля между Триромъ и Кобленцомъ и куда бы вы ни оглянулись на этомъ пространствѣ, повсюду каждый уголокъ и клочекъ земли употребленъ съ пользой если онъ только освѣщается солнцемъ. Вотъ слѣдуютъ одинъ за другимъ Олигсбергъ и Нейбергъ, столь знаменитый своимъ виноградомъ, каждая лоза котораго даетъ ароматный, драгоцѣнный сокъ; напротивъ Дуземонта лежитъ Браунебергъ, очень популярный своими кисловатыми винами; Мюльгеймъ, Лизеръ при устьѣ рѣчки того же названiя, потомъ Кюсъ и Трарбахъ, также очень извѣстныя по производству винъ. За послѣднимъ городомъ лежатъ развалины Грефинбурга, нѣкогда сильно укрѣпленнаго и сильно пострадавшаго въ тридцатилѣтнюю войну. Противъ же Литцига видны развалины Штаркенбурга, а около Рейля и Пюндериха интересные остатки Марiенбурга; это былъ нѣкогда крѣпкiй замокъ и также дѣвичiй монастырь, уничтоженный при Львѣ X. Дальше идетъ Целль, который существовалъ уже въ XII столѣтiи: здѣсь видна башня, разрушенныя стѣны и замокъ, лежащiя въ развалинахъ. Пожаръ, случившiйся въ 1857 году, уничтожилъ часть этого города.

Но вотъ встрѣчается нѣсколько островковъ, при устьѣ ручья у деревни Альфъ, въ прелестной мѣстности, откуда открывается чудный видъ на всю долину рѣки. Надъ ней господствуетъ гора Альфъ; въ разрѣзѣ долины лежитъ Бертрихъ, котораго теплые щелочные источники были извѣстны уже Римлянамъ. Здѣсь повсюду вулканическая почва. У Бремма стоятъ руины келiй стариннаго дѣвичьяго монастыря. Видъ Едигера напоминаетъ намъ средне-вѣковую эпоху; далѣе слѣдуютъ руины замка Зенгейма, кругомъ котораго производится ломка сланца. Бейльштейнъ съ своими старыми постройками, башнями и замкомъ производитъ впечатлѣнiе феодальнаго города. За нимъ слѣдуетъ Кохемъ съ своими оригинальными шпицеобразными крышами, прекрасными развалинами замка, монастыря и съ крестомъ красующимся на высокой скалѣ. Здѣсь въ монастырѣ капуциновъ нѣкогда жилъ патеръ Мартинъ фонъ Кохемъ обличавшiй въ горячихъ проповѣдяхъ пороки своего времени.

Миновавъ руины Клоттена и церкви Трейса мы подъѣзжаемъ къ Кардену, когда то римскому укрѣпленному лагерю, теперь же старинному городу съ домами фантастической, средневѣковой архитектуры. Здѣсь, на самой срединѣ теченiя Мозеля, входитъ въ него Ельцъ выходя изъ Ейфеля; здѣсь-же лежитъ Ельцская долина, довольно узкая, но живописная, съ замкомъ Ельцъ, лежащимъ при подошвѣ скалы и до сихъ поръ уцѣлѣвшимъ еще отъ разрушенiя. Особенно красивы его башни и бойницы; основанiе его приписываютъ десятому вѣку но позднѣйшiя постройки принадлежатъ 13 — 17 столѣтiю; главная часть зданiя выстроена въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Замокъ Ельцъ частью еще обитаемъ и изъ него открывается величественный видъ на всю лежащую передъ нимъ долину. На противуположной сторонѣ видны еще развалины Труцельца, замка, который воздвигнулъ Балдуинъ Трирскiй.

Отсюда путь идетъ къ развалинамъ замка Пирмонта, лежащимъ около городка Мюнстермайфельдъ, раскинутаго на высокой горѣ; позади островковъ теперь выступаютъ селенiя съ своими древними церквами — памятниками десятаго вѣка; напротивъ лежитъ Ронъ, соединенный мостомъ съ Мюнстермайфельдомъ; далѣе видна башня развалинъ Бишофштейна, когда-то бывшая во владѣнiи Гейнриха фонъ-Боландена; затѣмъ Хаценпортъ съ очень высокой башней; правѣе Броденбахъ съ прелестными развалинами, Эренбургъ, далѣе Алькенъ съ остатками, построеннаго въ 1197 году пфальцграфомъ Гейнрихомъ, замкомъ Турантъ, Алкенсръ-Лей—отвѣсный утесъ, Нидеръ Фелль, древнiй Гондорфъ съ его замкомъ и замкомъ когда-то знаменитой фамилiи фонъ-Лейенъ, Кобернъ съ его старинными стѣнами и башнями и Нидербургъ, котораго послѣднiй владѣтель былъ казненъ въ Кобленцѣ. Наконецъ послѣ Альтенбурга слѣдуетъ Диблихъ, по близости котораго находятся руины монастыря Марiенротъ и Виннингенъ съ его обновленной ратушей. Здѣсь берега дѣлаются плоскими и потому теряютъ свою привлекательность. Зрѣнiе путника утомлено и онъ съ удовольствiемъ вступаетъ на почву песчанаго берега. Здѣсь уже по образу сухопутнаго шествiя онъ можетъ осмотрѣть Гюльсъ, Мозельвейсъ и наконецъ Кобленцъ, за которымъ при слiянiи Мозеля съ Рейномъ, возвышаются могучiя скалы Эренбрейтштейна. Бросимъ еще разъ общiй взоръ съ этихъ скалъ на сложенныя изъ камня и металла „Стражъ Рейна“. Какая грандiозная панорама крывается передъ нами. Налѣво привѣтствуетъ насъ Штольценфельсъ, прямо передъ нами блестятъ волны Мозеля и Рейна; вдали сiяютъ въ блескѣ солнца вулканическiя горы Ейфеля и Гунсрика и высятся на противуположной сторонѣ вершины Вестервальда и Таунуса.

Всѣ эти чудесныя мѣста всемiрно извѣстны. Не говоря про то, что массы нѣмцевъ всегда посѣщаютъ берега своей любимой родной рѣки, здѣсь собираются ежегодно путешественники всѣхъ возможныхъ странъ и нацiй и слышится говоръ на самыхъ разнородныхъ языкахъ. Дальняя Америка, Россiя, Францiя, Италiя, Англiя—всѣ отдаютъ свою дань восхищенiя этимъ дѣйствительно прелестнымъ мѣстамъ и часто, бѣгущимъ по обоимъ берегамъ, чуть видимымъ поѣздамъ, съ ихъ дымками, машутъ привѣтственно платками пассажиры бѣгущихъ по Рейну пароходовъ, стоящiе на палубѣ вооруженные биноклями, любуясь на проходящую мимо панораму, оживленную и красивую.

Стихотворенiе.

Снова хмурыя тучи и проблески дня,
И дожди и лучи огневые.
На яву одолѣли сегодня меня,
Эти грёзы и муки ночныя!

То почувствуешь счастья внезапный приливъ,
То тоски безъисходной страданье..

Какъ потокъ этихъ мыслей могучъ и шумливъ,
Безконечно его рокотанье..

И на сердцѣ моемъ словно струны звенятъ,
Словно слышу далекое пѣнье,—
И рѣшить не могу:—Это брачный обрядъ,
Или тихая пѣснь погребенья...

П. Гнѣдичъ.

Въ рудникахъ.

Очеркъ.

Рудокопъ болѣе чѣмъ какой либо другой рабочiй подвергается опасностямъ, и дѣйствующимъ постоянно, и внезапнымъ. Условiя труда, совершающагося въ темнотѣ, при слабомъ искуственномъ освѣщенiи, среди испорченнаго воздуха, иногда при самыхъ неестественныхъ положенiяхъ тѣла; онъ рискуетъ сдѣлаться жертвою то обвала, то взрыва рудничныхъ газовъ, то затопленiя, то, наконецъ, отравленiя, положимъ, и медленно дѣйствующаго, какъ, напримѣръ, при добыванiи ртути, свинца и пр. Эти опасности такъ охарактеризованы двумя рудокопами, во время офицiальнаго санитарнаго осмотра копей Шотландiи и Англiи. „Копи, сказалъ одинъ изъ нихъ, — поле сраженiя, гдѣ мы идемъ впередъ черезъ раненыхъ и черезъ трупы". „Наша жизнь, говоритъ другой, въ постоянной опасности; съ той минуты какъ рабочiй въ угольной копи садится въ бадью для спуска въ шахту, онъ не можетъ быть увѣренъ, что вернется живымъ".

Между рабочимъ людомъ рудниковъ и копей господствуетъ заболѣваемость, вслѣдствiе условiй жизни и труда, которымъ занимаются иногда дѣти и женщины; заболѣваемость-же, вмѣстѣ съ несчастными случаями создаетъ смертность, бо́льшую, чѣмъ смертность какихъ либо другихъ рабочихъ.

Наша горная промышленность развита меньше, чѣмъ моглабы развиться, при имѣющихся въ нашемъ распоряженiи горныхъ богатствахъ. Но, тѣмъ не менѣе, количество рудниковъ и копей въ Россiи весьма значительно. Вотъ цифровыя данныя 1878 года (они, теперь конечно, увеличились). Рудниковъ, находящихся въ дѣйствiи: желѣзныхъ—1,387, серебро-свинцовыхъ—22, мѣдныхъ—77, цинковыхъ—7, никелевыхъ и оловянныхъ—по одному; копей: каменноугольныхъ—303, графитныхъ—1, хромистаго желѣзняка — 6, разныхъ минераловъ — 4, каменной соли—4, нефтяныхъ колодцевъ и буровыхъ скважинъ—567.

Съ тѣхъ поръ каменноугольная промышленность, что особенно важно для предмета настоящей статьи, несомнѣнно, расширилась въ значительной степени. Такъ, съ 1856 по 1880 г., добыванiе каменнаго угля увеличилось въ 75 разъ.

Рудничный газъ составляетъ собою для рудокоповъ одну изъ главныхъ опасностей между другими, которыя его окружаютъ. Этимъ-то газомъ мы и займемся здѣсь отдѣльно.

Рудничный газъ, сложная газовая смѣсь, въ которую составныя части входятъ въ довольно разнообразныхъ пропорцiяхъ; существенная часть этой смѣси болотный газъ, а за нимъ, въ неопредѣленныхъ количествахъ: двууглекислый водородъ, воздухъ, угольная кислота, кислородъ и азотъ.

Будучи нѣсколько легче воздуха, рудничный газъ движется, обыкновенно, вдоль каменноугольныхъ галлерей, по верху, или собирается во впадинахъ. Иногда, въ своемъ движенiи кверху, онъ доходитъ до поверхности земли изъ глубины шахты. Такъ, въ 1857 году, въ Льежѣ (во Францiи) было замѣчено повышенiе температуры въ одномъ мѣстѣ до 50 градусовъ, вслѣдствiе медленнаго горѣнiя газа.

Происхожденiе рудничнаго газа въ точности еще не опредѣлено, но надо полагать, что прежде нежели явиться внутри шахты, онъ находится подъ сильнымъ давленiемъ, въ порахъ огромныхъ массъ каменнаго угля, изъ которыхъ потомъ и выдѣляется. Предположенiе это основывается на томъ обстоятельствѣ, что выдѣленiе газа сопровождается особымъ характернымъ шумомъ, напоминающимъ паденiе дождя или закипающую воду. Это—потрескиванiе множества частицъ каменнаго угля, разрываемыхъ выходящимъ газомъ. Кромѣ того, при выдѣленiи газа, замѣчаются несомнѣнные признаки того, что онъ выходитъ изъ подъ сильнаго давленiя. Такими признаками являются производимыя имъ обыкновенно разрушенiя, вслѣдствiе быстроты выхода, обвалы, паденiя и пр. Наконецъ, опыты давленiя на каменный уголь даже съ силою пяти атмосферъ, не могли воспрепятствовать выдѣленiю рудничнаго газа.

Болотный газъ кажется нерастворимымъ въ водѣ при обыкновенныхъ условiяхъ, но при извѣстномъ давленiи, которое онъ производитъ иногда на нее въ глубинѣ шахты, растворимость его становится даже значительной. Такимъ образомъ, изъ затопленнаго рудника выходили иногда потоки воды, выдѣлявшей газъ, въ видѣ длиннаго пламени, съ такой силой, что онъ тушилъ лампу.

Не отличаясь большимъ химическимъ сродствомъ вообще съ другими элементами, рудничный газъ представляетъ собою одно сродство, изъ котораго и исходятъ именно всѣ его опасности; это—сродство съ кислородомъ. Существенная составная часть его, болотный газъ, весьма энергично соединяется съ кислородомъ, образуя при этомъ воду и углекислоту. Одинъ объемъ газа, приведенный въ соприкосновенiе, при извѣстныхъ условiяхъ, съ двумя объемами кислорода, даетъ два объема сгущающагося водяного пара и одинъ объемъ угольной кислоты.

Соединенiе это принимаетъ двѣ формы: оно происходитъ или въ видѣ прозрачнаго, слегка голубого пламени или—въ видѣ страшнаго взрыва. Если рудничный газъ содержится въ воздухѣ менѣе, чѣмъ въ 3 или 4-хъ процентахъ, то предохранительная лампа не показываетъ его присутствiя. При этомъ-же содержанiи она начинаетъ коптѣть и образуетъ вокругъ себя голубоватый вѣнчикъ. При шести процентахъ, пламя удлиняется и вѣнчикъ принимаетъ болѣе яркiй оттѣнокъ; при 7 или 8% также происходитъ медленное воспламененiе.

Иногда газъ съ силой подымается по галлереямъ, угрожая страшнымъ несчастiемъ при встрѣчѣ съ пространствами, наполненными имъ въ количествѣ еще бо́льшемъ. И такимъ образомъ, при 12—14 процентахъ его содержанiя, происходитъ наиболѣе страшный взрывъ. Но если количество газа превосходитъ 12—14 процентовъ—взрыва не бываетъ, атмосфера переполняется имъ и лампа гаснетъ. Въ этомъ случаѣ, люди въ подобной атмосферѣ быстро задыхаются. Задушенiе происходитъ, обыкновенно, отъ отсутствiя кислорода.

Случаи задушенiя были чрезвычайно часты въ прежнее время, но теперь, при улучшенныхъ способахъ снабженiя копей необходимымъ воздухомъ, они стали гораздо рѣже. Съ этой стороны рудничный газъ не представляетъ, поэтому, большой опасности.

Но—что дѣлаетъ его особенно страшнымъ, что наполняетъ ужасомъ окрестное населенiе рудниковъ,—это взрывы и подземные пожары, причиной которыхъ довольно часто становится рудничный газъ. Послѣдствiя подобныхъ катастрофъ бываютъ, поистинѣ, ужасны. Величайшая катастрофа произошла 12 декабря 1866 года въ Америкѣ, въ Оаксъ-Колльери. Жертвою ея сдѣлались 361 рудокопъ. Разрушенiя были произведены страшныя. Первый взрывъ сразу поглотилъ 334 человѣка. Инженеры и остальные рабочiе кой-какъ спаслись было, когда раздался второй взрывъ. И такъ, впродолженiи шести дней, семнадцать ударовъ слѣдовали одинъ за другимъ, лишая всякой возможности сдѣлать даже попытка спасти людей изъ обваловъ, стоны которыхъ долго слышались изъ пропастей. Только на седьмой день удалось войти въ рудникъ и спасти лишь одного оставшагося въ живыхъ рабочаго.

Взрывъ рудничнаго газа, происшедшiй во Францiи въ Сентъ-Этьенѣ 4 февраля 1876 года, стоилъ жизни 189 рудокопамъ. Несчастные были пожжены огнемъ и буквально разбиты о стѣны копей. Впрочемъ, смерть наступаетъ обыкновенно моментально, вслѣдствiе пораженiя легкихъ газовымъ пламенемъ, такъ что иногда рабочихъ находятъ въ томъ самомъ положенiи, въ какомъ они были въ моментъ огненнаго взрыва. Здѣсь не происходитъ, такимъ образомъ, задушенiя, ибо послѣднее предполагаетъ нѣкоторую борьбу. Случается, что рабочiе, пережившiе взрывъ, погибаютъ отъ окиси углерода, въ большомъ количествѣ развивающейся при этомъ.

Каждый годъ происходятъ эти катастрофы, неимѣющiя, кажется, себѣ ничего подобнаго. Моментъ взрыва, далеко раздающагося,—страшный моментъ. Окрестное населенiе быстро и въ ужасѣ стекается къ отверстiю копи, изъ котораго выходятъ часто столбы пламени и цѣлыя облака дыма. Жены, дѣти и родственники рудокоповъ спѣшатъ сюда, трепеща отъ страха за ихъ участь. Раздирающiя душу сцены происходятъ здѣсь, когда изъ копей выносятъ трупы многочисленныхъ жертвъ взрыва. Иногда нѣсколько дней проводятъ въ томительномъ ожиданiи возможности сдѣлать попытку спасенiя людей изъ глубокихъ обваловъ.

Въ виду такого вообще положенiя копей, вопросы о воздухѣ и свѣтѣ являются самыми существенными, самыми жизненными вопросами для нихъ. Необходимо, чтобы хорошо устроенная вентиляцiя цѣлыми потоками свѣжаго воздуха замѣняла атмосферу рудниковъ, испорченную дыханiемъ людей и лошадей, горѣнiемъ лампъ, пылью, пороховымъ дымомъ, разложенiемъ растительныхъ и животныхъ веществъ, образованiемъ большаго количества водянаго пара, присутствiемъ углекислоты и, наконецъ, губительнаго рудничнаго газа.

Что касается вентиляціи, то надлежащее устройство ея въ копяхъ затруднительно. Тутъ одинаково вредны и избытокъ и недостаточность воздуха. Въ первомъ случаѣ, напримѣръ, пламя лампъ можетъ вырываться наружу, черезъ сѣтку, и обжигать рабочихъ; мало того, это обстоятельство выставляли даже иногда причиной взрывовъ, хотя и неосновательно. Вообще-же количество свѣжаго воздуха, которое необходимо вводить въ копи, опредѣляется цифрой подземнаго населенія, людей и лошадей, и степенью выдѣленія рудничнаго газа. Употребляются при этомъ, обыкновенно, чрезвычайно многочисленные механическіе вентиляторы, всасывающіе или нагнетательные.

Самымъ практичнымъ способомъ освѣщенія копей считаются сѣтчатыя предохранительныя лампы. До ихъ изобрѣтенія, копи изслѣдовались относительно рудничнаго газа съ помощію простой свѣчи; подвергаясь большой опасности, съ необыкновенной ловкостью, одинъ рабочій лазилъ по галлереямъ и по пламени свѣчи судилъ о мѣстѣ скопленія и о количествѣ рудничнаго газа. Въ настоящее время, этотъ варварскій способъ изслѣдованія конечно не практикуется.

Линцъ.—Верхнія городскія ворота.—Рейнскія ворота.—Эрпельская луна.

Первою предохранительною лампою была лампа Дэви, названная такъ по имени своего изобрѣтателя. Это обыкновенная масляная ламочка, покрытая только чрезвычайно частой металлической сѣткой. Она показываетъ присутствіе рудничнаго газа и совершенно безопасна относительно взрыва. Благодаря сильному охлаждающему свойству сѣтки, огонь не проникаетъ изъ нея наружу, на чемъ именно и основано ея дѣйствіе однако. рабочіе неособенно жалуютъ эту лампочку за слабый издаваемый ею свѣтъ черезъ сѣтку. Пробовали-было замѣнить, поэтому, металлическую сѣтку стеклянной, но неудачно; вслѣдствіе большой ломкости стекла, такая лампа можетъ сдѣлаться причиной взрыва.

По Рейну. Въ Эрпелѣ. Переѣздъ отъ Эрпеля до Ремагена.

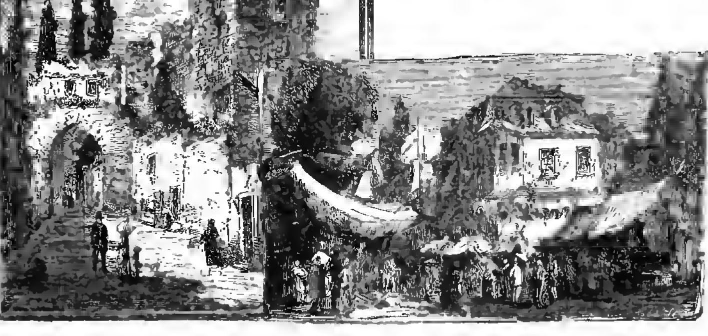
Понятно, что лампа Дэви должна быть зажигаема при самомъ спускѣ въ копь, а не внутри ея. Точно также она не должна быть ни открываема, ни задуваема въ рудникѣ. Небрежность рабочихъ въ этомъ отношеніи, закуривающихъ свои трубки отъ лампы, не разъ, однако, дѣлалась причиной взрыва. Вслѣдствіе этого, лампы или запирались на ключъ, при спускѣ въ копь, или устраивались такъ, что гасли, при первой попыткѣ открыть ихъ. Изъ послѣднихъ изобрѣтеній извѣстны лампы Мюзелера, Комба, Геймбаха, Дюмениля, Мацарда.

Вообще-же, поле изобрѣтенія приборовъ для освѣщенія рудниковъ остается еще открытымъ и до сихъ поръ разрабатывается.

Путешествіе на пароходѣ во время Тайфуна.

Вѣтеръ, который мы наблюдаемъ въ нашихъ странахъ, можетъ быть представленъ въ видѣ большой воздушной рѣки, въ которой воздухъ течетъ по направленію прямой линіи, подобно тому, какъ вода течетъ по руслу рѣки. Но это нормальное теченіе бываетъ иногда нарушаемо возникновеніемъ мѣстныхъ кругообразновращательныхъ движеній воздуха, которыя принимаютъ перпендикулярное направленіе относительно поверхности земли. Простѣйшій видъ этого явленія представляетъ легкій, безвредный вихрь, который образуется иногда въ тихіе солнечные дни на большихъ дорогахъ, улицахъ, обширныхъ площадяхъ и т. п., вслѣдствіе сильнаго накаливанія ихъ гладкихъ поверхностей; соломинки, сухіе листья и облака пыли взвиваются вверхъ на довольно значительную высоту. Болѣе сильные вихри бываютъ въ степяхъ и песчаныхъ равнинахъ; еще стремительнѣе и обширнѣе бываютъ тѣ, которые сопровождаются грозой; они часто производятъ опустошительныя дѣйствія и бываютъ водяные или песочные, смотря по тому, гдѣ они происходятъ. Этотъ послѣдній видъ вихря носитъ названіе смерча. Изъ облаковъ, которыя всегда сопровождаютъ это явленіе, опускается гигантская воронка, которая въ концѣ концовъ соединяется съ водянымъ или песочнымъ смерчемъ и образуетъ видъ колонны, берущей основаніе на землѣ или поверхности воды и теряющейся въ облакахъ. Особенно страшны водяные смерчи, носящіе названіе, въ ост и вест-индскихъ моряхъ, Циклоновъ, а въ китайскихъ водахъ—Тайфунъ (отъ китайскаго ta-fun т. е. большой вѣтеръ). Много большихъ пароходовъ, цвѣтущіе города, богатыя селенія и безчисленное количество человѣческихъ жизней бываютъ жертвой этого страшнаго явленія. Смерчъ дѣлаетъ море страшно бушующимъ, волны набѣгаютъ одна на другую, бьютъ во всѣ стороны, скрещиваются; вездѣ, гдѣ встрѣчаются два гребня волнъ, образуются пирамидальныя горы, доходящія иногда до удивительной высоты; образующаяся при этомъ пѣна брызжетъ до вершины мачтъ. Море подымается и опускается, какъ вода въ кипящемъ котлѣ и лучшіе пароходы, очутившись среди бушующихъ и неправильно набѣгающихъ одна на другую волнъ, теряютъ мачты, ломаются и часто совсѣмъ погибаютъ.

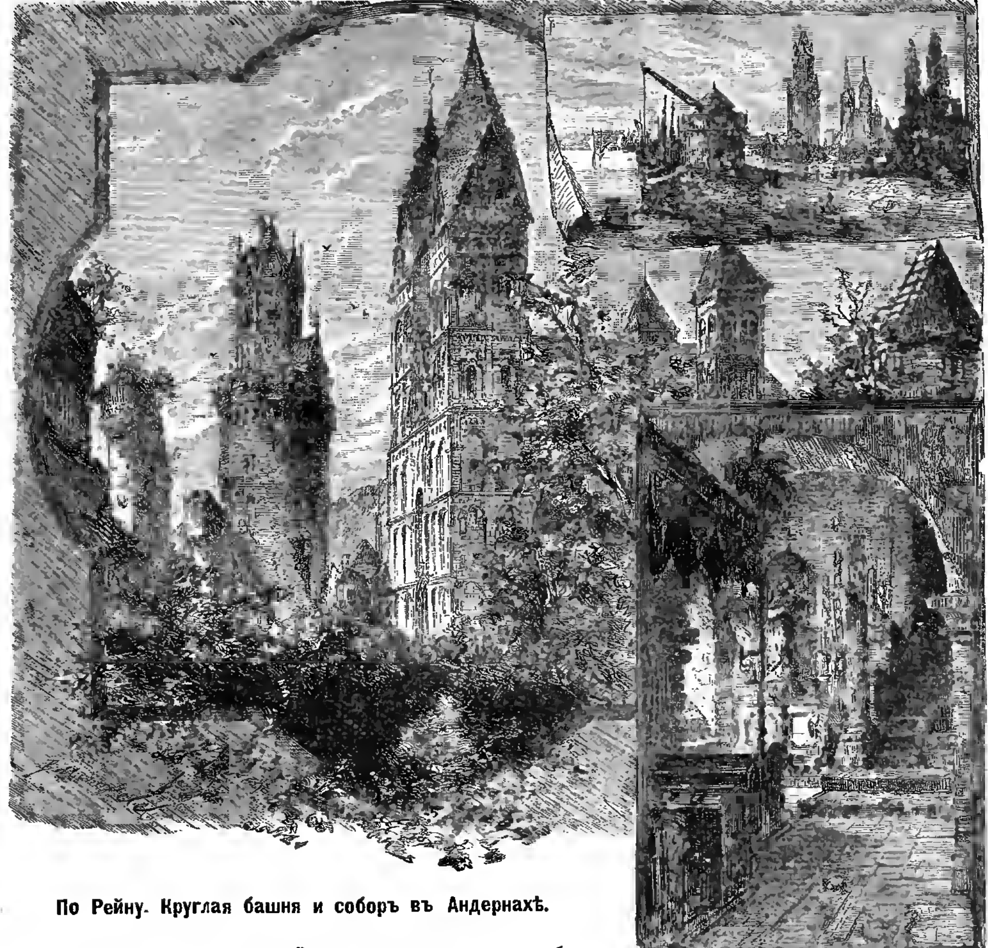
Вотъ какъ разсказываетъ объ одномъ изъ такихъ крушеній очевидецъ. „Почтовое сообщеніе между Іокагамой и Шанхаемъ, этими двумя торговыми городами отдаленной восточной Азіи, бываетъ разъ въ недѣлю на пароходахъ японской почтовой компаніи „Митцу-Биши“, съ грузомъ отъ 2 до 4 тысячъ тоннъ и съ элегантнымъ и удобнымъ отдѣленіемъ для пассажировъ. Судно покинуло Нагасаки 17 сентября; слѣдующій день прошелъ спокойно, но ночь обѣщала быть бурной. Въ 4 часа утра поднялся вѣтеръ и началъ такъ сильно качать пароходъ, что я, никогда не испытавшій ничего подобнаго въ жизни, долженъ былъ держаться чтобы не быть опрокинутымъ на полъ. Въ 7 часовъ я отправился въ общую залу, гдѣ насъ было семь пассажировъ; волны были



По Рейну. Замокъ Андернахъ. Городскія ворота въ Андернахѣ.

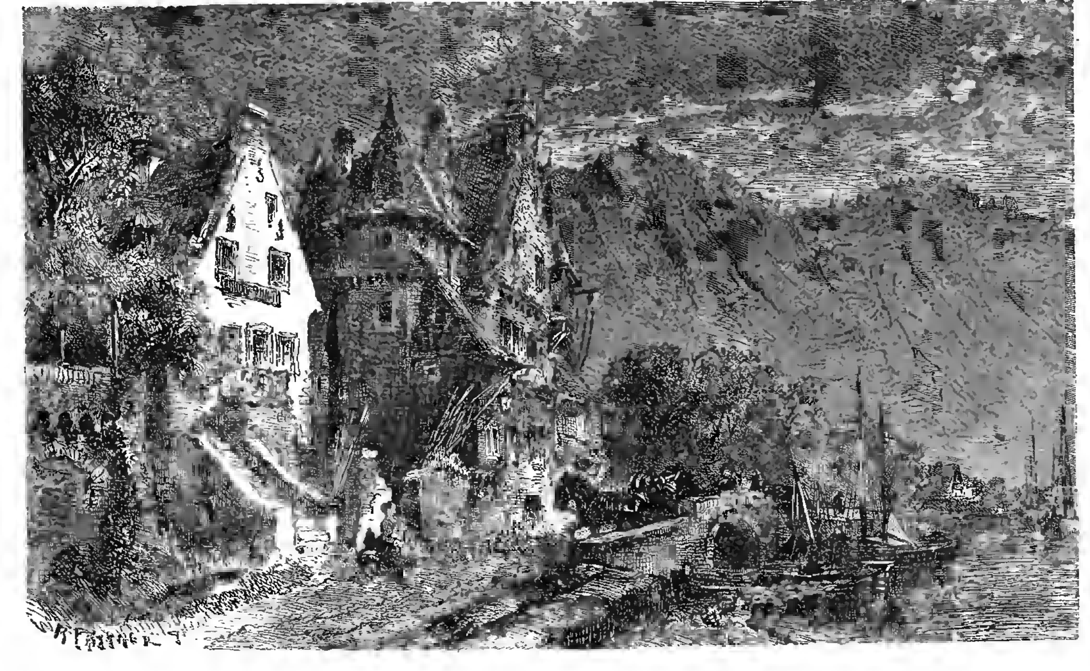
черезъ бортъ; я сталъ у правой стеклянной двери, судорожно ухватился за скобу и сталъ смотрѣть на неиствовавшее море. Волны представляли цѣлые ландшафты горъ, долинъ и крѣпостей; видъ воды взрытой на значительную глубину, былъ ужасенъ. Это былъ разительнѣйшій контрастъ между въ высшей степени могущественной природой и ничтожествомъ, безпомощностью человѣка. Вдругъ корабль остановился и среди шумящихъ волнъ раздался зловѣщій крикъ: „пожаръ“. Мы поспѣшили внизъ. Матросы съ кожаными рукавами и насосами бѣгали во всѣ стороны. Люки были уже открыты и густой чадъ валилъ во всѣ стороны. Оказалось, что 600 тюковъ спичекъ вспыхнуло, отъ чего и происходилъ страшный чадъ. По счастью огонь былъ замѣченъ еще въ зачаткѣ и черезъ 1/2 часа былъ потушенъ; приказаніе капитана сбросить тюки за бортъ было быстро приведено въ исполненіе. Мы опять всѣ собрались въ залѣ и безмолвствовали; было уже около полудня; я никогда не предполагалъ, чтобы волны могли подыматься еще выше, чѣмъ я только что передъ тѣмъ видѣлъ, но я ошибся; теперь уже не было никакой возможности ходить по палубѣ. Наступила страшная пауза, одинъ моментъ казалось, что пароходъ пригвожденъ ко дну—онъ не шевелился. Но корабль какъ бы передохнулъ и съ новой силой вступилъ въ борьбу; теперь онъ сталъ наклоняться на сторону, будто бы съ тѣмъ, чтобы совершенно лечь на бокъ, и подставилъ свою широкую сторону еще сильнѣе разбушевавшейся массѣ воды; затѣмъ вдругъ, моментально сталъ прямо. Въ то же время раздался страшный трескъ, въ родѣ грома южныхъ грозъ; насъ всѣхъ подбросило; смертельный страхъ былъ на всѣхъ лицахъ. Я открылъ дверь салона и выглянулъ: картину, представившуюся моимъ глазамъ, я никогда не забуду въ жизни. Сквозь легкій туманъ я увидѣлъ капитана, привязаннаго канатомъ къ борту, съ такимъ-же испуганнымъ, какъ и мой взоромъ, обращеннымъ на пропасть зіявшую между нами; казалось, что или пароходъ треснулъ или лопнулъ котелъ.

Я ждалъ и высчитывалъ время, какъ долго еще можетъ продержаться пароходъ, но онъ не погружался; крѣпкій, хорошо выстроенный корпусъ казалось еще держался. Происшедшее поврежденіе все же взяло нѣсколько жертвъ, нѣсколько человѣкъ раненыхъ матросовъ было отправлено въ госпиталь; но никто не былъ сброшенъ въ воду. Вскорѣ кухня и нѣсколько каютъ были снесены; буря страшно ревѣла и свистала между мачтами и снастями корабля; огонь подъ котломъ грозилъ каждую минуту потухнуть, такъ какъ вода кругомъ машины стояла выше двухъ футовъ. Изъ пасажировъ, ѣхавшихъ на палубѣ, укрылись у насъ въ залѣ нѣсколько японцевъ; одинъ изъ нихъ обнялъ ножки фортепіано и горько плакалъ съ мольбами, другой съ завязанной головой лежалъ около него, туно и безсмысленно уставившись взоромъ въ землю; третій, еще очень молодой, въ смертельномъ страхѣ раздѣвался и приготовлялся плыть, по временамъ складывая набожно руки для молитвы. День тянулся страшно долго; къ вечеру мы собрались въ столовую, которая печально освѣщалась лампой; я привязалъ себя къ столу и легъ, какъ и всѣ остальные, на полъ. Пароходъ стоналъ и трещалъ, какъ будто отъ боли и снова разразился страшнымъ трескомъ, вслѣдъ за которымъ громадная волна воды хлынула въ залу и съ силой хлынула на позолоченныя стѣны. Никто не могъ понять, что случилось и только послѣ узнали мы, что лѣвый кожухъ разбило въ дребезги. Въ теченіи всей длинной



По Рейну. Круглая башня и соборъ въ Андернахѣ.

По Рейну. Внутренній видъ собора въ Андернахѣ.



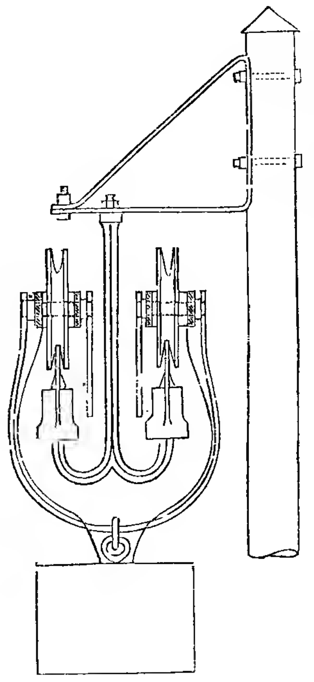
По Рейну. Древняя улица въ Карденѣ на Мозелѣ.

ночи въ глазахъ моихъ носились мрачныя картины. Настало утро, я пошелъ въ каюту, надѣясь отдохнуть послѣ безсонной ночи и бросился на мокрую постель; скоро я заснулъ, хотя не совсѣмъ крѣпко, изъ боязни быть сброшеннымъ съ постели и, проспавъ до полудня, значительно подкрѣпилъ свои силы. Когда я проснулся, казалось, что обстоятельства улучшились, машина была въ ходу, но пароходъ при каждомъ поворотѣ колеса страшно трясся, будто готовый ежеминутно разсыпаться въ

Государственная малая печать царя Алексѣя Михайловича.

мелкія щепки; я оставался лежать, позвалъ слугу и велѣлъ принести бутылку шампанскаго, которую понемногу опорожнилъ, послѣ чего впалъ въ глубокій сонъ. Около 4-хъ часовъ пополудни меня разбудили радостные крики: „мы миновали тайфунъ;“ вода волновалась еще довольно сильно, но буря уже прошла. Кто никогда не испытывалъ, что такое значутъ крики: „земля, земля,“ послѣ такого дня опасности и ужаса и какое производитъ дѣйствіе отдаленный мерцающій свѣтъ краснаго огонька маяка и какъ онъ раздуваетъ надежду на жизнь въ широкое яркое пламя, тотъ пусть мысленно перенесется ко мнѣ въ 7 часовъ вечера въ музыкальный залъ парохода „Токіо-Мару.“ Каждый взглядъ спасеннаго говорилъ больше, чѣмъ можетъ сказать языкъ, пожатіе руки выражало цѣлую исторію, всѣ стали равны, матросы и капитанъ обращались другъ съ другомъ братски, дружески.

21-го сентября, въ субботу, утромъ „Токіо-Мару“ сталъ на якорь у устья Янгъ-тцу въ 135 километрахъ отъ Шанхая. Утреннее солнце освѣтило печальное состояніе корабля. Буря сорвала всѣ спасительныя лодки, кожухъ былъ разбитъ въ дребезги, палуба съ обѣихъ сторонъ обрушилась. Борты корабля, нѣкоторые кабинеты и большая часть дверей въ каютахъ были снесены. О стульяхъ, столахъ, пасажирскихъ вещахъ и товарномъ грузѣ и говорить нечего.



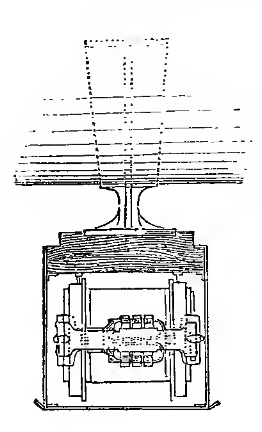
Электрическая почта.

Противъ этого страшнаго явленія природы у человѣка есть только одна защита: это знаніе законовъ возникновенія и развитія этого явленія, открытіемъ которыхъ американецъ Ретфильдъ, англичанинъ Рейдъ и нѣмецъ Дофе пріобрѣли себѣ почетное мѣсто между благодѣтелями человѣчества. Теперь знаютъ, что вращеніе тайфуна или циклона всегда бываетъ противъ направленія, по которому движется солнце; потому сѣвернѣе отъ экватора онъ вращается противъ направленія стрѣлки лежащихъ часовъ, а въ южномъ полушаріи эти оба направленія совпадаютъ. Каждый тайфунъ кромѣ того, имѣетъ движеніе непрерывно удаляющее его отъ экватора къ полюсамъ; далѣе извѣстно, что явленіе это никогда не замѣчалось на самомъ экваторѣ. Колебанія воздушнаго давленія, необыкновенное па-

Государственная средняя печать Лжедимитрія, 1606 года.

деніе барометра, потомъ огненно-красный цвѣтъ неба, густой туманъ кругомъ на горизонтѣ, доходящій до высоты 20 градусовъ, который окрашивается красновато-сѣрымъ, даже фіолетовымъ цвѣтомъ, наконецъ вскорѣ надвигающаяся гроза, стонъ шумящихъ волнъ служатъ вѣрными предвѣстниками близости шторма. Центробѣжная сила, развивающаяся въ воздухѣ при этомъ явленіи, бываетъ причиной того, что въ центрѣ тайфуна атмосфера дѣлается рѣже, что и указывается паденіемъ барометра, отчего въ этомъ пунктѣ и находится такъ называемая штормовая волна, которая подымается огромнымъ водянымъ столбомъ, соединяющимся съ облакомъ. Если этотъ водяной столбъ коснется морскаго берега, то онъ съ такой неимовѣрной быстротой затопляетъ все окружающее его пространство, что даже жители не имѣютъ возможности спастись и погибаютъ.

Для мореплавателей знаніе законовъ этого величайшаго явленія природы составляетъ предметъ большой важности. Наблюдая циклонъ, онъ можетъ поставить корабль въ такое выгодное относительно шторма положеніе, что выйдетъ изъ борьбы безъ большаго урона. Прежде всего капитанъ корабля долженъ опредѣлить положеніе центра циклона, этаго самаго опаснаго пункта, чему могутъ помочь указанія барометра и кромѣ того то обстоятельство, что сила вѣтра по приближеніи къ центру ослабѣваетъ и наконецъ въ самомъ центрѣ царствуетъ полное затишье. Затѣмъ онъ долженъ поставить корабль въ такое положеніе, что если обернуться спиной къ вѣтру, то въ сѣверномъ полушаріи лѣвый, а въ южномъ—правый бокъ приходился бы противъ урагана. Чтобы выйти изъ циклона, нужно обратить корабль въ сѣверныхъ странахъ — правою, а въ южныхъ— лѣвою стороною къ направленію вѣтра. Искусный морякъ, знающій хорошо законы циклона, не только не боится дурнаго исхода, но даже можетъ, при случаѣ, извлечь изъ этого обстоятельства пользу. Въ южномъ Индійскомъ океанѣ циклоны стали хорошо извѣстны капитанамъ кораблей и они пользуются ими для быстраго переѣзда въ Индію и Австралію.



Электрическая почта.

Къ рисункамъ.

Новое адмиралтейство въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 845).

Съ самаго основанія Петербургу былъ данъ характеръ по преимуществу морскаго города; здѣсь Петръ подготовлялъ силы своего флота для рѣшительной борьбы со Шведомъ и здѣсь же сосредоточивалъ всѣ средства для утвержденія на твердомъ основаніи нашего морскаго владычества. Къ числу этихъ средствъ относилась и постройка въ Петербургѣ судовъ различнаго типа для Балтійской флотиліи; для этой цѣли славный Основатель новой столицы уже въ 1704 году заложилъ верфь на берегахъ Невы и приступилъ къ постройкѣ зданій Адмиралтейства. Эти сооруженія велись съ привычною для Петра энергіею и быстротою и ежегодно для работъ городскихъ и адмиралтейскихъ присылались изъ различныхъ губерній до 40,000 народу. Въ 1706 году Петръ снова прибылъ въ Петербургъ и къ удовольствію увидѣлъ, что верфь окончена и что самый городъ уже значительно поубрался и обстроился. Тогда же въ восторгѣ царь писалъ къ Меньшикову: „Я нашелъ за помощью Божею все изрядно и живу какъ въ раю". Въ томъ же 1706 году на Петербургской верфи было спущено первое судно—бригантина, а въ 1712 году первый 50-пушечный военный корабль „Полтава". Уже при Петрѣ все пространство отъ Невы до Фонтанки было занято различными зданіями адмиралтейскаго, извѣстными въ народѣ подъ особымъ названіемъ „адмиралтействъ-острова". Здѣсь помѣщались верфи, амбары, постройки для рабочихъ и надъ всѣмъ этимъ возвышался желѣзный шпицъ главнаго зданія, тогда еще деревяннаго и окруженнаго высокими парапетами и бастіонами. На мѣстности занимаемой нынѣ Новымъ Адмиралтействомъ и изображенной на нашемъ рисункѣ находилась въ Петровское время галерная верфь. Кругомъ ея были разбросаны дома морскихъ служителей и складочные магазины, и все это пространство носило названіе „Галернаго двора" до 1740 года, когда постройка здѣсь галеръ была прекращена и большая часть зданій перенесена на Васильевскій островъ. Два дока большихъ размѣровъ выстроены здѣсь уже въ царствованіе Императора Николая I и изъ нихъ было спущено довольно гигантскихъ кораблей, изъ которыхъ многіе до сихъ поръ служатъ украшеніемъ нашего флота. Каждый такой спускъ корабля отличается всегда большою торжественностью: по окончаніи духовной церемоніи и по данному сигналу, при громѣ пушекъ, звукахъ музыки судно стремительно выѣзжаетъ изъ дока, становится на якоря и тотчасъ же поднимаются флаги. По издавна установившемуся обычаю строитель при спускѣ получаетъ изъ рукъ Государя или начальствующаго морскою частью на серебряномъ блюдѣ по три рубля за каждую пушку спущеннаго корабля. Говорятъ что до царствованія Екатерины II мастеръ всегда долженъ былъ являться на спускъ своего корабля въ особаго покроя черной одеждѣ.

Нашъ рисунокъ представляетъ видъ новаго адмиралтейства снятый со стороны Васильевскаго острова; прямо передъ глазами зрителя возвышается громадное зданіе дока, окруженное небольшими постройками складовъ и мастерскихъ. На лѣво видны контуры домовъ англійской набережной, а надъ ними вдали высится куполъ Исаакіевскаго собора.

По грибы.

(Рис. на стр. 489).

Въ такое прекрасное, жаркое, дождливое грибное лѣто есть удовольствія въ свободное время и для деревенскаго люда. Дѣдушки, бабы ходятъ въ лѣсъ „по грибы" и набираютъ иногда ихъ очень много. На весь постъ дѣлаются запасы, „консервы" сушеныхъ грибовъ, которые цѣлыми ворохами ожерелій развѣшиваютъ въ кладовыхъ и боковушахъ. А дѣтки? Эти непремѣнно идутъ „по грибы". Забравъ съ собою краюшки хлѣба, и накинувъ на рученки берестяные кузовки, веселою, шумливою гурьбою направляются они въ лѣсъ. Изъ нихъ самыя маленькія едва ли найдутъ много — или за бабочкой увяжется или (это уже великое удовольствіе) въ травѣ накроетъ еще неумѣющую летать, выпавшую изъ гнѣзда, птичку — тутъ онъ всѣ и грибы забудетъ и пойдетъ съ ней возиться и что будетъ радости и разсказовъ дома какъ онъ ее поймалъ. А разнымъ бутузамъ которые еще и не съумѣютъ отыскать грибы или ищутъ грибы негодящіеся, въ кузовокъ положутъ грибовъ, чтобы утѣшить неудачливыхъ искателей, ихъ сестренки... Толпа, собравшаяся въ такую кампанію „по грибы" очень удачно изображена г. Коверзневымъ на нашемъ рисункѣ.

Старинныя государственныя печати.

(Рис на стр. 858).

Князь М. А. Оболенскій, извѣстный археологъ, бывшій управляющій Московскимъ главнымъ архивомъ (1839—1873), страстный и неутомимый собиратель коллекцій и для себя и для любимаго имъ учрежденія Архива—заказалъ гравированныя изображенія 126 русскихъ старинныхъ печатей. Эти любопытнѣйшіе снимки изданы нынѣ роскошно при Архивѣ, его теперешнимъ начальникомъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ. Здѣсь мы представляемъ интересные экземпляры изъ этого собранія, именно двѣ печати: одна, государственная средняя печать Лже-Димитрія. Печать эта была приложена къ грамотѣ Лже-Димитрія Отрепьева, въ февралѣ 1606 года, къ священникамъ и дьяконамъ греческаго исповѣданія города Львова, соборной церкви Успенія, объ отправленіи къ нимъ соболей на триста рублей для довершенія этой церкви. Другая — государственная малая печать Царя Алексѣя Михайловича Малороссійскаго приказа. Она приложена была къ Государевой грамотѣ къ Кошевому атаману Евсевію Шашолу отъ 8 Авг. 1672 года съ убѣжденіемъ начать дѣйствія противъ Крымскаго хана и Дорошенко.

Во все долгое время пока Москва была Царскою резиденціей приложеніе Государственной печати къ актамъ, исходившимъ отъ Верховной Власти, имѣло несравненно большее значеніе чѣмъ въ иныхъ странахъ. Печать замѣняла подпись Царя а дьякъ скрѣплялъ.

Согласно требованіямъ этикета, Русскій Царь, Великій Князь Московскій, могъ брать въ руки лишь скипетръ и мечъ, но никогда перо. Потому то не сохранилось ни одного автографа даже такого „искуснаго въ писаніи" Царя какъ Іоаннъ IV Грозный. Въ своей тонкой, остроумной и блестящей полемикѣ съ іезуитомъ Поссевиномъ и княземъ Курбскимъ, Грозный, не отступая отъ установленнаго обычая, прибѣгалъ къ диктовкѣ. Ко многимъ другимъ причинамъ, повлекшимъ за собой паденіе перваго Лжедимитрія, нѣкоторые относятъ и негодованіе, которое испытывали окружающіе, видя на престолѣ „писаку". Петръ I лишь по возвращеніи изъ перваго заграничнаго путешествія началъ подписывать акты, исходящіе отъ Верховной власти. По основнымъ законамъ Имперіи въ Россіи существуютъ три вида Государственной печати: большая, средняя и малая. Большая Государственная печать употребляется для Манифестовъ, въ которыхъ Государь обращается къ своимъ вѣрноподданнымъ, для новыхъ узаконеній, уставовъ и т. п. Средняя -прилагается, къ ратификаціямъ трактатовъ, договоровъ и въ различныхъ другихъ случаяхъ; наконецъ—малая прикладывается къ письмамъ, адресуемымъ Императоромъ иностраннымъ государямъ и къ вѣрительнымъ грамотамъ. Большая печать предпочтительно употребляется при сношеніяхъ съ Восточными державами. Государственная печать хранится въ самомъ помѣщеніи Министерства Иностранныхъ дѣлъ и приложеніе ея можетъ совершиться только на основаніи существующихъ узаконеній и Высочайшихъ повелѣній и по приложеніи ея каждый разъ составляется протоколъ. Государственныя же печати предшествующихъ царствованій отсылаются въ Москву, въ Государственное Древлехранилище хартій, актовъ и печатей.

Электрическая почта.

(Рис. на стр. 858).

Геніальный изобрѣтатель динамо-электрической машины и электрической желѣзной дороги докторъ Вернеръ Сименсъ, получилъ недавно въ Берлинѣ привиллегію на изобрѣтенную имъ электрическую почту для перевозки писемъ и легкихъ посылокъ.

На рисункѣ виденъ желѣзный столбъ, который можетъ быть помѣщенъ въ полотнѣ любой желѣзной дороги. На столбѣ утвержденъ четыреугольный ящикъ, нижняя часть котораго сдѣлана изъ дерева, такъ какъ этотъ матерьялъ изолируетъ укрѣпленные въ этой части ящика рельсы, стѣнки же и крыша ящика сдѣланы изъ листоваго желѣза. На рельсахъ находится четырехъ-колесный желѣзнодорожный вагонъ, въ которомъ помѣщается такая динамо-электрическая машина, какая употребляется на электрическихъ желѣзныхъ дорогахъ, а также есть и мѣсто для почтовыхъ предметовъ. Представимъ себѣ такой ящикъ или вѣрнѣе трубу проведенную между рельсами, или же съ боку рельса желѣзной дороги, представимъ себѣ затѣмъ большія электрическія машины въ нѣкоторомъ разстояніи по дорогѣ, которыя черезъ стѣнки трубы сообщаютъ электричество маленькой машинѣ а та которая въ свою очередь приводитъ въ движеніе четыре колеса вагона—и передъ нами будетъ миньятюрная электрическая дорога, имѣющая то преимущество передъ большой, что она защищена отъ снѣга, непогоды и различныхъ невольныхъ остановокъ. Такая дорога удешевитъ и ускоритъ доставку писемъ. Но возникаетъ вопросъ, какъ устроить такую дорогу въ мѣстности, гдѣ не пролегаютъ желѣзныя дороги, или тамъ, гдѣ не покрывались бы расходы по устройству такихъ трубъ?

Докторъ Сименсъ еще ранѣе придумалъ устройство для лучшаго изолированія вагоновъ электрической желѣзной дороги. Для этого вагонамъ сообщается электричество не съ низу черезъ рельсы, но съ верху черезъ телеграфную проволоку, по которой бѣжитъ маленькій вагонъ, который и соединяется съ поѣздомъ электрическимъ токомъ. Доктору Сименсу пришло на мысль воспользоваться этимъ устройствомъ и вмѣсто того, чтобы приводить вагончикомъ въ движеніе поѣздъ, привѣсить къ нему ящикъ съ письмами. И этотъ способъ пересылки писемъ удостоился патента.

На приведенномъ рисункѣ видно, какъ на двухъ телеграфныхъ проволокахъ, или вѣрнѣе маленькихъ рельсахъ, катятся два колеса съ глубокими желобками, такъ что сходъ съ рельсовъ невозможенъ. Колеса имѣютъ желѣзное кольцо, на которомъ укрѣпляется ящикъ съ письмами и съ такой же электрической машиной, какъ и на первомъ рисункѣ. Если токъ пропущенъ, то вагонъ летитъ съ быстротою вѣтра и такая почта очень удобна для мѣстъ съ небольшими почтовыми оборотами.

Политическое обозрѣніе.

Князь Николай I.—Турція и греки.—Боснія и Герцеговина.—Король Миланъ и Австрія.—Германія.—Франція. Ирландія и безпорядки въ Дублинѣ; полисмэны-волонтеры.—Корея и Японія.

Наша столица имѣетъ честь принимать дорогаго гостя, встрѣченнаго у насъ самымъ радушнымъ образомъ—Князя Черногорскаго. Вездѣ на станціяхъ Князя встрѣчали и власти и народъ, провожавшій его восторженными кликами, доказывавшими глубокую симпатію, которую у насъ питаютъ къ доблестному вождю воинственной Черной Горы.

Во вторникъ сего 24 августа, въ 5 час. пополудни, прибылъ въ Петербургъ Его Высочество князь Черногорскій Николай I, котораго портретъ и подробности пріема появятся въ слѣдующемъ номерѣ „Нивы".

Генералъ Уэльслей, какъ недавно было сообщено, намѣревался предпринять рѣшительное наступленіе уже 2-го или 3-го сентября н. с., но оказывается, что намѣреніе это—плодъ фантазіи слишкомъ торопливыхъ и забѣгающихъ впередъ частныхъ корреспондентовъ. Генералъ не можетъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, произвести общаго движенія по той причинѣ, что транспортная часть еще не организована, о чемъ онъ самъ телеграфировалъ изъ Измаиліи именно 2-го сентября; а что организація этой части потребуетъ нѣкотораго времени—видно уже изъ того, что перевозочныя средства—муловъ и т. д. ждутъ изъ Каира, Мальты, и Италіи и даже Сиріи; кромѣ того изъ Вульвича только теперь высылаются понадобившіяся еще осадныя орудія. Теперь пока, армія, т. е. главныя силы, сосредоточены между Измаиліей и Нефишемъ (отстоящимъ отъ первой всего на четыре километра); авангардныя части выдвинулись далѣе, по направленію къ Тель-Эль-Кебиру, движеніе это привело къ двумъ сраженіямъ,—при Эль-Магфарѣ 12-го (24-го) августа и, затѣмъ, при Тель-Эль-Махутѣ, 13-го (25-го) августа, гдѣ египтяне пытались остановить англичанъ; у Тель-Эль-Махута египетскія войска, въ количествѣ 8 батальоновъ, при 30 орудіяхъ, атаковали англійскій отрядъ, состоявшій изъ 4-хъ батальоновъ, артиллеріи и кавалеріи; не смотря, однако, на выказанную ими отвагу (какъ говоритъ генералъ Дрёри-Лоу, командовавшій англичанами въ этомъ сраженіи), они не имѣли успѣха и англичане заняли Кассасинъ, расположенный уже въ 30-ти километрахъ отъ Измаиліи. Побѣда ихъ, однако, была далеко не изъ блистательныхъ, такъ какъ египтяне, не были „разбиты" и, къ тому же, отступили такъ недалеко, что имѣли возможность, уже послѣ сраженія, увезти свои 11 орудій, отбитыхъ у нихъ англичанами и оставшихся, вслѣдствіе наступившей темноты, на полѣ битвы. Тѣмъ не менѣе Кассасинъ—въ рукахъ англичанъ; это селеніе находится на прямой дорогѣ въ Тель-Эль-Кебиръ. Мы уже говорили о томъ, что Араби-Паша довольно сильно укрѣпилъ свои позиціи; согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, Тель-Эль-Кебиръ оберегается тремя редутами, вооруженными 60-ю орудіями, далѣе, подступы къ этому пункту защищаются линіею укрѣпленій, соединяющею полотно желѣзной дороги съ каналомъ Измаиліэ и каналъ съ Кишлакомъ. Можетъ быть, англичанамъ и не очень легко будетъ овладѣть этой позиціей египтянъ; если же, что надо, конечно, предвидѣть, они возьмутъ ее, то—дѣло еще не кончено, въ случаѣ Араби-Паша вознамѣрится продолжать борьбу—остаются Каиръ, Кафръ-Дуаръ; присовокупимъ къ этому: что вновь ходятъ слухи о намѣреніи Араби-Паши воспользоваться разливомъ Нила (доходящаго до высшей точки около 15-го октября) и затопить сколько возможно большее пространство. Нѣсколько сомнительнымъ становится, чтобы Уэльслей успѣлъ кончить кампанію къ 15 сентября н. с., какъ онъ обѣщалъ) впрочемъ пожалуй сомнительно, что онъ обѣщалъ это, можетъ быть, опять таки, обѣщаніе такое дано не имъ, а тѣми же корреспондентами. Замѣтимъ, кстати, что англичане, кричавшіе, въ числѣ прочихъ, о тѣхъ стѣсненіяхъ, которымъ, будто бы, мы подвергали въ прошлую нашу войну съ турками иностранныхъ корреспондентовъ—теперь, у себя, отнюдь съ корреспондентами не церемонятся: допускаютъ самое ограниченное число ихъ, цензируютъ ихъ сообщенія и т. д. Отсюда, конечно,—такое обиліе извращенныхъ, въ угоду англійскаго штаба, свѣдѣній; иногда, впрочемъ, кое-кому и удается передать фактъ, какъ онъ былъ. Такъ, напримѣръ, оказывается, что Махмудъ-Фекми-Паша, лучшій изъ помощниковъ Араби, вовсе не думалъ самъ сдаваться въ плѣнъ, а дѣло произошло иначе.

Послѣ сраженія при Тель-Эль-Махутѣ, Махмудъ-Фекми выѣхалъ изъ Тель-Эль-Кебира, на желѣзнодорожномъ поѣздѣ, чтобы произвесть рекогносцировку; сойдя съ поѣзда, онъ, желая лучше осмотрѣть окрестную мѣстность, взобрался на ближайшій холмъ; между тѣмъ, машинистъ, завидя англичанъ, далъ обратный ходъ и возвратился въ Тель-Эль-Кебиръ; Фекми-Паша, съ бывшимъ при немъ слугою, не зная причины внезапнаго ухода поѣзда, спокойно спустились съ холма и пошли вдоль рельсоваго пути въ деревню, гдѣ разсчитывали найти египетскія войска; убѣдившись, что деревня занята англичанами, Фекми-Паша, съ замѣчательнымъ присутствіемъ духа и хладнокровіемъ, подошелъ къ командовавшему этими войсками генералу и вступилъ съ нимъ въ разговоръ (по французски); но, въ это время, мимо нихъ проводили подъ конвоемъ, плѣннаго египетскаго офицера, который воскликнулъ, указывая на египетскаго генерала: „да это Махмудъ-Фекми-Паша, помощникъ Араби-Паши!" Фекми, конечно, былъ немедленно арестованъ и отправленъ въ Измаилію. Для Араби это весьма важная задача, преданный сторонникъ его, Фекми-Паша—лучшій и самый выдающійся изъ воспитанниковъ каирской военной школы: онъ составилъ проекты кафръ-даурскихъ и тель-эль-кебирскихъ укрѣпленій.

Пока англичане забираютъ египетскія укрѣпленія и египетскихъ генераловъ, турки еще и не думали показываться на египетскомъ берегу: хотя лордъ Дёфференъ и получилъ согласіе своего правительства на заключеніе конвенціи съ Портой—но еще нѣтъ извѣстія о томъ, что она подписана и войска султана, наконецъ, садятся на суда, чтобы плыть въ Абукиръ, Росетту, или Даміетту; впрочемъ, турки опять придумали новое—просятся въ Портъ-Саидъ: Дёфференъ снова обратился въ Лондонъ. Когда и чѣмъ это кончится?.. Султанъ, говорятъ, раздраженъ противъ англичанъ. Оно и понятно, что у него есть поводы быть недовольнымъ и французами, которые начинаютъ опять поговаривать о Сиріи. Въ этой провинціи несовсѣмъ спокойно: тамъ, вагабиты (религіозно политическая секта, созданная сыномъ Абдулла-Вагаба, Магометомъ, послѣдователемъ чистаго ученія пророка Магомета), успѣли образовать сирійско-арабскую національную партію, мечтающую о независимомъ арабскомъ государствѣ, глава ея—Абдулла—фанатикъ и деспотъ, но, говорятъ, человѣкъ, обладающій недюженными способностями. Курскій шеихъ Обеидулла, бывшій въ плѣну въ Константинополѣ, бѣжалъ оттуда и стоитъ близь Вана, во главѣ вооруженныхъ инсургентовъ. Персидскій посланникъ просилъ Порту выслать противъ него союзную экспедицію, въ этомъ ему отказано, и, взамѣнъ, дано неопредѣленное обѣщаніе, что будутъ приняты мѣры къ поимкѣ бѣглеца. Какъ ни мѣшала Европа, а удалось таки туркамъ и грекамъ помѣряться силами, сорвать другъ на другѣ давнишнюю взаимную вражду: недавно между турецкимъ и греческимъ отрядами, стоявшими на границѣ, у Зорбы, неподалеку Калари-Дервента, произошла стычка; поочередно тѣ и другіе атаковали другъ друга, но обѣ стороны удержали свои позиціи. Аѳинскій кабинетъ, Порта и европейская дипломатія стараются теперь уладить дѣло, и, можетъ быть, успѣютъ въ этомъ скоро, какъ о томъ сообщаютъ сегодняшнія депеши. Между прочимъ, наше правительство вступилось за Турцію, оказывающуюся правою въ этомъ „инцидентѣ".

Король Миланъ, уѣхавшій въ Ишль на воды, оттуда отправляется къ князю Болгарскому. Говорятъ, что объѣхавъ предъ заграничнымъ путешествіемъ часть своихъ владѣній и прислушавшись къ голосу своего народа, е. в. на этотъ разъ, былъ менѣе сговорчивъ въ Вѣнѣ, гдѣ останавливался проѣздомъ въ Ишль...

Императоръ Вильгельмъ очень недоволенъ куріей, вслѣдствіе того, что католическая церковь заняла какое-то вызывающее положеніе въ отношеніи протестантизма: отсюда ожидается, въ извѣстной степени, повтореніе „культурной борьбы"; по крайней мѣрѣ императоръ выказываетъ далеко не миролюбивое настроеніе къ куріи.

Въ Дублинѣ происходили серьезные безпорядки на улицахъ; народъ собирался толпами и бросался на высланныя противъ него войска: были, конечно, и раненые, есть и убитый полицейскій. Такъ какъ полицейскіе отказались отъ своихъ должностей, то вице-король обратился къ жителямъ съ приглашеніемъ образовать отряды полицейскихъ добровольцевъ, что немедленно и было сдѣлано. Полисмены ex officio, однако раскаялись и просили принять ихъ вновь на службу.—Изъ Дербена (Капштатъ) сообщаютъ, что колонисты собираются послать правительству петицію о томъ, чтобы Сетивайо не разрѣшать возвратиться въ свое королевство—они боятся такого сосѣдства. Король Кореи не убитъ. Виновникомъ возстанія считаютъ его дядю. Японія требуетъ отъ Кореи удовлетворенія и посылаетъ къ берегамъ военныя суда.

Смѣсь.

На какой высотѣ могутъ жить люди. Способность человѣка примѣняться къ различнымъ климатическимъ условіямъ давно уже подмѣчена и признана наукой, да и трудно было-бы не признать ее, когда мы видимъ на опытѣ, какъ сравнительно легко, при благопріятныхъ условіяхъ, каждый европеецъ сживается и съ холодомъ полярныхъ странъ и съ жаромъ тропиковъ. Та же самая способность ярко выступаетъ и въ отношеніи различныхъ высотъ, на которыхъ человѣкъ можетъ существовать и пользоваться здоровьемъ несмотря на самое слабое барометрическое давленіе. Такъ, на скалистыхъ горахъ находятся города на высотѣ 3,000 метровъ; Диттигуръ въ Гималаяхъ лежитъ на высотѣ 4,700 метровъ а Потози 4,166 отъ поверхности моря. Но эти высоты всетаки еще не крайнія точки, до которыхъ можетъ достигнуть человѣкъ, какъ это доказываютъ многія воздушныя путешествія. Изъ послѣднихъ, особенно замѣчателенъ былъ въ этомъ отношеніи смѣлый полетъ Гистера и Коксвеля 5 сентября 1862 года, когда они достигли высоты 8,839 метровъ причемъ Гистеръ упалъ въ обморокъ. Второе подобное путешествіе было совершено 22 марта 1874 г. и стоило жизни двумъ ученымъ Севилля и Кроге-Спинелли при достигнутой высотѣ въ 8,600 метровъ. При этомъ поднятіи Тиссандье лишился силъ на высотѣ 7,450 метровъ, такъ что не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія.

Сравнивая эти два знаменитые полета можно вывести то заключеніе что предѣлъ высоты, доступный для человѣка, заключается между 8,000 и 9,000 метровъ и это дѣйствительно подтверждается опытами Поля Берте. Такъ онъ подвергалъ голубей дѣйствію атмосфернаго давленія и замѣтилъ при этомъ, что при давленіи въ 25 сантиметровъ животное начинало трепетать и подвергаться рвотѣ и что смерть наступала быстро, если превышался этотъ предѣлъ воздушной тяжести. Какъ-бы въ подтвержденіе выводовъ Поля Берте и смерть Севилля и Кроге-Спинелли произошла именно при давленіи въ 25 сантиметровъ. Такимъ образомъ на высотѣ 8,600 метровъ достигнутой Тиссандье и его несчастными товарищами, жизненныя отправленія нашего организма почти невозможны и потому нѣтъ никакого сомнѣнія что и на высочайшую вершину земнаго шара— на гору Эвар..стъ въ цѣпи Гималаевъ, имѣющую высоту въ 8,770 метровъ никогда не суждено ступить ногѣ человѣка. Даже восхожденіе и пребываніе на горахъ гораздо меньшей высоты часто вызываетъ невыносимыя страданія въ человѣческомъ организмѣ; такъ при переходѣ англійской экспедиціей горнаго хребта Чангъ-Хи въ Кашемирѣ, на высотѣ 5,486 футовъ весь караванъ страдалъ, отъ чрезмѣрной разрѣженности воздуха, головною болью, причемъ многіе лишались сознанія. Замѣчалась общая, сильная слабость, упадокъ какъ тѣлесныхъ такъ и умственныхъ силъ и такая тошнота и рвота, что даже самая жидкая пища не могла удержаться въ желудкѣ. Такія-же страданія испыталъ и извѣстный путешественникъ Вимперъ посѣтившій Анды и достигшій вершины Чимборазо-Котопахи т. е. высоты 5,959 метровъ. Такимъ образомъ тѣ горныя населенія, которыя уже существуютъ въ скалистыхъ горахъ и на Гималаяхъ на высотѣ около 5,000 метровъ, могутъ быть приняты безъ особенной ошибки за предѣлъ высоты доступной для житья человѣка и гдѣ слабое атмосферное давленіе не можетъ еще разрушительно дѣйствовать на организмъ.

Новѣйшія раскопки въ Помпеѣ. Вниманіе, которое уже десятки лѣтъ возбуждаютъ раскопки Помпеи не ослабѣло и до сихъ поръ. Каждымъ новымъ открытіемъ интересуется весь образованный міръ. Новѣйшія находки по своему назначенію не уступаютъ прежнимъ. Послѣднія раскопки производились въ девятомъ кварталѣ города, который, какъ оказалось, былъ заселенъ самымъ зажиточнымъ и богатымъ классомъ Помпеи. Найденныя драгоцѣнныя украшенія, необыкновенно изящная стѣнная живопись, прекраснѣйшій фонтанъ и нѣсколько большихъ построекъ указываютъ, что то были зрѣлища патриціевъ.

Къ сожалѣнію раскопки этого года остановились около такъ называемой Villa dell'Aequila — находящейся въ частномъ владѣніи и стоящей надъ уровнемъ прежняго города. Въ настоящее время ведутся переговоры о срытіи этой виллы. Между тѣмъ работы направлены въ сторону къ Torre Annunciata, въ восьмой кварталъ совершенно покрытый землею. А потому результаты раскопокъ долгое время были ничтожны. Изъ художественныхъ предметовъ и живописи не попадалось ничего; откопанные дома состояли большею частью изъ одной или двухъ небольшихъ комнатокъ, стѣны которыхъ повидимому принадлежали къ двумъ различнымъ эпохамъ. Предполагаютъ, что это улицы, разрушенныя первымъ землетрясеніемъ въ 63 г. послѣ Р. Х., которыя послѣ были отстроены и вторично сдѣлались жертвою землетрясенія въ 79 г. послѣ Р. Х. Главный результатъ раскопокъ въ этомъ мѣстѣ составляетъ пекарня съ большой печкой, какія находились уже въ другихъ частяхъ Помпеи. Также найдены обыкновенные, попадавшіеся прежде, мельничные камни, но безъ рукоятки, наконецъ нѣсколько незначительныхъ горшковъ изъ терра-котты. За пекарней открыто мѣсто съ двумя дѣтскими скелетами, съ которыхъ однако не могли снять гипсоваго снимка, такъ какъ они тотчасъ-же разсыпались. Отчасти только полученъ снимокъ головы. По утвари найденной тутъ-же заключаютъ, что здѣсь находилась мельница, на которой работали дѣти. Дѣтскіе скелеты прежде всего были найдены въ Помпеѣ.

Въ этой-же сторонѣ была открыта другая лавка, съ превосходными работами изъ темнокрасной терра-котты. Большое число найденныхъ терра-коттъ (до 80 штукъ) даетъ основаніе предполагать, что здѣсь находилась гончарная лавка, тѣмъ болѣе еще и потому, что всѣ предметы хотя различной величины, но одной и той-же формы и одного цвѣта. Важна по значенію находка корзины съ углями. Этимъ опровергается предположеніе, что римляне употребляли только для топлива дерево.

Во вновь открытой, ненумерованной еще улицѣ, въ восьмомъ кварталѣ, встрѣченъ былъ слой пепла и лавы въ 4½ метра толщины. На глубинѣ полуаршина въ этомъ слоѣ найдены трупы женщины и ребенка, которые, вѣроятно спасаясь, выпрыгнули въ окно. Женщина лежала возлѣ десятилѣтняго ребенка. Снимокъ изъ гипса женской фигуры не удался, она разсыпалась при первомъ къ ней прикосновеніи. Но за то сохранены драгоцѣнности ее украшавшія: два золотыхъ браслета и два золотыхъ кольца, одно съ изумрудомъ и съ изображеніемъ рога изобилія и другое аметистовое съ изображеніемъ сидящаго Меркурія.

Съ трупа мальчика снятъ снимокъ и доставленъ въ музей въ Помпеѣ но у снимка не достаетъ правой руки и лѣвой ноги.

Раскопки въ восьмомъ кварталѣ еще не окончены, но онѣ быстро подвигаются подъ руководствомъ археолога Руджіеро.

Американскіе индійцы. Янки утверждаютъ, что индійскія племена Америки не способны къ цивилизаціи и какъ-бы самой судьбой предназначены къ вымиранію и исчезновенію съ лица земли, вслѣдствіе различныхъ повальныхъ болѣзней и страсти къ спиртнымъ напиткамъ. Иныя племена уже бросили охотничью бродячую жизнь и занялись земледѣліемъ. Такъ изъ форта Кеогхъ сообщали что тамошнему начальнику генералу Миле удалось до 400 индійцевъ, принадлежавшихъ къ самому дикому племени и бывшихъ злѣйшими врагами европейцевъ, обратить къ мирныхъ земледѣльцевъ. Захваченные въ плѣнъ, они были поселены на берегу рѣки Ухлоустона и надѣлены землей; въ колонію ихъ назначено было нѣсколько опытныхъ и хорошо знающихъ свое дѣло фермеровъ. Сначала индѣйцы занимались только скотоводствомъ и разведеніемъ лошадей, которыхъ они очень любили и въ работу не употребляли, а только ѣздили на нихъ въ фортъ за необходимыми покупками. Индійцы были очень довольны если имъ удавалось пріобрѣсти нѣсколько денегъ, причемъ фермеры старались внушить имъ, что занимаясь земледѣліемъ, можно получить гораздо больше, но что результата придется ждать нѣсколько дольше. Въ скоромъ времени увидѣли индійцевъ обработывающими виноградники и сѣющими хлѣбъ и картофель и наконецъ ѣдущими въ собственной телѣжкѣ на рынокъ для сбыта продуктовъ и покупки необходимыхъ земледѣльческихъ орудій. Въ настоящее время на одномъ изъ притоковъ рѣки Ухлоустона расположена цѣлая индійская колонія: такимъ образомъ все нивеллируется и гордые воинственные дикари, первобытные жители Америки, исчезнутъ безслѣдно съ лица земли.

Эпитафіи на гробницахъ римлянокъ, сохранившіяся до нашего времени могутъ служить интереснымъ матеріаломъ для возсозданія нравственнаго облика древнеримской женщины, какъ супруги и матери семейства. Въ этихъ краткихъ надписяхъ мы узнаемъ всѣ тѣ качества, которыя должна была имѣть идеальная римлянка и ея главныя обязанности какъ въ отношеніи семьи такъ и общества. Такъ на одномъ надгробномъ камнѣ временъ республики вырѣзана надпись, въ которой самъ камень представленъ какъ-бы говорящимъ путнику: „Коротка, о путникъ, будетъ моя рѣчь, остановись и прочти ее. Здѣсь простой надгробный камень покрываетъ прекрасную женщину. Она получила отъ своихъ родителей имя Клавдіи. Съ искреннею любовью относилась она къ своему мужу. Двухъ сыновей произвела она на свѣтъ; одинъ остался живъ, другой былъ взятъ ею съ собою въ землю. Она обладала искуснымъ складомъ рѣчи и благородной походкой; заботилась о домѣ и занималась пряжей. Я кончилъ; иди далѣе". Надпись на другомъ саркофагѣ говоритъ слѣдующее: „здѣсь лежитъ Анимоне, жена Марція. Она была добра и прекрасна, прилежная ткачиха, набожна, скромна, разсчетлива, цѣломудренна и предана домашнему очагу". Иногда попадаются впрочемъ и довольно странныя надписи какъ напр.: „Я была Аннинія Глицера. Объ моей жизни довольно сказать то, что я старалась всѣми силами, сохранить за собою расположеніе моего добраго мужа" или просто одна лаконическая фраза „Я жду своего мужа". Вообще если судить по надписямъ, то въ Римѣ въ хорошихъ женахъ не было недостатка и смерть жены, несмотря на легкость брака того времени, когда женились иногда до семи разъ и болѣе, порой причиняло дѣйствительно глубокое горе овдовѣвшему супругу. Объ этомъ горѣ говорится во многихъ надгробныхъ римскихъ надписяхъ. „Здѣсь лежатъ, говоритъ одинъ неутѣшный вдовецъ, останки Урбиніи, жены Примуса. Она мнѣ была дороже жизни". Въ другой надписи вдовецъ говоритъ объ умершей супругѣ: „Одно лишь огорченіе она мнѣ причинила за все время супружества — своею смертью". Часто встрѣчаются изрѣченія: „Никогда я отъ нея не получалъ ни оскорбленія, ни грубаго слова". Впрочемъ это была, какъ кажется, обычная надгробная формула, встрѣчаемая очень часто на древнихъ саркофагахъ и потому не имѣющая, пожалуй, серьезнаго значенія.

Индійцы своей письменности не имѣютъ, но интересно видѣть какъ они записываютъ себѣ для памяти покупки и долги. Вотъ напримѣръ маленькая записная книжка индѣйца по прозванію „Огнен-

ный Волкъ", который пріѣхалъ въ базарный день въ городъ и дѣлаетъ покупки. Онъ купилъ пару башмаковъ и заплатилъ за нихъ два съ половиной доллара, что записываетъ такъ: чертитъ два кружка большихъ а третій на половину меньше, это означаетъ два съ половиной доллара, затѣмъ отъ кружковъ этихъ проводитъ черту и въ концѣ ея рисуетъ башмакъ, т. е. что деньги эти уплачены за башмаки. Затѣмъ онъ купилъ скребокъ за 1½ доллара, что и обозначаетъ также однимъ большимъ и однимъ малымъ кружкомъ и соединяетъ ихъ чертой съ изображеніемъ купленнаго предмета. Далѣе онъ записываетъ что за чесалку и мѣшокъ уплачено 1½ доллара; затѣмъ за ножикъ и кусокъ каленкора одинъ долларъ, за пару чулковъ ½ доллара. Потомъ изображено два свертка, одинъ побольше съ сахаромъ и на немъ другой, съ кофе, за которые уплаченъ одинъ долларъ. Наконецъ купленъ большой мѣшокъ и пачка табаку за одинъ долларъ; ко всему этому онъ остался долженъ купцу два доллара, которые и обозначаетъ двумя кружками отставленными одинъ отъ другаго.

Въ Нью-Іоркѣ въ настоящее время показываетъ себя человѣкъ, имѣющій словно резиновую кожу. Фамилія его Гаакъ (32 лѣтъ) онъ Баварецъ. Гаакъ оттягиваетъ кожу на груди вверхъ на столько, что беретъ ее зубами; затѣмъ стягиваетъ со лба кожу внизъ, такъ что искажается все лицо. Многіе присутствовавшіе врачи оттягивали у него кожу на рукахъ и ногахъ въ сторону, такъ что онъ становился похожимъ на летучую мышь. Самъ Гаакъ стягиваетъ кожу съ носа, а съ подбородка подымаетъ ее выше чѣмъ до половины лица. Кожа его на рукахъ, ногахъ и ушахъ на столько же эластична. Коль только онъ отпускаетъ вытянутую кожу, она сама собой отходитъ на прежнее мѣсто и по наружному виду ничѣмъ не отличается отъ кожи другаго человѣка, но только она не прикрѣплена къ тѣлу и свободно двигается по немъ. „Резиновый человѣкъ“ будетъ служить предметомъ нѣсколькихъ публичныхъ лекцій и опытовъ.

Для любителей вина наступаетъ самое печальное время. 1882-й годъ ознаменуется новымъ сильнымъ опустошеніемъ виноградниковъ паразитами. До сихъ поръ этими вредными насѣкомыми истреблялось ежегодно отъ 30 до 40 тысячъ гектаровъ виноградниковъ; въ этомъ же году, какъ кажется, должно произойти повсемѣстное опустошеніе. Со всѣхъ сторонъ получаются извѣстія, что новые виноградники заражены, а что въ старыхъ, еще ранѣе зараженныхъ, болѣзнь распространяется быстрѣе. Въ департаментахъ Жиронды, Гароны, Восточныхъ Пириней и Эро опасаются болѣе чѣмъ когда либо. Вредныя насѣкомыя уже есть и въ виноградникахъ близь Невшателя и въ Женевскомъ кантонѣ.

Окраска волосъ въ красный цвѣтъ, въ различныя эпохи была въ большой модѣ. Такъ во времена Петрарки, когда онъ пѣлъ свою Лауру, извѣстную бѣлокурую красавицу, ея современницы также захотѣли быть блондинками, достойными лиры поэта. Эта мода держалась нѣсколько лѣтъ и парикмахеры усердно работали надъ женскими головками, придавая ихъ волосамъ модный красный оттѣнокъ. Впрочемъ искусство красить волосы было извѣстно уже древнимъ германцамъ, которые предпочитали въ этомъ отношеніи красную краску. Отъ нихъ это искусство переняли римляне и ихъ щеголихи гордились красно-золотистыми прическами. Особенно вошла эта мода при Каракаллѣ, вообще имѣвшемъ слабость къ германцамъ; онъ самъ красилъ свои волосы и германскій способъ окраски волосъ ввелъ въ общее употребленіе.

Новый замокъ Императора Австрійскаго. На прекрасныхъ, тѣнистыхъ возвышенностяхъ императорскаго зоологическаго сада, близъ Шпейзинга, строится въ Вѣнѣ новый замокъ, надъ которымъ работаетъ нѣсколько сотъ людей. Причиною, побудившею Императора къ этой постройкѣ, было—желаніе создать себѣ мѣсто отдохновенія, buen retiro, въ которомъ онъ могъ бы ежегодно проводить нѣсколько недѣль вдали отъ шума столицы, въ тѣснѣйшемъ семейномъ кругу. Всѣ имѣющіеся загородные замки не отвѣчаютъ вполнѣ этому намѣренію. Громадность и великолѣпіе ихъ требуютъ большаго придворнаго штата и слѣдовательно соединеннаго съ нимъ строгаго этикета. Новый же дворецъ, судя по плану, будетъ состоять изъ главнаго одно-этажнаго корпуса и двухъ боковыхъ пристроекъ. Помѣщеніе разсчитано только для ближайшихъ особъ императорскаго семейства. Внутреннее устройство будетъ согласоваться лишь съ требованіями комфорта и съ изящной простотой зданія, помимо излишней роскоши. Изъ пристроекъ одна предназначается для помѣщенія прислуги, кухни, и т. д., вторая же для сараевъ и конюшенъ. Отъ дворца будутъ спускаться внизъ терассы, такъ что само зданіе будетъ стоять свободно и видимо издалека; внизу будетъ разведенъ садъ. Осенью будущаго года постройка, на которую назначено 600,000 гульденовъ, будетъ совершенно окончена и въ 1883 году Императоръ съ своимъ семействомъ намѣревается въ первый разъ провести нѣкоторое время въ новомъ замкѣ.

Опускающаяся гора. Изъ Праги сообщаютъ о слѣдующемъ весьма любопытномъ явленіи: южный склонъ горы, на которой стоитъ величественная развалина Газенбургъ, близъ Лобковица (округъ Раудницъ), вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, обрушился съ страшнымъ шумомъ. Гора понижалась въ продолженіи десяти часовъ, между тѣмъ какъ окружающее мѣсто все повышалось. Явленіе это повергло въ ужасъ жителей лежащаго внизу мѣстечка Клаппай. Земля, на которой держалась громадная базальтовая масса горы, была размыта скопившеюся водой. Гора опустилась на пять метровъ, вытѣсненная же земля образуетъ валъ довольно значительной вышины. Новое накопленіе воды вызоветъ серьезныя опасенія для мѣстечка Клаппай.

Практическій рецептъ. Для того чтобы бумажные ярлычки и т. п. полоски бумаги не свертывались-бы въ трубочку—послѣ покрыванія ихъ клеемъ, дѣлается растворъ гуммиарабика и прибавляется въ него немного глицерина. Растворъ долженъ быть настолько густъ, чтобы бумага не пропитывалась имъ насквозь. Глицеринъ не позволяетъ бумагѣ коробиться при высыханіи.

Голодъ въ Исландіи. По извѣстіямъ изъ Копенгагена, въ Исландіи господствуетъ голодъ, который грозитъ смертію большому количеству людей, если не послѣдуетъ скорой помощи, и который по всей вѣроятности распространится еще болѣе. Причиной этого несчастія считается холодная зима 1880—81 года, за которой слѣдовало холодное же лѣто съ скуднымъ сѣнокосомъ. Большая часть скота была убита, и впродолженіи суровой зимы 1881—82 года пали овцы и лошади въ большомъ числѣ. Съ апрѣля мѣсяца ледъ, въ большемъ противъ обыкновеннаго количествѣ, стоитъ у берега и лишь къ концу іюня зазеленѣлись луга. Особенно въ южной и западной части острова овечьяго и бараньяго мяса, составляющаго главную пищу жителей, такъ мало, что опасность чрезвычайно близка. Къ этому присоединяются еще и другія невзгоды: песочный ураганъ и корь, поразившая половину населенія Рейкіавика. Исландское начальство обратилось къ правительству съ настоятельной просьбой о помощи, вслѣдствіи чего это дѣло уже обсуждалось въ государственномъ совѣтѣ, въ Амаменборгѣ. Частная благотворительность также приметъ участіе въ помощи этому бѣдствію.

Библіографія.

Практическій письменный бюваръ (съ календаремъ на 1883 г.). Спб. 1882. Частныя лица, конторы и присутственныя мѣста должны обратить особое вниманіе на это полезное изданіе. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ листовъ пропускной бумаги и весьма изящно укрѣплено въ коленкоровыхъ наугольникахъ на папкѣ. Тутъ же приложена и записная книжка на цѣлый годъ, въ которой есть почтовый и телеграфный тарифы, росписаніе гербовой и вексельной бумаги, календарь и т. п. Всѣ свѣденія подъ рукой; продается очень не дорого, именно за 1 р. 50 к.

Кудеяръ. Историч. повѣсть Н. И. Костомарова. Спб. 1882. Извѣстно что нашъ историкъ обращался не разъ къ беллетристической формѣ для изображенія временъ давно минувшихъ, причемъ никакъ нельзя сказать, чтобы этой формой онъ владѣлъ въ такой же степени какъ обычной формой историческаго изложенія. Его „Кудеяръ“ повѣсть изъ временъ Грознаго, представляетъ интересъ, какъ и все написанное такимъ извѣстнымъ и талантливымъ человѣкомъ, но самостоятельныхъ больщихъ беллетристическихъ достоинствъ не имѣетъ. Повѣсть мѣстами очень растянута, и читается не безъ напряженія. Изображеніе Грознаго и его эпохи отличается обычнымъ пріемомъ, которымъ и живопись и беллетристическая литература у насъ уже давно и усердно преслѣдуютъ это историческое лицо.

Игры и задачи.

Рѣшенія магическихъ квадратовъ.

№ 54.

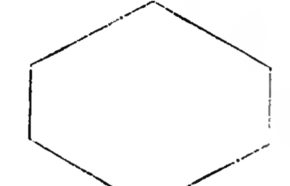
о	н	и	к	с
н	а	ж	и	м
и	ж	о	р	а
к	и	р	и	к
с	м	а	к	ъ

№ 55.

к	а	т	о	к
а	н	а	н	а
т	а	г	а	н
о	н	а	н	а
к	а	н	а	т

Вѣрное рѣшеніе задачи № 55 прислано отъ г. Александрова въ Мединѣ.

Задача № 64.



Данный пятиугольникъ раздѣлить двумя линіями такъ, чтобы можно было составить правильный равносторонній трехъугольникъ.

РЕБУСЪ задача № 65.

Задача слоговъ № 66.

Г. Воборси.

Изъ данныхъ 63 слоговъ составить 26 словъ такимъ образомъ, чтобы, при чтеніи начальныхъ буквъ сверху внизъ, получить названіе извѣстной картины одного изъ русскихъ художниковъ, а при чтеніи конечныхъ буквъ, въ томъ же порядкѣ,—имя, отчество и фамилію этого художника.

Слоги: а, а, ар, аф, бач, бис, ва, ва, вѣ, га, ган. дав, де, де, до, е, е, е, е, еф, зов, и, из, і, ка, ка, ка, канд, кас. ки, кон, ли, ло, лов, май, ми, микъ, монъ, нал, нга, ни, ни, ни, ні ні, од, ор, рей, ржа, рок, ру, ружь, се, слив, стан, тер, то, тор, тру, ту, у, хож, яр.

Слова:

1) Военная фуражка.
2) Складъ оружія.
3) Голосъ одного животнаго.
4) Племя.
5) Птица.
6) Засѣянное поле.
7) Государство въ Азіи.
8) Городъ въ Азіи.
9) Стихія.
10) Плодъ.
11) Библейское имя.
12) Знаменитый патріархъ.
13) Лекарственный продуктъ.
14) Военный чинъ.
15) Способъ передвиженія.
16) Оружіе.
17) Русскій баснописецъ.
18) Молочный продуктъ.
19) Музыкантъ.
20) Ученое званіе.
21) Озеро въ Африкѣ.
22) Городъ въ Россіи.
23) Часть тѣла.
24) Музыкальн. инструментъ.
25) Орудіе.
26) Порода змѣй.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Серебряные дамскіе часы

заводящіеся ключемъ.

Анкерныя на 15 камняхъ, закрытые, 25 р. и 30 руб.

Такіе же 1-го сорта 35 и 40 р.

Ручательство на два года.

фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ Большой Конюшенной). Въ Москвѣ: на Рождественкѣ, на углу Кузнецкаго моста, домъ № 6.

Пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

№ 2162 10—10

И. № 2200 2—2

Въ депо машинъ, насосовъ и пожарныхъ трубъ

ТОВАРИЩЕСТВА БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.

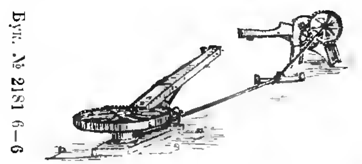
С.-Петербургъ: Вас. Остр., 1 линія, № 10 и **Москва:** Мясницкая, д. Сытова,

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ

ВЪ БОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ

РАЗНАГО РОДА ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ.

Бук. № 2181 6—6



МЕЖДУ ПРОЧИМЪ:

штифтовыя молотилки ручныя отъ 75 р., конныя съ приводомъ отъ 165 р., вѣялки отъ 35 р., жнеи Джонстона Тріумфъ по 300 р., сѣнокосилки Пальмкранца съ жатвеннымъ аппаратомъ по 200 р., конныя грабли Тигеръ по 75 р. и пр. и пр.

Иллюстрированные наталоги безплатно.

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Безподобное и всѣмъ доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.

Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающіе 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписыв. 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовымъ покупателямъ обычная уступка.

№ 2013 25—24

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписч. „НИВЫ" 1881 г. 80 к. съ перес. 1 р. 30 к.

Вниман. Гг. Иногор. торговцевъ обращ. на укс. 3-ей, выгодн. по крѣпости для транспорта.—На **100** р. дѣлаю 10% уступки, покрыв. провозъ тройн. уксуса по жел. дор. до **600** верс. № 2214 10—2

ЭКОНОМІЯ 90 КОП. СЪ РУБЛЯ

ОТЪ ДОМАШНЯГО ПРИГОТОВЛЕНІЯ ШИПУЧИХЪ ВОДЪ

СЕЛЬТЕРСКОЙ, ФРУКТОВЫХЪ и ЛИМОНАДОВЪ,

посредствомъ аппаратовъ и порошковъ продающихся съ подробнымъ для употребленія наставленіемъ у

Р. КЭЛЕРЪ и К° въ МОСКВѢ, на Никольской.

Аппараты эти особенно удобны тѣмъ, что изъ нихъ можно отливать любое, и самое малое количество воды, безъ вреда для остатка.

Ц. № 2185 —5

Цѣны аппаратамъ въ 3, 6, 9 и въ 15 стакановъ: 5, 6, 7 и 10 руб.; а съ укладкою для **пересылки** по почтѣ 5½, 6 р. 60 к., 7¾ и 11 р.; вѣсъ же ихъ съ укладкою: 13, 17, 18, 20 фунтовъ. **Цѣны коробокъ съ 10-ю зарядами, каждый** на 3, 6, 9 и 15 стакановъ: 55, 80, 115 и 160 коп.; **съ укладкою** 70, 100, 120 и 180 коп.; **вѣсъ съ упаковкою** ¾ фун., 1, 2 и 3 фунта.

Только что вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива" въ Спб., Б. Морская № 9, **въ Москвѣ**—въ отдѣленіи „Нивы" у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линій и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ сочиненіе

Всеволода СОЛОВЬЕВА:

„ЦАРЬ-ДѢВИЦА".

Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ част., 382 стр. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Романъ этотъ, обнимая эпоху правленія и низложенія царицы Софіи, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій, —чрезвычайно интересенъ.

А. СІУ и К°.

ПАРФЮМЕРНЫЙ и КОСМЕТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

Тверская, д. Варгина.

МОСКВА.

ПОДРОБНЫЙ **ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ** ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.

№ 1929 11—8

Изданія А. Ф. Маркса.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть *В. И. Кельсіева,* съ рисунками Панова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы" на 1882 г. 1 р. 30 к. съ перес. 1 р. 50 к.

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!.. Романъ *Э. Вернера.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 съ перес. 1 р. 25 к. для подп. „НИВЫ" 1882 г. 75 к. съ пер. 1 р.

В. № 2203 5—3

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА,

С.-Петербургъ, по Большой Морской ул., № 42,

рекомендуетъ всевозможные музыкальные инструменты, струны и принадлежности.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Новый иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.

Депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.

ПРЕВОСХОДНЫЙ КЛЮКВЕННЫЙ ЭКСТРАКТЪ Ю. МЕРТЕНСА,

для приготовленія лимонада, морса, соусовъ и проч. и сгущенное **Итальянское молоко по своему отличному качеству допущено къ продажѣ Медицинскимъ Совѣтомъ** Получать можно **у Штоль и Шмидта, въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами, въ вольныхъ аптекахъ и фруктовыхъ магазинахъ.** Оптовый складъ въ С.-ПБургѣ, уголъ Разъѣзжей и Коломенской, № 49—35. № 2163 10—10

№ 1575

Дозволено цензурою. СПБ. 2 сентября 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ | № 37 | годъ XIII | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис. разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 11 Сентября 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Князь Николай I, Черногорскій.

Во вторникъ, 24-го августа, въ 5 часовъ пополудни, съ почтовымъ поѣздомъ Варшавской желѣзной дороги, прибылъ въ Петербургъ его высочество владѣтельный князь Черногоріи, господарь Николай I Петровичъ Негошъ. Не разъ были уже у насъ помѣщены въ свое время портреты и жизнеописанія храбраго и благороднаго вождя Черной Горы, сохранившаго, среди волнующейся и неблагорасположенной къ нему Европы, это орлиное гнѣздо среди каменныхъ горъ, гнѣздо героевъ, безстрашно бьющихся противъ полчищъ своихъ вѣчныхъ исконныхъ враговъ. Появленіе властителя страны родственной, постоянно питавшей братское чувство къ Россіи и чувства благоговѣнія къ ея Великимъ Государямъ, такъ радостно для насъ, что торжественная, блестящая встрѣча Его Высочества представляется совершенно естественнымъ явленіемъ.

На русской границѣ князь черногорскій былъ встрѣченъ петроковскимъ губернаторомъ и почетнымъ карауломъ.

Князь Николай I, Черногорскій. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Въ Варшаву князь прибылъ 23-го августа, въ 8 часовъ утра, гдѣ былъ встрѣченъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ Альбединскимъ, представителями города, генералитетомъ, мѣстными властями, почетнымъ карауломъ отъ полковъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Вокзалъ Петербурго-Варшавской желѣзной дороги и всѣ станціи ея вплоть до Петербурга были украшены черногорскими и русскими флагами, а ночью иллюминованы.

Путь князя Черногорскаго отъ Варшавы до Петербурга сопровождался цѣлымъ рядомъ сочувственныхъ овацій, которыя съ Вильны не прекращались до Невской столицы. Массы народа на каждой станціи встрѣчали и провожали князя громкимъ, восторженнымъ „ура". При этомъ подносились ему хлѣбъ-соль и цвѣты.

На станціи въ Вильнѣ почетный караулъ былъ выставленъ отъ Оренбургскаго пѣхотнаго полка. При выходѣ князя, его привѣтствовали власти, представители города и масса пу-

блики. „Ура“ неумолкало. Станція желѣзной дороги была роскошно иллюминована. Динабургская станція желѣзной дороги также сіяла въ разноцвѣтныхъ огняхъ и, не смотря на неудобное время (4 часа утра). была запружена публикою, въ числѣ которой были всѣ мѣстныя власти, представители города и хоръ музыки.

На станціи Псковъ его высочество былъ встрѣченъ епископомъ псковскимъ Наѳанаиломъ, который при этомъ поднесъ князю икону Спасителя и, благословляя ею его высочество, произнесъ привѣтственное слово. Послѣ него привѣтствовали князя псковскій губернаторъ, губернскій и уѣздный предводители дворянства, депутація отъ города, съ хлѣбомъ-солью, депутація крестьянъ отъ Псковской волости, также съ хлѣбомъ-солью, воспитанники кадетскаго корпуса, воспитанницы Маріинской женской гимназіи и другихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Какъ въ Островѣ, такъ и во Псковѣ, воспитанницы осыпали князя цвѣтами. Привѣтствіямъ и радостнымъ кликамъ несмѣтной массы публики не было конца. Князь Черногорскій принялъ предложенный отъ Псковскаго общества обѣдъ. На станціи Луга, Черногорскаго князя встрѣтили: петербургскій губернаторъ и назначенный по высочайшему повелѣнію состоять при особѣ Черногорскаго князя, на все время пребыванія его въ Россіи, свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Орловъ-Денисовъ и мѣстныя власти. На станціи Сиверской князя привѣтствовалъ русскій министръ-резидентъ въ Черногоріи Іонинъ. На петербургской станціи, для встрѣчи былъ выставленъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, со знаменемъ и музыкою, которой и былъ встрѣченъ поѣздъ, гдѣ находился его высочество. Князь Николай вышелъ изъ вагона въ полной парадной черногорской формѣ, имѣя черезъ плечо русскую Александровскую ленту. Князя встрѣтили и привѣтствовали ихъ императорскія высочества великіе князья Константинъ и Дмитрій Константиновичи и Михаилъ Михаиловичъ, оберъ-церемоніймейстеръ и много высокопоставленныхъ лицъ. Имѣющіе черногорскіе ленты были въ нихъ. Масса собравшейся на станціи и внѣ ея публики привѣтствовала князя громкимъ, продолжительнымъ „ура“. Черногорскій князь со станціи желѣзной дороги немедленно прослѣдовалъ въ Петропавловскій соборъ, гдѣ предъ гробницею въ Бозѣ почившаго Государя Александра II князь преклонилъ колѣна. Изъ собора князь проѣхалъ въ Зимній дворецъ, въ приготовленные для его высочества покои.

Въ южной глуши.

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

П. П. Гнѣдича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

V.

Ярцевъ вышелъ на крыльцо хмурый. Конюхъ подвелъ ему вороного жеребца, заложеннаго въ бѣговыя дрожки, пугливо вздрагивавшаго и поводившаго налитыми кровью глазами; онъ, еще разъ холодно пожавъ Чмутову руку и расправивъ возжи, быстрымъ прыжкомъ сѣлъ у передка. Вороной шарахнулся въ сторону, осѣлъ на заднія ноги, затопалъ всѣми четырьмя копытами въ мягкую, поросшую мелкой травой землю, и сильно рванувъ съ мѣста, крупной рысью выѣхалъ на дорогу. Его, кажется, очень удивило, что сѣдокъ не натягиваетъ возжей, даетъ ему сразу полный ходъ. Онъ потряхивалъ головой, прядалъ ушами и ровнымъ бѣгомъ несъ легкій экипажъ по узкой дорогѣ, смутно чувствуя, что хозяинъ не въ духѣ. Ярцевъ, точно, хмурился все больше и больше. Его бѣсила сцена, которой онъ былъ только что свидѣтелемъ: въ его ушахъ гудѣлъ мѣрный, однотонный голосъ Чмутова, мелькало блѣдное, разстроенное лицо его жены. — „Кому досталась! думалъ онъ. Она, это милое, это безконечно милое существо!“... И онъ вспоминалъ ее такой, какой зналъ лѣтъ шесть-семь назадъ, когда впервые еще съ ней познакомился, когда она была еще дѣвушкой. Онъ вспомнилъ всю семью: красиваго сухаго старика ея отца, вѣчно страдающую мигренями мать, ея сестеръ, братьевъ—вспомнилъ ту любовную атмосферу, которая всегда царила въ ихъ домѣ, и сердце въ немъ такъ больно, такъ непріятно сжималось. „Какъ она вышла за него замужъ, какъ это все такъ случилось?“—въ тысячный разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ... Ему казалось непростительно-непонятнымъ—отчего онъ тогда не сдѣлалъ ей предложенія. Онъ боялся оскорбить ее своимъ предложеніемъ,—она на такой недосягаемой высотѣ стояла передъ нимъ, онъ считалъ себя недостойнымъ такого счастья—и вдругъ она согласилась быть женою Чмутова, котораго онъ за годъ передъ этимъ познакомилъ съ ихъ домомъ какъ своего сосѣда, заѣхавшаго ненадолго по дѣлу въ Петербургъ. Что такое Чмутовъ? Филологъ, правда человѣкъ богатый, кончившій курсъ съ медалью, пользовавшійся репутаціею умнѣйшаго человѣка, но въ сущности человѣкъ очень недалекій. Ярцевъ былъ пораженъ, подавленъ случившимся... Когда она сообщила ему, что выходитъ замужъ, вся кровь кинулась ему въ голову, сердце мучительно замерло, но онъ пересилилъ себя и спокойно-ровнымъ голосомъ поздравилъ ее. Онъ рѣшилъ что она его не любитъ: если бы любила—зачѣмъ бы она пошла замужъ за другаго?.. Она такъ спокойно, такъ ровно стояла подъ вѣнцомъ, улыбалась, улыбалась когда неловкій шаферъ наступалъ ей на платье, улыбалась, когда пили шампанское, улыбалась, когда ее сажали съ мужемъ въ вагонъ. И чѣмъ больше униженій (какъ казалось ему) выносила она, тѣмъ словно она становилась ровнѣе и спокойнѣе...

То, что онъ слышалъ сегодня—это ужь не первый разъ. Ему и раньше доводилось видѣть такіе порывы, и раньше онъ замѣчалъ эти огоньки въ ея глазахъ... „Быть грозѣ!“ подумалъ онъ, глядя на небо—и проводя невольно параллель между душной предгрозовой атмосферой и тѣмъ, что онъ оставилъ тамъ, позади. На поворотѣ дороги онъ оглянулся. Бѣлый домикъ тонулъ въ зелени, опускался внизъ за холмъ вмѣстѣ съ садомъ, словно вросталъ въ землю: одинъ фронтонъ только былъ видѣнъ, какъ разъ въ уровень съ пахатнымъ полемъ. „И тамъ она, глазъ на глазъ съ нимъ, вдвоемъ... Вдвоемъ постоянно... всегда“...

Онъ передернулъ возжами, и попрыгивая по выбоинамъ дороги, еще скорѣе помчался къ дому. Лиловая туча ползла изъ-за Днѣпра, густая, тяжелая, оторочепная по краямъ золотисто-серебряной каймою. Она ползла зацѣпляя солнце, бросая синія тѣни на дальніе лѣса и покосы, забирая къ зениту, затягивая небо все больше и больше...

— Такъ долго продолжаться не можетъ, думалъ Ярцевъ,—такое положеніе ненормально. Это не жизнь.—это ложь. Развѣ это бракъ? Бракъ мыслимъ только, когда обѣ стороны служатъ взаимной нравственной поддержкой. А тутъ? Онъ расшатываетъ съ каждымъ днемъ семейныя отношенія, онъ, самъ не сознавая, ломаетъ снизу постройку—не понимаетъ, что когда она рухнетъ, его же перваго раздавитъ... Нервы ея напряжены—еще одинъ, два толчка—цѣпь порвется,—она отъ него уйдетъ...

Куда уйдетъ? Ярцевъ обходилъ этотъ вопросъ,—точно ему не было до него дѣла. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ этомъ, но онъ зналъ, чувствовалъ,—во первыхъ, что она уйдетъ, а во вторыхъ—что онъ ее любитъ. Онъ былъ твердо увѣренъ, что любитъ ее; онъ волновался, когда думалъ о ея отношеніяхъ къ мужу, онъ скучалъ, когда не видѣлъ ее нѣсколько дней, онъ засыпалъ съ мыслью о ней, просыпался съ тою же мыслью. И никогда это возбужденіе не доходило до такой степени какъ сегодня. „Вѣроятно это отъ приближающейся грозы“, думалъ онъ, прислушиваясь къ шумному лепету вербъ, испуганно трепетавшихъ своими свѣтлыми листьями, подъ первымъ порывомъ вѣтра.

Отдаленный громовой раскатъ волнами прокатился по степи. Впереди на дорогѣ зачернѣли двѣ гарбы *), полныя до верха плотно сложенными копами. Это шли его поля, и гарбы были его же.—„Не успѣютъ сегодня всего овса свезти“, невольно перешелъ онъ мыслями на хозяйство,—и сталъ осторожно огибать скрипучія телѣги. Пѣгіе волы, флегматично покачивая головами, неторопливо переставляли раздвоенныя копыта, прислушиваясь къ мѣрному „цопъ-цопъ“, которымъ ихъ подбодрялъ загорѣлый узколицый хлопецъ въ грязныхъ штанахъ.—„Сегодня убраться не поспѣли?“ спросилъ у него Ярцевъ. Оказалось, что „возовицы“ хватитъ на весь завтрашній день. Всѣ эти дни погода стояла неравномѣрная: то солнце, то дождь; съ утра ясно—къ полдню затянетъ, вечеромъ дождь, а ночью опять вызвѣздитъ. „Скверно, что сегодня не убрались, подумалъ онъ, очень скверно“.

Первыя крупныя капли дождя застали его въ полуверстѣ отъ дома. Но ѣхать скоро было нельзя,—по дорогѣ пестрѣли спѣшившія домой съ поля дивчата и хлопцы, поминутно встрѣчались гарбы, а одна вдобавокъ, у которой сломалось колесо, бокомъ сидѣла какъ разъ поперегъ дороги; ветхіе мосты, въ двухъ мѣстахъ переброшенные черезъ ручьи, высмотрѣли сомнительно и рысью по нимъ нельзя было ѣхать ни подъ какимъ видомъ... „На репетиціяхъ быть можетъ, что нибудь выяснится“, продолжалъ Ярцевъ свои мысли, щурясь отъ косаго дождя, и невольно мигая отъ вспыхивающей вокругъ молніи. Мокрый вѣтеръ билъ ему прямо въ лицо, слѣпилъ глаза.—„Любитъ она меня, или не любитъ?.. Кокетство-ли это, отчаяніе—хватаніе утопающаго за соломенку?.. Ей не за кого ухватиться—я одинъ близокъ къ ней... Или?..“

И онъ, не окончивъ мысли, чуть не карьеромъ пустилъ лошадь, огибая полукругомъ свой дворъ, подъѣзжая къ низенькому крылечку, на которое выбѣгали ему на встрѣчу его люди.

VI.

— Васъ, пане, тутъ дожидаютъ, доложилъ ему казачекъ, едва онъ вошелъ въ комнату, стаскивая вымокшую насквозь куртку.

— Кто дожидаетъ? морщась отъ непріятности визита спросилъ Ярцевъ.

— А хто его знае. Сидытъ таперича въ пекарнѣ съ челядью.

Ярцевъ переодѣлся весь, съ ногъ до головы, вымылся, съ пріятнымъ сознаніемъ сухости и тепла, которыхъ не разстроитъ бушевавшая за окномъ буря, вышелъ въ столовую, къ кипѣвшему, только что вычищенному самовару и велѣлъ позвать того, кто его спрашивалъ. Неотвязныя мысли объ Аннѣ чередовались съ мыслями о возовицѣ, пока онъ заваривалъ чай, — и такъ его занимали, что онъ даже не разслышалъ въ сосѣдней комнатѣ стука мокрыхъ, невытертыхъ, шуршавшихъ налипшимъ пескомъ сапоговъ, и оглянулся на дверь только когда на порогѣ показалась маленькая, коренастая фигура.

— Помѣщикъ Ярцевъ? полувопросительно проговорилъ вошедшій.

Ярцевъ посмотрѣлъ на него. Коротенькій сѣрый пиджачекъ плотно охватывалъ его выпуклую грудь и животъ. На крахмаленой, довольно чистой рубашкѣ не было галстуха. Волосы на головѣ были близко острижены, глаза безпокойно бѣгали во всѣ стороны.

— Помѣщикъ Ярцевъ? еще разъ повторилъ онъ.

— Что вамъ угодно? недовольнымъ тономъ сказалъ Ярцевъ.

— Я пришелъ къ вамъ просить себѣ мѣста... Онъ оглянулся на стулъ, что стоялъ возлѣ, но увидя, что хозяинъ всталъ для разговора съ нимъ, ограничился только тѣмъ, что взялся рукой за спинку.

*) *Гарба*—четырехколесная телѣга, запряженная волами.

— Мѣста? Какого мѣста?

— Для себя... Позвольте представится: Лухмановъ—бывшій студентъ-медикъ.

— Вы потрудитесь обратиться къ кому-нибудь другому... Какое же я вамъ могу доставить мѣсто?

— Очень обыкновенное. Мѣсто простаго рабочаго. Въ полѣ вскидывать снопы, молотить, сѣять...

Ярцевъ посмотрѣлъ на него пристально: смѣется онъ, или говоритъ серьезно: лицо его было самоувѣренно, губы словно готовы были дрогнуть улыбкой...

— Что же вамъ, медику, вздумалось идти въ поденщики, что за нелѣпость?

— Никакой нелѣпости... Почему же мнѣ не исполнять библейское назначеніе человѣка: въ потѣ лица обрабатывать землю? Я шляюсь безъ дѣла,—обратился къ вамъ, какъ къ мѣстному рантье и прошу мѣста... У меня нѣтъ ни гроша, я голодаю по цѣлымъ днямъ...

— Но почему же вы не въ академіи, не въ университетѣ?

Онъ сощурился.—Это не ваше дѣло, и никакого отношенія къ нашему разговору не имѣетъ. Бумаги, удостовѣряющія мою личность при мнѣ—можете полюбоваться...

Онъ вынулъ изъ кармана свертокъ засаленныхъ бумагъ и подалъ Ярцеву.

— Вы не родственникъ здѣшнему протопопу? спросилъ тотъ, не взявъ свертка.

— Племянникъ... Но это, опять таки къ дѣлу не относится: я васъ прошу отвѣтить мнѣ,—берете вы меня или нѣтъ: отвѣтьте не ломаясь, прямо...

Ярцеву вдругъ показалась вся эта сцена такой отвратительной,—и этотъ господинъ, и весь разговоръ, и нелѣпость взаимныхъ отношеній...

— Извините, отвѣтилъ онъ, у меня комплектъ рабочихъ полный, и я не нуждаюсь въ новыхъ силахъ...

— Гм,—промычалъ гость,—я ожидалъ этого: ничего другаго отъ васъ невозможно и требовать.

— Послушайте, возвысилъ голосъ Ярцевъ,—вы преступаете всякіе предѣлы вѣжливости.

— А вы не переступаете,—спокойно возразилъ Лухмановъ,—я вамъ говорю, что днями голодаю, а вы мнѣ стакана чая не предложите.

Ярцевъ подавилъ въ себѣ новый наплывъ гадливости, и крикнулъ казачку, чтобъ подали еще стаканъ. „Чортъ его возьми, бывшій студентъ, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ несчастная личность“—подумалъ онъ и предложилъ ему садиться.

Лухмановъ нетерпѣливо взялъ изъ корзинки громадный ломоть ситнаго хлѣба и сталъ намазывать его масломъ, не поднимая глазъ, аккуратно размазывая толстый слой, стараясь, чтобы нигдѣ не было бугровъ. Потомъ онъ пододвинулъ къ себѣ коньякъ, взглянулъ мелькомъ на этикетъ, отпилъ изъ стакана, и не стѣсняясь долилъ его до краевъ.

— Вы очень нуждаетесь? спросилъ Ярцевъ.

— Очень нуждаюсь,—откровенно отвѣтилъ Лухмановъ.

— Въ рабочіе я васъ взять не могу... У меня есть на это много основаній. Но если вамъ нужны деньги—я дамъ.

— Дайте. Я возьму. Отчего не взять—они у васъ шальныя.

— Почему же вы думаете—шальныя?

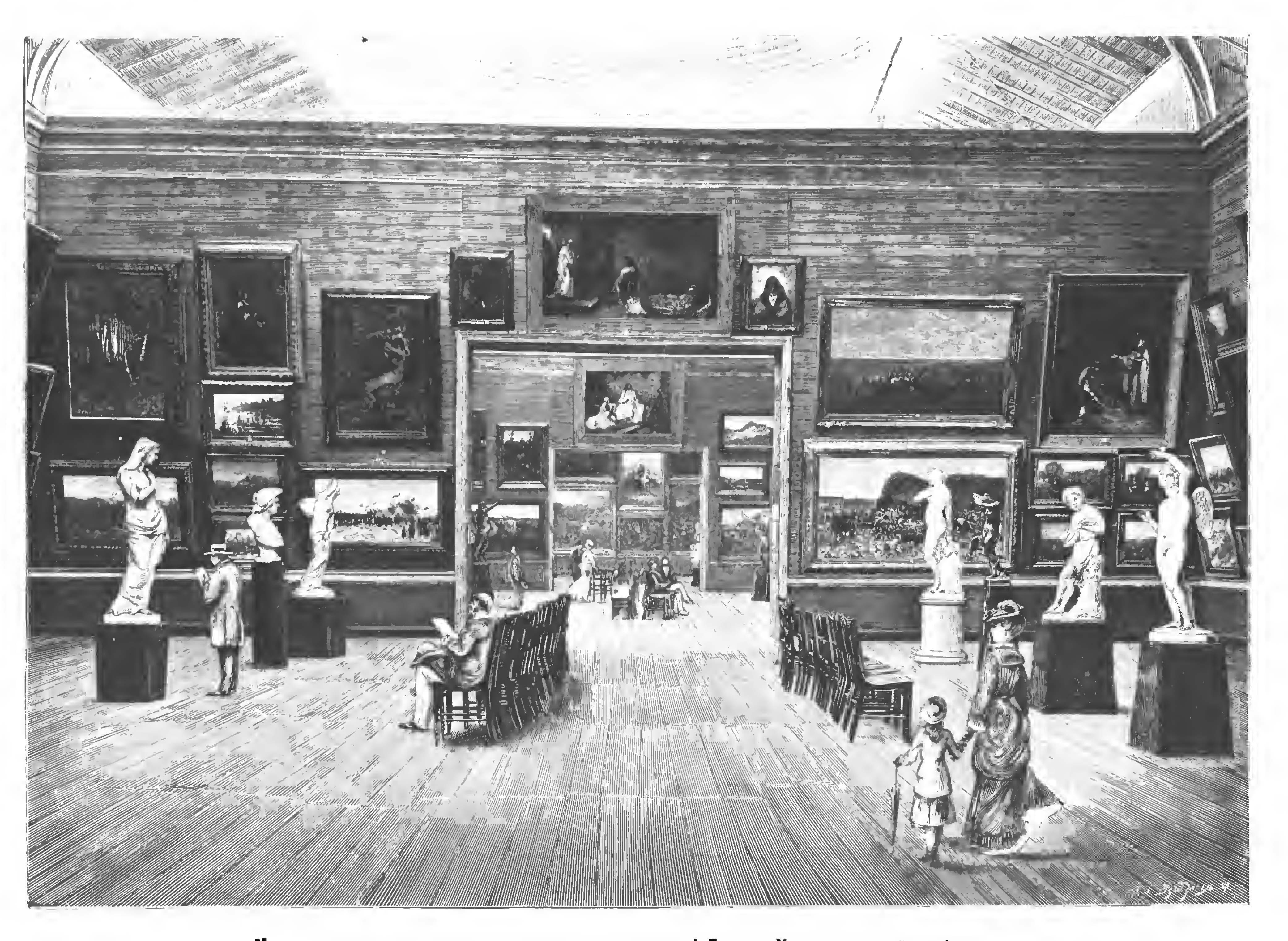
— Потому что, потому...

— Я съ утра до ночи въ полѣ на работахъ.

— Знаю. Только вы за свой рабочій день получаете слишкомъ высокій гонораръ... Если раздѣлить вашъ годовой доходъ на число вашихъ рабочихъ дней... Нутка?

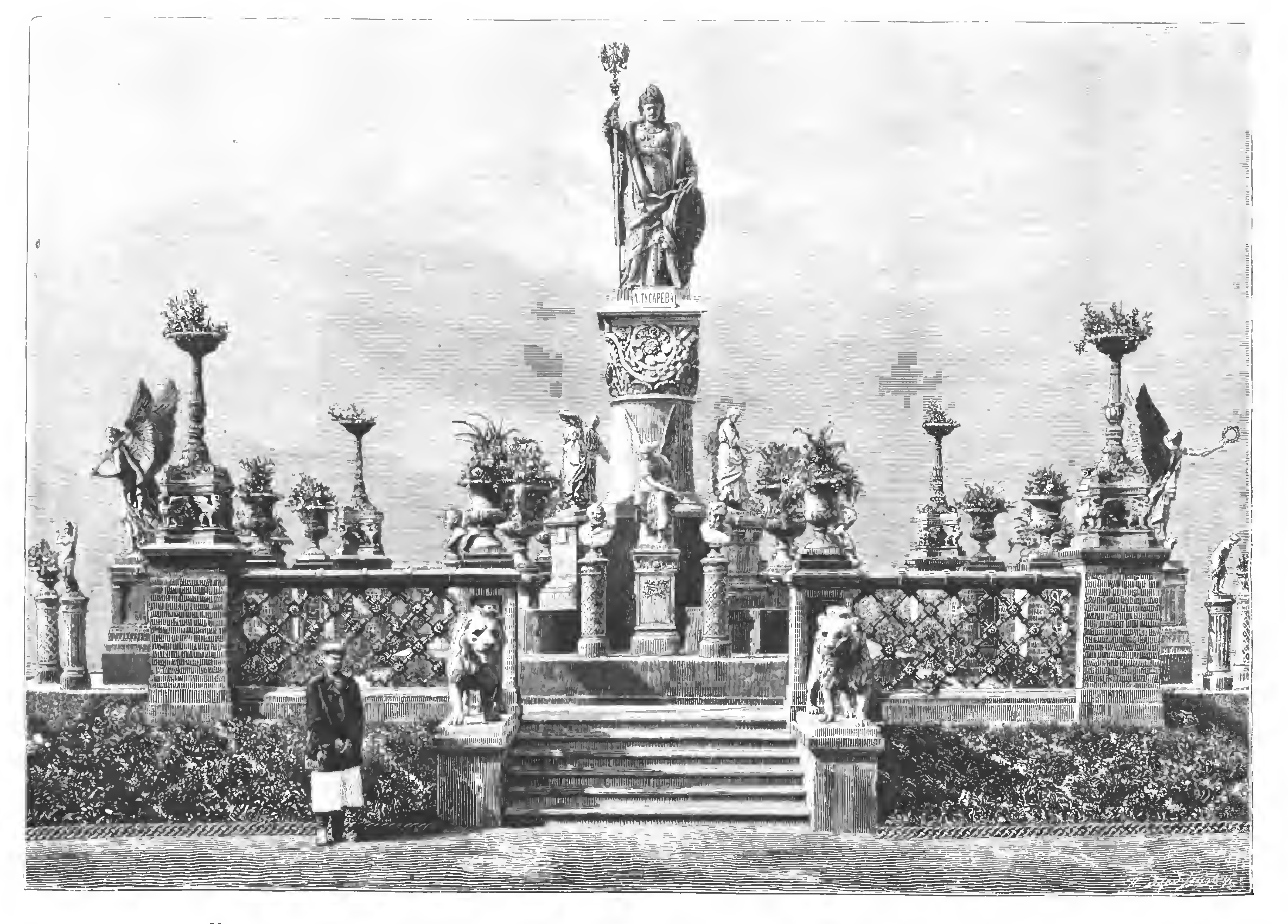
Ярцевъ нетерпѣливымъ движеніемъ вынулъ изъ портфеля бумажку и положилъ ее передъ Лухмановымъ на столъ; Лухмановъ сложилъ ее вчетверо и сунулъ въ жилетный карманъ.

— Вѣдь васъ бѣситъ мое присутствіе, сказалъ онъ.



Московская промышленно-художественная выставка. I Группа. Художественный отдѣлъ.

Съ фотогр. Шерера и Набгольца, грав. Дзедзицъ.



Московская промышл.-художеств. выставка. Издѣлія изъ терракоты, Гусарева, въ Москвѣ, (Статуя „Россія“).
Съ фотографіи Шерера и Набгольца. грав. Дзедзицъ.

Васъ возмущаетъ, что я не ломаюсь, держусь просто... Такъ вѣдь?.. Ну, не стѣсняйтесь, скажите...

— Да, проговорилъ Ярцевъ, чувствуя что нахальный тонъ собесѣдника сообщается и ему.—Меня вы возмущаете, и я съ удовольствіемъ думаю о той минутѣ, когда вы уйдете...

Лухмановъ громко засмѣялся.

— А вѣдь вы немножко робѣете передо мной,—внезапно сказалъ онъ взглянувъ на Ярцева. Вы чувствуете во мнѣ силу? Не правда развѣ?

— Я чувствую, что вы мнѣ ужасно надоѣли,—сердито отвѣтилъ Ярцевъ—уходите скорѣй...

— Ну, вотъ эта самая робость и есть. Передо мной почему-то всѣ пасуютъ—какъ-то съеживаются, сокращаются... Знаете, мнѣ одинъ анекдотъ припоминается. изъ давнопрошедшаго. Экзаменъ я держалъ по богословіи—еще въ семинаріи дѣло было. Пріѣзжаетъ архіерей, который слылъ за ученѣйшаго казуиста. Меня рекомендуютъ, какъ лучшаго по богословіи. Отвѣтилъ билетъ отлично—вдругъ онъ меня подъ конецъ спрашиваетъ: „Вы, говоритъ, Штрауса читали?"—А я ему совершенно серьезно отвѣчаю,—не только Штрауса, а и Фогеля читалъ. Владыка качаетъ головой: „солидное, говоритъ, сочиненіе, только Фогель часто увлекается".— А я ему въ отвѣтъ и преподнесъ: „виноватъ, говорю, перепуталъ: Фогеля я путешествіе въ Африку читалъ, а не богословіе: такого богослова не существуетъ"... Такъ вѣдь мнѣ тогда насилу аттестатъ выдали.

— Кажется дождикъ прошелъ, замѣтилъ Ярцевъ, подходя къ окну, глядя на проясняющееся небо, по которому неслись обрывки тучъ.

— Ухожу,—насмѣшливо отвѣтилъ Лухмановъ.—До свиданія, рантье, можетъ быть увидимся.—Онъ пошелъ къ двери и остановился. — А нѣтъ-ли у васъ философіи Вильяма Гамильтона, въ изложеніи Миля?

— Нѣтъ.

— Вы можетъ врете,—боитесь, что я зачитаю?

— Говорю вамъ, что нѣтъ.

Ех-студентъ надѣлъ свою съ отвернутыми полями шляпу, которую Чмутовъ очень удачно сравнилъ съ грибомъ, застегнулся, и зацѣпивъ по дорогѣ неловкимъ движеніемъ стулъ, стоявшій у двери, вышелъ.

Ярцевъ всталъ изо стола.—Вотъ еще, подумалъ онъ,—небыло печали—какихъ нанесло въ нашу сторону,—только ихъ не хватало... Онъ распорядился, чтобъ не пускали этого господина, если онъ придетъ еще разъ, и подъ впечатлѣніемъ его нелѣпаго разговора прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Вереница мыслей мучила, давила его.

Онъ отворилъ окно. Ароматъ омытаго дождемъ сада, послѣгрозовая пахучая свѣжесть влилась въ комнату.— Ахъ, какая тоска, какая тоска, говорилъ онъ, сдавливая обѣими руками грудь, глядя на одинокую, загорѣвшуюся надъ темною зеленью сада звѣздочку. — Такъ продолжать нельзя,—какой нибудь конецъ да надо положить—такъ нельзя...

VII.

Говоря съ Анной Павловной о предполагавшемся спектаклѣ, Таганцевъ не стѣсняясь заявлялъ, что главная цѣль его устройства не благотворительность, а „пріятное времяпровожденіе." — Въ сущности онъ задался болѣе частными цѣлями: ему не давала покоя мысль о молоденькой Богучаровой—о ея прелестномъ смѣющемся личикѣ, и о ея (онъ этого нисколько не скрывалъ отъ себя) наслѣдствѣ. Онъ потому такъ уговаривалъ Анну Павловну согласиться играть, что Богучаровъ—старикъ непремѣннымъ условіемъ участія дочери на спектаклѣ поставилъ участіе Анны Павловны—этой во всякомъ случаѣ „петербургской" дамы. съ которой онъ „имѣлъ честь" недавно познакомиться, и которая, по его словамъ, имѣла всѣ данныя на почтеніе и уваженіе.

Теперь, заручившись согласіемъ Анны Павловны, Таганцевъ пришелъ въ самое лучшее настроеніе. Онъ чувствовалъ, что репетиціи могутъ быть самыми вѣрными ступенями къ сердцу Вѣрочки. Онъ хорошо зналъ, что Вѣрочка не разъ съ удовольствіемъ останавливала свои глазки на его красивомъ, строго моделировскомъ лицѣ,—и была всегда очень не прочь съ нимъ пококетничать.—Эхъ, кабы удалось!.. повторилъ онъ постоянно про себя любимую фразу.

Дня черезъ два послѣ визита къ Чмутовымъ, онъ отправился съ пріятною вѣстью (объ изъявленномъ согласіи) въ Богучаровку. Онъ весь тщательно вытерся туалетнымъ уксусомъ, два раза выбрилъ себѣ щеки и подбородокъ, посрединѣ котораго помѣщалась ямочка, внимательно расчесалъ усы, слегка смочивъ ихъ бриллянтиномъ, и поскакалъ по знакомой дорогѣ.

— А публики много будетъ,—весело спрашивала Вѣрочка, слегка приподнимая одной рукой платье, и упруго ступая кожаными сапожками по мокрой аллеѣ.

— Много,—также весело отвѣтилъ ей Таганцевъ, идя съ боку ея—въ залѣ можетъ помѣститься человѣкъ восемьдесятъ...

— Мнѣ ужасно, ужасно хочется играть, но я боюсь сробѣть: вдругъ выйду и не скажу ни слова.

— Полноте, есть чего бояться!

— Какой вы паенька, что все это придумали,—сказала она, ласково глядя на него своими чорными бархатными живыми глазками, и слегка запрокидывая голову, чтобы заглянуть ему прямо въ лицо: онъ былъ гораздо выше ея ростомъ.—Я такъ рада, такъ рада... Et vous, m-lle Ernestine?

— Oui, oui,—быстро заговорила полная высокая француженка, бывшая ея гувернантка, теперь оставшаяся въ ихъ домѣ въ качествѣ компаньонки. (Богучаровъ былъ вдовъ),—oui,—et moi aussi...

— На репетиціи мы будемъ ѣздить на тройкѣ...—А репетиціи поздно будутъ кончаться?..

— Я думаю поздно... за-полночь.

— Я очень люблю ночью ѣздить. Такъ темно-темно— и только звѣзды... Такъ вокругъ надъ степью шапкой и висятъ... Вы знаете, насъ на дняхъ съ m-lle Ernestine Ѳедоръ ночью вывалилъ въ канаву.

Она звонко расхохоталась, и стала разсказывать какъ это было.—Онѣ ѣхали... и вдругъ на поворотѣ—прямо въ грязь... M-lle Ernestine въ канаву... Пріѣхали домой, папа перепугался... А онѣ точно изъ рѣки,—ужасно весело было...

— Это былъ такой ужасть! по русски сказала m-lle Ernestine,—и изобразила на лицѣ испуганную мину. Она хотѣла идти въ тонъ русскому разговору, а при Таганцевѣ всегда говорили по русски, потому что французскимъ языкомъ онъ затруднялся, а итальянскаго— который господствовалъ въ домѣ Богучаровыхъ,—совсѣмъ не зналъ. Его это очень стѣсняло—и онъ всегда краснѣлъ, когда по привычкѣ кто нибудь ронялъ итальянскую фразу.

— Какъ я хохотала,—продолжала Вѣрочка свой разсказъ... Нѣтъ, вы только представьте фигуру m-lle Ernestine...

Таганцевъ смотрѣлъ на нее и невольно улыбался, слушая, какъ она говорила. Все существо ея жило, трепетало, билось; она разсказывала не однимъ голосомъ: въ разговорѣ принимало все участіе,—смѣялись глаза, смѣялись щеки, смѣялся ротъ, мелькали ряды крохотныхъ ровныхъ бѣленькихъ зубовъ, молоденькая грудь волновалась и билась, полненькія, пушистыя руки дѣлали отчаянные жесты, даже прическа слегка растрепалась и непослушныя пряди колечками вырывались изъ подъ стягивавшихъ ихъ шпилекъ...

— Нѣтъ, вы представьте—руки по сихъ поръ въ лужѣ и на лицѣ—лепешки тутъ и тутъ...

И опять громкій хохотъ ея и ея собесѣдника разнесся по старому саду, отдаваясь эхомъ на полянкахъ и лужайкахъ.

— Что же вы не ушиблись? спросилъ ее Таганцевъ.

— Нѣтъ,—я вѣдь какъ кошка гибкая,—я никогда не ушибаюсь.

Онъ съ бока взглянулъ на нее. Точно, въ ней была какая-то кошачья грація—и въ походкѣ, и въ движеніяхъ, и въ томъ, какъ она поводила головкой... А и царапаться должно быть она умѣетъ,—невольно пришло ему на умъ.

— Вы знаете, я вѣдь всегда хожу безъ корсета,—внезапно прибавила она.

— Véra, Véra,—съ ужасомъ заговорила m-lle Ernestine,—c'est affreux,—c'est impossible!..

— Вотъ вздоръ какой,—очень возможно... Она лукаво посмотрѣла на Таганцева.—Вы, Валерьянъ Степановичъ, бѣгать умѣете? спросила она.

— Умѣю... а что?

— Давайте на перегонки! Хотите?.. Поймаете меня, или нѣту... Ну-ка—разъ, два, три!

И не слыша отчаяннаго крика француженки, она кинулась бѣгомъ по дорожкѣ...

— Берегитесь.—раздался сзади нея веселый голосъ Таганцева.—поймаю.

Ей было неловко бѣжать въ ея узкомъ, модномъ, стянутомъ внизу тесемками платьѣ, и она все таки мчалась насколько хватала возможности и силы по вьющейся туда и сюда между смородинныхъ кустовъ тропинкѣ. Она знала, что Таганцевъ нарочно ее не ловитъ, чтобъ подальше уйти отъ m-lle Ernestine.

— Véra! Véra! отчаянно раздавалось издали.

На крутомъ поворотѣ она вдругъ остановилась; Таганцевъ сразу налетѣлъ на нее и охватилъ руками за плечи.

— Смотрите—гадюка, испуганно говорила она, показывая на дорожку.

Онъ, не выпуская ее, глянулъ впередъ.

— Просто—ужъ,—отвѣтилъ онъ, замѣтивъ среди сухихъ листьевъ темное, круглое тѣльце вытянувшейся змѣи.

— У насъ гадюка на прошлой недѣлѣ въ кухню пришла,—заявила она,—и вдругъ оттолкнула его.—Что вы! пустите, вы съума сошли,—словно удивилась она.—Вы думаете, я такъ змѣи испугалась...

Ужъ сунулъ голову въ траву, и подтягивая волнами свое туловище, съ шипѣніемъ поползъ въ осоку.

— Non avete vergogna!.. твердила запыхавшись француженка, торопливыми шагами поспѣвая за ними.—C'est affreux—la patience m'échappe... *)

— Милушка,—кинулась ей на шею Вѣрочка.—ну чего вы сердитесь,—мнѣ весело, а вы сердитесь...

Она крѣпко охватила ея шею руками, и стала цѣловать въ глаза, въ щеки, въ губы.

— Оставьте меня, оставьте меня,—отбивалась m-lle Ernestine, путая французскія и итальянскія фразы.—Вы ужасная дѣвушка...

— Голубчикъ, прелесть моя,—ну не сердитесь... Я теперь стану совсѣмъ послушной дѣвочкой.—Буду ходить смирно, послушно, какъ на Тверскомъ бульварѣ...

Она опять подхватила одной рукой платье, и пошла назадъ.—Тамъ очень сыро,—махнула она по тому направленію куда бѣжала.

— Какіе у васъ маленькіе слѣды,—говорилъ Таганцевъ, смотря на мокрый песокъ, по которому шли узенькіе отпечатки ея ногъ съ глубокими ямками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ попадали каблучки.

— У меня вообще маленькая нога отвѣтила она.—Смотрите! Изъ подъ кружевной обшивки мелькнула полненькая, плотно охваченная полосатымъ чулкамъ ножка.—Не дурна? А?

— Vous mettez ma patience à bout! предупредила ее компаньонка.

— Ахъ, какъ вы мнѣ надоѣли!—невольно вырвалось у Вѣрочки:—ну не ходите за мной всюду слѣдомъ, чтобъ не раздражаться...

— Но monsieur le général...

— Папа ничего не можетъ имѣть противъ того, что я похвастаюсь ножками... Онъ самъ всегда восхищается ими...

— О, вы невозможны, невозможны! прошептала m-lle Ernestine, поднимая глаза къ небу.

*) Какъ вамъ не стыдно!.. Это ужасно,—мое терпѣнье лопается...

VIII.

Къ солнечному закату, всѣ собрались на терассѣ выходившей въ садъ. Подали яблоки, груши, сливы, арбузъ, дыню, варенья. Таганцевъ, отуманенный шаловливой бойкостью Вѣрочки, сидѣлъ въ креслахъ противъ ея отца и всѣми силами старался понять, что онъ говоритъ,—мысли его такъ путались, въ головѣ возникали такіе вопросы и соображенія, что онъ, машинально воспринимая слова, никакъ не могъ отдать себѣ отчета въ ихъ значеніи.

— Мой вамъ совѣтъ, говорилъ густымъ басомъ Богучаровъ, высокій щетинистый генералъ, съ крашеными усами и нависшими черными бровями,—мой вамъ совѣтъ,—не назначать входной платы, а просто разослать пригласительные билеты, и выставить у входа кружку. Кто сколько можетъ, столько и дастъ—безъ стѣсненія,—это лучше всего.

— Да, это хорошо,—машинально согласился Таганцевъ.

— Конечно надо знать, кого пригласить,—но въ этомъ отношеніи я полагаюсь на ваше чутье, такъ сказать... Въ городѣ спектаклемъ интересуются?

— Очень,—и знаете кто больше всѣхъ? говорилъ Таганцевъ, стараясь оживиться,—нашъ протопопъ. Онъ проситъ даже устраивать репетиціи въ его домѣ. Да оно и понятно: никогда не удавалось ему быть въ театрѣ.

— Не люблю я его, возразилъ поморщившись генералъ,—эти нынѣшніе либералы: бороду подстригаютъ, выпускаютъ воротнички, ходятъ въ цилиндрахъ... каррикатурные журналы выписываютъ... Чортъ знаетъ что такое.

Онъ недовольно пыхнулъ сигарой, пустивъ огромный клубъ синеватаго, ѣдкаго дыма.

Вѣра, ходившая по балкону, съ видомъ ребенка, недоумѣвающаго—чтобы такое еще сдѣлать,—подошла къ отцу, и сѣла къ нему на колѣни.

— Папка, милый,—я тебя очень люблю, сказала она, схватывая его за уши, и смотря ему прямо въ лицо.—Ты мнѣ къ спектаклю хорошія платья сдѣлаешь? да, хорошія?

— Хорошія,—засмѣялся старикъ.

— Трэнъ длинный-предлинный, продолжала она, серьезно грозя пальцемъ. Слышишь? Вѣдь у тебя денегъ много, тебѣ дѣвать некуда.

— Сдѣлаю, милая, все сдѣлаю,—отвѣчалъ отецъ, цѣлуя ее. Она охватила руками его шею, прижалась своей щекой къ его небритой щекѣ, и покачиваясь, словно баюкая его, лукаво посмотрѣла на Таганцева. M-lle Ernestine замѣтила этотъ взглядъ, но ничего не сказала, только завертѣлась на стулѣ.

— Ахъ, еслибы, подумалъ Таганцевъ... Если бы я могъ располагать этими губками, глазками, какъ своею собственностью... Еслибъ эти ручонки когда нибудь обняли меня за шею также крѣпко, какъ вотъ теперь отца обнимаютъ... Экая прелесть!

Она все смотрѣла на него плутовскимъ, ласковымъ взглядомъ, словно говорила:—Вотъ видишь, онъ меня обнимаетъ, цѣлуетъ, а ты не смѣешь. Ты смотри и любуйся, а больше ты ничего не можешь.

— Фу, какой ты жесткій,—замѣтила она, проводя рукой по своей щекѣ и вставая съ его колѣнъ.—Отчего ты не брѣешься каждый день какъ въ Москвѣ?..

Она подошла къ Таганцеву и сѣла съ нимъ рядомъ.

— А вѣдь какая прелестная барыня Анна Павловна, сказала она.

— Что это вамъ вздумалось?— встрепенулся Таганцевъ.

— Да такъ... Вы за ней ухаживаете?

— Нѣтъ.

— А сами покраснѣли. Папа, посмотри, онъ покраснѣлъ, онъ ухаживаетъ...

— Finitela (перестаньте), шептала m-lle Ernestine.

Таганцевъ, дѣйствительно, почему-то сконфузился. Генералъ снисходительно загоготалъ.

— Какая вы, Вѣра Всеволодовна,—оправляясь заговорилъ Таганцевъ.—и съ чего это вы вдругъ...

— Изъ ревности! лукавымъ шепотомъ проговорила она и быстро встала.—Не прокатиться ли намъ въ новомъ шарабанѣ въ дубовую рощу?—предложила она.

— Можно,— согласился ея отецъ.

Отдано было приказаніе заложить въ шарабанъ пару сѣрыхъ. Генералъ пошелъ производить какой-то необходимый осмотръ въ конюшняхъ, а m-lle Ernestine сочла необходимымъ перемѣнить платье...

— Cela est bien triste,—сказала она, встрѣтивъ смѣющійся взглядъ Вѣры.

— E cosa naturale *)! крикнула ей вслѣдъ Вѣрочка.

— А вѣдь мнѣ надо тоже одѣться, сказала она подходя къ Таганцеву, когда всѣ ушли.— Я все смотрѣла, какіе у васъ славные усы.—Можно ихъ погладить?

— Можно, отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

Она серьезно протянула къ усамъ руку и стала ихъ разглаживать.

— Вотъ этотъ хвостикъ непослушный,—сказала она.

Онъ поймалъ ея руку и сталъ цѣловать въ ладонь,—она засмѣялась и вырвала ее.

— Одѣваться пора,—сказала она. Если вамъ скучно—можете прогуляться къ папашѣ: онъ въ конюшнѣ...

И весело подпрыгнувъ на порогѣ, она исчезла гдѣ-то за дверью, мелькая своимъ свѣтленькимъ платьемъ...

— Ахъ, если бы... невольно подумалъ ей вслѣдъ Таганцевъ.

IX.

Мысль свою о сватовствѣ Таганцевъ сообщилъ двумъ или тремъ своимъ товарищамъ, но тѣ прямо отсовѣтывали ему дѣлать предложеніе, увѣряя что его ожидаетъ отказъ. Говорили, что въ Москвѣ нѣсколько блестящихъ жениховъ получили отъ генерала рѣшительный отвѣтъ: „дочь моя молода“. Таганцевъ, впрочемъ, хорошо понималъ, что отецъ главнѣйшимъ образомъ зависѣлъ отъ Вѣрочки, и *захоти* она—едва ли бы послѣдовалъ отказъ, а тѣмъ болѣе лишеніе наслѣдства.

Первымъ долгомъ надо было хлопотать о спектаклѣ. Съ этой цѣлью Таганцевъ загонялъ по три лошади въ день. Концы ему приходилось дѣлать ужасные: то къ Чмутовымъ, то въ Богучаровку, то къ Мармышеву—тому помѣщику, что на именинахъ у тетки поотрѣзалъ кошкамъ хвосты. Мармышевъ при извѣстіи о спектаклѣ пришелъ въ неописанный восторгъ, но заявилъ, что репетиціи у протопопа немыслимы, такъ какъ „батюшка“ въ силу одного обстоятельства въ свой домъ его не пуститъ. Обстоятельство же это заключалось въ томъ, что Мармышевъ, зная крайнюю брюзгливость батюшки, зазвалъ его къ себѣ и накормилъ лягушками подъ бѣлымъ соусомъ, увѣривъ его, что это цыпляты. Съ этихъ поръ отецъ Михаилъ при видѣ Мармышева чувствовалъ тошноту и его кидало въ испарину, при мысли какъ онъ опоганился. Что же касается Мармышева, то всѣ хорошо знали, что онъ ѣстъ не только лягушекъ, но даже конину—и еще надняхъ, когда его чистокровный жеребецъ „Талисманъ“ сломалъ ногу, онъ пристрѣлилъ его и съѣлъ.—Тогда пришлось измѣнить программу репетицій, перенести ихъ къ полковому командиру гусарскаго полка (въ городѣ еще стояли драгуны)—и по возможности устранить непріятныя встрѣчи между двумя врагами...

Въ городѣ вообще обнаружилось нѣкоторое движеніе: всѣ встрепенулись, ожили. Сонные бѣлые домики, тихо дремавшіе въ густыхъ вишневыхъ и грушевыхъ садахъ, словно проснулись. „Театръ будетъ, театръ, да еще съ благотворительной цѣлью—въ пользу пріюта“. Мысль эта всѣхъ подбодряла, оживляла. Словно цѣль какая-то явилась впереди, однообразное прозябаніе изо дня въ день вдругъ было взволновано необычайнымъ событіемъ. Увидѣть петербургскихъ и московскихъ жительницъ, считавшихся здѣсь мѣстной аристократіей,—увидѣть ихъ на подмосткахъ сцены—да развѣ это не событіе! Въ городѣ стали позднѣе ложиться, раньше вставать. Барыни стали подумывать о нарядахъ. На соборной площади, къ такъ называемымъ рядамъ, стали то и дѣло подъѣзжать дрожки,—залежавшіеся у жидовъ товары пошли бойко. Полковой писарь, заваленный перепиской ролей, и тотъ нѣсколько волновался, одобряя мысль спектакля. Онъ не разъ, выходя изъ канцеляріи за ворота „покурить“, говаривалъ дежурному солдату:

— Недурная инициатива,—особенно при достаточномъ образованіи,—занятіе довольно пріятное.

Въ городѣ конечно не бѣло никакихъ клубовъ и собраній (кромѣ земскихъ),—дѣло ограничивалось вечерами, что по очереди давали семейные обыватели. Когда года два назадъ солдаты, зимовавшіе въ городѣ, затѣяли „театръ“, и поставили средневѣковую драму „Царь Эздигеръ“ въ восемнадцати картинахъ,—на представленіе съѣхался не только весь городъ, но все живиее верстъ на пятнадцать вокругъ. Смотрѣли съ большимъ интересомъ, и потомъ съ полгода все поминали разные курьезы, которыми было обставлено представленіе. Особенно смѣялись всѣ, когда полковникъ, сидѣвшій въ первомъ ряду, замѣтилъ царю Эздигеру: „Максимовъ, говори громче“, а тотъ съ трона отрапортовалъ:

— Слушаю, ваше высокородіе!

Но то вѣдь было просто такъ—пародія на спектакль. Теперь было дѣло серьезное. Отецъ Михаилъ высказалъ прямо положеніе, что драматическое искусство—высшая степень культурнаго проявленія, и что ни живопись, ни скульптура, ни беллетристика, не выразитъ такъ полно и явственно художественныхъ образовъ, какъ искусство сценическое. Въ моей юности,—добавлялъ онъ,—я имѣлъ случай (еще до посвященія) видѣть трагика Ольриджа въ роли мавра Отелло, и могу сказать, что получилось впечатлѣніе очень сильное. И какъ балетъ—Дочь Фараонова—произвелъ на меня впечатлѣніе грустное и удручающее, такъ, напротивъ, драма возвышала душу, очищала помыслы.

Больше всѣхъ, почему-то волновались жиды. Они потряхивая пейсами шныряли изъ дома въ домъ, и хотя ихъ немилосердно хватали за икры собаки,—они ухитрялись все таки дѣлать свое дѣло—продавать обои и краски для декорацій, шить платья, сапоги, по дешевой цѣнѣ спускать какія-то выцвѣтшія ленты, щеточки, баночки. Центромъ всѣхъ новостей былъ мѣстный парикмахеръ Азикъ,—имѣвшій свой „Salon“ въ подвалѣ противъ собора, и согласно укоренившемуся обычаю, умывавшій руки на глазахъ каждаго посѣтителя, прежде чѣмъ приступать къ бритью. Онъ зналъ буквально всѣ подробности того, что и какъ будетъ на спектаклѣ,—и увѣрялъ, что для большей торжественности мѣстное начальство выдастъ городовымъ въ день театра новое платье, что его давно ужъ надо бы выдать, но его спеціально берегутъ для этого торжества...

И была еще одна личность, знавшая все и даже принимавшая участіе въ клейкѣ павильоновъ для сцены: это Лухмановъ. Онъ за послѣдніе дни сталъ больше сидѣть дома, меньше рыскалъ по полямъ—оттого ли, что ни одинъ помѣщикъ не хотѣлъ его принять въ работники, или оттого что Чмутовъ чуть не хватилъ его однажды арапникомъ. Столкновеніе это произошло у нихъ слѣдующимъ образомъ

(До слѣдующ. №)

*) — Это очень печально!.. Очень естественно!

Марія Магдалина. Съ картины Мазріера, грав. Бренд'Амуръ.

Дорогой медвѣдь.

Разсказъ **М. Рудакова.**

(Окончаніе).

Отпустивъ Василія домой, я принялся снаряжаться къ предстоящей охотѣ на медвѣдя. Медвѣжья охота была для меня не въ диковинку: на своемъ вѣку я убилъ пару медвѣдей,—ходилъ, конечно, на нихъ не одинъ, а съ двумя—тремя товарищами. Но ни къ одной медвѣжьей охотѣ я не приготовлялся съ такимъ стараніемъ, какъ—къ этой. Я сталъ приготовляться еще съ вечера четверга. Ружье промылъ, прочистилъ, пули пригналъ, пистоны отобралъ, ножъ наточилъ и въ субботу былъ совсѣмъ готовъ ѣхать—куда и хворость пропала! Но вышло иначе. Извощикъ меня обманулъ,—вечеромъ въ субботу не пріѣхалъ, а пріѣхалъ рано утромъ въ воскресенье,—такъ что въ Афонасьевку я прибылъ часу въ девятомъ утра.

Василія дома не оказалось: ушелъ рано по утру на охоту. Поставили мнѣ самоваръ; сижу я у окна, пью чай, да разговариваю съ сидѣвшими на заваленкѣ мужиками. Рѣчь шла, конечно, про набѣглаго медвѣдя... Вдругъ слышу: точно гдѣ-то собака воетъ! Вой все ближе и ближе слышится... услыхали его и мужики. „А вѣдь это никакъ Васюткина собаченка воетъ,“ замѣтилъ одинъ изъ нихъ... Меня словно что-то кольнуло. Надо вамъ сказать, что я не суевѣренъ и ни охотничьимъ, ни бабьимъ примѣтамъ вѣры не даю, но собакѣ вѣрю: собака для меня и оракулъ и барометръ...

— Братцы, говорю я мужикамъ, дѣло не ладно: съ Василіемъ что нибудь случилось—такъ зря собака выть не станетъ!...

Эти слова услыхала жена Василія и заголосила на всю избу. Я наскоро подпоясался, патронташъ въ руку, ружье—въ другую и—вонъ изъ избы на улицу. А собаченка ужъ тутъ вертится: морда у ней вся въ крови. Хотѣлъ было сынъ Василія ее привязать—не дается. Увидала меня съ ружьемъ—хвостомъ радостно замахала и сейчасъ опять назадъ бѣжать. Отбѣгла до крайней избы, оглянулась—видитъ что за ней никто не идетъ—присѣла и опять стала выть!.. Она звала насъ за собой!..

— Ну, братцы, бери поскорѣй что подъ руку попадется да и маршъ за мной!“ говорю я мужикамъ, пойдемъ искать Василія: видно онъ съ медвѣдемъ повстрѣчался...“

Этихъ двухъ послѣднихъ словъ моихъ было достаточно для того, чтобъ поднять на ноги почти все взрослое мужске населеніе Афонасьевки и изъ деревни я вышелъ въ сопровожденіи двѣнадцати мужиковъ, вооруженныхъ кто вилами, кто—топоромъ.

Жена Василія и сынъ его тоже пошли за мной.

Примѣру первой хотѣли было послѣдывать и всѣ Афонасьевскія бабы, но по моему настоянію, подкрѣпленному весьма энергическими увѣщеваніями мужиковъ, онѣ должны были отложить свое намѣреніе и остаться въ деревнѣ, что имъ пришлось очень не по вкусу.

Лапка, — такъ назвалъ Василій подаренную мною ему сучку въ память своей первой собаки, — ждала насъ за деревней на пашнѣ и чуть только примѣтила, что мы идемъ къ ней, вскочила и, поджавъ хвостъ, помчалась по пашнѣ къ лѣсу. Мы пошли слѣдомъ за ней, увязая по колѣни въ рыхлой глинистой почвѣ.

Добѣжавъ до опушки, собаченка нѣсколько минутъ бѣгала взадъ и впередъ по кустамъ на виду у насъ, словно хотѣла показать намъ дорогу, а потомъ пропала въ чащѣ и мы, не видя болѣе своего проводника и добравшись въ свою очередь до опушки, рѣшились идти напрямикъ кустами до первой лѣсной дороги, надѣясь, во время хода, увидать ея или Васильевы слѣды. Слѣдъ-же Василья очень легко можно было узнать: онъ ходилъ на охоту, какъ я уже сказалъ, всегда босикомъ, а не просохшій песокъ лѣсныхъ дорогъ, какъ извѣстно долго можетъ сохранить слѣды.

Но надежды наши не сбылись. На дорогѣ, до которой мы пробирались можжевеловыми кустами цѣлыхъ полчаса, мы не нашли никакихъ слѣдовъ, хотя и расходились далеко по ней въ разныя стороны и еслибъ не вѣтеръ, донесшій до насъ изъ глубины лѣса лай собаки, мы рѣшительно не знали-бы куда намъ идти.

Теперь, благодаря вѣтру, мы пошли по тому направленію, откуда въ первый разъ услыхали лай, не бывъ все еще увѣрены лаяла-ли то Лапка или какая другая собаченка.

Опять пришлось намъ пробираться чащей и можжевельникомъ, но тутъ ужъ мы шли не торопясь; четыре пройденныя нами версты пашней и опушкой до дороги поубавили наши силы, къ тому-же нужно было постоянно прислушиваться къ доносившемуся до насъ по временамъ лаю.

Скоро опять вышли на дорогу.

На этой дорогѣ мы увидѣли и слѣды, принадлежавшіе человѣку, шедшему босикомъ, собакѣ и медвѣдю. Медвѣжьи слѣды были не маленькіе—семь вершковъ въ ступнѣ!..

Опасенія мои за Василья стали сбываться: онъ встрѣтился съ медвѣдемъ.

Мы пошли по слѣдамъ, увѣренные уже, что идемъ теперь не зря, а вздохи и оханье жены Василья заставляли насъ прибавлять шагу, напоминая, что каждая минута промедленія можетъ стоить жизни человѣку. Къ тому-же и лай слышался явственно. Собака лаяла отъ насъ не версты за двѣ и, какъ намъ казалось, не все на одномъ мѣстѣ, а то дальше, то ближе къ намъ.

Однако дорогой по слѣдамъ мы прошли немного: слѣды свернули на тропинку и потомъ совсѣмъ пропали.

Мы пошли по тропинкѣ.

Тропинка шла зигзагами и лай слышался то вправо, то влѣво отъ насъ — доказательство, что мы шли прямо къ цѣли. Скоро мой Гетманъ подтвердилъ это.

Сначала, какъ мы нашли слѣды, Гетманъ не обратилъ на нихъ почти никакого вниманія и, когда шли слѣдами по тропинкѣ, онъ продолжалъ все также плавно искать не вдалекѣ отъ меня и раза два даже дѣлалъ стойку надъ чернышами, но потомъ сталъ безпокоиться: шелъ впереди меня шагахъ въ двадцати, не махалъ хвостомъ, часто останавливался и прислушивался къ злобному лаю собаки, а шерсть на спинѣ у него замѣтно стала щетиниться...

— Впередъ, впередъ, Гетманъ! ободрялъ я его—Гетманъ повиновался неохотно...

— Стой братцы! тихо остановилъ я свою дружину. Поглядѣлъ каждому въ глаза: „ты иди за мной, ты иди, ты“ — отобралъ троихъ изъ мужиковъ,—двухъ съ вилами, одного съ топоромъ—вы идите за мной, а всѣ остальные стойте здѣсь и дальше ни шагу!.. Мужики повиновались безпрекословно. Жену Василья удержали почти силою.

— Идемъ. Я взвелъ курки. Гетманъ впередъ!...

Яростный лай раздавался въ полуверстѣ отъ насъ. Мы шли тихо, прислушиваясь, присматриваясь. Боязнь за свою особу оправдывала пословицу, что своя рубашка къ тѣлу ближе, а узкая тропинка и непроницаемыя стѣны молодаго ельника по обѣимъ сторонамъ ея и боязливая поступь Гетмана—пса, смѣло бравшаго матераго волка, не могли убѣдить насъ въ безопасности.

Вотъ Гетманъ всталъ, потянулъ въ себя воздухъ, фыркнулъ, глухо заворчалъ и вдругъ съ злобнымъ лаемъ со всѣхъ ногъ бросился впередъ...

Я невольно вскинулъ ружье... Но Гетманъ былъ уже далеко и лай его раздавался на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде лаяла собаченка. Теперь ее почти не было слышно: басистый лай Гетмана заглушалъ ее.

Мы уже прошли саженъ пятьдесятъ. Тропинка круто спускалась въ оврагъ и оттуда слышался злобный лай собакъ, но на кого онѣ тамъ лаяли—сквозь частый ельникъ мы не могли разглядѣть.

Я, осторожно раздвигая вѣтви, добрался до края оврага и, поглядѣвъ внизъ, опустилъ ружье: тамъ въ лощинѣ, прямо передо мной, лежалъ окровавленный, обезображенный трупъ Василья съ прокусаннымъ черепомъ, съ содранной съ головы и лица кожей!.. Тутъ-же валялись ружье и топоръ несчастнаго охотника и стояла большая лужа крови, отъ которой широкая кровавая полоса шла дальше, черезъ ручеекъ и кончалась у лежащаго безъ движенія громаднаго бураго медвѣдя...

Его рвали Гетманъ и Лапка...

У меня помутилось въ глазахъ, застучало въ вискахъ и въ горлѣ словно корка хлѣба встала. Я машинально сошелъ внизъ, безучастно посмотрѣлъ на Василія, прошелъ мимо его и, подойдя къ медвѣдю, совершенно безсознательно сталъ глядѣть на него, совсѣмъ не заботясь о томъ живъ-ли онъ или нѣтъ...

Отчаянный вопль: „родимый ты мой! кормилецъ!“ вывелъ меня изъ забытья. Это рыдала жена Василія надъ трупомъ своего мужа, прибѣжавшая вмѣстѣ съ остальными мужиками на зовъ моихъ провожатыхъ. Послѣ этого что было — не помню; кажется, ко мнѣ подходили мужики, говорили мнѣ что-то, оттоняли собакъ отъ медвѣдя.

Печально было наше возвращеніе изъ лѣсу.

Бойкая бурая лошаденка Василія, запряженная въ роспуски—въ лощину очень удобно было проѣхать съ дороги, на которой мы нашли слѣды, — везла трупъ своего несчастнаго хозяина и почти обезумѣвшую отъ горя жену его, а сзади, поодаль немного такая-же лошадка, вся въ мылѣ, постоянно фыркая и насилу сдерживаемая сидѣвшимъ на роспускахъ мужикомъ, везла огромнаго бураго медвѣдя съ широкимъ кожанымъ ошейникомъ на шеѣ и съ мѣднымъ кольцомъ, продѣтымъ сквозь верхнюю губу, на которомъ болталась оборванная желѣзная цѣпь. Уши у медвѣдя были обгрызены, около шеи виднѣлась широкая рана, изъ которой сочилась кровь, а шкура мѣстами висѣла лоскутьями.

За первыми роспусками шли человѣкъ пять, въ томъ числѣ сынъ и дочь Василья, за вторыми — почти все населеніе Афонасьевки обоихъ половъ, не исключая и ребятишекъ; широкій кожаный ошейникъ съ мѣдной пряжкой притягивалъ къ себѣ взоры всѣхъ—денежки начали дѣлать свое дѣло!..

Сзади всѣхъ шелъ я, едва передвигая ноги. Никогда не чувствовалъ я себя такимъ слабымъ; никогда мнѣ не было такъ тяжко, какъ въ тѣ минуты, и ружье мое никогда не казалось

мнѣ такимъ тяжелымъ. А совѣсть, совѣсть, господа, немилосердно укоряла меня!..

„Это ты, слышалъ я голосъ ея, кинулъ его въ лапы медвѣдя! Это ты осиротилъ семью его!“ И въ умѣ моемъ моментально проходили всѣ случаи, гдѣ я игралъ въ отношеніи Василья роль демона-соблазнителя и тѣ мои безразсудныя наставленія, которыя я такъ самоувѣренно давалъ Василію, при послѣднемъ моемъ съ нимъ свиданіи.

Что перечувствовалъ я въ тѣ минуты, можетъ понять только тотъ, кто хоть разъ въ жизни слышалъ укоры своей совѣсти!..

И много, много ночей послѣ того я не могъ спать спокойно: мнѣ все снился обезображенный трупъ Василія, а воображеніе мое рисовало ужасную картину встрѣчи его съ медвѣдемъ...

Что побудило несчастнаго Василія отважиться на борьбу съ медвѣдемъ? Корысть-ли, самъ-ли медвѣдь выслѣдилъ его и напалъ первый, но какъ-бы то ни было, а выстрѣлъ Василія для медвѣдя не былъ смертеленъ: пуля прострѣлила ему горло. Ударъ топоромъ былъ удачнѣе—онъ разрубилъ ему лѣвую ключицу, но медвѣдь все еще имѣлъ довольно силы и еслибы не Лапка, изувѣчившая его внезапно, онъ-бы не такъ потѣшился надъ Василіемъ. Медвѣдь издохъ не отъ ранъ, а просто истекъ кровью: когда его клали на роспуски — трупъ его былъ еще тепелъ...

Черезъ три часа послѣ нашего прибытія въ деревню пріѣхалъ становой, жившій въ 15-ти верстахъ отъ Афонасьевки, которому было дано знать о случившемся и распорядился отправить медвѣдя въ станъ...

Я удивился такому распоряженію, когда услыхалъ про него отъ одного родственника Василія и тотчасъ-же пошелъ къ становому.

Становой остановился у старосты. При входѣ моемъ, онъ что-то говорилъ своему писарю съ опухшей физіономіей, строчившему какую-то бумагу и на мой поклонъ только вопросительно посмотрѣлъ на меня — „что, дескать, это за человѣкъ явился“?..

— Правда-ли, спрашиваю, что вы хотите отправить медвѣдя въ станъ?

— Да. Медвѣдь убѣжалъ отъ вожаковъ... Въ ошейникѣ у него деньги зашиты—объ этомъ заявлено татарами... А вы кто?

— Ваше распоряженіе очень странно. Звѣрь да еще хищный, убитый въ лѣсу, въ которомъ охота не воспрещена, принадлежитъ тому, кто его убилъ, а вы его отправляете въ станъ!..

— Вы что, учить меня вздумали? Я васъ спрашиваю — кто вы такой?..

Я сказалъ ему кто я.

И могу увѣрить васъ, что медвѣдя я не позволю отправить никуда—имъ могутъ распорядиться только наслѣдники Василія... А относительно ошейника съ деньгами, не угодно-ли вамъ сейчасъ-же вскрыть его и именно здѣсь — въ деревнѣ, при родственникахъ Василія, въ противномъ случаѣ о вашихъ дѣйствіяхъ я доведу куда слѣдуетъ.

Становой поглядѣлъ на меня пристально и подумалъ.

— Вы, напрасно такъ безпокоитесь, вдругъ рѣшилъ онъ. Я такъ хотѣлъ распорядиться собственно чтобы... сохранить деньги отъ расхищенія... Но пусть такъ. Если вы этимъ такъ интересуетесь, не угодно-ли вамъ присутствовать при вскрытіи... ошейника? Пожалуйте.

Я, становой съ писаремъ и десятскіе вышли изъ избы и направились къ медвѣдю, лежавшему напротивъ Василіевой избы подъ навѣсомъ амбара. Вокругъ толпилось все населеніе Афонасьевки; были многіе и изъ сосѣднихъ деревень, услыхавшіе про такой необычайный въ ихъ краяхъ случай и мѣстный староста съ десятскимъ насилу сдерживали любопытныхъ.

Особенно лѣзли бабы и я не могъ не разсмѣяться на одну старушенку, совавшую старостѣ ножницы и слезно просившую его: „Парфенъ Иванычъ, кормилецъ! хоть капельку состригни-си!“ Это она просила состригнуть клочекъ шерсти съ шеи медвѣдя, такъ какъ шерсть съ убитаго медвѣдя и именно состригнутая съ шеи, по повѣрьямъ, очень полезна при нѣкоторыхъ недугахъ. У другихъ тоже виднѣлись ножницы. При нашемъ приближеніи, мужики и бабы стихли и, посторонясь, дали намъ дорогу къ медвѣдю.

— Воркуновъ! Снимай ошейникъ! приказалъ становой писарю.

Писарь боязливо подошелъ къ медвѣдю, пристально поглядѣлъ на него нѣсколько секундъ и, чокнувъ губами, сталъ снимать ошейникъ. Но ошейникъ былъ застегнутъ крѣпко, а дрожавшія руки Воркунова плохо ему повиновались и только при помощи десятскаго ошейникъ былъ растегнутъ и снятъ съ шеи медвѣдя.

— Распарывай! скомандовалъ становой.

Воркуновъ, досталъ изъ кармана пальто перочинный ножикъ и давъ конецъ ошейника одному изъ десятскихъ а самъ придерживая за пряжку, сталъ распарывать по шву крѣпко сшитый изъ двухъ широкихъ толстыхъ ремней ошейникъ, внутри котораго видимо было вложено что-то.

Тишина воцарилась напряженная, странная. Слышно было какъ мухи жужжали на ранахъ медвѣдя. Я съ любопытствомъ поглядѣлъ на всѣхъ участвующихъ и не простое любопытство виднѣлось на лицахъ. Не то, отъ котораго у человѣка раскрывается ротъ и лицо принимаетъ глуповатое выраженіе, нѣтъ— тутъ не было разинутыхъ ртовъ, а физіономіи всѣхъ выражали иное чувство. Мнѣ все казалось что крикни кто нибудь въ эту минуту сзади: „ей, ребята, бери!“ — ошейникъ мгновенно былъ-бы разорванъ на части...

— Тише! Осторожнѣй! говорилъ становой, сжавъ зубы.

Задніе ряды зрителей были также молчаливы, какъ и передніе. Только изъ открытыхъ оконъ избы Василія слышались чьи то глухія рыданія. Всѣ желали поскорѣе увидать есть-ли въ ошейникѣ деньги.

Наконецъ ошейникъ съ одного бока по шву былъ распоротъ и внутри его оказалось что-то завернутое въ толстую сахарную бумагу.

— Бу-у-умага-съ! протянулъ писарь, показывая на свертокъ становому...

— Бумага!.. Слышь ты: бумага! послышался голосъ въ рядахъ зрителей и болѣе любопытные изъ нихъ подались впередъ.

— Тише вы! крикнулъ становой. Всѣ попятились назадъ.

— Развертывай бумагу! приказалъ онъ писарю.

Писарь сталъ развертывать свертокъ, и вынулъ старый, потертый четвертакъ, двугривенный, пятиалтынный и два серебряныхъ гривенника!..

Монеты лежали въ рядъ и имѣли каждая по двѣ дырочки, сквозь которыя продѣта была тонкая мѣдная проволока, и обернуты были еще въ осьмушку синей сахарной бумаги, на которой татарскими каракулями нацарапана была молитва-ли какая или изрѣченіе корана. Чернила, которыми были писаны эти каракули, совершенно выцвѣли, а бумага была такъ истрепана и такъ ветха, что расползалась отъ прикосновенія...

Становой засмѣялся и обратясь ко мнѣ, замѣтилъ: теперь вы довольны?

Я повернулся и пошелъ прочь.

Кто возвелъ эти 80 коп. въ 800 рублей? Татары-ли, мужикъ-ли какой въ мечтахъ своихъ копѣйки возвелъ въ рубли, рубли — въ десятки рублей, десятки — въ сотни рублей и пустилъ слухъ? А сколько человѣкъ тянулись на охоту за медвѣдемъ ради этого ошейника? Сколько рисковали своею жизнью?

Остается досказать немногое.

Я дождался въ Афонасьевкѣ похоронъ Василія. Чего мнѣ стоило пробыть тамъ двое сутокъ и какую нравственную пытку вытерпѣлъ я, когда стали провожать Василія въ его послѣднее жилище — объ этомъ тяжко и вспоминать. Шкура и ошейникъ съ деньгами, по распоряженію становаго, были отданы женѣ Василія, а трупъ медвѣдя, какъ заѣвшаго человѣка, былъ зарытъ въ землю. Все это, а также топоръ, ружье и всю охотничью сбрую, нѣкогда мною-же подаренную Василію, я подороже купилъ у жены его себѣ на память о человѣкѣ, погибшемъ по моему легкомыслію. Лапку тоже купилъ, но собаченка жить у меня не стала. На третій день, по пріѣздѣ моемъ домой, она сорвалась съ цѣпи и пропала—вѣроятно, по дорогѣ къ Афонасьевкѣ, попалась на зубы волкамъ...

Горный старикъ и „Союзъ вѣрныхъ.“

Мрачная страница исторіи **Б. Брауна.**

Въ началѣ крестовыхъ походовъ, т. е. въ XI столѣтіи, весь мусульманскій міръ былъ раздѣленъ на два враждебныхъ лагеря, которые вели между собою безпрерывную войну; взаимное раздраженіе питалось и усиливалось настолько же побужденіями свѣтскаго характера, насколько и религіознымъ фанатизмомъ. Главнымъ центромъ, суннитовъ, или правовѣрныхъ служилъ Багдадъ, столица калифовъ Сельджуковъ; шіиты — или отщепенцы признавали власть дома фатимидовъ, резиденціею которымъ служилъ Каиръ. Такъ какъ силы противниковъ были почти равны, то борьба, изъ открытой, явной, превратилась въ тайную, скрытую, въ которой оружіе замѣнилось хитростью; особенную ловкость въ этой войнѣ выказали Каирскіе султаны. Въ средѣ шіитовъ, называвшихся также и измаэлитами, возникъ тайный союзъ, состоявшій изъ девяти степеней и отдавшій себя подъ покровительство фатимидовъ. Этотъ союзъ, оказавшійся весьма пригоднымъ орудіемъ для политическихъ цѣлей, посылалъ своихъ агентовъ въ Персію, гдѣ они, прикрываясь религіею, въ сущности, вели дѣятельную пропаганду въ пользу преобладанія фатимидовъ, вербовали членовъ, всячески стараясь поколебать господство Багдадскихъ калифовъ.

Результатъ тайной дѣятельности Каирскаго союза проявлялся въ многочисленныхъ, хотя и незначительныхъ, мятежахъ, быстро, впрочемъ, подавлявшихся персидскими намѣстниками. Серьёзнаго возстанія не удалось возбудить. Но, въ 1108 г. знаменитый визирь Низамольмутъ обратилъ вниманіе своего повелителя, Калифа Багдадскаго на то, что въ горахъ, расположенныхъ близъ южной части Каспійскаго моря, шайка измаэлитовъ подняла бунтъ, хитростью и силою завладѣла нѣсколькими укрѣпленными пунктами и уже нѣсколько лѣтъ поддерживаетъ въ той мѣстности волненія, которыхъ намѣстникамъ

Вѣнскіе бульвары. Оперная улица. Ориг. рисун. Г. Гарена, грав. Барбанъ.

Московская промышленно-художественная выставка. Выставка скота. Бычекъ 18 мѣс. за[illegible]
Оригин. рисун. Н. Каразина, **грав.** М. Рашевскій.

Старинная церковь въ Боргундѣ, въ Норвегіи. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Московская промышленно-художественная выставка. Выставка скота. Телка 17 мѣс. завода Г. Рубашевскаго. Оригин. рисун. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

не удавалось потушить. Вначалѣ калифъ Малекъ-Шахъ, отнесся къ мятежу съ пренебреженіемъ, но, затѣмъ, узнавъ о его дальнѣйшемъ развитіи и распространеніи, отправилъ къ главѣ бунтовщиковъ, жившему въ горномъ замкѣ Ассамутъ, посланца съ требованіемъ немедленнаго изъявленія покорности. Посланникъ калифа, принятый весьма дружелюбно, былъ тотъчасъ-же введенъ въ одну изъ компатъ замка, гдѣ увидѣлъ высокаго, величаваго старца; это и былъ глава и вождь. Безмолвно выслушалъ онъ требованіе калифа, а когда тотъ кончилъ, то поднялся съ своего мѣста и кликнулъ въ залу нѣсколько юношей, одѣтыхъ въ бѣлыя одежды и ожидавшихъ его приказаній въ сосѣдней комнатѣ. Спокойно и безъ малѣйшаго волненія, произнесъ онъ, обращаясь къ одному изъ нихъ: „Убей себя!“— и тотъ закололся на мѣстѣ;—„Бросься изъ окна!“ повелѣлъ онъ, затѣмъ, другому и—секунду спустя второй лежалъ у подножія замка безжизненнымъ трупомъ. Старецъ обратился къ посланнику, окаменѣвшему отъ ужаса, и съ тѣмъ же спокойствіемъ сказалъ ему. „Такъ безпрекословно повинуются мнѣ 60 тысячъ вѣрныхъ воиновъ. Вотъ отвѣтъ твоему повелителю!“

Старецъ этотъ, обладавшій столь загадочною властью надъ своими послѣдователями и осмѣлившійся дать могущественному калифу Багдадскому такой гордый отвѣтъ, былъ Шейхъ Гассанъ-бенъ-Сабба, извѣстный также подъ именемъ „Горнаго Старика,“ основатель религіозно-политическаго союза Ассасиновъ, измаэлитской секты, около 200 лѣтъ господствовавшей въ Персіи, Сиріи и Палестинѣ, сдѣлавшейся, при помощи яда и кинжала, грозою государствъ Востока и распространившей свое вліяніе, даже и на западъ.

Гассанъ-бенъ-Сабба родился около 1030 г., въ персидской провинціи Хорасанѣ и воспитанъ въ правовѣрномъ суннитскомъ толкѣ. Когда онъ достигъ юношескаго возраста, отецъ послалъ его къ знаменитому ученому Моважену Нишабурскому. Тамъ, талантливый и жаждавшій знанія Гассанъ близко сошелся съ двумя другими учениками Омаромъ Кіамомъ и Низамольмутомъ. Однажды онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „высшій голосъ говоритъ, что всѣмъ ученикамъ Моважена предопредѣлены слава и величіе. Поклянемся же, что тотъ, кому изъ насъ первому улыбнется счастье, приблизитъ къ себѣ обоихъ остальныхъ друзей.“ Всѣ трое скрѣпили взаимное обѣщаніе священною клятвою.

Прошло много лѣтъ. Низамольмутъ сдѣлался визиремъ калифа Багдадскаго; вспомнивъ юношескую клятву, онъ назначилъ Омару Кіаму, тогда уже знаменитому ученому и поэту, ежегодное жалованье въ 1200 дукатовъ, чтобы дать ему возможность свободно заниматься наукою. Что касается Гассана-бенъ-Сабба, то о немъ давно уже не было никакихъ извѣстій, онъ, казалось, исчезъ безслѣдно, но, въ сущности, знаменитый впослѣдствіи шейхъ, уединившись отъ всего свѣта, углубился въ науку, и, расширивъ свои познанія, затѣмъ вступилъ въ сношенія съ измаэлитскими миссіонерами и, въ заключеніе, былъ посвященъ въ таинства Каирскаго Союза. Получивъ высшую степень въ Союзѣ, онъ уже самъ сталъ вербовать сторонниковъ дому фатимидовъ.

По прошествіи нѣкотораго времени онъ внезапно явился въ Багдадѣ и напомнилъ визирю Низамомуту клятву, данную имъ еще тогда, когда онъ былъ ученикомъ Моважена. Низамомутъ принялъ съ почетомъ товарища юношескихъ лѣтъ и ввелъ его къ калифу, Малекъ-Шаху который до такой степени привязался къ умному и ученому Гассану, что поставилъ его, вскорѣ, въ своемъ довѣріи выше своего перваго совѣтника. Низамомута. Это возбудило страшную вражду между обоими. Интрига, при помощи которой Гассанъ хотѣлъ возвыситься до званія великаго визиря, не удалась, благодаря ловкости и осторожности Низамомута; честолюбецъ попалъ въ немилость у калифа и вынужденъ былъ бѣжать вслѣдствіе навѣтовъ визиря, желавшаго избавиться отъ опаснаго соперника.

Однако, Гассанъ не смотря на то, что сдѣланный имъ при дворѣ Малекъ-Шаха опытъ добиться власти, оказался неудачнымъ,—все-таки не отказался отъ надежды на успѣхъ въ будущемъ. Онъ снова принялся за свою пропаганду въ странѣ, въ качествѣ агента Каирскаго союза, пока не рѣшился окончательно переселиться въ Египетъ. При дворѣ Фатимидовъ ему былъ оказанъ чрезвычайно почетный пріемъ; онъ получилъ высшую степень тайнаго измаэлитскаго общества и теперь опять увидалъ себя Гассанъ на пути къ власти, такъ какъ султанъ вознамѣрился сдѣлать его своимъ первымъ министромъ. Въ это время возникли распри между сановниками изъ за порядка престолонаслѣдія. Главнокомандующій войсками, врагъ Гассана, велѣлъ его схватить и посадилъ на корабль, плывшій къ западнымъ берегамъ Африки. Буря прибила судно къ Сирійскому берегу и Гассанъ высадился въ Халебѣ.

При обоихъ враждебныхъ дворахъ—и въ Багдадѣ, и въ Каирѣ, былъ уже онъ близокъ къ цѣли своихъ честолюбивыхъ желаній, поочередно у того и у другого калифа готовился онъ уже занять высокую должность перваго совѣтника, великаго визиря и оба раза судьба разрушала его планы. Но онъ не упалъ духомъ; ему не удалось господствовать при дворахъ — онъ создаетъ себѣ государство, гдѣ будетъ самъ господиномъ и повелителемъ. Для этого ему необходимо было собрать приверженцевъ, деньги и войска; у него не было ни того, ни другого, ни третьяго, но за то онъ обладалъ умомъ и ловкостью, знаніемъ людей и пламеннымъ краснорѣчіемъ, на которые онъ и положился и которые замѣнили всѣ недостававшія ему средства.

Онъ началъ вновь свою проповѣдь, по наружности, въ пользу Фатимидовъ, и собралъ вокругъ себя, какъ лица, облеченнаго одною изъ высшихъ степеней Каирской тайной секты, толпу приверженцевъ и образовалъ новыхъ агентовъ, оказавшихъ ему большую услугу; вскорѣ онъ уже стоялъ во главѣ цѣлой партіи фанатически настроенныхъ юношей, готовыхъ за него въ огонь и въ воду. Главною его цѣлью было теперь пріискать себѣ укрѣпленный пунктъ, который бы служилъ ему столицею будущаго государства, оплотомъ его могущества и онъ избралъ для этого городъ и горную крѣпость Аламутъ. Послѣ двадцатилѣтнихъ усилій онъ успѣлъ хитростью и силою, овладѣть Аламутомъ и наконецъ удалось ему осуществить свою завѣтную мечту—основать грозный религіозно-политическій союзъ и открыто стать во главѣ его.

Сильно укрѣпивъ замокъ Аламутъ, возвышавшійся на крутой скалѣ и господствовавшій надъ всѣмъ Рудбарскимъ округомъ, заготовивъ запасы, озаботившись разведеніемъ лѣса и исправивъ каналы, Гассанъ занялся разработкою статута своего союза. Большая опытность, глубокое, какъ мы сказали, знаніе людей, а также основательное знакомство съ политикою и исторіею и беззастѣнчивость въ выборѣ средствъ, дали ему возможность создать государство въ государствѣ, основать царство, опиравшееся не на мужество своихъ войскъ а на кинжалъ нафанатизированныхъ убійцъ и являющееся единственнымъ, въ этомъ родѣ, примѣромъ во всемірной исторіи.

Книга законовъ союза состояла изъ семи главъ, заключавшихъ въ себѣ все ученіе а послѣдователи дѣлились на семь степеней. Высшая степень, которая могла принадлежать только одному лицу, соотвѣтствовала званію гросмейстера. Непосредственно за нимъ стояли намѣстники, управлявшіе областями, зависѣвшими отъ союза; ниже этихъ слѣдовали коменданты крѣпостей. Четвертую степень составляли матеры, или агенты, разсылавшіеся въ разныя страны для обращенія новыхъ послѣдователей. Въ пятой степени состояли всѣ тѣ (нѣчто въ родѣ „учениковъ“), которые, по своимъ умственнымъ дарованіямъ или крѣпкому сложенію, казались способными, впослѣдствіи, пройдя предварительно извѣстныя степени, занять достоинство высшихъ степеней. Къ шестой степени принадлежалъ весь составъ стражи союза, а также и исполнители кровавыхъ приговоровъ союза, федави. Наконецъ—седьмая степень обнимала собою массу, т. е. обыкновенный народъ, собственно подданныхъ союза. Эти послѣдніе воспитывались въ строжайшемъ духѣ корана, такъ какъ Гассанъ хорошо понималъ, что отсутствіе вѣры въ ученіе Магомета могло быть полезно только для ближайшихъ адептовъ союза; отъ народа-же, въ интересахъ послушанія союзу, требовалась слѣпая вѣра и строгая нравственность.

Это дѣленіе послѣдователей на семь степеней вполнѣ соотвѣтствовало дѣленію ученія на семь главъ, которыя содержали въ себѣ наставленія агенту о томъ, какъ ему надо было приниматься за обращеніе прозелитовъ. Первая глава или степень преподавала необходимыя основанія знанія человѣческой природы, съ которыми надо было сообразоваться при выборѣ посвящаемыхъ. Вторая степень поучала агента—какъ именно надо было увлекать новичка, посредствомъ угожденія его наклонностямъ и слабостямъ. Когда тотъ уже былъ обращенъ, то агенту надлежало руководствоваться третьею главою; глава эта предписывала колебать въ юношѣ вѣру въ коранъ и вообще приводить его въ состояніе сомнѣнія, дабы онъ, не находя, въ духовномъ смятеніи своемъ, никакого выхода и стремясь къ нему,—обращался-бы къ агенту, отдаваясь ему въ полное умственное рабство агентъ-же обязанъ былъ держать передъ его глазами какъ постоянную приманку—обѣщаніе, что въ высшихъ степеняхъ новообращенный узнаетъ таинство божества и всего мірозданія. Четвертая требовала отъ обращеннаго ненарушимую присягу въ молчаніи и послушаніи. Въ пятой степени юноша узнавалъ, что всѣ высшіе свѣтскіе и духовные сановники всегда были невѣрующими и только глупая и необразованная толпа слѣпо преклонялась предъ велѣніями общеустановленной религіи. Шестая глава имѣла своею цѣлью утвержденіе посвященнаго въ преподанныхъ ему наставленіяхъ, и, наконецъ, седьмая открывала высшую тайну ученія союза, состоявшую въ томъ, что всѣ положительныя религіи заключаютъ въ себѣ только аллегорическую, а не буквальную истину, а потому всякій внѣшній культъ и мораль совершенно излишни и истинному мудрецу, признающему это, не можетъ быть ничего возбранено. Послѣднія три главы тайнаго ученія ассассиновъ были доступны только высшимъ степенямъ союза, начиная отъ комендантовъ, а книга законовъ, въ единственномъ экземплярѣ, находилась исключительно въ рукахъ правившаго главы союза.

Федавіи, или посвященные, фанатизировались до самозабвенія, до пренебреженія смертью посредствомъ хитро обдуманной, утонченной системы обмана. Въ Аламутѣ Гассанъ велѣлъ разбить окруженный высокою стѣною садъ, гдѣ были собраны разнообразнѣйшія фруктовыя деревья, свѣтлые ручьи бороздили по всѣмъ направленіямъ зеленый коверъ, гроты и кусты розъ

манили къ сладкому отдохновенію и нѣгѣ и повсюду высились кіоски.

Въ Федавіи выбирались только тѣ изъ юношей, которые были строго воспитаны въ магометовомъ ученіи и отличались силою, мужествомъ и рѣшительнымъ характеромъ. Агентъ, нафанатизировавъ подобнаго юношу и взявъ съ него установленную клятву, обыкновенно доставлялъ его къ главѣ союза. Этотъ послѣдній приглашалъ новообращеннаго къ себѣ, на трапезу, во время которой ему давали гашишъ.

Когда молодой человѣкъ засыпалъ глубокимъ сномъ, его относили въ садъ. Тамъ, пробудившись, онъ видѣлъ себя въ фарфоровомъ кіоскѣ, лежащимъ на мягкихъ подушкахъ и окруженнымъ черноокими красавицами въ роскошныхъ нарядахъ. Кудрявые отроки прислуживали ему, подавая на серебряныхъ и золотыхъ подносахъ всевозможныя тонкія сласти, въ драгоцѣнныхъ бокалахъ вино, между тѣмъ какъ журчаніе ручьевъ и пѣніе птицъ смѣшивалось съ звуками невидимой музыки, подъ ритмъ которой красавицы выполняли граціозный танецъ, а воздухъ былъ напоёнъ одуряющими благовоніями... Юноша, съ изумленіемъ, осматривается кругомъ, ему кажется, что онъ въ раю Магомета, что его окружаютъ гуріи и на его вопросъ, произнесенный дрожащимъ голосомъ, и красавицы, и мальчики даютъ утвердительный отвѣтъ. Изведавъ здѣсь всѣ наслажденія, обѣщанныя Магометомъ тѣмъ, кто умретъ за его святое ученье, онъ — истомленный и опьяненный, засыпаетъ и — просыпается вновь въ той-же комнатѣ замка, на своемъ прежнемъ мѣстѣ, близъ главы союза, который увѣряетъ обманутаго, что онъ не выходилъ никуда, а только Магометъ на короткое время бралъ на небо его душу, чтобы дать ему понятіе о блаженствѣ, которое его ожидаетъ, если онъ, презирая всякія мученія и самую смерть, посвятитъ себя служенію религіи и Союзу.

Это средство приготовляло изъ одураченныхъ юношей слѣпыя орудія убійства; съ нетерпѣніемъ ждали они возможности сбросить съ себя земную оболочку и скорѣе снова быть въ обѣщанномъ раю. Народъ далъ федави прозвище „гашашинъ", вслѣдствіе употребленія ими гашиша, которому они предавались съ страстью. Изъ слова „гашашинъ" крестоносцы сдѣлали „ассасинъ"—убійца, которое, затѣмъ, даже перешло въ романскія нарѣчія.

Въ продолженіи многихъ лѣтъ Гассанъ-бенъ-Сабба, или, какъ онъ самъ называлъ себя, Шейхъ-уль-Джебаль, а въ переводѣ крестоносцевъ — „Горный старикъ" — безпрепятственно царилъ на своей горѣ, овладѣвъ многими укрѣпленіями въ Персіи, Сиріи и Палестинѣ и распространяя все далѣе и далѣе свое могущество и власть. Малекъ-Шахъ принялъ, наконецъ, серьезныя мѣры для борьбы съ союзомъ, но—было уже поздно. Гассанъ вооружился ядомъ и кинжаломъ своихъ безстрашныхъ, презиравшихъ смерть федави, отбилъ всѣ нападенія, произведенныя на его замки и тогда начался безконечный рядъ убійствъ, наполнившихъ ужасомъ всю Азію. Первою жертвою былъ визирь Низамольмутъ, павшій подъ кинжаломъ одного изъ федави, вскорѣ умеръ отравленнымъ Малекъ-Шахъ и одинаковая участь постигла другихъ лицъ, враждебныхъ Союзу. Они трепетали предъ убійцами, появлявшимися всюду и радостно встрѣчавшими смерть, послѣ выполненнаго ими кроваваго приговора. Калифы и намѣстники жестоко мстили приверженцамъ союза казнями и пытками, „Горный старикъ" отвѣчалъ ядомъ и кинжаломъ, пока не обезоруживалъ руку врага тѣмъ страхомъ, который наводилъ на него. Гассанъ достигъ своей цѣли, создалъ себѣ государство, добылъ подданныхъ, которые ему повиновались; онъ владѣлъ болѣе чѣмъ ста замками и городами; въ его руки даже попалъ замокъ, выстроенный Малекъ-Шахомъ и названный имъ „Царскою жемчужиною". Но — законъ, не признававшій совѣсти руководящимъ началомъ человѣческихъ дѣяній, принесъ кровавые плоды въ средѣ семьи самого основателя. Ему пришлось, для укрѣпленія своей власти, велѣть убить собственныхъ сыновей и родственниковъ. Однако онъ пользовался такимъ изумительнымъ вліяніемъ на своихъ приверженцевъ, считавшихъ его какимъ-то высшимъ существомъ, что былъ совершенно увѣренъ въ своей безопасности.

Гассанъ умеръ въ 1124 г., въ замкѣ Аламутъ, немного не доживъ до ста лѣтъ. Передъ смертью онъ назначилъ себѣ преемника. Его государство пережило его сто тридцать два года. Многіе калифы, враждебно относившіеся къ союзу, безчисленное множество выходившихъ изъ ряду государственныхъ мужей, полководцевъ и ученыхъ пали въ теченіе послѣдняго времени, подъ ударомъ ассасиновъ. Они не менѣе грозны были и крестоносцамъ, на которыхъ не разъ также наводили ужасъ; императоръ Фридрихъ Барбаросса, съ большимъ трудомъ избѣгнулъ кинжаловъ трехъ федави, которые были подосланы его убить. Страшное могущество ассассиновъ достигло даже Европы, по крайней мѣрѣ есть предположеніе, что федави подсылались и въ Европу.

Только съ паденіемъ монархіи сельджуковъ пало и могущество ассасиновъ. Монгольскій ханъ Кулагай, наводнившій, въ 1256 г., Персію своими дикими степными ордами, совершенно уничтожилъ ассасиновъ, — этотъ новый бичъ человѣчества, велѣлъ перебить ихъ всѣхъ до единаго вмѣстѣ съ послѣднимъ „Горнымъ старикомъ", слабымъ и вовсе не похожимъ на своихъ предшественниковъ, Рокнеддиномъ-Шарзахомъ. Только въ Сиріи еще продержался союзъ четырнадцать лѣтъ, пока и тамъ не былъ раздавленъ тѣми-же монголами. Съ тѣхъ поръ ассасины потеряли всякое политическое значеніе и существуютъ какъ маловажная мусульманская секта и преимущественно въ Ливанѣ.

Деньщикъ.

Разсказъ. Съ итальянскаго.

Четыре года жили они вмѣстѣ—офицеръ и деньщикъ,—и оба питали несомнѣнно привязанность другъ къ другу. Офицеръ былъ олицетвореніемъ военной строгости, деньщикъ—военнаго повиновенія. Чувства ихъ были скрыты всегда подъ суровой оболочкой дисциплины и принадлежали къ числу тѣхъ, которые не выражаются наружными проявленіями и не высказываются: они оба привыкли свои порывы скрывать подъ суровымъ видомъ. Оба были мужественны и честны. Разговоръ между ними былъ обыкновенно лаконическій, но они понимали другъ друга съ одного взгляда, съ одного жеста:—„Прикажете, господинъ лейтенантъ, еще что нибудь?„—Ничего!—„Могу я идти?„—Ступай!" Никогда не было измѣнено ни одного слова. Такъ шли недѣли, мѣсяцы и годы. Четыре года провели они по разнымъ квартирамъ, въ походахъ, на войнѣ и мало по малу незамѣтно для нихъ самихъ въ сердцахъ ихъ зародилось глубокое взаимное уваженіе и привязанность. Они хорошо узнали и привыкли понимать другъ друга. Между ними было такъ много симпатіи и задушевности, что забывалась разница ихъ положеній. Ихъ тѣсно сблизили первыя минуты подъ выстрѣлами, когда они стояли въ какихъ нибудь нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ жерлъ непріятельскихъ пушекъ. При каждомъ свистѣ гранаты взгляды ихъ встрѣчались, какъ бы говоря! „Эта вотъ тоже миновала!" Часто имъ приходилось стоять вмѣстѣ на передовомъ пост въ холодныя, дождливыя ночи, въ грязи и съ лицомъ обращеннымъ прямо противъ выстрѣловъ. И когда на утро ихъ смѣняли, они слегка улыбались другъ другу, словно говоря: „Ну, теперь вернемся въ лагерь, теперь можно и трубочку покурить, и отдохнуть!" Часто во время длинныхъ переходовъ лѣтомъ они вмѣстѣ оборачивались, чтобы взглянуть на мильный столбъ—они ужь ихъ прошли много. Когда путь ихъ близился къ концу, они обмѣнивались взглядомъ полнымъ довольства, будто желая воскликнуть: „Еще двѣ, одну и мы пришли!" Ночью одному приходится спать въ уютной палаткѣ, другому на соломѣ, на землѣ, завернувшись въ шинель: „Доброй ночи г. лейтенантъ!" и слова эти полны искренности и задушевности. Когда одному изъ нихъ приходитъ письмо, на лицахъ обоихъ является улыбка. „Это письмо изъ дому; я вижу это по штемпелю", какъ будто хочетъ сказать одинъ. — „Благодарю!" какъ бы отвѣчаетъ другой. Но оставались они по обыкновенію суровыми и молчаливыми. Видитъ офицеръ или нѣтъ—солдатъ вытягивается въ струнку, прикладывая руку къ козырьку, а какъ только тотъ миновалъ, солдатъ самъ себя отпускаетъ: „Иди!" Четыре года провели они вмѣстѣ такимъ образомъ. Солдатъ, который на второй годъ службы сталъ деньщикомъ, теперь уже и отбылъ свой срокъ. Однажды корпусный командиръ получаетъ приказаніе отпустить отбывшихъ срокъ. Въ эти дни прибавилось нѣсколько словъ къ обыденному разговору офицера и солдата.—„Не прикажете-ли чего нибудь?"—„Ничего... Пришелъ вотъ приказъ отпустить домой отбывшихъ свой срокъ. Черезъ десять дней ты можешь уѣхать". Они молчали нѣкоторое время, не смотря одинъ на другаго.—„Могу я идти?"—„Иди себѣ!" На этотъ разъ было прибавлено это „себѣ" и это было большой вольностью въ дисциплинѣ. Одинъ терялъ друга, даже больше чѣмъ друга—брата, который былъ къ нему такъ близокъ; другой же терялъ въ одно и то же время брата и друга, но за то уѣзжалъ домой на родину, первый же *оставался одинъ*!! Ѣхать домой! Это было большое счастіе для солдата. Послѣ стольких годовъ, послѣ стольких тревогъ, стольких думъ среди опасной, глубокой тишины боевой ночи, подложивъ руку подъ голову, о своемъ домѣ, о матери: „Что подѣлываетъ теперь бѣдная матушка?" Вернуться домой! Послѣ того какъ на бивуакахъ среди ночи слышались голоса поселянъ и знакомый мотивъ пѣсни, что поется тамъ на родинѣ въ лѣтніе лунные вечера и среди голосовъ друзей и знакомыхъ выдѣлялся ясный, серебристый, слегка дрожащій голосокъ, который такъ мягко проникалъ въ сердце. Сколько разъ сердце вздрагивало отъ этой пѣсни, которая была какъ поклонъ отъ любимой матери съ далекой стороны... Вернуться домой! Опять увидѣть тѣ поля, тѣ деревеньки! Издалека узнать свою крышу, ускорить шагъ, услышать веселые голоса подростковъ—сестеръ и мальчугановъ братьевъ, теперь уже юношей, освободиться изъ ихъ объятій, броситься въ домъ, зовя старуху мать, видѣть ее сіяющую съ распростертыми руками и со слезами на старыхъ, добрыхъ глазахъ, броситься ей на шею, испытать выс-

шее человѣческое счастье, одна мысль о которомъ заставляетъ сердце усиленнѣй биться и кровь стучать въ виски. И все же такъ тяжело этому доброму малому разстаться съ офицеромъ! Къ тому же мундиръ—и съ нимъ трудно было солдату разставаться; столько лѣтъ его шинель служила ему и одѣяломъ и подушкой; онъ чистилъ ее, холилъ, чинилъ и привязался къ ней какъ къ другу; къ этой старой грубой шинели, съ широкимъ карманомъ, куда онъ торопливо пряталъ трубку, завидѣвъ офицера.

Офицеръ тоже впалъ въ тяжелое раздумье, не произнося ни одного слова изъ обыденнаго своего разговора; солдатъ тоже. Но взгляды ихъ часто встрѣчались и казалось говорили: — „Тебѣ тяжко, я знаю!“ Чтобы вознаградить себя въ послѣдніе дни съ преднамѣренной медленностью солдатъ показываетъ видъ будто вытираетъ пыль со стола или передвигаетъ съ мѣста на мѣсто стулья. Эти продѣлки замѣтилъ офицеръ; взглянутъ другъ на друга, солдатъ смѣшается.

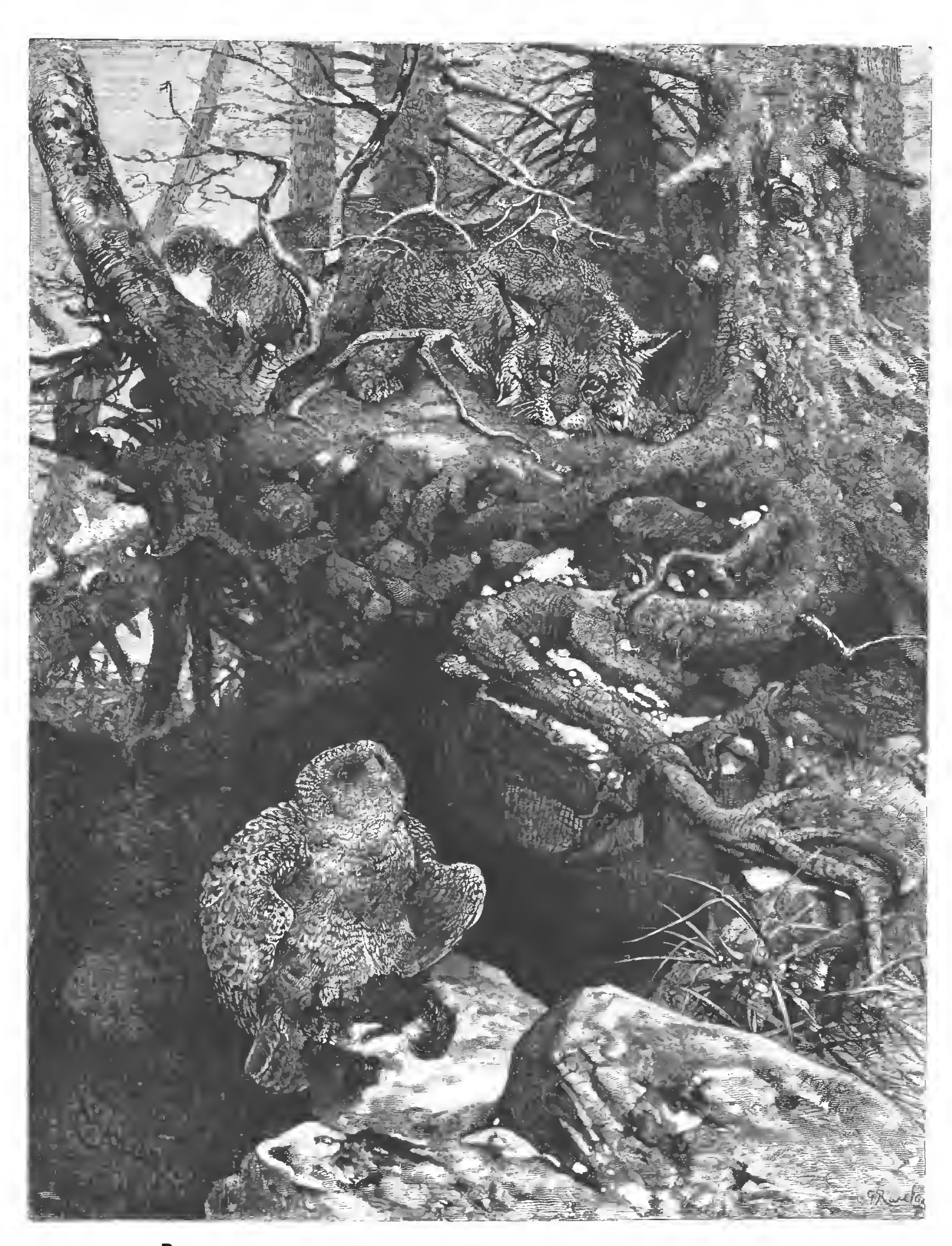
— Господинъ лейтенантъ, могу я идти?

— Иди себѣ! Солдатъ уходитъ; не сдѣлалъ онъ еще двухъ шаговъ, какъ изъ комнаты послышалось: „Поди сюда!“ — „Что прикажете“!

Ничего! Я хотѣлъ тебѣ сказать... Ничего! Я это сдѣлаю завтра; иди себѣ! Быть можетъ онъ позвалъ солдата назадъ, чтобы посмотрѣть на друга; когда онъ ушелъ во второй разъ, офицеръ смотрѣлъ нѣкоторое время на дверь, въ которую тотъ исчезъ. Наконецъ наступилъ день отъѣзда. Въ комнатѣ была на половину отворена дверь, черезъ которую долженъ войти черезъ полчаса денщикъ взять отпускной билетъ и проститься. Офицеръ курилъ, пуская вверхъ дымъ кольцами и слѣдилъ глазами пока онъ совершенно не разсѣявался въ воздухѣ. По всей вѣроятности дымъ ѣлъ ему глаза до слезъ и несмотря на то, что онъ вытиралъ ихъ рукою, глаза были опять влажны, словно онъ плакалъ. Онъ сваливалъ всю вину на дымъ и хотѣлъ самъ отъ себя скрыть что у него дѣлалось на душѣ. Онъ думалъ: „Вѣдь это надо-же было ожидать; смѣшно такой вздоръ принимать близко къ сердцу! Развѣ я не зналъ, когда его назначили ко мнѣ, что не могу его оставить при себѣ навсегда? Развѣ не зналъ, что служба продолжится 5 лѣтъ: что человѣкъ этотъ имѣетъ домъ, семью, гдѣ онъ родился и выросъ, отъ которой онъ оторванъ поневолѣ и въ которую онъ съ радостью возвращается? Развѣ я могу требовать, чтобы онъ остался? Это было-бы безсмысленнымъ эгоизмомъ. Но я такъ привыкъ къ нему, чортъ возьми! Онъ такой славный малый! Но и за что онъ можетъ остаться? Что сдѣлалъ я ему, чѣмъ-бы онъ мнѣ былъ обязанъ? Я не былъ несправедливъ къ нему, но обращался къ нему всегда съ лицомъ суровымъ и угрюмымъ, ужъ это характеръ мой такой и, наконецъ, что-же тутъ такого? Иногда хочу что нибудь сказать ему. Но я вообще молчаливъ. По крайней мѣрѣ отпущу его ласково—вѣдь онъ сейчасъ уѣзжаетъ, возвращается домой, работать на своихъ поляхъ. Легко можетъ статься, скоро и забудетъ все военное: свой полкъ, своихъ товарищей, своего офицера... Много пройдетъ времени, пока привыкнешь къ новому лицу! Всего тяжелѣе мнѣ будетъ, когда онъ по утрамъ не придетъ будить меня. Я, проснувшись, привыкъ уже звать его. Нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ и вдругъ уходитъ! Когда бывало въ походѣ, мучимый жаждой, пріостанавливаешься на минуту, оглядываясь кругомъ, гдѣ бы найти воды, передъ глазами является сейчасъ бывало кожаная фляжка и ужъ слышишь слова: „Не прикажете ли, г. лейтенантъ, воды?“ Онъ досталъ воду быть можетъ очень очень изъ далека. Если я засыпалъ въ полѣ и солнце жгло мнѣ въ лицо, меня всегда заслоняла какая нибудь вѣтка или развѣшанная шинель, и это все дѣлалъ онъ. Когда мы послѣ труднаго перехода приходили бывало на стоянку, какъ только палатки разбиты,—онъ исчезаетъ; я зову его, но его нигдѣ нѣтъ; и вдругъ, вижу, что онъ идетъ согнувшись съ большой охапкой соломы, торопится ко мнѣ, бросаетъ вязанку къ моимъ ногамъ и обтирая потный лобъ говоритъ: „Господинъ лейтенантъ, я заставилъ себя ждать, простите? Что прикажете? Ходить то за этимъ пришлось очень далеко!“ Онъ разстилалъ солому на травѣ, немного выше у изголовья, клалъ ранецъ вмѣсто подушки и обращался ко мнѣ: „Г. лейтенантъ, такъ будетъ хорошо?“ Бѣдный малый, жаль, я былъ съ нимъ иногда грубъ. „Иди отдыхай“ говорилъ я ему. „тебѣ самому нужно отдохнуть.“ „Но такъ хорошо,“ повторялъ онъ. „Если нѣтъ, я схожу еще принесу.“ „Да, да, хорошо, иди, отдыхай не теряй времени.“ Когда меня во время ночнаго похода одолѣвалъ сонъ и я нетвердыми шагами шелъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону, чья-то заботливая рука брала меня и направляла на середину дороги. „Осторожнѣй, г. лейтенантъ, канава,“ говорилъ все его же голосъ. Но что я сдѣлалъ этому человѣку, что онъ заботится обо мнѣ какъ

Молодая Эльзасска. Ориг. рис. Б. Вотье, грав. Бренд'Амуръ.

мать? Что у меня есть и что я такое, что онъ такъ сильно привязался ко мнѣ? Почему этотъ бѣдный малый, огрубѣвшій отъ черной работы, чуждый съ раннихъ лѣтъ всякихъ заботъ и попеченій о немъ, такъ нѣжно заботливъ со мной, какъ женщина? Притаиваетъ дыханіе чтобы не нарушить мой сонъ. Предохраняетъ меня отъ неудобствъ и опасностей; бываетъ занности, которую я могъ чувствовать къ этому чужому для меня человѣку. Нужно провести много ночей на бивуакахъ, совершить много походовъ, часто стоять подъ проливнымъ дождемъ на аванпостахъ, быть невообразимо-голоднымъ, жаждущимъ, и въ это время дружеская рука, набрасываетъ на васъ свою шинель, чтобы защитить отъ холода, просушиваетъ ваше



Рысь, подкарауливающая сову. Оригин. рисун. Шпехта, грав. Г. Рау.

такъ счастливъ моей благосклонной улыбкой, добрымъ словомъ, взглядомъ, когда я говорю: „Иди себѣ!“ Можно только сказать, что человѣческое сердце бьется иначе, чѣмъ мы думаемъ и что у него свои пристрастія. Люди думаютъ, что у насъ нѣтъ никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ тѣхъ, которыя обуреваютъ нашу душу на войнѣ, но они на самомъ дѣлѣ очень мало знаютъ насъ. Тотъ кто не былъ солдатомъ, не пойметъ привязанности... платье, дастъ во-время воды напиться, кусокъ хлѣба, въ которомъ самъ себѣ отказываетъ. И вотъ онъ покидаетъ меня одного, уѣзжаетъ, я его никогда больше не увижу? Нѣтъ я его розыщу, я его навѣщу, когда онъ уже будетъ въ отпуску! Названіе его деревни я знаю, а гдѣ его домъ—распрошу. Я его розыщу, хотя бы даже на полѣ и буду звать по имени. „Ты забылъ своего офицера?“ —„Что вижу я, г. лейтенантъ, вы здѣсь!“

такъ воскликнетъ онъ полный удивленія.—„Да, да, я долженъ былъ тебя видѣть! Иди сюда, мой добрый, храбрый солдатъ и обними меня!“ Въ эту минуту прервались его мысли тихимъ осторожнымъ шумомъ шаговъ по лѣстницѣ. Онъ думалъ не поднимая головы. Шаги приближались. Это онъ—его деньщикъ. Лицо его печально, глаза красны. Онъ поклонился, выступилъ нѣсколько шаговъ впередъ, остановился и устремилъ глаза на своего офицера; а тотъ обернулся въ противоположную сторону.—„Г. лейтенантъ! я уѣзжаю.“—Ну, „до свиданья,“ отвѣтилъ тотъ притворно—равнодушнымъ тономъ смотря въ другую сторону.—„До свиданья... Счастливаго пути... Возвращайся домой... Живи также честно и тамъ какъ жилъ ты здѣсь до сихъ поръ.“—„До свиданья г. лейтенантъ!“ воскликнулъ солдатъ, дѣлая шагъ впередъ.—„Иди, иди, не теряй времени, уже поздно, торопись!“ онъ протянулъ руку, которую солдатъ сильно пожалъ.—„Счастливаго пути, не забывай меня, вспоминай иногда лейтенанта.“ Деньщикъ хотѣлъ что-то сказать, произнести какое-то слово, но вышелъ только какой-то стонъ. Онъ сжалъ руку офицера во второй разъ, повернулся къ двери, взглянулъ еще разъ на начальника, сидящаго съ понуренной головой; опять повернулся, сдѣлалъ еще шагъ впередъ и воскликнулъ:—„Ахъ, г. лейтенантъ!...“ и вышелъ. Оставшись одинъ, оглянулся кругомъ, взглянулъ на дверь, облокотился на столъ и положилъ голову на руки; и на глазахъ его... появились двѣ крупныя слезы.—Блеснули одно мгновеніе и тяжело капнули на полъ, какъ бы изъ боязни чтобы ихъ не замѣтили. Онъ провелъ рукой по глазамъ; выглянулъ изъ комнаты. Никого не было... Такъ странно иногда сходятся и разстаются люди на свѣтѣ...

Къ рисункамъ.

Московская промышленно-художеств. выставка.

(Рис. на стр. 868, 869, 876 и 877).

XVIII.

Художественный отдѣлъ: Выставка терракотъ Гусарева.—Рогатый скотъ завода Рубашевскаго.

По богатству и разнообразію выставленныхъ художественныхъ произведеній Московская выставка составляетъ еще небывалое у насъ явленіе. Здѣсь въ десяти залахъ, расположенныхъ въ первой группѣ лѣвой боковой пристройки главнаго выставочнаго зданія и удобно освѣщенныхъ сверху, собраны почти всѣ лучшія произведенія нашихъ художниковъ за послѣднюю четверть текущаго столѣтія. Всякая отрасль искусства имѣетъ здѣсь своихъ талантливыхъ представителей, не говоря уже о всѣхъ родахъ живописи: исторической, жанра, ландшафтной и портретной. Любитель историческихъ картинъ найдетъ здѣсь всѣ болѣе или менѣе выдающіяся произведенія главнѣйшихъ представителей русской исторической школы: А. А. Иванова, Семирадскаго, Бронникова, Ге, Якоби, Моллера, Гуна, Флавицкаго. Что же касается до жанра, то послѣдній является здѣсь особенно богатымъ и разнообразнымъ благодаря массѣ произведеній нашихъ лучшихъ жанристовъ: Перова, В. Е. и К. Е. Маковскихъ, Васнецова, В. В. Верещагина, Журавлева, Рѣпина, Риццони и многихъ другихъ. Не забыты здѣсь пейзажъ и портретная живопись. Корифеями перваго являются здѣсь такіе таланты какъ Айвазовскій, Боголюбовъ, Шишкинъ, Куинджи, Клеверъ, М. И. Клодтъ, Лагоріо, а представителями второй—Крамской, Харламовъ, Зарянко, К. Е. Маковскій и Сверчковъ. Однимъ словомъ Московская художественная выставка можетъ служить живою лѣтописью развитія и хода нашего новѣйшаго искусства и можно сознаться—лѣтописью очень внушительною и лестною для нашего народнаго самолюбія. Нечего и говорить что большая масса публики тѣснится около колоссальныхъ картинъ Семирадскаго и особенно около его „Свѣточей христіанства“. Блестящій колоритъ и эффектность красокъ, конечно, болѣе всего подкупаютъ зрителей и часто вызываютъ восторженныя одобренія. Совсѣмъ не то замѣчается около картинъ геніальнаго А. А. Иванова: публика смотритъ на нихъ небрежно, мимоходомъ или проходитъ, оставляя ихъ безъ вниманія, такъ какъ онѣ не отличаются ни блестящимъ колоритомъ, ни колоссальными размѣрами. Впрочемъ знаменитая картина А. А. Иванова „Явленіе Христа народу“ не попала на выставку по своей громадности и замѣнена небольшой копіей, которая, конечно, даетъ очень слабое понятіе о достоинствахъ оригинала. Любители жанра особенно толпятся около картинъ Перова и Рѣпина любуясь „Птицеловомъ“ или „Бурлаками“. Послѣднія особенно нравятся нашему простонародью и нерѣдко можно видѣть передъ нею толпу мужиковъ разсматривающихъ ее съ видимымъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Такимъ же вниманіемъ массы публики пользуется превосходная картина К. Е. Маковскаго „Праздникъ ковра въ Каирѣ“ и „Масляница“ а также столь эффектныя произведенія нашего знаменитаго мариниста Айвазовскаго. Впрочемъ оказывать должное вниманіе каждой болѣе или менѣе замѣчательной картинѣ становится буквально невозможно при громадной массѣ выставленныхъ произведеній, которыми увѣшаны всѣ стѣны десяти залъ сверху до низу. Довольно сказать, что такихъ произведеній по каталогу значится 550. Но вѣдь это только одна живопись; прибавьте же къ этому до семидесяти произведеній скульптуры, а также не малое число гравюръ и цѣлую массу акварельныхъ и архитектурныхъ рисунковъ и вы составите себѣ понятіе о громадномъ количествѣ художественнаго матеріала, собраннаго на Московской выставкѣ.

Скульптурныя произведенія разставлены рядами около стѣнъ картинныхъ галлерей. Здѣсь соединено все лучшее, что въ послѣднее время произвела наша отечественная скульптура. Нечего и говорить что первое мѣсто въ этой коллекціи занимаютъ дѣйствительно замѣчательныя произведенія Антокольскаго; здѣсь выставлены его: „Іоаннъ Грозный“, „Смерть Сократа“ и „Мефистофель“, получившіе уже европейскую извѣстность. Другіе наши скульпторы тоже выставили свои лучшія вещи: Чижовъ „Игру въ жмурки“, „Кіевлянка“ и „Мать съ дочерью“: Снѣгиревскій „Неаполитанца“ и „Любопытство“; Поповъ замѣчательную по пластикѣ „Фриму“, Веліонскій „Гладіатора“ а Лансере свои небольшія группы, удивительныя по мастерству и тонкости отдѣлки малѣйшихъ деталей.

Гравюръ на выставкѣ немного: ихъ выставило всего десять художниковъ, изъ которыхъ особенно выдаются по своимъ работамъ Пожалостинъ и нашъ маститый граверъ Іорданъ. Здѣсь же помѣщены акварели, среди которыхъ обращаютъ на себя общее вниманіе громадныя картины Ѳ. А. Бруни и акварельные рисунки Гуна, Стрѣлковскаго и эскизы декорацій Шишкина.

Довольно многочисленные архитектурные чертежи выставлены въ первой галлереѣ, направо отъ входа и кромѣ того особая комната занята работами учениковъ строительнаго училища министерства внутреннихъ дѣлъ. Другая особая комнатка отведена для живописи на фарфорѣ. Здѣсь красуются работы талантливыхъ художницъ: Жоховой, Назимовой, Семеновой и Кемпе. Тутъ-же за стекломъ выставлены иконы, искусно выточенныя изъ слоновой кости работы Гучкова и горельефъ Спасителя, сдѣланный Дилле изъ цѣлой мамонтовой кости.

Заговоривъ о скульптурѣ на выставкѣ, нельзя пройти молчаніемъ работы изъ терракоты т. е. обожженной глины, московскаго завода Гусарева, имѣющія также свою долю художественности. Особенно выдѣляется здѣсь громадная фигура изъ терракотты, представляющая Россію въ образѣ русской статной женщины въ богатомъ уборѣ и кокошникѣ. Фигура эта, сдѣланная по рисунку скульптора Кофки, стоитъ въ центрѣ возвышенной площадки и окружена множествомъ другихъ фигуръ изъ того-же матеріала. Тутъ-же выставлена большая картина, очень искусно составленная изъ разноцвѣтныхъ плитокъ и изображающая соколиную охоту.

Неподалеку отъ павильона Гусарева расположенъ сельскохозяйственный отдѣлъ. Правильно поставленная задача улучшенія породъ животныхъ составляетъ главную основу скотоводства. Дабы достичь желанныхъ результатовъ мало выписывать изъ-за границы иностранныхъ производителей а надо стараться безъ помощи этихъ иностранцевъ, путемъ строгаго систематическаго подбора лучшихъ экземпляровъ своей домашней породы, поднять и развить эту породу, доведя ея до возможнаго совершенства. Тогда только получатся результаты прочные и вѣковые, результаты не замедлящіе выразиться въ милліонныхъ прибыляхъ къ общему народному богатству. Руководствуясь этими соображеніями всѣ отмѣтили на выставкѣ двухъ телятъ г-на Рубашевскаго, изображенныхъ на нашемъ рисункѣ. Эти превосходные экземпляры не носятъ въ своихъ жилахъ чуждой крови—это дѣти родной почвы, улучшенные прямые потомки тѣхъ самыхъ плохенькихъ и худенькихъ коровенокъ, бродящихъ около нашихъ деревень. Достигнувъ путемъ подбора въ теченіе почти полустолѣтія такого солиднаго внѣшняго вида и роста, животныя эти сохранили всю выносливость и привычку къ климату нашей родины.

Бычекъ и телка господина Рубашевскаго вѣсятъ каждый около 50 пудовъ и ростъ ихъ достигаетъ размѣра самыхъ крупныхъ экземпляровъ пресловутыхъ англійскихъ породъ, несмотря на то, что оба они еще пока только ребята, ибо бычку всего 18 мѣсяцевъ, а телка на одинъ мѣсяцъ старше. Экспертиза закончившейся въ іюлѣ мѣсяцѣ выставки рогатаго скота присудила экспоненту этой пары похвальный отзывъ и серебряную медаль. По нашему мнѣнію это безспорно были лучшіе экземпляры на всей выставкѣ.

Марія Магдалина.

(Рис. на стр. 873).

Кому неизвѣстна полная высокой прелести легенда о Маріи Магдалинѣ? Красавица, проводящая жизнь въ пирахъ и ночныхъ оргіяхъ, чуткое, нервное существо, она, пораженная чистотой ученія Іисуса, сразу поворачиваетъ на новый путь. Въ одинъ мигъ все прошлое забыто, — драгоцѣнныя одежды и украшенія, сорванныя, брошены на землю — все преходящее невѣрно: важно для человѣка сокровище то, что скрыто тамъ, на небесахъ. И прежняя великая грѣшница дѣ-

лается великой христіанкой, которой „много прощается, потому что она много возлюбила.“

Мотивъ, прилагаемой въ этомъ № „Нивы“ картины, оригиналенъ. Художникъ взялъ именно моментъ христіанскаго просвѣтлѣнія. Обыкновенно художники останавливаются надъ позднѣйшимъ періодомъ ея жизни: покаяніемъ. Знаменитая картина Баттони (Марія съ черепомъ) извѣстна всѣмъ и каждому. Вообще живописцы съ любовію останавливаются на личности Магдалины, тѣмъ болѣе, что средневѣковая легенда приводитъ ее въ Провансъ, гдѣ и заставляетъ ее жить въ пещерѣ, проводя время въ слезахъ и размышленіи.—Марію Магдалину рисовали: Корреджіо, Рубенсъ, Веронезъ, Гвидо-Рени, Ванъ-Дейкъ, Тиціанъ, Караччи,—уже одно перечисленіе этихъ именъ доказываетъ, какъ популяренъ этотъ сюжетъ.

Оперная улица (Opernring) въ Вѣнѣ.

(Рис. на стр. 876).

Въ послѣдней половинѣ настоящаго столѣтія Вѣна, по массѣ громадныхъ, великолѣпныхъ построекъ сдѣлалась одною изъ роскошнѣйшихъ столицъ Европы; множество новыхъ, красивыхъ улицъ возникло здѣсь во всѣхъ направленіямъ, изъ которыхъ Рингштрассе, обвивающая собою весь старый городъ, особенно поражаетъ своею роскошью. Кромѣ того, по единогласному признанію всѣхъ путешественниковъ, Вѣна одна изъ самыхъ веселыхъ и оживленныхъ столицъ; множество зрѣлищъ и увеселеній доступно здѣсь для публики; громадное количество гостинницъ и ресторановъ соперничаютъ другъ съ другомъ въ изяществѣ и комфортѣ а страсть вѣнцевъ къ музыкѣ и обиліе здѣсь прекрасныхъ оркестровъ придаютъ еще болѣе привлекательности вѣнской общественной жизни.

Населеніе Вѣны самое пестрое и разнообразное; здѣсь имѣютъ многочисленныхъ представителей всѣ тѣ различныя національности, которыя входятъ въ составъ многочисленной австро-венгерской имперіи и кромѣ того на улицахъ вы встрѣтите и турокъ, и румынъ и грековъ и итальянцевъ. Множество типическихъ лицъ привлекутъ здѣсь ваше вниманіе и много пестрыхъ и эффектныхъ костюмовъ промелькнетъ предъ вашими глазами.

Большая часть Вѣны раскинута на правомъ берегу Дуная и только лишь одинъ ея кварталъ занимаетъ островъ Ау. На западѣ и сѣверо-западѣ отъ города возвышаются отроги горъ Винервальда; на югѣ поднимается хребетъ Винерберга а на востокѣ широко стелется австро-венгерская низменность. Это-то сочетаніе воды, горъ и плоскости придаетъ Вѣнѣ особую, разнообразную красоту и дѣлаетъ ея окрестности особенно привлекательными. Впрочемъ новая Вѣна захватываетъ окрестности все болѣе и болѣе и многія предмѣстья уже слились съ городомъ и для этого соединенія въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже срытъ старинный валъ, служившій прежде границею Вѣны. Первый округъ, опоясанный улицею Рингъ, составляетъ какъ бы зерно города; онъ называется внутренній городъ (Innere Stadt). Въ былое время онъ былъ окруженъ крѣпкой стѣной и защищенъ высокими бастіонами. За этой городской стѣной разстилались гласисы, усаженные большими, тѣнистыми деревьями. Въ 1858 г. было приступлено къ разрушенію стѣны; гласисы лишились своей зелени и внутренній городъ получилъ съ этихъ поръ возможность разростаться во всѣ стороны. Масса новыхъ домовъ выдвинулись впередъ, но разчищенные гласисы и ихъ линія мало по малу образовали какъ бы кольцо вокругъ всего внутренняго города. Такъ образовалась Рингштрассе—одна изъ роскошнѣйшихъ въ Вѣнѣ; Опернрингъ—оперная улица—одна изъ примыкающихъ къ Рингштрассе. Главнымъ ея украшеніемъ, служитъ, конечно, грандіозное и вполнѣ изящное зданіе театра Оперы, выстроенное въ стилѣ Возрожденія, по плану извѣстныхъ вѣнскихъ архитекторовъ фонъ-деръ-Нилля и Сиккерсбурга и окончено въ 1869 году. Особенно изященъ главный внѣшній фасадъ театра съ его аркадами, украшенными пятью бронзовыми статуями, изображающими: Героизмъ, Драму, Фантазію, Комедію и Любовь; и съ фронтономъ, съ обѣихъ сторонъ котораго поставлены въ 1876 году громадные, крылатые кони. Напротивъ зданія оперы возвышается другая постройка, поражающая своими размѣрами—это такъ называемый Гейнрихсгофъ, сооруженный по планамъ архитектора фонъ-Хансена и принадлежащій фабриканту Драшке. Но кромѣ зданія театра и Гейнрихсгофа, въ оперной улицѣ каждый домъ исполненъ вкуса и изящества и до самаго ея конца, гдѣ возвышается красивый фонтанъ Франца-Іосифа, идетъ непрерывный рядъ истинно образцовыхъ произведеній новѣйшаго строительнаго искусства.

Церковь въ Боргундѣ въ Норвегіи.

(Рис. на стр. 877).

Туристы не часто заглядываютъ въ Норвегію: ея голыя, печальныя скалы, ея вѣковые лѣса, прозрачныя, мертвенно-неподвижныя озера и излучистые безчисленные фіорды мало интересуютъ европейскихъ путешественниковъ но за то тѣ немногіе изъ нихъ, которые посѣтили Норвегію, отзываются объ ней какъ объ странѣ замѣчательно живописной, хотя здѣшнія картины природы большею частью мрачны и суровы. Этотъ послѣдній характеръ придаютъ имъ и самыя климатическія условія Норвегіи—гдѣ туманъ, дождь, сумракъ почти обычное явленіе. Яркое, живительное солнце очень рѣдко радуетъ норвежца своимъ посѣщеніемъ и потому послѣдній, привычный къ постоянному туману и холоду, носитъ и въ своемъ народномъ характерѣ отпечатокъ мрачности и задумчивости. Но не вся конечно Норвегія имѣетъ такой характеръ. Есть мѣстности чрезвычайно красивыя и обработанныя, лѣтомъ весьма пріятныя для житья.

Сумрачный отпечатокъ является у норвежца и въ его пѣснѣ, и въ его сагахъ идаже въ его архитектурѣ. Постройки его, правда оригинальныя, часто тяжелы, неуклюжи и какъ-то мрачны. Особенно послѣднимъ характеромъ замѣчательны тѣ древнія церкви, часто стоящія гдѣ нибудь одиноко среди громадныхъ валуновъ, въ прогалинѣ сурового, безмолвнаго лѣса. Самая замѣчательная изъ такихъ древнихъ, оригинальныхъ по постройкѣ церквей—это церковь въ Боргундѣ, представленная на нашемъ рисункѣ.

Долина Боргундъ принадлежитъ къ числу особенно живописныхъ мѣстностей Норвегіи; въ срединѣ ея течетъ быстрая рѣка а съ обѣихъ сторонъ высятся горы, вѣчно покрытыя снѣгомъ. И здѣсь то, среди этой пустынной, мрачной долины, стоитъ древняя, деревянная церковь самой странной, самой причудливой архитектуры какъ памятникъ древней, забытой эпохи. Какъ то уныло и таинственно смотрятъ на васъ эти навѣсы одна надъ другой крыши съ отдушинами и неуклюжими башенками; эти маленькія окна, едва пропускающія свѣтъ и затѣйливыя украшенія въ видѣ какихъ то летящихъ драконовъ, придѣланныя къ угламъ деревянной, узорчатой кровли. А этотъ порталъ узкій и низкій; не похожъ-ли онъ на входъ въ какую-нибудь пещеру первобытнаго обитателя сѣвера, гдѣ онъ укрывался отъ холода и непогоды. Внутренность церкви вполнѣ соотвѣтствуетъ ея внѣшности: здѣсь васъ встрѣчаетъ не свѣтъ и просторъ а мракъ и тѣснота. Едва лишь присмотрѣвшись, вы различаете на стѣнахъ странные девизы и гербы давно исчезнувшихъ родовъ; тутъ-же стоятъ ряды какихъ-то таинственныхъ знаковъ. Это руническія надписи—остатокъ давно исчезнувшей цивилизаціи крайняго сѣвера. Въ одной изъ нихъ говорится, что „Тореръ начерталъ эти руны въ церкви Олафа“. Кто этотъ Тореръ и когда начерталъ онъ на этихъ стѣнахъ свои завѣтные знаки—эта историческая загадка, столь тѣсно связанная съ вопросомъ о времени возникновенія боргундской церкви, до сихъ поръ не разрѣшена скандинавскими учеными, утверждающими лишь, что эта церковь—памятникъ глубокой и сѣдой древности.

Молодая эльзасска.

(Рис. на стр. 880).

Прекрасная, плодородная и промышленная страна, зеленѣющая на великолѣпныхъ берегахъ стараго Рейна, яблоко раздора двухъ великихъ государствъ,—дѣйствительно такова, что понятны притязанія и споры изъ-за нея... Она обладаетъ и красивымъ населеніемъ—женщины здѣсь отличаются миловидностью, свѣжестью цвѣта лица. Прекрасный рисунокъ Вотье очень удачно передаетъ хорошенькое личико одной изъ представительницъ красоты Эльзаса и нельзя не любоваться его милымъ, пріятнымъ и яснымъ выраженіемъ.

Рысь, подкарауливающая сову.

(Рис. на стр. 881).

На талантливомъ рисункѣ Шехта мы видимъ, какъ хищникъ по профессіи—рысь, подстерегаетъ свою добычу—неуклюжую, подслѣповатую сову, завладѣть которою, конечно, онъ можетъ безъ особенной трудности. Въ исходѣ борьбы даже нечего и сомнѣваться; стоитъ лишь сравнить средства нападенія рыси съ средствами обороны совы.

Рысь—животное замѣчательное по хитрости и силѣ; оно снабжено крѣпкими бедрами, напоминающими собою бедра льва или тигра и сильнымъ туловищемъ. Довольно длинныя и остроконечныя ея уши оканчиваются кисточками черныхъ, густыхъ и твердыхъ волосъ, а верхняя губа украшена жесткими, стоячими усами. Морда заканчивается густой, раздвоенной бородой, которая вмѣстѣ съ кисточками ушей придаетъ всей физіономіи рыси особый отпечатокъ суровости и хищности. И въ этомъ случаѣ физіономія не обманываетъ: рысь дѣйствительно самый кровожадный, самый отъявленный хищникъ. Скрытая въ чащѣ густаго лѣса или среди пустынныхъ скалъ и ущелій, она постоянно на сторожѣ: то прячется за камнемъ, то влѣзаетъ на дерево, чтобы подстеречь какое нибудь животное и однимъ ловкимъ прыжкомъ положить его на мѣстѣ. Для подобной охоты рысь имѣетъ особенныя способности: чутье у нея превосходное, а зоркость рысьихъ глазъ вошла даже въ пословицу. Немудрено послѣ этого, что рысь производитъ страшныя опустошенія среди марныхъ и беззащитныхъ животныхъ—оленей, косуль, лосей, съ которыми она справляется особеннымъ образомъ: она нападаетъ на нихъ быстро и нечаянно и запуская свои острые зубы имъ въ затылокъ, перерѣзываетъ имъ шейныя артеріи. Утоливъ голодъ лучшимъ кусочкомъ и напившись горячей крови, рысь, какъ бы увѣренная въ легкости добыванія добычи, остатки уступаетъ волкамъ и лисицамъ.

которыя обыкновенно слѣдуютъ по ея пятамъ, сопутствуя ей какъ голодная, нищая братія щедрому и роскошному амфитріону. И дѣйствительно ихъ надежды рѣдко бываютъ обмануты; рысь иногда проявляетъ свои хищническія и кровожадныя наклонности въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ порывѣ истребленія она не брезгаетъ ни однимъ мелкимъ животнымъ, ни одной птицей и жертвами ея становятся безъ разбора барсуки, сурки, зайцы, рябчики, тетерева, глухари и даже совы, бѣлки и мыши. Положить предѣлъ такому опустошенію лѣса удается лишь одному человѣку и въ Альпахъ, напримѣръ, охота на рысь считается необходимымъ, общественнымъ дѣломъ. Въ этомъ случаѣ все населеніе берется за ружья и неутомимо выслѣживаетъ хищника въ самыхъ уединенныхъ скалахъ и ущельяхъ. Но эта охота иногда не обходится и безъ опасностей; если рысь ранена, то она яростно бросается охотнику на грудь, глубоко вонзаетъ ему въ тѣло свои когти и бѣшено кусается и только съ трудомъ ловкій охотникъ можетъ нанести окончательный ударъ сильному и свирѣпому животному.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о той соперницѣ или лучше сказать жертвѣ, которую кисть художника изобразила на разстояніи одного прыжка отъ кровожаднаго хищника, держащаго въ хищныхъ когтяхъ несчастную бѣлочку.

Сова—въ глазахъ народа созданіе довольно несимпатичное; по сложившемуся повѣрью крикъ ея на крышѣ дома грозитъ большимъ несчастіемъ и она часто фигурируетъ въ таинственныхъ разсказахъ о вѣдьмахъ и злыхъ духахъ какъ ихъ любимая птица. Древніе же греки считали ее спутницей богини мудрости—Минервы. На самомъ же дѣлѣ сова совершенно безвредная и даже глуповатая птица, которая встрѣчается почти во всѣхъ частяхъ свѣта и повсюду ведетъ уединенную и одинокую жизнь. Жилища она себѣ выбираетъ въ разсѣлинахъ скалъ, въ развалинахъ и въ дуплахъ деревьевъ и вылетаетъ за добычей лишь въ темныя ночи, такъ какъ по особому устройству своихъ зрительныхъ органовъ она видитъ при дневномъ свѣтѣ довольно плохо. Скрытая ночнымъ мракомъ, тихо и безшумно летаетъ сова по лѣсу и охотится за мелкими млекопитающими и птицами, уничтожая между прочимъ во множествѣ столь вредныхъ для земледѣлія мышей, кротовъ и сусликовъ. Сильная, дѣятельная и даже хищная ночью, сова днемъ совершенно преображается; она апатична, вяла, безсильна и тутъ-то проявляется та ненависть, которую питаютъ къ ней другія птицы; онѣ цѣлой гурьбой, съ криками, преслѣдуютъ своего врага и не упускаютъ случая отмстить ему чѣмъ можно за его ночные подвиги. Немудрено, что гонимая всѣмъ пернатымъ царствомъ и ненавидимая человѣкомъ, сова старается забиться какъ можно дальше, въ какую нибудь лѣсную глушь и только непріятный ея крикъ, похожій не то на фырканье, не то на жалобный вой, выдаетъ ея присутствіе.

Политическое обозрѣніе.

Пріѣздъ въ Россію Его Высочества князя Николая Черногорскаго.—Турки и Англичане.—„Переговоры“—обоюдо-острое оружіе.—Наступленіе Араби.—Франція.—Англія.

„Слѣдуя дорогому для меня преданію моихъ предковъ и собственному побужденію я, во имя Божіе, отправляюсь въ Россію, чтобы поздравить молодаго царя сильной и мощной Россіи, преемника постоянныхъ друзей моего дома и Черной Горы,“—вотъ слова, съ которыми князь Николай обратился къ своему народу предъ своимъ отъѣздомъ къ намъ, въ родную ему и его черногорцамъ страну. „Гласъ Черногорца,“ въ которомъ напечатана княжеская прокламація, содержащая въ себѣ знаменательныя слова эти, прибавляетъ отъ себя, что союзъ Черногоріи съ Россіей—одна изъ самыхъ дорогихъ традицій для ея владѣтелей,“... *и какъ мы ни удалены отъ Россіи на этомъ крайнемъ краѣ славянскаго міра, мы, все-таки, столь близки къ ней сердцемъ и душей и всею своею жизнью, что кажется, будто мы выросли изъ середины ея, будто живемъ на ея стволѣ, дышемъ однимъ духомъ съ нею и наше сердце бьется однимъ пульсомъ.*“

Въ отвѣтъ теплому братскому привѣту достаточно выразить наше непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что ни матерьяльное разстояніе, ни усилія враговъ славянства никогда не нарушатъ, какъ никогда не могли нарушить, искони нерасторжимаго единенія Россіи и Черногоріи! Мы знаемъ, что и въ тѣ бурные, грозные дни, что намъ предстоятъ, и въ тотъ свѣтлый, торжественный день, который ждемъ и который придетъ—мы будемъ рука объ руку!...

„Въ Россіи,—такъ привѣтствуетъ,“ Journal de St.-Pétersbourg Его Высочество—князь Николай можетъ вполнѣ разсчитывать на общія симпатіи и уваженіе, какъ глава и представитель единоплеменнаго и доблестнаго народа, такъ и вслѣдствіе его личныхъ качествъ величайшаго мужества на войнѣ и мудрости и умѣренности въ управленіи небольшимъ государствомъ, во главѣ котораго онъ поставленъ и которымъ онъ правитъ твердою рукою, окруженный любовью своихъ подданныхъ и уваженіемъ всѣхъ правительствъ.“

Къ этому умѣстно будетъ присовокупить слухъ о предполагаемомъ бракѣ между одною изъ дочерей князя и княземъ Болгарскимъ. Надо ли говорить о томъ—насколько желательно было бы осуществленіе этого слуха!

Посѣщеніе княземъ Вѣны объясняютъ какъ желаніемъ Его Высочества уладить вопросъ о возвращеніи кривошанъ на родину, а также добиться уничтоженія тѣхъ стѣсненій экономическому развитію Черногоріи, которыя недавно изобрѣла Австро-Венгрія. Образчикомъ, между прочимъ, можетъ служить слѣдующее за вывозъ небольшаго черногорскаго вола взимаютъ 16 австрійскихъ гульденовъ пошлины, хлѣбъ и другіе продукты княжества, ввозимые въ Австро-Венгрію, обложены тоже высокими пошлинами. Которъ и Будва—прежніе главные рынки для черногорскихъ продуктовъ, теперь въ полнѣйшемъ торговомъ застоѣ... Quousque tandem... Доколѣ же!..

Турки не придумывали такихъ тонкихъ средствъ. Зато, теперь англичане обратили противъ турокъ ихъ же собственное утонченное средство донимать переговорами. Какъ извѣстно, С. Джемскій кабинетъ объявилъ, что не допуститъ вылазки турецкихъ войскъ въ Египетъ прежде, чѣмъ султанъ не объявитъ Араби-Пашу мятежникомъ и не будетъ заключена военная конвенція. Араби мятежникомъ объявленъ, конвенція заключена—почти; тутъ и пустили англичане въ ходъ „турецкое искусство“: предъ самымъ объявленіемъ объ Араби, они дали согласіе на то, чтобы турецкій отрядъ высадился въ Портъ-Саидѣ, чѣмъ Порта была очень довольна, и, казалось, уже все сдѣлано, но—когда султанская прокламація появилась, то немедленно-же лордъ Дёфференъ заявилъ, что хотя оттоманскія войска могутъ прибыть къ Портъ-Саиду, но займутъ тѣ пункты и позицію, которые имъ укажетъ англійскій главнокомандующій; Порта, конечно, возразила, что теперь уже, когда она выполнила требовавшееся отъ нея условіе.—Англія, съ своей стороны, обязана выполнить военную конвенцію буквально, на что англійскій посланникъ отвѣчалъ, что прокламація неудовлетворительна и ее надо измѣнить и что, въ отношеніи высадки и самостоятельныхъ движеній оттоманскихъ войскъ, ему необходимы инструкціи кабинета—и онъ ждетъ, т. е. заставляетъ, въ эту минуту, турецкихъ министровъ ждать этихъ конструкцій, которыя, несомнѣнно, повлекутъ за собою новые переговоры. Очевидно—англичане не желаютъ допустить турокъ, могущихъ превратиться въ самыхъ искреннихъ союзниковъ Араби-Паши; они понимаютъ—насколько это естественно. Повидимому, безъ турецкаго контингента Араби-Паша бьется съ ними довольно стойко. Онъ не ждетъ наступленія, атакуетъ самъ; его войска расположены теперь вблизи отъ Ксасина и недавно онъ атаковалъ позиціи англичанъ; хотя три его атаки были отражены, но мы узнаемъ, даже изъ англійскихъ же источниковъ, что египтяне (бывшіе въ числѣ 14—15 тыс. ч.) выказали „храбрость, какой отъ нихъ никто не ожидалъ“; ихъ артиллерія маневрировала прекрасно и отступленіе было произведено въ совершенномъ порядкѣ; достовѣрно также и то, что, пока, генералъ Уэльслей держится оборонительнаго положенія: это объясняется двояко: если онъ прикрываетъ какое-нибудь обходное движеніе, или-же ждетъ подкрѣпленій, не обладая достаточнымъ количествомъ войскъ; согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, изъ Англіи ему высылается новый отрядъ въ 5 тысячъ чел. Махмудъ-Фекми-Паша отправленъ въ Александрію и переданъ Хедиву. Въ Александріи, однако, далеко нѣтъ порядка и спокойствія—отъ времени до времени приходятъ извѣстія о грабежахъ и поджогахъ. Народъ недоволенъ, конечно, объявленіемъ Араби-Паши (котораго не дозволено больше турецкимъ газетамъ называть Пашей) и срываетъ прокламаціи. Есть слухъ, будто, въ случаѣ неуспѣха, Араби перейдетъ съ своими войсками въ Тунисъ. Въ этомъ случаѣ, Англія намѣрена (?) пригласить Европу рѣшить сообща египетскій вопросъ. Къ чему это, она намѣрена пригласить Европу? Къ тому, чтобы другая конференція или конгрессъ (не все-ли равно) только, такъ сказать, регистрировалъ ея произвольныя распоряженія въ завоеванной странѣ, для того, чтобы эта формальность превратилась-бы въ ея рукахъ въ „санкцію“, которою Европа освятитъ свершившійся фактъ завладѣнія?

Франція, во всякомъ случаѣ, поддержитъ Англію; теперь оказывается, что она нѣсколько пожертвовала своимъ значеніемъ въ Египтѣ въ угоду другому интересу—скрѣпленію союза съ своимъ сильнымъ на морѣ сосѣдомъ, союза, необходимаго ей въ виду союза Германіи и Австро-Венгріи. Французы это прямо говорятъ, прибавляя, будто-бы въ Германіи очень желали разстроить этотъ союзъ.

По слухамъ, во Франціи будетъ учреждена должность вице-президента республики, на которую уже, будто, прочутъ Фрейсинэ.

Дублинскіе полицейскіе обратились съ просьбою о принятіи ихъ вновь на службу, ходатайство значительной части изъ нихъ удовлетворено и потребности въ волонтерахъ-полицейскихъ больше нѣтъ. Безпорядки все еще продолжаются.

Смѣсь.

Ссуда, принесшая большіе проценты. Въ 1722 г. наслѣдный принцъ Тосканскій, Іоаннъ-Гастонъ, предпринялъ путешествіе, съ цѣлью объѣхать главнѣйшія столицы Европы; когда онъ прибылъ въ Лондонъ, то присылка изъ Флоренціи денегъ неожиданно прекратилась, что конечно поставило его въ большое затрудненіе. Желая однако, чтобы положеніе это не сдѣлалось извѣстнымъ въ дипломатическихъ сферахъ, принцъ поручилъ своему секретарю пріискать скорѣе у какого нибудь ростовщика денегъ. Тотъ дѣятельно принялся за выполненіе порученія; но несмотря на все свое усердіе, въ теченіе цѣлаго ряда дней возвращался домой безъ всякаго результата. Затруднительность положенія принца достигла высшей степени, когда вдругъ секретарь, наконецъ, возвратился веселый и сообщилъ принцу, что въ улицѣ „Стрэндъ" живетъ одинъ флорентинскій купецъ, считающійся очень богатымъ и который—нѣтъ сомнѣнія—будетъ готовъ выручить сына своего государя изъ его непріятнаго положенія. Іоаннъ-Гастонъ вначалѣ нѣсколько поколебался воспользоваться этимъ случаемъ, но, уступая давленію нужды, послалъ секретаря къ купцу съ приглашеніемъ явиться къ нему въ гостинницу, гдѣ онъ стоялъ. Флорентинецъ тотчасъ же явился, привѣтствовалъ принца съ глубочайшимъ почтеніемъ и былъ поставленъ въ извѣстность относительно затрудненія, которое Іоаннъ-Гастонъ испытывалъ въ ту минуту. „Дѣло можно сейчасъ поправить,—сказалъ флорентинецъ,—если вашему высочеству будетъ угодно пожаловать со мною въ мой магазинъ на „Стрэндѣ", то немедленно изволите тамъ получить деньги". Принцъ велѣлъ привести носилки и оба отправились въ домъ купца. Здѣсь этотъ послѣдній отперъ потаенный кабинетъ, а въ кабинетѣ—желѣзный, наполненный мѣшками съ деньгами сундукъ и предложилъ принцу взять оттуда столько, сколько ему надо; а если всего того, что находилось въ сундукѣ, оказалось бы недостаточно, то чрезъ нѣсколько часовъ будетъ доставлено еще. Принцъ взялъ что ему требовалось и такъ какъ чрезъ недѣлю изъ Флоренціи вновь пришли деньги, то онъ поспѣшилъ возвратить своему благородному и доброму подданному сдѣланную имъ ссуду. Предъ отъѣздомъ изъ Лондона, Іоаннъ-Гастонъ еще разъ посѣтилъ купца, съ чувствомъ поблагодарилъ его, обѣщая никогда не забыть его услугу. Вскорѣ послѣ возвращенія принца въ отечество—отецъ его, великій герцогъ, умеръ (въ 1723 году) и онъ вступилъ на престолъ. Новый герцогъ почти немедленно же велѣлъ написать купцу въ Лондонъ, чтобы онъ возвратился во Флоренцію и, чтобы, когда онъ достигнетъ границы, далъ бы ему, герцогу, чрезъ курьера знать о своемъ пріѣздѣ. Купецъ выполнилъ желаніе своего государя, который выслалъ ему на встрѣчу свой герцогскій экипажъ, повелѣвъ на всемъ пути угощать его какъ можно лучше и роскошнѣе. Когда же купецъ подъѣхалъ уже къ воротамъ столицы, то тамъ особая депутація поднесла ему, отъ имени великаго герцога, грамоту на дворянство, вмѣстѣ съ богато украшенною шпагою. Отсюда карета повезла изумленнаго купца дальше и остановилась передъ ратушею, гдѣ его ожидали члены правленія, передавшіе ему знаки достоинства совѣтника. Но это еще было не все; когда карета подъѣхала къ порталу великогерцогскаго дворца—его встрѣтилъ камергеръ, объявившій, что государь пожаловалъ ему титулъ маркиза и ждетъ его теперь въ своихъ частныхъ апартаментахъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ взошелъ новый маркизъ по мраморнымъ ступенямъ дворца и былъ введенъ въ кабинетъ. Великій герцогъ, встрѣтивъ прибывшаго милостивыми словами, присоединилъ ко всему, чѣмъ пожаловалъ его, прекрасный домъ во Флоренціи и еще лучшее имѣніе вблизи города, возведенное въ маркизатъ и закрѣпленное за фамиліей новаго владѣльца. Такъ вознаградилъ послѣдній Тосканскій великій герцогъ изъ дома Медичи, оказанную ему услугу.

Госпитали для животныхъ въ Индіи. Извѣстно, что у индійцевъ существуютъ госпитали для животныхъ, о чемъ недавно Лондонское Азіатское Общество собрало, чрезъ одного морскаго офицера въ Бомбеѣ, самыя обстоятельныя свѣдѣнія. Въ учрежденномъ браминами въ Суватѣ подобномъ учрежденіи находится множество животныхъ, въ особенности больныхъ коровъ и быковъ, но кромѣ того тамъ же можно видѣть помѣщенныхъ на излеченіе барановъ, козловъ, пѣтуховъ и куръ; туда принимаются всѣ звѣри безъ изъятія, сколько бы и откуда ихъ не привели. У входа госпиталя расположенъ продолговатый—длиною въ 25 футовъ—деревянный домъ; здѣсь кормятъ хлѣбомъ, рожью, неизмѣримую массу насѣкомыхъ всякаго рода; количество ихъ такъ громадно, что въ этомъ отвратительномъ мѣстѣ набросанной пищи и незамѣтно, а видна какая-то безформенная живая масса. Сообщившій эти свѣдѣнія говоритъ, что такіе госпитали есть во всѣхъ большихъ городахъ западной Индіи; такъ въ городѣ Аріаръ, при одномъ храмѣ, онъ видѣлъ госпиталь для крысъ, которыхъ тамъ находилось, какъ ему передавали, 5,000 штукъ; кормъ ихъ состоялъ изъ муки, покупавшейся на счетъ особаго сбора съ жителей.

Уронъ приличнымъ манерамъ. Въ эпоху, предшествовавшую революціи, высшимъ авторитетомъ въ дѣлѣ изящества манеръ считался знаменитый танцмейстеръ Вестрисъ, и рѣдкій изъ придворной французской молодежи не бралъ у него уроковъ салонной элегантности и граціи. Однажды Вестрисъ тяжко заболѣлъ и уже начинали сомнѣваться въ его выздоровленіи; лучшіе доктора отъ него отказались. Но въ эту трудную для него минуту предложилъ свои услуги одинъ молодой докторъ, по имени Порталь, который, несмотря на свои замѣчательные труды въ области науки, былъ совершенно неизвѣстенъ въ большомъ свѣтѣ. Ему удалось спасти танцмейстера. Этотъ послѣдній, по выздоровленіи, тотчасъ-же навѣстилъ его и просилъ сказать—что онъ ему долженъ.

— Вы мнѣ ничего не должны, отвѣчалъ докторъ, — я чувствую себя болѣе, чѣмъ вознагражденнымъ сознаніемъ, что возвратилъ свѣту такую знаменитость, какъ вы.

— Это глупости, милый Порталь; вы бѣдны, а я, напротивъ, богатъ и желалъ-бы помочь вамъ сдѣлать карьеру. Но докторъ положительно отказался отъ всякаго вознагражденія.

— Ну, хорошо, сказалъ, наконецъ, танцмейстеръ, послѣ тщетныхъ настояній, — вы мнѣ помогли своимъ искусствомъ, позвольте же мнѣ принести вамъ пользу моимъ.

— Это какъ-же? Я, вѣдь, не намѣренъ учиться танцовать.

— Знаю. Но вамъ не достаетъ нѣчто другое. У васъ, несмотря на ваши познанія и искусство, мало паціентовъ въ высшемъ обществѣ, не такъ-ли?

— Да.

— Это меня нисколько не удивляетъ—вы не возбуждаете къ себѣ ни малѣйшаго довѣрія.

— Г. Вестрисъ, вы, кажется, забываетесь!

— Да, да, это такъ, — потому что вы не умѣете даже и войдти какъ надо въ комнату больнаго. Взгляните сами — и Вестрисъ, съ удивительнымъ сходствомъ, изобразилъ неловкую, застѣнчивую внѣшность молодаго человѣка — не усумнится-ли паціентъ поневолѣ въ васъ, въ вашемъ знаніи, при видѣ вашей фигуры съ этими безнадежно опущенными руками, согнутымъ туловищемъ и поникшей головой? А, вотъ, попробуйте-ка такъ: примите серьезный, хотя и вѣжливый видъ, держите голову высоко, туловище прямо, какъ обыкновенно дѣлаетъ тотъ, кто вполнѣ увѣренъ въ самомъ себѣ, шляпу же, какъ всякій благовоспитанный человѣкъ, кладите всегда легко и граціозно себѣ подъ мышку. Всякое движеніе должно быть исполнено достоинства и изящества, даже, когда вы берете руку, чтобы попробовать пульсъ, и т. д. Рецептъ пишите съ такимъ выраженіемъ лица, которое не допускало-бы и тѣни подозрѣнія, что для васъ есть какая нибудь неясность въ болѣзни вашего паціента, затѣмъ удаляйтесь съ улыбкою и легкимъ поклономъ, какъ человѣкъ, знающій, что онъ сдѣлался необходимымъ въ домѣ. Когда вы привыкнете держать себя такимъ образомъ, то непремѣнно будете считаться замѣчательнымъ докторомъ и попадете въ высшій кругъ. Мой молодой другъ—я обязанъ вамъ жизнью, и вы, слѣдуя моему совѣту, будете мнѣ обязаны карьерою и тогда, пожалуй, мы будемъ съ вами квиты. Прощайте.

Порталь понялъ весь практическій смыслъ наставленій Вестриса и, руководясь ими, а также поддержанный его рекомендаціями, быстро пріобрѣлъ извѣстность и большую практику: переживъ ужасы революціи, онъ достигъ званія перваго лейбъ-медика короля Людовика XVIII-го.

Жизнь рыбъ. Почти до нашихъ дней большинство естествоиспытателей держались высказаннаго великимъ Кювье мнѣнія, что жизнь рыбъ ничто иное, какъ безмолвное, однообразное, безрадостное прозябаніе. Распространенность этого взгляда объясняется очень легко, такъ какъ близкое ознакомленіе съ жизнью рыбъ весьма затруднительно. Такое предположеніе, повидимому, подтверждаетъ и самая внѣшность рыбъ, не одаренныхъ тѣми факторами, при помощи которыхъ человѣкъ и высшія животныя проявляютъ движенія своего внутренняго міра. Эти неподвижные, лишенные рѣсницъ глаза, покрытые чешуею покровы, отсутствіе внѣшняго органа слуха, органа, движеніе котораго столь характерно и выразительно у нѣкоторыхъ животныхъ, наконецъ—отсутствіе голоса: развѣ всего этого недостаточно чтобы отрицать у рыбъ всякія данныя на духовную жизнь?

Понятно, что большая часть открытій, сдѣланныхъ въ правственной сферѣ этихъ животныхъ, касаются наиболѣе естественнаго чувства, а именно заботливости о своемъ потомствѣ. Такъ у нѣкоторыхъ видовъ замѣчено, что самцы въ дѣлѣ заботливости о юномъ поколѣніи играютъ не менѣе важную роль чѣмъ самки; въ особенности замѣтно это у индійскаго вида „Ophiocephalus", „змѣинноголовыхъ", у которыхъ исключительно на самцѣ лежитъ обязанность устраивать гнѣздо и оберегать еще безпомощныхъ своихъ малютокъ; примѣры того же видимъ и у другихъ породъ; у нѣкоторыхъ самцы также обыкновенно караулятъ гнѣздо; кромѣ того родители съ чрезвычайною ловкостью, по мѣрѣ подрастанія маленькихъ, расширяютъ гнѣздо, съ цѣлью увеличить притокъ воды; далѣе иныя рыбы легко пріучить являться по зову; есть даже примѣры, указывающіе на супружескую привязанность: самецъ упорно не оставлялъ того мѣста въ рѣкѣ, откуда была удалена его самка; въ продолженіи трехъ недѣль, пока обоихъ держали врозь, и тотъ, и другая казались больными и даже близкими къ смерти, но какъ только ихъ вновь соединили — къ нимъ возвратились и здоровье, и веселость.

Въ высшей степени интересно наблюдать за рыбами въ большомъ аквaріумѣ, когда онѣ идутъ войной на новыхъ пришельцевъ, пытающихся устроиться въ гнѣздахъ первыхъ; борьба, по большей части, продолжается довольно долго и когда она оканчивается, то совершенно ясно видно, какъ побѣдитель принимаетъ болѣе свѣтлый, болѣе блестящій оттѣнокъ, и напротивъ, побѣжденный уплываетъ совсѣмъ какимъ-то безцвѣтнымъ, будто пристыженный.

А развѣ многія другія наблюденія не говорятъ ясно въ пользу того, что рыбы точно также одарены свойствами, какъ и иныя твари? Стоитъ только вспомнить о той ловкости и даже хитрости, которыя онѣ проявляютъ въ дѣлѣ добыванія пищи, напримѣръ при заманиваніи мелкихъ рыбокъ, о томъ умѣньи, съ какимъ иные виды ихъ дѣйствуютъ сообща для взаимной пользы, или съ какимъ избѣгаютъ общаго непріятеля, но въ особенности — о ихъ способности оріентироваться. Давно уже доказано, что рыбы, въ своихъ періодическихъ передвиженіяхъ, всегда возвращаются на свое прежнее мѣсто; для того чтобы убѣдиться, прибѣгли къ слѣдующему опыту: при отплытіи, многимъ рыбамъ прикрѣпляли колечки и въ пору возвращенія ихъ находили съ колечками. Въ какой степени онѣ обладаютъ этою способностью видно уже изъ того, что нѣкоторыя совершаютъ путь въ семь тысячъ километровъ.

Месть актера. Объ одномъ французскомъ актерѣ разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Всякій разъ когда ему приходилось играть, онъ видѣлъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ въ первыхъ рядахъ горбатаго господина, который нерѣдко бывалъ недоволенъ игрою, что и выражалъ жестами, шиканьемъ. Это конечно не нравилось актеру. Онъ пошелъ къ этому господину на квартиру и сказалъ ему: М. Г. я пришелъ просить васъ сдѣлать мнѣ большое одолженіе. Выберите себѣ другое мѣсто въ театрѣ, съ котораго-бы я не могъ васъ видѣть; я долженъ сознаться что ваша фигура, ваши движенія такъ сильно на меня вліяютъ, что подъ часъ я не въ состояніи выдерживать роли. Однако горбунъ отказался исполнить просьбу актера, который пошелъ тогда въ театръ и купилъ пять мѣстъ рядомъ съ мѣстомъ своего врага. Вечеромъ пришелъ какой-то господинъ и занялъ одно изъ пяти мѣстъ. Вотъ какъ, сказали завсегдатаи театра, нашъ горбатый критикъ будетъ сегодня въ своемъ обществѣ: у его сосѣда спина то же не особенно пряма. Снова вошелъ одинъ господинъ. О, еще одинъ горбъ, пронеслось въ рядахъ. Можно предположить, что это преднамѣренное свиданіе,— свиданіе трехъ горбуновъ. Третьяго и четвертаго пришедшихъ затѣмъ и подходившихъ къ первымъ тремъ, встрѣтилъ взрывъ хохота. Когда-же наконецъ пришелъ пятый изъ приглашенныхъ горбуновъ, то вышла цѣлая сцена. Всѣ невольно смѣялись. При поднятіи занавѣса пришелъ горбатый критикъ. Развеселившаяся публика встрѣтила его уже аплодисментами. Блѣдный отъ злости, онъ занялъ мѣсто между своими горбатыми товарищами, которые сами отъ сердца смѣялись. Въ первомъ-же антрактѣ, бѣдный горбунъ ушелъ и никогда уже болѣе не показывался. Актеръ былъ отомщенъ.

Дѣйствіе воображенія. Въ первые годы моей практики, разсказываетъ одинъ докторъ, я былъ позванъ къ больному въ сосѣдній городъ. Я прибылъ въ обѣденную пору, и хозяинъ дома, пожилой уже человѣкъ, пригласилъ меня обѣдать. Во время обѣда онъ спросилъ, нравится-ли мнѣ кушанье? О да, отвѣтилъ я, оно очень хорошо приготовлено. Знаете-ли вы что это такое? Конечно, это солонина. О нѣтъ, сказалъ хозяинъ, это конина. Я выразилъ сомнѣніе. Да, да, сказалъ онъ, это мясо моей старой лошади. Въ то время я не зналъ еще конины и думалъ что со мною шутятъ. Я положилъ себѣ еще кусочекъ и прожевывалъ остатокъ перваго; да дѣйствительно это должна быть конина, теперь я только началъ узнавать вкусъ ея. И чѣмъ болѣе я жевалъ, тѣмъ менѣе говядина мнѣ нравилась. Я пробовалъ добавить соуса, но вкусъ не улучшался, наконецъ я съ трудомъ проглотилъ кусокъ, какъ обыкновенно глотаютъ непріятное лекарство. Болѣе я не дотрогивался до мясныхъ блюдъ и очень былъ доволенъ когда обѣдъ кончился. Послѣ обѣда мы остались курить и разговаривать. Наконецъ хозяинъ проговорилъ: не хочу оставлять васъ въ заблужденіи на счетъ говядины, я сказалъ вамъ, что это говядина моей лошади, дѣйствительно старую лошадь я промѣнялъ на быка, мясо котораго вы кушали." Со мною только пошутили; но я испыталъ до чего можетъ дойти дѣйствіе воображенія.

Американская реклама. Въ американскихъ газетахъ въ прошломъ мѣсяцѣ разсказывалась слѣдующая невозможная исторія: „Въ городѣ Гольятъ въ штатѣ Техасѣ жили рядомъ два машиниста— оба люди женатые. Ихъ болѣе чѣмъ двухлѣтняя дружба была нарушена ревностью одного изъ нихъ, которому показалось, что въ отсутствіе его, товарищъ ухаживаетъ за его женою. Объясненія и запирательства не помогли дѣлу и было предположено испросить у „желѣзнодорожнаго короля" извѣстное пространство пути, для небывалой даже и въ Америкѣ дуэли. Оригинальная идея понравилась владѣльцу дороги, и на одно изъ воскресеній, часть дороги, посрединѣ которой пролегалъ мостъ, была уступлена машинистамъ. Было условлено выѣхать на локомотивахъ съ противуположныхъ станцій и на всѣхъ парахъ столкнуться на мосту. Оставшійся въ живыхъ будетъ признанъ побѣдителемъ. Оба машиниста сдѣлали духовныя завѣщанія и отправились каждый на свое мѣсто. Вотъ они уже близко моста, вотъ уже на мосту. Въ слѣдующую секунду должно было произойти столкновеніе, но простой случай, или вѣрнѣе физическій законъ спасъ обоихъ семьянъ отъ смерти. Сынъ дорожнаго сторожа игралъ въ большой мячъ и судьбѣ угодно было, чтобы мячъ этотъ попалъ между сталкивающимися локомотивами. Благодаря эластичности большаго мяча, оба локомотива отскочили назадъ къ станціямъ отправленія. Такіе мячики продаются въ Нью-Іоркѣ, Бродвэй 23 у Шмидта сына". Все это разсказано съ цѣлью рекламы...

ИГРЫ И ЗАДАЧИ

РЕБУСЪ задача № 67.

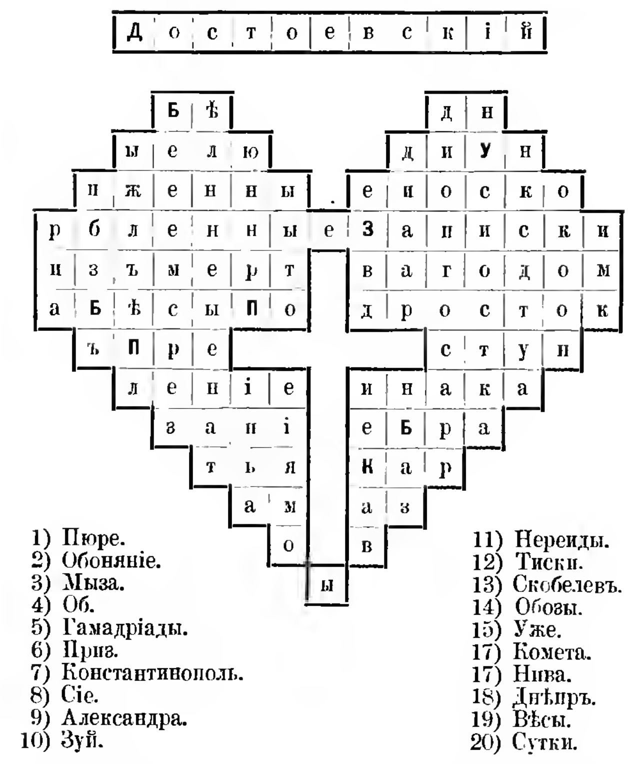
Рѣшеніе ребуса № 57.

На зеркало нечего пенять коли рожа коса.

Рѣшеніе ребуса № 58.

Долго-ль намъ еще потѣть и выносить жару Сахары русскаго лѣта.

Рѣшеніе задачи № 59.



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Глушкова-Ржевскаго, **Архангельскъ**—Кононовой, **Бахчисарай**—Дрембжи, **Варшава**—Блюмбергъ, **Воронежъ**—Смирнова, **Гомель**—Храмцова, **Ивановка**—Миклашевскаго, **Кіевъ**—Гомелло, Мизерницкаго, **Кострома**—Хитрова, Копнева, Полетаева, **Курскъ**—Пашкова, **Медынь**—Александрова.

2-й заемъ 1866 года. 33-й тиражъ 1-го Сентября 1882 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
4	27	500	2188	2	500	5181	36	500	7857	23	5000	10763	45	500	12797	15	500	15960	8	1000	17944	18	500
111	23	1000	2193	7	500	5389	22	500	7886	19	500	10780	13	500	12849	33	500	15962	30	500	17959	45	500
164	7	1000	2208	48	500	5422	43	500	7899	35	500	10839	18	500	13023	28	500	16189	9	500	17986	34	500
175	4	500	2271	25	500	5560	2	500	7979	22	500	10958	28	500	13075	5	500	16211	13	500	18000	5	500
211	46	1000	2328	13	1000	5586	41	500	8019	6	500	10974	16	500	13085	21	500	16213	39	10000	18058	21	500
342	22	500	2388	29	500	5604	48	500	8316	15	500	11011	22	500	13116	20	500	16244	4	500	18106	21	500
469	3	500	2429	20	500	5606	20	500	8363	15	500	11240	44	500	13316	23	500	16246	21	500	18132	2	200000
559	16	500	2477	30	500	5649	21	500	8578	8	500	11241	33	500	13346	1	500	16291	8	500	18158	28	500
582	4	500	2638	19	500	5684	24	500	8608	31	500	11267	45	8000	13370	20	500	16331	37	500	18186	19	500
606	42	5000	2639	46	500	5753	42	500	8642	33	1000	11284	6	500	13406	20	500	16392	26	500	18198	9	500
629	28	500	2656	26	500	5910	35	500	8748	48	500	11353	30	500	13446	19	500	16440	34	500	18229	41	500
638	38	500	2811	29	500	5916	46	500	8825	31	500	11431	12	500	13573	47	500	16448	13	500	18574	6	500
644	27	500	2864	14	500	5993	1	500	8999	32	500	11338	43	500	13785	17	500	16150	3	1000	18606	8	500
648	11	500	2876	50	500	6013	35	500	9014	50	500	11675	40	500	14001	23	25000	16465	36	500	18697	49	500
646	22	500	2968	5	8000	6021	14	500	9032	31	500	11680	39	1000	14014	25	500	16571	18	500	18776	36	500
694	1	500	3073	4	1000	6056	43	500	9074	3	500	11710	30	500	14106	50	500	16611	44	500	18820	8	500
696	33	500	3113	2	500	6104	9	500	9125	9	500	11819	13	500	14227	48	500	16647	45	500	18833	14	500
933	16	1000	3148	4	500	6121	14	500	9136	32	500	12017	15	500	14391	50	500	16673	24	500	18860	28	500
941	49	500	3200	17	500	6153	1	500	9171	45	500	12020	7	500	14558	26	500	16730	42	5000	18867	47	500
989	50	500	3256	27	500	6197	27	500	9366	17	500	12040	2	500	14758	28	1000	16797	17	500	18916	36	500
991	35	500	3546	46	500	6.65	14	500	9393	44	500	12055	41	500	14826	42	500	16810	23	500	19100	15	500
1039	47	500	3711	16	500	6528	28	500	9445	48	500	12093	42	500	14856	41	500	16813	29	500	19108	26	500
1040	36	500	3767	33	500	6505	16	500	9611	11	500	12105	27	1000	14970	42	500	16876	45	500	19108	35	500
1170	25	500	3844	32	500	6650	28	500	9639	39	500	12153	11	500	15133	32	500	16932	12	500	19113	41	500
1209	30	500	3891	8	1000	6769	1	500	9707	15	500	12211	32	500	15159	20	500	16974	29	500	19243	39	500
1240	36	500	3896	13	500	6884	43	500	9721	9	1000	12216	41	500	15301	22	500	17013	28	1000	19249	27	500
1242	38	500	3928	10	500	6981	3	500	9713	49	500	12321	49	5000	15395	3	1000	17030	24	500	19267	35	500
1329	31	500	3917	36	75000	7027	50	1000	9777	12	500	12332	7	1000	15416	2	500	17131	11	500	19331	12	8000
1334	21	500	4035	13	500	7101	23	500	9988	39	500	12398	31	500	15448	11	500	17172	21	500	19336	48	500
1347	30	500	4090	16	500	7204	36	8000	9996	7	10000	12473	38	500	15485	46	5000	17214	6	500	19354	33	500
1543	43	500	4296	3	500	7349	45	500	10106	29	500	12497	47	500	15491	26	500	17291	33	500	19367	11	500
1625	49	500	4303	46	500	7354	38	500	10206	27	5000	12575	41	40000	15543	8	500	17321	40	500	19564	21	500
1788	32	500	4320	44	500	7471	30	500	10346	34	500	12634	4	500	15637	5	500	17346	43	5000	19574	17	500
1811	50	500	4487	7	1000	7526	18	5000	10413	32	500	12645	9	500	15689	30	500	17366	33	500	19697	11	500
1848	8	500	5029	31	1000	7607	20	500	10437	1	500	12735	12	500	15833	32	500	17412	10	500	19826	9	1000
1900	2	500	5039	14	500	7680	21	500	10488	14	500	12739	27	500	15842	23	500	17788	1	500	19853	30	500
1951	39	500	5054	43	500	7760	4	500	10568	31	8000	12761	1	500	15850	27	500	17911	28	500	19861	50	500
2123	6	500	5054	45	500	7809	9	500	10762	20	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ.

54. 445, 813, 1542, 2028. 2150, 2332. 2512, 2650. 2816. 3143, 3157, 3389, 3742, 3781, 4092, 4165, 4457, 4520, 4685, 5037, 5203. 6313, 7125, 7281, 7720, 8210, 8343. 8564, 9172, 9295, 9408, 9629, 9655, 9752, 9764, 9872, 10179, 10478, 10534, 11329, 11556, 11899, 11981, 12777, 12900, 13175, 14200, 14393, 14682, 14884, 14900, 14971, 16099, 16238, 16503. 17151, 17932. 18292, 18396, 18802, 19077, 19088, 19120. 19190, 19313, 19938, 19943.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 18 Сентября 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	4 р.
Съ доставкою въ Петербургѣ . . .	5 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской. Петровская Торгов. линія	5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р. съ пересылкою иногороднымъ 3 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. — руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Всероссійская промышленно-художественная выставка.

Павильонъ экспертовъ.

Помѣщаемъ здѣсь внѣшній видъ павильона экспертовъ, прекраснаго, каменнаго зданія, выстроеннаго противъ шоссе, между машиннымъ отдѣленіемъ и отдѣленіемъ металлическихъ издѣлій. Видъ самаго зданія простъ и изященъ, онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Стѣны изъ глазированнаго кирпича выдѣляются очень красиво и оригинально. Внутренняя отдѣлка совершенно соотвѣтствуетъ внѣшнему виду зданія. Мы считаемъ не лишнимъ ознакомить читателей съ организаціей вообще экспертовъ на нашей московской промышленно-художественной выставки. Нечего и говорить о значеніи экспертовъ для каждой выставки такъ какъ для экспонента кромѣ сужденія публики все таки важно и дорого заключеніе свѣдущихъ людей близко знакомыхъ съ условіями и трудностями извѣстнаго производства. Здѣсь уже нѣтъ увлеченія однимъ внѣшнимъ лоскомъ, щеголеватостью продукта, къ которому такъ бываетъ иногда склонна незнакомая съ дѣломъ толпа; здѣсь оцѣниваютъ неподкупно и строго и вотъ отчего каждый экспонентъ такъ дорожитъ окончательнымъ рѣшеніемъ экспертовъ имѣющимъ несомнѣнное вліяніе на всю его дальнѣйшую дѣятельность. Въ виду такой важности экспертовъ, послѣднія на всѣхъ выставкахъ организуются какъ можно тщательнѣе и строже; такая же тщательность и строгость наблюдалась и въ устройствѣ экспертизы Московской выставки. Половинное число членовъ экспертныхъ коммиссій подлежало выбору совѣта управленія выставки, причемъ каждый выбранный ею кандидатъ окончательно утверждался Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Другая же половина членовъ экспертныхъ коммиссій была назначена Министромъ Финансовъ, по предварительному сношенію съ различными вѣдомствами и по соглашенію съ Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Предварительно же распорядитель каждой группы составлялъ списокъ лицъ, которыя по его убѣжденію могли быть полезны для цѣлей экспертовъ какъ спеціалисты извѣстнаго производства.

Члены каждой экспертной коммиссіи должны были избирать изъ своей среды предсѣдателя для наблюденія за общимъ ходомъ работъ; товарища предсѣдателя для замѣщенія перваго на случай его отсутствія и одного или нѣсколькихъ докладчиковъ.

Кромѣ того членамъ коммиссій дано было право пригласить для совѣщаній не только экспертовъ другихъ коммиссій но даже и постороннихъ знатоковъ извѣстнаго производства. Окончательное же распредѣленіе общаго числа медалей по группамъ и разсмотрѣніе докладовъ экспертныхъ, коммиссій лежало на обязанности главнаго комитета экспертовъ, рѣшенія котораго окончательно утверждались Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Работы экспертовъ можно было видѣть ежедневно на выставкѣ около витринъ экспонентовъ. Здѣсь каждая группа экспертовъ въ полномъ составѣ подъ руководствомъ своего предсѣдателя дѣлала общій обзоръ всѣхъ выставленныхъ предметовъ. Остальная же экспертиза производилась уже въ экспертномъ павильонѣ, гдѣ спеціалисты, на свободѣ, не стѣсняясь посторонней публикой, могли внимательнѣе и успѣшнѣе выполнить свою трудную и серьезную задачу.

Въ томъ же зданіи, предназначенномъ для экспертовъ, устроено отдѣленіе почтъ и телеграфовъ а также отведена особая комната для репортеровъ и корреспондентовъ газетъ, гдѣ послѣдніе могли бы, вдали отъ шума и толпы, заняться спѣшной и безотлагательной работой.

Въ южной глуши.

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

П. П. Гнѣдича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

X.

Чмутовъ выѣхалъ на своемъ поджаромъ конькѣ въ полѣ, посмотрѣть, какъ убираютъ рапсъ,—онъ въ первый разъ его посѣялъ и очень интересовался его уборкой. Замѣтивъ среди рабочихъ сѣренькій пиджакъ и обвислую шляпу студента, онъ прямо поскакалъ на него. Его бѣсила мысль, что около его хутора возможна агитація, что рабочіе вдругъ заявятъ какія нибудь претензіи—и поля, чего добраго, останутся неубранными... Проучу я этого мальчишку, злобно шепталъ онъ затягивая поводья и наскакивая на него.

— Кто вы такой? крикнулъ онъ еще издали.—Что вамъ здѣсь надо?..

Лухмановъ опустилъ вилы и вѣжливо снялъ шляпу.

— Homo sum, collega,—homo... *)

— Вы что же здѣсь дѣлаете? спросилъ Чмутовъ, нѣсколько опѣшенный отъ латинской фразы.

— Помогаю дивчатамъ... Я люблю дивчатъ...

— Я бы васъ попросилъ удалиться, хмурясь возразилъ Чмутовъ. Очень попросилъ бы—и почему вы меня называете коллегой, право я не знаю, кажется общаго между нами нѣтъ ничего.

— Какъ нѣтъ.—возразилъ Лухмановъ, картинно опираясь на вилы. Мы съ вами интеллигенція, профильтрованная культура—люди мысли.—а это вѣдь что—plebs **). Онъ повелъ рукой на окружавшихъ его дивчатъ. Параска, крикнулъ онъ, ты чувствуешь, что ты плебейка?..

Параска хихикнула въ рукавъ.

— А разница между нами та, продолжалъ Лухмановъ, что вы—буржуа, а я пролетарій... A propos,—если я не ошибаюсь вы г-нъ Чмутовъ?.. Вы, я знаю, занимаетесь сравнительной филологіей—не находите-ли вы нѣчто общее между французскимъ prolétaire, и русскимъ „пролетѣлъ?“

Чмутовъ молча смотрѣлъ на него въ упоръ, и ждалъ, когда онъ кончитъ. Лухмановъ встрѣтилъ его взглядъ и опустилъ глаза, но тотчасъ же ихъ поднялъ.

— Я изъ пролетѣвшихъ, сказалъ онъ,—но это ничего: значитъ все таки летѣлъ когда-то—пингвиномъ безкрылымъ никогда не былъ.

— Я бы васъ покорнѣйше попросилъ,—началъ Чмутовъ.—не ходить по моимъ полямъ.

— Pourquoi donc?

— Это ужъ мое дѣло.

— Та-акъ-съ. — А скажите пожалуйста, господинъ Чмутовъ.—васъ не удивляла никогда мысль, что для винтика отвертка есть, и для того, чтобъ винтикъ отвинтить, не надо стѣну ломать?

Чмутовъ хотѣлъ понять сразу, что хочетъ сказать своей запутанной фразой этотъ улыбавшійся, смѣло глядѣвшій на него своими бѣгающими глазками рыжій господинъ,—и не могъ уловить мысли,—въ головѣ его все какъ-то разбѣгалось. Онъ сразу перемѣнилъ разговоръ.

— О чемъ вы сейчасъ объяснялись съ моими рабочими? спросилъ онъ.

— Съ *вашими* рабочими, на *вашихъ* поляхъ.—засмѣялся Лухмановъ подчеркивая слова.—Я вотъ этой Параскѣ въ любви объяснялся въ самыхъ пылкихъ выраженіяхъ. Она меня хладно отвергаетъ, говоритъ—„ходи прочь, ну тебя“!

Чмутовъ все хотѣлъ придраться, выгнать его съ поля и не могъ.—Вы мѣшаете моимъ рабочимъ, сказалъ онъ, я васъ прошу чтобы впредь этихъ разговоровъ не было...

— Вы знаете, что значитъ по гречески pausikápe? внезапно спросилъ Лухмановъ. Это намордникъ такой съ замкомъ: его надѣвали рабамъ, когда они тѣсто мѣсили, чтобы они не ѣли его.—Вотъ бы вамъ такой на-

*) Я человѣкъ, товарищъ,—человѣкъ...

**) Чернь...

мордникъ на этихъ дѣвицъ надѣвать, чтобы со мной не разговаривали.

— Гораздо лучше,—возразилъ Чмутовъ,—васъ сюда не пускать... Въ послѣдній разъ говорю вамъ—уходите—иначе я за себя не ручаюсь...

— То есть вы меня арапникомъ вытяните?.. Да, тогда выйдетъ нѣчто „horribile dictu“ *),—ибо у меня въ рукахъ рогатина...

— Вонъ! бѣшено крикнулъ Чмутовъ, вдругъ краснѣя и наѣзжая на него—чтобъ духу вашего не было...

Лухмановъ бросилъ рогатину и приподнялъ съ улыбкой шляпу...

— Всякихъ благополучій, сказалъ онъ, и повернувшись пошелъ прочь. Чмутовъ поворотилъ лошадь въ другую сторону...

— Господинъ Чмутовъ! внезапно крикнулъ Лухмановъ. Тотъ остановился.

— Вы какую роль на спектаклѣ играете?

Чмутовъ, не отвѣчая, далъ шпоры лошади и поскакалъ прочь. Лухмановъ прищурясь и заложивъ руки въ карманы, слѣдилъ за нимъ.

— Рантье проклятые,—проворчалъ онъ. Ужь я вамъ преподнесу на вашемъ спектаклѣ штуку... Будете меня припоминать...

И онъ побрелъ черезъ пахатное поле къ городу, бросая вокругъ недовольные взгляды.

XI.

Съ мужемъ Анна Павловна не говорила, или почти не говорила: развѣ только самыя необходимыя фразы за столомъ. Они молчали днями. Онъ молча уходилъ въ поле, возвращался; молча здороваясь и прощаясь, цѣловалъ по привычкѣ, жену въ руку и щеку. Въ сущности прямой ссоры между ними не было—и эти молчаливыя отношенія стали за послѣднее время обращаться у нихъ въ привычку. Да и говорить было не о чемъ: все переговорено, и давно уже переговорено.

Разъ утромъ онъ вошелъ къ ней въ уборную. Она причесывалась, придерживая одной рукой косу, а другой втыкая въ нее шпильки. По лицу мужа она сразу увидѣла, что онъ не въ духѣ. Сбросивъ на столъ шляпу онъ заходилъ изъ угла въ уголъ.

— Къ тебѣ гости ѣдутъ,—сказалъ онъ.

— Кто? удивилась она, поворачиваясь.

— Ярцевъ.

— Почему-же ко мнѣ, а не къ тебѣ? дрогнувшимъ голосомъ сказала она.

Лицо его скривилось въ улыбку.—Да я ему какой-же представляю интересъ, возразилъ онъ разводя руками.—Онъ со мной не можетъ связать двухъ словъ... Вѣдь понятно—онъ для тебя ѣздитъ—спроси хоть у Приски—и она тебѣ скажетъ...

— Ну, и что-же? Что-же ты всѣмъ этимъ хочешь сказать...

— Я ничего не хочу сказать, — я предоставляю это на твое усмотрѣніе...

— Ты хочешь чтобъ Ярцевъ не ѣздилъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Это будетъ стѣсненіе—мой девизъ не стѣснять никогда никого. Ты къ нему привыкла, онъ твой другъ, пусть ѣздитъ...

Онъ еще скорѣе заходилъ по комнатѣ.—Вѣдь ничего-же нѣтъ между вами, я очень хорошо знаю,—и не можетъ быть, конечно, ничего не можетъ быть,—успокоительно возражалъ онъ.—Мало-ли кто къ кому ѣздитъ... Да и наконецъ, что можетъ быть глупѣе ревности?.. И съ какой стати я буду тебя ревновать... Да, это въ теоріи!.. А между тѣмъ на практикѣ... Вотъ иногда у меня является ужасное желаніе... и это только въ послѣднее время... Да нѣтъ, не надо объ этомъ говорить!..

Онъ замолчалъ, круто оборвавъ рѣчь.

— Какое-же у тебя является желаніе? какъ-то беззвучно-машинально спросила она.

*) Ужасно сказать.

Онъ остановился сзади ея, такъ что они видѣли взаимно лица въ туалетномъ овальномъ зеркалѣ. Она была блѣдна, у него мускулы дрожали на щекахъ.

— Ты хочешь знать? Хочешь? чтоже, я скажу...

— Ну!.. Я жду...

— Страстное желаніе придушить, — сквозь зубы сказалъ онъ... Тебя, тебя придушить, — быстро прибавилъ онъ, встрѣтившись съ ея взглядомъ въ зеркалѣ... Голову тебѣ свернуть какъ куренку...

Она встала, отодвигая табуретъ, посмотрѣлась послѣдній разъ въ зеркало и оглянулась. Онъ предупредительно угадавъ ея намѣреніе, взялъ съ кресла черную кофточку. Она неловкимъ движеніемъ (кофточка застегивалась сзади, и потому непривычно было ее надѣвать) просунула руки въ рукава. Бѣлыя, обнаженныя, мягко кругливщіяся плечи, съ золотой, тонкой цѣпочкой нагруднаго креста закрылись. Онъ началъ застегивать безконечный рядъ пуговицъ, сперва медленно, потомъ скорѣй. Она все молчала. Онъ застегнулъ; она подошла къ туалету, не торопясь подавила гуттаперчевый сифонъ пульверизатора, брызнула на себя духами, и пошла къ двери. Чмутовъ схватилъ ее за руку.

— Аня, — сказалъ онъ, — Аня... Ну что-же ты молчишь,—ни слова, ни одного слова...

— Что-же мнѣ говорить, пожавъ плечами возразила она, и высвободивъ свою руку пошла изъ комнаты.

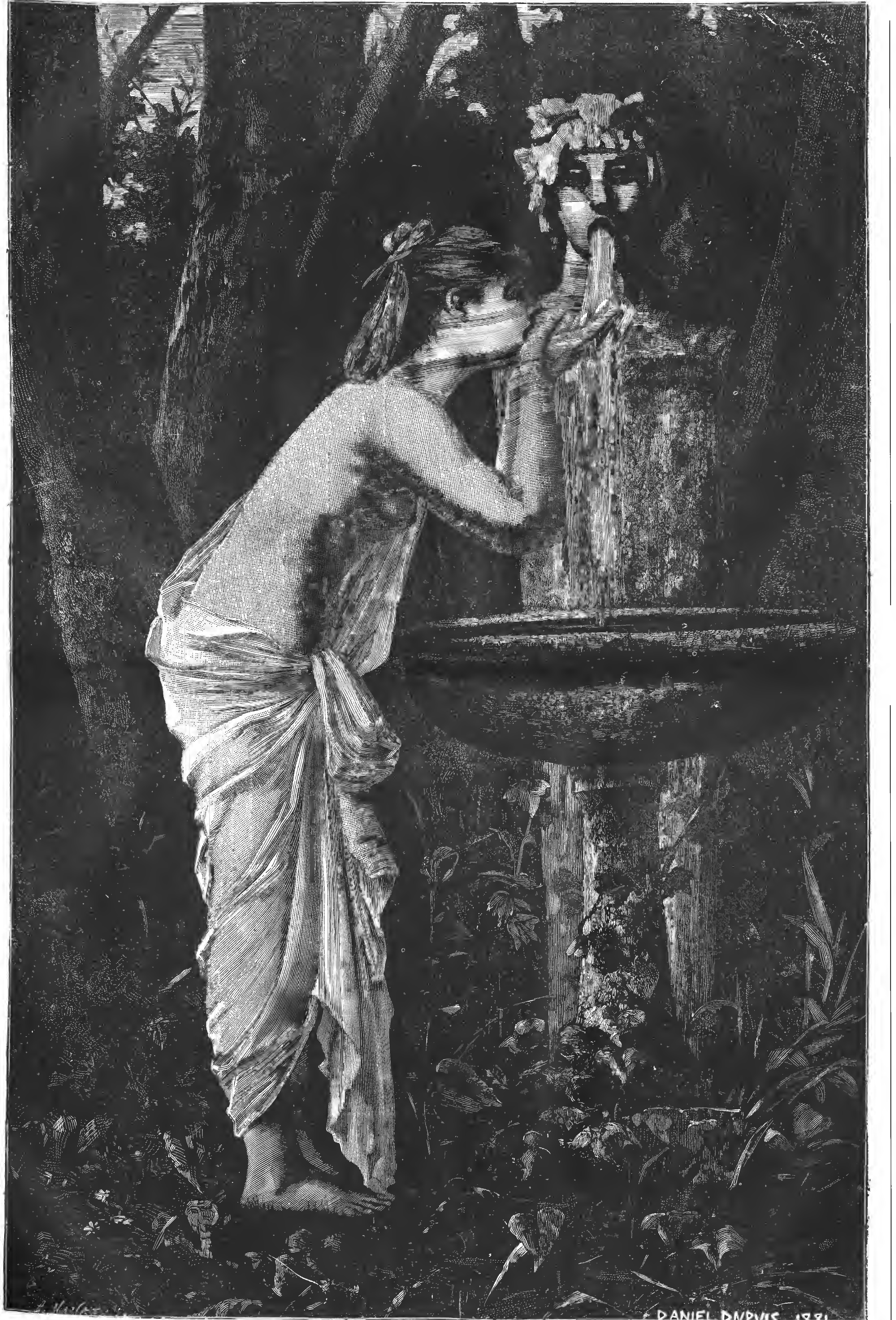
— Аня, прости меня, — молящимъ голосомъ заговорилъ онъ,—я опять быть можетъ...

— Ахъ, оставь меня, оставь ради Бога,—почти крикнула она. Вѣдь ты молчалъ полторы недѣли,—и я молчала. Было хорошо, спокойно.—Не надо говорить—будемъ молчать, молчать всегда, постоянно...

Она торопливо, словно боясь, что онъ еще разъ ее остановитъ, прошла на балконъ, и спустилась въ садъ.

Она никого не хотѣла видѣть—даже Ярцева. Ей нравилась мысль, что онъ тутъ, — а она къ нему не пойдетъ. Она скорымъ шагомъ, сдерживая душившія ея слезы, шла по дорожкѣ. Ея мысли путались... „Придушить, — да за что-же, за что-же? думала она, — что-же я ему сдѣлала такое“?.. Она чувствовала, что съ каждымъ днемъ она болѣе и болѣе теряетъ изъ подъ ногъ почву. Она не понимала своихъ отношеній къ мужу. То онъ былъ ей противенъ, то жалокъ,—она сознавала ясно только одно, что она его не любитъ. Она вышла за него какъ-то машинально, какъ выходитъ большинство нашихъ дѣвушекъ. Онъ присватался, казался очень въ нее влюбленнымъ, былъ богатъ (богаче Ярцева гораздо), превосходно образованъ, не старъ. Она согласилась. Она какъ въ туманѣ была тѣ полгода, пока не сыграли свадьбу. И всю ложь своего положенія она сознала только тогда, когда послѣ вѣнца осталась съ нимъ вдвоемъ глазъ на глазъ...

Предъ ней вдругъ ясно — ясно теперь, черезъ три года, предстала эта сцена. Въ день свадьбы они уѣзжали на мѣсяцъ въ деревню. Она была въ коротенькой желтенькой шубкѣ, отороченной соболями (на дворѣ была ростепель). Знакомые собрались на полутемную платформу ихъ провожать. Она была какъ въ чаду. Мелькали фонари, знакомыя лица, таяла на краяхъ бокаловъ пѣна шампанскаго, мать безконечно долгими поцѣлуями прощалась съ ней. Потомъ звонки, свистокъ,—поѣздъ тронулся, освѣщенный городъ остался позади, ее охватилъ со всѣхъ сторонъ мракъ, и только сквозь двойныя стекла мелькали одинокіе огоньки сторожевыхъ будокъ. Она какъ въ забытьѣ стояла въ узенькомъ корридорчикѣ вагона. Мужъ подошелъ къ ней, тихонько дотронулся до ея плеча, сказалъ, что тутъ дуетъ. Она пошла за нимъ въ купе. Газъ скупо горѣлъ и нагрѣвалъ до духоты тѣсное помѣщеніе. Вокругъ, на диванахъ и въ сѣткахъ, качались груды дорожныхъ вещей. Она сняла шубку, шапочку — оглянулась и вздрогнула: съ каждымъ мигомъ она отъ Петербурга все дальше,



Хлоя у фонтана. Съ картины Дюпюи, грав. А. Гауеръ.

дальше — отъ всего дорогаго, милаго, — отъ всего, къ чему она такъ привыкла, — все это тамъ, позади осталось... А тутъ?.. Она глазъ на глазъ съ человѣкомъ— который не имѣетъ никакого отношенія къ этому прошлому — да ему и дѣла нѣтъ до этого ея прошлаго, который, правда, любитъ ее, но... „Но вѣдь я-то его не люблю“, — въ первый разъ сознательно, вполнѣ сознательно рѣшила она... Но теперь было уже поздно,— возврата не было. Они обвѣнчаны, — вотъ онъ сидитъ рядомъ съ ней, крѣпко-крѣпко обнялъ ее рукой...

Ей стало жутко при одномъ воспоминаніи... Этотъ вагонъ, эта давящая атмосфера, что окружало ее... Она все силилась тогда доказать себѣ, что это сонъ, что на яву никогда такъ тяжело не дышется, что это сонъ, отъ котораго можно проснуться, возвратиться къ живой, яркой, свѣжей жизни... Но колеса поѣзда глухо рокотали, черная ночь смотрѣла въ окна,—и она уносилась куда-то все впередъ и впередъ—зачѣмъ, для чего—она не отдавала себѣ отчета...

Странный онъ былъ человѣкъ... Онъ такъ страстно, горячо любилъ ее, былъ такой образованный, умный. И не было въ немъ одного: чуткости не было. Что ни шагъ — она натыкалась на грубую, неотесанную, внутреннюю сторону его натуры. Онъ не понималъ, что семейныя начала стараго дворянскаго дома слишкомъ глубоко укоренились въ ней, что слишкомъ осторожно надо дотрогиваться до нѣкоторыхъ струнъ ея внутренней жизни,—что ее оскорбляло тó, въ чемъ онъ совсѣмъ не видѣлъ оскорбленія... Богъ его знаетъ отчего это происходило, — отъ мѣщанской-ли обстановки семьи,—(онъ былъ сынъ какого-то подрядчика или откупщика),— семьи, въ которой онъ считался первымъ разумникомъ, или ужъ такъ нескладно сформировалась его натура,— но только съ первыхъ-же недѣль супружества пошелъ разладъ. Они не понимали другъ друга. Онъ смѣялся надъ ней, даже корилъ дворянствомъ, — точно она виновата была, что родилась не отъ разночинца. Онъ упрекалъ ее, что у ней нѣтъ приданаго, что онъ взялъ ее нищею,—хвастался своимъ образованіемъ, тѣмъ что онъ вышелъ изъ народа — что онъ не одряхлѣлая, живая сила...

Потомъ она вспомнила, какъ она старалась привыкнуть къ нему, подладиться подъ его характеръ и какъ это не удавалось ей—не могла сломить она себя... Одно время она рѣшила,—что вѣдь кромѣ самой себя некого обвинять въ этомъ бракѣ, — и какъ-то успокоилась на мысли, что это какой-то крестъ, данный ей свыше. Она стала покойнѣе, ровнѣе—но все это было не то, что-то совсѣмъ другое,—это была не жизнь...

Минувшая зима оборвала ея послѣднія привязанности къ мужу. Онъ ее давилъ своимъ педантизмомъ, писалъ какое-то ученое сочиненіе, попрекалъ ее пустотою. Она отмалчивалась. Теперь, лѣтомъ, когда ссоры стали повторяться чуть не ежедневно,—молчать болѣе она не могла, — она рвалась куда-то на волю, стараясь возможно сдерживаться...

— Натура-ли у меня такая испорченная, думала она, идя паркомъ,—другая, быть можетъ, была-бы счастлива на моемъ мѣстѣ: мужъ меня такъ любитъ, а я... я его ненавижу... Господи, что-же мнѣ дѣлать, куда идти?..

Она въ отчаяніи остановилась.—Вѣдь если-бы я хоть знала, что *онъ* меня любитъ?.. Пожить одну минуту, только одну... Сказать себѣ,—да, я жила—и любила...

Она закрыла на мгновеніе глаза, потомъ внезапно повернулась, и пошла къ дому.—Я у него спрошу прямо— да, или нѣтъ, — говорила она то краснѣя, то блѣднѣя, торопливо огибая клумбы...

Она твердыми шагами вошла въ залу—тамъ не было никого;—въ сосѣдней комнатѣ возилась Приска.

— Гдѣ Борисъ Өедоровичъ? спросила она.

— Да винъ тутъ и не булъ, — равнодушно отвѣтила та:—Проїхалъ тилько.

— И не заѣзжалъ?

— Ни!

— Ни! повторила она, остановившись посреди залы,— сердце такъ колотилось.—Ни... и не заѣзжалъ даже... А всѣ знаютъ, — вотъ и Приска знаетъ, зачѣмъ онъ ѣздитъ,—всѣ знаютъ...

XII.

Вечеромъ въ тотъ-же день была назначена репетиція. Передъ обѣдомъ Анна Павловна написала Ярцеву письмо. „Заѣзжайте къ намъ, писала она: — на репетицію поѣдемъ вмѣстѣ. Мнѣ надо съ вами поговорить, поговорить о многомъ. Вы не повѣрите, до чего я измучилась за эти дни, до чего мнѣ тяжело“.

Ярцевъ получилъ записку въ клунѣ, стоя возлѣ вѣялки, которую вертѣли двѣ дюжія дивчины, и отъ которой пыль валила густыми облаками. Онъ пробѣжалъ письмо, — и велѣлъ тотчасъ-же закладывать дрожки.— „За соломинку, хватается, тонетъ“, — повторялъ онъ, шагая черезъ кучи вымолоченнаго рапса.—„Дольше выдерживать силъ нѣтъ—захлебывается... Ну, а я-то тутъ причемъ?—Прохожій, первый встрѣчный—не къ кому больше обратиться... Вѣдь не влюбилась-же она въ меня? Я ждалъ этого письма,—такъ продолжаться не могло... Теперь для нея началось что-то новое... да, началось“!

Когда онъ пріѣхалъ, и взглянулъ на ея лицо—сомнѣній для него больше не было. — „Началось“! повторилъ онъ про себя.—Она, застегивая перчатку, объявила, что мужъ уѣхалъ куда-то осматривать лѣса, и потому обратилась къ нему—одной ѣхать скучно.

Они сѣли въ коляску. Обоимъ было какъ-то неловко. Заговорили о пьесахъ, о роляхъ, объ участвующихъ: обоимъ это было не интересно, оба хотѣли говорить совсѣмъ о другомъ, и оба ждали — кто первый начнетъ. До города было всего четыре версты—и они уже были возлѣ стараго кладбища, которымъ открывался въѣздъ въ городъ, когда Ярцевъ вдругъ сказалъ:

— Вы хотѣли поговорить со мной, Анна Павловна?

— Да, хотѣла, — отвѣтила она внимательно глядя куда-то въ сторону.—Да теперь когда-же, некогда...

— О чемъ-же вы хотѣли... несмѣло началъ онъ.

Она повернула къ нему голову. — Вѣдь вы хорошо знаете, медленно возразила она, — зачѣмъ-же спрашивать?..

— Вы говорите—вамъ тяжело...

Она молчала.—Я вамъ сочувствую, продолжалъ онъ,— я вамъ глубоко сочувствую. И понимаю ваше положеніе...

— Борисъ Өедоровичъ, — гдѣ-же выходъ? съ тихимъ отчаяніемъ проговорила она. Укажите мнѣ исходъ...

— Вы мужа не любите?

Она отрицательно качнула головой.—Уйдите отъ него, сказалъ онъ.

Она тяжело дышала, грудь ея порывисто вздымалась подъ накидкой.—Уйти, — повторила она — куда уйти, чѣмъ жить? да онъ меня не отпуститъ...

— То есть какъ же не отпуститъ, если вы уйдете?..

— Онъ вернетъ меня... Это сумасшедшій—вы его не знаете. Онъ влюбленъ въ меня, но только,..

— Что же вы остановились? Анна Павловна, говорите.

Она низко наклонила голову, разбирая бахрому на платьѣ.

— Онъ любитъ не меня—онъ говоритъ, что мы не сошлись... Онъ любитъ... Ну, вы понимаете, онъ любитъ меня за внѣшность... Онъ боготворитъ меня какъ... молодую женщину.

Ярцевъ скользнулъ взглядомъ по ея златокудрой головкѣ, по кокетливой черной шляпкѣ; маленькія, чувственныя влажныя губки какъ-то по дѣтски дергались, въ синихъ глубокихъ глазкахъ вспыхивали огоньки. Милый, давно знакомый образъ дышалъ въ эту минуту для него такой невыразимой прелестью...

— Найти средство, чтобы уйти отъ него можно всег-

да, сказалъ онъ... Если бы... если бы только вы были согласны..

— Бываютъ минуты—когда я согласна на все.—съ жаромъ отвѣтила она.—а порой мнѣ его такъ жалко...

— Подумайте хорошенько,—продолжалъ Ярцевъ—и если вы скажете *да*, если вы захотите уйти—я быть можетъ найду средство...

Въ это время коляска подъѣхала къ крыльцу. Она крѣпко оперлась черезъ перчатку на его руку и легко спрыгнула на землю. Онъ отвѣтилъ на ея пожатіе такимъ же крѣпкимъ пожатіемъ, и они пошли черезъ стеклянную галлерею въ домъ, изъ открытыхъ оконъ котораго слышались смѣхъ, фортепіано, мелькали женскія и мужскія фигуры.

Они пріѣхали послѣдними. Впрочемъ ихъ не ждали и репетировали водевиль, въ которомъ они не участвовали. Къ немалому изумленію Ярцева, посрединѣ залы сидѣлъ на стулѣ Лухмановъ съ тетрадкой: оказалось, что его назначили суфлеромъ. Къ общему удивленію эту непріятную обязанность онъ принялъ на себя тотчасъ, едва Таганцевъ о ней заикнулся; принялъ, вѣроятно, соблазнившись перспективой ужиновъ и выпивки—этихъ необходимыхъ дополненій каждаго провинціальнаго „вечера". Онъ былъ, кажется, очень доволенъ своей должностью и какъ-то радостно покрякивалъ. Толстый Мармышевъ, уже не молодой, здоровый, видный мущина съ трясущимися розовыми щеками, пѣлъ подъ фортепіано какой-то глупѣйшій водевительный куплетъ,—окружавшіе его хохотали,—вокругъ стоялъ такой гамъ, что положительно нельзя было ничего разобрать...

— Позвольте, господа, позвольте, такъ нельзя,—горячился Таганцевъ, исправлявшій должность режиссера. Я попрошу васъ на мѣсто. Семенъ Никитичъ—начните снова четвертое явленіе. Господинъ Лухмановъ, потрудитесь „подавать"...

Лухмановъ (онъ оказался очень недурнымъ суфлеромъ) сталъ „подавать" въ десятый разъ одну и ту же страницу.—Аннѣ Павловнѣ стало ужасно весело, едва она переступила порогъ зала, и хозяинъ, очень толстый усатый полковникъ, укорилъ ее въ позднемъ пріѣздѣ.—„Онъ меня любитъ", радостно сознавала она, слѣдя глазами за Ярцевымъ, который отошелъ къ мущинамъ.—„Какъ здѣсь славно, просто, хорошо,—а что самое лучшее,—это что его нѣтъ—мужа"...

Она подошла къ Богучаровой. Веселая барышня была уже давно тутъ—и вдобавокъ безъ опеки: она пріѣхала съ отцомъ, и онъ засѣлъ въ сосѣдней комнатѣ играть въ карты.

— Здѣсь чудо какъ хорошо,—подтвердила она замѣчаніе Анны Павловны.—Вотъ если бы эти репетиціи были каждый день и такъ всю жизнь.

Анна Павловна засмѣялась.—Тогда бы, чего добраго, вы сказали, замѣтила она,—„ахъ, если бы этихъ репетицій не было никогда—то-то было бы счастье"...

— Это отчего же? спросила дѣвушка.

— Оттого что... Оттого что мы гораздо больше дорожимъ тѣмъ, чего у насъ нѣтъ...

— И то правда,—быстро согласилась она.—Валерьянъ Степановичъ, подозвала она Таганцева,—правда, что для насъ дороже то, чего мы не имѣемъ?..

— Ну смотря по тому какъ и когда,—в село отвѣтилъ гусаръ.—Если чего не имѣешь, надо стараться пріобрѣсти, а пріобрѣтя держать покрѣпче обѣими руками... Тогда будетъ всегда дороже всего то, что имѣешь.

Его позвали зачѣмъ-то,—онъ отвернулся...

— Обѣими руками,—да! и ужъ не выпускать, сказала Богучарова.—Такъ, Анна Павловна?

— Такъ, отвѣтила Анна Павловна,—только счастье рѣдко попадаетъ въ руки...

— А его надо ловить,—рѣшила Вѣрочка.—Какъ увидѣли—такъ хватать и надо, не задумываться.

— Не задумываться,—повторила про себя Анна Павловна.—А что въ самомъ дѣлѣ... о чемъ думать? Можетъ быть счастье тутъ, подъ руками...

XIII.

Въ сущности между ней и Ярцевымъ о взаимныхъ чувствахъ не было сказано ни слова, но послѣ разговора въ колясқѣ у нихъ не оставалось на этотъ счетъ сомнѣній. Оба молоды, любятъ другъ друга,—но что-же дальше? Тутъ нить мыслей обрывалась, а дальше ничего видно не было. То, что она уйдетъ отъ мужа казалось невѣроятнымъ для обоихъ... Обманывать мужа?—лгать, притворяться, зависѣть отъ каждой горничной, отъ каждаго лоскутка бумаги—это было какъ-то дико, ненормально. Что же дальше?.. Оба, кажется, положились на время,—время покажетъ—что̀ и какъ...

Они старались больше держаться врозь—но это какъ-то выходило дѣлано. Въ трехактной основной піесѣ спектакля имъ приходилось играть вмѣстѣ, а во второмъ актѣ у нихъ было довольно энергичное объясненіе...

— Это мѣсто у васъ ничего:—выходитъ; замѣтилъ Лухмановъ, осипшимъ отъ усиленнаго подсказыванія голосомъ. Только вы, ранѣе, очень перевираете начало. Подучить слѣдовало бы.

Впрочемъ роли у всѣхъ были не тверды. Лучше всѣхъ знала роль Вѣрочка. Таганцевъ былъ отъ нея положительно въ восторгѣ.

— У васъ громадный талантъ, говорилъ онъ.—Помилуйте,—вы никогда не играя, прямо прониклись духомъ изображаемаго лица—создаете типъ. Вы—колоссальное дарованіе.

Колоссальное дарованіе краснѣло отъ восторга. Она была и въ правду очень мила, даже Мармышевъ, никогда ни на кого не обращавшій вниманія, подсѣлъ къ ней...

— Какіе у меня персики и ананасы въ этомъ году, хвастался онъ,—я вамъ, барышня, непремѣнно пришлю...

— Да они у васъ... тамъ ничего нѣтъ... Вы вотъ отца Михаила накормили гадостью какой-то.

— Еще въ постный день, засмѣялся Мармышевъ.—Чуть анаѳемѣ меня не предалъ,—видѣть теперь меня не можетъ.

Онъ заливался смѣхомъ, колыхая свой огромный животъ, тряся пухлыя щеки.—Вѣдь вотъ мнѣ кто въ этой операціи помогъ, сказалъ онъ, показывая на Лухманова,—тоже затѣйникъ...

Въ комнатѣ стоялъ словно чадъ,—свѣчи тускло горѣли и отъ жары и отъ пыли. Разговоръ шелъ сплошнымъ, непрерывнымъ гуломъ.

— Мы когда съ вами увидимся? тихо спросила Анна Павловна у Ярцева.

— Вѣдь вы говорите, что вашему мужу не нравятся мои посѣщенія...

— Онъ еще сегодня утромъ говорилъ, что ничего противъ этого не имѣетъ... Пріѣзжайте—мнѣ съ вами легче. Ну, придумайте предлоги какіе нибудь... Будете пріѣзжать,—да?

— Да,—съ усиліемъ выговорилъ онъ,—только зачѣмъ?

— Зачѣмъ, изумленно возразила она, уставляясь на него большими не то испуганными, не то недоумѣвающими глазами,—какъ зачѣмъ?..

— Ахъ, вы меня не понимаете,—вырвалось у него.

Лицо ея прояснилось.

— Завтра пріѣзжайте непремѣнно,—слышите, говорила она. Сейчасъ пріѣдетъ сюда мужъ, прибавила она съ гримаской,—онъ хотѣлъ къ десяти сюда заѣхать... Съ нимъ надо возвращаться домой,—какая мука!

— Вашъ выходъ,—въ третій разъ обратился къ ней Лухмановъ, ударяя тетрадкой по своей ладони и внимательно вглядываясь въ лица обоихъ...

Но она ничего не замѣчала—ни загадочныхъ взглядовъ Лухманова, ни легкихъ улыбочекъ толстой дамы.

сидѣвшей неподалеку отъ нихъ, — ей было такъ хорошо, такъ легко, весело, спокойно на душѣ—какъ давно не бывало,—а тамъ остальное—все пустяки, мелочи, вздоръ...

— Ну, что говорить? обратилась она къ Лухманову.

Онъ подалъ ей первыя два слова.

— А дальше?

— Не знаете-съ? И вы, рантьерша, пасуете... Можно и дальше... Только вамъ бы немножко оправиться надо—вы кажется несовсѣмъ подготовлены къ роли...

Она вспыхнула. Потрудитесь говорить подъ рядъ, возразила она,—я этого явленія совсѣмъ не учила...

XIV.

Къ одиннадцати часамъ пріѣхалъ Чмутовъ. Онъ небрежно поздоровался съ женой и прошелъ къ карточному столу, плотно затворяя дверь въ накуренный до нельзя кабинетъ, гдѣ лица играющихъ плавали словно въ туманѣ.

Таганцевъ замѣтивъ, что нѣсколько дѣвицъ, и въ числѣ ихъ Богучарова, вышли на балконъ, бросилъ режиссерство и выскользнулъ за ними.

— Какая ночь,—сказалъ онъ, найдя Вѣрочку,—вѣдь прелесть! такихъ ночей и на Украйнѣ поискать.

— Да,—отвѣтила она, запрокидывая голову и смотря на густую темную синеву, по которой фосфорическими огоньками вспыхивали крупныя звѣзды.—Очень хорошо. И тишь какая—теплынь.

— Хотите пройтись по саду,—предложилъ Таганцевъ,—хоть разъ обойдемъ его—всего пять минутъ?

— А какъ же,—начала было Вѣрочка, но тотчасъ же сама перебила себя.—Пойдемте, пойдемте!..

Она оперлась на подставленную ей руку и они пошли по дорожкѣ. Освѣщенный домъ и говоръ уходили назадъ, а впереди ихъ чернѣла безконечнымъ туннелемъ старая липовая аллея.

— Вы не боитесь? спросилъ онъ тихо.

— Чего? какимъ-то робкимъ шепотомъ отвѣтила она.

— Что темно?..

— Да вѣдь я съ вами!—И она еще крѣпче оперлась на его руку. Она совсѣмъ присмирѣла—вся ея бойкость куда-то исчезла, она шла какъ ребенокъ, котораго ведутъ, не спрашивая куда и зачѣмъ.

Таганцевъ чувствовалъ легкую дрожь во всемъ тѣлѣ—хотя ночь была теплая. Онъ чувствовалъ, что сейчасъ должно рѣшиться что-то важное, безповоротное.—Надо что-то было говорить, но слова, какъ на зло, не шли съ языка. Онъ озирался по сторонамъ, смотрѣлъ на черныя фантастическія деревья, словно стада великановъ окружавшія ихъ, и велъ ее все глубже и глубже въ аллею.—Ну что-же я молчу, сердился онъ,—что-же я молчу! вѣдь я долженъ сейчасъ все сказать, все...

Они подошли къ скамьѣ, стоявшей въ концѣ аллеи.—Сядемъ, сказалъ Таганцевъ. Она молча сѣла,—ждала что будетъ.

— Такая ночь вѣдь не повторится, проговорилъ Таганцевъ.—Душистая какая, здоровая... Какъ мнѣ славно, хорошо сегодня,—и вы тутъ, возлѣ...

— Это какая звѣзда, вы не знаете? спросила она, смотря кверху.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ, глядя не на небо, а на смутно чернѣвшую передъ нимъ головку, и подвигаясь къ ней ближе.—„Ну—теперь, или никогда, раздавалось въ его ушахъ... Но какъ, что сказать?“...

И онъ, неожиданно для самаго себя, внезапно притянулъ ее къ себѣ и прильнулъ губами къ ея нѣжной, приподнятой шейкѣ...

— Что вы, Валерьянъ Степановичъ,—слабо отбивалась она.

Онъ покрывалъ поцѣлуями ея щеки, глаза, губы, волосы, руки.—Радость моя, прелесть моя, шепталъ онъ,—люблю я васъ, люблю больше жизни...

Ему казалось что она улыбается, или невѣрный отблескъ звѣздъ скользилъ такими странными пятнами по ея лицу. Во всякомъ случаѣ она не сопротивлялась—и если не отвѣчала на поцѣлуи, то и не отталкивала его...

— Будешь моей женой, да, да? спрашивалъ онъ.

— Вы мнѣ прическу всю смяли, какъ я возвращусь, полусердито говорила она.

— Вѣрочка, милая,—ну скажи...

— Да что-же? Что вамъ сказать?..

— Одно только: любите-ли?..

— А такъ, самому, нельзя догадаться?

Таганцевъ отъ восторга какъ-то необычайно взвизгнулъ и упалъ къ ея ногамъ.

— Тише, чего ты, вѣдь услышатъ,—ласково говорила она, держа его за голову.—Такъ любишь,—да?...

Онъ былъ какъ помѣшанный, онъ цѣловалъ ея платье, ботинки, она смѣялась, и радовалась, и готова была заплакать.

— Я завтра поѣду къ твоему отцу, завтра-же утромъ заявилъ онъ. Ты его подготовь какъ нибудь: — онъ согласится, ты какъ думаешь?..

— Вотъ не знаю,.. Нѣтъ, вѣрнѣй не согласится.

— Отчего?

— Да ужь не согласится! Онъ очень меня любитъ.—ну и не согласится.

— Коли любитъ, такъ скорѣй согласится.

— Ахъ, какой ты! Ему жаль со мной разстаться, онъ говоритъ, что я еще молода—семнадцати лѣтъ нѣтъ.

— Ну такъ какъ же тогда?

— А тогда мы убѣжимъ.

— Ты убѣжишь со мной?

— Убѣгу, — и она со смѣхомъ цѣпляясь за жесткіе шнуры ментика, спрятала на его груди свою головку.

По аллеѣ раздались шаги. Они ничего не слышали,—они были полны другъ другомъ — остальнаго міра для нихъ не существовало.

— Это кто тутъ? раздался голосъ возлѣ нихъ и тяжелое отдуваніе. Кто это?...

Оба замерли на мгновеніе. Спичка шаркнула и внезапно освѣтила ихъ и внимательно-строгое лицо Мармышева.

— Здравствуйте, сказалъ онъ. — А я слышу чмокъ-чмокъ! вы бы поосторожнѣе...

— Семенъ Никитичъ,—это моя невѣста, — запинаясь возразилъ Таганцевъ.

— А-а! очень пріятно... Что же мнѣ вашъ батюшка ничего не говорилъ—или это тайна?

— Онъ еще ничего не знаетъ, — поспѣшилъ заявить Таганцевъ.

— А-а-а! еще болѣе протянулъ Мармышевъ. Но вы ему все-таки скажете?..

— Да... я завтра-же думаю...

— Завтра, — это хорошо. Ну, что-же вы тутъ остаетесь?

— Нѣтъ,—мы идемъ тоже.

Они тронулись по дорожкѣ.—Раненько, барышня, замужъ собрались,—началъ Мармышевъ,—ну, поздравляю, поздравляю...

— Семенъ Никитичъ, милый! крикнула Вѣрочка и подпрыгнувъ, охватила его за шею. — я васъ разцѣлую.

— Немножко финалъ вышелъ не тактиченъ, думалъ Таганцевъ, а то все хорошо — очень хорошо... Ну, да Мармышевъ человѣкъ порядочный.

Отсутствія ихъ рѣшительно никто не замѣтилъ. Чмутовы ужь уѣхали. Ярцевъ сразу сталъ скучнымъ, неразговорчивымъ, ушелъ въ себя. Лухмановъ его чѣмъ-то дразнилъ. Вѣрочка пошла звать отца ѣхать домой. Таганцевъ, подсаживая ихъ въ экипажъ, хотѣлъ поцѣловать ея руку, но это какъ-то не удалось. Остальные тоже скоро разошлись; огни потухли — и только серебристая луна заливала своимъ голубоватымъ свѣтомъ, заснувшій, словно декорація недвижный, спокойный гор...

(До слѣд. №.)

Молодая хозяйка. Съ картины О. Мейера, грав. Зегеръ.

Малосская пѣвица.

Разсказъ **Э. Брауна.**

Весною 1875 года я заболѣлъ довольно сильною нервною болѣзнью: никакія старанія докторовъ не могли вызвать ни малѣйшаго облегченія, я сталъ приходить въ отчаяніе. Тогда мнѣ посовѣтовали ѣхать къ Пиренеямъ, на купанье въ По, гдѣ и поселиться или въ самомъ городѣ, или въ его окрестностяхъ,—главнымъ образомъ, избравъ себѣ мѣстность по вкусу. Это условіе обѣщало много хорошаго для успокоенія моихъ нервовъ и я, получивъ согласіе моего доктора, быстро снарядился и, нѣсколько дней спустя, отправился, чрезъ Страсбургъ, Мюльгаузенъ, Дижонъ, Лимонсъ,—къ Пиренеямъ.

Въ По, родинѣ французскаго короля Генриха IV-го, я нашелъ жизнь черезчуръ шумною, все — устроеннымъ слишкомъ уже на парижскій ладъ и цѣны на все необыкновенно высокими, а потому выбралъ себѣ прелестное мѣстечко, по близости, — Трешпьолль, гдѣ отыскалъ дешевую, но хорошенькую квартиру съ чуднымъ видомъ на разстилавшуюся впереди долину, которая на горизонтѣ замыкалась гордо вздымавшимся Pic du Midi; все остальное было дешево и удобно. Одно уже это прекрасно повліяло на меня; вскорѣ я, съ радостью, сталъ замѣчать что нервныя боли становились слабѣе и слабѣе и, что я себя чувствую, напротивъ, крѣпче. Чаще теперь я могъ дѣлать продолжительныя прогулки пѣшкомъ и уже оставлял дома трость, безъ которой прежде я не былъ въ состояніи выходить.

Разъ какъ-то, проходя лѣсной дорогой, ведущей въ узкую долину, я, вдругъ, услыхалъ своеобразно-прекрасное пѣніе; голосъ раздавался въ той сторонѣ, куда я направлялся; я ускорилъ шаги, чтобы видѣть пѣвицу. Тутъ я вспомнилъ, что и прежде, уже не разъ, мнѣ доводилось—но всегда только издали—слышать эти оригинальныя и прелестныя пѣсни — порою веселыя, иногда—грустныя, но всегда носившія какой-то свой особенный характеръ; въ нихъ было что-то необыкновенно пріятное, нѣжащее слухъ и, въ то же время, онѣ говорили о затаенномъ страданіи.

Шаговъ въ двѣнадцати дорога становилась шире, и здѣсь нѣсколько въ сторонѣ возвышался прекрасный каменный фонтанъ, увѣнчанный деревяннымъ изображеніемъ мадонны, десница которой какъ-бы благословляла шумно бившую тутъ воду. У края фонтана сидѣла замѣчательно красивая молодая женщина; она наполняла ведро водой, другое, уже налитое, стояло около нея, на землѣ. Красавица и оказалась пѣвицей. Она не сконфузилась, не перестала пѣть, несмотря на мое приближеніе и на мой поклонъ она только слегка кивнула мнѣ въ отвѣтъ. Усѣвшись на одну изъ разставленныхъ тутъ скамеекъ, и съ наслажденіемъ прослушавъ прелестное пѣніе, я высказалъ ей, когда она кончила, все то удовольствіе, которое мнѣ доставила эта оригинальная пѣсенка, прибавивъ, что я слышалъ уже здѣсь различныя такія пѣсни, не имѣвшія никакого сходства съ другими французскими народными напѣвами.

— Да, да, сказала молодая женщина, — вы иноземецъ, я это вижу по выговору, потому-то вамъ и неизвѣстны эти пѣсни, которыя тутъ всякое дитя знаетъ. Это пѣсни — малосской пѣвицы и мы всѣ любимъ ихъ пѣть, потому что въ нихъ есть особенная такая сила—кто ихъ часто поетъ, такъ тому всегда во всемъ счастье, если и случится несчастье, то оно легче проходитъ; а тѣ, что поютъ ихъ тутъ, у этого источника, который постоянно благословляетъ Труверская Божья Матерь, да притомъ наполняютъ ведро до краевъ, тѣ приносятъ домой святую воду и вода эта полезна не только для людей, но и для животныхъ. У меня дома нѣтъ никого больныхъ, но, всетаки, я подумала—вотъ, пойду и принесу отъ Пресвятой Труверской Богоматери два ведра, чтобы никакая болѣзнь не пришла къ намъ, вдругъ, какъ нибудь, ночью; время у меня есть — мужъ работаетъ, уже четыре недѣли на тарбской желѣзной дорогѣ, а теща ушла съ ребенкомъ къ моимъ родителямъ.

Молодая женщина болтала все это съ какою-то наивностью.

Я спросилъ ее—кто такое, именно, малосская пѣвица?

— Ахъ, да вы и этого не знаете! воскликнула она съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Ну, такъ, я вамъ разскажу, да только исторія-то длинная. Это было давно уже, очень давно; тамъ, въ бургѣ, отъ котораго теперь остались однѣ развалины, жилъ графъ Констанъ де-Труверъ, одинъ изъ первыхъ рыцарей наваррскаго королевства, красивый, богатый и побѣдитель на всѣхъ турнирахъ. Всѣ благородныя дѣвицы были влюблены въ него и каждой хотѣлось его поймать, но графъ долгое время не показывалъ никакой охоты жениться; онъ разъѣзжалъ по странѣ, участвовалъ во всѣхъ рыцарскихъ забавахъ и, въ особенности, любилъ охотиться; по цѣлымъ недѣлямъ онъ пропадалъ въ горахъ, травилъ медвѣдей, кабановъ. Къ нему присталъ одинъ дворянинъ, Рожэ де-Барръ, не отходившій отъ него ни на шагъ и сдѣлавшійся его тѣнью; въ прежнее время у этого де-Барра тоже былъ и гордый замокъ, и много слугъ, и мужиковъ, и полей, и лѣсовъ, но онъ очень неразумно повелъ свое хозяйство, пустился въ разныя торговыя дѣла и потерялъ свои богатства. Оттого, тогда онъ и пристроился къ графу де-Труверъ, который содержалъ его на свой счетъ. Такъ, съ тѣхъ поръ и бывало, что гдѣ появлялся графъ, тамъ непремѣнно оказывался де-Барръ, но это должно было имѣть дурныя послѣдствія. Однажды, графъ Констанъ, возвращаясь изъ Испаніи, съ турнира, остановился на ночлегъ въ деревушкѣ Малоссѣ, по ту сторону Пиренеевъ; ложась спать, онъ, вдругъ, услыхалъ пѣніе, которое его совсѣмъ очаровало. Скоро пѣсня стихла, но у графа она изъ ума не выходила во всю ночь.

На слѣдующее утро онъ спросилъ у хозяевъ—кто наканунѣ вечеромъ такъ чудесно пѣлъ и получилъ въ отвѣтъ, что то никто иная, какъ Тереза Зользано, что жила на концѣ деревни, въ домикѣ, передъ окнами котораго росло такое множество прекрасныхъ цвѣтовъ. Она занималась у своего брата, Іосифа, хозяйствомъ. Во всей сторонѣ она была извѣстна своими прелестными пѣснями, а также и очень уважаема всѣмъ и каждымъ въ Малоссѣ, какъ хорошая и честная дѣвушка.

Рыцарь Констанъ де-Труверъ, съ удовольствіемъ, выслушалъ эту похвалу пѣвицѣ, а когда сѣлъ на коня, чтобы ѣхать на родину, то сначала проскакалъ мимо домика Терезы, который легко можно было отличить отъ всѣхъ другихъ по роскошнымъ цвѣтамъ, украшавшимъ окна. Тереза, какъ разъ, стояла у одного изъ нихъ и поливала цвѣты, когда графъ проѣзжалъ около; но какъ только она его замѣтила—тотчасъ-же скрылась въ глубинѣ комнаты.

Однако, проницательный взглядъ рыцаря успѣлъ разсмотрѣть прекрасное лицо дѣвушки. Труверъ былъ очарованъ сю и очень пожалѣлъ, что ему не удалось привѣтствовать ее своимъ рыцарскимъ поклономъ.

Ея быстрое исчезновеніе отъ окна онъ приписалъ чрезмѣрной застѣнчивости, но въ этомъ ошибался; Рожэ де-Барръ могъ-бы объяснить настоящую причину, да счелъ за лучшее умолчать; и дѣло-то было въ томъ, что въ тотъ вечеръ, когда Тереза пѣла свои пѣсни облокотясь у открытаго окна и совсѣмъ забыла все окружающее,—Рожэ де-Барръ тихо подкрался, схватилъ ея свѣсившуюся наружу руку и поцѣловалъ ее; она быстро ее отдернула и захлопнула окошко. Громко расхохотавшійся Рожэ крикнулъ ей:

— Э, что такъ жеманишься, прекрасная пташка!

Это восклицаніе и дерзость, съ которою онъ поцѣловалъ ея руку, оскорбили честную дѣвушку, а потому, когда, слѣдующимъ утромъ, Констанъ проѣхалъ мимо ея оконъ, она и скрылась, рѣшившись избѣгать всякой встрѣчи съ нимъ и его спутникомъ.

Дома онъ, по прежнему, предался охотѣ. По всюду, на охотѣ, носился предъ нимъ обликъ малосской пѣвицы, по ночамъ снилось, что ея прекрасные темные глаза обращены на него, и постоянно чудился ему ея мелодичный голосъ. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ. Однимъ днемъ, спозаранку, такъ что никто не видалъ—даже и Рожэ де-Барръ—вскочилъ онъ на лучшаго своего коня и во весь духъ помчался черезъ горы, въ Малоссу. Тамъ онъ заѣхалъ опять въ ту же гостинницу, гдѣ останавливался въ первый разъ и — надѣясь на свою удачу, пошелъ по деревенькѣ попытаться не увидить-ли Терезу гдѣ нибудь. Счастье всегда благопріятствуетъ влюбленнымъ и потому онъ не обманулся въ своей надеждѣ; немного только прошелъ онъ, какъ вдругъ услыхалъ ея звонкое пѣніе. Радостно забилось его сердце. Съ минуту онъ внимательно прослушалъ, пока не убѣдился, что голосъ раздавался съ виноградника, по близости. Быстрыми шагами пошелъ онъ туда и скоро уже стоялъ предъ прекрасной пѣвицей. Она была занята тѣмъ, что подвязывала молодыя вѣтви винограда и такъ была погружена въ свое дѣло, что не замѣтила появленія незнакомца. Только тогда, когда онъ обратился къ ней съ привѣтствіемъ, взглянула она на него и тотчасъ узнала знатнаго рыцаря; и легкій крикъ сорвался съ ея устъ. Но Констанъ заговорилъ съ нею мягко и нѣжно, страхъ ея скоро прошелъ и—чтобы недолго разсказывать—когда солнце сѣло онъ уже предложилъ ей свою руку и сердце и тутъ, въ винорадникѣ, они обмѣнялись первыми поцѣлуями любви. Затѣмъ онъ проводилъ дѣвушку въ ея домъ, гдѣ объявилъ ея удивленному брату, Іосифу, что беретъ ее себѣ въ жены и что скоро они отпразднуютъ свадьбу. Такъ все и произошло. Графъ Констанъ велѣлъ устроить въ своемъ бургѣ великолѣпное свадебное торжество, пышный княжескій поѣздъ доставилъ невѣсту изъ ея скромнаго домика въ замокъ жениха и немедленно, съ неслыханнымъ блескомъ, было совершено брачное вѣнчаніе. Все дворянство почтило замокъ своимъ присутствіемъ и даже король, очень любившій графа — прислалъ прекрасный подарокъ.

Сначала, при извѣстіи о томъ, что графъ Констанъ де-Труверъ желаетъ ввести въ свой домъ дѣвушку низкаго происхожденія, дворяне стали, было, зло издѣваться, и, нѣкоторые, даже, объявили, что считаютъ недостойнымъ своего званія присутствовать на свадьбѣ у мѣщанки, но потомъ прошелъ слухъ о красотѣ и высокихъ душевныхъ качествахъ невѣсты, а, главное, о ея чудномъ голосѣ, тогда всѣ захотѣли видѣть ее и, потому, явились къ свадьбѣ до единаго; когда-же, за утреннею

службою въ капеллѣ бурга, предъ вѣнчаніемъ, невѣста пропѣла гимнъ Пресвятой Богородицѣ — присутствовавшіе были приведены въ восторгъ нѣжностью и чудною звучностью ея голоса и поздравили графа съ тѣмъ, что Богъ послалъ ему такую богато одаренную жену, но одинъ изъ участниковъ торжества смотрѣлъ на прелестную невѣсту съ мрачною злобою—это былъ Рожэ де-Барръ. По наружности онъ, конечно, не далъ ничего замѣтить и казался, какъ всегда, веселымъ и вѣжливымъ рыцаремъ, но въ его сердцѣ кипѣли ненависть и зависть. Та, которая по его мнѣнію—грубо его оттолкнула, стала теперь госпожей въ богатомъ рыцарскомъ замкѣ, а ему, рыцарю Рожэ де-Барру, придется теперь ежедневно оказывать ей, этой бывшей малосской мѣщанкѣ, знаки уваженія!

— Ну—нѣтъ, этого не будетъ! прошипѣлъ онъ сквозь зубы.

Протекло нѣсколько мѣсяцевъ тихой, мирной жизни въ бургѣ Труверъ, жизни, полной счастья для молодыхъ. Констанъ пересталъ ѣздить на турниры, охотился очень рѣдко, за то, больше прежняго сталъ заниматься хозяйствомъ, строже смотрѣлъ за управителями. Тереза усердно ему помогала. Всякій день супруги, окончивъ каждый свое дѣло, усаживались рядкомъ, проводили время въ дружеской бесѣдѣ, а потомъ Тереза, обыкновенно, пѣла свои пѣсни, говорившія о любви—и болѣе всего о любви къ ея мужу.

Но, чѣмъ счастливѣе и дружнѣе жила молодая пара, тѣмъ, тяжелѣе—да и скучнѣе—становилось Рожэ. Не было теперь ничего, что прежде доставляло ему такъ много удовольствія, ни рыцарскихъ забавъ, ни поѣздокъ на веселые пиры въ сосѣдніе замки, однимъ словомъ—Рожэ скучалъ чрезвычайно и во всемъ была виновата именно возведенная въ графини Малосская мѣщанка. Онъ рѣшился перемѣнить все это, передѣлать по прежнему и очень хитро принялся за дѣло. Понемногу онъ началъ съ прислугой заговаривать о госпожѣ, заговаривать для того, чтобы выражаться о ней не съ тѣмъ уваженіемъ, какъ бы слѣдовало; рыцарямъ, отъ времени до времени наѣзжавшимъ въ бургъ, онъ дѣлалъ намеки, что онъ знаетъ о Терезѣ многое такое, что ей навредило бы не мало, еслибы сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ. Этими разговорами и намеками онъ подточилъ добрую славу графини; его слова подхватили, стали повторять дальше и вскорѣ во всей сторонѣ пошла молва, что молодая госпожа совсѣмъ не такая, какою кажется, что еще въ дѣвушкахъ она была не безъ грѣха, а теперь обманываетъ своего мужа.

Сплетня дошла, наконецъ, и до слуха Констана; Рожэ, конечно, остерегся самъ передавать ему что либо; но графу сообщилъ о томъ одинъ старый рыцарь, имѣвшій большую привязанность къ нему. Вначалѣ Констанъ сильно разгнѣвался на праздныхъ болтуновъ, осмѣлившихся затронуть доброе имя его жены, но рыцарь посовѣтывалъ ему быть осмотрительнѣе и графъ, затаивъ свой гнѣвъ, рѣшилъ добраться до источника толковъ. Велико было его изумленіе, когда онъ, осторожно разспрашивая и развѣдывая, увидалъ, что всѣ кругомъ говорятъ одно и то же и понялъ, что они высказываютъ, какъ будто бы, не все, что имъ извѣстно, умалчивая объ остальномъ изъ уваженія къ нему. Лучъ недовѣрія къ Терезѣ проникъ въ его душу, онъ сталъ слѣдить за каждымъ ея шагомъ, сдѣлался съ ней холоденъ и молчаливъ и началъ подозрѣвать въ ней все, что только ему подсказывало напуганное воображеніе.

Рожэ, замѣтивъ, что посѣянное имъ злое сѣмя взошло, принялся еще съ большею ревностью заботиться о его дальнѣйшемъ ростѣ; онъ растравлялъ, гдѣ и какъ только могъ, сомнѣнія Констана, ловко умѣя иногда придавать подозрительный видъ нѣкоторымъ, совершенно невиннымъ дѣйствіямъ Терезы; все это убѣдило графа де Труверъ, что жена его не достойна.

Глубоко несчастливъ былъ теперь графъ. По цѣлымъ днямъ сталъ онъ запираться у себя, или уѣзжать въ горы, не допускалъ Терезу до себя, не смотря на всѣ ея мольбы. Бѣдная женщина, конечно, не могла никакъ объяснить себѣ поведенія мужа въ отношеніи ея. Она начала приходить въ отчаяніе. Однажды, когда ей стало особенно ужь горько, послала она къ супругу просить, во имя всего святаго для него, дозволить ей хоть разъ придти къ нему, но графъ велѣлъ ей передать жестокій отвѣтъ, что лучше имъ больше не видаться.

Поблѣднѣла какъ полотно графиня при этомъ отвѣтѣ; безмолвно пошла она въ спальню, надѣла простое черное платье и, не сказавъ никому ни слова, оставила, скрытой, узенькой тропинкой, замокъ. День и ночь шла она черезъ горы, прямо въ Малоссу и войдя въ домъ своего брата, тутъ же на порогѣ упала въ обморокѣ.

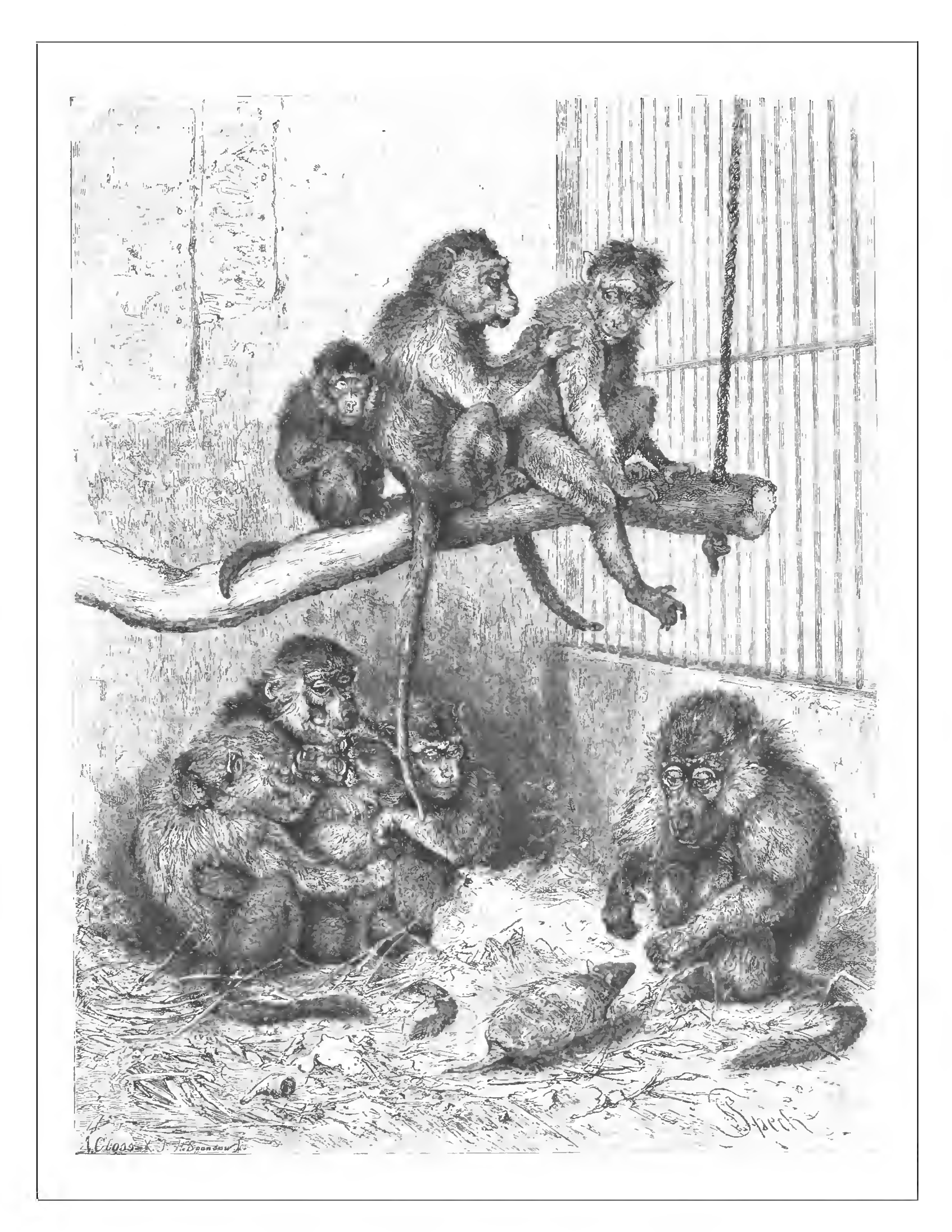
Въ ужасѣ поднялъ ее братъ и отнесъ на ея кровать, которая и теперь, какъ еще въ ея дѣвичьи годы, по прежнему стояла въ ея горенкѣ. Спустя нѣкоторое время она пришла въ себя, но была такъ изнурена, что не могла встать и скоро съ ней сдѣлалась горячка. Потянулись печальные дни, недѣли, въ теченіе которыхъ жизнь боролась со смертью и только благодаря заботамъ и попеченіямъ любящаго брата бѣдная больная была спасена. Но выздоровленіе шло медленно и она оставалась молчаливою и замкнутою въ себѣ. По большей части она неподвижно и безмолвно сидѣла у окна, скрытая за своими цвѣтами, и погруженная въ думы о потерянномъ счастьи, о Констанѣ, котораго продолжала любить всѣми силами своего сердца. Не понимала она—какъ могла его любовь такъ скоро пройдти, и все казалось ей, что грянетъ гроза и раздуетъ вновь тлѣющееся подъ пепломъ пламя. И эта гроза скоро грянула.

Когда Констанъ узналъ, что Тереза оставила бургъ,—то вышелъ изъ себя отъ гнѣва; хотя послѣ своего отвѣта онъ и могъ ожидать отъ нея подобный поступокъ, но все-таки въ глубинѣ своей души таилъ какую-то неясную надежду. Какъ будто смутно чувствовалъ онъ, что произойдетъ что-нибудь необыкновенное, что возвратитъ ему и любимую жену, и ея чистую любовь! Но теперь—все было потеряно, его счастье навсегда разрушено. Цѣлую недѣлю просидѣлъ онъ точно каменный у себя, никого не слыша и не видя, а потомъ, вдругъ, приказалъ подать коня и, взявъ съ собой только одного егеря, вихремъ понесся въ горы. Нѣсколько недѣль гонялъ онъ звѣря, пока бѣшеная скачка и охота не уступили отчасти его душевной бури.

Рожэ былъ достаточно догадливъ, чтобы не попадаться ему въ это время на глаза, но какъ только онъ замѣтилъ, что волненія графа де Труверъ немного улеглись, то снова вышелъ изъ тѣни и занялъ около него свое прежнее мѣсто. Понемногу и незамѣтно онъ сталъ увлекать Констана въ разныя поѣздки, на рыцарскія празднества и т. д. Констанъ тѣмъ охотнѣе слѣдовалъ за нимъ, что ему тяжело было оставаться въ замкѣ, гдѣ каждый уголъ говорилъ о Терезѣ и, поэтому, теперь его почти никогда не бывало видно дома—онъ разъѣзжалъ по турнирамъ, пирамъ, охотамъ; но—то былъ уже не прежній веселый рыцарь, любившій наслаждаться жизнью, то былъ несчастный, искавшій забвенія. Самый нравъ его совершенно измѣнился—постоянно придирчивый, насмѣшливый, онъ часто задѣвалъ, оскорблялъ другихъ, а это приводило его къ столкновеніямъ съ ними и вскорѣ онъ перессорился со всѣмъ свѣтомъ. Однажды онъ серьезно оскорбилъ гордаго и могущественнаго рыцаря Фердинанда де Флуа. Этотъ послѣдній немедленно объявилъ ему войну и нашелъ множество союзниковъ между сосѣднимъ рыцарствомъ, тогда какъ де Труверъ былъ оставленъ совершенно одинъ—никто не желалъ оказать ему помощи, даже Рожэ отказался присоединиться къ нему, сказавъ, что не желаетъ вмѣшиваться въ дѣло, въ которомъ не принималъ никакого участія и которое его не касается. Судьба Констана была рѣшена. Не смотря на то, что онъ успѣлъ хорошо укрѣпить свой замокъ, не смотря на львиную храбрость, съ которою бился противъ осаждающихъ—ему пришлось, уступить силѣ: послѣ третьяго штурма, непріятель ворвался въ цитадель, зажегъ замокъ и всѣ зданія, и быстро одержалъ верхъ въ завязавшейся, затѣмъ, схваткѣ; отчаянное мужество Констана не помогло и онъ былъ вынужденъ сдаться. Въ своемъ раздраженіи, графъ Труверъ высокомѣрно отвергъ всякіе переговоры о соглашеніи и потому остался военноплѣннымъ побѣдителя, который велѣлъ его заключить въ одинъ изъ своихъ бурговъ,—ихъ было много у Флуа,—но въ который былъ отведенъ Труверъ—осталось неизвѣстнымъ, съ тою цѣлью, чтобы какой нибудь его пріятель не попытался его освободить.

Война эта, а въ особенности ея исходъ, надѣлала много шума во всей странѣ и даже, далѣе—за границею; вѣсть о ней, поэтому, дошла въ маленькую деревушку Малоссу и въ тихую горенку Терезы. Какъ только она узнала о несчастіи своего возлюбленнаго, то тотчасъ же рѣшилась, во что бы ни стало, пробраться къ нему и избавить отъ неволи. Объ этомъ намѣреніи она передала брату Іосифу,—отговоры котораго не подѣйствовали на нее,—свое рѣшеніе молодая женщина считала для себя священною обязанностью. Самое большое затрудненіе состояло, конечно, въ вопросѣ—гдѣ, въ какомъ бургѣ находился Констанъ? Какъ найдти? Она совершенно терялась; но—не много продолжались ея колебанія, внезапно ее озарила счастливая мысль—ея пѣсни откроютъ ей темницу ея мужа. Одѣвшись кающеюся пилигримкою, Тереза пошла въ Наварру; тамъ, для виду прося по дорогѣ милостыню, молодая женщина останавливалась въ каждомъ бургѣ, принадлежавшемъ Флуа и постоянно пѣла передъ замкомъ именно тѣ пѣсни, которыя нѣкогда особенно нравились графу. Обыкновенно, окончивъ пѣніе, она останавливалась и прислушивалась—не будетъ ли отвѣта. Но—долгое, долгое время ея пѣсни оставались безъ отзыва и она уже начинала страшиться мысли, что можетъ быть ея супругъ не выдержалъ тягости тюремной жизни. Разъ вечеромъ она подошла къ одному изъ замковъ Фердинанда де Флуа, расположенному въ пустынной и дикой горной мѣстности; замокъ этотъ состоялъ только изъ маленькой сторожевой башни и небольшаго, невысокаго дома. Въ утомленіи опустилась Тереза у росшаго по близости куста и начала свою пѣсню. Едва пропѣла она первый куплетъ, какъ вдругъ услыхала тихій голосъ, пѣвшій ей въ отвѣтъ, сверху, второй куплетъ. Сердце забилось въ ея груди такъ сильно, что, казалось, хотѣло выпрыгнуть и съ трудомъ удержалась она отъ радостнаго восклицанія—да, это онъ, онъ отвѣчалъ ей оттуда; она его открыла и теперь освободитъ его!

Въ ту же ночь пошла она назадъ, въ Малоссу, безостановочно спѣшила она по узкимъ горнымъ тропинкамъ и скоро была уже въ домѣ брата. Іосифъ, между тѣмъ, приготовилъ все необходимое для побѣга и для бѣглеца—новый отличный самострѣлъ, пучекъ стрѣлъ, завернутыхъ въ длинныя, тонкія би-



Обезьяны въ неволѣ. Ориг. рисун. Шпехта, грав. Клоссъ.

Семья Чукчей. Рис. Ронжа, грав. Гильдебрандъ.

чевки, острую пилку, и крѣпкую веревочную лѣстницу. Забравъ эти снаряды и тщательно скрывъ ихъ въ одеждѣ, Тереза снова направилась къ Наварру, на этотъ разъ въ сопровожденіи Іосифа.

Путники пришли къ башнѣ и Іосифу посчастливилось скоро открыть рѣшетчатыя окна плѣнника. Въ тотъ же вечеръ, когда смерклось, Констану была пущена стрѣла съ вилкой, и потомъ, онъ, тѣмъ же путемъ, получилъ лѣстницу. Графъ быстро перепилилъ непрочныя, къ его счастью, рѣшетки, прикрѣпилъ лѣстницу и вскорѣ уже былъ около жены и ея брата. Остальное все произошло какъ нельзя удачнѣе, безъ малѣйшей копѣйки и, когда на другое утро открылось, что плѣнникъ бѣжалъ—послѣдній былъ уже въ безопасномъ мѣстѣ, по другую сторону горъ—здѣсь, крѣпко прижалъ онъ къ груди свою вѣрную Терезу, не будучи въ состояніи вымолвить ни слова отъ радости, а также стыда предъ нею и раскаянія. Но Тереза не желала затрогивать прошлаго; да и надо было подумать о будущемъ, а потому, не откладывая на долго, она принялась обсуждать о томъ—есть ли какая нибудь возможность вернуть хоть часть потерянныхъ имѣній. Констанъ только безнадежно опустилъ голову. Тогда графинѣ пришла мысль—обратиться за помощью къ королю Наваррскому.

Она рѣшилась прибѣгнуть къ этому средству и вскорѣ снова направилась чрезъ горы—въ По. Король былъ такъ тронутъ ея просьбами, что согласился взять графа де Трувера подъ свое покровительство. Онъ созвалъ судъ чести изъ знатнѣйшихъ дворянъ королевства и велѣлъ разслѣдовать всѣ обстоятельства, повлекшія къ войнѣ между Флуа и Труверомъ. Тогда и оказалось, что виновникомъ всего былъ Рожэ де Барръ, который всюду чернилъ графиню, а между тѣмъ теперь не могъ, привесть ни одного доказательства противъ нея, въ подтвержденіе своей клеветы; далѣе объяснилось, что онъ именно толкнулъ Констана на ложный путь, что онъ его втянулъ во все то, что и было, въ концѣ концевъ, причиною несчастной для него войны. Судъ и рѣшилъ, что такъ какъ по праву нельзя было заставить графа Фердинанда де Флуа возвратить графу Констану де Труверу имѣнія, добытыя имъ въ честномъ бою, то просить его отдать ему только часть, и, притомъ, главное—его родовой замокъ—Труверъ. Король одобрилъ это постановленіе. Что же касается Рожэ де Барра,—король немедленно и на всегда изгналъ его изъ своихъ владѣній.

Графъ де Флуа тотчасъ же выполнилъ желаніе короля и постановленіе суда чести, и нѣсколько дней спустя Констанъ возвратился съ супругой въ свой родовой замокъ. Свою вину предъ нею онъ, съ того времени, старался искупить самою преданною, самою вѣжною любовью. И вернулось къ нимъ ихъ чистое счастье. Констанъ снова занялся своимъ хозяйствомъ и, съ такимъ усвѣхомъ, что вскорѣ опять сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ и значительнѣйшихъ рыцарей королевства.

А его добрая, кроткая супруга была помощницею и утѣшительницею всѣхъ бѣдныхъ, больныхъ во всей странѣ, но она помогала не только деньгами или иными даяніями, лекарствами, или совѣтомъ, она помогала удрученнымъ еще и чудными своими пѣснями: сначала подкрѣпитъ больнаго бѣдняка пищей, напоитъ его, и затѣмъ сядетъ у него на постели и начнетъ нѣжную, дивную пѣсню, которая нерѣдко творила истинныя чудеса. Разсказываютъ, что Тереза, своимъ пѣніемъ, изцѣляла и умирающихъ. Понемногу и другіе стали заучивать эти прелестные напѣвы и, такимъ образомъ, они дошли до нашего времени. Давно уже нѣтъ пѣвицы на свѣтѣ, угасъ и самый родъ графовъ де Труверъ, ихъ замокъ развалился, но мы не перестаемъ и не перестанемъ никогда почитать добрую графиню, оставившую намъ свои чудныя пѣсни. Да будетъ ея память благословенна.

Моя разсказчица замолчала и сложила руки какъ бы для молитвы, а потомъ вдругъ, съ подвижностью южной натуры вскочила съ своего мѣста.

— А мнѣ уже давно пора домой! воскликнула она, подхватила свои тяжелыя ведра и, поспѣшно кивнувъ мнѣ, быстрою, легкою походкою направилась по дорогѣ. Скоро она скрылась изъ вида и до моего слуха снова донеслась одна изъ своеобразно-прелестныхъ мелодій Малосской пѣвицы.

Пчёлы.

Статья **Р. Иммана.**

Олеарій, въ своихъ „персидскихъ“ путевыхъ письмахъ, разсказываетъ, между прочимъ: „7-го декабря мы прибыли въ деревню Будеву, въ которой жилъ одинъ русскій князь. Едва успѣли мы вступить въ деревню, какъ наши лошади точно взбѣсились — начали дѣлать прыжки, лягаться, кидаться вскачь. Сначала мы не могли понять причины, но потомъ увидали, что ихъ кусали пчелы, которыхъ въ Будевѣ было очень много; пчелы стали нападать и на насъ, такъ что мы, отмахиваясь палками, были вынуждены выдти изъ деревни въ поле, гдѣ и расположились на холмѣ. Послѣ намъ сказали, что мужики выпустили пчелъ, желая выпроводить насъ“.

Въ исторіи тридцатилѣтней войны извѣстны многіе случаи того, что пчёлъ, съ большимъ успѣхомъ, употребляли какъ оружіе противъ непріятеля—во время штурмовъ на нападавшихъ бросали ульями. Случается однако, что пчёлы и безъ всякой видимой причины производятъ нападенія на человѣка и животныхъ. Еще Аристотель разсказываетъ, что онѣ однажды изжалили лошадь на смерть. Въ 1852 г., въ одномъ маленькомъ французскомъ городкѣ, гдѣ находилась пасѣка въ 250 ульевъ, пчёлы съ изступленіемъ напали на 5 лошадей и изжалили ихъ такъ, что онѣ пали; даже пожарные инструменты не могли ихъ отогнать; подобное же происшествіе повторилось въ августѣ 1855 года въ Галиціи, гдѣ изжалены были до смерти двѣ лошади; два года тому назадъ, въ Венгріи отъ ужаленія пчелы умеръ молодой крестьянинъ. Въ Америкѣ произошло нѣсколько несчастныхъ случаевъ отъ той же причины,—разскажемъ о двухъ изъ нихъ. Въ штатѣ Массачуссетѣ одинъ фермеръ, въ жатвенную пору, возвратившись утомленный съ поля, пожелалъ выпить стаканъ яблочнаго вина; широко раскрывъ ротъ, онъ уже готовился влить себѣ оживляющій напитокъ, какъ вдругъ влетѣла пчела и ужалила его въ глотку—несчастный умеръ отъ удушья, не взирая на то, что ему была сдѣлана операція. Одинъ сельскій житель въ штатѣ Огайо былъ ужаленъ въ вѣко и чрезъ десять минутъ умеръ въ конвульсіяхъ. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, въ Германіи произошло также много случаевъ ужаленія пчёлами, имѣвшихъ смертельный исходъ. Говоря вообще, наше время—нехорошее время: даже и столь воспѣтыя, такъ часто выставлявшіяся образцомъ чуть ли не всевозможныхъ добродѣтелей пчёлы—и тѣ нынѣ дискредитируются. Теперь уже считаютъ баснею, что пчёлы жалятъ только тогда, когда ихъ затрогиваютъ, когда имъ мѣшаютъ и утверждаютъ, будто противоположное доказывается фактическими данными; вмѣстѣ съ тѣмъ отрицается и то, что пчёлы исключительно посвящаютъ себя трудолюбивому добыванію меда съ цвѣтовъ. Усиливающаяся повсюду порча нравовъ, говорятъ, отражается и на пчелахъ; цивилизація деморализуетъ, развращаетъ первобытные народы и—пчелъ. Такъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Парижа, пчела ищетъ свой сокъ уже не на цвѣтахъ, а—какъ воровка—проникаетъ для этого въ сахароварные заводы. Нѣкто Дельпешъ, недавно, отъ имени санитарнаго совѣта департамента Сены, составилъ докладъ, изъ котораго видно, что только одному большому сахарному заводу пчёлы причиняютъ ежегодный убытокъ въ двадцать пять тысячъ франковъ; на этомъ заводѣ ставятъ особыя ловушки, въ которыя ежедневно попадаетъ больше, чѣмъ гектолитръ пчёлъ. Рабочіе, занимающіеся на заводѣ, вслѣдствіе слишкомъ сильной жары, почти нагіе, постоянно подвергаются нападеніямъ пчёлъ и нерѣдко бываютъ искусаны такъ сильно, что на нѣкоторое время становятся неспособными продолжать работу. Въ теченіе одного лѣта, въ находящихся поблизости школахъ: женской — было ужалено 127 дѣвочекъ, въ мужской—104 мальчика. Названный нами выше докладчикъ предложилъ не допускать пчеловодства въ пригородахъ и предмѣстьяхъ и санитарный совѣтъ высказался въ пользу этого предложенія. Извѣстный энтомологъ Лёббокъ также выступаетъ противъ пчёлъ; на основаніи тщательно произведенныхъ наблюденій, онъ доказываетъ, что пчёлы вовсе не обладаютъ большимъ умомъ, какъ это обыкновенно думали. Такъ, напримѣръ, открывъ гдѣ нибудь мѣсто богатое цвѣтами, онѣ не всегда сзываютъ туда своихъ товарищей; взаимная связь между ними развита менѣе, чѣмъ у муравьевъ. Попадая въ комнату, онѣ находятъ выходъ только съ большимъ трудомъ; чувство слуха у нихъ очень слабо, а иногда и вовсе его не замѣчается и хороши только обоняніе и вкусъ.

При всемъ томъ, однако, пчела остается однимъ изъ полезнѣйшихъ насѣкомыхъ, заслуживающихъ вниманія и самаго тщательнаго изученія. Пчеловодство въ послѣднее десятилѣтіе значительно развилось, его важное значеніе въ народномъ хозяйствѣ все болѣе и болѣе признается и оцѣнивается; вблизи большихъ городовъ оно, конечно, неумѣстно; парижскіе пчеловоды низвели эту отрасль едва ли не до воровскаго промысла, *пріучивъ своихъ пчелъ добывать сокъ на сахарныхъ заводахъ*. Въ Германіи пчеловодство сдѣлало огромные успѣхи, благодаря посвятившимъ себя этому дѣлу священнику Дцерцону и Шмидту, начавшихъ свою дѣятельность въ 1845 г. Первый изобрѣлъ улей съ подвижными сотами и, при помощи своихъ замѣчательныхъ наблюденій, снялъ завѣсу, скрывавшую въ продолженіи тысячелѣтій тайну внутреннихъ отношеній въ пчелиномъ роѣ и другихъ явленій въ жизни пчелъ; а второй—въ своей, специальной по этому предмету, газетѣ открылъ свободное поле для всѣхъ мнѣній и сообщеній. Докторъ Вольфъ обогатилъ науку открытіемъ органа обонянія пчелы, Гильбертъ ввелъ употребленіе салициловой кислоты какъ лечебное средство при болѣзни яицъ пчелъ, Гравенгорть изобрѣлъ другой видъ улья съ подвижными сотами. Мы назвали лишь эти имена, потому что нѣтъ возможности привести здѣсь списка лицъ, оказавшихъ и оказывающихъ свое содѣйствіе успѣшному ходу пчеловодства. Медоносныя пчелы, подраздѣляющіяся на цѣлый рядъ различныхъ видовъ, водятся во всей Европѣ, а также въ значитель-

ной части Азіи и Африки. Въ Сѣверной Америкѣ медъ и воскъ получался отъ мѣстнаго насѣкомаго изъ рода Trigona и Melipona; насѣкомыя эти равняются, по величинѣ, обыкновенной комнатной мухѣ, а наибольшая изъ Melipona имѣетъ сходство съ полевымъ шмелемъ. Эти дѣти Америки иногда, въ жаркое время, появляются и въ Германіи. Наша медоносная пчела въ Америкѣ акклиматизирована съ 1675 года, а оттуда она распространилась съ Атлантическаго и до Тихаго океана. Разсчитано, что она вообще ежегодно подвигается впередъ на 40 англійскихъ миль. Индѣйцы называютъ ее „мухою бѣлыхъ“; она всегда предшествуетъ бѣлымъ поселенцамъ какъ бы въ качествѣ піонера культуры. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Америкѣ былъ цѣлый классъ особыхъ пчелиныхъ охотниковъ, занимавшихся исключительно добываніемъ въ лѣсахъ меду, который находили иногда, напримѣръ, въ Калифорніи, накопленнымъ большими количествами. Нѣсколько меньше германской пчелы—мадагаскарская, темнаго цвѣта и покрытая черноватыми волосиками; она водится только на о. Мадагаскарѣ и Бурбонѣ. У мадагаскарцевъ пчеловодство чрезвычайно развито; медъ ихъ—превосходнаго качества, выдерживаемый въ сотахъ, онъ принимаетъ слегка зеленоватый оттѣнокъ. На Кубѣ пчела очень распространена во внутреннихъ горныхъ мѣстностяхъ острова, въ Бразиліи она появилась съ 1845 г. Итальянская или лигурійская пчела акклиматизирована и въ Германіи въ 1843 году. Африканскія пчелы устраиваютъ свои гнѣзда въ гнѣздахъ термитовъ; негры также успѣшно занимаются пчеловодствомъ. Египетская пчела введена въ 1864 году акклиматизаціоннымъ союзомъ въ Германіи и оказалась весьма полезною для производства скрещенныхъ породъ. Между различными нашими породами пчёлъ особенно выдаются украинская, гиметская, знаменитыя своимъ медомъ, достоинства котораго объясняются богатствомъ медоносныхъ растеній Греціи.

Пчела слизываетъ въ цвѣткѣ медовые соки такъ, по словамъ Берленша, какъ собака лакаетъ воду. Языкъ пчелы, довольно густо покрытый волосами, двигается, какъ въ футлярѣ, взадъ и впередъ, высовываясь наружу и всовываясь обратно; медъ остается на волосахъ и съ нихъ снимается въ полости рта при вбираніи языка. Медъ весьма различенъ по своему качеству и вкусу; различіе это зависитъ отъ свойствъ растеній, съ которыхъ онъ собранъ. Самый ароматическій, лучшій медъ собирается съ цвѣтовъ аниса, худшій—съ ели; очень хорошъ такъ называемый польскій липовый медъ; въ корсиканскомъ чувствуется довольно сильно вкусъ тика, американскій отличается бѣлизной, но мало ароматиченъ. Въ древности и въ средніе вѣка потребленіе меда было гораздо значительнѣе; до появленія сахара его собирали громадныя количества. Не только Гомеръ и Эврипидъ, Овидій и Виргилій воспѣваютъ медъ, но и Библія и коранъ часто упоминаютъ о немъ; онъ даже служилъ для бальзамированія: тѣло знаменитаго спартанскаго царя Агезилая и Александра Великаго были, съ цѣлью сохраненія ихъ, положены въ медъ. Древніе писатели говорятъ также и о ядовитомъ, вредномъ медѣ. Плиній старшій сообщаетъ, что въ Гераклеѣ Понтійской, въ иные годы, попадался медъ, отъ употребленія котораго люди падали на полъ и, обливаясь потомъ, катались въ конвульсіяхъ; такое свойство онъ заимствовалъ отъ цвѣтовъ произраставшаго въ тѣхъ мѣстностяхъ рододендрона. Ксенофонтъ разсказываетъ въ своемъ „Анабазисѣ“, что въ странѣ Трапезунда многіе солдаты, вслѣдствіе употребленія понтійскаго меда, пришли въ умоизступленіе и умерли. И въ наше время нѣтъ недостатка въ примѣрахъ подобному. Докторъ Окерманъ, покойный полковой проповѣдникъ нѣмецкаго легіона въ Капѣ, говоритъ, что въ тѣ времена года, когда пчёлы сбираютъ сокъ съ цвѣтковъ алоэ—медъ заключаетъ въ себѣ ядовитыя частицы этого растенія, причиняющія болѣзни. Всѣмъ извѣстенъ тонкій, пронизывающій звукъ, испускаемый пчелами при жужжаніи; чѣмъ болѣе она разозлена, тѣмъ звукъ этотъ становится пронзительнѣе и громче всего жужжитъ она именно въ минуту ужаленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пчёлы служатъ барометромъ; такъ, въ прошломъ году одинъ австрійскій пчеловодъ написалъ въ „Mittheilungen über Bienenzucht“, что весна 1882 г. будетъ ясною и теплою, такъ какъ его пчёлы начали очень рано, и въ изобиліи, класть яйца. Извѣстно—насколько это предсказаніе оказалось вѣрнымъ.

Глазъ и очки.

(Очеркъ).

Глазъ безспорно долженъ быть признанъ благороднѣйшимъ изъ органовъ; его можно назвать „органомъ осязанія ума человѣческаго“ – посредствомъ его получаются образы, впечатлѣнія, вызываются соображенія, умозаключенія. Наше міросозерцаніе большею частью зависитъ отъ зрѣнія. Чѣмъ вѣрнѣе и точнѣе мы видимъ, тѣмъ вѣрнѣе можемъ составлять заключенія. Вѣрность взгляда — это своего рода искусство, значеніе котораго не всѣ понимаютъ. Охотникъ, художникъ, архитекторъ, астрономъ и т. д. *иначе видятъ* чѣмъ другіе люди; они подмѣчаютъ такіе признаки, которые ускользаютъ отъ взгляда обыкновенныхъ людей. Юноша не имѣетъ правильнаго взгляда, т. е. не замѣчаетъ многихъ существенныхъ признаковъ наблюдаемаго имъ предмета. Филологи утверждаютъ, что въ древности люди отличали не болѣе двухъ трехъ цвѣтовъ, такъ какъ въ древнихъ нарѣчіяхъ встрѣчаемъ всего два три слова для обозначенія цвѣтовъ. Такъ напр. слово „пурпуръ“ означаетъ всѣ цвѣта, имѣющіе извѣстную яркость и блескъ. Подъ словомъ „пурпуръ“ мы понимаемъ извѣстный темно-красный цвѣтъ; но если представится цѣлый рядъ видоизмѣненій краснаго цвѣта, то обыкновеннымъ людямъ весьма трудно указать: который изъ нихъ пурпуръ, карминъ или который алый — художникъ-же, красильщикъ опредѣляетъ ихъ безъ затрудненія.

Кто невѣрно видитъ—невѣрно заключаетъ. Такъ напр. ежедневно наблюдая восходъ и закатъ солнца, у насъ неизмѣнно складывается убѣжденіе, что солнце и звѣздное небо вращаются кругомъ земли. Тысячи лѣтъ народы такъ полагали, ихъ такъ учили. Точныя вычисленія опровергли это мнѣніе; тѣмъ не менѣе неимовѣрныхъ стоило усилій и продолжительной борьбы чтобы несомнѣнно вѣрный фактъ сталъ общепризнаннымъ. Человѣческая гордость не могла примириться съ мыслью, что земной шаръ не центръ мірозданія, а ничтожная частица солнечной системы, и такихъ системъ чуть не 20 милліоновъ насчитывается во вселенной. Оптическіе обманы, вызываемые передъ болѣзненнымъ зрѣніемъ, могутъ довести до сумасшествія, причемъ больной галлюцинируетъ, т. е. утверждаетъ что видитъ такія представленія, которыя не находятся въ полѣ его зрѣнія, или-же вовсе не существуютъ. Кто вѣритъ въ привидѣнія тотъ видитъ, при извѣстномъ настроеніи нервной системы, то, о чемъ нерѣдко думалъ, что представлялъ себѣ силою воображенія. Не мало есть людей, которые нѣкоторыхъ цвѣтовъ не видятъ вовсе. Такое состояніе называется „цвѣтовой слѣпотой“. Въ такихъ случаяхъ нервы, предназначенные для того или другого цвѣта не дѣйствуютъ или больны. Такіе глаза на мѣстѣ даннаго цвѣта видятъ черное пятно. Въ послѣднее время сдѣланныя изслѣдованія среди служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ показали, что многіе одержимы подобными недостатками зрѣнія, чѣмъ объясняются иногда несчастные случаи съ поѣздами: сигналисты не видали или смѣшивали цвѣта сигнальныхъ фонарей. Нѣкто, не различавшій краснаго цвѣта сшилъ себѣ платье красное, казавшееся ему чернымъ и крайне былъ озадаченъ, когда въ обществѣ смотрѣли на него съ удивленіемъ.

Хотя мы большею частью дѣлаемъ выводы и заключенія на основаніи того, что видимъ, но мы не знаемъ правильно-ли мы видимъ. Такъ напр. проѣзжая въ вагонѣ желѣзной дороги мы ясно видимъ какъ мимо насъ пробѣгаютъ деревья, поля, села и только опытъ убѣждаетъ насъ что движемся *мы*, а не эти предметы. Подъ микроскопомъ, сквозь простую лупу даже предметы кажутся совершенно иными чѣмъ невооруженному зрѣнію. Подъ лупой уже наша кожа кажется покрытой пузырьками, буграми, ямками, трещинами. Мы не можемъ себѣ еще объяснить почему двумя глазами мы видимъ одинъ предметъ, хотя его изображеніе получается въ каждомъ глазу, а сила зрѣнія въ обоихъ глазахъ не одинакова. Поле зрѣнія глаза весьма невелико; между тѣмъ мы видимъ, такъ сказать, включаемъ въ поле огромныя пространства, цѣлые ландшафты съ безчисленными подробностями, измѣненіями формъ и цвѣтовъ. При частомъ созерцаніи предметовъ, мы удерживаемъ въ памяти ихъ форму, цвѣтъ и можемъ воспроизвести ихъ впослѣдствіи, хотя-бы и не смотрѣли на нихъ. Гдѣ скрывается этотъ образъ очертанія лица, пейзажа и т. д.? Тутъ передъ нами открывается бездна неизвѣстнаго. Мы такъ мало еще знаемъ о себѣ, что не можемъ уразумѣть вполнѣ, чтó въ насъ происходитъ, почему происходитъ такъ а не иначе.

Разсматривая глазъ какъ оптическій аппаратъ, убѣждаешься, что попадающіе въ него предметы отражаются въ немъ въ обратномъ видѣ: лѣвой стороной направо, правой налѣво и вверхъ ногами. Тѣмъ не менѣе мы видимъ всѣ предметы въ настоящемъ ихъ положеніи, изъ опыта узнаемъ что предметы находящіеся позади кажутся меньше переднихъ. Стало быть мы должны наше зрѣніе регулировать и провѣрять помощью опыта и разсужденія. Не глазъ видитъ, какъ полагаютъ матеріалисты, а мыслящій и разсуждающій духъ видитъ черезъ оптическій аппаратъ, называемый глазомъ.—такъ какъ духъ долженъ провѣрять опытомъ и умозаключеніемъ то, что въ глазу отражается.

Зрѣніе—вообще загадочное явленіе; глазъ замѣчательный аппаратъ, который тѣмъ болѣе удивителенъ, чѣмъ болѣе знакомишься съ его устройствомъ. Съ изобрѣтеніемъ глазнаго зеркала, внутреннее строеніе глаза и происходящія въ немъ болѣзненныя измѣненія вполнѣ доступны наблюденію и офталмологія (наука о глазѣ) принадлежитъ къ наиболѣе вѣрнымъ и разработаннымъ отдѣламъ медицинской науки; тѣмъ не менѣе тогда лишь врачъ можетъ быть хорошимъ глазнымъ врачемъ, когда у него самого хорошее зрѣніе.

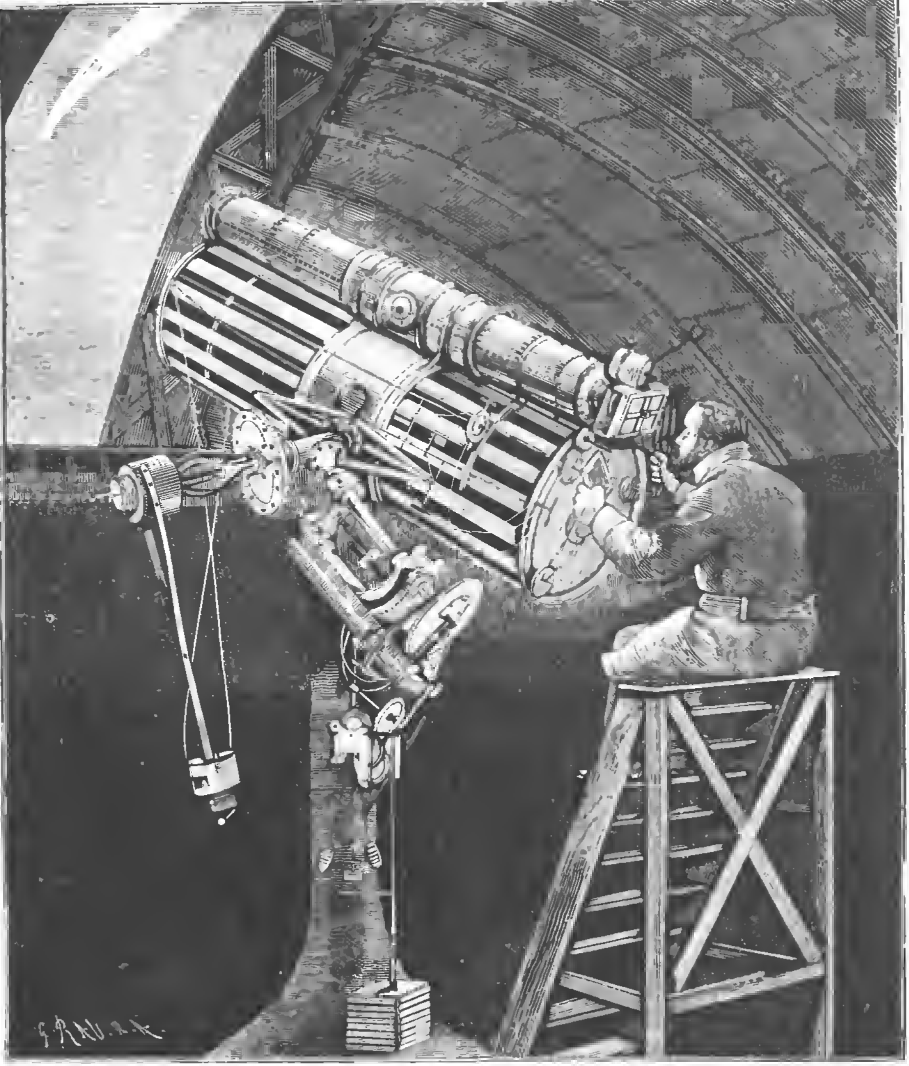
Глазъ, какъ органъ свѣта, формы и цвѣта, имѣетъ громадное значеніе для нашего міросозерцанія, расширяетъ нашъ круго-

зоръ; даетъ намъ возможность опредѣлить пространство, форму и разстоянія.

Внутренность глазнаго яблока наполнена студенистой прозрачной жидкостью, предназначенной для преломленія лучей свѣта. Три оболочки окружаютъ ее. Наружная — бѣлая, плотная, бѣлковинная оболочка выгнута на подобіе часоваго стекла и прозрачна; подъ нею находится тонкая, черная сосудистая оболочка, усѣянная клѣточками пигмента (красящаго вещества), питательными сосудами и радужной оболочкой, служащей для оправы зрачка, т. е. отверстія, сквозь которое лучи свѣта проникаютъ въ глазъ. Чѣмъ значительнѣе слой пигмента, тѣмъ темнѣе радужная оболочка. Если этотъ слой очень тонокъ, оболочка кажется голубой; а при отсутствіи его—зрачекъ кажется свѣтло-краснымъ, какъ у альбиносовъ, кроликовъ и др. Подъ сосудистой оболочкой лежитъ сѣтчатое, состоящее изъ развѣтвленій, окончаніе зрительнаго нерва. Оно достигаетъ радужной оболочки и воспринимаетъ падающіе на него лучи свѣта.

Между роговой и радужной оболочками и хрусталикомъ заключена водянистая, прозрачная жидкость, служащая для преломленія лучей свѣта. Хрусталикъ имѣетъ форму двояковыпуклаго стекла, плотно вставленъ краями въ крѣпкую оболочку, прозраченъ какъ хрусталь. Радужная оболочка, окружая края хрусталика, служитъ какъ-бы ширмочкой, удерживающей крайніе лучи свѣта, чѣмъ содѣйствуетъ болѣе ясному изображенію предмета. Мускулы то расширяютъ, то съуживаютъ зрачекъ, смотря по большему или меньшему количеству лучей свѣта.

Такъ какъ зрѣніе должно зависѣть отъ нашей воли, то для этого по обѣимъ сторонамъ глаза приспособлены шесть мускуловъ, которыми глазъ направляется вверхъ, внизъ, влѣво, вправо, смотря по желанію. Кромѣ того мы имѣемъ еще приспособленіе, посредствомъ котораго можемъ расширять и съуживать зрачекъ, сообразно количеству лучей свѣта, равно какъ придавать бо́льшую или меньшую выпуклость хрусталику, чѣмъ достигаемъ большей или меньшей ясности и отчетливости изображенія. Лучи свѣта должны быть направлены такъ, чтобы вся масса ихъ въ совокупности давала на сѣтчатой оболочкѣ изображеніе предмета. Если точка соединенія идущихъ лучей отъ даннаго предмета придется за сѣтчаткой или передъ нею, то мы ничего не увидимъ. Для соединенія этихъ лучей на самой сѣтчаткѣ, хрусталикъ становится болѣе выпуклымъ — при близости разсматриваемаго предмета, — и болѣе плоскимъ при его отдаленности. Такъ какъ разстоянія эти быстро мѣняются, то и приспособленіе хрусталика происходитъ съ быстротой молніи; поэтому-то при продолжительномъ разсматриваніи мелкихъ предметовъ на различныхъ разстояніяхъ чувствуется сильная усталость глаза. Отъ продолжительнаго чтенія, шитья и другихъ занятій, требующихъ постоянно одинаковаго напряженія глазъ, мускулы крѣпнутъ въ своемъ сокращеніи и глаза становятся близорукими. Вотъ почему подобныя занятія необходимо прерывать, смотрѣть на отдаленные предметы, на небо, дабы дать мускуламъ отдохнуть.



Способъ фотографированія звѣздъ или кометъ черезъ посредство телескопа. Рис. Пель, грав. Рау.

Понятіе о разстояніи получается посредствомъ опыта. Такъ напр. дѣти стараются захватить все что видятъ: они протягиваютъ руки за птицей, за тучей, за звѣздами, вѣтвями деревьевъ; точно то же наблюдалось у слѣпыхъ, которымъ было возвращено зрѣніе уже въ зрѣломъ возрастѣ. Путешественникъ не можетъ опредѣлить по высотѣ горы или башни разстоянія, на которомъ они находятся. Свѣтлые предметы на темномъ фонѣ кажутся большими. Лица, одѣтыя въ черное, кажутся тоньше; въ свѣтломъ напротивъ—полнѣе. Это не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію дамскимъ портнымъ и модисткамъ. Въ длинномъ плащѣ человѣкъ кажется выше, нежели въ короткомъ сюртукѣ, чѣмъ нерѣдко и пользуются актеры.

Отчетливость зрѣнія зависитъ отъ того, что преломленные въ хрусталикѣ лучи свѣта собираются на сѣтчаткѣ въ мѣстѣ, гдѣ находится такъ-называемое желтое пятно. Зрительный нервъ въ томъ именно мѣстѣ проходитъ черезъ оболочки глаза и развѣтвляется безчисленными микроскопическими нитями во всѣ стороны. Только желтое пятно остается свободнымъ по срединѣ сѣтчатки, потому что нервныя нити окружаютъ его только дугообразно. Сѣтчатка, какъ она ни тонка, состоитъ однакоже изъ 8 слоевъ, изъ коихъ наружный вмѣщаетъ нервныя сосочки, чувствительные лишь на свѣтъ и служащіе для начертанія изображеній, попадающихъ въ поле зрѣнія предметовъ. Такъ видятъ низшія животныя и младенцы: они различаютъ лишь свѣтъ отъ темноты. Между сосочками находятся еще „петли“ т. е. окончанія нервовъ. Они служатъ для ощущенія цвѣтовъ. Каждая петля, или пучекъ (группа) петель ощущаетъ лишь одинъ цвѣтъ, для остальныхъ цвѣтовъ остается невоспріимчивымъ. Если какая нибудь группа болѣзненна, или дурно развита, то мы не видимъ соотвѣтствующаго ей цвѣта; что называется „цвѣтовой слѣпотой“.

Эти цвѣта и свѣтовые органы расположены на сѣтчаткѣ въ видѣ мозаики, въ которой каждая точка имѣетъ свою особенную чувствительность, такъ что изображенія ложатся мозаикообразно въ центральномъ органѣ, т. е. мозгу. Остается необъяснимымъ какъ происходитъ смѣшеніе цвѣтовъ, такъ какъ глазъ видитъ только основные цвѣта — красный, зеленый и фіолетовый. Извѣстно что изъ смѣшенія краснаго цвѣта съ зеленымъ получается желтый; изъ зеленаго и фіолетоваго—голубой; смѣсь всѣхъ основныхъ цвѣтовъ даетъ цвѣтъ бѣлый; а отсутствіе цвѣтовъ—цвѣтъ черный. Если долго смотрѣть на одинъ и тотъ-же цвѣтъ, то онъ исчезаетъ, а на его мѣсто является цвѣтъ прибавочный: вмѣсто краснаго—зеленый, вмѣсто голубаго — желтый; вмѣсто зеленаго—красный и т. д. Поэтому мы нерѣдко видимъ неправильно.

Цвѣта имѣютъ особенное вліяніе на расположеніе духа.— Нѣкоторые цвѣта раздражаютъ животныхъ до ярости, т. н. пр. красный цвѣтъ—быковъ и индюковъ. Цвѣта не остаются безъ вліянія и на человѣка. Желтый цвѣтъ, какъ имѣющій большую свѣтовую силу и блескъ, производитъ впечатлѣніе блестящее и сильное; оранжевый напротивъ дѣйствуетъ безпокоющимъ образомъ; красный,—какъ самая большая свѣтовая волна, есть цвѣтъ эффекта—преимущественно любимый дѣтьми и дикими

Московская промышленно-художественная выставка. Рояль въ стилѣ Людовика XVI К. М. Шредера, придворнаго фабриканта въ СПБ.
Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

Московская промышленно-художественная выставка. Солонки изъ Илецкой соли. Ориг. рис. нашего спеціальн. корреспондента Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

народами. Синій цвѣтъ, по незначительности свѣтовой волны, производитъ впечатлѣніе отдаленности, мечтательности и тоски; фіолетовый, обладающій самымъ быстрымъ качательнымъ движеніемъ, и, вслѣдствіе неустойчивости, беспокоитъ. Пурпурный цвѣтъ выражаетъ гордое величіе, а зеленый, какъ переходной, означаетъ умѣренность и спокойствіе,—успокоительно дѣйствуетъ на нервную систему, почему часто употребляется для обоевъ и окраски стѣнъ. Бѣлый цвѣтъ—пассивную, безсознательную невинность; черный—безнадежность; сѣрый задумчивость, что-то среднее между трауромъ и спокойствіемъ.

Южные народы любятъ болѣе яркіе цвѣта. Въ средніе вѣка преобладали цвѣта яркіе, пестрыя краски. Въ нашъ прозаическій преисполненный заботъ вѣкъ, господствуютъ цвѣта темные, средніе, неэффектные.

II.

Наши жилища, освѣщеніе, образъ жизни и занятія дѣйствуютъ на наше зрѣніе весьма разнообразно и обусловливаютъ близорукость, дальнозоркость или слабость зрѣнія, такъ что приходится исправлять эти недостатки посредствомъ очковъ. Если хрусталикъ поражается болѣзнью, то появляется катаракта, которая, смотря по цвѣту, называется сѣрой, зеленой катарактой или темной водой. На 35—40 году хрусталикъ обыкновенно начинаетъ терять растяжимость, не можетъ уже вполнѣ приноравливаться къ свѣту; этому недостатку можно помочь посредствомъ очковъ. Выборъ очковъ совершенно зависитъ отъ условій зрѣнія, состоящихъ въ томъ чтобы лучи свѣта, преломившись въ хрусталикѣ, были собраны въ одинъ пунктъ на сѣтчаткѣ. Чѣмъ площе хрусталикъ, тѣмъ точка соединенія преломленныхъ въ немъ лучей свѣта будетъ дальше, и глазъ будетъ дальнозоркій. При сильно выпукломъ хрусталикѣ напротивъ луче-собирательная точка будетъ ближе и глазъ будетъ близорукій. Поэтому когда мы смотримъ на предметъ вблизи, тогда хрусталикъ сгибается такъ что становится выпуклѣе, и при этомъ луче-собирательная точка приходится на желтое пятно сѣтчатки; тутъ направляющій мускулъ сокращается и при продолжительномъ разсматриваніи предмета вблизи мы чувствуемъ утомленіе глаза,—которое устраняется продолжительнымъ глядѣніемъ въ даль. Точка яснаго зрѣнія для нормальнаго глаза отстоитъ отъ него на четыре дюйма; ближе того мы должны уже скашивать глаза внутрь, что сопровождается значительными приливами крови и утомленіемъ.

Младенцы всѣ близоруки. Мелкіе предметы представляются ихъ зрѣнію въ видѣ свѣтлыхъ и темныхъ точекъ; поэтому они и глядятъ безучастно въ пустоту и только впослѣдствіи пріучаются примѣнять глазъ вообще; а отчетливое зрѣніе пріобрѣтается не скоро, причемъ они сперва схватываютъ свѣтлые предметы, не отличая ихъ контуровъ. Далѣе при развитіи и опытѣ, указывающемъ разстоянія, они начинаютъ отличать одни предметы отъ другихъ, пріобрѣтаютъ понятіе объ объемѣ, величинѣ, свойствѣ ихъ. Такъ какъ дѣтскій хрусталикъ сильно выпуклъ, то глаза ихъ близоруки и для осмотра они подносятъ предметы весьма близко къ глазу.

До семилѣтняго возраста хрусталикъ весьма эластиченъ—теряя это свойство постепенно, на 40 году онъ теряетъ эластичность; тогда мы жалуемся уже на слабое неотчетливое зрѣніе. Приходится запасаться очками. Мы стали дальнозорки и чтобы разсмотрѣть мелкіе предметы, мы уже принуждены держать ихъ далеко отъ глаза. Съ годами являющаяся дальнозоркость не можетъ считаться болѣзнью. У молодыхъ людей она бываетъ при дурныхъ лишь гигіеническихъ условіяхъ, малокровіи, общей слабости или вслѣдствіе привычки все разсматривать вблизи; какъ скоро замѣчается этотъ недостатокъ—необходимо прибѣгнуть къ употребленію очковъ съ сильно выпуклыми стеклами, выбирая стекла, сквозь которыя можно бы было читать на разстояніи 12 дюймовъ. Каждая попытка обойтись безъ очковъ утомляетъ глаза и развиваетъ болѣзненное ихъ состояніе.

При выборѣ очковъ слѣдуетъ стать спиной къ свѣту и читать на 12 дюймахъ разстоянія отъ глазъ латинскія, округленныя буквы. Такимъ образомъ подобранные очки должно надѣвать только для занятій, такъ какъ отъ постояннаго ихъ употребленія зрѣніе становится неяснымъ. Выпуклые очки замѣняютъ ту выпуклость, которую потерялъ хрусталикъ, т. е. пополняютъ уменьшенное въ немъ преломленіе лучей свѣта.

При близорукости выступаетъ противуположное состояніе. Слишкомъ выпуклый хрусталикъ преломляетъ лучи свѣта такъ, что они собираются въ пунктѣ, который приходится впереди сѣтчатки и не ощущается въ глазу. Тогда прибѣгаютъ къ вогнутымъ стекламъ разсѣевающимъ лучи свѣта такъ, что они проходя черезъ хрусталикъ собираются на сѣтчаткѣ.

Близорукость зависитъ въ большинствѣ случаевъ отъ неправильнаго строенія глазнаго яблока или отъ усиленнаго и долго продолжавшагося прилива крови, причемъ глазное яблоко удлиняется съ переди назадъ и сѣтчатка отстоитъ слишкомъ далеко отъ хрусталика. То же происходитъ, ежели оболочки глаза не плотно прилегаютъ одна къ другой. Этотъ недостатокъ строенія глаза въ большинствѣ случаевъ бываетъ наслѣдственный. Въ слишкомъ короткомъ глазномъ яблокѣ хрусталикъ такъ близокъ къ сѣтчаткѣ, что точка преломленія лучей приходится за нею. Такой глазъ видитъ кое какъ вдали и плохо вблизи. Близорукость составляетъ уже болѣзненное состояніе и должна быть излечиваема; иначе можетъ кончиться совершенной потерей зрѣнія. Близорукій имѣетъ застѣнчивый, даже туповатый видъ, блестящіе выпученные глаза, невѣрную поступь, мелкій почеркъ; собесѣднику въ глаза не смотритъ, развѣ на очень близкомъ разстояніи; въ незнакомой комнатѣ движется неловко, такъ какъ не можетъ скоро осмотрѣться.

Рядомъ со врожденной, встрѣчается нерѣдко и развившаяся близорукость, происходящая отъ переполненія глазныхъ сосудовъ кровью. При сильныхъ приливахъ крови случается, что стѣнки сосудовъ разрываются и кровь изливается какъ между оболочками глаза такъ равно и въ стекловидную жидкость, наполняющую глазъ. Такіе недостатки развиваются вслѣдствіе чрезмѣрнаго раздраженія глаза дурнымъ освѣщеніемъ; продолжительнымъ наклоненіемъ головы или всей верхней части тѣла, чтеніемъ мелкаго шрифта и особенно рукописей разныхъ почерковъ; также продолжительнымъ разсматриваніемъ мелкихъ предметовъ, занятія микроскопомъ и тому подобныя положенія, при которыхъ мускулы сжимающіе хрусталикъ слишкомъ долго пребываютъ въ напряженномъ состояніи.

Вполнѣ развившаяся близорукость не излечивается; по этому нужно весьма внимательно относиться къ глазамъ дѣтей, особенно въ школѣ. Столы, скамьи, доски должны быть тщательно приноровлены къ силѣ зрѣнія близорукихъ дѣтей; освѣщеніе должно быть соразмѣрно. Къ несчастью какъ семья, такъ и школа обыкновенно мало обращаютъ вниманія на эти условія.

Кромѣ того близорукій долженъ часто смотрѣть вдаль, дѣлать прогулки на свѣжемъ воздухѣ, но не при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, отъ котораго необходимо защищать глаза особыми, дымчатыми стеклами очковъ: хорошо также вводить въ глазъ растворъ атропина,—конечно по совѣту и подъ наблюденіемъ врача,—такъ какъ атропинъ весьма сильный ядъ. Хрусталикъ получитъ большую упругость, глазъ пріобрѣтетъ большую способность преломленія свѣта а приливъ крови уменьшится подъ вліяніемъ различныхъ медицинскихъ пріемовъ, какъ мѣстныя кровеизвлеченія посредствомъ піявокъ, пребываніе въ темной комнатѣ, слабительныхъ и друг. средствъ. Предохранительные вогнутые очки содѣйствуютъ этому способу леченія; хотя при глядѣніи вдаль ихъ слѣдуетъ снимать. При косоглазіи приступаютъ къ операціи соотвѣтствующаго мускула, или же примѣняютъ франклиновскіе очки, въ которыхъ верхняя часть стеколъ выпуклѣе нижней.

Близорукій ни вдали ни вблизи не видитъ отчетливо: поэтому ему нужны двоякіе очки. Для этого служатъ смѣшанныя стекла, состоящія изъ собирательныхъ и разсѣевающихъ. При этомъ случается нерѣдко что одинъ изъ недостатковъ исчезаетъ. Случается что каждый глазъ имѣетъ иную преломляющую силу, отъ чего происходитъ своего рода косоглазіе; при такомъ состояніи употребляютъ цилиндрическіе очки, которые въ одномъ только направленіи собираютъ или преломляютъ лучи свѣта.

Слабость зрѣнія зависитъ или отъ слабости глазныхъ мускуловъ или отъ чрезмѣрной свѣто-раздражительности сѣтчатой оболочки, или наконецъ отъ мутности роговой оболочки. При слабости мускуловъ, которые не удерживаютъ въ надлежащемъ положеніи глаза, прибѣгаютъ къ призматическимъ стекламъ. Заболѣванія сѣтчатки пользуютъ діэтой и врачебными средствами: а при потемненіи роговой оболочки дѣлается операція искусственнаго зрачка, послѣ чего надѣваются особенно для этого случая приспособленные очки.

Каждые очки, какой бы системы они ни были, должны сидѣть плотно передъ глазами, не задѣвая рѣсницъ. Центръ стеколъ долженъ прямо совпадать съ центромъ глазъ а соединяющая стекла оправа должна быть приноровлена къ переносью, причемъ лучше покрывать ее чѣмъ нибудь мягкимъ, напр. замшей, или черепахой. Чрезмѣрная чувствительность къ свѣту требуетъ дымчатыхъ или синихъ стеколъ.

Монокли, употребляемые изъ кокетства, только портятъ зрѣніе, напрягая одинъ глазъ, когда другой остается въ покоѣ.

Глазъ заслуживаетъ большаго ухода и вниманія, чѣмъ то какимъ онъ обыкновенно пользуется. Близорукій теряетъ весьма много: для него не существуютъ прелести природы друзей своихъ онъ отчетливо не видитъ: игра физіономій собесѣдниковъ, жизнь лица человѣческаго для него не существуетъ.

Къ рисункамъ.

Хлоя у фонтана.

(Рисунокъ на стр. 892 и 893).

На послѣдней Парижской художественной выставкѣ вниманіе обратила на себя картина „Хлоя у фонтана“ Дюпюи. Художнику дѣйствительно удалась фигура богини, такъ какъ Хлоя одно изъ миѳологическихъ названій Церерь. Въ честь ея въ классической Греціи дѣлались даже веселые праздники но такъ какъ боги и богини античнаго міра не чужды были человѣческихъ нуждъ и побужденій, то нѣтъ ничего удивительнаго, что

Хлоя утоляетъ свою жажду холодной струею фонтана. Весь анахронизмъ лишь въ томъ, что французскіе художники не могутъ до сихъ поръ освободиться отъ классическихъ сюжетовъ и на выставкахъ въ Салонѣ ежегодно появляется цѣлая масса картинъ съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ древней греческой или римской миѳологіи. Каждая нагая женская фигура непремѣнно носитъ названіе Хлои, Венеры, Леды или другой какой либо миѳической знаменитости. хотя всѣ аксессуары картинъ часто совсѣмъ не античны и на нихъ лежитъ печать новаго времени. Впрочемъ этотъ упрекъ нельзя сдѣлать творцу „Хлои у фонтана“. Въ его картинѣ не замѣтно вопіющихъ анахронизмовъ и по выраженію лица и по позѣ фигуры вы сейчасъ видите что передъ вами не простая дѣвушка а одна изъ небожительницъ—прелестная и добрая богиня, покровительница полей, пришедшая послѣ своихъ трудовъ на пользу людей, къ источнику чтобы утолить свою жажду. Этотъ строго античный характеръ выдержанъ не только въ главной фигурѣ, но и во всѣхъ деталяхъ. что обнаруживаетъ добросовѣстное изученіе художникомъ тѣхъ прекрасныхъ образцовъ искусства, кототорые оставила намъ въ наслѣдіе классическая древность.

Молодая хозяйка.

(Рисунокъ на стр. 897).

Прекрасная картинка Брауна переноситъ насъ въ мирный, домашній, но тѣмъ не менѣе весьма хлопотливый уголокъ дома—кухню, куда молодая заботливая хозяйка только что принесла закупленные ею припасы. Эта невидная, монотонная и какъ бы скучная утренняя дѣятельность, эта возня съ дѣтьми, съ кухней, однако устраиваетъ всю жизнь семьи и тутъ-то хорошая хозяйка и мать можетъ показать столько дѣятельности, такта. распорядительности и соображенія, что вся жизнь дома идетъ въ порядкѣ и стройности и хозяину, главѣ семьи, за заботами и хлопотами молодой жены, легче и спокойнѣе работать и трудиться, и отдохнуть дома въ томъ гнѣздѣ. которое такъ граціозно и старательно, съ такою дѣятельностью, убираетъ и свиваетъ заботливая женская рука...

Обезьяны въ неволѣ.

(Рис. на стр. 900).

Обезьяны составляютъ необходимую принадлежность и даже можно сказать приманку каждаго звѣринца и зоологическаго сада. Здѣсь передъ ихъ клѣткой собирается постоянно большая, шумная толпа публики, которая съ видимымъ удовольствіемъ и интересомъ слѣдитъ за ихъ живыми и смѣшными ужимками и выходками; за ихъ потѣшными позами и движеніями. За рѣшеткой этой клѣтки животное является во всей его жизненной обстановкѣ; со всѣми его страстями, пороками и достоинствами; здѣсь передъ вашими глазами разыгрываются сцены и любви, и ревности, и радости, и злости; сцены въ высшей степени комическія и трагическія. Здѣсь нѣтъ того однообразнаго, тихаго, полусоннаго состоянія. въ которое впадаютъ мало по малу всѣ пойманные дикіе звѣри содержимые въ клѣткахъ; напротивъ того вы видите здѣсь животное, сохранившее полную свободу своихъ поступковъ и движеній и ту энергію, ту находчивость и живость, которыми оно отличается въ тропическихъ лѣсахъ своей далекой родины. Вотъ это то свойство обезьянъ и дѣлаетъ ихъ самыми занимательными звѣрьками среди всего животнаго персонала звѣринца или зоологическаго сада.

Наблюдая обезьянъ, можно сейчасъ же замѣтить, что онѣ раздѣляются на двѣ, совершенно несходныя одна съ другой группы. Первая группа состоитъ изъ обезьянъ. живущихъ на деревьяхъ: вторая же изъ обезьянъ, обитающихъ на скалистыхъ горахъ и въ пещерахъ. Первая группа, вообще круглоголовая, съ некрупными но крѣпкими зубами, съ длинными конечностями и съ типомъ лица очень похожимъ на человѣческій. Обезьяны же второй группы или павіяны отличаются длинной, собачьей мордой и умѣренными размѣрами какъ всего тѣла, такъ и конечностей.

Различіе между этими двумя группами не ограничивается лишь одною внѣшностью, но отражается и въ ихъ характерѣ и нравственныхъ свойствахъ; такъ вообще у обезьянъ, живущихъ на землѣ, дурные инстинкты болѣе развиты; онѣ болѣе чувственны, свирѣпы и склонны къ порывамъ неудержимаго бѣшенства. Въ зоологическихъ садахъ это различіе въ характерѣ обѣихъ группъ уже давно подмѣчено и потому древесныя обезьяны содержатся тамъ всѣ вмѣстѣ. въ одной большой, общей клѣткѣ, тогда какъ павіяны только въ самомъ юномъ возрастѣ могутъ допускаться въ такое общежитіе, позднѣе же онѣ. какъ хищные звѣри, запираются въ одиночку или попарно въ отдѣльныя помѣщенія. во избѣжаніе кровавыхъ и трагическихъ столкновеній съ другими обезьянами.

Въ нашихъ зоологическихъ садахъ преимущественно содержатся двѣ породы обезьянъ: мартышки и макаки. Первыя—стройныя, красивыя, длинноногія животныя съ нѣжными руками и довольно круглой головкой. Онѣ ловки, подвижны, чистоплотны. тогда какъ макаки наоборотъ. грязны, чувственны, тяжелы и малоподвижны. Изъ мартышекъ же чаще другихъ встрѣчаются въ нашихъ зоологическихъ садахъ такъ называемыя зеленыя обезьяны, которыя отличаются сѣровато-зеленымъ оттѣнкомъ спины, короткими бѣлыми бакенбардами и свѣтло-коричневой мордочкой съ черною продольною полосою по срединѣ. Это самые милые и шаловливые обитатели обезьяньей клѣтки. Макако—азіятскаго происхожденія, хотя онѣ нерѣдко встрѣчаются и въ сѣверной Африкѣ и даже въ Европѣ. Эта обезьяна особенно хорошо уживается въ нашемъ суровомъ климатѣ и не требуетъ при этомъ особенно заботливаго содержанія. Что же касается до земляныхъ обезьянъ или павіяновъ, то послѣднія преимущественно водятся въ Африкѣ, но встрѣчаются и въ Азіи, обитая исключительно на скалистыхъ возвышенностяхъ.

Минуя макаковъ и павіановъ подойдемъ поближе къ мартышкамъ и полюбуемся на ихъ живую веселость, на ихъ подвижность и переимчивость. Вотъ передъ нами большая клѣтка, такая какъ изображена на рисункѣ Шпехта. Какія здѣсь постоянно вой, возня и игра физіономій, въ высшей степени уморительныхъ и комичныхъ. Только изрѣдка замѣчаются особенная тишина и спокойствіе; именно тогда, когда обезьяны или утомились, или заняты созерцаніемъ какого нибудь неизвѣстнаго предмета. какъ это изображено на рисункѣ нашего художника; большая же часть времени проводится въ безпрестанныхъ прыжкахъ, то за мухой. то такъ, безцѣльно, въ видахъ лишь упражненія въ эквилибристикѣ. Особенно комично бываетъ когда какая нибудь мартышка предпринимаетъ какой нибудь непосильный трудъ и старается во что бы то ни стало его выполнить; ну, напримѣръ, хоть достать иголку, запавшую случайно за планку пола. Сначала обезьяна старается захватить иголку пальцами—не идетъ! Пробуетъ зубами—опять неудача; начинается старательное доставаніе иголки и ногами, и руками—все напрасно—иголка не двигается съ мѣста. И только послѣ нѣсколькихъ часовъ самой прилежной работы мартышка наконецъ убѣждается что трудъ ей не подъ силу и страшно утомленная, и разсерженная, отходитъ въ задній уголъ клѣтки, видимо сокрушаясь объ неудачѣ задуманнаго предпріятія.

Чукчи.

(Рисунокъ на стр. 901).

Среди льдовъ и снѣговъ крайняго сѣвера, гдѣ природа такъ мало даетъ тепла и свѣта, человѣкъ, конечно, можетъ влачить лишь самое жалкое существованіе. Отдѣленный отъ остальнаго міра ледяными горами и моремъ, онъ какъ бы обреченъ на вѣчное состояніе дикости и невѣжества: ведетъ онъ полуживотную, кочевую жизнь; питается лишь тѣмъ, что дастъ ему скудная, окружающая его природа. рано старѣетъ и рано умираетъ въ борьбѣ съ болѣзнями и лишеніями. Къ такимъ племенамъ принадлежитъ и племя чукчей — коренныхъ обитателей Чукотскаго полуострова, лежащаго между Ледовитымъ моремъ, Беринговымъ проливомъ и Камчатскимъ моремъ.

Это племя сдѣлалось извѣстно лишь съ 1642 года, но болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія объ нихъ мы имѣемъ лишь съ восемнадцатаго вѣка изъ описаній Палласа, Георги и Сарычева. Въ это время чукчи были еще очень свирѣпымъ и непокорнымъ племенемъ, часто даже оказывавшимъ вооруженное сопротивленіе русской власти. Кромѣ того они вели тогда ожесточенную войну съ соплеменными имъ коряками и часто даже нарушали спокойствіе остроговъ. выстроенныхъ русскими по занятіи Камчатки. Теперь, конечно, чукчи уже почти совершенно утратили свой свирѣпый и воинственный характеръ; они живутъ мирно и покойно и ведутъ даже значительную мѣновую торговлю съ нашими купцами, пріѣзжающими на пограничныя ярмарки. Но образъ жизни ихъ мало измѣнился; по прежнему они живутъ зимою въ смрадныхъ чумахъ нѣсколькими семьями, которыя отдѣляются одна отъ другой лишь повѣшанными на жердяхъ олеными шкурами; и по прежнему они совершаютъ частыя перекочевки, чтобы найти кормъ для своихъ оленьихъ стадъ а также новыя мѣста для охоты и рыбной ловли.

Знаменитый Норденшильдъ въ сочиненіи о своемъ плаваніи на „Вегѣ“ приводитъ много любопытнѣйшихъ подробностей о жизни чукчей, которыхъ онъ встрѣтилъ во время стоянки „Веги“. близъ Чукотскаго полуострова. Первая встрѣча была обоюдно чрезвычайно радушна, хорошія отношенія потомъ поддерживались съ обѣихъ сторонъ и чукчи часто и въ большомъ числѣ бывали на „Вегѣ“. Норденшильдъ свидѣтельствуетъ о ихъ добродушіи и высокой честности: на палубѣ было множество вещей и никогда не было ни одного случая кражи. Пища на „Вегѣ“ имъ понравилась. особенно хлѣбъ, котораго они не знаютъ, они охотно мѣняли рыбу и шкуры на сухари. Между чукчами, о которыхъ говорится, не было христіанъ. Иные знали нѣсколько по русски или нѣсколько словъ по англійски. На „Вегу“ однажды (6 дек. 1879 г.) пріѣхалъ и представитель русской власти на полуостровѣ, Менка, совсѣмъ безграмотный но весьма смѣтливый чукчъ, который напр. понималъ карту и бойко указывалъ на ней разныя мѣста Сибири и крестился передъ образами.

Въ юртовищахъ чукчей-оленеводовъ прибрано все довольно чисто и видно довольно много предметовъ, вымѣненныхъ у рус-

скихъ или американцевъ; воду кипятили напр. въ мѣдныхъ кофейникахъ. Одежда состоитъ изъ довольно красиво сшитыхъ изъ олсньихъ и тюленьихъ шкуръ, нѣкоторые же носятъ цвѣтныя ситцевыя рубахи русскаго дѣла. Любимыя украшенія—бусы въ видѣ серегъ или въ видѣ ожерелій. Женщины иногда встрѣчаются татуированныя, мужчины — никогда. Принимали членовъ экспедиціи очень дружелюбно. Въ юртахъ есть отдѣленія для спанья. Передъ сномъ ужинаютъ, спятъ почти нагіе: утромъ хозяйка встаетъ раньше всѣхъ, варитъ оленье мясо. за обѣдомъ въ тщательно выдолбленныхъ сосудахъ подаютъ вареное тюленье мясо и жиръ съ приправою ивовыхъ листьевъ; второе блюдо печенка тюленья и кровь въ застывшемъ видѣ. На шеѣ они носятъ амулеты, предохраняющіе по ихъ мнѣнію отъ болѣзней и порчи. Есть у нихъ и танцы. Дѣвушки кладутъ другъ другу руки на плечи и покачиваясь въ тактъ одновременно дѣлаютъ очень ловкіе обороты, сопровождая пляску, страннымъ и немелодичнымъ для европейскаго уха, пѣніемъ.

Фотографическій снимокъ съ кометы 1881 г. съ Гастингской обсерваторіи.

(Рисунокъ на стр. 904),

Громадный успѣхъ въ дѣлѣ усовершенствованія фотографическаго искусства даетъ возможность примѣнять это полезное изобрѣтеніе и къ астрономіи. Въ настоящее время астрономы при помощи такъ называемой фотографіи небесныхъ тѣлъ могутъ гораздо легче и съ большей тщательностью изслѣдовать интересныя явленія, дѣлая съ нихъ фотографическіе снимки. Въ этомъ случаѣ телескопъ служитъ камеръ-обскурой и получаемое при помощи его объектива изображеніе небеснаго свѣтила, или прямо воспринимается фотографическимъ стекломъ для отпечатыванія, какъ это дѣлаютъ съ тѣлами очень свѣтлыми. напр. солнцемъ. или же изображеніе это, раньше чѣмъ дать отпечатокъ, увеличивается еще при помощи втораго объективнаго стекла. Эта астрономическая фотографія дала въ послѣднее время множество прекрасныхъ снимковъ солнца, луны, солнечнаго спектра и множества интересныхъ и важныхъ явленій во время солнечныхъ затмѣній. Труднѣе всего снимки съ неподвижныхъ звѣздъ, поперечникъ которыхъ на получаемыхъ изображеніяхъ настолько малъ, что едва поддается измѣренію и которыя обыкновенно свѣтятся далеко не ярко; но и при всемъ этомъ снимки съ нихъ удавались отлично. Когда весною 1881 г. появилась въ южномъ полушаріи комета, о которой такъ много говорили и которая съ 22 Іюня сдѣлалась видимой въ Европѣ, то на Гастингской обсерваторіи въ Нью-Іоркѣ, по иниціативѣ профессора Дрэпера, былъ сдѣланъ фотографическій снимокъ съ кометы. которая до тѣхъ поръ никогда еще не была наблюдаема. На приложенномъ рисункѣ изображенъ профессоръ, погруженный въ свои занятія. Профессору Дрэперу удалось въ цѣломъ рядѣ снимковъ, печатавшихся непрерывно въ теченіи семнадцати минутъ, получить полное и точное изображеніе этой новинки на небесномъ сводѣ. Названный профессоръ, кромѣ того, намѣревался сдѣлать снимокъ спектра кометы. чтобы сравнить его съ фотографическими изображеніями спектровъ простыхъ тѣлъ и такимъ образомъ сдѣлать заключеніе о массѣ кометы. Слѣдуетъ еще упомянуть, что для фотографическихъ снимковъ кометы употребляется тотъ же самый телескопъ, которымъ профессоръ Дрэперъ такъ успѣшно снялъ фотографію съ туманныхъ пятенъ Оріона.

Московская промышленно-художеств. выставка.

(Рис. на стр. 905).

I.

Произведенія изъ горной соли.

Въ числѣ произведеній Оренбургскаго края, фигурирующихъ на выставкѣ. особенно интересны различныя подѣлки изъ горной соли—принимающей подъ руками мастера самыя затѣйливыя и красивыя формы. Здѣсь выставлены, изображенныя на нашемъ рисункѣ гигантскія русскія солонки, сдѣланныя изъ цѣльныхъ огромныхъ кусковъ Илецкой соли, останавливавшія на себѣ общее вниманіе какъ курьезъ и достопримѣчательность. Громадный. неистощимый запасъ горной соли разрабатывается теперь въ Илецкой защитѣ, въ 66 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь среди степи. въ почвѣ изъ красноватаго песчанаго мергеля и бѣловатаго гипса лежитъ богатѣйшее мѣсторожденіе самой чистой каменной соли, захватывающее собою пространство около двухъ квадратныхъ верстъ. Въ 1850 году въ первый разъ произведена была здѣсь подробная развѣдка соляной толщи, по которой оказалось, что она доходитъ до глубины 68 саженъ. При этомъ исчислили, что при такомъ избыткѣ горной соли Илецкаго залежа, если даже добывать изъ него ежегодно по четыре милліона пудовъ, то и тогда соли хватитъ на 18,000 лѣтъ. И эта гипотеза ничего не имѣетъ въ себѣ невѣроятнаго и невозможнаго. Богатство здѣсь горной соли дѣйствительно феноменальное. Соль лежитъ на глубинѣ двухъ или трехъ саженъ подъ поверхностью земли и упирается въ высокую, двадцатисаженную гипсовую гору. До 1817 года соль свободно разрабатывали киргизы и другіе инородцы конечно кое какъ, безъ всякихъ научныхъ пріемовъ. Еще и теперь видны слѣды этого первобытнаго способа добыванія соли; повсюду замѣтны здѣсь ямы сдѣланныя въ массѣ соли, отчего послѣдняя имѣетъ видъ взволнованнаго и мгновенно застывшаго моря. По окончаніи же этой льготы свободнаго добыванія, разработка горной соли поступила въ вѣдѣніе горнаго вѣдомства, причемъ началась работа такъ называемымъ *разносомъ*. Для этого на соляномъ полѣ вырубаютъ топорами продольныя и поперечныя узкія борозды. глубиною въ аршинъ и болѣе, такъ что въ концѣ этой операціи все поле представляетъ большія глыбы или *косяки* соли, стоящіе совершенно отдѣльно и соприкасающіеся съ почвой лишь нижней своей поверхностью. Тогда для сбивки этихъ косяковъ употребляютъ громадное бревно съ желѣзнымъ наконечникомъ, называемое *барсомъ*. Потомъ ихъ разбиваютъ уже на мелкіе куски или комья. Комья составляютъ первый сортъ соли извѣстной подъ названіемъ *комовой соли*; осколки же отъ разбивки даютъ сортъ мелкой и болѣе дешевой соли.

Близъ земной поверхности соль имѣетъ кристаллическое строеніе; отъ удара она дѣлится на кубы и чѣмъ глубже идетъ разработка, тѣмъ дѣлается крѣпче, такъ что на значительной глубинѣ даже стальные инструменты плохо дѣйствуютъ на соляной камень. Въ массѣ добываемой соли часто попадаются кубическіе куски необыкновенной чистоты. Изъ этихъ то кусковъ дѣлаются тѣ разнообразные предметы, какъ то: вазочки, стаканы, чернильницы и другія вещи, которыя теперь красуются на Московской промышленно-художественной выставкѣ. Здѣсь же выставлены, выдѣланные арестантами Илецкой каторжной тюрьмы, изъ горной соли, маленькіе локомотивы. прялки, притоки, солонки, мельницы, чайные сервизы и другія мелкія предметы. Работа этихъ вещей вообще очень чистая, несомнѣнно требующая много терпѣнія и осторожности по ломкости и хрупкости матерьяла. Въ послѣднее время изъ горной соли даже начали создавать истинно-художественныя произведенія; такъ извѣстный скульпторъ Ботта изъ большой глыбы илецкой соли очень искусно выдѣлалъ бюстъ въ Бозѣ почившаго Государя Александра II и предполагаетъ сдѣлать еще нѣсколько такихъ бюстовъ, очень оригинальныхъ уже по самому матерьялу, до сихъ поръ еще не прилагавшемуся къ ваятельному искусству.

II.

Рояли Шредера.

Здѣсь помѣщаемъ мы рисунокъ одного изъ замѣчательныхъ роялей фабрики К. М. Шредера. Фортепіанная фабрика К. М. Шредера, основана въ Петербургѣ, въ 1818 году, отцемъ настоящаго владѣльца И. Ф. Шредерь. Эта одна изъ старѣйшихъ фабрикъ. К. М. Шредеръ учился у своего отца, затѣмъ работалъ на лучшихъ европейскихъ фабрикахъ того времени, а именно у Попе и Генриха Герца — въ Парижѣ и у Бонцо и Эрара въ Лондонѣ. Въ 1852 году, послѣ кончины И. Ф. Шредера, фабрика перешла уже въ опытные руки настоящаго владѣльца. Расширяя и постоянно совершенствуя свое дѣло, К. М. Шредеръ въ 1873 году купилъ на Петербургской сторонѣ большое зданіе и перевелъ туда свою фабрику и первый въ Россіи примѣнилъ къ этому производству (фортепіанной фабрикаціи) паровую силу. Въ настоящее время на фабрикѣ работаютъ двѣ паровыя машины въ 44 силы и фабрика имѣетъ свои кузнечныя, слесарныя, лакировочныя, малярныя, токарныя и друг. мастерскія.

Первую награду фабрика получила въ 1839 году, серебряную медаль и затѣмъ до 1870 года имѣла на всѣхъ выставкахъ рядъ второстепенныхъ наградъ. Съ 1870 года фабрика начала занимать на всѣхъ выставкахъ рѣшительно первое мѣсто. Такъ на Всероссійской мануфактурной выставкѣ 1870 г. фабрика К. М. Шредера получила высшую награду — Государственный Гербъ. Въ томъ-же году въ Касселѣ — золотую медаль. Въ 1872 г. на Московской Политехнической выставкѣ — большую золотую медаль и въ томъ-же году въ Лондонѣ—почетный дипломъ 1-го разряда. Въ 1873 г. въ Вѣнѣ высшую награду. единственную въ Россіи за фортепіанное производство—медаль и орденъ Францъ-Іосифа. Въ 1878 г., на Всемірной выставкѣ въ Парижѣ, высшую награду и единственную въ Россіи, по этой отрасли, — золотую медаль и орденъ Почетнаго Легіона. Кромѣ того, почтенный фабрикантъ Всемилостивѣйше награжденъ за заслуги на фабричномъ поприщѣ, орденами св. Станислава, св. Анны и св. Владиміра и пожалованъ званіемъ мануфактуръ-совѣтника. К. М. Шредеръ состоитъ поставщикомъ Дворовъ Ихъ Величествъ: Императора Всероссійскаго, Императора Германскаго, Императора Австрійскаго и Короля Баварскаго. Затѣмъ состоитъ поставщикомъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, С.-Петербургской и Московской Консерваторій, Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ и Императорскаго театральнаго училища и коммиссіонеромъ военно-учебныхъ заведеній и Педагогическаго Музея. Въ непродолжительномъ времени фортепіанный магазинъ К. М. Шредера переводится съ угла Казанской и Вознесенскаго на Невскій проспектъ, въ собственный домъ, № 52, противъ Императорской Публичной Библіотеки.

Политическое обозрѣніе.

Побѣда англичанъ въ Египтѣ. — Взятіе Тель-Эль-Кебира. — Взятіе Каира. — Плѣнъ Араби-Паши. — Франція и Англія въ египетскомъ вопросѣ. — Непрочность республики во Франціи. — Князь Черногорскій.

Героическій періодъ египетской эпопеи (въ которой, понятно, роль героевъ принадлежитъ отнюдь не англичанамъ) конченъ. Тель-Эль-Кебиръ взятъ, Араби-Паша и всѣ главнѣйшіе его сподвижники—въ плѣну, его армія разсѣяна. Сраженіе произошло 1-го (13-го) сентября. Оно было начато атакой египетскихъ позицій съ двухъ сторонъ. За нѣсколько времени предъ тѣмъ генералъ Грэкемъ произвелъ рекогносцировку, показавшую, что эти позиціи были растянуты на 6 миль и, поэтому, нигдѣ не противопоставляли непріятелю особенно сильно защищеннаго пункта, что, конечно, значительно облегчало Уэльслею его задачу. Англійскій главнокомандующій располагалъ 11 тысячами чел. пѣхоты, 2 тысячами чел. кавалеріи и 60 пушками противъ 20 тысячъ чел. пѣхоты, 2500 чел. регулярной кавалеріи и 6 тысячъ бедуиновъ и 70 пушекъ, частью полевыхъ, частью позиціонныхъ, составлявшихъ боевыя силы Араби-Паши. Замѣтимъ, однако, здѣсь, что англичане привели отборныя войска, и египетскому вождю приходилось командовать, за немногими изъятіями, по большей части, сбродомъ, незнакомымъ съ военнымъ искусствомъ. Армія Уэльслея выступила изъ лагеря до разсвѣта, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы атаковать египтянъ въ расплохъ, на зарѣ. Цѣль эта была вполнѣ достигнута: шотландская бригада, составлявшая лѣвое крыло, дошла незамѣченною, до непріятельскихъ линій, на разстояніи какихъ нибудь 700—800 шаговъ, что уже достаточно показываетъ стратегическую наивность египтянъ; только тутъ увидѣли они наступающихъ и встрѣтили ихъ залпомъ и учащенной пальбой; но было уже поздно; шотландцы бросились въ штыки и овладѣли первою линіею окоповъ; нѣсколько энергичнѣе отстаивали египетскія войска вторую линію; здѣсь они открыли по англичанамъ чрезвычайно сильный огонь, перестрѣлка задержала атакующихъ, которые, однако, понимая всю важность минуты, рѣшились во что бы ни стало продолжать движеніе, они снова бросились въ штыки, взяли вторую линію окоповъ и тотчасъ-же, перемѣнивъ фронтъ, открыли огонь во флангъ непріятелю: египтяне не выдержали и побѣжали; на правомъ крылѣ своемъ египетская армія оказала болѣе энергическое сопротивленіе, но англійская артиллерія зашла съ флангу, а кавалерія обскакала съ тыла и маневръ этотъ рѣшилъ дѣло и тутъ; замѣчательно, что главная роль въ этомъ пунктѣ принадлежитъ 18 пѣхотному полку, состоящему изъ ирландцевъ—она сослужила тутъ важнѣйшую услугу своимъ друзьямъ, англичанамъ, окончательно опрокинувъ египтянъ, возставшихъ на англичанъ почти по тѣмъ-же самымъ причинамъ, которыя сѣютъ раздоръ между Эриномъ и Альбіономъ. Странныя явленія наблюдаются въ жизни человѣчества... Насколько египетская армія была неготова, видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ палаткахъ найдены приготовленія къ утреннему завтраку. Уэльслею достался весь лагерь, пушки, около 100 вагоновъ и т. д. Но, между прочимъ, какъ говорятъ, ни одного локомотива. Начался эпилогъ. Араби-Паша, успѣвшій избѣгнуть тутъ плѣна, прибылъ въ Каиръ въ три часа пополудни, и, переговоривъ съ нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ лицъ, рѣшилъ созвать народное собраніе. Нотабли, на предложеніе продолжать войну и защищаться до послѣдней капли крови, даже и не откликнулись, а, наоборотъ, большинство примкнуло къ тѣмъ, кто заговорилъ объ обращеніи къ хедиву; тотчасъ-же было постановлено отправить къ хедиву трехъ делегатовъ съ изъявленіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ; при этомъ, однако, выражено нежеланіе входить въ какія бы то ни было сношенія съ англійскими военными властями. Депутація эта, на первыхъ-же порахъ, выказала свою дѣятельность, убѣдивъ къ сдачи кафръ-дуарскій гарнизонъ, а также и войска, стоявшія подъ начальствомъ Тульбы-Паши (оказавшагося теперь живымъ), у Александріи. Самъ Тульба-Паша, въ это время, отправился въ Каиръ, къ Араби-Пашѣ. Англійскія войска, двинутыя въ Каиръ, уже находятся тамъ. Предъ ихъ вступленіемъ, префектъ всюду велѣлъ водрузить бѣлые флаги, а самъ поѣхалъ, на встрѣчу побѣдителямъ. Сначала прибылъ авангардъ, подъ командою полковника Больвера, который занялъ цитадель во имя хедива: затѣмъ, на слѣдующій день, вступилъ и главнокомандующій во главѣ гвардейской и шотландской бригадъ. Нигдѣ въ городѣ не оказано ни малѣйшаго сопротивленія и только нѣкоторая часть населенія бросилась было бѣжать, но была остановлена. Есть уже извѣстія о сдачѣ Абукира: Абдель-Ала, комендантъ Даміетты, тоже поспѣшилъ увѣдомить англичанъ, что не только кладетъ оружіе предъ хедивомъ, но и никогда не думалъ возставать противъ него! Впрочемъ, это сообщаютъ англичане. Они-же разсказываютъ, что въ Александріи царствуетъ общая (и, вѣроятно — искренняя!) радость, прибавляя трогательную подробность о томъ, что даже всѣ (т. е. египтяне) цѣлуются! Араби-Паша сдался и, вмѣстѣ съ нимъ, отдался въ руки побѣдителямъ и Тульба-Паша; оба захвачены въ каирской цитадели. Побѣжденный вождь угнетеннаго народа—въ настоящую минуту—мраченъ и безмолвенъ: кто не преклонится предъ его печальной, но величавой фигурой... Что-же ждетъ его теперь? „Times“, по обыкновенію, высказывающій общее настроеніе данной минуты, полагаетъ, что его надо помиловать, но не разрѣшая ни оставаться въ Египтѣ, ни жить въ Константинополѣ. Тотъ-же „Times“ говоритъ, что египетскій вопросъ будетъ, главнымъ образомъ, рѣшенъ англичанами; они начали, они и докончатъ, объявляетъ газета и, конечно, такъ и будетъ, несмотря ни на какія конференціи и, даже, конгрессы.

Французы, усердно, хотя отчасти и платонически, конечно, помогавшіе англичанамъ, теперь какъ будто-бы чувствуютъ себя несовсѣмъ спокойными. „République Française“, органъ Гамбетты, такъ сильно ратовавшаго на союзъ и совмѣстную политику съ Англіей, „не вѣритъ, чтобы эта держава пожелала занять преобладающее положеніе въ Египтѣ“, замѣчая, что, во всякомъ случаѣ, она не должна придавать слишкомъ ничтожное значеніе содѣйствію Франціи въ египетскомъ вопросѣ“.

Намъ же остается искренно желать, чтобы Англія насколько можно тяжелѣе дала Европѣ почувствовать свое преобладаніе въ Египтѣ. Полагаемъ, что мысль эта достаточно проста и ясна и, конечно, не требуетъ никакихъ разъясненій. Возвращаясь къ французамъ и Франціи, мы находимъ въ тамошнихъ газетахъ письмо министра-президента Дюклерка къ одному изъ депутатовъ (Канталя) Бастиду, говорившему недавно рѣчь о необходимости дисциплинированія республиканской партіи; въ этомъ письмѣ, Дюклеркъ, между прочимъ, высказываетъ характерныя для нынѣшняго положенія Франціи слова. „Если сама она (т. е. республиканская партія) не подчинится дисциплинѣ въ скоромъ времени, то намъ придется отказаться отъ упроченія республиканскаго правительства.“ Такъ, значитъ, къ этой столь выхвалявшейся „прочности“ республиканскаго правительства „во Франціи—вовсе не надо и вѣрить? Вблизи-то выходитъ совсѣмъ не то, что издали.“

Не можемъ не занести въ нашу хронику словъ, произнесенныхъ недавно Его Высочествомъ Княземъ Черногорскимъ въ отвѣтъ на привѣтствіе депутаціи Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества. Эти слова доблестнаго вождя роднаго намъ народа найдутъ откликъ во всемъ искренно русскомъ, искренно славянскомъ. Вотъ что сказалъ Князь:

„Господа! Въ началѣ 1869 года, когда я имѣлъ счастіе быть въ вашей столицѣ и поклониться въ первый разъ моему никогда незабвенному покровителю, въ Бозѣ почившему Царю-Освободителю, помимо столькихъ проявленій высокаго благоволенія и любви, съ которыми русскій народъ встрѣтилъ меня, не могу забыть тотъ день, въ который меня поздравилъ славянскій комитетъ и встрѣтилъ меня, согласно прекрасному славянскому обычаю, представя мнѣ хлѣбъ-соль. Я давно вкусилъ русскую хлѣбъ-соль и, Богъ мнѣ свидѣтель, что я остался вѣренъ и буду вѣренъ русскому народу и идеѣ, которая имъ выражается. Дѣйствительно, тяжко было время, которое протекло съ тѣхъ поръ. Вы его мнѣ напоминаете, но братское участіе, горячая любовь и помощь народа русскаго сдѣлали то, что мы можемъ съ гордостью о немъ вспомнить. Это дни нашихъ общихъ подвиговъ, дни, освященные славянскою взаимностью, которая всегда существовала и которая послѣ этихъ дней никогда и ничѣмъ уже не можетъ быть ослаблена. Отъ всего сердца благодарю я славянскій комитетъ за его поздравленіе и выраженныя имъ чувства, которыя глубоко меня тронули. Вмѣстѣ съ тѣмъ я нынѣ возобновляю мою и моего народа благодарность славянскому комитету за всѣ братскіе труды и помощь, которую онъ намъ всегда оказывалъ.“

Смѣсь.

Новый Эддистонскій маякъ, замѣнившій старый, выстроенный Смитономъ въ 1759 году, представляетъ немаловажный подвигъ въ области инженернаго искусства. Старая башня, въ продолженіе ста двадцати пяти лѣтъ выдержавшая на себѣ напоръ бѣшеныхъ волнъ постоянно бурнаго и бушующаго моря, осталась совершенно цѣла и невредима. Но волны и бури Атлантическаго океана успѣли значительно повредить нижнюю платформу, на которой было утверждено основаніе маяка. Возсозданіе такой гигантской постройки среди безчисленныхъ опасностей, обусловливаемыхъ самымъ ея положеніемъ, казалось сначала даже невыполнимой задачей и даже возбуждался вопросъ, не лучше-ли взорвать утесъ, служившій подножіемъ маяка нежели повторить громадный трудъ Смитона, употребившаго на это многіе годы непрерывнаго труда и страшныхъ усилій. Дѣйствительно, подводная скала имѣетъ очень широкое основаніе и кромѣ того покрыта безчисленнымъ количествомъ острыхъ возвышеній, которыми обусловливается громадная опасность для мореходства. Но послѣ долгихъ преній всетаки было рѣшено приступить къ постройкѣ маяка, такъ какъ вѣсъ скалы, которую нужно было взорвать, равнялся-

бы двумъ милліонамъ тоннъ а издержки на такую операцію въ семь разъ превышали-бы стоимость постройки новой башни. Приступивъ къ работамъ, инженеры тотчасъ-же встрѣтились лицомъ къ лицу съ неимовѣрными трудностями и по разсчету одного изъ нихъ потребовалось три года работы прежде чѣмъ нашли возможнымъ положить первый камень постройки на футъ ниже морскаго уровня. Я не могъ, говоритъ онъ, убѣдить рабочихъ чтобы они сошли въ устроенное отверстіе для кладки фундамента, не показавъ имъ въ этомъ случаѣ собственнаго примѣра. Когда-же вода прибывала, то мы были принуждены сидѣть безвыходно въ отверстіи, причемъ волны гуляли на высотѣ двадцати футовъ надъ нашими головами. Мы прицѣплялись къ желѣзнымъ периламъ, которыя были нарочно устроены съ этой цѣлью на днѣ ямѣ и въ такомъ положеніи ожидали удаленія волнъ, часто страшно истомленные отъ лишеній и борьбы со стихіей. Такова исторія трудностей, которыя нужно было преодолѣть, чтобы обезпечить безопасность южнаго прибрежья Англіи. Новый Эддистонскій маякъ является одной изъ совершеннѣйшихъ построекъ, какія только существуютъ въ мірѣ. Эта башня выстроена теперь на скалѣ, поверхность которой едва касается морскаго уровня. Работа была начата 17 іюля 1878 г. и съ этого дня не прерывалась ни днемъ, ни ночью до ея окончанія 17 мая 1882 г. Маякъ Смитона, который до сего времени слылъ за одно изъ самыхъ гигантскихъ сооруженій, совершенно помрачается новой постройкой Дугласа. Постройка Смитона имѣла 78 футовъ вышины, пять этажей и до начала настоящаго столѣтія маякъ освѣщался 25 сальными свѣчами. Башня Дугласа имѣетъ 130 футовъ вышины, девять этажей и освѣщена концентрическими лампами каждая въ 6 рожковъ. Двѣ лампы, поставленныя теперь Дугласомъ, даютъ свѣтъ, сильнѣе въ шесть тысячъ разъ нежели свѣтъ свѣчей Смитона. Характеристичная особенность Эддистонскаго маяка еще та, что онъ снабженъ двумя колоколами, приводимыми въ движеніе той-же машиной, которая вращаетъ лампы съ рефлекторами и эти колокола во время тумана замѣнятъ собою тотъ свѣтъ, который безъ нихъ тщетно-бы искали мореходы, порываясь скорѣе пристать къ давно желанному берегу.

Недавно появилось въ свѣтъ, съ дозволенія жены Мельвиля, письмо ея супруга инженера „Жанетты", написанное ей отъ 6-го іюля 1879 года, незадолго передъ отплытіемъ изъ Санъ-Франциско. Между прочимъ онъ пишетъ: „Когда я увидѣлъ что такое „Жанетта", я твердо убѣдился, что она не годна для такого путешествія; они сдѣлали все, что только было возможно, чтобы сдѣлать ее лучше, но я не думаю, чтобы это принесло большую пользу. Убѣжденъ, что „Жанетта" никогда не вернется назадъ". Въ одномъ письмѣ, написанномъ изъ Берингова пролива, г. Мельвиль разсказываетъ объ столкновеніи „Жанетты" со льдинами, причинившими ей большія поврежденія и сдѣлавшими ее еще болѣе неспособной къ предстоящей борьбѣ.

Одинъ нѣмецкій врачъ, практикующій въ деревнѣ, обращается къ профессорамъ хирургіи со слѣдующимъ заявленіемъ. Намъ показывали, говоритъ онъ, препараты, окрашенные гематоксилиномъ при большихъ увеличеніяхъ, и въ то же время мы не умѣемъ взять ножа въ руки. Во все время клиническихъ занятій мы только смотрѣли, какъ оперируютъ, никогда не принимая личнаго участія въ операціи. Намъ показывали, какъ слѣдуетъ дѣлать подъ часъ очень трудныя и рѣдкія операціи и въ то же время мы не видали ни одной трахеотоміи. Мы видѣли, какъ хорошо можно оперировать въ великолѣпной залѣ, съ массой ассистентовъ, роскошными инструментами, и не умѣли найтись въ крестьянской избѣ, при свѣтѣ сальной свѣчи, дрожащей въ рукахъ мужика-помощника. Неужели можно сдѣлаться наѣздникомъ, ежедневно посѣщая циркъ, заключаетъ свои справедливыя жалобы почтенный медикъ.

Полезный урокъ. Въ Пештѣ недавно разъигралась исторія, сильно заинтересовавшая общество. Дѣйствующее лицо—баронъ Бели-Анцель, а страдательное—одинъ дерзкій журналистъ, по имени Паппъ, который впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не переставалъ преслѣдовать и задѣвать барона печатно. Нѣсколько дней тому назадъ Паппъ позволилъ себѣ даже прислать барону корректурный листъ, полный разными невѣроятными о немъ исторіями, конечно съ цѣлью вынудить денегъ. Баронъ Анцель послалъ къ Паппу просить того прійти къ нему. Паппъ пришелъ, вѣроятно думая, что у него хотятъ купить молчаніе и былъ встрѣченъ прислугой очень вѣжливо, затѣмъ его вдругъ схватили, положили на скамейку и отсчитали ему 25 ударовъ розгами. Послѣ этого баронъ вручилъ Паппу 25 гульденовъ, подарилъ новое платье и велѣлъ ему написать подъ диктовку слѣдующее: „Я, Юлій Паппъ, посылалъ незнакомому мнѣ лично барону Анцелю за подписью „редакторъ Паппъ, или профессоръ Паппъ" приглашенія къ подпискѣ на мой журналъ „Будапести Татарото" и писалъ нѣсколько нахальныхъ писемъ, на которыя мнѣ никогда не отвѣчали, пока наконецъ я не послалъ на „благоусмотрѣніе" барона, съ цѣлью вымогательства денегъ, корректурный листъ, наполненный клеветами на барона. Прійдя сегодня за отвѣтомъ къ барону, я былъ растянутъ на скамейкѣ и мнѣ по „благоусмотрѣнію" дали 25 ударовъ розгами. Эта экзекуція не напрасно была произведена надо мною, и симъ я свидѣтельствую, что гонораромъ за статью я вполнѣ доволенъ и обязуюсь съ этихъ поръ болѣе къ барону не обращаться. По написаніи этого баронъ выразилъ мнѣ свое доброжелательство и приказалъ слугамъ взять меня за уши и вывести вонъ. Будапештъ 10-го августа 1882 г.". Затѣмъ слѣдуетъ полная подпись Паппа. Наказанный такимъ образомъ Паппъ долго не забудетъ даннаго ему урока. Съ кѣмъ могутъ случаться подобныя вещи, тѣмъ некого винить кромѣ себя, такъ какъ они унижаютъ честное призваніе писателя и журналиста.

Времена мѣняются. Во время составленія проэкта изданія аугсбургской „Allgemeine Zeitung" на совѣтъ былъ приглашенъ, какъ свѣдущее лицо, Шиллеръ, который высказалъ опасеніе, что будетъ невозможно ежедневно набирать достаточное количество матеріала, хотя-бы даже на одинъ полулистъ!

Упрямство. Иностранецъ велѣлъ о себѣ доложить Вольтеру, этому великому поэту и философу.—„Скажи, что меня нѣтъ дома!" воскликнулъ Вольтеръ, которому наскучило быть разсматриваемымъ во множествѣ пріѣзжающими въ Парижъ иностранцами, какъ какая нибудь диковина; слуга повиновался. Но иностранецъ отвѣчалъ: — „я только что слышалъ голосъ вашего господина". Слуга передалъ это.—„Ну такъ скажи, что я боленъ!"—„Хорошо", отвѣчалъ иностранецъ слугѣ — „я врачъ и хочу пощупать его пульсъ". Слуга доложилъ.—„Мучитель", воскликнулъ Вольтеръ—„скажи, что я умеръ!" Но упрямый посѣтитель спокойно возразилъ: — „Въ такомъ случаѣ я хочу проводить его до могилы"—„Вотъ упрямецъ", воскликнулъ Вольтеръ—„пусть войдетъ!" Иностранецъ вошелъ. Вольтеръ съ явной досадой обратился къ нему: — „Вы навѣрно принимаете меня за какого нибудь диковиннаго звѣря! Меня видѣть стоитъ двѣнадцать сантимовъ!" — „Вотъ двадцать четыре", сказалъ спокойно иностранецъ, потому что я прійду еще разъ завтра. Вольтеръ много смѣялся этой настойчивости, провелъ довольно долго времени съ посѣтителемъ и отпустилъ его съ большимъ радушіемъ.

Игры и задачи

Задача буквъ № 68.

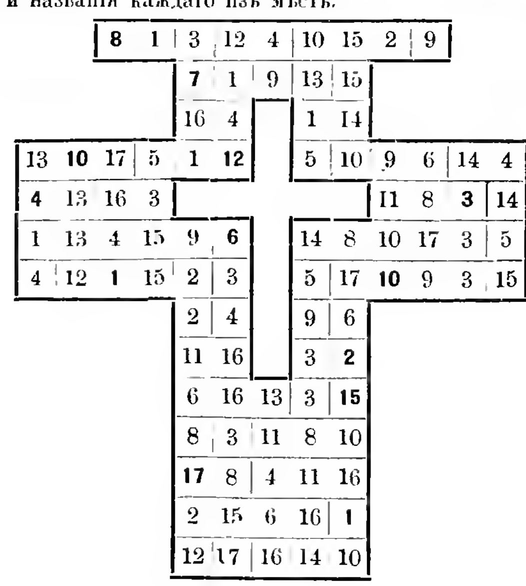
Изъ предлагаемыхъ буквъ:

а, а, а, а, а, а, а, а, а, б, в, в, в, в, в, г, г, д, е, е, е, е, е, е, е, е, е, е, з, и, и, и, и, і, і, к, к, к, к, к, к, к, к, к, л, л, л, л, л, н, н, н, н, н, н, н, о, о, о, о, о, о, о, о, п, п, п, р, р, р, е, е, е, е, с, с, т, т, т, т, т, т, у, ф, ф, х, ъ, ъ, ъ, ъ, ъ, ъ, ъ, ы, ь, ь, я.

составить 17 словъ:

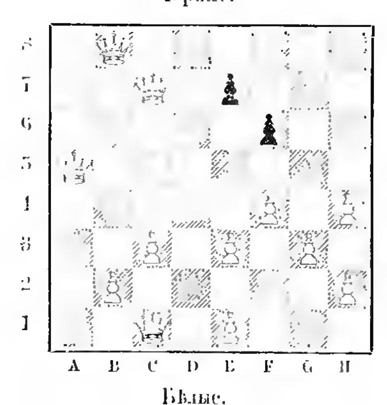
1. Овощь.
2. Пароходъ, отличившійся въ послѣднюю Турецкую войну.
3. Губернскій городъ въ Россіи.
4. Домашнее животное.
5. Кровеносные сосуды.
6. Комнатная птица.
7. Одна изъ буквъ русскаго алфавита.
8. Одинъ изъ боговъ миѳологіи.
9. Часть государства.
10. Предводитель Вестготовъ.
11. Благородное животное.
12. Богъ солнца.
13. Вмѣстилище образовъ.
14. Женское имя.
15. Состояніе духа.
16. Мужское иностранное имя.
17. Предметъ необходимый при ученіи.

И затѣмъ буквы найденныхъ словъ размѣстить въ фигурѣ на мѣстахъ цифръ, соотвѣтствующихъ словамъ въ вышеуказанномъ порядкѣ, но такъ, чтобы получилась фамилія русскаго героя и названія двѣнадцати мѣстъ гдѣ онъ отличился. Цифры, печатанныя болѣе крупнымъ шрифтомъ, означаютъ начало фамиліи и названія каждаго изъ мѣстъ.



Шашечная задача № 69.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинають и запирають обѣ шашки черныхъ въ 8 ходовъ.

Задачи магическихъ квадратовъ.

№ 70.

а	а	а	а	а
а	л	а	а	в
в	з	з	н	л
л	н	н	н	н
о	о	с	ф	ф

№ 71.

а	а	а	а	а
а	а	а	а	а
а	а	д	д	з
л	л	н	н	н
р	р	т	т	ч

Рѣшенія задачъ магическихъ квадратовъ.

№ 61.

а	г	а	т	а
г	а	з	а	н
а	з	а	р	а
т	а	р	а	н
а	н	а	н	ъ

№ 62.

а	л	а	к	а	н
л	а	л	и	т	а
а	л	а	м	а	к
к	и	м	а	р	а
а	т	а	р	о	т
н	а	к	а	т	ъ

№ 63.

т	а	б	а	к
а	б	а	к	а
б	а	з	а	р
а	к	а	б	а
к	а	р	а	к

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Дозволено цензурою. СПБ. 15 сентября 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПбургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Апгл. пр., № 10

XIII годъ — № 39 — годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 25 Сентября 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Профессоръ Л. Ф. Лагоріо.

Профессоръ живописи Левъ Феликсовичъ Лагоріо. (Leone Felice Lagorio) одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ пейзажистовъ, принадлежитъ къ той блестящей плеядѣ художниковъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, которые впервые у насъ поставили этотъ родъ живописи на твердую почву, сдѣлавъ его любимымъ и популярнымъ въ средѣ истинныхъ цѣнителей искусства. Въ это то, указанное нами время, начали появляться на выставкахъ Академіи Художествъ замѣчательные пейзажи Айвазовскаго, Лагоріо, Дорогова и Чернецовыхъ, передъ которыми публика постоянно толпилась. Картины Лагоріо тогда же были замѣчены своими оригинальными, выдающимися особенностями; всѣхъ поражала удивительная мягкость его кисти, благородство тоновъ, простота сюжета и мастерство перспективы. Эти достоинства художникъ развилъ еще болѣе и, такъ сказать, закрѣпилъ за собою, постояннымъ наблюденіемъ и изученіемъ природы не только нашего суроваго, туманнаго сѣвера, но и Кавказа и Италіи.

Профессоръ Л. Ф. Лагоріо. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Отъ изображенія побережій финскаго залива онъ перешелъ къ эффектнымъ видамъ горъ Кавказа и Крыма а посѣтивъ Италію еще болѣе полюбилъ каменныя, грандіозныя массы, отдавая имъ въ своихъ пейзажахъ видимое предпочтеніе. Такимъ именно горнымъ характеромъ отличаются многія извѣстныя картины Лагоріо и между прочими „Замокъ Тамары" и „Островъ Капри." Но мастерски схватывая перспективу горъ, Лагоріо въ то же время оставался и замѣчательнымъ маринистомъ и его морскіе виды всегда поражаютъ натуральнымъ и эффектнымъ изображеніемъ волнъ то тихихъ и спокойныхъ, освѣщенныхъ яркимъ солнцемъ, то ярыхъ и бушующихъ, бѣшено ударяющихъ объ прибрежныя скалы. Какъ талантливый маринистъ, онъ до сихъ поръ сохранилъ за собою почетную извѣстность среди знатоковъ и цѣнителей искусства, и не только у насъ но даже за границей имя его какъ художника пользуется вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ.

Лагоріо — сынъ неаполитанскаго консула—ро-

дился 9 декабря 1826 года въ Өеодосіи, на южномъ берегу Крыма. Кончивъ курсъ въ мѣстной гимназіи, онъ поступилъ въ 1842 году въ Петербургскую Императорскую Академію художествъ, пансіонеромъ Общества Поощренія художниковъ, сперва ученикомъ Воробьева, затѣмъ — Виллевальда. Удостоенный черезъ три года по поступленіи 2-й золотой медали за „Видъ въ окрестностяхъ Выборга,“ въ слѣдующемъ, 1850 году, онъ получилъ званіе классснаго художника XIV класса и 1-ю золотую медаль за „Видъ на Лахтѣ, близъ Петербурга.“ Въ 1851 году онъ былъ отправленъ на казенный счетъ на Кавказъ, а потомъ оттуда въ Италію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ. По возвращеніи въ 1860 году въ Петербургъ, академія его почтила званіемъ профессора за картины: „Сорренто,“ „Понтійскія болота.“ и „Фонтанъ въ Рокка-ди-Папа.“ Въ 1862 году онъ снова поѣхалъ на Кавказъ, въ свитѣ Е. И. В. В. К. Михаила Николаевича, гдѣ даже участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ. Получивши званія отъ академіи, впослѣдствіи онъ удостоивался денежныхъ наградъ—премій.

Въ Академіи находятся двѣ его картины: „Капо ди Монте въ Сорренто,“ и „Видъ на взморьѣ, близъ Петербурга,“ Послѣдняя особенно хороша. Она была пріобрѣтена академіей въ 1872 году за 800 рублей.

Въ южной глуши.

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

П. П. Гнѣдича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XV.

На другой день счастливый, побаивающійся исхода своей поѣздки, Таганцевъ пріѣхалъ къ Богучарову. Генералъ встрѣтилъ его очень радушно, но когда тотъ сдѣлалъ предложеніе—отказалъ наотрѣзъ.

— Моя дочь слишкомъ молода, сказалъ онъ. Пусть подождетъ годика два, узнаетъ поближе людей, — и тогда...

— Но я люблю вашу дочь, осмѣлился замѣтить Таганцовъ.

— Подождите два года, посовѣтовалъ ему старикъ, и круто повернулъ разговоръ въ другую сторону.

— Милушка моя.—говорила Вѣрочка, плача на шеѣ своего непризнаннаго жениха, — (она убѣжала съ нимъ въ глубь парка)—я куда хочешь уйду за тобою—скажи только слово — и я уйду. Папа вѣдь проститъ — ты не думай. Ему просто жалко со мной разстаться...

Не зная радоваться ему или печалиться, выѣхалъ Таганцевъ изъ Богучаровки. Онъ былъ какъ пьяный. Веселые тополи, вербы, дымчатыя крыши хатъ, тыквы, зрѣющія на заборахъ, подсолнечники, тамъ сямъ выпрыгивающіе изъ за пронизей вербъ, яблонь, черешенъ,—все это какъ въ туманѣ вертѣлось передъ нимъ. Куда же теперь? думалъ онъ, глядя на мохнатыя уши своего иноходца.—Домой, въ городъ?... Ни за что!

Онъ пришпорилъ лошадь, и поскакалъ въ Мармышевку. — „Ужь если онъ вчера наскочилъ на насъ, — такъ пусть-же вмѣстѣ съ нами онъ и расхлебываетъ кашу!..“

Мармышевъ жилъ въ крохотномъ домикѣ, крытомъ очеретомъ; большой помѣщичій домъ сгорѣлъ и старый холостякъ, которому прислуживала очень красивая полногрудая дивчина Оксана, довольствовался этимъ помѣщеніемъ. У него было, кромѣ Мармышевки (превосходнаго во всѣхъ отношеніяхъ имѣнья), еще четыре имѣнья въ сосѣднихъ губерніяхъ — масса чернозема, лѣсовъ, конскій заводъ, какая-то фабрика. Убранство комнатъ его было странное до нельзя,—фортепьяно, богемскій хрусталь, сѣдла, фотографическіе снимки съ лошадей, ружья, ножи, какіе-то патенты въ рамахъ, все это безпорядочно перемѣшано на столахъ, на полу, на стѣнахъ. Спалъ обыкновенно онъ на диванѣ по мягкости не уступавшемъ голымъ доскамъ, подложивъ подъ голову что-то вродѣ подушки съ казачьяго сѣдла. Жилыхъ комнатъ было только двѣ—остальныя были заперты и въ нихъ составлена спасенная изъ сгорѣвшаго дома мебель. Въ этихъ двухъ комнатахъ онъ принималъ всю губернію, закармливая гостей какъ на убой: онъ держалъ дорогаго московскаго повара, который зналъ въ совершенствѣ и французскую и малороссійскую кухни.

Увидѣвъ красное, разстроенное лицо Таганцева, онъ швырнулъ подъ диванъ „Домашній скотолечебникъ“, чтеніемъ котораго занимался, и растянулъ свое румяное лицо въ добродушную улыбку.

— А-а! женихъ! привѣтствовалъ онъ его, спуская ноги съ дивана и по своей старой привычкѣ трижды съ нимъ лобызаясь.—Не въ шафера-ли звать пріѣхалъ?

— Нѣтъ... Вы меня видите, Семенъ Никитичъ, въ ужасномъ положеніи.

Семенъ Никитичъ испуганно на него уставился. —Ну?...

— Все пропало... Богучаровъ мнѣ отказалъ...

— Эгэ!... Вотъ оно—вчерашнее-то безъ предварительной цензуры значитъ преждевременно немножко...

— Семенъ Никитичъ, голубчикъ, спасите, — чуть не плача заговорилъ гусаръ. — Поймите, жить я безъ нея не могу. Это вѣдь такая прелесть-дѣвочка...

— Да что-же сдѣлать-то я могу?

— Увезти я ее хочу, обвѣнчаться потихоньку... Только не знаю я и представить не могу—какъ это можно устроить... Священникъ, бумаги—все это...

Мармышевъ задумался, запустилъ руку въ свои черные рѣдѣющіе волосы.—Увезти,—повторилъ онъ.—Это, батенька, нынче не въ модѣ, — это въ прежнее время люди занимались этимъ. Подвяжутъ бубенцы, тихонько съ задняго крыльца по морозцу подъѣдутъ—да и цапъ-царапъ. Нынче какъ-то это вывелось, — романическія приключенія, луна, Жуковскій... Неужто нельзя безъ этого?..

Таганцевъ началъ объяснять почему необходимо „похитить“, какъ онъ выражался дѣвушку: ждать два года онъ не въ силахъ,—отецъ раньше этого срока ни за что дочь не выдастъ,—мало-ли, наконецъ, что можетъ случиться въ эти два года.

— Увезти не трудно, и попа пріискать можно, — задумчиво говорилъ Мармышевъ,—это все ничего, а только смотрите, потомъ можетъ такая каша завариться—бѣда. Бывалъ я въ такихъ передрягахъ, знаю,—сколько разъ такими „увозами“ занимались, только вѣдь это давно было, не теперешняя пора. Самая скверная вещь теперь—телеграфъ. Пощелкають пуговкой—глядь, за тысячу верстъ тебя переодѣтый жандармъ и поджидаетъ... Впрочемъ, если понадѣяться на пословицу—Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ—тогда конечно...

Онъ велѣлъ подать чего-нибудь поскорѣе на завтракъ, и обѣщалъ Таганцеву, что въ случаѣ если онъ рѣшится на увозъ, онъ, такъ и быть. дастъ ему свою новую недавно объѣзжанную тройку. — Черти а не лошади. — Самъ объѣзжалъ. — Вы по сосѣднимъ попамъ поѣздите продолжалъ онъ, который нибудь да согласится. Суньте ему нѣсколько радужныхъ,—можетъ быть и выгоритъ. Свидѣтелей и всего прочаго я вамъ подыщу, объ этомъ не безпокойтесь.

Назавтракавшись жирными. обваленными въ густой, какъ кисель сметанѣ варениками, они отправились смотрѣть тройку. Конюхи выводили по очереди „чертей“, присѣдая къ землѣ и шикая имъ какъ маленькимъ дѣтямъ. Заводскіе „черти“, вздрагивая тонкой лоснящейся

кожей и раздувая горячія ноздри, съ безпокойнымъ любопытствомъ смотрѣли на хозяина и гостя, отставляя заднія ноги, дергая головою.—На далекое разстояніе ихъ не пущу, объяснилъ Мармышевъ, а верстъ на тридцать пожалуй: въ этомъ округѣ церковь и ищите.

Во всякомъ случаѣ рѣшили ждать, дѣйствовать не сразу и не очертя голову: положено было сперва справить спектакль, и покончивъ съ благотворительностью, заняться скрѣпленіемъ брачныхъ узъ.

XVI.

На репетиціяхъ, дѣйствительно, выяснилось то, о чемъ думалъ Ярцевъ. Что онъ любитъ Анну Павловну, а она его—это не было загадкой не только для него, но и для многихъ изъ окружающихъ. Ярцевъ чувствовалъ себя словно выдѣленнымъ отъ всего остальнаго міра, словно какое облако окружало его,—рядомъ съ собой онъ видѣлъ ее, а тамъ, дальше, не было никого — туманъ заволакивалъ все и ему дѣла не было до этого всего. Онъ ничего не хотѣлъ, ни къ чему не стремился. Онъ занимался, работалъ какъ и прежде, ходилъ въ поле, слушалъ какъ жужжала молотилка, вмѣстѣ съ мельниками наставлялъ по-вѣтру крылья грузно-присѣвшихъ на межѣ млиновъ *), распоряжался обивкою яблоковъ и грушъ—но дѣлалъ все это словно по инерціи. Голова его постоянно была занята рядомъ какихъ-то мыслей, но что это были за мысли—онъ и самъ себѣ не могъ отдать отчета. Онъ чувствовалъ, что голова его горитъ, въ виски волнами приливаетъ и отливаетъ кровь, какая-то нервная дрожь охватываетъ всего. Онъ спалъ тяжелымъ, смутнымъ сномъ, безъ пестрой нити сновидѣній, охваченный словно тисками какимъ-то кошмаромъ. Онъ видѣлъ, что молодая женщина привязывается къ нему съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Онъ понималъ, что столкновенія между ними предупредить нельзя—они мчались съ разныхъ сторонъ къ какой-то одной общей, назначенной кѣмъ-то гдѣ-то точкѣ, и въ этой точкѣ должны были сойтись: когда, гдѣ —этого онъ не зналъ, но зналъ, что онъ отъ нея недалеко... Только когда въ полѣ порывистый, напоенный ароматомъ осени вѣтеръ билъ ему въ лицо, онъ отрезвлялся на минуту—для того, чтобы потомъ опять отдаться своему всеохватывающему чувству,..

Еще сильнѣе сказалась душевная борьба послѣднихъ дней на Аннѣ Павловнѣ. Лицо ея осунулось, глаза впали, углы рта опустились, щеки то вспыхивали, то блѣднѣли. Мужъ изъ-подлобья посматривалъ на нее, молча хмурился и старался не разговаривать. Сорвавшееся у него съ языка обѣщаніе „придушить“ еще рѣзче проводило черту между ихъ отношеніями. Онъ старался больше не бывать дома, придумывалъ себѣ занятія въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ своего имѣнія, по вечерамъ занимался переводомъ Аристофана, старался наполнить каждую минуту съ утра до ночи. Его безконечно волновала мысль, что она, это божество, не любитъ его; онъ—ея мужъ, онъ ближе всѣхъ къ ней, и въ то же время далекъ неизмѣримо. Въ душѣ его безпрерывно смѣнялась то любовь, то ненависть, да и не ненависть а желаніе „придушить“. Приподнявшись съ своей постели, вытянувъ шею онъ порою, мучимый безсонницею, часами смотрѣлъ на нее. Правильный, красивый окладъ ея лица, темныя брови, плотно сжатыя, опущенныя шелковистыми рѣсницами вѣки, тихое теплое дыханіе, мерцающее сіяніе утра, скользившее бликами по щекѣ и по лбу,—это все онъ такъ страстно, горячо любилъ, и въ силу этого готовъ былъ уничтожить. Такъ вотъ взять руками за горло, какъ кольцомъ сдавить его и придушить, придушить...

О томъ, что она уйдетъ отъ мужа, Анна Павловна не возобновляла разговора съ Ярцевымъ. Она какъ-то временно утѣшилась на мысли, что она любитъ, любитъ того, котораго любила и прежде, еще до свадьбы. На нее повѣяло старымъ-старымъ, давно минувшимъ. Все что прежде тлѣлось въ ея душѣ, опять вспыхнуло съ новой, могучей силой. Она чувствовала, что она любитъ, и не дѣвической безцвѣтной любовью, а какъ женщина, сознательно, всѣмъ своимъ существомъ.

— Но что-же, что-же, дѣлать, повторяла она сама себѣ, ходя по комнатамъ, по саду, машинально вышивая мѣтки на новыхъ платкахъ, вывязывая фриволите. Я не могу его видѣть, мнѣ противенъ онъ самъ, его платье, привычки, движенія. Какъ онъ противно сморкается, выправляетъ изъ за воротника шею, эта кривая улыбка, фырканье, нахмуриванье бровей—до чего все это отвратительно...

Она вздрагивала съ невыразимымъ отвращеніемъ, когда онъ входилъ въ комнату, старалась не встрѣчаться съ его взглядомъ. Она спрашивала у Ярцева что ей дѣлать, просила уяснить ея положеніе. Но какъ-же онъ могъ уяснить чужой душевный міръ, когда и въ своемъ-то онъ путался, не понималъ его?...

— Уйти! безповоротно рѣшила она. И вдругъ ей ясно представилось, что это грѣхъ, что нельзя оставить мужа, что оставивъ семью она погибнетъ.

Какая жизнь ожидаетъ жену, покинувшую мужа?... Вѣчная зависимость отъ другихъ, — у нея вѣдь нѣтъ своего угла. Идти въ гувернантки теперь, въ двадцать шесть лѣтъ — не поздно-ли? Да и подготовлена-ли она настолько?... И опять таки зависимость вѣчная отъ другихъ... А уйти все таки надо, — такъ продолжать нельзя...

Она кидалась на колѣна передъ образомъ, молилась, но молитва не облегчала ее; она днемъ, уткнувшись въ подушку, плакала и рыдала часами. Ей казалось порою, что мысли ея путаются, что она сходитъ съ ума. Ярцевъ не былъ ей опорой она желала, ждала помощи, —помощь не приходила.

Наконецъ, разъ какъ-то вспомнила она, что неподалеку отъ нихъ, въ селѣ Глѣбовскомъ жилъ священникъ, отецъ Исаія, пользовавшійся глубочайшимъ уваженіемъ окрестныхъ прихожанъ. Она была какъ то въ глѣбовской церкви за обѣдней и ей очень понравилось его богослуженіе. Она рѣшилась поѣхать къ нему, поговорить, посовѣтываться съ нимъ — можетъ быть онъ облегчитъ ея страданія, предотвратитъ нѣчто неизбѣжное, что должно произойти...

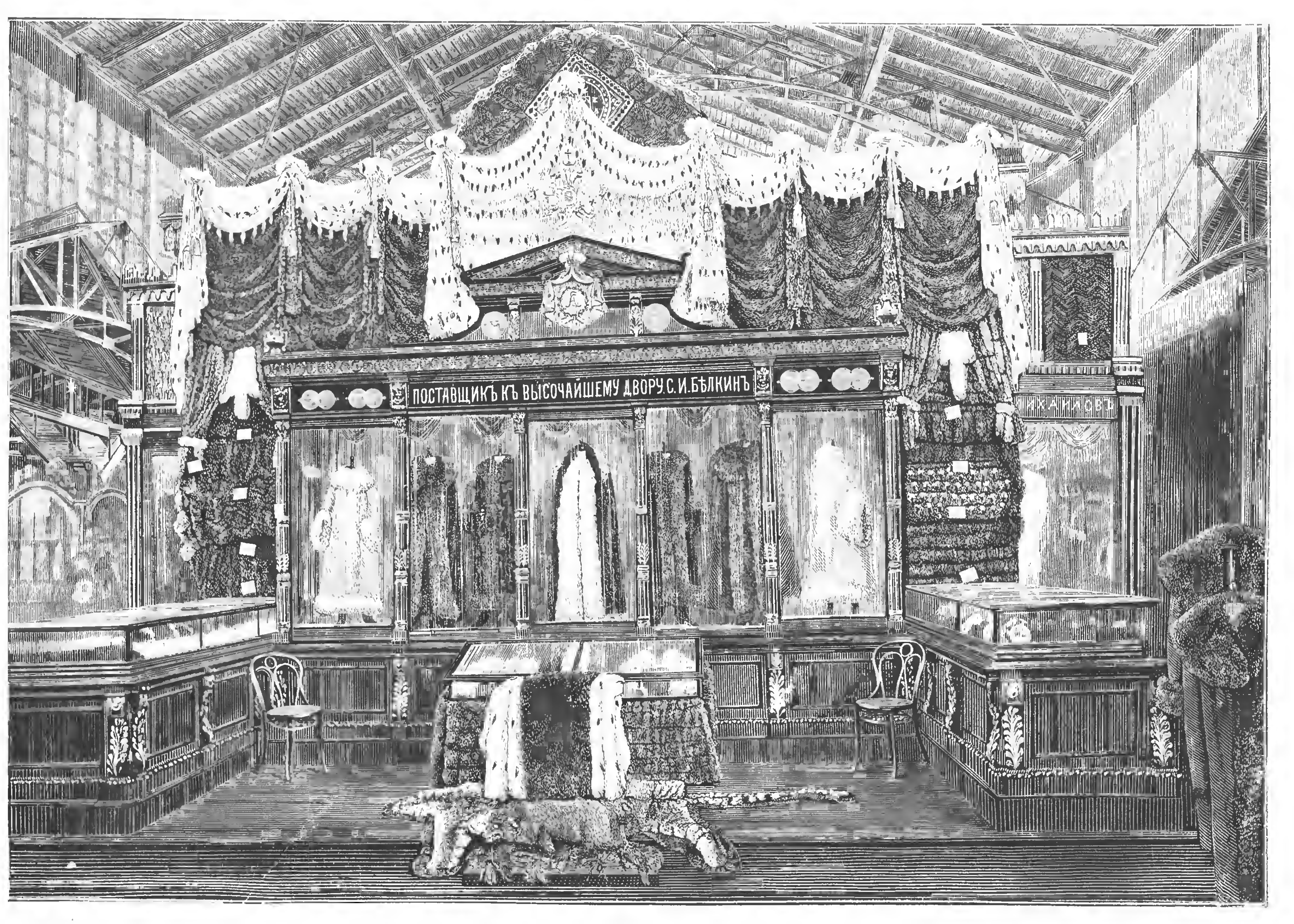
XVII.

На другой день она велѣла заложить гикъ, и съ казачкомъ на запяткахъ, отправилась въ Глѣбовское. Ѣхать приходилось недалеко и скоро передъ ней сверкнулъ крестъ каменной церкви, а по сторонамъ дороги потянулись живые плетни изъ разросшихся ивъ. Замелькала обычная панорама Украйны: георгины, аисты, поросята, гуси—и ни единой человѣческой души, все селеніе въ полѣ, только древнія старухи покашливаютъ кой-гдѣ въ хатахъ, да пищатъ маленькіе ребятишки, привязанные за веревку къ столу, чтобы не напроказили безъ старшихъ. Чуть не задавивъ подвернувшагося подъ ноги лошади пѣтуха, переѣхавъ два прыгающихъ какъ клавиши моста, завернули круто къ церковной оградѣ. Казачекъ соскочилъ, прошелъ черезъ калитку, отперъ ворота. Желтенькая церковь съ большою лиловою тѣнью, упавшею отъ нея поперекъ дороги, ничѣмъ не заслоненная, словно модель, стояла посрединѣ двора. По узкой дорогѣ, мимо покосившихся могильныхъ крестовъ, проѣхали къ крохотному, залитому зеленью, домику отца Исаіи, окруженному со всѣхъ сторонъ маленькими, грязными пристройками. У крыльца стояла осѣдланная лошадь...

— Кто-то есть у него, — еще помѣшаютъ, подумала Анна Павловна.

*) Млинъ—мельница.

Московская промышленно-художественная выставка. „Волга“, серебряная группа работы Овчинникова. по рисункамъ М. О. Микѣшина. Съ фотогр. Шерера и Набгольца, грав. М. Рашевскій.



Московская промышленно-художественная выставка. Мѣховыя издѣлія Бѣлкина.
Съ фотографіи Шерера и Набгольца, грав. М. Рашевскій.

Въ это время на крыльцо отворилась дверь, и показались двѣ фигуры—Таганцева и отца Исаіи.

— Анна Павловна! восторженно привѣтствовалъ ее гусаръ, и кинулся помогать ей вылѣзать изъ тика.— Зачѣмъ васъ сюда Богъ занесъ?...

— У меня есть дѣло до батюшки, — отвѣтила она, пожимая жесткую руку отца Исаіи... А вотъ васъ я совсѣмъ не ожидала здѣсь встрѣтить...

— У меня тоже дѣла,—и очень серьезныя... Онъ лукаво глянулъ на священника, который какъ-то растерянно хмурился.—Только батюшка отказываетъ мнѣ въ содѣйствіи.

— Не могу-съ, заговорилъ плавнымъ и тихимъ голосомъ Исаія. — Этого я сдѣлать не могу — обратитесь къ кому другому—здѣсь много приходовъ.

— Да поймите, батюшка, что ваша церковь для меня удобнѣе всего...

— Мнѣ-съ не удобно...

— Вы сами назначьте сумму, — тихо сказалъ онъ, когда Анна Павловна отошла отдать какія-то приказанія казачку.—Хотите четыреста... пятьсотъ...

— Оставимте этотъ разговоръ,—я васъ уже просилъ... У васъ есть вѣдь полковой священникъ... Я не желаю быть запутаннымъ въ эту исторію—я ей не сочувствую. По долгу христіанина, я долженъ былъ бы даже предупредить все это... но я предоставляю все вамъ—только меня оставьте въ сторонѣ...

Таганцевъ съ улыбкой пожалъ плечами.—Вы, чудакъ, отецъ Исаія, — въ вашемъ положеніи отказываться отъ такой суммы... Я этого не понимаю.

Онъ простился съ Анной Павловной и отвязалъ отъ столба лошадь.

— Если вы надумаетесь, — крикнулъ онъ, уже сидя въ сѣдлѣ — пришлите сказать, или сами заѣзжайте... Повторяю, здѣсь мнѣ удобнѣе всего...

И еще разъ приложившись къ козырьку, онъ тронулъ лошадь. Отецъ Исаія посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ какимъ-то недоумѣвающимъ сожалѣніемъ, слегка покачивая головой. Губы его шевелились, точно что-то шептали. Опершись сухими жилистыми руками о перила, онъ словно застылъ весь — и въ своей старой толстой рясѣ, съ длинной сѣдой бородой, волнистыми волосами, слегка вздымающимися по вѣтру сталъ, ужасно похожъ на библейскія изображенія патріарховъ.—Анна Павловна тоже молчала, не желая тревожить его мыслей...

— Виноватъ, опомнился онъ.—Прошу въ горницу...

Онъ первый шагнулъ черезъ порогъ низенькой двери, и торопливо прошелъ полутемными сѣнями въ „горницу“. Анна Павловна вошла вслѣдъ за нимъ въ начисто-выбѣленную, просторную комнату съ жесткимъ клеенчатымъ диваномъ, и развѣшенными по стѣнамъ изображеніями святыхъ, архіереевъ и лицъ царской фамиліи. Въ воздухѣ слегка пахло деревяннымъ масломъ отъ теплившейся въ переднемъ углу лампадки.

— Зачѣмъ изволили пожаловать? спросилъ священникъ, когда Анна Павловна, снимая перчатки, опустилась на диванъ.

Ей вдругъ стало неловко, стыдно. — Какъ-же это я такъ ему вдругъ скажу, — мелькнуло у нея въ головѣ. Съ какой стати?... Какое отношеніе онъ ко мнѣ имѣетъ, —ко мнѣ. къ мужу, къ нему... Что онъ можетъ сдѣлать?... Онъ совсѣмъ, совсѣмъ посторонній человѣкъ...

— Вы изволили сказать, — по дѣлу, — продолжалъ Исаія.

— Да... у меня есть дѣло къ вамъ.—отвѣтила она, не поднимая глазъ.

— Неугодно-ли арбуза? внезапно спросилъ онъ, замѣтивъ ея смущеніе. Ѣздилъ сегодня въ городъ и купилъ пяточекъ на базарѣ...

Онъ поспѣшно принесъ арбузъ, бутылку церковнаго вина, и двѣ рюмки... Анна Павловна торопливо стала отказываться, говоря, что она только что завтракала...

— Не погнушайтесь, откушайте, — возразилъ онъ, взрѣзая арбузъ сочными сахаристыми пластами. — Пурпуровый—кровь а не арбузъ.

— Право я не могу, отвѣтила она, придвигая расписную тарелку. — И зачѣмъ, думала она, подвернулся этотъ гусаръ — онъ испортилъ все настроеніе... Все это не то, совсѣмъ не то...

— Какъ хорошо у васъ, батюшка, сказала она обводя глазами комнату. Чисто такъ, свѣтло. А это вашъ портретъ?

Она указала на маленькій почернѣвшій холстъ, на которомъ доморощенымъ художникомъ была намазана какая-то невозможная физіономія, имѣвшее смутное сходство съ Исаіею.

— Да-съ,—это мой портретъ, отвѣтилъ онъ.—А рядомъ изображеніе моей сестры Александры...

— Я думала, это ваша жена...

— Нѣтъ-съ,—глухо отвѣтилъ онъ. низко наклоняясь къ арбузу... Сестра Александра тоже въ монашествѣ. Недалеко отсюда — на Днѣпрѣ, на правомъ берегу, можетъ изволите знать, женскій монастырекъ... Женщина вѣры глубокой, убѣжденій твердыхъ, — рѣдкость въ періодъ нынѣшняго шатанія...

— Отчего-же она въ монастырь пошла?...

— Мірское дѣло... Человѣка она одного полюбила... Давно ужъ. Ну — кончилось все печально, онъ ее бросилъ. Сперва она тосковала, топиться хотѣла... Покончила на монастырѣ...

— И довольна?

— Вполнѣ... Райское житье. Пѣніе у нихъ превосходное. Извольте побывать—убѣдитесь сами—миръ, согласіе, тишь. Процвѣтаютъ рукодѣлія, садоводство...

Анна Петровна на мгновеніе задумалась.—А если-бы я,—мысленно начала она—и не кончила мысли...

— Батюшка, — начала она внезапно... Я къ вамъ... спасите меня...

Исаія удивленно посмотрѣлъ на нее.—Спасти?... Какъ спасти...

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать, — продолжала она, чувствуя. какъ кровь приливаетъ ей къ головѣ. въ глазахъ тускнѣетъ. Я за совѣтомъ къ вамъ, за помощью...

Удивленіе его смѣнилось внимательнымъ любопытствомъ. Онъ опять прищурился, и безпокойно запахнулъ полы рясы.

— Я не знаю, какъ вамъ это все высказать, — продолжала она, сжимая свои холодѣющіе пальцы... Я пришла къ вамъ, какъ къ духовнику, какъ къ отцу.

Отецъ Исаія сталъ еще безпокойнѣе, борода его задергалась, брови сдвинулись.

— Да-съ,—такъ что-же-съ,—залепеталъ онъ.

— Мочи силъ нѣтъ — у меня все внутри изломано —живаго мѣста въ душѣ нѣтъ... Я... не люблю своего мужа.

Отецъ Исаія вздохнулъ полною грудью, словно тяжесть свалилъ съ себя..

— Зачѣмъ-же вы замужъ шли за него, коли не любите? спросилъ онъ.

— Зачѣмъ? почти крикнула она, вставая.—Не знаю зачѣмъ!... Я связала себя съ нимъ—теперь я не могу... ну не могу...

Она задыхалась отъ готовыхъ хлынуть слезъ, ловила дрожащими руками руку Исаіи.

— Нѣту силъ моихъ... Я не могу оставаться въ домѣ... Я уйду отъ него...

Онъ держалъ въ своей широкой рукѣ конвульсивно вздрагивающую нѣжную ея руку, съ гремѣвшимъ привѣшенными бульками браслетомъ, смотрѣлъ какъ билось отъ рыданій все ея молодое, красивое тѣло...

XVIII.

Странныя смутныя мысли, одна за другою неслись въ его головѣ... Сегодняшнее утро многаго ему стоило.

Сколько лѣтъ онъ жилъ здѣсь, въ этой чудной южной глуши, въ этой низенькой хаткѣ. Люди родились, крестились, вѣнчались, умирали,—онъ крестилъ, отпѣвалъ и вѣнчалъ ихъ,—все шло обычнымъ неизмѣннымъ порядкомъ. Горячее лѣто, короткая зима, пчелки на пасѣкѣ, ковуны, архіерей, прихожане, — все это двигалось вокругъ него однообразной, заведенной панорамой. Строй мыслей возникалъ въ извѣстномъ порядкѣ, въ извѣстномъ порядкѣ уносился... А сегодня все какъ-то спуталось, сбилось...

Сегодня утромъ онъ пошелъ взглянуть на свое хозяйство, и вдругъ пріѣхалъ этотъ гусаръ, розовый, блестящій, надушеный; сталъ говорить, что противъ воли старика отца хочетъ жениться на его дочери, чуть-ли не ребенкѣ, увезти ее, тайно обвѣнчаться... говорилъ, что онъ ее страстно любитъ и что у нея громадное приданое. — На отца Исаію пахнуло другимъ міромъ, другими страстями, треволненіями, желаніями, совсѣмъ ему чуждыми, странными... А теперь вотъ эта барыня плачетъ у него на рукѣ,—красавица пріѣзжая изъ столицы говоритъ, что хочетъ бросить мужа...

— Я воды вамъ принесу, воды, — растерянно говорилъ онъ, стараясь усадить ее на диванѣ... Успокойтесь, пожалуйста...

Онъ сбѣгалъ за водой и принесъ ее въ граненомъ синемъ стаканчикѣ.—Выпейте, сударыня, выпейте...

Она понемногу стихла. Онъ оглянулся. Яркое солнце глядѣло въ окно, спокойно, чисто сіяя. Все село золотилось подъ этими лучами—и тишь, такая благоуханная тишь въ природѣ. Нѣтъ ни страстей, ни порывовъ,—спокойствіе, миръ...

— Смирите себя, смирите,— тихо шепталъ Исаія.

— Ахъ, смирялась я, три года смирялось... А онъ говоритъ: „придушитъ“...

— Къ Богу обратитесь,—продолжалъ священникъ,—онъ одинъ, милосердый—утѣшитъ васъ, успокоитъ... „Блаженны есте, егда васъ унижаютъ“...

— Блаженны?.. повторила она.

— Вы вѣрите въ будущую жизнь? Да? Безспорно вѣрите!.. Такъ вѣрьте, что *тамъ*, вамъ будетъ награда за все... Если страданія есть—они искупятъ многое...

— Но что-же мнѣ теперь дѣлать?..

— Смиритесь,—смиритесь: вамъ выпалъ этотъ крестъ на долю,—несите его со смиреньемъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе распаденія семьи,—особенно теперь,—а теперь-то у насъ семья и распалась... Поддерживайте семью что станетъ силъ,—на ней только и можетъ общій строй держаться...

— Я, молилась,—молитва не помогаетъ мнѣ...

— Молитесь еще, молитесь чаще. Минута не пришла вашего просвѣтлѣнія, но она придетъ. Бываютъ дни: мнѣ самому молитва трудна... Но за то иногда такой мигъ настанетъ, что все, все искупитъ!.. Вѣрьте.—высшаго блаженства нѣтъ на землѣ, какъ молитва... Всѣ остальныя чувствованія—ничто передъ такимъ мигомъ откровенія... Вы женщина свѣта,—но я говорю вамъ: всѣ ваши наслажденія и блага міра вы не промѣняете на сладость молитвы, если вся отдадитесь ей...

— Да я готова отдаться, но не могу...

— Поднимитесь до любви къ Богу выше всего остальнаго...

— Я рада-бы... Силъ нѣтъ...

Старикъ пытливо глянулъ на нее.—Вы любите другаго? спросилъ онъ.

Кровь кинулась ей въ щеки—ей стало стыдно сознаться, стыдно, что она любитъ.—Она хотѣла сказать *нѣтъ*, но пересилила себя.

— Люблю,—чуть слышно отвѣтила она.

Исаія замолкъ. Кровь и у него заиграла на старческихъ щекахъ, глаза заискрились, точно что-то вродѣ презрѣнія засвѣтилось въ нихъ.

— Вотъ гдѣ причина всего,—сказалъ онъ.—Такъ! Это всегда такъ бываетъ... И силъ нѣтъ устоять... И воли нѣтъ?..

— Нѣтъ...

— Молитесь, молитесь,—торопливо заговорилъ онъ,—гоните дурные помыслы прочь, дальше отъ себя... Не давайте дьяволу смущать васъ...

— Силъ нѣтъ, шептала она.

Исаія смотрѣлъ на нее и думалъ: Куда-же духу тьмы и вселяться, какъ не въ этотъ сосудъ чудный, перлъ творчества божія.

Они помолчали. Она встала, протянула ему руку, крѣпко пожала ее, и словно шатаясь пошла изъ комнаты...

— Батюшка, помолитесь за меня, сказала она на порогѣ, держась за притолку, молящимъ взоромъ взглянувъ на него...

Онъ молчалъ. Она вышла на крыльцо, подозвала гикъ, и сѣла съ нею. Лошадь тронулась. Легкая пыль пробѣжала по дорогѣ, и разсѣялась...

Отецъ Исаія неподвижно сидѣлъ на крылечкѣ и порывисто дышалъ. „Отъ мужа уходятъ, страстьми обуреваемы,—таинство брака воровски, ночью... Вѣдь все такъ постоянно у нихъ дѣлается, всегда, и ничего тутъ нѣтъ достойнаго изумленія... Мало мѣста имъ на землѣ, разойтись негдѣ“...

Давно онъ такъ не былъ взволнованъ, потрясенъ... А вокругъ все таже, тишь, спокойствіе, теплынь,—словно міръ заснулъ и грѣется на полуденномъ осеннемъ солнышкѣ.—„Дивны дѣла твоя“... началъ Исаія, недоговорилъ, понурилъ голову и задумался о чемъ-то старомъ, давно минувшемъ...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

„Комедіантъ Дофина.“

Разсказъ **Феликса Лилла.**

Въ одно прекрасное осеннее утро 1665 года, по дорогѣ изъ Парижа въ Фонтенбло, легкою рысцою ѣхалъ всадникъ; не смотря на короткую и тонкую шпагу, висѣвшую у него съ боку, онъ, по своей фигурѣ и осанкѣ, не казался военнымъ, а скорѣе въ немъ можно было узнать человѣка пера. И дѣйствительно—это былъ ученый законовѣдъ, адвокатъ и, кромѣ того, стихотворецъ и, даже, авторъ нѣсколькихъ драмъ; однако, его стихамъ и драмамъ вовсе не везло. Его звали Рауль Марганъ, и въ Парижѣ, въ улицѣ Св. Якова, у него была юридическая контора.

Цѣлью его путешествія была деревенька Вилльжюифъ. Здѣсь онъ остановился у небольшаго домика. Повидимому его уже ждали, потому что тотчасъ же, навстрѣчу ему, на крыльцо вышелъ пожилой человѣкъ, а за нимъ женщина; оба имѣли угрюмый и разсерженный видъ.

— Ну,—рѣшено что ли о полевыхъ угодьяхъ въ Пализо? спросилъ первый.

— Да, отвѣчалъ, съ кислой гримасой, адвокатъ, соскочившій, въ эту минуту, съ лошади, къ сожалѣнію, вышло такъ, какъ я говорилъ.

— Значитъ, мы проиграли.

— Окончательно.

— А протянуть дальше нельзя?

— Невозможно.

— Гм, это скверно! А я все надѣялся, что процессъ затянется такъ долго, что я не доживу до рѣшенія.

— Я дѣлалъ все возможное, Гревенъ, чтобы исполнить ваше желаніе; но ужъ слишкомъ было ясно, что право на сторонѣ вашихъ противниковъ, они и ускорили рѣшеніе.

— Очень вамъ благодаренъ, г. Марганъ, что вы не прислали своего писца, а сами побезпокоились пріѣхать сообщить мнѣ это непріятное извѣстіе.

— О, полноте, г. Гревенъ, я всегда готовъ служить вамъ, сегодня я пріѣхалъ, чтобы переговорить съ вами по одному дѣльцу.

— Можетъ быть—объ уплатѣ вамъ за труды?

Ну, этого мы можемъ коснуться только мимоходомъ. Мнѣ слѣдуетъ отъ васъ всего 340 ливровъ.

— Я очень жалѣю, что теперь не въ состояніи дать вамъ эту сумму.

— Да оно и не къ спѣху, Гревенъ. Я хочу поговорить о вашемъ питомцѣ, маленькомъ Мишелѣ Баронѣ.

— Чѣмъ васъ можетъ интересовать этотъ негодяй?

— О, не выражайтесь такъ сурово о необыкновенномъ ребенкѣ, который такъ чудесно умѣетъ декламировать стихи Корнеля!

— Да, это-то онъ умѣетъ, ему бы только декламировать, да вездѣ шататься.

— Это на немъ явная печать Провидѣнія, признакъ того, что дитя предназначено къ чему нибудь великому.

— Я васъ не понимаю, г. Марганъ.

— Такъ я выскажусь понятнѣе, но съ тѣмъ только, чтобы все, что я передамъ вамъ, осталось бы въ секретѣ.

— Такъ войдемъ въ домъ.

— А моя лошадь?

— О ней я позабочусь.

Гревенъ отвелъ лошадь въ маленькую конюшню и, задавъ ей кормъ, послѣдовалъ за вошедшими въ домъ.

— Гдѣ маленькій Мишель?

— Жена заперла его въ его комнатѣ

— За что?

— За то, что негодный упрямецъ болтался съ другими мальчишками и чуть не упалъ въ колодезь, гдѣ непремѣнно бы утонулъ, отвѣчала жена.

— Я былъ бы очень радъ, еслибы это случилось, проворчалъ ея достойный супругъ.

— Э, какъ вамъ не стыдно! воскликнулъ адвокатъ,—впрочемъ, я знаю слишкомъ хорошо, что мальчикъ этотъ—для васъ большая обуза; а потому и желаю избавить васъ отъ него.

— О еслибъ вы могли!

— Но, позвольте, сначала намъ надо совершенно точно и опредѣлительно объясниться по одному обстоятельству. Мишель Баронъ—сынъ вашей сестры, бывшей замужемъ за довольно зажиточнымъ иссудёнскимъ купцомъ, Барономъ. Послѣ ихъ смерти, мальчикъ, когда ему было около 6 лѣтъ, вступилъ въ вашъ домъ, какъ питомецъ къ опекуну и вы приняли въ завѣдываніе его состояніе, равнявшееся тогда 24 тысячамъ ливровъ.

— Да, это такъ. проговорилъ Гревенъ, бросая нѣсколько боязливый взглядъ на столь свѣдущаго юриста.

— Вы преступно злоупотребили оказаннымъ вамъ довѣріемъ; вы разстроили состояніе Мишеля Барона.

— О, зачѣмъ вы выражаетесь такъ сурово!

— Вѣдь то, что я говорю — правда, Гревенъ, и я не виноватъ въ томъ, что она звучитъ такъ сурово. Состояніе мальчика вы... гм, проспекулировали,—чтобы выразиться помягче. Если отъ васъ потребуютъ—а рано или поздно потребуютъ—отчета, то вы не будете въ состояніи возвратить и 500 ливровъ изъ переданныхъ вамъ денегъ, такъ какъ и это маленькое имѣніе въ Вильжюифѣ вѣдь, все заложено и перезаложено.

— Не могу отрицать того, что вы говорите, г. Марганъ, все это совершенная правда и я постоянно мучаюсь мыслью, что придется давать отчетъ и отвѣтить.

— Какъ опекунъ. растратившій состояніе своего питомца!

— Вы такъ жестоки ко мнѣ! подумайте только о процессѣ, который я только что проигралъ, о другихъ моихъ неудачныхъ процессахъ!

— Ваша несчастная страсть къ тяжбамъ тоже много способствовала сдѣланной вами растратѣ.

— Да, но вы, какъ мой повѣренный, вѣдь имѣли же въ томъ свою пользу.

— Это вѣрно и потому я желаю выразить вамъ мою благодарность, тѣмъ, что избавлю отъ тяжелой заботы.

Во время моихъ посѣщеній я узналъ хорошо маленькаго Барона и полюбилъ его за его удивительные таланты. Мальчикъ долженъ сдѣлаться актеромъ.

— Но, какая же труппа приметъ такого ребенка?

— Мишелю теперь 12 лѣтъ?

— Да.

— Это—какъ разъ подходящій возрастъ.

— Такъ нынче на сцену выступаютъ маленькіе мальчики?

— Вы не слыхали о „Комедіантахъ Дофина?“

— Нѣтъ. Я уже давно не интересуюсь театромъ.

— Это—дѣтская труппа, получившая такое наименованіе въ отличіе отъ „Королевскихъ комедіантовъ;“ она, съ величайшимъ успѣхомъ играетъ въ Парижѣ и провинціи, подъ управленіемъ Антуанетты Рэзенъ, дамы очень почтенной, принадлежащей къ числу моихъ кліентовъ.

— Рэзенъ—это имя я уже слышалъ. Не разъѣзжала ли она или ея мужъ по ярмаркамъ съ какими-то удивительными клавикордами, которые. играли сами собою?

— То былъ ея мужъ, органистъ изъ Труа; онъ недавно умеръ. А клавикорды, игравшіе по заказу каждаго желавшаго,—были презабавная штука; все дѣло заключалось въ томъ, что Рэзенъ пряталъ въ инструментъ младшаго изъ своихъ мальчиковъ, 5-ти лѣтняго ребенка, обладавшаго изумительнымъ для его возраста музыкальнымъ талантомъ; тотъ и игралъ тамъ на внутренней клавитурѣ; когда секретъ открылся. то Рэзенъ бросилъ клавикорды и устроилъ дѣтскій театръ, съ которымъ его вдова дѣлаетъ хорошія дѣла. Теперь, какъ разъ, она нуждается въ „первомъ героѣ“ выдающагося таланта, потому что прежній ужъ слишкомъ выросъ изъ дѣтскихъ костюмовъ и ходитъ большимъ дылдой среди дѣтей. Я и подумалъ о вашемъ племянникѣ и отрекомендовалъ его самымъ лучшимъ образомъ. Г-жа Рэзенъ желаетъ его видѣть.

— Надо, однако, узнать—хочетъ ли Мишель оставить Вильжюифъ?

— Въ этомъ я увѣренъ. Видѣлъ ли мальчикъ, хоть разъ, театръ?

— Нѣтъ.

— Удивительно! И все-таки умѣетъ такъ прекрасно декламировать. Это естественный, прирожденный талантъ?

— Старыя книги съ комедіями, изъ которыхъ онъ выучиваетъ и декламируетъ роли, онъ нашелъ у насъ въ чуланѣ.

— Когда онъ побываетъ въ театрѣ, то навѣрное придетъ отъ него въ восторгъ. Привезите его завтра въ Парижъ въ дилижансѣ, который проходитъ тутъ изъ Фонтенбло. Я его отведу къ Рэзенъ.

— Гм!

— Развѣ вы боитесь чего нибудь?

— Ничего не боюсь, возразилъ г. Гревенъ, поглаживая свой жирный подбородокъ,—я думаю только о томъ—съ какой же стати я даромъ уступлю мальчика? какъ ваше мнѣніе, на этотъ счетъ?

Марганъ засмѣялся.

— Сейчасъ видно спекулянта! воскликнулъ онъ. Вы уже подумываете о какой нибудь выгодѣ?

— Ну да! вамъ, вѣдь, извѣстно въ какомъ я положеніи, извѣстно, что мнѣ необходимы деньги, чтобы вамъ заплатить за расходы.

— Успокойтесь. г. Гревенъ! Въ интересахъ великаго искусства, мы назначимъ мальчику самую высокую цѣну и вся сумма выкупа, за вычетомъ моего счета, попадетъ въ вашъ карманъ. Согласна ли на все это г-жа Гревенъ?

— Очень охотно, пробормотала угрюмая дама. Когда мы. наконецъ, избавимся отъ Мишеля, то, по крайней мѣрѣ, въ домѣ будетъ спокойно. Негодный мальчишка, къ тому же, страшный обжора и его апетитъ все растетъ больше и больше. Г-жа Рэзенъ будетъ довольна, когда ей придется содержать его на свой счетъ!

Когда все было условлено и покончено, адвокатъ-поэтъ потребовалъ, чтобы ему привели мальчика.

Г-жа Гревенъ вышла съ связкою ключей въ рукахъ, чтобы выполнить желаніе гостя.

Нѣсколько минутъ спустя, въ комнату вошелъ прелестный стройный мальчикъ, съ выразительнымъ лицомъ, темными вьющимися волосами и глазами полными огня. Его манеры, движенія были чрезвычайно граціозны.

— А милый г-нъ Марганъ, вы привезли новыя комедіи? воскликнулъ онъ своимъ необыкновенно мелодичнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, милый Мишель, возразилъ тотъ, сегодня у меня нѣтъ съ собой никакихъ стиховъ; но завтра ты пріѣдешь ко мнѣ, въ Парижъ; я тебя сведу въ театръ, посмотрѣть комедіантовъ Дофина, это навѣрное тебѣ понравится.

— Въ театръ? воскликнулъ мальчикъ въ восторгѣ,—въ настоящій театръ? О, благодарю, благодарю васъ, г. Марганъ! Да, этого мнѣ такъ давно хочется!

— Твое желаніе будетъ теперь удовлетворено, а можетъ быть и не это одно, а и другія; о томъ, впрочемъ, мы поговоримъ потомъ. Ну ка, Мишель, прочти мнѣ ту, большую рѣчь Помпея! Я люблю слушать, когда ты декламируешь.

Мальчикъ сталъ въ героическую позу и съ увлеченіемъ и чувствомъ произнесъ наизусть длинный монологъ изъ трагедіи Корнеля „Смерть Помпея.“

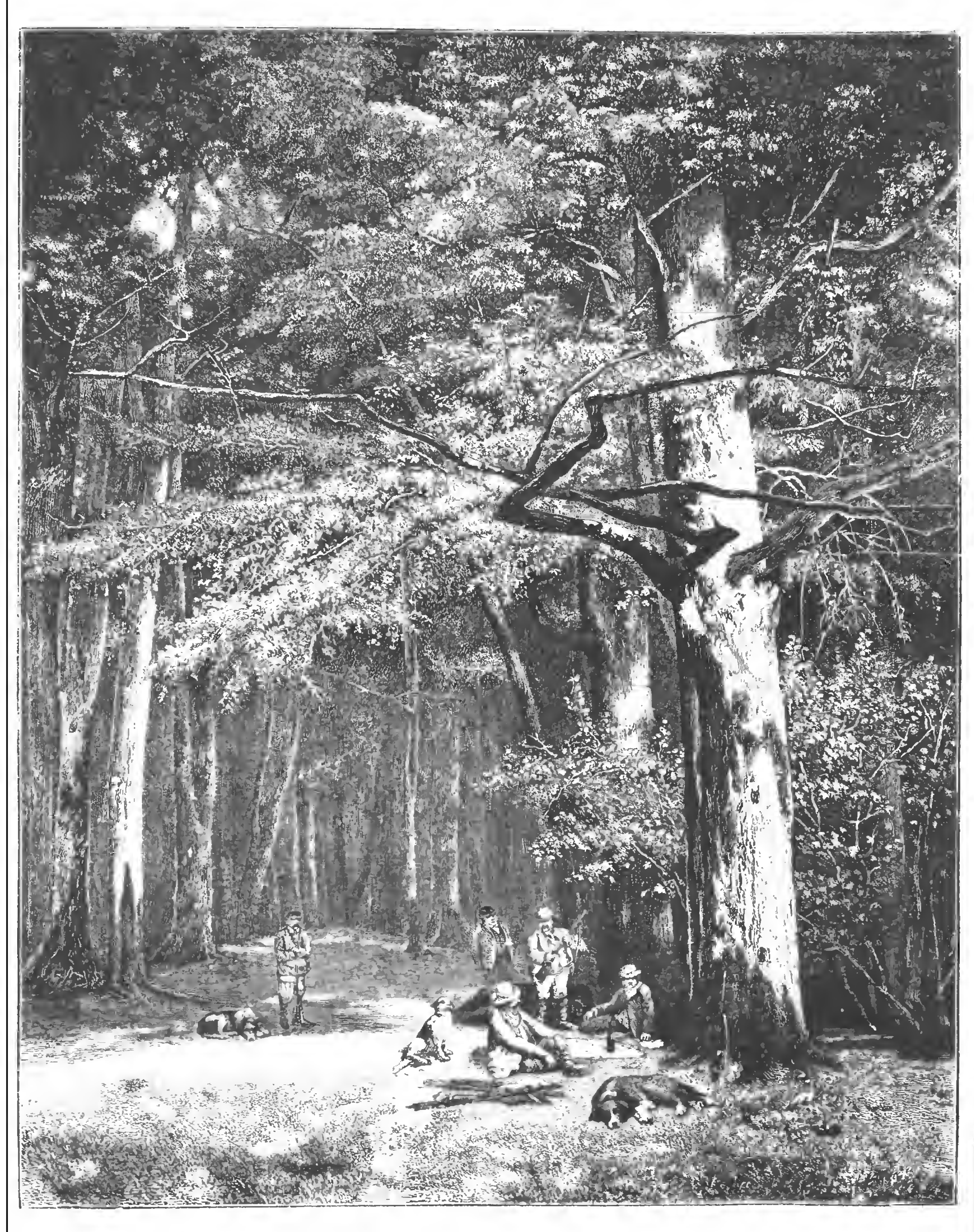
— Великолѣпно, великолѣпно! проговорилъ адвокатъ, тронутый до глубины души и утирая невольно выступившія слёзы. Вотъ это настоящая поэзія, потрясающая человѣка. Увы, мнѣ не написать такихъ стиховъ, какія писалъ великій, безсмертный Корнель. Но, если ужъ я не могу быть великимъ поэтомъ, то, по крайней мѣрѣ, увѣковѣчу свое имя услугою, которую окажу искусству тѣмъ, что выведу на сцену этого маленькаго трагика, предназначеннаго, по моему мнѣнію, быть величайшимъ артистомъ настоящаго столѣтія.

Онъ простился и уѣхалъ въ Парижъ.

Въ полдень слѣдующаго дня Гревенъ былъ уже у него съ своимъ питомцемъ. Угостивъ обоихъ какъ можно лучше, Марганъ, затѣмъ, повелъ ихъ въ театръ, который въ тѣ времена начинался нѣсколькими часами раньше, чѣмъ въ наше время; „Комедіанты Дофина“ давали свои спектакли въ одномъ изъ зданій въ улицѣ Св. Евстафія; изящно и красиво отдѣланная зала была не велика и заключала въ себѣ едва четыреста мѣстъ.

Когда Мишель вошелъ съ своими спутниками, почти всѣ скамьи уже были заняты, преимущественно женщинами и дѣтьми. Они, однако, нашли удобныя мѣста и мальчикъ сѣлъ, ожидая въ волненіи начала спектакля.

Дѣтская труппа Рэзенъ состояла изъ восьми маленькихъ артистовъ и артистокъ. Оркестръ выполнилъ увертюру, затѣмъ поднялась занавѣсъ и дѣти съ большимъ искусствомъ съиграли хорошенькую веселую пьесу: „Tricassin rival“ (Трикассенъ, соперникъ своего господина); послѣ пьесы трое маленькихъ артистовъ граціозно протанцовали „сарабанду,“ а потомъ былъ съигранъ шутовской водевиль: „l'Andouille de Troyes“ заставившій хохотать всю публику.



Московская промышленно-художественная выставка. „Привалъ охотниковъ въ грабовомъ лѣсу“.
Картина Орловскаго, по фотогр. Евг. И. Вишнякова, грав. М. Рашевскій.

— Ну, Мишель, какъ тебѣ нравится театръ? спросилъ Марганъ сіявшаго отъ удовольствія мальчика. Ты бы хотѣлъ точно такъ же, самъ появляться на сценѣ и заслуживать одобреніе публики? Я думаю, что ты могъ бы лучше говорить и играть, чѣмъ тотъ мальчикъ, изображавшій „героя.“ У г-жи Рэзенъ играютъ и болѣе серьёзныя пьесы; но для этого ей надо такого даровитаго мальчика, какъ ты. Желаешь ли сдѣлаться „комедіантомъ дофина,“ товарищемъ маленькихъ артистовъ, которыхъ только что видѣлъ?

Мальчикъ изъявилъ согласіе съ восторгомъ.

— Ну хорошо, такъ завтра идемъ къ г-жѣ Рэзенъ. Я устрою, что она возьметъ тебя въ свою труппу.

Директриса „Комедіантовъ Дофина,“ послѣ непродолжительнаго испытанія, немедленно же завербовала Барова. Затѣмъ, пока мальчика отправили познакомиться съ юными товарищами, адвокатъ, Гревенъ и Рэзенъ принялись за переговоры объ условіяхъ. Переговоры закончились тѣмъ, что директриса, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, пользуется талантомъ Мишеля, предоставленнаго, на это время, въ ея распоряженіе, и за это уплачиваетъ Гревену единовременно 600 ливровъ и, кромѣ того,—въ послѣдующіе 4 года по 300 ливровъ ежегодно.

Контрактъ былъ засвидѣтельствованъ нотаріальнымъ порядкомъ, а затѣмъ Гревенъ, получивъ 600 ливровъ (изъ которыхъ Марганъ удержалъ свои 340 л.), возвратился въ Вилльжюифъ.

— А, вѣдь, дѣло то совсѣмъ не дурное, думалъ про себя дорогой Гревенъ,—вотъ ужь никогда бы не повѣрилъ, чтобы этотъ мальчишка могъ принести мнѣ такую выгоду. Теперь у меня опять въ карманѣ наличныя и ежегодный доходецъ въ 300 франковъ. Гм... можно бы и какое нибудь новое дѣльце затѣять. А когда пройдутъ 4 года службы Мишеля, гм... такъ я тогда, можетъ быть, съумѣю за него взять и побольше!..

Начинающему юному актеру очень понравилось у г-жи Рэзенъ, которая, при нѣкоторой эксцентричности, была хорошею и доброю женщиною, съ характеромъ честнымъ и правдивымъ. Она матерински заботилась о дѣтяхъ, ввѣренныхъ ея попеченіямъ. Мишель получилъ очень хорошее платье для каждаго дня и роскошный гардеробъ для своихъ выходовъ на сцену. Кухня оказалась также вкусною и гораздо болѣе обильною, чѣмъ въ Вилльжюифѣ.

Появившись на подмосткахъ и поборовъ въ себѣ такъ называемую „рамповую лихорадку“ перваго времени, Баронъ скоро завоевалъ всѣ сердца своею увлекательною игрою и звучнымъ голосомъ. Онъ предпочиталъ серьезныя роли, хотя былъ очень хорошъ и въ комическихъ. Слава о даровитомъ мальчикѣ распространилась въ столицѣ и парижане начали толпой стекаться въ театръ г-жи Рэзенъ, чтобы взглянуть на новое сценическое чудо.

Въ одной изъ комнатъ дома подъ № 34, въ улицѣ Ришелье, сидѣлъ красивый мужчина съ выразительнымъ, но блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ, носившимъ явный отпечатокъ страданія и глубокой ипохондріи. На домѣ, о которомъ мы говоримъ, теперь прибита доска, въ воспоминаніе о пребываніи въ немъ знаменитаго жильца. Жилецъ этотъ былъ никто иной, какъ Жанъ-Батистъ Пакеленъ, т. е. геніальный Мольеръ.

Одѣтый въ шлафрокѣ и укрывшись одѣяломъ, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, у окна: передъ нимъ стояла чашка, наполненная теплымъ молокомъ, разбавленнымъ водою, нѣсколько съ боку лежалъ манускриптъ—написанная имъ комедія, подъ заглавіемъ „Скупой“.

Пьесу эту онъ собирался вскорѣ дать на своей сценѣ; Мольеръ, какъ извѣстно, имѣлъ труппу, игравшую, съ 1660 г., въ театральной залѣ королевскаго дворца. Людовикъ XIV выказывалъ ему большое расположеніе и эта милость могущественнаго государя облегчала горечь многихъ непріятностей, которыя ему причиняли и враги, своею завистью и наговорами, и даже сама его жена (дочь актрисы Бежаръ), никогда не сумѣвшая возвыситься до пониманія геніальнаго таланта мужа и достоинства его произведеній.

Мольеръ задумчиво глядѣлъ въ окно. Въ эту минуту дверь отворилась и вошелъ его близкій другъ, Шапелль, пользовавшійся извѣстностью какъ авторъ многихъ пѣсенъ, человѣкъ веселаго нрава, большой жуиръ. И теперь онъ былъ въ своемъ всегдашнемъ состояніи, т. е. на половину пьяный, или, по крайней мѣрѣ, значительно на веселѣ.

— Чортъ возьми твои комедіи, да и тебя вмѣстѣ съ ними, Мольеръ! громко крикнулъ онъ. Никто больше не станетъ смотрѣть ихъ и твоихъ деревянныхъ актеровъ—такая звѣзда явилась, что совсѣмъ затемнила и твоихъ, и тѣхъ, которые играютъ въ Бурбонскомъ дворцѣ!

— Ты говоришь о мальчикѣ у этой Рэзенъ?

— Да, конечно! да развѣ онъ не чудо?

— Я еще его не видѣлъ, но ужь слышалъ о немъ.

— Какъ? Ты еще не видѣлъ его?

— Нѣтъ, нездоровье мѣшало мнѣ побывать въ театрѣ Рэзенъ.

— Послушай, Мольеръ, тебѣ надо этого удивительнаго мальчика перетянуть на свою сцену.

— Не могу же я сдѣлать такую несправедливость въ отношеніи Рэзенъ.

— Несправедливость? Но вѣдь дѣло въ томъ, что твоя конкурентка купила мальчика за 600 ливровъ и ренту, которые платитъ его опекуну. Развѣ въ нашемъ государствѣ дозволена торговля людьми? Навѣрное нѣтъ! Тебѣ легко будетъ выхлопотать королевское повелѣніе, уничтожающее этотъ ничего не значущій контрактъ.

— Все-таки, сначала мнѣ надо посмотрѣть маленькаго артиста.

— Онъ поразитъ тебя.

— Если все это такъ, то для пользы мальчика и моего театра я добуду повелѣніе короля, но однако съ тѣмъ, чтобы и Рэзенъ была вознаграждена.

— Браво! ты всегда останешься благородною поэтическою душею! Ну, а теперь вели-ка подать бутылку бургундскаго въ благодарность за хорошій совѣтъ.

— Ла Форэ! кликнулъ Мольеръ.

Вошла старая, некрасивая служанка.

— Подай г-ну Шапелль бутылку моего лучшаго бургундскаго.

Служанка, сдѣлавъ кислую гримасу, вышла выполнить приказаніе.

— Ты, вотъ, тянешь одно молоко да воду, Мольеръ, и повѣрь, что твой отличный погребъ привелъ бы тебя въ большое затрудненіе, если бы я, Люлли и другіе веселые товарищи не пользовались благороднымъ напиткомъ, этимъ даромъ Божьимъ.

Писатель грустно улыбнулся. Уже давно онъ не пользовался никакими благами жизни.

Послѣ обѣда онъ отправился въ носилкахъ въ театръ Рэзенъ, гдѣ его появленіе обратило на себя общее вниманіе. Случайно тамъ находился и адвокатъ Марганъ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ въ гардеробную къ своему любимцу.

— Ну, Мишель, постарайся сегодня! воскликнулъ онъ, на тебя пришелъ посмотрѣть величайшій писатель нашего времени. Если ты ему понравишься—твоя карьера сдѣлана!

На лицѣ г-жи Рэзенъ выразилась тревога. „Какъ ни велика честь, которую мнѣ дѣлаетъ Мольеръ, но его посѣщеніе мнѣ не нравится; онъ, вѣроятно, захочетъ взять у меня Мишеля, за котораго я честно заплатила наличными. Хорошо еще, что у меня сдѣланъ контрактъ; не отдамъ Мишеля ни за что.

Баронъ вышелъ въ двухъ небольшихъ пьесахъ и, какъ всегда, привелъ публику въ восторгъ своей игрой.

Мольеръ, подобно всѣмъ остальнымъ, былъ изумленъ и восхищенъ этимъ рѣдкимъ сценическимъ талантомъ, хотя его безошибочное артистическое чувство и вѣрный глазъ и подмѣтили нѣкоторыя погрѣшности въ игрѣ юнаго трагика, невидимыя для другихъ. Но онъ понималъ, что подъ лучшимъ руководствомъ эти незначительныя ошибки исчезли бы и замѣнились бы новыми достоинствами.

— Я обязанъ пріобрѣсть этого мальчика для моего театра, рѣшилъ Мольеръ,—онъ вполнѣ заслуживаетъ, чтобы я занялся имъ и развилъ его дарованіе для торжества нашего искусства, для славы нашего отечества. Онъ велѣлъ передать Мишелю, что ждетъ его на другой день къ себѣ.

Марганъ, которому мальчикъ сообщилъ объ этомъ приглашеніи, объявилъ ему, что онъ обязанъ непремѣнно воспользоваться имъ, такъ какъ это можетъ принести ему много хорошаго, но Рэзенъ энергически возстала; однако ей пришлось уступить.

Рано утромъ слѣдующаго дня Мольеръ отправился въ Сенъ-Жермэнъ и испросилъ аудіенцію у короля.

Людовикъ XIV принялъ писателя съ обычною милостью и тотъ изложилъ королю свою просьбу.

— Въ моемъ государствѣ не можетъ происходить торговли рабами, сказалъ его величество. Рэзенъ не имѣетъ права покупать у безсовѣстныхъ родителей и опекуновъ дѣтей для пользы своего театра. Если однако этотъ даровитый мальчикъ желаетъ остаться у нея, то конечно это мѣняетъ дѣло; принуждать его не надо ни оставаться въ ея труппѣ, ни уйдти изъ нея. Пусть все будетъ предоставлено его собственному выбору. Но вамъ будетъ немедленно выдано полномочіе, Мольеръ.

Писатель поблагодарилъ короля съ глубокимъ поклономъ. Скоро по возвращеніи его въ Парижъ къ нему явились Марганъ и Мишель Баронъ.

— Не желаешь ли, мой маленькій другъ, остаться у меня и подъ моимъ руководствомъ сдѣлаться первымъ актеромъ Франціи? спросилъ Мольеръ мальчика.

— О да, мнѣ бы хотѣлось быть у васъ и выучиться настоящей сценической игрѣ.

— Ты искренно желаешь этого?

— Да, совершенно искренно.

— Хорошо—твое желаніе будетъ удовлетворено. Ты останешься теперь же у меня и больше не возвратишься къ Рэзенъ.

— Но будетъ ли мама Рэзенъ этимъ довольна?

— Я заплачу ей за ея убытки. Вотъ — именное повелѣніе его величества, на основаніи котораго отъ тебя зависитъ оставаться у нея, или перейдти ко мнѣ.

Писатель прочелъ повелѣніе, собственноручно подписанное королемъ.

— Это—счастье тебѣ, Мишель! воскликнулъ Марганъ—даже его величество соблаговолилъ подумать о тебѣ. Мнѣ все таки и во снѣ не снилось, чтобы ты, въ такіе юные годы, удостоился чести попасть на сцену къ Мольеру. О Рэзенъ не безпокойся, я самъ переговорю съ нею.

Онъ отправился къ содержательницѣ дѣтской труппы и сообщилъ ей о происшедшемъ. Рэзенъ, въ своемъ гнѣвѣ и отчаяніи объявила, что обратится къ суду съ жалобою на похитителя Мишеля, но адвокатъ объяснилъ, что это не привело бы ни къ чему, въ виду именнаго повелѣнія короля, уничтожившаго ея контрактъ съ Гревеномъ.

Однако, не взирая на все, эксцентрическая директриса въ новомъ приливѣ бѣшенства, ворвалась на другой день къ Мольеру съ двумя пистолетами въ рукахъ.

— Гдѣ мой мальчикъ? закричала она, размахивая своимъ оружіемъ,—гдѣ мой артистъ, мой маленькій трагикъ?

— Я не позволяю говорить со мною такимъ образомъ, отвѣчалъ писатель,—прежде всего бросьте пистолеты и успокойтесь, не то—я позову людей и велю васъ связать.

— Г. Мольеръ, вы разоряете меня!

— Вовсе нѣтъ—за убытокъ я выплачу вамъ значительную сумму.

— Да вѣдь нѣтъ никакихъ денегъ, которыя можно было бы дать за мальчика!

— Онъ не рабъ вашъ и вы сами согласитесь, что подъ моимъ попеченіемъ онъ сдѣлаетъ гораздо больше успѣховъ, чѣмъ подъ вашимъ.

— Я купила его у его опекуна и заплатила наличными.

— Король уничтожилъ этотъ незаконный контрактъ

— Значитъ во Франціи нѣтъ никакой справедливости?

— Молчите лучше и держите вашъ языкъ на привязи, иначе король велитъ засадить васъ въ Бастилію! Идите спокойно домой. Г. Марганъ все устроитъ для васъ самымъ лучшимъ образомъ. Боже сохрани, чтобы я несправедливо поступилъ съ вами или съ кѣмъ бы то ни было! Но Мишель Баронъ остается у меня и я сдѣлаю изъ него перваго артиста Франціи, онъ одаренъ всѣмъ, что необходимо для того. Вы же не въ состояніи развить его удивительное дарованіе. Покоритесь этой необходимости и утѣшьтесь мыслью, что такъ будетъ лучше для геніальнаго ребенка!

Гнѣвъ г-жи Рэзенъ смѣнился слезами, пистолеты вывалились у нея изъ рукъ и она сама, упавъ передъ Мольеромъ на колѣни, начала умолять его, чтобы онъ возвратилъ ей ея артиста. Но Мольеръ остался непреклоненъ. Онъ показалъ ей королевское повелѣніе.

Увидѣвъ, что нѣтъ больше никакой надежды, Рэзенъ просила, чтобы, по крайней мѣрѣ, Барону было позволено съиграть еще три раза въ ея дѣтской труппѣ.

— Не только три, но—восемь разъ, отвѣчалъ Мольеръ, но съ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ приходить къ вамъ и возвращаться въ сопровожденіи одного изъ моихъ людей.

Уступка и сдѣлка эта нѣсколько успокоили Рэзенъ. Восемь спектаклей съ участіемъ Мишеля доставили ей значительную сумму, которая въ соединеніи съ деньгами, уплаченными ей Мольеромъ, дали ей возможность даже пріобрѣсть себѣ домъ. Тамъ она нѣкоторое время и жила, отказавшись отъ прежняго дѣла; однако ея безпокойный нравъ вскорѣ опять проснулся и она сформировала новую труппу, но уже не дѣтскую.

Въ послѣдующіе затѣмъ два года, Баронъ, благодаря наставленіямъ и поученіямъ великаго писателя, сдѣлалъ огромные успѣхи. Его любили всѣ, съ кѣмъ онъ ни встрѣчался, исключая впрочемъ жены Мольера, которая, казалось, ненавидѣла его и, вѣроятно именно за то, что онъ пользовался привязанностью ея мужа. Непріязнь эта дошла до того, что однажды г-жа Мольеръ, изъ за какихъ-то пустяковъ, дала ему пощечину.

Юный артистъ немедленно же оставилъ домъ. Его чрезвычайно оскорбляло сознаніе, что онъ побитъ женщиной. Случай этотъ надѣлалъ большаго шума. Мольеръ сдѣлалъ замѣчаніе своей строптивой половинѣ, но наслушавшись дерзостей, предпочелъ не отвѣчать. Между тѣмъ Мишель вступилъ въ путешествовавшую по провинціи труппу Рэзенъ, которая, конечно, всѣми силами старалась поддерживать въ немъ раздраженіе, возбужденное обидой.

Труппа Рэзенъ, однако, благодаря плохимъ дѣламъ, скоро распалась и изъ нея образовалась другая, въ меньшемъ размѣрѣ, подъ управленіемъ актрисы Боваль. Баронъ тоже вошелъ въ ея составъ. Но, его не оставляла мысль о Мольерѣ и его столь благоустроенномъ театрѣ. Горькій опытъ заставилъ его сознать чѣмъ онъ обязанъ великому писателю и какъ неблагоразумно поступилъ оставивъ его. Онъ и не скрывалъ своихъ мыслей и прямо высказывалъ многимъ, что лишь оттого не возвратился къ Мольеру, что считаетъ себя недостойнымъ этой чести. Мольеру передали объ этомъ. Самые интересы писателя требовали сколь возможно скорѣйшаго возвращенія артиста, который, тоже, повидимому, нуждался въ его помощи. Онъ написалъ ему въ Дижонъ, приглашая немедленно же пріѣхать назадъ.

Отсутствіе Барона чрезвычайно опечалило писателя. Болѣзненный ипохондрикъ очень полюбилъ юношу, ревностно занимался его развитіемъ, его радовало молодое увлеченіе, молодая энергія Мишеля. А въ домѣ у него снова повторялись прежнія несогласія и столкновенія. Онъ надѣялся, что пріѣздъ юнаго друга, его веселость освѣжатъ его, послужатъ какъ бы противоядіемъ отъ того раздраженія, которое въ немъ постоянно поддерживали и которое подтачивало его здоровье.

Съ своей стороны Баронъ не менѣе тосковалъ по своемъ любимомъ учителѣ. Какъ только онъ получилъ письмо, то немедленно же пустился въ путь. Мольеръ, въ нетерпѣніи скорѣе его снова увидѣть, ждалъ его у воротъ св. Виктора, съ единственною цѣлью привѣтствовать юношу двумя минутами раньше. Но онъ не узналъ своего фаворита, котораго бродячая, цыганская жизнь провинціальнаго актера измѣнила до такой степени, что Мольеръ пропустилъ его какъ незнакомца. Грустный возвратился онъ домой—но тутъ ждалъ его пріятный сюрпризъ: Баронъ прямо пріѣхалъ къ нему. Артистъ приготовилъ было краснорѣчивое привѣтствіе, но трудъ пропалъ напрасно—радостное волненіе совершенно лишило его способности говорить.

Съ тѣхъ поръ они не разлучались больше до самой смерти Мольера, скончавшагося 17-го февраля 1673 г. Баронъ присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ великаго писателя, которому закрылъ глаза. Геніальный артистъ выполнилъ завѣтъ своего безсмертнаго учителя, сдѣлавшись первымъ актеромъ Франціи въ XVII столѣтіи. Онъ между прочимъ слишкомъ зналъ цѣну себѣ и нѣсколько черезчуръ этимъ гордился, такъ какъ нерѣдко говаривалъ, что: „каждое столѣтіе имѣетъ своего Цезаря, но—Баронъ является только однажды въ тысячелѣтіе!“

Когда, въ 1729 г., онъ, на 77 году отъ рожденія, выполнялъ роль дона Дьего въ „Сидѣ“ Корнеля, то въ одной сценѣ, согласно указанію автора, оттолкнулъ ногой брошенный на землю мечъ: при этомъ онъ поранилъ себѣ мизинецъ; онъ не обратилъ никакого вниманія на, повидимому, незначительную ранку, повлекшую, вслѣдствіе того, за собою антоновъ огонь. Баронъ не согласился на ампутацію и—чрезъ нѣсколько дней умеръ. Долго не имѣлъ онъ достойнаго преемника, пока не явился Тальма.

Вредныя насѣкомыя.

(Изъ воспоминаній о харьковскомъ хозяйственномъ съѣздѣ 1882 г.).

Профессора Харьковскаго университета **А. Ѳ. Брандта.**

Какъ-бы ни были разнообразны, сложны и отчасти даже спорны причины экономическаго кризиса, разразившагося въ послѣдніе годы надъ нашимъ отечествомъ, несомнѣнно, не послѣднее мѣсто между этими причинами принадлежитъ убыткамъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Многомилліонные убытки отъ этихъ ничтожныхъ, повидимому, насѣкомыхъ, наводнившихъ собою нашъ южный край, еще недавно считавшійся житницей не только Россіи, но и всей Европы, вызвали усиленную дѣятельность въ средѣ ученыхъ, земства и правительства. Съ цѣлью всесторонняго изученія зла и критической оцѣнки мѣръ для борьбы съ нимъ, правительство между прочимъ еще въ концѣ февраля 1881 года созвало въ Одессу „особое совѣщаніе земскихъ представителей,“ въ которомъ приняли дѣятельное участіе и люди науки. Несмотря на то, что работы этого „совѣщанія“ или съѣзда заключены съ нѣкоторою поспѣшностью, вслѣдствіе случившагося какъ разъ въ это время потрясающаго событія 1 марта, съѣзду тѣмъ не менѣе удалось въ значительной степени уяснить подлежавшіе его разсмотрѣнію вопросы, такъ что постановленія его послужили даже основой для законодательныхъ мѣропріятій. Въ видахъ дальнѣйшей разработки вопроса о борьбѣ съ вредными насѣкомыми, созвано было второе „совѣщаніе“ въ Харьковѣ. Засѣданія происходили ежедневно съ 10 по 19 февраля, публично въ одной изъ залъ дворянскаго собранія, подъ предсѣдательствомъ харьковскаго губернатора П. А. Грессера. Участіе въ „совѣщаніи“ принимало около тридцати лицъ, оффиціальные представители земствъ (предсѣдатели и члены управъ), далѣе члены энтомологической коммисіи, состоящей при мѣстной губернской земской управѣ, равно какъ и нѣкоторые выдающіеся сельско-хозяйственные дѣятели, практики и теоретики. Желая по возможности облегчить и ускорить работы съѣзда, харьковская энтомологическая коммисія озаботилась приготовленіемъ докладовъ, которые и составляли точку исхода для преній по всѣмъ пунктамъ намѣченной ею-же программы. Иные изъ этихъ докладовъ могутъ интересовать нашу публику, а потому я задался мыслію набросать для читателей „Нивы“ нѣкоторыя воспоминанія о съѣздѣ. Взявъ тему, обозначенную въ заглавіи, я буду придерживаться своего доклада, который сообщилъ съѣзду въ первомъ-же засѣданіи.

Въ природѣ дѣвственной, еще нетронутой рукою человѣка, вся совокупность организмовъ составляетъ строгое, гармоническое цѣлое. Каждому виду растеній и животныхъ, отведено опредѣленное мѣсто; такъ, что между всѣми этими организмами существуетъ численное равновѣсіе, которое и поддерживается постоянно, несмотря на нарожденіе все новыхъ и новыхъ особей: ибо весь избытокъ ихъ погибаетъ въ борьбѣ за

Московск. промышл.-худож. выставка. Павильонъ товарищ. Россійско-Американской резиновой мануфактуры.
Съ фотографіи Шерера и Набгольца, грав. М. Рашевскій.

Береговая стража. Картина профессора Р. Іордана, грав. Гильдебрандтъ.

существованіе. Только въ силу этого равновѣсія, въ первобытномъ лѣсу въ теченіи столѣтій и тысячелѣтій могутъ существовать рядомъ, напр., волки и олени; еслибъ число волковъ увеличивалось, они-бы уже давнымъ давно истребили оленей и затѣмъ сами-бы погибли отъ голода. Въ томъ-же лѣсу безчисленныя насѣкомыя плодятся и неустанно работаютъ надъ сокрушеніемъ растительности, а лѣсъ стоитъ въ своей неизмѣнной величавой красѣ. Этого не могло-бы быть, еслибъ и число насѣкомыхъ не было нормировано, и постоянно нарождающійся излишекъ не дѣлался жертвою преслѣдователей, болѣзней и стихійныхъ силъ. Еслибъ вся органическая природа состояла, положимъ, только изъ травы и рогатаго скота, то раньше или позже рогатый скотъ, размножившись безпрепятственно, истребилъ-бы всю траву, и затѣмъ самъ-бы погибъ. Иное дѣло, если третьимъ членомъ въ такую однообразную природу вступилъ-бы какой нибудь хищникъ: истребляя избытокъ рогатаго скота, онъ-бы могъ спасти растительность. Однако, продолжительное существованіе и такой *трехчленной* природы мыслимо лишь при одномъ условіи, а именно, если между числомъ хищниковъ и скота установлено самое точное нормальное соотношеніе. На самомъ дѣлѣ, малѣйшее прогрессивное умноженіе хищниковъ привело-бы въ концѣ концовъ къ истребленію скота и затѣмъ къ гибели и самихъ хищниковъ, прогрессивное-же умноженіе скота погубило-бы растительность, уничтоженіе которой, въ свою очередь, повело-бы за собою и гибель животныхъ. Такимъ образомъ, необходимое для долговѣчности природы устойчивое численное равновѣсіе организмовъ при трехъ только представителяхъ, одномъ растеніи, одномъ травоядномъ и одномъ хищномъ животномъ, едва-ли мыслимо: въ природѣ реальной оно, какъ видно, вполнѣ достигнуто лишь совмѣстнымъ существованіемъ десятковъ тысячъ растительныхъ и, примѣрно, милліона животныхъ видовъ, которые и ведутъ между собою самую сложную борьбу за существованіе, оспаривая другъ у друга захватъ новыхъ мѣстъ. Любое животное имѣетъ не одного, а множество различныхъ враговъ: не одинъ, такъ другой изъ нихъ можетъ парализовать его стремленіе къ прочному численному увеличенію. Подобными размышленіями не трудно убѣдиться въ томъ, что *существованіе органической природы зиждется на ея разнообразіи.*

Какъ велика сила природы, регулирующее численное равновѣсіе между организмами, доказывается тѣмъ, что, при размноженіи безпрепятственномъ, любое животное въ короткое время завладѣло-бы всей земной поверхностью. Положеніе это подробнѣе развито мною въ статьѣ „Численное равновѣсіе животныхъ въ борьбѣ за существованіе“ („Нива“ 1879 г.). Въ статьѣ этой, между прочимъ, приводится вычисленіе, по которому потомство одной только пары слоновъ, при безпрепятственномъ размноженіи, представляло-бы черезъ 1,000 лѣтъ такую гигантскую цифру, что на каждую квадратную сажень всѣхъ пяти частей свѣта приходилось-бы по три слона. Для болѣе вѣрной оцѣнки этого вычисленія, надо имѣть въ виду, что слонъ самое неплодовитое изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ животныхъ, и остальныя животныя гораздо скорѣе завладѣли-бы всей земной поверхностію и притомъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ они мельче; ибо плодовитость животныхъ обратно пропорціональна ихъ величинѣ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. На самомъ дѣлѣ, чѣмъ-бы питались крупныя хищныя животныя, еслибъ болѣе мелкія, служащія имъ пищею, не были плодовитѣе а вмѣстѣ съ тѣмъ и многочисленнѣе ихъ? Коршунъ ежедневно пожираетъ, по крайней мѣрѣ, по одной полевой мыши или по одному суслику; поэтому ясно, что существованіе единичнаго коршуна предполагаетъ существованіе сотенъ этихъ грызуновъ; одна только ласточка или летучая мышь ежедневно уничтожаетъ цѣлые рои насѣкомыхъ, которыя поэтому и должны быть многочисленнѣе и плодовитѣе. Допуская, что самка раззоряющаго насъ хлѣбнаго жука кузьки (Anisoplia austriaca) кладетъ всего только по 12 яицъ, дающихъ, черезъ 2 года, начало 9 самцамъ и 3 только самкамъ, не трудно вычислить, что лѣтъ черезъ 70 потомство одного экземпляра этого жучка выражалось-бы круглымъ счетомъ цифрой 200,000,000,000,000 (двѣсти тысячъ милліардовъ) особей; причемъ на каждый квадратный дюймъ всей суши земнаго шара приходилось-бы по одному кузькѣ. Положенная въ основаніе этого разсчета цифра несомыхъ кузькою яицъ, была указана лишь какъ минимумъ однимъ изъ первыхъ по времени изслѣдователей; впослѣдствіи-же оказалось, что плодовитость нашего насѣкомаго слишкомъ вдвое больше, а потому и нашъ приблизительный разсчетъ гораздо ниже нормальнаго, заселеніе же сплошь всей земной поверхности кузькой совершилось-бы въ значительно кратчайшій промежутокъ времени. Такое размноженіе и произошло-бы въ дѣйствительности, еслибъ къ нему стремился одинъ лишь кузька, а не всѣ безъ исключенія организмы, и еслибъ каждому изъ нихъ не приходилось выдерживать борьбы за существованіе со своими врагами и съ внѣшними условіями, каковы: болѣзни, дождь, вѣтеръ и холодъ, и еслибъ, далѣе, каждый организмъ не былъ пріуроченъ къ извѣстнымъ климатическимъ и мѣстнымъ условіямъ, нашъ кузька, напримѣръ, не могъ-бы распространиться ни до крайняго сѣвера, ни до тропиковъ. Наконецъ, самымъ дѣйствительнымъ факторомъ въ дѣлѣ укрощенія безпредѣльнаго размноженія животныхъ и удержанія ихъ численнаго status quo являются ограниченность запаса подходящей пищи. Воробьи гнѣздятся и выводятъ птенцовъ по меньшей мѣрѣ по три раза въ лѣтнее полугодіе; отчего-же, спрашивается, число ихъ на нашихъ улицахъ не увеличивается годъ отъ году въ ужасающей прогрессіи? Оттого, что количество овса и другаго корма, валяющагося на улицахъ, остается приблизительно одинаковымъ: городъ можетъ прокормить извѣстный только комплектъ своихъ пернатыхъ обитателей, и весь нарождающійся избытокъ, помимо другихъ причинъ смертности, погибалъ-бы и отъ одного голода.

Нельзя оспаривать того факта, что и въ открытой природѣ иногда, при особенно благопріятномъ стеченіи внѣшнихъ обстоятельствъ, замѣчается внезапно чрезвычайное размноженіе опредѣленнаго животнаго; но такое размноженіе является всегда лишь кратковременнымъ: наступаютъ иныя, уже неблагопріятныя условія, является недостатокъ въ подходящей пищѣ, происходитъ усиленное размноженіе враговъ, кормящихся этимъ животнымъ, и борьба за существованіе кончается опять таки численнымъ равновѣсіемъ. Во многихъ случаяхъ усиленное размноженіе слѣдуетъ опредѣленной, правильной періодичности. Такъ каждое лѣто являются осаждающіе насъ несмѣтные рои мухъ и комаровъ, которые однако, къ счастію, недолговѣчны: отъ нихъ къ осени остаются лишь единичныя особи, зимующія гдѣ нибудь въ потаенныхъ мѣстахъ, въ дуплѣ, трещинѣ скалы, подвалѣ съ тѣмъ, чтобы весною положить начало новымъ роямъ себѣ подобныхъ.

И такъ, природа представляетъ вполнѣ гармоническій механизмъ, въ которомъ безчисленные рычаги и колеса,—организмы, вѣчно въ движеніи и вѣчно взаимно регулируются; причемъ каждому организму отведено свое опредѣленное число мѣстъ на опредѣленномъ пространствѣ. Однако, изъ безчисленныхъ колесъ этого механизма выдѣляется одно, которое, въ силу своего превосходства, не можетъ и не желаетъ подчиняться совокупности всѣхъ остальныхъ колесъ; это—самъ человѣкъ. Природа дѣвственная удовлетворяетъ потребностямъ развѣ одного дикаря, а никакъ не человѣка культурнаго. Послѣдній уничтожаетъ первобытное разнообразіе животнаго и растительнаго царства тѣмъ, что превращаетъ одинаково и лѣса и степи въ поля, засѣваемыя лишь немногими избранными культурными растеніями и вмѣстѣ съ тѣмъ исподволь вытѣсняетъ всевозможныхъ дикихъ животныхъ небольшимъ числомъ домашнихъ. При этомъ, человѣкъ руководствуется, къ сожалѣнію, лишь *непосредственнымъ удовлетвореніемъ своихъ потребностей* и слишкомъ рѣдко задумывается надъ послѣдствіями нарушаемаго имъ естественнаго равновѣсія природы. Въ результатѣ оказывается, что онъ заботится не только о самомъ себѣ, но и о своихъ конкуррентахъ на пищу: засѣвая хлѣбами необозримыя пространства, онъ тѣмъ самымъ разводитъ мышей, сусликовъ, хомяковъ и широко раскрываетъ двери передъ непрошенными гостями изъ класса насѣкомыхъ. Эти плачевныя послѣдствія неразумнаго распоряженія природой не могутъ не проявляться съ особенною силою именно въ нашемъ отечествѣ. На самомъ дѣлѣ, Европейская Россія представляетъ громадную, непрерывную площадь, на которой всевозможныя вредныя животныя могутъ распространяться во всѣ стороны. Будь эта площадь изрѣзана морскими заливами или высокими горами, она, какъ и Западная Европа, навѣрное, менѣе-бы была подвержена нашествію враговъ сельскаго хозяйства.

Изъ вышесказаннаго съ достаточною ясностію проистекаетъ самый общій принципъ раціональной борьбы съ врагами сельскаго хозяйства. Онъ долженъ заключаться въ возстановленіи первоначальнаго разнообразія въ природѣ, а гдѣ это невозможно, въ принятіи мѣръ къ вознагражденію природы за утраченное ею численное равновѣсіе организмовъ равновѣсіемъ новымъ, такъ сказать, искуственнымъ, насажденнымъ или, другими словами, въ согласованіи земледѣлія съ требованіями самой природы. Мы старались доказать, что естественное разнообразіе органической природы составляетъ лучшее ручательство къ укрощенію всякаго поползновенія отдѣльныхъ животныхъ къ захвату или большаго, противъ нормальнаго, числа мѣстъ. Поэтому введеніе новыхъ культурныхъ растеній удовлетворяетъ не только задачѣ заморить голодомъ черезчуръ расплодившагося въ данной мѣстности врага, но является еще и мѣрою содѣйствующею врашенію столь колоссальныхъ бѣдствій отъ насѣкомыхъ въ будущемъ. При этомъ, чѣмъ больше число воздѣлываемыхъ видовъ растеній, тѣмъ лучше. Никто не мѣшаетъ намъ искать такія растенія не только въ Западной Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта. Земледѣліе, наравнѣ со всѣми остальными отраслями человѣческаго труда, не представляетъ собою нѣчто совершенно опредѣленное, неизмѣнное. Вспомнимъ хотя-бы о такихъ крупныхъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ сельскаго хозяйства, какъ введеніе картофеля въ прошломъ и сахарной свекловицы въ нынѣшнемъ столѣтіи. Мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что число воздѣлываемыхъ нынѣ растеній и впредь будетъ увеличиваться. Недоборъ жатвы одного растенія можетъ вознаграждаться на другомъ, ставить-же все на одну карту или держать весь свой капиталъ въ бумагахъ одного сорта—рискованно. Приведеніе въ извѣстность и испытаніе новыхъ культурныхъ растеній было-бы одною изъ благодарнѣйшихъ задачъ такъ называемыхъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій. Въ Западной Европѣ такія станціи насчитыва-

ются уже сотнями; у насъ-же онѣ существуютъ до сихъ поръ лишь въ проектѣ. Необходимость этихъ станцій, составляла предметъ обсужденія еще на одесскомъ хозяйственномъ съѣздѣ. Съѣздъ харьковскій съ большимъ вниманіемъ остановился на разработкѣ этого важнаго вопроса и постановилъ ходатайствовать предъ правительствомъ и земствами объ открытіи соединенными средствами подобныхъ станцій, какъ могущихъ существенно повліять на улучшеніе земледѣлія во всѣхъ отношеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и на поднятіе общаго благосостоянія: изо всей массы задачъ, выпадающихъ на долю такихъ станцій, мы выхватили тутъ только одну, насъ въ данный моментъ интересующую — испытаніе новыхъ культурныхъ растеній. Не мѣшало-бы въ Россіи, кромѣ опытныхъ станцій, учредить еще и акклиматизаціонныя общества, для которыхъ водвореніе новыхъ сельско-хозяйственныхъ растеній, равно какъ и животныхъ, составляло бы спеціальную цѣль. Существующее у насъ единственное до сихъ поръ подобное общество (московское) слишкомъ мало проявляетъ свою дѣятельность, да кромѣ того сосредоточивается на опредѣленной, именно средней полосѣ нашего отечества.

До сихъ поръ мы говорили лишь о достиженіи возможно бо̀льшаго разнообразія растительности, такъ сказать, *въ пространствѣ*. Этого рода разнообразіе отчасти дополняется, отчасти-же замѣняется разнообразіемъ *во времени* или, выражаясь проще, плодосмѣнностью. На самомъ дѣлѣ, разнообразіе достигается какъ въ томъ случаѣ, если мы засѣваемъ десятину земли по участкамъ одновременно нѣсколькими растеніями, такъ и въ томъ, если засѣваемъ ее одновременно сплошь, однимъ только видомъ растенія, но зато мѣняемъ ежегодно видъ растенія. Желая совладать съ чрезмѣрно расплодившимся насѣкомымъ, намъ прежде всего не слѣдуетъ сѣять на будущій годъ (или если имѣемъ дѣло съ хлѣбнымъ жукомъ, требующимъ для своего развитія два года, то на предбудущій годъ), тѣхъ растеній, которыми данное насѣкомое питается. Въ такомъ случаѣ недостатокъ въ пищѣ, этотъ всесильный факторъ въ дѣлѣ укрощенія животныхъ въ ихъ стремленіи къ безграничному размноженію, возьметъ свое. Ясно, что временное исключеніе изъ культуры растеній съ указанною цѣлью должно быть предпринято не только на поляхъ зараженныхъ, но и по всей окрестности, иначе насѣкомыя перелетятъ на сосѣднія поля и преблагополучно будутъ продолжать свою разрушающую работу. Но, спрашивается, возможно-ли достичь желательной временной перемѣны культуры на большемъ пространствѣ при розни существующей между отдѣльными земледѣльцами и при недостаткѣ единства въ организаціи дѣла народной помощи. Волею неволею до сихъ поръ приходится мириться съ неприложимостію на практикѣ самаго основнаго мѣропріятія, указываемаго самою природою.

Еще въ недавнее время нашъ югъ славился своимъ скотоводствомъ: украинскій рогатый скотъ и степныя овцы составляли, чуть-ли не въ большей степени, нежели хлѣбопашество источникъ богатства южнаго края. Шерсть, напр., была предметомъ обширной вывозной, заграничной торговли; тогда какъ въ настоящее время мы сами получаемъ ее изъ Австраліи! Хлѣбопашество представлялось нашимъ степнымъ хозяевамъ болѣе выгоднымъ, нежели скотоводство: вотъ они и вспахали необозримыя степныя пастбища и засѣяли ихъ хлѣбами. Ограбленная, лишенная своего естественнаго разнообразія растительности природа, жестоко отомстила за это совершенное надъ нею насиліе: мы добровольно отказались отъ скота, а жукъ отказалъ намъ въ хлѣбѣ. Такимъ образомъ, упадокъ скотоводства и сопряженный съ нимъ замѣнъ степей и луговъ пашнями представляетъ одну изъ причинъ, вызвавшихъ и поддерживающихъ размноженіе насѣкомыхъ. Если поэтому въ настоящее время слышно о намѣреніи нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ вновь обратиться къ скотоводству и сократить запашки, то этому нельзя не радоваться: этимъ самымъ по крайней мѣрѣ часть земли возвратится саморегулирующейся природѣ: да къ тому-же луговыя пространства послужатъ изоляторами между полями, зараженными и незараженными насѣкомыми.

Еще больше разнообразія, нежели луговыя пространства, вносятъ въ природу лѣса. Вмѣщая въ себѣ множество самыхъ разнообразныхъ животныхъ и растеній, лѣса приближаютъ природу къ состоянію первобытному, обладающему способностью численной саморегуляціи. Далѣе они сулятъ намъ большую пользу и какъ изоляторы нашихъ незараженныхъ отъ зараженныхъ насѣкомыми. Въ этомъ отношеніи они еще заслуживаютъ предпочтенія передъ степями и лугами: полагаемъ, что широкія лѣсныя полосы, до извѣстной степени, могутъ замѣнить собою даже горные хребты и морскіе заливы. На самомъ дѣлѣ, иныя полевыя насѣкомыя вовсе не летаютъ или-же летаютъ не высоко, а остальныя тоже лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обнаружатъ поползновеніе къ продолжительному путешествію надъ верхушками деревъ. Что-же касается единичныхъ экземпляровъ или роевъ, занесенныхъ на новую территорію, то они едва-ли могутъ оказывать вредъ, потому что лишь незначительно увеличатъ собою наличное нормальное число своихъ единоплеменниковъ. Поэтому, сохраненію и разведенію лѣсовъ, по всей вѣроятности, суждено занять современемъ важное мѣсто въ организаціи борьбы съ насѣкомыми на раціональномъ и широкомъ основаніи. Опыты послѣднихъ десятилѣтій доказали возможность лѣсныхъ насажденій даже въ безводной степи, безъ повторныхъ поливокъ. Уже существуетъ предположеніе засадить лѣсами тѣ небольшія возвышенности, которыя тянутся по нѣкоторымъ мѣстностямъ степной полосы Россіи. Пожелаемъ успѣха этому грандіозному предпріятію и выразимъ надежду, что она расширится еще болѣе насажденіемъ лѣсовъ и вдоль рѣкъ и рѣчекъ, чтобы создать тѣмъ самымъ, по заранѣе опредѣленному плану, густую изолирующую сѣть. Здѣсь умѣстно вспомнить мимоходомъ и о громадномъ вліяніи лѣсовъ на климатъ. Наиболѣе частой причиной неурожаевъ въ степномъ югѣ Россіи являются засухи; лѣса-же, какъ извѣстно, придаютъ климату бо̀льшую влажность. Прежде приписывали это какой-то притягательной ихъ силѣ на облака; тогда какъ новѣйшая теорія *Векса* объясняетъ дѣло проще. Лѣса, по мнѣнію этого ученаго, не вліяютъ на количество выпадающаго дождя; а лишь благодаря своей отѣненной почвѣ, мху и т. д., на подобіе губки, впитываютъ и удерживаютъ въ себѣ дождевую и снѣговую воду, отдавая избытокъ ея лишь исподоволь, питая ручьи и рѣки непрерывно. Тоже самое количество воды, падая на безлѣсную площадь, быстро стекаетъ, временно переполняетъ рѣки, причиняя порою громадныя наводненія, тогда какъ тѣ-же рѣки лѣтомъ могутъ и совершенно пересыхать. Гдѣ есть непересыхающія воды, тамъ возможно и орошеніе полей, на которомъ во многихъ южныхъ странахъ (Крымъ, Закавказье, Туркестанъ и пр.) основано главнѣйшимъ образомъ благосостояніе земледѣльцевъ и садоводовъ. На нашемъ степномъ югѣ пока лишь только предполагается орошеніе полей на широкую ногу. Улучшая культуру, повышая благосостояніе, орошеніе дастъ поселянамъ возможность легче противустоять разоренію, въ случаѣ жучковыхъ и другихъ неурожаевъ. Оросительныя канавки, впрочемъ, служатъ отличной преградой и нашествію нѣкоторыхъ, нелетающихъ насѣкомыхъ, какъ-то гусеницъ, извѣстныхъ подъ названіемъ озимаго червя (Agrotis) и молодой, еще безкрылой, или какъ говорится, „пѣшей“ саранчи.

Всякаго рода древесныя насажденія служатъ убѣжищемъ для множества разнообразныхъ птицъ, птицы-же, какъ извѣстно, принадлежатъ къ лучшимъ регуляторамъ численности насѣкомыхъ. Такъ замѣчено, что налетающіе изъ лѣса грачи истребляютъ на поляхъ большее количество жука, нежели его можно собрать руками или машинами.

Мы далеки отъ мысли, что птицы однѣ могутъ справиться съ несмѣтными милліонами расплодившагося насѣкомаго; на самомъ дѣлѣ, сколько-бы саранчи ни передавилъ каменный скворецъ, число это ничтожно, сравнительно съ общею массою враговъ: для полнаго-же уничтоженія послѣднихъ потребовалось-бы такое громадное количество птицъ, которому, при нормальныхъ условіяхъ, было-бы нечѣмъ прокормиться. Разсчитывать-же на быстрое размноженіе птицъ всякій разъ вслѣдъ за чрезмѣрнымъ размноженіемъ насѣкомыхъ нельзя потому, что сравнительно съ насѣкомыми, птицы размножаются черезчуръ медленно. Но если птицы сами по себѣ и не въ состояніи преодолѣть уже вполнѣ развившееся зло, то онѣ тѣмъ не менѣе во многихъ случаяхъ способны подавить и, навѣрное, и подавляютъ непомѣрное размноженіе насѣкомыхъ, такъ сказать, въ самомъ его зародышѣ, предупреждать бѣдствія. Въ этомъ отношеніи весьма поучительно сообщеніе павлоградской земской управы, что изо всей мѣстности уѣзда, занятой въ 1878 году хлѣбными жуками, уцѣлѣли отъ опустошеній единственно только посѣвы г-жи Синельниковой, благодаря массѣ скворцовъ, расплодившихся въ каменистыхъ берегахъ Днѣпра. Не менѣе интересны и свѣдѣнія, сообщенныя управой маріупольской о чайкахъ, налетавшихъ полчищами на поля, покрывавшихъ бѣлой пеленой свѣже-вспаханную землю и даже слѣдовавшихъ за плугами, за боронами и сѣялками, всюду отыскивая личинокъ жука. Свою благотворную дѣятельность эти чайки распространяли на 15 и даже 20 верстный районъ отъ берега.

Кромѣ древесныхъ и кустарныхъ насажденій, могущихъ служить убѣжищами и мѣстами гнѣздованія птицъ, нѣкоторыми лицами вполнѣ основательно рекомендуется также и устройство скворешенъ, хотя-бы въ видѣ простыхъ кучъ изъ камней. Въ Западной Европѣ охрана птицъ пользуется большою популярностію, и правительства Австріи и Германіи не остановились даже передъ международными переговорами съ цѣлью защиты ихъ отъ истребленія во время перелета черезъ другія страны, въ особенности Италію. Далѣе, въ Финляндіи существуетъ такъ-называемое „майское общество“, членами котораго считаются чуть-ли не всѣ малолѣтніе. Общество это имѣетъ свои празднества, свои пѣсни и игры, и преслѣдуетъ единственную цѣль — внушеніе подростающему поколѣнію любви къ защитѣ пернатыхъ друзей человѣка, ихъ птенцовъ и яицъ. Не мѣшало-бы и въ коренной Россіи позаботиться о подобныхъ обществахъ.

Перечисленныя выше мѣры, основанныя на изученіи самой природы, по глубокому нашему убѣжденію, могли-бы со временемъ до нѣкоторой степени отчасти предупреждать, отчасти-же локализировать чрезмѣрное размноженіе насѣкомыхъ. Но было бы крупнымъ увлеченіемъ полагать, что вообще какія-бы то ни было мѣры могли избавить насъ разъ на всегда отъ нашествія грабителей изъ класса насѣкомыхъ, ибо, какъ мы видѣли,

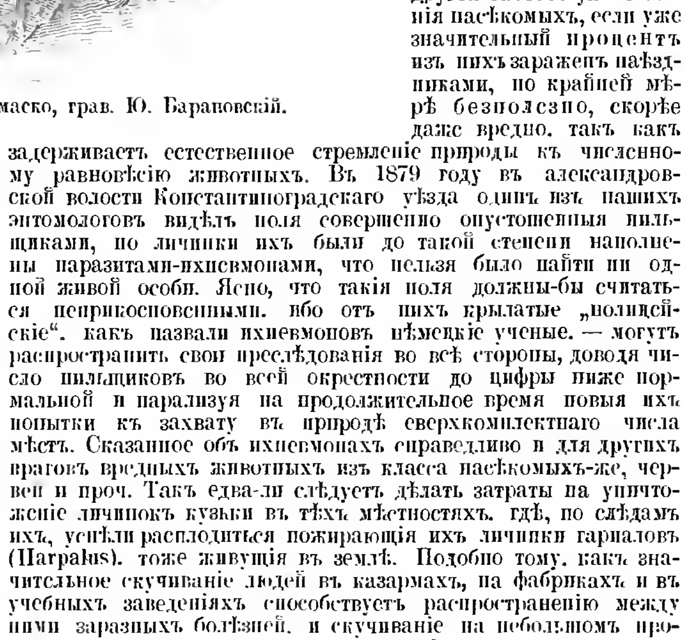
и въ неискаженной еще человѣкомъ природѣ по временамъ являются благопріятныя внѣшнія условія, уменьшающія смертность того или другаго насѣкомаго и возвышающія число его далеко надъ нормальнымъ. Поэтому, рядомъ съ мѣрами предупреждающими, въ родѣ уже перечисленныхъ, всегда должны быть на готовѣ и мѣры пресѣкающія уже развившееся зло. Такихъ мѣръ предложено не мало; причемъ нѣкоторыя, или сами по себѣ, или въ сочетаніи съ другими оказываются полезными. Сюда относятся, напр., собираніе болѣе крупныхъ жуковъ и гусеницъ машинами и руками, перепахиваніе, выжиганіе зараженнаго поля, уборка хлѣбовъ ранѣе ожидаемаго появленія главной массы ихъ потребителей и т. д. Иногда самыя первобытныя, незатѣйливыя мѣры, будучи лишь пущены въ ходъ своевременно, могутъ увѣнчаться блистательнымъ успѣхомъ при очень незначительныхъ затратахъ. Такъ, напр., благодаря энергіи земства и администраціи, въ личномъ присутствіи харьковскаго губернатора Н. А. Гроссера, въ Изюмскомъ уѣздѣ, прошлымъ лѣтомъ была уничтожена пѣшая саранча при самомъ своемъ вылупленіи изъ яичекъ; чѣмъ по всей вѣроятности и предотвращены громадныя бѣдствія. Въ данномъ случаѣ еще крохотную саранчу сметали метлами въ канавкѣ, гдѣ ихъ засыпали землею и плотно затаптывали.

Для того, чтобы захватить зло при самомъ его зарожденіи и воспрепятствовать его развитію до колоссальныхъ размѣровъ, нѣкоторые авторы рекомендують земледѣльцамъ-хозяевамъ осматривать по временамъ свои посѣвы и уничтожать вредныхъ насѣкомыхъ при первомъ-же ихъ появленіи въ сколько-нибудь подозрительномъ количествѣ. Нельзя не одобрить такого совѣта въ принципѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ надо и сознаться, что лишь немногіе земледѣльцы были-бы въ состояніи съ пользою производить предполагаемый осмотръ, потому что для этого требуется прежде всего знакомство съ самыми насѣкомыми. Узнаетъ-ли напр. крестьянинъ хотя-бы и кузьку, если онъ въ первый разъ появляется въ данной мѣстности? Мы уже не говоримъ о крохотномъ хлѣбномъ комарѣ и пильщикѣ, производящихъ свою разрушительную работу внутри стеблей и за листовыми ихъ влагалищами, обхватывающими трубочками эти стебли. Въ подобныхъ случаяхъ и хозяева интеллигентные оказываются не всегда достаточно подготовленными. Припоминаю по этому поводу присылку однимъ изъ нашихъ сельскихъ хозяевъ въ ученое общество, вмѣсто яицъ хлѣбнаго жука яицъ паука, опутанныхъ паутиной; Nomina sunt odiosa, а потому умалчиваемъ о фамиліи этого сельскаго хозяина; но тѣмъ не менѣе констатируемъ тотъ фактъ, что онъ не только и притомъ по справедливости причисляется къ лицамъ несомнѣнно интеллигентнымъ, но даже самъ напечаталъ статью по части вредныхъ насѣкомыхъ. Чего, спрашивается, можно ожидать послѣ этого отъ землевладѣльцевъ менѣе интеллигентныхъ и отъ простолюдиновъ, неграмотныхъ мужиковъ? Слишкомъ мнительные земледѣльцы по одному подозрѣнію могутъ выжечь или перепахать здоровое, лишь случайно помятое поле, а слишкомъ безпечные созерцать съ удовольствіемъ ростъ хлѣбовъ, въ сущности уже сильно проточенныхъ пильщиками. Поэтому-то, мы и нуждаемся въ спеціалистахъ энтомологахъ, всегда готовыхъ дать надлежащія справки и совѣты, могущихъ опредѣлять присылаемыхъ имъ насѣкомыхъ, а также и объѣзжающихъ подвѣдомственный имъ районъ. Напрасно одинъ изъ присутствовавшихъ на съѣздѣ энтомологовъ къ немалому удивленію не только остальныхъ собратовъ по наукѣ, но и земскихъ представителей попытался отрицать необходимость такихъ энтомологовъ-руководителей; предложенія харьковской энтомологической коммисіи объ ассигнованіи земствами средствъ на учрежденіе должностей энтомологовъ съѣздомъ приняты вполнѣ. Впрочемъ, надо замѣтить, что это постановленіе, подобно многимъ другимъ, разработаннымъ съѣздами, требуетъ еще санкціи земскихъ собраній, ибо съѣздъ предполагаетъ, а земство располагаетъ суммами. До сихъ поръ земскія собранія какъ-то скептически относились къ учрежденію должностей энтомологовъ и, говоря откровенно, мы догадываемся о причинѣ: они видятъ передъ собою не мало должностей, весьма необходимыхъ и полезныхъ... если судить по ихъ наименованіямъ, на дѣлѣ-же оказывающимися настоящими синекурами. Пусть-же земства заранѣе примутъ мѣры къ тому, чтобы должности энтомологовъ не получили характера такихъ-же синекуръ!

На долю предполагаемыхъ энтомологовъ можетъ выпасть между прочимъ и рѣшеніе важнаго вопроса, который обыкновенно забываютъ даже и ставить,—вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли еще въ опредѣленномъ частномъ случаѣ и предпринимать какія-либо мѣры къ укрощенію зла и не слѣдуетъ-ли скорѣе предоставить уничтоженіе его самоврачующей силѣ природы? Съ перваго раза вопросъ этотъ можетъ казаться нѣсколько предосудительнымъ и роняющимъ авторитетъ ученыхъ, отъ которыхъ ожидаютъ изобрѣтенія искуственныхъ мѣръ противъ насѣкомыхъ; вопросъ могъ-бы показаться и зловреднымъ, какъ поощряющій сельскихъ хозяевъ къ бездѣйствію и легкомысленному отношенію къ дѣлу борьбы съ насѣкомыми. При всемъ томъ, беремъ на себя смѣлость утверждать, что бываютъ случаи, въ которыхъ уничтоженіе насѣкомыхъ является не только безуспѣшнымъ, но даже прямо вреднымъ. Пояснимъ свою мысль.

А. М. Читау. Съ фотогр. Бергамаско, грав. Ю. Барановскій.

Уже давнымъ давно извѣстно, что такъ-называемые ихневмоны или наѣздники кладутъ свои яички въ другихъ насѣкомыхъ, а вылупляющіеся изъ этихъ яичекъ личинки выѣдаютъ всѣ внутренности пріютившаго ихъ „хозяина“. Достигши надлежащаго развитія, личинки ихневмоновъ продыравливаютъ кожу хозяина, окукляются и, наконецъ, превращаются въ совершенныхъ, окрыленныхъ наѣздниковъ; тогда какъ хозяинъ тѣмъ временемъ, само собою разумѣется, умираетъ. Далѣе было замѣчено, что появленіе гусеницъ и вообще насѣкомыхъ, удостоиваемыхъ ихневмонами служить питомниками ихъ дѣтенышей, поощряетъ къ быстрому размноженію и ихневмоновъ. Поэтому-то собираніе или какой либо другой способъ уничтоженія насѣкомыхъ, если уже значительный процентъ изъ нихъ зараженъ наѣздниками, по крайней мѣрѣ безполезно, скорѣе даже вредно, такъ какъ задерживаетъ естественное стремленіе природы къ численному равновѣсію животныхъ. Въ 1879 году въ александровской волости Константиноградскаго уѣзда одинъ изъ нашихъ энтомологовъ видѣлъ поля совершенно опустошенныя пильщиками, но личинки ихъ были до такой степени наполнены паразитами-ихневмонами, что нельзя было найти ни одной живой особи. Ясно, что такія поля должны-бы считаться неприкосновенными, ибо отъ нихъ крылатые „полицейскіе“, какъ назвали ихневмоновъ нѣмецкіе ученые, — могутъ распространить свои преслѣдованія во всѣ стороны, доводя число пильщиковъ во всей окрестности до цифры ниже нормальной и парализуя на продолжительное время новыя ихъ попытки къ захвату въ природѣ сверхкомплектнаго числа мѣстъ. Сказанное объ ихневмонахъ справедливо и для другихъ враговъ вредныхъ животныхъ изъ класса насѣкомыхъ-же, червей и проч. Такъ едва-ли слѣдуетъ дѣлать затраты на уничтоженіе личинокъ кузьки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по слѣдамъ ихъ, успѣли расплодиться пожирающія ихъ личинки гарпаловъ (Harpalus), тоже живущія въ землѣ. Подобно тому, какъ значительное скучиваніе людей въ казармахъ, на фабрикахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ способствуетъ распространенію между ними заразныхъ болѣзней, и скучиваніе на небольшомъ пространствѣ личинокъ или взрослыхъ насѣкомыхъ—для нихъ ги-



бельно: съ изумительною быстротою они могутъ пасть жертвами, напр., столь частыхъ грибныхъ болѣзней (мускордины). Объ этихъ болѣзняхъ, состоящихъ въ проростаніи внутренностей насѣкомыхъ плѣсенью, мы намѣрены представить читателямъ отдѣльный очеркъ. Не всѣ насѣкомыя склонны къ передвиженію съ мѣста на мѣсто, а потому скучиваніе можетъ привести даже и къ голодной смерти большинство. И въ подобныхъ случаяхъ выжидательный способъ можетъ оказаться также и наиболѣе выгоднымъ. Вылавливая лишь небольшую часть размножившихся до nec plus ultra насѣкомыхъ, мы, быть можемъ, и спасемъ нѣсколько лишнихъ четвертей хлѣба, но зато даемъ просторъ переживающимъ насѣкомымъ, поощряемъ ихъ къ новому размноженію, и превращаемъ, — если можно такъ выразиться, — болѣзнь острую въ хроническую, причемъ спасенныя четверти хлѣба на слѣдующій годъ могутъ обойтись намъ весьма дорого. Впрочемъ, методъ выжидательный — мечъ обоюдоострый, безопасный лишь въ рукахъ опытнаго знатока, а не профана, не умѣющаго различать хотя-бы личинокъ кузьки и его врага гарпала. Случается, что одно вредное насѣкомое избавляетъ насъ отъ другаго, тоже вреднаго. Такъ пилильщикъ иногда до того портитъ хлѣба, что появляющійся на свѣтъ вслѣдъ за нимъ кузька находитъ лишь пустые колосья и обреченъ отчасти на голодную смерть, отчасти на переселеніе. Энтомологъ въ состояніи предвидѣть подобные случаи и избавить земледѣльца отъ излишнихъ затратъ по собиранію насѣкомыхъ. Принципъ нашихъ террористовъ „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, какъ-бы онъ ни былъ безнравственъ въ примѣненіи къ обществу и государству, въ окружающей насъ природѣ какъ-бы вполнѣ узаконенъ: чѣмъ хуже разыгрались узурпаторскія наклонности какого нибудь животнаго, положимъ, насѣкомаго, тѣмъ ближе и моментъ избавленія отъ него. Изъ этихъ соображеній проистекаетъ, что знатокамъ долженъ-бы быть представленъ на рѣшеніе вопросъ сколько насѣкомыхъ на квадратный аршинъ составляетъ такой максимумъ, за которымъ уничтоженіе ихъ уже перестаетъ быть цѣлесообразнымъ. Такой споспѣшествующій саморегуляціи природы максимумъ можетъ быть созданъ и искуственно, на что существуютъ двоякаго рода средства, во-первыхъ, скученіе насѣкомыхъ въ одно мѣсто, особенно при помощи каната, проводимаго къ опредѣленному направленію по полю и, во-вторыхъ, устройство приманокъ, т. е. такихъ полей, которыя привлекали-бы насѣкомыхъ изо всей окрестности.

Правильная компанія противъ размножившихся вредныхъ насѣкомыхъ, намъ кажется, должна-бы напоминать собою тушеніе пожара. Разъ не подоспѣли во время—и изба уже вся объята пламенемъ, ее спасать уже нечего, пусть она и догораетъ; остается только обратить все вниманіе на окружающія постройки; одну изъ нихъ снести совершенно, чтобы тѣмъ самымъ не давать пищи огню, на другихъ-же заливать сыплющіяся искры. И такъ, до извѣстнаго предѣла — въ указаніи котораго, конечно, компетентенъ лишь энтомологъ—слѣдуетъ дѣйствовать на самый центръ заразы; но уже затѣмъ главное вниманіе можетъ быть перенесено на периферію, дабы зло не распространилось концентрически все далѣе и далѣе. Необходимо создавать широкіе круги-изоляторы всѣми способами, рекомендуемыми наукой и практикой, предупреждать, встрѣчать врага мѣрами культурными или-же, гдѣ дѣло спѣшное, опустошать хотя-бы и совершенно уцѣлѣвшія поля огнемъ-ли, плугомъ или косою или-же стравливать ихъ стадами, дабы непріятели нашли лишь мѣстности вполнѣ разоренныя или-же вообще лишенныя подходящей для нихъ пищи. Вся эта борьба должна быть ведена съ строгою систематичностью, по заранѣе обдуманному и намѣченному на картѣ плану, и опираться на авторитетную власть, безъ которой всякое распоряженіе частною собственностью, всякія, даже самыя общеполезныя принудительныя мѣры немыслимы.

Какъ видно, энергическая, безпощадная борьба съ врагами сельскаго хозяйства не можетъ обойтись безъ нанесенія крупныхъ убытковъ отдѣльнымъ лицамъ. Никто не станетъ оспаривать, что лица эти, иногда даже въ конецъ раззоренныя, должны пользоваться вознагражденіемъ; далѣе, ясно, что вознагражденіе крайне желательно и для тѣхъ несчастныхъ хозяевъ, которые не по своей винѣ потерпѣли убытки непосредственно отъ насѣкомыхъ. Какъ извѣстно, на вознагражденіе потерпѣвшихъ земствами уже и дѣлались крупныя пожертвованія, отчасти непосредственно изъ собственной кассы, отчасти-же на счетъ правительственной ссуды. Но всякія единовременныя пособія, испрашиваемыя путемъ нескончаемой переписки, не могутъ не являться поздно, когда экономическое бѣдствіе уже разразилось со всею своею силою надъ громад-

Московская промышленно-художественная выставка. Павильонъ шоколадной фабрики Эйнемъ въ Москвѣ.
Съ фотографіи Шерера и Набгольца, грав. М. Рашевскій.

нымъ раіономъ. Такія пособія становятся подаяніями, Христа ради, бѣднѣйшимъ поселянамъ, живущимъ въ проголодь и нуждающимся въ хлѣбѣ даже для обсѣмененія полей, тогда какъ истинная задача всякой цѣлесообразной общественной и правительственной помощи должна-бы заключаться прежде всего въ *предупрежденіи* бѣдствій. Вотъ почему, по нашему крайнему разумѣнію, желательно образованіе крупнаго постояннаго фонда, на который всякій, въ случаѣ надобности, могъ-бы вполнѣ разсчитывать.

Перебирая способы къ составленію подобнаго фонда, мы невольно остановились на мысли объ учрежденіи, совмѣстными стараніями правительства и земства—общества взаимнаго страхованія. Въ настоящее время уже существуетъ страхованіе отъ огня, отъ скотскихъ падежей, отъ градобитія, далѣе практикуется морское и сухопутное страхованіе товаровъ, страхуются и жизнь и доходы и, наконецъ, и страхованіе полей—мысль не новая. Примѣнительно къ саранчѣ она даже подробно развита въ свое время въ извѣстной монографіи нашего энтомолога *Ѳ. П. Кеппена.* Имѣя въ виду, кромѣ насѣкомыхъ, и другія причины неурожаевъ, какъ-то засухи, морозы, несвоевременные дожди мы посмотрѣли на дѣло еще шире и предложили на обсужденіе харьковскаго энтомологическаго съѣзда мысль о страхованіи полей отъ урожаевъ вообще. Эту-же мысль мы развиваемъ нѣсколько обстоятельнѣе и въ отдѣльной статьѣ, уже напечатанной въ „Вѣстникѣ страхованія (1882 г., № 11). Общество страхованія отъ неурожаевъ мы представляемъ себѣ не мѣстнымъ, а непремѣнно всероссійскимъ, потому что неурожаи зачастую распространяются одновременно на цѣлый обширный раіонъ, тогда какъ вся громадная, составляющая 1/9 всей земной поверхности, площадь нашего отечества болѣе или менѣе проектируетъ среднюю урожайность почти изъ года въ годъ. Конечно, и при этомъ условіи будутъ годы болѣе и менѣе урожайные; но все-же неурожаи въ однихъ мѣстностяхъ будутъ покрываться избытками въ другихъ и колебанія, естественно, должны быть менѣе рѣзкими. Человѣкъ, какъ-бы онъ ни гордился своимъ владычествомъ надъ природою, не научился еще управлять стихіями, и всегда лишь въ ограниченной степени будетъ въ состояніи гарантировать себя отъ природныхъ случайностей; но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ борьба съ природою оказывается безуспѣшною или мало успѣшною, онъ можетъ и долженъ обратиться къ принципу взаимной помощи, къ круговой порукѣ согражданъ, составляющемъ основу всякаго общежитія и цивилизованнаго общества въ особенности. Предполагаемое страховое общество составляло-бы собою самое естественное средоточіе для изысканія мѣръ къ поднятію производительности земель, какъ путемъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій и школъ, такъ и печатнаго слова. Оно приняло-бы на себя и организацію изслѣдованія вредныхъ насѣкомыхъ и борьбы съ ними. Существующія уже нынѣ энтомологическія коммисіи, а также предполагаемые земскіе энтомологи и требующійся, быть можетъ, облеченный правительственною властью центральный комитетъ—могли-бы находиться въ тѣсной связи съ администраціею общества и быть заинтересована въ матеріальномъ его процвѣтаніи. Будучи вполнѣ согласны въ справедливости идеи о страхованіи полей отъ неурожаевъ, мы тѣмъ не менѣе нисколько не ручаемся въ практической ея осуществимости, и менѣе всего предаемся иллюзіямъ на счетъ скораго ея осуществленія. До сихъ поръ недостаетъ подготовительныхъ работъ, статистическихъ данныхъ, на которыхъ страховое общество могло бы основать свои разсчеты. Весь вопросъ заключается пока въ томъ, не взяться-ли людямъ компетентнымъ за эти подготовительныя работы, несмотря на то, что на осуществленіе столь труднаго и колоссальнаго предпріятія потребовались-бы цѣлыя десятилѣтія.

Всероссійская промышленно-художественная выставка.

(Рис. на стр. 916, 917, 924 и 929).

I.

„Волга"—группа изъ серебра, работы Овчинникова.

Наши отечественныя серебряныя издѣлія уже давно пользующіяся европейской извѣстностью, явились на московской выставкѣ въ массѣ высокоцѣнныхъ, и истинно художественныхъ произведеній. Особенно богаты въ этомъ отношеніи были витрины экспонентовъ Хлѣбникова, Сазикова и Овчинникова. Овчинниковъ выставилъ множество прекрасныхъ вещей, замѣчательныхъ по вкусу, разнообразію и мастерской отдѣлкѣ и около его изящно декорированной выставки всегда тѣснилась громадная толпа публики, особенное вниманіе которой обращали на себя двѣ художественныя группы изъ серебра „Волга" и „Нефть". „Волга"—группа, изображенная на нашемъ рисункѣ, дѣйствительно мастерское произведеніе. Она исполнена по рисунку академика Микѣшина и по модели Опекушина и изображаетъ аллегорически народную матушку-Волгу въ видѣ полулежащей молодой женщины въ русскомъ нарядѣ. Облокотившись на куль хлѣба, она одною рукою обнимаетъ ребенка, сосущаго ей грудь, а другою ласкаетъ двухглаваго орла—эмблему Россіи. На изящномъ пьедесталѣ работы Захарова сдѣланы барельефы, представляющіе судоходство, рыболовство, истоки Волги, Нижегородскую ярмарку и Стеньку Разина, бросающаго въ Волгу свою плѣнницу—персидскую царевну. Не менѣе художественна по выполненію и другая группа „Нефть", олицетворенная фигурой персіянки, держащей въ одной рукѣ свѣтильникъ (чирагъ) а въ другой кальянъ. Кромѣ этихъ двухъ группъ Овчинниковымъ выставлена еще масса другихъ цѣнныхъ и превосходныхъ по отдѣлкѣ вещей. Такъ здѣсь обращаетъ на себя общее вниманіе запрестольный крестъ съ драгоцѣнными каменьями, заказанный фрейлинами Государыни Императрицы для храма, строющагося на мѣстѣ катастрофы 1-го марта, а также изготовленный, для того же храма, образъ Донской Божіей матери съ ризой, украшенной жемчугомъ, превосходной чеканной работы. Не менѣе изящны по отдѣлкѣ напрестольное Евангеліе и напрестольный крестъ, исполненные по рисункамъ Даля для храма Христа Спасителя, а также два туалетныхъ прибора и бюваръ, принадлежавшіе покойному Государю.

II.

Мѣховыя издѣлія Бѣлкина въ Москвѣ.

Близь витрины петербургскаго мѣховщика Грюнвальда открывается цѣлый рядъ витринъ московскихъ производителей, отличающихся грандіозностью и массою великолѣпныхъ мѣховъ, между которымъ замѣтно выдѣляется витрина мѣховыхъ модныхъ товаровъ Бѣлкина, изображенная на нашемъ рисункѣ. Здѣсь съ большимъ декоративнымъ искусствомъ развѣшаны и разложены шубы, салопы, накидки, мѣховые ковры, мебель, чучелы животныхъ. Медвѣжьи, тюленьи, буйволовые мѣха, волчьи ковры, лисьи мѣха, однимъ словомъ замѣчательное богатство выбора.

Торговый домъ поставщика къ Высочайшему Двору С. И. Бѣлкина въ Москвѣ, получавшій много наградъ на выставкахъ, существуетъ съ 1840 года, первоначально открытъ купчихой О. И. Бѣлкиной и находился болѣе 25 лѣтъ въ Сущовѣ, въ своемъ домѣ, почти на окраинѣ Москвы. По трудомъ, умѣніемъ производство расширено и усовершенствовано очень сильно и вскорѣ затѣмъ пріобрѣтаетъ добрую славу а положенный въ основаніе торговли принципъ строгой честности въ дѣлахъ и аккуратности упрочилъ довѣріе къ фирмѣ и ея извѣстность во всей Россіи и заграницей. Съ 1864 года магазинъ находится на Кузнецкомъ мосту и имѣетъ обширныя мастерскія какъ для выдѣлки мѣховъ такъ и для окончательной ихъ отдѣлки именно зимнихъ дамскихъ и мужскихъ верхнихъ одеждъ и лѣтнихъ модныхъ дамскихъ вещей.

Мѣха въ сыромъ видѣ и всѣ матеріалы пріобрѣтаются изъ первыхъ рукъ и всегда на наличныя деньги. Долголѣтняя опытность хорошее знаніе дѣла и постоянное личное наблюденіе сдѣлали то что обороты фирмы съ каждымъ годомъ возрастаютъ не взирая ни на какія конкуренціи.

III.

Витрина Россійско-Америк. товарищ. резиновой мануфактуры.

Одну изъ выдающихся отраслей нашей промышленности составляютъ издѣлія изъ каучука (гуммиластика), который въ новѣйшее время получилъ обширное примѣненіе въ техникѣ, медицинѣ, въ производствѣ предметовъ для обыденной жизни и для множества другихъ цѣлей. При этомъ нужно замѣтить, что фабрикація каучуковыхъ издѣлій не ограничивается производствомъ однихъ и тѣхъ же предметовъ, но все время ищетъ новаго примѣненія къ дѣлу этого полезнаго продукта. На сколько разнообразна и обширна эта отрасль промышленности въ настоящее время, можно судить по предметамъ, выставленнымъ Россійско-Американскимъ товариществомъ резиновой мануфактуры, которые возбуждаютъ еще большее вниманіе, если вспомнить, что до конца 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія резина употреблялась почти единственно только для стиранія карандаша, да развѣ еще для приготовленія въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ резиновыхъ калошъ грубой отдѣлки изъ матеріала въ его примитивной формѣ.

Какъ извѣстно каучукъ или гуммиластикъ получается изъ молочнаго сока различныхъ породъ тропическихъ растеній. На корѣ дерева дѣлается надрѣзъ, откуда обильно вытекаетъ сокъ; жидкость эта собирается и изъ нея различными способами выдѣлывается каучукъ. Въ 1839 году американецъ Гоодіаръ изобрѣлъ способъ приготовленія такъ называемаго вулканизированнаго каучука, посредствомъ примѣси сѣры и нагрѣванія этой массы до извѣстной температуры. Такъ приготовленный продуктъ, не теряя своей эластичности, хорошо противустоитъ химическимъ дѣйствіямъ кислотъ и щелочей и можетъ быть доведенъ до различной степени твердости.

Витрина Россійско-Американскаго товарищества резиновой мануфактуры находится въ центральной залѣ выставки и относится къ 7-й группѣ. Она уже издали бросается въ глаза своими пятью громадными черными шкафами, богато и красиво отдѣланными рѣзьбой. Въ серединѣ, между шкафами, выстав-

лена прекрасно исполненная модель зданія Петербургской фабрики. (на Обводномъ каналѣ). Далѣе находятся фотографическіе виды внутренней части фабрики, рабочихъ залъ и машинъ; тутъ же помѣщена коллекція употребляемыхъ сортовъ каучука въ сыромъ видѣ, какимъ онъ получается съ мѣста добыванія въ тропическихъ странахъ Африки, Азіи и Америки. Здѣсь же на площадкѣ, въ видѣ контраста, поставлена пара резиновыхъ башмаковъ какіе Индѣйцы, до открытія способа вулканизированія, приготовляли прямо изъ каучуковаго молока. Для этого они собирали вытекающій сокъ въ глиняные горшки и затѣмъ выливали его въ большой котелъ, куда на лопаткѣ погружали форму, смоченную глиняной водой; при этомъ форма облѣплівалась слоемъ каучука, затѣмъ высушивалась и снова погружалась въ котелъ; процедура эта продолжалась до тѣхъ поръ пока слой каучука не дѣлался достаточно толстымъ.

Выставочные шкафы, наполненные всевозможными издѣліями изъ каучука, привлекали вниманіе публики. Едва ли есть другая фабрика дающая столь безконечно много различныхъ предметовъ и притомъ сдѣланныхъ изъ одного и того же сырого матеріала. Резиновыя калоши составляютъ главную статью производства фабрики, которая можетъ приготовить въ день, въ обыкновенные рабочіе часы, до 20,000 паръ. Въ калошной витринѣ находится самая разнообразная коллекція обуви, какую можно только придумать, до 50 различныхъ сортовъ калошъ, не исключая и оригинальной формы башмаковъ татаръ и китайцевъ. Фабрика ежегодно отправляетъ значительное количество (10% всего производства) калошъ въ Германію, Австрію, Швецію и Норвегію, не смотря на высокую таможенную пошлину за ввозъ товаровъ въ этихъ государствахъ; это лучше всего говоритъ за достоинство произведеній фабрики. Даже на рынкахъ Китая господствуютъ калоши Россійско-Американскаго товарищества, которое изготовляетъ ихъ по національному вкусѣ сыновъ Небесной Имперіи. Фабрика ежегодно продаетъ, среднимъ числомъ, на 4.800,000 рублей однихъ резиновыхъ калошъ. Во второмъ шкафу находятся резиновыя непромокаемыя матеріи, платья изъ чистаго гумми и изъ матеріи, пропитанной имъ. Здѣсь мы видимъ военныя пальто, мужскіе и женскіе плащи, передники для хирурговъ, дамъ и дѣтей, и т. д. Въ третьемъ шкафу хирургическіе предметы, какъ то: шары, втулки, мѣшки для льду, подушки для воды, для газовъ, души и т. д. Всѣ эти предметы самой тщательной, безупречной отдѣлки и сдѣланы изъ лучшаго, особо для этого приготовляемаго, матеріала.

Четвертый шкафъ наполненъ образцами предметовъ, служащихъ для механико-техническихъ цѣлей. Возлѣ предметовъ, необходимыхъ вообще, какъ то рукавовъ для нагнетательныхъ и всасывающихъ насосовъ, колецъ, шнуровъ, ремней, клапановъ и т. п., находятся издѣлія, предназначенныя спеціально для желѣзныхъ дорогъ: всасывающіе рукава для тендеровъ, рукава для пароваго отопленія вагоновъ, буфера, приспособленія для оконъ и дверей; далѣе для пивоваренныхъ и свеклосахарныхъ заводовъ и стеариновыхъ фабрикъ, большіе полированные краны изъ твердаго каучука, неподверженнаго дѣйствію кислотъ и щелочныхъ выдѣленій, принимаемые для различныхъ цѣлей на химическихъ фабрикахъ. Тутъ же находится телеграфная проволока для подводныхъ кабелей, изоляторы для полевыхъ телеграфовъ изъ твердаго гумми; буфера, рессоры изъ каучука, замѣняющія стальныя; это полезное изобрѣтеніе сдѣлано генераломъ А. Энгельгартомъ и особенно примѣнимо для дорожныхъ экипажей и повозокъ для перевозки тяжестей; вообще можно сказать, что новинка эта имѣетъ большое практическое значеніе.

Послѣдній шкафъ загроможденъ множествомъ предметовъ, употребляемыхъ въ обыденной жизни: дѣтскія кольца, всевозможныя куклы и игрушки, различнаго рода ручныя и дорожныя сумки, саквояжи, портфели, матрацы и подушки, надуваемые воздухомъ, линейки и пеналы изъ твердаго гумми, пробки для герметическаго закупориванія бутылокъ, шайбы для швейныхъ машинъ, уничтожающія шумъ при работѣ, мягкія, гибкія удила для лошадей, подкладки подъ подковы, шины изъ колеснаго гуммирода, которыми теперь обтягиваютъ колеса экипажей и множество другихъ.

Фабрика Россійско-Американскаго товарищества резиновой мануфактуры основана въ 1860 году и принадлежитъ акціонерному обществу съ основнымъ капиталомъ до двухъ милліоновъ рублей. Объ обширныхъ размѣрахъ ея можно судить потому, что она имѣетъ двадцать паровыхъ машинъ, что въ общей сложности составляетъ около тысячи лошадиныхъ силъ и даетъ работу цѣлой арміи, почти двумъ тысячамъ людей. Торговые обороты ея достигаютъ громадныхъ размѣровъ, такъ напр. въ послѣднемъ году было продано: техническихъ предметовъ на 1 милліонъ рублей, хирургическихъ на 200 тысячъ, непромокаемаго платья и матеріи на 100 тысячъ рублей, игрушекъ на 75 тысячъ, резиновыхъ галошъ на 4 милліона 800 тысячъ, что въ общей сложности составитъ больше чѣмъ на 6 милліоновъ рублей. Фабрика замѣчательна не только по обширнымъ размѣрамъ своего производства, но и по гуманному отношенію ея къ лицамъ работающимъ на ней. Ежегодно она отдѣляетъ изъ прибылей сумму въ 15 тысячъ рублей для образованія особаго капитала, употребляемаго на выдачу наградъ за долговременную службу и на пенсіонъ дряхлымъ и увѣчнымъ работникамъ. Эти гуманныя начала дѣлаютъ честь товариществу и достойны подражанія другими подобными же учрежденіями. Управляющимъ торговыми дѣлами фабрики въ настоящее время состоитъ Ферд. Краускопфъ, директоромъ технической части Эдуардъ Кирштенъ, представителемъ и повѣреннымъ товарищества въ Москвѣ В. Рихтеръ. Россійско-Американское товарищество уже давно славится въ Россіи своими, высокаго качества, произведеніями и обширными оборотами. Уже черезъ два года послѣ учрежденія товарищества фабрика получила за свои произведенія двѣ медали на Лондонской выставкѣ 1862 года; затѣмъ на Парижской выставкѣ 1867 года двѣ серебряныхъ и двѣ бронзовыхъ медали; на Вѣнской всемірной выставкѣ, гдѣ она была единственнымъ экспонентомъ каучука, похвальный дипломъ и медаль; на Филадельфійской выставкѣ 1876 года призовую медаль; въ 1878 году въ Парижѣ золотую медаль; на выставкѣ 1865 года въ Москвѣ и 1870 въ Петербургѣ получила высшую награду—императорскій гербъ; въ 1872 году въ Москвѣ двѣ большихъ золотыхъ медали; кромѣ того нѣсколько директоровъ были награждены орденами.

IV.

Паровая фабрика Эйнемъ въ Москвѣ.

Близь павильона Абрикосова, въ 3-й группѣ выставки, поставлена большая витрина извѣстной московской паровой фабрики Эйнемъ, конфектъ, шоколада и чайныхъ печеній, имѣющей весьма большіе обороты. Красивая витрина въ итальянскомъ стилѣ, вмѣщаетъ въ себѣ всѣ разнообразныя кондитерскія произведенія этой фабрики; все чѣмъ только можетъ гордиться кондитерское искусство въ наше время, мы можемъ найти здѣсь. Между всякаго рода конфектъ, шоколада, фруктъ, чайныхъ печеній и пр. невольно бросается въ глаза громадныхъ размѣровъ пряникъ вѣсомъ въ 10 пудовъ, видъ котораго привлекаетъ вниманіе нашего простаго люда, посѣщающаго выставку; шоколадная фигура, представляющая эмблему Россіи и высокая башня въ мавританскомъ стилѣ довершаютъ изящные образцы этой фирмы; двѣ модели шоколадныхъ машинъ въ постоянномъ ходу немало всѣхъ интересуютъ и хорошо знакомятъ публику съ дѣломъ шоколаднаго производства.

Фабрика основана въ 1866 году и теперь помѣщается въ Москвѣ на Софійской набережной; она снабжена наилучшими машинами при 3-хъ паровыхъ двигателяхъ въ 16, 12 и 6 силъ, рабочихъ на фабрикѣ 120 мущинъ и 120 женщинъ, число которыхъ лѣтомъ значительно увеличивается; годовой оборотъ до 1,000,000 р. сбытъ товара во всей Россіи и нѣтъ того уголка въ нашемъ громадномъ отечествѣ гдѣ бы мы не встрѣтили лакомствъ этой обширной и прекрасной фабрики. Наиболѣе замѣтная спеціальность фабрики—это англійскіе бисквиты всѣхъ возможныхъ родовъ, которыхъ оригинальные образцы сортовъ и машины для этого производства всѣ выписаны изъ Англіи. Кромѣ того фирма производитъ всѣ превосходные препараты знаменитаго Либиха, его подкрѣпляющія питья и какао, столь полезный и употребительный въ практикѣ для слабыхъ больныхъ и дѣтей, также полезный и для здоровыхъ людей и всѣ издѣлія наиболѣе любимыя и вошедшія въ общее употребленіе.

Къ рисункамъ.

Береговая стража.

(Рис. на стр. 925).

Какъ хороши и тонко и вѣрно намѣчены всѣ подробности этой картины мастерскою кистью талантливаго профессора Іордана! За окномъ бушуетъ буря. Грозныя волны несутся, съ ревомъ набѣгая одна на другую; черныя тучи обложили небо и кажется отъ потрясающаго рокота волнъ вздрагиваетъ весь далекій берегъ. И въ эту бурю они должны здѣсь быть вѣчно на сторожѣ, на своемъ трудномъ посту. Одинъ изъ нихъ отдыхаетъ, другой глядитъ пристально въ окошко, не скользитъ ли гдѣ кидаемая волнами лодка, управляемая отчаянными смѣльчаками, рискующими быть захлестнутыми холодной волной... А здѣсь въ сторожкѣ такъ тепло и уютно. Среди этихъ суровыхъ мужественныхъ лицъ хорошенькое личико маленькой хозяйки-дѣвочки, которая варитъ что-то, кажется какимъ-то свѣтлымъ лучемъ въ этой сумрачной картинѣ и придаетъ такой милый и успокоивающій оттѣнокъ всей сценѣ! О мастерствѣ мельчайшихъ подробностей нечего и говорить, довольно сказать, что эта картина принадлежитъ кисти Іордана.

Картина В. Д. Орловскаго.

(Рис. на стр. 921).

Не одинъ разъ уже мы помѣщали произведенія блестяще талантливаго пейзажиста нашего В. Д. Орловскаго и настоящая большая картина его, находящаяся на Московской всероссійской выставкѣ, копію съ которой мы здѣсь прилагаемъ, отличается

всѣми достоинствами, на которыя мы подробно указывали нѣсколько разъ прежде. Великолѣпный грабовый лѣсъ, раскинувшійся своими широкими вѣтвями въ яркомъ полдневномъ освѣщеніи, озаренный горячими лучами солнца, свѣтомъ котораго такъ мастерски распоряжается нашъ художникъ—такъ хорошъ, что словно приглашаетъ подъ тѣнь свою. Небольшая группа охотниковъ расположилась позавтракать въ этой заманчивой тѣни. Среди чистаго чуднаго воздуха лѣса отраднѣе дышется, аппетитъ развивается сильнѣе и послѣ ходьбы по кочкамъ и болотамъ, съ наслажденіемъ растягивается и расправляетъ усталые члены утомленный охотникъ на такомъ чудномъ, зеленомъ лугу, какой изобразилъ нашъ художникъ.

А. М. Читау, артистка Спб. имп. театровъ.

(Портр., на стр. 968).

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, одинъ молодой, начинающій драматургъ ставилъ свою первую большую пьесу на александринской сценѣ. Тогдашняя примадонна, Вѣра Васильевна Самойлова, отказалась отъ главной роли, найдя ее неинтересной, и ее передали поэтому воспитанницѣ театральнаго училища Александрѣ Матвѣевнѣ Читау, за годъ передъ тѣмъ дебютировавшей съ успѣхомъ въ пьесѣ Шаховскаго „Своя семья“.

Начинающій авторъ былъ А. Н. Островскій, пьеса „*Не въ свои сани не садись*, а роль главная въ пьесѣ — Дуни. До той поры театръ нашъ пробавлялся переводными французскими, да ложно-классическими драмами, писанными дубовымъ слогомъ, переполненными мелодраматическими страстями. Ситцевыя платья и гладкія прически отсутствовали на сценѣ. И вдругъ, къ ужасу почитателей французской мелодрамы, передъ публикой являлась чисто русская, простая, купеческая дочка, въ простенькомъ домашнемъ платьѣ, съ чистою народною рѣчью и огнемъ живыхъ будничныхъ страстей. Повѣяло со сцены чѣмъ-то новымъ, жизненнымъ... Спектакль этотъ составилъ эру въ исторіи нашего театра, своей пьесой Островскій открылъ цѣлую школу для послѣдующихъ драматурговъ, а А. М. Читау, вмѣстѣ съ Мартыновымъ-Маломальскимъ—школу реальной игры для цѣлаго поколѣнія артистовъ. Успѣхъ былъ колоссальный. Императоръ Николай Павловичъ, пораженный свѣжей новой игрой, лично выразилъ свое удовольствіе, призвавъ исполнительницу въ царскую ложу. Будущность артистки была упрочена.

По стопамъ Островскаго пошелъ другой писатель, составившій впослѣдствіи себѣ имя, Алексѣй Потѣхинъ. Въ его первой сценической попыткѣ „Судъ людской—не Божій“ главная роль была отдана той-же Читау, и исполнена такъ, что чуть-ли не благодаря ей пьеса только и удержалась на репертуарѣ. Въ слѣдующемъ году Островскій ставилъ свою „*Бѣдную невѣсту*“— и роль Марьи Андреевны отдали тоже А. М. Читау.

Когда Самойлова сошла со сцены, весь ея репертуаръ перешелъ къ двадцати-лѣтней актрисѣ. И она, окруженная такими силами какъ Каратыгинъ, Сосницкій, Мартыновъ, Самойловъ, Брянскій, Максимовъ, Линская, Орлова, Жулева, Сосницкая,—съ честью несла его на себѣ цѣлыхъ три года, играя и Шекспира, и Полеваго, и Тургенева, и Лермонтова, сыгравъ за это время до пятидесяти ролей.

Къ сожалѣнію въ 1854 году А. М. сошла со сцены. Выйдя замужъ за М. И. Огарева, владимірскаго губернскаго предводителя, она поселилась въ деревнѣ, а затѣмъ во Владимірѣ. Но страсть къ сценѣ не покидала ее—и вотъ во Владимірѣ появляется частный театръ. Дѣло было поставлено настолько солидно, что дирекція Императорскихъ театровъ *отправляла къ ней молодежь на усовершенствованіе*. Прошедшіе у нея практическій курсъ игры дебютировали въ Петербургѣ съ большими успѣхами—и въ числѣ учениковъ ея многіе составили себѣ потомъ громкое имя.

Въ шестидесятыхъ годахъ мы встрѣчаемъ А. М. въ Кронштадтѣ съ новымъ частнымъ театромъ, а въ 1867 году она задумываетъ открыть частный практическій театръ въ Петербургѣ, проэктъ котораго подаетъ директору театровъ, гр. Борху. По обстоятельства тогда не благопріятствовали частнымъ театрамъ, и гр. Борхъ предложилъ ей—„обождать до времени болѣе благопріятнаго“.

Въ концѣ 1868 года, А. М. снова появилась на казенной сценѣ,—и въ теченіи четырнадцати лѣтъ сыграла болѣе 1200 разъ, занимая первыя амплуа grandes dames и комическихъ старухъ въ пьесахъ Островскаго, Потѣхина, Манна, Пальма, Соловьева, Крылова, Тургенева, Шпажинскаго и пр.,—словомъ всюду, гдѣ только требовалась сильная игра. Изъ ея превосходныхъ ролей можно отмѣтить: Градищева (Злоба дня), Вдова учителя (Нашъ другъ Неклюжевъ), Мамаева (На всякаго мудреца довольно простоты), Фрошаръ (Двѣ сиротки), Рѣзцова (Ошибки молодости) Сумасшедшая старуха (Гроза) и пр.

Сохраняя традиціи старыхъ артистовъ, она всегда являлась на сцену, превосходно приготовившись къ роли, отлично загримировавшись; она одна изъ немногихъ артистокъ умѣющихъ *носить костюмъ*. Она когда-то непосредственно пользовалась совѣтами знаменитаго Ив. Ив. Сосницкаго, съ которымъ находилась въ самой дружеской перепискѣ *).

Въ 1877—1878 г. на Александринской сценѣ дебютировала съ большимъ успѣхомъ ея дочь, Марья Михайловна, и была принята на роли ingénue, амплуа которыхъ она занимаетъ и теперь. Александра Матвѣевна, къ сожалѣнію оставляетъ съ настоящаго сезона сцену. Ее увольняютъ за *ненадобностью*. Принятыя на ея мѣсто три артистки едва-ли хотя отчасти могутъ замѣнить ее...

А. М. извѣстна въ Петербургѣ, какъ благотворительница. Дѣятельность ея на этомъ поприщѣ извѣстна многимъ—и конечно лучше всего тѣмъ семьямъ, которыя жили на ея счетъ до послѣдняго времени...

Политическое обозрѣніе.

Англія въ Египтѣ.—Нѣкоторыя новыя подробности о Тель-Эль-Кебирскомъ сраженіи.—Плѣнъ Араби-Паши.—Франція.—Итальянскій проектъ относительно Суэзскаго канала.—Австрія.—Болгарія.—Улаженіе столкновенія между Турціей и Греціей.

Англія собирается пожать—отнюдь не лавры, конечно—а плоды своей легкой побѣды и, повидимому,—пожать, не справляясь съ тѣмъ—понравится это или нѣтъ кому бы то ни было изъ всѣхъ, активно или пассивно содѣйствовавшихъ ей въ египетскомъ вопросѣ державъ. Руководящимъ политическимъ сферамъ Европы несомнѣнно извѣстны, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ, намѣренія С. Джэмскаго кабинета, но публикѣ, по массѣ, не просвѣщенной свѣтомъ дипломатической тайны, остается только питать свое напряженное вниманіе газетными извѣстіями. Извѣстій этихъ много, но всѣ онѣ, расходясь въ подробностяхъ, согласны въ общемъ, т. е. именно въ томъ, что Англійское правительство твердо рѣшилось воспользоваться своимъ нынѣшнимъ положеніемъ въ Египтѣ, дабы утвердиться въ немъ и заставить его служить прежде всего и больше всего „британскимъ интересамъ.“ Въ какой формѣ будетъ это сдѣлано—теперь еще не выяснилось, конечно. Изъ массы—какъ мы говорили выше—свѣдѣній по этому предмету, приведемъ нѣкоторыя. Такъ, напримѣръ, пишутъ, что городъ Александрія будетъ занятъ въ теченіи 18-ти мѣсяцевъ 3-хъ тысячнымъ отрядомъ войска подъ начальствомъ генерала Гармэна, который получитъ званіе военнаго губернатора города. Отрядъ индійской кавалеріи генерала Уилькинсона будетъ оставленъ въ распоряженіи хедива на время, которое будетъ установлено имъ самимъ (не вѣрнѣе ли, что хедивъ будетъ оставленъ въ распоряженіи Уилькинсона на время, назначенное англичанами?..): при особѣ хедива, кромѣ того, будетъ состоять конвой въ сто человѣкъ, съ полковникомъ Мэкъ-Пэфтеномъ во главѣ. Удобно ли Тевфику-Пашѣ выглядывать на своихъ подданныхъ изъ за англійскихъ штыковъ—объ этомъ лучше знаютъ на мѣстѣ.—Въ награду, вѣроятно, и за свои блестящіе подвиги, и за заботы о хедивѣ, Англія предоставляетъ себѣ право (не правда-ли совершенно легально?) удержать за собой фортъ Мексъ въ теченіе времени, которое будетъ установлено впослѣдствіи: отчего-бы, не настолько-же времени, насколько установлено удержать Гибралтаръ?.. Но — вотъ, немножко и благодѣяній: англо-французскій контроль отмѣняется, — тутъ и довольно,— другое международное учрежденіе, касса публичнаго долга,— остается въ силѣ. Въ помощь англійскимъ войскамъ и властямъ сформируется жандармскій корпусъ, навербованный въ Эпирѣ и Албаніи и преимущественно назначаемый для провинціи: имъ будутъ командовать турецкіе офицеры. Офицерамъ же индійской арміи будетъ поручена, въ главнѣйшихъ городахъ реорганизація смѣшанной полиціи, составленной изъ туземцевъ и европейцевъ. Всякій политическій актъ, влекущій за собою измѣненіе status quo вслѣдъ за англійскою окупаціею или перемѣну въ международныхъ сношеніяхъ, можетъ быть рѣшенъ только по соглашенію съ уполномоченнымъ Англіи. Замѣтили-ли читатели, что въ вопросѣ о боевой силѣ хедивата рѣчь идетъ объ англичанахъ, эпиратахъ, албанцахъ, объ англійскихъ генералахъ, турецкихъ офицерахъ, но — ни слова о египтянахъ? дѣло-то, именно въ томъ и есть, что, какъ утверждаютъ, самостоятельной египетской арміи и не будетъ, ее уничтожаютъ дальновидные англичане! Да и къ чему она, если правда, вдобавокъ, что, на основаніи особаго договора хедива съ Англіей, этой послѣдней „дозволяется“ содержать гарнизоны въ Александріи, Даміеттѣ, Портъ-Саидѣ, Измаиліи и Суэзѣ, если, далѣе, хедивъ обязывается назначать министровъ только по предварительному соглашенію съ англійскимъ правительствомъ?.. Затѣмъ изъ Константинополя сообщаютъ, будто лордъ Дёфференъ добьется у султана согласія на уступку верховныхъ правъ на Египетъ королевы Викторіи, взамѣнъ чего Англія гарантируетъ Турціи уплату египетской дани, а также неприкосновенность всѣхъ ея настоящихъ владѣній, въ подтвержденіе и развитіе кипрскаго договора. Надолго-ли эта гарантія. Вѣдь кипрскій договоръ подразумѣвалъ и неприкосновенность правъ султана на Египетъ!.. Какъ легко сильному подсмѣиваться надъ тѣмъ, кто не можетъ ему сопротивляться

*) Письма Сосницкаго къ А. М. въ настоящее время напечатаны въ августовской кн. „Русскаго Вѣстника“.

и съ кѣмъ онъ можетъ сдѣлать все, что ему угодно. Оказывается, что Араби-Паша, хотя и слабый (въ матеріальномъ отношеніи), но сопротивляться хотѣлъ даже послѣ Тель-эль-кебирскаго сраженія. Прибывъ въ Каиръ онъ объявилъ это тѣмъ, конечно, кому онъ еще довѣряетъ и, въ то же время, поручилъ сельскому населенію затопить водами Нила пространство гдѣ-бы было можно. Но—все было уже поздно, какъ извѣстно. Относительно самого Тель-эль-кебирскаго сраженія передаютъ нѣкоторыя интересныя подробности, забытыя, вѣроятно, англичанами въ пылу воинственнаго восторга — довольно неосновательнаго. Мы узнаемъ во-первыхъ, что эту позицію Араби-Паша защищалъ только новобранцами, а регулярныхъ было не болѣе, какъ всего 7 тысячъ чел., а главное во-вторыхъ—англичане, въ дни, предшествовавшіе битвѣ, занимались не только рекогносцировками, но и, повидимому, и ловко веденнымъ подкупомъ въ лагерѣ египетскаго вождя.

Выше мы сказали о томъ, что лордъ Дофференъ хлопочетъ у султана объ уступкѣ его правъ надъ Египтомъ Англіи; есть свѣдѣніе, что между Англіею и Турціею уже заключенъ секретный трактатъ, обезпечивающій за первою полное „политическое преобладаніе“ въ Египтѣ; изъ трактата этаго, подписаннаго обѣими сторонами, видно, что султану предоставляется номинальная державность (какъ въ трактатѣ о Кипрѣ), въ свою очередь султанъ обѣщаетъ передать Англіи всѣ свои права надъ хедиватомъ; ожидаютъ, что Абд-Уль-Гамидъ сообщитъ о томъ европейскимъ державамъ обыкновеннымъ дипломатическимъ путемъ, но не конгрессу или конференціи.

Все это можетъ „хорошо“ выдти—на бумагѣ. Говоримъ это потому что отовсюду слышно, что національное чувство египтянъ, т. е. ихъ патріотическій порывъ не ослабленъ пораженіемъ Араби-Паши; англичане повсюду встрѣчаютъ самый непривѣтливый, болѣе того—самый враждебный пріемъ; Уэльслею пришлось даже въ Каирѣ прибѣгнуть къ военной демонстраціи (кавалерія прошлась по всѣмъ улицамъ), чтобы повліять на тамошнее населеніе, въ видахъ устрашенія его и обезпеченія порядка. Туземцы даже и не совсѣмъ признаютъ, что ихъ Араби побѣжденъ, они думаютъ, что султанъ велѣлъ и ему, и англичанамъ положить оружіе. Къ Араби они относятся съ величайшею симпатіею. Египетскій вождь не скрывался отъ враговъ; когда генералъ Макферсонъ прибылъ въ Каиръ, то немедленно окружилъ кавалеріей домъ Араби: послѣдній вышелъ въ сопровожденіи своего товарища по командованію войсками и сдался, сказавъ: „я Араби-Паша, а вотъ—Тульби-Паша“.

Араби заключенъ въ неудобный, грязный казематъ, отчего и заболѣлъ; увѣряютъ, что англичане пытали нѣкоторыхъ плѣнныхъ египетскихъ офицеровъ. Не удивительно — свирѣпость этихъ кровожадныхъ торгашей хорошо всѣмъ извѣстна.

Франція, кажется, начинаетъ подозрѣвать, что сыграла очень глупую роль, въ угоду Англіи, но подслуживаться еще не перестала; Дюклеркъ поспѣшилъ поздравить Гладстона съ „блестящей“ побѣдой, за что удостоился горячей благодарности отъ англійскаго кабинета, по новидимому „свои“ хотятъ его отблагодарить нѣсколько иначе—въ палатѣ ожидается запросъ именно по предмету непрошенаго поздравленія.

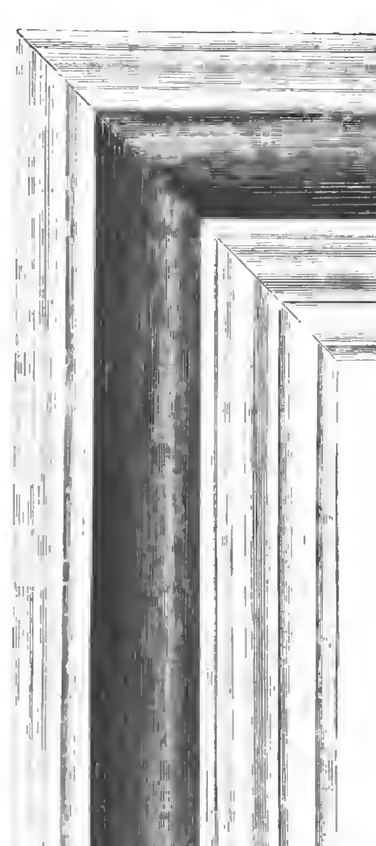
Читатели, конечно, помнятъ, что Италія предложила проектъ международной охраны Суэзскаго канала; въ то время войска англійскія еще не были собраны и Англія немедленно согласилась принять проектъ, теперь ея войска въ Египтѣ и она уже справилась съ Араби, а потому отвѣтила Италіи, что сама позаботится о безопасности канала.

Въ Австріи, или точнѣе, въ Галиціи нынѣшній періодъ гоненій на русинъ не прекратился еще: по крайней мѣрѣ галиційскія высшія духовныя власти вновь преслѣдуютъ русинскихъ священниковъ и вновь, между прочимъ, Наумовича. Русинскій архіепископъ Сембратовичъ смѣненъ. Ковачевичъ перешелъ изъ Герцеговины въ Черногорію съ своей дружиной. Въ Тріестѣ готовилось покушеніе на императора Франца-Іосифа, ожидавшагося тамъ; по однимъ изъ негодяевъ схваченъ, схвачены и тѣ, которые бросили бомбы въ толпу, о чемъ мы сообщали въ свое время, это—итальянецъ Катонини и нѣкто Орденбекъ. Не хочется вѣрить, чтобы то были агенты общества Italia irridente.

Въ Болгаріи народное собраніе возстановляется въ уменьшенномъ составѣ—а именно депутатовъ будетъ только 52 человѣка, причемъ выборы будутъ двухстепенные.

Столкновеніе между Турціею и Греціею закончено согласіемъ султана на уступку послѣдней всѣхъ спорныхъ пунктовъ.

Рамы для преміи „Нивы“ 1882 г.



Рисунокъ угла рамы для преміи 1882 г. въ уменьшенномъ видѣ.

Вслѣдствіе желанія, выраженнаго весьма многими изъ нашихъ подписчиковъ—получить премію въ рамкѣ—мы заказали **нѣсколько тысячъ** рамъ въ русско-американскомъ багетномъ и рамочномъ заведеніи г. Ч. Гофмана для преміи „Нивы“ **1882 г.**

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“

Золоченый багетъ этихъ рамъ, съ черно-лакированной полосой посрединѣ, имѣетъ ширины въ діаметрѣ **2⅛** вершка, а по позолоченой сторонѣ **3** вершка (рисунокъ угла рамки изображенъ тутъ-же), а вся рама имѣетъ вышины **20½** вершковъ, а ширины **17** вершковъ.

Рамы сдѣланы во всѣхъ отношеніяхъ тщательно и по своему солидному размѣру и изяществу—не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Только при такомъ громадномъ заказѣ мы имѣемъ возможность такую раму **со вставленною и укрѣпленною, какъ всѣ масляныя картины, на подрамки, наклеенною на полотно** картиною, т. е. совершенно готовою для помѣщенія на стѣнѣ, предложить **за 5 рублей.**

Желающіе могутъ уже теперь видѣть образецъ такихъ рамъ въ конторѣ редакціи „Нивы“.

Гг. **С.-Петербургскихъ городскихъ** подписчиковъ, получающихъ „Ниву“ по городской почтѣ и желающихъ пріобрѣсти картину уже вставленною въ раму, мы просимъ заявить о томъ не позже **14 октября** именно для того, **чтобы мы имѣли возможность остановить имъ доставку по почтѣ преміи въ картонномъ футлярѣ.** Рамы эти изъ конторы желающіе могутъ получать съ 6-го октября.

Гг. **иногородные** подписчики, желающіе выписать эту раму для преміи могутъ пріобрѣсти таковую въ четырехъ кускахъ—которые составляются на мѣстѣ прочнымъ и удобнымъ способомъ, безъ помощи столяра—съ тщательной укупоркой въ ящикѣ и пересылкой **за 9 рублей.** Гг. иногородные, желающіе пріобрѣсти такую раму уже составленною и готовою, могутъ ее получить **въ большомъ ящикѣ только за 15 рублей,** по дороговизнѣ почтовой пересылки.

Практическій письменный бюваръ съ календаремъ на 1883 годъ. Изданіе это вполнѣ оправдываетъ свое названіе практическаго; 5000 экземпляр. этого бювара разобраны были въ короткое время, что показываетъ цѣлесообразность такихъ изданій.

Бюваръ этотъ необходимъ для письменнаго стола, частныхъ лицъ а также и для конторъ и присутственныхъ мѣстъ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ листовъ (10—12) пропускной бумаги, изящно вдѣланной въ каленкоровые наугольники на папкѣ. Форматъ его соотвѣтствуетъ развернутому листу писчей бумаги. Къ бювару приложена записная книжка на цѣлый годъ, подъ папкой, на которой напечатаны: почтовый и телеграфный тарифы, росписаніе гербовой и вексельной бумаги, пожарные сигналы въ Спб. и Москвѣ, табличный календарь. Такимъ образомъ всѣ эти свѣдѣнія имѣются, что называется, подъ рукой. Удобно и не дорого.

Питательность грибовъ, ихъ польза и вредъ. Извѣстно, что грибы, самое распространенное, низшей формы тайнобрачное растеніе, произрастающее обыкновенно на гніющихъ органическихъ веществахъ, которое размножается особыми клѣточками (спорами), называемыхъ сумочками. До послѣдняго времени мало кому приходило въ голову, что нѣкоторыя породы, такъ-называемыхъ *шляпочныхъ грибовъ* (Hymenomycetes, Pilati) по количеству питательныхъ веществъ (бѣлковины и углеводовъ) мало уступаютъ даже мясу. А между тѣмъ изъ анализовъ этихъ видовъ грибовъ видно, что преобладающимъ элементомъ въ нихъ является азотъ, около 7%, тогда какъ въ бобовыхъ растеніяхъ находятъ его не свыше 3—5%. Въ виду того обстоятельства, что грибы играютъ весьма важную роль въ жизни русскаго человѣка, который, во время постовъ, почти треть года питается ими, небезынтересно будетъ привести нижеслѣдующій анализъ бѣлковыхъ веществъ и углеводовъ, какъ вообще главныхъ питательныхъ матеріаловъ человѣческаго организма.

Такъ въ фунтѣ:	мяса:	молока:	бѣлыхъ грибовъ и сморчковъ:	
заключается: бѣлковъ . .	89	20	47	143
„ углеводовъ	282	68	260	220

Оказывается, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, что грибы, по количеству содержимыхъ въ нихъ питательныхъ частей, почти не уступаютъ мясу и положительно выше стоятъ молока. Слѣдовательно, весь теперь вопросъ заключается „въ усвояемости организмомъ, человѣка питательнаго вещества грибовъ“, т. е. могутъ-ли они переходить въ растворимыя „усвояемыя формы“, чтобы затѣмъ поступать для питанія? Произведенные недавно опыты привели къ удовлетворительному результату и доказали, что почти 50% бѣлковыхъ веществъ гриба, подъ вліяніемъ желудочнаго сока — пепсина— могутъ переходить въ упомянутыя растворимыя формы. Но такъ такъ при этомъ свыше 50% питательныхъ веществъ гриба пропадаетъ даромъ, то весь вопросъ науки состоитъ въ томъ, чтобы, при приготовленіи грибовъ, были-бы указаны и приправы, или средства для ихъ удобоваренія.

Нельзя этого сказать по отношенію къ соленымъ грибамъ, которые менѣе удобоваримы. Подобнымъ открытіемъ обязаны мы простому русскому человѣку, который давнымъ давно доказалъ наглядно питательность грибовъ, ихъ *экономическимъ* употребленіемъ, тогда какъ заграницею только въ настоящее время лишь стали изслѣдовать грибы, какъ питательный матеріалъ. Для этого въ Англіи, напримѣръ, образовались ученыя общества „разведенія, культуры грибовъ“, производятся грибныя выставки и проч. Послѣ бѣлаго гриба и сморчка, слѣдуютъ по питательности грибы: боровикъ, березовикъ, печерица (шампиньонъ), груздь, опенокъ съѣдобный (Cantarellus Cibarius. L.) и проч.

Кромѣ того, изъ этого вида грибовъ, существуетъ много и крайне ядовитыхъ, какъ напр. мухоморъ (A. muscarius) кроваво-краснаго цвѣта съ бѣлыми бородавками, изъ котораго нѣкоторыя племена сѣверо-восточной Азіи приготовляютъ опьяняющій напитокъ Можно съ увѣренностью сказать, что тысячи видовъ и породъ грибовъ, за небольшимъ исключеніемъ, являются безполезными. Такъ, изъ сумчатыхъ грибовъ, кромѣ *трюфеля съѣдобнаго*, растущаго подъ землею (Tuber cibarinm) и упомянутаго *сморчка* (M. esculenta)—всѣ они вредны, а грибокъ *спорынья* (рожки, Claviceps Ful.) вдобавокъ ко всему этому и ядовитъ, и употребляется въ аптекахъ, для лекарствъ. Этотъ видъ сумчатыхъ грибовъ, или грибковъ является на корѣ, листьяхъ и на зернахъ разныхъ хлѣбныхъ злаковъ, производя болѣзнь растенія. Но самые вредные изъ нихъ—отрядъ *пыльныхъ грибковъ* или *„ржавчины“* (Coniomycetes, Baic), которые живутъ вообще на другихъ растеніяхъ. Грибница ихъ разростается подъ кожицею листьевъ, стеблей и проч., приподымая сначала эту кожицу въ видѣ вздутія: затѣмъ изъ нея образуется вскорѣ черная пыль, или грибки, разрывая вздутія кожицы. *Ржавчина* эта, появляющаяся на хлѣбныхъ злакахъ: ржи, пшеницѣ, кукурузѣ и проч., весьма вредна, такъ какъ истребляетъ цѣлыя растенія. Нѣкоторыя породы грибовъ поростаютъ на живыхъ животныхъ и даже на самомъ человѣкѣ, производя ужасныя страданія. Вообще грибы растутъ быстро, особенно при теплой и сыроватой погодѣ; живутъ они преимущественно въ лѣсахъ, лугахъ, садахъ и даже на мертвыхъ насѣкомыхъ. Для своего развитія они требуютъ весьма мало свѣта и лишены хлорофила, т. е. красящаго зеленаго вещества, присутствующаго обыкновенно въ зеленыхъ частяхъ растенія, а потому легко ихъ можно разводить искуственнымъ образомъ. Для этого на зиму въ песокъ закладываютъ, въ особо приготовленныхъ теплицахъ, теплыхъ „лабазахъ“ или землянкахъ, такъ называемую „грибницу“, образующуюся большею частью въ навозѣ, землѣ, и лежащихъ на ней листьяхъ, сучьяхъ и проч. Грибница или сплетеніе вѣтвистыхъ волокнистыхъ клѣточекъ, имѣющая видъ бѣлыхъ, нѣжныхъ пятенъ или плѣсени, при соблюденіи умѣренной температуры и небольшой влажности, тотъ-же часъ выгоняетъ изъ себя грибы. На любомъ огородѣ въ Петербургѣ практикуется способъ искуственнаго размноженія грибовъ, пока надъ шампиньонами, или печерицами, а въ другихъ мѣстахъ надъ сморчками и др. грибами. Упомянутая отрасль промышленности за послѣднее время настолько у насъ усилилась, что даже наши искуственно выращенные грибы отправляются и за границу.

Откуда произошло слово филистеръ. Даже въ русской печати теперь довольно часто встрѣчается это выраженіе; у нѣмцевъ же оно употребляется очень давно, въ средѣ студентовъ и вообще образованнаго класса общества, какъ бранное названіе тупаго, чваннаго бюргера. Особенно часто, слово филистеръ звучитъ въ германскихъ университетскихъ городахъ, въ одномъ изъ которыхъ оно и получило свое начало. Говорятъ, что когда Максимиліанъ II далъ въ 1576 году разрѣшеніе герцогу Юлію Брауншвейгскому учредить въ Гельмштадтѣ университетъ, то въ то же время присвоилъ послѣднему и гербъ съ изображеніемъ Самсона, раздирающаго на части льва. Съ этого времени студенты начали называть бюргеровъ, въ своихъ стычкахъ съ ними, филистимлянами (Philister) и это названіе, сначала мѣстное, было принято впослѣдствіи и въ другихъ студенческихъ корпораціяхъ а потомъ получило и въ языкѣ уже полное право гражданства.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ:

Рѣшеніе задачи слоговъ № 66.

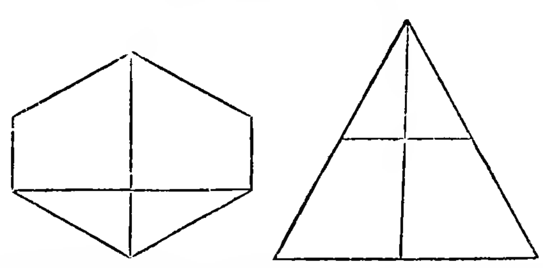
1) Каск**А**
2) Арсена**Л**
3) Ржані**Е**
4) Туро**К**
5) Иби**С**
6) Нив**А**
7) Афганиста**Н**
8) Ярка**НД**
9) Вѣте**Р**
10) Лимо**Нъ**
11) Ев**А**
12) Нико**Н**
13) Іо**Д**.
14) Ефрейто**Р**
15) Хожденi**Е**
16) Ружь**Е**
17) Измайло**В**
18) Сливк**И**
19) Труба**Ч**
20) Академи**Къ**
21) Нгам**И**
22) Азо**В**
23) Рук**А**
24) Орга**Н**
25) Долот**О**
26) Уда**В**

Картина—Явленіе Христа народу.

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**: Добровольской, Трефирова, Доннеръ, Иванова, Шварцъ, Л. Г. Шведова, Кауровой, Грибовскаго, Ханръ, Викторова, Шевлягина, Иванова, Николаева, Франкъ; **Москва**: Истриной, Шереметевской, Маріани, Ханшинъ, Ѳомичева, Еремина, Бакина, Владимірова; **Бѣлов**—Бѣлосельскаго; **Варшава**: Ромашевой, Блюмбергъ, Буцулло, Ѳомина; **Вилькоміръ**—Гойжевской, **Винница**—Говядина, Шабановой, **Воронежъ**—Корѣева, Курицина, **Епифань**—Бряжнова, **Залѣсоао**—Иванова, **Зарайскъ**—Ярцева, **Коломна**—Горожанкина, **Корніомянъ**—Рассели, **Кострома**—Полетаева, **Орелъ**—Добрынина, **Павловскъ**—Кирилова, **Петергофъ**—Смирнова, **Ржевъ**—Мясникова, **Серпуховъ**—Крашенинниковой, Иконникова, **Слонимъ**—Вейсенбергъ, **Тула**—Голева, **Угличь**—Лавровой, **Царицынъ**—Прудентовой, **Шуя**—Иванова.

Рѣшеніе задачи № 64.

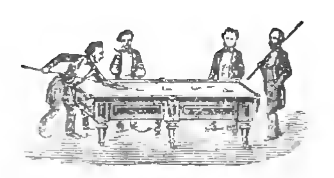


Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Никифорова, Тромпетеръ, **Москва**—Мвнуилова, Глухо-нѣмаго, **Больш. Поляны**—Чагаръ, **Дуниловичи**—Голубъ, **Земетчино**—Бояринова, **Нижній-Новгородъ**—Волкова.

Рѣшеніе ребуса № 65.

„Сила пара громадна“

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ
Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26—22

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ РЕКОМЕНДУЕТЪ

Д. АЛЕКСАНДРОВЪ,

заграничныя и собственной фабрики гармоніи, нѣмецкія и русскія фисгармоніи, скрипки, віолончели, гитары и мандолины, струпы, кларнеты, флейты-кларнеты, корнетъ-а-пистоны, пиколо-флейты, барабаны, бубны, цитры, музыкальные ящики, шарманки, смычки, и проч. Школы и разныя принадлежности. Прейсъ-курантъ безплатно и пріемъ въ починку.

Главная торговля и контора по Невскому пр., д. № 53, между Владимірской и Николаевской ул. Продажа оптомъ и въ розницу въ С.-Петербургѣ. № 2238 1—1

Въ редакціи „Собранія Романовъ"

въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ, продаются съ большой уступкой прошлые года этого журнала. Въ каждомъ году отъ **десяти** до **двѣнадцати** романовъ и отъ **тридцати** до **сорока** повѣстей. Каталогъ съ названіями статей и обозначеніемъ цѣнъ высылается безплатно. № 1966 10—7

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ.

Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болей, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ: передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя. № 1908

Вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „НИВА". С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in—8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. переп. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы" 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
Подписчики „Нивы" 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

СКЛАДЪ СТЕКЛЯННЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

И. РИТИНГЪ и К°.

Переведенъ въ собственный домъ № 20, по Вознесенскому проспекту, близъ Казанской улицы. № 2207 8—6

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ
РАЙ.

ПОЭМА Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами **Густава Дорэ.** Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р. съ перес. въ ящикѣ 30 р. въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкою въ ящикѣ 35 р. **Подписчикамъ „Нивы" на 1882 г. дѣлается уступка 5 руб.**

Складъ заграничныхъ товаровъ
ТРОССИНЪ и СТЕФФЕНЪ
Екатерининскій каналъ, Камен. мостъ, № 49
ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ И БАГЕТЪ.
Продажа оптомъ. Постоянно новости.
Р. № 2220 3—3

ХИРУРГИЧЕСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

съ постоянными кроватями

ДОКТОРА М. И. ДРУЖИНИНА.

ассистента хирургической клиники.

Рождественка. Варсонофьевскій переул., д. бр. Рябушинскихъ.
Въ Москвѣ. П. № 2227 3—2

СБЕРЕЖЕНІЕ и УДОБСТВА.

Воротники и манжеты изъ бумаги, крытой полотномъ (мужскіе и дамскіе) по 60 и 80 к. за дюжину. Бумажныя манишки отъ 85 к. за дюжину. Исполняются по почтѣ пробные заказы отъ 3 р. 25 к. (Прилагать мѣрку шеи) магазинъ **Нюрнбергъ,** въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шаховскаго, наискось церкви Успенія.
П. № 2237 3—1

КАКАЯ ПУБЛИКАЦІЯ САМАЯ ВЫГОДНАЯ?

Безъ сомнѣнія подписка на одно стекло въ
освѣщенныхъ кіоскахъ,
хотя такое стекло стоитъ **60 рублей** въ годъ, оно все-таки обходится дешевле, чѣмъ другое объявленіе, публикуемое ежедневно въ газетахъ въ теченіи цѣлаго года, которое, занимая мѣсто на 176 разъ меньше одного стекла кіоска, будетъ однако несоразмѣрно дороже. При подпискѣ же на стекло въ освѣщенныхъ кіоскахъ, большое объявленіе въ 176 кв. вершковъ величины обходится въ день не болѣе 17 копѣекъ,—**безъ сомнѣнія** самый дешевый родъ публикаціи. Подписчики на 5 стеколъ получаютъ шестое даромъ, на десять стеколъ два **безплатно.**

СПИСОКЪ МѢСТЪ, НА КОТОРЫХЪ ПОСТАВЛЕНЫ ОСВѢЩЕННЫЕ КІОСКИ.

Литейная часть.
1) Уголъ Невскаго просп. и Фонтанки, у Аничкина моста.
2) Уголъ Невскаго пр. и Литейнаго.
3) Уголъ Невскаго пр. и Надеждинской.
4) Уголъ Невскаго пр. и Знаменской.
5) Литейный пр., уг. Мал. Итальянской.
6) Литейный пр., между Симеоновскимъ пер. и Пантелеймонской.
7) Литейный пр., на углу Симеоновскаго переулка.
8) У Симеоновскаго моста.
9) У Пантелеймонскаго моста.
10) У Александровскаго моста.
11) На углу Бассейной и Надеждинской.

Васильевская часть:
12) Набережная Большой Невы, на углу 5-й линіи.
13) У Тучкова моста.
14) У Андреевскаго рынка.
15) Уголъ Большого просп. и 2 линіи.
16) „ „ „ „ 5 „
17) „ „ „ „ 10 „
18) Первая линія № 37.
19) Средній проспектъ., у 7 линіи,

Выборгская часть:
20) У Финляндскаго вокзала.
21) У клиники Виліе.

С.-Петербургская Центральная Контора Объявленій.
Единственная контора освѣщенныхъ кіосковъ для объявленій и продажи газетъ въ этихъ частяхъ.
№ 11. Невскій проспектъ, № 11.
Р № 2240 Уголъ Малой Морской, домъ Струбинскаго. 2—1

Изданіе А. Ф. Маркса.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Марлитта.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к., для подписч. „НИВЫ" 1882 г. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

ОСЕННІЯ и ЗИМНІЯ МОДЫ.

„МОДНЫЙ СВѢТЪ"

иллюстрированный журналъ для дамъ, **(самый полный, лучшій и дешевый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи).**
На 1882 годъ: 3 великолѣпныя преміи, разныя приложенія и конкурсъ съ денежными преміями на **500 рублей.**
№№ 1—35 на 1882 годъ уже вышли и разосланы.
Подписка продолжается.
Новые подписчики получатъ журналъ еще съ № 1-го
Контора Большая Садовая, № 16.
Р. № 2231 1—1

Страховое Общество „РОССІЯ".

ОБЩЕСТВО ЗАКЛЮЧАЕТЪ:

1. СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ по новымъ и выгоднымъ условіямъ.
2. СТРАХОВАНІЯ ОТЪ ОГНЯ всякаго рода имуществъ.

Брошюры, бланки и всякаго рода свѣдѣнія—безплатно въ Правленіи Общества **въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13,** Телефонъ № 280) **и въ Агентствахъ** въ городахъ Имперіи. № 2213 9—3

А. СІУ и К°.

ПАРФЮМЕРНЫЙ
и
КОСМЕТИЧЕСКІЙ
МАГАЗИНЪ

Тверская, д. Варгина.
МОСКВА.
ПОДРОБНЫЙ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
ВЫСЫЛАЕТСЯ
ПО ТРЕБОВАНІЮ.
№ 1929 11—9

ВЪ КРЫМУ,
БЛИЗЪ ЯЛТЫ,

продается за 8 тысячъ небольшая **ДАЧА** каменная съ принадлежностями и напротивъ дачи **фруктовый садъ** съ виноградниками. Могутъ быть проданы и порознь садъ или дача. Обратиться въ деревню Верхнюю Алеутку близъ Ялты, къ Павлу Федоровичу Феодори. Mt. № 2234 1—1

Только что вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива" въ Спб., Б. Морская № 9, **въ Москвѣ**—въ отдѣленіи „Нивы" у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линій и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ сочиненіе

Всеволода СОЛОВЬЕВА:

„ЦАРЬ-ДѢВИЦА".

Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ част., 382 стр. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Въ хорошемъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 3 руб., съ перес. 3 р. 50 коп.

Романъ этотъ, обнимая эпоху правленія и низложенія царицы Софіи, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій —чрезвычайно интересенъ.

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключен. Московскихъ) объявленіе отъ книжн. магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 22 сентября 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10

XIII годъ | годъ XIII

№ 40 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 2 Октября 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . **4 р.**

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . **5 р. 50 к.**

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской. Петровская Торгов. линія . . . . **5 р.**

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . . **6 р.**

На полгода безъ доставки **2** р., съ доставкою **3** р. съ пересылкою иногороднымъ **3** р.

За границу: съ перес. въ Австрію. Германію. Францію. Италію и друг. госуд. **8** руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ. ВЪ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ОКТЯБРЬ 1882 г. съ 25 рисунками и отдѣльнымъ листомъ съ 22 выкройками въ натуральную величину и 24 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Альфонсъ Додэ.

Въ ряду современныхъ представителей французской литературы Альфонсъ Додэ пользуется всемірной и громкой извѣстностью: его многочисленныя произведенія переведены на многіе языки и выдержали безчисленное количество изданій. Чѣмъ же Додэ заслужилъ такую славу и популярность?.. Въ чемъ заключается обаяніе его таланта? Это пойметъ каждый, кто только хоть разъ прочелъ какое нибудь произведеніе Альфонса Додэ и особенно тѣ небольшіе, но въ высшей степени граціозные его разсказы, которые составили его первоначальную репутацію. Въ этихъ, если хотите, мелочахъ онъ является во всей силѣ своего большаго, плѣнительнаго таланта и потому неудивительно, что сборники его небольшихъ произведеній, какъ „Les Amoureuses", „Contes du Lundi" и „Les femmes d'artistes" сдѣлали его имя болѣе популярнымъ, нежели послѣдовавшія за ними большіе его романы и піесы. Дѣйствительно, почти каждая глава въ этихъ маленькихъ разсказахъ—вполнѣ законченное и образцовое художественное произведеніе, гдѣ простыя, наивныя сцены чередуются часто съ трагическими и печальными, безъ которыхъ не обходится въ человѣческой жизни. Даже можно сказать, что Додэ пессимистъ по преимуществу; онъ подмѣчаетъ болѣе грустныя стороны нашего существованія и большинство его произведеній имѣютъ меланхолическій оттѣнокъ, хотя среди этой грусти часто проявляется веселая и страстная натура уроженца юга.

Альфонсъ Додэ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

Альфонсъ Додэ южанинъ. Онъ родился въ Нимѣ 13-го мая 1840 года и провелъ свое дѣтство въ этомъ благословенномъ уголкѣ земли, гдѣ каждое сердце, по выраженію поэта, согрѣто горячимъ лучемъ солнца. Немудрено, что Додэ до сихъ поръ такъ страстно привязанъ къ своей милой родинѣ, къ своему родному Провансу. Живя въ Парижѣ, онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ выводитъ типы и бытъ юга Франціи, а его послѣдній романъ „Нума Руместанъ" даже всецѣло посвященъ характеристикѣ французскаго южанина

и даже имѣетъ нѣкоторый чисто этнографическій оттѣнокъ. Дѣйствительно Додэ отлично знаетъ югъ и здѣсь-то въ своихъ скитаніяхъ онъ подмѣтилъ тѣ оригинальные и поразительные типы, которые онъ вывелъ потомъ въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ. Такъ въ Тараскопѣ онъ нашелъ изумительный типъ Тартерепа, охотника па львовъ, который является у него въ цѣлой серіи разсказовъ, посящихъ впрочемъ одно общее названіе „Les aventures prodigieuses de Tartarin de Tarascon".

Но часто онъ рисуетъ сцены изъ своей собственной, юношеской жизни, особенно тамъ, гдѣ ему представляется случай изобразить нѣжныя, сердечныя отношенія между двумя братьями. Такія именно отношенія существуютъ до сихъ поръ между Альфонсомъ Додэ и его старшимъ братомъ Эрнестомъ, тоже романистомъ, но довольно посредственнымъ. Эрнестъ являлся руководителемъ брата на литературномъ поприщѣ и ободрялъ его во всѣ трудные моменты его молодой жизни, когда нужда боролась съ вдохновеніемъ. Уже шестнадцати лѣтъ Альфонсъ долженъ былъ покинуть отцовскій кровъ, чтобы зарабатывать хлѣбъ собственными силами, прислуживая и помогая учителю въ мѣстной школѣ, т. е. представляя изъ себя ту жалкую, нищенскую личность, которая во Франціи извѣстна подъ названіемъ pion. Въ Парижѣ оба брата въ первое время буквально голодали, но юный писатель, уже тогда создавшій свою прелестную вещь „La petite chasse", гдѣ вывелъ себя на сцену подъ именемъ меньшаго Даніеля, не могъ и не долженъ былъ погибнуть. Съ появленіемъ его „Amoureuses" слава и счастіе его уже были обезпечены. На него обратила вниманіе Императрица Евгенія, доставившая ему мѣсто секретаря при герцогѣ Морни. Додэ тогда еще былъ юноша и въ эту именно эпоху т. е. съ 1857 по 1861 годъ являлись одно за другимъ тѣ небольшія произведенія, которыя такъ полны нѣжности и искренняго чувства. Тогда-же многіе сравнивали юнаго поэта съ Мюссе, но сравненіе это невѣрно: Додэ всегда остается на реальной почвѣ, онъ не носится въ вихрѣ несбыточныхъ грезъ и фантазій и передаетъ лишь то, что видитъ, не обманывая ни себя, ни читателя. Это направленіе у него осталось неизмѣннымъ до сихъ поръ, ярко отражаясь въ самыхъ первыхъ его опытахъ. Уже въ нихъ онъ, какъ истинный художникъ, подготовилъ матеріалъ для будущихъ болѣе крупныхъ своихъ произведеній. Такъ уже въ Робертѣ Гельмонъ находишь зачатки Набоба а въ „Contes du Lundi" уже является Тарасконъ—родина героя будущихъ его разсказовъ. Тартарена. Покинувъ службу у Морни, Додэ всецѣло предался литературнымъ занятіямъ и не считая мелкихъ произведеній, написалъ пять большихъ романовъ: „Fromont jeune et Risler aîné", „Jack", „Le Nabob", „Les rois en exil", и „Numa Roumestan". Въ этихъ крупныхъ своихъ трудахъ Додэ не измѣнилъ разъ принятому направленію; онъ по прежнему питаетъ слабость къ картинамъ и быту юга: по прежнему выводитъ эпизоды изъ своей прошлой, неприглядной жизни и по прежнему изображаетъ типы людей, обездоленныхъ, униженныхъ и несчастныхъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ сходится съ другимъ представителемъ реальной школы Эмилемъ Зола, но въ его описаніяхъ этого міра нищеты и страданій болѣе правды и естественности, такъ какъ онъ описываетъ лишь то, что дѣйствительно видитъ и знаетъ, не внося въ свои типы собственныхъ пристрастій. Потому-то за каждымъ его вымысломъ скрывается непремѣнно живое лицо, служившее ему оригиналомъ и нѣкоторые изъ этихъ оригиналовъ получили даже всеобщую извѣстность. Такъ типъ ханжи-святоши Фелиціи Рюисъ въ романѣ Набобъ, по общему убѣжденію снимокъ съ Сарры Бернаръ; герой романа Нума Руместанъ — это Гамбетта; герцогъ Мора—герцогъ Морни и т. д. Если это и правда, то все-таки было-бы несправедливо обвинять Додэ въ какихъ нибудь цѣляхъ чуждыхъ искусству — въ стремленіи произвести сенсацію и эффектъ. Додэ далекъ отъ такого шарлатанства. Онъ беретъ характерные типы отовсюду, гдѣ только ихъ находитъ и ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ ихъ заимствуетъ и среди лицъ, которыя выдаются или по своимъ талантамъ или по своему высокому общественному положенію. Служить чему либо кромѣ своего художественнаго идеала—не въ натурѣ Додэ. Даже въ политическомъ отношеніи онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи и признаетъ лишь одинъ кумиръ—искусство. Даже во время разгара самыхъ сильныхъ страстей, во время франко-прусской войны, Додэ сохранилъ эту независимость и это самообладаніе, несмотря на то, что самъ защищалъ родину въ рядахъ національной гвардіи. Какъ писатель, онъ посвятилъ этой ужасной и бѣдственной войнѣ многія изъ своихъ произведеній, но и въ нихъ онъ оставался трезвымъ и спокойнымъ, не разжигая народныя страсти ни жалобами, ни проклятіями. Онъ лишь рисуетъ картины высокаго патріотизма, какъ напр. въ своихъ „Contes du Lundi" гдѣ онъ изображаетъ типъ стараго французскаго служаки, умирающаго съ горя, увидя съ балкона вступленіе въ Парижъ германскихъ войскъ, — вступленіе, которое онъ до той поры считалъ немыслимымъ и невозможнымъ. Въ старомъ Жуве Додэ олицетворялъ весь французскій народъ, который также наивно вѣрилъ въ свою непобѣдимость, пока не узналъ страшной дѣйствительности. Додэ старался залѣчивать а не растравлять эту больную рану народнаго самолюбія и гордости и это ему удалось вполнѣ. Заслуживъ признательность своихъ соотечественниковъ, онъ сдѣлался симпатичнымъ и для побѣдителей, которые справедливо считаютъ его однимъ изъ популярнѣйшихъ въ Германіи французскихъ писателей.

У насъ въ Россіи имя Альфонса Додэ также пользуется громкою извѣстностью и почти всѣ его лучшія произведенія переведены у насъ по нѣскольку разъ.

Въ южной глуши.

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

П. П. Гнѣдича.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Наступилъ день спектакля. Съ самаго утра городъ принялъ праздничный видъ. Городовые,—точно, появились въ новой формѣ. Парикмахеръ Азикъ выбрилъ столько щекъ и подбородковъ, сколько ему не приходилось брить и въ свѣтлый праздникъ. Ѣзда по городу была необычайная. Черезъ окна видны были суетливыя движенія „обывателей." Протопопъ въ новомъ цилиндрѣ и въ фіолетовой рясѣ уже два раза спѣшно прошелъ по площади, небрежно кивая головою на поклоны встрѣчнаго чернаго люда: на лицѣ его было написано: „хорошо, хорошо—мнѣ некогда." Почтмейстеръ, очень толстый, чрезвычайно угрюмаго вида мущина, сидя за прилавкомъ своего закапаннаго чернилами и пропахшаго сквернымъ сургучемъ отдѣленія, былъ нервенъ, и нѣсколько разъ такъ громко прикрикнулъ на бабъ, что младшій чиновникъ со страха надѣлалъ клякcъ. Голова съ утра устроилъ у себя завтракъ—и пригласилъ на него всѣхъ городскихъ властей, отчего присутствія всюду кончились рано.

Когда протопопъ въ третій разъ проходилъ черезъ площадь, идя на этотъ разъ на завтракъ къ головѣ ему повстрѣчался Лухмановъ.

— Чего ты какъ бѣсъ передъ заутреней по городу мыкаешься, сурово спросилъ его отецъ Михаилъ.

— Я, дяденька, себя въ приличный видъ приводилъ.—отвѣтилъ Лухмановъ осклабившись.—я себѣ, дяденька, у жидовъ новое платье купилъ. Посмотрите, дяденька, какіе штаны важные...

— Ты чего-же франтить вздумалъ?

— Вы-же, дяденька, въ цилиндрахъ ходите, да еще на бочекъ ихъ надѣваете, отчего-же мнѣ, лицу свѣтскому, не прифрантиться...

— Да кто тебя изъ твоей капуры собачьей увидитъ?..

— Лицедѣи, дяденька.—Напримѣръ мамзель Богучарова,—не дурная вѣдь цыплятинка?.. а?..

— Ты деньги откуда досталъ—не укралъ-ли?

— Ну, вы полегче!.. За такія слова знаете что!.. Деньги у меня есть... Не угодно-ли.

Онъ вынулъ изъ кармана двадцати-пятирублевую бумажку и махнулъ ею по воздуху...

— Откуда ты это? удивился протопопъ.

— Секретъ, дяденька... На службу поступилъ, на частную...

„Дяденька" плюнулъ, и пошелъ дальше. Лухмановъ, все осклабившись, весело продолжалъ путь черезъ площадь. За послѣдніе два три дня строй его мыслей сильно измѣнился. Онъ все собирался преподнести на спектаклѣ какую-то „штуку;" но теперь раздумалъ, и былъ очень доволенъ удачно сложившимися обстоятельствами.

Таганцева онъ розыскалъ на сценѣ; тотъ хлопоталъ объ устройствѣ потолка. Вокругъ было темно, пахло свѣжимъ деревомъ, клейстеромъ и керосиномъ. Они тотчасъ отошли въ сторону.

— Ну что-же?—спросилъ Таганцевъ.

— Все благополучно,—сказалъ Лухмановъ. Онъ будетъ ждать хоть всю ночь. Ключи, дьячекъ—все на готовѣ; —какъ пріѣдете, хоть подъ утро въ четверть часа покончитъ...

Таганцевъ крѣпко пожалъ ему руку, и остановился на минуту въ нерѣшимости.

— Послушайте, Лухмановъ, робко сказалъ онъ,— вы... вы ради Бога не напейтесь...

— Я никогда не напиваюсь, сурово отвѣтилъ Лухмановъ, я право не знаю, зачѣмъ вы такія пустопорожнія слова говорите...

— Ну, да, да, извините, сконфузился Таганцевъ, и пригласилъ его полюбоваться, какъ хорошо дѣйствуетъ занавѣсъ.

Сцена вообще представляла очень приличный видъ. Внизу, ниже рамы, сидѣли какіе-то картонные амуры; занавѣсъ была удивительнаго ярко-малиннаго цвѣта, такъ что кривоглазый маляръ, грунтовавшій ее, увѣрялъ, что „въ натурѣ такаго колера не найти: въ десять разъ превосходнѣе...“ Боковые подборы были сдѣланы съ большимъ стараніемъ; да и не мудрено: Таганцевъ послѣднюю недѣлю буквально жилъ на сценѣ, и уходилъ домой только ночевать, даже обѣдать иногда ему сюда приносили.

Въ воздухѣ сплошнымъ туманомъ висѣла пыль: солдаты мели полъ, плотники уколачивали послѣднія скамейки, разставляли стулья. По стѣнамъ развѣшивали разнокалиберныя лампы, набранныя со всего города. Молотокъ звонко щелкалъ по широкой шляпкѣ гвоздя и эхомъ отдавался на сценѣ. Дамскія уборныя устилали коврами, уставляли цвѣтами. Въ уборной, гдѣ должны были одѣваться Анна Павловна и Вѣрочка, даже повѣсили для чего-то розовый фонарь на бронзовыхъ цѣпяхъ. Однимъ словомъ Таганцевъ хотѣлъ сыграть спектакль на славу.

— Мастеръ, мастеръ, хвалилъ его протопопъ, посѣтившій послѣ завтрака театральную залу... Ужь вы мнѣ позвольте къ вамъ во время представленія за кулисы прійти... Вѣдь въ сущности нигдѣ закона такаго нѣтъ, чтобы духовное лицо не посѣщало театровъ, а просто не принято...

Передъ этимъ, на завтракѣ, протопопъ только что примирился съ Мармышевымъ, и болѣе не опасался съ нимъ встрѣчи. Мармышевъ извинялся за исторію съ лягушками, и увѣрялъ, что онъ былъ на этотъ счетъ введенъ въ заблужденіе.—„Я не разобралъ сразу, увѣрялъ онъ, что приготовилъ дуракъ-поваръ. Потомъ разсмотрѣлъ косточки—вижу лягушечьи.“ И хотя батюшка при воспоминаніи почувствовалъ потребность встать изъ-за стола, примиреніе все таки состоялось.

Билеты были разосланы заранѣе, причемъ, конечно, распредѣленіе мѣстъ стояло въ прямой зависимости отъ чина и положенія зрителя. Таганцевъ разсчитывалъ на большой доходъ, и потому не стѣснялся обстановкой. Одну очень почтенную даму, не оказавшую никакихъ способностей на сценѣ, уломали сидѣть у входа, продавать афиши и наблюдать за тѣмъ, какъ посѣтители будутъ опускать въ благотворительную кружку свои лепты. Барыня сперва отказывалась, потомъ сдѣлала себѣ громадную голубую розетку на грудь,—въ знакъ, что и она членъ-распорядительница—и рѣшилась до начала спектакля посидѣть у дверей.

II.

Къ вечеру общая ажитація усилилась. Вдобавокъ городъ взволновался двумя событіями особаго рода. Во первыхъ, разнесся слухъ, что ѣдетъ губернаторъ, сѣденькій, маленькій генералъ, съ кривыми рѣдкими зубами и привычкою постоянно кряхтѣть, — но тѣмъ не менѣе милѣйшее и добрѣйшее существо въ мірѣ. Ѣхалъ онъ навѣрное—это всѣ знали и утверждали; вѣроятность присутствія его на спектаклѣ была очень возможна. Во вторыхъ разъигралась безобразная сцена такаго рода. Мармышевъ поймалъ гдѣ-то хохла, напоилъ его мертвецки, потомъ вымазалъ дегтемъ его, его лошадь, его телѣгу, и долго возилъ по городу. Пыль густыми слоями осѣла на деготь и придала фантастическій видъ группѣ, оставленной на произволъ судьбы посрединѣ площади. Когда полицейскіе стали расталкивать пьянаго, и не растолкавши отправили въ часть, — новая форма оказалась вся въ дегтю, чѣмъ Мармышевъ остался очень доволенъ, и тотчасъ-же уплатилъ ея стоимость, прибавивъ ассигнацію и на долю хохла...

Но изо всѣхъ зрителей и участвующихъ болѣе всѣхъ ажитировалась Вѣрочка. Она плохо спала передъ этимъ ночь, но встала свѣженькая, веселая. Долго сидѣла она, впрочемъ, поджавши ноги, на постели, прежде чѣмъ рѣшилась вдѣть ихъ въ маленькія красныя туфельки, чинно стоявшія на коврикѣ. Она очень смиренно умылась (обыкновенно она дурачилась во время умыванія, и приводила въ отчаяніе горничную), молилась очень долго, и еще дольше гуляла по-саду. Въ саду ее розыскалъ какой-то хлопецъ и подалъ ей маленькій конвертикъ. „Не раздумали-ли вы? прочла она. Сегодня, сейчасъ послѣ спектакля. Скажите посланному *да*—другаго отвѣта не надо“. —Она разорвала письмо на мелкіе клочья, сказала „*да*!,“ покраснѣла, обрадовалась, повернулась и побѣжала домой. Она обошла весь домъ, ко всему присматривалась. Розыскала въ альбомахъ портреты покойной матери и долго ихъ разсматривала. Потомъ расплакалась съ чего-то, наговорила ужасныхъ вещей m-lle Ernestine, вышла къ обѣду опять веселая, и долго долго цѣловала отца послѣ обѣда.

— Ты меня любишь, папа? спросила она.

— Люблю... Что за вопросъ...

— Ну и люби, это хорошо,—отвѣтила она.

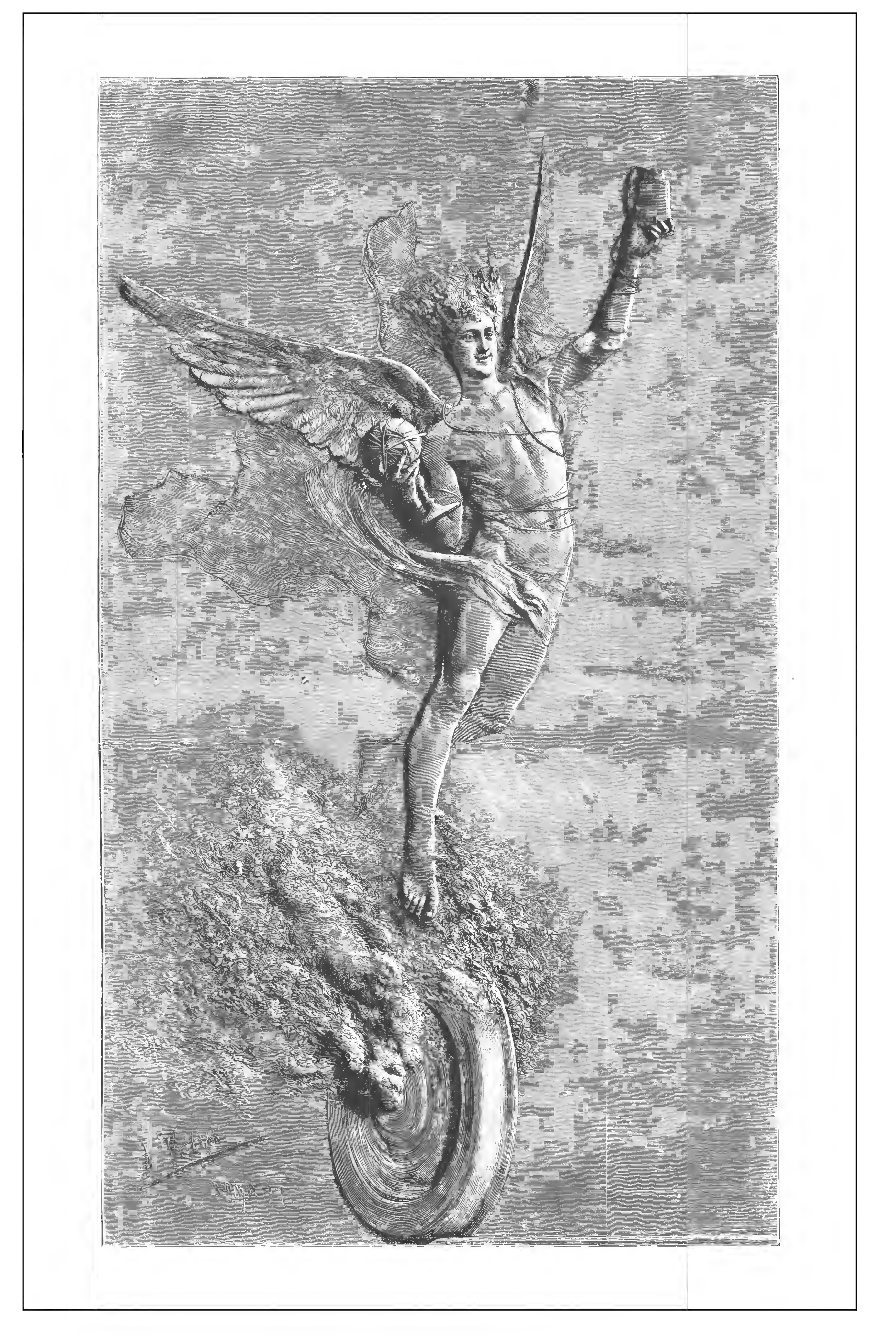
Ей было страшно, очень страшно, и въ то же время невыразимо пріятно... Она бѣжитъ изъ родительскаго дома, съ нимъ—съ милымъ, хорошимъ веселымъ, красивымъ, умнымъ—ну, однимъ словомъ, прелестнымъ... Развѣ это не чудо?.. И день какой веселый отъ этого! И любитъ какъ она его—ужасъ! Ее еще никогда, никогда не оставляли одну,—она никогда съ чужими (совсѣмъ съ чужими) не ѣздила,—и тутъ вдругъ ночью, съ нимъ, одна уѣдетъ куда-то въ даль. Но она этого не боится, нисколько не боится... Она вздрагивала, улыбалась, оглядывалась,—и опять погружалась въ мечты, которыя словно колыбельныя пѣсни убаюкивали ее, застилали отъ нея все остальное...

— Что съ вами? спрашивала француженка. Вы боитесь спектакля?..

Она не отвѣчала. Ей было лѣнь отвѣчать. Да и кто могъ понять ее, ея мысли?..

Ей прежде всегда почему-то представлялось, что свадьба ея будетъ съиграна въ Москвѣ, въ ихъ домѣ близъ Страстнаго монастыря. Будетъ множество гостей, зажгутъ люстры, будутъ танцы, оркестръ, ужинъ... А теперь—теперь оказывается, что она вѣнчаться будетъ гдѣ-то ночью, въ южной глуши, на глухомъ хуторкѣ... Какъ это странно?..

Чуть-ли не въ первый разъ въ жизни она задумалась. Прежде какъ-то не приходилось думать. Да не объ чемъ было. Училась, сдавала экзамены, гуляла, пока жива была мать, съ матерью, а потомъ съ m-lle Ernestine по Тверскому бульвару; лѣтомъ ѣздила за границу, приходила въ восторгъ, какъ и слѣдуетъ быть, отъ Швейцаріи и Парижа. Теперь она вспомнила въ какой восторгъ привелъ ее счетъ присланный изъ моднаго магазина m-me Laferrière, — счетъ на имя mademoiselle Bogout-



XIX вѣкъ. Рельефъ Antonio Фабреса, съ фотогр. грав. Смитонъ.

charoff, — первый счетъ на ея имя. — какъ покраснѣла она, и краснѣя отдала шестьсотъ франковъ за платье... Она порылась въ столѣ, хотѣла найти этотъ счетъ, но вмѣсто его нашла другой—„Blanchisserie de Courcelles“ со спискомъ грязнаго бѣлья, разсердилась, и опять заплакала...

Къ вечеру все прошло. Она звонко хохотала, смѣхъ ея такъ и разносился по всему дому. Спектакля она нисколько не робѣла, да и поглощена она была совсѣмъ другимъ... Теперь только нѣсколько часовъ осталось быть *своей*, а тамъ—*его*, его на всю жизнь...

Большая корзина съ платьями была поставлена на козлы кареты; она сѣла съ m-lle Ernestine, вся задыхаясь отъ смѣха.

— Право вы не здоровы, сказала по итальянски француженка.

— Какъ вамъ нравится, m-lle Ernestine, Таганцевъ? спросила въ отвѣтъ Вѣрочка.—Только правду говорите.

— Онъ очень милый, видный. съ разстановкой. взвѣшивая каждое слово, возразила та. Только онъ, кажется, пустоватый молодой человѣкъ...

— Никогда, вотъ ужь никогда! крикнула съ негодованіемъ Вѣрочка. Что онъ пустой это неправда. слышите—неправда!..

Она отвернулась къ окошку и сердито стала смотрѣть на широкую панораму степи. Во всю остальную дорогу она ни слова не сказала съ своей спутницей.

III.

Чмутовъ объявилъ женѣ, что онъ поѣдетъ вмѣстѣ съ нею, она ѣхала. конечно, гораздо ранѣе начала спектакля. чтобы имѣть время разобраться съ платьями, одѣться и причесаться. Она ничего ему не отвѣтила и продолжала сборы.

Поѣздка къ отцу Исаіи принесла ей временное облегченіе: она опять взглянула на своего мужа какъ на крестъ, на испытаніе ниспосланное ей свыше. Но испытаніе все таки оставалось испытаніемъ, вдобавокъ непосильнымъ. Она по возможности старалась себя „смирять“ и даже разговаривала съ мужемъ...

Она съ Ириской укладывала въ картонку платья. Онъ сидѣлъ тутъ же верхомъ на стулѣ.

— Я думаю скоро отправить тебя въ Петербургъ, — сказалъ онъ.

Она повернула къ нему испуганное лицо.

— Ты вѣдь скучаешь, продолжалъ онъ, говоришь, что людей здѣсь мало видишь, погости у сестры мѣсяца два, а къ Рождеству я къ тебѣ пріѣду...

— Но я теперь не хочу уѣзжать, мнѣ не скучно, сказала она.

Онъ фыркнулъ и что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ. „А что, если въ самомъ дѣлѣ онъ меня отправитъ, думала она. Ясно, онъ ревнуетъ меня къ Ярцеву—особенно послѣдніе дни. И ничего я не могу тутъ сдѣлать... Онъ какъ посылку можетъ отправить меня... Какъ это гадко все, неестественно“...

— Тебѣ интереснѣе здѣсь остаться, заговорилъ Чмутовъ, выждавъ время, когда Ириска вышла изъ комнаты. Понятно! Но тогда лучше уже совсѣмъ уйти къ... уйти изъ дома...

— Да я и уйду, внезапно сказала она вся блѣднѣя и подымаясь съ мѣста.

— А-а, вотъ какъ! отвѣтилъ Чмутовъ, чувствуя какъ холодѣютъ его руки и ноги... Ну что-жь, скатертью дорога. Двери не на замкахъ. отвори. вели кучеру заложить коляску и отправляйся на всѣ четыре стороны.

— Ну, а еслибъ я это сдѣлала?

— Это дополнило бы твой нравственный портретъ. который постепенно начинаетъ выясняться передо мной. Прикинулась кроткой овечкой, чтобъ только выскочить замужъ...

— Я прикинулась?.. возразила она. Злоба душила ее. она всѣми силами души ненавидѣла его въ этотъ мигъ.

— Ну, да ты польстилась на богатство, ты не пріучена къ труду, хотѣла цѣлый вѣкъ просидѣть сложа ручки, ты этого добилась... Только вотъ не удалось тебѣ изъ меня сдѣлать башмакъ, который можно, снявъ съ ноги, швырять куда угодно...

Онъ поднялся съ мѣста, стискивая въ рукахъ попавшійся карандашъ, и ломая его въ куски.—Я оказался сильнѣе тебя, и помыкать собою не позволилъ. Ты измучила меня въ эти три года, что мы женаты. Я искалъ хозяйку, мать—а что я въ тебѣ нашелъ?.. Какую-то пустую, верченую куклу...

— Да почему же я кукла! съ какимъ-то болѣзненнымъ отчаяніемъ крикнула она. —Почему же я пуста? Да и чѣмъ я виновата, что такой уродилась какая есть. *Ты* измучилъ меня, а не я тебя... Три года я старалась тебя полюбить...

Отвращеніе въ ней росло. порывъ гнѣва охватилъ ее. Въ первый разъ она такъ говорила, въ первый разъ защищала свои права...

— Я старалась тебя полюбить, понять, чего ты отъ меня хочешь—и на каждомъ шагу встрѣчала грубую насмѣшку... или ласку... Она была для меня еще хуже. Ты смѣялся надъ тѣмъ, что я барышня, дворянка, что ношусь я съ своими мелкими чувствованіями... Да ужь какія они ни на есть—да мои собственныя... Теперь все это продолжаться не можетъ.

— Да вѣдь ты нищая, —щурясь возразилъ Чмутовъ. Куда-жь ты пойдешь... Или Ярцевъ обѣщалъ тебѣ покровительство?..

— Ну да, обѣщалъ, — отвѣтила она. чувствуя. что еще минута и она окончательно потеряетъ сознаніе... И что я нищая это тоже правда, и жить на твой счетъ, твоими средствами. я не хочу...

— Это черезъ три-то года житья на чужой счетъ? засмѣялся онъ.—Совсѣмъ по дворянски...

Ей хотѣлось броситься на него, какое-то неудержимое бѣшенство овладѣвало ею, а онъ все также цинически улыбался.

— Да, сказалъ онъ, —ты сегодня окончательно превзошла себя... Такою дрянью я тебя не представлялъ.

— Что?.. задохнулась она.—Меня еще никогда никто... Она ступила къ нему шагъ, пошатнулась... и грянулась во весь ростъ навзничь...

Онъ стоялъ надъ ней какъ каменный, не шевелясь... Потомъ наклонился къ ней, поднялъ, перенесъ на кушетку. отцѣпилъ брошку, сдернулъ воротничекъ, отстегнулъ. чуть не разорвалъ платье...

— Воды! крикнулъ онъ вбѣжавшей въ комнату испуганной Ирискѣ, разстегивая дрожащими. неловкими руками тугіе крючки корсета, ломая хрустѣвшія планшетки. Онъ мочилъ ей одеколономъ виски. цѣловалъ полуоткрытыя холодѣющія губы, прыскалъ въ лицо водой, слушалъ сердце, плакалъ...

Она судорожно вздохнула. Онъ поднялся съ колѣнъ.

— Когда ей будетъ лучше—вели подавать коляску и скажи мнѣ, проговорилъ онъ отрывисто, проходя мимо Ириски...

— Не отдамъ, не отдамъ! сквозь зубы шепталъ онъ, опускаясь въ кресло въ своемъ кабинетѣ. Съ жизнью только у меня ее вырвутъ,—иначе не отдамъ...

IV.

Изъ артистовъ первымъ пріѣхалъ Мармышевъ. Онъ пріѣхалъ въ небольшой. легкой. дорожной коляскѣ, запряженной тройкою „чертей“. Дюжій молодой кучеръ въ бархатной поддевкѣ и канаусовой рубашкѣ сидѣлъ за барина, а Мармышевъ на козлахъ лично правилъ лошадьми. Онъ самъ ихъ выѣздилъ и плохо довѣрялъ ихъ даже любимцу-кучеру. Только съ своей геркулесовской силой онъ и справлялся съ ними. Черти постави-

ли на дворъ къ протопопу и Мармышевъ въ сотый разъ подтвердилъ свой наказъ кучеру.

Уборныя начали понемногу наполняться. Пріѣхалъ изъ губернскаго города спеціально приглашенный на этотъ день парикмахеръ съ огромными черными картонками, съ массою париковъ, накладокъ, буклей и волосъ. Всюду царилъ тотъ хаосъ, который такъ присущъ всѣмъ уборнымъ. На столахъ—бутылки вина, по диванамъ и стульямъ—чемоданы, сакъ-вояжи, корзинки. Передъ зеркаломъ шесть свѣчей, чтобы свѣтлѣе было гримироваться; на столѣ—расчесаные парики съ розовыми лбами, ящики съ жирными красками, растушки, карандаши, пудра, лакъ. Всѣ сразу одѣвались, говорили, смѣялись, курили. Парикмахеръ у всѣхъ просилъ мѣста,—всѣмъ было ужасно весело и хорошо.

Зрительную залу стали мало по малу освѣщать. Темная занавѣсъ загорѣлась золотыми блестками и малиновыми складками. Прошелъ солдатъ, поливая раскаленную жаровню ароматическимъ уксусомъ. Толстая барыня съ голубой розеткой торжественно расположилась у входа, ей на помощь оказался прикомандированнымъ какой-то худосочный юноша. На сценѣ передвигали мебель. Солдаты-музыканты курили на задворкахъ, осторожно прислонивъ къ стѣнамъ свои блестящія трубы. Двѣ пожарныхъ бочки стояли тутъ же на всякій случай...

Солнце было еще довольно высоко, до половины освѣщая соборную колокольню,—до спектакля оставалось еще добрыхъ два часа, а Таганцевъ торопилъ уже всѣхъ гримироваться, чтобы не задерживать...

— Что это Чмутова не ѣдетъ, безпокойно думалъ онъ, чувствуя какъ парикмахеръ крѣпко стягиваетъ ему сзади шнурками парикъ. Надо будетъ послать нарочнаго... Не случилось ли чего, сохрани Богъ... Главная роль въ комедіи...

И онъ распорядился послать одного гусара узнать—не случилось ли чего.

Оставалось рѣшить вопросъ: ждать губернатора если онъ запоздаетъ, или нѣтъ. Общимъ голосомъ рѣшили не ждать, ибо, чего добраго, съ дороги генералъ захочетъ отдохнуть, и на представленіе не пойдетъ. Заставлять же томиться ожиданіемъ публику было неудобно...

Лухмановъ шептался съ Мармышевымъ, отведя его въ уголъ.

— Еще экипажъ будетъ? спрашивалъ онъ. У васъ коляска двумѣстная.

— Не будетъ. Мы съ вами на козлахъ... Только помните: какъ вызовы кончатся—сію же минуту...

Лухмановъ кивнулъ головой?—Хорошо, что погода ясная, сказалъ онъ.

— А вотъ, батенька, какой случай былъ въ Одессѣ, говорилъ мировой судья, игравшій въ водевилѣ роль благороднаго отца. Игралъ одинъ актерикъ Гамлета... Игралъ... Хорошо-съ... Только передъ выходомъ—знаете въ сценѣ съ матерью, послѣ театра,—у него бородка и отвались... А игралъ онъ Гамлета съ бородкой, говоря что это необходимо... Вышелъ это онъ, хвать за подбородокъ, да и говоритъ: „а я, маменька, говоритъ, небриться успѣлъ"... Такъ весь театръ со смѣха въ лоскъ и уложилъ.

— Пріѣхали! ворвался въ уборную худосочный юноша,—пріѣхали!

— Кто? Чмутовы? быстро спросилъ Таганцевъ.

— Нѣтъ, публика: купецъ-бакалейщикъ—Пехтерёвъ... Первый зритель,—съ женою и сыномъ...

Пехтерёвъ имѣлъ въ рядахъ огромный магазинъ бакалейныхъ товаровъ и ему, какъ богатому купцу, не преминули послать билетъ и афишу. Онъ вывѣсилъ свою медаль, причесался волосокъ къ волоску и переваливаясь какъ гусь, приплылъ въ театръ. Снявши картузъ и поздоровавшись, онъ сунулъ въ кружку крупную бумажку и съ сознаніемъ собственнаго достоинства вступилъ въ залу.

— Раненько,—замѣтилъ онъ полковому писарю, исправлявшему должность капельдинера и потому завившемуся à la Капуль.

— Принимая во вниманіе современное состояніе солнца, еще достаточно рано,—отвѣтилъ тотъ, обрывая уголки билетовъ. Изволили прибыть не по здѣшнему меридіану. Займите на стулѣ мѣсто,—все одно публику обозрѣете...

Пехтерёвъ сыскалъ стулъ и вздыхая помѣстился на немъ. Жена и сынъ робко присѣли рядомъ.—Ты, Петька, нишкни, заявилъ онъ сынишкѣ и терпѣливо сталъ смотрѣть на колыхающуюся занавѣсъ.

— Батенька, какъ поздно! встрѣтилъ Таганцевъ входящаго въ уборную съ чемоданчикомъ Ярцева.—Анну Павловну вы не видали?

— Нѣтъ,—да гдѣ же мнѣ ее видѣть, сердито отвѣтилъ Ярцевъ. Ему показалось (какъ постоянно казалось за послѣднее время), что Таганцевъ желаетъ уколоть его намекомъ на отношенія къ Чмутовой.

— Не ѣдетъ! съ отчаяніемъ сказалъ Таганцевъ. Онъ прошелъ корридорчикомъ и стукнулъ у двери.

— Нельзя! раздался голосъ Вѣрочки.

— Анны Павловны нѣтъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ!..

Онъ повелъ плечами, и пошелъ справляться, поѣхалъ ли солдатъ, котораго онъ послалъ. По дорогѣ онъ вспомнилъ, что на диванѣ остался брошеннымъ его ментикъ, а въ немъ деньги и бумаги. Онъ воротился въ уборную, замкнулъ ихъ въ шкапикъ на ключъ и опять прошелъ на крыльцо.

— Просто хоть спектакля не давай,—сказалъ онъ.—Ну, ужь эти барыни! придется впередъ дать водевиль...

Таганцева весь день трясло. Онъ слегка побаивался исхода того, что было затѣяно. Не люби его Вѣрочка такъ, какъ она (казалось) его любила—онъ бы отказался отъ своего предпріятія. Еще хорошо, что это было въ день спектакля. Хлопоты его отвлекали нѣсколько. Сегодня ему только разъ, мелькомъ удалось ее видѣть, но вчера на генеральной репетиціи у нихъ все было порѣшено и улажено. Черезъ нѣсколько часовъ... теперь скоро семь... черезъ семь-восемь часовъ она будетъ его женой—и тогда ужь никто никогда ихъ не разлучитъ...

На сценѣ онъ велѣлъ переставить павильонъ—и начинать съ водевиля. Отогнувъ край занавѣса, онъ заглянулъ въ залу. Кое-гдѣ сидѣли и стояли набиравшіеся зрители. Одна лампа коптила стекло; онъ велѣлъ ее поправить. „Вдругъ догонятъ, остановятъ",—думалъ онъ.

У входа въ театръ были развѣшаны цвѣтные бумажные фонари, собственноручно сдѣланные учителемъ земской школы, большимъ любителемъ всевозможной клейки. Рѣшено было зажечь ихъ, едва стемнѣетъ. Разсчитывали на поразительный эффектъ. Къ крыльцу стали то и дѣло подкатывать экипажи съ невѣроятнымъ количествомъ сѣдоковъ. Въ залѣ замелькали розовыя, голубыя, бѣлыя платья, обнаженныя нѣжныя ручки дѣвицъ въ широкихъ, не по модѣ, браслетахъ. Букетики свѣжихъ цвѣтовъ въ волосахъ и на груди пестрѣли почти у всѣхъ дамъ,—иныя даже ухитрялись вставлять ихъ стебельки въ узенькія стеклянныя трубочки съ водой и втыкать эти трубочки себѣ въ волоса. Мущины собирались больше кучками и говорили умѣреннымъ баскомъ. На дворѣ темнѣло все больше и больше.

Въ послѣдній разъ взглянувъ на часы, Таганцевъ отчаяннымъ шагомъ подошелъ къ занавѣсу и стукнулъ трижды ногой о полъ. Дирижеръ постучалъ своей палочкой и поднялъ ее кверху.

Торжественнымъ грохотомъ отдалась за кулисами увертюра изъ „Жизни за Царя".

— Господа, пожалуйте на сцену,—крикнулъ Таганцевъ въ мужскую уборную. Mesdames,—пожалуйте!.. Онъ еще разъ стукнулъ къ Вѣрочкѣ.

— А Чмутова все не пріѣхала?

— Пріѣхала,— раздался сзади его голосъ. Онъ оглянулся. Анна Павловна съ Приской и узлами стояла сзади его. Куда пройти?

— Какъ вы опоздали! воскликнулъ Таганцевъ...

— Мнѣ было дурно,—отвѣтила она, отворяя дверь, изъ-за которой послышался испуганный крикъ раздѣтой Вѣрочки и мелькнули наваленныя горой юбки.

— Лухмановъ, на мѣсто,—торопливо говорилъ Таганцевъ, поднимая передъ нимъ люкъ и предлагая пролѣзать въ свою берлогу. Плотники къ дверямъ!.. Не робѣйте, mesdames, — свободнѣе держите руки. Не опускайте глазъ,—чтобы горизонтъ зрѣнія былъ нѣсколько выше партера... На суфлера ради Бога не глядите... Ну, все кажется въ порядкѣ?..

Онъ оглянулъ привычнымъ взглядомъ комнату,—все было на мѣстѣ, симметрично и красиво.

— Приготовьтесь къ первому явленію,—садитесь, говорилъ онъ Мармышеву...

Увертюра подходила къ концу. Публика прибывала толпами. Зала была почти полна.

Артистовъ пробирала дрожь,—сквозь бѣлила и пудру лихорадочный румянецъ такъ и горѣлъ на щекахъ. Руки тряслись,—иные что-то шептали: не то роли, не то молитвы.

Послѣдніе такты плавно замерли въ воздухѣ.—Все готово? все? въ послѣдній разъ спросилъ Таганцевъ.— Ну я начинаю. Давай занавѣсъ!

Плотникъ потянулъ веревку, занавѣсъ шурша ушла кверху,—въ залѣ все колыхнулось и замерло,—спектакль начался.

V.

Таганцевъ сталъ прислушиваться. Какъ-то отчетливорѣзко отдавался за кулисами голосъ Мармышева. Ему дрожащимъ голосомъ отвѣчала робѣвшая водевильная ingénue.—„Ну, все гладко, слава Богу“,—думалъ Таганцевъ стоя съ книгой у дверей,—онъ *правилъ* піесой и обязанъ былъ выпускать на сцену: „главное—всѣ роли твердо знаютъ“...

— И я тутъ,—тихо прошепталъ протопопъ, стараясь неслышно ступать,—гдѣ бы мнѣ дырочку найти,—очень любопытно...

Таганцевъ свелъ его къ первой кулисѣ, и объяснилъ, какъ надо смотрѣть въ щель окна, чтобы его не видала публика. Отецъ Михаилъ умостился на стулѣ, оттирая плотника, догадливо проковырявшаго для себя въ декораціи отверстіе... Онъ былъ въ самомъ блаженномъ настроеніи и восторженно улыбаясь смотрѣлъ на сцену. Новая ряса шелестѣла, волосы разливали благовоніе кіевской помады...

— Валерьянъ Степановичъ,—поймалъ онъ за полу Таганцева,—что это съ нимъ дѣлается? и онъ ткнулъ пальцемъ на суфлерскую будку.

Таганцевъ посмотрѣлъ. Съ Лухмановымъ, точно, что-то случилось: его дергало словно въ пляскѣ святаго Витта. Вмѣсто того, чтобы „подавать“ онъ дѣлалъ какіе-то отчаянные знаки и гримасы артистамъ, разводилъ руками, показывалъ на книжку и былъ, очевидно, въ большомъ смущеніи...

— Это онъ вамъ фортель подноситъ,—объяснилъ протопопъ,—окомпроментировать играющихъ хочетъ...

Въ это время Мармышевъ, кончивъ явленіе, вылетѣлъ за кулисы.

— Что вы дѣлаете,—съ ужасомъ зашипѣлъ онъ на Таганцева,—у Лухманова нѣтъ піесы... Онъ не можетъ подсказывать: у него комедія, а не водевиль...

Таганцевъ схватился за голову...

— Нижняго хода въ суфлерскую будку нѣтъ,—сказалъ онъ: ходъ только съ авансцены... А безъ суфлера нельзя... Изъ двери если подсказывать... неловко...

— Того и гляди станутъ,—волновался Мармышевъ. Остается одно средство: велите опустить занавѣсъ, суньте ему книжку—и сейчасъ же опять поднимайте... Подумаютъ, что сорвалась петля, и занавѣсъ распустилась сама...

— Нѣтъ, нѣтъ, — соображалъ Таганцевъ, — этого нельзя...

— Ваше высокоблагородіе,—окликнулъ его писарь. Меня полковникъ прислали вамъ сказать, что изъ публики отца протопопа въ окошко видать...

Таганцевъ вдругъ что-то сообразилъ. Онъ схватилъ писаря за воротъ и потащилъ куда-то въ уголъ.

— Лѣзь,—сказалъ онъ, показывая ему небольшое отверстіе ведущее подъ сцену.

— Для какой цѣли, ваше благородіе?

— Ну не разсуждай, живо... Вотъ тебѣ книжка. Проползи подъ поломъ въ суфлерскую будку и передай ее Лухманову,—ну!..

— Никакъ невозможно, ваше благородіе... Темно совершенно.

— Ползи, когда тебѣ говорятъ,—три рубля на чай...

— Плотника бы послать, ваше благородіе...

— Не выпущу, пока не слазишь...

— Тутъ на карачкахъ, ваше высокородіе... Опять же грязь...

И въ послѣдній разъ взглянувъ на угрожающую фигуру офицера, онъ нырнулъ въ темноту...

Подъ сцену былъ сметенъ весь соръ и стружки, накопившіяся за послѣдніе дни. Темно—хоть глазъ выколи! Зажечь спички нечего было и думать,—вѣрное средство поджечь все... Панталоны, прическа á la Капуль, платокъ съ красной каймой,—какой видъ все это приметъ!.. „Сколь несообразна идея такого предпріятія,— шепталъ онъ, смутно различая вдали отсвѣтъ суфлерской будки,—надо снова бѣжать домой переодѣваться“...

Лухмановъ съ испугомъ подобралъ ноги и чуть не выскочилъ на сцену, когда подъ нимъ что-то зашевелилось и завитая голова, вся въ стружкахъ, чихая, стала ему что-то объяснять. Помощь приспѣла какъ разъ вò-время,—разговоръ начиналъ путаться, не столько отъ незнанія ролей, сколько отъ мысли, что нѣтъ суфлера...

Въ публикѣ, конечно, ничего не замѣчали. Начало подобныхъ спектаклей слушается всегда съ напряженнымъ вниманіемъ. Зрители были совершенно серьезны, словно присутствовали при какой нибудь мистеріи, только почтмейстеръ очень громко сморкался: онъ былъ очень недоволенъ, что жена его, исполнявшая роль ingénue, немножко откровенно декольтировалась.—„Это она для учителя земскаго,—сообразилъ онъ,—хоть бы косыночкой кружевной прикрылась“...

Чмутовъ сидѣлъ въ первомъ ряду и внимательно смотрѣлъ на сцену,—въ сущности онъ не понималъ ничего, ничего не видѣлъ.—„Такъ вотъ какъ,—это у васъ слажено,—хорошо: мы еще посмотримъ,—кто кого!“...

Онъ припоминалъ обморокъ своей жены,—и то какъ она красиво лежала на диванѣ съ запрокинутой назадъ головой, не дыша, съ сжатыми зубами. „Чего добраго она теперь говоритъ съ нимъ... Жалуется на меня, условливается о времени, когда“...

Онъ тоскливо, тяжело переводилъ дыханіе, грудь его давило. Ревность охватывала всего.—„Что бы такое предпринять, что сдѣлать?“...

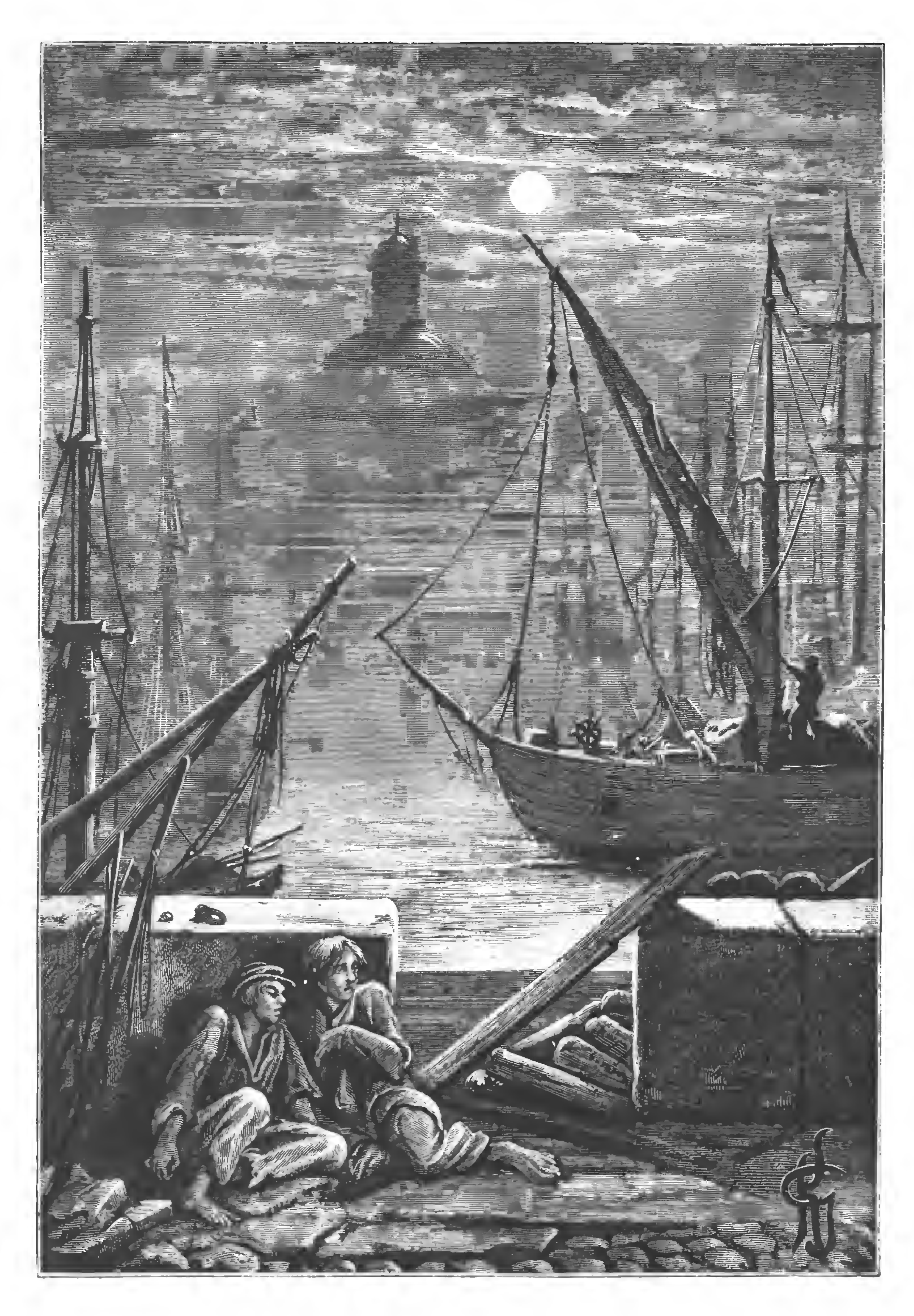
Анна Павловна, дѣйствительно, говорила съ Ярцевымъ,—она сидѣла за кулисами въ широкомъ креслѣ, блѣдная, съ большими, сверкающими глазами...

— Я это покончу,—говорила она.—Я или уйду, или... прудъ-то вѣдь у насъ недалеко...

— Голубушка, что вы,—воскликнулъ Ярцевъ,—развѣ можно такъ говорить..

— А зачѣмъ я живу, кому я нужна?.. Гдѣ цѣль жизни—для чего мнѣ жить? Да меня ничего не привлекаетъ, не тянетъ... Я отжила свой вѣкъ...

— Зачѣмъ вы это говорите, успокоивалъ ее Ярцевъ. Вѣдь у васъ еще вся жизнь впереди...



Ночь на берегу Невы. Бездомные. Ориг. рис. Голембіовскаго, грав. М. Рашевскій.

— Ничего у меня нѣтъ... Да вы не думайте, что я когда нибудь рѣшусь на самоубійство. —прибавила она, взглянувъ на его встревоженное лицо. Никогда этого не будетъ: я вѣрю въ будущую жизнь, вѣрю... Ну и для того чтобы погубить свою душу, я... я слишкомъ самолюбива.

Они помолчали.

— Я въ какомъ-то опьяненіи, сказала она. Знаете, точно спишь. Вотъ вокругъ люди ходятъ, лампы горятъ, это не какъ всегда, не какъ обыкновенно,—а совсѣмъ особенно какъ-то, какъ во снѣ... Это въ лѣсу иногда лѣтомъ бываетъ, вы не замѣчали?.. Это со мной часто повторяется... Я помню разъ, пріѣхали мы въ Венецію,—я еще дѣвушкой была пошли мы въ тотъ же день въ театръ, выходимъ оттуда: и у меня вотъ точно такое же ощущеніе было. Театръ у самой воды: ступени сходятъ прямо къ каналу, и вмѣсто экипажей каждый своего гондольера зоветъ. Они подплываютъ. Вода темная, гондолы черныя совсѣмъ, и какъ тѣни по водѣ скользятъ, безъ шума...

— Знаете, продолжала она, помолчавъ и потирая лобъ,—у меня вотъ тутъ что-то не хорошо... Мысли путаются: голова точно обручемъ желѣзнымъ сдавлена... Я часто не понимаю, что говорю и зачѣмъ... Право я мѣшаться начинаю...

Онъ взялъ ея руку и тихо поднесъ къ губамъ.

(До слѣд. №).

Въ „Бѣломъ домѣ".

(Разсказъ).

I.

Мѣстечка Треганіонъ, въ Корнуэллѣ, не найти теперь ни на одной картѣ; это, впрочемъ, и понятно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что оно имѣло нѣкоторое значеніе не менѣе, какъ лѣтъ за восемьдесятъ тому назадъ, а именно въ эпоху, когда къ таинственности, окружавшей ремесло контрабандиста, примѣшивалось какъ-бы нѣчто поэтическое. Въ это время Треганіонъ былъ одной изъ самыхъ цвѣтущихъ деревушекъ на южномъ берегу, хотя и состоялъ изъ небольшаго числа коттэджей, сгруппировавшихся вокругъ маленькой церковки. Въ мѣстечкѣ была всего одна улица да еще набережная, что вполнѣ было достаточно для населенія, численность котораго, въ лучшее время, не превышала полсотни человѣкъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, извѣстія, вообще, съ трудомъ и медленно доходили до отдаленныхъ уголковъ Англіи, такъ что въ теченіи долгаго времени Треганіонъ былъ совершенно предоставленъ самъ себѣ и жизнь тамъ шла съ своеобразною независимостью, пока таможенное вѣдомство не сочло необходимымъ прислать туда дѣятельнаго и энергическаго офицера, для огражденія ввѣренной этому вѣдомству отрасли государственныхъ интересовъ. Треганіонъ, однако, ни за что не желавшій допустить непрошеннаго вмѣшательства власти, протестовалъ по своему—несчастный офицеръ, лейтенантъ королевскаго флота, Экстлей, былъ убитъ, такъ что, когда присланный на его мѣсто, лейтенантъ Чарльвудъ, прибылъ съ полномочіями уничтожить тамъ контрабанду и розыскать убійцъ Экстлея, то увидалъ что его должность вовсе не похожа на синекуру. До тѣхъ поръ Треганіонъ мало что зналъ о внѣшнемъ мірѣ, мало и интересовался имъ; пока контрабандистскія лодки треганцевъ совершали удачные рейсы, а кошельки ихъ наполнялись дурно пріобрѣтенными деньгами —они оставались совершенно равнодушны ко всему, происходившему въ другихъ графствахъ страны, ихъ нисколько не смущали никакія событія, имѣвшія мѣсто не у нихъ — ни революціи, ни землетрясенія, ни чума, ни голодъ. Лейтенантъ Чарльвудъ занялъ, съ своей небольшой командой, рядъ маленькихъ бѣлыхъ хижинокъ, расположенныхъ на холмѣ, господствовавшихъ надъ деревушкой и пристанью.

Молодой офицеръ нашелъ-бы пребываніе въ Треганіонѣ чрезвычайно скучнымъ и однообразнымъ, если-бы не его служба, полная тревогъ и опасностей и требовавшая отъ него постоянно напряженнаго вниманія. Въ мѣстечкѣ онъ могъ познакомиться всего только съ четырьмя лицами, то были мировой судья, м-ръ Кэрей, мѣстный докторъ, м-ръ Уайндъ и пожилой голландецъ, мингеръ Корнеліусъ-Ванъ-деръ-Мёленъ, жившій, съ дочерью, въ большомъ бѣломъ домѣ, стоявшемъ одиноко, въ сторонѣ, на томъ-же холмѣ, гдѣ находился и таможенный постъ.

М-ръ Кэрей и д-ръ Уайндъ казались людьми довольно пріятными нѣкогда; конечно, они были джентльмэнами въ полномъ смыслѣ, но продолжительное пребываніе въ грубой средѣ треганцевъ и давнишнее отсутствіе изъ цивилизованныхъ центровъ, сдѣлали ихъ очень похожими, по манерамъ и языку, на ихъ согражданъ, которыхъ одинъ, отъ времени до времени, судилъ, а другой лечилъ.

Но ближе и тѣснѣе сошелся Чарльвудъ съ голландцемъ, и въ особенности съ Долли-Ванъ-деръ-Мёленъ. Никому не было извѣстно откуда появился Ванъ-деръ-Мёленъ. Онъ давно уже жилъ въ „Бѣломъ домѣ", но въ деревнѣ показывался рѣдко. Повидимому у него были хорошія средства, такъ какъ домъ—или лучше сказать, обитаемая его часть — была прекрасно и даже роскошно убрана, а между тѣмъ, — источниковъ этихъ средствъ не было замѣтно, онъ, по крайней мѣрѣ по наружности, не занимался никакимъ дѣломъ. Влеченіе Чарльвуда къ Долли возникло почти съ перваго-же знакомства, подъ вліяніемъ чувства сожалѣнія къ судьбѣ хорошенькой и симпатичной дѣвушки, осужденной на уединенную жизнь въ скучномъ старомъ домѣ съ эксцентричнымъ пожилымъ человѣкомъ. Отъ сожалѣнія къ любви — всего одинъ шагъ и Чарльвудъ не пробылъ еще и шести недѣль на своемъ посту, какъ почувствовалъ себя по уши влюбленнымъ въ Долли-Ванъ-деръ-Мёленъ. Онъ оправдывался предъ собою тѣмъ, что она была именно такою дѣвушкою, на какой онъ всегда мечталъ жениться. Простая въ своихъ вкусахъ, она обладала тою неподдѣльною граціею, которая свойственна настоящимъ свѣтскимъ женщинамъ. Но его любовь усиливалась всего болѣе оттого, что онъ замѣчалъ, что ему платятъ взаимностью. Долли никогда не видала вблизи мужчинъ порядочнаго тона, а появленіе въ ея скучной и неинтересной средѣ, красиваго молодаго офицера, произвело на нее впечатлѣніе какого-то фантастическаго видѣнія. Можетъ быть она, въ свою очередь, чувствовала сожалѣніе къ нему,—заброшенному въ этотъ непривѣтливый уголокъ. Они видались часто и часто гуляли вдвоемъ.

Но, у лейтенанта былъ соперникъ.

Въ числѣ обитателей Треганіона считался длинный, неуклюжій малый, по имени Данъ Пирсъ; съ виду онъ казался увальнемъ и полуидіотомъ, но Чарльвудъ скоро разгадалъ, что некрасивое лицо это съ убѣгавшимъ назадъ лбомъ и рѣзко очерченнымъ четвероугольнымъ подбородкомъ скрывало такой острый и хитрый умъ, какого другаго, можетъ быть, нельзя-бы было найти въ мѣстечкѣ. Дана постоянно можно было видѣть въ „Бѣломъ домѣ", гдѣ онъ ни на шагъ не отходилъ отъ Долли, пожирая ее своими рыбьими глазами, угощая грубыми комплиментами и всюду — точно большая злая собака — слѣдуя за нею. Долли обходилась съ нимъ болѣе, чѣмъ холодно, когда ея отца не бывало дома, при отцѣ-же, обыкновенно, становилась къ своему ухаживателю гораздо снисходительнѣе. Чарльвудъ ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ — какъ могъ этотъ неприличный человѣкъ добиться, что его принимаютъ въ „Бѣломъ домѣ", но никакъ не могъ добраться разъясненія загадки. Желая какъ нибудь наполнить свои длинные, скучные вечера, лейтенантъ часто приглашалъ къ себѣ на обѣдъ судью, доктора или Ванъ-деръ-Мёлена и, при этихъ случаяхъ, разспрашивалъ о Данѣ, но ему не удалось развѣдать что-либо.

Тѣмъ временемъ, его неусыпный надзоръ привелъ къ тому, что контрабанда почти совсѣмъ прекратилась въ Треганіонѣ, что, конечно, очень дурно настроило противъ него и его людей все мѣстное населеніе. Нерѣдко, на набережной, досмотрщиковъ оскорбляли и даже грабили, когда они въ особенности попадались въ одиночку, и онъ самъ получалъ, анонимныя, обыкновенно переполненныя грубыхъ ошибокъ письма, въ которыхъ ему угрожали смертью. Онъ относился съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ этимъ угрозамъ; но только одно безпокоило и досадовало его — а именно, что онъ не получилъ изъ Плимута, отъ начальника мѣстной береговой стражи, ни одного отвѣта на отправлявшіяся имъ донесенія объ удовлетворительныхъ результатахъ его дѣятельности.

— Чортъ возьми! вырвалось, наконецъ, у него—многіе и произведены, и награждены орденами за гораздо меньшія заслуги. Я осужденъ проводить лучшіе мои годы въ этой дырѣ, и за все это не дождешься хоть какой-нибудь прибавки, даже и простаго одобренія.

Ближайшая почтовая станція находилась въ городкѣ Фовей, отстоявшемъ приблизительно миль на двѣнадцать; Чарльвудъ всегда отправлялъ туда свои донесенія съ мальчикомъ, служившимъ при садѣ „Бѣлаго дома". Лейтенанту вдругъ пришло въ голову, что, можетъ быть этотъ мальчикъ и не заслуживалъ довѣрія, которое ему оказывалось. Поэтому, однажды, вечеромъ, молодой офицеръ рѣшился провѣрить свои сомнѣнія; выйдя тайкомъ изъ Треганіона, за шесть или семь миль по дорогѣ, гдѣ мальчику надо было проѣзжать, онъ спрятался тамъ за группу деревьевъ и—прождалъ напрасно три или четыре часа, такъ какъ посланный и не появлялся. Къ счастью, впрочемъ, депеши были не важныя, но — теперь онъ, по крайней мѣрѣ, зналъ, почему ему не отвѣчало начальство изъ Плимута; оставалось открыть виновниковъ исчезновенія его донесеній. Нѣсколько времени спустя, ночью, когда надо было отсылать депеши, Чарльвудъ, вмѣсто того, чтобы довѣрить пакетъ маль-

чику, повезъ ихъ самъ. Попросивъ, чрезъ Долли, у голландца лошадь, онъ выѣхалъ, верхомъ, въ тотъ самый часъ, когда, обыкновенно, отправлялся юный посланецъ. Ночь выдалась очень темная. Едва успѣлъ онъ сдѣлать полмили, какъ съ боку его, вдругъ, озарила полоса свѣта и на дорогу прыгнула какая-то мужская фигура съ фонаремъ въ рукахъ.

— Чего ты, мальчишка, сегодня такъ скачешь?

Лейтенантъ сгорбился какъ только могъ, чтобы показаться меньше и давъ незнакомцу подойти, быстрымъ движенiемъ схватилъ его за шиворотъ. То былъ Данъ Пирсъ. Но въ ту же минуту, Данъ, увидавъ, что онъ узнанъ, съ страшнымъ крикомъ рванулся и исчезъ въ темнотѣ.

— Да, съ этимъ молодцомъ придется, я вижу, повидаться, произнесъ лейтенантъ, поворачивая назадъ. Съ этихъ поръ онъ посылалъ уже депеши съ однимъ изъ своихъ людей, почему и сталъ получать изъ Плимута отвѣты, всегда сопровождавшiеся одобрительными отзывами о его службѣ. Однако безпокойное чувство не оставляло его. Судя по наружности, контрабанда была совершенно прекращена въ Треганiонѣ. Почти ни одна лодка не выходила въ море, набережная была всегда пуста. Уже прошло около трехъ мѣсяцевъ, что онъ былъ на своемъ посту и, за это время, произведено было только двѣ попытки провезть контрабанду. Но, несмотря на все это, человѣкъ испытанный могъ замѣтить нѣкоторые признаки того, что за кажущимся спокойствiемъ что-то происходило. Въ одно сумрачное утро, въ морѣ показалась какая-то шкуна, разыгравшаяся затѣмъ буря скрыла ее, но когда небо прояснилось—шкуны уже не было. Однажды ночью одинъ изъ береговыхъ стражей, стоявшiй на отдаленномъ посту, видѣлъ Дана Пирса мчавшимся во весь опоръ по дорогѣ въ Фовей; въ другой разъ его-же видѣли на берегу Квельской бухты въ оживленномъ разговорѣ съ докторомъ; въ Треганiонѣ появились какiя-то неизвѣстныя личности и на одномъ изъ береговыхъ пунктовъ происходили сборища, разсѣивавшiяся немедленно при появленiи таможенныхъ досмотрщиковъ и сторожей. Чарльвудъ зорко слѣдилъ за всѣмъ и за всѣми, не довѣряя никому.

Разъ вечеромъ Ванъ-деръ-Мёленъ зашелъ къ нему. Голландецъ дѣлалъ видъ, что питаетъ большую привязанность къ молодому лейтенанту, нерѣдко навѣщалъ его, болтая безъ умолку по цѣлымъ часамъ, покуривая изъ короткой толстой трубочки и потягивая крѣпчайшiй пуншъ.

— Ладно, ладно, лейтенантъ, заговорилъ онъ на своемъ ломаномъ англiйскомъ языкѣ, когда они усѣлись въ кресла у ярко пылавшаго камина — скажите что подѣлываютъ наши друзья контрабандисты? Вы ихъ не мало напугали. А я всетаки много слышу о нихъ.

— Да, подумалъ Чарльвудъ, окинувъ его пронизывающимъ взглядомъ,—я увѣренъ, что ты то много о нихъ слышишь.

Ванъ-деръ-Мёленъ, нисколько не смутясь этимъ взглядомъ, который лейтенантъ счелъ пронизывающимъ, продолжалъ:

— Надо сознаться, что они стали такими тихонями только съ тѣхъ поръ, что вы тутъ...

— Вы мнѣ дѣлаете большой комплиментъ, отвѣчалъ Чарльвудъ, но скажу вамъ откровенно,—я не думаю, чтобы контрабанда совершенно уже уничтожилась. Вотъ, напримѣръ, я увѣренъ, вы извините меня, если замѣчу, что не могу понять — какимъ образомъ вы можете допустить къ себѣ такого близкаго человѣка въ родѣ Дана Пирса. Конечно — это не мое дѣло, но, если-бы вамъ было о немъ извѣстно то, что мнѣ извѣстно...

— Знаю о Данѣ все, что вамъ извѣстно! Но, мой милый другъ лейтенантъ, Данъ Пирсъ—мой давнишнiй прiятель. Характеръ, можетъ быть, у него и несовсѣмъ прiятный, не всегда прiятный, въ этомъ я съ вами соглашусь, но Данъ — хорошiй. Данъ очень хорошiй человѣкъ. Да, кромѣ того, скажу вамъ,—онъ, вѣдь, женихъ моей дочери, Долли.

Лейтенантъ едва не вскочилъ съ своего кресла.

— Онъ—женихъ Долли! воскликнулъ онъ.—Нѣтъ Ванъ-деръ-Мёленъ, вы смѣетесь надо мною! Можетъ-ли это быть?

— Да, онъ женихъ Долли, произнесъ голландецъ, въ лицѣ котораго не дрогнулъ ни одинъ мускулъ, — это совершенно правда: а что-же такое?

— Ничего, ничего, отвѣчалъ Чарльвудъ, имѣвшiй, напротивъ, сказать очень многое.

Разговоръ, затѣмъ, перемѣнился и они просидѣли до минуты когда лейтенанту надо было идти осматривать посты. Чарльвудъ разстался съ голландцемъ у тропинки, которая вела къ „Бѣлому дому“ и продолжалъ свой путь съ тяжелымъ чувствомъ подозрѣнiя, что тутъ крылась какая нибудь тайна.

Получивъ во всѣхъ постахъ, что „все обошлось благополучно“, Чарльвудъ возвратился въ свою хижину. Но едва прошло пять минутъ, какъ онъ услыхалъ легкiй стукъ въ дверь. Схвативъ пистолетъ, онъ отворилъ. На порогѣ стоялъ его старшiй унтеръ-офицеръ, Логсдэль.

— Что такое, Логсдэль?

Унтеръ-офицеръ отдалъ честь.

— Думалъ, что надо доложить вамъ, сэръ, что видѣлъ, какъ мингеръ изъ того „Бѣлаго дома“ сейчасъ проѣхалъ въ тележкѣ еще съ двумя какими-то людьми.

— Странно, онъ только съ полчаса какъ ушелъ отъ меня, а ты не могъ разглядѣть кто были его спутники?

— Нѣтъ, сэръ, хорошо-то разглядѣть не могъ, а такъ кажется будто одинъ схожъ съ этимъ Даномъ Пирсомъ, а другой смахивалъ на доктора.

— Хорошо, сказалъ лейтенантъ, чувствуя что творится нѣчто неладное—слѣди, какъ только можно лучше, за домомъ.

Унтеръ-офицеръ, снова отдавъ честь, удалился. На другое утро лейтенантъ вышелъ изъ дому рано и прямо направился къ „Бѣлому Дому“. Уже издали увидѣлъ онъ Долли въ саду: его сердце сильно забилось, когда онъ приблизился къ ней. Никогда еще, казалось, она не была такъ прелестна, какъ теперь, съ своими чудными черными волосами, волной сбѣгавшими изъ подъ садовой шляпки, въ красивомъ, ловко облегавшемъ платьѣ и хорошенькихъ, кокетливыхъ башмачкахъ. Молодая дѣвушка поздоровалась съ нимъ почему-то нѣжнѣе обыкновеннаго, прибавивъ, что она одна дома.

— Такъ я могу войдти? спросилъ Чарльвудъ.

— Да, отвѣчала она, отецъ сегодня въ Фовеѣ по дѣламъ, у него вѣдь много дѣлъ; я не знаю—въ чемъ они, но изъ-за нихъ онъ часто уѣзжаетъ по ночамъ и водитъ знакомство съ какими-то странными людьми. Войдите.

Лейтенантъ перескочилъ черезъ невысокую садовую изгородь и остановился около дѣвушки. Сначала, и довольно долго, разговоръ молодыхъ людей шелъ о вещахъ постороннихъ, пока Чарльвудъ собрался съ духомъ, чтобы заговорить о томъ, что его такъ сильно озабочивало. Онъ взялъ ея маленькiя ручки въ свои.

— Долли, мнѣ говорили о васъ очень дурную вещь. Вы знаете, что я люблю васъ вѣрною, честною любовью, вы тоже мнѣ сказали, что любите меня.

— Да, я люблю васъ, отвѣчала она, взглянувъ ему въ лицо своими прекрасными глазами. Кто же вамъ дурно говорилъ обо мнѣ?

— Вашъ отецъ сказалъ мнѣ вчера вечеромъ, что вы невѣста Дана Пирса.

— Я—невѣста Дана Пирса! Но, милый, неужели вы думаете, что я могла бы видаться съ вами, говорить съ вами, что люблю васъ и, въ то же самое время, увѣрять другаго въ моей любви къ нему? И еще—кого же! Конечно, вы не вѣрите этому?

— Нѣтъ, не вѣрю, но вашъ отецъ сказалъ мнѣ это такъ положительно и я такъ часто видѣлъ здѣсь Дана, что рѣшился придти и узнать истину отъ васъ самой.

— И я вамъ говорю—не вѣрьте ни одному слову изъ всего этого. Мое сердце принадлежитъ только мнѣ и никто не можетъ распоряжаться имъ.

— Да, моя дорогая Долли, но люди могли бы украсть у меня ваше сердце.

— Никто не можетъ этого сдѣлать, сказала Долли, съ кокетливымъ движенiемъ головы, если я сама уже отдала его...

— Мнѣ, Долли, мнѣ, вѣдь ты сказала мнѣ это!..

— Да!.. прошептала дѣвушка и едва слово это сорвалось съ ея устъ, какъ молодой человѣкъ страстно обхватилъ ея стройный станъ.

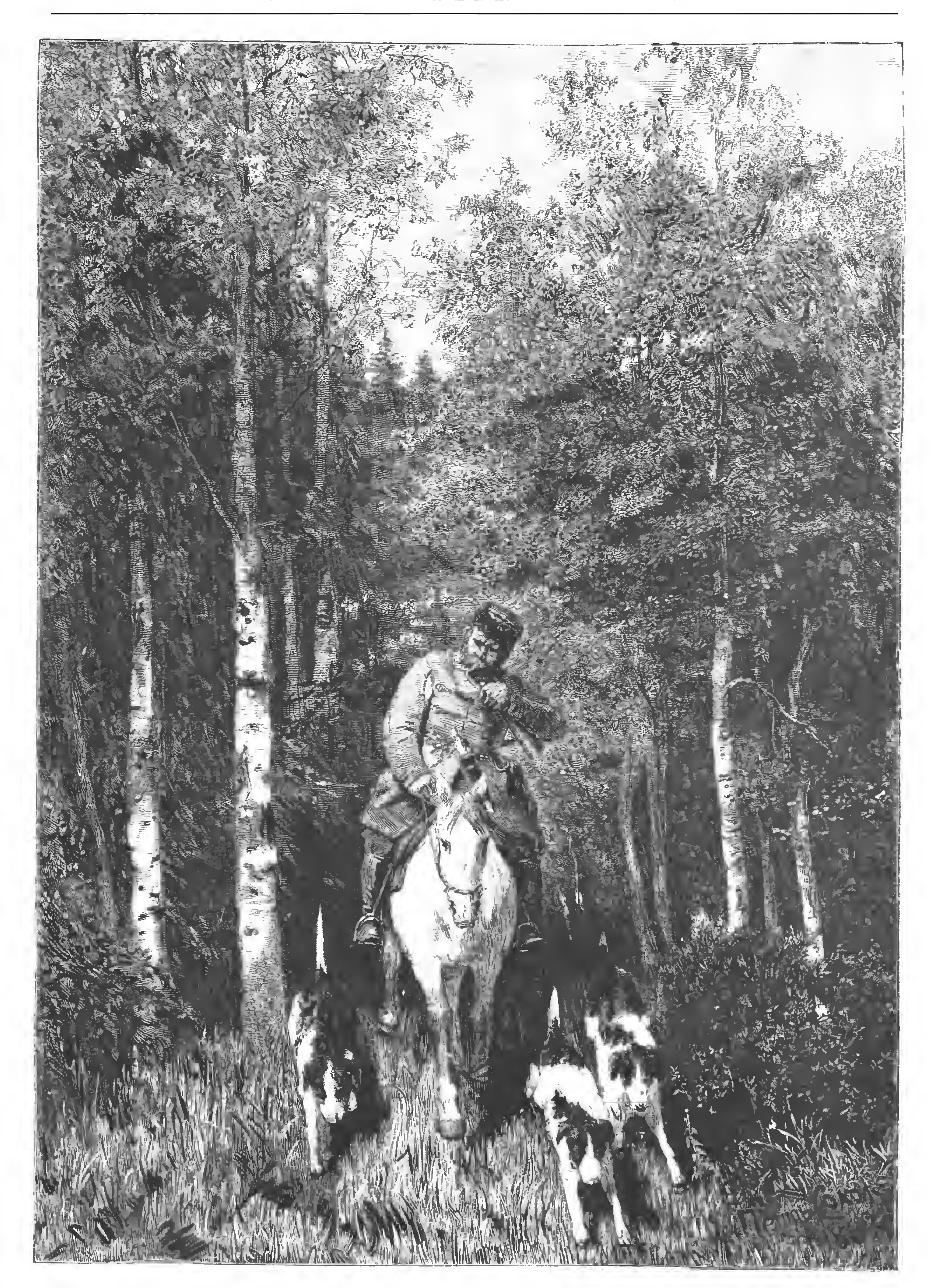
— Эй, эй, эй! Тысяча громовъ! раздалось сзади ихъ,—хорошо, очень хорошо! Цѣловаться тутъ! Но я, вотъ, пришелъ во время! Лейтенантъ, вѣдь вы же помните—что я вамъ сказалъ!

Мингеръ Ванъ-деръ-Мёленъ схватилъ Долли за руку и повелъ ее домой, оставивъ лейтенанта въ довольно конфузномъ положенiи.

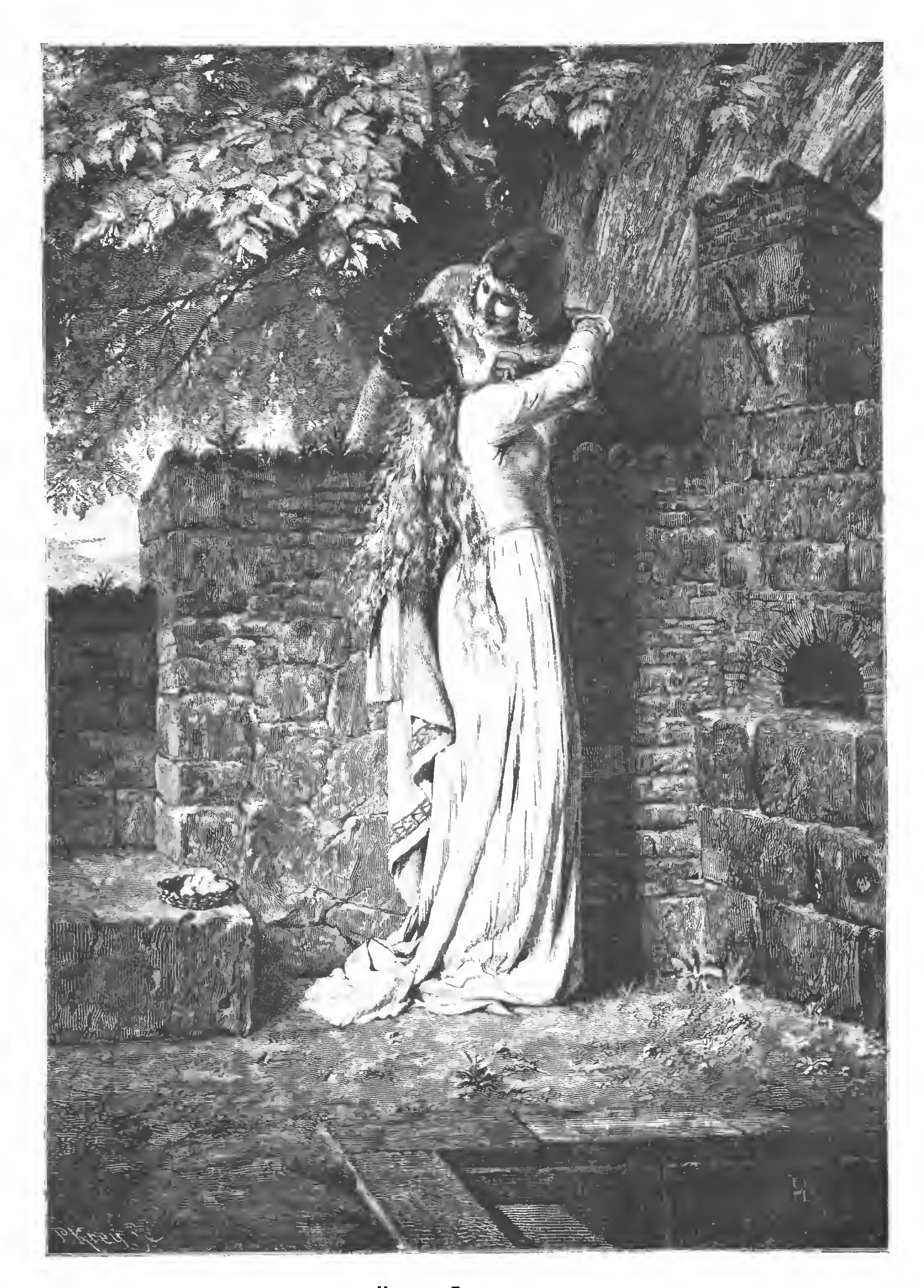
Прошло нѣсколько недѣль безъ малѣйшихъ приключенiй. Данъ Пирсъ, по прежнему, показывался въ Бѣломъ домѣ или вблизи его и два или три раза пытался завязать знакомство съ таможенными солдатами. Всѣ дороги и тропинки строго охранялись днемъ и ночью, но ничего подозрительнаго не было замѣчено. До Чарльвуда дошелъ слухъ, что, по случаю войны, контрабанда велась дѣятельнѣе, чѣмъ когда либо и не смотря на то—въ Треганiонѣ все было тихо и спокойно. Ванъ-деръ-Мёленъ, какъ всегда, захаживалъ къ лейтенанту, болталъ, курилъ и выпивалъ, приходилъ и судья, а также и докторъ, но Долли больше не показывалась въ хижинкѣ офицера, со времени сцены въ саду. Однако лейтенанту было не по себѣ; его раздражала и безпокоила не контрабанда, такъ какъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своихъ людяхъ, его преслѣдовала мысль объ убiйствѣ бѣднаго Экстлея. Правительственное вознагражденiе за поимку убiйцъ было удвоено; по этому предмету шла оживленная и постоянная переписка между Плимутомъ, Фовеемъ и Треганiономъ; говорили, что убiйца находится въ Корнуэллѣ и даже въ самомъ Треганiонѣ и лейтенанту предписывалось приложить всѣ усилiя, чтобы открыть виновнаго или виновныхъ въ этомъ преступленiи. Но—то была слишкомъ трудная задача, потому что жители Треганiона держались въ сторонѣ отъ солдатъ и, казалось, какъ бы дали обѣщанiе другъ другу не входить съ ними ни въ какiя сношенiя. Однажды вечеромъ лейтенантъ, выкуривъ трубку предъ каминомъ своей одинокой комнаты, готовился уже идти, чтобы произвесть обходъ постовъ, какъ вдругъ послышался легкiй и осторожный стукъ въ его дверь. Онъ отворилъ ее и, къ своему изумленiю, увидѣлъ Дана Пирса.

— Что такое? что вамъ надо? воскликнулъ Чарльвудъ.

— Я пришелъ по очень важному дѣлу, касающемуся васъ и меня, отвѣчалъ Пирсъ.



Охотникъ въ лѣсу. Съ акварели П. П. Соколова, грав. М. Рашевскій.



Иммо и Гильдегарда.

Сцена изъ романа Густава Фрейтага „Гнѣздо крапивника“ изъ его собр. ром. „Предки“. Рисов Каульбахъ, грав. Крей.

— Важное дѣло? произнесъ Чарльвудъ. Какое важное дѣло можете вы имѣть ко мнѣ? Послушайте—не думайте, чтобы я не принялъ своихъ мѣръ, я—на сторожѣ и всегда вооруженъ. Покажите-ка руки.

Чарльвудъ навелъ на него пистолетъ и тотъ протянулъ руки, показавъ, что съ нимъ не было никакого оружія.

— Хорошо, сказалъ лейтенантъ, теперь живо, въ чемъ ваше дѣло, у меня нѣтъ времени.

— Насъ никто не можетъ слышать? спросилъ Пирсъ.

— Рѣшительно никто.

— До сихъ поръ, сказалъ Пирсъ, вы смотрѣли на меня какъ на своего врага. Теперь я буду вашимъ другомъ. Вы любите Долли Ванъ-деръ-Мёленъ.

— Прекрасно—но какое вамъ дѣло до этого? съ нетерпѣніемъ спросилъ офицеръ.

— Совершенно такое же, какъ и вамъ самому: отецъ отдаетъ ее мнѣ въ жены, въ награду за услугу, которую я ему оказалъ. Вы не можете помѣшать нашему браку.

— О, конечно могу, возразилъ Чарльвудъ.

— Нѣтъ—не можете; по одному слову Ванъ-деръ-Мёлена мы будетъ обвѣнчаны въ день и часъ, когда это ему и мнѣ пожелается.

— Хороши вы всѣ тутъ—всѣхъ на одну осину! вырвалось у лейтенанта.

— Да, сказалъ Пирсъ,—мы всѣ одного болота. Но, не смотря на все это, я уступлю ее вамъ и, кромѣ того, выдамъ вамъ убійцу лейтенанта Экстлея, если вы обяжетесь выплатить мнѣ правительственную награду въ 500 фунтовъ.

Нѣсколько секундъ Чарльвудъ молчалъ въ изумленіи.

— Но чѣмъ вы мнѣ гарантируете, что тотъ, кого вы мнѣ выдадите, есть именно настоящій убійца? спросилъ онъ.

— А вотъ увидите, отвѣчалъ Пирсъ. Я единственный человѣкъ во всемъ Треганіонѣ, бывшій очевидцемъ убійства. Взгляните—вы узнаете это?

И вынувъ изъ кармана письмо, онъ подалъ его Чарльвуду. То было его собственное письмо, написанное имъ старинному товарищу по службѣ, незадолго предъ катастрофой.

— Но, это не все, продолжалъ Пирсъ,—у меня дома есть документъ, писанный самимъ убійцей и въ которомъ онъ, за извѣстную награду, требуетъ отъ меня вѣчнаго молчанія.

Лейтенантъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ; раздумье его, однако, продолжалось не долго: онъ сѣлъ за столъ и началъ: Предъявитель сего. Даніель Пирсъ...

Едва успѣлъ онъ кончить второе имя, какъ у самаго дома, въ окнѣ раздался выстрѣлъ и Данъ Пирсъ грохнулся на полъ, убитый на повалъ ружейною пулею. Прежде чѣмъ лейтенантъ успѣлъ придти въ себя—прогремѣлъ второй выстрѣлъ. вторая пуля пролетѣла у его головы и засѣла гдѣ-то въ стѣнѣ. Онъ бросился на дорогу; два или три солдата, встревоженные выстрѣлами, бѣжали къ нему на встрѣчу. Но вокругъ все было погружено въ непроглядный мракъ и въ глубокое безмолвіе.

II.

Убійца Дана Пирса остался неоткрытымъ. но лейтенантъ, конечно, былъ увѣренъ, что и это—дѣло рукъ того, кто убилъ Экстлея. На другое утро пришелъ Ванъ-деръ-Мёленъ. Ему было неизвѣстно случившееся и онъ пришелъ въ крайнее изумленіе и ужасъ, когда узналъ отъ лейтенанта о томъ, какъ все произошло.

— Пинда! проговорилъ онъ,—это ужасный народъ, я ихъ хорошо знаю—для нихъ совершенно одно и то же, что выпить стаканъ водки, что убить человѣка.

— Тотъ, кто это сдѣлалъ, сказалъ Чарльвудъ, прямо глядя въ лицо голландцу,—знаетъ кое что и о бѣдномъ Экстлеѣ, и оставайся я тутъ хоть 20 лѣтъ—я доберусь до него.

Ванъ-деръ-Мёленъ выпустилъ густой клубъ дыма изо рта.

— Вы никогда не доберетесь до этого.

Приближалось Рождество и ничто не нарушало однообразнаго теченія жизни на прибрежныхъ холмахъ Треганіона. Лейтенантъ мечталъ о веселомъ обществѣ, которое теперь собралось въ большой залѣ стариннаго фамильнаго дома въ Кентѣ. но—какъ ни желалось ему быть тамъ, чувство служебной обязанности настолько сильно говорило въ немъ, что онъ и не подумалъ просить отпуска даже на нѣсколько дней.

„Во всякомъ случаѣ, рѣшилъ молодой человѣкъ,—я устрою тутъ у себя маленькій праздникъ“, и онъ уже заранѣе пригласилъ судью, доктора и Ванъ-деръ-Мёлена къ себѣ обѣдать въ день Рождества; всѣ трое охотно приняли приглашеніе. но особенное удовольствіе доставилъ ему отвѣтъ голландца, просившаго дозволенія привесть съ собою Долли.

Со времени смерти Пирса, лейтенантъ видился гораздо чаще съ своей возлюбленной и теперь Ванъ-деръ-Мёленъ не только не мѣшалъ этимъ свиданіямъ а, напротивъ, повидимому, желалъ, чтобы они оставались вмѣстѣ какъ можно болѣе. Лейтенантъ положилъ себѣ просить руки Долли тутъ же, послѣ своего обѣда.

Около недѣли до назначеннаго дня, Логсдэль вошелъ къ лейтенанту съ очень озабоченнымъ лицомъ.

— Ну, Логсдэль, что такое? спросилъ Чарльвудъ.

— Сэръ, мы все время, какъ вы приказали, зорко слѣдили за Бѣлымъ домомъ; до прошлой ночи мы не видали ничего. Въ эту ночь, приблизительно безъ четверти 12, когда я немного вздремнулъ въ своей будкѣ, меня разбудилъ Томъ Ходлей, котораго я поставилъ на часы; онъ мнѣ сказалъ, что въ Бѣломъ домѣ что-то происходитъ. Я и пошелъ. Темень была такая, хоть глазъ выколи. Вдругъ въ одномъ изъ оконъ Бѣлаго дома мы видимъ свѣтъ—въ такую неурочную пору. Мы—ближе и увидали стараго мингера—идетъ куда-то съ фонаремъ въ рукахъ; слѣдовали мы за нимъ—держась въ кустахъ, чтобы не замѣтилъ—до самаго Квеллэ-бея. Тамъ его встрѣтили другіе какіе-то люди, тоже съ фонарями въ рукахъ; всѣ они съ полчаса поговорили промежъ себя, потомъ мингеръ возвратился въ Бѣлый домъ, а одинъ человѣкъ уѣхалъ верхомъ по Фовейской дорогѣ. Потомъ опять все стало темно и ничего не видно.

— Очень хорошо, Логсдэль, сказалъ лейтенантъ,—поѣзжай сейчасъ же въ Фовей, да лучше—моремъ, въ катерѣ; кланяйся тамошнему начальнику и попроси, чтобы прислалъ сюда 20 человѣкъ своей команды—только не разомъ, а каждый день по немногу—ко дню Рождества. Если они готовятъ что нибудь, то непремѣнно къ этому дню; весь Трегоніонъ знаетъ о моемъ обѣдѣ и они думаютъ насъ захватить врасплохъ.

Наступилъ, наконецъ, день Рождества. Поднявшаяся съ утра вьюга перешла вскорѣ въ страшную снѣговую бурю. Линію, отдѣлявшую море отъ неба едва можно было отличить, но зато съ низу, даже сквозь свистъ и ревъ вѣтра, явственно долеталъ шумъ волнъ, разбивавшихся о подножія скалъ. Дикая и пустынная мѣстность казалась теперь, въ своей бѣлой одеждѣ, еще пустыннѣе, еще болѣе дикою; единственнымъ утѣшеніемъ бѣдныхъ синихъ мундировъ, стоявшихъ на стражѣ среди мятели, была мысль о хорошемъ, праздничномъ обѣдѣ, да еще кое о чемъ, лучшемъ, что могло произойдти прежде, чѣмъ займется заря слѣдующаго дня. Люди Фовейской команды прибыли какъ было условлено—одни въ видѣ простыхъ крестьянъ, другіе—въ видѣ рыбаковъ, въ лодкахъ. Удостовѣрившись, что все въ порядкѣ и готово по данному знаку приняться за дѣло, лейтенантъ занялся, какъ могъ, украшеніемъ своей хижины. При помощи пол-дюжины сигнальныхъ флаговъ, кое-какой зимней зелени и нѣсколькихъ синихъ ковровъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, ему удалось придать своей маленькой комнаткѣ пріятную и даже веселую внѣшность. Къ 6 часамъ и обѣдъ, и самъ хозяинъ, одѣтый въ парадную форму, были готовы къ услугамъ гостей.

Ему пришлось ждать не долго; какъ только пробилъ условленный часъ—явились м-ръ Кэрей и м-ръ Уайндъ. По нѣкоторой нескладности рѣчи и уже совершенно несомнительному аромату алкоголя, принесенному ими съ собою въ комнату, лейтенантъ увидалъ, что оба приглашенные уже слегка зарядили себя, не дожидаясь обѣда.

— Вотъ настоящій день для контрабандистовъ! воскликнулъ судья.

— Э—что! замѣтилъ докторъ, я видалъ какъ контрабандисты выѣзжали за своимъ дѣломъ и въ худшую погоду, чѣмъ эта. Вы помните, когда Экстлей...

Тутъ онъ былъ остановленъ энергическимъ толчкомъ судьи, очень хорошо замѣченнымъ Чарльвудомъ. Вскорѣ прибыли Ванъ-деръ-Мёленъ и его дочь. Голландецъ казался въ отличномъ расположеніи духа; съ судьей и докторомъ онъ поздоровался такъ радостно и искренно, будто не видалъ ихъ уже нѣсколько лѣтъ. Долли была прелестна. Никогда еще лейтенантъ не чувствовалъ себя влюбленнымъ такъ сильно; свѣжій вѣтеръ нарумянилъ ея щечки, а костюмъ ея былъ очень изященъ, (а для Треганіона даже и роскошенъ). Чарльвудъ ограничился тѣмъ, что пожалъ ей руку, но самъ голландецъ потребовалъ болѣе дружескаго привѣтствія и молодой человѣкъ поцѣловалъ еще больше раскраснѣвшуюся красотку.

Обѣдъ былъ поданъ и скоро маленькая комнатка огласилась шутками и веселымъ смѣхомъ. Судья, докторъ и голландецъ наперерывъ разсказывали анекдоты, говорили каламбуры, острили; все это заставляло Долли краснѣть и смѣяться; казалось, она искренно веселилась. Послѣ пломъ-пуддинга, обѣденная посуда смѣнилась стаканами и трубками и кресла были придвинуты къ камину.

— Я кое-что приготовилъ для васъ, позвольте мнѣ выдти на минуту, сказалъ голландецъ, и выйдя изъ комнаты, онъ чрезъ секунду возвратился съ двумя маленькими бутылочками въ рукахъ. Вотъ, милый лейтенантъ, беру смѣлость предложить вамъ подарокъ—это настоящій голландскій шнапсъ перваго сорта.

Одна изъ бутылочекъ была раскупорена и стаканы наполнены. лейтенантъ, всталъ.

— Прежде, чѣмъ выпить, миссъ Ванъ-деръ-Мёленъ и джентльмены, я попрошу васъ присоединиться къ моему тосту. Я не намѣренъ говорить спича, но просто приглашаю васъ выпить: „за здоровье Короля и да благословитъ его Богъ.“

Тостъ этотъ былъ принятъ съ энтузіазмомъ; въ особенный восторгъ пришли судья и докторъ. Даже Долли выпила свой стаканъ, клэрета, что заставило ее страшно раскашляться и разсмѣшить всѣхъ. Голландецъ пропѣлъ морскую пѣсню, которой выучился въ южныхъ моряхъ и выразительность которой ни-

сколько не потеряла отъ его ломанаго языка; затѣмъ м-ръ Кэрей произнесъ длинные стихи. о прекрасномъ полѣ и пригласилъ джентльменовъ выпить „за здоровье миссъ Долли Ванъ-деръ-Мёленъ.“

— И за здоровье ея мужа, т. е. — того, кто имъ будетъ, прибавилъ голландецъ, слова котораго заставили вспыхнуть Долли и Чарльвуда и вызвали новый взрывъ восторга со стороны прочихъ джентльменовъ. Лейтенантъ пропѣлъ старую Кентскую пѣсню и докторъ предложилъ его здоровье. Такъ шла веселая бесѣда. пока часы не пробили 12, когда судья и докторъ, поднявшись. какъ могли, объявили, что имъ пора идти. Лейтенантъ, боясь, чтобы они не ошиблись какъ нибудь въ темнотѣ дорогой, предложилъ имъ нѣсколько солдатъ, чтобы проводить, но они рѣшительно отказались и, послѣ многочисленныхъ рукопожатій и прощаній, двинулись въ путь и исчезли въ темнотѣ ночи. Долли, лейтенантъ и голландецъ остались одни. Первая бутылочка была выпита, преимущественно двумя ушедшими гостями—и Ванъ-деръ-Мёленъ откупорилъ другую.

Ну, лейтенантъ, та бутылочка была хороша, но я думаю эту вы найдете лучше. Я не хотѣлъ открыть ее при тѣхъ двоихъ, потому что они выпили ровно столько, сколько надо, чтобы не умѣть отличить хорошій напитокъ отъ дурнаго. Поставить передъ ними этотъ хорошій Нервиндскій шнапсъ было бы все равно, что—какъ у васъ говорятъ—метать бисеръ передъ свиньями. Онъ налилъ стаканъ лейтенанта до краевъ.—„Выпейте, сказалъ онъ- шнапсъ не крѣпокъ, хотя и очень хорошъ.“

Чарльвудъ отказался было, но потомъ немного глотнулъ. Онъ еле успѣлъ поставить стаканъ на мѣсто, какъ ему показалось, что комната пошатнулась; онъ еще могъ разсмотрѣть голландца, который глядѣлъ на него съ дьявольской улыбкой на лицѣ, но потомъ Долли и ея отецъ превратились будто въ двѣ темныя облачныя массы. онъ услыхалъ, что растворилась дверь и, послышался какой-то смутный и смѣшанный шумъ выстрѣловъ и криковъ, отчаянный вопль Долли—и онъ безъ чувствъ повалился на полъ.

Когда онъ очувствовался, то увидѣлъ себя въ незнакомой, странной комнатѣ, увидѣлъ и Долли, наклонившуюся надъ нимъ. Онъ поднялся и сѣлъ.

— Что такое. Долли, моя милая? Гдѣ я? Гдѣ Кэрей, и докторъ. и вашъ отецъ? началъ онъ спрашивать дѣвушку.

— Тише. тише. дорогой мой. остановила его Долли,—вамъ не надо говорить, мы всѣ провели ужасную ночь.

Но лейтенантъ всталъ, хотя и съ усиліемъ. и выразилъ непремѣнное желаніе выдти и узнать въ чемъ дѣло. Переступивъ порогъ. Чарльвудъ увидалъ сцену, какихъ ему еще не приводилось встрѣчать, не смотря на то, что онъ бывалъ на войнѣ. Онъ, въ эту минуту, былъ въ первой залѣ дома Ванъ-деръ-Мёлена. Въ углу лежало тѣло, прикрытое ковромъ. Лейтенантъ приподнялъ его и увидалъ Ванъ-деръ-Мёлена. сохранившаго еще то самое выраженіе. которое Чарльвуду бросилось въ глаза наканунѣ. уже въ ту минуту, когда все завертѣлось вокругъ него. Въ залѣ все было переломано, стѣны испещрены слѣдами пуль и забрызганы кровью. полъ заваленъ обломками ружей. сабель, ножей, обрывками мужскаго платья.

— Идите назадъ. въ свою комнату, милая моя Долли, сказалъ Чарльвудъ, женщинѣ тутъ не мѣсто. Теперь мнѣ совсѣмъ хорошо.

Долли удалилась къ себѣ, а лейтенантъ вышелъ изъ дома. Въ саду лежали въ кучѣ полъ-дюжины труповъ; снѣгъ былъ истоптанъ по всѣмъ направленіямъ и даже кустарники были поломаны. Навстрѣчу попался Логсдэль.

— Мы думали, сэръ, что вы убиты, сказалъ онъ.—люди сойдутъ съ ума отъ радости. какъ узнаютъ, что вы совсѣмъ здоровы.

— Разскажи мнѣ Логсдэль какъ все было.

— Ну вотъ, сэръ, какъ было. Прежде, чѣмъ мы успѣли увѣдомить васъ, негодяи уже провезли свое. Мингеръ ловко игралъ свою игру, т. е. съ вами, но мы-то были на сторожѣ. Ихъ, вѣрно, было съ сотню. Они высадились въ самую бурю съ той шкуны, что—помните—мы видѣли нѣсколько времени назадъ, и протащили въ домъ бочекъ 50 прежде, чѣмъ мы замѣтили. А уже дрались они, сэръ, какъ сущіе дьяволы. Я думаю мы отъ Квелли-бея до дома бились не менѣе 2 часовъ. Можетъ быть, сэръ, вамъ угодно взглянуть- кого мы сцапали. Сюда. сэръ, вотъ сюда.“

Чарльвудъ послѣдовалъ за Логсдэлемъ въ конюшню, гдѣ увидѣлъ м-ра Кэрей и д-ра Уайдля связанными и подъ присмотромъ таможеннаго солдата. Оба были одѣты въ толстыя морскія куртки и высокіе сапоги и рѣшительно не напоминали—одинъ судью. а другой доктора.

— Оба они. сэръ. сказалъ Логсдэль, дрались не хуже другихъ.

— Сколько человѣкъ мы потеряли? спросилъ лейтенантъ.

— Полъ-дюжины убито, сэръ, да человѣкъ двѣнадцать ранено. Бѣдному Тому Ходлею пуля угодила въ ротъ и почти всѣмъ попало что нибудь—а нѣкоторымъ, такъ и очень.

— Вы не дали никому изъ нихъ бѣжать? спросилъ Чарльвудъ.

— Ни одному, сэръ,—нѣсколько человѣкъ, было, прыгнули въ лодку, но мы ее потопили въ 10 ярдахъ отъ берега. Голландецъ и его дочь понесли васъ въ домъ къ себѣ; онъ такъ разозлился на нее за то, что она тогда закричала, что мы думали—онъ ее убьетъ. А потомъ онъ сталъ у главной двери и все стрѣлялъ изъ своихъ пистолетовъ, пока одинъ изъ нашихъ не изловчился, да не хваталъ его саблей по головѣ. а другой. въ ту же минуту, всадилъ ему пулю; онъ и упалъ—рugнулся по своему.

— Зачѣмъ они меня унесли? спросилъ Чарльвудъ.

— Ваша лампа упала, зажгла все въ комнатѣ, все вспыхнуло и сгорѣло до тла. можетъ быть. меньше, чѣмъ въ какія нибудь 10 минутъ, послѣ того, что вамъ сдѣлалось дурно. Онъ хотѣлъ васъ оставить тамъ, а миссъ сказала ему, что застрѣлитъ его, если онъ это сдѣлаетъ и я думаю, что она застрѣлила бы: ужъ схватила одинъ изъ вашихъ пистолетовъ и выглядѣла совсѣмъ какъ молодая тигрица,—это видѣлъ бѣдный Томъ Ходлей.

Разскажемъ остальное вкратцѣ. Неудача этой послѣдней отчаянной попытки контрабандистовъ нанесла послѣдній ударъ торговлѣ Трегантона. Жители бросили мѣстечко и разошлись и осталось на пустынномъ берегу только одно жилище—таможенный постъ.

Долли, послѣ смерти своего отца. осталась безъ угла и безъ друзей, если не считать лейтенанта Чарльвуда.

Получивъ отпускъ, онъ взялъ ее къ себѣ домой и та же самая газета, въ которой было объявлено о его производствѣ въ капитаны, возвѣстила и о его свадьбѣ съ нею. Съ теченіемъ времени, когда Чарльвудъ вышелъ въ отставку, Логсдэль сдѣлалъ тоже самое и уже не оставлялъ болѣе своего командира.

Гари-кири- приговоръ къ самоубійству- въ Японіи.

Въ настоящее время, чѣмъ болѣе вторгается въ Японію европейская цивилизація. тѣмъ сильнѣе поражаютъ контрастами эти восточно-азіатскіе острова и на береговыхъ окраинахъ можно еще найти старые національные обычаи и нравы предковъ, рядомъ съ европейскими нововведеніями.

Оставшійся въ наслѣдство отъ древности приговоръ къ самоубійству, несомнѣнно одинъ изъ удивительнѣйшихъ обычаевъ Японіи. На обычномъ народномъ языкѣ это называется Гари-Кири (взрѣзаніе живота) а на языкѣ культурнаго класса—Сепуку.

Взрѣзаніе живота считается въ Японіи такимъ же наказаніемъ для важныхъ преступниковъ, какимъ въ Турціи до настоящаго времени—шелковый шнуръ, посылаемый важнымъ особамъ для добровольнаго повѣшенія. Долго считали Гари-Кири за басню, потому что еще ни одинъ европеецъ не былъ очевидцемъ этой церемоніи. подробныя свѣдѣнія о которой дано было Митфордомъ, секретаремъ англійскаго посольства въ Японіи, который какъ должностное лицо присутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля при самоубійствѣ по суду Таки-Зензабуро. офицера князя Бизена. Офицеръ этотъ въ февралѣ 1868 года самовольно приказалъ стрѣлять по европейцамъ во время мятежа въ приморскомъ городѣ Кобе. противъ чего сильно возстали всѣ европейскія посольства и прямымъ слѣдствіемъ этого было преданіе несчастнаго офицера суду и приговоръ къ Гари-Кири.

Церемонія самоубійства, утвержденная самимъ Микадо. имѣла мѣсто 30-го октября. въ ночь, того же года, въ храмѣ въ Сейфукуи. гдѣ была главная квартира войскъ Сатсума изъ Хіото.

Митфордъ разсказываетъ слѣдующее:

„От каждаго посольства назначенъ былъ присутствующій, всѣхъ насъ было семеро. Въ храмъ мы были введены офицерами князя Сатсума и Хошу. Хотя церемонія должна была совершиться въ тайнѣ, но по говору уличной толпы и скопленію народа у входа въ храмъ, можно было заключить, что всѣ знали о рѣшеніи суда. Дворъ храма имѣлъ торжественный и красивый видъ. Отрядъ солдатъ стоялъ вокругъ зажженныхъ костровъ, которые проливали таинственный, дрожащій свѣтъ на украшенные драконовыми головами желоба и росписанные фронтоны храма.

Насъ ввели во внутреннее помѣщеніе. гдѣ мы должны были дожидаться начала церемоніи: въ сосѣднемъ залѣ находились высшіе японскіе сановники.

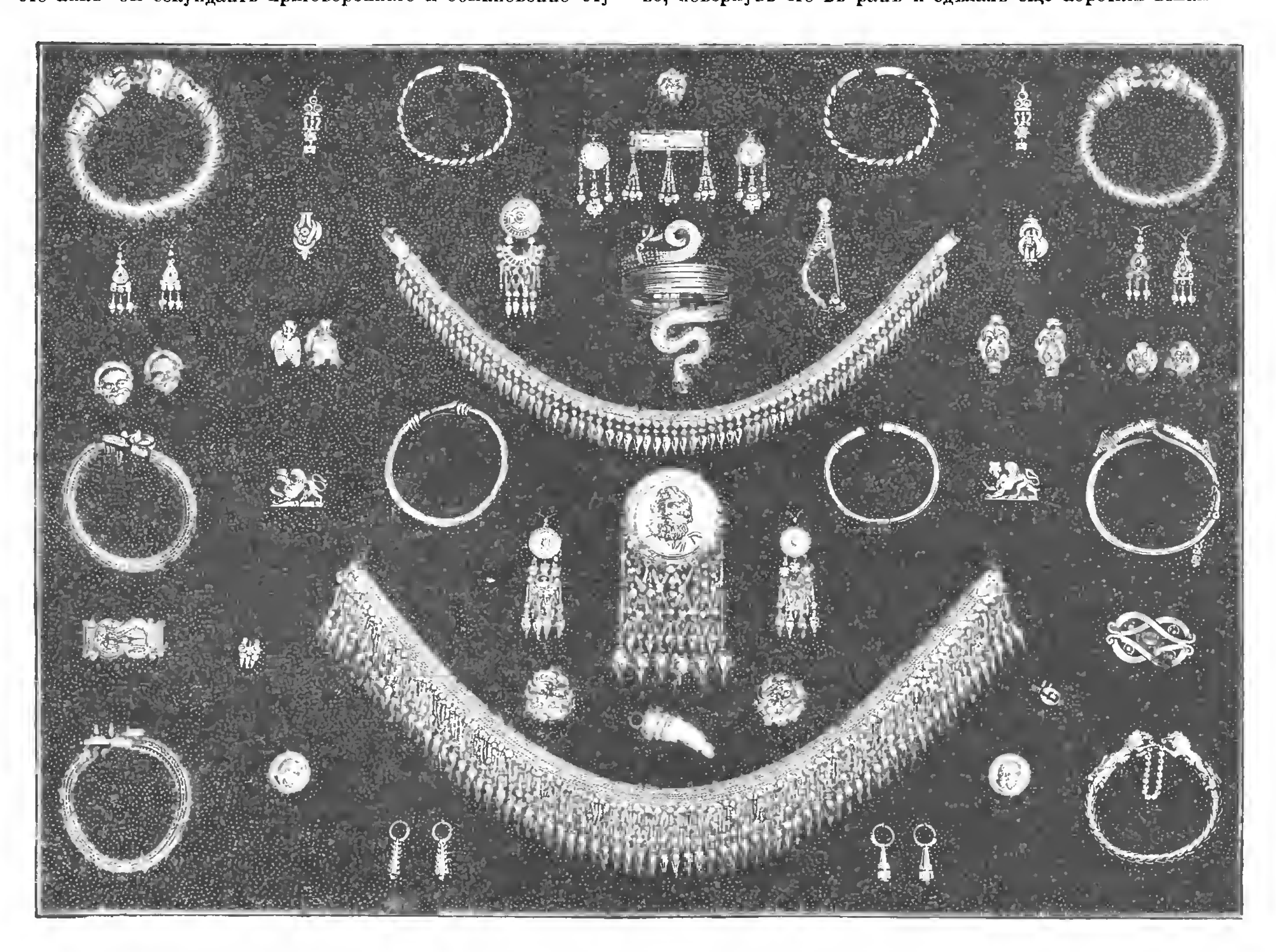
Послѣ томительнаго промежутка времени, показавшагося еще томительнѣе. благодаря глубокому молчанію, пришелъ Ито-Шунске, губернаторъ Хіото, записалъ наши имена и сообщилъ, что со стороны японцевъ будетъ присутствовать семь кенши или судей, онъ же самъ. съ другимъ должностнымъ лицомъ, представитель Микадо. Два важныхъ лица изъ свиты Сатсума, двое изъ инфантеріи Кошіу. вмѣстѣ съ лицомъ, замѣняющимъ князя Бизенскаго. изъ округа, къ которому принадлежалъ приговоренный. дополняли число японскихъ свидѣтелей. Ито-Шунске спросилъ насъ, не будетъ ли съ нашей стороны предложено какихъ либо вопросовъ: мы отвѣчали что нѣтъ; тогда послѣ нѣкотораго времени. насъ пригласили слѣдовать за японскими свидѣтелями казни въ Хондо, или главную залу храма, гдѣ должно было совершиться Гари-Кири.

Мы вошли въ обширную залу съ высокимъ сводомъ, который поддерживали колонны изъ чернаго дерева, а съ потолка висѣло множество золотыхъ лампадъ и другихъ обычныхъ украшеній буддійскаго храма. Передъ главнымъ алтаремъ, гдѣ полъ, покрытый прекрасными бѣлыми цыновками, былъ приподнятъ на нѣсколько вершковъ, лежалъ войлочный коверъ ярко-краснаго цвѣта. Большія свѣчи, въ одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи, кидали таинственный свѣтъ, достаточный для того, чтобы видѣть церемонію. Семь японцевъ стали слѣва, на возвышенномъ мѣстѣ, мы—справа. Больше не было никого.

По прошествіи долгихъ томительныхъ минутъ, вошелъ приговоренный къ казни Таки-Зензабуро. Это былъ сильный, красивый человѣкъ, лѣтъ 32-хъ, съ благородной осанкой, одѣтый въ придворное платье съ широкими крылообразными нашивками, которыя обыкновенно надѣваются японцами при особенно торжественныхъ случаяхъ.

Его провожали три офицера, одѣтые въ цимбаори (военные плащи) съ вышитыми золотомъ краями и Кайсхаку. Кайсхаку —это какъ бы секундантъ приговореннаго и обыкновенно эту нялъ обѣими руками надъ головой и затѣмъ положилъ передъ собою. Послѣ краткой тихой молитвы, Зензабуро сказалъ тронутымъ отъ волненія голосомъ человѣка, собирающагося сдѣлать тяжкое признаніе, но безъ малѣйшаго признака страха или тревоги на лицѣ, слѣдующія слова, которыя мнѣ перевели: „Я и только я одинъ, на свой страхъ, далъ приказъ стрѣлять въ Кобе по чужземцамъ и повторилъ его, когда они попытались бѣжать, за это я приговоренъ—исполняю надъ собой Гарикири и прошу присутствующихъ оказать мнѣ честь быть свидѣтелями этого“.

Снова нагнувшись, приговоренный снялъ верхнюю одежду и обнажилъ свое сильное тѣло до пояса. Старательно, по японскому обыкновенію, онъ подсунулъ рукава своей одежды подъ колѣна, чтобы упасть впередъ а не назадъ, какъ подобаетъ благородному японцу; затѣмъ обдуманно и спокойно взялъ мечъ и взглянулъ на него съ благоговѣніемъ. Казалось на минуту онъ собрался въ послѣдній разъ съ мыслями и вслѣдъ затѣмъ глубоко вонзилъ оружіе ниже пояса, медленно проведя имъ слѣва на право, повернувъ его въ ранѣ и сдѣлалъ еще короткій взмахъ въ



Московс. Промышл.-Худож. Выставка. Ювелирныя издѣлія К. Фаберже, копіи съ древнегреческихъ золотыхъ издѣлій (400 л. до Р. Х.) найденныхъ въ Керчи, въ Крыму и находящ. въ Эрмитажѣ въ СПБ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

должность принимаетъ на себя кто либо изъ родственниковъ или друзей приговореннаго.

Въ данномъ случаѣ обязанность эту принялъ на себя его любимый ученикъ; онъ былъ выбранъ друзьями осужденнаго, потому что ловко управлялся мечемъ. По лѣвую руку отъ Кайсхаку, въ той сторонѣ гдѣ стояли японскіе свидѣтели, приблизился медленными шагами самъ приговоренный; оба они низко поклонились сначала имъ. потомъ. какъ мнѣ показалось, поклонились еще болѣе низко намъ.

Осужденный поднялся мѣрнымъ шагомъ и съ большимъ достоинствомъ на помостъ, передъ главнымъ алтаремъ, два раза преклонивъ колѣна, затѣмъ сѣлъ, по японскому обычаю поджавъ ноги, на красный коверъ, лицомъ къ присутствующимъ. Кайсхаку сѣлъ около него, слѣва. Тогда выступилъ впередъ одинъ изъ офицеровъ, неся нѣчто вродѣ шали, служащей въ храмахъ для жертвоприношеній и положилъ на нее завернутый въ ткани такъ называемый *Вакизаши*—короткій японскій мечъ, скорѣе похожій на большой кинжалъ, длиною около 25 сантиметровъ, съ блестящимъ и острымъ какъ бритва лезвеемъ. Это оружіе онъ передалъ, распростершись на полу, приговоренному, причемъ послѣдній принялъ его съ благоговѣніемъ, под- обратномъ направленіи. Во время этой мучительной операціи ни одинъ мускулъ благороднаго лица его не дрогнулъ. Выдернувъ мечъ, онъ упалъ впередъ и вытянулъ шею. Тутъ въ первый разъ на лицѣ его отразилось ощущеніе боли, но изъ груди не вырвалось ни одного стона. Тогда поднялся Кайсхаку, стоявшій до этого возлѣ, на колѣняхъ и слѣдившій за каждымъ движеніемъ осужденнаго, потрясъ въ воздухѣ мечемъ; затѣмъ мечъ сверкнулъ, раздался ударъ и голова осужденнаго отдѣлившись отъ туловища, лежала на полу.

Послѣдовало мертвое молчаніе, а изъ обезглавленнаго туловища текла кровь человѣка, недавно еще столь мужественнаго. Можно представить наши ощущенія. Кайсхаку отвѣсилъ глубокій поклонъ, вытеръ свой мечъ и сошелъ съ возвышенія. Мечъ, обагренный кровью, былъ торжественно вынутъ изъ руки Таки Зензабуро, какъ знакъ свершенной казни. Оба представителя Микадо оставили тогда свои мѣста и подойдя къ намъ, попросили насъ засвидѣтельствовать, что смертный приговоръ Таки Зензабуро приведенъ въ исполненіе.

Когда церемонія кончилась—мы вышли изъ храма. Обрядъ этотъ, важность котораго еще болѣе усиливала самая торжественность обстановки и ночное время, особенно выдавался

необыкновенным достоинствомъ исполненія. Достоинство—качество обычное высокопоставленнымъ особамъ Японіи.

Кромѣ глубокаго впечатлѣнія, производимаго самой сценой, нельзя было не удивляться мужественной рѣшимости, съ которой осужденный принялъ свой приговоръ и силѣ убѣжденія, съ которой Кайсхаку исполнилъ относительно своего любимаго учителя свой послѣдній долгъ. Ничто сильнѣе не доказываетъ могущество воспитанія и глубину, и крѣпость корней этого народнаго обычая.

Самураи, или дворянинъ восьмаго класса, съ раннихъ лѣтъ пріучается смотрѣть на Гари-кари какъ на церемонію, при которой онъ, можетъ статься, будетъ когда нибудь играть первую или вторую активную роль. Въ семьяхъ, которыя держатся старыхъ традиціонныхъ обычаевъ прежняго рыцарства, ребенка знакомятъ съ обрядомъ и идеей благороднаго смытія преступленія или немилости своего государя через Гари-кири. Когда настанетъ его часъ—онъ уже приготовленъ и мужественно встрѣчаетъ смерть, утратившую уже для него часть своего ужаса. Никогда не случалось, чтобы приговоренный пытался отказаться отъ Гари-Кири. За послѣднее время были случаи, что нѣкоторые изъ осужденныхъ избѣгали этой казни. Въ Японію изъ года въ годъ проникаютъ европейскіе взгляды на вещи, при чемъ на Гари-Кири начинаютъ смотрѣть какъ на варварскій обычай, полная отмѣна котораго крайне желательна.

Всероссійская промышленно-художественная выставка.

(Рис. на стр. 952 и 953).

I.

Витрина Фаберже на московской выставкѣ.

Ювелирное дѣло, столь близко соприкасающееся, по своей цѣнности, съ искусствомъ и въ минувшія времена составлявшее его отрасль, нынѣ почти совершенно разошлось съ нимъ. Всѣмъ извѣстна бѣдность, банальность нынѣшнихъ формъ, когда художественная сторона уступила мѣсто одному „богатству“. И дѣйствительно — отнимите у теперешнихъ украшеній драгоцѣнные камни, съ ихъ блескомъ и роскошными переливами всѣхъ цвѣтовъ радуги, —что останется? много ли найдете оригинальнаго, изящнаго, артистическаго въ этихъ —какъ-бы вдругъ, тогда сразу поблекшихъ—ожерельяхъ, серьгахъ, брошкахъ, перстняхъ? Давно уже все то, что ихъ дѣлало именно „украшеніемъ“, олицетворявшимъ присущее человѣку стремленіе къ прекрасному, давно уже все это — не болѣе, какъ достояніе далекаго прошлаго. Въ средѣ ювелировъ нашелся человѣкъ, вознамѣрившійся поставить дѣло на прежнюю высоту. Мы говоримъ объ извѣстномъ петербургскомъ ювелирѣ Фаберже. Желая возвысить стиль произведеній ювелирнаго искусства, придать имъ художественность, г. Фаберже обратился къ классическому источнику красоты и художественности — къ Греціи, къ ея образцамъ. Черпать ему было откуда—состоя ювелиромъ Императорскаго Эрмитажа, онъ получилъ разрѣшеніе воспроизвести въ копіи лучшія изъ греческихъ вещей этого рода, находящихся тамъ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что Эрмитажъ обладаетъ, по свидѣтельству даже иностранныхъ знатоковъ, однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ, собраніемъ греческихъ древностей, въ особенности произведеній искусства, найденныхъ преимущественно при раскопкахъ въ Крыму, на мѣстѣ древнихъ греческихъ колоній, какъ Пантикапея, Фанагорія и друг., въ извѣстныхъ керченскихъ раскопкахъ. Собраніе это богато золотыми украшеніями всякаго рода; въ числѣ ихъ находятся, между прочимъ, слѣдующіе предметы: *вѣнки*, большинство которыхъ состоитъ изъ очень тонкихъ листьевъ; изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ, по тонкой отдѣлкѣ деталей листьевъ и плодовъ, — „оливковый вѣнокъ“. *Діадемы* (налобные вѣнки); между ними замѣчательна сдѣланная изъ золота цѣпочка съ подвѣсками, оканчивающимися изящными цвѣтками. *Серьги* — изъ множества экземпляровъ этого рода украшеній выдѣляется пара серегъ, въ формѣ бога любви съ чашей и многія другія, гдѣ фигурируетъ тотъ же богъ, держащій въ рукахъ лиру, въ нѣкоторыхъ—его замѣняетъ головка Юноны, съ діадемой, или сирены съ крыльями и птичьимъ хвостомъ и съ лирой или двойной флейтой въ рукахъ, или-же менады въ легкихъ длинныхъ, развѣвающихся тогахъ со шкурой пантеры или другаго

Московск. Промышл.-Худож. Выставка. Учебныя пособія и игры Спб. мастерской Канаева.
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

животнаго на спинѣ и т. д. Затѣмъ идутъ *булавки, ожерелья, шейныя цѣпи, браслеты, кольца, перстни*, гдѣ въ болѣе или менѣе разнообразной и всегда художественно-изящной формѣ повторяются тѣ-же мотивы, которые изображены на нашемъ рисункѣ.

Г. Фаберже сумѣлъ воспроизвести греческое искусство. Въ настоящее время въ его витринѣ на Московской выставкѣ красуется значительное количество превосходно выполненныхъ образцовъ. Кромѣ различныхъ небольшихъ вещей — браслетъ, серегъ, перстней — общее и вполнѣ заслуженное вниманіе привлекаютъ двѣ полныя гарнитуры. Изъ нихъ особенно замѣчательна та, оригиналъ которой относится къ эпохѣ Перикла. По ней можно судить о трудѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ за 2 тысячи лѣтъ до нашего времени. Работа отличается такою тонкостью, что ее надо разсматривать въ лупу и тогда только выступаютъ всѣ ея достоинства. Изготовленіе только одного прекраснаго шейнаго украшенія потребовало работы семи мастеровъ въ теченіи 120 дней, изъ чего видно, что одному мастеру пришлось бы трудиться не менѣе 2 лѣтъ и почти 4 мѣсяцевъ. Отсюда совершенно понятна стоимость ожерелья въ 3100 р., а серегъ—въ 400 р. Между прочимъ въ серьгахъ мы, простымъ глазомъ, замѣтили, поверхъ одной изъ орнаментальныхъ фигуръ, нѣсколько выпуклыхъ точекъ; при разсмотрѣніи же сквозь лупу оказалось, что каждая состоитъ изъ трехъ маленькихъ бомбочекъ. Въ древности не были извѣстны стекла, приготовляемыя для усиленія зрѣнія, а потому надо предполагать, что тогдашніе мастера обладали какими-то особенно сильными глазами.

Какъ видимъ, г. Фаберже открываетъ новую эру въ ювелирномъ дѣлѣ. Пожелаемъ же полнаго успѣха его усиліямъ возвратить искусству то, что нѣкогда составляло его честь.

Будемъ надѣяться, что отнынѣ, благодаря нашему извѣстному ювелиру, главное достоинство произведеній этой отрасли будетъ заключаться не въ однихъ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, не въ одномъ богатствѣ, но въ художественной формѣ ихъ.

Нельзя обойти, однако, молчаніемъ, что витрина Фаберже изобилуетъ и каменьями—между прочимъ Капскими брильянтами (до 23¾ каратъ вѣса), а также бразильскими и индійскими, но особенную рѣдкость составляетъ замѣчательный экземпляръ сибирскаго камня, названнаго, въ честь въ Бозѣ почивающаго Государя Императора, Александритомъ, открытаго не болѣе 20 лѣтъ тому назадъ и попадавшагося до сихъ поръ въ небольшихъ размѣрахъ. Этотъ новый камень ставится гораздо выше перуанскаго изумруда; обладая, при дневномъ свѣтѣ, темнымъ зеленовато-оливковымъ цвѣтомъ, онъ, вечеромъ, переходитъ въ красный. У г. Фаберже онъ вдѣланъ въ перстень и стоитъ 2 тысячи рублей.

Помимо высокаго художественнаго достоинства и археологическаго интереса, найденныя въ Керчи золотыя вещи отличаются поразительнымъ техническимъ исполненіемъ. Между ними есть такіе предметы, подражать которымъ мы не въ состояніи, не смотря даже на совершенство нашихъ инструментовъ и изготовленіе которыхъ кажется невозможнымъ безъ оптическихъ вспомогательныхъ приборовъ. Фаберже, мастерская котораго существуетъ съ 1842 г., удалось впродолженіи 12 лѣтъ подготовить на столько нѣсколькихъ рабочихъ, что они подъ его руководствомъ были въ состояніи изготовить для Московской выставки цѣлую коллекцію подражаній этимъ художественнымъ предметамъ, коллекцію, которая возбудила общее вниманіе, и удостоилась похвалы ихъ Величествъ. Государыня осчастливила Фаберже покупкою у него пары запонъ, съ изображеніемъ цикадъ, которыя по вѣрованію древнихъ Грековъ приносили счастіе.

II.

Мастерская учебныхъ пособій Канаева.

„С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ",— издѣлія которой занимаютъ на выставкѣ особый павильонъ,— заведеніе настолько извѣстное, о прекрасныхъ изданіяхъ котораго было говорено въ „Нивѣ" неоднократно, что распространяться о нёмъ подробно нѣтъ необходимости. Оригинальную особенность мастерской, находящейся подъ управленіемъ А. Н. Канаева и А. К. Ержемскаго составляетъ изготовленіе такого рода игръ, которыя, съ одной стороны, даютъ, по словамъ учредителей мастерской, *интересное* занятіе для дѣтей, и съ другой— *полезное* въ педагогическомъ смыслѣ. Въ изготовленіи подобнаго рода игръ, мастерская не имѣетъ соперниковъ и преимущественно передъ другими заведеніями отличается неистощимою изобрѣтательностью. Кому изъ нашихъ дѣтей неизвѣстенъ бумажный ястребъ, это красивое усовершенствованіе бумажнаго змѣя, при своемъ поднятіи на высоту до 2000 аршинъ, напоминающее рѣльемъ полетъ живой птицы? Кто не знаетъ прекрасной игрушки „часовщикъ", вызвавшей заграничныя подѣлки, научающей ребенка собирать часовой механизмъ изъ разрозненныхъ частей таковаго? Бочи, агонъ, различныя игры въ шары, билліарды, рыбки, карточные домики и пр. и пр. всё это игры, оцѣненныя по достоинству и дѣлающія честь своимъ совершенствователямъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и изобрѣтателямъ. Изъ новостей въ этомъ родѣ на московской выставкѣ обращаютъ особое вниманіе слѣдующія игры и учебныя пособія:

1) *Оранжерея;*—здѣсь подъ стеклляннымъ колпакомъ мастерская дѣлаетъ возможнымъ взростить самыя рѣдкія растенія, которымъ невозможно рости при обыкновенныхъ условіяхъ произростанія. Эта маленькая оранжерейка переноситъ насъ въ климаты по истинѣ тропическіе.

2) Прелестное подражаніе вѣтряной мельницѣ, научающее производствамъ, о которыхъ вообще мало принято распространяться въ обыденномъ обращеніи.

Столы, доски, глобусы, о которыхъ при столь дешевой цѣнѣ, не видя, трудно составить себѣ сколько нибудь обстоятельное понятіе, извѣстны всякому. Мастерская учебныхъ пособій и игръ во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія публики.

Къ рисункамъ.

XIX-й вѣкъ.

(Рис. на стр. 940 и 941).

Художникъ задался трудною задачею—изобразить Генія нашего практическаго, дѣловаго вѣка. Всѣ прежнія эмблемы и изображенія къ нему не подходятъ. Жизнь его не такъ романтична и картинна, какъ жизнь предъидущихъ, — это дѣловая, торопливая, лихорадочно-дѣятельная, нервная жизнь—это вѣкъ великихъ изобрѣтеній и открытій, блестящихъ ихъ практическихъ примѣненій, примѣненій часто гигантскихъ и поражающихъ своимъ значеніемъ. И вотъ талантливый художникъ изображаетъ Генія нашего вѣка съ ужасающею быстротою, стремглавъ несущагося отважно „*все впередъ*". Желѣзнодорожное колесо, окутанное дымомъ паровоза и искрами, вертится безостановочно; рука Генія, торжественно воздымаемая къ небу, обвернута телеграфной проволокой и онъ какъ бы съ гордостью показываетъ аттрибуты таинственной, величайшей силы, подчиненной себѣ нашимъ вѣкомъ—электричества. Волосы Генія развѣваются отъ безумно быстраго бѣга и быстрота безостановочнаго движенія превосходно передана художникомъ въ стройной граціозной фигурѣ юноши-Генія.

Ночь на берегу Невы. Бездомные.

(Рис. на стр. 945).

Туманная, сырая ночь спустилась на Неву. Мѣсяцъ невѣрнымъ свѣтомъ своимъ озаряетъ великолѣпные дворцы набережной, чугунныя рѣшетки, массивный береговой гранитъ и блестками разсыпается по темной, холодной водѣ. Тихо покачиваясь, какъ-бы дремлютъ у мостовъ многочисленныя суда и мелькаютъ какъ звѣзды ряды мостовыхъ фонарей. А жизнь громаднаго города все еще не унимается, надъ улицами стоитъ гулъ ночной ѣзды, блестятъ еще окна ресторановъ, яркія полоски свѣта прорываются сквозь наглухо завѣшанныя окна дворцовъ набережной. Ночь спокойная и торжественная простирается надъ этой людской сутолкой. Все еще ѣдутъ, торопятся — у каждаго своя работа, свой уголъ. Только у этихъ двухъ бѣдныхъ мальчиковъ, изображенныхъ на первомъ планѣ рисунка, у нихъ нѣтъ заботъ—имъ не о чемъ и заботиться—у нихъ ничего нѣтъ и нѣтъ своего угла и сидятъ они, съежившись и прижавшись къ холодному граниту, и дрожа подъ холодомъ ночи. Это бѣдныя бездомныя дѣти—вотъ чему должны отдать свои заботы благотворители — этимъ неповиннымъ, брошеннымъ, безпріютнымъ, которыхъ страданіе и горе видитъ теперь только холодная ночь...

Охотникъ въ лѣсу.

(Рис. на стр. 948).

Осень. Опали желтые листья и зашуршали, переносимые осеннимъ рѣзкимъ вѣтромъ по лѣснымъ дорогамъ и тропинкамъ. Свѣжій осенній воздухъ съ легкимъ морозцемъ такъ и подзываетъ страстнаго охотника на полеванье. И собака его такъ и заглядываетъ ему въ глаза и нетерпѣливо машетъ хвостомъ и взвизгиваетъ, какъ-бы подзадаривая хозяина ѣхать на охоту. И хозяинъ не выдерживаетъ — сѣдлаетъ крѣпкаго, выносливаго донца своего, покрѣпче подпоясываетъ полушубокъ, заряжаетъ свою двухстволку, кинжалъ за поясъ—и несется, предшествуемый радостнымъ лаемъ собаки. Широко вдыхаетъ грудь его лѣсной осенній воздухъ, разгорается страсть его, зорко поглядываетъ глазъ и прислушивается ухо... Вотъ выскочилъ заяцъ, понесся, рванулся бойкій конь впередъ, собака ударилась вслѣдъ и началась бѣшеная скачка. Конечно она кончится побѣдоносно —охотникъ опытный. И этотъ-то моментъ напряженія страсти охоты изобразилъ нашъ талантливый художникъ—такой единственный мастеръ въ воспроизведеніи охотничьихъ сценъ.

Иммо и Гильдегарда.

(Рис. на стр. 949).

Въ лицѣ Густава Фрейтага, Германія обладаетъ замѣчательнымъ историческимъ романистомъ; его произведенія, рисующія средневѣковую эпоху, имѣютъ какую-то особенно обаятельную прелесть и читая ихъ невольно проникаешься этою патріархальной простотой и свѣтлымъ, наивнымъ чувствомъ добраго, стараго времени. Особенно удачнымъ въ этомъ отношеніи считается романъ, или лучше сказать рядъ романовъ Фрейтага, озаглавленныхъ однимъ общимъ названіемъ „Ahnen", т. е. Предки. Въ „Ahnen" Фрейтагъ представляетъ исторію одного германскаго рода, начиная ее въ лѣсахъ первобытной Германіи и продолжая сквозь рядъ вѣковъ вплоть до новѣйшаго времени. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобный трудъ не подъ силу всякому; въ романѣ подобнаго рода требуется громадная эрудиція, трудная и продолжительная работа; здѣсь нуженъ такой знатокъ прошлаго, какимъ по справедливости считается Фрейтагъ. Но строго соблюдая характеръ данной эпохи, нѣмецкій романистъ не впадаетъ въ сухость и ученую мелочность; разсказъ его живъ, увлекателенъ и всякій выводимый имъ типъ поражаетъ своею естественностью и историческою вѣрностью. Первый романъ этой, если хотите, цѣлой эпопеи, вышелъ въ 1872 г. подъ названіемъ „Инго и Инграбанъ". Второй романъ, вышедшій въ 1874 году носитъ заглавіе „Das Nest der Zaunkönige", т. е. Гнѣздо Крапивника. Въ этомъ типѣ Фрейтагъ знакомитъ читателей съ судьбою Иммо, одного изъ потомковъ Ирмфрида, древне-германскаго вождя, начальника доблестнаго рода. Дѣйствіе романа происходитъ въ эпоху одиннадцатаго вѣка, т. е. въ эпоху отчаянной и кровавой борьбы между новыми христіанскими началами и грубымъ древнимъ язычествомъ. Трудную задачу объединенія всѣхъ этихъ независимыхъ, непокорныхъ племенъ тогдашней Германіи выполняетъ король Гейнрихъ, то усмиряющій своихъ гордыхъ вассаловъ, то ведущій отчаянную борьбу съ Саксонцами. Иммо, сынъ знаменитаго вождя, съ раннихъ лѣтъ проявляетъ доблестный, воинственный характеръ; отданный, по тогдашнему обычаю, въ обученіе монастырской школѣ, онъ не можетъ вынести строгой и сухой дисциплины монаховъ и вырвавшись изъ монастыря, спѣшитъ стать въ ряды сторонниковъ Гейнриха. Но дикая, бѣшено-храбрая натура Иммо смиряется нѣжнымъ, возвышеннымъ чувствомъ. Онъ влюбляется въ дочь одного вассала, графа Герхарда, прелестную Гильдегарду и эта любовь, требующая отъ него громадныхъ страданій и жертвъ, такъ какъ Герхардъ врагъ и противникъ его короля, составляетъ главное содержаніе романа. Впрочемъ, по счастію, все кончается благополучно; отчаянная борьба враговъ Гейнриха оканчивается ихъ пораженіемъ; Иммо является спасителемъ Герхарда и его дочери и впослѣдствіи становится счастливымъ ея супругомъ и продолжателемъ знаменитаго рода Ирмфрида.

Представленная на нашемъ рисункѣ, исполненная Каульбахомъ (сыномъ) сцена принадлежитъ къ числу самыхъ поэтическихъ мѣстъ въ романѣ. Это свиданіе Иммо съ Гильдегардой и признаніе ихъ въ взаимной любви. Молодая дѣвушка, говоритъ Фрейтагъ, приблизилась къ Иммо, сидѣвшему на вѣтви густой липы и обвила его голову своими руками. „Не забудь меня ни во время одиночества, ни во время твоего пребыванія среди воинственныхъ героевъ, ни тогда, когда въ вечернія сумерки надъ тобой будутъ, какъ теперь, качаться зеленые листья; никогда, никогда". Она обхватила своими руками его шею и крѣпко его цѣловала. Онъ оставался по прежнему на своемъ мѣстѣ и звуки вечера изрѣдка прерывали тихій разговоръ, вздохи и поцѣлуи влюбленныхъ. „Еще разъ обняла его рука плачущей дѣвушки и потомъ онъ исчезъ въ зеленой чащѣ. Гильдегарда снова сѣла на камень и прислушивалась; вѣтви шумѣли и трещали за нею, потомъ все стихло. Лишь по прежнему вечернее солнце золотило зелень, и птички щебетали въ высотѣ и голубые колокольчики по прежнему весело пестрѣли кругомъ. Но дѣвушка чувствовала себя въ какомъ-то невѣдомомъ мірѣ—дитя подъ вѣтвями липы стала невѣстой".

Быстрота.

Быстрота главный лозунгъ дѣловой жизни нашего вѣка, вѣка пара и электричества. Выиграть время и скорѣе достигнуть цѣли—вотъ стремленіе, ясно обнаруживающееся почти въ каждой отрасли человѣческой дѣятельности и большая часть новѣйшихъ промышленныхъ изобрѣтеній имѣетъ своимъ назначеніемъ сбереженіе не только труда, но и времени.

Въ виду столь важнаго значенія, быстроты въ жизни человѣчества, не безинтересно бросить взглядъ какъ на то, что сдѣлано для удовлетворенія этой потребности, какъ и на сравнительную способность къ быстротѣ человѣка и животныхъ.

Если начать съ низшаго класса, то одним изъ наиболѣе медленныхъ является улитка; она движется съ скоростью 1,5 миллиметра въ секунду, тогда какъ, въ то же самое количество времени, обыкновенный пѣшеходъ проходитъ 1,5 метръ, рѣки и потоки пробѣгаютъ отъ 2 до 3 метровъ, буря 16 метровъ, ураганъ до 38 метровъ; сильно брошенный камень пролетаетъ въ секунду разстояніе въ 16 метровъ, пуля духоваго ружья — 480 метровъ, пушечное ядро (въ самомъ началѣ, т. е. въ минуту выстрѣла) 750 метровъ, лошадь движется: шагомъ съ скоростью 1 метра въ секунду, рысью—2-хъ метровъ, галопомъ отъ 4-хъ до 5-ти метровъ, скакунъ пробѣгаетъ въ секунду 12 метровъ, искусный конькобѣжецъ столько-же, хорошая упряжная лошадь 3,5 метра, орелъ въ секунду пролетаетъ 31 метръ (112 километровъ въ часъ), соколъ 28 м., почтовый голубь, совершившій конецъ изъ Ліона въ Литтихъ въ 5 часовъ летѣлъ со скоростью 30 метровъ, въ секунду, борзая собака пробѣгаетъ, въ секунду, 24,5 метровъ. Быстрота желѣзнодорожнаго поѣзда различна; обыкновенный проходитъ въ секунду 8, а скорый 14 метровъ; въ Англіи полагается 7,5 нѣмецкихъ миль, а во Франціи и Германіи 6—въ часъ. Быстроходный корабль, пробѣгающій 500 англійскихъ миль (или 100 нѣмецкихъ, т. е. 700 верстъ) между Калэ и Коркомъ, движется съ скоростью 4,4 метровъ въ секунду, а морской пароходъ при быстротѣ въ 15-ть морскихъ (3-хъ нѣмецкихъ) миль въ часъ, дѣлаетъ 6 метровъ.

Земной шаръ движется: вокругъ солнца, у полюсовъ, со скоростью около 31 километра въ секунду, а вокругъ своей оси, у экватора,—со скоростью 451 метра въ то же количество времени. Звукъ пробѣгаетъ въ воздухѣ 333,6 метровъ, а въ водѣ 1525 метровъ въ секунду, свѣтъ же и лучистая теплота — 315 тысячъ километровъ. Весьма разнообразна быстрота электричества, такъ какъ она зависитъ отъ свойства и качествъ тѣхъ проводниковъ, чрезъ которые электричество пропущено; по мѣдной проволокѣ въ 1,7 миллиметра поперечника, она достигаетъ быстроты свѣта, пробѣгая 450 тысячъ километровъ въ секунду, а такъ какъ земной шаръ, въ обхватѣ, имѣетъ 42,700 километровъ, то электричество можетъ въ секунду десять разъ обѣжать экваторъ.

Депеша изъ Лондона въ Индію передается, однако, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, въ 30 минутъ, потому что подводные кабели дѣйствуютъ гораздо медленнѣе, нежели подводныя проволоки; электрическій токъ проходитъ подъ Антлантическомъ океаномъ всего въ 2—3 минуты; какъ уже сказано, быстрота зависитъ отъ свойства проводника.

Если сравнивать различныя степени быстроты, развивающейся механическимъ путемъ, то тутъ увидимъ, что первое мѣсто принадлежитъ пушечному ядру. И все-таки, насколько скорость эта оказывается ничтожною въ сравненіи съ быстротою, съ которою двигаются въ своихъ орбитахъ небесныя тѣла, съ которою распространяется свѣтъ или стремится электричество. Земной шаръ проходитъ въ секунду вокругъ солнца 30.450 метровъ, солнце же пробѣгаетъ 55 тысячъ метровъ. Разстояніе, ихъ раздѣляющее, равняется почти 20 милліонамъ миль. Земля могла бы пройдти это разстояніе въ 5 милліоновъ секундъ, или въ 58 дней, а солнце—2 728.000 секундъ, или 31½ дней, обыкновенная граната, бросаемая тяжелымъ орудіемъ, съ скоростью 500 метровъ въ секунду, пробѣжала бы это пространство въ 9½ лѣтъ, а скорый поѣздъ, при непрерывномъ ходѣ не менѣе, чѣмъ въ 190 лѣтъ, тогда какъ свѣтъ—въ 8, а электричество въ 5¼ секундъ. Прогулка на луну потребовала бы отъ пѣшехода безостановочнаго движенія впередъ въ продолженіи 7500 дней или 20,8 лѣтъ. Наконецъ высчитано, что кругосвѣтное путешествіе, при помощи пара, можно совершить (двигаясь опять-таки, безостановочно) въ 80 дней, а пѣшимъ ходомъ, предполагая по 50 километровъ въ день,—въ 810 дней.

Политическое обозрѣніе.

Россія и „проливы". — Русскіе на Дунаѣ. — Опала Князя Николая Черногорскаго у Австріи.—Сербія.—Проектъ низложенія короля Милана.—Анти-русская агитація въ Болгаріи.—Черногорцы и албанцы.—Греція и Англія.—Англія, Египетъ и Франція.—Престолонаслѣдіе въ Голландіи.—Бельгія, Испанія и Марокко.

Иностранныя газеты оповѣстили, будто Россія намѣрена предложить державамъ нейтрализацію Дарданельскаго и Босфорскаго проливовъ. Пока мы ограничиваемся передачею голаго слуха,—къ чему могли-бы служить соображенія, неоснованныя на фактахъ, тѣмъ болѣе, въ столь важномъ, столь интересующемъ русско-славянскій міръ вопросѣ? Зато, кажется, фактически вѣрно то, что на Дунаѣ мы рѣшились на нѣчто „рѣшительное", несовсѣмъ нравящееся нашимъ всевозможнымъ доброжелателямъ, а именно: по извѣстіямъ изъ Бухареста, русскіе приступили къ измѣреніямъ въ Килійскомъ рукавѣ Дуная противъ воли и вопреки заявленіямъ „постоянной международной дунайской коммисіи"; вмѣстѣ съ тѣмъ, коммисія жалуется на то, что, по распоряженію русскаго правительства, рѣчная полиція въ Килійскомъ рукавѣ предоставлена не международнымъ, а русскимъ агентамъ. Вскорѣ состоится общее собраніе коммисіи. Наконецъ и мы начинаемъ, кое-гдѣ, проявлять без-

боязненную энергію въ отстаиваніи того, что намъ принадлежитъ. Правда, впрочемъ, — намъ, въ настоящее время, мало кто не показываетъ — какъ это дѣлается. Въ политикѣ застѣнчивость — качество, никому неизвѣстное, кромѣ насъ. Въ особенности, говорятъ, нами недовольна Франція, къ чему мы, безъ сомнѣнія, можемъ отнестись съ нѣкоторымъ равнодушіемъ. Недовольство этой „дружественной" державы понятно, если вспомнимъ, что именно, главнымъ образомъ, Россія ей и обязана своимъ недавнимъ положеніемъ и на Дунаѣ, и на Черномъ морѣ. Европейская коммисія, засѣдающая въ Галацѣ—продуктъ парижскаго трактата; учрежденная съ цѣлью обезпеченія судоходства по нижнимъ притокамъ рѣки; коммисія эта имѣетъ широкія полномочія, располагаетъ своимъ бюджетомъ, флотомъ и, даже, флагомъ и состоитъ изъ делегатовъ отъ всѣхъ державъ, подписавшихъ трактатъ, *за исключеніемъ Россіи*; конгрессъ, собравшійся въ Парижѣ, въ интересахъ нейтралитета и свободы нижняго теченія Дуная, счелъ болѣе благоразумнымъ отстранить русскихъ изъ коммисіи! Не особенно церемонились съ нами! Впрочемъ — тамъ мы были въ качествѣ побѣжденныхъ, немногимъ лучше наше положеніе было, когда побѣда оказалась на нашей сторонѣ... Для огражденія того-же нейтралитета, у насъ, на парижскомъ конгрессѣ, отобрали узкую полосу Бессарабіи вдоль лѣваго берега Прута и Дуная, которую отдали Молдавіи, острова-же, находящіеся между гирлами великой рѣки, были предоставлены Турціи, состоявшей также акціонеромъ побѣдившей тогда насъ компаніи. 1877 годъ, Санъ-Стефанскій и Берлинскій трактаты измѣнили такое положеніе вещей: дунайская дельта присоединена къ Румыніи, а Россія вновь вступила во владѣніе той частью Бессарабіи, которую уступила въ 1856 г., вслѣдствіе чего вновь сдѣлалась прибрежнымъ государствомъ на сѣверномъ рукавѣ рѣки и потому непосредственно соприкасается съ областью, подчиненной международной коммисіи. Такъ какъ, изъ числа трехъ рукавовъ, которыми Дунай впадаетъ въ Черное море (къ югу — Св. Георгія, посрединѣ—Сулинскимъ и къ сѣверу—Килійскимъ), Килійскій приходится по русской границѣ, правительство желаетъ изъять этотъ рукавъ изъ вѣдомства коммисіи, компетенцію которой хочетъ ограничить только Сулинскимъ. Надѣемся, что, теперь по крайней мѣрѣ, мы съумѣемъ доказать, что спорить съ Румыніей или спорить съ Россіей—не одно и то же.

Не одна Франція недовольна нами, недовольна и Австрія: мы, видите-ли, слишкомъ, черезчуръ хорошо приняли Князя Николая! но это еще не все: Князь Болгарскій свидѣлся съ Королемъ Румынскимъ! Изъ этого очевидно, что мы—въ заговорѣ съ Черногоріей, Болгаріей и Румыніей. Наше единеніе съ этими государствами называютъ заговоромъ! Но неужели обвинители наши такъ наивны и просты, что не понимаютъ, что такое обвиненіе мы можемъ считать себѣ за честь. Князь Николай почувствовалъ на себѣ австрійское неудовольствіе — его приняли въ Вѣнѣ очень холодно. Румыніи еще съ большею злобою ставятъ теперь на видъ ея враждебное Австріи положеніе въ томъ-же дунайскомъ вопросѣ, Болгарію-же называютъ просто русскою провинціею (не лицемѣріе-ли это, въ виду успѣховъ, пріобрѣтенныхъ австрійцами въ юномъ княжествѣ?), но—короля Сербскаго хвалятъ въ Вѣнѣ, именуютъ другомъ. Съ нимъ мы не въ заговорѣ, видно...

Странныя вѣсти идутъ изъ Сербіи, именно по поводу дружбы ея короля съ сосѣднею большою державою. Вотъ, что пишутъ изъ Вѣны о положеніи дѣлъ въ этомъ славянскомъ королевствѣ: со времени отъѣзда короля на воды въ Австрію въ сербскихъ политическихъ кружкахъ замѣчается движеніе, могущее повлечь за собою важныя послѣдствія; чѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе политика короля и его министровъ склонялась на сторону Австріи, тѣмъ болѣе возрастало число противниковъ этого направленія и тѣмъ энергичнѣе становилась „великосербская" партія", не забывшая уступчивость короля (тогда еще князя) предъ австрійскими требованіями, шедшими въ разрѣзъ съ политикой Ристича. Отъѣздъ короля Милана (пишетъ корреспондентъ „Голоса") сдѣлалъ вожаковъ партіи еще рѣшительнѣе и теперь, какъ положительно утверждаютъ, существуетъ планъ уговорить короля добровольно отречься отъ престола въ пользу наслѣднаго принца Александра, съ провозглашеніемъ послѣдняго королемъ и учрежденіемъ, до его совершеннолѣтія, регентства; во главѣ предположено поставить одного изъ нынѣшнихъ министровъ—Пироганца; отъ королевы Наталіи, какъ русской, ожидаютъ, что она или воспользуется своимъ вліяніемъ на короля, чтобы побудить его къ измѣненію политики, согласно съ волей преобладающаго большинства, или, если король предпочтетъ лишиться короны, патріотически подчинится необходимости, призывающей въ правители страны ея сына. Въ крайнемъ случаѣ рѣшено, даже, низвергнуть Милана. Непонятно тутъ, между прочимъ,—если не ошибка—врученіе регентства Пироганцу, — главѣ, именно, австрофильской партіи! Какъ-бы тамъ ни было — мы вполнѣ убѣждены, что сербскій король, отнюдь не можетъ считаться искреннимъ приверженцемъ Австріи, вполнѣ увѣрены, что ему, не менѣе всякаго иного славянина, близки и интересы его родины, его королевства, и интересы общеславянскаго дѣла. Если онъ уступалъ, то уступалъ силѣ!

Черногорцы снова враждуютъ съ пограничными сосѣдями и своими исконными врагами—албанцами, правда, впрочемъ, что албанцы напали первые.

Греческій король недавно былъ въ Парижѣ, гдѣ, между прочимъ, въ разговорѣ съ корреспондентомъ одной изъ мѣстныхъ газетъ высказалъ увѣренность въ томъ, что Турція еще не такъ скоро развалится, какъ думаютъ и Салоники не такъ легко достанутся Австріи, какъ многіе ожидаютъ, а также и въ томъ, что ключъ къ разрѣшенію восточнаго вопроса находится въ рукахъ Англіи. Есть предположеніе, что между Греціею и Англіею заключенъ секретный трактатъ. Нечему тутъ и удивляться.

Англія оставляетъ въ Египтѣ отрядъ въ 10 тысячъ ч. Солдаты эти настолько же необходимы имъ тамъ, какъ и хедиву. Положеніе Тевфика-Паши весьма непріятно; мало арабовъ, хорошо не понимая все значеніе побѣды, одержанной генераломъ Уэльслеемъ, продолжаютъ высказывать ясную враждебность и побѣдителямъ, и хедиву. Встрѣча въ Каирѣ была ему оказана чрезвычайно холодная и онъ выѣзжаетъ на улицы не иначе, какъ въ сопровожденіи отряда англійскаго войска. Мятежники (!) будутъ судимы и обыкновеннымъ судомъ и военнополевымъ, но—кажется—не иначе, какъ подъ контролемъ и наблюденіемъ англичанъ. Арабы подожгли желѣзнодорожную станцію въ Каирѣ, на которой были сложены боевые и другіе запасы англійской арміи,—убытокъ исчисляется не менѣе, чѣмъ въ 100 тысячъ фунтовъ стерлинговъ; говорятъ, будто нѣсколько виновныхъ или подозрѣваемыхъ схвачено. Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, Египетъ, все-таки, будетъ имѣть свою армію, для реорганизованія которой, уже назначенъ Бэкеръ-Паша. Какая это будетъ армія? Потери Египта отъ недавней, хотя и краткой войны, доходятъ до 120 милліоновъ франковъ.

Дружба между Англіей и Франціей отнюдь не нарушена; въ „Times'ѣ выражено мнѣніе, что: никакой другой союзъ не возмѣститъ Англіи невыгодъ, проистекающихъ отъ холодныхъ ея отношеній къ Франціи." Далѣе, газета говоритъ, что князь Бисмаркъ, намѣренъ разъединить этихъ друзей, и замѣчаетъ, что „никакія выгоды въ Египтѣ не вознаградили бы Англію въ такомъ случаѣ."

Въ Голландіи возникаетъ вопросъ о престолонаслѣдіи; дѣло въ томъ, что, какъ извѣстно, старшій сынъ короля умеръ въ Парижѣ бездѣтнымъ, второй сынъ, принцъ Александръ Оранскій, очень слабаго здоровья; къ этому, отъ втораго брака съ принцессой Вальдекъ, король имѣетъ только двухлѣтнюю дочь, принцессу Вильгельмину, а такъ какъ въ Голландіи существуетъ салическій законъ, то престолъ, можетъ перейдти къ принцессѣ Вильгельминѣ только послѣ смерти принца Александра; но есть два конкурента на Голландскую корону—принцъ Альбертъ Прусскій и принцъ Видскій.

Смѣсь.

М. Зичи. Наши читатели, получившіе превосходную премію прошлаго года—картины изъ повѣсти Гоголя „Тарасъ Бульба", знакомы съ замѣчательнымъ талантомъ знаменитаго художника М. Зичи, портретъ и подробная біографія котораго тогда же („Нива" № 39 1880 г.) были помѣщены въ нашемъ журналѣ. Характеристика таланта его, разнообразнаго и блестящаго, была представлена нами съ возможной полнотой.

Въ настоящее время Зичи въ Петербургѣ со своей талантливой ученицей Мари Этлингеръ. Они недавно прибыли съ Кавказа, гдѣ провели почти цѣлый годъ и результатомъ этой поѣздки было большое количество замѣчательно художественно выполненныхъ рисунковъ карандашемъ. Часть этихъ прелестныхъ рисунковъ предназначена для иллюстрированія роскошнаго изданія сочиненій Лермонтова, которое намѣревается сдѣлать ко дню празднованія столѣтняго юбилея своей фирмы извѣстный петербургскій издатель и теперешній С.-Петербургскій городской голова И. И. Глазуновъ. Поразительнымъ мастерствомъ и тщательностью отдѣлки отличаются рисунки г. Зичи; иллюстрацій „Героя нашего времени", иллюстраціи къ „Демону"—очаровательны: здѣсь проявились именно выдающіяся блестящія особенности художника. Рисунки Зичи вполнѣ и удивительно гармонируютъ съ текстомъ, чувствуешь что они прямо и естественно выливаются изъ произведенія поэта и служатъ осязательной, наглядной формой его мысли. Вдохновеніе поэта и живописца вытекаютъ какъ-бы изъ одного источника и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ одного и того-же сильнаго впечатлѣнія: величественной, поражающей красоты природы Кавказа. Эти замѣчательные рисунки, если будутъ надлежащимъ образомъ выполнены, представятъ такой альбомъ къ произведеніямъ нашего знаменитаго поэта, какого еще не бывало. Здѣсь конечно все будетъ зависѣть отъ издателя и нужно надѣяться, что такая солидная фирма постарается сдѣлать все, чтобы сохранить вполнѣ характеръ и достоинство такихъ рисунковъ.

Г-жей Мари сдѣлана карандашемъ цѣлая серія характерныхъ кавказскихъ типовъ—портретовъ, которые также отличаются большими достоинствами. Кромѣ того ею сдѣлано карандашемъ и акварелью семь большихъ портретовъ семейства Его Выс. Вел. Князя

Михаила Николаевича; большой, на темномъ фонѣ, рисованный карандашемъ, портретъ самого Великаго Князя и превосходный портретъ воспитателя дѣтей Великаго Князя генерала Петерса. Поразительнымъ сходствомъ отличаются также портреты молодыхъ Великихъ Князей: они предназначены войти въ одну общую раму, причемъ каждый медальонъ окруженъ ландшафтами и жанровыми картинами, а подъ ними сцены изъ кавказскаго быта, выполненныя Зичи. Въ общемъ и въ отдѣльности все это высокаго достоинства. Дѣлано все это по заказу Его Высочества Вел. Кн. Николая Михаиловича.

Юбилей Фонвизина. 24 сего Сентября на обѣихъ русскихъ Императорскихъ сценахъ въ Москвѣ и П.тербургѣ одновременно происходило чествованіе столѣтія лучшей комедіи нашего знаменитаго сатирика Фонвизина „Недоросль", которая и шла одновременно на обоихъ театрахъ. Публики собралось множество и юбилей былъ отпразднованъ достойнымъ образомъ. Передъ бюстомъ писателя нашего, окруженнымъ роскошною зеленью, читались стихи и привѣтствія, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики.

Фонвизинъ былъ по преимуществу сатирическимъ писателемъ. Дѣятельность его была направлена къ раскрытію сущности и пользы тѣхъ началъ, безъ которыхъ, по философскимъ понятіямъ XVIII вѣка, не могли совершиться улучшенія ни въ государствѣ, ни въ обществѣ, ни въ семейномъ быту. „Фонвизинъ, — говоритъ одинъ изъ историковъ русской литературы,—болѣе чѣмъ кто либо имѣетъ право называться писателемъ Екатеринина вѣка: мѣры правительства, состояніе и потребности общества находятъ въ немъ разумнаго истолкователя". Ни одинъ изъ современныхъ вопросовъ не былъ имъ обойденъ или незамѣченъ. Во всѣхъ мнѣніяхъ Фонвизина слышится голосъ передового человѣка своей эпохи, а въ нѣкоторыхъ—и голосъ замѣчательнаго публициста. Извѣстны его взгляды на воспитаніе, правосудіе, обязанности дворянства, отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Въ своихъ „письмахъ изъ Франціи" къ П. И. Панину Фонвизинъ какъ-бы предсказываетъ революцію. „Всеобщая придворная грамматика" его по мѣткости сатиры можетъ стать на ряду съ капитальными произведеніями въ этомъ родѣ.

Сочиненія Фонвизина вообще обличаютъ въ немъ рѣдкій талантъ сатирика. Въ его сатирѣ не отрицаніе только, а сила, которая клеймитъ недостатки ума или нравственности. Конечно, Фонвизинъ пользовался изъ богатой сокровищницы великихъ французскихъ писателей XVIII вѣка, но свои заимствованія онъ искусно приспособлялъ къ русскимъ обстоятельствамъ.

И въ „Недорослѣ" Фонвизинъ остается тѣмъ-же философомъ и гражданскимъ публицистомъ.

Превосходный портретъ и подробная біографія его, написанная извѣстнымъ А. П. Милюковымъ, были въ „Нивѣ" 1879 г. № 39.

Дамскій сборникъ. Настольная книга для дамъ и дѣвицъ. Изд. Буринской. Недавно вышла эта роскошно отпечатанная книга, въ составъ великолѣпнаго переплета которой вошло даже зеркало. Здѣсь дамы имѣютъ всевозможныя свѣдѣнія о тайнахъ туалета, куафюры, о гардеробѣ, домоводствѣ, цвѣтоводствѣ, кухнѣ, рукодѣльяхъ, музыкѣ и уходѣ за дѣтьми. Нѣтъ, кажется, момента въ жизни молодой дамы и дѣвушки, котораго не предусмотрѣла заботливая издательница и не предложила-бы полезнаго совѣта. Книга наполнена весьма хорошо исполненными рисунками и конечно можетъ быть полезной настольной книгой въ дамскомъ кабинетѣ.

Переселенія студентовъ въ прежнія времена. Въ половинѣ XII столѣтія Парижъ, уже давно славившійся свободными искусствами, привлекалъ молодежь со всѣхъ концовъ Европы. Восторженные писатели тѣхъ временъ говорили. „Нигдѣ нѣтъ болѣе превосходнаго города, нигдѣ нѣтъ болѣе безукоризненнаго народа; въ немъ всѣ богатства наукъ и всѣ сокровища земли; все, что нужно духу и тѣлу, даетъ онъ обильно и разнообразно; науки, свободныя искусства, воинственный пылъ, тонкость нравовъ.. все соединяетъ въ себѣ Парижъ! Парижъ, какъ каждый городъ, въ которомъ процвѣтаетъ просвѣщеніе, смягчалъ нравы пришельцевъ и заставлялъ сравниваться съ кореннымъ населеніемъ." Прелесть жизни въ Парижѣ, изобиліе во всѣхъ потребностяхъ, веселый нравъ жителей привлекали и плѣняли иностранцевъ, заставляя ихъ забывать о своемъ отечествѣ. О бокъ съ восхваленіемъ города уже въ прежнія времена слышался ропотъ на распущенность тамошнихъ студентовъ. Нравы парижскихъ студентовъ въ началѣ XIII столѣтія изображаетъ намъ историкъ Яковъ Фирти такъ: „Они проводили все время," говоритъ онъ, „въ пирушкахъ, ссорахъ и дракахъ, часто смертельныхъ." Часто вламывались они въ дома горожанъ и производили разнаго рода безчинства. Власти Парижа, кромѣ наказанія выселеніемъ изъ города, воспрещали имъ носить оружіе. Частыя пасторскія увѣщеванія, съ которыми обращался къ нимъ пріоръ церкви св. Виктора, надоѣли имъ и они умертвили его среди улицы. Часто происходили у нихъ сходки, гдѣ юныя и пылкія головы нерѣдко прибѣгали къ оружію. Однажды въ 1222 году студенты поссорились съ трактирщикомъ предмѣстья С. Мартенъ изъ-за цѣны вина. Этотъ послѣдній позвалъ на помощь сосѣдей; студенты почувствовали себя не достаточно сильными противъ нихъ, отправились въ городъ вербовать себѣ помощь; вскорѣ съ шумомъ появились они у дома трактирщика и разграбили его. Деканъ С. Мартена, которому подчинено было предмѣстье, обратился съ жалобой на безпорядки къ матери короля (король былъ въ походѣ со своими войсками). Она выслала противъ студентовъ вооруженныя силы, которыя застали передъ воротами множество студентовъ, непринимавшихъ участія въ безпорядкѣ, кинулись на нихъ и убили одного Нордманца и одного Фламандца. Профессора приняли сторону пострадавшихъ, прекратили лекціи и потребовали удовлетворенія; когда же имъ было въ этомъ отказано, они всѣ вмѣстѣ покинули городъ. Король Англіи, уже давно завидовавшій цвѣтущему состоянію студенческихъ корпорацій въ Парижѣ, приказалъ пригласить студентовъ и профессоровъ въ Англію съ предложеніемъ выбрать любой городъ въ странѣ для своего пребыванія; онъ обѣщалъ также надѣлить ихъ льготами и привилегіями. Дѣйствительно масса студентовъ выселилась, тысячи отправились въ Оксфордъ, другіе во фран-

цузскіе провинціальные города. Для разрѣшенія дѣла по поводу убійства студентовъ королю послѣ долгихъ усилій удалось добиться наконецъ посредничества папы. Но это не привело ни къ чему и въ теченіи трехъ лѣтъ не прекращались споры; въ Оксфордѣ въ 1230 году студенты угрожали даже жизни кардинала Отто. Поваръ этого кардинала облилъ студентовъ кипяткомъ, почему они собрались громадной толпой, умертвили повара, а самъ кардиналъ изъ боязни подвергнуться той же участи долженъ былъ спасаться въ церковной башнѣ, откуда его освободили только при посредствѣ короля. Выселенія студентовъ, подобно описанному выше, случались позднѣй и изъ нѣмецкихъ университетовъ. Такъ напримѣръ въ январѣ 1805 года болѣе ста студентовъ перешло изъ Геттингенскаго университета въ Минденъ. Тогдашній Ландграфъ Гессена послалъ также депутата къ этимъ безпокойнымъ молодымъ людямъ и приказалъ ихъ пригласить въ Марбургъ, обѣщая, что здѣшніе профессора будутъ болѣе снисходительны и внимательны къ нимъ чѣмъ Геттингенскіе и что они могутъ продолжать слушать курсъ.

Лонгфелло въ Лондонѣ. Жизнь недавно умершаго, знаменитаго американскаго поэта, Лонгфелло не богата романическими приключеніями, такъ какъ поглощалась всецѣло поэтическими думами и научными занятіями, среди ласкъ дѣтей и невозмутимаго домашняго счастья. Но вотъ одинъ интересный случай бывшій съ поэтомъ во время его перваго путешествія въ Лондонъ. Онъ прибылъ туда въ воскресенье, столь мрачное и безотрадное въ этомъ протестантскомъ городѣ. Ни души не было на улицахъ, ни звука въ воздухѣ; повсюду глубокая тишина и полнѣйшее безлюдье. Видъ этихъ печальныхъ, пустыхъ улицъ произвелъ такое удручающее и сильное дѣйствіе на нервы поэта, что онъ впалъ въ глубокую грусть и залился слезами. „Что я буду здѣсь дѣлать, вскричалъ онъ въ отчаяніи, гдѣ никто меня не знаетъ, и гдѣ я могу даже умереть никѣмъ незамѣченнымъ“? Но въ эту самую минуту торжественный звукъ органа послышался среди общаго молчанія, изъ сосѣдней церкви. Поэтъ невольно направилъ свои шаги ко входу Божьяго храма. Вотъ онъ вошелъ въ него и помѣстился между молящимися. Молитва, игранная органомъ, была ему неизвѣстна; но затѣмъ священнослужитель всталъ и началъ гимнъ во славу Спасителя, извѣстный у англичанъ подъ именемъ Гимна Жизни, который вся толпа принялась пѣть съ благоговѣйнымъ увлеченіемъ. Тотчасъ же, разсказываетъ самъ Лонгфелло, мысли мои прояснились; все измѣнилось вокругъ меня. Я болѣе не былъ уже чужестранцемъ; я не былъ болѣе тѣмъ одинокимъ, безвѣстнымъ существомъ какимъ воображалъ себя. И я также соединилъ свой голосъ съ голосами другихъ молящихся и я пѣлъ какъ и другіе, Гимнъ Жизни, съ полной вѣрой въ это общее братство и любовь, въ которыхъ заключается его содержаніе.

Куреніе въ Мексикѣ. Въ Мексикѣ прилежные ученики въ видѣ награды получаютъ позволеніе курить сигару во время преподаванія въ классной комнатѣ. Когда цвѣтнокожій учитель въ теченіи класса желаетъ выразить свое удовольствіе, онъ позволяетъ всѣмъ школьникамъ курить, самъ-же, конечно, какъ истый мексиканецъ, все время держитъ во рту огромную сигару; кромѣ того противъ него на кафедрѣ стоитъ кружка съ мексиканскимъ виномъ, наполняемая ежедневно родителями учениковъ. Въ судахъ Мексики тоже курятъ и часто приходится видѣть курильщика на скамьѣ подсудимыхъ, выслушивающаго приговоръ суда съ сигарой во рту.

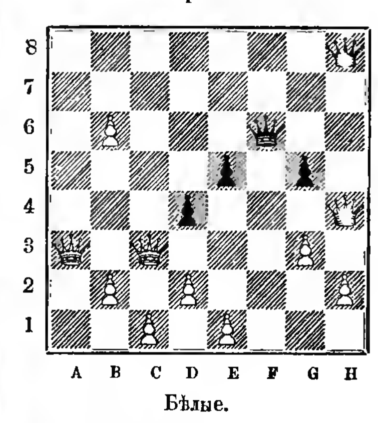
ИГРЫ И ЗАДАЧИ

РЕБУСЪ—ходъ коня. Задача № 74.

Шашечная задача № 75.

К. Цѣхановича.

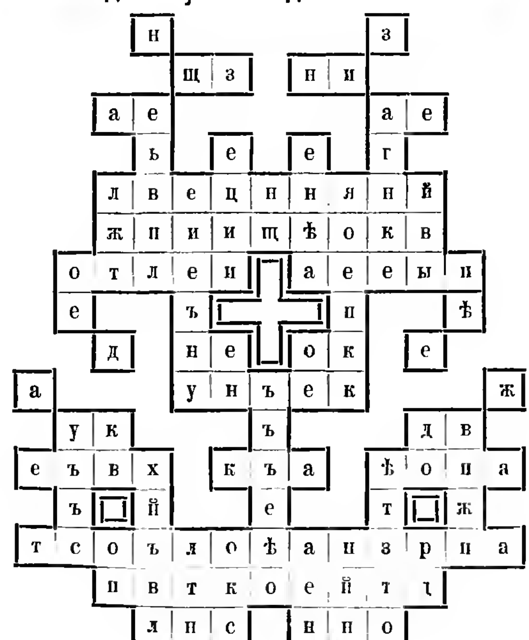
Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ въ 8 ходовъ.

Задача буквъ—ходъ коня № 72.



Алгебраическая задача № 73.

Фамилія одного извѣстнаго русскаго полководца состоитъ изъ 9 буквъ: если-же эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

1) Второе число на 1 менѣе шестаго числа.
2) Четвертое число втрое менѣе пятаго числа.
3) Разность между первымъ и третьимъ числами равна предпослѣднему числу.
4) Сумма седьмаго и послѣдняго чиселъ втрое болѣе втораго числа.
5) Пятое число вдвое менѣе шестаго числа.
6) Сумма третьяго и пятаго чиселъ на 1 менѣе перваго числа.
7) Сумма втораго и четвертаго чиселъ на 1 болѣе шестаго числа.
8) Разность между третьимъ и пятымъ числами втрое менѣе послѣдняго числа.
9) Сумма трехъ послѣднихъ чиселъ вдвое болѣе перваго числа.

Узнать фамилію этого полководца.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

НОВАГО УСТРОЙСТВА
ЧАСЫ СЪ ХРОНОГРАФОМЪ.

Большая секундная стрѣлка, отбивающая ⅕ секунды, которая при первомъ нажатіи кнопки пускается въ ходъ, при вторичномъ дѣйствіи останавливается и при третьемъ становится на О. Весьма удобно для наблюденіи, какъ-то: при испытаніи лошадей, давленія пара, хода судовъ и вообще гдѣ требуется опредѣлить точную вѣрность.

Анкерные заводящіеся безъ ключа въ никелевыхъ корпусахъ 32 р.

Въ серебряныхъ корпусахъ 35 р.

„ золотыхъ „ „ 75. 85 и 100 р. (смотря по вѣсу золота въ корпусѣ).

Ручательство на одинъ года.

Въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ,

поставщика Высочайшаго Двора, въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ проспектѣ, д. № 23, (противъ Больш. Конюшенной).

Въ Москвѣ: на Рождественкѣ, на углу Кузнецкаго моста, домъ № 6.

Подробные иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно. 10—4

Вниман. Гг. Иногор. торговцевъ обращ. на укс. 3-ой, выгодн. по крѣпости для транспорта.—На 100 р. дѣлаю 10% уступки покрыв. провозъ тройн. уксуса по жел. дор. до 600 верс. № 2214 10—6

ВЫКРОЙКИ

Деморестъ изъ Парижа. осень и зима 1882/83 Иллюстрированный Сборникъ въ 500 модныхъ гравюръ 1 руб.
И. ВАКОНЬ, Гороховая № 9. С.-Петербургъ № 2245 3—1

№ 1978 31

ПРИНИМАЮТЪ НА СЕБЯ ПОКРЫТІЕ И КРАСКУ ТОЛЕВЫХЪ КРЫШЪ

ШВЕДСКІЙ КАРДОНЪ.

КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ. № 2015 18—17

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ И ВСѢ СВѢДѢНІЯ ВЫДАЮТСЯ И ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ
ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ
послѣдуетъ

РОЗЫГРЫШЪ

XLV ЛОТТЕРЕИ

въ пользу

С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ДѢТСКИХЪ ПРІЮТОВЪ

ДЛЯ 5000 ПРИЗРѢВАЕМЫХЪ ИМИ ДѢТЕЙ

ВСЕГО 600 ВЫИГРЫШЕЙ

ИЗЪ НИХЪ ГЛАВНѢЙШІЕ:

Одинъ выигрышъ **225** фунтовъ серебра **84** пробы, столовый и чайный сервизы въ . . . . . 8,000 р.
Четыре выигрыша по **1,000** рублей . . . . . 4 000 „
Два выигрыша по **500** рублей . . . . . 1,000 „
Остальные пятьсотъ-девяносто-три выигрыша состоятъ изъ вещей: серебряныхъ и Высочайше пожалованныхъ, цѣнностію на . . . . . 14,000 „

Билетовъ на лоттерею назначено 50,000.

ЦѢНА БИЛЕТУ 1 РУБЛЬ.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Совѣта дѣтскихъ пріютовъ, по Казанской улицѣ, въ домѣ № 5, въ магазинахъ и въ кондитерскихъ. Иногородные же могутъ обращаться со своими требованіями въ С.-Петербургъ, въ Канцелярію Совѣта по упомянутому адресу, или-же для **большаго удобства**—въ одинъ изъ ближайшихъ къ мѣсту ихъ жительства дѣтскихъ пріютовъ въ слѣдующихъ городахъ: Архангельскѣ, Астрахани, Вильнѣ, Витебскѣ, Владимірѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Вяткѣ, Динабургѣ, Екатеринбургѣ, Екатеринославѣ, Енисейскѣ, Иркутскѣ, Калугѣ, Казани, Кишиневѣ, Кіевѣ, Ковнѣ, Костромѣ, Курскѣ, Минскѣ, Новгородѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Новочеркаскѣ, Орлѣ, Оренбургѣ, Одессѣ, Петрозаводскѣ, Пензѣ, Перми, Полтавѣ, Псковѣ, Ростовѣ на Дону, Рязани, Саратовѣ, Самарѣ, Симбирскѣ, Симферополѣ, Старобѣльскѣ, Таганрогѣ, Тамбовѣ, Твери, Тобольскѣ, Торопцѣ, Троицкосавскѣ, Томскѣ, Тулѣ, Уфѣ, Харьковѣ, Херсонѣ, Черниговѣ, Читѣ, Ярославлѣ, Якутскѣ, и также въ канцеляріяхъ Губернаторовъ: въ Эривани, Ригѣ, Ревелѣ, Митавѣ и Каменецъ-Подольскѣ.

О днѣ розыгрыша лотереи будетъ въ свое время объявлено въ газетахъ.

Выигрыши будутъ выдаваться только предъявителямъ цѣльнаго билета.
№ 2242 1—1

Князь Курбскій. Истор. Ром. Въ 4-хъ час. Временъ Іоанна Грознаго, соч. Федорова. Сп. 83 г. ц. 2 р.

Домашній Омутъ. Ром. Э. Золя Сп. 82 г. ц. 2 р.

Во Мракѣ. Соврем. Оригин. Ром. соч. Окрейца Сп. 82 г. ц. 2 р.

Сцены и куплеты **Изъ Еврейскаго быта.** 2-е Изданіе соч. Леонидова ц. 1 р. 25 к.

Временщики и Фаворитки XVI, XVII, XVIII, стол. соч. Биркина 3 т. Сп. ц. 5 р.

Новая Жизнь Ром. Ауербаха Сп. ц. 2 р.

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ, съ Рѣшен. Кассац. Деп—товъ Прав. Сената и съ прилож. I ч. X т. Граждан. Законовъ, Сп. 82 г. ц. 3 р. 2000 стр. Требуются изъ складу. Книгопрод. *В. И. Губинскаго.* (С.-Петерб. у Министер. Внутр. Дѣлъ) за пересыл. не платятъ. № 2244 2—1

УРОКИ

англійскаго языка по новѣйшей методѣ преподаетъ внѣ дома Невскій просп., д. Католической церкви, кв. 26, Н. В.

Изданіе А. Ф. Маркса.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Марлитта.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к., для подписч. „НИВЫ" 1882 г. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины II. *Н. Петрова* и *в. Клюшникова* Ц. 1 р. для подписч. „НИВЫ" 1881 г. 75 к. съ перес. 1 р.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ.

Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болей, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя. № 1908

5-го сентября вышла и поступила въ продажу, во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, книга

СКОБЕЛЕВЪ.

Личныя воспоминанія и впечатлѣнія **В. И. Немировича-Данченно.**

Цѣна въ литогр. обложкѣ 2 р., въ изящномъ переплетѣ—3 р.

Книга заключаетъ въ себѣ около 23-хъ листовъ текста, четыре портрета и факсимиле письма М. Д. Скобелева,—Личное и весьма близкое знакомство автора со Скобелевымъ дало возможность внести въ книгу совершенно новые и неизвѣстные еще матеріалы и разсказы изъ жизни почившаго героя. Г. Немировичъ-Данченко, какъ извѣстно, въ качествѣ корреспондента, сдѣлалъ съ покойнымъ Скобелевымъ всю минувшую турецкую кампанію.

Главный складъ у книгопродавца-издателя **А. Ф. Девріена,** С.-Петербургъ, Вас. Остр., Румянцев. Площ., соб. домъ. № 2243 1—1

Гг. иногородные, выписывающіе отъ А. Ф. Девріена, за пересылку не платятъ.

НОВАЯ КНИГА

Аптечка-самопомощь (въ отсутствіе врача). I. Средства выдаваемыя изъ аптеки безъ рецепта и ихъ примѣненія.—II. Вода и ледъ у постели больнаго.—III. Признаки отравленій и домашнія противоядія. **Составилъ М. И. Зусмановичъ.**

Цѣна 30 коп., съ перес. 40 коп.

СКЛАДЪ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ и Комп.

Невскій просп., д. Армянской церкви. Mt. № 2241 1—1

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной управы.

ПУДРА ВЕЛЮТИНЪ

придаетъ кожѣ нѣжный особенно свѣжій видъ, замѣняетъ всякую рисовую пудру и бѣлила.

ПУДРА ДОНГОЛА

розовая, охлаждающая лицо.

РУМЯНА и БѢЛИЛА сухія и жидкія

КРЕМЪ ЭССЪ ФЛОВЕРСЪ.

КРЕМЪ КАМЕЛІЯ

бѣлая и розовая.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ,** д. № 32, Католической церкви.
2) **Невскій проспектъ,** у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій проспектъ,** уголъ Казанской ул., домъ № 18—54. Шредера.

Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. № 22 6 2—1

Дозволено цензурою. СПБ. 29 сентября 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ | № 41 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XIII | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 9 Октября 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

О разсылкѣ преміи „НИВЫ" на 1882 годъ.

При слѣдующемъ № 42 будетъ разослана, въ картонномъ футлярѣ, обѣщанная гг. **годовымъ** подписчикамъ „Нивы" (получающимъ журналъ чрезъ почту) **ПРЕМІЯ—очень большая картина знаменитаго нашего художника, профессора В. И. ЯКОБІЯ, печатанная красками,** (62½ сант. ширины и 82 сант. высоты). Содержаніе картины взято изъ извѣстнаго романа графа А. К. Толстого: „Князь Серебряный" и имѣетъ названіе:

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ".

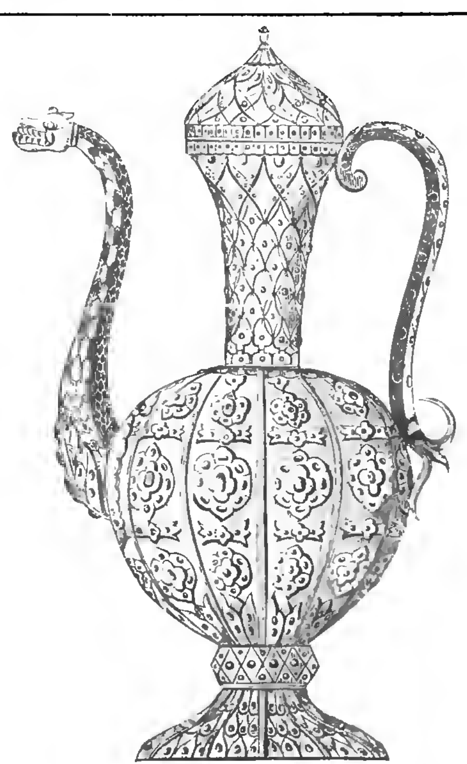
Въ случаѣ неполученія кѣмъ либо при № 42 такаго футляра съ преміей, издатель проситъ увѣдомить о томъ Контору журнала немедленно, **не позже** какъ съ полученіемъ № 43.

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ **безъ доставки** въ С.-Петербургѣ или Москвѣ, будетъ выдана эта премія при № 42 **въ той конторѣ** или **магазинѣ, чрезъ которые они получаютъ „Ниву".**

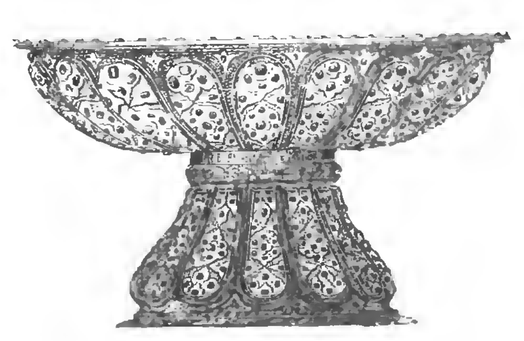
Обращаемъ вниманіе читателей на предупрежденіе, на стр. 968, обращаться осторожно, вынимая премію изъ футляра и не скатывать ее въ обратную сторону.

Рукомойникъ и стоянецъ Царицы Наталіи Кирилловны.

Наши предки вообще отличались богатствомъ какъ золотой такъ и серебряной посуды, составлявшей одно изъ главныхъ украшеній каждаго зажиточнаго дома. Посудой тогда щеголяли и выставляли ее на показъ при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ признакъ богатства и роскоши; это стремленіе возбуждать общій восторгъ и удивленіе количествомъ и цѣнностью домашней посуды замѣчалось не только у частныхъ людей но даже на всѣхъ торжествахъ и пріемахъ нашего стариннаго Двора. Обыкновенно вся роскошная придворная посуда хранилась на казенномъ дворѣ и лишь въ торжественные дни брали ее оттуда для убранства Грановитой, Золотой или какой либо другой пріемной палаты. Особенно дорожили въ этомъ случаѣ какой нибудь затѣйливой посудой, имѣющей напримѣръ форму крылатаго змѣя, павлина, пѣтуха или иного, часто даже фантастическаго звѣря или птицы. Кромѣ того у каждаго отдѣльнаго



Стоянецъ Царицы Наталіи Кирилловны.



Рукомойникъ Царицы Наталіи Кирилловны.

члена царской семьи была тогда особая коллекція такихъ рѣдкостей, издѣлій, хитрыхъ и узорчатыхъ и вообще громадное количество самой разнообразной посуды и утвари. Однимъ изъ прекрасныхъ образцовъ нашей древней царской посуды можетъ служить рукомойникъ и стоянецъ Царицы Наталіи Кириловны, изображенные на нашихъ рисункахъ и хранящіеся въ числѣ другихъ драгоцѣнностей Московской оружейной палаты.

Въ старину рукомойники и лахани принадлежали къ такъ называемой *стряпнѣ* т. е. къ предметамъ или запаснымъ вещамъ, употребляемымъ при выходахъ и походахъ царскихъ, а также для умовенія рукъ въ храмахъ передъ божественной литургіей а также послѣ допущенія къ рукѣ иноземныхъ пословъ. Иногда такіе рукомойники и поставцы были роскошныя произведенія искусства изъ дорогаго металла, щедро унизанные драгоцѣнными камнями, какъ это мы видимъ на умывальникѣ и стоянцѣ Царицы Наталіи Кириловны. Оба эти сосуда золотые, украшенные финифтью и усыпанные алмазами, изумрудами и яхонтами, сдѣланы въ восточномъ вкусѣ въ Московской Мастерской Палатѣ по указу Царицы, какъ это видно изъ слѣдующей надписи эмалью, имѣющейся на стоянцѣ. „Лѣта 7200 (1692) генваря въ 1-й день, симъ стоянцемъ и рукомойникомъ пожаловала Великая Государыня, Благовѣрная Царица и Великая Княгиня Наталія Кирилловна, внука своего, благовѣрнаго Государя Царевича и Великаго Князя Алексѣя Петровича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи."

Стоянецъ при этомъ умывальникѣ замѣнялъ для царевича маленькую лохань. Собственно же стоянцемъ назывался обыкновенно небольшой сосудъ въ формѣ блюдца или корзинки на поддонѣ, который выносился при царскихъ выходахъ и предназначался для мыла.

Въ описи Оружейной Палаты какъ рукомойникъ такъ и стоянецъ описываются чрезвычайно подробно и каждый камешекъ указанъ здѣсь съ обозначеніемъ занимаемаго имъ мѣста. Изъ этой то длинной описи мы узнаемъ, что рукомойникъ и стоянецъ Царицы Наталіи Кириловны украшаютъ 66 алмазовъ, 728 яхонтовъ и 661 изумрудъ. Вѣсъ же обоихъ сосудовъ опредѣленъ въ 5 фунтовъ и 84 золотника.

Въ южной глуши.

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

П. П. Гнѣдича.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Водевиль кончился подъ громъ аплодисментовъ. Таганцевъ кричалъ на плотниковъ, чтобы скорѣе перевертывали панильонъ. Водевиль былъ, такъ сказать, увертюрой спектакля. Всѣ надежды Таганцевъ полагалъ на комедію, отлично срепетованную. Играющіе были очень удачно подобраны къ ролямъ. Піеса была одно изъ тѣхъ замѣчательныхъ издѣлій современной драматургіи, которыя легко, плавно смотрятся зрителями, съ улыбкой отъ начала до конца, гдѣ всѣ, отъ столѣтнихъ старцевъ до грудныхъ дѣтей, говорятъ однимъ слогомъ, и гдѣ всѣ герои до крайности глупы. Такія піесы нисколько не утомляютъ зрителя, и сію же минуту послѣ спектакля забываются навсегда. Роли распредѣлены были такъ. Примадонна—обольстительная вдовушка—Анна Павловна. Ingénue—Вѣрочка. Резонеръ—Ярцевъ. Jeune comique—Таганцевъ и Jeune premier—какой-то заѣзжій изъ Казани студентъ, страшно картавившій и гнусившій.

Вѣрочка вышла изъ уборной въ легкомъ кисейномъ платьицѣ съ бантами, съ нарумяненными щечками, подведенными глазами и бровями. Парикмахеръ спустилъ ей на лобъ нѣсколько колечекъ, отчего лицо ея стало вдругъ ужасно плутоватымъ. Таганцевъ смотрѣлъ на нее и не вѣрилъ: она, или не она?.. Она, потому что онъ давно изучилъ ее и знаетъ эти глазенки, эти маленькія раздувающіяся ноздри, крохотныя сочныя губки; не она—потому что у нея нѣтъ такихъ черныхъ ровныхъ бровей, бѣленькаго носа, розоваго подбородка и этихъ завиточковъ. Но и такъ она, и въ этомъ видѣ, прелесть какъ хороша...

— Батюшки уродъ какой! закричала она, хлопая въ ладоши и повертывая во всѣ стороны Мармышева, игравшаго ея отца.—Да я васъ боюсь... Носъ у васъ какой красный. Вотъ страсть-то!..

— Что, барышня, трусите? спросилъ въ отвѣтъ Мармышевъ, забирая въ свои огромныя мохнатыя лапы ея маленькую, атласную ручку и лукаво посматривая на нее. Страшновато...

— Немножко... Роль свою я знаю твердо...

— Да я не о томъ,—не объ этомъ...

Она покраснѣла, выдернула руку, и отвернулась...

Антрактъ вышелъ довольно длинный. Таганцеву было хлопотъ по горло. Сердце его все больше и больше сжималось при мысли, что будетъ черезъ нѣсколько часовъ. Онъ подставлялъ парикмахеру свой подбородокъ, чувствовалъ, какъ лакъ, съ острымъ спиртнымъ запахомъ, жегъ ему кожу, и какъ парикмахеръ нажималъ полотенцемъ приклеённую бородку. И все въ головѣ его мелькала фраза Мармышева: „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ!" Противъ него, на диванѣ, сдвинувъ въ сторону кучу платья и присѣвъ на самый кончикъ, философствовалъ протопопъ.

— Весьма занимательно! — говорилъ онъ. Драматическое искусство безспорно искусство величайшее, — въ немъ, такъ сказать, соединяется поэзія, живопись и пластика. Остается только сожалѣть, что вы не останавливались на Шекспирѣ.

— Помилуйте, батюшка, — какъ-же можно у насъ Шекспира, — возражалъ неохотно Таганцевъ, морщась отъ горячихъ щипцовъ, которыми парикмахеръ выправлялъ тотъ непослушный „хвостикъ" на усахъ, о которомъ соболѣзновала Вѣрочка.

Со сцены зазвенѣлъ колокольчикъ. — Онъ послѣдній разъ глянулъ въ зеркало и поднялся.

— Борисъ Ѳедоровичъ? вы готовы. Зовутъ,—пора на сцену. Лухмановъ. — ради Бога не перепутайте теперь книгъ. Подавайте все подъ рядъ, только не громко, и не сбивая тѣхъ, кто знаетъ роли... Слышите? кончаютъ антрактъ?..

У самыхъ дверей сцены Лухмановъ столкнулся съ Чмутовымъ. Лицо его было вытянуто и блѣдно...

— Ну, — теперь ваша супруга съ m-r Ярцевымъ отличаться будетъ, сказалъ онъ, щуря одинъ глазъ.

— Развѣ они только вдвоемъ играютъ? спросилъ сдерживаясь Чмутовъ.

— Какже-съ. Это у насъ премьеры! Любовную канитель во всѣхъ актахъ разводятъ. Интересно, domine... Особенно вамъ: все таки, вѣдь супруга...

И вѣжливо поклонившись, онъ скользнулъ на сцену. Чмутовъ сжалъ кулаки, понурился, и зашагалъ въ зрительную залу. Онъ приходилъ на сцену взглянуть на жену. Она на него не обратила ни малѣйшаго вниманія, нѣсколько разъ проходя мимо,—точно его не существовало... Чмутовъ былъ окончательно взбѣшенъ и подавленъ...

VII.

Анну Павловну, говоря театральнымъ жаргономъ, „встрѣтили". При поднятіи занавѣса, она играла на фортепіано. Взрывъ рукоплесканій ее нѣсколько смутилъ: она оглянулась — не относится-ли этотъ пріемъ къ Вѣрочкѣ, которая показывается въ дверяхъ и начинаетъ піесу. Но Таганцевъ былъ опытный режиссеръ, онъ, выждавъ конецъ рукоплесканій, выпустилъ Богучарову — и новый раскатъ привѣтственныхъ аплодисментовъ прокатился по залѣ.

— Вотъ у насъ какъ! промычалъ про себя Мармышевъ.

— Прелесть моя. — шепталъ Таганцевъ, — смотрите пожалуйста, какъ она сразу взяла,—вѣдь не оборвется... точно весь вѣкъ на сценѣ...

— Если Богучаровъ приданаго не дастъ. — смѣясь сказалъ ему тихо Мармышевъ, — вотъ-бы вамъ съ ней поступить въ труппу...

— Ну, Семенъ Никитичъ, — руку на счастье, — проговорилъ Таганцевъ, прислушиваясь къ концу явленія. Пожелайте успѣха: мнѣ выходить.

Нервная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. — „Ни дать, ни взять то ощущеніе, когда подходишь къ экзаменаціонному столу и вынимаешь билетъ“, — подумалъ онъ. вспоминая кавалерійское училище.

Желтой, ослѣпительной полосой сверкула предъ нимъ рампа. Веселое, улыбающееся личико Вѣрочки, съ милымъ любопытствомъ уставившейся на него, мелькнуло на мгновеніе; за рампой, въ душной залѣ, все головы, головы, головы... Всѣ хохочутъ. Онъ слышитъ явственно голоса въ первомъ ряду:

— Таганцевъ, Таганцевъ... Мастеръ, что говорить...

Онъ присѣлъ на стулъ, противъ Анны Павловны, положилъ руки на маленькій мраморный столикъ,—и скороговоркой началъ свой заученый разсказъ. Съ перваго слова онъ почувствовалъ, что это то̀, что лучше начать нельзя: онъ это чувствовалъ и по смѣющимся глазамъ Анны Павловны, и по шепоту публики, а главное—по физіономіи отца Михаила, съ восторгомъ высунувшагося изъ окошка... Вѣрочка хохотала за его стуломъ совершенно натурально, — веселость ея сообщалась зрителямъ, и вся зала, какъ одинъ человѣкъ, тряслась отъ смѣха.

— Смѣйтесь, смѣйтесь,—думалъ про себя Таганцевъ. продолжая разговоръ, и въ то же время слѣдя за цѣпью мыслей возникавшихъ одна за другою въ головѣ,—а я все таки увезу... Вотъ теперь сижу на авансценѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, и она тутъ-же... А послѣ спектакля узнайте, куда мы дѣвались...

Толчекъ піесѣ былъ данъ—и она покатилась какъ по рельсамъ.—„Ярцевъ-то какъ у насъ играетъ“,—твердилъ всѣмъ Таганцевъ, то̀ за кулисами, то̀ на сценѣ,—смотря по тому, куда его бросалъ ходъ піесы:—„вѣдь вотъ антикъ! Никакъ я представить не могу — чего онъ не умѣетъ, или дѣлаетъ плохо... На поляхъ сѣетъ, статьи какія-то пишетъ, романсы сочиняетъ, барынь въ соблазнъ вводитъ. Антикъ, да и только“!..

— Что-то ужь очень они натурально разговариваютъ.— удивился Мармышевъ, слушая разговоръ Анны Павловны и Ярцева.

— Спѣлись, тонко замѣтилъ Таганцевъ,—и снова потянулъ часы изъ кармана.

Его безпокоило одно: что дѣлать съ m-lle Ernestine? Онъ ранѣе объ этомъ не подумалъ. Несомнѣнно француженка явится сейчасъ послѣ спектакля въ уборную и станетъ помогать раздѣваться. Онъ сообщилъ Мармышеву свои опасенія...

— Ну, она едва-ли помѣшаетъ, отвѣтилъ тотъ: — у нея зубы разболѣлись: она ничкомъ на диванѣ лежитъ...

— Пройдутъ до тѣхъ поръ, — съ сожалѣніемъ, замѣтилъ гусаръ...

— А мы мѣры предпримемъ... ужь вы на меня положитесь... Дайте солдатика мнѣ, чтобъ въ аптеку сбѣгалъ... Да надо, чтобъ Лухмановъ два словечка черкнулъ... Это все можно...

— Талантливо играютъ,—потряхивая бородой повторялъ протопопъ.—Такую игру смотрѣть—наслажденіе...

— А во сколько времени, батюшка, можно покончить вѣнчанье? внезапно спросилъ Таганцевъ.

— Что это вы вдругъ, о чемъ? удивился отецъ Михаилъ.

— Такъ... любопытно. Если очень скоро отслужить?..

— Да скоро покончить можно—минутъ въ двадцать. Ужь вы не жениться-ли собрались?

— Нѣтъ,—я такъ полюбопытствовалъ.

Въ залѣ становилось все жарче и жарче. Дамы обмахивали себя вѣерами и платками, мужчины отдувались, не знали куда дѣваться, мечтали о томъ какъ-бы выпить чайку, закусить и курнуть. Впрочемъ, игривость піесы всѣхъ подбодряла... Жара на сценѣ, и отъ лампъ, и оттого что подмостки были высоки — была ужасная. Гораздо лучше было въ уборныхъ, тамъ окна были раскрыты настежъ...

На репсовомъ маленькомъ диванчикѣ охала m-lle Ernestine, то закатывая глаза къ небу, то зарываясь въ подушку. Мармышевъ, сидя возлѣ на стулѣ, утѣшалъ ее.

— Потерпите,—говорилъ онъ.—Я послалъ въ аптеку. Мигомъ принесутъ пилюлечки, и васъ онѣ успокоятъ. Прекрасныя пилюли. — я всегда ихъ во время зубной боли употребляю... Вы немножко уснете и черезъ полчаса все какъ рукой сниметъ.

Француженка открывала глаза, благодарно взглядывала на него и опять закрывала.

У Мармышева было еще дѣло: надо было попросить Анну Павловну, когда окончится спектакль, запереться въ уборной, и какъ можно дольше переодѣваться, чтобы дольше не хватились Вѣрочки, думая что она въ уборной. Онъ рѣшился прямо сказать Чмутовой въ чемъ дѣло: съ этой стороны опасаться было нечего...

А время бѣжало въ суматохѣ незамѣтно, и часовыя стрѣлки давно уже перешли за полночь...

VIII.

Губернаторъ пріѣхалъ передъ началомъ послѣдняго акта. Въ первомъ ряду креселъ произошелъ переполохъ;—кого-то пересаживали въ задніе ряды, въ свою очередь смѣщая съ своихъ мѣстъ тѣхъ, кто занималъ дальнія мѣста. Раскисшіе отъ жары зрители подбодрились; генералъ, улыбаясь, прошелъ впереди исправника, въ первый рядъ, сунувъ, предварительно, въ кружку сторублевую ассигнацію. Кивая на всѣ стороны головой и показывая изъ подъ усовъ черные зубы, онъ усѣлся рядомъ съ Богучаровымъ.

— Пріятно пораженъ, пріятно пораженъ,—говорилъ онъ, проглядывая афишу.—Крупнѣйшіе землевладѣльцы, ихъ жены и дочери на почвѣ филантропіи... Примѣръ достойный подражанія...

Въ рукахъ у него тотчасъ же оказался бинокль, и онъ такъ и впился имъ въ сцену.

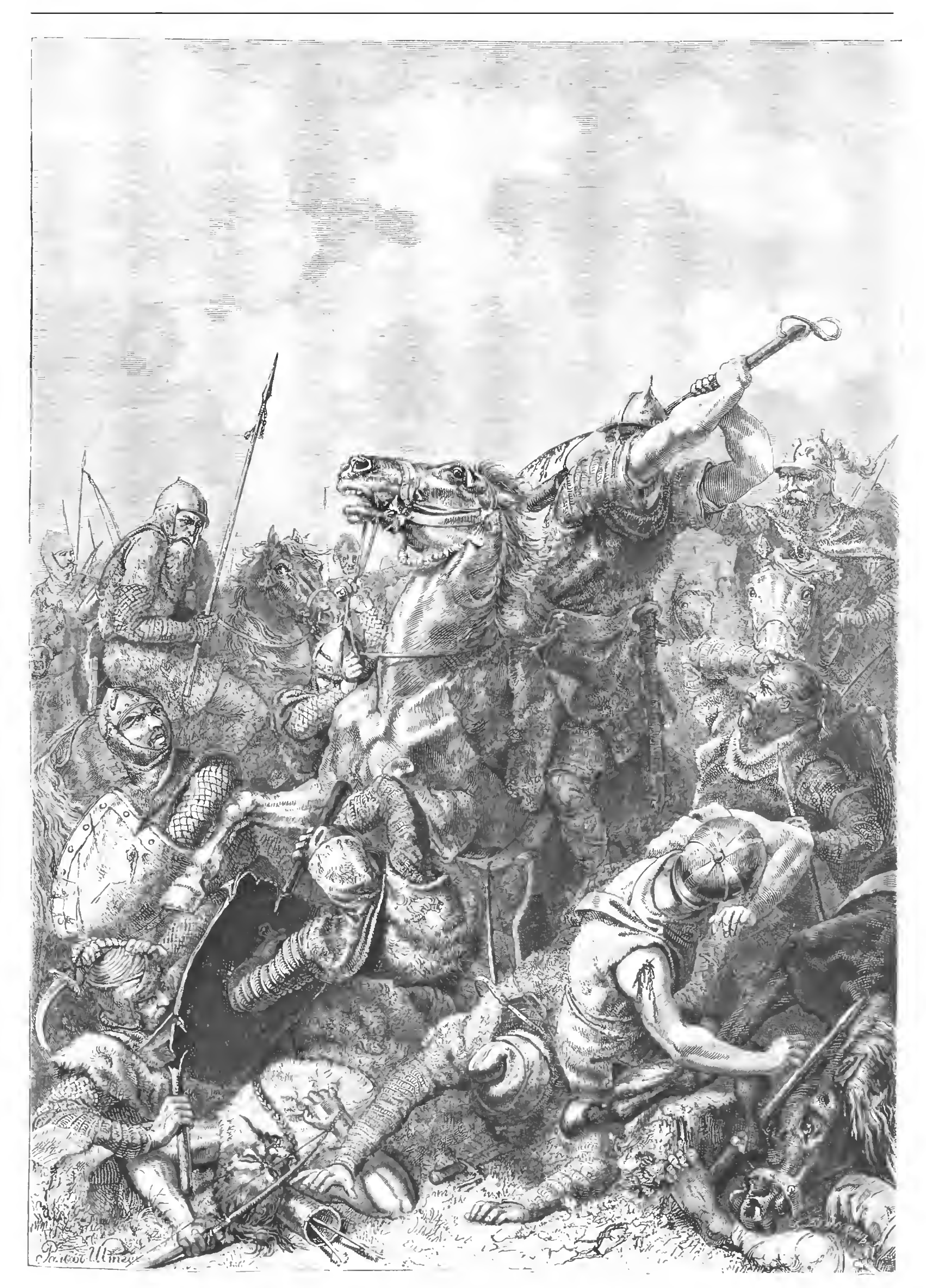
— Лагранжъ! чистѣйшая Лагранжъ! говорилъ онъ Богучарову, разглядывая его дочь... Переношусь мечтою въ Петербургъ... M-me Чмутова идеальна. Делапортъ!.. Тонкость, вкусъ...

Онъ захлебывался отъ восторга и все бормоталъ:

— Пріятно пораженъ, пріятно пораженъ...

Спектакль прошелъ съ громаднымъ успѣхомъ. Послѣдніе вызовы кончились. Раскраснѣвшаяся отъ жара и волненія Вѣрочка безъ конца выходила вмѣстѣ съ Анной Павловной и раскланивалась знакомымъ. Губернаторъ цѣловалъ у обѣихъ ручки, трепалъ по плечу Ярцева, который ему оказался какимъ-то племянникомъ. Протопопъ поздравлялъ Вѣрочку „съ талантомъ“; быстро умывшійся и стащившій съ себя парикъ, Таганцевъ растерянно ходилъ за ней по пятамъ. Мармышевъ и Лухмановъ исчезли куда-то. Наконецъ ламповщикъ погасилъ рампу; музыканты перешли на сцену, и солдаты стали охапками выносить изъ залы стулья: послѣ спектакля были назначены танцы.

Безпокойная тоска охватывала Чмутова. Онъ чувствовалъ въ груди какой-то камень, давившій его. Голова отказывалась работать. Онъ не могъ вздохнуть какъ надо. Онъ стоялъ прислонившись къ стѣнѣ, смотрѣлъ, какъ солдаты чистили швабрами полъ и все былъ занятъ одною и тою-же мыслью: „уйдетъ... когда?.. ска-



Литературный альбомъ. „Гаконъ слѣпой“, Баллада графа А. К. Толстаго.
Ориг. рисун. Р. Штейна, грав. К. Вейерманъ.

Ночная охота въ камышахъ на островахъ Волжскаго устья (близь Астрахани).
По наброску Н. Сергѣева, рисов. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

жетъ-ли мнѣ?.. Смѣетъ-ли она уйти, имѣетъ-ли на это право?.. Если я вступлю въ свои права? И если уйдетъ, то куда: въ Петербургъ къ матери, или къ Ярцеву?..

Къ нему подошелъ Богучаровъ. Старый генералъ весь разцвѣлъ отъ успѣха своей дочки.

— Какова моя стрекоза,—а? говорилъ онъ. Я думалъ она шуткой-шуткой дурачится, а она ва — поди! Какія тонкости подвела...

— Прекрасно играетъ, машинально замѣтилъ Чмутовъ.

— И вѣдь откуда научилась?—недоумѣвалъ Богучаровъ. Въ Москвѣ въ театрѣ очень рѣдко мы бываемъ,—наѣздами въ Петербургѣ Михайловскій театръ посѣщали,—и вдругъ такъ насобачилась!.. а?..

— Это врожденное, совсѣмъ унавшимъ голосомъ отвѣтилъ его собесѣдникъ.

— Теперь устала, лежитъ, понижая голосъ до ласковаго полушепота, заключилъ генералъ. Пускай немножко отдохнетъ. Вѣдь еще чего добраго танцовать будетъ...

И онъ отошелъ, тяжело ступая своими грузными ступнями... Чмутовъ тоскливо оглядывался: онъ все ждалъ, скоро-ли его жена выйдетъ изъ уборной.

Первые звуки ритурнеля звонко раздались въ освѣщенной залѣ. Бравый маіоръ, дирижеръ танцевъ, брянцая шпорами, пронесся черезъ залу. Зашевелились стулья, запестрѣли по стѣнамъ платья.

Губернаторъ вдругъ объявилъ, что у него ревматизмъ и уѣхалъ, увозя съ собою нѣсколько офиціальныхъ лицъ города. У входа показалась Анна Павловна. Чмутовъ, осторожно шагая между трэновъ, направился къ ней. Но почти предъ самымъ его носомъ маіоръ, изящно изогнувшись, попросилъ ее на первый туръ вальса. Она наклонила голову, выпустила изъ рукъ вѣеръ, который повисъ на шнуркѣ между складокъ ея платья, и высоко приподнявъ лѣвую руку, оперлась на его плечо. Онъ схватилъ ее за талію и они кружась понеслись вокругъ залы.

Чмутовъ ждалъ на мѣстѣ ея возвращенія. Сдѣлавъ два тура, маіоръ примчалъ ее къ стулу, и вѣжливо раскланялся. Чмутовъ наклонился къ ней.

— Борисъ Өедоровичъ, — окликнула она вошедшаго Ярцева, и не дожидаясь пока онъ подойдетъ, сама пошла ему на встрѣчу.—Проводите меня на тотъ конецъ залы, сказала она, продѣвая свою руку возлѣ его локтя. Вальсировать я больше не буду, а кадриль будемте танцовать вмѣстѣ...

Кровь кинулась Чмутову въ голову, онъ даже зубами скрипнулъ. — „Такъ открыто, явно, при всѣхъ, — да что-же это?“...

— Ну что, вы кажется оправились совсѣмъ, спрашивалъ ее Ярцевъ, усѣвшись рядомъ на стулѣ.

— Да,—совершенно. Мнѣ очень хорошо. Я вотъ теперь, въ эту минуту такъ счастлива, такъ счастлива... И не знаю отчего. Вѣдь ничего, кажется не случилось такого... А между тѣмъ я чувствую, что будетъ что-то хорошее и скоро...

— Скоро?..

— Меня мужъ отсылаетъ въ Петербургъ,—съ небрежной улыбкой сказала она.

Онъ испуганно взглянулъ на нее.

— И вы ѣдете?..

— Ѣду... можетъ быть ѣду.

Онъ какъ-то повелъ плечомъ и ничего не отвѣтилъ.

— А вы остаетесь здѣсь? спросила она.

— Конечно. У меня вѣдь хозяйство...

Она весело посмотрѣла на него.—Какъ я привыкла къ вамъ за послѣднее время, ужасъ, сказала она.

— Это жаль,—возразилъ онъ.

Теперь она съ изумленіемъ на него посмотрѣла.—Жаль,—протянула она,—да почему же жаль?

— Да потому что... ну хоть просто потому, что теперь, при разставаніи, жалко будетъ разлучаться...

— Да вѣдь можно не разлучаться,—чуть слышно, словно сама себѣ, прошептала она.

— Что? радостно спросилъ онъ.

— Пріѣзжайте къ намъ завтра къ обѣду,—сказала она.—Или лучше вечеромъ... Къ вечеру все будетъ кончено...

Она, улыбаясь, оглянулась. Танцы были въ полномъ разгарѣ: вокругъ все кипѣло жизнью, молодостью, веселостью. Большинство дѣвицъ танцовало въ первый разъ, танцовало съ увлеченіемъ, съ первымъ страстнымъ порывомъ молодости, танцовало такъ, чтобы потомъ всю жизнь вспоминать этотъ душный вечеръ...

— Помните,—заговорила она опять,—помните, разъ, это еще до моего замужества, когда вы пріѣхали къ намъ въ сумеркахъ, лампы еще не были зажжены, а я заснула на диванѣ въ угольной...

— Помню... что это вамъ вздумалось?

— Такъ... Вы меня тогда разбудили,—я такъ испугалась. А помните, какъ разъ на каткѣ на льду, я упала, а вы кинулись меня поднимать?.. Мнѣ очень стыдно было передъ вами, что я упала... Отчего это бываетъ, что иныя мелочи, пустяки, такъ врѣжутся въ память, что потомъ ихъ никакъ изъ головы не выкинешь: ужь такъ навсегда они тамъ и остаются?.. А то иногда, знаете, какъ бываетъ,—вспоминаешь тѣ вещи, которыя ужь давно забыла... Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ! За послѣдніе дни я вспоминаю все случаи, самые мелочные случаи изъ своего дѣтства, про которые я давнымъ давно забыла... Вы понимаете, что я хочу сказать?..

— Понимаю,—что-жь тутъ не понять?..

— А *онъ* не понимаетъ,—морщась сказала она.—Онъ говоритъ, что я пустяки говорю, что мнѣ глупыя мысли въ голову лѣзутъ, что я глупа, фантазерка...

— Ну вотъ опять вы нахмурились!

— Не буду! весело возразила она.—Не буду! я говорю вамъ, что предчувствую что-то хорошее. Смотрите—начинается контр-дансъ. У васъ есть визави?..

IX.

Слухъ о томъ, что Вѣра Богучарова пропала, вдругъ пронесся по залѣ. M-lle Ernestine не могли добудиться: она спала, какъ убитая, истомленная зубной болью. Анна Павловна говорила, что въ уборную къ ней Вѣрочка не возвращалась—и она не знаетъ гдѣ она. Поблѣднѣвшій генералъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, смутно догадываясь, что это дѣло Таганцева.

— Позоръ, позоръ! шептали его старческія губы... Зачѣмъ же такъ: огласка на весь городъ... Прокляну ее... Ничего не дамъ: пусть нищенствуетъ съ своимъ милымъ...

О Таганцевѣ никто не могъ дать толковыхъ отвѣтовъ, только полковой писарь говорилъ, что проходя заднимъ проулкомъ, ему показалось, будто бы ротмистръ съ барышней въ коляску Мармышева садился, а коляска была „чертями“ заложена.

— Воротить, догнать!.. Но куда поѣхали?.. Да и такъ давно. Наконецъ вѣдь не даромъ же Мармышевъ выѣздилъ свою тройку: кому съ ней тягаться?..

Обстоятельства побѣга какъ-то оборвали веселость. Маменьки всполохнулись и рѣшились ѣхать домой, не внимая мольбамъ маіора. Чмутовъ тоже почему-то заторопилъ жену.

Когда она ушла собираться, Ярцевъ подошелъ къ нему.

— Сейчасъ я узналъ,—сказалъ онъ, что въ Столпягахъ чума на волахъ,—надо повѣрнѣе разузнать, и принять мѣры. Я думаю пораньше утромъ послать верховаго...

— Перекопаемъ дороги, — отвѣтилъ Чмутовъ.—чего тутъ стѣсняться...

— Завтра я къ вамъ пріѣду поговорить объ этомъ дѣлѣ...

Чмутовъ вздрогнулъ, и прямо уставился своимъ молочно-безцвѣтнымъ взглядомъ на Ярцева.

— Можете и не пріѣзжать, сухимъ, отчетливымъ голосомъ выговорилъ онъ.

— Какъ вы сказали? переспросилъ Ярцевъ, полагая что онъ чего-то не дослышалъ...

— Я говорю, что можете и не пріѣзжать, повторилъ онъ, преднамѣренно возвышая голосъ.—Вообще я долженъ вамъ сказать, что я принужденъ лишить себя удовольствія видѣть васъ въ своемъ имѣніи...

Ярцевъ первый разъ въ жизни почувствовалъ такое оскорбленіе. Возможно сдерживаясь, онъ холодно спросилъ:

— Могу узнать причину?..

— Полагаю, что вы ее знаете! Голосъ Чмутова дрожалъ отъ нервнаго волненія.—Принимать васъ въ домъ я считаю... неприличнымъ...

Будь это просто Чмутовъ, сынъ подрядчика, печатавшій въ петербургскихъ газетахъ статьи о народномъ образованіи, Ярцевъ повернулся бы къ нему спиною и ушелъ, но вѣдь онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея мужъ...

— Вы даете себѣ отчетъ въ томъ, что говорите? спросилъ онъ.

— Вполнѣ. Или вы, или я!..

Спазмы давили горло Ярцева.—Слѣдовательно что-же? продолжалъ онъ.

— Слѣдовательно: *я*, — силясь улыбнуться проговорилъ Чмутовъ, и поклонившись хотѣлъ идти...

— Или: *я*! внезапно возразилъ Ярцевъ.

Чмутовъ остановился. Глаза его забѣгали.

— Значитъ надо рѣшить этотъ спорный вопросъ? сказалъ онъ.

— Я къ вашимъ услугамъ...

Чмутовъ потеръ лобъ. — Завтра, сказалъ онъ, вы получите отъ меня записку... или къ вамъ кто нибудь пріѣдетъ...

Всѣ стали расходиться и разъѣзжаться. На дворѣ давно ужь свѣтало. Фонари догорѣли и тихо покачивались на веревочкахъ своими бумажными пузатыми шарами. Утренній холодокъ пронизывалъ до костей вышедшихъ изъ теплой, душной залы.

Когда Чмутовы выѣхали за городъ, было уже совсѣмъ свѣтло и золотистый молодой блескъ на востокѣ, разливаясь изъ за лиловой, тяжелыми пластами лежавшей на горизонтѣ тучи, предвѣщалъ скорый восходъ. Анна Павловна, куталась въ тальму, закрывая ею лицо до глазъ...

— Послушайте,—сказалъ ей мужъ по французски, скверно выговаривая слова, но не желая, чтобы кучеръ и горничная, сидѣвшіе на козлахъ поняли ихъ разговоръ.—Еслибы вы увидали... еслибы я внезапно умеръ. Скажите правду, какое бы впечатлѣніе это на васъ произвело?

— Я не знаю, отвѣтила она помолчавъ.

Онъ отвернулся; она опять стала смотрѣть на алѣющее небо. Ширококрылый аистъ, словно огненный, озаренный пурпуровымъ свѣтомъ зари, плавно несся имъ на встрѣчу... „Свобода!“ машинально сказала она,—и ей самой стало непріятно, что она сказала это громко...

Ея мужъ откинулся въ лѣвый уголъ коляски и опять поникъ головой...

X.

Когда Таганцевъ впервые заговорилъ о свидѣтеляхъ, Мармышеву пришла въ голову мысль заручиться Лухмановымъ, который ужь два раза навѣдывался къ нему, прося мѣста. Онъ предложилъ Лухманову пятьдесятъ рублей „взаймы“—конечно безъ отдачи,—и вмѣсто процентовъ предложилъ участіе въ побѣгѣ. Въ другое время Лухмановъ, быть можетъ, и отказался бы, но теперь онъ слишкомъ долго голодалъ, и шатался безъ гроша въ карманѣ, чтобы пренебречь такою суммой. Все свое дьявольское самолюбіе онъ отложилъ на время въ сторону, и согласился.

Горячая, взволнованная, вся закутанная въ большой бѣлый вязаный шелковый платокъ, Вѣрочка, торопливо ступая бальными сапожками по засохшимъ камнямъ дороги, пробѣжала со своимъ женихомъ до коляски. Здѣсь Таганцевъ обвернулъ ее, всю дрожавшую, громаднымъ плэдомъ, самъ накинулъ на себя шинель, Лухмановъ вскарабкался, какъ кошка, на козлы; кучера, державшіе подъ уздцы лошадей разступились,—и легенькій, крѣпко-рессорный, на диво пригнанный къ малороссійскимъ дорогамъ экипажъ, стрѣлою понесся по узкимъ улицамъ городка, покрякивая въ выбоинахъ. Лухмановъ только за шляпу схватился, чтобъ не снесло ее вѣтромъ, а Вѣрочка по-дѣтски прижалась къ гусару.

Широкая, безконечная степь летѣла имъ навстрѣчу, чернѣя кое гдѣ одинокими мельницами, широко разставившими свои застывшія въ ночномъ воздухѣ крылья. Мелкіе камни и песокъ дождемъ сыпались на кожаный фартукъ отъ рьяныхъ прыжковъ пристяжныхъ. Душа у Лухманова замирала, онъ держался одной рукой за фонарь, другою за Мармышева, боясь скувырнуться съ узенькой высокой подушки, а Мармышевъ только все сдерживалъ тройку, отваливаясь назадъ, изо всѣхъ силъ натягивая возжи. Коренникъ, храпя, задиралъ голову кверху, подъ самую дугу, размахивая длинной, расчесанной гривой; постромки пристяжныхъ то натягивались, то ослабѣвали, коляска прыгала изъ стороны въ сторону, какъ вихорь уносясь въ даль, а блѣднѣвшія звѣзды тихо мерцали въ высотѣ...

— Хорошо?—спросилъ Таганцевъ.

— Ахъ, хорошо! вырвалось у Вѣрочки. Вѣнчаться такъ какъ мы,—это чудо какъ хорошо... Вотъ еслибъ всѣ такъ вѣнчались...

Таганцевъ все приподнимался и смотрѣлъ назадъ: ему казалось, что за ними погоня, что ихъ отсутствіе замѣтили...

— Mademoiselle Ernestine сейчасъ догадается, говорила Вѣрочка.

— Она вѣдь спитъ, отозвался Лухмановъ, осторожно поворачиваясь на козлахъ. Она еще не скоро очухается...

— Да вы что ей дали?

— Пилюли съ хлороформомъ... Это не вредно...

Чѣмъ дальше они отъѣзжали, тѣмъ становились спокойнѣе. И лошади какъ-то скакали ровнѣе. Назадъ было видно въ мерцающемъ разсвѣтѣ на много верстъ— и ни души, ни единой души на всемъ огромномъ пространствѣ...

Они мчались къ маленькому, затопленному садами хуторку. Бѣлая церковь съ зеленой крышей мигала черезъ окошко красненькими огоньками; ворота были отворены настежь. Завидѣвъ ихъ, темная фигурка, вертѣвшаяся у воротъ, кинулась къ домику священника,— и когда коляска остановилась у церковнаго крыльца, благообразный старичекъ въ подрясникѣ, торопливо перебѣжавъ дворъ пожалъ руку Таганцева.

— Все готово-съ, давно готово-съ,—заговорилъ онъ.— пожалуйте.

— Я, батюшка, потомъ роспишусь, крикнулъ сверху Мармышевъ: мнѣ надо лошадей проѣхать... А ты, обратился онъ къ дьячку, кликни меня, когда вѣнцы держать надо...

Они вступили въ душную низенькую церковь, довольно ярко освѣщенную и свѣчами и бившей въ окно зарею. Вѣрочку раскутали, и тутъ только замѣтили, что она въ клѣтчатомъ ситцевомъ халатикѣ, въ которомъ играла послѣдній актъ комедіи. Она тяжело дышала, губы были полураскрыты, но глаза также веселы и оживлены...

— Ну, Вѣрочка? спросилъ Таганцевъ, отстегивая саблю. Ты какъ себя чувствуешь?

— Ѣсть ужасно хочу,—отвѣтила она,—я сегодня не обѣдала.

— Ну, потерпи немножко... Вѣдь невѣсты всегда постятся.

Онъ посмотрѣлъ на ея подведеныя глазки и засмѣялся. Думала-ли ты вѣнчаться гримированная, сказалъ онъ.

— Ну, чего-жъ ты смѣешься, обидѣлась она... Вѣдь еще время не потеряно: можно и назадъ уѣхать...

Священникъ вышелъ въ облаченіи, пригласилъ ихъ подойти къ аналою... Зажгли вѣнчальныя свѣчи...

— Вѣнчается рабъ Божій Валерьянъ рабѣ Божіей Вѣрѣ,—пронеслось подъ глухими сводами и отдалось эхомъ въ пустыхъ углахъ...

Она оглянулась. Никого. Дьячекъ возится въ алтарѣ; Лухмановъ и Мармышевъ еще не приходили. Ихъ только трое во всей церкви. На ней клѣтчатое платьице, на щекахъ румяна... Да что-же это такое?..

Слезы вдругъ отчего-то подступили къ глазамъ, защекотали въ носу. Она опустила руку въ карманъ—тамъ даже платка не было...

— Дай платокъ,—тихо сказала она, дотрогиваясь до Таганцева.

Онъ опять улыбнулся, и отдалъ ей свой платокъ. Слезы у нея еще сильнѣе покатились, смазывая румяна...

— Да съ чего ты? посмѣиваясь шепталъ онъ.

А она и сама не знала съ чего...

Къ концу обряда, солнце косымъ острымъ лучемъ, прорвавшись черезъ листву и узенькія, немытыя окна, пронзило тоненькой полоской пыльный воздухъ и золотою звѣздочкой загорѣлось на карнизѣ. — „Ну, теперь пускай догоняютъ — все равно“, — подумалъ Таганцевъ.

Священникъ ихъ поздравилъ, пожелалъ счастія, здоровья, богатства... Дай Богъ, чтобъ путь вашъ земной свѣтелъ былъ какъ день сей, заключилъ онъ свою импровизацію.

Лухмановъ остался у священника: тотъ обѣщался достать ему лошадь, а Мармышевъ повезъ молодыхъ къ себѣ. Отъѣхавъ отъ церкви, они оглянулись, священникъ и Лухмановъ, стоя на паперти, смотрѣли имъ вслѣдъ. Вся церковь была залита розовымъ свѣтомъ, отъ деревьевъ бѣжали длинныя фіолетовыя тѣни...

— Что за утро! сказалъ онъ,—и обнявъ ее, тихонько прильнулъ губами къ ея теплой, все еще пахнувшей румянами щечкѣ...

XI.

На слѣдующій день Ярцевъ поднялся съ сильнѣйшею головною болью. Онъ спалъ скверно—вдобавокъ его два раза будили: одинъ разъ—Мармышевъ, объявившій, что онъ свой домъ отдалъ „подъ молодыхъ“, а самъ пріѣхалъ спать къ нему, а въ другой разъ—верховой, котораго онъ посылалъ въ Столпяги узнать, правда-ли что тамъ появилась чума.

Онъ сидѣлъ за кофе, когда ему подали записку. По почерку онъ узналъ, что она была отъ Чмутова.

„Милостивый государь, Борисъ Ѳедоровичъ,—писалъ онъ,—то, что вчера было между нами—не можетъ называться ни недоразумѣніемъ, ни ссорой. Некому и не передъ кѣмъ извиняться. *Или вы, или я*,—предложеніе вполнѣ ясное и законченное. Повторяю, я къ вашимъ услугамъ; или вы потрудитесь оставить насъ въ покоѣ и здѣсь, и въ Петербургѣ, — куда моя жена надняхъ ѣдетъ, — или разрѣшимъ дѣло иначе. Въ послѣднемъ случаѣ жду отъ васъ объясненій. Готовый къ услугамъ С. Ч.“.

— Какъ все это глупо, — сказалъ про себя Ярцевъ, отшвыривая письмо. — Положимъ, что я ее люблю— очень люблю... но за что-же я буду убивать его, или подставлять свой лобъ... но что-же тутъ дѣлать?..

Мармышевъ еще спалъ. Ярцевъ велѣлъ козачку просить гостя не уѣзжать до его возвращенія, и самъ отправился верхомъ посмотрѣть, перекопали-ли столпягинскія дороги. Каждый скачекъ лошади отдавался тупою болью въ его головѣ, — но мысль о дуэли слишкомъ сильно занимала его...

— Повидать-бы ее какъ нибудь? Да что-же я ей скажу? Да и какъ повидать, — самому поѣхать невозможно; написать ей записку? онъ пожалуй перехватитъ... Да вотъ я теперь ѣду хлопотать по имѣнью, чтобъ чумы на волахъ не было,—а если онъ меня убьетъ, не все-ли равно? Хоть-бы всѣ переколѣли...

Посмотрѣвъ на работы и сдѣлавъ распоряженія, онъ воротился домой. Заспанный Мармышевъ собирался умываться, когда Ярцевъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло.

— Да вы стрѣляться будете, что-ли? догадался Мармышевъ.

— Я не знаю, запинаясь отвѣтилъ Ярцевъ, — я не знаю... Да вотъ послушайте, я вамъ все разскажу.

И вдругъ, подъ внезапнымъ наплывомъ откровенности, онъ началъ передъ нимъ излагать всю исторію своего знакомства съ Анной Павловной. Онъ говорилъ точно не о себѣ, точно со стороны кто-то посторонній разсказывалъ это. Мармышевъ тяжело мигалъ глазами, прихлебывалъ чай и сосалъ папиросу за папиросой. Когда Ярцевъ внезапно возвышалъ голосъ, ударялъ рукой по столу, Мармышевъ взглядывалъ на него, и опять погружался въ куреніе.

— Вы мнѣ одно скажите, — перебилъ онъ, — любите вы ее, или нѣтъ?..

— Люблю, люблю,—я на все готовъ...

— А она васъ?

— И она тоже...

— И тоже на все готова? Ребятишекъ у нихъ нѣтъ? Такъ въ чемъ-же дѣло?..

— О, это ужасный человѣкъ,—воскликнулъ Ярцевъ.— и началъ подробно объяснять, почему Чмутовъ ужасный человѣкъ: грубый, безнравственный, тяжелаго характера...

Прочитавъ письмо Чмутова, Мармышевъ нашелъ, что объясненіе необходимо, и видя, что Ярцевъ затрудняется ему что-то сказать, самъ вызвался съѣздить...

— Мнѣ совѣстно путать васъ въ эту передрягу, сконфузился Ярцевъ. Васъ и вчерашняя исторія утомила...

— А,—одно къ одному! отвѣтилъ Мармышевъ.—Велите заложить лошадей, — я съѣзжу: можетъ быть ула-

Статуя Скобелева по модели Лансере, исполн. Шопена. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

жу: что понапрасну буравить другъ друга. Да и я, знаете, что-то сильно сомнѣваюсь въ этой дуэли: не такой Чмутовъ человѣкъ, чтобы сталъ стрѣляться... Сомнительно что-то...

Покрякивая, отдуваясь сѣлъ онъ въ коляску. Ярцевъ кинулся въ постель, но сонъ бѣжалъ отъ него. Часа черезъ три.—Мармышевъ вернулся.

— Ну-съ, говорилъ онъ на рядъ вопросовъ Ярцева:—я его просто не узналъ: это звѣрь какой-то, — Отелло малороссійскій. — ему жена утромъ сегодня насказала чего-то такого. что онъ бѣсноватымъ сдѣлался: глаза въ крови, жилы на вискахъ налились, челюсть трясется.—чортъ знаетъ что такое... По человѣчески говорить совсѣмъ не можетъ, говоритъ такимъ голосомъ какъ вантрилоги... Глаза скосилъ, насупился, — и какъ сорока твердитъ: онъ, или я.

— На чемъ-же рѣшили? нетерпѣливо постукивая ногой, спросилъ Ярцевъ.

— А показалъ онъ мнѣ нарочку револьверовъ—пистолетовъ, изволите видѣть, у него нѣтъ; револьверы хорошіе, очень хорошіе (я толкъ знаю!) и говоритъ,—если онъ (то есть это вы) черезъ порогъ моего дома переступитъ.—я пристрѣлю его...

— Ну. спросилъ Ярцевъ стискивая зубы, и продолжая стукать ногой...

— Резоновъ никакихъ не слушаетъ... Ну, говорю вамъ, —образъ человѣческій потерялъ... То заговоритъ скоро, то остановится... Я не знаю, что съ нимъ... Я обѣщался прислать ему Лухманова — условился окончательно...

— Значитъ поединокъ будетъ?

— Ну конечно будетъ. — разсердился Мармышевъ. Попробуйте-ка говорить съ этимъ эфіопомъ.—Я ему на зло Лухманова преподнесъ—знаю, что онъ его терпѣть не можетъ... Впрочемъ онъ согласился, понимая, что Лухмановъ для насъ необходимъ...

— Это почему?

— Докторъ! пожавъ плечами, лаконически отвѣтилъ толстякъ.

Ярцеву опять стало какъ-то непріятно на душѣ: значитъ исходъ смертельной раны, или вообще раны очень возможенъ... Ужасно глупо это!

— Вы ее не видали?

— Видѣлъ. Прошла мимо, подала руку, блѣдная такая...

— Ничего не говорила?

— Ни слова...

— Такъ какъ же насчетъ завтра?

— А вотъ пообѣдаю, поѣду искать Лухманова—тогда и порѣшимъ окончательно...

— Семенъ Никитичъ.—вы не находите все это очень глупымъ? спросилъ Ярцевъ.

— Нахожу, голубчикъ.

— Такъ что же дѣлать?..

— Все таки стрѣляться... Одно дѣло—теорія, другое—практика Я полагаю. что онъ къ завтрему остынетъ, и до пальбы дѣло не дойдетъ...

— А вы думаете Лухмановъ согласится? задумчиво спросилъ Ярцевъ.

— Полагаю. Его не сегодня-завтра водворятъ на мѣстѣ родины.—отправятъ въ Рязанскую губернію. И онъ хорошо знаетъ,—онъ ничѣмъ не рискуетъ: развѣ тѣмъ, что отправка состоится днемъ раньше... Я думаю, что онъ согласится.

(Окончаніе въ слѣд. №)

Очерки астраханской охоты.

(Рисунокъ на стр. 965).

I.

Знаете-ли вы астраханскую охоту — охоту совершенно своеобразную, непохожую на наши сѣверныя охоты, отъ которыхъ она отличается, дѣвственнымъ характеромъ мѣстностей, среди которыхъ приходится подвизаться охотнику. Въ самомъ дѣлѣ, есть какая-то особая прелесть въ необозримыхъ, степныхъ камышахъ ильменей и дельты Волги, составляющихъ главные пункты охоты. Привольно дышется здѣсь—среди этой безъискуственной природы истому охотнику,—и въ немъ сами собою, подъ вліяніемъ ея красоты. пробуждаются та энергія и та отвага, которыя заставляютъ его, отказываясь отъ домашняго комфорта, проводить цѣлые дни въ камышахъ и среди болотъ, преслѣдуя свою добычу. Кто не бывалъ въ этомъ эльдорадо охотниковъ, тотъ не испыталъ полнаго наслажденія доставляемаго охотою, въ которомъ именно и кроется ея чарующая сила. подъ вліяніемъ которой, какъ только наступитъ февраль мѣсяцъ, охотникъ покидаетъ Астрахань и направляется за 30, 40 и даже шестьдесятъ верстъ отъ нея, по берегамъ рѣкъ, рѣчекъ и „ёрикамъ“ къ поселкамъ: „Тузуклею“, „Трехъизбинкѣ“, „Кабаньему ильменю“ и другимъ мѣстностямъ, расположеннымъ къ дельтѣ Волги у „Каспія“, куда его манятъ густые камыши, пробираясь среди которыхъ, онъ избираетъ себѣ путеводителемъ блещущее передъ нимъ на ночномъ небосклонѣ созвѣздіе Большой Медвѣдицы. Въ этомъ пути есть какая-то, своеобразная прелесть: сперва идутъ мелкіе и рѣдкіе прерывающіеся мѣстами камыши; затѣмъ они все увеличиваются въ ростѣ, сплачиваются между собою и. наконецъ, превращаются въ непроходимую чащу, прорѣзываемую только извивающимися змѣйками, узкими, перекрещивающимися между собою, просѣками. по которымъ можетъ пробраться лишь верблюдъ. да киргизская арба. Мѣстами камыши соединяются своими вершинами. такъ что путникъ, направляясь среди ихъ, не видитъ ни неба, ни звѣздъ, ни жилья: поселки и деревни, раскинутые по буграмъ, отдѣляются здѣсь другъ отъ друга десятками и даже сотнями верстъ. Но вотъ наконецъ и желанная цѣль: правильная, круглая площадь замерзшаго Ильменя, окруженная со всѣхъ сторонъ камышами. Картина мѣняется: милліоны звѣздъ блещутъ въ синеватомъ пространствѣ; изъ-за облачка выглядываетъ луна, а трескучій морозъ, какой бываетъ только на югѣ Россіи, сковывая все, придаетъ картинѣ особую прелесть. Духъ занимаетъ. паръ валитъ столбомъ и какъ сѣдой туманъ, мелькаетъ при серебристомъ блескѣ мѣсяца. Высоко, почти среди неба, стоитъ недвижимо блестящій кругъ луны, окруженный слегка желтоватыми концентрическими слоями, и чѣмъ дальше отъ него, тѣмъ болѣе свѣта спускается на землю и разсыпается серебромъ по пушистому снѣгу, и, искрясь какъ алмазы, тысячами переливовъ, а вдали чернѣются осѣняющіе ёрикъ ветлы и камыши, перекрещивающіеся съ полосами свѣта, поперегъ которыхъ ложатся наши длинныя тѣни.

II.

По только что описанному нами пути въ февралѣ мѣсяцѣ 1870 г. направлялась партія охотниковъ, во главѣ съ хорошо знакомымъ почти каждому астраханскому жителю—проводникомъ Петромъ Михайловичемъ, представляющимъ собою не лишенный интереса типъ человѣка честнаго, неподкупнаго, обладающаго непоколебимою энергіею. Едва партія успѣла достичь ильменя, какъ до нея издалека съ правой стороны донесся вой волка а за нимъ ближе и ближе откликнулось еще нѣсколько другихъ голосовъ. Охотники встрепенулись и, на всякій случай, зарядили запасныя двустволки пулями и картечью. Шесть киргизскихъ желтобѣлыхъ, длинношерстыхъ собакъ и три понтера съ лаемъ и визгомъ скучились около нихъ чуя, что въ камышахъ, въ особенности ночью, не сдобровать отъ волка. Не успѣлъ нетерпѣливый, молодой понтеръ отдѣлиться отъ собакъ и приблизиться къ камышамъ какъ во мгновеніе ока, на глазахъ присутствующихъ, исчезъ куда-то и, несмотря на свистки, больше ужъ не показывался... По всей вѣроятности сдѣлался добычею залегшихъ здѣсь волковъ. Такимъ образомъ, не убивъ ни одного звѣря, охотники лишились уже лучшаго молодаго понтера. Это хотя повидимому и малозначущее обстоятельство, какъ непредвѣщающее ничего хорошаго. породило между охотниками, принадлежавшими какъ и большинство ихъ. къ числу вѣрующихъ въ хорошіе и дурные примѣты, — какую-то панику. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдкій охотникъ. если неожиданно пробѣжитъ черезъ дорогу заяцъ, и если, чего Боже избави, его тутъ-же не положатъ на мѣстѣ,—значитъ порѣшитъ сейчасъ-же что дѣло плохо — лучше и не отправляйся на охоту... Встрѣтиться на дорогѣ съ попомъ—того хуже. Даже съ кошкой повстрѣчаться имѣетъ нехорошую сторону. Кому неизвѣстно что, по мнѣнію охотниковъ, ружья могутъ „живить“ и „мертвить“. Стоитъ только нажать ладонью въ конецъ дула и сейчасъ будетъ видно, живитъ-ли ружье, или нѣтъ. Если отъ прикосновенія образуется красный кружокъ — значитъ ружье „мертвитъ“. блѣдный — „живитъ“ и проч. А для того чтобы ружье не живило, стоитъ только загнать змѣю въ ружье, зарядить ею, и затѣмъ выстрѣлить на воздухъ, и оно навѣрное уже будетъ „мертвить“. Никогда истый охотникъ не дастъ другому. даже лучшему своему другу, стрѣлять изъ своего ружья, ибо это тоже дурная примѣта...

Хотя это обстоятельство, быстрое исчезновеніе понтера—и не предвидѣно въ примѣтахъ охотника, но все таки было истолковано въ дурномъ смыслѣ.

— А что господа, замѣтилъ при этомъ обезкураженный Петръ Михайловичъ—не будетъ-ли лучше отправиться ко мнѣ на ночлегъ, а то изъ охоты сегодня кажись толку мало будетъ, да и погода, можетъ, потеплѣетъ!.. Всѣ переглянулись, и молча порѣшили, что дѣйствительно будетъ лучше отправиться на ночлегъ къ Петру Михайловичу,

Изба Петра Михайловича, можно сказать лучшая въ поселкѣ Тузуклея. Весь этотъ поселокъ съ виду скорѣй походитъ на аулъ, состоитъ изъ пяти, шести и не болѣе семи избъ. Расположенный на склонѣ возвышеннаго Безъимяннаго бугра, онъ заканчивается сверху кладбищемъ и далѣе обрывомъ ската бугра... Есть преданіе что эти бугры остатки славной Золотой Орды. Этотъ поселокъ, опоясанный зеленой каймой мелкихъ кустарниковъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ внизъ замыкается сплошной массой камышей, сквозь которые живописно въ разныхъ направленіяхъ пробиваются змѣйками нѣсколько мелкихъ протоковъ, или ериковъ, образуя круглое озеро, примѣрно саженей во сто въ діаметрѣ. Весною, во время розлива Волги, здѣсь буквально кишатъ массы частиковой или черной рыбы, которая заходитъ сюда для добыванія пищи и метанія икры. Въ февралѣ мѣсяцѣ громадныя массы или косяки рыбы, каждый въ нѣсколько милліоновъ штукъ, оставляютъ море и переселяются въ рѣки, въ особенности ильмени, гдѣ онѣ мечутъ икру. (Какъ извѣстно вся частиковая рыба производитъ процессъ метанія на травянистомъ днѣ ильменей, тогда какъ красная выбираетъ себѣ дно рѣки болѣе хрящеватое или каменистое). При этомъ, движеніе рыбы бываетъ на столь велико, что даже сопровождается волненіемъ; сперва появляется масса воблы, преслѣдуемая бѣлугой; затѣмъ двигаются косяки: судаковъ, щукъ и лещей; нѣсколько позже, а именно въ серединѣ апрѣля мѣсяца, ломится громадной тучей и астраханская селедка бѣшенка (Alosa kaspica), подгоняемая севрюгой и сомомъ; наконецъ, въ хвостѣ этой процессіи появляется и стерлядь и осетръ. Остальныя же породы рыбъ постоянно пребываютъ въ рѣкахъ.

Мѣстные жители бьютъ и колятъ рыбу тутъ чѣмъ попало: вилами, баграми, доморощенными острогами, колотушками, усаженными гвоздями и даже просто палками; и такой промыселъ даетъ на долю каждаго пуды и десятки пудовъ въ день рыбы.

III.

Дворы и избы поселка Тузуклея расположены на склонѣ Безъимяннаго бугра, съ прилегающими къ нимъ сараями и другими службами, тогда какъ „лисятники“, какъ уже было сказано, почему-то отнесены vis-a-vis по другую сторону дороги. Поселенцы большею частію народъ трезвый и зажиточный, а потому ни въ одномъ изъ таковыхъ поселковъ, незамѣтно не только кабака, но даже и постоялаго двора, гдѣ, какъ извѣстно, ведется торговля крѣпкими напитками. Оттого и у жителей поселка кромѣ коровъ, свиней, барановъ, овецъ, куръ, гусей и проч. имѣются и лошади а у нѣкоторыхъ изъ нихъ даже верблюды.

Едва охотники успѣли войдти въ избу Петра Михайлова, какъ она съ трескомъ освѣтилась запылавшими камышами *) а на столѣ покрытомъ чистою скатертью зашумѣлъ и запыхтѣлъ самоваръ, вокругъ котораго усѣлись наши гости. Наскоро приготовленная закуска и пуншъ скоро оживили охотниковъ и развязали языки.

— А что,—обратился къ хозяину одинъ изъ гостей, худощавый и симпатичный лѣтъ 40 брюнетъ,—Афонасьевъ, какъ дѣлишки у тебя въ этомъ году? Какъ ловилась рыба?.. А что лисица?..

— Богъ миловалъ: рыбы продали почти рублей на 400, да и лисъ выходилъ штукъ поболѣ сотни... Почитай все-бы хорошо, да вотъ волки сботинку одолѣли. Надысь поросую свинью проклятые утащили за уши... Вотъ только дождаться-бы половодья, тогда имъ всѣмъ проклятымъ карачунъ!.. Зададимъ имъ трезвону!

— Да отчего не теперь, а непремѣнно, въ половодье? вмѣшался одинъ изъ охотниковъ-любителей.

— Теперь этотъ звѣрь въ камышахъ, а тогда онъ отъ воды на буграхъ спасенья ищетъ—ну значитъ съ нимъ и легче справиться. Вотъ хоть-бы запрошлый годъ,—это въ маѣ было, у насъ почитай весь поселокъ собрался воевать противъ волка,—больно лютъ онъ былъ въ прошлую зиму. Помню, на зарѣ стоялъ такой туманъ, что зги Божьей не видать. Алеха-то мой старшій сынъ накапунѣ выслѣдилъ, какъ цѣлая стая ихъ перебиралась на большой бугоръ, и какъ тамъ у нихъ бой пошелъ съ дикимъ кабаномъ.

При этихъ словахъ Петръ Михайловъ, вѣроятно, рисуя въ своемъ воображеніи картину этого боя, весело улыбнулся:

— Смѣхъ говоритъ, добавилъ онъ, схватили его одни сердечнаго за уши другіе за хвостъ и давай съ нимъ возиться: маялись, маялись до тѣхъ поръ, пока онъ не обезсилѣлъ.

Петръ Михайловичъ былъ вообще охотникъ поговорить, разсказалъ затѣмъ какъ они, снарядивши экспедицію на волковъ въ пять лодокъ, по числу бугровъ, отправились на самый большой, ближайшій къ поселку бугоръ. По мѣрѣ того какъ они приближались къ бугру, звѣрь тотчасъ же почуялъ ихъ, бросился въ воду на сосѣдніе бугры. Оставивши здѣсь засаду, охотники отправились на остальные бугры. Кажется они должны были бы всѣхъ ихъ положить на мѣстѣ, но не тутъ то было: умныя животныя, завидя ихъ, снова бросились въ воду и прямо въ камыши, гдѣ онѣ прячутся такъ искусно, что изъ воды можно видѣть лишь морды. Хорошо что охотники заранѣе догадались послать двѣ лодки къ камышамъ, чтобъ загородить имъ дорогу, а то бы поминай какъ звали. Тутъ они подоспѣли, и штукъ съ тридцать положили на мѣстѣ.

— А что, батюшка, прервалъ его сынъ Алексѣй,—вѣдь помнишь, небось тогда проклятыя корги *) дня съ три кричали и не давали намъ покоя: пр̂осто отбоя отъ нея небыло.

— Да помучились мы съ этой гадиной: просто на голову бросалась, того смотри глаза выклюнетъ. Не даромъ въ народѣ болтаютъ, что она съ нечистымъ знается. Вѣрите-ли, гдѣ она каркнетъ—тамъ навѣрное или есть, или будетъ покойникъ! Мы такъ уже и знаемъ, если ихъ соберется стая, кричатъ, хлопаютъ крыльями и трепещутся—значитъ и ищи тамъ покойника. Эта гадина, если увидитъ соннаго или пьяненькаго, такъ и норовитъ сперва клюнуть раза два въ пятку, и если онъ не проснется, то прямо уже съ налету въ глазъ.

— А что,—перебилъ его, худой, лысый, съ рыженькой рѣдкой бородкой на лицѣ, коротко остриженными, точно молью поѣденными волосами на головѣ, длинный, какъ вѣха, охотникъ, Кудрявцевъ,—не пойти ли намъ завтра ранънько на бугры за лисицами, я отлично умѣю ихъ отыскивать. Не даромъ у насъ—на родинѣ, въ Польшѣ, про меня и пословица существуетъ: „нщейка Кудрявцевъ облопалъ лисицу!“ Однажды, идя съ охоты, у меня оставалось всего два заряда пороха. Двуствольга у меня была лучшая по всей губерніи, доставшаяся мнѣ по наслѣдству отъ покойнаго прадѣдушки. Вижу бѣгутъ три лисицы—шагахъ въ двухстахъ. Я прицѣлился,—бацъ!—одна лежс! Бацъ—другая лежс! Бацъ—и третья лежс!

— Да гдѣ-же взялся у васъ третій зарядъ, когда ихъ было всего два!—вмѣшался одинъ изъ охотниковъ.

Раздался взрывъ смѣха.

Слово за слово, и вранье этого вѣхообразнаго охотника дошло до того, что онъ эту третью лисицу уже ударилъ прикладомъ, которая, до того остервенилась, что схватилась за него зубами настолько сильно, что зубы вплоть до десенъ вѣѣхали въ дерево... „Вотъ въ такомъ видѣ,—добавилъ онъ, живую и принесъ на плечахъ домой, какъ мѣшокъ съ овсомъ, и только, съ помощію отца, удалось намъ разжать ей ротъ.

Раздался снова взрывъ хохота.

— „А что, господа, съострилъ охотникъ Афанасьевъ, не лучше ли намъ, вмѣсто таскания всякой дичи, прямо прогащить по рюмочкѣ?..

Всѣ охотно согласились, ибо на столъ была подана съ пылу подрумяненная яичница.

IV.

Еще до зари охотники были подняты Петромъ Михайловичемъ. Вскорѣ они очутились близь „кабаньяго ильменя,“ гдѣ дикія свиньи обыкновенно извлекаютъ изъ воды довольно вкусную пищу, орѣхи—„чилимъ,“ на вкусъ нѣсколько схожіе съ каштанами. Приблизившись къ ильменю, охотники залегли въ шалашѣ, на-скоро приготовленномъ изъ камыша, чтобы удобнѣе выслѣживать кабановъ. На зарѣ въ 25 шагахъ отъ этого мѣста, долженъ былъ, судя по слѣдамъ, проходить за добычею кабанъ громадной величины.

До появленія звѣря оставалось нѣсколько часовъ. Размѣстивъ внутри шалаша войлокъ и окопавши снаружи снѣгомъ, такъ чтобы оставались только отверстія для ружей, всѣ семь охотниковъ съ вожакомъ и собаками помѣстились въ шалашѣ, и только двое изъ нихъ, поперемѣнно, находились на часахъ около верблюда и арбы, наблюдая за происходившимъ вокругъ и около. Незадолго до зари, наши охотники размѣстились въ такомъ порядкѣ: трое изъ нихъ въ двухстахъ шагахъ залегли у самаго кабаньяго ильменя, двое по бокамъ просѣки, а двое съ вожакомъ и собаками засѣли въ палаткѣ. Наконецъ, около 6-ти часовъ утра, шагахъ въ двухстахъ отъ шалаша, послышался глухой трескъ камышей. Оказалось, что не одинъ, а цѣлое семейство кабановъ, состоящее изъ шести животныхъ, направлялось къ ильменю за пищею. Тотчасъ-же, посредствомъ тихаго свистка, напоминающаго крикъ птицы, дана была тре-

*) Нужно замѣтить что камыши составляютъ единственное топливо не только для поселковъ но даже замѣняютъ дрова въ городахъ. Обхвативъ изрядный пукъ рукою, рубятъ его у ногъ у самаго корня серпообразнымъ, съ крючкомъ на концѣ ножемъ, и затѣмъ, распредѣливъ на небольшіе пучки, складываютъ ихъ въ копну. Кладутъ его въ приспособленныя для этого длинныя печи, зажигаютъ пучекъ съ конца, и по мѣрѣ сгоранія, постепенно подвигаютъ его въ печь.

*) Извѣстно, что ворона, по мѣстному названію „корга“, составляетъ въ астраханскомъ краѣ синонимъ вѣдьмы или домоваго. Тамъ вслѣдствіе мѣстныхъ условій, вороны сдѣлались крайне хитры, ловки и изобрѣтательны. Ихъ продѣлки удивляютъ. Своими глазами видѣлъ я, какъ вороны на крышѣ схватываютъ кошку за хвостъ и оттуда сбрасываютъ ее на землю. По словамъ ученыхъ, вороны, слетаясь сюда со всѣхъ концовъ земнаго шара милліардами, приносятъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнную услугу краю. Такъ, не пожирай онѣ несмѣтное количество рыбныхъ остатковъ, выбрасываемыхъ тысячами пудовъ послѣ жиротопленія рыбы, и ея приготовленія, въ Астраханской губерніи постоянно свирѣпствовала бы эпидемія.

Общій видъ Константинополя. Рисов. Г. Нисле, грав. Рау.

вога. Какъ только кабаны, не подозрѣвая ничего, прошли шалашъ и поравнялись съ засѣвшими съ боку охотниками,—данъ былъ залпъ изъ четырехъ стволовъ. Въ моментъ. кабаны растерялись и поворотили было назадъ, но встрѣчены были снова шестью выстрѣлами. Изъ палатки выпустили на нихъ всѣхъ собакъ... Въ панпкѣ, истекая кровью, кабаны бросились въ ильмень, но тутъ вновь встрѣчены были еще шестью выстрѣлами.

Въ это время подоспѣли, съ запасными ружьями остальные охотники и пошла потѣха... Три кабана были убиты и вожакъ тяжело раненъ. Онъ, намѣтивши плѣшиваго Кудрявцева, сбилъ его съ ногъ, и на 2 сажени его, какъ снопъ, отбросилъ подъ гору, въ ильмень. По счастливой случайности, Кудрявцевъ отдѣлался только испугомъ и небольшими ссадинами, такъ какъ клыкъ кабана изорвалъ только верхнюю одежду.

На другой день не менѣе интересная охота была предпринята на дрохвъ. по мѣстному названію „дудаковъ,“ которые обыкновенно, остаются зимовать на буграхъ, гдѣ и отыскиваютъ себѣ пищу. *) Извѣстно, что эта хитрая птица, не подпускающая къ себѣ охотниковъ ближе 300 шаговъ, на киргизскіе арбы и верблюды смотритъ дружелюбно: они могутъ приближаться къ ней на пять и менѣе шаговъ. Мало того, дудаки пасутся вмѣстѣ съ киргизскими стадами. Киргизъ-корсакъ, или калмыкъ можетъ спугнуть драхву палкой, тогда какъ завидя другаго кого либо, она подпимается тотчасъ-же. Это, вѣроятно, потому что кочующія племена никогда не охотятся за птицами. Подъѣзжая съ подвѣтренной стороны на арбахъ, въ короткій срокъ, охотникамъ удалось убить девять штукъ дудаковъ и дюжины три куропатокъ, обыкновенно пребывающихъ въ зимнее время въ камышахъ. Только охота на фазановъ оказалась неудачной. Фазаны на этотъ разъ „точно канули въ воду,“ а собаками былъ поднятъ только одинъ. Между тѣмъ недавно въ бытность Явленскаго, этого завзятаго охотника, съ компаніей на охотѣ, на небольшомъ разстояніи, поднято собаками множество фазановъ, но это примѣръ можно сказать единичный, который до того озадачилъ всю компанію опытныхъ охотниковъ, что они кажется не сдѣлали ни одного выстрѣла.

V.

Весною, преимущественно въ концѣ марта, камыши эти зажигаются охотниками съ подвѣтренной стороны. Величественное зрѣлище представляетъ процессъ горѣнія. Огонь, охвативши сразу въ двухъ, трехъ мѣстахъ камыши, вскорѣ сливается между собою и огромной полосой направляется по вѣтру, обнимая сразу площадь въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ. Неожиданность пожара, удушливый запахъ и трескъ камышей наводятъ панику на обитающихъ въ нихъ: борьба за существованіе теперь не мыслима: и волкъ, а лисица и рядомъ съ ними заяцъ и кроликъ,—всѣ они, не боясь уже другъ друга, вмѣстѣ улепетываютъ отъ общаго врага—огня. направляясь на бугры, куда огонь не достигаетъ. Здѣсь камыши, обыкновенно, окружая бугры оканчиваются отъ послѣднихъ, въ 10 и болѣе саженяхъ. Это только и нужно охотнику, который въ это время залегаетъ на буграхъ и подчуетъ спасающихся гостей выстрѣлами. Величина этихъ бугровъ бываетъ иногда весьма значительная и часто достигаетъ нѣсколькихъ верстъ.

Такъ называемый „Степанушкинъ бугоръ“, лежащій неподалеку отъ той мѣстности, гдѣ легендарный „Стенька Разинъ“ въ лѣтнее время устраивалъ свои привалы, тянется отъ 3—4 верстъ. Послѣ Разина здѣсь свирѣпствовалъ нѣкто „*Давыдко*“ наводя панику на Астраханскій край. Преданіе гласитъ, что на этомъ бугрѣ хранятся драгоцѣнные Степушкины клады. Хотя на „Степушкиномъ бугрѣ“ всякихъ звѣрей и птицъ много, но мѣстные охотники его не посѣщаютъ и даже стараются объѣхать его подальше. По словамъ ихъ, „когда наступаетъ день Степушкиныхъ имянинъ, ежегодно является онъ сюда на стругахъ въ сопровожденіи красавицъ, многочисленной свиты и разбойниковъ“... Начинается „пиръ горой“, сопровождаемый оргіями... Подъ утро слышится „плачъ и стонъ“... „Это—поясняетъ суевѣрный волжскій обитатель—Степанушку въ кандалы заковываютъ“... Въ народной легендѣ упоминается, между прочимъ, что душа Степанушки, не примирившись съ небомъ и землею, оборачивается чаще всего въ беркута, филина и даже медвѣдя. Не разъ отъ старожиловъ этаго края мнѣ доводилось слышать, что Степанушку видѣли оборотившимся въ медвѣдя, который нарсвѣвшись до сыта, превращался въ птицу и улеталъ куда-то... Однажды на зарѣ, отправляясь на охоту въ Тузуклей. въ компаніи Петра Михайловича и еще одного охотника, намъ пришлось сдѣлать привалъ неподалеку отъ этаго бугра. Осматривая эту мѣстность, я изъ любопытства подошелъ ближе и замѣтилъ сквозь туманъ на скалѣ какой-то сѣрый предметъ, съ виду похожій на беркута; я подкрался на разстояніи 70—80 шаговъ. Раздался выстрѣлъ и птица, оглашая воздухъ зловѣщимъ крикомъ, напоминавшимъ хохотъ, скрылась въ пространствѣ. Оказалось, что это былъ большой величины филинъ; но Петръ Михайловичъ въ ужасѣ отскочилъ отъ меня, какъ отъ прокаженнаго, прошипѣвъ только:

— Что вы дѣлаете, баринъ!.. Это мѣсто проклятое!.. Бѣда если въ Степанушку попали: быть несчастью!..

VI.

Обыкновенно въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля мѣсяцевъ, во время вскрытія Волги, ея притоковъ и протоковъ, начинается перелетъ птицъ. Милліарды дикихъ утокъ, гусей, лебедей, пеликановъ, баклановъ и т. п. пернатыхъ дѣятелей прилетаютъ сюда, оглашая воздухъ на сотни верстъ въ окружности радостными криками: здѣсь они, вслѣдствіе изобилія пищи, благопріятныхъ для нихъ топографическихъ условій, въ камышахъ и кочкахъ высиживаютъ яйца. Въ весеннее время. человѣку безъ особоустроеннаго для этого полога проникнуть въ ильмени почти что невозможно, такъ какъ комары, мошки и проч. насѣкомыя плодятся преимущественно на разныхъ водныхъ растеніяхъ въ такомъ изобиліи, что буквально садятся густымъ, примѣрно, въ палецъ толщиною, слоемъ на охотника. Не будь этаго предохранительнаго покрывала, сдѣланнаго изъ особаго рода прозрачной, легкой ткани, или кисеи, натянутой на особо приспособленные обручи, закрывающаго охотника какъ говорится въ плотную, то положительно паразиты привели бы его въ безформенное состояніе сплошной опухоли. Бывали неоднократные примѣры, что эти назойливыя насѣкомыя заѣдали неопытныхъ туристовъ до смерти, они умирали въ мучительной агоніи, отъ всеобщаго ужаснаго воспаленія покрововъ кожи.

Извѣстно что въ Каспійскомъ бассейнѣ водится до *двадцати* видовъ различныхъ дикихъ утокъ.

Однажды въ апрѣлѣ мѣсяцѣ неожиданно прибылъ ко мнѣ изъ Тузуклея Петръ Михайловичъ и съ сіяющимъ лицомъ сказалъ, что въ камышахъ появилась „тьма хорошей птицы“. Вооруживши для охоты „косную лодку“ всѣми необходимыми принадлежностями, компанія любителей охоты, состоящая изъ четырехъ лицъ, подъ предводительствомъ Петра Михайловича, еще далеко до восхода солнца пустилась въ путь. Попутный вѣтерокъ „крѣпилъ“ гротъ-парусъ и проѣхавши 10 верстъ, мы вскорѣ увидѣли село Черепаху, живописно опоясанное по рѣкѣ Кутумѣ виноградными садами, гдѣ сдѣлали легкій привалъ и напились чаю.

— Не свернуть ли намъ въ рѣку Балду, а оттуда въ Кабинкулъ-ильмень, сказалъ уважаемый, покойный докторъ Завьяловъ?

— Нѣтъ, Николай Степановичъ, отвѣтилъ нашъ вожакъ,— дѣло будетъ для насъ получше, если мы заглянемъ въ ильмени Каринскій и Черный. Тамъ вчерась сѣли „шипуны“, почитай сотни двѣ или три будетъ! Должно быть гнѣзда собираются вить. Крикъ такой подняли, что въ нашемъ поселкѣ было слышно!

— Пусть будетъ по вашему, отвѣтили мы почти въ одинъ голосъ и стали собираться въ путь.

— Стой! Никакъ лисица! замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, Павелъ Федоровичъ и пустилъ въ нее въ догонку два заряда крупной дроби, въ то время, когда она намѣревалась скрыться въ кустахъ виноградниковъ.

Сдѣлавъ отчаянный прыжокъ, лисица скрылась дѣйствительно за кустами.

Дня черезъ два, когда мы возвращались съ охоты домой, черепашинскіе мужики нашли ее гдѣ то въ сараѣ и намъ ее доставили въ крайне истерзанномъ видѣ. Ею, вѣроятно, полакомились карги—внутренности были всѣ выѣдены...

Когда мы, обогнувъ Черепаху, въѣхали въ Большую Балду, довольно широкій, отдѣляющійся отъ Волги и впадающій въ море рукавъ, громадная поверхность воды развернулась передъ нами: она потянулась безпредѣльною скатертью къ юго-востоку, блестящая какъ море ртути, подъ лучами восходящаго солнца. Далѣе по сторонамъ, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ, виднѣлись выходящіе изъ воды камыши, точно голубовато-оранжевыя горы. Подъ впечатлѣніемъ этой чарующей картины, достойной кисти Айвазовскаго, невольно въ душу закралась мысль, что этотъ обширный, изобилующій рыбой, водный резервуаръ кормитъ и поитъ тысячи и десятки тысячъ людей. Было 7 часовъ утра, когда при попутномъ вѣтрѣ достигли мы до идущихъ параллельно двухъ ериковъ, Верхняго Василиска и Нижняго Василиска, гдѣ неподалеку, въ полуверстномъ разстояніи, въ ильменяхъ, замѣтили тучи дикихъ утокъ. Желая по дорогѣ поохотиться за дичью, вскорѣ причалили къ Верхнему Василиску, такъ какъ ввести лодку въ ерикъ по его мелководію не представлялось возможнымъ. Пройдя шаговъ двѣсти или триста, намъ представился небольшой, въ формѣ полулунія ильмень. противоположный берегъ котораго былъ буквально усѣянъ черепахами. изъ рода греческихъ полупрозрачныхъ черепахъ (Testido graeca). Такъ какъ въ Астраханскомъ краѣ подобное явленіе составляетъ почти рѣдкость, потому что вообще въ ильменяхъ, протокахъ и рѣчкахъ встрѣчаются въ изобиліи обыкновенныя „европейскія черепахи“ (Citodo europeica), достигающія здѣсь до полуаршина величины, намъ захотѣлось пріобрѣсти эти рѣдкіе экземпляры. Переправа на ту сторону ильменя заняла не болѣе пяти минутъ, и отдала насъ на жертву миріадамъ комаровъ и мустиковъ. Отрѣзавши черепахамъ путь къ отступленію намъ удалось изловить ихъ болѣе 40 шт.,

*) Нужно замѣтить, что на буграхъ и зимою бываетъ зеленая трава, часто даже непокрытая снѣгомъ, отчего кочевники, когда вся природа бываетъ мертвая, т. е. все покрыто снѣгомъ—пасутъ тамъ стада.

не менѣе 1/4 аршина величиною. Сдѣлавши распоряженіе, чтобы изъ 20 штукъ, посредствомъ вывариванія, были отдѣлены отъ туловища черепицы, мы пустились въ путь по направленію къ упомянутымъ дикимъ уткамъ. Мѣсто было болотистое, поросшее высокою травою и тростникомъ и потому мы съ трудомъ пробирались. На каждомъ шагу, почти задѣвая насъ крыльями, ныряли изъ подъ ногъ полевые чирки, турухтаны, кроншнепы, кулики, фифтики и прочая мелочь. Собаки, видя что мы на стойки ихъ не обращаемъ ни малѣйшаго вниманія, немилосердно гонялись за ними. Едва мы успѣли добраться до окружающихъ эти ильмени камышей и войти въ нихъ, какъ увидѣли, что все водное пространство ильменя усѣяно дикими кряковыми утками, между которыми по лѣвую сторону ильменя виднѣлась стая *красныхъ* утокъ и чирковъ. Посреди же ихъ величественно плавали пары лебедей. Засѣвши въ разныхъ направленіяхъ ильменя, мы условились стрѣлять дробью № 4 по свисту Петра Михайловича изъ восьми стволовъ разомъ въ кучу, гдѣ сидятъ лебеди. Когда разразился залпъ четырехъ двустволокъ, болѣе тридцати, преимущественно красныхъ утокъ, лежало на поверхности воды. Кромѣ того изъ поднявшейся массы утокъ, успѣли подобрать падающихъ на землю утокъ. Вскорѣ замѣтили, что одинъ изъ поднявшихся на высокое разстояніе лебедей началъ „сбиваться съ ритма полета".

— Смотрите, замѣтилъ Завьяловъ, этотъ лебедь будетъ нашъ.

Дѣйствительно не прошло и минуты, какъ лебедь, раза два перевернувшись въ воздухѣ, грохнулся въ высокую траву, шагахъ въ двухъ стахъ отъ насъ. Вскорѣ шипунъ былъ розысканъ собаками и послѣ, когда его ощипали, оказалось, что онъ былъ раненъ въ 26 мѣстахъ дробью, при чемъ семь дробинъ нашли въ самой шеѣ.

По возвращеніи къ лодкѣ, тотъ же часъ занялись изготовленіемъ обѣда...

Во второмъ часу ночи мы были разбужены привѣтливымъ управляющимъ. Оказалось, что Петръ Михайловичъ успѣлъ уже съѣздить въ свой поселокъ, отстоявшій въ 3—4-хъ верстномъ разстояніи отъ этого хутора и вернулся съ плоскодонной лодкой, болѣе удобной для путешествія по ильменямъ.

Когда мы ѣхали по ерику, слышно было какъ надъ нашими головами поднимались съ разныхъ сторонъ и перелетали стаи утокъ. Вотъ шагахъ въ тридцати отъ насъ поднялись штукъ двѣнадцать дикихъ гусей, но стрѣлять никто изъ насъ не рѣшился, чтобы не испортить охоту на лебедей. Подъѣхавши къ Черному ильменю, увидѣли слѣдующую картину: посреди эллипсообразнаго ильменя ныряютъ и ловятъ рыбу пеликаны, тогда какъ штукъ около семидесяти лебедей видимо хлопотали на счетъ изготовленія гнѣздъ для будущаго своего поколѣнія. Вдругъ въ ильмени поднялся страшный переполохъ: лебеди и бывшіе на немъ бакланы, одни шарахнулись въ сторону въ камыши, а другіе-же полетѣли въ разсыпную. Оказалось что большой величины беркутъ, такъ называемый персидскій, бросился стремглавъ внизъ и схватилъ въ когти молодаго, неопытнаго лебедя. Но такъ какъ орелъ подняться высоко не могъ по той причинѣ, что лебедь сильно бился крыльями, оглашая воздухъ жалобными криками, то Завьяловъ, чтобы покончить съ этимъ тяжелымъ зрѣлищемъ, пустилъ въ беркута зарядъ картечи, вскорѣ орелъ съ распростертыми крыльями грохнулся въ ильмень. На нашихъ глазахъ лебедь и орелъ черезъ нѣсколько минутъ испустили духъ, такъ какъ перваго еле могли освободить изъ-подъ когтей беркута, которые прошли почти до легкихъ, а второй былъ раненъ на вылетъ. Когда смѣрили беркута, то величина между распростертыми крыльями равнялась почти $2^1/_2$ аршинамъ.

Вскорѣ одинъ изъ нашихъ охотниковъ, желая пройти камышами, спугнулъ нечаянно лебяжью самку, въ гнѣздѣ которой оказалось уже одно яйцо. Видя это зрѣлище, мы отказались отъ дальнѣйшей мысли охотиться за птицей, когда она готовится быть матерью своей семьи.

Возвратившись въ гостепріимный хуторъ, мы дали себѣ слово снова побывать здѣсь въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда дѣтеныши самостоятельно могутъ добывать себѣ пищу, а услужливый Петръ Михайловичъ предложилъ изготовить даже особую сѣть, для ловли молодыхъ дѣтенышей живьемъ, при чемъ онъ обѣщалъ уговорить одного киргиза явиться къ намъ на помощь съ двумя соколами.

Извѣстно, что между киргизами, калмыками и другими кочующими племенами, до сихъ поръ сохранилась соколиная и ястребиная охота, тогда какъ у нашихъ русскихъ помѣщиковъ почти-что перевелась она. До сихъ поръ у зажиточныхъ охотниковъ-киргизовъ можно встрѣтить отъ 2 до 4 хорошо обученныхъ ястребовъ и соколовъ. Эта довольно интересная охота, которая у насъ такъ славилась въ особенности во времена царствованія Іоанна Грознаго, состоитъ въ томъ, что спущенные съ руки сокола или ястреба поднимаются вверхъ на значительную высоту и съ налета, стремительно падая на птицу, подбиваютъ ей крылья.

Вскорѣ пользуясь боковымъ вѣтромъ, мы, лавируя, пустились въ обратный путь.

Вотъ потянулись: тяга лебедей, пеликановъ, а за ними бакланы, эти вѣчные спутники пеликановъ. Вотъ надъ водою съ гиканьемъ рѣжутъ воздухъ чайки, мартышки или рыболовы. Наблюдателю интересно видѣть, какъ пеликаны вмѣстѣ съ бакланами ловятъ рыбу, можно сказать, по всѣмъ правиламъ тактики. Обыкновенно, когда пеликаны пристроятся на отмели, преимущественно на косѣ—стройной дугою, на нѣсколько десятковъ саженей, бакланы окружаютъ послѣднюю, въ видѣ партизановъ, плывутъ спереди и сзади ихъ, и ныряя загоняютъ рыбу. Послѣдняя, не видя спасенія, во множествѣ скучившись, бросается на берегъ, и тотчасъ же дѣлается добычею преимущественно пеликановъ, которымъ обыкновенно и достается львиная доля.

Въ то время, какъ уже сказано, громадныя массы или косяки рыбы, каждый въ нѣсколько милліоновъ штукъ, оставляютъ море и переселяются въ рѣки, въ особенности ильмени для метанія икры...

Не менѣе величественный видъ представляетъ Астраханская губернія весною, во время розлива Волги. Обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ вся эта мѣстность покрывается водою на сотни и даже тысячи верстъ въ окружности, и сама Астрахань, обнесенная валами изъ земляной насыпи, въ нѣсколько саженъ вышиною, издали представляетъ какъ бы ковчегъ, плавающій по волнамъ. Деревни же, поселки и города, расположенные на берегахъ, во время наводненія представляютъ видъ островов, а верхняя часть камышей съ водными просѣками кажутся затонувшими лѣсами.

Стихотворенія.

I.

Изъ Ловеля.

Я не хочу тѣхъ мыслей, что порой
Изъ моря бытія выходятъ разомъ
И бурною, стихійною игрой
Терзаютъ серце, омрачаютъ разумъ;

* * *

Совсѣмъ иныхъ желаю мыслей я:
Пускай онѣ энергію скрываютъ
И, какъ коралловъ дружная семья,
Свой прочный рифъ неслышно воздвигаютъ;

* * *

Пока подъ солнцемъ зелень не сверкнетъ
Своей листвою дѣвственной и нѣжной
И островокъ пока не зацвѣтетъ

* * *

Среди пустыни синей и безбрежной
Гдѣ въ сладостной тѣни, въ палящій зной
Усталые нашли-бъ себѣ покой....

Д. Садовниковъ.

II.

Изъ Петрарки.

Какъ иногда свѣтильникъ чуть мерцаетъ,
Слабѣя гаснетъ, тихо, самъ собой,
Но до послѣдней искры сохраняетъ
Свой чудный блескъ, сверкающій, живой,—

* * *

Такъ и она спокойно угасала,
И перешла въ чудесный міръ иной...
Недвижная въ гробу она лежала—
Вся блѣдная, бѣлѣе снѣга горъ;—

* * *

Казалось мнѣ,—она лишь отдыхала,
На мигъ одинъ смеживши свѣтлый взоръ;—
И сонъ ея, и жизненный, и страстный

* * *

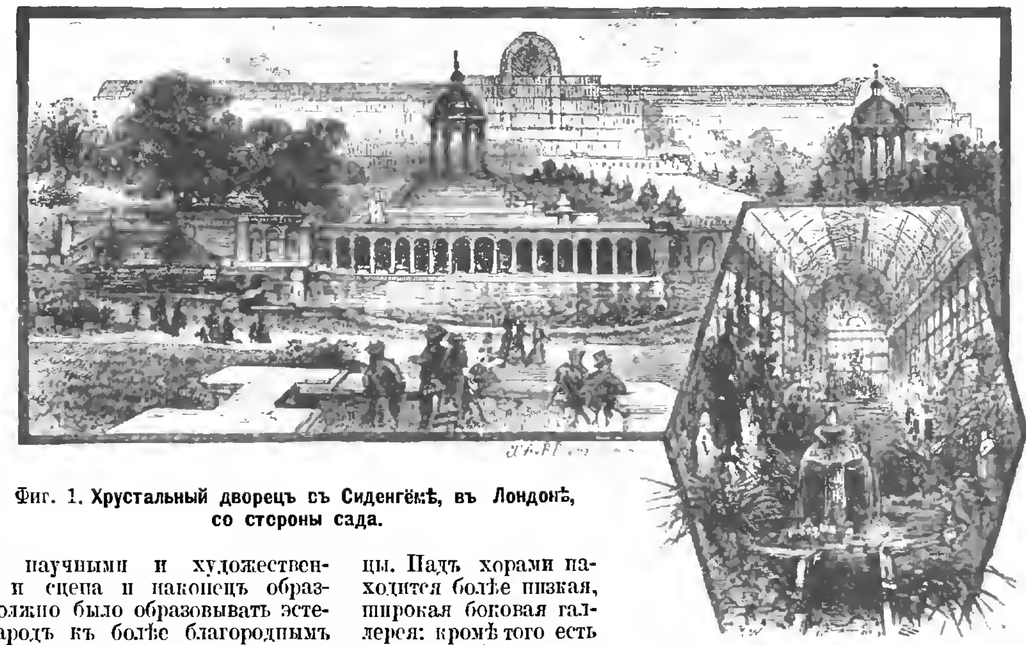
Волшебныхъ грезъ предъ нею ткалъ узоръ,—
И смерть сама казалася прекрасной
Въ ея улыбкѣ радостной и ясной...

П. П. Г—ъ.

Хрустальный дворецъ въ Сиденгёмѣ.

На югъ отъ Лондона, въ гористомъ графствѣ Кентъ, на продольной возвышенности помѣщается громада изъ желѣза и стекла. Средній высшій сводъ ся поднимается на 84½ а длина зданія, отъ юга къ сѣверу, занимаетъ немногимъ менѣе 1406 аршинъ. Это чудо свѣта лежитъ надъ садомъ величиною въ 112 десятинъ.

Возникновеніемъ своимъ постройка эта обязана первой международной выставкѣ, на которую въ 1851 году весь образованный міръ съѣзжался въ Лондонъ. Стеклянный залъ выставки—геніальное произведеніе садовода сэра Іосифа Пакстона, возведенный въ Гайдъ-Паркѣ, былъ предназначенъ въ ломъ. Патріотическое общество на акціяхъ отстроило въ Сиденгеймѣ это величественное зданіе, но въ гораздо бóльшихъ размѣрахъ. Цѣль общества была создать универсальный институтъ для образованія и развитія народа. Непосредственное наглядное ознакомленіе съ лучшими образцами архитектуры и скульптуры всѣхъ временъ, ознакомленіе со всѣми научными и художественными произведеніями, музыка и сцена и наконецъ образцовое садоводство — все это должно было образовывать эстетическіе вкусы и обращать народъ къ болѣе благороднымъ развлеченіямъ. Хрустальный дворецъ былъ открытъ въ 1854 г. и съ тѣхъ поръ въ немъ перебывало болѣе 50 милліоновъ посѣтителей. Расходы по постройкѣ „Постояннаго дворца для наукъ и образованія“ простирались до 15 милліоновъ рублей, а ежегодное содержаніе его поглощаетъ до 600.000 рублей.



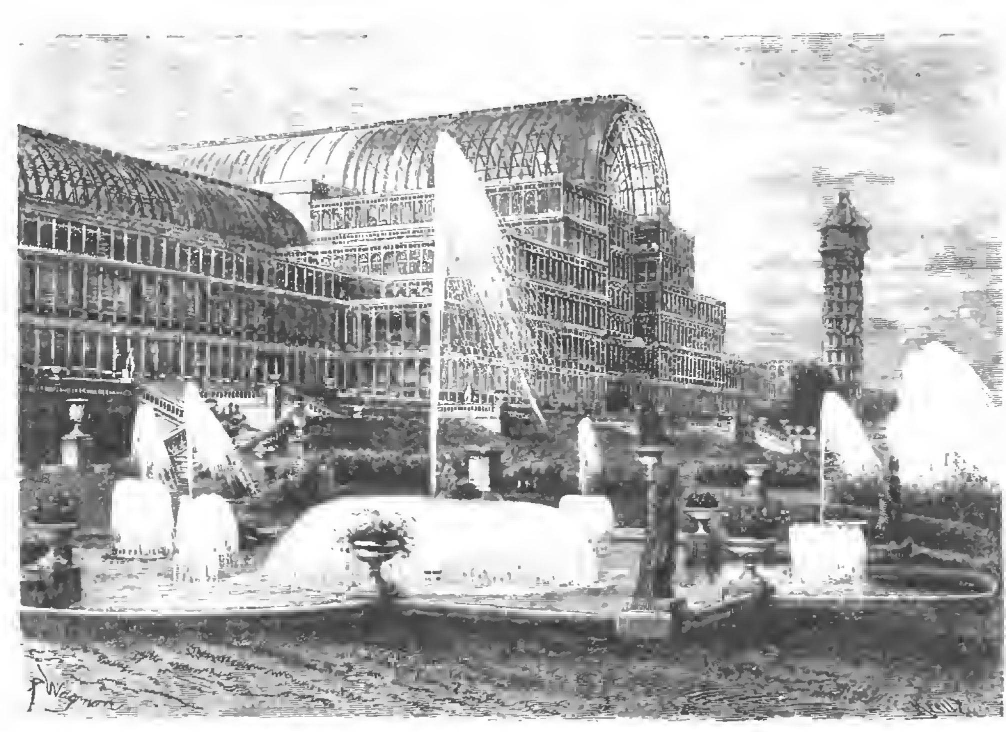
Фиг. 1. **Хрустальный дворецъ въ Сиденгёмѣ, въ Лондонѣ, со стороны сада.**

Фиг. 2. **Хрустальный дворецъ въ Сиденгёмѣ. Видъ въ продольную галлерею съ южной стороны.**

Хотя внутренность этого величественнаго зданія заключаетъ безчисленныя, безпримѣрныя сокровища для науки и развлеченія, тѣмъ не менѣе первое и самое сильное впечатлѣніе производятъ необъятныя, громадныя размѣры зданія.

Длинный корпусъ его, занимающій около 773 аршинъ, прорѣзанъ въ серединѣ поперечной галлереей или трансептомъ. сводъ котораго поднимается надъ крышей почти на 55 аршинъ и который стоитъ на плоскости въ 160 арш. длины и 51 арш. ширины. Каждый конецъ длиннаго корпуса замыкается боковыми трансептами меньшихъ размѣровъ. Къ этимъ послѣднимъ примыкали еще флигеля, тянувшіеся каждый на 281 аршинъ. Изъ нихъ теперь остался только южный трансептъ съ флигелемъ; большая часть сѣвернаго трансепта сгорѣла со всѣмъ содержимымъ въ 1866 году и до сихъ поръ не отстроена. Съ каждой стороны вдоль длиннаго корпуса идутъ узкія, высокія хоры, гдѣ помѣщаются лѣстницы. Надъ хорами находится болѣе низкая, широкая боковая галлерея: кромѣ того есть еще низкій, частью подземный ходъ, по которому ходятъ рабочіе и носятся транспорты.

Общая масса потребленнаго на постройку хрустальнаго дворца желѣза составляетъ 589.000 пудовъ; общая длина поставленныхъ колоннъ и столбовъ равна 35.152 верстамъ, т. е. 3,3 милямъ. Потребленное на постройку стекло покрываетъ плоскость около 9 десятинъ и вѣситъ 30,160 пудовъ. Еслибы уложить стекла по ихъ длинѣ, то образовалась бы почти невѣроятная линія въ 181,386 саженъ 51,6 мили. Все громадное пространство зимою нагрѣвается водою проведенною по трубамъ, имѣющимъ въ поперечникѣ 7½ вершка, общая длина которыхъ равняется 37,496 саженямъ. Для возобновленія и освѣженія воздуха, въ печахъ сдѣланы вентиляторы.



Фиг. 3. **Хрустальный дворецъ въ Сиденгёмѣ. Видъ средняго корпуса и садовыя террасы.**

Къ хрустальному дворцу изъ Лондона идутъ двѣ желѣзныя дороги; одна изъ нихъ останавливается у подошвы холма, на которомъ возвышается громадный куполъ. Широкая и высокая, въ 337 аршинъ длины, крытая стекломъ колонада ведетъ къ зданію въ южный его флигель. Находящіяся здѣсь многочисленныя залы, отдѣлены отъ длиннаго корпуса большой стѣной, названной „Поставцомъ“ королей и королевъ (фиг. 7). Въ стѣнѣ этой помѣщаются статуи владѣтелей Англіи, начиная отъ англо-саксовъ до настоящаго времени. Это гипсовыя копіи съ оригиналовъ, украшающихъ зданіе парламента въ Вестминстерѣ. Передъ ними посрединѣ стоитъ конная статуя королевы Викторіи работы Марокетти. Направляясь къ сѣверу, передъ посѣтителемъ открывается безконечная галлерея длиннаго корпуса (фиг. 2). Ни подъ одной крышей, созданной руками человѣка, не открывается такой величественной и пріятной перспективы. Особенную прелесть составляетъ избытокъ мѣста и свѣта и умѣлое соединеніе искуства съ природой. Въ безконечной галлереѣ длиннаго корпуса посѣтитель идетъ между деревьями, фонтанами и группами растеній, свѣжая зелень которыхъ живописно перемѣшивается съ художе-

ственными, скульптурными произведеніями и образцовыми копіями. Множество маленькихъ птичекъ обитаютъ издавна въ хрустальномъ дворцѣ; ихъ щебетаніе между вѣтвями деревьевъ и въ цвѣтахъ усиливаетъ пріятное впечатлѣніе этаго обширнаго искуственнаго сада.

У ногъ статуи королевы помѣщенъ прекрасный, мраморный продолговатый водоемъ—это „Хрустальный фонтанъ Тритоновъ“. Прелестные папоротники и роскошные пестрые цвѣты окружаютъ берега маленькаго этаго озера, на зеркальной поверхности котораго плаваютъ листья Викторіи Регія и другихъ водяныхъ растеній. Въ водѣ находится множество золотыхъ рыбокъ, которыя повидимому чувствуютъ себя очень хорошо въ высокой температурѣ воды. Этотъ бассейнъ и находящійся въ сѣверномъ флигелѣ, болѣе десяти лѣтъ былъ заселенъ рыбками, которыхъ въ одинъ день умерло болѣе 11,000 штукъ. Причиною этому была застоявшаяся въ трубахъ вода, пущенная въ бассейны.

На западной сторонѣ этаго прелестнаго мѣста и далѣе вдоль корпуса до средняго трансепта, собрано громадное множество копій съ замѣчательныхъ произведеній новѣйшей скульптуры. Всѣ страны и школы имѣютъ здѣсь своихъ представителей. Много большихъ статуй стоитъ на постоянныхъ мѣстахъ, большинство же мѣняетъ мѣста въ своей группѣ для того, чтобы вмѣстѣ съ водою и растеніями дѣйствовать декоративно. Нѣтъ возможности перечислить всего, что тутъ собрано. Но существенный и особенный интересъ заключается не въ массѣ предметовъ, а въ ихъ разстановкѣ. Постановка фонтана окруженнаго тритонами (фиг. 4) и раненая амазонка Гибсона статуя одного изъ замѣчательнѣйшихъ англійскихъ скульпторовъ, наглядно свидѣтельствуютъ о цѣлесообразности размѣщенія.

Фиг. 4. **Хрустальный дворецъ въ Сиденгёмѣ. Фонтанъ Тритоновъ.**

Фиг. 5. **Хрустальный дворецъ въ Сиденгёмѣ. Дворъ въ стилѣ Возрожденія.**

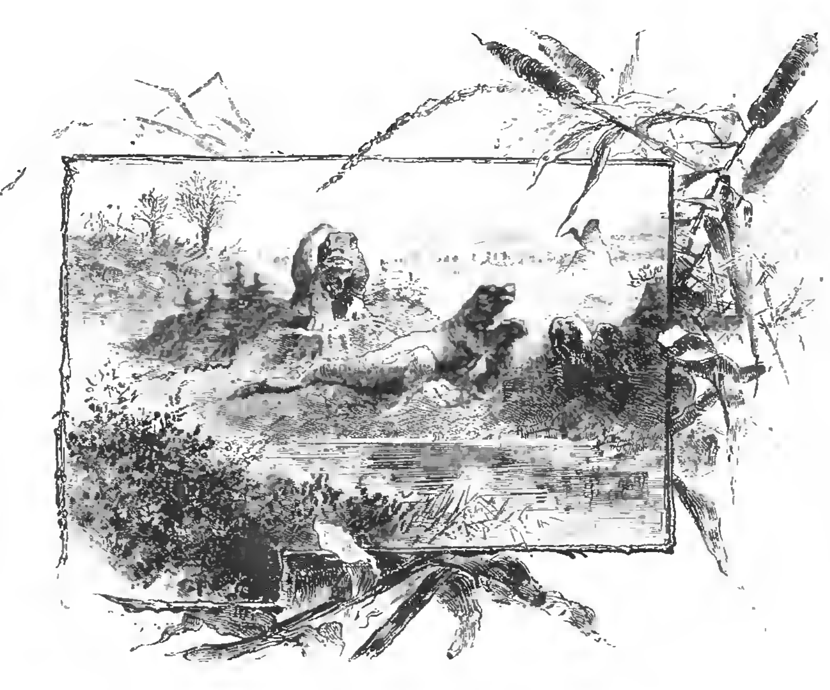
Теперь слѣдуетъ средній поперечный трансептъ съ его высочайшимъ сводомъ, выдающійся далеко по обѣ стороны длиннаго зданія. Лѣвое выдавшееся крыло вмѣщаетъ гигантскій полукругъ, поднимающійся амфитеатромъ. Это такъ называемый „Оркестръ Генделя“; тутъ помѣщается 4,000 артистовъ съ ихъ инструментами, собирающіеся сюда каждые три года на большія музыкальныя празднества въ честь Генделя. Кромѣ того полукругъ этотъ, поперечникъ котораго вдвое болѣе поперечника купола на кафедральномъ соборѣ Св. Павла, служитъ для большихъ симфоническихъ концертовъ. Въ глубинѣ полукруга помѣщается громадный органъ съ 4,568 трубами. На противуположномъ выдающемся концѣ средняго трансепта помѣщаются мѣста для слушателей. Тутъ-же направо находится еще концертная зала для меньшихъ музыкальныхъ исполненій, на 4,000 слушателей и слѣва оперный залъ, также на 4,000 человѣкъ зрителей.

Затѣмъ начинается сѣверная часть длиннаго корпуса; налѣво находятся такъ называемыя *палаты художествъ*, великолѣпнѣйшія и нагляднѣйшія иллюстраціи художественно-историческаго міра. Въ восьми большихъ отдѣленіяхъ, въ хронологическомъ порядкѣ, начиная отъ начала цивилизаціи, разставлены образцы различныхъ эпохъ и развитій по архитектурѣ, ваянію и лѣпной работѣ. Каждая „палата“ заключаетъ различныя отдѣленія, и со стороны длиннаго корпуса представляетъ богатый характеристическій фасадъ. Посѣтитель быстро проходитъ здѣсь 3000 лѣтъ, начиная съ древняго Египта и кончая послѣдней четвертью шестнадцатаго вѣка. Въ сѣверной-же части длиннаго корпуса, между водою и растеніями находится богатый музей скульптуръ древности, готическаго стиля и временъ Возрожденія.

Въ египетской палатѣ поражаетъ простота конструкціи, громадность и массивность размѣровъ. Въ греческомъ отдѣлѣ находятся величайшія произведенія всѣхъ временъ. Тутъ есть Язонъ изъ Лувра, Юнона Лудовизи, группа Лаокоона и затѣмъ Венера побѣдительница, Афродита Милосская. Глазамъ зрителя она представляется въ ея первоначальномъ и притомъ исправленномъ видѣ. Въ первоначальномъ видѣ она стояла въ Луврѣ до 1870 года. Было извѣстно что она состоитъ изъ двухъ кусковъ, которые соединены подъ косой линіей одѣянія. Уже издавна нѣкоторые ученые утверждали, что въ томъ мѣстѣ находится неестественное искривленіе божественнаго тѣла, но никто не осмѣливался дотронуться до святыни. Когда же въ 1870 г. восточные варвары начали осаду, то Венера-побѣдительница была снята, уложена въ два ящика и спрятана. Впослѣдствіи когда пришлось ее снова ставить оказалось, что между кусками былъ налитъ слой свинца. Это и было причиною упомянутаго несовершенства; свинецъ былъ удаленъ и прекраснѣйшая въ мірѣ божественная статуя появилась въ первоначальномъ совершенствѣ.

Пройдя римское отдѣленіе, начинается отдѣленіе Альгамбры, гдѣ находятся статуи запрещенныя законодательствомъ Магомета. Далѣе слѣдуетъ уже сѣверный боковой трансептъ. До пожара здѣсь находился могучій пальмовый лѣсъ: въ 1866 г. вмѣстѣ съ лѣсомъ погибла въ огнѣ и ассирійская палата. Въ восточной части дворца, за сѣвернымъ трансептомъ, находится Романская палата; между прочими произведеніями тутъ помѣщенъ мраморный фонтанъ изъ аббатства Гейстербаха. Слѣдующій средневѣковой отдѣлъ занятъ готическими произведеніями, подраздѣленными сообразно ихъ проис-

хожденію. За этимъ отдѣломъ слѣдуетъ палата Возрожденія. Здѣсь соединены всѣ знаменитости Италіи, Франціи, Испаніи и Германіи. Прямо противъ входа видно окно Цертозы изъ Павіи, направо отъ окна замѣчательный фрескъ Луки делля Робія; затѣмъ статуи пѣвицъ, вылитый изъ бронзы фонтанъ изъ венеціанскаго дворца дожей и лѣвѣе дверь изъ дворца Доріи въ Генуѣ. Всѣ статуи работы Донателло делля Робія. Далѣе слѣдуетъ отдѣлъ, заключающій въ себѣ работы позднѣйшаго англійскаго времени Возрожденія, такъ называемаго времени Елисаветы, XVI и начало XVII столѣтія. Весь отдѣлъ заканчивается снова итальянскими произведеніями.



Фиг. 6. Хрустальный дворецъ въ Сиденгёмѣ. Въ Зоологическомъ саду.

Возлѣ концертнаго и

Фиг. 7. Хрустальный дворецъ въ Сиденгёмѣ. Поставецъ королей и королевъ.

опернаго зала средняго трансепта, на восточной сторонѣ зданія находится торговля бумагой. Тутъже помѣщаются фотографіи, читальня, почта и особое отдѣленіе для туристовъ. На стѣнѣ виситъ громадная, 7 метровъ въ квадратѣ, карта Европы; возлѣ устроена контора для продажи билетовъ прямаго сообщенія. Достоинъ вниманія находящійся здѣсь помпеянскій домъ—это точное подражаніе римской виллѣ временъ императора Тита. Остановившись передъ поставцомъ королей, направо отъ большаго бассейна, посѣтитель увидитъ энтомологическую выставку. Здѣсь собраны группы различныхъ болѣе или менѣе дикихъ народовъ: зулусы, мексиканскіе индѣйцы, жители острова Явы и Караибы. Всѣ они окружены дикой растительностью ихъ родины и гиппопотамами, жирафами, птицами и амфибіями.

Всѣмъ этимъ не исчерпывается еще образовательный матеріалъ Хрустальнаго дворца. За средневѣковой палатой, въ отдѣльномъ помѣщеніи уже 20 лѣтъ существуетъ „практическая школа архитекторовъ и инженеровъ". Съ недавняго времени при ней устроена школа высшаго садоводства.

Большая часть широкихъ галлерей, идущихъ по обѣ стороны длиннаго корпуса, наполнены богатыми технологическими и антропологическими коллекціями. Въ нихъ же находится значительная пинакотека и прекрасное собраніе группъ изъ чучелъ животныхъ. Кромѣ того въ нихъ постоянно находится то одна, то другая изъ временныхъ выставокъ. Недавно тамъ происходила выставка шерсти и издѣлій изъ нея, причемъ дѣйствовали всѣ фабричныя машины, установленныя тутъ-же внизу.

Великолѣпная терраса (фиг. 3), украшенная гигантскими аллегорическими изваяніями, передъ восточнымъ садовымъ фасадомъ Хрустальнаго дворца нѣсколькими уступами спускается къ садамъ. Въ стѣнахъ террасы оставлены углубленія на подобіе бесѣдокъ, которыя обсажены вьющимися растеніями и украшены цвѣтами. Бассейны, фонтаны и каскады смѣняютъ другъ друга на каждомъ широкомъ уступѣ, пока наконецъ внизу не достигается береговъ различныхъ прудовъ и озеръ.

Основной характеръ этаго великолѣпнаго сада — итальянскій: террасы, храмы, статуи, вазы, обширныя правильныя клумбы, прямыя дорожки, подстриженныя изгороди, искуственныя скалы и геометрически-правильные рыбные пруды. Геніальный творецъ сада, сэръ Пакстонъ умѣлъ примѣнить эти строгія правила къ англійскому климату и вкусу. На второй террасѣ, среди итальянскаго цвѣтника, благодарные почитатели Пакстона соорудили памятникъ этому отцу Хрустальнаго дворца.

Мимо обширныхъ гимнастическихъ плацовъ и дорогъ для велосипедовъ пролегаетъ дорога къ геологическому саду. Это большое плоское возвышеніе, подпимающееся на 16 метровъ надъ лежащимъ ниже озеромъ. Внизу виднѣется рядъ маленькихъ дикихъ и пустынныхъ островковъ, между деревьями, скалами, кустарникомъ и тростникомъ; на берегу и въ водѣ показываются странныя фигуры.

Скалы представляютъ опредѣленныя геологическія формаціи втораго и третьяго періода: слои каменнаго угля, извести, песчаника и желѣзняка. Онѣ сложены по правиламъ науки и также правильно на нихъ распредѣлены соотвѣтствующіе обитатели. Гигантскія лягушки, черепахи и лабиринтодоны сидятъ на красномъ песчаникѣ и другія различныя допотопныя животныя, сдѣланныя очень живо, образуютъ натуральныя группы.

Хрустальный дворецъ безъ сомнѣнія составляетъ очень популярное учрежденіе. Зачастую въ праздники посѣтителей бываетъ отъ 40,000 до 50,000 человѣкъ. Устраиваемыя здѣсь празднества привлекаютъ даже до 60,000 человѣкъ. Вся эта масса имѣетъ много развлеченій обозрѣвая научныя выставки съ работающими машинами, присутствуя въ циркѣ или на представленіи 1,500 собакъ. Тогда же показываютъ панораму „Осада Парижа", устраиваются игры въ крокетъ, состязанія на лодкахъ и на велосипедахъ, строятся столбы для влѣзанья, пускаютъ шаръ и повсюду гремитъ музыка. Все это заканчивается громаднымъ фейерверкомъ. По всей вѣроятности всѣ 60,000 посѣтителей покидаютъ садъ вполнѣ довольные проведеннымъ временемъ.

Для акціонеровъ, однако о которыхъ до сихъ поръ нами ничего не было, сказано, необыкновенное это учрежденіе служитъ источникомъ многихъ неудовольствій. Ежегодныя общія собранія происходятъ очень шумно: постоянно возникаютъ недовольства на директоровъ-распорядителей. Причина неудовольствія заключается въ неудовлетворительныхъ дивидендахъ. Блестящія надежды уважаемаго патріота и основателя величественнаго образовательнаго міроваго учрежденія остались неисполненными. Какую бы пользу учрежденіе ни принесло міру, акціонеры терпятъ убытки. Во время постройки не щадили ни трудовъ, ни расходовъ и было сдѣлано все возможное для заинтересованія посѣщающей публики. Однако публика и въ Англіи свои праздничные дни предпочитаетъ проводить иначе и ее скорѣе займетъ канатный плясунъ, чѣмъ всѣ научные музеи.

Не смотря на все это Хрустальный дворецъ составляетъ одну изъ величайшихъ достопримѣчательностей Лондона. Иностранцы, даже мало знающіе объ Англіи, слышали о чудесномъ дворцѣ въ Сиденгемѣ. И тѣ изъ путешественниковъ, которые не знаютъ еще Хрустальнаго дворца, употребленный на осмотръ его день не будутъ считать потеряннымъ.

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ: „Гаконъ слѣпой“, баллада графа А. К. Толстого.

(Рис. на стр. 964).

Пламенная и свободная фантазія поэта часто уносится въ отдаленную глубь давно минувшихъ вѣковъ и воскрешаетъ образы давно исчезнувшіе съ лица земли и оставившія въ исторіи или легендѣ лишь самыя краткія и смутныя по себѣ воспоминанія. Для поэта довольно нѣсколькихъ строкъ старой лѣтописи, довольно даже одного ея намека, чтобы создать цѣлый грандіозный типъ или вполнѣ законченную картину. Есть у графа А. К. Толстаго высокохудожественная, по силѣ и музыкальности стиха былина, сюжетомъ которой послужилъ поэту очень небольшой и неважный эпизодъ нашей древней лѣтописи. Эта лѣтопись, повѣствуя объ времени княженія Ярослава, говоритъ, что въ эту эпоху удѣльной междоусобицы пришелъ къ нему на помощь изъ-за моря, скандинавскій витязь Якунъ или Гаконъ; часто больной глазами, онъ носилъ на нихъ шитую золотомъ луду или повязку и хотя едва могъ видѣть, но попрежнему любилъ войну и битвы. Далѣе въ лѣтописи мы встрѣчаемъ Якуна какъ участника въ сраженіи Ярослава съ Мстиславомъ при Лиственѣ. Битва окончилась пораженіемъ Ярослава и Якунъ бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ, оставивъ на полѣ сраженія даже свою луду. Прибавьте къ этимъ строкамъ лѣтописи еще нѣсколько предположеній ученыхъ, думающихъ, что Якунъ былъ никто иной какъ Яковъ, сынъ шведскаго короля Олафа, на дочери котораго Ингигердѣ былъ женатъ Ярославъ, и вы получите все, что намъ извѣстно объ скандинавскомъ витязѣ Якунѣ. Но вотъ поэтъ прикасается къ этому сухому и бѣдному матеріалу и у него воскресаетъ эпизодъ живой и увлекательный. Въ его былинѣ мы видимъ величественный образъ героя, хотя лишеннаго свѣта очей, но сохранившаго еще силу и богатырскую отвагу. Сознавая близость битвы, онъ чувствуетъ что будетъ не лишнимъ среди воиновъ и проситъ ихъ дать ему мѣсто въ ихъ рядахъ, уже готовыхъ упестись въ рукопашную свалку:

„Въ десницѣ жива еще прежняя мочь
И крѣпки по прежнему плечи;
Но очи объяла мнѣ вѣчная ночь —
Кто хочетъ мнѣ, други, рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите-жъ скорѣй за поводья коня,
Умчите въ кипѣніе сѣчи!..

Воины исполняютъ желаніе Гакона; стиснутый въ ихъ рядахъ, онъ бѣшено несется впередъ и своимъ топоромъ пролагаетъ себѣ широкую дорогу, но толпы враговъ становятся все гуще и гуще; Гаконъ отрѣзанъ отъ своихъ и ему угрожаетъ неминуемая опасность. Тогда Ярославъ спѣшитъ ему на помощь и пробивается къ нему со свѣжею ратью.

„И съ новой налегъ на враговъ онъ толпой,
Просѣкъ черезъ свалку дорогу.
Но вотъ на него налетаетъ слѣпой
Топоръ свой подъявши.—Да стой же ты, стой!
Никакъ ошалѣлъ онъ, ей Богу!
Вѣдь былъ ты безъ насъ бы изсѣченъ и стертъ
Что-жь рубишь свою же подмогу?

* * *

Но тотъ расходился; не внемлетъ словамъ
Ударъ за ударомъ онъ садитъ,
Молотитъ по русскимъ щитамъ и бронямъ
Дробитъ и сѣчетъ шишаки пополамъ—
Никто съ разъяреннымъ не сладитъ.
Насилу опомнился старый боецъ,
Утихъ онъ и бороду гладитъ.

Миновало опьяненіе битвы; страсти улеглись; воины отрезвились отъ своего воинственнаго пылу. Послѣдняя строфа былины прекрасно рисуетъ этотъ переходъ отъ буйныхъ и кровожадныхъ чувствъ къ чувствамъ болѣе тихимъ и спокойнымъ:

„Дружина вздохнула, враговъ разогнавъ,
Побито, посѣчено вволю,
Лежатъ перемѣшаны правъ и неправъ
И смотритъ съ печалію князь Ярославъ
На злую товарищей долю,
И ѣдетъ онъ шагомъ, снявъ острый шеломъ,
Съ Гакономъ по бранному полю..

Группа „Скобелевъ“, работы Шопена.

(Рис. на стр. 333).

Группа эта—одно изъ прекрасныхъ произведеній извѣстнаго заведенія бронзовыхъ издѣлій Шопена—изображаетъ нашего славнаго генерала, мчащагося во главѣ своихъ частей, ведущаго ихъ къ побѣдамъ. Красота группы, полное одушевленія и стремительности движеніе, которымъ дышетъ группа, выдаютъ манеру всѣмъ извѣстнаго талантливаго художника Евгенія Лансерэ который дѣлалъ модель группы, принадлежащей нынѣ г. Шопену, который исполнилъ ее въ бронзовыхъ копіяхъ. Вышиною группа почти въ 7 вершковъ и длиною въ 6½ вершковъ, продаются по 100 рублей.

Прекрасное всѣмъ извѣстное заведеніе Шопена производитъ такія художественныя вещи, что мы считаемъ нужнымъ здѣсь сказать объ немъ нѣсколько словъ.

Въ 1805 году въ Петербургѣ Александръ Геренъ устроилъ мастерскую для производства мелкихъ бронзовыхъ и мѣдныхъ вещицъ. Спустя пять лѣтъ, желая основать фабрику бронзовыхъ издѣлій, онъ обратился къ Ж. Шопену (отцу настоящаго владѣтеля фабрики) фабриканту бронзы въ Парижѣ, который и прислалъ ему все необходимое для организаціи этого дѣла: модели, инструменты, а также инструктора, литейщиковъ, оправщиковъ, чеканщиковъ, золотильщиковъ. Эти прибывшіе мастера и положили основаніе бронзовой фабрикаціи, существующей нынѣ въ Россіи.

Фабрика эта мало по малу улучшалась и когда въ 1838 году Ф. Шопенъ принялъ ее въ свое управленіе, то она уже пріобрѣла хорошую репутацію и работы ея цѣнились высоко. Между множествомъ ея бронзовыхъ произведеній можно указать, какъ на одну изъ самыхъ крупныхъ работъ—это на серебряный иконостасъ въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ.

Съ 1838 года дѣла фабрики пошли еще лучше и она исполняла работы для Эрмитажа въ Петербургѣ, для всѣхъ дворцовъ членовъ императорской фамиліи, для большей части публичныхъ зданій и почти для всѣхъ знатныхъ и богатыхъ особъ въ Россіи. Изъ Москвы ей также были сдѣланы заказы для новаго дворца въ Кремлѣ; затѣмъ наружныя двери и почти вся мелкая бронза для внутренняго украшенія въ храмѣ Спасителя. Это громадное количество работъ указываетъ, что фабрика была устроена на прочныхъ началахъ; она дала и развитіе дѣлу бронзовой фабрикаціи въ Россіи, выпуская значительное количество мастеровыхъ основательно ознакомленныхъ съ этимъ искусствомъ. Спустя лѣтъ двадцать послѣ основанія фабрики, уже на ней не было ни одного иностранца, всѣ рабочіе были русскіе. На настоящую выставку фабрика представила цѣлую коллекцію предметовъ, предназначаемыхъ для украшенія и другихъ употребленій во внутренности жилищъ, во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ, начиная съ 1838 года и по настоящее время. Между этими произведеніями выдѣляется громадный бюстъ Императора Александра II, произведеніе г. Шрадера, скульптора академіи художествъ въ Петербургѣ, который особенно отличается величіемъ позы и поразительнымъ сходствомъ. Что касается бронзы кабинетной, то между всѣми произведеніями этого рода выдѣляется колекція, состоящая болѣе чѣмъ изъ семидесяти группъ, изображающихъ сюжеты изъ русской жизни. Это произведенія молодаго русскаго художника Лансере, который пріобрѣлъ извѣстность не только въ Россіи, но и во всей Европѣ и Америкѣ. Двѣ конныя статуи, представляющія сокольника Іоанна Грознаго и охотника съ беркутомъ, также произведенія этого артиста. Подобныя же произведенія его были на выставкѣ 1878 года въ Парижѣ, гдѣ пріобрѣли большой успѣхъ и были куплены однимъ знатнымъ парижаниномъ.

Въ числѣ произведеній фабрики мы встрѣчаемъ довольно значительное количество предметовъ роскоши, сдѣланныхъ во вкусѣ эпохи Людовика XIII, Людовика XIV, Людовика XV и особенно Людовика XVI, эти вещицы, по желанію любителей, сдѣланы точно по оригиналамъ и покрыты матовой позолотой; между ними замѣчательны пара маленькихъ стѣнныхъ бра, двое часовъ, которые изображаютъ собой группу изъ 32 географическихъ фигуръ, прелестные, небольшіе часы на ляписъ-лазури, представляющіе Венеру, кормящую грудью двухъ херувимовъ и т. д. Часть произведеній этого рода фабрика отправила заграницу.

Между предметами новѣйшаго произведенія обращаютъ на себя вниманіе часы, сдѣланные въ стилѣ Людовика XVI, изо-

бражающіе на бѣломъ мраморномъ цоколѣ четыре дѣтскія фигуры, покрытыя матовой позолотой—это произведеніе знаменитаго скульптора Антокольскаго; затѣмъ украшенія камина въ мавританскомъ стилѣ; церковный подсвѣчникъ и лампадный столикъ, первый экземпляръ которыхъ былъ сдѣланъ для одной изъ Іерусалимскихъ церквей; большая ваза очень граціозной формы, сдѣланная изъ опала и украшенная лозой изъ золоченой бронзы съ кистью винограда изъ стекла, поддѣланнаго подъ аметистъ; огромный канделябръ въ стилѣ Людовика XV, произведеніе одного изъ русскихъ профессоровъ; прекрасная статуя профессора Лаверецкаго: ребенокъ—неаполитанецъ.

Кромѣ поименованныхъ нами, фабрика имѣетъ еще множество произведеній извѣстныхъ профессоровъ и артистовъ: Монигетти, Каменскаго, Набокова, Чичагова, Соколова и другихъ. Кромѣ того множество работъ принадлежитъ всецѣло самой фабрикѣ, имѣющей своихъ рисовальщиковъ и скульпторовъ.

Надъ всѣми этими произведеніями искусства, помѣщенными на выставкѣ, паритъ орелъ колоссальныхъ размѣровъ (6 аршинъ—ширина распущенныхъ крыльевъ) художественно выполненный, который своими когтями поддерживаетъ драпри.

Константинополь.

(Рис. на стр. 972 и 973).

Константинополь, столица османской Имперіи и резиденція султана, насчитывающій 600.000 жителей, лежитъ у южнаго входа въ Босфоръ, на европейскомъ берегу. Мѣстоположеніе города чрезвычайно красиво и живописно. Подобно Риму, Константинополь со своими предмѣстьями раскинулся амфитеатромъ на семи холмахъ; собственно старый городъ занимаетъ треугольную косу, окруженную съ сѣвера Золотымъ Рогомъ (узкая бухта, берега которой соединены мостомъ, видная на рисункѣ на лѣво), съ востока Босфоромъ и съ юга—Мраморнымъ моремъ. Море у Константинополя такъ глубоко, что самые большіе военные корабли могутъ подходить къ самому берегу. Мостъ на Золотомъ Рогѣ ведетъ въ предмѣстье Галату, тянущееся на лѣво къ Босфору и представляющее большую и удобную гавань со множествомъ кораблей. Галата—это торговый центръ города. Къ сѣверозападной сторонѣ Галаты примыкаетъ предмѣстье Пера, заселенное по преимуществу европейцами; здѣсь помѣщаются посольства; предмѣстье это со своими широкими и прямыми улицами и высокими каменными постройками имѣетъ видъ итальянскаго города. Вдоль всего европейскаго берега Босфора (лѣвая сторона рисунка) тянется рядъ построекъ, примыкающихъ съ сѣверо-востока къ Галатѣ и составляющихъ предмѣстья Тонъ-Чане, Финдикли, Долмабаге, Бешикташъ и Ортакьой, между тѣмъ какъ со стороны материка и сѣвернѣе Перы находятся кварталы Св. Дмитрія, Панкальди и принадлежащій Султану, упоминаемый часто за послѣднее время Ильдизъ-Кіоскъ. На правой сторонѣ рисунка, на другой сторонѣ Босфора т. е. на азіатскомъ берегу виденъ городъ Скутари, который съ лежащимъ южнѣе Кадыкьой (не видимымъ на рисункѣ) считается въ числѣ предмѣстій Константинополя. Далѣе въ глубь лежатъ деревни Кустундшикъ, Беглербей и Дшенгелькіой. Красотѣ города способствуетъ много масса зелени между домами, лазурное море и необыкновенно мягкій климатъ. Однако наружный видъ города не соотвѣтствуетъ внутреннему: за исключеніемъ предмѣстья Перы, улицы всюду узки и грязны, большинство домовъ деревянные и только нѣкоторыя общественныя зданія выстроены изъ камня. Изъ художественныхъ памятниковъ и построекъ прежней столицы оттоманской имперіи осталось очень мало, и прежнія цвѣтущія окрестности древней Византіи превратились въ каменную пустыню покрытую развалинами.

Политическое обозрѣніе.

Россія и Китай.—„Килійскій вопросъ“.—Съѣздъ славянскихъ государей въ Софіи.—Австрія и устаны.—Тріестъ.—Пресбургъ.—Турція и Греція.—Египетъ.—Араби-Паша.—Англія.—Франція.—Вѣна.—Данія.

Не разъ уже приходилось указывать на безцеремонность китайцевъ въ отношеніи насъ; къ постояннымъ пограничнымъ задираніямъ, набѣгамъ и грабежамъ сыновъ Срединной Имперіи надо присоединить періодически проявляющееся недружелюбное „пренебреженіе“ къ намъ ихъ правительства. Пренебреженіе Китая къ Россіи—не правда-ли комично звучитъ? Мы объясняемъ себѣ это тѣмъ, что „не вѣдаютъ бо, что творятъ“ и относимся къ нимъ довольно снисходительно, взирая на нестройную, хотя и громадную махину, какъ на нѣчто весьма слабое, не имѣющее органически-прочной основы. Но, тѣмъ не менѣе, мы уже черезчуръ снисходительны и Китай снова недавно воспользовался этимъ: согласно заключенному съ нимъ трактату Россія получаетъ полосу земли на рѣкѣ Черномъ Иртышѣ, и вотъ мы ждали передачи уступленной территоріи, для чего уже выслали отряды; несмотря, однако, на то, изъ Пекина долго не показывали никакого намѣренія приступить къ выполненію акта передачи, наконецъ правительство богдыхана извѣстило, что—въ нынѣшнемъ году эта передача не состоится! мотивъ, конечно, изобрѣтенъ: необходимо, видите-ли, устроить сначала быть приилайскихъ калмыковъ... Отряды наши отозваны. Въ виду извѣстной китайской медлительности, можно вполнѣ разсчитывать на то, что въ слѣдующемъ году бытъ калмыковъ еще не будетъ устроенъ, т. е.—мы еще не получимъ уступленной намъ территоріи.

Къ извѣстію о „Килійскомъ вопросѣ“ считаемъ необходимымъ прибавить слѣдующія подробности; дѣло, какъ оказывается изъ новѣйшихъ свѣдѣній, было такъ: венгерская (!) коммисія регулированія дунайскаго русла поручила, въ началѣ нынѣшняго года, двумъ своимъ инженерамъ произвести измѣренія въ Килійскомъ рукавѣ и ассигновала на этотъ предметъ 3 тысячи франковъ; но русское правительство (къ общему удивленію гг. международниковъ постоянной коммиссіи) не дозволило венгерскимъ инженерамъ выполнить возложенное на нихъ порученіе, ссылаясь на то, что оно намѣревается поручить эту работу своимъ инженерамъ (какова смѣлость!); члены дунайской коммисіи, конечно, пытались сначала обратить русскаго уполномоченнаго на путь истины, но тотъ оказался (опять, вѣроятно, къ ихъ общему изумленію) человѣкомъ упрямымъ, узко смотрящимъ на широкіе интересы Западной Европы и предпочитающимъ имъ интересы и достоинство своего отечества: тогда—о ужасъ!—они выпустили коллективную ноту, вопіющую противъ незаконнаго поступка Россіи — позволяющей себѣ, съ неслыханною дерзостью, распоряжаться, безъ спроса, на собственной территоріи! По этому поводу „Journal de St.-Pétersbourg“ замѣчаетъ, что: „сѣтованія иностранной печати (не одной только печати) на препятствія, дѣлаемыя будто-бы Россіею свободному судоходству на низовьяхъ Дуная, должны быть отнесены къ разряду необдуманныхъ *и нелѣпыхъ нападокъ*, которыя намъ не въ диковинку встрѣчать въ ней каждый разъ, когда дѣло идетъ о Россіи. Свобода дунайскаго судоходства обезпечена уже въ Сулинскомъ Гирлѣ и нисколько не пострадаетъ, если даже русское правительство произвело бы въ Килійскомъ рукавѣ работы, упоминаемыя въ иностранныхъ газетахъ“.

Много „дерзости“ стали обнаруживать и славянскіе князья Балканскаго полуострова. Такъ, напримѣръ, они рѣшаются безбоязненно посѣщать другъ друга, и не то чтобы какъ нибудь потихоньку, одинъ за однимъ — нѣтъ, взяли вотъ и открыто съѣхались въ Софіи. Князь Александръ принимаетъ у себя Сербскаго и Румынскаго Королей и Князя Черногорскаго, котораго сопровождаетъ, между прочимъ, дочь его, Зорка. Быстрымъ шагомъ идетъ впередъ исторія! Оглянемся за какія нибудь 8 или 9 лѣтъ назадъ—какъ далеки мы были еще отъ того, что видимъ теперь! По—впередъ, впередъ!..

Свиданіе это, будемъ надѣяться, „освѣжитъ“ короля Милана, въ славянскія чувства котораго мы всегда вѣрили и вѣримъ, что бы тамъ ни говорили; мы убѣждены, что ему привольнѣе дышется въ Софіи, нежели въ Вѣнѣ, убѣждены, что онъ живетъ и думаетъ за одно съ своимъ народомъ, ненавидящимъ австрійское иго. Говорятъ что вся Сербія, сдва ли не какъ одинъ человѣкъ, вооружена противъ нынѣшняго австрофильскаго министерства.

А австрійцамъ, все таки, еще не удалось покончить съ герцеговинскими и боснійскими инсургентами; теперь констатируютъ въ Герцеговинѣ присутствіе 5-ти отрядовъ устаней, силою, въ общей сложности, въ 1.500 ч., а въ Босніи—3 отряда, численностью въ 700 ч. Въ Тріестѣ ирридентистами снова была сдѣлана гнусная попытка, въ которой пущены были въ ходъ, динамитныя, какъ полагаютъ, петарды, ранившія нѣсколькихъ человѣкъ. Неужели въ партіи, по своимъ существеннымъ цѣлямъ заслуживающей сочувствія, не найдется благомыслящихъ и благородныхъ людей, могущихъ своимъ вліяніемъ прекратить эти отвратительныя посягательства, роняющія и самую партію? Все какъ-то кажется, будто это вовсе не итальянскіе патріоты, а люди, притворяющіеся ими и стремящіеся, подъ маской патріотизма, къ инымъ цѣлямъ; неизвѣстно, насколько вѣрно, но утверждаютъ, что виновники Тріестскихъ событій имѣютъ сношенія съ нашими „метальщиками“. Въ Пресбургѣ христіанское населеніе, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, избивало евреевъ; ни войска, ни полиція не могли прекратить безпорядковъ, достигнувшихъ грандіозныхъ размѣровъ. Евреи тысячами бѣжали изъ города. Теперь власти приняли строгія мѣры; присланы новыя войска, пріѣхалъ коммисаръ, снабженный широкими полномочіями; однако, когда совѣтъ министровъ пожелалъ ввести осадное положеніе—городской совѣтъ Пресбурга не допустилъ этого. Казалось бы—гдѣ бы евреевъ ни грабили и не били, вездѣ, вѣроятно, имъ одинаково и непріятно, и больно, однако еврейское общественное мнѣніе не только не воздвигло гоненія на Австрію и Венгрію, но вовсе какъ будто бы и не возмущается тѣмъ, чѣмъ такъ возмущалось и что такъ преувеличивало, когда дѣло происходило въ Россіи. Значитъ—въ Австро-Венгріи можно, или лучше сказать—вездѣ можно, кромѣ Россіи.

Турецко-греческій споръ уладили — только газеты, а на дѣлѣ онъ еще вовсе не конченъ: Мухтаръ-Паша не соглашается выполнить условія дипломатическаго соглашенія и не очищаетъ

занятыхъ турками позицій. Греки сосредоточиваютъ войска у границы.—Султанъ смѣнилъ великаго меккскаго шерифа, на мѣсто котораго назначилъ другаго, шейха Рефкуна, а шейху Абдуллѣ поручилъ постъ шейхъ-уль-хурана. т. е. хранителя меккской святыни; оба прежніе духовные сановники были заподозрѣны въ замыслахъ противъ Падишаха. Порта очень заинтересовалась узнать — когда англичане намѣрены вывести свои войска изъ Египта, выразивъ свое законное любопытство въ нотѣ къ англійскому правительству по этому поводу: на эту ноту лордъ Дёффе픈 отвѣтилъ, что часть войскъ ея величества уже возвращается на родину, что не смотря на желаніе вывести всѣ войска, это еще невозможно, пока не будетъ совершенно упроченъ порядокъ, для чего и оставляется, на извѣстное время, окупаціонный отрядъ. Абд-уль-Гамиду очень не понравилось назначеніе, помимо его, служащаго въ турецкое арміи Бэкера-Паши реорганизаторомъ будущихъ военныхъ силъ Египта. Его Величество, въ отвѣтъ на поданную Пашею просьбу объ отставкѣ, объявилъ его дезертиромъ.

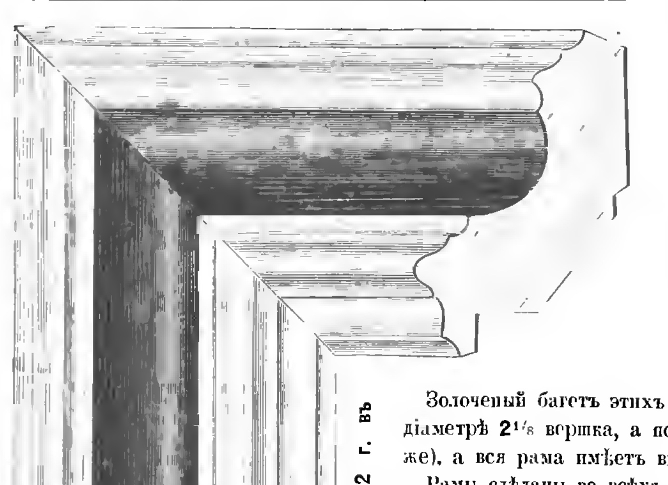
Мало по малу начинаютъ обрисовываться реформы, которыя англичане намѣреваются подарить Египту. Англійскій генеральный консулъ Мэлетъ увѣдомилъ хедива объ упраздненіи должностей пресловутыхъ финансовыхъ контролеровъ, обязанности которыхъ перейдутъ къ „членамъ комисіи погашенія египетскихъ государственныхъ долговъ“; къ этому надо присовокупить еще, что по слухамъ, должности товарищей министровъ будутъ замѣщаемы англичанами. Какъ видимъ, пока реформы обѣщаютъ египтянамъ скорѣе удвоенное бремя европейскаго. т. е. англійскаго контроля. чѣмъ возвѣщенное облегченіе отъ него. Прекрасный залогъ порядка на будущее время. Впрочемъ, незваные благодѣтели Египта думаютъ обезпечить тамъ порядокъ при помощи формируемаго, или имѣющаго быть сформированнымъ разношерстнаго жандармскаго корпуса, который, согласно проекту Бэкера-Паши, или англійскому проекту, будетъ составленъ изъ албанцевъ, черкесовъ, друзовъ и арабовъ, населяющихъ берега Персидскаго залива, все элементовъ, сколько можно видѣть, весьма способныхъ сознавать пользу и необходимость прочнаго порядка и вредъ воровства, грабежа—которымъ они привыкли жить искони; учреждается также египетскій (только не изъ египтянъ) легіонъ, подъ командой англійскихъ офицеровъ, и въ составъ котораго войдутъ европейцы и индійцы; предпочтеніе будетъ оказано бельгійцамъ, швейцарцамъ и испанцамъ; этотъ корпусъ назначается для гарнизона въ Александріи и Каирѣ. Феллахи же кажется, совсѣмъ освобождаются отъ военной службы.—Араби-Паша получилъ англійскаго защитника предъ египетскимъ судомъ; въ исходѣ дѣла едва ли кто сомнѣвается—прямо говорятъ, уже теперь, что пелицепріятный судъ этотъ приговоритъ Араби къ смертной казни; въ придиркахъ къ побѣжденному вождю нѣтъ, конечно, недостатка, нѣтъ недостатка и въ ложныхъ обвиненіяхъ—въ участіи, напримѣръ, въ избіеніяхъ европейцевъ; Лессепсъ, однако, предъ всей Европой объявилъ, что только благодаря Араби-Пашѣ—спасено 15 тысячъ европейцевъ, а извѣстно, что Лессепсъ былъ многому очевидцемъ. Казнить Араби-Пашу за то, что онъ сталъ во главѣ національнаго движенія? Но- почему же, въ такомъ случаѣ, не былъ казненъ Гарибальди и многіе другіе, герои патріотизма, выхваляемые повсюду въ самой Европѣ? Отвратительна эта безчестная, кровавая комедія, отвратительны ея актеры—эти безчеловѣчные торгаши, совершающіе, подъ эгидою и знаменемъ цивилизаціи, (хороша ихъ цивилизація!) насилія надъ слабымъ и беззащитнымъ! И чѣмъ же они лучше свирѣпыхъ римлянъ, требовавшихъ въ своемъ Колизеѣ крови, крови, крови!..

Надо, однако, сказать, что Англія искусно съумѣла обезпечить свое положеніе въ Египтѣ, прибѣгнувъ для того къ сепаратнымъ переговорамъ съ державами. Франція, по прежнему, Германія, Италія—въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, находятся въ наилучшихъ съ нею отношеніяхъ, такъ что если и соберется конгрессъ по Египетскому вопросу (говорятъ — въ Лондонѣ), что, опять-таки, едва ли не для одного выраженія одобренія всему, что сдѣлано правительствомъ королевы Викторіи, ея флотомъ и сухопутными войсками.

Во Франціи, въ Монтабанѣ, по случаю дня рожденія графа Шамбора, произвели довольно энергическую демонстрацію—между прочимъ сорвали на зданіи су-префектуры трех-цвѣтное знамя и замѣнили его бѣлымъ, съ лиліями; демонстраціи въ этомъ родѣ происходили и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.

Въ виду того, что римскій судъ призналъ себя компетентнымъ въ одномъ частномъ искѣ противъ Ватикана, папа собственною властью учредилъ гражданскій судъ въ Ватиканѣ; первыя двѣ инстанціи будутъ составлены изъ трехъ прелатовъ, а третья образуется изъ соединенія обѣихъ инстанцій. Левъ XIII мотивировалъ учрежденіе этого суда невозможностью для него допустить вмѣшательство въ его дѣла чужихъ властей. Недавно въ Папу, въ то время какъ онъ находился у себя въ саду, былъ произведенъ выстрѣлъ изъ ружья; случаю этому потомъ давали нѣсколько нелѣпѣйшихъ объясненій, въ родѣ, напримѣръ, того, что ружье, повѣшенное однимъ крестьяниномъ на дерево, едва ли не выстрѣлило само!

Въ Даніи, нижняя палата высказала намѣреніе нарушить государственный уставъ—она требуетъ упраздненія высшей палаты, признавая только за собою право на законодательную власть на томъ основаніи, что она состоитъ изъ депутатовъ,—избранниковъ народа, а потому и выражаетъ собою голосъ страны. Надо думать, что если палата не откажется отъ подобныхъ претензій, то правительство приметъ соотвѣтствующія мѣры.



Рисунокъ угла рамы для преміи 1882 г. въ уменьшенномъ видѣ.

Смѣсь.

Искуство Средней Азіи. Сборникъ Средне-Азіатской орнаментаціи, исполненный съ натуры членомъ Самарской ученой экспедиціи въ Средней Азіи Н. Симаковымъ. Изд Общ. Поощр. Худ. вып. III. Мы уже имѣли случай говорить объ этомъ превосходномъ изданіи. Исполненіе рисунковъ выше всякой похвалы. Характерность и прелесть нѣкоторыхъ узоровъ, оригинальность сочетаній красокъ, все это для каждаго интересующагося искуствомъ и занимающагося имъ представляетъ чрезвычайную важность, вводя совершенно въ новый, свѣжій міръ искуства таинственнаго дальняго востока. Желаемъ всякаго успѣха такому изданію, которымъ Общество Поощр. Худ. такъ исполняетъ свое истинное назначеніе и призваніе.

Прежнія и теперешнія газеты. Въ Вѣнской Императорской библіотекѣ находится между прочимъ литературное сокровище— двадцать восемь томовъ рукописной первой политической газеты, пріобрѣтенной отъ Фуггера изъ Аугсбурга за пятнадцать тысячъ франковъ; газета эта обнимаетъ время съ 1568 по 1604 годъ. Фамилія богатыхъ Фуггеровъ уже въ XV столѣтіи пользовалась извѣстностью; около же половины XVI столѣтія флагъ Фуггеровъ развѣвался уже на всѣхъ моряхъ: въ Остъ и Вестъ-Индіи процвѣтали ихъ факторіи и во всѣхъ торговыхъ городахъ они заводили свои агентства. Аугсбургъ былъ не только резиденціей фамиліи, но и центральнымъ пунктомъ ихъ торговыхъ оборотовъ. такъ что тамъ нуженъ былъ зоркій глазъ, тамъ такъ сказать сходились всѣ нити, приходили со всѣхъ сторонъ извѣстія и тамъ то подъ наблюденіемъ Фуггеровъ возникла первая нѣмецкая газета. Но какая же это нѣмецкая газета! Это было бы справедливо, еслибъ содержаніе ея интересовало каждаго нѣмца вообще, но газета эта была сборникомъ только свѣдѣній, по большей части касающихся торговли. почему она и издавалась на итальянскомъ, въ то время торговомъ. языкѣ. Встрѣчались корреспонденціи на французскомъ и испанскомъ. Помѣщались иногда стихи, большею частью сатирическаго содержанія. Такимъ образомъ газета писалась на нѣсколькихъ языкахъ и имѣла интересъ для ограниченнаго числа читателей: это и медленность сообщенія извѣстій составляетъ существенную разницу между теперешними и тогдашними газетами. Изъ счета, который Іеронимъ Крассеръ, издатель въ Аугсбургѣ и согражданинъ Филиппа Хуарца Фуггера, представилъ въ 1588 году этому послѣднему, видно, что писатели за листъ получали четыре крейцера. Эту цѣну богатый торговецъ считалъ еще высокой, но Крассеръ говорилъ ему, что другія лица, которыхъ онъ поименовывалъ (изъ Аугсбурга и его окрестностей) платятъ то же, если листъ даже не совсѣмъ написанъ. „„Ordinari-Zeitung“ стоила 14 гульденовъ въ годъ; „Extra ordinari“ четыре крейцера; обѣ газеты вмѣстѣ стоили съ доставкой на домъ 25—30 гульденовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что интересно каждому знать содержаніе тогдашнихъ газетъ, хотя бы для сравненія съ теперешними. Политическія извѣстія къ концу XVI столѣтія были подъ вліяніемъ религіознаго движенія въ Германіи: въ то же время взоры всѣхъ обращены были на несчастные Нидерланды, отчаянная борьба которыхъ противъ испанской тираніи имѣла вліяніе на торговыя дѣла. Тогда шли трагическія событія тѣхъ временъ, страницы которыхъ Гетс и Шиллеръ изображаютъ намъ въ своихъ драмахъ. Тогда же писалось о смерти Маріи Стюартъ, убійствѣ Позы, о смерти Донъ-Карлоса и т. д. Интересно сообщеніе въ 1585 году о представленіи королевскому двору въ Вѣнѣ русскаго посольства. Газета разсказываетъ приблизительно слѣдующее: „Московскій посолъ представлялся вчера Его Величеству, на немъ было три красныхъ шапки (?!) двѣ изъ нихъ онъ снялъ, когда говорилъ, объ этомъ онъ упомянулъ въ своей рѣчи, сказавъ, что третью онъ оставляетъ въ присутствіи короля на головѣ, потому что снимаетъ ее только передъ своимъ царемъ“. Изъ Турціи было около тысячи писемъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, которыя находились въ пути изъ Константинополя до Вѣны отъ сорока до пятидесяти дней. Бывали также корреспонденціи изъ Америки, Остъ-Индіи, Персіи, Японіи и Китая. О бокъ съ политическими статьями писались всякаго рода литературныя; уже въ то время былъ родъ фельетона: описанія празднествъ, процессій, народныхъ обычаевъ и другихъ такъ называемыхъ смѣшанныхъ извѣстій, которыя бросали свѣтъ на соціальное положеніе XVI и XVII столѣтій. Газеты также много удѣляли мѣста для описанія роскошной жизни и расточительности богатыхъ и знатныхъ вельможъ. Такъ описывали сколько было употреблено провизіи для празднества у одного лица въ Прагѣ; было заготовлено: 38 оленей, 1300 зайцевъ, 15 т. сѣдоголовыхъ дроздовъ, 200 яицъ, 500 каплуновъ, 5 т. куръ, 1.300 гусей, 50 вестфальскихъ окороковъ, 17 центнеровъ масла, 7 т. рыбъ, 5 тоннъ устрицъ, 318 бочекъ вина и 170 бочекъ пива.

Бутылка Лорда-Мера. Виноторговецъ и богатый купецъ Эліасъ Пембертонъ былъ избранъ Лордомъ Меромъ Лондона. Пембертонъ былъ уже не молодъ, но крѣпокъ и здоровъ. У него былъ домъ въ Сити и вилла въ предмѣстьи; онъ состоялъ членомъ парламента, былъ богатъ и очень уважаемъ. Семейство его состояло изъ трехъ сыновей и четырехъ замужнихъ дочерей. Въ первое утро послѣ выбора въ новую должность онъ облекся въ оффиціальный, должностной костюмъ; около полудня въ обычный часъ онъ сошелъ къ завтраку въ столовую, гдѣ уже собрались всѣ его близкіе и ждали его. Новый городской голова Лондона несъ запыленную старую бутылку, которую поставилъ на столъ. „А отецъ,“ сказала Магги, „что ты принесъ? Старую бутылку.“—„Да,“ отвѣчалъ Эліасъ Пембертонъ и осторожно вытеръ пыль съ бутылки—“изъ нея мы должны всѣ выпить, но прежде я разскажу вамъ одну исторію. Эта старая бутылка много лѣтъ свято сохранялась, сегодня настала ея день. Слушайте со вниманіемъ.“ Воцарилась глубокая тишина и Пембертонъ началъ разсказывать слѣдующее: „Я былъ шестилѣтнимъ сиротою безъ всякихъ средствъ существованія, когда дядя мой, Вильямъ Пембертонъ, взялъ меня къ себѣ изъ сострадапія, онъ былъ мелкимъ торговцемъ вина въ Каннонстрее, на томъ мѣстѣ гдѣ теперь находится зданіе банка. Я занялъ въ его торговлѣ самую низшую должность, состоявшую въ томъ, что обязанъ былъ рано утромъ выметать лавку и комнату для гостей. Спалъ я за перегородкой вмѣстѣ съ большой ньюфаундленской собакой. На мою долю доставались и брань и пинки; дядя Вильямъ по природѣ былъ добръ. но грубый и вспыльчивый; благодаря трудовой жизни сердце его очерствѣло. Тетка была ко мнѣ добрѣй, заботилась объ моемъ бѣльѣ и платьѣ. Она была очень сильна и однажды вытолкала своимъ сильнымъ кулакомъ вонъ пятерыхъ мущинъ, которые вели себя шумно и непристойно. Я переживалъ тяжелое время, изо-дня въ день сталкивался съ человѣческой нищетой, бѣдствіями, всякаго рода низостью, грубостью и невѣжествомъ. Въ субботу по вечерамъ приходилъ одинъ пьяница и пропивалъ здѣсь весь недѣльный заработокъ. Сюда же являлась за нимъ жена его въ лохмотьяхъ, съ голодными дѣтьми и просила у него хоть что нибудь на свою долю, жалобно плача. Дядя никогда не былъ сострадательнымъ къ бѣднымъ женщинамъ, никогда имъ не помогалъ и это меня сильно огорчало. Къ тому же случалось, что напитки подмѣшивались, я однажды сталъ протестовать противъ этого, тогда дядя въ раздражительности бросилъ въ меня бокаломъ и приказалъ мнѣ убираться если я желаю разсуждать. Тетка вскорѣ умерла отъ горячки; дядя, я и нѣкоторые сосѣди проводили ее до могилы. Первый разъ въ жизни я былъ въ церкви, послѣ бурныхъ сценъ въ шинкѣ тишина и спокойствіе такъ хорошо показались мнѣ!.. Дядя былъ очень милостивъ, онъ подарилъ мнѣ черное платье. Тетка, умирая, просила меня не оставлять дядю и заботиться о немъ; но что я могъ подѣлать съ гнѣвнымъ и упрямымъ старикомъ. То, чего я опасался, случилось скоро: дядя Вильямъ. сталъ все сильнѣе и сильнѣе пить и черезъ полтора года умеръ. Дѣтей у нихъ не было и я былъ его единственнымъ наслѣдникомъ. Я сталъ вдругъ богатымъ. Домъ и заведеніе дяди я продалъ за восемь тысячъ фунтовъ; но сердце мое не лежало къ этимъ деньгамъ, мнѣ все въ нихъ чудились разорившіеся соблазномъ люди и обобранные бѣдняки. Я не хотѣлъ на нихъ начинать новую жизнь, взялъ всю сумму и отнесъ къ нашему приходскому священнику, съ просьбой раздать все бѣднымъ и съ условіемъ не упоминать объ моемъ имени. Собравъ свои пожитки и взявъ съ собою два фунта, скопленныхъ много изъ наградныхъ денегъ, я поступилъ на представившееся мѣсто дворника въ одну большую виноторговлю. Священникъ разумно раздѣлилъ мою лепту, но не умѣлъ молчать; вскорѣ онъ меня розыскалъ и все разсказалъ моимъ хозяевамъ. Съ этого часа положеніе мое измѣнилось; меня стали обучать и вскорѣ сдѣлали управляющимъ. Три года спустя одинъ изъ хозяевъ умеръ и я сдѣлался компаньономъ; а спустя слѣдующіе четыре года—полнымъ владѣльцемъ. Сознательно-подмѣшаннаго вина я никогда никому не продавалъ. Мой трудъ былъ благословленъ и покупатели меня никогда не оставляли.“— „А бутылка, отецъ“ спросила Магги—„да,“ воскликнулъ старикъ „я чуть не забылъ самаго главнаго. Когда я былъ управляющимъ, хозяинъ подарилъ мнѣ однажды эту бутылку стараго вина и сказалъ шутя, что я ее долженъ распить. когда сдѣлаюсь лордомъ-меромъ Лондона, но не раньше. Я сдержалъ свое слово. Долгіе годы бутылка заботливо оберегалась; насталъ часъ и мы ее разопьемъ.“—„За здоровье лорда-мера Лондона!“ сказалъ одинъ изъ зятьевъ.—„Нѣтъ,“ возразилъ Эліасъ Пембертонъ „за процвѣтаніе честнаго труда и чистой совѣсти!“ и чокнулся бокаломъ.

Первымъ хедивомъ Египта былъ Магометъ-Али (1769 г.) родившійся въ Македоніи. Онъ былъ сначала продавцемъ табаку, потомъ солдатомъ; карьеру свою онъ составилъ въ Египтѣ и былъ первымъ изъ династіи, еще и по нынѣ правящей Египтомъ. Чтобы упрочить свою власть. онъ пролилъ не мало крови, приказавъ умертвить четыреста пятьдесятъ знатныхъ мамелюковъ, соперничества которыхъ онъ опасался. Его преемникъ Ибрагимъ-паша правилъ только семьдесятъ пять дней. Слѣдующій хедивъ Аббасъ-паша по своей жестокости и необузданности имѣлъ большое сходство съ Тиверіемъ. Онъ приказалъ однажды наказать одну танцовщицу и самъ, куря, смотрѣлъ на экзекуцію; послѣ этого онъ велѣлъ сослать всѣхъ танцовщицъ. Аббасъ-паша былъ удавленъ своими солдатами. За нимъ слѣдовали Саидъ-паша. затѣмъ Измаилъ. который ввелъ въ Египтѣ европейскую цивилизацію, послѣ того какъ самъ испыталъ европейскую жизнь. О его пребываніи въ Парижѣ помнятъ еще и до сихъ поръ и разсказываютъ про него слѣдующій анекдотъ. Измаилъ очень заботился объ усовершенствованіи своего гарема, въ который хотѣлъ пріобрѣсти одну французскую актрису по фамиліи Фотенъ. Онъ телеграфировалъ своему агенту въ Виши, гдѣ жилъ въ лѣтнее время: „Envoyez Fautin, coûte que coûte“. Агентъ долго ломалъ себѣ голову, ктобы это такой былъ Фотенъ, рылся въ адресъ-календарѣ, нашелъ фамилію Фотенъ, фабриканта Шассио и думалъ: конечно этотъ и ни-

кто другой: по всей вѣроятности мой повелитель хочетъ вооружить свою армію новыми ружьями. Фотенъ, человѣкъ украшенный окладистой бородой, отправляется какъ только можно поспѣшнѣй въ Виши, Измаилъ приказываетъ его допустить... Картина! Настоящій хедивъ Мегеметъ-Тевфикъ родился въ 1852 году, воспитывался въ Европѣ. Въ 1879 году онъ взошелъ на тронъ своихъ отцевъ.

Паганини, знаменитый скрипачъ, имѣлъ поговорку: „что досталось безъ труда, то не пойдетъ въ прокъ“ и не допускалъ никакихъ исключеній. Онъ былъ заботливымъ отцомъ и оставилъ своему сыну, Ахиллу, два милліона франковъ. Но можно было предсказать, что этотъ счастливый наслѣдникъ никогда не промотаетъ денегъ, на основаніи слѣдующаго характеристическаго поступка, когда онъ еще былъ мальчикомъ. Однажды молодой Ахиллъ съ двумя другими гостями сидѣлъ въ маленькой залѣ у пѣвца Лаблаха, гдѣ горѣло четыре восковыхъ свѣчи. Эта расточительность въ освѣщеніи возмутила маленькаго Паганини. Быстро, пока гости бесѣдовали съ хозяиномъ, потушилъ онъ ближайшую къ себѣ свѣчку. Лаблахъ, занятый разговоромъ съ коллегой, не помѣшалъ сдѣлать это мальчику. Когда этотъ послѣдній вообразилъ себѣ, что никто не замѣтилъ его продѣлки, онъ потушилъ вторую и третью свѣчу. Четвертая свѣча начала притягивать мальчика все ближе и ближе къ себѣ, Лаблахъ сказалъ ему ласково:—„Дитя, если ты задуешь и послѣднюю свѣчу, то мы ничего не будемъ видѣть!“—„Вамъ развѣ нужно видѣть, чтобы болтать!“ сказалъ будущій наслѣдникъ двухъ милліоновъ.

Норвежскіе лоцмана. Между норвежскими лоцманами встрѣчается много благородныхъ и прекрасныхъ натуръ. Въ своихъ крѣпкихъ ботахъ они далеко заходятъ въ море и нерѣдко въ столь опасныхъ для кораблей шхерахъ можно видѣть ихъ яркокрасные и бѣлые паруса. Только они одни рѣшаются заходить туда въ своихъ ботахъ. Эти отважные люди не страшатся никакихъ опасностей и кажется нѣтъ ни одного подводнаго камня, существованіе котораго имъ было бы неизвѣстно. Какъ напряженна должна быть бдительность въ ихъ плаваніи между скалами! Норвежскіе лоцмана отважнѣйшіе и искуснѣйшіе моряки. Однажды былъ слѣдующій случай. Корабль, находясь болѣе чѣмъ за милю отъ берега, во время сильной бури подавалъ сигналы, прося о помощи. Одинъ лоцманъ, вѣрный своему долгу, вышелъ въ море въ ботѣ; всѣ спѣшили на берегъ, чтобы посмотрѣть, чѣмъ кончится это рискованное предпріятіе. Ботъ шелъ противъ вѣтра, то совершенно скрываясь, то опять показываясь; скоро онъ достигаетъ корабля, сталкивается съ страшной силой съ пароходомъ и на вѣки гибнетъ. Находившійся на берегу сынъ, повидимому погибшаго, вспрыгиваетъ въ ботъ со словами: „Мой бѣдный отецъ, онъ хотѣлъ побѣдить стихію!“ Съ этими словами отважный юноша плыветъ по направленію къ кораблю на такую же страшную опасность, но судьба ему покровительствуетъ. Онъ миновалъ ошибку, сдѣланную погибшимъ, достигъ корабля и привелъ благополучно его въ гавань. Отца нашли живымъ на реѣ. Каждый лоцманъ ожидаетъ чего нибудь подобнаго и нерѣдко судьба настигаетъ его раньше, чѣмъ онъ этого ожидалъ. Какъ много приходится встрѣчать женъ лоцмановъ въ шестой-восьмой и еще быть можетъ не въ послѣдній разъ замужемъ.

Портсигары съ фотографіями. Недавно, заграницей, появились въ продажѣ портсигары съ такъ-называемыми магическими фотографіями, сдѣлавшіеся въ средѣ курильщиковъ очень популярными. Открывая такой портсигаръ вы видите небольшое отверстіе куда вставляется маленькій, четырехугольный лоскутокъ бѣлой бумаги. Пакеты съ этими бумажками, имѣющими размѣръ почтовой марки, продаются вмѣстѣ съ портсигаромъ. Вложивъ такую бумажку и выкуривъ свою сигару вы снова открываете портсигаръ и о чудо! видите на бумажкѣ фотографическое изображеніе; портретъ, пейзажъ или что-либо другое. Секретъ подобнаго фокуса объяснить нетрудно. Каждая бумажка представляетъ собою фотографическій снимокъ но обезцвѣченный погруженіемъ въ растворъ двухлористой ртути, имѣющей свойство уничтожать черный цвѣтъ хлористаго серебра, но такъ что изображеніе можно опять вызвать на бумажкѣ, подвергнувъ ее дѣйствію паровъ аммоніака т. е. нашатыря. Табачный дымъ содержитъ аммоніакъ въ порядочномъ количествѣ и потому неудивительно, что подъ вліяніемъ этого дыма обезцвѣченная фотографія снова принимаетъ свою прежнюю форму и ясность изображенія.

Игры и задачи.

Рѣшеніе задачи буквъ № 68,

1) Капуста
2) Веста
3) Ярославль
4) Котенокъ
5) Вѣны
6) Попка
7) т
8) Зевесъ
9) Городъ
10) Аларихъ
11) Конь
12) Фебъ
13) Кіотъ
14) Нании
15) Веселіе
16) Феликсъ
17) Книга

		С	к	о	б	е	л	е	в	ъ		
				Т	у	р	к	е				
				с	т		а	н				
ъ	Х	и	в	а	Ф		е	р	г	а	н	ъ
К	о	к	а						и	ъ	С	и
с	т	о	в	о	К		а	з	а	н	л	ы
к	ъ	П	л	е	в		н	а	А	д	р	і
				а	н		о	п				
				о	л		ь	С				
				о	ф	і	я	С				
				е	л	ь	в	и				
				Г	е	о	к	ъ				
				Т	е	п	е	Т				
				е	к	и	н	ъ				

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Доннеdъ, Шведова: **Кострома**—Вавилова; **Тростянецъ**—Шлиппера; **Ямбургъ**—Мапцевича.

Рѣшеніе шашечной задачи № 69.

Бѣлые.	Черные.
1) f 4 — e 5	f 6 — f 2
2) h 4 — g 5	f 2 — f 6
3) c 1 — g 5	f 6 — h 4
4) c 7 — d 6	e 7 — c 5
5) c 3 — d 4	c 5 — e 3
6) e 1 — f 2	e 3 — g 1
7) h 8 — g 3	h 4 — f 2
8) a 5 — e 1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Воронихина, Попова, **Елецъ** — Валуйскаго, **Калгуа**—Волокова, **Муромъ**—Голубева.

Рѣшеніе ребуса № 67.

Пресса передаетъ чей-то вѣскій отвѣтъ: „Въ бѣдѣ на дорогѣ виновата погода, да сторожъ, въ видѣ придачи.

СОДЕРЖАНІЕ: **Руномойникъ и стояпецъ Царицы Наталіи Кирилловны** (съ 2 рис.) **Въ южной глуши.** Повѣсть въ двухъ частяхъ **П. П. Гнѣдича.** Часть вторая. (Окончаніе). — **Очерки астраханской охоты** (съ рис.) — Стихотворенія **Д. Садовникова и П. Гнѣдича.** — **Хрустальный дворецъ въ Сиденгёмѣ** (съ 7 рис.)— **Литературный альбомъ. „Гаконъ слѣпой“, баллада А. К. Толстого** (съ рис.)—**Группа „Скобелевъ“, работы Шопена** (съ рис.) — **Константинополь** (съ рис.) — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Рамы для премій „Нивы“ 1882 г.—Игры и задачи.— Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ

Серебряные мужскіе часы.

ЗАВОДЯЩІЕСЯ КЛЮЧЕМЪ.

Анкерные на 15 камняхъ закрытые 19, 20, 22, 25 и 30 р.

Такіе же 1-го сорта 35 и 40 р.

Тоже высшаго достоинства, съ брегетовскимъ волоскомъ и уравнительнымъ маятникомъ, 45, 50 и 60 р.

Ручательство на два года.

Въ магазинахъ фабриканта часовъ

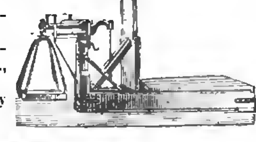
ПАВЛА БУРЕ,

поставщика Высочайшаго Двора, въ **С.-Петербургѣ**: на Невскомъ проспектѣ, д. № 23, (противъ Больш. Конюшенной).

Въ **Москвѣ**: на Рождественкѣ, на углу Кузнецкаго моста, домъ № 6.

Подробные иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно. 10—5

С.-Петербургъ. Вознесенскій просп., № 11. **Москва** у Красныхъ воротъ.



Молотилки по 70, 85, 100, 140 р. и больше. **Конные приводы** по 100, 130, 165 р. и больше. **Вѣялки** 35, 40, 50, 55 и 75 руб. **Французскія мельницы** 200, 225, 275, 335, 450, 650 р. Pt. № 2250 3—1 **Американск. универсальн. мельницы** 150 р. **Дробилки** отъ 18 р. **Соломорѣзки** отъ 25 р. **Плуги, бороны, сѣялки, жатвенныя машины, конныя грабли, насосы, пожарныя трубы, десятичные вѣсы** и пр. и пр.

Каталоги высылаются безплатно.

Князь Курбскій. Истор. Ром. Въ 4-хъ час. Времен. Іоанна Грознаго, соч. Федорова. Сп. 83 г. ц. 2 р.

Домашній Омутъ. Ром. Э. Золя Сп. 82 г. ц. 2 р.

Во Мракѣ. Соврем. Оригин. Ром. соч. Окренца Сп. 82 г. ц. 2 р.

Сцены и куплеты **Изъ Еврейскаго быта.** 2-е Изданіе соч. Леонидова ц 1 р. 25 к.

Временщики и Фаворитки XVI, XVII, XVIII, стол. соч. Биркина 3 т. Сп. ц. 5 р.

Новая Жизнь Ром. Ауербаха Сп. ц. 2 р.

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ, съ Рѣшен. Кассац. Деп—товъ Прав. Сената и съ прилож. I ч. X т. Граждан. Законовъ, Сп. 82 г ц. 3 р. 2000 стр. Требуются изъ складу. Книгопрод. *В. И. Губинскаго.* (С.-Петерб. у Министер. Внутр. Дѣлъ) за пересыл. не платятъ. № 2244 2—2

№ 1978 32

ПРОСЬБА.

Покорнѣйше прошу почтеннѣйшую публику, покупающую мой Шведскій бальзамъ „ЭЛЕОПАТЪ“ для укрѣпленія волосъ и противъ перхоти кожи головы, требовать непремѣнно **„ЭЛЕОПАТЪ“ Провизора Кинунена**, такъ какъ въ продажѣ явились подражанія „ЭЛЕОПАТУ,“ дающія поддѣльному бальзаму большое сходство съ моимъ препаратомъ: Адресъ мой: Главное Депо: „ЭЛЕОПАТА.“ Пассажъ магаз. № 52, въ С.-Петербургѣ. № 2154.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть *В. И. Кельсіева,* съ рисунками Панова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы“ на 1882 г. 1 р. 30 к. съ перес. 1 р. 50 к.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ

„ЭЛЕОПАТЪ“ только провизора Кинунена.

„Элеопатъ“ употребляется противъ перхоти на головѣ, и есть незамѣнимое вѣрное средство для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ; пользуется всеобщимъ довѣріемъ тѣхъ лицъ, которыя употребляли это новое цѣлебное средство. Продается во всѣхъ аптекахъ и лучшихъ косметическихъ магазинахъ и лабораторіяхъ.

Для **иногородныхъ** заказчиковъ и покуп. высылается не менѣе **2** флак. за **4** р., содержащ. 240 грам. При высылкѣ денегъ на заказъ, необходимо указать вотъ этотъ адресъ для гг. иногороднихъ: пишите: **ВЪ ГЛАВНОЕ ДЕПО „ЭЛЕОПАТА“, ПАССАЖЪ, МАГ. № 52, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. такъ какъ всякое изобрѣтеніе, пользующееся полнымъ довѣріемъ часто подвергается поддѣлкѣ, то покорнѣйше прошу почтен. публику требовать только „ЭЛЕОПАТЪ“ провизора КИНУНЕНА и точность и надпись КИНУНЕНА и остерегаться подражаній, —настоящій мой препаратъ называется „ЭЛЕОПАТЪ“.** № 2149

Вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала **„НИВА“**, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in—8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

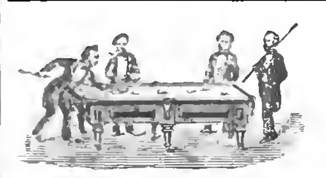
КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII в. Всеволода Соловьева. Въ 3-хъ частяхъ, 382 стр. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Въ хорошемъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 3 руб., съ перес. 3 р. 50 коп.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ пяти романовъ не платятъ.



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ

Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26—23

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* **(автора „Петербургскихъ Трущобъ“)**; 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 60 для подписч. „НИВЫ“ 1882 г. 75 к., съ перес. 1 р.

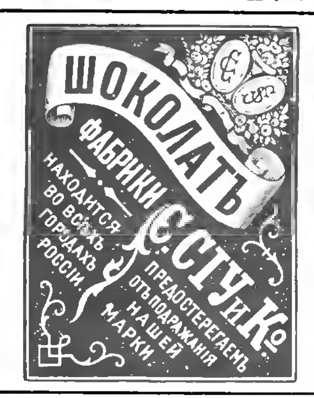
НОВОСТЬ!

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья петель на всякой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес.

Продажа оптомъ и въ розницу

И. ВАКОНЬ

№ 9. Гороховая ул., д. Лембке. кв. № 8., въ С.-Петербургѣ. № 2230 3—2



Н. № 1903 12 12

Воздушные Электрическіе

ЗВОНКИ

Водоочистительные Аппараты

(ФИЛЬТРЫ)

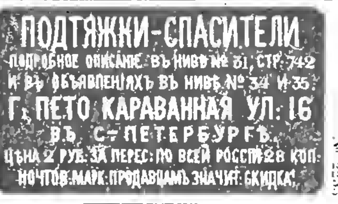
Годовой абонементъ 6 рублей. Установка безплатно. № 2252

ВИНТЕРГАЛЬТЕРЪ и Ко.

У Казанскаго моста, по Канавѣ, № 12.

СБЕРЕЖЕНІЕ и УДОБСТВА.

Воротники и манжеты изъ бумаги, крытой полотномъ (мужскіе и дамскіе) по 60 и 80 к. за дюжину. Бумажные манишки отъ 85 к. за дюжину. Исполняются по почтѣ пробные заказы отъ 3 р. 25 к. (Прилагать мѣрку шеи) магазинъ **Нюрнбергъ**, въ Москвѣ, въ Старомъ Галетномъ переулкѣ, домъ Шаховскаго, наискосъ церкви Успенія. П. № 2237 3—2



СКЛАДЪ

Оптовый и Розничный.

Уксусъ эстрагонъ. Уксусъ виноградн. 3-ой крѣп. Уксусъ пивной.

Г. Ф. ШТУРМЪ

УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

В. О., 14-я линія. № 73.

Невскій просп., № 94 -2.

Вниман. Гг. Иногор. торговцевъ обращ. на укс. 3-ей. выгодн. по крѣпости для транспорта.—На **100** р. дѣлаю 10% уступки. покрыв. провозъ тройн. уксуса по жел. дор. до **600** верс. № 2214 10—7

Изданіе А. Ф. Маркса.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Марлитты.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к., для подписч. „НИВЫ“ 1882 г. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

ОПТИЧЕСКІЙ и МЕХАНИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

Г. БЕЛАУ И СЫНА,

Коммиссіонеровъ Министерства Государственныхъ Имуществъ,

СУЩЕСТВУЮЩІЙ СЪ 1816 ГОДА,

ПЕРЕВЕДЕНЪ

Съ Невскаго проспекта, д. № 11. на **БОЛЬШУЮ МОРСКУЮ,** близъ Гороховой ул., н. № 27, въ С.-Петербургѣ.

№ 2250 **Новый прейсъ-курантъ высылается безплатно.** 10—1

А. БЕГГРОВЪ,

поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества.

Невскій просп. № 4.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ: Олеографическій портретъ, малаго формата. Его Императорскаго Величества Александра III, въ обще-генеральской полной формѣ, 12½×10½ вершковъ.

Цѣна 5 руб. съ пересылкою.

Рамы съ короною заготовлены къ портрету цѣною въ 2 р. 50 коп., 5 руб. и 10 руб. безъ пересылки. № 2249 1—1

При этомъ № прилаг. для гг. иногор. подп. (за исключ. московск.) прейсъ-курантъ отъ чайн. торговл. Федора Васильевича Аплаксина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 6 октября 1882 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ | № 42 | годъ XIII | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 16 Октября 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

☛ При этомъ № получается гг. годовыми подписчиками „**Нивы**" обѣщанная главная **ПРЕМІЯ на 1882 годъ: очень большая картина, печатанная масляными красками — съ оригинала извѣстнаго художника, профессора В. И. ЯКОБІЯ, — исключительно для „Нивы" исполненная.** Статья объ этой преміи помѣщена въ этомъ № на стр. 994 и 995.

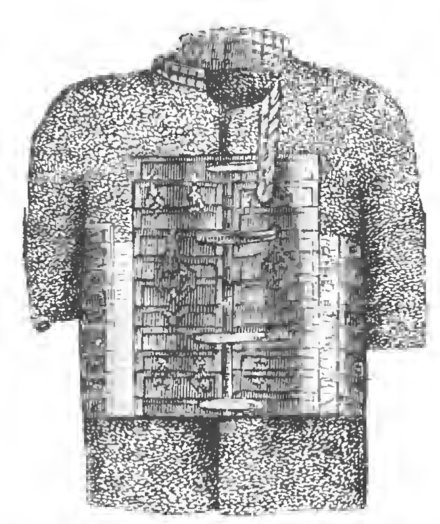
Предваряемъ нашихъ читателей обращаться осторожно, вынимая премію изъ картоннаго футляра, гдѣ картина скатана лицевою стороною кнаружи, не свертывать ее въ противоположную сторону для распрямленія, ибо лакъ можетъ потрескаться, а просто разложить ее на столѣ на нѣсколько часовъ и картина распрямится сама собою и можетъ быть вставлена въ раму.

Содержаніе картины взято изъ романа графа **А. К. Толстого „КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ"**. Картина имѣетъ названіе:

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ".

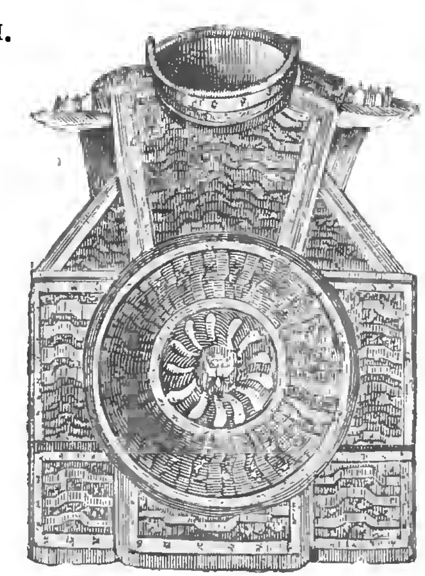
Это въ первый разъ, что мы даемъ нашимъ подписчикамъ картину, печатанную **масляными** красками и при этомъ такой громадной величины (размѣръ преміи: 14¼ вершковъ ширины и 1 аршинъ 2½ вершка высоты, т. е. всего 263 квадратн. вершка). ☛

Древности Московской Оружейной Палаты.



Бахтерецъ Боярина Никиты Ивановича Романова.

Панагія Патріарха Филарета.



Зерцало Царя Михаила Ѳеодоровича.

Древности Московской Оружейной Палаты.

Зерцало Царя Михаила Өедоровича. — Бахтерецъ боярина Никиты Ивановича Романова.—Панагія патріарха Филарета.

Московская Оружейная Палата вмѣщаетъ въ себѣ изумительное богатство по части древнихъ русскихъ воинскихъ уборовъ и доспѣховъ. Здѣсь хранится множество стариннаго оружія, знаменъ, кольчугъ, шлемовъ, щитовъ и другихъ предметовъ, служившихъ нашимъ предкамъ въ ихъ ратныхъ подвигахъ, но особенное вниманіе конечно обращаютъ на себя доспѣхи, принадлежавшіе нѣкогда нашимъ царямъ или людямъ именитымъ. Къ рѣдкостямъ послѣдняго рода принадлежитъ между прочимъ зерцало Царя Михаила Өедоровича и бахтерецъ боярина Никиты Ивановича Романова.

Зерцало — это броня превосходной работы, составленная изъ тридцати двухъ желобчатыхъ стальныхъ щитковъ и украшенная золотою насѣчкой. На круглыхъ щитахъ, на груди и на спинѣ, изображены финифтью двухглавые орлы съ московскимъ гербомъ. Вокругъ орловъ вычеканенъ полный царскій титулъ а за нимъ идетъ слѣдующая надпись: „Повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всея Руссіи сдѣланы сіи зерцала въ четвертое лѣто государства его по приказу крайчаго Михаила Михаиловича Салтыкова, дѣлалъ мастеръ Митрій Коноваловъ, а вытравлялъ и золотилъ нѣмчинъ Андрей Тирманъ лѣта 7124 (1616) іюля въ 29 день". Ложчатые щитки зерцала соединены между собою ремнями и подъ нихъ подложенъ алый атласъ, стеганый на хлопчатой бумагѣ. Обѣ-же половинки брони застегиваются серебряными золочеными пряжками и золотыми тесемчатыми застежками съ серебряными золочеными наконечниками. Въ описи 1687 года цѣна этому зерцалу обозначена 1,500 рублей.

Другая достопримѣчательность Московской Оружейной Палаты—бахтерецъ боярина Никиты Ивановича Романова—представляетъ одинъ изъ интересныхъ образцовъ вооруженія нашихъ предковъ. Бахтерецъ чисто азіатскаго происхожденія какъ показываетъ и самое его названіе (бектеръ по турецки кираса). Это латы, состоящія изъ двухъ половинокъ, застегивающихся на плечахъ и съ боковъ. Такимъ образомъ бахтерецъ имѣетъ совершенное сходство съ зерцаломъ, различаясь отъ него лишь тѣмъ, что его нагрудникъ и наспинникъ составлялся изъ рядовъ желѣзныхъ или мѣдныхъ пластинокъ на кольцахъ съ подзоромъ или желѣзной сѣткой внизу и не имѣлъ зеркальныхъ щитовъ. Къ бахтерцу прилагались, какъ видно изъ описей, особые рукава, которые прикрѣплялись къ ихъ оплечіямъ. Боковые и плечные разрѣзы для застегиванья снабжались пряжками или ремнями съ металлическимъ наконечникомъ. Пластинки и подзоръ или опушка, пряжи, запряжники и наконечники иногда наводились золотомъ и серебромъ.

Третья древность изображенная въ числѣ нашихъ рисунковъ—панагія патріарха Филарета Никитича — имѣетъ вообще какъ историческое такъ и церковное значеніе. Извѣстно, вообще, что панагіи мы заимствовали изъ Греціи, гдѣ съ глубокой древности этимъ названіемъ обозначались небольшіе ковчежцы съ изображеніемъ лика Богородицы и Св. Троицы. Эти ковчежцы сначала служили для храненія священнаго хлѣба, возносимаго въ монастыряхъ за трапезой а потомъ стали носиться церковнослужителями какъ наперсный знакъ ихъ достоинства. Въ Россіи панагіи сдѣлались впослѣдствіи принадлежностью патріаршаго облаченія и есть извѣстіе, что уже при поставленіи перваго патріарха, Московскій Царь, собственными руками, возложилъ на него панагію съ золотою цѣпью, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самая надпись на этой панагіи, хранящейся въ Московской Оружейной Палатѣ.

Панагія патріарха Филарета Никитича, сберегающаяся въ тойже Палатѣ, сдѣлана изъ золота. На вставленномъ въ срединѣ ея четырехслойномъ агатѣ вырѣзанъ рельефомъ образъ „Божіей Матери Воплощеніе" стоящей съ Предвѣчнымъ младенцемъ. Кругомъ образа идетъ въ два ряда жемчугъ а сверху вставленъ крупный яхонтъ. На обратной сторонѣ по золоту вырѣзано Богоявленіе Господне. Работа повидимому не греческая, но московская и судя по отчетливости и искусству, отдѣлка должна была выйти изъ рукъ нашихъ лучшихъ мастеровъ царскаго и патріаршаго дворовъ.

Въ южной глуши.

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

П. П. Гнѣдича.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе).

XII.

Лухмановъ согласился. Онъ какъ-то загадочно поморгалъ, о чемъ-то подумалъ, что-то взвѣсилъ, и сказалъ, что готовъ на все, если ему дадутъ „взаймы". Онъ съѣздилъ въ Чмутовку и результатомъ поѣздки было то, что дуэль была назначена на слѣдующій день въ семь часовъ утра, на опушкѣ рощицы, стоявшей какъ разъ на рубежѣ имѣній Чмутова и Ярцева.

Ярцеву было не по себѣ. Онъ не боялся, нисколько не боялся поединка. Онъ былъ увѣренъ, что убитъ не будетъ, но его бѣсила мысль: изъ-за чего же загорѣлся весь сыръ-боръ? Что онъ старый другъ его жены, но вѣдь что-жь изъ этого? Она и теперь стояла передъ нимъ словно на какомъ-то пьедесталѣ. Онъ боялся подойти къ ней близко. По піесѣ, вчера, онъ долженъ былъ поцѣловать ее,—онъ выпустилъ это мѣсто... Что она сказала такое мужу, что онъ окончательно обезумѣлъ?..

Онъ шагалъ поздно вечеромъ изъ угла въ уголъ по своему кабинету. Свѣчи подъ желѣзнымъ зеленымъ колпакомъ слабо освѣщали комнату.—Что будетъ завтра объ эту пору? думалъ онъ.—Неужели меня не будетъ, я перестану существовать: исчезну навсегда, совсѣмъ, никогда ужъ не повторюсь въ этой формѣ.—Я вотъ теперь хожу въ этой комнатѣ, чувствуя себя живымъ, здоровымъ человѣкомъ; я здѣсь хозяинъ, всѣ меня слушаютъ. А завтра вдругъ я исчезну, меня не будетъ, т. е. будетъ мое изуродованное тѣло, но это буду не я, а совсѣмъ что-то новое. И весь тотъ міръ, который я ношу въ своей душѣ, который создавался съ дѣтства, въ которомъ впечатлѣнія медленно, одно за другимъ наслаивались понемногу,— все это тоже куда-то исчезаетъ, словно и не было его никогда, и никто не узнаетъ, изъ чего состоялъ этотъ міръ, потому что зналъ объ этомъ только я, а меня-то и не будетъ...

Онъ остановился, задумался и опять заходилъ, посматривая безцѣльно на стѣны, на картины, въ окна, откуда слабымъ мерцаніемъ лился свѣтъ луны.—Ну вотъ теперь запутался такой узелъ,—соображалъ онъ.—Неужели же его нельзя распутать, и непремѣнно надо перерубать,—что мы за Александры?.. Развѣ нельзя совершенно логично обсудить дѣло. Я люблю замужнюю женщину, она меня. Ничего между нами такого предосудительнаго нѣтъ, и не за что мужу выходить изъ себя... Ему мѣшаетъ жить вопросъ: „или онъ, или я": ну, значитъ и надо предоставить *ей* разрѣшить это недоразумѣніе: вѣдь она болѣе всего тутъ заинтересована. Вотъ пусть она и скажетъ прямо — кого она больше любитъ и къ кому пойдетъ. Говорятъ, онъ сталъ бѣшенымъ. Онъ не понимаетъ, что дѣло получитъ вслѣдствіе нашей дуэли огласку, совершенно ненужную огласку... Да и что же достигнется нашей дуэлью? Такъ-таки ровно ничего. Если я его убью,—какое и кому будетъ отъ этого удовольствіе.—ужь никакъ не мнѣ. Вѣдь было бы дико, если бы она пошла тогда за меня замужъ. Если онъ меня убьетъ,—да за что-же?..

— Имѣетъ-ли онъ право меня убить? Нѣтъ, никакаго,— и если убьетъ, то подвергнется отвѣтственности. Его посадятъ, онъ годъ просидитъ—въ крѣпости что ли, или тамъ въ домѣ какого нибудь заключенія, а потомъ... Потомъ онъ опять будетъ жить съ Анной, она примирится съ своей судьбой—будетъ только изрѣдка вспоминать обо мнѣ...

Мысль эта окончательно его взволновала. „Драться я

не буду"—рѣшилъ онъ и опять началъ соображать, какъ это завтра все будетъ.

Они пріѣдутъ на опушку, достанутъ револьверы, станутъ отмѣрять шаги. Онъ никогда не былъ на дуэляхъ, но читалъ въ романахъ, что всегда шаги отмѣряютъ. Потомъ они станутъ на мѣста, Чмутовъ подниметъ револьверъ и начнетъ цѣлиться.

Куда онъ выстрѣлитъ? Говорятъ завзятые дуэлисты стрѣляютъ въ локоть правой руки, чтобы человѣка не убить, а изувѣчить. А въ этотъ локоть удобнѣе всего цѣлиться, потому что, если стрѣляютъ по очереди, противникъ закрывается правой рукой. Ну, раздробитъ онъ ему руку,—что-же въ концѣ-то концовъ: семейный очагъ его останется тогда непорочнымъ святилищемъ, онъ исполнитъ долгъ: это что-ли? Не лучше ли передъ самой дуэлью сказать ему: „сядемъ-ка, да потолкуемъ, чѣмъ другъ въ друга цѣлиться"...

„Какое ощущеніе, когда въ тебя цѣлятся?" Ярцевъ силился себѣ представить эту картину: поднятая рука, прищуренный глазъ... Должно быть ощущеніе непріятное: главное неизвѣстно—въ какое мѣсто попадетъ... И все таки,—рѣшалъ онъ,—дуэли завтра не будетъ, а если и будетъ, то я останусь въ живыхъ, потому что я не хочу быть убитымъ...

Дальній стукъ экипажа оборвалъ ходъ его мыслей. Онъ остановился, прислушался. Да,—кто-то ѣдетъ. Легкій, маленькій экипажъ. — Вѣрно опять Лухмановъ, подумалъ онъ: и вѣрно съ извѣстіемъ, что поединокъ отложенъ.

Сердце его, противъ желанія, ужасно колотилось. Экипажъ ближе, ближе,—у крыльца. Слышны голоса какіе-то. Онъ остановился, присѣлъ на край своего письменнаго стола, оборотился къ двери и ждалъ. Быстрые легкіе шаги застучали, ближе, ближе... Онъ вскрикнулъ и прянулъ навстрѣчу...

— Анна Павловна... вы, у меня!—говорилъ онъ схватывая ея руки.

— Да... машинально сказала она, отвѣчая на его пожатія. Правда: у васъ завтра дуэль?

Онъ запнулся, не зная, говорить-ли ей...

— Такъ это правда? да?.. Я пріѣхала предупредить ее... Дуэли быть не должно...

— Я не могу отказаться, тихимъ голосомъ возразилъ онъ.

— Я не хочу этого, слышите-ли. Я во что-бы то ни стало предупрежу ее. Я хотѣла говорить съ мужемъ—онъ куда-то пропалъ изъ дома.,.

— Но теперь ужь поздно, я не имѣю право...

— Ну, для меня, ради Бога, воскликнула молодая женщина. Я предчувствую, что это можетъ ужасно кончиться... Вы можете быть ранены... Я боюсь за васъ... Боже мой, да развѣ вы не видите, не понимаете, какъ я люблю васъ...

И сама испугавшись вырвавшихся внезапно словъ, она вспыхнула, опустила глаза, и упала ему на руки...

— Анна, Аня, милая!.. безсознательно шепталъ онъ, поддерживая ее...

XIII.

Поздно ночью воротился онъ домой, проводивъ ее верхомъ до межи. Бодрый, веселый, счастливый сознаніемъ, что его любятъ, воротился онъ въ свой кабинетъ, гдѣ все еще говорило, что только что она была здѣсь. Онъ сѣлъ у стола, закрылъ лицо руками, да такъ и застылъ въ этомъ блаженномъ покоѣ.

— Вся твоя,—повторилъ онъ ея слова.—Теперь мнѣ поворота нѣтъ,—вся твоя, пока ты этого захочешь...

Онъ вскакивалъ, ходилъ по комнатѣ, бросался на диванъ, опять ходилъ, улыбался, ломалъ руки...

Онъ узналъ, что она утромъ, въ пылу разговора, когда ея мужъ кинулъ ей въ лицо фразу объ ея отношеніяхъ къ нему, отвѣтила: „ну да, — это правда;" Чмутовъ выбѣжалъ какъ безумный изъ комнаты—и результатомъ этого было его объясненіе съ Мармышевымъ. — „Ну, вотъ теперь и правда,говорила Анна Ярцеву, ты видишь, я не солгала"...

Онъ чувствовалъ еще на своихъ губахъ жаръ ея поцѣлуевъ, еще не улеглось волненіе крови, еще дрожь безпокойства, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ на дорогѣ, охватывали его... Теперь вопросъ о завтрашней дуэли былъ рѣшенъ имъ безповоротно: отказаться отъ нея онъ не имѣетъ права, но стрѣлять въ Чмутова онъ не будетъ, предоставитъ ему первый выстрѣлъ, а отъ своего откажется, или выстрѣлитъ на воздухъ. Теперь и смерть его не страшитъ... да и ушла она куда-то совсѣмъ на задній планъ—нечего о ней и думать... Онъ старался оправдать въ своихъ глазахъ поступокъ Анны: она не любитъ мужа, ничего общаго между ними нѣтъ, онъ ее силой не пускаетъ, она силой ушла отъ него. Коли любить—такъ любить, отдаваться чувству вполнѣ... иначе это неестественно...

— Никогда, никого однаго тебя любила, звучала въ его ушахъ ея рѣчь.—Ты словно не замѣчалъ, не хотѣлъ замѣчать... Еще когда была дѣвушкой, тебя только и любила одного... Милый, что будетъ дальше—я не знаю, да и знать не хочу. Была минута, я жила, и любила, и счастлива этимъ...

— Да, это любовь! созналъ онъ,—любовь! Не разсчетъ, не принужденіе свело насъ а чувство, только одно чувство...

И съ этимъ блаженнымъ сознаніемъ, онъ легъ въ постель. Радужно-веселыя, милыя, радостныя мысли волновали его. Ему всегда казалось, что онъ идетъ впередъ къ чему-то, что впереди его ожидаетъ, что настоящее—это не то, а подлинная жизнь, тамъ впереди гдѣ-то. А вотъ теперь онъ вдругъ почувствовалъ, что онъ дошелъ до того пункта къ которому стремился,—жизнь началась и ничего болѣе ему не надо...

Онъ заснулъ предъ разсвѣтомъ легкимъ, ровнымъ сномъ, охваченный смутной дымкой сновидѣній, въ которой все путалось, сплеталось... Въ шесть часовъ его разбудилъ Мармышевъ.

— Пора, дуэлистъ, вставайте, толкалъ онъ его.

— Ужe, подумалъ Ярцевъ, глядя на свѣтъ, лившійся въ окна. Сегодня дуэль?.. Ужели сегодня, сейчасъ?

Онъ вспомнилъ, что было вчера, нѣсколько часовъ назадъ, и радостно взглянулъ на Мармышева.

— Ну, какъ вы спали? спросилъ Мармышевъ.

— Отлично, отвѣтилъ онъ.

— Одѣвайтесь скорѣй, чтобъ не опоздать...

Ярцевъ сталъ одѣваться. Обрывки вчерашнихъ мыслей вперемежку вертѣлись въ головѣ. Впрочемъ онъ механически улавливалъ смыслъ того, что говорилъ Мармышевъ.

— *Тамъ* уладилось все благополучно,—повѣствовалъ онъ.—Генералъ, взвѣсивши всѣ обстоятельства, кинулся ко мнѣ и накрылъ голубковъ. Голубки опѣшили, бормочутъ что-то, дѣвочка въ слезы,—а генералъ руками машетъ: „вы, говоритъ, убить меня хотите,"—а самъ плачетъ, бранится и плачетъ.—„Я говоритъ вамъ никогда не прощу"—а потомъ и ну цѣловать обоихъ... Потѣшный старикашка...

— Сказать ему, или нѣтъ о томъ, что вчера была здѣсь Анна?.. думалъ между тѣмъ Ярцевъ. Конечно сказать—вѣдь онъ секундантъ... А! не надо—зачѣмъ...

— И сталъ гусарчикъ владѣтельнымъ помѣщикомъ, заключилъ Мармышевъ свой разсказъ. — Вотъ вамъ, говорятъ чудесъ нѣтъ: а это что-же? вчера голышъ гусаръ, а сегодня рантье, какъ выражается Лухмановъ.

Утро было свѣжее.—Быть можетъ я въ послѣдній разъ сажусь въ экипажъ, подумалъ Ярцевъ, занося ногу въ коляску. Въ послѣдній разъ вижу эти крыши, яблоки, подсолнечники.—А хорошо здѣсь, лучше чѣмъ подъ землею... гораздо лучше. Скользкіе, красные черви, мокрая глина, сырость, темнота...

Взятіе Казани (1552 г.). Отступленіе Едигера въ башню Казанской крѣпости. Оригин. рисун. Р. Штейна. грав. И. Шюблеръ.

— Семенъ Никитичъ, — сказалъ онъ. Вотъ возьмите ключъ, въ правомъ столѣ въ кабинетѣ, найдете завѣщаніе и письма. Распорядитесь въ случаѣ, если...

— Какія глупости, возразилъ Семенъ Никитичъ, однако взялъ ключъ, и поспѣшно сунулъ его въ карманъ.

Подъѣзжая къ опушкѣ рощи, Ярцевъ нѣсколько разъ пытливо вглядывался вдаль: не опоздали-ли они, и не ждутъ-ли ихъ противники. Но никого еще не было. Выйдя изъ экипажа и отпустивъ кучера, то есть, приказавъ ему отъѣхать въ сторону, они стали бродить межъ кустовъ.

Ярцевъ такъ приготовилъ себя къ своей роли, что будь Чмутовъ тутъ, онъ не моргнулъ, подставилъ-бы свой лобъ подъ его пулю. Теперь отсутствіе противника его разсердило. Онъ недовольно поглядывалъ на дорогу и хмурился все больше и больше...

— Я думаю, что вы помиритесь, успокоивалъ Мармышевъ; согласитесь сами, что драться изъ-за какихъ-то фантазій—нелѣпость...

— Тутъ не фантазія, Семенъ Никитичъ...

— Но изъ того, что вы вчера мнѣ говорили, я былъ вправѣ заключить,—началъ было толстякъ...

— Вчера не сегодня, перебилъ его Ярцевъ, что вчера я могъ сказать, того сегодня не скажу...

Мармышевъ развелъ руками, и больше не прерывалъ молчанія...

Вдали показался экипажъ, въ немъ какая-то фигура. Пыль столбомъ вздымается изъ подъ копытъ и мѣшаетъ смотрѣть. Ярцевъ сдѣлалъ отчаянное напряженіе и спокойно сталъ выжидать приближеніе дрожекъ...

— Добраго утра, раскланялся полковой ветеринаръ.

— Вы куда? крикнулъ Мармышевъ.

— Чуму свидѣтельствовать, въ Столпяги, оглянувшись отвѣтилъ онъ.

— Чуму, проворчалъ ему вслѣдъ Мармышевъ. Теперь опять за оздоровленіе края возьмутся, — туши велятъ съ кожами зарывать... Я предлагаю земству составъ, дѣлающій чумныя кожи безвредными...

— Вашего изобрѣтенія, спросилъ Ярцевъ, думая все о своемъ.

— Моего изобрѣтенія. Не вѣрятъ, смѣются. Я предлагаю надѣть чумную, пропитанную моимъ составомъ шкуру на здороваго быка и пустить его въ стадо, въ мое собственное стадо, кажется хорошее ручательство въ моемъ убѣжденіи относительно состава?..

— Ну и что-же?..

— Земство говоритъ, что такого опыта нельзя позволить произвести. Если мой быкъ, видите, заразитъ стадо въ четыреста головъ—заразится весь уѣздъ...

Онъ сердито замолкъ, и опять уставился вдаль.

— Что-же, чортъ ихъ побери, они не ѣдутъ!—крикнулъ онъ, топая ногою и надвигая шляпу на глаза.

Солнце все поднималось выше, жгло все сильнѣе. Ярцевъ чувствовалъ окончательный упадокъ силъ. — Что онъ, испугался дуэли что-ли?

Прождавъ еще немного, рѣшили ѣхать домой. — Ужь не *она*-ли остановила дуэль, думалъ Ярцевъ, не то негодуя на глупую роль, которую ему пришлось разъигрывать, не то радуясь, что ему пришлось избѣгнуть предстоящей опасности по какому-то загадочному случаю...

XIV.

А между тѣмъ загадочный случай могъ быть объясненъ просто. Утромъ къ Чмутову явился исправникъ, бѣлоголовый, бѣлоусый господинъ, съ длиннымъ носомъ и клѣтчатымъ фуляровымъ платкомъ—и объявилъ, что онъ предупрежденъ о дуэли и допустить ее не можетъ... Чмутовъ собирался въ это время ѣхать и револьверы—улика—была на лицо.

— Кто-же это вамъ донесъ, съ искривившимся лицомъ спрашивалъ онъ. Ужь не господинъ-ли Ярцевъ? Или быть можетъ добродѣтельный покровитель любовниковъ, господинъ Мармышевъ.

— Ни тотъ, ни другой, отвѣчалъ исправникъ... Только, въ виду справедливости доноса—ужь вы потрудитесь дать подписочку что-ли... что дескать „на поединокъ и впредь не покушусь"...

Чмутовъ наотрѣзъ отказался дать подписку, и хотѣлъ уѣхать, — но исправникъ его такъ-таки и остановилъ...

— Да вѣдь еслибъ я на дуэль ѣхалъ, говорилъ Чмутовъ, у меня-бы секундантъ былъ, а вы видите я одинъ...

— Господинъ Лухмановъ и не пріѣдетъ...

— А-а,—такъ вотъ это кто, догадался Чмутовъ.

Онъ былъ готовъ убить въ этотъ моментъ „поганаго лекаришку"...

— Извольте, я остаюсь, рѣшилъ онъ, — сообразивъ, что вѣдь если не сегодня, то завтра возможно будетъ покончить дѣло.

Онъ заперъ револьверы въ столъ, и предложилъ „откушать" чая. Исправникъ согласился, и разговоръ тотчасъ перешелъ на болѣе миролюбивую почву: заговорили о театрѣ, о томъ сколько осталось барышей, о томъ, какъ восхитительно играла Анна Павловна, а главное о томъ какъ Таганцевъ, такой скромный, благородный офицеръ, и вдругъ укралъ генеральскую дочку...

На силу дождавшись и выпроводивъ непрошеннаго гостя, Чмутовъ послалъ къ Ярцеву нарочнаго: „Въ силу доноса Лухманова,—писалъ онъ,—я не могъ быть на условленномъ мѣстѣ. Извиняюсь за невольный обманъ. Я далъ слово не выходить сегодня изъ дома, а потому не потрудитесь-ли вы пожаловать ко мнѣ"...

Необычайное волненіе послѣднихъ дней странно на него повліяло. Онъ словно постарѣлъ на много лѣтъ. Но чѣмъ больше его крутили обстоятельства, тѣмъ самоувѣреннѣе, сильнѣе выглядывалъ онъ, гордо неся свое пожелтѣвшее, мертвенное лицо съ молочными глазами. Онъ не выходилъ къ обѣду, избѣгалъ жены, словно боялся встрѣтиться съ нею... Онъ почувствовалъ себя внѣ прежняго условнаго круга дѣйствій. Онъ уже не былъ человѣкомъ, который ѣстъ, пьетъ, разговариваетъ, любитъ, ненавидитъ,—это было существо не заключенное въ тѣсныя рамки узкихъ обыденныхъ понятій. Онъ могъ и смѣлъ сдѣлать то́, чего не могли, не смѣли другіе: границъ ему не было. Онъ только напрягалъ всѣ усилія, чтобъ сдержать свою натуру...

Нетерпѣливо дожидаясь Ярцева, ходя изъ комнаты въ комнату, онъ встрѣтился въ гостиной съ женой.

— А-а! — остановился онъ передъ ней, усмѣхаясь. Ужь это не твое-ли было дѣло?

Она стремительно подняла на него глаза.

— Не ты-ли послала этаго суфлера, лѣкаря, въ полицію съ доносомъ?

— Я посылала?.. Съ какимъ доносомъ?

— Чтобы дуэль не была допущена... Вѣдь тебя хватитъ на это... Кляузничать, путать полицію... Ты рада, что я остался дома... Но ты знай, что я пристрѣлю его, въ его же домѣ пристрѣлю...

Онъ задыхался, казалось еще немного—и съ нимъ будетъ припадокъ.

— А тебя, а тебя я...

Онъ взглянулъ ей въ лицо, вдругъ остановился, и дрожа опустился передъ ней на колѣни.

— Анна, скажи... скажи мнѣ, что это неправда, что ты не любишь его, что моя ты, моя, попрежнему. Поклянись мнѣ всѣмъ святымъ, что у тебя только есть святаго...

Съ невыразимымъ отвращеніемъ посмотрѣла она на него, онъ ползалъ, плакалъ, молился у ея ногъ. Ей хотѣлось до конца уничтожить, унизить его...

— Зачѣмъ же мнѣ лгать,—насмѣшливымъ, холоднымъ

тономъ возразила она. Я люблю его и буду любить. Вчера вечеромъ я была у него, и уйду къ нему совсѣмъ...

— Ты лжешь! хрипло крикнулъ онъ, приподнимаясь съ колѣнъ.—Ты лжешь! Этого не было... Ты не могла дойти...

— Это правда,—также возразила она...

— Правда, правда... повторилъ онъ, шагнувъ къ ней.

Она съежилась на диванѣ, приготовясь ко всему. Онъ наклонился къ ней и схватилъ ее за плечи.

— Правда! повторялъ онъ, встряхивая ее, сдавливая все сильнѣе и сильнѣе своими жилистыми, красными руками...

— Пусти! застонала она. Пусти,—ты меня задушишь...

— Пустите! раздался сзади его сдержанный голосъ.

Онъ оглянулся. Возлѣ него стоялъ Ярцевъ блѣдный, взволнованный. Онъ выпустилъ изъ рукъ жену и растерянно посмотрѣлъ на гостя...

— Въ мой кабинетъ пожалуйста, — глухо сказалъ онъ. Надо поговорить, пожалуйста...

XV.

Они вошли въ небольшую комнату, оклеенную дикими обоями, съ большимъ письменнымъ столомъ посрединѣ. Чмутовъ зашелъ за столъ, оперся на него руками и уставился на Ярцева:

— Или вы, или я? спросилъ онъ.—Такъ?

— Такъ,—сказалъ Ярцевъ.

— Вчера у васъ была моя жена?..

— Вы допросъ мнѣ дѣлаете?..

— Хотя бы и такъ?..

— На этотъ вопросъ я вамъ не отвѣчу...

Чмутовъ посинѣлъ—всѣ живыя краски сбѣжали съ его лица, только глаза оживленно вращались.

— Такъ не разрѣшить ли нашъ споръ сію минуту? спросилъ онъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно...

Чмутовъ подошелъ къ двери и защелкнулъ ее массивной мѣдной задвижкой. Потомъ опять подойдя къ столу, онъ выдвинулъ незапертый ящикъ и вынулъ оттуда два револьвера.

— Я сейчасъ заряжу,—сказалъ онъ.

— *Этимъ* мы ничего не разрѣшимъ,—замѣтилъ Ярцевъ, стараясь свободнѣе переводить дыханіе.

Чмутовъ не отвѣчалъ и доставалъ изъ стола патроны. Ярцевъ оглянулъ комнату. На стѣнахъ кинжалы, ружья и *ея* портретъ въ бархатной рамѣ... Тоже смотритъ на нихъ. На столѣ тикаютъ часы, отчетливо, мѣрно. Возлѣ нихъ большая фарфоровая чернильница рококо. Каменное прессъ-папье съ видомъ Крыма. Номеръ московской газеты смятый (вѣрно читанный) лежитъ тутъ же. Тикъ-тикъ, тикъ-тикъ—щелкаютъ часы. За дверью тишина. Чмутовъ кончилъ.

— Оба заряжены на всѣ стволы, сказалъ онъ, кладя револьверы рядомъ на столъ. Выбирайте...

Ярцевъ взялъ который ближе.

— По очереди? спросилъ Чмутовъ, взявъ со стола монету и держа ее двумя пальцами.

— Рѣшетка, сказалъ Ярцевъ, утвердительно кивнувъ головой.

Чмутовъ повернулъ монету; она завертѣлась, приняла видъ туманнаго серебристаго клубочка. Какъ долго вертится и все уходитъ вправо! Вотъ колебанія медленнѣе, шатается порывисто... упала.

— Орелъ! промолвилъ Чмутовъ нагнувшись.

А оружіе все также виситъ на стѣнахъ. Только часы какъ-то неслышно тикаютъ, точно стали.

Они разошлись по разнымъ угламъ. Прямо противъ него ея портретъ. Буду на нее смотрѣть! рѣшилъ Ярцевъ, но глаза неудержимой силой были прикованы къ Чмутову. Онъ взялся рукой за стулъ. Какъ слышно сердце бьется...

„Вотъ оно ощущеніе!“ подумалъ онъ, глядя на смертельно блѣдное лицо Чмутова, поднимавшаго руку. Мать, отецъ, улица, гдѣ онъ родился, вдругъ мелькнули передъ нимъ. Черное, маленькое отверстіе смотритъ прямо. Закрыться рукой? Стыдно! Это струсить!.. Да что же онъ какъ долго...

Возлѣ самаго уха что-то звизнуло, почти задѣло волосы и ударилось въ стѣну, сѣрый дымъ легкими клубами повисъ въ воздухѣ...

Ярцевъ быстро швырнулъ оружіе на столъ. Я стрѣлять не буду, сказалъ онъ, и направился къ двери.

— Это отчего? крикнулъ Чмутовъ, заступая ему дорогу.

— Я считаю себя удовлетвореннымъ,—отвѣтилъ онъ, и поединокъ поконченнымъ.

— *Я* не считаю! Или вы, или я! Бери револьверъ, если не будешь стрѣлять—такъ я начну... Ну?..

И опять поднялось тоже черное отверстіе кверху. Ярцевъ инстинктивно схватился за свой револьверъ.

— Ну! нетерпѣливо кричалъ Чмутовъ. Ярцевъ все медлилъ,—пока выстрѣлъ, толчекъ и боль не заставили его попятнуться.

А отверзтіе еще ближе, чуть не въ упоръ виситъ надъ нимъ. Онъ поднялъ револьверъ и потянулъ гашетку...

. . . .

Онъ открылъ глаза... Онъ сидѣлъ въ креслахъ какъ то странно, бокомъ. На стѣнѣ висѣлъ портретъ въ бархатной рамкѣ и прямо смотрѣлъ на него, за дверью слышался стукъ, крики; въ плечѣ тупая ломота и боль... а внизу на полу ползаетъ кто-то, стонетъ... Все это ничего, только зачѣмъ плечо такъ больно, вотъ это главное...

А шумъ все тише, тише, совсѣмъ умолкаетъ,—портретъ дѣлается розовымъ, уменьшается, уменьшается, пропадаетъ — совсѣмъ нѣтъ, ничего нѣтъ, и темно, темно вокругъ...

XVI.

Лухмановскій „доносъ“ произошелъ совершенно случайно. Его вызвали „по начальству“, и объявили о необходимости выѣзда. Слухи о его неблагонадежности стали слишкомъ явно разгуливать по городу и начальство разсудило ихъ „прекратить“...

— Да что-же во мнѣ неблагонадежнаго? спрашивалъ Лухмановъ.

— Все-съ, всѣ ваши дѣйствія. Всюду, гдѣ только происходитъ сомнительное дѣйствіе — вы всенепремѣнно тамъ. Даже въ мелочахъ. Вотъ хотя-бы похищеніе дѣвицы Богучаровой. Вы способствовали ея побѣгу.

— Да вѣдь отецъ простилъ.

— Да?!—Ну, тогда конечно... Но всетаки не мѣшало-бы предупредить начальство... Этимъ-бы вы зарекомендовали себя съ хорошей стороны.

Блистательная мысль мелькнула въ головѣ непризнаннаго медика. Ему вовсе было не разсчетъ уѣзжать теперь изъ городка, гдѣ онъ такъ удобно обставился, и сталъ то тамъ, то тутъ доставать „взаймы“. Сдѣлать какую нибудь пакость „рантье“ и, въ то же время, „ублаготворить“ начальство — однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ.

— Помилуйте, я всегда готовъ, насмѣшливымъ голосомъ заговорилъ онъ. Да вотъ хоть-бы теперь: вы знаете, что два пригородныхъ помѣщика завтра выступаютъ на смертельный поединокъ, и я считаю долгомъ гражданина довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія...

— Кто? гдѣ? забезпокоился губернаторъ.

— А могу я разсчитывать на нѣкоторое снисхожденіе? хитро щурясь, сладкимъ голосомъ спросилъ онъ.

Снисхожденіе ему было обѣщано.

— Ярцевъ и Чмутовъ,— объяснилъ Лухмановъ,— повздорили изъ-за арендной собственности.. Чмутовъ увѣ-

ряетъ, что его аренда простирается на вѣчныя времена, а Ярцевъ, говоритъ, что это зависитъ отъ воли арендуемой.

— Я несовсѣмъ понимаю, замигалъ глазами губернаторъ.

— Дѣло идетъ о супругѣ господина Чмутова...

Такимъ образомъ, поединокъ былъ предупрежденъ. Лухманову все-же надо было-бы утромъ пріѣхать по условію къ Чмутову, но онъ просто на просто проспалъ, а проснувшись, рѣшилъ, что ѣхать уже поздно...

Послѣ полудня прискакалъ въ городъ верховой, и всѣхъ докторовъ потребовали къ Чмутову. „Стрѣлялись, ранены!"—разнеслась моментально по городу вѣсть. Всѣ какъ-то растерялись, переконфузились и одни за другими полетѣли на хуторъ доктора, полиція, слѣдователи... Лухмановъ отправился тоже.

Во всемъ домѣ чувствовался страшный переполохъ. Ходили на цыпочкахъ, говорили шепотомъ, суетились. Въ кабинетѣ царилъ удушливый специфическій ароматъ свѣжей крови, смѣшиваясь съ слабымъ, проходившимъ запахомъ пороха. Два блѣдныя тѣла лежали по стѣнамъ: одно на диванѣ,—другое на кушеткѣ. На диванѣ лежалъ Ярцевъ,—плотно сомкнувъ вѣки и губы. На кушеткѣ, насквозь пропитанной кровью, стоналъ и подергивался Чмутовъ. Кувшины, тазы, полотенцы съ красными засыхающими пятнами, тарелки со льдомъ, — въ безпорядкѣ стояли по стульямъ, столамъ, на полу. Солнце било черезъ щелку спущенной шторы, и играло радужной звѣздочкой въ графинѣ.

— Не надо, не надо, не мучьте, стоналъ Чмутовъ, перебирая отъ боли пальцами и глядя въ потолокъ.

Рана, нѣсколько выше сердца, пурпурнымъ пятнышкомъ зіяла на груди; лѣвое легкое было прострѣлено. Онъ лежалъ, совсѣмъ раздѣтый, словно восковой, сверкая серебристыми бликами тѣла, съ рѣзко обозначившимися ключицами и ребрами. Доктора повязокъ ему не накладывали, рѣшившись лечить по новѣйшей системѣ.

— Оно безъ одного легкаго даже лучше, замѣтилъ полковой докторъ,—на чорта ихъ пара... А только тутъ еще осложненія пойдутъ...

— Скапутится, поморщившись заявилъ Лухмановъ,— и перешелъ къ Ярцеву. А этотъ совсѣмъ готовъ?

Онъ наклонился.—Э. э! еще поскрипываетъ... Только плечо пострадало?.. Отлежится...

— Или моя, или ничья! или моя, или ничья! повторялъ Чмутовъ, — точно урокъ училъ. — Не дамъ... Не люблю, задушу, а не дамъ.

Онъ закрывалъ глаза и опять открывалъ.—Стрѣляйте, шептали его губы, стрѣляйте, сейчасъ опустятъ занавѣсъ... Не мучьте меня... Грудь больно, грудь...

Безъ кровинки въ лицѣ показалась на порогѣ Анна Павловна.

— Нельзя, крикнулъ ей врачъ, накидывая на Чмутова простыню.—Идите отсюда.

Она посмотрѣла на бѣлую стонавшую массу, перевела глаза на диванъ... Оба, оба, тутъ, у меня — истекаютъ кровью...

Чмутовъ часто забывается. И тогда слышно только тяжелое дыханье, сухой стукъ покалываемаго фельдшеромъ льда, да тиканье часовъ:

Тикъ тикъ, тикъ тикъ,—ходятъ они.

XVII.

Губернаторъ, пріѣхавшій, какъ потомъ оказалось, на охоту, былъ въ большомъ безпокойствѣ. Онъ получилъ извѣстіе о результатѣ поединка и о ранѣ племянника на болотѣ, сидя подъ кустомъ на стулѣ, который за нимъ обязательно всюду таскалъ какой-то мужиченка. Онъ до того растерялся, что чуть не подстрѣлилъ вѣстоваго. Онъ тотчасъ-же прискакалъ къ Чмутову.

— Это мы покончимъ домашнимъ образомъ, рѣшилъ онъ, собравъ всѣ справки по дѣлу. Все понятно и ясно... Нечего огородъ городить, господина прокурора затруднять. Напишутъ еще въ газетахъ—пойдетъ дѣло, корреспонденты раздуютъ... А мы его потушимъ домашнимъ образомъ, домашнимъ образомъ...

— Въ сущности конечно-съ, самозащита, подтверждалъ исправникъ. Господинъ Ярцевъ дѣйствовалъ непроизвольно...

— Да-съ, это было такъ сказать движеніе рефлекторское, заключилъ генералъ, — и распорядился выписать для племянника доктора изъ губернскаго города.

Черезъ два дня Мармышевъ перевезъ Ярцева къ себѣ. Коляску вровень съ сидѣньями наложили сѣномъ, осторожно перенесли его, тихо перевезли. Въ этотъ-же день утромъ умеръ Чмутовъ.

Анна Павловна въ первый разъ увидѣла мужа послѣ поединка. Доктора ее къ нему не допускали, боясь что ея видъ взволнуетъ его. Теперь она могла смотрѣть на него сколько угодно.

Она сидѣла возлѣ его трупа. Онъ чистый, вымытый, причесанный, съ высоко сложенными на груди руками, грузно, тяжело лежалъ передъ ней. Она смотрѣла на то неопредѣленное выраженіе лица, съ которымъ онъ встрѣтилъ смерть и которое застыло на немъ. — „Какъ я ненавидѣла его", — думала она, глядя на давно знакомыя черты,—на этотъ широкій носъ, тонкія, насмѣшливыя губы, желтую, длинную бороду. — „Три года тяжелаго кошмара, три года... И вотъ теперь онъ недвижный, холодный: больше не встанетъ, не оскорбитъ меня... Я свободна"...

— Свободна... Совсѣмъ свободна. Полная хозяйка всего, что вокругъ есть, хозяйка себя, своихъ поступковъ...

И всетаки это не то.,. Зачѣмъ онъ, мертвый, лежитъ тутъ? Вѣдь если-бы онъ не встрѣтился съ ней, женился-бы на другой, онъ былъ-бы живъ... Она виновница всего этого... Она? Отчего-же? Она измѣнила ему, полюбила другаго. — Имѣю-ли я право теперь любить его? Но еслибъ мужъ убилъ Бориса, вѣдь я бы осталась съ мужемъ... Да и Борисъ раненъ тоже...

Отецъ Исаія говорилъ тогда про сестру, про монастырь. Не пойти-ли мнѣ теперь, молиться, просить прощенія за грѣхи?.. Затвориться въ келью, гремѣть четками, зиму и лѣто ходить на служенье, ссориться съ келейницами, отдавать поклоны по уставу?..

Или обождать... „Въ міру" спастись,—въ міру, говорятъ, труднѣе. Отдаться благотворительности... Теперь она богата, она не „нищая". И никакого ярма,—никто ее не имѣетъ права остановить, прочесть выговоръ...

Какъ спокойно его лицо. Знаетъ-ли онъ, что она думаетъ, и гдѣ онъ? Если души потомъ, тамъ встрѣтятся... Нѣтъ — не надо, не надо!.. Онъ сложилъ руки, въ которыхъ какъ въ тискахъ держалъ ее. Она силилась найти въ душѣ хоть каплю чувства и не могла. Это было постороннее существо, чуждое ей. Отвращенія къ нему теперь у нея не было, но и любви не было и слѣда...

А мысли невольно, невольно летятъ впередъ... Пройдетъ два три мѣсяца. Рядъ этихъ ужасныхъ впечатлѣній поблекнетъ. Она будетъ въ Петербургѣ, у сестры... Наступитъ день, часъ: дрогнетъ звонокъ, отворится дверь, взойдетъ онъ, блѣдный, слабый отъ болѣзни; взойдетъ и остановится на порогѣ: можно-ли къ ней подойти... А она?... Да тогда все существо ея рванется ему на встрѣчу...

Она вздрогнула, и оглянулась. Нѣтъ, не надо, не надо этихъ мыслей!... Теперь рано. Вѣдь тутъ еще лежитъ онъ... Нѣтъ, прочь эти мысли... нехорошо, неприлично...

Пріѣхалъ отецъ Исаія (онъ служилъ панихиды). и крестясь вошелъ въ эту „обитель смерти". Онъ не подошелъ къ ней первый, боясь нарушить ея раздумье. Она встала и пошла къ нему. Они молча поздоровались.

Деревенскія сцены. Кормленіе куръ. Съ картины Лемоха, рис. Земскій, грав. Дзедзицъ.

— Сейчасъ послѣ похоронъ я поѣду въ Петербургъ къ сестрѣ, сказала она.

— Совсѣмъ тамъ останетесь? Тихо спросилъ онъ.

— Да.. Едва-ли лѣтомъ буду здѣсь жить...

— Ну, какъ ваше состояніе духа, бодрость?..

— Не знаю... Я въ такомъ теперь туманѣ... Всѣ дни эти...

Старикъ задумался, поправилъ покривившійся въ рукахъ покойнаго образокъ. — Заблудшія овцы—соображалъ онъ.—Экое время какое!.. Сейчасъ протопопъ говорилъ, что его племянника выслали изъ города за пропаганду... Этотъ мертвъ.—тотъ раненый мучается"...

— Борису Ѳедоровичу лучше,—сказалъ онъ вслухъ. Она благодарно на него взглянула: ей неловко было первой спросить...

Стали съѣзжаться на панихиду. Богучаровъ пріѣхалъ съ дочерью и зятемъ. Отъ Вѣрочки такъ и вѣяло счастьемъ, какъ она ни старалась казаться серьезной, печальной.

— Вотъ, батюшка, вы не согласились,—сказалъ священнику Таганцевъ,—мы все-же обвѣнчаны, только въ другой приходъ пришлось ѣхать...

Исаія только голову наклонилъ. Анна Павловна просила начать. Онъ пролѣзъ въ ветхую ризу.

— Овцы заблудшія! повторилъ онъ про себя.—Прости имъ... не вѣдаютъ что творятъ...

Онъ перекрестился и панихида началась...

КОНЕЦЪ.

6 октября 1881 года,
С.-Петербургъ.

Премія „Нивы" на 1882 годъ.

„Дорогой гость".

Картина Якобія, съ содержаніемъ взятымъ изъ романа графа А. К. Толстого „Князь Серебряный".

Романъ графа А. К. Толстого „Князь Серебряный" пользуется у насъ широкою популярностью. Популярность эта очень понятна; читатель подкупается здѣсь и въ высшей степени интересной эпохой изображенной въ романѣ,—эпохой царствованія Іоанна Грознаго, и замѣчательнымъ талантомъ автора рисовать характеры и сцены яркія, живо и увлекательно. Длинной и пестрой вереницей мелькаютъ здѣсь передъ нимъ лица давно минувшаго, страшнаго времени; то грозный царь съ своими опричниками, то ближніе его бояре—Борисъ Годуновъ, Малюта Скуратовъ, Басмановъ, Вяземскій—то цѣлый рядъ типовъ, выхваченныхъ изъ массы народной, и созданныхъ особеннымъ складомъ жизни послѣдней половины XVI вѣка. Но особенно симпатично очерчены авторомъ главныя дѣйствующія лица романа: князь Серебряный, бояринъ Морозовъ и жена его Елена Дмитріевна, тѣсно связанные другъ съ другомъ по самому сюжету. Постараемся же познакомить съ послѣднимъ нашихъ читателей хоть въ сжатомъ очеркѣ.

Князь Никита Романовичъ Серебряный является въ первой же главѣ романа. Проведя цѣлыхъ пять лѣтъ въ Литвѣ, куда его посылалъ царь Иванъ Васильевичъ для подписанія мирнаго договора, онъ въ 1565 году возвращается наконецъ въ родную Москву и мы его встрѣчаемъ уже недалеко отъ столицы съ толпою ратниковъ и холопей. Въ Литвѣ Никита Романовичъ упорно отстаивалъ выгоды своей родины, но его рѣзкость и откровенность характера помѣшали успѣшному окончанію переговоровъ. Среди полнаго сейма ударилъ онъ кулакомъ по столу и разорвалъ окончательную грамоту, обругавъ при этомъ польскихъ пословъ вьюнами и оглядчиками. Эта горячность не простилась бы конечно князю, но къ счастью для него, въ тотъ же самый день пришелъ приказъ изъ Москвы не заключать мира. Въ начавшейся войнѣ Серебряный выказалъ блестящимъ образомъ свои военныя способности, онъ успѣшно билъ литовцевъ и теперь, увѣнчанный лаврами, возвращался на родину.

Наружность князя Серебрянаго соотвѣтствовала его нраву. Отличительными чертами этаго, болѣе пріятнаго нежели красиваго, лица были простосердечіе и откровенность. Въ его темно-сѣрыхъ глазахъ, осѣненныхъ черными рѣсницами, выражалась рѣшительность, хотя нервныя, взъерошенныя брови и косая между ними складка указывали на нѣкоторую безпорядочность и непослѣдовательность. Въ то же время его мягко и опредѣлительно изогнутый ротъ выражалъ честную, ничѣмъ непоколебимую твердость, а его улыбка—почти дѣтское добродушіе". Серебряному было лѣтъ двадцать пять. Роста онъ былъ средняго, широкъ въ плечахъ, тонокъ въ поясѣ. Короткая бородка, немного темнѣе волосъ, слегка оттѣняла губы и подбородокъ". Такими симпатичными чертами рисуетъ графъ А. К. Толстой своего героя. Кромѣ того по словамъ автора романа это былъ самый пламенный патріотъ и самый вѣрный слуга Государя. Безъ лести и кривды радѣлъ онъ юному Іоанну. Твердо держалъ онъ свое крестное цѣлованіе и ничто не могло бы пошатнуть его крѣпкаго стоятельства за государя. Но вступая въ предѣлы родины онъ еще не зналъ объ крупной перемѣнѣ въ характерѣ Іоанна, происшедшей во время его долгаго отсутствія; не зналъ онъ хорошо ни о безпрерывныхъ опалахъ, ни о страшныхъ казняхъ, ни объ учрежденіи опричины. Впрочемъ съ послѣднею ему довелось скоро познакомиться.

Остановившись на отдыхъ въ одной изъ подмосковныхъ деревень, онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ грабежа и насилій совершавшихся въ то время опричниками. Серебряный не стерпѣлъ и вступился за бѣдныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ, убивъ нѣсколькихъ грабителей и скрутивъ остальнымъ руки. Это былъ конечно высокій подвигъ, но подвигъ очень опасный въ то время, такъ какъ каждое оскорбленіе наносимое опричникамъ омывалось кровью оскорбившаго, котораго казнили какъ врага Государя. Но Серебряный не зналъ тогда еще силы опричниковъ и потому съ спокойною совѣстью продолжалъ свой путь до Москвы въ сопровожденіи своего вѣрнаго стремяннаго, старика Михѣича.

Здѣсь прежде всего хотѣлось ему отыскать домъ боярина Морозова, къ которому онъ имѣлъ грамоту отъ князя Пронскаго, но онъ не зналъ что этотъ старикъ Морозовъ сдѣлался его соперникомъ; что онъ женился на его дорогой, обожаемой имъ Еленѣ. Бракъ этотъ устроился довольно страннымъ образомъ. Елена Дмитріевна, дочь окольничаго Плещеева-Огина убитаго подъ Казанью, осталась въ самомъ юномъ возрастѣ безъ отца и безъ матери: она была красавица а красота дѣвушки въ то время господства силы и произвола могла принести ей болѣе бѣды чѣмъ радости. Много любимцевъ царскихъ старались понравиться прелестной Еленѣ, но никто не надоѣдалъ ей такъ докучнымъ ухаживаньемъ, какъ князь Аѳонасій Ивановичъ Вяземскій. Но всѣ его подарки и ухаживанья не трогали красавицы; она по прежнему была къ нему холодна и наотрѣзъ отказывала его свахамъ. Наконецъ осерчалъ князь Вяземскій и пошелъ бить челомъ въ своей неудачѣ царю Ивану Васильевичу. Царь принялъ участіе въ горѣ своего любимца и обѣщалъ самъ заслать свахъ къ Еленѣ Дмитріевнѣ. Противиться желанію Царя было уже ве подъ силу бѣдной, безпомощной дѣвушкѣ и она конечно-бы сдѣлалась волей неволей женою Вяземскаго, еслибы случай не свелъ ее съ Дружиной Морозовымъ, которому при первой встрѣчѣ она повѣдала все свое глубокое горе. Бояринъ отнесся къ ней съ участіемъ.

— Елена Дмитріевна,—сказалъ онъ ей подумавъ:—есть средство спасти тебя. Послушай. Я старъ и сѣдъ, но особенно люблю тебя какъ дочь свою. Поразмысли, Елена, согласна-ли ты выйти за меня за старика?

— Согласна! вскричала радостно Елена и повалилась Морозову въ ноги.

Морозовъ женившись на Еленѣ, сдѣлался ея покровителемъ и всѣ знали, что онъ уже не дастъ ее въ обиду. Но Царь не простилъ ему этого брака, опередившаго его сватовство и лишилъ его своей милости. Пригласивъ его къ собственному столу онъ посадилъ его ниже Бориса Годунова, неимѣвшаго еще никакого сана. Не снесъ бояринъ такого безчестія и обругалъ Годунова щенкомъ. Узнавъ объ этомъ царь пришелъ въ ярость; приказалъ Морозову не показываться на глаза и отпустить сѣдые волосы, доколѣ не снимется съ него опала. Съ этого дня бояринъ удалился отъ двора, надѣлъ скромную одежду и ходилъ съ нечесанною бородою и съ сѣдыми длинными волосами падавшими въ безпорядкѣ на его крутое чело. Но домъ Морозова былъ по прежнему полная чаша; нѣжно ласкалъ и щедро дарилъ онъ свою молодую жену и несмотря на эти ласки, и на жизнь спокойную и повидимому счастливую, воображенію молодой женщины часто представлялся молодой витязь, то обращающій въ бѣгство литовскіе полки, то говорящій ей съ упрекомъ. „Елена! Ты не сдержала своего слова, ты не дождалась моего возврата, ты обманула меня!..

А витязь былъ уже недалеко, такъ какъ этотъ витязь былъ никто иной какъ Князь Серебряный, который давно любилъ Елену и пять лѣтъ тому назадъ передъ отъѣздомъ въ Литву взялъ съ нея клятву въ вѣчной любви и вѣрности. Къ Морозову онъ спѣшитъ какъ въ своему лучшему другу и тутъ-то неожиданно встрѣчаетъ Елену. Слѣдующая за этимъ эффектная сцена, когда бояринъ Морозовъ представляетъ свою

жену Серебряному, не обращая особеннаго вниманія на смущеніе молодыхъ людей и изображена на прекрасной картинѣ Якобія, разсылаемой нами въ видѣ преміи.

Вотъ какъ описывается эта сцена въ романѣ:

— „Здравствуй, князь, здравствуй, гость дорогой!—Добро пожаловать!—сказалъ Морозовъ, вводя Серебрянаго въ большую брусяную избу, съ изразцовою лежанкой, съ длинными дубовыми лавками, съ драгоцѣннымъ оружіемъ на стѣнахъ и со множествомъ золотой и серебряной посуды, красиво установленной на широкихъ полкахъ.

— Здравствуй, здравствуй, Князь!—Вотъ какого гостя мнѣ Богъ подарилъ! А вѣдь помню я тебя, Никитушка еще маленькаго! Охъ, удалъ же ты былъ, нечего сказать! Какъ бывало начнутъ ребята въ городки играть, бѣда той сторонѣ, что супротивъ тебя! Разлетишься словно соколъ ясный, да какъ расходится въ тебѣ кровь молодая, такъ бывало разозлишься словно медвѣжёнокъ.—прости, Никита Романычъ, грубое слово! Такъ и начнешь валять, кого направо, кого налѣво. смотрѣть даже весело! Ну да и вышелъ же молодецъ изъ тебя, князь! Слыхалъ я про дѣла твои въ Литовской землѣ! Каталъ же ты ихъ, супостатовъ, какъ прежде ребятъ каталъ!

И Морозовъ весело улыбался и львиное лицо его сіяло радушіемъ.

— А помнишь ли, Никитушка,—продолжалъ онъ, обнявъ князя одною рукою за плечи.—помнишь ли, какъ ты ни въ какой игрѣ обмана не терпѣлъ? Бороться ли съ кѣмъ начнешь, али на кулачкахъ биться, скорѣе дашь себя на землю свалить, чѣмъ подъ-ножку подставишь, или что противъ уговора сдѣлаешь. Все бывало, снесешь, а ужъ лукавства ни себѣ, ни другимъ не позволишь! Князю сдѣлалось неловко въ присутствіи Морозова.

— Бояринъ,—сказалъ онъ,—вотъ грамота къ тебѣ отъ князя Пронскаго.

— Спасибо, князь. послѣ прочту; время терпитъ; дай угостить тебя! Да гдѣ же Елена Дмитріевна? Эй, кто тамъ! Скажите женѣ, что у насъ гость дорогой, князь Никита Романовичъ Серебряный, чтобы сошла попотчивать!

Тихо и плавно вошла Елена съ подносомъ въ рукахъ. На подносѣ были кубки съ разными винами. Елена низко поклонилась Серебряному, какъ будто въ первый разъ его видѣла!

— Князь,—сказалъ Морозовъ,—это моя хозяйка, Елена Дмитріевна! Люби и жалуй ее. Вѣдь ты, Никита Романовичъ намъ почитай родной. Твой отецъ и я, мы были словно братья, такъ и жена моя тебѣ не чужая. Кланяйся, Елена, проси боярина! Кушай князь, не брезгай нашей хлѣбомъ-солью! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Вотъ романея, вотъ венгерское, вотъ медъ малиновый, сама хозяйка на ягодахъ сытила!

Морозовъ низко кланялся.

Князь отвѣчалъ обоимъ поклонами и осушилъ кубокъ.

Елена не взглянула на Серебрянаго, длинныя рѣсницы ея были опущены. Она дрожала, и кубки на подносѣ звенѣли одинъ о другой.

Послѣ этой встрѣчи, глубоко возмутившей сердечный покой Серебрянаго, онъ направилъ свой путь въ Александровскую слободу, явился къ Царю и по возвращеніи оттуда видитъ что на домъ Морозова нападаютъ опричники. Серебряный побиваетъ опричниковъ, защищая домъ Морозова и ему не сходитъ это съ рукъ; онъ попадаетъ въ темницу и приговаривается къ казни. Но его спасаютъ разбойники, подъ начальствомъ атамана Перстня, котораго Серебряный также спасъ разъ отъ вѣрной смерти.

Особенно художественно передана сцена, когда разбойники, притворившись слѣпцами гуслярами, пробираются въ опочивальню Іоанна, разсказываютъ ему сказки и въ то же время присматриваютъ какъ-бы утащить у него тюремные ключи. Это имъ впрочемъ не удалось, но зато ихъ пособникъ силачъ Митька довершаетъ задуманное дѣло вышибивъ плечомъ тройную желѣзную дверь темницы.

Благодаря разбойникамъ. Серебряный опять на свободѣ и сдѣлавшись вскорѣ ихъ предводителемъ, ведетъ ихъ противъ татаръ и побиваетъ на голову вражескую рать, готовую вторгнуться въ русскіе предѣлы. Послѣ побѣды онъ является съ повинною къ Іоанну. Между тѣмъ въ Москвѣ уже измѣнилось многое; многіе бояре кончили жизнь подъ топоромъ палача. Такъ пали Морозовъ, Аѳонасій Вяземскій, Басмановъ. Царь однако довольно милостиво отнесся къ докладу Бориса Годунова что Серебряный явился съ повинною со всѣми своими соратниками. Какъ Серебряный такъ и его остальные сотоварищи получаютъ отъ Царя полное прощеніе. Іоаннъ даже приглашаетъ Серебрянаго вступить въ число опричниковъ но послѣдній отказывается и вымаливаетъ послать его въ сторожевой полкъ для борьбы съ татарами.

Передъ отъѣздомъ онъ хочетъ опять увидѣть Елену, уже теперь совершенно свободную, чтобы соединиться съ нею навѣки, но, увы, она уже болѣе ему не принадлежала. Елена уже постриглась и подъ монашеской рясой затаила на вѣки всѣ мірскіе помыслы и страсти. Въ послѣдній разъ, въ стѣнахъ монастыря она сказала ему прости, дала ему прощальный поцѣлуй и опустивъ покрывало поспѣшно удалилась въ свою келью.

Романъ кончается посольствомъ Ермака къ Іоанну. Ермакъ послалъ своего любимаго атамана Ивана Кольцо бить челомъ Великому Государю и кланяться ему новымъ сибирскимъ царствомъ. Кольцо, бывшій разбойникъ Перстень, получаетъ на этой аудіенціи полное прощеніе и тутъ-же узнаетъ печальную новость. Ему сообщаютъ, что столь дорогой ему Князь Серебряный давно уже окончилъ свое земное существованіе, убитый какимъ то татариномъ и добрый Кольцо среди общей радости не забываетъ оплакивать своего прежняго, столь рано погибшаго доблестнаго друга.

В. И. Якобій въ своей превосходной картинѣ, писанной по спеціальному заказу для „Нивы“, съ чрезвычайной яркостью и силою изобразилъ всѣ тонкія и глубокія черты этаго роковаго момента драмы. Чудесно изображены и полное радушія гостепріимство ничего невѣдающаго еще старика Морозова, привѣтливая улыбка, освѣщающая его старое благородное лицо и молодцоватая фигура молодаго князя, въ свободной. красивой и вмѣстѣ простой позѣ, опершагося на рукоятку меча и устремившаго свой нѣсколько вспыхнувшій взоръ на юную красавицу, жену Морозова, ту Елену которую такъ ждало и любило его сердце и которую застаетъ онъ женою другого. Въ наклоненной головкѣ княгини Елены, гдѣ чувствуется что она не то кланяется гостю, не то склоняется подъ ударомъ рока, подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ когда то любимымъ человѣкомъ, во всей ея фигурѣ столько муки, столько затаеннаго горя и страданія видно что такая драма кипитъ въ душѣ ея! Все это вмѣстѣ представляетъ, можно сказать, chef d'oeuvre историческаго жанра. это, можно сказать, одно изъ лучшихъ произведеній блестяще даровитаго профессора и по своему внутреннему драматическому содержанію. Что касается исполненія, техники подробностей, то она выше всякой похвалы. Эта полутемная съ маленькими слюдяными окошками массивная брусяная изба, съ ея покрытыми рытымъ бархатомъ лавками, съ драгоцѣннымъ тяжелымъ оружіемъ на стѣнахъ, со множествомъ золотой и серебряной посуды на поставцѣ; съ правой стороны удивительно выполненный богатый уборъ юной хозяйки, лучъ перерѣзывающій всю комнату и чудными переливами играющій на толстомъ розовомъ шелку сарафана, сверкающій на золотѣ кубка и кувшина — все это выполнено съ совершенствомъ, до какаго только дошло современное искусство.

Эта огромная роскошная премія превосходитъ всѣ данныя нами до сихъ поръ преміи какъ по достоинству такъ и по величинѣ и **въ первый разъ мы выдаемъ масляную картину**. Исполненіе ея стоило большихъ затратъ и трудовъ. Довольно сказать напр. что она печаталась 36 кампями по числу красокъ т. е. что каждый экземпляръ преміи прошелъ 36 разъ въ машинѣ, такъ что на 75000 экз. это выйдетъ 2.700,000 оттисковъ. Пересылка гораздо дороже чѣмъ пересылка прежнихъ премій. Въ печати нашей и въ обществѣ задолго прежде даже окончанія этой превосходной картины уже помѣщались объ ней извѣстія и говорилось о ней тѣми изъ нашихъ художественныхъ критиковъ и любителей, которые имѣли случай видѣть ее въ великолѣпной мастерской художника. Появились статьи, въ которыхъ говорилось восторженно объ этой картинѣ, именно въ „Голосѣ“, „Московскихъ вѣдомостяхъ“, „Петербургской газетѣ“, „S.-Pt. Zeitung“ и другихъ газетахъ. Всѣ посѣтители, бывшіе въ конторѣ „Нивы“ когда картина и копія ея были выставлены рядомъ, признали что нельзя отличить оригиналъ отъ копіи—и такъ каждый нашъ подписчикъ имѣетъ теперь великолѣпное, вполнѣ замѣняющее по исполненію оригиналъ, украшеніе для своихъ комнатъ.

У насъ мало знакомы съ способомъ выдачи премій заграницею. Во первыхъ *безплатныхъ* премій тамъ не существуетъ. Журналъ даетъ обыкновенно названія двухъ, трехъ олеографій, которыя и предоставляетъ за извѣстную плату выписывать подписчикамъ, объявляя номинальную ихъ цѣну гораздо выше подписной, такъ что подписчикъ сверхъ платы, внесенной за журналъ, вноситъ еще и за картину. Нашъ же журналъ выдаетъ преміи **совершенно безплатно**, не увеличивая цѣны изданія. не смотря на то, что при громадномъ числѣ подписчиковъ „Нивы“ выходятъ довольно крупныя суммы. какъ-бы ни казалось это мало для каждаго отдѣльнаго экземпляра. Мы высылаемъ **иногороднымъ** подписчикамъ „Ниву“ въ количествѣ около 50,000 экз. На каждомъ футлярѣ наклеивается по его вѣсу въ 3/4 ф. по 2 почт. марки въ 5 и 7 коп. всего 12 коп. и одно это уже составляетъ 6.000 руб. только почтоваго расхода. Если прибавить къ этому стоимость 50.000 футляровъ для иногороднихъ. да еще городскихъ подписчиковъ, прибавить цѣнность 75,000 экз. печатанныхъ красками копій, стоимость оригинала картины, то составится сумма, размѣръ которой можетъ приблизительно исчислить каждый, кто дастъ себѣ этотъ трудъ.

На взморьѣ. Съ картины г-жи Куріаръ, грав. М. Рашевскій.

На Невѣ. На буксирѣ противъ теченія. Ориг. рисун. В. Шпака, грав. Ю. Барановскій.

В. В. Верещагинъ въ Индіи.

Недавно въ Лейпцигѣ издателемъ Таубнеромъ выпущенъ въ свѣтъ первый томъ „Эскизовъ путешествія по Индіи“ русскаго художника Верещагина съ женою, въ которомъ описывается интересная его экскурсія въ восточную часть Гималайскаго хребта. Изданіе это иллюстрировано рисунками самого Верещагина, рѣзанными на деревѣ, а текстъ составленъ его секретаремъ. Появленіе этой книги было встрѣчено съ большимъ интересомъ поклонниками великаго русскаго художника, хотя это не болѣе какъ эскизы записной книжки по большей части отрывочные и неполные, но несмотря на это они представляютъ большой интересъ не только въ художественномъ отношеніи, но и въ смыслѣ историческомъ и культурномъ, тѣмъ болѣе, что Верещагинъ громаднымъ числомъ этнографическихъ снимковъ, ландшафтовъ и проч. составилъ себѣ репутацію художника, произведенія котораго отличаются самымъ точнымъ и вѣрнымъ отпечаткомъ съ натуры безъ всякихъ прикрасъ.

Верещагинъ путешествовалъ по Индіи съ 1874 по 1876 годъ и о томъ какое глубокое впечатлѣніе произвели на него очаровательныя красоты этой прелестной страны можно судить по громадному числу вывезенныхъ имъ оттуда картинъ и эскизовъ. На выставкѣ артистическаго кружка въ Парижѣ 1880 г. было много картинъ Верещагина съ сюжетами Индіи, Тибета, Кашмира, виды Гималайскаго хребта и въ то же время онъ готовилъ до двадцати большихъ картинъ, сюжеты которыхъ заимствованы изъ исторіи Индіи.

Чтобы познакомить нашихъ читателей съ этими интересными замѣтками мы сдѣлаемъ изъ нихъ нѣсколько выдержекъ.

„По приглашенію англійскаго резидента мы отправились въ Катманду, главный городъ Непаля (большое королевство въ Остъ-Индіи, въ Гималаѣ): намъ захотѣлось побывать на Гаури-замкарѣ, одной изъ высочайшихъ горъ въ свѣтѣ. Послѣ длиннаго путешествія по желѣзной дорогѣ, на пароходѣ по священному Гангу, послѣ странствованія на волахъ и лошадяхъ мы добрались наконецъ до цѣли. Верещагинъ разбудилъ меня словами: „вотъ и горы“! Я раскрылъ глаза и увидѣлъ высокоподымающіяся снѣжныя массы; направо былъ Контчинга, налѣво Гауризамкаръ. Дорога становилась все круче и круче. Подвигаясь дальше, мы вскорѣ почувствовали близость снѣжныхъ горъ: становилось довольно холодно. Лѣсъ Терай, который мы должны были проѣзжать, обитается еще дикими слонами и тиграми. Лѣсъ ближе къ Непаулю еще больше и гуще. Эти лѣса еще и по сіе время представляютъ лучшее мѣсто для охоты на большихъ дикихъ звѣрей. Все пространство у подошвы хребта покрыто чайными плантаціями. Всюду виденъ выжженный лѣсъ, на мѣстѣ котораго посаженъ чай.

Мы остановились въ Пашибарѣ, завтракали тамъ, пили плохое вино и давъ отдохнуть лошадямъ, поѣхали дальше, а къ вечеру добрались до станціи Корзіонгъ, гдѣ должны были перемѣнить лошадей. Послѣ ѣзды въ жаркій день по пыльной дорогѣ мы съ большимъ наслажденіемъ здѣсь отдохнули. Слѣдуя дальше, мы опять проѣзжали мимо обширныхъ чайныхъ плантацій около одной большой деревни. Отъ городка Даргелингъ насъ скрывала только снѣжная вершина Гималая; послѣ нѣсколькихъ поворотовъ онъ былъ передъ нашими глазами. Рѣдко въ жизни приходится видѣть подобныя прелестныя картины! Какая безконечная масса снѣгу! Уже издали виднѣется Даріэлингъ. Мы остановились въ отелѣ „Доиль“, гдѣ насъ встрѣтилъ гостепріимно маленькій толстый хозяинъ, который однако далъ намъ скоро почувствовать, какъ хорошо цѣнитъ онъ свои услуги. Вскорѣ начали мы искать въ окрестностяхъ мѣста, откуда было-бы удобно снять видъ горъ. Мы выбрали бесѣдку, стоящую на небольшомъ холмѣ, всегдашнее мѣсто гуляній и игръ англійской публики городка. Отсюда открывался прелестный видъ на горы. Быть можетъ это лучшій видъ въ мірѣ! Со стороны обитаемаго склона стоитъ на небольшомъ возвышеніи буддійскій храмъ, оригинальное маленькое строеніе, обвѣшанное все флагами, испещренными молитвами. Вѣтеръ колышетъ ихъ и жители полагаютъ, что такимъ образомъ молитвы эти доносятся прямо къ Богу. Ту же цѣль исполняетъ молитвенный приборъ, валъ, испещренный по всѣмъ направленіямъ молитвами; его вращаетъ или вѣтеръ или служитель храма. Внутри храма темно и стоящіе здѣсь идолы смотрятъ на васъ строго, внушительно. Лама, благообразный старецъ, занимается домашней работой, не переставая, однако, вертѣть молитвенный валъ. Когда Верещагинъ сдѣлалъ эскизъ храма, онъ сказалъ Ламѣ: „подождите немного, я васъ срисую“.— „Сначала дайте мнѣ одинъ рупій“. Верещагинъ отвѣчалъ:— „сначала постой, тогда я дамъ“.—„Дай сейчасъ, или я не хочу стоять“, отвѣчалъ коротко старикъ и когда получилъ просимую монету, то стоялъ спокойно до тѣхъ поръ, пока не былъ готовъ снимокъ.

„Тому, кто не бывалъ въ подобныхъ мѣстностяхъ, трудно представить какіе эфекты производитъ здѣсь солнце. Однажды Верещагинъ вышелъ передъ вечеромъ, чтобы набросать эскизъ солнечнаго заката. Онъ приготовилъ свою палитру, но видъ былъ такъ восхитителенъ, что онъ медлилъ начать, желая хорошенько вглядѣться въ него. На нѣсколько тысячъ футовъ внизъ все покрывалось голубоватой тѣнью, вершины-же цѣпи горъ свѣтились пурпуровымъ огнемъ. Верещагинъ смотрѣлъ и все откладывалъ начало экскиза. „Сейчасъ, сейчасъ“, говорилъ онъ, „я хочу еще немного посмотрѣть, потому что это слишкомъ прекрасно“. Въ концѣ концовъ онъ домедлился до того, что солнце совершенно сѣло и горы погрузились во мракъ. Верещагинъ взялъ свой ящикъ съ красками и пошелъ домой.

„28 сентября мы предприняли путешествіе изъ Даріэлинга во внутрь Гималайскаго хребта.

„Послѣ страшныхъ трудностей и множества лишеній въ серединѣ января мы были близъ Джонгри, нашей настоящей цѣли путешествія. Еще въ Даріэлингѣ насъ предупреждали не ѣздить въ Джонгри въ это время года, такъ какъ это сопряжено съ большими опасностями и сильно сомнѣвались, чтобы намъ удалось туда доѣхать. Вечеромъ наканунѣ отъѣзда нашего нѣкоторые наши знакомые, радушные англичане, собрались въ столовой отеля „Доиль“ и пригласили туда Верещагина.—„Мы слышали, говорили они, что вы направляетесь въ Джонгри, а потому считаемъ своимъ долгомъ замѣтить вамъ, что это невозможная вещь въ такое время года“.

— „Былъ-же тамъ 30 лѣтъ тому назадъ и въ такое-же время года англійскій ученый Гоокеръ“ отвѣчалъ Верещагинъ.—„Это правда, но Гоокеръ чуть не погибъ тамъ. Еслибъ онъ замедлилъ еще хоть на одинъ часъ, онъ заживо былъ-бы погребенъ въ снѣгу, мы въ этомъ убѣждены“. Вы должны отложить ваше намѣреніе. Верещагинъ поблагодарилъ за участіе, но сказалъ, что онъ отъ цѣли не откажется.—„Въ такомъ случаѣ не берите съ собой вашей супруги“.—„Моя жена не останется и навѣрное будетъ сопутствовать мнѣ“. Такъ на этомъ и рѣшилъ Верещагинъ, желая снять съ натуры величайшія снѣжныя вершины. Мы отправились въ путь. Подходя къ водопаду мы уже видимо утомились, между тѣмъ дорога становилась очень плоха. На этотъ разъ мы должны были переночевать на высотѣ 11 тыс. футовъ подъ большими деревьями, опавшіе листья которыхъ густо покрывали почву. Ночью выпало очень много снѣгу и мы надѣли свои большіе сапоги. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ дорога становилась круче, а снѣгъ глубже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ былъ по колѣно. Съ нами былъ охотникъ и кули, который несъ краски, остальные отстали далеко сзади. Мы спотыкались и падали на каждомъ шагу, палки наши плохо помогали. Наконецъ я далъ руку охотнику и тотъ меня потянулъ“...

„Мы добрались до открытаго плоскогорья Моунтъ Лептша. Отдыхъ былъ здѣсь очень плохой. Голодъ и жажда мучили насъ. Немного хересу, который оставался въ нашей дорожной фляжкѣ, смѣшаннаго со снѣгомъ нѣсколько подкрѣпили наши силы. Мы двинулись дальше, начали стрѣлять изъ револьверовъ, зовя отставшихъ, но никто не показывался и не отвѣчалъ. Я далъ опять руку охотнику и коробкался сколько было силъ по глубокому снѣгу. Верещагинъ вскорѣ потерялъ послѣднія силы и объявилъ, что не можетъ двигаться дальше. Мы уже достигли 14 тыс. футовъ высоты. Спички наши отсырѣли и не загорались, но намъ такъ или иначе нужно было развести огонь, чего-бы это ни стоило. Наконецъ охотнику удалось зажечь сухую тряпку. Оба они раздували, пока не запылалъ большой огонь. Согрѣвшись и отдохнувъ, мы собрались, чтобы идти дальше, до хижины, которая была въ недалекомъ разстояніи отсюда. Мы двинулись въ путь, но черезъ нѣсколько шаговъ я упалъ въ изнеможеніи на снѣгъ. Верещагинъ говорилъ потомъ, что онъ думалъ, что я умеръ. Вернулись къ огню и послали охотника отыскивать проводника съ подушками и одѣялами для ночлега и провизіей. Онъ отправился, обѣщая все исполнить въ точности, но съ тѣхъ поръ мы не имѣемъ о немъ никакихъ извѣстій. Положеніе наше становилось критическимъ. Платье покрылось слоемъ льда въ два пальца толщиною и страшно мокло отъ усиленнаго огня. Холодъ былъ ужасный; мы лежали сплотившись передъ огнемъ; одна половина тѣла была почти горячая, а другая покрыта льдомъ. Мы стали просить послѣдняго нашего носильщика пойти разыскать другихъ, но онъ наотрѣзъ отказался. Но обѣщаніе хорошо заплатить ему за это заставило его собраться въ путь. Онъ также ушелъ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться. Такимъ образомъ мы остались совершенно одни въ глубокой тишинѣ. Холодъ становился все сильнѣе и сильнѣе. Я удивлялся, какъ Верещагинъ, находясь въ такомъ ужасномъ положеніи, не потерялъ способности наблюдать за облаками. „Другой разъ“, сказалъ онъ, я долженъ придти сюда со свѣжими силами, чтобы изучить перемѣны тѣней и игру свѣта, которыя могутъ проявляться только на такихъ высотахъ“.

„Эта ночь, ужасы которой мы всю жизнь не забудемъ, наконецъ прошла. Но и на утро никто не являлся. Мы начали опять стрѣлять, отвѣта не послѣдовало. Можно было думать что наши слуги или умерли или разбѣжались, предполагая, что мы замерзли“...

„Была опять полночь, мы сидѣли близко другъ къ другу на снѣгѣ, ожидая своихъ людей. Холодъ и голодъ все сильнѣе и сильнѣе давали о себѣ знать. Верещагинъ рѣшился самъ идти

искать своихъ людей; натянулъ замерзшіе сапоги и пошелъ. но онъ слишкомъ много понадѣялся на свои силы, такъ какъ черезъ каждые десять шаговъ принужденъ былъ останавливаться и отдыхать. Теперь я остался совершенно одинъ; перевернулся на другой бокъ и укрылся какъ только можно лучше. Шелъ снѣгъ и тушилъ небольшой огонь, который мы съ трудомъ поддерживали. Я всталъ, хотѣлъ надѣть замерзшіе сапоги, но было невозможно вдѣть ногу дальше пятки и потому еле-еле двигался. Вскорѣ ко мнѣ подошелъ носильщикъ съ небольшимъ запасомъ пищи; онъ сказалъ что Верещагинъ скоро будетъ. Дѣйствительно вскорѣ показался этотъ послѣдній, несомый другимъ носильщикомъ. Приближаясь, онъ сказалъ мнѣ, что отошелъ только на одинъ километръ, безпрестанно останавливаясь, чтобы собрать послѣднія силы, когда наконецъ онъ встрѣтилъ двухъ кули; одного изъ нихъ онъ тотчасъ послалъ ко мнѣ, другому усѣлся на спину, такъ какъ самъ не былъ въ состояніи сдѣлать больше ни одного шага. Снова былъ разведенъ огонь, мы сварили супъ и наши силы такъ возросли, что мы могли-бы бодро продолжать путь, еслибы не страшная головная боль у Верещагина. Я съ трудомъ смотрѣлъ, такъ сильно вліялъ на мои глаза блескъ снѣга. Около вечера пришелъ самъ Зирцаръ Тинли и съ нимъ другіе носильщики. Мы отправились тотчасъ-же къ задней хижинѣ; весь путь былъ такъ гладокъ отъ льда, что не только мы въ своихъ европейскихъ сапогахъ, но даже и кули подвигались скользя. Наконецъ мы достигли желанной хижины, которая обитаема была только лѣтомъ. Со всѣхъ сторонъ и въ крышѣ виднѣлись большія щели, но такъ или иначе мы могли въ ней отдохнуть. Верещагинъ началъ рисовать виды снѣжныхъ горъ; два кули помогали ему, поддерживая его руки. Солнце пекло ему въ голову и спину, между тѣмъ какъ руки отъ холода не могли держать палитру и кисть. Лицо его страшно опухло, глаза казались какъ щелки; ко всему этому у него была такая страшная головная боль, что онъ едва ее сносилъ. Были всѣ шансы получить солнечный ударъ. Скорѣй долженъ былъ онъ окончить со своей работой".

„Два изъ нашихъ кули, у которыхъ не было обуви, остались внизу у обоза. Слугамъ нашимъ мы сказали, что кто не подымется наверхъ не получитъ вознагражденія. Вскорѣ одинъ за другимъ появились наши длинные индѣйцы, видя въ первый разъ такую массу снѣга".

„Здѣсь мы вспомнили Лоди и жалѣли что его нѣтъ съ нами. Еслибъ онъ былъ здѣсь, то всего-бы этого не случилось. А между тѣмъ съ первой стоянки мы его услали въ Даріэлингъ купить овецъ и онъ по сіе время еще не вернулся. Верещагинъ покончилъ какъ могъ свои эскизы и на третій день послѣ обѣда мы стали подыматься дальше. Верещагинъ слабѣлъ и не переставалъ жаловаться на головную боль. По нѣкоторымъ признакамъ нужно было ожидать дурной погоды и застань она насъ наверху, мы навѣрно погибли-бы. Я знаю только по разсказамъ Верещагина о прекрасныхъ снѣжныхъ и ледяныхъ поляхъ, какъ и о всѣхъ этихъ высотахъ, самъ-же я не былъ въ состояніи смотрѣть на прелестныя блестящія массы снѣга. Люди наши завѣшивали себѣ глаза кистями своихъ тюрбановъ; у носильщиковъ были проволочные очки съ зелеными и синими стеклами. Я не могу себѣ представить какъ Верещагинъ могъ дѣлать свои снимки въ подобномъ положеніи".

„Послѣ обѣда мы начали спускаться и къ вечеру пришли на стоянку Бакимъ, гдѣ ожидали насъ носильщики. Далѣе путешествіе не представляло большой опасности внизу до Якъ-Зуна, гдѣ насъ приняли со всеобщимъ удивленіемъ, что мы не обрѣли смерть на суровомъ Джонгри".

Все путешествіе семейства Верещагина длилось три мѣсяца черезъ самые высокіе пункты хребта Гималая. Снѣгъ, грязь, холодъ, голодъ, дождь или страшная жара сопровождали ихъ и при всемъ этомъ Верещагинъ снималъ эскизы съ ландшафтовъ, растеній и т. п. и дѣлалъ различныя замѣтки, которыя находятся въ 1-мъ томѣ его путешествій. Послѣ трехъ мѣсяцевъ неописанныхъ трудовъ и лишеній прибылъ Верещагинъ обратно въ Дели; но талантливый художникъ богато награжденъ полнымъ прелестными эскизами портфелемъ.

Утрата и возстановленіе чувствительности.

Всякое сильное умственное возбужденіе, особливо возбужденіе религіознаго свойства, какъ извѣстно уменьшаетъ чувствительность. Наравнѣ съ мученниками, можно поставить, поэтому, множество простыхъ людей, подвергающихся, по собственной волѣ, болѣе или менѣе страшнымъ истязаніямъ и страдающихъ въ дѣйствительности меньше, чѣмъ можно было-бы предполагать. Въ средніе вѣка можно было нерѣдко видѣть процессіи бичующихся; одинъ доминиканецъ доходилъ до нанесенія себѣ по сорока тысячъ ударовъ ежедневно, для искупленія грѣховъ народа и утишенія Божественнаго гнѣва. Разумѣется, нельзя думать иначе о немъ, какъ только о лишенномъ въ значительной степени чувствительности. Впрочемъ, и въ наше время фанатизмъ, изъ какого бы источника онъ ни происходилъ, можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ лишеніе чувствительности. Теперешніе мусульмане одной секты доходятъ, напримѣръ, въ своемъ религіозномъ одушевленіи, до нанесенія себѣ страшныхъ истязаній, часто съ потерею сознанія.

Непосредственно за этимъ разрядомъ людей съ полнымъ правомъ слѣдуютъ несчастные, страдающіе запоемъ. Дѣйствительно, всякому извѣстно. что пьяные чувствуютъ весьма слабо и не замѣчаютъ ударовъ и толчковъ, нерѣдко наносимыхъ имъ. Это до такой степени вѣрно, что до открытія хлороформа хирурги обыкновенно поили до-пьяна своихъ больныхъ передъ операціями, съ цѣлью уменьшить ихъ страданія во время операцій. Но то, что опьяненіе производитъ на короткое время, то привычка пить постоянно, запой, дѣлаетъ навсегда. Лица, пьющія запоемъ, до такой степени утрачиваютъ чувствительность, что можно, незамѣтно для нихъ прокалывать имъ иголками пальцы рукъ и вообще безболѣзненно наносить подобныя истязанія. Такимъ-же свойствомъ, какъ и спиртъ, обладаетъ еще свинецъ, такъ что лица, имѣющія съ нимъ дѣло, оказываются, обыкновенно, съ болѣе или менѣе значительными изъянами въ области чувствительности. Далѣе, такъ какъ мозгъ есть, несомнѣнно, главное мѣстопребываніе чувствительности, точно такъ-же какъ воли и сознанія, то всякая причина, ведущая къ разрушенію этого важнаго органа. одновременно можетъ повести за собою и потерю чувствительности. Наконецъ, весьма распространенной причиной отсутствія чувствительности является истерика. Съ этой точки зрѣнія, истерическіе больные, можно сказать, какъ это ни странно, самыя безчувственныя существа изъ всѣхъ. Истерическая больная нѣжнаго тѣлосложенія и воспитанія позволяетъ, безъ малѣйшаго болѣзненнаго крика, пропустить черезъ руку большую иголку. Одна изъ нихъ оперлась однажды о раскаленную печку и замѣтила опасность только тогда, когда до ея обонянія достигъ запахъ обожженныхъ пальцевъ.

Отсутствіе чувствительности бываетъ вообще или полное или частное, то есть, простирается или на всѣ чувства или лишь на нѣкоторыя. Такъ иногда ослабляется слухъ, разстраивается зрѣніе и съуживается зрительное поле. Цвѣта перестаютъ различаться въ глазахъ больного, по своей окраскѣ. Такъ истерическіе больные обыкновенно видятъ съ оттѣнкомъ сепіи (черной краски), что, конечно, не мало омрачаетъ ихъ существованіе.

Нечувствительность истерическихъ больныхъ не представляетъ собою, собственно говоря, ничего новаго: она извѣстна съ древнѣйшихъ временъ. Истерическіе больные, какъ говорятъ теперь, суть прежніе одержимые бѣсомъ и чародѣи. Нечувствительность считалась главнымъ признакомъ договора, заключеннаго съ сатаной; это была, такъ сказать, печать дьявола, налагавшаяся при первомъ-же посѣщеніи чертова шабаша. Духовные судьи, поэтому, особенно внимательно и искали, посредствомъ пытокъ, этой печати, возводя на костеръ тѣхъ, у которыхъ она оказывалась.

Теперь перейдемъ къ средствамъ возстановленія такъ или иначе утраченной чувствительности. Съ 1841 года не знали ни одного такого средства. Но въ этомъ году, французскій докторъ, тогда еще студентъ, Бюркъ, впервые открылъ его въ металлахъ. Онъ узналъ, что при наложеніи на часть тѣла, лишенную чувствительности, металлической пластинки, чувствительность возстановляется въ этомъ мѣстѣ. Когда Бюркъ объявилъ о найденномъ имъ фактѣ, которому онъ далъ названіе металлотерапіи, открытіе его было принято немного немало какъ взрывомъ всеобщаго хохота. Гг. врачи даже не дали себѣ труда провѣрить указанные имъ факты; они обратили все это въ смѣшное, что и гораздо удобнѣе, и скорѣе, и легче, конечно. Воспользовалась открытіемъ даже и юмористическая печать: на страницахъ ея изображались кухарки, практиковавшія леченіе г. Бюрка противъ мигрени, надѣвая кастрюли на головы. Между тѣмъ, докторъ Бюркъ показывалъ тому, кто желалъ, что прикладываніе металлической пластинки къ анестезированной кожѣ истерическаго больнаго возвращало ей ея чувствительность, вызывая при этомъ усиленныя явленія теплоты, кровообращенія. „Имѣющіе очи видѣти"—видѣли. Но такихъ было мало. Не отнимая отъ французскихъ врачей ихъ знаній и искусства, нужно сказать, однако, что они не любятъ заниматься изслѣдованіями и возстаютъ противъ собрата, сдѣлавшаго открытіе. Такимъ образомъ, еще въ 1851 году, Бюркъ былъ мишенью для всевозможныхъ насмѣшекъ и издѣвательствъ. Можно сказать, что только лѣнивый не оскорблялъ его. Впрочемъ, нельзя не упомянуть о томъ, что самъ Бюркъ, съ своей стороны, дѣлалъ все для продолженія подобнаго положенія. Вмѣсто того чтобы просто объявить объ открытомъ фактѣ, имѣющемъ самъ по себѣ огромное значеніе, онъ принялся дѣлать на основаніи его всевозможные выводы, и явился, нѣкоимъ образомъ, творцомъ новой медицины: металлотерапія превратилась у него въ универсальное средство противъ всѣхъ болѣзней: каждой болѣзни соотвѣтствовалъ какой-нибудь металлъ; противъ одной предлагалось желѣзо, противъ другой—мѣдь. противъ третьей—золото, серебро и т. д. Такимъ образомъ. Бюркъ продолжалъ прикладывать металлы къ больнымъ мѣстамъ и созидать новую медицину. Теперь же это во многихъ случаяхъ примѣняется.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

При этомъ № прилагается, для удобства гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, **подписной бланкъ** и **конвертъ** съ адресомъ редакціи, для **заблаговременнаго возобновленія подписки** на журналъ „Ниву" въ **1883** году.

Растенія романтическихъ уголковъ.

„Это было чудное зданіе", говорилъ мой другъ, старый дюссельдорфскій художникъ, — но знаешь, оно было несравненно красивѣе въ то время, когда тамъ наверху стоялъ ветхій колодезь, точно также какъ на картинѣ Мемлинга, 400 лѣтъ тому назадъ, а кругомъ него зеленый садъ возвышался на 180 футовъ надъ другими садами. Скоро наступитъ время, когда на Страсбургскомъ соборѣ для симметріи поставятъ вторую башню, и отнимутъ у него историческій характеръ и сдѣлаютъ его такимъ же чуждымъ и скучнымъ, какъ всѣ правильныя новыя готическія церкви. При такихъ пристройкахъ упускаютъ изъ виду, что каждая такая постройка имѣетъ свою вѣковую исторію, и что главная красота такихъ зданій заключается именно въ ихъ почтенномъ, историческомъ образѣ, на которомъ покоились взоры сотенъ поколѣній. Для меня во сто кратъ лучше старая, безъ крыши и оконъ, Вернеровская часовня около Бахераха чѣмъ соборы Кельна и Милана во всемъ ихъ великолѣпіи; поступая такъ, можно испортить и Парфенонъ и Колизей".

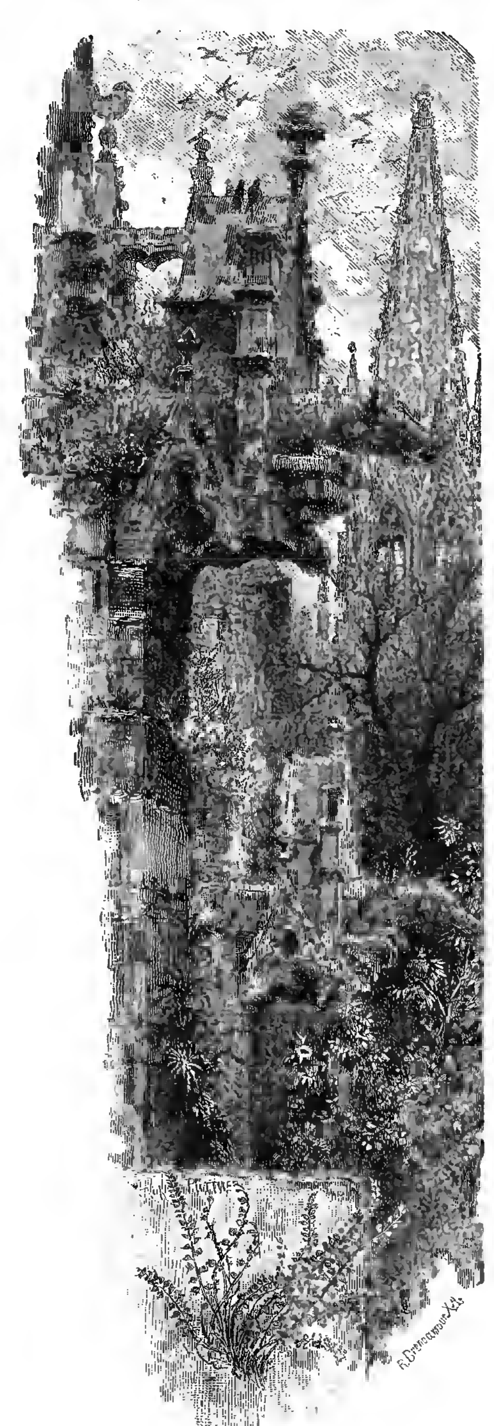
Среди развалинъ.

Я не прерывалъ ворчанья старика художника, но слова его заставили меня перенестись мысленно въ ту воздушную башню, гдѣ мы когда-то съ *нею* промечтали цѣлый вечеръ. Я живо помню то далекое время; внизу подъ нами на пилястрѣ между каменными украшеніями пріютился роскошный кустъ левкоя, отъ котораго доносился до насъ чудный запахъ. Позднѣе я часто встрѣчалъ эти цвѣты въ бесѣдкахъ, у стѣнъ и на окнахъ развалинъ рейнскихъ замковъ и мнѣ пріятна была мысль, что это быть можетъ послѣдняя воспоминанія, оставленныя дѣвушками и женщинами, обитавшими въ этихъ замкахъ. Старый нѣмецкій ботаникъ утверждаетъ, что желтый левкой былъ любимымъ цвѣткомъ германскихъ женщинъ, которыя разводили его въ своихъ садахъ. Вскорѣ затѣмъ я убѣдился, что левкой съ другими однородными растеніями принадлежитъ къ тѣмъ романтикамъ растительнаго міра, которые нигдѣ не распускаются такъ роскошно, какъ на разрушенныхъ стѣнахъ или старыхъ крышахъ.

Трудно опредѣлить, въ чемъ именно заключается очарованіе этой „живописной ботаники". Старинные нидерландскіе и германскіе живописцы, въ особенности живописцы Нюрнбергской школы, гораздо глубже чувствовали ее чѣмъ современные намъ ихъ товарищи. Стоитъ бросить бѣглый взглядъ на какое нибудь собраніе старыхъ германскихъ или нидерландскихъ картинъ, чтобы удостовѣриться, съ какимъ стараніемъ и тщаніемъ воспроизведены каждый цвѣточекъ и травка, растущіе на скалахъ. Такъ, напримѣръ, въ рисункахъ Дюрера рѣзкіе изгибы скалъ и развалинъ покрыты мягкимъ слоемъ зелени, изъ которой поднимается красивый лѣсокъ вѣтвей, цвѣтовъ и стеблей, и надъ ними возвышаются деревья безъ листьевъ съ характерными сучьями. Альбрехтъ Альтдорферъ и другіе подражали Дюреру, но никто изъ новыхъ художниковъ не станетъ заниматься флорой скалъ, утесовъ и развалинъ. Дѣйствительно ли это такія необыкновенныя растенія и не можетъ ли любой цвѣтокъ, сѣмя котораго занесется вѣтромъ, рости на скалахъ и крышахъ?

Конечно на утесахъ встрѣчаются различныя растенія, но мы займемся только типическими растеніями скалъ и развалинъ, растеніями, распускающимися почти па голыхъ скалахъ, подготовляющими почву для другихъ растеній, предпочитающими эти мѣста богато орошеннымъ равнинамъ и которыя легко переносятъ вѣтеръ, непогоду и сухое время года. Кто хоть разъ бывалъ на развалинахъ Рима или Аоинъ, или же около стѣнъ замковъ южной и западной Германіи, тотъ видѣлъ растущую на отѣненной сторонѣ въ расщелинахъ отвѣсныхъ стѣнъ темнозеленую остролистую травку. Мѣсто гдѣ она растетъ и условія произрастанія ея такъ своеобразны, что древніе греки для объясненія появленія ея на стѣнахъ придумали особый миѳъ. Когда Периклъ, такъ гласитъ преда-

ніе, велѣлъ своему зодчему Мнезиклу отстроить Пропилеи Акрополиса въ Аѳинахъ, одинъ изъ рабочихъ упалъ съ высоты и смертельно ушибся. Врачи не подавали надежды на выздоровленіе упавшаго и Периклъ былъ этимъ очень огорченъ, но ему во снѣ явилась богиня Аѳина и показала цѣлебную траву, росшую на стѣнѣ ея храма. Дѣйствительно цѣлебная сила травы



Старинная церковь.

помогла и Периклъ въ благодарность богинѣ, рядомъ съ другими ея мраморными статуями, велѣлъ ей воздвигнуть еще одну какъ Аѳинѣ-Цѣлительницѣ; въ воспоминаніе же указанной этимъ случаемъ заботливости богини о ея храмѣ, по словамъ Плутарха, въ его жизнеописаніи Суллы, было повелѣно, чтобы стѣны Акрополиса и Парѳенона никогда не очищались отъ растенія, которое въ честь богини названо „Парѳеніономъ“. Есть еще греческое сказаніе, по которому та же богиня подхватила на лету юношу Пардикса, сброшеннаго своимъ дядей Дедаломъ съ кровли ея храма, и превратила его въ растеніе, которое, по завѣренію древнихъ ботаниковъ, кромѣ имени Parphenium называлась еще Pardicium. Древніе Римляне присвоили этому растенію употребительное и понынѣ имя стѣнницы—Parietaria.

Изслѣдовавъ химически сокъ этого растенія, получается одновременно объясненіе, почему растеніе дѣйствуетъ цѣлительно при ушибахъ и почему оно преимущественно растетъ на старыхъ стѣнахъ. Въ немъ много селитры и поэтому оно можетъ быть причислено къ такъ называемымъ сорнымъ травамъ, находящимъ пищу въ разрушающихся архитектурныхъ памятникахъ и переработывающимъ стѣнную селитру, которая скопляется на сырыхъ мѣстахъ. Во всѣхъ разрушенныхъ домахъ и въ заброшенныхъ углахъ растутъ такъ называемыя „сорныя“ травы. Эти растенія отличаются роскошнымъ развитіемъ, темной листвой и особеннымъ тяжелымъ и острымъ запахомъ. Цѣлыя чащи крапивы, репейника, лебеды, чернобыльника и чертополоха окружаютъ въ болѣе влажныхъ мѣстахъ сирень и цѣлая масса ядовитыхъ или опасныхъ растеній, какъ напримѣръ, болиголовъ, дурманъ, бѣлена, паслена, белладона и др. питаются сухимъ соромъ. Но наиболѣе красивыя растенія—вьющіяся растенія, покрывающія зеленью развалины и ползущія вверхъ по деревьямъ и кустамъ. Эти то растенія корнями прорастаютъ между камнями и заставляютъ ихъ раздвигаться. Многимъ конечно приводилось любоваться уголками, обросшими плющемъ; чрезвычайно живописно обвиты плющемъ Гейдельбергскій замокъ, абатство Холи-Кросъ въ Ирландіи и плющевый домикъ при входѣ въ деревеньку въ Маломъ Тріанонѣ. Но даже и это невинное растеніе, задерживая сырость, ускоряетъ разрушеніе построекъ.

Въ тропическихъ странахъ плющъ находитъ дѣятельныхъ помощниковъ по разрушенію между другими вьющимися растеніями, въ особенности между породами вьющихся фикусовъ,

Аббатство Холи-Кросъ.

которые усиками своими, заключающими въ себѣ резиновый сокъ, могутъ прицѣпляться даже къ совершенно гладкимъ стѣнамъ. Другія вьющіяся растенія, напримѣръ бигоніи, по замѣчанію Дарвина, усиками своими ощупываютъ мѣстность и находя маленькія щели или углубленія, врастаютъ въ нихъ, или же проходятъ ихъ мимо, если не могутъ въ нихъ укрѣпиться; иныя же укрѣпляются присасывающими клѣточками. Эти растенія и другія, которыя довольствуются на стѣнахъ малымъ количествомъ земли, овладѣваютъ всякой постройкой, съ которой ихъ не удаляютъ насильно, и служатъ повсюду главной причиной живописнаго разрушенія, какому напримѣръ подвергаются великолѣпные дворцы и храмы въ Индіи. Это обратное завоеваніе природой твореній человѣка. Развалины храма въ Камбоджѣ, оплетенныя зеленью, съ изображеніями Будды между-листвой, напоминаютъ наши опустѣлыя кладбища со старыми каменными памятниками, выглядывающими изъ-за разросшихся кустовъ.

Между деревьями есть также такія, которыя прямо могутъ называться разрушителями; съ необыкновенной силой они запускаютъ корни въ пазы камней и заставляютъ ихъ раздвигаться. Въ странахъ, лежащихъ по Средиземному морю, въ Малой Азіи, вплоть до Индіи, дикое безплодное фиговое дерево оказываетъ въ этомъ отношеніи большія услуги Шивѣ-разрушителю. Храмы, башни, дворцы, замки и всѣ памятники, воздвигнутые человѣкомъ въ вѣчное воспоминаніе о своихъ дѣлахъ, подвергаются непреодолимой силѣ корней фиговаго дерева. Оно не щадитъ ни гробницъ, ни мавзолеевъ; надъ этимъ Ювеналъ посмѣялся въ одной изъ своихъ сатиръ (X, 146), говоря о жаждѣ хвалебныхъ надписей, долженствующихъ украшать гробницы, которыя разрушаются злобной силой фиговаго дерева. Даже и гробницы, заключаетъ онъ, подвергаются разрушенію и ударамъ судьбы.

Живой иллюстраціей къ сказанному служитъ затѣйливый памятникъ на такъ называемомъ Садовомъ кладбищѣ въ Ганно-

верѣ; громадныя плиты памятника, вмѣстѣ съ тяжелымъ каменнымъ саркофагомъ, подняты и раздвинуты корнями выросшей тутъ березы, точно въ насмѣшку надъ надписью памятника, съ 1782 г. гласящею: „Эта на вѣки купленная могила не должна никогда открываться“.

Изслѣдуя причины поростанія голыхъ камней и стѣнъ находимъ цѣлый послѣдовательный рядъ растеній, селящихся на развалинахъ. Первое мѣсто въ ихъ ряду занимаетъ тотъ зеленый налетъ, который покрываетъ стѣны и стволы деревьевъ въ болѣе сырыхъ мѣстахъ, и который сообщаетъ имъ весною и поздней осенью ту изумрудную окраску, которую такъ

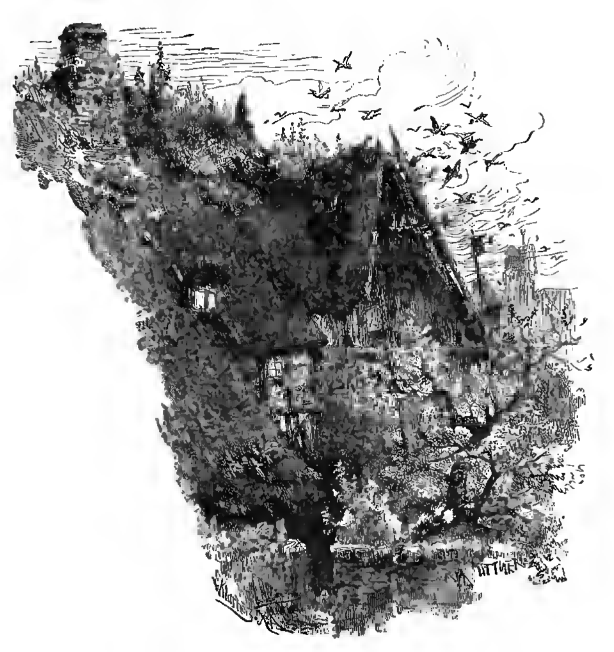
Гробница въ саду церковнаго кладбища въ Ганноверѣ.

вѣрно передавалъ на своихъ картинахъ нидерландскій художникъ Поттеръ. Зелень эта представляетъ простой, нижайшій, первичный организмъ, который новѣйшими ботаниками названъ зеленымъ первичнымъ зерномъ — Protococcus viridis; арабскіе же философы десятаго столѣтія считали его зеленѣющей пылью, чѣмъ-то среднимъ между растеніемъ и минераломъ, въ чемъ отчасти были правы.

Немного высшей организаціей обладаютъ слѣдующіе непосредственно за нимъ—лишаи, которые образуютъ изъ подобнаго же простого налета и волоконъ грибной плѣсени чешуйчатую кору на стволахъ деревьевъ, заборахъ, скалахъ и стѣнахъ. Лишаи, разлагаясь, удобряютъ почву, на которой впослѣдствіи произрастаютъ высшія растенія, поэтому то ихъ называютъ піонерами высшихъ растеній. Они бываютъ всѣхъ оттѣнковъ отъ бѣлаго, сѣраго, зеленаго, лимоннаго до яркокраснаго и коричнево-чернаго. Ихъ участіе въ окраскѣ стѣнъ не маловажно и многія зданія, какъ напримѣръ Страсбургскій соборъ, своимъ мягкимъ желтымъ цвѣтомъ обязанъ массѣ стѣннаго лишая—Parmelia parietina—скопившагося на его стѣнахъ. Эти первые поселенцы скалъ и стѣнъ не требуютъ никакой другой подстилки кромѣ небольшаго количества извести; питаются же они воздухомъ, свѣтомъ и влагой, но умирая оставляютъ на стѣнахъ удобренныя пятна, на которыхъ укореняются другія невзыскательныя растенія. Кромѣ того лишаи вытравляютъ поверхность камня и дѣлаютъ ее шероховатою, разлагая известковыя составныя части камня присущей имъ щавелевой кислотой и въѣдаются въ камень. По этому то лишаи легко селятся на полированныхъ статуяхъ и на обнаженномъ черепѣ висѣльника. Такой мохъ съ черепа считался въ старину дорогимъ цѣлебнымъ средствомъ. Благодаря своей разлагающей способности, лишаи, невѣрно причисляемые къ мхамъ, до 50 процентовъ состоятъ изъ минеральныхъ веществъ (щавелекислой извести), которыя прежде, до изслѣдованія происхожденія лишаевъ, считались особымъ минераломъ.

Замокъ на Мозелѣ.

За „піонерами растительнаго міра“ слѣдуютъ красивые мхи, мелкіе кусочки которыхъ заносятся вѣтромъ на оставленную лишаями, удобренную подстилку и тамъ пускаютъ ростки. Мхи отличаются разнообразіемъ и богатствомъ формъ и окраски. Легко напримѣръ отличить зеленый мохъ, селящійся большею частью на влажныхъ стѣнахъ, каменныхъ украшеніяхъ фонтановъ и въ особенности въ орошенныхъ разщеливахъ скалъ, облѣпляющій своими длинными



Мохомъ обросшая крыша крестьянскаго дома.

лопастями камни, отъ растущаго свободно сплошными массами лиственнаго мха, который въ сырое время года покрываетъ своими тонкими желтокоричневыми, копьевидными листочками всѣ крыши и стѣны развалинъ.

Постоянные спутники мховъ—папоротники, какъ настоящіе романтики, избѣгаютъ шумныхъ освѣщенныхъ мѣстъ и ютятся въ укромныхъ уголкахъ лѣсовъ и въ разсѣлинахъ скалъ. Цѣлое отдѣленіе папоротниковъ такъ называемые селезеночники—Asplenium, или папоротники полосатые, перебрались со скалъ на наши стѣны и избрали развалины любимымъ мѣстопребываніемъ. Изъ нихъ, на первомъ планѣ стоитъ стѣнная рута—Asplenium ruta muraria, которая во всей западной, средней и южной Европѣ покрываетъ всѣ пазы старыхъ стѣнъ длинными перистыми листьями, на нижней сторонѣ которыхъ скопляются черно-коричневыя сѣмена т. е. споры. Нѣмецкій ботаникъ Геронимъ Бокъ, триста лѣтъ тому назадъ, назвалъ это растеніе, высматривающее изъ всѣхъ стѣнныхъ скважинъ, чудомъ природы. Такимъ же уваженіемъ пользовался ранѣе и волосяной папоротникъ Asplenium Trichomanes, котораго тонкій какъ волосъ красновато коричневый блестящій стебелекъ украшенъ выпуклыми, ярко зелеными листочками. Граціозное растеніе это было названо еще краснымъ камнеломомъ, такъ какъ оно корнями своими разрываетъ камни. Американскіе ботаники Лоомисъ и Аза-Грей открыли въ этомъ растеніи почти безпримѣрную въ нашей флорѣ способность движенія: листья растенія, покрытые спорами, постоянно движутся при освѣщеніи и это движеніе настолько замѣтно, что каждый можетъ предполагать въ этомъ маленькомъ кустарникѣ особенную жизненную силу. Прежніе гербаристы подмѣтили эту необыкновенную живучесть растенія и приписывали ему возстановляющую силы способность. Третьимъ въ ряду этихъ таинственныхъ полосатыхъ папоротниковъ считается черный адіантъ—Asplenium Adiantum nigrum—съ чернымъ блестящимъ стеблемъ и большими дважды перистыми листьями. Его называютъ чернымъ въ отличіе отъ только что названныхъ, красной и стѣнной руты.

Многіе другіе сорты Asplenium растутъ на стѣнахъ и скалахъ, не обращая на себя особеннаго вниманія; къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ, похожій на траву, сѣверный полосатый папоротникъ Aspl. septentrionale и такъ называемый олений языкъ Aspl. scolopendrium, растущіе по преимуществу на внутреннихъ стѣнахъ колодцевъ, и представляющіе обыкновенные сплошные листья, однако на нижней сторонѣ покрытые спорами. Рѣже всего попадается чешуйчатый папоротникъ Asplenium Ceterach, разсѣянный въ южной Европѣ а также около Мозеля. Длинные, въ палецъ, ярко зеленые листочки, образующіе красивыя розетки, по формѣ напоминаютъ двойную пилу, зубья которой идутъ не одинъ напротивъ другого, а распредѣлены поперемѣнно; нижняя сторона листьевъ густо покрыта чешуйками, точно перьями. Папоротникъ этотъ считался чудодѣйственной травой и по словамъ Діоскорида собирался въ безлунныя ночи. Животныя, ѣвшія этотъ папоротникъ, лишались селезенки, почему его давали при воспаленіи и опухоли селезенки; отъ этого вся група полосатыхъ папоротниковъ была названа Asplenium отъ слова Asoplenon, т. е. безселезеночный.

Необыкновенно замѣчательное по красотѣ растеніе это великолѣпный Адіантъ, названный также Волоса Венеры. На чрезвычайно тонкихъ, чернокоричневыхъ, мелкихъ стебелькахъ укрѣплены нѣжные, дрожащіе свѣтло зеленые листочки, украшенные по нижнему краю коричневыми полумѣсяцами. Растеніе это великолѣпно декорируетъ южно европейскія старыя стѣны и скалы, вблизи которыхъ протекаетъ вода. Стѣны дворцовъ въ Венеціи точно также украшены имъ какъ и каменныя террасы Изола-Белла и древніе римскіе водопроводы вплоть до самыхъ горъ. Нѣжное растеніе это повидимому для произрастанія требуетъ влажнаго воздуха, хотя и обладаетъ способностью не намокать: такъ, погруженное въ воду и затѣмъ вынутое, оно оказывается совершенно сухимъ, почему и называется, по Теофрасту, старымъ именемъ Adianton, т. е. ненамокаемый. Испанцы, которые называютъ Ceterach именемъ Doradillo, назвали Волоса Венеры Culantrillo. Въ древнѣйшихъ сочиненіяхъ растеніе это, какъ и всѣ папоротники, зовется также камнеломъ Saxifraga.

Поэтическое это названіе нельзя объяснить лучше, какъ словами ботаника Болль, описавшаго почитаніе Волосъ Венеры на Мадейрѣ.—На протяженіи многихъ миль, говоритъ Болль, идетъ одинъ изъ водопроводовъ питающихъ прибрежные города и зеленая полоска кулантрилло обозначаетъ его путь. Мы слѣдуемъ за ней на край глубочайшихъ пропастей, куда отваживается ступать развѣ только орхильеро (собиратель ягелія). Во многихъ мѣстахъ нависли скалы; то согнувшись, то ползая подвигаемся мы впередъ, по подземнымъ галлереямъ. Изъ недоступныхъ разщелинъ мы спугиваемъ куропатку и сокола съ утеса. Наконецъ послѣ долгихъ поисковъ находимъ мы, по народному поэтическому выраженію—madre del aqua, матерь воды. Глубоко въ нѣдра горы проникаетъ гротъ извергающій воду. Старый Vinatico или дикая смоква осѣняетъ сводъ входа; пріятная свѣжесть обьемлетъ утомленнаго, который съ наслажденіемъ испиваетъ глотокъ прохладной воды. И тогда располагается онъ у пещеры, вдали отъ всякаго шума, прислушиваясь къ медленному и ритмическому паденію капель съ потолка. Это образы, которые пробуждаетъ одна мысль объ Adiantum Capillus Veneris въ душѣ того, кто свыкся съ нимъ на далекомъ западѣ".

Кулантрилло слѣдуетъ за человѣкомъ даже внутрь его жилищъ и служитъ украшеніемъ ихъ. Почти въ каждомъ домѣ островитянина, говоритъ далѣе Болль, въ одной изъ стѣнъ находится углубленіе, гдѣ помѣщается *Пиля* т. е. фильтрирующій камень. Это водоемъ, сдѣланный изъ ноздреватаго камня, въ видѣ полушарія, который наполняется ежедневно водою или изъ водопровода или изъ цистерны; вода оттуда просачивается въ стоящее внизу ведро, изъ котораго уже жаждущій черпаетъ чистую и холодную воду стоящимъ неизмѣнно тутъ же стаканомъ или металлическою кружкою. Чтобы придать *Пилѣ* болѣе красивый видъ и увеличить свѣжесть процессомъ испаренія, обыкновенно натираютъ камень спорами Волосъ Венеры. Молодыя растенія не замедлятъ появиться и вскорѣ просачивающее полушаріе обростаетъ густой зеленью, которая на подобіе зеленыхъ страусовыхъ перьевъ склоняется на всѣ стороны, образуя очень живописную декорацію.

Около сухихъ стѣнъ и на самыхъ стѣнахъ появляется цѣлая група растеній, требующихъ очень мало влаги,—это семья почти не испаряющихъ влагу толстолистыхъ или красулацій. Почти каждый знаетъ различные виды стѣннаго перца Sedum, стелющагося по стѣнамъ и свѣшивающаго зеленыя кисти, украшенныя бѣлыми, розоватыми или темно желтыми цвѣтами. Выше, въ горахъ, передъ смѣняется чрезвычайно красивыми видами Sempervivum, растеніями окрашенными въ темнозеленую или же пурпуровую краску, подымающими совершенно прямо на голыхъ скалахъ свои красивые круглые цвѣты. Всѣ эти растенія содержатъ въ себѣ много щавелевой кислоты, какъ и лишаи, и легко растворяютъ известь, содержащуюся въ камняхъ. По той же причинѣ многіе сорты щавеля, кислички, кактуса и молочая прекрасно призрастаютъ на стѣнахъ и камняхъ. Тоже самое можно сказать о сортахъ камнелома (Saxifraga) родственнаго сортамъ которые растутъ отчасти на развалинахъ и въ большинствѣ случаевъ на обнаженныхъ скалахъ и горахъ, и изъ которыхъ нѣкоторые содержатъ такъ много извести, что они выдѣляютъ ее на поверхности листьевъ въ видѣ бѣлыхъ чешуекъ или зубцовъ. Между стѣнными или каменцвѣтами замѣчателенъ цвѣтокъ, называющійся Борода Юпитера Barba Jovis. Карлъ Великій, отличавшійся отеческою заботливостію о своихъ подданныхъ, издалъ постановленіе, по которому, каждый поселянинъ долженъ былъ воздѣлывать это растеніе на своемъ домѣ. Карлъ Великій, издалъ это постановленіе потому, что прямой стволъ растенія считался хорошимъ громоотводомъ; вѣра въ силу этаго растенія существуетъ въ Индіи и понынѣ.

Кромѣ растеній есть еще много высокихъ деревьевъ, довольствующихся очень небольшимъ количествомъ земли и влаги, легкія сѣмена которыхъ заносятся часто на зубцы башенъ и на высочайшія стѣны. Первое мѣсто между названными деревьями занимаетъ плакучая береза—символъ печали и страданія и затѣмъ пихта—символъ силы. Кто видѣлъ ее въ лѣсахъ Тюрингена, обнимающею своими мощными корнями совершенно обнаженную скалу, тотъ пойметъ какъ она можетъ расти безъ всякой влаги на каменныхъ плитахъ и на развалинахъ замковъ. Удивительно какъ растутъ такія деревья: я видѣлъ однажды разрѣзъ пихты, выросшей на развалинахъ одного замка ей было полтораста лѣтъ и слои древесины были такъ тонки, точно листъ плотной бумаги,—свернутый въ полтораста разъ. Архитекторы и коммисіи заботящіеся о сохраненіи старыхъ памятниковъ конечно мечтаютъ объ уничтоженіи растеній, корни которыхъ сдвигаютъ самые тяжелые камни. Но развалины потеряютъ всю свою прелесть, если у нихъ отнимутъ деревья и кусты. Кто умѣетъ дорожить романическимъ и живописнымъ очарованіемъ развалинъ, тотъ не будетъ оспаривать у природы ея права обратнаго завоеванія, тотъ знаетъ хорошо, что именно эта смѣсь архитектуры и свободныхъ формъ натуры, это сцѣпленіе жизни и смерти, свѣжести и разрушенія приковываетъ наши глаза и погружаетъ насъ въ тихое раздумье.

Къ рисункамъ.

Взятіе Казани.

(Рис. на стр. 988 и 989).

Паденіе независимости Казанскаго царства имѣло громадное политическое значеніе въ исторіи восточной Европы, такъ какъ оно разомъ поколебало могущество и преобладаніе дикихъ и своевольныхъ азіатскихъ ордъ и заставило ихъ склонить свою выю передъ новымъ христіанскимъ царствомъ, возникшимъ въ области верхней Волги. Взятіе Казани являлось неотложною, государственною необходимостію для тогдашней Руси и

всѣ ясно сознавали, что надо покончить съ этимъ гнѣздомъ хищниковъ, которые, надѣясь на помощь Крыма, часто опустошали пограничныя московскія владѣнія и ревниво оберегали путь въ богатыя страны, орошаемыя притоками Волги и Дона, не давая проникнуть туда русской колонизаціи. Но покорить Москвѣ Казань было дѣло не легкое, особенно при малолѣтствѣ Іоанна, когда крамольные бояре не давали еще никакого простора его дѣятельности. Но лишь только бояре начали имѣть страхъ передъ молодымъ царемъ, какъ онъ уже задумалъ покончить съ Казанью. Впрочемъ походъ этотъ 1545 года окончился неудачей и только внутреннія смуты Казани, борьба въ ея стѣнахъ партій, помогли Руси сохранить надъ ней свое вліяніе и приближать мало по малу желанную развязку. Смерть хана Сафи Гирея еще болѣе усилила внутреннія междоусобія Казани: Крымцы и Казанцы сдѣлали ханомъ малолѣтняго сына Сафи Гирея, Утемиша. Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, Іоаннъ быстро собрался въ новый походъ и явился подъ стѣнами Казани въ февралѣ 1550 года, но приступъ къ городу не удался и множество людей было побито съ обѣихъ сторонъ. Утемишъ былъ смѣненъ вскорѣ Шигъ-Алѣемъ, сторонникомъ Великаго Князя, но и тотъ не могъ долго удержаться на ханскомъ престолѣ: противная партія послала къ Ногаямъ просить царя и получивъ его въ лицѣ Едигера-Магомета, тотчасъ же начала враждебныя дѣйствія противъ русскихъ подданныхъ нагорной стороны, тревожа наши оберегательные отряды и уводя въ плѣнъ жителей. Наконецъ Іоаннъ рѣшился нанести послѣдній ударъ Казани и 3-го іюля 1552 г. выѣхалъ изъ Коломны съ двоюроднымъ своимъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ. За Сурою соединился Государь съ воеводами и 13-го августа достигъ Свіяжска, пограничнаго города передъ Казанью. Расположившись подъ городомъ на лугу въ шатрѣ, царь послалъ къ Казанцамъ грамоту, чтобы они били челомъ а онъ ихъ проститъ. Отвѣтъ Едигера былъ исполненъ брани и оскорбленій и Іоаннъ велѣлъ выгружать изъ судовъ пушки и подступать къ городу. 23-го августа полки заняли намѣченныя имъ мѣста; 150,000 войска съ 150 пушками обложили Казань, защищенную лишь деревянными стѣнами, за которыми впрочемъ скрывалось 30,000 храбрыхъ и фанатическихъ защитниковъ. Тотчасъ же по обложеніи начались схватки между осаждавшими и осажденными. Казанцы безпрерывно дѣлали вылазки, бились отчаянно, но почти постоянно съ урономъ были отбрасываемы обратно въ городъ. Но вотъ 31-го августа царь призвалъ къ себѣ *розмысла*, т. е. инженера нѣмца и приказалъ ему сдѣлать подкопъ подъ казанскія стѣны. Въ то же время русскіе взорвали тайникъ, откуда казанцы доставали воду, а дьякъ Иванъ Выродковъ поставилъ противъ городскихъ воротъ башню вышиною въ шесть саженъ: стрѣльцы начали стрѣлять съ этой башни въ городъ и побивали много народу. 1-го октября царь велѣлъ наполнить рвы лѣсомъ и землею, устроить мосты и бить изъ пушекъ безпрестанно: били весь день и сбили до основанія городскую стѣну. Общій приступъ назначенъ былъ на другой день, 2-го октября, въ воскресенье. Передъ приступомъ еще разъ было предложено казанцамъ сдаться на милость царя, но они гордо отвѣчали: „Не бьемъ челомъ! На стѣнахъ Русь, на башнѣ Русь—ничего: мы другую стѣну поставимъ и всѣ помремъ или отсидимся“.

Въ эту-же ночь князь Михаилъ Воротынскій прислалъ сказать Царю, что подкопъ уже заложенъ и потому нельзя медлить. Царь приказалъ возвѣстить войскамъ, чтобы готовились къ приступу а самъ пошелъ по обычаю въ церковь. Во время служенія въ его присутствіи обѣдни, когда дьяконъ оканчивалъ Евангеліе словами: „будетъ едино стадо и единъ пастырь“ раздался страшный взрывъ; земля поколебалась; Царь вышелъ изъ церкви и увидѣлъ что городскія стѣны разрушены. Второй взрывъ сильнѣе прежняго докончилъ разрушеніе укрѣпленій. Тогда русскія войска воскликнули: „съ нами Богъ“ и пошли на приступъ. Казанцы встрѣтили ихъ крикомъ „Магометъ! всѣ помремъ за юртъ“! Затѣмъ въ воротахъ и на стѣнахъ началась страшная сѣча. Послѣ обѣдни Іоаннъ подъѣхалъ къ городу: русское знамя уже развѣвалось на стѣнахъ, но во многихъ мѣстахъ татары еще оказывали отчаянное сопротивленіе. Особенно жаркая битва кипѣла около мечети; царь Едигеръ затворился въ свой дворъ и крѣпко оборонялся, пока не увидѣлъ всю безполезность дальнѣйшаго сопротивленія. Тогда онъ бросился въ нижнюю часть города къ воротамъ. Этотъ-то моментъ бѣгства Едигера и представленъ на нашемъ рисункѣ. По трупамъ своихъ, лежащимъ наравнѣ со стѣною, татары взобрались на башню и начали вести переговоры о сдачѣ. Съ башни они кричали: „пока стоялъ юртъ и мѣсто главное, гдѣ престолъ царскій былъ, до тѣхъ поръ мы бились до смерти за царя и за юртъ; теперь отдаемъ вамъ царя живаго и здороваго; ведите его къ своему Царю.

Со взятіемъ въ плѣнъ Едигера и съ уничтоженіемъ послѣдняго защищавшаго его отряда. Казань была уже въ полной власти русскихъ. Казанское царство болѣе не существовало.

Деревенская сцена.

(Рис, на стр. 993).

Не разъ помѣщали мы симпатичныя, полныя теплаго чувства, при самомъ неизысканномъ несложномъ замыслѣ, картины талантливаго художника г. Лемоха. Эта картина, помѣщенная въ настоящемъ №, прекрасно дополняетъ серію его деревенскихъ сценъ. Молоденькая дѣвушка выбѣжала на улицу и кормитъ своихъ любимицъ — цѣлое птичье царство хлопочетъ и клохчетъ у ея ногъ. Она сыплетъ зерна, ихъ подхватываютъ на лету, изъ за нихъ выходятъ между курами пререканія самыя оживленныя. Онѣ издали узнаютъ свою молодую хозяйку и стремглавъ летятъ къ ней, кудахтая и хлопая крыльями, какъ только заслышатъ ея зовъ.

На взморьѣ.

(Рис. на стр. 996).

Тихо на морскомъ берегу. Море спокойно, вдали видны мелькающіе паруса: волны не набѣгаютъ съ глухимъ и грознымъ шумомъ, равнина моря блещетъ: красивое мѣстечко залива — тихій затонъ — погружено въ покой. Деревья словно дремлютъ.

Весь заливъ блеститъ какъ сталь
И надъ моремъ облаками,
Какъ ползущими горами,
Разукрасилася даль...

Выражено это въ картинѣ Г-жи Куріэръ очень хорошо. Вообще ея произведенія, нерѣдко теперь появляющіяся на нашихъ выставкахъ, стали обращать на себя все больше и больше вниманія.

На буксирѣ противъ теченія.

(Рис. на стр. 997).

Вотъ одна изъ оригинальныхъ сценъ жизни нашей Невы. Идетъ большой пароходъ, тянетъ баржу и къ ней цѣлыми стаями, словно раковины, прицѣпляются лодочки и ботики и могучая паровая сила выноситъ ихъ противъ теченія вверхъ по рѣкѣ. Тутъ слышится и смѣхъ и разговоры и прибаутки, толчется самая разнообразная публика — охотники, рыбаки: на покоѣ, за плечами огромной неуклюжей баржи, не работаютъ веслами, покуриваютъ трубочки, раздается и визгъ гармоники и шутки съ молодой, степенной пассажиркой, ѣдущей вверхъ, въ свое село изъ города. Веселая компанія собралась на этихъ лодочкахъ.

Политическое обозрѣніе.

Россія и Черногорія. — Румынія въ „килійскомъ вопросѣ“. — Славянская земля.— Австро-Венгрія. Турція. — Египетъ.

Читатели, вѣроятно, помнятъ сказанныя нами, по случаю пріѣзда Князя Черногорскаго въ Россію, слова относительно непоколебимой прочности нашего единенія съ Черногоріей. Почти то же самое читаемъ мы теперь въ „Гласѣ Черногорца“ и вотъ что говоритъ онъ о союзѣ съ Россіею: „Этотъ союзъ укрѣпляетъ въ насъ сознаніе нашей силы и *глубоко утверждаетъ нашу вѣру въ лучшую будущность*. Какія времена могутъ наступить — знаетъ объ этомъ Великій Богъ, ибо времена и лѣта въ Его десницѣ и не намъ уразумѣть ихъ. Но мы хорошо знаемъ себя и утверждаемъ, что также знаемъ и братьевъ русскихъ и потому *можемъ сказать съ увѣренностью, что никогда не явится повода, который могъ-бы разъединить насъ и увлечь на различные пути*. Одинаково чувствуемъ, одинаковымъ языкомъ и говоримъ.“ По слухамъ, Князя Николая приняли въ Вѣнѣ не только холодно, но, даже, невѣжливо...

Нѣсколько иныя чувства выказываетъ намъ, къ сожалѣнію, Румынія, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту. Всему виною опять таки тотъ-же „Килійскій вопросъ“. Румынія обратилась къ недавнему своему-же антагонисту (думаемъ гораздо болѣе для нея опасному, чѣмъ мы) — къ Австріи; румынскій посланникъ въ Вѣнѣ, Балачано, жаловался графу Кальноки на то, что Россія имѣетъ намѣреніе нарушить берлинскій договоръ по отношенію къ Килійскому рукаву, такъ какъ утверждаетъ, что дунайская коммисія не компетентна въ вопросѣ; его правительство заявляетъ право на одинъ изъ береговъ гирлы, и требуетъ, чтобы верховныя ея права на эту часть рукава были уважены и обращается въ этомъ дѣлѣ къ великимъ державамъ. Надѣемся, съ своей стороны, что эти державы припомнятъ прецедентъ 1863 года, когда нѣкоторыя изъ нихъ такъ неудачно вмѣшались въ внутреннія дѣла Россіи!

Король Сербскій прибылъ въ Рущукъ (а не въ Софію, какъ поторопились сообщить газеты), при торжественной встрѣчѣ Его Величества болгарскій митрополитъ произнесъ рѣчь, въ которой призывалъ славянъ къ согласію и единенію, а затѣмъ, на обѣдѣ, данномъ въ честь короля, онъ самъ, въ своей рѣчи, высказался за это единеніе. Мы, еще разъ повторяемъ, и несомнѣваемся въ его искреннемъ отношеніи къ общему, великому дѣлу.

Пограничные турецкіе — не жители, вѣроятно, а баши-бузуки, отъ времени до времени, повторяютъ свои набѣги въ предѣлы

Болгаріи—29 сентября ихъ шайка явилась въ Эско-Джумской околіи, гдѣ и ограбила два селенія; туда посланы были драгуны, но, пока, о результатахъ еще неизвѣстно.

Албанцы все еще тревожатъ границы Черногоріи: княжеское правительство получило чрезъ Антивари свѣжій подвозъ боевыхъ снарядовъ; оно сосредоточило войска на албанской границѣ. Выше мы сказали о непривѣтливой встрѣчѣ, оказанной Князю Черногорскому въ столицѣ „дружественной Австріи“. къ этому добавимъ, что вообще отношенія между имперіей и княжествомъ натянуты, а потому трудно ждать, чтобы Черногорія добилась скораго удовлетворенія своихъ требованій, заключающихся въ амнистіи бѣжавшимъ герцеговинцамъ и босникамъ и возвращеніи ихъ на родину, возмѣщеніи Черногоріи расходовъ по содержанію этихъ бѣглецовъ, укрѣпленіи Кривошіи.

А каково славянамъ, въ особенности нѣкоторымъ, на ихъ австрійской родинѣ, это мы знаемъ и нерѣдко уже указывали. На этотъ разъ скажемъ два слова о венгерскихъ славянахъ. Мадьяры, понимая великое значеніе православія для славянства, ведетъ противъ него усиленную борьбу (какъ и всегда, впрочемъ, и вело); между прочимъ, венгерская православная церковь обладаетъ капиталомъ въ 15 милліоновъ гульденовъ, составившійся изъ разныхъ пожертвованій и вкладовъ, дозволяетъ славянскому духовенству устраивать и содержать храмы, школы и благотворительныя учрежденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ ему возможность стоять наравнѣ съ католическимъ въ отношеніи независимости средствъ и, слѣдовательно, безкорыстія: венгры готовятся прибрать эти деньги къ своимъ рукамъ—ихъ скоро перемѣстятъ въ центральное учрежденіе о народныхъ нуждахъ, находящееся въ Пештѣ и состоящее изъ мадьяръ и католиковъ (объ этомъ недавно пришло извѣстіе въ одну изъ нашихъ большихъ газетъ) не мало старается противъ своихъ земляковъ въ этомъ направленіи, и славянскій католическій епископъ Штроссмайеръ.

Къ намъ,—на минуту—австрійцы, вдругъ почувствовали приливъ нѣжности, который и излили недавно въ офиціозныхъ и неофиціозныхъ своихъ газетахъ, по случаю прибытія въ Вѣну новаго нашего посланника, князя Лобанова-Ростовскаго; мы, впрочемъ, знаемъ, что эти минуты у австрійцевъ очень кратки.

Турція, повидимому, искренно желаетъ уладить спорный вопросъ съ Греціей; Порта сообщила греческому посланнику, а также и телеграфировала въ Аѳины ноту, объ уступкѣ требуемыхъ греческимъ правительствомъ пунктовъ—Карали-Дервента, Незероса съ урочищемъ того-же имени, Крачова и Каллимаки, согласно съ пограничной чертою, постановленною международною пограничною коммисіею, и только въ отношеніи части территоріи Каллимаки спорный вопросъ будетъ переданъ на разрѣшеніе смѣшанной греко-турецкой коммисіи. Въ настоящее время снова наступилъ министерскій кризисъ, явившійся, какъ кажется, отчасти, вслѣдствіе разногласія въ кабинетѣ по вопросамъ внѣшней политики: Саидъ-Паша стоитъ за союзъ съ западными державами, Махмудъ-Недимъ предлагаетъ союзъ съ Россіей, султанъ колеблется; Саидъ-Паша предложилъ новую программу правительственной дѣятельности, и между прочимъ: 1) установленіе совершенно одинакихъ отношеній Турціи ко всѣмъ державамъ (?), 2) отвѣтственность министровъ, 3) уменьшеніе военныхъ расходовъ и усиленіе жандармеріи, 4) введеніе реформъ въ Арменіи.

Между тѣмъ, Турція рискуетъ совсѣмъ утратить Египетъ и его дань: выдаютъ за фактъ, что если тамъ будетъ созвана палата нотаблей, то возникнетъ агитація въ пользу провозглашенія независимости (?) Египта, съ предоставленіемъ хедиву титула, соотвѣтствующаго самостоятельному государю. Хедивъ уже самъ высказываетъ стремленіе къ независимости; пока еще, впрочемъ, стремленіе это выразилось только въ томъ, что онъ желаетъ отчеканить медаль въ ознаменованіе недавнихъ событій: какъ извѣстно, египетскій вице-король не имѣетъ права учреждать своею властью новыхъ орденовъ (на этой медали, съ одной стороны, будетъ изображеніе хедива, а на другой—пирамиды); признакъ этотъ не принадлежитъ къ числу крупныхъ, конечно, но можетъ выражать общее настроеніе, нынѣшняго главы англо-турецкой провинціи. Но много-ли выиграетъ Тевфикъ-Паша, если изъ англо-турецкаго вассала превратится просто въ англійскаго? очевидно не выиграетъ, а проиграетъ. Англичане оставляютъ корпусъ своихъ войскъ въ Египтѣ до организованія египетской (?) арміи; Бэкеръ-Паша, съ соизволенія своихъ соотечественниковъ, указалъ и время окупаціи, объявивъ, что организація арміи потребуетъ годъ времени. А затѣмъ? затѣмъ—англичане, можетъ быть, уведутъ часть войскъ, а другую оставятъ для разработки новаго Суэзскаго канала, который желаютъ прорыть, чтобы подорвать значеніе канала Лессепса и имѣть свой собственный, всегда для нихъ свободный и за ними обезпеченный, путь въ Индію и vice versa; этотъ новый водный путь намѣрены, будто-бы, провести изъ Александріи въ Каиръ, а изъ Каира въ Суэзъ, на протяженіи 240 англійскихъ миль (360 верстъ), (болѣе Лессепсова на 80 миль (120 верстъ)), сооруженіе котораго обойдется въ 10 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 100 милліоновъ рублей). Насколько серьёзно это свѣдѣніе—сказать трудно, но оно сообщено Times'омъ, „изъ оффиціознаго источника.“ Пока же онъ не сооруженъ, англичане хлопочутъ о пріобрѣтеніи 100 тысячъ акцій канала существующаго съ цѣлью пріобрѣтенія рѣшительнаго и рѣшающаго большинства голосовъ компаніи и для того, чтобы смѣнить президента—Лессепса (ведущаго отчаянную борьбу противъ Англіи и грозящагося закрыть каналъ), замѣнивъ его адмираломъ Сэймуромъ. По поводу пріобрѣтенія этихъ акцій разсказываютъ весьма курьёзную исторію о томъ, что будто князь Бисмаркъ (непремѣнно!) успѣлъ собрать въ свои руки значительное ихъ количество и передалъ ихъ Англіи въ обмѣнъ на островъ Гельголандъ; но дѣло въ томъ, что объ уступки острова ничего еще не слышно. Зато слышно, что Англія теперь начинаетъ переходить отъ Франціи къ Германіи, находя, что шаткое политическое положеніе первой дѣлаетъ ее не довольно надежнымъ союзникомъ. Замѣтно, что англичане все менѣе и менѣе церемонятся съ французами въ Египтѣ, все ограничивая участіе Франціи въ управленіи завоеванною ими страною; даже недавно столь пылкій партизанъ англичанъ, Гамбетта, заявилъ недавно (въ своей газетѣ „République Française“), что Англія отказывается отъ союза съ Франціей въ египетскомъ вопросѣ для того, чтобы одной владѣть Египтомъ.

РЕБУСЪ. Ходъ коня. Задача № 76.

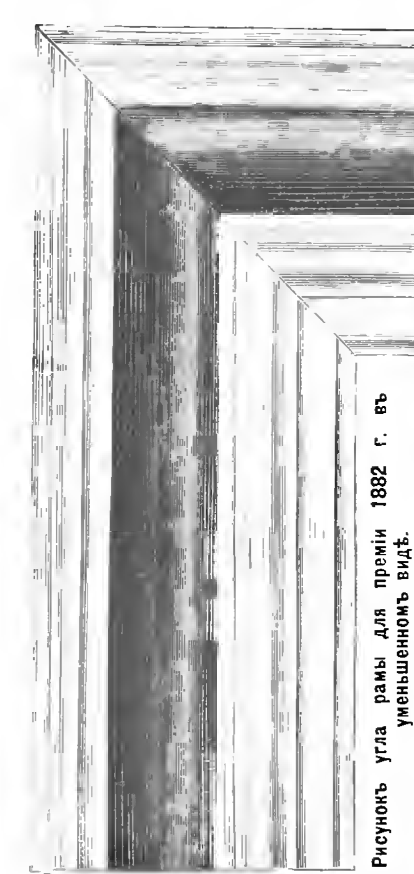
Первыя десять лицъ, которыя рѣшатъ этотъ ребусъ, получатъ каждый по одному экземпляру „Нивы“ на 1883 годъ: экземпляры будутъ распредѣлены между пятью первыми **городскими** и между пятью первыми **иногородными** отгадчиками. Рѣшеніе этаго ребуса будетъ въ № 46 „Нивы“

Рѣшенія должны быть присланы въ клѣткахъ, съ точнымъ обозначеніемъ порядка хода коня.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**



Рисунокъ угла рамы для преміи 1882 г. въ уменьшенномъ видѣ.

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ“ 1882 Г.

Вслѣдствіе желанія, выраженнаго весьма многими изъ нашихъ подписчиковъ получить премію въ рамкѣ — мы заказали **нѣсколько тысячъ** рамъ въ русско-американскомъ багетномъ и рамочномъ заведеніи г. Ч. Гофмана для преміи „Нивы“ **1882 г.**

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Золоченый багетъ этихъ рамъ, съ черно-лакированной полосой посрединѣ, имѣетъ ширины въ діаметрѣ **2**$^{1}/_{8}$ вершка, а по позолоченой сторонѣ **3** вершка (рисунокъ угла рамки изображенъ тутъ же), а вся рама имѣетъ вышины **20**$^{1}/_{2}$ вершковъ, а ширины **17** вершковъ.

Рамы сдѣланы во всѣхъ отношеніяхъ тщательно и по своему солидному размѣру и изяществу — не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Только при такомъ громадномъ заказѣ мы имѣемъ возможность такую раму **со вставленною и укрѣпленною, какъ всѣ масляныя картины, на подрамки, наклеенною на полотно** картиною, т. е. совершенно готовою для помѣщенія на стѣнѣ, предложить **за 5 рублей.**

Рамы эти можно получить уже теперь.

Гг. С.-Петербургскіе городскіе подписчики, желающіе пріобрѣсти эти рамы со вставленною картиною, благоволятъ возвращать, при требованіи рамъ, уже полученную ими картину.

Гг. **иногородные** подписчики, желающіе выписать эту раму для преміи, могутъ пріобрѣсти таковую въ четырехъ кускахъ, которые составляются на мѣстѣ прочнымъ и удобнымъ способомъ, безъ помощи столяра, съ тщательной укупоркой въ ящикѣ и пересылкой **за 9 рублей.** Гг. иногородные, желающіе пріобрѣсти такую раму, уже составленною и готовою, могутъ ее получить **въ большомъ ящикѣ только за 15 рублей,** по дороговизнѣ почтовой пересылки.

НОВОЕ
вѣрное средство противъ перхоти головы,
ДЛЯ РОЩЕНІЯ И ОСТАНАВЛИВАНІЯ ВЫПАДЕНІЯ ВОЛОСЪ,
ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ
„ЭЛЕОПАТЪ“ провизора Кинунена.

ПАССАЖЪ, № 52.

„ЭЛЕОПАТЪ“.

ПАССАЖЪ, № 52.

Главная причина выпаденія волосъ, вслѣдствіе страданія кожи и ихъ корней, лежитъ въ томъ, что накопляющееся кожное сало (Sebum), вмѣстѣ съ отдѣленіемъ потовыхъ железъ и постоянно медленно отслаивающейся верхней кожицей (эпителіемъ) образуетъ перхоть, которая препятствуетъ доступу воздуха къ корнямъ волосъ и ихъ сосочкамъ, которые неизбѣжно ослабѣваютъ (атрофируются), и волосы, достигнувъ извѣстной длины, начинаютъ сѣчься и выпадать, въ особенности у дамъ и у дѣтей до возмужалости. Та же самая причина обусловливаетъ ѣдкій потъ головы, который препятствуетъ выростанію новыхъ волосъ; потому если они и выростаютъ, то въ видѣ сухаго корыстаго пушка.

Волосы вообще растутъ почти такимъ же образомъ, какъ и ногти, въ которыхъ нижняя часть выталкиваетъ наружу верхнюю. Длина волосъ зависитъ отъ количества и качества соковъ кожи, которая служитъ имъ почвой. Потовыя железы по временамъ выдѣляютъ ѣдкій потъ и препятствуютъ правильному питанію корней волосъ, отчего они начинаютъ измѣнаться — сѣкутся и выпадаютъ. Чтобы не быть плѣшивымъ, слѣдуетъ, какъ скоро замѣчена слабость волосъ, подстригать ихъ регулярно черезъ 3 недѣли—у женщинъ обрѣзывать концы волосъ —и ежедневно примачивать волосы органическимъ Шведскимъ Бальзамомъ провизора Кинунена - „ЭЛЕОПАТОМЪ“, такъ чтобы корни волосъ были смочены и такимъ путемъ доставить нужное питаніе корнямъ волосъ.

Предпославъ вышеупомянутыя разъясненія, позволяю себѣ обратить ваше вниманіе что сохраненіе волосъ, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ немаловажныхъ заботъ всего обр[а]зованнаго міра. Всѣ до сего времени предлагаемыя средства заграничными и другими ко[сме]тиками для рощенія волосъ и противъ перхоти, за весьма немногими исключеніями, не достигаютъ своей цѣли на практикѣ, по причинѣ недостаточнаго знакомства съ мед. травами и ботаникою, вообще были предлагаемы неспеціалистами. Постоянно увеличивающимся спросомъ на Шведскій Бальзамъ провизора Кинунена обязанъ въ особенности рекомендаціямъ тѣхъ, которые его лично употребляли и удостовѣрились въ превосходныхъ его качествахъ, слѣдовательно испытанъ, одобренъ и признанъ незамѣнимымъ вѣрнымъ средствомъ для рощенія волосъ и противъ перхоти головы,—заслуживаетъ искренней благодарности всего образованнаго міра—вотъ слова и отзывы спеціалистовъ, которые Элеопатъ употребляли, благодаря единственно его составнымъ бальзамическимъ травамъ и свойствамъ спеціально для рощенія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти. Элеопатъ провизора Кинунена предохраняетъ также волосы отъ перемѣны воды, пріятно оживляетъ кожу и съ полнымъ успѣхомъ предупреждаетъ сыпи, угри, лишаи и пр. Родители и воспитатели, и друг. должны особенно обращать вниманіе на волосы дѣтей. „Элеопатъ“ при употребленіи не даетъ волосамъ спутываться, придаетъ имъ натуральный лоскъ, укрѣпляетъ корни, ростить, при этомъ же увеличиваетъ ихъ густоту. Шведскій Бальзамъ провизора Кинунена есть растительный сокъ изъ цвѣтовъ, растущихъ на сѣверной границѣ Швеціи, имѣющій свойства проникать до корней волосъ и вслѣдствіи того, безъ всякаго вреда для здоровья, исполняетъ первое условіе для рощенія и питанія волосъ. Уже тысячи обязаны единственно Элеопату своими длинными хорошими волосами. Элеопатъ въ настоящее время имѣется уже къ услугамъ публики и врачей во всѣхъ городахъ Россіи, въ лучшихъ аптекахъ, складахъ и косметическихъ магазинахъ и лабораторіяхъ. **Иногороднымъ высылается, по желанію, прямо изъ моего Депо въ С.-Петербургѣ, Пассажъ, магазинъ № 52, не менѣе 2 флакон.** за 4 руб. содержащ. 240 грам. При высылкѣ **денегъ на 3 казъ. необходимо указать слѣдующій адресъ:**

ВЪ ГЛАВНОЕ ДЕПО „ЭЛЕОПАТА“,
Пассажъ, магазинъ № 52, въ С.-Петербургѣ.

Во избѣжаніе поддѣлокъ и недоразумѣній требовать непремѣнно **ясную подпись и печать провизора Кинунена.**

Отправка и пересылка „Элеопата“ производится во всякое время года, хорошо сохраняется и исполняется немедленно и добросовѣстно. Способъ употребленія приложенъ при каждомъ флаконѣ и получилъ обширное примѣненіе въ практикѣ.

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Симъ честь имѣю увѣдомить почтеннѣйшую публику, что извѣстный мой препаратъ „Элеопатъ“ противъ перхоти головы и какъ безподобное останавливающее выпаденіе волосъ, продается оптомъ и въ розницу въ Москвѣ во всѣхъ лучшихъ аптек. и космет. магаз. а также въ Одессѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Харьковѣ, Николаевѣ, Новочеркасскѣ, Вяткѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Ростовѣ на Дону, Оренбургѣ, Тифлисѣ, Таганрогѣ, Пензѣ, Кіевѣ, Могилевѣ, Твери, Воронежѣ, Полтавѣ, Курскѣ, Ригѣ, Дубно, и во многихъ друг. городахъ Россіи и за границей. **Въ С.-Петербургѣ продается „Элеопатъ“, кромѣ Главнаго Депо**, у Штоль и Шмидта и въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами.

ПРОСЯТЬ ОБРАТИТЬ ВНИМАНІЕ НА № МАГАЗИНА 52.

ПРОСЬБА.

Всѣ загородныя требованія на „Элеопатъ“ адресовать въ Главное Депо „Элеопата“,— въ С.-Петербургѣ, въ Пассажѣ, магазинъ № 52.

Такъ какъ всякое изобрѣтеніе, пользующееся общимъ вниманіемъ и довѣріемъ, часто подвергается поддѣлкѣ, то покорнѣйше прошу почтенную публику требовать только „ЭЛЕОПАТЪ“ провизора КИНУНЕНА и точность, и надпись КИНУНЕНА, и остерегаться подражаній. — настоящій мой препаратъ называется „ЭЛЕОПАТЪ“.

Въ скоромъ времени каждый отпускной флаконъ будетъ имѣть въ стеклѣ изображенія вензеля и надписи Кинунена.

Провизоръ Кинуненъ.

ПРОСЯТЬ ОБРАТИТЬ ВНИМАНІЕ НА № МАГАЗИНА 52.

Дозволено цензурою. СПБ. 13 октября 1882 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ — № 43 — годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ 8Ъ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рисунод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 23 Октября 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Эмиль Ожье.

Имя Эмиля Ожье, конечно извѣстно каждому любителю театра; его піесы пользуются всемірною извѣстностью и среди современныхъ французскихъ драматическихъ писателей онъ по праву занимаетъ первенствующее мѣсто, котораго не могли его лишить ни самая строгая и придирчивая критика, ни нападки его многочисленныхъ враговъ изъ лагеря романтиковъ и „натуралистовъ". Эмиль Ожье одинъ изъ самыхъ любимыхъ писателей французской буржуазіи: въ его піесахъ она видитъ себя обрисованной тонкими и вѣрными штрихами, съ любовью и явнымъ сочувствіемъ. Всѣ ея лучшія мысли и чувства получаютъ здѣсь привлекательную идеальную окраску и изображая ихъ просто, естественно, безъ шумныхъ, трескучихъ эффектовъ авторъ положилъ основаніе новаго драматическаго пріема —получившаго уже право гражданства на французской сценѣ —спокойнаго, безпристрастнаго изображенія.

Эмиль Ожье. Съ фотогр. грав. Браунъ.

Эмиль Ожье родился въ 1820 году въ Валенсѣ; воспитывался же въ Парижѣ, въ лицеѣ Генриха IV, гдѣ свелъ знакомство съ герцогомъ Омальскимъ, у котораго служилъ впослѣдствіи библіотекаремъ. На поприщѣ драматическаго писателя Эмиль Ожье вступилъ довольно рано и на двадцать четвертомъ году написалъ уже замѣчательную піесу въ классическомъ направленіи „La ciguë" явное подражаніе „Лукреціи" Понсара.

Піеса была представлена въ 1844 году на театрѣ Одеона и имѣла значительный успѣхъ, увлекая зрителей какъ прекрасными, звучными стихами, такъ и самымъ сюжетомъ, въ которомъ талантливо обрисовывалось нравственное перерожденіе человѣка силой высокой любви женщины, любви, доходящей до самоотверженія. Послѣ успѣховъ въ Одеонѣ Ожье открылись двери и Французской Комедіи, на сценѣ которой онъ вскорѣ по-

ставилъ свои извѣстныя произведенія „L'Aventurière“ и „Габріель“.

Въ этихъ пьесахъ молодой писатель уже является полнымъ сторонникомъ буржуазіи, ярко выставляя ея свѣтлыя стороны какъ-бы въ контрастъ недостаткамъ и нравственнымъ петугамъ другихъ классовъ. Тогда-же, подъ вліяніемъ все еще господствующаго тогда классическаго направленія, Ожье поставилъ на сцену своего „Флейтщика“ — пьесу съ сюжетомъ изъ античной жизни и трехактную оперу „Сафо“, музыку къ которой сочинилъ Гуно. Затѣмъ слѣдовала драма „Діана“ написанная спеціально для Рашели, въ которой эта великая артистка играла главную роль. Въ эту-же эпоху т. е. въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, въ талантѣ Ожье замѣчается уже строго опредѣленное направленіе: онъ является живописцемъ современнаго общества, бичуя его пороки своей мѣткой, острой, безпощадной сатирой. Въ это-то именно время его направленіе и было названо романтиками, какъ бы въ насмѣшку „школой здраваго смысла“. Такое названіе, конечно, лучшая похвала этимъ пьесамъ живымъ, бойкимъ, вполнѣ естественнымъ и жизненнымъ картинамъ современныхъ нравовъ. Въ своемъ новомъ направленіи Эмиль Ожье написалъ цѣлый рядъ пьесъ, вообще имѣвшихъ постоянный успѣхъ и изъ которыхъ самыя извѣстныя „Le gendre de M. Poirier“ (1854), „Le mariage d'Olympe“, „Les effrontés“, „Le fils de Giboyer“, „Les Fourchambault“. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Эмиль Ожье затронулъ самые живые и жгучіе вопросы какъ общественной нравственности такъ и политики и обрисовалъ современные пороки смѣлыми штрихами, не давая имъ ни поблажки, ни снисхожденія. Неудивительно, что его ѣдкая, суровая сатира не пришлась по вкусу и нѣкоторыя его пьесы возбуждали цѣлыя бури въ лагерѣ его многочисленныхъ противниковъ. Но всѣ эти жалобы послѣднихъ не могли подорвать популярности Ожье; публика по прежнему ломилась въ театры, чтобы смотрѣть его пьесы и даже самая академія—этотъ строгій ареопагъ—не осталась равнодушной къ выдающемуся таланту: въ 1858 г. 28 января она выбрала Ожье въ свои члены и тѣмъ какъ-бы признала его высокія заслуги и значеніе какъ драматическаго писателя составляющаго гордость современнаго французскаго театра.

Бѣлый сатана.

Повѣсть **Н. К. Лебедева.**

> Дѣла давно минувшихъ дней...
> **Пушкинъ.**

I.

Болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ губернскій городъ N—скъ, расположенный на правомъ, нагорномъ берегу Волги, представлялъ мизерный и патріархальный пріютъ, чуждый и замкнутый отъ всего остальнаго міра уголокъ. Повидимому N—скъ не хотѣлъ и не желалъ знать примѣровъ, подаваемыхъ ему другими приволжскими городами и разъ уложивъ свой образъ жизни въ извѣстныя и опредѣленныя рамки, не допускалъ мысли, чтобы когда нибудь и что нибудь заставило его раздвинуть таковыя и пойдти другимъ путемъ. Петербургъ и Москва казались жителямъ N—ска чѣмъ-то столь отдаленнымъ и недосягаемымъ, что большинство ихъ было непреложно убѣждено, что мирно окончитъ свои дни, такъ и не повидавъ обѣихъ русскихъ столицъ: Нижній и Казань, отстоящіе отъ N—ска на 400 — 500 верстъ, описывались побывавшими въ этихъ городахъ чѣмъ-то въ родѣ Парижа и Лондона. Многіе годы все жило въ N—скѣ, не измѣняясь: чиновники сидѣли на своихъ мѣстахъ по нѣскольку десятковъ лѣтъ; большинство обитателей оставляло занимаемое ими жилище только тогда, когда жилище становилось до того ветхимъ, что дальнѣйшее пребываніе въ немъ являлось небезопаснымъ, или-же когда оно сгорало вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Свадьбы, похороны, крестины составляли событія, о которыхъ толковали по нѣскольку дней: постояннаго театра не было: поставленная заѣзжею изъ Казани труппой въ залѣ дворянскаго собранія—*первая часть* „Лесты, днѣпровской русалки“ свела жителей съ ума, такъ что многіе отцы семействъ, забывъ свою солидность, долго потомъ простирали руки, какъ-бы призывая кого-то въ объятія и закатывая при этомъ глаза, взывали на манеръ несчастной Лесты, покинутой Видомановъ:

Приди въ чертогъ ко мнѣ златой,
Приди, о, князь ты мой драгой!

Находясь-же въ день полученія жалованья въ болѣе легкомысленномъ настроеніи, разнимали вошедшихъ въ состязаніе съ кухарками своихъ супругъ игривой каватиной тара-бара:

Полноте вздорить, идите плясать.
Бросьте-же вздоры, примитесь скакать!

Замѣтимъ, что другіе города по Волгѣ, какъ Нижній, Казань, Саратовъ уже въ то время представляли нѣчто болѣе жизненное, дѣятельное и доступное измѣненіямъ въ складѣ жизни, вслѣдствіе своего положенія на торговыхъ путяхъ, равно какъ и вслѣдствіе болѣе удобныхъ пристаней, чѣмъ въ N—скѣ. Пароходовъ тогда еще на Волгѣ не было: первые четырехтрубные пароходы съ баржами появились въ N—скѣ, приплывъ снизу, нѣсколько позднѣе. Ходили разныя суда.—росшивы, барки, досчаники, косовуши, бѣляны, коноводныя, о которыхъ въ настоящее время, если не о всѣхъ, то о многихъ, на Волгѣ позабыли. Бурлачество было въ полномъ разцвѣтѣ. Пристань въ N—скѣ, вслѣдствіе нагорнаго положенія города и невозможныхъ подъемовъ на гору, гдѣ и былъ собственно расположенъ городъ, была самая скромная. Все это оставляло въ сторонѣ отъ общаго біенія жизни N—скъ, — этотъ чуждый и замкнутый отъ остальнаго міра уголокъ.

Для полноты и ясности разсказа слѣдуетъ прибавить, что улицы N—ска были въ то время не мощены, вслѣдствіе чего осенью представляли нѣчто положительно непроходимое и только съ величайшимъ трудомъ переѣзжаемое. Такое неудобство сообщенія усиливалось существованіемъ на однѣхъ главныхъ улицахъ и полнѣйшимъ отсутствіемъ въ переулкахъ и отдаленныхъ частяхъ города, темно горящихъ и рѣдко разставленныхъ фонарей. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства жители N—ска при своихъ позднихъ передвиженіяхъ по городу запасались ручными фонарями, которыми освѣщали себѣ путь не только пѣшеходы, но и ѣдущіе на безконечной длины линейкахъ, съ болтающимися на ремняхъ подножками. Въ послѣднемъ случаѣ отцы семействъ простирали руку вооруженную фонаремъ далеко впередъ и старались полосою свѣта сколько нибудь облегчить возницѣ управленіе лошадью по извѣстному пути. Такой пріемъ предохранялъ отъ возможности свалиться въ наполненную грязной водой выбоину или канаву, равно какъ и наѣхать на заборъ, запертую калитку или-же на встрѣчнаго, невооруженнаго фонаремъ, возницу.

II.

Въ гости тѣмъ не менѣе ѣздили, хотя въ осеннее время постоянно старались раньше вернуться домой: какъ оно ни пріятно быть въ гостяхъ, а спокойнѣе дома, когда все на запорѣ, на дворѣ заливается до хрипоты Шарикъ, мирно чикаютъ часы и сонъ смежаетъ усталыя вѣки. Иной разъ, конечно, можно увлечься пріятной бесѣдой, какъ это и случилось съ протоіереемъ Мизерандовымъ, посѣтившимъ вечеромъ 26-го сентября 1849 года своего духовнаго сына, секретаря думы, Пресноположенскаго, случившагося въ этотъ день именинникомъ, ибо звали его Иваномъ. Отецъ Мизерандовъ, человѣкъ одинокій и вдовый, лѣтъ сорока пяти, чистый лицомъ, съ рыжевато-золотистыми вьющимися волосами, въ лиловой люстриновой рясѣ, — былъ единственнымъ вечернимъ гостемъ Пресноположенскаго. Большинство побывало утромъ, на пирогъ и къ четыремъ часамъ, хозяинъ съ супругой, утомленные пріемомъ, погасили огни и легли отдыхать. Только что сонъ началъ было овладѣвать ими, какъ около шести часовъ въ парадную дверь застучалъ чей-то увѣсистый кулакъ: полусонная прислуж-

ница съ сальнымъ оплывшимъ огаркомъ, шлепая стоптанными башмаками, неслышно направилась въ прихожую, но безъ освѣдомленія о томъ, кто стучитъ, не подняла съ петли крюка. Только признавъ по голосу въ стучащемъ своего духовнаго отца, спала со строгаго тона и съ стыдливымъ возгласомъ: „ахъ-съ!" поспѣшила отперетъ и начала усердно разоблачать о. Мизерандова отъ облекающихъ его верхнихъ одеждъ, пропитанныхъ по осеннему времени сыростью.

Немудрено, что только что думавшіе отдохнуть хозяева, поднятые неожиданнымъ гостемъ, появились въ окрашенномъ желтою краскою зальцѣ, съ разставленными по стѣнамъ стройнымъ рядомъ плетеными стульями, съ часами, на бѣломъ циферблатѣ которыхъ была нарисована ярко-малиновая роза,—появились отъ прерваннаго въ разцвѣтѣ сна нѣсколько тугими на разговоръ: обмѣнялись привѣтствіями, спросили что-то о погодѣ и затѣмъ смолкли. Марья Ивановна Присноположенская, дама лѣтъ тридцати, худая и болѣзненная, близорукая отъ рожденья, присѣла было на одинъ изъ стульчиковъ, но вскорѣ вскочила и отправилась, какъ-бы по хозяйству, оставивъ супруга своего, человѣка вообще очень разговорчиваго, любящаго подвыпить и въ этомъ состояніи дѣйствительно краснорѣчиваго (безъ соблюденія однакожъ вѣроятности сообщаемыхъ имъ о себѣ фактовъ) удалилась, предоставивъ супругу занимать гостя, который, усѣвшись, поглаживалъ бороду и довольно упорно безмолствовалъ. На этотъ разъ Присноположенскій, довольно изрядно угостившійся на пирогѣ, ощущалъ нѣкоторую неясность мысли, а потому первое время своего сидѣнья вдвоемъ съ нежданнымъ гостемъ, ограничивался только тѣмъ, что прерывалъ свое молчаніе усиленнымъ сморканьемъ и откашливаньемъ. Тѣмъ временемъ прислужница, приведшая въ порядокъ свой туалетъ, внесла въ залъ двѣ только что зажженныхъ сальныхъ свѣчи, замѣнивъ таковыми поставленный ею въ попыхахъ оплывшій сальный огарокъ. Въ залѣ стало посвѣтлѣе и собесѣдникамъ представилась возможность нѣсколько разнообразить свое молчаніе тѣмъ, что по очереди вставать съ своихъ мѣстъ, подходить къ столу, гдѣ стояли свѣчи, снимать съ нихъ нагаръ, нѣсколько поправлять свѣтильню и затѣмъ отдаваться прерванному было на время занятію, заключающемуся для гостя въ медленномъ поглаживаньи бороды, для хозяина въ кашляніи и громогласномъ сморканіи.

Понимая нѣкоторую тяжесть такого времяпрепровожденія, Марья Ивановна какъ-то особенно заспѣшила распредѣленіемъ времени. Дама вообще разсчетливая, она приготовила закуску въ количествѣ разсчитанномъ ровно на двоихъ и вскорѣ появилась въ сопровожденіи несущей подносъ прислужницы. Поставивъ закуску на столъ, Марья Ивановна оправила тарелки, на одной изъ которыхъ лежалъ пятокъ ревельскихъ килекъ, на другой—три соленыхъ груздя, а на третьей—миніатюрная голландская сельдь, приправленная уксусомъ и рѣпчатымъ лукомъ и попросила батюшку:

— Пожалуйте, батюшка, чѣмъ Богъ послалъ, поздравьте именинника.

Отецъ Мизерандовъ погладилъ бороду, всталъ съ занимаемаго имъ мѣста, взялъ налитую рюмку и чокнулся съ хозяиномъ. И вотъ послѣ этой первой рюмочки бесѣда какъ-бы немного оживилась, въ особенности когда вслѣдъ за первой пропустили по второй, потомъ по третьей, причемъ настояли, чтобы и Марья Ивановна пригубила, хоть вишневочки, въ виду того, что отъ водки дама эта съ рѣшительной энергіей отказалась. Разговоры сдѣлались оживленнѣе: Марья Ивановна разсказала о метеорѣ, пролетѣвшемъ какъ-то въ Воронежѣ и описанномъ въ N—скихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, причемъ нѣсколько разъ повторила слова: сѣверо-западъ, не западъ; о. Мизерандовъ распространился на счетъ незадолго передъ тѣмъ описаннаго въ „Сѣверной Пчелѣ" занятія столоверченіемъ въ Америкѣ, а хозяинъ, незамѣтно для жены и гостя успѣвшій пройдтись по четвертой, сообщилъ уже нѣчто совершенно невозможное изъ воспоминаній своей собственной юности. Отецъ его, разсказалъ онъ, былъ управляющимъ въ Новодѣвичьи, имѣньи графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской. И вотъ, будто-бы, будучи еще совершеннымъ мальчишкой, онъ, Присноположенскій, скакалъ однажды на лошади, которою не смогъ править и лошадь во весь карьеръ понесла его по деревнѣ къ какимъ-то низенькимъ воротамъ. Онъ не успѣлъ пригнуться къ сѣдлу, какъ лошадь внеслась подъ ворота, причемъ его голова, пришедшаяся надъ перекладиной, отъ напора этой послѣдней, какъ ему будто бы показалось, отрѣзалась отъ туловища, перелетѣла черезъ перекладину, на лету подмигивая какой-то крестьянкѣ, вытаращившей на такое странное явленіе глаза и разинувшей ротъ,—и перелетѣвъ, сѣла на оставленную ею незадолго передъ тѣмъ шею и приросла къ таковой. На этотъ разсказъ, Марья Ивановна слегка усмѣхнулась, а о. Мизерандовъ, сказавъ, что чего на свѣтѣ не бываетъ, во избѣжаніе повтореній подобной странной лжи со стороны своего духовнаго сына, всталъ и началъ прощаться: время, дескать, осеннее, темное, пора и до дому. Со стороны хозяевъ была сдѣлана слабая попытка унять гостя, на которую впрочемъ послѣдній не поддался, распрощался и сопровождаемый до передней хозяевами, а затѣмъ, въ темнотѣ осенняго вечера — прислужницей со свѣчею на крыльцо, отъѣхалъ, погрузясь въ грязь, сырость и темноту беззвѣздной ночи.

III.

Былъ уже десятый часъ. Первое время путешествія о. Мизерандова прошло совершенно благополучно и какъ для него, такъ и для возницы, совершенно безмятежно: о. Мизерандовъ кажется задремалъ съ благодушной мыслью о только что покинутыхъ имъ любезныхъ хозяевахъ: возница, пономарь Прокофій, рябой и косоглазый, мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то пѣсенку, клевалъ носомъ и предоставилъ лошади везти по ея собственному произволу, только слегка потрогивая вожжами. Дорога предстояла дальняя: церковь Іоанна Предтечи, около которой проживалъ о. Мизерандовъ, отстояла отъ дома Присноположенскихъ на значительномъ разстояніи, находясь на другомъ концѣ города, возлѣ оврага, по дну котораго протекалъ ручей, а по скатамъ ютились какія-то лачужки. Проѣхавъ четверть пути по густой и вязкой грязи, въ которой порядочно таки вязли колеса, лошадь, не побуждаемая болѣе возницей, сочла за лучшее предаться тому блаженному состоянію, въ которомъ находились оба сѣдока и по этому преспокойно остановилась и понурила голову, какъ-бы намѣреваясь въ свою очередь немного подремать. Царствовала страшная темнота: то были улицы и переулки, въ которыхъ не зажигали даже и тѣхъ полутемныхъ и рѣдко разставленныхъ фонарей, которыми освѣщались центральныя части города; съ неба не свѣтило ни единой звѣздочки: изъ домовъ, наглухо закрытыхъ ставнями, не пробивался ни одинъ лучъ, по той простой причинѣ, что всѣ жители N—ска въ этотъ часъ уже предавались отдохновенію и видѣли далеко не первый послѣ плотнаго ужина сонъ. Заснувшій богатырскимъ сномъ на своихъ козлахъ возница не замѣтилъ остановки лошади, но сладостно задремавшій было о. Мизерандовъ, отъ сообщеннаго остановкою экипажа нѣкотораго толчка, широко открылъ глаза и, понявъ въ чемъ дѣло, началъ будить Прокофія, что оказалось не такъ-то легко. На поталкиванія батюшки Прокофій упорно не поддавался, отмахиваясь отъ его докукъ и сердито ворча: да, ну те! не мѣшай! ишь привязалси! а затѣмъ, наконецъ, широко и безсмысленно открылъ глаза, утративъ признаки какого-либо соображенья о времени и мѣстѣ, понявъ только, что его будитъ батюшка, нѣсколько почтительнѣе, хотя и сурово, освѣдомился:

Литературный альбомъ. „Миньона“ („Вильгельмъ Мейстеръ“, Гёте). Съ картины Бертье, грав. А. Лерай.

— Аль звонить?.. Вотъ заспался-то?..

И сдѣлалъ попытку спуститься съ козелъ въ густую грязь, вѣроятно полагая, что онъ не на козлахъ, а на постели, съ которой слѣдуетъ встать, чтобы пойдти на колокольню и прозвонить къ заутрени. Долго и усердно будившій до сихъ поръ Прокофія о. Мизерандовъ, достигнувъ въ этомъ отношеніи чего-то въ родѣ успѣха, вдругъ позабылъ обо всемъ происходящемъ и,—пройдя молчаніемъ безсмысленный вопросъ предложенный ему возницей, равно какъ и то обстоятельство, что этотъ послѣдній началъ слѣзать съ козелъ въ густую по колѣна грязь, смолкъ охваченный какимъ-то ужасомъ, сдѣлался нѣмъ и безгласенъ. Его молчаніе отозвалось на Прокофьѣ довольно своеобразно. Спустившись съ козелъ въ густую грязь въ полусонномъ состояніи, Прокофій моментально позабылъ все только что происшедшее, подумалъ, что онъ не на улицѣ, не слѣзъ съ козелъ въ грязь, а у себя дома, на мягкой перинѣ, на которой, уставъ лежать на одномъ боку, будто-бы перевернулся на другой. Прокофій улегся около колесъ въ грязи и тотчасъ-же захрапѣлъ такимъ богатырскимъ сномъ, отъ котораго его было не легко разбудить. Тихимъ, упавшимъ голосомъ, батюшка сдѣлалъ было такую попытку:

— Прокофій, а Прокофій,— но Прокофій былъ невидимъ и безгласенъ, да и батюшка чувствовалъ, что языкъ коснѣетъ у него отъ ужаса и ограничился только тѣмъ, что прошепталъ:

— Съ нами крестная сила... Господи спаси и помилуй!

Дѣйствительно, было страшно. Въ концѣ длинной перспективы темной улицы, отъ самаго того мѣста, гдѣ находилось кладбище Всѣхъ Святыхъ, шло колоссальное привидѣніе, одѣтое въ бѣлый саванъ, шло, освѣщая себѣ путь, двумя круглыми, огненными глазами, напоминающими фонари. Холодъ, предсмертный холодъ, окоченилъ батюшку; разстояніе, отдѣляющее ужасное привидѣніе отъ него, уменьшалось съ каждою минутой. Къ довершенію ужаса до сихъ поръ недвижно стоящая лошадь, вѣроятно выведенная изъ своего дремотнаго состоянія блескомъ приближающихся огненныхъ глазъ, очень похожихъ на каретные съ круглыми стеклами фонари, вдругъ двинулась съ своего мѣста и потащила батюшку, не задѣвъ при этомъ валяющагося въ грязи спящаго Прокофія, — потащила на встрѣчу привидѣнію! Теряя сознаніе, батюшка усмотрѣлъ невдалекѣ отъ себя полуторасаженное существо, одѣтое въ бѣлый саванъ, изъ подъ котораго виднѣлись ничѣмъ непокрытыя кости скелета. Громадные, огненные глаза, какъ мелькнуло батюшкѣ, вставлены были въ глазныя впадины черепа, на беззубой нижней челюсти котораго моталась полусаженная черная борода... Затѣмъ все одѣлось въ глазахъ батюшки туманомъ и онъ потерялъ сознаніе.

Вѣроятно его обморокъ продолжался долго, ибо когда наконецъ батюшка открылъ глаза, то брезжило слабое, сѣрое утро. Лошадь стояла, уткнувшись въ ворота домика, въ которомъ жилъ о. Мизерандовъ, благополучно сидящій на тарантасѣ, съ судорожной силой, ухватившись за козлы, на которыхъ Прокофія не было. Отецъ Мизерандовъ отеръ холодный потъ, покрывавшій его лобъ, съ нѣкоторою робостью осмотрѣлся на слабо освѣщенные осеннимъ разсвѣтомъ домики, на церковь Іоанна Предтечи, въ окнахъ которой мерцали кое гдѣ горящія всю ночь передъ иконами лампады. Всё еще спало, и, конечно, нигдѣ, ни вблизи, ни вдали,—не было видно никакого привидѣнія. Но вѣдь это не былъ сонъ!—и перекрестившись, о. Мизерандовъ слѣзъ съ тарантаса и началъ стучать въ ворота, рѣшившись до поры, до времени обо всемъ случившемся съ нимъ никому не говорить. Какъ дескать дальнѣйшее покажетъ! Хотя онъ и былъ убѣжденъ, что страшное привидѣніе не сонъ, а все же... Какъ знать? Различныя затмѣнія ума случаются!..

IV.

Прокофій вернулся только къ началу поздней обѣдни; звонила за него не совсѣмъ складно и ладно, безъ обычныхъ, свойственныхъ его опытной рукѣ переливовъ, работница Степановна, превратившая легкій воскресный звонъ Прокофья въ нѣчто величественно-мѣрное и положительное. Очистившись отъ грязи, въ которой спать оказалось необыкновенно тепло и по малой ѣздѣ совершенно безопасно, Прокофій съ пучкомъ восковыхъ свѣчей въ рукахъ прошелъ въ алтарь, гдѣ батюшка приготовлялся начать обѣдню. Въ иное время онъ бы строго внушилъ Прокофію относительно легкомыслія его ночнаго поведенія, но въ виду испытанныхъ имъ самимъ страховъ, рѣшился выговоръ отмѣнить, и только слегка попытать Прокофія, не видѣлъ-ли, молъ, и онъ чего нибудь подобнаго тому, что довелось увидѣть самому батюшкѣ? Поэтому, благословляя Прокофія, батюшка сдержанно освѣдомился.

— Благополученъ?

— Слава Богу, батюшка. Вы вотъ какъ? Уже виноватъ: сонъ мой—врагъ мой.

Отецъ Мизерандовъ потупилъ глаза.

— Всѣ слабы, всѣ человѣки,—сказалъ онъ и прибавилъ о себѣ:— доѣхалъ по немногу. О тебѣ дума была.

И вернулся къ занимающему его вопросу, пытливо смотря въ глаза Прокофія:

— Ну, и ничего?

— Ничего-съ.

— Такъ таки *ровно* ничего?

— Въ грязцѣ маленько попачкался... это точно, а то всё, какъ есть на своемъ мѣстѣ.

— Такъ, такъ. Ставь свѣчи.

Дивясь и недоумѣвая въ душѣ, что Прокофію всё обошлось благополучно, отецъ Мизерандовъ кончилъ допросъ и приступилъ къ служенію обѣдни. Усердно крестясь и благодаря Бога за то, что батюшка отнесся столь милостиво къ проступку его, Прокофій занялъ свое обычное мѣсто у свѣчей.

Церковь, не смотря на Воскресный день, была почти пуста. Въ сумеркахъ осенняго дождливаго утра и кадильнаго дыма жалось по стѣнкамъ нѣсколько женскихъ фигуръ, да какой-то мужичонка въ нагольномъ тулупѣ умаливался, стоя неподалеку отъ входныхъ дверей. Семинаристъ философскаго класса Шиховъ, высокій и краснощекій малый, съ русыми кудрями, голубыми съ меланхолическимъ выраженіемъ глазами, съ необыкновенно маленькимъ носикомъ при широкомъ и толстомъ лицѣ,—исполнялъ обязанности клира, вставляя по временамъ въ пѣтые имъ нумера довольно произвольныя ферматы и октавы, то рокоча низкими басовыми нотами, то нѣжа слухъ мягкимъ баритономъ, взлетающимъ легкой гаммой до высокихъ теноровыхъ нотъ. Всё шло обычнымъ порядкомъ, исключая о. Мизерандова, со стороны котораго на этотъ разъ было замѣтно какъ-бы нѣкоторое невниманіе къ совершаемому имъ священнодѣйствію, выражающееся въ запаздываніи, а иногда даже несвоевременности произнесенія того или другаго возгласа постановленнаго церковнымъ уставомъ. Было также замѣтно нѣкоторая разсѣянность въ качаніи кадиломъ, переходящемъ по временамъ въ мотаніе.

Впрочемъ къ концу обѣдни всё это сгладилось и стало незамѣтнымъ. Отецъ Мизерандовъ усердно помолился, какъ и слѣдуетъ доброму христіанину, за благополучный исходъ вчерашняго приключенія, не въ силахъ будучи разгадать которое, порѣшилъ постараться о немъ забыть и во всякомъ разѣ не особенно разглашать его по городу, чтобы не привести въ смущеніе умы жителей N-ска.

Удалившись по окончаніи службы изъ церкви, наказавъ философу Шихову зайти къ нему, какъ только тотъ съ Прокофіемъ приберутъ церковь, батюшка вернулся домой, куда въ его отсутствіе прибыла всѣми чтимая

помѣщица Черноруцкая, одна изъ крупнѣйшихъ прихожанокъ Іоанна Предтечи и духовная дочь о. Мизерандова. Дама эта пріѣхала въ помѣстительной долгушѣ, сопровождаемая двумя приживалками,—„дурой“ съ собаченкой и лакеемъ. Приживалки ввели Черноруцкую въ квартиру отца Мизерандова подъ руки, и тотчасъ-же усадили её на диванъ, причемъ лакей подостлалъ подъ ея ноги всюду возимый съ собою коврикъ; „дура“ съ собачкой остались, изъ уваженія къ о. Мизерандову, ожидать возвращенія своей госпожи въ экипажѣ. Госпожа Черноруцкая, дама лѣтъ пятидесяти, съ круглыми, блѣдноцвѣтными глазами, съ расплывающимся носомъ и двухъ-этажнымъ подбородкомъ, какъ сѣла на диванъ, немедленно занялась придумываніемъ какихъ нибудь приказаній то той, то другой изъ приживалокъ:

— Поди, — говорила она одной, спроси работницу, звонили-ли Достойную?

— Посмотри, — приказывала другой, не идетъ-ли батюшка?

Или къ лакею:

— Игнашка, сходи и посмотри, не сердитъ-ли Дунька Бижушку.

Приживалки спѣшили исполнить приказаніе. Госпожа зорко осматривала батюшкину зальцу и усмотрѣвъ въ таковой какой либо безпорядокъ, громогласно звала работницу:

— Степановна!

Приживалки, низенькія старушки, въ капорахъ и люстриновыхъ салопчикахъ на ватѣ съ длинными капюшонами и черными бархатными воротниками, которые онѣ почему-то не сняли, приходили въ движеніе:

— Степановна! Степановна! иди, миленькая, скорѣй! или не слышишь: сама кликала.

Тогда Степановна, наскоро вытирая фартукомъ руки, появлялась передъ строгіе очи Черноруцкой.

— Плохо свои обязанности исполняешь. Риза на Спасѣ-то когда чищена? забыла Бога-то? А?

Степановна, что-то лепечущая въ оправданіе, слышитъ около укоризненные возгласы старушекъ:

— Ахъ, Степановна! ахъ, миленькая! да, какъ же это ты? да, что-же это ты?

Сдѣлавъ выговоръ, Черноруцкая отпускаетъ:

— Поди: исполняй свои обязанности лучше, здѣсь не хлѣвъ, мой другъ.

Передъ отцемъ Мизерандовымъ почтенная старушка приподнялась, какъ почтительная духовная дочь и подошла подъ благословеніе. Отецъ Мизерандовъ выразилъ прежде всего своей духовной дочери удовольствіе видѣть ее въ его скромномъ помѣщеніи, а затѣмъ освѣдомился отчего, вопреки обыкновенію, не видѣлъ её за обѣдней, на что госпожа Черноруцкая, опускаясь на диванъ, съ горячностью и волненіемъ дала такой отвѣтъ:

— Не до того, отецъ, не до того было. Цѣлую ночь не сомкнула отъ страха глазъ. Знаешь-ли, какой страхъ со мной вчерась приключился? Съ нечистой силой встрѣтилась!

Вонъ оно что! О. Мизерандовъ навострилъ уши:

— Съ нечистой силой?

— Ну, да, съ ней самой.

Отъ одной мысли о нечистой силѣ госпожѣ Черноруцкой стало жарко: она развязала ленты шляпы и расколола шаль.

— У Казаматовыхъ вчера на именинахъ была, отецъ, и запоздала. Ѣду домой, а со мной только дура отъ скуки была взята,—да кучеръ.—Ѣду по Московской и представь ты себѣ, догоняетъ насъ непремѣнно ужъ сатана,—не черный понимаешь, а бѣлый сатана.

Вонъ оно куда пошло! о. Мизерандовъ боялся проронить изъ разсказа Черноруцкой слово и только пролепеталъ, продолжая стоять передъ нею:

— Бѣлый-съ?

— Что-жъ удивился-то? Есть вѣдь бѣлый сатана, Аграфена?

Одна изъ старушекъ, носящая такое имя, поспѣшила отвѣтомъ:

— Есть, матушка, есть.

— Какъ, бишь, звать-то?

— Ергемотомъ звать, такъ старинные люди сказывали. Бѣсъ озорной.

— Озорной и есть,—подхватила Черноруцкая,—послушай-ка, отецъ, чего онъ съ нами-то подѣлалъ. Ергемота этого и крестомъ говорятъ не отогнать. Ноги у него козлиныя, глазищи огненные, величиной съ полоскательную чашку,—въ бородѣ... Нагналъ онъ насъ, да какъ гаркнетъ кучеру: стой!—Я тутъ.—да потомъ оказалось и дура съ кучеромъ,—чувствъ лишились, когда же опамятовались—Ергемота ужъ не было. Доѣхали домой и чтобы ты думалъ сдѣлалъ съ нами этотъ бѣлый сатана?

— Недоумѣваю, сударыня.

— Представь: вотъ я была въ этой самой лиловой шляпѣ съ палевымъ перомъ. Дура платкомъ покрыта, а кучеръ, Филька, въ красной папахѣ съ бѣлой мерлушкой. И чтобы ты думалъ, отецъ, пріѣхали домой и видимъ, я въ Филькиной папахѣ на бекрень, Филька—въ моей бархатной шляпѣ, а Дунька въ колпакѣ изъ синей сахарной бумаги. Представь: такой маскерадъ учинить! просто срамота.

— Срамота, сударыня, это точно.

Пораженный слышаннымъ, о. Мизерандовъ все еще продолжалъ стоять передъ госпожей Черноруцкой. Такъ это не сонъ? Не затмѣніе умственное? копошилось въ его головѣ. Стоявшая у дверей прихожей Степановна, слушала интересный разсказъ, заинтересованная сверхъестественностью повѣствованія. Приживалки разинули рты, обмѣниваясь другъ съ другомъ какими-то пантомимами. Окончивъ разсказъ, госпожа Черноруцкая съ нѣкоторымъ азартомъ нарушила господствовавшее вокругъ нея молчаніе:

— Да, что-же ты, отецъ, обратилась она къ Мизерандову, стоишь, а не сядешь? Я не сейчасъ уѣду, хоть мнѣ и во многія мѣста надо. Садись. Аграфена, сбѣгай къ Дунькѣ: я увѣрена, что она сердитъ Бижушку.

Одна изъ старушекъ вылетѣла вихремъ изъ комнаты. Отецъ Мизерандовъ опустился въ прежнемъ молчаніи на стулъ.

V.

Такъ какъ день былъ праздничный, то Шиховъ, какъ только окончилась обѣдня, вознамѣрился, зайдя на минуту къ батюшкѣ, сдѣлать пѣшкомъ по непроходимой грязи одинъ визитъ, къ которому готовился уже нѣсколько дней. Еще наканунѣ онъ собственноручно выгладилъ себѣ до невозможности накрахмаленную манишку съ стоячими до половины щекъ полисонами, вычистилъ на подобіе зеркала ваксой сапоги, досталъ изъ сундука, купленную по случаю, жилетку свѣтло-синяго венеціанскаго бархата съ ярко изумрудными полосками, какъ-бы перевитыми золотой тесьмой, коричневый сюртукъ съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и песочнаго цвѣта панталоны. Всё это, расправленное и старательно вычищенное, было надѣто теперь на Шиховѣ и скрыто въ продолженіи обѣдни подъ безобразной шинелью съ длиннѣйшимъ, чуть не до колѣнъ капюшономъ. Впрочемъ приготовленія къ нынѣшнему дню начались еще гораздо раньше. Цѣлую недѣлю, возвращаясь изъ семинаріи на квартиру, нанимаемую у одной почтенной старушки въ сообществѣ съ другими философами, однимъ богословомъ и риторомъ,—украдкой отъ товарищей—Шиховъ клеилъ маленькій альбомчикъ, украшая его съ помощью серебряной бумаги-муаръ и узенькаго золотаго бордюра такъ, что по его мнѣнію, ничего болѣе изящнаго въ этомъ родѣ

придумать было невозможно. Склеивъ альбомъ, Шиховъ, каллиграфически прописнымъ почеркомъ начерталъ въ немъ одно небольшое стихотвореніе, гдѣ-то имъ вычитанное и заученное наизусть:

Марія, другъ неоцѣненный,
Къ тебѣ стремятся всѣ мечты!
Ты—идеалъ мой вдохновенный
Ты—чудо, диво красоты!

И подмахнулъ это четверостишіе подписью: „неизвѣстный" съ росчеркомъ, извивами линій изображающимъ двухъ цѣлующихся голубковъ. Идя къ обѣднѣ, этотъ альбомчикъ былъ завернутъ въ чайную розовую бумагу и засунутъ въ боковой карманъ сюртука.

Какъ только Шиховъ окончилъ уборку различныхъ церковныхъ принадлежностей, онъ скользнулъ съ клироса, путаясь въ своей длиннополой шинели и намѣреваясь поскорѣе покончить съ посѣщеніемъ батюшки. Госпожа Черноруцкая не долго засидѣлась у о. Мизерандова, движимая желаніемъ распространить по городу происшедшее съ нею приключеніе, такъ что когда Шиховъ зашелъ къ батюшкѣ, она только что отъѣхала, нѣжно гладя оставляемую ею на попеченія „дуры" Бижушку. Степановна, встрѣтившая Шихова въ сѣняхъ, разсказала ему о встрѣчѣ госпожи Черноруцкой съ бѣлымъ сатаной, и о. Мизерандовъ, когда Шиховъ вошелъ въ залъ, съ задумчивымъ видомъ и съ нѣкоторою грустью въ голосѣ встрѣтилъ его вопросомъ:

— Слыхалъ, что дѣлается-то?

— Что-съ?

— Говорю о сатанѣ.

Шиховъ, какъ показалось батюшкѣ нѣсколько легкомысленно отнесся къ переданному ему Степановной разсказу госпожи Черноруцкой:

— Слыхалъ-съ. Человѣческое измышленіе-съ, полагаю.

— Какъ измышленіе?—строго спросилъ батюшка.

— Маскарадъ-съ.

Отецъ Мизерандовъ не понималъ и Шиховъ пояснилъ свое мнѣніе подробнѣе.

— Для смущенія общественнаго-съ, для того, чтобы напугать: просто взялъ кто, да и нарядился-съ.

Такое предположеніе не понравилось отцу Мизерандову и показалось легкомысленнымъ для философа, простительнымъ развѣ въ риторѣ, гдѣ еще процессъ логическаго мышленія не вполнѣ развитъ, а только слегка затронутъ съ поверхности. Съ негодованіемъ батюшка отвергъ подобное объясненіе:

— Что ты, что ты: какой маскерадъ!

Шиховъ скромно замѣтилъ:

— Это предположеніе-съ:—на что батюшка болѣе авторитетно отозвался, доказывая своими словами неосновательность подобнаго предположенія:

— Сила нечистая, одна она.

— Въ такомъ родѣ-съ,—высказался Шиховъ.—крестнымъ знаменіемъ, молитвою ее всегда побороть возможно?

На что батюшка съ нѣкоторою нерѣшительностью отозвался:

— Люди-то грѣшны... Желаешь чайку?

— Премного благодаренъ-съ,—раскланялся Шиховъ, мгновенно попунцовѣвъ почему-то,—званъ-съ.

— Не къ Трусовымъ-ли?

— Къ нимъ-съ.

— Ну, не удерживаю... Вотъ оно кстати... Самъ-то не знаю, когда еще соберусь... Скажи старухѣ-то, Елизаветѣ Акимовнѣ, чтобы она сходила къ госпожѣ Черноруцкой... Работа, молъ, есть... Сама не можетъ, у ней ноги-то для такой грязи старыя. Машеньку бы посылала... Не забудь...

— Непремѣнно скажу-съ. Добраго здоровья-съ.

— Прощай. Заходи когда свободенъ...

Какой удачный день! Шиховъ положительно ликовалъ, шлепая безъ разбору по грязи, нещадно пачкая въ ней свою шинель и только трепеща за несочные панталоны. Обыкновенно отъ праздника и до праздника онъ придумывалъ разговоры, которые поведетъ съ Трусовыми, когда будетъ въ слѣдующій разъ у нихъ—и ничего не придумывалъ, приходилъ, смущенно раскланивался, поздравлялъ съ праздникомъ, освѣдомлялся о здоровьѣ и красный отъ смущенія замолкалъ, отвѣчая затѣмъ самымъ категорическимъ образомъ на предлагаемые ему вопросы. Но въ этотъ разъ предстоялъ удачнѣйшій день. Во первыхъ поднесеніе альбома: тутъ, конечно, не мало придется говорить! Начнутъ разсматривать, хвалить, удивляться, прочтутъ стишокъ и находчиво придуманную подпись. Во вторыхъ, можно будетъ распространиться и о появившемся въ городѣ Ергемотѣ, тутъ пожалуй цѣлый часъ проговоришь и наконецъ въ третьихъ—передача порученія батюшки къ Елизаветѣ Акимовнѣ... положительно, положительно, въ этотъ визитъ онъ развернется передъ дамами, блеснетъ остроуміемъ и находчивостью.

Путаясь въ длиннополой шинели, съ бьющимся сердцемъ и пунцовымъ лицомъ, Шиховъ взбѣжалъ по ступенькамъ деревяннаго крылечка со двора въ одноэтажный флигелекъ, гдѣ жили Трусовы и постучалъ въ дверь. Елизавета Акимовна, круглая старушка съ большимъ животомъ и необыкновенно добродушнымъ лицомъ, одѣтая въ пестренькую крепрошелевую блузу, въ плетеный кружевной воротничекъ и тюлевый чепецъ съ темнолиловыми газовыми ленточками, отперла Шихову, съ ласковымъ взглядомъ:

— Милости просимъ: къ самому кофію, какъ разъ.

Шиховъ съ любезными улыбками запиралъ на крюкъ дверь и освобождался отъ своей хламиды. Очутившись въ коричневомъ сюртукѣ и несочныхъ брюкахъ, онъ освѣдомился:

— Ваше здоровье-съ?

— Покорно благодарю: здорова.

— Марья Даниловна?

Старушка съ улыбкой указала на дверь зала:

— Пожалуйте... Машенька тамъ.

Онъ слышалъ прелестный смѣхъ Машеньки и вдругъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ сообразилъ, что не одна же она такъ смѣется, а съ кѣмъ нибудь, слѣдовательно есть кто посторонній. Отворяя изъ прихожей въ залъ дверь, онъ почувствовалъ, что сердце его задрожало какимъ-то недобрымъ предчувствіемъ.

Машенька, завидѣвъ Шихова, бросилась къ нему отъ окна, у котораго имѣла обыкновеніе просиживать цѣлые дни, въ будни, вышивая по тюлю или по кисеѣ въ прорѣзъ и гладью, въ праздники—въ бездѣйствіи. бросилась, требуя громогласно:

— Альбомъ, альбомъ!.. принесли альбомъ?

Шиховъ дрожащими руками вытащилъ изъ кармана завернутый въ чайную бумагу альбомъ и подалъ его Машенькѣ.

— Вотъ-съ.

Все затмилось туманомъ для него въ этой комнаткѣ за исключеніемъ милаго образа стоящей передъ нимъ дѣвушки, одѣтой въ бѣлое кисейное платье, съ наброшеннымъ на плечи ярко пунцовымъ шарфомъ. Машенька выглядѣла нѣсколько старше своихъ семнадцати лѣтъ, была высока. полна, чрезвычайно румяна. съ ямками на щекахъ и полнымъ круглымъ подбородкомъ. съ шаловливо вздернутымъ носикомъ и смѣющимся, бойкимъ и здоровымъ взглядомъ черныхъ глазъ. Ея роскошные волосы темнорусаго цвѣта были зачесаны назадъ и заплетены въ высоко положенную корзиной косу. приколотую громаднымъ черепаховымъ гребнемъ. Спѣшно развертывая альбомъ, Машенька многозначительно и съ удареніемъ сказала:

— Посмотримъ; сравнимъ...

Шиховъ затрепеталъ: съ чѣмъ „сравнимъ"? и упалъ съ небесъ на землю, услышавъ обращенныя къ нему

Литературный альбомъ. „Алеша Поповичъ“, баллада графа А. К. Толстого.
Оригин. рисун. В. Шпака, грав. Ю. Барановскій.

слова, сказанныя какимъ-то покровительственнымъ тономъ:

— Ваше здоровье, молодой человѣкъ?..

У того самаго окна, гдѣ имѣла обыкновеніе сидѣть Манечька, на стулѣ, какъ разъ стоящемъ противъ ея мѣста—развалился молодой господинъ, лѣтами нисколько не превосходящій Шихова, но тѣмъ не менѣе почему-то считающій возможнымъ обращаться съ этимъ послѣднимъ, какъ обращается почтенный лѣтами человѣкъ съ юношей. Господинъ этотъ былъ красивъ, одѣтъ ловко, во все, что называется, съ иголочки, въ орельдурсовый фракъ съ искорками и сѣро-голубые панталоны. Въ одной рукѣ онъ держалъ длинный чубукъ, дѣлая по временамъ затяжки душистымъ Жуковымъ табачкомъ, другой рукой игралъ толстою золотою цѣпочкой карманныхъ часовъ. Какъ ничтожны были въ сравненіи съ такимъ убранствомъ праздничныя одѣянія Шихова!

Шиховъ, разомъ возненавидѣвшій всѣми силами души этого молодаго человѣка, отлично понимавшій, что съ нимъ равняться не легко, обомлѣлъ отъ удивленія, встрѣтивъ его здѣсь. Мѣсяцъ тому назадъ, помогая отцу Мизерандову при всенощной на дому у госпожи Черноруцкой, онъ увидѣлъ впервые этаго молодаго человѣка. Послѣ всенощной, когда приживалка, Аграфена Дмитріевна, поила Шихова въ дѣвичьей чаемъ, послѣдній полюбопытствовалъ и спросилъ:

— А кто, смѣю спросить, этотъ молодой человѣкъ, что возлѣ госпожи Черноруцкой стояли у стѣнки и задремавъ, упали было на полъ?

— Внукъ ихній.

— Внукъ-съ. Вотъ какъ. Откуда-же они?

— Изъ Москвы пріѣхалъ.

— Изъ Москвы. Скажите пожалуйста! Зачѣмъ же они въ Москвѣ были?

Аграфена Дмитріевна оглянулась по сторонамъ изъ предосторожности, не подслушиваетъ ли кто, и убѣдившись, что въ комнатѣ никого кромѣ ея и Шихова не было, зашептала:

— Учиться его туды отдавали, и онъ, срамникъ, вмѣсто ученья-то одними озорствами тамъ занимался. Бабушку извѣстили о томъ—она и взяла его сюды.

— Такъ-съ, такъ-съ. Шаловливаго ума?

Приживалка съ негодованіемъ махнула рукой:

— Озорной: просто проходу не дастъ!.. Въ коридорѣ съ нимъ встрѣтишься, посторонишься вѣстимо, чтобы дать пройдти, а онъ учтиво такъ: проходите, Аграфена Дмитріевна, проходите! да какъ пойдешь—ногу тебѣ незамѣтно и подставитъ... Ну и чебурахнешься со всего размаху... Съ бабушкой говоришь, а онъ изъ-за ея плечей такіе тѣ кукиши кажетъ, просто срамъ... Озорной такой, прости Господи, что ужасть!...

Въ справедливости этаго Шиховъ убѣдился въ тотъ же вечеръ, когда, окончивъ чаепитіе, вошелъ въ залъ, чтобы забравъ узелъ съ ризами удалиться во свояси. Батюшка съ госпожей Черноруцкой возсѣдали за чаемъ въ гостиной, тогда какъ молодой Черноруцкій, облекшись въ Шиховскую шинель, выкидывалъ передъ выглядывающей изъ дверей прихожей, хихикающей дворней такія колѣнца, что застѣнчивый Шиховъ даже покраснѣлъ. Замѣтивъ его, нисколько не смутившійся Черноруцкій, сдѣлавъ ловкій прыжокъ, сбросилъ съ своихъ плечей шинель и закутавъ ею съ головой Шихова, исчезъ изъ залы.

(До слѣдующ. №).

Воображающіе.

Разсказъ **К. Случевскаго.**

Блестящій былъ вечеръ у господина Кокликина!

Больше всего блеска придавали вечеру Кокликины, явившіеся въ представителяхъ цѣлыхъ трехъ поколѣній, отъ дѣдушекъ и бабушекъ, до внуковъ и внучатъ.

Было и четвертое поколѣніе, маленькій правнукъ Кокликинъ; но онъ былъ уже слишкомъ маленькій, велъ себя иногда совершенно неприлично и поэтому оставленъ матушкою своею, внучкою хозяина, - дома.

Тѣмъ не менѣе невидимый обликъ этого маленькаго Кокликина, конечно въ самомъ чистомъ его видѣ, какъ-бы рѣзвый ангелочекъ, незримо парилъ надъ люднымъ собраніемъ въ самодовольныхъ улыбкахъ дѣдушки и бабушки, когда къ нимъ обращались со слѣдующею фразою:

— Однако, у васъ, почтенные хозяева, поколѣніе большое!

— Да, не скоро вымремъ.

- Счастливые дѣды!!

Въ этихъ возгласахъ знакомыхъ дѣдушка и бабушка Кокликины видятъ несомнѣнное признаніе какой-то большой, гражданской добродѣтели. Почему признавала это многолюдство рода своего добродѣтелью бабушка Кокликина, сказать трудно, но дѣдушка Кокликинъ самодовольно улыбался потому что помнилъ изъ римской исторіи тотъ фактъ, что въ послѣдніе годы имперіи, отцовъ, имѣвшихъ извѣстное количество дѣтей—награждали!

Хотя дѣдушка Кокликинъ государственной преміи не получилъ, но это не мѣшало ему признавать себя однимъ изъ столбовъ Россіи.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Огней горѣло столько, что если-бы кому вздумалось погасить ихъ всѣ сразу, то многія чувствительныя натуры попадали-бы въ обморокъ отъ одного чаду!

Былъ оркестръ.

Были официанты.

Былъ дирижеръ вечера, юноша подававшій большія надежды и обладавшій зычнымъ голосомъ.

Къ концу вечера оказался онъ весь въ орденахъ.

Къ этому-же времени, что совершенно понятно, все общество перезнакомилось: это было сдѣлано, частью, по личнымъ наблюденіямъ, частью по сплетнямъ. Послѣдній способъ знакомства, по сплетнямъ, оказывался гораздо вѣрнѣе и любопытнѣе перваго, потому что личныя наблюденія, психоза, никогда не составляли отличительнаго свойства нашего общества, и глубиною и разнообразіемъ не отличалась.

Сплетни—другое дѣло...

Такъ какъ мы намѣрены быть чрезвычайно справедливыми, то должны сказать тутъ-же что въ данномъ, частномъ случаѣ, въ салонѣ Кокликиныхъ психоза, разборъ человѣка человѣкомъ, углубленіе мыслью подъ внѣшніе покровы, хирургія умствованій, имѣли прелестнаго представителя въ лицѣ брата хозяина Ксаверія Ксаверіевича.

Стоитъ себѣ этакъ Ксаверій Ксаверіевичъ въ сторонкѣ и наблюдаетъ!

У него странная привычка: пристанетъ онъ въ силу того или другаго случая, къ кому нибудь изъ гостей и уже не оставляетъ его во весь вечеръ ни на минуту. Точно какую-то сходственность между имъ и собою онъ ищетъ, точно полюбитъ онъ его, точно безъ него и существовать не можетъ!

Эту странную привычку унаслѣдовалъ онъ отъ своей матушки, женщины отличавшейся замѣчательнымъ упрямствомъ. Упрямство матери, сказывавшееся во всемъ и всегда, въ силу дарвиновскаго закона, преобразилось въ сынѣ въ одинъ только видъ упрямства въ манію привязываться на вечерѣ къ тому или другому несчастному человѣку.

Нельзя сказать чтобы эта способность Ксаверія Ксаверьевича была очень надоѣдлива. Напротивъ того: съ нимъ было пріятно проводить время, такъ какъ онъ многое зналъ, все помнилъ, говорилъ красиво и не безъ сарказма.

Меньше всего нравилась эта странная привычка его, привязываться къ тому или другому гостю и быть всегда вдвойнѣ—танцующимъ.

Расположится онъ поближе къ нимъ, къ танцующимъ, и непремѣнно такъ что его то и дѣло толкаютъ.

— Ахъ извините! кричитъ ему офицеръ пронесшись подлѣ него, полькируя, и сильно хвативъ въ плечо.

— Ничего-съ! сдѣлайте одолженіе.

- Простите пожалуйста! восклицаетъ ему статскій, вертящійся со своею дамою au rebour и толкающій его въ другое плечо.

— Ничего, ничего! отвѣчаетъ Ксаверій Ксаверьевичъ.

Щелкъ оттуда, щелкъ отсюда, а онъ все стоитъ, все наблюдаетъ.

Въ настоящемъ случаѣ т. е. на балѣ у брата привязался онъ къ нѣкоему Щикину, человѣку неопредѣленныхъ лѣтъ, но весьма опредѣленной профессіи людей ничего не дѣлающихъ и живущихъ своими доходами.

Полька была закончена: оркестръ отдыхалъ; Ксаверій Ксаверіевичъ, взявъ Щикина подъ руку, усѣлся въ уголъ залы къ камину и наблюдалъ...

— Какъ посмотрю я, говорилъ Ксаверій Ксаверіевичъ, на то какъ много въ свѣтѣ людей воображающихъ.

— Что именно воображающихъ?

— Воображающихъ то или другое, чего на самомъ дѣлѣ

нѣтъ; и такъ-то мнѣ грустно, и въ то же время весело становится что право не знаешь радоваться или плакать своей наблюдательности.

Сказавъ это Ксаверій Ксаверіевичъ положилъ свою chapeau claque, на стоявшій подлѣ него слѣва пустой столъ; Щикинъ распорядился такимъ-же образомъ со стуломъ стоявшимъ вправо.

Свободные въ залѣ стулья появились только потому что. для освѣженія воздуха, хозяева просили танцовавшихъ выйти въ другія комнаты, а въ залѣ открыли форточку.

Форточка помогала немного: на дворѣ было тепло.

— А вы всегда людей наблюдаете? спросилъ Щикинъ.

— Всегда! Это моя слабая струнка. Да вотъ посмотрите сами, какъ это любопытно.

Въ это время по направленію къ кабинету хозяина проходилъ по залѣ какой-то господинъ, чрезвычайно блѣдный, даже зеленый.

— Знаете-ли вы этого господина, спросилъ Ксаверій Ксаверіевичъ.

— Знаю, это Блинскій.

— Да-съ, это Блинскій! человѣкъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ что онъ женатъ.

— Да онъ дѣйствительно женатъ!

— Что! вы думаете?! Вы ошибаетесь. Хотя это покажется вамъ чрезвычайно страннымъ, но онъ вовсе не женатъ.

— Какъ такъ?

— Онъ женатъ на разводкѣ и на какой разводкѣ? на такой, которая приняла вину на себя, слѣдовательно вторично замужъ выйти не могла! понимаете!

— Что вы говорите? Неужели?

— Да ужъ такъ-съ! Я это доподлинно знаю! Воображающіе! А вотъ вамъ и другой воображающій, проговорилъ Ксаверій Ксаверіевичъ, указывая глазами на барышню невысокаго роста, лѣтъ тридцати отъ роду, не безъ признаковъ увядающей красоты, гулявшей съ другою барышнею подъ ручку по залѣ и весьма усердно работавшей вѣеромъ. Ей, видимо, было очень жарко: даже форточка не помогала.

— А эта что-же воображаетъ?

— А вотъ, видите-ли, къ ней непремѣнно очень скоро подойдетъ одинъ господинъ, высокій брюнетъ, онъ теперь должно быть въ кабинетѣ куритъ! Онъ ужасно влюбленъ въ нее, совсѣмъ таетъ и бракъ состоится вѣроятно въ скоромъ времени.

— Такъ въ чемъ же воображеніе?

— Очень просто: барышня воображаетъ что онъ богатъ. а мнѣ извѣстны нѣкоторыя девежныя дѣла его. Онъ беретъ подъ векселя, т. е. принужденъ брать за пять процентовъ въ мѣсяцъ. Вы понимаете, что о богатствѣ въ такомъ случаѣ и помину быть не можетъ!

Въ это время къ разговаривавшимъ подошелъ официантъ съ горкой конфектъ. Горка была большая, богатая. Конфекты спадали съ нея причудливыми группами; въ группахъ этихъ амурчики перемѣшивались съ лошадками, наперстки съ фотографическими портретами. коричневые шоколады съ розовыми помадами.

Щикинъ набралъ себѣ довольно много; Ксаверій Ксаверіевичъ ничего не взялъ, но удовольствовался очень оригинальнымъ движеніемъ. Замѣтивъ что одно изъ мѣстъ горки очистилось и горка выставила внаружу свой золоченый, картонный бокъ, онъ хлопнулъ по этому мѣсту рукою.

Горка слегка задрожала и издала звукъ пустаго барабана.

— А это что-съ?! спросилъ Ксаверій Ксаверіевичъ.

— Т. е. что именно?

— Горка, думаете вы? нѣтъ-съ, это тоже воображеніе! то же самое воображеніе что и въ жизни! пустота! горка для виду! для воображенія! пусть, молъ, думаютъ, что все это конфекты, а какіе тамъ конфекты—картонъ!

Щикинъ не могъ не улыбнутся этому фактическому доказательству воображаемости и даже поперхнулся одною изъ тѣхъ конфектъ, которую только что разгрызъ.

— Удивительный вы человѣкъ, Ксаверій Ксаверіевичъ, сказалъ онъ откашлявшись! Я имѣю удовольствіе видѣть васъ въ первый разъ, но уже и этаго знакомства вполнѣ достаточно для того чтобы отличить въ васъ человѣка крайне наблюдательваго и очень интереснаго.

— Воображеніе-съ! вовсе не интересный! бухнулъ вдругъ Ксаверій Ксаверіевичъ. Я совсѣмъ не наблюдаю! Все что мнѣ о людяхъ извѣстно, всѣ, такъ сказать, реверсныя стороны медали. все это само собою въ меня съ вѣтра входитъ. Слышалъ тутъ; по секрету говорятъ тамъ: случайно видишь это! ну и собирается въ головѣ особое пониманіе жизни, свѣта и людей, особая система смотрѣть на нихъ! Повѣрьте мнѣ, что все и вся воображаетъ. и только воображаетъ!

— Вы, значитъ. послѣдователь Шопенгауэра!

— Я его не читалъ. но слыхалъ что такой былъ! И вы не первый обратившій ваше вниманіе на это нѣкоторое сходство между нами.

— Онъ находитъ что міръ. весь міръ, не больше какъ воображеніе.

— Т. е. онъ вообразилъ это?

— Нѣтъ-съ, онъ доказываетъ.

— Такъ же какъ я, хлопнувъ по конфектной горкѣ?

— Ну, не совсѣмъ такъ, но очень, очень хорошо.

— А вы читали Шопенгауэра?

— Въ русскомъ переводѣ.

— Значитъ. извините за откровенность, но вы тоже только воображаете, что прочли его. Переводъ и оригиналъ—это двѣ вещи разныя.

Разговоръ временно прекратился. Зала снова начала наполняться танцующими. Оркестръ далъ знакъ къ кадрили.

И понеслись, и запрыгали, и засуетились...

Переходя изъ комнаты въ комнату. Ксаверій Ксаверіевичъ поучалъ Щикина о разныхъ воображающихъ:

Указалъ онъ ему на человѣка воображающаго себя умнымъ.

Указалъ онъ на другаго человѣка тоже воображающаго себя умнымъ.

Указалъ на таково-же третьяго...

Привелъ образчики воображающихъ себя очень интересными, очень красивыми, очень важными.

Образчики сыпались, сыпались точно изъ рога изобилія и Щикинъ, мало по малу, невольно подчиняясь весьма удачнымъ замѣчаніямъ своего сотоварища, даже и не замѣтилъ какъ подошло время къ ужину.

Щикинъ былъ далеко не неразвитый человѣкъ и не могъ не отличить въ Ксаверіѣ Ксаверіевичѣ личность далеко не заурядную.

Ему дѣйствительно стало казаться, мало по малу, что все что происходило передъ нимъ—вовсе не то что происходитъ. Онъ до такой степени находился подъ впечатлѣніемъ словъ и примѣровъ что въ длинномъ ряду его самостоятельныхъ не навѣянныхъ Ксаверіемъ Ксаверіевичемъ мыслей, вдругъ проскочила одна мысль, совершенно незаконная и невозможная. которой онъ улыбнулся даже самъ?

Проходила какая-то дама мимо него, ему совершенно незнакомая, съ маленькими черненькими усиками надъ губами.

— А что если она воображаетъ себя дамою? подумалось Щикину.

И онъ улыбнулся, широко улыбнулся...

— Да вѣдь я, сообразилъ онъ, и дѣйствительно начинаю воображать чортъ знаетъ что; я самъ становлюсь воображающимъ!? Какъ, однако, глубоко правъ Ксаверій Ксаверіевичъ! какой умница!

Ксаверія Ксаверіевича тѣмъ временемъ уже не было больше въ залѣ; онъ уѣхалъ домой.

Надо было собираться домой и Щикину, такъ какъ онъ ужинать не любилъ.

Мимо него тѣмъ временемъ проходилъ хозяинъ; Щикинъ сталъ прощаться.

— Что-же вы? куда? проговорилъ дѣдушка Кокликинъ.

— Я никогда не ужинаю.

— Жаль.

— Скажите пожалуйста, спросилъ Кокликина Щикинъ, вотъ эта дама которая проходитъ мимо... Кто она?

Мимо нихъ прошла въ это время та барыня разводка о которой сообщалъ ему Ксаверій Ксаверіевичъ.

— Это M-lle Зоева.

— Нѣтъ не эта, а вотъ эта? повторилъ Щикинъ, указавши на ту же самую?

— M-lle Зоева, говорю я вамъ; довольно пожилая дѣвушка, но очень богатая невѣста. Хотите посватаю?

— Такъ она не замужемъ? весьма рѣзко и выпятивъ глаза, спросилъ Щикинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Ну а вотъ эта дама, подъ ручку съ другою?

И онъ указалъ на ту, характеристику который сдѣлалъ ему Ксаверій Ксаверіевичъ, яко-бы за нею ухаживалъ. казавшійся ей богатымъ брюнетъ.

— Это?—да неужели вы не знаете? я васъ и не познакомилъ? Это жена моего старшаго сына. Они все еще въ медовомъ мѣсяцѣ свадьбы!

Щикинъ былъ окончательно сбитъ съ толку.

Разныя, разныя мысли вертѣлись у него въ головѣ, и, въ концѣ концовъ. онъ обратился къ хозяину съ вопросомъ.

— А Ксаверій Ксаверіевичъ уѣхалъ?

— Да, уѣхалъ! вы знаете что братъ мой не любитъ очень долго оставаться внѣ дома! онъ и уѣхалъ: а развѣ онъ не надоѣлъ вамъ? Я видѣлъ что вы были его сегодняшнею жертвою.

— Т. е. почему-же жертвою?

Да вѣдь у него особенная страсть людей морочить, онъ цѣлыя исторіи сочиняетъ и вѣритъ имъ, прежде всего, самъ! Отличнѣйшій человѣкъ мой братъ,—но врать мастеръ.

— И это у него всегда такъ? спросилъ, совершенно противъ своей воли Щикинъ.

— Всегда!

Хозяинъ отошелъ отъ него. замѣтивъ отъѣздъ какого-то семейства.

Щикинъ оставался въ раздумьи.

— А вѣдь вотъ Ксаверій Ксаверіевичъ все это вралъ, соображалъ онъ. а вѣдь онъ меня въ дѣйствительности. въ натурѣ, воображающимъ сдѣлалъ.

„Предѣлы власти". Картина Генриха Семирадскаго. Съ фотогр. Лаптева, грав. Ольшевскій

„Кругосвѣтное путешествіе“. Съ картины Роннера, грав. Веберъ.

Азіатская Италія.

Очеркъ **А. Я. Максимова.**

Съ 16 мая 1858 года, со дня подписанія айгунскаго трактата *), мы сдѣлались оффиціально непосредственнымъ сосѣдомъ многолюдной, богатой Кореи, прозванной, по своему плодородію и благорастворенному климату, „Азіятскою Италіею.“ Мы однимъ могучимъ, богатырскимъ прыжкомъ перескочили отъ широкаго устья великаго Амура, черезъ заповѣдныя дебри неизслѣдованнаго еще Уссурійскаго края, и очутились лицомъ къ лицу съ восьми-милліоннымъ таинственнымъ народомъ совершенно неизвѣстнымъ и недоступнымъ для всепроникающихъ европейцевъ. Намъ предстояло войти въ сношенія съ полновластнымъ твердымъ правительствомъ, видѣвшимъ благополучіе своей страны лишь въ строгой замкнутости своихъ владѣній. Намъ предстояло побороть твердое упорство корейскаго владыки и высшихъ классовъ, ознакомиться съ дотолѣ неизвѣстной страной и воспользоваться своимъ близкимъ сосѣдствомъ съ богатымъ, плодороднымъ корейскимъ полуостровомъ. И что-же? Мы бездѣйствовали и выжидали, когда другія націи сдѣлаютъ то, что было вполнѣ въ нашихъ силахъ и средствахъ, смотрѣли на Корею, какъ на страну, не заслуживающую особеннаго вниманія и хлопотъ. Даже не сочли нужнымъ ознакомиться съ лежащею передъ нами неизвѣстною страною, съ ея государственнымъ строемъ, порядками и наконецъ съ ея экономическимъ положеніемъ. Въ результатѣ, Азіятская Италія остается для насъ, русскихъ, тою-же terra incognita, какою была двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Четверть вѣка не предпринималось рѣшительно ничего. Получивъ громадную площадь Уссурійскаго края, мы все выжидали и кажется впрочемъ пока не имѣли повода раскаяваться въ отсутствіи въ насъ западной жадности, въ виду вполнѣ неудачныхъ попытокъ англичанъ, американцевъ и французовъ, наконецъ японцевъ—съ которыми теперь идетъ рѣзня—завести съ Кореей политическія и торговыя сношенія. Подобная выжидательная политика на крайнемъ востокѣ принесла намъ все же существенный вредъ. Корейское правительство привыкло смотрѣть на свою неожиданную сосѣдку слишкомъ свысока и надменно; ему, повидимому, казалось и кажется, что Россія—слабое государство, на которое не стоитъ обращать особеннаго вниманія, входить съ которымъ въ какія-либо сношенія лишній трудъ для корейскаго правительства. Отсюда понятенъ тотъ суровый, иногда даже дерзкій тонъ, въ которомъ говорила Корея съ Россией по поводу пограничныхъ недоразумѣній и несогласій, напримѣръ, хотя бы по поводу эмиграціи корейскихъ подданныхъ въ Южно-Уссурійскій край. Корейскій полуостровъ, по величинѣ равный Италіи, расположенъ между 33° 15′ и 42° 25′ сѣв. широты и 122° 15′ и 128° 30′ парижской долготы. Съ сѣвера Корея ограничена хребтомъ Шанъ-іанъ-алинъ и рѣками Амъ-не-Кангъ, впадающей въ Желтое море, и Ту-мангъ-Кангъ (или Тумень-Ула), впадающей въ Японское море. Послѣдняя отдѣляетъ Корею отъ Манчжуріи и русскихъ владѣній. По объясненію извѣстнаго французскаго миссіонера Далле (Dallet), названіе „Корея“ происходитъ отъ китайскаго слова Као-ри, которое корейцы произносятъ Ко-ріе, а японцы Ко-раи. Такъ называлась страна при прежней династіи; но съ 1392 года родоначальникъ нынѣ царствующей въ Кореѣ династіи предпочелъ измѣнить это названіе въ Тчао-сіенъ, которое и считается по настоящее время оффиціальнымъ именемъ страны. Тчао-сіенъ означаетъ въ переводѣ „утренній свѣтъ“ или „страна солнечнаго восхода.“

Французскіе миссіонеры *) были единственными европейцами, успѣвавшими, время отъ времени, проникать въ таинственную страну и старавшимися, по возможности, серьезно изучить ея законы, характеръ, повѣрья и обычаи. Въ виду запрещенія доступа въ Корею иностранцамъ, подъ страхомъ смертной казни, миссіонеры принуждены были постоянно скрываться и вести свою пропаганду въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ взоровъ корейскихъ властей. Постоянно преслѣдуемые они собирали свои свѣдѣнія крайне поверхностно, а потому къ ихъ разсказамъ о Кореѣ нельзя имѣть полнаго довѣрія. Тѣмъ не менѣе заслуга французскихъ миссіонеровъ громадна. Рискуя жизнью, они проникали въ самыя таинственныя мѣста Кореи. Миссіонеры удивляли просвѣщенный міръ своею замѣчательною смѣлостью, и неустрашимостью, которую давало имъ религіозное истинное одушевленіе. Многіе сдѣлались жертвою своего призванія—подверглись мучительной смерти; но дорога была уже ими указана, и по ней пошли безъ страха другіе піонеры цивилизаціи—уже торгаши и барышники. Католическіе миссіонеры всегда примѣшивали къ дѣлу распространенія ученія Христа политику, и тѣмъ вызывали періодическія гоненія и поголовныя истребленія новообращенныхъ туземцевъ; купцы и торгаши, жадные лишь къ наживѣ, также не могли внушить симпатіи. Въ результатѣ, католическая пропаганда и торгашескіе захваты не принесли въ Кореѣ никакихъ плодовъ и только озлобили справедливо противъ европейцевъ.

Въ теченіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, европейцы, американцы и даже японцы брали на себя починъ сдѣлать Корею доступною для изслѣдованій, и открыть ее для правильныхъ торговыхъ сношеній. Такимъ образомъ мы предоставили другимъ народамъ выполнить задачу—правду сказать не очень симпатичную—вовлечь Корею въ общій коммерческій круговоротъ Великаго океана. Между тѣмъ мы могли-бы выполнить эту задачу съ меньшими затрудненіями, чѣмъ другіе европейцы, потому что симпатіи корейской народности были на нашей сторонѣ. Однимъ только своимъ прикосновеніемъ мы уже разбудили ее, дали ей почувствовать наше превосходство, и пользу нашего сосѣдства. Разсказываютъ, будто тамъ смотрятъ на народъ очень грубо, что собственности въ Кореѣ не существуетъ; все безусловно принадлежитъ одному властвующему классу; что каждое сбереженіе немедленно отбирается въ казну. Народу разрѣшается имѣть при себѣ только необходимую пищу, одежду и живность; деньги для народа—запрещенный плодъ, которымъ могутъ пользоваться лишь привилегированные. Но это очевидно такой вздоръ, которому нельзя вѣрить и котораго не можетъ быть. Это конечно озлобленные разсказы выгнанныхъ въ шею наглыхъ торгашей и пронырливыхъ патеровъ.

Но что тамъ существуетъ какое то непонятное намъ броженіе, это должно признать внѣ всякаго сомнѣнія. Не успѣли мы утвердиться на границѣ многолюдной, богатой Кореи, какъ тамъ тотчасъ-же началось сильное броженіе. Въ сѣверныхъ провинціяхъ десятки и сотни семей начали переходить въ наши предѣлы, несмотря на строгіе законы, карающіе бѣглецовъ смертью, если-бы только они попались въ руки властей. Мѣстныя власти не были подготовлены къ такой усиленной эмиграціи, а первые переселенцы, явившіеся къ намъ, вынесли много невзгодъ и страданій; иные погибли отъ голода; другіе безцѣльно шатались по нашимъ владѣніямъ безъ одежды, крова и пищи. Наконецъ получено было распоряженіе—принять и устроить корейскихъ выходцевъ. Мѣстная администрація дѣятельно принялась спасать оставшихся въ живыхъ корейцевъ отъ голодной смерти. Едва успѣли обстроиться первые выходцы какъ потянулись понемногу въ наши владѣнія уже и болѣе зажиточные корейцы, съ имуществомъ, скотомъ, хозяйственными принадлежностями, и начали понемногу заселять богатыя, пустынныя земли Уссурійскаго края. Съ каждымъ мѣсяцемъ эмиграція корейцевъ принимала все бóльшие и бóльшие размѣры. По разсказамъ корейскихъ выходцевъ, цѣлыя селенія стали-бы переходить въ наши предѣлы, при малѣйшемъ поощреніи нашего правительства; но мы не только не поощряли эту благодѣтельную для Уссурійскаго края эмиграцію, а даже пріостановили ее при первомъ протестѣ корейскаго правительства, такъ какъ нельзя было не признавать правъ сосѣдняго законнаго правительства. Мы пріобрѣтали въ корейцахъ не кочующее, бѣдное, голодное племя, въ родѣ орочей, гольдовъ и гиляковъ, не безнравственныхъ и безсемейныхъ манцзъ, а сильный, здоровый, трудолюбивый и промышленный народъ, народъ осѣдлый и земледѣльческій, съ чистыми нравами и крѣпко установившеюся семьею.

Корейцы легко воспринимаютъ обычаи и порядки народа, среди котораго живутъ. Они легко разстаются со своими вѣрованіями и принимаютъ православіе; всѣ почти корейцы грамотны и любятъ свою литературу; къ безграматнымъ ихъ общественное мнѣніе относится очень строго. Они легко покоряются нашимъ законамъ, скоро выучиваются недурно говорить по русски и даже начинаютъ строить избы на русскій ладъ. Своимъ иждивеніемъ они уже заводятъ въ своихъ селеніяхъ школы,—строятъ часовни. Корейскія селенія въ нашихъ предѣлахъ многолюдны, цвѣтущи и богаты; обработка полей—образцовая. Куда ни взглянешь, всюду поражаютъ взоры необыкновенная чистота, порядокъ и хозяйственность; на всемъ окружающемъ лежитъ ясная, прочная печать заботливой, трудолюбивой, хозяйской руки. Селенія эти могутъ вполнѣ служить нашимъ казацкимъ станицамъ образцомъ чистоты, порядка и вкуса. Корейцы сѣютъ просо, бобы, ячмень, овесъ, кукурузу, гречиху, коноплю, табакъ и картофель; изъ огородныхъ овощей—огурцы, салатъ, красный перецъ, тыкву, рѣдьку, капусту, лукъ и прочее. Хлѣбопашество и огородничество обусловливаются у нихъ пока только личными потребностями. При хорошемъ сбытѣ своихъ сельскихъ произведеній, корейцы имѣютъ полную возможность развить хлѣбопашество и огородничество до весьма широкихъ размѣровъ. Сбытъ этотъ пока ограничивается нѣсколькими тысячами пудовъ картофеля, ячменя и овса, пріобрѣтаемыми для надобностей ближайшихъ мѣстныхъ войскъ. Корейцы высоки ростомъ, сильны и симпатичной наружности; они ведутъ жизнь скромную и трезвую; среди ихъ трудно встрѣтить не только пьянаго, но даже немного выпившаго. Женщины ихъ пользуются извѣстной свободой и пол-

*) По айгунскому трактату Россія пріобрѣла отъ Китая громадную площадь земли, такъ называемый Уссурійскій край.

*) Первый французскій миссіонеръ (родомъ Китаецъ) Яковъ Тсіу проникъ въ Корею въ 1794 году. Послѣ семилѣтняго, безплоднаго проповѣдованія, онъ былъ убитъ въ 1801 году. До 1836 года Корея оставалась безъ миссіонеровъ. Затѣмъ посѣтили Корею миссіонеры: Кимъ, Пуртое, Феронъ, Ридель, Бланкъ и другіе. Часть изъ нихъ погибла и только трое успѣли бѣжать во время страшнаго гоненія христіанъ въ Кореѣ, въ 1866 году.

нымъ уваженіемъ своихъ мужей; жена не рабыня, а равноправный членъ семьи и другъ. Національный костюмъ корейцевъ состоитъ изъ широкихъ, бѣлыхъ, бумажной матеріи, шароваръ, схваченныхъ у щиколдъ и изъ той-же матеріи халата съ широкими рукавами. Корейки, въ домашнемъ быту, носятъ только юбку съ разрѣзами по бокамъ и коротенькую кофточку, едва прикрывающую грудь; выходной-же ихъ костюмъ состоитъ изъ халата, подобнаго мужскому.

Корейцы замѣчательно чистоплотны, и ихъ бѣлоснѣжная одежда служитъ тому лучшимъ доказательствомъ. Они кротки нравомъ, гостепріимны и высоко цѣнятъ въ каждомъ человѣкѣ его нравственныя качества. По корейскимъ понятіямъ, главныхъ нравственныхъ качествъ четыре: любовь, справедливость или сознаніе долга, мудрость или знаніе и наконецъ приличіе относительно церемоній. Первыя два качества подраздѣляются на слѣдующія нравственныя, священныя обязательства: 1) на взаимныя обязательства между родителями и дѣтьми; 2) между владыками и подданными; 3) между мужемъ и женой; 4) между старшими и молодыми, и 5) между друзьями. Достаточно вникнуть въ этотъ нравственный кодексъ корейцевъ, чтобы придти къ полному убѣжденію, что народъ этотъ имѣетъ много замѣчательныхъ задатковъ для успѣшной культуры.

Корейцы представляютъ для православной пропаганды широкое, плодотворное поле; они охотно воспринимаютъ новыя религіозныя начала; при разумной миссіонерской дѣятельности, православіе легко можетъ укорениться въ нихъ и послужитъ прочнымъ основаніемъ для обрусѣнія этого азіатскаго народа, переселившагося въ наши владѣнія. При этомъ крайне необходимо, чтобы наши миссіонеры дѣйствовали вполнѣ сердечно и благоразумно. До послѣдняго времени они старались только окрестить возможно бо́льшее число корейцевъ и удивить начальство и общество успѣхами своей пропаганды. Но теперь они озабочиваются и основательнымъ ознакомленіемъ новообращенныхъ съ христіанскими обрядами и религіей.

Въ настоящее время недостатокъ въ краѣ миссіонеровъ и вообще духовныхъ лицъ настолько ощутителенъ, что не только новообращенные христіане лишены возможности совершать необходимыя требы, но даже и наши православные переселенцы не видятъ нерѣдко священника въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ краѣ считается уже обыкновеннымъ, если крестятъ пятилѣтнихъ, если вѣнчаютъ послѣ супружескаго сожитія, если умираютъ безъ духовнаго напутствія и погребаютъ безъ отпѣванія. Уссурійскій край нуждается въ энергичныхъ и благочестивыхъ миссіонерахъ, знакомыхъ съ языкомъ, нравами и обычаями инородцевъ, знакомыхъ притомъ хотя немного съ медициной. При такихъ миссіонерахъ дѣло православія пойдетъ быстрыми шагами, и будетъ давать намъ осязательные факты слiянія корейской народности съ русской...

Стихотвореніе.

Изъ Гафиза.

I.

О, не ищи въ моихъ стихахъ
Ученыхъ изрѣченій,
И нѣжныхъ фразъ, и звучныхъ словъ,
И скучныхъ поученій.

* * *

Въ моей душѣ живетъ любовь,
И музыка и пѣнье,
И властелиномъ вѣчнымъ въ ней
Святое вдохновенье...

II.

Пока я буду въ мірѣ жить,
Тебя, мой ангелъ милый,
Лелѣять стану и любить
Насколько хватитъ силы...

* * *

Когда умру, когда любя
Ты будешь слезы сѣять,
Я буду тихо вкругъ тебя
Могильной тѣнью вѣять...

П. Гнѣдичъ.

Къ рисункамъ.

Миньона.

(Рис. на стр. 1012 и 1013).

Миньона—поэтическій типъ загадочной и мечтательной дѣвушки, созданъ былъ Гёте въ его извѣстномъ романѣ Вильгельмъ Мейстеръ". Высоко-идеальный образъ, трогательный по своей печальной судьбѣ, тотчасъ же пріобрѣлъ громадную популярность и сдѣлался любимой темой поэзіи, музыки, живописи и скульптуры. На эту тему Бетховенъ написалъ свою лучшую мелодію, Амбруазъ Тома создалъ цѣлую оперу, Анри Шефферъ и Каульбахъ увѣковѣчили ее своею талантливою кистью. Но почему же такъ обаятельно дѣйствовало на всѣхъ это поэтическое созданіе Гёте?—Потому что въ немъ самымъ яркимъ образомъ выразились мечтательныя, идеальныя стремленія эпохи; та милая, наивная сантиментальность, которой вообще отличалось искуство прошлаго столѣтія. Миньона какъ нельзя болѣе пришлась всѣмъ по вкусу съ ея судьбой, темной, загадочной и романической. Миньона—это плодъ несчастной любви; мать ея умерла въ сумашествіи, отецъ пропалъ безъ вѣсти. Похищенная уличными акробатами, несчастная дѣвочка должна была волей неволей ломаться на потѣху толпы и кромѣ того подвергалась еще самому жестокому и грубому обращенію со стороны своихъ безсовѣстныхъ хозяевъ, старавшихся лишь объ одномъ, чтобы извлечь какъ можно болѣе барышей изъ ея удивительныхъ способностей къ танцамъ и музыкѣ. Вильгельмъ Мейстеръ встрѣчаетъ ее въ одномъ изъ глухихъ уголковъ Германіи, трогается ея печальною судьбою и выкупомъ освобождаетъ ее изъ власти бродячихъ фигляровъ. Съ этихъ поръ Миньона слѣдуетъ всюду за своимъ новымъ покровителемъ, сначала въ качествѣ служанки, а потомъ нѣжнаго и преданнаго друга. Постоянныя заботы объ ней Мейстера, его чисто отеческія къ ней ласки оказываютъ сильное вліяніе на эту впечатлительную, нервную натуру, знакомую до той поры съ однимъ лишь горемъ и несчастіями. Привязанность Миньоны вскорѣ переходитъ въ любовь, страстную и безграничную. Но она знаетъ что любовь ея безнадежна, что у нея есть соперница, которую обожаетъ Мейстеръ и несчастная дѣвушка, затаивъ въ себѣ безплодное чувство, начинаетъ тосковать, чахнуть и вскорѣ умираетъ. Послѣдніе годы жизни это было уже существо другаго міра; она постоянно стремилась мечтами въ таинственную, надземную область и даже ея пѣсни были проникнуты глубоко печальнымъ и замогильнымъ характеромъ:

„Одежды бѣлой не снимайте
Съ меня; пристала мнѣ она!
Съ земли прекрасной скоро, знайте,
Въ могилу я сойти должна"...
Удѣлъ мой—вѣчное молчанье,
Со мною тайна та умреть...
Я-бъ пѣла вамъ—но лишь страданья
Одни мнѣ рокъ суровый плетъ!

Такъ пѣла Миньона въ какомъ-то сверхъестественномъ экстазѣ; ей уже видѣлась ангелы и грезы уносили ее далеко, далеко за предѣлы видимаго міра. Но не всегда она пѣла такія грустныя пѣсни. Было и для нея счастливое время, когда ея фантазіи облекались въ веселыя, привлекательныя формы, когда она стремилась невѣдомому счастью, въ чудный край своей родины, въ роскошныя чертоги, на живописныя горы. Туда она звала съ собой Мейстера увлекательнымъ романсомъ—однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ лирическихъ произведеній Гёте:

„Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ рдѣетъ померанецъ,
Гдѣ золотитъ лимонъ зари живой румянецъ,
Гдѣ вѣетъ тишиной съ безоблачныхъ небесъ,
Гдѣ мирты высоки и тихъ лавровый лѣсъ?
Ты знаешь ли его?
Туда, мой другъ, туда
Хотѣлось бы съ тобой умчаться навсегда!"

Картина Бертье представляетъ Миньону съ цитрой въ рукахъ, такою, какою встрѣтилъ ее задумчивый Мейстеръ.

„Алеша Поповичъ" баллада А. К. Толстого.

(Рис. на стр. 1017).

Баллады гр. А. К. Толстаго пользуются такою популярностью, что едва-ли можно найти любителя поэзіи, который-бы не зналъ ихъ и не любовался бы этимъ звучнымъ, красивымъ стихомъ, этою яркостью картинъ и образовъ. Мы видѣли въ № 41 „Нивы" въ балладѣ его „Гаконъ Слѣпой" что поэтъ умѣлъ сдѣлать даже повидимому изъ такой вполнѣ неблагодарной темы. Гораздо больше могъ дать ему извѣстный образъ богатыря нашихъ былинъ Владимирова цикла Алеши Поповича—щеголя, пѣвца и поэта, который такъ умѣетъ покорять себѣ женскія сердца. Содержаніе баллады, стихи—прелестны. Въ густыхъ заросляхъ и тростникахъ рѣки скользитъ лодка...

Кто весломъ такъ ловко правитъ
Черезъ аиръ и купырь?
Это онъ Поповичъ славный,
Нашъ Алеша богатырь...

На коврахъ сидитъ полоненая татарская царевна, заманенная въ лодку пѣсней Алеши. Она проситъ его, своего „похитчика" отпустить ее домой. Но Алеша не отпускаетъ. Онъ...

Гусли звонкія беретъ—
Дивнымъ пѣніемъ дрожащій

Огласился очерётъ.
Пѣсню кто уразумѣетъ,
Кто пойметъ ея слова?
Но отъ звуковъ сердце млѣетъ
И кружится голова....

Царевна покорена. Какъ очарованная слушаетъ она, едва дыша, чудную пѣсню нашего богатыря. Она забыла все—свои жалобы и пѣни, забыла домъ свой и горе свое.

Любитъ онъ иль лицемѣритъ
Для нее то все равно:
Этимъ звукамъ сердце вѣритъ
И дрожитъ побѣждено...

И могучая рѣчная тишь обняла ихъ кругомъ.... И лодка тихо скользитъ, раздвигая, подъ ударами богатырскаго весла, глухую чащу камышей.

Предѣлы власти.

(Рис. на стр. 1020).

Послѣдняя картина Генриха Семирадскаго „Предѣлы власти“, по виртуозности письма можетъ быть причислена къ chef d'oeuvr'амъ современнаго искусства. Воспитанникъ нашей Академіи, но всей душею отдавшійся вѣянію западныхъ школъ, Семирадскій по блеску красокъ не имѣетъ себѣ соперниковъ въ Россіи. Съ первыхъ его академическихъ программъ, черезъ весь рядъ роскошныхъ композицій, за которыя его удостоивали постепенно званіями академика, профессора, мы можемъ прослѣдить развитіе таланта, далеко выходящаго изъ обыкновеннаго уровня. Не удовлетворяясь сѣро-тусклымъ колоритомъ современнаго жанра, онъ перенесъ сюжеты своихъ композицій ко временамъ блестящаго Цезаризма. Его „Факелы Нерона“ извѣстны всей Европѣ и получили на всемірной выставкѣ первую награду (въ 1878 году).—Переходя отъ грандіозныхъ сюжетовъ къ мелкимъ, онъ съ любовью выписывалъ классическіе пестрые жанры. Его „*Торговецъ рѣдкостями*„ „*Пляска среди мечей*“, „*Продавецъ амулетовъ*“, „*Свиданье*“—представятъ маленькіе перлы въ любой галлереѣ. „Предѣлы власти“,—едва ли не лучшая, по техникѣ, его картина. Фигуры сенатора, его наперстника, молодой дѣвушки, и наконецъ раба, судорожно сжавшаго кулакъ, при видѣ той ласки, которой даритъ ее старый богачъ—писаны удивительно детально. Идея та, что при всей своей власти сановникъ не можетъ вызвать чувства невольницы и здѣсь *власти* его положенъ *предѣлъ*. Горячій воздухъ Рима переданъ безукоризненно. Мраморъ, костюмы, металлы—Семирадскій пишетъ такъ, что за нимъ и на западѣ едва ли кто угонится. Это въ полномъ смыслѣ слова чистое, художественныя произведенія. Чистоту выписки, подобной Семирадскому, можно встрѣтить только у Бронникова, да на нѣкоторыхъ картинахъ Гуна. Осмысленной разработкѣ темъ Семирадскаго много помогаетъ его образованіе, и тотъ прирожденный вкусъ, который не покупается трудомъ.

Крупнѣйшими произведеніями Семирадскаго считаются: „*Грѣшница*“, „*Свѣточи Нерона*“ (собственность города Львова), „*Римляне временъ Цезаризма*“ (собственность г. Солдатенкова). *Довѣріе Александра Великаго къ своему врагу* (собственность Академіи). Слабѣйшая сторона техники Семирадскаго—рисунокъ, особенно рисунокъ движенія, хотя въ его юношескихъ эскизахъ движеніе выражается энергично. Между прочимъ Академія обладаетъ тремя замѣчательными его набросками, рисованными нѣкогда на премію: „Гибель Содома и Гоморры“, „Сошествіе Христа во адъ“ и „Избіеніе младенцевъ“.

Читатели „Нивы“ знакомы съ работами Семирадскаго, не разъ появлявшимися на страницахъ нашего журнала. Особенно мы можемъ обратить вниманіе на его „*Грѣшницу*“—которая послужила преміей для „Нивы“ въ 1874 году.

Путешествіе вокругъ свѣта.

(Рис. на стр. 1021).

Едва ли кто можетъ сдѣлать такое безалаберное и вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое кругосвѣтное путешествіе какъ эта игривая семья, завладѣвшая столомъ въ отсутствіе хозяина.

Кошка видимо сожалѣетъ, что хозяинъ такъ запускаетъ свою работу и рѣшается продолжать ее по своему, а котята отъ всей души взялись ей помогать. Два котенка начали пристальное изслѣдованіе рукописей, любопытствуя и изслѣдуя лапкой какое значеніе и употребленіе можетъ имѣть этотъ острый двуногій инструментъ—циркуль, который вслѣдствіе ученаго неосторожнаго изслѣдованія падаетъ на полъ увлекая за собою карты, рукописи и самихъ котятъ. Одинъ же котенокъ преспокойно усѣлся на краю глобуса и сообщаетъ свои наблюденія родительницѣ, которая тихо мурлыкая удобно помѣстилась на какомъ то дорогомъ роскошномъ изданіи. А изъ за глобуса показывается хорошенькая толстая мордочка четвертаго котенка. пробирающагося къ сѣверному полюсу по материку Азіи. Онъ выбралъ конечно самое неудобное положеніе.

Хозяинъ придетъ и будетъ недоумѣвать откуда явились эти царапины и полосы на азіятскомъ материкѣ, пока не увидитъ повтореніе ученаго изслѣдованія и не прогонитъ маленькихъ граціозныхъ и шаловливыхъ изслѣдователей и кругосвѣтныхъ путешественниковъ.

Моск. пром.-худ. выст. Павильонъ Портъ-Кунда.

(Рис. на стр. 1025).

Посѣтители московской выставки помнятъ, конечно, изящный павильонъ завода Портъ-Кунда. Это легкая но прочная постройка, сооруженная техникомъ Гюртлеромъ изъ портландскаго цемента, представляющая одинъ цѣлый монолитъ изъ бетона, извѣстнаго подъ названіемъ „бетона Гюртлера“, по проекту академика Токарева—дѣйствительно была достойна серьезнаго вниманія; она представляла собою изящную бесѣдку, покоющуюся на сводахъ, подъ которые также велъ особый ходъ; кругомъ-же шла красивая балюстрада съ двумя легкими лѣсенками, поднявшись по которымъ входили во внутренность бесѣдки, гдѣ возвышалась статуя богини Помоны. Крыша, украшенная орнаментами, поддерживалась колонками съ рѣзными базами и капителями. Вообще вся эта бесѣдка легкая, изящная, роскошно и со вкусомъ убранная, производила самое пріятное впечатлѣніе и публика съ интересомъ разспрашивала о свойствахъ ея прочнаго матеріала—портландскаго цемента.

Цементный заводъ Портъ-Кунда основанъ въ 1870 г. близъ города Везенберга, Эстляндской губерніи. Онъ приготовляетъ романскій и портландскій цементъ, добывая для этого матеріалъ въ залежахъ рухляка и глины, лежащихъ въ 3 верстахъ отъ завода. Какъ то́ такъ и другое доставляется къ заводу по рельсамъ конно-желѣзной дороги, измельчается здѣсь и перемѣшивается съ помощью глиномялокъ приводимыхъ въ дѣйствіе паромъ и мельницей, вращаемой теченіемъ рѣчки Кунды. Затѣмъ изъ этой смѣси формуютъ кирпичи, которые сушатъ подъ навѣсами и обжигаютъ потомъ коксомъ въ особаго устройства печахъ. Окончательно обожженная масса измельчается подъ жерновами, просѣивается и укупоривается въ бочки. Такихъ бочекъ съ цементомъ заводъ Портъ-Кунда выпускаетъ въ годъ до 90,000, что объясняется какъ близостью моря и Портъ-Кундской гавани, облегчающихъ сбытъ продукта, такъ и хорошими качествами послѣдняго. Это качество выразилось самымъ наглядымъ образомъ въ тѣхъ грандіозныхъ постройкахъ, которыя были произведены при помощи цемента Портъ-Кунда, какъ напр. при сооруженіи Александровскаго моста черезъ Неву, ревельской гавани, моста черезъ рѣку Оку на ряжско-вяземской желѣзной дорогѣ и храма Христа Спасителя въ Москвѣ. При всѣхъ этихъ работахъ техники единогласно признали что чистый цементъ Портъ-Кунда тверже всѣхъ англійскихъ цементовъ. Изъ этаго цемента, приготовляютъ и различные другіе предметы: вазы, статуи, пресланье и проч. изъ цементной массы, окрашивая ихъ и придавая имъ видъ самыхъ разнообразныхъ каменныхъ породъ. Такіе образцы работы выставлены были тутъ-же въ павильонѣ какъ въ нижнемъ такъ и въ верхнемъ его этажѣ. Внизу обращали на себя вниманіе своды, сдѣланные изъ бетона по системѣ В. Гюртлера, испытанной при всѣхъ главныхъ постройкахъ Петербурга. На верхней площадкѣ, кромѣ уже упомянутой нами статуи, красовалась ваза изъ искуственнаго порфира, 4 бюста, изображеніе орла изъ искуственнаго песчаника, овальный столикъ изъ порфира и мраморной мозаики—все это изъ бетона.

Изъ этого бетона изобрѣтатель принимаетъ на себя сооруженіе стѣнъ, сводовъ подземныхъ трубъ, фундаментовъ, цистернъ, ледниковъ, бассейновъ, половъ и другихъ частей зданій. Въ составъ бетона главнымъ образомъ входитъ битый кирпичъ, щебень каменноугольный шлакъ или гарь, песокъ и цементъ. Все это перемѣшивается и складывается въ формы слоями и крѣпко утрамбовывается для того, чтобы вся масса пріобрѣла однообразную плотность. Свойства бетона—необычайная прочность и вмѣстѣ съ тѣмъ легкость дающая возможность дѣлать изъ него самыя разнообразныя постройки, изящный образецъ которыхъ публика могла видѣть въ сооруженіи павильона Портъ-Кунда.

Въ заключеніе, мы считаемъ не безъинтереснымъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о состояніи въ Россіи цементнаго производства—у насъ еще довольно новаго. Первоначально цементные заводы появились въ нашихъ Балтійскихъ провинціяхъ, гдѣ рижскій купецъ Шмидтъ и Ливенъ были первыми предпринимателями этого до тѣхъ поръ мало извѣстнаго у насъ дѣла. Заводъ Шмидта былъ основанъ въ 1866 году на самомъ берегу Двины, неподалеку отъ Риги. Цементъ былъ употребленъ при постройкѣ скотобоенъ въ Петербургѣ и при постройкѣ С.-Петербургскаго морскаго канала, не говоря уже о громадной массѣ частныхъ зданій въ обѣихъ нашихъ столицахъ сооруженныхъ на этомъ же цементѣ. Цементное дѣло установилось на прочномъ основаніи и можетъ смѣло разсчитывать на богатую будущность. Блестящее состояніе этого рода производства на нашихъ балтійскихъ заводахъ выразилось самымъ нагляднымъ образомъ и на Московской промышленной выставкѣ. Экспоненты умѣли заинтересовать публику разнообразіемъ и изящностью своихъ продуктовъ, давая посѣтителямъ самыя подробныя и точныя свѣдѣнія о всѣхъ мелочахъ своего обширнаго производства. Цементный отдѣлъ удостоился и особеннаго вниманія Государя Императора при посѣщеніи выставки. Его Величество долго осматривалъ предметы выставленные экспонентами.

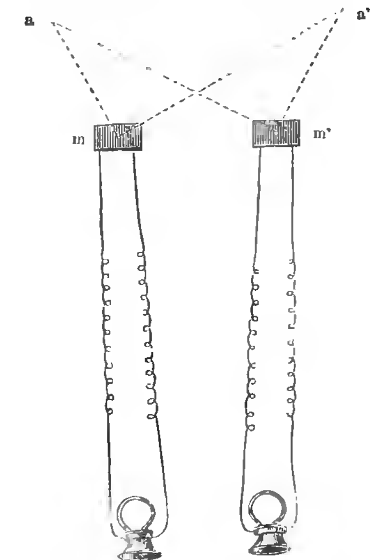
Всероссійская промышленно-художественная выставка въ Москвѣ. Павильонъ цементовъ, завода Портъ-Кунда, устр. Гюртлеромъ.
Съ фотогр. Шерера и Набгольца, грав. М. Рашевскій.

Передача посредствомъ телефона опернаго пѣнія.

(Рис. на стр. 1025 и 1026).

Телефоны оказавшіе уже такъ много услугъ и примѣняемые къ столь разнообразнымъ практическимъ цѣлямъ, находятся теперь во второмъ періодѣ своего развитія. Первый періодъ относится къ 1876 году, когда въ первый разъ огласилось геніальное изобрѣтеніе говорящаго телефона Белля. Въ этомъ первоначальномъ приборѣ нужно было говорить и слушать въ особо устроенный для того амбушюръ. Открытіе микрофона Юза положило начало второму еще болѣе плодотворному періоду, который особенно ознаменовался, въ практическомъ отношеніи, возможностью передачи посредствомъ телефона опернаго и концертнаго пѣнія. Въ первый разъ это примѣненіе, въ самомъ широкомъ размѣрѣ, имѣло мѣсто въ Парижѣ на международной электрической выставкѣ 1881 года, гдѣ можно было въ особыхъ аудиторіяхъ (одна изъ такихъ аудиторій изображена на нашей картинкѣ (фиг. IV) слушать представленія Большой Оперы. Четыре залы были предназначены для этой цѣли, увѣшанныя восточными коврами и съ поломъ устланнымъ пушистымъ ковромъ. Каждая такая зала освѣщалась электрической люстрой и въ нее впускалось заразъ не болѣе двадцати слушателей.

Телефонъ въ театрѣ. Фиг. 1. Микрофонъ Юза.



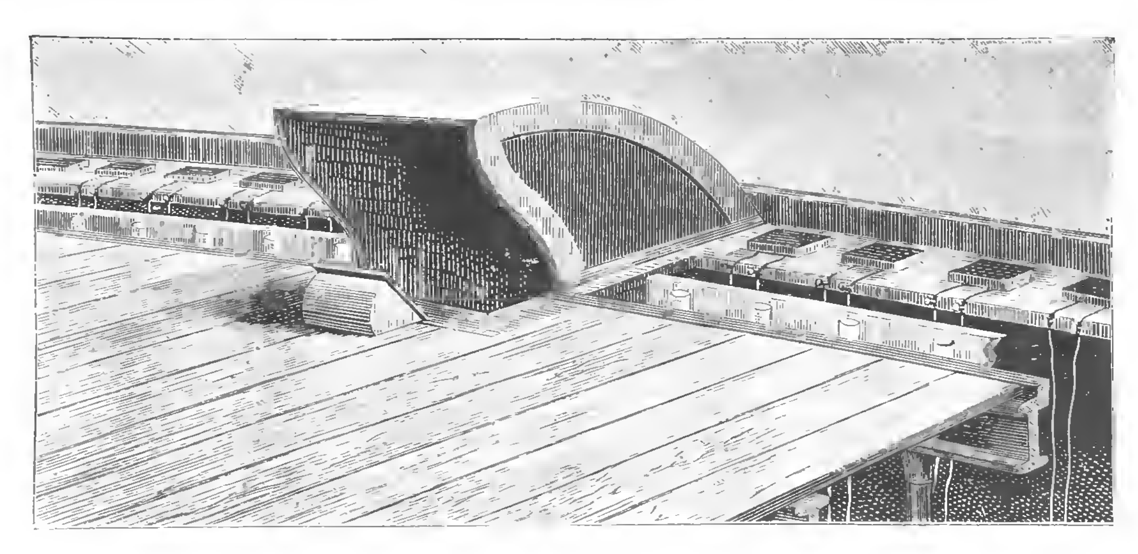
Телефонъ въ театрѣ. Фиг. 2. Діаграмма телефонныхъ аппаратовъ.

Самое устройство телефоновъ взялъ на себя Брегетъ по системѣ Адера и по новизнѣ дѣла а также по сложности аппаратовъ оно обошлось около ста тысячъ франковъ. Начало телефоннаго сообщенія на выставкѣ оповѣщалось особымъ телефоннымъ извѣстителемъ (avertisseur) и посѣтители затѣмъ становились на опредѣленныя мѣста, прикладывали къ каждому

уху по телефону и внимательно начинали прислушиваться къ долетающимъ звукамъ, передаваемымъ съ полною отчетливостью и ясностью обыкновеннымъ электрическимъ проводникомъ. Послѣ каждыхъ двухъ минутъ слушатели мѣнялись, причемъ токъ съ помощью коммутатора направлялся въ сосѣднюю залу, къ услугамъ другой части публики. Отчетливость передачи превзошла всѣ самыя смѣлыя ожиданія; слышны были явственно не только голоса артистовъ, но даже ихъ шаги и кромѣ того говоръ и рукоплесканія толпы, наполнявшей театральную залу.

Но какъ же достигли такого блестящаго результата?

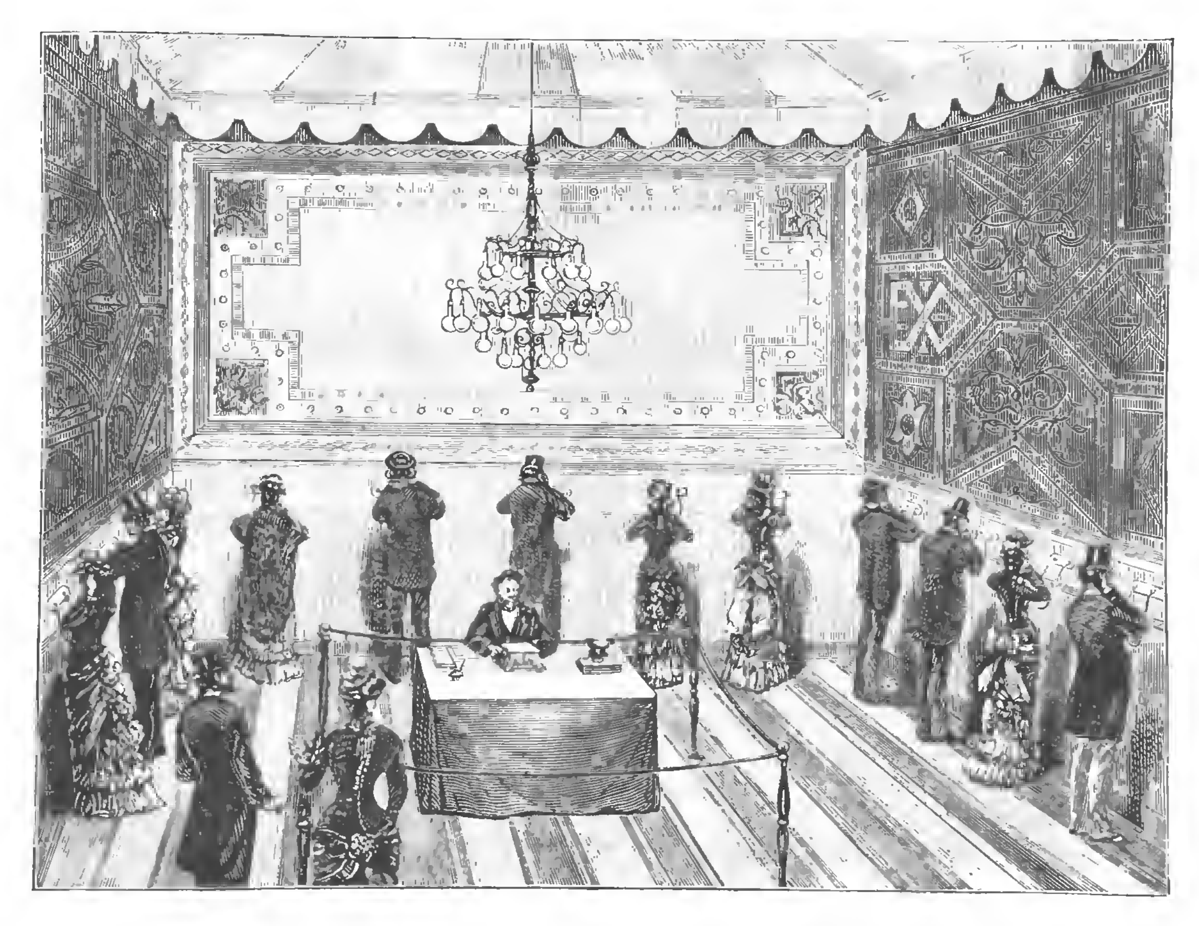
Мы уже выше упоминали, что передаточные приборы были устроены по системѣ Адера; они помѣщались на авансценѣ по обѣимъ сторонамъ суфлерской будки (см. фиг. 3) и были прикрѣплены къ свинцовымъ подставкамъ, покоющимся на каучуковыхъ ножкахъ, для устраненія неудобствъ колебанія пола. Это дѣлалось въ тѣхъ видахъ, что во время танцевъ въ оперѣ, полъ сильно колеблется, отчего въ телефонахъ происходитъ трескотня, уничтожающая всю иллюзію, всю прелесть и отчетливость передаваемыхъ звуковъ. Каждый изъ передающихъ приборовъ состоитъ изъ 10 угольковъ, расположенныхъ въ два параллельно соединенныхъ ряда, по пяти въ каждомъ, и введенныхъ въ цѣпь баттареи Лекланше. Колебанія голоса передавались угольком посредствомъ еловой дощечки, на которой были расположены микрофоны системы Юза. Установка батарей не отличалась ничѣмъ особеннымъ; онѣ помѣщались для удобства подъ сценой и по причинѣ поляризаціи мѣнялись каждую четверть часа. Эта перемѣна достигалась посредствомъ перемѣщенія коммутатора, доставлявшаго передаточному аппарату токъ свѣжей баттареи.



Телефонъ въ театрѣ. Фиг. 3. **Передаточные аппараты на оперной сценѣ.**

Адеру удалось первому, путемъ долгихъ усилій и опытовъ, преодолѣть главное затрудненіе—чтобы сильные звуки не заглушали слабыхъ. Этого онъ достигъ посредствомъ особаго расположенія микрофоновъ, не измѣняя впрочемъ, ихъ основнаго устройства, изображеннаго на нашемъ рисункѣ (см. фиг. 1).

При такомъ расположеніи аппаратовъ и при ихъ усовершенствованіи, Адеру удалось достигнуть неожиданныхъ акустическихъ эффектовъ. При слушаніи двумя ушами въ два телефона получалась необычайная рельефность и сосредоточенность звука,



Телефонъ въ театрѣ. Фиг. 4. **Телефонная аудиторія на электрической выставкѣ.**

которыхъ получить однимъ телефономъ не было никакой возможности. Кромѣ того при этомъ устройствѣ слушающій тотчасъ же составлялъ себѣ полное понятіе о разстояніи звучащаго предмета, всѣ говорящіе лица занимали въ его воображеніи опредѣленіе мѣста и даже не трудно было услѣдить за каждымъ изъ ихъ перемѣщеній. Эта замѣчательная иллюзія, которая мѣтко названа *слуховой перспективой*, легко объясняется слѣдующимъ образомъ:

Всѣмъ почти извѣстно устройство и эффектное дѣйствіе стереоскопа, дающаго рельефность любому изображенію; тоже самое происходитъ въ данномъ случаѣ относительно слуха. Представимъ себѣ, что на сценѣ расположены два микрофона (см. фиг. I) находящіеся на извѣстномъ между собою разстояніи. Эти два микрофона, посредствомъ проводниковъ, передаютъ звуки двумъ обыкновеннымъ телефонамъ (см. ф. II), изъ которыхъ одинъ предназначается для праваго уха, другой для лѣваго, такъ что слушатель, вдали отъ сцены, получаетъ въ обоихъ слуховыхъ органахъ совершенно отдѣльное впечатлѣніе. Когда актеръ говоритъ или поетъ на сценѣ напр. въ A (ф. II) то ближайшій къ нему телефонъ m' передаетъ звукъ болѣе интенсивнымъ образомъ нежели сосѣдній ему m' и обратно, если пѣніе происходитъ въ точкѣ a' то яснѣе передаетъ ихъ микрофонъ m': при переходѣ же актера съ одного мѣста на другое, впечатлѣніе измѣняется сообразно удаленію или приближенію къ тому или другому микрофону: тоже самое замѣчается и при перемѣщеніи нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ. Практически этотъ эффектъ достигался такимъ образомъ: въ оперѣ съ каждой стороны суфлерской будки на авансценѣ расположено было по пяти микрофоновъ съ каждой стороны и всякій изъ нихъ имѣлъ свой подземный кабель и свою баттарею (ф. III). Проводники, по переходѣ въ телефонную залу, примыкали къ восьми телефонамъ, такимъ образомъ, чтобы каждый слушатель получалъ для каждаго уха отдѣльное впечатлѣніе; тоже самое наблюдалось и въ отношеніи микрофоновъ. На каждой дощечкѣ, вдѣланной въ стѣнѣ аудиторіи, находилось по парѣ телефоновъ, изъ коихъ лѣвый сообщался съ лѣвымъ микрофономъ на сценѣ а правый—съ правымъ. Каждая такая дощечка, снабженная двумя телефонами, предназначалась для одного слушателя. Все же устройство вообще, заключало въ себѣ 160 телефоновъ для 80 слушателей, считая по 20 въ каждой залѣ; микрофоновъ же, дѣйствовавшихъ въ одно время, было десять. При такомъ количествѣ аппаратовъ и способѣ ихъ размѣщенія не терялась ни малѣйшая доля звука и эффектъ получался дѣйствительно поразительный.

На нашей Петербургской электрической выставкѣ прошлаго года, бывшей въ зданіи Солянаго городка, также было устроено телефонное сообщеніе со сценой Большаго театра. Это сообщеніе состоялось при довольно скромныхъ размѣрахъ и средствахъ, соединеніемъ обоихъ пунктовъ воздушной линіей на жердяхъ, но тѣмъ не менѣе дало очень удовлетворительные результаты. Вообще, можно теперь смѣло сказать, что телефонъ не замедлитъ скоро вступить въ третью степень своего развитія когда онъ будетъ передавать звуки громко и на далекомъ разстояніи, что сдѣлаетъ возможнымъ каждому спокойно и удобно, въ своей квартирѣ, слышать оперы и концерты любаго изъ городскихъ театровъ.

Политическое обозрѣніе.

Герцеговина. -Болгарія.—Румелія.—Покушеніе на жизнь короля Милана.—Египетъ.—Франція.—Германія. Норвегія.

Въ Герцеговинѣ происходитъ теперь то, чего, конечно, и надо было ожидать: возобновленіе возстанія, появленіе инсургентскихъ отрядовъ тамъ, откуда ушли австрійскіе отряды. Они ушли именно изъ горныхъ мѣстностей. Четы усташей состоятъ изъ дезертировъ, или молодыхъ людей, уклонившихся отъ воинской повинности; ими командуютъ Омеръ Сакати, Міятъ Курловичъ, Бярактаръ Бандичъ, Вухъ Церичъ, Кильякичъ. Недавно этотъ послѣдній атаковалъ патруль; но, повидимому, дѣло, довольно жаркое, не привело ни къ чему рѣшительному: вообще, дѣятельность четъ ограничивается тѣмъ, пока, что производятъ нападенія на жандармскіе посты и небольшіе патрули: онѣ, главнѣйше, сосредоточиваются въ южныхъ округахъ. Предводители заявили въ Цетиньи, что не желаютъ больше слѣдовать указаніямъ Черногорскаго правительства.

Князь Николай велѣлъ начать сооруженіе стратегическихъ дорогъ между Вирбазаромъ, Антивари, Рѣкой и Дульциньо, а также и къ работамъ по Антиварской гавани: работы эти поручены выходцамъ изъ Австріи и находящимся въ Черногоріи инсургентамъ.

Болгары и турки еще никакъ не могутъ мирно ужиться вмѣстѣ: не такъ давно мы сообщали о набѣгѣ турокъ на болгарскія деревни, теперь то же самое сдѣлали болгары—они разграбили нѣсколько турецкихъ поселеній. Между Болгарскимъ правительствомъ и Портой возникло недоразумѣніе по поводу порядка дипломатическихъ сношеній, но оно уже улажено: отнынѣ Болгарское правительство по дѣламъ чисто политическаго характера или при обсужденіи принципіальныхъ вопросовъ, будетъ сноситься непосредственно съ турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а по другимъ дѣламъ—съ соотвѣтствующими министрами.

Генералъ-губернаторъ Румеліи вскорѣ обратится къ державамъ съ ходатайствомъ объ уменьшеніи дани, платимой провинціей Турціи, такъ какъ она превышаетъ треть общихъ доходовъ.

Въ Бѣлградѣ едва не произошло страшное несчастіе: король Миланъ подвергся покушенію; его величество только что прибылъ и, встрѣченный министрами, властями, дипломатическимъ корпусомъ и многочисленной толпой народа, вступилъ въ церковь, тутъ у входа, вдова полковника Марковича, казненнаго за участіе въ Топольскомъ заговорѣ, выстрѣлила въ него въ упоръ, но, къ счастью, не попала. Королева упала въ обморокъ, ее отнесли во дворецъ, послѣ чего король тотчасъ же возвратился въ церковь на благодарственный молебенъ, событіе возбудило понятное волненіе въ странѣ.

Турція и Англія все еще переговариваются относительно Египта, Порта желаетъ удержать status quo по отношенію къ главнѣйшимъ вопросамъ; едва ли это ей удастся. Англія рѣшила, конечно, „основаться“ посолиднѣе въ завоеванной странѣ и потому, конечно, не можетъ и не станетъ удерживать прежняго порядка, что касается Франціи, то, какъ кажется, и она—уже сама—отказалась отъ своей доли въ Египтѣ, признавъ неудобство англо-французскаго контроля. Зато—ей предоставленъ Тунисъ. Тамъ Франція беретъ себѣ, въ свои руки, полное завѣдываніе всѣми дѣлами: гарантируетъ государственный долгъ, реорганизуетъ управленіе: бею и принцамъ его дома, съ которыхъ снимается забота царствованія въ родной странѣ, назначается содержаніе въ 2 милліона франковъ (бею—700 т. ф., принцамъ—1.300.000 ф.). Не выйдетъ ли изъ этого новаго Египта? Не создадутъ ли французы Тунисскаго Араби-Пашу?—Египетскому Араби далеко неприглядно; его содержатъ дурно и, мало того, оскорбляютъ, бьютъ! Недавно, одинъ изъ внуковъ хедива, ворвался къ нему ночью съ своими людьми, набросился на несчастнаго, беззащитнаго плѣнника, нанесъ ему нѣсколько ударовъ. И эти отвратительныя мерзости происходятъ въ присутствіи англичанъ, ихъ военныхъ силъ! Въ Англіи раздается много голосовъ за Араби; нѣкоторые изъ англійскихъ адвокатовъ сами предложили ему свои услуги; но англійскія власти до сихъ поръ не допускали къ нему никого а г. Мэлетъ, достопочтенный консулъ англійскій въ Египтѣ, даже не передалъ письма плѣннику. Теперь, впрочемъ, его положеніе, нѣсколько улучшилось; адвокаты къ нему допущены и, вѣроятно, обидъ и побоевъ больше не будетъ. Араби утверждаетъ, что документами докажетъ, что все что имъ совершено—совершено въ силу распоряженій свыше, которымъ онъ повиновался въ качествѣ военнаго министра. Александрію онъ защищалъ согласно рѣшенію совѣта, постановленному въ присутствіи и съ одобренія хедива и Дервиша-Паши: затѣмъ, когда хедивъ перешелъ на сторону англичанъ,—въ Каирѣ вновь собрался совѣтъ, въ которомъ приняли участіе двоюродные братья хедива—Ибрагимъ, Ахмедъ и Камилъ; совѣтъ этотъ рѣшилъ Тевфика-Пашу считать свергнутымъ съ престола и защищать Египетъ, во что-бы то ни стало, противъ иноземнаго нашествія. Италія, говорятъ, желаетъ потребовать отъ египетскаго правительства, чтобы Араби былъ преданъ гражданскому а не военному суду. По слухамъ, хедивъ помилуетъ Араби, если онъ будетъ осужденъ. Да не осужденъ-ли онъ заранѣе? Въ Суданѣ продолжается агитація лже-пророка; его войска находятся близь Хартума; тамъ, къ нимъ, присоединяется населеніе Кордофана. Хартумъ осажденъ уже въ теченіе сорока дней и войска приходятъ въ отчаяніе; мусульмане вѣрятъ, что новый пророкъ проявитъ себя 1-го мохамера (12 ноября). Если ему удастся взять Хартумъ, то ожидаютъ возстанія верхняго Судана.

Виновникъ тріестскаго покушенія, Оберданъ, приговоренъ къ смертной казни; Австрія потребовала у Италіи выдачи нѣсколькихъ другихъ ирридентистовъ, но получила отказъ.

Во Франціи, отъ времени до времени, гг. комунары напоминаютъ о себѣ ненавистнымъ для нихъ „буржуа“; въ Монго-ле-Минѣ безпорядки принимали довольно значительные размѣры и туда отправленъ 2 тысячный отрядъ; въ Ліонѣ, въ театрѣ Белькуръ были брошены бомбы.

Графъ Гацфельдъ, германскій посланникъ при султанѣ, назначенъ имперскимъ статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, государственнымъ прусскимъ министромъ и членомъ совѣта министровъ. Начавшееся избраніе выборщиковъ въ парламентъ въ Пруссіи, до сихъ поръ указываетъ на преобладаніе либеральной партіи.

Великій герцогъ Баденскій, передавшій, какъ извѣстно, на нѣкоторое время, правленіе наслѣдному принцу, вновь принялъ бразды правленія.

Въ Норвегіи давно уже замѣчается разобщенность съ Швеціей, при сильно обозначающемся стремленіи къ республиканской формѣ: хотя теперь, на выборахъ въ стортингъ, побѣда въ Христіаніи, осталась на сторонѣ консерваторовъ, но, въ общемъ ожидается успѣхъ радикаловъ, желающихъ отдѣленія отъ Швеціи и провозглашенія республики. Неужели и въ спокойной Скандинавіи надо ждать сценъ насилія, бомбъ, динамита?.

Изъ Тегерана сообщаютъ, что Обейдулла издалъ манифестъ (!) къ курдамъ, приглашая ихъ вооружиться и свергнуть тиранію Персіи; онъ стоитъ близъ Секіари съ 17 тысячами войска. Порта, наконецъ, сдѣлала распоряженіе о высылкѣ войскъ противъ него. Въ Афганистанѣ волненіе, эмиръ отправилъ отрядъ войскъ съ артиллеріей.

Библіографія.

Скобелевъ. Воспоминанія и разсказы В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1882 г. Изд. Девріена. Извѣстно, что во время русско-турецкой войны, когда рядъ блестящихъ дѣлъ выдвинулъ имя нашего знаменитаго генерала, постоянно находился при немъ авторъ настоящихъ воспоминаній. Всѣ знали и читали съ большимъ интересомъ постоянно появлявшіяся тогда въ газетахъ корреспонденціи г. Немировича-Данченко, отличавшіяся искуснымъ, живымъ и художественнымъ изложеніемъ. В. И. дѣлилъ съ отрядомъ Скобелева всѣ труды переходовъ и будучи близокъ къ генералу, знакомъ коротко съ его интимною въ то время жизнью, очень понятно могъ разсказать многое такое, что могло быть никому неизвѣстно и освѣщало бы личность нашего доблестнаго боеваго генерала наиболѣе вѣрно. Если прибавить къ этому извѣстный талантъ В. И. Немировича-Данченко какъ разсказчика, то можно рѣшить какъ интересны его воспоминанія, изданныя теперь такъ роскошно г. Девріеномъ. Имя Скобелева такъ, кромѣ того, популярно, что успѣхъ книги можно считать внѣ сомнѣнія.

Ежедневная записная книжка на 1883 годъ. Изданіе М. И. Румша. Изъ числа издаваемыхъ теперь памятныхъ и записныхъ книжекъ на будущій годъ, нельзя не отмѣтить весьма изящно изданную г. Румшемъ, тщательно отпечатанную на прекрасной бумагѣ „Записную книжку“, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ. Здѣсь есть всѣ необходимыя свѣдѣнія, обыкновенно помѣщаемыя въ такихъ книжкахъ, кромѣ того отрывные листки и листки для адресовъ, расположенные въ алфавитномъ порядкѣ, что очень удобно для подручныхъ записей и памятныхъ замѣтокъ. При этомъ и цѣна книжки недорога— 1 р. въ страницу и 85 коп. въ ½ страницы на каждый день.

Смѣсь.

Выборъ невѣсты. Англійскій король Генрихъ VII, послѣ кончины супруги своей, въ 1503 году, имѣлъ намѣреніе вступить въ бракъ съ неаполитанскою принцессою изъ аррагонскаго дома.

Другая-же принцесса, изъ того-же самаго дома, Екатерина, была обручена съ англійскимъ наслѣднымъ принцемъ и находилась въ Англіи. При пересылкѣ изъ Англіи въ Неаполь писемъ принцессы Екатерины, на посланныхъ короля Генриха VII было возложено важное порученіе, выраженное въ особой инструкціи, на которую послѣдовало отвѣтное донесеніе.

„Инструкція короля вѣрнымъ и любезнымъ слугамъ его: Френсису Мерсейну, Джемсу Брайброку и Джону Стилю, о томъ, какъ они должны вести себя въ Неаполѣ по отношенію къ королевѣ и молодой принцессѣ.

„По врученіи королевѣ писемъ отъ леди Екатерины, принцессы валлійской, они имѣютъ обратить вниманіе на королевскій дворъ и придворный штатъ, а также въ одномъ-ли дворцѣ живутъ онѣ, или каждая изъ принцессъ имѣетъ особый дворъ; кѣмъ онѣ окружены и какіе кавалеры и дамы при нихъ находятся“.

„Если посланные короля найдутъ, что королева и принцесса живутъ въ одномъ дворцѣ, то обратить вниманіе на устройство домашняго хозяйства, и какъ оно ведется. Причемъ замѣтить поступки, видъ, мины и словесные отвѣты при врученіи имъ посланныхъ писемъ, а равно степень скромности, благоразумія и важности, съ коими даны будутъ означенные отвѣты.

„Стараться узнать: говоритъ-ли молодая принцесса на какомъ-либо другомъ языкѣ, кромѣ испанскаго и итальянскаго, и не понимаетъ-ли она по французски или по латыни“.

„Особенное вниманіе обратить на лѣта, ростъ, наружность и цвѣтъ лица принцессы: не бѣлится-ли она, крѣпкаго-ли тѣлосложенія, толста или тонка, живой-ли и пріятный видъ она имѣетъ, или задумчивый и печальный; проворна или неповоротлива, не нагла ли она, и краснѣетъ-ли при разговорѣ“.

„Также замѣтить: чистый-ли цвѣтъ лица, какіе у ней глаза, брови губы и зубы, а также какой цвѣтъ волосъ“.

„Замѣтить фигуру носа, вышину и ширину лба“.

„Тщательнѣе замѣтить: какая у ней кожа, полны-ли руки, или худы, длинны или коротки“.

„Обратить вниманіе на ладони и замѣтить каковы онѣ, т. е. красивы-ли, велики или малы, полны или длинны или коротки“.

„Разсмотрѣть пальцы: длинны-ли, коротки, полны или тонки, широки въ оконечностяхъ или узки“.

„Примѣтить какая шея, т. е. длинная или короткая, толстая или тонкая“.

„Есть-ли у нея усики или нѣтъ“.

„Найти случай увидѣть принцессу, когда она бываетъ на танцахъ, — завести съ ней рѣчь и стараться подойти къ ней такъ близко, какъ только дозволитъ приличіе, чтобы можно сдѣлать заключеніе о дыханіи ея и узнать, пріятно-ли оно или нѣтъ, и не пахнетъ-ли отъ нея пряными кореньями, розовою водою или мускатнымъ орѣхомъ“.

„Замѣтить высоту роста ея и освѣдомиться носитъ-ли она туфли, и если носитъ, то доставъ одну изъ нихъ, вымѣрить ея ногу“.

„Стараться узнать: не имѣетъ-ли она какого-либо природнаго недостатка, — въ чемъ онъ состоитъ, и постоянно-ли она пользуется добрымъ здоровьемъ, или не подвержена-ли частымъ болѣзнямъ“.

„Не ведетъ-ли она интриги съ дядею своимъ королемъ аррагонскимъ, и похожа-ли она на него“.

„Собрать свѣдѣнія объ образѣ жизни ея, — достаточно-ли пьетъ она и ѣстъ,—часто-ли кушаетъ и что пьетъ вино или воду, или то и другое вмѣстѣ“.

„Поручить искуснѣйшему живописцу, какого только можно будетъ тамъ найти, списать съ принцессы сколько возможно вѣрный портретъ, и если портретъ окажется не совершенно сходнымъ, — велѣть написать другой снова“.

„Сіе вамъ повелѣваю исполнить“.

Въ донесеніи посланныхъ короля Генриха VII сказано:

„Сколько мы могли заключить по крайнему нашему разумѣнію, которое можетъ быть и ошибочно и обманчиво, мы не думаемъ чтобы принцесса бѣлилась или румянилась“.

„Видъ и черты лица ея показались намъ пріятными“.

„Кожа нѣсколько плотна и жирновата. Лицо веселое и не заключаетъ въ себѣ ничего угрюмаго; оно важно (изъ приличія), и вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысленно (по привычкѣ), но легкомысленною она кажется лишь въ движеніяхъ, а не по характеру. Неговорлива и имѣетъ степенный видъ, въ которомъ замѣчается чувство женской стыдливости“.

„Впрочемъ, мы думаемъ, что она мало говорила потому, что при ней всегда находилась королева ея мать“.

„Принцесса имѣетъ самый невинный взглядъ и, шутя въ разговорѣ съ своими фрейлинами, повидимому, не обращала на насъ вниманія“.

„Глаза у ней каріе, брови черныя, или близкія къ чернымъ“.

„Носъ довольно длиненъ: середина его нѣсколько выдается впередъ; а нижняя часть остроконечна, и какъ-бы усиливается соединиться съ верхнею губою“.

„Мы часто видѣли и цѣловали обнаженную руку принцессы; рука нѣжная на прикосновеніе, пріятно округленная и имѣетъ чистую кожу“.

„Вокругъ рта ея, незамѣтно ни одного волоска, а лишь небольшой пушокъ“.

„Что-же касается до дыханія, то мы не могли подойти къ принцессѣ настолько близко, чтобы вполнѣ удостовѣриться относительно дыханія, однакожь разговаривали съ ней на разстояніи столь близкомъ, какъ только дозволяло приличіе, и можемъ завѣрить что не слыхали отъ нея запаха ни пряныхъ кореньевъ, ни розовой воды, и по розамъ устъ ея, по лилейной бѣлизнѣ щекъ и по свѣжести рта, — убѣдились (по крайней мѣрѣ судя по наружности) въ томъ, что она пользуется прекраснымъ здоровьемъ и веселымъ расположеніемъ духа“.

„Что-же касается до роста, то мы не могли узнать, какъ высоки носитъ она каблуки; относительно-же ноги, судя по кончику ея, который по длиннотѣ платья принцессы, только мы и могли видѣть, что нога прекрасная и чрезвычайно малая“.

„Наконецъ кушаетъ принцесса дважды въ день и понемногу, а пьетъ обыкновенно воду съ прибавленіемъ небольшаго количества вина или пряного настоя“.

Четырнадцатиэтажный домъ, построенный недавно въ Лондонѣ въ новомъ кварталѣ, близъ Вестминстерскаго аббатства представляетъ собою одно изъ колоссальныхъ частныхъ сооруженій, такъ какъ онъ имѣетъ высоты до 40 метровъ и кромѣ своихъ четырнадцати ярусовъ занимаетъ еще два яруса подъ землею, гдѣ устроены погреба для всего дома. Болѣе пятисотъ оконъ выходятъ на улицу и на обширные внутренніе дворы, а гидравлическая подъемная машина даетъ возможность жильцамъ и посѣтителямъ быстро подниматься въ какіе угодно этажи. Такъ, чтобы достигнуть самаго верхняго этажа требуется не болѣе двухъ минутъ времени; отсюда открывается великолѣпная панорама, особенно въ свѣтлую и ясную погоду. Впрочемъ послѣдняя рѣдко стоитъ въ туманномъ Лондонѣ и обитатели верхнихъ этажей большую часть года проводятъ окутанные кругомъ облаками, какъ какіе нибудь аэронавты.

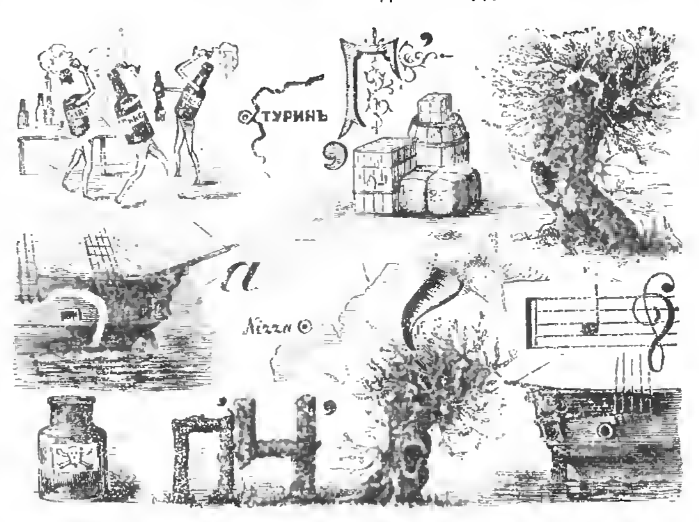
Плавучая выставка. Недавно сообщалось во многихъ иностранныхъ газетахъ, что одна англійская торговая фирма задумала организовать плавучую выставку разнаго рода товаровъ. Этотъ проектъ теперь уже близокъ къ своему осуществленію. Пароходъ „Вице-Король“ въ 3000 тоннъ снаряженъ уже для этой цѣли въ Лондонѣ и уже нагружается самыми разнообразными товарами англійскаго производства. Предпринявъ кругосвѣтное плаваніе, онъ будетъ на своемъ пути останавливаться во всѣхъ главныхъ гаваняхъ. Цѣль

этого совершенно новаго по мысли вредвріятія — познакомить наглядно иноземныхъ покупателей съ мануфактурными произведеніями Лондона, Бирмингама, Манчестера и другихъ главныхъ промышленныхъ центровъ Англіи и такимъ образомъ избавить ихъ отъ необходимости далекаго и дорогаго путешествія. Какъ каюты, такъ и вся почти палуба „Вице-Короля“ будетъ обращена въ помѣщеніе для выставки и англійскіе коммерсанты вообще надѣются на большой успѣхъ этой новинки и на благопріятное ея вліяніе па развитіе бритаcской промышленности, обезпечивающее быстрый сбытъ ея произведеній.

Производство въ Англіи велосипедовъ вринимаетъ громадные размѣры, причемъ фабриканты стараются всѣми силами разнообразить и усовершенствовать механизмъ своихъ издѣлій. Довольно сказать, что въ настоящее время существуетъ болѣе четырехъ сотъ гиповъ двухколесныхъ велосипедовъ и болѣе сотни трехколесныхъ, имѣющихъ каждый свое особенное названіе и спеціальную привиллегію. Велосипедъ самой простой системы состоитъ болѣе нежели изъ ста пятидесяти отдѣльныхъ частей, а въ усовершенствованномъ велосипедѣ число такихъ частей болѣе трехсотъ. Чтобы дать понятіе объ распространенности фабрикаціи велосипедовъ въ одной лишь Англіи, довольно будетъ привести распредѣленіе ихъ по различнымъ городамъ королевства. Такъ въ Шефильдѣ существуетъ 5 велосипедныхъ фабрикъ; въ Бирмингамѣ 15; въ Лондонѣ 26; въ Ноттингамѣ 5. въ Ковентри 13; въ Уонвергамитонѣ 21, въ Брайтонѣ 3, въ Манчестерѣ 5, въ Линчестерѣ 4: въ Бристолѣ 3 и въ другихъ гораздо болѣе 40, не считая мелкихъ мастерскихъ. въ которыхъ эти издѣлія производятся въ маломъ количествѣ.

Земля—на вѣсъ золота. Недавно въ Лондонѣ, въ Сити, продано было нѣсколько тысячъ квадратныхъ футовъ земли, вмѣстѣ съ развалинами одной старинной церкви, причемъ каждый акръ обошелся въ 500 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (т. е. по нынѣшнему курсу—5 милліоновъ рублей, или 10 милліоновъ марокъ).

РЕБУСЪ. Задача № 77.



Открыта подписка на 1883 годъ.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

„НИВА“

XIV годъ.

Для помѣщенія въ „Нивѣ“ въ будущемъ **1883** году, **кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ и литературныхъ произведеній. между прочимъ, имѣется НОВАЯ ПОВѢСТЬ**

ИВАНА СЕРГѢЕВИЧА ТУРГЕНЕВА

которую онъ, согласно его письму отъ 24 сентября (6 октября) изъ Буживаля (близъ Парижа), надѣется доставить въ редакцію **НЫНѢШНЕЮ ЗИМОЮ.**—Также находится уже у насъ въ портфелѣ прекрасная новая повѣсть знаменитаго автора **„Переселенцевъ“** и **„Антона Горемыки“**.

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

и кромѣ того мы имѣемъ **цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній.** изъ которыхъ пока поименуемъ только слѣдующіе: **„ПОДЪ КОЛЕСОМЪ“** новый романъ **Н. Д. АХШАРУМОВА**. изъ современной жизни: **„ВЪ ЦВѢТАХЪ“** большая повѣсть **Н. К. Лебедева: „ОТЪѢЗЖЕЕ ПОЛЕ“**, необыкновенное путешествіе. въ трехъ книгахъ: 1) Степи, 2) Долины, 3) Горы—романъ **Н. Н. Каразина; „БАГРОВАЯ ПЫЛЬ“**, большая повѣсть **П. Петрова**, автора имѣвшей въ прошломъ году такой успѣхъ повѣсти „Горные Орлы“; историческій романъ **„ПОЛКОВНИКЪ ИЗЪ ЗОЛОТОНОШИ“, Н. Кирилова**, изъ эпохи греческаго возстанія, съ чрезвычайно интереснымъ содержаніемъ: **„НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ“** и **„ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА“**, двѣ повѣсти **П. П. Гнѣдича:** и многія другія. Какъ **ПРЕМІЮ на будущій 1883 годъ**, мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ безъ исключенія и когда-бы они ни представили свои подписки—кромѣ большаго стѣннаго календаря на 1883 годъ, очень большую, роскошную олеографію съ новой исторической картины блестящеталантливаго профессора **В. И. ЯКОБІЯ**.

КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ.

Картина эта написана по заказу „Нивы“; сюжетъ заимствованъ изъ исторіи XVIII вѣка. Великолѣпныя копіи-олеографіи будутъ такого-же огромнаго размѣра какъ и премія настоящаго года, именно 62 сант. ширины и $82^1/_2$ сант. высоты. Изображеніе Императрицы Екатерины въ ея пріемной и воздушная фигура юной великой княжны и красавца-короля—прелестны. Эффекты освѣщенія изящной. роскошной, розовой комнаты лучемъ солнца изъ полуотворенной двери, поражаютъ мастерствомъ. Надъ копіями съ этой картины уже нѣсколько мѣсяцевъ работаютъ въ мастерской и черезъ нѣсколько недѣль выставится въ конторѣ редакціи оригиналъ картины **рядомъ** съ копіей. такъ чтобы каждый подписчикъ могъ самъ убѣдиться въ достоинствѣ какъ картины такъ и копіи.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ **поторопиться возобновленіемъ подписки,** такъ какъ при общемъ числѣ около 75,000 подписчиковъ, приготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

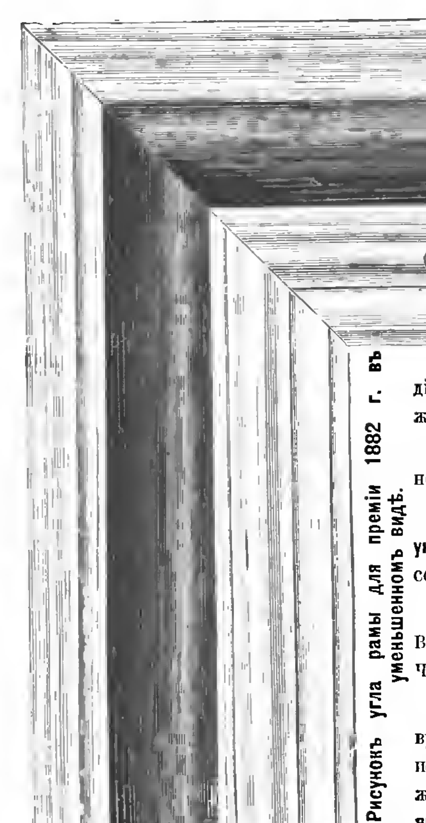
Всѣ требованія адресовать въ **Главную Контору Редакціи „Нива“. (помѣщается въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул, д. № 9). Подписная цѣна за годовое изданіе. „Нивы“ показана на 1-й страницѣ сего №.**

Издатель „Нивы“ **А. Ф. МАРКСЪ.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ однаго города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.



Рисунокъ угла рамы для преміи 1882 г. въ уменьшенномъ видѣ.

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ" 1882 Г.

Вслѣдствіе желанія, выраженнаго весьма многими изъ нашихъ подписчиковъ—получить премію въ рамкѣ—мы заказали **нѣсколько тысячъ** рамъ въ русско-американскомъ багетномъ и рамочномъ заведеніи г. Ч. Гофмана для преміи „Нивы" **1882 г.**

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ".

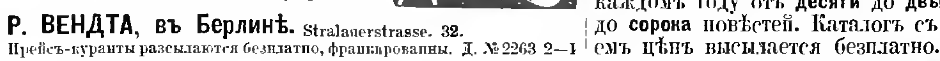
Золоченый багетъ этихъ рамъ, съ черно-лакированной полосой посрединѣ, имѣетъ ширины въ діаметрѣ **2⅛** вершка, а по позолоченой сторонѣ **3** вершка (рисунокъ угла рамки изображенъ тутъ же), а вся рама имѣетъ вышины **20½** вершковъ, а ширины **17** вершковъ.

Рамы сдѣланы во всѣхъ отношеніяхъ тщательно и по своему солидному размѣру и изяществу—не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Только при такомъ громадномъ заказѣ мы имѣемъ возможность такую раму **со вставленною и укрѣпленною, какъ всѣ масляныя картины, на подрамки, наклеенною на полотно** картиною, т. е. совершенно готовою для помѣщенія на стѣнѣ, предложить **за 5 рублей.**

Гг. С.-Петербургскіе городскіе подписчики, желающіе пріобрѣсти эти рамы со вставленною картиною, благоволятъ возвращать, при требованіи рамъ, уже полученную ими картину.

Гг. **иногородные** подписчики, желающіе выписать эту раму для преміи, могутъ пріобрѣсти таковую въ четырехъ кускахъ—которые составляются на мѣстѣ прочнымъ и удобнымъ способомъ, безъ помощи столяра—съ тщательной укупоркой въ ящикѣ и пересылкой **за 9 рублей.** Гг. иногородные, желающіе пріобрѣсти такую раму, уже составленною и готовою, могутъ ее получить **въ большомъ ящикѣ только за 15 рублей,** по дороговизнѣ почтовой пересылки.



И. АНТОНОВЪ и К°.

СПБ. Невскій просп., № 38 (уголъ Михайловской ул.)

Магазины новостей уже открыты для публики.

ОСЕННІЙ СЕЗОНЪ.

Торговый домъ И. Антоновъ и К° поставляетъ своею задачею установить въ Петербургѣ торговлю дамскими модными издѣліями и тканями, въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, въ какихъ до сихъ поръ оно еще не производилось въ Россіи. Особенности новаго предпріятія будутъ состоять въ томъ, чтобы удовлетворить наиболѣе взыскательнымъ требованіямъ покупательницъ, придающихъ особое значеніе не только добротѣ матеріала, но и новизнѣ замысла, по изготовленію и отдѣлкѣ платьевъ, костюмовъ, бальныхъ и свадебныхъ нарядовъ, также и Confections мѣховыхъ шубокъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И. АНТОНОВЪ и К°.

устроилъ спеціальный, траурный отдѣлъ (maison de deuil) въ которомъ по требованію, по имѣющимся моделямъ, въ теченіи однихъ сутокъ будутъ изготовляемы траурные наряды со всѣми къ нимъ, до мельчайшихъ подробностей, приложеніями.

Желая дать возможность покупателямъ имѣть постоянно передъ глазами послѣдніе образцы новостей, выдѣляющихся какъ художественностію исполненія, такъ и изяществомъ вкуса, торговый домъ И. Антоновъ и К° открылъ впервые отдѣлъ, подъ наименованіемъ

„ВЫДАЮЩІЯСЯ НОВОСТИ“.

(Hautes nouveautés).

Торговый домъ И. Антоновъ и К°, войдя въ непосредственныя сношенія съ Парижемъ, Ліономъ и Москвою, призналъ необходимымъ дать особое широкое развитіе отдѣлу шелковыхъ и шерстяныхъ тканей. Огромный выборъ матерій, новизна рисунковъ, изящество вкуса и дешевизна цѣнъ въ совокупности разсчитаны на удовлетвореніе возможно-большаго числа покупателей. Въ виду значенія, которое въ предпріятіи, посвященномъ дамскимъ модамъ, должны имѣть мѣха.

ПРІОБРѢТАЯ
ЗНАЧИТЕЛЬНЫЯ ПОКУПКИ
ЗА ГРАНИЦЕЮ И ВЪ РОССІИ

изъ первыхъ рукъ на наличныя деньги, И. Антоновъ и К° поставленъ въ возможность установить цѣны дешевыя, почти фабричныя, при непремѣнномъ условіи, неизбѣжномъ въ каждомъ солидномъ предпріятіи, однажды объявленную цѣну признать рѣшительною, prix fixe, публика должна быть увѣрена, что объявленная ей цѣна такая, ниже которой торговля представлялась бы невозможною.

Въ увѣренности, что лучшею рекламою новаго предпріятія является сама постановка дѣла, торговый домъ И. Антоновъ и К° приглашаетъ къ обзору своихъ магазиновъ новостей всѣхъ лицъ, желающихъ ознакомиться съ новымъ предпріятіемъ новостей.

Confections (модели) Marcade, Auberlut, Worth, Hentenaar, Abel, Martin и пр. **Шубки, пальто, ротонды** изъ драпа. шелковыхъ матерій, бархата, плюша, cachemire des Indes и проч.

SORTIES DE BAL
съ роскошными отдѣлками.

ШЕЛКОВЫЯ И ШЕРСТЯНЫЯ МАТЕРІИ.
Indienne, In leil Vigogne Damassé. Broché, Moire de France. „Выдающіяся новости“ (Hautes Nouveautés) Lilk Scharol, Drap de Kars. Drape cordmua, Satin éclaire, Velours ottoman, Satin duchesse, Pluche ramaçés escaler broché и т. п.

КОСТЮМЫ порт. домов.
Hemery, Augustine, Madgenta, Grand Georg и пр.

БАЛЬНЫЯ И СВАДЕБНЫЯ ВЕЩИ
ГОТОВЫЯ И НА ЗАКАЗЪ.

МѢХА
Лисьи. Собольи, Чернобурые, Плюшевые и проч.

МУФТЫ
БОА.
ОРЕНБУРГСКІЕ
ПЛАТКИ.

ТРАУРЪ.
MAISOU DE DEUIL.

Рѣшительныя цѣны торговаго дома И. Антоновъ и К° будутъ обозначены на каждомъ товарѣ цифрами. Для иногороднихъ покупателей, выписывающихъ

на сумму 50 руб.

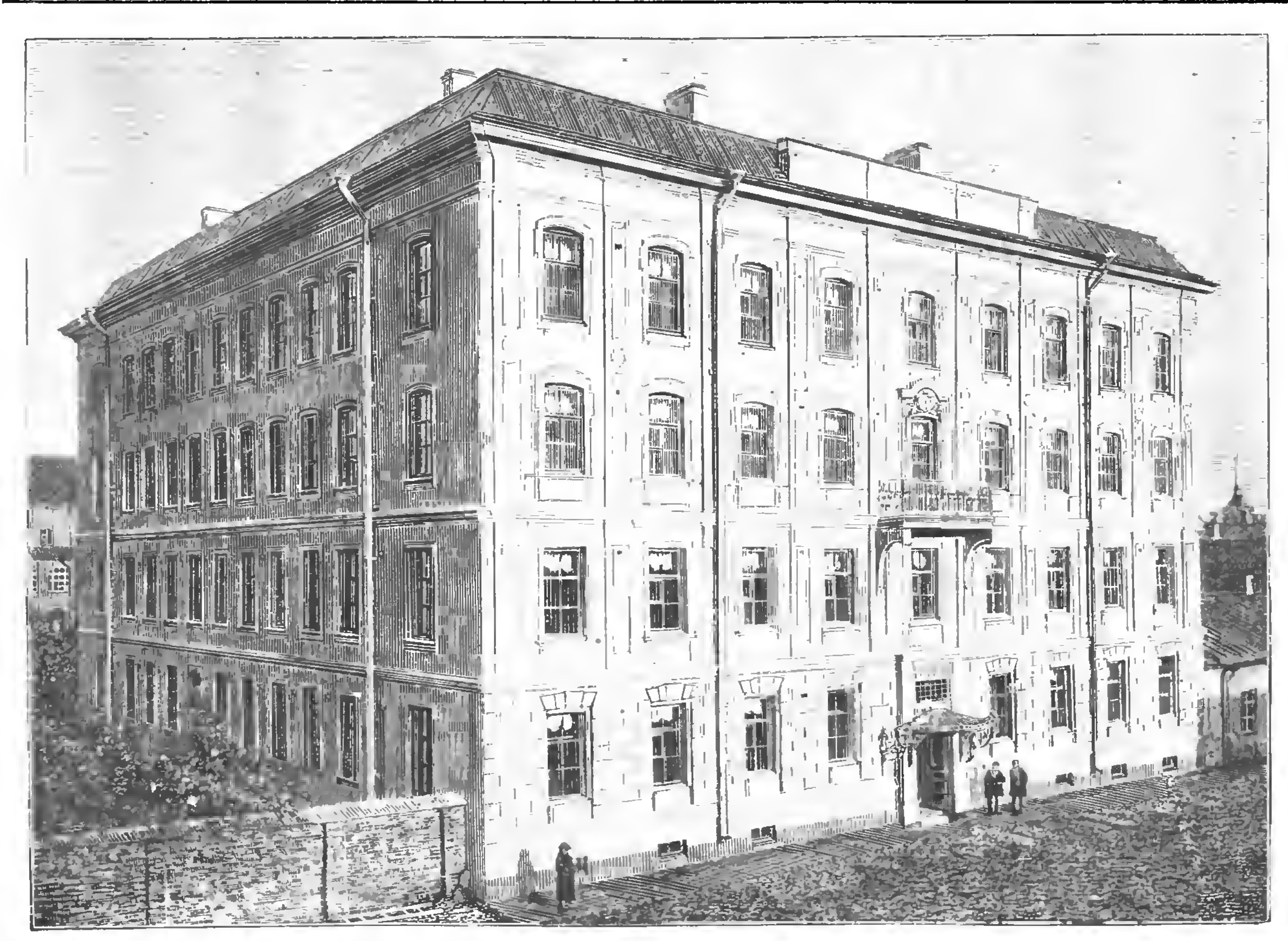
почтовые разсчеты Торговый Домъ И. Антонова и К° принимаетъ на свой счетъ. № 2261

Дозволено цензурою. СПБ. 20 октября 1882 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5.

XIII годъ | № 44 | годъ XIII | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 30 Октября 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.



Коллегія Имп. Александра II для студент. Спб. Университета, устроенная С. С. Поляковымъ, открыта 3 Октября 1882 г. Съ фот. грав. Рашевскій

Коллегія Императора Александра II.

Съ открытіемъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ коллегіи имени Императора Александра II, предназначенной для общежитія студентовъ, наша нуждающаяся учащаяся молодежь пріобрѣтаетъ громадное подспорье для внешнѣ обезпеченнаго и даже комфортабельнаго существованія. Здѣсь она получаетъ теплое и сухое помѣщеніе, хорошую, питательную пищу и кромѣ того, живя вблизи университета, можетъ пользоваться множествомъ удобствъ для своихъ научныхъ занятій. Потребность такого учрежденія для студентовъ нашего университета давно сознавалась какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ образованномъ обществѣ, но только въ 1879 году явилась возможность при содѣйствіи извѣстнаго капиталиста С. С. Полякова приступить къ выполненію давно задуманной цѣли. С. С. Поляковъ пожертвовалъ на сооруженіе коллегіи 150,000 руб. и кромѣ того 50,000 на ея содержаніе, причемъ проценты съ этаго капитала должны идти собственно на поддержаніе дома. 12-го іюля 1879 года жертвователь представилъ записку на имя бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого вмѣстѣ съ проектомъ „Основныхъ правилъ коллегіи“. Такое крупное пожертвованіе разомъ дало возможность учредить коллегію въ самомъ непродолжительномъ времени; особая коммисія въ теченіи февраля 1880 года выработала уже въ окончательной формѣ основныя правила для учрежденія коллегіи, а 14-го марта того же года они удостоились и Высочайшаго утвержденія. Коллегія учреждалась въ память пребыванія Государя Императора на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Болгаріи во время минувшей восточной войны и въ память достославнаго двадцатипятилѣтія Его царствованія и потому ей присвоивалось наименованіе „Коллегіи Императора Александра II“. Вслѣдъ затѣмъ на особую коммисію возлагалось составленіе плана зданія, главное наблюденіе за ходомъ постройки и составленіе какъ устава коллегіи такъ и правилъ для общежитія въ ней студентовъ. Всѣ эти задачи были выполнены въ самый непродолжительный срокъ: 28-го сентября 1880 года совершилась закладка зданія коллегіи, а къ лѣту 1881 года оно было уже совершенно готово, такъ что можно было приступить къ его внутренней, окончательной отдѣлкѣ. 13-го августа 1882 года удостоился Высочайшаго утвержденія уставъ коллегіи и въ то же время были составлены и правила для общежитія студентовъ. По уставу Коллегія имѣетъ цѣлью „предоставить удобнѣйшіе и надежнѣйшіе способы къ научнымъ занятіямъ тѣмъ изъ недостаточныхъ студентовъ, которые удостоятся за свои успѣхи и поведеніе помѣщенія въ общежитіе по рекомендаціи университетскаго начальства. Коллегія предназначается для общежитія ста студентовъ стипендіатовъ и пятидесяти своекоштныхъ и ея средства образуются изъ отчисленія въ ея капиталъ ста годовыхъ Императорскихъ стипендій по 300 руб. каждая. Ту же сумму будутъ платить и своекоштные студенты за свое содержаніе въ Коллегіи.

Красивое и обширное зданіе Коллегіи построено по плану и подъ наблюденіемъ профессора архитектуры *Гедике* и возведено на участкѣ университетской земли, прилегающей къ такъ называемой „русской флорѣ“, примыкаетъ перпендикулярно къ зданію Университета, вплоть до стѣны, отдѣляющей университетскую землю отъ земли принадлежащей Вѣдомству военно-учебныхъ заведеній.

Зданіе коллегіи представляетъ прямоугольникъ имѣющій 14½ саженъ длины и 16 саженъ ширины. Главный фасадъ его обращенъ на проѣздъ между Павловскимъ училищемъ и зданіями Историко-филологическаго Института и Университета. Зданіе коллегіи четырехэтажное, съ высокими подвалами, часть которыхъ занята сторожами, а также предназначена для храненія верхняго платья студентовъ. Въ первомъ этажѣ съ правой стороны отъ входа, по фасаду обращенному къ Филологическому Институту, помѣщается квартира помощника инспектора, имѣющаго ближайшее наблюденіе за коллегіей и всѣ хозяйственныя помѣщенія, какъ-то: кухня, кладовая и проч.; съ лѣвой же стороны прилегающей къ саду, вдоль корридора идутъ комнаты студентовъ, а сзади за капитальной стѣной помѣщается пріемный покой. Во второмъ этажѣ кругомъ всего зданія расположены комнаты студентовъ и только задняя сторона занята буфетомъ и столовой, вмѣщающей 150 человѣкъ.

3 октября коллегія была торжественно открыта. На освященіи присутствовали министры: народнаго просвѣщенія, юстиціи и морской, члены государственнаго совѣта, въ томъ числѣ графъ П. А. Валуевъ, сенаторы, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, попечитель петербургскаго учебнаго округа, много высокопоставленныхъ лицъ, большинство профессоровъ университета, много студентовъ, представители города, суда и много приглашенныхъ лицъ.

Торжество началось въ зданіи коллегіи. Въ большой столовой залѣ, архіепископомъ варшавскимъ, преосвященнымъ Леонтіемъ, совершена была панихида по покойномъ Государѣ Императорѣ и молебенъ. Передъ началомъ богослуженія, профессоромъ университета, протоіереемъ В. Г. Рождественскимъ, сказано было краткое слово: въ немъ почтенный проповѣдникъ сдѣлалъ оцѣнку того благодѣянія, какое найдетъ наше учащееся юношество въ возникающемъ учрежденіи и на патріотическое значеніе александровской коллегіи, какъ памятникъ покойному Государю.

По окончаніи богослуженія, гости приглашены были въ зданіе университета, гдѣ, въ большой актовой залѣ, приготовленъ былъ роскошно сервированный завтракъ. Послѣ тостовъ за Государя Императора и Августѣйшую семью, провозглашены были тосты за процвѣтаніе университетовъ, за преуспѣяніе возникающей коллегіи: немало было высказано пожеланій жертвователю, С. С. Полякову, которому коллегія обязана своимъ существованіемъ. Однимъ изъ первыхъ говорилъ министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, который обратилъ вниманіе на то, что уже изстари щедрая благотворительность является у насъ на помощь предначертаніямъ правительства. Попечитель петербургскаго учебнаго округа, г. Дмитріевъ, въ своей рѣчи высказалъ мысль, что возникающая коллегія будетъ способствовать упроченію связи между студентами и университетомъ.

Въ пять часовъ пополудни, въ столовой залѣ коллегіи состоялся обѣдъ для студентовъ-стипендіатовъ. На обѣдѣ присутствовали: попечитель учебнаго округа, ректоръ университета, инспекторъ студентовъ, всѣ члены строительной коммисіи.

Однимъ изъ студентовъ былъ прочтенъ адресъ, обращенный къ С. С. Полякову. Присутствующими на праздникѣ была послана телеграмма Государю Императору, на которую и удостоились получить отвѣтъ съ пожеланіемъ успѣха коллегіи.

Бѣлый сатана.

Повѣсть **Н. К. Лебедева.**

(Продолженіе).

Встрѣтивъ молодаго Черноруцкаго у Трусовыхъ, гдѣ Шиховъ намѣревался блистать одинъ, безъ такого опаснаго соперника, красиваго, разодѣтаго и бойкаго на языкъ,—онъ мгновенно возненавидѣлъ его всѣми силами своей души. И зачѣмъ только его сюда принесло? задавалъ себѣ вопросъ не знаю въ который разъ Шиховъ, опускаясь на стулъ, стоявшій у двери въ переднюю. Лукаво посматривая на сконфуженнаго Шихова, Машенька протянула еще разъ:

— Сравнимъ... и развернувъ альбомъ, громогласно прочла стихи и подпись: „неизвѣстный“ съ росчеркомъ въ видѣ двухъ цѣлующихся голубковъ.

Съ остановившимъ свои біенія сердцемъ, Шиховъ ожидалъ приговора, но Машенька не проронила ни слова на счетъ стиховъ и вообще альбома, ограничившись многозначительнымъ:

— Гм!

Черноруцкій по прежнему развалившись, покровительственно отнесся къ Шихову:

— Ваши стишки, молодой человѣкъ?

Шиховъ откашлянулъ:

— Не... не мои-съ.

Машенька торжественно провозгласила:

— Прочтемъ другіе стихи.

Въ ея ручкахъ очутился золотообрѣзный въ красномъ сафьянѣ, съ бронзовыми застежками довольно объемистый альбомъ. Шиховъ, блѣдный какъ полотно, даже привскочилъ съ своего стула:

— Альбомъ-съ?..

Машенька показала на Черноруцкаго:

— Это они привезли. Третьяго дня они заѣзжали къ намъ и въ разговорѣ я имъ сказала, что когда у меня будетъ альбомъ,—я попрошу ихъ написать мнѣ какой нибудь стишокъ... Они сегодня сами и привезли альбомъ... И какъ вы скоро это все подѣлали? обратилась она къ Черноруцкому.

— Альбомъ,—отвѣтилъ онъ, покручивая усики,—я дѣлалъ не самъ.

бѣдно существовать, имѣть кои какихъ знакомыхъ и прилично одѣваться.

Какъ ни былъ, въ описываемый день, разбитъ на всѣхъ своихъ вылазкахъ въ область свѣтскаго обращенія Шиховъ, тѣмъ не менѣе его оставили обѣдать и Елизавета Акимовна старалась радушнымъ угощеніемъ сколько нибудь смягчить бѣдному философу легкомысленное предпочтеніе ему прелестной своей Машенькой господина Черноруцкаго, удалившагося до обѣда. Сама Машенька съ отъѣздомъ гостя сдѣлала нѣсколько подходцевъ къ обиженному Шихову, переломила съ нимъ куриную дужку, при чемъ почти немедленно обманула его, подавъ ему стаканъ квасу и когда онъ, позабывъ о закладѣ, взялъ стаканъ въ руки, прокричала со смѣхомъ:

— Берите, да помните!

Шиховъ остался на часокъ и послѣ обѣда. Елизавета Акимовна легла отдохнуть и молодые люди остались сумерничать вдвоемъ: Машенька, запасшись кедровыми орѣшками, у своего оконка, Шиховъ—на стулѣ у дверей въ переднюю. То была странная бесѣда двоихъ молодыхъ людей, отдѣленныхъ другъ отъ друга цѣлой комнатой, въ осеннее время быстро наполняющейся сумерками, за которыми Шиховъ съ Машенькой не столько видѣли другъ друга, сколько чувствовали. Изъ спальной доносилось легкое всхрапываніе Елизаветы Акимовны, изъ кухни стукъ перемываемой кухаркою посуды; въ самой залѣ чикали стѣнные часы. И среди такой тишины и мрака, рѣдко-рѣдко раздавался голосъ Машеньки и категорическій отвѣтъ на предложенный ею вопросъ—Шихова. Затѣмъ до новаго, краткаго обмѣна словъ, все смолкало въ залѣ, болѣе и болѣе погружающейся въ темноту. Просидѣвъ такимъ образомъ съ часокъ, Шиховъ подымался съ своего стула, стараясь ступать на цыпочки, чтобы не разбудить Елизавету Акимовну и молодые люди обмѣнивались безъ всякихъ рукопожатій прощальными привѣтствіями.

— До пріятнаго свиданья,—откланивался Шиховъ.

— Прощайте,—говорила обыкновенно Машенька и аккуратно каждое воскресенье прибавляла: зайдете въ будущее воскресенье?

— Зайду-съ.

— Пожалуста!

Но въ описываемое посѣщеніе, оставшись вдвоемъ, молодые люди долѣе обыкновеннаго не начинали усвоеннаго ими краткаго словеснаго обмѣна. Шиховъ, сидя на стулѣ у дверей въ переднюю, на этотъ разъ болѣе прежняго проклиналъ свою молчаливость, Машенька щелкала въ темнотѣ орѣшками и тоже почему то не заговаривала. Просидѣвъ такимъ образомъ минутъ двадцать, Машенька, наконецъ, прервала молчаніе, разсмѣялась и крикнула Шихову:

— Говорите!

Въ отвѣтъ онъ только ухмыльнулся:

— Хм!

— Вотъ видите,—свалила лукаво Машенька съ больной головы на здоровую,—сами не хотите говорить, дуетесь, и желаете, чтобы васъ предпочитали другимъ кавалерамъ.

Шиховъ съ экспансивностью оправдался:

— Я ничего не желаю-съ, Марья Даниловна.

— Будто-бы? наивно удивилась Машенька,—такъ таки и ничего?..

Онъ хотѣлъ быть искреннимъ и съ глубокимъ чувствомъ отвѣтилъ ей:

— Желаю одного-съ, Марья Даниловна, чтобы вы поняли, что у меня на душѣ.

— Скажите.

Шиховъ глубоко вздохнулъ и отвѣтилъ.

— Не могу-съ.

Но лукавая Машенька пытала:

— Вздоръ какой! не умѣть сказать, что чувствуешь!.. это такъ легко!..

— Рѣшительности недостаетъ-съ.

— Недостаетъ рѣшительности?.. Хотите я скажу за васъ?..

— Отмѣнно буду благодаренъ-съ.

— Извольте. Машенька разокъ-другой щелкнула орѣшками и начала: —думаете вы: Марья Даниловна обидѣла меня сегодня, насмѣялась надъ альбомомъ, насмѣялась надъ стихами и сдѣлала это все тѣмъ ужаснѣе, что насмѣялась при мало знакомомъ человѣкѣ... Такъ?

Шиховъ хранилъ молчаніе. Машенька возобновила изложеніе его мыслей:

— Молчаніе знакъ согласія,—замѣтила она, какъ бы въ скобкахъ,—значитъ сердитесь на меня, проклинаете меня въ душѣ, считаете легкомысленной и вѣтреной?..

Онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой, котораго Машенька не видѣла за темнотой, настаивая на возбудившейся съ его стороны къ ней неприязни.

— Словомъ, съ этаго дня вы, сударь, ненавидите меня, считаете врагомъ!..

Шиховъ вдругъ неожиданно всталъ и будучи не въ силахъ долѣе выслушивать взваливаемыя ею на него напраслины, порывисто произнесъ со слезами въ голосѣ:

— До пріятнаго свиданія-съ.

Машенька не унималась:

— Вотъ какъ: уходите?.. такъ противно стало? скажите: правда, что противно?

— Неправда-съ,—вырвалось у него почти съ рыданіемъ въ голосѣ.

— Да? подзадоривала Машенька,—можете выносить мое общество?.. терпите меня?.. Но какъ же это? почему?

Кокетка топнула на него ножкой:

— Да говорите же, сударь!.. ну?.. ну?.. потому... потому...

Онъ молчалъ. Ея гибкій и пріятный голосъ вползалъ къ нему въ душу, звучалъ вызовомъ на признаніе и объясненіе. Нѣжнѣе прежняго она вызывала изъ глубины его души то чувство, которое онъ никогда не называлъ ни ей, никому другому, которое таилъ, какъ наивно думалъ онъ, въ самомъ сокровенномъ уголкѣ своего сердца, не догадываясь, что каждымъ взглядомъ, каждымъ вздохомъ, выраженіемъ лица, выдаетъ себя многорѣчивѣе всякихъ обильныхъ словами признаній. Она хотѣла словъ и побуждала его ихъ произнести.

— Потому что... потому что...

Онъ набралъ легкими, раздувающимися точно какіе мѣхи, воздуху и какимъ-то крикомъ отчаянія и страсти выпалилъ ей:

— Потому что люблю васъ... да-съ, Марья Даниловна, люблю!

И не оглядываясь, не слушая что она говоритъ, выбѣжалъ въ переднюю, поспѣшно вздѣлъ на себя свою хламиду и нахлобучивъ шапку, улизнулъ отъ Трусовыхъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ...

Темная ночь и сырость охватили его. Онъ ступалъ, не разбирая, пачкаясь безпощадно въ грязи, отъ которой страдала на этотъ разъ не только его хламида, но, увы, и песочные панталоны!.. Не до нихъ было.

VII.

Вѣсть о странномъ появленіи бѣлаго сатаны разнеслась по N-ску съ поразительной быстротой, взволновавъ умы мирныхъ горожанъ до невозможнаго. Не прошло и двухъ дней съ именинъ Преполовенскаго, когда непонятному бѣсу вздумалось появиться о. Мизерандову и госпожѣ Черноруцкой, а уже весь городъ разсказывалъ объ этомъ, конечно съ варіантами и украшеніями самаго разнообразнаго свойства. Время шло и къ двумъ случаямъ появленія бѣлаго сатаны присоединились разсказы и о другихъ гражданахъ N-ска, повстрѣчавшихъ въ разныхъ частяхъ города невѣдомое и

№ 44. 1882 НИВА. 1882 1037

Возвращеніе изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ картины Норденберга, грав. Бренд'Амуръ.

Заказывали?

— Прочтемъ, однако, что вы мнѣ написали? ласково посмотрѣла она на Черноруцкаго.—Послушайте, мамаша.

Елизавета Акимовна и Шиховъ затаили дыханіе. Машенька съ блестящими глазами и пылающими щеками начала чтеніе:

Пишу я цѣлыя страницы
Друзьямъ, товарищамъ въ альбомъ;
Но предъ альбомомъ же дѣвицы
Сижу задумчиво съ перомъ...

Машенька прервала чтеніе и обратившись къ Шихову строго спросила его:

— Какое право имѣете вы говорить мнѣ „ты“?

Шиховъ переконфузился и не понялъ:

— Развѣ я когда говорилъ-съ?

— А тутъ,—указала Машенька на альбомъ, поднесенный Шиховымъ,—тутъ вы всюду съ своимъ непрошеннымъ „ты“:

Ты—идеалъ мой вдохновенный,
Ты—чудо, диво красоты.

— Не понимаю, какой поводъ дала я вамъ такъ обращаться со мной?

— Это не я-съ,—пролепеталъ Шиховъ.

— Кто-же?

— Авторъ.

Машенька съ пренебреженіемъ замѣтила:

— Да, вѣдь это списано... и съ любезной улыбкой обратилась къ Черноруцкому, указывая на написанные имъ стихи:—вы, конечно, сами сочинили?

Черноруцкій сдѣлалъ руками жестъ крайняго удивленія предложенному вопросу:

— Кто же иначе? конечно самъ.

Шиховъ былъ уничтоженъ и коварная Машенька повидимому съ наслажденіемъ продолжала надъ нимъ свои издѣвательства. Она сравнивала почерки:

— Какъ вы крупно пишете,—пощадила она съ полнѣйшей безпощадностью произведеніе Шихова, посмотрите: они точно бисеромъ нижутъ... Зачѣмъ вы подписались „неизвѣстный“? Я васъ знаю. Они подписались...

Она прочла съ нѣкоторымъ колебаніемъ:

— Ин-ког-нито. Это лучше.

Убитый на повалъ Шиховъ отважился:

— Это почти одно и тоже-съ.

— Да, но инкогнито лучше.

И уничтоживъ Шихова, Машенька оставила сравнивать альбомы, къ вящему удовольствію своего старшаго поклонника.

Елизавета Акимовна разлила кофій и подала гостямъ. Нѣкоторое время въ комнатѣ царствовало молчаніе, которое прервалъ Шиховъ, рѣшившійся во что бы то ни стало быть этотъ день занимательнымъ собесѣдникомъ. Проглотивъ почти залпомъ стаканъ горячаго кофію, онъ съ изумительною храбростью обратился къ Елизаветѣ Акимовнѣ:

— Изволили слышать новость?

— Какую?

— О появленіи бѣлаго сатаны-съ?

И мать и дочь замахали руками:

— Слышали, слышали!.. всѣ они сказывали. Страсти какія!

И тутъ неудача! и тутъ опередилъ! съ досадой подумалъ Шиховъ и прислушался къ тому, что говорила Машенька Черноруцкому:

— Вы такъ заинтересовали меня вашимъ разсказомъ, что ужь я, во что бы то ни стало, а увижу сатану.

Черноруцкой усомнился.

— Полноте?

— Увѣряю васъ.

— Но какъ вы это сдѣлаете? спрашивалъ Черноруцкій.

— Очень просто. Велю не запирать одинъ ставень и каждый вечеръ буду просиживать у окна. Авось сатана и пройдетъ мимо. Начну съ сегодняшняго же вечера.

Съ обычной авторитетностью Черноруцкой отвѣтилъ на слова Машеньки:

— Сегодня не сидите: бѣлый сатана не появится.

И Машенькѣ, и Елизаветѣ Акимовнѣ положительность отвѣта въ такомъ темномъ и сверхъестественномъ, ускользающемъ казалось бы отъ человѣческаго знанія, явленіи, не показалась странной. Обѣимъ дамамъ Черноруцкой представлялся не только бойкимъ, но необыкновенно умнымъ и воспитаннымъ человѣкомъ, а потому онѣ приняли слова его безъ всякой критики и сомнѣнія. Машенька только переспросила:

— Да? не появится?

— Ни, ни!

— Жаль.

Но, мучимый желаніемъ какъ нибудь сбить своего врага съ занимаемой имъ позиціи и такимъ образомъ хоть немного поколебать авторитетъ его въ глазахъ дамъ, особенно Машеньки, Шиховъ еще разъ не удержался и выпалилъ въ Черноруцкаго:

— А вы почему знаете-съ?

Выпустивъ могучую затяжку Жуковымъ, изъ-за которой Шихову стало не видимымъ лицо противника, Черноруцкой спокойнѣйшимъ образомъ отвѣтилъ:

— Въ карты гадалъ: я отлично гадаю.

И обратившись къ Машенькѣ, съ любезнѣйшею улыбкой предложилъ:

— Не угодно-ли, я погадаю вамъ?

Вьюнъ, чистый вьюнъ! подумалъ Шиховъ,—такъ и вьется, такъ и извивается. Совретъ—и вывернется новымъ враньемъ... Вотъ оно свѣтское-то воспитаніе! И вспомнивъ порученіе о. Мизерандова, вдругъ обратился къ Елизаветѣ Акимовнѣ:

— Прошу извиненія-съ: совсѣмъ было запамятовалъ... Отецъ Павелъ просилъ передать, чтобы вы или Марья Даниловна-съ къ бабушкѣ ихней,—указалъ онъ на Черноруцкаго,—сходили-съ... Работа есть-съ...

Не только вставшая было, чтобы достать карты, Машенька и Черноруцкой, но даже степенная Елизавета Акимовна,—въ виду такой находчивости и догадливости Шихова не удержались отъ смѣха. Черноруцкой даже всталъ и подойдя къ красному какъ ракъ философу, взялъ его за плечи и дружески встряхнувъ, внушилъ:

— Батенька, да я-то здѣсь зачѣмъ-же?.. Съ этимъ порученіемъ отъ бабушки и пріѣзжалъ сюда третьяго дня... Этому и обязанъ пріятнымъ знакомствомъ... Какъ это вы не догадались?

Сраженный на повалъ, Шиховъ только потеръ рукою лобъ, оставшись безгласнымъ до самаго конца продолжительнаго утренняго визита Черноруцкаго къ Трусовымъ.

VI.

Елизавета Акимовна съ Машенькой бездѣйствовали только по праздникамъ, работая въ будніе дни съ ранняго утра до поздней ночи. Незначительный пенсіонъ, получаемый Елизаветой Акимовной по смерти мужа, служившаго столоначальникомъ въ земскомъ судѣ, какъ ни дешева была тридцать лѣтъ тому назадъ жизнь въ X-скѣ, оказался съ подрастаніемъ Машеньки недостаточнымъ для поддержанія болѣе или менѣе приличной обстановки дѣвушки, которой по годамъ слѣдовало подумывать и о замужествѣ. Вотъ почему Елизавета Акимовна съ Машенькой и работали съ утра до ночи въ пяльцахъ, вышивая въ приданое X-скихъ купчихъ разныя простыни, полотенца, воротнички и рукавчики. Неустанный трудъ пополнялъ недостаточность оставленнаго покойнымъ Трусовымъ вдовѣ и дочери пенсіона и дозволялъ имъ, принося 15—20 рублей въ мѣсяцъ, без-

страшное существо подземнаго міра. Создалась цѣлая эпопея о бѣломъ сатанѣ, нагнавшемъ на жителей N-ска паническій ужасъ. Темныя, безлунныя ночи продолжались. Съ шести, много съ семи часовъ вечера жители N-ска плотно запирались въ своихъ домахъ, спуская по дворамъ цѣпныхъ собакъ. Вечернія собранія прекратились; свадьбы совершались по утрамъ, всенощныя оканчивались засвѣтло. Съ наступленіемъ темноты — все пряталось въ дома. Становилось темно, безлюдно и тихо, только собаки заливались до хрипоты по дворамъ. Дѣти, которымъ няньки не преминули разсказать о бѣломъ сатанѣ, возбужденныя страхомъ, не могли заснуть и кутаясь въ одѣяльца, тревожно всматривались въ окружающую ихъ темноту. Плотно поужинавшія дамы, не могшія съ вечера долго заснуть отъ полноты желудка, прислушивались къ лаю собакъ, слышали на улицахъ какіе-то стуки, крики и вопли, о которыхъ повѣствовали на другой день своимъ домашнимъ. Конечно все это приписывалось бѣлому сатанѣ.

Относительно внѣшняго вида этаго послѣдняго, всѣ многочисленныя повѣствованія о немъ весьма сходились, описывая бѣлаго сатану по росту высокимъ, одѣтымъ какъ бы въ саванъ, изъ подъ котораго виднѣлись ноги скелета,—съ огненными глазами и черной бородой. Такъ описали сатану госпожа Черноруцкая и о. Мизерандовъ, такъ разсказывали о немъ и позднѣйшіе очевидцы. Мнѣнія діаметрально расходились относительно нравственныхъ свойствъ сатаны: одни, какъ госпожа Черноруцкая и Присноположенскій, повстрѣчавшій бѣса 30-го сентября, утверждали, по собственному опыту, что это „духъ шаловливый“, другіе—что злой, наносящій вредъ помимо испуга. Господинъ Присноположенскій, встрѣтивъ бѣса вечеромъ 30-го сентября, былъ остановленъ имъ и силою принужденъ выпить цѣлую косушку съ довольно страннымъ содержимымъ, напоминающимъ смѣсь водки, горчицы и перцу. Отъ такого напитка, утверждалъ Присноположенскій, у него занялся духъ и глаза, утративъ способность видѣть, выскочили изъ своихъ орбитъ. Присноположенскій не былъ увѣренъ положительно, но показалось ему, что вливая въ его ротъ горлышко косушки, бѣлый сатана назвалъ даже его по имени, сказавъ: пей, Иванъ Петровичъ, на здоровье!.. Когда же глаза Присноположенскаго вернулись на свои обычныя мѣста, бѣса уже не было, но улица, по которой шелъ Иванъ Петровичъ начала выдѣлывать преуморительныя штуки, то какъ бы восходя на гору, то оканчиваясь обрывомъ, поворачивая на право, на лѣво, назадъ и опять впередъ. Страха же отъ встрѣчи съ сатаной не было и слѣда.

Таковъ былъ случай съ Присноположенскимъ. Купчихи Шилкина и Краснинькова сообщили два новыхъ разсказа, изъ которыхъ болѣе важное значеніе впрочемъ имѣетъ только разсказъ послѣдней. Шилкина сама бѣса не видала, но слышала отъ своей кумы, которой за вѣрное передавала кухарка дворянки Чаусовой, будто бы эта послѣдняя, возвращаясь изъ гостей, была обобрана бѣлымъ сатаной до послѣдней ниточки. Такой разсказъ былъ почти единиченъ и хотя проливалъ новый свѣтъ на бѣлаго сатану, но въ виду малочисленности показаній такого рода,—свѣтъ сомнительный. Отецъ Мизерандовъ, передавая о такой продѣлкѣ бѣлаго сатаны съ госпожей Чаусовой въ гостиной Черноруцкой въ присутствіи внука этой послѣдней, былъ несказанно смущенъ окрикомъ молодаго человѣка, повидимому вышедшаго изъ себя:

— Вы бы, отецъ,—крикнулъ Черноруцкій,—прежде чѣмъ такія подлости о человѣкѣ разсказывать, хорошенько бы убѣдились— не вздорныя ли это враки!.. да-съ.

На что госпожа Черноруцкая удивленно замѣтила:

— Да, отецъ Павелъ совсѣмъ не о человѣкѣ говоритъ...

А о. Мизерандовъ пояснилъ съ недоумѣніемъ:

— Я, собственно, о сатанѣ-съ. Не подобаетъ всякому христіанину, а тѣмъ паче священнику нечистую силу восхвалять...

Молодой человѣкъ на мгновеніе осѣкся, но затѣмъ съ прежнимъ жаромъ и запальчивостью пояснилъ отцу Мизерандову:

— Я не о сатанѣ говорю, а о госпожѣ Чаусовой... Прилично-ли утверждать съ вашей стороны, что дворянка, женщина уважаемая въ городѣ, ѣхала съ кучеромъ не одѣтая... Возможно-ли это, бабаша?..

Отецъ Мизерандовъ согласился, что повторивъ разсказъ о госпожѣ Чаусовой, поступилъ весьма легкомысленно, что повидимому успокоило Черноруцкаго.

Гораздо болѣе въ эпопею о бѣломъ сатанѣ внесъ разсказъ купчихи Красниньковой, женщины степенной, немолодой, придерживающейся старой вѣры. Надо сказать, что Краснинькова жила въ собственномъ домѣ, находившемся на краю города, какъ разъ противъ кладбища Всѣхъ Святыхъ. Часовъ около двѣнадцати вечера, сбираясь ложиться спать, Краснинькова обходила комнаты своей квартиры, помѣщающейся во второмъ этажѣ, окна котораго въ парадныхъ покояхъ не имѣли ставень и были обращены къ кладбищу. Поправляя въ темной гостинной лампаду передъ Нерукотвореннымъ Спасомъ, Краснинькова случайно посмотрѣла въ окно и обомлѣла. По кладбищу шагалъ бѣлый сатана, съ огненными глазами, шагалъ саженными шагами, свѣтомъ своихъ глазъ освѣщая кресты и могилы, шагалъ, шагалъ—и вдругъ провалился сквозь землю и уже не появлялся. Дрожа отъ ужаса, Краснинькова вбѣжала въ кухню, гдѣ были приказчики и повалилась безъ чувствъ на лавку. Этимъ наблюденіемъ было констатировано подземное происхожденіе бѣлаго сатаны и вмѣстѣ съ тѣмъ согласно показаніямъ Красниньковой, опредѣлено мѣсто схожденія его въ преисподнюю, возлѣ, если не черезъ самый склепъ господъ Черноруцкихъ.

Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, когда разсказ Красниньковой распространился, госпожѣ Черноруцкой первымъ сообщилъ внукъ. Вбѣжавъ въ гостинную, гдѣ вооруженная круглыми въ серебряной оправѣ очками возсѣдала г-жа Черноруцкая за шитьемъ по канвѣ въ пяльцахъ шерстями, имѣя собесѣдницей Аграфену Дмитріевну, вяжущую чулокъ,—Черноруцкой точно обухомъ по головѣ ударилъ обѣихъ дамъ:

— Бабаша!.. Бѣлый-то чортъ намъ родственникъ!.. представьте!

Аграфена Дмитріевна привскочила на своемъ стулѣ:

— Ахъ, какія ужасти вы говорите!

Госпожа Черноруцкая отнеслась болѣе спокойно, остановилась шить и, посмотрѣвъ на внука поверхъ очковъ, сдѣлала попытку привести его въ порядокъ:

— Что ты, бѣлены что-ли объѣлся?

— Право, бабаша, родственникъ!.. Вы послушайте...

Такъ и такъ, и Черноруцкой разсказалъ бабушкѣ о исчезновеніи черезъ ихъ фамильный склепъ подъ землю бѣлаго сатаны. Черноруцкая прослѣдила разсказ со вниманіемъ и когда внукъ окончилъ, спокойно опредѣлила личность бѣлаго сатаны:

— Дяденька Аристовулъ Петровичъ; никто другой.

Внукъ былъ пораженъ:

— Что вы, бабаша? ужели?

— Онъ, онъ. Помнишь, Аграфена, Аристовула?

— Помню, сударыня, помню. Царство ему небесное!

На послѣднее госпожа Черноруцкая не безъ ядовитости замѣтила:

— Ну, можешь остаться при одномъ пожеланьи: какое ему царство небесное, когда онъ въ аду?.. Озорной души былъ человѣкъ—въ адъ и попалъ. Знала, всегда знала, что его ждетъ такой конецъ...

Внукъ соболѣзновалъ о судьбѣ постигшей прадѣдушку:

— Ахъ, прадѣдушка! прадѣдушка!

— И какъ я не догадалась, что это онъ, — удивлялась госпожа Черноруцкая,—право, не понимаю. Какому

другому шелопаю придетъ на умъ такую глупость сдѣлать, сдернуть съ меня шляпку и надѣть на меня кучерову папаху!.. Да еще надѣлъ-то какъ, хоть-бы просто взялъ, да нахлобучилъ, а то молодцомъ меня какимъ-то представилъ, вздѣлъ мнѣ ее на бекрень!..

— Хорошо, бабаша,—разсудительно подалъ свой голосъ внукъ,—что онъ съ вами того не сдѣлалъ, что съ Чаусовой!

— Посмѣлъ-бы, — расхрабрилась госпожа Черноруцкая, узнавъ, что въ видѣ бѣлаго сатаны является довольно знакомая ей душа родственника, съ которымъ она не мало воевала при его жизни,—встрѣться-ка онъ теперь со мной... Да, я ему такого задамъ...

Внукъ усомнился:

— Испугаетесь, бабаша!

— Аристовула-то испугаюсь?.. Нѣтъ, батюшка, шалишь!.. Я ему все до ниточки выложу... Накось, изъ почтенной женщины, молодца какого-то въ папахѣ на бекрень сдѣлалъ!..

И вдругъ, вспомнивъ, сдернула очки и бросила ихъ въ негодованіи на полъ:

— Возьми эту дрянь, Аграфена, выкинь въ помойную яму... Не хочу носить: отъ него по наслѣдству достались... Возьми скорѣй...

Аграфена Дмитріевна встала, нагнулась къ очкамъ, дотронулась до нихъ и закричала благимъ матомъ:

— Ой, ой!

— Что ты, глупая?

Аграфена Дмитріевна дула на пальцы:

— Жгется, родная.

— Полно врать-то: кабы жглись—чай-бы у меня на носу волдыри вскочили. Есть у меня волдыри?

— Не досмотрю, родная.

— То-то: не досмотрю. Бери...

Но Аграфена Дмитріевна не рѣшилась вторично попробовать взять бѣсовскія очки голыми руками, и попросивъ у молодаго Черноруцкаго чубукъ — удила имъ страшную вещь, пока удачно изловчившись, не вздѣла очки на чубукъ и не потащила, при хохотѣ молодаго человѣка и негодованіи госпожи Черноруцкой, изъ гостиной и не бросила въ помойную яму. Вернувшись въ гостиную почтенная старушка клятвенно завѣряла госпожу Черноруцкую, что раскаленныя очки, пріидя въ соприкосновеніе съ помоями, зашипѣли. Съ этого дня таинственный бѣлый сатана былъ призванъ за родственное дому лицо, носящее фамилію Черноруцкихъ.

VIII.

Такъ фамилія Черноруцкихъ и осталась за таинственнымъ бѣсомъ, отчего впрочемъ внушаемый имъ паническій страхъ нисколько не уменьшился. Въ виду такого подавленнаго ужасомъ состоянія умовъ N—скихъ гражданъ, высшимъ начальствомъ были предприняты энергическія мѣры, клонящіяся къ уничтоженію господствующей надъ городомъ паники и обезпеченію безопаснаго передвиженія жителей по городу въ ночное время. Былъ отданъ строгій приказъ, чтобы въ каждомъ кварталѣ—при имѣющейся будкѣ, всю ночь, вплоть до разсвѣта, бодрствовалъ будочникъ; кромѣ этого учреждены были караульщики, долженствовавшіе по ночамъ напоминать о своемъ существованіи колотушками; наконецъ, положено было, чтобы дважды въ теченіи ночи, городъ объѣзжалъ дозоръ, составленный изъ солдатъ мѣстнаго гарнизона... Всѣ эти мѣры впрочемъ не привели къ исчезновенію бѣлаго сатаны, а скорѣе послужили къ его возвеличенію. Будочники, какъ только достаточно темнѣло, запирались въ занимаемыхъ ими будкахъ и засыпали мертвецкимъ сномъ. Караульщики входили во внутрь дворовъ и запертые въ оныхъ, напоминали по временамъ о своемъ существованіи ударами колотушекъ, будучи увѣрены, что никакіе крики на улицѣ не заставятъ ихъ покинуть занимаемыхъ ими засадъ. Но что дѣйствительно возвеличило бѣлаго сатану, то это—первый дебютъ ночнаго дозора.

Крестясь и вздыхая, съ нѣкоторымъ страхомъ оглядываясь по сторонамъ, вышло человѣкъ десять будочниковъ, страхъ какъ боящихся бѣлаго сатаны, о которомъ наслышаны были не мало. Храня упорное молчаніе, мысленно творя молитву, плотной колонной подвигались они по темнымъ улицамъ, увязая въ грязи, ежеминутно ожидая умереть со страху, пугаясь рѣшительно всего. Въ такомъ сердечномъ трепетѣ — воины прошли по двумъ, тремъ улицамъ и рѣшились вернуться въ казармы, честно выполнивъ начальническое предписаніе. Для возвращенія имъ предстояло слѣдовать, или — по кратчайшему пути, ведущему между домомъ Красниньковой и кладбищемъ, или — по длинному, оставляющему это послѣднее—въ сторонѣ. Кладбище показалось страшноватымъ въ ночное время; но перспектива поскорѣе быть дома, въ безопасности, прельстила до чрезвычайности, а потому и порѣшили отправиться кратчайшимъ путемъ. Вотъ тутъ-то и произошелъ скандалъ. Лишь только въ темнотѣ ночи слабо обозначилась бѣлая церковь, нѣсколько покосившаяся, лишь только мелькнули могильные кресты, какъ отрядъ издали усмотрѣлъ шагающее по могиламъ нечеловѣчески крупными шагами бѣлое привидѣніе. Тогда вся колонна стремительно повернула назадъ и во весь доступный ей карьеръ полетѣла въ казармы по длиннѣйшему пути....

Все еще не спавшая съ храбраго тона, госпожа Черноруцкая, услышавъ объ этомъ на другой день, какъ обыкновенно, отъ внука, разсказавшаго ей побѣду прадѣдушки Аристовула Петровича надъ дозоромъ, пришла въ полнѣйшее негодованіе. Раскраснѣвшись, она кричала:

— Хорошо воинство! вѣдь это, что называется: Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки и кричитъ: — пардонъ!.. Трусы!.. и нашли кого пугаться?.. Аристовула!.. Я—баба, да не побоюсь...

— Побоитесь, бабаша.

— Побоюсь?.. Хорошо: я хотѣла утромъ ѣхать къ Казематовымъ,—ѣду вечеромъ. Рѣшено!

— Однѣ поѣдете?

— Одна!—старушка разгорячилась... Съ Филькой поѣду... Да скажите вы ему, чтобы онъ не смѣлъ этой дурацкой папахи надѣвать. Скажите на милость: какой казакъ нашелся!.. Пусть голову хоть тряпицей повяжетъ.,.

— Зазорно для мужчины, бабаша...

— Скажите, какого мужчину нашелъ!

— А то какъ же, бабаша?

— Филька — мужчина! мужикъ, — сударь, — и весь сказъ!.. Воины! — вернулась старушка къ обличенію N—скихъ будочниковъ въ трусости, — хороши воины! И вы въ такіе желаете, сударь?

Она насмѣшливо прищурилась на внука, скромно опустившаго глаза и не менѣе скромно отвѣтившаго на вопросъ бабаши:

— Надо-же, бабаша, и послужить: нельзя-же постоянно бить баклуши?

— Идите по гражданской... Скажите: вздумали по слѣдамъ милаго прадѣдушки идти!. Пока жива не быть вамъ въ военныхъ...

Старушка ненавидѣла военную службу, къ которой чувствовалъ влеченіе внукъ, единственно за то, что въ таковой подвизался когда-то дяденька Аристовулъ Петровичъ, видимо порядкомъ насолившій госпожѣ Черноруцкой при своей жизни. Внукъ зналъ, что старушку не убѣдишь и не переспоришь, если она забрала себѣ что въ голову, и потому рѣшился перемѣнить разговоръ.

Для смѣху онъ посовѣтывалъ:

— Аграфену Дмитріевну прихватите съ собою, бабаша.

Присутствовавшая при этомъ разговорѣ Аграфена Дмитріевна, такъ и взволновалась.

Смѣющаяся дѣвушка. Съ картины Георга Гома, грав. Р. Бонгъ.

— На что я вамъ, родная? уже увольте, если милость ваша будетъ...

Госпожа Черноруцкая съ суровой холодностью посмотрѣла на оробѣвшую при одной мысли выѣхать изъ дома Аграфену Дмитріевну и не сказавъ послѣдней въ отвѣтъ ни слова, молча, въ негодованіи плюнула въ ея сторону и горделиво удалилась изъ комнаты.

— Возьмите, непремѣнно возьмите, — подзадоривалъ Черноруцкой приживалку, которая чуть не плакала.

— Ваше дѣло, — бросила она молодому человѣку и отвернулась отъ него, показывая, что сердится.

Постоянно веселый, въ этотъ день онъ казался возбужденнѣе и веселѣе обыкновеннаго. Онъ подкрался къ приживалкѣ и совершенно неожиданно завертѣвъ эту послѣднюю на подобіе волчка, пропѣлъ, притопывая:

Тирисъ, тирисъ, барбарисъ,
Аграфена, повернись!
Дулась, дулась, повернулась
Мила Грушенька ко мнѣ!

Закруживъ старухѣ голову, онъ бросилъ ее на диванъ, а самъ припрыгивая и напѣвая безсмысленный куплетъ,—промчался черезъ залъ въ переднюю, набросилъ на плечи сѣро-голубую шинель съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и бархатный картузъ, надѣлъ перчатки и, выбѣжавъ на крыльцо, крикнулъ Филькѣ подавать. Филька, низкорослый мужичекъ съ безмятежно добродушнымъ выраженіемъ лица, красовался на этотъ разъ въ папахѣ, которую носилъ, чтобы казаться молодцоватѣе и выше. Выѣзжая съ бариномъ,—Филька принималъ горделивую осанку и, проѣхавъ барскія окна, порядкомъ хлесталъ довольно ожирѣвшую, пожилую лошадь, склонную подвигаться впередъ слишкомъ медлительнымъ шагомъ. Отъ барина Филька былъ въ восторгѣ, повѣствуя дворовымъ объ его молодечествѣ съ гордостью:

— Молодецъ, одно слово — молодецъ нашъ баринъ! Барыня — что: баба, какъ есть... Ѣдемъ съ ней: трюхъ, трюхъ,—и всю-то дороженьку—она такъ-те и долбитъ; и то не такъ, и то не этакъ... Этотъ орелъ: такъ-те выругаетъ, такъ-те завернетъ, что сичасъ господина почувствуешь... И ужь такъ-то, братцы, я люблю, какъ онъ ругаться начнетъ!.. А, барыня, что...

Онъ съ горделивой осанкой подкатилъ экипажъ, стараясь говорить съ бариномъ самымъ тонкимъ дискантомъ, что по его мнѣнію служило выраженіемъ высокаго уваженія къ молодому господину. Садясь, чтобы ѣхать, Черноруцкой окликнулъ Фильку:

— Филатъ!

— Что прикажете-съ?

— Барыня вечеромъ выѣдетъ.

— Вечеромъ-съ?

— Да. Она приказала тебѣ сказать, чтобы ты не смѣлъ, когда поѣдешь съ ней, надѣвать папаху, и повязался-бы какимъ-нибудь платкомъ по бабьи.

Филька оттѣнкомъ легкаго презрѣнія въ тонѣ далъ понять барину, что постигаетъ причину такого приказанія:

— Боятся-съ.

— Ну-да... Помнишь этотъ случай съ вами... Бабаша и боится повторенія... Такъ ты ужь повяжись...

— Слушаю-съ. Къ Трусовымъ прикажете?

— Къ Трусовымъ. Пошелъ!

Пожилая лошадь, какъ-бы въ глубокой задумчивости, понуривъ голову, прошла торжественно-медленнымъ ходомъ мимо барскихъ оконъ, и затѣмъ, подхлестнутая Филькой, побѣжала тяжелой рысью, таки порядкомъ встряхивая долгушу. День былъ ясный и морозный, хотя снѣгу еще не было и густая грязь застыла въ мучительныя для ѣздоковъ кочки. Лишенный рессоръ экипажъ встряхивалъ Черноруцкаго такъ, что онъ то и дѣло стукался головою объ верхъ крытой долгуши. Гордый сознаніемъ, что везетъ барина, Филька неутомимо поддерживалъ въ лошадѣ рысь, поминутно ее подхлестывая, пока забористое словцо, обращенное къ нему Черноруцкимъ, не умѣрило его пыла, принудивъ его сдержать коня и отъ рыси перейти къ медлительному маршу. Выведенный изъ терпѣнія баринъ кричалъ:

— Фу, чортъ! всю душу вытрясешь! Поѣзжай тише!

— Слушаю-съ,—покорно отозвался Филька и поѣхалъ тише, хотя его подмывало ускорить ходъ лошади, чтобы испытать еще разочекъ бранный окрикъ господина.

Подъѣзжая къ домику Трусовыхъ, Филька все таки разъ-другой пристегнулъ лошадь, заставивъ барина стукнуться бархатнымъ картузомъ объ верхъ долгуши, — и подскакалъ къ воротамъ. Не ожидая остановки, Черноруцкой молодцовато выпрыгнулъ изъ мучительнаго экипажа и, приказавъ Филькѣ дожидаться, вбѣжалъ въ калитку. Филька съ восторгомъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ:

— Орелъ!.. молодецъ нашъ баринъ!..

(Окончаніе въ слѣд. №)

Наши шестиногіе хитители.

Профессора харьк. университета **Александра Брандта.**

Есть множество страшныхъ хотя маленькихъ грабителей шестиногихъ. Взятые каждый порознь, эти существа, весьма скромныя, довольствуются лишь удовлетвореніемъ первой потребности всякаго организма — утоленіемъ голода: каждый изъ нихъ беретъ отъ обилія человѣка не болѣе того, сколько необходимо для его прокормленія. Бѣда лишь въ томъ, что шестиногіе хитители являются несмѣтными полчищами и убытки отъ нихъ доходятъ въ короткій срокъ до колоссальныхъ размѣровъ. Чтобы дать читателю хотя-бы приблизительное понятіе о размѣрахъ подобныхъ убытковъ, укажемъ для примѣра Бердянскій уѣздъ (Таврической губ.), потерявшій въ 1862 году отъ хлѣбнаго жука слишкомъ 920,000 рублей, причемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что новѣйшія жучковыя бѣдствія тогда еще только зарождались, апогея-же своего достигли лишь въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Расширеніе земледѣлія съ приращеніемъ сортовъ культурныхъ растеній, равно какъ и искаженіе человѣкомъ внѣшней органической природы, о которомъ мы уже бесѣдовали съ читателемъ въ другой статьѣ, вызвали на сцену такіе виды насѣкомыхъ, о вредѣ которыхъ раньше не имѣли никакого понятія. Классифицировать насѣкомыхъ разъ навсегда на вредныхъ и безвредныхъ — невозможно. На самомъ дѣлѣ, любой питающійся какимъ либо культурнымъ растеніемъ видъ насѣкомыхъ можетъ раньше или позже, не здѣсь, такъ тамъ встрѣтить удобныя условія для чрезмѣрнаго размноженія и нанести сельскому хозяйству неисчислимые, многомилліонные убытки. Въ виду этого и вопросъ о томъ, сколько существуетъ видовъ вредныхъ насѣкомыхъ, упраздняется самъ собою, какъ не требующій точнаго отвѣта.

Изъ числа серьезно заявившихъ о себѣ въ настоящее время въ южной полосѣ Россіи вредныхъ насѣкомыхъ рѣшительно преобладающее значеніе выпало на долю хлѣбнаго жука, и притомъ преобладающее до такой степени, что изъ-за него почти забыли о саранчѣ и другихъ наиболѣе вредныхъ насѣкомыхъ. Одесскій съѣздъ земскихъ представителей 1880 г. занимался исключительно кузькой; ради него-же предполагалось созвать и съѣздъ харьковскій, и только незадолго до открытія послѣдняго, харьковская энтомологическая коммисія, особенно въ виду новѣйшихъ опустошеній хлѣбнаго пилильщика и комара, нашла себя вынужденной возбудить ходатайство о расширеніи программы съѣзда. Названныя три насѣкомыхъ и составляютъ предметъ настоящей статьи.

Помѣщенная на стр. 1045 таблица составляетъ первую попытку въ своемъ родѣ. Соотвѣтственно тремъ видамъ насѣкомыхъ, она какъ-бы распадается на три столбца, изъ которыхъ крайніе (А и С) отведены хлѣбному жуку и комару, средній-же (В) пилильщику. Нижняя часть таблицы изображаетъ почву въ разрѣзѣ, для поясненія подземной жизни жука и пилильщика. Желаніе дать читателю правильное, ничѣмъ не искаженное представленіе объ интересующихъ насъ насѣкомыхъ, подало поводъ къ изображенію ихъ въ величину естественную, а не увеличенными, какъ это обыкновенно практикуется. Приноравливаясь къ формату „Нивы“ мы не могли соблюсти есте-

ственныхъ размѣровъ хлѣбныхъ растеній, и представить слой земли толщины, достаточной для вполнѣ правильнаго взаимнаго расположенія по глубинѣ куколокъ и личинокъ жука. Въ этомъ отношеніи таблица является схематизированной *).

Хлѣбный жукъ, кравчикъ или кузька (*Anisoplia austriaca*, Рис. 1 — 12. Названіе кузька, очевидно, уничижительное отъ Кузьма, а потому употребляемое въ мужскомъ родѣ, было первоначально присвоено въ южной Россіи жучку *Cetonia hirtella*, изъ рода бронзовокъ, близкому родичу извѣстной всякому любителю природы металлически-зеленой бронзовки, столь обыкновенной на розанахъ, сирени. *Cetonia hirtella* значительно меньше этихъ прелестныхъ жуковъ и невзрачнаго, сѣроватаго цвѣта, съ волосками. Съ тѣхъ поръ какъ общество сельскаго хозяйства въ Одессѣ, а именно въ 1857 г. въ программѣ сочиненія на конкурсъ, обозначило Anisoplia austriaca названіемъ *кузька*, названіе это получило право гражданства и всеобщее распространеніе. Ошибка сельскохозяйственнаго общества легко объяснима тѣмъ, что и *Cetonia hirtella* относится къ вреднымъ насѣкомымъ и, по величинѣ и общему виду, довольно похожа на хлѣбнаго жука: хлѣбный жукъ находится въ близкомъ сродствѣ съ бронзовками. Изъ остальныхъ общеизвѣстныхъ насѣкомыхъ близкимъ родичемъ его можетъ считаться теперь и майскій хрущъ.

Хотя Кузька и наиболѣе крупный изъ нашихъ представителей рода Anisoplia, онъ тѣмъ не менѣе имѣетъ въ длину—какъ показываетъ наша таблица — всего только около полу- или трехъ четвертей дюйма. По общему виду онъ напоминаетъ навознаго жука, майскаго хруща и, въ особенности, какъ уже сказано, бронзовку. Подобно этимъ насѣкомымъ и хлѣбные жуки (см. рис. 1) имѣютъ на концѣ своихъ усиковъ гребешокъ изъ подвижныхъ роговыхъ пластинокъ, особенность, подавшая зоологамъ поводъ къ установленію многочисленнаго семейства Пластинчатоусыхъ жуковъ. Ноги длинныя и сравнительно сильныя: лапка ихъ оканчивается двумя неравными когтями—признакъ, повидимому, мелочной, но тѣмъ не менѣе заслуживающій быть упомянутымъ; а именно на томъ основаніи, что подалъ поводъ къ наименованію всего рода „Anisoplia". Наименованіе это, заимствованное съ греческаго, обозначаетъ „неодинаково вооруженый". Крылья на заднемъ краѣ закруглены и не доходятъ до конца брюшка. Цвѣтъ ихъ ржавый, красновато-бурый или каштановый, въ частности съ различными оттѣнками, изрѣдка даже совершенно черный. Къ переднему краю надкрыльевъ примыкаетъ большое черное пятно, не всегда, впрочемъ, рѣзко-очерченное. У самцовъ оно выражено менѣе рѣзко, нежели у самокъ и чаще отсутствуетъ. Такъ какъ надкрылья составляютъ по своему протяженію преобладающую часть тѣла, то и общее впечатлѣніе, производимое на нашъ глазъ нормально-окрашеннымъ жукомъ тоже бурое. Тѣмъ не менѣе самое тѣло животнаго темнозеленое, почти черное, съ металлическимъ отливомъ. Сѣроватый налетъ на нижней поверхности тѣла зависитъ отъ густаго пушка, который особенно удлиняется по бокамъ брюха.

Въ виду громаднаго значенія, которое жучекъ уже пріобрѣлъ для южной Россіи, могъ бы пріобрѣсть и для другихъ странъ, нашъ извѣстный энтомологъ *Ѳ. П. Кеппенъ* въ своемъ фундаментальномъ сочиненіи о вредныхъ насѣкомыхъ Россіи, далъ себѣ трудъ сопоставить множество разрозненныхъ данныхъ по географическому его распространенію. Изъ этихъ данныхъ проистекаетъ, что жучекъ чаще всего попадается въ южной Россіи, со включеніемъ Кавказа а также и Венгріи, которыя страны поэтому и могутъ считаться центромъ его распространенія. Отсюда онъ по всѣмъ направленіямъ постепенно убываетъ. Такъ, наприм., въ эрцгерцогствѣ Австрійскомъ кузька встрѣчается уже не часто, а въ Богеміи и Силезіи его уже вовсе нѣтъ. Въ южномъ Тиролѣ онъ представляетъ такую рѣдкость, что лучшій знатокъ мѣстной фауны инокъ боценскаго монастыря *Гредлеръ* ни разу самъ его не находилъ. Въ верхней Италіи онъ тоже рѣдкость, извѣстная лишь энтомологамъ, тогда какъ на остальномъ пространствѣ Апеннинскаго полуострова и даже энтомологи о немъ не слыхали. Относительно Балканскаго полуострова не достаетъ подходящихъ свѣдѣній, а это заставляетъ предполагать, что если кузька тамъ и встрѣчается, то во всякомъ случаѣ не какъ бичъ хлѣбопашцевъ, а какъ насѣкомое, соблюдающей нормальныя, предназначенныя ему границы численности. Скудны также указанія о распространеніи кузьки въ юго-западной Азіи; извѣстно лишь о томъ, что единичные экземпляры его найдены въ Малой Азіи, Сиріи и Персіи. Такая скудость свѣдѣній изъ странъ нецивилизованныхъ, положимъ, никого не удивитъ, но странно и совѣстно, что и въ Европейской Россіи до сихъ поръ такъ мало сдѣлано для энтомологіи, что пока еще нельзя указать хоть сколько нибудь сѣверной и восточной границъ распространенія нашего насѣкомаго. Правда, съ нѣкоторою достовѣрностью можетъ быть очерченъ районъ распространенія кузьки *массами*, но, вѣдь любопытно намѣтить также и мѣстности спорадическаго распространенія насѣкомаго, ибо въ нихъ скорѣе всего можно ожидать со временемъ и появленія его въ гибельныхъ массахъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, а также по аналогіи съ другими насѣкомыми (саранча), можетъ быть допущено постепенное передвиженіе кузьки на сѣверъ. Что же касается уже неоднократно высказаннаго мнѣнія будто кузька не составляетъ исконнаго обитателя нашего юга, а переселился туда лишь въ новѣйшее время съ запада, то это не болѣе, какъ чистѣйшее, ни на чемъ не основанное предположеніе, вызванное, быть можетъ, отчасти научнымъ наименованіемъ жука austriaca, австрійскій, отчасти же невѣдѣніемъ того, что еще и въ прошломъ столѣтіи, а именно въ 1794 году, въ предѣлахъ Россіи наблюдалось колоссальное его размноженіе. Г. Кеппенъ приводитъ слѣдующія мѣстности Россіи, въ которыхъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, до сихъ поръ найдено наше насѣкомое: губерніи Бессарабская, Подольская, Волынская, Кіевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская (особенно юго-западная ея часть) Воронежская, вся Екатеринославская, Херсонская и Таврическая, со включеніемъ Крыма, юго-западный уѣздъ губерніи Курской, даже отчасти на сѣверъ Орловская, на юго-востокъ же Земля Войска Донскаго. На Кавказѣ и въ Закавказьѣ кузька тоже былъ найденъ и при томъ на высотѣ до 3000 футовъ надъ поверхностью моря.

Послѣ указаннаго выше случая появленія кузьки массами въ концѣ прошлаго столѣтія, проходитъ полвѣка до ближайшихъ достовѣрныхъ, отмѣченныхъ въ печати, случаевъ новаго подобнаго его появленія: почти за весь этотъ періодъ онъ, повидимому, влачитъ жизнь одинокую, играя роль скромнаго звена въ нескончаемой цѣпи органическихъ существъ. Въ 1846 г. кузькой повреждены поля въ Херсонской, а въ слѣдующемъ 1847 году въ Кіевской губерніи. „Съ тѣхъ поръ,—пишетъ приведенный нами авторъ,—жалобы учащаются поразительнымъ образомъ, такъ что уже въ 1857 г. мною сообщены первыя, нѣсколько обстоятельнѣйшія, хотя еще и очень недостаточныя свѣдѣнія объ образѣ жизни и вредѣ Anisoplia austriaca; при чемъ впервые мною установлена двухгодичность поколѣній жука. Наконецъ, въ новѣйшее время (большею частію въ 1879 г.) появилась довольно обильная литература объ *Anisoplia austriaca*. Достаточно назвать труды *Линдемана*, *Порчинскаго*, *Ярошевскаго*, *Степанова*, *Мечникова*, *Филиппьева* и др. зоологовъ.

Въ районѣ своего распространенія, кузьку можно находить ежегодно, покрайней мѣрѣ въ единичныхъ экземплярахъ, да кромѣ того въ страдающихъ отъ него мѣстностяхъ онъ черезъ годъ появляется въ особенно обильныхъ массахъ. Послѣдній фактъ и подалъ поводъ къ предположенію, что насѣкомое требуетъ для своего развитія два года. Предположеніе это въ настоящее время уже едва ли подлежитъ сомнѣнію. Изъ отложенныхъ самкою лѣтомъ яичекъ вылупляются гусеницы, которыя дважды зимуютъ въ землѣ и лишь на третье лѣто окукляются и тогда же превращаются въ жуковъ. Особенно колоссальныя опустошенія въ большей части нашего юга кузька причинилъ въ четные годы 1876, 1878 и 1880. Судя по аналогіи, еще большихъ жучковыхъ бѣдствій можно было ожидать въ текущемъ 1882 году. Однако опасенія эти, къ счастію, не оправдались. Правда, газеты доставили намъ цѣлый рядъ извѣстій о появленіи жука массами—и я самъ засталъ его за разрушительною его работою на пшеницѣ 29 іюня, въ имѣніи Зуевка И. Г. Иловайскаго, близь ст. Харцискъ;—но въ цѣломъ количество его было все таки ниже прежняго максимальнаго. Въ одномъ изъ имѣній Земли Войска Донскаго, близь ст. Амвросіевки, по устному сообщенію землевладѣльцы г-жи Сердюковой, между прочимъ, тоже появился жукъ; но появился позже, чѣмъ когда либо, именно лишь около 20 іюня и къ 15 іюля окончательно исчезъ. Поэтому онъ на рожь опоздалъ; но и пшеницу успѣлъ повредить лишь незначительно, и притомъ не только потому, что численность его была умѣренная, но тоже и потому, что вывелся какимъ-то вялымъ и плохо ѣлъ. Жаль, что причина этаго вялаго состоянія осталась неизслѣдованной; но весьма возможно что она крылась въ какой либо заразѣ. Впрочемъ, уже раскопки, произведенныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще въ прошломъ 1881 году, обнаружили мало личинокъ, готовившихся сдѣлаться жуками нынѣшнимъ лѣтомъ и предвѣщали близкій конецъ „жучковой компаніи". Предвѣщанія эти для данныхъ, изслѣдованныхъ мѣстностей, конечно, сбылись; но кромѣ того, они оправдались и въ общемъ цѣломъ для нашего жучковаго района: не смотря на мѣстныя исключенія, жукъ утратилъ свое грозное значеніе и пошелъ на убыль. При этомъ, надо сознаться, горю помогли не жуколовныя машинки, которыхъ насчитывается около полусотни и на которыя потрачены и земствами и частными лицами сотни тысячъ рублей, не культурныя или какія либо другія мѣры, ни, наконецъ, многорѣчивые жучковые съѣзды: помогла же горю сама природа въ ея вѣчномъ стремленіи къ урегулированію численнаго равновѣсія животныхъ въ борьбѣ за существованіе; жуки по своей численно-

---

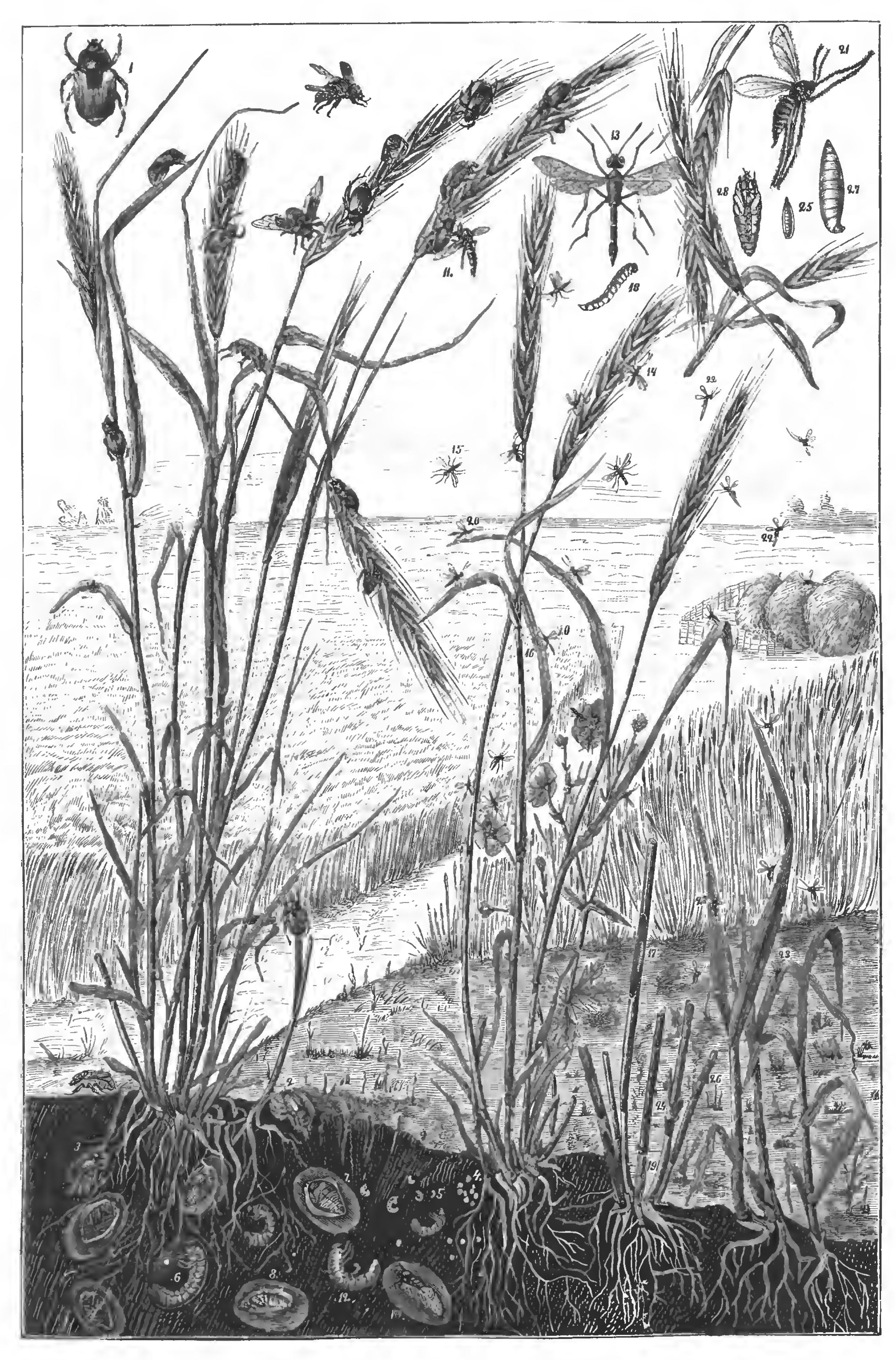
*) Вотъ поясненіе, отдѣльныхъ фигуръ таблицы.

А. Хлѣбный жукъ. 1) Экземпляръ въ настоящую величину. 2) Самка, зарывающаяся въ землю. 3) Самка, кладущая яйца. 4) Яйца. 5) Вылупленіе личинки изъ яйца. 6) Личинки разныхъ возрастовъ. 7), 8) и 9) Куколки сверху, сбоку и снизу. 10) Высхожденіе жука изъ кукольной оболочки. 11) Муха Asilus, нападающая на взрослаго жука. 12) Личинка жука съ паразитною личинкою Tiphia morio.

В. Хлѣбный пилильщикъ. 13) Экземпляръ, увелич. въ 2 раза. 14) и 15) Экземпляры въ половинѣ натур. велич. 16) Молодая личинка. 17) Взрослая личинка. 18) Взрослая личинка, въ натуральную величину. 19) Личинка въ коконѣ. 20) Паразитъ Pachymerus calcitrator.

С. Хлѣбный комаръ. 21) Самка, увелич. въ 2 раза. 22) Экземпляры въ половину натур. велич. 23) Самка, кладущая лички. 24) Личинки въ натур. величину. 25) Личинка, увелич. въ 2 раза. 26) Коконы въ половину натур. велич. 27) Коконъ, увелич. около 5 разъ. 28) Куколка, увелич. около 5 разъ.

Вербовка рекрутъ въ Англіи. По рис. М. J. грав. М. Рашевскій.
1) Мѣра роста. 2) Испытаніе зрѣнія. 3) Присяга.



A. Хлѣбный жукъ. (1—12). B. Хлѣбный пилильщикъ. (13—20). C. Хлѣбный комаръ. (21—28).

Наши шестиногіе хитители.

Ориг. рис. составл. для „Нивы“ подъ руководскомъ профессора А. Ѳ. Брандта П. П. Соколовымъ, грав. М. Рашевскій.

сти стали тѣснить другъ друга; между ними развились эпидеміи, размножились ихъ враги, измѣнились, быть можетъ, и внѣшнія условія. тѣмъ или другимъ неуловимымъ для насъ образомъ, и природа во многихъ мѣстностяхъ уже взяла свое; а гдѣ еще не успѣла взять, тамъ, навѣрное, возьметъ черезъ годъ, черезъ три свое. Близорукіе профаны по этому поводу, конечно, пожимаютъ плечами и съ улыбкой сожалѣнія указываютъ на ученыхъ и земцевъ, не принесшихъ будто бы своими изслѣдованіями и своими преніями на съѣздахъ ровно никакой пользы дѣлу. Но профаны эти сто и тысячу разъ ошибаются: изслѣдованія и попытки борьбы съ жукомъ принесли намъ громадную, неизмѣримо-громадную пользу, раскрывъ намъ глаза на всю несостоятельность современнаго хозяйства, обнаруживъ недуги, врачеваніемъ которыхъ волею неволею приходится заняться. Жукъ преподалъ намъ урокъ, за который по мѣткому выраженію проф. *Линдемана*, ему, пожалуй, слѣдовало бы воздвигнуть памятникъ. Примѣняя мало по малу полученныя, благодаря жучковой горячкѣ, указанія, мы поставимъ свое сельское хозяйство въ болѣе выгодныя условія, введемъ подходящіе сѣвообороты, глубокую обработку, позаботимся о сохраненіи и разведеніи лѣсовъ, орошеніи, большомъ разнообразіи въ культурѣ—и тогда Россія перестанетъ подвергаться раззоренію насѣкомыми въ большей противъ западной Европы мѣрѣ.

На нашемъ югѣ кузька появляется обыкновенно съ конца или начала іюня, около времени цвѣтенія и наливанія ржи, на которую и набрасывается, чтобы выѣдать еще жидкія, млечныя зерна. Мы находимъ его сидящимъ на колосьяхъ большею частію въ любимой позѣ, головою внизъ, роющимся въ колосѣ головой и лапками, чтобы добраться до завязей. Кромѣ ржи, кузька встрѣчается первое время часто и на нѣкоторыхъ дикихъ злакахъ, особенно на пыреяхъ, откуда онъ зачастую и переходитъ на рожь. На ржи насѣкомыя остаются до тѣхъ поръ, пока зерна не становятся уже слишкомъ твердыми для ихъ крошечныхъ роговыхъ челюстей. Тщетно порывшись въ колосьяхъ и выбросивъ безъ пользы для себя множество зеренъ, жуки перекочевываютъ на поля позже созрѣвающихъ хлѣбовъ, сначала на ячмень, а еще позже, по той же причинѣ, на пшеницу; съ уборкой же яровой пшеницы—въ концѣ іюля—онъ исчезаетъ. Проса и овса кузька, можно сказать, не трогаетъ или же трогаетъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, что объясняется цвѣторасположеніемъ этихъ хлѣбовъ, имѣющихъ не колосъ, а такъ называемую метелку, по вѣточкамъ которыхъ жуку ползать и сидѣть затруднительно. Хлѣбные жуки весьма прожорливы, и притомъ самки ихъ втрое болѣе самцовъ, фактъ легко объясняемый потребностію самокъ въ избыткѣ питательнаго матеріала для производства яицъ. Сдѣланы опыты кормленія, съ цѣлью болѣе точнаго опредѣленія потребности кузекъ въ пищѣ. Оказывается, что самцы потребляютъ ежедневно въ среднемъ выводѣ нѣсколько болѣе ½ грана зеренъ, самки же свыше 1½ грана. Жукъ болѣе портитъ зеренъ, нежели въ состояніи съѣсть: онъ не только выталкиваетъ, какъ уже сказано, много зеренъ изъ колоса, но также многія надъѣдаетъ слегка и не доѣвъ до конца, переходитъ къ сосѣднимъ...

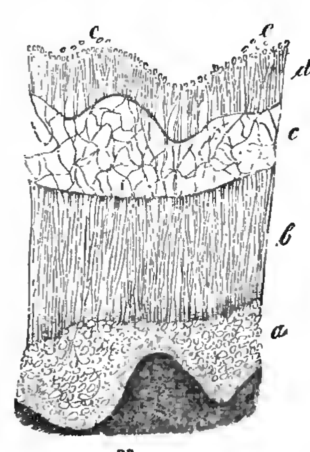
На сколько бываетъ трудно ловить муху или бабочку, на столько, вообще, легко подобрать жука: неповоротливое животное не скоро соберется и крылья-то свои расправить. Изъ числа этихъ крыльевъ переднія къ тому же для полета почти безполезны, а имѣютъ значеніе лишь какъ бы крышекъ или обложекъ для защиты заднихъ. Послѣдніе же сложены вдоль, при помощи колѣна или шарнира и, прежде нежели сдѣлаться пригодными къ полету, должны быть расправлены, а на это требуется время. Сверхъ того и все тѣло жука гораздо массивнѣе, тяжелѣе, чѣмъ тѣло бабочекъ и мухъ: различіе здѣсь въ родѣ того, какое существуетъ, напримѣръ, между курицей и ястребомъ. Какъ тѣ, такъ и другія насѣкомыя приспособлены къ полету, но въ различной степени, а потому одни охотно пользуются этимъ приспособленіемъ, другія же кажутся намъ неповоротливыми, лѣнивыми. Хлѣбный жукъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ общаго правила: его обыкновенно преспокойно можно снять съ колоса, прежде нежели онъ подумаетъ улетѣть. Впрочемъ, на степень подвижности жука и расположеніе его къ полету оказываетъ вліяніе температура воздуха а также, быть можетъ, и сила свѣта. Если волочить по поверхности нивы растянутый канатъ то въ знойную пору взлетаютъ цѣлые рои кузьки, на чемъ и основано сгоняніе его съ цѣлью концентраціи и удобнѣйшаго уничтоженія жука, а порою и съ цѣлью награжденія имъ сосѣда. Въ полдень жукъ, впрочемъ, и самъ по себѣ охотно подымается, чтобы перелетѣть съ мѣста на мѣсто, съ поля на поле и тогда дается въ руки лишь осторожному и проворному ловцу. Въ это же время дня онъ, по всей вѣроятности, предпринимаетъ также и болѣе отдаленныя странствованія, вызываемыя недостаткомъ въ пищѣ на первоначальномъ мѣстѣ зарожденія. По ночамъ кузьки сидятъ неподвижно на колосьяхъ, или даже иногда ищутъ убѣжища отъ прохлады на самой землѣ. Въ виду этого повѣствованія о ночныхъ будто бы странствованіяхъ насѣкомаго подлежатъ большому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что непосредственно ихъ никто не наблюдалъ, а лишь заключали о нихъ по внезапному появленію массы жуковъ тамъ, гдѣ ихъ прежде не было: но развѣ жуки эти не могли за ночь выйти изъ земли, притона ихъ личинокъ и куколокъ? Иногда на морскомъ берегу находили несмѣтныя количества жуковъ, выброшенныя волнами. Изъ нихъ многіе черезъ нѣкоторое время, обсохши, оправлялись и улетали на ближайшія поля: ознакомленіе съ враждебной стихіей, значитъ не всегда убиваетъ ихъ окончательно. Поэтому на Харьковскомъ съѣздѣ однимъ изъ членовъ и было высказано требованіе, чтобы за случайно выбрасываемыми на берегъ жуками слѣдили, съ цѣлью ихъ уничтоженія. Проще всего при этомъ было бы сгребать ихъ лопатами и зарывать на мѣстѣ, въ пропитанномъ водою пескѣ. Но какъ, спрашивается, жуки попадаютъ въ море? Очевидно, ихъ заноситъ туда вѣтромъ или прямо съ колосьевъ, или же во время перелета: вѣдь и со всевозможными другими насѣкомыми случается тоже самое.

О характерѣ полета кузьки извѣстно, что насѣкомое летаетъ не высоко надъ полями, но довольно быстро. На какія же разстоянія совершаются его произвольныя, независящія отъ вѣтра перелеты и насколько должно быть отнесено на ихъ счетъ распространеніе жучковаго бѣдствія съ уѣзда на уѣздъ, съ губерніи на губернію, это остается до сихъ поръ невыясненнымъ. Извѣстно, что въ прежнія времена существовало преувеличенное мнѣніе о дальности странствованій даже перелетной саранчи, а потому мы склоняемся въ пользу взгляда, сообщеннаго намъ устно однимъ изъ лучшихъ знатоковъ кузьки, проф. Н. Т. Степановымъ, по которому кузька лишь захватываетъ исподоволь все большій и большій раіонъ, перелетамъ же на дальнія разстоянія въ дѣлѣ распространенія кузьки приписывается лишь второстепенное значеніе.

Во время жучковыхъ бѣдствій кузька появляется иногда въ такихъ неимовѣрныхъ количествахъ, что поля кажутся покрытыми черной пеленой: на рѣдкомъ колосѣ нѣтъ жучка, на большинствѣ ихъ сидитъ по нѣскольку. Откуда берутся такія массы это не можетъ составить предмета удивленія для читателя, знакомаго хоть бы изъ предъидущихъ нашихъ статей съ силою стремленія организмовъ къ численному своему увеличенію. Посколько собственно яицъ откладываетъ самка спеціально кузьки, намъ въ точности еще неизвѣстно. Въ яичникѣ ея находили до 48 болѣе или менѣе зрѣлыхъ яицъ; но всѣмъ ли имъ суждено быть снесенными: В. А. Ярошевскій полагаетъ, что приблизительно только третья часть дѣйствительно снесется самкой, тогда какъ по І. А. *Порчинскому* самка обыкновенно выкладываетъ 21, 29 и даже больше, т. е. половину и двѣ трети запаса яичниковъ. Точное рѣшеніе столь простаго повидимому вопроса затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что самка откладываетъ свои янчки не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ. Ради этихъ кладокъ, она всякій разъ зарывается въ землю (рис. 2 и 4), предпочтительно болѣе рыхлую. Въ почву, представляющую наименьшее сопротивленіе роющимъ лапкамъ, насѣкомое зарывается вершка на три, рѣже на четверть, въ почву же твердую менѣе глубоко. Отложеніемъ яичекъ самка какъ бы выполнила конечную природную свою задачу; непосредственно послѣ этаго она умираетъ. Явленіе это можетъ считаться общимъ, нормальнымъ для насѣкомыхъ. Повидимому самый актъ производства яицъ окончательно истощаетъ организмъ и приводитъ его къ гибели. Подтвержденіемъ этого толкованія можетъ служить наблюденіе, что самки кузьки зачастую уже не имѣютъ болѣе силы выкарабкаться послѣ кладки яицъ на свѣтъ Божій и умираютъ въ землѣ. Этимъ объясняется, почему при раскопкахъ на поляхъ зачастую находятъ во множествѣ надкрылья кузьки; всѣ вообще ороговѣлые наружные покровы насѣкомыхъ долго противустоятъ гніенію, надкрылья же кузьки по своему цвѣту, отличающему ихъ отъ земли, легко бросаются въ глаза. Гдѣ къ землѣ примѣшаны такія надкрылья, хорошо сохранившія свою первоначальную окраску, тамъ навѣрное должны найтись и молодыя личинки или яички кузьки. Послѣднія (рис. 4) встрѣчаются обыкновенно разбросанными въ одиночку, рѣже по нѣскольку въ кучкѣ. Они бѣлыя, величиною съ булавочную головку, приблизительно шарообразныя или слегка продолговатыя.

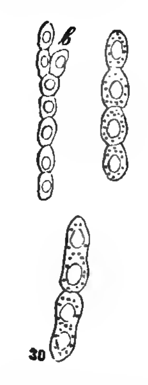
Недѣли три, примѣрно, послѣ кладки изъ яичекъ вылупляются (рис. 5) крошечныя бѣлыя личинки, у которыхъ, впрочемъ, вскорѣ рыжѣютъ голова и верхнія челюсти. Наиболѣе раннія изъ личинокъ появляются въ послѣдней трети іюня, главная ихъ масса, вѣроятно, лишь въ началѣ іюля. Установленіе этихъ данныхъ, конечно, трудно, потому что требуетъ многочисленныхъ раскопокъ, да кромѣ того время необходимое для зародышеваго развитія нашего, какъ и всякаго другаго насѣкомаго, зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ внѣшнихъ условій, въ особенности отъ температуры: чѣмъ выше послѣдняя, тѣмъ быстрѣе идетъ и развитіе. Личинки (рис. 6) живутъ въ землѣ всю вторую половину лѣта, живутъ и слѣдующую зиму, затѣмъ еще цѣлое лѣто, да еще зиму, пока, наконецъ, уже на третье лѣто не превращаются въ куколокъ, а вслѣдъ затѣмъ вскорѣ и въ совершенныхъ жуковъ. При своемъ вылупленіи личинки имѣютъ въ длину всего 1½ линіи, но затѣмъ очень быстро растутъ, особенно въ первый годъ, пока, ко времени своего окукленія, не достигнутъ величины около 1 дюйма. Наружная роговая пленка, обволакивающая всѣ членики тѣла, какъ и у остальныхъ личинокъ насѣкомыхъ, не можетъ растягиваться настолько, насколько это требовалось-бы ростомъ ор-

низма, а потому пленка эта періодически становится тѣсною, лопается и сбрасывается, замѣнившись предварительно другой. Этотъ процессъ сбрасыванія наружной кожицы, извѣстный подъ названіемъ *линьки*, повторяется, надо полагать, четыре раза. Образъ жизни личинокъ кузьки, какъ-бы онъ ни былъ скученъ и однообразенъ, не можетъ не интересовать сельскихъ хозяевъ. Такъ они обращаются къ энтомологамъ прежде всего съ вопросомъ, чѣмъ питаются личинки, не приносятъ-ли онѣ вреда, поѣдая личинки злаковъ? Весьма жаль, что для выясненія этого вопроса до сихъ поръ не сдѣлано еще достаточно строгихъ изслѣдованій. На этотъ счетъ существуютъ лишь разрозненныя, да и то противорѣчивыя наблюденія. По однимъ изъ нихъ личинки живутъ и растутъ даже въ просѣянномъ черноземѣ, который всегда и наполняетъ кишечный ихъ каналъ и просвѣчиваетъ сквозь покровы тѣла, но другимъ-же наблюденіямъ личинки лишь короткое время выживаютъ въ землѣ, если въ ней нѣтъ живыхъ растеній, а потомъ заболѣваютъ и мрутъ. Одинъ изъ авторовъ непосредственно видѣлъ, какъ личинки своими челюстями обработывали корневыя мочки хлѣбныхъ растеній, посѣянныхъ въ томъ-же стеклянномъ сосудѣ, а еще одинъ изъ авторовъ, въ разрѣзъ со всѣми остальными, прямо придерживается того мнѣнія, будто личинки кузьки питаются исключительно только живыми корнями, гніющими-же растительными веществами питаться вовсе не въ состояніи. По всей вѣроятности, и въ затронутомъ тутъ вопросѣ оправдается столь избитое положеніе „in medie veritas", такъ что мы можемъ принять за истину употребленіе кузькою въ пищу какъ гніющихъ, такъ и живыхъ растительныхъ веществъ. Благодаря такой смѣшанной пищѣ, вредъ отъ прожорливости кузьки въ подземный періодъ его жизни не только значительно умаляется, но прожорливость эта, надо полагать, отчасти обращается даже на пользу сельскихъ хозяевъ. Дѣло въ томъ, что омертвѣвшіе корни, стебли, листья и вообще растительныя вещества, проходя черезъ кишечный каналъ какихъ-бы то ни было животныхъ, подвергаются химическому дѣйствію пищеварительныхъ соковъ и разлагаются окончательно въ перегной. Чрезвычайно многочисленныя насѣкомыя и ихъ личинки, какъ въ лѣсу, такъ и въ полѣ играютъ поэтому роль удобрителей, фабрикантовъ компостовъ, безъ участія же ихъ образованіе тучной почвы, и вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе растительности, шлибы несравненно медленнѣе. То же самое уже давно предполагалось по отношенію къ дождевымъ червямъ и для нихъ, въ самое послѣднее время, стало доказанной истиной, благодаря остроумнымъ наблюденіямъ и опытамъ покойнаго Ч. Дарвина. Итакъ, и относительно кузьки подтверждается изрѣченіе: „нѣтъ худа безъ добра".



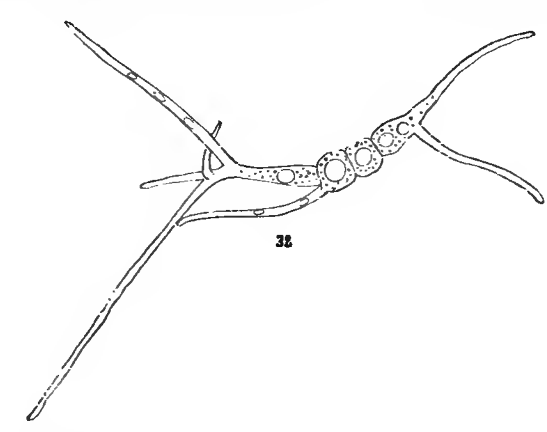
Фиг. 29. **Поперечный разрѣзъ поросшей грибкомъ личинки.** Увелич. въ 90 разъ. a—гонидіальный слой, b—слой прямыхъ гифъ (грибныхъ нитей), c—войлочный слой гифъ, d—плѣсневыя нити, выцвѣтшія на поверхности кожи. Верхушки этихъ нитей отдѣляются подъ видомъ *споръ* (cc).

Другіе вопросы, съ которыми сельскіе хозяевы обращаются къ энтомологамъ, заключаются въ томъ на какой глубинѣ почвы зимуютъ личинки кузьки, добирается-ли до нихъ зимняя стужа и какое вліяніе она на нихъ оказываетъ? Современныя наши свѣдѣнія о зимовкѣ личинокъ сводятся къ слѣдующему. По мѣрѣ пониженія температуры личинки все глубже и глубже зарываются въ землю, достигая даже аршинной глубины, если только почва не слишкомъ тверда. Не имѣя настоятельной надобности въ свѣжихъ, живыхъ корняхъ, личинки не привязаны къ верхнимъ, промерзающимъ слоямъ почвы. Но если слишкомъ быстро наступившіе холода или же непомѣрная твердость почвы не дали личинкамъ возможности ретироваться въ глубокіе слои почвы съ температурою выше нуля, тогда онѣ или впадаютъ въ спячку, переставая ѣсть и двигаться, или же прямо замерзаютъ. Однако эти обмерзшіе и замерзшіе экземпляры, будучи перенесены въ тепло, въ большинствѣ случаевъ оживали: явленіе далеко не исключительное въ ряду животныхъ, особенно безпозвоночныхъ. Вотъ почему весьма плохая надежда на суровыя зимы, какъ истребительницы кузьки. Въ этомъ на практикѣ насъ убѣдила особенно зима 1879—80 года, послѣ которой разсчитывали, что уже насталъ конецъ жучковому бѣдствію: разочарованіе лѣтомъ 1880 г. на этотъ счетъ было какъ нельзя болѣе полнымъ. Скорѣе чѣмъ постоянная низкая температура, можно было бы ожидать, судя по аналогіи, что на личинокъ жука подѣйствуютъ гибельно частые, быстрые переходы отъ сильнаго мороза къ оттепели и наоборотъ. На самомъ дѣлѣ, извѣстно, что въ зимѣ съ перемѣнной, непостоянной температурой вымерзаетъ гораздо болѣе деревъ и насѣкомыхъ въ нихъ укрывающихся, нежели въ очень суровыя, но постоянныя зимы. Далѣе при опытахъ надъ замораживаніемъ и послѣдующимъ оживленіемъ насѣкомыхъ, ракообразныхъ, червей, нѣкоторыхъ рыбъ, лягушекъ, всегда возвращается къ жизни меньшее число особей, если температура понижалась и повышалась очень быстро: ткани животнаго тѣла, очевидно, не выдерживаютъ моментальнаго и неравномѣрнаго напора отъ расширенія водянистыхъ соковъ при быстромъ замерзаніи и столь же моментальнаго и неравномѣрнаго уничтоженія напора при быстромъ оттаиваніи, а потому разрываются.



Фиг. 30. **Грибныя гонидіи изъ крови живой личинки.** Увеличеніе въ 860 разъ.

Какимъ бы прожорствомъ не отличался хлѣбный жукъ, и въ его жизни наступаетъ періодъ воздержанія, въ которомъ онъ поститея съ настойчивостью знаменитаго доктора Таннера. Этотъ періодъ продолжается недѣли три, пока насѣкомое находится въ состояніи куколки (рис. 7, 8, 9); но начинается, впрочемъ, уже нѣсколько раньше, а именно съ той поры, когда личинка еще только готовится къ превращенію куколку. Въ это время она становится вялой: но если жизнь ея мало проявляется наружу, она тѣмъ не менѣе, такъ сказать, всею своею силою обращается на внутреннюю перестройку органовъ тѣла. Видимымъ снаружи результатомъ этой перестройки является существо, имѣющее весьма мало сходства съ личинкою: куколка гораздо короче, длиною всего около ½ дюйма, зато толще, ноги ея гораздо длиннѣе, прижаты къ тѣлу, подогнуты, направлены кзади, успѣли образоваться также и крылья, точно также подогнутыя. Цвѣтъ куколки желтоватый или буроватый. Всѣ эти метаморфозы совершаются внутри наружной роговой кожицы личинки, и лишь по завершеніи ихъ кожица эта на спинѣ разрывается и отстаетъ отъ всего тѣла. Окончательно она, впрочемъ, не сбрасывается, а остается вокругъ куколки на подобіе чехла. Куколка покоится въ землѣ, въ полости яйцевидной формы, съ гладкими стѣнками. Логовище это обязано своимъ происхожденіемъ движеніямъ личинки, ея попеременному сгибанію и разгибанію тѣла. Летаргическій сонъ, въ которомъ, повидимому, находится куколка, связанъ съ усиленною дѣятельностію внутри ея организма: энергическая работа, ознаменовавшаяся превращеніемъ личинки въ куколку, и въ послѣдней продолжается неустанно, все болѣе и болѣе приближая насѣкомое къ окончательному образу совершеннаго жука когда эта внутренняя



Фиг. 31. **Три споры, проросшія.** Увеличеніе въ 550 разъ.

Фиг. 32. **Проросшія гонидіи.** Увеличеніе въ 400 разъ.

метаморфоза довершилась, внѣшняя оболочка куколки на спинѣ лопается и изъ нея постепенно выползаетъ готовый жукъ (рис. 10). Новорожденный жукъ представляется совершенно мягкимъ, бѣлымъ. Онъ еще нѣсколько дней остается въ своемъ логовищѣ, пока покровы его не получили окончательной окраски, а ножки его не окрѣпли и затѣмъ только прокладаетъ себѣ путь на поверхность земли. Окукленіе кузьки, надо добавить, происходитъ съ половины мая въ теченіи почти всего іюня, причемъ главная масса окукленій приходится на долю конца мая.

Лакомясь сочными хлѣбными зернами, кузька, въ свою очередь, представляетъ лакомый кусочекъ для весьма многихъ животныхъ. Его охотно поѣдаютъ изъ животныхъ домашнихъ свиньи, собаки, куры, гуси и утки, а изъ дикихъ—воробьи, скворцы, сивоворонки, щуры, сорокопуты, въ особенности же грачи, вороны, галки и чайки. Уже въ предшествовавшемъ нашемъ этюдѣ мы привели сообщеніе Маріупольской земской управы о

необозримыхъ стаяхъ чаекъ, налетающихъ съ моря на поля, для собиранія выворочепныхъ земледѣльческими орудіями личинокъ жука. Самыми же опасными врагами кузьки должны считаться изъ царства животныхъ нѣкоторыя насѣкомыя, а изъ царства растеній низшіе грибки. Хищныя мухи изъ рода Asilus (рис. 11) нападаютъ на взрослыхъ жуковъ и высасываютъ ихъ; тогда какъ личинки тѣхъ же Asilus'овъ въ свою очередь, повидимому, питаются личинками кузьки. Вслѣдъ за появленіемъ массами хлѣбныхъ жуковъ, особенно часто стали встрѣчаться на поляхъ и эти мухи.—На крупныхъ личинкахъ кузьки, по серединѣ брюшка, иногда находятъ присосавшуюся личинку осы Tiphia morio (рис. 12). Она бѣлаго цвѣта, не имѣетъ ногъ и вообще похожа на тѣхъ личинокъ мухъ или, какъ обыкновенно говорятъ, „червей“, которые заводятся въ мясѣ. Эта своего рода громадная піявка, вѣроятно причиняетъ ужасную боль, но тѣмъ не менѣе совершаетъ свое жестокое дѣло совершенно безнаказанно, такъ какъ высасываемая ею личинка жука не можетъ достать ее ни челюстями, ни лапками. Высосавъ и умертвивъ тѣмъ самымъ своего „хозяина“, личинка тифіи тутъ же вьетъ вокругъ себя коконъ, изъ котораго нѣсколько недѣль спустя вылетаетъ готовая оса. Благодаря тому обстоятельству, что тифіи выводятся въ теченіи лѣта въ *двухъ* поколѣніяхъ, онѣ могутъ сильно размножаться и значительно повліять на уменьшеніе числа личинокъ кузьки. На уменьшеніе этого числа въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весьма рѣшительное вліяніе оказывали и жуки изъ семейства жужелицъ, именно какъ настоящія жужелицы, такъ и гарпалы. Существуютъ даже и мелкіе нитевидные червячки (Septodera dentata), проникающіе вовнутрь личинокъ кузьки черезъ утонченныя мѣста въ кожѣ и умерщвляющіе ихъ.

Особенный интересъ представляютъ паразитные грибки, причиняющіе маленькимъ жукамъ смертельныя болѣзни: *зеленую мюскардину* и такъ называемую *гнилую болѣзнь.* Остановимся лишь на первой, какъ наиболѣе интересной. Нерѣдко попадаются мертвые экземпляры личинокъ, согнутые въ видѣ полумѣсяца и твердые какъ хрящъ. Подобные трупы въ теченіе слѣдующихъ дней становятся сначала матовыми, а затѣмъ покрываются налетомъ, первоначально бѣлымъ, а потомъ зеленымъ. Зеленый налетъ проникаетъ все глубже и глубже въ тѣло личинки, которая, наконецъ, превращается цѣликомъ въ комокъ черно-зеленой массы, легко распадающейся отъ прикосновенія на неправильные комочки. Такъ описываются проф. *И. И. Мечниковымъ* окончательныя проявленія болѣзни, именуемой имъ *зеленой мюскардиной.* Микроскопическое изслѣдованіе умершихъ отъ этой болѣзни личинокъ показываетъ, что онѣ насквозь проросли густымъ войлокомъ грибныхъ нитей, *грибницей* или *мицеліемъ* (рис. 29), далѣе отдѣльныя грибныя клѣточки и четки изъ такихъ грибныхъ клѣточекъ, именуемыя *гонидіями* (рис. 30 и 32). При распаденіи трупа личинки, грибныя нити и клѣточки, во влажной землѣ, могутъ разростаться дальше и заражать другія личинки; такое же зараженіе причиняется еще и *спорами* или сѣменами (рис. 29. e.e, 31), отдѣляющимися на поверхности пораженнаго организма. Упомянутый выше, сначала бѣлый, потомъ зеленый налетъ на личинкахъ, состоитъ изъ плѣсени (d), которая выцвѣла наружу и отдѣляетъ на концахъ своихъ ниточекъ подобныя споры. Спора, проникшая вовнутрь тѣла здоровой личинки, сквозь кожу ли или сквозь устьице дыхательной трубочки, — подъ самой кожей, разростается въ густую сѣть мицелія, отсюда зараженіе грибными образованіями распространяется на кровь и всѣ внутренности: личинка становится вялой, неподвижной и, наконецъ, умираетъ. Грибокъ, являющійся причиною этой болѣзни, получилъ названіе Entomophtora anisopliae.

Заразительность зеленой мюскардины привела къ мысли, нельзя ли воспользоваться ею для истребленія кузекъ? Правильность этой мысли подтвердилась на содержимыхъ въ неволѣ личинкахъ. Проф. Мечникову удалось даже придумать дешевый способъ къ добыванію споръ мюскардиннаго грибка въ громадныхъ количествахъ, достаточныхъ для обсѣмененія ими какихъ угодно обширныхъ полей. Способъ этотъ заключается въ выращиваніи грибницы въ пивномъ суслѣ, разведенномъ водою. На Харьковскомъ съѣздѣ знаменитымъ ученымъ былъ изложенъ пространный докладъ о настоящемъ положеніи дѣла и было указано на необходимость повторить опыты въ широкихъ размѣрахъ на поляхъ. Собраніе весьма сочувственно отнеслось къ этому докладу, взяло на себя ходатайство передъ земствами объ оказаніи необходимой нравственной и матеріальной поддержки осуществленію опытовъ лѣтомъ текущаго года.

Хлѣбный пилильщикъ (*Cephus pygmeus*). (Рис. 13 — 20). Съ кузькой пилильщикъ имѣетъ лишь то общее, что оба принадлежатъ къ классу насѣкомыхъ и вредятъ хлѣбнымъ полямъ. Въ остальномъ онъ не только относится къ другому отряду насѣкомыхъ, но даже и вредъ, причиняемый имъ, совершенно въ другомъ родѣ. Но это мы сообщимъ въ слѣдующемъ №.

Сваха. Набросокъ (факсимиле) П. А. Ѳедотова къ его картинѣ „Сватовство маіора“.
По фотогр. Лаптева, грав. М. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

Возвращеніе изъ кругосвѣтнаго плаванія.

(Рис. на стр. 1036 и 1037).

Цѣлые два года семья томилась въ ожиданіи своего браваго моряка. Объ немъ шли безпрестанныя воспоминанія и разсказы, предположенія гдѣ онъ именно можетъ быть теперь. Когда получались письма его изъ разныхъ портовъ съ какими-то мудреными названіями, собиралась ихъ читать чуть не вся деревня. Лучшій мѣстный грамотѣй—племянникъ старосты—раскладывалъ засаленную карту и читая указывалъ па ней мѣста, о которыхъ говорилось въ письмѣ. Но вотъ по письмамъ судя, онъ все ближе и ближе, и наступаетъ наконецъ радостный день. Съ утра бѣгутъ на пристань, слѣдятъ въ сѣрой дали приближающуюся точку все увеличивающагося судна; вотъ оно у пристани и нашъ матросъ обнимаетъ своихъ стариковъ, молодую жену, ребенка, который въ его отсутствіе такъ уже выросъ и сталъ такой буянъ. Вотъ онъ и дома. На столѣ дымится кушанье, отецъ старикъ наливаетъ ему вино, жена разбираетъ большой чемоданъ съ вещами, въ которомъ привезъ онъ подарки своимъ домашнимъ. На полу видны и китайскіе вѣера и игрушки, которыхъ чуждый запахъ съ удивленіемъ чуетъ собачка. Буянъ-мальчикъ тянется за мячикомъ, а самъ виновникъ всей этой суматохи и радости весело разсказываетъ эпизоды своего плаванія, чудеса чуждыхъ странъ и обычаи разныхъ народовъ, и вся семья слушаетъ его съ напряженнымъ вниманіемъ. Бабушка отложила даже свой чулокъ, къ великой его опасности отъ озорника-кота, который уже приглядывается, смотрятъ ли на него и можно ли поиграть съ клубкомъ. Все это выражено превосходно въ картинѣ Норденберга.

Ѳедотовъ и его родители. Рисунокъ (факсимиле) П. А. Ѳедотова. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Смѣющаяся дѣвушка.

(Рис. на стр. 1041).

Одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ живописи и побѣдъ таланта—это схватить разнообразную, тонкую и часто едва уловимую жизнь лица человѣческаго, его многообразныя измѣненія, легкія оттѣнки выраженія, пробѣгающаго иногда мгновенно и освѣщающаго лице выраженіемъ счастья, веселья, восторга или печали и горя.

Задача изобразить ясную молодую улыбку на свѣжемъ, юномъ лицѣ дѣвушки выполнена на картинѣ Георга Гома чрезвычайно удачно. Вы такъ и чувствуете это невинное, беззавѣтное молодое веселье. Гомъ пользуется репутаціей серьезнаго и талантливаго художника. Онъ родился въ 1838 году и первоначальное образованіе получилъ въ художественной школѣ Франкфурта на Майнѣ, и давно уже многія его картины пользуются почетною извѣстностью.

Вербовка рекрутъ въ Англіи.

(Рис. на стр. 1044).

Англія, столь своеобразная страна во многихъ отношеніяхъ, сохраняетъ до сихъ поръ совершенно оригинальный способъ комплектованія своихъ войскъ—способъ вполнѣ неизвѣстный въ другихъ государствахъ Европы. Здѣсь нѣтъ ни набора, ни общей воинской повинности, а примѣняется лишь простой наемъ, вербовка желающихъ вступить въ военную службу. Эта замѣчательная форма комплектованія арміи выработалась въ Англіи путемъ историческимъ.

Борьба съ Стюартами, часто обращавшая вооруженную силу противъ самой страны, заставила послѣднюю относиться съ недовѣріемъ и опасеніемъ къ постоянной арміи. Вотъ почему при вступленіи на престолъ Вильгельма Оранскаго было установлено закономъ, чтобы въ мирное время постоянное войско допускалось не иначе, какъ съ согласія Парламента, который кромѣ того, ежегодно долженъ опредѣлять ея численность и ассигновать суммы на ея содержаніе. Этотъ законъ сохраняется и донынѣ во всей своей неприкосновенности. Каждый годъ парламентъ особымъ актомъ разрѣшаетъ королевѣ содержать постоянную армію: вслѣдъ за обнародованіемъ этаго акта военный министръ разсылаетъ въ полки приказъ, чтобы приняли извѣстныя мѣры для укомплектованія войскъ новобранцами. Приказъ этотъ обыкновенно носитъ названіе beating order, такъ какъ онъ призываетъ барабаннымъ боемъ собираться охотниковъ. Для послѣдней цѣли разсылаются повсюду небольшія вербовочныя партіи, которыя и выбираютъ своимъ сборнымъ пунктомъ наиболѣе посѣщаемые трактиры или погреба, гдѣ обыкновенно гуляетъ и угощается молодежь. Въ то же время всюду распространяются печатныя объявленія, обѣщающія именемъ королевы за поступленіе въ солдаты довольно высокую денежную премію и кромѣ того различныя льготы и выгоды во время службы. Эти заманчивыя объявленія, да горячія, убѣдительныя рѣчи старыхъ служакъ-вербовщиковъ, иногда дѣйствительно имѣютъ большой успѣхъ и благодаря имъ является цѣлая масса охотниковъ вступить въ ряды арміи. Каждому изъ нихъ, заявившему свое желаніе сдѣлаться солдатомъ, тотчасъ же вручается вербовщикомъ шиллингъ (около 30 к.) въ видѣ задатка и назначается день когда явиться къ медицинскому осмотру. Если новобранецъ удовлетворитъ на осмотрѣ всѣмъ условіямъ пріема, т. е. окажется крѣпкимъ, здоровымъ, роста не меньше 5 футовъ и съ извѣстной ширины грудью, то онъ получаетъ такъ называемый аттестаціонный листъ, съ которымъ долженъ явиться къ мѣстному мировому судьѣ и подтвердить ему, что онъ вступаетъ въ солдаты по своей доброй волѣ, послѣ чего уже приводится къ окончательной присягѣ. Рекрутъ, получившій шиллингъ и неявившійся къ медицинскому осмотру, считается по закону дезертиромъ; тотъ же, который отказывается отъ своего слова передъ мировымъ судьей, обязанъ возвратить казнѣ задатокъ и кромѣ того уплатить еще извѣстную неустойку. Поступающій получаетъ тотчасъ же денежную премію, размѣръ которой не одинаковъ для различныхъ родовъ оружія и никогда не превышаетъ 10 фунтовъ стерлинговъ (около 100 рублей).

Приманивая охотниковъ различными льготами и преміями, британское правительство въ мирное время комплектуетъ войска безъ особенныхъ хлопотъ, но въ случаѣ войны вербовка рекрутъ становится весьма затруднительной, и часто является даже необходимость увеличивать значительно льготы и преміи, чтобы привлечь молодежь въ ряды арміи. Конечно на такія приманки идутъ лишь одни бѣдняки, мало-мальски же состоятельный англичанинъ, конечно, не легко разстанется со своей семьей и домомъ, чтобы десять лѣтъ тянуть солдатскую лямку, и сгибнуть можетъ быть въ губительной по климату Индіи или сложить голову въ Афганистанѣ, Южной Африкѣ или Египтѣ.

Наши рисунки представляютъ весьма наглядно главные моменты этой особой системы, гдѣ извращается самый смыслъ военной службы. Въ другихъ государствахъ воинъ-гражданинъ рискуетъ жизнью за родину—здѣсь онъ *нанимается* служить и разумѣется это не внушаетъ ему особаго одушевленія въ дѣлѣ. Первый рисунокъ изображаетъ измѣреніе роста и осмотръ рекрутъ, второй—испытаніе ихъ зоркости и вообще тѣлесной годности и третій наконецъ—присягу этихъ наемныхъ солдатъ на службу отечеству.

Эскизы П. А. Ѳедотова.

(Рис. на стр. 1048 и 1049).

Намъ удалось пріобрѣсти два превосходныхъ рисунка геніальнаго П. А. Ѳедотова, автора всей Россіи извѣстнаго „Маіора". Одинъ рисунокъ представляетъ „Сваху", — это набросокъ къ его „Сватовству маіора", на другомъ Ѳедотовъ изобразилъ самъ себя въ военномъ мундирѣ, въ шляпѣ съ султаномъ, идущимъ съ дежурства и вмѣстѣ съ своею матерью и отцомъ. П. А. Ѳедотовъ принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ дѣятелей на почвѣ русскаго искусства. Это былъ истинный реформаторъ живописи; самъ не оставившій послѣ себя крупныхъ жанровыхъ вещей—онъ, въ то же время, открылъ самостоятельную школу и по указанному имъ пути устремились потомъ наши талантливые жанристы: Перовъ, В. Маковскій, Корзухинъ, М. П. Клодтъ и др. Ѳедотовъ сдѣлалъ для живописи то, что А. Н. Островскій для сцены: онъ внесъ въ бездушные манекенные образы жизнь, онъ первый заговорилъ реальнымъ будничнымъ языкомъ, бросивъ весь книжно-классическій хламъ съ его мелодраматическими страстями. Плохой техникъ, Ѳедотовъ съумѣлъ привлечь къ себѣ массы поклонниковъ единственно благодаря реализму идей, которыхъ не бывало, да и не могло быть у его предшественниковъ, блестящихъ представителей внѣшней стороны искусства — Маркова, Неффа, Моллера, — даже Бруни и Брюллова. Поздно начавъ заниматься живописью онъ не съумѣлъ овладѣть въ достаточной мѣрѣ рисункомъ. Но въ то же время онъ былъ свободенъ отъ той условной сухости рисунка, которой былъ не чуждъ и самъ Брюлловъ. Работая въ холодной квартирѣ, дрожа отъ холода, разстраивая себя и физически и нравственно, готовя себѣ непомѣрнымъ трудомъ преждевременную смерть, онъ вносилъ въ то же время новую струю воздуха въ удушливую академическую атмосферу.

Ѳедотовъ родился въ бѣдной семьѣ и въ дѣтствѣ не пользовался никакимъ уходомъ и воспитаніемъ. Маленькій отцовскій домикъ, въ приходѣ Харитонія въ Огородникахъ, былъ переполненъ тѣми чудесными московскими типами, которые впослѣдствіи ему послужили моделями его картинъ. Отецъ его служилъ въ екатерининской арміи, затѣмъ вышелъ въ отставку и сдѣлался титулярнымъ совѣтникомъ. Помѣстивъ сына въ кадетскій корпусъ онъ предоставилъ ему самому пробивать дорогу. Способности у того оказались прекрасныя и получивъ при выпускѣ полные баллы по всѣмъ предметамъ, П. А. окончилъ первымъ.

Сдѣлавшись офицеромъ финляндскаго полка, Ѳедотовъ все свободное время удѣлялъ своимъ любимымъ занятіямъ: писалъ стихи, рисовалъ, занимался музыкой. Одно искусство дополнялось другимъ; онъ забывалъ за ними и лишенія и недостатки, и непріятности по службѣ. Наконецъ страсть къ живописи взяла верхъ надъ всѣмъ остальнымъ — и онъ оставилъ службу, поступилъ въ академію. Педантизмъ профессоровъ чуть не сгубилъ его въ конецъ: онъ попалъ почему-то въ баталисты, въ ученики къ Зауервейду. Къ счастію, здравый русскій складъ мыслей баснописца И. А. Крылова поставилъ его на прямую дорогу. По создавши свою лучшую картину,—*Сватовство маіора*, и двѣ второстепенныхъ *Утро послѣ пирушки* и *Вдову*,—онъ сошелъ съума, и умеръ въ лечебницѣ Лейсдорфа, на рукахъ своего деньщика Коршунова.

Имя Ѳедотова навсегда останется громкимъ именемъ въ исторіи русскаго искусства, потому что въ сущности это первый художникъ „русскій". Онъ отринулъ всѣ традиціи Венеціановыхъ, этихъ лже-жанристовъ, изображавшихъ вылощенныхъ пейзановъ и пейзанокъ. Его мотивы часто грубы, угловаты, но въ то же время удивительно сильны и, главное, оригинальны. Рисунокъ Ѳедотова вы отличите изъ тысячи. Онъ боекъ, остроуменъ. Сатира такъ и бьетъ въ немъ живымъ ключемъ. Альбомы каррикатуръ, оставшіеся послѣ него, положительно прекрасны.

Политическое обозрѣніе.

Призракъ комуны во Франціи.—Сербія.—Австро-Венгрія.—Турція.—Тунисъ, Китай, Анама, Чили и Перу.

Въ массѣ извѣстій, приходящихъ изъ Франціи о происходившихъ тамъ безпорядкахъ, теперь уже совершенно ясно и опредѣленно отражается отвратительный, безобразный силуэтъ коммуны. Проявленія соціалистическаго движенія, начавшись въ Монсо-ле-Минъ, повторились, затѣмъ, въ С.-Этьенѣ, Ліонѣ, Тулонѣ, Дижонѣ, въ видѣ или открытыхъ безчинствъ и насилія, или расклеиванія прокламацій, или подбрасыванія бомбъ и т. д.; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ прокламаціяхъ, помимо воззванія, преподаются совѣты—какъ составлять суррогатъ динамита, какъ болѣе дешевое средство для достиженія цѣли, провозглашенной участниками нынѣшнихъ волненій, а именно—„уничтоженіе собственности". Французское правительство обнаружило, что заговоръ охватилъ значительную часть страны, если не всю страну, что нити готовившагося динамитнаго взрыва сходятся въ машинѣ, давно уже установленной въ Женевѣ, гдѣ, конечно, не менѣе другихъ надъ нею усердствуютъ нигилисты и соціалисты россійскаго происхожденія. До сихъ поръ однако, къ счастію, незамѣтно, чтобы на сторонѣ коммунаровъ была сила;

тамъ, гдѣ они осмѣливались показываться на улицу—ихъ было немного и войска, полиція быстро справлялись съ ними, а въ другихъ мѣстахъ они прибѣгаютъ къ средствамъ, указывающимъ именно на ихъ слабость, безсиліе, т. е. — подсылаютъ угрожающія письма, стремятся къ террору изъ-за угла, средству, хотя и ужасному, но которое, тѣмъ не менѣе, доказываетъ, что они нуждаются въ прикрытіи, что „открытой силы“ не могутъ развернуть, что ихъ слишкомъ мало. Однако, несомнѣнно, анонимныя угрозы, „анонимный“ терроръ не можетъ не оказывать вліянія. Такъ, когда пришлось судить 22 лица, замѣшанныя въ Монсо-Ле-Минскихъ безпорядкахъ, то судьи, присяжные, прокуроръ, получили письма, въ которыхъ имъ угрожаютъ, въ случаѣ осужденія подсудимыхъ; угрожаютъ и самому Грэви; французскія власти вынуждены были обратить вниманіе на предупрежденія этихъ современныхъ гашишиновъ, современныхъ федавіевъ и отсрочили судъ надъ схваченными комунарами, дѣло которыхъ передаютъ изъ Шалона-на-Саонѣ въ судъ другаго города. Но, вѣдь, федавіи, явятся и туда; они, изъ Монсо, явились-же въ Парижъ, гдѣ, по наивному сообщенію телеграфа, „за ними строго слѣдятъ власти“. Успокоительно! А вѣроятно, для того, чтобы еще было успокоительнѣе (да оно, кажется и, въ самомъ дѣлѣ, такъ) газеты сосчитали, что всѣхъ „анархистовъ“ въ столицѣ Франціи находится 1,229 человѣкъ. Правительство, „принимаетъ мѣры“ и пора—вѣдь прежде всего достанется именно республикѣ, которая, опираясь на нѣсколько разрозненныхъ республиканскихъ группъ, имѣетъ противъ себя и всѣ монархическія партіи и всю радикальщину, да и все то, что разумѣется подъ наименованіемъ консервативныхъ республиканцевъ, едва-ли искренно сочувствуетъ нынѣшней формѣ правленія во Франціи, а сельское населеніе, иногда и не желающее подходить къ избирательнымъ урнамъ (кое-гдѣ это было недавно)... Конечно—ближе лучше видно, но и издали кое-что извѣстно. Дюклеркъ недавно имѣлъ разговоръ съ швейцарскимъ посланникомъ по поводу агитацій, идущихъ изъ Швейцаріи; посланникъ отвѣчалъ, что правительство изъявляетъ готовность произвесть разслѣдованіе; Греви подписалъ декретъ, которымъ устанавливаются правила относительно производства и употребленія динамита, дающія властямъ возможность слѣдить за динамитомъ съ минуты выхода его изъ завода до прибытія по назначенію; затѣмъ—дѣятельно продолжаются аресты: взятъ редакторъ „Standart révolutionnaire“ (Революціонное знамя—это, въ благоустроенномъ государствѣ открыто разрѣшается газета, бьющая набатъ въ пользу революціи! а потомъ тѣ, что разрѣшили, удивляются динамиту и всему, что онъ творитъ!), Бордà, у котораго найдены документы, возбуждавшіе къ убійству директора копей въ Монсо и въ Планси; въ С.-Этьенѣ найдена прокламація, возбуждавшая къ убійству адвоката Таллона и судьи Дюбюи, какъ виновниковъ обвинительнаго приговора, произнесеннаго недавно въ Ліонѣ надъ двумя соціалистическими писателями; въ С.-Этьенѣ-же арестованъ пріятель Борда, Режисъ-Форь, уличенный въ перепискѣ съ женевскими руководителями; произведено не мало еще и другихъ арестовъ въ провинціи. Въ то же время, въ самомъ Парижѣ (въ С.-Антуанскомъ предмѣстьѣ) произошло столкновеніе между мебельными фабрикантами и рабочими: первые не соглашаются на увеличеніе платы, которой требуютъ послѣдніе; рабочіе, составили, по обыкновенію, стачку, а фабриканты грозятъ закрыть мастерскія, что оставило-бы безъ дѣла 45 тысячъ мастеровыхъ.

Въ Бретани продолжаются роялистскія демонстраціи, тамъ раздается древній кличъ: „да здравствуетъ король!“, „да здравствуетъ королева!“. Генералъ Шареттъ и другіе легитимистскіе вожди всюду распространяютъ слухъ о скоромъ прибытіи короля.

Не вполнѣ ясно то, что лежитъ въ основѣ недавняго покушенія противъ короля Милана. Если, съ одной стороны, бѣлградскія власти подозрѣваютъ соціалистическую подкладку въ преступленіи Елены Маркович и арестовали уже нѣкоторыхъ, извѣстныхъ своими крайними взглядами (какъ напр. Николича, редактора соціалистической газеты „Борьба“, Видковича, радикаловъ Таусановича и Трифановича) то, съ другой, въ печальной исторіи вдовы разстрѣляннаго полковника Марковича, можно найти многое, объясняющее все дѣло, скорѣе побужденіями личной мести. Полковника Марковича обвиняли въ участіи въ топольскомъ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью низложеніе Милана въ пользу Карагеоргіевича, но это обвиненіе не было доказано и не только обвиненіе, но и самое преданіе его суду было незаконно и неосновательно, какъ въ то время заявилъ князю (нынѣ королю) Милану первый министръ Ристичъ; тѣмъ не менѣе, не взирая на отсутствіе доказательствъ, не взирая на только что оказанныя Марковичемъ боевыя отличія (онъ, во главѣ своей бригады, взялъ Пиротъ), несчастный былъ приговоренъ къ разстрѣлянію; его жена, Елена, обожавшая своего мужа, бросилась къ князю, умоляя на колѣняхъ о пощадѣ, князь обѣщалъ—въ то время, когда Марковича разстрѣливали... Говорятъ, Миланъ не любилъ его. Съ тѣхъ поръ вдова поклялась отомстить. Но утверждаютъ, однако, что соціалисты приклеились и сюда, разсказываютъ, будто на Дунаѣ была приготовлена торпеда для взрыва парохода, на которомъ ѣхалъ Миланъ и что Марковичъ стрѣляла вслѣдствіе неудачи съ торпедой. Такъ ли все это—пока не извѣстно. Мало по малу разъясняется теперь одно, именно, что король не популяренъ въ своей странѣ, по причинѣ (конечно, невольныхъ) уступокъ Австріи, эта опозиція охватываетъ значительное большинство народа. Если такъ, то положеніе Сербіи, серьёзно. Австрія легко можетъ занять королевство своими войсками „для утвержденія порядка“ и вѣроятно все уже готово. Прибавляютъ, что Миланъ желаетъ отказаться отъ престола. Князь Александръ Карагеоргіевичъ опять всплылъ, появлялся въ Землинѣ и поддерживаетъ сношенія въ странѣ, даже будто—съ нынѣшнимъ министерствомъ; ему приписываютъ много ума, энергіи, опытности. Въ Вѣнѣ умѣютъ дѣлать свое дѣло—надо имъ отдать справедливость!

Австрійцы снова говорятъ о своихъ добрыхъ отношеніяхъ ко всѣмъ державамъ (и, конечно, къ Россіи) и усиливаютъ составъ войскъ и вооруженіе крѣпостей. Въ Босніи и Герцеговинѣ возстаніе разгорается и къ зимѣ, какъ ожидаютъ, приметъ болѣе значительные размѣры. Христіане и мусульмане, совершенно, сошлись, желаютъ возобновленія владычества Турціи (несомнѣнно, болѣе сноснаго, чѣмъ австрійское), которой готовы съ радостію подчиниться, если Боснію и Герцеговину обратятъ въ автономныя провинціи.

Генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи намѣренъ сократить численность войскъ, въ виду дефицита въ доходахъ, какъ онъ объясняетъ, но Штрекеръ-Паша противится. Въ провинціальномъ собраніи восторжествовала русская, т. е. расположенная къ Россіи партія, и президентомъ выбранъ Гицевъ. Абд-уль-Гамидъ, повидимому, желаетъ прекращенія суда надъ Араби-Пашей,—вѣроятно въ виду того, что слѣдствіе раскрыло, что бывшій вождь не прерывалъ сношеній съ Портой во все время борьбы. Дервишъ-Паша, (можетъ быть для вида) арестованъ въ Ильдизъ-Кіоскѣ „за дѣйствія въ Каирѣ.“

Франція въ Тунисѣ—какъ у себя дома. Бей, Мегметъ-эя-Садокъ, умеръ и на тронъ вступилъ его братъ, Сиди-Магометъ: въ Тунисѣ вскорѣ открывается французскій судъ. Англія, совершенно одобряя французскую политику тамъ, однако объявила, что не допуститъ ущерба своему торговому договору съ Тунисомъ.

Корейскій король прислалъ благодарить Богдыхана за усмиреніе въ Кореѣ возстанія. Китайскія войска вступили въ Анамъ, гдѣ уже находятся французскія.

Чили возобновляетъ войну съ Пэру.

Смѣсь.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества сообщаетъ что главнѣйшіе выигрыши VIII лотереи въ пользу школъ Патріотическаго Общества розыгранной 10 сего октября, пали на слѣдующіе номера: первый выигрышъ въ 8000 р., на № 22882—билетъ предъявленъ С.-Петербургскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Петровымъ Гречишниковымъ и крестьяниномъ Рязанской губ., Зарайскаго уѣзда, Михаиломъ Андреевымъ, второй на № 17,982—билетъ предъявленъ крестьяниномъ Костромской губ., Чухломскаго уѣзда, Алексѣемъ Степановымъ Коротковымъ и третій на № 25172—билетъ предъявленъ крестьяниномъ С.-Петербургской губ., Ямбургскаго уѣзда, Карломъ Вальтеромъ.

Суэзскій каналъ. Доходъ компаніи канала за 1880 г. составляетъ сумму въ 39,840,000 франковъ; всего за этотъ годъ прошло 2026 кораблей, съ грузомъ въ 4,344,529 тоннъ.

Соляное озеро въ Америкѣ. Къ числу чудесъ міра несомнѣнно принадлежитъ большое Соляное Озеро, находящееся въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Оно имѣетъ 85 миль въ длину и 45—въ ширину, т. е. на двѣ трети обширнѣе Мертваго моря. Обладая множествомъ притоковъ, озеро вмѣстѣ съ тѣмъ не служитъ истокомъ ни для одной рѣки, или значительнаго ручья, такъ что независимо испаренія, воды его вѣроятно имѣютъ внутренній выходъ гдѣ нибудь въ море. Вода до такой степени насыщена солью, что изъ 5 частей—1 часть составляетъ чистую соль. Причина обилія соли еще не открыта. Рыба вовсе не водится въ этомъ озерѣ, но его поверхность покрыта миріадами мелкихъ мухъ.

Женская биржа. Въ Парижѣ, въ одномъ большомъ модномъ магазинѣ, вблизи биржи, устроилась женская биржа, которую ежедневно, отъ 2 до 5 часовъ, посѣщаетъ множество дамъ, обдѣлывающихъ тамъ значительныя денежныя дѣла. Производятся ли эти сдѣлки на счетъ и рискъ мужей?

Проба битой птицы. Для того, чтобы узнать—насколько былъ молодъ или нѣтъ битый гусь или утка, нѣтъ необходимости прибѣгать ни къ какимъ особымъ ухищреніямъ—надо просто подавить кожу птицы головкой булавки—если она входитъ, вдавливается легко, то птица, значитъ, еще была молода, жесткая же кожа укажетъ противоположное.

Дезинфекція. Въ виду существующихъ постоянныхъ эпидемій не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ, которыя годъ отъ году усиливаются отъ увеличенія народонаселенія и плохаго содержанія помойныхъ и иныхъ мѣстъ, рекомендуется въ особенности для сельскихъ хозяевъ слѣдующее хорошее и дешевое дезинфекціонное средство противъ гнилостнаго разложенія и распространенія міаз-

мовъ: на 10 фунтовъ рѣчной воды 4½ гипса и столько же желѣзнаго купороса, затѣмъ хорошо смѣшавши это, вливать въ дезинфекцируемыя мѣста. За неимѣніемъ же ждановской или иной воздухоочистительной жидкости можно очищать воздухъ этой смѣсью, выставляя въ помѣщеніяхъ, отличающихся плохими санитарными условіями, подмѣшавъ немного уксусу.

Диссентерія одна изъ самыхъ страшныхъ болѣзней, отъ которой гибнетъ болѣе людей на войнѣ, чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль... Въ нѣкоторыхъ странахъ диссентерія свирѣпствуетъ постоянно... Кохинхина, напримѣръ, принадлежитъ къ таковымъ странамъ, гдѣ постоянно присутствуетъ эта болѣзнь, противъ которой случайно нашли „что нѣсколько горстей квасцовъ, брошенныхъ въ большой ротный котелъ, наполненный (рѣчной или ключевой) водой, избавляетъ пьющихъ отъ диссентеріи“. „Замѣчательно, что во время всего похода—пишутъ изслѣдователи этой болѣзни,—когда принимались болѣе строгія мѣры предосторожности, не было ни одного случая заболѣванія диссентеріей; но какъ только войска вернулись въ казармы, гдѣ постарому не стали обращать вниманія на воду, тотчасъ же появилась диссентерія и притомъ въ сильнѣйшей степени“... *Оказывается, что квасцы, будучи примѣшаны къ водѣ, убиваютъ всѣхъ инфузорій и дѣлаютъ воду безвредною. Къ такому результату пришли врачи, дѣлавшіе опытъ надъ кипяченой водой.* Операція кипяченія убиваетъ также всѣхъ инфузорій, производящихъ разстройство желудка и кишечнаго канала. Но для того, чтобы не лишить воду атмосфернаго воздуха, безъ котораго она вредна, слѣдуетъ ей только дать вскипѣть, а затѣмъ, охладивши, пить. Слѣдовательно, диссентерія есть главнымъ образомъ явленіе отъ находящихся въ водѣ вредныхъ микроскопическихъ животныхъ и потому, чтобы убить ихъ, совершенно излишне портить вкусъ ея квасцами, достаточно только слегка прокипятить воду.

Восемь проповѣдей въ одно время. Недавно, въ одно изъ воскресеній, въ Филадельфійской пенитенціарной тюрьмѣ произведенъ былъ интересный опытъ. Восемь проповѣдниковъ въ одно и то же время невидимо для слушателей говорили свои поученія. Этому способствовало самое устройство тюрьмы, гдѣ господствуетъ одиночная система заключенія и каждый арестантъ имѣетъ свою отдѣльную келью. Эти кельи выходятъ въ восемь корридоровъ, идущихъ радіусами къ восьмиугольному центру. Проповѣдники стояли на противоположныхъ концахъ корридоровъ, такъ что голосъ каждаго изъ нихъ былъ слышенъ въ цѣломъ рядѣ келій. Кружокъ же служащихъ и репортеровъ находился въ срединѣ тюремнаго зданія и испытывалъ совершенно новое ощущеніе, явственно слыша восемь проповѣдей въ одно и то же время.

Сердце Ларрея. При недавней передѣлкѣ военнаго госпиталя въ Ліонѣ нашли въ одномъ закрытомъ углубленіи стеклянный сосудъ съ сердцемъ знаменитаго доктора Наполеоновской арміи Ларрея. Извѣстно что Ларрей, всюду какъ хирургъ сопровождавшій великую армію, завѣщалъ свое сердце солдатамъ, среди которыхъ онъ провелъ всю свою жизнь. Убѣдившись въ подлинности драгоцѣнной находки, было рѣшено переложить сердце въ приличную урну и поставить въ капеллу госпиталя, въ которой и будетъ отнынѣ оно храниться какъ дорогое воспоминаніе о человѣкѣ, посвятившемъ всѣ свои труды и способности на пользу страждущаго солдата.

Самый старый человѣкъ на свѣтѣ безъ сомнѣнія одинъ изъ жителей Боготы (въ Колумбіи). Онъ самъ говоритъ, что ему сто восемьдесятъ лѣтъ, но его сосѣди утверждаютъ, что онъ еще старше. Онъ испанскаго происхожденія и называется Мигуэль Солло. Гершендозъ, боготскій докторъ, помнитъ, что ему еще въ дѣтствѣ говорили объ Солло какъ о болѣе чѣмъ столѣтнемъ старикѣ. Его подпись фигурируетъ внизу одного акта, касающагося постройки монастыря и относящагося по времени къ 1742 году.

Почтовые голуби имѣютъ въ Америкѣ довольно оригинальное примѣненіе. Въ штатахъ Нью-Іорка и Пенсильваніи они содержатся при аптекахъ и часто увѣдомляютъ докторовъ объ серьезномъ и быстромъ заболѣваніи, а также въ случаѣ неожиданныхъ родовъ. Аптекаря этимъ же путемъ доставляютъ доктору бюллетени объ его больныхъ и говорятъ, что много разъ голуби являлись спасителями больныхъ, которые должны были бы неминуемо погибнуть безъ ихъ содѣйствія.

Долина смерти на островѣ Явѣ. На островѣ Явѣ, волканическомъ на всемъ своемъ протяженіи, существуетъ знаменитая долина, пользующаяся впрочемъ довольно печальную извѣстностью. Вотъ какъ описываетъ ее одинъ калифорнскій журналъ „Cronica de los Angelos“.

„Приближаясь къ этой долинѣ, называемой Грево-Оупасъ, мы ощутили сильную тошноту и головокруженіе и въ то же время наше обоняніе поразилъ удушливый запахъ. Но по мѣрѣ нашего приближенія къ долинѣ всѣ болѣзненные симптомы мало по малу исчезали и мы могли спокойно уже созерцать представшее передъ нами зрѣлище. Эта долина имѣетъ около мили въ окружности; ея форма овальная, а глубина равняется отъ 30 до 36 футовъ. Дно ея совершенно плоское, сухое, лишенное растительности и усѣянное скелетами людей, тигровъ, кабановъ, птицъ, оленей и др., лежащими между громадныхъ обломковъ скалъ. На всей этой поверхности незамѣтно ни щелей, ни скважинъ и она представляется какъ бы слитая изъ одного сплошнаго камня. Крутые скаты, окружающіе эту печальную долину, покрыты отъ ихъ основанія до вершины густою зеленью деревьевъ и кустарниковъ. Мы спустились на выступъ одной изъ этихъ скалъ, упираясь на наши бамбуковыя палки и очутились такимъ образомъ на разстояніи 18 футовъ отъ основанія долины; тогда мы спустили на дно собаку. Менѣе нежели въ пять минутъ она упала безъ движенія но видимо еще дышала въ продолженіи восемьнадцати минутъ. Другая собака, которую бросили вслѣдъ за первой, околѣла черезъ 10 минутъ. Курица жила лишь полторы минуты и задохлась прежде нежели успѣла достигнуть дна смертоносной долины. Передъ нами лежалъ человѣческій скелетъ. Кости пріобрѣли здѣсь бѣлизну и видъ мрамора и полагаютъ что они принадлежатъ какимъ нибудь бѣглецамъ, думавшимъ здѣсь скрыться отъ преслѣдованія правосудія и погибшимъ подъ вліяніемъ убійственной атмосферы. Сосѣднія горы здѣсь вулканическаго происхожденія, но на нихъ незамѣтно ни сѣрнаго запаха, ни малѣйшихъ слѣдовъ изверженія.

Мясо составляетъ главный питательный матеріалъ человѣка; небезполезно ознакомить съ способомъ консерваціи его, т. е. съ умѣніемъ сохранять говядину долгое время отъ порчи. Еще не такъ давно профессоръ Ціонъ совѣтовалъ предохранять мясо отъ разложенія посредствомъ погруженія его въ растворъ чистой буры. Опыты эти хотя и дали блистательные результаты, такъ какъ мясо сохранялось очень продолжительное время безъ всякаго видоизмѣненія, но ученый Лебонъ таковой способъ консерваціи мяса нашелъ нѣсколько неудобнымъ уже потому, что отъ него происходитъ разстройство кишечника, причемъ, прибавляетъ онъ; „многія компаніи въ Южной Америкѣ уже пробовали употреблять буру для сохраненія мяса, но въ концѣ концовъ должны были отказаться отъ этого“. Вообще употребленіе всякихъ солей, даже поваренной—пишутъ противники этого способа—въ этомъ случаѣ невыгодно, потому что онѣ, растворяя значительную часть бѣлковыхъ веществъ, входятъ въ составъ мяса; а вещества бѣлковыя затѣмъ удаляются вмѣстѣ съ разсоломъ, что конечно нарушаетъ нормальную питательность мяса. Но въ силу того обстоятельства, что особенно за послѣднее время многіе ученые совѣтуютъ принимать буру при существованіи заразительныхъ болѣзней,—консервація мяса посредствомъ буры, является несомнѣнно полезной... Для этого въ 1 ведрѣ прокипяченой воды растворяется отъ ½ до 1 фунта буры. Мнѣніе это настолько восторжествовало, что по поводу необходимости обязательнаго приниманія во внутрь буры въ зараженныхъ мѣстахъ и карантинахъ, были спеціальныя статьи. Само собою разумѣется, способъ этотъ несравненно хуже консервированія говядины посредствомъ холода, или устраненія ферментовъ, производящихъ гніеніе. Такъ говядина, заложенная въ закупоренномъ сосудѣ въ ледъ, можетъ сохраняться цѣлые мѣсяцы; вывѣшиваніе мяса на крюкахъ въ кладовыхъ, при температурѣ отъ 5 град. тепла до 3 град. холода, также сохраняется довольно долго. Еще лучше можно сохранить, если зимою устроить такъ, что верхній слой ея будетъ покрытъ льдомъ.

Сохранять огородные овощи представляетъ не много затрудненій и опытные огородники имѣютъ у себя постоянно свѣжую зелень въ теченіи года. На зиму они дѣлаютъ въ рыхлой землѣ длинные, узкіе землянки, „лабазы“, построенные съ „отдушинами“, которыя облагаются по бокамъ на доски навозомъ и землею, отъ ½ до 1 арш. толщиной, причемъ для *свеклы, рѣдьки, сельдерея и луку* требуется температура гораздо выше, а именно до 0° замерзанія, тогда какъ для разныхъ сортовъ капусты, петрушки и пырея лучшая температура считается отъ 0 до 3—4 град. холода. Такъ какъ лабазы согрѣваются, кромѣ испускаемыхъ зеленью испареній, главнымъ образомъ слоями навозу и земли, лежащихъ на крышѣ, то само собою разумѣется, теплота лабаза зависитъ отъ толщины этаго слоя. Въ упомянутыхъ лабазахъ зелень размѣщается слѣдующимъ образомъ: красная, обыкновенная капуста и саферой—складываются пирамидами, корнями внизъ (а равно и сельдерей въ теплыхъ лабазахъ), капуста брюссель, пырей и петрушка садятся на зиму въ лабазахъ же въ землю въ скученномъ видѣ. За неимѣніемъ таковыхъ лабазовъ рекомендуютъ сохранять капусту въ хорошо защищенныхъ отъ сильнаго мороза амбарахъ, или того лучше въ ямахъ, покрытыхъ сверху досками, а затѣмъ навозомъ, или даже ледникахъ, а остальную зелень въ погребахъ. Всего легче сохранять петрушку-же и пырей, сажая ихъ въ неглубокихъ ямахъ, покрывъ ихъ корни землею. Изъ множества таковыхъ лабазовъ, гдѣ сохраняется овощь для продажи, обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, находящіеся у огородниковъ на *Голодаѣ*. Грибы же зимою искуственнымъ образомъ выгоняются въ теплыхъ землянкахъ, грибницы которыхъ, по извлеченіи изъ навоза, закладываютъ въ песчаныя гряды.

Въ домашнемъ хозяйствѣ, во избѣжаніе неудобнаго во многомъ отношеніи кипяченія бѣлья, между прочимъ, въ средѣ бережливыхъ хозяевъ, вводится слѣдующій способъ стирки: на 1 пудъ бѣлья берется 1 фунтъ сѣраго мыла, столовая ложка нашатырнаго спирту и столько же скипидару, которые смѣшиваются, послѣ раствора мыла, въ потребномъ количествѣ теплой воды до тѣхъ поръ, пока жидкость не будетъ давать осадка; затѣмъ берется половина этаго раствора и кладется въ него, на ночь, бѣлье, предназначенное въ стирку, тогда какъ въ остальной его половинѣ производится самая операція стирки, при подбавленіи по мѣрѣ надобности къ ней холодной воды. Подобный способъ стирки имѣетъ передъ другими то преимущество, что, кромѣ необыкновенной бѣлизны и чистоты бѣлья, сохраняется экономія дровъ и главное предохраняетъ небогатыхъ людей, неимѣющихъ у себя прачешныхъ, отъ удушья и вредныхъ для здоровья испареній.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ:

Рѣшеніе задачи буквъ—ходъ коня № 72.

			12						24			
				16	11		25	102				
		13	10						26	23		
			17		15		101		103			
		9	14	71	18	105	74	27	22	29		
		70	7	106	73	100	19	104	1	76		
	8	107	72	99	6		2	75	28	21	30	
	69			108				20			77	
		59		5	98		94	3		31		
68				60	95	4	97	92				78
	58	55				93				79	32	
54	67	52	57		61	96	91		33	82	37	80
	56		46			41			90		34	
66	53	48	51	62	45	88	85	40	83	38	81	36
		65	44	47	50	63	42	89	86	35		
			49	64	43		87	84	39			

„Какъ ни полезна вещь, цѣны не зная ей, невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ, а ежели невѣжда познатнѣй, такъ онъ и гонитъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Милкова; **Кіевъ**—Поволоцкой; **Козловъ**—Мывникова; **Кронштадтъ**—Даржана; **Тула**—Полева.

Рѣшеніе шашечной задачи № 75.

Бѣлые:	Черные:
d 2 — e 3	d 4 — f 2
a 3 — d 6	e 5 — a 5
c 3 — g 7	h 8 — a 1
h 4 — e 7	f 2 — h 4
e 7 — b 4	a 5 — c 3
c 1 — b 2	h 4 — g 3
h 2 — f 4	c 3 — d 2

e 1 — c 3 и дамка черныхъ заперта.

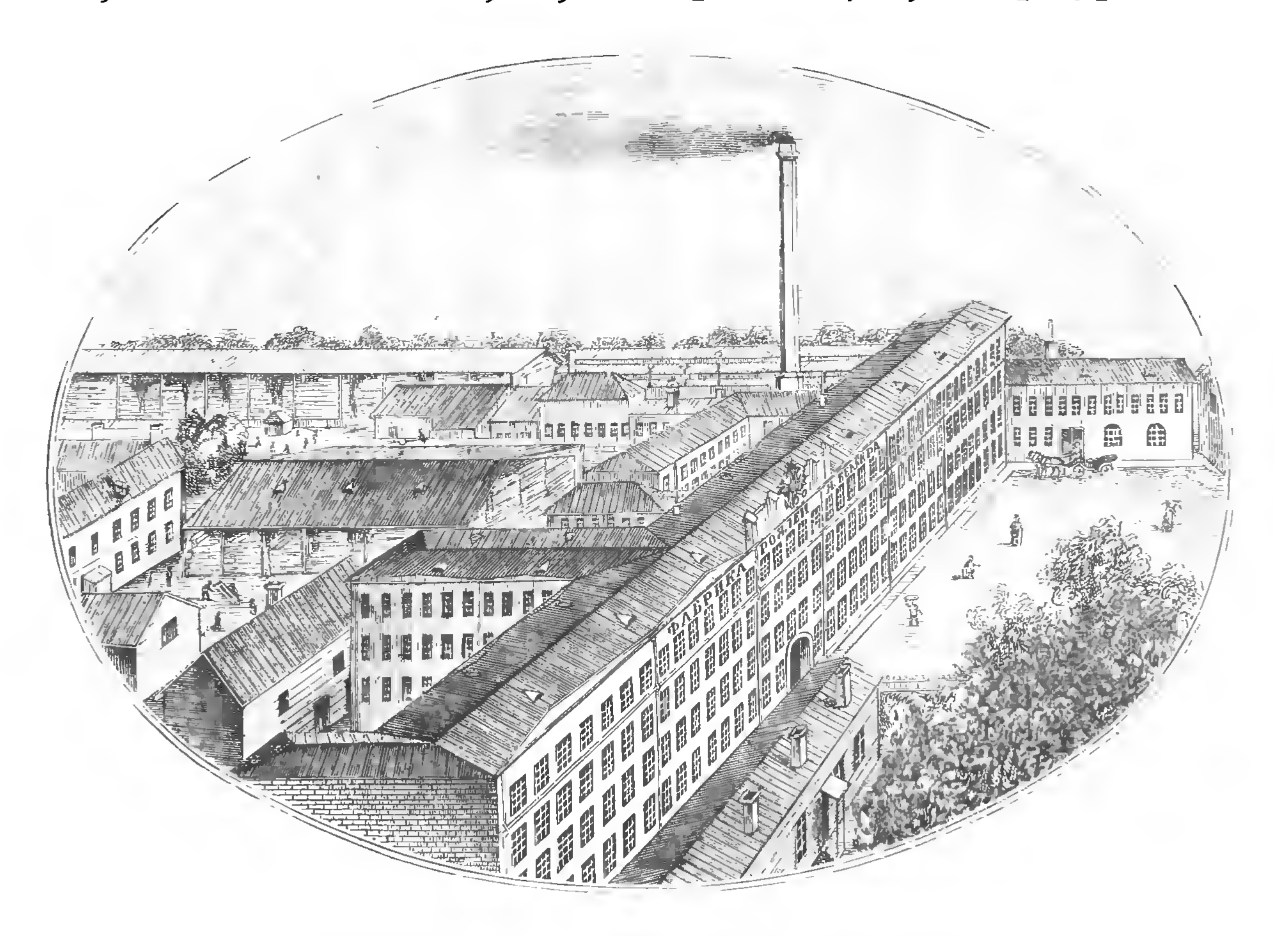
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Ситникова, Воронина; **Дмитровъ**—Суходаева; **Кронштадтъ**—Даржана; **Тула**—Боташева-Зыбина.

Рѣшеніе магическаго квадрата № 70.

а	л	а	ф	а
л	а	в	а	н
а	в	и	з	о
ф	а	з	а	н
а	н	о	н	с

Редакторъ Ф. Бергъ. **Издатель А. Ф. Марксъ.**

Фабрика роялей Я. Беккера въ С.-Петербургѣ.



Фабрика роялей Я. Беккера въ С.-Петербургѣ. Наружный видъ фабрики.

У насъ въ Россіи музыка сдѣлала большой шагъ впередъ въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, когда публика, при помощи фортепіано, получила возможность знакомиться со всякими произведеніями музыкальной литературы.

Такимъ образомъ развитіе фортепіаннаго дѣла идетъ непосредственно рука объ руку съ развитіемъ музыкальности вообще. Громадную пользу въ этомъ отношеніи принесла для Россіи фабрика Я. Беккера, выдѣлывающая фортепіано, которыя не только не уступаютъ многимъ заграничнымъ инструментамъ, но во многомъ превосходятъ послѣднія. Прилагаемые рисунки на страницахъ нашего журнала, даютъ нашему читателю изображенія зданія самой фабрики (на Петербургской сторонѣ, на набережной большой Невки) и роскошнаго магазина для выставки готовыхъ инструментовъ, на углу Невскаго проспекта и Казанской площади. Фабрика Я Беккера была основана въ 1841 году и представляла собою въ то время небольшую мастерскую, выдѣлывавшую незначительное число инструментовъ. Но постепенно развиваясь, производство достигло въ 1875 г. до такихъ размѣровъ, что владѣльцы фабрики нашли возможнымъ и необходимымъ примѣнить къ постройкѣ инструментовъ паровую силу. Въ настоящее время фабрика, имѣя паровой двигатель въ 40 лошадиныхъ силъ и занимая около 300 рабочихъ, производитъ ежегодно до 800 инструментовъ (въ томъ числѣ 80 піанино). Для такого значительнаго числа строющихся инструментовъ, на фабрикѣ имѣются всевозможныя приспособленія, начиная съ чугунно-литейной и кончая мастерской для вырѣзыванія узоровъ по дереву. Громадное 4-хъ-этажное зданіе (38 оконъ по фасаду) содержитъ въ себѣ чугунно-литейный отдѣлъ, кузницу, слесарный отдѣлъ, токарный по дереву и по металлу, столярный, малярный и, наконецъ, сборную мастерскую, гдѣ собираютъ и устанавливаютъ весь внутренній механизмъ и натягиваютъ струны. Въ сторонѣ отъ этихъ мастерскихъ, но въ томъ же зданіи помѣщается залъ, изолированный отъ всякаго шума, въ которомъ производится настройка и регулированіе готовыхъ инструментовъ. Кромѣ того отдѣльно отъ главнаго зданія находится сушильня, для окончательной просушки дерева, идущаго на постройку какъ корпусовъ роялей, такъ и на выдѣлываніе всѣхъ отдѣльныхъ деревянныхъ частей инструмента. Отдѣльно отъ этой сушильни помѣщается громадный сарай, вентилирующійся съ четырехъ сторонъ и содержащій въ себѣ огромные запасы дерева всевозможныхъ сортовъ; тутъ имѣется и орѣхъ, и дубъ, и букъ, и сосна, и ель и т. д. Въ самомъ же зданіи фабрики находятся значительные запасы сукна, кожи, замши, слоновой кости, струнъ и проч. Фабрика Я. Беккера особенно замѣчательна тѣмъ, что всѣ мелочи,—каждый винтикъ, каждая гаечка,—все выдѣлывается тутъ же на мѣстѣ. Мастерскія безукоризненны во всѣхъ отношеніяхъ; станки строгальные, токарные, сверлильные и проч., подъемные краны и другія машины, работаютъ скоро, чисто и прочно. Каждый отдѣлъ, каждая мастерская имѣютъ своего отдѣльнаго мастера-спеціалиста, при чемъ рабочіе, начавши работать въ какой нибудь изъ мастерскихъ, остаются въ ней и такимъ образомъ спеціализируются; разумѣется, что такая спеціализація рабочихъ влечетъ за собою совершенствованіе ихъ въ данной отрасли производства, что несомнѣнно улучшаетъ качество выдѣлываемой части инструмента.

Выставка роялей и контора фабрики Я. Беккера въ С.-Петербургѣ, на углу Невскаго проспекта и Казанской площади, № 18/27.

Выдѣлываніе корпусовъ роялей особенно интересно въ томъ отношеніи, что стѣны этихъ корпусовъ складываются изъ цѣлаго ряда слоевъ тщательно просушеннаго дерева и, дѣлаясь такимъ образомъ замѣчательно прочными, онѣ защищены отъ вліянія измѣнчивости температуръ; точно также и резонансная доска, сдѣланная изъ еловаго дерева, склеена изъ отдѣльныхъ кусковъ, предохраняясь такимъ образомъ отъ изгибовъ и проч.; послѣднее обстоятельство особенно важно, такъ какъ отъ резонансной доски зависитъ главнымъ образомъ звучность инструмента. Много другихъ болѣе мелкихъ, но весьма важныхъ усовершенствованій встрѣчается на фабрикѣ Я. Беккера, описаніе которыхъ составило бы уже предметъ спеціально-технической статьи. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что, побывавши на фабрикѣ и посмотрѣвши внимательно на ходъ производства, можно понять, какое сложное и трудное дѣло заключается въ постройкѣ фортепіано и съ какою поразительною добросовѣстностью, съ какимъ тщаніемъ фирма Я. Беккера заботится о качествѣ выдѣлываемыхъ ею инструментовъ; достаточно побыть разъ на фабрикѣ, чтобы, не слышавъ даже звука инструментовъ, сдѣлать выводъ о великолѣпныхъ качествахъ выпускаемыхъ фортепіано; но если изъ мастерскихъ перенестись въ роскошный двухъэтажный магазинъ, гдѣ стоитъ постоянно до 150 готовыхъ инструментовъ и услышать чудный, звучный, пѣвучій и вмѣстѣ съ тѣмъ сочный, круглый тонъ, то намъ совсѣмъ не покажется страннымъ, почему лучшіе піанисты нашей эпохи играли и играютъ на рояляхъ фабрики Я. Беккера. Антонъ и Николай Рубинштейны, Гензельтъ, Клара Шуманъ, Сенъ-Сансъ, Контскій, Кюндингеръ, Клиндвортъ, Доръ, Танѣевъ, Пабетъ, Гольдштейнъ, Риттеръ, Терминская, Нейлисовъ, Балакиревъ, супруги Бронсаръ и много другихъ, — вотъ списокъ именъ, который уже самъ по себѣ краснорѣчиво говоритъ о качествѣ инструментовъ. Что касается заграничной прессы, то и она отзывается о рояляхъ Я. Беккера съ самой лучшей и выгодной стороны, такъ напримѣръ—извѣстная музыкальная газета „Signale" (№ 50 за 1881 годъ) говоритъ, что рояли Я. Беккера своею удивительною звучностью дѣйствуютъ не только на слухъ, но и на сердце; парижская „Gazette Musicale" (отъ 23 іюня 1878 года) признаетъ фабрику Я. Беккера первенствующей въ Россіи и приписываетъ ей массу новыхъ усовершенствованій, подвинувшихъ фортепіанное дѣло впередъ. (Парижская всемірная выставка).

За представителями этой фирмы имѣется еще одна весьма важная заслуга, касающаяся русской фортепіанной промышленности вообще: фирма Я. Беккера первая подняла вопросъ объ увеличеніи таможенной пошлины на иностранные рояли; благодаря содѣйствію президента русскаго музыкальнаго общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, Государственный Совѣтъ утвердилъ предложенную фирмою Я. Беккера пошлину; такимъ образомъ наша молодая фортепіанная промышленность начала развиваться. На послѣдней Всероссійской промышленно-художественной выставкѣ рояли фабрики Я. Беккера, стоявшіе внѣ конкурса, имѣли огромный успѣхъ не только благодаря тону, звучности и прочимъ превосходнымъ качествамъ своего механизма, но и благодаря въ высшей степени изящной, солидной внѣшней отдѣлкѣ. Фирма Я. Беккера состоитъ поставщикомъ Его Величества Императора Александра III, И. И. В. всѣхъ Великихъ Князей, Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, всѣхъ консерваторій и проч.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина А. Земскаго въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 27 октября 1882 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. **А. Ф. Маркса**, Прачешн. пер., № 5.

XIII годъ — № 45 — годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 6 Ноября 1882 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ 1882 г., съ 19 рисунками и отдѣльнымъ листомъ съ 25 выкройками въ натуральную величину и 21 рисунк. рукодѣльныхъ работъ русскими узорами.

Адольфъ Гензельтъ.

Вильгельмина Шредеръ-Девріенъ, величайшая драматическая пѣвица XIX-го столѣтія и страстная почитательница Гензельта, писала тридцать лѣтъ тому назадъ, послѣ того какъ слышала игру Гензельта въ Дрезденѣ: —бѣдный, больной Гензельтъ, ты не проживешь долго; кто умѣетъ такими маленькими пальцами извлекать такіе звуки изъ инструмента, тому назначено не долго жить.— Пророчество великой артистки не сбылось. 20 Октября Адольфъ Гензельтъ праздновалъ свой 25-ти-лѣтній юбилей въ должности инспектора музыкальныхъ классовъ въ учебныхъ заведеніяхъ императрицы Маріи.

Современникъ Шопена, Мендельсона и Листа. Гензельтъ извѣстенъ какъ превосходный виртуозъ и композиторъ. Онъ родился 12 Мая 1814 г. въ баварскомъ городкѣ Швабахѣ, вблизи Нюрнберга, и еще ребенкомъ переѣхалъ съ родителями въ Мюнхенъ, гдѣ съ раннихъ лѣтъ началъ учиться

Профессоръ А. Гензельтъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

играть на скрипкѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ началъ учиться на фортепьяно и первые уроки бралъ у репетитора хора Ляссена. Большое вліяніе на музыкальное образованіе Гензельта имѣла г-жа Флядъ, учившаяся у аббата Фоглера вмѣстѣ съ Мейерберомъ и Э. М. Веберомъ. Она учила мальчика до 17-ти-лѣтняго возраста. Благодаря высокому покровительству короля Людвига Баварскаго, которому Гензельтъ былъ представленъ какъ молодой многообѣщающій человѣкъ, онъ былъ отправленъ въ Веймаръ къ Гуммелю, у котораго учился восемь мѣсяцевъ и затѣмъ въ 1822 г.—въ Вѣну. Здѣсь впервые онъ услышалъ игру Тальберга и это имѣло рѣшающее вліяніе на его дальнѣйшее развитіе. Два года онъ изучалъ контрапунктъ и затѣмъ слѣдующіе два года жилъ очень замкнуто, неустанно занимаясь упражненіями. Впродолженіи многихъ мѣсяцевъ, онъ ежедневно проводилъ за роялемъ восемь, десять часовъ. Такъ какъ у него рука была небольшая, то онъ началъ ее растягивать:

ва и ночь онъ намазывалъ руки жирными составами и спалъ въ перчаткахъ. Желаемое было достигнуто, и рука Гензельта могла даже брать аккорды въ дециммахъ въ сонатѣ Вебера As-dur. Эти усиленныя занятія пошатнули его здоровье и онъ уѣхалъ въ Берлинъ, чтобы отдохнуть и развлечься. Здѣсь неизвѣстный до этихъ поръ молодой артистъ, игравшій только въ частныхъ кружкахъ, сразу былъ признанъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ виртуозовъ. Въ Дрезденѣ, Веймарѣ и Бреславлѣ, повсюду успѣхъ его былъ полный. Въ Петербургъ Гензельтъ пріѣхалъ во время концертнаго сезона въ 1838 году и съ тѣхъ поръ поселился здѣсь.

В. Ленцъ, въ своей книгѣ подъ заглавіемъ: „Великіе виртуозы нашего времени“, о вступленіи Гензельта въ Петербургъ разсказываетъ слѣдующее: Я былъ у графа Вьельгорскаго въ то время, когда ему представлялся Гензельтъ. Никогда я не забуду того необычайнаго впечатлѣнія, какое произвелъ артистъ своимъ исполненіемъ этюда Fis-dur. То была эолова арфа, спрятанная въ цвѣтахъ! Чарующее благоуханіе подымалось отъ этихъ мягкихъ, какъ листья розы, выходящихъ изъ подъ рукъ секстъ, которыя въ одной и той же октавѣ преслѣдовали другъ друга, дразнили, настигали! Такое сплетеніе полноты тоновъ въ pianissimo никогда еще не достигалось на инструментѣ съ клавишами! За нѣжнымъ шопотомъ основнаго мотива наступили энергическіе звуки, усиливавшіеся постепенно, завладѣвшіе всѣмъ инструментомъ и перешедшіе снова въ магическій разговоръ въ секстахъ. Съ тѣхъ поръ прошло 32 года, но чарующій образъ стоитъ живо передъ духовными очами! (Книга появилась въ 1872 г. въ Берлинѣ). Артистъ вѣроятно замѣтилъ восторгъ, производимый его исполненіемъ, вслѣдъ за окончаніемъ онъ началъ снова пьесу и проигралъ ее еще разъ съ необыкновеннымъ выраженіемъ. Это было точно повтореніе счастья! Гензельтъ могъ остаться доволенъ, увидѣвъ, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на такого знатока какъ графъ Вьельгорскій.

Совершенно иначе, спокойнѣе, шире, послѣдовала его „Поэма любви“, которая изъ вѣчно новаго стиля ноктюрно, переходитъ въ прелестное аллегро въ стилѣ варьяцій и заканчивается бравурнымъ концертомъ: но никогда онъ не переходилъ границъ благозвучія и дозволенной для фортепьяно силы!

Такая нѣжность въ соединеніи съ такой силой: такое пониманіе содержанія съ умѣніемъ передать его слушателю, было чѣмъ-то новымъ, художественнымъ изобрѣтеніемъ, явленіемъ очень замѣтнымъ. Успѣхъ его концертовъ въ Большомъ театрѣ былъ колоссальный; Императрица пожаловала его въ придворные піанисты, великія княгини начали брать у него уроки, и со всѣхъ сторонъ къ нему стекались ученики. Принцъ Ольденбургскій сталъ его другомъ и покровителемъ, и только смерть принца въ 1881 г. положила конецъ этой дружбѣ.

Непреодолимая боязнь публичности заставила Гензельта постепенно рѣже выступать передъ обществомъ и наконецъ онъ посвятилъ себя исключительно педагогической дѣятельности; съ тѣхъ поръ какъ онъ послѣдній разъ игралъ передъ публикой, прошло уже 25 лѣтъ. „Я всегда здѣсь въ концертахъ игралъ дурно, разсказываетъ Гензельтъ, и всегда критика на меня нападала, разъ только я игралъ дѣйствительно хорошо и въ тотъ разъ меня еще больше раскритиковали“. *Дурно*, конечно, съ точки зрѣнія Гензельта, который почти никогда не бываетъ доволенъ собою.

Когда однажды прогуливаясь съ Листомъ, я завелъ рѣчь о Гензельтѣ, тотъ остановился и между прочимъ сказалъ: еслибы я захотѣлъ сыграть свою фантазію на Лучію такъ, какъ играетъ Гензельтъ, то мнѣ нужно было бы разучивать ее по крайней мѣрѣ два года.

На сколько Гензельтъ повліялъ на возведеніе Петербурга въ наводящій страхъ на артистовъ музыкальный городъ — покажетъ исторія фортепьянной игры, на страницахъ которой имя свое онъ обозначилъ золотыми буквами, какъ выразился Лешетицкій.

Здѣсь не мѣсто разбирать дѣятельность Гензельта какъ инспектора музыкальныхъ классовъ въ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, слѣдуетъ однако замѣтить, что Гензельтъ цѣнитъ всякое серьезное стремленіе учениковъ и учителей и всегда стоитъ на сторонѣ справедливости.

Спокойно и съ удовольствіемъ можетъ онъ оглянуться на свою дѣятельность: не легко ему далось все то, до чего онъ достигъ, но онъ можетъ смѣло сказать: я сдѣлалъ изъ себя то, что могъ сдѣлать!

(St. P. Z).

Бѣлый сатана.

Повѣсть Н. К. Лебедева.

(Окончаніе).

IX.

Машенька приняла Черноруцкаго нѣсколько смущенно, такъ какъ была дома одна. Елизавета Акимовна, пользуясь сухимъ и яснымъ днемъ, отправилась въ гостинный дворъ и Машенька, очень привыкшая въ присутствіи матери къ визитамъ Черноруцкаго, въ обществѣ котораго находила большое развлеченіе, бойко разговаривая съ нимъ, — теперь, когда онъ засталъ ее одну, ужасно переконфузилась, отвѣчала на его вопросы какъ-то односложно, посматривая безпрестанно на окно, не идетъ-ли мать. Отъ Черноруцкаго не укрылось это обстоятельство и, пристально всматриваясь въ Машеньку, онъ спросилъ:

— Что съ вами?.. вамъ точно не по себѣ?

Она покраснѣла отъ его вопроса и съ большимъ смущеніемъ высказала гостю всю правду:

— Видите... Не привыкла я... Вы не обидитесь, если я скажу правду?

— Конечно нисколько.

— Безъ мамаши... и вы пріѣхали... Неловко какъ-то... Кабы мамаша была...

Онъ засмѣялся:

— Я не кусаюсь.

Онъ сидѣлъ противъ нея, отдѣленный пяльцами, въ которыхъ она вышивала вѣтку красныхъ ягодъ съ зелеными листьями. Вся облитая лучами солнца, смущенная и залитая краской, въ простенькомъ холстинковомъ платьѣ, съ повязаннымъ на шеѣ розовымъ крепонымъ платочкомъ, она усерднѣе обыкновеннаго шила въ пяльцахъ и не нашлась, что отвѣтить на смѣлыя слова непрошеннаго гостя.

— Вы не рады, что Елизавета Акимовна ушла, — сказалъ Черноруцкой, — и я пріѣхалъ безъ нея, а я, напротивъ, этому очень и очень радъ.

Положительно Машенька испугалась этого тона, этого начала... Никогда ничего подобнаго съ нею не случалось, и наединѣ съ молодымъ человѣкомъ — она оставалась только съ Шиховымъ. Но вѣдь это совсѣмъ иное дѣло. Она вызывала Шихова на разговоръ, а не Шиховъ ее: она заставила его признаться въ любви къ ней, а не онъ надумалъ сдѣлать это самъ... Но Черноруцкой! тутъ она насопала и на обѣщавшее ей что-то страшное начало — не отвѣтила ничего, вся уйдя въ свое вышиванье. А онъ отчетливо и ясно повторилъ, глядя на ея склоненную фигуру съ какимъ-то восхищеньемъ:

— Очень, очень радъ... И знаете почему?

Губы Машеньки чуть-чуть прошептали:

— Почему?

— Потому, сокровище мое, ангелъ мой, — вскричалъ онъ со страстью, — потому, что люблю васъ!..

Иголка выпала изъ ея рукъ и, ошеломленная такимъ неожиданнымъ признаніемъ, она подняла опущенное лицо, слегка поблѣднѣла и съ какимъ-то удивленіемъ взглянула на него, встрѣтясь глазами съ его блестящимъ взглядомъ. Смѣло глядя на нее, онъ усмѣхнулся и нѣсколько унылымъ тономъ какъ-бы оправдался за свое признаніе:

— Что-же дѣлать: люблю и вся недолга!

Сбѣжавшія съ ея лица краски быстро возвратились къ ней въ усиленной степени, и пунцовая отъ стыда, она закрыла руками уши и зажмурилась, — крикнувъ ему:

— Не слушаю... Не буду слушать ничего!

Но немного погодя, ей надоѣло сидѣть съ закрытыми глазами и она открыла ихъ, стараясь не встрѣчаться съ его блестящимъ, пугающимъ ее взглядомъ. Она видѣла по его губамъ, что онъ что-то говорилъ и какъ ни великъ былъ ея страхъ, искушеніе слышать его слова оказалось такъ сильно, что не отнимая рукъ, Машенька чуть-чуть отодвинула ихъ отъ ушей и теперь превосходно слышала, что онъ говорилъ.

— Не знаю, чего вы испугались. Никакого зла и обиды я вамъ не сдѣлаю, — говорилъ онъ. Что сказалъ о любви своей къ вамъ — это еще не дерзость. Вы меня слышите?

Она слышала, но не отвѣтила ничего, по прежнему продолжая держать руки около ушей.

— А если слышите, — настаивалъ онъ, такъ я вамъ повторю, чтобы вы привыкли... Люблю, люблю и люблю васъ!

По краскѣ на ея лицѣ онъ понялъ, что она превосходно слышитъ его слова, и потому, что слыша ихъ не уходитъ, а сидитъ тутъ за пяльцами, заключилъ, что совсѣмъ ужь не до такой степени слова эти непріятны ей, какъ она старается показать. Ободренный онъ пошелъ далѣе:

— Эхъ, не такъ говорю!.. Обожаю, люблю тебя, Машенька!

Не увяла!.. и онъ пошелъ еще далѣе:

— Если-бы не это проклятое окно, въ которое заглядываетъ каждая проходящая баба, да вонъ и мой дуралей глазъ съ меня не спускаетъ,—указалъ онъ глазами на Фильку, съ дружелюбной интимностью порадовавъ послѣдняго показаннымъ ему въ окно кулакомъ, причемъ Филька широко улыбнулся ласковой шуткѣ барина, а Машенька противъ желанія усмѣхнулась. — если-бы только не это, да я-бы тебя, Машуточка, обнялъ и расцѣловалъ. Увѣряю тебя!

Хорошо, что тутъ окно,—подумала Машенька, и успокоившись, что ничего подобнаго произойти не можетъ, сдѣлавъ надутую физіономію, отняла отъ ушей руки и усердно принялась за прерванное шитье... Отъ ея надутой физіономіи онъ пришелъ въ восторгъ:

— Машуньчикъ, не дѣлай такой рожицы, право, несмотря ни на какое окно, расцѣлую тебя!..

Она низко, низко наклонилась надъ пяльцами, усердно и быстро вышивая шерстью крестики... Онъ спрашивалъ ее:

— Конечно ты меня любишь?

И, какъ она не дала отвѣта, отвѣтилъ себѣ самъ въ смыслѣ утвердительномъ:

— Конечно любишь. Кого-же тебѣ и любить? Не это-же крапивное сѣмя, этого Шихова?.. Если же ты любишь его:—грозно возвысилъ онъ голосъ,—р-раздавлю! Или Тесемкина—р-раздавлю! Ахъ, Машуньчикъ,—вскричалъ онъ въ восторгѣ,—ты не повѣришь, какъ я счастливъ уже теперь, когда все сказалъ тебѣ, когда знаю, что ты меня любишь, счастливъ теперь, когда ты мнѣ еще не жена! Неправда-ли: ты согласна сдѣлаться моей женой? Согласна, да?

На дворѣ хлопнула калитка и мимо оконъ, выходящихъ на дворъ, — прошла Елизавета Акимовна. Машенька, ободренная приближеніемъ матери, вскочила, чтобы идти на встрѣчу ей, оставивъ безъ отвѣта Черноруцкаго. Но онъ ухватилъ ее за руку, приставая:

— Согласна? да?

Она сдѣлала попытку высвободить руку, которую Черноруцкой держалъ крѣпко, упорствуя на предложенномъ вопросѣ:

— Скажи: да—и я выпущу.

— Ну да, согласна, согласна, — шепнула Машенька, и выпущенная Черноруцкимъ, выбѣжала въ переднюю встрѣчать мать. Молчаливый свидѣтель всей сцены любовнаго признанія—Филька, былъ удостоенъ бариномъ, когда онъ остался одинъ, вторичной шуткой въ видѣ показанія увѣсистаго господскаго кулака, вызвавшаго со стороны Фильки широкую улыбку благодарности за оказанное вниманіе.

Машенька покрывала поцѣлуями Елизавету Акимовну, не давая ей возможности поздороваться съ Черноруцкимъ, сѣтуя на мать, что та долго не возвращалась.

— Вы такъ долго, такъ долго не приходили, мамаша, — болтала она, — что я цѣлый букетецъ безъ васъ вышила... Это не мало... Посмотрите, мамаша...

Мать бросила взгляды на пяльцы и ахнула:

— Да, что-же это такое, дружокъ? Ты шиворотъ на выворотъ вышила: зеленыя ягоды и красные листья...

Машенька стояла, какъ громомъ пораженная, не зная что сказать въ оправданіе своей разсѣянности. Черноруцкой помогъ ей:

— Это ничего-съ. Зеленыя ягоды бываютъ, и напримѣръ—виноградъ... А листья обыкновенно краснѣютъ осенью... Это весьма возможно.

— Такъ-то такъ, задумчиво согласилась съ такимъ доводомъ Елизавета Акимовна и нерѣшительно прибавила: странно какъ-то: вмѣсто вишни виноградъ вышелъ... Заказчику-то понравится-ли?..

X.

Черноруцкой вернулся домой къ самому обѣду, заставъ въ гостиной бабушки Приснопoложенскаго съ супругой, пожаловавшихъ кушать и тотчасъ послѣ обѣда намѣревавшихся уѣхать домой, чтобы вернуться засвѣтло. Въ ожиданіи обѣда госпожа Черноруцкая съ Приснопoложенскимъ и о. Мизерандовымъ, за которымъ была послана дѣвка, какъ только пожаловали гости, играли по полушкѣ за очко въ тентерѣ, при чемъ выигрывалъ о. Мизерандовъ, а болѣе всѣхъ продувалась госпожа Черноруцкая. Приснопoложенскій, еще не успѣвшій слишкомъ зарядиться, отличался на поприщѣ бонмотиста, при всякой взяткѣ разражаясь какимъ нибудь остроумнымъ выраженіемъ въ родѣ:

— А мы вамъ—по усамъ!

Или:

— Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ—пятнадцать!

Видя же, какъ берутъ другіе, прощался съ возможностью самому взять, говоря уходящимъ взяткамъ:

— Мое почтеніе съ кисточкой!

При всякой его шуткѣ Марья Ивановна съ Аграфеной Дмитріевной, сидящія въ сторонѣ, разражались смѣхомъ, при чемъ Аграфена Дмитріевна произносила:

— Уморушка!

Заставъ бабашу за любимой игрой и съ гостями, сообразивъ, что послѣ обѣда Приснопoложенскіи не прочь помедлить отъѣздомъ за рюмочкой и можетъ легко остаться и заночевать, что случалось неоднократно, Черноруцкой спросилъ бабушку:

— Вы, бабаша, вѣроятно не поѣдете сегодня къ Казематовымъ?

Раздраженная проигрышемъ бабушка отрѣзала:

— Поѣду-съ.

— Напрасно, бабаша,—почтительно отозвался внукъ,—охота вамъ. Остались бы дома, да до ужина и поиграли бы...

— Сама знаю, какъ поступать. Совѣтовъ не спрашиваю-съ: яйца курицу не учатъ...

— Я не учу-съ, а страшно за васъ, бабаша... Хоть и сродники, а все же бѣсъ,—замѣтилъ внукъ, на что Приснопoложенскій воскликнулъ тономъ успокоенія:

— Пустяки! Добрѣйшей души этотъ сатана!

— Ну, душу-то его,—не безъ язвительности обратилась бабаша къ Приснопoложенскому, — позвольте мнѣ лучше вашего знать. Вотъ гдѣ у меня душа то его сидитъ-съ!

И постукала себя по задней части шеи, чтобы показать тяжесть Аристовуловой души.

— И какъ хороша,—закончила старушка съ проніей, душа дворянина, женившагося чуть не на швеѣ!

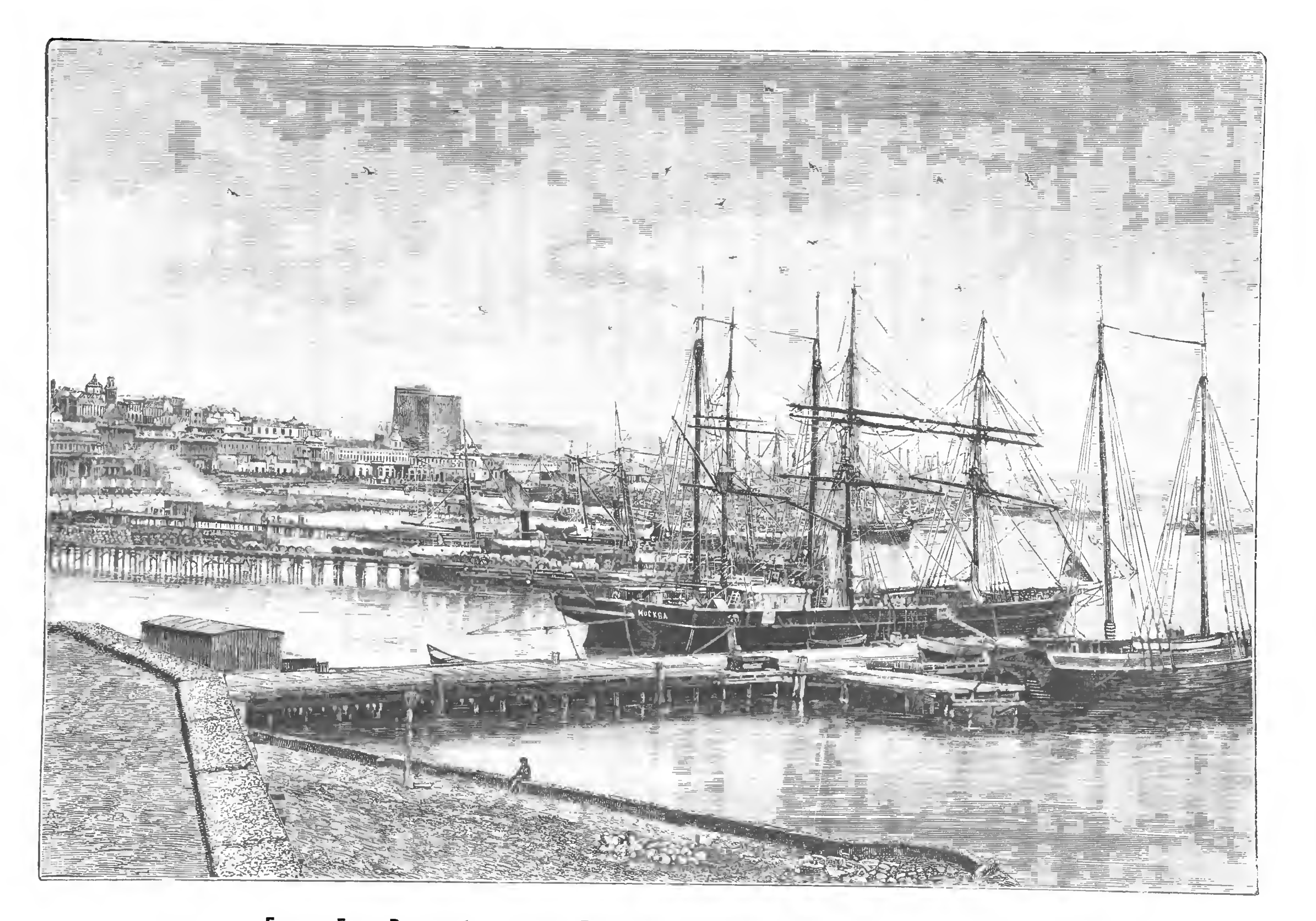
Старушка не могла простить покойному дяденькѣ, что незадолго до своей кончины, онъ вопреки обычаямъ всѣхъ Черноруцкихъ жениться на равныхъ себѣ по происхожденію и состоятельныхъ невѣстахъ, вдругъ взялъ да и женился на молоденькой, благороднаго происхожденія, очень миловидной швеѣ. При воспоминаніи объ этомъ бракѣ, старушка сочла долгомъ внушить внуку:

— Вы не порадуйте такимъ лестнымъ родствомъ.

На что внукъ не отвѣтилъ ни слова, опустивъ со свойственной ему скромностью глаза въ землю.

Обѣдъ прошелъ весьма оживленно, чему не мало спо-

Общій видъ города Баку, на Кавказѣ. Съ фотогр. Дуарсабова, грав. М. Рашевскій.



Городъ Баку. Видъ набережной съ Баилова мыса. Съ фотогр. Луарсабова, грав. М. Рашевскій.

собствовалъ Присноположенскій, довольно изрядно угостившійся, а потому сильно рисовавшійся на поприщѣ самаго несообразнаго фантазированія. Каждую рюмочку Присноположенскій сопровождалъ прибауткой. Если первая прошла для него „коломъ“, то вторая влетѣла „соколомъ“, а третья, которую невозможно было не выпить потому, что „безъ троицы домъ не строится“, не только влетѣла, а ввилась въ нутро Присноположенскаго „легкой пташечкой“. Наливая четвертую, Присноположенскій привелъ причину, въ силу которой такъ сказать неизбѣжно вынужденъ ее выпить:

— Безъ четырехъ угловъ изба не стоитъ. Ну, лети, касаточка!

Тогда онъ сталъ неистощимъ въ своей изобрѣтательности. Аграфена Дмитріевна, застигаемая смѣхомъ во время ѣды, кашляла и давилась не одинъ разъ, при чемъ Марья Ивановна колотила ее въ загорбокъ, а о. Мизерандовъ говорилъ со свойственною ему скромностью:

— Нечаянный гость:—что вызвало во второе или третье повтореніе этой примѣты — суровое замѣчаніе Черноруцкой:

— Какіе гости по такой темнотѣ пойдутъ.

Тогда всѣ замѣтили, что съ обѣда старушка сдѣлалась какъ-то молчалива и раздражалась при всякомъ вздорѣ. Громогласный вздохъ внука при послѣднихъ словахъ бабушки заставилъ ее съ какой-то подозрительностью спросить его:

— Что такъ?.. О чемъ это, батюшка, печалуешься?

Внукъ скромно отвѣтилъ:

— О васъ, бабаня.

Она насильственно разсмѣялась:

— Обо мнѣ, сударь? Не заслуживаю вашихъ сожалѣній... и, вѣрьте, не нуждаюсь въ оныхъ!

Напрасно Присноположенскій, желая разогнать мрачныя грозовыя тучи, когда всталъ изъ за стола, держась за полы своего сюртука, манерничая и перебирая ногами, прошелся передъ хозяйкой дома въ какомъ-то, по его словамъ, „танцѣ баядерки“, напрасно, схвативъ Аграфену Дмитріевну, онъ закружилъ ее лѣвою рукой, правую простирая куда-то въ даль, что, неизвѣстно почему, означало, опять таки, по его словамъ, „танецъ цыганки съ дочерью“,—все это не помогло, нисколько не развеселивъ хозяйку дома. Она сидѣла погруженная въ какія-то невѣдомыя думы, не слушая, что ей говорили и не обращая вниманія на гостей. Видя это, послѣдніе начали сбираться, что какъ бы мгновенно вывело Черноруцкую изъ ея столбняка:

— Куда это? воспрянула она какъ бы ото сна.

— Пора, родная,—отвѣтила Марья Ивановна,—скоро ли еще доберемся до дому.

— До дому? Это зачѣмъ?

— Вы же и сами, родная, изволите выѣхать...

— Что-жъ изъ этого? Я съѣзжу къ Казематовымъ на часокъ, а то и меньше...

— Надо бы домой...

Черноруцкая энергически протестовала:

— Вздоръ, вздоръ! Какъ домой? Зачѣмъ? Оставайтесь... Куда вамъ?.. И ты, отецъ Павелъ, оставайся... Пріѣду, такъ сыграемъ еще, а тамъ поужинаемъ и ляжемъ. Мѣста довольно, всѣмъ найдется...

Подобныя ночеванья въ осеннее время существовали въ N-скѣ постоянно, а съ появленіемъ „бѣлаго сатаны“ стали весьма обыкновенны. Гости остались безъ особыхъ настаиваній со стороны хозяйки, въ пріятной перспективѣ продолжительной бесѣды, картъ, чаепитія, опять картъ, а затѣмъ сытнаго ужина. Къ такому пріятному времяпрепровожденію на этотъ разъ присоединялся интересъ, сопряженный съ вечернимъ выѣздомъ госпожи Черноруцкой и могущей произойти отъ этого встрѣчи съ бѣлымъ сатаной. Разговоры смолкли и каждый думалъ о предпринимаемой изъ за пустаго каприза опасной поѣздкѣ, мысль о которой, какъ легко можно было угадать, по мѣрѣ приближенія назначеннаго для выѣзда часа, тревожила не мало и самую виновницу всей этой выдумки. Она почти не говорила ни слова: когда же кто заикался совѣтомъ ей остаться дома, она сердилась и обрывала непрошеннаго совѣтника, который своею робостью усиливалъ овладѣвшую ею боязнь. Но она не хотѣла сознаться, что побаивается и сама; боясь выраженіемъ лица своего выдать свой страхъ, она даже запретила подавать огонь и такимъ образомъ до самаго ея отъѣзда—всѣ сидѣли въ глубокой темнотѣ, изрѣдка переговариваясь другъ съ другомъ шепотомъ.

Съ ея отъѣздомъ домъ оживился и освѣтился обиліемъ сальныхъ свѣчей и огарковъ. Въ кухнѣ заиграла гармонія, въ дѣвичьей—заболтали молодые голоса горничныхъ и раздались пѣсенки; въ передней—двое лакеевъ колошматили одинъ другаго по носамъ, играя въ засаленныя, почти черныя карты. Аграфена Дмитріевна, безъ строгой госпожи, развернулась, какъ хозяйка дома, и угощала въ гостинной своихъ собесѣдниковъ мочеными яблоками, смоквой и орѣшками, весело и развязно щебеча со всѣми. Подавъ десертъ, почтенная старушка вспомнила о томъ, что слѣдуетъ предложить, не угодно ли чего скушать молодому Черноруцкому, и съ этой цѣлью пошла въ кабинетъ, но тамъ оказалось темно. Аграфена Дмитріевна заглянула въ дверь и думая, что молодой человѣкъ спитъ, осторожно сказала:

— Не угодно-ли вамъ, сударь, чего сладенькаго?

Отвѣта не было. Аграфена Дмитріевна вошла въ темную комнату, прислушалась, пощупала диванъ и убѣдившись, что комната пуста, вышла къ рѣжущимся въ карты лакеямъ. Стараясь показать прислугѣ свое достоинство, она горделивымъ тономъ освѣдомилась:

— Не видали молодаго барина?

Лакеи не удостоили взглядомъ старушку и не поднимаясь съ конника, на которомъ при свѣтѣ наплывшаго огарка рѣзались въ карты, въ одинъ голосъ отвѣтили:

— Не видали.

Аграфена Дмитріевна вернулась въ гостиную и объявила гостямъ:

— Вотъ оказія-то: молодаго нашего господина не найдемъ нигдѣ.

Лишь только она произнесла это, какъ всѣ вздрогнули отъ страшнаго стука, раздавшагося неожиданно въ дверь, только что покинутой Аграфеной Дмитріевной передней. Стукъ этотъ такъ былъ неожиданъ, что не только находящіеся въ гостинной какъ бы онѣмѣли отъ его внезапности, но и лакеи въ передней не сейчасъ поднялись съ своихъ мѣстъ, чтобы отпереть стучавшему. Эта медленность вывела изъ терпѣнія прибывшаго, дверь задергалась усиленнѣе и чей-то голосъ кричалъ:

— Отпирайте-же! Оглохли, что ли?

Тогда Аграфена Дмитріевна всплеснула руками:

— Господи, да вѣдь это родная! Съ чего бы это ей такъ рано?

И побѣжала въ сопровожденіи гостей черезъ залъ въ прихожую, гдѣ лакеи, побросавъ карты, отпирали дверь. Всѣ суетились, спѣша взглянуть на прибывшую, столь ранній пріѣздъ которой возвѣщалъ что-то необычайное:— и когда она, наконецъ, вошла въ переднюю, раздались восклицанія:

— Что съ вами, родная?

Она, какъ вошла, въ изнеможеніи, тяжело дыша опустилась на конникъ, сдѣлавъ рукою какой-то жестъ:

— Видѣла, говорила!..

Какъ разъ позади Аграфены Дмитріевны раздался крикъ ужаса, повидимому вызванный разстроеннымъ видомъ прибывшей:

— Ахъ, бабаня!

Раскраснѣвшійся точно отъ мороза, Черноруцкой, котораго за нѣсколько минутъ тому назадъ Аграфена Дмитріевна не могла нигдѣ отыскать, выросъ точно изъ

подъ земли и съ соболѣзнующимъ видомъ разсматривалъ бабушку, все еще продолжавшую тяжело дышать и не могшую повидимому говорить.

— И ужъ напугали же вѣрно васъ, бабаша?

Дѣйствительно, бабашу вѣроятно таки припугнули порядкомъ. Не раздѣваясь, она сидѣла, блѣдная, какъ мертвецъ, на коникѣ, тяжело дыша, не въ силахъ будучи произнести ни слова. Марья Ивановна и Аграфена Дмитріевна понемногу разоблачили ее и разоблачивъ подняли съ коника и подъ руки повели въ гостиную, такъ какъ безъ посторонней помощи ей трудно было идти. Всѣ, сгорая любопытствомъ, двинулись за Черноруцкой и стали передъ нею полукругомъ, когда она была усажена въ гостиной на диванъ.

Она кажется начинала успокоиваться и приходить въ себя. Внукъ не утерпѣлъ:

— Что съ вами, бабаша?

Бабаша вмѣсто отвѣта обратилась къ Аграфенѣ Дмитріевнѣ:

— Аграфена, полотенце и теплой воды...

— Кипятку, родная?

Черноруцкая вскинула плечами:

— Обварить что-ли меня хочешь?.. Теплой сказала, а не кипятку.

— Зачѣмъ, бабаша?

— Съ *нимъ*, сударь, бесѣдовала. Можетъ онъ что и надулъ мнѣ въ лицо... Надо же умыться...

— Бесѣдовали, бабаша!

— Да-съ.

Аграфена Дмитріевна понеслась исполнить приказаніе. Недвижно сидящая бабаша—вдругъ плюнула.

— Охъ, напугалъ окаянный!

— Гдѣ встрѣтились, бабаша? — полюбопытствовалъ внукъ, разумѣя бѣлаго сатану.

Бабаша стремительно обернулась къ молодому человѣку:

— Удостоилась чести ѣхать съ нимъ, государь мой!— отвѣтила она.

Тогда раздались возгласы:

— Ахъ!.. Вотъ страсть! Какъ ѣхать, бабаша?

— Да такъ, какъ бы вотъ съ тобой, взяла, сѣла рядомъ и поѣхала. Вотъ какъ-съ.

— Что вы, бабаша!

— Туда доѣхала благополучно.—продолжала бабаша свой разсказъ,— хоть совершенно и не стоило ѣхать: домъ заперть кругомъ и всѣ спятъ.

Марья Ивановна скромно вставила:

— Время-то опасное—вечеромъ гостей не ждутъ и полегли пораньше...

— Стучались, стучались, такъ ни съ чѣмъ назадъ и отъѣхали. Ѣдемъ назадъ и на полъ пути этакъ... Аграфена ты пришла?

— Здѣсь, родная. Прикажете вытереть личико?

— Вытирай... На полъ-пути, понимаете, что-то большое зашевелилось у меня въ ногахъ...

Всѣ вскричали въ одинъ голосъ:

— Въ долгушѣ?

— Ну, да. Думаю, чтобы это такое?... посмотрѣла и вижу—изъ подъ моихъ ногъ лѣзетъ что-то бѣлое и бухъ рядомъ со мною!

— Ахъ!

— Осторожнѣй!... давай, я сама!

Послѣднее относилось къ Аграфенѣ Дмитріевнѣ, которая, намочивъ полотенце, не теплой, а горячей водой, вытирала имъ лицо Черноруцкой, но испуганная ея повѣствованіемъ о появленіи рядомъ съ нею въ долгушѣ бѣлаго сатаны, соскользнула рукой съ письма и таки порядкомъ плеснула горячей воды за воротничекъ бабаши. Выхвативъ полотенце изъ рукъ Аграфены Дмитріевны,—Черноруцкая стала вытираться имъ сама, продолжая разсказъ:

— Онѣмѣла я отъ этой дерзости... А онъ, и заговори... Слышу Аристовуловъ голосъ...

— Любопытно, бабаша, что онъ говорилъ вамъ? — воскликнулъ внукъ. Бабаша спокойно отвѣтила:

— О васъ его забота, сударь, о васъ.

Она окончила обтиранье лица и, оглянувшись по сторонамъ, приказала:

— Аграфена, притвори двери-то, а то не равно еще кто изъ людишекъ подслушаетъ.

Аграфена Дмитріевна приперла двери. Внукъ сгоралъ отъ нетерпѣнія слышать загробныя велѣнія прадѣдушки:

— Что-же онъ говорилъ обо мнѣ, бабаша?

— Много-съ.

И обратившись собственно не ко внуку, а ко всѣмъ присутствующимъ, Черноруцкая передала разговоръ свой съ Аристовуломъ.

— Началъ, какъ и слѣдуетъ: свѣтъ мой, любезная племянница, здравствуй!

— А вы что же ему на это, родная? спросила Аграфена Дмитріевна.

— Конечно ничего, молчу... А Филька дуракъ, такъ платкомъ-то уши законопатилъ, что ждетъ себѣ, и не слышитъ, и не оглядывается. Сиди, барыня, бесѣдуй съ нечистымъ: ему все равно.

— Онъ для васъ-же угодное хотѣлъ, бабаша, сдѣлать,— вмѣшался внукъ.

Бабаша наградила его строгимъ взглядомъ, но ничего не сказала. Со стороны ее побуждали продолжать разсказъ о встрѣчѣ съ бѣлымъ сатаной:

— Разсказывайте, родная... Что онъ вамъ еще говорилъ?

Старушка возобновила разсказъ:

— Прослышалъ я,—говоритъ,—что ты взяла сіе лѣто изъ ученья правнука моего, а твоего внука и вознамѣрилась пустить его по гражданству, тогда какъ онъ превеликое влеченіе къ военному имѣетъ, какъ сіе дворянину и приличествуетъ. Не иму, —говоритъ,—и вѣры, чтобы юноша зѣло въ дѣлахъ гражданскихъ отличился. Пожалуй, свѣтъ мой, пусти его въ солдатство...

— Что вы, бабаша?—вскричалъ пораженный заботливостью прадѣда внукъ.

На него замахали со всѣхъ сторонъ:

— Позвольте! Дайте бабашѣ договорить! Ваше слово впереди... Продолжайте, продолжайте, родная...

— Еще прослышалъ я,—продолжала бабаша дословную передачу бесѣды съ нею бѣлаго сатаны,—что правнукъ мой по сіе время остается холостъ, что только къ баловству ведетъ, какъ по собственному опыту вѣдаю. Ожени, свѣтъ мой, его немедля на дѣвицѣ...

Внукъ привсталъ съ своего мѣста въ волненіи. Бабаша торжественно закончила:

— На дѣвицѣ Маріи Трусовой. Потомъ пригрозилъ, буде, говоритъ, сихъ моихъ требованій не уважишь: каждонощно почну являться тебѣ, даже въ дому твоемъ, и наносить разныя издѣвки. Ну, а послѣ этихъ словъ глупости какія-то мололъ...

— Какія, родная? интересовалась Аграфена Дмитріевна.

— Прикажи, говоритъ,—удовлетворила ея любопытство Черноруцкая,—чтобы въ первый твой выѣздъ, кучеръ Филька имѣлъ на головѣ бабій платъ, а на запяткахъ стояла Аграфена съ папахою на головѣ... Приспоположенскому, говоритъ, скажи, чтобы онъ выпилъ за упокой моей души штофъ перцовки... Сказалъ это и исчезъ.

— Куда-же, родная?

Черноруцкая развела руками:

— Куда? я почемъ знаю. Полагаю туда, откуда пришелъ.

Всѣ сидѣли, будто пораженные громомъ. Едва-ли не первымъ взволновался внукъ. Съ благороднымъ негодованіемъ онъ шелъ на перекоръ повелѣніямъ грѣшнаго прадѣда:

— Я память прадѣдушки уважаю, бабаша,—вскипѣлъ онъ,—потому что я вообще старшихъ уважать долженъ, но наперекоръ вашимъ желаніямъ не пойдусъ! Мало-ли чего прадѣдушкѣ хочется, да вамъ не угодно, такъ не стану-же я противъ васъ дѣлать. Правда?

Приснопложенскій, благодарный бѣлому сатанѣ за его завѣтъ выпить штофъ перцовки, воскликнулъ въ умиленіи:

— Прекрасной души человѣкъ!

Аграфена Дмитріевна поджала губы:

— И что-жъ, родная, неужли по его окаянному приказу такимъ посмѣшищемъ меня по городу повезете?

Госпожа Черноруцкая отрѣзала на это:

— И повезу!

Внукъ не унимался:

— Что-жъ, бабаша, неужели-же я, вопреки собственному влеченію и желанію вашему, долженъ по военной службѣ идти?... На что же это похоже?

Бабушка не безъ ядовитости отвѣтила:

— Чувствуете большія способности къ гражданской службѣ?

— Чувствую-съ нѣкоторыя,—скромно отвѣтилъ внукъ... И неужели мнѣ жениться прикажете?

— Вы, сударь, въ лѣтахъ...

— На дѣвицѣ Трусовой, бабаша?

Бабушка оборвала:

— На инфантѣ испанской, государь мой!—и прибавила съ жаромъ:

— Чтобы развязаться съ окаяннымъ, не срамить своихъ сѣдыхъ волосъ разными папахами и разговорами,—на дворовой дѣвкѣ бы женила васъ, не токмо на благородной дѣвицѣ...

Внукъ всплеснулъ руками:

— На дворовой, бабаша!

— Не спѣшите, сударь! имѣйте уваженіе къ старшимъ: что прикажу, то и дѣлайте.

Внукъ почтительно согласился:

— Слушаю-съ, бабаша.

XI.

Прошло почти около мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Машенька заставила Шихова признаться ей въ любви. Все это время бѣдный философъ не появлялся у Трусовыхъ, не зная какъ показаться послѣ своего признанія на глаза Машенькѣ, терзаясь, мучась, проклиная себя за то, что показалъ на столько слабости, что признался въ самыхъ тайныхъ своихъ помышленіяхъ и завѣтныхъ мечтахъ. Вернувшись отъ Трусовыхъ, Шиховъ сгоряча не сообразилъ, что ему не легко будетъ появиться на глаза Машенькѣ, но когда стало приближаться слѣдующее воскресенье, онъ понялъ, какихъ трудовъ будетъ ему стоить переступить Трусовскій порогъ послѣ всего происшедшаго. Шиховъ пропустилъ первое воскресенье, надѣясь, что ко второму слабость его пройдетъ и онъ покажетъ себя рѣшительнѣе. Но прошла и еще, и еще недѣля, а рѣшительности не прибавлялось, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы всё это окончилось, если бы передъ четвертымъ воскресеньемъ—Шихову не принесла бы на квартиру Трусовская кухарка записку отъ Машеньки. Шихова въ это время дома не было и кухарка оставила записку, запечатанную розовой облаткой хозяйкѣ, которая и передала ее поблѣднѣвшему отъ волненія философу, когда онъ вернулся домой. Съ бьющимся сердцемъ, горящей головой Шиховъ прочелъ лаконическую записку, повергшую его въ самое крайнее недоумѣніе. Въ запискѣ всего на всего было написано: „Приходите завтра во время поздней обѣдни. Необходимо съ вами поговорить: буду дома одна. М. Трусова.“ Шиховъ читалъ и перечитывалъ это лаконическое посланіе, при чемъ разные вопросы и недоумѣнія такъ и вертѣлись въ его головѣ. Поговорить! о чемъ *это*? Зоветъ, когда будетъ одна дома... Никогда ничего подобнаго съ ней не случалось... Разговоръ наединѣ... Да вѣдь это значитъ *секретъ?...* Онъ вдругъ всплеснулъ руками и сдѣлавшись красенъ, какъ піонъ, проговорилъ вслухъ: неужели, неужели объ *этомъ?...* Руки его дрожали, ему сдѣлалось жарко, душно въ этой крошечной комнаткѣ, куда вскорѣ должны были вернуться его сожители, два такихъ-же бѣдныхъ философа, какъ онъ, и еще болѣе бѣдный риторъ. Нѣтъ, такъ можно умереть! надо воздуху, надо простору и тишины, чтобы дать исходъ и волю волнующимъ его мечтамъ!... Онъ нахлобучилъ фуражку и облекшись въ свою печальную хламиду, несмотря на сгущающіеся сумерки, выбѣжалъ изъ комнаты на дворъ, гдѣ столкнулся съ хозяйкой, несшей что-то съ погреба. Она крикнула ему:

— Куды, неугомонный? Ишь темнота какая. Страха на тебя нѣтъ!

Шиховъ откликнулся отъ калитки:

— А чего бы мнѣ бояться?

Хозяйка напомнила:

— Вонъ, баютъ, привидѣніе какое-то ходитъ!

Шиховъ посмотрѣлъ на небо, гдѣ среди бѣлыхъ легкихъ облачковъ скользила ясная и полная луна, освѣщающая своимъ серебристымъ свѣтомъ весь дворъ со всѣми находящимися на немъ строеніями, отъ которыхъ падали тѣни на мерзлую землю... Привидѣніе ходитъ! онъ даже усмѣхнулся при этихъ словахъ и смѣло крикнулъ хозяйкѣ, отворяя калитку и готовясь выйти на улицу:

— Никакихъ привидѣній я не боюсь и въ подобныя глупости не вѣрю!

И исчезъ за калиткой.

Онъ шагалъ по безлюднымъ почти улицамъ, нещадно фантазируя на счётъ завтрашняго дня... Разговоръ наединѣ, тайна отъ Елизаветы Акимовны, *секретъ!...* Ну, прекрасно: онъ придетъ, конечно переконфузится, покраснѣетъ, какъ макъ, поклонится и сядетъ на стулъ у дверей передней, а Машенька—у своего окошечка... Ужъ это конечно такъ будетъ, непремѣнно такъ. Что-же далѣе? Онъ, понятно, не рѣшится заговорить и оба помолчатъ нѣкоторое время... Начнетъ Машенька: хотѣла поговорить съ вами наединѣ,—скажетъ: вы здоровы?—Онъ отвѣтитъ: благодарю-съ, вы здоровы-ли?—Здорова.—А Елизаветы Акимовны какъ здоровье?—Благодарю: мамаша здорова.—Онѣ у обѣдни?... Нѣтъ, нѣтъ, онъ ни за что этого не спроситъ! Это будетъ положительный намекъ, желаніе ускорить тотъ секретный разговоръ, для котораго Машенька зоветъ его въ отсутствіи Елизаветы Акимовны. Ахъ, какія онъ страшныя минуты переживетъ, прежде нежели Машенька заговоритъ о *главномъ* съ нимъ, о *томъ*, для чего призывала! Заговоритъ конечно она, а не онъ... Какъ сердце-то, сердце-то его забьется, и когда онъ услышитъ, наконецъ, ея слова, то какимъ облегчающимъ потокомъ вырвутся изъ его груди всѣ взлелѣянныя имъ въ долгіе зимніе вечера и ночи мечтанья, всѣ сокровенныя его мысли о ней, которыхъ онъ никому и никогда не довѣрялъ!... Онъ упадетъ на колѣни и тихими слезами омоетъ ея руки... Что это, что это, сокровище мое безцѣнное, былъ я въ темнотѣ—и все озарилось вдругъ ослѣпительнымъ свѣтомъ!.. былъ безгласенъ и нѣмъ, а теперь готовъ пѣть веселую и торжественную пѣснь общей радости, общаго ликованія!.. Что вы сдѣлали, радость моя, однимъ ласковымъ словомъ! если я жилъ и существовалъ до сихъ поръ,—то теперь вы дали мнѣ новую жизнь... Пойдемъ рука объ руку... Міръ-то, міръ-то, Машенька, какъ великъ, какъ справедливъ и какъ прекрасенъ!... Что намъ богатство—удовольствуемся скромной долей. Не надо намъ пышныхъ и большихъ городовъ: для чего? Уйдемъ въ тихія села, бѣдныя деревни и тамъ, въ полусгнившихъ храмахъ, у ветхихъ алтарей, Машенька, будемъ молиться Всемогущему Творцу, будемъ учиться сострадать... Слезу. Ма-

Литературный альбомъ. Наши древнія былины. „Вольга Дружинникъ и Микула Селяниновичъ“.
Ориг. рисун. Р. Штейна, грав. Барановскій.

шенька, всякую отремъ, на печальномъ лицѣ вызовемъ улыбку, изъ настрадавшейся груди извлечемъ вздохъ. Съ веселымъ крикомъ, путаясь въ золотистой ржи и василькахъ, побѣгутъ наши дѣтки, Машенька, отдавая дань веселья младенческимъ своимъ годамъ... Дѣточки!.. Дѣ-то-чки... Ахъ, ахъ, моя радость... что я хотѣлъ сказать?.. Міръ-то, міръ-то какъ прекрасенъ... Зеленыя поля... солнце... полевые цвѣты... звѣзды... и румяныя наши дѣточки!..

— Берегись!—крикнулъ надъ самымъ ухомъ размечтавшагося философа чей-то басъ и подпрыгивая на мерзлыхъ кочкахъ—ему переѣхала дорогу довольно тяжеловѣсная долгуша. Онъ невольно отступилъ назадъ. При яркомъ свѣтѣ луны—Шиховъ узналъ красное лицо Черноруцкаго, признавшаго въ свою очередь Шихова и крикнувшаго ему:

— Ого! какой храбрецъ: по ночамъ ходитъ. А что встрѣтите бѣлаго сатану?

— Не вѣрю-съ,—отвѣтилъ Шиховъ,—однѣ выдумки!

— Вы думаете?.. А впрочемъ...

Филька хлесталъ лошадей и остальныхъ словъ невозможно было разслышать. Шиховъ пошелъ медленнѣе и возобновилъ прерванную нить своихъ мечтаній. Ничего не буду предрѣшать: какъ это я за васъ, Машенька, все порѣшилъ? Надо съ обоюднаго согласія... Можетъ вы не пожелаете, радость моя, скромной доли деревенской попадьи? Можетъ пожелаете протопопицей въ большомъ городѣ сдѣлаться? Въ шляпкахъ, въ лисьихъ салопахъ ходить захотите?.. Гостиную пожелаете съ цвѣтами на окнахъ, съ плющами и канарейками завести?.. Отчего и не пожелать? вы же въ городѣ родились и въ дворянской семьѣ... Жить привыкли не кое какъ... Не надоѣло бы вамъ, Машенька, въ деревнѣ-то?.. Осенью и зимой не заскучали бы... Придумайте, сами ужъ порѣшите, какъ лучше все устроить... Я съ своей стороны... я все готовъ для васъ, радость моя, сдѣлать!..

И еще вотъ что... Сейчасъ, сейчасъ кончу!.. У меня, Машенька, умъ однообразный, неповоротливый, а вы—женщина эластическаго ума. Такъ вотъ что... Какъ вдругъ, да надоѣмъ я вамъ, Машенька? Такъ вы, понимаете, ужъ того... Онъ какъ-то быстро замахалъ рукой... Это можно, сокровище мое, это можно все отлично устроить... Только глазкомъ чуть-чуть, понимаете, поведите,—исчезну, исчезну, ангелъ мой, пропаду... Только... только совсѣмъ-то не прогоняйте меня, Машенька, отъ себя!.. Не вынесу, умру, сокровище мое, тутъ-же у самаго порога вашего умру!..

XII.

Машенька встрѣтила Шихова чрезвычайно въ душѣ смущенная, но въ то же самое время рѣшившаяся искусственно казаться нисколько не сконфуженною, а какъ-то даже особенно бойкою. Какъ только онъ разоблачился и, освѣдомившись объ ея здоровьѣ, усѣлся на стулъ у дверей прихожей, она, къ его крайнему удивленію, не заняла своего обычнаго мѣста у окна, а сѣвъ рядомъ съ нимъ, какъ-то торопясь, начала довольно страннымъ вопросомъ:

— Послушайте, скажите: если бы я умерла, стали бы вы меня жалѣть?

Онъ удивленно посмотрѣлъ на нее и поблѣднѣлъ при одной мысли о потерѣ столь дорогаго для него существа.

— Да-съ.

— Ну, вотъ! сдѣлала жестъ рукою Машенька, и мелькомъ, исподтишка взглянувъ на Шихова, прибавила съ напускной суровостью: пожалуй бы заплакали?

Его глаза были полны слезъ и отворачиваясь отъ нея, чтобы скрыть ихъ, онъ произнесъ:

— Какіе мрачные разговоры-съ.

Машенька видѣла все и сдѣлала вторичный жестъ рукой, какъ бы означающій: „вотъ такъ и знала“.

— Ну, вотъ!.. А еслибы...—она почесала себѣ затылокъ,—еслибы... я вдругъ, необыкновенно, неожиданно счастлива сдѣлалась, тогда... тогда вы бы порадовались? да?

— О да-съ!

— И если бы мое счастіе зависѣло отъ васъ...

Онъ встрепенулся:

— Отъ меня-съ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—испугалась Машенька, что онъ не такъ понялъ ее,—вы не о томъ... Еслибы для полноты моего счастья, которое устроится помимо васъ,—положимъ сама бы я его устроила,—мнѣ хотѣлось бы, я бы желала...

Она затруднялась въ выраженіяхъ, и Шиховъ вдругъ помогъ ей:

— Желали, чтобы я былъ счастливъ?

— Именно.

— Это невозможно-съ.

— Ну, какъ же это,—легкимъ тономъ негодованія настаивала Машенька на возможности счастія для Шихова помимо ея,—не одна же я...

Онъ прервалъ ее съ какой-то рѣзкой настойчивостью:

— Для меня? однѣ-съ.

Машенька сдѣлала было попытку упорствовать и стоять на своемъ:

— Но послушайте... Вы умны, учены, добры...

Шиховъ вдругъ остановилъ ее, взявъ, чего онъ никогда прежде не дѣлалъ, за руку.

— Позвольте, Марья Даниловна. Не извольте утруждать себя моей судьбой... Я все понимаю...

Машенька, какъ бы чувствуя себя виноватой, опустила голову. Шиховъ заговорилъ спокойно, не конфузясь, какъ никогда до сихъ поръ не говорилъ съ нею.

— Не извольте опускать вашихъ глазъ, Марья Даниловна,—началъ онъ,—смотрите мнѣ въ глаза прямо и смѣло. Вы не завлекали меня, не давали мнѣ слова и давъ, не нарушали его, а потому совѣсть ваша чиста.

Она сдѣлала движеніе, но онъ не далъ ей говорить.

— Позвольте... Знаю, о чемъ хотите сказать... О томъ, что въ послѣднее свиданіе вызвали признаніе съ моей стороны... Это еще небольшое преступленіе... Не большая бѣда, что молодой дѣвушкѣ въ голову пришло допытаться такого признанія!.. Объ этомъ и говорить не стоитъ-съ. Я собственно о другомъ...

Его голосъ, до сихъ поръ звучавшій какъ-то казенно и форменно, вдругъ дрогнулъ, когда онъ спросилъ:

— Насколько я понялъ, Марья Даниловна, вы выходите замужъ?

Она утвердительно кивнула головой.

— За господина Черноруцкаго?

— Да.

Шиховъ схватилъ ее за обѣ руки и, нѣжно заглядывая ей въ глаза, съ милою и простосердечною теплотою спросилъ ее:

— Человѣкъ-то хорошій-ли?

На что Машенька отвѣтила:

— Я люблю его.

— Такъ, такъ... Онъ съ улыбкой сквозь слезы наклонился къ ней и нѣжно посмотрѣлъ на нее.—Но, какъ вамъ не стыдно, родная моя, что вы думали, хотя минуту думали, что я умру, оставлю васъ, оставлю, не убѣдившись, что вы счастливы?.. Нѣтъ, моя милая... Издали, издали буду я смотрѣть за вами, за счастіемъ вашимъ, стеречь буду васъ... И буду счастливъ, ахъ какъ счастливъ!..

Онъ настолько осмѣлился, что поцѣловалъ ее въ лобъ. Машенька плакала.

— Не плачьте, моя добрая... не плачьте... Вчера вы были счастливы однѣ съ нимъ... Нынче и я счастливъ съ вами... Вытрите слезы... Невѣстѣ это нейдетъ... Ну! послѣдній поцѣлуй и прощайте... Не удерживайте меня, не зовите, но помните, что всегда, всегда, буду вблизи

васъ, и чуть какое горе, какое несчастіе,—о дай Богъ, чтобы этого никогда не случалось.—приключится съ вами, глазкомъ только вашимъ мигните—и я возлѣ васъ... Прощайте, прощайте... Ахъ, Шиховъ, Шиховъ! мечталъ-ли ты, могъ ли ты мечтать о какомъ либо иномъ счастьи, нежели то, которое свалилось тебѣ на голову, братецъ?.. Будьте счастливы, моя дорогая... Прощайте...

Онъ побѣжалъ было къ дверямъ передней, но подойдя къ нимъ, невольно еще разъ вернулся къ Машенькѣ, упавшей въ его объятія. Онъ молча цѣловалъ ея лицо, прерывая свои поцѣлуи какими то истерически глухими рыданіями, безъ слезъ, съ воспаленными глазами на поблѣднѣвшемъ лицѣ... Дорогая моя, сокровище мое, да неужели-же вы думали, что я могу умереть, *захочу* умереть, не убѣдившись, что вы счастливы?.. Это было бы не похоже на меня... Нѣтъ...

XIII.

Весь этотъ день Шиховъ пробродилъ по городу и только къ вечеру, усталый и измученный, рѣшился вернуться домой. Какъ вчера сіяла полная луна, скользя между легкими бѣлыми облачками, какъ вчера на улицахъ было тихо и безлюдно, рѣдко раздавался лай, шаги Шихова стучали по мерзлой землѣ. Городъ затворился и заперся по обыкновенію спозаранокъ; нигдѣ не было слышно ни звука человѣческаго голоса, ни шага. Ряды однообразныхъ деревянныхъ домиковъ смѣнялись каменнымъ, не выше двухъэтажнаго, купеческимъ домомъ или церковью, золотой крестъ которой блестѣлъ на небѣ; болѣе или менѣе широкія улицы переходили въ площади; вотъ губернаторскій домъ съ горящими у подъѣзда фонарями: вотъ дворянское собраніе, вотъ чей то памятникъ со статуей музы, развертывающей свитокъ пергамента, вотъ ограда женскаго монастыря, полицейское управленіе. бульваръ... И все безлюдно, все тихо, точно замерло, застыло во что-то недвижимое, залитое серебристымъ свѣтомъ луны.

Шиховъ повернулъ въ узкій переулочекъ, въ которомъ находилась его квартира. Все какъ-то опустилось въ немъ, и онъ чувствовалъ, что его великодушные порывы какъ бы ослабѣли, спали съ высокаго тона, на который было настроились и ихъ замѣнило чувство одиночества, какой-то обиженности и тоски. Теперь онъ копошился въ такомъ сознаніи жалости своего положенія, чувствуя въ себѣ что-то дѣтское, всѣми силами души ищущее и желающее поддержки, участія и ласки, отлично сознающее, что одпѣми собственными силами въ его положеніи обойтись не легко. Вдругъ онъ вздрогнулъ. Позади его раздался стукъ чьихъ-то тяжелыхъ ногъ о мерзлую землю, стукъ какой-то ускоренный, точно кто бѣжалъ за нимъ. Онъ поспѣшно обернулся и увидѣлъ на нѣсколькихъ шагахъ разстоянія отъ себя страшный призракъ, пугающій весь городъ, призракъ, прозванный Бѣлымъ Сатаною!

Но Шиховъ не лишился чувствъ. Прижавшись къ забору, онъ съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ ярко освѣщенное луною, близящееся къ нему привидѣніе. Прежде всего его поразили необычайно размашистые шаги саженнаго сатаны, закутаннаго въ бѣлое, съ длинной бородой, прикрѣпленной къ неподвижному, маскообразному лицу, а не къ черепу, какъ утверждали видѣвшіе страшный призракъ. — и безъ огненныхъ глазъ. Это былъ отнюдь не шагъ: ноги какъ бы начинались у самыхъ плечей и Шихову показалось, что ихъ передвиженію помогаютъ руки... Тѣло какъ бы двигалось на высокихъ клюкахъ или ходуляхъ и изъ подъ длинной одежды выдѣлялись ничуть не ноги, какъ разсмотрѣлъ Шиховъ. а просто на просто деревянныя, довольно толстыя палки... Обманъ!.. мелькнуло въ головѣ Шихова. и съ спокойнымъ сердцемъ онъ ожидалъ приближенія сатаны.

Привидѣніе въ свою очередь какъ бы нѣсколько опѣшило, отлично видя при лунномъ свѣтѣ, что Шиховъ совсѣмъ уже не такъ испуганъ и. стоя у забора, съ большимъ любопытствомъ, но съ полнѣйшимъ спокойствіемъ разсматриваетъ его. Замѣтивъ эту необычайную между N-скими гражданами храбрость, привидѣніе, какъ бы сообразивъ нѣчто, вдругъ взяло съ освѣщенной середины улицы, по которой шло до сихъ поръ. въ тѣнь, отбрасываемую домами. Шиховъ, замѣтивъ это, громко усмѣхнулся.

— Не для бѣсовъ такая свѣтлынь,—храбро крикнулъ онъ остановившемуся въ тѣни, какъ разъ противъ него бѣлому сатанѣ.—Въ темноту и грязь морочилъ-бы людей, а не теперь... Мошенникъ ты этакой!

И не давъ сатанѣ опомниться, Шиховъ въ два прыжка былъ около него и, ухватившись за одну изъ выглядывавшихъ изъ подъ бѣлой одежды палокъ, приподнялъ таковую. Тѣло потеряло равновѣсіе, не будучи въ силахъ удерживаться на одной клюкѣ, и рухнуло на Шихова. Чей-то знакомый голосъ, изъ подъ бумажной маски съ бородой и простыни, произнесъ:

— Фу, чортъ!.. чуть ногъ не переломалъ...

— Что?!.

И съ этимъ возгласомъ удивленія Шиховъ выпустилъ изъ своихъ могучихъ рукъ, путающееся въ длинныхъ простыняхъ привидѣніе, деревянныя ходули котораго, выпавши изъ-подъ мышекъ, низвели саженный ростъ сверхъестественнаго существа на средній ростъ мужчины. Скрестивъ на груди руки, Шиховъ отступилъ на шагъ назадъ, въ изумленіи смотря на копошащагося въ простыняхъ сатану, не вѣря своимъ ушамъ. Сатана, подбирая вокругъ себя простыни, какъ юбки, ворчалъ.

— Съ этакимъ боровомъ охота была связываться!.. Скажите, пожалуйста, какой храбрецъ нашелся...

Блѣдный отъ волненія Шиховъ, вдругъ бросился къ бѣлому сатанѣ и схвативъ его за бороду, старался сорвать съ него маску:

— Откройте лицо!.. Я хочу видѣть ваше лицо!.. откройте, говорю вамъ,—кричалъ онъ.

Бумажная маска уступила и изъ-подъ бѣлаго капуцина на Шихова глянуло лицо молодаго Черноруцкаго.

— Вы!.. Въ какомъ-то бѣшенствѣ Шиховъ рвалъ на клочья маску Черноруцкаго, смотрящаго на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Такъ это вы! — Онъ бросилъ разорванные клочья и топталъ ихъ ногами. Какъ-бы пораженный ужасной мыслью, онъ схватилъ руку Черноруцкаго и съ горящими глазами и краской стыда крикнулъ ему: — да какъ-же вамъ это не стыдно?

Тотъ посмотрѣлъ на Шихова съ наивнымъ простодушіемъ:

— Что-же тутъ дурнаго?

— Пугать народъ, нагнать такой страхъ...

Черноруцкой захохоталъ:

— Вольно-же народу пугаться... Вы-же вотъ не испугались?..

— Но зачѣмъ, зачѣмъ вы это дѣлали?

— Какъ зачѣмъ?.. Сначала, какъ пріѣхалъ изъ Москвы, для смѣху, для забавы... А потомъ...

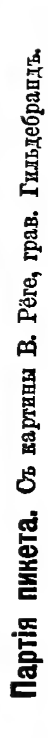
— Потомъ?

— Потомъ для пользы...

— Для пользы!—закричалъ какъ безумный Шиховъ.—нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ!., И сдержавъ свой гнѣвъ, заговорилъ тише, точно боясь, что кто нибудь услышитъ ихъ среди этого спящаго города.

— Вы въ моихъ рукахъ... Захочу и сейчасъ васъ отведу въ полицію, а тамъ не поблагодарятъ, что вы такъ смущали городъ... Да и стыдъ-то какой!.. Погодите, дайте сказать все... Пользу! Какую пользу извлекали вы изъ этого глупаго наряжанья? Неужели... неужели правда, что говорили въ городѣ...

Черноруцкой возвысилъ голосъ:



Партія пикета. Съ картины В. Рёге, грав. Гильдебрандъ.

На озерѣ въ Швейцаріи. Съ картины Гансъ-Даля, грав. Кригеманъ.

— Ишь!.. Я вѣдь не соломинка, и повтори вашъ языкъ глупую сплетню,—порядкомъ namну вамъ бока...

Шиховъ вдругъ успокоился, услышавъ эту угрозу, и сдѣлавшись добродушнымъ, сжалъ руки Черноруцкаго.

— Такъ, такъ... я зналъ, что это неправда... Ну могла-ли она,—воскликнулъ онъ въ порывѣ восторга,—отдать свое сердце дурному человѣку!.. Никуда я васъ не поведу, ни въ какую полицію... Но бросьте, милый мой, эти глупости, право бросьте... Какую пользу могутъ онѣ принести вамъ?

— Теперь никакой, но принесли.

— Какую-же?

— Я напугалъ бабушку и заставилъ ее дать согласіе на бракъ мой съ одной любимой мною дѣвушкой... Вотъ какую...

— Я зналъ,—вскрикнулъ въ восторгѣ Шиховъ, что вы благородный и честный человѣкъ и конечно доставите счастіе той, которая отдала вамъ свое сердце... Зналъ, зналъ!..

Бѣлый сатана пересталъ тревожить своими появленіями N-скихъ гражданъ, и госпожа Черноруцкая, женивъ внука на Машенькѣ, такимъ исполненіемъ воли дяденьки Аристовула Петровича успокоила мятежную душу своего родственника. О бѣломъ сатанѣ осталось только одно воспоминаніе...

КОНЕЦЪ.

Наши шестиногіе хитители.

Профессора харьк. университета **Александра Брандта.**

(Окончаніе).

Въ прошломъ № говорили мы о хлѣбномъ пилильщикѣ (cephus pygmaeus), что вреднымъ оказывается не взрослое насѣкомое, а напротивъ того—его личинка. Пилильщикъ причисляется къ отряду перепончатокрылыхъ. Представимъ себѣ (№ 44, стр. 1045, рис. 14) существо, длиною съ комнатную муху, очень похожее на осу, почему нѣмцы не даромъ прозвали пилильщика „Halmwespe“, т. е. стеблевой осой: таже окраска тѣла съ чередованіемъ чернаго и желтаго цвѣтовъ, тѣже четыре прозрачныхъ крыла; только все въ миніатюрѣ, да кромѣ того тоньше, граціознѣе. Брюшко узкое, замѣтно сжатое съ боковъ (№ 44, стр. 1045, рис. 13), у самки на концѣ со сверломъ или яйцекладникомъ. На округленной головкѣ пара длинныхъ, къ концу слегка утолщающихся усиковъ. Въ маѣ, юнѣ, въ теплые солнечные дни пилильщики весело порхаютъ близъ полей по цвѣткамъ, лакомятся медовымъ сокомъ и выбираютъ себѣ подругъ жизни. Знатокъ природы могъ-бы съ удовольствіемъ наблюдать аллюры этихъ рѣзвыхъ существъ, если-бы ему только удалось отрѣшиться отъ сознанія, что вотъ, вотъ эти сами по себѣ невинныя, красивыя созданья налетятъ на хлѣба и разнесутъ по нимъ яички, изъ которыхъ должны будутъ вылупиться прожорливыя личинки, опустошительницы полей.

Въ западной Европѣ на злую работу пилильщика уже давнымъ давно обращено вниманіе. Особенно это относится къ Австріи, гдѣ онъ нерѣдко уменьшаетъ сборъ хлѣба на 20—25 процентовъ. Въ предѣлахъ Россіи первое извѣстіе о вредности пилильщика относится лишь къ 1850 году, когда онъ былъ замѣченъ въ Курляндіи; первое-же свѣдѣніе о громадныхъ убыткахъ, причиненныхъ пилильщикомъ, а именно въ Міусскомъ округѣ, появилось въ печати не ранѣе 1877 года. Нѣтъ надобности пояснять, что, конечно, и раньше случались неурожаи отъ пилильщика; но ихъ только не съумѣли распознать и приписывали разнымъ другимъ причинамъ, особенно тому, что наши поселяне называютъ запаломъ или припекомъ и сводятъ на дѣйствіе солнечныхъ лучей и засуху. Въ новѣйшее время *I. А. Порчинскимъ*, лучшимъ русскимъ знатокомъ пилильщика, указано и на такіе случаи, гдѣ неурожай отъ пилильщика ошибочно приписывался кузькѣ. Скрытный образъ жизни пагубной личинки пилильщика внутри хлѣбнаго стебля служитъ достаточнымъ объясненіемъ, почему до послѣднихъ лѣтъ пилильщикъ работалъ незамѣченно и совершенно безнаказанно. Теперь намъ извѣстно о значительномъ его вредѣ какъ въ средней Россіи, какъ-то въ губерніяхъ Орловской, Курской, Воронежской, такъ въ особенности и въ южной, а именно въ губерніяхъ Екатеринославской, Харьковской и Полтавской. Насѣкомое водится еще и въ губерніяхъ Казанской и Саратовской; а потому появленіе его на поляхъ въ пагубныхъ количествахъ возможно во всей средней и южной полосѣ Европейской Россіи. Однако, пора намъ ознакомиться, въ чемъ именно заключается вредъ нашего насѣкомаго, а для этого необходимо разобрать, такъ сказать, его біографію.

Колыбелью для своихъ многочисленныхъ дѣтенышей, счетомъ отъ 12—15, заботливая мать выбираетъ лучшіе, наиболѣе сильные стебли злаковъ—пшеницы или ржи, рѣже ячменя и овса. Она просверливаетъ своимъ яйцекладникомъ одинъ изъ верхнихъ узелковъ стеблей и опускаетъ туда по одному только яичку, продолговатой, овальной формы. Спустя недѣлю, а иногда и почти двѣ, изъ яйцевой скорлупы вылупляется крошечная бѣлая личинка, которая своими челюстями пролагаетъ себѣ путь во внутрь стебля, какъ извѣстно, дутчатаго, въ серединѣ пустаго (№ 44, стр. 1045, рис. 16). Питаясь внутреннимъ слоемъ стеблевыхъ стѣнокъ и наполняя полость стебля своими изверженіями, личинка постепенно спускается внизъ по стеблю, проѣдая при этомъ узелъ за узломъ. Такимъ образомъ по мѣрѣ своего роста, она переходитъ все въ болѣе и болѣе просторные отдѣлы стебля. Нормальная ея поза при этомъ—головою внизъ. Впрочемъ, было-бы ошибочно думать, чтобы личинка постоянно и безпрерывно шла въ одномъ и томъ-же нисходящемъ направленіи; временно она можетъ и перевертываться и пройтись нѣсколько въ направленіи противоположномъ. Горе земледѣльцу, если ко времени жатвы личинки успѣли достичь конечной цѣли своего путешествія, нижняго или одного изъ нижнихъ стеблевыхъ узловъ (№ 44, стр. 1045, рис. 17,) потому что тогда онѣ при скашиваніи хлѣба остаются въ полѣ, въ стерни, зимуютъ здѣсь, а на будущій годъ даютъ начало новому поколѣнію вредителей хлѣба. Взрослая личинка пилильщика, какъ показано въ № 44, стр. 1045, рис. 17, длиною въ 1/3 дюйма. Она имѣетъ видъ валика, болѣе плоскаго на брюшной поверхности. Выпутая изъ своего кокона, она представляется болѣе или менѣе согнутою въ видѣ буквы S (№ 44, стр. 1045, рис. 18, увеличен. въ 2 раза). Цвѣтъ ея бѣлый съ желтоватымъ оттѣнкомъ, на головѣ слегка коричневатый. Глядя на личинку сбоку, мы легко замѣчаемъ на ея первыхъ трехъ членикахъ, соотвѣтствующихъ груди, по парѣ бугорковъ или бородавокъ. Они замѣняютъ собою ноги и помогаютъ личинкѣ при ползаніи. При болѣе точномъ анализѣ головы при помощи препаровальныхъ иглъ и увеличительныхъ стеколъ, мы подмѣчаемъ на ней сравнительно очень сильно развитыя челюсти съ роговыми зубцами—долота и рубанки, которыми личинка совершаетъ свою разрушительную работу въ хлѣбномъ стеблѣ.

На основаніи какъ чужихъ, такъ и собственныхъ наблюденій, вышеназванный нами ученый приводитъ слѣдующія весьма любопытныя данныя изъ жизни личинки пилильщика. Достигнувъ послѣдняго стеблеваго колѣна, личинка принимается за устройство чрезвычайно характернаго логовища (№ 44, стр. 1045, рис. 19). Для этой цѣли она прежде всего выгрызаетъ стѣнки стебля подъ послѣднимъ его узломъ со всѣхъ сторонъ равномѣрно въ видѣ кольца.

Утонченное кольцо оказывается не въ состояніи удерживать покоющейся на ней верхней части стебля; а потому, отъ вѣтра или дождей, стебель легко надламывается и отпадаетъ. Но прежде, чѣмъ это случится, личинка успѣваетъ соорудить ниже мѣста перелома, изъ волоконецъ или щепокъ, получаемыхъ отъ выгрызанія стеблевыхъ стѣнокъ, родъ пробочки, которая представляется въ видѣ плотнаго цилиндрическаго кружка. Благодаря этому личинка остается попрежнему защищенной отъ разныхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, солнца, дождя и проч., которыя могли бы погубить ее. Не будь утонченнаго, выгрызаннаго кольца надъ пробкою, стебель рисковалъ бы надломиться ниже и повредить при этомъ личинку. Вообще же въ искусственномъ утонченіи стебля и закупоркѣ его пробкою мы не можемъ не усмотрѣть весьма цѣлесообразныхъ инстинктивныхъ дѣйствій личинки, направленныхъ къ ея самосохраненію. Устроивъ пробочку, личинка принимается за витье тонкаго, но плотнаго шелковаго кокона. Стѣнки его начинаются прямо отъ краевъ пробочки, съ которыми тѣсно соединяются. Коконъ продолжается и въ толстую часть корня, находящуюся въ землѣ, и тамъ уже закругляется. На всемъ своемъ протяженіи стѣнки его плотно прилегаютъ къ внутреннимъ стѣнкамъ стебля; самъ по себѣ онъ почти совершенно прозраченъ. Длина кокона вообще бываетъ весьма различною, смотря по длинѣ и толщинѣ корешка, въ который онъ продолжается и гдѣ оканчивается: но всегда длина его почти вдвое больше противъ длины самой личинки. Поэтому коконъ хлѣбнаго пилильщика принадлежитъ къ числу, можно сказать, самыхъ замѣчательныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если съ понятіемъ о коконѣ мы привыкли соединять представленіе о тѣлѣ овальной или шарообразной формы, то нашъ коконъ никакъ не можетъ удовлетворять подобному представленію. Онъ имѣетъ на всемъ своемъ протяженіи правильную цилиндрическую форму, такъ что если извлечь его осторожно изъ полости стебля и корешка, то показываетъ поразительное сходство съ употребляемыми въ химическихъ лабораторіяхъ стеклянными пробирками, плотно закупоренными пробкой. Когда ничего не безпокоитъ личинки, она обыкновенно спитъ въ надземной части своего пробиркообразнаго кокона, при чемъ головка ея плотно упирается въ пробочку: при неблагопріятныхъ же атмосферныхъ и другихъ условіяхъ личинка, напротивъ того, спускается въ подземный его

участокъ. По этому поводу намъ опять-таки приходится подчеркнуть цѣлесообразность въ инстинктивной работѣ ничтожной личинки насѣкомаго. На сколько нуженъ для нея этотъ коконъ для защиты нѣжнаго тѣла отъ крайностей температуры, влажности и проч., видно изъ того, что личинка, вынутая изъ кокона, даже не успѣваетъ свить себѣ другой, а погибаетъ; точно также погибаетъ она и въ своемъ естественномъ жилищѣ, если уничтожить коконъ. Личинка хлѣбнаго пилильщика окукляется обыкновенно во второй половинѣ апрѣля или въ началѣ мая. Куколка не представляетъ ничего особеннаго; на ней, какъ и на куколкѣ кузьки, можно уже различить всѣ части взрослаго насѣкомаго. Въ состояніи куколки пилильщикъ остается до двухъ недѣль и затѣмъ окрыляется.

Но что-же дѣлается съ хлѣбнымъ растеніемъ, поврежденнымъ личинкой пилильщика? Сначало оно, повидимому, растетъ себѣ исправно и не обнаруживаетъ разительныхъ признаковъ поврежденія, но затѣмъ колосъ раньше времени начинаетъ утрачивать зеленый цвѣтъ, желтѣть; а позже, когда эта перемѣна въ окраскѣ распространяется и на колосья здоровыхъ растеній, колосья, пораженные пилильщикомъ, сразу могутъ быть отличены на ощупь: въ нижней своей части они тонки и лишены зеренъ. Расщепляя прилегающій стебель по всей его длинѣ, мы съ большою вѣроятностію можемъ разсчитывать найти въ немъ, въ одномъ или другомъ мѣстѣ, и самого виновника плохаго развитія колоса.

Такъ какъ всѣ безъ исключенія животныя должны имѣть своихъ враговъ, которые укрощали бы ихъ естественное стремленіе къ безпредѣльному размноженію, то такіе враги должны быть и у хлѣбнаго пилильщика. Они въ дѣйствительности и существуютъ. Изъ числа ихъ особенное вниманіе изслѣдователей обратили на себя представители изъ группы т. наз. *наѣздниковъ* или *ихневмоновъ*. Эти животныя при сильномъ своемъ размноженіи одни въ состояніи побороть эпидемическое размноженіе пилильщика. Нашъ рис. 20 (№ 44, стр. 1045) показываетъ одного изъ этихъ крохотныхъ благодѣтелей человѣческаго рода. Самка этого *Pachymerus calcitrator* отыскиваетъ хлѣбные стебли, пораженные личинкой пилильщика, пролагаетъ себѣ путь во внутрь и погружаетъ въ тѣло его обитателя свое крошечное яичко. Озабочиваясь о надлежащемъ количествѣ корма для своихъ многочисленныхъ будущихъ дѣтенышей, нашъ ихневмонъ каждой изъ личинокъ пилильщика довѣряетъ по одному только яичку. Личинка, вылупляющаяся изъ этого яичка, питается внутренностями своей хозяйки, и выѣдя ее, совершаетъ дальнѣйшія свои превращенія до полнаго крылатаго насѣкомаго.

Хлѣбный комаръ (Cecidomyia destructor, № 44, стр. 1045, рис. 21—28). Въ нашей, небогатой впрочемъ, спеціальной литературѣ насѣкомое это называется также почему-то комарникомъ. Еще болѣе оно, какъ у насъ, такъ и на западѣ, извѣстно подъ названіемъ *гессенской мухи*. Названіе Hessen-fly хлѣбный комаръ получилъ впервые въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ еще недавно было распространено убѣжденіе, будто это зловредное насѣкомое занесено въ Америку изъ Европы въ 1776 или 1777 году въ припасахъ злосчастныхъ солдатъ, проданныхъ американцамъ Курфюрстомъ Гессенскимъ. Однако исторія жизни насѣкомаго, какъ увидитъ самъ читатель, такова, что такое занесеніе черезъ океанъ не можетъ быть допущено. На самомъ дѣлѣ, въ состояніи взросломъ насѣкомое для этого слишкомъ недолговѣчно, личинки же и куколки помѣщаются такъ низко на стеблѣ, что остаются на стернѣ въ полѣ, въ солому же вовсе не попадаютъ. Остается только допустить, что хлѣбный комаръ, подобно множеству другихъ насѣкомыхъ, испоконъ вѣковъ водится одновременно какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ; появленіе же его въ чрезмѣрныхъ массахъ на поляхъ Америки вслѣдъ за прибытіемъ гессенскихъ отрядовъ не болѣе, какъ случайность. Противъ разбираемаго нами названія гессенская муха, можно возразить еще и то, что насѣкомое, хотя и относится къ отряду двукрылыхъ или мухъ, тѣмъ не менѣе не есть настоящая муха, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а скорѣе комаръ. Удлиненное тѣло, длинныя, нитевидныя ноги, недопускающія дотрагиванія безъ того, чтобы отвалиться, и длинные многочленистые усики сразу убѣждаютъ насъ въ принадлежности насѣкомаго къ спеціальной группѣ комаровъ, а не мухъ.

Хлѣбный комаръ (№ 44, стр. 1045, рис. 22) еще меньше пилильщика. Длина его, не считая усиковъ, колеблется между 2,7 и 3,75 миллиметрами, т. е. на нашу мѣру, равняется отъ $1\frac{1}{2}$ до 2, примѣрно, линіямъ. Преобладающій на тѣлѣ цвѣтъ—бархатисто-черный, у самки съ буроватымъ оттѣнкомъ. Имѣются двѣ продольныя, красныя полосы, одна непрерывная, на спинѣ, а другая, прерванная рядомъ черныхъ пятенъ, на брюшкѣ. У самца полосы эти яркаго, кровянаго цвѣта, у самки же свѣтлѣе. Короткіе черные волосы покрываютъ тѣло, распространяясь и на крылья, которыя поэтому кажутся не стекловидно-прозрачными, а тусклыми. Кромѣ окраски оба пола различаются и по формѣ брюшка и усиковъ. Брюшко у самки (№ 44, стр. 1045, рис. 21) продолговато-овальное и оканчивается яйцекладникомъ въ видѣ трубочки, у самца же линейное, т. е. почти одинаковой ширины на всемъ своемъ протяженіи, и на заднемъ концѣ вооружено темнокрасными клещами; усики самки простые, у самца же усажены волосками и потому кажутся перистыми. Самки по численности значительно преобладаютъ надъ самцами.

Въ состояніи совершеннаго насѣкомаго, хлѣбный комаръ живетъ всего только нѣсколько дней: холодъ и дождь и природное истощеніе силъ послѣ кладки яицъ въ одинаковой степени для него гибельны. Показывается онъ на свѣтъ Божій въ тихій, теплый день; весь же лётный періодъ его обнимаетъ собою недѣль пять, начиная со второй половины апрѣля. Спариваніе и кладка яицъ начинается вылупившимися недѣлимыми безъ промедленія. Самка производитъ отъ 80 до 100 красноватыхъ, крошечныхъ, удлиненныхъ яичекъ, которыя откладываетъ (№ 44, стр. 1045, рис. 23) на листья хлѣбовъ, преимущественно ржи и пшеницы, а иногда и ячменя, при чемъ, по однимъ авторамъ, на одинъ и тотъ же листъ кладетъ только по одному, рѣдко по два, а по другимъ, и цѣлые десятки яичекъ. Нѣсколько дней спустя изъ яичка вылупляется личинка и немедленно пускается въ путь, внизъ по листу, пока не попадетъ въ ту часть его, которая называется листовымъ влагалищемъ, обхватываетъ стебель на подобіе трубки и приращена къ ближайшему стеблевому узлу. Въ узкомъ, щелевидномъ пространствѣ между стеблемъ и влагалищемъ личинка успокаивается лишь по достиженіи сю конечной преграды, т. е. узла (№ 44, стр. 1045, рис. 24).

Если комаромъ пораженъ хлѣбъ озимый, то личинокъ его мы должны искать подлѣ двухъ нижнихъ узловъ, если же пораженъ хлѣбъ яровой, непошедшій еще въ ростъ ко времени кладки яицъ, то личинокъ мы найдемъ ниже, т. е. за листомъ, исходящимъ непосредственно отъ корня. Личинка, не убивая окончательно растенія, тѣмъ не менѣе настолько высасываетъ изъ него сокъ, что страдаетъ питаніе колоса, да и ослабленный стебель легко опрокидывается вѣтромъ. Въ этомъ отношеніи замѣчается большое сходство между вредомъ отъ личинки хлѣбнаго комара и личинки пилильщика. Существеннѣйшее же различіе заключается въ томъ, что первая обрабатываетъ стебель снаружи, вторая же выѣдаетъ его снутри. Мы сказали, что личинка комара обыкновенно не окончательно убиваетъ хлѣбное растеніе; но по этому поводу должны сдѣлать оговорку. Дѣло въ томъ, что молодые, осенніе, т. е. еще неперезимовавшіе всходы озими, будучи очень нѣжны, почти всѣ, при пораженіи комаромъ, погибаютъ.

Взрослая личинка хлѣбнаго комара (№ 44, стр. 1045, рис. 24 и 25) длиною въ 3,37 миллиметра, т. е. линіи въ $1\frac{1}{2}$, цилиндрической формы, бѣлаго цвѣта. Явственной головы у нея нѣтъ; ротъ же, помѣщающійся на переднемъ концѣ тѣла, не представляетъ челюстей, способныхъ къ обработкѣ твердой пищи и приспособленъ къ сосанію. Обращенныя головнымъ концомъ книзу, личинки по одной, по двѣ, а иногда до десятка,—происходящаго тогда, вѣроятно, отъ нѣсколькихъ матерей,—сидятъ за своимъ листовымъ влагалищемъ, двигаясь очень мало и медленно. Откормившись вдоволь, онѣ толстѣютъ и жирѣютъ, и затѣмъ окукляются. Происходитъ это такъ, какъ и у весьма многихъ двукрылыхъ, и притомъ настоящихъ мухъ, а не комаровъ. Тѣло стягивается, укорачивается, принимаетъ болѣе эллиптическую форму, отстаетъ при этомъ отъ своей наружной роговой оболочки, которая однако же не разрывается, а служитъ какъ бы кокономъ, и съ этихъ поръ получаетъ названіе *ложнаго кокона* или *бочонка* (№ 44, стр. 1045, рис. 26 и 27). Удлиненно-эллиптическій ложный коконъ какъ по формѣ, такъ и по цвѣту напоминаетъ льняное сѣмя. Въ немъ личинка проводитъ, смотря по обстоятельствамъ, или только короткое время, или же всю зиму; въ немъ же она затѣмъ и окукляется (№ 44, стр. 1045, рис. 28). Недѣли двѣ спустя послѣ окукленія, изъ кокона выползаетъ взрослый, окрыленный комаръ.

Хлѣбный комаръ является ежегодно въ двухъ, а по новѣйшимъ наблюденіямъ, иногда и въ трехъ поколѣніяхъ. При этомъ взрослыя насѣкомыя, летающія весною, въ апрѣлѣ, обязаны своимъ происхожденіемъ перезимовавшимъ личинкамъ и составляютъ *первое* или *весеннее поколѣніе*. Изъ яичекъ ихъ, путемъ указанныхъ метаморфозъ, происходитъ въ то же самое лѣто,—раньше или позже, смотря по климату и погодѣ,—другое, второе окрыленное поколѣніе. Если, какъ это обыкновенно бываетъ, потомство этого втораго поколѣнія зимуетъ въ состояніи личинокъ и окрыляется лишь на слѣдующую весну, то въ такомъ случаѣ мы имѣемъ въ годъ всего два поколѣнія, изъ которыхъ второе, по своему лётному времени, должно бы называться *осеннимъ*. При исключительно-благопріятныхъ условіяхъ между этими двумя поколѣніями можетъ вдвинуться еще одно, которое назовемъ *лѣтнимъ*. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло представляется слѣдующимъ образомъ: поколѣніе *весеннее*, происходящее изъ перезимовавшихъ личинокъ, даетъ начало *лѣтнему*, лѣтнее поколѣніе, въ свою очередь, *осеннему*, а послѣднее, черезъ посредство зимующихъ личинокъ,—производитъ новое весеннее и т. д. Двойственность или тройственность числа ежегодныхъ поколѣній, въ связи съ очень почтенной плодовитостью каждой отдѣльной самки, служатъ достаточнымъ объясненіемъ тому факту, что крохотные хлѣбные комары, при случаѣ, въ состояніи производить на поляхъ опустошенія еще болѣе страшныя, нежели жуки и пилильщики.

Поддѣлка пищевыхъ веществъ.

Очеркъ **Н. Д.**

Кто не знаетъ о болѣе или менѣе искусныхъ поддѣлкахъ продуктовъ, употребляемыхъ нами въ пищу. Это гнусное и вредное ремесло распространено довольно широко. Жажда наживы приводитъ къ тому, что, ради ея удовлетворенія, приносятся въ жертву торгашескимъ интересамъ—интересы ближнихъ, ихъ здоровье и даже жизнь. Не говоря уже о томъ, что пищевые продукты продаются часто испорченными—къ нимъ примѣшиваются различныя вещества, не только производящія разстройства здоровья потребителей, но иногда даже угрожающія ихъ жизни. Правда, существуютъ примѣси и безвредныхъ веществъ. Дѣлается все это ради полученія возможно большаго барыша. Примѣси постороннихъ веществъ, частію, улучшаютъ вкусъ пищеваго продукта, естественно увеличивая и его цѣну, частію, придаютъ ему выгодный для торговца излишекъ вѣса, видъ, болѣе привлекательный, и пр. и пр. Словомъ, назначеніе примѣсей—сдѣлать товаръ возможно дешевымъ для себя и возможно дорогимъ въ продажѣ.

Небезъинтересно упомянуть о важнѣйшихъ примѣсяхъ къ главнымъ нашимъ пищевымъ средствамъ.

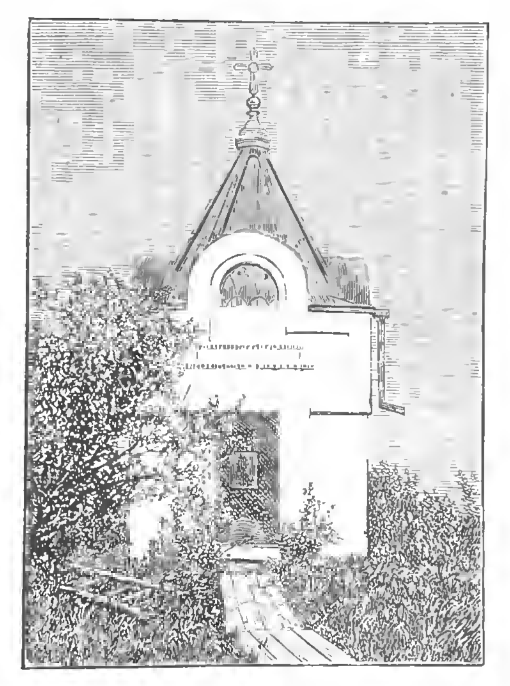
Хлѣбъ является, конечно, главнымъ пищевымъ веществомъ. Тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ его поддѣлка. Къ счастію, онъ не можетъ быть незамѣтно подвергнутъ особенно большимъ измѣненіямъ. Нельзя продать, напримѣръ, камень вмѣсто хлѣба. Тѣмъ не менѣе, человѣческій умъ, изощряемый стремленіемъ къ барышу, придумалъ нѣсколько средствъ, ведущихъ къ осуществленію этого стремленія. Именно, къ хлѣбу примѣшиваются: сѣрнокислый цинкъ, мѣлъ, углекислая магнезія, сѣрнокислая мѣдь, бура, известка. Вещества эти, частію, выгодно для производителя замѣняютъ муку, частію же придаютъ такой видъ и вкусъ продукту, что представляется возможность выдать дешевую муку за дорогую. Такъ, вредная примѣсь, сѣрнокислая мѣдь, даетъ товаръ хорошаго качества, позволяетъ при этомъ употреблять посредственную муку вмѣсто лучшей и, кромѣ того, представляетъ возможность прибавлять къ тѣсту много ничего не стоющей воды. Далѣе въ широкихъ довольно размѣрахъ практикуется примѣшиваніе къ тѣсту квасцовъ, вредно отзывающихся на человѣческомъ желудкѣ. Особенно большую распространенность получило это средство въ Англіи, насчитывающей и немалое число несчастныхъ случаевъ, возникшихъ отъ употребленія хлѣба съ подобной примѣсью. Что касается до примѣсей собственно къ мукѣ, то онѣ также весьма многочисленны, хотя и безвредны, въ большинствѣ случаевъ. Именно, къ ней прибавляютъ, обыкновенно, зернышки картофельной муки, ячменной, маисовой и муки бобовыхъ растеній. Подобный обманъ легко, однако, открыть путемъ микроскопическаго изслѣдованія подозрительнаго товара. Дѣло въ томъ, что зернышки настоящей муки и всѣхъ этихъ продуктовъ значительно рознятся между собою по цвѣту, виду и величинѣ. Микроскопъ же прекрасно обнаруживаетъ всѣ эти различія.

Другое пищевое средство огромной для насъ важности, мясо, къ счастію, еще менѣе можетъ быть измѣнено съ цѣлью фальсификаціи. Ограничиваются здѣсь подмѣной одного мяса другимъ и приданіемъ испорченному мясу вида и цвѣта свѣжаго мяса, съ уничтоженіемъ его дурнаго запаха. Затѣмъ, нужно остерегаться отъ покупки мяса больныхъ животныхъ, а также зараженныхъ трихиной, солитеромъ и прочими глистами. Опасность потребленія мяса животныхъ, зараженныхъ чахоткой, паршами, проказой, бѣшенствомъ, сапомъ, тифозной и чумной горячкой, заключается въ томъ, что болѣзнь можетъ перейти, такимъ путемъ, и на человѣка. Множество случаевъ безвреднаго потребленія такого мяса ничего еще не доказываютъ, ибо не разъ бывали и противоположные случаи.

Нѣтъ пищеваго вещества, которое въ большей мѣрѣ подвергалось бы поддѣлкамъ, нежели коровье молоко. И это извѣстно всѣмъ, особливо въ столицахъ, гдѣ нерѣдко выражается мнѣніе о невозможности достать хорошаго молока... потому что оно, обыкновенно, такъ или иначе поддѣлано. Главнѣйшей примѣсью къ молоку служитъ, конечно, вода—къ счастію, вещество безвредное. Но зато по снятіи сливокъ и прибавленіи воды, молоко пріобрѣтаетъ такой видъ и цвѣтъ, что для отвода глазъ внимательнымъ покупателямъ, приходится передѣлывать его почти съизнова. И вотъ, для того чтобы молоко пріобрѣло надлежащую плотность и потеряло явившійся результатомъ поддѣлки водянистый видъ и прозрачность—къ нему прибавляютъ: декстринъ, крахмалъ, яичный бѣлокъ, камедь, мозгъ. Такимъ путемъ являются и новыя искусственныя сливки, взамѣнъ снятыхъ. Затѣмъ, чрезвычайно распространено подмѣшиванье къ молоку безвредной, впрочемъ, двууглекислой соды. Вещество это собственно даже рекомендуется въ количествѣ $^1/_4$ процента, для замедленія процесса измѣненія молока; но торговцы злоупотребляютъ имъ, прибавляя слишкомъ много, вслѣдствіе чего молоко пріобрѣтаетъ иногда непріятный щелочной вкусъ.

Въ масло могутъ быть подмѣшиваемы также весьма разнообразныя вещества: мѣлъ, сѣрно-кислый барій, гипсъ, картофельная мука и пр. Затѣмъ оно подкрашивается хромокислымъ свинцомъ, шафраномъ, желткомъ. Первая примѣсь особенно вредна и можетъ быть причиной отравленія; правда, она рѣдко употребляется; обыкновенно же пользуются, для подкрашиванія масла, красящими веществами растительнаго происхожденія.

Бѣлый сахаръ, очевидно, не можетъ подвергаться поддѣлкѣ, но за то торговцы изощряются во всевозможныхъ примѣсяхъ къ сластямъ, изготовляемымъ изъ него, конфектамъ, пирожному. При этомъ доказано употребленіе для подкрашиванія конфектъ положительно ядовитыхъ веществъ, особливо во Франціи, Англіи, Германіи, Швейцаріи, Бельгіи. Именно съ этою цѣлью употребляются: углекислая мѣдь, хромокислый свинецъ, мышьяковокисловатая соль мѣди, ярь-мѣдянка и пр. Далѣе, въ смыслѣ примѣсей, кондитера пользуются известью, сѣрнокислымъ баріемъ, гипсомъ, крахмаломъ, и нерѣдки несчастные случаи съ дѣтьми.



Часовня надъ гробницей супруги Александра Даниловича Меньшикова, у с. Услона, близъ Казани. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Шеколадъ подвергается многочисленнымъ поддѣлкамъ. Къ нему примѣшиваютъ муку и декстринъ, но вещества эти легко открываются химическимъ путемъ; кромѣ того они узнаются по вкусу продукта, запаху. Затѣмъ, въ шеколадъ вводятся и гораздо болѣе важныя примѣси, въ родѣ красной окиси ртути и сурика. Вслѣдствіе этого, онъ пріобрѣтаетъ нормально красный цвѣтъ; кромѣ того, присутствіе названныхъ примѣсей открывается изслѣдованіемъ продукта въ изломѣ, посредствомъ простой лупы, а также и тѣмъ, что, истертый и разведенный въ водѣ, онъ оставляетъ на днѣ сосуда осадокъ кирпичнаго цвѣта.

Относительно поддѣлки кофе остроуміе торговцевъ доходило до изготовленія кофейныхъ зеренъ изъ глины; выше этого, кажется, нельзя ничего представить себѣ въ смыслѣ фальсификаціи. Вообще, кофе принадлежитъ къ такимъ продуктамъ, поддѣлка которыхъ практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Понятно, далѣе, какъ легко и незамѣтно можно примѣшивать къ продажному молотому кофе что угодно, и дѣйствительно, въ этомъ видѣ нельзя, кажется, найти чистаго кофе нигдѣ. Изъ веществъ, употребляемыхъ для поддѣлки этого товара, особенное распространеніе получилъ всюду цикорій, сравнительно съ желудями, карамелью, свекловицей и т. п. Эта примѣсь также легко открывается весьма простымъ способомъ. Стоитъ только бросить щепотку подозрительнаго смолотаго кофе въ стаканъ воды: если кофе чистый, то онъ долго останется на поверхности воды, медленно поглощая воду; если-же въ немъ содержится цикорій, то онъ тотчасъ-же проникается водой, падаетъ на дно стакана и окрашиваетъ жидкость въ желтобурый цвѣтъ. Примѣсь цикорія къ кофе *дѣйствуетъ вредно на здоровье*, правда, медленно и незамѣтно, но постоянно. Между тѣмъ, въ домашнемъ быту это вещество прибавляется къ кофе ради экономіи—весьма дурной экономіи въ данномъ случаѣ.

Чай, имѣющій у насъ такую широкую распространенность, подвергается самымъ разнообразнымъ фальсификаціямъ, какъ въ Китаѣ, гдѣ онъ разводится, такъ и у насъ въ Европѣ. Предпринятое однажды въ Лондонѣ санитарное изслѣдованіе этого продукта показало, что различные оттѣнки чаевъ, посылаемыхъ въ Европу, представляютъ собою результатъ подкрашиванія листьевъ, производимаго китайцами. Съ этою цѣлью употребляется индиго и гипсъ, для закрѣпленія зеленаго цвѣта, приданнаго чаю первымъ веществомъ. Иногда гипсъ замѣняется чрезвычайно вредной берлинской лазурью. Вслѣдствіе этого, *сами китайцы не пьютъ этихъ сортовъ* зеленаго чая.

Европейцы превосходятъ, конечно, китайцевъ въ этомъ от-

Русскіе типы. Крестьянинъ и его дочь. Ориг. рисун. В. Князева, грав. Шюблеръ.

ношеніи. Пускаемыя ими въ ходъ поддѣлки чая, частію, заключаются въ искусственномъ подкрашиваніи этого продукта, частію, въ подмѣнѣ китайскихъ чайныхъ листьевъ листьями мѣстныхъ похожихъ растеній, или, наконецъ, въ употребленіи въ продажу спитаго чая, подвергнутаго особому приготовленію и окрашиванію. У насъ весьма распространена торговля русскимъ копорскимъ чаемъ, взамѣнъ китайскаго, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ нерѣдко возбуждаемые полиціей судебные процессы. Напомнимъ, кстати, одну недурную каррикатуру, недавно помѣщенную въ одномъ изъ нашихъ юмористическихъ журналовъ. Два купца разсуждаютъ о политикѣ... „Не страшенъ намъ теперь китаецъ — говоритъ одинъ изъ нихъ — мы сами научились выдѣлывать чаи не хуже его“.

Что касается до остальныхъ продуктовъ, то изъ нихъ водка и вино подвергаются широкой поддѣлкѣ, какъ въ смыслѣ приданія низшимъ сортамъ спиртныхъ напитковъ вкуса высшихъ, такъ и въ смыслѣ приготовленія дома *иностранныхъ* винъ. Въ послѣднемъ отношеніи, наше отечество сдѣлало огромные успѣхи и чрезвычайно богато „погребами иностранныхъ винъ россійскаго произведенія“. Это извѣстно всякому. У насъ, какъ и въ другихъ странахъ, чрезвычайно искусно придаютъ водкѣ и вину желаемый вкусъ, цвѣтъ, запахъ, пользуясь для этого какъ безвредными, такъ и весьма вредными веществами, начиная съ обыкновеннаго перца и кончая сѣрной кислотой. Послѣдняя употребляется для изготовленія искусственнымъ путемъ старыхъ винъ, вмѣстѣ съ амміакомъ, мыломъ и проч. Изобрѣтено, кромѣ того для этой цѣли, множество новыхъ веществъ, еще неизвѣстныхъ наукѣ. Поддѣлка винъ имѣетъ весьма давнее происхожденіе. Она производилась уже въ древнемъ Римѣ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Плиній. Очевидно, это предполагаетъ большія усовершенствованія теперь въ дѣлѣ.

Въ большомъ ходу подкрашиваніе винъ помощію сока красной свекловицы или фуксина.

На этомъ мы пока остановимся. Положительно всѣ пищевыя вещества подвергаются поддѣлкѣ, болѣе или менѣе искусной, практикуемой какъ производителями, такъ и торговцами. Это обширная и еще слишкомъ мало изъѣданная область, область, расширяющаяся по мѣрѣ развитія наукъ и промышленности. Правда, наука-же дастъ средства и открывать поддѣлки. Но, средства эти извѣстны болѣе производителямъ товаровъ, нежели огромной массѣ потребителей. Санитарно-полицейскій надзоръ, производимый со всею строгостью, является, поэтому, въ настоящее время наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ, для борьбы съ указаннымъ зломъ.

Къ рисункамъ.

Городъ Баку.

(Рис. на стр. 1060 и 1061).

Баку, общій видъ котораго помѣщенъ въ этомъ №, можетъ быть названъ по справедливости городомъ нефти или даже огненнымъ городомъ, какъ его наименовалъ одинъ нѣмецкій путешественникъ. Дѣйствительно здѣсь, на этой почвѣ, изъ каждой ея скважины можетъ быть вызвано пламя: всюду видны потоки горючей нефти или чуть замѣтныя струйки углеводороднаго газа. По особенно богаты нефтью окрестности города. Такъ неподалеку въ байбатовской котловинѣ, дно которой на нѣсколько футовъ выше уровня моря, на плоскомъ берегу съ незапамятныхъ временъ существуютъ нефтяные колодцы, но лишь въ недавнее время открыты новые источники нефти и устроены фотогенные заводы. Теперь вся будущность Баку зависитъ главнымъ образомъ отъ развитія нефтяной промышленности: каждый теперь сознаетъ богатство этой насыщенной горючимъ матеріаломъ почвы, и благодаря ей городъ болѣе и болѣе растетъ и украшается, утрачивая мало по малу свой азіатскій характеръ—наслѣдіе своей прошлой исторіи.

Основаніе Баку относится ко времени династіи Сассанидовъ, т. е. къ VI вѣку. Послѣ арабскаго владычества онъ подпадаетъ подъ власть Ширванъ Хановъ, подвергается опустошеніямъ Тохтамыша и Измаила Сафи, а въ 1509 году дѣлается добычей персовъ. Въ 1723 году Баку послѣ долгой осады сдался русской эскадрѣ подъ командою Матюшкина, но въ 1735 году по Годжинскому миру снова былъ уступленъ персамъ. Вѣроломство Гуссейнъ-Кули Хана, запятнавшаго себя коварнымъ убійствомъ князя Цицiанова, привело снова русскихъ подъ стѣны Баку. Въ 1806 году онъ былъ взятъ нами окончательно и сначала былъ назначенъ уѣзднымъ, а въ 1859 году губернскимъ городомъ.

Памятниковъ восточнаго владычества, конечно, кромѣ узкихъ и кривыхъ улицъ и безобразныхъ лачугъ, уцѣлѣло въ Баку очень немного и изъ нихъ достойны вниманія лишь полуразрушенный дворецъ Шаха, такъ-называемая Дѣвичья башня и древняя мечеть, построенная при Абасѣ великомъ.

Среди зданій, составляющихъ бывшій дворецъ шаха и отданныхъ теперь подъ складъ артиллерійскихъ снарядовъ, особенно замѣчательна одна постройка, занимаемая когда-то Диваномъ, т. е. комнатой суда и совѣта. Это восьмиугольный павильонъ, окруженный галлереею съ окошками во всѣ стороны, нѣроятно для того, чтобы правовѣрные могли свободно созерцать Хана возсѣдающимъ на тронѣ и рѣшающимъ судьбу ихъ. По срединѣ-же павильона находится полукруглое отверстіе, къ которому подземнымъ ходомъ приходили преступники и тутъ выслушивали свой приговоръ и получали возмездіе. Дѣвичья башня, цилиндрической формы, построенная изъ массивныхъ камней, имѣетъ около 15 саженъ высоты и 8 въ діаметрѣ. По преданію, башню эту выстроилъ одинъ изъ Ширванъ Шаховъ для безопасности своего семейства во время непріятельскихъ нападеній и назвалъ ее по имени своей дочери Хонсаръ.

Положеніе Баку на южной сторонѣ Апшеронскаго полуострова, омываемаго Каспійскимъ моремъ, представляетъ много выгодъ для его торговаго развитія, такъ какъ дугообразный заливъ, примыкающій къ южной, западной и восточной сторонѣ города, составляетъ отличную гавань. Видъ на городъ съ замка въ высшей степени живописенъ; Баку отсюда видѣнъ какъ на ладони, построенный амфитеатромъ по скату довольно высокаго холма, съ его балкончиками и галлереями, нависшими другъ надъ другомъ и ярко выдѣляющимися своей пестрой окраской на фонѣ бѣлыхъ стѣнъ городскихъ построекъ, большею частью покрытыхъ плоскими крышами. Не менѣе роскошная панорама города открывается съ возвышенности, лежащей позади города, по которой идетъ Шемахинская дорога. Направо отсюда видѣнъ куполъ православнаго военнаго храма, а налѣво новая стрѣльчатая армяно-григоріанская церковь. Далѣе мѣстность къ югу подымается въ видѣ плоскаго продолговатаго холмика и на его покатости среди массы зданій величественно возвышается новый свѣтлый и изящный православный соборъ восточной архитектуры; за нимъ виднѣются нѣсколько правѣе темносѣрая дѣвичья башня и почти у подошвы холма остатки башенъ и стѣнъ бывшей крѣпости; за этими стѣнами на самомъ верху холма высится шахскій дворецъ съ куполами и стройными минаретами. На самомъ-же краю южнаго горизонта красуется пятиглавая баиловская морская православная церковь. У залива, видъ котораго изображенъ на нашемъ рисункѣ, городъ заканчивается на юго-востокѣ высокими дровяными складами, а на сѣверѣ огромнымъ фотогеннымъ заводомъ Мирзоева. Новые-же фотогенные заводы отнесены отъ города версты за двѣ. Здѣсь они составляютъ цѣлый довольно значительный городокъ, скрытый почти всегда подъ пологомъ нефтяного дыма и потому называемый очень мѣтко—чернымъ городомъ. Кромѣ того нефтяныхъ источниковъ особенно много въ селеніи Балахонка, лежащемъ къ сѣверо-востоку отъ Баку, а также въ семи верстахъ отъ южнаго берега въ мѣстности, гдѣ находятся громадные заводы Кокорева и Мирзоева, а также монастырь огнепоклонниковъ-Гебровъ, заключающійся теперь въ районѣ этихъ заводовъ. Вступивъ въ это святилище Гебровъ вы встрѣчали индійца, единственнаго недавно еще обитателя этого монастыря, который ради вашего прихода зажигалъ въ сосѣдней со входомъ кельѣ три огня, т. е. газъ, поднимающійся изъ отверстій въ стѣнахъ. Затѣмъ онъ становился передъ огнями съ колокольчикомъ въ рукѣ, и звоня читалъ краткую молитву на какомъ-то непонятномъ языкѣ. Послѣ этого обряда онъ угощалъ посѣтителей розовымъ леденцомъ и велъ во дворъ, гдѣ и получалъ установленную скромную плату. Теперь этого уже нѣтъ. Самый храмъ помѣщается среди монастырскаго двора: это—четырехугольное, двухэтажное зданіе со входомъ въ видѣ воротъ съ каждой стороны. Въ срединѣ зданія находится четырехугольный камень съ круглымъ углубленіемъ, на днѣ котораго виднѣется труба, выдѣляющая горючій газъ. Въ этомъ чанѣ и надъ этимъ огнемъ обыкновенно сжигались кости умершихъ огнепоклонниковъ, а затѣмъ пепелъ посылали въ кувшинахъ на родину. На верху купола и на окружающихъ его выступахъ также есть трубы, выдѣляющія газъ. Эти огни, горящіе надъ храмомъ, особенно эффектны ночью и производятъ тогда дѣйствительно какое-то таинственное и страшное впечатлѣніе.

Былина о Вольгѣ и Микулѣ Селяниновичѣ.

(Рис. на стр. 1065).

Среди нашихъ древнихъ народныхъ былинъ, распѣваемыхъ еще кой гдѣ на Руси, преимущественно на сельскихъ ярмаркахъ, слѣпцами разсказщиками, особенно интересно сказаніе о Вольгѣ Святославичѣ и встрѣчѣ его съ Микулой Селяниновичемъ. Эти два богатыря охарактеризовываются народомъ совершенно различно: Вольга, какъ и историческій Олегъ, съ самаго рожденія жаждетъ мудрости и пріобрѣтаетъ ее; дѣлается вѣщимъ, но мудрость эта не обычная, а особая, таинственная мудрость; такъ онъ выучился принимать видъ различныхъ звѣрей:

Щукой рыбой ходить въ глубокихъ моряхъ,
Птицей соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать въ чистыхъ поляхъ.

Почуявъ присутствіе такого вѣщаго богатыря на землѣ, всѣ животныя всполошились и спѣшили скрыться отъ него подальше:

звѣри, птицы и рыбы попрятались, разбѣжались, разлетались, разметались. Вольга Святославовичъ набираетъ себѣ храбрую дружину и ѣдетъ собирать дань съ подвластныхъ ему городовъ Гурчевца, Орѣховца и Крестьяновца, подаренныхъ ему его роднымъ дядей—ласковымъ Владиміромъ стольно-Кіевскимъ. Выѣхалъ Вольга въ раздольице, чистое поле и слышитъ онъ ратая:

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.

Вольга заслышалъ эти звуки издалека, но лишь на третій день онъ могъ доѣхать до ратая; и не мудрено: ратай съ края въ край бороздки пометываетъ; въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать. Подъѣхавъ на конѣ Вольга застаетъ ратая за сохою; сошка у него кленовая, позолоченая, омѣшки булатные, гужики шелковые. Этотъ ратай и есть—Микула Селяниновичъ, живой представитель земской силы; селянинъ и сынъ селянина; народный, любимый типъ пахаря и крестьянина. Поговоривъ съ Микулой о цѣли своего путешествія, Вольга приглашаетъ его ѣхать съ собою. Микула согласился. Они сѣли на добрыхъ коней и поѣхали, но вотъ на пути Микула спохватывается:

Говоритъ оратай таковы слова:

Ай же Вольга Святославговичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
А гля ради мужика деревенщины.
Какъ бы сошку съ земли повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути
И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?

Молодой Вольга посылаетъ вытащить соху своихъ молодцовъ-дружинниковъ, но всѣ они не могутъ сдвинуть ее съ мѣста.

Посылалъ онъ всю дружинушку храбрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай оратаюшка
На своей кобылкѣ соловенькой
Къ этой ко сошкѣ кленовой:
Бралъ то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Этотъ моментъ былины и представленъ на нашемъ рисункѣ, но былина имъ не заканчивается. Сѣли Вольга и Микула снова на коней и поѣхали на подвиги... Очевидно, что этимъ величавымъ образомъ пѣсня намекаетъ на силу земскаго начала: ее даютъ Микулѣ не подвиги ратные, не слава бранная, а дѣло пахаря, сельскій бытъ, хозяйство крестьянина, сборъ вокругъ него общины, міра. Эта коренная, стойкая сила, и должна была непремѣнно взять верхъ надъ дружинными богатырями и въ свою очередь породить новую расу чисто земскихъ богатырей: Илью Муромца, Дюка, Чурилу и Добрыню.

Партія въ пикетъ.

(Рис. на стр. 1068).

Красивая обстановка и костюмы XVIII вѣка; общество очень оживленное: двѣ прелестныя молодыя женщины и юноша, который имъ обѣимъ очевидно очень нравится. Но онъ еще такъ молодъ и чистъ душою, онъ такъ погруженъ въ свою игру и такъ пристально слѣдитъ и озабоченъ ею, что даже не замѣчаетъ, кажется, что прелестныя дамы заняты гораздо больше имъ, чѣмъ пикетомъ. Посмотрите на озабоченное его лицо, опущенную въ забытьѣ на кресло руку, и вы видите какъ онъ не думаетъ въ данную минуту ни объ чемъ кромѣ игры, между тѣмъ какъ двѣ пары прелестныхъ глазъ устремлены на него съ такимъ нескрываемымъ вниманіемъ...

На озерѣ въ Швейцаріи.

(Рис. на стр. 1069).

Какая свѣтлая и отрадная картина! Какъ гармонируетъ съ этою ясною красотою вѣчно-юной природы, съ этимъ голубымъ небомъ, голубымъ озеромъ, окруженнымъ лѣсистыми, красивыми скалами и берегами, какъ гармонируетъ со всѣмъ этимъ юность и красота этихъ двухъ дѣвушекъ-поселянокъ, изъ которыхъ одна, несущая хворостъ, невольно улыбается на любезности молодаго парня, лежащаго въ травѣ подъ деревомъ со своей трубочкой, а другая, нахмурясь, съ усиліемъ, по колѣно въ прозрачной водѣ, пробирается за новой вязанкой къ большой лодкѣ, вытянутой на песокъ... Лучъ солнца, освѣщающій песчаную тропинку, особенно выраженіе лицъ дѣвушекъ и парня передано съ замѣчательнымъ искусствомъ въ этой симпатичной картинкѣ.

Могила княгини Меньшиковой въ селѣ Услонѣ.

(Рис. на стр. 1072).

Кому неизвѣстно имя знаменитаго князя Александра Даниловича Меньшикова, любимца и сотрудника Великаго Петра, достигшаго высокихъ отличій и широкой власти и по роковой судьбѣ кончившаго свою, столь богатую приключеніями, жизнь въ ссылкѣ, въ глуши Сибири. Но не многіе, какъ мы думаемъ, знаютъ кое что о супругѣ знаменитаго временщика, княгинѣ Дарьѣ Михайловнѣ, дѣлившей съ нимъ счастливые годы богатства и власти, а потомъ, по его паденіи, покорно послѣдовавшей за нимъ въ изгнаніе и скончавшейся на дорогѣ, въ селѣ Услонѣ, на берегу Волги.

Дарья Михайловна, урожденная Арсеньева, служила до замужества при дворѣ боярышней и часто встрѣчаясь здѣсь съ молодымъ, статнымъ, красивымъ Меньшиковымъ, влюбилась въ него не на шутку: Меньшиковъ отвѣчалъ ей взаимностью. Еще до сихъ поръ сохранились нѣжныя посланія Дарьи Михайловны, писанныя на четвертушкахъ сѣрой бумаги, крупными каракулями, на которыя Меньшиковъ отвѣчалъ любезными, ласковыми письмами. Царь зналъ объ взаимной привязанности молодыхъ людей и порѣшилъ соединить ихъ бракомъ, который и состоялся въ 1706 году. Меньшикову, какъ человѣку дѣловому, походному, Дарья Михайловна оказалась живою самою подходящею; она безропотно переносила всѣ трудности бивачной жизни, слѣдовала за мужемъ въ походахъ, иногда даже верхомъ на лошади, а въ мирное время окружала его своими заботами и попеченіями. Долго, долго шли для Меньшикова и Дарьи Михайловны счастливые, безмятежные годы, но вотъ умеръ Императоръ, за нимъ Императрица, и звѣзда Меньшикова начала мало по малу меркнуть; число его враговъ все росло болѣе и болѣе и даже самые друзья отшатывались отъ него, оскорбленные его высокомѣріемъ и жаждою власти. Паденіе временщика было неожиданно и быстро; за паденіемъ слѣдовала ужасная ссылка въ Сибирь. Слѣдуя за мужемъ въ изгнаніе, Дарья Михайловна тяжко расхворалась, да и не мудрено: ее вывезли уже больною изъ Раненбурга, въ тряской телегѣ, безъ шубы, давая ей лишь скудную арестантскую пищу и лишивъ ее даже медицинской помощи. 10-го мая 1728 года караванъ ссыльныхъ приблизился къ селу Услону, отстоящему въ 12 верстахъ отъ Казани, и остановился здѣсь, такъ какъ княгиня Дарья Михайловна была не въ силахъ ѣхать дальше. Въ тотъ же день несчастная страдалица скончалась на рукахъ своей семьи, въ жалкой крестьянской избѣ, окруженная конвоемъ, и на скоро была погребена около сельской церкви.

Теперь Верхній Услонъ—довольно большое и людное село съ каменнымъ храмомъ, хотя его жители преимущественно принадлежатъ къ „древлему благочестію“. По разсказамъ старожиловъ, надъ прахомъ княгини была сооружена сначала деревянная церковь, а послѣ истребленія ея пожаромъ поставленъ простой надгробный камень, просуществовавшій вплоть до начала шестидесятыхъ годовъ. Это была, какъ говорятъ, почернѣвшая отъ времени и растрескавшаяся плита, на которой едва можно было разобрать: „Здѣсь лежитъ раба Божія Д....“ Наконецъ въ 1863 году на мѣстѣ запустѣлой могилы, иждивеніемъ генералъ-адъютанта князя Александра Сергѣевича Меньшикова была выстроена простенькая, но изящная часовня крестообразной формы, въ четыре аршина высоты и два ширины. Снаружи она окрашена коричневою краскою, а внутри бѣлою. На лицевой и задней сторонѣ красуется надпись золотыми буквами: „Въ память княгини Дарьи Михайловны Меньшиковой, скончавшейся здѣсь на пути въ ссылку. Построилъ князь Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ въ 1863 г.“ Внутри часовни, слабо освѣщенной четырьмя полукруглыми окнами, видно возвышеніе изъ бутоваго камня, обозначающее мѣсто могилы: а прямо противъ входа, на стѣнѣ, виситъ образъ Св. Дарьи, кажущійся довольно темнымъ и тусклымъ при мелькающемъ свѣтѣ одинокой лампады.

Русскіе типы. Крестьяне.

(Рис. на стр. 1073).

Брелъ, брелъ старикъ по большой дорогѣ домой изъ сосѣдняго села, а какъ добрался до дому и усталъ — притомился, и присѣлъ отдохнуть у воротъ на бревно. Дѣвочка-дочка выбѣжала изъ избы и показываетъ отцу стеклянныя бусы, которыя мамка ей дала надѣть на праздникъ. И старикъ перебираетъ бусы. „Хороши, хороши, дочка! Больно хороши! говоритъ онъ ей. Въ праздникъ надѣнешь, вырядишься, дочка, и пойдемъ къ обѣднѣ и всѣ похвалятъ: ишь, скажутъ, Варюшка Матюхина какая нарядная! Хороши, больно хороши“!

Самый рисунокъ, исполненный итальянскимъ карандашемъ талантливымъ художникомъ г. Князевымъ, съ замѣчательною точностью переданъ граверомъ, сохранившимъ весь характеръ карандашнаго штриха.

Политическое обозрѣніе.

Россія и англійскія подозрѣнія.—Болгарія.—Австро-Венгрія.—Англія и Египетъ.—Турція.—Франція и Тунисъ. Дюклеркъ. Легитимисты.—Швейцарія.—Вѣсти съ крайняго востока.

Необыкновенно зоркій, необыкновенно чуткій англійскій аргусъ, нерѣдко, въ своемъ патріотическомъ усердіи (въ чемъ, конечно, ему нельзя не позавидовать), видитъ опасность и тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ. Несомнѣнно и то, что онъ „создастъ“ опасность и умѣетъ создавать ее въ тѣ моменты, когда ему необходимо. Добрая часть изъ сотни его глазъ, какъ извѣстно, направлена на Россію и, между прочимъ, на „нашъ русскій путь въ Индію“. Этотъ путь постоянно усѣянъ для англійскихъ наблюдателей стражами, страшно ихъ пугающими. Мы уже нерѣдко говорили объ этомъ. Недавно опять англійскій дипломатическій агентъ въ Тегеранѣ „испугалъ“ свое правительство извѣстіемъ, что два русскихъ инженера пытались пробраться въ Гератъ. При этомъ, впрочемъ, онъ поспѣшилъ добавить, что афганскія власти не дали имъ надлежащаго разрѣшенія. Какъ-бы мы и ни желали. чтобы хотя-бы попытка такая была сдѣлана, но, признаемся,—„вѣрится съ трудомъ“, увы—думаемъ, что то не болѣе, какъ миражъ. Между тѣмъ, упрямые сыны Альбіона все-таки стоятъ на своемъ и увѣрены, что мы, понемногу, подвигаемся къ Афганской границѣ; въ парламентѣ, даже, по этому поводу, сдѣланъ запросъ (сэромъ Бартлетомъ).

Всюду за нами подсматриваютъ, подслушиваютъ. Будемъ надѣяться, что придетъ, наконецъ время, когда мы поймемъ свою силу и мощь такъ, какъ ее понимаютъ другіе...

Австро-Венгрія жалуется, что въ Болгаріи мы держимъ чуть ли не цѣлый корпусъ войскъ. Въ сущности-же этотъ „корпусъ“ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ офицеровъ (250), унтеръ-офицеровъ, матросовъ и военныхъ мастеровъ, т. е. спеціалистовъ, необходимыхъ для формирующейся болгарской арміи. Если вѣрить извѣстіямъ, приходящимъ съ мѣста, то наши инструкторы успѣли уже сдѣлать кое-что. Главная цѣль заключается въ томъ, чтобы создать княжеству какъ можно болѣе значительный контингентъ обученыхъ солдатъ, и, говорятъ, что цѣль эта. въ извѣстной степени, достигнута, такъ какъ нынѣ молодое государство способно выставить въ поле армію въ нѣсколько десятковъ тысячъ чел. Пусть только эта армія съумѣетъ воспринять духъ, беззавѣтное мужество своихъ учителей! Есть, конечно, и темныя стороны, какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, но эти стороны коренятся въ исторіи болгарскаго народа. Зло, о которомъ говоримъ, состоитъ въ трудности установить между болгарами-офицерами, съ одной стороны, и болгарами-солдатами, съ другой, тѣ отношенія, которыхъ требуетъ дисциплина. Причина та, что вѣковое рабство народа до такой степени приравняла одного болгарина къ другому, что онъ не можетъ еще отвыкнуть отъ привычки видѣть въ каждомъ почти соотечественникѣ своего брата—раба, недавно унижавшагося, недавно безправнаго. какъ и онъ самъ. Отсюда—неуваженіе, мелкая зависть, проникшія во всѣ сферы созидающагося „изъ дыма и пламени“ новаго болгарскаго общества. Но, понятно, само по себѣ, что эта причина временная. Во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ кажется одно, и именно, что ядро будущаго государства—Болгарское княжество, гдѣ, мало по малу, развиваются всѣ органически необходимые для того элементы, а никакъ не деморализованная Румелія, въ которой пока не видно ни малѣйшей государственной устойчивости... Сколько извѣстно—не мало хлопотали и хлопочутъ тамъ австрійцы.

Они хлопочутъ теперь, повидимому, о томъ, чтобы уже окончательно, наконецъ, присоединить Боснію и Герцеговину; съ Портой шли уже переговоры; но, согласно однимъ источникамъ, Турція не согласилась на то денежное вознагражденіе, которое ей предлагало австрійское правительство, согласно-же другимъ—будто, напротивъ, Турція просила денегъ. а Австрія отказала; есть и еще версія, по которой султанъ не желаетъ сдѣлать этой уступки, такъ какъ раздосадованъ потерей Египта.

Египетъ онъ потерялъ—этого даже и англичане больше не скрываютъ отъ него. Они перестаютъ, просто на просто, отвѣчать на ноты порты касательно Египетскаго вопроса. Такъ, напримѣръ, Гладстонъ и его кабинетъ, удостовѣрившись, что лордъ Дёфференъ достаточно уже набилъ себѣ руку въ этомъ вопросѣ, рѣшился послать его въ Каиръ, гдѣ онъ поведетъ дѣло, конечно, быстрѣе и круче. Порта обратилась съ цѣлымъ рядомъ нотъ къ правительству королевы; правительство это, отвѣтивъ, что посланникъ ѣдетъ туда вслѣдствіе нездоровья консула Мэлета и что „не нарушитъ верховныхъ правъ его величества“—затѣмъ прекратило дипломатическій разговоръ на эту тему; Портѣ прямо объявлено, что Англія не имѣетъ ничего отвѣчать на ея новую ноту, а въ Лондонѣ, тѣмъ временемъ, утверждаютъ, что Англія больше не намѣрена „стѣсняться верховными правами Абд-уль-Гамида“. Хотя въ парламентѣ министерство и объявило, что не можетъ пока сообщить содержанія инструкцій, данныхъ Дёфферену, но подъ рукою стало извѣстно, что онъ ѣдетъ, дабы дирижировать всей реорганизаціей Египта: онъ договорится съ хедивомъ относительно всего, что побѣдители Араби-Паши находятъ необходимымъ устроить и переустроить тамъ.

Но не одна Турція обижена въ Египтѣ, обижена и Франція. Французскій агентъ, Бредифъ, имѣвшій, на основаніи прежнихъ порядковъ, право присутствовать въ засѣданіяхъ египетскаго кабинета. теперь не допускается туда. Недавно онъ обратился къ главѣ министерства, требуя, чтобы его приглашали вновь, такъ какъ контрольная комиссія оффиціально еще не упразднена. Его требованіе, однако, не было удовлетворено и осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но это только одинъ изъ эпизодовъ, въ которыхъ обрисовывается безцеремонное отношеніе Англіи къ Франціи въ настоящую минуту. Особенно сильно говоритъ оскорбленное французское чувство въ гамбеттистахъ, которые едва ли не были бы готовы прервать дипломатическія сношенія съ Англіею, съ недавнимъ другомъ и союзникомъ „envers et contre tous“. Видно, что Тунисъ не совсѣмъ удовлетворилъ за Египетъ. Но, съ своей стороны, и французы сдѣлали непріятность Портѣ, тоже попрали верховныя права султана. При восшествіи на престолъ новаго Бея, Сиди-Али-Бея, султанское правительство потребовало, чтобы онъ, въ качествѣ вассала, получилъ свое утвержденіе отъ своего сюзерена, но, обиженные на берегахъ Нила, или—что хуже,—на берегахъ Суэзскаго канала французы, сорвали досаду на Абд-уль-Гамидѣ—они положительно отказали въ требованіи Порты, и Сиди-Али-Бей не будетъ просить султанскаго утвержденія. Но кто же онъ будетъ? Не вассалъ, не самостоятельный государь? Вѣроятно министерство Дюклерка не можетъ разрѣшить этотъ вопросъ, не посовѣтовавшись съ палатами. Дюклеркъ, вообще, намѣренъ продержаться съ своимъ кабинетомъ, онъ приготовилъ цѣлую программу, въ пользу которой заручился сочувствіемъ всѣхъ республиканскихъ группъ. Это еще надо видѣть какъ будетъ. До сихъ поръ ничтожная французская палата, будто насмѣхаясь надъ страной, почти постоянно занималась болѣе мелкими партійными интригами, чѣмъ интересами государства,—въ 124 дня своего существованія она перемѣнила 54 министерства—всѣмъ гг. депутатамъ хотѣлось быть министрами. Гдѣ же возможность для устойчивости правительства, гдѣ же возможность для твердой, внушающей къ себѣ довѣріе и уваженіе политики? Легитимисты усиливаютъ свою дѣятельность, въ особенности на югѣ, и скоро обѣщаютъ выступить болѣе активно. Въ Финистеррѣ, на сенатскихъ выборахъ, избраны два легитимистскихъ сенатора противъ республиканскихъ. Анархисты не перестаютъ бросать свои бомбы и, вообще, заявлять о себѣ. Противъ нихъ выступилъ публично глава радикальной партіи Клемансо, говорившій въ Парижѣ, въ циркѣ Фернандо и освистанный, очевидно кликой соціалистовъ, такъ какъ большинство, масса—противъ нихъ.

Державы намѣрены, по слухамъ, обратиться съ общей нотой къ Швейцарскому правительству по поводу соціалистовъ, по поводу той свободы, которую они находятъ въ Швейцаріи, служащей очагомъ для ихъ дѣятельности.

Корея заключила договоры съ Англіею и Америкою; Франція не преминетъ послѣдовать примѣру этихъ двухъ государствъ; о насъ еще не слышно, не смотря на наше близкое сосѣдство съ Корейцами.

Японія также близко сошлась съ ними; есть основаніе предполагать, что она, въ силу особаго соглашенія, стремится помочь имъ выдти изъ зависимаго положенія отъ Китая.

Китайскія власти очистили Тонкинъ, въ угоду Франціи.

Смѣсь.

Изъ жизни Жоржъ-Зандъ. Извѣстная писательница, какъ и всѣ романтическія натуры, ничего не понимала въ матерьяльныхъ дѣлахъ. Она сама сознавала этотъ недостатокъ, объ чемъ писала Маццини: „Что касается матерьяльныхъ дѣлъ, я сознаю себя совершенно непонимающей; теперь же для завѣдыванія моими дѣлами я избрала повѣреннаго, который приводитъ въ порядокъ положительную сторону моего существованія.“ И кого-же выбрала писательница для этой трудной должности? Своего друга Пьера-Леру, который, какъ извѣстно, былъ еще фантастичнѣе и еще менѣе былъ способенъ вести дѣла. чѣмъ сама сочинительница Индіаны и Леліи.

Какъ этотъ необыкновенный повѣренный приводилъ въ порядокъ дѣла, объ этомъ Делявинь—компаньонъ издательской фирмы Десесаръ—разсказываетъ слѣдующій смѣшной анекдотъ. Издатель пришелъ къ повѣренному писательницы, который жилъ въ крошечной комнаткѣ на чердакѣ, гдѣ сундукъ и кровать составляли всю меблировку. Леру вѣжливо пригласилъ посѣтителя сѣсть на сундукъ, и разговоръ начался.

— И такъ, сказалъ Леру, я уполномоченъ Жоржъ-Зандъ, условиться съ вами объ изданіи ея слѣдующаго романа. Въ немъ три тома. Сколько вы даете?

Издатель назвалъ сумму.

— Что такое?

Издатель повторилъ сказанное. Пьеръ-Леру, сидѣвшій на краю кровати, сдѣлалъ большіе глаза, поднялъ руки и опустилъ ихъ съ выраженіемъ величайшаго удивленія.

— Какъ, за романъ? Вы столько то даете за романъ?

— Къ сожалѣнію средства наши ограничены, а времена плохія.

— Вы не понимаете меня, прервалъ философъ. Я нахожу возмутительнымъ предлагать такую сумму за романъ—произведеніе фантазіи. Наконецъ это только разсказъ, который сочинитель пишетъ для своего-же удовольствія. И за это платятъ такую цѣну? Это поразительно! Никогда въ жизни я не воображалъ, чтобы романы такъ дорого оплачивались.

И въ простотѣ души, въ наивномъ удивленіи, добрякъ Леру продолжалъ повторять: удивительно, удивительно!

Такимъ то образомъ повѣренный Жоржъ-Зандъ приводилъ въ порядокъ „практическую часть“ ея жизни.

Для дѣтей. Разсказы изъ народной жизни съ картинками. Н. Карловича. Спб. 1883. Книжка эта представляетъ всего два разсказа, довольно удачно приноровленныхъ къ дѣтскому возрасту, къ пониманію и міросозерцанію дѣтей. Ее можно уже рекомендовать и по опрятности изданія и по отсутствію тенденціозности въ изложеніи, что не про каждую изъ книгъ такого рода можно сказать. Что касается картинокъ, то исполненіе ихъ заставляетъ желать лучшаго и неудовлетворительно даже для „дѣтей младшаго возраста.“

Способъ опредѣлить доброкачественность сѣмянъ. Иногда бываетъ необходимо скоро узнать, на сколько хороши сѣмяна. Для этого земледѣльческій журналъ совѣтуетъ взять нѣсколько сѣмянъ, и осторожно класть ихъ по одному на горящіе уголья, раздувая ихъ постоянно; при этомъ слѣдуетъ обращать вниманіе на то, какъ сѣмена горятъ. Хорошія сѣмяна подскакиваютъ вверхъ и при сгораніи растрескиваются съ шумомъ тѣмъ большимъ, чѣмъ крупнѣе сѣмя; плохія-же горятъ медленно и слабо дымятся. Большія сѣмяна, какъ напр. жолуди, каштаны и пр. кладутся въ огонь, причемъ слѣдуетъ замѣчать, лопаются ли они. Послѣднее служитъ признакомъ доброкачественности сѣмени.

Жемчугъ и золото. Калифорнія не только богата золотомъ, но и жемчугомъ. Ловля жемчуга у береговъ нижней Калифорніи въ послѣднее время приняла большіе размѣры. Ею занимаются 100 водолазовъ, вылавливающихъ на глубинѣ около гавани Ля-Пацъ прекраснѣйшіе экземпляры чернаго жемчуга. Разные торговые люди снабжаютъ водолазовъ лодками и одеждой подъ условіемъ предоставленія имъ первенства на покупку найденнаго жемчуга. Цѣна улова въ году равняется 500,000 долларовъ.

Телефонное дѣло. „Франкфуртская газета“ сообщаетъ: Въ Мюнхенѣ 22 (10) окт. технической комисіей производились опыты съ телефонами на дальнихъ разстояніяхъ. Аппараты были установлены въ Мюнхенскомъ главномъ телеграфномъ управленіи и во дворцѣ въ разстояніи 360 километровъ. Для опыта служили телефонныя системы Берлинера, Белль-Блаке и Геллера. Неизмѣнно и тутъ оказывалось тоже, что и при прежнихъ опытахъ—лучшее сообщеніе между станціями представляла система Белль-Блаке, посредствомъ которой наиболѣе ясно передаются сказанныя слова со всѣми оттѣнками и модуляціями голоса. Аппараты Берлинера передаютъ звуки весьма недостаточно, лишь звуки трубы достигали вполнѣ ясно. Удачнѣе дѣйствовала система Геллера, посредствомъ которой передавались слова со многими гласными, но во всякомъ случаѣ плохо. Полныя фразы нельзя было разослать посредствомъ этого аппарата.

Затѣмъ вмѣсто аппаратовъ Берлинера установлены микро-телефоны системы Блакъ-Белля между Хрустальнымъ дворцомъ и Обераммергау на разстояніи 80 километровъ, и при опытахъ получился вполнѣ удовлетворительный результатъ.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ:

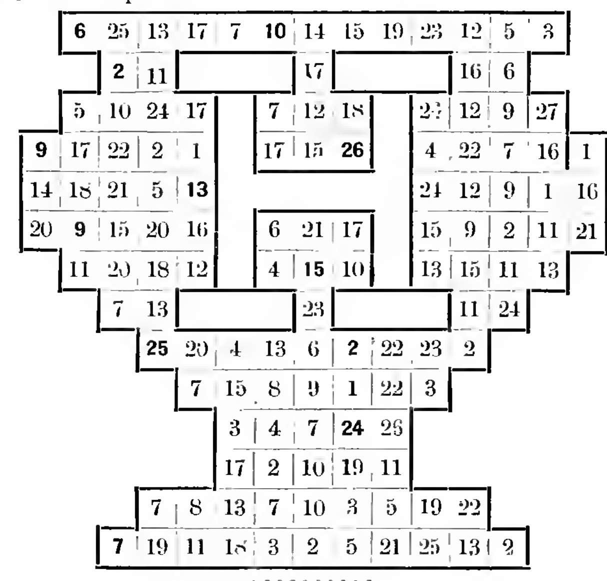
РЕБУСЪ. Задача № 78.

Задача буквъ № 79.

Изъ слѣдующихъ буквъ:
15 а, 2 б, 4 в, 3 г, 4 д, 10 е, 1 ж, 3 з, 8 и, 1 i, 6 к, 4 л, 3 м, 10 н, 5 о, 1 п, 9 р, 4 с, 5 т, 7 у, 1 х, 2 ч, 1 ш, 3 щ, 6 ъ, 1 ы, 3 ѣ, 3 я и 2 й составить 27 словъ:

1) Драгоцѣнный камень.
2) Безсмертная комедія.
3) Птица.
4) Часть лица.
5) Городъ въ Италіи.
6) Атмосферическое явленіе.
7) Произведеніе Лермонтова.
8) Рыба.
9) Біеніе валовъ о берегъ. (Морской терминъ).
10) Растеніе, считавшееся у древнихъ римлянъ символомъ веселья.
11) Адскія божества.
12) Извѣстный маэстро.
13) Металлъ, добываемый въ Бразиліи и въ уральскихъ горахъ.
14) Кушанье.
15) Порода змѣй.
16) Мужское имя (уменьшит.).
17) Турецкое знамя.
18) Названіе знака препинанія.
19) Названіе народовъ.
20) Украшеніе образа.
21) Ложное сообщеніе.
22) Рѣка во Франціи.
23) Названіе карты.
24) Городъ въ Австріи.
25) Предлогъ.
26) Союзъ.
27) Буква русской азбуки.

и затѣмъ буквы найденныхъ словъ, соотвѣтственно цифрамъ помѣстить въ клѣткахъ нижеслѣдующей фигуры, но такъ, чтобы получились имя и фамилія русскаго поэта и названія десяти изъ его стихотвореній. Цифры напечатанныя болѣе крупнымъ шрифтомъ означаютъ начало имени, фамиліи и названія каждаго стихотворенія.



Рамы для преміи „Нивы“ 1882 г.
„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“

Цѣна со вставленною и укрѣпленною, какъ всѣ масляныя картины, на подрамки наклеенною на полотно картиною, **5 руб.** — картины при требованіи рамы подписчиками возвращаются обратно и рамы выдаются уже со вставленною картиною.

Иногороднымъ высылается такая рама въ 4-хъ кускахъ за **9 руб.**, а составленная и готовая за **15 руб.** Подробности въ предъидущихъ №№.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ОПТИЧЕСКІЙ и МЕХАНИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

Г. БЕЛАУ И СЫНА,

Коммиссіонеровъ Министерства Государственныхъ Имуществъ,
СУЩЕСТВУЮЩІЙ съ 1816 года,

ПЕРЕВЕДЕНЪ

съ Невскаго проспекта, д. № 11, на **БОЛЬШУЮ МОРСКУЮ**, близь Гороховой ул., д. № 27, въ С.-Петербургѣ.
№ 2250 **Новый прейсъ-курантъ высылается безплатно.** 5 5

Поступили въ продажу во всѣхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ Россіи:

ЭДУАРДА ГОППЕ

I. КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ НА 1883 Г.

(ГОДЪ XII). (Eduard Hoppe's Abreisskalender) (ГОДЪ XII).

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

1) **Табель-Календаря,** 2) **Поваренной книжки,** 3) книжки **„Домашній врачъ".**
Цѣна: 75 к., съ перес. **1 р. 25 к.**; на вел. бум. **1 р.**, съ перес. **1 р. 50 к.**

II. КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ХОЗЯЕКЪ НА 1883 Г.

(ГОДЪ I). (Eduard Hoppe's Abreisskalender für Hausfrauen) (ГОДЪ I).
(На оборотѣ каждаго листка печатанъ мэню на слѣдующій день).

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

1) **Табель-Календаря,** 2) **Поваренной книжки,** 3) книжки **„Домашній врачъ".**
Цѣна: **1 р.**, съ перес. **1 р. 50 к.**; на велен. бум. **1 р. 25 к.**, съ перес. **1 р. 75 к.**
№ 2276 2—1 С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 53. Издатель **ЭДУАРДЪ ГОППЕ.**

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

Календари на 1883 г. изд. А. Гатцука,

удостоенные серебряной медали

КРЕСТНЫЙ 15 К.

Съ большимъ количествомъ рисунковъ, картою „Россіи" и „Азіи", и съ преміею **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ.**

КРЕСТОВЫЙ 10 К.

Съ рисунками и картой „Европейской Россіи" и „Азіи".
ПРЕДУПРЕЖДАЕМЪ ОТЪ ПОДДѢЛОКЪ.

ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ ИНОГОРОДНЫМЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ:

(Крестный) **До 1,000 вер.** на 1 р.—6 экз., 2 р.—13 экз., 3 р. 20 экз., 7 р.—52 экз., 15 р.—112 экз.
Свыше 1,000 вер на 1 р.—5 экз., 2 р—11 экз., 3 р. 18 экз., 7 р.—45 экз., 15 р.—100 экз.

(Крестовый) **До 1,000 вер.** на 1 р.—9 экз., 2 р. 20 экз., 3 р.—30 экз., 5 р. 55 экз., 10 р. 115 экз.
Свыше 1,000 вер. на 1 р. 7 экз., 2 р—17 экз, 3 р.—26 экз., 5 р. 50 экз., 10 р.—100 экз.

Гг. торговц. дѣлается уступка отъ **20** до **25**% съ рубля. Пересылка на счетъ покупат.

Адресъ Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. Гатцука.

Складъ календарей въ Москвѣ у книгопродавца **Ал. Дм. Ступина,** на Никольской улицѣ, домъ Заиконоспасскаго монастыря. № 2288

ПОДТЯЖКИ-СПАСИТЕЛИ
ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ ВЪ НИВѢ № : : СТР: : :
И ВЪ ОБЪЯВЛЕНІЯХЪ ВЪ НИВѢ № : : И : :
Г: ПЕТО КАРАВАННАЯ УЛ: 16
ВЪ С: ПЕТЕРБУРГѢ.
ЦѢНА 2 РУБ: ЗА ПЕРЕС: ПО ВСЕЙ РОССІИ 28 КОП:
ПОЧТОВ: МАРК: ПРОДАВЦАМЪ ЗНАЧИТ: СКИДКА!
№ 2253

Изданія А. Ф. Маркса въ СПБ

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписч. „НИВЫ" 1882 г., 80 к. съ перес. 1 р. 30 к.

Леченіе Падучей болѣзни, и отъ Солитера, въ Гигіенической Лечебницѣ. Владимірская улица, № 15. № 2284 2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1883 годъ

на большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ".

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:				Съ пересылкою въ города:			
На 12 мѣс.	8 р. 50 к.	На 6 мѣс.	4 р. 50 к.	На 12 мѣс.	9 р. — к.	На 6 мѣс.	5 р. — к.
„ 11 „	8 „ — „	„ 5 „	3 „ 90 „	„ 11 „	8 „ 50 „	„ 5 „	4 „ 60 „
„ 10 „	7 „ 50 „	„ 4 „	3 „ 25 „	„ 10 „	8 „ — „	„ 4 „	3 „ 70 „
„ 9 „	6 „ 75 „	„ 3 „	2 „ 50 „	„ 9 „	7 „ 40 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 8 „	6 „ — „	„ 2 „	1 „ 90 „	„ 8 „	6 „ 70 „	„ 2 „	2 „ — „
„ 7 „	5 „ 25 „	„ 1 „	1 „ — „	„ 7 „	5 „ 90 „	„ 1 „	1 „ 10 „

За границу: на 12 м. **17** р., на 6 м. **9** р., на 3 м. **5** р., на 1 м. **2** р.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва. Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина, въ отдѣленіи конторы - близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзинкина; въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ — Rue Clement, 4, Adam.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„Русскій Курьеръ".

№ 2289 10 1 Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

ПОЛНЫЙ СПИСОКЪ НАГРАДЪ ЭКСПОНЕНТОВЪ И УКАЗАТЕЛЬ ВЫСТАВКИ можно получать въ конторѣ „Полицейскихъ Вѣдомост." Цѣна съ пер. 1 р. Ц. № 2292 3—1

КАРТИНЫ

ПЕЧАТ. МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ,
СОБСТВЕН. ИЗДАНІЯ, ВЕСЬМА ДЕШЕВО
ДЛЯ ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ и ЭКСПОРТЕРОВЪ.
Новѣйш. иллюстр. каталоги даромъ и франко.
Берлинъ S. (Berlin S. Grimmstrasse 7). Карлъ Каулишъ (Carl Kaulisch).
Хромо - литографическое заведеніе и печатня.
St. № 2267 6—3

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

два первыхъ листа третьяго новаго изданія К. Далматова, узоровъ для вышиванія подъ названіемъ: **Дюжина національныхъ полотенецъ,** которые будутъ выходить по два въ мѣсяцъ. Цѣна за пару безъ пересылки 50 к., съ пересылкою 1 рубль. Адресоваться въ С.-Петербургъ К. Далматову, Обводный каналъ, домъ Гивкова № 05—4.

Первый альбомъ его узоровъ, состоявшій изъ 24 листовъ, на дняхъ выйдетъ въ значительно увеличенномъ форматѣ и съ прибавленіемъ четырехъ новыхъ страницъ узоровъ. Цѣна ему оставлена по прежнему: безъ пересылки 1 руб. 25 коп., но съ пересылкою назначается 2 рубля.

Второй альбомъ въ 20 листовъ продается безъ пересылки 2 р. 50 к., а съ пересылкою 3 рубля. № 2291 1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1883** годъ.

на большую ежедневную политическую, литературную и коммерческую газету

„НОВОСТИ"

и

БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА.

Газета „НОВОСТИ" выходитъ, **безъ предварительной цензуры,** ежедневно, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, полулистами или въ видѣ прибавленій и телеграфныхъ бюллетеней, если получаются важныя телеграммы. Форматъ газеты—самый большой изъ существующихъ у насъ газетныхъ форматовъ и заключаетъ въ себѣ 28 столбцовъ (по семи столбцовъ на страницѣ) или около 4,500 строкъ убористаго шрифта.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ С.-Петербургѣ:

На 12 мѣсяцевъ 9 р., 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р., 9 м.—7 р. 50 к., 8 м. 7 р., 7 м.—6 р. 50 к., 6 м. 6 р., 5 м.—5 р., 4 м. -4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

Въ другихъ городахъ:

На 12 мѣсяцевъ 10 р., 11 м.—9 р. 50 к., 10 м.—9 р., 9 м. -8 р. 50 к., 8 м.—8 р., 7 м.—7 р., 6 м.—6 р., 5 м.—5 р., 4 м.—4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

Заграницею:

На 12 мѣсяцевъ 18 р., 6 м. -10 р., 3 м.—6 р., 1 м.—2 р.

На другіе сроки подписка не принимается.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ, чрезъ ихъ казначеевъ, по третямъ, а для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ: для иногороднихъ 4 р. при подпискѣ, 3 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ іюня; для городскихъ: 3 р въ декабрѣ, 3 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ іюня. Разсрочка для неслужащихъ допускается по соглашенію послѣднихъ съ конторою. Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Письма и деньги адресуются: **въ С.-Петербургъ, въ контору газеты „НОВОСТИ" (Мойка № 90).** Р. № 2275 10—2

ПРОДАЕТСЯ У БЕССЕЛЯ ВЪ СПБ.

„ОДИНЪ ВАЛЬСИКЪ",

№ 2259 Соч. **С. Лауренбергъ.** Ц. 75 к. 2—2

!ОБРАТИТЕ ВНИМАНІЕ!

Коллекція **великолѣпныхъ** хромо-фотографическихъ портретовъ Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и В. К. Владиміра Александровича стоитъ вмѣстѣ

ВСЕГО ДВА РУБЛЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ

Адресъ: Въ Агентство Берлинской фирмы Гимерь въ Кіевѣ. № 2285 1 1

Шесть разъ получила первыя награды

СКРИПКИ

самыя лучшія и дешевыя, новѣйшаго времени, отъ 6—30 м., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 м. **Альты, віолончели** и **басы. Смычки** 1½—50 м. **Футляры** 3½—40 м. **Цитры** 16—300 м. **Гитары** 6—50 м. Превосходныя **струны.** Всѣ **духовые** инструм. **Патентованная нѣмая скрипка** для упражненій (собств. изобрѣтенія). **Мастерская для починокъ.** Реком. отъ Вильгельми, Саразате, Сора, Зингеръ и т. д. Гарантія. Перепродавцамъ—скидка. Прейсъ-куранты—франко.

Братья Вольфъ, фабрика струнныхъ инструментовъ. **Крейцнахъ.**

ВЫВОЗЪ ОПТОМЪ

Pt. № 2294 4—1.

Дозволено цензурою. СПБ. 3 ноября 1882 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5

ЛИТЕРАТУРЫ

XIII годъ | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ | годъ XIII

№ 46 | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ С—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 13 Ноября 1882 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Н. Н. Миклуха-Маклай.

Въ настоящее время Петербургъ и Москва находятся подъ живымъ впечатлѣніемъ разсказовъ, возвратившагося изъ продолжительнаго странствованія, извѣстнаго путешественника Николая Николаевича Миклухи-Маклая. Ровно двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Н. Н. представилъ въ географическое общество программу проэктируемаго имъ путешествія и вскорѣ затѣмъ уѣхалъ на корветѣ „Витязь" одинъ и на собственныя средства въ новую Гвинею — изъ группы Австралійскихъ острововъ. Выборъ его палъ на этотъ островъ и преимущественно на сѣверовосточный его берегъ потому, что онъ не былъ посѣщаемъ европейцами, отчего можно было ожидать встрѣтить на немъ бóльшую первобытность дикихъ племенъ. До Миклухи-Маклая только *Дампіеръ* и *Дюмонъ-Дюрвиль*, первый въ концѣ XVII столѣтія, второй въ началѣ нынѣшняго, проѣхали мимо Ново-Гвинейскихъ береговъ, не высаживаясь на нихъ. Г. Маклай не ошибся въ своихъ разсчетахъ. Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ онъ провелъ, совершенно одинъ, изучая преимущественно этнографію и анатомію, среди дикихъ племенъ Папуасовъ Новой Гвинеи, на берегу, названномъ имъ „берегомъ Маклая" и на противоположномъ, носящемъ наименованіе „Папуа-Ковіай". Г. Маклай посѣтилъ также Негритосовъ Филиппинскихъ острововъ, объѣхалъ Малайскій полуостровъ, гдѣ изучалъ племена орангутанговъ, лѣсныхъ людей, среди которыхъ распространено много мужества, и былъ на островахъ Малайскаго архипелага, Адмиралтейства, Ново-Гербидскихъ, въ Новой Каледоніи и другихъ, прилежащихъ къ названнымъ.

Н. Н. Миклуха-Маклай. Съ фотогр. Шапиро, грав. Барановскій.

Результатомъ многолѣтнихъ изслѣдованій г. Маклая являются весьма цѣнныя для науки рѣшенія вопросовъ касающихся папуасовъ, негритосовъ, малайцевъ и другихъ австралійскихъ и ближайшихъ къ нимъ азіатскихъ племенъ. Надо удивляться той неутоми-

мой энергіи, съ какой нашъ путешественникъ преслѣдовалъ свою цѣль, не смотря ни на какія препятствія. А препятствій было не мало; путешествовать приходилось очень медленно, большею частью пѣшкомъ или на шкунахъ по морю; питаться нужно было собственной охотой и жить въ дурно приспособленныхъ хижинахъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить незнаніе мѣстныхъ языковъ, враждебность населенія и разныя болѣзни, одолѣвавшія смѣлаго путешественника, одна изъ которыхъ послужила даже причиной нашего малаго знакомства до сихъ поръ съ изслѣдованіями г. Маклая. Именно, довольно долго страдая особенной мѣстной лихорадкой—*асии* во время которой распухаютъ суставы пальцевъ рукъ, г. Маклай вынужденъ былъ диктовать свои изслѣдованія на иностранныхъ языкахъ, такъ какъ, понятно, русскаго переписчика найти было невозможно. Поэтому-то труды г. Маклая и появлялись въ заграничныхъ журналахъ.

Туземныя, дикія племена, куда-бы ни пріѣзжалъ г. Маклай, встрѣчали его враждебно. Прибывъ на берегъ Папуа-Ковіай въ сопровожденіи шестнадцати спутниковъ папуасовъ, г. Маклай построилъ себѣ изъ пальмовыхъ листьевъ хижину и отлучился изъ нея однажды внутрь страны съ частью нанятыхъ имъ людей. Въ его отсутствіе туземцы напали съ такою жестокостью на его жилище, что не только разграбили его, но убили всѣхъ оставшихся при немъ людей, а одну дѣвочку даже изрѣзали на столѣ въ куски. Хотя Миклуха-Маклай и наказалъ предводителя племени, приказавъ схватить его и связать, что и было сдѣлано на глазахъ озадаченныхъ его рѣшительностью туземцевъ, но враждебность послѣднихъ была такъ велика, что всетаки заставила г. Маклая перебраться съ своими спутниками на близлежащій островъ Айдумъ.

Безпомощностью и своимъ „деликатнымъ“ обращеніемъ Миклухѣ-Маклаю удалось въ концѣ концовъ уничтожить враждебность туземныхъ племенъ и заслужить полное ихъ къ себѣ довѣріе. На берегу Маклая туземцы относились къ путешественнику съ такой вѣрой, что даже у нихъ сложилась поговорка „балапъ Маклай хузи“, что означаетъ: „слово Маклая одно“, т. е. вѣрно. Въ пріобрѣтеніи такого довѣрія г. Маклаю много помогло то обстоятельство, что туземцы считали его за существо сверхъестественнаго происхожденія, называя его „человѣкомъ съ луны“. Такое убѣжденіе сложилось потому, что однажды дикари видѣли около жилища Маклая зажженный имъ бѣлый бенгальскій огонь, своимъ свѣтомъ отчасти напоминающій лунный свѣтъ.

Авторитетъ нашего путешественника былъ такъ великъ, что г. Маклай могъ даже запретить туземцамъ частыя междоусобныя войны сосѣднихъ другъ другу племенъ. Поселившись на берегу Папуа-Ковіай, Миклуха-Маклай вселилъ своимъ присутствіемъ такое убѣжденіе въ безопасности туземнаго населенія со стороны сосѣдей, что дикари перестали даже вести кочевой образъ жизни и начали строить хижины. Изъ этого видно, какую пользу принесло дикарямъ пребываніе среди нихъ г. Маклая. Онъ стремился даже уничтожить невольничество, до сихъ поръ существующее на островахъ Тихаго океана, о чемъ писалъ Голландскому правительству, обѣщавшему принять всѣ мѣры къ искорененію этого зла. Заставъ дикія племена на самой низкой ступени развитія, неумѣющими добывать огонь, незнакомыми съ желѣзомъ, дѣлающими свое оружіе изъ камня, рога и кости, Маклай явился просвѣтителемъ ихъ въ этомъ отношеніи.

Облагодѣтельствованное г. Маклаемъ населеніе его берега свято хранитъ память своего просвѣтителя. Передъ своимъ отъѣздомъ въ 1880 году съ берега Маклая, путешественникъ призвалъ къ себѣ населеніе сосѣднихъ деревень, наставляя, какъ ему себя вести въ случаѣ пріѣзда въ эти мѣста бѣлыхъ людей. Такъ какъ въ числѣ послѣднихъ могутъ пріѣхать торговцы невольниками, то Маклай велѣлъ дикарямъ въ такихъ случаяхъ прятать своихъ женъ и дѣтей въ горы и сообщилъ имъ условные знаки, по которымъ они могли-бы узнать мирныхъ путешественниковъ. Туземцы были сильно опечалены отъѣздомъ Маклая и долго убѣждали его остаться. Какъ впослѣдствіи слышалъ нашъ путешественникъ, дикари свято исполняютъ его завѣтъ, и домъ, въ которомъ онъ жилъ, хранятъ неприкосновеннымъ. Ѣздившій въ эти страны путешественникъ, которому г. Маклай сообщилъ тѣ условные знаки, о которыхъ мы упоминали, едва послѣдніе были произнесены — былъ привѣтствуемъ туземцами крикомъ: Маклай! и принятъ вообще дружелюбно.

Какъ можно судить изъ лекцій, читанныхъ г. Маклаемъ въ Географическомъ Обществѣ и Соляномъ городкѣ, собранные путешественникомъ матеріалы полны самыхъ интересныхъ подробностей, касающихся жизни и нравовъ жителей Австралійскихъ острововъ, что по заслугамъ оцѣнитъ наука. Люди, какъ г. Миклуха-Маклай составляютъ славу своего отечества и русское общество должно гордиться, что изъ его среды вышелъ такой неутомимый и отважный изслѣдователь, котораго съ полнѣйшею справедливостью можно уподобить Палласу, въ концѣ прошлаго столѣтія по порученію Екатерины II путешествовавшему въ Сибирь, и Александру Гумбольту — въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Америку.

Ночь подъ снѣгомъ.

Разсказъ **Н. Н. Каразина.**

Въ почтовой землянкѣ собралась небольшая компанія невольныхъ собесѣдниковъ, а на дворѣ разыгралась одна изъ тѣхъ страшныхъ степныхъ мятелей, извѣстныхъ по всему сибирскому и средне-азіатскому краю подъ именами пурги и бурана.

Разыгрывающіяся на полномъ просторѣ безконечныхъ степей, не встрѣчая себѣ на пути никакихъ препятствій,—эти мятели достигаютъ ужасающихъ размѣровъ. Снѣжный ураганъ бушуетъ въ степи на страхъ и гибель всему живому, и горе путнику, котораго онъ застигнетъ не въ самой близи цѣли своего путешествія... Грозные признаки пурги обнаруживаются за часъ не болѣе до полнаго разгула стихіи, и опытные степняки дорожатъ каждою секундою времени, чтобы, или успѣть уйти до разгула, или-же, когда это за отдаленностью разстоянія положительно невозможно, приготовиться къ встрѣчѣ врага на мѣстѣ. Въ первомъ случаѣ не щадятъ конскихъ силъ и пускаютъ тройку въ карьеръ къ завѣтной цѣли, къ чернѣющимся вдалекѣ закопченнымъ кибиткамъ аула, или къ дымкамъ, на огонекъ — одинокой степной станціи. Сами животныя чуятъ опасность и не нуждаются въ кнутѣ; вытянувшись во всю длину, забывая усталость длиннаго перегона, словно не чувствуя тяжести саней и сѣдоковъ, они мчатъ во всю прыть, раздувъ ноздри, дико косясь на эту черную дымную полосу, грозно надвигающуюся отъ горизонта, на первые, пока еще одинокіе и незначительные снѣтные смерчи, тамъ и сямъ срывающіеся легкими пыльными винтами. И хорошо знаетъ опытный, косоглазый ямщикъ, что ежели хотя полверсты будутъ отдѣлять его отъ станціи въ моментъ налета перваго шквала, жизнь его уже не обезпечена, эти полверсты станутъ такою-же преградою, какъ и весь перегонъ, и только случай счастливый, да особенное, спасительное чутье стараго коня приведетъ его къ пункту спасенія. И не разъ случалось, что послѣ бурана, завалившаго степь горами, сугробами бѣлаго сверкающаго на солнцѣ снѣга, находили и отрывали замерзшихъ путниковъ, саженяхъ во ста, а то и менѣе отъ крытыхъ загоновъ и жилаго мѣста.

Но если предвидятъ буранъ въ такое время, что успѣть добраться до жилья нѣтъ никакой возможности, то тутъ уже приходится рисковать и *отсиживаться.* Главное дѣло—надо приготовиться къ отсиживанью и временному погребенію раньше, чѣмъ снѣжная мятель не сбила васъ съ дороги; иначе васъ не розыщутъ, если вы не въ силахъ будете послѣ откопаться сами. Къ отсиживанью приготовляются такимъ образомъ: выпрягаютъ лошадей и пускаютъ ихъ на волю, предоставляя ихъ своему собственному инстинкту самосохраненія,—эти-же лошади окажутъ вамъ большую услугу, явясь на станцію молчаливыми вѣстниками вашего несчастія. Затѣмъ опрокидываютъ сани, подрываютъ подъ ними снѣгъ, чтобы просторнѣе было, стелютъ тамъ свои одежды и войлоки и ложатся, предоставляя себя въ руки Провидѣнія. Безъ запасу съѣстнаго и питейнаго по степи никто не ѣздитъ, и случаи голодной смерти въ подобномъ положеніи вещь небывалая, тѣмъ болѣе, что рѣдко пурга гуляетъ подъ рядъ болѣе трехъ сутокъ, но что случаются такіе снѣжные наносы надъ мѣстомъ самопогребенія, что погребеннымъ, безъ посторонней помощи, выбраться на свѣтъ Божій уже невозможно, особенно если катастрофа случилась съ ними тогда, когда, упрямо борясь со снѣжнымъ ураганомъ, они, какъ я уже сказалъ,

сбились съ пути, съ той линіи, по которой, хоть изрѣдка, да проѣзжаютъ люди, по которой только и мыслимы какіе нибудь розыски. Вѣдь всю безпредѣльную равнину покрытой снѣгомъ степи не перероешь!

Такъ вотъ именно одна изъ такихъ страшныхъ мятелей и соединила наше маленькое общество на почтовой станціи большаго степнаго тракта, ведущаго отъ „Омска“ на „Семипалатинскъ“ и „Вѣрное“.

Въ то время трактъ этотъ не отличался особенными удобствами для проѣзжающихъ. Станціи—избы, съ просторными горницами и крытыми теплыми конюшнями, попадались рѣдко, и то когда приходились въ населенныхъ пунктахъ, или, южнѣе, въ казачьихъ станицахъ. Зачастую на мѣстѣ станціи были вырыты просто землянки для проѣзжихъ, для семьи казака-смотрителя и ямщиковъ. Простой камышевый заборъ обозначалъ мѣсто загона для неприхотливыхъ киргизскихъ лошадокъ, два три стога сѣна по близости, да колодезь солоноватой воды,—вотъ и всѣ принадлежности; и въ данномъ случаѣ, судьба заперла насъ именно на такой убогой станціи, „Ахметовскомъ полустанкѣ“, „Джаманъ-кудукъ“ тожъ.

Кромѣ меня самого, наше общество состояло изъ слѣдующихъ лицъ: областная акушерка Елена Ивановна, дама не такъ чтобы очень красивая, но еще не старая, лѣтъ за тридцать съ небольшимъ, довольно полная, румяная, съ большими, добрыми сѣрыми глазами и мило улыбающимся сочнымъ ртомъ, особа къ путешествіямъ дальнимъ, по своему ремеслу, привычная; мужчинъ не стѣсняющаяся, да и сама не стѣсняющая, домовитая даже въ дорогѣ, запасливая и привѣтливая, съ добрымъ словомъ на языкѣ, съ теплымъ участіемъ къ горю каждаго встрѣчнаго... Много она на своемъ вѣку видала, много испытала и чернаго, и краснаго, натура закаленная, но съумѣвшая сохранить въ себѣ всю прелесть и обояніе женственности, и даже небольшаго кокетства. Я ее и прежде знавалъ, когда она еще замужемъ была за военнымъ докторомъ; потомъ она овдовѣла, похоронила мужа, и хотя успѣла скопить себѣ за трудовую службу свою и мужнину небольшой достатокъ, но продолжала честно и дѣятельно служить своему дѣлу и была у всего степнаго населенія общею любимицею и гостьею почетною.

Попали сюда въ землянку и губернаторскій чиновникъ по особымъ порученіямъ, баронъ Онегоузенъ, изъ остзейскихъ рыцарскихъ потомковъ, изящный блондинъ съ длинными свѣтлорусыми бакенбардами и зелеными глазами; попали и два купца изъ Ирбита, Толченовъ да Моченовъ, купцы какъ купцы, одинъ постарѣе, другой помоложе: у одного полный дорожный погребецъ былъ рябиновки, у другаго полыновки, шубы у обоихъ лисьи, ширококонолыя, а подъ шубами барашковые полушубки... Казачій эсаулъ Гвоздевъ,—Иванъ Кузьмичъ, тоже мой старый знакомый, ѣхавшій на побывку съ мѣста боеваго служенія, сѣдоусый, коренастый мужчина, съ насупленными грозно сѣдыми-же усами и лысою головою, ну точно Тарасъ Бульба, или другой какой изъ типичныхъ героевъ былаго казачества. Былъ еще одинъ проѣзжій, котораго никто изъ насъ не зналъ, но объ которомъ я поговорю поподробнѣе, такъ какъ онъ давно уже служилъ предметомъ моего внимательнаго наблюденія.

Это былъ человѣкъ пожалуй еще и не старый, но съ перваго раза производившій впечатлѣніе старика пятидесятилѣтняго. Его голова была гладко острижена и формы умнаго, развитаго лба очерчивались ясно, выразительные темные глаза тонули въ глубокихъ синеватыхъ провалахъ, борода длинная съ замѣтною просѣдью, выраженіе лица кроткое, меланхолическое, словно таящее въ себѣ глубокое, неизлечимое, безвыходное горе. Онъ былъ въ наглухо застегнутомъ полушубкѣ, черезъ плечо котораго тянулся узенькій черный ремень дорожной сумки, и въ высокихъ валеныхъ сапогахъ: багажа съ нимъ было немного, всего только тощій чемоданчикъ, обвязанный накрестъ веревкою, и ѣхалъ онъ со станціи на станцію, какъ оказалось по сообщенію казака-смотрителя, съ случайными попутчиками, приплачивая за одну лошадь; сюда онъ попалъ на облучкѣ купеческаго возка, и очень смущался, что господа купцы не хотятъ съ него денегъ брать за дорожное продовольствіе. Отъ полынной-же и рябиновой отказывался на отрѣзъ, что заставляло купцовъ подозрительно коситься на своего страннаго попутчика.

Выбралъ онъ себѣ въ землянкѣ самое неудобное мѣсто, недалеко отъ входной двери, изъ которой немилосердно дуло и даже зашибало мелкою снѣжною пылью, и выбралъ, очевидно, съ цѣлью, предоставить другимъ лучшее. На Елену Ивановну онъ поглядывалъ особенно часто и особенно внимательно, и когда та предложила ему стаканъ чаю, то растерялся такъ, что взялъ стаканъ пальцами, оставивъ блюдечко въ рукахъ хозяйки. Отъ соблазнительной закуски, разложенной на синихъ листахъ сахарной бумаги и на обрывкахъ всевозможныхъ газетъ, забился въ уголъ такъ, что и вызвать его оттуда не было возможности, а четверть часа спустя, я своими глазами видѣлъ, какъ онъ, войдя въ землянку ямщиковъ-киргизовъ, съ большимъ апетитомъ похлебалъ невозможной бурды изъ мучной подболтки и вонючаго бараньяго сала,—значитъ голоденъ былъ изрядно.

Заговорить съ этимъ скромникомъ пытались всѣ, кромѣ губернаторскаго чиновника, который до этого не снисходилъ; больше всѣхъ приставали къ нему купцы и называли при этомъ „милымъ человѣкомъ“, а то и просто „сердешнымъ“.

Всѣ разговаривали весело, смѣялись, купцы даже пѣть начинали, да баронъ на нихъ посмотрѣлъ строго очень, они и притихли,—а этотъ, „милый человѣкъ“, не проронилъ до сихъ поръ ни слова, только все и знай поглядываетъ на нашу акушерку, да и то украдкою, чтобы другіе не очень замѣтили.

Выходилъ я къ смотрителю,—посмотрѣть, кто такой? Оказалось въ книгѣ, что съ купцами записанъ онъ „будущимъ“, то есть ровно ничего не оказалось.

А буранъ въ степи разыгрывался все сильнѣе и сильнѣе, и не только продолжать путь, но даже носа высунуть на дворъ не было ни малѣйшей возможности.

— Помилуй насъ Боже, помилуй! Что такое только дѣется! проговорилъ казакъ-смотритель, притащивъ намъ въ печку новую охапку кизяку для поддержки топлива. Я уже господа въ сѣняхъ снѣгу нагребъ въ кадку, въ случаѣ коли самовара не хватитъ, а то колодезь-то, вотъ онъ, въ двѣнадцати шагахъ всего, а поди доберись! пожалуй и назадъ не попадешь... Окошки-то занесло совсѣмъ, свѣту не видно!..

— У насъ такъ-то вотъ барскій лакей суповую чашу несъ изъ кухни въ ужину, да не попалъ на крыльцо, и назадъ не попалъ въ кухню, такъ и отыскали на другой день въ дровахъ. Сидитъ бѣдняга, уже остылъ совсѣмъ, и супникъ въ рукахъ держитъ... тряхнулъ волосами купецъ помоложе.

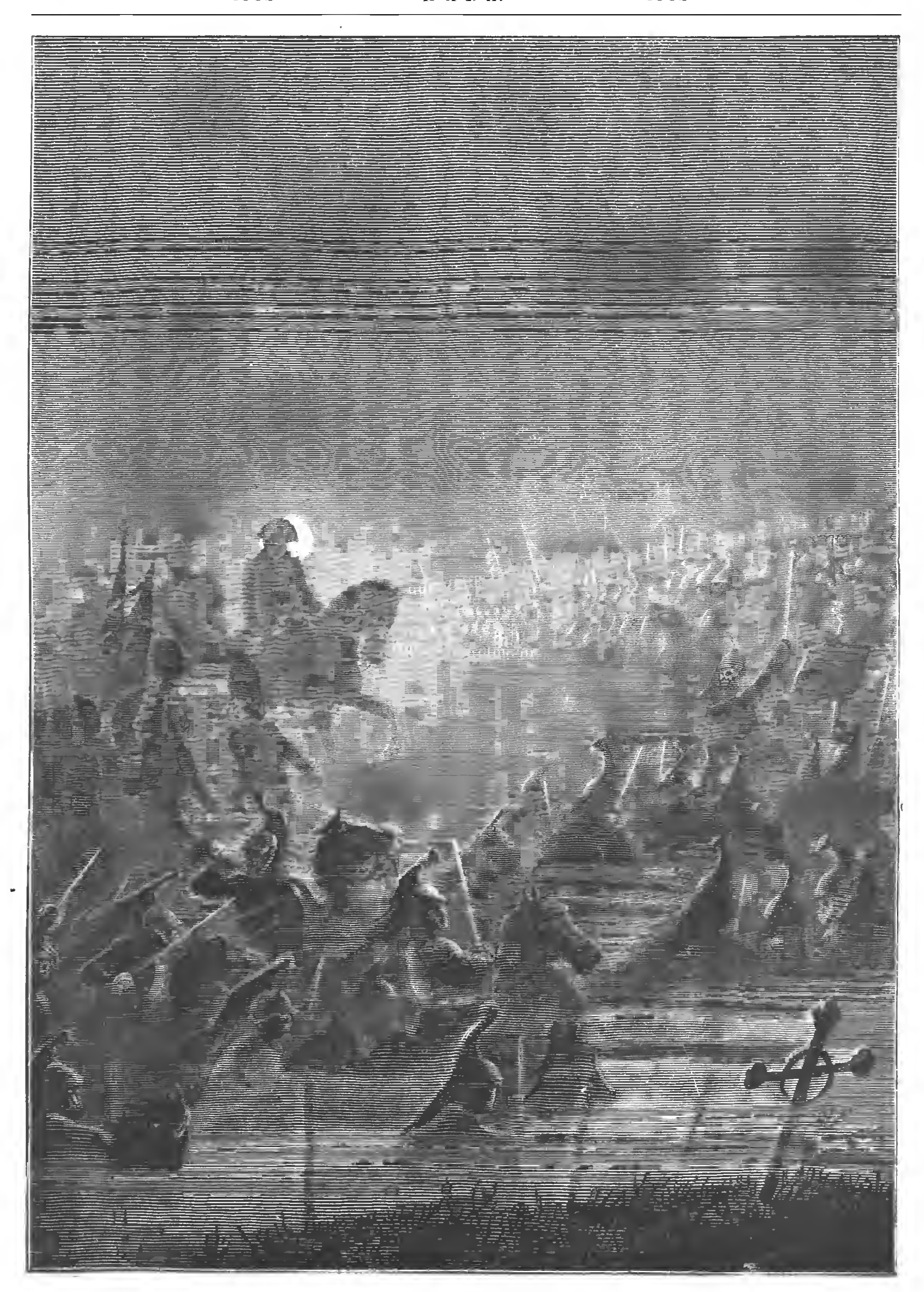
— А что-же, это бываетъ — подтвердилъ казачій эсаулъ.

— Я полагаю, что это уже изъ области фантастическихъ сказокъ, пожалъ плечами баронъ.

— Почему-же вы такъ полагаете? рѣзко обратился къ нему казакъ—на основаніи какихъ-такихъ соображеній?

— А вы попробуйте, „ваша милость“, — заговорилъ купецъ постарше,—за какимъ ни на есть дѣломъ, или такъ, для собственнаго времяпрепровожденія, прогуляться малость, хоть вотъ черезъ дворъ, до воротъ,—такъ оно сами увидите — какія-такія это сказки въявь выходятъ.

— Зачѣмъ-же я буду это пробовать, презрительно улыбнулся баронъ, скручивая папиросу.



Литературный альбомъ. „Ночной смотръ“, баллада Зейдлица, пер. В. А. Жуковскаго,
Ориг. рисун. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

Литературный альбомъ. „Утопленникъ", стих. А. С. Пушкина. Ориг. рисун. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

— Оно точно, — что не зачѣмъ. Это вы, ваша милость, весьма основательно изволили замѣтить.

— Въ прошломъ годѣ, заговорилъ смотритель, семья у насъ одна проѣзжала трактомъ, да попала вотъ этакъ же въ пургу... съ дороги-то сшиблись маненичко... занесло ихъ гора горою! Лошади-то пришли и ямщикъ пріѣхалъ верхомъ, а тѣхъ-то только на шестой день розыскали, да и то случай такой вышелъ, что замѣтили будто волки что-то все на одномъ мѣстѣ рылись да нюхали,—по ихъ рытью и нашли — женщина одна была, чиновница изъ Сергіополя, съ двумя дѣтками и мужемъ. Большаки-то пережили, отошли, какъ на станцію доставили, да теплымъ отпоили, а малолѣтокъ Господь прибралъ. Такъ-то!

— Это какъ Господь кому положилъ предѣлъ, такъ оно и быть должно! глубоко вздохнулъ купецъ постарше. — Кому въ огнѣ сгорѣть положено, кому въ водѣ утопною смертію погибнуть — кому какъ... И ты уже что хошь гордостью своею измышляй, а супротивъ предопредѣленія Божія ничего не подѣлаешь.

— Это онъ вѣрно! оживился товарищъ помоложе.— Семенъ Ивановъ—это ты какъ разъ!—У насъ въ Краснохолмскѣ, господа честные, и по сю пору живетъ, чаемъ торгуетъ Уточкинъ, купецъ первой гильдіи:— такъ что-же онъ сдѣлалъ! Забрался въ чистый понедѣльникъ съ товарищемъ на колокольню, къ часамъ звонить, дѣло то было еще съ угару масляничнаго, въ головѣ жернова мололи, кузнецы нажаривали... Вотъ забрались они, — Уточкинъ и говоритъ: — „что ты думаешь, другъ, коли мнѣ, купцу первой гильдіи, не положенъ такой предѣлъ, чтобы, съ колокольни ахнувши, жизнь свою положить, долженъ я разшибиться, али нѣтъ?—Коли не долженъ, такъ цѣлу мнѣ быть, ежели прямымъ трактомъ, а коли долженъ, такъ ты меня хоть подъ руки своди съ лѣстницы, а быть мнѣ внизу въ раздробленіи... Только онъ это сказалъ, да, перекрестимшись, и булдыхъ черезъ перила...

— Ну что-же? послышалось въ землянкѣ рядомъ нѣсколько вопросовъ.

Молчаливый собесѣдникъ и тотъ словно встрепенулся и приподнялъ голову.

— А ничего... Народу много внизу было, всѣ видѣли, какъ его съ карниза да объ карнизъ валяло, на зонтъ потомъ кинуло, да съ зонта объ земь. Два ребра сломалъ, печенку зашибъ, да ногу пониже колѣна пополамъ, а то живъ остался, выходился, таперича съ костылькомъ только гуляетъ... Недавно старостою церковнымъ обществомъ выбрали, потому куполъ позолотилъ на свой счетъ и крестъ на колокольню новый поставилъ...

— Это именно потому такъ и обошлось благополучно, объяснилъ баронъ, что вашего купца, какъ вы изволили выразиться, „съ карниза да объ карнизъ валяло“, и потомъ зонтъ помогъ тоже ослабить ударъ... иначе-бы...

— Да ужъ тамъ,—по тому-ли, по другому-ли, а все не безъ предопредѣленія...

— Я читала, у Лермонтова это есть, заговорила своимъ мелодичнымъ голоскомъ Елена Ивановна, что какой-то офицеръ тоже, испытывая судьбу, себѣ въ лобъ выстрѣлилъ, но пистолетъ осѣкся, а когда онъ второй разъ въ фуражку...

— Былъ у насъ сотникъ одинъ, перебилъ эсаулъ Гвоздевъ, — шибко ему не везло въ жизни. Влюбился бѣднята,—невѣста измѣнила, играть началъ,—продулся до нитки, запилъ горькую и порѣшилъ съ собою покончить... Только въ Бога онъ вѣровалъ и самъ на себя рукъ не хотѣлъ накладывать, а дѣло было въ Севастопольскую еще кампанію. Такъ вотъ стоитъ нашъ редутъ... (эсаулъ показалъ при этомъ на большой кусокъ швейцарскаго сыра), а такъ вотъ, впрочемъ немного поближе (тутъ онъ тронулъ рукою половину холодной жареной курицы и даже дѣйствительно пододвинулъ ее поближе къ сыру) — такъ вотъ французскіе ложементы, камнемъ рукою перешвырнуть можно было, не то что изъ ружья пулею. Сидѣли мы въ своихъ норахъ смирно—и стерегли другъ друга... Палецъ кто шутя выставитъ, назадъ не уберетъ.—готово! не то что выйти самому наружу... Вотъ этотъ самый сотникъ и надумалъ. Выйдетъ совсѣмъ на брустверъ, сготовитъ трубочку, ходитъ, да попыхиваетъ... Трескъ просто пойдетъ по французскимъ ложементамъ, дымомъ все застелетъ, а ему хоть-бы что! Ни одна шальная не задѣваетъ!.. Дня три такъ гулялъ, а потомъ французы стихли; изъ ихъ траншеи тоже вышелъ одинъ штабъ-офицерскаго званія. — Позвольте, говоритъ, мою сигару изъ вашей трубочки закурить!.. Руку пожалъ, карточку свою сунулъ и прочь пошелъ. Наши, конечно, француза того не трогали,— да и французы просили, письмо присылали, чтобы „*сетъ бравъ руссъ*“ больше не ходилъ, потому его трогать не приказано, что-же войнѣ-то мѣшать своимъ порядкомъ продолжаться?!.

— Потому предѣлу ему не было положено, чтобы отъ пули, обрадовался купецъ.

— Положимъ, что это все довольно странно, но все-таки я полагаю, что все это не больше какъ стеченіе обстоятельствъ, — принесъ и отъ себя баронъ лепту на общее времяпрепровожденіе,—со мною тоже было нѣчто въ этомъ родѣ. Я былъ однажды командированъ Его Превосходительствомъ, по очень важному и секретному дѣлу, а, главное, времени терять нельзя было ни одной секунды, потому что каждый лишній часъ могъ принести не мало трудныхъ политическихъ осложненій.

Баронъ пріостановился на минуту, чтобы всѣ мы могли всласть проникнуться смысломъ всего сказаннаго, уразумѣть сіе и отнестись съ должнымъ вниманіемъ и къ разсказу, и къ самому разсказчику.

— Да, на чемъ бишь я остановился?.. Да, поднялась мятель, вотъ такая-же, даже можетъ быть сильнѣе, а мнѣ ѣхать необходимо. Смотритель уговариваетъ, ямщики боятся и отказываются наотрѣзъ везти,—но мнѣ необходимо, понимаете-ли: „*необходимо*“! — Я вынимаю револьверъ и спрашиваю: „кто очередной ямщикъ“? Мнѣ указываютъ какого-то идіота, и я ему, приставивъ дуло пистолета ко лбу, говорю ясно и внушительно: „выбирай, негодяй, изъ двухъ положеній: — или ты не ѣдешь — и я все равно размозжу тебѣ голову, — или рискуй вмѣстѣ со мною и, въ случаѣ счастливаго перегона, золотой на водку“..! Идіотъ, понятно, рискнулъ и мы поѣхали... О это были часы долгіе, часы страшныхъ мученій, но энергія и сила воли взяли верхъ надъ стихіями, и я доѣхалъ благополучно...

— Вѣрно заметь была легонькая, — не то что вотъ какъ нонѣшняя, усумнился эсаулъ.

— Я говорю, настоящая, невозможная пурга, — какъ говорятъ по здѣшнему, настаивалъ баронъ.

— Сумнительно, ваше благородіе, вставилъ и казакъ-смотритель... Пурга-то вѣдь звѣрь; она, все равно какъ ураганъ лѣтомъ, она съ ногъ валитъ, верблюду не выстоять... она вѣдь, каторжная, сразу всю память, духъ весь изъ мозговъ вышибетъ... ошалѣешь!.. она...

— Значитъ не изъ всякихъ мозговъ духъ она вышибаетъ, какъ ты говоришь любезный, улыбнулся баронъ,— и, замѣтивъ, что Елена Ивановна потянулась зачѣмъ-то черезъ столъ, ловко пододвинулъ къ ней желаемое...

— А я господа отношусь къ пургѣ даже съ нѣкоторою признательностью, заговорила Елена Ивановна. Я вѣдь ей обязана двѣнадцатью годами счастливѣйшей жизни...

— Это какъ-же? полюбопытствовалъ баронъ.

— То-есть какимъ манеромъ? въ одинъ голосъ спросили купцы.

— Сообщите-съ, сударыня, пробасилъ, крутя сѣдой усъ, эсаулъ Гвоздевъ.

Я уже зналъ прежде эту исторію, а все таки придви-

нулся съ своимъ табуретомъ поближе. Даже молчаливый „сердешный" вдругъ встрепенулся и, широко раскрывъ свои кроткіе глаза, словно замеръ, затаивъ духъ, весь сосредоточившись въ одномъ напряженномъ вниманіи.

— Меня тоже разъ, давно это было, начала свой разсказъ Елена Ивановна, застигла на дорогѣ пурга. Это случилось на длинномъ перегонѣ, такъ что до станціи было верстъ двадцать, а лошади мнѣ попались прескверныя, усталыя, и ямщикъ—совсѣмъ мальчишка. Я хотя и слышала много страшнаго про эти самыя пурги да бураны, но самой лично испытать не доводилось... Я и не думала тогда объ опасности, опустила рогожи у кибитки и кричу ямщику: — пошелъ!.. А гдѣ тутъ гнать, ничего не видно!.. Сани то туда, то сюда швыряетъ, очевидно мы дорогу-то потеряли и попасть на нее не можемъ... Ямщикъ мальчишка озябъ, плачетъ, бросилъ возжи и ко мнѣ въ кибитку полѣзъ; кони стали... Вдругъ, прислушиваюсь я... колокольчикъ... брякъ-брякъ, — да близко, вотъ сейчасъ передъ нами... Наша тройка заржала и въ отвѣтъ слышу тоже ржутъ лошади... Это мы вплотную съѣхались, такъ и уперлись другъ въ друга... Кто-то подошелъ, подъ рогожу заглянулъ... Залѣпило снѣгомъ глаза, ничего путемъ не видно... Окликаетъ. Я отозвалась. — „Ахъ, это вы, говоритъ, по имени называетъ, а я признать не могу... Такъ, говоритъ, нельзя, такъ и жизнь покончить можно; а давайте уже „отсиживаться" какъ слѣдуетъ, вмѣстѣ... Что уже они послѣ со своимъ ямщикомъ дѣлали, какъ сани ворочали, какъ что. — я и не помню... Зябнуть я шибко стала; именно, что „пурга мозги отшибла".— Только оглядѣлась я уже когда все готово было. Лежимъ мы оба подъ возкомъ, снѣгу намело поверхъ, что темно стало,—и этотъ-то, Богомъ посланный, фонарикъ засвѣтилъ, все еще копается, войлоками обкладываетъ меня и говоритъ:

— А вы, голубушка, вотъ хлебните глоточекъ, — это очень помогаетъ въ данномъ положеніи. Я хлебнула— разговорились... Я говоритъ къ вашему папенькѣ, въ прошломъ году, въ фортѣ являлся; помните. — докторъ съ рыжею бородою? Вы мнѣ еще чаи подавали, ромомъ угощали? Я ему говорю: — какже-съ, теперь помню.— Только папенька мой померъ, а я теперь... Ну, однимъ словомъ, разговорились какъ слѣдуетъ...

Елена Ивановна покраснѣла слегка, потупилась, поправила пуховой платокъ на шеѣ и проговорила:

— А не хотите-ли, господа, еще по стаканчику?.. Я свѣжаго заварила чайку... Прикажете?

— Я бы готовъ вынести десять бурановъ подъ рядъ, чтобы быть на мѣстѣ этого доктора! плотоядно осклабился баронъ и, почему-то, пододвинулся поближе къ нашей хозяйкѣ, хотя всѣмъ намъ казалось, что онъ и безъ того сидитъ къ ней довольно близко.

Молчаливый собесѣдникъ очутился, какъ-то незамѣтно, тоже почти у самаго стола и въ данную минуту, судя по выраженію его лица, ничего и никого не видѣлъ и не слышалъ, кромѣ самой разскащицы.

Та тоже посмотрѣла на него особенно пристально, словно припоминая что-то, но, очевидно, ничего не припомнила — и занялась разливаніемъ чая по стаканамъ.

— Долго-ли отсиживаться пришлось? прервалъ молчаніе эсаулъ Гвоздевъ.

— Ахъ да!.. Я не помню хорошо, но вѣроятно дня два, немножко больше... Вотъ лимонъ... Положить кусочекъ?..

— О, я понимаю,—опять осклабился баронъ... счастливые часовъ, да что часовъ, и дней не замѣчаютъ... Чѣмъ же вся эта романическая исторія кончилась?

— А тѣмъ кончилась, рѣзко отодвинулась отъ него Елена Ивановна, что по пріѣздѣ въ городъ мы обвѣнчались, и двѣнадцать лѣтъ прожили вполнѣ счастливо... Вотъ чѣмъ это, господинъ баронъ, окончилось.

— Вотъ и опять пурга... и опять... заговорилъ молчаливый нашъ собесѣдникъ.

И заговорилъ такимъ глухимъ, подавленнымъ, нервнымъ голосомъ, что обратилъ на себя общее вниманіе... Началъ онъ было свою фразу и оборвалъ, не кончилъ, быстро спрятался въ свой уголъ, отвернулся и, ни съ того ни съ сего, заплакалъ. Заплакалъ тихо, беззвучно, но этотъ плачъ слышали всѣ, кромѣ барона, кажется...

(Окончаніе въ слѣд. №).

Периклъ, сынъ Ксантиппа.

(Изъ быта Іонійскихъ грековъ).

Разсказъ **Ганса Гоффмана.**

Въ Гастури, на островѣ Корфу, въ Троицынъ день, къ священнику Панагіотису Хризикопулосу принесли крестить дѣвочку, и не только родители—мѣстные поселяне, люди простые,—но и всѣ собравшіеся, въ большомъ числѣ, зрители, смотрѣли на эту дѣвочку съ особеннымъ вниманіемъ и участіемъ. Да правду сказать, было отчего: она появилась на свѣтъ послѣ двѣнадцатилѣтняго безплоднаго союза своихъ родителей, въ воскресенье, какъ разъ во время колокольнаго звона; въ тотъ-же самый день, даже, въ тотъ самый часъ, одинъ сосѣдъ, болѣвшій лихорадкою, почувствовалъ значительное облегченіе: одна женщина, вдругъ, нашла въ чулкѣ потерянную сережку, съ которою уже думала совсѣмъ распроститься; одинъ оселъ сорвался съ высокой скалы, но не причинилъ себѣ серьёзнаго вреда; тѣмъже, кто попробовалъ утверждать, что случай этотъ произошелъ еще за день—было немедленно единодушно доказано противоположное: нѣкоторые знатоки погоды предсказали, что весна будетъ хмурая, а теперь вышло совсѣмъ не то—на дворѣ стояло вёдро и солнце весело и ярко свѣтило повсюду. Впрочемъ, первый свой путь въ церковь дитя держало при отдаленномъ погромыхиваніи грома, точно при звонѣ небесныхъ колоколовъ; у самой двери дома, поперекъ дороги тихо проползла змѣя.

Дитя получило имя Каломиры и навсегда осталась „примѣчательностью" Гастурской общины. Вскорѣ вполнѣ оправдалось общее ожиданіе того, что на маленькомъ существѣ пребывала особая благодать. Новорожденная не только была одарена отмѣннымъ здоровьемъ, выдаваясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, красотою даже и въ Гастури, женщины котораго славились какъ красавицы, но она очевидно распространяла счастье на всѣхъ окружающихъ. Такъ, съ родителями ея произошла замѣтная перемѣна. Прежде они были извѣстны своею безпечностью, лѣностью и, не имѣя о комъ заботиться, кромѣ какъ о самихъ себѣ, жили неопрятно и бѣдно, а теперь, вдругъ, когда въ домѣ прибавился новый желудокъ, новый расходъ,—ихъ положеніе сразу изумительно улучшилось. Они стали хорошо одѣваться, хорошо и сытно ѣсть, привели домъ въ порядокъ, и, даже, ежегодно, послѣ собиранія оливковъ, начали откладывать нѣкоторую сумму денегъ.

Болѣе всѣхъ другихъ обратилъ вниманіе на эту перемѣну Панагіотисъ Хризикопулосъ, который, отъ природы, былъ очень умнымъ, прозорливымъ и доброжелательнымъ человѣкомъ. Онъ самъ, хотя и былъ родомъ изъ Корфу, гдѣ его отецъ и дѣдъ служили въ различныхъ мѣстностяхъ священниками, но—долгое время находился на сосѣднемъ островѣ Кефалоніи, и когда былъ перемѣщенъ въ свою теперешнюю общину, то, скоро, съ неудовольствіемъ, замѣтилъ, что его корфіотскіе земляки рѣзко отличались отъ прежнихъ его духовныхъ дѣтей и отличались далеко не въ свою пользу. Кефалонійцы всегда, по натурѣ уже, серьезны, трудолюбивы, дѣятельны и умѣютъ, прилежнымъ и настойчивымъ трудомъ, извлекать богатые плоды изъ скудной, каменистой почвы своей родины. Вообще, это тихій, очень религіозный народъ, которымъ можетъ всегда быть доволенъ и хорошій, заботливый хозяинъ, и добрый, ревностный пастырь. Совсѣмъ другое нашелъ Панагіотисъ въ своихъ гастурійцахъ, да и, впрочемъ, у всѣхъ остальныхъ корфіотовъ; весело и безпечно жили они день за день, съ благодарностью пользуясь продуктами необычайно плодороднаго отечества, насколько только возможно съ меньшимъ количествомъ труда собирая плоды, падающіе съ великолѣпныхъ своихъ оливковыхъ деревьевъ (они, даже, лѣнятся сбивать оливки), мирно пася своихъ овецъ на тучныхъ низовыхъ лугахъ, кое-какъ воздѣлывая, кое-гдѣ, тамъ и сямъ, виноградники или разводя огороды, боясь, опять-таки, тратить на это слишкомъ много труда. За то, съ особеннымъ усердіемъ и благолѣпіемъ, они справляли всѣ многочисленные праздники.

Ихъ типическія черты, отчасти легкомысленный характеръ, дѣлали ихъ несомнѣнными, прямыми потомками первобытныхъ

жителей страны, давали имъ полное право производить себя отъ древнихъ феаковъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, корфіоты, несмотря на эти свойства,—были всегда премилый и добродушный народецъ. О бѣдности у нихъ, при неисчерпаемомъ богатствѣ почвы, почти не было слышно. Однако, добрый Хризиконулосъ совѣтывалъ и желалъ имъ быть хотя нѣсколько трудолюбивѣе, да и поопрятнѣе; но, надо замѣтить, изъ любви къ истинѣ, что проповѣди его, направленныя противъ глубоко засѣвшей въ землякахъ страсти къ сладкому и пріятному ничего-недѣланію, не привели ни къ какимъ результатамъ; такъ-таки, будто онъ вовсе и не проповѣдывалъ о томъ.

И вотъ, замѣтивъ, что такая, выдававшаяся даже въ Гастури, по своей лѣности и безпечности, пара, какъ родители Каломиры, вдругъ сама собою рѣшительно вступила на добрый путь, онъ, весьма скоро, дойдя до причины, пришелъ къ мысли—нельзя-ли было-бы, при помощи подобнаго-же средства, незамѣтно, исподволь повліять на всю общину, обновить, улучшить ея нравы.

Для этого онъ воспользовался тѣмъ зародившимся въ Гастури повѣрьемъ, что маленькая Каломира—чудесный источникъ всякаго счастія и благополучія; стараясь искусственно упрочить повѣрье, добрякъ ловко устраивалъ разныя маленькія и удивительныя исцѣленія и чудеса, будто-бы совершавшіяся силою юной феи, а такъ какъ онъ далъ понять, что эта сила не оказываетъ вліянія только на дурныхъ людей, скрытныхъ злодѣевъ, то вскорѣ, во всей общинѣ, не нашлось ни одного человѣка, у котораго при приближеніи феи-Каломиры совершенно не проходилъ или насморкъ, или зубная боль, или боль головы и т. д. Само собою разумѣется, что Панагіотисъ, взявшій чудеса дѣвочки въ свое распоряженіе, всячески заботился о томъ, чтобы она не приходила въ соприкосновеніе съ серьезными болѣзнями.

Увидѣвъ, что повѣрье достаточно уже окрѣпло, Хризиконулосъ внушилъ своей паствѣ, что со стороны каждаго, воспользовавшагося помощью благодѣтельной Каломиры, было-бы прилично дѣлать ей небольшое приношеніе отъ плодовъ своего труда. Но, чтобы отъ того гастурійцы не терпѣли ни малѣйшаго убытка, необходимо было, по его мнѣнію, имъ время работы увеличивать понемногу каждый день—ну, хоть, тамъ, на одну, двѣ минуты, что-ли, и, такимъ образомъ, и собирать то самое количество земныхъ даровъ, ту самую жатву, какую собирали прежде, дабы она не уменьшалась.

Совѣтъ былъ принятъ всѣми; никто не рѣшался отказать Каломирѣ въ маленькой дани, чтобы не потерять и своей доли благодѣтельнаго вліянія дѣвочки. А это, въ свою очередь, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что всякій, прежде работавшій лишь настолько, чтобы удовлетворять необходимѣйшія потребности жизни,—теперь сталъ заботиться объ увеличеніи прихода и, боясь нужды, трудился съ такимъ прилежаніемъ, будто маленькій налогъ, установленный у себя гастурійцами, былъ вдесятеро значительнѣе. И вышло такъ, что Каломира, пользуясь добровольными приношеніями, въ самомъ дѣлѣ, совершила прекрасное чудо въ своей общинѣ. Съ каждымъ годомъ росло благоденствіе деревни, улучшалась и расширялась обработка полей; дома, да и сами жители становились опрятнѣе и изящнѣе. И вся эта перемѣна произошла, нисколько не убавивъ веселости народа, и не мѣшая ему, по прежнему, чтить и отправлять свои праздники.

Панагіотисъ Хризиконулосъ посмѣивался себѣ въ гордомъ сознаніи достигнутаго имъ успѣха; дитя-же сдѣлалось идоломъ всей деревни. Гдѣ она—юная и прекрасная—показывалась, тамъ прояснялись всѣ лица; если Каломира, рѣзвясь, пробѣгала тамъ, гдѣ люди собирали подъ деревьями оливки, то работа у нихъ шла еще живѣе, а когда случалось ей на минуточку остановиться, на одну минуточку (какъ, втайнѣ, училъ ее священникъ) и подарить трудившихся ласковой улыбкой, то казалось будто добрый геній сразу до краевъ наполнялъ корзины благороднымъ фруктомъ, затѣмъ, люди, съ благодарностью, цѣловали ея ручки и она весело принимала такія выраженія поклоненія.

Сверстники Каломиры оказывали ей также благоговѣйное почтеніе, но съ ними она была строже и, понемногу, становилась все требовательнѣе и требовательнѣе. Однажды, къ ея рукѣ приблизился маленькій, маленькій мальчонка, не совсѣмъ чисто одѣтый и, вообще, порядочный замарашка. „О, да развѣ смѣетъ такой поросенокъ цѣловать мою руку?“ воскликнула дѣвочка; обстоятельство это сильно повліяло на всю дѣтскую компанію и, съ тѣхъ поръ, никто изъ нихъ уже не подходилъ къ ней иначе, какъ въ опрятной одеждѣ и хорошо вымытымъ; а отъ дѣтей это перешло къ родителямъ.

Окруженная веселыми лицами, встрѣчая отовсюду одни радостныя привѣтствія, дѣвочка жила въ какомъ-то свѣтломъ мірѣ, улыбаясь всѣмъ и всему. Конечно, маленькое самолюбьице заговорило и въ ней, заставляло ее подымать носикъ и придавало ея дѣтской фигуркѣ нѣсколько забавную важность. Да и не могло быть иначе, при такомъ ея привиллегированномъ положеніи, когда она видѣла, чувствовала себя въ общемъ мнѣніи какою-то принцессою, какою-то феею?

Во время ея дѣтства съ нею случилось только одно несчастіе: ея родители умерли скоро одинъ за другимъ, въ минуту полнѣйшаго развитія своего благосостоянія. Священникъ Хризиконулосъ взялъ ее въ свой домъ, гдѣ до того жилъ съ своей женой бездѣтнымъ, и ревностно занялся воспитаніемъ дѣвочки: хотя и извѣстно, что греческіе сельскіе священники и не очень большіе ученые, но все же, по большей части, они умѣютъ хорошо читать и писать; выучилась немного этому искусству и Каломира.

Однажды мирно сидѣла себѣ—теперь уже десятилѣтняя—Каломира на зеленой травкѣ, подъ оливковымъ деревомъ, присматривая за своими овечками: тутъ же, рядомъ около нея стоялъ небольшой коробокъ съ апельсинами, поднесенными ей почитателями. Подошелъ какой-то мальчикъ, на нѣсколько лѣтъ старше ея и незнакомый ей, такъ какъ родомъ былъ изъ другой деревни, Беницци, расположенной въ другой сторонѣ, внизу, на морскомъ берегу. Но онъ ее зналъ (ея слава прошла далеко за предѣлы Гастури и, приблизился съ поклономъ, чтобы, согласно съ установившимся обычаемъ, выразить ей свое почтеніе поцѣлуемъ руки. Однако, по натурѣ, онъ былъ хитрецъ и немного-то вѣрилъ въ ея чудодѣйственную силу, или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что она можетъ оказывать свое вліяніе, можетъ годиться только въ Гастури. И подошелъ онъ къ дѣвочкѣ съ дурнымъ намѣреніемъ. Принявъ благочестивый видъ и приложивъ лѣвую руку, поочередно, къ груди и ко лбу, онъ правою быстро повыталкалъ изъ коробка апельсины, тотчасъ же исчезнувшіе въ карманахъ его шароваръ; а затѣмъ скрыгнулъ и съ громкимъ смѣхомъ бросился къ горной тропинкѣ.

Насмѣшливо глядѣлъ онъ на дѣвочку оттуда сверху; онъ былъ увѣренъ, что она придетъ въ страшную злобу, а ему хотѣлось видѣть какъ проявляется обыкновенная человѣческая досада у этой прославленной феи. Этого, однако, не случилось; дитя было, до такой степени, потрясено неслыханнымъ и безпримѣрнымъ насиліемъ надъ нею, что у нея даже не хватило и силъ для гнѣва, взволнованная—она безмолвно смотрѣла печальными глазами на своего обидчика, напоминая собою христіанскую мученицу, безропотно покорившуюся своей участи.

Странно и удивительно поразило это его; торопливо побѣжалъ онъ отъ этихъ грустныхъ дѣтскихъ глазъ и остановился только въ своей деревенькѣ, на берегу, у отцовскаго дома. Здѣсь, усѣвшись верхомъ на опрокинутую рыбачью лодку, онъ вытащилъ апельсины и съѣлъ ихъ съ такою поспѣшностью, какъ будто желалъ вмѣстѣ съ ними поскорѣе проглотить и охватившій его непонятный тайный страхъ. Не успѣлъ онъ еще окончить свою трапезу, какъ его увидалъ отецъ. Замѣтивъ апельсинныя корки и хорошо зная своего сынка, онъ заподозрилъ, что дѣло не совсѣмъ чисто.

— Периклъ—гдѣ ты, бестія, апельсины укралъ?

Грозное слово отца, обыкновенно, не оставалось безъ нѣкотораго вліянія на совѣсть юнаго Перикла; но на этотъ разъ оно сильно заставило заговорить уже, и безъ того, отчасти пробудившееся въ немъ раскаяніе, и хотя онъ ни въ чемъ не признался, но, внутренно, тѣмъ серьёзнѣе рѣшился вознаградить дѣвочку, насколько могъ, за причиненную ей обиду. Конечно, прежде всего, онъ считалъ себя обязаннымъ поднести ей, по меньшей мѣрѣ, такое же количество фруктовъ, какое у нея утащилъ. Это вѣдь, было вовсе не трудно: ему стоило только перелѣзть стѣну лучшаго изъ сосѣднихъ садовъ и нарвать тамъ плодовъ, сколько ему требовалось. Еслибы онъ былъ пойманъ за этимъ занятіемъ, то, несомнѣнно, получилъ бы здоровенное наказаніе, но—это еще было сносно. Онъ желалъ, для искупленія своей вины, сдѣлать что-нибудь, еще, кромѣ возвращенія фруктовъ, наложить на себя, такъ сказать, особенную эпитимію; но только не зналъ еще, въ чемъ она могла состоять, что̀ бы изобрѣсть такое?

Озабоченный этою мыслью, Периклъ, на другой день, побѣжалъ въ городъ Керкиру, надѣясь непремѣнно придумать, найдти что надо. Голова у него была находчивая, и онъ это зналъ за собою. Не даромъ и не безъ самодовольствія носилъ онъ имя Перикла; въ его памяти постоянно стояло будто золотыми буквами написанное изрѣченіе, заученное имъ въ школѣ: „Периклъ, сынъ Ксантиппа, отличался передъ всѣми эллинами мудростью, краснорѣчіемъ и многими гражданскими добродѣтелями.“

По этой причинѣ онъ постоянно и настойчиво звалъ своего отца Ксантиппомъ, не смотря на то, что его, просто на просто, звали Спиро, т. е. именемъ, весьма распространеннымъ на островѣ.

Периклъ пришелъ въ городъ. Бродя по узкимъ улицамъ, совершенно погруженный въ свое намѣреніе, онъ, вдругъ, увидалъ въ окнѣ одной лавки прелестную красную ленту, изъ тѣхъ, какія, обыкновенно, его землячки вплетаютъ себѣ въ косы; въ немъ родилось страшное желаніе, во что бы ни стало, овладѣть лентою и дать ее Каломирѣ, въ видѣ искупительнаго дара. Денегъ у него, однако, никакихъ не было, и онъ стоялъ теперь какъ вкопанный передъ окномъ, вперивъ взоръ въ избранный имъ предметъ.

Онъ не замѣчалъ, что неподалеку остановился какой-то господинъ въ европейскомъ костюмѣ и уставился на него съ явнымъ выраженіемъ удовольствія во взглядѣ и съ такимъ же пристальнымъ вниманіемъ, съ какимъ онъ самъ глядѣлъ все на ту же ленту. Наконецъ, незнакомый господинъ подошелъ къ

Антигона и Исмена. Съ картины Э. Тешендорфа, грав. Веберъ.

мальчику, и дружески хлопнувъ его по плечу, спросилъ—что это онъ разсматриваетъ такъ жадно. Периклъ, прямо и нисколько не стѣсняясь, попросилъ его купить ему ленту. Тотъ сейчасъ же согласился, но съ условіемъ, чтобы мальчикъ дозволилъ снять съ себя портретъ. Незнакомецъ объяснилъ, что онъ—итальянскій фотографъ и не только умѣетъ дѣлать портреты обыкновенныхъ людей, но и занимается изготовленіемъ прекрасныхъ картинъ изъ Священной Исторіи. Для этихъ картинъ, однако, онъ дѣлаетъ снимки съ натуры и именно со всѣхъ тѣхъ, чье лицо или фигура подходятъ къ типу того или другаго Святаго. И вотъ Периклъ, какъ разъ можетъ послужить ему образцомъ для картины, изображающей Іоанна Предтечу, такъ какъ онъ находится въ желательномъ возрастѣ—хотя еще и отрокъ, но и не очень далекъ уже и отъ юношескихъ лѣтъ.

Мальчикъ охотно предоставилъ свою особу для такой почтенной и почетной цѣли и, послѣ того, какъ итальянецъ передалъ ему ленту, послѣдовалъ за нимъ, чрезъ нѣсколько улицъ и лѣстницъ, въ его мастерскую. Тутъ ему пришлось немедленно же снять съ себя свой левантинскій костюмъ,—отъ фески и до остроконечныхъ башмаковъ; взамѣнъ того онъ былъ опоясанъ барашковою шкуркою, а въ руки получилъ длинный посохъ; но кромѣ того, художникъ совсѣмъ спуталъ его черные волосы; затѣмъ, утвердивъ позади его головы золотое сіяніе, онъ велѣлъ ему поднять его чудные глаза вверхъ и смотрѣть туда, не моргая; взглядъ мальчика принялъ нѣсколько лихорадочное выраженіе еще больше отъ страха, который онъ почувствовалъ при видѣ темнаго отверстія этой удивительной машины, направленнаго на него точь въ точь, какъ жерло пушки; не мало напугался онъ, услыхавъ также, что фотографъ что-то, при этомъ, началъ бормотать, произнося какія-то, вѣрно, кабалистическія цифры.

По окончаніи этой безмолвной пытки, Периклъ былъ отпущенъ съ теплой благодарностью и обѣщаніемъ, что, въ награду, получитъ экземпляръ фотографіи, для которой онъ позировалъ. Нѣсколько времени спустя, онъ пришелъ и получилъ обѣщанное; надивиться не могъ мальчикъ, узнавъ себя на картинкѣ.

Рано утромъ слѣдующаго дня, Каломира, выходя изъ дому, увидала на землѣ прямо противъ двери, цѣлый, искусно устроенный, холмикъ изъ апельсиновъ, на верхушкѣ котораго была положена обмотанная красной лентой картинка, изображавшая Св. Іоанна Предтечу; на другой сторонѣ оказалась надпись, смыслъ которой дѣвочка не могла тотчасъ уразумѣть; надпись гласила: „Периклъ, сынъ Ксантиппа, отличался предъ всѣми эллинами мудростью, краснорѣчіемъ и многими гражданскими добродѣтелями.“

Но такъ какъ Каломира не помнила лица того дерзкаго обидчика своего, чтобы имѣть возможность узнать его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ изображенъ въ фотографіи, не знала и его имени, да и забыла уже о самомъ событіи, то и не могла даже догадаться, что апельсины, лента и фотографія имѣли связь съ происшедшимъ съ нею случаемъ.

Она просто приняла имя Перикла за имя Святаго, предполагая, что то былъ какой нибудь миссіонеръ въ древнія, языческія времена, который еще въ отроческомъ возрастѣ совершилъ такіе подвиги, что былъ сравненъ съ Іоанномъ Предтечей. Надпись на задней сторонѣ фотографіи вполнѣ соотвѣтствовала характеру прекраснаго лица: этотъ тонко очерченный ротъ ясно говорилъ объ умѣ, о мудрости юноши, а большіе поднятые горѣ глаза—о пылкой, глубоко вѣрующей душѣ проповѣдника, умѣвшаго пламеннымъ словомъ обращать язычниковъ на путь истинный.

Каломира повѣсила изображеніе на стѣнку своей комнатки и такъ какъ надписи не было видно, то она и оставила всѣхъ въ убѣжденіи, что это Іоаннъ Предтеча. Ей очень льстилъ тотъ таинственный способъ, которымъ она его получила.

Спокойно протекло для Каломиры еще нѣсколько лѣтъ, однообразіе которыхъ не было нарушено никакимъ особеннымъ событіемъ. Но съ каждымъ днемъ увеличивалась ея красота, она становилась, понемногу, замѣчательной красавицей. Теперь, когда она входила въ возрастъ, то все болѣе и болѣе становилась предметомъ глубокой заботы для своей пріемной матери, Параскевулы, жены Панагіотиса. Она ясно видѣла то благосостояніе, которое принесло съ собой въ ихъ домъ это дитя, отмѣченное, по ея понятію и понятію всѣхъ остальныхъ, особенною благодатью; вмѣстѣ съ тѣмъ она также понимала, что благоденствію этому наступитъ конецъ, какъ скоро Каломира, подобно другимъ дѣвушкамъ, полюбитъ кого нибудь и изберетъ себѣ мужа, къ которому и перейдутъ съ нею всѣ благоговѣйныя приношенія гастурійцевъ. Чѣмъ болѣе добрая женщина думала объ этомъ, тѣмъ больше горевала она, такъ какъ, въ качествѣ хорошей хозяйки, до страсти любила честно добытый барышъ. Въ виду этого, она рѣшилась отдалить, насколько возможно, страшный для нея день и отвратить прелестную дѣвушку отъ мысли о бракѣ.

Вскорѣ Параскевула придумала очень хитрое и искусное средство, при помощи котораго вознамѣрилась добиться, чтобы дѣвушка и не вступая въ монастырь, посвятила себя безбрачію. Она объявила вдругъ, что ею овладѣли какія то дурныя предчувствія, вслѣдствіе чего просила дозволенія провести эту ночь въ церкви. На другое утро Параскевула разсказала, что видѣла во снѣ патрона Корфу, Св. Спиридона, возвѣстившаго ей, что счастье, которымъ одарена Каломира, пребудетъ съ нею только до тѣхъ поръ, пока она останется дѣвицей, пока не выйдетъ замужъ.

Вся община встрепенулась, рѣшивъ строго наблюдать затѣмъ, чтобы дѣвушка не лишилась чудеснаго дара, да и къ тому же, впрочемъ, оказалось вовсе не труднымъ уговорить самое Каломиру считать свое добровольное безбрачіе и для себя особою славою и гордостью, а также и обязанностью, такъ какъ только этимъ путемъ она могла удержать то блестящее положеніе въ народѣ, которымъ пользовалась и которое сдѣлалось для дѣвушки уже необходимостью. Она приняла спокойную рѣшимость переступить порогъ зрѣлаго возраста, не склоняясь на призывъ любви, оставляя безъ вниманія юношей и ихъ влюбленные взгляды и вздохи. Она вращалась, жила среди людей какъ мраморная богиня, чуждая земныхъ страстей, и ея холодный, безучастный взоръ не выражалъ ничего при видѣ статныхъ красавцевъ родного острова. Два, три года столь твердаго воздержанія дали ей право считать себя совершенно заколдованной противъ стрѣлъ бога любви. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалась съ каждымъ годомъ и самая опасность искушенія: ни одинъ юноша, при видѣ ея холоднаго лица, не рѣшался приближаться къ ней, иначе какъ съ благоговѣйно почтительнымъ взглядомъ, выражавшимъ суевѣрное уваженіе. Сердца ихъ молчали, потому что только надежда на взаимность рождаетъ любовь.

За то тѣмъ прочнѣе всюду установилась ея слава благодѣтельной феи. Ея одинокое, все больше и больше застывавшее въ равнодушіи къ людскому чувству, сердце наполнялось чрезмѣрною гордостью, а прелестныя черты утрачивали и юношескую миловидность и свѣжесть. Теперь какъ будто даже измѣнился и самый характеръ ея внѣшняго облика: она не была уже похожа на прежняго добраго, ласковаго генія, призваннаго распространять счастіе вокругъ себя, а, казалось, только щеголяла своею ролью, точно давала чувствовать, что изъ всѣхъ отличена и избрана для высшей, недосягаемой для другихъ обязанности.

Но были минуты, когда Каломира сбрасывала съ себя свое высокомѣріе и преисполнялась смиренія—тѣ именно минуты, которыя она посвящала созерцанію изображенія „святаго Перикла“. Она не переставала глубоко чтить его, преклоняться предъ нимъ.

Разъ, какъ-то въ одинъ изъ годовъ, въ деревнѣ Беницѣ случился неурожай винограда. Въ крайней нуждѣ, жители рѣшили обратиться къ помощи доброй гастурійской феи, „занять“ ее за извѣстную сумму у ея общины; начатые съ этою цѣлью переговоры привели къ желаемой цѣли Беница уплатила сто драхмъ Гастури и получила Каломиру къ себѣ на нѣсколько дней.

Беницкіе граждане съ такою торжественностью направились по узенькой тропинкѣ вверхъ, въ Гастури, какъ будто шли на церемонію перенесенія мощей Св. Спиридонія. Каломира была выведена имъ на встрѣчу и передана, но не иначе какъ подъ наблюденіемъ наиболѣе уважаемыхъ и почтенныхъ лицъ родной деревни. Она появилась въ бѣлоснѣжной одеждѣ и съ головы до ногъ убранная цвѣтами и листьями. Строго-прекрасное лицо ея облегала, какъ сіяніемъ, фата ярко желтаго цвѣта; глаза ея спокойно и безстрастно смотрѣли въ толпу—она, именно, глядѣла на толпу, на массу, не удостоивая вниманіемъ отдѣльныхъ людей. Въ ту минуту, когда процессія двинулась въ Беницу, женщины, дѣти, юноши, нестройною гурьбою окружили дѣвушку, силясь хоть только дотронуться до края ея платья и поцѣловать его. Болѣе счастливымъ удалось прижать губы къ ея рукамъ, которыя многія клали себѣ на голову.

Правда, нѣсколькимъ молодцамъ посмѣлѣе и хотѣлось ближе полюбоваться красавицей-феей, но и то они храбрились издали, когда же она прошла около нихъ съ своимъ безстрастнымъ лицомъ, и они почувствовали на себѣ ея холодный взглядъ, то рады были уйдти, только бы не видѣть эти безучастные глаза. Въ этой группѣ молодежи находился и Периклъ, называвшій себя сыномъ Ксантиппа. Онъ, вопреки своему обыкновенію и привычкамъ, стоялъ теперь въ сторонѣ и съ какимъ-то робкимъ видомъ: ему вдругъ припомнилась обида, которую онъ, когда-то въ дѣтствѣ, нанесъ Каломирѣ и воспоминаніе это болѣзненно сжало ему сердце. Но вотъ, его нашелъ и ея взглядъ, такъ какъ смотря черезъ головы толпы, она замѣчала не тѣхъ, что стояли ближе, а скорѣе тѣхъ, кто былъ отъ нея на болѣе далекомъ разстояніи: юноша тотчасъ же увидѣлъ, что холодныя глаза дѣвушки оживились, но въ этомъ оживленіи сказалось не доброе привѣтствіе, а скорѣе будто испугъ, удивленіе и что-то вопрошающее. Неизвѣстный юноша этотъ показался дѣвушкѣ какимъ-то давнимъ знакомымъ, но въ то же время она не могла отдать себѣ отчета—гдѣ и когда она видѣла его. Точно сначала сонъ ей показалъ его и повѣдалъ, что она его увидитъ, съ нимъ встрѣтится и на яву.

Вѣроятно Периклъ понялъ то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на дѣвушку; по крайней мѣрѣ, при первомъ же лучѣ, зажегшемся въ ея очахъ, для него она сразу перестала быть холодною статуею и, быстро протискавшись къ ней, онъ схватилъ ея руку и напечатлѣлъ на ней юношески-страстный поцѣлуй. Какъ ни была молода и неопытна Каломира, но все

тоже почувствовала, что этотъ поцѣлуй вовсе не похожъ на тѣ благоговѣйные поцѣлуи, которые ей давали ея обычные почитатели. Всѣмъ тѣломъ дрогнула дѣвушка подъ наплывомъ внезапнаго испуга и съ громкимъ крикомъ задернула фатой свое вспыхнувшее лицо.

Окружавшая ее почетная стража тотчасъ-же поняла въ чемъ дѣло; громко раздались бѣшеныя ругательства фанатическихъ приверженцевъ Каломиры, ихъ ярость быстро сообщилась всей толпѣ и прежде, чѣмъ Периклъ успѣлъ хорошенько придти въ себя, на него градомъ посыпались удары кулаковъ, палокъ и даже дубинъ. Можетъ быть, впрочемъ, эта расправа была вызвана не однимъ именно грѣхомъ, который юноша только что совершилъ тутъ, на глазахъ у всѣхъ: давно уже соотечественники точили на него зубы, давно уже онъ не пользовался ни ихъ расположеніемъ, ни особенно доброй славой среди ихъ. Понятно, почему всѣ дружно набросились на него; но онъ былъ сильнѣе и ловче другихъ; ударивъ одного по головѣ, увернувшись отъ дубины, направленной на него другимъ, растолкавъ нѣсколькихъ, попавшихся ему подъ руку, онъ выбился изъ облѣпившей, было, его толпы и быстро исчезъ въ оливковомъ лѣсу, широко раскинувшемся отъ самаго моря и вверхъ по холмамъ, у Гастури. Тѣ немногіе, которые погнались за нимъ туда, вскорѣ возвратились окровавленными, продолжая осыпать его бранью.

Гастурійцы уже успѣли тѣмъ временемъ увести свою фею назадъ въ деревню. Очутившись снова у себя въ комнаткѣ, Каломира немедленно подошла къ своему любимому изображенію и при первомъ-же взглядѣ открыла странное сходство между Перикломъ и дерзкимъ юношей изъ Беницы; грусть и раскаяніе охватили ея душу: вѣдь ей пришлось сознаться, что изъ-за нея досталось бѣдняку, что она была причиною зла, которое сдѣлали ему, такъ похожему на то изображеніе!

Чѣмъ больше глядѣла она на фотографію, тѣмъ сильнѣе говорила въ ней эта мысль; наконецъ, дѣвушкѣ нестерпимо сдѣлалось оставаться въ комнатѣ, точно душно стало ей; и почувствовавъ необходимость освѣжить свое пылавшее лицо, она пошла въ оливковый лѣсъ.

Пройдя довольно значительное разстояніе, она приблизилась къ уединенно стоявшимъ въ самой чащѣ развалинамъ одного дома, изъ тѣхъ, какія часто встрѣчаются на островѣ. Стѣны сплошь поросли густымъ плющемъ, повсюду, въ щели, между осыпавшимся рыхлымъ камнемъ, глядѣла дикая заросль. Каломирѣ захотѣлось отдохнуть тутъ, въ этомъ зеленомъ уголку, полномъ тишины и спокойствія и изъ котораго, сквозь стволы и листву деревьевъ, открывался красивый видъ внизъ подъ гору, вплоть до моря. Она только что собиралась опуститься на траву, когда вдругъ услыхала позади себя тихій стонъ, который сначала испугалъ ее, потому что очевидно не могъ исходить ни отъ кого иного, какъ отъ печальнаго духа, генія покинутаго дома. Каломира, впрочемъ, себя лично считала вполнѣ огражденной отъ демона и всякаго дьявольскаго наважденія: крестное знаменіе, которое она сотворила, тотчасъ-же придало ей мужества; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней родилось и любопытство: она рѣшилась сдѣлать шагъ впередъ и бросить взглядъ въ густо разросшуюся дикую траву и плющъ. Тамъ лежалъ какой-то человѣкъ; онъ былъ неподвиженъ и только его тихіе стоны показывали, что онъ живъ. Осторожно раздвинувъ траву, она узнала лицо Беницкаго юноши, такъ странно приковавшаго теперь къ себѣ ея мысли.

Первымъ ея движеніемъ было, какъ можно скорѣе, удалиться отъ этого человѣка: но тотчасъ-же ей стало ясно, что онъ лежитъ здѣсь не въ спокойномъ снѣ, а, вѣроятно, упалъ безъ чувствъ отъ побоевъ, къ тому-же совершенно одинъ, далеко отъ всякой помощи. „Нельзя и позвать-то никого“ — подумала она, — „потому что, вмѣсто помощи, я могла-бы причинить ему еще большій вредъ, еслибъ на мой зовъ прибѣжали его враги“.

То, что она теперь видѣла предъ собой, впервые, послѣ долгаго, долгаго времени, немного смягчило ея сердце, и изъ неясно сознаваемаго чувства жалости, она приняла твердое рѣшеніе сдѣлать что нибудь для несчастнаго, какъ нибудь помочь ему. Тихо выйдя изъ развалинъ, дѣвушка поспѣшила прямо домой. Здѣсь она положила въ коробокъ фруктовъ, вина, масла и другой провизіи и направилась, съ этими припасами, обратно; на улицѣ она сдѣлала видъ, будто идетъ навѣстить одного изъ деревенскихъ больныхъ: но, затѣмъ, юркнувъ въ первый проходъ между двумя домами, она быстро исчезла подъ тѣнью высокихъ деревьевъ.

Между тѣмъ, Периклъ пробудился отъ своего сна или, скорѣе, забытья; мало по малу придя въ себя, и припомнивъ все случившееся съ нимъ въ этотъ день, онъ принялся ощупывать свои изможденные члены, желая провѣрить насколько они избиты, или, пожалуй, еще и кое-гдѣ поломаны. Произведенный имъ осмотръ далъ, однако, утѣшительные результаты; хотя во всемъ тѣлѣ не было ни одного мѣстечка, которому-бы не досталось или тумака, или удара палки, но всѣ эти колотушки не причинили нигдѣ серьезнаго вреда, такъ что онъ могъ не только пошевелиться, но даже и приподняться, несмотря на тупую боль, отзывавшуюся всюду, съ головы до ногъ. Сильнѣе всего его начала мучить жажда и онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, добраться до какого нибудь ручья. Юноша приготовился уже оставить гостепріимную развалину и принялся было выбираться ползкомъ, какъ его тонкій слухъ уловилъ звукъ легкихъ шаговъ, и минуту спустя предъ нимъ предстала знакомая теперь фигура дѣвушки. Онъ съ радостнымъ удивленіемъ глядѣлъ на пробиравшуюся.

Сначала Периклъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ: однако, подобно геніальному полководцу, умѣющему сразу обозрѣть позицію непріятеля, угадать его намѣреніе, быстро составить, на основаніи того, свой собственный планъ и противопоставить его непріятельскому — находчивый малый моментально сообразилъ и приблизительно понялъ мотивы, руководившіе Каломирой, а потому замѣтивъ ясно написанныя на лицѣ ея нѣкоторую нерѣшительность и боязливость, поспѣшно, съ оханьями и стонами, вновь опустился на траву, какъ-бы совершенно лишившійся силъ отъ боли. Этимъ маневромъ онъ придалъ отчасти отороплѣвшей дѣвушкѣ рѣшимость и мужество подойти къ нему и приступить къ скромному дѣлу помощи.

Каломира, робко и осторожно, наклонилась надъ Перикломъ, который теперь, неподвижный и безмолвный — обратилъ на нее трогательно-безпомощный взглядъ, онъ хорошо понималъ, что могъ внушить своей самаритянкѣ довѣріе только разыгрывая передъ нею обезсиленнаго страдальца; глаза его приняли снова то лихорадочное выраженіе, какое имѣли на фотографіи: это еще болѣе усилило въ сердцѣ дѣвушки чувство состраданія къ нему и она уже смѣлѣе продолжала свое дѣло; вливъ ему въ ротъ нѣсколько капель вина, Каломира, потомъ, накормила его апельсинами, чѣмъ, по ея мнѣнію, подкрѣпила его достаточно для того, чтобы, далѣе, онъ уже могъ помочь себѣ самъ. Выложивъ около него изъ коробка всю принесенную съ собою провизію, она молча поднялась, чтобы уйдти и предоставить его собственнымъ силамъ, а также и силамъ природы. Но хитрецъ угадавъ ея намѣреніе, тотчасъ закрылъ глаза, какъ будто, вслѣдствіе новаго припадка слабости, опять впалъ въ безпамятство. Она остановилась, и, прислонившись къ стѣнѣ, молча уставилась на него. Периклъ, съ своей стороны, глядѣлъ на нее сквозь едва замѣтную щелку слегка пріоткрытыхъ глазъ, маскированную густыми и длинными рѣсницами. Прошло нѣсколько минутъ безмолвнаго взаимнаго созерцанія молодыхъ людей. Она, какъ изваяніе, стояла вся обрамленная плющемъ, онъ неподвижно лежалъ у ея ногъ.

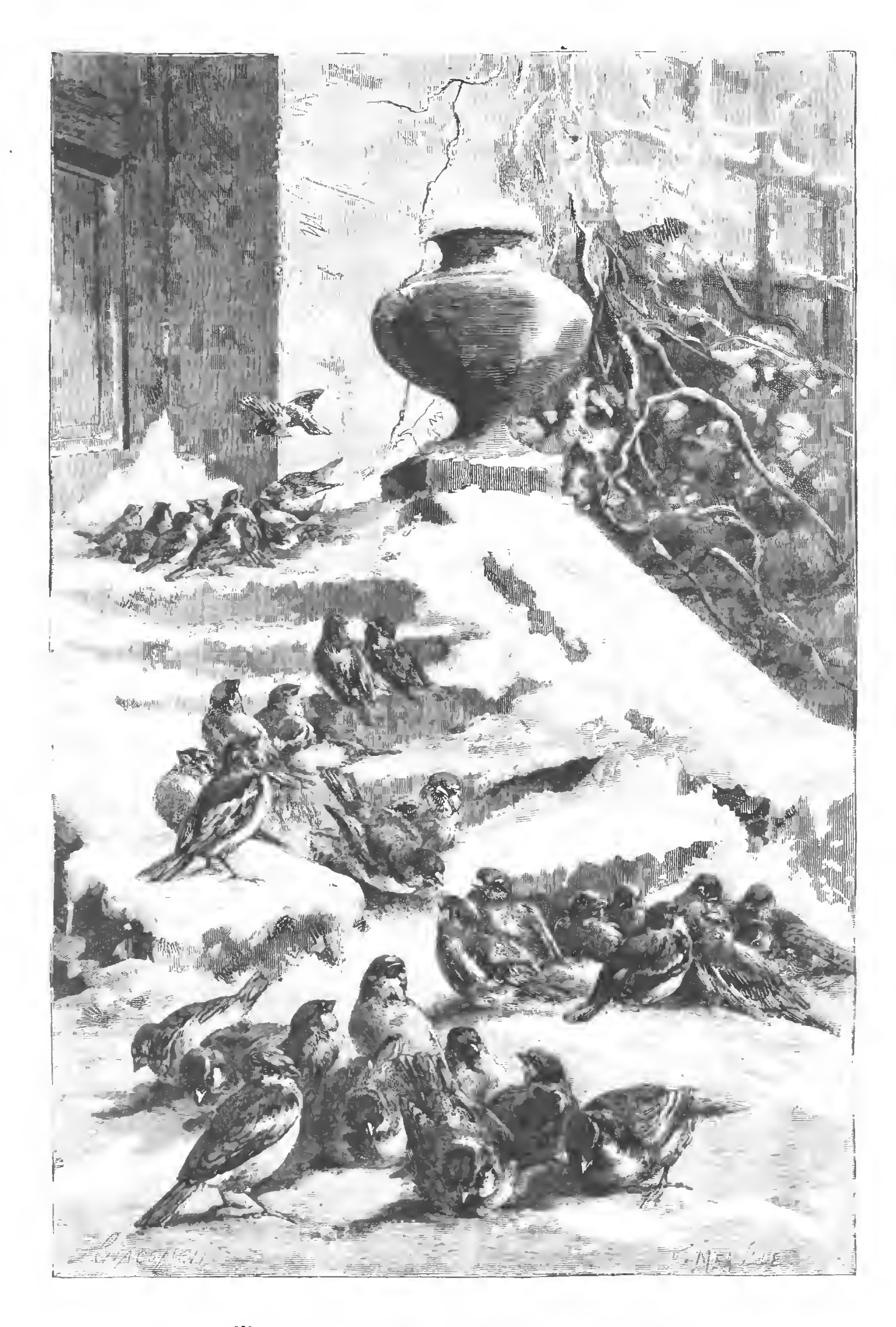
Каломира вдругъ удивилась сама себѣ — какъ не пришло ей до сихъ поръ въ голову испробовать на этомъ тяжко больномъ свою чудодѣйственно-врачующую силу доброй феи, силу, которая оказывала такое вліяніе на другихъ больныхъ? И она, снова принникнувъ къ нему, положила бѣлую ручку на его лобъ, шепча про себя святую молитву.

Больной оставался безъ движенія. Но, за то, она сама почувствовала, какъ, подъ вліяніемъ этого прикосновенія, ее охватило какое-то невѣдомо-сладкое ощущеніе; побороть его, стряхнуть съ себя она была не въ силахъ; кровь горячей волной переливалась въ жилахъ, стучала въ виски, лихорадочный трепетъ прошелъ по всему тѣлу; наконецъ, быстрымъ и сильнымъ движеніемъ, дѣвушка отняла свою дрожавшую руку отъ головы Перикла, рванулась и, вскочивъ на ноги, скоро скрылась изъ виду. Казалось, чудо совершилось болѣе съ нею, нежели съ ея паціентомъ.

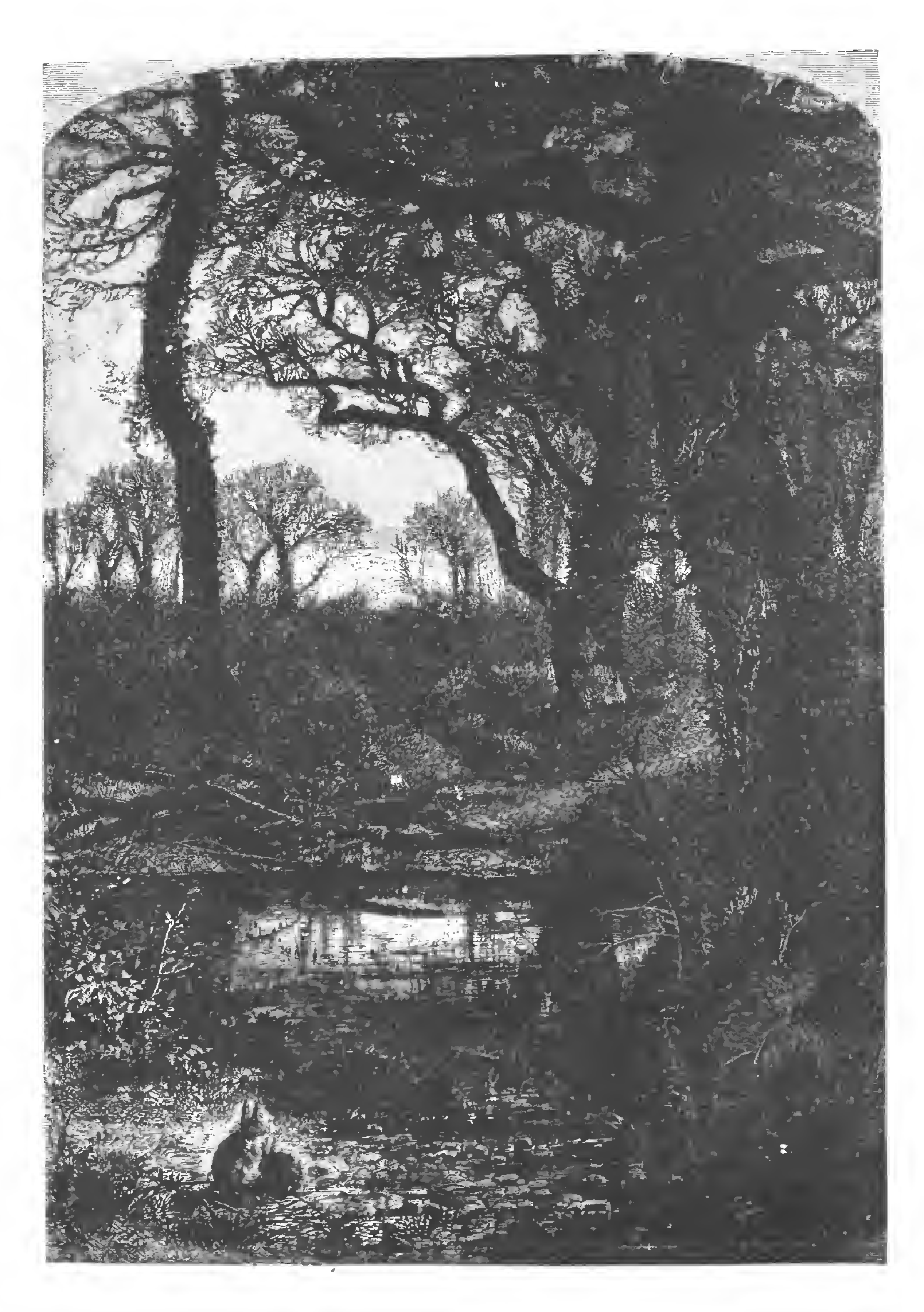
Вновь остался Периклъ одинъ съ своими мыслями. Во всякомъ случаѣ, онъ, теперь, чувствовалъ себя достаточно окрѣпнувшимъ, такъ что могъ-бы, безъ особаго затрудненія, подняться и идти, куда желалъ. Но онъ рѣшилъ, однако, остаться тутъ, и еще, въ продолженіи нѣкотораго времени, играть роль больнаго. Здѣсь, онъ нашелъ вѣрное убѣжище отъ своихъ разозленныхъ земляковъ, да и самое мѣсто было такое пріятное, такъ и манившее къ отдохновенію. Наступила уже весна и ночи сдѣлались теплѣе; хорошо было и днемъ, на солнцѣ, жаръ котораго умѣрялся тѣнью высокихъ масличныхъ деревьевъ и влажнымъ дыханіемъ моря, легкимъ вѣтеркомъ доносившимся сюда. Оттого-то и не хотѣлось ему уходить; развалину это онъ не промѣнялъ-бы на дворецъ.

Въ слѣдующіе два дня Каломира вновь приходила со свѣжимъ запасомъ провизіи; по прежнему, съ безмолвнымъ и спокойнымъ усердіемъ, выполняя свое дѣло около больнаго, она точно навѣщала осиротѣвшее дитя, которое становилось ей тѣмъ дороже, чѣмъ больше, въ своемъ одиночествѣ, оно нуждалось въ помощи.

Прошелъ и третій день, и дѣвушку начало брать раздумье, почему недугъ этотъ оказывается такимъ упорнымъ, нисколько не уступавшимъ ни ея цѣлебному присутствію, ни заботливому уходу. Въ ея чистой душѣ не могло зародиться подозрѣнія, что все это не болѣе какъ притворство, и ея состраданіе къ юношѣ настолько уже усилилось, что она вечеромъ того же дня приняла рѣшеніе разспросить его въ слѣдующій разъ о его страданіяхъ, думая, что можетъ быть тогда ей легче будетъ помочь ему. Но когда, на другое утро, дѣвушка снова остановилась передъ нимъ, его широко-раскрытые глаза уставились на нее съ такимъ сильнымъ выраженіемъ, что она совершенно растерялась и совсѣмъ забыла — съ чего хотѣла начать свои разспросы. Смущеніе ея длилось бы, вѣроятно, довольно долго, если бы юноша не сжалился надъ нею и не заговорилъ наконецъ первый.



Шумное собраніе. Рис. Жіакомелли, грав. Ф. Меоль.



Октябрьскія сумерки. Рис. И. Вудворта, грав. Борнъ.

— Прими мою благодарность, прекрасная наша покровительница! произнесъ онъ слабымъ голосомъ.

— Скажи—что съ тобою и чѣмъ могу исцѣлить тебя?

Больной помолчалъ съ минуту, какъ бы обдумывая что-то, и едва замѣтная легкая усмѣшка пробѣжала по его лицу.

— Земляки избили мое тѣло, но еще болѣе тяжелый ударъ они нанесли моей душѣ тѣмъ, что отогнали меня отъ тебя, тогда какъ я хотѣлъ только преклониться предъ тою, которая заслуживаетъ всякаго поклоненія. Страданіе, причиненное душѣ моей, сдѣлало меня слабымъ, какъ безпомощное дитя, и я теперь не въ силахъ двинуть ни однимъ членомъ. И я знаю только одно средство, могущее излечить меня: это—если ты будешь взирать на меня какъ на малаго ребенка и обращаться со мною, какъ ты часто обращаешься съ больными дѣтьми, когда ихъ матери не въ состояніи ихъ успокоить.

— Ну такъ я еще разъ положу тебѣ на голову руки, можетъ быть ты выздоровѣешь, быстро и съ робостью сказала она.

— Нѣтъ, возразилъ Периклъ,—ты это дѣлаешь съ взрослыми, а я теперь ребенокъ и тѣломъ и душею; мнѣ разсказывали, что ты успокоиваешь дѣтей тѣмъ, что цѣлуешь ихъ въ уста.

Онъ сказалъ правду и слова его, его желаніе страшно испугали ее; она подумала было строго, хотя и сдержанно отвергнуть это непристойное требованіе, но при видѣ молящаго, невиннаго, чисто дѣтскаго взгляда юноши, при видѣ его самого, лежавшаго тутъ безпомощнымъ и беззащитнымъ, въ ней съ новой силой заговорила жалость и въ то же время ей, какъ будто, почудился тайный, внутренній голосъ, настойчиво шептавшій совѣтъ—удовлетворить желаніе несчастнаго. А такъ какъ Каломира привыкла уже къ подобнымъ таинственнымъ откровеніямъ и считала себя избранною для нихъ, то не воспротивилась и на этотъ разъ поданному ей совѣту. Къ тому же ей пришло на мысль, что въ сущности никто и не увидитъ, и не узнаетъ, что тутъ, въ лѣсной глуши, произошло нѣчто, столь необычайное. Но—она поставила одно условіе.

— Поклянись мнѣ,—быстро, едва не глотая слова, произнесла она,—поклянись, что если ты выздоровѣешь, то сегодня же оставишь этотъ островъ и никогда болѣе не возвратишься, и въ такомъ случаѣ я сдѣлаю то, что ты хочешь и вылечу тебя.

Периклъ сначала грустно покачалъ головой, но затѣмъ опять незамѣтная, хитрая улыбка скользнула по лицу, и онъ заговорилъ радостнымъ голосомъ:

— Жестоко было бы съ твоей стороны, изъ-за этого, навсегда заставить меня уйдти на чужбину; я согласенъ обѣщать, что въ продолженіе года не преклоню голову здѣсь, на Корфу, и клянусь тебѣ Св. Николаемъ, покровителемъ всѣхъ моряковъ, что если ты исцѣлишь меня, то я сдержу свое обѣщаніе —сегодня же сяду на корабль; освободитъ же меня отъ этого обѣта только твое свободное согласіе.

— „Никогда не будетъ того“, подумала про себя Каломира, мысленно прибавивъ, что и года времени совершенно достаточно, чтобы придать забвенію такую мелочь. Опустившись на колѣни около больнаго, она приподняла фату, закрывавшую ея лицо, и боязливо склонилась къ его губамъ.

Дѣвушка никогда и не воображала, чтобы ея поцѣлуй могъ обладать такой удивительной цѣлебной силой: юноша, только что передъ тѣмъ лежавшій какъ пласть, вскочилъ теперь совершенно свѣжій и здоровый и, конечно, повинуясь неудержимому приливу искренней признательности, схватилъ красавицу въ свои объятія, осыпая ея ротикъ градомъ поцѣлуевъ.

Каломира совсѣмъ растерялась и очутилась какъ бы во власти молодаго человѣка, но чрезъ секунду въ ней проснулась гордая фея, та фея, то сверхъестественное существо, которому благоговѣйно поклонялся народъ; въ мгновеніе, собравъ всѣ силы, она такъ толкнула отъ себя исцѣленнаго, что тотъ отлетѣлъ къ самой стѣнѣ. Какъ олицетвореніе гнѣва, остановилась она передъ нимъ, съ пылающимъ лицомъ, съ поднятыми вверхъ руками, не будучи въ состояніи, въ своемъ волненіи, найдти слова укора, которыя ей хотѣлось бы бросить въ лицо обманщику. Но смущеніе ея еще было такъ велико, что въ эту минуту ей въ голову не могло придти ничего инаго, какъ одинъ вопросъ, который она давно уже намѣревалась ему сдѣлать и который уже всего менѣе былъ кстати теперь.

— Какъ твое имя? воскликнула она съ запальчивостью, въ которой слышался не совсѣмъ твердый гнѣвъ.

— Периклъ, сынъ Ксантиппа, отвѣчалъ онъ, гордо пріосаниваясь.

Эта неожиданность окончательно лишила ее всякаго самообладанія; на лицѣ ея выразился такой ужасъ, какъ будто она почувствовала, что подъ нею разверзлась земля и, не произнеся больше ни слова, она вдругъ бросилась бѣжать и скоро исчезла среди густой листвы.

Съ минуту Периклъ постоялъ молча, крайне удивленный тому эффекту, который произвело его имя; однако не въ его привычкахъ было задумываться надолго. Громко засмѣявшись, онъ крикнулъ вслѣдъ убѣгавшей:

— Периклъ, сынъ Ксантиппа, отличался передъ всѣми греками мудростью, краснорѣчіемъ и многими гражданскими добродѣтелями!

Возвратившись къ себѣ, Каломира злобно сорвала со стѣны фотографію—это обманчивое, ложное изображеніе, такъ какъ рѣшила принести ее въ жертву Святому, котораго осмѣлилась уподобить недостойному, наскоро разведя въ котелкѣ огонь, она дрожащею рукою бросила туда картинку, тотчасъ же охваченную пламенемъ. Еще разъ прочли ея глаза, среди огненныхъ языковъ, тѣ чётко выведенныя слова: „Периклъ, сынъ Ксантиппа“,—затѣмъ, бумага свернулась черной трубочкой, съ побѣжавшими по ней золотыми струйками и—разсыпалась пепломъ. Но дѣвушка тутъ же почувствовала такое сильное страданіе, что ей показалось, будто огонь коснулся ея собственнаго сердца. И изъ этого она заключила, что поступила какъ слѣдовало ей поступить и что была пора это сдѣлать.

Однако, ей пришлось скоро сознать, что въ одномъ отношеніи ея жертва не послужила ни къ чему: теперь еще яснѣе рисовался въ ея воображеніи—точно возродившійся изъ огня—живой оригиналъ портрета, чѣмъ сильнѣе и судорожнѣе закрывала она себѣ руками глаза,—тѣмъ явственнѣе и рельефнѣе вставала передъ ними стройная фигура.

Смущеніе и страхъ вновь овладѣли дѣвушкой: ей невозможно будетъ показываться людямъ, невозможно продолжать свою благотворную дѣятельность; она чувствовала, что самая ея непорочность и ея духовная сила подкошена. Тайный огонь жегъ ей сердце и уста, и то не былъ чистый огонь жертвенника.

Она было подумала идти и все разсказать Хризикопулосу, но ей тотчасъ показалось, что она уже видитъ его тонкую, насмѣшливую улыбку, слышитъ уже, какъ онъ, своимъ спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, говоритъ ей: „Ну и хорошо, такъ и откажись отъ положенія, которое ставитъ тебя выше другихъ; ты свое сдѣлала и свою награду уже получила; довольствуйся же отнынѣ удѣломъ обыкновенной женщины, какъ и всѣ остальныя“... Нѣтъ, она не спустится, не упадетъ съ своей выси, не дастъ себя низвергнуть оттуда... Она выполнитъ свою миссію.

Каломира рѣшилась потихоньку уйдти изъ дома и изъ деревни и обратиться къ отшельницѣ Анастасіи, у которой—какъ ей было извѣстно—не одна бѣдная дѣвушка находила и совѣтъ, и утѣшеніе. Быстро собравъ кое-какіе подарки для монашенки, она направилась чрезъ масличный лѣсъ, внизъ, къ маленькой Каліопулосской бухтѣ, гдѣ нѣкогда находилась знаменитая гавань древнихъ корцирянъ. Въ глубинѣ этого, теперь заросшаго тиною и тростникомъ заливчика лежатъ два небольшихъ островка, изъ которыхъ каждый обладалъ своей святыней—часовней и небольшой пустыней; на меньшемъ изъ обоихъ острововъ, въ мирѣ и тишинѣ, жила достойная инокиня Анастасія. Къ ней прямо и переправилась съ берега Каломира и ей, съ вздохами и рыданіями, покаялась во всемъ, что произошло, разсказала всю свою бѣду, передъ нею излила свою печаль о томъ, что дарованная ей благодать теперь уже непремѣнно оставитъ ее, потому что и она сама не чувствуетъ въ себѣ мужества, не сознаетъ себя достойною отправлять свое высокое назначеніе, послѣ тѣхъ страстныхъ поцѣлуевъ, данныхъ ей мужчиною.

Когда дѣвушка кончила свою исповѣдь, Анастасія, сдернувъ съ ея лица фату, уставилась на нее такимъ строго-неумолимымъ и пытливымъ взглядомъ, что та покраснѣла еще больше и заплакала горькими слезами.

— Такая бѣда стрясалась не надъ тобой одной,—сказала старица,—приключалась она и съ другими честными дѣвушками, но вреда большаго оттого не происходило, если только дѣло было скрытно и не разнесено молвой между людей. Такъ и тебѣ будетъ не трудно очиститься отъ грѣха покаяніемъ, коли сотворенъ онъ противъ твоей воли и желанія. Но если ты хочешь, сначала, въ уединеніи успокоить свое смущенное сердце, то оставайся тутъ у меня на нѣсколько дней, а не то и на нѣсколько недѣль, смотря какъ будетъ надо. Я дамъ тебѣ горенку, наверху надъ моей; тамъ ты живи тихо, молись, гляди себѣ на море. Но въ случаѣ разстройство и печаль твои сердечныя не улягутся, такъ значитъ въ самомъ дѣлѣ твой недругъ злѣе, чѣмъ сама думаешь, ну тогда и серьезнѣе мѣры примемъ, чтобы излечить тебя.

Инокиня произнесла эти слова съ легкой усмѣшкой. Каломира, поцѣловавъ ея руку, смиренно просила дозволить ей пробыть тутъ, въ обители, пока не успокоится возмущенный духъ ея. Анастасія дружески возвратила поцѣлуй и свела ее вверхъ по лѣсенкѣ, въ низенькую комнатку, все убранство которой состояло изъ простой деревянной кровати и небольшой скамейки. Оставивъ гостью одну, она затѣмъ спустилась внизъ, гдѣ еще ждалъ лодочникъ; ему она велѣла отправиться въ Гастури и передать священнику о томъ, куда удалилась его пріемная дочь. Старица была напередъ увѣрена, что и онъ, и всѣ другіе, зная гдѣ дѣвушка находится, будутъ совершенно спокойны.

Изъ своего маленькаго окошка Каломира смотрѣла вслѣдъ отплывавшему лодочнику; но она увидала и еще кое-что, она увидала, что отъ островка, называвшагося „Пантократоръ“, а также и „Кораблемъ Одиссея“, отчалила ладья, быстро направившаяся къ той, которая доставила ее къ Анастасіи: въ лодкѣ сидѣлъ какой-то мужчина; онъ догналъ лодочника и, нагнувшись къ нему, произнесъ, какъ казалось, нѣсколько словъ, а потомъ медленно поплылъ назадъ, къ своему острову. Каломира не могла разсмотрѣть его лица. Она знала, что тамъ, въ маленькой пустынѣ жило всего два монаха и ее удивило, что почтенные отшельники, обыкновенно проводившіе время въ

строгомъ и уединенномъ созерцаніи, внезапно возгорѣлись любопытствомъ узнать—кто пріѣхалъ въ гости къ ихъ сосѣдкѣ. Она не могла иначе объяснить себѣ тотъ краткій разговоръ, который произошелъ, хотя и тамъ вдали, на ея глазахъ.

Наступила ночь, звѣзды ярко замигали на темномъ небосклонѣ, отражаясь въ спокойномъ зеркалѣ воды; изрѣдка надъ поверхностью вспригивала рыба, подымая золотые всплески; повсюду стояла глубокая, непробудная тишь. Тогда только постигла Каломира разумность совѣта, даннаго ей старицей,—глядя на море: она чувствовала, какъ миръ и спокойствіе вновь возвращались въ ней.

Выплылъ мѣсяцъ; его блестящій свѣтъ напомнилъ о солнцѣ и всей дневной суетѣ. Каломира удалилась въ темный уголъ, стала на колѣни и углубилась въ молитву: ея волненіе еще не достаточно улеглось для сна.

Вдругъ снизу, съ моря, до ея слуха донеслась звонкая пѣсня: голосъ показался ей знакомымъ, она угадала и смыслъ, и значеніе словъ: то была одна изъ тѣхъ пѣсенъ о любви и земныхъ радостяхъ, которыя такъ любила пѣть мѣстная молодежь. Ей часто доводилось, въ прежнее время, слышать такія серенады подъ окнами сосѣднихъ молодыхъ дѣвушекъ, и всегда она относилась къ нимъ съ своимъ обычнымъ пренебреженіемъ; но этотъ голосъ такъ звученъ, такъ полонъ страсти и нѣги!.. Да, сегодня эти звуки возбуждали въ ней совсѣмъ иное. Они страшили ее. Но дѣвушка боролась съ собою, она хваталась за надежду, что это было не болѣе, какъ обманъ чувствъ, или что нереиды, выплывавшія наружу въ этотъ поздній часъ, дразнили ее своимъ пѣніемъ, чтобы отуманить ей голову и отвлечь отъ дѣла, которому она была посвящена съ дѣтства. Ей конечно было извѣстно, что нереиды чудно-хороши собою и даже вовсе не злыя, а скорѣе добрыя, но только онѣ недружелюбны къ христіанамъ. Однако къ окну она не посмѣла возвратиться, а осталась на колѣняхъ; такъ дѣвушка и простояла, пока не почувствовала, что не успокоиться ей въ эту ночь. Тогда она поднялась и поспѣшила къ инокинѣ.

Та еще не ложилась, но слегка уже начинала дремать, перебирая четками, а потому не слыхала пѣсни съ моря. Разбудивъ ее, Каломира наскоро сообщила ей о новомъ искушеніи.

Анастасія покачала головой.

— Почему ты думаешь, что это нереиды? И для чего имъ пѣть мужскимъ голосомъ? А мнѣ такъ скорѣе кажется, что просто на просто сюда пріѣхалъ тотъ юноша, отъ котораго ты бѣжала и теперь поетъ свои пѣсенки.

— Это невозможно, возразила Каломира,—онъ поклялся мнѣ!

— Ну, такъ, значитъ, нарушилъ свою клятву, спокойнымъ тономъ произнесла отшельница.

— Нѣтъ, нѣтъ! горячо воскликнула дѣвушка, онъ не сдѣлалъ этого, не могъ сдѣлать, это невозможно!

— Да отчего же ты такъ увѣрена? Мало ли мужчинъ забываютъ свои клятвы, когда онѣ стоятъ поперекъ ихъ желаній.

— Нѣтъ, этотъ—не такой! Онъ не можетъ быть клятвопреступникомъ! Мое сердце мнѣ громко говоритъ, что я обязана ему вѣрить.

— А-ахъ, бѣда дѣвушкѣ, если уже сердце начинаетъ ей говорить что нибудь! произнесла Анастасія, грустно поникнувъ головою. Вотъ что—ты оставайся тутъ, сговорись съ своимъ сердцемъ, а я возьму лодку, да поищу въ этой ночи твоихъ нереидъ, и задамъ же я имъ!..

Съ этими словами инокиня встала и, закрывъ лицо бѣлой фатой, вышла изъ дому; отвязавъ на берегу лодку и усѣвшись въ нее, она сильной и привычной рукой, направила ее вокругъ островка; ей пришлось ждать не долго: скоро изъ ночной мглы показалась другая лодка, быстро поплывшая ей навстрѣчу; когда обѣ поровнялись, пловецъ, вдругъ бросивъ весла, въ страстномъ порывѣ, протянулъ впередъ руки, какъ бы желая ее обнять.

Храбрая Анастасія грозно подняла одно изъ своихъ веселъ и быстро откинула фату; луна освѣтила ея лицо: это было аскетически и строго-прекрасное лицо, но отнюдь не молодое и не соблазнительное, вдобавокъ, въ эту минуту гнѣвъ придалъ ему страшное выраженіе.

— Клятвопреступникъ! крикнула она ему.

Периклъ быстро оттолкнулся отъ лодки инокини. Онъ понялъ, что она знаетъ его тайну.

— Нѣтъ, матушка, ты ошибаешься—моя клятва не нарушена. Я обѣщалъ, что въ теченіе цѣлаго года не преклоню головы на Корфу, и держу свое обѣщаніе—потому что я никогда теперь не сплю тамъ, а ночи провожу вонъ, на Пантократорѣ, у двухъ монаховъ,—Пантократоръ вѣдь не Корфу; если же днемъ и показываюсь на островѣ, то въ этомъ клятва мнѣ нисколько не препятствуетъ.

Анастасія же тотчасъ сообразила, съ какимъ ловкимъ и шустрымъ парнемъ имѣетъ дѣло, и ей стало страшно за дѣвушку. Не желая больше затрагивать вопроса о клятвѣ, она строгимъ голосомъ спросила его:

— Зачѣмъ преслѣдуешь ты нашу дѣвственницу? зачѣмъ смущаешь ея душу? Она не желаетъ и знать тебя.

— Если Каломира не желаетъ меня знать, то чѣмъ же могутъ смущать ея душу пѣсни, что я на вольномъ морѣ пою? Да и почему она думаетъ, что я обращаюсь именно къ ней? Однако я вижу, что она къ нимъ все таки хоть немножко прислушивается, и это я принимаю добрымъ знакомъ. Хорошо я знаю, отчего ея сердце волнуется и противъ самого себя идетъ: ей желательно попрежнему стоять выше всѣхъ въ нашей сторонѣ, не хочется терять всю почесть, воздаваемую ей, оттого она и прячется отъ любви и отъ меня, который изъ-за нея пошелъ противъ обѣихъ деревень, сдѣлавшихся моими врагами и преслѣдующими теперь меня. Надоѣло мнѣ это, я усталъ и, слушай, скажу тебѣ, что я намѣренъ сдѣлать, чтобы какой нибудь конецъ вышелъ. Я этой гордячкѣ предлагаю снять съ меня мое обѣщаніе, а вмѣсто прежняго я дамъ ей другое, которое меня вѣрнѣе свяжетъ. Прошу тебя, передай ей, что гдѣ бы она ни была,—здѣсь ли, или въ другомъ мѣстѣ—она не перестанетъ слышать мои пѣсни, пока не согласится на мое предложеніе. Мнѣ теперь жизнь—не въ жизнь безъ нея и ея любви, но все таки я не уйду отсюда, не извѣдавъ счастья еще хоть на мгновенье. И скажи ты ей: пусть меня поцѣлуетъ еще разъ—и пусть то будетъ послѣдній разъ. А потомъ я поклянусь Всемогущимъ, что никогда нога моя не ступитъ туда, гдѣ будетъ она, никогда я не приближусь даже къ тому мѣсту, и буду я отъ нея такъ далекъ, какъ мертвецъ, сошедшій въ преисподнюю,—если только сама она не придетъ ко мнѣ и по своей волѣ не сниметъ съ меня ту клятву. Таково будетъ мое обѣщаніе, и ты передай ей мои слова. Но—я требую, чтобы все было въ эту же ночь, и послѣ того я уйду, разстанусь съ Каломирой, потому—горитъ моя душа и такъ желаетъ ея, что не хочу я не найду спокойствія ни на берегу, ни на морѣ, пока не утолю желанія.

Подозрительно глянула ему въ лицо инокиня, когда онъ кончилъ, въ сомнѣніи была она—выполнить ли ей просьбу его. Но, затѣмъ, сообразила, что въ затруднительныхъ случаяхъ всегда лучше бываетъ принять какое нибудь рѣшеніе и прямо идти на опасность; что если дѣвушка твердо стоитъ въ своемъ намѣреніи, то одинъ поцѣлуй большаго вреда ей не сдѣлаетъ, если, согласно обѣщанію юноши, она больше его никогда не увидитъ. Въ случаѣ же онъ нарушитъ свою клятву, то возбудитъ въ ней такое презрѣніе къ себѣ, что ему останется только со стыдомъ скрыться съ глазъ ея. Ну, такъ я сдѣлаю по его, хотя все еще хорошенько-то ему не довѣряю, прибавила Анастасія про себя.

Молча кивнула ему инокиня въ знакъ согласія, и они молча поплыли бортъ о бортъ къ островку; она позволила ему причалить, но съ тѣмъ только, чтобы онъ ждалъ на берегу, пока она войдетъ въ домъ, переговорить съ дѣвушкой.

Довольно долго пробылъ онъ одинъ, въ своемъ тяжеломъ раздумьи; вокругъ, повсюду, и на морѣ и до самыхъ горъ, стояла тихая, глухая тишина, такое безмолвіе, что казалось, онъ былъ единственнымъ живымъ существомъ тутъ, въ этомъ будто вымершемъ мѣстѣ; въ душѣ его тверда была рѣшимость, которая легко и изъ него могла сдѣлать живой трупъ.

Наконецъ, инокиня появилась—ведя за руку Каломиру. Лицо дѣвушки было закутано фатой.

— Желаешь сдѣлать то, о чемъ прошу тебя, такъ подними фату, чтобы я могъ принести свою клятву предъ твоимъ открытымъ лицомъ.

Дѣвушка молча повиновалась, откинула фату за плечи и Периклъ увидалъ ея личико, блѣдное какъ лилія. Дрожащимъ голосомъ произнесъ онъ клятву, ту самую, которую передалъ Анастасіи. Потомъ, обнявъ возлюбленную и страстно прижавъ ее къ себѣ, онъ сталъ цѣловать ее въ губы и глаза; крупными жемчужинами катились тихія слезы съ ея длинныхъ рѣсницъ, но она отвѣчала на его поцѣлуи, отвѣчала, потому что знала, что больше никогда его не увидитъ на землѣ. И не будь ея гордыни, и не будь у нея ея высокой обязанности—она навсегда бы отдалась ему и не выпустила бы его изъ своихъ объятій.

Извѣдавъ еще разъ, какъ ему хотѣлось, краткій мигъ блаженства, Периклъ быстро подошелъ къ самому краю берега и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Теперь я выполню то, въ чемъ поклялся и даю еще одно обѣщаніе. Я сказалъ, что никогда нога моя не ступитъ туда, гдѣ ты будешь находиться, Каломира. Къ этому я прибавляю и клянусь въ томъ всѣми святыми, что никогда нога моя не ступитъ на твердую землю—ни на материкъ, ни на островъ, ни даже на корабль, а отнынѣ я отдаюсь водѣ, пусть меня носитъ, пока можетъ. Если уже тебѣ слава твоя дороже моей любви, то я лучше желаю умереть, чѣмъ не быть любимымъ тобою. И теперь разстаюсь я и съ тобою, и съ землей навсегда; только ты одна можешь освободить меня отъ этой клятвы, если призовешь меня къ себѣ.

Съ послѣднимъ словомъ прямо бросился въ море и быстро поплылъ отъ острова. Женщины испустили громкій крикъ испуга; Каломира упала на колѣни.

— Жаль мнѣ этого любящаго и смѣлаго юношу, заговорила Анастасія, нѣсколько оправившись отъ волненія,—вѣдь, каждое движеніе его рукъ приближаетъ его къ смерти; и, встань, я не могу придти къ нему на помощь, потому что его клятва связываетъ и меня самое. Пойду въ мою церковку и помолюсь о его и твоей душѣ.

Каломира, какъ была, такъ и осталась на колѣняхъ, съ ужа-

сомъ слѣдя за плывшимъ, она понимала какъ тяжела была для него клятва его; а онъ, между тѣмъ, смѣло плылъ, подаваясь все скорѣе, и скорѣе впередъ, какъ будто стремясь къ желанной цѣли. Минута шла за минутой; Каломира не двигалась, будто окаменѣлая въ своемъ безпомощномъ страхѣ. Да, она знала, что могла его спасти, только она одна въ цѣломъ свѣтѣ, вотъ теперь, еще въ эту минуту—но тогда онъ будетъ освобожденъ отъ своей клятвы, тогда ей пришлось-бы отдаться его власти, она чувствовала, что больше не будетъ въ состояніи противиться ему. Тогда, предъ лицомъ своего народа, она была-бы измѣнницей своей обязанности, недостойною дарованной ей благодати, и съ того времени она не посмѣла-бы никому взглянуть въ глаза,—и это тамъ, гдѣ она до сихъ поръ гордо и высоко держитъ голову!

При этой мысли ею овладѣлъ подавляющій страхъ, страхъ мрачной, грозной кары за отступничество, тотъ страхъ, который внушаетъ приближающаяся буря. Чувство чего-то невѣдомо ужаснаго, съ силою вихря, вырвало изъ ея души всѣ другія мысли. Тяжкое испытаніе принесъ ей этотъ часъ, невыносимымъ бременемъ легло на нее сознаніе того призванія, къ которому она была предназначена, и охотно отдала-бы она весь почетъ, всю славу свою, лишь-бы ей было прощено нарушеніе ея тайнаго обѣта.

Она насильно закрыла глаза, чтобы не видѣть то ужасное, что происходило теперь на морѣ, конвульсивно прижала руки къ лицу и приникла пылающимъ лбомъ къ холодному камню. Ей почудилось, будто она услыхала стонъ, полный смертельной тоски и горя,—то былъ стонъ, вылетѣвшій изъ ея собственной груди и показавшійся ей чужимъ, долетѣвшимъ до нея оттуда, съ моря. И, противъ воли, быстро вскочила она снова на ноги и безумными глазами уставилась вдаль, на того, затеряннаго въ пустынномъ морѣ, человѣка.

Онъ отплылъ уже на такое разстояніе, что ему трудно было-бы возвратиться, еслибы онъ и желалъ, —ему не хватило-бы для этого силъ. А между тѣмъ, онъ плылъ все дальше и дальше; она ясно видѣла спокойные и правильные взмахи его рукъ, взмахи, которые неуклонно приближали его къ смерти. Море неподвижно лежало, въ сіяніи лунной ночи; теперь оно было совершенно безлюдно: нигдѣ—ни корабля, ни лодки, ни вообще какого-бы то ни было судна. Все еще голова его виднѣлась надъ гладкою поверхностью воды, но, вотъ, она исчезла. вѣроятно слабость, усталость сковала члены... вотъ онъ показался снова — только на мгновенье... можетъ быть то была попытка—сократить мученіе медленной смерти.

Но это мгновенье было послѣднимъ мгновеніемъ борьбы измученной дѣвушки съ самой собою.

— Пресвятая Дѣва! накажи меня, но дозволь мнѣ спасти его! Ты видишь — онъ безъ меня, вѣдь, погибъ-бы! помолилась Каломира. Она прыгнула въ лодку и лихорадочно начала грести, быстро уменьшая разстояніе, отдѣлявшее ее отъ плывшаго юноши. Громко раздался надъ водой ея крикъ, призывавшій его имя, и онъ услыхалъ, повернулъ къ ней лицо, но все таки продолжалъ плыть дальше, сдерживая свою клятву до конца. Все скорѣе и скорѣе неслась и близилась ладья къ живой цѣли, и съ каждой секундой росли силы смѣлой дѣвушки — и наконецъ, она — около него и протянула ему свои руки; онъ успѣлъ схватиться за нихъ и подняться черезъ бортъ, но тотчасъ-же упалъ на дно лодки блѣднымъ, безжизненнымъ тѣломъ. Каломира бросилась къ нему и начала страстно цѣловать его холодныя губы, думая, какъ тотъ разъ, возвратить ему мгновенно силы. Но тутъ она увидала, что благодать уже оставила ее.

Повернувъ лодку въ обратный путь, она быстро достигла островка и кликнула инокиню, взывая къ ней о помощи.

— О Анастасія—не могла я больше стерпѣть, я его привезла себѣ назадъ! Та одобрительно кивнула ей головой, и обѣ отнесли юношу въ часовню, гдѣ положили подъ образомъ Богородицы, моля Пречистую исцѣлить его. Молитва была услышана, и скоро теплота и жизнь возвратились въ окоченѣвшіе члены.

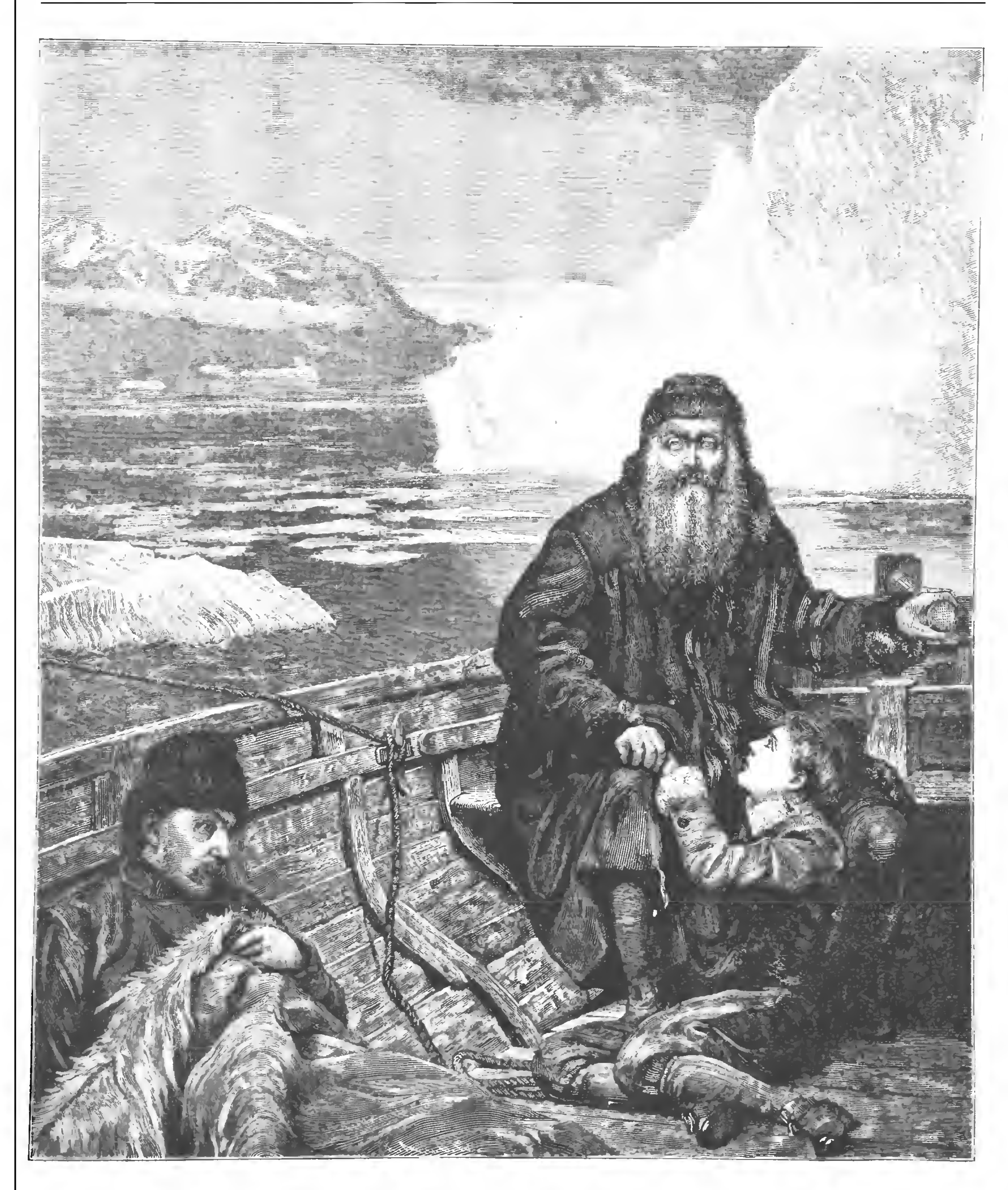
Почтовый голубокъ. Рис. К. Фонтана, грав. Бренд'Амуръ.

На слѣдующее утро Анастасія послала лодочника за гастурійскимъ священникомъ Хризикопуломъ, такъ какъ ночью-же Каломира впала въ такое тяжелое уныніе, что ничѣмъ ее изъ ея меланхолическаго состоянія вывести было нельзя. Панагіотисъ быстро понялъ все, что произошло. Приласкавъ дѣвушку, онъ улыбнулся доброй улыбкой.

— Все обойдется хорошо, сказалъ онъ, лишь-бы у насъ хватило терпѣнія отучить нашу мирную общину отъ укоренившагося предразсудка. Я благословлю васъ обоихъ тутъже, въ здѣшней церкви—какъ законныхъ супруговъ. Если мнѣ и достанется за то, такъ одинъ-то разъ не въ счетъ. Но вы останетесь здѣсь, на цѣлый мѣсяцъ, спрятанными у сестры Анастасіи, а потомъ Каломира опять возвратится въ мой домъ и будетъ жить по прежнему, пока я не увижу, что пришло время обо всемъ повѣдать нашимъ добрымъ землякамъ.

Все было сдѣлано, какъ онъ посовѣтывалъ. Послѣ мѣсяца тайнаго счастья, Периклъ все слѣдующее необходимое время провелъ въ добровольномъ изгнаніи на островкѣ Пантократоръ, у двухъ монаховъ, которымъ прислуживалъ въ качествѣ рыболова. Юная супруга возвратилась въ Гастури, продолжая тамъ свою прежнюю дѣятельность и собирая приношенія. Никто и не подозрѣвалъ о томъ, что произошло; только многіе удивлялись тому, что къ ней вдругъ возвратились снова та рѣзвость и веселость, та удивительная свѣжесть лица, которыми гастурійская фея отличалась въ дѣтствѣ. А повсюду кругомъ, на островѣ всѣ благоденствовали и работали въ тишинѣ и спокойствіи, еще и прилежнѣе прежняго.

Когда настало время, Каломира тайно разрѣшилась отъ бремени, а такъ какъ, затѣмъ, пришелъ и день крестинъ, то священникъ собралъ всю общину и произнесъ ей рѣчь, гдѣ, указавъ на заслуги Каломиры, на то счастье и благоденствіе, ко-



Послѣдняя экспедиція Гудсона. Съ картины П. Колье, грав. Веберъ.

торыя она такъ щедро разливала на гастурійцевъ, онъ сообщилъ имъ о бракѣ своей пріемной дочери, требуя отъ своей паствы, чтобы она сохранила къ молодой женщинѣ тоже уваженіе, которое питала къ дѣвушкѣ, тѣмъ болѣе, что благодать, пребывавшая на ней, несомнѣнно перейдетъ и на ея ребенка, т. е. другими словами, что счастье по прежнему не оставитъ гастурійской общины.

Нѣкоторые изъ слушателей казались удивленными и не очень довольными, но какъ предвидѣлъ Хризикопулосъ, все обошлось какъ нельзя лучше. Гастурійцы помирились съ Каломирой прежде даже нежели началась между ними самая распря. Община продолжала благоденствовать, а съ нею и не меньше ея — семья Перикла, сына Ксантиппа, поселившагося въ Гастури.

Что касается его самого, то впослѣдствіи онъ отличался многими гражданскими добродѣтелями: а ужъ мудрости-то и краснорѣчія — по словамъ Хризикопулоса — у него еще съ дѣтства было ужъ немножко слишкомъ много.

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. Ночной смотръ. Баллада Зейдлица.

(Рис. на стр. 1084).

Одна изъ лучшихъ балладъ Зейдлица „Ночной смотръ“ превосходно передана на русскій языкъ и производитъ на читателя торжественное и глубокое впечатлѣніе.

Написанный вскорѣ послѣ смерти Наполеона — „Ночной смотръ“ имѣлъ громадный успѣхъ; въ Германіи его восхваляли до небесъ; во Франціи восхищались въ черезчуръ вольномъ переводѣ Дюма, а у насъ въ превосходной передачѣ подлинника Жуковскимъ. Кто не помнитъ наизусть прелестнаго начала этой мрачно-таинственной баллады:

„Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ,
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горячихъ песковъ Палестины...

Но вотъ легіоны пѣхоты уже вызваны барабаномъ изъ могилъ; къ нимъ несутся кавалеристы, пробуждаемые отъ смертельнаго сна трубою, столь знакомою имъ на полѣ битвы.

Сѣдые гусары встаютъ;
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны...

Вся эта армія мертвецовъ ждетъ лишь своего усопшаго полководца, и въ тотъ-же завѣтный полночный часъ онъ выходитъ къ нимъ изъ могилы въ своемъ неизмѣнномъ сюртукѣ, въ маленькой шляпѣ. со шпагой. На своемъ старомъ боевомъ конѣ онъ медленно ѣдетъ передъ рядами призраковъ, сопровождаемый, какъ и при жизни, блестящей свитой маршаловъ и адъютантовъ.

И армія честь отдаетъ,
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками;
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ.
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И Франція—тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ—Святая Елена...

Этой таинственно-мрачной грандіозной картиной заканчивается баллада, прекрасно воплощая въ поэтической формѣ то восторженное поклоненіе и обожаніе, которыя питали многіе изъ современниковъ Наполеона къ памяти великаго Императора и вождя.

Литературный альбомъ. „Утопленникъ“, Пушкина.

(Рис. на стр. 1085).

Прибѣжали въ избу дѣти
Второпяхъ зовутъ отца:
Тятя, тятя, наши сѣти
Притащили мертвеца.

Такъ начинается извѣстная баллада Пушкина „Утопленникъ“, одно изъ наиболѣе народныхъ произведеній нашего великаго поэта; замѣчательное и по простотѣ своей и естественности, и по блестящему, звучному стиху. Уже съ самыхъ первыхъ, приведенныхъ нами строфъ, читатель становится лицемъ къ лицу съ самою сутью сюжета; онъ слышитъ, что мертвецъ попался въ сѣти мужика и его обхватываетъ уже интересъ дальнѣйшаго развитія драмы.

Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ. ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ. отвѣчай-ка;
Съ нимъ я въ вѣкъ не разберусь.

И такъ первая мысль мужика при извѣстіи объ утопленникѣ— это мысль о слѣдствіи и судѣ; ему грезятся уже, понятно, и наѣхавшіе чиновники. Надо во чтобы то ни стало отдѣлаться отъ трупа; времени терять нечего. И вотъ мужикъ, надѣвъ кафтанъ, спѣшитъ къ берегу и вскорѣ натыкается на грустную картину: посинѣлый распухшій мертвецъ лежитъ около рѣки на раскинутомъ мокромъ неводѣ. Впрочемъ эта картина не производитъ на мужика особеннаго впечатлѣнія; ему нѣтъ никакого дѣла—откуда этотъ трупъ.

Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ.

Главное, какъ бы скорѣе развязаться съ своею находкой. Озираясь отъ страха по сторонамъ, мужикъ спѣшитъ стащить трупъ за ноги опять въ воду; отталкиваетъ его весломъ отъ берега и пускаетъ его снова на волю волнъ, искать креста и могилы. Проводивъ его глазами и пригрозивъ ребятамъ битьемъ, если они выдадутъ его тайну, мужикъ уже съ большимъ спокойствіемъ возвращается къ себѣ въ хату. Онъ все таки радъ, что избѣгнулъ слѣдствія, а можетъ быть суда, хотя и измѣнилъ народному религіозному чувству, требующему не оставлять утопленника безъ должнаго погребенія. И это то попранное имъ религіозное чувство готовитъ ему неожиданное мщеніе. Его караетъ не судъ людской,—но судъ неизбѣжный, Божій.

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика.
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ,
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

Мужикъ одинъ слышитъ этотъ стукъ или лучше сказать его слышитъ его преступная совѣсть.—Но вотъ до слуха его доходитъ и голосъ: Эй впусти хозяинъ!—Ворча и ругаясь, мужикъ лѣнивою рукою поднимаетъ стекло, чтобы взглянуть на поздняго гостя и, о ужасъ, видитъ передъ собою давишняго, несчастнаго утопленника.

Изъ за тучъ луна катится—
Что же? Голый передъ нимъ;
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились...

Мужикъ едва могъ захлопнуть окно; онъ такъ и обмеръ отъ страха; мысли его мѣшались; всю ночь напролетъ его трясла лихорадка и все ему слышался стукъ у окна и у воротъ. Но народъ вѣритъ, что этимъ не кончились страданія жестокаго мужика и что мертвецъ ежегодно въ тотъ же день и часъ продолжаетъ приходить къ нему за крестомъ и могилой.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры, мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ.
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Антигона и Исмена.

(Рис. на стр. 1089).

Между семью, вполнѣ сохранившимися трагедіями Софокла, *Антигона* составляетъ одну изъ прекраснѣйшихъ. Въ ней высказано величайшее торжество женственности и то почитаніе, съ какимъ античная поэзія относилась къ женщинѣ. Своей Антигонѣ поэтъ, какъ извѣстно, вложилъ въ уста самыя женственныя, полныя содержанія, прекрасныя слова:

Я рождена не для вражды взаимной,
А для любви.

Антигона была сестрою Эфеокла, Поликлена и Исмены и старшею дочерью царя Ѳивъ Эдипа и супруги его Іокасты. Она сопровождала своего отца въ изгнаніи и, послѣ смерти его, послѣдовавшей въ Аттикѣ, вернулась снова въ Ѳивы. Здѣсь она похоронила своего брата Полинейка, павшаго во время похода противъ Ѳивъ, и котораго Креонъ, вошедшій на Ѳивскій престолъ послѣ смерти своихъ двухъ братьевъ—запретилъ погребать. За нарушеніе своего повелѣнія Креонъ присудилъ Антигону быть заживо погребенною.

На прекраснѣйшей картинѣ Тешендорфа представлена именно

та сцена, когда Антигона, не смотря на запрещеніе Креона и мольбы своей сестры, свѣтловласой Исмены, приготовляется погребать павшаго брата. Она говоритъ сестрѣ:

И требовать не стану я, и даже
Когда бы ты и дѣйствовать рѣшилась,
Твое участье мнѣ не будетъ мило.
Какъ хочешь дѣлай ты, но я его
Похороню. Умру спокойно я,
Исполнивъ то. И, милая ему,
Съ нимъ вмѣстѣ тамъ лежать я буду...
Вѣдь больше тѣмъ, которые въ землѣ,
Мнѣ должно угождать, чѣмъ здѣсь живущимъ!
Тамъ буду я лежать всегда. А ты,
Коль хочешь, презирай пожалуй то,
Что боги сами даже почитаютъ....

Въ борьбѣ между семейнымъ долгомъ и законами государства погибаетъ Антигона. Высокая трагедія Софокла показываетъ намъ, что настойчивая борьба этихъ правъ составляетъ ошибку, ведущую къ обоюдному ущербу. Но Антигона вѣчно будетъ жить, какъ идеалъ преданной любви къ роднымъ и чистаго самопожертвованія при исполненіи долга почтенія въ отношеніи брата.

Шумное собраніе.

(Рис. на стр. 1092).

Какъ только выпадетъ первый нѣжный снѣгъ и словно мягкимъ пухомъ облѣпитъ вѣтви деревьевъ, ляжетъ на крыши, на балконы, на крыльца и засверкаетъ на яркомъ зимнемъ солнцѣ своими алмазными звѣздочками, такъ тотчасъ налетятъ стаи этихъ веселыхъ рѣзвыхъ чирикающихъ птичекъ, которыя составляютъ тотчасъ самыя оживленныя и шумныя собранія. Веселый пискъ, прыганье, порханье, купанье въ снѣжныхъ хлопьяхъ и, повидимому, очень оживленные дебаты — по крайней мѣрѣ поднимается такой воробьиный крикъ, что обращаетъ на себя вниманіе. И весело видѣть этихъ милыхъ, живыхъ, бойкихъ птичекъ, которыя такое оживленіе придаютъ бѣлому пейзажу все мертвящей, все холоднымъ снѣгомъ покрывающей, долгой зимы...

Октябрьскія сумерки.

(Рисун. на стр. 1093).

Октябрь ужъ наступилъ. Ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей.
Но прудъ уже застылъ...
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы...

Такими чудными стихами описываетъ сѣверный октябрь нашъ великій поэтъ въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ своихъ стихотвореній „Осень“. Онъ называетъ ее „унылой порой“, но говоритъ, что любитъ осень за ея тихую грандіозную красу. Темнѣетъ скоро, низко ходящее солнце заходитъ рано, и вотъ сумерки расползаются по лѣсу и кущи темныхъ деревьевъ окутываются мракомъ. Снѣгъ бѣлѣетъ пятнами, холодъ пробираетъ, и особенно отрадно сидѣть дома, пригрѣваясь пламенемъ растопленнаго камина...

Почтовый голубокъ.

(Рис. на стр. 1096).

Какой прелестный почтовый голубокъ съ своимъ письмомъ, забрался въ голубятню! Эта голубятня, конечно, условленное мѣсто, куда голубокъ сноситъ свои вѣсточки. Милое личико улыбается своей выдумкѣ, улыбается ея удачѣ, улыбается тому счастью, какимъ полно сердце дѣвушки. И съ какимъ вниманіемъ, съ какой счастливой тревогой станетъ она дожидаться часа, когда какой-нибудь усатый голубь положитъ на это мѣсто отвѣтное посланіе. Большая голубятня видна изъ окна, и къ ней будутъ прикованы взоры красавицы вплоть до позднихъ сумерекъ, когда уже нельзя будетъ въ надвигающейся темнотѣ разобрать очертаній остроконечной крыши и шпиля башенки „домика голубей“, въ которомъ такъ аккуратно появляются письменныя воркованья молодыхъ людей.

Генрихъ Гудсонъ—мореплаватель.

(Рис. на стр. 1097).

Въ исторіи полярныхъ путешествій повторяются съ теченіемъ вѣковъ одинаковыя событія. Англійская нація израсходовала нѣсколько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы выяснить судьбу сэра Джона Франклина, безъ вѣсти пропавшаго въ американскомъ Ледовитомъ морѣ, а въ настоящее время русскіе и американцы стараются разыскать пережившихъ крушеніе Жанеты въ сибирскомъ Ледовитомъ морѣ.

Въ началѣ XVII столѣтія изъ Англіи вышла экспедиція съ цѣлью отысканія исчезнувшаго путешественника, отправившагося къ сѣверному полюсу: то былъ Генрихъ Гудсонъ, открывшій заливъ, названный его именемъ. Съ необыкновеннымъ рвеніемъ въ XVI вѣкѣ принялись за исканіе сѣверозападнаго пути, долженствовавшаго идти вкось черезъ Сѣверную Америку (въ то время еще не изслѣдованную) въ Азію, и долго длилось заблужденіе о возможности осуществленія этого пути, теперь же достаточно одного взгляда на карту, чтобы прійти къ заключенію, что этотъ путь не годится для торговли. Но это знаніе составляетъ плодъ англійскихъ усиленныхъ изысканій давнѣйшаго и новѣйшаго времени. При началѣ тѣхъ блестящихъ плаваній, никто и не подозрѣвалъ, что новый свѣтъ такъ расширяется къ сѣверу; предполагали, что онъ съуживается также, какъ и Южная Америка, о чемъ въ то время было уже извѣстно.

Такимъ образомъ мѣстомъ дѣйствія сѣверозападнаго пути былъ тотъ міръ острововъ Сѣверной Америки съ ея большими заливами, озерами и проливами, число которыхъ необыкновенно возрасло съ тѣхъ поръ, какъ наши карты усовершенствовались. Зимою всѣ болѣе узкія воды покрываются сплошною массою льда, ломающагося лѣтомъ и чрезвычайно затрудняющаго мореплаваніе. Корабли подвергаются величайшимъ опасностямъ между плавающими глыбами льда; опасность увеличивается еще болѣе отъ громадныхъ обломковъ глетчера или ледяныхъ горъ, которые своимъ основаніемъ уходятъ подъ воду на триста метровъ глубины, и движимые подводными холодными теченіями противъ вѣтра и на встрѣчу рыхлой массѣ льда, причиняютъ страшныя опустошенія.

Средства на путешествія въ эти опасныя полярныя воды доставлялись въ то время частными лицами, и только изрѣдка британское правительство снаряжало отъ себя нѣсколько кораблей. При этихъ предпріятіяхъ не играла роли выгода, но слѣдуетъ отдать справедливость, что значительныя суммы жертвовались единственно изъ любви къ отечеству и изъ желанія оказать услугу наукѣ въ разрѣшеніи мореходныхъ, торговополитическихъ и географическихъ задачъ.

Между мореплавателями, предпринявшими разрѣшеніе этихъ задачъ, замѣчателенъ Генрихъ Гудсонъ. Онъ родился въ Англіи въ срединѣ XVI столѣтія, и нѣсколько разъ ѣздилъ съ успѣхомъ въ сѣверныя моря, ранѣе чѣмъ отправился лѣтомъ 1610 года на открытіе сѣверозападнаго пути, на маленькомъ кораблѣ въ 55 тоннъ. Въ концѣ іюня онъ достигъ залива, названнаго его именемъ. Уже здѣсь экипажъ его началъ падать духомъ, но Гудсонъ не обратилъ на это вниманія и направился далѣе, пока не увидѣлъ передъ собою безбрежное темно-голубое море. Великолѣпный Гудсоновскій заливъ, глубоко врѣзающійся въ материкъ, разстилался впередъ нимъ, и изслѣдователь радовался тому, что онъ уже достигъ Тихаго океана и что маленькій корабль уже находится въ его водахъ. Это было въ началѣ августа, и матросы все настойчивѣе требовали возврата на родину, но Гудсонъ рѣшился вродолжать начатое дѣло и зимовать гдѣ нибудь на солнечномъ берегу Азіи. Три мѣсяца онъ плавалъ по южному берегу громаднаго залива, пока въ ноябрѣ не былъ окруженъ ледянымъ поясомъ.

Съ небольшимъ количествомъ припасовъ началась печальная зимовка, тѣмъ болѣе печальная, что ссоры и несогласія продолжались между людьми и не прекратились даже съ наступленіемъ весны. Наконецъ корабль снова освободился ото льда, и утромъ 21 іюля 1611 года Гудсонъ вышелъ изъ своей каюты, чтобы вриняться за дневныя занятія. Но на палубѣ онъ былъ внезапно связанъ и очутился въ рукахъ взбунтовавшейся шайки. На всѣ его вопросы, просьбы и приказанія онъ не получаетъ никакого отвѣта; только маленькій сынъ его, Джонъ, съ плачемъ хватается за отца. Гудсону пришлось покориться печальной участи. Съ корабля была спущена шлюпка, туда положили немного провизіи и пороха и заставили сойти въ нее Гудсона; за нимъ послѣдовалъ его сынъ и корабельный плотникъ—единственное лицо изъ экипажа оставшееся вѣрнымъ Гудсону; въ лодку были снесены также больные, неполезные болѣе на кораблѣ и, по данному знаку, шлюпка съ несчастными была оттолкнута отъ корабля, поплывшаго въ обратный путь.

Съ тѣхъ поръ о Гудсонѣ и его товарищахъ несчастія ничего не было слышно. Онъ погибъ на театрѣ своей славы.

Бунтовщиковъ вскорѣ постигла кара. Съ большими трудностями часть ихъ достигла береговъ Ирландіи, и зачинщики преступленія частью были перебиты своими товарищами, частью умерли съ голода. Габакукъ Прикетъ, одинъ изъ оставшихся въ живыхъ, разсказалъ печальную исторію англійскимъ морскимъ властямъ, вслѣдствіе чего въ слѣдующемъ году для поисковъ Гудсона былъ снаряженъ корабль подъ начальствомъ сэра Томаса Буттона, отправившагося въ Гудсоновскій заливъ. Поиски однако остались безъ успѣха.

Политическое обозрѣніе.

Австро-Венгрія.—Восточная Румелія.

Каждый день приближаетъ насъ къ тому моменту, когда Австрія, во всеоружіи, рѣшительно и безповоротно двинется впередъ по тому пути, на который вступила послѣ Пражскаго мира и по которому, до сихъ поръ, „пробиралась“ съ нѣкоторою осторожностью. Говоримъ „во всеоружіи“—такъ какъ наша добрая сосѣдка энергически вооружается (повторяемъ это уже не въ первый разъ), — переформировываетъ всю армію, укрѣпляетъ свои крѣпости, но только—не противъ Германіи, конечно, а — противъ насъ и Италіи: укрѣпляются Краковъ, Перемышль, Южный Тироль (пока ассигновано 7.500,000 гульденовъ), готовы проекты стратегическихъ дорогъ, Краковъ-Освѣцимъ-Сайбушъ-Мосты-Мункацъ. Дѣло, значитъ, ясно. Ясно-то оно давно, и мы, понятно, не новость желаемъ сообщить, но невольно, при мысли объ австрійскихъ приготовленіяхъ, въ воображеніи нашемъ встаетъ величавая фигура патріота Катона, въ ушахъ звучатъ слова: „Caveant consules“..! А пока? Пока еще армія не поставлена на надлежащую ногу, крѣпости не уписаны тяжелыми орудіями и еще не ходятъ поѣзды по стратегическимъ дорогамъ — австрійскіе министры соловьями поютъ въ делегаціяхъ объ искренно-дружескихъ отношеніяхъ, соединяющихъ Австрію и Россію, а также и Австрію и — Сербію. Ну—тутъ, можетъ быть и нѣсколько, правда, поискреннѣе будетъ, по крайней мѣрѣ со стороны нѣкоторыхъ, вынужденныхъ обстоятельствами, или проще сказать, — страхомъ, прижаться передъ сильнымъ. Вотъ — съ Черногоріей еще не вошло все въ желаемую колею. По словамъ министра Каллая, ни Россія, ни Сербія нисколько не поощряли боснійско-герцеговинскаго возстанія, а поддерживали его черногорцы; министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Кальноки относится нѣжнѣе къ Черногоріи: „Князь Николай удовлетворилъ всѣ наши требованія, хотя онъ и не вполнѣ свободенъ въ своихъ поступкахъ; къ тому-же нѣтъ никакихъ признаковъ того, чтобы Россія руководила Черногоріею, между обѣими уже давнія дружественныя отношенія, *мы же не заботились объ улучшеніи нашихъ отношеній къ княжеству*. Значитъ — теперь австро-венгерскіе правители примутся заботиться объ улучшеніи этихъ отношеній! Значитъ—полѣзутъ карабкаться на Черную Гору съ вѣнскими клѣтками въ рукахъ, чтобы превратить вольныхъ орловъ въ комнатныхъ попугаевъ? Такъ?!. Неправда! Могучъ нашъ двуглавый орелъ, смѣлы и мужественны орлы черногорскіе!

Взгляните, что происходитъ въ заклеванной Босніи! Сыны конституціонно-свободной страны, страны полной вѣротерпимости, открытою, грубою силою вводятъ католицизмъ среди покореннаго народа. Вотъ какъ это тамъ дѣлается. Въ октябрѣ нынѣшняго года, жена мусульманина, Ибрагима-аги, вмѣстѣ съ своимъ маленькимъ сыномъ, шла изъ города Дувно въ городъ Любушки; путь ея лежалъ мимо села съ римско-католическимъ населеніемъ, нѣсколько человѣкъ котораго бросились на нее, избили мальчика (онъ, какъ думаютъ, не переживетъ этихъ побоевъ), изнасиловали ее, обобрали, а затѣмъ объявили, что возьмутъ мальчика въ католическій монастырь, для крещенія по католическому обряду, такъ какъ *ихъ священникъ объявилъ, что надо окрестить всѣхъ мусульманъ и схизматиковъ* (т. е. православныхъ), когда же несчастная женщина вздумала сопротивляться, то побои возобновились и прекратились только вслѣдствіе появленія проходившаго тутъ отряда солдатъ; офицеръ не принялъ никакого участія въ судьбѣ турчанки, какъ не приняла участія въ ней и австрійская полиція,—ни тотъ, ни другая и не подумали преслѣдовать негодяевъ. Въ то же время, австрійскія власти пользуются всякимъ случаемъ, чтобы оказать содѣйствіе эмисарамъ Ватикана, которыми переполнены Боснія и Герцеговина: такъ напримѣръ—православнымъ прихожанамъ сербскаго патріота, іеромонаха Симеона—изъ Житомисличскаго монастыря—арестованнаго австрійцами именно за его патріотизмъ—эти власти воспрещаютъ носить дѣтей для крещенія въ Житомисличскій монастырь, а *отсылать къ католическимъ фратрамъ*! Поставленные на пути австрійскіе жандармы такъ прямо и командуютъ: „въ монастырь нельзя нести дѣтей, идите къ фратрамъ!“ Въ турецкое владычество этого не было. Оказывается, что турецкое варварство лучше австрійской цивилизованности. Но—что же гарантируетъ и вся-то европейская цивилизація человѣку?.. Неужели правъ великій Бисмаркъ, довѣряющій больше огню и желѣзу, нежели этой цивилизаціи? Вотъ что происходитъ въ Босніи и Герцеговинѣ подъ ея эгидой.

Кстати, правда, чѣмъ шагнуть за австрійскій шлагбаумъ и направиться въ „страны иныя“, скажемъ, что въ Вѣнѣ, вотъ уже нѣсколько дней происходятъ уличные безпорядки, принявшіе грандіозные размѣры. Началось это съ того, что полиція закрыла „общество сапожниковъ“, конфисковала фондъ въ 700 гульденовъ и читальни общества. Черезъ нѣсколько дней, на Императорской улицѣ, находящейся въ Вѣнскомъ округѣ Нейбау, около дома закрытой читальни сапожниковъ, стали, каждый вечеръ, собираться многіе члены общества, къ нимъ примкнули другіе рабочіе, и, въ концѣ концовъ, толпа получила подкрѣпленіе въ нѣсколько сотъ уличныхъ пролетаріевъ; все это зашумѣло, загудѣло, требуя „открытія“ общества, его читальни, возврата фонда; четыре полицейскихъ, испробовавшихъ, было, пригласить буяновъ разойтись, конечно, не имѣли успѣха, возбудивъ только насмѣшки, свистки, ругательства; тогда на сцену явился отрядъ пѣшихъ и конныхъ полиціантовъ: и съ этой минуты начался рядъ свалокъ, въ которыя пришлось уже посылать солдатъ; свалки тогда превращались въ настоящія сраженія, повторявшіяся въ продолженіи нѣсколькихъ дней; власти успѣли арестовать не мало изъ числа буяновъ,—съ обѣихъ сторонъ не мало и раненыхъ. Предполагаютъ, что тутъ дѣло не обошлось безъ непремѣнныхъ членовъ всякихъ безпорядковъ и волненій, — т. е. безъ агитаторовъ соціалистическаго лагеря и, притомъ же, думаютъ,—явившихся изъ-за границы.

Какъ ни старались австрійскіе агенты ослабить въ Румеліи русское вліяніе, какъ ни хлопотали о томъ, чтобы превратить эту искони болгарскую страну въ какой-то космополитически распущенный вертепъ—это имъ не удалось. Ядро—къ счастью, повидимому, состоящее изъ большинства населенія, осталось благоразумно и вѣрно родинѣ, роднымъ интересамъ; недавно оно выразило это осязательно: въ Казанлыкѣ была организована огромная сходка, сдѣлавшая, чрезъ нѣсколькихъ выборныхъ членовъ (Бакалова, Серафимова, Кадова и Генчева), заявленіе противъ редакціи газеты „Независимость,“ стремящейся возбудить въ жителяхъ Румеліи ненависть къ Россіи.

Смѣсь.

Электрическій корабль. Недавно, въ Лондонѣ производились чрезвычайно интересные опыты примѣненія электричества, какъ двигателя на водѣ. Маленькое судно, приводимое въ движеніе электричествомъ, отплыло, съ четырьмя пассажирами, отъ Милльуэлля чрезъ Темзу, къ Лондонскому мосту. „Электричество“ (названіе новаго судна) сдѣлало это разстояніе въ 1 часъ времени, идя противъ теченія, противъ вѣтра и, не смотря на все это, развивая скорость въ восемь узловъ. Судно приводится въ движеніе 45 акумуляторами, связанными съ двумя машинами Сименса. Это пробное плаваніе,—происходившее въ присутствіи многочисленной публики, сбѣжавшейся съ разныхъ сторонъ полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ,—вполнѣ удовлетворило предпринимателей.

Масло въ морѣ. Въ Эбердинѣ, весною нынѣшняго года, въ присутствіи лорда Эбердина, генерала Гордона, д-ра Сименса, президента Британской Ассоціаціи и нѣкоторыхъ другихъ, выдающихся по своему положенію или извѣстности, лицъ, было приступлено къ осуществленію проекта „укрощенія моря посредствомъ масла,“—именно, у входа въ Эбердинскую гавань положены трубы, изъ которыхъ, во время бури, будетъ выбрасываться на взволнованную поверхность моря масло, ослабляющее, даже, говорятъ, вовсе прекращающее волненіе и, такимъ образомъ, дающее спокойное убѣжище кораблямъ. Берега Эбердина чрезвычайно опасны въ непогоду, а потому хорошо, такъ сказать, приспособлены къ испытанію проекта мистера Шильдса. Въ началѣ, нѣкоторое время, пока не уложены всѣ трубы, сооружаемый м-ромъ Шильдсомъ аппаратъ не будетъ еще въ состояніи выказать свою пригодность вполнѣ, но его изобрѣтатель совершенно, уже нынѣ, увѣренъ въ успѣхѣ. Матеріаломъ, выбрасываемымъ въ волны, будетъ служить ворвань, китовое сало.

Одно изъ величайшихъ чудесъ растительнаго міра составляетъ оплодотвореніе нѣкоторыхъ растеній, происходящее чрезвычайно сложнымъ путемъ и часто—путемъ внѣшнимъ—напримѣръ чрезъ посредство вѣтра, насѣкомыхъ и т. д. Типомъ столь удивительнаго способа оплодотворенія можетъ, между прочимъ, служить этотъ процессъ у одного изъ ядовитыхъ растеній—Aristolochia. Цвѣтокъ аристолокіи, весьма своеобразной конструкціи, имѣетъ довольно большое сходство съ цвѣткомъ тюльпана, но состоитъ, всего, изъ одного свернутаго лепестка, образующаго закрытое вмѣстилище, которое имѣетъ только одно маленькое отверстіе, входъ, въ верхнемъ, загнутомъ концѣ. Оплодотворяющіе органы этого цвѣтка имѣютъ такое странное устройство, что самое оплодотвореніе не можетъ идти обыкновеннымъ путемъ, а потому природа избрала путь обходный для достиженія своей цѣли. Дѣло происходитъ такъ. Ежегодно, въ извѣстное время, къ цвѣтку прилетаетъ одно и то же, особое насѣкомое, привлекаемое пріятнымъ благоуханіемъ растенія; сквозь узкое, маленькое отверстіе, о которомъ говорено выше, оно входитъ въ закрытое вмѣстилище цвѣтка и набрасывается на сладкое и вкусное мясо аристолокіи; но когда насѣкомое хочетъ оставить цвѣтокъ, то находитъ выходъ уже закрытымъ: выходное отверстіе это снабжено опушкой изъ волосъ, растущихъ внутрь и, потому, свободно впускающихъ, но уже не выпускающихъ оттуда наружу; несчастное насѣкомое начинаетъ отчаянно биться внутри цвѣтка, а вслѣдствіе его движеній цвѣточная пыль выходитъ изъ своего хранилища, попадаетъ въ пестикъ и—оплодотвореніе, такимъ образомъ, совершено. Природа жертвуетъ тутъ насѣкомымъ, которому приходится умереть, чтобы дать жизнь растенію, такъ какъ, если сдѣлать надрѣзъ и дать насѣкомому возможность уйдти, то цвѣтокъ остался бы не оплодотвореннымъ.

Изъ давнопрошедшаго. Вотъ приказъ Австрійскаго Гофмаршальства 1624 года, какъ вести себя кадетамъ, приглашеннымъ къ Эрцгерцогскому столу: „Приглашенные къ столу Его Королевскаго Высочества,—должны немедленно по прибытіи засвидѣтельствовать почтеніе Его Высочеству; при этомъ быть одѣтыми прилично, въ сюртукахъ и сапогахъ. и отнюдь не въ полупьяномъ видѣ. За столомъ не качаться на стулѣ, не вытягивать ногъ во всю длину, не пить послѣ каждаго куска, какъ дѣлаютъ многіе, за первымъ блюдомъ напивающіеся до пьяна; наливать стаканъ только до половины и. отпивъ изъ него, вытирать ротъ и усы на-чисто. Руки подъ столомъ не держать. Пальцы не облизывать, въ тарелки не плевать и въ скатерть не сморкаться. Не напиваться до скотства. чтобы имѣть возможность самому встать и твердо держаться на ногахъ.“

Самосвѣтящіеся желѣзнодорожные вагоны. Изъ Лондона сообщаютъ слѣдующее: общество, состоящее изъ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ лордъ А. Чурчиль, поѣхали прокатиться въ вагонѣ, потолокъ котораго былъ покрытъ патентованной свѣтящейся краской Бальмэна. По случаю туманной погоды самосвѣтящійся слой былъ слабѣе, чѣмъ при погодѣ солнечной, но тѣмъ не менѣе, когда вагонъ вошелъ въ Блэкетъ-туннель, съ крыши вагона распространился пріятный, равномѣрный свѣтъ, на столько сильный, что легко можно было читать висѣвшія на стѣнкахъ объявленія. Цифры часовъ и буквы газеты были также ясно видны. Краска не содержитъ въ себѣ фосфора, а потому не издаетъ непріятнаго запаха. Опытъ удался вполнѣ, что очень важно, такъ какъ вагоны третьяго класса до сихъ поръ совершенно не освѣщались.

Портной для собакъ, недавно появился въ Парижѣ. Спеціальность его заключается въ изготовленіи плащей и накидочекъ для комнатныхъ собачекъ знатныхъ дамъ, старыхъ дѣвъ и скучающихъ пансіонеровъ. Маленькіе Кингъ-Чарльзы и мопсики легко могутъ простудиться на прогулкѣ, а потому ихъ слѣдуетъ предохранять отъ простуды. Парижъ, законодатель моды, изобрѣлъ модныя платья и для собакъ. Въ будуаръ знатной дамы является портной для собакъ, раскладываетъ свой модный журналъ и начинается выборъ платья собачки для дома и для гулянья. Конечно мода часто мѣняется, а съ нею мѣняется также покрой собачьяго платья и цвѣтъ его.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ.

Рѣшеніе призоваго ребуса ходъ коня № 76.

28 скупится	15 клоится колосъ отъ вѣтра	30 и раио	43 ть тоска	26 посмерть	13 громомъ ударь	32 уда-	45 етъ
41 ие пѣсия	54 явится въ гости за	27 забота	14 не проснется	31 хлопочетъ	44 одолѣ-	25 лѣзетъ на ножъ не робѣетъ	12 удвль
16 вѣтеръ заботу	29 поздио	42 слуша-	55 бота	64 молодъ	1 ТАЕТЪ	46 удв-	33 ль
53 развѣетъ	40 заботы	17 наклонитъ	4 вѣкъ отъ тоски	61 ль влетитъ	58 ука и	11 спитъ молодецкая	24 етъ топиутъ ногою на удаль
18 встрѣтится	5 пропадаетъ	56 въ домѣ	59 холодъ	2 забота	63 и веселъ и	34 не дума-	47 ль прис-
39 пѣсня	52 думу	3 какъ свѣчка	62 да обниметъ станешь	57 и ск-	60 уда-	23 топнутъ ногой поблѣднѣ-	10 встрепенется
6 удали горе не горе	19 удаль съ грозою	50 етъ	37 иа вѣте-	8 ляжетъ забота	21 ѣхъ то забота	48 вистетъ	35 въ добудетъ ии-
51 горе и	38 ръ хохочетъ	7 въ цѣпи закуй распѣваетъ	20 на ухо шапку заломитъ вс-	49 пристопи-	36 нетъ	9 ие спится спитъ ли пройди	22 боится

Таетъ забота, какъ свѣчка,
Вѣкъ отъ тоски пропадаетъ;
Удали горе—не горе:
Въ цѣпи закуй—распѣваетъ.

Ляжетъ забота — не спится,
Спитъ-ли, пройди — встрепенется:
Спитъ молодецкая удаль,
Громомъ ударь — не проснется.

Клонится колосъ отъ вѣтра,
Вѣтеръ заботу наклонитъ;
Встрѣтится удаль съ грозою —
На ухо шапку заломитъ.

Всѣхъ-то забота боится,
Топнутъ ногой — поблѣднѣетъ;
Топнутъ ногою па удаль —
Лѣзетъ на ножъ, не робѣетъ.

По-смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочетъ;
Удаль, не думавъ, добудетъ,
Кинетъ на вѣтеръ — хохочетъ.

Пѣсня заботы—не пѣсня:
Слушать — тоска одолѣетъ;
Удаль присвистнетъ, притопнетъ—
Горе и думу развѣетъ.

Явится въ гости забота,
Въ домѣ и скука и холодъ;
Удаль влетитъ да обниметъ —
Станешь и веселъ и молодъ.

И. Никитинъ.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ 20 лицъ. изъ которыхъ отъ Петербурга прислано 5 рѣшеній, именно отъ Гг.

1) **Ив. Ф. Сазонова**, В. О. Уголъ Большаго прос. и 2 линіи, д. № 17, кв. 16.
2) Ефима **Гузнищева**, Канцелярія военнаго М-ва.
3) М. **Груздева**, Офицерская ул., д. 20, кв. 39.
4) П. **Гливенко**, ученика V-го класса VI гимназіи.
5) К. **Брезгунова**, Изм. полкъ, 12-я рота, д. № 8, кв. № 1.

Затѣмъ слѣдующія пять **иногородныхъ** лицъ прислали первыя рѣшенія:

1) **Кронштадтъ—Н. Даржаиъ.**
2) **Николаевъ**, Херс. губ.—Павелъ Николаевичъ **Крастелевъ.**
3) **Михайловъ**, Рязанс. губ.—Владиміръ Августовичъ **Дюзингъ.**
4) Ст. **Егорьевская**, Яр.-Вол. ж. д. — Священникъ Александръ Васильевичъ **Голубевъ.**
5) **Задонскъ**—Марія Богомолова,

которымъ, т. е. какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ вышесказаннымъ 10 лицамъ и записано каждому лицу по 1 безплатному экз. „Нивы“ на 1883 годъ.

Остальныя вѣрныя рѣшенія присланы до заключенія сего №, т. е. 6 Ноября 82 г. отъ слѣдующихъ лицъ: **Бѣжецкъ**—П. П. Предтеченскаго, **Екатеринославъ**—В. Дуровой, **Казань**—Нагулла, **Михайловъ**—Ф. П. Прошлякова, **Николаевъ**. Херс. губ.—А. А. Ветлицына, **Одоевъ**—А. И. Сумороцкаго, **Ревель**—А. Өедорова; **Кинешма**—П. П. Шипова, А. И. Автамонова; **Рязань**—Шумовыхъ.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 73.

$1 = a$	$1 - b + 1 = f$	18 = С
$2 = b$	$2 - 3d = e$	11 = К
$3 = c$	$3 - a - c = y$	15 = О
$4 = d$	$4 - x + z = 3b$	2 = Б
$5 = e$	$5 - 2e = f$	6 = Е
$6 = f$	$6 - c + d + 1 = a$	12 = Л
$7 = x$	$7 - b + d = f + 1$	6 = Е
$8 = y$	$8 - c - e = \frac{z}{3}$	3 = В
$9 = z$		27 = Ъ

$$9 - x + y + z = 2a$$

СКОБЕЛЕВЪ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Милкова, Боронина, Хухрина, Лагусъ, Голубева, Кирьянова-Бѣльскаго, Деммени, Барминскаго, Шведова; **Москва** — Зубаревой, Волковой, Еремина, Гаврилова, Плѣшакова, Козлова, Герцбергъ, Пѣвницкаго; **Александрія** — Инсульцева; **Арзамасъ** — Суворова; **Астрахань**—Буре; **Бѣлевъ**—Воскова; **Бахчисарай**—Гавтеева; **Бахмутъ**—Степанова; **Большое Коровино**—Терскаго; **Борисоглѣбскъ**—Бастрыкина; **Варшава**—Никитина; **Вилейка**—Гиршина; **Вильно**—Никифорова; **Дерптъ**—Шуттенбахъ; **Егорьевскъ**—Гусева; **Елецъ**—О., Козлова; **Кисимовъ** — Горюшина; **Кіевъ** — Каменскаго, Болсуновской, Ф. В. Г., Новолоцкой, Ливеръ, Ольховика, Гильденбергъ; **Клинъ**—Н....ъ, **Козловъ**—Софонова; **Коломна**—Дуткова; **Кронштадтъ**—Пшіемскаго; **Кузнецкъ**—Орлова; **Кутвисъ**—Өедоренко; **Лодейное поле** -Кондратьева; **Маріабергъ**—Крамерсъ; **Мещовскъ**—Болотина; **Минскъ**—Цыпкина; **Нижн.-Новгородъ**—Кокушкина; **Николаевъ**—Мейеръ, Голубова; **Новгородъ**—Яфимовича; **Одесса**—Китоверъ, Спиванова, Верча, Соколова; **Орелъ**—Добрынина; **Павловскъ**—Семенова; **Пенза** — Ферлюдина; **Переяславъ**—Поплавскаго; **Полтава**—Фидлера; **Псковъ**—Вектинскаго; **Пушкино**—Кочерова; **Романово-Борисоглѣбскъ**—Селиверстова; **Ростовъ**—Севастьянова; **Рязань**—Сыткина; **Самара**—Филатова; **Симферополь**—Халдаримянца; **Скопинъ**—Волкова, Чудотворцева; **Слонимъ**—Вейсенбергъ; **Софійская**—Храмушенова; **Тамбовъ**—Сорокина; **Таращa**—Бондаренко.

Рѣшеніе ребуса—ходъ коня № 74.

	9			12	7	
3		11	8			13
10		4	1			6
	2			5	14	

Въ комъ есть и совѣсть и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ.
А вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ гг.: **Спб.**—Лучинскаго, Слободскаго, К. М.; **Москва**—Роде, Мануилова; **Астрахань**—К. Цѣхановича, **Бахчисарай**—Принкъ; **Елецъ**—Волуйскаго; **Мировицы**—Малашкевича, **Каменка**—Иванова, **Кіевъ**—Голицинскаго, **Кохма**—Калакина, **Кронштадтъ**—Тихонова, **Липецкъ** — Тетюшиновой, **Одесса**—Соколова, **Ромны**—Сула, **Свирже**—Савицкой, **Серпуховъ**—Кузовлева, **Ставрополь**—Павлодольскаго, **Тула**—Полева.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднымъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Въ книжномъ магазинѣ В. В. ПОПОВА, бывшемъ Я. А. ИСАКОВА,

(С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ. № 24),

принимается подписка на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты на **1883** годъ. Каталоги журналовъ высылаются безплатно. Книги въ роскошныхъ переплетахъ для подарковъ, заготовлены въ большомъ количествѣ. Требованія гг. иногородныхъ исполняются **немедленно.**

Mt. № 2305 3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1883** годъ,

на большую ежедневную политическую, литературную и коммерческую газету

„НОВОСТИ“

и

БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА

Газета „НОВОСТИ“ выходитъ, **безъ предварительной цензуры,** ежедневно, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, полулистами или въ видѣ прибавленій и телеграфныхъ бюллетеней, если получаются важныя телеграммы. Форматъ газеты—самый большой изъ существующихъ у насъ газетныхъ форматовъ и заключаетъ въ себѣ 28 столбцовъ (по семи столбцовъ на страницѣ) или около 4,500 строкъ убористаго шрифта.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ С.-Петербургѣ:

На 12 мѣсяцевъ 9 р., 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р., 9 м.—7 р. 50 к., 8 м.—7 р., 7 м.—6 р. 50 к., 6 м.—6 р., 5 м.—5 р., 4 м.—4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

Въ другихъ городахъ:

На 12 мѣсяцевъ 10 р., 11 м.—9 р. 50 к., 10 м.—9 р., 9 м.—8 р. 50 к., 8 м.—8 р., 7 м.—7 р., 6 м.—6 р., 5 м.—5 р., 4 м.—4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

Заграницею:

На 12 мѣсяцевъ 18 р., 6 м.—10 р., 3 м.—6 р., 1 м.—2 р.

На другіе сроки подписка не принимается.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ, чрезъ ихъ казначеевъ, по третямъ, а для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ: для иногородныхъ 4 р. при подпискѣ, 3 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ іюня; для городскихъ: 3 р. въ декабрѣ, 3 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ іюня. Разсрочка для неслужащихъ допускается по соглашенію послѣднихъ съ конторою. Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Письма и деньги адресуются: **въ С.-Петербургъ, въ контору газеты „НОВОСТИ“ (Мойка № 90).**

Р. № 2275 10—3

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный подъ редакціею **В. Клюшникова**, въ 3-хъ томахъ; цѣна за 3 тома 12 р. съ пересылкою 14 р.

ИЗДАНІЕ Х. К. НЕБЕ.

Складъ изданія въ кладовой К. и Х. Небе, внутри Гостинаго Двора, № 139. Книжнымъ магазинамъ дѣлается соотвѣтственная уступка.

10—3 № 2273

Страхованіе пожизненныхъ доходовъ.

ПРИМѢРЪ: Лицо 68 лѣтъ, владѣя капиталомъ въ 15,000 руб., приносящимъ ему ежегодно 900 руб. процентовъ, **желаетъ увеличить пользу изъ своего капитала** и съ этою цѣлью страхуетъ себѣ пожизненный доходъ, посредствомъ взноса указаннаго капитала въ Страховое Общество „Россія“. Общество за внесенные 15,000 руб. будетъ выплачивать

$13^{4}/_{10}$ процентовъ съ внесеннаго капитала,

т. е. ежегоднаго дохода въ 2010 руб. застрахованному лицу, до его смерти, какъ бы долго оно ни прожило.

Размѣръ процентовъ при разныхъ возрастахъ:

Возрастъ:	**55.**	**60.**	**65.**	**68.**	**70.**	**75.**	**80.**
Проценты:	9.	$10^{2}/_{10}$.	12.	$13^{4}/_{10}$.	$14^{8}/_{10}$.	18.	22.

Дальнѣйшія подробности и полные тарифы **въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“,** выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ въ **С.-Петербургѣ, (Большая Морская, № 13)** и **Агентами** въ городахъ Имперіи.

№ 2299 5—1

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

превосходное средство для сохраненія зубовъ, укрѣпленія деcенъ и освѣженія рта.

САЛИЦИЛОВЫЙ АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКІЙ ЭЛИКСИРЪ.

ЗУБНЫЕ ПОРОШКИ

Розовый, салициловый, бѣлый, доктора Міалхе.

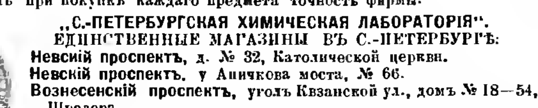
НОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

самаго высшаго качества.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:



„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.

Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.

Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

Pt. № 2278 4—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1883 годъ

на большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:						Съ пересылкою въ города:					
На 12 мѣс.	8 р.	50 к.	На 6 мѣс.	4 р.	50 к.	На 12 мѣс.	9 р.	— к.	На 6 мѣс.	5 р.	— к.
„ 11 „	8 „	— „	„ 5 „	3 „	90 „	„ 11 „	8 „	50 „	„ 5 „	4 „	60 „
„ 10 „	7 „	50 „	„ 4 „	3 „	25 „	„ 10 „	8 „	— „	„ 4 „	3 „	70 „
„ 9 „	6 „	75 „	„ 3 „	2 „	50 „	„ 9 „	7 „	40 „	„ 3 „	2 „	75 „
„ 8 „	6 „	— „	„ 2 „	1 „	90 „	„ 8 „	6 „	70 „	„ 2 „	2 „	— „
„ 7 „	5 „	25 „	„ 1 „	1 „	— „	„ 7 „	5 „	90 „	„ 1 „	1 „	10 „

За границу: на 12 м. **17** р., на 6 м. **9** р., на 3 м. **5** р., на 1 м. **2** р.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзинкина; въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ — Rue Clément, 4, Adam.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„Русскій Курьеръ“.

№ 2289 10—2 Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

ПОЛНЫЙ СПИСОКЪ НАГРАДЪ ЭКСПОНЕНТОВЪ И УКАЗАТЕЛЬ ВЫСТАВКИ

можно получать въ конторѣ „Полицейскихъ Вѣдомост.“ Цѣна съ пер. 1 р. Ц. № 2202 3—2

Открыта подписка на **1883 г.** иллюстр.

№ 2301 3—1

Подписная цѣна на 1 г. съ пересылк. 10 р. Пробный № журнала высыл. по востребов. Программа 8 спеціальн. отдѣловъ. Технолог. Механика, Химія, Рецепты и Наставлен. Патенты, Металлург. Горное дѣло, Жел. дороги. Технич. библіографія, Смѣсь и Объявленія. Журналъ выходитъ 15 и 30 ч. каждаго мѣс. въ 32—40 стр. со множ. рисунк. и чертеж. **Редакція въ СПБургѣ, Торговая ул., № 21.**

ПРОСЬБА.

Покорнѣйше прошу почтеннѣйшую публику, покупающую мой Шведскій бальзамъ „ЭЛЕОПАТЪ“ для укрѣпленія волосъ и противъ перхоти кожи головы, требовать непремѣнно **„ЭЛЕОПАТЪ“ Провизора Кинунена,** такъ какъ въ продажѣ явились подражанія „ЭЛЕОПАТУ,“ дающія поддѣльному бальзаму большое сходство съ моимъ препаратомъ: Адресъ мой: Главное Депо „ЭЛЕОПАТА.“ Пассажъ, магаз. № 52, въ С.-Петербургѣ.

№ 2154.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ

„ЭЛЕОПАТЪ“ только провизора Кинунена.

„Элеопатъ“ употребляется противъ перхоти на головѣ, и есть незамѣнимое, вѣрное средство для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ; пользуется всеобщимъ довѣріемъ тѣхъ лицъ, которыя употребляли это новое цѣлебное средство. Продается во всѣхъ аптекахъ и лучшихъ косметическихъ магазинахъ и лабораторіяхъ.

Для **иногородныхъ** заказчиковъ и покуп. высылается не менѣе **2** флак. за **4** р., содержащ. 240 грам. При высылкѣ денегъ на заказъ, необходимо указать вотъ этотъ адресъ для гг. иногородныхъ: пишите: **Въ ГЛАВНОЕ ДЕПО „ЭЛЕОПАТА“, ПАССАЖЪ, МАГ. № 52, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. Такъ какъ всякое изобрѣтеніе, пользующееся полнымъ довѣріемъ часто подвергается поддѣлкѣ, то покорнѣйше прошу почтен. публику требовать только „ЭЛЕОПАТЪ“ провизора КИНУНЕНА и точность и надпись КИНУНЕНА и остерегаться подражаній, —настоящій мой препаратъ называется „ЭЛЕОПАТЪ“.**

№ 2149

ХИРУРГИЧЕСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

съ постоянными кроватями

ДОКТОРА М. И. ДРУЖИНИНА.

ассистента хирургической клиники.

Рождественка, Варсонофьевскій переул., д. бр. Рябушинскихъ.

Въ Москвѣ. П. № 2227 3—3

КАРТИНЫ

ПЕЧАТ. МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ, СОБСТВЕН. ИЗДАНІЯ, ВЕСЬМА ДЕШЕВО

ДЛЯ ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ И ЭКСПОРТЕРОВЪ.

Новѣйш. иллюстр. каталоги даромъ и франко.

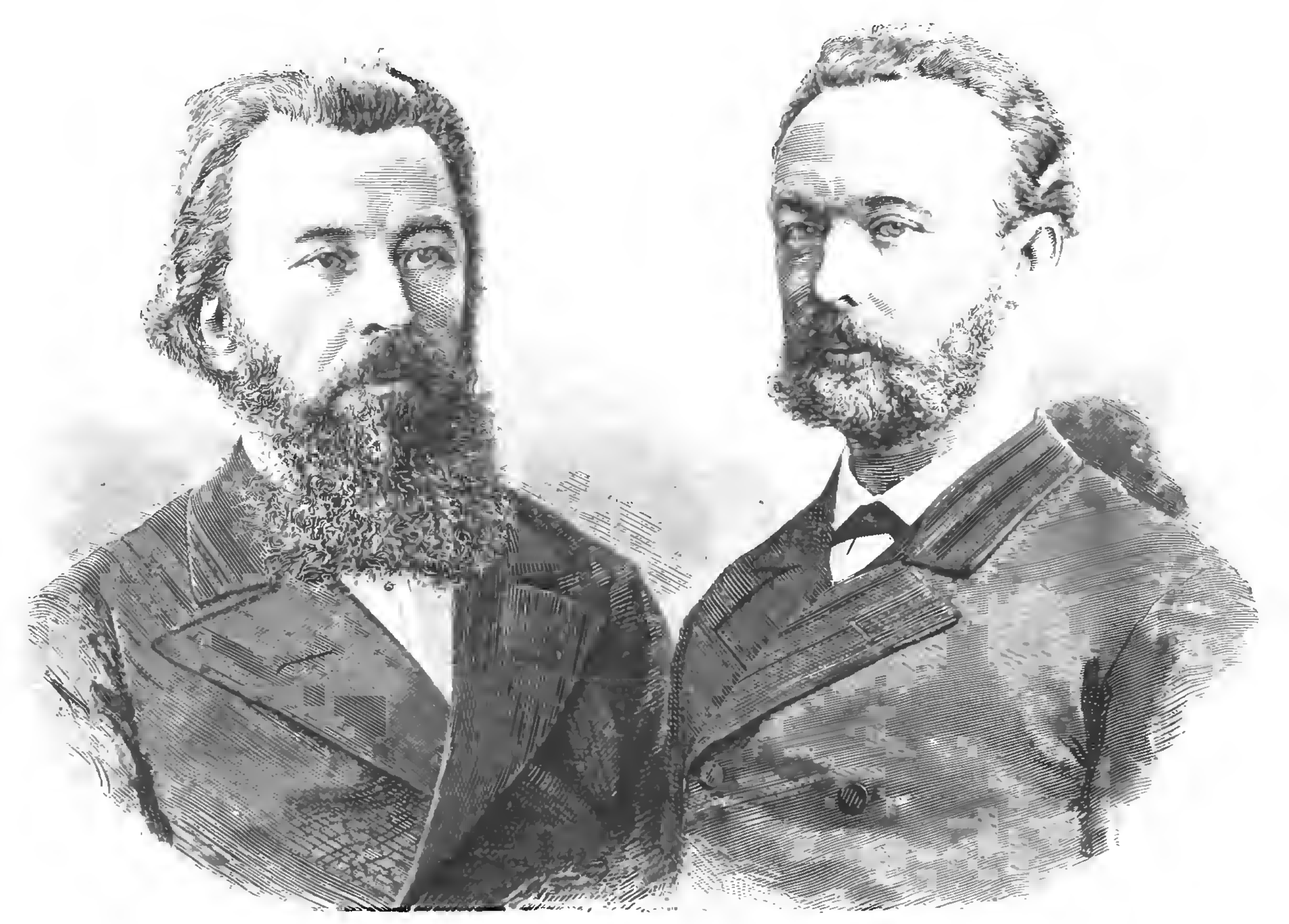
Берлинъ S. (Berlin S. Grimmstrasse 7). Карлъ Каулишъ (Carl Kaulisch).

Хромо-литографическое заведеніе и печатня.

St. № 2267 6—4

Дозволено цензурою. СПБ. 10 ноября 1882 г. - Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Прачечн. пер., № 5.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) рвзн. рис. рукод. рвботъ отъ 20 до 40 рис.)
Выданъ 20 Ноября 1882 г.
Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.



Современные русскіе хирурги. Н. В. Склифасовскій и К. К. Рейеръ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Наши извѣстные хирурги.

Изъ всѣхъ отдѣловъ медицины, хирургія сдѣлала въ послѣднее время наибольшіе успѣхи; теперь это уже не прежняя робкая, гадательная наука, а напротивъ того наука смѣлая, точная, дѣлающая дѣйствительно чудеса въ области операцій, совершенно немыслимыхъ до нашего времени. Такими операціями въ высшей степени рискованными и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющими большею частью счастливый исходъ, особенно знамениты корифеи германской хирургіи Лангенбекъ и Билльротъ. По рядомъ съ этими всемірными знаменитостями можно смѣло поставить нашего незабвеннаго Пирогова, считавшагося также однимъ изъ первыхъ хирургическихъ авторитетовъ своего времени, объ смѣлыхъ и успѣшныхъ операціяхъ котораго ходитъ до нынѣ еще въ нашемъ обществѣ такъ много легендарныхъ разсказовъ. Кромѣ того, помимо своей славы какъ оператора, Пироговъ заслужилъ не менѣе громкую извѣстность какъ анатомъ, создавшій тѣ знаменитые анатомическіе атласы, которые считаются до сихъ поръ необходимымъ пособіемъ, настольной книгой каждаго хирурга. Со смертью Пирогова его традиціи не умерли; онѣ сохранились въ рядахъ нашихъ медико-хирурговъ, большею частью его учениковъ и послѣдователей его теоретическихъ взглядовъ, явившихся результатомъ какъ его громадной эрудиціи, такъ и долгой и разнообразной врачебной практики. Изъ такихъ талантливыхъ послѣдователей Пирогова, особенною извѣстностью пользуются у насъ два хирурга, Н. В. Склифасовскій и К. К. Рейеръ, съ плодотворной дѣятельностью которыхъ въ области хирургіи мы и намѣрены познакомить нашихъ читателей.

Профессоръ Николай Васильевичъ Склифасовскій—уроженецъ Херсонской губерніи, Тираспольскаго уѣзда. Первоначальное образованіе получилъ во 2-й Одесской гимназіи, и въ 1859 г. окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ. Съ первыхъ-же шаговъ своей медицинской практики въ Одесской городской больницѣ, Николай Васильевичъ выдвинулся какъ хирургъ, успѣшная дѣятельность котораго скоро оцѣнена была гражданами города Одессы: когда въ 1869 г. Кіевскій университетъ сдѣлалъ Николаю Васильевичу предложеніе занять кафедру хирургіи, Одесская городская дума, въ экстреннομъ по этому случаю засѣданіи, постановила назначить Николаю Васильевичу, съ цѣлью удержать его въ Одессѣ, жалованье, равное профессорскому содержанію—3,000 р.

Въ 1871 году профессоръ Склифасовскій приглашенъ былъ изъ Кіева въ Петербургскую медико-хирургическую академію, въ которой въ теченіи 10 лѣтъ занималъ кафедру хирургіи. Послѣ смерти профессора Басова въ 1880 г. совѣтъ Московскаго университета единогласно избралъ Николая Васильевича на кафедру факультетской хирургической клиники, которую онъ занимаетъ съ честью и по настоящее время. Имя нашего знаменитаго ученаго извѣстно всей Россіи.

Карлъ Карловичъ Рейеръ родился въ Ригѣ 23-го октября 1846 года. Отецъ его служилъ въ русской государственной службѣ. Первоначальное образованіе Рейеръ получилъ въ Рижской гимназіи, а затѣмъ посѣщалъ Дерптскій университетъ съ 1865 по 1870 годъ. Ученикъ хирурговъ Адельмана и Бергмана, студентъ Рейеръ былъ уже ассистентомъ въ Рижской больницѣ. Во время послѣдней франко-германской войны онъ состоялъ врачемъ въ нѣмецкой арміи и послѣ сраженій подъ Вейсенбургомъ, Вертомъ и Гравелотомъ онъ довольно продолжительное время провелъ въ Мангеймѣ и Нанси. Затѣмъ вернувшись въ Дерптъ состоялъ тамъ сначала ассистентомъ въ хирургической клиникѣ, въ 1871 году—приватдоцентомъ хирургіи и въ 1874 г.—штатнымъ доцентомъ.

Еще дерптскимъ студентомъ Рейеръ усидчиво занимался избранной имъ наукой и даже былъ неоднократно командированъ за границу; между прочимъ—разъ на 1½ года въ Англію, откуда первый вывезъ въ Россію антисептическій, т. е. противугнилостный методъ леченія, надъ которымъ въ то время Фолькманъ производилъ первые опыты въ Германіи. Во время сербско-турецкой войны въ 1876 году Рейеръ началъ самъ прилагать къ дѣлу этотъ методъ, а въ 1877 году во время турецкой войны достигъ небывалыхъ доселѣ результатовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ военно-хирургическія сочиненія, какъ заграничныя, такъ и наши. За такую плодотворную и успѣшную дѣятельность, на международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ 1881 году Рейеръ былъ единогласно признанъ членомъ комитетовъ по военно-медицинскому отдѣлу. Въ послѣднюю войну Рейеръ былъ назначенъ консультантомъ-хирургомъ Кавказской арміи. Цѣлый годъ, за все время военныхъ дѣйствій, Рейеръ распоряжался перевязочнымъ пунктомъ, а также участвовалъ при бомбардированіи Карса. За эту кампанію Рейеръ получилъ ордена Св. Владиміра 4-й и 3-й степени и Св. Анны 2-й степени, всѣ съ мечами.

По возвращеніи въ Петербургъ Рейеръ былъ приглашенъ въ качествѣ консультанта-хирурга при госпиталѣ В. К. Николая Николаевича и преподавателя хирургіи въ амбулаторной клиникѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ. Въ тоже время онъ завѣдывалъ больницей для офицеровъ во дворцѣ В. К. Екатерины Михаиловны и кромѣ того состоялъ консультантомъ Максимиліановской лечебницы, лазарета-барака В. К. Маріи Эдинбургской и главнымъ докторомъ-хирургомъ въ лечебницѣ, находящейся подъ покровительствомъ В. К. Александры Іосифовны. Подъ его-же вѣдомство было отдано хирургическое отдѣленіе въ больницѣ Св. Магдалины, а также и хирургическій лазаретъ въ Стрѣльнѣ. Среди этихъ многостороннихъ занятій Рейеръ былъ назначенъ профессоромъ въ Кіевъ.

Научныя его заслуги особенно извѣстны въ болѣзняхъ суставовъ и горловыхъ операціяхъ (Laryngo-chirurg.). Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, который по методу Билльрота рѣшился вырѣзать зѣвъ и замѣнять его вставнымъ, искусственнымъ.

Эти самыя операціи составили ему быструю репутацію и заставили даже иностранныхъ ученыхъ признать его знаменитымъ въ области оперативной хирургіи.

Ночь подъ снѣгомъ.

Разсказъ **Н. Н. Каразина.**

(Окончаніе).

Вдругъ, словно надъ нашею головою чуть-чуть звякнулъ колокольчикъ, крыша землянки дрогнула и на головы наши посыпались мелкіе кусочки глины... Звукъ колокольчика повторился еще разъ...

— А вѣдь это кого-то еще Богъ привелъ! снялся съ мѣста эсаулъ и выскочилъ въ сѣни...

Казакъ смотритель бросился за нимъ, купцы почему-то стали запахиваться и креститься, а баронъ замѣтилъ, что если и прибылъ кто нибудь, то это для него, прибывшаго, весьма счастливая случайность, не болѣе...

— Только гдѣ-же тутъ умѣстится этотъ новый пріѣзжій? вопросительно поглядѣлъ онъ вокругъ себя и, на всякій случай, раздвинулъ свои чемоданы и протянулъ ноги, чтобы заблаговременно захватить лично подъ свою особу мѣсто попросторнѣй.

Застегнулъ полушубокъ и я, надѣлъ шапку и вышелъ въ сѣни, вслѣдъ за эсауломъ и смотрителемъ... Тамъ уже толпилось два или три ямщика и, при свѣтѣ фонаря, дружно работали лопатами, расчищая себѣ выходъ изъ дверей, до крыши заваленныхъ уже снѣгомъ.

Бряканье колокольчика повторилось еще, теперь много яснѣе, чѣмъ намъ послышалось въ землянкѣ. Гремя сбруею, встряхнулась и фыркнула усталая лошадь... Окликнули, но на громкій окликъ смотрителя никто не отозвался.

— Окоченѣли, поди, сѣдоки-то! тряхнулъ головою казакъ.

Лопаты заработали дружнѣе.

Сильный порывъ вѣтра внесъ къ намъ въ сѣни массы мелкаго, пушистаго снѣга и задулъ одинъ изъ фонарей, но, при слабомъ мерцаніи другаго, можно было чуть-чуть различить конецъ дуги и заиндевѣвшую морду кореннаго.

Съ громадными усиліями, запязая по поясъ въ снѣгу, помогая, а больше мѣшая другъ другу, мы добрались таки до саней и начали ихъ изслѣдовать.

— Эко навалило, не дороешься! ворчалъ смотритель... Почтенный, а почтенный! какъ васъ звать то?.. Вставайте, что ли... Пріѣхали!.. Ребята, расчищай снѣгъ у головы, бери подъ плечи!..

„Почтенный" ничего не отвѣчалъ и не шевелился, изображая изъ себя неподвижную, окоченѣлую глыбу, длинный, скутанный свертокъ насквозь промерзшей одежды.

— А ямщика-то нѣту! замѣтилъ кто-то изъ рабочихъ.

— Ищи въ передкѣ!

— Да искали—нѣту... Чортъ его знаетъ, не распознаешь путемъ—чья тройка!

— **Подъ доску не сбился-ли?**

— **Нѣту!**

— Ну такъ, помяни добромъ его душу!.. Сгибъ, значитъ... Онъ, можетъ, дорогу пошелъ нащупывать, ну и шабашъ!

— Много тутъ дороги нащупаешь... Да убери фонарь, что въ глаза суешь, кособглазый, только мѣшаешь... Ну поднимай! Бери разомъ... У-ухъ!

— Отвороти лошадь маленько... Да что глядишь, братцы, распрягай, что-ли... Пущай сами до загону дороются... Экки—олухи!

— Руки знобитъ... застыли совсѣмъ, Евстратъ Игнатьичъ...

— Ладно, разговаривай... Подняли, что ли?

— Тащимъ!

Кое-какъ, общими силами мы подняли изъ саней пріѣзжаго и внесли его въ сѣни. Это была просто неуклюжая, снѣжная масса, и уже въ сѣняхъ, въ относительномъ затишьѣ, можно было разсмотрѣть части мѣховаго воротника и ноги въ высокихъ сапогахъ.

Въ сѣняхъ же я замѣтилъ, что самое дѣятельное участіе въ розыскахъ и подниманіи тѣла принималъ нашъ молчаливый собесѣдникъ, хотя и оставшійся сначала, какъ намъ казалось, въ землянкѣ, но успѣвшій пробраться впередъ.

Онъ теперь очень суетился и все упрашивалъ не вносить „пріѣзжаго" сразу въ тепло, а дать ему здѣсь отлежаться въ сѣняхъ, облегчить отъ лишней одежды и, вообще, принять мѣры, хорошо всѣмъ намъ извѣстныя, въ подобныхъ случаяхъ.

— Дышетъ! первый же замѣтилъ онъ, засунувъ руку подъ шубу и пальто незнакомца, лицо котораго трудно было разсмотрѣть подъ башлыкомъ и слоемъ инея, густо залѣпившаго брови, усы и бороду...

Въ сѣни вышла къ намъ и Елена Ивановна и остановилась на порогѣ, зябко запахиваясь въ свою, на скоро накинутую шубку.

Сунулся и я свидѣтельствовать больнаго, нашелъ, что сердце еще билось, хотя довольно слабо, значитъ внести въ тепло не представляло особенной опасности.

Порѣшили вносить.

Тутъ уже всѣ принялись хлопотать... И купцы, и наша дама, всѣ, кромѣ только барона, который осыпалъ насъ совѣтами, хотя самъ лично и не трогался съ своего мѣста.

Пріѣзжаго раздѣли, уложили на полъ, подостлавъ предварительно разной мягкой рухляди, вытерли водкою лицо, руки, грудь, разули и осторожно влили въ ротъ ложечку теплаго рому.

Больной повиновался намъ совершенно безсознательно и, казалось, находился въ полномъ безпамятствѣ... Его прикрыли сверху двумя тулупами. Елена Ивановна *предложила оставить его пока въ полномъ покоѣ.*

— Самъ отойдетъ черезъ часикъ, говорила она... Я знаю, я видала такихъ многихъ на своемъ вѣку... Самъ отойдетъ и заговоритъ, тогда и можно будетъ въ волю отпоить горяченькимъ, а пока не надо.

— Ему бы полынной рюмочку пропустить—она живо дѣйствуетъ, предложилъ старшій купецъ.

— А нѣтъ того лучше, какъ ежели прямо въ баню, да на полокъ! предложилъ младшій.

Но такъ какъ бани подъ руками не было, то этотъ дикій совѣтъ не грозилъ больному своимъ осуществленіемъ.

Всѣ въ землянкѣ заговорили тише, въ полголоса, всѣ стали сдержаннѣй, только баронъ замѣтилъ:

— Ну, вотъ и безъ драматическаго эпизода... прекрасно!

При этомъ баронъ, почему-то, счелъ нужнымъ засмѣяться, и даже довольно громко, но этотъ смѣхъ остался безъ всякаго отвѣта и сочувствія.

Настало неловкое, даже какое-то особенно тяжелое молчаніе. Всѣхъ словно смущало присутствіе этого лишняго, полумертваго человѣка... Купцы нервно зѣвали и крестили рты, эсаулъ усиленно пыхтѣлъ трубочкою, баронъ, должно быть, измышлялъ еще что нибудь поостроумнѣе, Елена Ивановна второй разъ принялась мыть и перетирать чайные стаканы.

Веселая развязность, съ которою мы бесѣдовали до сихъ поръ, словно испарилась, даже казакъ смотритель и тотъ, видимо, чувствовалъ себя не въ духѣ и, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ, перечитывалъ правила о проѣзжающихъ, висѣвшія въ крашеной рамкѣ, за разбитымъ, закоптившимся стекломъ.

— Вотъ говорили недавно, господа, о Божьемъ предопредѣленіи, послышался дрожащій голосъ молчаливаго собесѣдника... Вотъ и они-съ говорили... И вотъ они тоже-съ...

— Да подойдите поближе сюда... сядьте здѣсь... засуетилась Елена Ивановна, на мѣстѣ даже задвигалась. Баронъ, уберите пока ваши ноги, дайте мѣсто... Вотъ сюда...

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Ахъ Боже мой, не извольте безпокоиться, покраснѣлъ „сердешный", очевидно глубоко тронутый и вмѣстѣ смущенный этимъ вниманіемъ.

— Мало васъ что-ли продуло-то, у дверей сидючи... Идите сюда! скомандовалъ эсаулъ.

— Подь, подь, милый человѣкъ, погрѣйся тоже... Вотъ ихъ высокоблагородіе убрали ножки... Занимай лавку!.. заговорили и оба купца...

— Садитесь! пригласилъ и баронъ, дѣйствительно убирая свои длинныя ноги.

Но „молчаливый" такъ и остался на своемъ прежнемъ мѣстѣ, робко и пристально поглядывая во всѣ стороны.

И въ его взглядахъ такъ и сквозила мысль: „ну вотъ, молъ, не утерпѣлъ, съ души сорвалось, съ сердца прямо... Языкъ глупый подхватилъ это, а теперь что же, какъ же теперь... Неужели разсказывать?!.."

— Вы, голубчикъ, начали что-то, заговорила Елена Ивановна. Все вы молчали,—а вотъ теперь начали, ну и разскажите намъ... пожалуйста... а мы слушать будемъ... Я уже слушаю... Ну!..

— Елена Ивановна... я могу... я вамъ могу... извините господа... я... я... вотъ насчетъ какъ Богъ велитъ, какъ кому указано...

— Выпей рюмочку, накось! толкнулъ его подъ локоть одинъ изъ купцовъ, выпей—ничего.

Но „молчаливый" отвелъ руку со стаканомъ и наконецъ заговорилъ.

Сначала разсказъ его не особенно вязался, прерывался и путался, но послѣ, по мѣрѣ того какъ онъ овладѣвалъ общимъ вниманіемъ, лицо его оживилось, онъ смотрѣлъ прямо въ глаза Еленѣ Ивановнѣ, словно одной *ей разсказывалъ свою исторію.*

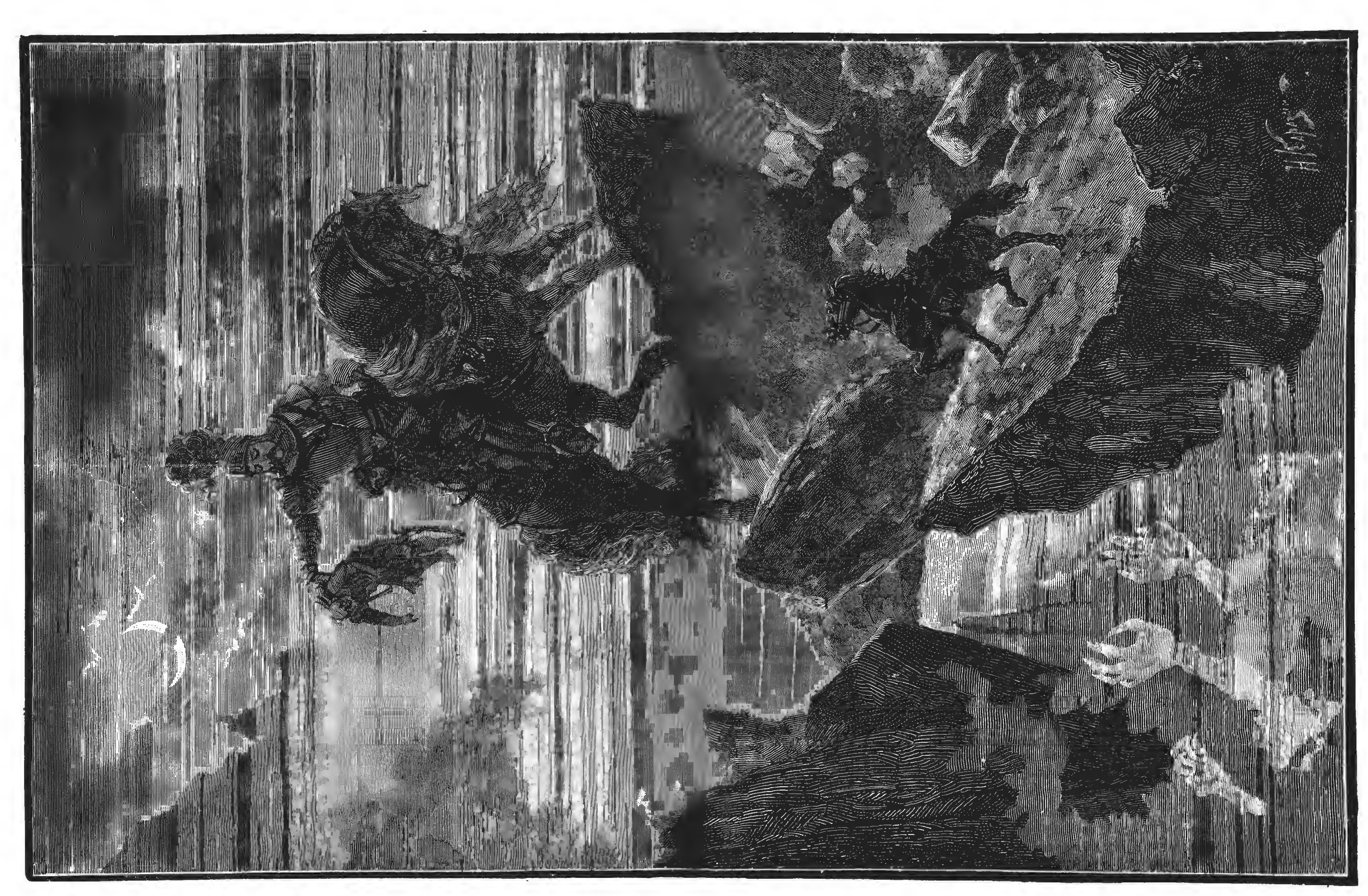
Голосъ зазвучалъ сильнѣе, короткія, опредѣленныя мысли и образы—лились плавно, картинно складываясь въ одно цѣлое.

— Было это давно, лѣтъ десять тому... нѣтъ, нѣтъ—больше, гораздо больше!.. Десять лѣтъ это особенныхъ, а передъ этимъ года два, да послѣ вотъ третій идетъ... значитъ... такъ вотъ тогда и было это... Ну... Господа, вы меня извините пожалуйста—Бога ради... Ну, право, же это совсѣмъ неинтересно... я лучше...

Разсказчикъ умоляющими глазами окинулъ собраніе, его смущеніе было полное... Глядя на него, казалось, что ему легче было бы провалиться сквозь землю въ эту минуту, чѣмъ быть предметомъ общаго вниманія.

— Нѣтъ, братяга, шалишь! принадвинулся къ нему младшій купецъ... Завелъ машину, выкладывай! Трогай!..

— Говорите! произнесла Елена Ивановна, и какъ-то особенно произнесла... Не приказаніе это было, не просьба, а что-то другое,—такое, чего нельзя ослушаться, нельзя не исполнить... Она взглядомъ и жестомъ заставила разсказчика подняться съ своего неудобнаго мѣ-



Литературный альбомъ. „Страшная месть“, повѣсть Н. В. Гоголя. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

ста и занять другое, подлѣ стола, такъ близко отъ нея самой, что рукою достать можно было бы, и... Баронъ сдѣлалъ кислую гримасу очевидно замѣтивъ то, что и всѣ мы видѣли; а видѣли мы, какъ Елена Ивановна наложила свою пухлую, красивую ручку на тощую, закорузлую руку „сердешнаго“ и крѣпко сжала ее, повторивъ еще разъ при этомъ свое: говорите!

Вздохнулъ человѣкъ легко и отрадно, словно гору съ плечъ скинулъ, только рукавомъ полушубка смахнулъ что-то заискрившееся у него въ глазахъ и уже теперь заговорилъ безъ перерывовъ.

— У меня невѣста была тогда, то есть нельзя сказать чтобы совсѣмъ невѣста, какъ вотъ бываютъ объявленныя. Я дѣвушку одну шибко любилъ, такъ любилъ, что и въ сердцѣ у меня ни для кого мѣстечка бы не оказалось, мать родную, а и ту, покойницу вытѣснила у меня эта дѣвушка и совсѣмъ взяла себѣ мою душу... и она меня тоже... не знаю впрочемъ.

— Ну вѣрно любила и очень тоже—я такъ думаю, вставила Елена Ивановна.

— Любила, чуть слышно повторилъ за нею разсказчикъ... Такъ вотъ, отецъ ейный видѣлъ это и молчалъ, а меня принималъ, и какъ хорошо принималъ, называлъ просто по имени такъ Яшею... „Яша, говоритъ, сходи туда—Яша сдѣлай то...“ Все одно какъ за родного сына считалъ... Онъ говорилъ мнѣ разъ: „ты, Яша, погоди немного, оно прочнѣе будетъ. Теперь вотъ тебя въ подпоручики произвели, ты человѣкъ трезвый, непьющій—тебѣ непремѣнно роту дадутъ... Тогда ты человѣкъ съ положеніемъ будешь, а это не уйдетъ.“

— Конечно, понималъ я къ чему тутъ рѣчь идетъ, отчего не подождать, мы не въ разлукѣ вѣдь были: какъ не на службѣ, все время вмѣстѣ, только ночевать бѣгалъ въ свою квартиру, а то все вмѣстѣ... Тутъ и ждать долго не пришлось... Стряслась бѣда у насъ съ командиромъ третьей роты; полезъ въ прорубь купаться, въ Крещеніевъ день, выпивши былъ очень, не выдержалъ послѣ, захворалъ и померъ отъ тифа. Глядь, приказъ по батальону... „принять, молъ, роту подпоручику Чижикову, на законномъ основаніи“. Захлопотался я, засуетился, дѣло то вѣдь не шуточное, ежели чтобы все было въ порядкѣ; однако, въ двѣ недѣли управился... ну докладываю у своихъ... готово! Лена рада-радешенька, сама за меня ротные списки и рапорты писала. Отецъ тоже смѣется, да усы сѣдые крутитъ... Я, ужъ что говорить, земли подъ ногами не слышу... Только, зовутъ меня къ генералу.

— Одѣлся по формѣ, прихожу... и—чтобы вы думали?!. „Собирайтесь, говоритъ, сейчасъ въ дорогу, да и не близкую“... Дѣло въ томъ оказалось, что казначей нашъ заболѣлъ внезапно, а ему надо было ѣхать, дѣло было въ Екатеринбургѣ казенное, большое дѣло, и съ собою деньги везти, да не много—не мало сорокъ двѣ тысячи... „Я, говоритъ генералъ, кромѣ васъ никому этого поручить не могу, поѣзжайте съ Богомъ!“

— Я было заикнулся насчетъ своего положенія, а генералъ улыбнулся... „Знаю, говоритъ, знаю, какъ вернетесь назадъ, самъ и посаженнымъ у васъ буду... А теперь... маршъ!“

— Прихожу „къ своимъ“ — разсказываю... Старикъ мнѣ въ отвѣтъ: „что-жь, отъ службы не отказываются, командировка хорошая и почетная, въ формуляръ занесется“... Лена оторопѣла было маленько...

— Вотъ уже нисколько! чуть слышно прошептали губы Елены Ивановны...

— Собрался я однимъ днемъ, простился, запряталъ въ сумку на грудь деньги и бумаги, сѣлъ въ сани и погналъ, не переводя духу... День за днемъ, ночь за ночью... На шестыя сутки прискакалъ въ Омскъ, тамъ надо было остановку, тоже по казенному дѣлу, на двое сутокъ имѣть... Тоже знаю какъ поступать, инструкцію вызубрилъ наизусть. Сейчасъ въ казначейство... „Потрудитесь принять на храненіе, до выѣзда! Сдалъ деньги, квитанцію выправилъ, думаю: „отдохну покойно!“ За шесть то сутокъ непрерывнаго гону всего разломало...

— Написалъ письмо къ Ленѣ, все подробно въ этомъ письмѣ обозначилъ, выспался, заглянулъ въ общій залъ, пообѣдать тоже захотѣлось почеловѣчески... Вотъ тутъ и началось оно самое.

— Я уже и щи свои отхлебалъ и бифштексъ съѣлъ, закурилъ папироску, подходитъ ко мнѣ господинъ одинъ, фуражка въ рукахъ форменная, одежда въ порядкѣ и сумочка черезъ плечо.

— А мы, говоритъ, съ вами товарищи. Вы вѣдь господинъ Чижиковъ.

— Такъ точно, отвѣчаю, моя фамилія Чижиковъ.

— Я васъ въ казначействѣ сегодня утромъ видѣлъ; мы съ вами тамъ по одному дѣлу. Вы вѣдь деньги сдавали на храненіе, до отъѣзда.

— Да, говорю, деньги сдавалъ казенныя...

— Я тоже... Опасно, знаете, держать при себѣ въ трактирѣ такую сумму... Мало ли что можетъ случиться... Я вотъ теперь въ Екатеринбургъ ѣду, деньги, положимъ, не казенныя везу, а своего довѣрителя, однако большія, тысячъ за сто будетъ... Тоже сдалъ пока на храненіе.

— Да и я тоже въ Екатеринбургъ, бухнулъ я съ дуру.

— Знаю. И вотъ мнѣ очень пріятно познакомиться... Здѣсь мѣста пойдутъ весьма небезопасныя, народъ все подлецъ на подлецѣ... Такъ не поѣдемъ ли вмѣстѣ... Ахъ, говоритъ, виноватъ, позвольте познакомиться: Гуровскій, Станиславъ Ивановичъ...

— Познакомились мы... Думаю я эдакъ: оно хоть, положимъ, неудобно съ попутчикомъ при казенной суммѣ, однако все же вдвоемъ смѣлѣе какъ то... Вишь онъ говоритъ „мѣста опасныя“, народъ воръ. Онъ тоже деньги везетъ большія... Однимъ словомъ попуталъ меня лукавый.

— А тотъ, Гуровскій то этотъ, сейчасъ распоряженіе сдѣлалъ... Подали бутылку шампанскаго, затѣмъ другую... Меня впрочемъ не неволилъ пить, чокнулись только бокалами; я одинъ всего и выпилъ, а то все Гуровскій одолѣлъ... Взялъ онъ съ меня слово, чтобы выѣхать вмѣстѣ... Въ свое время и выѣхали...

— И что за душа человѣкъ оказался этотъ мой попутчикъ, такой открытый, такой честный, всю мнѣ душу свою на первыхъ двухстахъ верстахъ выложилъ... разсказывалъ, какъ онъ влюбленъ, какъ невѣста его любитъ, меня самого дурака на откровенность вытянулъ... Тьфу!.. Только имя дорогое опоганилъ... А ѣхали мы по моей подорожной, потому моя казенная изъ курьерскихъ, а у того, говоритъ, частная...

— На вторыя сутки къ ночи, верстъ мы уже безъ малаго четыреста пятьдесятъ отъ Омска отъѣхали, остановились мы ночевать. Зналъ я, что этого не допускается тоже по положенію, да уговорилъ собака... Притворился, что его разбило очень, упросилъ хоть часика три простоять... А станція попалась нервѣйшая, шпалерами оклеена и съ особою горницею... Эту-то горницу мы и заняли... Осмотрѣлъ онъ замки у дверей, окна освидѣтельствовалъ, сумку подъ голову свою положилъ и револьверъ около. Самоваръ намъ подали... А уже больше, вотъ хоть убей, ничего не помню.

— Проснулся я, головы поднять не могу, во всемъ тѣлѣ ну ни капли силы не осталось, руки, ноги какъ плети лежатъ на постели... и уже комната не та, а смотрителева, и смотритель самъ, спиною ко мнѣ, сидитъ за столомъ и въ книгу пишетъ... Окликнулъ—не сразу и голосъ мой заслышали, однако обернулся смотритель и говоритъ: „ну слава Богу!.. А я уже и увѣдомленіе послалъ въ городъ, думалъ помрете здѣсь, на станціи...“

— Хватился я за грудь... сумку ищу... Раздѣтъ я до гола, въ одной рубашкѣ лежу, подъ одѣяломъ. Ударило меня въ голову и опять забытье настало... Послѣ

мнѣ уже разсказывали, что безъ малаго двѣ недѣли я въ память не приходилъ, метался, бредилъ... Фельдшеръ какой-то пріѣзжалъ, поглядѣлъ и уѣхалъ, пузырекъ только лекарства оставилъ... Какъ все объяснилось—смотритель мнѣ говоритъ:—„Вы, ваше благородіе, меня въ такія дѣла не путайте, а что Гуровскаго я никакого не знаю, попутчикъ же вашъ, это точно, еще разсвѣтать путемъ не начинало, выѣхалъ, по своей собственной подорожной, васъ будить не приказалъ... Да у меня, говоритъ, и въ книгѣ его подорожная записана: вотъ, извольте читать: мѣщанинъ красноярскій Ефимъ Мохровъ по частной надобности...“ Сообразилъ я, въ чемъ дѣло, да сообразивши, представивши все, опять чуть и памяти и разсудка не хватился. Первымъ дѣломъ въ церковь пошелъ, потомъ письмо написалъ къ Ленѣ—все ей-же, кому же больше. Что же думаю тутъ оставаться, надо либо въ Омскъ, либо въ Екатеринбургъ, до Омска то все таки ближе, рѣшилъ туда и ѣхать, заявить по начальству. Далъ мнѣ смотритель такую записку, чтобы изъ станціи на станцію, на обратныхъ препровождали, потому денегъ у меня не осталось ни копѣйки. Все обокралъ, прок...

Чижиковъ оборвалъ на половинѣ бранное слово, пристально посмотрѣлъ туда, гдѣ лежалъ пріѣзжій больной и продолжалъ разсказъ.

— Дотащился до Омска, явился... тѣнь тѣнью, на человѣка даже не похожъ сталъ, не то на порядочнаго офицера. Посадили меня подъ караулъ, начали слѣдствіе... Только и утѣшенья мнѣ было что писать къ Ленѣ, а отъ нея нѣтъ ни слова въ отвѣтъ... Послѣ уже отъ отца получилъ коротенькое письмо. Пишетъ, что молъ если оправдаюсь, обѣлюсь, тогда еще посмотримъ какъ и что, а чтобы теперь я не докучалъ дочери письмами и безъ того ей горе неподсильное...

— Безъ малаго два года шли розыски, да слѣдствіе... Свидѣтелей все разыскивали, нашлись такіе, что показали, какъ я въ гостинницѣ шампанское пилъ, кутилъ, говорятъ шибко... Да куда же я могъ деньги то, сорокъ тысячъ дѣть... Вѣдь деньги, хоть бы и прокученныя, слѣдъ широкій оставляютъ, видный слѣдъ. И приговорили меня, за небрежное храненіе и умышленную растрату якобы казенной суммы, по лишеніи всѣхъ правъ и личныхъ и по преимуществу, въ острогъ на четыре съ половиною года, да на пять съ половиною на поселеніе, безвыѣздно и подъ присмотромъ... Убили человѣка... Душу убили, не тѣло... Тѣлу что! тѣло-то вотъ выдержало, до сихъ поръ держится... И осталась у меня одна отрада, одно утѣшеніе—это, что приведетъ же Богъ встрѣтиться когда нибудь съ злодѣемъ своимъ, съ воромъ окаяннымъ... Этою мыслью и жилъ я только, объ этомъ одномъ и денно и нощно молилъ Всевышняго...

— Все что было для меня дорогаго, все прошлое, все острогомъ и каторгою отгорожено, заслонено на глухо...

— А объ Ленѣ вашей, вы тоже забыли? первымъ, взволнованнымъ голосомъ спросила Чижикова Елена Ивановна.

— Съ опоганенными устами къ причастной чашѣ не прикасаются, понурилъ голову разсказщикъ.

— А того подлеца такъ и не розыскали? спросилъ сѣдоусый эсаулъ.

— Нашелъ! тихо-тихо, чуть слышно проговорилъ Чижиковъ... и опять покосился въ ту сторону, гдѣ больной лежалъ.

Всѣ мы невольно взглянули туда же и видимъ, какъ тотъ приподнялся на локоть и смотритъ на насъ страшными глазами, безцвѣтными, безжизненными, словно у трупа... Лицо его исказилось, нижняя губа отвисла... Онъ силился подняться на ноги, но не могъ... Онъ страшно страдалъ. Это видно было, но никто изъ насъ не въ силахъ былъ броситься къ нему на помощь... Противно, гадко какъ-то стало, словно передъ нами не человѣкъ страдалъ, а корчилось въ предсмертной агоніи отвратительное, ядовитое животное...

— Нашелъ! повторилъ снова Чижиковъ... Самъ Богъ привелъ Своею святою волею!.. Богъ привелъ, Богъ и накажетъ тебя, или проститъ... какъ... какъ... ну—хоть какъ я тебя прощаю...

Мучительно, болѣзненно застоналъ больной, рванулся еще разъ и вытянулся... А тутъ, слышимъ мы, и съ Еленою Ивановною что-то странное приключилось... Рыдаетъ она какъ ребенокъ малый, обняла шею Чижикова, припала къ нему на плечо головою, только и можно разобрать что: „Яша, да Яша мой бѣдный, мой дорогой“...

— Богъ такъ оказія! сталъ тутъ на отмашъ креститься старшій купецъ... Это точно Божье предопредѣленіе... Перстъ—онъ самый Господень...

Баронъ тоже спохватился, засуетился по своему—говоритъ, что арестовать надо немедленно сего заподозрѣннаго, что онъ это можетъ губернаторскою властью, что онъ доложитъ и прочее...

Только хлопоты его ни къ чему не повели, потому что къ утру арестовать было не кого, не кого и судить судомъ человѣческимъ...

Вынесли въ сѣни мертвое тѣло, прикрыли лицо шинелью, а тутъ и разъясниваться стало, даже солнышко выглянуло, и вся степь озарилась, бѣлая, безконечная, вся сверкающая чудными брилльянтами.

Всѣмъ намъ было въ одну сторону, всѣ мы разомъ и выѣхали, да сейчасъ же остановились, на слѣдующей станціи—потому, какъ купцы говорили: „тамъ оно не сподручно было, въ виду... упокой Господи его душу многогрѣховную, а здѣсь расчудесно—поздравить жениха съ невѣстою!..“

Елена Ивановна охотно приняла это предложеніе, эсаулъ троекратно провозгласилъ: ура! Купцы просто заходили около своихъ погребцовъ... Даже баронъ не погнушался и выпилъ, чтобы ни того, ни другаго не обидѣть, и полынной и рябиновой.

На островѣ.

Разсказъ.

— Что съ тобой, Стина? Что тебя тревожитъ, дитя мое? Цѣлую ночь ты ворочалась съ боку на бокъ. Не надо ли тебѣ чего?

— Нѣтъ, бабушка, мнѣ ничего не надо; я все слушаю вѣтеръ: онъ такъ страшно выл эту ночь! На меня такой ужасъ нападаетъ и сказать не могу!

— Бывало частенько и хуже этого,—замѣтила бабушка, а за Гильриха тебѣ нечего бояться: онъ еще вчера, а можетъ быть и третьяго дня въ Англіи.

— Нѣтъ, я не о братѣ Гильрихѣ, а...

Это „а“ бабушка не слыхала, потому что Стина, желая заглушить вырвавшееся рыданіе, спрятала лицо въ подушку.

Разговоръ велся въ ноябрскую ночь, въ крайнемъ, невзрачномъ домикѣ маленькой деревушки одного изъ песчаныхъ острововъ Сѣвернаго моря. Тальке Тедденъ жила въ этомъ домикѣ со своими внучатами: 18-ти лѣтней Стиной и 13-лѣтнимъ Нильсомъ. Семьдесятъ пять разъ слышала она на своемъ вѣку вой вѣтра на островѣ и очень можетъ быть, что сѣверозападный вѣтеръ бушевалъ и посильнѣе, чѣмъ въ эту ночь; но теперь подозрительно примѣшивался къ его реву глухой громъ набѣгающаго на дюны прибоя. Нѣкоторое время бабушка съ внучкой лежали покойно въ своихъ постеляхъ, какъ вдругъ наружи раздался страшный трескъ и Стина въ отчаяніи вскрикнула:

— Бабушка, корабль въ опасности! Это сигнальный выстрѣлъ.

— Какая ты глупая, Стина, сказала бабушка, У пекаря Гердеса опять забыли закрыть слуховое окно, опять оно хлопнуло, вотъ и все. Кажется не первый разъ. Дай по крайности покой хоть мнѣ, старухѣ. А сама думала: „Такъ оставить нельзя: надо завтра переговорить съ ней обстоятельно“. Съ этими мыслями она заснула, а Стина долго еще сидѣла на кровати и прислушивалась къ шуму бури. Когда порывы вѣтра стали слабѣе

и рѣже, она наконецъ сомкнула заплаканные глаза и уснула.

— Ну что, Нильсъ, освѣдомилась на другое утро бабушка, садясь съ внучатами за чисто выстроганный сосновый столъ въ кухнѣ, на которомъ стоялъ налитый Стиной чайникъ, любимый напитокъ островитянъ,—ты пойдешь сегодня въ школу, или опять побѣжишь на дюны?

— Это какъ придется; учитель сказалъ, что если погода сегодня будетъ дурная, то будемъ учиться, а если поправится, такъ и сегодня и завтра можемъ оставаться на берегу.

— Ну тогда смѣло можешь идти въ школу, сказала фрау Тальке, потому что насколько я знаю погоду, цѣлый день будетъ вѣтряно, а къ вечеру, вѣрнѣе всего, буря опять разыграется. Уложи книги, да не забудь Библію, какъ въ прошлый разъ.

Нильсъ охотнѣе бы пошелъ на берегъ, чѣмъ въ школу, выбравъ меньшее изъ двухъ золъ, но не ему былъ предоставленъ выборъ. Онъ ничего не возразилъ на приказаніе бабушки, связалъ ремнемъ книги, надѣлъ на голову промасленную шляпу, охранявшую отъ дождя, и вышелъ изъ дома очень недовольный.

Стина тѣмъ временемъ перемыла посуду и поставила ее на свое мѣсто, затѣмъ пошла въ горницу и взяла прялку, стоявшую въ углу, слѣдуя примѣру бабушки, которая вынула шерсть изъ мѣшка и стала прясть. Деньги, выручаемыя на материкѣ за пряжу, уходили на хозяйственныя нужды ихъ бѣднаго домика.

Колесо бабушкиной прялки вертѣлось съ однообразнымъ жужжаньемъ. Стина тоже принялась за работу, какъ вдругъ съ порывомъ вѣтра въ ставни застучалъ градъ съ дождемъ. Обѣ переглянулись. „Я такъ и знала“, хладнокровно подумала старуха.

— Ты говоришь, бабушка, робко спросила внучка,—что къ вечеру буря опять разыграется, какъ вчера?

Бабушка пристально взглянула на внучку сквозь роговыя очки своими проницательными сѣрыми глазами.

— Да, Стина, я такъ думаю, и легко можетъ случиться, что погода будетъ и хуже вчерашней, только вотъ что мнѣ любопытно знать, сказала она съ разстановкой, почему ты такъ глупила въ прошлую ночь, да и эту кажется собираешься также провести? Живя на островѣ, пора намъ привыкнуть къ вѣтру. Объясни, пожалуйста, что съ тобой?

Стина на минуту остановила прялку, покраснѣла, потомъ опять завертѣвъ ее, закрыла лицо руками и проговорила, всхлипывая:

— Ахъ, бабушка, это я объ Теѣ Иббенсѣ: онъ третьяго дня вышелъ изъ Эмдена въ море...

— Вотъ что, замѣтила бабушка съ видимымъ спокойствіемъ. Какое тебѣ дѣло до Тея Иббенса и его судна?

— Мы, бабушка, дали другъ другу слово, съ отчаяніемъ въ голосѣ отвѣтила дѣвушка.

— Вотъ какъ: дали слово! Тогда дѣло ясное, сказала Тальке. Чего только эти ребята не затѣютъ. Ну слушай, Стина, что я тебѣ скажу: изо всей этой исторіи ровно ничего не выйдетъ. Или можетъ быть отецъ Тея далъ на это свое согласіе? Нѣтъ? Видишь—я очень хорошо знаю, что онъ на это никогда не согласится. Я знаю Иббенсовъ: они смотрятъ на карманъ, и у кого нѣтъ денегъ, тотъ имъ не нуженъ, тѣмъ они пренебрегаютъ.

— Тей никогда! воскликнула Стина. Тей совсѣмъ не такой. Зачѣмъ же онъ тогда давалъ слово?

— Почему я могу знать, что взбредетъ на умъ глупому парню, замѣтила нѣсколько насмѣшливо бабушка. Если еще онъ не жаденъ, Стина, такъ будетъ жаднымъ до денегъ. Я ли не знаю ихъ? Я разскажу тебѣ, дитя мое, продолжала старуха, въ то время какъ Стина съ заплаканными глазами связывала порвавшуюся нитку,—я тебѣ разскажу, почему знаю ихъ такъ хорошо. Братъ Теева отца, Эди Иббенсъ, обручился съ моей младшей сестрой Триной, хотя противъ этого и была вся его родня. Онъ однако не обратилъ на ихъ возраженія никакого вниманія, и оба они обращались другъ съ другомъ какъ женихъ съ невѣстой. Онъ былъ такой же матросъ, какъ Тей, и отплылъ на своемъ суднѣ въ далекое плаванье, въ Америку, или дальше, не помню въ какое мѣсто. Тѣмъ временемъ родные писали ему письма, что онъ могъ бы найти невѣсту и побогаче, а Трину бросить. Сначала это конечно на него не дѣйствовало, а потомъ, когда онъ вернулся, замѣтили въ немъ перемѣну. Два мѣсяца онъ пробылъ дома, а затѣмъ опять уѣхалъ и изъ Англіи написалъ Тринѣ письмо, въ которомъ говорилъ, что лучше разстаться, потому что сближенье и съ той и съ другой стороны опрометчиво. Я еще давно слышала, какъ онъ сватался за толстую и богатую вдову трактирщика, Беку Зимсъ, изъ Твешензиля, и дѣйствительно, какъ только вернулся осенью, такъ и обручился съ ней. Трина вскорѣ послѣ письма отправилась на материкъ пріискивать мѣсто, потому что не желала больше съ нимъ встрѣчаться. Она нашла хорошаго хозяина, съ ней обращались какъ съ родной, но или вслѣдствіе перемѣны климата, или потому, что она не могла забыть своего Эди, только она умерла сухоткой спустя два года. Теперь понимаешь, Стина, почему я не допускаю твоихъ близкихъ отношеній къ Иббенсу. Позволять имъ презрительно глядѣть на насъ черезъ плечо, да мучиться изъ-за нихъ—этого еще не доставало. Короче сказать: самое лучшее—выкинуть поскорѣе Тея изъ головы.

— Но, бабушка, я его такъ люблю, отвѣчала Стина, всхлипывая и вытирая передникомъ мокрые отъ слезъ глаза.

— Всегда вѣдь такъ, сказала Тальке, — молодыя дѣвушки всегда думаютъ, что не могутъ жить безъ того, кто заберется имъ въ голову; а ты вотъ что: разведи-ка огонь и принеси углей для грѣлки, не то опять у меня ноги будетъ ломить.

Стина исполнила приказаніе: развела огонь въ кухнѣ на низенькомъ очагѣ, поставила бабушкину грѣлку и принялась чистить картофель. Она была рада, что работаетъ въ кухнѣ: покрайности бабушка не видитъ, какъ она не можетъ удержаться отъ слезъ. Она была въ глубокомъ горѣ. Вѣдь по словамъ бабушки, если даже Тей и избѣгнулъ опасности на бурномъ Сѣверномъ морѣ, то все равно для нея потерянъ. Но нѣтъ, она этому не хочетъ вѣрить. Вѣдь они такъ любятъ другъ друга. Другіе Иббенсы могли быть какими угодно, а Тей любилъ не изъ-за денегъ. Понятное дѣло, безъ копѣйки тоже нельзя, и если его отецъ не обезпечитъ, какъ они заведутъ свое хозяйство, особливо теперь, когда доходы такъ невелики, а она не можетъ принести съ собой ни одного пфеннинга.

Въ это время дверь вдругъ съ шумомъ растворилась и вбѣжалъ Нильсъ—спасаясь отъ дождя. Книги онъ засунулъ подъ толстую куртку, а въ правой рукѣ держалъ платокъ, все содержимое котораго, состоявшее изъ мелкихъ тѣмносѣрыхъ ракушекъ, мгновенно высыпалъ Стинѣ на столъ.

— Нильсъ, ты опять былъ на берегу? спросила съ упрекомъ Стина. Ты знаешь какъ бабушка недовольна, когда ты лазаешь тамъ по каменьямъ. Только обувь портишь.

— Башмаки я снялъ, отвѣчалъ Нильсъ. Неужели ты думаешь, Стина, что мнѣ пріятно каждый день ѣсть одинъ картофель да кашу? Если у насъ нѣтъ денегъ на мясо, такъ кто же меня обвинитъ, что я хоть ракушекъ да достаю. Да и надоѣло мнѣ здѣсь. Будетъ ужъ. На будущій годъ послѣ конфирмаціи наймусь на Пасху куда нибудь въ матросы, какъ Гильрихъ...

— Ахъ, Нильсъ, подумай хорошенько сначала, сказала Стина,—вѣдь жизнь матроса вовсе не легка: у нихъ столько заботъ...

— Все это вздоръ, отвѣчалъ Нильсъ съ достоинствомъ,—я во всякомъ случаѣ буду матросомъ.

Онъ что-то еще хотѣлъ сказать, но въ эту минуту изъ смежной комнаты вышла бабушка и онъ счелъ за самое лучшее не распространяться дольше о своихъ планахъ. Завтракъ прошелъ среди обычнаго молчанія. О ракушкахъ, которыя Стина по обычаю островитянъ поджарила, бабушка ни сказала ни слова: внучка очень предусмотрительно сообщила ей, что Нильсъ собиралъ ихъ босикомъ. Только когда мальчикъ послѣ завтрака сталъ собирать книги, чтобы идти въ школу, она сказала: „приходи домой ровно въ четыре часа: я не хочу, чтобы ты шлялся по деревнѣ, или по берегу“...

Вымывъ посуду, обѣ женщины сѣли опять за прялки, желая извлечь всю возможную пользу изъ сумерекъ короткаго зимняго дня. Около половины четвертаго, когда начало темнѣть, старуха Тальке отставила прялку. „Стина, сказала она, дай мнѣ капоръ и платокъ, я схожу на деревню“.

У Стины отъ удивленія руки опустились. Это было такое рѣдкое явленіе: бабушка уходила изъ дома и въ такую погоду! Буря, нѣсколько стихнувъ къ полудню, опять усилилась, шелъ въ перемежку снѣгъ и дождь. Стина знала, что разъ бабушка рѣшитъ, такъ кончено; она спросила только, не выпьетъ ли она кофе предъ уходомъ. Фрау Тальке отвѣчала что нѣтъ, что она выпьетъ его, когда вернется. Долго на деревнѣ она не пробудетъ и они могутъ подождать ужинать до нея.

Стина съ стѣсненнымъ сердцемъ поглядѣла вслѣдъ ушедшей бабушкѣ. Она предчувствовала, куда пошла Тальке: она пошла къ Фолькерту Иббенсу, отцу Тея, который жилъ на другомъ концѣ села и считался за самаго состоятельнаго человѣка. Она въ короткихъ и жесткихъ словахъ разскажетъ о томъ, что между ея внучкой и его сыномъ, послѣ чего родные Тея пустятъ въ ходъ тѣ же средства, какія пускали для того, чтобы разстроить свадьбу брата Фолькерта съ ея двоюродной бабушкой Триной. Насколько она была увѣрена, говоря бабушкѣ, что Тей совсѣмъ „другой“, что онъ останется вѣренъ ей, настолько же сжалось теперь ея сердце при мысли о томъ препятствіи, которое можетъ встать между нимъ и ею. Нильсъ тоже былъ удивленъ, когда, воротясь изъ школы, не нашелъ бабушки на ея обычномъ мѣстѣ; онъ сначала даже не хотѣлъ вѣрить, что она ушла на село. Скоро бабушка вернулась, дала Стинѣ снять съ себя намокшій платокъ, приказала Нильсу положить въ грѣлку свѣжихъ углей и сѣла съ внучатами ужинать. Гдѣ она была—она не говорила и, конечно, никто не рѣшился ее объ этомъ спросить.

Бабушка говорила правду: буря съ удвоенной силой бушевала весь вечеръ и всю ночь. Стина скоро заснула, утомленная безсонницей прошлой ночи, и крѣпко проспала до утра, а старуха Тальке долго не могла уснуть и все размышляла по поводу своего разговора съ Фолькертомъ Иббенсомъ, такъ какъ она за этимъ лишь и ходила на село. Они рѣдко видѣлись. Она прямо, безъ дальнихъ словъ, сказала, что его Тей и ея Стина были настолько глупы, что дали другъ другу слово; своего сына онъ

Любовь и Невинность. Съ картины В. Бадера, грав. Кнезингъ.

сбережетъ самъ, когда тотъ вернется. а что касается до дѣвушки, то за нее ручается она, зная напередъ, что изъ ихъ отношеній ничего не можетъ выйти путнаго. Къ ея удивленію, онъ очень мягко отвѣтилъ на это: „Ахъ, Тальке, если у нихъ есть что нибудь въ головѣ—то я ничего не имѣю противъ этого. Люди, прибавилъ онъ, считаютъ меня за богатаго человѣка, какимъ я и былъ прежде, а теперь далеко не то". Если вѣрить его словамъ, онъ прожился на спекуляціяхъ и почти всѣ деньги всадилъ въ гренландскую экспедицію. Послѣдніе годы китовый промыселъ идетъ такъ плохо, что акціонеры потерпѣли сильный убытокъ, и онъ въ особенности не разсчитываетъ вернуть назадъ ни одного талера. Прожить безъ нужды вдвоемъ со своей старухой, вотъ все, чего бы онъ желалъ. Тальке слушала эти откровенныя рѣчи съ немалымъ удивленіемъ, въ особенности когда этотъ суровый и надменный человѣкъ съ волненіемъ добавилъ:

— И я тебѣ долженъ еще сказать, Тальке, что всю жизнь заботясь о дѣтяхъ, натерпѣлся я съ ними горя и предоставилъ имъ теперь идти своей дорогой, какъ знаютъ и хотятъ. Адельгейда, о которой я думалъ что она счастлива, выйдя замужъ въ одномъ изъ мѣстечекъ на той сторонѣ, угодила за пьяницу; Карлъ, жившій на хорошемъ мѣстѣ близъ Ауруриха, женился и не смѣетъ пикнуть передъ женой, а Вильми, про котораго мы думали, что онъ на хорошемъ счету въ Бременской конторѣ, надѣлалъ глупостей, такъ что хозяинъ его прогналъ. Одинъ только Тей насъ радуетъ, поэтому я ему не препятствую устраивать жизнь какъ хочетъ. Если онъ женится на Стинѣ, я ничего не имѣю противъ этого; но снарядить ему шлюпку или судно для плаванія, этого я не могу, это выше моихъ средствъ. Надо по одежкѣ протягивать ножки.

— Конечно это такъ, это хорошо, подтвердила Тальке. Она сама поступила-бы также и отдавала полную справедливость Фолькерту Иббенсу въ томъ, что онъ не хотѣлъ тратить послѣднія деньги на невѣрное предпріятіе. Поговоривъ еще кое о чемъ и когда поднялась, чтобы идти домой, случилась неслыханная вещь, казавшаяся ей самой необыкновенной: она по доброй волѣ протянула руку тому, кого считала за злѣйшаго врага. Теперь, лежа въ постели и не будучи въ силахъ заснуть, она все раздумывала о томъ, какъ мѣняются люди. Кто могъ предвидѣть, что Фолькертъ Иббенсъ, такой надменный человѣкъ, станетъ такимъ „простымъ". Затѣмъ она стала думать о Стинѣ и Теѣ. Возможенъ-ли ихъ бракъ? Она не видѣла никакой возможности. Въ случаѣ если Тей не попадетъ въ штурманскую школу и не сдастъ экзамена для „дальней поѣздки", если не будетъ имѣть средствъ купить береговое судно и не станетъ самостоятельнымъ, онъ можетъ поступить въ матросы и тогда объ устройствѣ хозяйства нечего и думать. Стина тоже въ состояніи кое-что выработать пряжей. Если-бы Вестеръ Огъ было мѣстомъ морскихъ купаній, тогда много-бы можно было заработать отъ иностранцевъ. На Боркумѣ, Нордернеѣ и другихъ островахъ купальная прислуга и остальные жители сдаютъ пріѣзжимъ на лѣто свои тѣсныя помѣщенія за высокія цѣны, а сами на это время ютятся или въ торфяныхъ ямахъ или подъ открытымъ небомъ; но здѣсь, въ уединенномъ Вестеръ Огѣ, этого нѣтъ, потому что берегъ далеко отъ селенья и дорога идетъ дюнами. Случалось, что парусное судно съ веселымъ обществомъ заглядывало въ него на нѣсколько часовъ по дорогѣ съ сосѣднихъ острововъ, но ни разу никто не избиралъ Вестеръ Ога мѣстомъ постояннаго жительства.

Фрау Тальке приподнялась на своей постели и вздохнула. Она-бы такъ хотѣла отдѣлаться отъ невеселыхъ мыслей, но буря такъ разыгралась подъ утро, что о снѣ нечего было и думать. Домикъ трясся до основанія. Ей становилось даже страшно; она желала, чтобы Стина проснулась. Только когда хриплые шварцвальдскіе часы пробили шесть и вслѣдъ затѣмъ Стина, никогда не просыпавшая обычнаго часа, стала вставать съ постели, старуха забылась недолгимъ, безпокойнымъ сномъ.

— Опять о прогулкѣ по берегу нечего и думать, замѣтилъ Нильсъ, сидя за завтракомъ и печально глядя въ окно на шумѣвшую бурю.

— Чего-же объ этомъ говорить? рѣшила бабушка. Бурей того гляди сорветъ въ море. Ступай въ школу, да займись-ка лучше.

Не прошло и получаса съ ухода Нильса, не успѣли обѣ женщины усѣсться за свои прялки, какъ увидали, что мальчикъ бѣжитъ назадъ. „Что это онъ? спросила бабушка. Или, повѣса забылъ что нибудь"? Въ эту минуту вбѣжалъ Нильсъ. „Бабушка! Стина! у берега большой корабль! Стина, дай мнѣ непромокаемую куртку. Я побѣгу"!

— Не говори глупостей, Нильсъ, сказала бабушка не вѣря ушамъ.

— Какой большой корабль? Нашъ островъ совсѣмъ не въ курсѣ большихъ кораблей. Должно быть рыболовное судно...

— Нѣтъ, упорствовалъ Нильсъ, большой трехмачтовый корабль—говорятъ подъ бременскимъ флагомъ.

— Бременскій? спросила Стина. Красныя и бѣлыя полосы? Она видимо хотѣла убѣдиться вполнѣ, что прибитый къ берегу корабль не изъ Эмдена.

Но Нильсъ больше не слушалъ: онъ какъ вихрь вылетѣлъ въ дверь и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать на сѣверо-западный конецъ острова.

— Малый видно что нибудь напуталъ, сказала Тальке. Никто не запомнитъ времени, когда къ Вестеръ-Огу приставалъ большой корабль. Въ послѣдній разъ это было, помнится, при моемъ дядѣ, лѣтъ восемьдесятъ или девяносто назадъ.

— Но должно быть что-то есть, замѣтила Стина, высунувшись въ открытое окно. На селѣ суматоха, изъ каждой двери выбѣгаютъ люди, торопясь къ дюнамъ. Должно быть случилось что нибудь необыкновенное.

На самомъ дѣлѣ происшествіе было не изъ ряда обыденныхъ. Тѣ, которые поторопились на дюны, увидали ужасную леденящую кровь картину. Тамъ, гдѣ во время отлива тянулся плоскій песчаный берегъ, лежалъ на боку большой трехмачтовый корабль, готовый погибнуть подъ напоромъ бушующихъ волнъ. На палубѣ однако еще стояли, сбивались въ тѣсную кучу люди. Нѣтъ сомнѣнія, что корабль везъ переселенцевъ и былъ выкинутъ на берегъ, потому что купеческій корабль, даже и большихъ размѣровъ, имѣетъ рѣдко болѣе дюжины человѣкъ экипажа. Несчастные махали руками, платками и шляпами; буря на своихъ крыльяхъ доносила раздирающіе душу вопли, но съ берега было невозможно спасти ихъ.

Спасительныхъ ботовъ, которые теперь можно найти на каждомъ островѣ покрайней мѣрѣ хоть одинъ, тогда еще не было на нѣмецкихъ берегахъ, а обыкновенную лодку волны унесли-бы на Кентернъ и разбили въ щепки. На дюнахъ между тѣмъ народъ все прибывалъ и прибывалъ. Мужчины смотрѣли на страшное зрѣлище большею частью молча; изъ женщинъ многія плакали. Мачты на кораблѣ закачались, очевидно экипажъ разсчитывалъ ихъ срубить, въ надеждѣ, что корабль, свободный отъ тяжести, выйдетъ изъ своего наклоннаго положенія. Ужасный крикъ на мгновеніе заглушилъ ревъ бури и волнъ: мачты упали и, при паденіи, однихъ раздавили, другихъ снесли за бортъ. Черезъ четверть часа вмѣстѣ съ обломками всякаго рода волны выкинули на берегъ нѣсколько окровавленныхъ и обезображенныхъ труповъ. Изъ деревни пріѣхали за ними фуры; старый береговой фохтъ Харкзенъ провожалъ печальный поѣздъ и, переговоривъ съ пасторомъ, помѣстилъ трупы въ маленькой старой церкви.

Отливъ, противъ обыкновенія, сильно замѣшкался, наконецъ жадные гребни волнъ отступили къ подножію дюнъ, черезъ четверть часа показалась узкая полоса песчанаго берега—вода спала. Часовъ около двухъ между дюнами и краями песчанаго берега открылась широкая песчаная низменность и островитяне могли начать дѣло спасенія. По веревкамъ, прикрѣпленнымъ къ корабельнымъ шанцамъ, продрогшіе люди спускались съ немалымъ трудомъ, становясь на сырой берегъ, въ виду бушующаго моря. Одни смотрѣли тупо и апатично, другіе, отъ страшнаго возбужденія нервовъ, плакали. Жители острова уводили ихъ маленькими партіями съ собою и черезъ какіе нибудь полчаса потерпѣвшіе крушеніе были уже въ селеніи.

Женщинъ и дѣтей посадили на фуры, въ такомъ количествѣ, какое только могло на нихъ помѣститься. Переселенцевъ плыло 200 человѣкъ, уцѣлѣло около ста двадцати, остальные погибли и ужасны были вопли тѣхъ, которые потеряли своихъ близкихъ и родныхъ.

Задача состояла въ томъ, чтобы дать несчастнымъ кровъ, согрѣть ихъ, накормить и напоить. Въ селеніи не нашлось ни одного дома, который-бы не оказалъ гостепріимства; даже самые бѣдные не отставали въ этомъ случаѣ отъ другихъ. Въ домъ Тальке вбѣжалъ запыхавшись Нильсъ и крикнулъ: бабушка! Привести или нѣтъ?

— Онъ еще глупый, спрашиваетъ, сказала фрау Тальке, едва не осердившись на мальчика. Конечно привести двоихъ, даже троихъ. Если ничего не можемъ дать, такъ по крайности спасемъ хоть двоихъ отъ голода и стужи.

Нильсъ привелъ однако только одного, парня лѣтъ 18-ти, больше не могъ добиться, другіе всѣхъ разобрали. Въ домѣ пастора помѣстилось тринадцать человѣкъ, да въ корчмѣ—двадцать три.

— Объ этомъ послѣ разскажешь, прервала его фрау Тальке, глядя на чужеземца, дрожавшаго отъ холода, а теперь принеси свое праздничное платье: на гостѣ все взмокло отъ дождя: надо перемѣнить.

Пока Нильсъ бѣгалъ за платьемъ, Стина принесла гостю тарелку горячаго супу, которую тотъ съѣлъ съ чисто волчьимъ аппетитомъ. Когда онъ поѣлъ и переодѣлся, на него напала неодолимая усталость. Онъ прислонился къ стѣнѣ и навѣрное-бы упалъ, если-бы его не поддержали. „Бѣднякъ, страшно спать хочетъ" подумала Стина; бабушка была того-же мнѣнія; она велѣла положить гостя на Нильсову кровать — Нильсъ видимо былъ сконфуженъ: онъ объ этомъ еще не успѣлъ подумать и вполголоса спросилъ, гдѣ-же онъ самъ проведетъ ночь. Бабушка отвѣчала, что можетъ лечь на сѣновалѣ, двѣ ночи ничего не значатъ. Таково было рѣшеніе, несовсѣмъ пріятно звучало оно въ ушахъ Нильса. На дворѣ между тѣмъ стало совсѣмъ тихо: казалось буря разомъ истощила всѣ свои силы, наступившая тишина воротила мало по малу и спокойствіе духа. Слѣдовало достать съѣстныхъ припасовъ съ того берега, потому что островъ не могъ прокормить остальныхъ гостей. Цѣлыхъ два дня перевозное судно не перевозило на ту сторону и сообщеніе было такимъ образомъ прервано. Къ счастію

старикъ Бусъ объявилъ, что завтра, если будетъ штиль, онъ непремѣнно пойдетъ. Масса порученій, которыми его сейчасъ-же осадили, чуть не привела его въ отчаяніе. Одинъ просилъ привезти хлѣба, другой мяса, третій кофе, четвертый чего нибудь еще. Прежде старикъ твердо помнилъ, что слѣдуетъ закупить, но теперь, при такомъ количествѣ порученій, это было немыслимо и онъ, сидя на полу, съ толстымъ плотничьимъ карандашемъ въ рукѣ, неуклюже заносилъ требуемое на клочекъ грубой бумаги. Когда пробило восемь часовъ, онъ выпроводилъ оставшихся посѣтителей за двери, не предвидя конца порученіямъ. Надо было упаковать почту, часика два соснуть, а около трехъ, пользуясь приливомъ, пуститься въ дорогу. Тѣ, у кого были еще порученія, принуждены были отложить до завтра.

Старикъ Бусъ первый повѣстилъ жителямъ материка объ ужасномъ происшествіи, имѣвшемъ мѣсто у Вестеръ-Ога. Бременскіе корабельщики, выстроившіе и оснастившіе этотъ прекрасный корабль, были поражены, узнавъ сколько погибло имущества, денегъ и, что всего ужаснѣе, человѣческихъ жизней, въ одну ночь.

Желѣзной дороги на французскомъ берегу тогда еще не было, однако спустя два дня, одинъ изъ повѣренныхъ по дѣламъ общества, въ сопровожденіи агента изъ переселенческаго бюро, прибылъ на островъ подать помощь несчастнымъ жертвамъ крушенія и сдѣлать нужныя распоряженія. Прежде всего надо было перевезти людей на материкъ, а то пожалуй вдругъ затретъ льдами и лишитъ возможности доставлять на островъ съѣстные припасы; затѣмъ слѣдовало переговорить съ жителями относительно цѣны за спасенные остатки и вознаградить за попеченія, оказанныя уцѣлѣвшимъ. Въ домъ Тальке вечеромъ того дня, въ который схоронили трупы въ общей могилѣ, явился агентъ, пожилой благообразный мужчина, съ коротко остриженными сѣдыми волосами, съ золотыми очками на носу, и освѣдомился сколько потерпѣвшихъ крушеніе нашло пріютъ подъ ея кровлей.

— Всего одинъ, сказала фрау Тальке.

— Въ такомъ случаѣ, если я вамъ назначу за каждый день по 14 грошей, сказалъ агентъ, занося объ этомъ въ свою памятную книжку, будетъ-ли этого достаточно?

— Мнѣ вовсе не по сердцу принимать плату за доброе дѣло, отвѣчала Тальке, послѣ минутнаго молчанія.

Агентъ удивленно взглянулъ на нее. Еще такъ никто изъ жителей острова не отвѣчалъ ему, а между тѣмъ было извѣстно, что старуха далеко не изъ обладающихъ достаткомъ.

— Берите, не стѣсняйтесь, дружески замѣтилъ онъ.

— Если вы не нуждаетесь въ деньгахъ, въ такомъ случаѣ отдайте тѣмъ, которые больше васъ нуждаются.

— Развѣ остальные всѣ взяли деньги за это? спросила она, какъ-бы сомнѣваясь.

— Всѣ, ни одинъ не отказался.

— Такъ я тогда право не знаю. Надо переговорить со Стиной. Это недолго: я сію минуту вернусь.

Вернувшись черезъ нѣсколько минутъ въ комнату, она увидала, что гость стоитъ передъ старымъ орѣховымъ шкафикомъ въ углу и старательно разсматриваетъ фарфоровый сосудъ странной формы.

— Стина говоритъ, начала она, что деньги мы можемъ отдать тому молодому человѣку...

Агентъ быстро обернулся къ ней.

— Что это за ваза? Спросилъ онъ, перебивая ея рѣчь и не разслышавъ словъ.

— Это моя суповая миска (съ нѣкоторой гордостью отвѣчала старуха). Понюхайте только какъ хорошо пахнетъ. Съ этими словами она сняла крышку и поднесла ее къ носу агента. Но ему вовсе не любопытенъ былъ этотъ довольно сомнительный запахъ. Онъ осматривалъ сосудъ съ разныхъ сторонъ, трогалъ его, постукивалъ, смотрѣлъ на свѣтъ.

— Не продадите-ли мнѣ этотъ горшокъ? спросилъ онъ довольно настоятельно.

— Ахъ, нѣтъ, мнѣ-бы не хотѣлось продавать его, равнодушно отвѣчала старуха. Мой покойный мужъ любилъ старыя вещи, потому-то я неохотно и разстаюсь съ ними.

— А что у васъ есть еще такія фарфоровыя вещи? освѣдомился агентъ.

— Полный шкафъ. Онъ мнѣ немного мѣшаетъ, но я его храню исключительно потому, что мой мужъ очень любилъ эти вещи. Отецъ или дѣдушка моего мужа купилъ ихъ за дешево, когда здѣсь продавалась съ аукціона всякая всячина.

Старуха взяла лампу со стола, повела гостя въ сосѣднюю коморку и отворила стѣнной шкафъ, который почти весь былъ наполненъ чашками, вазами и кувшинами изъ прекраснаго китайскаго фарфора.

Агентъ откашлялся, снялъ золотые очки и вытеръ ихъ шелковымъ платкомъ. Онъ бралъ осторожно въ руки то ту, то другую вещь и наконецъ спросилъ, нельзя-ли будетъ ему зайти завтра, чтобы осмотрѣть днемъ.

Фрау Тальке сказала что конечно можно, и когда онъ взялъ съ нея слово, что въ случаѣ если рѣшится продавать—предоставить право купить исключительно ему, старуха съ нѣкоторой жалостью подумала о томъ, что едва ли найдутся охотники, которые погонятся за этими пестрыми черепками. Агентъ торопливо вернулся въ домъ пастора. Пасторъ, бывшій другомъ его дѣтства, не отказалъ ему въ гостепріимствѣ, хотя его домъ въ эти дни былъ полонъ народа. Старикъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, блѣдный и разстроенный. Его христіанскія обязанности были такъ удручающи за эти дни, онъ видѣлъ столько слезъ, столько сердечнаго горя, къ нему со всѣхъ сторонъ такъ часто обращались за утѣшеніемъ и помощью, что силы ему окончательно измѣнили. На полный участія вопросъ гостя: что съ нимъ—онъ отвѣчалъ:—Такъ много несчастныхъ, что я не могу объ этомъ забыть.—Еще до сихъ поръ въ моихъ ушахъ раздается плачъ тѣхъ, которые потеряли самое любимое и дорогое въ жизни.

Гость молча покачалъ головой.—Да, сказалъ онъ, такое количество несчастій, такое скопленіе ужасовъ—это выше человѣческихъ силъ. Но не все же такъ безотрадно и кое гдѣ сквозь тучи видно солнце. Напримѣръ я, здѣсь на островѣ, нашелъ кладъ. Что ты скажешь на это?

Пасторъ молча и съ недовѣріемъ во взглядѣ повернулся къ своему другу.

— Я вовсе не шучу, продолжалъ тотъ, дѣйствительно кладъ, стоимостью отъ 800—1000 талеровъ, коллекція прекраснѣйшаго китайскаго фарфора, какого нѣтъ теперь въ продажѣ.

И онъ передалъ пастору, какъ и гдѣ сдѣлалъ открытіе.— Каждый знатокъ искусства, каждый музей отсчиталъ бы сказанную сумму за эти прекрасные образцы китайскаго трудолюбія. Если бы позволяли средства, то я купилъ бы ихъ самъ, но за неимѣніемъ ихъ съ радостью постараюсь продать въ другое мѣсто. Для старухи этотъ шкафъ съ фарфоромъ цѣлое состояніе.

— Какимъ образомъ эти вещи попали сюда? спросилъ пасторъ, слушавшій разсказъ съ живѣйшимъ вниманіемъ. Не завезъ ли кто нибудь изъ нашихъ судохозяевъ съ крайняго востока?..—Старуха говорила мнѣ, что вещи попали къ нимъ послѣ одного кораблекрушенія, которое было, если вѣрить ея словамъ, въ прошломъ столѣтіи.

Пасторъ потеръ себѣ лобъ, нѣчто соображая, затѣмъ быстро всталъ, взялъ лампу, порылся въ книгахъ и вытащилъ наконецъ изъ одного угла большой томъ in quarto, переплетенный въ свиную кожу. Нѣсколько минутъ онъ перелистывалъ его и наконецъ радостно воскликнулъ:—Вотъ оно! Эта книга, объяснилъ онъ, нѣчто въ родѣ лѣтописи нашего острова, начиная съ прошлаго столѣтія. Самыя выдающіяся и достойныя вниманія замѣтки велись Эйландомъ Лубинусомъ: онъ былъ здѣсь пасторомъ съ конца 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія до начала 60-хъ. Вотъ это мѣсто должно намъ дать желанное объясненіе. И онъ прочелъ:

„Изо всѣхъ бурь, свирѣпствовавшихъ въ 1743 году у береговъ Сѣвернаго моря, самая опустошительная и страшная для насъ, жителей острова Вестеръ Ога, разразилась вечеромъ въ день Всѣхъ Святыхъ и оставила свои слѣды на всемъ протяженіи берега отъ Голландіи до Ютландіи. Въ эту бурю прибило къ сѣверо-западной сторонѣ нашего острова большой голландскій корабль „Nederland", шедшій въ Гамбургъ съ большимъ грузомъ заграничнаго товара, который частью погибъ и уничтоженъ волнами, частью спасенъ. Между прочимъ спасено нѣсколько ящиковъ съ китайскимъ фарфоромъ, который назначался въ подарокъ наслѣднымъ Штатгальтеромъ Голландіи Е. В. Королю Фридриху II-му Прусскому. Одна треть спасеннаго досталась островитянамъ, по береговому праву, а двѣ трети—казнѣ; но послѣдняя, усмотрѣвъ, что многіе товары подмочены морской водой и сильно попорчены, продала свою часть за дешевую цѣну жителямъ нашего острова."

Друзья переглянулись.

— Дѣйствительно, теперь все очень просто объяснилось, сказалъ агентъ, чего еще убѣдительнѣе? Помоги же мнѣ, Германъ, уговорить старуху разстаться съ своимъ сокровищемъ, которое лежитъ у нея мертвымъ капиталомъ.

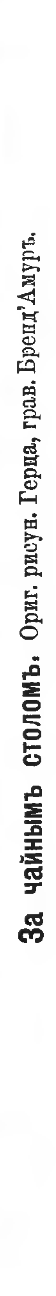
На самомъ дѣлѣ стоило не малаго труда уговорить Тальке довѣрить любезному посреднику нѣсколько фарфоровыхъ вещей, которыя онъ желалъ предложить въ пополненіе къ музею своего роднаго города; но еще труднѣе было честному пастору убѣдить старуху, что съ ней ничего дурнаго не будетъ, и что съ ней вовсе не шутятъ, когда послѣ переговоровъ пріѣхалъ одинъ изъ служащихъ при музеѣ осмотрѣть дорогія рѣдкости Вестеръ Ога и предложилъ ей взять за нихъ круглую сумму въ тысячу талеровъ.

Нечего прибавлять, что торгъ состоялся. Вечеромъ, въ тотъ день какъ это случилось, Тальке, сдѣлавшаяся одной изъ состоятельныхъ женщинъ острова, отправилась къ Фолькерту Иббенсу объявить, что прежнихъ препятствій нѣтъ и что если у молодыхъ людей нечего было положить въ кубышку, то въ данное время все это устранено и у Стины у самой есть кое какое приданое, не хуже, чѣмъ у другихъ невѣстъ.

— Понятно, что Фолькертъ Иббенсъ, разсказывала она послѣ внучкѣ, уцѣпился обѣими руками. Весной, объявила она ей, когда Тей вернется, будетъ помолвка. Лѣтомъ онъ можетъ съѣздить еще куда нибудь, а осенью свадьба. Я не люблю долго затягивать эти дѣла.

Теперь Стина и Тей Иббенсъ давнымъ давно счастливая парочка. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ островъ Вестеръ Огъ

Видъ города Камышина съ Волги. Съ фотогр. П. Пятницкаго, грав. М. Рашевскій.



За чайнымъ столомъ. Ориг. рисун. Герца, грав. Бренд'Амуръ.

вошелъ въ число мѣстъ для морскихъ купаній, потому что вдругъ открыли на немъ удобныя и прекрасныя мѣста. Кто посѣтитъ его лѣтомъ, очень можетъ быть сниметъ квартиру въ чистомъ домикѣ Стины, а если будетъ имѣть счастье понравиться Тальке, то можетъ быть услышитъ отъ нея исторію о китайскомъ фарфорѣ, который ей далъ благосостояніе, а внучкѣ—мужа. На вопросъ: что съ Нильсомъ?—она нѣсколько презрительно отвѣтитъ:—Ахъ, онъ открылъ лавочку, гдѣ торгуетъ патокой и селедками. Прежде онъ хотѣлъ пуститься въ морскія плаванія, но съ тѣхъ поръ какъ увидалъ крушеніе Бременскаго корабля, глупый парень сталъ бояться морской воды.

Придунайская Болгарія.

— Donau-Bulgarien und der Balkan, von F. Kanitz. Reise-Studien aus den Iahren 1860—1879. Zweite Auflage, Leipzig, Renger'sche Buchhandlung, 1882.

Придунайская Болгарія изучена Каницомъ въ теченіи девятнадцати лѣтъ до самыхъ мельчайшихъ и поразительныхъ по своему разнообразію подробностей. Просматривая второе изданіе этого обширнаго труда, значительно дополненнаго въ текстѣ и болѣе изобилующаго превосходными рисунками, нежели первое, разошедшееся на нѣмецкомъ языкѣ въ самое короткое время, удивляешься тому разнообразію и обилію сторонъ, по отношенію къ которымъ авторъ изучилъ избранную имъ для своихъ интересныхъ изслѣдованій страну. Онъ прежде всего въ разныхъ частяхъ своего труда, переѣзжая отъ мѣста къ мѣсту, исправляетъ карту Болгаріи, причемъ свѣряется съ трудами своихъ предшественниковъ въ этомъ отношеніи, съ картами Артамонова, Гакштеттера, Киперта, Штилера, Вейса, Геры, австрійскими и турецкими съемками генеральнаго штаба. Физическій обликъ страны, изрѣзанной Балканами,—предгорія, песчаныя дюны, террасы, источники, рѣки, Черное море, части Болгаріи, обильно орошаемыя водами, нуждающіяся въ таковыхъ или совершенно ихъ лишенныя,—все это не позабыто авторомъ, опредѣлено и измѣрено, какъ измѣрены имъ даже ничтожныя горныя высоты. Имъ не забыты климатъ и температура, разныя метеорологическія явленія, -- между прочимъ землетрясенія,—геологія, теплые и минеральные источники и съ подробностью прослѣжены минеральныя, растительныя и животныя произведенія Болгаріи. Археологія, этнографія, военная исторія, церковь и народное образованіе, административное, соціальное и политическое состояніе болгаръ во время владычества турокъ, въ періодъ управленія русскими и при самостоятельномъ управленіи самими болгарами, — торговля, индустрія и пути сообщенія,—все это разсмотрѣно авторомъ съ такой полнотой, выше которой ничего нельзя пожелать для научнаго изслѣдованія. Въ подобной массѣ разобраться не легко и разсмотрѣть сочиненіе Каница въ каждомъ изъ поименованныхъ отношеній сколько нибудь обстоятельно, — здѣсь было-бы невозможно. Поэтому, чтобы судить, насколько нашъ авторъ обстоятеленъ, соберемъ здѣсь разсѣянныя по всѣмъ тремъ объемистымъ томамъ замѣтки касательно успѣховъ народнаго развитія, столько столѣтій подавляемаго и только со времени освобожденія Болгаріи и избранія на княжескій тронъ князя Александра Баттенберга,—прибывшаго въ Софію 13 іюля 1879 г.—получившаго правильную постановку и возможность дальнѣйшаго совершенствованія.

Стремленіе сдѣлать народное образованіе въ Болгаріи національнымъ заставило правительство прежде всего обратить вниманіе на эту сторону автономическаго развитія, побудило его изъять дѣло народнаго воспитанія изъ рукъ мусульманъ, уменьшивъ число мусульманскихъ школъ. Въ Видинѣ, въ одной цитадели до войны было 8 мусульманскихъ школъ съ 12 учителями и 900 учениками обоего пола; въ настоящее время ихъ только три на 600 учениковъ; изъ девяти городскихъ собственно школъ оставлено 6 съ 14 учителями и 400 учениками. Въ Видинѣ у болгаръ въ настоящее время одна школа для 275 мальчиковъ и другая — женская, въ которой обучается до 55 учениць. Все это до сихъ поръ довольно примитивно и болгарамъ предстоитъ въ будущемъ отнестись къ этимъ прекраснымъ начинаніямъ со всевозможнымъ усердіемъ, чтобы поправить сколько нибудь, много столѣтій совершенно почти неизвѣстное, дѣло народнаго образованія. Рущукъ имѣетъ въ настоящее время реальную школу для 60 мальчиковъ, 5 нормальныхъ школъ для 480 учащихся обоего пола, 3 частныхъ, въ которыхъ обучается до 120 учениковъ. Въ Софіи въ послѣдніе два года основано 2 трехклассныхъ училища на 600 мальчиковъ и 165 дѣвочекъ, открыта восьмиклассная гимназія, — въ четырехъ нынѣ существующихъ классахъ которой до 110 учащихся. Въ 1879 г. въ Софіи основана и женская гимназія. Тырново, Филиппополь, Габрово не отстаютъ отъ поименованныхъ мѣстъ въ устроеніи дѣла народнаго образованія. Но при этомъ не должно забывать, что существуетъ и до сихъ поръ въ Болгаріи не мало мѣстъ, гдѣ никакихъ школъ не имѣется, гдѣ, славу Богу, стоятъ великолѣпныя церкви, но о необходимости школы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Въ богатой Скомлѣ никто не умѣетъ читать за исключеніемъ священника, который читаетъ кое-какъ; тоже самое видимъ въ Тимокѣ, Раковицѣ, Крушевацѣ и другихъ. Въ Изворѣ школа такъ ветха, грязна и непривѣтлива, что учащіеся се совсѣмъ почти не посѣщаютъ.

Первая національная школа была основана въ Габровѣ въ 1835 г., — первая книга на ново-болгарскомъ языкѣ издана въ 1806 г. Она одолжена своимъ появленіемъ епископу Софронію, (род. 1739, ум. въ 1815 или 1816 г.) одному изъ главнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ національнаго развитія. Софроній подымалъ угнетенный рабствомъ народный духъ произносимыми имъ проповѣдями, основалъ въ Котелѣ школу, подготовлялъ учителей и наконецъ задумалъ написать книгу на томъ языкѣ, которымъ говорилъ его народъ. „Я работаю день и ночь,—писалъ онъ, — чтобы написать нѣсколько книгъ на нашемъ болгарскомъ языкѣ, для того чтобы мои соотечественники, если я не буду имѣть возможности лично разсказать имъ обо всемъ этомъ, могли получить существенную пользу для себя изъ написаннаго мною". Книга вышла въ Рымникѣ и называется: „Kyriakodromian sireë Nedelnik". Турецкое иго давило такіе проблески національнаго самосознанія, и только теперь, когда страна освобождена и имѣетъ монарха, дѣло общественнаго развитія устанавливается прочно и идетъ по вѣрному пути. Въ Софіи,—резиденціи князя Александра, которой Каницъ посвятилъ отдѣльную главу,—устроена національная библіотека, основаны типографіи, издаются книги и газеты разныхъ оттѣнковъ. Главнымъ основаніемъ національной библіотеки послужило собраніе книгъ, принадлежащее русскому ученому Палаузову, затѣмъ до 1,350 книгъ прислано изъ Петербурга разными лицами и учрежденіями, затѣмъ пожертвована коллекція браиловскаго литературнаго общества и др. Нѣкто Ковачовъ (Kovacov) устроилъ въ Софіи обширную типографію, въ которой печатается правительственный органъ „Drzaven Vestnik", оффиціальная газета въ родѣ нашего „Правительственнаго Вѣстника", редактируемая министерскимъ чиновникомъ Петромъ Вжковымъ. Тутъ-же издается оппозиціонный листокъ „Celokupna Blgaria" (Возстановленная Болгарія), редактируемый Славейковымъ; затѣмъ „Nakovalna", издаваемая этимологомъ Богоровымъ съ чисто литературною цѣлью улучшенія болгарскаго языка, „Seljanin" — религіозное обозрѣніе и „Болгарская Корреспонденція", чрезвычайно важная для иностранцевъ газета, ибо она ведется на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Вотъ въ немногихъ словахъ скромныя, но успѣшныя начинанія болгарскаго народа на поприщѣ самостоятельнаго общественнаго развитія.

Лучшимъ залогомъ прочнаго преуспѣянія въ дѣлѣ народнаго, самостоятельнаго развитія Болгаріи — служитъ, по мнѣнію Каница, конечно, ея теперешнее правительство. Избранный на великокняжескій болгарскій престолъ національнымъ собраніемъ 29 апрѣля 1879 года Князь Александръ Баттенбергъ ведетъ болгарскій народъ по пути прогресса съ изумительной и неустанной энергіей. Каницъ посвящаетъ этому правителю нѣсколько дышащихъ симпатіей страницъ и разсматриваетъ первые шаги князя на поприщѣ болгарскаго правителя съ чрезвычайной подробностью. Совершивъ свой торжественный въѣздъ въ столицу Болгаріи Софію 13 іюля 1879 года въ 2 часа пополудни, встрѣченный чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, князь, почти не отдохнувъ и едва осмотрѣвшись въ своей новой столицѣ, на второй день по пріѣздѣ спѣшитъ приступить къ образованію перваго болгарскаго министерства, учреждаетъ коммисію изъ христіанъ и магометанъ для точнаго опредѣленія имущественныхъ и торговыхъ отношеній тѣхъ и другихъ, за что 10-го августа того-же года получаетъ отъ султана чрезъ турецкаго посла Пертефы Эффенди искреннюю благодарность. Въ эти-же первые дни князь посѣщаетъ школы, благотворительныя учрежденія, ѣдетъ 1-го августа въ Радоміръ, чтобы отпраздновать тамъ съ болгарской дружиной праздникъ ея патрона Св. Иліи, 10-го присутствуетъ на экзаменахъ въ военной фельдшерской школѣ, 11-го осматриваетъ юнкерское училище, 14-го кладетъ первый камень русской церкви въ память освобожденія Болгаріи, 21-го справляетъ годовщину Шипки, 23-го присутствуетъ въ полночь на пожарѣ артиллерійскихъ казармъ,—принесшемъ новоустраивающемуся княжеству убытокъ въ 3 милліона франковъ, 1-го сентября ѣдетъ въ сопровожденіи свиты въ Радоміръ, Кёстендилъ и Дубникъ, откуда возвращается въ Софію, чтобы вести снова неутомимую и кипучую дѣятельность, 7-го сентября.

Если спокойствіе князя омрачается оппозиціонной партіей, то дѣятельность его, по словамъ Каница, не ослабѣваетъ. Младшая изъ европейскихъ столицъ, Софія улучшается съ каждымъ днемъ. Вся страна полна начинаній и реформъ. Инженерная часть въ Болгаріи поручена русскому капитану, желѣзнодорожное дѣло повѣреннымъ фирмы Полякова: Утопу, Черни и другимъ; сформировано медицинское управленіе и физикатъ, организованъ національный банкъ, введены раціональныя улучшенія въ скотоводствѣ и садоводствѣ. Мало по малу въ этой формирующейся столицѣ—закипаетъ общественная жизнь. Наплывъ иностранцевъ увеличивается со дня на день и требуетъ

массу отелей различныхъ достоинствъ, часто комфортабельныхъ, которые уже и завелись въ Софіи. Кафе-шантаны привлекаютъ публику, устраиваются балы, но еще нѣтъ театра, если не считать общество любителей, играющее въ отелѣ „Болгарія“ за довольно высокія входныя цѣны и берущееся за „Разбойниковъ“ и тому подобныя трудныя, мало отвѣчающія любительскимъ силамъ, репертуаръ. Словомъ все начинается, заводится, шьется и моется въ новой столицѣ, и по ея примѣру и въ другихъ городахъ освобожденной Болгаріи, съ молитвенной благодарностью поминающей 11-го сентября (30 авг. стараго стиля) память страдальчески окончившаго дни Царя, Освободителя единоплеменной намъ страны.

Стихотвореніе.

И подумаешь, бросивъ на край этотъ взоры:
Здѣсь до вѣка въ огняхъ допотопной земли,
Кто-то сыпалъ великою грудою горы,
И лежатъ они такъ, какъ однажды легли.

* * *

До сѣдыхъ облаковъ громоздятся уступы...
То какой-то погасшій отъ вѣка костеръ,
То какой-то остылой фантазіи трупы,
Чей-то каменный сонъ, наводнившій просторъ.

* * *

Въ неразвѣянномъ снѣ этомъ люди толкутся,
Призываются къ жизни, настигнуты днемъ—
Ни однимъ они чувствомъ вполнѣ не проснутся,
Ни однимъ до конца не познаютъ умомъ!

К. Случевскій.

Земляные черви.

Незадолго до своей смерти, знаменитый Дарвинъ обратилъ вниманіе образованнаго міра на свой послѣдній трудъ, посвященный земляному червю *). Неутомимый англійскій изслѣдователь доказалъ со свойственнымъ ему талантомъ, что этотъ червь играетъ въ высшей степени важную роль, что онъ представляетъ собою, нѣкоторымъ образомъ, маленькаго агронома въ хозяйствѣ природы. И благодаря этому ученому, червь оказался вдругъ въ большой чести, а общераспространенное убѣжденіе въ совершенной безполезности черви должно было само собою разсѣяться.

Прежде чѣмъ обращаться къ хозяйственной дѣятельности червя, разсмотримъ орудія его труда и его строеніе.

Организація червя, прежде всего, отличается тѣмъ, что въ ней можно замѣтить въ зачаточныхъ формахъ всѣ органы, столь блестяще развивающіеся въ послѣдующихъ высшихъ животныхъ. Тѣло его имѣетъ круглую форму, весьма продолговато и состоитъ, если мы возьмемъ дождеваго червя, какъ представителя земляныхъ червей, изъ узкихъ члениковъ, колецъ или сегментовъ, числомъ отъ ста до двухсотъ. Передній членикъ меньше всѣхъ другихъ и имѣетъ конусообразную форму. На нижней поверхности его можно видѣть отверстіе въ полость рта, закрытое лопастью, напоминающей губу. На противоположномъ же концѣ длиннаго тѣла червя находится выводящій проходъ.

Въ животныхъ гораздо болѣе сложной организаціи мы находимъ органы растительной и животной жизни, органы питанія и размноженія, движенія и чувства. Точно также и у червя оказывается—пищеварительная трубка и органы размноженія, мускульная и нервная система (рис. 1). Одновременно имѣется у него закрытая система кровообращенія и органы выдѣленія. Отсутствуютъ только органы дыханія и чувствъ. Червь дышетъ всей поверхностью своего тѣла.

Тѣло дождеваго червя представляетъ собою, нѣкоторымъ образомъ, мѣшокъ, облегающій внутренніе органы. Мѣшокъ этотъ состоитъ изъ пяти слоевъ, наложенныхъ другъ на друга и тѣсно связанныхъ между собою. Верхній слой—кожица или кутикула, подъ нимъ находится подкожица или гиподерма, а затѣмъ слѣдуютъ кольцеобразные и мускульные слои, защищенные изнутри особымъ покровомъ (рис. 5).

Самый верхній слой или кутикула представляетъ собою безцвѣтную кожу, прорѣзанную тонкими канальцами. Она прилегаетъ непосредственно ко второму слою. Черезъ нее проходятъ отверстія различныхъ желѣзокъ, органовъ размноженія и т. д. Подъ кутикулой находится подкожица или гиподерма. Она представляется довольно толстымъ сѣтчатымъ слоемъ, подъ которымъ лежитъ кольцеобразный мускульный слой. Въ этомъ слоѣ, весьма богатомъ кровеносными сосудами, находятся безчисленные органы, придающіе червю его естественную окраску. А еще ниже проходятъ профильные мускулы, несоставляющіе собою закрытаго слоя тканей, но состоящіе изъ восьми неодинаковой ширины мускульныхъ лентъ, образующихся благодаря тому, что этотъ слой прорѣзываютъ щетинки червя со своими мѣшечками (рис. 3).

Послѣдній слой — покровъ, облегаетъ внутреннюю полость тѣла дождеваго червя.

Уже по роду и силѣ мускуловъ, можно заключить, что червь способенъ совершать весьма разнообразныя движенія. И дѣйствительно, онъ, съ одинаковой ловкостью, ползаетъ, поворачивается, движется впередъ и назадъ, изгибается, свертывается, удлиняется.

Вмѣсто членовъ червь обладаетъ особыми щетинками или волосками, расположенными въ четыре продольные ряда по поверхности его тѣла. На каждомъ членикѣ имѣется восемь щетинокъ, образующихъ, попарно, четыре группы (рис. 5). Глубоко проходя внутрь, щетинки эти выступаютъ наружу своими слегка изогнутыми концами. Каждый волосокъ помѣщается въ особомъ мѣшечкѣ, съ двумя мускулами у основанія. Своеобразные органы эти служатъ червю, между прочимъ, для того, чтобы подпираться ими, путешествуя по своей норѣ (рис. 6).

Наравнѣ съ волосками, представляются своеобразными пять или шесть попенничныхъ члениковъ, выдающихся какъ особая часть тѣла, ярко-краснаго цвѣта.

Открывъ мѣшечкообразный покровъ черви со спины, мы тотчасъ же замѣтимъ полость, раздѣленную на множество колецъ поперечными перегородками. Начиная съ первыхъ члениковъ, такихъ камеръ столько, сколько члениковъ въ тѣлѣ дождеваго червя. Эти лишенныя мускуловъ перегородки, отходя отъ внутренней стѣнки, дугообразно огибаютъ кишку и этими дугами сообщаются между собою. Съ внѣшнимъ же міромъ онѣ сообщаются черезъ посредство спинныхъ норъ или канальцевъ, выходящихъ на наружную поверхность каждаго членика. Поры эти отдѣляютъ большое количество слизи, если червь находится въ состояніи какого либо сильнаго возбужденія.

Едва ли не самымъ замѣчательнымъ органомъ тѣла червя является его пищеварительная трубка. Она состоитъ изъ полости рта, глотательной головки, пищевода съ содержащими известь железами, зоба или желудочка, мускульнаго желудка и прямой кишки (рис. 1).

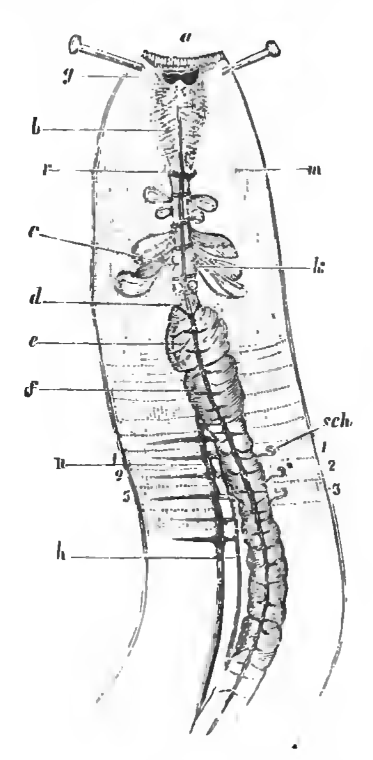


Рис. 1. Дождевой червь, вскрытый со спины и разсматриваемый черезъ лупу.

a) Сборчатый край рта. g) мозгъ. 1, 2, 3, членики. b) глотательная головка. m) мускулы. c) органы размноженія. k) содержащія известь железы пищевода. r) пищеводъ. d) спинной сосудъ. e) зобъ. f) мускулистый желудокъ. n) нервный стволикъ. h) брюшной сосудъ. sch) петлеобразные канальцы.

Полость рта образуетъ собою переднюю часть кишечной трубки. Ея внутренняя поверхность состоитъ изъ безчисленнаго множества складокъ. Въ поперечномъ разрѣзѣ она имѣетъ видъ длинной щели, способной расширяться при помощи сильныхъ мускуловъ. За полостью рта находится глотательная головка, совершенно лишенная мускуловъ, но чрезвычайно богатая различными сосудами. Внутренняя поверхность ея также

---

*) „Объ образованіи растительнаго слоя дѣятельностью дождевыхъ червей“.

имѣетъ множество складокъ и выемокъ. Тутъ же пищеводъ соединяется съ выдѣляющими известь железками. Предполагаютъ, что назначеніе этихъ железъ состоитъ въ выдѣленіи или освобожденіи тѣла червя отъ большаго количества извести, принимаемой имъ вмѣстѣ со своей пищей. Съ другой же стороны, выдѣляемая известь можетъ способствовать пищеваренію. Зобъ слѣдуетъ за вышеописанными желѣзами и представляетъ собою мѣшкообразное расширеніе кишки, непосредственно примыкающее къ мускульному желудку. А эта послѣдняя расширенная часть кишки переходитъ, затѣмъ, прямо собственно въ кишку, характеризующуюся многочисленными складками и изгибами внутрь (рис. 3, t).

Подъ кишкой находится главная масса нервной системы. Она представляетъ собою стволъ, проходящій по всей длинѣ червя и образующій въ каждомъ членикѣ нѣкоторое вздутіе, узелъ, отъ котораго отходятъ небольшія боковыя вѣтви во всѣ стороны (рис. 1, n). Первый узелъ отдѣляетъ двѣ вѣтви къ головѣ; вѣтви эти идутъ вверхъ, огибаютъ кишку кольцеобразно и соединяются съ головнымъ мозгомъ, примыкающимъ къ глотательной головкѣ въ третьемъ членикѣ. Самый мозгъ состоитъ изъ двухъ почти слившихся узловъ (рис. 4) и отдѣляетъ отъ себя двѣ вѣточки, направляющіяся въ верхнюю часть полости рта.

Однако, не смотря на такую значительно развитую нервную систему, мы не находимъ у червя спеціальныхъ органовъ чувствъ.

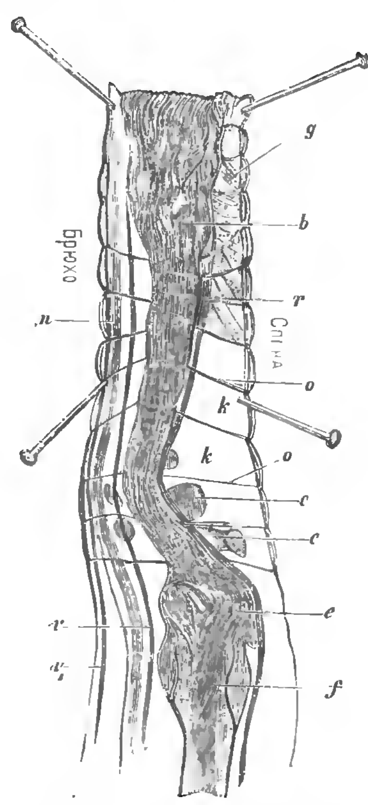


Рис. 2. **Перпендикулярный къ поверхности спины разрѣзъ тѣла червя, при увеличеніи въ 10 разъ.**

g) мозгъ. n) нервный стволикъ. b) глотательная головка. r) спинной сосудъ. c) органы размноженія. e) зобъ. f) мускулистый желудокъ. v v,) брюшной сосудъ. k) камеры. o) лишенныя мускуловъ перегородки камеръ k.

По общепринятому мнѣнію, черви воспринимаютъ свѣтовыя впечатлѣнія. На этомъ особенно настаиваетъ Дарвинъ. И дѣйствительно, когда онъ, помощію зажигательнаго стекла, направлялъ лучи отъ восковой свѣчи на червей, они тотчасъ же, въ большинствѣ случаевъ, убирались въ свои норки. Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда черви втаскивали листочки въ норки или пожирали ихъ, они не обнаруживали вовсе свѣтовой воспріимчивости. Для объясненія подобнаго явленія, мы должны принять вмѣстѣ съ Дарвиномъ, что въ такихъ случаяхъ вниманіе червя поглощается даннымъ занятіемъ до потери чувствительности ко всякимъ другимъ впечатлѣніямъ.

По мнѣнію Дарвина, свѣтовая воспріимчивость червя имѣетъ свое мѣстопребываніе въ мозгу. И предположеніе это подтверждается тѣмъ, что червь не обнаруживаетъ этой способности, если голова его остается въ тѣни.

Такимъ образомъ, чувство зрѣнія чрезвычайно слабо развито у червя. Въ такой же малой степени обладаетъ онъ и слухомъ, оставаясь нечувствительнымъ къ воздушнымъ колебаніямъ. Что же касается до колебаній твердыхъ тѣлъ, то тутъ замѣчается обратное явленіе. Когда Дарвинъ ставилъ горшокъ съ червями на декъ піанино и извлекалъ какой нибудь тонъ изъ инструмента,—они поспѣшно забирались въ свои норки. Точно также они показываютъ чувствительность къ сотрясеніямъ земли, въ которой находятся.

Далѣе, черви оказываются обладающими въ высшей степени развитымъ чувствомъ осязанія. Малѣйшее прикосновеніе уже производитъ на нихъ впечатлѣніе.

Точно также развитымъ представляется въ нихъ и вкусъ. Они дѣлаютъ весьма строгій выборъ пищи. Такимъ образомъ, Дарвинъ клалъ передъ червями листья капусты, рѣдьки, лука, и послѣдніе всегда предпочитались остальнымъ.

Можно предполагать, что черви обладаютъ въ нѣкоторой степени и обоняніемъ. Правда, опыты Дарвина дали отрицательный результатъ. Онъ клалъ передъ ними кусочки ваты, погруженные въ парафинъ, табачный сокъ, и черви какъ бы не замѣчали этого. Англійскій естествоиспытатель думаетъ, однако, что это происходило вслѣдствіе совершеннаго безразличія, безполезности для червей запаха, издаваемаго употребленными ими веществами,—онъ исходилъ не отъ пищеваго вещества. Однако, въ двухъ случаяхъ черви обнаружили нѣкоторое „неудовольствіе“ въ присутствіи кусочка ваты, пропитаннаго уксус-

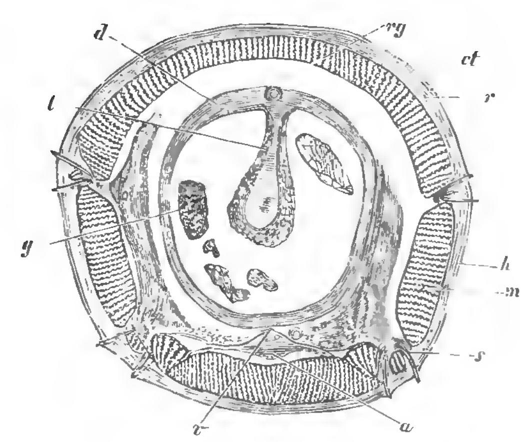


Рис. 3. **Поперечный разрѣзъ дождеваго червя, при увеличеніи въ 20 разъ.**

rg) спинной сосудъ. ct) кожица. r) кольцеобразный мускулистый слой. h) подкожица. m) слой продольныхъ мускуловъ. s) щетинки. a) нервъ. v) брюшной сосудъ. d) кишка. t) изгибъ внутрь кишки, тифлозолисъ. g) содержимое кишки.

ной кислотой. Кромѣ того оставаясь совершенно спокойными относительно поднесенной къ нимъ, неиздающей никакого запаха, стеклянной палочки, черви отодвигаются отъ нея, какъ бы отдѣлываясь отъ непріятнаго запаха, если она обмочена предварительно въ алкоголѣ, терпентинѣ или уксусной кисло-

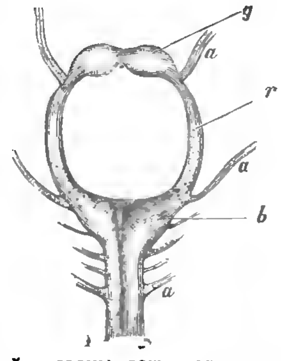


Рис. 4. **Часть нервной системы дождеваго червя, разсматриваемая спереди, при увеличеніи въ 20 разъ.**

g) мозгъ. r) окологлоточное нервное кольцо. b) выпуклый мозгъ. a) боковыя вѣтви.

тѣ. Точно также самъ Дарвинъ наблюдалъ за несомнѣнное, что черви открывали съ помощью обонянія кусочки своей любимой пищи, зарытые въ землю.

Такъ-же хорошо, какъ и нервная система, развита у червя система сосудистая (рис. 1, d, h). Сосуды его представляютъ собою трубочки, простирающіяся на всю длину тѣла и отдѣляющія отъ себя безчисленное множество вѣточекъ ко всѣмъ органамъ. Изъ этихъ сосудовъ, главнымъ образомъ, различаютъ спинной и брюшной сосуды. Первый расположенъ надъ кишкой, второй—подъ нею. Оба сосуда соединены между собою поперечными вѣтвями, кольцеобразно огибающими кишку. Въ передней части тѣла эти кольцеобразныя вѣтви представляютъ собою расширеніе, напоминающее сердце, тѣмъ болѣе, что въ немъ происходитъ пульсація (біеніе) крови. Кромѣ того, подъ нервнымъ стволомъ находится еще одинъ продольный сосудъ.

Двуполый червь кладетъ свои яйца въ коконы, изъ которыхъ выходятъ мѣшечкообразные рѣсничные зародыши.

Весьма своеобразными, наконецъ, представляются также органы, находящіеся въ каждомъ кольцѣ или членикѣ червя (рис. 1, sch). Это мѣшечки, прикрѣпленные къ задней перегородкѣ каждаго членика и сообщающіеся посредствомъ поры съ

Герцогъ Рейнольдъ II и Элеонора, Съ картины В. Штелинга, грав. Келленбахъ.

внѣшней средой, и воронкообразнаго отверстія съ внутренней полостью. Дѣйствуютъ они, какъ органы выдѣленія.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія своего строенія, въ червѣ представляются особенно хорошо развитыми мускульная и пищеварительная кишечныя системы. И неудивительно: въ движеніи и питаніи проходитъ вся его жизнь.

(Оконч. въ слѣдующ. №).

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. „Страшная месть“, повѣсть Гоголя.

(Рис. на стр. 1108 и 1109).

Яркая, роскошная фантазія народныхъ преданій, полная то страшныхъ, то затѣйливыхъ образовъ, послужила канвой для многихъ прелестныхъ повѣстей Гоголя, въ которыхъ онъ съ геніальнымъ искусствомъ умѣлъ соединить таинственное и страшное съ юморомъ и реальной правдой народной жизни. Такимъ двойственнымъ характеромъ отличается и его повѣсть „Страшная месть“, содержаніе которой, какъ это видно изъ ея эпилога, также взято изъ чисто народнаго сказанія, подслушаннаго поэтомъ у какого нибудь стараго кобзаря-разскащика. Здѣсь гусляръ разсказываетъ объ двухъ казакахъ, Иванѣ и Петрѣ, жившихъ какъ два брата и дѣлившихъ пополамъ и горе, и радость, и добычу. Однажды, когда король Степанъ Семиградскій воевалъ съ Турчиномъ, казаку Ивану удалось поймать въ полонъ сильнаго пашу и тѣмъ заслужить королевскую милость. Король приказалъ выдать ему за добычу, одному такое жалованье, какое получаетъ все войско и приказалъ отвести ему земли тамъ, гдѣ онъ задумаетъ себѣ, и дать скота сколько пожелаетъ. Какъ получилъ Иванъ это жалованье, то тотчасъ же раздѣлилъ его

по братски, по ровну, между собою и Петромъ. Взялъ Петръ свою половину, но не могъ вынести того, что Иванъ получилъ такую честь отъ короля, и дружба его, подъ вліяніемъ этого чувства зависти, обратилась въ страшную ненависть. Онъ рѣшился отомстить, и вскорѣ къ этому представился удобный случай. Поѣхали оба казака за Карпаты, во вновь пожалованную землю. Казакъ Иванъ взялъ съ собой своего маленькаго сына, и на дорогѣ нѣсколько задремалъ. Петръ воспользовался этой его оплошностью и столкнулъ его въ пропасть вмѣстѣ съ младенцемъ. Забралъ себѣ тогда Петръ все добро Ивана и сталъ жить какъ паша. Но настало время и ему умереть и предстать на судъ Божій. „Великій есть грѣшникъ сей человѣкъ“, сказалъ тогда Богъ. „Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты самъ ему казнь“. Долго думалъ Иванъ и наконецъ вымыслилъ казнь и сказалъ: „Сдѣлай же, Боже, такъ, чтобы все потомство его не имѣло на землѣ счастья; чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, какого еще не бывало на свѣтѣ! и отъ каждаго его злодѣйства, чтобы дѣды и прадѣды его не нашли бы покоя въ гробахъ. и терпя муку, невѣдомую на свѣтѣ, подымались бы изъ могилъ! А Іуда Петро чтобы не въ силахъ былъ подняться и отъ того терпѣлъ бы муку еще горшую; и ѣлъ бы, какъ бѣшеный, землю, и корчился бы подъ землею. И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку, подыми меня, Боже, изъ того провала на конѣ на самую высокую гору, и пусть придетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ той горы, въ самый глубокій провалъ, и всѣ мертвецы, его дѣды и прадѣды, гдѣ бы ни жили при жизни, чтобы всѣ потянулись отъ разныхъ сторонъ земли грызть его, за тѣ муки, что онъ наносилъ имъ, и вѣчно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его муки!“ И все сбылось по желанію Ивана. Но нынѣ, какъ говоритъ народная легенда, стоитъ на Карпатѣ на конѣ дивный рыцарь, и видитъ, какъ въ бездонномъ провалѣ грызутъ мертвецы мертвеца, и чуетъ, какъ лежащій подъ землею мертвецъ ростетъ, гложетъ въ страшныхъ мукахъ свои кости и страшно трясетъ всю землю. Это-то таинственное преданіе и послужило темой самой повѣсти. Въ ней мы переносимся въ Украйну, на живописные берега Днѣпра, гдѣ въ своемъ родовомъ хуторѣ богато и счастливо живетъ казакъ Данило съ женой Катериной и малюткой сыномъ. Долго невозмутимо было его семейное счастіе, но вотъ пріѣхалъ къ нему отецъ жены, суровый, молчаливый старикъ, и пошло все у него въ домѣ неладно и нерадостно. Злой тесть во всемъ ему перечилъ и разъ даже въ поединкѣ на сабляхъ нанесъ ему глубокую рану. Данило сознавалъ сначала, что этотъ старикъ долженъ быть не добрый человѣкъ; потомъ въ него мало по малу начало вкрадываться убѣжденіе, что онъ долженъ быть колдунъ или самъ нечистый. Данило сталъ присматривать за тестемъ, и скоро удалось ему замѣтить, какъ тотъ разъ прокрадывался къ старому, полуразрушенному замку, стоявшему на берегу Днѣпра. Данило послѣдовалъ по его пятамъ и, поднявшись по дереву къ окну замка, съ ужасомъ увидѣлъ, что тесть его дѣйствительно чародѣй и слуга сатаны. Въ комнатѣ тихо разливался прозрачно-голубой свѣтъ; колдунъ поставилъ на столъ горшокъ и кидалъ въ него какія-то травы; на стѣнахъ появлялись странные знаки и нетопыри летали внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ. Но что слѣдовало за всѣмъ этимъ, то было еще страшнѣе. Колдунъ вызвалъ своими чарами какую то тѣнь, и Данило съ ужасомъ узналъ въ этой тѣни образъ своей жены—красавицы Катерины. Дѣйствительно, это была душа ея, которую колдунъ тщетно заклиналъ полюбить его и измѣнить мужу. Данило, недолго думая, поступилъ съ колдуномъ по казацки; собралъ вѣрныхъ слугъ, схватилъ его и, заковавъ въ цѣпи, посадилъ за тремя замками въ глубокомъ подвалѣ. Но колдунъ умолилъ дочь, проходившую мимо подвала, отворить ему темницу и спасти отъ казни, обѣщая ей, что онъ пойдетъ въ схимники, чтобы замолить свои прегрѣшенія и спасти свою душу. Выпустивъ отца, Катерина погубила всю свою семью. Данило былъ убитъ колдуномъ во время стычки съ ляхами; колдунъ-же убилъ въ колыбели его малолѣтняго сына. Рехнулась въ умѣ Катерина; говоритъ она несвязныя рѣчи, то горько плачетъ, то неистово плачетъ, то поетъ странныя пѣсни. Но вотъ однажды пріѣзжаетъ какой-то гость, статный, въ красномъ жупанѣ и выдаетъ себя за прежняго, близкаго друга пана Данилы. Въ бесѣдѣ съ Катериной гость началъ разсказывать, между прочимъ, что панъ Данило просилъ его самъ, въ случаѣ его смерти, жениться на его вдовѣ. Страшно взглянула на гостя Катерина, и узнавъ въ немъ отца, бросилась на него съ ножемъ. Но борьба была неравная—между сильнымъ колдуномъ и слабой женщиной. Колдунъ вырвалъ ножъ, замахнулся—и совершилось страшное дѣло: отецъ убилъ безумную дочь свою. Казаки бросились на колдуна, но онъ успѣлъ вскочить на коня и пропасть изъ виду. Колдунъ, чувствуя свою близкую гибель, помчался въ Кіевъ ко святымъ мѣстамъ. чтобы молитвой искупить свою грѣшную душу изъ уготованнаго ей ада. Но здѣсь онъ совершаетъ новое, ужасное злодѣйство; онъ убиваетъ святаго схимника, не давшаго ему отпущенія грѣховъ, и снова мчится, куда глаза глядятъ, спасаясь отъ мукъ преступной совѣсти. Но вотъ какъ-бы чудомъ онъ очутился среди Карпатъ; тучи разомъ очистились и передъ нимъ въ страшномъ величіи предсталъ громадный всадникъ. Со смѣхомъ ухватилъ всадникъ страшною рукою колдуна и поднялъ его на воздухъ. Вмигъ умеръ колдунъ и, открывъ послѣ смерти очи, увидѣлъ себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ страшными мертвецами. Еще разъ засмѣялся всадникъ и кинулъ колдуна въ пропасть, а за нимъ и всѣ мертвецы вскочили въ пропасть, подхватили его и вонзили въ него свои зубы.

Прилагаемый нами рисунокъ и изображаетъ этотъ послѣдній моментъ повѣсти.

Любовь и невинность.

(Рис. на стр. 1113).

Картина В. Бадера „Любовь и Невинность“ была однимъ изъ лучшихъ украшеній Нюрнбергской художественной выставки нынѣшняго года. Мастерствомъ исполненія она произвела сильное впечатлѣніе: и въ публикѣ, и въ печати объ ней много говорили. Вотъ какъ передаетъ содержаніе ея одинъ извѣстный нѣмецкій критикъ: „Это поэтическая мысль—соединить въ одномъ общемъ изображеніи любовь и невинность. Хотя любовь исполнена часто опасностей и искушеній для чистоты душевной, но она вызываетъ всѣ сокровища души и сердца, доселѣ таившіяся, между тѣмъ какъ чистота и невинность облагораживаетъ и возвышаетъ земную страсть. Гдѣ онѣ гармонически сливаются, тамъ получается полный и чудный аккордъ. Это гармоническое единеніе ихъ и было въ намѣреніяхъ Бадера. Символъ чистоты и невинности—вѣтка цвѣтущихъ нѣжныхъ лилій, между тѣмъ какъ любовь держитъ въ рукахъ пышно-расцвѣтшую, пылающую розу. Невинность какъ-бы ищетъ радости въ небѣ, между тѣмъ какъ Любовь склонила очи долу и видитъ рай и счастье въ своемъ сердцѣ. Невинность облечена въ свѣтлыя ризы, между тѣмъ какъ Любовь избираетъ уже болѣе темные и яркие цвѣта; но и она также ясна, какъ и всякая Любовь въ гармоническомъ единеніи съ чистотою и Невинностью“. Такъ говоритъ нѣмецкій критикъ. Гравюра съ такимъ совершенствомъ исполнена, что вполнѣ передаетъ впечатлѣніе прекрасной картины В. Бадера.

Городъ Камышинъ.

(Рис. на стр. 1116).

Камышинъ, нынѣ скромный уѣздный городокъ Саратовской губерніи, былъ нѣкогда однимъ изъ главныхъ сторожевыхъ пунктовъ, предназначенныхъ отражать шайки ордынцевъ и неугомонной поволжской вольницы. Протекающая же здѣсь рѣчка Камышинка даже упоминается въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ, изображающихъ ее значительной рѣкой съ крутыми берегами, поросшими густымъ лѣсомъ—любимымъ притономъ воровъ и разбойниковъ.

„А по славной было матушкѣ Камышинкѣ рѣкѣ
Выгребали, выплывали пятьдесятъ легкихъ струговъ
Воровскихъ казаковъ;
А на всякомъ стружечку по пятидесяти гребцовъ
По пятидесяти гребцовъ—воровскихъ казаковъ...

Такъ поетъ народъ, вспоминая то время, когда сама Волга и ея притоны были обширной ареной для удальства и разбоевъ; когда здѣсь разгуливало дерзкое, своевольное казачество, не признававшее надъ собой никакой власти. Съ основаніемъ въ 1692 году города Дмитріевска, будущаго Камышина, свободное плаваніе по Камышинкѣ разбойничьихъ струговъ значительно затруднилось, но несмотря на это, казацкая вольница еще долго не могла успокоиться. Особенно волновалась она, недовольная преобразованіемъ Петра и его упорнымъ стремленіемъ уничтожить завѣтный кафтанъ и бороду.

Городъ Дмитріевскъ игралъ видную роль въ этихъ волненіяхъ; донскіе казаки даже овладѣли имъ и обязали жителей присягою не брить бороды, не перемѣнять русскаго платья на нѣмецкое, не слушать Государя и быть съ ними за одно. Но только что вышли Кубанцы изъ города, какъ туда вступилъ князь Димитрій Ивановичъ Хованскій съ тремя тысячами Калмыковъ, посланный наказать Дмитріевскъ за измѣну: городъ сжечь и уничтожить, а имѣніе жителей отдать въ добычу Калмыкамъ. Насилу несчастные жители успѣли убѣдить князя въ ихъ невинности; что они не измѣнили царю, что казаки забунтовали ихъ и взяли съ нихъ присягу невольную. Хованскій прогналъ Калмыковъ, но опала этимъ не кончилась; городъ былъ перенесенъ, какъ бы въ наказаніе, на новое мѣсто, гдѣ и нынѣ находится, и переименованъ въ Камышинъ. Кромѣ того въ 1722 г. Петръ повелѣлъ жителей города раздѣлить на двѣ части: одни оставались солдатами, а прочіе казаками, при чемъ первые должны были безотлучно находиться въ городѣ, а вторые разъѣзжать по окрестностямъ для предупрежденія ордынскихъ набѣговъ. Въ бытность свою въ Камышинѣ, во время путешествія въ Астрахань, Петръ явилъ уже себя довольно милостивымъ къ жителямъ опальнаго города; послѣдніе угощали его своими прекрасными арбузами, которые до того ему понравились, что онъ приказалъ даже украсить зданіе городскаго магистрата мѣднымъ изображеніемъ арбуза. Въ 1774 году, августа 13-го, Камышинъ былъ взятъ Пугачевымъ; многіе его жители были перевѣшаны, а вмѣстѣ съ ними и комендантъ города Меллинъ.

Эти казни совершались, по преданію, недалеко отъ города, въ буеракѣ, который и до сихъ поръ слыветъ въ народѣ подъ именемъ висѣльнаго.

Камышинъ построенъ на крутомъ берегу, на скатѣ котораго поставлено нѣсколько амбаровъ для склада хлѣба. Плоскость, занимаемая городомъ, песчана и безлѣсна: садовъ нѣтъ и потому внѣшній видъ города довольно печаленъ и однообразенъ. Нѣсколько украшаютъ его лишь окрестныя горы, называемыя въ народѣ Камышинскими ушами, безлѣсныя и достигающія до 80 саженъ высоты. Кромѣ того вся степная равнина камышинскаго уѣзда усѣяна разной величины курганами—памятниками сѣдой, далекой старины. Такъ, даже вблизи Камышина (въ двадцати верстахъ) возвышается надъ Волгою большой курганъ, носящій у мѣстныхъ жителей прозваніе Разинова кургана, а также Раковой горы. Здѣсь при раскопкахъ находили много стараго оружія, черепа и кости.

Жителей въ Камышинѣ до шести тысячъ, главные промыслы которыхъ—рыболовство по Волгѣ, а также разведеніе и продажа арбузовъ, славящихся своимъ вкусомъ и идущихъ въ большомъ количествѣ внутрь Россіи.

За чайнымъ столомъ.

(Рис. на стр. 1117).

Почтенное общество въ своей комнаткѣ усѣлось за чайный столъ. Разставлены маленькія чашки и чайнички, собачка, повязанная салфеткой, и кошка тутъ-же съ лаемъ и мяуканьемъ ждутъ своихъ кусочковъ и маленькіе хозяева тоже не показываютъ большой сдержанности. Они стучатъ ножками объ столъ, перегибаются со стульевъ, шумятъ и вообще держатъ себя какъ шалунишки. „Скоро-ли намъ дадутъ"? Уже мама присылала имъ сказать, что если они будутъ такъ несносно шумѣть и не уймутъ своихъ собачекъ, то еще дольше придется имъ ждать. Но вотъ наконецъ маленькая степенная служанка вноситъ подносъ съ чайникомъ, и скоро всѣ примутся за свой утренній чай и не одинъ кусочекъ сухаря перепадетъ и любимцамъ маленькихъ хозяевъ — собакѣ Бибишкѣ и Васькѣ коту, — которые знаютъ свое время и въ извѣстные часы ждутъ положенныхъ имъ порцій.

Герцогъ Рейнольдъ II и его супруга Элеонора.

(Рис. на стр. 1121).

Эффектная картина Голландскаго художника Штелинга представляетъ одинъ изъ интересныхъ эпизодовъ средневѣковой исторіи Гельдерланда, сохранившійся въ народной памяти, а также въ хроникахъ того времени.

По этому легендарному и историческому свидѣтельству, Рейнольдъ II, по прозванію Черный, владѣтельный графъ Гельдерланда, былъ человѣкомъ воинственнымъ и храбрымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ роскошнымъ и изнѣженнымъ, безумно тратившимъ доходы своихъ владѣній. Первою его женою была Софія Бертутъ, единственная дочь и наслѣдница одного купца, успѣвшаго посредствомъ торговыхъ оборотовъ составить себѣ довольно крупное состояніе. Софія слыла за женщину умную и энергичную, но она вскорѣ умерла, и графъ, оплакавъ ее, долженъ былъ искать себѣ другую достойную супругу. На этотъ разъ онъ избралъ себѣ невѣстой дѣвушку царскаго рода, а именно дочь англійскаго короля Эдуарда II Элеонору. Этотъ бракъ былъ заключенъ въ 1331 году, и счастливый Рейнольдъ, получивъ громадное приданое, могъ теперь свободно предаться своей страсти къ войнѣ и роскоши. Своими военными подвигами онъ пріобрѣлъ себѣ громкую славу и даже въ награду за помощь, оказанную англійскому королю въ войнѣ съ Шотландцами, получилъ титулъ Герцога въ 1339 году на Франкфуртскомъ сеймѣ. Но слава и почести не могли поправить разстроеннаго мотовствомъ состоянія, и чтобы добыть денегъ, Герцогъ долженъ былъ рѣшиться на отчаянное средство—войти въ сношеніе съ Евреями-ростовщиками, обѣщая имъ за ссуду свое покровительство. Въ тоже время его семейная жизнь представляла мало отраднаго; отдаляясь отъ своей прелестной молодой жены, Герцогъ жилъ въ замкѣ Валькенгофѣ, близъ Пимечена, тогда какъ Герцогиня вела замкнутую жизнь въ другомъ замкѣ Розендалѣ близъ Арнгема. Но злые языки не оставили въ покоѣ бѣдную женщину даже и въ ея уединеніи; клевета чернила ее все болѣе и болѣе въ глазахъ ея супруга, который относился къ ней уже съ явнымъ презрѣніемъ и ненавистью. Глубоко оскорбленная его подозрѣніями, Герцогиня рѣшилась на отчаянное средство для своего оправданія. Она неожиданно явилась въ замокъ Валькенгофъ, и тутъ то произошла та драматическая сцена, которая послужила сюжетомъ Штелингу для его картины, красовавшейся на послѣдней художественной выставкѣ въ Амстердамѣ. Стремительно вошла Элеонора въ залу, гдѣ сидѣлъ за столомъ ея мужъ, окруженный своими придворными любимцами, ведя за руки двухъ маленькихъ сыновей—Рейнольда и Эдуарда. Неподвижный отъ удивленія, Герцогъ смотрѣлъ на жену мрачнымъ, вызывающимъ взглядомъ. Но Элеонора не испугалась этого взгляда; она быстро сбросила свое покрывало, и громко свидѣтельствовала о своей чистотѣ и невинности; она указывала на сыновей—точную копію ихъ отца, спрашивая у Герцога—неужели онъ можетъ при взглядѣ на нихъ еще сомнѣваться. Потомъ, въ какомъ то пророческомъ экстазѣ, несчастная женщина, упрекая мужа за дурное къ ней отношеніе, предсказала, что эта семейная распря будетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія и что знаменитый домъ Гельдеровъ скоро исчезнетъ, не оставивъ слѣда. Ея предсказаніе не замедлило исполниться.

Рейнольдъ Черный жилъ не долго послѣ разсказаннаго нами событія. Смерть его сопровождалась цѣлымъ рядомъ междоусобій между вассалами его владѣній; впослѣдствіи же его собственные сыновья начали между собою кровавую, братоубійственную войну. Эдуардъ погибъ въ ней первымъ, Рейнольдъ же пережилъ его лишь десятью годами, и съ его смертью угасла навсегда послѣдняя отрасль знаменитаго рода Гельдеровъ.

Политическое обозрѣніе.

Избраніе Іерусалимскаго Патріарха.—Поѣздка г. Гирса.—Килійскій вопросъ.—Австро-Венгрія.—Сербія.—Карагеоргіевичъ.—Проектъ присоединенія Босніи къ Сербіи.—Алеко-Паша.—Турція.—Англія въ Египтѣ.

Въ комъ Восточная Церковь, Іерусалимское Патріаршество находило себѣ поддержку и покровительство?—въ Россійскихъ Государяхъ, въ Россіи; гдѣ главный для нея источникъ матеріальныхъ средствъ—въ Россіи (въ которой, между прочимъ, она владѣетъ значительными имѣніями). Этотъ общеизвѣстный фактъ намъ приходится сопоставить съ извѣстіемъ, которое не только не вяжется съ нимъ, но рѣзко ему противорѣчитъ. Въ Іерусалимѣ происходило избраніе новаго патріарха. Россія предлагала своего кандидата—Греческаго архіепископа Никодима, управляющаго іерусалимскимъ подворьемъ въ Москвѣ, человѣка извѣстнаго у насъ. Греческое духовенство въ Іерусалимѣ, мало того, что не избрало его—оно, даже, не внесло его въ списокъ кандидатовъ! Избранъ—вопреки желанію Россіи—Фотій Пероглу. Послѣдовало, конечно, то, чего и надо было ожидать—выборы не признаны и будутъ возобновлены. Но—дѣло не въ этомъ, а въ изумительномъ явленіи неслыханнаго пренебреженія іерусалимскаго греческаго духовенства къ Русскому государству! Впрочемъ—если оно изумительно, то и вразумительно: на будущее время мы, вѣроятно, постараемся не допускать чего либо подобнаго. Мы говоримъ не о стѣсненіи свободы выборовъ въ Іерусалимѣ, но о томъ, чтобы русское имя тамъ уважалось, какъ оно того заслуживаетъ.

Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Д. Т. С. Гирсъ, выѣхалъ за границу, къ своему семейству, въ Италію; но, по пути былъ у князя Бисмарка и посѣтитъ гр. Кальноки. По обыкновенію, въ этомъ усматриваютъ признаки прочности въ Европѣ мира. Килійскій вопросъ не сдѣлался европейскимъ и превратился въ простой эпизодъ изъ дѣятельности международной Дунайской коммисіи. Значитъ—и это тоже признакъ прочности миролюбія между европейскими державами.

Пожалуй—зажмуривъ глаза на многое, можно этому и повѣрить. Нѣтъ и то трудно. Австро-Венгрія все больше и больше затягиваетъ Сербію въ свои тенеты. Теперь, говорятъ, она ее пугаетъ Карагеоргіевичемъ—вѣроятно въ виду общаго въ Сербскомъ народѣ раздраженія противъ австрійскаго гнета. Въ октябрѣ князь Александръ Карагеоргіевичъ прибылъ въ Австрію, въ Военную Границу, гдѣ граничары его встрѣтили торжественно, и далѣе—куда онъ ни пріѣзжалъ, его принимали какъ царственного гостя. Князь остановился въ Землинѣ, почти въ то самое время, когда въ Бѣлградѣ Елена Марковичъ произвела свое покушеніе на короля Милана. Карагеоргіевичъ тотчасъ же уѣхалъ въ Митровицу, гдѣ остановился у вдовы Миливоя Блазнавада, покойнаго диктатора Сербіи послѣ убіенія Михаила Обреновича, а оттуда отправился въ Боснійскую Рачу. Всѣ эти переѣзды въ ближайшемъ сосѣдствѣ Сербіи князь Карагеоргіевичъ совершалъ подъ охраной австрійскихъ властей. Да и прямо говорятъ, что австрійское правительство готово оказать ему поддержку въ его намѣреніи произвесть переворотъ въ королевствѣ. Можетъ быть Австріи это необходимо не для успѣха претендента, а для того только, чтобы его появленіе въ Сербіи повело къ безпорядкамъ—которые и явились бы усмирять австрійскія войска. Этого и довольно. А пока въ средѣ австрійскаго парламента предлагаются—впрочемъ, не правительствомъ, а депутатами — проекты обращенія Сербіи въ австрійскую провинцію; а именно—депутатъ отъ галицкихъ поляковъ, Гауснаръ, вдохновясь общею мыслію о томъ, что Сербію необходимо „подчинить", предложилъ: присоединивъ Боснію къ Сербскому королевству, заключить съ нимъ *военную*, торговую (да, вѣдь, это-то уже сдѣлано!), таможенную, желѣзнодорожную, почтовую и телеграфную конвенціи по образцу тѣхъ, какія Пруссія заключила съ прочими германскими государствами, и съ тѣмъ, чтобы Сербію совершенно выдѣлить изъ состава Балканскихъ государствъ! Въ этомъ проектѣ очевидно сказывается общее, повторяемъ, настроеніе руководящихъ сферъ Габсбургской монархіи по отношенію къ славяно-балканскому вопросу.

Въ будущемъ году кончается срокъ службы Алеко-Паши въ

качествѣ генералъ-губернатора Восточной Румеліи, и теперь уже называютъ нѣсколькихъ кандидатовъ на его постъ. Считаемъ не лишнимъ сказать о нихъ два слова: это, во первыхъ, Савасъ-Паша, грекъ-медикъ, бывшій министръ и человѣкъ не особенно строгихъ правилъ, во вторыхъ, тоже бывшій министръ —иностранныхъ дѣлъ, Каратеодори-Паша, умный, ловкій, но—прежде всего грекъ и потому неудобный для Румеліи, гдѣ непремѣнно тянулъ бы въ руку богатаго эллинскаго меньшинства, а болгарамъ и безъ того греки надоѣли; въ третьихъ—Васса-эфенди, президентъ суда въ Адріанополѣ, человѣкъ честный и образованный, но армянинъ и болѣе расположенный къ Турціи, чѣмъ къ славянамъ; называютъ, наконецъ, и болгарина—одного изъ бывшихъ министровъ Болгаріи—Вулковича, но онъ не желаетъ этого поста. Кто же будетъ? Можно надѣяться, что при австро-англійской поддержкѣ—именно не болгаринъ.

Порта съ С.-Джэмскимъ кабинетомъ то сближается, то расходится. Теперь—сблизились на минуту, но что же и дѣлать Портѣ, предоставленной своему „союзнику“. Лордъ Дёффеoинъ распоряжается въ Египтѣ какъ полномочный комисаръ, и ясно, что онъ все сдѣлаетъ, все устроитъ, что надо англичанамъ. Пока предполагается „поручить“ Англіи обезпечить оборону Египта, предполагается учредить государственный совѣтъ, въ которомъ двѣ трети будутъ составлять туземцы, а остальную треть—англичане; предполагается окупацію продлить на три года. Гладстонъ, между тѣмъ, скупаетъ акціи Суэзскаго канала, желая пріобрѣсть непреоборимое большинство для Англіи. Какіе все это уроки практической политики!

Смѣсь.

Горловыя болѣзни. Въ виду существующихъ почти повсемѣстно разныхъ горловыхъ болѣзней, доктора С. Н. Исаевъ и Г. П. Туркевичъ рекомендуютъ при малѣйшемъ появленіи горловой боли, черезъ каждые 3 часа, прополаскивать горло растворомъ бертолетовой соли (Kali chloricum), — которая, въ количествѣ чайной ложки, легко растворяется въ стаканѣ кипяченой воды. При усиленіи боли, за неимѣніемъ врача, нужно этотъ способъ леченія продолжать растворомъ въ стаканѣ же кипяченой воды, до 2-хъ и даже 3-хъ чайныхъ ложекъ бертолетовой соли, унцій которой можно пріобрѣсти въ аптекѣ, по таксѣ, въ порошкѣ, (т. е. эту кристаллическую соль) за 15 коп. Это недорогое домашнее средство, которое долго можетъ сохраняться въ закупоренномъ видѣ, должно имѣть всегда на готовѣ.

Мало того, докторъ Исаевъ, въ видѣ предупрежденія, совѣтуетъ ежедневно утромъ и вечеромъ полоскать ротъ или слабымъ растворомъ (на стаканъ 1/2 чайн. ложки) бертолетовой соли, или же, если нѣтъ таковой,—просто обыкновенной поваренной соли. Если же у кого имѣется пульверизаторъ, то еще лучше впрыскивать эту жидкость посредствомъ его въ ротъ. Извѣстно, что самыя серьезныя болѣзни, какъ напр. дифтеритъ и крупъ, начинаются большею частію простой горловой болью и припухлостію железъ, а потому, понятно, во время принятыя, эти мѣры могутъ остановить дальнѣйшее развитіе упомянутыхъ болѣзней.

Еще средство сохраненія волосъ. Есть новѣйшее средство для сохраненія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ,—а именно шведскій „Элеопатъ“ провизора Германа Кинунена.

Въ медицинской литературѣ, въ послѣднее время стали извѣстны факты, которые говорятъ въ пользу „Элеопата“ Кинунена на ростъ, уничтоженіе перхоти и густоту волосъ. Медицинскія газеты сообщаютъ случай, гдѣ, послѣ 2-мѣсячнаго употребленія „Элеопата“ Кинунена, корни волосъ нѣсколько укрѣпились и увеличилась густота волосъ. Четыре мѣсяца спустя, несмотря на то, что употребленіе „Элеопата“ давно уже было оставлено, перхоть на головѣ болѣе не появлялась, волосы перестали спутываться и приняли натуральный лоскъ и густоту.

Въ Швеціи повсемѣстно жители употребляютъ „Элеопатъ“ противъ лишайныхъ и накожныхъ болѣзней на головѣ, но преимущественно противъ выпаденія волосъ, какъ народное средство.

Кинуненъ ввелъ этотъ шведскій „Элеопатъ“ въ Россіи, но анализу тщательно приготовленный изъ бальзамическихъ цѣлительныхъ травъ. Сколько извѣстно, средство это съ настоящаго года уже имѣется къ услугамъ публики и врачей въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, куда оно въ первый разъ только попало въ торговлю. Всѣ остальныя средства до сего времени предложенныя, какъ помады и т. п. для рощенія волосъ и противъ перхоти, не достигали своей цѣли на практикѣ, такъ напр. доказано, что жирныя вещества, помады, при употребленіи окислялись, т. е. разлагались, а жиръ переходилъ въ вредную кислоту, а потому не приносилъ никакой пользы.

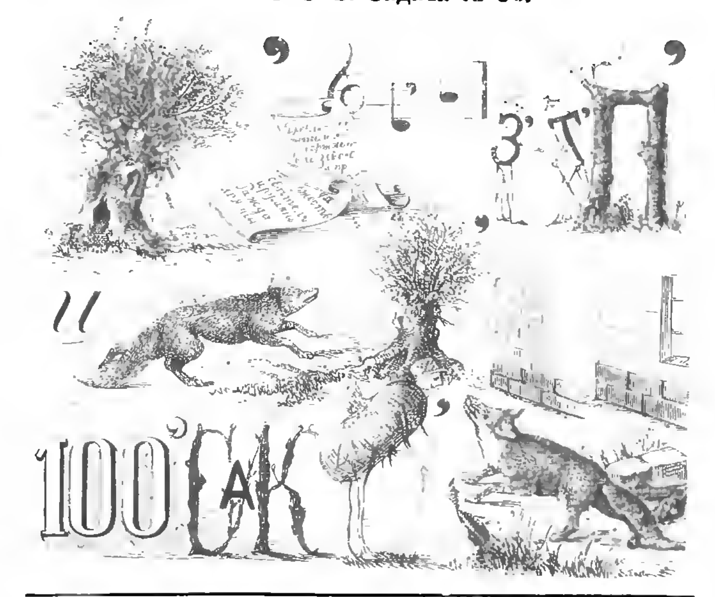
Въ маѣ мѣсяцѣ сего года г. Кинуненъ сообщилъ въ одномъ изъ засѣданій Общества любителей естествознанія отчетъ объ „Элеопатѣ“.

Женщина—вѣчный жидъ. Баронесса Эмилія Фіоральди недавно окончила свои странствованія. Независимая, богатая, красавица, баронесса Фіоральди съ 22 лѣтъ постоянно путешествовала. Какая у нея была цѣль, этого никто не зналъ; остановившись на два-три дня въ одномъ городѣ, она отправлялась далѣе, и ей было безразлично, куда бы ни ѣхать, лишь бы не сидѣть на одномъ мѣстѣ. Она не обращала вниманія на разстоянія, ее не занимали красоты природы, и друзья ея въ Римѣ, Неаполѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Петербургѣ, Александріи не могли уговорить ее пожить съ ними подольше. Объясненія въ любви, предложенія не производили на нее никакого впечатлѣнія, она оставалась равнодушна, когда обожатели ея слѣдовали за нею по пятамъ, и спокойно выслушала извѣстіе о самоубійствѣ одного молодаго англичанина, застрѣлившагося изъ-за нея въ Ливорно. Такъ она проѣздила до сорокъ втораго года. Прошла молодость, увяла красота и израсходовались деньги. Недавно въ маленькомъ городкѣ въ Калабріи, въ бѣдной гостинницѣ нашли утромъ мертвую женщину, прибывшую туда наканунѣ больною. Она умертвила себя угаромъ. Въ ногахъ у нея лежала издыхающая собачка, а въ рукахъ у нея была зажата бумага со слѣдующими словами: Я ѣздила двадцать лѣтъ. На свѣтѣ много мильоновъ людей, но между всѣми людьми я не нашла своего идеала. А потому я ухожу въ другой міръ, быть можетъ встрѣчусь съ нимъ тамъ.— Умершая была баронесса Фіоральди.

Эдиссоновскій свѣтъ въ домахъ. По сообщенію Нью-Іоркскаго Таймса, тамъ были произведены опыты со свѣтомъ Эдиссона, въ примѣненіи его для домовъ. Свѣтъ чрезвычайно похожъ на свѣтъ газоваго пламени въ колпакѣ, но только несравненно ярче и ровнѣе. Для того, чтобы лампу зажечь, достаточно повернуть винтикъ и огонь появляется. Было около 5 часовъ вечера, когда новыя лампы были зажжены; было еще свѣтло и лампы свѣтили мало. Спустя два часа, когда наступила темнота, можно было составить понятіе о прекрасномъ и ровномъ освѣщеніи. Отъ двадцати семи лампъ въ комнатахъ редактора Таймса и двадцати пяти въ конторѣ было такъ свѣтло, точно днемъ. Это свѣтъ, при которомъ можно работать впродолженіи часовъ, не замѣчая, что это свѣтъ искусственный. Тепло, распространяемое лампами, несравненно меньше тепла, развивающагося при горѣніи газа. Свѣтъ ровный, мягкій, чрезвычайно пріятный для глазъ. Электрическія лампы въ зданіи Таймса въ первый же вечеръ были предоставлены въ пользованіе людей, привыкшихъ къ ночной работѣ, и которые тѣмъ самымъ способны были опредѣлить хорошія и дурныя стороны новаго освѣщенія. Всѣ единогласно отдали предпочтеніе электричеству передъ газомъ.

Слѣды телефона въ XVII столѣтіи. Рукопись англійскаго физика Роберта-Гооке, помѣченная 1667 годомъ, составляетъ старѣйшій документъ, гдѣ упоминается о передачѣ звука на далекое разстояніе. Въ ней написано: „Теперь сдѣлалось возможнымъ передавать звукъ на далекое разстояніе, и я думаю, что можно произвесть еще опытъ, увеличивъ разстояніе въ десять разъ.“ Далѣе Гооке говоритъ, что при помощи натянутой проволоки онъ передавалъ звукъ на далекое разстояніе съ такою скоростью, которая хотя и меньше скорости свѣта, но несравненно больше скорости звука въ воздухѣ. Какъ на особенность при такой передачѣ звука указываетъ онъ на то, что проволоку онъ не только вытягивалъ по прямой линіи, но могъ также придавать ей нѣсколько изгибовъ.

РЕБУСЪ. Задача № 80.



Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

Открыта подписка на 1883 годъ.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

„НИВА“ XIV годъ.

Для помѣщенія въ „Нивѣ“ въ будущемъ **1883** году, **кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ и литературныхъ произведеній, между прочимъ, имѣется НОВАЯ ПОВѢСТЬ**

ИВАНА СЕРГѢЕВИЧА ТУРГЕНЕВА

которую онъ, согласно его письму отъ 24 сентября (6 октября) изъ Буживаля (близъ Парижа), надѣется доставить въ редакцію **НЫНѢШНЕЮ ЗИМОЮ.**

Также находится уже у насъ въ портфелѣ прекрасная новая повѣсть **„ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ“** знаменитаго автора **„Переселенцевъ“** и **„Антона Горемыки“**

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

Кромѣ того мы обѣщаемъ нашимъ подписчикамъ напечатать въ „Нивѣ“ 1883 г. новый **историческій романъ**

Всеволода Сергѣевича Соловьева

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„СТАРЫЙ ДОМЪ“

(хроника четырехъ поколѣній).

Романъ этотъ составляетъ ПРОДОЛЖЕНІЕ романовъ „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“ и „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“, помѣщенныхъ въ **1881** и въ **1882** гг. въ „Нивѣ“, и имѣвшихъ такой громадный успѣхъ въ средѣ нашихъ читателей. Дѣйствіе новаго романа **„СТАРЫЙ ДОМЪ“** происходитъ въ послѣдніе годы царствованія Имп. Александра I.

И еще мы имѣемъ **цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній**, изъ которыхъ пока поименуемъ только слѣдующія: **„ПОДЪ КОЛЕСОМЪ“**, новый романъ **Н. Д. АХШАРУМОВА**, изъ современной жизни; **„ВЪ ЦВѢТАХЪ“**, большая повѣсть **Н. К. Лебедева**; **„БАГРОВАЯ ПЫЛЬ“**, большая повѣсть **П. Петрова**; историческая повѣсть **„ПОЛКОВНИКЪ ИЗЪ ЗОЛОТОНОШИ“**, **Н. Кирилова**; **„НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ“** и **„ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА“**, двѣ повѣсти **П. П. Гнѣдича**; и многія другія. Какъ **ПРЕМІЮ на будущій 1883 годъ**, мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ безъ исключенія и когда-бы они ни представили свои подписки — кромѣ **большаго стѣннаго календаря** на **1883** годъ, очень большую, роскошную олеографію съ новой исторической картины блестяще-талантливаго профессора **В. И. ЯКОБІЯ**

КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ.

Картина эта написана по заказу „Нивы“; сюжетъ заимствованъ изъ романа Вс. С. Соловьева **„Вольтерьянецъ“**, помѣщ. въ „Нивѣ“ 1882 г. Великолѣпныя копіи-олеографіи будутъ такого-же огромнаго размѣра, какъ и премія настоящаго года, именно 62 сант. ширины и 82½ сант. высоты. Изображеніе Императрицы Екатерины въ ея пріемной и воздушная фигура юной великой княжны и красавца-короля—прелестны. Черезъ нѣсколько недѣль выставится въ конторѣ редакціи оригиналъ картины **рядомъ** съ копіей, такъ чтобы каждый подписчикъ могъ самъ убѣдиться въ достоинствѣ какъ картины, такъ и копіи. Редакція проситъ гг. подписчиковъ **поторопиться возобновленіемъ подписки**, такъ какъ при общемъ числѣ около 75,000 подписчиковъ, приготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Всѣ требованія адресовать въ **Главную Контору Редакціи „Нива“ А. Ф. Марксу, въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9. Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ показана на 1-й страницѣ сего №.**

Издатель „Нивы“ А. Ф. МАРКСЪ.

Всемірная Иллюстрація

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
съ разными безплатными приложеніями.

„Всемірная Иллюстрація" представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію и промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр.,—однимъ словомъ цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Главная задача „Всемірной Иллюстраціи"—изображеніе въ картинахъ и текстѣ **современныхъ событій** во всѣхъ сферахъ политической и общественной жизни.

Подписка на 1883 годъ открыта.

Годовая цѣна **„Всемірной Иллюстраціи"**: безъ доставки: въ С.-Петербургѣ **13 р.**, въ Москвѣ **14 р. 50 к.**; съ доставкою въ С.-Петербургѣ **14 р. 50 к.**, съ пересылкою въ Москву и во всѣ города Россійской Имперіи **16 р.**

Контора редакціи на Большой Садовой. № 16. въ С.-Петербургѣ. Р. № 2323 6—1

ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„НЕДѢЛЯ",

16-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **16-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.**

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО

Журнала Романовъ и Повѣстей.

Газета „НЕДѢЛЯ" выходитъ еженедѣльно по воскресеньямъ, нумерами въ два большихъ листа убористой печати, всего въ количествѣ 52 нумеровъ въ годъ.

Газета „НЕДѢЛЯ" слѣдуетъ **народно-прогрессивному** направленію. Сочувствуя принципамъ самоуправленія, свободы печати, совѣсти и личности вообще, какъ **цѣли** человѣческаго общежитія, она признаетъ въ то же время необходимымъ сообразовать эти принципы **съ національными особенностями** Россіи. По убѣжденію редакціи „НЕДѢЛЯ", только при этомъ условіи возможно полное осуществленіе и утвержденіе въ Россіи истинной, а не мнимой **свободы.**

Какъ еженедѣльная газета, „НЕДѢЛЯ" имѣетъ цѣлью знакомить читателей со всѣмъ, что творится замѣчательнаго на свѣтѣ вообще и въ Россіи въ частности. Такимъ образомъ лица, не имѣющія возможности аккуратно слѣдить за ежедневными газетами, найдутъ въ каждомъ нумерѣ „НЕДѢЛИ" цѣлый рядъ хроникъ, отчетовъ и статей, посвященныхъ общественной и политической жизни за истекшую недѣлю. А такъ какъ всѣ эти хроники и отчеты представляютъ собою не перепечатку извѣстій изъ другихъ газетъ (въ „НЕДѢЛѢ" вообще никакихъ перепечатокъ не допускается), но связныя, **литературно-обработанныя** статьи, то они представляютъ интересъ и для читателей ежедневныхъ газетъ.

Относительно выбора статей для „НЕДѢЛИ" и вообще матеріала для чтенія, редакція всегда имѣетъ въ виду **провинціальную публику и ея потребности.** Для нея провинція стоитъ **на первомъ планѣ**, а Петербургъ—**на второмъ.**

Читатели „НЕДѢЛИ" получаютъ: 1) въ сжатомъ, систематическомъ видѣ сводъ текущихъ извѣстій изъ русской и иностранной жизни; 2) руководящія статьи по поводу какъ этихъ извѣстій, такъ и вообще современныхъ вопросовъ; 3) корреспонденціи изъ Россіи и изъ-за границы; 4) критическія статьи и извѣстія о новыхъ книгахъ; 5) статьи общеинтереснаго содержанія по общественно-научнымъ вопросамъ; 6) статьи, посвященныя отдѣльнымъ явленіямъ жизни, преимущественно провинціальной; 7) беллетристику и поэзію; 8) фельетонъ, и 9) разнаго рода интересныя мелкія извѣстія изъ дѣятельности правительства и общества, выдающіеся случаи изъ жизни и т. п.

„ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ" составляетъ приложеніе къ газетѣ „НЕДѢЛЯ" и выходитъ ежемѣсячными книжками, въ первое воскресенье послѣ каждаго перваго числа.

Въ **„Журналѣ романовъ и повѣстей"** помѣщаются какъ иностранные, такъ **русскіе** романы и повѣсти, въ чемъ заключается одно изъ существенныхъ его отличій отъ разныхъ сборниковъ и журналовъ романовъ, печатающихъ одни только переводы.

Въ 1882 году въ **„Журналѣ романовъ и повѣстей"** были напечатаны слѣдующія произведенія: **I. РУССКІЯ: Сагайдачный.** Историческая повѣсть *Д. Л. Мордовцева*; **Сенаторская ревизія.** Изъ провинціальной губернской жизни. *П. Кармасанова* (псевдонимъ); **Исторія моего оскопленія.** Изъ записокъ скопца; **Счастливѣе всѣхъ.** Романъ *П. А. Крушевана*; **За себя и другихъ.** Романъ *Вѣры Родендорфъ*; **Свѣтопредставленіе.** Разсказъ *Н. Л.*; **Раззоренное гнѣздо.** Повѣсть *Н. Ланской.* **II. ИНОСТРАННЫЯ: Вертепъ.** Романъ *Эмиля Зола*; **Царскія кудри.** Романъ *Мистриссъ Бреддонъ*; **Борьба.** Повѣсть *Поля Моргана*; **Серебряная свадьба.** Разсказъ *Д. К. Муррея.* **Нэнси.** Романъ *миссъ Броутонъ*; **Сердце и наука.** Романъ *Уильки Коллинза*; **Жиды.** Романъ *Фрица Маутнера.*

Въ книжкахъ **за** предыдущіе годы помѣщены романы и повѣсти Я. П. Полонскаго, Д. Л. Мордовцева, Ольги Шапиръ, К. К. Случевскаго, Л. Ръскина (псевдонимъ), Альфонса Доде, Е. Марлитъ, Георга Эберса, Уиды и мн. др.

ПОДПИСКА на полученіе въ 1883 году газеты „НЕДѢЛЯ" съ приложеніемъ „ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ" открыта.

Цѣна обоихъ изданій вмѣстѣ—8 рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛЯ", на углу Ивановской и Кабинетской, № 6—12. № 2310 3—1

Редакторъ-издатель **П. А. Гайдебуровъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

„РЕБУСЪ"

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЗАГАДОЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ (годъ третій).

Расширивъ свою программу, „Ребусъ" въ 1883 году отзовется на тѣже вопросы, какъ и другія еженедѣльныя изданія. Главная же его задача—освѣщать загадочныя явленія жизни, по прежнему останется на первомъ планѣ. При этомъ медіумизмъ (спиритизмъ) пользуется на страницахъ „Ребуса" полнымъ гостепріимствомъ. По этому вопросу редакціи обѣщали свое сотрудничество **А. Н. Аксаковъ** и профессоръ **А. М. Бутлеровъ.**

Въ отдѣлѣ ребусовъ, шарадъ, и проч. будетъ помѣщено 40 ребусовъ. За рѣшеніе каждаго изъ 20-ти премированныхъ **всѣ** получаютъ безплатныя преміи, въ видѣ книгъ, картинъ, портретовъ, и проч. Кромѣ того за 10 ребусовъ будетъ выдана большая олеографическая картина: **„Ночь на Днѣпрѣ"** (10 руб.), а за 20—изящное иллюстрированное изданіе: **„Потерянный Рай" Мильтона** (25 руб.).

Литературный отдѣлъ заключаетъ романы, повѣсти, и проч. Фельетонъ—новости недѣли.

„РЕБУСЪ" **издается съ благотворительною цѣлью:** на содержаніе безплатной столовой для бѣдныхъ.

ЦѢНА: 3 руб. въ годъ безъ перес. и 4 р. съ перес. На полгода: 2 р. безъ перес. и 2 р. 50 к. съ перес. На три мѣс. 1 р. безъ пер. и 1 р. 50 к. съ пер. Для подписавшихся на годъ допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р., и 1-го іюля 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. Въ С.-Петербургѣ: въ книж. магаз. Мелье, Вольфа, и друг. **Черезъ почту**: въ редакціи (Англійскій просп., д. № 29). Въ Москвѣ: въ конт. редак. книж. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ).

№ 2319 1—1 Редакторъ-издатель **В. Прибытковъ.**

Модный Свѣтъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(самый полный и самый дешевый иллюстрированный модный и семейный журналъ въ Россіи, съ разными приложеніями).

По количеству своихъ подписчиковъ онъ превосходитъ всѣ другіе модные журналы.

„Модный Свѣтъ" даетъ своимъ подписчикамъ богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ по всѣмъ отраслямъ моды: костюмы, платья, пальто, накидки, шляпы, прически, сообразно времени года и случаю, бѣлье мужское, женское и дѣтское, ручныя дамскія работы всѣхъ родовъ и т. д., изображенные прекрасными рисунками, съ описаніемъ ихъ исполненія. Кромѣ того, въ литературномъ отдѣлѣ онъ даетъ читателю богатый выборъ для семейнаго чтенія: романы, повѣсти, стихотворенія, а также афоризмы, шарады, задачи и т. п.

Въ 1883 году ТРИ ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ ПРЕМІИ.

Подписка на 1883 годъ открыта.

Годовая цѣна журналу **„Модный Свѣтъ"**: I изданію: безъ доставки — **6 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ — **6 р. 50 к.**, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи—**7 р.**; II изданію: безъ доставки — **6 р.**, съ доставкою — **7 р. 50 к.**, съ пересылкою **8 р.** и III изданію: безъ доставки **8 р.**, съ дост.—**9 р. 50 к.**, съ перес.—**10 р.**

Контора редакціи на Б. Садовой ул., № 16, въ С.-Петербургѣ. Р. № 2322 6—1

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ХИННАЯ ПОМАДА и ВОДА для уничтоженія перхоти на головѣ.

ТОНИЧЕСКАЯ ВОДА лучшее средство для укрѣпленія волосъ, употребленіе ея пріятно и освѣжительно.

ФИЛОДОРЪ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.

Невскій проспектъ, д. № 66, у Аничкина моста.

Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Кромѣ означенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. Р. № 2317 3—1

---

1) **ПОМАДА**, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ, уничтожаетъ перхоть, сыпи; а) жидкая помада флаконъ 3 р.; б) густая помада флаконъ 3 р., пересылка 1 р. за флаконъ. 2) **КРАСКА** моментально окрашиваетъ волоса въ черный или каштановый цвѣтъ, не линяетъ. Цѣна 3 р., пересылка 1 р. Гороховая ул., д. № 57, магазинъ-парикмахерская **Ивановой.** № 2313 1—1

№ 2290 2—2

ПРИВИЛЛЕГИРОВАННЫЯ „ПОМАДЫ"

ПОДЛИННИКЪ „PASTA EUGÉNIE".

Это средство уничтожаетъ: веснушки, загаръ, морщины, придаетъ кожѣ свѣжесть и дѣлаетъ ее бѣлой.

Цѣна банки 1 р. 60 к.

ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПОМАДА
НА ПЕРУАНСКОМЪ БАЛЬЗАМѢ,
ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ, УГУЩЕНІЯ И РОЩЕНІЯ ВОЛОСЪ.

Эта помада прекращаетъ выпаденіе, возбуждаетъ дѣятельность корней волосъ и придаетъ силу ихъ росту.

Цѣна банки 2 руб.

РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА.

Послѣ ея употребленія, руки пріобрѣтаютъ удивительную бѣлизну и гибкость.

Цѣна банки 1 руб. 30 коп.

На каждой банкѣ находится охранительная марка **амуръ** и подпись изобрѣтательницы **Bertha Ries.**

ПОДЛИННИКЪ „POUDRE EUGÉNIE"
БѢЛАЯ И РОЗОВАЯ.

Она крѣпко держится на кожѣ и совершенно незамѣтна для глаза, а также придаетъ кожѣ замѣчательную мягкость, эластичность и нѣжность.

Цѣна коробки съ пуховкой 1 р. 50 к.
„ „ безъ пуховки 1 р. 20 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ,
ТРЕХЪ ЦВѢТОВЪ:
ЧЕРНАЯ, КОРИЧНЕВАЯ И СВѢТЛО-РУСАЯ

Волосы, окрашенные этой краской, сохраняютъ цвѣтъ въ продолженіи шести недѣль, и не могутъ быть отличимы отъ натуральныхъ, затѣмъ не переходятъ въ рыжій цвѣтъ.

Цѣна коробки 3 рубля.

Краска фабриканта **Рисъ Гутманъ.**

ДЕПО НАХОДЯТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, Главное Общество торговли Аптекарскими товарами, на Казанской, соб. домъ.
У парикмахера Эмиль, бывш. Сансеро, Литейный, № 43.
У парикмахера Аристидъ, Васильевскій остр., 1 линія, домъ № 18.
Въ Москвѣ, у К. И. Феррейна, Никольская.
А. Брунсъ (бывш. Пецъ), Маросейка, д. Еремѣевыхъ.
Вилза и К°, на Никольской.
Гетлингъ и Штокманъ, Петровка.
Кригеръ и Качъ, Кузнецкій мостъ.
Эмиль Керстанъ, на Тверской.
Дарзансъ, въ Газетномъ переулкѣ.
В. К. Безбардисъ, у Арбатскихъ воротъ.
Въ Воронежѣ, у парикмахера С. Курильченко.
„ **Козловѣ,** магазинъ бр. Поповыхъ.
„ **Пензѣ,** магазинъ Кликунова.
„ **Кіевѣ,** магазинъ Parisen Augusto & C°.
„ **Одессѣ,** магазинъ Гельдерь и К°.
„ **Елисаветградѣ,** Г. А. Треетера наслѣди.
„ **Полтавѣ,** магазинъ Фердинандъ Тренке.
„ **Харьковѣ,** В. Кухарева въ Пассажѣ. № 17. Главное Общество торговли Аптекарскими товарами.
„ **Таганрогѣ,** магазинъ М. Майканаръ.
„ **Ростовѣ на Дону,** А. Эдельбергъ, бывш. Биркле.
„ **Новочеркасскѣ,** магазинъ З. Петрова.
„ **Астрахани,** магазинъ А. Фадѣева.
„ **Саратовѣ,** магазинъ Матейссена.
„ магазинъ Роберта Штроль.
„ **Самарѣ,** Саренткій магаз. Кристенсонъ.
„ **Казани,** магазинъ Мурзаева и аптекарскій магазинъ.
„ **Ставрополѣ,** у парикмахера К. Курильченко.
„ **Тифлисѣ,** въ музыкальномъ магазинѣ И. Ланко, въ домѣ генерала Лазарони.
„ **Петровскѣ,** на Кавказѣ, у Лебедева.
„ **Томскѣ,** магазинъ Иванова.
„ **Перми,** магазинъ П. Перетцъ.
„ **Екатеринбургѣ,** Г. Перетцъ.
„ **Варшавѣ,** В. Сандеръ, Краковская улица, № 83.
и у Leon & C°, Сенаторская ул., № 4.
„ **Ригѣ,** у Бютнеръ и К°, противъ биржи.
„ **Вильно,** магазинъ Гружевскаго.
„ **Ревелѣ,** магазинъ Христіана Келеръ.
„ **Гельсингфорсѣ,** магазинъ Сванъ

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ И ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА.

№ 2269 10—5

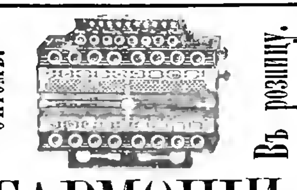
МОСКВА ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ 1882 Г. МОСКВА

Въ книжномъ магазинѣ В. В. ПОПОВА, бывшемъ Я. А. ИСАКОВА,

(С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, № 24),

принимается подписка на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты на **1883** годъ. Каталоги журналовъ высылаются безплатно. Книги въ роскошныхъ переплетахъ для подарковъ, заготовлены въ большомъ количествѣ. Требованія гг. иногородныхъ исполняются **немедленно.** Mt. № 2305 3—2

МИЛЬТОНЪ. ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ. Большое изданіе in folio съ 50 большими картинами **Густава Доре.** Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р., съ перес. въ ящикѣ 30 р., въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ перес. въ ящикѣ 35 р. **Подписчикамъ „Нивы" на 1883 г. дѣлается уступка 5 руб.**



Оптомъ. Въ розницу.

ГАРМОНІИ

изъ самыхъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ и также собственной фабрикаціи.

ВЪ 1 РЯДЪ.

8 клапановъ по 4 р. 50 к. и 6 р.
10 „ „ 5 р. 50 к., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р., 24 руб.

ВЪ 2 РЯДА.

17 клапановъ по 14 р., 16 р., 18 р.
19 „ „ 15 р., 17 р., 18 р., 20 р., 22 р., 35 р.
21 „ „ 16 р., 18 р., 20 р., 22 р., 30 р., 35 р., 40 р.

ВЪ 3 РЯДА.

По 30 р., 40 р., 45 р., 60 р.

Самоучитель Соколова для гармоніи 1 р. 6 тетрадей разныхъ нотъ съ танцами, операми и пѣснями для гармоніи по 75 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана,

С.-Петербургъ, по Б. Морской, № 42.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно.

Пересылка на счетъ покупателя.

Депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго. А. № 2315 1—1

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ

изъ

ЗОЛОТА и СЕРЕБРА,

какъ-то: **старинныхъ, золотыхъ эмальированныхъ табатерокъ, вазъ, кубковъ и бокаловъ** изъ топаза или камней въ золотой оправѣ, **старинныхъ серебряныхъ вещей, какъ-то: кружекъ, бокаловъ, кубковъ, группъ и фигуръ,** вообще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII столѣтій, кромѣ монетъ.

Письменно или лично обращаться въ Москву, **г-ну ЛУДОВИКУ БЕКЪ,** Петровка, домъ Пепскаго, противъ Петровской аптеки. № 2278 9—2

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Марлитта.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к., для подписч. „НИВЫ" 1882 г. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

№ 1978 38

!Новые термометры!

свѣтящіеся въ темнотѣ и дающіе возможность безъ свѣчи читать градусы, по 4 р. 50 коп.

Гигіеническія подтяжки,

одобренныя Медицинскимъ Совѣтомъ, держатъ панталоны, не надавливая на плечи и не стѣсняя движеній тѣла. Гг., носящіе ихъ, —въ восторгѣ отъ удобства. 2 р. 50 к.

Пища для растеній.

Отъ прибавленія въ воду, которою поливаютъ цвѣты, листья всегда остаются здоровыми, не желтѣютъ и не опадаютъ. Банка — 50 к.

Пневматическіе подсвѣчники,

которые пристаютъ къ стѣнѣ или стеклу безъ гвоздя и винта, по 2 р. 25 коп.

Піоскопы,

для опредѣленія качества молока и сливокъ, по 75 коп.

Головныя щетки,

названныя самими покупателями „хранители волосъ", гораздо лучше и нѣжнѣе проходятъ сквозь волосы, очищаютъ великолѣпно отъ перхоти и не вырываютъ волосъ; по 2 р.

Гигіеническія подвязки

для дамъ — 1 р. 50 к., для дѣтей — 75 коп.

Липкіе бинты

для останавливанія крови по 75 коп.

Для леченія дифтерита

и горловыхъ болѣзней:

Пульверизаторы по 3 руб.
Горловыя кисточки по 25 и 50 коп.
Паровые пульверизаторы съ лампочкой 5 р.
Ирригаціонныя ложки съ кружкою—6 р. 50 к.
Компрессы шейные съ губчатымъ войлокомъ— 1 р. 25 к.
Пузырь для льду больш.—1 р. 50 к., мал. 1 р.
Термометръ максимальный — 4 руб.
Термометръ обыкновенный—2 руб.
Трахеотомическія трубки—3 руб.
Аппаратъ профессора Манассеина для промыванія желудка—5 р. 50 к.

Эсмархская кружка

для женскаго промыванія и клистира—4 р.

Резиновое полотно

для подстилки больнымъ и дѣтямъ—1 р. 75 к. аршинъ.

Резиновая тафта

для компрессовъ и покрыванія ранъ—1 р. арш.

Всѣ цѣны—съ почтовыми расходами.

Рекомендуетъ, какъ и многіе другіе предметы

Складъ резиновыхъ и перевязочныхъ товаровъ. № 2280 3 3

Константинъ Мальмъ.

Большая Морская, д. № 36.

„БЕСѢДА ЦИЦЕРОНА О ДРУЖБѢ"

въ русс. переводѣ продается въ Костромѣ у смотрителя дух. училища. Цѣна 75 коп. Уступка при 10 экз. 10%, 25—20, 50—30, 75—40, 100—50%. № 2311

Необыкновенные подарки для дѣтей и взрослыхъ: очень интересная игра **Добчинскій и Бобчинскій,** ц. 3 р. **Азбука Кононо и Рононо,** ц. 1 р. 25 к. **Азбука Парнетъ,** ц. 1 р. Въ забавахъ азбуки дѣти привыкаютъ къ аккуратности и терпѣнію. **Винтъ въ карманѣ,** т. е. изящный бумажникъ съ правилами игры въ винтъ, ц. 3 р. 50 к. **Гайнъ карточному винту** или розетки съ правилами винта—разныхъ цвѣтовъ, ц. 6 паръ 2 р. **Карточныя щеточки со счетомъ и правилами винта,** ц. прибору 3 р. 50 к. За пересылку не платятъ. Высылается немедленно. Торговцамъ выгодная скидка. Съ требованіями просятъ обращаться къ издателю „Новостей" Б. Н. Шайкевичу, Коломенская ул., д. № 1, кв. № 27. № 2312 5—1

А. А. БЕТЦЪ

въ С.-Петербургѣ.

МАГАЗИНЪ РУКОДѢЛІЙ.

За изящныя вышивки изъ русской жизни (чтеніе Манифеста объ Освобожденіи крестьянъ и проч.) на Всероссійской выставкѣ **единственная серебряная медаль.** Высылаются подробные каталоги. Подписка на узоры бывшихъ вещей на выставкѣ. № 2320 1—1

ПОДАРКИ

къ

ПРАЗДНИКАМЪ.

ДЛЯ ДѢТЕЙ: Куклы небьющіяся (новыя, привиллегированныя) отъ 2 до 15 руб., **волшебный фонарь** 6 р., новые **волчки** съ музыкою въ 60 и 75 к., **птицы поющія** 1 р., **органчики** 3 и 4 р., **кубики** съ картинами 2 р., **краски** отъ 30 до 75 к., за ящикъ, книжки для **раскрашиванія** отъ 10 до 75 к., **столярный** приборъ для мальчиковъ 1 р., **новое домино** со звѣрями 1 р. 50 к., **гадательныя** карты (цыганка) 1 р. 50 к., губныя **гармоніи** съ колокольчиками 3 р., **заводныя мыши** 75 к., **шашки** отъ 20 до 60 к., **шахматы** отъ 1 р. 50 к. до 4 рублей.

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ: вещи изъ **ПОДДѢЛЬНЫХЪ БРИЛЛІАНТОВЪ,** по игрѣ не уступающіе настоящимъ: **серьги** отъ 3 до 7 р., **броши** отъ 4 до 13 руб., **булавки** (къ галстукамъ) отъ 2 до 4 р., **кольца** отъ 1 до 5 руб., **запонки** грудныя 5 руб., **звѣзды** (въ волосахъ носить) 10 руб.

НАКЛАДНАГО ЗОЛОТА единственныя не чернѣющія: цѣпочки мужскія и дамскія отъ $2^{1}/_{2}$ до 12 руб., **медальоны** мужскіе и дамскіе отъ 2 до 5 руб., **браслеты** 8 и 10 руб., (никелированные 2 р. за штуку), **свѣтящіяся въ темнотѣ спичечницы** 1 до 3 руб., **подсвѣчники** отъ 2 до 3 руб., **розетки** 50 к. за пару; **розетки** съ правилами къ винту 75 к. за пару, **чудо мундштукъ** образующій картинки при куреніи 75 к., столовое **электрическое** огниво (послѣдняя новость) 6 р., **альбомы** (фотогр.) отъ 2 до 35 руб., и всевозможные галантерейные товары. Цѣны назначены съ пересылкою по почтѣ, но не высылаютъ менѣе, чѣмъ на 3 р. Магазинъ „**Нюрнбергъ**" въ Москвѣ, въ старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шановскаго, наискось церкви Успенія и напротивъ бриллiантщика Сергунина. П. № 2321 2—1

1-го Ноября вышелъ № 11 дѣтскаго журнала

РОДНИКЪ

Содержаніе: I. Въ лѣсной глуши **Проф. М. Богданова.** II Забытый герой **Е. Гаршина.** III Гибель парохода Москва. IV Клинскій (нов.) V Стих. **Соймонова.** VI Литовская легенда. VII Калифорнія. VIII Смѣсь.

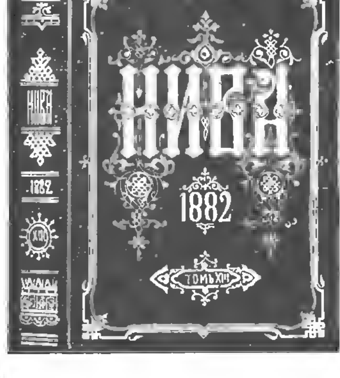
Открыта подписка на 1883 г.

12 книгъ въ годъ со мног. картинками и 3 книжки педагогическаго сборника

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ"

На годъ съ прил. съ дост. и пер. 6 р.	На годъ безъ педагогич. сборника 5 р.	На ½ года безъ педагогич. сборника 3 р.

Адресъ редакціи: Петербургъ, Спасская, 1. 2316 1—1



КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійск. каленкора 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначенн. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ" въ такую каленкоровую крышку. Также имѣются крышки для „**Нивы**" прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

КАРТИНЫ

ПЕЧАТ. МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ, собственн. изданія, весьма дешево **ДЛЯ ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ и ЭКСПОРТЕРОВЪ.**

Новѣйш. иллюстр. каталоги даромъ и франко.

Берлинъ S. (Berlin S. Grimmstrasse 7). Карлъ Кулишъ (Carl Kaulisch).

Хромо - литографическое заведеніе и печатня.

St. № 2267 6—5

Товарищество русско-американской паровой пекарни въ Петербургѣ, Васильевск. Островъ, 12 лин., собств. домъ, № 43, предлагаетъ въ большомъ выборѣ **чайное (англійское) ПЕЧЕНЬЕ, БИСКВИТЫ, ВАФЛИ,** и пр. Издѣлія Товарищества удостоены **медалей** на выставкахъ: всемірной 1878 г. въ **Парижѣ** и всероссійской 1882 г. въ **Москвѣ.**

Приготовленныя изъ лучшихъ матеріаловъ печенья эти сохраняются въ жестянкахъ, очень долго безъ порчи.

Разсылка во всѣ мѣста Имперіи.—Цѣны самыя умѣренныя.

Жестянки съ образцами имѣются по 1 р. и по 2 р., съ пересылкою.—Прейскуранты по требованію безплатно. № 2271

Дозволено цензурою. СПБ. 17 ноября 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Прачечн. пер., № 5.

XIII годъ — № 48 — годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 27 Ноября 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

И. С. Никитинъ.

Въ ряду нашихъ поэтовъ 50-хъ годовъ, Никитинъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ и симпатичныхъ, невольно увлекавшій русское общество своимъ теплымъ, задушевнымъ талантомъ. Съ возрастающимъ интересомъ слѣдило оно, какъ все болѣе и болѣе развивалось его поэтическое творчество, какъ расширялся его поэтическій кругозоръ, такъ долго сдавленный горемычной жизненной обстановкой, но къ сожалѣнію ранняя смерть похитила поэта въ тотъ самый моментъ, когда его образъ началъ обрисовываться вполнѣ отчетливо и ярко — образъ пѣвца нищеты, глубоко сочувствующаго всему прекрасному, доброму и высокому.

Иванъ Савичъ Никитинъ родился въ Воронежѣ 21-го сентября 1824 года и происходилъ изъ духовнаго званія. Отецъ его, Савва Евтѣичъ, былъ человѣкъ состоятельный, имѣлъ свѣчной заводъ и считался въ городѣ, въ средѣ купцовъ, порядочнымъ грамотѣемъ. Восьми лѣтъ Иванъ Савичъ былъ отданъ въ духовное училище, а въ 1841 году, окончивъ здѣсь курсъ, перешелъ въ Воронежскую семинарію. Въ семинаріи талантливый юноша, учившійся вообще хорошо, началъ оказывать блестящіе успѣхи въ словесности и даже пописывать стихи. Все обѣщало ему, что, кончивъ здѣсь курсъ, онъ можетъ перейти въ университетъ, такъ какъ это было и желаніе отца, но судьба рѣшила иначе. Торговыя дѣла Саввы Евтѣича неожиданно пошатнулись и становились все хуже и хуже; старикъ съ горя сталъ пить запоемъ; горячо любимая мать умерла, и юноша, мечтавшій о высшемъ образованіи, вдругъ очутился сначала за прилавкомъ свѣчной лавки, а потомъ распорядителемъ постоялаго двора, который Савва Евтѣичъ завелъ на послѣднія средства. Но и этотъ промыселъ шелъ плохо. Отецъ пилъ горькую чашу, а сынъ боролся съ

И. С. Никитинъ. Съ фотогр. грав. А Нейманъ.

трудомъ и проводилъ лучшіе годы жизни въ самой неприглядной обстановкѣ. Бѣдность угнетала его, та бѣдность, которую онъ никогда не могъ забыть, даже въ лучшіе, въ болѣе счастливые годы своей многострадальной жизни:

„Бѣдность голодная, грязью покрытая,
Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая,
Днемъ она гибнетъ, и въ полночь и за полночь,
Гибнетъ она и никто нейдетъ на помочь".

И цѣлыя десять лѣтъ Никитинъ велъ такое трудовое, безотрадное существованіе, замкнутый на небольшомъ постояломъ дворѣ, прислуживая извощикамъ и вынося ежедневныя оскорбленія отъ своихъ. Но и въ этой обстановкѣ поэтическая натура не была совершенно забита горемъ и отчаяніемъ; продавая извощикамъ овесъ и сѣно, Никитинъ все таки интересовался литературой; онъ читалъ урывками, размышлялъ о многомъ, до многаго додумался и даже писалъ стихи иногда подъ крикъ и пѣсни разгулявшихся мужиковъ. Наконецъ два такихъ стихотворенія, „Лѣсъ" и „Дума", созданныхъ при шумѣ постоялаго двора, послалъ Никитинъ въ 1849 году въ редакцію „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", но они не были напечатаны, такъ какъ редакція, не отказывая имъ въ достоинствѣ, требовала, чтобы авторъ ихъ открылъ свое имя, на что, конечно, боязливый и несмѣлый Никитинъ не имѣлъ силы отважиться. Онъ опять замолкъ и такъ прошло нѣсколько лѣтъ до Крымской войны, когда подъ вліяніемъ патріотическаго чувства, изъ подъ его пера вылилось прекрасное стихотвореніе „Русь", положившее начало его извѣстности. Какъ бы чудомъ, скромный дворникъ постоялаго двора сдѣлался вдругъ предметомъ общаго вниманія: объ его талантѣ отнеслись самымъ лестнымъ образомъ А. Н. Майковъ и И. И. Введенскій: его принимало съ почетомъ самое лучшее общество Воронежа, а графъ Д. Н. Толстой даже вызвался издать на свой собственный счетъ сборникъ его поэтическихъ произведеній, который и дѣйствительно вышелъ въ 1856 году. Но что особенно обогатило Никитина и славой, и деньгами, то это появленіе его поэмы „Кулакъ", произведенія наиболѣе прочувствованнаго и полнаго реальной, могучей правды. „Кулакъ" доставилъ поэту полторы тысячи рублей, и этотъ неожиданный доходъ значительно поднялъ его, до тѣхъ поръ незавидное, матеріальное положеніе. Явились еще добрые люди, давшіе Никитину нѣсколько тысченокъ въ займы и помогшіе ему привести въ исполненіе его завѣтную мысль — открыть въ Воронежѣ книжный магазинъ не въ видахъ спекуляціи, а съ цѣлью ознакомить провинціальную публику съ лучшими произведеніями русской и французской литературы. И дѣйствительно книжная торговля Никитина пошла, и пошла весьма недурно; счастливая перемѣна въ положеніи благотворно подѣйствовала на самый талантъ, и въ этотъ періодъ, т. е. съ 1859 по 1861 годъ, явились лучшія, наиболѣе зрѣлыя его произведенія: „Пѣсня бобыля", „Нищій", „Старый слуга", „Мертвое тѣло", „Пахарь", „Соха" и многія другія. Но счастье пришло слишкомъ поздно. Здоровье было надломлено, злая чахотка подрывала послѣднія силы поэта, который съ горькимъ предчувствіемъ тогда же предрекъ себѣ близкую кончину въ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ своихъ стихотвореній:

„Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,—
Горько она, моя бѣдная, шла,
И, какъ степной огонекъ, замерла".

Предчувствіе не обмануло поэта. Только съ небольшимъ три года онъ пользовался относительнымъ благополучіемъ, отравляемымъ, впрочемъ, то тяжелою болѣзнью, то семейными непріятностями. Никитинъ слабѣлъ все болѣе, и 16-го октября 1861 года скончался на 37 году отъ рожденія. Прахъ его покоится возлѣ праха Кольцова, которого тоже злая судьба преслѣдовала почти всю жизнь и, также какъ Никитина, уложила въ раннюю могилу.

Книжный магазинъ.

Очеркъ **Н. Успенскаго.**

Городской учитель Иванъ Петровичъ Кроликовъ навсегда распростился съ педагогическимъ поприщемъ и открылъ на главной улицѣ губернскаго города Б. книжный магазинъ, который могъ смѣло выдержать соперничество со многими столичными книжными лавками. На его окнахъ красовались новѣйшія произведенія русскихъ и иностранныхъ писателей, дѣтскія книги въ красивыхъ переплетахъ, музыкальныя пьесы и разныя картины. При входѣ въ магазинъ посѣтителя пріятно поражалъ просторный залъ съ длиннымъ столомъ, на которомъ были разложены ежемѣсячные журналы и газеты; за прилавкомъ возвышался огромный шкафъ, наполненный книгами, письменными принадлежностями, глобусами, коллекціями насѣкомыхъ, типами народовъ изъ папье-маше, волшебными фонарями и другими издѣліями мастерской учебныхъ пособій и игръ.

Новый книгопродавецъ былъ встрѣченъ мѣстной читающей публикой весьма сочувственно, такъ какъ всѣ Б...скіе книжные магазины и лавки, не исключая и „публичной библіотеки", въ которой даже не было читальнаго зала, не удовлетворяли самымъ скромнымъ требованіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ страдали узкой спеціальностью, представляя къ услугамъ покупателей однѣ книги романическаго содержанія или вышедшіе изъ употребленія учебники. Ихъ владѣльцы имѣли возможность нѣсколько разъ въ день запереть магазинъ и отправиться въ ближайшее „заведеніе" попить чайку, а въ остальное время сидѣли у дверей своихъ книгохранилищъ, играя въ шахматы, или просто глазѣли на народъ.

— Ну, что сидишь, Трифонъ Ермолаичъ, шутилъ какой нибудь молодой купчикъ, обращаясь къ книгопродавцу: набилъ свой магазинъ проповѣдьми да часовниками и ждешь покупателей... Ну, кто къ тебѣ пойдетъ?

— Небойсь, сердито отвѣчалъ Трифонъ Ермолаичъ: захочешь подумать о душѣ—придешь и ко мнѣ...

— Какъ бы не такъ... держи карманъ! Такъ и разлетѣлся къ тебѣ...

Слѣдуя примѣру московскихъ „книжниковъ" съ Никольской улицы, нѣкоторые изъ Б...скихъ книгопродавцевъ украшали свои лавки такими книгами, какъ напримѣръ: „Черная и бѣлая магія", „Гуакъ или непреоборимая вѣрность", „Чертовъ усъ", „Первая ночь новобрачныхъ", „Объ избавленіи отъ дьявольскаго обстоянія" и пр.

На главной улицѣ былъ единственный магазинъ, но и тотъ совмѣщалъ въ себѣ случайный сбродъ разрозненныхъ изданій, изъ которыхъ читатели почерпали одни отрывки по разнымъ отраслямъ знанія, безъ всякой связи, вслѣдствіе чего имъ приходилось перѣдко теряться въ мучительныхъ догадкахъ о причинахъ, вызвавшихъ извѣстный общественный переворотъ, о судьбѣ дѣйствующихъ лицъ какого нибудь романа съ затеряннымъ окончаніемъ и т. п.

— Да вамъ на что послѣдняя-то часть? спрашивалъ съ досадой книгопродавецъ своего абонента.

— Мнѣ хочется знать развязку, Наумъ Ермолаичъ...

— Ну, извините, сударь мой... послѣдній томъ зачитанъ... Да я вамъ и такъ разскажу, чѣмъ кончилось дѣло: помнится мнѣ, герой-то застрѣлился... а впрочемъ не хочу грѣшить: можетъ быть, и померъ своею смертью... Возьмите пока другую книгу, вотъ хоть скажемъ: „Мысленный вертоградъ"... вчерашній день я купилъ у одной вдовы-чиновницы...

Были и такія книжныя лавки, которыя, помѣщаясь гдѣ нибудь на сѣнномъ или толкучемъ рынкѣ, въ сообществѣ съ постоялыми дворами и харчевнями, носили на себѣ явные слѣды базарнаго вертепа и гдѣ, на ряду съ залежалымъ книжнымъ хламомъ, продавались мѣховые воротники, старые офицерскіе эполеты, охотничьи доспѣхи, писались прошенія къ мировому и даже производилась ссуда денегъ подъ залогъ вещей.

Одна изъ такихъ лавокъ принадлежала мѣщанину Зуеву, бывшему когда-то продавцемъ краснаго товара, иконъ и народныхъ книжекъ, съ которымъ онъ разъѣзжалъ по деревнямъ. Его книжная лавка ютилась въ подвальномъ этажѣ мясныхъ рядовъ, позади Кремля; она была снабжена полинявшей отъ времени и непастья вывѣской съ надписью: „Покупка и продажа случайныхъ принадлежностей"; на ея дверяхъ, надъ

которыми было врѣзано мѣдное распятіе, висѣли лубочныя картины, привлекавшія къ себѣ толпы народа, подержаные сюртуки и жилеты, заячьи шкурки, пистолеты и другія „случайныя принадлежности“, служившія наглядной иллюстраціей къ заманчивой вывѣскѣ. Благодаря обильному запасу продажнаго платья, Зуевъ почти ежедневно мѣнялъ свой костюмъ и такимъ образомъ самъ представлялъ какъ бы олицетворенную вывѣску для своей лавки: его можно было встрѣтить и въ новомодномъ пиджакѣ съ цилиндромъ на головѣ, и въ кучерской безрукавкѣ, и въ буркѣ черкеса съ кинжаломъ за поясомъ. Сегодня онъ былъ одѣтъ въ долгополую бекешку стараго, дореформеннаго управляющаго, завтра его нельзя было отличить отъ сельскаго дворника, а то и купца. Въ свободное отъ занятій время онъ обыкновенно сидѣлъ въ дверяхъ своей лавки, погруженный въ чтеніе сонника, скотскаго лѣчебника или требника. Относительно спеціальной книжной торговли Зуевъ держался такого мнѣнія:

— По нонѣшнему времени не стоитъ и заниматься однѣми книгами, почему-что читающая публика стала дюже тощава..

Въ праздничные дни, при утреннемъ звонѣ колоколовъ на сосѣднихъ церквахъ, лавка Зуева была буквально запружена покупателями; тутъ былъ подгородній мѣщанинъ, сельскій батюшка или молодой ставленникъ съ супругой, бѣдный чиновникъ со сплюснутымъ на головѣ цилиндромъ, простой крестьянинъ въ лаптяхъ, гимназистъ, мелкопомѣстная барыня. Одинъ спрашивалъ книгу, другой примѣрялъ пальто, либо прицѣнялся къ стѣннымъ часамъ, третій пробовалъ гармонію, при чемъ разговоръ о какомъ-нибудь „сочинителѣ“ быстро смѣнялся споромъ объ отсутствіи пробы на порт-сигарѣ и т. д. Но какъ бы ни былъ занятъ хозяинъ, онъ своими рысьими глазами видѣлъ все, что дѣлалось въ его лавкѣ. Увѣряя, напримѣръ, кого нибудь, что изъ всѣхъ сочиненій Писемскаго остался въ продажѣ одинъ только томъ, случайно попавшій въ его лавку, онъ внезапно обращался къ пожилой барынѣ въ ветхомъ капотѣ:

— Дешевле нельзя, сударыня... Этакой лисицы вы не найдете во всемъ городѣ: извольте посмотрѣть, какая ось у ней, какой хвостъ... вѣдь это случайный звѣрь, потому я такъ дешево и продаю...

Вслѣдъ затѣмъ Зуевъ говорилъ чиновнику, торговавшему подержанную мебель:

— Насчетъ кресла, Никандръ Сергѣичъ, не сомнѣвайтесь, я васъ обманывать не стану: это кресло настоящаго орѣховаго дерева; оно мнѣ отъ Желудовскаго барина досталось, что на цыганкѣ былъ женатъ... Вотъ его трубка и кинжалъ... Богъ подастъ! вдругъ кричалъ Зуевъ стоявшей въ дверяхъ нищей старухѣ.

— Что, у васъ есть „Темное царство“? входя въ лавку, спрашивалъ молодой человѣкъ съ длинными волосами.

— Есть, есть! Пожалуйте! Васька! приказывалъ хозяинъ своему мальчику: достань вонъ книгу въ желтой оберткѣ.

Молодой человѣкъ разсматривалъ поданную ему книгу и съ недовольной миной говорилъ:

— Это совсѣмъ не то...

— Ась? Вы поглядите хорошенько...

— Я у васъ спрашиваю „Темное царство“, а вы мнѣ дали „Царство тьмы или избранные сосуды дьявола“.

— Господи помилуй! да какое же еще можетъ быть „Темное царство“.

Пожимая плечами, хозяинъ доставалъ съ полки другую книгу, выбивалъ изъ ней пыль и клалъ на прилавокъ.

— Ну. вотъ извольте еще... Ужъ супротивъ этого сочиненія ничего нельзя сказать... рѣдкостная книга, одно слово...

— Помилуйте! Это „Рука Всевышняго отечество спасла“, возражалъ покупатель.

— И это не ндравится! Вамъ, быть можетъ, что нибудь требуется изъ платья? Пинджаковъ, брюкъ не желаете-ли? Разныя стальныя и бронзовыя вещи есть хорошія... Запонокъ не угодно-ли? Господинъ, пожалуйте! Вотъ нонѣ какой покупатель сталъ! Ты ему предлагаешь самую что ни на есть лучшую книгу, которая, можетъ, пятнадцать изданіевъ вытерпѣла, а онъ и смотрѣть не хочетъ... Тебѣ что надыть, паренекъ? спрашивалъ хозяинъ подходившаго къ прилавку деревенскаго парня въ нагольномъ полушубкѣ.

— Шапку да книжку—позанятнѣй...

— Ванюшка! достань изъ ящика мужицкую шапку. А насчетъ книгъ, паренекъ, вотъ смотри и выбирай. Это, стало быть, „Жизнь и страданія Евстафія Плакиды“, али возьми, тоже хорошая книга „Неизбѣжный путь“. Недурна также книга „Наставленіе о собственныхъ всякаго христіанина должностяхъ“. А вотъ самая новая и пользительная, ужъ лучше этой книги нѣтъ: „Святые, имѣющіе благодать помогать въ разныхъ болѣзняхъ“.

Послѣдняя книжка заинтересовывала почти всѣхъ покупателей и переходила изъ рукъ въ руки.

— Положимъ, у тебя заболѣла голова, объяснялъ Зуевъ парню: сейчасъ ты долженъ придти къ священнику и сказать: „батюшка! отслужите молебенъ святому Іоанну Предтечѣ“.

— А вѣдь это, я вижу, дѣльная книга-то, замѣчалъ сельскій батюшка въ порыжѣвшей рясѣ, держа въ рукахъ старый самоваръ.

— И всего-то, ваше благословеніе, стоитъ одинъ полтинникъ, подхватывалъ Зуевъ: а между прочимъ тутъ говорится обо всемъ совершенно: и о пристройствѣ въ замужество дочерей, и о зубной боли, и о супружеской вѣрности, и о пьянствѣ...

— Книга полезная, подтверждалъ священникъ: а вы не знаете, къ какому святому надо обращаться насчетъ выдачи дочерей замужъ?

— Какъ не знать! Къ Николѣ угоднику... Помните, ваше благословеніе, какъ онъ принесъ цѣлый мѣшокъ золота бѣднымъ дѣвицамъ?

— Понимаю... Ну, что-жъ, какая будетъ крайняя цѣна самоварчику-то?

— Послѣднее слово—вотъ вамъ для праздника—два съ полтиной! Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, ваше благословеніе, самъ заплатилъ два съ четвертью... А ты, паренекъ, выбралъ что-ль книгу-то?

— Выбралъ... Сколько возьмешь за все?

— „Рѣдкіе примѣры добродѣтели“ съ шапкой и подпояской?

— Да... ужъ со всѣмъ приборомъ...

— Вынимай одинъ рубль... Богъ съ тобой!

— А ежели безъ шапки, съ одной подпояской? спрашивалъ парень.

— Давай шесть гривенъ, что съ тобой дѣлать...

Иногда торговля въ лавкѣ Зуева на время прекращалась по случаю похоронной процессіи на улицѣ, поднятія чудотворной иконы или проѣзда архіерея; тогда всѣ покупатели выходили вонъ изъ лавки и, снявъ шапки, обмѣнивались между собою такими замѣчаніями:

— Однако жена-то убивается шибко, сердечная...

— Да вѣдь этакихъ мужьевъ нонѣ поискать: онъ ей такой нешто капиталъ оставилъ! Всему роду не прожить...

— А женщина-то еще во всей порѣ... Чего добраго, пожалуй, выйдетъ за другаго... У ней теперь вдовій ходъ...

— Нѣтъ, это вы оставьте, Пантелей Григоричъ: нельзя эвтому быть! Она бы, можетъ статься, и не прочь... только дѣти не позволятъ: они ее тогда изъ дома выгонятъ, потому они ужъ на возрастѣ...

Утро. Съ картины Ганса Макарта, грав. Пааръ.

Полдень. Съ картины Ганса Макарта, грав. Паар.

— Это правильно...

— Въ три шеи выгонять! Потому нельзя безобразія дѣлать...

Въ это время Зуевъ приказывалъ своему мальчику привести въ порядокъ товаръ и, закуривъ сигару, удалялся въ свою комнату, помѣщавшуюся въ глубинѣ лавки. Тамъ онъ встрѣтилъ отставнаго чиновника съ зачесанными на лысину жиденькими волосами, составлявшаго своимъ кліентамъ прошенія къ мировому, и толпу бѣдныхъ людей съ узлами въ рукахъ.

— Я къ вашей милости, Семенъ Наумычъ, слезливо говорила молодая женщина: вотъ стеганое одѣяло и шаль.

— Некогда мнѣ теперь заниматься вашими хорохорьями, сурово отвѣчалъ Зуевъ, наливая себѣ стаканъ чаю: развѣ не видите, сколько у меня покупателевъ въ лавкѣ.

— Нужда пристигла, отецъ родной: двое дѣтей въ корю лежатъ да мать—старушка при смерти.

— Зайди послѣ обѣда, какъ заблаговѣстятъ къ вечернѣ, а узелъ здѣсь оставь.

— Сидѣвшій за столомъ чиновникъ, закладывая за ухо перо, обращался къ хозяину:

— Одолжи-ко мнѣ, куманекъ, судебные уставы: что-то я забылъ статью о наказаніи за мошенничество...

— Эва, чего не знаешь! а еще аблакатъ называешься, упрекалъ Зуевъ своего кума: это извѣстная статья—181. Вотъ мнѣ бы быть аблакатомъ-то; примѣромъ сказать, я былъ бы такой циферблатъ—страсть! Я этихъ Плевакъ, Лохвицкихъ, какъ червяковъ давилъ бы... Какъ завелъ бы свою разговорную машину, словно гудокъ на заводѣ—и до тѣхъ поръ не остановился-бы, пока по мнѣ не вышло...

— Въ лавку пожалуйте! извѣщалъ мальчикъ, отворивъ дверь.

Зуевъ на скоро выпивалъ стаканъ чаю и уходилъ къ покупателямъ.

Ко всему сказанному необходимо прибавить, что во всемъ городѣ Б. съ его 60,000 населеніемъ не было ни одной библіотеки, ни одного книжнаго магазина съ читальнымъ заломъ, гдѣ бы выписывались журналы и газеты, такъ что большинство читающей публики оставалось въ совершенномъ невѣдѣніи относительно „злобы дня“ и „жгучихъ вопросовъ.“

Открытіе магазина Кроликова составляло цѣлое событіе въ жизни Б....скихъ интеллигентныхъ обывателей и служило неистощимой темой для оживленныхъ бесѣдъ на улицахъ, площадяхъ, въ „салонахъ,“ учебныхъ заведеніяхъ, магазинахъ и пр. Въ глазахъ мѣстной интеллигенціи новый книжный магазинъ былъ очень отраднымъ явленіемъ и даже „знаменіемъ времени.“ Оптимисты видѣли въ немъ неопровержимый доводъ въ пользу явнаго пробужденія общественнаго самосознанія и умственнаго прогресса Б....скихъ жителей. Не отвергая ни того, ни другаго, люди болѣе положительные старались выставить на видъ одинъ лишь фактъ украшенія главной улицы новымъ блестящимъ магазиномъ, который однако же, по мнѣнію всѣхъ безъ исключенія Б....скихъ книгопродавцевъ, былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ легкомысленной затѣей, а самъ Кроликовъ—пустымъ выскочкой и авантюристомъ, выступившимъ на скользкій путь къ неизбѣжному краху. На своихъ митингахъ въ трактирныхъ заведеніяхъ, они единогласно заявляли, что въ настоящее „трудное“ время Кроликовъ не можетъ и не долженъ разсчитывать ни на одно сословіе: при поголовномъ „оскудѣніи“ и дороговизнѣ содержанія, всѣ бьются, какъ рыба объ ледъ, и еле сводятъ концы съ концами; всякій знаетъ, что книга—не хлѣбъ.

— Безъ книги, торжественно восклицалъ Зуевъ, завсегда можно обойтись, а безъ хлѣба или, къ примѣру, безъ сапоговъ—никакъ нельзя...

— Ну, а простой народъ не пойдетъ въ магазинъ Кроликова? спрашивалъ Зуева одинъ изъ трактирныхъ завсегдатаевъ, держа въ одной рукѣ кій, а въ другой стаканъ пива.

— Ни за Боже мой!.. Мужику али, будемъ говорить, мѣщанину нужна попроще лавочка, что бы въ ней онъ могъ достать по дешевой цѣнѣ все, что касательно домашняго обиходу.

— Да что за птица самъ Кроликовъ? спрашивалъ трактирный завсегдатай.

— Здѣшній городской учителишко, отвѣчалъ Зуевъ, отхлебывая чай изъ блюдечка: я его знавалъ, когда онъ еще мальчикомъ ходилъ въ школу; его отецъ—мелкопомѣстный баринъ;—самъ пашетъ, коситъ, ѣздитъ на базаръ съ хлѣбомъ, однимъ словомъ—мелюзга... Такъ вотъ изволите видѣть: недавно Кроликовъ женился на дочери протопопа отъ Фрола и Лавра... Сказываютъ, она будто бы влюбилась въ него... а запрежде была его ученицей... Вотъ, сударь мой, на ея денежки онъ и открылъ книжный магазинъ... Я какъ только услыхалъ про эту затѣю, прямо сказалъ: не сдобровать Кроликову! вотъ попомните мое слово, вылетитъ въ трубу... ей же ей, вылетитъ!..

Совсѣмъ иначе смотрѣли на дѣло люди интеллигентные; они предсказывали Кроликову вѣрный успѣхъ, на томъ основаніи, что потребность въ чтеніи увеличивается съ каждымъ годомъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и разсматривали новый книжный магазинъ какъ мѣсто, гдѣ иногда отъ скуки можно пріятно провести время.

— Ну, что, Василій Никитичъ, были въ магазинѣ Кроликова? бесѣдовали между собою учителя семинаріи въ антрактѣ между уроками.

— Нарочно вчера ходилъ, доставая папироску, разсказывалъ рябой учитель патристики и герменевтики: Ну, признаюсь... не надо ни въ клубъ, ни въ театръ ходить...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Представьте себѣ... о помѣщеніи я уже не говорю—великолѣпіе, больше ничего... Но вотъ что особенно мнѣ понравилось: то вдругъ войдетъ увѣшанный орденами генералъ, заведетъ рѣчь о политикѣ, о Бисмаркѣ, Гамбетѣ... то подъѣдетъ щегольская карета и изъ нея выпорхнетъ эдакая аристократочка... шлейфъ, чертъ возьми на полверсты... подойдетъ къ конторкѣ и спроситъ: что, у васъ Дюма-фисъ есть? Просто, восторгъ!.. Вообще сколько ходитъ хорошенькихъ... Сидишь этакъ за газетой и наблюдаешь...

— Эхъ, Ефимъ Христофорычъ, не вамъ бы это говорить, не намъ бы слушать... Вы сперва обратили бы вниманіе на свою физіономію...

— Я очень хорошо знаю, что я не привлекателенъ, но это отнюдь не мѣшаетъ мнѣ воздавать кесарево кесареви...

— Кстати, господа, я слышалъ, нашъ инспекторъ хочетъ просить Кроликова, чтобы тотъ позволилъ ему сидѣть иногда въ задней комнатѣ магазина и наблюдать за требованіями учениковъ семинаріи—не спроситъ-ли кто изъ нихъ запрещенную книгу.

— Экъ, хватили! прямо черезъ оглоблю... Да какой же книгопродавецъ рѣшится держать у себя запрещенныя книги?

— Я ужъ этого не знаю... Можетъ быть инспекторъ просто намѣренъ поближе ознакомиться съ образомъ мыслей и направленіемъ учениковъ, чтобы вѣрнѣе опредѣлить степень благонамѣренности...

— Это дѣло другое...

Въ первые дни своего существованія новый книжный магазинъ былъ съ утра до ночи наполненъ пріятелями и знакомыми Кроликова, которые считали своимъ долгомъ выразить ему свое сочувствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ обозрѣть магазинъ до мельчайшихъ подробностей. Боль-

шая часть посѣтителей, въ силу короткаго знакомства съ хозяиномъ, вели себя въ магазинѣ совершенно по-домашнему: ходили за прилавокъ, вынимали изъ шкафа книги, тетради, ящики съ дѣтскими книгами, чучель и т. п.

— У васъ и Шекспиръ однако водится, говорилъ одинъ изъ гостей.

— А Спенсеръ у васъ есть? спрашивалъ другой.

— Иванъ Петровичъ! Вотъ этотъ романъ я съ собой возьму... женѣ почитать...

— А мнѣ кстати позвольте взять проповѣди Иннокентія... давно добиваюсь..

— Только, пожалуйста, не задерживайте, господа, просилъ хозяинъ: вы знаете, у меня будутъ спрашивать подписчики.

— Иванъ Петровичъ! А что, эту штучку вы мнѣ не подарите? освѣдомлялся кладбищенскій отецъ діаконъ—родственникъ жены хозяина, держа въ рукѣ типъ австралійца: я бы далъ моему Алешкѣ поиграть... Она безъ головы...

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вишь! должно быть, при перевозкѣ сломалась... Впрочемъ можно будетъ купить головку-то въ игрушечной лавкѣ и какъ нибудь приладить... Она пойдетъ зá-ново...

Другой родственникъ жены Кроликова—законоучитель съ наперстнымъ крестомъ, отозвавъ хозяина въ сторону, шепталъ ему на ухо:

— Я, къ вамъ, милѣйшій Иванъ Петровичъ, съ маленькой просьбицей... Нельзя-ли мнѣ у васъ тутъ повѣсить объявленьице?...

— Какое-же?

— У меня есть вороненькая лошадка, лѣтъ пяти—она заводская... Мнѣ нейдетъ, потому слишкомъ горяча и немножко задомъ бьетъ... Это между нами... Такъ я хочу ее спустить кому нибудь... У васъ-же бываютъ помѣщики, арендаторы, купцы, военные—вообще люди со средствами... Кто нибудь изъ нихъ навѣрное купитъ...

— Не знаю, что вамъ и сказать на это, проговорилъ Кроликовъ, повидимому смущенный неожиданнымъ предложеніемъ: согласитесь, какъ-то неловко продавать книги и вмѣстѣ лошадей...

— Да развѣ вы сами будете продавать лошадь? Я только прошу у васъ позволенія вывѣсить объявленьице о ней... Сверхъ того, я сдѣлаю такого рода примѣчаніе: „желающихъ видѣть означенную лошадь просятъ обратиться къ сторожу сего магазина."

— Извините, отецъ Захарій: при всемъ глубокомъ уваженіи, я не могу исполнить вашей просьбы. Магазинъ недавно открылся... Ему нужно держаться на высотѣ призванія, пріобрѣтать репоме, а не компрометировать себя аферами...

— Но что-жъ тутъ предосудительнаго? возражалъ батюшка: мнѣ сколько разъ приходилось видѣть разныя объявленія въ магазинахъ... Признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ васъ этого... право, не ожидалъ, Иванъ Петровичъ... Богъ съ вами...

— Да вы войдите въ мое-то положеніе, завѣрялъ Кроликовъ, въ свою очередь отводя батюшку въ сосѣднюю комнату: не далѣе какъ вчерашній день, таинственно продолжалъ хозяинъ: приходитъ ко мнѣ одинъ помѣщикъ изъ обѣднѣвшихъ... вы его знаете—Подпругинъ... Тоже, не плошь васъ, отзываетъ меня въ сторону и шепчетъ: такъ—и такъ, выручите! пришлохоть въ петлю полѣзай... Позвольте у васъ тутъ поставить небольшой органчикъ—на коммисію... онъ вѣдь мѣста не простоитъ, а между тѣмъ я-бы съ удовольствіемъ предложилъ вамъ 35%, если его кто нибудь купитъ.

— Ну, что же вы? съ участіемъ спросилъ отецъ Захарій.

— Я не сказалъ ни да, ни нѣтъ, потому что подобнаго рода предложенія...

— Напрасно!.. качая головой, произнесъ батюшка: этакими кусками пренебрегать не слѣдуетъ... Тридцать пять процентовъ—шутка сказать! вѣдь это получше книгъ-то... Само собою разумѣется, что брать на коммисію какой нибудь хламъ не годится; но вещь хорошую, изящную, такъ сказать, которая бы служила украшеніемъ для магазина, напр. рояль, какую нибудь гармони-кордъ, или что нибудь въ этомъ родѣ я всегда взялъ бы съ удовольствіемъ. Вы посмотрите, какъ Зуевъ торгуетъ: гребетъ денежки лопатой... и вы тоже моглибы дѣлать, только въ другой сферѣ, разумѣется... А на однѣ книжки вы не надѣйтесь... онѣ васъ обманутъ... Вы меня извините, Иванъ Петровичъ: я говорю то, что у меня на душѣ, и принимаю по истинѣ родственное участіе въ вашемъ дѣлѣ.

Родственники входили въ магазинъ совершенно довольные другъ другомъ, при чемъ батюшка говорилъ вполголоса:

— Такъ я на конторкѣ тогда повѣшу...

— Хорошо, отвѣчалъ хозяинъ.

Въ числѣ гостей Кроликова былъ одинъ учитель гимназіи, который хотя и слылъ за утописта и мечтателя, тѣмъ не менѣе его слушали всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, когда онъ высказывалъ свой взглядъ на книжное дѣло. По его мнѣнію, книжный магазинъ—таже школа. Каждый книгопродавецъ, кричалъ онъ, какъ и учитель, долженъ преслѣдовать воспитательныя цѣли, въ противномъ случаѣ книжная торговля будетъ приносить скорѣе вредъ, нежели пользу. На этомъ основаніи такихъ книгопродавцевъ, какъ напримѣръ, Зуевъ, нужно третировать наравнѣ съ цѣловальниками, спаивающими и развращающими народъ; они представляютъ собою общественное зло, съ которымъ должно бороться общество.

— Но при такихъ вашихъ воззрѣніяхъ книгопродавецъ рискуетъ остаться безъ куска хлѣба, возразилъ отецъ Захарій, поправляя на своей груди золотой крестъ.

— Положимъ, что и такъ, отвѣчалъ учитель: но развѣ это обязываетъ его поступать иначе? Если книгопродавецъ лишенъ возможности относиться къ своему дѣлу вполнѣ какъ слѣдуетъ, онъ долженъ оставить книжную торговлю, какъ Иванъ Петровичъ оставилъ службу, и искать другой дѣятельности...

Долгое время никто не могъ найтись, чтó бы возразить оратору. Наконецъ самъ Кроликовъ выступилъ впередъ и началъ:

— Позвольте вамъ замѣтить, Федоръ Ильичъ, что преслѣдованіе педагогическихъ цѣлей совсѣмъ не входитъ въ кругъ моихъ прямыхъ обязанностей. Вы очень хорошо знаете, что я болѣе уже не педагогъ, а зауядный коммерсантъ, другими словами, посредникъ между спросомъ и предложеніемъ; слѣдовательно, я стою на нейтральной почвѣ...

— Но вы въ тоже время человѣкъ и гражданинъ, энергически кричалъ Федоръ Ильичъ.

— Съ вами невозможно спорить, рѣшилъ Кроликовъ, и, обратившись къ гостямъ съ предложеніемъ приступить къ закускѣ, открылъ шествіе въ сосѣднюю комнату, гдѣ споръ однако скоро возгорѣлся.

— Иванъ Петровичъ, я вамъ сдѣлаю одинъ вопросъ, не унимался учитель: что, у васъ „Гуакъ" есть?

— Есть, съ достоинствомъ отвѣчалъ Кроликовъ, выпивъ рюмку водки.

— А „Битва русскихъ съ кабардинцами"?

— Тоже есть.

— И Поль-де-Кокъ имѣется?

— Да!

— Прекрасно...

— Что вы этимъ хотите сказать?

— А то, что я теперь не нахожу особенной разницы между вами и Зуевымъ...

— Merçi... Впрочемъ я не обидчивъ... Нашему брату-

торговцу не до гонора... Мы держимся мудрой поговорки: какъ ни зови, только хлѣбомъ корми...

— Вотъ это такъ! подхватилъ отецъ Еремей: чисто по христіански... аще кто ударитъ тя по ланитѣ, подставь ему другую... При томъ-же на Федора Ильича и обижаться невозможно; онъ завѣдомый человѣкъ — не отъ міра сего, которому чужды заботы практическаго свойства.

Послѣ закуски раздвигался ломберный столъ и начиналась картежная игра, продолжавшаяся далеко за полночь.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Темною ночью.

(Эпизодъ изъ Индійскаго возстанія).

Въ мартѣ 1857 г. началось въ Индіи возстаніе. Англичане, пребывавшіе въ лѣнивой самоувѣренности — встрепенулись на нѣкоторое время, но, затѣмъ, убѣжденные, что все дѣло будетъ покончено быстро и разомъ, вновь погрузились въ свое апатичное спокойствіе.

Успокоившійся вмѣстѣ съ другими полковникъ Грэй, командиръ *** го полка, расположеннаго тогда въ Бэндермундѣ, — далъ блестящій балъ. На этомъ балу, въ одномъ изъ салоновъ, между прочимъ, происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Хорошенькая? Вы говорите „хорошенькая?“ Нѣтъ, этого слишкомъ мало. По моему, надо сказать — прелестная.

— Можетъ быть, и такъ, но, за то — въ ней нѣтъ никакого оживленія.

— Какъ кому нравится. Я люблю спокойныя лица.

— Миссъ Грей — ледъ!

— Какъ вамъ не стыдно, господа! воскликнулъ голосъ позади разговаривавшихъ; то былъ голосъ вошедшаго въ эту минуту въ комнату капитана Уэринга, услыхавшаго споръ о достоинствахъ племянницы полковника Грэя. Какъ вамъ не стыдно! Куда дѣвался вашъ вкусъ, ваше понятіе прекраснаго. Вы такъ безцеремонно разбираете красавицу!

— Къ чему же вы слушали? возразилъ одинъ изъ критиковавшихъ, служившій субалтернъ-офицеромъ въ томъ же полку.

— Я вовсе не слушалъ, а услыхалъ послѣднія слова. Ледъ! Теперь это, впрочемъ, кстати; въ такую жару — чуть ли не сотни градусовъ въ тѣни, т. е. въ лунной тѣни, да еще во время танцевъ, она можетъ доставить пріятную прохладу, если вѣрить вашимъ словамъ. Я, какъ разъ, съ нею и танцую. Пойду, попробую поморозиться около нея! Съ этими словами капитанъ быстро оставилъ комнату, спѣша къ своей дамѣ.

— Пожалуй, Уэрингъ и разбудитъ эту сонную красавицу! замѣтилъ, съ многозначительной улыбкой, субалтернъ-офицеръ, когда капитанъ удалился уже настолько, что не могъ слышать. Оба вскорѣ присоединились къ остальному веселившемуся обществу.

На наружной верандѣ показалась пара — дама и кавалеръ, выходящіе изъ бальной залы.

— И вы думаете — продолжалъ капитанъ Уэрингъ, останавливаясь съ своей дамой на минуту, — и вы думаете, что эти мѣднокожіе могутъ найдти какое-нибудь оправданіе въ своихъ жестокостяхъ?

— Конечно.

— Вы слышали о томъ, что произошло въ Каунпурѣ, или, по крайней мѣрѣ, о чемъ разсказываютъ и, какъ кажется, совершенно вѣрно? спросилъ капитанъ Уэрингъ. — Сегодня пришло извѣстіе оттуда. Чѣмъ же можетъ быть оправдано это избіеніе мужчинъ, женщинъ и дѣтей?

Миссъ Грей отвѣтила не сразу; взглядъ ея былъ устремленъ на неподвижныя, въ эту минуту, и залитыя луннымъ сіяніемъ группы деревьевъ аллеи.

— Не увидимъ ли мы это оправданіе, если обратимся къ временамъ Клейва и Уоррена Гастингса? вдругъ заговорила она, послѣ нѣкотораго молчанія. — Не надо намъ идти далеко за оправданіемъ. Капитанъ Уэрингъ, здѣсь мы видимъ вещи, которымъ въ Англіи и дитя не повѣритъ. Люди отправляются въ Индію точно въ какую-то совершенно другую, не человѣческую страну; англичане, пріѣзжающіе сюда, оставляютъ всю гуманность, всю порядочность дома, въ отечествѣ вмѣстѣ со своими собаками.

— Извините, если прерываю васъ, сказалъ онъ, — но развѣ вы хотите сказать, что мы здѣсь превращаемся въ грубыхъ людей, забывшихъ всякую благовоспитанность?

— Не совсѣмъ такъ. Я думаю, что когда вы являетесь сюда, то, какъ будто, забываете, что народъ, надъ которымъ судьба вручила вамъ власть, обладаетъ тѣми же чувствами чести, тѣмъ же сознаніемъ своего достоинства, которыми одарены и вы сами. Вы меня понимаете, не правда-ли?

— Да, но, все это, въ моихъ глазахъ, мало оправдываетъ Каунпурскія избіенія. Но, еслибы вамъ пришлось спасти бѣлыхъ цѣною гибели краснокожихъ — рѣшились ли бы вы на это?

— Конечно, рѣшилась бы! съ живостью воскликнула она, повернувшись къ нему и взглянувъ прямо ему въ глаза. — О, капитанъ Уэрингъ, мнѣ бы такъ хотѣлось имѣть случай сдѣлать это, сдѣлать что нибудь геройское, непохожее на обыкновенную дѣятельность женщинъ, только умѣющихъ танцовать, болтать и падающихъ въ обморокъ при малѣйшей опасности!

— И это — ледъ! подумалъ Уэрингъ.

— Глядите — кто это тамъ? вдругъ произнесла она, понизивъ голосъ и указывая на довольно обширную поляну, окруженную кустами. — Кто это такое? Онъ, будто, наслаждается тутъ своимъ уединеніемъ.

— Кто? — да, да это — Брандонъ!

Молодой офицеръ прохаживался по лугу, не подозрѣвая, что обратилъ на себя вниманіе миссъ Грей и Джэка Уэринга.

— Это еще совсѣмъ мальчикъ — прямо изъ Итонской коллегіи.

— Какіе у насъ юные, маленькіе воины! и зачѣмъ ихъ принимаютъ такъ рано? Ему не больше, вѣрно, шестнадцати?

— Ему восемнадцать и — молодецъ въ крикетѣ, въ разныхъ гимнастическихъ играхъ, а бѣгаетъ, какъ вѣтеръ!

Миссъ Грей засмѣялась.

— Вонъ, слышите, заиграли ритурнель къ слѣдующему вальсу. Желала бы, чтобы мой другой кавалеръ былъ похожъ на васъ.

Джэкъ поклонился.

— Я говорю о томъ, чтобы онъ, какъ вы, лучше предпочелъ спокойно сидѣть, чѣмъ танцовать въ этой нечкѣ.

Въ эту минуту, къ нимъ подошелъ лейтенантъ Хоукслэ, пригласившій ее танцовать. Уэрингъ, оставшійся одинъ, облокотился на перила веранды, уставившись въ неясный силуэтъ юнаго офицера, продолжавшаго, тамъ, внизу, свою уединенную прогулку.

— Брандонъ!

— А?

— Отчего же вы не танцуете?

— Да оттого, что — не танцую, другой никакой причины нѣтъ. Кто вы? Не могу разглядѣть въ тѣни. А — это, кажется, храбрый капитанъ Уэрингъ?

— Да — мой юный воинъ!

— Сойдите сюда — мнѣ надо переговорить съ вами.

Джэкъ сошелъ внизъ, и приблизился къ юношѣ.

— Что такое?

— Когда вы въ бараки?

— Скоро. А что?

— Я хочу идти пѣшкомъ вмѣстѣ съ вами. Тутъ всего три мили. да и въ Бен'съ-Брэкѣ найдемъ прохладу.

— Ну, хорошо, — если я пойду пѣшкомъ съ вами, что же изъ этого?

— Мнѣ надо вамъ передать кое-что.

— Въ которомъ часу кончится балъ?

— Да я думаю, въ два часа. Полковника потребовали, онъ уѣхалъ, но просилъ, чтобы гости не разъѣзжались; всѣ и остались, но, все-таки, долго не будетъ продолжаться.

— Ну, такъ, пойдемте проститься съ хозяйкой.

— И съ миссъ Грэй, добавилъ юноша, когда они пошли въ домъ.

— Ну, теперь въ путь, сказалъ Джэкъ, послѣ выполненной формальности.

Дорога, ведшая отъ дома полковника Грэя, къ баракамъ полка, шла не прямой линіей, а извивалась тремя изгибами; въ концѣ перваго, болѣе широкаго, чѣмъ другіе два, былъ расположенъ небольшой фортъ, за нимъ начинался второй изгибъ, вправо отъ котораго тянулся лѣсъ, или скорѣе жонгли, громоздившіеся надъ самымъ полотномъ дороги; второй изгибъ соединялся съ третьимъ тропинкой, пролегавшей чрезъ лѣсъ, который и носилъ названіе Бен'съ-Брэкъ. Третья излучина, подававшаяся влѣво, пересѣкалась, на четверть своей длины, поперечною дорогою, направлявшеюся мимо опушки къ баракамъ. Нѣсколько далѣе той точки, гдѣ поперечный путь расходился съ главнымъ, шла другая вѣтвь. Это и было продолженіемъ изгибовъ. или Бэндермундской дороги.

Жилище полковника Грэя отстояло отъ Бен'съ-Брэкскаго лѣса на двѣ мили, оттуда считалось еще двѣ мили до бараковъ.

Былъ еще и другой путь отъ Бен'съ-Брэка къ форту, номиль въ девять или въ двѣнадцать.

— Капитанъ и Брэндонъ рѣшили идти на Брэкъ, — прогулка тутъ была гораздо пріятнѣе.

— Вы помните маленькую Белль? спросилъ Брэндонъ.

— Белль Вудъ? Вотъ вопросъ — я ея крестный отецъ. Что съ нею?

— Она умерла, тихо произнесъ лейтенантъ.

Уэрингъ остановился какъ вкопанный.

— Умерла? Что это значитъ? Такъ-ли?

— Совершенно вѣрно.

Нѣсколько минутъ они шли молча. Сесиль Брэндонъ не глядѣлъ на капитана, уважая его печаль, онъ зналъ, что Уэ-

Рыбаки позднею осенью на Невѣ. Ориг. рис. В. Шпака, грав. Дзедзицъ.

рингъ очень любилъ свою маленькую крестницу, „полковую малютку."
— Откуда это вамъ извѣстно?
— Мистриссъ Вудъ, если вы помните, всегда была очень дружна съ моею матерью и всегда очень любила меня. Она даже, отчасти и родственница: ея племянница приходится мнѣ кузиной. Ну, вотъ, Нетти и написала мнѣ обо всемъ, поручивъ передать вамъ.
— Что же дальше?
— Въ день своей смерти, утромъ, дитя, предъ прогулкой съ своей няней, почему-то непремѣнно настаивала поцѣловать мистриссъ Вудъ и попрощаться съ нею. Такъ какъ къ завтраку онѣ не возвратились, то мистриссъ Вудъ пошла искать ихъ на берегъ ручья, гдѣ онѣ обыкновенно гуляли. Тамъ она нашла Белль...
— Утонувшею?
— Въ водѣ и проколотою штыкомъ!
— Боже!
— А няню—убитою на берегу.
— Что же теперь мистриссъ Вудъ?
— Или умретъ, или сойдетъ съ ума.
— Наступило новое молчаніе.
— Это ужасно! произнесъ, наконецъ, Уэррингъ. Ему казалось, что это тяжелый сонъ. Белль, милая, маленькая Белль—меньше недѣли тому назадъ сидѣла у него на колѣняхъ, а теперь уже ея нѣтъ въ живыхъ!
— Видѣли? вдругъ спросилъ Брэндонъ.
— Что такое? Уэррингъ глянулъ впередъ.
Что-то бѣлое, отвѣчалъ молодой человѣкъ, всматриваясь вдаль.
— Ничего не вижу, сказалъ Джэкъ.
— Теперь и я не вижу, а давеча видѣлъ ясно!
— Глупости!
И они опять безмолвно продолжали путь. Первая излучина приходила къ концу, скоро начиналась третья, на минуту дорога шла прямо; въ четырехстахъ ярдахъ темнѣлъ Бен'съ Брэкъ.
— Видѣлъ, видѣлъ! Вотъ оно!
Фигура въ бѣломъ быстро бѣжала вдоль возвышенія, шедшаго по краю дороги. На секунду она остановилась, какъ бы въ нерѣшительности, но потомъ побѣжала вновь.
— Брэн...
Но Брэндонъ уже впереди; юноша мчался вихремъ (въ Итонѣ за бѣгъ онъ получилъ призъ); однако Уэррингъ, болѣе сильный, оказался и болѣе быстрымъ на бѣгу; обогнавъ своего пріятеля на пятьдесятъ ярдовъ, онъ скоро нагналъ бѣлую фигуру.
Въ эту минуту подбѣжалъ Брэндонъ. Капитанъ поймалъ его и остановилъ на мѣстѣ.
— Пустите! крикнулъ Брэндонъ.
— Это—женщина—это Сейта! произнесъ Уэррингъ, выпустивъ юношу и направляясь къ стоявшей теперь въ нѣсколькихъ шагахъ бѣглянкѣ.
— Они разговариваютъ по индустански! пробормоталъ Сесиль, желавшій прислушаться къ разговору между капитаномъ и тою, которую Уэррингъ назвалъ „Сейтой."—А она хорошенькая, если глаза не обманываютъ меня. Гдѣ это Уэррингъ научился такъ бѣгать, чертъ возьми! Я думалъ, что никто не можетъ сравниться со мною, а, вотъ, выходитъ, что—нѣтъ.
— Брэндонъ!
— Сэръ! Прикажите приблизиться? И онъ приложился по военному къ своей фуражкѣ.
— Перестаньте дурачиться! Вотъ эта лэди... Капитанъ остановился.
— Слушаю, сэръ, вотъ эта лэди...
— Дѣло вотъ въ чемъ, заговорилъ Уэррингъ,—отецъ Сейты сипай. Она подслушала заговоръ, въ которомъ рѣшено напасть врасплохъ на фортъ, перебить солдатъ въ баракахъ, а потомъ— и всѣхъ англичанъ.
— И вы вѣрите—этой лэди? съ хохотомъ спросилъ Сесиль Брэндонъ.
— Да.
- Подумайте только—какъ бы вышло все это смѣшно, если бы мы явились и надѣлали тревогу изъ-за пустяковъ. Сейта воскликнула что то по индустански, оставшееся непонятнымъ для лейтенанта. Уэррингъ разсердился.
— Даю свою голову за то, что она говоритъ правду! Сесиль, прошу васъ—бросьте ваши шутки! Дѣвочка никогда не лгала!
— Въ такомъ случаѣ намъ надо торопиться, сказалъ серьёзно Брэндонъ, сразу перемѣнивъ тонъ.
— Сигналомъ для сипаевъ послужитъ пожаръ въ домѣ полковника Грэя; они его подожгутъ.
Брэндонъ приподнялся на цыпочки и посмотрѣлъ назадъ; но, на темномъ фонѣ почти не было ничего видно.
— А они подожгутъ въ ту минуту, когда въ домѣ будутъ потушены всѣ огни.
Лейтенантъ посмотрѣлъ на свои часы.
— Боже мой, воскликнулъ онъ,—уже двѣнадцать минутъ второго?
— Ну, надо думать, что они не будутъ такъ пунктуальны!
— Но—и могутъ...
— Надо скорѣе. Я—старшій офицеръ изъ насъ обоихъ и мнѣ принадлежитъ болѣе опасный постъ. Поэтому, я отправляюсь предупредить въ фортъ. Вы-же—какъ только можно скорѣе бѣгите къ дому Грэя и скажите, чтобы не гасили огней, а оттуда—спѣшите въ бараки, разбудите Кемблля, требуйте, чтобы онъ послалъ нѣсколько ротъ въ фортъ на помощь гарнизону. Ну—живо!
— Минутку, сказалъ Сесиль.—Дайте вашу руку, старый товарищъ, вѣдь, можетъ быть, въ послѣдній разъ...
Юноша подошелъ къ капитану, крѣпко пожалъ его руку и, секунду спустя, уже мчался вѣтромъ по Бэндермундской дорогѣ, крикнувъ капитану:—нѣтъ, вы—къ полковнику, а я—въ фортъ!
Уэррингъ кинулся за юношей, но тотъ уже исчезъ въ темнотѣ. Времени нельзя было терять, Джэкъ возвратился назадъ.
— Благородный мальчикъ, проговорилъ онъ.—Сейта!
— Сагибъ?
— Вы спасли насъ всѣхъ.
— Я сдѣлала это не для другихъ, а для одного васъ.
— Теперь—продолжалъ офицеръ, оставивъ безъ вниманія ея слова,—вамъ надо домой: ваши могутъ замѣтить и заставить васъ дорого заплатить за то, что вы насъ предупредили. Богъ да благословитъ васъ, благодарю отъ имени всѣхъ—будутъ ли они живы или умрутъ!
И наклонившись, Уэррингъ поцѣловалъ ея руку, а затѣмъ, въ свою очередь, поспѣшилъ въ путь—спасать свою жизнь, жизнь всѣхъ и, въ особенности, жизнь Нелли Грэй.
Быстро подвигаясь впередъ, онъ скоро былъ уже у тропинки, шедшей чрезъ жонгли. Ему оставалось не болѣе ста ярдовъ, когда вдругъ онъ услыхалъ сзади себя поспѣшные шаги. На бѣгу онъ выхватилъ никогда не покидавшій его карманный ножикъ, раскрылъ его и мгновенно повернулся, чтобы лицомъ къ лицу встрѣтить своего преслѣдователя.
— Сейта!
Дѣвушка была уже около него; порывистымъ движеніемъ прижалась она къ нему и, напечатлѣвъ на его губахъ горячій поцѣлуй, какъ лань кинулась дальше, прошептавъ только, чтобы онъ спѣшилъ—за нимъ уже гнались сипаи.
Уэррингъ рѣшилъ не оставлять ея: они, чрезъ нѣсколько секундъ, вбѣжали въ темную узкую аллею жонглей. Плечо о плечо, рука въ рукѣ летѣли они оба, сквозь мракъ и безмолвіе ночи.
Вѣтеръ гудѣлъ въ его ушахъ, рѣзалъ ему глаза. Вдругъ— позади раздался выстрѣлъ, а вслѣдъ затѣмъ—близко, близко рѣзкій звукъ пролетѣвшей пули. Но—они, все-таки, бѣгутъ вмѣстѣ. Вотъ вновь блеснула полоска свѣта, вновь „звякнула" мимо пуля. И—они еще мчатся рядомъ.
Еще разъ сверкнула молнія выстрѣла, громъ котораго смѣшался съ отчаяннымъ крикомъ: бѣлая, легкая фигура взмахнула руками и упала на землю какъ подкошенный цвѣтокъ. Джэкъ бѣжалъ теперь одинъ.
— Сейта! воскликнулъ онъ, остановившись.
Балъ кончился около двухъ часовъ; но освѣщеніе не было еще потушено.
Капитанъ Уэррингъ достигъ полковничьяго дома, нѣсколько минутъ спустя послѣ того, какъ убѣдился, что возвращаться къ Сейтѣ значило бы—отдать на вѣрную смерть не только себя самого и многихъ изъ обитателей Бэндермунда, но также и миссъ Нелли Грэй.
Нелли оказалась въ саду и совершенно одна. Она вышла подъ тѣнь деревьевъ не потому, чтобы любила мечтательныя прогулки, а просто оттого, что въ комнатахъ стояла страшная жара. Молодая дѣвушка, въ эту минуту, думала о прогулкѣ, которую сдѣлала утромъ, верхомъ на своей маленькой лошадкѣ, Блюбелль, а также и о той бѣдной туземной женщинѣ, которую видѣла лежавшею ничкомъ на берегу рѣки и громко рыдавшею.
Миссъ Грэй, изъ любопытства, остановила свою лошадь около плакавшей; та, вскорѣ, поднялась, бросивъ далеко не дружелюбный взглядъ на непрошенную свидѣтельницу ея горя.
— Бѣдная! произнесла Нелли.
Но, женщина, очевидно, была одушевлена вовсе не тѣми же чувствами. Она начала что-то говорить, по индустански, сначала довольно тихо, но потомъ—крикнула и бросилась къ поводу Блюбелль. Испуганная лошадь рванулась въ сторону и понесла во весь опоръ, въ нѣсколько минутъ, оставивъ далеко за собой индіанку.
Миссъ Грэй размышляла объ этомъ приключеніи.
Внезапно, около нея раздался шумъ шаговъ.
— Капитанъ Уэррингъ!
— Миссъ Грэй—вы слышали выстрѣлы?
— Минутъ десять тому назадъ? Да—всѣ мы слышали и очень удивились...
— Сипаи возстали! Давно ли уѣхали послѣдніе изъ вашихъ гостей?
— Да, ужъ нѣсколько времени назадъ.
— Слава Богу! но—у меня нѣтъ времени разсказывать вамъ всего. Брэндона и меня, по дорогѣ, предупредили... предупредила... одна... женщина о томъ, что возстаніе уже готово. Онъ отправился въ фортъ, дать знать гарнизону, а я—сюда.

— Но—спросила она спокойно—отчего же вы не пошли въ бараки?

— Потому что все зависитъ отъ того, что произойдетъ въ этомъ домѣ. Сигналомъ къ атакѣ послужитъ та минута, когда тутъ будутъ погашены огни. Миссъ Грэй—ихъ не надо тушить во всю ночь. Скоро будетъ заря; но необходимо, чтобы женщины уѣхали отсюда. Мнѣ надо торопиться въ бараки за подкрѣпленіями для форта, потому что если только бунтовщики узнаютъ, что намъ уже извѣстны ихъ намѣренія, то все погибло бы.

— Я увезу женщинъ.

— Вы?!

— Да—я. Сейчасъ я разбужу тетю и Бэлу и мы выѣдемъ въ тюльбери. Вы, вѣдь, вышлете намъ на встрѣчу нѣсколько солдатъ?

— Миссъ Грэй, воскликнулъ онъ, съ выраженіемъ восторженнаго удивленія, вы—героиня!

Молодая дѣвушка засмѣялась.

— Въ самомъ дѣлѣ? Всю жизнь хотѣлось мнѣ быть героиней.

Минуты были дороги. Нелли протянула руку Джэку, какъ-бы давая ему понять, что надо торопиться. Онъ взялъ эту руку; глаза ихъ встрѣтились, затѣмъ—затѣмъ встрѣтились, въ страстномъ поцѣлуѣ, ихъ уста. Слова были излишни — оба безмолвно рѣшили, въ это мгновеніе, что принадлежатъ другъ другу. Нѣсколько секундъ спустя Уэрингъ уже былъ на дорогѣ въ бараки.

Возстаніемъ въ Бэндермундѣ руководилъ сипай Ширъ-Али, отецъ Сейты. Его планъ былъ простъ и обѣщалъ полный успѣхъ. Главную силу англичанъ въ этомъ пунктѣ составляла батарея, расположенная въ фортѣ. Онъ предположилъ внезапно овладѣть ею и, разгромивъ бараки, двинуться въ Дэли. Заговоръ охватилъ всю мѣстность на далекое пространство вокругъ; но, пока, по наружности, всюду было спокойно, и англичане не подозрѣвали ничего. Балъ у Грэевъ доставлялъ превосходный случай, такъ какъ тамъ могло быть, сразу и втихомолку, перебито все начальство ненавистныхъ фиренговъ. Затѣмъ, сипаи, вмѣстѣ съ взбунтовавшимся народомъ, бросились-бы, подъ предводительствомъ Ширъ-Али, на бараки и истребили-бы весь полкъ; онъ разсчитывалъ, что непріятель, лишенный артиллеріи, не оказалъ-бы сильнаго сопротивленія. Уничтоженіе цѣлаго полка, захватъ батареи — то былъ-бы и блестящій подвигъ, и блестящій успѣхъ! Мятежники, спрятанные на холмахъ вокругъ форта, съ нетерпѣніемъ глядѣли оттуда по направленію дома полковника Грэя, ожидая, съ минуты на минуту, видѣть его въ огнѣ, т. е.—уже въ рукахъ своихъ. Однако сигналъ не появлялся.

Только въ прошлую ночь открылъ Ширъ-Али свой планъ. Когда совѣщаніе кончилось и всѣ вожди ушли, онъ увидалъ дочь, и понялъ, что она слышала все. Съ проклятіемъ вытащилъ онъ дѣвушку изъ угла, гдѣ она была; въ первую минуту онъ схватился за кинжалъ, хорошо зная, что секретъ нельзя ввѣрять женщинамъ. Бѣдное дитя и не пыталось просить пощады себѣ, она только робко молила за „Сагиба Уэринга“. Сипай наклонилъ свое суровое лицо къ распростертой у его ногъ дочери.

— Это тотъ фиренги, который вытащилъ тебя изъ рѣки, когда за тобой гнался крокодилъ? спросилъ онъ злобно,—ну, такъ его я ненавижу еще больше, чѣмъ всѣхъ другихъ! Я ему припомню тѣ палки, которыя я получилъ за то, что попался ему пьянымъ!

Ширъ-Али связалъ дочь и вышелъ изъ дому. Но онъ забылъ, что значитъ у женщинъ истинная любовь. Сейта, освободившись, кое-какъ, отъ веревокъ, тотчасъ-же побѣжала въ бараки. Тамъ она спросила „Сагиба Уэринга“.

Часовой, хотя и не былъ пьянъ, но значительно навеселѣ. Дѣвочка ему, очевидно, понравилась; ласково взявъ ее за подбородокъ, онъ даже бросилъ въ сторону ружье, приготовившись ее поцѣловать; но она вырвалась и кинулась на дорогу.

— Я ему скажу, я его спасу! Машинально повторяла она себѣ самой.

Между тѣмъ скрытые придорожною насыпью, три индѣйца, съ ружьями на готовѣ, зорко слѣдили за гостями, возвращавшимися съ бала. Все вниманіе Ширъ-Али, спустившагося внизъ, было сосредоточено на двухъ офицерахъ, такъ безпечно приближавшихся въ его сторону. Затѣмъ онъ увидалъ и бѣлую фигуру, увидалъ погоню и поимку; онъ узналъ—кто была она.

— Измѣна! Мы пропали! крикнулъ, взбѣжавъ назадъ, къ товарищамъ — надо ихъ застрѣлить сейчасъ-же, не то, все было-бы потеряно!

— Нѣтъ, произнесъ Бэбба-Рамъ, главный помощникъ Ширъ-Али, человѣкъ осторожный и осмотрительный, — отсюда стрѣлять слишкомъ далеко, не попадешь, тамъ, выше, можно найдти западную получше. Поглядимъ—куда они теперь пойдутъ.

Подъ деревьями было такъ темно, что индѣйцы могли видѣть только бѣлую фигуру Сейты, тогда какъ Сесиль, спѣшившій въ фортъ, промелькнулъ мимо нихъ незамѣченнымъ.

— Они идутъ къ дому полковника! воскликнулъ Бэббо-Рамъ,— теперь не ускользнуть отъ насъ!

Когда они сѣли въ засадѣ, близъ ущелья, нѣсколько дальше прежняго мѣста, Махмудъ, третій сподвижникъ Ширъ-Али, замѣтилъ, что теперь, вмѣсто трехъ — всего двое, и одинъ изъ нихъ — Сейта. Ширъ-Али разразился ругательствами. Бэбба-Раму едва удалось успокоить его увѣреніемъ, что Сейта разговаривала только съ однимъ мужчиной.

— Клянусь моей душой — ихъ было два! возражалъ онъ — я самъ видѣлъ, какъ они бѣжали!

Индѣйцы дождались, наконецъ, Уэринга и Сейты; но выстрѣлы ихъ попали не въ намѣченную цѣль.

Страхъ снова разобралъ Ширъ-Али, когда они сошли внизъ, на дорогу. Онъ могъ поклясться, что мужчинъ было двое. Другой, навѣрное, ушелъ въ фортъ, чтобы дать знать. Какъ это могли они пропустить его?

Онъ наклонился надъ бѣлой фигуркой Сейты, неподвижно лежавшей теперь на землѣ.

— Лежи тутъ! Это я застрѣлилъ и радъ этому. Я всегда тебя ненавидѣлъ—подлая измѣнница, такая-же лживая, какою была твоя мать! прорычалъ онъ.

Онъ ее ненавидѣлъ съ ея рожденія, ненавидѣлъ съ того дня, когда возвратившись домой, нашелъ свою жену въ обществѣ англійскаго саиба. Могъ-ли когда либо забыть, съ какимъ дикимъ бѣшенствомъ онъ кинулся на обидчика, и какъ англичанинъ, отвѣчая ему ударами на удары, бросилъ его, почти полумертваго, на землю? Могъ-ли онъ забыть, какъ, потомъ, придя въ себя, онъ увидалъ, что жена бѣжала отъ него, оставивъ своего плачущаго ребенка? Въ своей безумной злобѣ, онъ, тогда, ударилъ невинное дитя; теперь онъ ее убилъ. И, она глядѣла на него, въ эту минуту, своими стеклянными, уже безжизненными глазами. Рука отца не ошиблась и послала пулю прямо въ сердце дочери.

Еще не все было потеряно. Онъ поставилъ Бэббо-Рама въ Жонглякъ, Махмуда въ ущельи, самъ пойдетъ туда, гдѣ скрещиваются дороги, чтобы застрѣлить посланца, а потомъ возвратится къ своимъ людямъ и поведетъ ихъ къ дому полковника. Никому не будетъ пощады, никто не уйдетъ отъ его мщенія. И чѣмъ поможетъ, побѣжавшій предупредить, капитанъ Уэрингъ, если они атакуютъ теперь-же? Остальные, при видѣ того, что свѣтъ еще не погашенъ, будутъ еще ждать, но—когда вспыхнетъ пожаръ, то поймутъ сигналъ. Все зависитъ отъ него. Куда годится этотъ глупый трусъ Бэббо! Обо всемъ этомъ онъ думалъ, спѣша къ перекрестку дорогъ. Онѣ сходились здѣсь подъ прямымъ угломъ; поперечная шла прямою линіею въ лагерь.

Ширъ-Али, вмѣстѣ съ Бэббомъ, подошелъ къ холму.

— Бэббо, сказалъ онъ, не пропусти фиренги по обходной дорогѣ въ лѣсъ, а если замѣтишь, что онъ крадется между тобою и Махмудомъ,—стрѣляй!

Бэббо-Рамъ кивнулъ головой, и глава Бэндермундскихъ мятежниковъ подошелъ къ перекрестку, и, сойдя съ холма, опустился на колѣни и сталъ ждать.

Быстро бѣжалъ Уэрингъ, крѣпко сжимая въ рукѣ своей ножъ и озираясь по сторонамъ, чтобы видѣть—не поджидаетъ-ли гдѣ нибудь, въ чащѣ, скрытый врагъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

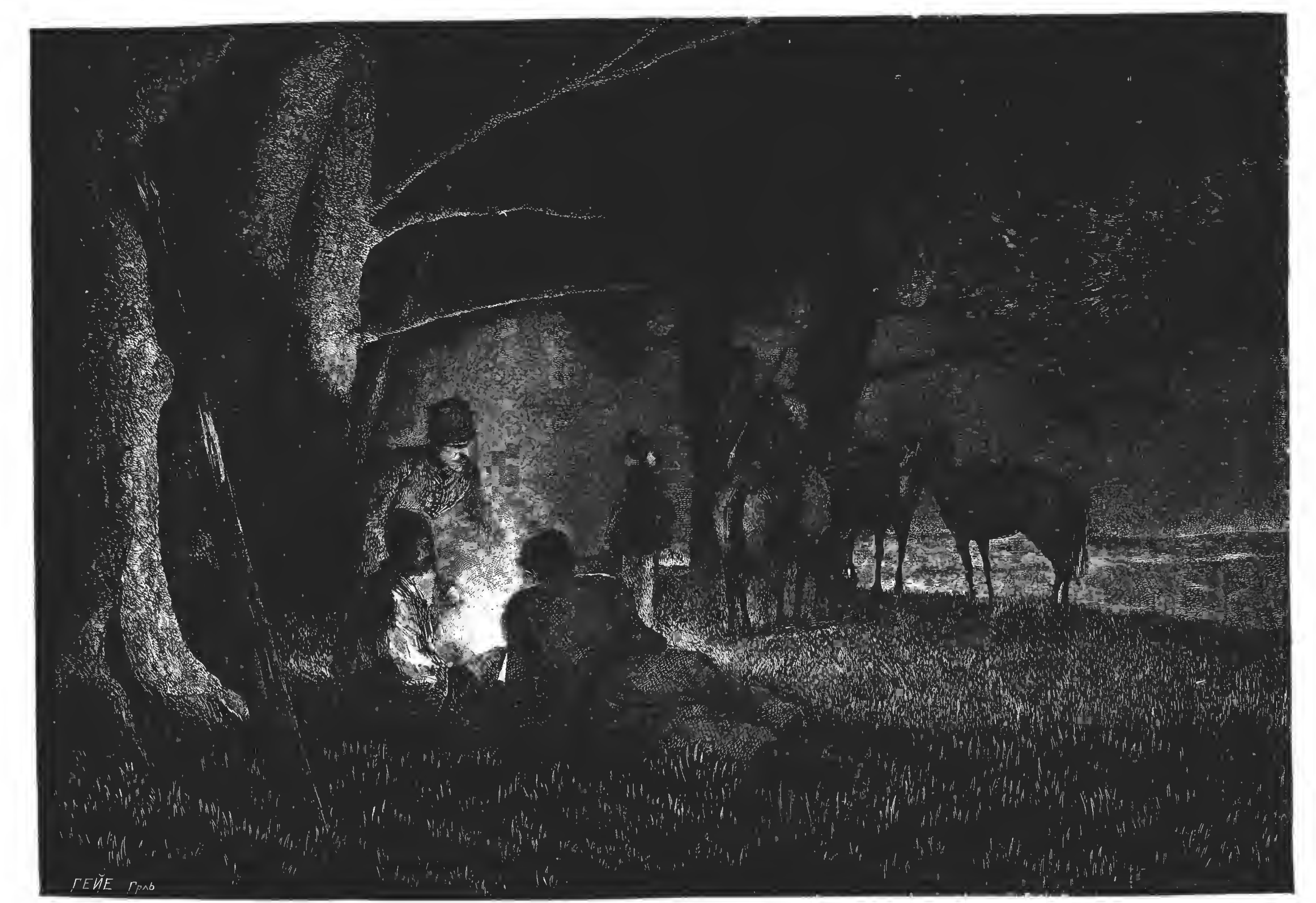
Земляные черви.

(Окончаніе).

Дождевые черви распространены въ безчисленномъ множествѣ по всей поверхности земли. Въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ они скопляются иногда въ такомъ количествѣ, что почва буквально кишитъ ими. По вычисленіямъ Гендена, вообще, на каждыхъ 2000 кв. саженяхъ земли живетъ 1,300,000 червей. Въ обиліи червей, находящихся въ землѣ, можетъ, впрочемъ, убѣдиться всякій, покопавъ для этого землю, хотя-бы на самую незначительную глубину.

Больше всего любитъ червь почву влажную и жирную. Наоборотъ, онъ рѣдко встрѣчается въ сухой и песчаной землѣ. Влажность—необходимѣйшее условіе для червя, влажность, но не вода. Брошенный собственно въ воду, онъ умираетъ въ ней, въ концѣ концовъ, проживъ, однако, довольно долго; такъ одинъ изслѣдователь передаетъ фактъ невредимаго пребыванія червя въ водѣ впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ; обыкновенно же, червь можетъ прожить въ ней гораздо меньше, причемъ зимой бываетъ въ этомъ отношеніи чувствительнѣе, нежели лѣтомъ.

Просиживая, обыкновенно, день въ своихъ норахъ, въ землѣ, черви выходятъ на поверхность ночью и тутъ совершаютъ свои путешествія. Впрочемъ, утромъ можно еще видѣть ихъ свернувшимися на влажной почвѣ. Иногда они только частію выходятъ изъ норокъ днемъ, оставляя большую часть тѣла въ землѣ. Извлечь ихъ оттуда совсѣмъ бываетъ весьма трудно: въ такихъ случаяхъ червь такъ энергически сопротивляется этому своими волосками, что можетъ быть разорванъ иногда на нѣсколько частей. Несовсѣмъ понятна безпечность червей, принимающихъ подобное положеніе, показывающихся, хотя-бы и отчасти, на поверхность земли: при такихъ условіяхъ, они часто дѣлаются жертвами птицъ и прочихъ своихъ враговъ. Дарвинъ



Литературный альбомъ „Гайдамаки“ Т. Шевченко. Ориг. рис. М. Зиновьева, грав. Гейе.

Русскіе типы. Палатка-лавочка въ Петербургѣ. Ориг. рис. В. Князева, грав. Дзедзицъ.

думаетъ, однако, что черви дѣлаютъ такъ, потому что въ землѣ холоднѣе.

Жилище червя отличается большой простотой. Строительными способностями, вообще, онъ обладаетъ въ гораздо меньшей степени, нежели многія животныя даже болѣе низкой организаціи. Домомъ служитъ для него простая нора, сдѣланная въ землѣ, идущая сначала перпендикулярно, а затѣмъ, на нѣкоторой глубинѣ, загибающаяся. Длина такой норы бываетъ далеко неодинакова, простираясь отъ одного до восьми футовъ и болѣе. Иногда червь обнаруживаетъ большую заботливость о своемъ жилищѣ и выстилаетъ верхнія части стѣнки листочками, камешками и т. д. По мнѣнію Дарвина, это дѣлается имъ для того, чтобы тѣло не приходило въ соприкосновеніе съ холодными стѣнками норы. Зиму черви проводятъ въ состояніи спячки.

Неизвѣстно въ точности, имѣютъ-ли черви въ виду какую-либо цѣль, закладывая отверстія своихъ норъ. Тутъ они нагромождаютъ кучи листочковъ и прочихъ предметовъ, смазывая все это своими земляными, клейкими испражненіями. Если-же листочковъ не оказывается для преграждения доступа въ отверстіе норы, они пользуются тогда камешками съ этою цѣлью. Такимъ путемъ достигается, впрочемъ, всегда видимая безопасность отъ враговъ и атмосферныхъ измѣненій.

Жилище строитъ себѣ червь самымъ простымъ образомъ. Онъ пробуравливаетъ его въ землѣ. И тѣло червя оказывается прекрасно приспособленнымъ для этой цѣли. Оно можетъ по-

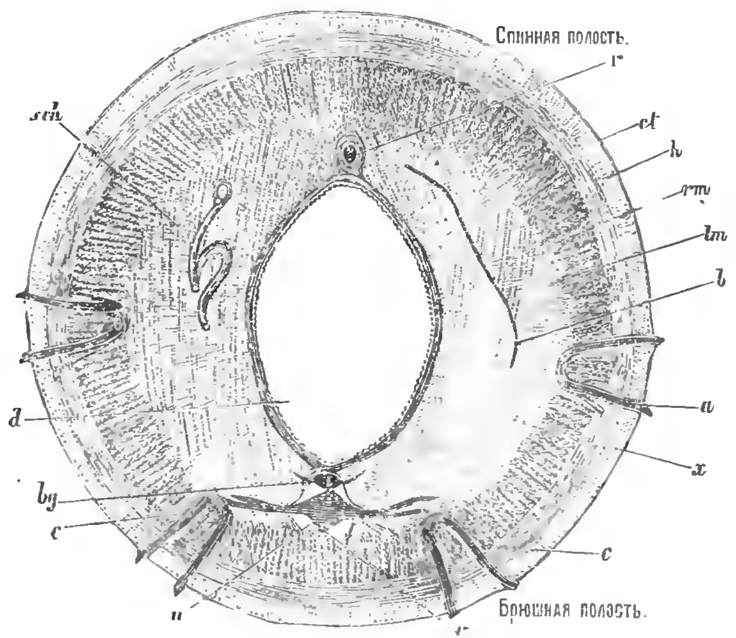


Рис. 5. **Поперечный разрѣзъ задней части тѣла червя, при увеличеніи въ 20 разъ.**

r) спинной сосудъ. ct) кожица. h) подкожица. rm) кольцеобразный мускульный слой. lm) слой продольныхъ мускуловъ. l) кровяной сосудъ, перерѣзанный. a) щетинки. c) мускулъ при щетинкѣ. v) брюшный сосудъ. n) нервный узелъ. bg) брюшной сосудъ. d) полость кишки. sch) перерѣзанные органы члениковъ. x) лишенная мускуловъ перегородка.

служить и винтомъ и клиномъ, обладая, кромѣ того, способностью производить самыя разнообразныя движенія. Съ другой стороны, вспомогательнымъ орудіемъ при устройствѣ норы является для червя его кишечная система: онъ ѣстъ землю, облегчая себѣ такимъ образомъ сооруженіе жилища. Это обстоятельство имѣетъ, какъ мы увидимъ потомъ, огромное значеніе. Процессъ принятія пищи происходитъ у червя при помощи лопасти рта, служащей верхней губой, и нижней части полости рта, дѣйствующей на подобіе нижней губы. Далѣе, глотательная головка служитъ какъ-бы всасывающимъ насосомъ, благодаря своему губчатому строенію и отсутствію мускуловъ. Дѣятельностью выпуклыхъ продольныхъ складокъ, пища, попавшая въ ротъ, здѣсь и въ глотательной головкѣ измельчается и такимъ образомъ подготовляется для дальнѣйшаго дѣйствія на нее пищеварительныхъ соковъ.

Въ высшей степени важнымъ представляется то, что червь ѣстъ землю. Благодаря этому-то, онъ и является земледѣльцемъ въ хозяйствѣ природы. Очень немногіе обращали вниманіе до Дарвина на эту драгоцѣнную дѣятельность червя. Англійскій изслѣдователь первый показалъ, своими десятки лѣтъ продолжавшимися наблюденіями, всю важность того участія, которое принимаютъ черви въ образованіи растительнаго слоя.

Дарвинъ нашелъ, что во многихъ мѣстахъ Англіи на каждыхъ 880 квадр. саж. земли находится болѣе сорока четвериковъ земли, побывавшей въ кишечномъ каналѣ червей и вновь выброшенной. А по вычисленіямъ нѣмецкаго изслѣдователя Гензена, произведеннымъ относительно червей, имѣвшихся у него для опытовъ, каждый червь ежедневно выбрасывалъ 0,5 грамма экскрементовъ (испражненій). Въ естественномъ состояніи, на волѣ, это количество гораздо больше, по мнѣнію Дарвина. Предположимъ, что оно составляетъ ежегодно два грамма. Исключивъ зимніе мѣсяцы спячки, мы найдемъ, что наше маленькое созданье выбрасываетъ ежегодно около фунта своихъ экскрементовъ. При этомъ, мы не считаемъ то, что червь оставляетъ въ своей норѣ. Предположивъ, далѣе, что на десятинѣ земли живетъ около 24,000 червей, мы увидимъ, что они произведутъ въ годъ 24,000 фунтовъ гумуса (кашки). Такимъ-то образомъ, верхній слой поверхности земли проходитъ черезъ желудки червей и находится въ постоянномъ, медленномъ движеніи. Черви приготовляютъ почву для плодотворнаго произрастанія, покрываютъ камни, листья и животные остатки своими экскрементами, сравниваютъ неровности, съѣдаютъ растительные остатки и вновь, въ измѣненномъ видѣ, выбрасываютъ ихъ. Они облегчаютъ, далѣе, своею дѣятельностью, доступъ внутрь почвы для воздуха и воды, способствуютъ произрастанію сѣмянъ и прикрываютъ сѣмячки, которымъ, въ противномъ случаѣ, грозила-бы погибель. Словомъ, земляные черви живѣйшимъ образомъ напоминаютъ своею дѣятельностью земледѣльца, вооруженнаго всѣми орудіями своего труда и съ помощію этихъ орудій приготовляющаго почву для принятія сѣмянъ и ихъ произрастанія. И далеко не такъ плодотворны были-бы единичныя усилія настоящаго земледѣльца, еслибъ не работалъ

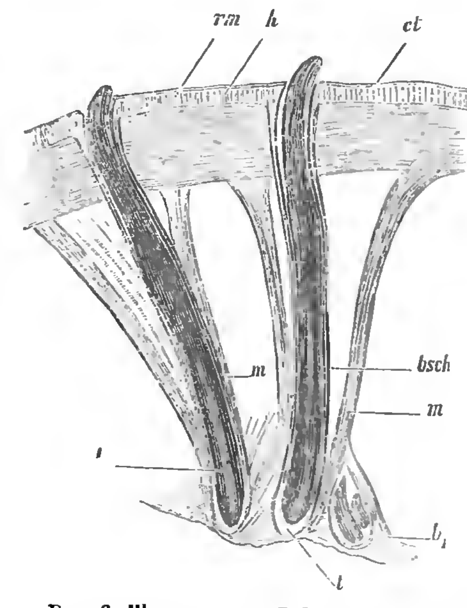


Рис. 6. **Щетинки, значительно увеличенныя.**

ct) кожица. h) подкожица. rm) кольцеобразный мускульный слой. bsch) мѣшечекъ для щетинки. m) мускулы щетинокъ, при сокращеніи которыхъ щетинки выдвигаются наружу. Они прилегаютъ къ мѣшечку t), въ которомъ сидитъ щетинка b). Утраченная щетинка замѣщается потомъ доразвивающимися щетинками b_1.

неутомимо вмѣстѣ съ нимъ, на одномъ и томъ же полѣ, земледѣлецъ-червь!

Оказывая огромную услугу земледѣлію, черви приносятъ большую пользу и археологіи. Покрывая монеты и прочія древности своими экскрементами и скрывая ихъ въ глубину, черви сохраняютъ, такимъ путемъ, эти сокровища отъ дѣйствія погоды и всѣхъ прочихъ разрушительныхъ вліяній. И такъ, благодаря имъ, скрывались подъ землей цѣлыя массивныя стѣны, такъ что, по мнѣнію Дарвина, червямъ обязаны мы сохраненіемъ многихъ древнихъ сооруженій.

Способы, употребляемые червями при втаскиваніи листочковъ, бумажекъ, различныхъ стебельковъ и пр. въ свои норы, заставляютъ положительно предполагать въ нихъ не простой инстинктъ, но нѣкоторый родъ разума. Въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ, червь беретъ, положимъ, листикъ за острую его часть и такимъ образомъ втаскиваетъ въ свою нору; онъ какъ-бы разсчитываетъ, что трудно было бы достигнуть цѣли, взявъ листикъ за его широкое основаніе, ибо онъ не прошелъ-бы въ нору въ такомъ случаѣ. Такъ точно кусочки бумажки онъ втаскиваетъ къ себѣ, взявшись за ихъ острые углы. Такъ, далѣе, червь хватается за ту часть двойной сосновой иглы, въ которой обѣ иглы сходятся въ одну точку,— что особенно поразительно.

Замѣчательной представляется также живучесть червя. Разорванный на двѣ половины, онъ не перестаетъ жить, но обѣ половины превращаются какъ-бы въ двухъ червей.

Таковъ червь, на котораго обратилъ свое вниманіе великій англійскій естествоиспытатель, нынѣ умершій. Врядъ-ли можно найти другое маленькое существо, столь-же полезное.

Къ рисункамъ.

Двѣ картины Макарта.

(Рис. на стр. 1132 и 1133).

Имя Ганса Макарта, знаменитаго своимъ блестящимъ талантомъ и причудами, вѣнскаго историческаго живописца, не разъ появлялось на страницахъ нашего журнала. Мы знакомили нашихъ читателей въ копіяхъ не разъ съ лучшими его произведеніями, также съ подробностями его жизни и роскошной оригинальной обстановки его мастерской, когда помѣстили его портретъ („Нива“ 1877 года, № 4).

Къ числу лучшихъ его произведеній принадлежатъ большія картины подъ названіемъ „Четыре времени дня“. Двѣ изъ этихъ картинъ мы здѣсь помѣщаемъ въ копіяхъ. Съ пылающимъ, яркимъ факеломъ возстаетъ „Утро“ въ образѣ прелестной юной дѣвушки. Утро низвергаетъ Ночь, на плечо которой опирается, въ бездну вѣковѣчной тьмы, и золотой радостный свѣтъ разливается по просыпающейся землѣ. Въ полномъ торжествѣ славы царитъ Полдень, въ чудномъ образѣ поразительной, расцвѣтшей женской красоты. Пышное золото тяжелыхъ косъ облегаетъ дивный образъ какъ бы сверкающею рамою; надъ головой ея сіяніе. Она простираетъ широко руки, какъ бы осѣняя или посылая благословеніе на покоющуюся въ безмолвномъ блескѣ жаркаго полудня, землю...

Рыбная ловля на Невѣ.

(Рис. на стр. 1137).

Мы, петербургскіе жители, можно сказать, избалованы рыбой, которую намъ доставляетъ въ такомъ обиліи и разнообразіи наша красавица Нева. Каждое лѣто цѣлая масса народа занята въ Петербургѣ или ловлей рыбы или ея продажей, и въ это время для любителя рыбнаго стола настаетъ настоящій праздникъ. Къ его услугамъ является превосходная лососина, жирные и вкусные сиги, и множество другой, хотя менѣе крупной, но вкусной рыбы. Даже бѣдная часть населенія столицы, и та во время лова предпочитаетъ рыбную пищу по ея свѣжести и дешевизнѣ; цѣлыми корзинами выгружается и распродается тогда ряпушка, корюшка, плотва и другая мелкая рыба. Дѣятельность кипитъ на садкахъ и тоняхъ; множество рыбныхъ торговцевъ является на улицахъ, и каждый старается попробовать любимыя свои frutti di mare. Въ это горячее время рыбной ловли тони работаютъ всю ночь и кромѣ того много лодокъ съ любителями рыболовства снуютъ по Невѣ и ея изгибамъ, вплоть до зимы, приманивая рыбу на свои удочки. Большую рыбу ловятъ на Невѣ исключительно неводами, но для мелкой рыбы существуютъ нѣкоторые особые пріемы; такъ корюшку, появляющуюся здѣсь весною во множествѣ, ловятъ мережками, а для ловли миноги употребляютъ такъ называемые *вираки или морды*. Такія морды въ количествѣ десяти или ста штукъ привязываются къ одной длинной веревкѣ, въ разстояніи около аршина другъ отъ друга, и вмѣстѣ съ веревкою на ночь опускаются на дно рѣки, гдѣ ложатся такимъ образомъ, что широкій конецъ ихъ, съ воронкою, бываетъ обращенъ внизъ, по теченію воды. Миноги, поднимаясь осенью вверхъ по рѣкѣ, встрѣчаютъ на пути морды и попадаютъ въ нихъ. При сильномъ ходѣ миногъ, въ одну морду забирается до 50 штукъ и болѣе. Ежегодная же ловля миногъ простирается въ Петербургѣ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ.

На прекрасномъ рисункѣ г. Шпака мы видимъ старика-рыболова съ его подручнымъ мальчикомъ, въ морозъ и подъ снѣжными хлопьями, распивающаго чаи. Картина оригинальная! Эти могучія натуры съ неиспорченнымъ здоровьемъ не такъ боятся простуды, какъ изнѣженные жители городовъ...

„Гайдамаки“, Т. Г. Шевченко.

(Рисун. на стр. 1140).

Еще въ прошломъ году („Нива“ № 40), представляя прекрасные рисунки г. Зиновьева, изъ знаменитой поэмы любимаго пѣвца Украйны, мы познакомили нашихъ читателей съ содержаніемъ этого мрачнаго произведенія. Содержаніе поэмы, какъ извѣстно, взято изъ ужасной эпохи „Колієвщины“, когда казаки возстали, измученные насильствомъ поляковъ и утѣсненіемъ своей вѣры. Предлагаемый здѣсь, эффектный рисунокъ талантливаго художника, относится къ IV пѣснѣ поэмы. Въ лѣсахъ Могилинскихъ, Коневскихъ, Чигиринскихъ собираются гайдамаки. Вотъ отрядъ казаковъ въ виду Чигирина, въ лѣсу. Пѣсня начинается эффектнымъ обращеніемъ къ тѣнямъ старыхъ Гетмановъ.

Гетманы, Гетманы! Когда бы вы встали,
И глянули бъ только на тотъ Чигиринъ,
Могучій и славный, гдѣ вы пановали,
О, горько бъ вамъ стало, его бъ не признали...

А вотъ и самая картина спускающейся ночи:

Солнце сѣло. Въ Чигиринѣ
Смолкла рѣчь людская...
Нетопырь лишь пронесется,
Да сова ночная
Гдѣ-то жалобно простонетъ,
Сидя на осинѣ.
Гдѣ-же люди?—Въ чащѣ лѣса,
На рѣкѣ Тясминѣ...
Средь темнаго лѣса, въ дубравѣ зеленой,
На привязи кони кустамы бредутъ
Осѣдланы кони, костры запылали...
И тихія рѣчи казаки ведутъ...

Среди этихъ, собравшихся въ лѣсу, удальцовъ появляется кобзарь—пѣвецъ, котораго прозвали „Волохомъ“. Онъ тихо, но съ глубокимъ одушевленіемъ, поетъ о старой Молдавіи, господари которой предались татарамъ, да Султанамъ. Онъ зоветъ ихъ, чтобы они соединились „съ нами казаками“. „Вспомните стараго Богдана! поетъ онъ, и лихо погуляемъ на ляшскомъ пиру!“ Онъ поетъ имъ пѣсню за пѣсней. Всѣ эти пѣсни очень извѣстны среди любителей малорусской литературы и по большей части трудно переводимы. Въ переводѣ теряется вся красивая наивность стиха и его сила и одушевленіе. Одна изъ лучшихъ пѣсенъ кобзаря въ этой главѣ—пѣсня о батькѣ Максимѣ Желѣзнякѣ.

Не орелъ подъ облаками
Носится, летаетъ—
То Максимъ, казацкій батька,
По степи гуляетъ.
Медъ и водку онъ не чаркой,
А ковшомъ черпаетъ,
А врага, гдѣ только встрѣтитъ,
Бьетъ—не выжидаетъ...

Но вотъ зловѣщій условный ударъ колокола... Гайдамаки встали, крестясь, и несмѣтныя полчища ихъ потянулись изъ лѣсу. Начались кровавые дни „Колієвщины“...

Палатка-лавка въ Петербургѣ.

(Рис. на стр. 1141).

Стоитъ въ Петербургѣ пройдти куда нибудь подальше отъ центра улицъ, къ какимъ нибудь площадямъ, гдѣ по близости нѣтъ овощныхъ и мелочныхъ лавокъ и магазиновъ, вообще гдѣ болѣе пустынная мѣстность, непремѣнно встрѣтите вы такой типъ переносной палатки-лавочки, которую такъ вѣрно изобразилъ талантливый художникъ на своемъ рисункѣ. Не всякій простой человѣкъ и пойдетъ въ магазинъ, а другому и далеко, а лавочка подъ рукой и торгуетъ всѣмъ—отъ папиросъ и пива до сухихъ, какъ дерево, барановъ, изюму и мерзлыхъ яблокъ, да еще съ торговцемъ, пока закуриваешь папиросу, можно поголковать и поговорить. Онъ человѣкъ бывалый, а за день не мало народу перевидаетъ и не мало чего наслушается. Самъ онъ всегда словоохотливъ, потому что какъ стоитъ одинъ все да ждетъ покупателей, такъ наскучитъ, и онъ радъ перекинуться словомъ другимъ съ покупателемъ. Онъ отвѣчаетъ на его остроты, и если ловкій парень, то отлично умѣетъ сбывать и залежалый товаръ, благо публика его не очень взыскательна.

Рауданъ (Красный замокъ).

(Рис. на стр. 1144 и 1145).

Богатый событіями XIV вѣкъ оставилъ въ исторіи много замѣчательныхъ памятниковъ, въ особенности среди Жмуди, памятниковъ бурной эпохи временъ войнъ Гедимина, великаго князя Литовскаго. Къ числу такихъ памятниковъ относится величественный, сохранившійся до сего времени, Красный замокъ, извѣстный подъ жмудскимъ названіемъ, отъ слова гоиdоне—красный, pilles—крѣпость. Замокъ, нѣкогда оплотъ и твердыня отъ набѣговъ германцевъ на роскошныя и богатѣйшія долины рѣки Нѣмана—бывшую границу Литвы и Жмуди съ громадными владѣніями Императора Германскаго Людовика. Величайшій вождь Литвы Гедиминъ палъ смертельно раненый подъ стѣнами замка: память этого придаетъ Красному замку особый историческій интересъ, окружаетъ его ореоломъ величія древности, парящей надъ его громадными башнями съ 1300-хъ годовъ до нашихъ дней. Блестящія страницы въ исторіи Литвы всецѣло принадлежатъ эпохѣ княженія Гедимина. Великаго Князя Литовскаго, собирателя земли, славнаго своими походами противъ татаръ и грозныхъ рыцарей Тевтонскаго ордена, опустошавшихъ границы Литвы и Жмуди. Убитый при штурмѣ Раудана рыцаремъ Тилекинъ-фонъ-Зумпахомъ, Гедиминъ завѣщалъ сыновьямъ хранить отчизну,—но сыновья не сдержали завѣта отца, раздорами разорили отечество: нѣкогда богатая и роскошная столица Литвы, гор. Вильно, пала, а за нею и сама Литва.

Красный замокъ оконченъ постройкой въ 1337 году юнымъ Генрихомъ Баварскимъ, племянникомъ Императора Людовика, и назывался Пенгук-Ваусгн, вскорѣ послѣ смерти Гедимина взятъ былъ штурмомъ старшимъ сыномъ Гедимина, Монтви-

домъ, а почти 10 лѣтъ спустя взятъ обратно германцами. Во время владычества Теодора Альтенбургскаго, гросмейстера рыцарей Тевтонскаго ордена, получившаго отъ императора Людовика 17-го декабря 1357 года грамоту на владѣніе Литвою и Жмудью, Красный замокъ былъ возведенъ на степень столицы новаго государства. Но событія мѣнялись и поляки опять взяли верхъ. Въ XVI столѣтіи замокъ былъ уже во власти Короля Польскаго Жигмонда Августа II, который подарилъ его знаменитому въ Польшѣ воеводѣ того времени Кристину фонъ-Кирисниттейну, и почти до 1810 года былъ во владѣніи этого рода, затѣмъ былъ купленъ княземъ Платономъ Александровичемъ Зубовымъ для присоединенія къ своимъ громаднѣйшимъ Жмудскимъ имѣніямъ, пожалованнымъ ему Императрицею Екатериною. И вотъ замокъ вновь сталъ славиться своею баснословною роскошью и пирами съ фейерверками на колоссальной башнѣ, съ которой открывался видъ на всю окрестность до 40 в. въ окружности. Передъ смертью князь Зубовъ далъ его въ приданое за своей дочерью Софіею, вышедшею замужъ за барона Пирчъ, а впослѣдствіи, послѣ его смерти, за сенатора Кайсарова, а сей послѣдній передалъ своей внучкѣ, благодаря которой онъ и сохраняется въ полномъ своемъ величіи и блескѣ до нашихъ дней.

Красный замокъ находится на полпути между гг. Ковно и Тильзитомъ, въ 60-ти верстахъ отъ послѣдняго. Все здѣсь изложенное о постройкѣ Краснаго замка и мѣстѣ смерти Гедимина взято изъ древне-германскихъ архивныхъ документовъ, а рисунокъ воспроизведенъ съ фотографическаго снимка.

Въ Литвѣ. Башня замка Рауданъ (Красный замокъ) Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Древнія русскія государственныя и царскія печати.

(Рис. на стр. 1146).

Много государственныхъ и частныхъ грамотъ и договоровъ древней Руси сдѣлались добычею времени и погибли для насъ безвозвратно, и нѣтъ сомнѣнія, что сравнительно лишь малая часть ихъ дошла до насъ въ совершенно цѣломъ неповрежденномъ видѣ съ полнымъ текстомъ и печатями. Такой текстъ конечно безцѣненъ, но и сохранившіяся печати бываютъ иногда очень важны для опредѣленія времени написанія извѣстнаго акта или договора, и потому изученіе ихъ составляетъ особую отрасль археологіи, извѣстную подъ названіемъ *сфрагистики*. Къ сожалѣнію, русская сфрагистика еще очень мало разработана, хотя уже собраны для нея богатые матерьялы и коллекціи особенно въ Московскомъ главномъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Возникновеніе на Руси печатей и удостовѣреніе ими различнаго рода актовъ относятъ многіе ученые уже къ десятому вѣку, хотя дошедшія до насъ принадлежатъ лишь двѣнадцатому столѣтію. Въ XIII вѣкѣ уже встрѣчаются чаще договоры и другіе акты съ печатью, а въ продолжительный періодъ, когда Москва была резиденціей русскихъ Государей, приложеніе государственной печати къ актамъ уже имѣло громадное значеніе, такъ какъ здѣсь печать замѣняла собою подпись Царя. Такое значеніе печати возникло у насъ, какъ полагаютъ, подъ вліяніемъ востока, гдѣ считалось унизительнымъ браться за перо той рукою, которая держитъ скипетръ или мечъ. Этотъ обычай, установленный и освященный древностью, былъ такъ строгъ, что даже Петръ Великій началъ собственноручно подписывать государственные акты лишь по возвращеніи изъ своего перваго заграничнаго путешествія. До этого же времени всѣ дипломатическіе акты и договоры писались и украшались государственною печатью; въ Посольскомъ приказѣ, одинъ изъ ближнихъ бояръ Царя, уже при Іоаннѣ IV носилъ титулъ оберегателя царственныя большія печати. Сама же печать называлась въ просторѣчіи *орловскою* или *воротною*, такъ какъ на одной ся сторонѣ изображался двухглавый орелъ, а на другой, оборотной, Св. Великомученикъ Георгій, и она носилась на вороту.

Кромѣ печатей государственныхъ до насъ дошли печати какъ Царей, такъ и членовъ ихъ семейства; печати областей, городовъ, а также частныхъ лицъ, носившихъ въ перстняхъ печати, замѣнявшія имъ часто подпись. Такіе перстни съ печатью служили въ старину знакомъ возмужалости и правоспособности: ихъ надѣвали при бракосочетаніи, и потеря такого перстня служила у нашихъ предковъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Часто на такихъ перстенныхъ печатяхъ просто вырѣзалось имя владѣльца, но иногда вмѣсто печати вставлялся какой нибудь камей византійской или даже античной работы, такъ какъ на Руси въ то время не было еще искусныхъ мастеровъ для такого рода художественной рѣзьбы. Печати были металлическія двухстороннія (буллы), восковыя, а въ позднѣйшее время сургучныя; на особенно же важныхъ государственныхъ актахъ восковая печать прикрывалась бумажкой, называвшейся тогда *кустодіей*. Особенно замѣчательны по изяществу работы печати перваго Лже-Димитрія, которыя, какъ извѣстно, вырѣзались въ Польшѣ, гдѣ геральдика была тогда въ цвѣтущемъ со-

стояніи. Прилагаемыя нами въ снимкахъ четыре печати относятся къ XV, XVI и XVII столѣтіямъ. Это—печать Великаго Князя Іоанна III ромбической формы съ московскимъ гербомъ и подписью; перстенная печать Іоанна IV Грознаго античной работы, изображающая повидимому генія, вѣнчающаго кого-то; большая печать Патріарха Филарета съ изображеніемъ на одной сторонѣ Божіей Матери съ Іисусомъ, на тронѣ, а съ другой благословляющую руку, и наконецъ перстенной камей Царя Алексѣя Михайловича античной работы, представляющій единорога.

Библіографія.

Гулливера путешествіе по Свифту, съ 12 рис. Изд. Девріена 1882. Спб.

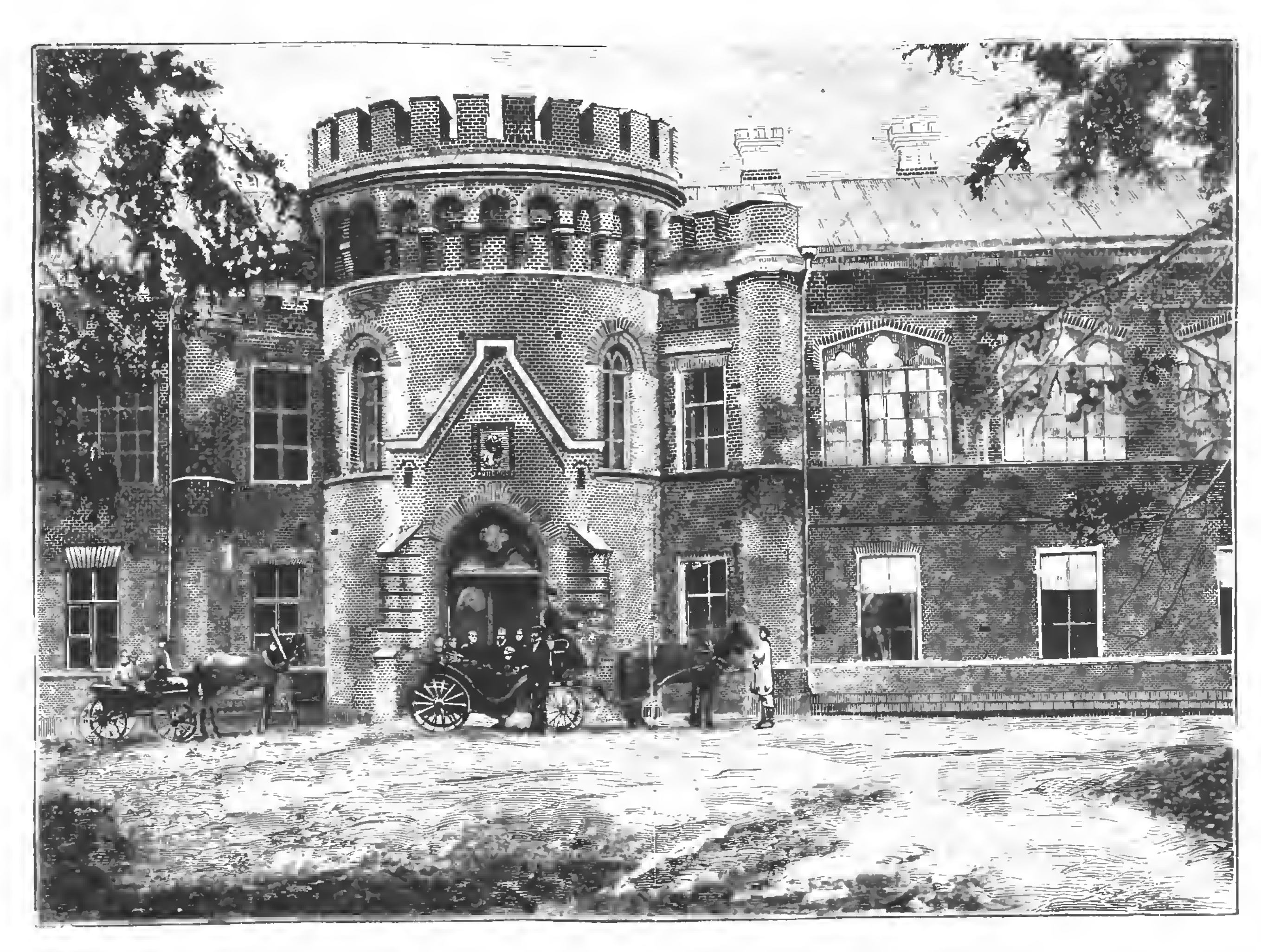
Донъ-Кихотъ Ламанчскій по Сервантесу, съ 6 рис. Изд. Девріена 1882. Спб.

Приключенія барона Мюнхгаузена, съ 6 рис. Изд. Девріена 1882. Спб.

Живое слово. Вып. III. Изд. Девріена. Спб. 1882.

Первыя три книги составляютъ довольно удачную передѣлку для дѣтей; разсказы читаются легко, переведены весьма хорошимъ языкомъ. Изданіе роскошное, изящно отпечатанное, дѣйствительно прекрасные рисунки — все это производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Этого нельзя сказать въ полной мѣрѣ объ изданіи „Живое Слово". Какъ рисунки нѣсколько уступаютъ своимъ достоинствомъ рисункамъ трехъ первыхъ поименованныхъ книгъ, такъ и текстъ, подобранный хотя и со вкусомъ, страдаетъ недостатками. Почему не означено, напр., какимъ поэтамъ принадлежатъ приведенныя стихотворенія? Почему нѣкоторыя стихотворенія изложены въ строку въ видѣ прозы, что производитъ странное впечатлѣніе? Вѣдь заучивая и читая стихи, напр., дѣти могли бы кстати и знакомиться съ именами нашихъ лучшихъ поэтовъ.

Віоле-ле-Дюкъ. Исторія рисовальщика. Сост. А. Д. Бутовскій. Спб. 1882. Изданіе это мы можемъ смѣло рекомендовать какъ хорошее пособіе при изученіи первыхъ правилъ перспективы. Изложеніе, легкое и свободное, можетъ заинтересовать не только юношу, но и взрослаго диллетанта, который-бы захотѣлъ познакомиться съ основаніями живописи. Сухой мертвенности изложенія по параграфамъ авторъ съумѣлъ избѣжать, замѣнивъ его драматической формой бесѣды. Всѣ геометрическія, тригонометрическія и вообще топографическія задачи здѣсь разрѣшаются не теоретическимъ, а практическимъ путемъ, не обременяя памяти формулами. Книга снабжена сносными рисунками, и вообще имѣетъ опрятный видъ. Повторяемъ, изданіе это далеко не безполезно.



Въ Литвѣ. Замокъ Рауданъ (Красный замокъ). Фасадъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Политическое обозрѣніе.

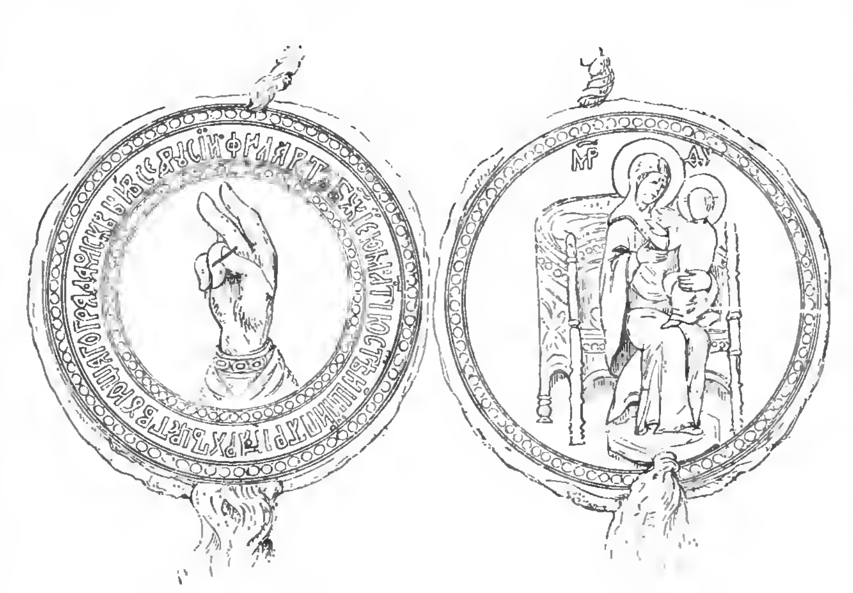
Болгары. — Турція. — Черногорія. — Египетъ. — Англія.

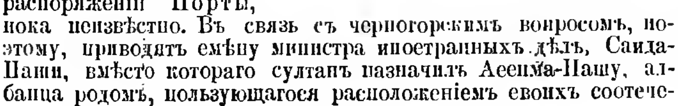
Болгарскія страны, кажется, искони были странами православія, болгарскій народъ (за весьма рѣдкими изъятіями)— всегда оставался непоколебимо преданнымъ вѣрѣ отцовъ, своей вѣрѣ, и ничто не могло никогда ослабить въ немъ этой преданности. И вотъ теперь, на нашихъ глазахъ, цѣлыя деревни измѣняютъ вѣрѣ отцовъ, той вѣрѣ, которая, не взирая ни на что, уберегла для болгаръ ихъ народность, со всѣми существеннѣйшими національными чертами, которая освободила ихъ, дала имъ свободу, новую жизнь! Что-же это значитъ? Надо видѣть, надо быть на мѣстѣ, надо вложить „персты свои въ раны". Повторяемъ — не настало-ли уже время, бросивъ разглагольствованія, приняться за дѣло, въ которое мы отдали сотни милліоновъ и которое полили своею кровью? Конечно, и теперь кое-что извѣстно: извѣстно, между прочимъ, что, если съ одной стороны, протестантскіе и католическіе миссіонеры, въ изобиліи, надѣлены всѣмъ, что необходимо для успѣха ихъ пропаганды, то съ другой — православные священники (почти поголовно сочувствующіе Россіи) лишены этого всего необходимаго, и даже болѣе того — множество церквей остаются совсѣмъ безъ пастырей! Удивительно-ли, что тамъ ихъ замѣщаютъ духовные агенты австрійскаго завоеванія. Извѣстно также и то, что во многомъ прозелитизму помогаетъ споръ, затѣянный греко-константинопольскою церковью съ болгар-

скою... И такъ — не настало-ли время приняться намъ за дѣло?..

Между Турціею и Восточною Румеліей возникли недоразумѣнія: Румелія, съ сентября, не платитъ слѣдующей съ нея дани и задолжала уже владѣльцамъ турецкихъ облигацій 307,750 турецкихъ лиръ. Генералъ-губернаторъ требуетъ сложенія части долга, утверждая, что доходы области не достигаютъ предположенной нормы въ 600 тысячъ лиръ; но въ Константинополѣ противятся этому требованію, ссылаясь на то, что румелійское правительство самопроизвольно уменьшило на 300 тысячъ лиръ налоги, взимавшіеся при прежнихъ порядкахъ, чѣмъ и создало кажущійся дефицитъ въ областномъ хозяйствѣ. Недоразумѣнія продолжаются все еще и съ Черногоріею, съ которою и до сихъ поръ Турція еще не разверсталась; теперь она обратилась къ европейскимъ державамъ, прося прислать коммисаровъ для проведенія пограничной черты на основаніи проекта, предложеннаго Англіею (еще-бы!), когда дѣло шло объ уступкѣ Дульциньо Черногоріи; впрочемъ, Князь Николай согласился на равномѣрное распредѣленіе спорной территоріи, занимающей 39 километровъ, вслѣдствіе чего мѣстность Матмошъ и холмъ того-же имени останутся за Турціей, а Черногорія получитъ территорію, называющуюся „Серчь“. Во всемъ примѣшаны албанцы, — вольно-ли или въ силу распоряженій Порты, пока неизвѣстно. Въ связь съ черногорскимъ вопросомъ, поэтому, приводятъ смѣну министра иностранныхъ дѣлъ, Саида-Паши, вмѣсто котораго султанъ назначилъ Ассима-Пашу, албанца родомъ, пользующагося расположеніемъ своихъ соотечественниковъ, хорошо знакомаго съ положеніемъ дѣла и, въ виду всего этого, имѣющаго возможность уладить быстрѣе и легче вопросъ. Дервишъ-Паша попалъ въ немилость (можетъ быть только по наружности) — надъ нимъ все еще производится слѣдствіе по поводу его дѣятельности въ Египтѣ, гдѣ, какъ Порта утверждаетъ, онъ, отъ имени султана, поддерживалъ Араби-Пашу, не будучи уполномоченъ къ тому; впрочемъ — недавно онъ обѣдалъ у Его Величества. Что-же касается процесса бывшаго египетскаго вождя, то, въ этомъ отношеніи, по прежнему, еще трудно установить что либо положительное — одни утверждаютъ, что его будутъ судить строго, другіе — что онъ будетъ переданъ въ распоряженіе султана, третьи — что онъ будетъ оправданъ и т. д., и т. д. По египетскому вопросу ожидается созваніе европейскаго конгресса: Гладстонъ соглашается, но съ тѣмъ, чтобы интересы Англіи были признаны первенствующими. Что значитъ то — вмѣсто того, чтобы только писать ноты, послать войска и броненосцы и скупить акціи...

Англія попробовала деликатнымъ образомъ узнать у Франціи — чѣмъ она удовлетворится за упраздненіе двойственнаго контроля, не желаетъ-ли, взамѣнъ, получить право засѣдать въ коммиссіи погашенія египетскихъ долговъ? Но — пока еще отвѣта нѣтъ. Гладстонъ проводитъ, или, лучше сказать, уже провелъ свой билль объ измѣненіи парламентскаго дѣлопроизводства, направленный противъ такъ называемыхъ обструкціонистовъ, т. е. тѣхъ членовъ парламента, которые, задавшись какими либо цѣлями, мѣшаютъ ходу парламентскихъ занятій, останавливая пренія; отнынѣ какой нибудь небольшой группѣ депутатовъ нельзя будетъ прерывать эти занятія предложеніями отодвинуть пренія, или требованіями о подачѣ голосовъ посредствомъ раздѣленія — division. Президентъ можетъ теперь лишить слова каждаго оратора, который уклоняется отъ своего предмета или злоупотребляетъ вниманіемъ палаты общинъ скучными повтореніями.





XVII в. Печать Патріарха Филарета Никитича Романова.

XVII в. Печать Царя Михаила Θеодоровича.

XV в. Печать В. Кн. Іоанна III Васильевича.

XVI в. Печать перстенная Іоанна IV Грознаго.

Смѣсь.

Добываніе губокъ. Всѣмъ извѣстенъ и почти каждымъ употребляется туалетный препаратъ, который мы называемъ губкою; однако еще не такъ давно наука не знала, къ которому изъ двухъ царствъ природы отнести этотъ загадочный видъ: къ животнымъ или растеніямъ. Сначала губки относили къ плавающимъ породамъ, которыя имѣли различную форму, напр. видъ округленнаго комка, кустарника, деревца, красиваго кубка и т. д., встрѣчались въ водѣ, особенно въ морѣ, гдѣ прочно прикрѣплялись къ камнямъ, раковинамъ и корнямъ, и по существу принадлежали къ растеніямъ. И только много лѣтъ спустя научныя изслѣдованія показали, что губки несомнѣнно слѣдуетъ отнести къ виду животныхъ; тѣмъ не менѣе онѣ представляютъ еще много загадочнаго и необъяснимаго и оставляютъ еще наукѣ множество проблемъ для разрѣшенія.

Породъ губокъ очень много; губки, употребляемыя нами при умываніи или купаніи, принадлежатъ къ такъ называемымъ халехондріямъ или роговиднымъ и собираются у береговъ Далмаціи и Греціи; но самыя превосходныя и нѣжныя губки находятъ у береговъ Сиріи. Также прекрасныя губки встрѣчаются около Багамскихъ острововъ въ Вестъ-Индіи, откуда ихъ въ большомъ количествѣ отправляютъ на европейскіе рынки. Раньше большое количество туалетныхъ губокъ поставлялъ Египетъ, но не далеко уже то время, когда источникъ этотъ окончательно изсякнетъ, такъ какъ количество добываемыхъ въ немъ губокъ съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше. Вообще можно опасаться, что не въ столь далекомъ будущемъ всѣ губочныя мели истощатся; спросъ на этотъ предметъ съ возрастаніемъ цивилизаціи безпрестанно увеличивается, такъ что подъ конецъ спросъ будетъ превышать предложеніе; несмотря на то, размноженіе губокъ, по сдѣланнымъ наблюденіямъ, происходитъ довольно быстро, такъ напр. скалы, съ которыхъ промышленниками были собраны всѣ губки, вновь населяются ими въ теченіи двухъ лѣтъ. Истребленію этому, конечно, не мало способствуетъ безпечность турецкаго правительства, въ вѣдѣніи котораго

находятся самые обильные промыслы, и жадность промышленниковъ. Для добыванія губокъ требуется большая мускульная сила, ловкость и непоколебимое спокойствіе. Собираніе губокъ главнымъ образомъ совершается лѣтомъ, въ концѣ котораго на промыслы стекаются торговцы изъ гаваней Леванта и европейскихъ городовъ на Средиземномъ морѣ, напр. Ливорно, Марселя и др. Значительные губчатые промыслы находятся близъ Бейрута, Латкіи, Триполи и Батруна въ Сиріи. Промышленники, изъ которыхъ большая часть греки, являются въ эти мѣста лѣтомъ и остаются здѣсь съ іюня до конца августа, а часто даже и до октября; самымъ лучшимъ временемъ считается іюль. Спеціально для этой цѣли существуетъ особый родъ бота съ 5 — 6 человѣками промышленниковъ. Рано утромъ они выходятъ въ море приблизительно на восемь километровъ отъ берега и отыскиваютъ удобное мѣсто для операціи, что иногда представляетъ большія затрудненія, если напр. море не спокойно и глазъ не можетъ видѣть на большую глубину; въ такомъ случаѣ работа даже совсѣмъ пріостанавливается. Если погода тихая, ясная, то, завидѣвъ на глубинѣ моря мели съ губками, промышленники спускаютъ парусъ, бросаютъ якорь и, раздѣвшись, одинъ за другимъ погружаются въ воду на глубину 18 метровъ или 60 фут. Каждый изъ нихъ беретъ въ руки камень, привязанный длинной веревкой къ боту и стремглавъ бросается въ море. Сорванныя губки, что дѣлается съ неимовѣрной быстротой, складываются въ сѣтку, привязанную на шеѣ; когда промышленникъ, собирающій губки, чувствуетъ, что не можетъ долѣе оставаться подъ водой, онъ подаетъ сигналъ веревкой и двое его товарищей, остающіеся въ ботѣ, быстро вытягиваютъ его наверхъ. Самое большое время, которое промышленникъ можетъ оставаться подъ водой — это три минуты, во время которыхъ онъ долженъ стараться набрать какъ можно больше губокъ. Глубина, на которой находятся губки, различна; чѣмъ ближе отъ поверхности добыта губка, тѣмъ она ниже по достоинству; нѣжныя губки рѣдко встрѣчаются менѣе чѣмъ на 16 футахъ глубины, и чтобы добыть ихъ, часто приходится водолазамъ опускаться на 24—40 футовъ. Легко себѣ представить, какія при этомъ приходится преодолѣвать трудности и съ какими это опасностями сопряжено; потому-то въ продажѣ и цѣнятся такъ дорого нѣжныя и тонкія губки. Ботъ, работающій цѣлый день, рѣдко привозитъ домой болѣе 8 — 10 губокъ такого достоинства. Губки очень прочно сидятъ на скалѣ и отрывать ихъ, не повреждая, можно только рукой. Пробовали употреблять для этого особаго рода инструментъ, но опытъ показалъ, что онъ сильно портитъ губки. Губки низшихъ сортовъ, находящіяся неглубоко, отрываются, и то съ трудомъ, особаго рода вилами, прикрѣпленными къ длинному шесту. Такимъ способомъ добываютъ губки у береговъ острововъ Керкенія, гдѣ онѣ находятся подъ толстымъ слоемъ мха. Прежде чѣмъ поступить въ продажу, губки подвергаются предварительной обработкѣ. Какъ только ботъ съ ловцами возвращается домой, тотчасъ-же вырываютъ въ пескѣ яму, наполняютъ ее водой и складываютъ туда губки. Затѣмъ, для освобожденія отъ студенистой оболочки, покрывающей губки, ихъ мнутъ ногами; но послѣ этой манипуляціи въ нихъ остается еще большое количество песку, отъ котораго промышленники намѣренно не освобождаютъ губокъ, такъ какъ продаютъ ихъ на вѣсъ. Въ такомъ видѣ губки не поступаютъ въ продажу, но предварительно перекупщиками совершенно очищаются.

Новое доказательство вращенія земли. На желѣзныхъ дорогахъ, пролегающихъ въ главномъ направленіи съ юга на сѣверъ, или же значительно уклоняющихся отъ востока и запада, было замѣчено, что локомотивы чаще всего сходятъ съ рельсъ вправо, т. е. черезъ восточный рельсъ, или же значительно болѣе налегаютъ на этотъ рельсъ, и что это стремленіе выйти изъ колеи тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ быстрѣе движеніе поѣзда и чѣмъ менѣе дорога отклоняется отъ меридіана. Впервые и очень явственно явленіе это подтвердилось на англійской западной дорогѣ. Позднѣе тоже самое замѣчалось на Гудзоновской дорогѣ въ Америкѣ и на другихъ большихъ дорогахъ. Послѣ того какъ причину этого явленія видѣли въ конструкціи локомотива, метеорологическихъ явленіяхъ, земномъ магнетизмѣ и пр., пришли къ заключенію, что феноменъ этотъ можно объяснить вращеніемъ земли съ запада на востокъ. Дальнѣйшія изслѣдованія привели къ удовлетворительнымъ результатамъ, и это предположеніе можетъ служить доказательствомъ вращенія земли вокругъ своей оси. Предположеніе это согласуется также съ наблюденіями, произведенными надъ берегами рѣкъ. Каждая рѣка сѣвернаго полушарія, текущая въ сѣверномъ направленіи, размываетъ восточный берегъ сильнѣе, нежели западный; тоже самое замѣчается въ рѣкахъ южнаго полушарія, текущихъ къ югу. Рѣки же, направляющіяся отъ полюсовъ къ экватору, размываютъ сильнѣе западные берега.

Габельсбергеръ, изобрѣвшій нѣмецкую стенографію, названную его же именемъ, поздравляя одного изъ своихъ молодыхъ друзей со свадьбой, сдѣлалъ слѣдующую приписку:

„Бракъ заключенъ, мой дорогой другъ, но могутъ наступить дни, когда новобрачные спорятъ и ссорятся. И если эти споры не прекратить тотчасъ, то имъ не предвидится конца. А потому слѣдуетъ подавлять всякое несогласіе и неудовольствіе, что достигается очень простымъ способомъ. Для этого слѣдуетъ только условиться со своей молодой женою, ежедневно дружески говорить другъ другу „покойной ночи,“ не смотря даже на дневное несогласіе. Вы оба скоро убѣдитесь, что это скорѣе ведетъ къ миру, чѣмъ недѣльное молчаніе или же разсужденія о томъ, кто правъ и кто виноватъ. Я говорю вамъ это по опыту.“

Рецептъ стараго Габельсбергера слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію всѣмъ новобрачнымъ.

Путешествіе къ сѣверному полюсу на воздушномъ шарѣ. Капитанъ Хейне дѣятельно разработываетъ свой проектъ достиженія сѣвернаго полюса при помощи трехъ воздушныхъ шаровъ, связанныхъ другъ съ другомъ, и въ настоящее время онъ уѣхалъ въ Монреаль, съ цѣлью заинтересовать американцевъ своимъ предположеніемъ и добыть нужные для осуществленія его 80,000 долларовъ. Онъ намѣренъ отправиться со своими людьми въ заливъ Св. Патрикія, гдѣ капитанъ Наресъ видѣлъ большіе склады каменнаго угля, построить тамъ домъ, поставить нужные аппараты и приготовлять водородъ для наполненія своего шара. Путешествіе начнется лѣтомъ при благопріятной погодѣ и Хейне предполагаетъ достигнуть сѣвернаго полюса въ 24 часа; сообщеніе со станціей будетъ поддерживаться при помощи проволоки, жизненные припасы будутъ взяты на 51 день; о способѣ обратнаго возвращенія въ проектѣ ничего не сказано.

Населеніе Нью-Іорка. Нью-Іоркъ основанъ въ 1621 году, имѣлъ въ 1656 только 1000 жителей, спустя столѣтіе (1756) это число возвысилось уже до 10,381. Въ 1855 году количество населенія Нью-Іорка было опредѣлено въ 629,810, а въ 1865 уже въ 1,003,250 душъ. По новѣйшему исчисленію 1880 года оказалось, что въ Нью-Іоркѣ 1,206,220 жителей, такъ что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ населеніе этого города увеличилось на 202,970 душъ. Изъ этой же переписи можно видѣть, что въ числѣ жителей Нью-Іорка находится 727,29 душъ урожденныхъ американцевъ (включая сюда 18,952 негра), 198,596 ирландцевъ, 153,482 нѣмцевъ, 29,767 англичанъ, 12,223 итальянцевъ, 9,910 французовъ, 9,020 поляковъ, 8,683 шотландцевъ и 4,551 русскихъ.

Опасность отъ пчелъ. Пчелы вообще не такъ безопасны, какъ объ нихъ обыкновенно думаютъ, и во многихъ случаяхъ ихъ укушеніе можетъ имѣть очень серьезныя послѣдствія. Уже въ самый моментъ проникновенія пчелинаго жала въ кожу чувствуется довольно сильная боль, а затѣмъ болѣе или менѣе значительная опухоль, смотря по тому, какая часть тѣла подверглась укушенію. Опухаетъ особенно сильно, когда укушена голова, около губъ или около глазъ. Вообще боль и опухоль вскорѣ исчезаютъ, но бываютъ случаи, когда такое укушеніе пчелы имѣетъ очень дурныя послѣдствія и даже оканчивается смертью. Такъ одинъ французскій ученый приводитъ очень много примѣровъ, когда дѣти и даже взрослые дѣлались жертвами укушенія пчелъ, и объясняетъ такое явленіе тѣмъ, что при пораженіи пчелою головы или лица близъ нервныхъ центровъ, кровь подъ вліяніемъ яда измѣняется въ составѣ и не можетъ болѣе возбуждать нервной системы, что и ведетъ къ быстрой асфиксіи. Въ виду такихъ несомнѣнныхъ научныхъ эффектовъ, оказывается очень раціональнымъ совѣтъ нѣкоторыхъ медиковъ, удалять вообще пчельники изъ населенныхъ центровъ, и даже гигіеническій совѣтъ сельскаго департамента призналъ единогласно опасность пчелъ среди городскаго населенія и настаиваетъ на совершенномъ прекращеніи воспитанія и разведенія пчелъ въ чертѣ Парижа.

Электризованное вино, какъ оказалось, пріобрѣтаетъ новыя свойства; оно дѣлается мягкимъ и болѣе пріятнымъ на вкусъ. Это особенно чувствительно въ отношеніи острыхъ и жесткихъ винъ. Электричество производитъ на эти вина тоже дѣйствіе, какъ и нагрѣваніе, т. е. оно ихъ смягчаетъ и дѣлаетъ какъ бы старше. Извѣстно, что электричество уже употребляется къ очищенію алкоголя дурнаго вкуса и результаты такой очистки признаются также очень удачными.

Алгебраическая задача № 81.

Фамилія одного русскаго писателя состоитъ изъ 9 буквъ, если же эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

1) Сумма перваго и предпослѣдняго чиселъ равна числу дней недѣли.

2) Разность между вторымъ и пятымъ числами равна числу дней въ двухъ недѣляхъ.

3) Разность между четвертымъ и пятымъ числами равна числу дней въ трехъ недѣляхъ.

4) Сумма пятаго и девятаго чиселъ равна числу дней въ четырехъ недѣляхъ.

5) Сумма шестаго и утроеннаго пятаго чиселъ равна числу недѣль въ году.

6) Сумма удвоеннаго перваго и утроеннаго третьяго чиселъ равна 50.

7) Разность между шестымъ и седьмымъ числами равна разности между восьмымъ и пятымъ числами.

8) Сумма первыхъ четырехъ чиселъ, сложенная съ предпослѣднимъ числомъ, равна 60.

9) Разность между девятымъ и седьмымъ числами втрое болѣе перваго числа.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Къ нашимъ подписчикамъ.

Если кто изъ подписчиковъ «Нивы» пожелалъ бы имѣть наше большое иллюстрированное объявленіе о подпискѣ на «Ниву» 1883 г. (съ каталогомъ нашихъ отдѣльныхъ изданій) для передачи своимъ знакомымъ, не получающимъ «Нивы», т. е. для его распространенія, то таковыхъ гг. подписчиковъ просимъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала «Нива», СПБ. Больш. Морская, № 9.

Открыта подписка на 1883 годъ. „НИВА" XIV годъ.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Для помѣщенія въ „Нивѣ" въ будущемъ **1883** году, **кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ и литературныхъ произведеній, между прочимъ, имѣется НОВАЯ ПОВѢСТЬ**

ИВАНА СЕРГѢЕВИЧА ТУРГЕНЕВА

которую онъ, согласно его письму отъ 24 сентября (6 октября) изъ Бужиналя (близъ Парижа), надѣется доставить въ редакцію **НЫНѢШНЕЮ ЗИМОЮ.**

Также находится уже у насъ въ портфелѣ прекрасная новая повѣсть **„ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ"** знаменитаго автора **„Переселенцевъ"** и **„Антона Горемыки"**

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

Кромѣ того мы обѣщаемъ нашимъ подписчикамъ напечатать въ „Нивѣ" 1883 г. новый **историческій романъ**

Всеволода Сергѣевича Соловьева

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„СТАРЫЙ ДОМЪ"

(хроника четырехъ поколѣній).

Романъ этотъ составляетъ ПРОДОЛЖЕНІЕ романовъ „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ" и **„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ"**, помѣщенныхъ въ **1881** и въ **1882** гг. въ „Нивѣ". и имѣвшихъ такой громадный успѣхъ въ средѣ нашихъ читателей. Дѣйствіе новаго романа **„СТАРЫЙ ДОМЪ"** происходитъ въ послѣдніе годы царствованія Имп. Александра I.

И еще мы имѣемъ **цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній**, изъ которыхъ пока поименуемъ только слѣдующія: **„ПОДЪ КОЛЕСОМЪ"**, новый романъ **Н. Д. АХШАРУМОВА**. изъ современной жизни; **„ВЪ ЦВѢТАХЪ"**, большая повѣсть **Н. К. Лебедева; „БАГРОВАЯ ПЫЛЬ"**, большая повѣсть **П. Петрова**; историческая повѣсть **„ПОЛКОВНИКЪ ИЗЪ ЗОЛОТОНОШИ", Н. Кирилова; „НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ"** и **„ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА"**, двѣ повѣсти **П. П. Гнѣдича**; и многія другія. Какъ **ПРЕМІЮ на будущій 1883 годъ**, мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ безъ исключенія и когда-бы они ни представили свои подписки — кромѣ **большаго стѣннаго календаря на 1883 годъ**, очень большую, роскошную олеографію съ новой исторической картины блестяще-талантливаго профессора **В. И. ЯКОБІЯ**

КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ.

Картина эта написана по заказу „Нивы"; сюжетъ заимствованъ изъ романа Вс. С. Соловьева **„Вольтерьянецъ"**, помѣщ. въ „Нивѣ" 1882 г. Великолѣпныя копіи-олеографіи будутъ такого-же огромнаго размѣра, какъ и премія настоящаго года, именно 62 сант. ширины и $82^1/_2$ сант. высоты. Изображеніе Императрицы Екатерины въ ея пріемной и воздушная фигура юной великой княжны и красавца-короля—прелестны. Черезъ нѣсколько недѣль выставится въ конторѣ редакціи оригиналъ картины **рядомъ** съ копіей, такъ чтобы каждый подписчикъ могъ самъ убѣдиться въ достоинствѣ какъ картины, такъ и копіи. Редакція проситъ гг. подписчиковъ **поторопиться возобновленіемъ подписки**, такъ какъ при общемъ числѣ около 75,000 подписчиковъ, приготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Всѣ требованія адресовать въ **Главную Контору Редакціи „Нива" А. Ф. Марксу, въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9. Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы" показана на 1-й страницѣ сего №.**

Издатель „Нивы" А. Ф. МАРКСЪ.

Въ книжномъ магазинѣ В. В. ПОПОВА, бывшемъ Я. А. ИСАКОВА,

(С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ. № 24),

принимается подписка на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты на **1883** годъ. Каталоги журналовъ высылаются безплатно Книги въ роскошныхъ переплетахъ для подарковъ, заготовлены въ большомъ количествѣ. Требованія гг. иногородныхъ исполняются **немедленно.**

Mt. № 2305 3—3

Годъ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ 19-й.

УКАЗАТЕЛЬ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО РОССІИ

„ФРУМЪ“

со всѣми измѣненіями движенія поѣздовъ, пароходныхъ рейсовъ и точно провѣренными маршрутами прямыхъ сообщеній по русскимъ и заграничн. жел. дор., составленный по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, вновь правильно будетъ выходить въ свѣтъ **съ декабря мѣсяца, сего 1882 года** и продаваться во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи. **Цѣна экз. 40 к.**

При каждой книгѣ будутъ безплатно приложены: 1) Большая подробная путевая карта Россіи, исправленная по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ Почтоваго Департамента и Министерства Путей Сообщенія по 1-е октября 1882 года. 2) Толковый путеводитель по одному какому либо изъ главнѣйшихъ городовъ Россіи, съ планомъ города и 3) Подробный алфавитный указатель лучшихъ и добросовѣстныхъ гостинницъ въ столицахъ, губернскихъ и другихъ городахъ Россіи:

Гг. книгопродавцы получаютъ указатель на прежнихъ условіяхъ. Съ требованіями обращаться: **въ Москву, въ главную контору указателя „ФРУМЪ“, Леонтьевскій пер., д. бар. Корфъ.** Тамъ-же и пріемъ объявленій.

Отдѣленіе склада изданія и пріемъ объявленій **въ С.-Петербургѣ,** въ I Центральной конторѣ объявленій и переводовъ **Н. Матисена. Невскій пр., у Казанскаго моста, № 28—21.**

Указатель путешествія по Россіи **„Фрумъ“** издается уже 18 лѣтъ и есть лучшее ежемѣсячное и вмѣстѣ съ тѣмъ первое и старѣйшее изданіе въ этомъ родѣ, пріобрѣвшее достаточную извѣстность не только въ Россіи, но и заграницей. № 2302 2—2

Декабрская книжка „указателя“ выйдетъ въ послѣднихъ числахъ сего Ноября.

КАРТИНЫ

ПЕЧАТ. МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ, СОБСТВЕН. ИЗДАНІЯ, ВЕСЬМА ДЕШЕВО

ДЛЯ ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦЕВЪ и ЭКСПОРТЕРОВЪ.

Новѣйш. иллюстр. каталоги даромъ и франко.

Берлинъ S. (Berlin S. Grimmstrasse 7). Карлъ Каулишъ (Carl Kaulisch).

Хромо - литографическое заведеніе и печатня.

St. № 2267 6—6

Магазинъ женскихъ Рукодѣлій.

Софіи Мюнксъ.

18 уг. Невск. и Бол. Морск. 18

заявл., что теперь получ. **бол. выборъ новыхъ начат. работъ, шерсти, канвы и шелку.** № 2346 1—1

Пріемъ объявленій.

Единственная Контора для пріема объявленій въ кіоскахъ.

Пріемъ подписокъ.

Центральная Контора Объявленій

для всѣхъ европейскихъ газетъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 11, уголъ Мал. Морской.

№ 2308 8—8

Со скидкою.

Литейной, Выборгской и Василіеостровской частей.

По цѣнамъ редакціи.

МОДНЫЙ СВѢТЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(самый полный и самый дешевый иллюстрированный модный и семейный журналъ въ Россіи, съ разными приложеніями).

По количеству своихъ подписчиковъ онъ превосходитъ всѣ другіе модные журналы.

„Модный Свѣтъ“ даетъ своимъ подписчикамъ богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ по всѣмъ отраслямъ моды: костюмы, платья, пальто, накидки, шляпы, прически, сообразно времени года и случаю, бѣлье мужское, женское и дѣтское, ручныя дамскія работы всѣхъ родовъ и т. д., изображенные прекрасными рисунками, съ описаніемъ ихъ исполненія. Кромѣ того, въ литературномъ отдѣлѣ онъ даетъ читателю богатый выборъ для семейнаго чтенія: романы, повѣсти, стихотворенія, а также афоризмы, шарады, задачи и т. п.

Въ 1883 году ТРИ ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ ПРЕМІИ.

Подписка на 1883 годъ открыта.

Годовая цѣна журналу **„Модный Свѣтъ“:** I изданію: безъ доставки — **5 р.,** съ доставкою въ С.-Петербургѣ — **6 р. 50 к.,** съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи — **7 р.;** II изданію: безъ доставки — **6 р.,** съ доставкою — **7 р. 50 к.,** съ пересылкою **8 р.** и III изданію: безъ доставки **8 р.,** съ дост. — **9 р. 50 к.,** съ перес. — **10 р.**

Контора редакціи на Б. Садовой ул., № 16, въ С.-Петербургѣ. Р. № 2322 6—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, УЧЕНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ВѢКЪ“.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Журналъ будетъ выходить **съ 1-го января 1883 г.** по программѣ прошедшаго года, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ, 12 книгами въ годъ большаго формата, съ историческимъ и славянскимъ отдѣлами.

Для 1883 года въ редакціи уже имѣются слѣдующія произведенія: **романы:** „Судъ царевича Алексѣя“, П. Полежаева; „Каждому свое“, К. Градовскаго; „Искалѣченный“, В. Никитина; „Незаконный“, Н. Шарченко (автора „Станислава Пшесбицкаго“); „На рубежѣ двухъ столѣтій“, Шардина (автора „княжна Владимірская“); „Дворянинъ Староверъ“, М. Филиппова; „Нечаянное кумовство“, П. Салманова и много повѣстей, разсказовъ и статей. Кромѣ того обѣщали помѣстить свои произведенія въ „Вѣкѣ“: Г. Данилевскій (авторъ „Мировича“), Д. Мордовцевъ, академикъ Дубровскій, профессоръ О. Ѳ. Миллеръ, исторіографъ А. Петровъ и многіе другіе ученые и беллетристы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1883 годъ: **годовая съ доставкой въ Петербургѣ 15 р.,** безъ доставки 14 р., съ пересылкой въ другіе города 16 руб. **Полугодовая:** безъ доставки 7 р., съ доставкой 7 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города 8 рублей.

Служащіе въ управленіяхъ (духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ, казенныхъ, земскихъ, городскихъ, банковыхъ и желѣзнодорожныхъ) и выписывающіе журналъ чрезъ своихъ казначеевъ могутъ вносить по 2 руб. въ мѣсяцъ—впредь до погашенія подписной суммы, причемъ каждый седьмой экземпляръ высылается безплатно.

Редакція и главная контора журнала въ С.-Петербургѣ, у Обуховскаго моста, домъ № 93, кв. № 16.

Въ журналѣ участвовали въ 1882 г. **70** сотрудниковъ, которые будутъ участвовать въ немъ и въ будущемъ году, и помѣщены въ 1882 году: **10 романовъ, 4** повѣсти, **4** драматическихъ произведенія, **16** ученыхъ изслѣдованій, множество мелкихъ статей (стиховъ, поэмъ, думъ и сатиръ).

При журналѣ были приложены въ 1882 году портреты: митрополитовъ—Михаила сербскаго и Макарія московскаго; великой княгини Наталіи Алексѣевны, герцеговинскаго героя Стояна Ковачевича, профессора Н. Я. Аристова и хромолитографированная карта южныхъ славянъ. Редакторъ-издатель **М. Филипповъ.** № 2325

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

съ разными безплатными приложеніями.

„Всемірная Иллюстрація“ представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію и промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр.,—однимъ словомъ цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Главная задача „Всемірной Иллюстраціи“—изображеніе въ картинахъ и текстѣ **современныхъ событій** во всѣхъ сферахъ политической и общественной жизни.

Подписка на 1883 годъ открыта.

Годовая цѣна **„Всемірной Иллюстраціи“:** безъ доставки: въ С.-Петербургѣ **13 р.,** въ Москвѣ **14 р. 50 к.;** съ доставкою въ С.-Петербургѣ **14 р. 50 к.,** съ пересылкою въ Москву и во всѣ города Россійской Имперіи **16 р.**

Контора редакціи на Большой Садовой, № 16, въ С.-Петербургѣ. Р. № 2323 6—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1883 годъ

на большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:				Съ пересылкою въ города:			
На 12 мѣс.	8 р. 50 к.	На 6 мѣс.	4 р. 50 к.	На 12 мѣс.	9 р. — к.	На 6 мѣс.	5 р. — к.
„ 11 „	8 „ — „	„ 5 „	3 „ 90 „	„ 11 „	8 „ 50 „	„ 5 „	4 „ 60 „
„ 10 „	7 „ 50 „	„ 4 „	3 „ 25 „	„ 10 „	8 „ — „	„ 4 „	3 „ 70 „
„ 9 „	6 „ 75 „	„ 3 „	2 „ 50 „	„ 9 „	7 „ 40 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 8 „	6 „ — „	„ 2 „	1 „ 90 „	„ 8 „	6 „ 70 „	„ 2 „	2 „ — „
„ 7 „	5 „ 25 „	„ 1 „	1 „ — „	„ 7 „	5 „ 90 „	„ 1 „	1 „ 10 „

За границу: на 12 м. **17 р.,** на 6 м. **9 р.,** на 3 м. **5 р.,** на 1 м. **2 р.**

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзинкина: въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ — Rue Clément, 4, Adam.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„Русскій Курьеръ“.

№ 2289 10—4 Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ дней послѣ-праздничныхъ

Въ программу **„Саратовскаго Дневника“** входятъ всѣ обычные газетные отдѣлы. Благодаря компактности печати, сжатости и систематичности изложенія, **„Дневникъ“** имѣетъ возможность давать всѣ интересныя новости дня и массу разностороннихъ свѣдѣній, замѣняя собою дорогія и малодоступныя изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ПО ПОЧТѢ:

На годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р.

Адресоваться: въ Саратовъ, въ редакцію **„Саратовскаго Дневника“.**

№ 2328 1—1 Редакторъ-издатель **К. Ищенко.**

„СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО и ЛѢСОВОДСТВО“

журналъ министерства государственныхъ имуществъ,

И „ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.“

Въ 1883 г., какъ и въ предшествующіе годы, Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками, каждая не менѣе 10 листовъ, а Газета еженедѣльно въ 4 д. л. большаго формата, въ 16 стран., или 32 столбца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ.	ЖУРНАЛЪ.	ГАЗЕТА.	ЖУРН. СЪ ГАЗ.
Съ пересылкою	4 р. 50 к.	3 р. 90 к.	8 р. 15 к.
Съ доставкою въ С.-Петерб.	4 „ 50 „	4 „ — „	8 „ 50 „
Безъ пересылки и доставки	4 „ — „	3 „ — „	7 „ — „
На полгода (лишь съ 1-го января, или съ 1-го іюля).			
Съ пересылкою	2 „ 50 „	2 „ 20 „	4 „ 35 „
Съ доставкою	2 „ 45 „	2 „ 20 „	4 „ 45 „
Безъ пересылки и доставки	2 „ 20 „	1 „ 70 „	3 „ 70 „

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: въ Конторѣ Редакціи (**СПБургъ, Вознесенскій просп., № 23).**

ВЪ КОНЦѢ ТЕКУЩАГО ГОДА ПОСТУПИТЪ ВЪ ПРОДАЖУ

КАЛЕНДАРЬ И СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ

на **1883** годъ.

Редактирована **Ѳ. А. Баталинымъ,** при содѣйствіи Ѳ. К. Арнольда, А. Ѳ. Баталина, Ѳ. Ѳ. Баталина, А. М. Бутлерова, К. К. Вебера, А. С. Ермолова, В. И. Ковалевскаго, А. Г. Недзѣльскаго, А. П. Перепелкина, Э. Л. Регеля, А. Ф. Рудзкаго, В. В. Черняева, В. К. Хлюдзинскаго и др.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ **А. Ф. ДЕВРІЕНА,**

вновь переработанное на основаніи, по мѣрѣ возможности, данныхъ русской практики.

Свыше 35 печатныхъ листовъ въ 8 д. л. самаго мелкаго шрифта. Въ коленкоровомъ переплетѣ. **Цѣна:** для **подписчиковъ** на журналъ „Сел. Хоз. и Лѣс.“ или „Земл. Газету“—2 рубля съ пересылкою или доставкою; въ **отдѣльной продажѣ** 2 р. безъ пересылки или доставки и 2 руб. 30 к. съ пересылкою. Р. № 2394 1—1

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1883 г. на газету

„СВѢТЪ“

„СВѢТЪ“ выходитъ **ежедневно** (кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками) **въ** форматѣ обыкновеннаго печатнаго листа.

Начавъ издаваться съ 1 января 1882 года, „СВѢТЪ“ съ разу сталъ САМОЮ РАСПРОСТРАНЕННОЮ ГАЗЕТОЮ ВЪ РОССІИ.

Въ будущемъ году „СВѢТЪ“ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ нынѣшнемъ. Но редакція сдѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы сдѣлать газету болѣе интересною и разнообразною по всѣмъ отдѣламъ.

Цѣна на „СВѢТЪ“ назначена съ пересылкою и доставкою:

за годъ	4 руб.
„ полгода	2 „
„ четверть года	1 „

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1883 году, такъ же какъ и въ нынѣшнемъ, будетъ выходить

„ПРИЛОЖЕНІЕ РОМАНОВЪ“

КЪ ГАЗЕТѢ

„СВѢТЪ“.

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному каждый мѣсяцъ, лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей. Романы иллюстрированы. Въ нынѣшнемъ году изданные нами романы имѣли большой успѣхъ и разошлись въ огромномъ числѣ экземпляровъ, такъ что не было возможности удовлетворить всѣхъ требованій.

ЦѢНА НА „ПРИЛОЖЕНІЕ РОМАНОВЪ“ НАЗНАЧЕНА

съ пересылкою и доставкою:

на годъ	(12 романовъ)	4 руб.
„ 1/2 года	(6 романовъ)	2 „
„ 1/4 года	(3 романа)	1 „

Такимъ образомъ, иллюстрированный новый романъ, составляющій томъ отъ 15 до 20 печ. листовъ, обходится съ пересылкою и доставкою

ВСЕГО ОКОЛО 30 КОП.

Такого дешеваго и выгоднаго изданія еще не было въ Россіи. Этимъ путемъ даже небогатые люди могутъ имѣть за безцѣнокъ пріятное и полезное семейное чтеніе.

Безъ газеты подписка на романы не принимается.

Слѣдовательно желающіе выписывать газету „СВѢТЪ“, или же „СВѢТЪ“ съ ежемѣсячнымъ „ **приложеніемъ романовъ**“, высылаютъ съ пересылкою и доставкою.

	За одну газету „СВѢТЪ“.	За „СВѢТЪ“ вмѣстѣ съ приложеніемъ романовъ.
За годъ . .	4 р.	8 р.
„ полгода .	2 „	4 „
„ четверть года	1 „	2 „

ПИСЬМА И ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

Петербургъ: Редакція газеты „СВѢТЪ“, Гороховая. № 41.

№ 2339 1—1 Редакторъ-издатель **В. В. Комаровъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1883** годъ,

на большую ежедневную политическую, литературную и коммерческую газету

„НОВОСТИ“

И

БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА

Газета „НОВОСТИ“ выходитъ, **безъ предварительной цензуры**, ежедневно, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, полулистами или въ видѣ прибавленій и телеграфныхъ бюллетеней, если получаются важныя телеграммы. Форматъ газеты—самый большой изъ существующихъ у насъ газетныхъ форматовъ и заключаетъ въ себѣ 28 столбцовъ (по семи столбцовъ на страницѣ) или около 4,500 строкъ убористаго шрифта.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ С.-Петербургѣ:

На 12 мѣсяцевъ 9 р., 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р., 9 м.—7 р. 50 к., 8 м.—7 р., 7 м.—6 р. 50 к., 6 м.—6 р., 5 м.—5 р., 4 м.—4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

Въ другихъ городахъ:

На 12 мѣсяцевъ 10 р., 11 м.—9 р. 50 к., 10 м.—9 р., 9 м.—8 р. 50 к., 8 м.—8 р., 7 м.—7 р., 6 м.—6 р., 5 м.—5 р., 4 м.—4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

Заграницею:

На 12 мѣсяцевъ 18 р., 6 м.—10 р., 3 м.—6 р., 1 м.—2 р.

На другіе сроки подписка не принимается.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ, чрезъ ихъ казначеевъ, по третямъ, а для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ: для иногороднихъ 4 р. при подпискѣ, 3 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ іюня; для городскихъ: 3 р. въ декабрѣ, 3 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ іюня. Разсрочка для неслужащихъ допускается по соглашенію послѣднихъ съ конторою. Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Письма и деньги адресуются: **въ С.-Петербургъ, въ контору газеты „НОВОСТИ“ (Мойка № 90).** Р. № 2275 10—5

Объ изданіи въ **1883** году журнала

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ)

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, *по возможности*, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ, отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода **ежемѣсячный.**

Въ концѣ года подписчикамъ на **„Библіотеку для чтенія“** будетъ выдана, въ видѣ **преміи,** 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ГОДЪ.			
	Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки	8 руб.	
	Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ	8 „	50 коп.
	Съ пересылкою **иногороднымъ**	9 „	—

Редакція допускаетъ слѣдующую **разсрочку** подписныхъ денегъ: при подпискѣ **5 руб.** и въ 1-му Мая остальныя.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Попова, въ *Пассажѣ*. **Въ Москвѣ**—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова.

Гг. ИНОГОРОДНЫЕ адресуютъ свои требованія *непосредственно* въ **С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Библіотека для чтенія,“** *Шпалерная ул., д. № 32.*

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться *исключительно* **въ редакцію.**

Съ 1-го № начнетъ печататься крайне интересный романъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя **Ауэра—„Воздушные замки.“** № 2330 7—1

Поступили въ продажу во всѣхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ Россіи:

ЭДУАРДА ГОППЕ

I. КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ НА 1883 Г.

(ГОДЪ XII). (Eduard Hoppe's Abreisskalender) (ГОДЪ XII).

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

1) **Табель-Календаря,** 2) **Поваренной книжки,** 3) книжки **„Домашній врачъ“.**
Цѣна: **75 к.,** съ перес. **1 р. 25 к.;** на вел. бум. **1 р.,** съ перес. **1 р. 50 к.**

II. КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ХОЗЯЕКЪ НА 1883 Г.

(ГОДЪ I). (Eduard Hoppe's Abreisskalender für Hausfrauen) (ГОДЪ I).

(На оборотѣ каждаго листка печатанъ мэню на слѣдующій день).

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

1) **Табель-Календаря,** 2) **Поваренной книжки,** 3) книжки **„Домашній врачъ“.**
Цѣна: **1 р.,** съ перес. **1 р. 50 к.;** на велен. бум. **1 р. 25 к.,** съ перес. **1 р. 75 к.**

№ 2276 2—2 С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 53. Издатель **ЭДУАРДЪ ГОППЕ.**

Вышелъ съ росписаніемъ **зимняго** движенія

Полный карманный путеводитель

для желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и почтовыхъ прямыхъ сообщеній въ Россіи и заграницею. Подробныя росписанія, **1.200 маршрутовъ** прямаго сообщенія и карта. Цѣна 40 коп., продается у книгопродавцевъ во всѣхъ городахъ Россіи.
№ 2314 2—2

№ 2269

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ И ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА.

10—6

МОСКВА ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ 1882 Г. МОСКВА

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ

ПОДАРКИ

для дѣтей и взрослыхъ: очень интересная игра **Добчинскій и Бобчинскій,** ц. 3 р. Азбука **Коконо и Рококо,** ц. 1 р. 25 к. Азбука **Паркетъ,** ц. 1 р. Въ забавахъ азбуки дѣти привыкаютъ къ аккуратности и терпѣнію. **Винтъ въ карманѣ,** т. е. изящный бумажникъ съ правилами игры въ винтъ, ц. 3 р. 50 к. **Гай къ карточному винту** или розетки съ правилами винта — разныхъ цвѣтовъ, ц. 6 паръ 2 р. Карточныя **щеточки со счетомъ** и правилами винта, ц. прибору 3 р. 50 к. **Новость!** Географическіе барапки, цѣна 1 р. 20 к. За пересылку не платятъ. Высылается немедленно. Торговцамъ выгодная скидка. Съ требованіями просятъ обращаться къ издателю „Новостей" **Б. И. Шайкевичу,** Коломенская ул., д. № 1, кв. № 27. № 2312 2—2

НОВО! НОВО!

Лампозажигатель, которымъ лампы зажигаютъ не снимая ни стекла, ни шара. Ц. 50 к., съ пер. 1 р. **Огнеразжигатель** для печей, плитъ и пр., замѣняющій растопки. Ц. 35 к., перес. 1 руб. за 2 шт. **Машинка** для чистки фитилей. Ц. 30 к., съ перес. 50 к. **Самосвѣтящая** въ темнотѣ доска для дверей, съ любою надписью, чрезвычайно эффектная. Ц 2 и 3 р. съ пер. **Самосвѣтящія** розетки 40 к. пара. (Пріемъ заказовъ на передѣлку обыкновенныхъ фотографій въ самосвѣт. Ц. съ пер. 3 и 5 руб.) **Самосвѣтящія** изящныя спичечницы карманныя и столовыя, отъ 1 р. съ пер. **Самосвѣтящая** краска съ наставленіемъ. Ц. 1 р. съ пер. **Свѣчегаситель,** который ставится при зажиганіи свѣчи такъ, чтобы она погасла когда угодно сама собою. Ц. 1 руб. за пару съ перес. **Профитки,** вставляющіяся въ подсвѣчникъ и свѣча любой толщины крѣпко держится на ней и догораетъ до конца, причемъ подсвѣчникъ остается всегда чистъ. Ц. 25 к., за 3 шт. 1 р. съ пер.

Продажа оптомъ и въ розницу. Каталогъ высылается безплатно. Выписывающіе *всѣ 9 вещей высылаютъ всего 4 руб.* Адр.: Выставка новѣйшихъ изобрѣтеній **Зегимеля.** Невскій пр., № 4. Спб. (Основ. 1872 г.).

УДАЧНЫЕ ПОДАРКИ.

1) Дѣтскія чернила.

Преимущества ихъ: 1) Выпачканныя этими чернилами руки, платье и бѣлье смываются моментально водою. 2) Бумага и тетради, исписанныя дѣтск. черн., легко смываются водою и по высушкѣ опять годятся для употребленія. 3) Они совершенно безвредны и не имѣютъ того непріятнаго и вреднаго вкуса и запаха обыкнов. чернилъ. Цѣна 15 к. за бутылку, высыл 10 бут. за 1 руб. съ пересылкою (матер. и наст.).

2—**Брошки** для карандашей (для ношенія карандаша съ резинкою на видномъ мѣстѣ, или подъ лацканомъ). Ц. 1 р. за 6 шт. съ перес.

3—**Вѣчная клеянка,** изъ которой клей никогда не высыхаетъ и кисточки не требуется, такъ какъ гуттаперч. пробка замѣняетъ кисть. Ц. 50 к., перес. за 2 фунта.

4—**Моментальные** переплеты для нотъ и бумагъ разныхъ величинъ. Ц. 1 р. и 1 р. 50 к. съ пер. Обознач. величину.

5—**Американская игра** Puzzle Pazzle, съ рѣшеніемъ задачъ на русскомъ языкѣ, чрезвычайно интересна и изящна. Ц. 30 коп., перес. за 1 ф.

Выписывающіе №№ 1, 2 и 5 вмѣстѣ, *высылаютъ всего два рубля.*

Адр.: Выставка новѣйшихъ изобрѣтеній *Зегимеля, Невскій пр., № 4.* (Основ. 1872).

Заказы исполняются немедленно.

№ 2342 1—1

Большой Выборъ

резин. и кожан. галошъ, мужск. дамск. и дѣтск. **обуви, войлочныя** туфли и разный **теплый** товаръ.

Паровая механическая фабрика обуви Кирштенъ.

Въ магазинахъ:

Чернышевъ пер., № 3, противъ Пажеск. корпуса. № 2293 8—4

Караванная ул., № 3, близъ Цирка.

Ново! Необходимо! Изящно!

ПОДАРКИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ и ВЗРОСЛЫХЪ:

Микроскопъ, увеличивающій въ 2400 разъ. Ц. 60 коп. съ перес. **Спичечница-фотографъ,** весьма изящная. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. **Таблица умноженія,** со стрѣлкою, показывающей произведеніе. Ц. 50 к. съ перес. **Приборъ для золоченія или серебренія** метал. и деревян. вещей, какъ-то: рамокъ, галуновъ, эполетовъ, часовъ и проч.—легко, прочно и изящно. Ц. 2 руб. съ перес. **Приборъ** для бронзированія подъ золото и серебро деревян. и метал. издѣлій. Ц. 1 р. съ перес. **Живопись брызгами** и живопись на деревѣ. Художественная отдѣлка, безъ умѣнія. Ц 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к. **Выпиловка** изъ дерева и цинка. Приборъ и полное наставленіе. Ц. 5 р., перес. за 10 фунт. **Дитя-архитекторъ.** Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к. **Американскій переплетчикъ,** служащій также для многихъ другихъ цѣлей, какъ-то: для скрѣпленія рамокъ, ящиковъ, обивки мебели и пр. Ц. съ 500 скоб. 1 р. съ пер. **Пантографъ**— для копированія рисунковъ, картъ, плановъ и проч., въ натуральн., увелич. и уменьш. видѣ, даже не умѣя рисовать. Ц. съ перес. 2 руб. **Домашній фотографъ,** которымъ каждый можетъ отпечатать въ любомъ количествѣ портреты, карточки, рисунки и проч. Ц. съ перес. 3 руб., съ прилож. приспособленія для копированія съ́ѣмокъ рисунковъ, не вырывая ихъ изъ книгъ. Ц. съ пер. 4 р. **Камера-клара,** или аппаратъ для рисованія безъ всякой подготовки, съ приложеніемъ „Новаго способа умноженія посредствомъ сложенія". Ц. съ пер. 1 р. 50 к. **Камера-обскура** для рисованія съ натуры. Ц. съ пер. 2 р. Миражіосконъ, дающій изображеніе въ 40 квадратн. вершк. Ц. 6 р., пер. за 10 ф. **Калиграфъ,** которымъ можно скоро и легко выучиться красиво писать безъ затраты бумаги. Ц. съ пер. 2 р. **Литохромія.** Всякій можетъ ею обращать гравюры или иллюстраціи въ изящныя масляныя картины. Ц. 5 и 6 р., пер. за 5 и 6 ф. **Геліоминіатюра,** или искусство, помощью котораго всякій можетъ раскрашивать фотограф. портреты и карточки. Ц. 5 и 6 р., перес. за 6 фунт. **Литохромія и Геліоминіатюра** вмѣстѣ 7 и 9 р., пер. за 8 ф.

Выписывающіе въ Европ. Россіи на 15 р. за пересылку платятъ половину, на 25 р. за перес. ничего не платятъ. Заказы исполняются немедленно. Каталогъ высылается безплатно. Продажа оптомъ и въ розницу. Адр.: *Выставка новыхъ изобрѣтеній* **Зегимеля.** Невскій просп., № 4, Спб. (Основ. въ 1872 г.). № 2341 1—1

„МУР"

Товарищество русско-американской паровой пекарни въ Петербургѣ, Васильевск. Островъ, 12 лин., собств. домъ, № 43, предлагаетъ въ большомъ выборѣ **чайное (англійское) ПЕЧЕНЬЕ, БИСКВИТЫ, ВАФЛИ,** и пр. Издѣлія Товарищества удостоены **медалей на выставкахъ:** всемірной **1878 г. въ Парижѣ** и всероссійской **1882 г. въ Москвѣ.**

Приготовленныя изъ лучшихъ матеріаловъ печенья эти сохраняются въ жестянкахъ, очень долго безъ порчи.

Разсылка во всѣ мѣста Имперіи.—Цѣны самыя умѣренныя.

Жестянки съ образцами имѣются по 1 р. и по 2 р., съ пересылкою.—Прейскуранты по требованію безплатно. № 2271

Съ 1 Января 1883 года

будетъ выходить еженедѣльный журналъ

„ОБЗОРЪ АКЦИЗОВЪ,"

посвященный акцизамъ и облагаемымъ ими производствамъ, а также внутренней жизни Россіи и заграничной, биржевымъ, статистическимъ, судебнымъ и др. свѣдѣніямъ. Цѣна журналу за годъ съ пересылкою и доставкою **7 р. 50** к. Подписка на изданіе, а также объявленія для помѣщенія въ немъ, принимаются: въ Конторѣ Редакціи журнала „ОБЗОРЪ АКЦИЗОВЪ," въ г. Житомірѣ, Волынской губерніи, а для жителей Петербурга, кромѣ того, и въ отдѣленіи конторы (СПБургъ, Коломенская улица, домъ № 7, квартиры № 15). № 2336 2—1

ПОДАРКИ

къ

ПРАЗДНИКАМЪ.

ДЛЯ ДѢТЕЙ: Куклы небьющіяся (новыя, привиллегированныя) отъ 2 до 15 руб., **волшебный фонарь** 6 р., новые **волчки** съ музыкою въ 60 и 75 к., **птицы поющія** 1 р., **органчики** 3 и 4 р., **кубики** съ картинами 2 р., **краски** отъ 30 до 75 к., за ящикъ, книжки для **раскрашиванія** отъ 10 до 75 к., **столярный** приборъ для мальчиковъ 1 р., **новое домино** со звѣрями 1 р. 50 к., **гадательныя** карты (цыганка) 1 р. 50 к., губныя **гармоніи** съ колокольчиками 3 р., заводныя **мыши** 75 к., **шашки** отъ 20 до 60 к., **шахматы** отъ 1 р. 50 к. до 4 рублей.

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ: вещи изъ **ПОДДѢЛЬНЫХЪ БРИЛЛІАНТОВЪ,** по игрѣ не уступающіе настоящимъ: **серьги** отъ 3 до 7 р., **броши** отъ 4 до 13 руб., **булавки** (къ галстукамъ) отъ 2 до 4 р., **кольца** отъ 1 до 5 руб., **запонки** грудныя 5 руб., **звѣзды** (въ волосахъ носить) 10 руб.

НАКЛАДНАГО ЗОЛОТА единственныя не чернѣющія: цѣпочки мужскія и дамскія отъ 2½ до 12 руб., **медальоны** мужскіе и дамскіе отъ 2 до 5 руб., **браслеты** 8 и 10 руб., (никелированные 2 р. за штуку), **свѣтящіяся въ темнотѣ спичечницы** 1 до 3 руб., **подсвѣчники** отъ 2 до 3 руб., **розетки** 50 к. за пару; **розетки** съ правилами къ винту 75 к. за пару, **чудо мундштукъ** образующій картинки при куреніи 75 к., столовое **электрическое** огниво (послѣдняя новость) 6 р., **альбомы** (фотогр.) отъ 2 до 35 руб., и всевозможные галантерейные товары. Цѣны назначены съ пересылкою по почтѣ, но не высылаютъ менѣе, чѣмъ на 3 р. Магазинъ **„Нюрнбергъ"** въ Москвѣ, въ старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шановскаго, наискось церкви Успенія и напротивъ брилліантщика Сергунина. П. № 2321 2—2

10%

ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность по своему общественному положенію указать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать нижепоименованныя старинныя вещи, которыя я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ: богатый севрскій и саксонскій фарфоръ, старинные бронзовые часы, канделябры и группы, золотыя эмальированныя табакерки, старинныя вещи изъ золота и серебра прошедшихъ столѣтій, старинную мебель съ богатыми бронзовыми украшеніями и фарфоровыми инкрустаціями, гобелены, вышитыя старинныя шелковыя матеріи, старинныя кружева, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра** и вообще всякаго рода старинныя вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, кромѣ монетъ.

Указанія адресовъ лицъ, имѣющихъ на продажу означенные предметы, могутъ быть сообщены мнѣ лично или письменно по адресу моему: въ Москву, г-ну **ЛЮДОВИКУ БЕКЪ,** Петровка, домъ Пенскиго, противъ Петровской аптеки.

Вышеупомянутое вознагражденіе въ 10% мною выплачивается немедленно за каждую сдѣланную покупку чрезъ рекомендацію. Я. № 2270 9—3

№ 1978 39

ПЮПИТРЫ

СКЛАДНЫЕ ЖЕЛѢЗНЫЕ

черные лакированные 5 руб., лучшіе полированные 12 руб., двухсторонніе полированные 18 рублей, столовые безъ ножки по 2 руб., столовые деревянные по 75 к., 1 руб., 1 руб. 50 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА. С.-Петербургъ, по Б. Морской, д. № 42.

Пересылка въ провинцію на счетъ покупателя.

Депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго. А. № 2345 1—1

НОВЫЯ КНИГИ КЪ ЕЛКѢ.

Издан. **А. Ф. Девріена.** Спб., Вас. Остр., Румянцовская площ. (Перес. безплатно).

ЖЕНЩИНА, ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земнаго шара. Сочин. Швейгеръ-Лерхенфельдъ. съ прил. ст. „О русскихъ женщинахъ", сост. В. И. Немировичъ-Данченко. Роскошное изданіе: 200 политипажей, 700 стр. текста. Ц. 5 руб., въ роскош. перепл. съ тиснен. 6 руб.

СКОБЕЛЕВЪ. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Немировича-Данченко. Съ 4 порт. Ц. 2 р., въ пер. 3 р.

ДОНЪ-КИХОТЪ, передѣл. для русск. юнош. О. Шмидтъ-Москвитинова. Съ 6 раскраш. рис. больш. формата. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

ПУТЕШЕСТВІЕ ГУЛЛИВЕРА, передѣл. для русск. юнош. О. Шмидтъ-Москвитинова, съ 12 раскраш. рис. больш. формата. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

ЧУДЕСНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ Барона Мюнхгаузена. Передѣл. для русск. юношества О. Шмидтъ-Москвитинова, съ 6-ю раскраш. рис. больш. форм. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

ЖИВОЕ СЛОВО. Пособіе для для нагляди. обученія въ семьѣ и въ школѣ. Обраб. О. Шмидтъ-Москвитинова. 3 тома, въ больш. форм., съ 12-ю раскр. табл. Цѣна каждому тому въ пер. 2 р. 50 к. № 2337

Ежемѣсячный лит.-полит. журналъ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ"

(Редакторъ **А. П. ПЯТКОВСКІЙ**).

Будетъ издаваться въ 1883 г. на прежнихъ основаніяхъ. Годов. цѣна: 12 р. безъ дост., съ дост. 13 р., съ перес. 14 р., за гран. 16 р. Главн. контора: **Поварской пер., № 5.** Здѣсь же принимается подписка на журналъ:

НАРОДНАЯ ШКОЛА (г. XV).

Годов. цѣна: 4 р. 50 к. съ пер. № 2326 3—1

АПТЕЧКА-ЛЕЧЕБНИКЪ

Доктора СТАРКОВА

Съ Лекарствами и Наставленіемъ къ Леченію болѣзней продается въ С.-Петербургѣ: въ **Екатерининской аптекѣ,** Вас. Остр., 1-я лин.; въ **Москвѣ:** въ Старо-Никольской аптекѣ Феррейна. Цѣна 12 р. За пересылку 1 р. свыше 1.000 верстъ 2 руб. № 2335 1—1

ИЗДАНІЕ А. Ф. Маркса.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е изданіе Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к., для подписч. „НИВЫ" 1882 г. 75 к, съ перес. 1 р.

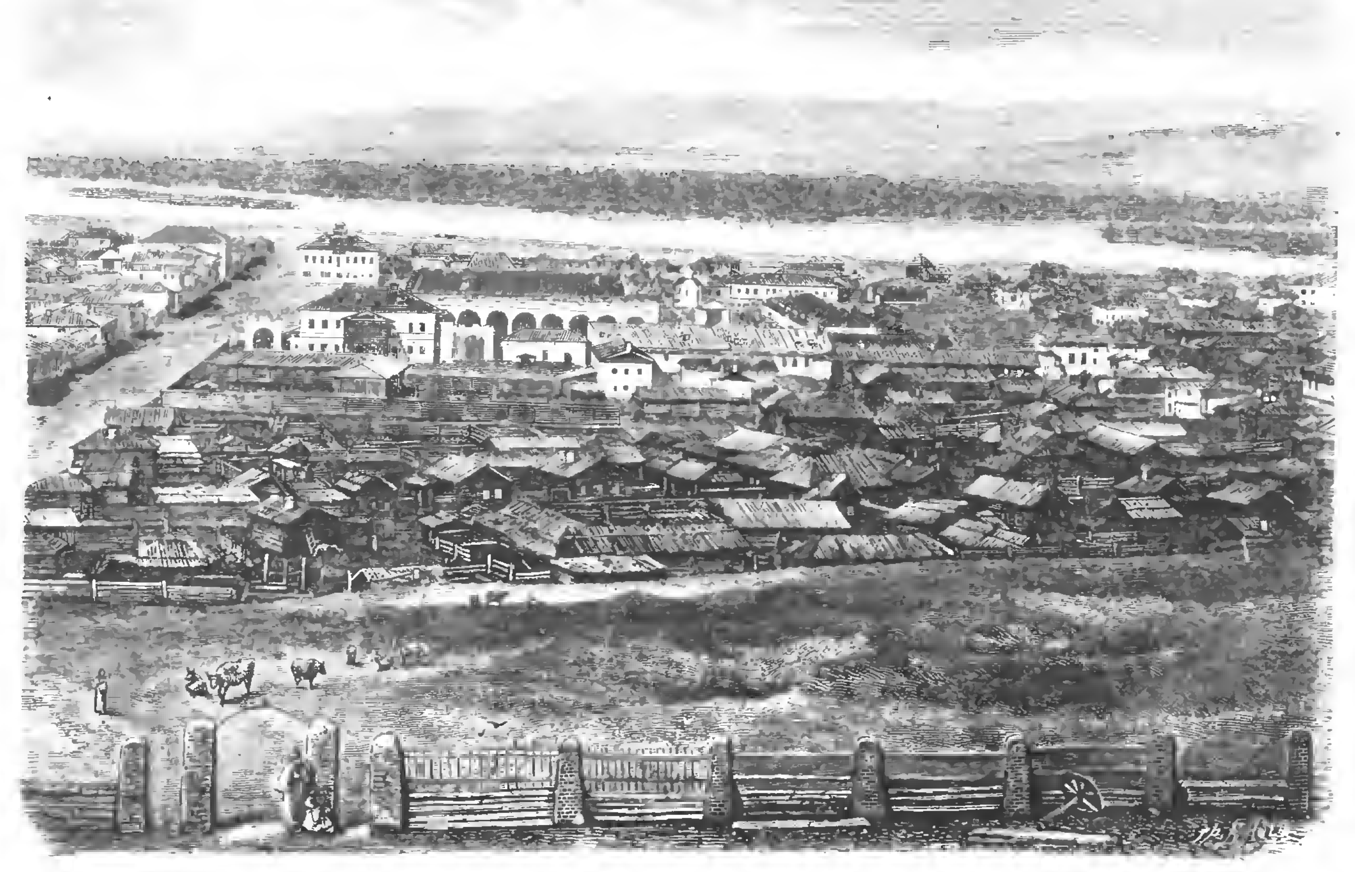
При этомъ № прил. для гг. иног. подп. (за исключ. моск.) два объявл.: 1) отъ чайн. магаз. К. Е. Киселева въ Москвѣ; 2) отъ книжн. маг. И. Л. Тузова въ СПБ.

Дозволено цензурою. СПБ. 24 ноября 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Прачечн. пер., № 5.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 4 Декабря 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за НОЯБРЬ 1882 г., съ 23 рисунками и отдѣльнымъ листомъ съ 29 выкройками въ натуральную величину и 21 рисунк. рукодѣльн. работъ въ русскомъ стилѣ, печатаннымъ 2 красками.



Общій видъ города Верхнеудинска (Вост. Сибирь). Съ фотогр. грав. В. Адтъ.

Городъ Верхнеудинскъ.

Верхнеудинскъ — одинъ изъ лучшихъ городовъ нашего дальняго Забайкалья. Раскинутый на правомъ берегу Селенги, онъ занимаетъ не особенно большую площадь, образуемую съ одной стороны Селенгой, съ другой протокомъ ея — Удой и съ третьей песчаною возвышенностью, на которой растетъ не крупный сосиякъ. Самый городъ состоитъ изъ трехъ частей: собственно города, Заудинской слободы и поселка, лежащаго въ нѣсколькихъ верстахъ, вверхъ по Селенгѣ, на ея лѣвомъ берегу.

Основаніе Удинскаго острога было положено въ 1649 г. Но отъ этого первоначальнаго укрѣпленія не осталось никакихъ слѣдовъ, такъ какъ вслѣдствіе возстанія мѣстныхъ Бурятъ оно было преобразовано въ болѣе значительную крѣпость, постройка которой началась въ 1688 году на горѣ, подъ Удой. Многіе изъ старожиловъ еще помнятъ эту крѣпость съ башнями, съ бойницами и тайнымъ, подземнымъ ходомъ на другой берегъ Уды. Теперь крѣпости не существуетъ, и едва примѣтно то мѣсто, гдѣ она нѣкогда стояла. Въ 1688 году Верхнеудинскъ сдѣланъ пригородомъ, а при Екатеринѣ II обращенъ въ уѣздный городъ. До образованія-же Забайкальской области, т. е. до конца 1851 года, Верхнеудинскъ считался окружнымъ городомъ Иркутской губерніи. Общій видъ Верхнеудинска довольно красивъ; улицы широки и расположены довольно правильно, исключая одной Подгорной, которую самыя условія мѣстности не позволили вытянуть въ прямую линію. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ здѣсь было озеро и потому въ народѣ до сихъ поръ эта мѣстность называется *мокрой слободой*, дѣйствительно послѣ дождей вполнѣ оправдывающая свое названіе. На большой центральной площади въ каменномъ двухэтажномъ зданіи помѣщаются присутственныя мѣста Верхнеудинска: городская управа, казначейство и земскій судъ. Другая площадь — базарная, гдѣ кипитъ особенная торговая дѣятельность во время здѣшней ярмарки, продолжающейся отъ 25 января до 6 февраля, на которую съѣзжаются не только жители Верхнеудинскаго округа, но даже Баргузинскаго, Селенгинскаго и двухъ Нерчинскихъ округовъ. Изъ болѣе замѣчательныхъ городскихъ зданій, кромѣ гостинаго двора, особенное вниманіе заслуживаютъ нѣкоторыя здѣшнія церкви по своей старинной, затѣйливой архитектурѣ. Самая древняя церковь въ городѣ была Спасская, деревянная, построенная около самой горы. Теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, поставленъ крестъ, и вся эта мѣстность находится во владѣніи одного частнаго лица. Здѣшняя соборная церковь выстроена въ 1741 году, а Троицкая кладбищенская въ 1809 году. Жителей въ Верхнеудинскѣ до четырехъ тысячъ: — это преимущественно мѣщане и казаки. Мѣщане занимаются мелочной торговлей или обмѣномъ товаровъ въ Читѣ и Кяхтѣ. Кромѣ того, многіе изъ нихъ разъѣзжаютъ по мѣстнымъ селеніямъ и ведутъ бойкую торговлю омулями, такъ какъ омули вмѣстѣ съ кирпичнымъ чаемъ составляютъ главную пищу здѣшняго простолюдина. Казаки занимаются хозяйствомъ, извозомъ и продажей дровъ; многія отрасли торговли находятся въ рукахъ евреевъ, которые теперь успѣли пробраться даже въ самые дальніе уголки Сибири. Въ окрестностяхъ города существуютъ заводы мыловаренные, свѣчные и стеклянные. Кожевенный же промыселъ составляетъ занятіе многихъ мѣстныхъ крестьянъ-кожемякъ, которые конечно употребляютъ при этомъ дѣлѣ самые первобытные пріемы. Дорога отъ Верхнеудинска до Кяхты, какъ искусственное шоссе, прямая, ровная, гладкая и довольно оживленная, такъ какъ по ней почти безпрерывно тянутся длинные обозы товаровъ, идущихъ то въ Кяхту, то изъ Кяхты.

Книжный магазинъ.

Очеркъ **Н. Успенскаго.**

(Окончаніе).

Иванъ Петровичъ въ короткое время успѣлъ снискать себѣ расположеніе К...ской читающей публики, благодаря своей общительности, которой не доставало его конкурентамъ. Съ образованнымъ посѣтителемъ Кроликовъ любилъ побесѣдовать о русской литературѣ, о ея упадкѣ и золотыхъ временахъ; а если рѣчь заходила о писателяхъ „современныхъ", онъ воодушевлялся до того, что окончательно выходилъ изъ роли книгопродавца. Нерѣдко, въ ущербъ своему дѣлу, онъ объяснялъ неопытнымъ покупателямъ важность и значеніе требуемой книги, комментировалъ темныя мѣста, сообщалъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о ея авторѣ, такъ что, пріобрѣтая книгу, покупатель выслушивалъ цѣлыя лекціи и выходилъ изъ магазина, какъ изъ аудиторіи, утирая потъ.

Завертывая въ бумагу проданныя книги, Иванъ Петровичъ съ апломбомъ ораторствовалъ:

— Чтеніе — дѣло вкуса: иной любитъ Пушкина, а другому нравится Тредьяковскій... Вѣдь вотъ Поль-де-Кока наши критики ругаютъ, да вѣдь какъ! а публика съ жадностью читаетъ его произведенія... Везь тутъ и извольте преслѣдовать цѣли... Конечно, руководить вкусомъ читателей обязана критика, но у насъ, со времени Бѣлинскаго и Добролюбова, ея нѣтъ... Что-жъ съ этимъ дѣлать?..

— Есть у васъ сочиненіе Манухина „Образованіе кавалеровъ"? спрашивалъ купецъ, входя въ магазинъ.

— Извините: такого сочинителя нѣтъ, а есть издатель Манухинъ, отвѣчалъ Кроликовъ и пускался въ пространное объясненіе различія между авторомъ и издателемъ.

— Дѣло въ томъ, что меня просили купить эту самую книгу мои сыновья, говорилъ купецъ, утираясь шелковымъ платкомъ: она, стало быть, учитъ на счетъ танцевъ и какимъ маneромъ обходиться съ дамами...

— Этой книги сейчасъ нѣтъ, да и не стоитъ держать ее... сами посудите, до танцевъ-ли намъ теперь, когда на очереди стоятъ вопросы гораздо важнѣе полекъ и кадрилей...

— Что про это говорить!..

Въ виду радушной словоохотливости книгопродавца, купецъ садился на стулъ, и со вниманіемъ выслушивалъ рацею о „стоящихъ на очереди вопросахъ", глубокомысленно подтверждалъ:

— Все это, сударь мой, ты дѣло говоришь. Теперь — я попрошу у тебя книгу собственно для себя: дай мнѣ что нибудь какъ ни можно позабористѣе...

— Въ какомъ-же родѣ?

— А чтобы, то есть, были казни и разныя свирѣпости...

— Понимаю... Вы, какъ я вижу, любитель сильныхъ ощущеній... Въ такомъ случаѣ я вамъ совѣтую „Юрія Милославскаго".

Черезъ минуту книга лежала на прилавкѣ.

— Вотъ что значитъ образованный человѣкъ! удивлялся купецъ: взглянулъ на полку, стрѣльнулъ глазомъ и убилъ книгу, какъ охотникъ — птицу. Только смотри, чтобъ мнѣ не найтить здѣсь разныхъ глупостей... Чтобы тамъ Дарьи не влюблялись въ Михайловъ, Марьи — въ Ивановъ, али еще въ какихъ нибудь стракулистовъ. Смерть этого не люблю! второе дѣло — у меня дочери на возрастѣ.

— О! насчетъ этого не безпокойтесь... я самъ былъ воспитателемъ...

— Счастливо оставаться... Купецъ выходилъ изъ магазина.

— Каковъ типъ-то? съ громкимъ смѣхомъ обращался Иванъ Петровичъ къ своему бывшему сослуживцу, сидѣвшему за столомъ съ газетой въ рукахъ.

— Да ты чтожъ не далъ ему „Образованіе кавалеровъ"? спрашивалъ послѣдній: вѣдь эта книга была у тебя на выставкѣ, въ витринѣ...

— Въ томъ-то и дѣло, что продана... Придется еще выписать экземпляровъ десятокъ... Ну, вотъ какъ тутъ быть книгопродавцу? Прямой денежный разсчетъ заставляетъ его держать въ своемъ магазинѣ такія книги, какъ „Образованіе кавалеровъ", „Чертъ въ сапогахъ" и т. п. Что прикажете? спрашивалъ Кроликовъ вошедшую въ магазинъ дѣвушку.

— Сочиненія Писарева.

— Въ чтеніи-съ... Не возьмете-ли новенькаго что нибудь? Вотъ, напримѣръ, „Хрестоматія новаго слова" или „Кружковщина"... Вы не читали?

— Нѣтъ...

— Это, изволите видѣть, походъ противъ нигилизма... очень интересныя книги... рекомендую...

Иванъ Петровичъ вкратцѣ излагалъ содержаніе новыхъ книгъ и дѣлалъ имъ критическую оцѣнку.

— Ну, позвольте, говорила дѣвушка, и взявъ обѣ книги, выходила изъ магазина.

— Какова штучка-то? лукаво прищуривъ глазъ, обращался хозяинъ къ своему пріятелю.

— Не дурна... Чья такая?

— Одного консисторскаго приказнаго дочь... Жаль, что неразвита: она сейчасъ просила у меня либеральную книгу, а я ей предложилъ двѣ брошюры діаметрально противоположнаго направленія, и она взяла... Просто смѣхъ и горе съ этими покупателями: вѣдь читаютъ безъ всякаго толку, ищутъ въ книгахъ развлеченія... Ну, можетъ-ли быть тутъ рѣчь о какомъ-то воспитаніи? А иные читаютъ изъ-за одной моды, лишь-бы пустить пыль въ глаза гдѣ нибудь въ гостиной... Не приведи Богъ имѣть дѣло съ подобными господами! то вдругъ его потянетъ къ Тьеру или Конту, то броситъ къ Погодину, то къ Эмилю Зола, а то подавай ему какіе нибудь „Пикантные мотивы“... Вѣдь если-бы я зналъ, какой отдѣлъ его интересуетъ, мнѣ было-бы легче, а то мечешься, какъ угорѣлая кошка...

— А что крестьяне сюда ходятъ?

— Какъ-же! Войдетъ въ магазинъ мужикъ съ кнутомъ за поясомъ и спроситъ: „что, есть у васъ хорошія трубки“? — Нѣтъ, пріятель, мы трубками не торгуемъ... у насъ книги... Почешетъ затылокъ и скажетъ: „ну давай мнѣ псалтырь“. Подашь ему хорошій псалтырь — изданіе общества распространенія грамотности. „Нѣтъ, это не то... ты дай мнѣ съ деревянными крышками и мѣдными застежками“. — Такихъ, братъ, нѣтъ... „Какъ нѣтъ? Вишь, сколько у тебя книгъ-то на полкахъ! Достань-ко вонъ толстую“... Подаешь ему толстую: это, оказывается, нѣмецкая энциклопедія или греческій лексиконъ. Мужикъ держитъ книгу вверхъ ногами и говоритъ: „это не про насъ писано“... Въ концѣ концовъ всучишь ему что нибудь въ родѣ „Францыля Венціана“, лишь-бы только отдѣлаться...

Однажды въ магазинъ Кроликова вошелъ одѣтый въ сибирку рыжій мѣщанинъ, и пристально всматриваясь въ хозяина, вкрадчивымъ голосомъ произнесъ:

— Иванъ Петровичъ!.. Не узнаете?

— Б—б—а! Титъ Никанорычъ... Какими судьбами?

— Нарочно пріѣхалъ посмотрѣть ваше заведеніе, сударь мой, и отъ вашего папаши привезъ поклонъ... обѣщались въ скорости быть сами здѣсь... Такъ вотъ вы гдѣ изволите торговать! осматриваясь, говорилъ мѣщанинъ: чудесно! право слово... Какъ есть дворецъ, а не магазинъ... Эко, Боже мой, книгъ-то! Премудрость!..

— Ахъ, пріятель! крѣпко пожимая руку гостю, воскликнулъ Кроликовъ: позвольте васъ представить, обратился онъ къ учителю: это мой землякъ, — цѣловальникъ изъ нашего села, а это бывшій товарищъ по службѣ. Ну, Титъ Никанорычъ, садись, братъ, да разсказывай, какъ и что...

— Некогда мнѣ разсказывать-то, Иванъ Петровичъ: тороплюсь въ винный складъ... тамъ три бочки надыть отправить... лучше я къ вамъ зайду вечеркомъ, по управкѣ... тогды покалякаемъ... А сейчасъ я завернулъ къ вамъ на два словечка насчетъ книжекъ...

— Какихъ?

— Изволите прислушать: недавно меня выбрали въ предсѣдатели приходскаго попечительства на мѣсто шпарала Цаплина, потому весь міръ облаготворенъ мною ю-какъ! Нужны деньги — бери, вино — бери! Такъ теперича мнѣ и желательно доказать всѣмъ, что я не хуже самого шпарала...

— Вотъ вы какъ, Титъ Никанорычъ, все въ гору идете... въ предсѣдатели попали! замѣтилъ хозяинъ.

— Нельзя, Иванъ Петровичъ, время такое... пожили въ темнотѣ и будетъ...

Пора и нашему брату выкарабкаться на свѣтъ Божій...

— А слышали, до васъ добираются свѣдующіе-то люди?

— Какъ не слыхать! махнувъ рукой, сказалъ цѣловальникъ: да что? все энто — одна канитель... нашему брату, ежели только онъ забралъ себѣ силу, бояться нечего... все пойдетъ тѣмъ-же порядкомъ... Такъ дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ: у насъ есть школа, которая, можно сказать, выстроена мною. Прошлымъ великимъ постомъ мужики вздумали продавать свой лѣсъ и принялись возить его въ городъ; дѣло обнаковенное — восемь деревъ стоитъ пять цалковыхъ, а мужикъ отдаетъ его въ городѣ за рубль. Вижу, дѣло — не модель. Говорю: ребята! возите-ко весь лѣсъ къ кабаку, на выгонъ... Я съ вами чехомъ сочтусь: за цѣлый годъ внесу за васъ подушныя... Мужики согласились, потому видятъ, денегъ приходится много: у насъ въ селѣ считается семьсотъ душъ. Когда, примѣромъ, навозили мнѣ лѣсъ, я сичасъ собралъ сходку (дѣло было при вашемъ папашѣ... они въ то время у меня чай кушали) и говорю: такъ и такъ, старички! Вы оченно понимаете, что нонѣ безъ грамоты человѣкъ никуда не годенъ, потому вездѣ ученость пошла, да и солдатчина будетъ тѣснить... Давайте, старички почтенные, строить училище. Тары да бары... Ведра три водочки я поднесъ міру... Сошлись... Я, значитъ, взялъ за себя обчественскіе луга на три года съ тѣмъ уговоромъ, чтобы выстроить школу. Въ одну весну я все отдѣлалъ, какъ быть слѣдуетъ. Таперича у насъ есть и учитель и все, только не достаетъ книжекъ для учениковъ... Думаю себѣ: поѣду за виномъ, куплю... По совѣту вашего папаши я и завернулъ къ вамъ... Вы вѣдь знаете, какія книги требуются для школы, потрудитесь отобрать мнѣ рубликовъ на двадцать... да нѣтъ ли у васъ наставленьица какого насчетъ водки...

— Какъ не быть... Напримѣръ, „Водка есть кровь сатаны“.

— Эко! Ну, ее совсѣмъ! Пожалуй, пить перестанутъ... а мнѣ желательно знать секретъ на счетъ сырѣленія, ты есть, чтобы въ винѣ градусъ-то былъ махонькій, а въ головѣ забирало шибко...

— Такой книги у меня нѣтъ...

— Ну, я спрошу у Зуева. Кстати возьму у него картузовъ для учениковъ, чтобы охотнѣй ходили въ школу, а для дѣвочекъ платочковъ. Такъ до пріятнаго свиданія... вечеркомъ я у васъ побываю...

— Вотъ дѣлецъ-то! замѣтилъ Кроликовъ своему пріятелю, когда цѣловальникъ скрылся за дверью: онъ въ нашемъ селѣ считается выше всякаго помѣщика. Мужики безъ его совѣта ничего не предпринимаютъ и вотъ теперь, какъ видишь, выбрали его даже въ предсѣдатели; а между тѣмъ онъ ихъ всѣхъ до нитки обобралъ: скупилъ хлѣбъ, скотину, лѣсъ, луга и все это за ведро водки... Ты знаешь, какой барышъ получитъ онъ сто лѣса, о которомъ сейчасъ говорилъ? Подушныхъ ему придется внести рублей семьсотъ — не болѣе, а лѣсу ему навозили по крайней мѣрѣ тысячи на три. Что-же касается школы, то она ему стоила много-много четыреста рублей, а луговъ онъ отхватилъ навѣрно тысячи на полторы...

— Да неужели мужики не поймутъ всего этого?

— А, видишь-ли, въ чемъ тутъ секретъ: онъ заправляетъ цѣлымъ міромъ посредствомъ такъ называемыхъ *глотовъ*, которые сидятъ у него въ кабакѣ съ утра до ночи и пьютъ на его счетъ, онъ-же даетъ имъ иногда деньги безъ возврата. А *глоты*, какъ извѣстно, играютъ такую-же роль на сходкахъ, какую играли древніе ораторы въ народныхъ собраніяхъ. Если на каждую душу приходится лѣсу по пяти рублей, то цѣловальникъ платитъ ораторамъ вдвое, за то у всѣхъ остальныхъ мужиковъ онъ беретъ лѣсъ за одинъ рубль; *глотовъ*-же только десять человѣкъ, а остальныхъ 690. Такимъ обра-

Защита Десятинной церкви отъ полчищъ Батыя въ Кіевѣ, въ 1240 году.

Ориг. рисунокъ А. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

зомъ и выходитъ, что какіе нибудь 50 рублей, которые онъ передастъ ораторамъ, дадутъ ему солидную цифру 2,760 р. Тоже самое онъ сдѣлаетъ и съ книгами для школы. Онъ беретъ ихъ у меня на 20 руб., а посмотри, за нихъ получитъ minimum—двѣсти. Въ качествѣ предсѣдателя начнетъ разъяснять, какъ онъ печется о крестьянскихъ дѣтяхъ, сходку попотчуетъ виномъ и между словомъ предложитъ: не сдадутъ-ли ему луга на десять лѣтъ по дешевой цѣнѣ? да еще скажетъ рѣчь въ пользу просвѣщенія...

— Что есть у васъ романсъ „Баю баюшки баю?" спрашиваетъ офицеръ, отворивъ дверь магазина.

— Въ настоящее время нѣтъ... Не угодно ли вамъ „Мнѣ жаль тебя?"

— Это у меня есть.

Дверь громко захлопывается.

— Этотъ офицеръ влюбленъ въ купчиху Гольскую, сообщаетъ Иванъ Петровичъ своему пріятелю: романсъ „Баю баюшки баю" онъ спрашивалъ для нея...

Воцаряется молчаніе. Кроликовъ подходитъ къ конторкѣ и начинаетъ что-то писать, а посѣтитель углубляется въ чтеніе газеты. Въ это время въ задней комнатѣ за книжнымъ шкафомъ, раздается чиханіе. Посѣтитель отрывается отъ газеты и тихо спрашиваетъ:

— Это кто? Надежда Павловна?

— Нѣтъ.

— Кто же?

Хозяинъ нѣкоторое время затрудняется отвѣтомъ, наконецъ осторожно подходитъ къ своему пріятелю и, наклонившись къ его уху, едва слышно произноситъ:

— Инспекторъ семинаріи... Ну, что новаго въ газетахъ? громко спрашиваетъ онъ, доставая папиросу: признаться, я сегодня не просматривалъ ихъ...

— Все санитарный вопросъ разрабатываютъ... раздѣляютъ Петербургъ на участки...

— Хорошо имъ тамъ разсуждать, замѣчаетъ Кроликовъ: у нихъ всѣ средства подъ рукою. Въ Петербургѣ, благодаря конножелѣзнымъ дорогамъ, къ шести часамъ утра всѣ улицы чисты; наконецъ тамъ повсюду водосточныя трубы. А заглянули бы столичные санитары къ намъ, вотъ хоть въ Сапожный переулокъ, въ которомъ я жилъ, бывши учителемъ. Въ одинъ прекрасный день у меня на дворѣ является, положимъ, мертвый котенокъ. Зная, что со стороны полиціи мнѣ не будетъ оказано никакого содѣйствія, я стараюсь очистить дворъ самъ и немедленно перебрасываю непрошеннаго гостя черезъ заборъ къ сосѣду, а тотъ, въ свою очередь, отправляетъ его ко мнѣ назадъ или на слѣдующій дворъ. Такимъ манеромъ малое животное совершаетъ воздушное путешествіе до тѣхъ поръ, пока не очутится на улицѣ. Здѣсь опять происходитъ свое perpetuum mobile: идетъ квартальный, видитъ животное и поддаетъ его калошей впередъ, иду я, поддаю дальше... точно также и наоборотъ... Наконецъ уже являются наши импровизированные санитары — вороны и галки...

— Однако мнѣ пора домой, говоритъ посѣтитель.

Дверь съ шумомъ отворяется и въ магазинъ входятъ въ потертыхъ сюртукахъ и стоптанныхъ сапогахъ два семинариста. Подошедши къ прилавку, одинъ изъ нихъ говоритъ:

— Мы желаемъ подписаться на чтеніе.

— По какому разряду?

— Оба—по третьему.

— Ваши фамиліи? доставая изъ конторки памятныя книжки, спрашиваетъ Кроликовъ.

— Моя—Всесвятскій, а его Аористовъ.

— Адресъ?

— Волкодавская улица, домъ Черепенникова.

— Какія же книги прикажете?

— Мнѣ позвольте Помяловскаго „Бурсу".

— А мнѣ романъ „Что дѣлать".

Между книгопродавцемъ и семинаристами завязывается бесѣда, которая вскорѣ переходитъ въ шумный диспутъ...

—

Прошелъ годъ. Въ одно пасмурное октябрьское утро вѣсть облетѣла интеллигенцію города Б. Книжный магазинъ Кроликова былъ закрытъ. Фактъ этотъ въ одинаковой степени подтверждали какъ тяжеловѣсные замки съ печатями, висѣвшіе на дверяхъ магазина, такъ и собравшаяся передъ нимъ густая толпа народа, которую не въ силахъ были разсѣять трое городовыхъ, убѣдительно просившихъ публику разойтись „честью":

— Сдѣлайте милость, господа, не толпитесь: кажется, люди образованные, должны сами понимать, что нельзя топтаться на одномъ мѣстѣ... Съ насъ самихъ взыскиваютъ... Ну, чего не видали? Закрылся магазинъ и больше ничего...

— Скажите, пожалуйста, что случилось съ книгопродавцемъ?

— Очень просто: въ трубу вылетѣлъ... Господинъ профессоръ! учтиво обратился городовой къ учителю семинаріи, прикладывая руку къ козырьку: будьте такъ благородны съ своей стороны, покажите примѣръ другимъ, не будьте столько малосмысленны, разойдитесь...

Но толпа не расходилась. Никто не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ при видѣ опочившаго магазина, который составлялъ гордость Б...скихъ обывателей и съ которымъ соединялось такъ много надеждъ и воспоминаній. Всѣ толковали о случившейся катастрофѣ съ участіемъ, какъ будто шла рѣчь объ общемъ любимцѣ или добромъ знакомомъ, который не далѣе какъ вчера вечеромъ получилъ непріятность.

— Жаль, очень жаль, раздавались голоса.

— Да ужъ вотъ какъ непріятно и говорить нечего, подтверждалъ какой-то чиновникъ: теперь и почитать вѣдомостей негдѣ, кромѣ трактировъ... а вѣдь это чѣмъ пахнетъ? Вздумаешь просмотрѣть „Московскій телеграфъ"—ступай въ „Царское Село"... Ну, извѣстное дѣло, пропустишь рюмочку... А тамъ глядишь, въ „Современныхъ извѣстіяхъ" описывается какое нибудь важное происшествіе, надо бѣжать въ „Тифлисъ"... тамъ выпьешь... такимъ манеромъ къ вечеру-то и настегаешься...

— Что такое случилось? вдругъ спросила полная дама, подъѣхавшая на извощикѣ съ пожилымъ мужчиной.

— А-а! Лизавета Григорьевна! воскликнулъ молодой человѣкъ въ шляпѣ котелкомъ и съ зонтикомъ въ рукѣ, подходя къ дамѣ: здѣсь случилась непріятная исторія: книжный магазинъ запечатали...

— Ахъ, Боже мой! А я только что хотѣла предложить Кроликову свои фортепьяны на коммисію...

— Оставь глупости! возразилъ пожилой мужчина.

— Нѣтъ, представьте себѣ, Самуилъ Федорычъ, перебила дама, обращаясь къ молодому человѣку: вотъ онъ требуетъ во что бы то ни стало, чтобы я училась пѣнію... но я не могу, положительно не могу, особенно, когда онъ во время уроковъ кричитъ на меня и топаетъ ногами...

— Да вѣдь хоть кого досада возьметъ, ma chère...

— Нѣтъ, лучше признайся, что ты ревнивъ, какъ мавръ... Однажды, вообразите себѣ: сижу я въ будуарѣ и отъ нечего дѣлать читаю хрестоматію, вдругъ онъ входитъ и кричитъ: „а! тутъ Черепковъ былъ, книжки приносилъ!" Бацъ! хрестоматію на полъ!.. Я говорю: ты посмотри, что я читаю...

— Развѣ вы не слыхали, въ чемъ дѣло? вдругъ одинъ изъ пріятелей Кроликова, окруженный толпою: изъ семинаріи выключили нѣсколькихъ учениковъ за то, что они брали у Ивана Петровича какія-то предосудительныя книги и позволяли себѣ рѣзкія выраженія въ его магазинѣ. Но и вообще книжная торговля пошла такъ плохо, что лавочку закрыли. Вотъ

тутъ-то Иванъ Петровичъ началъ брать на коммисію разныя вещи, которыя уже ничего общаго не имѣли съ книжной торговлей. На конторкѣ и на стѣнахъ, вмѣстѣ съ географическими картами развѣшены были объявленія о продажѣ кабріолетовъ, рысаковъ, пустошей, домовъ и цѣлыхъ имѣній. На окнахъ вмѣстѣ съ книгами выставлены были скульптурныя издѣлія, аквріумы и т. п. Самый магазинъ производилъ впечатлѣніе мебельной лавки или ссудной кассы. Книжная торговли отошла на задній планъ. Читателей смѣнили экспоненты, которые ежеминутно осаждали Ивана Петровича вопросами: „ну, что какъ мое піанино?“—„Не навертывался еще никто на счетъ моего сетера?“—„Да неужели на моего попугая не нашлось еще охотника?“—„Вы бы, Иванъ Петровичъ, предложили мои терраріумъ въ какое нибудь учебное заведеніе“. Дошло до того, что Ивану Петровичу начали даже приносить образчики зерноваго хлѣба..

— Вотъ штука-то, хохоча воскликнулъ одинъ изъ слушателей:—ну, чѣмъ же однако кончилось дѣло?

— Оказалось, что всѣ желаютъ продать, но никто не хочетъ купить—вотъ и все!

Въ толпѣ народа былъ и книгопродавецъ Зуевъ.

— Говорилъ я, что вылетитъ въ трубу! кричалъ онъ, потрясая въ воздухѣ рукой: вотъ оно такъ и случилось... Нѣтъ, по нынѣшнему времени, охъ, какъ мудрено торговать книжками... Другое дѣло, если бы Кроликовъ съ самаго начала завелъ у себя такой порядокъ: въ одному шкапу помѣстилъ бы книги, въ другомъ—бутылки съ виномъ, а въ третьемъ—карты, тогда, пожалуй, какъ нибудь и продержался бы...

— Разойдитесь Семенъ Наумычъ, обратился городовой къ Зуеву.

— Я, братъ, по доброй волѣ, уйду... Авось тутъ и смотрѣть нечего: обыкновенная исторія...

Герцогиня Беррійская.

Историческій разсказъ **Маршаля.**

Въ послѣдніе дни апрѣля 1832 г. герцогиня Беррійская прибыла, моремъ, изъ Италіи въ Марсель. Ея свита состояла всего изъ двухъ французовъ—ея приверженцевъ. Оба они, немедленно по вступленіи на берегъ, собравъ вокругъ себя праздный народъ, толпившійся у гавани, начали бросать ему пригоршни золота, требуя, чтобы кричали привѣтствіе въ честь „короля французскаго Генриха V-го.“ Получивъ деньги, зѣваки принялись выполнять требованіе приверженцевъ герцогини и скоро улицы Марселя огласились восклицаніями, призывавшими новаго короля; однако результатъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ; демонстрація сначала возбудила общее удивленіе, а потомъ смѣхъ—и полиція, безъ труда, разогнала крикуновъ.

Заговорщики отправились къ принцессѣ, съ нетерпѣніемъ ожидавшей въ одной изъ гостинницъ города исхода отчаяннаго предпріятія.

— Неудача! сообщили они ей,—вашему королевскому высочеству лучше было бы отказаться отъ попытки.

— Никогда! воскликнула герцогиня,—отступать было бы низостью. Я начала это дѣло и докончу его. Не удалось здѣсь—удастся въ Вандеѣ.

— О, ваше высочество, я боюсь, чтобы вы не обманулись въ вашихъ надеждахъ, чтобы благородная цѣль, къ которой стремитесь, не привела васъ къ несчастію! произнесъ г. де-Бурмонъ.

— Можетъ быть, мы легче достигнемъ успѣха, если пріостановимся теперь и нѣсколько переждемъ, пока Луи-Филиппъ будетъ менѣе популяренъ, замѣтилъ г. де Менаръ.

— Нѣтъ, отвѣчала принцесса, я разсчитываю на исконную преданность вандейцевъ. Мнѣ стоитъ только появиться среди нихъ и сказать: „возстаньте за моего сына, вашего законнаго короля, Генриха V-го!“ они тотчасъ же возьмутся за оружіе, и я приведу ихъ къ Парижу. Да, я въ этомъ убѣждена и хорошо обдумала все. Никто изъ нашего рода не рѣшается выступить на защиту трона и древняго права. Въ іюлѣ 1830 года мы трусливо бѣжали изъ Франціи и дали нашему кузену—Орлеанскому—возможность поднять и надѣть на свою голову корону, брошенную нами. Его царствованіе, его королевство—ложь, которую я уничтожу, во имя права Бурбоновъ, во имя моего сына, единственнаго мужскаго отпрыска французскихъ Бурбоновъ. Моя обязанность предъ Франціею, предъ сыномъ—возвратить ему его королевство. Мнѣ трона не надо, на что онъ мнѣ? Какъ только я выполню свою задачу, то удалюсь въ частную жизнь, тихую и счастливую, далекую отъ двора, его интригъ, безсердечія и скуки. Предоставьте мнѣ одной совершать свое дѣло—это будетъ лучше, потому что вы только мѣшаете мнѣ.

Убѣжденія, просьбы Бурмона и Менара нисколько не поколебали мужественной женщины въ ея рѣшимости продолжать одной свою смѣлую попытку. Отпустивъ своихъ сподвижниковъ, привезенныхъ ею изъ Рима, гдѣ она провела, въ уединеніи, послѣднія недѣли, принцесса отправилась на западный берегъ Франціи, переодѣвшись, изъ предосторожности, въ мужское платье. Ее воодушевляла и опасность, и та роль, которую она приняла на себя.

Герцогиня Беррійская—дочь Неаполитанскаго короля Франциска I-го,—родилась въ изгнаніи, въ Палермо (въ 1790 г.) и потому уже съ дѣтства привыкла ненавидѣть революцію. Пылкая южная кровь, въ связи съ природной подвижностью характера, придавали ей, еще въ юности, нѣчто дикое, необузданное. Дѣвушкой, она постоянно смѣялась надъ этикетомъ и пренебрегала его требованіями. Молодая принцесса не столько могла нравиться красотою, сколько заинтересовать своимъ остроуміемъ и необыкновенною находчивостью.

Семнадцати лѣтъ она была выдана замужъ за герцога Беррійскаго, втораго сына графа д'Артуа, ставшаго впослѣдствіи королемъ Франціи, подъ именемъ Карла X-го. Бракъ этотъ соединилъ кровь неаполитанскихъ Бурбоновъ съ древнею кровью французской старшей линіи, дабы доставить ей новое, свѣжее поколѣніе и тѣмъ упрочить династію. Но, именно, по этой то причинѣ фанатикъ Лувэ и убилъ, въ 1820 г., герцога Беррійскаго: гнусный убійца желалъ лишить французскихъ Бурбоновъ потомства. Но онъ не достигъ, однако, своей цѣли, такъ какъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти этого послѣдняго, подававшаго блестящія надежды, принца дома Бурбоновъ, его супруга разрѣшилась отъ бремени сыномъ, названнымъ герцогомъ Бордосскимъ, а позднѣе—графомъ Шамборомъ и Генрихомъ V, принцемъ, котораго французскіе роялисты привѣтствовали какъ будущаго избавителя, хотя ему и не суждено было вступить на тронъ предковъ. Желая возвратить своему сыну, Генриху, корону, герцогиня Беррійская вознамѣрилась поднять возстаніе въ Вандеѣ противъ боковой, Орлеанской линіи, овладѣвшей престоломъ въ лицѣ Луи-Филиппа. Не смотря на преслѣдованіе, ей удалось пробраться, переодѣтою, черезъ Монпелье, Тулузу, Бордо, въ провинцію, которая, во время революціи, такъ мужественно защищала знамя Бурбоновъ,—и тамъ принцесса надѣялась найти прежнія одушевленіе и преданность тому же дѣлу. Она хотѣла доказать своей, живщей въ изгнаніи, семьѣ, что корона стоитъ геройской борьбы и, какъ женщина и мать, желала пристыдить ихъ, потому что была совершенно увѣрена въ успѣхѣ; эту увѣренность она высказала и въ воззваніи, обращенномъ къ вандейцамъ. Но—ей пришлось разочароваться: воззваніе не произвело замѣтнаго впечатлѣнія и ожидавшагося принцессою общаго движенія не послѣдовало. Но, герцогиня, въ своемъ упорствѣ, не считала еще дѣла потеряннымъ. Одѣтая простою крестьянкою, босая и часто съ лицомъ, выпачканнымъ или подкрашеннымъ, чтобы не быть узнанною полиціею, она бродила изъ одного мѣста въ другое, изъ одного роялистскаго замка въ другой, стараясь склонить жителей въ пользу цѣли, къ которой стремилась. Нѣсколько дворянъ и крестьянъ выказали готовность взяться за оружіе; она нашла также сочувствіе и у нѣкоторыхъ дамъ, принадлежавшихъ къ знатнымъ фамиліямъ страны. Герцогиня приняла сама командованіе надъ небольшой дружиной, сформированной ея усиліями, и двинулась съ нею къ Віелль-Виньи, навстрѣчу жандармамъ, высланнымъ вмѣстѣ съ войсками, которымъ было предписано энергически подавить это, хотя и незначительное, возстаніе. Большинство бѣдняковъ крестьянъ, увлекшихся воззваніемъ и убѣжденіями претендентки, и не успѣвшихъ бѣжать, были перебиты; герцогиня, все время схватки, отважно находилась среди нихъ и оставила поле битвы только тогда, когда большая часть ея сподвижниковъ обратилась въ бѣгство. Ее начали преслѣдовать, какъ звѣря; постоянно приходилось ей скрываться. Четыре недѣли продолжалась эта охота, возбудившая общее участіе къ женщинѣ, выказывавшей такъ много мужества и твердости. Она умѣла избѣгать своихъ преслѣдователей. Она вела жизнь дезертира; переодѣвшись въ мундиръ солдата королевской арміи, по ночамъ, спала подъ открытымъ небомъ, днемъ пряталась въ лѣсахъ и горахъ. Невѣроятны лишенія, которыя она вытерпѣла за это время, перенося все легко и, даже, какъ бы весело, словно какое удовольствіе, а не страданіе. Нѣсколько времени спустя она вдругъ исчезла, не оставивъ за собою слѣда: поиски оставались совершенно безплодными, не взирая на строгость предписаній изъ Парижа. Луи-Филиппъ

былъ очень озабоченъ этимъ. Дѣло было не только въ томъ, что на глазахъ у всей Европы разыгрывалась какая-то жалкая комедія, въ которой король не могъ сладить съ женщиной, и новый король приведенъ былъ въ безпокойство и замѣшательство своею мятежною родственницею, полагая, что увеличивавшееся къ ней общее сочувствіе могло, наконецъ, доставить ей не мало данныхъ на успѣхъ. Герцогиня, впрочемъ, сама подала поводъ къ догадкѣ, относительно мѣста, гдѣ находилась: супругѣ короля Луи-Филиппа, королевѣ Маріи-Амаліи, приходившейся теткою претендентке, была передана написанная рукою этой послѣдней просьба о помилованіи нѣкоторыхъ изъ ея приверженцевъ, взятыхъ въ плѣнъ. Просьба была прислана изъ Нанта. Слѣдовательно, въ этомъ городѣ герцогиня нашла себѣ вѣрное убѣжище, но гдѣ именно—это оставалось тайной.

Но нашелся предатель. Около этого времени Тьеръ былъ только что назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и считалъ геройскимъ подвигомъ, великой заслугой съ своей стороны подавленіе вандейскаго „мятежа,“ поднятаго герцогинею. Къ министру явился нѣкто Дейтчъ, нѣмецъ, служившій у принцессы въ Римѣ, въ числѣ ея лакеевъ. Вѣроятно уже и тогда онъ былъ подкупленъ французскимъ правительствомъ, чтобы секретно наблюдать за своею госпожею и сообщать въ Парижъ о ея малѣйшемъ шагѣ. Теперь, онъ брался найдти герцогиню, за что просилъ награду въ 500 тысячъ франковъ.

Министръ изъявилъ свое согласіе, и Дейтчъ отправился въ Нантъ, гдѣ полиціи было отдано приказаніе, въ одно и тоже время, и помогать ему, и установить за нимъ надзоръ. Еще прежде, Дейтчъ съумѣлъ заслужить довѣріе герцогини, по своему обыкновенію, всегда безпечной и никогда не берегшейся ни окружающихъ, ни прислуги; она питала къ нему особое благоволеніе, какъ къ человѣку, вполнѣ преданному ей и ея дѣлу. По прибытіи въ Нантъ, Дейтчъ, поэтому, безъ труда пробрался къ хорошо ему извѣстнымъ легитимистамъ; предъ ними онъ разъигралъ вѣрнаго слугу принцессы, озабоченнаго положеніемъ своей госпожи, и фанатическаго приверженца старшей линіи Бурбоновъ, а чрезъ нихъ онъ сблизился и съ тѣми, кто поддерживалъ тайныя сношенія съ герцогиней, съ тѣхъ поръ, что она находилась въ Нантѣ. Она находилась, именно, здѣсь, въ этомъ городѣ, въ домѣ двухъ сестеръ, принадлежавшихъ къ легитимистскому семейству, у которыхъ и жила въ качествѣ служанки; само собою разумѣется, никакому шпіону и въ голову не могло придти угадать въ простой крестьянкѣ гордую и высокородную принцессу и мать того, кого легитимисты признають своимъ королемъ— мать Генриха V-го.

Дейтчъ объявилъ нантскимъ роялистамъ, что ему поручены секретныя депеши къ герцогинѣ, которыя онъ можетъ передать только ей изъ рукъ въ руки, почему и просилъ доставить ему возможность переговорить съ нею съ глазу на глазъ. Объ этомъ было сообщено герцогинѣ и, такъ какъ она не имѣла никакихъ сомнѣній относительно вѣрно и преданно служившаго ей человѣка, то и назначила часъ, въ который согласилась принять его. Свиданіе состоялось въ ноябрѣ, вечеромъ; въ разговорѣ съ принцессой, Дейтчъ убѣдилъ ее въ своей приверженности, а также въ томъ, что будетъ полезенъ, служа ей тайнымъ агентомъ; при прощаніи, герцогиня согласилась принять его и на слѣдующій вечеръ, для новаго совѣщанія.

— Совѣщаніе это будетъ имѣть очень важныя, рѣшающія послѣдствія, замѣтилъ Дейтчъ, откланиваясь.

На другой день, вечеромъ, онъ аккуратно явился въ назначенный часъ. Герцогиня приняла его снова въ мансардѣ, служившей тайникомъ, который она добровольно сдѣлала своей тюрьмою; на этотъ разъ принцесса была одѣта уже не въ крестьянскій костюмъ, а шелковое, хотя и довольно простое, платье; это второе свиданіе нѣсколько рознилось отъ перваго и скорѣе походило на аудіенцію. За маленькимъ окномъ гудѣлъ сѣверный вѣтеръ, проникая въ бѣдно-обставленную комнату; впрочемъ тутъ же въ углу пылалъ небольшой каминъ, обдавая пріятнымъ тепломъ на недалекомъ разстояніи отъ себя; принцесса сѣла у огня. Дейтчъ сталъ близъ нея. Она внимательно слушала своего бывшаго слугу и его слова казались ей вполнѣ разумными: она была рада видѣть преданнаго человѣка, пришедшаго ей въ помощь на ея тяжеломъ положеніи.

Вдругъ въ комнату вбѣжала одна изъ дамъ, принадлежавшая къ небольшому числу довѣренныхъ лицъ претендентки, ежедневно собиравшихся у нея и сестеръ Дюгиньи, для того, чтобы составлять принцессѣ хотя какое нибудь общество.

— Измѣна! крикнула она, блѣдная какъ полотно, и прямо глядя въ лицо Дейтчу.

— Что такое? воскликнула испуганно герцогиня.

— Домъ окруженъ солдатами.

— Какъ? А вы здѣсь, у меня, Дейтчъ?

Принцесса произнесла эти слова съ непередаваемымъ выраженіемъ презрѣнія. Но и въ эту минуту она не потеряла головы, подобно той, которая приняла извѣстіе. Быстрымъ и гнѣвнымъ движеніемъ, она толкнула Дейтча къ двери.

Съ глубокимъ поклономъ и худо скрываемой улыбкой удалился тотъ изъ мансарды: на его лицѣ не было замѣтно ни малѣйшаго признака смущенія или раскаянія.

Почти тотчасъ же въ комнату вошли сестры Дюгиньи и другая дама, остававшаяся у нихъ, пока герцогиня говорила съ Дейтчемъ.

— Попытаемся спастись! спокойно сказала принцесса, заперевъ дверь мансарды на задвижку.

Съ лѣстницы уже были слышны шаги солдатъ, поднимавшихся къ мансардѣ. Вскорѣ они были у двери. Раздался стукъ и требованіе отворить во имя закона. Но никакого отвѣта не послѣдовало. Дверь разлетѣлась въ дребезги подъ ударами прикладовъ, солдаты кинулись въ комнату и остановились въ изумленіи—она была пуста.

— Это невозможно! воскликнулъ Дейтчъ, служившій проводникомъ. Пять минутъ назадъ я разговаривалъ здѣсь съ герцогиней.

Отворивъ боковую дверь, оказавшуюся не защелкнутою, онъ прошелъ въ сосѣднія комнаты; онѣ были пусты; на чердакѣ тоже никого не было. Генералъ Жерманкуръ вошелъ за нимъ съ нѣсколькими жандармами. Но—ни тутъ, ни тамъ не было замѣтно и слѣда не только герцогини, но и другихъ дамъ.

Во все время генералъ не произнесъ ни слова, но взглядъ его, обращенный на измѣнника, ясно говорилъ о зародившемся въ немъ подозрѣніи.

— Клянусь вамъ, генералъ, что я вамъ сказалъ правду, заговорилъ Дейтчъ. Онѣ куда нибудь спрятались. Велите хорошенько обыскать домъ.

Зданіе было осмотрѣно и перешарено сверху до низу, не было пропущено безъ вниманія ни одного шкафа, ящика, кровати, или угла, даже печки, дымовыя трубы, и тѣ подверглись самому тщательному осмотру, изслѣдовали также—не было ли выхода въ какой нибудь изъ домовъ, стоявшихъ рядомъ, и не смотря на все это—ничего открыто не было. Повидимому, дамы находились въ домѣ Дюгиньи.

— Хорошо же, сказалъ генералъ, въ такомъ случаѣ, мы расположимся тутъ на квартирѣ и займемъ всѣ комнаты, входы и выходы, такъ что и муха не пролетитъ. Времени у насъ довольно и мы переждемъ, пока голодъ или жажда не заставятъ кого нибудь изъ бѣглецовъ показаться на свѣтъ.

Генералъ помѣстился въ комнатахъ сестеръ Дюгиньи. Въ мансардѣ, гдѣ принцесса принимала Дейтча, учрежденъ былъ постъ изъ двухъ жандармовъ. Тридцать часовъ занимала команда свои мѣста въ осажденномъ домѣ,—но ничто не выдавало присутствія дамъ. Жандармы, отъ скуки, курили, играли въ карты, развлекались растапливаніемъ камина, однообразно шли и день, и ночь. Генералъ, все болѣе и болѣе убѣждался, что Дейтчъ грубо посмѣялся надъ нимъ, вслѣдствіе чего распорядился, чтобы полиція какъ можно строже за нимъ слѣдила. Ни Жерманкуру, ни кому другому изъ отряда и въ голову не приходило, что едва ли могла принцесса и преданныя ей дамы, т. е. женщины, изнѣженныя воспитаніемъ и привычками, могли такъ много времени оставаться безъ необходимаго, подъ гнетомъ лишеній. И, въ самомъ дѣлѣ, дамы находились еще въ домѣ, переполненномъ солдатами Жерманкура; онѣ раздѣляли съ принцессой, и ради нея, всю тяжесть положенія и, не взирая на все, что приходилось имъ выносить, не взирая на то, что терпѣніе ихъ истощалось и падало ихъ мужество—онѣ продолжали непоколебимо свое подвижничество, не допуская и мысли о томъ, чтобы измѣнить герцогинѣ, оставить ее. Въ то скрытое мѣсто, гдѣ онѣ теперь находились (оно было подготовлено уже заранѣе), дамы удалились еще до прихода солдатъ въ мансарду. Жерманкуру, его солдатамъ и Дейтчу едва ли было возможно открыть это мѣсто. Оно находилось подъ крышей, непосредственно за задней стѣнкой камина, которая отодвигалась и задвигалась совершенно незамѣтно. И тутъ, въ узенькой каморкѣ, герцогиня и ея дамы, тѣсно прижавшись другъ къ другу, почти все время оставались безъ движенія. Голодъ и жажда становились все болѣе и болѣе нестерпимыми, страхъ какъ будто превратилъ ихъ въ каменныхъ, а къ этому прибавился еще дымъ отъ камина, едва не душившій ихъ—и, какъ ни было трудно, но приходилось удерживаться отъ невольнаго кашля, чтобы не выдать непріятелю своего убѣжища; желѣзная стѣнка камина наполняла каморку страшной жарой и духотой, доводившихъ нѣкоторыхъ изъ несчастныхъ спутницъ принцессы до обморока. Сама герцогиня, сидѣвшая близко къ накаленной стѣнѣ, чувствовала, что скоро настанетъ минута, когда загорится ея тѣло; платье уже начало тлѣть. Тогда она рѣшила, наконецъ, сдаться своимъ преслѣдователямъ, признавая, что ея дѣло давно уже проиграно.

— Потушите огонь въ каминѣ! крикнула одна изъ дамъ жандармамъ сквозь стѣнку, силясь сдвинуть каминную дверку.

— Я—та, которую вы ищите, я—герцогиня Беррійская, прибавила, съ своей стороны, принцесса.

Жандармы прислушались. Они не могли понять—откуда шли эти голоса: однако, потушивъ немедленно огонь, дали знать генералу. Едва успѣлъ онъ вбѣжать въ мансарду, какъ внутренняя чугунная доска камина отодвинулась и въ образовавшееся, оттого, отверстіе вышли, одна за другою, пять скрывавшихся до сихъ поръ дамъ, переступая по несовсѣмъ потухшимъ дровамъ и золѣ.

Въ безмолвномъ изумленіи глядѣли генералъ и жандармы на неожиданное появленіе добровольныхъ затворницъ.

— Сдаюсь вамъ, генералъ, съ гордымъ достоинствомъ произнесла принцесса: я—мать Генриха V-го, короля Франціи.

— Ваше высочество находитесь подъ защитой чести Франціи, отвѣчалъ Жерманкуръ.

Милосердіе. Статуя Константина Дауша, грав. А. Цааръ.

Однако, не смотря на эту высокопарную фразу, генералъ не избавилъ герцогиню отъ униженія, которому свободно могъ не подвергать ее: онъ велѣлъ, какъ простую арестантку, отвести пѣшкомъ, чрезъ весь городъ, въ крѣпость. На улицахъ стояла густая толпа народа, оскорблявшая несчастную женщину грубыми насмѣшками на всемъ ея пути. День спустя, герцогиня, по приказанію правительства, была перевезена въ крѣпость Блэй, а вмѣстѣ съ нею и двѣ изъ ея приверженицъ.

Событіе это надѣлало много шума. Теперь всѣ ждали, что сдѣлаетъ Луи-Филиппъ со своею арестованною родственницею.

Партіи начали изъ-за этого вопроса ожесточенную борьбу въ печати, борьбу, подавшую поводъ къ безчисленнымъ дуэлямъ. Наиболѣе видные изъ партизановъ Бурбоновъ обратились во французскія палаты съ петиціями объ освобожденіи герцогини. Но Тьеръ, желавшій нанести легитимистамъ и Бурбонамъ рѣшительное пораженіе, и слышать не хотѣлъ о томъ. Строгость заключенія герцогини была усилена, она была разлучена съ своими дамами.

Въ то же время, до французскаго правительства, чрезъ того же Дейтча, дошелъ слухъ, будто герцогиня Беррійская, во время своего пребыванія въ Римѣ, вступила во второй бракъ съ лицомъ, стоявшимъ гораздо ниже ея по своему общественному положенію. Но одного слуха было мало, въ виду того, что такой бракъ матери Генриха Бурбонскаго лишалъ почти всякаго политическаго значенія не только ее самое, но и всю партію. Правительству Луи-Филиппа необходимо было, чтобы принцесса сама подтвердила фактъ новаго замужества. Герцогиня, не потерявшая, между прочимъ, обычнаго ей веселаго расположенія духа даже и въ замкѣ Блэй, дѣйствительно, дала надзиравшему за нею генералу Бюжо письменное показаніе, что въ Италіи вышла снова замужъ, и понимая, что свободу она получитъ только въ томъ случаѣ, если откроетъ имя своего супруга—объявила это имя: то былъ маркизъ Луккези-Палли, изъ княжескаго дома Кампо-Франко. Французское правительство добилось того, чего желало: бывшая герцогиня Беррійская, навлекшая на себя такимъ mesaillance неудовольствіе своей же партіи, уже не была прежнею опасною личностью и, вслѣдствіе того, 8-го іюня 1833 г., ей возвращена свобода. Отправившись въ Палермо, она остальное время своей жизни провела, по большей части, въ Италіи, сторонясь уже отъ всякаго участія въ политикѣ. Она видѣла и паденіе Іюльской монархіи, и крушеніе второй монархіи—и скончалась, среди общаго уваженія, можетъ быть все надѣясь на то, что сыну ея еще придется возложить на себя корону Франціи.

Темною ночью.

(Эпизодъ изъ Индійскаго возстанія).

(Окончаніе).

У входа въ лѣсную тропинку онъ пріостановился, взглядываясь въ лежавшій впереди путь; ему казалось, что тутъ онъ въ безопасности. Но, вдругъ — влѣво раздался слабый крикъ. Обернувшись, онъ увидалъ, что какая-то темная фигура бѣжала прямо на него. Съ минуту Джэкъ простоялъ въ нерѣшительности. Кто это былъ—другъ или врагъ? Сомнѣнія его продолжались недолго.

Почти тотчасъ же грянулъ выстрѣлъ и вновь свистнула мимо него пуля.

Не дожидаясь втораго выстрѣла и не взирая на усталость, Уэрингъ кинулся къ нападавшему.

Ширъ-Али приложился и, спокойно прицѣлившись, выстрѣлилъ.

Джэкъ почувствовалъ, что пуля задѣла его, гдѣ-то въ боку, но—еще одно усиліе и, схвативши за стволъ направленнаго на него ружья, онъ повалилъ врага и началъ наносить бѣшеные удары. Онъ упалъ самъ, потомъ вскочилъ и побѣжалъ, чтобы продолжать путь, но пошатнулся, а затѣмъ, безъ крика, безъ стона, инертной массой рухнулся на землю.

Ночное безмолвіе, за минуту нарушенное рѣзкимъ грохотомъ выстрѣловъ, теперь казалось еще глуше, еще грознѣе.

Желая видѣть—что произошло, Бэббо подошелъ къ мѣсту только что разыгравшейся трагедіи. Это былъ человѣкъ трусливый, но, увидя только одного Ширъ-Али, онъ подбѣжалъ къ нему.

— Сынъ Али, прошепталъ онъ.—скорѣе, скорѣе—фиренги!

Но „сынъ Али" неподвижно лежалъ на спинѣ, изо рта у него сочилась кровь. Бэббо понялъ, что его вождю уже не встать больше и принялся расталкивать его. На минуту сознаніе вернулось умирающему.

— Сынъ Али, кричалъ ему Бэббо, мы не знаемъ, что дѣлать! Говори, говори—какъ ты хотѣлъ распорядиться! Безъ тебя я не понимаю. Надо ли ждать тотъ-же самый сигналъ—ждать ли намъ пожара?

Ширъ-Али приподнялся, глаза его горѣли гнѣвомъ.

— Глупая, безмозглая голова! съ трудомъ говорилъ онъ.—пожаръ... нѣтъ... нѣтъ... стрѣляйте, стрѣляйте... сейчасъ... пожаръ...

Этого уже было слишкомъ много для него. Кровь волной хлынула изъ горла, и онъ упалъ мертвымъ.

Такъ и нашли его солдаты полка Грэя, прибѣжавшіе сюда, съ фонарями, изъ бараковъ. Нѣсколько далѣе, у подножія насыпи былъ найденъ и лежавшій тамъ безъ чувствъ капитанъ Уэрингъ.

Обоихъ принесли въ лагерь, куда вскорѣ прискакалъ кабріолетъ, привезшій трехъ сильно перепуганныхъ женщинъ; онѣ сообщили, что сипаи возмутились и что сейчасъ подъѣдетъ миссъ Грэй на своей вороной лошадкѣ.

Джэкъ очнулся изъ своего обморока и, не смотря на крайнюю слабость, выразилъ непремѣнное желаніе видѣть маіора Кембелля. Онъ разсказалъ маіору все, что произошло, о двукратномъ нападеніи на него сипаевъ и о томъ, что онъ предупредилъ миссъ Грэй.

Тотчасъ же было выслано нѣсколько взводовъ и заперты ворота бараковъ.

— Ей Богу, маіоръ, сказалъ одинъ изъ офицеровъ, обращаясь къ Кембеллю, я думаю, что миссъ Грэй застрѣлена, потому что она была бы уже здѣсь!

Только оставшись одна послѣ ухода Джэка, Нелли поняла всю трудность задачи, которую взяла на себя.

Можно ли было положиться на слугъ? Навѣрное, Аладинъ, кучеръ, принадлежалъ къ заговорщикамъ! Она всегда не терпѣла этого человѣка, съ его хитрымъ, злымъ лицомъ.

Въ эту самую минуту она увидала, что онъ шелъ по саду.

На этотъ разъ въ немъ была замѣтна какая-то особая смѣлость, онъ развязно подошелъ къ ней и спросилъ—гдѣ мистриссъ Грэй,—ему надо передать ей записку, которую съ нимъ прислалъ полковникъ.

— Дай мнѣ это письмо, спокойно сказала она,—я отдамъ его твоей госпожѣ.

Тѣнь безпокойства пробѣжала по лицу индѣйца. Онъ, съ минуту, колебался, но что-то въ фигурѣ Нелли дало ему понять, что она не потерпитъ непослушанія. Подавъ ей письмо, обвязанное шнуркомъ и запечатанное въ трехъ мѣстахъ, онъ повернулся, чтобы уйти.

— Аладинъ!

— Милэди?

— Закладывай, сію же минуту, кабріолетъ.

— Кабріолетъ?

— Да, и впряги Блесъ, а не Киферо. Понялъ?

Почтительно поклонившись, Аладинъ ушелъ. Молодая дѣвушка осталась на лугу, въ глубокомъ раздумьи; ею теперь вполнѣ овладѣло подозрѣніе.

— Мэри легла спать, думала она, и Бэлла тоже, надо сейчасъ же идти къ нимъ.

Она прошла прямо по травѣ къ столовой и вошла туда чрезъ большую открытую стеклянную дверь. Зала была погружена въ мракъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ легли полосы луннаго свѣта. Взявъ на каминѣ спички, она зажгла канделябры. Въ другихъ двухъ комнатахъ свѣтъ еще не былъ погашенъ. Во всемъ домѣ стояла непробудная тишина, нигдѣ не было слышно ни малѣйшаго звука. Не смотря на природную смѣлость, она начала чувствовать нѣкоторый страхъ. Невольно она оглянулась—ей казалось, что кто-то слѣдитъ за нею сквозь окно.

Подойдя къ двери, молодая дѣвушка внезапно и быстро обернулась, потому что, въ ту минуту, ей положительно почудилось, будто шаги сзади. Замѣтивъ теперь, что одно изъ оконъ широко раскрыто, она приблизилась и заперла его на задвижку. Выйдя изъ комнаты, она заперла также и дверь.

То же самое Нелли сдѣлала и въ другихъ комнатахъ и тогда почувствовала себя нѣсколько успокоенною.

Подымаясь по лѣстницѣ, она услыхала чьи-то шаги въ большой залѣ и немедленно же сошла туда.

Тамъ служанка-индіянка тушила канделябры. Она вздрогнула, услыхавъ голосъ Нелли.

— Зажги ихъ опять, сказала ей миссъ Грэй. Та выполнила приказаніе.

— Иди теперь спать, скомандовала миссъ Грэй.

Убѣдившись, что всѣ окна плотно затворены, она и тутъ заперла дверь, какъ сдѣлала это вездѣ.

Наконецъ, затѣмъ, она прошла въ спальню мистрисъ Грэй. Добрая леди сидѣла передъ зеркаломъ, ея горничная, Паркеръ, расчесывала ей волосы. Тетушка ласково улыбнулась племянницѣ. Какъ сказать первной мистриссъ Грэй обо всемъ? Нелли теперь почувствовала еще больше страха, чѣмъ внизу.

— Милая тетя, произнесла она ровнымъ, спокойнымъ голосомъ,—я хочу васъ предупредить, что произошло нѣчто непріятное... Молодая дѣвушка остановилась.

— Что такое, что такое, милая Нелли? воскликнула мистрисъ Грэй, поднявшись съ своего кресла—что нибудь съ Томомъ?

— Нѣтъ, будьте спокойны, съ нимъ ничего! поспѣшила от-

вѣтить она,—это касается насъ. Сипаи близко тутъ и намъ лучше сейчасъ же уѣхать въ бараки. Никакой особенной опасности нѣтъ, милая тетя,—но все таки, гораздо лучше быть въ совершенно безопасномъ мѣстѣ.

— О, конечно, конечно! Но вамъ не надо было такъ пугать меня. Осторожность, понятно, необходима, и завтра же утромъ мы уѣдемъ отсюда.

Она открыла письмо мужа, переданное ей Нелли.

— Нѣтъ, милая, воскликнула миссъ Грэй, надо ѣхать теперь же! Опасность, правду сказать, болѣе велика, чѣмъ вы думаете. Сюда возвращался капитанъ Уэрингъ, чтобы увѣдомить насъ, и онъ сказалъ мнѣ...

— Боже мой! воскликнула въ свою очередь жена полковника,—послушайте, что онъ пишетъ! И она прочла вслухъ:

— Милая жена—получивъ свѣдѣніе, что по близости отъ васъ, каждую минуту готовы появиться мятежники, и не имѣя возможности пріѣхать лично, прошу васъ сейчасъ же отправиться въ фортъ.

Любящій васъ Томъ.

PS. Я не придаю особенной важности всѣмъ слухамъ, но—лучше быть въ безопасности.

— Вотъ видите—это подтверждаетъ и мое мнѣніе! сказала Нелли.—Ѣдемте сейчасъ же. Паркеръ, одѣвайте скорѣе тетю, а я пойду и подыму миссъ Бэллу.—И не отвѣчая на вопросы, которыми ее засыпали обѣ перепугавшіяся женщины, она поспѣшила къ своей подругѣ, которую заставила подняться. Объяснивъ Бэллѣ въ чемъ дѣло, миссъ Грэй пошла къ себѣ и надѣла амазонку.

— Въ кабріолетѣ мѣста будетъ только для троихъ, а потому я поѣду верхомъ, рѣшила она.

Привыкнувъ дѣлать все скоро, Нелли въ нѣсколько минутъ уже была готова, и пройдя чрезъ будуаръ въ сосѣднюю комнату, позвонила. Но никто не отозвался ни на первый, ни на послѣдующіе звонки. Она пошла внизъ—узнать причину молчанія.

Внизу, повсюду царствовало совершеннѣйшее безмолвіе. Мужественная была дѣвушка Нелли Грэй, но сильно билось въ ней сердце, когда она вошла въ пустую кухню и остановилась тамъ, озираясь по сторонамъ.

Что за глупости! Понятно—люди пошли спать, поручивъ той горничной, которую она давеча встрѣтила, потушить освѣщеніе. Она сама пойдетъ въ конюшню.

Она вдругъ увидала свѣтъ въ кучерской. Конечно то Аладинъ закладываетъ кабріолетъ. Приподнявъ шлейфъ амазонки, она потихоньку подошла къ окну. Тамъ было двое разговаривавшихъ. но такъ какъ она не знала индустанскаго языка, то и не могла понять, о чемъ шла рѣчь: одинъ изъ нихъ былъ Аладинъ, другой—индѣецъ съ мрачнымъ, звѣрскимъ лицомъ; она видѣла его теперь въ первый разъ.

Разговоръ прекратился, неизвѣстный распахнулъ дверь, едва не задѣвъ Нелли, и вскорѣ исчезъ въ темнотѣ.

Съ минуту она простояла въ слѣпомъ, паническомъ ужасѣ, но потомъ, собравъ все свое мужество, она вышла изъ-за двери въ кучерскую и остановилась лицомъ къ лицу съ Аладиномъ.

Онъ натачивалъ, на старомъ бритвенномъ ремнѣ, ножъ и испуганно вскочилъ при видѣ молодой дѣвушки.

— Аладинъ, кабріолетъ готовъ?

Онъ уже успѣлъ оправиться и съ дерзкимъ нахальствомъ продолжалъ свое занятіе.

— Нѣтъ, не готовъ.

— Вы заложите его?

— Нѣтъ.

Нелли, безъ малѣйшаго колебанія, повернулась и пошла въ домъ, прямо въ небольшой fumoir своего дяди; тамъ среди оружія, развѣшаннаго надъ каминомъ, находился маленькій дамскій револьверъ, купленный полковникомъ для мистриссъ Грэй, но такъ какъ она никогда не рѣшалась дотрогиваться до него, то онъ и оставался всегда на своемъ мѣстѣ. По дорогѣ, Нелли захватила въ кухнѣ свѣчу, и засвѣтивъ ее, поспѣшила въ fumoir.

Да—револьверъ висѣлъ тамъ; теперь отъ него зависѣло спасеніе ихъ всѣхъ. Она, почти съ нѣжностью, сняла его со стѣны.

Молодая дѣвушка осмотрѣла револьверъ—онъ былъ въ совершенномъ порядкѣ. Но гдѣ же находились патроны?

А! она вспомнила, что однажды лѣтомъ, полковникъ и капитанъ Уэрингъ забавлялись на балконѣ стрѣльбой изъ него. Патроны были въ тоненькомъ ящичкѣ, не лежали-ли они на полкахъ?

Сердце упало въ ней, когда она увидала, что ящичка не было тамъ? Что же дѣлать? Каждая секунда была дорога. Что если сипаи, въ своемъ нетерпѣніи, не станутъ ждать, пока въ домѣ потушатъ освѣщеніе? Она, въ дикомъ, безумномъ страхѣ, кинулась въ уборную полковника и начала шарить все, вездѣ, гдѣ ни попало. Ящичка не оказывалось нигдѣ.

Вдругъ она вспомнила о бархатномъ пиджакѣ, который былъ въ тотъ вечеръ на дядѣ. Она теперь хорошо помнила его. Осмотрѣвшись кругомъ, она увидала въ углу висѣвшее платье полковника и въ мгновенье схватилась за груду сюртуковъ, какъ утопающій хватается за соломенку. Рука ея дотронулась до чего-то жесткаго. Благодареніе Богу—то былъ ящичекъ съ патронами, и именно въ карманѣ бархатнаго пиджака! Но можетъ быть тамъ остались только не годившіеся!

Дрожащей рукой вытащила она завѣтную коробку. Нелли чуть не заплакала, когда, открывъ ее, увидѣла ряды еще не тронутыхъ и въ порядкѣ лежавшихъ тамъ металлическихъ снарядовъ.

Быстро зарядивъ револьверъ, она еще быстрѣе спустилась и побѣжала къ кучерской.

Аладинъ продолжалъ точить свой ножъ, бормоча что-то про себя; заслышавъ легкіе шаги, онъ остановился и подошелъ къ окну.

— А—птичка сама идетъ въ сѣти,—проговорилъ онъ съ улыбкой,—глупъ я былъ, что въ тотъ разъ ее выпустилъ!

Индѣецъ отошелъ отъ окна и сталъ противъ двери, ожидая миссъ Грэй и положивъ ножъ на одинъ изъ стоявшихъ около него каретныхъ ящиковъ. Нелли вошла. Аладинъ бросился было, къ ней на встрѣчу, но тотчасъ же отскочилъ, прижавшись къ стѣнѣ, руки его безсильно опустились. Твердо и рѣшительно держала маленькая ручка прямо нацѣленный ему въ лобъ револьверъ.

— Аладинъ, кабріолетъ еще не готовъ, медленно и отчетливо произнесла Нелли,—клянусь, что застрѣлю тебя на мѣстѣ, если ты не сдѣлаешь того, что я прикажу и—сію же минуту!

Онъ взглянулъ на свой ножъ. Она замѣтила этотъ взглядъ.

— Иди впереди меня, въ конюшню—нѣтъ, не ближе этого, ни на одинъ шагъ, если только дорожишь своею жизнью! Вотъ такъ! Если же ты пойдешь скорѣе, я пристрѣлю тебя сзади!

Они подошли къ конюшнѣ; онъ, по ея приказанію, отперъ и вошелъ туда. Вокругъ было еще темно, но все таки, и луннаго свѣта было достаточно для того, чтобы вывесть Блэкъ. Нелли продолжала держать револьверъ въ вытянутой рукѣ, не чувствуя, въ своемъ напряженномъ состояніи, ни малѣйшей усталости. Она заставила индѣйца впречь лошадь въ кабріолетъ и подвести ее къ воротамъ, все время слѣдуя за кучеромъ, съ сіявшимъ при лунномъ свѣтѣ, маленькимъ, но страшнымъ стволикомъ въ рукѣ. Приказавъ ему привязать вожжи къ дереву у подъѣзда, она, затѣмъ, повела его назадъ въ конюшню, гдѣ онъ осѣдлалъ и, тѣмъ же порядкомъ, вывелъ Блюбелль. Въ заключеніе, велѣвъ ему запереть конюшню, она послала его въ кучерскую за ключемъ отъ сарая; когда же онъ вошелъ туда, то быстро заперла за нимъ дверь и поспѣшила прямо къ мистриссъ Грэй. Поспѣшно усадивъ всѣхъ трехъ женщинъ и сказавъ, чтобы онѣ направились къ перекрестку, Нелли сѣла въ сѣдло и выѣхала за ними, какъ бы служа имъ арьергардомъ.

Въ ту же минуту, сквозь ночную тишину, рѣзко прогрохотали два выстрѣла; молодая дѣвушка задрожала всѣмъ тѣломъ. Джэкъ! Джэкъ! Джэкъ! Не въ опасности ли онъ?

Потомъ ей послышался трескъ, раздавшійся какъ бы изъ конюшни, и она поняла, что Аладинъ освободился. Освободивъ поводья Блюбелль, она помчалась по дорогѣ. У перекрестка Нелли увидѣла группу людей и остановилась въ нерѣшительности? Были-ли то друзья, или недруги?

Приближающіеся, съ своей стороны, тоже замѣтили ее. Въ душѣ она молилась о томъ, чтобы они не видѣли кабріолета; она надѣялась, что онъ проѣхалъ раньше, чѣмъ они подошли сюда; повернувъ лошадь, она поѣхала назадъ, пусть они погоняться за ней, тогда тѣ доѣдутъ безопасно, подумала она.

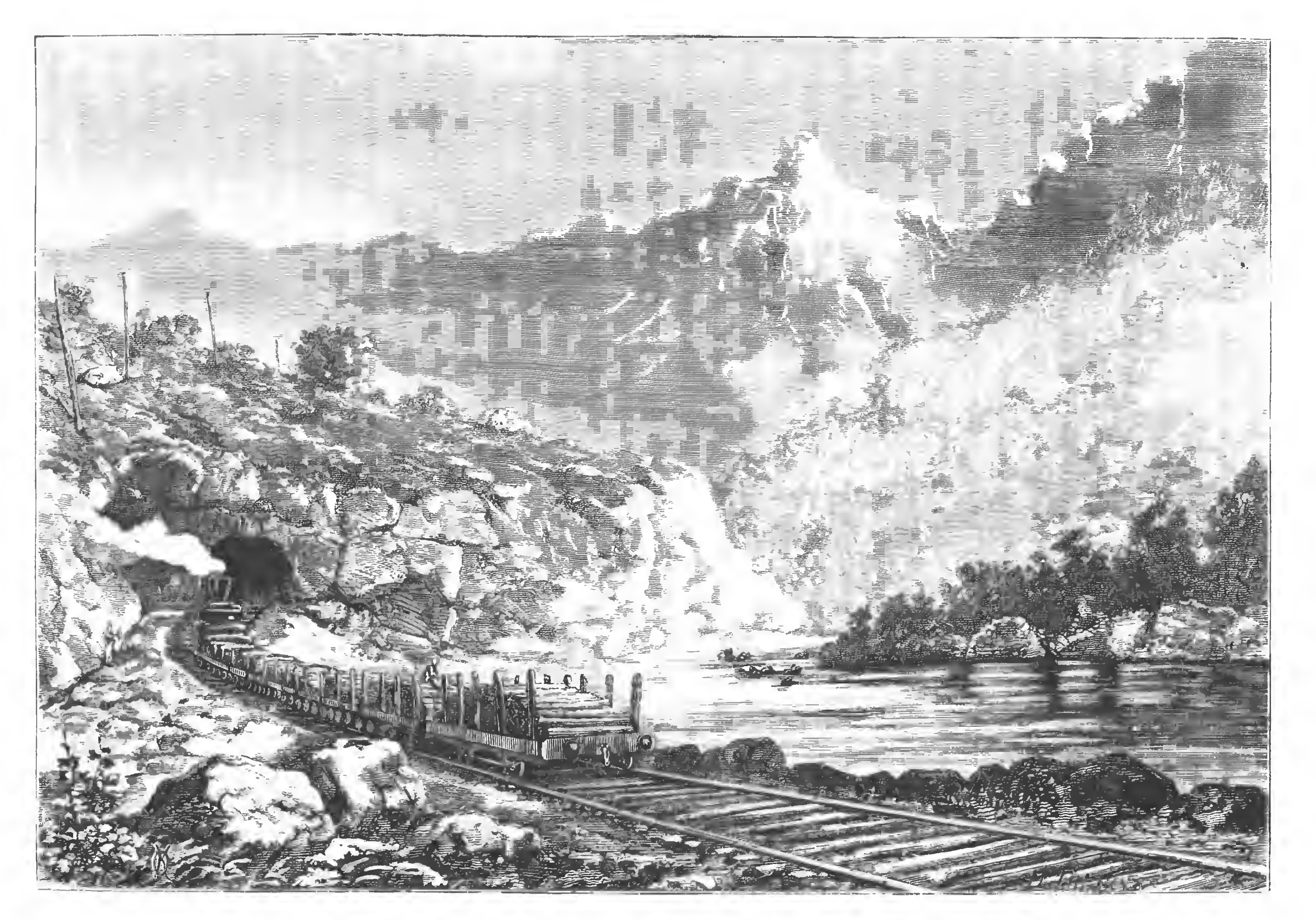
Сзади затрещалъ залпъ изъ нѣсколькихъ ружей. Блюбелль рванулась впередъ и понесла. Не ранена ли она? Нѣтъ, навѣрное нѣтъ—лошадь мчалась впередъ и впередъ въ безумной скачкѣ; они промчались одну излучину, затѣмъ—вотъ уже и другая. Нелли услышала чей-то крикъ. То былъ Аладинъ, посылавшій свои ругательства. Но, дальше—и она приблизилась къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Махмудъ.

Она сквозь ночь увидѣла его темную фигуру. Ею овладѣло какое-то бѣшенство. Теперь ей было все равно, она готова была кинуться на какую угодно опасность, на кого и куда угодно. Она нацѣлила свой револьверъ и выстрѣлила въ Махмуда, продолжая стрѣлять въ тѣхъ, кто былъ съ нимъ. Они бросились къ ней, но Блюбелль нельзя было остановить. Впередъ, впередъ рвалась она и птицей вылетѣла на Бэндермундскую дорогу.

Первымъ, послѣ ея встрѣчи съ Махмудомъ, увидѣлъ ее Сесиль Брэндонъ. Промчавшись чрезъ Бен'съ-Брэкъ, она продолжала свою отчаянную скачку до самаго форта. Тамъ Блюбелль остановилась и когда солдаты выбѣжали на встрѣчу этому странному всаднику, миссъ Грэй скользнула безъ чувствъ съ своего сѣдла на землю. Добрая, вѣрная лошадь нагнула къ ней свою голову, осторожно обнюхивая своими дрожащими ноздрями ея блѣдное лицо.

Англійскій отрядъ пришелъ нѣсколько часовъ спустя. Возмущеніе было усмирено. Джэкъ и Сесиль признаны были героями дня, что и доставило имъ производство. Вскорѣ Нелли Грэй, отчасти измѣнивъ свое имя, стала называться Нелли Уэрингъ, и любовь, соединявшая обоихъ въ грозный годъ, такъ же крѣпко и нѣжно ихъ соединяетъ и послѣ грозы, въ дни спокойнаго счастія.

Курьеръ. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Э. Дзедзицъ.



Кавказъ. На Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ. Ориг. рисун. Н. Н. Гнѣдича, грав. Ольшевскій.

Стремленіе.

(Изъ Гейбеля).

Взгляну-ль я порою на міръ необъятный
И въ бѣдную душу взгляну я свою—
Влечетъ меня въ даль непонятная сила
И долго я съ думой тяжелой стою.
О, какъ душно мнѣ здѣсь! Словно узникъ въ цѣпяхъ,
Я тоскую о солнечныхъ дняхъ.

* * *

Я знаю страну, гдѣ развалины храмовъ
Роскошно обвилъ виноградъ золотой,
Гдѣ лавры зеленые тихо лепечутъ,
Гдѣ море кипитъ бирюзовой волной.
Какъ страна эта чудная манитъ меня—
Но въ груди нѣтъ ни силъ, ни огня!

* * *

Мнѣ снится: несусь я въ небесномъ просторѣ,
Вотъ въ облачкѣ свѣтломъ укрылся-бы я—
Напрасно.... прошла моя ясная юность,
Замолкла счастливая пѣсня моя.
О, какъ душно мнѣ здѣсь! Словно узникъ въ цѣпяхъ,
Я тоскую о солнечныхъ дняхъ!

О. Кавелина.

Къ рисункамъ.

Защита отъ татаръ Десятинной церкви въ 1240 году.

(Рис. на стр. 1156 и 1157).

На мѣстѣ древней Десятинной церкви теперь возвышается въ Кіевѣ изящный храмъ во имя Рождества Богородицы, но въ этомъ новомъ храмѣ еще живы воспоминанія объ той эпохѣ, когда здѣсь стояла первобытная святыня Кіева. Въ новомъ храмѣ вамъ укажутъ мѣсто, гдѣ подъ сводомъ заключена предполагаемая гробница князя Владиміра: укажутъ древнія мозаики и цѣлую коллекцію замѣчательныхъ предметовъ, вырытыхъ на мѣстѣ первобытной церкви, хотя эти остатки лишь могутъ дать самое слабое понятіе о той ея роскоши и великолѣпіи, съ которою отчасти знакомятъ насъ лѣтописцы. Церковь эта была заложена Владиміромъ на сѣверо-западной сторонѣ древнѣйшаго Кіева въ 989 году въ честь Успенія Богородицы и окончена не ранѣе 996 года. Въ лѣтописяхъ она извѣстна большею частью подъ именемъ Десятинной, такъ какъ Владиміръ опредѣлилъ десятую часть доходовъ изъ своихъ удѣльныхъ имуществъ на ея содержаніе. Этотъ обѣтъ онъ возложилъ на себя при первомъ посѣщеніи храма, когда, по разсказу лѣтописи: „видѣвъ церковь свершенну, внидъ въ ню, и помолися Богу... и рекъ сице: Даю церкви сей Святѣй Богородицы отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть“. На созданіе церкви Владиміръ тоже не щадилъ издержекъ: она была сооружена искусными греческими зодчими и представляла собою четвероугольникъ длиною около 24, а шириною около 16 саженъ. Объ высотѣ ея и самомъ фасадѣ мы не можемъ имѣть понятія, такъ какъ до нашихъ временъ сохранился лишь ея древній фундаментъ; впрочемъ можно догадываться по украшеніямъ, найденнымъ при раскопкахъ, что Десятинная церковь имѣла архитравъ, украшенный греческою надписью и большими круглыми муравленными розетами на подобіе лѣпной работы. Карнизы состояли изъ гранита, а по мѣстамъ изъ бѣлаго мрамора; стѣны же украшались пилястрами. Внутренность храма была еще роскошнѣе: полъ былъ выложенъ изъ мозаичныхъ плитъ, а въ алтарѣ состоялъ даже изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ и другихъ цѣнныхъ камней. Стѣны были покрыты по штукатуркѣ живописью аль-фреско, краски которой и теперь еще поражаютъ своею яркостью и свѣжестью; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышались колонны изъ бѣлаго мрамора, съ такими же базами и капителями, цоколь же состоялъ изъ полированнаго краснаго гранита. Стѣны алтаря были испещрены мусіею — обычнымъ украшеніемъ того времени. Эта мусія или мозаика, какъ можно судить по ея остаткамъ, была вся сложена изъ маленькихъ четырехугольныхъ камешковъ и всѣ изображенія святыхъ выполнялись на золотомъ фонѣ. По срединѣ храма, какъ описываетъ Дитмаръ, стояли мраморные саркофаги Владиміра и супруги его Анны. Въ той же церкви Владиміръ положилъ тѣло блаженной Ольги, которое оставалось нетлѣннымъ еще во времена Нестора. Здѣсь же въ 1044 году погребены были кости Олега и Ярополка: въ 1078 году прахъ великаго князя Изяслава Ярославича, а въ 1093 году Ростислава Мстиславича. Внѣшнее величіе храма дополняли, поставленныя Владиміромъ противъ него на торговой площади, двѣ статуи и четыре бронзовыхъ коня, взятые имъ изъ Корсуня.

Но любимое созданіе Владиміра не долго простояло въ своей первобытной красотѣ; въ 1017 году Десятинная церковь была повреждена сильнымъ пожаромъ, истребившимъ большую часть Кіева, но была возобновлена Ярославомъ. Но вотъ въ 1240 г. Батый разоряетъ и обращаетъ въ развалины Кіевъ, и Десятинная церковь становится послѣднимъ, отчаяннымъ оплотомъ горсти кіевлянъ, предводимыхъ бояриномъ Дмитріемъ. Граждане, какъ говоритъ лѣтопись, образовали здѣсь около храма, какъ-бы другой городъ, въ которомъ они еще цѣлый день защищались и наконецъ всѣ легли съ оружіемъ въ рукахъ, не посрамивъ своей родины. Эта отчаянная борьба кіевлянъ съ татарами около Десятинной церкви и представлена на нашемъ рисункѣ. Лѣтопись же сообщаетъ, что во время этой обороны въ храмѣ столько набралось народа, что даже хоры отъ тѣсноты разрушились. Эпизодъ этой защиты и изображенъ нашимъ художникомъ. Лютый врагъ разрушилъ храмъ до основанія и болѣе четырехъ столѣтій онъ представлялъ взорамъ однѣ развалины и кучи камней, которыя уносились жителями на свои постройки. Лишь въ 1636 году знаменитый Петръ Могила обратилъ вниманіе на этотъ замѣчательный памятникъ сѣдой древности, расчистилъ развалины и возстановилъ небольшую церковь, состоявшую изъ двухъ низкихъ этажей и деревянной колокольни, и простоявшую хотя и въ довольно ветхомъ видѣ до 1828 года. Новый, изящный храмъ освященъ здѣсь въ 1842 г.; онъ взведенъ на древнемъ фундаментѣ Десятинной церкви, и строители всѣми силами старались соединить въ немъ все то, что бы могло напомнить о древнемъ, первобытномъ храмѣ Кіева, его византійской роскоши, и объ его громадномъ значеніи какъ историческомъ, такъ и религіозномъ.

Милосердіе.

(Рис. на стр. 1161).

Вѣчно свѣжая, вѣчно неизсякаемая тема „Материнская любовь“ вызвала такое же огромное количество произведеній какъ въ живописи, такъ и въ пластическихъ искусствахъ. Но эта тема „Милосердіе“ трактовалась замѣчательно рѣдко. Германское искусство, отличавшееся въ средніе вѣка религіозностью, сердечностью, создало дивныя произведенія, божественные образы Богоматери съ Младенцемъ. Уже у Рафаэля вошло это чистое чувство во всѣ его произведенія. Его Мадонна— это чистѣйшее, возвышеннѣйшее воплощеніе материнской любви, переходящее въ сверхчеловѣческое, и эти дивныя изображенія не рѣдкость встрѣтить не только въ протестантскихъ или католическихъ домахъ, но даже въ жилищахъ евреевъ.

Даушъ взялъ на себя другую задачу: онъ взялъ въ ея высшемъ развитіи земную, высокую милосердную любовь къ невиннымъ, милымъ крошкамъ-сиротамъ. На колѣняхъ покоится младшій крошка, а другой, старшій, стоитъ около, опершись на ея другое колѣно. Здѣсь счастливо соединенъ въ статуѣ Дауша идеализмъ съ реализмомъ въ выполненіи.

Константинъ Даушъ, талантливый авторъ изображенной здѣсь группы, родился въ Вальдзее, въ Виртембергѣ, и жилъ въ Мюнхенѣ, занимаясь въ тамошней академіи художествъ, а съ 1869 года находится въ Римѣ. Лучшія его произведенія есть въ Висбаденѣ, въ Бременѣ, въ Альтонѣ и въ Манчестерѣ. Въ 1873 году въ Вѣнѣ выставилъ онъ свою превосходную группу „Самсонъ и Далила“, обратившую на себя всеобщее вниманіе.

Курьеръ.

(Рис. на стр. 1164).

Такую картину, какъ эта, можно по всей справедливости назвать историческою. Едва-ли гдѣ уже осталась мѣстность, гдѣ-бы еще практиковалась эта бѣшеная курьерская ѣзда. Бывало что то таинственное и важное въ словѣ „курьеръ“. На станціи переполохъ, торопятся закладывать особенную „курьерскую“ тройку, и съ мѣста маршъ-маршемъ кони принимаются мчать сани по узкой зимней дорогѣ. Сторонись, берегись! Встрѣчныя сани шарахаются въ сторону, лошадь бьется въ снѣгу, баба бросилась въ сторону. Облако снѣжной пыли встаетъ подъ санями, все въ страхѣ сторонится, и мужичьи сани долго потомъ еще копошатся въ глубокомъ снѣгу, послѣ того какъ пролетѣла отчаянная тройка. Теперь прозаическія желѣзныя дороги, телеграфы и телефоны совсѣмъ устранили необходимость такой скачки, которая еще такъ жива въ нашей памяти и такъ вѣрно и хорошо изображена талантливымъ художникомъ на нашемъ рисункѣ.

Близъ Сурамскаго перевала.

(Рис. на стр. 1165).

Кавказскій хребетъ—одна изъ прелестнѣйшихъ мѣстностей земного шара—съ тѣхъ поръ какъ его перерѣзала сѣть шоссейныхъ дорогъ, сталъ легко доступнымъ для путешественниковъ, а десять лѣтъ назадъ, когда изъ Поти въ Тифлисъ проложили желѣзную дорогу,—всякія неудобства путешествія устранились.

Эта желѣзная дорога—одна изъ красивѣйшихъ въ мірѣ. Она идетъ долиною Ріона до Кутаиса, полная самыхъ волшебныхъ

декорацій горъ. Особенно хорошъ Сурамскій перевалъ, гдѣ дорога пологими зигзагами взбирается на юговосточную вѣтвь кавказскаго хребта—пограничную стѣну между Грузіей и Имеретіей. Въ этомъ мѣстѣ уклонъ подъемовъ достигаетъ 0, 045, а радіусъ кривизны—всего 75 саженъ. Начинаясь въ Поти на высотѣ двухъ саженъ, полотно долго идетъ низменной болотистой почвой, и только на 118 верстѣ переходитъ на горные отроги. Къ сожалѣнію, по дорогѣ этой туристовъ ѣздитъ гораздо менѣе, чѣмъ она этого заслуживаетъ... Для художника путешествіе по такой линіи—истинное наслажденіе.

Успѣхи фотографіи.

Никогда еще свѣтопись или фотографія не достигала такихъ блестящихъ успѣховъ, какъ въ послѣдніе четыре года.

Болѣе чѣмъ четверть вѣка фотографы для своихъ снимковъ употребляли сырыя пластинки коллодія, которыя, вслѣдствіе ихъ скораго разложенія и слабаго свѣтоваго объекта, не всегда представляли достаточную чувствительность, а трудность обращенія съ ними останавливала многихъ заняться изученіемъ этого искусства, которое можетъ назваться *оттискомъ природы*, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Способъ этотъ долгое время считался самымъ совершеннымъ; но въ послѣднее время сдѣлано очень интересное открытіе, а именно, что бромистое серебро при извѣстныхъ обстоятельствахъ (размѣшанное въ растворѣ клея и налитое на стеклянныя пластинки и высушенное) становится очень чувствительнымъ и въ 5 разъ превосходитъ чувствительность старыхъ пластинокъ коллодія, содержащихъ іодистое серебро. Кромѣ того при этомъ способѣ получаются *сухія пластинки*, которыя не подвергаются порчѣ продолжительное время, и гораздо удобнѣе для торговли, а также для фотографовъ и любителей.

Вмѣстѣ съ этимъ, послѣ долгихъ и трудныхъ опытовъ, удалось воспользоваться электрическимъ свѣтомъ и дѣлать снимки независимо отъ дневнаго свѣта. Въ то же время были устроены новые болѣе совершенные аппараты.

Всѣ эти важные успѣхи постараемся пояснить примѣрами.

Уже давно говорятъ о *моментальныхъ снимкахъ;* къ чести старыхъ пластинокъ коллодія нужно сказать, что снимки эти были возможны еще ранѣе, однако при особенно благопріятныхъ свѣтовыхъ условіяхъ (солнечный свѣтъ подъ открытымъ небомъ) и примѣненіи очень сильныхъ аппаратовъ.

Въ 1863 году депутатъ Фаухеръ сказалъ въ прусской палатѣ депутатовъ: „У насъ есть моментальные снимки. Этимъ способомъ можно красть портреты и быть можетъ намъ нужно будетъ прибѣгнуть къ особеннымъ предохранительнымъ мѣрамъ; быть можетъ даже придется носить маски.“ Предположеніе это однако оказалось преувеличеннымъ. Было дознано, что моментальные снимки возможны при сильномъ солнечномъ освѣщеніи, но не въ отѣненныхъ мастерскихъ, старательно защищенныхъ отъ солнца для избѣжанія сильнаго свѣта и рѣзкихъ тѣней. Свѣтъ въ фотографическихъ мастерскихъ, гдѣ при помощи занавѣсокъ устраивается *художественное* освѣщеніе, въ шестьдесятъ разъ слабѣе свѣта подъ открытымъ небомъ; и такъ если здѣсь для снимка достаточно 1/4 секунды, то легко высчитать, что въ мастерской съ освѣщеніемъ въ шестьдесятъ разъ слабѣе, потребуется во столько же разъ большее количество времени, т. е. 15 секундъ.

Узнали также, что даже лучшіе моментальные снимки того времени воспроизводили явственно только свѣтовую, т. е. солнечную сторону предмета, въ то время какъ тѣневая сторона была только слегка намѣчена, но тѣмъ не менѣе замѣтна для глаза.

При мелкости фигуръ (въ большинствѣ случаевъ это картинки для стереоскопа, изображающія уличныя сцены) такая неравномѣрность изображенія ничего не портитъ; здѣсь фигура служитъ придаточнымъ предметомъ въ архитектурной картинѣ, но трудно допустить, чтобы портретъ съ такими несовершенствами могъ нравиться оригиналу. Многіе изъ прежнихъ моментальныхъ снимковъ, дѣйствительно, не болѣе какъ силуэты. Этотъ характеръ носятъ, между прочимъ, моментальные снимки бѣгущей лошади и коровы, прыгающей собаки, боксирующихъ атлетовъ, которые были сдѣланы Мюйбриджемъ въ Санъ-Франциско. Въ особенности замѣчателенъ снимокъ бѣгущей лошади въ двѣнадцати различныхъ положеніяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя кажутся положительно неправдоподобными. Снимки эти были въ свое время помѣщены въ „Нивѣ.“ Для полученія этихъ двѣнадцати изображеній бѣга лошади было установлено нѣсколько фотографическихъ аппаратовъ, объективныя стекла которыхъ были снабжены моментальными затворами, приходящими въ движеніе въ тотъ моментъ, когда лошадь появлялась передъ аппаратомъ. Снимки были сдѣланы благодаря свѣту ослѣпительно бѣлой стѣны, освѣщенной солнцемъ, около которой лошадь бѣжала. Снимокъ лошади и всадника представляется совершенно чернымъ, что служитъ доводомъ, что въ продолженіи короткаго времени фотографированія, лошадь и всадникъ не произвели ни малѣйшаго свѣтоваго впечатлѣнія на пластинку. Обозначены вполнѣ только контуры, но это именно благодаря ослѣпительно ясной бѣлой стѣнѣ, около которой лошадь бѣжала.

Бѣлая стѣна въ короткій промежутокъ бѣга лошади дѣйствовала на фотографическую пластинку достаточно сильно для того, чтобы обрисовать контуры того мѣста стѣны, которое было закрыто лошадью и всадникомъ. Такимъ образомъ получился силуэтъ послѣднихъ совершенно ясный для опредѣленія отдѣльныхъ фазисовъ бѣга лошади. Постановка ногъ иногда такъ неестественна, что многіе сомнѣвались даже въ точности передачи и полагали, что фотографія сдѣлана по рисункамъ. Но достаточно вырѣзать эти фигуры и смотрѣть на нихъ въ зоотропъ, чтобы получить такое впечатлѣніе, какое производитъ бѣгущая лошадь. (Зоотропъ—это извѣстная дѣтская игрушка, въ которой, при быстромъ ея поворачиваніи, рядъ картинокъ, изображающихъ бѣгущаго человѣка, прыгающую собаку и пр. въ различныхъ положеніяхъ, показываетъ одну движущуюся фигуру). Мюйбриджъ недавно былъ въ Лондонѣ и показывалъ свои снимки, въ избранномъ обществѣ; для этого онъ употреблялъ улучшенный зоотропъ, отдѣльныя изображенія котораго при поворачиваніи, при помощи волшебнаго фонаря получались на стѣнѣ. Такимъ образомъ всѣ присутствующіе, въ числѣ которыхъ находился также принцъ Уэльскій, отчетливо видѣли на стѣнѣ галопирующую лошадь, бѣгущую серну, хромающую свинью и нѣсколько бѣгущихъ охотничьихъ собакъ и въ заключеніе борьбу боксеровъ.

Со времени введенія вышеупомянутыхъ чувствительныхъ желатиновыхъ пластинокъ, моментальная фотографія стала быстро совершенствоваться; пластинки эти чрезвычайно облегчали работу, позволяли дѣлать снимки при менѣе благопріятныхъ свѣтовыхъ условіяхъ и давали не только силуэты, но совершенно подробныя изображенія.

Однако не достигли еще того, чтобы дѣлать минутные снимки въ фотографическихъ мастерскихъ, хотя и то уже слѣдуетъ признать большимъ удобствомъ, что вмѣсто прежнихъ 15 секундъ, теперь достаточно 4-хъ секундъ для снятія портрета. Прежде для минутныхъ снимковъ употребляли очень сильные, дорогіе объективы, которые, несмотря на большой поперечникъ, давали малое изображеніе; теперь-же употребляются болѣе слабые инструменты, дешевле прежнихъ, но тѣмъ не менѣе дающіе большія изображенія. Ранѣе не умѣли дѣлать моментальныхъ снимковъ большей величины, чѣмъ стереоскопныя картинки, а теперь Обернеттеръ въ Мюнхенѣ изготовилъ прекраснѣйшіе минутные снимки мюнхенскаго праздника стрѣлковъ 1881 г., двойной величины, отъ 10 до 12 дюймовъ.

Здѣсь помѣщенный рис. 1—моментальная фотографія художника Прюмма изображаетъ морской берегъ на о. Сильтѣ съ летающими чайками. Фотографія ихъ сдѣлана съ поразительною скоростью, въ 1/100 секунды. Эти результаты служатъ доказательствомъ, что фотографированіе птицы во время полета не есть вымыселъ. Для этого не надо даже *фотографическаго ружья*, сдѣланнаго г. Мэрей въ Парижѣ. Ружье это состоитъ изъ фотографической камеры, въ немного измѣненной, на подобіе револьвера-ружья, формѣ. Въ стволѣ помѣщается объективъ, а въ вертящемся револьверномъ барабанѣ—маленькая фотографическая пластинка. Цѣлясь этимъ инструментомъ въ летящую птицу и спуская курокъ, освобождается часовой механизмъ, который повертываетъ барабанъ съ пластинкой въ одну секунду одинъ разъ съ 12-ю пріостановками и за каждой двѣнадцатой частью поворота открываетъ моментальный затворъ на 1/700 секунды. Пользуясь чувствительными желатиновыми пластинками, этого времени достаточно, чтобы получить изображеніе летящей птицы, и пластинка даетъ двѣнадцать снимковъ съ двѣнадцатью различными положеніями крыльевъ; если смотрѣть на эти изображенія въ зоотропъ, то получается ясное представленіе летящей птицы.

Полученные такимъ образомъ снимки чрезвычайно малы и точно такъ же черны, какъ и снимки лошади Мюйбриджа. Однако ихъ легко увеличить; для этого ихъ вставляютъ въ цѣлесообразно устроенный, освѣщенный химически дѣйствующимъ свѣтомъ, волшебный фонарь (названный также сціоптиконъ) и увеличенное изображеніе принимается на чувствительную пластинку. Рис. 2 и 3, представляютъ два увеличенныхъ изображенія со снимка полета чайки помощью ружья Мэрей.

Такимъ образомъ, если фотографія даетъ возможность изучать движенія животныхъ, то въ области астрономіи она оказываетъ неоцѣнимыя услуги, способствуя изученію небесныхъ тѣлъ.

Еще во время употребленія пластинокъ колодія фотографія была большимъ подспорьемъ для астрономовъ. Трудныя и утомительныя наблюденія надъ постоянно образующимися и измѣняющимися пятнами на центральномъ огнѣ нашей планетной системы — солнцѣ, чрезвычайно облегчились примѣненіемъ фотографіи: одной тысячной части секунды было достаточно, чтобы получить на прежнихъ мало чувствительныхъ пластинкахъ подробное изображеніе самаго яркаго предмета въ природѣ.

На рис. 4 представлены моментальные снимки солнца, сдѣланные въ 1867 г. 11-го, 14, 15 и 19 марта въ Нью-Іоркѣ, извѣстнымъ любителемъ астрономіи фотографомъ Рутерфордомъ. На восточной сторонѣ солнца замѣтно пятно *a* (1), во 2, 3 и 4

фиг. оно постепенно увеличивается и движется вмѣстѣ съ вращеніемъ солнца и наконецъ скрывается на западной сторонѣ (сним. 5).

Не менѣе важные снимки получаются свѣтописью при солнечныхъ затмѣніяхъ. Непродолжительность послѣднихъ (полное затмѣніе бываетъ не болѣе нѣсколькихъ минутъ) совершенно не допускаетъ вѣрной срисовки рѣдкихъ, видныхъ только во время полнаго затмѣнія, феноменовъ, а именно выпуклостей и окружающаго солнце сіянія. Рис. 5 представляетъ фотографическій снимокъ солнца, сдѣланный, во время затмѣнія въ Аденѣ въ Аравіи, 18 августа 1868 г. Замѣчательны огненныя образованія на одной сторонѣ и громадный рогъ на другой сторонѣ солнца. Послѣдній обладаетъ явственно винтообразнымъ строеніемъ и достигаетъ колоссальной вышины въ 18,000 миль, что почти въ десять разъ превосходило длину земнаго поперечника. Слѣдуетъ упомянуть, что во время снимания солнце было закрыто тучами и только отдѣльныя части краевъ солнца были фотографированы въ промежутки облаковъ. Верхняя часть изображенія получилась при первомъ снимкѣ, нижняя — съ жемчугообразными выпуклостями—только послѣ третьяго снимка. Всего-же въ 3 минуты продолжавшагося затмѣнія было сдѣлано 4 снимка.

Рис. 1. Часть морскаго берега на о. Сильтѣ съ летящими чайками.

Гораздо труднѣе снимать небесныя явленія со слабымъ свѣтомъ, какъ напр. кометы и туманныя пятна, и фотографія этихъ послѣднихъ сдѣлалась возможной только съ изобрѣтеніемъ чувствительныхъ сухихъ пластинокъ. Съ помощью ихъ астроному Янсену, директору астрономическо-фотографической обсерваторіи въ Медонѣ около Парижа, удалось точно воспроизвести вторую комету 1881 г. По заключенію Янсена свѣтъ кометъ въ 300,000 разъ слабѣе свѣта полной луны.

Еще важнѣе, но и болѣе трудно, чѣмъ изученіе формы небесныхъ тѣлъ—это изученіе спектра.

Трудность заключается именно въ томъ, что изъ всей массы свѣта, посылаемаго къ намъ небесными тѣлами, для изученія спектра можетъ быть употреблена только часть его, которая пропускается въ маленькую щель, прорѣзанную въ металлической пластинкѣ. Проходящій чрезъ такую щель свѣтъ пропускается чрезъ одну или нѣсколько призмъ и тогда появляется или система темныхъ линій, какъ въ свѣтѣ солнца (такъ называемыя линіи Фраунгофера) или рядъ свѣтлыхъ, какъ выпуклости.

Эти свѣтлыя линіи первымъ увидѣлъ астрономъ Янсенъ во время солнечнаго затмѣнія 1868 г. Такія-же линіи появляются въ стеклянныхъ трубкахъ (такъ называемыхъ Гейслеровыхъ), наполненныхъ разжиженнымъ водороднымъ газомъ, и накаленныхъ электричествомъ, что несомнѣнно указываетъ на тотъ фактъ, что всѣ выпуклости состоятъ изъ горящаго водорода.

Неподвижныя звѣзды даютъ темныя линіи, на подобіе солнца. Но эти темныя линіи тѣлъ, отстоящихъ отъ насъ на милліарды миль, значительно уклоняются отъ линій солнечнаго спектра. Наблюденіе такихъ спектровъ, вслѣдствіе незначительной свѣтовой силы этихъ звѣздъ, представляетъ не малыя трудности. Здѣсь фотографія служитъ прекраснымъ вспомогательнымъ средствомъ для срисовыванія линій. Конечно линіи красныя и желтыя фотографія воспроизводитъ только при особенно благопріятныхъ условіяхъ, но за то ясно показываетъ линіи голубыя, фіолетовыя и ультрафіолетовыя, т. е. находящіяся за фіолетовой линіей спектра и которыя глазъ нашъ почти совершенно не видитъ.

Въ послѣднее время Гуггинсъ дѣлалъ снимки спектра туманныхъ пятенъ съ очень слабымъ свѣтомъ. а также недавно появившейся кометы Вель. При этомъ обнаружились такія загадочныя линіи, опредѣленіе значенія которыхъ принадлежитъ будущему.

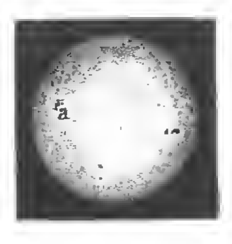
Ближайшее къ намъ небесное тѣло—луна, давно уже служило предметомъ для фотографіи. Для снятія изображенія луны достаточно частички секунды, а потому уже давно имѣются прекрасные фотографическіе снимки луны. работы любителя астрономіи г. Варренъ-де-ля-Рю въ Англіи и американца Рутерфорда. Гораздо труднѣе фотографированіе предметовъ, освѣщенныхъ луною, короче сказать лунныхъ ландшафтовъ. Прежніе опыты съ малочувствительными пластинками не удавались. Съ изобрѣтеніемъ-же прочныхъ, чувствительныхъ пластинокъ опыты оказались совершенно удачными и такимъ образомъ въ мартѣ этого года былъ снятъ памятникъ убитаго президента Гарфильда, находящійся на кладбищѣ Клевелендъ въ Огіо. Фотографированіе заняло время отъ 8 ч. вечера до 3 ч. утра.

Помѣщенный рисунокъ (рис. 6) изображаетъ снимокъ, на которомъ очень мало замѣтно лунное сіяніе. Болѣе всего объ немъ напоминаютъ темныя, тяжелыя массы деревьевъ: на самой постройкѣ тѣни неопредѣленны, такъ какъ луна, въ длинный промежутокъ фотографированія, описала большую дугу на небѣ, вслѣдствіе чего сторона зданія, бывшая въ началѣ тѣневой стороной, къ концу была освѣщена.

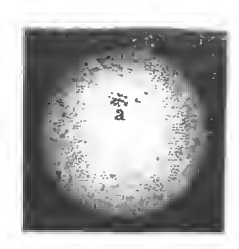
Рис. 2. Чайка во время полета.

Рис. 3. Чайка во время полета.

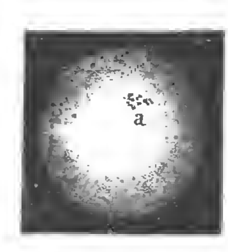
Какъ-бы ни были важны услуги, которыя оказала фотографія при снятіи движущихся предметовъ и изображеніи милліардовъ, удаленныхъ отъ насъ кометъ и туманныхъ пятенъ, этимъ она не достигла-бы никакой громадной популярности. Послѣдней она обязана только и единственно тому, что она даетъ недорогіе портреты; такъ какъ большая часть ученаго и неученаго, культурнаго и некультурнаго человѣчества живѣе интересуется своимъ изображеніемъ или портретомъ близкаго человѣка, чѣмъ всѣми снимками солнца, луны и звѣздъ.



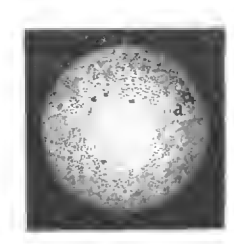
Фиг. 1.



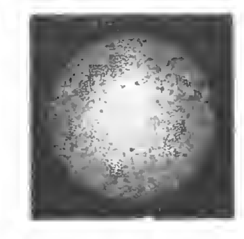
Фиг. 2.



Фиг. 3.



Фиг. 4.



Фиг. 5.

Рис. 4. Мгновенные снимки съ солнца въ разные дни.

Въ соединеніи съ астрономіей фотографія можетъ завладѣть небомъ, но какъ портретное искусство она уже давно обладаетъ землею, заселенною людьми. Даже австралійскій негръ и тотъ радуется своему хотя бы несовершенному портрету. Фотографіей занимаются не только народы культурные, но и полуцивилизованныя расы. По сообщенію англійскаго консула. въ Нагасаки, 15 лѣтъ тому назадъ было 49 фотографовъ туземцевъ. Въ Китайскомъ кварталѣ Санъ-Франциско въ 1876 году были также фотографы китайцы. а въ Калькуттѣ—индѣйцы.

Не лишнее поэтому въ заключеніе сказать нѣсколько словъ объ успѣхахъ самой популярной отрасли фототехники, т. е. портретной фотографіи.

Когда солнце опускается, фотографическая сила свѣта значительно ослабѣваетъ (21-го декабря, даже при ясномъ небѣ въ полдень, она не больше силы свѣта 21-го іюня спустя часъ послѣ заката солнца). Зимою фотографъ при наступленіи короткихъ дней располагаетъ очень немногими часами для своей работы. Къ этому присоединяются еще атмосферическія неясности, ноябрскіе туманы, совершенно недозволяющіе работать. Эти неудобства отчасти были устранены желатиновыми чувствительными пластинками, уменьшившими время сидѣнія до 1/3 и 1/5. Но нерѣдко случается просиживать въ ноябрѣ цѣлую минуту, и рѣдко кому удается высидѣть смирно и сохранить одно и тоже выраженіе въ продолженіи цѣлыхъ 60 секундъ.

Для избѣжанія этихъ неудобствъ стали испытывать искусственное освѣщеніе, съ цѣлью сдѣлать сниманіе портретовъ независимымъ отъ дневнаго свѣта. Газовый свѣтъ оказывается мало пригоднымъ вслѣдствіе малаго содержанія химически дѣйствующихъ лучей. Сильный же свѣтъ лампы—генератора Сименса хотя производитъ прекрасный фотографическій эффектъ, но развивающаяся теплота непріятно дѣйствуетъ на снимающагося. Болѣе пригоденъ для этой цѣли индійскій бѣлый огонь, и дѣйствительно онъ употребляется въ Лондонѣ для снятія портретовъ. Онъ зажигается въ лампѣ съ рефлекторомъ, снабженной также трубой для удаленія копоти.

Лучшимъ искусственнымъ свѣтомъ, превосходящимъ всѣ остальные химической силой, слѣдуетъ признать электрическій свѣтъ. Введеніе его въ фотографическихъ мастерскихъ сдѣлалось возможнымъ только съ примѣненіемъ динамо-электрическихъ машинъ, т. е. когда добываніе его упростилось.

Ванъ-дер-Венде, лондонскій фотографъ, былъ первымъ фотографомъ, воспользовавшимся электрическимъ свѣтомъ. Динамо-электрическая машина, установленная въ подвалѣ его дома, въ Регентстритѣ, доставляетъ ему электрическій токъ, который, проходя между углями, образуетъ гальваническую свѣтовую дугу, равную по силѣ 1,000 свѣчей.

Прямые лучи этого сильнаго свѣта не нужны вѣдь для снятія портрета, напротивъ невольно отъ нихъ сжимаются мускулы, уменьшаются глаза и получаются слишкомъ рѣзкія тѣни. Эти недостатки Ванъ-деръ-Вейде избѣгаетъ тѣмъ, что онъ разобщаетъ снимающееся лицо съ прямыми лучами и освѣщаетъ его мягкимъ бѣлымъ свѣтомъ изъ полукруглаго рефлектора, закрытаго бѣлой бумагой. На рис. 7 изображена электрофотографическая мастерская.

На висячихъ подмосткахъ укрѣпленъ подвижной рефлекторъ A, въ срединѣ котораго горитъ электрическій свѣтъ возлѣ R. Непосредственно передъ свѣтомъ находится небольшая плотная металлическая задвижка, препятствующая ослѣпительнымъ лучамъ попадать на сидящую особу. Она освѣщается только мягкимъ свѣтомъ, отраженнымъ стѣнками рефлектора. Величина отражающей поверхности (рефлекторъ имѣетъ 5 футовъ въ поперечникѣ) препятствуетъ образованію рѣзкихъ черныхъ тѣней, кромѣ того, рефлектные зонтики способствуютъ *освѣщенію* тѣневыхъ сторонъ.

Такимъ образомъ удалось вполнѣ замѣнить дневной свѣтъ; съ этимъ связано еще то преимущество, что фотографическая мастерская можетъ быть устроена въ любомъ этажѣ и даже въ комнатѣ безъ оконъ.

Несомнѣнно, что электрическое освѣщеніе требуетъ извѣстнаго навыка и искусства, иначе портреты выходятъ мало выразительными и плоскими. Ванъ-деръ-Вейде доказалъ, что можно однако дѣлать портреты при электрическомъ свѣтѣ, ничѣмъ не уступающіе портретамъ, снятымъ при дневномъ освѣщеніи.

Послѣ Англіи электрическій свѣтъ былъ примѣненъ для фотографическихъ цѣлей, въ Россіи и именно въ Петербургѣ. Дѣйствительно здѣсь, гдѣ зима съ ея короткими днями тянется долго, необходимо прибѣгать къ подобнымъ вспомогательнымъ средствамъ. Уже три года электрическій свѣтъ съ большимъ успѣхомъ примѣняется придворнымъ фотографомъ Левицкимъ и многіе его портреты, даже членовъ Августѣйшаго Семейства, сдѣланы съ помощью электрическаго освѣщенія.

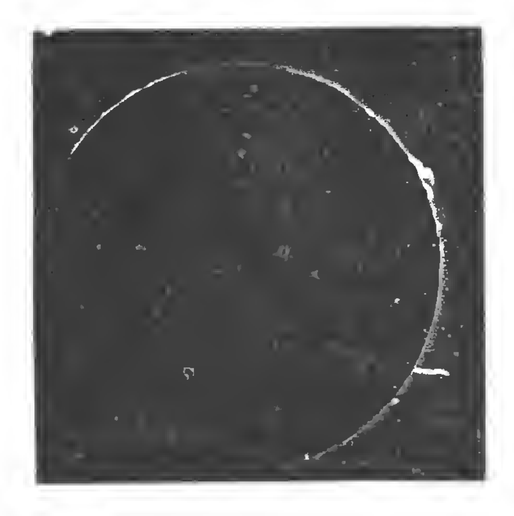


Рис. 5. Солнечное затмѣніе 18 августа 1868 г. Снимокъ сдѣланъ въ Аденѣ.

Рис. 6. Гробница Гарфильда. Снимокъ сдѣланъ при лунномъ освѣщеніи.

Рис. 7. Внутренній видъ электро-фотографическаго ателье.

Политическое обозрѣніе.

Конференція въ Лондонѣ относительно дунайской комиссіи.—Заговоръ въ Константинополѣ.—Саидъ-Паша и Гази-Османъ снова министры.—Конецъ процесса Араби-Паши.—Лордъ Дефферинъ и Египетъ.—Колоніальное соперничество Англіи и Франціи.—Гамбетта.—Англія.—Германія.

Европа не выходитъ изъ конгрессовъ и конференцій. И добрый былъ бы знакъ, еслибъ онѣ, по проекту Генриха IV-го и аббата де С. Пьера, замѣнили рѣшеніе международныхъ споровъ оружіемъ, но—увы!—конгрессы конгрессами, а война войной—одно другому не мѣшаетъ въ наше „цивилизованное" столѣтіе. Теперь на очереди новая конференція, а именно—относительно европейской международной дунайской комиссіи: ея полномочія истекаютъ и Европѣ приходится продолжить ихъ. Иниціативу европейскаго совѣщанія взяла на себя вездѣсущая Англія, которая уже и послала державамъ приглашеніе отрядить уполномоченныхъ въ Лондонъ. Дѣло, конечно, не ограничится „полномочіями," несомнѣнно выплывутъ вопросы о положеніи на Дунаѣ Австро-Венгріи, Румыніи, Россіи. Пожалуй и Килійскій вопросъ выдвинется,—да ужъ не притихъ ли онъ именно въ виду конференціи? A bon entendeur salut!...

Въ Болгаріи начаты выборы избирателей 1-й степени, которые, въ свою очередь, обязаны избрать членовъ въ народное собраніе.

Въ Константинополѣ открытъ новый заговоръ, во главѣ его стоялъ маршалъ Фуадъ-Паша, нѣкоторыя другія лица и черкесы: по слухамъ—цѣлью было бы низложеніе Абд-уль-Гамида и возведеніе—по однимъ слухамъ, Мурада, а по другимъ, Рашида; какъ бы то ни было, замыслу этому не было дано осуществиться и Фуадъ-Паша арестованъ въ Ильдизъ-Кіоска, черкесскій драгунскій полкъ раскассированъ, черкесы отправлены на родину, и увѣряютъ даже, будто изъ гарема тоже выслано вслѣдъ за ними довольно значительное число черкешенокъ. Султанъ, уволившій, было, перваго министра Саида-Пашу, а также Гази-Османа, одумался и вновь назначилъ Саида на его постъ, съ титуломъ визиря, а Османа—военнымъ министромъ, съ титуломъ сераскира. Въ Египтѣ кончился процессъ Араби-Паши. Все, впрочемъ, произошло по заранѣе составленной программѣ—заранѣе было рѣшено обвинять его только въ вооруженномъ возстаніи. Араби-Паша, 21 ноября (3 декабря), въ 9 часовъ утра, по соглашенію съ адвокатами, явился въ засѣданіе военнаго суда, собравшагося подъ предсѣдательствомъ Реуфа-Паши, въ залѣ стараго даирскаго дворца, и призналъ себя виновнымъ (вѣроятно—тоже по соглашенію); судъ, объявивъ, что приметъ это сознаніе во вниманіе,—въ 3 часа объявилъ резолюцію, которою приговорилъ Араби-Пашу къ смертной казни (хорошо принялъ во вниманіе! но—ему надо это было сдѣлать, какъ сейчасъ увидимъ):—хедивъ смягчилъ приговоръ, замѣнивъ для Араби-Паши смертную казнь пожизненнымъ изгнаніемъ, причемъ, однако, въ Гаттѣ сказано, что еслибы онъ вздумалъ возвратиться въ Египетъ—то былъ бы немедленно подвергнутъ смертной казни. Лордъ Дёфферинъ, въ своихъ реорганизаціонныхъ планахъ, остановился на томъ принципѣ, что, въ видахъ устраненія на будущее время волненій и революцій, необходимо предоставить туземцамъ большее участіе въ управленіи, съ самымъ ограниченнымъ допущеніемъ европейцевъ и то-лишь въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ необходимы спеціалисты. Ну а—„долгъ" Египта будетъ „регулироваться" съ такою же прогрессирующею выгодностью для Египтянъ? Лордъ Дёфферинъ, устрояя англо-египетскія дѣла, стряпаетъ и англо-абиссинскія дѣла: хедивъ, проникшись почему-то чувствомъ безпристрастія, нашелъ справедливымъ уступить Абиссиніи портъ Массуа, съ его окрестностями, на Черномъ морѣ. А мы увѣрены въ томъ, что Абиссинія непремѣнно найдетъ удобнымъ и для себя (!) выгоднымъ отдать и этотъ портъ подъ покровительство Англіи, да ужъ, кстати, и себя самихъ.

Но все это не нравится Франціи, не нравится очень. Она отказала Англіи удовольствоваться—какъ та ей предлагала—предсѣдательствомъ въ комиссіи погашенія египетскихъ долговъ, взамѣнъ упраздненія двойственнаго, англо-французскаго контроля, вмѣсто котораго учреждается *единственный* англійскій.

Дюклеркъ, желающій, повидимому, придать французской внѣшней политикѣ нѣкоторую энергичность, задумалъ, какъ мы уже говорили, возобновить политику колоніальную, имѣющую во Франціи столь славныя традиціи. Между прочимъ, нынѣшнее министерство стремится воспрепятствовать усиленію англійскаго вліянія у береговъ Африки и для того начата исторія (обыкновенная у цивилизованныхъ и могущественныхъ европейскихъ государствъ съ слабыми—другихъ частей свѣта) придирки къ Мадагаскарской королевѣ Рановэло и ея маленькому королевству—Франція упрочиваетъ свой протекторатъ тамъ; мадагаскарскіе посланники отправились въ Лондонъ жаловаться Гладстону и—отношенія между недавними друзьями теперь натянуты. Гамбетта имѣлъ двѣ непріятныя исторіи. Въ разговорѣ, который онъ имѣлъ, какъ-то, съ своею политическою пріятельницею, Аданъ, онъ сказалъ, что, въ случаѣ удаленія Грэви, выставитъ кандидатомъ на его постъ генерала Кампанона (изъ его друзей), давъ понять, что этотъ президентъ будетъ только для вида и на время, а затѣмъ подготовитъ избраніе его, Гамбетты. Аданъ не нашла ничего лучшаго, какъ разболтать эти слова, которыя были подхвачены журналистами противоположныхъ лагерей и, въ извращенномъ, вѣроятно, видѣ, съ коментаріями пущены повсюду; Гамбетта опровергалъ росказни въ своей „République Française", Аданъ исправляла свой разсказъ, и сплетня превратилась во что-то шуточное, чему теперь уже не придаютъ никакого серьёзнаго значенія. Вскорѣ послѣ того, бывшій диктаторъ, разсматривая револьверъ, нечаяннымъ выстрѣломъ, ранилъ себя въ руку. Явились новые коментаріи, сопоставленія и т. д. Въ настоящее время ему лучше.

Если заглянемъ въ Англію, то услышимъ, что ея правительство старается успокоить Европу: Королева, закрывая парламентъ, въ своей рѣчи, сказала, между прочимъ: „Новѣйшія событія въ Египтѣ умножили мои обязанности по отношенію къ этой странѣ (?!). Я постараюсь выполнить ихъ, удержавъ неприкосновенность международныхъ договоровъ... Надѣюсь, что мои намѣренія, а также результаты переговоровъ, которые велись съ другими правительствами, будутъ одобрены всѣми союзными державами и признаны въ ихъ отношеніяхъ къ Египту." Привычный тонъ, знакомыя слова. Но—что все это значитъ, когда надо завладѣть чѣмъ нибудь еще? А въ Ирландіи терроръ нисколько не уменьшается, Дублинъ похожъ на завоеванный городъ—по улицамъ постоянно ходятъ патрули съ оружіемъ на готовѣ, да и не напрасно: недавно совершено покушеніе на убійство и два новыхъ убійства—полицейскаго агента Кокса и нѣкоего Фильда, бывшаго присяжнымъ въ одномъ изъ аграрныхъ процессовъ, кончившихся смертнымъ приговоромъ для подсудимаго.

Бюджетъ германской арміи опредѣленъ, какъ и въ предшествующіе два года, въ 340 милліоновъ, изъ которыхъ—300 милліоновъ для Пруссіи и ея контингентовъ (Саксоніи, Мекленбурга, Гессена, Бадена и проч.) и 40 милліоновъ для Баваріи, выговорившей себѣ отдѣльный бюджетъ. Въ Франкфуртѣ учредилось общество для колонизаціи Гвинеи.

Смѣсь.

О погребѣ, какъ о главномъ хранилищѣ винъ, ихъ розливѣ и очисткѣ. Немаловажную роль играютъ въ сохраненіи разныхъ овощей (напр. сельдерея, свеклы рѣдьки и проч.) и въ особенности винъ въ боченкахъ,—сухіе, прохладные погреба, которые должны быть устроены въ подвальныхъ этажахъ жилыхъ помѣщеній. Самый лучшій погребъ считается такимъ, когда, по удаленіи сырости, полъ у него сдѣланъ изъ цемента, или плитняка, скважины котораго залиты цементомъ (при таковыхъ-же плитняковыхъ, или кирпичныхъ сводахъ), который отстоитъ ниже уровня земли по крайней мѣрѣ на сажень... При соблюденіи возможной опрятности необходимо, чтобы не было сырости, которая вредитъ въ особенности напиткамъ. На югѣ Россіи, какъ напр. на Дону, въ Крыму, на Кавказѣ, Астраханскомъ краѣ и проч. мѣстахъ, гдѣ ростетъ виноградъ, замѣчено, что вина гораздо лучше сохранялись въ боченкахъ, въ погребахъ, удаленныхъ отъ улицъ. Причину таковаго явленія можно объяснить тѣмъ, что сотрясеніе отъ ѣзды по улицамъ приводитъ вино въ брожевіе... Само собою разумѣется, лучшій способъ сохраненія винъ—въ боченкахъ, которые осматриваютъ предварительно, чтобы они не давали течи, тщательно задѣлывая и засмаливая скважины, чтобы не попадалъ туда воздухъ.

Запасая вино въ бочкахъ (которое на мѣстѣ, довольно хорошее, обойдется не свыше 1 руб. за ведро, въ особенности въ земляхъ Войска Донскаго—въ Раздорской станицѣ и друг.), не должно покупать его моложе полгода. Опытные хозяева, при небольшой выдержкѣ и выдѣлкѣ, приготовляютъ вино такъ, что оно не уступаетъ заграничнымъ винамъ. При розливѣ его, если вино мутное, нужно очищать слѣдующимъ образомъ: бѣлое — растворомъ въ винѣ-же рыбьяго клея, а красное — яичными бѣлками. Достаточно 4 бѣлковъ, чтобы очистить большую бочку вина. Для этого отдѣливъ отъ нея 4 бутылки вина, необходимо ихъ размѣшать съ этими бѣлками. Затѣмъ, взбалтываютъ вино въ бочкѣ веслообразной палкой, вертя его кругообразно, и вливаютъ посредствомъ воронки соединившіеся съ виномъ 4 бѣлка въ небольшое отверстіе, которое, послѣ того, какъ вино еще разъ хорошенько разболтаютъ, плотно закупориваютъ втулкою. Точно также поступаютъ и съ бѣлымъ виномъ, смѣшивая предварительно разваренымъ рыбьимъ клеемъ. По истеченіи 4 дней, вино можно разливать въ бутылки. Разъ уже начавши бочку, нужно разливать ее всю въ бутылки, хорошо ихъ закупоривъ, иначе вино навѣрное потеряетъ свое достоинство. При розливкѣ вина въ бутылки, выбирается день сухой и ясный, такъ какъ сырая температура можетъ имѣть на него вредное вліяніе; причемъ самыя бутылки наканунѣ этого дня должны быть хорошо выполосканы и опрокинуты горлышкомъ внизъ. Разлитое-же вино сохраняется въ ящикѣ, насыпанномъ мелкимъ пескомъ.

Переходя затѣмъ къ способу приготовленія искусственныхъ винъ, можно указать, какъ на самый легкій, на подделку *Мускатъ-Люнеля*, для приготовленія котораго, на 1 ведро хорошаго столоваго вина, должно влить 1 унцію капилярнаго сиропу и 4 драхмы бузинной эссенціи, затѣмъ, смѣшавши все это, дать ему постоять нѣсколько дней.

Въ погребѣ, не особенно прохладномъ, можно производить *искусственно грибы*, ростъ которыхъ не требуетъ свѣта. Обыкновенно на устроенныхъ, на широкихъ полкахъ, грядахъ, какъ уже было сказано, закладываютъ примѣрно пальца на 2, 3 въ песокъ грибницу, которую добываютъ осенью, когда изъ парниковъ, или такъ называемыхъ „рамъ" выбираютъ навозъ. При раскопкѣ въ оныхъ навоза, эту грибницу, или сплетеніе вѣтвистыхъ волокнистыхъ клѣточекъ, изъ которыхъ выростаютъ *печерицы* или *шампиньоны*, легко замѣтить, такъ какъ она имѣетъ видъ *бѣлой*, нѣжной плѣсени, *) которую на огородахъ можно купить за корзину 1 р.

Паутина, падающая въ видѣ дождя. Въ концѣ октября 1881 года, жители города Мильвока (въ Соединенныхъ Штатахъ) и въ его окрестностяхъ были свидѣтелями чрезвычайно интереснаго и рѣдкаго явленія. Они видѣли, какъ съ неба падалъ дождь, состоявшій изъ паутины и который падалъ, какъ казалось, съ громадной высоты и былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того частъ, что даже затемнялъ небесную лазурь. Эти паутинныя нити имѣли нѣсколько метровъ длины, а въ Гринъ-Беѣ онѣ достигали даже двадцати метровъ, причемъ были плотны и совершенно бѣлаго цвѣта. При паденіи паутины, пауковъ нигдѣ не было замѣчено. Паденіе такихъ нитей наблюдалось уже и прежде въ разныхъ странахъ. Такъ Уайтъ разсказываетъ нѣсколько такихъ случаевъ въ своей исторіи Сельборна, и говоритъ, что однажды такое явленіе продолжалось цѣлый день. Дарвинъ наблюдалъ подобный же дождь во время своего плаванія на кораблѣ Бигль около устья Лаплаты въ 20 лье отъ берега. Онъ первый подмѣтилъ, что съ каждымъ моткомъ паутины упадалъ и крохотный аэронавтъ. Онъ не терялъ изъ виду этихъ пауковъ и по паденіи ихъ на палубу и видѣлъ, какъ большинство ихъ ткало новую паутину и снова пускалось въ воздушное путешествіе. Эти факты нашли подтвержденіе и у другихъ наблюдателей. Впрочемъ цѣль такихъ воздушныхъ полетовъ пауковъ до сихъ поръ осталась очень трудно объяснимой тайной, да и вообще вся естественная исторія насѣкомыхъ представляетъ еще широкое поле для всякаго рода догадокъ и предположеній.

Недавно въ Парижъ пріѣхала дочь знаменитаго въ своемъ родѣ, короля острова Гаити—Зулука. Мужъ ея былъ нѣкогда возведенъ въ герцогское достоинство, тестемъ своимъ, королемъ, но не желая служить посмѣшищемъ, онъ отказался отъ этого громкаго титула и носитъ просто фамилію Любенъ. Какъ извѣстно, Зулукъ или Фаустинъ I-й присвоилъ себѣ цѣлый рядъ блестящихъ титуловъ: онъ именуется герцогомъ, графомъ Нумеръ-второй, княземъ Кампотомъ и мног. др. Однажды, дѣлая смотръ своей гвардіи, онъ нашелъ, что его бравымъ чернымъ воинамъ необходимо имѣть кокарду на медвѣжьихъ шапкахъ. Тотчасъ-же послалъ онъ за своимъ гофмаршаломъ и строго приказалъ ему озаботиться немедленнымъ пріобрѣтеніемъ кокардъ. Маршалъ былъ въ отчаяніи: какимъ образомъ могъ онъ достать кокарды на островѣ Гаити? Изъ этого затруднительнаго положенія вывелъ его завѣдующій королевской кухней находчивый и остроумный французъ. Онъ вырѣзалъ изъ жестяныхъ банокъ и коробокъ, въ которыхъ присылались фрукты, консервы и другіе съѣстные припасы, медальоны вмѣстѣ съ этикетами и ярлычками и отдалъ придѣлать ихъ къ медвѣжьимъ шапкамъ. Одинъ европеецъ, приглашенный королемъ на парадъ, спустя долгое время, былъ крайне удивленъ, читая, во время осмотра войскъ, на шапкахъ гвардейцевъ странныя надписи.

Протяженіе телеграфной линіи въ настоящее время равняется: въ Германіи 32 тыс. миль, въ Россіи 27 тыс., во Франціи 25 тыс., въ Великобританіи 24,000, въ Австро-Венгріи около 20 тыс., въ Испаніи 11 тыс., въ Швеціи и Норвегіи 5,700, въ Бельгіи 3,300 и въ Швейцаріи почти 2 тыс. миль. Совершенно другой порядокъ примутъ названныя здѣсь государства, если распредѣлить ихъ по числу отправленныхъ депешъ. Такъ, въ минувшемъ году отправлено было телеграммъ: въ Англіи 29.820,445, во Франціи 19.882,628, въ Германіи 16.312,457, въ Австро-Венгріи 8.729,321, въ Россіи 7.298,422, въ Италіи 6.511,497, въ Бельгіи 3.109,230, въ Швеціи и Норвегіи 2.028,805.

О томъ, какіе успѣхи сдѣлала Америка въ сельскомъ хозяйствѣ въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, можно судить изъ слѣдующей обнародованной оффиціальной таблицы:

	1870 г.	1880 г.
Обработанныхъ полей въ акрахъ . .	407.735,041	539.351,713
Лошадей	7.145,370	10.357,981
Молочнаго скота	8.935,332	12.443,593
Прочаго рогатаго скота.	13.556,005	22.488,590
Свиней.	25.134,569	47.683,951
Маиса въ снопахъ.	760.944,549	1.754.861,535
Пшеницы въ снопахъ.	287.745,626	459.479,505

Когда генералу Гранту во время войны удалось выдвинуться своими способностями, благодаря бездарнымъ полководцамъ арміи Сѣверныхъ Штатовъ, то у него явилось много недоброжелателей, взводившихъ на него различныя обвиненія, несмотря на то, что онъ храбро сражался и одерживалъ побѣды; между тѣмъ какъ другіе генералы давали о себѣ знать только неудачами.

Какъ разъ въ то время, когда получена была депеша, извѣщавшая о новой побѣдѣ Гранта надъ конфедератами, въ такъ называемый „Бѣлый домъ" къ президенту Линкольну явилась депутація съ требованіемъ уволить Гранта отъ занимаемой имъ должности, такъ какъ онъ сильно предается употребленію спиртныхъ напитковъ и дѣлаетъ самые безразсудные поступки. Линкольнъ улыбаясь смотрѣлъ нѣкоторое время на депутатовъ и наконецъ спросилъ: „Быть можетъ, господа, вамъ извѣстна фирма того торговаго дома, виски котораго пьетъ Грантъ"? Изумленные депутаты отвѣтили отрицательно. „Жаль", продолжалъ Линкольнъ „а то бы я послалъ всѣмъ генераламъ этого виски, чтобы они дѣлали такія же ошибки, какія дѣлаетъ генералъ Грантъ. Онъ только что, напримѣръ, одержалъ громадную побѣду надъ конфедератами"! Послѣ этихъ словъ депутаты въ смущеніи удалились.

Приложеніе электричества къ военнымъ дѣйствіямъ. Военныя власти Англіи усердно стараются примѣнить электричество къ стратегическимъ цѣлямъ. Такъ съ багажемъ египетской арміи было послано болѣе ста тысячъ электрическихъ столбовъ изъ легкаго дерева съ желѣзными острыми наконечниками, которые легко каждый солдатъ могъ воткнуть въ землю. По словамъ англійскихъ газетъ, въ Вимблединскомъ лагерѣ, солдаты 24-го полка волонтеровъ передали электрическимъ путемъ, въ пять дней, болѣе чѣмъ 210,000 словъ, безъ всякаго особеннаго затрудненія. Въ тоже время британское адмиралтейство озабочивается теперь примѣнить электричество къ устройству усовершенствованныхъ торпедо.

Прогрессъ образованія въ Японіи. По послѣднему годовому отчету японскаго министра народнаго просвѣщенія, въ Японіи въ настоящее время существуетъ 28,025 школъ, изъ которыхъ 16,710 казенныхъ и 11,315 частныхъ. Кромѣ того насчитывается высшихъ школъ: 107 публичныхъ и 677 частныхъ. Помимо этихъ воспитательныхъ учрежденій, Японія имѣетъ много такъ называемыхъ дѣтскихъ садовъ. Частныя школы играютъ здѣсь большую роль въ образованіи народа. Многія изъ нихъ привлекаютъ цѣлыя массы учениковъ, привлекаемыхъ какимъ нибудь знаменитымъ учителемъ, какъ то было въ средневѣковой Европѣ, когда громадныя толпы студентовъ направлялись въ Парижъ, чтобы слушать лекціи Абеларда. Самый извѣстный изъ руководителей и наставниковъ японскаго юношества — это Фукозава въ Токіо, котораго переводы съ европейскихъ языковъ пользуются въ Японіи громадною популярностью, какъ напр. его переводъ „Богатства народовъ" Адама Смита.

Долговѣчность муравьевъ. Джонъ Леббокъ, давно занимающійся изслѣдованіями надъ жизнью муравьевъ, сообщаетъ теперь очень интересныя свѣдѣнія объ ихъ долговѣчности. По его словамъ, въ имѣющейся у него коллекціи муравьевъ до нынѣ живутъ двѣ матки, принесенныя ему изъ лѣса еще въ 1874 году. Самцы, какъ оказывается, живутъ не такъ долго, но и изъ нихъ нѣкоторые, по мнѣнію Леббока, живутъ до шести лѣтъ, особенно изъ вида Losins Niger.

Самый большой цвѣтокъ въ мірѣ — это Raflesia Arnoldi, цвѣты котораго теперь красуются на выставкѣ въ берлинскомъ ботаническомъ саду. Родина этого цвѣтка — Ява и Суматра. Въ періодѣ увяданія онъ имѣетъ три метра величины и метръ въ діаметрѣ; вѣсъ-же равняется 7 килограммамъ.

Извѣстно, что островъ Суматра, весьма мало изслѣдованный европейцами, заключаетъ въ себѣ громадные лѣса, населенные носорогами, тиграми и слонами. Растительность здѣсь также разнообразна и роскошна, какъ въ Индіи. Въ нѣдрахъ-то этихъ первобытныхъ, почти непроницаемыхъ лѣсовъ и былъ встрѣченъ въ 1879 году въ первый разъ Raflesia Arnoldi. Сиръ Томасъ Раффльсъ, губернаторъ Суматры, и докторъ Іосифъ Арнольдъ однажды прогуливались вдвоемъ и неожиданно открыли цвѣтокъ, который потому и названъ былъ ихъ именами.

Строеніе цвѣтка довольно странное; стебли и листы самой первобытной простоты; стебель коротокъ и тонокъ, подымается изъ корня, имѣющаго форму горизонтальнаго цилиндра; на немъ видны чешуйки, которыя и составляютъ зачатки листьевъ, а на его оконечности красуется одинъ цвѣтокъ съ двойною чашечкой. Этотъ колоссальный цвѣтокъ красный съ бѣлыми пятнами.

Островъ Суматра, обладая хлѣбнымъ деревомъ, въ тоже время съ открытіемъ Raflesia Arnoldi, оказывается, обладаетъ и водоноснымъ цвѣткомъ, такъ какъ послѣдній заключаетъ въ себѣ цѣлый резервуаръ, вода котораго, за неимѣніемъ другаго источника для питія, легко можетъ утолить жажду путешественника.

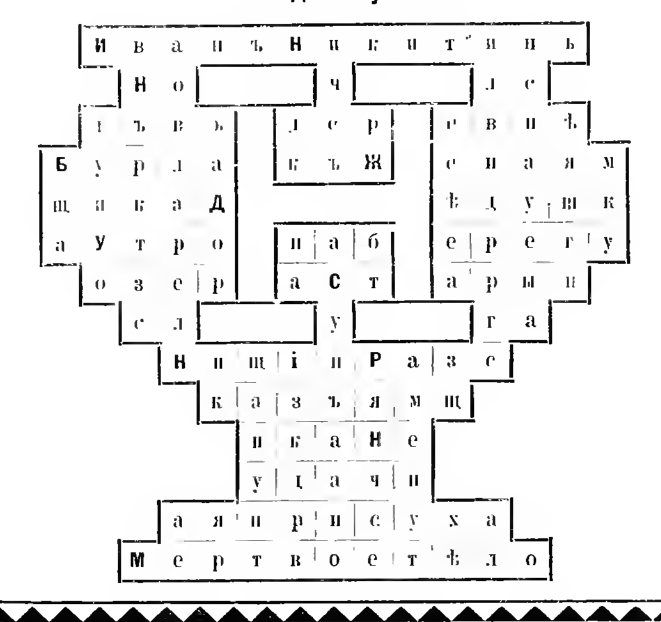
Свѣтящаяся живопись, о которой говорится много въ послѣднее время, уже давно была извѣстна. Въ одной китайско-японской энциклопедіи въ статьѣ о живописи находятся слѣдующія слова: „Знаменитый Зу-Нюхъ обладалъ картиной, изображавшей быка, который каждое утро покидалъ свое стойло и уходилъ на пастбище, а вечеромъ возвращался домой отдыхать. Потомъ картина эта перешла къ Императору Толь-Дзунгъ, который показывалъ ее своимъ царедворцамъ и требовалъ объясненія этой рѣдкостной вещи, но никто не могъ его дать. Наконецъ одинъ будійскій жрецъ объяснилъ, что художнику удалось найти свѣтящагося слизняка, въ родѣ устрицы, онъ примѣшалъ его къ краскамъ и нарисовалъ быка, который свѣтится только ночью, а днемъ его не видно.

*) Само собою разумѣется, въ тѣхъ погребахъ, гдѣ сохраняется вода, производить грибы не слѣдуетъ, потому что они производятъ нѣкоторую сырость.

Рѣшеніе ребуса № 77.

Ниво пьютъ—поговариваютъ, а городъ городятъ—поколачиваютъ.

Рѣшеніе задачи буквъ № 79.



1. Яшма.
2. Недоросль.
3. Свищъ.
4. Щека.
5. Генуа.
6. Иней.
7. Маскарадъ.
8. Яз.
9. Бурунъ.
10. Аиатъ.
11. Горгоны.
12. Верди.
13. Палладій.
14. Щи.
15. Керастъ.
16. Коля.
17. Бунчукъ.
18. Тире.
19. Чехи.
20. Риза.
21. Утка.
22. Марна.
23. Туз.
24. Вѣна.
25. Внѣ.
26. Еже.
27. Ѣ.

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ г. Полетаева въ Костромѣ.

Рѣшеніе ребуса № 78.

Частенько мы видимъ на свѣтѣ, что многіе тщетно распинаются за дѣломъ, а дубина получаетъ награды.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ гг. СПБ: Вильбергъ, Пивоварова, Москва—Горбова. Бахчисарай—Дремджи, Медвѣдево—Лейцингеръ, Пенза—Мига.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ДЕКАБРЬ 1882 г. съ 23 рисунками и отдѣльнымъ листомъ съ 29 выкройками въ натуральную величину и 21 рисунк. рукодѣльныхъ работъ въ русскомъ стилѣ. печатаннымъ 2 красками.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Пріемъ объявленій. Пріемъ подписокъ.

Единственная Контора для пріема объявленій въ кіоскахъ.

Центральная Контора Объявленій
для всѣхъ европейскихъ газетъ.
С.-Петербургъ,
Невскій пр., № 11, уголъ Мал. Морской.

Литейной, Выборгской и Василеостровской частей.

Со скидкою. По цѣнамъ редакціи.

№ 2308 8—4

Исключительное депо на всю Россійскую Имперію.

Мужскіе карманные часы

неимовѣрно подражающіе золотые.
Цѣны включительно съ пересылкой.
Цилиндрическій большой форм. 7 р.
" меньшій " 8 р.
Самозаводящіеся " " 10 р.
Выписывающ. сразу **25 шт. 10%** скидка
" " **100 — 20%** "
Отправка немедленно по полученіи всей слѣдуемой суммы. Адр.: Торговый Домъ **„Commerce Russe“, Варшава.**
№ 2340 12—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

III годъ. # ОСКОЛКИ **годъ III.**

подъ редакціей Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“, вступая въ **третій годъ** своего существованія, будетъ издаваться въ 1883 г. по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1882 г.

Журналъ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій, на лучшей бумагѣ и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и карикатурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре страницы текста убористой печати. Годовое изданіе составитъ 52 номера.

Цѣна за журналъ въ 1883 году:

На годъ безъ пересылки **6** р.	На 6 мѣс. съ пер. и дост. **4** р.
" съ пер. и дост. **7** р.	Отдѣльный номеръ . . **20** к.

Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала „Осколки“, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ просп., д. № 122.

№ 2366 3—1 Редакторы-издатели: **Н. Лейкинъ** и **Р. Голике.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

НА ГОДЪ	ИНОГОРОДНАЯ ПОДПИСКА	ПО ПОЛУГОДІЯМЪ
во всѣ города съ пересылк. преміи **10** р. с. за границу **12** р.	адресуется 32, Лиговка въ С.-Петербургъ ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА	во всѣ города безъ преміи **5** р. **50** к. за границу по **7** р.

„СТРЕКОЗА“

НА ГОДЪ	ГОРОДСКАЯ ПОДПИСКА	НА ГОДЪ
въ С.-Петербургѣ съ дост. и съ преміею **9** р. с.	принимается въ Конторѣ Редакціи **по Михайловской ул., въ домѣ Европейской гостинннцы.**	безъ доставки съ преміею **8** р. с.

СЮЖЕТОМЪ ДЛЯ ПРЕМІИ (для годовыхъ подписчиковъ) **ИЗБРАНЪ:**

Объемистый, но единственный въ своемъ родѣ изящный иллюстрированный и литературный сборникъ юмористическихъ календарныхъ и справочныхъ данныхъ, очерковъ, сценъ, мелочей съ очень многими рѣзанными на деревѣ, гравированными на стали и цинкѣ и хромолитографированными за границею рисунками и множествомъ виньетокъ въ текстѣ, подъ общимъ названіемъ

„АЛЬМАНАХЪ СТРЕКОЗЫ“

№ 2355 **Названіе скромное, но вещь будетъ вполнѣ роскошная!** 2—1

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА ШИПРЪ
самаго высокаго качества.
ОДЕ КОЛОНЪ
весьма освѣжительный, душистый и чрезвычайно крѣпкій
ДВОЙНОЙ, ТРОЙНОЙ, № 4 ЭКСТРАКТЪ.
ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ,
разрѣшенный С.-Петерб. Врачебн. Управ. оживляетъ и освѣжаетъ кожу своими ароматическими составными частями, онъ также отличное средство для куренія въ комнатахъ, гдѣ находятся больные и вообще въ мѣстахъ, гдѣ воздухъ испорченъ.
УКСУСЪ ВІОЛЕТЪ ДЕ ПАРМЪ
превосходный.
УКСУСЪ КАРБОЛОВЫЙ АНТИ ЭПИДЕМИЧЕСКІЙ

☛ ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ ☚

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
Невскій проспектъ, д. № 66, у Аничкина моста.
Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54 Шредера.

Кромѣ означенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

Р. № 2251 3—2

ВСѢ НАЦІОНАЛЬНЫЕ ФЛАГИ ДЛЯ ЕЛКИ

можно получить по фабричнымъ цѣнамъ у **Однеръ и К°.** СПБургъ, Троицкій проспектъ, д. № 6—1. № 2351 3—1

---

1) **ПОМАДА,** возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ, флаконъ 3 р., пересылка 1 р.; для удобства жидкая и густая помада, по полфлакону, цѣна 3½ руб., пересылка 1½ р.; 2) **КРАСКИ** моментально окрашиваютъ волосы, не линяютъ, въ черный цвѣтъ, цѣна 3 р.; въ темнорусый цвѣтъ 3 р.; перес. по 1 р. Гороховая ул., д. № 57. Магазинъ-парикмахерская **Ивановой.** № 2358 1—1

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, д. 9.

Подарокъ на Елку.

О ДѢТЯХЪ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Шесть разсказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. КАРАЗИНА.

Заглавіе разсказовъ:

1) Дяденька.
2) Уличная пѣвица.
3) Ночь.
4) Обезьянка.
5) Грѣхъ ли это?
6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ **Н. Н. Каразинымъ,** составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти разсказы представляютъ намъ прелестные дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанію эти разсказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ и дѣвицамъ.—Какъ образчикъ тщательнаго исполненія рисунковъ, мы рядомъ помѣщаемъ одинъ изъ нихъ.—Книга нынѣ печатается и выйдетъ въ серединѣ **Декабря 1882 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ** каленк. перепл. съ золот. тисненіемъ **3 р., съ перес. 3 р. 50 к.**

„Папа всегда присядетъ на край кроватки и закуритъ папироску“...

Ежемѣсячный лит.-полит. журналъ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

(Редакторъ **А. П. ПЯТКОВСКІЙ**).

Будетъ издаваться въ 1883 г. на прежнихъ основаніяхъ. Годов. цѣна: 12 р. безъ дост., съ дост. 13 р., съ перес. 14 р., за гран. 16 р. Главн. контора: **Поварской пер., № 5.** Здѣсь же принимается подписка на журналъ:

НАРОДНАЯ ШКОЛА (г. XV).

Годов. цѣна: 4 р 50 к. съ пер. № 2326 3—2

1-го декабря вышелъ № 12 дѣтскаго журнала

№ 2362 1—1

„РОДНИКЪ“

Содержаніе: I. Колумбъ. **Е. Григоровой** (со снимкомъ съ картины пр. Айвазовскаго). II. Нежданная радость. Стих. **Н. Позднякова.** III. Клинскій (оконч.). IV. Лаача. **Л. Симоновой.** V. Наше житье (оконч.). VI. Смѣсь. VII. Загадка на премію.

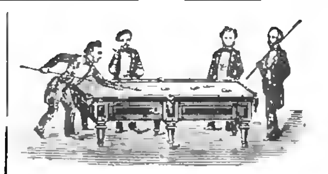
Разсылается 3-я книжка сборника „ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“. Статьи: **Данилова, Ельницкаго, Сахаровой** и проч.

Открыта подписка на 1883 г.

12 книгъ со многими картинками и 3 книжки „Педагогическаго Сборника“.

На годъ съ прил. педагог. сборн. **6** р. На годъ безъ приложен. педаг. сб. **5** р. На ½ года безъ приложенія. **3** р.

Адресъ редакціи: Петербургъ, Спасская ул., д. № 1.



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ.

Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26—25

большой художественный журналъ карикатуръ, печатаемыхъ красками въ нѣсколько тоновъ. Годовая цѣна съ перес. и достав. **6 руб.**; полугодовая съ перес. и достав. **4 руб.** Для годовыхъ подписчиковъ

ПРЕМІЯ **ЛѢСНАЯ ФЕЯ,** ПРЕМІЯ

большая олеографическая картина, заказанная въ лучшемъ олеографическомъ заведеніи въ Берлинѣ. За пересылку и доставку преміи господа подписчики прилагаютъ **1 р. 50 к.** Адр. ред.—С.-Петербургъ, Невскій просп., № 110. № 2361 5—1

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(Годъ двадцатый).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1883 г.

СЪ 1-го ЯНВАРЯ.

ВЪ МОСКВѢ.							НА ГОРОДА.						
на	12	мѣсяцевъ	10	руб.	—	коп.	на	12	мѣсяцевъ	11	руб.	—	коп.
„	6	„	5	„	50	„	„	6	„	6	„	—	„
„	3	„	3	„		„	„	3	„	3	„	50	„
„	1	„	1	„	30	„	„	1	„	1	„	50	„

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Контора проситъ гг. подписчиковъ, при возобновленіи подписки и перемѣнѣ адресовъ, прикладывать къ письмамъ печатный адресъ.

Контора „Русскихъ Вѣдомостей“ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, какъ московскихъ, такъ и иногородныхъ, съ требованіями о подпискѣ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО АДРЕСОВАТЬСЯ ВЪ КОНТОРУ ВЪ МОСКВѢ НА МЯСНИЦКОЙ, ПРОТИВЪ ПОЧТАМТА, ЮШКОВЪ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 185—4-й. № 2359 3—1

Н. АНДЕРСОНЪ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Спеціальность: сохраненіе природныхъ и вставленіе искусственныхъ зубовъ. С.-Петербургъ, Б. Садовая ул., д. № 9, кв. № 16, близъ Б. Итальянской, рядомъ съ гостинницей „Дагмаръ“. М. № 2354 2—1

Съ 1 Января 1883 года

будетъ выходить еженедѣльный журналъ

„ОБЗОРЪ АКЦИЗОВЪ,“

посвященный акцизамъ и облагаемымъ ими производствамъ, а также внутренней жизни Россіи и заграничной, биржевымъ, статистическимъ, судебнымъ и др. свѣдѣніямъ. Цѣна журналу за годъ съ пересылкою и доставкою **7 р. 50** к. Подписка на изданіе, а также объявленія для помѣщенія въ немъ, принимаются: въ Конторѣ Редакціи журнала „ОБЗОРЪ АКЦИЗОВЪ,“ въ г. Житомірѣ, Волынской губерніи, а для жителей Петербурга, кромѣ того, и въ отдѣленіи конторы (СПБургъ, Коломенская улица, домъ № 7, квартиры № 15). № 2336 2—2

Поступили въ продажу:

Альбомъ раскрашенныхъ рисунковъ для канвовыхъ работъ. Выпускъ первый, заключающій 12 листовъ рисунковъ въ русскомъ вкусѣ. **Роскошное изданіе.** Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Альбомъ русскихъ монограммъ. Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ до 500 чрезвычайно красивыхъ, художественно исполненныхъ русскихъ монограммъ. **Роскошное изданіе.** Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Требованія адресовать: въ **Контору Германа Гоппе,** С.-Петербургъ, Большая Садовая ул., д. Коровина, № 16. Р. № 2367 1—1

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ !

Получая постоянныя требованія на **русское сырье** отъ моихъ заграничныхъ отдѣленій, покупаю и принимаю на коммиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ

РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТІЯМИ

Именно: масло свѣжее и соленое, сало свиное, воловое и баранье, свѣжее и топленое, щетину, медъ, конскія гривы и хвосты, бараньи кишки, клей и жиръ рыбій, перья, пухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препровождать образцы. Адресовать: Торговый Домъ **Генриха Барыцкаго. Варшава.** № 2350 12—1

Въ редакціи „Собранія Романовъ“

въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ, продаются съ большой уступкой прошлые года этого журнала. Въ каждомъ году отъ **десяти** до **двѣнадцати** романовъ и отъ **тридцати** до **сорока** повѣстей. Каталогъ съ названіями статей и обозначеніемъ цѣнъ высылается безплатно. № 1966 10—9

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный подъ редакціею **В. Клюшникова,** въ 3-хъ томахъ; цѣна за 3 тома 12 р. съ пересылкою 14 р.

ИЗДАНІЕ Х. К. НЕБЕ.

Складъ изданія въ кладовой К. и Х. Небе, внутри Гостинаго Двора, № 139. Книжнымъ магазинамъ дѣлается соотвѣтственная уступка. № 2273 10—6

Для родителей и воспитателей

настольныя справочныя книги:

I. БИБЛІОТЕКА ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

для дѣтей младшаго и средняго возраста

состав. **М. Соболевъ.** Цѣна 50 коп., съ пересылкою 55 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе. Младшій возрастъ. I. Повѣсти, разсказы, сказки. II. Книги съ научнымъ содержаніемъ.—Средній возрастъ. I. Книги религіозно-нравственнаго содержанія. II. Географія, путешествія, этнографія. III. Исторія, біографія, историческія повѣсти. IV. Естествовѣдѣніе. V. Повѣсти, разсказы, сборники. Алфавитный списокъ авторовъ и переводчиковъ.

О каждой книгѣ данъ краткій отзывъ; при сочиненіяхъ, имѣющихся въ продажѣ, выставлены цѣны.

II. Указатель къ нормальному курсу ФОРТЕПІАННОЙ ИГРЫ И ПѢНІЯ,

состав. **В. Николаевъ** и **П. Галлеръ**

Цѣна 50 к., съ перес. 55 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Указанія на руководства, пособія, упражненія и пьесы для учащихъ и учащихся.

Съ требованіями обращаться къ издателямъ

Н. ФЕНУ и К°. (въ Спб. Невскій пр. д. № 42).

М № 2365

МОДНЫЙ СВѢТЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(самый полный и самый дешевый иллюстрированный модный и семейный журналъ въ Россіи, съ разными приложеніями).

По количеству своихъ подписчиковъ онъ превосходитъ всѣ другіе модные журналы.

„Модный Свѣтъ“ даетъ своимъ подписчикамъ богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ по всѣмъ отраслямъ моды: костюмы, платья, пальто, накидки, шляпы, прически, сообразно времени года и случаю, бѣлье мужское, женское и дѣтское, ручныя дамскія работы всѣхъ родовъ и т. д., изображенные прекрасными рисунками, съ описаніемъ ихъ исполненія. Кромѣ того, въ литературномъ отдѣлѣ онъ даетъ читателю богатый выборъ для семейнаго чтенія: романы, повѣсти, стихотворенія, а также афоризмы, шарады, задачи и т. п.

Въ 1883 году ТРИ ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ ПРЕМІИ.

Подписка на 1883 годъ открыта.

Годовая цѣна журналу **„Модный Свѣтъ“**: I изданію: безъ доставки — **5 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ — **6 р. 50 к.**, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи—**7 р.**; II изданію: безъ доставки — **6 р.**, съ доставкою — **7 р. 50 к.**, съ пересылкою **8 р.** и III изданію: безъ доставки **8 р.**, съ дост. —**9 р. 50 к.**, съ перес.—**10 р.**

Контора редакціи на Б. Садовой ул., № 16, въ С.-Петербургѣ. Р. № 2322 6—3

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

годъ изданія четвертый.

Въ 1883 г журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ, выходя по Воскресеньямъ отъ 1½ до 2½ листовъ съ рисунками. Статьи каждаго № будутъ пополнять и пояснять другъ друга. Годовое изданіе будетъ состоять изъ 50 номеровъ, что составитъ болѣе 100 печат. листовъ съ 150 рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: **С. Н. Атава, М. Н. Богдановъ (проф.), Е. М. Бемъ, Н. Н. Каразинъ, И. С. Лѣсковъ, С. И. Миропольскій, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Н. Плещеевъ, гр. Е. Саліасъ** и другіе.

УСЛОВІЕ ПОДПИСКИ НА 1883 ГОДЪ:

На годъ: съ дост. и пер. **6 руб.**, безъ дост. и пер. **5 руб.**

На полгода: съ дост. и пер. **3 р. 50 к.**, безъ дост. и пер. **3 р.**

Подписка принимается: для иногородныхъ, исключительно, въ редакціи, **въ Петербургѣ, Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16,** а для городскихъ **въ книжномъ магазинѣ А. И. Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.**

№ 2353 2—1 Редакторъ **Т. П. Пассекъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1883 годъ

на большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:								Съ пересылкою въ города:							
На	12 мѣс.	8 р.	50 к.	На	6 мѣс.	4 р.	50 к.	На	12 мѣс.	9 р.	— к.	На	6 мѣс.	5 р.	— к.
„	11 „	8 „	— „	„	5 „	3 „	90 „	„	11 „	8 „	50 „	„	5 „	4 „	60 „
„	10 „	7 „	50 „	„	4 „	3 „	25 „	„	10 „	8 „	— „	„	4 „	3 „	70 „
„	9 „	6 „	75 „	„	3 „	2 „	50 „	„	9 „	7 „	40 „	„	3 „	2 „	75 „
„	8 „	6 „	— „	„	2 „	1 „	90 „	„	8 „	6 „	70 „	„	2 „	2 „	— „
„	7 „	5 „	25 „	„	1 „	1 „	— „	„	7 „	5 „	90 „	„	1 „	1 „	10 „

За границу: на 12 м **17 р.**, на 6 м. **9 р.**, на 3 м. **5 р.**, на 1 м. **2 р.**

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзинкина; въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ — Rue Clement, 4, Adam.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„Русскій Курьеръ“.

№ 2289 10—5 Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

ЭД. ГОППЕ И К°, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Вознесенскій пр., № 53 (контора), № 47 (складъ).

Депо и агентство извѣстнѣйшихъ заграничныхъ **скоропечатныхъ машинъ и принадлежностей для типографій, литографій и свѣтопечатень.**

Лучшая англійская **вальцовая масса.**

БОЛЬШОЙ СКЛАДЪ ЛУЧШИХЪ

черныхъ красокъ для иллюстрацій, акцидентныхъ работъ, книгъ и газетъ. **Цвѣтныя краски, бронза и олифы** для типо- и литографій. Цѣны умѣренныя.

ПОСТОЯННАЯ ВЫСТАВКА

различныхъ типо- и литографскихъ скоропечатныхъ машинъ, ножныхъ машинъ „Либерти“ фабрики Вейлера, бостонскихъ прессовъ, глазировальныхъ машинъ, паковальныхъ прессовъ, бумаго-рѣзальныхъ машинъ, ножницъ для картона, перфорировальныхъ машинъ и всевозможныхъ принадлежностей тисненія.

Большой выборъ лучшихъ русскихъ и заграничныхъ **шрифтовъ, украшеній, орнаментовъ, мѣдныхъ линеекъ** и т. д. **Афишные деревянные шрифты** по фабричнымъ цѣнамъ.

Принимаемъ на себя полное устройство печатенъ отъ самаго малаго до самаго обширнаго размѣра. Кромѣ того беремъ на себя посредничество, на возможно-выгодныхъ условіяхъ, при покупкѣ и продажѣ какъ печатныхъ заведеній, такъ и подержанныхъ машинъ.

Добросовѣстное исполненіе всѣхъ заказовъ и немедленные отвѣты на запросы гг. иногороднихъ.

ИЗДАНІЕ ЕДИНСТВЕННАГО ВЪ РОССІИ ЖУРНАЛА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА:

„ОБЗОРЪ ГРАФИЧЕСКИХЪ ИСКУССТВЪ“.

Подписка на 1883 г. открыта и принимается

Цѣна за годъ: безъ доставки 4 р. || въ Конторѣ Редакціи.
„ „ „ съ доставкою. 5 „ || Вознесенскій проспектъ, № 53.

№ 2279 2—2

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

съ разными безплатными приложеніями.

„Всемірная Иллюстрація“ представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію и промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр.,—однимъ словомъ цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Главная задача „Всемірной Иллюстраціи“—изображеніе въ картинахъ и текстѣ **современныхъ событій** во всѣхъ сферахъ политической и общественной жизни.

Подписка на 1883 годъ открыта.

Годовая цѣна **„Всемірной Иллюстраціи“**: безъ доставки: въ С.-Петербургѣ **13 р.**, въ Москвѣ **14 р. 50 к.**; съ доставкою въ С.-Петербургѣ **14 р. 50 к.**, съ пересылкою въ Москву и во всѣ города Россійской Имперіи **16 р.**

Контора редакціи на Большой Садовой, № 16, въ С.-Петербургѣ. Р. № 2323 6—3

ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„НЕДѢЛЯ“,

16-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **16-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.**

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО

Журнала Романовъ и Повѣстей.

Газета „НЕДѢЛЯ“ выходитъ еженедѣльно по воскресеньямъ, нумерами въ два большихъ листа убористой печати, всего въ количествѣ 52 нумеровъ въ годъ.

Газета „НЕДѢЛЯ“ слѣдуетъ **народно-прогрессивному** направленію. Сочувствуя принципамъ самоуправленія, свободы печати, совѣсти и личности вообще, какъ **цѣли** человѣческаго общежитія, она признаетъ въ то же время необходимымъ сообразовать эти принципы **съ національными особенностями** Россіи. По убѣжденію редакціи „НЕДѢЛЯ“, только при этомъ условіи возможно полное осуществленіе и утвержденіе въ Россіи истинной, а не мнимой **свободы.**

Какъ еженедѣльная газета, „НЕДѢЛЯ“ имѣетъ цѣлью знакомить читателей со всѣмъ, что творится замѣчательнаго на свѣтѣ вообще и въ Россіи въ частности. Такимъ образомъ лица, не имѣющія возможности аккуратно слѣдить за ежедневными газетами, найдутъ въ каждомъ нумерѣ „НЕДѢЛИ“ цѣлый рядъ хроникъ, отчетовъ и статей, посвященныхъ общественной и политической жизни за истекшую недѣлю. А такъ какъ всѣ эти хроники и отчеты представляютъ собою не перепечатку извѣстій изъ другихъ газетъ (въ „НЕДѢЛѢ“ вообще никакихъ перепечатокъ не допускается), но связныя, **литературно-обработанныя** статьи, то они представляютъ интересъ и для читателей ежедневныхъ газетъ.

Относительно выбора статей для „НЕДѢЛИ“ и вообще матеріала для чтенія, редакція всегда имѣетъ въ виду **провинціальную публику и ея потребности.** Для нея провинція стоитъ **на первомъ планѣ,** а Петербургъ—**на второмъ.**

Читатели „НЕДѢЛИ“ получаютъ: 1) въ сжатомъ, систематическомъ видѣ сводъ текущихъ извѣстій изъ русской и иностранной жизни; 2) руководящія статьи по поводу какъ этихъ извѣстій, такъ и вообще современныхъ вопросовъ; 3) корреспонденціи изъ Россіи и изъ-за границы; 4) критическія статьи и извѣстія о новыхъ книгахъ; 5) статьи общеинтереснаго содержанія по общественно-научнымъ вопросамъ; 6) статьи, посвященныя отдѣльнымъ явленіямъ жизни, преимущественно провинціальной; 7) беллетристику и поэзію; 8) фельетонъ, и 9) разнаго рода интересныя мелкія извѣстія изъ дѣятельности правительства и общества, выдающіеся случаи изъ жизни и т. п.

„ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ“ составляетъ приложеніе къ газетѣ „НЕДѢЛЯ“ и выходитъ ежемѣсячными книжками, въ первое воскресенье послѣ каждаго перваго числа.

Въ **„Журналѣ романовъ и повѣстей“** помѣщаются какъ иностранные, **такъ русскіе** романы и повѣсти, въ чемъ заключается одно изъ существенныхъ его отличій отъ разныхъ сборниковъ и журналовъ романовъ, печатающихъ одни только переводы.

Въ 1882 году въ **„Журналѣ романовъ и повѣстей“** были напечатаны слѣдующія произведенія: **I. РУССКІЯ: Сагайдачный.** Историческая повѣсть *Д. Л. Мордовцева*; **Сенаторская ревизія.** Изъ провинціальной губернской жизни. *И. Кармасанова* (псевдонимъ); **Исторія моего оскопленія.** Изъ записокъ скопца; **Счастливѣе всѣхъ.** Романъ *П. А. Крушевана*; **За себя и другихъ.** Романъ *Вѣры Родендорфъ*; **Свѣтопреставленіе.** Разсказъ *Н. Л.*; **Разоренное гнѣздо.** Повѣсть *Н. Ланской.* **II. ИНОСТРАННЫЯ: Вертепъ.** Романъ *Эмиля Зола*; **Царскія кудри.** Романъ *Мистриссъ Бреддонъ*; **Борьба.** Повѣсть *Поля Моргана*; **Серебряная свадьба.** Разсказъ *Д. К. Муррея.* **Нэпси.** Романъ *миссъ Броутонъ*; **Сердце и наука.** Романъ *Уилки Коллинза*; **Жиды.** Романъ *Фрица Маутнера.*

Въ книжкахъ за предыдущіе годы помѣщены романы и повѣсти Я. П. Полонскаго, Д. Л. Мордовцева, Ольги Шапиръ, К. К. Случевскаго, Л. Рускина (псевдонимъ), Альфонса Доде, Е. Марлита, Георга Эберса, Уиды и мн. др.

ПОДПИСКА на полученіе въ 1883 году газеты „НЕДѢЛЯ“ съ приложеніемъ „ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ“ открыта.

Цѣна обоихъ изданій вмѣстѣ—8 рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛЯ“, на углу Ивановской и Кабинетской, № 6—12. № 2310 3—2

Редакторъ-издатель **П. А. Гайдебуровъ.**

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ № 2368 1—1

Гомеопатическое леченіе и профилактика

ДИФТЕРИТА.

Сочиненіе д-ра мед. Виллерса, перев. д-ра фонъ-Дитмана; цѣна 15 к., съ приложеніемъ же къ ней средствъ и пересылкою одинъ руб. С.-Петерб. Центральная Гомеоп. аптека. Гороховая, № 15.

Объ изданіи въ **1883** году журнала

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ)

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, *по возможности*, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ, отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода **ежемѣсячный.**

Въ концѣ года подписчикамъ на **„Библіотеку для чтенія“** будетъ выдана, въ видѣ **преміи,** 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ГОДЪ.			
	Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки	**8 руб.**	
	Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ	**8 „**	**50 коп.**
	Съ пересылкою **иногороднымъ**	**9 „**	—

Редакція допускаетъ слѣдующую **разсрочку** подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му Мая остальныя.

Подписка принимается: **для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ** въ книжномъ магазинѣ Попова, въ *Пассажѣ.* **Въ Москвѣ**—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова.

Гг. ИНОГОРОДНЫЕ адресуютъ свои требованія *непосредственно* въ **С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Библіотека для чтенія,“** *Шпалерная ул., д. № 32.*

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться *исключительно* **въ редакцію.**

Съ 1-го № начнетъ печататься крайне интересный романъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя **Ауэра**—**„Воздушные замки.“** № 2330 7—2

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ НОВЫЙ СОСТАВЪ

КРЕМНИСТОЙ НАКИПИ

В. БЕРКЕФЕЛЬДА, ВЪ ЦЕЛЛЕ,

превосходнѣйшей разобщающей массы **для сбереженія внутренней теплоты и защиты отъ внѣшняго холода,** лучшая **покрышка** для всякаго рода **резервуаровъ, паровыхъ машинъ, котловъ, проводныхъ трубъ, цилиндровъ, локомобилей, аппаратовъ на сахарныхъ заводахъ, водопроводовъ,** разныхъ резервуаровъ для защиты отъ замерзанія;—охлаждаетъ помѣщенія для котловъ, держитъ паръ сухимъ и сберегаетъ огромное количество топлива.

Вслѣдствіе сбереженія топлива преимущественно на **сахарныхъ заводахъ** и **въ другихъ заведеніяхъ,** при сравнительно ничтожныхъ расходахъ на эту покрышку, **выгоды огромны,** въ чемъ каждый можетъ убѣдиться при первомъ же опытѣ. **Цѣна** сухаго состава **кремнистой накипи** въ **3-хъ пудовыхъ мѣшкахъ**—въ С.-Петербургѣ за пудъ 4 руб.—Однимъ пудомъ можно покрыть 30 □ футовъ.

Подробное описаніе по востребованію. Съ заказами обратиться

ВЪ ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО И СКЛАДЪ

ЭД. ГОППЕ и Комп.,

С.-Петербургъ, Вознесенскій проспектъ, 53. № 2295 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1883** годъ,

на большую ежедневную политическую, литературную и коммерческую газету

„НОВОСТИ“

и

БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА

Газета „НОВОСТИ“ выходитъ, **безъ предварительной цензуры,** ежедневно, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, полулистами или въ видѣ прибавленій и телеграфныхъ бюллетеней, если получаются важныя телеграммы. Форматъ газеты—самый большой изъ существующихъ у насъ газетныхъ форматовъ и заключаетъ въ себѣ 28 столбцовъ (по семи столбцовъ на страницѣ) или около 4,500 строкъ убористаго шрифта.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ С.-Петербургѣ:

На 12 мѣсяцевъ 9 р., 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р., 9 м.—7 р. 50 к., 8 м.—7 р., 7 м.—6 р. 50 к., 6 м.—6 р., 5 м.—5 р., 4 м.—4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

Въ другихъ городахъ:

На 12 мѣсяцевъ 10 р., 11 м.—9 р. 50 к., 10 м.—9 р., 9 м.—8 р. 50 к., 8 м.—8 р., 7 м.—7 р., 6 м.—6 р., 5 м.—5 р., 4 м.—4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

Заграницею:

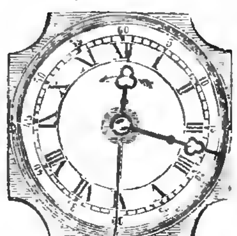
На 12 мѣсяцевъ 18 р., 6 м.—10 р., 3 м.—6 р., 1 м.—2 р.

На другіе сроки подписка не принимается.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ, чрезъ ихъ казначеевъ, по третямъ, а для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ: для иногороднихъ 4 р. при подпискѣ, 3 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ іюня; для городскихъ: 3 р. въ декабрѣ, 3 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ іюня. Разсрочка для неслужащихъ допускается по соглашенію послѣднихъ съ конторою. Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Письма и деньги адресуются: **въ С.-Петербургъ, въ контору газеты „НОВОСТИ“ (Мойка № 90).** Р. № 2275 10—6

БУДИЛЬНИКИ СЪ ЧАСАМИ



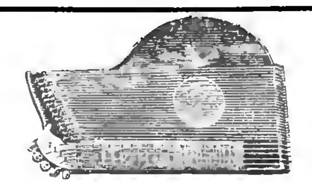
суточнаго завода съ двумя пружинами, въ бронзированныхъ корпусахъ 6 рублей, въ некелированныхъ 6 р. 50 к. За перес. 50 к. (почтов. марками). Въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ,

поставщика Высочайшаго Двора. Въ **С.-Петербургѣ:** на Невскомъ проспектѣ, д. № 23.

Въ Москвѣ: на углу Кузнецкаго моста и Рождественки, домъ Торлецкаго.

Подробные иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно. № 2361 1—1



ЦИТРЫ

хорошей работы, съ превосходнымъ тономъ, по 12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р. и 100 р. Школы для цитры по 2 р. и 3 р. 50 к., полный аккордъ струнъ для цитры 3 р. **Мандолины** по 10 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 60 р., 75 р., школа для мандолины 5 руб., рекомендуетъ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Б. Морской, № 42.

За пересылку въ провинцію прошу приложить приблизительно.

Депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго. А. № 2357 1—1

„МУР"

Товарищество русско-американской паровой пекарни въ Петербургѣ, Васильевск. Островъ, 12 лин., собств. домъ, № 43, предлагаетъ въ большомъ выборѣ **чайное (англійское) ПЕЧЕНЬЕ, БИСКВИТЫ, ВАФЛИ,** и пр. Издѣлія Товарищества удостоены **медалей** на выставкахъ: всемірной 1878 г. въ **Парижѣ** и всероссійской 1882 г. въ **Москвѣ**.

Приготовленныя изъ лучшихъ матеріаловъ печенья эти сохраняются въ жестянкахъ, очень долго безъ порчи.

Разсылка во всѣ мѣста Имперіи.—Цѣны самыя умѣренныя.

Жестянки съ образцами имѣются по 1 р. и по 2 р., съ пересылкою.—Прейсъ-куранты по требованію безплатно. № 2271

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ

изъ

ЗОЛОТА и СЕРЕБРА,

какъ-то: **старинныхъ, золотыхъ эмальированныхъ табатерокъ, вазъ, кубковъ и бокаловъ** изъ топаза или камней въ золотой оправѣ, **старинныхъ серебряныхъ вещей,** какъ-то: **кружекъ, бокаловъ, кубковъ, группъ и фигуръ,** вообще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII столѣтій, кромѣ монетъ.

Письменно или лично обращаться въ Москву, **г-ну ЛУДОВИКУ БЕКЪ,** Петровка, домъ Пенскаго, противъ Петровской аптеки.

№ 2278 9—3

С. И. БѢЛКИНЪ,

МОСКВА, КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ.

Большая золотая медаль на Всероссійской Выставкѣ 1882 г.

МѢХА:

черной, черно-серебристой и чернобурой лисицы, голубыхъ песцовъ, сибирскихъ соболей, куницы, красной и бѣлой лисицы, черныхъ хорей, норки, выхухоля, сибирскаго пыжика и другихъ всевозможныхъ сортовъ, огромный выборъ отъ самыхъ рѣдкихъ дорогихъ до среднихъ сортовъ.

ВОРОТНИКИ, ШАЛИ И ОТДѢЛКИ

МУЖСКІЕ и ДАМСКІЕ

изъ камчатскаго бобра, соболей, черной лисицы, песцовъ, куницы, морскаго котика и разныхъ модныхъ мѣховъ, полный выборъ.

ВСЕВОЗМОЖНЫЕ СОРТА ШКУРОКЪ ЗВѢРЕЙ.

Готовыя мѣховыя вещи новыхъ фасоновъ.

ДАМСКІЯ

РОТОНДЫ, МАНТО И ПАЛЬТО

новыхъ фасоновъ на различныхъ мѣхахъ и гагачьемъ пуху, покрытыя бархатомъ и новѣйшею матеріей со всевозможными мѣховыми отдѣлками.

Дамскія шапочки новыхъ фасоновъ, муфты и горжетки.

МУЖСКІЯ

ШУБЫ, ШУБКИ, ПАЛЬТО И ШАПКИ

новѣйшихъ фасоновъ и хорошей работы на разныхъ мѣхахъ съ воротниками и шалями, крытыя лучшимъ касторомъ и новѣйшимъ драпомъ отъ недорогихъ до высокихъ сортовъ въ полномъ и большомъ выборѣ.

Мужскія и дамскія сибирскія дохи (ергаки)

ВЪ РАЗНЫЯ ЦѢНЫ.

Модныя боа длинныя собольи и черной бѣлки хвостовъ.

Прейсъ-куранты высылаются немедленно безплатно. **С. БѢЛКИНЪ.** № 2360 1—1

Р. № 2340 3—2

Шесть разъ получили первыя награды

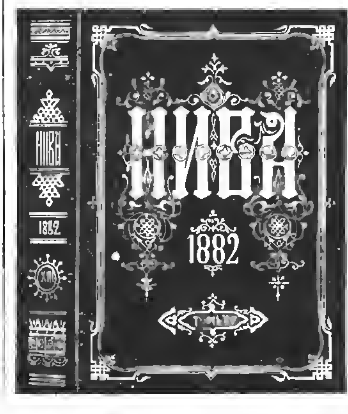
СКРИПКИ

самыя лучшія и дешевыя, новѣйшаго времени, отъ 6—30 м., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 м. **Альты, віолончели и басы. Смычки** 1½—50 м. **Футляры** 3½—40 м. **Цитры** 16—300 м. **Гитары** 6—50 м. Превосходныя **струны.** Всѣ **духовые** инструм. **Патентованная нѣмая скрипка** для упражненій (собств. изобрѣтенія). **Мастерская для починокъ.** Реком. отъ Вильгельми, Саразате, Сорэ, Зингеръ и т. д. Гарантія. Перепродавцамъ —скидка. Прейсъ-куранты—франко.

Братья Вольфъ, фабрика струнныхъ инструментовъ. **Крейцнахъ.**

ВЫВОЗЪ! ОПТОМЪ

Рt. № 2294 4—3



КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійск. каленкора 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначенн. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ" въ такую каленкоровую крышку. Также имѣются крышки для „Нивы" прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

НОВАЯ КНИГА

О сохраненіи здоровья женщины, понятіе о менструаціи, беременности и гигіена этихъ состояній. Д-ра медицины А. Н. Соколова, съ политипажами въ текстѣ. М. 1881 г. Цѣна 75 к., съ перес. 1 руб., въ книжномъ магазинѣ А. Л. Васильева въ Москвѣ на Страстномъ бульварѣ. № 2328 2—2

Большой Выборъ

резин. и кожан. галошъ, мужск. дамск. и дѣтск. **обуви, войлочныя** туфли и разный **теплый** товаръ.

Паровая механическая фабрика обуви Кирштенъ.

Въ магазинахъ:

Чернышевъ пер., № 3, противъ Пажеск. корпуса. № 2293 8—5

Караванная ул., № 3, близъ Цирка.

Н. КАЗАНЦОВЪ.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ

историческій романъ изъ временъ Стеньки Разина. Въ 4-хъ частяхъ. I. Барство и крестьянство. II. Низовая вольница. III. Всеобщій разгромъ. IV. Возмездіе. Въ романѣ вѣрно и увлекательно описаны всѣ историческія происшествія, общественная, административная и семейная жизнь XVII вѣка. Въ книгѣ болѣе 600 стран. Цѣна 3 р.

Продается у всѣхъ книгопродавцевъ.

№ 2356 1—1

„КАЗАНСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ"

съ 27 октября 1882 года выходитъ, вмѣсто двухъ, **три раза** въ недѣлю. Программа расширена отдѣломъ **беллетристики.** Телеграммы политическія (ежедневно) и биржевыя (до 80 названій товаровъ изъ Петербурга и поволжскихъ биржъ). Подписная цѣна на весь 1883 г. (15-й годъ изданія) съ перес. **семь руб.**

Желающіе получить вмѣстѣ съ „Листкомъ" и 2-е изданіе „Сельскаго Сборника" Д. А. Соколовскаго добавляютъ къ подписной суммѣ **одинъ рубль.**

Адресъ: **Казань, „Казанскому Биржевому Листку".** № 2352 3—1

№ 2269 **РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ И ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА.** 10—7

МОСКВА ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ 1882 Г. МОСКВА

Дозволено цензурою. СПБ. 1 декабря 1882 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Прачечн. пер., № 5

XIII годъ — годъ XIII

№ 50 — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 11 Декабря 1882 г.

Цѣна этаго № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

П. А. Грессеръ.

Во главѣ нашей столичной полиціи теперь стоитъ человѣкъ, несомнѣнно талантливый и энергичный, близко принимающій къ сердцу всѣ нужды и интересы города — Петръ Аполлоновичъ Грессеръ, имя котораго пользуется уже не малою популярностью среди петербургскихъ жителей. Впрочемъ популярнымъ и извѣстнымъ всему русскому обществу П. А. сдѣлался уже давно—своею прошлою высоко-полезною служебною дѣятельностью, начатою имъ еще въ пятидесятыхъ годахъ въ званіи чиновника особыхъ порученій при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Дондуковѣ-Корсаковѣ. Князь, какъ опытный сановникъ, сразу оцѣнилъ въ своемъ новомъ подчиненномъ энергичнаго и способнаго администратора и предоставилъ ему быстрое повышеніе по службѣ. Вскорѣ Петръ Аполлоновичъ былъ награжденъ за отличіе чиномъ полковника, а въ 1871 году произве-

СПБ. Оберъ-Полиціймейстеръ П. А. Грессеръ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

денъ въ статскіе совѣтники и назначенъ волынскимъ губернаторомъ.

Занимая этотъ важный постъ, П. А. Грессеръ уже имѣлъ возможность проявить еще блистательнѣе свои административные таланты и тѣмъ обратить на себя вниманіе правительства, и потому неудивительно, что послѣ смерти князя Черкасскаго, при его преемникѣ князѣ Дондуковѣ-Корсаковѣ именно ему былъ предложенъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ во вновь организованномъ болгарскомъ княжествѣ. Выборъ оказался дѣйствительно удачный; П. А. Грессеръ при всѣхъ затрудненіяхъ, вызванныхъ новизною дѣла, всетаки дѣйствовалъ успѣшно и энергично и заслужилъ сочувствіе и признательность болгаръ всѣхъ сословій и политическихъ партій.

Впрочемъ интересамъ юнаго княжества П. А. служилъ недолго, такъ какъ въ 1880 году возвратился на родину и былъ назна-

чемъ 20-го апрѣля того же года Харьковскимъ губернаторомъ. Въ Харьковѣ онъ прожилъ лишь два съ половиною года, но и въ это короткое время успѣлъ снискать себѣ общую признательность своими заботами о благоустройствѣ и благообразіи своего губернскаго города — Харькова, а также энергичными мѣрами, принятыми имъ въ 1881 году противъ саранчи, благодаря которымъ послѣдняя была уничтожена еще въ зародышѣ.

Съ назначеніемъ Петра Аполлоновича С.-Петербургскимъ Оберъ-Полиціймейстеромъ, открылась широкая арена для его энергіи и распорядительности, которыя онъ и выказалъ на первыхъ же порахъ. Такъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ генералъ-маіоръ Грессеръ обратилъ серьезное вниманіе на составъ и порядки внутренней ему полиціи; тщательно осмотрѣвъ полицейскіе участки и мѣста заключенія и заботясь о быстромъ дѣлопроизводствѣ, онъ отдалъ приказъ, чтобы отмѣчать на всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ, проходящихъ черезъ руки полиціи, не только число, но и часъ ихъ передачи и полученія. Пожарная часть также не осталась безъ улучшеній; П. А. Грессеръ постоянно требуетъ отъ нея быстроты дѣйствій; энергически распоряжается на всѣхъ пожарахъ и всегда напоминаетъ своимъ подчиненнымъ, что они, какъ слуги общества, должны служить его интересамъ и днемъ и ночью. Въ послѣднее время Петръ Аполлоновичъ, въ виду эпидеміи дифтерита, настойчиво старается объ улучшеніи санитарныхъ условій столицы, и его заботы уже увѣнчались успѣхомъ; заболѣваемость заразными болѣзнями значительно понизилась, и нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ энергическомъ и дѣятельномъ управленіи наша столица освободится наконецъ отъ многихъ своихъ темныхъ и неприглядныхъ сторонъ, значительно задерживающихъ прогрессивное развитіе ея благоустройства и благосостоянія.

Рождественскій сюрпризъ.

Разсказъ **П. П. Гнѣдича.**

Утромъ 25-го декабря, поручикъ Останковъ проснулся, по обыкновенію, ровно въ девять часовъ, и проснувшись, по обыкновенію, подумалъ: „батюшки, тощища какая“! Онъ закурилъ папиросу, заложилъ подъ голову руки и совсѣмъ было собрался заняться разсматриваніемъ рисунка обой,—какъ вдругъ вспомнилъ, что сегодня вѣдь праздникъ, что вчера у командира была елка, и что поэтому надо съ утра облачаться въ мундиръ и дѣлать визиты. Онъ уперся локтемъ въ подушку, приподнялся, взглянулъ въ окно на низкое сѣрое зимнее небо, поморщился, и снова лѣниво растянулся на скрипѣвшей и ходуномъ ходившей кровати.

„Тощища“, правда, всю зиму была ужасная. Городскія казармы въ этотъ годъ перестраивались, и зимовать приходилось въ этомъ проклятомъ мѣстечкѣ. Послѣ веселой жизни большаго губернскаго города здѣсь можно просто повѣситься со скуки. Зима, какъ нарочно, въ этотъ годъ была такая снѣжная, что и старожилы не запомнятъ. Глубокіе сугробы набились во всѣ закоулки и промежутки между постройками; домъ, гдѣ квартируетъ поручикъ Останковъ, стоитъ на краю мѣстечка,— такъ послѣ метели его чуть не до самой трубы заноситъ сугробами: деньщикъ бѣгаетъ за „людьми“ откапывать его благородіе,—а то хоть днемъ со свѣчами сиди.

Солдаты сильно всѣ посоловѣли. Радужныя мечты о напомаженныхъ горничныхъ, туго накрахмаленныхъ платьяхъ и объ аппетитныхъ кухаркахъ, съ толстыми, готовыми лопнуть щеками — разлетѣлись какъ дымъ. Скучно и офицерамъ. Женатыхъ только двое: полковникъ и маіоръ. Полковница задаетъ тону, ибо на ея визитныхъ карточкахъ значится, что она „рожденная баронесса фонъ-Хазенклеверъ“, а у маіорши постоянно болятъ зубы. Офицеры привыкли къ обществу; поручикъ Останковъ завзятый танцоръ: онъ въ городѣ постоянно дирижировалъ танцами у Фланжелотовыхъ, гдѣ собирался весь губернскій beau-monde; онъ страстный поклонникъ дамскаго пола, ему двадцать шесть лѣтъ, онъ очень недуренъ собою. И вдругъ здѣсь, чуть не заживо похороненъ подъ снѣгомъ!..

Въ перспективѣ—зима, безконечная, монотонная, ровно устлавшая поля толстымъ слоемъ невыносимо блестящаго на солнцѣ снѣга и укутавшая какъ пухомъ сучки и вѣтви сосѣдней рощи, откуда по вечерамъ глухо доносится вой тощаго волка, къ великому смущенію кудлатаго полковаго „Дружка“, что живетъ на конюшнѣ обоза. День проходитъ, другой начинается,—и все одно и тоже обычной вереницей идетъ: вчера какъ сегодня, завтра какъ вчера. Ярко красное, словно пропитанное кровью солнце вздымается изъ-за далекаго-далекаго лѣса, и играетъ пурпурными полосами на снѣгу, въ просвѣтахъ отъ длинныхъ тѣней, протянувшихся отъ всего: и деревьевъ, и столбовъ, и домовъ, и заборовъ. Со скрипомъ отворяются ворота, со скрипомъ ползутъ со двора черезъ мостикъ дровни, на которыхъ поставленъ чанъ, весь какъ свѣча отекшій застывшими сосульками. Глухо постукивая на выбоинахъ, тянется онъ по берегу внизъ къ проруби, и наполненный медленно тащится на гору, широко раздвигая полозьями снѣгъ, расплескивая изъ стороны въ сторону оледенѣвшую воду. На конюшняхъ чистятъ лошадей, кузнецъ налаживаетъ что-то на передкѣ полковничьихъ саней; золотисто-розовый дымъ клубится пушистыми облаками изъ трубы солдатской кухни; въ канцелярію лѣниво идетъ писарь съ пачкою бумагъ „самаго неотложнаго свойства“,—и каждый день начинается тѣмъ-же. Появляются кое-гдѣ, мѣстами, заспанные офицеры. Медленно переваливаясь съ ноги на ногу, черная мелкими калошами снѣгъ (большіе сапоги есть, да надѣвать лѣнь) расползаются они по селенію, устало кивая головой встрѣчнымъ солдатамъ, принужденно улыбаясь смазливымъ личикамъ дѣвокъ. Сонно идутъ они въ канцелярію, на кухню, въ конюшню, сонно слушаютъ докладъ о томъ, что „Дьячокъ“ захромалъ, что по начальству надо донести рапортомъ о потерѣ чего-то, что крупа здѣсь такая, какой въ городѣ „ни Боже мой не достать“. Начинается проѣздка лошадей, безконечные разговоры съ конюхами... „Ты ее нетпую не напой“,—говоритъ поручикъ, передавая хромому солдату поводья своего рыжаго конька. Конюхъ, въ городѣ отнесшійся-бы къ такому замѣчанію презрительно, — тутъ принимаетъ его съ какимъ-то радостнымъ изумленіемъ, точно въ первый разъ слышитъ, и съ чувствомъ отвѣчаетъ: „слушаю, ваше благородіе“. Его благородіе медленно отходитъ отъ конюшни, и думаетъ:— „что-бы такое сдѣлать“? Медленно лѣзетъ онъ подъ пальто, вытягиваетъ часы. „Скоро два,—обѣдать еще рано“. Соображаетъ онъ:—„газеты привезутъ только къ вечеру,— куда-бы пойти? Въ рощѣ былъ, у церкви былъ, на мосту ходилъ, — больше некуда. Пойти развѣ къ Половцеву? Пойду.“ Половцевъ оказывается тутъ-же на кухнѣ. Здороваются и освѣдомляются—кто гдѣ былъ и куда идетъ: отправляются вмѣстѣ. Дорожка протоптана узенькая, снѣгъ по бокамъ глубокій, идти рядомъ нельзя,—идутъ другъ за другомъ и молчатъ. Наконецъ выходятъ у церкви на дорогу, — идутъ рядомъ, идутъ и молчатъ. Развѣ который нибудь спроситъ: „а ты гдѣ сегодня обѣдаешь“?.. На что собесѣдникъ подумавши отвѣчаетъ: „у *нашего*—а ты“. „Я?—я тоже у него... вѣдь всегда по четвергамъ у него обѣдаемъ“. Часа въ четыре наступаетъ время обѣда: за обѣдомъ удивляются дешевизнѣ рябчиковъ и медленности производствъ и представленій. Больше всѣхъ горячится полковникъ Коркинъ: у него даже слюни брызжутъ во всѣ стороны. Подпоручикъ Половцевъ очень много ѣстъ, изрѣдка позвякивая отъ удовольствія подъ столомъ шпорами. Послѣ обѣда подаютъ скверный кофе, и опять говорятъ о производствѣ. Дамы предлагаютъ прокатиться куда нибудь: кавалеры, послѣ минутнаго колебанія, соглашаются. Ѣдутъ къ мельницѣ, въ заллѣсье, и на Старое Городище. Разсуждаютъ о томъ, отчего лѣвая пристяжная въ переднеи тройкѣ оказывается никуда негодной лошадью и совсѣмъ не ве-

зетъ, а только попрыгиваетъ, да прижимаетъ уши, когда ее бьютъ. На одномъ изъ крутыхъ раскатовъ, кавалеры предупреждаютъ дамъ сидѣть крѣпче; тѣ съ визгомъ цѣпляются за сосѣдей, и вмѣстѣ съ ними вываливаются въ мягкую, податливую снѣжную массу. Начинаются отряхиванія, вопли, смѣхъ. Усаживаются снова, ѣдутъ домой. Дома ждетъ ихъ самоваръ. Послѣ чая раскрываютъ ломберные столы и фортепіано. Молоденькіе офицеры поютъ „Осень—осыпается“, „Спрятался мѣсяцъ“ и еще что-то такое. Постарше чиномъ „винтятъ“, и во время сдачи говорятъ о производствахъ. Въ два часа гости подымаются, распадаются, и сонно расходятся по домамъ. Все засыпаетъ; огни тухнутъ. Безмолвно спитъ мѣстечко, залитое голубымъ луннымъ свѣтомъ, точно вымерло все,—и только изъ подъ какого нибудь забора раздается возгласъ: „походи, походи—я тѣ похожу!.. Всѣ-ли ребра-то цѣлы!“...

Экая тоска!..

* * *

Уже добрыхъ полчаса прошло, а поручикъ все еще лежалъ, все еще созерцалъ карнизъ потолка и думалъ о томъ, что дѣлается въ городѣ, какъ весело тамъ было вчера на елкахъ, сколько вчера именинницъ Евгеній было, и какъ пріятно въ воздухѣ пахнетъ въ эти дни елкой и воскомъ. И никогда Осташкову, во всю зиму, не было такъ грустно, какъ сегодня. Сегодня яснѣе чѣмъ всегда предстала передъ нимъ вся скука одиночества, весь этотъ однообразный бѣгъ дней;—онъ со злобой стиснулъ зубы, и чуть не заплакалъ, хватилъ кулакомъ по матрасу такъ, что его денщикъ Федька въ испугѣ кашлянулъ за дверью.

Однако вставать надо было. Вынырнувъ изъ подъ одѣяла, онъ потянулся за платьемъ и сталъ одѣваться, перешвыривая съ досады вещи, съ ненавистью взглядывая въ окно. Одѣвшись, онъ кликнулъ Федьку.

Федька явился съ мѣднымъ кувшиномъ, въ которомъ бренчали мелкіе куски льду: Осташковъ любилъ холодную воду прямо изъ „пролуби“, но требовалъ, чтобы ледъ былъ выловленъ, и когда въ сомкнутыя горсти, равныя вмѣстимостью порядочной мискѣ, попадали ледышки, онъ выбрасывалъ воду въ тазъ и называлъ Федьку Иродомъ. Умываясь, онъ всегда почему-то отфыркивался: въ носъ-ли попадала ему вода, или привычка это была,—Богъ его знаетъ, но только своимъ фырканьемъ онъ заливалъ всю стѣну возлѣ таза, отчего въ этомъ мѣстѣ рисунокъ на обояхъ совсѣмъ сошелъ. Федькѣ это фырканье и самый процессъ умыванія чрезвычайно нравился,—и онъ никогда не рѣшался прервать его неумѣстной фразой. Но на этотъ разъ едва поручикъ подставилъ горсти,—онъ внезапно отрапортовалъ.

— Къ полковнику, ваше благородіе, пріѣхали племянницы.

— Какія племянницы?..

Горсти не дошли до лица, и вода потекла мимо..

— Не могу знать. Только знаю, что пріѣхали.

— Когда?

— Сегодня ночью изъ города наѣхали.

— Сколько же ихъ?

— Однѣ-съ

— Дуракъ! А говоритъ племянницы! Вѣдь это множественное число...

Онъ снова подставилъ горсти, и сталъ въ нихъ окунать свое лицо. Федька былъ грустно-серьезенъ.

Поручикъ умылся, вытерся, и сталъ ужасно походить на ежа: волосы торчали во всѣ стороны: усы, брови—все взлохматилось. Отфыркнувшись въ послѣдній разъ, онъ бросилъ на Федьку полотенце.

— Хорошенькая?

— Не могу знать.

— Надолго пріѣхали?

— Не могу знать.

— Пошелъ вонъ!

Федька забралъ тазъ и кувшинъ, и направился къ двери, стараясь ступать больше на носки, чѣмъ на пятки.

— За мной никто не приходилъ? остановилъ его поручикъ.

— Никакъ нѣтъ.

— Ступай.

Онъ остался одинъ, подумалъ о чемъ-то, подошелъ къ комоду, вынулъ оттуда чистую рубашку, вложилъ въ нее серебряныя запонки, на которыхъ почему-то было написано „Кавказъ“, потомъ присѣлъ къ столу, тщательно вычистилъ ногти и велѣлъ подавать самоваръ.

Часы натужились и хриплымъ голосомъ оповѣстили половину десятаго. Федька принесъ ярко вычищенный для праздника самоваръ, брякнулъ сахарницей и чашкой: теплые, влажные клубы пара густыми облаками закружились надъ столомъ. Вокругъ самовара размѣстились холодный рябчикъ, колбаса и сардинки.

— Она замужняя? спросилъ Осташковъ.

— Не могу знать. Потому мнѣ какъ сказала полковницкая горничная,—въ проулокъ за сливками бѣгамши...

— А ты и распросить не могъ, болванъ...

— Виноватъ, ваше благородіе...

— Сапоги чисты?

— Чисты.

— Еще разъ вычисти,—пройдись этакъ щеткой. Да къ новому мундиру сзади пуговицу прикрѣпи... Живо!

Онъ подошелъ къ своему туалетному столику, взялъ баночку съ бриліянтиномъ, посмотрѣлъ ее на свѣтъ, понюхалъ, взболталъ хорошенько, отчего жидкость стала мутной и, усердно смочивъ щетку, принялся намазывать усы.

— А вдругъ—рожа! внезапно вырвалось у него восклицаніе.

— Чего изволите? откликнулся Федька.

— Молчи, огрызнулся поручикъ.—Ты вели Кузькѣ заложить тройку и ѣхать къ полковнику. Я пойду туда.

— Слушаю, ваше благородіе.

Осташковъ надѣлъ калоши, пальто, посмотрѣлъ на фуражку и замѣтилъ, что подкладку надо обязательно перемѣнить..

* * *

Выйдя на улицу, перейдя черезъ мостикъ канаву, онъ завернулъ направо и тяжело ступая двинулся къ старому нѣмецкому домику, единственному удобному помѣщенію во всемъ мѣстечкѣ, которое поэтому и было отдано подъ полковника. Почти половина пути была уже пройдена поручикомъ Осташковымъ, когда на встрѣчу ему попался чуть не бѣгомъ бѣжавшій подпоручикъ Половцевъ,—совсѣмъ бѣлобрысый розовый молоденькій офицерикъ, съ сѣрыми глазками и пушкомъ на подбородкѣ.

— Слышалъ! радостно крикнулъ онъ.

— Что? остановился Осташковъ.

— Пріѣхала!

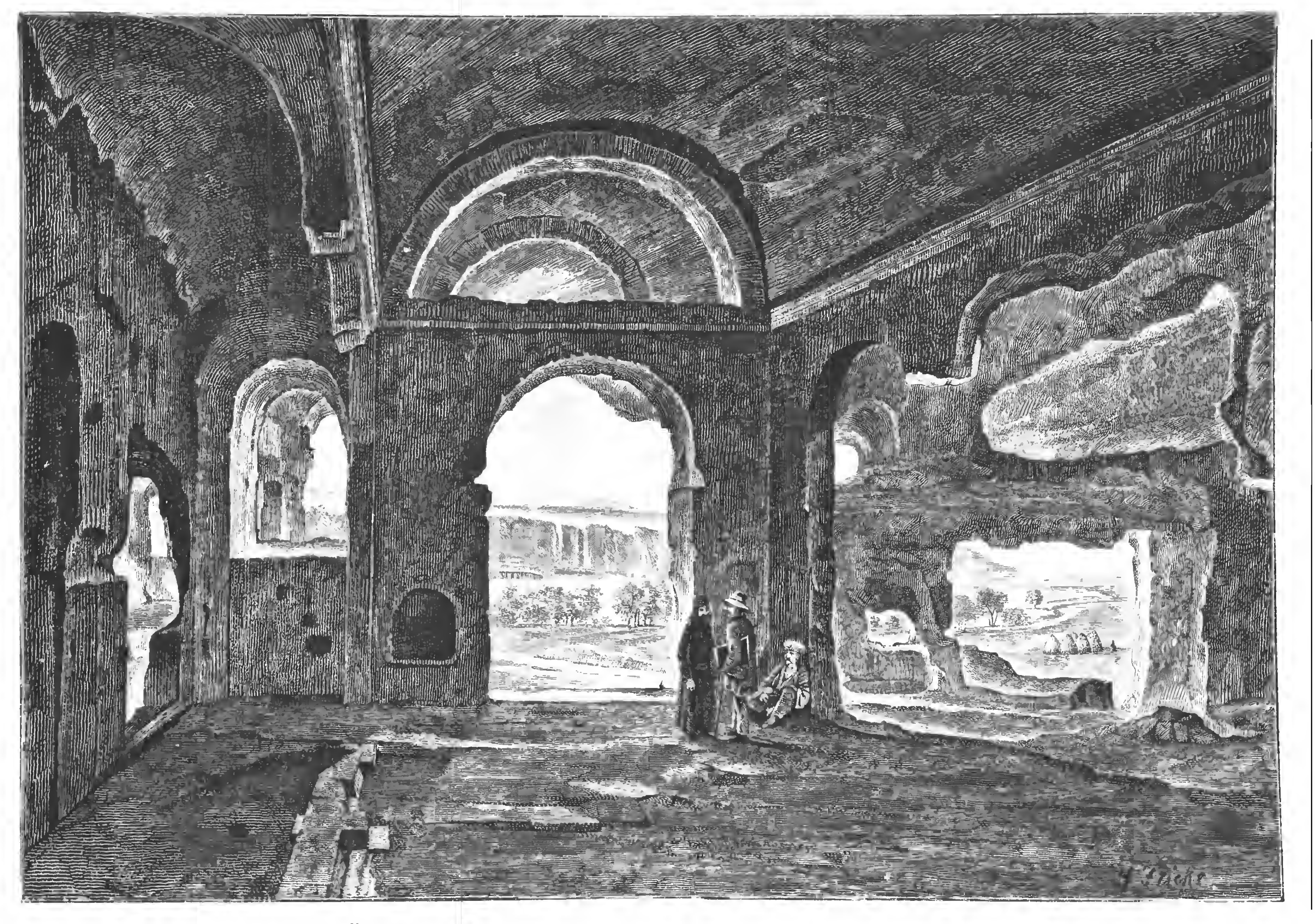
— А-а,—ты объ этомъ,—лѣниво протянулъ поручикъ, силясь или зѣвнуть или улыбнуться, желая во что бы то ни стало показать,—что все это вздоръ, и нисколько его не интересуетъ.—Да кто пріѣхалъ? внезапно прибавилъ онъ,—краснѣя за себя, что такъ скоро понялъ мысль Половцева.

— Да она, та племянница,—помнишь!

Осташкова словно обухомъ въ лобъ хватило. Онъ вспомнилъ... Въ перламутровомъ альбомѣ, что лежалъ у полковника въ гостиной, на первой страницѣ помѣщался большой портретъ молоденькой дѣвушки, съ широкими черными глубокими глазами, съ продолговатымъ полненькимъ личикомъ, пухленькими раздувающимися ноздрями,—въ бѣленькой институтской пелеринкѣ. Ея

Крымскіе виды. Туннель въ скалахъ Инкермана съ южной стороны

Съ картины академика Фрикке, грав. М. Рашевскій.



Крымскіе виды. Инкерманская пещера, гдѣ прежде была церковь.

Съ картины академика Фрикке, грав. М. Рашевскій.

красой постоянно хвалился полковникъ: это была дочь его брата. Личико было такое задорное, милое, что многіе офицеры хотѣли даже „стащить“ карточку... И вдругъ она теперь здѣсь...

Краска все еще играла на лицѣ поручика.—Она, красавица, которой онъ такъ много, такъ долго любовался по портрету, о которой онъ даже мечталъ порою,—она воочію сейчасъ предстанетъ передъ нимъ!... Да встрѣтить ее въ большомъ обществѣ, въ городѣ, и то ужè счастье,—а здѣсь въ глуши, въ снѣгахъ...

Онъ рѣшилъ, что надо еще разъ, болѣе тщательно, примазать фиксатуаромъ височки и положить „ангруазъ“ на усы. Но желаніе увидѣть ее сейчасъ, сію минуту, тянуло его впередъ...

— А я сейчасъ отъ унтеръ-офицера Копытина узналъ,—продолжалъ захлебываясь отъ восторга бѣлявый подпоручикъ... Говоритъ, что пріѣхала въ два часа ночи. Хотѣла поспѣть еще вчера къ вечеру, да метель поднялась—ну и задержала...

— Да... вотъ какъ,—бормоталъ поручикъ.

— Какъ ты думаешь,—сегодня устроится танцовальный вечеръ,—а? устроится...

— Не знаю, не дурно-бы,—стараясь по прежнему сохранить равнодушный тонъ, и чувствуя, что это ему не удается, отвѣтилъ Останковъ.—Она, кажется, вѣдь хорошенькая?...

— Прелесть! восторгъ!... Мнѣ еще недавно полковникъ расписывалъ: говоритъ, что въ мірѣ красивѣе нѣтъ... Только, чуръ, Останковъ,—не отбивать—танцовать по очереди, чтобъ никому обидно не было...

Товарищи засмѣялись, и пожали другъ другу руки: Половцевъ былъ еще не въ мундирѣ. Онъ побѣжалъ домой, а Останковъ двинулся къ полковнику.

* * *

Въ прихожей стоялъ большой новый, очевидно только что привезенный сѣрый сундукъ, съ мѣдной доской, на которой были вырѣзаны какія-то буквы, какія—этого Останковъ разобрать не могъ. Сбросивъ шинель на руки деньщику, онъ провелъ по оледенѣвшимъ усамъ платкомъ, и вошелъ въ гостиную. Тамъ не было никого.

— Сейчасъ откуда нибудь выглянетъ, гдѣ нибудь мелькнетъ,—думалъ поручикъ, искоса поглядывая въ зеркало и оттягивая внизъ полы мундира.

Его позвали въ кабинетъ. Полковникъ зашаркалъ ногами и сдѣлалъ видъ, что хочетъ подняться съ кресла при его входѣ. Начались обычныя поздравленія и привѣтствія...

— Къ вамъ, кажется, родственница пріѣхала,—несмѣло, чуть не дрожащимъ голосомъ заговорилъ поручикъ.

— Да,—заскрипѣлъ басомъ полковникъ,—пріѣхала вчера ночью—и такъ неожиданно.—Я очень радъ, очень радъ: она веселая такая. На праздникахъ развлеченіе женѣ... Она скучаетъ у меня... очень радъ!... Сегодня на вечеръ къ намъ,—милости просимъ.

Поручикъ, чувствуя какъ все внутри его запрыгало отъ радости, наклонилъ голову въ знакъ того, что онъ непремѣнно будетъ..

— А... супруги вашей дома нѣтъ, у обѣдни? спросилъ онъ.

— Дома... Только встаетъ. Знаете, ночной пріѣздъ: и она и племянница заспались...

— Такъ я заѣду такъ черезъ часъ... поздравить.

— Къ завтраку милости просимъ,—пріѣзжайте... Веселѣе будетъ,—я очень радъ, ужасно радъ...

* * *

Если бы въ мирный кружокъ офицеровъ мѣстечка Н. внезапно пришла телеграмма о нашествіи двунадесяти языковъ и во время обѣда упала бы имъ на столъ бомба—едва-ли бы они болѣе переполошились. Пріѣздъ племянницы полковника—былъ такимъ чудеснымъ рождественскимъ сюрпризомъ, лучше котораго и желать нельзя было. Вѣсть о ея пріѣздѣ чѣмъ свѣтъ распространилась по мѣстечку,—и къ одиннадцати часамъ въ крохотную квартирку подпоручика Половцева набралось столько народу, что за густыми клубами дыма еле-еле можно было различать взаимно другъ друга...

— Сегодня вечеромъ, господа, обязательно катанье на тройкахъ! кричалъ одинъ...

— Мы спектакль устроимъ, кипятился другой,—декораціи и все это мигомъ!

— Маскарадъ лучше,—предлагалъ третій,—можно фантастическіе костюмы: напримѣръ свиная голова, бутылка, сапогъ...

— А что господа,—эти праздники даромъ не пройдутъ, соображалъ четвертый.—Кто нибудь изъ насъ да женится...

— Вотъ вздоръ какой! сейчасъ ужъ и жениться!..

— А не поднести-ли, господа, намъ ей сообща какой нибудь подарокъ при ея отъѣздѣ?

— Она едва пріѣхала, а ты ужъ объ отъѣздѣ...

— Ахъ, господа, какъ я люблю хорошенькихъ, щебеталъ подпоручикъ, весь сощурившись... Боже мой, какъ я ихъ люблю...

Всѣхъ занимала мысль—а кому будетъ оказано предпочтеніе. Всѣ чувствовали легкую дрожь, словно школьники передъ экзаменомъ.

Останковъ молча крутилъ усъ: онъ зналъ, что во-первыхъ—онъ лучшій танцоръ, а во-вторыхъ,—у него лучшая тройка въ мѣстечкѣ,—кому-же будетъ оказано предпочтеніе, какъ не ему?..

* * *

Чѣмъ ближе подходили стрѣлки къ двѣнадцати, тѣмъ сильнѣе дрожь нетерпѣнія охватывала юныхъ офицеровъ. Они чистили мундиры, осматривали пуговицы, причесывались, пудрились;—одинъ даже завился... Между двумя изъ нихъ вышли такія крупныя пререканія, что дѣло чуть-чуть не кончилось непріятностью. Маіоръ замѣтилъ кому-то, что у него носъ неправильной формы и напоминаетъ сливу. Сказано это было конечно въ шутку, но тотъ весьма серьезно заговорилъ о какихъ-то „уклоненіяхъ и попущеніяхъ“ по службѣ. Едва-едва удалось примирять расходившихся товарищей.

До полдня оставалось еще чуть не полчаса. Останковъ не могъ долѣе оставаться въ душной, накуренной комнатѣ. Онъ накинулъ шинель, и вышелъ къ своей тройкѣ, уже давно побрякивавшей у воротъ бубенцами. Обойдя внимательно лошадей, и погладивъ по теплому нѣжному носу гнѣдаго крупнаго коренника, онъ влѣзъ въ сани и велѣлъ прокатить себя до рощи. Тройка завернула назадъ, причемъ лѣвая пристяжная на рысяхъ сдѣлала поворотъ вправо, крѣпко вдавливая снѣгъ мускулистыми ногами,—и понеслась по скользкой дорогѣ, внизъ, черезъ мостъ, мимо церкви въ поле. Останковъ подставилъ свое разгоряченное лицо снѣжной морозной пыли, щурясь отъ бившаго въ лицо вѣтра,—и мечты радужной вереницей неслись передъ нимъ.

— И вдругъ женюсь,—думалъ онъ,—и *она* будетъ моей женой... Это черноглазая. Какъ ее зовутъ, любопытно?.. Есть за ней приданое?.. Вѣроятно есть,—вѣдь нашъ полковникъ изъ богатаго семейства... Переѣдемъ въ городъ. Мнѣ всегда женатая жизнь казалась раемъ. Утромъ жена въ спальнѣ, въ капотѣ... И главное: сознаніе, что это неотъемлемая собственность!

Онъ закрылъ глаза, и вдругъ такъ живо представилъ и голубой будуаръ, и пестрый съ кистями халатикъ жены, оканчивающійся громаднымъ трэномъ поверхъ кружевныхъ юбокъ, и мягкія волны волосъ, и душистые поцѣлуи, и неизмѣнный, стройный, разъ навсегда заведенный порядокъ домашняго обихода. Вечерніе пріемы гостей,—блестящій самоваръ, свѣтлыя лампы, ароматный чай, коньякъ, милая, свѣженькая жена,—все это такъ хорошо, празднично... Что въ самомъ дѣлѣ эта холостая безобразная жизнь... Потомъ дѣти пойдутъ...

Осташковъ увлекался все дальше и дальше. Воображеніе рисовало и генеральскіе эполеты, и золотыя сабли, и „Георгія за храбрость"... Ужъ лѣсъ давно начался, и мелькалъ оголенными стволами старыхъ осинъ, когда онъ опомнился и крикнулъ кучеру:

— Назадъ! къ полковнику!

* * *

Когда тройка лихо подкатила къ крыльцу, и Осташковъ не менѣе лихо выпрыгнулъ изъ саней,—ему показалось, что кто-то смотритъ черезъ замерзшія окна. Сердце его колотилось, дыханье останавливалось. На крыльцѣ онъ столкнулся съ Половцевымъ.

— Что, видѣлъ? спросилъ подпоручикъ?

— Нѣтъ. А ты?

— Идемъ вмѣстѣ...

Все еще подъ впечатлѣніемъ своей мысли, съ сознаніемъ неотразимаго сцѣпленія обстоятельствъ, переступилъ Осташковъ порогъ залы. Онъ зналъ, что это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда самъ по себѣ человѣкъ отступаетъ назадъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является судьба. Онъ зналъ, что идетъ прямо на встрѣчу существу, съ которымъ уже невидимо связанъ какою-то неразрывною нитью...

— Аа! раздался голосъ полковника... Очень радъ, очень радъ...

Осташковъ прямо подошелъ къ ручкѣ полковницы,—онъ даже не хотѣлъ взглянуть на *нее*,—хотя зналъ, чувствовалъ ея присутствіе въ этой комнатѣ въ углу, у фортепіано.

— Позвольте васъ познакомить,—заговорилъ полковникъ.

Легкіе шаги пошли къ нему на встрѣчу. Онъ поднялъ глаза.

Высохшая, худосочная дѣва лѣтъ тридцати пяти, съ бархаткой на шеѣ, длиннымъ носомъ, и громаднымъ бутономъ на щекѣ, любезно улыбаясь и выставляя кривые зубы, стояла передъ нимъ.

— Племянница... то есть не моя,—племянница жены,—продолжалъ полковникъ. Monsieur Осташковъ, mademoiselle Хазенклеверъ,—такъ неожиданно и сегодня ночью...

— Очень пріятно,—пролепетала mademoiselle Хазенклеверъ, нѣжно пожимая его руку.

Monsieur Осташковъ ничего не сказалъ, только низко поклонился.

* * *

Праздники въ мѣстечкѣ Н. прошли очень скучно...

Таинственный цвѣтокъ.

Разсказъ. **Съ испанскаго.**

Въ одномъ изъ самыхъ темныхъ и кривыхъ переулковъ Толедо, закрытый или лучше сказать стиснутый съ одной стороны мавританской башней старинной мечети, а съ другой мрачными стѣнами дворца, украшенными снизу до верху изображеніями гербовъ, стоялъ много лѣтъ тому назадъ домишка, такой же старый невзрачный и жалкій, какъ и его хозяинъ, еврей Даніилъ Леви.

Этотъ еврей былъ существо злое и мстительное; но хитрости же и лицемѣрію онъ превосходилъ всѣхъ своихъ соплеменниковъ, живщихъ въ то время въ Толедо.

Владѣя, по слухамъ, громаднымъ состояніемъ, онъ все таки аккуратно, каждый день сидѣлъ, сгорбившись надъ работой, въ преддверіи своего дома, то выковывая, то исправляя металлическія цѣпи, старыя портупеи и изломанныя брони, которыя обыкновенно покупали бродячіе маклаки у какого нибудь бѣднаго оруженосца. Но несмотря на свою ярую ненависть противъ христіанъ и всего христіанскаго, Леви никогда не проходилъ мимо именитой особы или важнаго духовнаго лица не снявъ нѣсколько разъ сряду своей замасленной шапки, покрывавшей его лысый желтый черепъ; встрѣчая же въ своей лавочкѣ какого нибудь постояннаго покупателя, онъ всегда сгибался передъ нимъ въ три дуги и привѣтствовалъ его льстивыми словами и подобострастными улыбками.

Улыбка Даніила была извѣстна всему Толедо. Эту неизмѣнно сладкую улыбку даже не могли нарушить ни самыя злыя шутки, ни насмѣшки, ни даже дерзкія выходки сосѣдей. Тщетно уличные мальчишки, чтобы раздражить Леви, бросали камнями въ его двери; тщетно молоденькіе пажи и даже оруженосцы сосѣдняго дворца, чтобы оскорбить его, осыпали его самыми грубыми ругательствами, а старыя ханжи околодка, проходя мимо его дома, набожно крестились, какъ бы видя передъ собою самого дьявола. Даніилъ же по прежнему улыбался своей неизмѣнной, загадочной улыбкой. Онъ повидимому безстрастно продолжалъ поколачивать своимъ маленькимъ желѣзнымъ молоточкомъ по наковальнѣ, трудясь надъ исправленіемъ разнаго металлическаго хлама, и никто не могъ подмѣтить, какъ расширялись его тонкія и ввалившіяся губы, мало видимыя за тѣнью его длиннаго и загнутаго, какъ клювъ орла, носа, а маленькіе зеленые круглые глаза, почти совсѣмъ скрытые подъ густыми бровями, метали молніи худо сдерживаемаго гнѣва.

Надъ дверью еврейской лачуги, среди облицовки изъ яркихъ фаянсовыхъ кирпичей, виднѣлось арабское окно, остатокъ старинной мавританской архитектуры. Кругомъ всей каменной рамы окна, украшенной тонкой рѣзной работой, а также около витой колонки, раздѣляющей его на двѣ равныя части, вились, выходя изъ внутренности комнаты, ползучія растенія, яркая и свѣжая зелень которыхъ рѣзко выдѣлялась на потемнѣвшей стѣнѣ полуразрушенной постройки.

Въ этой части дома, куда проникалъ лишь довольно слабый свѣтъ сквозь узкое окно, исключительно выходящее на улицу на всемъ протяженіи мрачной стѣны, жила Сара, единственное и горячо любимое дѣтище Даніила.

Когда сосѣди проходили мимо еврейской лавки и случайно замѣчали Сару за занавѣсками мавританскаго окна, а Даніила по обыкновенію сидящаго на корточкахъ передъ своей наковальней, то при видѣ прелестной дѣвушки у нихъ вырывалось невольное восклицаніе:

— Кто бы могъ думать, что такой чудный цвѣтокъ выросъ отъ такого безобразнаго корня?

Дѣйствительно, въ красотѣ Сары было что то необыкновенное. Ея большіе глаза, обрисованные черными кругами черныхъ рѣсницъ, блестѣли пламенными зрачками какъ звѣздочки въ мракѣ ночи. Ея нѣжныя и алыя губки, казалось, были мастерски вырѣзаны какой нибудь невѣдомой феей изъ пурпуроваго бархата. Кожа ея была бѣла и блестяща какъ алебастръ статуи. Ей едва минуло шестнадцать лѣтъ, но ея личико носило уже слѣды тихой грусти, столь свойственной рано развившимся натурамъ; часто ея грудь подымалась въ волненіи и вздохи слетали съ устъ, какъ вѣстники пробужденія неясныхъ чувствъ и желаній.

Самые богатые евреи города, очарованные красотою Сары, просили ея руки, но она оставалась постоянно холодной къ этимъ искательствамъ своихъ обожателей: на всѣ же вопросы отца и увѣщанія его выбрать себѣ достойнаго мужа, молодая дѣвушка или отмалчивалась или говорила, что хочетъ сохранить свою свободу. Однажды одинъ изъ самыхъ постоянныхъ поклонниковъ Сары, будучи не въ силахъ болѣе выносить ея холодность и презрѣніе и подозрѣвая, что въ ея всегдашней грусти заключается какая нибудь важная тайна ея сердца, подошелъ къ Даніилу и сказалъ ему:

— Знаешь ли Даніилъ, что говорятъ объ твоей дочери между нашими соплеменниками?

Еврей на минуту поднялъ глаза со своей наковальни, прекратилъ на время свои удары молоткомъ и, не выказывая ни малѣйшаго смущенія, въ свою очередь обратился съ вопросомъ къ своему собесѣднику:

— Ну что же говорятъ объ ней?

— Говорятъ очень многое, продолжалъ тотъ, и между прочимъ, что будто твоя дочь любитъ христіанина...

Тутъ разсказщикъ нарочно остановился, чтобъ видѣть, какое впечатлѣніе произвели его слова на Даніила.

Даніилъ снова поднялъ глаза; съ минуту пристально посмотрѣлъ на него, не говоря ни слова, и опять опустилъ взоры на свою работу, промолвивъ: „Кто мнѣ можетъ поручиться, что все тобою сказанное—не ложь и не клевета?"

— Тотъ, который видѣлъ ихъ много разъ разговаривающими въ этой самой улицѣ, въ то время когда ты ходилъ на собранія нашихъ раввиновъ, продолжалъ увѣреннымъ тономъ молодой еврей, удивляясь, что его рѣчь не производитъ до сихъ поръ ни малѣйшаго дѣйствія на Даніила. Послѣдній не прекращалъ обычной своей работы: онъ пристально смотрѣлъ на свою наковальню, на которой, положа молотокъ въ сторону, доканчивалъ маленькой пилой металлическую застежку брони, и въ тоже время началъ говорить тихимъ, прерывающимся голосомъ, такъ что его губы казалось передавали машинально мысли, тѣснившіяся въ его головѣ.

— Хе! хе! хе! говорилъ онъ съ какимъ-то страннымъ, дьявольскимъ смѣхомъ: неужели какой нибудь собака-христіанинъ можетъ похитить у меня мою Сару — гордость всего племени, единственную опору моей старости?... неужели вы думаете, что это ему удастся? Хе! хе! хе! продолжалъ онъ, какъ бы говоря съ самимъ собою и не переставая смѣяться, тогда какъ его пила работала все быстрѣе и быстрѣе и все крѣпче вонзалась въ металлъ

своими стальными зубцами. Хе! хе! Бѣдный Даніилъ, скажутъ мои собратья; онъ уже спятилъ съ ума! Зачѣмъ же этотъ старый, дряхлый полутрупъ держитъ при себѣ юную и прелестную дѣвушку, если онъ не въ силахъ уберечь ее отъ обольщеній нашихъ общихъ враговъ?.. Хе! хе! хе! можетъ быть они думаютъ, что Даніилъ спитъ? Ты пожалуй полагаешь, что завести моей дочери любовника—дѣло не трудное; что если этотъ христіанскій волокита захочетъ обольстить ее—то и въ этомъ ему небудетъ препятствій! захочетъ ли убѣжать съ ней хоть завтра, то и это ему удается: и неужели ты думаешь, что Даніилъ такъ легко выпуститъ изъ рукъ свое сокровище? Неужели ты думаешь, что онъ не умѣетъ бороться и мстить?...

— Но, произнесъ молодой человѣкъ, прерывая, извѣстно ли тебѣ...

— Я знаю, возразилъ Даніилъ, вставая и ударяя по плечу своего собесѣдника; я знаю объ этомъ больше, нежели ты, который въ сущности ничего не знаешь и ничего бы не могъ знать, если бы не пришло время вывести все наружу... Прощай! Сообщи нашимъ собратьямъ, чтобы они собирались какъ можно раньше. Въ эту ночь, между часомъ и двумя, я приду къ нимъ. Прощай!

Продолжая такимъ образомъ говорить, Даніилъ полегоньку выпроводилъ своего собесѣдника на улицу, не торопясь собралъ свои инструменты и принялся замыкать двойнымъ ключемъ крѣпкіе запоры своей лавки.

II.

Это была ночь на Страстную пятницу. Жители Толедо, окончивъ вечернее богослуженіе въ ихъ величественномъ соборѣ, уже предались сну, или сидя у огня, передавали другъ другу страшныя легенды объ евреяхъ, ворующихъ дѣтей и приносящихъ ихъ въ жертву своему фанатизму—легенды, столь распространенныя въ то средневѣковое время.

Въ городѣ царствовало глубокое безмолвіе, прерываемое порой то отдаленными криками ночной стражи, оберегавшей дворецъ, то завываніемъ вѣтра, приводящаго въ движеніе флюгера башенъ и глухо отдающагося въ узкихъ изгибахъ улицъ.

У подножія скалъ, омываемыхъ Таго, на которыхъ расположенъ Толедо, качалась маленькая лодка, привязанная къ сваѣ. Владѣлецъ лодки зорко смотрѣлъ на берегъ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что къ нему, по узкой, скалистой тропинкѣ, быстро спускается какая-то личность, какъ видно поджидаемая имъ съ нетерпѣніемъ.

— Да, это она! прошепталъ лодочникъ сквозь зубы. Въ эту ночь, все это чертовское, жидовское отродье такъ и мечется какъ угорѣлое! Зачѣмъ, дьяволъ ихъ знаетъ, нужна имъ лодка, когда здѣсь и мостъ подъ носомъ? Можетъ быть они боятся столкнуться съ вооруженными христіанами, которые, конечно, не дадутъ имъ спуску. Впрочемъ, это не мое дѣло—они даютъ мнѣ случай заработать деньги; остальное до меня не касается.

Разговаривая такимъ образомъ съ самимъ собою, лодочникъ сѣлъ на скамью, опустилъ на воду весла, и когда Сара, которая и была та особа, которую онъ поджидалъ, вошла въ лодку, то онъ отвязалъ послѣднюю и началъ гресть по направленію къ другому берегу.

— Много народу переѣхало сегодня ночью? спросила Сара у лодочника, когда онъ отчалилъ отъ берега, какъ бы намекая на бывшій уже до того разговоръ.

— Я не могъ и сосчитать сколько,—отвѣчалъ лодочникъ.—настоящій рой пчелъ. Можно подумать, что они такъ спѣшатъ послѣдній разъ въ жизни.

— А ты не знаешь, куда они торопятся и въ такой поздній часъ?

— Нѣтъ, этого не знаю... но всѣ говорятъ, что они всегда въ эту ночь ожидаютъ какого-то пришествія. Зачѣмъ имъ нужно это пришествіе,—не знаю, но уже вѣрно не для добраго дѣла...

Послѣ этого короткаго разговора, Сара оставалась нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи, какъ бы стараясь привести въ порядокъ свои мысли.

„Нѣтъ сомнѣнія, думала она, отцу моему извѣстна уже моя любовь, и онъ приготовляетъ ужасное мщеніе. Мнѣ нужно узнать, во что бы то ни стало, куда они всѣ отправились, что они тамъ дѣлаютъ или что собираются дѣлать. Одна минута замедленія можетъ погубить его. Сара поднялась, какъ бы для того, чтобы прогнать овладѣвшія ею страшныя мысли, и провела рукою по лбу, покрытому отъ страха холоднымъ потомъ. Въ эту минуту лодка причалила къ противоположному берегу.

— Добрый человѣкъ, сказала прекрасная еврейка, бросая лодочнику нѣсколько монетъ и показывая рукою на узкую извилистую тропинку, изгибающуюся между утесами,—не этой ли дорогой пошли они?

— Да, этой самой, и когда доходили до вершины, до такъ называемой головы Мавра, то поворачивали на лѣво и затѣмъ исчезали. Какой же дорогой они шли дальше, это они знаютъ лишь сами, да ихъ ближайшій родственникъ дьяволъ,—отвѣчалъ лодочникъ.

Сара пошла по указанному направленію. Нѣсколько времени было видно, какъ она то появлялась, то исчезала среди мрачнаго лабиринта суровыхъ, остроконечныхъ скалъ. Добравшись до вершины, извѣстной въ народѣ подъ именемъ „Головы Мавра", ея тѣнь мелькнула на мгновеніе на свѣтломъ фонѣ темноголубаго неба и снова скрылась во мракѣ ночи.

III.

На той дорогѣ, которая теперь ведетъ къ живописной часовнѣ Богородицы, неподалеку отъ „Головы Мавра", въ разсказываемую эпоху существовали развалины византійскаго храма, построеннаго еще до нашествія арабовъ. Отъ церковной паперти оставались еще цѣлыми нѣсколько разбросанныхъ по землѣ камней, покрытыхъ кустарникомъ и паразитными растеніями. Среди развалинъ видны были капители разбитыхъ колоннъ и обломковъ, покрытыхъ искусной скульптурной работой, представлявшей то уродливыхъ чудовищъ, то разныя человѣческія фигуры. Отъ храма остались цѣлыми лишь боковыя стѣны да нѣсколько сводовъ, полуразрушенныхъ и одѣтыхъ плющемъ.

Сара, руководимая какимъ-то сверхъестественнымъ предчувствіемъ, достигнувъ мѣста, указаннаго ей лодочникомъ, направилась смѣлыми и рѣшительными шагами къ обширнымъ развалинамъ церкви.

Ея инстинктивное чувство ее не обмануло. Даніилъ болѣе не улыбался; Даніилъ не былъ болѣе смиреннымъ и хилымъ старикомъ: напротивъ, его маленькіе, круглые и полные гнѣва глаза горѣли огнемъ одушевлявшей его мести. Окруженный толпой, жаждавшей, какъ и онъ самъ, выместить всю свою ненависть надъ однимъ изъ враговъ ихъ вѣры, онъ, казалось, соединялъ въ себѣ нечеловѣческую силу и энергію. Онъ давалъ приказанія однимъ, воодушевлялъ въ работѣ другихъ и распоряжался съ ужасающимъ увлеченіемъ всѣми необходимыми приготовленіями къ выполненію адскаго плана, задуманнаго имъ много дней тому назадъ, среди стука молота на наковальнѣ, въ уединеніи его толедской мастерской.

Сара, которая, благодаря темнотѣ ночи, прокралась до самаго преддверія церкви, должна была сдѣлать надъ собою страшное усиліе, чтобы удержать крикъ ужаса при видѣ той сцены, которая происходила внутри развалинъ.

Красноватый отблескъ горящихъ костровъ, отражающійся на стѣнахъ храма, освѣщалъ это адское сборище какихъ-то тѣней, изъ которыхъ однѣ старались укрѣпить тяжелый крестъ, другія плели вѣнокъ изъ вѣтвей колючаго кустарника и выпрямляли острія длинныхъ и толстыхъ желѣзныхъ гвоздей. Ужасная мысль тотчасъ-же пришла въ голову Сарѣ; она вспомнила, что уже много разъ упрекали ея соплеменниковъ въ таинственныхъ преступленіяхъ; она смутно вспомнила исторію объ распятомъ ребенкѣ, которую она до той поры считала за грубую клевету, выдуманную народомъ для оскорбленій и преслѣдованія евреевъ. Но нѣтъ больше сомнѣнія; здѣсь, на ея глазахъ, приготовляются страшныя орудія мученій, и палачи ждутъ только жертвы.

Сара, полная гнѣва и негодованія, воодушевленная непоколебимой вѣрой въ истиннаго Бога, котораго она уже познала въ бесѣдахъ съ нею друга ея сердца, не могла удерживать себя болѣе при такомъ зрѣлищѣ, и быстро пройдя скрывавшій ее кустарникъ, неожиданно появилась въ дверяхъ храма.

Евреи, при видѣ ея, испустили крикъ удивленія, а Даніилъ, подойдя къ своей дочери, съ угрожающимъ видомъ проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Чего ты здѣсь ищешь несчастная?

— Я пришла, отвѣчала Сара смѣло и рѣшительно, чтобы обличить васъ въ вашемъ постыдномъ преступленіи. Я пришла сказать, что вы напрасно разсчитываете найдти жертву для вашей казни, если вы только не захотите удовлетворить мною свою жажду крови; христіанинъ-же, котораго вы ждете, не придетъ, такъ какъ я его предупредила объ опасности.

— Сара! вскричалъ Даніилъ, краснѣя отъ гнѣва. Сара ты говоришь неправду. Ты не можешь измѣнять намъ до такой степени, чтобы обнаружить даже наши таинственные обряды, а если ты это сдѣлала, то ты болѣе не дочь мнѣ.

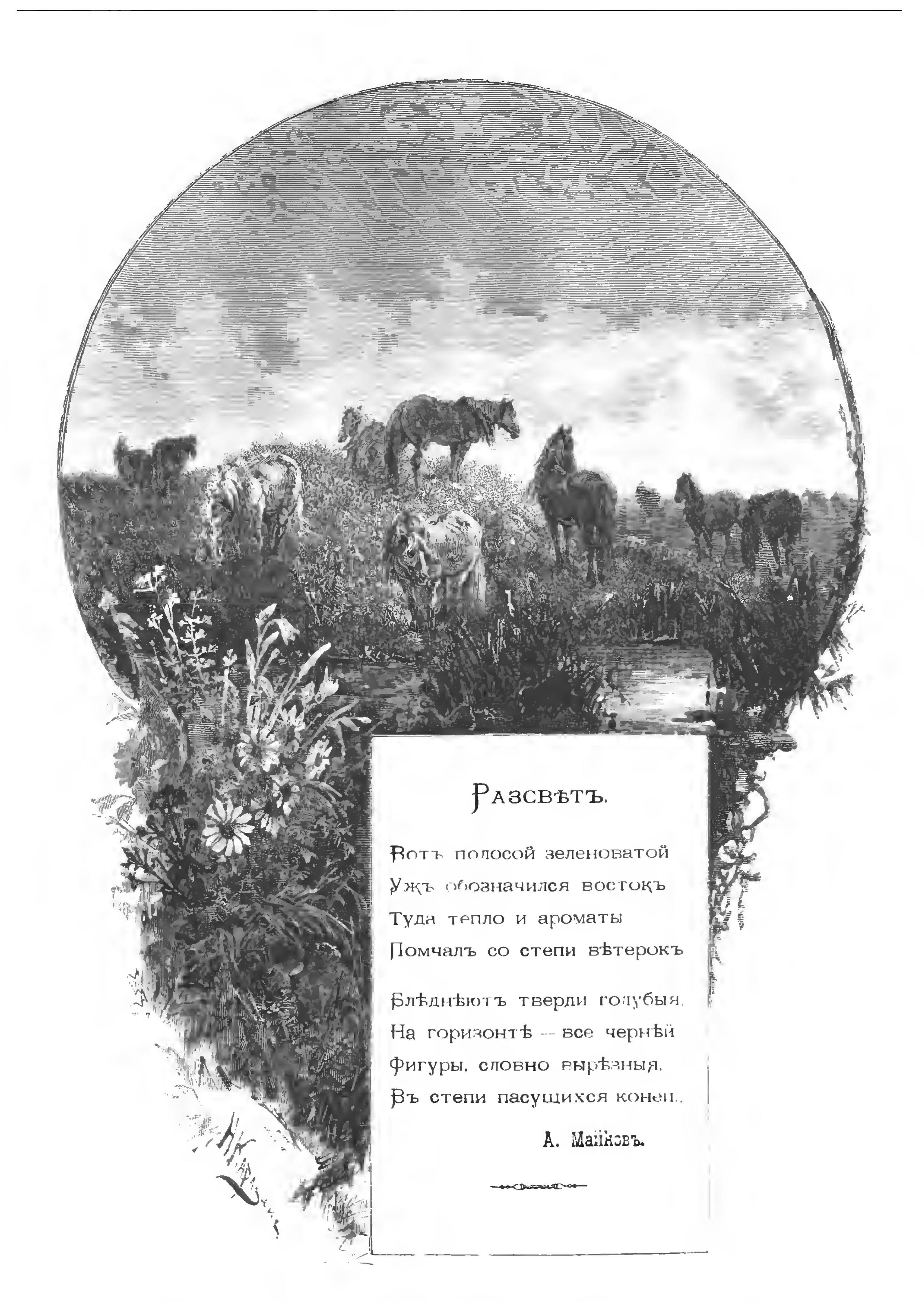
— Нѣтъ, я тебѣ болѣе не дочь: я нашла другаго Отца, Отца, полнаго любви къ своимъ дѣтямъ; Отца, котораго вы пригвоздили къ позорному кресту; Онъ умеръ на этомъ крестѣ и искупилъ насъ, открывъ намъ двери вѣчно блаженной жизни. Нѣтъ, я не дочь тебѣ болѣе, такъ какъ я христіанка...

Услышавъ эти слова, произнесенныя съ такой энергіей и твердостью, которыя само небо внушаетъ мученикамъ, Даніилъ внѣ себя отъ гнѣва бросился на прекрасную еврейку, повергъ ее на землю, схватилъ за волосы и поволокъ, увлекаемый бѣшенствомъ, къ подножію креста, крича окружавшимъ:

— Вотъ она! Я отдаю ее вамъ; казните эту преступную женщину, продавшую свою честь, свою вѣру и своихъ братьевъ!

IV.

На слѣдующій день, когда колокола потрясали воздухъ и почетные жители Толедо забавлялись стрѣльбой изъ аркебузъ въ изображенія, сдѣланныя изъ соломы, какъ это водится еще и понынѣ во многихъ глухихъ мѣстностяхъ Испаніи, Даніилъ, по обыкновенію, отворилъ двери своей лавки и со своей вѣчной улыбкой на устахъ раскланивался съ прохожими, не



Разсвѣтъ. Стихотвореніе А. Н. Майкова, ориг. рисун. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

переставая въ тоже время бить на наковальнѣ своимъ желѣзнымъ молоточкомъ. Но ставни мавританскаго окна Сары уже болѣе не открывались; никто и никогда уже болѣе не видалъ прекрасной еврейки въ этомъ окнѣ, хотя оно по прежнему блистало своими яркими, разноцвѣтными глазированными кирпичами...

Спустя нѣсколько лѣтъ, какъ говорятъ, одинъ пастухъ принесъ мѣстному епископу до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстный цвѣтокъ, въ строеніи котораго можно было подмѣтить всѣ орудія крестныхъ страданій нашего Спасителя: этотъ странный и таинственный цвѣтокъ выросъ и обвилъ своими стеблями развалины стѣнъ полуразрушенной византійской церкви.

Раскопки, сдѣланныя здѣсь, чтобы открыть причину такого чуда, привели, какъ утверждаютъ, къ открытію скелета женщины; съ нею-же были вырыты всѣ тѣ орудія крестныхъ страданій, которыя такъ ясно отразились въ строеніи цвѣтка. Никогда нельзя было узнать, кому принадлежали эти бренные останки. Но, не смотря на это, ихъ долго хранили и чтили ихъ благоговѣйнымъ поклоненіемъ въ монастырѣ Санъ-Педро Эль Верде. Цвѣтокъ-же, ставшій съ тѣхъ поръ очень распространеннымъ,носитъ донынѣ таинственное названіе—цвѣтка крестныхъ страданій.

Забытый геній.

Въ исторіи прикладныхъ наукъ нерѣдко повторяется тотъ фактъ, что происхожденіе изобрѣтенія тѣхъ или иныхъ аппаратовъ и машинъ, получившихъ столь великое значеніе въ наше время, скрыто въ мракѣ прошлаго, въ мракѣ, который постепенно сгущался подъ слоемъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ преданій, и чѣмъ дальше отъ насъ самое время, къ которому относится изобрѣтеніе, тѣмъ труднѣе назвать настоящаго изобрѣтателя. Иногда это бываетъ и совершенно невозможно, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда ученый, которому пришла извѣстная идея, не придалъ ей того значенія, котораго она заслуживала. Но — случалось и наоборотъ — изобрѣтатель вполнѣ постигъ все величіе своей идеи, но въ современной техникѣ не нашелъ достаточныхъ средствъ для ея осуществленія. Нѣтъ необходимости говорить, что тѣмъ выше былъ геній этихъ людей, настолько опередившихъ свое время, какъ и излишне было-бы прибавлять, что современники никогда не умѣли понимать ихъ, по достоинству.

Долгое время казалось, что исторія изобрѣтенія паровой машины принадлежитъ къ числу примѣровъ перваго рода. Еслибы можно было считать изобрѣтателями ея Соломона де-Ко, или маркиза Ворчестера, или Савери, то это равносильно было-бы отнести ея происхожденіе одному только случаю. Но когда открыто было, что изобрѣтеніе этой важнѣйшей изъ всѣхъ машинъ принадлежитъ Папину, когда было найдено и сравнено съ другими его сочиненіями, его письмо къ Лейбницу, тогда оказалось, что то былъ изобрѣтательный геній первой величины, ничего не предоставлявшій случаю, а основывавшійся только на результатахъ, добытыхъ опытами, точными наблюденіями, исчисленіями и изслѣдованіями.

Въ 1690 г. Папинъ сдѣлалъ, въ издававшемся тогда въ Лейпцигѣ журналѣ „Actio Ereditorum", первое сообщеніе о своей машинѣ, и именно въ той ея формѣ, которая носила названіе „атмосферической машины". Зналъ-ли онъ о работахъ Саломона де-Ко, Ворчестера и друг., это хорошо неизвѣстно; но вполнѣ достовѣрно то, что они не имѣли никакого отношенія къ изобрѣтенной имъ машинѣ. Къ мысли о ней онъ пришелъ во время первыхъ своихъ опытовъ надъ воздушной помпой, производившихся имъ въ Парижѣ, вмѣстѣ съ великимъ голландскимъ физикомъ Христіаномъ Хюйгенсомъ; но и это произошло не сразу,—настоящую, истинную идею онъ нашелъ только послѣ долгихъ опытовъ и неудачъ.

Точкою отправленія для нея послужила машина, изобрѣтенная Хюйгенсомъ и имѣвшая своимъ назначеніемъ утилизировать, для техническихъ цѣлей, то могучее давленіе, которое воздухъ оказываетъ на безвоздушную колбу извѣстныхъ размѣровъ въ поперечникѣ. Машина, между прочимъ, была примѣнена къ поднятію изъ Сены воды въ королевскіе версальскіе сады. Безвоздушное пространство, или пространство разрѣженнаго воздуха образовалось чрезъ сожженіе нѣкотораго количества пороха на днѣ большаго цилиндра, въ которомъ помѣщалась подвижная колба съ сгущеннымъ воздухомъ. Въ 1674 г. подобную машину Папинъ успѣшно экспериментировалъ предъ Кольберомъ. Вскорѣ затѣмъ, и слѣдовательно задолго еще до отмѣны нантскаго эдикта, Папинъ переѣхалъ изъ Парижа въ Лондонъ, гдѣ сначала занимался съ Бойлемъ, а потомъ работалъ уже одинъ. „Королевское общество" избрало его своимъ членомъ, предложивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, производить въ засѣданіи общества, за извѣстное вознагражденіе, научные опыты. Порученіе это дало ему возможность работать надъ воздушнымъ насосомъ и его примѣненіемъ: при этомъ онъ задался мыслью достигнуть способа, при посредствѣ котораго можно было-бы переводить какую либо естественную двигательную силу — какъ напримѣръ силу воднаго теченія — съ одного мѣста на другое, гдѣ въ ней имѣлась-бы потребность. Особый моторъ приводилъ въ движеніе воздушный насосъ, гдѣ, при посредствѣ длинной трубы, происходило давленіе на колбу, которая, такимъ образомъ, опускалась въ находившееся подъ нею разрѣженное пространство. Мысль свою Папинъ осуществилъ, однако, не въ Лондонѣ. Отправившись, въ 1687 году, по приглашенію ландграфа Карла Гессенскаго, профессоромъ математики въ Марбургъ, онъ тамъ и построилъ новую машину.

Главное неудобство машины Хюйгенса состояло въ томъ, что колба, вслѣдствіе сгущенія газовъ, не могла быть вдавлена внизъ, въ цилиндрѣ ниже 4/5 его длины. Но этого можно было избѣгнуть, отказавшись отъ употребленія пороха. Подготовительныя, для этой цѣли, работы Папинъ сдѣлалъ еще въ Лондонѣ, когда изобрѣлъ извѣстный подъ его именемъ паровой (Папиновъ) горшокъ (дигесторъ): трудясь надъ этимъ открытіемъ, онъ ознакомился съ тѣмъ свойствомъ воды, въ силу котораго, будучи нагрѣта, она превращается въ паръ, обладающій большою упругостью и, при охлажденіи, снова переходящій въ жидкое состояніе. И вотъ ему надо было, вмѣсто пороха, который, какъ сказано выше, клали на дно цилиндра, налить туда немного воды—чтобы сдѣлать огромный шагъ впередъ къ изобрѣтенію паровой машины. Въ заключеніе сообщенія о своей новой машинѣ онъ писалъ, между прочимъ: „Было-бы слишкомъ пространно излагать всѣ виды примѣненія этой силы, дающей возможность подымать изъ глубины и воду, и руды, бросать на далекое разстояніе желѣзныя ядра, заставлять корабли двигаться противъ вѣтра". Но главнѣйшее затрудненіе, какъ онъ полагалъ, встрѣтилось-бы въ употребленіи большихъ цилиндровъ.

Въ 1695 г. Папинъ поселился въ Касселѣ. Первые годы своего пребыванія тамъ онъ посвятилъ опытамъ устройства печей, лучшей конструкціи и большихъ размѣровъ, труды эти дали хорошій результатъ и для паровой машины: они привели Папина къ убѣжденію, что онъ можетъ обойтись безъ большихъ цилиндровъ, являвшихся препятствіемъ въ этомъ дѣлѣ. Ему пришлось вскорѣ приступить къ выполненію завѣтной мысли. Ландграфъ велѣлъ произвесть изслѣдованіе основанія солянаго содержанія въ мѣстныхъ соляныхъ источникахъ. Для этой цѣли оказывалось необходимымъ поднять значительныя массы воды, что и предположено было сдѣлать при помощи машины Папина. Онъ, однако, принялся не тотчасъ-же, такъ какъ ему понадобилось нѣкоторое время на нѣкоторыя передѣлки въ машинѣ для приспособленія ея къ подъему воды. Онъ высказалъ тогда, въ 1698 г., впервые, что: „сила давленія, развиваемая водою, въ расширенномъ состояніи (по нашему водяной паръ), не имѣетъ тѣхъ предѣловъ, которые поставлены силѣ, получаемой отъ насасыванія", и этотъ принципъ далъ ему возможность изобрѣсть машину высокаго давленія. Но работы, къ которымъ онъ приготовился, пріостановились было, потому что ландграфъ отказался отъ мысли изслѣдовать соляные источники, но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ онъ пожелалъ снабдить рѣчной водой свой замокъ, стоявшій на р. Фульдѣ, то Папинъ не терялъ, такимъ образомъ, случая построить паровую машину. Онъ, конечно, ожидалъ, что это будетъ предложено именно ему, но другой успѣлъ забѣжать къ ландграфу и получить заказъ поставить требовавшійся насосъ; однако тотъ не съумѣлъ выполнить порученіе и обратились, всетаки, къ Папину. Ревностно принявшись за дѣло, онъ приготовилъ свое сооруженіе къ ноябрю 1698 г., или уже почти закончилъ его, когда, необычайный, въ томъ году, ледоходъ, сорвалъ ее, и ландграфъ, вмѣсто того, чтобы дать Папину средства для сооруженія новой „огненной", какъ тогда называли, машины, велѣлъ поставить простую помпу. Казалось, Папину никогда не привелось-бы добиться своего, никогда не удалось-бы показать свое изобрѣтеніе на дѣлѣ. Но тутъ помогъ Лейбницъ — онъ, 6 января 1705 г., прислалъ своему другу въ Кассель рисунокъ, изображавшій паровой насосъ, изобрѣтенный шотландцемъ Савери (хотя и не вполнѣ удавшійся); рисунокъ, однако, былъ доставленъ безъ всякой объяснительной записки. Папинъ поспѣшилъ показать ландграфу чертежъ, сказавъ ему, что это было ничто иное, какъ изображеніе его несчастной машины; ландграфъ вновь заинтересовался дѣломъ, и Папину было дано порученіе соорудить машину, которая подняла-бы воду для приведенія въ движеніе одну мельницу. Благодаря просвѣщенной поддержкѣ ландграфа, вскорѣ была изготовлена, въ модели, первая машина высокаго давленія.

Когда эта модель—довольно значительныхъ размѣровъ—была готова, то ее установили въ особомъ зданіи, для того чтобы подвергнуть испытанію. Водоподъемная труба была составлена изъ отдѣльныхъ колѣнъ, скрѣпленныхъ замазкою, но такъ какъ замазка оказалась дурнаго качества и ее не перемѣнили, не смотря на требованіе Папина, то опытъ не былъ такъ удаченъ, какъ того онъ въ правѣ былъ ожидать; впрочемъ онъ предвидѣлъ то, что случилось: когда (при ландграфѣ) машина была затоплена и вода поднялась—изъ всѣхъ щелей, изъ подъ замазки, полились цѣлые потоки. Ландграфъ велѣлъ тотчасъ-же прекратить опытъ. Разрѣшивъ, затѣмъ, вслѣдствіе настоятельной прось-

бы Папина, повторение, онъ вполнѣ убѣдился въ годности машины, которая, не взирая на сказанное неблагопріятное обстоятельство, всетаки нѣсколько разъ подняла воду на высоту семидесяти футовъ. Попытка исправить скрѣву трубы не удалась, такъ какъ размякшая замазка нападала на трубу и засорила ее. Ландграфъ отдалъ приказаніе отлить для машины цѣльную трубу изъ мѣди, но когда это было сдѣлано и все готово для новыхъ опытовъ, то Карлъ былъ отвлеченъ сначала путешествіемъ, а потомъ какими-то дѣлами, и опыты уже не возобновились, а труба пошла на другое дѣло, и машина не была больше испытана.

Машина эта была приноровлена Папинымъ только для подъема воды, но онъ работалъ надъ примѣненіемъ паровой силы и къ другимъ цѣлямъ. Такъ, у него была изготовлена модель паровой повозки, устройство которой, къ сожалѣнію, не дошло до насъ; далѣе, онъ былъ занятъ сооруженіемъ пароваго судна. Для того, чтобы испытать колеса, онъ изготовилъ, въ 1704 г., маленькое судно, которое и испробовалъ, въ присутствіи ландграфа, на р. Фульдѣ. Опытъ удался вполнѣ. Вскорѣ даже, съ соизволенія Карла Гессенскаго, онъ попробовалъ совершить на своемъ кораблѣ путешествіе въ Англію, но потерялъ его въ устьѣ. Предположеніе о томъ, что это судно было снабжено совершенно устроенною паровою машиною, настолько-же невѣрно, насколько невѣрно и другое, — а именно, будто Папину было поручено построить паровой насосъ для наполненія водою канала, предназначавшійся для соединенія р. Фульды и Димеля. Его надежды на англійское „Королевское общество“ не осуществились — оно оставило его безъ всякой помощи, и онъ умеръ, въ крайней нуждѣ, въ Лондонѣ въ 1712 г.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что паровая машина Папина—плодъ его генія,—его собственное, ни отъ кого не заимствованное изобрѣтеніе; впрочемъ, въ то время заковъ, послужившій основаніемъ ему, былъ извѣстенъ и Савери, но исторически вѣрно то, что Папинъ сдѣлалъ свое изобрѣтеніе раньше.

Искуственное окрашиваніе животныхъ.

Очеркъ **К. Нусса.**

Въ простой акваріумъ, приготовленный мною для моихъ дѣтей и снабженный уже обыкновенными рыбами, мы впустили также — частью для наблюденій и изслѣдованій, а частью для красоты, — и золотыя рыбки различныхъ породъ, между прочимъ — китайскія и японскія двухвостки и другія. Въ числѣ ихъ можно видѣть много маленькихъ, еще не имѣющихъ и года, и носящихъ свой первоначальный темноватый цвѣтъ, тогда какъ другія, самыя юныя, окрашены уже совершенно въ красный, а нѣсколько бо́льшія — на половину въ красный, на половину въ коричневый цвѣта.

У всякаго, кто-бы ни останавливался передъ этими рыбами, и разсматривалъ ихъ, невольно рождается вопросъ—отчего это происходитъ, что, напримѣръ, иная вся одного цвѣта, а другая имѣетъ этотъ цвѣтъ только на половину.

На это мнѣ приходится отвѣчать, что *онѣ выкрашены.*

Мы бы, конечно, могли сами не вѣрить этому, если-бы не видѣли животныхъ, у которыхъ цвѣтъ искуственно воспроизведенъ человѣкомъ. На первую выставку орнитологическаго общества въ Берлинѣ („Ornis“), въ 1879 г., было прислано изъ Лондона 60 канареекъ различныхъ англійскихъ породъ; всѣ онѣ были выкрашены во всевозможные цвѣта; изъ нихъ большинство имѣло красновато-оранжевый разныхъ оттѣнковъ, приданный имъ посредствомъ кормленія ихъ каенскимъ перцемъ. Кстати, замѣтимъ, что процедура сообщенія искуственной окраски весьма проста: для этого канарейкамъ-птенцамъ, въ періодъ линянія, въ періодъ перемѣны перьевъ, къ ихъ обыкновенной пищѣ примѣшиваютъ смѣсь изъ смоченнаго бѣлаго хлѣба и краснаго каенскаго перца. При этомъ, острый перецъ не дѣлаетъ вреда нѣжнымъ птенчикамъ, которые ѣдятъ его очень охотно.

Кромѣ однообразнаго оттѣнка, одно и тоже животное окрашивается и въ различные цвѣта; но этого рода искусство не ограничивается только окрашиваніемъ, а доведено и до умѣнія измѣнять самую форму. Удивительные результаты достигнуты въ садоводствѣ; но и въ царствѣ животныхъ мы видимъ нѣчто подобное.

Такъ, напримѣръ, любителямъ голубей удалось развести породу бѣлыхъ голубей съ голубыми, красными и другихъ цвѣтовъ головками, крыльями и хвостами; далѣе — голубей производятъ, смотря по желанію, съ головками гладкими, или хохлатыми, съ хвостами, имѣющими то или другое число перьевъ, съ опушенными или гладкими ножками, съ короткимъ или непомѣрно длиннымъ клювомъ, наконецъ и самому корпусу придаютъ, произвольно, тѣ или иные размѣры. Равнымъ образомъ и любители канареекъ достигли такого-же умѣнія видоизмѣнять цвѣта и форму этихъ птичекъ. Чрезвычайно интересно прослѣдить всѣ тѣ измѣненія, которымъ человѣкъ произвольно подвергаетъ животныхъ. Предѣлы очерка дозволяютъ указать только нѣкоторыя главнѣйшія. Дарвинъ установилъ основанія такихъ превращеній въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о домашнихъ животныхъ. Приведемъ-же нѣкоторые факты. Извѣстно, напримѣръ, что у вороныхъ, гнѣдыхъ, бурыхъ лошадей часто искуственно воспроизводятъ лысины, или звѣзды, на лбу; достигается это тѣмъ, что въ кожѣ дѣлается разрѣзъ и между нею и костью вдвигаютъ оловянный листокъ. У реполова были искуственно воспроизведены бѣлыя крылья и хвостъ; для этого бѣдной птицѣ вырывали перья до тѣхъ поръ, пока на ихъ мѣсто не выросли другія, бѣлыя какъ снѣгъ. Съ каплуномъ былъ сдѣланъ опытъ другого рода: ему отрѣзали одну изъ шпоръ и прикрѣпили ее на лбу, вмѣсто снятаго гребешка, и шпора приросла совершенно плотно. Къ числу этихъ-же экспериментовъ принадлежитъ „татуированіе“, воспроизведеніе различныхъ оттѣнковъ у животныхъ.

Гораздо болѣе безвреднымъ, чѣмъ эти мучительныя для животныхъ средства, является способъ, въ которомъ главную роль играетъ пища. Многія домашнія птицы, красиво одѣтыя красными, желтыми и другихъ цвѣтовъ перьями, утрачиваютъ эти богатые оттѣнки подъ вліяніемъ жизни въ неволѣ, недостатка солнечнаго свѣта, либо кислорода въ воздухѣ, или-же вслѣдствіе особаго корма, приспособленнаго къ извѣстной цѣли. Во многихъ случаяхъ было достигнуто, что, послѣ линянія, послѣ совершенной или частичной перемѣны перьевъ, воспроизведенные оттѣнки возобновлялись съ полнымъ блескомъ. Результатъ этотъ, съ одной стороны, получился вслѣдствіе того, что птицъ выпускали на свободу, подвергая ихъ живительному вліянію свѣжаго воздуха и солнечнаго свѣта, съ другой-же — при посредствѣ извѣстной пищи, которая до того времени имъ не давалась. Птицы нѣкоторыхъ породъ, которыхъ продавецъ держитъ въ какомъ-нибудь полутемномъ углу лавки, мѣняютъ свою свѣтлую пернатую одежду, становятся темноватыми, или даже черноватыми, но тотчасъ-же вновь пріобрѣтаютъ прежніе яркіе цвѣта, какъ только ихъ переводятъ въ болѣе свѣтлое и болѣе изобилующее воздухомъ помѣщеніе, а также если, при этомъ, онѣ получаютъ въ кормъ мясо, или столь питательныя вещества, какъ муравьиныя личинки, мучные черви.

Наиболѣе замѣчательный изъ относящихся сюда примѣровъ мы находимъ въ слѣдующемъ, недавно сдѣланномъ интересномъ открытіи: когда случается, что извѣстный разрядъ птицъ, какъ напримѣръ зябликъ, коноплянка, снигирь, клестовка и друг., у которыхъ искуственно воспроизведенъ красный цвѣтъ, потеряютъ этотъ цвѣтъ, въ неволѣ, въ періодъ перваго же линянія, то возвращаютъ себѣ его вполнѣ, получая въ пищу молодые, нѣжные побѣги хвойнаго дерева,—сосны или ели. Любители птицъ не разъ наблюдали этотъ фактъ, и нынѣ онъ уже—несомнѣнная аксіома.

Возвращаюсь вновь къ искуственно окрашиваемымъ рыбкамъ, для того, чтобы дополнить сказанное о нихъ выше слѣдующими свѣдѣніями, основанными на опытахъ. Торговцы часто держатъ въ садкахъ, въ одно и тоже время, множество рыбокъ, еще не окрашенныхъ, на ряду съ небольшимъ числомъ рыбокъ, уже совсѣмъ готовыхъ, играющихъ въ водяной струѣ пурпурнымъ цвѣтомъ своей одежды. И тѣ, и другія живутъ при одинаковыхъ условіяхъ, пользуясь одинаковымъ количествомъ свѣта и воздуха, совершенно одинаковою пищею, даже и возрастъ ихъ одинъ и тотъ же,—и напрасно будете спрашивать у торговца разъясненія причинъ этого различія—онъ не съумѣетъ дать намъ отвѣта.

Подумаемъ только о томъ безспорномъ явленіи, что канарейки получаютъ окраску подъ вліяніемъ даваемаго имъ въ пищу перца, что нѣкоторыя птицы, когда ихъ кормятъ рыбой, пріобрѣтаютъ темнорозовый оттѣнокъ, что у многихъ породъ самцы, въ пору свиванія гнѣздъ, отличаются болѣе роскошнымъ разцвѣтомъ красокъ, облекаются въ такъ называемую „брачную одежду“,—подумаемъ о томъ, что тутъ мы имѣемъ предъ собою примѣры того, что окраска мѣняется, либо становится богаче оттѣнками, можетъ быть, вслѣдствіе проникновенія въ кровь красящаго вещества, или же вслѣдствіе оживленія дѣятельности жизненной силы, возбужденнаго болѣе насыщающимъ, болѣе питательнымъ кормомъ; въ виду этого нельзя отрицать и въ отношеніи рыбъ, что окраска, или болѣе раннее воспріятіе новыхъ, искуственныхъ оттѣнковъ, одними изъ нихъ предъ другими, также зависитъ, вѣроятно, отъ введенія того или иного вещества въ ихъ пищу. Къ этому не мѣшаетъ еще прибавить, что родственные золотымъ рыбкамъ карпы, въ своей окраскѣ, зависятъ отъ качества воды, въ которой живутъ, являя, въ этомъ отношеніи, постепенность оттѣнковъ, отъ коричневато-серебристо-сѣраго и до черно-коричневаго.

Опыты окрашиванія рыбъ, хотя, съ одной стороны, и имѣютъ видъ и значеніе лишь забавы, но, съ другой стороны за то, несомнѣнно, могутъ послужить къ значительной пользѣ физіологическихъ изслѣдованій надъ животными. Мои личныя наблюденія въ этой области, до сихъ поръ, еще не дали большихъ результатовъ; изъ числа немногихъ фактовъ, замѣченныхъ мною, могу, между прочимъ, указать на то, что порода карповъ, а также, напримѣръ, уклейки, плотва и другія, ближайшія къ нимъ рыбы, хорошо переносили въ акваріумѣ вве-

Русскія былины. Вольга Всеславьевичъ въ царствѣ Индійскомъ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Ю. Барановскій.

Передъ зеркаломъ. Съ картины Е. В. Джонсона, грав. М. Рашевскій

денную туда въ довольно значительномъ количествѣ поваренную соль, затѣмъ, далѣе,—когда новыя, купленныя мною и внущенныя рыбки принесли съ собою родъ грибковой болѣзни, то подбавленный въ воду растворъ салициловой кислоты не имѣлъ никакихъ явно вредныхъ послѣдствій для здороваго населенія акварія. Отчего же не испробовать вліянія другихъ веществъ, напримѣръ—желѣзистыхъ соединеній — на окраску рыбъ? Полагаю, что заблаговременное окрашиваніе маленькихъ золотыхъ рыбокъ различныхъ породъ можетъ быть выполняемо и достигаемо только при посредствѣ осторожно и надлежащимъ образомъ вводимыхъ минеральныхъ или растительныхъ ингредіентовъ, заранѣе испытанныхъ.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующій—касающійся акваріумовъ — совѣтъ, помѣщенный въ журналѣ естествоиспытателей „Изида", главнымъ придворнымъ зальцбургскимъ аптекаремъ, докторомъ фонъ-Седлицкимъ: въ сто граммъ воды влить четыре капли раствора салициловой кислоты (одинъ граммъ кислоты на триста граммъ воды); при такомъ составѣ, вода въ акваріумѣ остается, по крайней мѣрѣ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, совершенно свѣжею и чистою, что, конечно, поддерживаетъ и здоровье его обитателей; ежедневная (а иногда даже и болѣе частая) перемѣна воды становится, въ этомъ случаѣ, излишнею. Никогда при этомъ не замѣчалось ни малѣйшаго вреда для рыбъ. Въ Цинциннати, нѣкто Мулертъ подтверждаетъ безвредность салициловой кислоты, которую онъ употребляетъ для рыбъ какъ лечебное средство.

Къ рисункамъ.

Инкерманъ.

(Рис. на стр. 1180 и 1181).

На сѣверномъ берегу севастопольскаго рейда, верстахъ въ 7 отъ города, тамъ гдѣ Черная рѣчка вливается въ море — высятся крутыя горныя скалы, образуя ущелье *инкерманской долины*. Здѣсь, наверху, на утесахъ, стоятъ руины древняго укрѣпленія, разсыпавшагося только въ послѣднее время. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія здѣсь были и башни, и рвы и стѣны, и широкая мощеная дорога, и мостъ на трехъ устояхъ. На верхъ вели двѣ изсѣченныя въ скалахъ лѣстницы. По стѣнамъ шли пещеры—крипты. Въ пещерахъ была живопись альфреско, церкви, часовни, гробницы. Мѣстами на стѣнахъ были надписи и гербы какихъ-то греческихъ князей. Вѣроятнѣе всего, что это древняя крѣпость *Каламита*—собственность генуэзцевъ и грековъ, перешедшая потомъ въ XV столѣтіи въ руки турокъ. Война 1855 года стерла слѣды прежнихъ построекъ: послѣдняя башня рухнула: ужасная инкерманская битва 24-го октября 1854 года не пощадила историческихъ памятниковъ.

Пещерная церковь впрочемъ сохранилась, хотя дверь и иконостасъ были пронизаны ядромъ. Есть преданіе, что папа Климентъ I, сосланный Императоромъ Трояномъ на инкерманскія каменоломни, служилъ въ этой церкви. Поэтому здѣсь съ 1850 г. устроенъ архіепископомъ Иннокентіемъ монастырь — Киновія, св. папъ Климента и Мартына. Послѣдній, тоже сосланный Констанціемъ, жилъ въ Херсонесѣ. Сосѣднія крипты обращены въ кельи. Церковь имѣетъ балкончикъ, съ котораго открывается прелестный видъ на рейдъ, инкерманскія высоты и желѣзную дорогу.

Разрушеніе Инкермана совершается очень быстро: взрывы пороховыхъ погребовъ расшатали старыя пещеры; — удивительныя своеобразныя крипты безжалостно взрывались. Къ несчастію инкерманскій камень превосходенъ для построекъ: и вотъ съ невѣроятнымъ вандализмомъ Инкерманъ былъ отданъ подъ каменоломню. Лѣстницы, галлереи, переходы, пещеры — эти плоды долгой удивительной работы — пали подъ ударами лома, и теперь уже нѣтъ и трехъ четвертей того, что бы мы должны были хранить какъ святыню древности...

Путешественники считаютъ необходимымъ побывавши въ Севастополѣ, заѣхать и въ Инкерманъ. Въ 1 № „Нивы" 1880 года мы дали общій видъ инкерманскихъ высотъ,—теперь мы даемъ читателямъ интересные рисунки отдѣльныхъ частей Инкермана.

Вольга Всеславьевичъ въ Индійскомъ царствѣ.

(Рис. на стр. 1188).

Какъ самое имя, такъ и народное эпическое значеніе Вольги Всеславьевича или Святославича, уже извѣстно нашимъ читателямъ, такъ какъ мы еще недавно (въ 45 № „Нивы") передавали содержаніе былины объ Микулѣ Селяниновичѣ и его встрѣчѣ съ Вольгой. Но циклъ дѣяній этого богатыря еще не исчерпывается приведенной нами одной былиной, онъ является еще и въ другихъ разсказахъ, какъ охотникъ и воинъ, владѣющій таинственною способностью принимать образы самыхъ разнообразныхъ животныхъ. Особенно эта способность послужила ему въ захватѣ сильнаго Индійскаго царства—который и служитъ въ былинѣ самымъ интереснымъ и затѣйливымъ по фантазіи эпизодомъ.

По словамъ народнаго разсказа, въ то время какъ Вольга съ своей дружиной спокойно занимался охотой, уничтожая животныхъ лѣсовъ и морей, пришла вѣсть, что Индійскій царь хочетъ идти походомъ на Кіевъ, взять его и разорить Божіи церкви. Вольга обращается къ своей дружинѣ и вызываетъ изъ нея добраго молодца, который за щедрую награду сходилъ бы въ Индійское царство освѣдомиться о справедливости этой вѣсти. Но такого удальца не оказывается; большій туляется за средняго, средній туляется за малаго, а отъ малаго и отвѣта нѣтъ. Пришлось Вольгѣ самому идти на развѣдку и онъ, не долго думая.

Обернулся туромъ—золотые рога,
Первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
А другой-то скокъ не могли найти,
Добѣжалъ до царства Индійскаго.
Обернулся малой птицей-пташицей,
Садился на царское окошечко,
И слушалъ рѣчи тайныя...

А эти тайныя рѣчи велъ никто другой, какъ самъ Индійскій царь съ своей молодой женой; говоритъ ей, что хочетъ идти войной на Святую Русь, взять Кіевъ и еще девять городовъ, и приходитъ въ неописанный гнѣвъ, когда она возражала ему и разсказывала видѣнный ею сонъ, не предвѣщающій успѣха. Услышавъ такія рѣчи, Вольга не терялъ времени:

Обернулся Вольга сѣрымъ волкомъ,
Вскочилъ Вольга на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней всѣхъ поперебралъ,
Глотки у всѣхъ поперервалъ;
Обернулся малымъ горностаюшкой,
Побѣжалъ по подваламъ, по погребамъ,
У тугихъ луковъ тетивки покусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзца повынималъ,
Сабли острыя повыщербалъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ...

Затѣмъ, обернувшись яснымъ соколомъ, онъ спѣшитъ къ своей дружинѣ и поднимаетъ ее въ походъ на землю Индійскую. Идетъ дружина и вдругъ натыкается на крѣпкую, неприступную стѣну, въ желѣзныхъ воротахъ которой видно лишь одно отверстіе, и то такое маленькое, что одному муравью лишь можно пройти въ него. Дружина приходитъ въ отчаяніе; она видитъ, что ей не овладѣть стѣною, не положивъ здѣсь свои буйныя головы. Но находчивость и тутъ не оставляетъ Вольту:

Молодой Вольга догадливъ былъ:
Самъ себя обернулъ муравликомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцевъ мурашками,—
Прошли они стѣну бѣлокаменну,
На ту сторону, въ царство индійское,
Обернулъ опять молодцами,
Со всею со сбруею ратною...

Захвативъ Индійское царство, Вольга расправляется съ побѣжденными по старинѣ. Онъ хватаетъ царя Индійскаго, поднимаетъ и бросаетъ объ полъ. Этотъ его подвигъ и представленъ на нашемъ рисункѣ. Какъ вѣрный представитель дружинпаго начала, онъ вею добычу дѣлитъ между своей дружиной,—и былина заканчивается точнымъ исчисленіемъ, что было на дѣлежѣ дорого и что было на дѣлежѣ дешево.

Передъ зеркаломъ.

(Рис. на стр. 1189).

Молодая мать поставила маленькаго капризника на столъ противъ зеркала и приглашаетъ его полюбоваться на свое надутое личико. Его собственная фигура, отраженная въ большомъ зеркалѣ, такъ развлекаетъ баловника, что онъ перестаетъ плакать и углубляется въ созерцаніе себя и уже ему начинаетъ казаться, что и въ самомъ дѣлѣ онъ такъ не хорошъ и непріятенъ и что лучше перемѣнить свое настроеніе на болѣе приличное и спокойное. Младшая сестренка остановилась у стола и съ любопытствомъ слѣдитъ за дѣйствіемъ урока на капризника брата, ожидая, чѣмъ все это кончится...

Разнощикъ-фруктовщикъ.

(Рис. на стр. 1192).

У насъ часто бывали помѣщаемы всевозможные городскіе и деревенскіе народные русскіе типы лицъ самыхъ разнообразныхъ характеровъ, занятій и профессій—рисунки, принадлежащіе лучшимъ нашимъ художникамъ. Нельзя не признать однимъ изъ удачнѣйшихъ здѣсь помѣщаемый рисунокъ А. Лебедева. Кому не знакомъ этотъ торговецъ, стоящій у тротуара съ лоткомъ, на которомъ разложенъ привлекательно его свѣжій товаръ—ягоды, яблоки, груши. Не одинъ мальчуганъ задумчиво остановится идя мимо и поглядывая на всѣ эти прелести, на которыя—къ счастью впрочемъ для его здоровья—у него нѣтъ деньжонокъ, а то бы кажется онъ такъ и съѣлъ весь лотокъ...

Залъ французской Академіи Наукъ.

(Рис. на стр. 1193).

Когда мы войдемъ въ зданіе Академіи, то въ первомъ дворѣ на право видна дверь ротонды, гдѣ происходятъ торжественныя засѣданія академіи; на лѣво дверь ведетъ въ библіотеку Мазарини. Миновавъ арку, вы вступаете на второй дворъ; на лѣво здѣсь будетъ дверь съ надписью „библіотека института.“ Тутъ внизу по одну сторону находятся конторы управленія института, а по другую сторону залы секретаріата, гдѣ происходятъ засѣданія различныхъ коммисій всѣхъ пяти академій.

Въ первомъ этажѣ вы попадаете въ переднюю, откуда дверь направо ведетъ въ библіотеку академій, очень богатую и доступную всякому, кого отрекомендуетъ кто либо изъ академиковъ.

Лѣвая дверь изъ передней ведетъ въ рядъ залъ. Первый изъ нихъ занятъ бюстами академиковъ, разставленными въ безпорядкѣ на различныхъ подставкахъ и консоляхъ. Безпорядокъ этотъ непріятно поражаетъ; уже много лѣтъ собираются исправить все это.

Другой залъ, обширный, украшенный портретами, въ теченіи всего года отводится для засѣданій академіи наукъ, академіи художествъ, а также для засѣданій всѣхъ соединенныхъ академій, происходящихъ каждую треть года.

Затѣмъ идетъ меньшій залъ, который и представленъ на рисункѣ. Въ этомъ залѣ происходятъ засѣданія французской академіи по четвергамъ (отъ часу до 5 часовъ) и засѣданія академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ по субботамъ (отъ 12½ до 2-хъ ч.).

Передъ вами находятся знаменитыя *кресла*. Это стулья безъ ручекъ, покрытые очень плохимъ бархатомъ. Зеленая саржа покрываетъ столы, расположенные въ видѣ подковы; на стоящей тутъ же эстрадѣ, во время засѣданій французской академіи, помѣщаются: по срединѣ директоръ, избираемый на три мѣсяца, по правую его руку канцлеръ, избираемый на тотъ-же срокъ, и по лѣвую—непремѣнный секретарь. Слѣдуетъ замѣтить, что выбывающій директоръ не можетъ быть вновь избранъ ранѣе истеченія года, а канцлеръ ранѣе шести мѣсяцевъ.

Во время засѣданій академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, по правую руку предсѣдателя, избираемаго на годъ, помѣщается непремѣнный секретарь, а по лѣвую вице-предсѣдатель, который поступаетъ на его мѣсто.

Члены французской академіи собираются еженедѣльно въ этомъ залѣ съ 1846 года; у нихъ никогда не было другихъ креселъ, кромѣ этихъ стульевъ, которые существуютъ съ 1805 г., т. е. съ года, когда академія помѣстилась во дворцѣ Четырехъ Націй (Институтъ).

Академики сидятъ не въ роскошныхъ креслахъ, сдѣланныхъ изъ лучшаго дерева и покрытыхъ мягкими подушками. Вся меблировка очень проста. Единственное украшеніе залы составляютъ бюсты знаменитѣйшихъ академиковъ этого столѣтія. При входѣ на лѣво находятся: Казимиръ Делявинь, Вите, Ст. Маркъ-Жирарденъ, Вильмэнъ, Альфредъ де-Мюссе, Монталямберъ, Пьеръ-Лебрэнъ; по правую—Викторъ Кузэнъ, де-Токвиль, Жуфроа, Росси; въ глубинѣ зала, между очень схожими бюстами Гизо и Ламартина, находится прекрасная копія портрета Ришелье—основателя академіи; подлинникъ копіи, работы Филиппо де-Шампэнь, сохранился въ Луврскомъ музеѣ.

Настоящія хорошія кресла существовали во французской академіи только тогда, когда она засѣдала въ Луврѣ.

Нумера креселъ фиктивны. Каждая изъ пяти академій можетъ считать за своими членами подобнаго рода наслѣдственность. Въ дѣйствительности же, говоря строго, никто изъ академиковъ не имѣетъ права на какое бы то ни было кресло. Если кто прибываетъ поздно и если число присутствующихъ членовъ значительно, тотъ садится тамъ, гдѣ находитъ мѣсто.

Члены французской академіи, которымъ, по преданію, присвоено названіе „*безсмертныхъ*“, принадлежатъ къ числу академиковъ, наименѣе обремененныхъ работою. Ихъ залъ, въ переносномъ смыслѣ, можно назвать *салономъ*, не смотря на критику, предметомъ которой они могутъ быть. Ихъ еженедѣльныя собранія, гдѣ въ пріятномъ сотовариществѣ смѣшиваются различныя происхожденія, матерьяльныя условія и заслуги, безъ сомнѣнія способны возбудить самыя честныя соревнованія. Нельзя отрицать того факта, что многіе писатели, которые во время невоздержныхъ годовъ молодости отзывались съ насмѣшкой о французской академіи, въ зрѣлыхъ лѣтахъ начинали ее уважать, и съ наступленіемъ старости считали за честь быть въ нее принятыми.

Библіографія

Атласъ естественной исторіи Арендса, передѣланъ А. Ѳ. Брандтомъ. Спб. 1882 г. Атласъ Карла Арендса, необходимое пособіе при занятіи естественными науками — извѣстенъ уже давно. Онъ былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки и выдержалъ множество изданій. И у насъ онъ уже выходитъ третьимъ изданіемъ, и послѣднее изданіе очень полное. Нашъ уважаемый и ученый сотрудникъ, профессоръ харьковскаго университета А. Ѳ. Брандтъ уже радикально передѣлалъ и дополнилъ этотъ атласъ въ 1873 г., причемъ значительно было имъ увеличено количество рисунковъ, и замѣчательно, что уже третье, нѣмецкое, изданіе даже удержало измѣненія и передѣлку нашего профессора. Ученый комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія обратилъ на этотъ атласъ особое вниманіе, отозвавшись о немъ, какъ о „весьма полезномъ пособіи для среднихъ учебныхъ заведеній“. Не смотря на это, А. Ѳ. Брандтъ не ограничился далѣе повтореніемъ того-же изданія. Пріобрѣтя самъ вмѣстѣ съ г. Риккеромъ исключительное право на изданіе этого атласа, онъ приступилъ къ послѣдней и обширной передѣлкѣ атласа. Отдѣлы анатоміи и зоологіи обогатились множествомъ новыхъ превосходныхъ рисунковъ. Ботаническій и минералогическій отдѣлы еще больше расширены. Объяснительный текстъ написанъ г. Брандтомъ весь заново, такъ что атласъ не только расширился, но и вообще измѣнился и улучшился до полной неузнаваемости, и имя Арендса, можно сказать, здѣсь упоминается единственно какъ имя основателя, имя человѣка, которому принадлежитъ идея такого атласа.

Всякій, кто взглянетъ на этотъ превосходный атласъ съ его великолѣпными рисунками, роскошно отпечатанными на лучшей бумагѣ, найдетъ цѣну его 1 р. 50 к. до крайности дешевою. Продаются кромѣ экземпляровъ съ черными рисунками и раскрашенные.

Такой атласъ, разработанный съ знаніемъ дѣла, съ любовью къ предмету, необходимый при преподаваніи и такъ роскошно изданный, говоритъ самъ за себя, и успѣхъ ему можно пророчить весьма значительный, ибо онъ во всѣхъ отношеніяхъ его заслуживаетъ.

Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго дома. Жизнь Д. Гарфильда. Спб. 1882. Съ рисунками Н. Н. Каразина. Изящное изданіе, украшенное произведеніями карандаша нашего извѣстнаго и талантливаго художника, предназначено для дѣтей. Это составленная по американскимъ источникамъ исторія жизни, злодѣйски умерщвленнаго, президента Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Гарфильда. Тутъ указывается, что человѣкъ, родившійся въ бѣдности, можетъ достичь трудомъ и энергическою настойчивостью и указывается съ особеннымъ подчеркиваніемъ. Но кромѣ труда и энергіи, какъ видно и изъ самаго разсказа, были многія условія, которыя непремѣнно способствуютъ выработкѣ надлежащаго характера. Мать Гарфильда, превосходная, глубоко религіозная женщина, воспитала въ этомъ-же духѣ и дѣтей своихъ. Истинно религіозный Гарфильдъ былъ чрезвычайно почтителенъ и до мелочей послушенъ любимой матери, съ которой не разлучался до самой ея смерти и т. п.

Нужно также сказать, что и наша русская жизнь представляетъ много замѣчательныхъ историческихъ лицъ, достигшихъ высоты и вышедшихъ изъ бѣдности. И русскому ребенку конечно поучительнѣе и интереснѣе знать такіе примѣры изъ своей исторіи, тѣмъ изъ американской. Книга во всякомъ случаѣ интересно составлена и издана очень изящно.

Юбилейное изданіе. Къ трехсотлѣтнему юбилейному торжеству Сибири, печатается, въ Московской Синодальной типографіи, замѣчательная книга съ политипажами подъ заглавіемъ: „*Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, просвѣтитель Восточной Сибири и Сѣверо-Американскихъ владѣній*“ члена православнаго Миссіонерскаго Общества Ивана П. Барсукова. Трудъ этотъ поступилъ въ печать, при просвѣщенномъ содѣйствіи Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева и преосвященнаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Находимъ своевременнымъ заранѣе оповѣстить о печатаніи жизнеописанія къ свѣдѣнію устроителей и участниковъ юбилейнаго торжества Сибири, а равно и почитателей почившаго митрополита Иннокентія, и всѣхъ интересующихся судьбами Русской церкви.

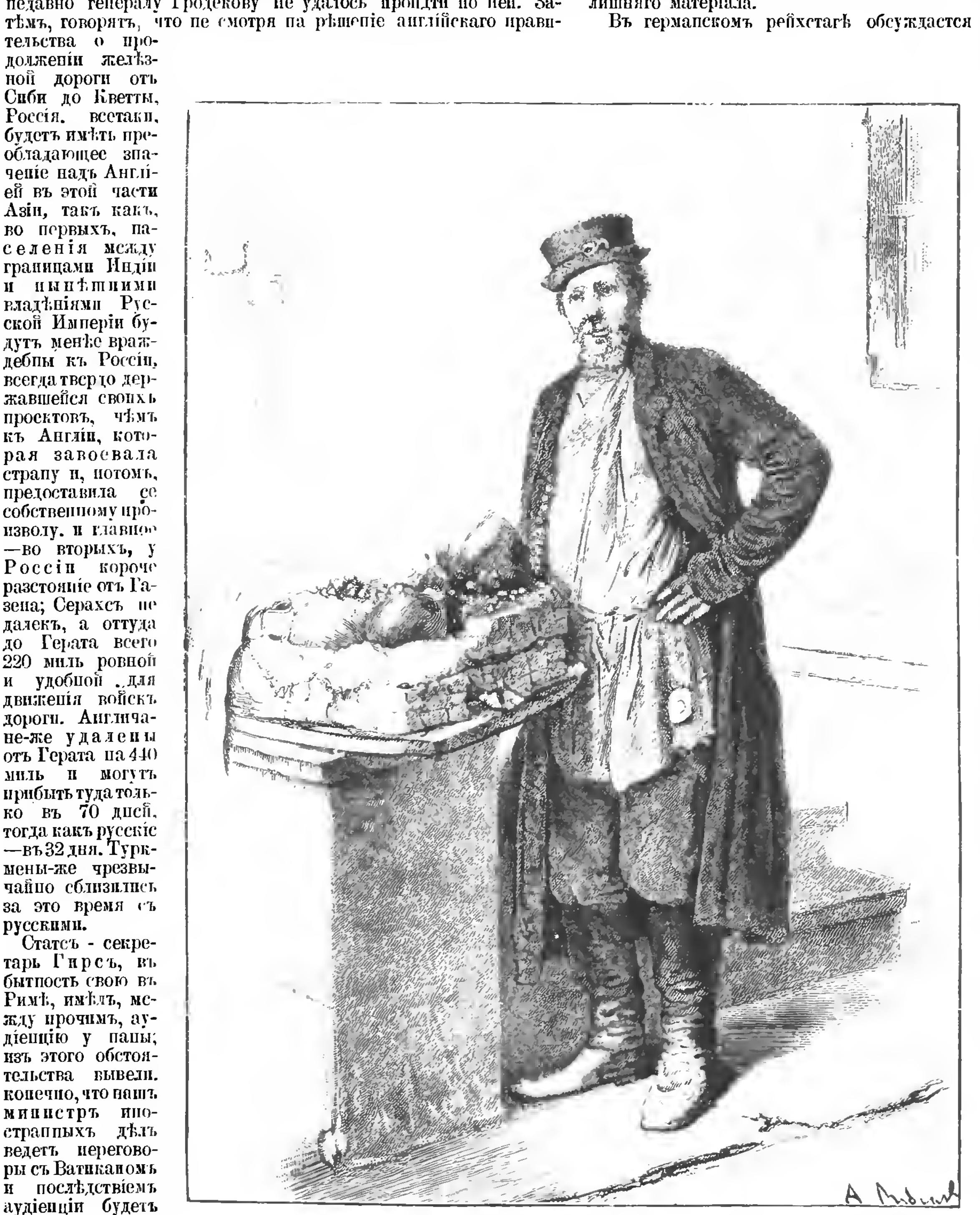
Политическое обозрѣніе.

Россія въ Средней Азіи.—Ватиканъ.—Австро-Венгрія.—Германія.—Турція.—Египетъ.—Франція.—Англія.

Въ западной Европѣ не перестаютъ заниматься нашими новыми пріобрѣтеніями въ Средней Азіи, въ которыхъ видятъ серьезную опасность для Англіи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Мы уже не разъ говорили, что англичане слѣдятъ за каждымъ нашимъ шагомъ, но слѣдятъ и не одни англичане, не въ однихъ англійскихъ газетахъ и брошюрахъ узнаемъ мы, что дѣлаемъ тамъ, о нашихъ успѣхахъ. Вѣрно-ли все, что пишется объ этомъ предметѣ, или многое преувеличе-

но — но, тѣмъ не менѣе, мы обязаны о томъ вѣдать и знать. Начать съ того, что теперь высказывается о томъ, что война Англіи въ Египтѣ не принесетъ для Индіи той пользы, которая могла-бы уравновѣсить выгоды, достигнутыя Россіею въ новѣйшее время въ Средней Азіи. Недавно изъ Мешеда писали, что русская экспедиція подъ начальствомъ инженера встрѣчена была весьма сочувственно туркменами племени солоровъ. Это дало русскому инженеру возможность сдѣлать съемку всей дороги, проходящей по западнымъ склонамъ Паропамиза и недоступной до сихъ поръ для каравановъ; а еще недавно генералу Гродекову не удалось пройдти по ней. Затѣмъ, говорятъ, что не смотря на рѣшеніе англійскаго правительства о продолженіи желѣзной дороги отъ Сиби до Кветты, Россія, все-таки, будетъ имѣть преобладающее значеніе надъ Англіей въ этой части Азіи, такъ какъ, во первыхъ, населенія между границами Индіи и нынѣшними владѣніями Русской Имперіи будутъ менѣе враждебны къ Россіи, всегда твердо державшейся своихъ проектовъ, чѣмъ къ Англіи, которая завоевала страну и, потомъ, предоставила ее собственному произволу, и главное —во вторыхъ, у Россіи короче разстояніе отъ Газена; Серахсъ не далекъ, а оттуда до Герата всего 220 миль ровной и удобной для движенія войскъ дороги. Англичане-же удалены отъ Герата на 440 миль и могутъ прибыть туда только въ 70 дней, тогда какъ русскіе —въ 32 дня. Туркмены-же чрезвычайно сблизились за это время съ русскими.

Статсъ - секретарь Гирсъ, въ бытность свою въ Римѣ, имѣлъ, между прочимъ, аудіенцію у папы; изъ этого обстоятельства вывели, конечно, что нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ ведетъ переговоры съ Ватиканомъ и послѣдствіемъ аудіенціи будетъ назначеніе въ ближайшей консисторіи католическихъ епископовъ на вакантныя кафедры въ Царствѣ Польскомъ.



Русскіе типы. Разнощикъ-фруктовщикъ. Ориг. рисун. А. Лебедева, грав. М. Рашевскій.

Повсемѣстныя вооруженія идутъ съ прежнимъ успѣхомъ. Вооружается Австрія, Румынія, Черногорія. Впрочемъ, Австрія теперь перевооружается — въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ послѣдніе 6 пѣхотныхъ полковъ, вооруженныхъ ружьями системы Вернуля прежняго образца, сдадутъ ихъ въ ружейную фабрику при вѣнскомъ арсеналѣ, гдѣ въ нихъ сдѣланы будутъ приспособленія для стрѣльбы усиленными патронами; новыя ружья стрѣляютъ на разстояніи болѣе 2,100 шаговъ. Въ недавнее время прошли слухи о существованіи письменнаго договора между Германіей и Австро-Венгріей, хотя ничего особенно важнаго, казалось-бы, въ этомъ обстоятельствѣ и нельзя было видѣть: къ чему обѣимъ державамъ письменные трактаты, когда ихъ интересы и безъ того настолько тождественны, что союзъ является совершенно естественнымъ, да и къ чему имъ скрывать это, кого-же имъ бояться? Онѣ и не скрываютъ: недавно, газета „Grenzboten“, извѣстная своими сношеніями съ дипломатическою канцеляріею князя Бисмарка, объявила, что союзъ обоихъ среднеевропейскихъ императоровъ заключенъ по всѣмъ правиламъ, оформленъ и основанъ на подлинныхъ документахъ. О чемъ тутъ говорить—все это, повторяемъ, само по себѣ просто и логично — развѣ, вотъ, газетамъ надо лишняго шуму, лишняго матеріала.

Въ германскомъ рейхстагѣ обсуждается правительственное предложеніе объ утвержденіи бюджета на два года; оппозиція настаиваетъ на томъ, что предоставленіе подобнаго бюджета противно конституціи, но уполномоченные отъ союзнаго совѣта высказались, напротивъ, за него, объясняя и самое предложеніе большимъ удобствомъ.

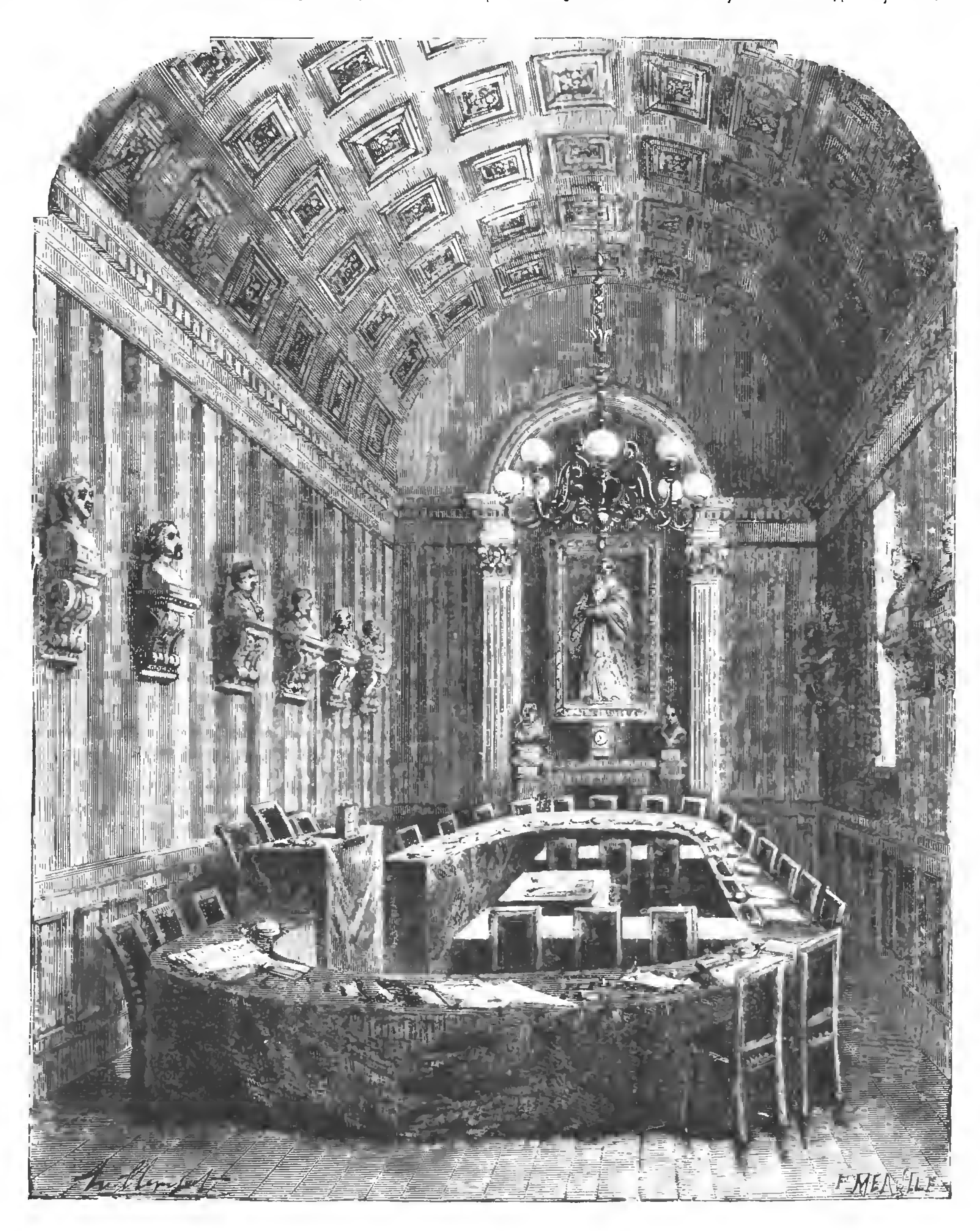
Недавно „открытый“ въ Константинополѣ заговоръ противъ султана оказался однимъ изъ многихъ, прежнихъ псевдо-заговоровъ: оберъ-гофмаршалъ Фуадъ-Паша, арестованный, какъ извѣстно, въ качествѣ главы заговорщиковъ, былъ приглашенъ Абд-Уль-Гамидомъ на дняхъ на церемонію селямлыка и съумѣлъ дать его величеству увѣренія въ своей неизмѣнной преданности, прибавивъ, что позволилъ только себѣ осуждать нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ падишаха, которые, по его мнѣнію, умышленно поступаютъ несогласно съ интересами своего государя. Абд-Уль-Гамидъ подарилъ ему табакерку, украшенную брильянтами и возвратилъ званіе генералъ-адъютанта. Говорятъ, будто вся исторія выдумана Османомъ-Пашею, интриговавшимъ противъ Фуада-Паши.

Сподвижники Араби-Паши, съигравшіе подобно ему свою роль въ судѣ, приговорены къ тому же, къ чему и онъ, но и точно также помилованы и уѣзжають въ ссылку: одни на о. Цейлонъ, другіе на мысъ Доброй Надежды и т. д. Араби, предъ отъѣздомъ, обратился къ англичанамъ съ письмомъ, въ которомъ высказываетъ надежду, что они съумѣютъ устроить дѣла его отечества, и что онъ, довольный тѣмъ, что принесъ себя ему въ жертву, увѣренъ, что придетъ время, когда ему удастся, все-таки, увидѣть родину, уже благоденствующею.

До сихъ поръ еще не извѣстно насколько Франція будетъ участвовать въ облагодѣтельствованіи Египта—ни о какомъ соглашеніи съ Англіею по этому предмету не слышно. Но, за

то, все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе, усиливается и агитація легитимистовъ, являющихся сплоченною партіею среди окружающей ихъ распущенности и мелкаго эгоизма. Въ настоящее время насчитывается 300 провинціальныхъ комитетовъ, которыми руководятъ 20 областныхъ, руководимыхъ, въ свою очередь, центральнымъ, засѣдающимъ въ Парижѣ и находящимся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ графомъ Шамборомъ чрезъ посредство графа Плакасъ. Финансы богатой Франціи оказываются не въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ, обыкновенно, думала публика „непросвѣщенна“, а именно—нашелся дефицитъ въ 100 милліоновъ франковъ, происшедшій отчасти отъ того, что правительство, предпринявшее рядъ общественныхъ, и конечно, въ высшей степени производительныхъ, сооруженій (каналовъ, портовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д.), черезчуръ поусердствовало и значительно превысило смѣту, — отчасти же и вслѣдствіе требованій военнаго министерства; рѣшено меньше строить портовъ и вести каналовъ, но больше тратить на военные расходы. Таковъ характеръ времени. Газета Гамбетты „République Française“ объявила, такъ сказать „оффиціально“, что бывшій диктаторъ ранилъ самъ себя нечаянно.

Въ Ирландіи, не смотря на заявленія англійскаго правительства, далеко до спокойствія —повторяются снова и снова покушенія и убійства. Предстоитъ еще и голодъ. Девиттъ, одинъ изъ предводителей лиги, заявилъ недавно, что если правительство не придетъ на помощь фермерамъ, не сдѣлаетъ ничего для урегулированія земельнаго вопроса въ Ирландіи, то онъ и его товарищи не будутъ ѣздить по Европѣ, собирать въ ихъ пользу подаянія, и имъ придется опять прибѣгнуть къ насиліямъ. Слова эти произвели большое впечатлѣніе и на англійскихъ министровъ, и въ народѣ, въ виду вліянія, которымъ Девиттъ пользуется въ странѣ.



Зала засѣданій французской Академіи Наукъ. Рис. Клерже, грав. Меоль.

Смѣсь.

Сила воображенія. Однажды въ гостинницу явились два гостя искать ночлега, но оказалась только одна свободная комната, въ которой однако было двѣ кровати. Оба незнакомца по необходимости должны были занять ее вмѣстѣ. Одинъ изъ нихъ

страдалъ ипохондріей и причинилъ большое безпокойство своему сожителю. Такъ, проснувшись среди ночи, онъ началъ задыхающимся голосомъ: „Я страдаю болѣзненными припадками, откройте скорѣй окно, дайте мнѣ воздуху"! Сожитель пораженный вскочилъ съ постели; въ комнатѣ не видно было ни зги, у него не было спички и онъ забылъ въ какой сторонѣ окно. „Именемъ неба, поскорѣе, прошу васъ", простоналъ больной, „я задыхаюсь безъ воздуха"! Сожитель его продолжалъ метаться по комнатѣ изъ стороны въ сторону, опрокидывалъ мебель и наконецъ нашелъ окно. „Скорѣй, скорѣй, воздуху, воздуху"! стоналъ мнимо-умирающій, „отворите или разбейте окно, я задыхаюсь"! Товарищъ его, недолго думая, схватилъ сапогъ и выбилъ всѣ стекла. „Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю васъ! Я убѣжденъ, что еслибы вы промедлили еще одно мгновеніе, я былъ-бы теперь уже мертвымъ". Когда больной оправился, онъ началъ описывать свои страданія и говорилъ, что онъ уже давно подверженъ этому недугу. Затѣмъ они оба заснули. Такъ какъ ночь была теплая, лѣтняя, то никто изъ нихъ и не почувствовалъ, что стекла были разбиты. Проснувшись утромъ, они нашли, что стекла были совершенно цѣлы. Или они были вставлены невидимой силой, или-же все случившееся было только сномъ? Но послѣднее не могло быть, такъ какъ на полу лежали осколки стеколъ. Когда-же они начали осматривать комнату, то замѣтили большой старый книжный шкафъ съ разбитыми стеклами, которыя валялись неподалеку отъ него. Съ этого момента больной, страдавшій одышкой, вылечился. Такъ велика сила воображенія!

Фамиліи, какъ извѣстно, въ употребленіи только у цивилизованныхъ народовъ. Мусульманамъ онѣ еще не извѣстны; у евреевъ, въ Европѣ, фамильныя прозвища введены, по распоряженію правительствъ, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ нѣкоторыхъ изъ цивилизованныхъ государствъ, отсутствіе фамиліи у извѣстной части подданныхъ ведетъ къ значительнымъ затрудненіямъ. Примѣромъ, между прочимъ, можетъ служить Алжирская провинція Франціи. Въ настоящее время уже изданъ законъ, обязывающій магометанъ избрать себѣ фамиліи. Право избранія фамиліи предоставлено отцу, дядѣ или старшему брату, которые и даютъ прозвища своимъ сыновьямъ, племянникамъ, или младшимъ братьямъ, а въ семействахъ, не имѣющихъ главою мужчины, это право принадлежитъ матерямъ, теткамъ или старшимъ сестрамъ. Лица-же, вовсе не имѣющія семействъ, сами избираютъ себѣ имя, или оно назначается имъ правительственною коммисіею. Каждый получаетъ особый билетъ, съ обозначеніемъ фамиліи (carte d'identité), удостовѣряющій личность обладателя этой фамиліи, и отнынѣ будетъ веденъ регистръ родившимся, бракамъ, разводамъ и умершимъ.

Растительная тля,—одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ комнатныхъ растеній; это крохотное насѣкомое размножается необыкновенно быстро; оно вооружено тоненькимъ хоботкомъ, который погружаетъ въ мягкія части растенія и высасываетъ лучшіе соки. Листья теряютъ свой натуральный цвѣтъ, растеніе блѣднѣетъ, слабѣетъ, появляются бугорки въ родѣ желваковъ и оно окончательно погибаетъ. Средства для уничтоженія тли:

1) Чистятъ посредствомъ мягкой кисти обѣ стороны листа, стебли, вѣтви, всѣ уголки и углубленія; потомъ обмываютъ теплой водой, также тщательно, все растеніе, потому что тля выпускаетъ изъ себя сахаристую влажность—медяную росу.

2) Окуриваніе. Окуриваютъ исключительно махоркой: на жаровню съ горячими углями посыпаютъ намоченные табачные листья и, раздувая мѣхами огонь, производятъ сильный дымъ, который охватываетъ растеніе; дымъ долженъ быть очень густой. Хорошо при этомъ свернуть изъ клеенки родъ колпака, которымъ прикрыть растеніе, чтобы дымъ не разлетался. Дѣлать это конечно нужно не въ комнатѣ. Одного раза окуриванія мало, тля могла оставить въ с важинахъ яйца, которыя не погибнутъ отъ дыма, нужно повторить эту операцію два—три раза въ теченіи недѣли. Нужно замѣтить, что нѣкоторыя растенія съ нѣжными шероховатыми листьями (геліотропы, геснеріи и др.) съ трудомъ переносятъ окуриваніе, для нихъ лучше—чистка и обмываніе настойкой изъ персидскаго порошка, разбавленной водой: въ воду 40° R. вливаютъ 1/200 часть этой настойки и вспрыскиваютъ растеніе пульверизаторомъ; дѣлать это надо вечеромъ. Затѣмъ поставить его отдѣльно, обернувъ клеенкой, чтобы жидкость не испарялась быстро.

3) Намыливать посредствомъ кисти или губки дегтярнымъ мыломъ или приготовить отваръ изъ табачныхъ листьевъ, золы и дегтярнаго мыла и имъ намыливать растеніе; на слѣдующее утро обмывать чистой водой.

Эдисоновскій свѣтъ, въ настоящее время все болѣе и болѣе совершенствуется; все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ почву открытіе, обезпеченный успѣхъ котораго поведетъ къ рѣшительной борьбѣ между электрическимъ освѣщеніемъ и освѣщеніемъ газовымъ. Первое начинаетъ, въ Нью-Іоркѣ, вытѣснять газъ не только изъ большихъ фабрикъ, но уже и изъ конторъ, въ частныхъ домовъ, квартиръ, при посредствѣ маленькой Эдисоновой лампы.

Въ улицѣ Пирльстритъ, сѣверо-американской промышленной метрополіи, возвышается центральная станція, гдѣ паровая сила, въ 1500 лошадиныхъ силъ, приводитъ въ движеніе двѣнадцать большихъ электродинамическихъ машинъ: эти машины доставляютъ электричество въ количествѣ, достаточномъ вполнѣ для того, чтобы 30 тысячами Эдисоновскихъ лампъ освѣтить пространство въ англійскую квадратную милю. Отъ этого центральнаго пункта радіусами расходятся по различнымъ направленіямъ главные—толстые, мѣдные проводники, которые, подобно хорошо всѣмъ извѣстнымъ газовымъ или водопроводнымъ трубамъ, проложены подъ землею. Дома, зданія потребителей сообщаются съ главными линіями посредствомъ особыхъ домовыхъ приводовъ, снабженныхъ, у входа остроумно придуманными аппаратами для измѣренія электричества. Отъ нихъ по всему дому проходятъ тонкія проволоки, напоминающія собою обыкновенныя проволоки домашнихъ телеграфовъ; онѣ прокладываются или въ стѣнахъ, или прямо по обоямъ; на извѣстной длинѣ проволоки отдѣляются и входятъ въ лампы, самыхъ разнообразныхъ и весьма изящныхъ формъ и видовъ, то въ висячія, спускающіяся съ потолка, то въ прочно укрѣпленныя на своихъ мѣстахъ, или же въ передвижныя, которыя свободно можно переносить въ той же комнатѣ съ одного конца на другой.

Свѣтъ этотъ зажигается и тушится необыкновенно просто и съ большимъ удобствомъ: вы обращаетесь только къ пуговкѣ въ стѣнѣ и поворачиваете, смотря по тому, надо ли вамъ зажечь или загасить и такимъ образомъ освѣщаете комнату, не имѣя необходимости даже вставать или обходить ее: погребъ можно освѣтить изъ кухни; въ спальнѣ, опять таки, достаточно, для этой цѣли, повернуть пуговку, оставаясь въ постели.

Лампа Эдисона, какъ извѣстно, состоитъ изъ пустаго стекляннаго шара, величиною въ грушу и грушеобразной же формы; внутри шара утвержденъ уголекъ (бамбуковый), накаляющійся электрическомъ токомъ до бѣла. Въ настоящее время существуетъ три рода этихъ лампъ: такъ называемая лампа А, силою въ шестнадцать англійскихъ свѣчей, лампа Б, въ восемь англійскихъ свѣчей и стосвѣчная лампа, сила свѣта которой явствуетъ изъ самаго ея названія. Для домашняго обихода употребляются обыкновенно двѣ первыя, но, при этомъ необходимо замѣтить, что Эдисономъ изготовляются лампы различной свѣтовой силы, по желанію заказчиковъ. О гигіеническихъ преимуществахъ электрической лампы предъ керосиновой или предъ газомъ и говорить нечего. Извѣстно, что обыкновенное газовое пламя поглощаетъ кислорода приблизительно столько, сколько легкія двухъ человѣкъ, наполняя, въ обмѣнъ, комнатную атмосферу углеродомъ, углекислотою и другими, вредными для здоровья, газами. Часто также газъ нагрѣваетъ воздухъ въ комнатахъ до чрезмѣрно высокой температуры. Ничего подобнаго не можетъ происходить при электрическомъ освѣщеніи. Лампа Эдисона ничего у атмосферы не беретъ, ничего ей не удѣляетъ и, къ тому же, развиваетъ теплоту, въ двѣнадцать разъ слабѣйшую, чѣмъ газовое пламя равной силы.

Уже изъ этой замѣтки читатели могутъ видѣть—какъ великъ успѣхъ и какъ значительны удобства изобрѣтенія Эдисона, начинающаго находить примѣненіе и для комнатнаго освѣщенія.

Здѣсь же кстати будетъ привесть и слѣдующее извѣстіе изъ „Нью-Іоркъ-Таймса", передающее впечатлѣніе, производимое электрическимъ свѣтомъ: „лампа Эдисона, съ перваго взгляда, до такой степени похожа на прикрытую абажуромъ газовую, что, изъ десяти человѣкъ—девять, сначала приняли ее за газъ, еслибы, вскорѣ затѣмъ, не обнаружилось, что пламя новаго источника свѣта и гораздо сильнѣе, и во сто разъ спокойнѣе газоваго. Было около пяти часовъ, когда зажгли (въ помѣщеніи редакціи газеты „Таймсъ") новыя лампы; дневной свѣтъ еще былъ въ полной силѣ и потому лампы казались нѣсколько блѣдными, и только по прошествіи двухъ часовъ и наступленіи темноты, можно было судить о яркости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ровности прекраснаго освѣщенія. 27 лампъ въ квартирѣ редактора „Таймса" и 25, зажженныхъ въ редакціи, дали такой свѣтъ, что казалось, будто наступилъ день, однако нисколько при этомъ не ослѣпляя; при немъ можно писать и читать въ продолженіи цѣлыхъ часовъ, безъ малѣйшаго обремененія зрѣнія. Теплота, замѣчавшаяся надъ каждой изъ лампъ, была очень незначительна и не можетъ идти и въ сравненіе съ тою, которую даетъ газъ. Свѣтъ мягокъ и пріятенъ для глазъ. Электрическія лампы въ помѣщеніи редакціи „Times'a" были подробно и тщательно осмотрѣны и испытаны многими и, въ особенности, лицами, привыкшими къ ночной работѣ, а потому и могущими быть вполнѣ компетентными судьями хорошихъ и дурныхъ сторонъ новаго изобрѣтенія; они единогласно высказались въ пользу электрическаго и противъ газоваго освѣщенія.

Вилла графа Росселя. На Виньемалѣ, одной изъ грандіозныхъ вершинъ французскихъ Пиринеевъ, на высотѣ 3200 метровъ надъ уровнемъ моря, неутомимый туристъ Графъ Гейнрихъ Россель устроилъ оригинальное помѣщеніе, слывущее теперь между путешественниками виллой его имени. Это ничто иное, какъ углубленіе, вырубленное въ скалѣ и имѣющее около трехъ метровъ глубины и немного болѣе двухъ метровъ ширины и высоты. Узкая дверь, ведущая во внутренность пещеры, покрыта толемъ и снабжена небольшимъ окномъ, которое можетъ открываться и закрываться по желанію постояльцевъ.

Въ этомъ скромномъ помѣщеніи можетъ легко расположиться до десяти человѣкъ, конечно довольствуясь, вмѣсто стульевъ и дивановъ, остроугольными обломками скалъ. Впрочемъ туристъ на высотѣ 3200 метровъ не бываетъ требователенъ, и вилла Росселя кажется ему вполнѣ удобною и даже комфортабельною, гдѣ онъ въ полной безопасности можетъ отдохнуть и запастись силами къ дальнѣйшему пути.

Бутылки съ высокими сортами винъ не ставятъ, а кладутъ при храненіи, дабы вино постоянно овлажняло пробку и вслѣдствіе этого не выдыхалось, отчего оно улучшается.

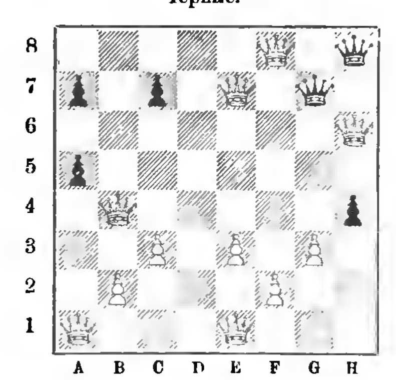
Чтобы поставленные въ воду цвѣты сохранять долгое время свѣжими, выбираютъ тѣ, которые уже разцвѣли и имѣютъ самые длинные и снабженные листьями стебли; хвостики отрѣзаютъ острымъ ножемъ, чтобы не оставлять волоконъ. Повторять это обрѣзываніе чаще (нѣжныя растенія ежедневно), каждый разъ отрѣзывая маленькій кончикъ и отрывать листья, которые доходятъ до воды, потому что они причиняютъ гніеніе. Ежедневно перемѣнять воду и слегка спрыскивать цвѣты. Хорошо также положить на дно сосуда немного чистаго песку, который въ влажномъ состояніи содѣйствуетъ свѣжести цвѣтовъ. Букетъ ставится въ мѣсто возможно прохладное, гдѣ воздухъ имѣетъ движеніе.

Исправленіе жесткаго, твердаго—отъ дождя или грязи— бархата. Мочатъ слегка водой бархатъ съ изнанки и по немъ проводятъ горячимъ утюгомъ. Жаръ превращаетъ воду въ паръ, который, проходя черезъ поверхность бархата, раздѣляетъ спутанныя и склеившіяся ворсинки. Прямо гладить бархатъ нельзя, надо приспособить какъ нибудь утюгъ вверхъ доской и по немъ проводить изнанкой влажнаго бархата.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ:

Шашечная задача № 82.
К. Цѣхановича.

Черные.

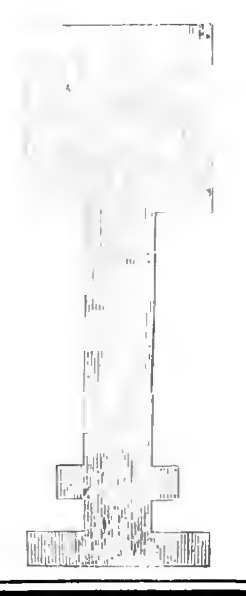


Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ въ 14 ходовъ.

Геометрическая задача № 83.

Раздѣлить эту фигуру прямыми линіями на шесть частей, изъ которыхъ требуется составить квадратъ.



Ребусъ ходъ коня. Задача № 84.

ПОПРАВКА. Въ № 48 „Нивы“, въ алгебраической задачѣ № 81 надо читать: въ 3. уравненіи „**разность между четвертымъ и восьмымъ числами**“, а въ 5. уравненіи: „**Сумма пятаго и утроеннаго шестаго чиселъ**“.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ОТКРЫТА
ВЫСТАВКА
премiи „НИВЫ“ на 1883 г.

Въ редакцiи „Нивы“ только что получены ПЕРВЫЕ ОТТИСКИ копiи превосходной картины профессора В. И. ЯКОБIЯ

КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ.

КОПIЯ ВЫСТАВЛЕНА ВМѢСТѢ СЪ ОРИГИНАЛОМЪ въ помѣщенiи конторы „НИВЫ“ (Б. Морская, № 9). При сравненiи каждый можетъ судить о высокомъ достоинствѣ исполненiя копiй)

Гг. подписчики и публика приглашаются въ помѣщенiе редакцiи (Б. Морская, № 9), гдѣ могутъ видѣть это блестящее произведенiе нашего талантливаго художника и копiю съ него, исполненную такъ, что трудно отличить ее отъ оригинала.

Каждый годовой подписчикъ получитъ безплатно вышеозначенную картину профессора В. И. ЯКОБIЯ

КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ.

Просимъ гг. городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ заблаговременно возобновить подписку на „НИВУ“ 1883 года, для избѣжанiя остановки въ полученiи первыхъ №№.

Городская почта послѣднiе **дни передъ праздниками** принимаетъ списки только небольшими количествами, а печатанiе, корректура и провѣрка **огромнаго количества адресовъ для иногороднихъ подписчиковъ** требуетъ много времени.

Страхованiе пожизненныхъ доходовъ.

ПРИМѢРЪ: Лицо 68 лѣтъ, владѣя капиталомъ въ 15,000 руб., приносящимъ ему ежегодно 900 руб. процентовъ, **желаетъ увеличить пользу изъ своего капитала** и съ этою цѣлью страхуетъ себѣ пожизненный доходъ, посредствомъ взноса указаннаго капитала въ Страховое Общество „Россiя“.

Общество за внесенные 15,000 руб. будетъ выплачивать

13⁴/₁₀ процентовъ съ внесеннаго капитала.

т. е. ежегоднаго дохода въ 2010 руб. застрахованному лицу, до его смерти, какъ бы долго оно ни прожило.

Размѣръ процентовъ при разныхъ возрастахъ:

Возрастъ:	55.	60.	65.	68.	70.	75.	80.
Проценты:	9.	10²/₁₀.	12.	13⁴/₁₀.	14⁸/₁₀.	18.	22.

Дальнѣйшiя подробности и полные тарифы **въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россiя“**, выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованiю безплатно Правленiемъ въ **С.-Петербургѣ, (Большая Морская, № 13)** и **Агентами** въ городахъ Имперiи. № 2299 5—3

С.-Петербургская Химическая Лабораторiя.

ДЛЯ ЕЛОКЪ:

Парафиновыя свѣчи бѣлыя и разноцвѣтныя.
Стеариновыя свѣчи бѣлыя.
Зажигательная нитка 20 и 40 к.
Свѣтъ магнiя по 20 к.

Приготов. съ разрѣш. С.-Петерб. Врачеб. Управы.

Бенгальскiе комнатные огни, безъ дыма и запаха, по 30 к.

Большой выборъ **всевозможныхъ картонажей**, для украшенiя елки по сходной цѣнѣ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) **Невскiй проспектъ, д. № 32**, Католической церкви.
2) **Невскiй проспектъ, д. № 66**, у Аничкина моста.
3) **Вознесенскiй проспектъ**, уголъ Казанской улицы. дом № 18—54, Шредера.

Всѣ прочiе магазины и лавки, имѣющiе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторiи, ей не принадлежатъ. Р. № 2387 2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

III годъ. ОСКОЛКИ годъ III.

подъ редакцiей Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическiй журналъ „Осколки“, вступая въ **третiй годъ** своего существованiя, будетъ издаваться въ 1883 г. по той же программѣ и при участiи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1882 г.

Журналъ является въ форматѣ большихъ иллюстрацiй, на лучшей бумагѣ и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и каррикатурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре страницы текста убористой печати. Годовое изданiе составитъ 52 номера.

Цѣна за журналъ въ 1883 году:

На годъ безъ пересылки **6** р. | На 6 мѣс. съ пер. и дост. **4** р.
„ съ пер. и дост. **7** р. | Отдѣльный номеръ . . **20** к.

Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала „Осколки“, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ просп., д. № 122.

№ 2366 3—2 Редакторы-издатели: **Н. Лейкинъ** и **Р. Голике.**

Полное собранiе сочиненiй Всеволода Сергѣевича Соловьева.

Изданiе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторiи XVI вѣка и въ развитiи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ **20 рисунками художника И. С. Панова. Изданiе 2-е.** Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историческ. романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствiе романа въ XVII в. во время царствованiя Алексѣя Михайловича. СПБ. 1882 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкоровомъ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимая эпоху правленiя и низложенiя Царевны Софiи, въ связи съ правдивостью изложенiя историческихъ событiй—чрезвычайно интересенъ—СПБ. 1882 г. 282 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкоровомъ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденiе Бирона и воцаренiе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданiе. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это чрезвычайно интересный разсказъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшаго только три года. Романъ этотъ, какъ почти всѣ романы Соловьева, переведенъ на многiе иностран. языки. СПБ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНIЕ. Романъ изъ современной жизни. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 50 коп.; въ каленкор. перепл. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историческiй романъ конца **XVIII** вѣка. Характеръ Екатерины Великой, бытъ ея царедворцевъ, личность Цесаревича Павла очерчены здѣсь чрезвычайно типично. Въ 2-хъ частяхъ in 8, всего 672 стр., напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. СПБ. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ. Истор. ром. хроника конца **XVIII** и начала **XIX** в. Романъ этотъ составляетъ **продолженiе** романа **„Сергѣй Горбатовъ“** и въ немъ изображается совершенно въ новомъ видѣ характеръ Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. Около 700 стран. Романъ этотъ печатается на велен. бумагѣ нынѣ и выйдетъ въ концѣ Января 1883 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красив. каленк. перепл. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Гг. иногородные, выписывающiе **разомъ всѣ эти сочиненiя**, за пересылку ничего не платятъ, а для Гг. городскихъ СПБ. покупателей дѣлается уступка 10%.

Торговый домъ ДОВѢРІЯ. Благовонные товары всѣхъ фабрикъ. Цѣны исключительно дешевыя.

Торговый домъ ДОВѢРІЯ. Благовонные товары всѣхъ фабрикъ. Цѣны исключительно дешевыя.

ОТКРЫТІЕ

БОЛЬШАГО МАГАЗИНА

БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ

ДЮ ГРАНДЪ-МОНДЪ.

Фабрика дю Грандъ-Мондъ—торговаго дома Румъ въ Парижѣ
(La parfumerie du Grand-Monde)
Открыла въ С.-Петербургѣ отдѣленіе своего дома въ Парижѣ.

16. БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ. 16.

Большимъ успѣхомъ пользовалась въ Парижѣ

Продажа по дешевой цѣнѣ.

Имѣя товаръ самыхъ лучшихъ и извѣстныхъ фирмъ какъ въ Россіи, такъ и во Франціи, **низкія цѣны** на всѣ предметы, пріобрѣтутъ въ скоромъ времени многочисленныхъ покупателей.

Покупающимъ **12 предметовъ** въ теченіи перваго мѣсяца по открытіи отдѣленія будетъ выданъ **безплатно тринадцатый предметъ.**

№ 2386

Торговый домъ ДОВѢРІЯ. Благовонные товары всѣхъ фабрикъ. Цѣны исключительно дешевыя.

Торговый домъ ДОВѢРІЯ. Благовонные товары всѣхъ фабрикъ. Цѣны исключительно дешевыя.

St. Petersburger Zeitung.

157. Jahrgang. 1883. Erscheint **TÄGLICH** ohne Präventiv-Censur.

Red. u. Herausg. **P. v. Kügelgen.**

Die deutsche „St. Petersburger Zeitung“ behandelt in der täglichen **Rundschau** und in **Leitartikeln** die neuesten politischen Ereignisse, folgt in **Original-Correspondenzen** aus dem In- und Auslande, sowie in der täglichen Berichterstattung sorgfältig und rasch der Zeitentwickelung, schildert mit Hilfe zahlreicher Reporter das **sociale Leben der Residenz** und bietet ein möglichst mannigfaltiges **tägliches Feuilleton** (Novellen, Romane, gute Uebersetzungen, Literatur, Musik, deutsches, russisches, französisches Theater u. s. w.)

Der bedeutend erweiterte **wirthschaftliche Theil** enthält zwei Mal wöchentlich **besondere Beilagen,** in denen **Handel** und **Wandel, Landwirthschaft, Industrie** und **Technik** eingehende, unsere heimischen Verhältnisse berücksichtigende Bearbeitung finden. **Sämmtliche Publikationen der Reichsbank,** solide **Börsen-** und **Marktberichte** (u. A. auch besonders des St. Petersburger **Getreide-** und des **Spiritusmarkts**), Fondskalender, regelmässige und vollständige Nachrichten über **Insolvenzen** und **Konkurse,** Handels- und Industrienachrichten aller Art, täglich aus guten Quellen geschöpft, empfehlen das Blatt dem Geschäftsmann.

Die deutsche „St. Petersburger Zeitung“ wird im Jahre 1883 in besonderem Abonnement als einzige deutsche Zeitung sowohl die **„Gerichtlichen Bekanntmachungen“** (судебныя объявленія) als die **„Amtlichen Bekanntmachungen“** veröffentlichen.

Der ständig wachsende Leserkreis der Zeitung in den bestsituirten Kreisen der deutschen Gesellschaft, im Inlande wie im Auslande, sichert den **Inseraten** eine weitreichende und nutzbringende Verbreitung.

Abonnementspreise:	St. Petersburg.	Russ. Reich.	Ausland.
¼ Jahr	R. 3. 75	R. 4. —	R. 5. —
½ „	„ 7. —	„ 7. 50	„ 9. 50
⅟₁ „	„ 13. —	„ 14. —	„ 18. —

Jahres-Abonnenten erhalten die „**Gerichtlichen Bekanntmachungen**“ oder die „**Amtlichen Bekanntmachungen**“ gegen eine Extrazahlung von je 2 Rbl., beide zusammen für 3 Rbl.

Bestellungen auf **Abonnements** und **Annoncen** bittet man an die **Administration** der **„St. Petersburger Zeitung“, Newski-Prospekt Nr. 20** zu richten; zur Bequemlichkeit des geehrten Publikums nehmen aber auch fast alle Annoncen-Bureaux und Buchhandlungen des In- und Auslandes solche entgegen.

№ 2324 2—2

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный подъ редакціею В. Клюшникова. въ 3-хъ томахъ; цѣна за 3 тома 12 р. съ пересылкою 14 р.

ИЗДАНІЕ Х. К. НЕБЕ.

Складъ изданія въ кладовой К. и Х. Небе, внутри Гостинаго Двора, № 139. Книжнымъ магазинамъ дѣлается соотвѣтственная уступка.

10—7 № 2273

САМОЕ ДОСТУПНОЕ ПО ЦѢНѢ ИЗДАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

„ГРАЖДАНИНЪ“

(безъ предварительной цензуры).

ЗА 8 РУБЛЕЙ ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА, НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ ЛИСТОВЪ

самаго разнообразнаго содержанія,

и

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ (приложенія)

(ФОРМАТА БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ: „ДѢЛО“, „РУССКАГО ВѢСТНИКА“, „ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ“).

въ каждой книгѣ будутъ романы, повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные.

Главная цѣль журнала „Гражданинъ“ давать за самую дешевую цѣну много интереснаго чтенія. Рекламъ громкихъ не дѣлаемъ. Читатели сами увидятъ, надѣемся, что изданіе „Гражданина“ въ 1883 году превзойдетъ ихъ ожиданіе, и будетъ первымъ опытомъ дешеваго, но интереснаго и цѣннаго изданія.

Такъ какъ количество экземпляровъ январской книжки (приложенія) будетъ опредѣлено заранѣе, то во избѣжаніе замедленій, слѣдовало бы подписываться заблаговременно, а не то можетъ случиться, что съ выходомъ первой книжки, для послѣдующихъ подписчиковъ можетъ не хватить экземпляровъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи, **Малая Итальянская, 21, въ Москвѣ,** въ книжн. магазинѣ Карбасникова, **д. Коха.**

Подписка для служащихъ допускается съ разсрочкою черезъ казначеевъ.

Для желающихъ допускается разсрочка: **при подпискѣ платится 3 р.; въ Мартѣ 2 р.; въ Іюлѣ 2 р. и въ Сентябрѣ 1 р.**

На полгода подписка . . . . . **5 р.**
На треть года . . . . . **4 р.** № 2376 2—1

№ 2269 **РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ И ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА.** 10—8

МОСКВА ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ 1882 Г. МОСКВА

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ"

(Годъ двадцатый).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1883 г.

СЪ 1-го ЯНВАРЯ.

ВЪ МОСКВѢ.				НА ГОРОДА.			
на 12 мѣсяцевъ	10 руб.	—	коп.	на 12 мѣсяцевъ	11 руб.	—	коп.
„ 6 „	5 „	50	„	„ 6 „	6 „	—	„
„ 3 „	3 „	—	„	„ 3 „	3 „	50	„
„ 1 „	1 „	30	„	„ 1 „	1 „	50	„

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Контора проситъ гг. подписчиковъ, при возобновленіи подписки и перемѣнѣ адресовъ, прикладывать къ письмамъ печатный адресъ.

Контора „Русскихъ Вѣдомостей" покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, какъ московскихъ, такъ и иногородныхъ, съ требованіями о подпискѣ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО АДРЕСОВАТЬСЯ ВЪ КОНТОРУ ВЪ МОСКВѢ НА МЯСНИЦКОЙ, ПРОТИВЪ ПОЧТАМТА, ЮШКОВЪ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 185—4-й. № 2359 3—2

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

съ разными безплатными приложеніями.

„Всемірная Иллюстрація" представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію и промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр.,—однимъ словомъ цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Главная задача „Всемірной Иллюстраціи"—изображеніе въ картинахъ и текстѣ **современныхъ событій** во всѣхъ сферахъ политической и общественной жизни.

Подписка на 1883 годъ открыта.

Годовая цѣна **„Всемірной Иллюстраціи"**: безъ доставки: въ С.-Петербургѣ **13 р.**, въ Москвѣ **14 р. 50 к.**; съ доставкою въ С.-Петербургѣ **14 р. 50 к.**, съ пересылкою въ Москву и во всѣ города Россійской Имперіи **16 р.**

Контора редакціи на Большой Садовой. № 16. въ С.-Петербургѣ. Р. № 2323 6—4

А № 2385 ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1—1

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ"

въ 1883 году.

СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ" въ 1883 году будутъ выходить, какъ выходятъ и нынѣ, ежедневно, листами большаго формата, подъ прежнею редакціею.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкою въ Петербургѣ	16 р. — к.	9 р. 50 к.	4 р. 80 к.	1 р. 80 к.
Съ пересылкою во всѣ города Россіи	17 „ — „	10 „ — „	5 „ 50 „	2 „ — „
Съ пересылкою заграницу	24 „ — „	13 „ — „	7 „ — „	3 „ — „
Съ казенными приложеніями съ пересылкою и доставкою	19 „ 50 „	12 „ — „	7 „ — „	3 „ — „

Обращаемъ вниманіе, что **„С.-Петербургскія Вѣдомости", вмѣстѣ съ казенными приложеніями къ нимъ** нужны каждому присутственному мѣсту и лицу, и каждому торговому **человѣку**. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" помѣщаются всѣ объявленія судебныхъ мѣстъ и лицъ, объявленіе о всѣхъ казенныхъ подрядахъ, поставкахъ, заготовкахъ, объявленія о несостоятельности, о дѣятельности конкурсныхъ управленій, отчеты банковъ, обществъ взаимныхъ поземельныхъ кредитовъ, объявленія о продажѣ имѣній и торговъ и т. д.

Литературная и политическая часть „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", по обилію и новизнѣ матеріала, даетъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ" первостепенное положеніе.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ газеты, на углу Невскаго и Литейной, д. № 59 — 72, а также въ книжныхъ магазинахъ: **И. И. Глазунова, М. О. Вольфа, Н. Г. Мартынова, Н. О. Фену** и другихъ книжныхъ магазинахъ.

Въ Москвѣ: въ конторахъ: **Н. А. Мейера** — Мвросейка, д. Леоновыхъ, **А. Лури**— Кузнецкій мостъ, д. князя Голицына, и **Печковской**—домъ Петровскихъ линій.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ для служащихъ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе-же могутъ обращаться съ своими заявленіями исключительно въ главную контору редакціи. Редакторъ-издатель **В. КОМАРОВЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1883 годъ

на большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ".

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:				Съ пересылкою въ города:			
На 12 мѣс.	8 р. 50 к.	На 6 мѣс.	4 р. 50 к.	На 12 мѣс.	9 р. — к.	На 6 мѣс.	5 р. — к.
„ 11 „	8 „ — „	„ 5 „	3 „ 90 „	„ 11 „	8 „ 50 „	„ 5 „	4 „ 60 „
„ 10 „	7 „ 50 „	„ 4 „	3 „ 25 „	„ 10 „	8 „ — „	„ 4 „	3 „ 70 „
„ 9 „	6 „ 75 „	„ 3 „	2 „ 50 „	„ 9 „	7 „ 40 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 8 „	6 „ — „	„ 2 „	1 „ 90 „	„ 8 „	6 „ 70 „	„ 2 „	2 „ — „
„ 7 „	5 „ 25 „	„ 1 „	1 „ — „	„ 7 „	5 „ 90 „	„ 1 „	1 „ 10 „

За границу: на 12 м. **17** р., на 6 м. **9** р., на 3 м. **5** р., на 1 м. **2** р.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзинкина; въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ — Rue Clément, 4, Adam.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„Русскій Курьеръ".

№ 2289 10—6 Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ !

Получая постоянныя требованія на **русское сырье** отъ моихъ заграничныхъ отдѣленій, покупаю и принимаю на коммисію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ

РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТІЯМИ

Именно: масло свѣжее и соленое, сало свиное, воловое и баранье, свѣжее и топленое, щетину, мёдъ, конскія гривы и хвосты, бараньи кишки, клей и жиръ рыбій, перья, пухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препровождать образцы. Адресовать: Торговый Домъ **Генриха Барыцкаго. Варшава.** № 2350 12—2

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый въ г. Кіевѣ.

1883-й годъ (второй годъ изданія).

Журналъ „Кіевская Старина", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, **ежемѣсячно**, по той же программѣ, при участіи кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала—двѣнадцать книгъ, въ 12 и болѣе листовъ каждая. Книги выходятъ непремѣнно 1-го числа и одновременно разсылаются подписчикамъ.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣд. статьи: **Жидотрепаніе XVIII в.** (хроника). Н. И. Костомарова; **П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность**, его же; **Печерскіе антики**, Н. С. Лѣскова; **Задунайская сѣчь**, Ѳ. Кондратовича; **Княжна Анна-Алоиза Острожская**, О. И. Левицкаго; **Революція волынская 1-й четверти XIX ст.**, обширный современный мемуаръ; **Исторія изысканій кіевскихъ древностей**, проф. В. Б. Антоновича; **Мнимый бунтъ на Волыни 1789 года**, его же; **Старосвѣтскіе батюшки и матушки**, повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: **Письма Т. Г. Шевченко къ Бр. Залѣскому 1853—57 г.; Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ и пр., Дневникъ Н. Ханенка, Дневникъ свящ. Фоки Струтинскаго, Разновидности „Марцѣлинн и Ганнусковой горѣлки"**, рукопись XVIII в., Ив. Кулебяки, **и** пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины", съ приложеніемъ и доставкою на домъ или пересылкою внутри Россіи **десять рублей**, на мѣстѣ **восемь руб. пятьдесятъ коп.** На заграничную пересылку прибавляется **одинъ рубль.**

Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины": **Кіевъ, Софійская площадь, д. Савастьяновой.**

Подписка **на** 1882 г. продолжается по **тому же** адресу и цѣнѣ. Въ ноябрьской книжкѣ —біографія и портретъ Гонты. № 2372 2—1

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

большой художественный журналъ карикатуръ, печатаемыхъ красками въ нѣсколько тоновъ. Годовая цѣна съ перес. и достав. **6** руб.; полугодовая съ перес. и достав. **4** руб. Для годовыхъ подписчиковъ

ПРЕМІЯ **ЛѢСНАЯ ФЕЯ**, ПРЕМІЯ

большая олеографическая картина, заказанная въ лучшемъ олеографическомъ заведеніи въ Берлинѣ. За пересылку и доставку преміи господа подписчики прилагаютъ **1 р. 50 к.** Адр. ред.—С.-Петербургъ, Невскій просп., № 110. № 2361 5—2

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

20-го ФЕВРАЛЯ 1883 года

послѣдуетъ

РОЗЫГРЫШЪ

XLV ЛОТЕРЕИ

ВЪ ПОЛЬЗУ

С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ДѢТСКИХЪ ПРІЮТОВЪ

ДЛЯ 5000 ПРИЗРѢВАЕМЫХЪ ИМИ ДѢТЕЙ

ВСЕГО 600 ВЫИГРЫШЕЙ

ИЗЪ НИХЪ ГЛАВНѢЙШІЕ:

Одинъ выигрышъ **225** фунтовъ серебра **84** пробы, столовый и чайный сервизы въ . . . . **8.000** р.

Четыре выигрыша по **1,000** рублей . . . . **4.000** „

Два выигрыша по **500** рублей . . . . **1,000** „

Остальные пятьсотъ-девяносто-три выигрыша состоятъ изъ вещей: серебряныхъ и Высочайше пожалованныхъ, цѣнностію на . . . . **14,000** „

Билетовъ на лотерею назначено 50,000.

ЦѢНА БИЛЕТУ 1 РУБЛЬ.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Совѣта **дѣтскихъ пріютовъ**, по Казанской улицѣ, въ домѣ **№ 5**, въ магазинахъ и въ кондитерскихъ. Иногородные же могутъ обращаться со своими требованіями въ С.-Петербургъ, въ Канцелярію Совѣта по упомянутому адресу, или-же для **большаго удобства—въ одинъ** изъ ближайшихъ къ мѣсту ихъ жительства дѣтскихъ **пріютовъ** въ слѣдующихъ городахъ: Архангельскѣ, Астрахани, Вильнѣ, Витебскѣ, Владимірѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Вяткѣ, Динабургѣ, Екатеринбургѣ, Екатеринославлѣ, Енисейскѣ, Иркутскѣ, Калугѣ, Казани, Кишиневѣ, Кіевѣ, Ковнѣ, Костромѣ, Курскѣ, Минскѣ, Новгородѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Новочеркаскѣ, Орлѣ, Оренбургѣ, Одессѣ, Петрозаводскѣ, Пензѣ, Перми, Полтавѣ, Псковѣ, Ростовѣ **на** Дону, Рязани, Саратовѣ, Самарѣ, Симбирскѣ, Симферополѣ, Старобѣльскѣ, Таганрогѣ, Тамбовѣ, Твери, Тобольскѣ, Торопцѣ, Троицкосавскѣ, Томскѣ, Тулѣ, Уфѣ, Харьковѣ, Херсонѣ, Черниговѣ, Читѣ, Ярославлѣ, Якутскѣ, **и** также въ канцеляріяхъ Губернаторовъ: въ Эривани, Ригѣ, Ревелѣ, Митавѣ и Каменецъ-Подольскѣ.

Выигрыши будутъ выдаваться только предъявителямъ цѣльнаго билета. № 2380 1—1

Открыта подписка на **1883 г.** иллюстр.

№ 2301 3—3

Подписная цѣна на 1 г. съ пересылк. 10 р. Пробный № журнала высыл. по востребов. Программа 8 спеціальн. отдѣловъ. Технолог. Механика, Химія, Рецепты и Наставлен. Патенты, Металлург. Горное дѣло, Жел. дороги. Технич. библіографія, Смѣсь и Объявленія. Журналъ выходитъ 15 и 30 ч. каждаго мѣс. въ 32—40 стр. со множ. рисунк. и чертеж. **Редакція въ СПБургѣ, Троговак ул., № 21.**

Только что отпечатана и поступила въ продажу въ книжныхъ магазинахъ Москвы

2-мъ изданіемъ книга:

Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа

съ 13 гравированными по дереву картинами. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 р. 20 к.

Получать можно и отъ издателя ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА РЫЧИНА, въ Москвѣ, на Самотекѣ, въ Троицкомъ пер., въ своемъ домѣ. П. № 2374 2—1

„КАЗАНСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ"

съ 27 октября 1882 года выходитъ, вмѣсто двухъ, **три раза** въ недѣлю. Программа расширена отдѣломъ **беллетристики**. Телеграммы политическія (ежедневно) и биржевыя (до 80 названій товаровъ изъ Петербурга и поволжскихъ биржъ). Подписная цѣна на весь 1883 г. (15-й годъ изданія) съ перес. **семь руб.**

Желающіе получить вмѣстѣ съ „Листкомъ" и 2-е изданіе „Сельскаго Сборника" Д. А. Соколовскаго добавляютъ къ подписной суммѣ **одинъ рубль.**

Адресъ: **Казань, „Казанскому Биржевому Листку".** № 2352 3—2

Ежемѣсячный лит.-полит. журналъ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ"

(Редакторъ **А. П. ПЯТКОВСКІЙ**).

Будетъ издаваться въ 1883 г. на прежнихъ основаніяхъ. Годов. цѣна: 12 р. безъ дост., съ дост. 13 р., съ перес. 14 р., за гран. 16 р. Главн. контора: **Поаарсной пер., № 5.** Здѣсь же принимается подписка на журналъ:

НАРОДНАЯ ШКОЛА (г. XV).

Годов. цѣна: 4 р. 50 к. съ пер. № 2326 3—3

КАРТИНЫ

ПЕЧАТ. МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ, СОБСТВЕН. ИЗДАНІЯ. ВЕСЬМА ДЕШЕВО

ДЛЯ ИЗДАТЕЛЕЙ. ТОРГОВЦЕВЪ и ЭКСПОРТЕРОВЪ.

Новѣйш. иллюстр. каталоги даромъ и франко.

Берлинъ S. (Berlin S. Grimmstrasse 7). Карлъ Каулишъ (Carl Kaulisch).

Хромо-литографическое заведеніе и печатня. St. № 2267 6—6

Пріемъ объявленій. Пріемъ подписокъ.

Единственная контора для пріема объявленій въ кіоскахъ.

Центральная Контора Объявленій

для всѣхъ европейскихъ газетъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 11, уголъ Мал. Морской.

№ 2306 8—5

Литейной, Выборгской и Васильеостровской частей.

Со скидкою. По цѣнамъ редакцій.

И. АНТОНОВЪ и К°.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 38.

Съ 1-го по 25-е Декабря

ВЫСТАВКА ДЕШЕВЫХЪ ТОВАРОВЪ (OCCASION).

№ 2371 3—1

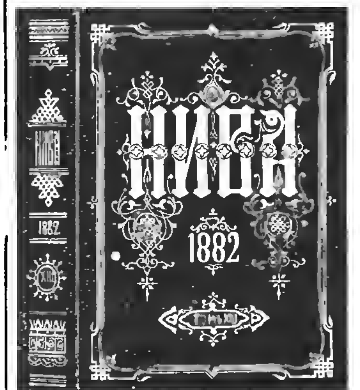
Чисто шерстяныя французскія ткани, двойной ширины, модныхъ цвѣтовъ. вмѣсто 2 рублей . . . . . по **95** к. арш.

ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ:

Satin façonné . . . . **1** р **25** к. арш.

Фай, цвѣтной. лучшей доброты.

Satin de Lyon, лучшей доброты. . . . . **2** р арш



КРЫШКИ для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійск. каленк. 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначенн. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ" въ такую каленкоровую крышку. Также имѣются крышки для „Нивы" прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

Н. АНДЕРСОНЪ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ.

Спеціальность: сохраненіе природныхъ и вставленіе искусственныхъ зубовъ. С.-Петербургъ, Б. Садовая ул., д. № 9, кв. № 16, близъ Б. Итальянской, рядомъ съ гостинницей „Дагмаръ". М. № 2354 2—2

Линеванныя тетради 4 лист. хорош. бумаги за 10 шт. 36 к., 100 шт. 3½ р., 1,000 шт. 34 р., разныхъ сортовъ чернила отъ 2 р. за ведро, 5 к. за 1 бут., 45 к. за дюж. продаетъ Левенштейнская рижская мастерская тетрадей для школъ. Гороховая, № 37, кв. 14, Mt. № 2377 1—1

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ

ПАПИРОСНАЯ и СИГАРНАЯ ФАБРИКА

В. БУШЪ, въ С.-Петербургѣ,

фабрика: Лиговка, № 31, **магазинъ:** Вознесенскій, № 14, покорнѣйше проситъ обратить вниманіе гг. курящихъ на ея произведенія, ибо работавъ долгое время въ первыхъ заграничныхъ сигарныхъ фабрикахъ, надѣется вполнѣ удовлетворить самый требовательный вкусъ; сигары отличаются мягкимъ вкусомъ и хорошимъ ароматомъ. Можно получить во всѣхъ табачныхъ магазинахъ. Р. № 2378 10—1

КНИГИ прод., покуп. и прин. на комиссію въ Казани, кн. маг. Александра Ильича Овчинникова, (б. учителя древн. яз.) Бываютъ библіогр. **рѣдкости.** Объ эт. торг. почти постоянно публик. уже 10 лѣтъ въ Казанск. газетахъ и мног. друг. изданіяхъ. Письма лучше и. заказн.; мар. на отв. мож. не посылать.

Фирма наслѣдницъ Ивана Тимофѣевича Жилина, производящая торговлю въ г. Москвѣ, Колокольный рядъ, собственная лавка, № 291, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что по случаю прекращенія торговли, съ 25 ноября сего 1882 года, назначается **окончательная распродажа** всего, имѣющагося въ лавкѣ, церковнаго и мѣднаго товара, **съ большой уступкой въ цѣнѣ.** Имѣется громадный выборъ паникадилъ, лампъ, лампадъ, подсвѣчниковъ, хоругвей, свѣчъ и др. церковной утвари, самаго лучшаго фасона и достоинства, а также полный выборъ мѣднаго товара. Просятъ обратить вниманіе гг. оптовыхъ покупателей и церковныхъ старостъ. Письма и телеграммы адресовать: Москва, Колокольный рядъ, лавка Жилиныхъ, Петру Петровичу Бѣлоярцеву.

Лавка наслѣдницъ Жилиныхъ. съ амбарами и кладовыми, сдается. Ц. № 2370 8—1

МОДНЫЙ СВѢТЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(самый полный и самый дешевый иллюстрированный модный и семейный журналъ въ Россіи, съ разными приложеніями)

По количеству своихъ подписчиковъ онъ превосходитъ всѣ другіе модные журналы.

„Модный Свѣтъ" даетъ своимъ подписчикамъ богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ по всѣмъ отраслямъ моды: костюмы, платья, пальто, накидки, шляпы, прически, сообразно времени года и случаю, бѣлье мужское, женское и дѣтское, ручныя дамскія работы всѣхъ родовъ и т. д., изображенные прекрасными рисунками, съ описаніемъ ихъ исполненія. Кромѣ того, въ литературномъ отдѣлѣ онъ даетъ читателю богатый выборъ для семейнаго чтенія: романы, повѣсти, стихотворенія, а также афоризмы, шарады, задачи и т. п.

Въ 1883 году ТРИ ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ ПРЕМІИ.

Подписка на 1883 годъ открыта.

Годовая цѣна журналу **„Модный Свѣтъ"**: I изданію: безъ доставки — **5 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ — **6 р. 50 к.**, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи — **7 р.**; II изданію: безъ доставки — **6 р.**, съ доставкою — **7 р. 50 к.**, съ пересылкою **8 р.** и III изданію: безъ доставки **8 р.**, съ дост. — **9 р. 50 к.**, съ перес. — **10 р.**

Контора редакціи на Б. Садовой ул., № 16, въ С.-Петербургѣ. Р. № 2322 6—4

Объ изданіи въ **1883** году журнала

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ)

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы. повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, *по возможности*, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ, отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода **ежемѣсячный.**

Въ концѣ года подписчикамъ на **„Библіотеку для чтенія"** будетъ выдана, въ видѣ **преміи**, 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ГОДЪ.
Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки **8 руб.**
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ **8 „ 50 коп.**
Съ пересылкою **иногороднымъ** . . . . **9 „ —**

Редакція допускаетъ слѣдующую **разсрочку** подписныхъ денегъ: при подпискѣ **5 руб.** и къ 1-му Мая остальныя.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ въ **С.-Петербургѣ** въ книжномъ магазинѣ Попова, въ *Пассажѣ*. **Въ Москвѣ**—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова.

Гг. ИНОГОРОДНЫЕ адресуютъ свои требованія *непосредственно* въ **С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Библіотека для чтенія,"** *Шпалерная ул., д. № 32.*

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться *исключительно* **къ редакцію.**

Съ 1-го № начнетъ печататься крайне интересный романъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя **Ауэра—„Воздушные замки."** № 2330 7—3

Въ „MAGASIN ETRANGER“

ВЪ ИНОСТРАННОМЪ МАГАЗИНѢ, Большой Морской, д. № 30.

!!ПАРИЖСКІЯ!!

ИГРУШКИ

въ громадномъ выборѣ, все что только выдѣлывается самаго лучшаго въ первѣйшихъ фабрикахъ и мастерскихъ Парижа и Германіи въ такой изобильной разнообразности, что каждый покупатель легко можетъ выбрать предметы по цѣнѣ, по возрасту дѣтей и ихъ способностямъ; во первыхъ, громадный выборъ

!! АВТОМАТОВЪ !!

или механическихъ куколъ-животныхъ, подражающихъ движенію живыхъ, напр. бѣгающія собачки, ц. 10 р. (3 ф.), скачущіе зайчики, ц. 6 р. (3 ф.), бѣгающія мышки, ц. 75 к., (1 ф.), ходящій слонъ, ц. 20 р. (10 ф.), ходящія на соб. ножкахъ куклы, ц. 15 р. (3 ф.) цыплята, ц. 5 р. (2 ф.), павлинъ ходящій и гордо распускающій хвостъ, ц. 15 р. (6 ф.), наѣздникъ скачущій на лошади, ц. 16 р. (6 ф.), барашки ходящіе, ц. 10 р. (3 ф.), Ондина—кукла плавающая руками а ногами какъ живой человѣкъ, ц. 10 р. (8 ф.).

!!! МЕХАНИЧЕСКІЯ ИГРУШКИ !!!

Паровозы съ заводомъ, ц. 5 р. (3 ф.), 8 р. (5 ф.), 12 р. (8 ф.); пароходики, дѣйствующіе паромъ, ц. 1 р. (1 ф.), 3 р. (2 ф.), 6 р. (5 ф.); **рыбки**, плавающія какъ живыя, ц. 75 к. (1 ф.), лодочки, кот. матросикъ весломъ прив. въ движеніе, ц. 1 р. 50 к. (2 ф.); магнити. прелест. игрушка съ музыкой, циркъ, зимній ландшафтъ, на котор. фигурки вольно двигаются, ц. 16 р. (10 ф.).

!!! ЛОШАДКИ !!!

вышиною около аршина, художеств. работы, отличающ. не только необыкновенною красотою формъ, но еще удивительною прочностью, ц. 15 р., 20 р. и дороже (1 пудъ). Лошадки отдѣланы артистически шерстью какъ живыя, вышиною 7 верш., ц. 12 руб. (5 ф.), 3 верш., ц. 1 р. 50 к. (1 ф.), 2 верш., ц. 75 к. * (1 ф.). Лошадки изъ жести чудной работы 6 верш., ц. 10 р. (8 ф.), 3 верш.—3 р., 2 верш.—2 р., 1½ верш.—15 к. * (1 ф.).

!!! КУКЛЫ — BÉBÉ-INCASSABLE !!!

парижскія чудесной красоты, одѣтыя, большія ц. 75 р. (20 ф.), 50 р. (12 ф.), 8 р. (6 ф.), 6 р. (3 ф.), 3 р. (2 ф.), неодѣтыя, ц. 30 р. (20 ф.), 25 р. (15 ф.), 20 р. (10 ф.), 15 р. (8 ф.), 12 р. (4 ф.), 8 р. (3 ф.), 6 р. (2 ф.). 3 р. (2 ф.), 2 р. (1 ф.) 1 р. 50 к. * (1 ф.); съ приданымъ отъ 5 р. (2 ф.) и дороже.

!!! КУХНИ !!!

и плиты съ кастрюльками, на которыхъ дѣти могутъ стряпать, изящной работы, ц. 12 р. (10 ф.), 8 р. (6 ф.). 5 р. (4 ф.), 3 р. (3 ф.), 2 р. (2 ф.). **!!! Сервизы !!!** чайные фарфор. ц. 12 р. (10 ф.), 10 р. (8 ф.), 6 р. (4 ф.), 2 р. (2 ф.), 1 р. 25 к. (2 ф.), 1 р. (1 ф.).

Кухонные приборы въ коробкѣ, ц. 10 руб. (8 ф.), 6 р. (4 ф.), 3 р. (2 ф.), 1 р. 50 к. (1 ф.).

!!! БИЛЛІАРДЪ !!!

маленькій, длина 2 ар., шир. 1 ар. (ножки отвинчив.), съ кіями и шарами. 5 шар. и пирамида, и столов. крокетомъ. ц. 50 р.; восхищеніе дѣтей и молодыхъ людей, отличная гимнастика для занимающихся сидя. (3 п.); побольше 2½ ар дл. 1¼ ш. съ принад. 80 р (5 п.)

! Мебель кукольная ! очень красивой работы изъ жести, на манеръ вѣнской; столъ, диванъ, 6 стульевъ, ц. 3 р. (6 ф.), 4 р. (10 ф.).

! Соловей ! поющій чуднымъ голосомъ, самый нѣжный напѣвъ соловья, на немъ можно учить канареекъ, ц. 75 к. * (1 ф.).

Фонтанчики, освѣж. и очищающіе воздухъ въ дѣтск. комнатахъ, при нихъ рыбки, лодочки, утки, плав. за магнитомъ. Ц 3 р. (4 ф.), 4 р. (4 ф.), 5 р. (5 ф.).

Парижскія особенно красивыя **игрушки** изъ

!!! РЕЗИНКИ !!!

для маленк. дѣтей: куклы, животныя, солдаты и пр., Ц. 1 р. и 2 р. (1 ф.); погремушки резин. съ кольцомъ, ц. 75 к. * (1 ф.). **! Фигляръ !** дѣлающій разныя эволюціи на трапеціи между 2-мя палоч., ц. 25 к. * (1 ф.), но вещь забавная; обезьяна дерев. тоже ц. 75 к. * (1 ф.), изъ картона 10 к. * (1 ф.).

! Митральезы ! стрѣляющія въ цѣль пружинкой безъ огня, ц. 1. р. 50 к. (2 ф.), 4 р. (2 ф.).

!!! РУЖЬЕ МИРА !!!

безопасн. стрѣл. пруж. безъ огня въ цѣль и хлопающ. пробкой и бумагой, ц. 1 р. 75 к. (3 ф.).

! Пушки ! маленьк., ц. 10 к. * (1 ф.), стрѣл. пруж. 30 к. * (1 ф.), побольше 1 р., литыя бронз. ц. 5 р. (2 ф.), 10 р. (5 ф.), 20 р. (10 ф.).

! Дудочка-Флейта ! ц. 20 к. (1 ф.), на ней можно подражать пѣнію птицъ и съиграть всякія аріи при небольш. практикѣ.

При вещ. обознач. звѣздочкой—перес. безплатная. Портовые за выписыв. предметы слѣдуетъ выслать соразмѣрно съ обозн. вѣс. Заказы исполняются немедленно.

Адресъ въ Magasin Etranger. Иностранный магазинъ Б. Барткольда. въ Большой Морской. д. № 30. въ С.-Петербургѣ.

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ

КЪ ПРАЗДНИКАМЪ

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья петель на всякой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес.

Продажа оптомъ и въ розницу

И. ВАКОНЬ

№ 9. Гороховая ул., д. Лембке, кв. № 8., въ С.-Петербургѣ.

№ 2384 2—1

Для одного фортепіано въ 2 руки

АПАЮНЪ. Полная оперетка 2 р. 50 к., 2 попури Маркса по 50 к., полька 60 к., кадриль 40 к., маршъ 30 к.

БОККАЧІО. Полная оперетка 2 р. 25 к. 2 попури Маркса по 50 к., вальсъ 50 к., кадриль 40 к., маршъ 30 к.

ФАТИНИЦА. Полная оперетка 1 р. 50 к., 2 попури Маркса по 50 к., вальсъ 60 к., кадриль 40 к., маршъ 30 к.

(Пересылка по почтѣ на счетъ магазина). Поступили въ продажу: въ муз. магазины А. Лазарева (бывш. І. Шмидтъ) Москва, Леонтьевскій пер., д. Корфъ; А. Цаноти въ Одессѣ; Б. Генчель въ Орлѣ; В. Кастнеръ въ Воронежѣ; А. Червинскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Ц. № 2369

10%

ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность по своему общественному положенію указать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать нижепоименованныя старинныя вещи, которыя я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ: богатый сѣверскій и саксонскій фарфоръ. старинные бронзовые часы, канделябры и группы, золотыя эмальированныя табакерки, старинныя вещи изъ золота и серебра прошедшихъ столѣтій, старинную мебель съ богатыми бронзовыми украшеніями и фарфоровыми инкрустаціями, гобелены, вышитыя старинныя шелковыя матеріи, старинныя кружева, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра** и вообще всякаго рода старинныя вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, кромѣ монетъ.

Указанія адресовъ лицъ, имѣющихъ на продажу означенные предметы, могутъ быть сообщены мнѣ лично или письменно по адресу моему: въ Москву, **г-ну ЛЮДОВИКУ БЕКЪ**, Петровка, домъ Пенскаго, противъ Петровской аптеки.

Вышеупомянутое вознагражденіе въ 10% мною выплачивается немедленно за каждую сдѣланную покупку чрезъ рекомендацію.

Я. № 2270 9—4

Р. № 2340 3—3

ЯПОНСКІЙ БАЗАРЪ

Шелковыя матеріи. Фарфоръ. Вазы. Этажерки. Ширмы. Статуэтки. Игрушки отъ 10 к.

Японскій Элексиръ противъ мигрени 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к. № 2383 2—1

9. Гороховая, фирма И. Ваконь 9.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ

Съ разрѣшенія Спб. и Вѣнск. медицинскихъ департаментовъ.

Schutz-Marke R K RUDOLF KÖRBER

ПОМАДА

противъ сѣдыхъ волосъ.

Рудольфа **КЕРБЕРА.**

Продается только въ нижеслѣдующихъ единственныхъ для Россіи агентурныхъ складахъ:

Въ СПБ., у Е. КРИСТМАНА. Невскій пр., д. Католической церкви, кв. 52. Въ Москвѣ, у Х. Р. ФЕРБЕРА, Варварка, д. Герике.

Цѣна за банку 2 р. Менѣе двухъ банокъ не высылается. За пересылку 1 р. отъ 2 до 5 банокъ.

№ 2382 2—1

„МУР“

Товарищество русско-американской паровой пекарни въ Петербургѣ, Васильевск. Островъ, 12 лин., собств. домъ, № 43, предлагаетъ въ большомъ выборѣ **чайное (англійское) ПЕЧЕНЬЕ, БИСКВИТЫ, ВАФЛИ.** и пр. Издѣлія Товарищества удостоены **медалей** на выставкахъ: всемірной **1878 г.** въ **Парижѣ** и всероссійской **1882 г. въ Москвѣ.**

Приготовленныя изъ лучшихъ матеріаловъ печенья эти сохраняются въ жестянкахъ, очень долго безъ порчи.

Разсылка во всѣ мѣста Имперіи.—Цѣны самыя умѣренныя.

Жестянки съ образцами имѣются по 1 р. и по 2 р., съ пересылкою.—Прейскуранты по требованію безплатно. № 2271

ЗАМѢЧАТЕЛЬНО ГУБИТЕЛЬНАЯ СИЛА:

АНТИ-ПАРАЗИТЪ,

ИСТРЕБЛЯЮЩАЯ НАСѢКОМЫХЪ,

какъ-то: клоповъ, таракановъ (черн. прус.), блохъ, муравей, сверчковъ и, въ особенности, **моль** и ея зародыши (особый) вызвала многочисленныя

ПОДРАЖАНІЯ И ПОДДѢЛКИ,

далеко несоотвѣтствующія достоинству настоящаго Анти-паразита. Во избѣжаніе недоразумѣній при покупкѣ необходимо обращать вниманіе на этикетъ, снабженный штемпелемъ: **„Единственное депо для всей Россіи Копвпыгина“**, СПБ., уголъ Невскаго и Владимірской, д. Палкина. Жестянки отъ 30 к. до 10 р. Иногороднымъ высылается не менѣе на 2 р. 40 к. **МОЗОЛИ** съ корнемъ и бородавки уничтожаетъ жидкость Шмидта 35 к., высылается два флак. 1 р. 20 к. **Торговцамъ** дѣлается уступка. Заказы исполняются немедленно. Анти-паразитъ продается во всѣхъ аптекахъ и главныхъ аптекарск. складахъ: **Штоль-Шмидта, Русскомъ Обществѣ**, Линне, Мартова, Химическ. Лаборатор., болѣе 100 губернск. и уѣздн. аптекахъ и магазинахъ. Дальнѣйшая реклама о его губительной силѣ излишня. № 2373

Исключительное депо на всю Россійскую Имперію.

Мужскіе карманные часы

неимовѣрно подражающіе золотые.

Цѣны включительно съ пересылкой.

Цилиндрическій большой форм. 7 р.

„ меньшій „ 8 р.

Самозаводящіеся „ „ 10 р.

Выписывающ. сразу 25 шт. 10% скидки

„ „ 100 „ 20% „

Отправка немедленно по полученіи всей слѣдуемой суммы. Адр.: Торговый Домъ **„Commerce Russe“, Варшава.**

№ 2349 12—2

Большой Выборъ

резин. и кожан. галошъ, мужск. дамск. и дѣтск. **обуви, войлочныя** туфли и разный **теплый** товаръ.

Паровая механическая фабрика обуви Кирштенъ.

Въ магазинахъ:

Чернышевъ пер., № 3, противъ Пажеск. корпуса. № 2293 8—6

Караванная ул., № 3, близъ Цирка.

ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ

1 р. *А. Ковалевскаго* въ губ. г. *Владимірѣ* 1 р.

Смотри въ № 48 Нивы. 1882 г.

ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ.

№ 2333 6—1

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ,

ИЗДАННЫЯ

П. ЮРГЕНСОНОМЪ

ВЪ МОСКВѢ.

Сентябрь—Октябрь. Р. К.

BEETHOVEN, op. 49 № 1. 2. Deux sonates faciles, revues par Lebert по — 30

ШОПЕНЪ, Всѣ Вальсы in 8°. Вновь гравированное изданіе . . . — 50

КЛЕМЕНТИ, М. op. 36. 6 Сонатинъ, просмотрѣнныхъ Лебертомъ, каждая по 30 к., всѣ шесть въ одной тетради . . . . — 75

ФЕНЗИ, Сборникъ 60 этюдовъ для пѣнія. Часть I. 1 р. 20 к. Часть II. 1 р. 80 к. Часть III. 2 р. 40 к. Текстъ русскій и французскій . .

ГРЖИМАЛИ, И. Упражненія въ гаммахъ для скрипичнаго класса въ Московск. Консерваторіи . . . 1 —

KONTSKY, A. op. 311. Gavotte pour le piano à 2 mns, ... — 40

op. 312 Le secret d'amour. Valse — 60

op. 313. Menuetto . . . . . . — 40

LANGER, F. Тамара, пьеса д. форт. въ 2 руки . . . . — 40

La Fileuse (Монюшко Пряха) въ 2 руки . . . . — 30

Elle et lui. . . . . — 40

LAUB. V. op. 5. 5 Mazurkas à 2 mne. — 60

ЛИШИНЪ, А. А. op. 27. Маршъ правовѣдовъ, для фортеп. въ 2 руки . . . . — 40

„ „ op. 28. Quelques mots russes. Для пѣнья . — 30

„ „ op. 32. Черняевъ маршъ въ 2 руки . . — 40

„ „ op. 38. Въ странѣ слезъ и крови. Для пѣнья . — 30

„ „ op. 43. Пѣснь лебедушки. Для пѣнья . — 30

„ „ op. 55. Изъ былаго. Для пѣнья . . . . — 40

„ „ op. 58. Нельзя повѣрить. Для сопрано . — 40

„ „ op. 59 Нельзя повѣрить. Для контральто. — 40

„ „ op. 62. Колодники. Для пѣнія. . . . . — 40

„ „ op. 64. Повѣрить можно. Для пѣнья . — 30

„ „ op. 65. Первая любовь. Для сопрано или контральто . . по — 40

„ „ op. 65. Первая любовь. Для фортеп. въ 2 руки, аранжировано П. Григорьевымъ . . . — 50

„ „ op. 66. Въ лѣсу. Для пѣнья . . . . . . — 20

„ „ op. 69. Случайно мы. Для пѣнья . . . . — 20

„ „ op. 71. Дождя отшумѣвшаго капли . . — 25

„ „ op. 73. Молитва о родинѣ. Для пѣнья . . . — 40

„ „ op. 76. Ночная дума. Для пѣнья . . . . — 40

ЛЬВОВЪ, Боже, Царя храни. Для Хора. Партитура 5 к. Голоса . . . . — 10

МЕТРА, О. Испанск. серенада, вальсъ, арранж. для цитры. . . . . . — 20

МОНЮШКО, Галька. Полная опера съ русскимъ текстомъ . . 6 —

„ Тоже для одного фортеп. 2 25

НИКОЛАЕВЪ. Нина, для сопрано (новое изд.) 50 к. Для контральто . — 50

PALADILHE, Mandolinata, арранж. для цитры. . . . . — 20

РУБЕЦЪ, Малороссійскія пѣсни, выпускъ IV . . . . — 75

SCHUMANN op. 29 № 3 Zigeunerleben f. Pfte u. Chor Part. & Stim . . — 75

ШУМАНЪ, op. 29 № 3. Цыгане. Для форт. и хора парт. и голоса . . — 75

ЧАЙКОВСКІЙ, Сладкая греза и вальсъ изъ Альбома op. 39, переложенный для струннаго оркестра или квартета В. Шубертомъ; изданіе для фортепіано. . . . . . . — 30

„ Памяти великаго художника. Тріо для фортепіано, скрипки и віолончели . . . . 6 —

ВЕСТМЕРСГАУЗЕНЪ. Романсы и пѣсни 1 томъ для цитры. 1 50

БОККАЧІО вальсъ Э. Штраусса . . — 45

„ Кадриль „ . . — 30

„ Маршъ . . . — 25

Вышло изъ печати: Бортнянскаго Д. Полное собраніе духовно-музыкальныхъ сочиненій.

Партитура. Выпуски . . . . 8. 9. 10.

Голоса . . . . 7. 8. 9. 10.

Подписная цѣна (до 15 дек. 1882 г.) всѣхъ 10 выпусковъ партитуры 10 р., голоса 10 р.

РУБИНШТЕЙНЪ, Маккавеи. Опера въ 2 руки 4 руб.

BRAHMS, I. Ung. Tänze. Danses hongroises (Венг. танцы) Cah 3. 4 à 2 ms à 1. 40 C. do do „ à 4 ms à 1. 80 „

НИРАНЕКЪ, Іосифъ, Музыкальная грамматика и полный обзоръ важнѣйшихъ элементарныхъ знаній музыки съ практическими примѣненіями къ изученію игры на фортепіано. Руководство для учащихся и учителей. Первое отдѣленіе 3 р. Второе отдѣленіе 1 р. 50 к. Третье отдѣленіе 3 р.

SIMON, A. Oeuvres complètes 4 р. съ уступк.

П. № 2379 1—1

XIII годъ — годъ XIII
№ 51 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)
Выданъ 18 Декабря 1882 г. Ц. на этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Н. Е. Сверчковъ.

Кому не извѣстны картины Сверчкова? Кто не знаетъ его троекъ, охотъ и проч. Кому не извѣстно, какой это знатокъ лошади, какъ онъ умѣетъ схватить ея типъ, какъ умѣетъ мѣтко и вѣрно схватить характеръ русской природы, русскаго типа. Русская зима съ ея безпредѣльно снѣжными равнинами, съ узкой лентой дорожки, вьющейся въ даль, къ дымящемуся чуть видному на горизонтѣ поселку, косматая лошадка, заложенная въ дровни, въ которыхъ мурлыкая пѣсню лежитъ на соломѣ мужикъ; одноконная эстафета, санки, несущіяся по такой же дорогѣ; осень съ ея бурлящими мутными потоками, съ ея хмурымъ небомъ и охотниками, затянутыми въ полушубки, пробирающимися въ телѣгѣ черезъ ручьи — и масса другихъ картинъ, рисующихъ вѣрно и мѣтко нашу сѣверную родную природу—все это вспомнится всякому при воспоминаніи имени извѣстнаго и любимаго русскаго художника.

Н. Е. Сверчковъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Николай Егоровичъ Сверчковъ родился въ Петербургѣ въ 1818 г.; шестнадцати лѣтъ отъ роду по желанію отца вступилъ на службу въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ и находился въ теченіи десяти лѣтъ. Съ дѣтства однако страсть къ искусству и страсть къ лошадямъ отличали его и онъ не переставалъ заниматься рисованіемъ. Отецъ его, увидѣвъ его несомнѣнный талантъ, согласился наконецъ на то, чтобы молодой художникъ оставилъ службу и предался-бы исключительно искусству. Изучать лошадь было удобно юношѣ, такъ какъ отецъ его былъ управляющимъ дворцоваго конюшеннаго вѣдомства. Молодой художникъ, трудившійся одинъ и безъ руководителей, выставилъ свои картины въ 1844 г. въ С.-Петербургской Академіи Художествъ и получилъ званіе художника, а затѣмъ и академика за свой жанръ изъ русской жизни „Встрѣча двухъ товарныхъ обозовъ зимою". Годомъ позже онъ получилъ уже званіе профессора за кар-

тину: „Дормезъ въ шесть лошадей, тянущійся по песку въ іюльскій зной“, тема заданная Академіей. Получивши большую извѣстность какъ знатокъ и мастеръ писать лошадей, Н. Е. былъ въ теченіи лѣтъ 25 постоянно приглашаемъ коннозаводчиками для снятія портретовъ ихъ лучшихъ скакуновъ, рысаковъ и производителей, и ему случалось дѣлать иногда до 70 таковыхъ портретовъ въ 2 мѣсяца. Всѣ эти портреты, получившіе извѣстность и изображающіе знаменитыхъ русскихъ коней, были впослѣдствіи литографированы.

Г. Сверчковъ былъ первый художникъ, посылавшій на парижскія выставки русскіе типы и жанры. На выставкѣ 1856 г. онъ выступилъ съ картиной „Зимняя охота“—тройка, заложенная въ сани, и потомъ съ картиной „Возвращеніе съ медвѣжьей охоты“, за которую получилъ орденъ Почетнаго Легіона отъ Императора Наполеона III, купившаго тогда картину. Поименуемъ нѣкоторыя извѣстныя картины нашего художника: „Конская ярмарка“, „Почтовая станція“ (1863), „Ребенокъ, выпавшій изъ саней и найденный на утро невредимымъ среди волковъ“, „Царь Алексѣй Михайловичъ, появляющійся передъ войсками“ (1867), картина, пріобрѣтенная покойнымъ Государемъ. На всемірной выставкѣ въ Лондонѣ г. Сверчковъ выставилъ 8 картинъ и 32 акварели, купленныя г. Филипсъ, и на парижской выставкѣ 1864 года выставилъ свою вещь скульптурную изъ бронзы *„Геркулесъ-рысакъ“*. Всѣмъ извѣстенъ большой портретъ Императора Александра II въ гусарскомъ мундирѣ на бѣломъ арабскомъ конѣ. Эта картина также куплена покойнымъ Государемъ и пожалована имъ лейбъ-гусарскому полку, въ день полковаго юбилея. Кромѣ того всѣмъ извѣстна лѣтомъ выставленная его картина на московской промышленно-художественной выставкѣ „Сборъ ямщицы въ путь“ и „Скобелевъ на конѣ“, которыми всѣ такъ еще недавно любовались. Въ этомъ номерѣ на стр. 1204 находится копія прекрасной картины г. Сверчкова „На тройкѣ въ мятель“, на которую мы обращаемъ вниманіе читателей.

„Блудный сынъ“.

Рождественскій разсказъ.

Н. Морскаго.

„И приведите откормленнаго тельца и заколите, станемъ ѣсть и веселиться! ибо сей сынъ мой былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся“...

Отъ Луки XV, 23—24.

I.

Не умѣю выразить съ чего такого братцу пришло въ голову все то, что имѣю намѣреніе вамъ разсказать, только не отъ строгости, какъ это часто въ нашемъ сословіи случается. Бываетъ такъ напримѣръ: родители несправедливо гнѣваются на дѣтей и конечно дѣти за такой несправедливый гнѣвъ ожесточаются на родителей, на зло имъ дурными дѣлаются. Или, примѣрно, случается и такъ: слишкомъ родители дѣтей стѣсняютъ, ничего не дозволяютъ имъ по своему вкусу сдѣлать. Душа-то просится, конечно,—вздохнуть-то хочется, вырваться на волю-то,—катай-валяй во всю мочь,—прочь съ дороги, берегись! Ничего подобнаго у насъ въ семьѣ не было: ни строгости, ни брани, ни окрика и никакихъ стѣсненій. Тятеньку мы не помнимъ: они скончались, когда братцу второй годокъ пошелъ, а мнѣ всего пять мѣсяцевъ было. Съ тятенькиной кончины — маменька всѣ дѣла прекратили, лавку въ Гостиномъ купцу Парашину передали и затворились съ нами въ дому своемъ, вдовствовать начали, Богу молиться и насъ дѣтей добру учить.

Жили мы, если можно такъ выразиться, въ сладчайшей тишинѣ. Занимали низъ двухъ-этажнаго каменнаго дома, комнаты высокія, пространныя... Стѣны масляной краской выкрашены,—желтыя, голубыя, зеленыя,—потолки такъ росписаны, такъ-съ, что ужъ не знаю—съумѣю-ли вамъ даже разсказать... Все цвѣты-съ, а по серединѣ рогъ изобилія и изъ него разная пестрая птица вылетаетъ: глядишь, какъ будто-бы воробей, или тамъ какая еще птица извѣстная, анъ воробей-то голубой или зеленый, съ краснымъ или желтымъ клювомъ. Очень занимательная картина. Цвѣтовъ этихъ у насъ на окнахъ, скажу вамъ, такое множество стояло и такъ они разрослись, что ничего на улицу или на дворъ видѣть было невозможно. Воздухъ въ комнатахъ жаркій и сухой-съ, притомъ съ такимъ пріятнымъ запахомъ, что будто кипарисомъ и медомъ пахло... Полы блестятъ, какъ зеркала, нигдѣ ни пылинки... Всюду иконы такого строгаго, стариннаго письма, а передъ ними лампады, бѣлыя, малиновыя, голубыя... Какъ зажгутъ ихъ, эти самыя лампады, могу сказать, какое-то тихое умиленіе на душу нисходитъ...

Какъ только стали мы съ братцемъ подростать, маменьку иначе, какъ въ темномъ, не помнили. Были онѣ росту высокаго, ходили всегда покрывшись, въ будніе дни — въ черномъ, съ бѣлыми крапинами, ситцевомъ капотѣ, въ праздники — въ черномъ терно. Ходили всегда плавно и въ мягкихъ туфляхъ ступали не слышно; говорили мало, все больше молчали, точно думали какія-то высокія думы, а если и говорили, то тихо, никогда не возвышая голоса. Можно сказать — въ мірѣ живя—монастырскую жизнь вели. Никогда отъ нихъ я не слыхивалъ какихъ-нибудь легкомысленныхъ словъ, судовъ и пересудовъ: онѣ все больше слушали другихъ, а сами молчали. За цвѣтами любили ухаживать: каждый листикъ сухой оборвутъ, поливаютъ всегда сами, потомъ сядутъ за шитье, покровъ тамъ или какой воздухъ по алому или яхонтовому бархату золотомъ и блестками вышиваютъ: устанутъ шить, закроютъ пяльцы полотномъ, — сядутъ у окна и развернутъ такую толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками и начнутъ читать. Въ церковь ходили исправно, но чтобы странницъ какихъ нибудь, юродивыхъ — никогда въ домъ не приваживали: зайдетъ иной разъ какой нибудь такой, надѣлятъ его щедрой милостыней, прикажутъ работницѣ накормить на кухнѣ, но сами въ расспросы, да въ разговоры никогда съ нимъ не вступаютъ. Все однѣ, да однѣ: молчатъ, вышиваютъ, за цвѣтами ходятъ, за нами ребятишками присматриваютъ, по хозяйству распорядятся, да Богу помолятся или книжку душеспасительную почитаютъ. Ходили, конечно, къ намъ и гости, родственники и знакомые, хоть и рѣдко. Маменька принимали отлично: прикажутъ освѣтить залъ и гостиную, всѣ свѣчи въ канделябрахъ зажгутъ, чай цвѣточный крѣпкій, хорошій,—дессертъ—тарелкахъ на шести, восьми, если мужчины—такъ и закуска: балыкъ, икра паюсная и свѣжая, все первый сортъ... Только и при гостяхъ разговоры ни невѣсть какіе, все больше сидятъ, да помалчиваютъ; дессертъ стоитъ — такъ маменька нѣтъ-нѣтъ, да и встанетъ, возьмутъ тарелку съ чѣмъ нибудь и обнесутъ гостей-то:

— Пожалуйте.

Но больше любили безъ гостей, однѣ, а гости имъ не утѣху, а тяготу одну приносили... Какъ уйдутъ,—уберутъ все, огни погасятъ, уложатъ насъ и станутъ на молитву передъ кіотомъ, освѣщеннымъ голубою лампадой... И бывало, пока не засыпаю, вижу маменьку, точно онѣ застынутъ на моленіи... Стоятъ на колѣняхъ, смотрятъ на строгіе, темные лики иконъ съ блестящими золочеными вѣнцами, стоятъ и не шелохнутся, освѣщенныя синеватымъ отблескомъ лампады... Тихо и жарко, кипарисомъ и медомъ пахнетъ и божественные сны все это навѣваетъ.

II.

Въ такой тишинѣ и росли мы съ братцемъ: я — худенькій и съ измальства въ болѣзняхъ-съ, — золотухой долго страдалъ, потомъ руку у меня сводило-съ, ломъ какой-то въ костяхъ чувствовалъ, — а братецъ были кровь съ молокомъ, полные такіе, что ткнешь ихъ пальцемъ въ щеку бывало, такъ ямка долго-долго такъ остается... Полны и высоки не по годамъ были-съ и къ тому-же живы и понятливы необычайно. Я бывало,

какъ увижу, маменька за пяльцы сѣли, взгромозжусь на стульчикъ около, лоскуточекъ какой возьму, иголочку и въ подражаніе маменьки тоже вышивать начну-съ. Оба и сидимъ тихо: маменька въ пяльцахъ вышиваютъ, а я по своему лоскуточку. Можно сказать и въ другомъ, я все какъ маменька и точно не мальчикъ, а совсѣмъ, какъ дѣвочка: и вкусы-то, и привычки-то у меня такія, можно сказать, домашнія и хозяйственныя. Братецъ совсѣмъ были иные. Съ утра и до вечера на мѣстѣ не усидятъ, все въ движеніи, бѣгаютъ, прыгаютъ и ужъ ни минуты не помолчатъ, все разговариваютъ, все разговариваютъ, не съ нами, такъ одни, сами съ собой, и ужасно любили спрашивать обо всемъ, что ни увидятъ: какъ, что, почему это такъ, почему не этакъ? Пытливость ума у нихъ была изумительная. Я сижу и вижу, примѣрно сказать, столъ или стулъ и нисколько мнѣ не интересно изъ какого дерева эта вещь сдѣлана: не все-ли равно? А братецъ, бѣгаютъ, бѣгаютъ, подойдутъ къ намъ и начнутъ разсматривать пяльцы маменькины. Спервоначалу ничего не спрашиваютъ, и сами называютъ то, что имъ извѣстно:

— Пяльцы,—говорятъ.

Мы молчимъ съ маменькой. Братецъ не унимаются:

— Ножки.

Замѣтили колесики, за зубчики которыхъ вертятъ вальки, а на валькахъ нашивается впяливаемая ткань, или канва, трогаютъ пальчиками:

— Это зачѣмъ?

Дѣлать нечего, маменька объяснятъ и покажутъ, какъ вертѣть вальки. Братецъ выслушаютъ все внимательно и бѣгомъ въ кухню къ работницѣ, а немного погодя, слышимъ разсказываютъ:

— А мамашенька говоритъ, что колесики въ пяльцахъ для того...

И повторяютъ маменькино объясненіе съ большой вразумительностію. Повторили и слышимъ спрашиваютъ кухарку:

— Это какая птица?

— Курица.

— А ты что-же это съ ней дѣлаешь?

— Потрошу.

— А это что?

Выслушали, выспросили, бѣгутъ въ припрыжку къ намъ и еще издали кричатъ:

— А Матрена курицу потрошитъ и яички, мамашеньки, изъ ее выпула... Маленькія такія, одни желточки, безъ бѣлковъ, мамашенька. Право.

Увидятъ, что я шью, просятъ:

— Дай, я пошью, братецъ?

Я не очень съ охотой имъ давалъ: они шить не нашьютъ, а только напортятъ: совсѣмъ къ этому не способны были. Схватятъ на минуту, — пыхтятъ, пыхтятъ, серьезные такіе сдѣлаются и такъ мнѣ нашьютъ и вкривь и вкось, что потомъ или бросай, или распарывай... Одна досада. Но если братецъ были неспособны въ этомъ дѣлѣ, то куда понятливѣе меня оказались въ ученьи. Годковъ семи такъ читали, ровнымъ такимъ голосомъ, не останавливаясь ни на одной точкѣ, что просто удивительно. Я бывало сижу на второмъ, на третьемъ словѣ, а они ужъ куда, на самый конецъ страницы заѣхали. При этомъ у нихъ удивительная была память: прочтутъ этакъ разика два безъ передышки страницу, да и валяютъ ее на память. Достали онѣ откуда-то разъ, — кажется имъ работница на толкучкѣ купила,— „Свѣтлану“ сочинителя Жуковскаго, прочитали разика три, ужасно она имъ пондравилась, да потомъ и начали ее распѣвать. Только и слышимъ, бѣгаютъ по комнатамъ, прыгаютъ, скачутъ, да на распѣвъ и вычитываютъ:

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали—
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали...

Даже я запомнилъ, хотя никакой памятью не обладалъ... Рѣзвый ребенокъ были, но удивительнѣйшихъ способностей. Такіе-же успѣхи, какъ въ чтеніи, въ письмѣ и счетѣ обнаруживали. Учили насъ немногому, по чему учили—братецъ все въ доскональности произошли, не мнѣ чета. Маменька впрочемъ нисколько за это на меня не сѣтовали, рѣшивъ по писанію, что,—„овому—талантъ, овому—два“.

Въ такихъ обстоятельствахъ время шло, и дожили мы съ братцемъ: онъ — до шестнадцати, а я до четырнадцати лѣтъ. Я все по прежнему хилымъ и слабымъ ребенкомъ оставался, ужъ чего—въ куклы началъ играть, а братецъ такъ выровнялись, что на видъ имъ никто менѣе шестнадцати, а то и семнадцати не давали: высокіе такіе, плечистые, румянецъ во всю щеку, волосы свѣтло-русые отъ природы вились... Голосъ ровный, мужественный такой, не то что у меня—тонкій и писклівый... Словомъ, изъ братца красавецъ формировались, и какъ въ наступившую зиму имъ тятенькину лисью шубу приспособили, да куныо шапку съ лиловымъ бархатнымъ верхомъ, — такъ просто на нихъ заглядѣнье было смотрѣть: настоящій гостинодворскій купецъ! Маменька такъ и порѣшили: годокъ еще братца попридержать, а потомъ къ Парашину, тому, что тятенькину лавку взялъ, въ сидѣльцы братца помѣстить. Пусть, говорили, присмотрится къ дѣлу, поучится, а потомъ и самъ свой торгъ заведетъ. Объ этомъ и съ Парашинымъ разговоръ имѣли.

III.

Съ годами живость братцева характера нисколько не утратилась, но выражалась ужъ понятно не тѣмъ образомъ, какъ въ младенческіе годы. Братецъ всё куда-то точно торопились: проснутся утромъ—вставать торопятся, весь домъ перебудятъ; встанемъ, чаю напьемся, братецъ, только и знай, новыя занятія себѣ придумываютъ: на базаръ съ работницей для развлеченія пойдутъ, надоѣстъ имъ ждать, какъ работница то да это торгуютъ, тихими шагами похаживаютъ, присматриваютъ, да прицѣниваются,—не утерпятъ, бросятъ работницу, прибѣгутъ домой одни... За то, за это примутся, попробуютъ и начнутъ что нибудь другое. Потомъ съ обѣдомъ заторопятъ, почнутъ сами на столъ накрывать, кушанья носятъ. И поѣстъ спѣшатъ, такъ что зачастую давятся, изъ за стола прежде насъ съ маменькой выскочутъ—и такъ до вечерняго сна, когда залягутъ прежде всѣхъ и такъ-то по-богатырски похрапываютъ. Отчего у нихъ такая поспѣшность явилась и какъ ее слѣдовало объяснить, ни я, ни даже маменька не знали, хотя оба мы несомнѣнно замѣчали, что братецъ будто бы всё искали цѣльный день занятія себѣ по душѣ,—силамъ и способностямъ своимъ достойное употребленіе хотѣли дать, почему и пробовали то, да другое, да вѣрно всё не находили подходящаго. При этомъ скажу, что скуки какой нибудь—мы въ нихъ не замѣчали, а только какъ-бы какое-то волненіе, которое маменька приписывали росту.

Да и какая-же скука? Жили мы хорошо-съ, въ теплѣ, сыты, одѣты и обуты, строгости надъ нами никакой, захочешь людей посмотрѣть—никогда маменька не запрещали: поди, сколько душенькѣ угодно—гуляй по городу, по базару, въ гостиный дворъ: наконецъ къ намъ гости ходили, братецъ и сами хаживали къ Парашинымъ, тамъ семья большая,—сыновья, дочери, племянницы. Чего-же еще-съ? Братецъ однако какъ-то высказались, выяснили мнѣ, чего они желаютъ, хотя я не совсѣмъ ихъ понялъ. Было это на масляную. Маменька, желая отличить для насъ съ братцемъ праздникъ, приказали заложить кучеру лошадь, чтобы покатать насъ вокругъ горъ. Около этихъ самыхъ горъ у насъ въ городѣ вся публика катается, лошадь за лошадью, такъ что шибко-то не разъѣздишься, а шажкомъ. Поѣхали

На тройкѣ въ мятель. Съ картины Н. Сверчкова, грав. М. Рашевскій.

Городъ Астрахань. Александровскій бульваръ противъ крѣпости и Успенскій соборъ

Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

безъ кучера, братецъ правили сами, что маменька всегда позволяли. Объѣхали вокругъ горъ разъ-другой, вдругъ братецъ круто такъ и совершенно для меня неожиданно возьми, да и поверни лошадь въ сторону, въ глухую, что ни на есть улицу, которая прямо къ выѣзду изъ нашего города вела... Въѣхали мы въ эту улицу, братецъ кнутомъ помахиваетъ и такъ пустилъ лошадь, что я даже испугался. Скачемъ во всю прыть, у братца лицо разгорѣлось, глаза блестятъ и какъ-бы опьянѣвши отъ быстрой ѣзды,—онъ то и дѣло привскакиваетъ и кричитъ, хоть не на кого кричать:

— Берегись!.. раздавлю!..

Я омертвѣлъ со страху: схватился руками за полость и держусь крѣпко. Такъ проскакали мы городъ, выѣхали за заставу, версты пошли... Стало темнѣть, вьюжка поднялась, братецъ, вѣрно опомнились, сдержали лошадь и повернули назадъ къ городу шагомъ.

— Хорошо?

— Боязно, братецъ,—отвѣчаю.

Они передернули плечами, что всегда дѣлали, когда имъ, что не нравится, но не сказали на этотъ счетъ ничего, а помолчавъ, совершенно неожиданно, говорятъ мнѣ:

— Только ты маменькѣ объ этомъ ни гугу!

Это меня удивило и я высказалъ свое удивленіе:

— Почему-же?.. Маменька никогда не ругаются и сейчасъ, вотъ за то, что мы такъ скакали, не будутъ.

— Я ругательствъ не боюсь.

— Такъ зачѣмъ-же скрывать-то?

Зачѣмъ?..—братецъ замедлилъ шагъ лошади и точно кто насъ могъ услышать—шепнулъ мнѣ причину, для чего онъ хочетъ, чтобы маменька не знали о нашей скачкѣ:—для секрету.

Я рѣшительно не понялъ, но братецъ пояснили сами:

— Я всё люблю, въ чемъ секретъ, таинственность нѣкоторая скрывается. Понимаешь?.. Вотъ я къ Парашинымъ хожу и маменька объ этомъ знаетъ, а потому—мнѣ это никакого удовольствія не доставляетъ и больше я ходить къ Парашинымъ не буду... Ходи я къ нимъ тихонько, по секрету отъ васъ всѣхъ—это было бы иное дѣло, это пріятно.

Не много изъ этого я понялъ, но такъ заключилъ, что братецъ не любятъ маменьку, если имъ всё только то пріятно, что они дѣлаютъ секретно отъ маменьки...

— Значитъ вы, братецъ, маменьку не любите?

Братца разсердила моя непонятливость.

— Это почему?—передернули они снова плечами:—любовь-то тутъ причемъ-же? Любовь—любовью, а секретъ—секретомъ. Таинственное всё любятъ, и маменька любятъ. Вонъ онѣ житія святыхъ отцевъ читать любятъ, и сколько тамъ таинственнаго... *Вѣра*, однимъ словомъ,—съ удареніемъ такимъ сказали братецъ... Только маменька женщина и вдова, да и въ лѣтахъ такихъ, а я мущина, и молодой—вотъ и всё различіе моихъ секретовъ отъ маменькиныхъ... Секреты-же всѣ любятъ...

— А я вотъ не люблю-же,—сказалъ я.

Братецъ махнули рукой:

— Ну, ты—дѣвчонка, оттого и не любишь.

И поѣхали домой легонькой рысцой.

IV.

Какъ я уже сказалъ, жили мы въ собственномъ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ внизу; верхній же этажъ сдавали и въ немъ лѣтъ десять жили Парашины, о которыхъ ужъ не разъ говорилъ. Когда братцу пошелъ пятнадцатый годокъ, Парашины купили уже деревянный домъ и квартера наша осталась пустой. Городъ у насъ не очень бойкій, и ужъ если квартеру лѣтомъ никто не сыметъ, навѣрняка зиму пустовать будетъ. Къ сентябрю, не сдавъ никому лѣтомъ, мы ужъ было такъ и порѣшили, какъ вдругъ квартера нежданно и негаданно сдалась. Это случилось безъ меня и братца 17-го сентября, когда мы ходили поздравлять самою Парашину, и узнали объ этомъ, вернувшись домой, отъ маменьки, объявившей намъ:

— Квартеру сдали, сыны мои (маменька обыкновенно такъ называли насъ).—Мы воскликнули въ одинъ голосъ:

— Что вы, маменька?

— Сдала. Господинъ какой-то снялъ на два мѣсяца, за тридцать рублей.

— Дешево,—замѣтилъ братецъ.

— Всё деньги.

Верхъ у насъ, какъ и низъ, помѣстительный, но квартеры вообще въ городѣ дёшевы. Городъ небольшой, не бойкій: квартеры сдаютъ по мѣсяцамъ, объ условіяхъ или тамъ контрактахъ какихъ на годъ—и понятія нѣтъ. Видовъ на жительство не прописываютъ и домохозяева часто кромѣ фамиліи ничего долгое время о своихъ жильцахъ не знаютъ. Маменька сдали господину, видя, что баринъ, человѣкъ приличный, немолодой, и кто онъ таковъ—конечно и не спросили. Впрочемъ узнали фамилію—Ивановъ,—и слышали, что пріѣзжій, и больше ничего не могли сказать, да мы и не разспрашивали, совершенно удовлетворившись тѣмъ, что будущій нашъ жилецъ—какой-то пріѣзжій господинъ Ивановъ. Деньги за два мѣсяца Ивановъ отдалъ впередъ и сказалъ, что переѣдетъ къ вечеру этого-же дня.

Въ исходѣ сентября смеркается рано, и такъ часовъ около пяти стоимъ мы съ братцемъ у воротъ на улицѣ, шелушимъ подсолнухи, вдругъ видимъ идетъ черезъ улицу къ нашему дому съ громкимъ смѣхомъ и разговорами таки препорядочная кучка, мущины и барыни и у всякаго что нибудь въ рукахъ: у того узелъ, у другаго какой-то ящикъ, у третьяго на мочалкѣ гусь сырой, ощипанный мотается, у четвертой въ салфеткѣ самоваръ завязанъ... Думаемъ, что это за народъ?—каково-же удивленіе наше, когда видимъ, что весь этотъ народецъ—переходитъ къ нашему дому... Впереди господинъ, юркій такой и хлопотливый, гладко обритъ, пожилой ужъ, съ лысинкой, снялъ шляпу и махаетъ какой-то фурѣ, выѣхавшей изъ за угла!

— Сюда, эй, сюда!

Всѣ пріостановились, какъ разъ передъ нами. Престранный, скажу вамъ, народъ, кромѣ юркаго лысенькаго господина, можно сказать необыкновенный. Барыни всѣ,—а я насчиталъ ихъ штукъ до шести,—изъ себя смуглыя, черноволосыя, зубы бѣлыя и такіе большіе бѣлки въ глазахъ... Всѣ покрыты гарусными косынками красными, розовыми, жолтыми, уши выставлены и въ нихъ такія длинныя серьги висятъ. Остановились, всѣ что-то кричатъ за-разъ, нѣкоторыя подбодрились,—другія толстыя папиросы курятъ... Мущины одѣты престранно и въ нашемъ городѣ невидано можно сказать... Брюки на нихъ черные съ позументомъ вмѣсто лампасовъ, потомъ надѣты казакины черные съ откидными рукавами, изъ подъ которыхъ видны другіе голубые или зеленые шелковые рукава... Народъ впрочемъ превеселый и очень оживленный, на мѣстѣ не постоятъ, пока поджидали фуру-то: борются, въ чехарду другъ съ дружкой играютъ, на кулачки дерутся... А то вдругъ нѣкоторые повынимали изъ кармановъ огурцы, обкусанныя краюхи чернаго хлѣба, да такъ-то здорово прищелкиваютъ зубами, похрустываютъ огурчиками, что любо смотрѣть на такой отмѣнный аппетитъ...

Наконецъ фура, поскрипывая и покачиваясь, подползла къ нашему подъѣзду и остановилась. Нѣмые отъ удивленія, мы поняли, что этотъ странный народъ—наши жильцы и что лысенькій господинъ, видимо всѣмъ заправлявшій—тотъ самый г. Ивановъ, который нанялъ у маменьки утромъ квартиру. Стоя въ сторонкѣ, мы съ жадностью разсматривали нашихъ новыхъ жильцовъ и багажъ, выгружаемый ими изъ бездонной фуры. Чего

тутъ не было! Матрацы, складныя кровати, складные стулья и столы, кухонная посуда, какіе-то звякающіе мѣдные кружки, подушки, была даже люлька и, что всего страннѣе, съ ребенкомъ, который не замедлилъ оповѣстить себя пискомъ. Лысенькій господинъ суетился, мущины и женщины со смѣхомъ взваливали себѣ на плечи тяжести и таскали на верхъ; толстая женщина вынула изъ люльки крохотный, завернутый въ красную тряпицу, обшитую золотой бахрамой, комочекъ, не перестававшій пищать, и присѣвъ на скамеечкѣ у воротъ, не выпуская изо рта папиросы, стала кормить его грудью. Вскорѣ всё было перетаскано, фура въѣхала на нашъ дворъ, женщина съ ребенкомъ тоже ушла, въ окнахъ забѣгали огни... Въ молчаніи мы съ братцемъ пошли домой... Вдругъ нога моя запуталась въ чемъ-то мягкомъ, я нагнулся — и въ ужасѣ отпрянулъ назадъ:

— Господи! что это?

Чьё-то известково бѣлое лицо съ длинной сѣдой бородой, сѣдыми бровями, надъ провалившимися глазами — представилось мнѣ лежащимъ на землѣ. Братецъ нагнулся и съ хохотомъ поднялъ испугавшій меня предметъ:

— Дѣвчонка!... это изъ бумаги...

— Ахъ, братецъ, зачѣмъ вы это?

Братецъ надѣлъ на себя страшное лицо съ сѣдой бородой и изумленно глянулъ черезъ прорѣзанныя въ немъ вмѣсто глазъ дыры на меня:

— Что-жъ тутъ такого? — спросилъ онъ.

Я отвернулся и перекрестился украдкой:

— Грѣхъ, братецъ: вѣдь это маска.

(До слѣд. №).

Королева лѣта.

Историческій очеркъ.

Въ ясное, чудесное майское утро 1553 года, Іоанна Грей, старшая дочь герцога Суффолька, сидѣла въ классной комнатѣ роднаго замка и переводила съ греческаго страницу изъ Новаго Завѣта. Младшія ея сестры были усердно заняты письменными уроками. Дженни получила очень хорошее, основательное образованіе, въ семнадцать лѣтъ она вполнѣ свободно читала и писала по гречески и по латыни, была также свѣдуща и по другимъ отраслямъ науки, которыя требовались отъ знатной дамы того времени; не смотря на это, она осталась все той-же невинной, скромной, она, казалось, и не подозрѣвала, какою красотой и какими богатыми душевными преимуществами ее одарила природа! Беззаботная, веселая какъ дитя, умѣла она во время и шутить и играть съ своими маленькими сестрами, не переставая, вмѣстѣ съ тѣмъ, неустанно наблюдать за ихъ уроками: и сегодня она присоединилась къ нимъ, чтобы удержать ихъ, пока онѣ не выучатъ уроковъ, и сама до такой степени углубилась въ занятіе, что при входѣ отца отъ неожиданности испуганно вздрогнула. Лицо герцога было очень серьезно и, выславъ изъ комнаты обѣихъ маленькихъ дѣвочекъ, онъ сообщилъ Дженни, что герцогъ Нортумберландъ проситъ ея руки для своего сына лорда Гуильфорда и что онъ, съ своей стороны, далъ уже согласіе. Смертельная блѣдность покрыла лицо Дженни и, умоляюще поднявъ руки, она сказала: — „О отецъ мой, не выдавайте меня за этого мальчика, котораго я не люблю и едва знаю, почему должна я“...

— Дитя мое, прервалъ ее поспѣшно герцогъ, лорду Гуильфорду семнадцать лѣтъ, слѣдовательно онъ одниихъ лѣтъ съ тобой. Ты не можешь называть его мальчикомъ. Кромѣ того эта свадьба есть не только желаніе мое и герцога Нортумберланда, но также и короля.

— Эдуарда? вскричала Дженни и легкая краска покрыла ея блѣдныя щеки. Значитъ вы съ нимъ говорили? О, скажите мнѣ, какъ его здоровье?

— Я его не видѣлъ, отвѣчалъ Суффолькъ, онъ слишкомъ слабъ, и не можетъ принимать никого, кромѣ ближайшихъ лицъ, но онъ велѣлъ мнѣ передать, что твой бракъ съ Гуильфордомъ, былъ ей завѣтнымъ желаніемъ. Неужели ты не хочешь исполнить послѣднее желаніе твоего царственнаго родственника и друга?

— Его послѣднее желаніе? прошептала Дженни, и ея кроткіе глаза наполнились слезами, неужели Эдуардъ такъ боленъ?

Суффолькъ грустно покачалъ головой.

— Его молодая жизнь гаснетъ: также умерла его мать, Іоанна Сеймуръ. И такъ, Дженни, готова-ли ты отдать руку герцогу Гуильфорду?

Дженни прижала руки къ сердцу, какъ будто чувствуя острую боль, и промолвила тихо:

— Позвольте мнѣ подумать. Въ уединеніи и молитвѣ я испрошу у Бога подкрѣпленія, прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ.

Герцогъ далъ ей обдумать это только часъ времени, такъ какъ Нортумберландъ обѣщалъ пріѣхать къ обѣду, получить согласіе для своего сына. Часъ, который Дженни провела въ своей тихой комнаткѣ, былъ часомъ тяжелой душевной борьбы: тотъ царственный юноша, который теперь лежитъ въ роскошномъ дворцѣ въ Лондонѣ и такъ близокъ къ смерти, былъ любимымъ товарищемъ ея дѣтскихъ игръ. Она думала, что любила его братскою любовью; сегодня въ первый разъ шевельнулось въ ней неясное предчувствіе, что она питала къ нему болѣе нѣжную привязанность, чѣмъ братскую, потому что мысль, что онъ желаетъ ея соединенія съ другимъ, причиняло ей страданіе. О, еслибъ это было иначе, если-бы онъ *для себя* попросилъ ея руки, а не для лорда Гуильфорда! Но этого не можетъ быть, ея отецъ говоритъ, что онъ при смерти, а она не смѣетъ сама идти къ страдальцу! Но, по крайней мѣрѣ, она хочетъ исполнить его послѣднее желаніе. Это — желаніе и ея родителей! Черезъ часъ, когда пришла за ней мать, чтобы вести ее внизъ къ отцу и герцогу Нортумберланду, которые ждали ея рѣшенія, съ влажными отъ слезъ глазами, бросилась она въ ея объятія и объявила, что готова сдѣлаться женою лорда Гуильфорда, только къ своему согласію присоединила одно условіе, именно, что послѣ вѣнчанія она возвратится въ домъ своего отца и останется тамъ „пока она и Гуильфордъ не достигнутъ болѣе зрѣлаго возраста и не будутъ въ состояніи обходиться безъ совѣтовъ и руководства старшихъ и самостоятельно вести управленіе своего дома“. (Собственныя слова Іоанны Грей).

Герцогъ Нортумберландъ, довольный, что получилъ ея согласіе, охотно согласился на исполненіе ея условія, и она не возражала, когда онъ выразилъ желаніе, чтобы бракосочетаніе состоялось скорѣе. Для его честолюбивыхъ замысловъ было необходимо, чтобы Дженни сдѣлалась женой его сына, прежде чѣмъ король Эдуардъ закроетъ глаза на вѣки.

Это было именно то время, когда умнѣйшимъ государственнымъ людямъ Англіи казалось трудно рѣшить, которая изъ трехъ претендентокъ — Марія, Елизавета и Франческа Грей, — имѣетъ больше больше правъ на престолъ Англіи. Генрихъ VIII издалъ актъ, по которому его дочери Марія и Елизавета были отстранены отъ престолонаслѣдія, потому что онѣ, какъ говорилось въ означенномъ документѣ, „были рождены въ незаконномъ бракѣ“.

Впослѣдствіи все-же онъ призналъ ихъ своими дочерьми и предоставилъ имъ надлежащее мѣсто при дворѣ, но не уничтожилъ акта отстраненія ихъ отъ престолонаслѣдія, и притязаніе ихъ осталось спорнымъ. Послѣ нихъ ближайшее право на престолонаслѣдіе имѣли потомки дочерей Генриха VII: во первыхъ принцесса Франческа, супруга Генриха Грей, герцога Суффолька. Это была женщина кроткая, не честолюбивая, и мысль носить корону скорѣй ее пугала, чѣмъ прельщала, по этому Нортумберланду, другу ея мужа, легко удалось уговорить ее, еще при жизни короля Эдуарда, отречься отъ престолонаслѣдія въ пользу старшей дочери Іоанны и согласиться на бракъ ея съ его сыномъ Гуильфордомъ. Честолюбивая чета думала, что послѣ смерти Эдуарда, можно будетъ возвести на престолъ Іоанну Грей, вмѣсто Маріи, старшей сестры короля, устраненной отъ престолонаслѣдія особымъ актомъ. Такъ какъ Дженни и лордъ Гуильфордъ были ровесники, то Нортумберландъ могъ вполнѣ разсчитывать, что, какъ тестю королевы, ему удастся захватить бразды правленія, тѣмъ болѣе, что добродушный Генрихъ Грей былъ еще менѣе честолюбивъ, чѣмъ его жена, и былъ подъ его вліяніемъ. Можно было надѣяться, что со вступленіемъ Іоанны на престолъ, руководить правленіемъ будетъ онъ одинъ, какъ это и было при Эдуардѣ, при которомъ онъ былъ первымъ совѣтникомъ и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ.

Бракосочетаніе Дженни состоялось въ Троицынъ день 1553 года въ его дворцѣ Дургамъ-Кастлѣ. Онъ думалъ, что упрочилъ свое дѣло. Послѣ вѣнчанія, какъ это стояло въ условіи, Дженни возвратилась въ домъ своихъ родителей, а супругъ ея въ одно изъ имѣній своего отца. Шесть недѣль ничто не нарушало обычнаго хода жизни: Іоанна прилежно продолжала свои занятія, играла со своими маленькими сестрами и рѣдко думала о томъ человѣкѣ, чье имя она носила и чьей женой ее называли. Нерѣдко облако унынія омрачало ея невинное чело, но не тоска о мужѣ вызывала это уныніе, нѣтъ! это была забота о царственномъ товарищѣ дѣтства, о безнадежномъ положеніи котораго гласили извѣстія. 6-го Іюля тихою смертью окончились страданія короля, и насталъ часъ для герцога Нортумберланда — привести въ исполненіе планъ. Во первыхъ онъ сохранилъ въ тайнѣ смерть Эдуарда, чтобы его старшая се-

стра Марія, призванная еще до его кончины, ничего не знала и спокойно продолжала-бы свой путь къ Лондону, гдѣ онъ могъ-бы легко захватить ее силой. Эта принцесса имѣла ближайшее право на престолъ Англіи и поэтому казалась самой опасной соперницей Іоанны, но разъ она была-бы въ его рукахъ, то вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшится въ пользу послѣдней и герцогъ могъ совершенно вѣрно разсчитывать, что восшествіе ея на престолъ не встрѣтитъ серьезныхъ затрудненій. Получивъ извѣстіе, что принцесса Марія уже прибыла въ Гунсдонъ, отъ Лондона всего въ 25 миляхъ, онъ отправилъ туда своихъ сыновей, лорда Варвика и лорда Роберта съ вооруженнымъ отрядомъ, чтобы хитростью или силой привести ее въ столицу. Потомъ поручилъ онъ своей женѣ съ лордомъ Гуильфордомъ, который по его приказанію явился въ Лондонъ, ѣхать въ домъ Суффолька и убѣдить леди Іоанну, что настало время ѣхать къ мужу и жить съ нимъ подъ однимъ кровомъ. Не совсѣмъ то легко было герцогинѣ Нортумберландъ исполнить возложенное на нее порученіе, потому что Дженни совершенно свыклась съ мыслью, что ея вѣнчаніе было только формальностью и не будетъ имѣть никакого вліянія на ея образъ жизни. Она сперва и слышать не хотѣла о переселеніи въ домъ свекра, пока не стала уговаривать ее мать, указывая на произнесенную ею клятву у алтаря „всюду слѣдовать за мужемъ.“ Она уступила доводамъ тещи и просьбамъ лорда Гуильфорда и отправилась въ Дургамъ-Кастль. Смерть Эдуарда скрывали и отъ нея и, только по прибытіи въ домъ свекра, сообщили ей, что король умеръ и въ завѣщаніи своемъ назначилъ ее своей наслѣдницей. Это завѣщаніе дѣйствительно существовало, но многіе сомнѣвались въ его подлинности.

Извѣстіе о смерти Эдуарда, который былъ такъ дорогъ ея сердцу, потрясло Іоанну до такой степени, что она упала безъ чувствъ и долго не могла придти въ себя. Ей потомъ пришлось встрѣтить знатныхъ лордовъ, прибывшихъ присягнуть ей, какъ новой королевѣ. Въ залѣ дворца нашла она блестящее собраніе представителей самыхъ знатныхъ фамилій Англіи. Всѣ привѣтствовали свою, дѣвственно краснѣющую, королеву. Лорды преклонили колѣна и поклялись положить головы за честь и за корону новой владычицы Англіи; но въ то время, когда лордъ Арундель произносилъ эти слова, молодая королева встрѣтила его взглядъ, полный такой смертельной ненависти, что она невольно вздрогнула и поспѣшно отдернула руку, какъ будто прикосновеніе его губъ заставило ее содрогнуться. Но присутствіе духа быстро къ ней воротилось и съ спокойнымъ достоинствомъ приняла она присягу отъ остальныхъ паръ. Потомъ, поклонясь слегка собравшимся, она сказала серьезно: „Я никогда не смѣла и думать, что мнѣ придется носить корону Англіи, но если уже я призвана Богомъ къ этому, то молю Его, да поможетъ Онъ мнѣ исполнить мой долгъ королевы для славы Его имени и блага моего народа.“ (Собственныя слова Іоанны Грей). Кончивъ эту рѣчь и поклонившись съ скромнымъ величіемъ, вышла новая повелительница и направилась въ свои покои; здѣсь нашла она свою мать, до которой уже дошло извѣстіе о смерти короля и поспѣшившую поэтому къ дочери въ Дургамъ-Кастль.

— Дитя мое, сказала герцогиня, съ радостнымъ взоромъ, заключая въ объятья свою дочь. Ты теперь королева Англіи, дай Богъ, чтобы царствованіе твое длилось долго и счастливо!

— Да будетъ воля Господня! отвѣчала Дженни. Онъ моя защита, мой покровитель во всѣхъ опасностяхъ, которыя меня окружаютъ. На Него одного все упованіе мое!

— Опасности, изумленно повторила герцогиня,—какія опасности могутъ угрожать тебѣ, когда ты вступаешь на престолъ законно, кромѣ того тебя обезпечиваетъ переданное тебѣ мною право наслѣдства. Собственная воля отца Маріи и Елизаветы, подтвержденная теперь словомъ брата, устраняетъ ихъ отъ престолонаслѣдія и если приверженцы Маріи посмѣли бы все-таки провозгласить ее королевой, то благородные и могущественные лорды, присягнувшіе тебѣ въ вѣрности, съумѣютъ охранить твое право и твою корону.

— О какъ часто люди говорятъ не то, что чувствуютъ! прошептала Дженни, еслибы ты замѣтила тотъ взглядъ, которымъ смотрѣлъ на меня лордъ Арундель, когда онъ присягалъ, то ты бы видѣла, что онъ мой врагъ. За что ненавидитъ меня этотъ человѣкъ, матушка! Я ему не сдѣлала никакого зла!

Радостный лучъ погасъ въ глазахъ герцогини, поблѣднѣвъ удалилась она, не отвѣтивъ на вопросъ дочери. Живо возстало воспоминаніе о старомъ долгѣ, и ея совѣсть шепнула ей, что лордъ Арундель имѣетъ серьезную причину ненавидѣть ее и всю ея семью! Сестра лорда Арунделя, лэди Катерина, была замужемъ за Генрихомъ Грей, и онъ развелся съ ней, чтобы жениться на принцессѣ Франческѣ, пылкой, какъ всѣ женщины фамиліи Тюдоръ и до того страстно влюбленной въ красиваго лорда Грей, что она расторгла свой первый бракъ и выхлопотала ему у короля титулъ герцога Суффолька. Лордъ Арундель въ то время молча перенесъ оскорбленіе, нанесенное его сестрѣ, онъ считалъ недостойнымъ себя враждовать съ герцогомъ Суффолькомъ, такъ близко породнившимся съ королевскимъ домомъ. Вотъ прошло уже двадцать лѣтъ, принцесса Франческа едва помнила о нанесенной обидѣ сестрѣ лорда Арунделя, думала также, что и братъ забылъ старую вину, пока слова дочери не подняли завѣсу надъ прошлымъ и сердце ея наполнилось тревожнымъ предчувствіемъ...

На слѣдующій день, въ прекрасное солнечное іюльское утро, молодая королева вошла въ лодку, разукрашенную пурпурными коврами, съ вытканными на нихъ національными королевскими гербами, сопровождаемая множествомъ маленькихъ лодокъ, убранныхъ развѣвающимися вымпелами. При звукахъ музыки и громѣ пушекъ, блестящій поѣздъ тронулся ввизъ по Темзѣ, черезъ арку Лондонскаго моста, чтобы причалить къ королевскому крыльцу. Тутъ Дженни, привѣтствуемая радостными кликами толпящагося народа, прошла между густыми рядами колѣнопреклоненныхъ гражданъ, въ королевскій дворецъ, въ свою будущую резиденцію. Оба герцога—Суффолькъ и Нортумберландъ и всѣ знатные лорды, присягавшіе вчера, составляли ея свиту. Ея мать, леди Франческа, несла ея тяжелый шлейфъ, вышитый золотомъ, а подлѣ нея шелъ ея супругъ, лордъ Гуильфордъ, съ обнаженной головой, держа беретъ въ лѣвой рукѣ и почтительно склоняясь каждый разъ, какъ она обращалась къ нему. У воротъ дворца встрѣтилъ ее, преклонивъ колѣно, сэръ Джонъ Бриджэсъ, начальникъ королевской стражи; черезъ часъ въ Сити провозгласили ее королевой, по прочтеніи тамъ завѣщанія Эдуарда, въ которомъ на престолъ Англіи избираетъ онъ лэди Іоанну Грей. Но дню, начавшемуся такъ блестяще для королевы, не суждено было окончиться мирно. По окончаніи празднества, устроеннаго въ честь ея, ея родственниками и свитой, Дженни отправилась въ свои покои. Сюда явился къ ней канцлеръ и вручилъ ей уборъ изъ драгоцѣнныхъ камней и корону, съ просьбой примѣрить, годится-ли она или ее надо передѣлать къ предстоящей коронаціи. Но Дженни какъ бы пресытилась всѣми непрошенными почестями, блескомъ, великолѣпіемъ, выпавшимъ на долю перваго дня царствованія. При взглядѣ на блестящіе темно-кровавые рубины, украшавшіе діадему, не шевельнулось ли въ ней предчувствіе, какою цѣною придется заплатить за корону, но она поспѣшно оттолкнула драгоцѣнности, разложенныя передъ нею лордомъ, и сказала: „Вѣроятно будетъ въ пору!“

Лордъ замѣтилъ, что все равно придется дѣлать еще корону.

— Еще корону? удивленно спросила королева, для кого, милордъ?

— Для лорда Гуильфорда, онъ будетъ короноваться какъ король съ вашимъ величествомъ.

— Короноваться со мной какъ король, поспѣшно и невольно повторила Дженни. Ей еще ничего не сообщали объ этомъ планѣ ея свекра. Теперь только стало ей ясно, что она была для нихъ только кукла. Онъ возвелъ ее на престолъ, чтобы самому взойти на высоту. И не смотря на ея молодость, съ свойственнымъ ей самообладаніемъ, она не произнесла ни слова упрека, и отпустила лорда съ ласковой улыбкой. Скоро въ ея покои вошелъ и лордъ Гуильфордъ. Въ первый разъ молодые супруги находились съ глазу на глазъ, такъ какъ въ продолженіи послѣднихъ 24-хъ часовъ, которые Дженни провела въ Дургамъ-Кастлѣ, отецъ посылалъ Гуильфорда по дѣламъ. И теперь онъ даже не взглянулъ на свою прекрасную супругу; при входѣ, первое, что ему бросилось въ глаза, была корона. Сіяющій отъ удовольствія, онъ протянулъ было руку къ ней, чтобы надѣть ее на голову, но вдругъ повелительный взглядъ Іоанны остановилъ его.

— Оставьте это милордъ! сказала она строго... Это не игрушка для мальчика!

— Но мнѣ хочется посмотрѣть въ пору-ли она мнѣ? сказалъ Гуильфордъ, надо будетъ и для меня сдѣлать такую-же, чтобы я могъ короноваться вмѣстѣ съ вами.

Кроткіе глаза Дженни вспыхнули.

— Вы заблуждаетесь, милордъ, сказала она, титулъ герцога я могу вамъ пожаловать, если ваше честолюбіе стремится къ этому, но королемъ не могу васъ сдѣлать, это право принадлежитъ парламенту, и я худо-бы оправдала довѣріе покойнаго короля, послѣднее желаніе котораго было возвести меня на престолъ страны, если-бы, для исполненья вашего ребяческаго желанія, начала свое царствованіе нарушеніемъ правъ моего народа.

Слѣды гнѣва и разочарованія выступили на глазахъ Гуильфорда и, топнувъ сердито ногой, онъ вскричалъ: „герцогомъ я не хочу быть“! и вышелъ изъ комнаты, во черезъ нѣсколько минутъ возвратился въ сопровожденіи своей матери. Герцогиня начала ее упрекать за то, что она не хочетъ сдѣлать Гуильфорда королемъ, но Дженни осталась непреклонной въ отказѣ, и наконецъ послѣ бурной сцены мать и сынъ оставили ее сильно взбѣшенные. Такой разладицей окончился первый день царствованія Дженни, да и въ слѣдующіе дни было много причинъ для печали и разстройства. Ея оба зятя, которые выѣхали, чтобы взять въ плѣнъ принцессу Марію, возвратились ни съ чѣмъ, потому что лордъ Арундель такъ съумѣлъ скрыть свою ненависть подъ маскою дружбы, что Нортумберландъ сдѣлалъ его повѣреннымъ всѣхъ своихъ плановъ о возведеніи Дженни на престолъ. Теперь-же онъ воспользовался случаемъ, отмстить вѣроломному супругу за свою сестру; тотчасъ-же послѣ смерти Эдуарда, послалъ онъ тайно курьера, увѣдомить

Литературный альбомъ. „Воздушный корабль", М. Ю. Лермонтова. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

Марію о смерти ея брата и предостеречь отъ поѣздки въ Лондонъ. Поэтому Марія поспѣшно уѣхала изъ Гундзона на сѣверъ, въ укрѣпленный замокъ Кеннингъ-Галлэ, гдѣ и провозгласила себя королевой. Значительное число сельскихъ дворянъ, многіе лорды той мѣстности приняли ея сторону, а когда на Кеннингъ-Галлэ водрузили знамя королевы Маріи, то цѣлыя толпы вооруженныхъ горожанъ устремились туда, чтобы отстоять ея право.

Съ каждою новою вѣстью съ сѣвера, герцогу Нортумберланду дѣлалось все яснѣе и яснѣе серьезное положеніе дѣла и, наконецъ, онъ увидѣлъ, что необходимо объявить войну сторонникамъ Маріи, число которыхъ день ото дня увеличивалось. Быстро собралъ онъ солдатъ, коней, орудія,—все, что было на лицо, и на пятый день по восшествіи Іоанны на престолъ оставилъ столицу въ сопровожденіи блестящей свиты, съ 600 человѣкъ, и войска. Королева Марія издала указъ, въ которомъ объявила своимъ подданнымъ свободу вѣроисповѣданія, и въ общественномъ мнѣніи страны образовался большой перевѣсъ на ея сторону. Не смотря на это, Марія, узнавъ о приближеніи Нортумберланда, бѣжала съ вооруженнымъ отрядомъ въ замокъ Франлингамъ. Эта поѣздка чуть не сдѣлалась для нея роковой, такъ какъ она встрѣтила сыновей Нортумберланда, которые отправились взять ее въ плѣнъ, но при первой-же ихъ аттакѣ на конницу Маріи, люди ихъ, при крикахъ: „Да здравствуетъ наша законная королева Марія!“, перешли на ея сторону, и зятья Дженни не попали въ плѣнъ, благодаря только быстротѣ коней. Съ этихъ поръ съ каждымъ днемъ Дженни получала все болѣе и болѣе неутѣшительныя вѣсти; на сѣверѣ лордъ Виндзоръ и Гастингсъ также водрузили знамя Маріи, въ Норвихѣ на торговой площади провозгласили ее королевой, лордъ Дерби вербовалъ ей войска, а начальники флота, посланные лордомъ Элингтономъ на берегъ Норфолка, чтобы препятствовать Маріи, въ случаѣ ея попытки къ бѣгству, прибывъ туда приняли ея сторону и снабдили ее пушками и порохомъ.

Чувство справедливости англійскаго народа было лучшимъ союзникомъ Маріи, такъ какъ она, какъ старшая сестра короля Эдуарда, была законной наслѣдницей престола.

Въ воскресенье, вечеромъ, Лондонъ былъ полонъ тревожныхъ слуховъ, даже въ королевскомъ дворцѣ шли тревожные толки, что дѣло Іоанны проиграно и предугадывали ея паденіе, но начальники стражи, отпущенные Нортумберландомъ, оказались вѣрными и предусмотрительными слугами королевы. Вдругъ, въ 7 часовъ, закрыли всѣ входы, ключи отнесли въ надежное мѣсто, такъ что всякое сношеніе между заключенными и внѣшнимъ міромъ было прервано. Караульнымъ было приказано отвѣчать на всѣ вопросы, что „затерялась государственная печать“.

Въ сущности-же лордъ канцлеръ съ лордомъ Рэмброкомъ выискивали средства тайно оставить дворецъ и бѣжать въ лагерь королевы Маріи. Лордъ канцлеръ былъ, однако, схваченъ и безъ шуму отправленъ въ Тоуэръ. Только такимъ энергичнымъ веденіемъ дѣла удалось караульнымъ офицерамъ помѣшать распространенію слуховъ объ измѣнѣ и побѣдѣ лордовъ. Іоанна съ горестью узнала объ измѣнѣ лордовъ, на вѣрность которыхъ такъ расчитывала. Корона, возложенная на нее противъ ея воли, начала тяготить ее, блѣдная, серьезная, выслушивала она своихъ министровъ, несогласныхъ между собой, предлагавшихъ ей то тѣ, то другія мѣры, да и большая часть ихъ уже наполовину рѣшилась перейти на сторону Маріи. Сама-же она, едва вышедшая изъ дѣтства, своимъ словомъ должна была рѣшать споръ мужчинъ, между которыми, кромѣ своего отца, она никому не могла вполнѣ довѣриться; ея воля, ея мнѣніе должно было рѣшать вопросы, отъ которыхъ зависѣла судьба ея государства, ея корона, можетъ быть и безопасность ея собственной жизни! Она-бы охотно отдала управленіе совсѣмъ въ руки отца, но его взгляды почти всегда приходились въ разрѣзъ со взглядами прочихъ совѣтниковъ. А раздоры и несогласія совѣтниковъ переходили и въ ея семью. Герцогиня Нортумберландъ была почти всегда противуположнаго мнѣнія, чѣмъ мать Дженни, герцогиня Суффолькъ; супругъ ея, лордъ Гуильфордъ, котораго она видѣла только за обѣденнымъ столомъ, все еще дулся и съ дѣтскимъ упрямствомъ требовалъ каждый день, чтобы она „сдѣлала его королемъ“, хотя она ему повторяла уже нѣсколько разъ, что отказываетъ ему только потому, что иначе „она поступитъ противозаконно—право это принадлежитъ только одному парламенту“. Среди всѣхъ заботъ и печалей своего печальнаго царствованія, среди роскоши своего дворца, Дженни страшно тосковала о тихомъ уголкѣ роднаго дома, гдѣ дни проходили такъ свѣтло и весело. Часто, ложась на свое пышное шелковое ложе съ пурпурными занавѣсами, затканными золотомъ королевскими гербами, окруженная придворными дамами, которыя, уходя съ глубокими поклонами, желали „Ея Величеству“ „спокойной ночи“, думала она, какъ бы была счастлива, еслибы вдругъ на другое утро проснулась въ своей скромной комнаткѣ, подъ кровлей роднаго дома и что все это царствованіе ея казалось бы сномъ. И дѣйствительно все это и исчезло такъ же скоро, какъ сонъ. На девятый уже день по вступленіи на престолъ, пришло извѣстіе, что солдаты Нортумберланда отказались идти дальше, такъ что онъ вынужденъ возвратиться въ Кэмбриджъ, гдѣ, между тѣмъ, уже большая часть жителей перешла на сторону королевы Маріи, Лордъ Дудлей, поселившійся въ Кингсъ-Кастлѣ, начальникъ цѣлаго корпуса, въ сущности былъ скорѣе плѣнный среди бунтующихъ войскъ и жителей.

Такимъ образомъ споръ о престолонаслѣдіи между Маріей и Іоанной рѣшался въ пользу первой безъ боя и кровопролитія. Іоанна напрасно ждала все утро этого девятаго дня въ урочный часъ своихъ министровъ—ни одинъ лордъ не явился. Какъ мыши покидаютъ тонущій корабль, такъ и они покинули свою бѣдную королеву, чтобы перейти на сторону побѣдоносной Маріи. Въ полдень уже въ самомъ Лондонѣ, въ церкви Св. Павла, Марія была провозглашена королевой. Отрядъ стрѣлковъ направился ко дворцу и требовалъ впуска именемъ королевы Маріи. Генрихъ Грей, видя что напрасно всякое сопротивленіе, отворилъ ворота и передалъ ключи отъ всѣхъ входовъ въ замокъ, потомъ поспѣшилъ къ своей дочери, которая, еще ничего не подозрѣвая о случившемся, спокойно ждала министровъ.

— Пойдемъ, дитя мое,—сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, тутъ тебѣ больше не мѣсто! Проникавшій извнѣ шумъ, заглушаемый громкими криками: „да здравствуетъ королева Марія!“ сказали Дженни и безъ объясненій отца, что сонъ ея кончился. Съ спокойнымъ, почти веселымъ лицомъ встала она; изъ груди ея не вырвался ни одинъ вздохъ сожалѣнія о потерѣ трона, о блескѣ и великолѣпіи, которые казались такъ ничтожны ея здравому уму: она не предчувствовала еще, какъ дорого ей обойдется ея девятидневное царствованіе и титулъ королевы Англіи. Не наступилъ еще вечеръ, какъ она уже была арестована,—по приказанію королевы Маріи, и отправлена въ замокъ Тоуэръ, гдѣ и содержалась подъ строгимъ надзоромъ, отдѣленная отъ всѣхъ своихъ; только двумъ придворнымъ дамамъ было позволено раздѣлить ея одиночество. Теперь среди родственниковъ и друзей молодой королевы начались измѣна и вѣроломство неслыханныя. Ни одна рука не поднялась въ ея защиту, ни одинъ голосъ не раздался за сохраненіе ея правъ на тотъ престолъ, за который еще такъ недавно клялись стоять множество благородныхъ и могущественныхъ лордовъ.

Со времени быстрыхъ успѣховъ Маріи, Пэмброкъ чувствовалъ, что не снести ему своей головы, и думалъ энергичнымъ переходомъ на ея сторону получить прощеніе за свою поспѣшную готовность—присягнуть ея соперницѣ.

Еще хуже оказался Нортумберландъ, тесть Дженни. Узнавъ, что уже въ Лондонѣ Марія была провозглашена королевой, и соперница ея находится въ Тоуэрѣ, выславъ впередъ гонца, онъ отправился съ двумя сыновьями въ Кэмбриджъ, гдѣ находилась его временная квартира, и тамъ на торговой площади, бросивъ свой баретъ на воздухъ, пожелалъ здравствовать королевѣ Маріи. Но было уже слишкомъ поздно. Онъ не могъ уже измѣной невѣсткѣ купить себѣ жизнь и свободу.—Лордъ Арундель, узнавъ, что дѣла королевы Маріи приняли благопріятный оборотъ, открыто отсталъ отъ ненавистной ему партіи Грей и перешелъ въ лагерь королевы Маріи, и въ награду за своевременное извѣщеніе о смерти Эдуарда получилъ порученіе захватить герцога Нортумберланда. Именно въ ту минуту, когда Нортумберландъ на площади въ Кэмбриджѣ провозглашалъ королевой Марію, лордъ Арундель въѣзжалъ въ городъ и, подъѣхавъ къ герцогу, положилъ ему на плечо руку и объявилъ именемъ королевы Маріи, что онъ арестованъ. Въ толпѣ, гдѣ находились и солдаты герцога, ни одна рука не поднялась на его защиту. Черезъ недѣлю онъ былъ признанъ на судъ и, обвиненный въ государственной измѣнѣ, былъ осужденъ и приговоренъ къ смерти. Онъ думалъ еще спасти свою жизнь переходомъ въ католичество, но надежда его и тутъ не оправдалась: простить врага—это слабость, на которую Марія Тюдоръ не была способна. Съ спокойной совѣстью подписывала она одинъ смертный приговоръ за другимъ и, уже въ первую недѣлю ея царствованія, топоръ палача такъ работалъ, что она получила имя „кровавой Маріи“, подъ которымъ и извѣстна въ исторіи. Отсрочка на одинъ день—вотъ все, что выигралъ Нортумберландъ перемѣной вѣроисповѣданія; ему дали именно столько времени, сколько было необходимо, чтобы отстоять католическую обѣдню, по окончаніи которой онъ долженъ былъ идти на эшафотъ. Между тѣмъ развѣнчанная королева содержалась въ строгомъ заточеніи; исключая двухъ фрейлинъ, раздѣлявшихъ съ ней неволю, видѣла она только лицъ, приходившихъ по порученію Маріи; она находилась въ мучительной неизвѣстности о судьбѣ своихъ родныхъ и еще не знала о томъ, что ея отецъ, тесть и зятья были арестованы. Первая вѣсть, которую она узнала о событіяхъ внѣшняго міра, была о переходѣ ея тестя въ католичество. Королева Марія постаралась, чтобы Іоанна Грей тотчасъ же получила это извѣстіе, въ надеждѣ, что она, движимая примѣромъ Нортумберланда, послѣдуетъ ему. Сердце Маріи просто жаждало этого и вмѣстѣ съ тѣмъ полнаго тріумфа надъ соперницей, красота и юность которой, вмѣстѣ съ величіемъ души и твердостью, какую она высказала въ несчастьи, пріобрѣла всеобщую симпатію въ такой степени, что счастливая противница ее страшно возненавидѣла и ничего такъ горячо не желала, какъ чтобы Дженни попыталась спасти свою жизнь переходомъ въ римскую церковь, подобно своему

тестю, и тѣмъ самымъ разрушила славу мученицы, которую она пріобрѣла среди народа. Но Дженни вмѣстѣ съ заключенными выразила такую непоколебимую твердость въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, что Марія отказалась наконецъ отъ надежды, что Дженни послѣдуетъ примѣру Нортумберланда. Марія подписала ея смертный приговоръ; преступленіе ея заключалось только въ томъ, что она „осмѣлилась“ носить девять дней корону, которая украшаетъ теперь голову Маріи Тюдоръ. Съ спокойнымъ достоинствомъ приняла Дженни вѣсть, что она осуждена на смерть и что казнь совершится на слѣдующее утро. Она воспользовалась даннымъ ей короткимъ срокомъ: написала длинное письмо своему отцу, гдѣ она прощается съ нимъ въ трогательныхъ словахъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ нѣжностью слышится и глубокое религіозное чувство. Написала также нѣсколько прощальныхъ словъ и своей сестрѣ Екатеринѣ и лорду Гуильфорду, своему супругу, который, какъ ей сказали, также будетъ казненъ завтра. Гуильфордъ ночью послалъ къ ней и просилъ у нея послѣдняго свиданія; королева Марія разрѣшила имъ это, но Дженни или боялась, что подобное прощаніе можетъ поколебать ея силу воли, которая будетъ такъ необходима ей въ послѣдніе минуты, или не хотѣла прощанія со своимъ мужемъ, который хотя по имени и былъ ей мужъ, но остался чуждъ ея сердцу. Тѣ немногіе часы, которые ей остались, она хотѣла провести въ молитвѣ и спокойно отойти въ вѣчность. Она отказалась видѣть мужа и велѣла ему передать: „онъ долженъ, какъ и она, положиться на Божью милость и смѣло идти на встрѣчу своей судьбѣ“.

Въ продолженіи цѣлой ночи слышала Дженни подъ окномъ удары молотковъ рабочихъ, сооружавшихъ эшафотъ, на которомъ она должна будетъ умереть завтра утромъ; какъ только разсвѣло, подошла она къ окну—первое, что ей бросилось въ глаза, былъ эшафотъ и отрядъ солдатъ, между рядами которыхъ только что прошелъ лордъ Гуильфордъ къ роковому столбу. Его уже ждалъ палачъ съ обнаженной сѣкирой. Дженни молча отошла въ другой уголъ комнаты, гдѣ отдалившись отъ своихъ, въ ужасѣ прячущихъ лица и плачущихъ фрейлинъ, встала на колѣни и оставалась погруженною въ молитву, пока не послышался на дворѣ стукъ колесъ отъ подъѣзжавшей телѣги, тогда подошла она опять къ окну, кротко отстраняя удерживающихъ ее фрейлинъ; скрестивъ руки, склонивъ свое прекрасное лицо, поклонилась Гуильфорду, тѣло котораго увозили на телѣгѣ. Скоро пришелъ лейтенантъ замка Тоуэръ съ патеромъ, чтобы сопровождать ее въ послѣдній путь. Облеченная въ черное одѣяніе, съ молитвенникомъ въ рукахъ, съ ясной улыбкой на блѣдномъ, прекрасномъ лицѣ, сопровождаемая своими рыдающими фрейлинами, твердою поступью пошла она къ эшафоту. Взойдя на него, она обратилась къ толпѣ, наполнявшей весь дворъ, призывая всѣхъ присутствующихъ въ свидѣтели, что она умираетъ спокойно и покорно, какъ подобаетъ истинной христіанкѣ, надѣясь на Спасителя, искупившаго кровію Своею грѣхи людей. Потомъ обратившись къ патеру, спросила его, можетъ ли она прочитать еще молитву. Сердце священника также было тронуто той твердой надеждой на Бога, съ какою эта молодая, прекрасная женщина шла на встрѣчу смерти; съ взоромъ, полнымъ слезъ, кивнулъ онъ ей головой въ знакъ согласія. Яснымъ, чистымъ голосомъ, съ пламеннымъ благоговѣніемъ, произнесла она молитву: „Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей“, произнося послѣднее слово, отдала она свой молитвенникъ фрейлинѣ Елизаветѣ Тильней, съ просьбой передать его ея сестрѣ Екатеринѣ, потомъ, отогнувъ платье вокругъ своей шеи и отстранивъ палача, хотѣвшаго помочь ей, сама завязала себѣ глаза. Палачъ преклонился передъ ней и просилъ ее простить ему, что онъ принужденъ теперь совершить казнь надъ ней. Она кротко отвѣтила, что прощаетъ ему, и прибавила: „но прошу васъ кончайте поскорѣй“. Немедля положила она голову на плаху и прошептала: „Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой“... Такъ скончалась Іоанна Грей—„королева лѣта“, какъ ее называетъ англійскій народъ, въ память ея царствованія, продолжавшагося всего только „девять лѣтнихъ дней“.

Къ рисункамъ.

Тройка въ мятель.

(Рис. на стр. 1204).

Выше читатели встрѣтятъ портретъ нашего извѣстнаго художника Н. Е. Сверчкова, которому принадлежитъ и прекрасная картина, помѣщенная въ этомъ №. Мятель крутитъ и реветъ, все заноси кругомъ холоднымъ бѣлымъ снѣгомъ. Всѣ слѣды замело, ямщикъ сбился съ дороги, плутаетъ зря, усталые кони наконецъ стали, выбившись изъ силъ, и такъ, быть можетъ, простоятъ долго до утра, пока не стихнетъ мятель и,—что бываетъ въ этихъ случаяхъ — вдругъ оказывается, что всю ночь стояли на задахъ, у стоговъ именно той деревни, гдѣ находится станція. „Эка лѣшій путалъ насъ“, дивится ямщикъ, подъѣзжая къ станціи, а полузамерзшій путникъ въ нетерпѣніи не можетъ дождаться, когда доберется до теплой комнаты, растопленной печи и самовара и отдохнетъ отъ ужасовъ ночи, когда они, боясь замерзнуть, топтались въ снѣгу съ ямщикомъ до изнеможенія.

Городъ Астрахань.

(Рис. на стр. 1205).

Теперь Астрахань занимаетъ на лѣвомъ берегу Волги площадь болѣе нежели въ 1000 десятинъ и имѣетъ до 52000 жителей, число которыхъ часто значительно увеличивается пришлымъ рабочимъ населеніемъ, такъ какъ здѣсь главный центръ рыбныхъ промысловъ Каспійскаго моря. Изъ достопримѣчательностей города первое мѣсто занимаетъ Кремль и Успенскій соборъ. Кремль начатъ былъ постройкой вскорѣ по завоеваніи Астрахани въ 1551 и оконченъ въ 1582 году. Онъ занимаетъ пространство въ 24000 квадр. саженъ и находится на такъ называемомъ Заячьемъ бугрѣ. Стѣны его съ зубцами на верху имѣютъ длины до 730 саженъ, но изъ восьми башенъ, построенныхъ при Царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, сохранилось лишь четыре: Архіерейская, Житная, Артиллерійская и Крымская. Успенскій соборъ находится въ Кремлѣ близъ восточной его стороны. Къ постройкѣ его приступлено было въ 1699 году; оконченъ же онъ былъ въ 1710 мастеромъ каменнаго дѣла Дорофеемъ Мякишевымъ. Этотъ двухъ-этажный соборъ построенъ въ византійскомъ стилѣ о пяти главахъ; вокругъ собора устроена арками каменная крытая галлерея, на которой основывается другая—открытая, идущая вокругъ верхняго этажа. Верхній храмъ свѣтелъ и красивъ; нижній же мраченъ и бѣденъ украшеніями; это собственно усыпальница астраханскихъ іерарховъ. Въ числѣ достопримѣчательностей собора находится опаленная огнемъ и обагренная кровью власяница митрополита Іосифа, въ которой онъ былъ мученъ и убитъ 11 мая 1671 года сподвижниками Стеньки Разина. Кромѣ собора, въ Астрахани еще существуетъ нѣсколько другихъ старинныхъ церквей и три монастыря: Спасопреображенскій, мужской, построенный въ 1600 году, Іоанно-Предтеченскій, также мужской, основанный въ 1688 году и Благовѣщенскій—женскій. Кромѣ того въ городѣ построено нѣсколько армянскихъ церквей, церковь лютеранская, римско-католическая и двѣ мечети—татарская и персидская. Въ мѣстности, называемой Портомъ (который съ видомъ Собора и изображенъ на рисункѣ) вамъ укажутъ небольшое одноэтажное зданіе, окруженное цвѣтникомъ, гдѣ хранится какъ драгоцѣнность „плезиръ-яхта“ и верейка, въ которыхъ Императоръ Петръ I, передъ отправленіемъ въ Персидскій походъ, осматривалъ вмѣстѣ съ Императрицей окрестности Астрахани. Въ городѣ существуетъ довольно обширная общественная библіотека, театръ, биржа и таможня, черезъ которую проходятъ ежегодно товары изъ Персіи и Средней Азіи, а равно изъ Россіи въ Персію и Хиву, среднимъ числомъ, на сумму болѣе 2-хъ милліоновъ рублей. Окрестности Астрахани тоже достойны вниманія; здѣсь, вблизи города, существуетъ мужской Покровскій монастырь, на рѣкѣ Луковкѣ, построенный въ 1710 году митрополитомъ Самсономъ; монастырь Аѳонскій; казачья станица съ церковью Донской Божіей Матери и калмыцкій базаръ съ хуруломъ, молитвеннымъ домомъ ламайской вѣры. Кромѣ того въ семи верстахъ отъ Астрахани, на обрывѣ праваго берега Волги, замѣтны остатки, существовавшихъ здѣсь въ V—VIII вѣкахъ, хозарскихъ городовъ Ателя и Балатжіара. Это, такъ называемый теперь въ народѣ, „Жареный бугоръ“, въ которомъ часто отыскиваютъ древнія монеты стараго татарскаго чекана и другія археологическія рѣдкости.

„Воздушный корабль“ М. Ю. Лермонтова.

(Рис. на стр. 1209).

Переводовъ у Лермонтова очень не много, но всѣ они таковы, что ихъ нельзя назвать переводами. Это скорѣе борьба съ подлинникомъ, борьба большею частью побѣдоносная, какъ въ „Соснѣ“ изъ Гейнс и „Душа моя мрачна,“ „Какъ одинокая гробница“ изъ Байрона. Поэта, какъ и всѣхъ тогда, поражалъ образъ властителя полуміра, „владыки думъ“ своего времени—Наполеона. Кромѣ прекраснаго собственнаго стихотворенія „Межъ тѣмъ какъ Франція,“ Лермонтовъ посвятилъ Императору еще превосходную пьесу „Воздушный корабль,“ переработанную поэтомъ изъ пьесы Зейдлица. Прелесть и сила стиховъ этой пьесы поразительны. Оно такъ извѣстно, что приводить изъ него много было бы излишнимъ.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ
И молча въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ...

Углубилась въ чтеніе. Съ картины Кизеля, грав. Брендъ'Амуръ.

Наказанная безъ завтрака. Съ картины Зондерланда, грав. Б[illegible]

И далѣе:

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ,
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней Императоръ зарытъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ....

Изъ гроба тогда Императоръ
Очнувшись является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ...

Тѣнь Императора ступаетъ съ воздушнаго корабля, въ истерпѣніи ходитъ по берегу въ ночномъ туманѣ, зоветъ Императоръ своихъ соратниковъ, своихъ славныхъ маршаловъ, зоветъ своихъ гренадеръ, зоветъ сына... Никто не идетъ на его зовъ, никто его не слышитъ... И задумчиво и мрачно

Стоитъ Императоръ одинъ.
Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ...

Моментъ этотъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Замѣчательно, какое дѣйствіе на современниковъ производила великая личность Императора и какъ много трогательныхъ и превосходныхъ произведеній посвящено поэтами его славному имени.

Углубилась въ чтеніе.

(Рис. на стр. 1212).

Какъ хорошо схвачено выраженіе лица этой молодой дѣвушки, совершенно углубившейся въ чтеніе должно быть очень интереснаго романа. Она уже доходитъ до самаго интереснаго мѣста: герой въ большой опасности! По ему подѣломъ. онъ охладѣлъ къ такой милой, прелестной дѣвушкѣ и увлекся другой, которая того вовсе не достойна. Но все-же она не хочетъ, чтобы онъ погибъ. Она догадывается, что онъ тутъ не погибнетъ, ибо тогда кончился-бы и романъ, а его остается еще довольно. И она жадно глотаетъ страницу за страницей...

Наказанная безъ завтрака.

(Рис. на стр. 1213).

Вотъ что значитъ дурно вести себя, плакать и капризничать! Мама выставила ее за дверь, большіе глаза дѣвочки еще полны слезъ и потихоньку она поглядываетъ въ столовую. Ахъ! Тамъ такіе славные пирожки и она ихъ такъ любитъ! Неужели мама въ самомъ дѣлѣ не велитъ кушать? Но плутовка знаетъ, что мама добрая, что она не допуститъ все-же голодать свою дѣвочку. которая ждетъ, что вотъ, вотъ услышитъ: „ну иди кушай, это послѣдній разъ тебя прощаю, капризница“!

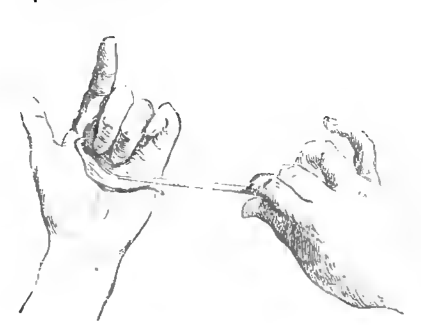
Желѣзныя ворота на Дунаѣ.

(Рис. на стр. 1217).

На границѣ Венгріи, Сербіи и Валахіи находятся на Дунаѣ такъ называемыя „Желѣзныя ворота“. Это мрачное грандіозное ущелье, которое народная фантазія населила таинственными фантастическими ужасами, скалистыми, могучими стѣнами своими спускается къ волнамъ Дуная. Стѣны ущелья высотою достигаютъ отъ 600 до 3,000 ф. и все ущелье тянется на четыре мили. Въ древности въ окрестной странѣ жили римляне. Грандіозныя развалины ихъ водопроводовъ видны до сихъ поръ; позднѣе—турки, румыны, венгры. Скалистые берега, иногда гладкіе какъ полированные или изрытые пещерами, образуютъ кругомъ колоссальныя стѣны и колонны, которыхъ могучія вершины и округлости изъ гранита частью краснаго и свѣтло-сѣраго, частью темно-коричневаго и чернаго цвѣтовъ, что придаетъ имъ оригинальный, красивый видъ. Желтые и пестрые цвѣты группами гнѣздятся въ разщелинахъ и въ углубленіяхъ стѣнъ зеленѣетъ часто конифера или пышные кусты шиповника. И въ этихъ скалистыхъ воротахъ или лучше скалистомъ ущельи несется въ своемъ царственномъ вѣчномъ величіи могучій Дунай, бурный и дикій, какъ-бы сердясь, что послѣ широкихъ равнинъ Венгріи здѣсь его такъ стѣснили въ этихъ угрюмыхъ стѣнахъ. Человѣкъ безмолвствуетъ, пораженный величіемъ природы въ этомъ мѣстѣ, гдѣ соединились такія грандіозныя скалы съ такой великой рѣкой. Шумъ Дуная слышенъ вплоть до Орсовы. Молча, серьезно проходитъ судовщикъ среди этихъ скалъ, и если встрѣчаетъ другаго, который, не зная, можетъ попасть на подводную скалу—онъ молча только знакомъ предостерегаетъ неосторожнаго пловца. Мѣсто здѣсь опасное, здѣсь въ этомъ ущельи часто свирѣпствуетъ „бора“—вѣтеръ, ужасъ судовщиковъ. Дунай здѣсь особенно поражаетъ силою своего стремленія, послѣ того какъ только что видѣлъ его, какъ онъ столь спокойный медленно катитъ свои царственныя воды.

Искусственные цвѣты.

Ткани, изъ которыхъ дѣлаются листья искусственныхъ цвѣтовъ, красятся цѣлыми кусками именно въ ту краску, цвѣту которой желаютъ подражать. Для этого мокрую ткань натягиваютъ на раму и даютъ ей хорошо высохнуть, послѣ чего одну изъ сторонъ ткани покрываютъ слоемъ камеди, что сообщаетъ ей блескъ. Противоположную сторону, для приданія листу естественной бархатистости, покрываютъ при помощи кисти легкимъ растворомъ крахмальной воды, окрашенной болѣе свѣтлой краской, чѣмъ сама ткань. Если листъ долженъ быть очень бархатистъ, то на слой камеди посыпаютъ суконную пыль соотвѣтствующаго цвѣта.



Фиг. 1.

Листочки чашечки приготовляются непосредственно за выпутіемъ ткани изъ краски. Ее мнутъ и накрахмаливаютъ до желаемой плотности, затѣмъ натягиваютъ для просушки на раму, послѣ чего выкраиваютъ листочки рѣзцомъ на жестяномъ листѣ или деревянномъ чурбанѣ.

Бутоны дѣлаются изъ замши и тафты, окрашенной ранѣе, или которую красятъ кистью уже послѣ ихъ изготовленія; для приданія имъ формы, ихъ набиваютъ наклей, льняными оческами или ватой, и затѣмъ привязываютъ зеленымъ шелкомъ къ металлической проволокѣ, изъ которой составляется вѣтка.

Тычинки приготовляются съ помощью нарѣзанныхъ кусочковъ шелка сырца, которые привязываются на мѣдный пругикъ и обмакиваются въ клей для приданія имъ твердости. Затѣмъ на верхушку каждой тычинки наклеиваютъ по кусочку тѣста и погружаютъ всѣ ихъ въ манную кашу, окрашенную желтою краскою. Затѣмъ ихъ остается только хорошо просушить.

При изготовленіи искусственныхъ цвѣтовъ существуетъ четыре важнѣйшихъ пріема: выкраиваніе, гофрировка (оттискиваніе узоровъ), сборка и формировка. Хотя эти пріемы измѣняются сообразно роду цвѣтовъ, которымъ хотятъ подражать,

Фиг. 2.

тѣмъ не менѣе мы укажемъ общій способъ, какимъ каждый изъ этихъ пріемовъ исполняется.

Выкраиваніе обыкновенно производится рѣзцомъ, но очень часто листья и лепестки вырѣзаются ножницами по патронамъ, снятымъ съ натуры. Иногда прибѣгаютъ къ рисункамъ, помѣщеннымъ въ большинствѣ книгъ, описывающихъ фабрикацію цвѣтовъ изъ бумаги и ткани. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ старательно срисовать модель, потомъ наклеить ее на бристольскую бумагу и аккуратно вырѣзать по карандашу. Патронъ этотъ, который слѣдуетъ помѣтить соотвѣтствующимъ названіемъ, можетъ прослужить очень долго.

Оттискиваніе узоровъ — гофрировка, производится двояко: при помощи щипчиковъ и при помощи шарика.

Предположимъ, что хотятъ сдѣлать лепестки, составляющіе средину розы. Для этого ихъ нужно перегнуть надвое по направленію ихъ вышины; положивъ одинъ изъ лепестковъ на ладонь лѣвой руки (фиг. 1), правой рукой подвигаютъ оба конца щипцовъ сверху внизъ по лепестку. Разложивъ его, окажется, что онъ сплоенъ съ двухъ сторонъ отъ средней линіи, но въ противуположныхъ направленіяхъ; держа его развернутымъ на

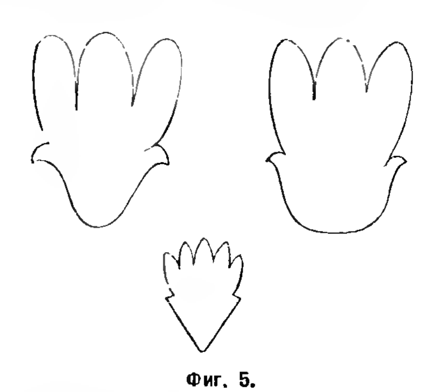
Фиг. 3.

ладони руки, снова нужно начать его плоить, но въ этотъ разъ на мѣстахъ гладкихъ, и продолжать до тѣхъ поръ, пока лепестокъ не покроется рубчиками.

Фиг. 4.

Щипчики служатъ еще для схватыванія, свертыванія и проведенія полосъ на нѣкоторыхъ лепесткахъ.

Въ цвѣткѣ розы плоятся только самые маленькіе лепестки;



Фиг. 5.

лепестки же четвертой величины дѣлаются выпуклыми съ помощью различныхъ шариковъ.

Для этого лепестокъ раскладываютъ вкладь на подушечку.

Фиг 6.

потомъ берутъ одинъ изъ шариковъ, болѣе всего подходящій къ тому выгибу, какой хотятъ придать лепестку, и проводя шарикомъ слегка по краямъ, которые должны быть безъ малѣйшей складочки (фиг. 2), достигаютъ середины лепестка, придавая ему постепенно видъ полушарія.

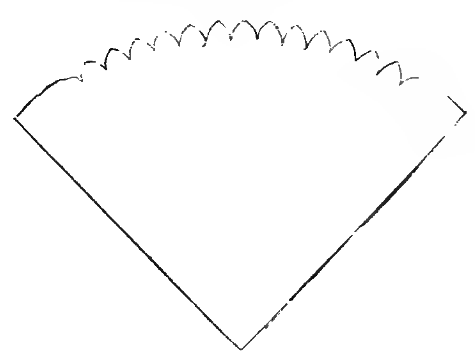
Сборка состоитъ въ соединеніи лепестковъ вокругъ середины цвѣтка. Этотъ пріемъ требуетъ болѣе всего времени и большой ловкости. Прежде всего щипчиками берутъ по лепесточку, обмакиваютъ концы ихъ въ клей и прикладываютъ вокругъ середины. Такимъ образомъ получается звѣздочка, подъ которой прикрѣпляютъ другіе лепестки, наблюдая, чтобы второй рядъ

Фиг. 7.

былъ въ промежуткахъ перваго. Приклеивъ всѣ лепестки, цвѣтокъ заканчивается сообразно своему роду, и затѣмъ переходятъ къ слѣдующему пріему.

Фиг. 8.

Формировка имѣетъ цѣлью прикрѣпленіе различныхъ частей цвѣтка къ стеблю и различныхъ стебельковъ къ главной вѣткѣ. Прикрѣпивъ чашечку цвѣтка и снабдивъ листья стебельками,



Фиг. 8 а.

—для чего на нижней сторонѣ каждаго листа вклеиваютъ мѣдный обернутый прутикъ (фиг. 3),—первымъ дѣломъ нужно укрѣпить бутоны и цвѣтки или зеленымъ шелкомъ, или канителью.

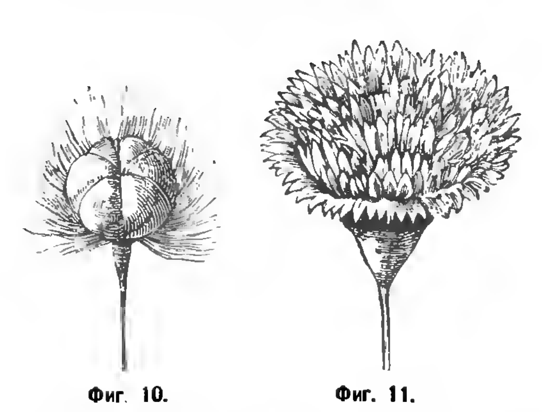
Фиг. 9.

Послѣ этого обматываютъ вѣтку ватой такимъ образомъ, чтобы вата ложилась вокругъ вѣтки спиралью, одинаковой толщины на всемъ протяженіи. Наконецъ переходятъ къ обматыванію зеленой бумагой (фиг. 4). Для этого вѣтку держатъ между

пальцами лѣвой руки, а полоску бумаги правою рукою; намазавъ кончикъ бумаги клеемъ, кладутъ ее по возможности близко у цвѣточной чашечки и, притягивая, хорошо обматываютъ полоску вокругъ вѣтки.

Чтобы дать полное понятіе о способѣ изготовленія цвѣтовъ, для примѣра опишемъ какъ дѣлаютъ гіацинтъ, макъ и гвоздику.

Гіацинтъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ цвѣтковъ; искусственные гіацинты всегда очень близко подходятъ къ натуральнымъ.



Фиг. 10. Фиг. 11.

Для изготовленія ихъ нужно выкроить по одному лепестку по приложеннымъ тремъ патронамъ (фиг. 5). Затѣмъ каждый изъ листочковъ плоится указаннымъ выше способомъ (фиг. 1), послѣ чего загибаютъ назадъ каждый зубецъ листочка и приклеиваютъ въ основаніи маленькій лепестокъ къ большому такимъ образомъ, чтобы зубчики маленькаго лепестка приходились между зубцами большаго. Изъ всего этого образуется родъ трубочки (фиг. 6), которую послѣ просушки привязываютъ шелкомъ къ прутику, покрытому зеленой бумагой, на которомъ находится чашечка. Эту послѣднюю дѣлаютъ изъ ваты, сообщая ей нужную форму.

Фиг. 12.

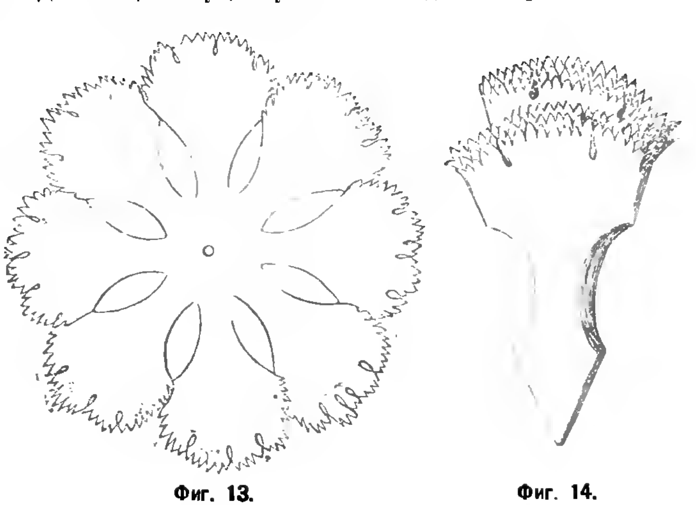
Для сборки цвѣтка берутъ вѣтку, которую приготовляютъ наклеивая полоску газа на зеленую бумагу и свертывая ее, причемъ въ серединѣ оставляется небольшая пустота. Затѣмъ, не соблюдая никакой симметріи, вверху помѣщаютъ нѣсколько цвѣточковъ, которые продѣваютъ въ вѣтку, проткнувъ въ ней предварительно отверстіе булавкой; остальная часть вѣтки точно также убирается цвѣточками, которые прикрѣпляются на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга. Внизу вѣтки привязываютъ, въ видѣ коронки, нѣсколько копьевидныхъ листьевъ.

Для мака достаточно двухъ патроновъ (показанныхъ на фиг. 8) и составляющихъ по четверти лепестка. Для полученія полнаго лепестка слѣдуетъ согнуть бумагу вчетверо и наложить угломъ на модель. По нумеру 1-му надо выкроить 8 лепестковъ и по нумеру 2-му—два. Затѣмъ каждый лепестокъ № 1-го берутъ въ лѣвую руку, кладутъ указательный палецъ въ серединѣ и сближаютъ края лепестка; потомъ, образовавъ изъ лепестка чашечку, свертываютъ его какъ показано на фиг. 9. Зубчики лепестковъ слегка плоятся щипчиками и отгибаются назадъ. Приготовивъ всѣ лепестки, приступаютъ къ лепестку № 2, каждую четверть котораго вдавливаютъ шарикомъ и, загнувъ немного края внутрь, развертываютъ всѣ лепестки и начинаютъ ихъ соединять. Для этого ихъ размѣщаютъ вокругъ середины на подобіе фиг. 10; середины всегда находятся готовыми въ продажѣ; и послѣ этого лепестки приклеиваются или связываютъ шелкомъ, придавая имъ форму, показанную на фиг. 11. Наконецъ привязываютъ лепестокъ № 2 и при помощи ваты дѣлаютъ выпуклость, находящуюся внизу цвѣтка.

Полураскрытый цвѣтокъ (фиг. 12) дѣлается изъ разщеленныхъ и сложенныхъ воронкою лепестковъ, которые вкладываются въ прорѣзанный бутонъ.

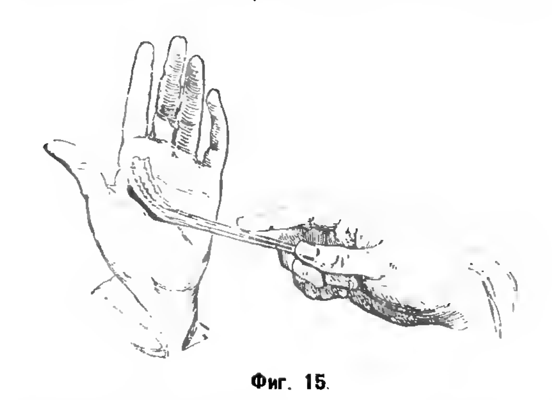
Затѣмъ приступаютъ къ сборкѣ мака. Къ вѣткѣ сверху привязываютъ стебелекъ съ маленькимъ бутономъ, который окружаютъ тоже маленькими листьями, потомъ помѣщаютъ одинъ или два распустившихся бутона и наконецъ заканчиваютъ сборку большими листьями.

Для гвоздики существуетъ только одинъ патронъ (фиг. 13).



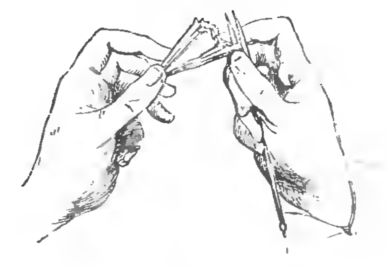
Фиг. 13. Фиг. 14.

По немъ вырѣзаютъ пять лепестковъ, изъ которыхъ одинъ оставляется безъ бутона. Въ продажѣ всегда имѣются листья, бутоны и приготовленная бумага. Имѣя все подъ руками, берутъ одинъ изъ лепестковъ, складываютъ его вдвое, затѣмъ



Фиг. 15.

вчетверо, потомъ въ восемь разъ, придавъ ему форму, показанную на фиг. 14. Каждая часть лепестка плоится на подобіе того, какъ представлено на фиг. 15, и наконецъ верхъ каждаго лепестка вагибается (фиг. 16). Приготовленные лепестки



Фиг. 16.

привязываются канителью къ серединѣ цвѣтка, откуда выходятъ высокія тычинки; затѣмъ цвѣтокъ вставляется въ чашечку.

Сборка гвоздики очень легка: выгибаютъ листья, потомъ ихъ прикрѣпляютъ на вѣтку, наверху которой помѣщаютъ цвѣтокъ. Листья должны чередоваться и верхніе должны почти касаться лепестковъ гвоздики.

Такимъ образомъ дѣлаются искусственные цвѣты, производство которыхъ, за послѣдніе годы, сильно развилось.

Политическое обозрѣніе.

„Journal de St.-Petersbourg" о путешествіи г. Гирса.—Болгарія.—Сербія.—Турція.—Египетъ.—Англія.—Франція.—Афганистанъ.

Въ одномъ изъ предшествовавшихъ обозрѣній нашихъ мы привели распространившійся въ иностранной печати слухъ о томъ, что статсъ-секретарь Гирсъ, въ бытность свою въ Римѣ, принялъ личное участіе въ переговорахъ, которые наше правительство давно ведетъ съ римскою куріею. Теперь „Journal de S.-Pétersbourg" отвѣчаетъ на этотъ слухъ. „Еще до отъѣзда его высокопревосходительства, говоритъ газета, мы предостерегали нашихъ читателей на счетъ имѣющихъ возникнуть толковъ. Мы однако же не ожидали, чтобы это заявленіе было принято во вниманіе всѣми и за все время отсутствія г. Гирса. Между тѣмъ, весьма естественно, что находясь въ Римѣ, куда онъ отправился главнымъ образомъ для того, чтобы посовѣтываться съ тамошними медицинскими знаменитостями о болѣзни одной изъ его дочерей, министръ иностранныхъ дѣлъ великой державы не могъ не засвидѣтельствовать своего почтенія какъ ихъ итальянскимъ величествамъ, такъ и другому

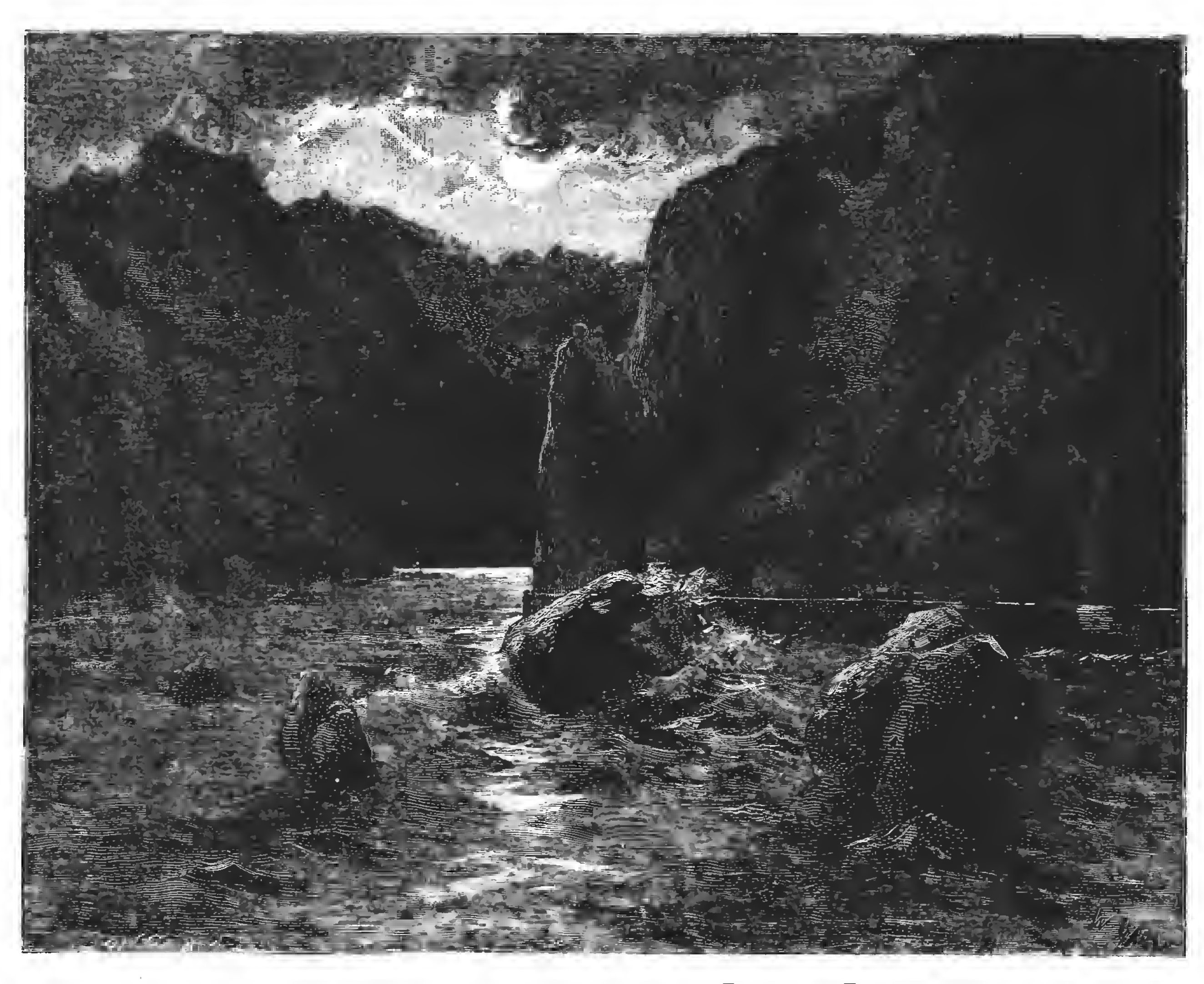
монарху, котораго историческая резиденція находится въ той же столицѣ. Является само собою предположеніе, что на аудіенціи, которую онъ имѣлъ у главы католической церкви, равно какъ въ своихъ бесѣдахъ съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ (Якобини), г. Гирсъ коснулся переговоровъ, которые ведутся съ куріей. Но эти переговоры, давно уже продолжающіеся, были уже доведены до конца, и если, съ одной стороны, дозволительно утверждать, что нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ могъ только подтвердить примирительное настроеніе, коимъ были запечатлѣны переговоры, съ другой—справедливо присовокупить, что вмѣшательство г. Гирса во время пребыванія въ Римѣ являлось излишнимъ и что вообще поѣздка его въ столицу Италіи нисколько не находились съ ними въ связи".

Въ Софіи опубликованъ княжескій указъ, которымъ на 8-е декабря текущаго года созвано народное собраніе на обыкновенную сессію. Между вновь избранными членами находятся четыре министра: Соболевъ, Вулковичъ, Начевичъ и Грековъ, большинство, если почти не весь составъ, принадлежатъ къ сторонникамъ княжескаго правительства, причемъ выборы произведены въ полномъ порядкѣ; генералъ Соболевъ избранъ депутатомъ Плевны.

Открыта 3-го декабря также и Сербская скупщина; въ своей тронной рѣчи, король Миланъ, поблагодаривъ за преданность, выраженную ему по поводу покушенія Елены Марковичъ, заявилъ о добрыхъ отношеніяхъ къ державамъ; далѣе его величество упомянулъ о сердечномъ пріемѣ, оказанномъ ему княземъ Болгарскимъ и населеніемъ княжества, о дружбѣ Болгаріи съ Сербіей; въ числѣ мѣръ, которыя будутъ предложены на разсмотрѣніе депутатовъ, король, между прочимъ, сказалъ и о реорганизаціи арміи. Рѣчь, вообще, составлена осторожно и сдержанно—въ ней, насколько она извѣстна изъ переданнаго по телеграфу текста, напримѣръ, о державахъ сказано глухо. Грустно, что славянскій государь не можетъ открыто выразить своихъ симпатій державѣ, всегда на дѣлѣ выказывавшей ему свою дружбу, поддерживавшую его. Нѣсколько смѣлѣе звучитъ голосъ короля тамъ, гдѣ онъ говоритъ о Болгаріи...

Въ Турціи хотя и установилось прежнее министерство, но опять говорятъ, что и Саидъ, и Османъ—Паши не прочны на своихъ мѣстахъ; по слухамъ, подъ нихъ ведутся мины, и противъ Османа расклеены на улицахъ Стамбула прокламаціи, укоряющія его въ какихъ-то неблаговидныхъ продѣлкахъ въ арміи; другія прокламаціи, но уже инаго содержанія, наклеены также и въ городѣ, и въ Скутари. Въ Константинополь пріѣхалъ персидскій уполномоченный, полковникъ Аббасъ-Мирза, для переговоровъ о проведеніи въ Персіи желѣзной дороги.

Лордъ Дёфферинъ, уже совсѣмъ, повидимому, перемѣнившій постъ англійскаго посланника при Портѣ на постъ правителя новой Великобританской провинціи—Египта, отправилъ уже Араби-Пашу, но куда—неизвѣстно. Главнокомандующимъ „египетскими войсками" назначенъ сэръ Ивелинъ Вудъ, который уже и пріѣхалъ въ Каиръ. Обо всемъ и о комъ хотите можно слышать, когда читаете о Египтѣ—и о лордѣ Дёфферинѣ, и о генералѣ Вудѣ, и о сэрѣ Мэлетѣ, и о реформахъ, и мирѣ Франціи съ Англіей, но объ одномъ ничего не слышно—о хедивѣ...



Желѣзныя ворота на Дунаѣ. Ориг. рисун. Гаузе, грав. Бонгъ.

Въ Англіи далеко не спокойно—тамъ, на ряду съ чествованіями Глэдстона, правительство королевы получаетъ отъ „членовъ общества поджоговъ" анонимныя, конечно, письма съ угрозой, что вскорѣ въ Лондонѣ будутъ подожжены зданія правительственныхъ учрежденій; на это обращено вниманіе и зданія охраняются. Въ кабинетъ Глэдстона вступаетъ лордъ Дерби, что во Франціи считаютъ признакомъ сближенія Англіи съ нею, а пока—пока англичане возстали противъ „насильственной" политики Франціи въ Мадагаскарѣ и, вообще, противъ ея колоніальной политики. И это говоритъ Англія!.. Недавно арестовано двое какихъ-то людей, заподозрѣнныхъ въ участіи въ убіеніи Кэвендиша и Борха.

Смѣсь.

Прокалываніе отверстій въ ушахъ для серегъ. Прежде всего необходимо, чтобы отверстіе, дѣлаемое въ ушной раковинѣ, было на надлежащемъ мѣстѣ, именно по серединѣ нижней мягкой части уха. Если это отверстіе слишкомъ высоко, то кольцо серьги

должно быть значительной величины, чтобы обхватить всю мягкую часть подъ отверстіемъ; отверстіе, продѣланное слишкомъ низко, со временемъ, подъ тяжестью серегъ, превращается въ длинную некрасивую щель, которая можетъ даже прорваться и раздвоить ухо. Вообще ранка отъ прокола ничтожна и вся операція ограничивается одной каплей крови, если дитя здорово; но никогда не слѣдуетъ прокалывать уши и надо отказаться отъ серегъ, если ребенокъ слабъ здоровьемъ, золотушенъ или имѣетъ склонность къ образованію воспалительныхъ отложеній на кожѣ; въ этомъ случаѣ ранка легко переходитъ въ нагноеніе и воспаленіе, отверстіе иногда вздувается или покрывается рожевиднымъ воспаленіемъ, могущимъ перейти и на лицо. Операція прокалыванія (производится обыкновенно въ ранней юности), хотя весьма несложная, должна производиться все-таки по опредѣленнымъ правиламъ: прежде всего надо притупить чувствительность мягкой части уха, трепіемъ ея между двумя пальцами; потомъ подъ эту часть подкладывается съ задней стороны кусочекъ пробки или мыла, для полученія точки опоры; уколъ совершается на заранѣе намѣченномъ мѣстѣ посредствомъ шила толщиною съ большую штопальную иглу (лучше если остріе будетъ трехгранное); въ отверстіе тотчасъ вставляется свинцовое или золотое колечко. Черезъ нѣсколько дней осторожно счищаютъ кору, запекшуюся вокругъ отверстія, смачиваютъ колечко масломъ и слегка поворачиваютъ его. Черезъ недѣлю проколотый каналъ обыкновенно покрывается кожей.

Пока дитя растетъ, оно должно носить непремѣнно легкія серьги, для того чтобы отверстіе оставлять всегда открытымъ, безъ серьги оно можетъ сростись. У взрослыхъ особъ ушныя отверстія очень рѣдко зарастаютъ, хотя бы эти особы и не носили серегъ; у дѣтей также сращеніе случается гораздо чаще.

Чтобы хоть сколько нибудь уменьшить дурныя качества воды, слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, смѣшать ее съ небольшимъ количествомъ уксуса, который убиваетъ животные организмы, или профильтровать ее черезъ уголь или дубовые опилки, чтобы осадить органическія вещества, или, если вода очень тиниста, прибавить туда нѣсколько квасцовъ или растертыхъ горькихъ миндалей.

Практическія правила (общія) при пробѣ вина. 1) Передъ пробой не курить, не ѣсть ничего вяжущаго и сладкаго.

2) Пробуя нѣсколько сортовъ—передъ каждой пробой пожевать сухаго бѣлаго хлѣба, чтобы уничтожить во рту вкусъ предыдущаго вина.

3) Надо замѣчать, сверху или со дна бочки взято вино для пробы: сверху оно слабѣе и мягче, на днѣ крѣпче.

4) Не должно пробовать слишкомъ холоднаго или горячаго вина; при каждой новой пробѣ брать чистыя рюмки.

5) Поднося къ носу стаканъ съ только что налитымъ виномъ, должно замѣчать запахъ лопающихся пузырьковъ: пріятенъ онъ или нѣтъ.

6) Наливъ вино въ чистую рюмку, должно смотрѣть насквозь, свѣтло оно или мутно и все ли одинаково прозрачно.

7) Налить немного вина на руку, растереть между ладонями и понюхать; при этомъ легко обнаруживается запахъ сивушнаго масла, если въ вино былъ подбавленъ спиртъ картофельный или хлѣбный.

8) Берутъ немного вина на языкъ, который переворачиваютъ потомъ нѣсколько разъ во рту и прижимаютъ кончикомъ къ нёбу, чтобы улетучивающіеся пары проходили въ носовое отверстіе и, проглотивъ вино, замѣчаютъ произведенное имъ впечатлѣніе на обоняніе и вкусъ.

Исторія освѣщенія Парижа не лишена интереса. Теперь это одна изъ самыхъ благоустроенныхъ столицъ въ этомъ отношеніи, которая тратитъ на содержаніе уличныхъ фонарей болѣе четырехъ милліоновъ франковъ и пользуется свѣтомъ 34400 газовыхъ рожковъ. Но и это яркое освѣщеніе уже мало удовлетворяетъ современнаго Парижанина, который мечтаетъ о томъ близкомъ времени, когда онъ будетъ видѣть ночью какъ днемъ, благодаря лучамъ электрическаго свѣта.

Какъ странно подумать теперь объ тѣхъ потемкахъ, въ которыхъ бродили ночью жители стараго Парижа; самымъ первобытнымъ способомъ освѣщенія французской столицы были факелы, которые носили по улицамъ особо назначенные для того люди. Лишь въ маѣ 1667 года начальникъ парижской полиціи Ла Рейни приказалъ поставить на каждомъ углу улицы по фонарю, которые и освѣщались свѣчами; это распоряженіе было для того времени большимъ событіемъ; фонари вошли быстро въ моду и въ 1729 году ихъ насчитывалось въ Парижѣ уже до 6000. При наступленіи ночи сторожа ходили по улицамъ, давая знакъ звонкомъ, чтобы жители спускали фонари, укрѣпленные веревками къ стѣнамъ домовъ, и такимъ образомъ дали бы возможность поставить въ нихъ зажженныя свѣчи. Въ 1766 году появились въ первый разъ реверберы; хлопчатобумажная свѣтильня, плавающая въ маслѣ, замѣнила собою свѣчи, а введеніе рефлекторовъ замѣчательно увеличило силу и распространеніе свѣта. Но несмотря на это, все таки масляные фонари давали лишь дымное, мерцающее пламя и держались очень долго потому, что ничего не представлялось для ихъ замѣны лучшаго. Въ 1820 году ихъ смѣнили такъ называемыя аргентовыя лампы, а затѣмъ вскорѣ появилось и газовое освѣщеніе, которое разомъ уничтожило всѣ освѣтительныя ухищренія добраго стараго времени.

Кровь какъ кормъ для домашнихъ животныхъ. Заимствуемъ изъ англійскаго медицинскаго журнала „The Lancet“ сообщеніе, весьма интересное, какъ для физіологовъ, такъ и для сельскихъ хозяевъ, практиковъ и теоретиковъ. Дѣло въ томъ, что всѣ животныя въ началѣ питаются молокомъ, т. е. пищей, которую можно считать чисто животной, а потому является вопросъ—нельзя-ли травоядныхъ кормить животныхъ пищей и въ болѣе позднемъ возрастѣ. Мысль эта, конечно, далеко не нова; уже давно производились съ этою цѣлью опыты кормленія лошадей сырымъ или вареннымъ мясомъ, но они дали результаты неудовлетворительные, не привели къ желанной цѣли. Теперь Регнарду пришла мысль попробовать давать, въ видѣ примѣси къ корму, кровь, какъ продуктъ въ высшей степени питательный, между тѣмъ какъ массы его пропадаетъ даромъ, безъ всякаго полезнаго примѣненія. Весь вопросъ только въ томъ, въ какомъ видѣ давать его животнымъ, чтобы организмъ принялъ и усвоилъ этотъ продуктъ. Для этого Регнардъ нагрѣвалъ кровь до температуры 100° Ц.; полученную густую массу онъ прессовалъ, быстро сушилъ въ печи и обращалъ въ порошокъ при посредствѣ ручной мельницы. Въ такомъ видѣ кровь очень хорошо сохраняется, не имѣетъ ни вкуса, ни запаха и примѣшанная къ корму (10 — 80 граммъ въ день) охотно принимается животными. Первые опыты были сдѣланы надъ ягнятами, только что отнятыми отъ матерей; троихъ держали на обыкновенномъ корму, а тремъ другимъ давали кровь въ порошкѣ. Первые три худѣли, въ то время какъ другіе три полнѣли и здоровѣли такъ, что знатоки удивлялись и говорили, что имъ никогда не приходилось видѣть такихъ прекрасныхъ ягнятъ этого возраста. Они были крупнѣе и полновѣснѣе воспитанныхъ матерями. Подобные-же опыты были произведены и надъ телятами и привели къ тѣмъ-же результатамъ. Этотъ методъ вскармливанія примѣнимъ и къ человѣку. Результатъ кормленія этимъ путемъ восьмимѣсячнаго ребенка, страдавшаго англійской болѣзнью, былъ въ высшей степени удовлетворительный.

Происхожденіе кушетокъ. Въ мемуарахъ M-me Женли (Genlis) приведено по этому поводу очень интересное объясненіе. Когда король Франціи посѣщалъ кого-либо изъ придворныхъ или высшихъ сановниковъ по случаю ихъ болѣзни, то возлѣ больнаго ставили вторую кровать, на которую ложился коронованный посѣтитель. Это странное обыкновеніе было вызвано требованіемъ придворнаго этикета, который гласитъ: „король можетъ въ своемъ присутствіи допустить, чтобы подданные имѣли положеніе, какое онъ пожелаетъ, но съ тѣмъ однако исключеніемъ, что никто не можетъ лежать въ то время, когда монархъ стоитъ или сидитъ“. Чтобы не нарушать этого правила въ тѣхъ случаяхъ, когда навѣщаемые королемъ трудно-больные не могли подняться съ постели, и надумали ставить вторую постель. Эта церемонія была соблюдена, когда Людовикъ XIII посѣтилъ больнаго кардинала Ришелье. Людовикъ XV также лежалъ у постели больнаго маршала Вилара (Vilarr). Съ тѣхъ поръ во всѣхъ знатныхъ домахъ Франціи принято было имѣть на случай королевскаго посѣщенія особую постель, которую и называли кушеткой.

Просимъ гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ заблаговременно возобновить подписку на „НИВУ“ 1883 года, для избѣжанія остановки въ полученіи первыхъ №№.

Городская почта послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ списки только небольшими количествами, а печатаніе, корректура и провѣрка огромнаго количества адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ требуетъ много времени.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

О преміи „НИВЫ“ на 1883 годъ.

Желая познакомить нашихъ подписчиковъ заранѣе съ главной преміей „Нивы“ на 1883 годъ—**большой картиной профессора Императорской Академіи Художествъ В. И. ЯКОБІЯ** подъ названіемъ:

„КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ“,

которую гг. подписчики получать **въ октябрѣ 1883 года** (по громадному количеству экземпляровъ и при технической трудности исполненія—нѣтъ возможности изготовить всего количества ранѣе этого срока), получивъ первые экземпляры означенной картины, мы разослали ихъ нижепоименованнымъ книгопродавцамъ и библіотекамъ для чтенія, у которыхъ и можно видѣть эту картину — премію „Нивы“ за 1883 годъ.

Въ Главной Конторѣ Редакціи „Нивы“ въ С.-Петербургѣ въ настоящее время выставленъ **оригиналъ** картины профессора В. И. Якобія „Король-женихъ“ рядомъ съ олеографической копіей ея, въ одинаковыхъ рамахъ. Очень многія лица уже видѣли обѣ картины, и большинство не могло различить: которая изъ нихъ копія, которая—оригиналъ.

Такое совершенство техники при воспроизведеніи этой олеографіи—говоритъ само за себя **и** слѣдовательно публика сама можетъ судить о ея достоинствахъ. Мы вполнѣ увѣрены, что публика признаетъ громадныя жертвы, принесенныя нами при выдачѣ такой преміи, которая можетъ служить прелестнымъ украшеніемъ каждой гостиной.

Копіи картины „Король-женихъ“ профессора Якобія выставлены:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ „Нивы“ и у книгопродавцевъ: **М. О. Вольфа, В. В. Попова** (бывш. Исакова), **С. В. Исакова, Ф. А. Битепажа, И. П. Анисимова, Глазунова. Цинзерлинга, Мартынова, Тузова, Карла Риккера, Бр. Курбатовыхъ, Эггерса и К°, Цывелева, Эриксона, Дейбнера, Шмицдорфа**, въ книжн. маг. **„Новаго Времени“, Фену. Гартье.** въ конт. объявл. **Вацлика, Матисенъ, въ Центральной конт.** объявл. и въ эстампн. магаз. **Беггрова, Фельтена и Доціаро.**

„ **Москвѣ:** въ отд. конторы **„Нивы“ у Н. Н. Печковской** (въ Петровскихъ линіяхъ), и у книгопродавцевъ **М. О. Вольфа, А. Ланга, Васильева, Поста, Н. И. Мамонтова, Шапошникова, Девяткина, Глазунова,** и въ кн. маг. **насл. бр. Салаевыхъ.**

„ **Архангельскѣ:** въ кн. маг. **„Забава и Дѣло.“**

„ **Астрахани:** въ **„Прикаспійск. книжн. магаз.“**

„ **Баку:** въ кн. маг. **Бенкендорфа.**

„ **Бердянскѣ:** въ кн. маг. **Гаврилицы и К°.**

„ **Варшавѣ:** у книгопр. **В. М. Истомина.**

„ **Вильно:** у кн. **Сыркина и Завадскаго.**

„ **Воронежѣ:** у кн. **М. П. Савостьянова и М. С. Селингъ.**

„ **Вяткѣ:** у кн. **А. И. Залѣсской и Н. Н. Клобукова.**

„ **Гродно:** въ кн. маг. **„Народная Польза.“**

„ **Екатеринбургѣ:** у кн. **П. А. Наумова.**

„ **Екатеринославѣ:** у кн. **Шаффермана** и въ кн. маг. **Ульмана и К°.**

„ **Житомірѣ:** у кн. **К. Ѳ. Будкевича.**

Въ Иркутскѣ: у кн. **Скницына.**

„ **Казани:** у кн. **А. А. Дубровина, З. П. Рязанова, К. П. Алексѣева** и въ муз. маг. **„Восточная лира.“**

„ **Калугѣ:** въ кн. маг. **Ф. В. Тихѣевой.**

„ **Кам.-Подольскѣ:** у кн. **П. В. Симоковскаго.**

„ **Кишиневѣ:** въ кн. маг. **Пороховой.**

„ **Кіевѣ:** у кн. **Н. Я. Оглоблина, Е. Я. Ѳедорова, Корейво и гг. Гинтера и Малецкаго.**

„ **Ковно:** въ кн. маг. **„Общ. любит. чтенія.“**

„ **Костромѣ:** въ кн. маг. **Бекенева.**

„ **Курскѣ:** въ библ. **М. Н. Дружинина.**

„ **Кутаисѣ:** у кн. **І. М. Мурадова.**

„ **Либавѣ:** у кн. **Р. Пуце.**

„ **Минскѣ:** у кн. **А. Городенскаго** и въ библ. **С. Ф. Савицкой.**

„ **Митавѣ:** у книгопр. **Бестгорна.**

„ **Могилевѣ:** у кн. **Сыркина.**

„ **Нижн. Новгородѣ:** въ кн. маг. **„Первая Нижегор. артель.“**

„ **Новочеркаскѣ:** у кн. **Ѳ. И. Ананьева.**

„ **Одессѣ:** у кн. **Е. П. Распопова, В. И. Бѣлаго, Піотровскаго, Е. Д. Пушкина,** и въ **Южн. агентствѣ журн. и газетъ.**

„ **Омскѣ:** у кн. **В. М. Орлова.**

„ **Орлѣ:** у кн. **Потанина и В. Д. Кашкина.**

„ **Оренбургѣ:** у кн. **Н. П. Кудрина.**

„ **Пензѣ:** въ кн. маг. **Н. А. Магницкаго.**

„ **Перми:** въ кн. маг. **О. П. Петровской.**

„ **Петрозаводскѣ:** въ **„Алексѣевской Общ. Библ.“**

„ **Полтавѣ:** у кн. **Бойно-Родзевича и Е. Ф. Богоявленскаго и К°.**

Въ Псковѣ: у кн. **Ю. Вольфрама.**

„ **Ревелѣ:** у кн. маг. **Гг. Клуге и Штремъ.**

„ **Ригѣ:** въ кн. маг. **И. Г. Тверитинова** и у кн. **Энгельманна.**

„ **Ростовѣ-на-Дону:** въ кн. маг. **Теръ-Абраміана и Прѣснова.**

„ **Рыбинскѣ:** въ кн. маг. **Е. Ф. Мусницкой.**

„ **Самарѣ:** въ кн. маг. **Грау и Плотникова.**

„ **Саратовѣ:** въ кн. магаз. **„Приволжская книжн. торг.“**

„ **Севастополѣ:** въ кн. маг. **О. А. Протопоповой.**

„ **Симбирскѣ:** въ кн. маг. **К. И. Юргенса.**

„ **Симферополѣ:** въ кн. маг. **Спиро.**

„ **Смоленскѣ:** у кн. **В. Ѳ. Лаврова.**

„ **Ставрополѣ:** у кн. **М. Т. Тимофѣева.**

„ **Таганрогѣ:** у кн. **Бѣлоновскаго.**

„ **Тамбовѣ:** у кн. **Зотова.**

„ **Ташкентѣ:** у кн. **Шварца.**

„ **Твери:** у кн. **Л. Д. Кашкина.**

„ **Тифлисѣ:** въ кн. маг. **„Центральная кн. торг.“**, у кн. **Вартанова, Беренштама и Шавердова.**

„ **Томскѣ:** у кн. **Макушина и Михайлова.**

„ **Тулѣ:** у кн. **Л. И. Пузыревскаго и П. Н. Аносова.**

„ **Уфѣ:** у кн. **Н. К. Блохина.**

„ **Харьковѣ:** у кн. **В. А. Сыхра, Куколевскаго** (старш.) **и Постриганева.**

„ **Херсонѣ:** у кн. **М. О. Шаха.**

„ **Черниговѣ:** у кн. **Данюшевскаго.**

„ **Ярославлѣ:** у кн. **Кокуева.**

А. СІУ и К°.

ПАРФЮМЕРНЫЙ и КОСМЕТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

ТВЕРСКАЯ, д. ВАРГИНА.
МОСКВА.
ПОДРОБНЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
ВЫСЫЛАЕТСЯ
ПО ТРЕБОВАНІЮ.

№ 1929 11—10

ДЛЯ ПОДАРКОВЪ ХОЗЯЙСТВА и ПРИДАНАГО

„AU BON MARCHÉ"
34. Б:МОРСКАЯ Д:ШТАНГЕ 34.

ПРЕДЛАГАЕТЪ ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ СТОЛ: И ЧАЙНЫЕ СЕРВИЗЫ, ХРУСТАЛЬ, ФАРФОРЪ, МЕЛЬХІОРЪ. САМОВАРЫ И КОФЕЙН: НА СПИРТУ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ. МѢДНАЯ И ЭМАЛЛИРОВ: ПОСУДА ДЛЯ КУХНИ, ВАННЫ БИДЕ КЛОЗЕТЫ И ПР:

ВЪ ДЕШЕВИЗНѢ И ИЗЯЩНОСТИ ПРОСЯТЪ УБѢДИТСЯ.

№ 2401 4—1

ZAPOWIEDŹ NA ROK 1883.

TYGODNIK POLITYCZNO-SPOŁECZNY
w Petersburgu, pod redakcyą Erazma Piltza.
Przedpł.: rocznie rs. 8, półr. 4, kwart. 2: z przes. poczt.: rocz. rs. 10, półr. 5, kwart. rs. 2 k. 50 Ogłosz. 15 k za wiersz.
Adres Redakcyi: Площадь В. Театра, 10.
№ 2396 3—1

Самый лучшій, полный

ДАМСКІЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВЫЙ

Русскій Базаръ.

24 №№ модныхъ, более 3000 рисун. парижскихъ модъ, дамскихъ и дѣтскихъ туалетовъ, нарядовъ, разнаго бѣлья, обуви, уборовъ, шляпъ, прическъ и пр. всевозможныхъ дамскихъ рукодѣлій и работъ.
24 №№ для семейнаго чтенія, съ роскошными иллюстраціями, лучшіе романы, разсказы, повѣсти, ребусы, задачи, и къ нимъ
24 №№ отдѣльныхъ приложеній новѣйшихъ парижскихъ модъ съ модной хроникою.

БЕЗПЛАТНО разныя приложенія и **ПРЕМІЯ**—велик. **ОЛЕОГРАФІЯ.**

Выходитъ аккуратно 4 раза въ мѣсяцъ.

Цѣна на годъ съ перес.	I-му изд. съ 12	Раскраш. парижск. модныхъ картин.	8 р.
	II-му „ „ 24		9 „
	III-му „ „ 48		11 „

Подписка открыта въ главной конторѣ: Спб., у Шмицдорфъ (К. Ретгеръ), Невскій, № 5. № 2392

„КАЗАНСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ"

съ 27 октября 1882 года выходитъ, вмѣсто двухъ, три раза въ недѣлю. Программа расширена отдѣломъ беллетристики. Телеграммы политическія (ежедневно) и биржевыя (до 80 названій товаровъ изъ Петербурга и поволжскихъ биржъ). Подписная цѣна на весь 1883 г. (15-й годъ изданія) съ перес. семь руб.

Желающіе получить вмѣстѣ съ „Листкомъ" и 2-е изданіе „Сельскаго Сборника" Д. А. Соколовскаго добавляютъ къ подписной суммѣ одинъ рубль.

Адресъ: Казань, „Казанскому Биржевому Листу". № 2352 3—3

Фирма наслѣдницъ Ивана Тимофѣевича Жилина, производящая торговлю въ г. Москвѣ, Колокольный рядъ, собственная лавка, № 291, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что по случаю прекращенія торговли, съ 25 ноября сего 1882 года, назначается окончательная распродажа всего, имѣющагося въ лавкѣ, церковнаго и мѣднаго товара, съ большой уступкой въ цѣнѣ. Имѣется громадный выборъ паникадилъ, лампъ, лампадъ, подсвѣчниковъ, хоругвей, свѣчъ и др. церковной утвари, самаго лучшаго фасона и достоинства, а также полный выборъ мѣднаго товара. Просятъ обратить вниманіе гг. оптовыхъ покупателей и церковныхъ старостъ. Письма и телеграммы адресовать: Москва, Колокольный рядъ, лавка Жилиныхъ, Петру Петровичу Бѣлоярцеву.

Лавка наслѣдницъ Жилиныхъ, съ амбарами и кладовыми, сдается. Ц. № 2870 8—2

Честь имѣю увѣдомить почтен. публику, что извѣстный мой новый органич. препаратъ „Шведскій бальзамъ" „ЭЛЕОПАТЪ" провизора Кинунена употребляется для сохраненія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ. „Элеопатъ" испытанъ, одобренъ и признанъ безподобнымъ средствомъ и не можетъ быть ничѣмъ замѣненъ.

Способъ употребленія „Элеопата" для рощенія волосъ приложенъ къ каждому флакону. Отправка производится во всякое время года. Каждый флаконъ имѣетъ въ самомъ стеклѣ вензель и надпись Кинунена, собственно для предупрежденія отъ поддѣлокъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ" пров. Кинунена продается у Штоль и Шмидта и въ Русск. Общ. Торговли Аптек. Товарами. Цѣна флакону 1 руб. 50 к. Въ провинціи „Элеопатъ" имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ лучшихъ аптекахъ, лабораторіяхъ и косметическ. магазинахъ.

Для иногородныхъ покупателей „Элеопатъ" высылается изъ Главнаго Депо, не менѣе 2 флаконовъ, содерж. 240 граммовъ, за 4 руб.; при высылкѣ денегъ на заказъ, необходимо указать слѣдующій здѣсь адресъ:

Въ Главное депо „ЭЛЕОПАТА" пров. Кинунена.
Пассажъ, маг. № 52, въ С.-Петербургѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ
на журналъ

ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ

№ 2405 1—1

изданіе **Е. Лебедевой** (бывшее Львовой).

Журналъ выходитъ семнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ, въ хорошемъ переводѣ, произведенія иностранныхъ писателей.

Въ 1883 г. журналъ будетъ выходить по той-же программѣ и въ томъ-же объемѣ, при благосклонномъ участіи лучшихъ нашихъ переводчиковъ-литераторовъ.

Успѣхъ данныхъ въ этомъ году историческихъ романовъ („Императрица Елисавета" и „Великая Княгиня") приводитъ насъ къ убѣжденію, что историческіе романы болѣе нравятся публикѣ, почему мы въ 1883 году постараемся давать побольше такихъ романовъ, не забывая, конечно, о всемъ новомъ, что появится въ иностранныхъ литературахъ. Кромѣ того, всѣ подписчики 1883 г. получатъ въ *премію* талантливое произведеніе извѣстнаго *Эмиліа Габоріо* „Знаменитыя женщины", гдѣ въ двухъ книгахъ, въ увлекательной формѣ, изложены біографіи всѣхъ извѣстныхъ, отъ самыхъ древнихъ временъ, французскихъ женщинъ, фаворитокъ, имѣвшихъ часто огромное вліяніе на судьбы этого народа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки:	Съ доставкой на домъ.	Съ пересылкой во всѣ города.
На 12 мѣсяцевъ. .	8 р. — к.	8 р. 50 к.	8 р.
„ 6 „ . .	4 „ 25 „	4 „ 50 „	5 „

Допускается разсрочка по полугодично и по третямъ съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 р., во второмъ 3 рубля.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно въ контору „Переводы Отдѣльныхъ Романовъ", Спб. Бассейная, № 38, и въ Москвѣ книжная торговля Н. Карбасникова, Моховая, противъ университета, д. Кохъ.

Для гг. казначеевъ и книгопродавцевъ уступка по 50 к. съ каждаго экземпляра.

ШКОЛА КРОЙКИ и ШИТЬЯ

По методѣ Глодзинскаго, и мастерская дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ и костюмовъ, Бочаровой, Кабинетская, д. № 1. № 2389 1—1

ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
1 р. *А. Ковалевскаго* въ губ. г. *Владимірѣ* 1 р.
Смотри въ № 48 Нивы, 1882 г.
ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ.
№ 2388 6—2

НОВАЯ КНИГА:
УХОДЪ ЗА ЗДОРОВЫМИ И БОЛЬНЫМИ
ДѢТЬМИ.

Соч. Гетца, обработан. Лихарчикомъ. **ТРЕТЬЕ** русское изданіе, перев. и передѣланное д-ромъ Воронихинымъ. Ц. 1 р. 50 коп. Складъ въ магазинѣ Риккера, Невскій пр., 14. № 2402 1—1

Только что отпечатана и поступила въ продажу въ книжныхъ магазинахъ Москвы

2-мъ ИЗДАНІЕМЪ КНИГА:

Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа

съ 13 гравированными по дереву картинами.
Цѣна 1 руб., съ пер. 1 р. 20 к.

Получать можно и отъ издателя ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА РЫЧИНА, въ Москвѣ, на Самотекѣ, въ Троицкомъ пер., въ своемъ домѣ.
П. № 2374 2—2

О ПОДПИСКѢ НА ГАЗЕТУ

„РУСЬ,"

ИЗДАВАЕМУЮ И. С. АКСАКОВЫМЪ,
на **1883** годъ.

Въ будущемъ 1883 г. „РУСЬ" будетъ выходить 1 и 15 числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ отъ 4 до 5 листовъ, въ 8 д. листа большаго формата; при этомъ редакторъ удерживаетъ за собою право, въ случаѣ особенныхъ обстоятельствъ, возвратиться къ еженедѣльной формѣ изданія или выпускать особыя приложенія въ видѣ газетныхъ листковъ.

ЦѢНА:	Въ Россіи.	За границу.
На годъ	8 р.	11 р.
„ полгода . . .	5 „	6 „
„ три мѣсяца. .	3 „	4 „

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (Спиридоновка, д. Романовой), въ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ, „Новаго Времени" и М. О. Вольфа, а также и у всѣхъ прочихъ книгопродавцевъ. № 2397 3—1

Открыта подписка на политическую, литературную, безцензурную газету

„ВОСТОКЪ"

Подписка въ Москвѣ, въ редакціи „**ВОСТОКА**", въ д. Полякова, на Полянкѣ.

За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р., за полгода 4 р. 50 к., заграницей за годъ 10 р.

П. № 2381 1—1

„СЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Подписка на 1883 годъ принимается С.-Петербургѣ, въ конторѣ „Правительственнаго Вѣстника": для городскихъ подписчиковъ съ дост. 2 р., для иногородныхъ съ перес. 1 р. 60 коп. № 2403 3—1

---

1) **ПОМАДА**, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ, флаконъ 3 р., пересылка 1 р.; для удобства: жидкая и густая помада, по полфлакону, цѣна $3^{1}/_{2}$ руб., пересылка $1^{1}/_{2}$ р.; 2) **КРАСКИ** моментально окрашиваютъ волосы, не линяютъ, въ черный цвѣтъ, цѣна 3 р.; въ темнорусый цвѣтъ 3 р.; перес. по 1 р. Гороховая ул., д. № 57. Магазинъ-парикмахерская Ивановой. № 2390 1—1

ВСѢ НАЦІОНАЛЬНЫЕ ФЛАГИ ДЛЯ ЕЛКИ

можно получить по фабричнымъ цѣнамъ у Однеръ и К°. СПБургъ, Троицкій проспектъ. д. № 6—1. № 2351 3—3

НОВЫЙ МАГАЗИНЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ,
PARFUMERIE DU GRAND MONDE.

16. Большая Морская, 16.

La poudre de riz IAVA de Bourgeois 50 коп.
Всѣ предметы продаются по такой же **дешевой цѣнѣ**, съ такой же **большой уступкой**, напримѣръ:
Головная щетка въ слоновой кости, въ 17 рядовъ, по **8** рублей. № 2404

ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.
ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ“ 1882 года.
Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,200 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева—„Вольтерьянецъ“**, больш. романъ Iокая—**„Во время бурн“**, больш. пов. **Лебедева** (Морскаго) **„Подъ землею“**, пов. **Авсѣенко „Испанскій дворянинъ“** и др. произвед. современн. беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того большая олеографическая картина проф. Имп. Акад. Худ. В. И. Якобія—**„Дорогой гость“**.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 5 „ — „	Съ пересылкою 7 „ — „

Съ требованіями обращаться: въ С-Петербургъ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

Подарокъ на Елку.

Только что вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива“ въ Спб., Б. Морская, № 9, въ Москвѣ—въ отдѣленіи „Нивы“, у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линій, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Шесть разсказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).
Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Заглавіе разсказовъ:

1) Дяденька.	4) Обезьянка.
2) Уличная пѣвица.	5) Грѣхъ ли это?
3) Ночь.	6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ **Н. Н. Каразинымъ**, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти разсказы представляютъ намъ прелестные дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанію эти разсказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвицамъ. **Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.**—Въ каленк. перепл., съ золот. тисненіемъ **3 р., съ перес. 3 р. 50 к.**

Въ редакціи „Собранія Романовъ“

въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ, продаются съ большой уступкой прошлые года этого журнала. Въ каждомъ году отъ **десяти** до **двѣнадцати** романовъ и отъ **тридцати** до **сорока** повѣстей. Каталогъ съ названіями статей и обозначеніемъ цѣнъ высылается безплатно. № 1966 10—10

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.
ДЛЯ ЕЛОКЪ:

Парафиновыя свѣчи бѣлыя и разноцвѣтныя.
Стеариновыя свѣчи бѣлыя.
Зажигательная нитка 20 и 40 к.
Свѣтъ магнія по 20 к.

Приготов. съ разрѣш. С.-Петерб. Врачеб. Управы.

Бенгальскіе комнатные огни, безъ дыма и запаха, по 30 к.

Большой выборъ **всевозможныхъ картонажей, для украшенія елки, по сходной цѣнѣ.**

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ, д. № 32,** Католической церкви.
2) **Невскій проспектъ, д. № 66,** у Аничкина моста.
3) **Вознесенскій проспектъ,** уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. Р. № 2387 2—2

САМОЕ ДОСТУПНОЕ ПО ЦѢНѢ ИЗДАНІЕ
ЖУРНАЛЪ
„ГРАЖДАНИНЪ“
(безъ предварительной цензуры).
ЗА 8 РУБЛЕЙ ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА, НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ ЛИСТОВЪ
самаго разнообразнаго содержанія,
и
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ (приложенія)
(ФОРМАТА БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ: „ДѢЛО“, „РУССКАГО ВѢСТНИКА“, „ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ“).

въ каждой книгѣ будутъ романы, повѣсти и разсказы,
оригинальные и переводные.

Главная цѣль журнала „Гражданинъ“ давать за самую дешевую цѣну много интереснаго чтенія. Рекламъ громкихъ не дѣлаемъ. Читатели сами увидятъ, надѣемся, что изданіе „Гражданина“ въ 1883 году превзойдетъ ихъ ожиданіе, и будетъ первымъ опытомъ дешеваго, но интереснаго и цѣннаго изданія.

Такъ какъ количество экземпляровъ январской книжки (приложенія) будетъ опредѣлено заранѣе, то во избѣжаніе замедленій, слѣдовало бы подписываться заблаговременно, а не то можетъ случиться, что съ выходомъ первой книжки, для послѣдующихъ подписчиковъ можетъ не хватить экземпляровъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи, Малая Итальянская, 21, въ Москвѣ. въ книжн. магазинѣ Карбасникова, д. Коха.

Подписка для служащихъ допускается съ разсрочкою черезъ казначеевъ.

Для желающихъ допускается разсрочка: при подпискѣ платится 3 р.; въ Мартѣ 2 р.; въ Іюлѣ 2 р. и въ Сентябрѣ 1 р.

На полгода подписка . . . . . 5 р.
На треть года . . . . . 4 р. № 2376 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

III годъ. # ОСКОЛКИ **годъ III.**

подъ редакціей Н. А. ЛЕЙКИНА.

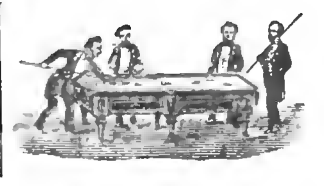
Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“, вступая въ третій годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1883 г. по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1882 г.

Журналъ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій, на лучшей бумагѣ, и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и карикатурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре страницы текста убористой печати. Годовое изданіе составитъ 52 номера.

Цѣна за журналъ въ 1883 году:

На годъ безъ пересылки 6 р.	На 6 мѣс. съ пер. и дост. 4 р.
„ съ пер. и дост. 7 р.	Отдѣльный номеръ . . 20 к.

Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала „Осколки“, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ просп., д. № 122.
№ 2866 3—3 Редакторы-издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голике.



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ
С.-Петербургъ.
Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26—26

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1883 годъ
на большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:		Съ пересылкою въ города:	
На 12 мѣс. 8 р. 50 к.	На 6 мѣс. 4 р. 50 к.	На 12 мѣс. 9 р. — к.	На 6 мѣс. 5 р. — к.
„ 11 „ 8 „ — „	„ 5 „ 3 „ 90 „	„ 11 „ 8 „ 50 „	„ 5 „ 4 „ 60 „
„ 10 „ 7 „ 50 „	„ 4 „ 3 „ 25 „	„ 10 „ 8 „ — „	„ 4 „ 3 „ 70 „
„ 9 „ 6 „ 75 „	„ 3 „ 2 „ 50 „	„ 9 „ 7 „ 40 „	„ 3 „ 2 „ 75 „
„ 8 „ 6 „ — „	„ 2 „ 1 „ 90 „	„ 8 „ 6 „ 70 „	„ 2 „ 2 „ — „
„ 7 „ 5 „ 25 „	„ 1 „ 1 „ — „	„ 7 „ 5 „ 90 „	„ 1 „ 1 „ 10 „

За границу: на 12 м. **17** р., на **6** м. **9** р., на 3 м. **5** р., на 1 м. **2** р.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзинкипа; въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ — Rue Clément, 4, Adam.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„Русскій Курьеръ“.

№ 2289 10—7 Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

А № 2885 ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1—1

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

въ 1883 году.

СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“ въ 1883 году будутъ выходить, какъ выходятъ и нынѣ, ежедневно, листами большаго формата, подъ прежнею редакціею.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкою въ Петербургѣ	16 р. — к.	9 р. 50 к.	4 р. 80 к.	1 р. 80 к.
Съ пересылкою во всѣ города Россіи	17 „ — „	10 „ — „	5 „ 50 „	2 „ — „
Съ пересылкою заграницу	24 „ — „	13 „ — „	7 „ — „	3 „ — „
Съ казенными приложеніями съ пересылкою и доставкою	19 „ 50 „	12 „ — „	7 „ — „	3 „ „

Обращаемъ вниманіе, что **„С.-Петербургскія Вѣдомости“, вмѣстѣ съ казенными приложеніями къ нимъ** нужны каждому присутственному мѣсту и лицу, и каждому торговому человѣку. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣщаются всѣ объявленія судебныхъ мѣстъ и лицъ, объявленіе о всѣхъ казенныхъ подрядахъ, поставкахъ, заготовкахъ, объявленія о несостоятельности, о дѣятельности конкурсныхъ управленій, отчеты банковъ, обществъ взаимныхъ поземельныхъ кредитовъ, объявленія о продажѣ имѣній и торговъ и т. д.

Литературная и политическая часть „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, по обилію и новизнѣ матеріала, даетъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ первостепенное положеніе.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ газеты, на углу Невскаго и Литейной, д. № 59 — 72, а также въ книжныхъ магазинахъ: **И. И. Глазунова, М. О. Вольфа, Н. Г. Мартынова, Н. О. Фену** и другихъ книжныхъ магазинахъ.

Въ Москвѣ: въ конторахъ: **Н. А. Мейера** — Маросѣйка, д. Леонозыхъ, **А. Лури** — Кузнецкій мостъ, д. князя Голицына, и **Печковской**—домъ Петровскихъ линій.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ для служащихъ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе-же могутъ обращаться съ своими заявленіями исключительно въ главную контору редакціи. Редакторъ-издатель **В. КОМАРОВЪ.**

годъ 17. ОТКРЫТА ПОДПИСКА годъ 17.

на 1883 годъ.

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

въ **1883** г. будетъ выходить по той-же программѣ, вмѣсто шести

СЕМЬ РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣс	На 1 мѣс.
Безъ доставки на домъ	7 р. 50 к.	4 р. 50 к.	2 р. 50 к.	90 к.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ	9 „ — „	5 „ — „	2 „ 75 „	1 р. — к.
Съ пересылкою во всѣ города Рос. Имперіи	10 „ — „	5 „ 50 „	3 „ — „	1 „ 15 „
За границу	16 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	2 „ — „

Подписка открыта въ главной конторѣ „Петербургской Газеты“ въ С.-Петербургѣ, въ Симеоновскомъ пер., д. № 5.

№ 2398 2—1 Редакторъ-издатель **С. Н Худековъ.**

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(Годъ двадцатый).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1883 г.

СЪ 1-го ЯНВАРЯ.

ВЪ МОСКВѢ.			НА ГОРОДА.		
на 12 мѣсяцевъ	10 руб.	— коп.	на 12 мѣсяцевъ	11 руб.	— коп.
„ 6 „	5 „	50 „	„ 6 „	6 „	— „
„ 3 „	3 „	— „	„ 3 „	3 „	50 „
„ 1 „	1 „	30 „	„ 1 „	1 „	50 „

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Контора проситъ гг. подписчиковъ, при возобновленіи подписки и перемѣнѣ адресовъ, прикладывать къ письмамъ печатный адресъ.

Контора „Русскихъ Вѣдомостей“ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, какъ московскихъ, такъ и иногороднихъ, съ требованіями о подпискѣ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО АДРЕСОВАТЬСЯ ВЪ КОНТОРУ ВЪ МОСКВѢ НА МЯСНИЦКОЙ, ПРОТИВЪ ПОЧТАМТА, ЮШКОВЪ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 185—4-й. № 2359 8—3

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый въ г. Кіевѣ.

1883-й годъ (второй годъ изданія).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, **ежемѣсячно,** по той же программѣ, при участіи кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала—двѣнадцать книгъ, въ 12 и болѣе листовъ каждая. Книги выходятъ непремѣнно 1-го числа и одновременно разсылаются подписчикамъ.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣд. статьи: **Жидотрепаніе XVIII в.** (хроника), Н. И. Костомарова; **П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность,** его же; **Печерскіе антики,** Н. С. Лѣскова; **Задунайская сѣчь,** Ѳ. Кондратовича; **Княжна Анна-Алоиза Острожская,** О. И. Левицкаго; **Революція волынская 1-й четверти XIX ст.,** обширный современный мемуаръ; **Исторія изысканій кіевскихъ древностей,** проф. В. Б. Антоновича; **Мнимый бунтъ на Волыни 1789 года,** его же; **Старосвѣтскіе батюшки и матушки,** повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: **Письма Т. Г. Шевченко къ Бр. Залѣскому 1853—57 г.; Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ и пр., Дневникъ Н. Ханенка, Дневникъ свящ. Ѳоки Струтинскаго, Разновидности „Марцѣпанъ и Ганнусковой горѣлки“,** рукопись XVIII в., Ив. Кулебяки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ **приложеніемъ** и доставкою **на домъ** или пересылкою внутри Россіи **десять рублей, на мѣстѣ восемь руб. пятьдесятъ коп.** На заграничную пересылку прибавляется **одинъ рубль.**

Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“: **Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.**

Подписка на 1882 г. продолжается по тому же адресу и цѣнѣ. Въ ноябрьской книжкѣ—біографія и портретъ Гонты. № 2372 2—2

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

МОДНЫЙ СВѢТЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(самый полный и самый дешевый иллюстрированный модный и семейный журналъ въ Россіи, съ разными приложеніями).

По количеству своихъ подписчиковъ онъ превосходитъ всѣ другіе модные журналы.

„Модный Свѣтъ“ даетъ своимъ подписчикамъ богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ по всѣмъ отраслямъ моды: костюмы, платья, пальто, накидки, шляпы, прически, сообразно времени года и случаю, бѣлье мужское, женское и дѣтское, ручныя дамскія работы всѣхъ родовъ и т. д., изображенные прекрасными рисунками, съ описаніемъ ихъ исполненія. Кромѣ того, въ литературномъ отдѣлѣ онъ даетъ читателю богатый выборъ для семейнаго чтенія: романы, повѣсти, стихотворенія, а также афоризмы, шарады, задачи и т. п.

Въ 1883 году ТРИ ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ ПРЕМІИ.

Подписка на 1883 годъ открыта.

Годовая цѣна журналу **„Модный Свѣтъ“:** I изданію: безъ доставки — **5 р.,** съ доставкою въ С.-Петербургѣ — **6 р. 50 к.,** съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи—**7 р.;** II изданію: безъ доставки — **6 р.,** съ доставкою — **7 р. 50 к.,** съ пересылкою **8 р.** и III изданію: безъ доставки **8 р.,** съ дост.—**9 р. 50 к.,** съ перес.—**10 р.**

Контора редакціи на Б. Садовой ул., № 16, въ С.-Петербургѣ. Р. № 2322 6—5

„ПРИРОДА и ОХОТА“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОХОТНИЧІЙ ЖУРНАЛЪ, СЪ ОЛЕОГРАФІЯМИ И ПРЕМІЕЙ.

„ПРИРОДА И ОХОТА“ выходитъ ежемѣс. книгами до 250 страницъ съ объяснит. рисунками и 2—3 превосходно выполнен. картинами (охотничьи сцены) въ каждой. Въ числѣ этихъ картинъ 6 красками.

По случаю имѣющагося исполниться въ 1883 г. **ДЕСЯТИЛѢТІЯ** существованія журнала, редакціей выдана будетъ **ЮБИЛЕЙНАЯ ПРЕМІЯ**—роскошная олеографія съ знаменитой картины проф. Фрезе **„ОХОТА НА ВЕПРЯ ВЪ XV СТ.“,** исполненная въ 25 красокъ въ Берлинѣ. Олеографія эта (имѣющая 1½ аршина длины и аршинъ ширины и продающаяся въ картинныхъ магазинахъ по 8 р.) высылается **безплатно всѣмъ годовымъ** абонентамъ **немедленно** при подпискѣ. Лица же, выславшія (въ редакцію) 15 р., получатъ кромѣ того одну изъ олеограф. премій прежнихъ лѣтъ.

Подписная цѣна на годъ съ перес. и дост. 14 р., на полгода 8 р.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Мясницкая, у Красныхъ воротъ, д. Гуськова.

П. № 2391 2—1

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
съ разными безплатными приложеніями.

„Всемірная Иллюстрація“ представляетъ политическія **событія, войну,** изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію и промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр.,—однимъ словомъ цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Главная задача **„Всемірной Иллюстраціи“**—изображеніе въ картинахъ и текстѣ **современныхъ событій** во всѣхъ сферахъ политической и общественной жизни.

Подписка на 1883 годъ открыта.

Годовая цѣна **„Всемірной Иллюстраціи“:** безъ доставки: въ С.-Петербургѣ **13 р.,** въ Москвѣ **14 р. 50 к.;** съ доставкою въ С.-Петербургѣ **14 р. 50 к.,** съ пересылкою въ Москву и во всѣ города Россійской **Имперіи 16 р.**

Контора редакціи на Большой Садовой, № 16, въ С.-Петербургѣ. Р. № 2323 6—5

большой художественный журналъ карикатуръ, печатаемыхъ красками въ нѣсколько тоновъ. Годовая цѣна съ перес. и достав. **6** руб.; полугодовая съ перес. и достав. **4** руб. Для годовыхъ подписчиковъ

ПРЕМІЯ **ЛѢСНАЯ ФЕЯ,** ПРЕМІЯ

большая олеографическая картина, заказанная въ лучшемъ олеографическомъ заведеніи въ Берлинѣ. За пересылку и доставку преміи господа подписчики прилагаютъ **1 р. 50 к.** Адр. ред.—С.-Петербургъ, Невскій просп., № 110. № 2361 5—3

И. АНТОНОВЪ и К°.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 38.

Съ 1-го по 25-е Декабря

ВЫСТАВКА ДЕШЕВЫХЪ ТОВАРОВЪ (OCCASION).

№ 2371 3—2

Чисто шерстяныя французскія ткани, двойной ширины, модныхъ цвѣтовъ, вмѣсто 2 рублей . . . . . по **95** к. арш.

ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ:

Satin faconné . . . . **1** р. **25** к. арш.
Фай, цвѣтной, лучшей доброты. **2** р. арш.
Satin de Lyon, лучшей доброты. . . . . **2** р. арш.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ.

основана въ 1873 г.; **МЕДАЛИ** на выставкахъ, въ **Митавѣ** 75 г.; въ **Брюсселѣ** 76 г.; въ **Филадельфіи** 76 г.; въ **Парижѣ** 78 г.; въ **Парижѣ** 79 г.; **четыре медали** въ **Дерптѣ** 81 г. и **медаль** въ **Москвѣ** 82 г.

Троицкій пер., 11—3.

Новый объяснительный каталогъ съ 76 рисунками высылается за почтов. марки на 35 к. Въ этомъ каталогѣ каждая вещь сопровождается объясненіемъ, а гдѣ нужно—рисункомъ.

Справочный каталогъ мастерской и склада при ней высыл. за почт. марки на 14 к.

Иллюстрированный каталогъ волшебныхъ фонарей, картинъ и разныхъ принадлежностей къ фонарямъ, высыл. за почт. марк. на 21 к.

Практическое руководство къ употребленію волшебнаго фонаря и принадлежностей къ нему. Сост. **А. К. Ержемскій**, дѣйствительный членъ московской коммисіи по устройству народныхъ чтеній, съ 29 рис. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Ариеметика. Сост. **А. Н. Канаевъ**, съ вопросами и задачами для усвоенія пройденнаго, съ 40 рисунками. **Учен. ком. мин. народн. просв. и учебн. ком. св. синода допущена, какъ учебное пособіе для училищъ.** Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Троицкій пер.. 11—3

№ 2368 2—1

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ,

наилучшихъ парижскихъ фабрикантовъ по 18 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 90 р., 100 р., 135 и 225 р. Школы для корнета по 1 р. 50 к., 4 р., 5 р. **Альтгорны**, баритоны, вальторны, тромбоны, сигнальные рожки и прочіе инструменты рекомендуетъ ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА.

С.-Петербургъ, по Б. Морской, № 42.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

За пересылку прошу приложить приблизительно.

Депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго. А.№ 2388 1—1

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья петель на всякой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес.

Продажа оптомъ и въ розницу

И. ВАКОНЪ

№ 9. Гороховая ул., д. Лембке, кв. № 8., въ С.-Петербургѣ.

№ 2384 2—2

ТЕПЕРЬ

ПЕРВЫЙ МАЛЕНЬКІЙ АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ для вышиванія К. Далматова (въ русскомъ и малороссійскомъ вкусѣ) вышелъ въ значительно увеличенномъ и дополненномъ видѣ. Всѣхъ листовъ 28 и тетрадь пословицъ; цѣна безъ пересылки 1 р. 25 к., а съ перес. 2 р.

Второй большой альбомъ въ 20 листовъ съ тетрадью пословицъ (узоры русскіе малороссійскіе и южно-славянскіе) продается безъ пересылки 2 р. 50 к., и съ пересылкою 3 р. Выписывающимъ оба альбома за разъ прилагаются два роскошные листа чисто русскихъ полотенецъ съ портретами Августѣйшей Семьи. Отдѣльная цѣна симъ полотенцамъ съ перес. за оба 1 рубль.

Адресъ издателя: Въ С.-Петербургъ **К. Далматову,** Обводный каналъ, дома Сивкова, № 105—4. № 2394 1—1

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ
ПАПИРОСНАЯ и СИГАРНАЯ ФАБРИКА

В. БУШЪ,
въ С.-Петербургѣ,

фабрика: Лиговка, № 31, **магазинъ:** Вознесенскій, № 14, покорнѣйше проситъ обратить вниманіе гг. курящихъ на ея произведенія, ибо работавъ долгое время въ первыхъ заграничныхъ сигарныхъ фабрикахъ, надѣется вполнѣ удовлетворить самый требовательный вкусъ; сигары отличаются мягкимъ вкусомъ и хорошимъ ароматомъ. Можно получить во всѣхъ табачныхъ магазинахъ. Р. № 2378 10—2

ЯПОНСКІЙ БАЗАРЪ

Шелковыя матеріи. Фарфоръ. Вазы. Этажерки. Ширмы. Статуэтки. Игрушки отъ 10 к.

Японскій Элексиръ противъ мигрени 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к. № 2383 2—2

9. Гороховая, фирма И. Ваконъ 9.

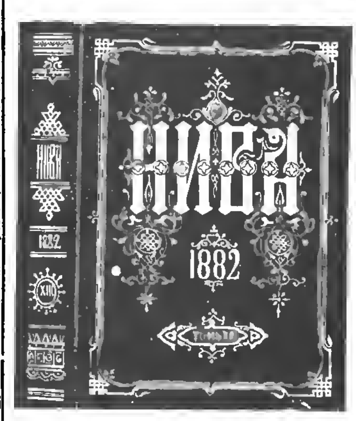
ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ

Большой Выборъ

резин. и кожан. галошъ, мужск. дамск. и дѣтск. **обуви, войлочныя** туфли и разный **теплый** товаръ.

Паровая механическая фабрика обуви Кирштенъ.

Въ магазинахъ: № 2293 8—7
Чернышевъ пер., № 3, прот. Пажеск. корпуса.
Караванная ул., № 3. близъ Цирка.



КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійск. каленк. 1882 г. съ зол. тисн. по вышеозначен. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ“ въ такую каленкоровую крышку. Также имѣются крышки для „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1881 г. по той же цѣнѣ.

Съ разрѣшенія Спб. и Вѣнск. медицинскихъ департаментовъ.

ПОМАДА

противъ сѣдыхъ волосъ.
Рудольфа
КЕРБЕРА.

Продается только въ нижеслѣдующихъ единственныхъ для Россіи агентурныхъ складахъ:

Въ СПБ., у Е. КРИСТМАНА. Невскій пр., д. Католической церкви, кв. 52. Въ Москвѣ, у Х. Р. ФЕРБЕРА, Варварка, д. Герике.

Цѣна за банку 2 р. Менѣе двухъ банокъ не высылается. За пересылку 1 р. отъ 2 до 5 банокъ. № 2382 2—2

въ „MAGASIN ETRANGER“,

ИНОСТРАННОМЪ МАГАЗИНѢ, ВЪ Б. МОРСКОЙ, Д. № 30, ВЪ С.-П.-БУРГѢ,

ПАРИЖСКІЯ ИГРУШКИ № 2407

въ громадномъ выборѣ и самой большой разнообразности, подробности въ „Нивѣ“ № 50.

Исключительное депо на всю Россійскую Имперію.

Мужскіе карманные часы

неимовѣрно подражающіе золотые.

Цѣны включительно съ пересылкой.
Цилиндрическій большой форм. 7 р.
„ меньшій „ 8 р.
Самозаводящіеся „ „ 10 р.
Выписывающ. сразу **25 шт. 10%** скидки
„ „ **100 „ 20%** „

Отправка немедленно по полученіи всей слѣдуемой суммы. Адр.: Торговый Домъ **„Commerce Russe“, Варшава.**

№ 2349 12—3

„МУР“

Товарищество русско-американской паровой пекарни въ Петербургѣ, Васильевск. Островъ, 12 лин., собств. домъ, № 43, предлагаетъ въ большомъ выборѣ **чайное (англійское) ПЕЧЕНЬЕ, БИСКВИТЫ, ВАФЛИ,** и пр. Издѣлія Товарищества удостоены **медалей** на выставкахъ: всемірной 1878 г. въ **Парижѣ** и всероссійской 1882 г. въ **Москвѣ.**

Приготовленныя изъ лучшихъ матеріаловъ печенья эти сохраняются въ жестянкахъ, очень долго безъ порчи.

Разсылка во всѣ мѣста Имперіи.—Цѣны самыя умѣренныя.

Жестянки съ образцами имѣются по 1 р. и по 2 р., съ пересылкою.—Прейскуранты по требованію безплатно. № 2271

№ 1978 19

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ

изъ

ЗОЛОТА и СЕРЕБРА,

какъ-то: **старинныхъ, золотыхъ эмальированныхъ табатерокъ, вазъ, кубковъ и бокаловъ** изъ топаза или камней въ золотой оправѣ, **старинныхъ серебряныхъ вещей,** какъ-то: **кружекъ, бокаловъ, кубковъ, группъ и фигуръ.** вообще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII столѣтій, кромѣ монетъ.

Письменно или лично обращаться въ Москву, **г-ну ЛУДОВИКУ БЕКЪ.** Петровка, домъ Пенскаго, противъ Петровской аптеки.

№ 2278 9—4

№ 2269 **РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ И ВОДЫ Н. П. ЛАНИНА.** 10—9

МОСКВА ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ 1882 Г. МОСКВА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 24 Декабря 1882 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ пѣрес. 20 к.

Елка для воробьевъ.

Весь день только и толковъ что о елкѣ. Дѣтки ждутъ ее съ нетерпѣніемъ. эту таинственную елку, которую убираютъ въ запертой комнатѣ и не показываютъ; въ нетерпѣніи ходятъ малютки и толкуютъ между собою, какая она будетъ—большая ли и густая ли? Глядя въ окно въ садъ, занесенный пушистымъ снѣгомъ, увидѣла старшая дѣвочка подъ окномъ воробьевъ, которые попрыгивали хотя бойко, но, ей показалось, не весело, и что то клевали, хотя клевать кажется было нечего—все былъ одинъ снѣгъ. А одинъ воробушекъ сидѣлъ нахохлившись, озябъ должно быть бѣдненькій! И вдругъ мысль приходитъ дѣвочкѣ въ голову. Она летитъ къ мамѣ и объявляетъ, что хочетъ сдѣлать елку для воробушковъ въ саду, а то они скучные и Рождество для нихъ будетъ печальное.

И вотъ малютки, получивъ разрѣшеніе, одѣваются потеплѣе, бѣгутъ въ садъ, ставятъ около бесѣдки на столѣ маленькую елку, навязываютъ на нее кусочки хлѣба и сыплютъ подъ елку конопляное сѣмя и хлѣбныя крошки. Особенно мила и забавна самая маленькая дѣвочка; она еще не можетъ очень скоро бѣгать и стоитъ, растопыривъ толстыя ножки, со сверткомъ сѣмянъ въ рученкахъ. Хлопочутъ дѣтки, и умныя птички словно понимаютъ въ чемъ дѣло: онѣ поворачиваютъ во всѣ стороны свои хорошенькія круглыя головки, поглядываютъ, бойко попрыгиваютъ кругомъ и повидимому очень одобряютъ мысль такой елки. Дѣтки потомъ уйдутъ и издали съ восторгомъ будутъ любоваться, какъ цѣлыя стаи воробьевъ съ шумомъ и чиликаньемъ налетятъ на ихъ маленькую елку и радостно будутъ клевать насыпанныя зерна. И для нихъ будетъ ёлка и для нихъ будетъ праздникъ Рождественской Ночи ...

Елка для воробьевъ. Ориг. рисун. Фрошль, грав. Ангереръ.

„Блудный сынъ".
Рождественскій разсказъ.
Н. Морскаго.
(Окончаніе).

V.

Не знаю почему братецъ, а я не доложилъ маменькѣ о странномъ народѣ, поселившемся у насъ на верху, потому, что какъ-то не рѣшился, даже просто посовѣстился разсказать имъ всё, что мы видѣли при переѣздкѣ новыхъ жильцовъ. Слышно было какъ жильцы ходили по комнатамъ, двигали и разставляли свою складную мебель, говорили что-то, смѣялись, а потомъ перестали ходить, стихли и разговаривали уже не такъ громко. Слышно было, какъ громко заплакалъ ребёнокъ и вѣроятно на его жалобный призывъ, побѣжали чьи-то ноги. Маменька, ничего не спрашивавшія насъ о жильцахъ, какъ всегда молчаливыя и задумчивыя, произнесли:

— Съ дитёй...

Я взглянулъ на братца. Они прилежно смотрѣли въ книжку, но я отлично понялъ, что только показывали видъ, что читаютъ, что мысли ихъ далеко отъ страницъ и что они, какъ и я, передумываютъ о видѣнномъ и все прислушиваются къ тому, что дѣлается наверху. Въ молчаніи мы просидѣли этотъ вечеръ и, поужинавъ, разошлись спать.

Я сказалъ „разошлись" потому, что братецъ уже около года не спали въ маменькиной спальнѣ, а занимали тятенькинъ кабинетецъ, прямо изъ зала; я же все еще оставался подъ маменькинымъ крылышкомъ и спалъ въ ихъ опочивальнѣ. Помолившись Богу, я раздѣлся и легъ, а маменька, какъ обыкновенно, потушили свѣчу и стали на молитву, освѣщаемыя только одной голубой лампадкой, свѣтъ которой падалъ на ихъ блѣдное, иконописное лицо. Опочивальня наша тонула во мракѣ, только сіяли златые вѣнцы иконъ, да въ синеватомъ облачкѣ мерцалъ маменькинъ важный и строгій ликъ. Тишина была полнѣйшая, маменька углубились въ молитву и сонъ начиналъ одолѣвать меня, какъ вдругъ среди этой тишины и благочестія, наверху, гдѣ все до сихъ поръ было тихо, надъ самыми нашими головами раздалось тринь-трпнь, забренчала гитара и чей-то ровный такой, женскій голосъ такъ ясно, такъ отчетливо запѣлъ:

Я безъ ума отъ тебя,
Ты мой восторгъ святой!
Ты—счастье жизни моей,
Ты—добрый геній мой!..

Маменька, все еще стоя на колѣняхъ,—видѣлъ я,—въ какомъ-то изумленіи подняли голову и посмотрѣли на потолокъ... И едва поющая окончила послѣднее слово, точно вырвавшись на волю, несясь куда-то, съ топотомъ и гиканьемъ подхватилъ ее хоръ, обрывая каждое слово:

Обойми-жъ ты меня,
Обойми поскорѣй!
Поцѣлуй ты меня,
Поцѣлуй горячѣй!..

Маменька, точно ошеломленная ударомъ по головѣ, вскочила съ колѣнъ и крестясь, не вѣря ушамъ своимъ, въ ужасѣ прошептала поблѣднѣвшими губами:

— Господи, что это такое?..

Мой сонъ пропалъ. Я приподнялся на постели и въ невыразимомъ страхѣ, точно это не люди пѣли, а сама нечистая сила свой шабашъ справляла, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ, прошепталъ:

— Это, маменька, верхніе жильцы, ужъ и видомъ они такіе люди...

— Какіе?

— Черные, маменька, зубы такіе бѣлые и ровно не русскіе, ровно не люди даже, маменька...

Я готовъ былъ отъ страху наговорить Богъ знаетъ что, но маменька, понявъ мой испугъ, сообразивъ быть можетъ истину, мгновенно овладѣли собою, торопливо зажгли свѣчу, спокойныя такія стали, оставили молитву и сѣли въ кресло.

— Такъ вотъ я какихъ жильцовъ пустила.

Потомъ вспомнивъ, вѣроятно, о братцѣ и подумавъ, не напугала-ли ихъ эта пѣсня наверху, приказали мнѣ:

— Встань и сходи къ брату: спитъ онъ или нѣтъ?

Я спѣшно исполнилъ приказаніе маменьки и накинувъ на себя одѣяло, пустился бѣгомъ черезъ рядъ освѣщенныхъ мѣсяцемъ комнатъ, подгоняемый страхомъ и доносившимся сверху пѣньемъ, съ топаньемъ и гикомъ. Передъ дверью братцева кабинетика я остановился, перевелъ духъ и осторожно, думая не спятъ-ли, прошепталъ:

— Братецъ, вы почиваете?

Каково же было мое удивленіе, когда двери отворились и я увидѣлъ, что братецъ не только не спали, а даже еще не ложились. Они стояли предо мной блѣдные какіе-то, дрожащіе точно въ лихорадкѣ, совершенно одѣтые; видно что они или совсѣмъ не ложились, или, разбуженные пѣньемъ на верху, встали и наскоро одѣлись. Я сказалъ имъ, что меня прислали маменька и прибавилъ отъ себя:

— Страхъ какой, братецъ, наверху-то...

Они повидимому не раздѣляли этого страху и даже какъ бы не поняли меня:

— Страхъ?.. Какой страхъ?

— Наверху-то, пояснилъ я.—поютъ.

— Ну, что-жъ, что поютъ?.. Чего тутъ страшнаго-то?.. значитъ—веселые люди живутъ...

Это меня поразило и я собрался было что-то возразить, но братецъ остановили меня самымъ неожиданнымъ образомъ. Вдругъ обнявъ меня и наклонившись къ самому моему лицу, какимъ-то дрожащимъ и прерывающимся голосомъ, братецъ совершенно внезапно спросили меня:

— Послушай: ты любишь меня?

— Люблю, братецъ.

— Очень любишь?

— Очень: сперва маменьку люблю, а потомъ васъ...

— Такъ вотъ что... тише прежняго зашептали они и такъ зашептали, что точно не слова ихъ падали мнѣ въ душу, а свинецъ растопленный капалъ,—вотъ что... скажи маменькѣ, что я сплю...

— Зачѣмъ же это, братецъ?

— Зачѣмъ?.. Братецъ вдругъ оттолкнули меня и стояли передо мной, съ ногъ до головы освѣщенные луной, блѣдные и дрожащіе отъ волненія:—я... я туда пойду!..

И показали рукой наверхъ... Я обмеръ отъ страху и почти со слезами схватилъ братца за руку, какъ бы намѣреваясь удержать ихъ силою.

— Что вы, братецъ!.. въ ужасѣ взволновался я,— какъ вамъ не страшно!.. Тамъ дурные люди живутъ, пѣсни разныя срамныя распѣваютъ, вѣрно вино пьютъ... Вамъ то, что тамъ, братецъ, дѣлать?.. Не ходите, Христа ради...

Братецъ только усмѣхнулись на мои слова и въ какомъ-то восторгѣ заговорили таково отрывисто...

— Я хочу этихъ пѣсень... Ничего въ нихъ нѣтъ срамнаго, жизнь въ нихъ, утѣха!.. Мнѣ надоѣла ваша тишина... Я хочу жить...

— Маменька огорчатся, какъ узнаютъ,—возразилъ

было я но братецъ отвергли это возраженіе:

— Маменька ничего не узнаютъ... Да я и не къ нимъ пойду,—снова показали они наверхъ,—а просто съ верхней галлерейки посмотрю, какъ это люди на свѣтѣ—веселые и вольные живутъ...

— Страшно, братецъ...

Тогда видя, что меня не убѣдить, братецъ бросили уговоры, сверкнули на меня глазами и гнѣвно посмотрѣвъ, рѣшительными шагами направились къ переднему выходу:

— Запри за мной.

Я болѣе не возражалъ. а только спросилъ:

— Назадъ-то какъ вернетесь?

Братецъ пріостановились передъ самой дверью:

— Назадъ?.. и какъ бы чувствуя, что не въ силахъ придумать, какъ они вернутся назадъ, занятые тѣмъ. что ожидаетъ ихъ тамъ наверху, съ отчаяніемъ махнули рукой:—не знаю какъ...

И скрылись за дверью.

Вернувшись въ спальную, я доложилъ не совсѣмъ твердымъ языкомъ маменькѣ:

— Братецъ почиваютъ!

— Что же такъ долго ходилъ?

— Слушалъ все... пока братецъ не захрапѣли...

Какъ въ лихорадкѣ я улегся въ постель, завернувшись въ одѣяло съ головой, и вскорѣ заснулъ. Не знаю, долго-ли я проспалъ, но когда проснулся, то увидѣлъ маменьку по прежнему сидящими въ креслѣ и задумчиво смотрящими на догорающую свѣчу. А сверху, съ визгомъ, съ гиканьемъ. топаньемъ подъ переборъ струнъ началась пѣсня и мнѣ показалось, что въ этомъ множествѣ голосовъ я отличаю голосъ братца, выкрикивающій громче другихъ слова:

Иль у сокола крылья связаны,
Иль пути ему всѣ заказаны!..

Маменька вздрогнули при этихъ звукахъ, прислушались и такъ и застыли съ поднятымъ кверху лицомъ...

VI.

Если маменька всегда были богомольны, то съ этого вечера сдѣлались почти подвижницей и молитву свою за насъ грѣшныхъ удесятерили. Теперь онѣ молились не только утромъ и на сонъ грядущій, не только ходили передъ праздниками ко всенощной и въ праздникъ къ обѣднѣ, но молились почти цѣлый день,—нѣтъ, нѣтъ, да удалятся въ опочивальню и простаиваютъ тамъ на колѣняхъ по цѣлымъ часамъ и молятся со слезами. Самой, можно сказать, истовой молитвѣ отдались и ужъ что къ праздничной—ко всякой будней молитвѣ въ церковь начали ходить. Прежде маменька усердно посты соблюдали, равно какъ и постные дни, среду и пятницу, но въ Рождественскій постъ—рыбное разрѣшали, и тутъ, съ самаго этого вечера—установили для себя питаніе самое что ни на есть подвижническое: одни коренья, овощи да хлѣбъ; только однимъ чаемъ себя отъ чрезмѣрной слабости поддерживали. Удивляла меня такая строгость жизни и я разъ, укладываясь въ постель подъ веселыя пѣсни нашихъ жильцовъ, которыя ужъ перестали мѣшать маменькѣ молиться, сказалъ:

— Очень вы себя утруждать изволите, маменька.

Маменька готовились стать на молитву и услышавъ мои слова, отвѣтили мнѣ коротко, но какъ-то загадочно:

— Нельзя иначе, дружокъ: молю Бога, чтобы услышалъ вдовьи мои молитвы.

На другой же день переѣзда къ намъ новыхъ жильцовъ, маменька узнали отъ работницы и работника, что это за люди. Работникъ съ работницей доложили, что это цыганскій хоръ, что главный ихъ управитель и совсѣмъ не цыганъ, а русскій, и что онъ возитъ всѣхъ этихъ пѣсельниковъ по городамъ; гдѣ пробудутъ мѣсяцъ, гдѣ два—и даютъ представленія въ театрѣ или благородномъ собраніи. Если куда не надолго пріѣзжаютъ, такъ эти цыгане въ нумерахъ обыкновенно останавливаются, а гдѣ подольше жить приходится, такъ квартиру подъискивали. Въ квартирѣ-то, значитъ, свободнѣе, да и подешевле, чѣмъ въ номерахъ. Работникъ съ работницей разсказали все это въ перебивку и думая, что такіе жильцы маменькѣ не по нраву, смотрятъ на нее оба и спрашиваютъ:

— Вотъ какіе люди. Какъ ужъ сама изволишь: откажешь или оставишь?

Маменька выслушала разсказъ съ опущенными глазами, помолчала, а потомъ тихо отвѣтила:

— Оставлю. Люди тоже, какіе ни на есть...

Такъ цыгане и остались у насъ, и мало того, что остались, маменька никакихъ стѣсненій дѣлать имъ не хотѣли, па что бы имѣли право, какъ домохозяйка. Цыгане распѣвали свои пѣсни съ утра до поздней ночи...

Братецъ разговаривали со мной мало. Они стали съ самаго этого вечера, какъ ходили смотрѣть цыганъ, какіе-то странные. Утромъ они приходили къ чаю совсѣмъ съ заспанными глазами и частенько на часокъ ложились днемъ, что маменька какъ бы не замѣчали. Въ промежуткахъ между сномъ бродили какіе-то задумчивые, или сидѣли надъ книгой, смотря куда-то вдаль. Не знаю, продолжали-ли они ходить наверхъ по вечерамъ, но днемъ побѣгивали къ цыганамъ—это мнѣ было извѣстно доподлинно... Увлеченіе ихнее этими людьми, повидимому, продолжалось. Разъ, не помню зачѣмъ, надо было мнѣ зайти къ братцу въ комнату... Двери были затворены и почему, ужъ я и самъ не помню, но прежде чѣмъ войти, прежде нежели отворить дверь, я возьми, да и полюбопытствуй въ щелочку... Что-же вижу?.. Братецъ стоятъ передъ зеркаломъ, сапоги на выпускъ, малиновая канаусовая рубашка. кудри расчесаны и передергиваютъ струны балалайки, плечами поводятъ, да ножкой притопываютъ легонько... И что за красивый молодецъ, я вамъ доложу, куда всѣмъ этимъ черномазымъ до него!...Глаза таково играютъ, кудри вздрагиваютъ, румянецъ и губы краснѣе рубахи, ростъ высокій. плечи—во какія, станъ стройный... Заглядѣнье, заглядѣнье, доложу вамъ... Я насилу оторвался отъ щелочки и такъ не посмѣлъ къ братцу войтить...

Дни пошли за днями, и я какъ-то сталъ свыкаться съ измѣненіемъ нашего образа жизни, съ тѣмъ, что маменька съ утра до ночи себя постомъ и молитвой изнуряютъ и что братцевы мысли далеко отъ всѣхъ насъ, тамъ, — какъ я былъ увѣренъ, — наверху... Даже къ цыганскому пѣнью привыкъ и, при тугой моей памяти, многія слова изъ ихъ пѣсень запомнилъ. Такъ незамѣтно подошло дѣло и къ половинѣ ноября, когда начинается Рождественскій постъ. Въ заговины этакъ приходитъ работникъ передъ самымъ обѣдомъ и говоритъ маменькѣ:

— Господинъ Ивановъ приказали тебѣ сказать, что завтра чуть свѣтъ уѣзжаютъ и квартеру очистятъ.

Странно мнѣ показалось, что маменька при этомъ какъ-бы измѣнились въ лицѣ, ручкой за сердце ухватились и такимъ упавшимъ голосомъ переспросили:

— Завтра? хорошо... Счастливый имъ путь...

Тутъ работница обѣдъ стала подавать и маменька послали меня за братцемъ. Обѣжалъ я весь домъ: братца нѣтъ, какъ нѣтъ... Вышелъ въ сѣни, покричалъ братца—не откликаются. Вѣрно наверху,—подумалъ,—да какъ ихъ оттуда позвать-то?.. Не пойду-же я къ цыганамъ... Порѣшилъ войти на верхнюю галлерейку, на которую изъ верхняго зала окна выходили, и осторожно заглянуть. Если увижу братца, думаю, стукну въ окошечко, поманю ихъ и опрометью внизъ... Тихонько поднялся я на лѣстницу и этакъ съ половины лѣстницы — слышу гитара играетъ и такой пріятный голосъ, звенящій колокольчиками, если можно такъ выразиться, вползающій въ душу, поетъ:

Рождественская Ночь въ глухомъ лѣсу. Ориг. рисун. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Говорятъ, всѣ движенья слишкомъ рѣзки во мнѣ,
Сердце, умъ и волненье порицаютъ во мнѣ;
Говорятъ я ребенокъ, едва изъ пеленокъ —
Настоящій чертенокъ, но люблю не шутя!..

Я даже оступился и чуть не полетѣлъ съ лѣстницы кубаремъ, такъ какимъ-то полымемъ точно ожгло меня это въ особенности мѣсто: настоящій чертенокъ... Въ одномъ словѣ, можно сказать, нѣсколько выраженій и смысловъ таилось и однимъ словомъ столько ощущеній въ слушателѣ вызывалось... Слова, какъ видите, не знаменитыя и даже очень глупыя, но это одно словечко „чертенокъ“, которое цыганка произносила „чарртенокъ“ и такъ, что первую половину оттягивала какъ-то, а вторую — напротивъ, стремглавъ, обрывала, одно это слово опаляло огнемъ и кружило голову... Я сдержалъ волненіе и страхъ, охватившіе меня, и побѣжденный чрезмѣрнымъ любопытствомъ, рѣшился заглянуть съ галлерейки въ одно изъ оконъ цыганскаго жилья. Что-жъ я увидѣлъ?.. Прямо противу окна, въ которомъ была открыта форточка, почему пѣнье такъ отлично и слышалось, сидѣла на стулѣ цыганка, молодая, блѣдная такая, что даже до синевы, съ черными волосами отлива вороноваго крыла и съ такими, доложу вамъ, глазами, точно пламень въ нихъ какой горѣлъ и ровно они на васъ искры метали... Мнѣ даже страшно какъ-то стало. На цыганкѣ было надѣто яркое желтое шелковое платье съ фалборами, красная бархатная накидка наброшена на плечи, а на головѣ ужъ и не разобрать, что было: и золотая бахрома, и бусы, и красные цвѣты, — все это съ черными волосами путалось, на лобъ до самыхъ глазъ и на спину свѣшивалось... Какъ увидѣлъ я эту женщину, еще страшнѣе мнѣ стало и я припомнилъ ту апокалипсическую блудницу, о которой незадолго передъ этимъ читалъ въ маменькиной книгѣ, какъ она сидитъ на багряномъ звѣрѣ „преисполненномъ именами богохульными, съ седмью головами и десятью рогами“, сидитъ, какъ эта цыганка, облеченная въ „порфиру и червленицу, позлащена златомъ и каменіемъ драгимъ и бисеромъ“... Страшно сдѣлалось, но еще страшнѣе показалось, какъ увидѣлъ я братца: стоятъ они невдалекѣ и такими глазами на эту цыганку смотрятъ, что кажется во взорахъ ихъ можно прочесть всю братцеву любовь къ этой самой женщинѣ... Трепетомъ какимъ-то объято было все существо братцево и, кажется, полоненный огненными взорами цыганки, очарованный пѣснью, братецъ готовы были пасть къ ея ногамъ и тутъ, со словами любовнаго признанія, взять да и умереть отъ восторга и счастія...

Я тѣмъ не менѣе стукнулъ въ окно и опрометью пустился внизъ... Я вошелъ въ горницу, гдѣ мы обѣдали, блѣдный, и вскорѣ за мною пришли и братецъ, какъбы немного смущенные... Всегда заговины мы отличали особымъ приготовленіемъ, но въ этотъ разъ, маменька точно хотѣли закормить насъ на цѣлые шесть недѣль поста... Чего, чего только не наготовили въ этотъ день и наготовили на насъ двоихъ, ибо сами маменька ничего не кушали, только насъ угощали, и не столько меня, сколько братца... Дивно это мнѣ показалось: ровно братецъ былъ какой дорогой и рѣдкій гость, а не жили постоянно съ нами. И отъ братца повидимому сіе не укрылось: сидѣли они какіе-то смущенные, только и знаи, что благодаря маменьку: „покорнѣйше благодарю, маменька, не извольте безпокоиться-съ. Я и такъ много доволенъ“.

— Не нравится?

— Очень, маменька, нравится: право не могу-съ. Увольте-съ. Сами покушайте...

Совсѣмъ, какъ между гостемъ и хозяйкой... Окончили обѣдъ и по обыкновенію къ рукѣ подошли: меня маменька, какъ всегда, въ високъ поцѣловали, а братца трижды облобызали и потомъ, взявъ его голову обѣими руками — такъ долго и любовно въ братцево лицо всматривались, точно каждую черточку его запечатлѣть въ своемъ сердцѣ и памяти хотѣли. Потомъ оторвались отъ братца: „ну, — говорятъ, — прощайте... Вы и чай пейте, и ужинайте безъ меня: завтра постъ начинается и я ужъ встрѣчу его молитвою“... Сказавъ сіи слова, опустили голову внизъ и направились въ опочивальню, но передъ тѣмъ, какъ отворить дверь и совсѣмъ выйдти, остановились, обернулись къ намъ и не столько мнѣ сколько братцу, низкій такой поклонъ, монашескій отвѣсили, рукой полу коснувшись...

— Простите. — говорятъ, — сыны дорогіе, если въ чемъ передъ вами согрѣшила и чѣмъ была вамъ не мила. По силѣ старалась...

Смущенные необычнымъ поведеніемъ маменьки, мы какъ-то робко отвѣтили въ одинъ голосъ:

— Богъ проститъ, маменька.

И остались одни, ибо маменька, сказавъ сіи слова, немедля удалились.

VII.

Когда маменька ушли и мы съ братцемъ остались одни, то нѣкоторый промежутокъ времени сидѣли, какъ будто чѣмъ-то опѣшенные. Братецъ впали въ задумчивость и повидимому находились въ какой-то борьбѣ. Потомъ, — ужъ такіе они шутники были, — вдругъ выпучили на меня глаза, преуморительную мнѣ гримасу состроили и, услышавъ наверху тринь-тринь гитары, вскочили и молодецки прищелкнувъ пальцами, повели глазами, какъ давешняя цыганка, и точно также крикнули мнѣ:

— До свиданья, *чарртенокъ!*

И убѣжали наверхъ.

Въ этотъ день болѣе замѣчательнаго ничего не случилось: братецъ такъ и застряли наверху, а маменьку я увидѣлъ только, какъ пришелъ къ нимъ въ опочивальню ложиться спать. Онѣ не молились, а въ глубокой задумчивости сидѣли у стола, съ глазами, полными слезъ. О чемъ онѣ скорбѣли, я не посмѣлъ спросить и въ молчаніи улегся на свою постель. Просыпаясь ночью, я не переставалъ видѣть маменьку сидящею у стола и отирающею глаза платкомъ. Сколько и о чемъ пролила слезъ родная въ эту ночь! Я проснулся еще разъ на разсвѣтѣ и въ промежутокъ бодрствованія, смѣшаннаго съ дремотой, мнѣ показалось, что я видѣлъ маменьку, стоящими въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ окна и посылающими кому-то напутственное благословеніе. Но можетъ это было и во снѣ...

Выйдя къ чаю, я засталъ за самоваромъ маменьку совершенно спокойною, безъ всякихъ слѣдовъ слезъ, съ выраженіемъ какого-то христіанскаго терпѣнія во взорѣ. Я поздоровался и принялся въ молчаніи за чай, ожидая, что вотъ-вотъ появится братецъ, какъ вдругъ маменька, слегка откашлянувъ, озадачили меня такими словами:

— Послушай, дружокъ мой... Кто будетъ спрашивать о братцѣ, такъ... ты всѣмъ говори, что онъ поѣхалъ на побывку къ дяденькѣ...

Я онѣмѣлъ отъ этихъ словъ, а маменька по прежнему спокойно продолжали:

— Спросятъ, скоро-ли вернется? не знаю, скажи. Можетъ и надолго останется у дяденьки при лавкѣ...

Я вдругъ все понялъ и остался безгласенъ. Я понялъ, что давно, съ самаго переѣзда къ намъ цыганъ, маменька читала въ душѣ у братца, какъ въ раскрытой книгѣ. Понялъ я, чѣмъ вызвалась ихъ усиленная съ нѣкоторыхъ поръ молитва, постъ, вчерашнее угощеніе братца, земный поклонъ, которымъ маменька, какъ бы обвиняя себя за заблужденіе братца, просили себѣ у него прощенія въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, не умѣли воспитывать ихъ. Я понялъ все и теперь зналъ, куда уѣхали братецъ, и ихъ мнѣ стало невыразимо жаль, и я вдругъ залился слезами... Маменька встали

съ своего мѣста, подошли ко мнѣ и... и обняли меня, шепнувъ мнѣ утѣшительныя слова:

— Опъ вернется. Будемъ молить Бога...

VIII.

Дни потекли за днями и одна недѣля поста чередовалась съ другой. О, это былъ постъ молчанія и скорби, постъ непрестанныхъ молитвъ за братца. Въ домѣ у насъ съ утра до ночи царствовала тишина до странности невозмутимая. Братецъ вносили въ домъ движеніе и жизнь—и съ ихъ отъѣздомъ ничего этого не стало. Мы притихли, какъ послѣ сильнаго горя, послѣ похоронъ дорогаго и близкаго намъ человѣка. У насъ началось что-то въ родѣ постояннаго говѣнья, шестинедѣльныхъ страстныхъ дней съ постнымъ питаніемъ, съ хожденіемъ ежедневно, а иногда и раза по два на дню, въ церковь,—страстныхъ дней съ лампадами передъ образами, съ чтеніемъ по вечерамъ дѣяній Христовыхъ и Апостольскихъ. Чѣмъ болѣе шло время и чѣмъ ближе подходило Рождество, тѣмъ маменька становились спокойнѣе и какъ бы даже веселѣе. Спервоначалу я думалъ, что молитва ихъ такъ уврачевала или всепокоряющее время изгладило остроту горя, но потомъ убѣдился, что это проистекло изъ инаго основанія, а именно изъ какой-то увѣренности, что братецъ вернутся къ празднику. Какими онѣ въ этомъ случаѣ соображеніями руководились—не знаю; но, что жила въ ихъ сердцѣ такая увѣренность, я понялъ отлично, и вотъ какъ это случилось.

За недѣлю до Рождества у насъ началась уборка и чистка, какъ это обыкновенно каждый годъ бывало и до сихъ поръ. Но въ этотъ разъ, послѣ такого страшнаго поста, мы какъ-то особенно приготовлялись къ празднику. Въ этотъ разъ маменька приказывали вынимать, развѣшивать и разставлять такія вещи, которыя спрятаны были въ сундуки и кладовыя съ самой тятенькиной копчины и предназначались къ вынутію не ранѣе свадьбы котораго нибудь изъ насъ. Мы точно готовились пировать, принимать почетныхъ гостей, развѣшивая въ нашихъ комнатахъ штофныя занавѣси, разстилая ковры, вынимая серебряную и фарфоровую посуду. Но надъ чѣмъ особенно заботились маменька, такъ это надъ комнаткой братца, которую обновили съ потолка до полу. Маменька ни одной старой вещицы не оставили, и когда я это увидѣлъ, я понялъ, что маменька ожидаютъ братца, о которомъ, какъ мнѣ было извѣстно, за все это время не было ни слуху, ни духу. У сокола нашего развязались крылья и онъ леталъ въ невѣдомомъ пространствѣ...

Домъ нашъ сіялъ и блестѣлъ, и передъ кануномъ Рождества начались другаго рода хлопоты,—закупанье по лавкамъ припасовъ и опять таки въ такомъ изобиліи и такого качества, что точно мы намѣревались звать цѣлый городъ и самыхъ именитыхъ людей. Все это время маменька были необычайно оживлены и какъ бы даже веселы, за всѣмъ наблюдали, помогали сами въ уборкѣ, но когда наконецъ въ рождественскій канунъ все было устроено, вколочены послѣдніе гвоздики, заказанъ самый что ни на есть богатѣйшій обѣдъ на завтра и хорошій, постный ужинъ съ рыбьей кулебякой на этотъ день,—когда словомъ все было окончено и часъ проходилъ за часомъ, солнце клонилось къ закату и близилось появленіе вечерней звѣзды, на маменьку какъ-бы напало нѣкоторое сомнѣніе, и унылыя, упавшія духомъ, онѣ въ какомъ-то отчаяніи опустились на диванъ и прервали свое молчаніе тихо-тихо сказанными словами, въ которыхъ слышался душевный вопль, вылилась вся бездонная скорбь материняго сердца:

— Неужели-же напрасно? неужели-же не вернется мой соколикъ ясный?...

Темнѣло... Багровые лучи заката погасали и на потемнѣвшемъ небѣ вспыхивали мерцающія брилліантовымъ свѣтомъ звѣзды... На улицѣ зажигались фонари, лучи которыхъ, проходя черезъ замерзшія окна, освѣщали ихъ искрящимся транспарантомъ... Благовѣстили ко всенощной, но нѣма и безотвѣтна на этотъ призывный гласъ оставалась маменька, тревожно прислушивающаяся къ каждому шороху, къ каждому скрипу двери... Вдругъ онѣ поднялись и съ какой-то скорбной усмѣшкой сказали:

— Бога-то забыла... Пора ко всенощной...

Я сидѣлъ въ уголкѣ и всталъ, услышавъ, что маменька вспомнили о всенощной... Огня въ комнатѣ не было, только теплилась передъ ярко блестѣвшими ризами иконъ лампадка, освѣщая одинъ уголъ обширной комнаты, въ которой мы находились и оставляя все остальное пространство въ темнотѣ. Я видѣлъ какъ маменька встали съ дивана, какъ онѣ начали закалывать шаль у подбородка и какъ вдругъ ихъ руки, исхудалыя отъ поста, дрогнули, булавка выпала изъ нихъ и, обернувшись къ дверямъ, ведущимъ въ заднюю прихожую, онѣ съ крикомъ, выходящимъ изъ глубины душевной,—пали ницъ на полъ:

— Не обманулась, угадала сердцемъ, пришелъ!

Материнское сердце, кто—кто разгадаетъ тебя? Кто постигнетъ тѣ тайныя предчувствія, которыя на самомъ дѣлѣ есть тончайшія знанія всѣхъ изгибовъ, всѣхъ явленій, помысловъ и чувствованій дѣтскихъ сердецъ?... Да, кто постигнетъ?.. На темномъ фонѣ двери рисовалась, въ полусвѣтѣ, блѣдная и взволнованная фигура братца, недвижнаго на порогѣ, съ моленіемъ о прощеніи простирающаго къ маменькѣ руки... Съ моленіемъ о прощеніи! какъ будто матери *прощаютъ* дѣтей, какъ будто онѣ *помнятъ* оскорбленія со стороны ихъ?... Радостный вопль, крикъ души огласилъ нашъ домъ, по всѣмъ угламъ комнатъ—крикъ матери, встрѣтившей сына.

— Огня! Зажигайте свѣчи и лампы... Вездѣ, вездѣ, чтобы не оставалось темнаго уголка.. пусть, пусть всѣ смотрятъ, какъ освѣщенъ домъ, пусть онъ сіяетъ и горитъ ярче всѣхъ домовъ въ городѣ... Мой сынъ, мой дорогой, милый сынъ, вернулся ко мнѣ; нынѣ, въ праздникъ великій—свою мать... мать несчастную вспомянулъ!..

И, съ рыданіемъ, маменька снова стали обнимать моего братца...

Музыкальный вечеръ.

Святочная картинка.

П. Г. Смоленскаго.

I.

Θедоръ Θедоровичъ Шпренгъ только что женился всего два мѣсяца назадъ. Женился онъ на прелестной, перетянутой въ таліи какъ оса, нѣмочкѣ Евѣ Θедоровнѣ, бѣленькой, розовенькой, аккуратненькой, и такой чистенькой, что отъ нея даже духами не пахло. Ева Θедоровна, вопреки традиціямъ, никакихъ снадобій не признавала—за что удостоивалась отъ мужа постояннаго одобренія, тѣмъ болѣе, что это было очень выгодно, а Θедоръ Θедоровичъ разсчетъ ставилъ на первомъ планѣ. Θедоръ Θедоровичъ былъ подполковникъ. Онъ тоже былъ розовенькій и бѣлокурый; носилъ на носу золотые очки номеръ девятый, а на груди академическій значекъ, которымъ очень гордился. Онъ женился по склонности и по разсчету вмѣстѣ, такъ какъ одного безъ другаго не признавалъ.

— Если я женюсь на Евѣ,—разсуждалъ онъ,—состояніе ея родителей, конечно, перейдетъ послѣ ихъ смерти ко мнѣ, ибо она есть единственная ихъ дочь. Тогда я, можно сказать, обезпеченъ на всю жизнь. А пока они будутъ живы, и у насъ нѣтъ дѣтей—будемъ жить на наши доходы...

Онъ отправился къ ней и сказалъ ей, что любитъ ее. Когда она, потупившись и покраснѣвъ, сказала, что отвѣтствуетъ ему тѣмъ-же, онъ сталъ тотчасъ-же на колѣнки и проговорилъ:

— Я счастливѣйшій изъ смертныхъ,—мнѣ остается только выяснить съ вашимъ папашей нѣкоторыя детали...

Въ деталяхъ они сошлись съ папашей скоро. Папаша трепалъ его по плечу и говорилъ:

— О, ja!

А Ѳедоръ Ѳедоровичъ цѣловалъ его, и говорилъ:

— Я счастливѣйшій изъ смертныхъ!

Онъ отлично омеблировалъ квартиру, причемъ ѣздилъ съ своей невѣстой по городу, отъискивая мебель, чтобы была она изящна, и не очень дорога. Кровать онъ купилъ съ проволочнымъ матрасомъ,—это чище. Всѣ стѣны въ своемъ кабинетѣ онъ увѣсилъ множествомъ мелкихъ портретовъ-фотографій, при чемъ размѣстилъ ихъ удивительно симметрично. Мебель для гостиной, темнокоричневая атласная, была взята за долгъ: товарищъ давно долженъ былъ триста рублей, срокъ прошелъ, Шпренгъ, какъ человѣкъ благородный, не протестовалъ—а взялъ по взаимному согласію мебель, заплоченную за годъ передъ тѣмъ восемьсотъ рублей. Гостиная вышла очень миленькая, особенно когда къ окнамъ поставили акваріумъ, доставшійся послѣ дяди,—профессора, умершаго какъ разъ передъ свадьбой. У Ѳедора Ѳедоровича родня была очень солидная: профессора, академики, директора заводовъ. Самъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ считалъ себя тоже очень ученымъ и образованнымъ человѣкомъ—и писалъ уже три года подъ рядъ книгу: „О движеніяхъ отряда генерала Лемоха въ октябрѣ 1877 г.“; книга должна была быть очень интересна и имѣть значеніе не только среди военныхъ, но и произвести нѣкотораго рода сенсацію во всемъ образованномъ мірѣ.

Жилъ съ женою Ѳедоръ Ѳедоровичъ необычайно дружно. Если только онъ не былъ занятъ служебными обязанностями, или не писалъ „О движеніяхъ генерала Лемоха“ — онъ смотрѣлъ въ глаза своей женѣ, сидя на скамеечкѣ у ея ногъ, и говорилъ:

— Тебѣ можетъ быть хочется чего нибудь: смоквъ, шеколада, ананаса. Ты не стѣсняйся — скажи. Я надѣну пальто, галоши и съѣзжу.

— Нѣтъ,—отвѣчала Ева,—я счастлива, что ты мой мужъ, и я этимъ довольна.

Онъ цѣловалъ ея мягкія, горячія ручки, отъ которыхъ ничѣмъ не пахло, и поправляя съѣзжавшіе очки говорилъ:

— Но быть можетъ ты хочешь шеколада? У Крафта отличный шеколадъ, лучшій въ Петербургѣ. Я найму извощика и поѣду.

Она его просила остаться, цѣловала его умный лобъ. Онъ сидѣлъ на скамеечкѣ и увѣрялъ, что любитъ ее больше неба.

— Я умру у ногъ твоихъ, ты можешь убить меня...

И онъ подавалъ ей тупой кинжалъ, которымъ она разрѣзала модные журналы. Она смѣялась, и опять цѣловала его въ лобъ. Било семь часовъ, онъ уходилъ въ кабинетъ писать „О движеніяхъ отряда генерала Лемоха“, а она вязала скатерть въ подарокъ мамашѣ—зеленыя и красныя полосы.

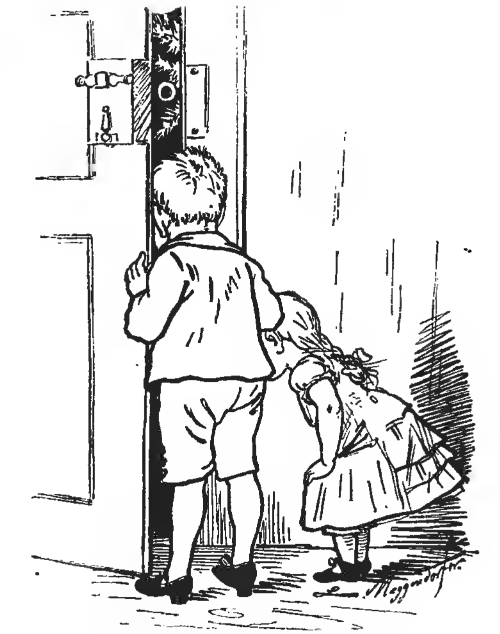
Послѣ свадьбы они уѣзжали на три недѣли за границу; катаясь съ женой по Парижу, онъ нерѣдко говорилъ:

— Мы здѣсь катаемся, — а въ Петербургѣ за квартиру платимъ и она стоитъ пустая. — Жена соглашалась.

Мысль эта настолько тревожила супруговъ, что они вернулись домой раньше срока. Это было очень хорошо и для формулярнаго списка...

Шествіе Рождественской Ночи. Рис. Кеглеръ, грав. Тегетмейеръ.

За дверьми ждутъ елки. Рис. Бехштейнъ, грав. Ангереръ.



Сейчасъ откроютъ! Рис. Меггендорферъ, грав. Ангереръ.

Въ ожиданіи Рождественской елки. Ориг. рисун. И. Веле, грав. Паэръ.

II.

Пріѣхавши и устроившись окончательно, они зажили счастливо, принимали гостей:—она своихъ институтскихъ подругъ; онъ—своихъ товарищей, и оба вмѣстѣ — своихъ родственниковъ. Родственники были розовые, вылощенные, и точно слегка прикрытые лакомъ. Они улыбались на молодыхъ, молодые отчего-то конфузились. Beau père шлепалъ зятя по плечу и одобрительно замѣчалъ:

— Ничего! Ничего!

За недѣлю до Рождества, въ послѣобѣденное время, Өедоръ Өедоровичъ, въ новенькой тужуркѣ, озабоченно вошелъ въ будуаръ своей жены. Она свѣженькая, залитая голубымъ свѣтомъ фонаря, лежала въ chaise-longue съ работой. Онъ пододвинулъ туалетный табуретъ и сѣлъ противъ нея.

— Я пришелъ къ тебѣ посовѣтываться, сказалъ онъ.

Она сейчасъ-же положила работу на столикъ, чтобы не развлекаться, и приготовилась слушать.

— Мы уже мѣсяцъ здѣсь въ Петербургѣ,—заговорилъ онъ,—и ни разу еще не сдѣлали настоящій вечеръ. То-есть, ты понимаешь, я говорю про настоящій вечеръ: позвать человѣкъ двадцать или двадцать пять, пригласить моего генерала; сдѣлать ужинъ, закуску...

— Да я сама объ этомъ думала,—подтвердила жена.

Онъ съ благодарностью поцѣловалъ ея руку.—Ты обо всемъ думаешь, ты хорошая хозяйка, ты то̀, чего я искалъ.—Но,—прибавилъ онъ, придавая своему лицу какое-то вдохновенное выраженіе,—мнѣ-бы не хотѣлось сдѣлать просто вечеръ. Если въ гости сходятся люди мало знакомые—имъ бываетъ скучно, ибо не всѣ играютъ въ карты. Надо—чтобы былъ связующій элементъ.

— Ты думаешь, что я не съумѣю занять гостей, — попробовала обидѣться Ева.

— Фуй, какъ можно! возразилъ онъ, снова припадая къ ея ручкѣ.—Но этого мало, этого недостаточно. Надо найдти пунктъ, на которомъ-бы сошлись вкусы всѣхъ гостей, найдти такъ сказать фокусъ...

Онъ замолчалъ, выжидая, что она скажетъ.

— Какъ-же найдти этотъ пунктъ? спросила она.

— Я нашелъ, — съ самодостоинствомъ проговорилъ онъ, и опять замолчалъ, ожидая вопроса.

— Ну?

— Вчера, ты знаешь, я былъ у своего троюроднаго брата, барона фонъ-Катценкопфъ. Тамъ у него былъ одинъ скрипачъ, молодой еще человѣкъ. Я сожалѣлъ, что ты не слышала его игры. Это что-то превосходящее воображеніе. — Ты знаешь, я самъ понимаю музыку, и вотъ поэтому-то нахожу, что это хорошо...

— Ты его хочешь пригласить?

— О, ты угадываешь мои мысли.—Прости, дорогая моя, но я уже его пригласилъ. Онъ согласился.

— Что-жь, я рада..

— Онъ чудесно играетъ. Это будетъ прелестно. Я позову всѣхъ, скажу — будетъ елка. А вмѣсто елки—сюрпризъ: музыкальный вечеръ.

Ева захлопала въ ладоши и сказала, что это хорошо.

— Но тутъ есть маленькая непріятность. Баронъ говоритъ, что онъ не умѣетъ держать себя въ обществѣ. И иногда даже бываетъ неприличенъ.

Ева испуганно оглянулась, точно онъ былъ тутъ въ комнатѣ.

— Онъ немножко странно говоритъ, продолжалъ мужъ. — У него жаргонъ, понимаешь. И при томъ несдержанность. Но онъ очень уменъ, очень... Онъ только шутъ... Но артистъ! Его всюду принимаютъ. Это будущее свѣтило...

— Но если онъ придетъ съ мокрыми сапогами на ковры, нерѣшительно замѣтила Ева.

— О нѣтъ, онъ хорошо одѣвается... только онъ странный.

Тутъ Өедоръ Өедоровичъ разсказалъ про него нѣсколько исторій—какъ онъ давалъ сыну одного министра уроки, и недовольный ученикомъ, назвалъ его однажды балдой; какъ однажды, придя первый разъ въ гостиную и ожидая выхода хозяйки, началъ лаять по собачьи, дразня мопса, потревоженнаго его приходомъ. Ева пришла въ ужасъ:

— Но вѣдь это и здѣсь онъ залаетъ и назоветъ насъ балдою? спросила она.

Өедоръ Өедоровичъ ее успокоилъ.

— Только надо пригласить кого нибудь для акомпанимента,—заключилъ онъ.

III.

Все таки рѣшили его позвать: артисту можно многое простить. Вечеръ назначили на второй день праздника. Позвали ближайшаго начальника Өедора Өедоровича—генералъ-маіора Тункова. Позвали, партнеромъ ему, „дяденьку" Василья Васильевича, хоть и статскаго, но обладающаго станиславской лентой. Позвали литератора, который считался очень либеральнымъ человѣкомъ, потому что каждую передовую статью начиналъ словами: „Конечно, мы наканунѣ правового порядка."—Позвали „молодежь",—трехъ дѣвицъ, настолько юныхъ, что при одной мысли возможности присутствія въ комнатѣ мущины, онѣ вспыхивали до кончиковъ ушей;—и четырехъ кавалеровъ: гвардейскаго прапорщика, дѣлавшаго видъ, что ему все ужасно надоѣло, а больше всего барышни; правовѣда, относящагося съ презрѣніемъ къ гимназисту; гимназиста, въ мундирѣ на бѣлой подкладкѣ, относившагося съ презрѣніемъ къ правовѣду,—и просто молодаго человѣка съ рыжими усиками, служившаго въ окружномъ судѣ, но способнаго акомпанировать кому угодно и на чемъ угодно. Өедоръ Өедоровичъ самъ ѣздилъ къ скрипачу, фамилія котораго была удивительно простая—Ивановъ,—и не засталъ его дома, а оставилъ ему карточку, на которой написалъ:

„Надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ у себя на вечерѣ 26-го".

Ему хотѣлось приписать „со скрипочкой", но было совѣстно и онъ удержался. Обстановка Иванова ему не понравилась. Отворила дверь толстая баба—жена столяра, у котораго онъ нанималъ комнату. Въ воздухѣ пахло постнымъ масломъ. Убранство комнаты состояло изъ двухъ постелей, покрытыхъ пледами, (Ивановъ жилъ съ таварищемъ—піанистомъ Петромъ Дуровымъ) трехъ стульевъ, стола и концертнаго рояля, взятаго, вѣроятно, на прокатъ. Өедоръ Өедоровичъ никакъ не могъ сообразить: хорошо это, или нѣтъ,—свойственна ли такая діогеновская обстановка артисту, или это неряшливость,—онъ зналъ, что Ивановъ получаетъ рублей полтораста за уроки въ мѣсяцъ.

Всѣмъ гостямъ было сказано, что будетъ сюрпризъ—елка. Өедоръ Өедоровичъ говорилъ объ этомъ таинственно, даже сощурившись, и дѣйствительно заинтересовалъ многихъ. „Вашему превосходительству понравится", говорилъ онъ генералу, значительно подмигивая. Генералъ строго поводилъ усами, бровями, и еще строже замѣчалъ:

— Гм... Что бы это такое могло мнѣ понравиться?!..

Наконецъ наступилъ этотъ вечеръ. Все освѣтилось. Паркетъ блестѣлъ изумительно. Өедоръ Өедоровичъ собственноручно пульверизировалъ всѣ комнаты чѣмъ-то очень пахучимъ. Широкія листья тропическихъ растеній были вымыты руками Евы. Бронзовые часы торжественно тикали подъ колпакомъ. Въ углахъ голыя нимфы стыдливо прикрывались отъ нескромныхъ взоровъ.

Өедоръ Өедоровичъ нѣсколько разъ выходилъ изъ прихожей въ залу, чтобы посмотрѣть, какой эффектъ производитъ люстра и рояль съ приподнятой крышкой. За залой мягко рисовалась въ розовомъ свѣтѣ атласная мебель гостиной, а далѣе—голубой свѣтъ будуара. Очень эффектно; какъ на сценѣ. Онъ вкусно цѣловалъ свою жену—и оглядывался вокругъ: „пріятно, чортъ возьми, жить въ хорошей обстановкѣ, съ молоденькой женой"...

И вотъ стали съѣзжаться. Первымъ пріѣхалъ гимназистъ въ мундирѣ на бѣлой подкладкѣ. Онъ ухаживалъ за Евой Өедоровной, и носилъ въ бумажникѣ ея портретъ, украденный изъ альбома, завернутый въ тонкій клякстъ-папиръ. Өедоръ Өедоровичъ его не долюбливалъ, и называлъ почему-то за глаза шарлатаномъ: „Это не жрецъ науки, а шарлатанъ". Почему гимназисты должны быть жрецами науки—оставалось необъяснимымъ.

Потомъ явились дѣвицы съ мамашей. Маленькая собачка лаяла, Ева цѣловалась, бульки на браслетахъ гремѣли отъ порывистыхъ пожатій, гимназистъ шаркалъ, дѣвицы хоромъ пѣли:

— Ахъ, какъ у васъ мило, рай!

Өедоръ Өедоровичъ самодовольно переминался съ ноги на ногу и подтверждалъ:

— Да, у насъ очень хорошо!..

Генералъ позже всѣхъ пріѣхалъ: очевидно, что онъ заспался послѣ обѣда, но не хотѣлъ сознаться и увѣрялъ, что у него дѣла. Его тотчасъ же усадили въ карты, хотя онъ оглядывался и все спрашивалъ:

— А гдѣ-же елка?..

Хозяинъ конфузливо бряцалъ шпорами, хозяйка съ отчаяніемъ смотрѣла на мужа.

Музыкантъ не пріѣзжалъ...

IV.

— Нѣтъ, но ты знаешь: онъ мнѣ далъ слово, говорилъ Өедоръ Өедоровичъ, отводя жену въ уголъ.—Это, можно сказать, подло. Я ужь не говорю, что онъ не сдѣлалъ утромъ визита, но... но не пріѣхать вечеромъ... это, это...

Все было, дѣйствительно, прелестно,—и всѣ ждали сюрприза. А сюрпризъ такъ таки и не пріѣхалъ.

Обнесли всѣхъ чаемъ, на неизбѣжныхъ треугольныхъ салфеткахъ съ бахромками и дворянской короной. За лакеемъ ходила молоденькая горничная въ тугомъ корсетѣ и обносила гостей какой-то сладкой требухой, которую надо было грызть съ чаемъ. Барышни грызли кончиками зубовъ, краснѣли и ежились. Правовѣдъ разсказывалъ анекдоты и смѣшилъ барышень. Господинъ съ рыжими усами увѣрялъ дамъ, что одного товарища министра назначаютъ въ Москву митрополитомъ. Даже дамы не вѣрили. Все было прекрасно...

Въ половинѣ одиннадцатаго колокольчикъ отчаянно залился въ передней. Өедоръ Өедоровичъ сорвался съ своего стула и ринулся самъ отворять. Изъ-за дверей раздался голосъ: наконецъ-то!.. Ева ожила.

Въ комнату вошелъ высокій молодой человѣкъ, лѣтъ двадца-

ти пяти, съ черной кудлатой головой, всклокоченной бородкой, и умнымъ, плутоватымъ, смѣющимся взглядомъ. Такъ какъ его никто не зналъ, то хозяинъ сталъ его представлять всѣмъ поочереди.

— Это, ваше превосходительство, елка и есть,—шепнулъ Өедоръ Өедоровичъ генералу. Генералъ изумленно пошевелилъ кончиками усовъ, и внимательно посмотрѣвъ на Иванова, проговорилъ:

— А-а... вотъ что!

Иванова повели и посадили въ гостиную. Кавалеры посторонились, дамы нашли его очень недурнымъ собой.

— Я слышала, вы прекрасно играете,—любезно обратилась къ нему хозяйка.

Онъ вдругъ осклабился:

— Я прекрасно играю,—подтвердилъ онъ.—Общество нѣсколько изумилось.

— Я такъ много говорилъ о васъ женѣ,—чуть не заискивающимъ голосомъ говорилъ Өедоръ Өедоровичъ,—н... и вотъ имъ...

— Быть можетъ вы насъ подарите импровизированнымъ концертомъ?

— Съ удовольствіемъ... Какъ нибудь...

— А... а сегодня?..

— А гдѣ-же скрипка, у меня нѣтъ.

— Ай, какъ же это вы безъ скрипки? удивился хозяинъ, точно съ облаковъ упалъ.

— Вы почему-же думали, что я иначе на улицу не хожу, какъ со скрипкой...

— Я... я этого не думалъ... А вотъ общество наше...

И онъ, путаясь въ словахъ, сталъ увѣрять, что и общество-то все созвано только для того, чтобы послушать его дивную игру.

— Когда я былъ еще подросткомъ, пѣшкомъ подъ столъ ходилъ,—началъ Ивановъ,—отцу часто изъ Сибири нельму присылали, рыба такая, въ родѣ сига.—Такъ бывало какъ пришлютъ—отецъ на пирогъ съ нельмой гостей звалъ. Пріѣзжали, весело было...

Өедоръ Өедоровичъ совсѣмъ сконфузился. Ева вспыхнула. Въ это время къ Иванову подошелъ лакей съ виноградомъ и грушами. Ивановъ взялъ себѣ значительную порцію.

— Что такое? Откуда это? шушукались въ углу.

— Да я вообще не люблю играть въ незнакомомъ обществѣ, продолжалъ Ивановъ,—чортъ ихъ знаетъ, понимаютъ ли еще что нибудь, а туда же суются,—мнѣнія высказываютъ... Вотъ тогда, у этого барона, вашего знакомаго... Сидятъ, ушами хлопаютъ. Какая-то старуха въ чепцѣ говорить что-то вздумала, когда я играю. Я сейчасъ скрипку въ футляръ. Баронъ передо мной на заднихъ лапкахъ: „что такое?" Да вотъ, говорю, скрипку прячу, мѣшаетъ мнѣ, глупая, своимъ пискомъ слушать, что вонъ та барыня въ углу говоритъ. Ну, чепецъ, натурально, сконфузился...

— Боже мой, да что-же это будетъ,—думала Ева, смотря изумленными глазами на мужа.

— Ужасно не люблю свинства, заключилъ Ивановъ.—Еще укоряютъ меня, что я невѣжливъ. Да что-же можетъ быть глупѣе этой дуры, что во время игры моей разговариваетъ... Еще туда же хвастается воспитаніемъ... Хуже прачекъ... Свиньи!..

V.

Своимъ явленіемъ Ивановъ взбудоражилъ общество. И какъ онъ не шелъ къ квартирѣ Шпренга! ужасно не шелъ! Этотъ атласъ, штофъ, бронза—и кудлатая голова Иванова... это было что-то ужасное...

Если бы онъ молчалъ, хозяинъ бы съ нимъ примирился. Но онъ къ несчастію говорилъ, говорилъ безъ умолку, подобравшись къ подносу и поѣдая виноградъ. Онъ говорилъ Богъ знаетъ что; замять начатый имъ разговоръ не было никакой возможности. Барышни возмегодовали на образность его рѣчи, находя, вѣроятно, что это не мущина. Наконецъ самъ Ивановъ, видя, что онъ становится притчей во языцѣхъ, предложилъ внезапно Өедору Өедоровичу послать къ нему на домъ за скрипкой лакея, хотя былъ уже первый часъ ночи. Онъ тотчасъ-же нацарапалъ записку: „Дьяволъ Петька! пришли струментъ. Сейчасъ будутъ ужинать. Ура!"—Такъ какъ записка была не запечатана, то Өедоръ Өедоровичъ, движимый любопытствомъ, прочелъ ее прежде, чѣмъ отдалъ лакею,—и потомъ говорилъ женѣ:

— Послушай,—это знаешь... Это, это... я не знаю что это...

Пока накрывали на столъ, Ивановъ разсказывалъ, какъ бываютъ скучны гости, если нечего дѣлать, а ужина долго не подаютъ. Онъ представлялъ наглядно, какъ кто сидитъ, и какую корчатъ физіономію.

Многіе изъ гостей нашли, что это даже нахально. Ивановъ это услышалъ, и тотчасъ-же подтвердилъ.

— Ужасно нахально! Назвать гостей и не кормить.

Өедоръ Өедоровичъ рыскалъ по комнатамъ и торопилъ ужинать. Винтившіе съ генераломъ за столомъ окончили, шумно задвигали стульями.—Въ это время какъ разъ привезли скрипку и ноты. Петька писалъ: „Ночевать не приходи, твоя постель занята,—спитъ Васька."—Ивановъ откровенно прочелъ эту записку вслухъ. Ева чуть не упала въ обморокъ.

Играть до ужина было некогда: всѣ рты были уже заняты омарами, тономъ, анчоусами. Өедоръ Өедоровичъ досконально объяснялъ, что онъ гдѣ бралъ: „Это у Одинцова, это у Шеффера, это у Бауера, это у Елисѣева..." при чемъ безошибочно говорилъ, что сколько стоитъ.

— Я, знаете, иначе не могу ѣсть сардинку, какъ намазавши предварительно кусокъ бѣлаго хлѣба масломъ,—объяснялъ онъ, съ нѣкоторымъ ужасомъ отстраняясь отъ скрипача, ѣвшаго икру такими пластами, что страшно становилось...

Наконецъ, всѣ усѣлись за столъ. Розовыя платьица дѣвицъ кучками скопились на одномъ концѣ стола. Правовѣдъ суетливо сталъ что-то передавать. Ивановъ, какимъ-то необъяснимымъ случаемъ, оказался рядомъ съ генераломъ.

Генералъ былъ доволенъ: онъ выпитилъ пятнадцать рублей. Онъ отдувался, всхлипывалъ и разглаживалъ на колѣняхъ салфетку.

— Вы кажется музыкантъ! спросилъ онъ Иванова.

— Музыкантъ, отвѣтилъ Ивановъ...

— Аа... скажите... какого вы мнѣнія о Верди?

Ивановъ вдругъ сдѣлалъ глаза безсмысленно-глупые.

— О комъ?

— О Верди.

— Ве-рди,—повторилъ Ивановъ... Я такого не слыхалъ.

— Какъ, какъ?.. Не слыхалъ Верди... Композиторъ, знаменитость...

— Нѣтъ...

— Помилуйте, да это такое-же извѣстное имя, какъ Вагнера...

— Вагнера... Какого Вагнера!

— Рихарда... Неужели и про него не слыхали?.. Вотъ они, современные музыканты,—обратился Тунковъ къ обществу.—Отрицаютъ необходимость знакомства съ Верди и Вагнеромъ!

— Да вы, ваше превосходительство, можетъ быть фамильи путаете, не такъ произносите... А такихъ композиторовъ нѣтъ.

Всѣ притихли въ изумленіи; генералъ развелъ руками и уже болѣе съ нимъ не разговаривалъ.

— Скандалъ, скандалъ,—шипѣлъ Өедоръ Өедоровичъ, проклиная себя, что пригласилъ на вечеръ этого остолопа. Генералъ обидѣлся,—быть можетъ это повліяетъ на службу...

VI.

Вышли изъ-за стола, отправились, благодаря хозяевъ, въ залу. Дамы натянули перчатки, собираясь уѣзжать.

Въ самой срединѣ комнаты стоялъ Ивановъ. Лицо его раскраснѣлось: онъ очень много пилъ за столомъ. Волосы спутались и прядями падали на лобъ.

— Кто хочетъ слушать—садитесь! громко сказалъ онъ, сдвигая брови, и дѣлая взмахъ смычкомъ въ воздухѣ.

— Садиться, или нѣтъ? мелькнуло у всѣхъ въ соображеніи. Болѣе всѣхъ въ нерѣшительности былъ генералъ.

— Садитесь, садитесь, быстрымъ шепотомъ приглашалъ хозяинъ. Всѣ сѣли. Сразу водворилась тишина, только изъ столовой долетали звуки убираемой посуды. Өедоръ Өедоровичъ поспѣшно затворилъ двери. За рояль сѣлъ рыжеватый господинъ, испуганно глядя на музыканта.

Ноющій, протяжный, за душу хватающій, болѣзненный вздохъ скрипки пронесся и застылъ въ воздухѣ. Вдругъ чѣмъ-то издавна знакомымъ, милымъ, старымъ пахнуло у каждаго на сердцѣ. Вотъ другой звукъ... И что за звукъ, что за скрипка! Откуда взялось такое дивное созвучіе—такихъ не бываетъ, такихъ нѣтъ на землѣ—и не слыхали... Это не скрипка, это человѣкъ, грудь человѣческая, истрадавшаяся, поетъ и стонетъ... Все пзжитое горе, муки, все возстаетъ, выливается тутъ. Изъ самыхъ далекихъ, сокровенныхъ сердечныхъ изгибовъ поднимаются тѣни былаго и носятся вокругъ. Все тутъ—и несчастная любовь, и разбитыя чувства, и неувѣренность въ будущемъ, и безсилье свое, и слезы, слезы, слезы... Это „*Элегія Эрнста*..." И неужели это играетъ этотъ кудлатый, неотесанный, мохнатый... Краснота сбѣжала съ его лица, оно строго, серьезно. Глаза смотрятъ куда-то въ даль, видятъ что-то такое, что никому не видно... Нѣтъ въ мірѣ ничего элегичнѣе скрипки,—это органъ слезъ и страданій. Дивное дѣло рукъ человѣка... Вотъ эта старая, почернѣлая, итальянская скрипка... Сколько людей плакали слушая ее, страдая вмѣстѣ съ нею, плача общими слезами... Вотъ теперь все, что есть въ этой душной комнатѣ,—все живетъ одною душою со звукомъ, что идетъ изъ-подъ смычка; изъ-подъ маленькой, бѣлой, гибкой руки, дивно владѣющей имъ. Чарами, чудными чарами полонъ воздухъ,—звуки таютъ, гремятъ, стихаютъ, ростутъ, поднимаютъ, крѣпнутъ, опять падаютъ... И мучительно, мучительно сладко въ груди,—вѣчно бы игралъ онъ, вѣчно...

Теперь уже не слышно стука посуды: въ полузакрытыя двери видны головы прислуги со всего дома, и онѣ привлечены чарами, оторваться не могутъ.

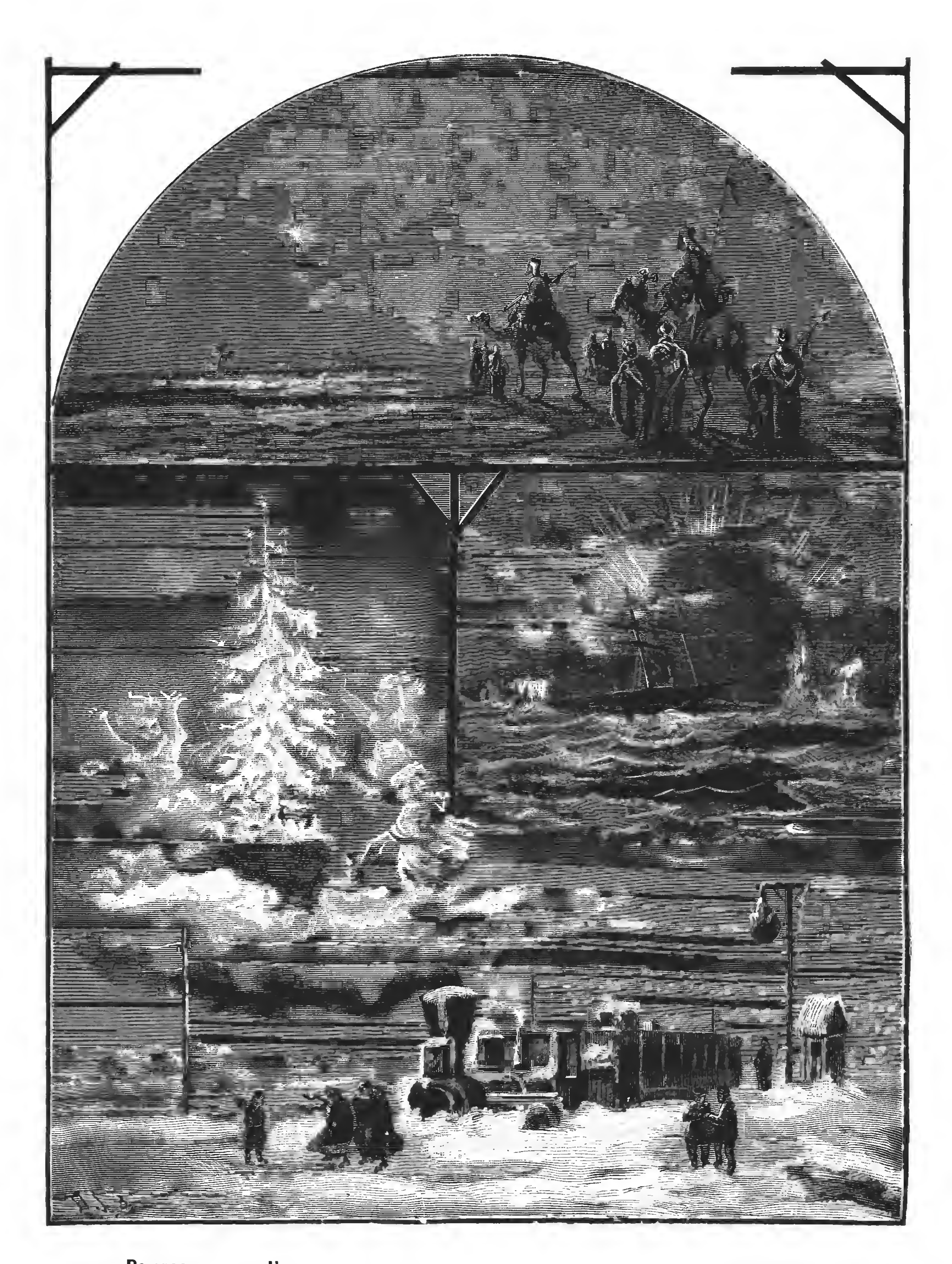
Скрипка замолкла. Всѣ сидятъ, не шелохнутся. Ивановъ отираетъ мокрый лобъ.

— Ну... сказалъ онъ, поднимая голову: довольно. Хорошенькаго понемножку: бисеръ метать надо осмотрительно...

Все колыхнулось... Не знали,—восхищаться-ли, негодовать-ли на послѣднюю дерзость...

— Я у васъ ночую,—заявилъ онъ Өедору Өедоровичу, завязывая чехолъ. Дома мнѣ мѣста нѣтъ,—Васька спитъ.

Подарки Рождественской Ночи. Ориг. рис. Земцова, грав. Шюблеръ.



Рождественская Ночь въ разныхъ странахъ. Ориг. рисун. П. Гнѣдича, грав. М. Рашевскій.

Всѣ зашаркали, стали прощаться, пожимать руки... благодарить хозяина... за.слку.

VII.

— Ахъ, какъ вы играете! вырвалось у Евы, когда она, прощаясь съ нимъ, протянула и крѣпко пожала его руку.

— Вѣдь я-же вамъ сказалъ, что превосходно,—отвѣтилъ онъ.

Ѳедору Ѳедоровичу было въ сущности очень непріятно, но онъ, тѣмъ не менѣе, приказалъ постлать ему въ своемъ кабинетѣ.

— Несчастный человѣкъ,—говорилъ онъ женѣ,—укладываясь на свою проволочную кровать. Онъ идеальный игрецъ на скрипкѣ... Но приглашать его я не могу... Это ужасъ, что такое.

— Я больна совсѣмъ, лепетала Ева, облачаясь въ свою ночную кофточку, и покончивъ съ необычайно-длинными умываньями шеи, которыя она производила на ночь.

— Представь, онъ у меня попросилъ сейчасъ бутылку шатоикема. Я боюсь... не надѣлалъ-бы онъ глупостей... Но генералу его игра очень понравилась... Онъ благодарилъ... Онъ любитель музыки. За это я ему все прощаю...

— Я заболѣю,—повторила болѣзненнымъ голоскомъ Ева, кутаясь въ одѣяло.

Вдругъ, среди ночи, сквозь общій сонъ, царившій въ квартирѣ Шпренга, послышались какіе-то дикіе звуки. Первымъ проснулся Ѳедоръ Ѳедоровичъ; долго онъ не могъ понять, въ чемъ дѣло,—наконецъ, вспомнилъ. Онъ быстро накинулъ халатъ, надѣлъ туфли и пошелъ въ кабинетъ.

Онъ отворилъ туда дверь. Темно. А звуки льются и стонутъ. Онъ нашелъ ощупью, на опредѣленномъ мѣстѣ, спички и зажегъ свѣчу.

На полу, поджавши по турецки ноги, сидѣлъ на коврѣ раздѣтый Ивановъ, и игралъ на скрипкѣ. Слезы обильно лились по его щекамъ. Бутылка шато-икема была почти пуста.

— Послушайте,—началъ Шпренгъ.

Но онъ не слушалъ,—онъ ничего не слыхалъ, кромѣ дивной гармоніи. Привычная рука, такъ-же свѣжо и чисто, какъ и давича, выводила звуки. Также дивно звенѣла *„Элегія Эрнста.“* Ѳедоръ Ѳедоровичъ сѣлъ противъ него и ждалъ.

Ждать пришлось долго. Ивановъ все игралъ, игралъ безъ остановки... и все также чисто и ясно...

Голубоватый разсвѣтъ обозначался сквозь шторы. Ева плакала въ подушкахъ: она хотѣла спать, ей не даютъ. Ивановъ плакалъ надъ скрипкой. Ѳедоръ Ѳедоровичъ бѣгалъ то туда, то сюда—и утѣшалъ обоихъ.

Къ утру музыкантъ угомонился, заснулъ,—и спалъ до двухъ часовъ дня. Ѳедоръ Ѳедоровичъ ходилъ вокругъ кабинета на цыпочкахъ и никого туда не пускалъ. Въ третьемъ часу онъ ушелъ.

— Знаешь, Евочка, говорилъ Шпренгъ женѣ, послѣ его ухода.—Я лучше его больше не буду приглашать...

Къ рисункамъ.

Рождественская ночь въ лѣсной глуши. Баллада.

(Ориг. рис. Н. Каразина, на стр. 1228 и 1229).

Съ неба сошла она на землю,—и, изъ края въ край, грядетъ, свѣтозарная,—несетъ съ собою миръ и спокойствіе.

Проносится она степями безмѣрными,—стихаютъ вѣтры, смиряются свирѣпыя вьюги и мятели.

Скользитъ по водамъ, — безъ ропота падаютъ ницъ громады волнъ, безслѣдно исчезаютъ предательскіе туманы.

Идетъ по люднымъ городамъ и селамъ, безразлично заглядывая во дворцы и лачуги, проникаетъ въ сердца и души ихъ обитателей... и смиряются бурныя страсти людей, смолкаетъ затаенная злоба, горькія слезы смѣняются улыбкою счастія... Отрадная вѣра гонитъ прочь духъ тоски и сомнѣнія...

Зане—эта Ночь несетъ Искупителя!

Въ вѣнкѣ изъ сверкающихъ звѣздъ заходитъ она въ дремучія дебри лѣсныя, сыплетъ брилліантами по заиндѣвѣвшимъ деревьямъ... И въ глухія трущобы, въ непролазныя чащи, всюду проникаютъ лучи ея животворнаго свѣта.

И чтятъ этотъ свѣтъ благоговѣйно даже безсловесныя твари; и у нихъ стихаетъ вражда, и у нихъ смиряется голодная злоба... И кроткіе, и злые, и сильные, и слабые,—общею толпою, выходятъ на дорогу, довѣрчиво покидая свои норы и логовища.

Такъ, по всей землѣ, изъ края въ край,—шествуетъ эта Ночь благодатная.

Рождественскія сцены.

(Рис. на стр. 1232 и 1240).

Здѣсь представляемъ мы рядъ рисунковъ и силуэтовъ, относящихся къ днямъ Рождественскихъ праздниковъ. Вверху шествіе Рождественской Ночи съ ея подарками дѣтямъ, которые радостно ждутъ и нетерпѣливо прыгаютъ и играютъ, дожидаясь этихъ долгожданныхъ минутъ. А внизу уже не фантастическія, а домашнія, реальныя сцены. Дѣтки ждутъ за дверьми, скоро ли раскроются онѣ и представятъ елку во всемъ великолѣпіи. Какое нетерпѣніе! Сестрица—побольше—уговариваетъ маленькихъ степенно, чтобы они не торопились, что все придетъ во время, между тѣмъ какъ за наружнымъ спокойствіемъ ея скрыто все таки безпокойство, котораго она, какъ „большая,“ не хочетъ показывать. Около—крошечная дѣвочка, которая едва умѣетъ ходить, и та тупочетъ ножонками въ нетерпѣніи. А справа шалунъ уже полуотворилъ дверь и заглядываетъ въ таинственную комнату. Особенно удачно сдѣлана забавная фигурка дѣвочки, которая рядомъ съ нимъ подглядываетъ тоже.

А на стр. 1240 вверху милыя живыя фигурки — силуэты играющихъ дѣтокъ, уже получившихъ подарки, и прелестная картинка, изображающая крошку, передвигающагося еще только посредствомъ колясочки, котораго его сестрица такъ заботливо и съ такою любовью надѣляетъ также, чтобы и на его долю, на долю этого крохотнаго „братца“ тоже досталась его часть...

Въ ожиданіи елки.

(Рис. на стр. 1233).

Молоденькую тетю Аню проситъ мама, чтобы она заняла дѣвочку, пока готовится ёлка. И вотъ дѣвочка усѣлась у темнаго окна съ тетей, которая указываетъ ей какъ постепенно украшается огнями громадный городъ. Здѣсь и тамъ одни за другими озаряются ярко огнями окна домовъ и за каждыми-то окнами праздничная, разукрашенная ёлка, радостные крики, милый лепетъ дѣтей! Вотъ уже вправо и влѣво окна улицъ засвѣтились чуть не сплошными рядами. „А когда Христосъ родился тетя?“ спрашиваетъ дѣвочка.—Вотъ, скоро будетъ тотъ часъ ночи, когда въ Вифлеемѣ родился Спаситель міра и взошла золотая звѣзда... „Да, я помню, тетя! И пришли три царя и поклонились Ему и принесли злато, ливанъ и смирну! Такъ я говорю?“ —Такъ, моя милая дѣвочка: Онъ лежитъ въ простыхъ ясляхъ, Божественный Младенецъ, и праздникъ этотъ—истинный праздникъ дѣтей. Такіе огни и елки дѣтямъ горятъ на Рождество во всемъ великомъ христіанскомъ мірѣ.

И задумчиво сидитъ дѣвочка, поглядывая на тетю, которая тоже задумчиво слѣдитъ за сіяющими праздничными огнями.

Подарки Рождественской Ночи.

(Рис. на стр. 1236).

Несется торжественная Рождественская Ночь и посылаетъ каждому свои подарки. У каждаго изъ насъ есть свои ожиданія, свои желанія и стремленія, исполненія которыхъ мы всѣ ждемъ съ нетерпѣливымъ порывомъ. Каждый праздникъ думаемъ мы: что то она намъ принесетъ, что принесетъ намъ великая „Рождественская Елка“ и какіе подарки придутся на нашу долю изъ ея великой урны. Тотъ ждетъ счастья, тотъ креста и награды, тотъ любви, этотъ денегъ, тамъ не дождутся разрѣшенія дѣла какого нибудь или концессіи... Нельзя сказать, что каждый получитъ то, что желаетъ. Многимъ изъ праздничной урны выпадетъ совсѣмъ не то, и они съ разочарованнымъ видомъ удалятся, многимъ не попадетъ ничего, а другимъ и попадетъ, но имъ кажется мало, ибо желанія человѣческія удовлетворить трудно и только дѣтки рады съ своими игрушками въ ихъ счастливомъ возрастѣ, когда сердца еще не сосетъ ненасытная жадность, зависть и всѣ чувства, развиваемыя въ сердцѣ человѣка безпощадной битвой жизни...

Ночь предъ Рождествомъ.

(Рис. на стр. 1237).

Разно встрѣчаютъ Рождество въ разныхъ странахъ, у разныхъ народовъ, но у насъ, жителей сѣвера, при словѣ *сочельникъ* является представленіе о занесенной снѣгомъ елкѣ, фоняряхъ, жареномъ гусѣ—и наконецъ о лучшихъ воспоминаніяхъ дѣтства. Когда мы веселимся, радуемся и своему, и дѣтскому веселью, иногда приходило намъ на умъ: да всѣ-ли такъ-же свѣтло и радостно встрѣчаютъ праздникъ? Мы не говоримъ о тѣхъ, у кого есть семейное несчастье и горе. Нѣтъ,—даже просто иногда обстоятельства не дозволяютъ человѣку привѣтствовать великую годовщину такъ, какъ надо. Наши родные, тамъ гдѣ нибудь, въ далекомъ плаваніи, терпятъ, быть можетъ, въ это время ужасный штормъ; гдѣ нибудь въ степной глуши наши знакомые мерзнутъ на поѣздѣ, занесенномъ снѣгомъ. Вѣтеръ, вьюга, холодъ... А поѣздъ врѣзался въ рыхлый, мягкій снѣгъ, и не дѣйствуютъ его могучія колеса, только тяжко дышетъ его огненная грудь. Пассажиры ждутъ въ отчаяніи на морозѣ, пока расчистятъ. Иные не попали домой къ празднику, другіе боятся простудить своихъ дѣтей. Когда-то еще раскопаютъ, когда доберешься до теплаго угла!.. Вотъ тебѣ и провели Рождественскую Ночь!..

А тамъ гдѣ нибудь далеко на югѣ, въ эту-же Святую Ночь, тянется, брякая колокольчиками, караванъ въ теплой тиши нагрѣтаго за день воздуха,—таже картина, какъ въ тотъ великій годъ, когда таинственная звѣзда свѣтила каравану мудрецовъ, шедшему поклониться царю царей...

Раздача подарковъ въ сиротскомъ пріютѣ.

(Рис. на стр. 1241).

Трудно представить себѣ что нибудь умилительнѣе и сердечнѣе этихъ заботъ о бѣдныхъ сироткахъ, которыхъ некому приласкать, некому подумать; какъ-то они безъ родныхъ, безъ домашней обстановки проведутъ великій праздникъ, истинный „праздникъ дѣтей". Здѣсь мы видимъ молоденькую дѣвушку, которая раздаетъ подарки сироткамъ, и доброму сердцу ея пріятно, съ какимъ восторгомъ получаютъ игрушки и конфекты эти непривычныя къ баловству дѣти. Елка кажется имъ какимъ то чудомъ, и долго потомъ, заснувъ съ куклами и конфектами въ рукахъ, долго будутъ грезить малютки о золотой сіяющей елкѣ и той милой доброй барышнѣ, которая ихъ такъ ласкала, цѣловала и такъ щедро раздавала подарки—и маленькія сердечки ихъ бьются любовью и благодарностью къ своей юной благодѣтельницѣ.

Православное Палестинское Общество, состоящее подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго В. В. Кн. Сергія Александровича.

Православное Палестинское Общество, уставъ котораго Высочайше утвержденъ 8-го мая 1882 г., открыло свои дѣйствія 21-го мая сего года.

Главная цѣль общества:

1. Поддержаніе православія въ Святой землѣ.
2. Пособіе русскимъ паломникамъ.

Для достиженія первой изъ этихъ цѣлей общество предполагаетъ: поддерживать въ Святой землѣ православныя церкви и духовенство, устраивать церкви и духовенство, устраивать тамъ школы и подавать мѣстному населенію врачебную помощь.

Заботы общества о русскихъ паломникахъ не ограничатся облегченіемъ имъ пути въ Святую землю, но еще болѣе будутъ направлены на удовлетвореніе ихъ духовныхъ потребностей.

Кромѣ того, общество поставило себѣ задачею посредствомъ разнаго рода изданій ознакомить русское общество съ настоящимъ и прошедшимъ Святой земли, и тѣмъ послужить для духовнаго единенія между Россіею и Матерью Церквей.

Общество принимаетъ пожертвованія и взносы какъ для удовлетворенія своимъ вышеупомянутымъ цѣлямъ, такъ равно для доставленія по принадлежности въ Святую землю по волѣ и указанію жертвователей или желающихъ перевести деньги въ Іерусалимъ.

Общество по уставу состоитъ изъ:

1. Почетныхъ членовъ, внесшихъ единовременно 5,000 р., или избранныхъ въ виду особыхъ заслугъ ихъ въ пользу Святыхъ мѣстъ Востока.
2. Дѣйствительныхъ членовъ, внесшихъ единовременно 500 р. или платящихъ ежегодно по 25 р.
3. Членовъ-сотрудниковъ, внесшихъ единовременно 200 р., или платящихъ ежегодно по 10 р.

По уставу общества, всѣ почетные члены и тѣ изъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ, которые сдѣлаютъ, вмѣсто ежегодныхъ, единовременные взносы, получаютъ для ношенія особый Высочайше утвержденный знакъ общества.

Дѣлами Общества завѣдываетъ Совѣтъ, который составляютъ:

Предсѣдатель

Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ.

Вице-Предсѣдатель Т. И. Филипповъ.

Помощникъ Предсѣдателя В. Н. Хитрово.

Члены Совѣта: Б. П. Мансуровъ, В. Г. Васильевскій, И. Е. Троицкій.

Казначей Н. Ѳ. Фанъ-деръ-Флитъ.

Секратарь М. П. Степановъ.

Желающіе ближе ознакомиться съ уставомъ Православнаго Палестинскаго общества, могутъ обращаться за безплатнымъ его полученіемъ:

Въ С.-Петербургѣ—въ книжный магазинъ И. Л. Тузова, Большая Садовая, близъ Невскаго проспекта, противъ Гостиннаго двора, а также къ Вице-Предсѣдателю, Помощнику Предсѣдателя, Казначею и Секретарю, адресы которыхъ можно получить въ томъ же книжномъ магазинѣ.

Въ Москвѣ—въ книжный магазинъ А. Н. Ферапонтова, Никольская, д. Славянскаго базара, и у члена-учредителя Ивана Николаевича Лодыженскаго, Малая Никитская, Гранатный переулокъ, д. княгини Урусовой.

Въ Кіевѣ—у почетнаго члена общества Акима Алексѣевича Олесницкаго, въ зданіи Духовной Академіи.

Въ Перми—у члена-учредителя Дмитрія Дмитріевича Смышляева.

Пожертвованія, членскіе взносы и переводы денегъ въ Святую землю принимаются, какъ отъ здѣшнихъ жителей, такъ и отъ иногородныхъ, въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой набережной, въ конторѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей.

Смѣсь.

Чѣмъ питаются сельди. Эта небольшая рыбка такъ повсюду распространена и въ такомъ громадномъ количествѣ съѣдается ежедневно, что вѣроятно у многихъ являлось желаніе узнать: чѣмъ питается сельдь и изъ чего образуется ея вкусное мясо? Интересныя свѣдѣнія по этому поводу даетъ докторъ Мебіусъ, профессоръ зоологіи въ Килѣ. По сдѣланнымъ наблюденіямъ, онъ нашелъ, что сельдь питается самыми маленькими раками, которыхъ массы водятся въ Нѣмецкомъ морѣ. Желудокъ сельди, которую онъ изслѣдовалъ, былъ туго набитъ съѣденными рачками въ огромномъ количествѣ, именно 60,895 штукъ. Немного меньшая сельдь имѣла ихъ 19,170 шт. Въ теченіи трехъ недѣль въ бухтѣ Киля было выловлено 240,000 сельдей; если положить, что каждая пожирала въ день 10,100 раковъ, цифра сравнительно небольшая, то и тогда выйдетъ 240 милліоновъ съѣденныхъ раковъ въ день и 43,200 милліоновъ въ теченіи трехъ недѣль!

Интересное наблюденіе надъ луною передаетъ органъ англійскаго селенографическаго общества, состоящаго изъ любителей, задавшихся цѣлью изучить, по возможности совершенно, поверхность луны. 27-го марта этого года одинъ изъ членовъ этого общества, Вильмсъ Стенлей, дѣлалъ въ ночное время наблюденіе надъ большимъ кратеромъ луны „Плато" при помощи телескопа, увеличивающаго въ 110 разъ и съ полемъ зрѣнія въ 13 сантиметровъ. Около 8 часовъ вечера, къ величайшему изумленію, онъ замѣтилъ широкую свѣтовую полосу на поверхности большаго кольца въ юго-восточной его части и, немного сѣвернѣе центра. Въ тоже время онъ увидѣлъ на сѣверной сторонѣ еще нѣсколько другихъ свѣтовыхъ полосъ, которыя, однако, были меньше и слабѣе первой. Но изумленіе наблюдателя достигло высшихъ предѣловъ, когда онъ замѣтилъ, что вся середина большаго кратера свѣтится нѣжнымъ, слабымъ молочнымъ свѣтомъ. Наблюденіе это было прервано облаками и когда въ 9 часовъ небо опять прояснилось, явленіе это исчезло и основаніе кольца было опять темно. Вильмсъ сравниваетъ видѣнное имъ явленіе съ наблюденіями: Шретера въ 1789 году и Бирта въ 1871 г. Онъ самъ 31-го августа 1877 года имѣлъ случай наблюдать подобное-же явленіе на томъ-же самомъ кратерѣ при помощи телескопа, увеличивающаго въ 150 разъ, съ полемъ зрѣнія въ 7 сантиметровъ. Тогда вся поверхность кратера была скрыта въ тѣни и почти вся южная половина свѣтилась фосфорическимъ свѣтомъ. Онъ приводитъ также наблюденіе, сдѣланное Трувелотомъ, который 4 января 1871 г. видѣлъ на всемъ кратерѣ „Кантъ" свѣтящуюся пелену пурпуроваго цвѣта; въ другой разъ онъ видѣлъ кратеръ „Годенъ", который былъ совершенно въ тѣни своего восточнаго вала, между тѣмъ какъ центръ его былъ освѣщенъ пурпуровымъ свѣтомъ, что давало возможность видѣть всѣ детали его. Отраженіе солнечныхъ лучей на стѣнкахъ кратера было несомнѣнно доказано многими достовѣрными данными. О причинѣ-же этого слабаго свѣта дѣлаютъ пока только предположенія. Трувелотъ объясняетъ это существованіемъ чрезвычайно разряженной атмосферы на лунѣ, которая можетъ свѣтиться; другіе изслѣдователи допускаютъ возможность образованія паровъ фосфора на поверхности этой планеты.

Сталактитовый гротъ въ Сардиніи. Въ Даргали на островѣ Сардиніи недавно сдѣлано любопытное открытіе; здѣсь нашли обширный подземный гротъ, вмѣщающій въ себѣ длинныя галлереи, образуемыя изъ очаровательно причудливыхъ сталактитовъ. Основаніе свода одной изъ этихъ галлерей покоится на цѣломъ рядѣ высокихъ столбовъ, блестящихъ и ослѣпительно бѣлыхъ какъ самый драгоцѣнный мраморъ; полъ же грота выстланъ изъ чистаго базальта. Вообще внутренность этой пещеры представляетъ самое грандіозное зрѣлище особенно при свѣтѣ факеловъ, когда сталактиты, отражая въ себѣ самые разнообразные цвѣта, производятъ дѣйствительно поразительные эффекты.

Новый продуктъ питанія. Съ послѣднимъ пакетботомъ изъ Китая въ Марсель полученъ для пробы особаго рода бобъ, который китайцами и японцами уже издавна считается весьма питательнымъ продуктомъ. Этотъ бобъ (Soja hispida) не только употребляется какъ обыкновенная овощь, но изъ него приготовляется также превосходный сыръ. По своимъ составнымъ частямъ плодъ этотъ ближе всѣхъ извѣстныхъ растеній подходитъ къ мясу. Онъ очень богатъ жиромъ и бѣлковиной и потому особенно пригоденъ японскимъ вежетарьянцамъ. Въ настоящее время хотятъ попробовать акклиматизировать это растеніе во Франціи. Оно можетъ произрастать только въ тепломъ климатѣ, такъ какъ не переноситъ низкой температуры и рѣзкихъ перемѣнъ во временахъ года. Кромѣ плодовъ растеніе это даетъ еще весьма питательную солому, охотно поѣдаемую скотомъ. Сыръ изъ этого японскаго боба пріятенъ на вкусъ и напоминаетъ собой пармезанъ.

Поддѣльные бриліанты. Новая продѣлка на этомъ поприщѣ мошенничества произвела большое волненіе между парижскими ювелирами. Около мѣсяца тому назадъ къ одному изъ первыхъ ювелировъ Парижа явился торговецъ бриліантами и предложилъ ему купить два прекрасныхъ, чудесной игры, но немного отливающихъ въ стальной цвѣтъ, бриліанта. Ювелиру понравились эти камни и онъ купилъ ихъ за 22 тысячи франковъ. Когда покупка была совершена, ювелиръ просилъ продавца вынуть камни изъ серегъ, въ которыхъ они были вдѣланы и вычистить ихъ, что и было исполнено. Но какое превращеніе: бриліанты стали лимонно-желтыми. — „Это не тѣ камни, которые вы мнѣ продали", воскликнулъ ювелиръ. — Нѣтъ, это тѣ самые, отвѣчалъ продавецъ. Въ концѣ концовъ выяснилось, что вслѣдствіе чистки бѣлый, отливающій въ стальной, цвѣтъ исчезъ и мѣсто его занялъ желтый; сначала только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а затѣмъ и по всѣмъ гранямъ. Вслѣдствіе отказа продавца вернуть уплаченныя деньги, понятно, возникъ процессъ, на которомъ научными изслѣдованіями удалось выяснить всю процедуру мошенничества. Вещь очень легкая и простая. Поддѣлыватель бралъ бриліантъ желтой воды, погружалъ его въ фіолетовыя анилиновыя чернила, а затѣмъ въ холодную воду, отчего онъ становился совершенно бѣлымъ (причина стальнаго отлива). Происходитъ это оттого, что фіолетовый цвѣтъ служитъ дополнительнымъ къ желтому для образованія бѣлаго цвѣта. При погруженіи камня въ холодную воду анилинъ сходитъ и остается только на краяхъ, отчего бѣлый цвѣтъ отливаетъ еще сильнѣй.

Прежде и теперь. Извѣстно, что въ Германіи рѣшено въ день серебряной свадьбы коронованной четы сдѣлать какой нибудь подарокъ для ихъ столовой, стоимостью въ ½ милліона марокъ. Это дало поводъ газетѣ „D. Mtgd. Bl." сдѣлать сравненіе съ прошедшимъ. Когда роскошь въ костюмахъ достигла уже высокой степени, къ гастрономическимъ удовольствіямъ относились еще равнодушно. Первыя салфетки были сотканы въ Реймсѣ и городской совѣтъ поднесъ Карлу VII, въ видѣ почетнаго подарка въ день его коронованія, четыре дюжины салфетокъ. Тарелки во Франціи во времена Карла VI были еще неизвѣстной вещью. Каждый гость получалъ по круглому куску хлѣба, на который и клали рыбу, жаркое и т. п. Послѣ обѣда эти куски хлѣба раздавались бѣднымъ. При Катеринѣ Медичи во французскомъ дворѣ блеснулъ первый свѣтъ гастрономіи. Гордая итальянка привезла съ собой не только астрологовъ и парфюмеровъ, но и повара. Медичи была первая дама, которая сидѣла за столомъ короля и ѣла; до того времени дамы боялись жевать при мужчинахъ, полагая, что это можетъ послужить препятствіемъ *нравиться*, и обѣдали отдѣльно. Она украсила свой столъ фаянсомъ и стеклянной посудой, превосходной работы. Генрихъ II первымъ приказалъ приготовить серебряныя вилки. А на свадьбѣ Карла IX впервые былъ поданъ жареный индѣйскій пѣтухъ. Людовикъ XIII сильно любилъ шпикованное мясо; онъ и его придворные состязались, у кого будетъ лучше приготовлена шпикованная оленья спина или телячья ляжка. Однажды кардиналъ Ришелье принесъ королю для подписи важный декретъ. Король въ это время былъ занятъ шпикованьемъ мяса и попросилъ кардинала обождать. Но такъ какъ этому послѣднему нужна была скорѣй подпись, то для выигрыша времени онъ потребовалъ себѣ шпиковальную иглу и началъ ревностно помогать королю. Наконецъ ляжка была окончена; Людовикъ XIII, подписавъ декретъ, началъ осматривать работу кардинала и нашелъ ее неудовлетворительной. „Кардиналъ, сказалъ онъ, вы дали мнѣ возможность убѣдиться, что вы управляете королевствомъ лучше, чѣмъ шпикуете; въ этомъ отношеніи я стою выше васъ". Во времена Людовика XIV впервые былъ введенъ кофе и шоколадъ. Королева Марія Терезія первую чашку шоколада пила въ Сенъ-Жерменѣ. Кофе былъ извѣстенъ еще во времена крестовыхъ походовъ, но былъ встрѣченъ несочувственно и не вошелъ въ употребленіе. Въ 1644 году купцы привезли

Рождественскіе силуэты.

Братецъ и сестрица у елки. Рис. Кеглеръ, грав. Крель.

Раздача рождественскихъ подарковъ въ сиротскомъ пріютѣ. Ориг. рисун. А. Гопкинса, грав. М. Рашевскій.

изъ Смирны въ Марсель кофе, но тамъ его никто не умѣлъ приготовлять и потому онъ оставался непроданнымъ. Въ 1669 году Солиманъ-ага, посланникъ при французскомъ дворѣ, какъ свѣтскій человѣкъ, пригласилъ къ себѣ придворныхъ дамъ отвѣдать приготовленнаго по турецки кофе; этотъ случай считается началомъ распространенія этого напитка. Три года спустя одинъ армянинъ открылъ первый кафе въ Парижѣ.

Къ числу немногихъ лечебницъ, хорошо устроенныхъ, въ нашей столицѣ въ настоящее время прибавилась еще одна, открытая 19-го сентября, и устроенная д-ромъ В. В. Волицкимъ для амбулаторнаго пріема больныхъ и съ постоянными кроватями. Первый параграфъ устава лечебницы гласитъ, что „лечебница открывается для производства гинекологическихъ операцій (т. е. по женскимъ болѣзнямъ), требующихъ часто сложнаго и продолжительнаго послѣдовательнаго леченія, преимущественно же для больныхъ, не желающихъ поступать въ общія палаты больницъ и не имѣющихъ возможности располагать всѣми приспособленіями къ леченію на дому“. Дѣйствительно, нужно отдать справедливость учредителю лечебницы за то, что она снабжена всѣми послѣдними научными приспособленіями для врачебной помощи, а отдѣльныя палаты отличаются, кромѣ того, выполненіемъ всѣхъ гигіеническихъ требованій. Лечебница (Невскій, д. № 98) предназначена для приходящихъ больныхъ съ разными болѣзнями, по пріемамъ спеціалистовъ, а постоянныя кровати назначаются спеціально для женскихъ болѣзней. Кромѣ того въ лечебницѣ производится и осмотръ кормилицъ. Пріемъ спеціалистами больныхъ ежедневно отъ 12 до 4 час. дня и отъ 6—8 ч. веч. Врачебная консультація назначена по воскресеньямъ отъ 1—3 час. При лечебницѣ имѣется ночное дежурство врачей, которые могутъ быть вызваны по телефону. Это первая лечебница, имѣющая подобное приспособленіе.

Морской полипъ и его враги. Рѣдко бываетъ, говоритъ Генри Лей, чтобы у пойманнаго полипа одна или нѣсколько конечностей не были бы короче другихъ и на нихъ не было бы слѣдовъ пораненія, отрывовъ или зачатковъ новыхъ членовъ на шрамахъ. Отъ рыбаковъ Средиземнаго моря можно еще и теперь услышать разсказы, что будто бы полипъ съ голода самъ пожираетъ свои члены; хотя уже Аристотель опровергалъ это мнѣніе, однако встрѣчаются личности, которыя и до сихъ поръ еще вѣрятъ этой баснѣ. Дѣло же въ дѣйствительности въ томъ, что есть рыбы, для которыхъ оконечности полипа составляютъ въ высшей степени лакомый кусокъ. Въ особенности опасенъ въ этомъ отношеніи для полипа морской угорь, который подкарауливаетъ свою жертву въ скалистыхъ мѣстахъ моря. Смотритель акваріума въ Гаврѣ былъ однажды свидѣтелемъ того, какимъ образомъ поступаетъ морской угорь при нападеніи на полипа. Посаженный въ бассейнъ полипъ осторожно, едва касаясь дна, осматривалъ каждый уголъ искусственной скалы; казалось онъ инстинктивно предчувствовалъ опасность, которая грозила ему со стороны находящагося въ акваріумѣ угря. Онъ тревожно искалъ мѣста, гдѣ бы укрыться, наконецъ растянулся на скалѣ и тотчасъ же принялъ подходящій къ ней цвѣтъ. Но убѣдившись, что убѣжище это не вполнѣ безопасно, полипъ быстро измѣнилъ тактику: спустился поспѣшно внизъ, оставляя за собой полосу изъ окрашивающаго вещества, мутившаго воду и прочно прикрѣпился къ скалѣ, стараясь всѣми конечностями прикрыть и защитить тѣло. Въ такой позиціи онъ ожидалъ нападенія врага. Морской угорь вскорѣ приблизился къ полипу и, нащупавъ пастью конечность, схватилъ ее, вытянулся и баснословно быстро началъ

ИГРЫ И ЗАДАЧИ:

Задача магическаго треугольника № 86.

							а
						а	а
					а	а	а
				а	в	в	д
			д	е	е	е	с
		и	н	к	к	н	п
	п	н	о	о	о	р	р
р	р	р	р	с	с	ф	ф

Рѣшеніе алгебраической задачи № 81.

$1 = a \quad 1 \quad a + y = 7$
$2 = b \quad 2 \quad b - e = 14$
$3 = c \quad 3 \quad d - e = 21$
$4 = d \quad 4 \quad e + z = 28$
$5 = e \quad 5 \quad 3f + e = 52$
$6 = f \quad 6 \quad 2a + 3d = 50$
$7 = x \quad 7 \quad f - x = y - c \; (2)$
$8 = y \quad 8 \quad a + b + c + d + y = 60$
$9 = z \quad 9 \quad z - x = 3a$

4 = Г
15 = О
14 = Н
24 = Ч
1 = А
17 = Р
15 = О
3 = В
27 = Ъ

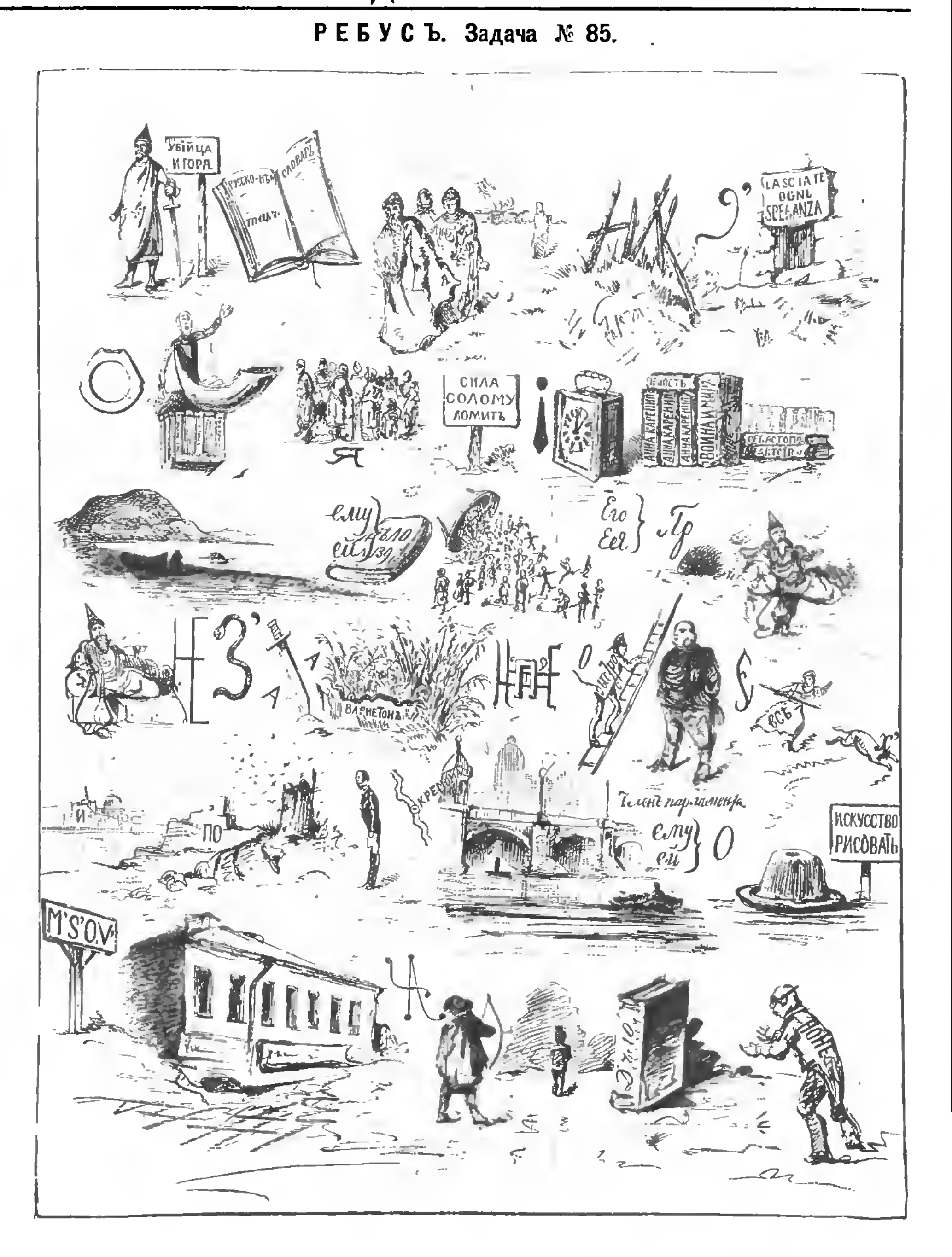
ГОНЧАРОВЪ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.** — Боронина, Райхеръ, Кирьянова-Бѣльскаго, Хухрина, Ильченко, Миронова; **Москва**—Попова, Гаврилова; **Борисоглѣбскъ**—Бастрыкина; **Большое село** — Терскаго; **Вилейка** — Першина; **Вильна** — Окулевича; **Витебскъ** — Е. П. Н.; **Динабургъ** — Потудина; **Дерптъ**—Паска; **Ив.-Возкес.**—Шуэ; **Касимовъ**—Горюшина; **Коломка**—Богословскаго; **Кронштадтъ**—Писемскаго; **Луцкъ**—Саковича; **Медвѣдево**—Лейцингеръ; **Моршакскъ**—Кроткова; **Николаевъ**—Мессеръ; **Осташковъ**—Горюнова; **Пекза**—Ферлюдина, Родникова; **Полтава**—Фидлеръ; **Пушкино**—Кучерова; **Слонимъ**—Вейсенбергъ; **Торжокъ** — Клюшкина; **Тула** — Полева; **Ярославль**—Нефедьева.

Рѣшеніе ребуса № 80.

И воды разступились
И, въ стѣны ставъ, скрѣпились.

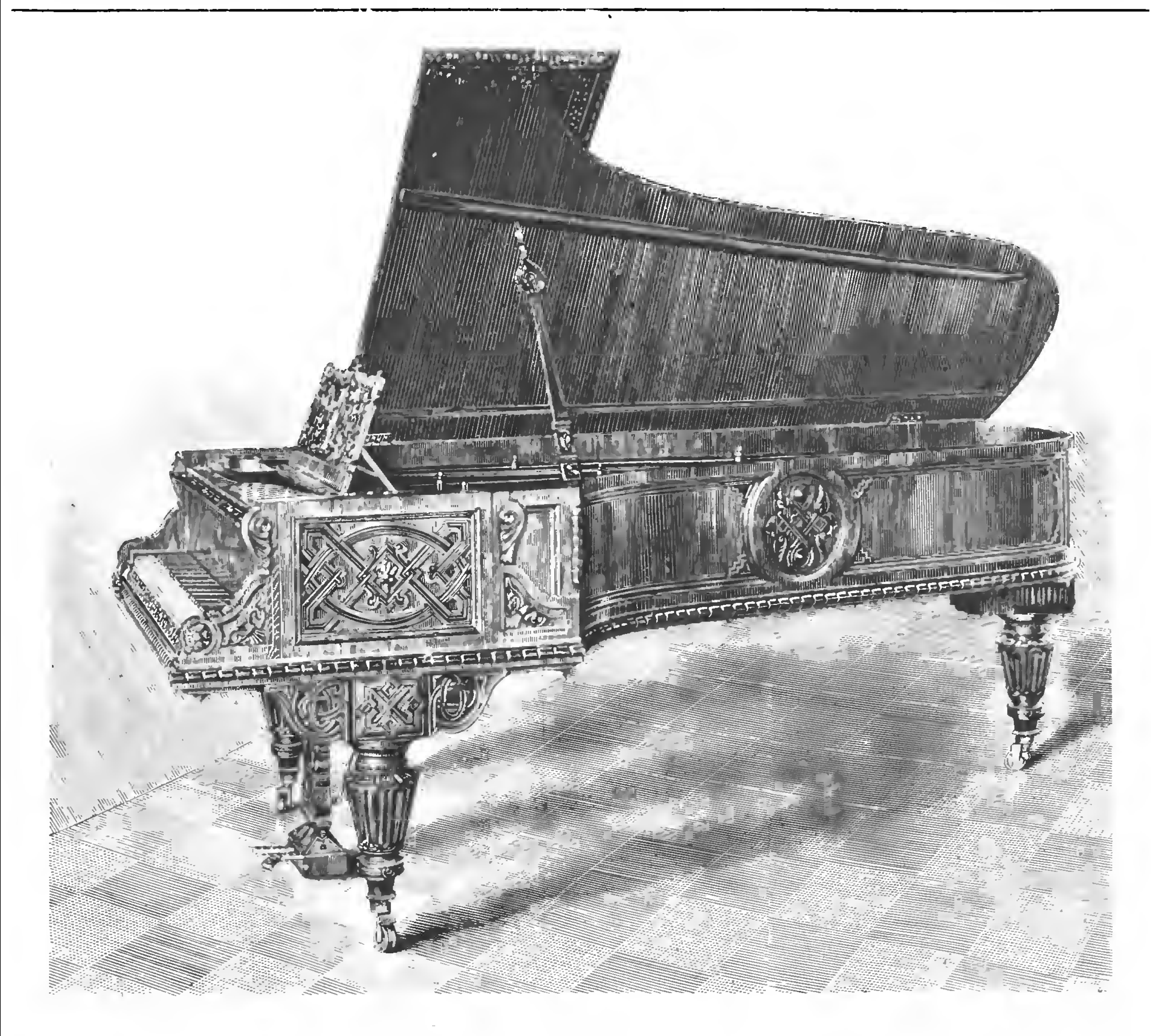
РЕБУСЪ. Задача № 85.



вертѣться вокругъ себя до тѣхъ поръ, пока конечность не была оторвана отъ тѣла жертвы. Каждое такое нападеніе стоило полипу одной конечности; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не осталось одно обезчлененное тѣло, которое и было съѣдено небольшой прожорливой акулой.

Новая теорія грозы. Въ бюллетенѣ бельгійской академіи приведена новая теорія происхожденія и развитія грозы, которую предложилъ Шпрингъ. Основаніемъ для новой теоріи послужили наблюденія надъ этимъ явленіемъ, которыя г. Шпрингъ имѣлъ случай сдѣлать на высотѣ 2198 метровъ. Разразилась сильная гроза, разсказываетъ онъ, сопровождаемая совершенно сухими ударами грома, и только время отъ времени падалъ внезапно градъ. Когда гроза начала утихать, пошелъ самый незначительный дождь, и въ то время какъ онъ усиливался, молнія и громъ становились все рѣже и рѣже, и наконецъ, когда гроза совершенно утихла, вмѣсто града пошелъ сильный дождь. Шпрингъ полагаетъ, что онъ находился въ самомъ мѣстѣ образованія грозы, такъ какъ громъ и молнія доходили до него въ одинъ и тотъ же моментъ. И такъ, мѣстомъ зарожденія электричества, въ данномъ случаѣ, не могли служить облака, какъ объ этомъ до сихъ поръ думали, такъ какъ сгущенія воды въ формѣ дождя не было близко въ атмосферѣ—дождь пошелъ тогда, когда гроза уже миновала; почему нужно допустить, что электричество развилось на поверхности льдинъ града. И такъ какъ градъ, какъ то доказалъ опытами Осборнъ Рейнбольдъ, и какъ замѣтилъ самъ Шпрингъ, происходитъ вслѣдствіе того, что въ тонкомъ градовомъ туманѣ, при температурѣ, которая часто доходитъ до 10° ниже нуля, громадное количество мельчайшихъ кристаловъ воды стремятся примерзнуть одинъ къ другому и такимъ путемъ образуютъ градины, то при этомъ отъ уменьшенія поверхностей накопляется громадное количество электричества, которое увеличивается еще вслѣдствіе тренія градинъ о частицы воздуха. При паденіи, градъ, проходя черезъ болѣе теплые слои воздуха, обыкновенно совершенно растаиваетъ, пока достигнетъ поверхности земли, почему часто передъ началомъ грозы падаютъ большія, отдѣльныя капли дождя. Черезъ нѣкоторое время воздухъ, вслѣдствіе расходованія тепла на таяніе града, можетъ настолько охладиться, что льдинки достигаютъ земли, и тогда происходитъ то, что мы называемъ „идетъ градъ“. Слѣдовательно большое выпаденіе града во время грозы есть не ея послѣдствіе, а причина.

На пріемнаго сына Императора Мексики Максимиліана, о существованіи котораго никто въ Европѣ и не подозрѣвалъ, было сдѣлано недавно нападеніе. Имп. Максимиліанъ, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, усыновилъ внука, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ убитаго Мексиканскаго короля Итурбида, принца Августина. Онъ тогда же отправилъ его на свой счетъ воспитываться въ Новый Орлеанъ. Затѣмъ принцъ (ему 27 лѣтъ и онъ еще не женатъ) какъ частное лицо жилъ въ Мексикѣ, гдѣ у него есть нѣсколько домовъ, унаслѣдованныхъ отъ матери. Когда, нѣсколько дней тому назадъ, принцъ Августинъ возвращался поздно вечеромъ домой, его подстерегли двѣ замаскированныя личности и дали по немъ нѣсколько выстрѣловъ, не причинивъ, однако, ему вреда. Послѣ неудачнаго покушенія злоумышленники скрылись. Въ Мексикѣ думаютъ, что они были наняты



Концертъ-Рояль дубоваго дерева, въ русскомъ стилѣ, стоявшій на Всероссійской Художественно-Промышленной Московской Выставкѣ, въ Царскомъ павильонѣ и купленный Государемъ Императоромъ, работы придворнаго фабриканта К. М. Шредера.

Въ настоящее время означенный рояль находится въ Гатчинскомъ дворцѣ.

политической партіей, желающей ввести принца, въ которомъ видятъ вѣроятнаго претендента на престолъ.

Замѣтка для любителей лошадей. Арабы считаются знатоками въ дѣлѣ воспитанія и ухода за лошадьми, а потому приведенныя ниже правила ихъ будутъ не безъинтересны для всѣхъ любителей лошадей. 1) Выращивай для себя жеребенка самъ, держи его у себя дома, заботься о воспитаніи его съ самыхъ юныхъ лѣтъ и ты изъ него сдѣлаешь лошадь кроткую, понятливую и преданную, которая облегчитъ твой трудъ въ самыя тяжелыя минуты. 2) Никогда не бей свою лошадь, не брани ее грубымъ голосомъ, не сердись на нее, но порицай ея ошибки нѣжно и мягко, и она отвыкнетъ отъ нихъ и научится знать и понимать твой голосъ и слова. 3) Если тебѣ предстоитъ длинное путешествіе на твоей лошади, поѣзжай сначала потихоньку, щади ея легкія и сберегай ея силы до тѣхъ поръ, пока она въ третій разъ не вспотѣетъ и не высохнетъ. Послѣ этого можешь отъ нея требовать все, что она въ состояніи сдѣлать,—и она исполнитъ.

Высыхание Констанцскаго озера въ Швейцаріи, даетъ обильную жатву для антропологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Здѣсь, на высохшемъ днѣ, были найдены орудія изъ кремня и камня,—первобытныя метательныя пики, посуда, многіе образцы которой сохранились въ полной цѣлости, палицы, корзины, стрѣлы, земледѣльческія орудія и животные остатки. Между послѣдними найдены скелеты медвѣдя, бизона и нѣкоторыхъ птицъ. Кромѣ того найдено значительное количество предметовъ, носящихъ на себѣ слѣды нѣкоторой артистической отдѣлки. Всѣ эти остатки были отправлены въ Фрауенфельдъ и присоединены къ коллекціи тамошняго Общества исторіи и естественныхъ наукъ, которое обладаетъ богатѣйшимъ собраніемъ древностей, извлеченныхъ изъ швейцарскихъ озеръ.

Монеты изъ никеля теперь входятъ мало по малу въ употребленіе во многихъ государствахъ, что вызывается многими несомнѣнными ихъ достоинствами. Такого рода монета менѣе измѣняется подъ вліяніемъ воздуха, болѣе красива на видъ, не тяжела и вообще во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше, нежели монета мѣдная. Немудрено послѣ этого, что она введена въ употребленіе во многихъ государствахъ. Швейцарія, Бельгія, Германія, Соединенные Штаты, Бразилія, Перу, пустили въ обращеніе монету изъ никеля и съ большимъ успѣхомъ. Во Франціи тоже не шутя поговариваютъ о замѣнѣ мѣдной монеты монетой изъ никеля.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Настоящій № послѣдній въ 1882 году и мы, заканчивая этотъ годъ „Нивы", надѣемся, что читатели наши сохранили дружественныя чувства къ журналу, который постоянно заботился объ ихъ интересахъ, улучшая печатаемый матеріалъ.

Въ слѣдующемъ 1883 году мы постараемся расширить эту систему постояннаго улучшенія. **Съ 1-го № «Нивы» 1883 года начнется печатаніемъ прекрасная повѣсть** нашего извѣстнаго писателя **Д. В. ГРИГОРОВИЧА «ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ»** и разсказъ **Вс. С. Соловьева: „СТАРЫЙ ГУДЪ", Кавказская легенда.**

При этомъ же первомъ № 1883 г. читатели получатъ, кромѣ богатаго приложенія—**Парижскихъ модъ и рукодѣльныхъ работъ въ русскомъ стилѣ—большой стѣнной календарь на 1883 г.**, печатанный двумя красками.

Въ объявленіяхъ объ открытіи подписки на 1883 г., печатавшихся въ послѣднихъ №№ „Нивы", и въ большомъ иллюстрированномъ объявленіи, нами разосланномъ, читатели уже могли видѣть, какой богатый матеріалъ имѣется на **будущій 1883 годъ**, хотя мы, конечно, могли назвать самую малую часть, главнѣйшее изъ того, что у насъ имѣется, ибо перечислить всѣ заготовленные на 1883 годъ рисунки и литературныя произведенія было бы невозможно. Множество видовъ и мѣстностей Россіи, сценъ изъ русской исторіи, литературный альбомъ—рисунки къ лучшимъ произведеніямъ поэзіи — (который, какъ читатели могли замѣтить, получилъ большое развитіе) типы, сцены русской жизни и рисунки по астрономіи, новымъ изобрѣтеніямъ и пр.

Премія „Нивы" на 1883 годъ—копія съ превосходной картины **профессора Якобія „Король-Женихъ"**—печатанная красками по совершенно новому способу, по мнѣнію всѣхъ знатоковъ искусства, видѣвшихъ ее въ конторѣ редакціи, **гдѣ она выставлена рядомъ съ оригиналомъ**—выполнена въ совершенствѣ. Необыкновенная нѣжность и изящество колорита, точность воспроизведенія роскошной обстановки салона и прелестныхъ лицъ жениха и невѣсты и другія достоинства картины признаны всѣми. Картина имѣетъ такой же большой размѣръ, какъ и премія настоящаго 1882 года, т. е. 1 ар. 2¼ в. вышины и 14¼ верш. ширины. Первыя копіи картины „**Король-Женихъ**" разосланы по всѣмъ значительнымъ городамъ Россіи, списокъ которыхъ былъ опубликованъ въ прошломъ № „Нивы"; такимъ образомъ подписчикъ самъ заранѣе можетъ убѣдиться въ высокихъ достоинствахъ этого художественнаго произведенія.

Изъ литературныхъ произведеній, имѣющихся для 1883 года, назовемъ нѣкоторыя:

Новая повѣсть И. С. ТУРГЕНЕВА; большой историческій романъ **Вс. С. Соловьева „СТАРЫЙ ДОМЪ", составляющій продолженіе романовъ: „Сергѣй Горбатовъ" и „Вольтерьянецъ",** помѣщенныхъ въ „Нивѣ" 1881 и 1882 гг. Дѣйствіе новаго романа **Соловьева** происходитъ въ концѣ царствованія Императора Александра I. Большая повѣсть изъ современной жизни **Н. Д. Ахшарумова „ПОДЪ КОЛЕСОМЪ"**; романъ Н. К. Лебедева изъ современной жизни **„Въ цвѣтахъ"**; **„БАГРОВАЯ ПЫЛЬ"**, большая повѣсть **П. Петрова; „ПОЛКОВНИКЪ ИЗЪ ЗОЛОТОНОШИ"**, историческая повѣсть **Н. Кирилова;** Повѣсти и разсказы **Н. Н. Каразина, П. П. Гнѣдича. К. К. Случевскаго** и пр., и пр.

Теперь мы прощаемся на этотъ годъ съ нашими читателями. Подписчики наши заявляли намъ столько выраженій удовольствія уже и въ томъ, напримѣръ, что изъ году въ годъ оставались постоянно нашими читателями, что мы и впредь позволяемъ себѣ надѣяться на такое же съ ихъ стороны расположеніе.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Подарокъ къ праздникамъ.

Только что вышло изъ печати и продается въ конторѣ журнала „Нива“ въ Спб., Б. Морская, № 9, въ Москвѣ—въ отдѣленіи „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линій, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

О ДѢТЯХЪ
НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Шесть разсказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).

Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Заглавіе разсказовъ:

1) Дяденька. | 3) Ночь. | 5) Грѣхъ ли это?
2) Уличная пѣвица. | 4) Обезьяшка. | 6) Кувшиничикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ **Н. Н. Каразинымъ**, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти разсказы представляютъ намъ прелестные дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанію эти разсказы такіе, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвицамъ. **Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.**—Въ каленк. перепл., съ золот. тисненіемъ **3 р., съ перес. 3 р. 50 к.**

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

ВАЗЕЛИНЪ предпочтительно замѣняетъ во всѣхъ случаяхъ употребленіе жирныхъ веществъ и вліянію температуры не подвергается.

ПОМАДА ВАЗЕЛИНЪ превосходитъ качествомъ всѣ извѣстныя средства, придаетъ волосамъ мягкость и блескъ и содержитъ голову въ чистотѣ и свѣжести.

КОЛЬДЪ-КРЕМЪ ВАЗЕЛИНЪ отличается особенною нѣжностью, дѣйствуя на кожу благопріятно и освѣжительно, придаетъ ей мягкость и бѣлизну.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.
2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Аничкина моста.
3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шрвлера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. Р. № 2254 3—2

ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.
ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ“ 1882 года.

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,200 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева—„Вольтерьянецъ“**, больш. романъ Іокая—**„Во время бури“**, больш. пов. **Лебедева** (Морскаго) **„Подъ землею“**, пов. **Авсѣенко „Испанскій дворянинъ“** и др. произвед. современн. беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того большая олеографическая картина проф. Имп. Акад. Худ. В. И. Якобія—**„Дорогой гость“**.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 5 „ — „	Съ пересылкою 7 „ — „

Рамы для преміи „Нивы“ 1882 г.

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“

Цѣна со вставленною и укрѣпленною, какъ всѣ масляныя картины, на подрамки, наклеенною на полотно картиною, **5 руб.** — картины при требованіи рамы подписчиками возвращаются обратно и рамы выдаются **тотчасъ-же** со вставленною картиною.

Иногороднымъ высылается такая рама въ 4-хъ кускахъ за **9 руб.**, а составленная и готовая за **15 руб.**

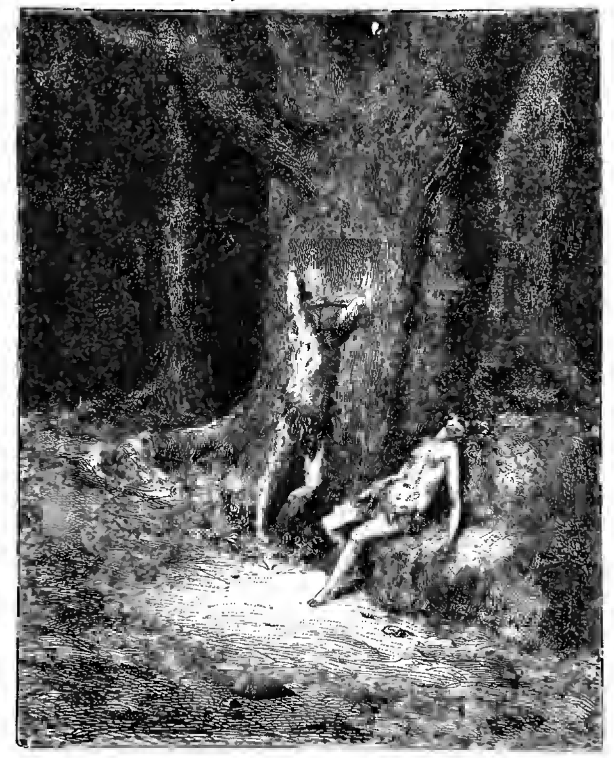
Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго. Невскій, 98, противъ Николаевск[...] Ежедневно пріемъ **спеціалистами** по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати д[...] женщинъ. Ночное **дежурство**. Телефонъ. № 2412

большой художественный журналъ карикатуръ, печатаемыхъ красками въ нѣсколько тоновъ. Годовая цѣна съ перес. и достав. 6 руб.; полугодовая съ перес. и достав. 4 руб. Для годовыхъ подписчиковъ

ПРЕМІЯ **ЛѢСНАЯ ФЕЯ,** ПРЕМІЯ

большая олеографическая картина, заказанная въ лучшемъ олеографическомъ заведеніи въ Берлинѣ. За пересылку и доставку преміи господа подписчики прилагаютъ 1 р. 50 к. Адр. ред.—С.-Петербургъ, Невскій просп., № 110. № 2361 5—4



Потоки слезъ лились изъ ихъ глазъ въ сердцахъ кипѣло горе.
(„Потерянный Рай“, XI п., стр. 194).

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Поэма Джона Мильтона

Большое изданіе in folio съ **50** больш. превосходн. картинами **Густава Дорэ.**

Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.

ИЗДАНІЕ ЭТО ПОСВЯЩЕНО ЕЯ ИМПЕР. ВЕЛИЧ. ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ.

Цѣна въ хорошемъ каленкоровомъ переплетѣ **25** р., съ перес. **30** р. **Для подписчиковъ „Нивы“** 1882 г. **20** р., съ перес. **25** р. Въ роскошномъ полушагреневомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **30** р., съ перес. **35** р. **Для подписчиковъ Нивы** 25 р., съ перес. 30 р.

По выходѣ оно было встрѣчено прессой живѣйшимъ сочувствіемъ и весьма лестными отзывами. Такъ въ **„Голосѣ“** въ № 336, отъ 5 Дек., было сказано:

„Наша переводная литература обогатилась надняхъ новымъ изданіемъ, въ которомъ несомнѣнное литературное достоинство соединяется съ рѣдкою въ Россіи роскошью типографскаго искусства. Изданіе это, знаменитая поэма Мильтона „Потерянный рай“, переведенная въ прозѣ Г-жею А. Шульговскою. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ. Онъ соединяетъ въ себѣ замѣчательную близость къ подлиннику съ прекраснымъ литературнымъ языкомъ, передающимъ какъ нельзя лучше тонъ англійскаго текста.

„Что-же касается изданія, то оно поражаетъ тою солидною роскошью, которая составляетъ отличительное свойство французскихъ изданій подобнаго рода. Оно представляетъ богато-переплетенный фоліантъ и украшено 50-ю великолѣпными гравюрами съ рисунковъ Густава Дорэ. Каждая мелкая подробность показываетъ чисто любительское отношеніе къ дѣлу и приноситъ честь издателю г. Марксу, надѣлившему нашу иллюстрированную литературу книгою, которая смѣло можетъ соперничать со всѣмъ, что выходитъ въ этомъ родѣ въ западной Европѣ. Лучшаго и изящнѣйшаго подарка нельзя и пожелать для тѣхъ, которые въ роскошныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, украшающихъ ихъ библіотеки или столы ихъ гостиныхъ, ищутъ не одной только внѣшней изящности, **но и** внутренняго достоинства книги.“

Подобные же, еще болѣе лестные отзывы были помѣщены **также во многихъ журналахъ.**

АЛЬБОМЪ
Гоголевскихъ типовъ

съ оригин. рисунковъ П. Боклевскаго, 30 гравюръ, рисов. И. Паповымъ, грав. Паннемакеромъ, Регульскимъ, Рашевскимъ, Вейермапомъ и др. Цѣна 1 р. 50 к., перес. на скалкѣ ва 2 ф. Книгопродавцамъ 20% уступки. Продается въ конторѣ иногородной высылки книгъ, въ С.-Петербургѣ, уголъ Толмазова пер. и площ. Александр. театра, д. № 5. Контора исполняетъ всѣ заказы иногородной публики немедленно. № 2409 1—1

А. СІУ и К°.

ПАРФЮМЕРНЫЙ и КОСМЕТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

Тверская, д. Варгина.

МОСКВА.

ПОДРОБНЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.

№ 1929 11—11

ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ

1р. *А. Кавалевскаго* въ губ. г. *Владиміръ.* 1р.
Смотри въ № 48 Нивы, 1882 г.

ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ.

№ 2333 6—3

И. АНТОНОВЪ и К°.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 38.

Съ 1-го по 25-е Декабря
ВЫСТАВКА ДЕШЕВЫХЪ ТОВАРОВЪ
(OCCASION).

№ 2371 3—3

Чисто шерстяныя французскія ткани, двойной ширины, модныхъ цвѣтовъ, вмѣсто 2 рублей . . . . . по 95 к. арш.

ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ:

Satin façonné . . . . 1 р. 25 к. арш.
Фай, цвѣтной, лучшей доброты. 2 р. арш.
Satin de Lyon, лучшей доброты. . . . . 2 р. арш.

Фирма наслѣдницъ **Ивана Тимофѣевича Жилина**, производящая торговлю **въ г. Москвѣ, Колокольный рядъ, собственная лавка, № 291,** доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что по случаю прекращенія торговли, съ 25 ноября сего 1882 года, назначается **окончательная распродажа** всего, имѣющагося въ лавкѣ, церковнаго и мѣднаго товара, **съ большой уступкой въ цѣнѣ.** Имѣется громадный выборъ паникадилъ, лампъ, лампадъ, подсвѣчниковъ, хоругвей, свѣчъ и др. церковной утвари, самаго лучшаго фасона и достоинства, а также полный выборъ мѣднаго товара. Просятъ обратить вниманіе гг. оптовыхъ покупателей и церковныхъ старостъ. **Письма и телеграммы адресовать: Москва. Колокольный рядъ, лавка Жилиныхъ, Петру Петровичу Бѣлоярцеву.**

Лавка наслѣдницъ Жилиныхъ, съ амбарами и кладовыми, сдается. Ц. № 2370 8—3

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ !

Получая постоянныя требованія на **русское сырье** отъ моихъ заграничныхъ отдѣленій, покупаю и принимаю на комиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ

РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТІЯМИ

Именно: масло свѣжее и соленое, сало свиное, воловое и баранье, свѣжее и топленое, щетину, мёдъ, конскія гривы и хвосты, бараньи кишки, клей и жиръ рыбій, перья, пухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препровождать образцы. Адресовать: Торговый Домъ **Генриха Барыцкаго. Варшава.** № 2350 12—4

годъ 17. ОТКРЫТА ПОДПИСКА годъ 17.

на 1883 годъ.

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА",

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

въ **1883** г. будетъ выходить по той-же программѣ, вмѣсто шести

СЕМЬ РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки на домъ	7 р. 50 к.	4 р. 50 к.	2 р. 50 к.	90 к.
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . .	9 „ — „	5 „ — „	2 „ 75 „	1 р. — к.
Съ пересылкою во всѣ города Рос. Имперіи	10 „ — „	5 „ 50 „	3 „ — „	1 „ 15 „
За границу	16 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	2 „ — „

Подписка открыта въ главной конторѣ „Петербургской Газеты" въ С.-Петербургѣ, въ Симеоновскомъ пер., д. № 5.

№ 2393 2—2 Редакторъ-издатель **С. Н. Худековъ.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА"

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

годъ изданія четвертый.

Въ 1883 г. журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ, выходя по Воскресеньямъ отъ 1½ до 2½ листовъ съ рисунками. Статьи каждаго № будутъ пополнять и пояснять другъ друга. Годовое изданіе будетъ состоять изъ 50 номеровъ, что составитъ болѣе 100 печат. листовъ съ 150 рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: **С. Н. Атава, М. Н. Богдановъ (проф.), Е. М. Бемъ, Н. Н. Каразинъ, И. С. Лѣсковъ, С. И. Миропольскій, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Н. Плещеевъ, гр. Е. Саліасъ** и другіе.

УСЛОВІЕ ПОДПИСКИ НА 1883 ГОДЪ:

На годъ: съ дост. и пер. **6 руб.,** безъ дост. и пер. **5 руб.**
На полгода: съ дост. и пер. **3 р. 50 к.,** безъ дост. и пер. **3 р.**

Подписка принимается: для иногородныхъ, исключительно, въ редакціи, въ **Петербургѣ, Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16,** а для городскихъ **въ книжномъ магазинѣ А. И. Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер.**

№ 2353 2—2 **Редакторъ Т. П. Пассекъ.**

Страхованіе пожизненныхъ доходовъ.

ПРИМѢРЪ: Лицо 68 лѣтъ, владѣя капиталомъ въ 15,000 руб., приносящимъ ему ежегодно 900 руб. процентовъ, **желаетъ увеличить пользу изъ своего капитала** и съ этою цѣлью страхуетъ себѣ пожизненный доходъ, посредствомъ взноса указаннаго капитала въ Страховое Общество „Россія".

Общество за внесенные 15,000 руб. будетъ выплачивать

13⁴/₁₀ процентовъ съ внесеннаго капитала,

т. е. ежегоднаго дохода въ 2010 руб. застрахованному лицу, до его смерти, какъ бы долго оно ни прожило.

Размѣръ процентовъ при разныхъ возрастахъ:

Возрастъ:	55.	60.	65.	68.	70.	75.	80.
Проценты:	9.	10²/₁₀.	12.	13⁴/₁₀.	14⁸/₁₀.	18.	22.

Дальнѣйшія подробности и полные тарифы **въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія"**, выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ **въ С.-Петербургѣ, (Большая Морская, № 13)** и **Агентами** въ **городахъ Имперіи.** № 2299 5—4

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

съ разными безплатными приложеніями.

„Всемірная Иллюстрація" представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію и промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр.,—однимъ словомъ цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Главная задача „Всемірной Иллюстраціи"—изображеніе въ картинахъ и текстѣ **современныхъ событій** во всѣхъ сферахъ политической и общественной жизни.

Подписка на 1883 годъ открыта.

Годовая цѣна **„Всемірной Иллюстраціи":** безъ доставки: въ С.-Петербургѣ **13 р.,** въ Москвѣ **14 р. 50 к.;** съ доставкою въ С.-Петербургѣ **14 р. 50 к.,** съ пересылкою въ Москву и во всѣ города Россійской Имперіи **16** р.

Контора редакціи на Большой Садовой, № 16, въ С.-Петербургѣ. Р. № 2323 6—6

Садовое заведеніе И. Г. Карлсонъ въ Воронежѣ высылаетъ, по требованію, немедленно, безплатно полные иллюстрированные прейсъ-куранты всякаго рода сѣменамъ, деревьямъ, растеніямъ и пр. на 1883-й годъ.

На Всероссійской выставкѣ 1882 года **садовое заведеніе вновь награждено** высшими преміями—золотою и серебряными медалями.

Гг. постояннымъ покупателямъ они вышлются безъ заявленія. № 2408 1—1

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный подъ редакціею **В. Клюшникова**, въ 3-хъ томахъ; цѣна за 3 тома 12 р. съ пересылкою 14 р.

ИЗДАНІЕ Х. К. НЕБЕ.

Складъ изданія въ кладовой К. и Х. Небе, внутри Гостинаго Двора, № 139. Книжнымъ магазинамъ дѣлается соотвѣтственная уступка. № 2273 10—9

Открыта подписка на 1883 г.
Въ Россіи: на г. 12 р., 6 м. 7 р., на 3 м. 4 р., 1 м. 1 р. 50 к.
За границею: на г. 20 р., 6 м. 12 р.

на БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

V. годъ изданія.

№ 2868 6—2

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ въ С.-Петербургѣ, уголъ Б. Морской и Гороховой № 11.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

Ежедневная Записная Книжка на 1883 г.

ИЗДАНІЕ М. И. РУМША. Съ календаремъ на каждый день, особыми листками для адресовъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, многими необходимыми свѣдѣніями и отрывными листками. Карманное изданіе на почтовой бумагѣ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ.
Цѣна въ 1 день на страницу 1 руб., въ 2 дня на страницу 85 коп.
Выписывающіе прямо изъ типографіи Румша, (СПБ., Невскій просп., д. 75—2) **за пересылку не платятъ.**
Отзывъ объ этомъ изданіи см. „Нива", № 43, 1882 г. въ библіографіи. № 2407

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1883 годъ
на большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ".

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:				Съ пересылкою въ города:			
На 12 мѣс.	8 р. 50 к.	На 6 мѣс.	4 р. 50 к.	На 12 мѣс.	9 р. — к.	На 6 мѣс.	5 р. — к.
„ 11 „	8 „ — „	„ 5 „	3 „ 90 „	„ 11 „	8 „ 50 „	„ 5 „	4 „ 60 „
„ 10 „	7 „ 50 „	„ 4 „	3 „ 25 „	„ 10 „	8 „ — „	„ 4 „	3 „ 70 „
„ 9 „	6 „ 75 „	„ 3 „	2 „ 50 „	„ 9 „	7 „ 40 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 8 „	6 „ — „	„ 2 „	1 „ 90 „	„ 8 „	6 „ 70 „	„ 2 „	2 „ — „
„ 7 „	5 „ 25 „	„ 1 „	1 „ — „	„ 7 „	5 „ 90 „	„ 1 „	1 „ 10 „

За границу: на 12 м. **17** р., на 6 м. **9** р., на 3 м. **5** р., на **1** м. **2** р.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. Н. Ланина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзинкина; въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга и въ Парижѣ — Rue Clement, 4, Adam.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„Русскій Курьеръ".

№ 2289 10—8 Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

МОДНЫЙ СВѢТЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(самый полный и самый дешевый иллюстрированный модный и семейный журналъ въ Россіи, съ разными приложеніями).

По количеству своихъ подписчиковъ онъ превосходитъ всѣ другіе модные журналы.

„Модный Свѣтъ" даетъ своимъ подписчикамъ богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ по всѣмъ отраслямъ моды: костюмы, платья, пальто, накидки, шляпы, прически, сообразно времени года и случаю, бѣлье мужское, женское и дѣтское, ручныя дамскія работы всѣхъ родовъ и т. д., изображенные прекрасными рисунками, съ описаніемъ ихъ исполненія. Кромѣ того, въ литературномъ отдѣлѣ онъ даетъ читателю богатый выборъ для семейнаго чтенія: романы, повѣсти, стихотворенія, а также афоризмы, шарады, задачи и т. п.

Въ 1883 году ТРИ ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ ПРЕМІИ.

Подписка на 1883 годъ открыта.

Годовая цѣна журналу **„Модный Свѣтъ"**: I изданію: безъ доставки — **6 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ — **6 р. 50 к.**, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи—**7 р.**; II изданію: безъ доставки — **6 р.**, съ доставкою — **7 р. 50 к.**, съ пересылкою **8 р.** и III изданію: безъ доставки **8 р.**, съ дост.—**9 р. 50 к.**, съ перес.—**10 р.**

Контора редакціи на Б. Садовой ул., № 16, въ С.-Петербургѣ. Р. № 2322 6—6

Объ изданіи въ **1883** году журнала

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ).

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, *по возможности*, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ, отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода **ежемѣсячный**.

Въ концѣ года подписчикамъ на **„Библіотеку для чтенія"** будетъ выдана, въ видѣ **преміи**, 13-я книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ГОДЪ.
- Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки **8 руб.**
- Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ **8** „ **50 коп.**
- Съ пересылкою **иногороднымъ** . . . . **9** „ —

Редакція допускаетъ слѣдующую **разсрочку** подписныхъ денегъ: при подпискѣ **5 руб.** и къ 1-му Мая остальныя.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ въ **С.-Петербургѣ** въ книжномъ магазинѣ Попова, въ *Пассажѣ*. **Въ Москвѣ**—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова.

Гг. ИНОГОРОДНЫЕ адресуютъ свои требованія *непосредственно* въ **С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Библіотека для чтенія,"** *Шпалерная ул., д. № 32.*

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться *исключительно* **въ редакцію.**

Съ 1-го № начнетъ печататься крайне интересный романъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя **Ауэра**—**„Воздушные замки."** № 2330 5—5

„ПРИРОДА и ОХОТА"

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОХОТНИЧІЙ ЖУРНАЛЪ, СЪ ОЛЕОГРАФІЯМИ И ПРЕМІЕЙ.

„ПРИРОДА И ОХОТА" выходитъ ежемѣс. книгами до 250 страницъ съ объяснит. рисунками и 2—3 превосходно выполнен. картинами (охотничьи сцены) въ каждой. Въ числѣ этихъ картинъ 6 красками.

По случаю имѣющагося исполниться въ 1883 г. **ДЕСЯТИЛѢТІЯ** существованія журнала, редакціей выдана будетъ **ЮБИЛЕЙНАЯ ПРЕМІЯ**—роскошная олеографія съ знаменитой картины проф. Фрезе **„ОХОТА НА ВЕПРЯ ВЪ XV СТ."**, исполненная въ 25 красокъ въ Берлинѣ. Олеографія эта (имѣющая 1¼ аршина длины и аршинъ ширины и продающаяся въ картинныхъ магазинахъ по 8 р.) высылается **безплатно** всѣмъ **годовымъ** абонентамъ **немедленно** при подпискѣ. Лица же, выславшія (въ редакцію) 15 р., получатъ кромѣ того одну изъ олеограф. премій прежнихъ лѣтъ.

Подписная цѣна на годъ съ перес. и дост. 14 р., на полгода 8 р.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Мясницкая, у Красныхъ воротъ, д. Гуськова.

Н. № 2391 2—2

НОВАЯ КНИГА ДЛЯ ДѢТЕЙ (изд. ред. жур. **„РОДНИКЪ"**).

„ОТЪ БРЕВЕНЧАТОЙ ХИЖИНЫ до БѢЛАГО ДОМА." (Жизнь Д. Гарфильда). Сост. **Е. Сысоевой**. съ картинк. **Н. Н. Каразина.** Въ роскошной папкѣ **1 р. 30 к.**. съ перес. **1 р. 50 к.** *Отзывы печати:* „Загранич. Вѣст." № 11, „Женск. Образ." № 11, **„НИВА"** № 50, „Эхо."

Складъ изданія при конторѣ журнала „Родникъ", Петербургъ, Спасская ул., д. № 1.

№ 2363 1—1

Прекрасный подарокъ къ праздникамъ.

Полное собраніе сочиненій Всеволода Сергѣевича Соловьева.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI вѣка и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ **20 рисунками** художника **И. С. Панова. Изданіе 2-е.** Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историческ. романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII в. во время царствованія Алексѣя Михайловича. СПБ. 1882 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкоровомъ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимая эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій—чрезвычайно интересенъ.—СПБ. 1882 г. 282 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкоровомъ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Бирона и воцареніе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это чрезвычайно интересный разсказъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшаго только три года. Романъ этотъ, какъ почти всѣ романы Соловьева, переведенъ на многіе иностран. языки. СПБ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 50 коп.; въ каленкор. перепл. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историческій романъ конца **XVIII** вѣка. Характеръ Екатерины Великой, бытъ ея царедворцевъ, личность Цесаревича Павла очерчены здѣсь чрезвычайно типично. Въ 2-хъ частяхъ in 8, всего 672 стр., напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. СПБ. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ. Истор. ром. хроника конца **XVIII** и начала **XIX в.** Романъ этотъ составляетъ **продолженіе** романа **„Сергѣй Горбатовъ"** и въ немъ изображается совершенно въ новомъ видѣ характеръ Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. Около 700 стран. Романъ этотъ печатается на велен. бумагѣ нынѣ и выйдетъ въ концѣ Января 1883 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красив. каленк. перепл. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Гг. иногородные, выписывающіе **разомъ всѣ эти сочиненія,** за пересылку ничего не платятъ, а для Гг. городскихъ СПБ. покупателей дѣлается уступка 10%.

Дозволено цензурою. СПБ. 22 декабря 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5.